

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Невскій пр., № 6.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 27

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“ ПАРИЖС. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдаѣтъ 6 июля 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКИЙ ПР., Д. № 8.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

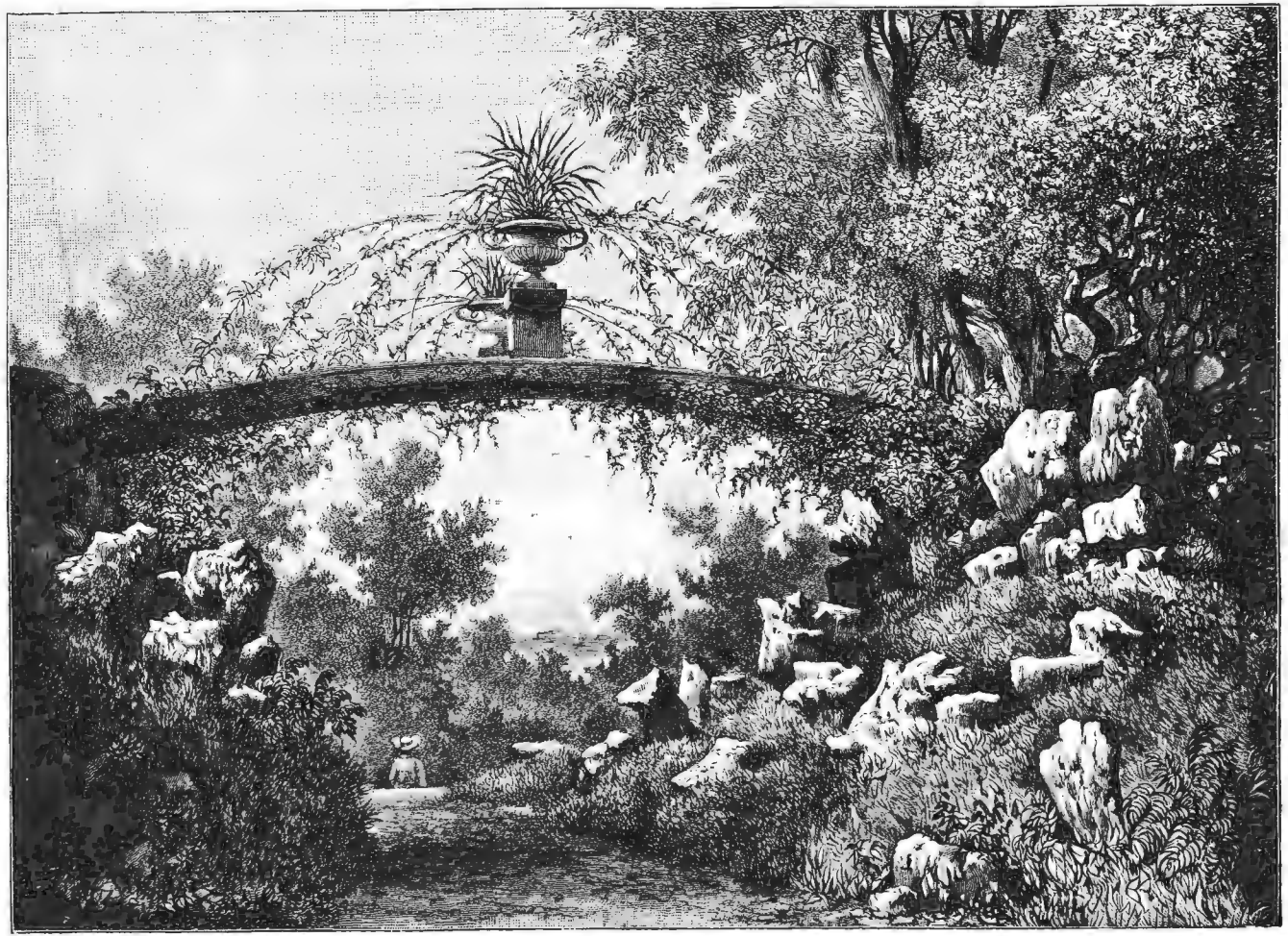
ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку непарейль (1/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 1 руб.—Загран.: для Франціи
 у Agence Navas по 3 fr. для
 Анстр., Герман. и Швейц. у Ri-
 doif Mosse по 3 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Пе-
 тербургъ **5 р.**
 Съ доставкою въ Пе-
 тербургъ **6 р. 50 к.**
 За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
 конт. объявл. Н. Н. Печков-
 ской, Петровск. Торг. линіи. **6 р.**
 Съ пересылкою въ Москву
 и другіе города Россіи . . . **7 р.**
 10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особые приложенія при
 „НИВѢ“ объявленія отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

При семъ № предлагаются: „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за ІЮЛЬ 1891 г., съ 33 рис. и отдѣльн. листъ съ 29 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 28 рисунками амниальныхъ работъ.

Видъ въ Сергіевскомъ паркѣ. Съ карт. проф. Воробьева, грав. Шлишперъ.

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Гудить, реветь, завываетъ дикими голосами метелица, прорываясь съ озера между избами въ оградѣ монастырской, свистить въ проломы и щели плохой монастырской городьбы, стонетъ жалобно въ печныхъ трубахъ и подъ стропилами, валитъ сугробъ на сугробъ, словно помеломъ охлестывая стѣны, заноса бѣлымъ снѣжнымъ саваномъ двери и окна келій и храма. Тьма и стужа; вихрь и снѣгъ облаками налетаютъ словно изъ какой-то огромной пропасти... Ни зги не видно въ двухъ шагахъ... Спать обитель, подъ завываніе вьюги—даже и сторожъ монастырскій не стучитъ въ свое бѣло; должно-быть запрятался куда-нибудь въ теплый уголь, чтобы не замерзнуть.

Только въ одномъ окошечкѣ, въ крайней избѣ къ озеру, чуть-чуть свѣтитъ огонекъ, мерцающій звѣздочкой сквозь мракъ и метель. Тамъ, въ тѣсной кельѣ, за дощатой переборкой, на маленькомъ столикѣ, теплится лампада передъ большимъ, потемнѣвшимъ складнемъ. Рядомъ съ лампадою, на столикѣ, двѣ книги, въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ съ серебряными, черневыми застежками. Далѣе, около стола, узкая лавка, прикрытая оленьей шкурой, изголовье изъ пестраго киндяка и нагольная овчинная шуба. Высокій и плечистый инокъ среднихъ лѣтъ, въ скуфьѣ и потасканной, рваной ряскѣ, подтянутой кожанымъ поясомъ, сидитъ на лавкѣ, опираясь большими жилистыми руками на колѣни, и свѣя голову такъ, что длинная, сѣдѣющая борода его падаетъ ниже пояса, а густые темнорусые волосы съ сильною просѣдью, выбиваясь изъ-подъ скуфьи, закрываютъ всю верхнюю часть лица. Чернецъ сидитъ такъ неподвижно, смотритъ въ одну точку такъ упорно и сосредоточенно, что, глядя со стороны, можно подумать—онъ спитъ... Но нѣтъ! Сонъ бѣжитъ его очей... Чернецъ устремилъ очи въ полумракъ смежной комнаты, изъ которой долетаетъ до его слуха мѣрное дыханіе спящаго служки, и передъ его отуманеннымъ взоромъ, одна за другою, проходятъ яркія, блестящія картины прошлаго. *Смиранный старецъ Филаретъ*, забывъ о кельѣ, вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ жилъ въ мірѣ и былъ бояриномъ *Бесодорожъ Никитичемъ Романовымъ*.

Передъ нимъ, въ пестрой, живой картинѣ, проносятся боевыя тревоги военныхъ походовъ и удачныхъ схватокъ съ врагомъ. Въ завываніи и ревѣ метели ему явственно слышатся и топотъ коней, и звяканье мечей о крѣпкіе шелома, и крики воиновъ, и стоны раненыхъ... Нѣтъ! Онъ ослышался... Это звучатъ, ударяясь край съ краемъ, зазданные ковши и кубки, это раздаются радостные крики пиршества—и онъ видитъ себя среди ярко освѣщенной палаты, среди друзей и родныхъ, среди кровныхъ и братьевъ. А кругомъ стола снуютъ и суетятся все добрыя, давно знакомыя лица старыхъ слугъ и домашнихъ... И онъ вдругъ вскакиваетъ съ своего убогаго ложа, и озирается кругомъ себя со страхомъ и тревогой; онъ не вѣритъ себѣ, оглядываетъ, осматриваетъ свою грубую, потасканную ряску—и снова, съ горькою улыбкою разочарованія опускается на свою скамью.

— Минула—прешла земная слава и роскошь!.. Минула! шепчетъ Филаретъ, опуская голову на грудь. Но онъ не въ силахъ отогнать отъ себя воспоминаній и образовъ минувшаго...

Плачетъ и стонетъ метель за окномъ, и среди ея нестройныхъ звуковъ и порывовъ, Филарету слышится шумъ рѣчей и громкихъ споровъ... Онъ видитъ себя въ полномъ блескѣ своего боярскаго сана, видитъ себя

первымъ изъ первыхъ вельможъ въ думѣ царской. Онъ держитъ рѣчь, и всѣ ему вторятъ, всѣ дивятся его разуму, всѣ льстятъ ему и хвалятъ его прямоту, его безкорыстіе... Всѣ славятъ его опытность въ дѣлахъ государственныхъ, и онъ, невольно, шепчетъ про себя:

— Никого-то у нихъ теперь тамъ въ думѣ не осталось разумнаго! Одинъ только Богданъ Бѣльскій былъ и къ посольскимъ, и ко всякимъ дѣламъ добръ до-сужь... И того Борисъ сослалъ, и насъ сгубилъ безъ вины!

Новый порывъ бури налетаетъ на келью, реветъ и воетъ въ закоулкѣ около нея, перебираетъ драпичами на крышѣ—и передъ Филаретомъ, съ поразительною отчетливостью, рисуются страшныя сцены опалы, допросовъ, униженія, разлуки съ дорогими и милыми... И на сердцѣ вновь, на мгновенье, закипаетъ чувство ненависти и злобы къ Борису и къ недругамъ, къ злодѣямъ:

— Они давно искали головъ нашихъ! Мы у нихъ бѣльмомъ на глазу были... Мы имъ мѣшали нашу прямотою... Ходу не давали ихъ лукавству... Будь они прокляты... О, Господи, Господи! прости мнѣ ропотъ мой и ненависть, и гнѣвъ неправый! Смири во мнѣ духъ гордости и любоначалія... Духъ смиренномудрія даруй рабу Твоему! Даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати... не осуждати брата моего!

И онъ опустился въ горячей молитвѣ на колѣни передъ иконою... И долго молился, и совладалъ съ собою настолько, что мракъ въ душѣ его опять разсѣялся и помыслы о мірѣ уступили мѣсто иному, болѣе возвышенному настроенію.

Онъ поднялся съ молитвы и вдругъ услышалъ стонъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ на лежанкѣ спалъ его служка. Филаретъ приблизился къ спящему юношѣ, оцупалъ его лобъ, заботливо прикрылъ его тулуномъ и едва успѣлъ отойти отъ лежанки, какъ юноша сталъ говорить во снѣ:

— Тятенька! Матушка! Гдѣ вы?.. Сиротой вы меня покинули!..

Филаретъ затрясся всѣмъ тѣломъ и отскочилъ отъ лежанки, какъ ужаленный; потомъ схватился за голову и почти вслухъ заговорилъ:

— Такъ, такъ же точно теперь и мои малютки ищутъ отца съ матерью, такъ же тоскуютъ и жалуются на сиротство свое!.. И гдѣ они—гдѣ? Гдѣ и жена моя, страдалаца горькая, по нихъ сокрушается? Чай, туда се, изверги, замчали, что до меня и слухъ о ней не дойдетъ!.. И зачѣмъ о нихъ я вспомнилъ! Губятъ они мою душу, не даютъ спастись мнѣ! Какъ вспомню о нихъ, такъ въ сердце-то словно рогатиной ткнетъ... Господи! Милосердый! Чтò дѣлать мнѣ съ бѣднымъ сердцемъ моимъ? Сжался, смилуйся Ты надо мною: прибереги ихъ скорѣе въ обитель свою свѣтлую, подъ кровъ свой, гдѣ бы имъ люди злые лиха никакого не чинили... Тогда я сталъ бы промышлять одной своей душой... Одну свою душу смирять, истязуя плоть свою!

И съ жгучею болью въ сердцѣ, въ страшныхъ терзающихъ нравственныхъ, онъ хотѣлъ снова молиться, снова обратиться къ Богу,—и не могъ: его мысли путались и блуждали, въ воображеніи его носились знакомые образы милыхъ дѣтей, оторванныхъ отъ его сердца, молодой жены, насильно вырванной изъ его объятій... И опять та же буря, страшная буря, поднималась въ его душѣ, и онъ метался по кельѣ, изъ угла въ уголь, какъ звѣрь въ клѣткѣ, онъ не находилъ себѣ мѣста, онъ былъ близокъ къ отчаянію...

Но что это? Стучать?

Кто-то стучится?.. Въ двери стучится? Нѣтъ, это такъ—почудилось.

И Филаретъ перекрестился, стараясь отогнать отъ себя бѣсовское мечтаніе.

По стукъ въ двери повторился... И чей-то голосъ что-то говоритъ, невнятно, глухо.

— Кто бы это могъ быть? Въ такую пору, въ такую вьюгу... Кто тамъ? окликнулъ Филаретъ, подступая къ двери.

И явственно услышалъ, какъ кто-то произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Бояринъ! отвори, Христа ради!

Филаретъ вздрогнулъ отъ этихъ словъ и отъ этого голоса, который почему-то показался ему знакомымъ. Онъ рванулъ дверь сильною рукою, и тотчасъ отшатнулся отъ порога, самъ не постигая того, что передъ нимъ происходитъ.

Изъ сѣней, тяжело и медленно переступая черезъ порогъ, вошелъ въ келью кто-то, закутанный въ оленью шубу и до того занорошенный снѣгомъ, что его скорѣе можно было принять за привидѣніе, чѣмъ за живаго человѣка.

— Кто ты? Кто ты? Съ нами крестная сила! воскликнулъ Филаретъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Вошедшій рухнулъ на колѣни и заговорилъ дрожащимъ, старческимъ голосомъ:

— Батюшка, бояринъ! Алѣ не призналъ меня, стараго слугу?

— Сидорычъ!..

— Онъ самый!

И старикъ обнималъ ноги своего боярина, и съ жаромъ цѣловалъ его въ колѣни, въ полы одежды...

Филаретъ поднялъ его съ пола и крѣпко обнялъ, и нѣсколько мгновений ни тотъ, ни другой не могли произнести ни слова отъ волненія.

— Какъ ты сюда попалъ?.. Не видѣли-ль тебя? Вѣдь если бы узнали—тебя замучать, затомить въ тюрьмѣ...

— Что мнѣ тюрьма! Пускай сажаютъ, коли любо... Мнѣ нужно вѣсточку-то, вѣсточку тебѣ бояринъ передать... Всѣ живы! И боярыня твоя, и бояренокъ, и боярышня... Живѣхоньки!

Филаретъ не выдержалъ: опустился на лавку, трепеща всѣмъ тѣломъ; грудь его высоко вздымалась; онъ хотѣлъ говорить, спросить, узнать, но языкъ ему не повиновался.

— Самъ видѣлъ всѣхъ, продолжалъ старикъ, широко и радостно улыбаясь.—Самъ у нихъ и на Бѣлѣозерѣ бывалъ, и сестрицъ твоихъ видѣлъ; и дѣтки тамъ твои, и злы—бѣдненько и тѣсненько живутъ, а мирно, хорошо таково. Михайло-то Θεодоровичъ ужъ въ-какой выросъ, а Татьяна Михайловна на столько повыше. Всѣ тебѣ поклонно шлютъ... А отъ боярыни тебѣ вотъ и гостинецъ я привезъ... Погоди-ко... Охъ, руки-то оконечили... Не владаю перстами, почитай!..

И онъ полѣзъ за пазуху, и долго-долго рылся въ ней и вытащилъ оттуда, наконецъ, какой-то свертокъ; подавая его боярину, онъ сказалъ:

— Какъ я съ Бѣлѣозера пришелъ къ ней, въ Заонежье, въ Егорьевскій погостъ, Толвуйской волости (вѣдь въ-куда сослалъ!) Да какъ сказалъ, молъ, что ѣду къ тебѣ и съ вѣсточкой о дѣткахъ, и объ ней... Боярыня-то и вынесла мнѣ это и говоритъ: „Скажи моему соколику ясному, что это я ему, здѣсь живя, рубашку вышила, и вспоминаючи о немъ, надъ той рубашкой всѣ слезы вылакала! Пусть и онъ надъ ней поплачетъ—меня вспоманетъ!“

Какъ онъ это сказалъ, какъ развернулъ передъ своимъ бояриномъ эту простую, холщевую рубаху, шитую по вороту и рукавамъ простымъ крестьянскимъ швомъ, Филаретъ выхватилъ рубаху изъ рукъ Сидорыча, прижалъ ее къ груди, сталъ цѣловать — и плакать,

плакать надъ нею, какъ ребенокъ, плакать тѣми чудными, сладкими, разрѣшающими слезами радости и счастья, которыя такъ рѣдко посыластъ намъ Богъ.

А Сидорычъ стоялъ передъ нимъ и налюбоваться не могъ на него, и ему казалось, что онъ переживаетъ счастливейшую минуту жизни.

Но въ дверь раздался условный стукъ, извѣщавшій, что пора разстаться.

— Ну прощай, батюшка-бояринъ! Благодареніе Богу, привелъ съ тобой еще свидѣться!

И онъ, отступя на шагъ, въ землю поклонился Филарету.

Стукъ повторился—снѣжный, порывистый. Филаретъ крѣпко обнялъ стараго слугу, и могъ только проговорить:

— Всѣмъ... всѣмъ! Расскажи, что видѣлъ...

И Сидорычъ исчезъ за дверью, какъ видѣнье...

А Филаретъ все еще не могъ выпустить изъ рукъ привезеннаго гостинца—все любовался имъ, все цѣловалъ его, все прижималъ къ сердцу, все плакалъ... И духъ его, окрыленный доброю вѣстью о милыхъ, съ теплой признательностью возвышался къ Богу въ пѣмой, по чудной молитвѣ.

IX.

Судъ Божій.

Раннія октябрьскія сумерки уже спускались надъ Москвою, когда поѣздъ царя, снѣжно возвращавшагося съ богомоля отъ Троицы, вступалъ въ Кремль Фроловскими воротами, и въѣхалъ съ Ивановской площади на Дворцовый дворъ.

— Что онъ такъ скоро съ богомоля обернулъ? толковали среди дворцовой служки, толпившейся у воротъ и выжидавшей поѣзда царицы.—Знать не къ добру?

— Вѣстимо, не къ добру... Вечерась къ нему втораго гонца послали изъ Посольскаго Приказа... кой олевицъ, молъ, недужень...

— Вотъ что!

— Да чай не это только?.. Что-жь королевичъ! Человѣкъ онъ молодой—велико-ль дѣло! Обѣлся, либо простудился въ отъѣзжѣ полѣ—ну, повалится и отлежится! Чего другаго нѣтъ ли?

— А что же? Что же бы такое? Развѣ слышно что?

— Э-э! Слуховъ всѣхъ не переслушаешь! Такія-то вонъ страсти бають... Того сулятъ, что и не приведи Господь!

— Чего мудренаго, вступился въ бесѣду служки старый жилецъ:—теперь недавнимъ голодомъ да моромъ папуганы, всякой напасти ждуть!

— Да и мудреняя же, братецъ, времена! сказалъ одинъ изъ царицныхъ дьяковъ.—Вѣдь вотъ ужъ семой десятокъ на свѣтѣ доживаю, а не слышалъ такого дива, какъ нынче дѣется... Хоть бы на прошлой-то недѣлѣ—лисицу черную подъ самымъ Кремлемъ на площади, около рядовъ, убили!

— Слышали, какъ же! какъ же! Да, говорятъ, еще какую—нѣмчицъ одинъ давалъ сейчасъ за шкуру не двенадцати ли рублей!

— А про волковъ слышали?.. Говорятъ, вонъ по Смоленской-то дорогѣ ихъ такія стаи бродить, что и посмотрѣть-то страшно... И все промежъ себя грызутся, да воютъ, воютъ жалобно таково!

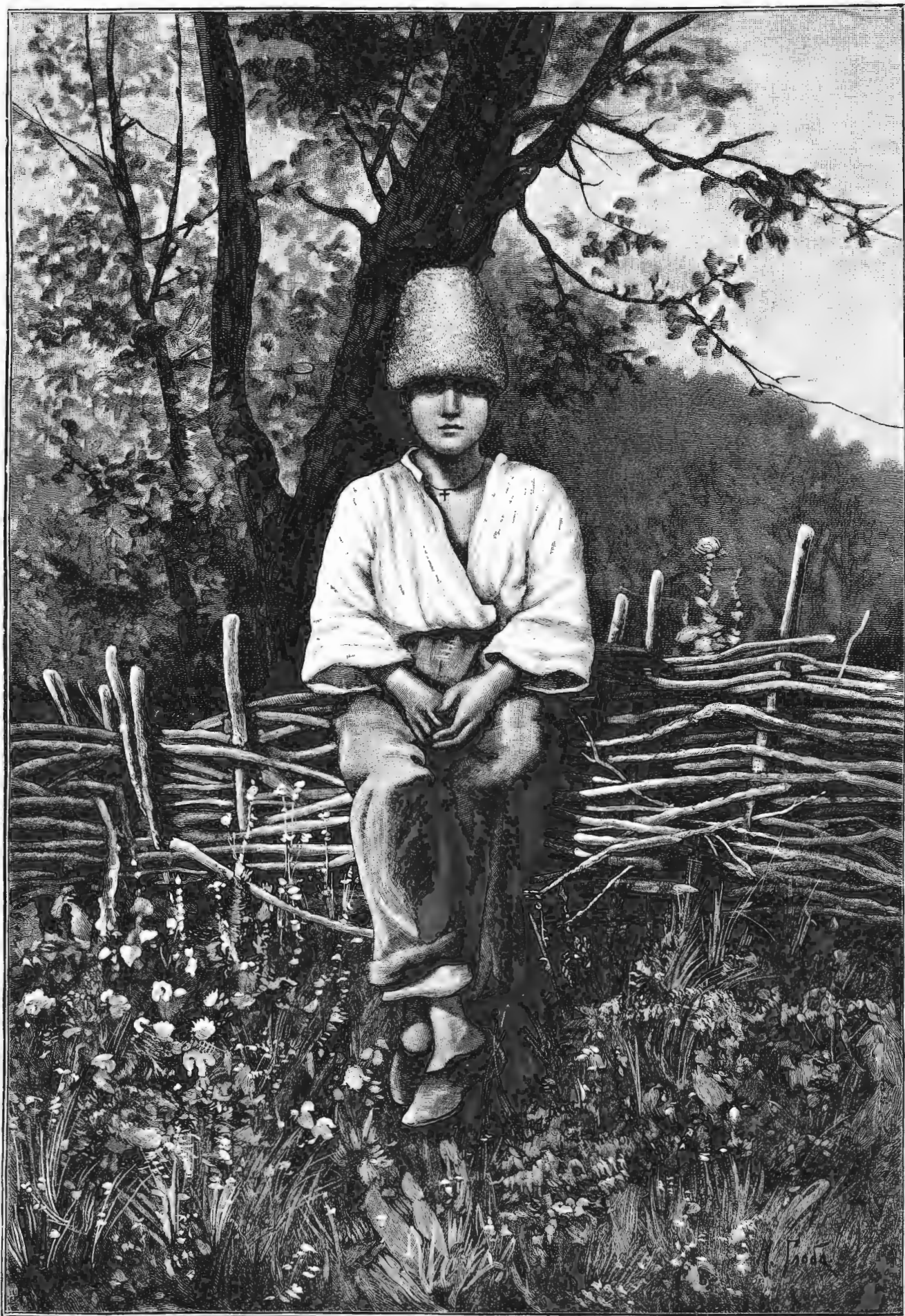
— Вотъ, говорятъ, волкъ волка-то не съѣстъ! А какъ ужъ такое-то пошло—не къ добру это! Къ раздору, къ смутѣ какой-нибудь!

— Вонъ! вонъ и царицнѣ поѣздъ! Очищай дорогу! Бѣгите, дайте знать тамъ на сѣняхъ, да на Постельномъ крыльцѣ!

И точно, голова царицына поѣзда показалась въ Фроловскихъ воротахъ. Сорокъ человѣкъ конныхъ

Пастушка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Глоба, грав. Шюблеръ.

Пастушокъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Глоба, грав Шюблеръ.

ѣхали впереди и вели въ поводу богато-украшенных царицыныхъ лошадей. За ними сама царица ѣхала въ громадной и широчайшей расписной колымагѣ, запряженной десятью сытыми и красивыми бѣлыми конями, которыхъ подъ уздцы вели царскіе конюхи. За этой колымагой, въ коляскѣ, запряженной восемью конями, и отовсюду завѣшанной коврами, ѣхала царевна. Кругомъ коляски бойко гарцовали на бѣлыхъ коняхъ боярыни и сѣнныя дѣвушки царицы и царевны; всѣ онѣ сидѣли на коняхъ верхами, по-мужски; на головахъ у нихъ были бѣлыя войлочные шляпы съ широкими полями, цвѣтными лентами подвязанныя къ подбородку. Бѣлыми фатами были окутаны лица, а длинные темныя одежды широкими и мягкими складками покрывали ихъ отъ плечъ и до желтыхъ сафьянныхъ сапогъ. Шестіе замыкалось царскими стольниками, которые ѣхали верхами по-трое въ рядъ; а триста человекъ вооруженныхъ стрѣльцовъ сопровождали поѣздъ съ боковъ, освѣщая путь его фонарями, привѣшенными къ копыямъ. Этотъ длинный и нескончаемый рядъ фонарей придавалъ поѣзду что-то странное, таинственное. Люди и лошади мѣшались во мракѣ, и свѣтъ мерцавшихъ въ туманѣ фонарей отбрасывалъ по сторонамъ длинные, причудливыя тѣни, которыя, рядомъ съ поѣздомъ, двигались по стѣнамъ домовъ и соборовъ, колеблясь и медленно выступая огромными, широкими шагами.

Но вотъ передовой конный отрядъ и всѣ стрѣльцы остановились у воротъ Дворцоваго двора, на площади, а колымаги царицы и царевны, стуча и громяхая по мостовой двора, вѣхали въ ворота, въ сопровожденіи стольниковъ и боярынь, и скрылись во мракѣ за угломъ дворцовыхъ зданій.

— Ужъ видно что-нибудь не даромъ! говорилъ своимъ товарищамъ старый жилецъ у воротъ.—Въ вечернюю пору въ путь царица пустилась и съ царевной! И на послѣднемъ стапѣ до утра не обождали... Что-нибудь не даромъ!

И точно, не даромъ посиѣшила вернуться съ богомолья въ Москву вся царская семья. Царь Борисъ получилъ у Троицы извѣстіе о томъ, что его будущій пареченный зять заболѣлъ горячкою, и докторъ Каспаръ Фидлеръ писалъ государю, что не можетъ ругаться за исходъ болѣзни. Встревоженный Борисъ захотѣлъ собственными очами убѣдиться, точно ли его семья угрожаетъ новый и тяжелый ударъ—и немедленно собрался въ обратный путь... За нимъ послѣдовала и царица Марья съ царевной Ксеніей, отъ которой тщательно старались скрыть страшную новость.

Но это неожиднное, быстрое возвращеніе въ Москву, вслѣдствіе какихъ-то вѣстей, полученныхъ у Троицы, уже встревожило Ксенію... Она почувала что-то недоброе въ томъ сдержанномъ молчаніи, которымъ царица отвѣчала на всѣ ея вопросы, и страшно волновалась во время всего обратнаго пути въ Москву. Этотъ путь, знакомый ей съ дѣтства, памятный по многимъ радостнымъ воспоминаніямъ ранней юности, теперь показался ей тоскливымъ, невыносимо скучнымъ и безконечнымъ.

Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Москву, потекли дни тяжелой неизвѣстности. Царевна не могла не знать о болѣзни королевича, хотя всѣ слухи и разговоры о немъ какъ-то вдругъ замолкли. Бывало прежде, каждый день, ей доносили, что королевичъ дѣлалъ въ тотъ день на своемъ дворѣ, куда изволилъ кататься, чѣмъ тѣшился вечеромъ. Поутру заглядывала къ ней царица Марья, съ разговорами о женихѣ или призывала ее къ себѣ, на свою половину, примѣрять наряды да обновы, а послѣ обѣда или подъ вечеръ заходилъ къ ней братъ, царевичъ Теодоръ, и сообщалъ ей все, что успѣвалъ прознать про Данію и датчанъ отъ толмачей, которые вели переговоры съ вельможами королевича.

И вдругъ—всѣ точно забыли о царевнѣ; всѣ какъ будто стали сторониться отъ нея и даже избѣгать съ ней всякихъ разговоровъ и сношеній. Въ самой службѣ своей она замѣтила какую-то мудреную, диковинную перемѣну: всѣ больше прежняго старались услужить ей, окружали ее заботливостію и холей, всѣ были къ ней внимательны и ласковы, какъ къ малому больному ребенку, — и всѣ старались, видимо, не проронить ни слова о чемъ-то такомъ, что, очевидно, было всѣмъ извѣстно. Даже веселая болтливая боярыня-казначейка какъ-то нахмурилась и прикусила язычекъ, и на всѣ вопросы царевны, „что молъ съ нею сталось“,—отвѣчала только скороговорочкою сквозъ зубы:

— Неможется, царевна! Старость стала приходити... и спѣшила удалиться подъ первымъ предлогомъ.

Царевна вспомнила, что точно такъ же относились къ ней всѣ окружающіе въ ту пору, какъ и за первымъ женихомъ ея „объявились всякія неправды“ и брачный союзъ съ нимъ сталъ невозможенъ. И вотъ въ душѣ ея, рядомъ съ опасеніями за здоровье королевича, возникли новыя и болѣе страшныя опасенія за то, что и теперь ей не придется дожить до столь желанной перемѣны въ жизни, что и теперь ей придется влечить попрежнему нескончаемо-скучные дни въ одиночествѣ, и все въ тѣхъ же четырехъ стѣнахъ терема. Эта мысль такъ напугала Ксенію, что она рѣшилась добиться правды во что бы то ни стало... Она послала звать къ себѣ брата-царевича, и приказала сказать ему чтобы онъ шелъ къ ней въ теремъ взглянуть на новую диковинку, которую поднесъ ей въ даръ пріѣзжій иноземецъ Гансъ Клуферъ, и царевичъ Теодоръ, охочій до всякихъ иноземныхъ диковинокъ, тотчасъ явился въ теремъ къ сестрѣ-царевнѣ.

Царевна Ксенія пошла къ нему навстрѣчу съ улыбкой, и сказала очень спокойно и ласково:

— Что, братецъ, давно не жаловалъ ко мнѣ? Совсѣмъ забылъ свою сестричку-Аксиньюшку—диковинкой заморской заманивать пришлось! А еще недавно захакивалъ ко мнѣ по-часту...

— Да недосугъ все было, право...

— Недосугъ? переспросила Ксенія, вперя въ очи брату пристальный, испытующій взглядъ.—Варенька, дай мнѣ изъ скрыни, что въ опочивальнѣ, ту книгу, которой билъ челомъ мнѣ иноземецъ...

Боярышня Варенька быстро вышла въ опочивальню, явилась черезъ минуту, съ толстой, золотообрѣзной книгой, переплетенной въ бѣлый пергаменъ съ золотымъ тисненіемъ и золочеными застежками, и подала ее царевнѣ съ низкимъ поклономъ. Царевна приняла эту книгу и сказала боярышнѣ:

— А теперь ступай, скажи, чтобъ казначей... Нѣтъ! Побудь здѣсь близко въ сѣняхъ за дверью...

Боярышня вышла, а Ксенія развернула передъ братомъ пѣмецкую Библию съ прекрасными грацирами, изображавшими библейскіе типы и притчи.

— Ахъ! какая книга славно! говорилъ, просматривая библию, царевичъ Теодоръ.—Какія дѣйства и лики изображены и подъ каждымъ подписано... Погоди-ка—я разберу тебѣ всѣ подписи, Аксиньюшка; вѣдь я теперь въ нѣмецкомъ крѣпокъ...

И точно, царевичъ сталъ прочитывать нѣмецкія подписи подъ картинами и передавать ихъ содержаніе сестрѣ.

Ксенія не смотрѣла въ книгу: она положила руку на плечо брата и сказала ему тихо:

— Ты точно крѣпокъ сталъ въ нѣмецкомъ... лукавствѣ! Научился у нихъ лукавить. Вирокъ пошла тебѣ посольская наука.

— Что ты, Богъ съ тобой! Что говоришь—сама не вѣдаешь! сказалъ царевичъ, отрываясь отъ книги и тревожно взглядывая на Ксенію.

— И теперь лукавишь! всплила Ксенія.—Скрываешь

вѣсти о королевичѣ — о миломъ нареченномъ женихѣ моемъ! О, если можешь—скажи мнѣ все, что знаешь!

И она обвила шею брата руками, и цѣловала, и ласкала его, и глядѣла ему въ очи... Царевичъ не выдержалъ и, печально понуривъ голову, прошепталъ:

— Вѣсти недобрыя! Вѣсти нерадостныя...

— Пусть не радостныя! Говори, не жалѣй меня — онѣ лучше моихъ сомнѣній и худоумья!

— Не хорошъ твой суженый... Четырехъ дохтуровъ послалъ къ нему отецъ нашъ — и тѣ сказали вчера, что съ огневицей имъ не справиться, и если нынче ночью не дастъ Богъ лучше...

— О-охъ, Господи! застонала Ксенія, закрывая лицо руками.—Видно нѣтъ намъ счастья!.. Отвратилъ Господь отъ насъ лицо Свое... и наказуетъ за тяжкіе грѣхи...

И слезы обильнымъ ручьемъ полились изъ ея прекрасныхъ очей.

— Что я надѣлалъ! спохватился царевичъ, поднимаясь сѣбно и стараясь утѣшить царевну.—Да что ты, Аксиньюшка! Вѣдь дохтура-то это такъ сказали. А Богъ-то дастъ и королевичъ твой опять поправится... Вѣдь молодой онъ, да крѣпкій — недугъ его не сразу сломить!

Но Ксенія его не слушала и все плакала, плакала горько, неутѣшно: сердце подсказывало ей, что королевичъ не устоитъ въ борьбѣ съ недугомъ, что не сбудутся ея мечты о счастьѣ въ замужествѣ.

Когда царевичъ ушелъ отъ Ксеніи, она пошла къ себѣ въ моленную и бросилась тамъ на колѣни передъ образомъ. Она молилась, молилась долго; по молитва ее не облегчала, не наполняла ея души той благодатью, какую она такъ часто испытывала прежде. Она молилась устами, а сердце ея было полно мірскихъ заботъ и думъ... Она молила Бога о пощадѣ и милости, объ исцѣленіи страждущаго жениха своего — и не могла отогнать отъ души тяжкихъ, мрачныхъ сомнѣній.

То ей казалось, что не услышитъ Богъ ея молитвы, то представлялось, что Онъ не смилуется надъ иновѣрцемъ; то вспоминались ей послѣднія слова боярыня Романовой, и она говорила себѣ среди молитвы:

— Да! Родители мои разстроили ихъ теплое гнѣздо, мужа разлучили съ женою, дѣтей осиротили! — Грѣхъ великій! И не на мнѣ-ли Господь отплатитъ имъ! О, горе, горе мнѣ, бѣдной!..

И Богъ представалъ Ксеніи во всемъ грозномъ величій силы и могущества не Всеблагимъ и Всепрощающимъ, а карающимъ, мстительнымъ, наказующимъ „въ роды родъ“... Она молилась,—но малодушный и мало-вѣрный страхъ не покидалъ ея и тревожилъ ее мрачными образами грядущихъ бѣдствій, и проливалъ уныніе ей въ душу, и отнималъ надежду на неисчерпаемое милосердіе Божіе...

Ксенія слышала, какъ къ ней въ моленную два или три раза стучались, окликали ее по имени — и снова отходили отъ дверей, не получивъ отвѣта. Она очнулась отъ тяжкихъ думъ, когда ужъ наступили сумерки... Поднявшись съ колѣнъ, она хотѣла выйти въ комнату, какъ вдругъ раздался на соборной колокольнѣ ударъ колокола.

— Что это за звонъ? тревожно встрепенулась Ксенія.

Новый ударъ колокола прогудѣлъ надъ Кремлемъ, печальный, унылый, протяжный... Ксенія не вытерпѣла и бросилась къ себѣ въ комнату.

— Что это за звонъ?! Зачѣмъ звонятъ? спросила она, быстро подступая къ боярынь-мамѣ, которая стояла въ углу у печи и о чемъ-то перешептывалась съ боярыней-казначеей и боярыней-кравчей.

Мама ничего не отвѣчала, и только безпомощно переглянулась со своими товарками.

— Зачѣмъ звонятъ? крикнула Ксенія, порывисто хва-

тая маму за рукавъ. — Или ты оглохла! Бѣгите всѣ, узнайте!

Но въ это время дверь изъ сѣней отворилась, и на порогѣ показался царь Борисъ, въ „смирномъ“ платьѣ. Позади его въ сѣняхъ виднѣлись въ полумракѣ фигуры бояръ изъ Годуновской родни и царевичъ Феодоръ.

Ксенія взглянула въ лицо отцу, взглянула на его смирное платьѣ — и отшатнулась отъ Бориса, который торжественно и медленно вступилъ въ ея покой, опираясь на черный посохъ.

— Аксиньюшка! произнесъ онъ тихо и печально,—лишились мы съ тобою радости... Погибла сердечная моя утѣха! Королевичъ, женихъ твой—приказалъ намъ долго жить...

— Судъ Божій — праведный Судъ Божій! воскликнула Ксенія и безъ чувствъ упала на руки своихъ боярынь.

Х.

Недобрыя вѣсти.

Неожиданная кончина королевича Ягана, разбиравшая мечты Ксеніи о замужествѣ, была жестокимъ ударомъ для чадолюбиваго Бориса. Придворные давно уже не видѣли его такимъ унылымъ, печальнымъ и мрачнымъ, какъ въ тотъ день, когда онъ ѣздилъ „воздать послѣднее цѣлованіе“ браннымъ останкамъ несчастнаго юноши, которому судьба сулила въ Москвѣ такую завидную долю — и присудила могилу. Борисъ казался всѣмъ и постарѣвшимъ, и похудѣвшимъ за послѣдніе дни, когда онъ, возвратясь съ подворья королевича, поднимался по дворцовому крыльцу, поддерживаемый подъ руки боярами. Прийдя на свою половину, Борисъ скинулъ выходное платьѣ, ушелъ въ свою опочивальню и заперся тамъ на ключъ. Никто не смѣлъ его тревожить... Весь дворецъ затихъ и словно замеръ...

Подъ вечеръ того же дня пріѣхали разомъ въ Москву два гонца съ двухъ противоположныхъ концовъ Руси: одинъ пріѣхалъ съ Дону, другой — изъ-подъ Смоленска. Пріѣхали они, должно-быть, съ вѣстями важными, потому что дьякъ Посольскаго Приказа, чуть только заглянулъ въ тѣ грамоты, что привезли гонцы, тотчасъ же бросился къ Семену Годунову, а тотъ пошелъ къ царю. Всѣхъ выславъ изъ комнаты, смежной съ опочивальнею, Семень сталъ потихоньку стучаться въ дверь.

— Кто тамъ? окликнулъ царь.

— Я, государь! Гонцы къ тебѣ съ вѣстями тайными пріѣхали...

— Съ тайными? Входи сюда!

Ключъ звякнулъ въ замкѣ, дверь отворилась и Семень Годуновъ вошелъ въ опочивальню.

— Великій государь! сказалъ онъ вполголоса, — грамоты присланы изъ-подъ Смоленска и съ Дону, съ вѣстями недобрыми.

— Ну, ужъ вѣстимо: когда же бѣда одна придеть! Пришла, такъ отворяй ворота пошире! съ горькою усмѣшкою сказала Борисъ.—Какія же вѣсти?

— Пишутъ изъ Смоленска, что проявился въ Польнѣ воръ, который величаетъ себя княземъ Дмитріемъ Углицкимъ...

— Ну, дальше что? нетерпѣливо крикнулъ Борисъ, видя что Семень Годуновъ запинается.

— И пишетъ тотъ воръ въ Смоленскъ прелестныя письма, и объявилось тѣхъ писемъ много число и онъ въ тѣхъ письмахъ проситъ смольянъ, чтобы они готовы были, и хвалится, что „я де буду къ Москвѣ, какъ станеть листь на деревѣ разметываться...“

— Что-жъ воевода? Переловилъ-ли тѣхъ людей, что съ письмами изъ-за рубежа приходятъ? Пыталъ-ли ихъ?

— Пыталъ и письма отобралъ и всѣ сюда прислалъ съ гонцемъ. Одинъ только тамъ дьяконъ остался не пытанъ, затѣмъ что съ него некому было скуфью снять...

Да пишетъ еще воевода, что часть шатость великую во всѣхъ смолянахъ и стережется приходу и разоренья отъ литовскихъ людей...

— Вотъ всѣ-то они, измѣнники, таковы! гнѣвно заговорилъ Борисъ, сжимая кулаки.—За рубежемъ явился воръ, завѣдомый обманщикъ... А воевода ужъ и перетрусился, ужъ видитъ шатость во всѣхъ кругомъ себя! Ужъ побоялся и скуфью содрать съ дьякона!.. Въ самомъ-то шатость—въ воеводѣ!.. А съ Дону какія вѣсти?

— Казаки на Дону бунтуютъ. Твой государскій караванъ ограбили, стрѣльцовъ побрали въ плѣнъ; а потомъ, какъ отпустили ихъ, хвалились:—„скажите, молъ, на Москвѣ, что мы, казаки, скоро туда придемъ съ законнымъ царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ...“

— Съ законнымъ! вскричалъ Борисъ, вскакивая со

своего мѣста.—Такъ значить и туда прошла изъ Польши вѣсть о ворѣ... Значить и на Дону измѣна! Да, нѣтъ! меня пустымъ мечтаньемъ не испугаютъ! Я—законный государь и царь Московскій; а Дмитрій Углицкій въ сырой землѣ зарытъ... Пусть идутъ къ Москвѣ—я готовлю встрѣчу и казакамъ, и литовскимъ воровскимъ людямъ. Листъ не успѣетъ развернуться на деревьяхъ, какъ я, вмѣсто листовъ, обвѣшаю эти деревья на всѣхъ дорогахъ къ Москвѣ тѣлами воровъ и измѣнниковъ... Я имъ напомнимъ царя Ивана Грознаго, блаженной памяти! Завтра, чѣмъ свѣтъ, зови ко мнѣ сюда князь Василія Шуйскаго—онъ долженъ знать, кого похоронилъ онъ на Угличѣ! Я его заставлю на площади, да всенародно, во всеуслышанье всѣмъ разсказать, что случилось съ княземъ Дмитріемъ Углицкимъ!

(Продолженіе будетъ.)

Говорите правду!

(Переводъ съ англійскаго.)

(Окончаніе.)

Оцѣнивъ отъ ужаса, смотрѣли на эту сцену Блэкъ и два младшихъ его компаньона, Уайтъ и Гринъ. Когда дама ушла, всѣ трое разомъ накинулись на Джозефа.

— Вы съ ума сошли? Вы хотите насъ разорить? допрашивалъ Блэкъ.

— Вы гоните всѣхъ покупателей и въ одинъ часъ дѣлаете намъ убытка болѣе чѣмъ на двадцать фунтовъ! кричалъ Гринъ.

— Что значитъ ваше безумное поведеніе? допытывался Уайтъ.

— Меня спрашивали, и я отвѣчалъ правду, возражалъ Джозефъ, доведенный этимъ стремительнымъ натискомъ до отчаянія.

— Правду? Чтѣ это значитъ? Вы говорите, что наши этикетки неправильны? воскликнулъ Блэкъ.

— И что мы это сдѣлали, чтобы поднять въ цѣнѣ товары? прибавилъ Гринъ.

— И что это обыкновеніе въ нашемъ дѣлѣ? кончилъ Уайтъ.

— Да, это правда—чистая правда! воскликнулъ Джозефъ, и я долженъ говорить правду, хотя бы мнѣ это стоило жизни!

— Вонъ изъ лавки, злодѣй! заревѣлъ Блэкъ.

— Вонъ! вонъ! гремѣлъ Гринъ.

— Ни ногой болше сюда! кричалъ Уайтъ.

Моррисъ схватилъ свою шляпу и вѣрнувшись ему Броуномъ свертокъ, перескочилъ черезъ прилавокъ и скрылся изъ магазина.

Зачѣмъ онъ взялъ пакетъ—этого онъ вѣроятно и самъ не могъ бы сказать. Сдѣлалъ-ли онъ это машинально, или что-нибудь побуждало его воспользоваться представляющимъ случаемъ навѣститъ особу, которой этотъ пакетъ предназначался—мы не знаемъ; не звалъ, быть-можетъ, и онъ самъ.

— Не прошло еще шести часовъ, бормоталъ Моррисъ, шагая по улицѣ съ пакетомъ подъ мышкою, — и вотъ уже безъ всякой моей вины дядя лишилъ меня наслѣдства, а хозяйка прогнала со службы. Неужели и остальные предсказанія исполнятся? Неужели Элиза мнѣ откажетъ изъ-за какой-нибудь горькой истины? Или въ самомъ дѣлѣ меня наконецъ запрутъ въ сумасшедшій домъ какъ опаснаго субъекта? Что-жъ, тамъ по крайней мѣрѣ я имѣлъ бы столъ, квартиру и уходъ, и за правду меня бы не погнали вонъ, но заперли бы еще крѣпче!

Элиза Белль пришла его въ маленькій комнать въ магазинъ, гдѣ она каждый день сидѣла, окруженная кружевами, занавѣсами и вуалями, точно хорошенькій паучокъ въ своей паути, и прилежно занималась уловленіемъ мухъ-покупательницъ. Когда Джозефъ вошелъ, она была одна въ комнать и лѣнила по парижской модели какую-то воздушную шляпку.

— А, наконецъ вотъ и ты, сказала она, не вставая.

— Да, отвѣтилъ онъ усталымъ голосомъ и въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— Надѣюсь, ты вчера вечеромъ хорошо повеселился съ твоей пріятельницею, миссъ Робинсонъ?

— Чтѣ ты хочешь этимъ сказать?

— О, мнѣ известно все, чтѣ ты дѣлаешь; а ты и не подозревалъ? Столько приходится слышать! Вѣроятно, ты оскорбилъ миссъ Робинсонъ, не правда-ли? Такъ не ищи утѣшенія у меня; иди и помирись съ твоею горничною.

— Элиза, ты меня оскорбляешь! воскликнулъ молодой человекъ, мѣняясь въ лицѣ и такимъ рѣзкимъ тономъ, что дѣвушка испугалась.

— Ну, хорошо, если ты дѣйствительно не оказывалъ вниманія горничной, то по крайней мѣрѣ я имѣла полное основаніе это думать: она сегодня утромъ была здѣсь и въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ жаловалась на то, что ты ей объяснялся въ любви.

— Я ей объяснялся въ любви?..

— Если она этого ясно не говорила, то по крайней мѣрѣ дала понять.

И вслѣдъ за этимъ Элиза разсказала ему разговоръ съ Джэнтъ Робинсонъ.

— Хорошо, теперь я тебѣ разскажу, какъ это было на самомъ дѣлѣ, сказалъ Джозефъ и описалъ ей приключеніе.

Элиза смѣялась отъ души, будучи достаточно зла для того, чтобы радоваться посрамленію тщеславной горничной. Наконецъ, вытирая слезы, она спросила:

— Однако, чтѣ это тебѣ вздумалось говорить ей такія вещи?

— Она меня спросила, и я долженъ былъ отвѣтить правду.

— Богъ мой! да правду не всегда можно говорить, это не умный поступокъ. Теперь горничная миссъ Лайлъ—твой врагъ, и безъ сомнѣнія она уговоритъ свою госпожу болше не посѣщать вашего магазина, а можетъ быть и нашего.

— Очень возможно, Элиза; но, къ сожалѣнію, это не единственная неприятность, постигшая меня сегодня утромъ, возразилъ со вздохомъ молодой человекъ.

— Ну, и этой довольно; но что-же еще случилось?

Джозефъ разсказалъ о недоразумѣніи, которое возникло между нимъ и его родными и кончилось изгнаніемъ его изъ дому.

— Такимъ образомъ дядя меня выгналъ и лишилъ наслѣдства только потому, что я на его вопросъ откровенно отвѣтилъ, что въ случаѣ его или теткыной смерти не буду совершенно неутѣшенъ, и что богатое наслѣдство мнѣ будетъ пріятно.

Теперь она болше не смѣялась; она видѣла въ потерѣ наслѣдства свое собственное несчастье въ качествѣ сущей жены Джозефа, и лицо ея гнѣвно всыхнуло, когда она отвѣчала, принявъ тонъ справедливаго негодованія:

— Это тебѣ по дѣломъ: какъ-же можно говорить такія вещи дядѣ, единственному наслѣднику котораго ты долженъ былъ сдѣлаться! Я не понимаю, чтѣ съ тобою случилось. Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Потому, что онъ меня спросилъ, и я долженъ былъ отвѣтить правду, какъ уже раньше тебѣ сказалъ.

— Какъ уже раньше я тебѣ сказала, правду не всегда можно говорить; особенно въ этомъ случаѣ; такому богатому дядѣ—это было очень дурно. Еслибъ моя тетка спросила меня: „Милая Элиза, чтѣ бы ты сдѣлала, еслибъ я умерла?“ то, конечно, я бы не отвѣтила, что буду себя чувствовать гораздо лучше, чѣмъ теперь, потому что все будетъ принадлежать мнѣ одной,— хотя это была-бы правда. Тетка выгнала-бы меня изъ дому, и совершенно резонно. Нѣтъ, я бы отвѣтила: „Ахъ, Боже, милая тетя, не говори такъ! У меня сердце разрывается! Если ты умрешь, я вышлachu себѣ всѣ глаза и буду горевать пока сама не умру“.

— И она повѣритъ?

— Она повѣритъ по крайней мѣрѣ тому, что я такъ думаю, что мои слова искренны, и будетъ меня любить за это еще болше.

— Элиза, это возмутительно! Я бы никогда не думалъ, что въ тебѣ такъ мало чувства и искренности, возразилъ Джозефъ огорченнымъ тономъ.

— Это недостатокъ чувства и искренности, но умъ и вмѣстѣ добросердечіе и почтительность. Какъ я ни дурна, мой добродѣтельный герой, я все-же боюсь оскорблять чувства тѣхъ, кто меня воспиталъ и обо мнѣ заботился, надѣвалась Элиза.

— Кажется, будетъ лучше, если я тебѣ сейчасъ-же разскажу всѣ бѣды, какія сегодня со мною случились, въ отчаяніи сказала молодой человекъ:—разрывъ съ дядей не единственное несчастье.—Тутъ онъ изобразилъ утреннее происшествіе въ магазинѣ и копчилъ словами:—Такимъ образомъ, милая Элиза, я уволенъ со службы единственно по той причинѣ, что отвѣчалъ правду на нѣкоторые вопросы.

— И опять-таки по дѣломъ! воскликнула Элиза, витъ себя отъ досады.—Послушай, да ты, кажется, лишился рассудка!

Заброшенная кукла. Съ карт. Стокса, грав. Кирзэе.

— Ты меня упрекаешь за то, что я говорил правду?

— Ахъ, правду! презрительно сказала Элиза. — Конечно я тебя упрекаю! Было-бы безуміемъ говорить покуателямъ правду; да они и права не имѣютъ этого ждать. Еслибъ мнѣ вздувалось говорить правду нашимъ покуателямъ, то завтра же мы могли-бы закрыть лавку и объявить себя банкротами. Когда кто хочетъ дѣлать дѣла и идти впередъ, тогъ не долженъ быть такимъ добросовѣстнымъ. А что до тебя, рыцарь правды, то я удивляюсь въ самомъ дѣлѣ, откуда вдругъ у тебя вилась такая добросовѣстность. Одному Богу вѣдомо! Ты довольно часто говорилъ мнѣ неправду.

— Да, Элиза, я часто говорилъ тебѣ неправду, но теперь этого больше не будетъ.

— Ну, право! съ негодованіемъ воскликнула дѣвушка, — я убѣждена, что ты лгалъ, когда говорилъ, что меня любишь!

— Нѣтъ, Элиза, это не была ложь; я дѣйствительно люблю тебя.

— О, въ самомъ дѣлѣ! Очень тебѣ благодарна за эту милость! Въ чемъ-же ты мнѣ лгалъ?

— Я часто называлъ тебя ангеломъ, когда это неправда; красавицей, моей жизнью, моей душою, что, конечно, не согласо со строгою правдою.

— Еще ты мнѣ часто говорилъ, что умрешь, если я за тебя не выйду. И это вѣроятно была ложь?

— Да, Элиза.

— Безъ сомнѣнія, есть какая-нибудь особа, которая больше тебѣ нравится, чѣмъ я, и которую ты бы больше любилъ, еслибъ былъ свободенъ. Развѣ не правда?

Она говорила такимъ возбужденнымъ тономъ, и ея взоръ выдавалъ такую злобу и гнѣвъ, что Джозефу больше не оставалось сомнѣній на счетъ ея подлинныхъ чувствъ и настоящего характера. Онъ всталъ и обратился къ ней серьезно и съ достоинствомъ:

— Прощай, Элиза, ты не то, за чтѣ я тебя считалъ. Я обманулся въ тебѣ точно такъ-же, какъ — по твоему мнѣнію — ты во мнѣ обманулась. Слава Богу, что ошибка открыта во-время! Благодарю за свободу, которую ты мнѣ отдаешь. Да, это горькій, но снаспительный урокъ.

Отеревъ навернувшуюся на глаза слезу, молодой человѣкъ взялъ шляпу и вышелъ изъ дому.

Размышляя надъ себялюбіемъ, жесткостью и лицемеріемъ своей бывшей невѣсты, Моррисъ задумчиво шелъ по улицѣ; онъ такъ углубился въ свои мысли, что ничего вокругъ себя не видѣлъ и наткнулся на господина, шедшаго къ нему на встрѣчу.

— Ого, Джозефъ! Да ты въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума, какъ говорятъ! воскликнулъ тотъ, получивъ толчокъ.

— Ахъ, Блевиттъ, это ты? Извини, пожалуйста! сказалъ Моррисъ, узнавая своего пріятеля.

— Еще-бы не извиниться, когда ты чуть не перескочилъ черезъ меня. Впрочемъ, какъ ты поживаешь?

— Какъ поживаю? Ну, кажется, я быстро качусь внизъ. Ахъ, Блевиттъ, еще не прошло семи часовъ, какъ я говорю правду, а уже дядя лишилъ меня наслѣдства, хозяйка отказали отъ службы, и невѣста—отъ своей руки!

— Я тебѣ это предсказывалъ, и если не остережешься, то не пройдетъ новыхъ семи часовъ, какъ уже будешь сидѣть въ сумасшедшемъ домѣ. Вѣдь боишься, чтобы ты не сдѣлалъ себѣ какого-нибудь вреда.

— Въ этомъ отношеніи опасенія дѣйствительно основательны, отвѣчалъ Джозефъ, — въ послѣдніе семь часовъ я повредилъ себѣ такъ, какъ только можетъ человѣкъ говорящій правду.

— Меня это не удивляетъ, милый мальчикъ; но все-таки игра должна быть доиграна до конца.

— Пусть со мною будетъ чтѣ-угодно судьбѣ! воскликнулъ въ отчаяніи Джозефъ.—Но у меня въ Стритгэмѣ дѣло; мнѣ надо еще туда.

— Хорошо, я тебя не задерживаю. До свиданья!

Моррисъ направился къ красивой виллѣ въ Стритгэмѣ, носившей поэтическое названіе „Розовая хижина“. Тамъ жила богатая наслѣдница, Эленъ Лайль.

Эта молодая особа, владѣлица „Розовой хижины“, была единственною дочерью стараго школьнаго учителя, который былъ первымъ преподавателемъ Джозефа. Послѣ смерти отца Эленъ должна была зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба уроками. Спусти нѣсколько лѣтъ она получила извѣстіе, что въ Нью-Орлеанѣ умеръ старшій братъ ея отца, сдѣлавъ ее единственною наслѣдницею своего состоянія, почти въ полтора милліона фунтовъ стерлинговъ, нажитаго хлопчатобумажною торговлею. Благодаря этому счастливому обстоятельству, бѣдная учительница, плохо оплачиваемая и обремененная непосильною работою, въ отношеніи богатства вдругъ сравнялась съ герцогинями; но въ отношеніи своихъ внутреннихъ достоинствъ она осталась неизмѣнною.

Въ этотъ несчастный для Джозефа день, Эленъ была одна въ гостиной. Она привѣтливо его приняла и сказала, улыбаясь:

— Уже три года я живу здѣсь, а вижу васъ у себя первый разъ. Хорошо-ли такъ поступать со старыми друзьями?

— При существующихъ обстоятельствахъ, мнѣ кажется, не можетъ быть иначе, миссъ Лайль, отвѣчала поборникъ правды.

— Зачѣмъ вы меня зовете „миссъ Лайль“? Въ тѣ счастливые дни, когда мы съ вами вмѣстѣ посѣщали школу моего отца, мы были другъ для друга Эленъ и Джозефъ. И позже, когда я бѣдствовала, было то же самое. Отчего-же вдругъ теперь я сдѣлалась „миссъ Лайль“? Вы хотите, чтобы я называла васъ „мистеръ Моррисъ“?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Зовите меня Джозефомъ, прошу васъ! воскликнулъ, блѣднѣя и краснѣя, молодой человѣкъ.

— Тогда пусть я буду Эленъ! У меня нѣтъ ни родителей, ни братьевъ и сестеръ, и я никогда не выйду замужъ; поэтому вы, Джозефъ, съ вашей женой должны мнѣ замѣнить брата и сестру. Я слышала, что уже скоро будетъ ваша свадьба; очень рада, что вы зашли ко мнѣ сегодня вечеромъ: у меня есть маленькій свадебный подарокъ для вашей невѣсты...

— Леди М* и баронетъ Д*! доложилъ слуга, и въ слѣдующую минуту оба гостя вошли.

Джозефъ взялся за шляпу и хотѣлъ откланяться.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите! посѣщайте шенцула Эленъ.—И такъ давно васъ не видѣла, и сегодня первый разъ, что вы здѣсь. Мнѣ нужно многое вамъ сказать. Оставайтесь, пожалуйста, пока не кончатся визиты.

Съ сильно забывшимся сердцемъ Джозефъ поклонился и отошелъ на другой конецъ комнаты, гдѣ принялся разсматривать висѣвшія на стѣнахъ картины.

Леди подошла къ Эленъ, съ подкупающею ласкою схватила ее за обѣ руки и вѣжливо, повидимому совершенно искренно, поцѣловала молодую дѣвушку; къ удивленію Джозефа, вниманіе котораго не могло ограничиться исключительно картинами, Эленъ казалась этимъ польщеною.

Баронетъ былъ также очень внимателенъ къ молодой хозяйкѣ дома. Говорили о придворныхъ празднествахъ, балахъ, концертахъ, повѣвшихъ оперныхъ, и гости выражали свое удивленіе по поводу того, что миссъ Лайль не посѣдовала въ Лондонъ за своей подружкой миссъ Кассокъ. Послѣ краткаго разговора леди М. распрошала съ тою-же сердечностью и ушла, попросивъ Эленъ скоро быть у нея.

— Ну, обратилась Эленъ къ Джозефу, — чтѣ вы на это скажете?

— И того мнѣнія, отвѣчалъ молодой человѣкъ, — что миледи должна имѣть въ виду очень важную цѣль, если спускается до того, чтобы сюда являться и быть такъ необычайно милостивою къ вамъ, Эленъ.

— Это мнѣніе во всякомъ случаѣ не очень лестно для меня, замѣтила молодая дѣвушка; — но откуда вы знаете, что ее привлекли сюда не мои личные достоинства?

— Потому что ваши личные достоинства, Эленъ, будь они въ десять разъ больше чѣмъ въ дѣйствительности, не привлекли-бы миледи, если-бы вы продолжали быть учительницею. Вы это знаете такъ-же хорошо, какъ я. И даже теперь, когда ваша судьба приняла такой благоприятный оборотъ, должна существовать важная цѣль для того, чтобы леди М* пришла къ вамъ. Дамамъ изъ родовой аристократіи обыкновенно дѣла нѣтъ до богатыхъ наслѣдницъ изъ купеческаго сословія, не смотря на все богатство этихъ послѣднихъ.

— Вы ужасно.. откровенны! Но какую-же цѣль можетъ имѣть, по вашему мнѣнію, эта особа?

— Извлечь пользу изъ вашего большаго состоянія, съ помощью его заплатить долги своего втораго сына—кунилы, баронета Д., который составилъ себѣ такую плохую славу, что даже вліяніе матери не можетъ доставить ему мѣста ни въ арміи, ни во флотѣ. Миледи думаетъ, Эленъ, что вы будете рады выручить изъ бѣды ея разореннаго младшаго сына ради чести сдѣлаться ея невѣсткою.

— Но вѣдь тогда только одинъ шагъ до графской короны, которая мнѣ достанется, если умретъ старшій братъ баронета. Вы не думаете, что она будетъ мнѣ къ лицу?

— Нѣтъ, Эленъ.

— Почему нѣтъ?

— Потому-что вы, какъ говорится, не для нея родились. У васъ нѣтъ того вида, той манеры, того... какъ сказать? — того необыснимаго, но тонкаго аромата высокой породы.

— Право, мистеръ Моррисъ, воскликнула удивленная дѣвушка, — я не знаю, чѣмъ больше отличается ваша откровенность: вѣжливостью или прощательностью!

— Я знаю, что это невѣжливость. Ахъ, Эленъ, правда рѣдко бываетъ вѣжливою! Кромѣ того я несно выразился, желая описать то, чтѣ не поддается описанію. Но вы меня понимаете, не правда ли?

— Да, но если это дѣйствительно такъ, то я удивляюсь тому, что леди М. можетъ желать мени какъ невѣстку.

— Она васъ и не прочитъ за своего старшаго сына; но для младшаго, обремененнаго долгами, ваше блестящее состояніе является настоящимъ якоремъ спасенія.

— Однако она должна-же будетъ допустить меня въ среду своихъ домашнихъ какъ члена семьи?

— Ничего. Вы будете только женою младшаго сына. Во время сезона, когда все семейство живетъ въ Лондонѣ, васъ ушлютъ на какую-нибудь отдаленную виллу, чтобы баронетъ Георгъ

могь безпрепятственно посѣщать свой клубъ; и только, когда они переселятся въ деревню вы, быть-можетъ, будете допущены въ общество миледи вмѣстѣ съ мѣстнымъ священникомъ и докторомъ.

— Это—почти оскорбительно! Зачѣмъ вы мнѣ говорите такія вещи, Моррисъ? воскликнула молодая женщина, вся красная отъ волненія.

— Во-первыхъ потому, что я считаю ихъ справедливыми, а во-вторыхъ—чтобы по возможности удержать васъ отъ неосторожнаго шага.

— На какомъ основаніи вы думаете, что я подвергаюсь опасности сдѣлать такой шагъ?

— Потому что ваше поведение относительно миледи и ея обезславленнаго сына не было такимъ, какого я ожидалъ отъ Эллисъ Лайль!

— Вы мнѣ сказали, какимъ оно не было; но я бы очень хотѣла знать, какое-же оно было?

— Раболѣнное.

— Нѣтъ, даю слово, это невыносимо! воскликнула Эллисъ, вскакивая съ сверкающими отъ негодованія глазами и принимаясь ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Джозефъ слѣдилъ за нею взглядомъ. Лицо ея горѣло, глаза сверкали, грудь высоко вздымалась. У него стало очень тяжело на сердцѣ, мертвенная блѣдность покрывала лицо, руки похолодѣли какъ ледъ. Ему казалось, что онъ тутъ-же умретъ; онъ скорѣе оскорбилъ бы цѣлый міръ, чѣмъ Эллисъ Лайль.

Вдругъ она остановилась передъ нимъ, задыхаясь отъ внутренняго волненія, и воскликнула:

— Раболѣнное? вы сказали—раболѣнное?

— Да, я сказалъ, и не могу взять этого слова назадъ, потому что оно выражаетъ именно то, что я подразумевалъ, а болѣе мягкаго опредѣленія я не нахожу. Вы отъ меня требовали правды, я ее сказалъ. Иначе я не могу, да помочь вамъ Богъ!

Эллисъ повернулась и въ сильномъ волненіи зашагала какъ прежде взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Боюсь, что смертельно оскорбилъ васъ, миссъ Лайль, и долженъ уйти, сказалъ молодой человекъ, берясь за шляпу, и низко поклонился, проходя мимо молодой хозяйки дома.

— Нѣтъ, останьтесь! воскликнула миссъ Лайль, такъ выразительно и съ такимъ властнымъ движеніемъ руки, что Джозефъ мгновенно остановился.

Миссъ Лайль была еще очень взволнована; грудь ея подымалась и опускалась, щеки то блѣднѣли, то краснѣли, и въ сверкающихъ глазахъ свѣтилось сильное внутреннее возбужденіе, которое она была не въ силахъ вполне подавить.

— Это горько, по это истина! сказала она съ усміемъ, отъ котораго у нея почти захватило дыханіе, и унала на диванъ, закрывъ на нѣсколько минутъ лицо обѣими руками. Потомъ, опивъ ихъ, она сдѣлала знакъ Джозефу, все еще недвижно стоявшему среди комнаты, сѣсть на стулъ по правую ея сторону.

— Сядьте, Джозефъ, сказала она.—И не имѣю никакого права чувствовать себя оскорбленною вашею педержавною откровенностью; точно такъ же и вы не должны покидать мой домъ изъ-за этого. За то, что вы порицаете меня въ глаза, я еще больше васъ уважаю.

— О, Эллисъ, еслибъ вы знали, какъ мнѣ было больно говорить вамъ правду, вы бы простили меня! отвѣчала молодой человекъ неувѣреннымъ тономъ.

— Знаю, знаю, и не только прощаю васъ, но благодарю! Я видѣла, какого труда вамъ стоило высказывать эти горькія истины, и узнаю въ этомъ благородство вашей природы. Но сядьте же, сядьте же. Общайте мнѣ и на будущее время всегда говорить только правду, какъ бы горька и даже унижательна она ни была для моего самолюбія.

— Да, Эллисъ, я общаю.

— А теперь вернемся къ тому разговору, отъ котораго насъ отклонилъ визитъ миледи, сказала миссъ Лайль, придвигая къ дивану маленькій столикъ, на которомъ стоялъ роскошный футляръ. Открывъ его, она продолжала:—Вотъ, Джозефъ, нѣсколько нитокъ жемчуга для вашей невесты: жемчугъ пойдетъ дѣтскому личику Элизы. Передайте ей отъ моего имени этотъ маленькій подарокъ, а съ нимъ наилучшія пожеланія старинной пріятельницы ея жениха.

Голосъ Эллисъ дрогнулъ при послѣднихъ словахъ. Она придвинула футляръ Джозефу, по молодой человекъ былъ недвижимъ отъ удивленія; и наконецъ онъ выговорилъ:

— Благодарю васъ, Эллисъ, за ваше доброе намѣреніе; но, благодареніе Богу, у меня нѣтъ больше невесты!

— Нѣтъ невесты? Что? Но я полагала... меня удивили... что вы намѣревались жениться на Элизѣ Белль!.. воскликнула дрожащимъ голосомъ Эллисъ, при чемъ лицо ея то блѣднѣло, то снова вспыхивало.

— Дѣйствительно мы было хотѣли пожениться; но теперь по взаимному соглашенію рѣшили разойтись.

Эллисъ была слишкомъ потрясена, чтобы тотчасъ же отвѣтить. Спустя минуту она принудила себя заговорить и тихо сказала:

— Это, вѣроятно, обыкновенная размолвка; вы еще помиритесь.

— Никогда, Эллисъ! воскликнулъ Джозефъ. — Я все вамъ расскажу, тогда вы сами сможете судить.

И онъ рассказалъ ей слово въ слово всю сцену съ Элизой.

Оба помолчали, потому ихъ взоры невольно встрѣтились.

— Джозефъ, тихо сказала Эллисъ,—вы общали всегда говорить мнѣ правду. Вы и теперь скажете?

— Теперь и всегда, милая Эллисъ.

— Такъ назовите мнѣ имя женщины, которая высоко стоитъ въ нашемъ мнѣніи, которую вы восхищаетесь и, сами того не сознавая—какъ кажется—искренно любите.

Морриса бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Задыхаясь отъ волненія, онъ отвѣчалъ глухимъ голосомъ:

— Ахъ, Эллисъ, эта особа столько выше меня по своимъ личнымъ достоинствамъ и по богатству, что я никогда не отважился надѣяться на ея любовь и даже самому себѣ не признавался въ томъ, какъ бы я ее любилъ, еслибъ смѣлъ.

— Ея имя—назовите мнѣ ея имя!

— Эллисъ Лайль! едва слышно произнесъ Моррисъ, нападъ на колѣни и прижимаясь нылающимъ лицомъ къ ея рукѣ.

— А любовь Эллисъ можетъ васъ угнѣнить во всемъ томъ, что вы сегодня потеряли? спросила она, низко къ нему наклоняясь.

— Любовь Эллисъ? любовь? повторилъ Джозефъ, потрясенный до того, что едва могъ говорить.

— Да, и если можетъ, то она принадлежитъ вамъ, еще тише прошептала она и нѣжно подняла его.

Минуту спустя Моррисъ уже сидѣлъ рядомъ съ Эллисъ. Его смущеніе смѣнилось такимъ восторженнымъ состояніемъ, что онъ безъ умолку, со всею краснорѣчіемъ прорвавшейся страсти, описывалъ охотно слушавшимъ ушкамъ свою долгую затасанную любовь и безпредѣльное восхищеніе ею, а она, въ свою очередь, рассказала ему, какъ неизмѣнно съ дѣтства его любила и какъ приняла рѣшеніе ни за кого другаго не выходить замужъ; когда же до нея дошелъ слухъ о предстоящемъ его бракѣ съ Элизой Белль, она, желая быть ему полезнаю, потихоньку отправилась къ господамъ Блэкъ, Броуцъ и К° и положила на его имя пять тысячъ фунтовъ съ условіемъ, чтобы они приняли его въ свою фирму компаньономъ сейчасъ же послѣ его свадьбы.

Все это вышло на свѣтъ Божій благодаря соглашенію влюбленныхъ—соглашенію сдѣланномуся долгомъ—говорить правду. Яркимъ лучомъ блеснуло въ сознаніи молодого человека убѣжденіе въ томъ, что своимъ настоящимъ счастьемъ онъ обязанъ исключительно правдѣ.

— О, правда, свѣтлая правда! ликовалъ онъ, простившись уже поздно вечеромъ съ Эллисъ.—Она сначала приготовила мнѣ горькія разочарованія, но все-таки въ концѣ концовъ привела къ счастливой развязкѣ. Во всю мою жизнь буду говорить только правду!

Съ сияющимъ отъ счастья лицомъ Моррисъ уже собрался было вскочить въ омнибусъ, какъ услышалъ хорошо знакомый ему голосъ:

— Ахъ, вотъ онъ наконецъ, бѣдняга! Слава Богу, что мы его нашли! Но какъ онъ страшно глядитъ: точно вотъ-вотъ вскочитъ и начнетъ бѣсноваться! Кто его теперь видитъ, не можетъ и сомнѣваться въ томъ, что онъ сумасшедшій. Джозефъ, бѣдный мой мальчикъ, ты не узнаешь своей старой тетки? спрашивала миссъ Моррисъ, боязливо заглядывая ему въ лицо.

— Узнаю-ли я тебя, тетя? А почему же я долженъ тебя не узнавать? Ахъ, тетя, я счастливъ! отвѣчалъ Джозефъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, бѣдное мое дитя? лѣтисно сказала она и, осторожно отъ него отодвигаясь, прибавила:—Онъ дѣлается все безумнѣе. Лучше всего сейчасъ-же его схватить, прежде чѣмъ онъ сдѣлаетъ вредъ себѣ или другимъ. Схватите его руки, чтобы онъ не вырвался; но, пожалуйста, дѣйствуйте по возможности мягче, а не такъ какъ будто онъ преступникъ, бѣдный мой мальчикъ!

Полицейскій, введенный старую дѣвицею въ заблужденіе и потому ложно истолковывавшій волненіе Джозефа, осторожно къ нему подошелъ и ловко набросилъ веревочную петлю на руки молодого человека, который теперь—хотя уже слишкомъ поздно—началъ сопротивляться.

— Что такое? воскликнулъ онъ.—Что это значитъ? Пустите меня сію минуту! Что я сдѣлалъ? Вы за это платитесь! Развяжите меня, говорю вамъ!

— О, Боже, его бѣшенство усиливается! Джозефъ, мой бѣдный, милый Джозефъ, успокойся и иди за этимъ добрымъ господиномъ. Вѣдь это для твоего блага! нѣжинчала тетушка Моррисъ, держась однако же на приличномъ разстояніи.

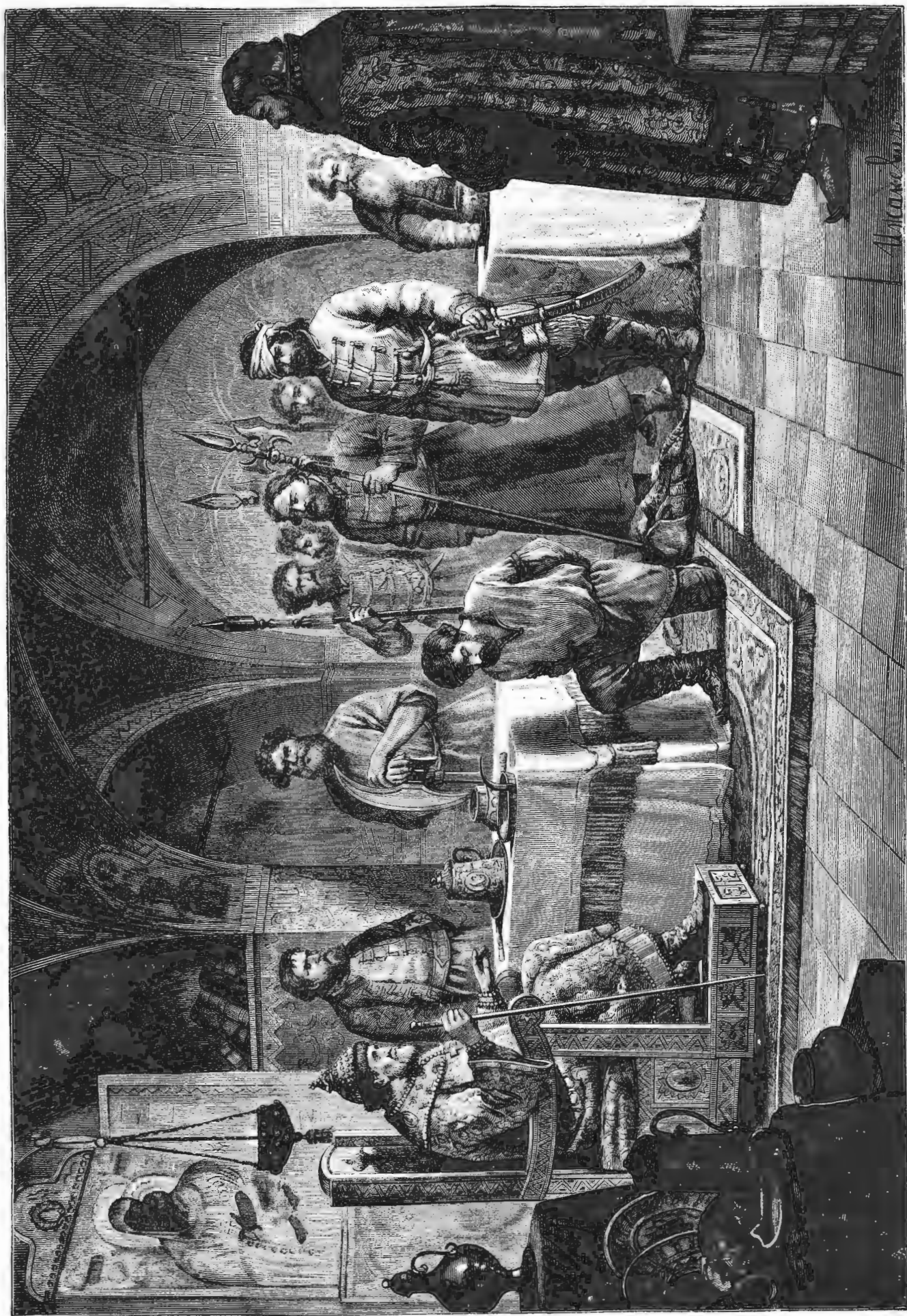
— Добрый господинъ?! — Безосудный полицейскій, переступающій границы своихъ правъ! Онъ за это заплатитъ! кричалъ молодой человекъ, вырываясь изъ всѣхъ силъ.

— О, бѣдное дитя, вѣдь мы желаемъ тебѣ добра—хотимъ удержать тебя, чтобы ты не надѣлалъ бѣды.

— Бѣды? Кажется, вы всѣ сошли съ ума!

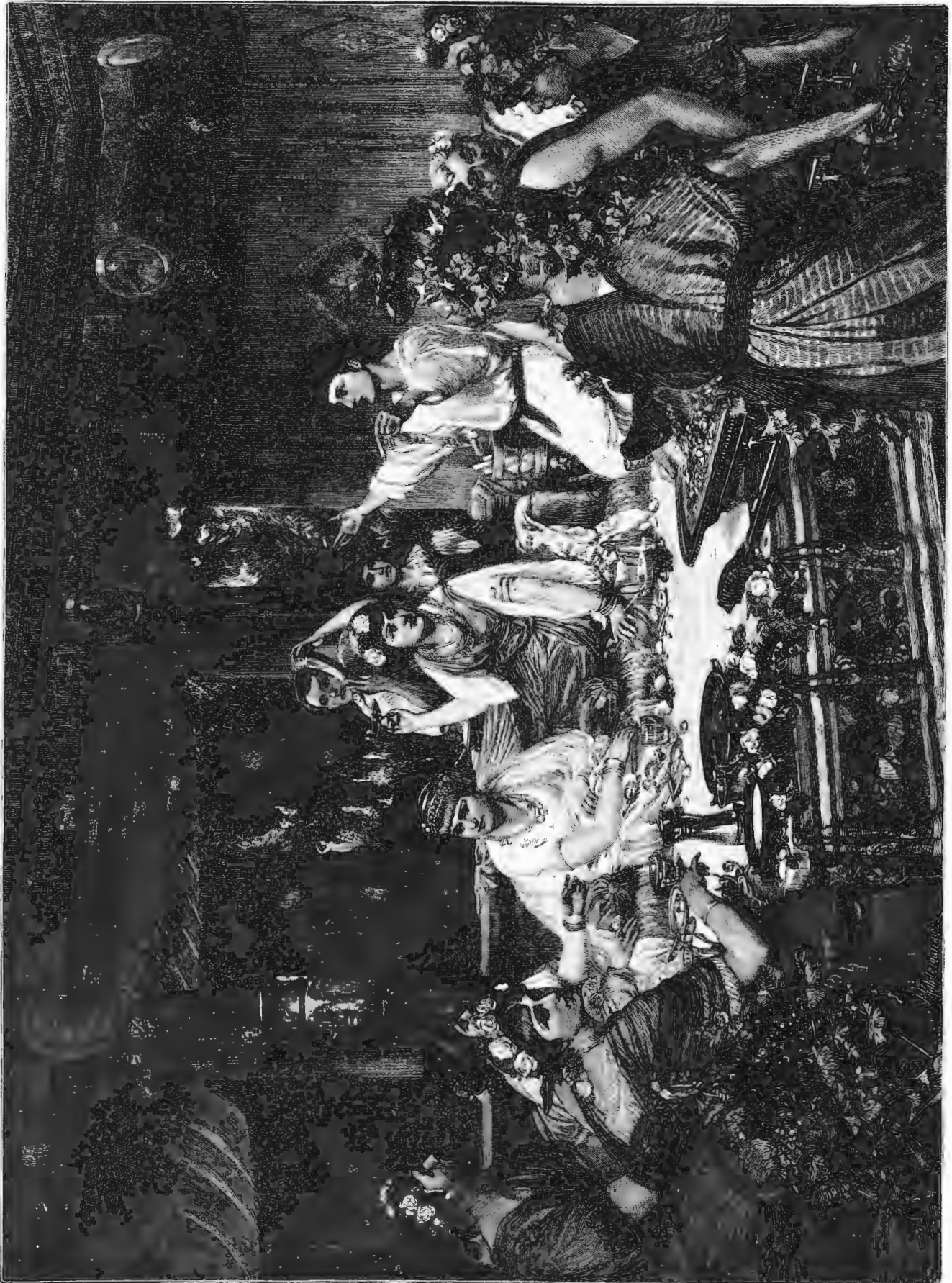
— Ахъ, такъ всегда говорятъ эти несчастные, стонала старуха;—они считаютъ всѣхъ, кромѣ себя, сумасшедшими.

— Совершенно такъ же, какъ пьяные, замѣтилъ полицейскій, дѣлаясь багрово-краснымъ отъ усилія втолкнуть свою жертву въ экипажъ.

Литературный альбомъ. „Князь Серебряный“, гр. А. Н. Толстаго. Князь Серебряный передъ Иоанномъ Грознымъ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Иваненча, грав. Шлипперъ.

Римскій триклиній. Съ карт. Баура, грав. Калеманг.

— Уж отплачу же я тебѣ, бездѣльникъ, погоди! И тебѣ такъ же, тетя! яростно кричалъ Джозефъ.

— Ахъ, онъ не сознаетъ того, что говоритъ, бѣдняга! Самое ужасное у этихъ несчастныхъ — то, что они всегда ожесточены противъ своихъ лучшихъ друзей, рыдала старуха. — Возьмите же себѣ кого-нибудь на помощь, господинъ полицейскій.

— Я помогу, сударыня, вывзвался одинъ пищикъ, которому Джозефъ утромъ подалъ щедрую милостыню.

При содѣйствіи обязательнаго нищаго удалось наконецъ посадить мнѣнаго сумасшедшаго въ экипажъ. Полицейскій со своимъ импровизованнымъ помощникомъ послѣдовалъ за ними, и вскорѣ несчастный, связанный по рукамъ и ногамъ, былъ доставленъ въ домъ дяди. Тамъ уже собралось много лицъ, чтобы присутствовать при медицинскомъ изслѣдованіи его душевнаго состоянія.

Прежде всѣхъ явился самъ дядюшка, Джонъ Моррисъ. Онъ съ выраженіемъ раскаянія посмотрѣлъ на племянника и сказалъ со слезами на глазахъ:

— Бѣдный мальчикъ! бѣдный мальчикъ! Какъ охотно попросилъ бы я у него прощенія, если-бъ онъ понималъ хоть одно слово изъ того, что я говорю!

Потомъ выступилъ д-ръ Коттонъ, любезный домашній врачъ; онъ съ состраданіемъ посмотрѣлъ на разгоряченное гнѣвное лицо сумасшедшаго, вдохнулъ и, пощупавъ его сильно бившіеся пульсъ, обратился наконецъ къ присутствовавшимъ съ многозначительнымъ покачиваніемъ головы.

— Какое же ваше мнѣніе, докторъ? спросила добродушная, но пренебрежительная страховъ Мери Моррисъ. — Не лучше-ли сейчасъ же отправить его въ сумасшедшій домъ, гдѣ его будутъ лечить?

— Я бы хотѣлъ сначала выслушать показанія тѣхъ лицъ, которыя его наблюдали въ теченіе дня, и потомъ уже выскажу рѣшительное мнѣніе, отвѣчалъ д-ръ Коттонъ. — Миссъ Моррисъ, начните вы, пожалуйста, и расскажите намъ, какія болѣзненные явленія вы замѣтили у вашего племянника, когда онъ сегодня утромъ сошелъ къ завтраку.

— Ахъ, докторъ, когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ мы обыкновенно завтракаемъ — какъ разъ за этой — у него было какое-то странное выраженіе глазъ, и онъ жаловался на головную боль; потомъ вдругъ безъ всякаго повода пришелъ въ постоянную ярость, началъ кричать, что ему все равно, если въ слѣдующую же минуту мы съ братомъ умремъ, наугаль насъ ужасно и убѣжалъ изъ дому, рассказывала она, не доходя зрѣвая, какимъ превеличеніемъ грѣшила, и какому намѣненію подверглась въ ея пересказѣ сцена, которую она хотѣла описать.

— Ужасно! ужасно! замѣтилъ д-ръ Коттонъ. — И вы также видѣли и слышали всѣ эти странности, мистеръ Моррисъ? спросилъ онъ старика.

— Да, но я былъ далеко отъ мысли, что бѣдный малый страдаетъ умственнымъ расстройствомъ; я даже рассердился на него и погрозилъ лишить его наслѣдства.

— Хорошо. Мистеръ Блэкъ, не будете-ли такъ добры рассказать намъ...

— Извините, но я бы просила прежде меня выслушать, прервала врача чей-то женскій голосъ, — такъ какъ по всей вѣроятности я была первая, кого встрѣтилъ мистеръ Моррисъ, выйдя изъ дома своего дяди.

— Что же вы можете сообщить, миссъ Робинсонъ?

— Я его встрѣтила сегодня утромъ и его поведение было очень странное и въ высшей степени шельное; прежде всего онъ подбѣжалъ ко мнѣ и изо всей силы ударилъ меня въ грудь; потомъ сказалъ, что моя шляпа не идетъ такой старой особѣ, какъ я, что она слишкомъ легка для такой тяжелой особы и слишкомъ элегантна для горничной. Да, онъ еще называлъ меня толстой старой франтихой! Согласитесь сами, что все это заслуживаетъ горячечной рубашки и холоднаго душа въ сумасшедшемъ домѣ; тогда онъ не будетъ свободно расхаживать и оскорблять людей своими вздорными выходками!

— Онъ вѣроятно будетъ взятъ подъ надзоръ, миссъ Робинсонъ. Сядьте теперь, отвѣчалъ докторъ.

Миссъ Робинсонъ отошла въ сторону, и, проходя мимо связанной жертвы, скорчила ужасную гримасу, какъ бы желая сказать: „Если-бъ я могла засадить тебя въ сумасшедшій домъ за то, что ты называлъ меня толстой и старой, то это непременно было бы!“

Джозефъ засмѣялся. Онъ уже пришелъ въ себя отъ наумленія и гнѣва настолько, что могъ слѣдить за пріемомъ съ извѣстною долею интереса и даже удовольствія; но при существующихъ обстоятельствахъ его смѣхъ былъ истолкованъ какъ новое доказательство безумія и какъ таковое — принять къ свѣдѣнію.

Теперь выступилъ старшій компаньонъ фирмы „Блэкъ, Брунъ и К^о“.

— Я только могу сказать, началъ онъ, — что сегодняшнее поведение молодого человѣка въ нашемъ магазинѣ никакъ не можетъ быть объяснено, какъ предположеніемъ, что онъ лишился разсудка. Онъ держалъ себя совсѣмъ не такъ какъ всегда; раньше я ничего подобнаго въ немъ не замѣчалъ. Ко-

гда мы попробовали его уговорить и образумить, онъ на насъ обрушился съ ужасною бранью, называлъ насъ обманщиками, шарлатанами, и употреблялъ всевозможныя бранныя слова, какія только приходили ему въ голову.

— Ай-ай-ай, какъ ужасно!

— Нѣтъ-ли тутъ кого-нибудь, друзья мои, сказалъ докторъ, — кто бы видѣлъ несчастнаго молодого человѣка послѣ того, какъ онъ ушелъ изъ магазина? Если есть кто-нибудь, то я бы хотѣлъ выслушать его показанія.

— Идите, дитя мое, идите; это неприятно, но вы должны, говорила тетка Моррисъ, толкая впередъ унравшуюся молодую дѣвушку, и наконецъ подвела ее къ доктору.

— Вотъ, докторъ, миссъ Белль — бѣдное дитя! У нея Джозефъ былъ сегодня. Она должна была въ скоромъ времени выйти за него замужъ, по—о, Господи! — какъ знать, что можетъ случиться въ одинъ день!

— Какъ вамъ сегодня показался мистеръ Моррисъ, дитя мое, когда вы его видѣли? спросилъ докторъ.

Элиза закрыла платкомъ лицо и зарыдала или сдѣлала видъ, что рыдаетъ.

— Онъ пришелъ ко мнѣ сегодня около полудня, отвѣчала она, всхлипывая, — и велъ себя въ высшей степени жестоко и безчеловѣчно. Онъ оставилъ на меня такъ страшно, что я чуть не лишилась сознанія, и называлъ меня чудовищемъ, настоящимъ чортомъ. Теперь, надѣюсь, никто не будетъ ждать, чтобы я сдержала свое слово и вышла за сумасшедшаго; не могу я этого! рыдала она.

— Конечно, нѣтъ, дорогая моя, но крайней мѣрѣ не теперь! успокоительно сказалъ докторъ, на котораго юная красота Элизы сдѣлала слишкомъ глубокое впечатлѣніе, чтобы дать замѣтить все бездушіе молодой дѣвушки.

— Нѣтъ, ни теперь, ни когда-либо! продолжала она въ своемъ эгоизмѣ. — Я этимъ прямо хочу сказать, что разъ подобное соглашеніе нарушено, и особенно съ сумасшедшимъ, то оно никогда болѣе не можетъ возобновиться.

— Ну, докторъ, сказала старуха Моррисъ по окончаніи допроса, — какое теперь ваше мнѣніе? Джозефъ какъ будто немного спокойнѣе — не можемъ-ли мы оставить его здѣсь на ночь? Мнѣ бы не хотѣлось еще разъ выпроваживать сегодня бѣднаго мальчика изъ дому.

— Я боюсь, отвѣчалъ докторъ, — что этотъ его покой есть слѣдствіе психическаго и физическаго изупреженія. Какъ только вернется его сила, онъ можетъ снова войти въ бшенство.

— Еще бы, господинъ докторъ, это непременно случится! замѣтила миссъ Робинсонъ, которая не хотѣла снести, чтобы жертвѣ было оказано малѣйшее снисхожденіе. — Я сама кое-что смысла въ этой болѣзни, такъ какъ много молодыхъ людей изъ-за меня помѣшалось. Не доверяйте ему, мистеръ Моррисъ: съ его стороны это только хитрость, которою онъ васъ обманываетъ. Сумасшедшіе невѣроятно лукавы. Онъ еще пожалуй вырвется, размохитъ всѣмъ намъ головы и подожжетъ домъ.

Джозефъ между тѣмъ напрягъ всѣ силы, чтобы подняться съ дивана, и дико уставился на присутствовавшихъ.

— О, Боже мой, у него опять начинается припадокъ! вскрикнула тетка Моррисъ. — Нѣтъ-ли тамъ кого-нибудь, кто бы пошелъ за экипажемъ? Нужно его выпроводить прежде, чѣмъ онъ надѣлаетъ бѣды!

Нищій вывзвался найти карету и поспѣшно вышелъ. Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ какимъ-то господиномъ и дамою, которые безъ доклада вошли въ комнату. Это были Элеанъ Лайль и Генри Блевигтъ.

Джозефъ хотѣлъ было поспѣшить навстрѣчу къ своей невѣстѣ, но докторъ и мистеръ Моррисъ схватили его и удержали. Блевигтъ сдѣлалъ глубокой поклонъ всему обществу и обратился затѣмъ къ хозяйкѣ дома.

— Миссъ Моррисъ, сказалъ онъ, — надѣюсь, вы позволите мнѣ объяснить причину, которая приводитъ меня сюда въ такое необычное время. Кучеръ того омнибуса, съ которымъ мой другъ Джозефъ хотѣлъ ѣхать въ Сити, вернулся въ Стритгэмъ и рассказалъ тамъ ужасную историю о какомъ-то сумасшедшемъ, бѣсоватомъ молодомъ человѣкѣ, мистерѣ Джозефѣ Моррисѣ, котораго успѣли задержать. Слухъ распространился, дошелъ до прислуги миссъ Лайль и наконецъ до нея самой. Тогда она, боясь какой-нибудь круной несправедливости слѣдствіе недоразумѣнія, сѣла въ свой экипажъ и поѣхала въ городъ. Она сдѣлала мнѣ честь вызвать меня изъ моей квартиры, и я тѣмъ охотнѣе согласился сопровождать ее, что обладаю ключемъ къ предполагаемому умственному расстройству Джозефа. Однако, прежде чѣмъ я буду продолжать, позвольте мнѣ подойти къ моему другу.

Съ этими словами онъ подвелъ свою спутницу къ стулу, вытащилъ изъ кармана перочинный ножъ и, подойдя къ Джозефу, перерѣзалъ связывавшія его веревки прежде, чѣмъ изумленные свидѣтели этой сцены догадались о его намѣреніи и могли ему помѣшать.

— Чтѣ вы дѣлаете? вскрикнулъ докторъ.

— Вѣдь онъ сумасшедшій! кричалъ мистеръ Джонъ Моррисъ.

— Бшenny! кричала миссъ Моррисъ.

— Онъ надѣлаетъ бѣды! сказалъ докторъ.
— Онъ кого-нибудь поранитъ! прибавилъ мистеръ Джонъ Моррисъ.

— И бросится въ воду! плакала тетка.
— Онъ всѣмъ намъ разобьетъ головы и сдѣлаетъ пожаръ! визжала миссъ Робинсонъ, между тѣмъ какъ каждый изъ присутствовавшихъ спѣшилъ забиться въ одинъ изъ отдаленныхъ угловъ комнаты, подалше отъ освобожденнаго бѣсноватаго.

— Онъ ничего подобнаго не сдѣлаетъ, возразилъ Блевиттъ. — Единственный вредъ, котораго вы еще можете отъ него ожидать, это—если онъ будетъ на васъ жаловаться за насиліе и клевету. Мистеръ Моррисъ, вашъ племянникъ такъ же мало помѣшанъ, какъ мы съ вами!

— Вы не знаете чтѣ случилось! Онъ совершенно бѣшенный!

— Напротивъ того, я все знаю и хочу вамъ это доказать, отвѣчалъ Блевиттъ, вынимая изъ кармана часы. — Теперь какъ разъ десять часовъ, стало-быть прошли ровно сутки съ тѣхъ поръ, какъ Джозефъ Моррисъ возвращался вмѣстѣ со мною изъ капеллы мистера Штурма, гдѣ мы слушали громовую проповѣдь о грѣховности лжи. По этому поводу мы съ пріятелемъ держали родъ пари, что онъ и въ теченіе одного дня не сможетъ отвѣчать вполнѣ правдиво даже на самые заурядные вопросы и замѣчанія окружающихъ безъ того, чтобы дядя не выпгаль его изъ дому, хозяева не уволили со службы, а невѣста не отказала отъ руки. Но это еще не все: я утверждалъ, что не пройдетъ недѣли, какъ онъ за правду очутится въ сумасшедшемъ домѣ. Джозефъ, развѣ не такое было наше условіе?

— Да, отвѣчалъ тотъ,—такое.

— Попытка превзошла мои ожиданія, продолжалъ Блевиттъ, — не прошло пятнадцати часовъ съ тѣхъ поръ, какъ мой пріятель началъ говорить строгую правду въ отвѣтъ на обыкновенные вопросы, а уже мои худшія предсказанія сбылись. Теперь, Джозефъ, говори ты самъ!

— Это правда, началъ послѣдній, — съ семи часовъ сегоднешняго утра я только спокойно отвѣчалъ правду на самые простые, заурядные вопросы и не только потерялъ все, что имѣлъ, но даже подвергся насилію.

— Дядя, продолжалъ онъ, обращаясь къ Джону Моррису, — если ты желаешь припомнить сегоднешнюю сцену, то найдешь, что она очень отличается отъ того описанія, которое вы дали

подъ вліяніемъ неосновательнаго страха. Все, чтѣ я сказалъ, было — что я не умру съ горя въ случаѣ твоей или тетиной смерти.

— Миссъ Робинсонъ, сказалъ онъ затѣмъ горничной, — у меня нѣтъ другаго оправданія на вашу жалобу какъ то, что когда вы потребовали моего мнѣнія о вашемъ костюмѣ, я вамъ его высказалъ согласно своему убѣжденію.

Непримиримая дѣвица, ничего не отвѣчая, повернула ему спину.

— Мистеръ Блэкъ, на обвиненіе, что я выпгаль изъ магазина всѣхъ покупателей, я могу только отвѣтить, что сдѣлалъ это, говоря всѣмъ правду относительно ничтожнаго достоинства и преувеличенныхъ цѣнъ вашихъ товаровъ.

— А теперь, Элиза Белль, продолжалъ Джозефъ, обращаясь къ своей бывшей невѣстѣ, — такъ какъ ваше обвиненіе было самымъ тяжкимъ изъ всѣхъ, то я надѣюсь, что вы по крайней мѣрѣ его смягчите и умѣрите. Оскорбленіе, которое будто бы я вамъ нанесъ, состояло въ томъ, что я вамъ сказалъ—вы не ангелъ и не совершенная красавица; развѣ это было не такъ?

— Да, но это значило то же, что назвать меня чудовищемъ или еще чтѣмъ-нибудь худшимъ.

— Нѣтъ, Элиза, неправда; вамъ такъ кажется только, потому что вы сами имѣете привычку рѣзко выражаться. Васъ еще нельзя назвать чудовищемъ, хоть вы и не совершенная красавица, и...

— О, прошу васъ, мистеръ Моррисъ, прервала его Элиза, — только безъ попытокъ къ примиренію; я не хочу и слышать объ этомъ!

— Я также далека отъ этого, отвѣчалъ Джозефъ; — единственное, о чемъ я васъ прошу, это — и онъ значительно посмотрѣлъ въ сторону Блевитта — быть искреннею съ тѣмъ, кто когда-либо займетъ мое прежнее мѣсто возлѣ васъ.

Потомъ, обращаясь къ своей невѣстѣ, онъ спросилъ:

— А вамъ, Эленъ, дорогая Эленъ, припавшая меня, когда я былъ всѣмъ оставленъ,—чтѣ мнѣ вамъ сказать?

— Мнѣ? улыбулась молодая дѣвушка,—теперь, и въ этомъ мѣстѣ—ничего. Но вашимъ друзьямъ вы можете сказать, что такъ какъ вы за правду признаны сумасшедшимъ, то съ этого дня я дѣлаюсь вашей сидѣлкой.

Къ рисункамъ.

Видъ изъ Сергіевского парка. (Рис. на стр. 581).

Дорога отъ Петербурга и до Петергофа была когда-то самымъ моднымъ, самымъ популярнымъ дачнымъ мѣстомъ для всѣхъ жителей Петербурга. Но въ царствованіе императора Александра, рѣдко называвшаго въ Петергофъ въ лѣтнее время—Петергофская дорога потеряла свое значеніе и ближайшій къ столицѣ участокъ ея сталъ даже застраиваться фабриками и заводами. Что же касается шоссеиной дороги между Петергофомъ и Ораниенбаумомъ, то она, въ нынѣшнее царствованіе, стала все болѣе и болѣе застраиваться прелестными дачами, коттеджами и лѣтними дворцами Членовъ Императорской Фамиліи. На самомъ выѣздѣ изъ Петергофа къ Ораниенбауму (направу) огромный участокъ земли занятъ паркомъ и дачею Е. В. Принца А. П. Ольденбургскаго; далѣе, на склонѣ холма, расположилась живописная „Собственная дача“ Государя Наслѣдника Цесаревича, съ небольшою, но чрезвычайно изящнымъ дворцомъ, во вкусѣ рококо. Рядомъ съ нею, еще далѣе, среди стариннаго и обширнаго парка, на горѣ возвышается великолѣпный и обширный дворецъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ, такъ-называемое *Сергіевское*—пѣкогда любимая резиденція Великой Княгини Маріи Николаевны. Обширный паркъ „Сергіевского“ съ одной стороны тянется до самаго моря; съ другой—простирается по горѣ до линіи желѣзной дороги, гдѣ находится при этомъ имѣніи герцоговъ Лейхтенбергскихъ особая платформа съ изящнымъ нависономъ. Паркъ разбитъ съ тѣмъ изяществомъ и художественнымъ вкусомъ, которымъ отличалась покойная Вел. Кн. Марія Николаевна, много лѣтъ сряду стоявшая во главѣ русскаго искусства. Въ паркѣ есть уголки, тщательно отдѣланные искусною рукою человѣка; есть и такія глухія мѣста, въ которыя рѣдко заглядываетъ лучъ солнца. Особенно красивъ одинъ изъ овраговъ парка, черезъ который перекинутъ мостикъ, обвитый ползучими растеніями, изображенный на нашемъ рисункѣ. Нѣкоторыя части Сергіевского парка вполнѣ доступны окрестнымъ дачникамъ, для которыхъ мыза герцоговъ Лейхтенбергскихъ составляетъ любимое мѣсто прогулокъ.

Пастушка и пастушокъ. (Рис. на стр. 584 и 585).

Въ Малороссіи часто поручаютъ подросткамъ того и другаго пола пасти гусей или мелкій скотъ, и вотъ молодежь, вооружаясь длинною хворостиной, съ сознаниемъ собственного достоинства и не безъ важности приступаетъ къ исполненію своихъ обязанностей. Рисунки г. Глоба изображаютъ такихъ пастушка и пастушку, отдыхающихъ въ лѣтній зной.

Заброшенная кукла. (Рис. на стр. 589).

Владѣлица куклыбелы и куклы давнымъ-давно выросла изъ тѣхъ лѣтъ, когда эти предметы были ей необходимы; они хранились какъ воспоминаніе въ дѣтской вмѣстѣ съ учебнымъ шкапчикомъ и другой обстановкой, болѣе поадней поры. Но вотъ однажды въ куклыбелу забралось новое молодое поколѣніе—совсѣмъ особеннаго рода,—щенокъ-монсъ и трое котятъ. Соединенными усиліями они выжили изъ куклыбелы куклу, къ неописанному ужасу одного изъ котятъ, который еще не успѣлъ забраться въ теплое мѣстечко.

Князь Серебряный на судѣ у Іоанна Грознаго.

(Рис. на стр. 592).

Кому не извѣстенъ прекрасный романъ покойнаго графа А. К. Толстого *Князь Серебряный*? Кто не зачитывался имъ смолоду? Кто не восхищался тѣми прекрасными характерами и типами русской боярской среды XVI вѣка, которые графъ Толстой такъ рельефно и ярко очертилъ кистью художника, не только глубоко изучившаго древнюю Русь, но и отъ всей души полюбившаго ее? Сколько ихъ художниковъ вдохновилъ этотъ прекрасный романъ, сколько изъ нихъ онъ доставилъ прекрасную, благодарную тему для ихъ произведеній! На самыхъ страницахъ *Нивы* читатели наши неоднократно видѣли уже художественные наброски различныхъ сценъ романа графа Толстого, и серия этихъ набросковъ въ нынѣшнемъ № *Нивы* дополняется весьма галатливимъ изображеніемъ той страшнаго сцены „суда Грознаго надъ княземъ Серебрянымъ“, которую заканчивается IX глава романа у графа Толстого... Серебряный, милостиво принятый царемъ по возвращеніи изъ Литвы, гдѣ онъ провелъ много лѣтъ, пошалъ было въ бѣду:—онъ былъ оклеветанъ передъ Грознымъ однимъ изъ опричниковъ, котораго встрѣтилъ на пути и жестоко наказалъ за грабежъ и разбой среди мирныхъ жителей одной изъ подмосковныхъ деревень. Выслушавъ жалобу опричника, Іоаннъ распалился страшнымъ гнѣвомъ, и не слушая оправданій Серебрянаго, приказалъ его немедленно казнить, къ великой радости опричниковъ, и къ ужасу земскихъ бояръ и всѣхъ добрыхъ гражданъ. Произнеся приговоръ, царь спросилъ у опричниковъ: „правъ-ли его судъ?“—Всѣ закричали: „*правъ!*“—и только одинъ голосъ сына Малюты раздавался въ пользу Серебрянаго и потребовалъ надѣ нимъ суда и допроса. По счастью приговоръ еще не успѣли исполнить... „Царь велѣлъ позвать Серебрянаго. Опричники ввели его со связанными руками, безъ кафтана; воротъ рубахи расстегнуть... За княземъ вошелъ главный палачъ, Терѣшка, засуча рукава, съ блестящимъ топоромъ въ рукахъ. Онъ не

зналъ, прощаетъ ли царь Серебрянаго или только хочетъ набыть родъ его казни. Но царь допросилъ Серебрянаго, далъ ему возможность высказать всю правду какъ есть—и доказать свою правоту. Пораженный его прямою, грозной его помпозностью, помиловалъ и виновнаго въ грабѣжѣ опричника, добавивъ съ улыбкою: „Убрайся, Терѣшка! Видно ужъ день такой выпалъ, что пошло на милость!“ И страшный судъ былъ оконченъ, и смерть, уже коснувшаяся Серебрянаго крыломъ своимъ, пощадила вѣрнаго слугу царскаго.

Триклиній. (Рис. на стр. 593).

У римлянъ триклиніумомъ называли столовую. Въ каждомъ жилищномъ домѣ бывало два триклиніума: лѣтній, легкой постройки, называвшійся *aestivum*, и зимній—*hibernum*. На нашемъ рисункѣ изображенъ эстивъ.

Въ Римѣ добраго стараго времени, пока не была известна восточная роскошь, принимали пищу изъ глиняныхъ сосудовъ сидя, безъ скатертей. Но вскорѣ наступили времена роскоши и излишества. У грековъ провозили только мужчины, въ среду которыхъ допускаясь только парѣдка гетеры. У римлянъ было иначе. На иррешествахъ присутствовали и женщины, вскорѣ отвыкнувъ краснѣть отъ шутокъ подвыпившихъ сотрапезниковъ. Измѣнились и кушанья, которыя становились все разнообразнѣе и изысканнѣе. Вина пили не мало, смѣшанная его съ водою, обыкновенно горячею. Оно скоро разгорячало присутствующихъ, и постепенно становились

Шумите пиръ, смѣйте разговоры,
Нескромный смѣхъ, живѣй огонь очей...
Въ разгарѣ пиръ. Мѣняются чредой
Неслышанно-загѣйливныя блюда;
Финифтью расцвѣченная посуда
Вездѣ блистаетъ грудой золотой;
Прельщая вкусъ и удивляя взоры,
Обходятъ избалованныхъ гостей

Завѣтныя потиры и амфоры,
Безцѣнные и рѣдкостью своей,
И пектаромъ, заботливо храненнымъ:
Спокойное фалерское вино
Виблосскимъ искрометнымъ смѣшено,
Виблосское—хиосскимъ благовошнымъ,
Хиосское—эазосскимъ золотымъ,
Эазосское—коринѣскимъ вѣковымъ.

(Мей).

Иванъ Карловичъ Арнольдъ,

основатель Арнольдскаго училища глухонѣмыхъ въ Москвѣ. († 26 апрѣля 1891 г. въ С.-Петербургѣ). (Портр. на этой стр.).

И. К. Арнольдъ родился въ Москвѣ 25 сентября 1805 года. Онъ былъ старшій сынъ Карла Ивановича Арнольда, учредившаго въ 1804 году въ Москвѣ практическую Коммерческую Академію, существующую и до настоящаго времени.

Иванъ Карловичъ не родился глухонѣмымъ; онъ на всю жизнь ослѣхъ послѣ несчастнаго паденія во время игры, не достигнувъ двухъ лѣтъ отъ роду. Въ 1811 году онъ былъ помѣщенъ въ С.-Петербургское училище глухонѣмыхъ, учрежденное въ 1810 году Императрицею Маріею Феодоровной (на Выборгской сторонѣ). Съ раннихъ лѣтъ Иванъ Карловичъ обнаружилъ замѣчательныя способности къ рисованію и механикѣ, вслѣдствіе чего и былъ отправленъ отцомъ въ 1816 году для дальнѣйшаго образованія въ Берлинъ, гдѣ помѣщенъ въ тамошнее училище глухонѣмыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ занимался тамъ и въ Академіи Художествъ. Послѣ того, въ 1819 году опредѣленъ въ наивѣстнѣйшій пансіонъ доктора Карла Ланга (близъ Дрездена), а пробывъ тамъ три года и закончивъ общеобразовательное воспитаніе, поступилъ въ Дрезденскую Академію Художествъ, гдѣ пріобрѣлъ дипломъ на званіе художника и удостоился получения серебрянаго медали.

Въ 1825 году, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, онъ пѣкторное время состоялъ художникомъ при Императорскомъ Эрмитажѣ, а затѣмъ опредѣленъ на должность класснаго топографа въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ и въ служивъ чинъ титулярнаго совѣтника, вышелъ въ отставку въ 1854 году. Но еще на службѣ завѣтною мечтою Ивана Карловича была педагогическая дѣятельность, возможно полное развитіе умственныхъ способностей несчастныхъ глухонѣмыхъ дѣтей. Для испытанія своихъ силъ на этомъ поприщѣ, онъ поступилъ гувернеромъ къ глухонѣмому сыну почетнаго гражданина Сазопова; результатъ оказался блестящимъ. Послѣ того, въ 1852 году, Иванъ Карловичъ открылъ небольшой пансіонъ на Петербургской сторонѣ и принялъ къ себѣ на воспитаніе пятерыхъ малолѣтнихъ глухонѣмыхъ; изъ нихъ только одинъ платилъ по 200 руб. въ годъ, остальные были дѣти бѣдныхъ родителей—

и воспитывались и содержались бесплатно, на средства Ивана Карловича. До 1860 г. небольшой пансіонъ оставался въ С.-Петербургѣ и, не смотря на малые размѣры, о дѣятельности этого заведенія дошли свѣдѣнія до Министра Императорскаго Двора графа Владимира Феодоровича Адлерберга, генерала-адъютанта Ростовцева и статсъ-секретаря Шторха, которые лично посѣтили пансіонъ и присутствовали на экзаменѣ учениковъ. Пансіонъ въ 1859 году удостоился великой милости: отъ Императорской Фамиліи дано было Всемилостивѣйшее пособие въ 2700 руб. и кромѣ того присланъ еще особый конвертъ отъ Государыни Императрицы съ 300 рублями. Хотя великою Царскою милостью дѣла пансіона значительно поправилась, но принимая во вниманіе, что въ Петербургѣ существовало уже казенное училище для глухонѣмыхъ, а въ Москвѣ такого не было, Иванъ Карловичъ задумалъ перевести свой пансіонъ въ Москву. По полученіи на то разрѣшенія отъ Московскаго генералъ-губернатора Павла Алексѣевича Тучкова,—пансіонъ глухонѣмыхъ открытъ былъ въ Москвѣ въ

1860 году, 24 апрѣля. Въ день открытія, училище не имѣло ровно никакихъ средствъ, но вскорѣ генералъ-губернаторъ Тучковъ помогъ училищу выдачею 2000 р., а вслѣдъ затѣмъ оказана была помощь щедротами Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. Послѣ того явилось много благотворителей, которые составили Комитетъ для управленія хозяйственною частью и для изысканія средствъ къ упроченію полезнаго учебнаго заведенія, такъ что за Арнольдомъ осталось только завѣдываніе учебною частью. Наконецъ выработанъ былъ уставъ училища, который Высочайше утвержденъ 3 января 1869 г. Училище поступило подъ покровительство Московскаго Городскаго Управленія и названо Арнольдскимъ училищемъ для глухонѣмыхъ дѣтей. Нынѣ существованіе училища обезпечено солиднымъ капиталомъ, ежегодными взносами благотворителей, имѣетъ прекрасный домъ, противъ Донскаго монастыря, и тамъ воспитываются до 130 глухонѣмыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Отъ усиленныхъ трудовъ, здоровье основателя разстроилось: арніе пригнулось, въ ногахъ образовалась невралгія и ревматизмъ, и онъ вынужденъ былъ оставить заведеніе съ конца 1866 года, а въ 1869 г. переселился въ С.-Петербургъ, получивъ отъ училища ежегодную пенсію въ 900 руб. Послѣдніе 4 года Иванъ Карловичъ не владелъ ногами, его и въ комнатахъ и на улицѣ возили на перекатномъ стулѣ; остальная часть тѣла сохранилась совершенно здоровою и онъ до послѣдняго дня находился въ полномъ разумѣ и не переставалъ трудиться на пользу глухонѣмыхъ. Петербургскіе глухонѣмые, и молодые и старые, часто посѣщали его и общеніе съ ними было вышее для него отрадою. Уже 24 апрѣля онъ предчувствовалъ скорый свой конецъ и пожелалъ быть соборованнымъ, что и было исполнено, а 26 апрѣля утромъ онъ спокойно почилъ.

Иванъ Карловичъ Арнольдъ. († 26 апрѣля 1891 г.).
Съ фот. Коссаковского, грав. Шюблеръ.

Японскій ибисъ (*Ibis Nipon*). (Рис. на этой стр.)

Вотъ какъ описалъ эту великолѣпную птицу покойный Н. М. Пржевальскій, добывшій для своей коллекціи 5 экземпляровъ японскаго ибиса на рѣкѣ Сунгачѣ въ Усурійскомъ краѣ:

„Родной братъ знаменитой священной птицы древнихъ египтянъ, этотъ ибисъ чрезвычайно красивъ. Достигая въ размахѣ крыльевъ до 4-хъ футовъ, онъ имѣетъ синюю, верхнюю часть шеи и хохолъ пепельно-голубоватаго цвѣта, низъ тѣла блѣдно-розоваго, а крылья огненно-красныя; передняя, голая часть головы и ноги кирпично-красныя; длинный же согнутый клювъ черный съ ржавчино-краснымъ концомъ.

„Подобно всѣмъ прочимъ воднымъ и голенастымъ, ибисы съ прилета и до тѣхъ поръ, пока не начнутъ таять болота, держатся по берегу Сунгачи, обыкновенно въ сообществѣ другихъ птицъ, всего чаще бѣлыхъ и сѣрыхъ цапель, на чуткость и осторожность которыхъ могутъ вполне положиться. Съ конца марта ибисы откочевываютъ на болота, но вскорѣ удаляются отсюда и разбѣгаются для вывода молодыхъ по небольшимъ рощамъ, расыпаннымъ, подобно островамъ, среди здѣшнихъ непроходимыхъ болотъ. Тамъ они устраиваютъ гнѣзда на деревьяхъ. Голосъ ибиса весьма неблагозвученъ и очень похожъ на карканье вороны, только нѣсколько громче и грубѣе. Послѣ вывода молодыхъ, ибисы скитаются небольшими партиями по берегу озеръ и рѣкъ, проводя такимъ образомъ все лѣто до осенняго отлета“.

Японскій Ибисъ (*Ibis Nipon*). Рис. А. Земцовъ, грав. М. Рашевскій.

Политическое обозрѣніе.

Тройственный союзъ возобновленъ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Брюссельская *Nord*, фактъ этого возобновленія не могъ произвести особенно глубокаго впечатлѣнія, такъ какъ къ тройственному союзу уже успѣли приглядѣться и возобновленіе его шло исподволь.

Характерныя заявленія о союзѣ въ итальянской палатѣ депутатовъ и сенатѣ, о засѣданіяхъ которыхъ мы сообщали въ прошломъ номерѣ; но еще болѣе занимательны сообщенія нѣкихъ газетами описанія этихъ засѣданій, свидѣтельствующихъ о безобразіяхъ, до какихъ можетъ доходить парламентская жизнь. По словамъ *Нового Времени*, задолго до открытія засѣданія 16 (28) іюня, трибуны были переполнены, дипломатическій корпусъ былъ въ полномъ сборѣ и на лицо

было уже болѣе 400 депутатовъ—фактъ почти безиримѣрный въ лѣтописяхъ Монте-Читоріо, гдѣ для обсужденія самыхъ общепользовныхъ законовъ трудно собрать силою и рядомъ даже 250 человекъ. Правительство опасалось, повидимому, шумныхъ уличныхъ манифестацій, потому что численность военнаго караула при Монте-Читоріо была удешагерена и были приняты вообще обширныя мѣры полицейской и военной предосторожности.

Любителямъ парламентскихъ скандаловъ не пришлось разочароваться. Тотчасъ по открытіи засѣданія

начались крики и шумъ. Обсуждался вопросъ, какому изъ запросовъ: овѣншней или внутренней политикѣ, должно быть отдано преимущество. Президентъ Бланкерн объявилъ, что онъ даетъ слово Бринну объ иностранной политикѣ. На скамьяхъ лѣвой раздаются неистовые протесты: „Эхъ вы, чижикъ! кричатъ президенту,—неужели вы не замѣчаете правительственнаго фокуса!“ Бринъ, хочетъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ, но ему не даютъ говорить и обзываютъ „швейцарскимъ адмираломъ“ (Бринъ не морякъ, хотя и былъ морскимъ министромъ). „Ругайтесь сколько хотите — возражаетъ Бринъ, а я буду ждать спокойно министерской деклараціи!“ Слова эти встрѣчены настоящимъ ревомъ; образованная вокругъ Каваллотти группа топаетъ ногами, шикаетъ, свиститъ. Пантано, обращаясь къ большинству, кричитъ: „Лаццарони! Сволочь! Липемѣрная челядь! Холопы австрійскіе! Вонъ съ вашими черножелтыми кокардами!“

Посреди такого шума, что даже стенографы не могли точно воспроизвести его слова, глава кабинета читаетъ декларацію, переданную уже по телеграфу. Хотя декларація эта состоитъ изъ немногихъ словъ, ее неоднократно прерывали криками: „Молчать! Вонъ его! Безмозглая банка!“ Когда маркизъ ди-Рудини кончилъ, вся палата, за исключеніемъ крайней лѣвой, неистово шикавшей, разразилась аплодисментами. Нѣсколько членовъ крайней лѣвой спустились внизъ, подбѣжали къ министерскому столу и стали осыпать ди-Рудини отборными ругательствами, которыми такъ богатъ итальянскій языкъ. Когда, наконецъ, спокойствіе нѣсколько возстановилось, Колояни заявилъ, что „въ виду гнуснаго поведенія большинства“, онъ отказывается отъ предоставленнаго ему слова. Новый шумъ, президентъ призываетъ Колояни къ порядку и даетъ слово де-Мартино.

Де-Мартино долженъ былъ говорить по вопросу, ничего обиднаго со злобою дня не имѣющему, именно о новомъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ въ Неаполь, а потому можно было ожидать, что никакихъ новыхъ инцидентовъ не послѣдуетъ. Но де-Мартино имѣлъ неосторожность начать рѣчь своими словами: „Изъ чувства патриотизма и воздержусь отъ оцѣнки поведенія крайней лѣвой и г. Кавалотти въ особенности, приличествующаго развѣ только уличнымъ мальчишкамъ...“ Эта выходка вызвала такую сцену, передъ которою всѣ предшествовавшія были невиннымъ дѣтскимъ лепетомъ. Крайняя лѣвая спустилась внизъ словно лавина, а Кавалотти, крича: „Кавалотти, каторжникъ! я тебя проучу!“ бросился на де-Мартино. Сидѣвшій рядомъ съ послѣднимъ Соннино пустилъ въ лицо Кавалотти толстый свертокъ экземпляровъ „очереднаго порядка“. Другой депутатъ правительственной партіи крикнулъ Кавалотти: „Viffone!“ Кавалотти окончателно расвибрился, оставилъ де-Мартино, въ котораго онъ уже вдѣбился, и бросился на Соннино, выступившаго ему навстрѣчу, но въ суматохѣ натолкнулся на де-Марію, оставившаго свое мѣсто съ похвальной мыслью рознять драчуновъ. Кавалотти, который очень близорукъ, принялъ де-Марію за Соннино и далъ ему пощечину пощечину. Де-Мартино схватилъ за плечи Кавалотти и сбросилъ его со ступени. Тутъ завязалась общая драка. Коппино, Повантелли, Фратти и нѣкоторые другіе были брошены на полъ и порядкомъ избиты. Около двухсотъ депутатовъ дрались и ругались въ залѣ засѣданія, которое дѣйствительно въ этотъ моментъ напоминало арену и бой гладиаторовъ. Дамскія логи мгновенно опустѣли, на общихъ трибунахъ тоже происходили столкновения и изъ трибуны журналистовъ доносились раздражающіе крики. Это

были бывшіе депутаты и нынѣ публицисты Маркони и Монета, которые сдѣбались и нещадно тузили другъ друга. Эти дикія сцены продолжались около двадцати минутъ. Въ австрійскомъ рейхсратѣ произошло тоже небезинтересное событіе. Депутатъ Вашатый пронесъ тамъ рѣчь противъ тройственнаго союза, причемъ совѣтовалъ Австріи вступить въ союзъ съ Россіей. Ораторъ сказалъ, что у Австріи нѣтъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, Россія же имѣетъ историческое право на Константинополь. По мнѣнію Вашатаго, сближеніе Австріи съ Россіей повело бы также и къ улучшенію польско-русскихъ отношеній. Депутатъ Тильшеръ поспѣшилъ заявить отъ имени младочеховъ, что Вашатый высказалъ лишь свои личные взгляды. Газеты посвящаютъ сегодня передовыя статьи рѣчи Вашатаго, оспаривая ее или стараясь выставить ее въ смѣшномъ видѣ. Вашатый отправился въ Чехію, чтобы удостовѣриться, соотвѣствуютъ ли его „личные“ взгляды взглядамъ его избирателей, и по возвращеніи изъ Праги и при появленіи въ рейхсратѣ, былъ привѣтствованъ младочехами самымъ радушнымъ образомъ. Русскія газеты, отмѣчая событіе въ рейхсратѣ, сдѣлали нѣсколько справедливыхъ замѣчаній о двойственности поведенія младочеховъ, на что *Народные Листы* возражаютъ, что русскія газеты были неправы (!), когда порицали чеховъ. Слова Вашатаго, прибавляетъ газета, — не были признаны несоотвѣтствующими чувствамъ чеховъ; напротивъ, чешскій клубъ и весь Чешскій народъ согласился съ Вашатымъ. Заявление же Тильшера относилось только къ нѣкоторымъ фактическимъ вопросамъ. Чешскій народъ, говорятъ *Народные Листы*, — не утрачиваетъ сочувствія къ Россіи. Пробужденіе чешскаго народа находится въ связи съ побѣдоносными дѣяніями Россіи.

1-й заемъ 1864 года.

53-й тиражъ 1 июля 1891 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.
25	2	500	2340	38	500	5261	18	1000	7861	10	500	10240	42	500	12740	42	1000
47	50	8000	2385	47	1000	5340	21	500	7927	33	500	10285	10	500	12796	24	500
53	43	500	2504	7	500	5373	18	8000	7931	48	500	10289	46	500	12846	36	500
60	32	500	2529	31	500	5374	49	500	7943	13	500	10412	23	500	12887	36	500
195	19	500	2633	20	500	5471	12	500	8032	42	500	10441	15	500	12899	11	500
257	10	500	2662	16	500	5555	36	500	8119	15	1000	10461	27	500	12932	45	500
264	39	500	2768	10	500	5670	18	500	8143	40	500	10466	47	500	13077	48	500
329	12	500	2775	47	500	5703	46	500	8191	19	500	10888	48	500	13088	26	500
392	17	500	2778	25	500	5787	47	500	8303	36	500	10723	26	500	13091	40	500
444	26	500	3021	31	500	5799	39	500	8423	7	500	10778	34	1000	13178	2	500
647	42	1000	3075	47	500	5865	23	500	8445	39	500	10846	34	500	13327	17	8000
938	20	500	3171	50	500	5890	17	500	8470	35	500	10878	48	500	13624	35	500
956	49	500	3209	6	500	6076	37	1000	8519	26	500	11112	41	500	13646	7	500
1009	25	500	3293	22	500	6143	1	500	8562	29	5000	11338	38	500	13664	28	500
1139	26	500	3321	33	500	6252	23	500	8710	39	10000	11342	14	500	13888	9	500
1188	15	500	3417	27	500	6264	19	500	8724	40	500	11354	16	500	13903	28	500
1206	23	500	3463	50	1000	6343	2	500	8765	13	500	11395	49	500	13916	44	500
1242	35	500	3541	4	500	6418	36	500	8794	30	500	11400	29	500	13974	13	500
1284	33	500	3541	32	500	6664	20	500	8941	39	500	11518	2	500	14007	21	500
1378	17	5000	3659	50	1000	6695	42	500	8982	30	500	11552	24	500	14020	34	500
1377	14	500	3720	31	500	6706	11	500	8990	38	500	11578	16	500	14049	35	500
1440	32	500	3834	7	500	6722	37	500	9083	34	5000	11598	48	500	14129	27	500
1462	45	500	3858	31	75000	6867	44	500	9083	48	500	11804	28	500	14134	5	500
1465	47	500	3910	47	500	6927	45	500	9095	40	500	11827	42	500	14190	17	500
1470	36	500	4285	8	500	7012	41	500	9097	2	500	11829	31	500	14291	15	500
1674	7	10000	4291	17	500	7015	25	1000	9354	6	500	11869	2	500	14307	10	1000
1732	11	500	4483	37	500	7024	2	500	9384	48	500	12072	32	500	14311	26	500
1758	1	500	4527	42	500	7106	8	500	9508	14	500	12130	49	500	14369	30	500
1883	10	500	4551	24	500	7214	47	500	9508	31	500	12169	5	8000	14406	16	500
1894	45	5000	4648	24	500	7312	21	500	9526	26	500	12260	28	500	14503	25	500
1903	34	500	4649	5	1000	7332	32	500	9642	44	500	12278	47	500	14508	41	500
1946	29	40000	4757	2	500	7484	14	500	9731	48	500	12392	41	500	14580	27	500
1998	8	500	4764	29	500	7495	27	500	9870	33	500	12516	31	5000	14692	41	500
2007	30	500	4771	17	500	7680	32	1000	9901	43	500	12535	26	500	14697	32	500
2038	15	500	4830	7	500	7717	5	500	10021	8	8000	12550	16	500	14728	14	500
2062	18	500	4897	3	500	7738	36	500	10087	23	500	12604	11	1000	14754	21	500
2154	44	500	5104	30	500	7760	31	1000	10187	24	500	12650	12	500	14781	47	500
2213	49	25000	5151	30	500	7841	46	500	10236	44	1000						

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

92, 282, 414, 531, 766, 927, 1011, 1764, 1987, 2854, 2955, 3199, 3341, 3546, 3563, 3709, 3775, 3944, 3954, 3958, 4260, 4443, 4455, 5166, 5745, 5927, 6235, 6496, 6745, 6759, 6858, 7139, 7402, 7828, 7869, 7995, 8072, 8112, 8164, 8311, 8410, 8745, 8825, 8843, 9062, 9252, 9358, 9378, 10246, 10418, 10582, 11018, 11481, 11535, 11836, 11866, 11927, 12063, 12179, 12470, 12641, 12687, 12975, 13209, 13249, 13519, 13698, 14531, 14717, 14998, 15099, 15370, 15646, 15759, 15793, 15950, 16461, 16986, 17042, 17078, 17473, 17764, 17803, 18022, 18038, 18202, 18333, 18595, 18652, 18888, 19169, 19291, 19313, 19493, 19501, 19960.

С М Ъ С Ъ.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, VI Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества устраиваетъ четвертую электрическую выставку, которая будетъ открыта 15 декабря и продолжится три мѣсяца. Предметы, допускаемые на выставку, распредѣляются на слѣдующія группы: *Группа 1-я:* Источники и преобразователи электрической энергіи: а) Магнито- и динамо-электрическія машины, трансформаторы, электрическіе двигатели. б) Передача и распределеніе работы. в) Батареи съ принадлежностями; вторичныя батареи; термо-электрическія батареи. *Группа 2-я:* Кабели, проводники и ихъ принадлежности: предохранители, выключатели, коммутаторы и пр.; проекты, чертежи и планы. *Группа 3-я:* Электрическое освѣщеніе и принадлежности

къ нему: лампы, фонари, прожекторы и проч. *Группа 4-я:* Телеграфія, телефонія и сигнализатія. *Группа 5-я:* Измѣрительные и регулирующіе приборы. Примѣненіе къ метеорологіи, астрономіи и геодезії. Научные приборы и чертежи. *Группа 6-я:* Примѣненіе электричества къ химіи, металлургіи, гальванопластики, механики, горному дѣлу, культурѣ растений и пр. *Группа 7-я:* Примѣненіе электричества къ медицинѣ и хирургіи. *Группа 8-я:* Источники механической энергіи, котлы, паровыя машины, газовыя, гидравлическіе и др. двигатели, примѣнимыя къ электротехникѣ. Всѣ учрежденія и лица, желающія принять участіе на выставкѣ, получаютъ отъ распорядительнаго комитета установленныя бланки для подачи заявленій и для накладныхъ. Комитетъ увѣдомляетъ экспонентовъ

о своемъ постановленіи не позже, какъ черезъ 15 дней по поступленіи заявленія. Экспоненты платятъ за помѣщеніе, которое будетъ имъ отведено, а также и за паровую силу, необходимую для приведенія въ дѣйствіе ихъ экспонатовъ. Приемъ вещей въ помѣщеніи выставки начнется: а) Громоздкихъ предметовъ, требующихъ продолжительныхъ работъ по установкѣ (паровые котлы и машины) съ 1 августа 1891 г. б) Всѣхъ остальныхъ предметовъ съ 15 ноября того же года. Всѣ вещи должны быть распакованы и установлены къ 1 декабря 1891 г. Заявленія о желаніи принять участіе на выставкѣ адресуются въ Императорское Русское Техническое Общество, распорядительному комитету IV электрической выставки, С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 2.

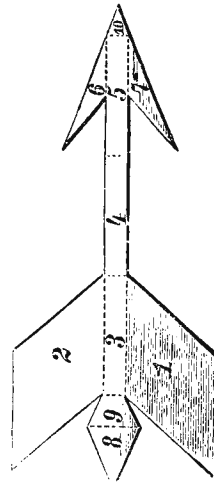
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

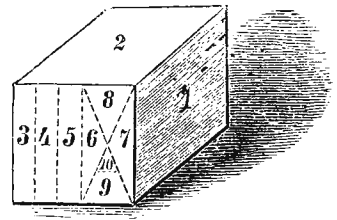
СОДЕРЖАНІЕ: Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. П. Н. Полеваго. Ч. II. (Продолженіе). - Говорите правду! Переводъ съ англійскаго. Окончаніе. - Къ рисункамъ: Видъ изъ Сергѣевского парна (съ рис.). - Пастушка и пастушокъ (съ 2 рис.). - Заброшенная кукла (съ рис.). - Князь Серебряный на судѣ у Иоанна Грознаго (съ рис.). - Триниитъ (съ рис.). - Иванъ Карловичъ Арнольдъ (съ портр.). - Японскій ибисъ (Ibis Nipon) (съ рис.). - Полигическое обозрѣніе. - Тирьякъ выигранный въ Государственномъ Банкѣ. - Смѣсь. - О перемѣнѣ адреса. - Рѣшеніе геометрической задачи. - Объявленія. - При семъ не прилагаются „ПАРИЖСКІЙ МОДЫ“ за Іюль 1891 г., съ 33 рис. и отдѣльн. листъ съ 29 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 23 рисунками выпилныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Рѣшеніе
геометрической задачи № 18
(помѣщенной въ № 10).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.:
СПб.: - Коробова, А. А. Феоданова; Динабургъ -
М. Загера, Налуга - С. П. Соколова, Мелитополь -
А. Кузана.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

V. № 4754 28 - 22

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться писемно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59 - 57, соб. домъ.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
УДОСТОВЕРЕННЫЙ
СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЛЮ
НА ВСЕРОССІЙСКОЙ
ВЫСТАВКѢ 1882 г.

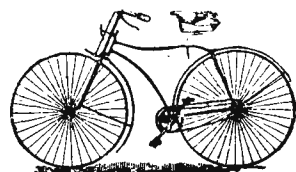
А. СІУИКО
ПАРФЮМЕРІА
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.

ПРЕСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

Только что отпечатанъ и поступилъ въ продажу
АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ
ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА
составленный Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.

ИЗДАНИЕ 2-е, дополненное новыми рисунками. Цѣна въ литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 к. Съ требованіями обращаться въ СПб.-гь, въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

Тѣло соляное купанье **КУПАНЬЕ ГАЛЛЪ.** Верхняя Австрія.
Лѣчебное приспособленіе (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ).
Ц. № 5177. Весьма благоприятныя климатическія условія. 4-3
Железнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай.
СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-ое сентября.
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаются бесплатно.
Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЪ.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКУРТЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЬ“.

Всякаго рода двухъ и трехъ-колесныя велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Июмень“ (подушка) и „инематическіи“. Имуть агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18 - 9

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
К. К. МАЗИНГА, въ Москвѣ,

между Воздвиженкой и Знаменкой, Ваганьковской переулочкѣ, пользуется всеми правами казенныхъ реальныхъ училищъ № 5218 и состоитъ изъ 6 классовъ основнаго и коммерческаго отдѣленій и химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса. Во всѣхъ классахъ воспитанники принимаются проходящими и пансіонерами. Въ приготовительное отдѣленіе принимаются воспитанники съ 8 лѣтъ. Начало приемныхъ экзаменовъ 8 августа. Начало ученія 16 августа.

COSMETICUM

(кюльд-кромъ въ сухомъ видѣ)
изъ химич. пригот. жира Physel. macroceph. L.
косметика А. УРБАНЪ.

Цѣна за короб. 50 к., съ перес. 75 к.
употребляется для нѣжности кожи лица.
Бальзамич. жирная личная пудра ВІРГІНІЯ,

эта пудра составлена исключительно изъ растительныхъ веществъ и имѣетъ то преимущество, что не содержитъ примѣси металла. окисей, плотно прилегаетъ и незаметна при дневномъ свѣтѣ.
Цѣна за короб. 60 к., съ перес. 85 к.
Продается въ Косметическ. и Аптекарск. магазинахъ. Главн. складъ для Россіи у Вас. Аурихъ, СПб., Колокольная. 18-19.

ЛЕПШИНСКІЙ И ГРОЗНИЦКІЙ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405
Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы. дѣлать: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и раны. Невскій 102. Отъ 1-3 и 6-7 2 ч. и

ОТКРЫТА
ПОЛУГODOВАЯ ПОДПИСКА
НА
НОВОСТИ ДНЯ,
ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ,
СЪ ПОРТРЕТАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Во второй половинѣ 1891 года производится помѣстить рядъ беллетристическихъ произведеній, въ числѣ которыхъ имѣются „Дилетанты“ - повѣсть Блаж. Ив. Пемировича-Данченко, „Страховая премія“ - повѣсть П. М. Невжина, „Подъ тѣнью замоскворѣцкихъ садиновъ“ - повѣсть А. М. Назутор. очеркъ Д. С. Дмитриева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
ВЪ МОСКВѢ:
На 6 мѣсяцевъ 5 руб.
НА ГОРОДА:
На 6 мѣсяцевъ 5 руб. 50 коп.
ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ съ 1-го числа каждаго мѣсяца въ главную контору „Новостей Дня“: Москва, Мясницкая, д. Сытовскихъ.

ПРЯЖКА-ПОДТЯЖКА.

Замѣняетъ вполнѣ ремни и подтяжки. Легко самому придѣлать. Удобныя, красивыя, практичныя и прочныя ремни и подтяжки вообще. Необходима для всѣхъ брюкъ. Цѣны: 1 шт. 65 к., 3 шт. 1 р. 75 к., 6 шт. 3 руб. Перес. до 8 шт. 1 ф. Пер. налож. плат. (3) С.-Петербургъ, Невскій пр. № 20.

№ 4711
WEISSER FLIEDER
(LILAS BLANC)
БѢЛАЯ СИРЕНЬ
„PEAU D'ESPAGNE“
„ГОЛЬДЛАКЪ“.

НОВѢЙШЕ ЛЮБИМЕ ОСОБЕННО КРѢПКІЕ ДУХИ.
Можно получать почти во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Просить при покупкѣ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку

8-5 **№ 4711.** Ц. № 5229

Косметическая невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Н. С. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Н. С. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

**ЛУЧШАЯ ВЪ МИРѢ
ГАРМОНИИ**

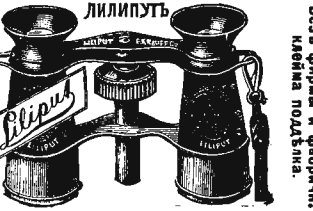
Фабрики **И. Ф. КАЛЬБЕ.**

Однорядныя: въ 4, 5, 5½, 7, 7½, 8, 8½, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двурядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и въскія въ 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и въскія въ 30, 50 и 75 р.
Самоучитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
Гармоніи можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строя.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
По полученіи задатка приблизительно ½ стоимости заказа, инструментъ высылается съ надлежащимъ платежемъ на остальную сумму.
Иллюстр. прейсъ-курантъ бесплатно.
Продажа оптомъ и въ розницу.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 5253
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

Безъ формы и фабричн. мѣтканъ поддѣлка.
со шпуръ. въ замповомъ кошелькѣ. и р. 50 к. съ перес. въ предѣл. Европ. Россіи 9 — — —
въ Азіатск. Россіи 9 — — —
„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполне замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и Ко. 5251
Спеціальн. фаб. оптич. инструментовъ
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4. (2-1)
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 42
Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылается бесплатно.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ **С. СТУДЪКО**
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГРОДЪХЪ РУССІИ
ПРЕДЛОЖАЕМЪ ОТЪ ПОЛНОМЪ ОУПРАВЛЕНІЯ НАШЕЙ ФАБРИКИ
ПЕРВОЕ МѢСТО

НАСТОЯЩЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (ВѢТЪ)
ПЕРВОЕ МѢСТО
Ж. БЛОКЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ

Оканчивается печатаніемъ и поступить въ продажу 16 юля 1891 г.

**ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,**

изданное А. Ф. Марксомъ, подъ редакціею А. И. Введенскаго, съ біографіею и гравированнымъ на стали портретомъ Лермонтова.

Многіе изъ Гг. подписчиковъ „Нивы“ выразили желаніе, сверхъ обѣщаннаго имъ въ премію экземпляра полнаго собранія сочиненій ЛЕРМОНТОВА, приобрести таковое. за известную плату, отдѣльно отъ журнала. Въ виду этого, мы посѣщали, до изготовленія всего количества потребнаго въ премію подписчикамъ, отпечатать пока нѣсколько тысячъ экземпляровъ сочиненія для отдѣльной продажи. Желая дать дѣйствительно полное собраніе сочиненій нашего поэта, мы не остановились ни передъ какими матеріальными затратами. Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ известное по рукописямъ или печатному тексту, а **многое впервые появляется въ печати.** Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе исправленное, тщательно сверенное съ рукописями или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома in 8°, объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1273 страницы).

- Содержаніе 1-й части: Предисловіе, біографической очеркъ, стихотворенія 1828—1841 гг. (307 стран).
- 2-й части: Поэмы и примѣчанія къ 1 и 2 ч. (374 стран).
- 3-й части: Проза (272 стран).
- 4-й части: Драмы, письма М. Ю. Лермонтова, примѣчанія къ 3 и 4 ч. и алфавитный указатель къ соч. Лермонтова (320 стран).

Такимъ образомъ, предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной внѣшности займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цѣна за экземпляръ полнаго собранія сочиненій **1 р. 50 к.**, а съ перес. **2 руб.** Въ двухъ колѣнкоровыхъ, тисненыхъ красками, переплетахъ **2 руб.**, а съ пересылкою **2 руб. 50 коп.**

Съ требованіями просить обращаться въ Спб., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

**СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“**

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденомъ въ 1881 г.
на **НОВЫХЪ** и **ВЫГОДНЫХЪ** условіяхъ:

Примѣръ: Отецъ семейства 30-ти лѣтъ отъ роду страхуетъ 10,000 рублей съ тѣмъ, чтобы эта сумма была выдана его женѣ или дѣтямъ немедленно послѣ его смерти. За такое страхование онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 82 р. 29 к. и пользуется при этомъ слѣдующими выгодами:

1. По истеченіи третьяго года страхованія взносы премій значительно уменьшаются, вслѣдствіе вычета дивиденда, отъ участія страхователей въ прибыляхъ Общества.
2. Застрахованное лицо, по достиженіи имъ 60-ти лѣтняго возраста, получаетъ само половину означеннаго капитала, т. е. 5,000 руб., и затѣмъ прекращаетъ дальнѣйшую уплату премій; но при этомъ страхование въ 10,000 руб. въ пользу семейства сохраняется и впредь полную свою силу. Дивидендъ страхователей въ 1891 году составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, соб. д. № 37) и въ Агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА
Вс. С. Соловьева.

Романъ - хроника XVII вѣка. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. II.
Цѣна 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп., въ колѣнк. переплетѣ 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

**ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ**
Спеціалістъ хронометровъ. Спбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотекъ. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 517-2 20-6

ГУБЕРНАНТИ И ГУБЕРНЕРЫ
(русскіе и иностранцы) рекомендуются дамой-англичанкой, ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЕЙ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки.
Рекомендующая, въ силу своей профессіи, имѣетъ возможность оцѣнить рекомендуемыхъ.
П. № 4923 12-7
Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. Шлиппингъ, кв. № 8, г-жѣ БЮРО.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРЪ“
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главн. складъ у Г. Голлендеръ, Демиdorf пер., № 1. С.-Петербургъ. № 5188 (10)

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ 20-15
10, 15, 25 р. и дороже.
Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-кур. бесплатно.
К. И. ФРЕЛАНДЪ.
Москва, Мясницкая, уголъ Брвокозьянаго пер., д. Соколова.
С.-Петербургъ, Невскій пр. № 30-16.

**ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ (7)**
Для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: Спб., Демиdorf п., д. № 1.

ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА „ЛУИ БУНСЬИКО“
ПЕРВОКЛАССНАЯ ФАБРИКА
ПЕРВЫЙ ВОСКЪ МОСКВА Д. СОБОЛЬНИКОВА

**КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА ВЪ ВѢВѢ**
ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРЕХОВЪ.
Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черныя, русыя, темныя и свѣтло-каштановыя цвѣта. 18-14
Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Европ. Россіи
Главн. складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 К. ПРОДАЕТСЯ ВСЕГДѢ.

ПИСЬМАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“
Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 28

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣт 13 июля 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫПРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шпр.
стран) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Navas по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у
Adolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Видъ главнаго дома на Нижегородской ярмаркѣ. Съ фот. Дмитриева, грав. Рашевскій.

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Два три дня спустя, на Лобной площади, около Лобнаго мѣста, стояли большія толпы народа. Вся площадь сплошь была ими занята, такъ что яблоку негдѣ было упасть. На Лобномъ мѣстѣ стояло духовенство и стольники царскіе, а стрѣльцы, поставленные въ два ряда, отъ Лобнаго мѣста къ Фроловскимъ воротамъ, охраняли путь, по которому должны были слѣдовать изъ Кремля бояре и самъ патріархъ Іовъ. Густая толпа народа окружала Лобное мѣсто, и стояла молча, въ ожиданіи того, что скажутъ бояре и патріархъ; но подалеже отъ Лобнаго мѣста въ народѣ шли оживленные толки и споры.

— Что они говорить-то стануть? спрашивалъ одинъ посадскій у другаго.

— Да что? Войну съ Литвой затѣваютъ что-ли...

— Давно не воевали!.. Али кони у нихъ на конюшнѣ застоялись?

— Какая тамъ война! Не о войнѣ говорить будутъ, а о новомъ уложеніи. По крестьянству, бають, тяготы большія...

— Все врутъ, что ни бають! Объявлять будутъ о ворѣ, что въ Польшѣ проявился...

— Что-жъ это за воръ такой? Изъ какихъ же онъ будетъ?

— А такой-то воръ, что величается Дмитриемъ царевичемъ.

— Ахъ онъ злодѣй! Да какъ же онъ смѣеть?

— Чего смѣеть!.. А ты почему знаешь, что онъ злодѣй?

— Какъ же не злодѣй!.. потому обманщикъ!

— А тебѣ это кто сказалъ?.. Можетъ, онъ точно царевичъ!

— Эхъ, вывезъ! Чай люди добрые видѣли, какъ царевича на Угличѣ убили, и въ гробъ положили!..

— То-то въ гробъ! У насъ на селѣ бояринъ чучелу съ огорода въ гробу хоронилъ, да еще и попу отпѣвать велѣлъ...

— Тсс... Тише, вы тамъ!.. Идутъ, идутъ!

Вся масса народа смолкла и заколыхалась, сближаясь къ Лобному мѣсту, на которое всходили бояре, а за ними и самъ патріархъ со своимъ причтомъ.

Всѣ разомъ сняли шапки.

— Слушайте, слушайте! пропеслось въ переднихъ рядахъ толпы.

— Православные! такъ началъ патріархъ.—Вамъ и всему міру христіанскому вѣдомо, что князя Дмитрія Ивановича не стало тому теперь 14 лѣтъ, и что лежитъ онъ на Угличѣ въ соборной церкви; и отпѣвалъ его Геласій митрополитъ со всѣмъ соборомъ. На погребеніи его была и мать царевича, и дяди, и князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ товарищи отъ великаго государя въ Угличѣ посланные... И вотъ теперь слышимъ, что страдникъ и воръ, бѣглый чернецъ Гришка Отрепьевъ, въ Польшѣ проявился и называется тамъ княземъ Дмитриемъ Углицкимъ. Былъ тотъ Гришка въ чернецахъ въ Чудовомъ монастырѣ, да и у меня, Іова патріарха, во дворѣ для книжнаго письма былъ взятъ; а послѣ того сбѣжалъ въ Литву, отвергся христіанской вѣры, иноческій образъ поправилъ, чернечское платье оторвалъ, уклонился въ латинскую ересь, впалъ въ чернокнижіе и волшебство—и по призыванію бѣсовскому, и по вѣроломству короля Жигимонта и литовскихъ людей сталъ Дмитриемъ царевичемъ ложно называться. И то не явное-ли воровство и бѣсовскія мечты? Статочное-ли дѣло, чтобы князю Дмитрію воскреснуть изъ мертвыхъ прежде общаго воскресенія? И

вотъ все сіе уразумѣвъ, мы того разстригу Гришку и всѣхъ, кто станеть на него прельщаться и ему вѣрять—нынѣ здѣсь, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, соборно и всенародно проклинали и впередъ проклинать велѣли. Да будутъ они всѣ прокляты въ семь вѣкѣ и въ будущемъ!

Окончаніе рѣчи патріархъ произнесъ какъ можно громче, изо-всѣхъ силъ, напрягая свой голосъ и отчетливо выговаривая каждое слово. Вслѣдъ за патріархомъ, толстый и громадный патріаршій протодіаконъ возгласилъ громовымъ голосомъ на всю площадь:

„Гришкѣ Отрепьеву и всѣмъ пособникомъ его... *анаема!*!“

„Ана-е-ма!“ загудѣлъ патріаршій хоръ среди мертваго молчанія толпы.

И только смолкли послѣдніе звуки страшнаго церковнаго проклятія, изъ толпы бояръ вышелъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Толстая, неуклюжая и небольшая фигура его была по грудь прикрыта каменною оградкою лобнаго мѣста, изъ-за которой выставлялись только плечи его и голова, въ высокой боярской шапкѣ; видимо взволнованный, князь безпрестанно поглаживалъ и перебиралъ свою жиденькую бородку, высоко поднималъ брови и усиленно моргалъ красными вѣками своихъ подслѣповатыхъ глазъ. Поклонившись народу на всѣ четыре стороны и осѣнивъ себя крестомъ, князь началъ такъ:

— Православные! При блаженной памяти великомъ государѣ Феодорѣ Ивановичѣ постигло царскую семью горе тяжкое: скончался въ Угличѣ братъ царскій, царевичъ Дмитрій Ивановичъ. Черною немочью страдалъ младенецъ издавна, и когда на него та немочь находила, то онъ въ ней и падалъ, и о землю въ корчахъ бился... Отъ того ему и смерть приключилась: игралъ съ жилецкими робятками на дворѣ въ тычку ножомъ, и нашелъ на него, Божьимъ попущеніемъ, его недугъ... Да мама съ кормилицей не досмотрѣли... а матери и дядевъ не было... и не уберегли — на ножъ наткнулся младенецъ, и Богу душу отдалъ...

Шуйскій замаялся, усиленно заморгалъ глазами и добавилъ набожно:

— Упокой, Господи, его душу!

Въ толпѣ также многіе стали креститься.

— Въ ту пору, православные, продолжалъ Шуйскій, послѣ нѣкотораго молчанія,—я былъ великимъ государемъ посланъ въ Угличъ, розыскать доподлинно о смерти царевича Дмитрія. Со мною поѣхали: митрополитъ Геласій и дьякъ Андрей Клешининъ. Заклинаюсь Богомъ Всемогущимъ и Всевѣдущимъ и Троицею Пресвятою въ томъ, что мы царевича Дмитрія нашли въ гробу... въ соборѣ... отпѣли честно... въ могилу, около столпа соборнаго, гробъ опустили... и накрыли плитою съ именованіемъ... Тамъ онъ и покоится понынѣ. И все то я видѣлъ самъ своими глазами, и совершилъ вотъ этими руками — ей-же ей-ей! И да накажетъ Богъ меня, да разразитъ — если я въ чемъ солгалъ предъ вами...

И князь Шуйскій опять перекрестился трижды.

— И вы не вѣрьте прелестямъ и всякимъ злоумышленіямъ польскихъ и литовскихъ людей, продолжалъ Шуйскій.—Они умыслили, преступивъ крестное дѣлованіе, сѣверской земли города въ Литвѣ оттагать, да хотять при томъ бѣсовскими умышленіями въ Россійскомъ государствѣ церкви Божія разорить, а на мѣсто ихъ коштелы латинскіе и кирки люторскія поставить, вѣру христіанскую пошатнуть, а васъ, православ-

ные, въ латынскую и люторскую ересь привести и погубить. И задумалъ король Жигмонть бѣлаго инока, завѣдомаго вора, по сатанинскому наущенію, называть княземъ Дмитріемъ. Вотъ его-то за ту измѣну и воровство, и ложное величанье именовъ блаженной памяти царевича Дмитрія здѣсь всенародно и проклялъ святѣйшій отецъ нашъ Іовъ патріархъ. Блюдитесь же и вы козней вражескихъ, да не впадете и вы въ клятву церковную... А я еще разъ свидѣтельствуюсь Богомъ и Пречистою Богородицею въ томъ, что истинный царевичъ Дмитрій, великій князь Углицкій, почіеть въ Угличѣ, въ соборномъ храмѣ, и что я самъ, при матери его и при родныхъ его, опустилъ въ могилу... И въ томъ цѣлую передъ вами Животворящій Крестъ.

И онъ снялъ свою высокую боярскую шапку и приложился ко кресту, который подаль ему самъ патріархъ.

Народъ въ глубочайшемъ молчаніи прослушалъ всю рѣчь Шуйскаго, прослушалъ съ напряженнымъ, но безучастнымъ вниманіемъ. Шуйскаго знали; помнили его суровый и пристрастный розыскъ въ Угличѣ—и плохо вѣрили его клятвамъ. Когда патріархъ съ духовенствомъ и боярами сошли съ Лобнаго мѣста и направились торжественнымъ шествіемъ обратно къ Фроловскимъ воротамъ Кремля, народъ сталъ расходиться съ площади въ разныя стороны, и въ отдѣльныхъ толпахъ судили на разные лады о томъ, что слышали съ Лобнаго мѣста.

— Обманщикъ, да воръ, такъ чего-жъ они переполошились! Лихое дѣло не всхоже: нечего было и тревогу подымать. А тутъ церковной анаемѣ предали... Былъ бы простой воръ—проклинать бы не стали!

— Да и кто ихъ знаетъ! говорили въ другой группѣ.—Этотъ влянется, божится, что онъ царевича Дмитрія въ гробъ клалъ, а другой говоритъ, будто онъ и убитъ не былъ...

— Какъ же не убитъ! Весь городъ видѣлъ!

— То-то вотъ оно! Весь городъ видѣлъ, а замѣсто царевича, быдто, другой убитъ... А царевича-то мать, быдто, укрыла...

— О-охъ, грѣхи! Грѣхи тяжкіе! покачивая головою, говорилъ старикъ.—Идутъ на насъ бѣды великія! Надвигается гроза грозная!

— А коли онъ, дѣдушка, точно царевичъ Дмитрій, коли онъ точно законный государь? допытывался у старика его внукъ, парнишка лѣтъ двѣнадцати.

— Нишкни ты, пострѣленокъ, что выдумалъ! Упекутъ ужъ тебя и съ закономъ туда, куда воронъ костей не заносилъ!

— Пусть себѣ Гришку Отрепьева проклинаютъ! говорили между собою, сворачивая съ площади на Ильинку, двое какихъ-то посадскихъ:—царевичу отъ этого лиха не станется. Надо писать ему, чтобы прислалъ сюда скорѣе своихъ людей, да грамотъ побольше о немъ разбрасывать въ народъ. Мудрено имъ будетъ противъ прироченнаго-то государя идти. Богъ не попуститъ!

XI.

Кто онъ?

Темно и тихо въ царской опочивальнѣ. Чуть теплятся лампады у иконъ, блистающихъ въ углу, въ богатыхъ кіотахъ. Въ сосѣдней комнатѣ, изъ-за полуоткрытой двери слышно мѣрное дыханіе и легкой храпъ царскихъ спальниковъ. Самъ царь Борисъ лежитъ на своемъ широкомъ рѣзномъ и раззолоченномъ ложѣ, на мягкихъ перинахъ и пуховыхъ изголовьяхъ; но сонъ не смыкаетъ его очей, не успокаиваетъ его отъ тревогъ, не проливаетъ елея на его сердечныя раны. Онъ тревожно ворочается съ боку на бокъ, пытается уснуть и убѣждается въ томъ, что заснуть не можетъ, потому что не можетъ отогнать отъ себя одной и той же не-

отвязной мысли, которая уже давно, ужъ цѣлый годъ грызетъ его и мучить и не даетъ ему покоя.

— Кто онъ?.. Кто онъ?.. Откуда вышелъ?.. Кѣмъ наученъ?.. Кѣмъ выставленъ супротивъ меня?—вотъ что постоянно шевелится въ душѣ царя Бориса, вотъ что ему мѣшаетъ жить, мѣшаетъ думать, вотъ что подрываетъ его здоровье, подкашиваетъ его силы.

— Кто онъ? Обманщикъ, самозванецъ?.. Чего онъ ищетъ? На что надѣется? Какъ дерзаетъ мыслить, что можетъ бороться со мной? Онъ—съ горстью сволочи къ рубежу идетъ, а я ему на встрѣчу шлю 80,000 войска! Я—царь на Москвѣ; а онъ—презрѣнный рабъ, холопъ боярскій, разстрига-иннокъ!..

И на минуту сознаніе своей мощи и силы, сознаніе ничтожества врага—успокаиваетъ Бориса; но червь сомнѣнія гложетъ и гложетъ его, и наводитъ постепенно на новыя черныя думы.

— Я—царь, да нѣтъ кругомъ меня ни одного-то вѣрнаго слуги! Да, я ни на кого положиться не могу... Некому довѣриться... Я выслалъ войско къ рубежу, и трепещу теперь за воеводу, какъ бы они не измѣнили. А у него, у вора, у обманщика-разстриги, и горсть людей—да вѣрныхъ, да надежныхъ! Охъ, если бы мнѣ выискать да вѣрнаго слугу, который бы не выдалъ... А у того всѣ слуги вѣрны, всѣ преданы!.. Два раза я подсылалъ къ нему убійцъ—и убійцъ надежныхъ... Ни разу не удалось имъ и близко подойти! Вотъ какъ его хранять... А я, куда ни оглянусь, вездѣ только и вижу предательство, измѣну, подкупъ, корысть. Ахъ, если бы я могъ, какъ царь Иванъ, всѣхъ ихъ—да подъ одинъ обухъ! Да окружить себя опричиной, да отыскать такую собаку вѣрную, какъ тестюшка-то мой, Малюта!..

И мрачныя думы, какъ черныя вороны, вьются все чаще и чаще, все больше и больше, надъ смутною, темною душою Бориса, и онъ ни въ чемъ не видитъ себѣ ни опоры, ни утѣшенія:

— Ну, вотъ и прокляли его! Всенародно прокляли,—а что въ томъ проку? Народъ волнуется вездѣ—а завтра перейди онъ рубежъ, да кликни кличъ, да назовись царемъ законнымъ... Всѣ мои труды пропали! Да и кого мы прокляли—какого-то Отрепьева? А точно-ли онъ Гришка Отрепьевъ—кому то вѣдомо? Что, если точно... Дмитрій спасся отъ ножа? Что тогда?..

И Борисъ мечется по постели, и напрасно пытается уснуть—забыться, хоть на мгновенье... И злобно прислушивается онъ къ ровному дыханью и мирному храпу своихъ спальниковъ въ сосѣдней комнатѣ.

Измученный бессонницею, блѣдный, изнемогающій подъ тяжестью все той же неотвязной думы, все тѣхъ же опасеній за будущее, царь Борисъ поднялся съ постели полу-больной, слабый, раздраженный и съ трудомъ влачилъ на себѣ тяжкія обязанности своего царственнаго сана. Онъ почти не слушалъ тѣхъ докладовъ, которые по утрамъ принималъ отъ ближнихъ бояръ въ комнатѣ; онъ почти не молился, присутствуя у заутрени и обѣдни въ Благовѣщенскомъ соборѣ; онъ не принялъ своихъ приказчиковъ и дворецкихъ, которые пріѣхали въ Москву съ отчетомъ изъ разныхъ царскихъ селъ и подмосковныхъ усадебъ. Только съ докторомъ-нѣмцемъ онъ долго говорилъ и совѣщался у себя въ опочивальнѣ. За обѣдомъ царь Борисъ едва коснулся двухъ-трехъ блюдъ изъ тѣхъ тридцати, которые были поданы ему на столъ, и безпрестанно требовалъ отъ кравчаго холодныхъ заморскихъ винъ и пилъ ихъ много, жадно, стараясь утолить какую-то невыносимую жажду, которая его снѣдала.

Подъ конецъ стола, Борисъ почувствовалъ дремоту и только хотѣлъ направиться въ опочивальню, какъ ему пришли сказать, что окольничій Семень Никитичъ

Рынокъ въ Мервѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Депо Стрѣльнинской частной пожарной команды князя А. Д. Львова.
Съ акварели В. Лорисъ-Меликовой (собств. „Нивы“), грав. Рашевскій.

Годуновъ вернулся въ Москву и просить дозволенія явиться немедленно. Царь приказалъ его позвать и заперся съ нимъ въ комнатѣ.

— Ну что? Привезъ ее? тревожно спросилъ онъ Семена.

— Привезъ.

— И никто не знаетъ, кого ты везъ? Никто не болтался на пути?

— Никто. Я самъ въ пути ни разу не засыпалъ, пока ее не засажу въ четыре стѣнки, подъ замокъ.

— А говорилъ-ли съ ней? Допытывался-ли на пути?

— Пыталъ я разговаривать съ нею, да ничего не допытался... Молчить. И слова не проронила за всю дорогу.

— Гдѣ же она теперь?

— Какъ я теперь ее привезъ, такъ сдалъ игуменъ въ Ново-Дѣвичьемъ; въ башнѣ угловой у нихъ есть келья крѣпкая... Туда она черницъ сажаетъ для смиренья. Окна высоко, и дверь съ желѣзными засовами...

— Какъ стемнѣетъ, вели къ Постельному крыльцу подать капитану крытую, да посади на-конь надежныхъ людей десятка три—мы съѣдимъ къ ней съ царицей и съ патриархомъ Говомъ... Оповѣсти его... Я самъ съ царицей допрошу ее!.. И... и дознаюсь правды!..

Часовъ пять спустя, въ ворота Новодѣвичьяго монастыря вѣзжали сани-розвальни, обитыя коврами, и двѣ крытыя каптаны, сопровождаемыя полсотней вершниковъ.

Изъ саней вышелъ патриархъ, въ сопровожденіи своего ризничаго, изъ каптанъ—царь Борисъ и царица Марья. Двое старыхъ монастырскихъ слугъ и сама игуменья встрѣтили позднихъ гостей на крыльцѣ, и, освѣщая путь ихъ фонарями, повели переходами прямо къ той кельѣ, въ которую утромъ того же дня была привезена и заключена какая-то таинственная узница. За патриархомъ шелъ его ризничій; за царемъ и царицей, какъ тѣнь, слѣдовалъ Семень Годуновъ. Всѣ остановились у двери съ желѣзнымъ засовомъ и тяжелымъ висячимъ замкомъ. Игуменья отперла замокъ, отодвинула засовы и впустила въ келью царя Бориса, царицу Марью и патриарха. Всѣ остальные остались за дверью.

Келья была довольно обширна, и лишь небольшое пространство ея было освѣщено двумя восковыми свѣчами въ мѣдныхъ шандалахъ, поставленныхъ на столѣ. Вездѣ по угламъ и подъ каменными сводами гнѣздилися мракъ. Около стола стояли простыя лавки, а около стѣны убогая кровать, на которой полулежала какая-то женская фигура въ темномъ иноческомъ одѣяніи. Когда застучали засовы и тяжелая дверь заскрипѣла, поворачиваясь на ржавыхъ петляхъ, узница быстро поднялась со своего ложа и выпрямилась во весь ростъ, внимательно глядя въ вошедшихъ. Она не сразу признала ихъ и разглядѣла лица только тогда, когда царь Борисъ, съ царицей Марьей опустились на лавку по одну сторону стола, а патриархъ сѣлъ по другую сторону.

Молча и не кланяясь вошедшимъ, узница долго и упорно смотрѣла имъ въ лицо, и взоръ ея, изъ-подъ низко-опущенной скуфы, горѣлъ страшною ненавистью.

Сурово и въ глубокомъ молчаніи смотрѣли на узницу и три незваныхъ гости. Тяжелое молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ, пока патриархъ не прервалъ его словами:

— Ты-ли инока Марѳа, въ мірѣ бывшая царицей Марьей?

— Нынѣ я инока Марѳа, а въ мірѣ я была несчастною царицей Марьей, твердо и съ достоинствомъ проговорила узница.

— Ты-ли мать царевича Дмитрія? продолжала допрашивать патриархъ.

— Да! У меня былъ сынъ Дмитрій. Но зачѣмъ ты

вспомнилъ о немъ?.. Зачѣмъ меня пытаешь? Вѣдь тебѣ же вѣдомо, что я мать Дмитрія, и что онъ мой сынъ...

— Инока Марѳа! Не мудруй и не вопрошай... Я стану вопрошать, а ты отвѣтствовать должна по послушанію церковному.

Узница не отвѣчала ничего.

— Инока Марѳа! Отвѣтствуй мнѣ какъ передъ Богомъ, какъ на страшномъ судбищѣ Христовѣ—гдѣ нынѣ твой сынъ?

— Мой сынъ!

— Да, твой сынъ Дмитрій!

Царь Борисъ и царица Марья такъ и выплились глазами въ инокиню Марѳу. Но та опустила голову—и ничего не отвѣчала.

— Да говори же! нетерпѣливо крикнулъ царь Борисъ, ударяя посохомъ въ каменный полъ.

— Нечего мнѣ говорить о томъ, что всему міру вѣдомо, мрачно отвѣчала инокиня.

Царь Борисъ вскочилъ съ мѣста и сказалъ трепеща отъ волненія:

— Именемъ Божьимъ заклинаю тебя, скажи мнѣ, гдѣ твой сынъ Дмитрій?

Инокиня бросила въ сторону царя взглядъ полный ненависти и презрѣнія, и громко воскликнула:

— Ты-ли не знаешь, гдѣ онъ? Ты-ли еще дерзаешь заклинать меня Божьимъ именемъ?..

— Я знаю только отъ другихъ, что сынъ твой... умеръ, и что онъ похороненъ... въ соборѣ въ Угличѣ... Но не знаю, онъ-ли точно?

— Мой сынъ не умеръ—это ложь! вскричала инокиня Марѳа.—Въ этомъ я свидѣтельствуюсь Богомъ и всѣми его святыми!

— Какъ?! Не умеръ?! почти одновременно воскликнули и царь, и царица, и патриархъ.

— Ты это знаешь, царь Борисъ! язвительно сказала инокиня Марѳа.—Вѣдь ты же самъ и подослалъ убійцъ! Самъ выбралъ злодѣевъ, самъ направилъ ихъ ножи!.. Пойди же, спроси у нихъ—умеръ-ли мой сынъ или зарѣзанъ? Пусть они тебѣ отвѣтятъ, а не я!

— Да что ты съ нею по-пусту слова теряешь! крикнула царица Марья.—Въ розыскъ ее—пытать ее вели! Небось заговорить, какъ стануть жечь калеными щипцами!

Инокиня Марѳа затрилась всѣмъ тѣломъ и растерянно проговорила:

— Въ розыскъ!.. Послѣ всѣхъ мученій... въ розыскъ? Да за что же? Чего вы отъ меня хотите?

Царь Борисъ тотчасъ сообразилъ, что царица Марья можетъ испортить все дѣло своей излишней горячностью, и поспѣшно вступился:

— Инока Марѳа! Не хочу я зла тебѣ: и не за тѣмъ сюда призвалъ, чтобы тебя терзать и мучить! Я здѣсь готовъ тебя и поселить, и будешь жить въ довольствѣ и достаткѣ, и въ почетѣ. Но я хочу, чтобы ты всенародно, на площади, какъ князь Василій Шуйскій съ святѣйшимъ патриархомъ, всѣмъ объявила, что твой сынъ умеръ!

— Нѣтъ! Никогда! воскликнула инокиня Марѳа.—Если и выйду я на площадь, я расскажу имъ о твоихъ злодѣйствахъ, о твоихъ убійцахъ, о бѣдствіяхъ моихъ, о заточенѣхъ безвинномъ, о терзаньяхъ и мукахъ души моея!.. Вотъ о чемъ я расскажу!..

— Слушай! перебилъ ее Борисъ, сдерживая свое волненіе,—въ Польшѣ проявился обманщикъ и воръ, и смѣетъ величаться именемъ царевича Дмитрія. Онъ шлетъ къ намъ воровскія грамоты, онъ грозитъ намъ смутой и къ рубежу идетъ съ литовскими и польскими людьми. Этотъ обманщикъ, этотъ злодѣй—вѣдь онъ не сынъ твой?

Инокиня Марѳа, видимо не понимая вопроса, сурово вперила взоръ въ лицо Бориса, и не знала, что сказать.

— Молчитъ, змѣя! вскрикнула царица Марья въ бѣшенствѣ.—Говори же, не то я глаза тебѣ выжгу!

И схвативъ со стола свѣчу, она бросилась къ инокѣ Марѣѣ. Царь Борисъ и патриархъ поспѣшно ухватили царицу за руки и едва могли уговорить ее и усадить на мѣсто.

— Инока Марѣя! заговорилъ патриархъ.—Не гнѣши ни царя, ни царицу. Скажи имъ, что этотъ польскій смутникъ, это бѣсово исчадье—не сынъ тебѣ!

— У меня нѣтъ сына! проговорила Марѣя, ломая руки,—нѣтъ сына! Вы отняли его, вы его вырвали изъ объятий моихъ, вы меня осиротили и загубили все мое счастье!.. Проклятiе на васъ, злодѣевъ! И пусть невпный младенецъ мститъ вамъ изъ-за могилы, пусть имя его несетъ вамъ смуту, разоренiе, раздоръ и гибель, гибель... гибель!

И она, судорожно рыдая, упала на постель и закрыла лицо руками.

Царь и царица быстро поднялись съ лавокъ и направились къ двери. За ними послѣдовалъ и патриархъ... А проклятiя и рыданiя несчастной матери неслись имъ вслѣдъ и грозно гудѣли надъ ними, оглашая мрачные своды обители.

ХІІ.

П о б ѣ д а.

Въ знакомой намъ свѣтелкѣ Филатьевского дома, въ красномъ углу подъ образами, поставленъ столъ, накрытый бѣлой скатертью и заставленный жбанами съ медомъ, оловянниками съ пивомъ и сулеями съ виномъ. За столомъ сидятъ Ѳеодоръ Калашникъ, да Нилъ Прокофьевичъ съ Захаромъ Евлампьевичемъ, которые въ послѣдніе года дружили съ Ѳеодоромъ Ивановичемъ; а на первомъ мѣстѣ гость дорогой—Петръ Михайловичъ Тургеневъ. Его-то и чувствуетъ Ѳеодоръ Ивановичъ, за него-то и поднимаетъ онъ чару заздравную.

— Выпьемъ за здравіе нашего гостя дорогаго да кстати и за тѣ вѣсти, которыя онъ намъ привезъ.

— Выпьемъ, выпьемъ! поддакивалъ Ѳеодору Ивановичу Нилъ Прокофьевичъ.—По вѣстямъ и гонцу встрѣча.

— Спасибо вамъ на вашемъ привѣтѣ! отвѣчалъ Петръ Михайловичъ, отхлебывая изъ своего кубка.

— Шутка-ли, продолжалъ Калашникъ,—воеводамъ царскимъ подѣ Добрыничами Богъ послалъ какое одолѣніе надъ богомерзкимъ разстригой-самозванцемъ! Чай теперь не скоро оправится?

— Да. Литовскихъ и польскихъ людей не одна тысяча побита, сказалъ Тургеневъ.—И казаки воровскіе тоже отъ него отхлынули,—а все же онъ не унываетъ. Въ Путивлѣ теперь осиживается—ждетъ у моря погоды... А Сѣверщина вся въ огнѣ!

— Онъ не силою, а именемъ страшенъ! замѣтилъ Нилъ Прокофьевичъ.

— Царь Борисъ теперь, чай, свѣтелъ да радошенъ! плутовато улыбаясь замѣтилъ Захаръ Евлампьевичъ.—Сказываютъ, завтра повелѣлъ по городу возить и полоняниковъ, и знамена отбитыя, и копье разстригино въ народѣ показывать.

— Какъ-же, какъ-же! Петру Михайловичу да Шеину, Михаилу Борисовичу, поручено съ тѣми знаменами и съ полоняниками ѣздить! сказалъ Ѳеодоръ Ивановичъ, съ гордостью поглядывая на своего друга.

— Да. Вотъ поди-жь ты! Изъ одного города, да не однѣ вѣсти, началъ издалека Захаръ Евлампьевичъ.—Царь Борисъ побѣду славить, да молебны благодарственные поетъ, а изъ войска сюда пишутъ, что кабы теперь самозванцу такая же удача была какъ подѣ Новгородомъ-Сѣверскимъ—не сдобровать бы воеводамъ царскимъ!

— Да! Много въ людяхъ московскихъ шатости видно, подтвердилъ и Нилъ Прокофьевичъ.—Подойди и теперь

Разстрига со своимъ сбродомъ къ Бѣлокаменпой — не многіе-бы за Бориса стоять стали.

— Да и не мудрено! заговорилъ Захаръ Евлампьевичъ.— Съ тѣхъ поръ какъ о царевичѣ Дмитріи къ намъ стали вѣсти доходить изъ Польши — житья въ Москвѣ не стало! По извѣтамъ да по доносамъ, что ни день, людей хватаютъ—мучать, увѣчать на пыткахъ, батожемъ на смерть забиваютъ. Царь Борисъ все измѣны въ народѣ ищетъ, а она кругомъ да около него рыщетъ! Ужъ одинъ-бы какой ни на-есть конецъ Богъ далъ! Вотъ авось на радостяхъ-то отъ побѣды, царь-то по-милостивѣе станетъ—дастъ отдохнуть застѣнкамъ!..

Тургеневъ покачалъ головою.

— Недовѣрчивъ онъ... Онъ каждаго теперь боится... Въ каждомъ врага себѣ видитъ. Мы съ Шеинымъ какъ увидали его у Троицы — не сразу и признать могли! Ходитъ какъ тѣнь, глаза ввалились, смотреть исподлобья. И точно, съ тѣхъ поръ какъ отогналъ онъ отъ себя Романовыхъ и всю родню ихъ, всѣхъ друзей ихъ—нѣтъ около него ни честныхъ, ни правыхъ: въ глаза и всѣ друзья, а за глазами...

— Вотъ то же и сюда изъ войска пишутъ, перебилъ Захаръ Евлампьевичъ,—будто шатости и въ войскѣ много. Дерутся неохотно — ропщутъ, говорятъ, что и рука не поднимается на *прирожденнаго-то* государя!

— Да какой-же онъ *прирожденный*? воскликнулъ Калашникъ.— Прирожденнаго-то мы въ Угличѣ похоронили... А это обманщикъ, лукавецъ, воръ!

— Да вотъ пойдѣ, увѣрь ихъ! сказалъ Тургеневъ.— Одни твердятъ: „царю Борису и патриарху не вѣдомо, что Дмитрій Ивановичъ живъ“; а другіе: „царь Борисъ и по неволѣ долженъ его со свѣту гнать и проклинать—а то и самому пришлось-бы отъ царства отступиться!..“

— Грѣхи тяжкіе, дѣла страшныя — одно слово! заговорилъ Захаръ Евлампьевичъ.—Не знаешь, на чью сторону перекачнуться? Тутъ, говорятъ тебѣ, идетъ обманщикъ, разстрига проклятый, а за собой ведетъ на Русь исконныхъ враговъ нашихъ, которымъ смута у насъ на руку. А тутъ, сами знаемъ, сидитъ на тронѣ мучитель напрасный, убійца вѣдомый, которому только свое чрево мило,—а Русь хоть пропадомъ пропади... Ни дать ни взять, какъ въ сказкѣ: сюда пойдешь, самъ пропадешь—сюда пойдешь, коня загубишь!

— Одно и утѣшеніе, что у царя Бориса есть дѣти, замѣтилъ Тургеневъ.—Царь Борисъ не вѣченъ; а царевичъ Ѳеодоръ будетъ добрымъ царемъ...

— Царевичъ?! воскликнулъ Захаръ Евлампьевичъ.— Да гдѣ-же ему управиться! Гдѣ-же устоять противъ такой волны... Помяни мое слово, онъ и недѣли не процарствуетъ! Пойди, послушай, что говорятъ въ народѣ?

— Да ты скажи мнѣ, Петру Михайловичъ, вступился Ѳеодоръ Калашникъ,—ты однимъ хоть словомъ утѣши меня. Вѣдь войско царское разбило самозванца, — вѣдь онъ теперь сбѣжалъ, вѣдь онъ пропасть долженъ!

— И радъ-бы я тебя утѣшить, другъ сердечный, сказалъ Тургеневъ,—да говорю тебѣ: шатость-то въ войскѣ велика! Кабы ударить на врага послѣ побѣды, да натискомъ идти, да гнать его, не дать вздохнуть ему — самъ самозванецъ не ушелъ-бы, а намъ достался-бы въ руки! А мы, какъ побѣдили, такъ и стали отдыхать, и когда подвинулись,—воръ былъ ужъ за сто верстъ! Сами воеводы ему мирволятъ! Съ нимъ одинъ только Басмановъ и могъ-бы управиться; да вишь—не родовитъ! Не вмѣстно ему съ боярами... А бояре всѣ хитрятъ, лукавятъ—и ждуть, куда подуетъ вѣтеръ?..

— Да что онъ самъ-то здѣсь сидитъ? сказалъ Нилъ Прокофьевичъ.—Самому-бы ему облечься въ доспѣхъ воинскій, сѣсть на коня — да къ войску ѣхать, коли дѣло его правое! Тогда-бы и бояре не кривили душой!..

— Такъ-то и въ войскѣ всѣ у насъ толкуютъ, подтвердилъ Тургеневъ,—видятъ, что *тотъ*—все на конѣ, да впереди,—въ самую сѣчу лѣзетъ... Въ послѣдней битвѣ, подъ нимъ вѣдь двухъ коней убили, а на третьемъ едва онъ ускакалъ. Вотъ и говорятъ: „пускай-бы царь Борисъ свою удачу выказалъ, пускай-бы выѣхалъ на судъ-то Божій, коли точно это обманщикъ, а не царскій сынъ!..“

— Въ томъ-то и дѣло, други любезные, перебилъ Захаръ Евлампичъ,—что дѣло-то его совсѣмъ не правое! Онъ и самъ это знаетъ; и труситъ, и прячется за стѣну Кремлевскую, за спину патриаршую—застѣнками пугаетъ... А Богъ-то и шлетъ на него бѣды за бѣдами—шлетъ на него едилу невѣдомую!

Феодоръ Калашникъ взялся обѣими руками за свою курчавую голову и съ горечью проговорилъ:

— Русь матушка! Гдѣ-же намъ правды искать? Всѣхъ насъ кривда одолѣла, заполонила! За кого стоять намъ—къ кому приклониться? Какъ душу свою отъ погибели соблюсти? Научите, наставьте добрые люди!..

Но добрые люди молчали, печально повѣсивъ головы надъ полными, нетронутыми кубками.

На другой день, 8 февраля 1605 г., съ самаго ранняго утра, громко и торжественно зазвонили всѣ колокола Кремлевскіе, и радостно стали вторить имъ колокола всѣхъ сороковъ Московскихъ церквей.

Народъ толпами валилъ въ Кремль, посмотрѣть, какъ царь Борисъ съ царевичемъ Феодоромъ пойдутъ по всѣмъ соборамъ и какъ станутъ раздавать нищимъ щедрую милостыню, слава Бога за побѣду и за одолѣніе „богомерзкаго разстриги“. Шумныя волны народа залили всю Ивановскую площадь, всѣ переулки между зданіями Большой казны и соборами; а тѣсная и сплошная стѣна нищихъ и калѣкъ, собравшихся со всей Москвы, сбилась около мостковъ, крытыхъ цвѣтными сукнами, по которымъ государь и бояре должны были шествовать черезъ дворцовый дворъ къ соборамъ. День былъ солнечный и теплый: на ясномъ небѣ ни облачка. Даже и погода благоприятствовала общему праздничному настроенію.

Какъ только отошла обѣдня въ Благовѣщенскомъ соборѣ, съ крытой паперти его стали сходить патриаршіе дьяки въ нарядныхъ стихаряхъ, за ними—духовенство съ патриархомъ во главѣ; за ними весь придворный мелкій чинъ—сплошь въ золотыхъ кафтанахъ. А вотъ сходятъ съ крылечка паперти два здоровенныхъ столбника и еле тащатъ два тяжелыхъ кожаныхъ кошеля съ мелкою монетой, которую бояре берутъ изъ кошелей пригоршнями и раздаютъ направо и налево въ руки нищей брати. За столбниками мѣрно выступаетъ царевичъ Феодоръ—молодой, прекрасный, цвѣтущій здоровьемъ и силами юноша; а за нимъ, опираясь на безцѣнный посохъ, идетъ и самъ царь Борисъ, блѣдный, худой, на десять лѣтъ постарѣвшій за послѣдніе два года. Сильная просѣда серебрится въ его густой черной бородѣ; черные глаза его смотрятъ тревожно изъ-подъ нависшихъ бровей, хотя онъ и старается придать лицу своему спокойное и радостное выраженіе. И едва только успѣлъ онъ ступить на цвѣтное сукно мостковъ, спустившись съ паперти собора, какъ изъ толпы нищихъ и калѣкъ выдвинулся высокий, сѣдой старикъ и бросился въ ноги ему, громко взывая:

— Царь государь! Красное солнышко! Просіяй на насъ милостью! Помилуй рабовъ твоихъ—прими отъ меня челобитную!

И старикъ, лежа ничкомъ на подмосткахъ, поднималъ надъ головою свитокъ съ челобитной. Борисъ невольно отступилъ шагъ назадъ и попытался на бояръ, которые несли за нимъ золотой скипетръ, въ своихъ высокихъ горлатныхъ шапкахъ.

— Кто ты? За кого ты просишь? громко произнесъ Борисъ, недовѣрчиво оглядывая старика.

— Не за себя прошу, великій государь! За бояръ своихъ прошу милости:—не дай ты имъ до конца погнать!

— Встань! Говори, за какихъ бояръ ты просишь? сказалъ царь Борисъ, стараясь придать своему голосу мягкое и милостивое выраженіе.

— Не встану, государь, пока ты несчастныхъ не смилуешь! Помилуй на радостяхъ, что Богъ тебѣ одолѣнне на врага послалъ и разразилъ его...

— Да говори-же, старикъ, о какихъ боярахъ ты просишь? нетерпѣливо крикнулъ Борисъ.

— О боярахъ Романовыхъ, великій государь! громко произнесъ старикъ поднимая голову и заглядывая въ лицо Бориса.

— О Романовыхъ?! повторилъ Борисъ.

— О нихъ самихъ, государь! Чай не забылъ ты ихъ, какъ всѣ твои бояре ихъ забыли!

— О чемъ-же ты просишь въ челобитной?

— Царь-государь! въ конецъ они погибаютъ... Изъ пятерыхъ братьевъ двое только въ живыхъ остались... Прочихъ-то твои приставы со свѣту сжили!.. Мишенька мой, дитя мое родное, котораго я на своихъ рукахъ вынаничилъ—и тотъ Богу душу отдалъ...

— Что ты лжешь, старикъ! Я ничего о томъ не вѣдаю!

— Какъ тебѣ вѣдать, царь-государь, когда до тебя и вѣсть о томъ не дойдетъ? Меня дважды на цѣпь сажали, да и батошьемъ отваживали, чтобы я къ тебѣ съ челобитной не шелъ... А какъ мнѣ не дойти, когда моихъ бояръ въ цѣпяхъ томятъ, малыя дѣтки ихъ и яйца-то съ молокомъ только по праздникамъ видятъ, а жены да сестры холста на рубахи выпросить не могутъ... Смилуйся ты надъ ними, государь, для великой твоей пошней радости. Повели, чтобы бояре нужды ни въ чемъ не терпѣли, а невинныхъ младенцевъ прикажи изъ ссылки въ ихъ вотчины воротить. Тебя Богъ за это наградитъ!

И старикъ еще разъ ударилъ земной поклонъ государю.

— Подай сюда твою челобитную, старикъ! Я по ней прикажу разыскать строго-на-строго, и если узнаю, что приставы точно были къ опальнымъ жестоки и заставляли ихъ терпѣть нужду,—они у меня не порадуются. А малолѣтковъ Романовскихъ я пожалуй: велю вернуть въ тѣ ихъ вотчины, что на насъ были отписаны.

— Дай тебѣ Боже за твои милости къ бѣднымъ сиротамъ! воскликнулъ Сидорычъ и бросился цѣловать край полы царской одежды, между тѣмъ какъ царь передавалъ челобитную царевичу Феодору и говорилъ:

— Смотри, не забудь мнѣ завтра напомнить объ опальныхъ.

И затѣмъ онъ двинулся далѣе по мосткамъ, величаво опираясь на посохъ и милостиво кланяясь народу и нищей брати.

И когда шествіе прошло мимо, къ Сидорычу со всѣхъ сторонъ бросились съ разпросами, съ соболѣзнованіями, съ добрыми пожеланіями. Но отъ старика ничего не могли добиться: сильно потрясенный, онъ все только крестился на соборы и шепталъ про себя:

— Благодарю моего Господа, что пришлось пострадать за бояръ моихъ... Авось имъ теперь полегче будетъ!.. Авось и на нихъ просіяетъ солнце красное...

И никто не могъ разобрать его словъ среди шума и говора тысячной толпы, заглушаемаго громкимъ и торжественнымъ звономъ всѣхъ кремлевскихъ колоколовъ.

(Продолженіе будетъ).

Елена. Съ картины Г. ф. Геслина.

Стихотворенія

К. Фофанова.

I.
Голоса природы смутной
Слышу въ сумрачной глуши,—
И отвѣтили имъ пѣсней
Голоса моей души...

Тамъ, гдѣ зеленью смолистой
Сочно пахнетъ темный боръ,—
Слышенъ звонкаго потока
Торопливый разговоръ,—

Съ кѣмъ онъ спорить, чѣмъ грозитъ?
Не побѣдой-ли весны?
Не баюкаетъ-ли небо
Въ дерзкомъ холодѣ волны?

И зачѣмъ такъ грустенъ шорохъ
Въ чащѣ сосенъ и березъ,
Гдѣ глядитъ въ рѣзную зелень
Сумракъ розовыхъ полосъ,—

Не поймешь, зачѣмъ трепещетъ
Эта дѣвственная сѣнь,—

Вечеръ гаснетъ, или блещетъ
Алымъ свѣтомъ новый день?

Слухъ въ затишь чутко ловить
Звукъ потерянный въ глуши,—
Въ голосахъ природы природы смутной—
Голоса родной души.

II.

Почные пѣли соловьи,
И думы раннія мои
Они тебѣ передавали!..
Я счастливъ былъ, я зналъ, что ты
Полюбишь позднія мечты
Моей восторженной печали!..
И вотъ, когда пришла зима
И съ горькимъ опытомъ ума
Пахнуло холодомъ и тьмою...
Какъ отзвукъ вѣжннй соловья,
Въ твоихъ устахъ услышалъ я
Привѣтъ мнѣ, дышащій весной!..

Нагасаки.

Очеркъ А. Китаева.

(Рисунокъ на стр. 613).

На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ болѣе оригинальнаго міра, чѣмъ край живописныхъ островковъ „имперіи Восходящаго Солнца“—Японіи, этого дѣтскаго царства, игрушечной страны, страны диллигутовъ. Все въ этомъ краѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе: прихотливыя очертанія береговъ, горъ, заливовъ, своеобразная растительность и бытъ самихъ японцевъ, ни съ какими иными на свѣтѣ не сравнимый.

Первое впечатлѣніе острововъ съ моря заставляеть забывать все доселѣ видѣнное и ждать чего-то необычаго. Все встрѣчаемое вазоромъ превосходитъ всякія ожиданія: мягкость красокъ, необычайно вѣжные тоны воды, растительности, ласкають и чаруютъ зрѣніе.

Идя съ моря, встрѣчаемъ нѣсколько отдѣльныхъ островковъ, Pallas rocks, и уже виденъ первый маякъ у входа въ заливъ Нагасаки. Если время ночное, то берега японскіе блещутъ чудною люминисаціею: фосфоричностью воды и тысячами огней на японскихъ рыбацкихъ фунахъ. Далѣе за входнымъ маякомъ виденъ островокъ Папенбергъ, полузакрывающій входъ въ самый заливъ. Этотъ островокъ носитъ такое названіе вслѣдствіе того, что около полустолѣтія назадъ съ одной изъ его скалъ сбрасывали въ море первыхъ христіанъ Японіи. Ходить и до сихъ поръ преданіе, какъ японское судно, взявъ около трехсотъ новообращенныхъ христіанъ, вышло въ море и... вернулось пустынь.

Ближе, ближе... Пароходная машина работаетъ веселѣе, точно предчувствуя долгій отдыхъ. „Рѣжемъ“ Папенбергъ. Теперь это только мѣсто отдохновенія и пикниковъ для моряковъ всѣхъ національностей. Еще поворотъ—и заливъ открытъ, во всей своей красѣ и чарующей привлекательности. Извилистымъ рогами вѣвывается онъ въ материкъ Нипона; пышною котловиною окружають его горы, по порядку названія: Арпта, Гинсабулу, Кумпера-ямъ (ямъ—гора по-японски), Осува-ямъ, Иннаса-ямъ и отдаленный хребетъ Симабаръ-ямъ. Роскошнымъ темнозеленымъ бархатнымъ ковромъ покрываетъ горы растительность: бамбуковыя рощи, изрѣдка бананъ и низкорослыя пальмы; камелии, достигающія высоты яблонь; хиноки и мацъ—хвойныя растенія, отличающіяся прихотливою путаницею вѣтвей; бива—нѣчто вродѣ японской сливы; анельсинныя деревья—микано; дивни—растеніе похожее на плакучую березу, и масса кустарниковыхъ растеній и цвѣтовъ.

Весною, когда Японія въ цвѣту, одна порода деревьевъ, сначала вспыхиваетъ розовыми и бѣлыми цвѣтами, а листья на нихъ появляются только послѣ отцвѣта. Вся эта растительность разбросана то по ущеліямъ горъ, то по ихъ вершинамъ, между аданіями и полями, придавая необыкновенную прелесть общей картинѣ. Золотистыя полоски рисовыхъ полей, идущія ступеньками по склонамъ горъ, дополняютъ комбинацію красокъ. Поля эти тянутся по склонамъ всѣхъ горъ, даже, казалось бы, совсѣмъ неприступныхъ; каждое изъ нихъ отдѣлено другъ отъ друга каменною плотиною, и дождевая вода, струясь, орошаетъ ихъ отъ верхняго до послѣдняго, своимъ журчаньемъ напѣвая пѣсни и былины игрушечнаго міра.

Весь правый берегъ отъ входа занятъ городомъ Нагасаки и докомъ для судовъ небольшого размѣра, подъ названіемъ Косучэ. Этотъ докъ подъемный: суда вывозятся на берегъ на тележкахъ для починковъ.

На лѣвомъ берегу: нѣсколько деревецекъ по нагибаемъ бе-

рега, докъ для большихъ судовъ—Татегами, механической завода и деревня Оконора, а въ глубинѣ залива довольно широкимъ плато выдается мысъ Иннасы, деревня русскаго квартала, или Russian settlement, какъ называютъ его иностранцы.

То мелкія бухточка, то скалы отвѣсно спускающіяся къ голубымъ водамъ, то мысы и растительность смотрятся съ вершины ихъ въ зеркало залива. То отбѣненная вода, то облитыя солнечнымъ свѣтомъ зданія съ черепичными кровлями и бумажными стѣнами, европейскія дачи съ верандами и бельведерами тянутся по прибрежью, пропадаютъ въ глубокіхъ лощинахъ горъ, утопая въ роскошной тропической зелени, вьющейся по кровлямъ и изгородямъ. То по вершинамъ горъ, то по уступамъ скалъ среди столѣтнихъ деревьевъ разбросаны храмы и каменные террасы ихъ, полузакрытыя листвою, спускаются къ морю. Пароходы, военные и коммерческіе корабли, японскія фуна съ рыбьими глазами на кормовой части занимають огромную площадь залива. Безпрерывное движеніе то входящихъ, то отходящихъ судовъ. Обмѣнъ салатовъ прибившаго военнаго корабля какой-нибудь національности съ береговою японскою батареею и грохотъ выстрѣловъ, тысячами отголосковъ раздающійся въ горахъ. Нагрузка и разгрузка, свистки пароходовъ—все это смѣшивается съ перекликающею пѣсною двухъ смежныхъ рабочихъ артелей японскихъ „Кураіе іе!“—„Чой-то!“, родъ японской „дубинушки“. All hands up! выкрикиваютъ съ другой части залива, басами, какъ стадо дикихъ звѣрей, боцмана съ какого-нибудь англійскаго станціонера, зызывая команду наверхъ для паруснаго ученія.

Въ высихъ чуднаго лазурнаго неба рѣютъ соколы и кречеты, а надъ прибрежными рифами вьются чайки.

Часто по рейду пробѣгаютъ шлюпки, иногда съ религиозными процессіями, но таковыя относятся лишь къ временамъ засухи и бездождія въ Японіи. Въ дни торжествъ, національныхъ праздниковъ, по террасамъ храмовъ и по склонамъ горъ собираются тысячныя толпы народа со знаменами, фонарями и другими атрибутами даннаго случая. Это еще больше пестритъ и украшаетъ горы и заливъ.

Задолго до приближенія корабля къ якорному мѣсту, его положительно атакуютъ японскіе комрадоры—корабельные поставщики; ихъ шлюпки, какъ рои мухъ, обліпляютъ идущій и стоящій на рейдѣ пароходъ.

На ходу они ловко цѣпляются за бортъ и, не дожидаясь приглашенія, вскарабкиваются на палубу со спѣшными предложеніями услугъ.

„Аната, аната!“ тискаются они другъ изъ-за друга: „я дерево-человѣкъ, я черепаха-человѣкъ, я вода-человѣкъ, я башмаки-человѣкъ, я фуна-человѣкъ“, каждый по-русски выражая свою профессію. Эти господа очень назойливы и первые дни слѣдить по пятамъ новичка, заставляя платить за все втридорога, чѣмъ скоро, конечно, надоѣдаютъ.

Каждый приходящій корабль занимаетъ себѣ шлюпку-фуна для сообщенія съ берегомъ. Шлюпки эти съ каяткою, гдѣ лежатъ или цыновки, или вышитыя подушки. Одинъ или два гребца гребутъ по-голландски, съ кормы, очень быстро и ловко. Тихо покачивается шлюпка при розмахахъ веселъ и словно убаюкиваетъ васъ въ люлкѣ. Приставая къ берегу, шлюпки поворачиваются кормою къ каменнымъ ступенькамъ набережной.

При первомъ появленіи иностранца на берегу, его тотчасъ обгугаетъ шумная толпа дженерншней—японскихъ извоз-

чиковъ, предлагающихъ маленькія ручныя колясочки. Сначала чрезвычайно неловко—бхать на себѣ подобномъ; но скоро свыкаешься и съ этимъ.

Аната ваша еи, ваша еи (Господишь, меня, меня!) Me sabe You, I take bargain (Я знаю васъ, я возьму дешево). Иногда пристають такъ, что вынуждаютъ показать имъ трость, чтобы разступились всѣ, и каждый изъ нихъ понимаетъ. Первый събздъ на берегъ начинается съ осмотра города. Дженерикши наняты.

Съ иностранцевъ они дерутъ разъ въ пять дороже, чѣмъ съ японцевъ, за тотъ же конецъ; но, въ общемъ, все-таки плата имъ пустяшная по городу.

Дженерикша везетъ сначала въ гору, по узкимъ уллицамъ, показать консульскіе дома, кирку, дачи, Hôtel Belle-vue, залитыя цвѣтами. Очень весело, когда бдутъ компаніею въ нѣсколько дженерикшей.

Затѣмъ везетъ по набережной: съ одной стороны тянутся торговые дома, лавки, банки, полузакрытые садами и прибрежной аллеею, а съ другой—рейдъ, какъ на ладони, со стоящими на немъ кораблями.

Везетъ китайскимъ кварталомъ; здѣсь все мастерскія китайскія, вывѣски съ англійскимъ переводомъ гласятъ: „Atching from Gon-Kong tailor, A-fou shoemaker from Shanghai“, непременно съ упоминаніемъ китайскихъ столицъ. По уллицамъ лѣвнвою походкою бродятъ толстыя японки и ихъ грязные ребятишки.

Слѣдуетъ уллица, высѣченная въ скалѣ, вѣроятно, очень древнихъ временъ, съ живописными домиками по уступамъ.

Проѣхавъ набережную, подлѣзжаютъ къ главному фарфоровому базару Децима. Базаръ—трехъ-этажное зданіе, наполненное сверху до низу фарфоровыми издѣліями: отъ самыхъ маленькихъ до колоссальныхъ размѣровъ вазы, чашки, блюда, столовые приборы, украшенія, цвѣты, слѣпленные изъ тончайшаго фарфора, вѣнки и проч. Все разложено на деревянныхъ столахъ и полкахъ безъ всякаго желанія декорировать произведенія; надо много труда и ловкости, чтобы среди этой пестроты отыскать то, что требуется.

Осмотрѣвъ базаръ, бдутъ къ долинь Накасима. Трудно себѣ представить что-либо прелестнѣе этой долины: горная долина раздѣлена звѣною ручья, въ дождливую погоду доходящаго до размѣровъ небольшой рѣчки.

Въ разныхъ мѣстахъ разбросаны каменные и деревянные мостики, мельницы для выдѣлки рисовой пудры, въ громадномъ количествѣ истребляемой японскими дамами. Мосты, зданія, берега ручья, камни, среди которыхъ струится вода, обвиты изящно-прихотливо позвучими растеніями и цвѣтами. Вода ручья сверкаетъ на солнцѣ водопадками и придаетъ несказанную нѣжность пейзажу всей долины. Большія деревья на берегу до половны своихъ стволовъ обхвачены, какъ футляромъ, зеленые паразитныхъ растеній.

Здѣсь у ручья помѣщается зданіе лучшей фотографіи Уено Накасима; въ ней, при желаніи, можно познакомиться со всею исторіею военныхъ судовъ, когда-либо посѣщавшихъ Нагасаки.

Далѣе вступаютъ въ самую оживленную часть города: уллицы Кало-мачи и Его-мачи. По обѣимъ сторонамъ уллицы—лавки фарфоровыхъ издѣлій, готового платья, картинъ, шпритъ, шелка и т. п. Всѣ произведенія на виду изъ-подъ крышъ. Левты черныхъ вывѣсокъ съ японскимъ древнимъ шрифтомъ, иногда попадаются и англійскія, напр. „Curiosity dealer“ лавка рѣдкостей; въ ней собрано все то, что даже японцами считается за рѣдкость: фарфоръ Сацума, древнее оружіе, старые лаковые виды, мелкія статуэтки изъ слоновой кости, вѣера съ пикростаціей и т. д.

По уллицамъ рынковъ, большею частію кривымъ и неправильнымъ, двигаются пѣшеходы: женщины, дѣти, мужчины, стуча своими деревянными башмаками-саандами; лошади, мулы съ вьюками; ихъ концыта одѣты въ соломенные башмаки для того, чтобы было удобнѣе подниматься по ступенькамъ горной дороги.

Бонзы съ бритыми головами, собирающіе подаліе на храмы. Докторъ-ама, или вѣриѣ японскій массажистъ, бродитъ со свисткомъ, вызывая желающихъ пользоваться его искусствомъ. Массажъ производится не растираніемъ, а поколачиваніемъ ребрами ладоней по тѣлу больного, похоже на то, какъ рубятъ котлеты. Японцы очень любятъ это и засыпаютъ въ приятной истомѣ отъ такого поколачиванія.

Кое-гдѣ группы людей, съ полуразнуутыми ртами отъ удовольствія, слушаютъ Симбунъ—народную былинку, которую поетъ старикъ, аккомпанируя себѣ на инструментѣ, похожемъ на мандолину.

Въ 1877 году въ Японіи всыхнула революція: владѣтельный князь Сатцума возсталъ, со многими изъ своихъ приверженцевъ, противъ европейскихъ новшествъ, вводимыхъ имъ. Пѣвцы-минстрели, бродя по странѣ, возмущали народъ въ пользу приверженца старыхъ обычаевъ, князя Сатцума. Императорскія войска подавили мятежъ инсургентовъ, и много головъ этихъ минстрелей было срѣзано и посажено на колы.

Слѣдъ за пѣсней, старикъ заставляеть ученую обезьяну продлывать японскія церемоніи при встрѣчѣ и проводѣ гостей, ганцы японскихъ дѣвушекъ и проч.

Печальное настроеніе, навѣянное былинною, быстро смѣняется шутками и смѣхомъ толпы.

Бдете дальше—вдругъ изъ-за угла сосѣдней уллицы выскакиваетъ толпа японскихъ дѣтей, одѣтыхъ въ придворные и рыцарские костюмы съ черными шапочками на головахъ, со знаменами и барабанами.

Дѣти останавливаются передъ нѣкоторыми домами и играютъ піесу, изображающую жизнь японскихъ разбойниковъ. Изъ сосѣднихъ домовъ выходятъ старикъ, слушаютъ піесу и бросаютъ дѣтямъ нѣсколько грошей.

„Tortoise shop Yezaki-san“, гласитъ вывѣска—черепаховая лавка господина Езаки,—слѣдуетъ забхать и посмотреть издѣлія. Самъ Гавайскій король Калакава, въ бытность свою въ Японіи, взялъ у господина Езаки вещей на 600 долларовъ. Хотя такнхъ лавокъ въ Нагасаки много, но эта самая лучшая и самая популярная. Украшенія дамскія: брошки, ожерелья, кресты, цѣпочки съ якорями для европейскихъ и японскихъ вкусовъ, портсигары, bijouterie, модели домиковъ, фунэ, и дивно, неподражаемо исполненные модели военныхъ фрегатокъ, со всѣми мельчайшими подробностями оснастки и вооруженія. Первая проба въ этомъ отношеніи начата господиномъ Езаки съ фрегата русскаго: „Князь Пожарскій“. Хозяинъ обязательно показываетъ все производство вещей, плавку черепахи, отдѣленіе свѣтлыхъ частей отъ темныхъ и другія подробности своего дѣла.

Послѣ осмотра лавки, везутъ на гору Кумперу. Тѣмъ-тоя роща окружаетъ храмъ этого морскаго бога и патрона города. Большая площадка собираетъ на себѣ малыхъ дѣтей, играющихъ въ бѣги, легкія атаки другъ на друга и другія игры. Одно изъ самыхъ большихъ празднествъ принадлежитъ этому храму.

Снова бѣжитъ дженерикша по уллицамъ, потъ градомъ катится съ него.

— Тайсо аца бапо (Очень жарко господишь).

Предстоитъ еще подъемъ въ гору, дженерикша везетъ зпгваганъ, облегчая себѣ подъемъ.

Тутъ уже можно пожалѣть его и дойти пѣшкомъ до отели Фукуи.

Отель расположенъ на полугорѣ, нѣсколько поодаль отъ городского шума. Столѣтнія деревья тянутся кругомъ его веранды.

Отсюда открывается весь заливъ со всѣмъ движеніемъ, на немъ происходящимъ. Отель уже принимаетъ нѣсколько европейскій видъ: появилась мебель, пьянно, столы и long-chair, на которомъ съ удовольствіемъ можно развалиться, любясь видами и поинвалъ холодный refreshment.

Трудно передать всю прелесть отдыха здѣсь, въ особенности, когда видишь разстилающееся море, можетъ-быть, не задолго передъ тѣмъ ужасавшее васъ штормами, ураганами. Самый дальній пунктъ осмотра по городу—храмъ Осува, расположенный въ глубинѣ залива, какъ разъ противъ входа. Къ храму ведетъ каменная терраса въ 252 ступеньки; весь онъ топетъ въ зелени; у преддверія его стоитъ фигура лошади, отлитая изъ бронзы, старинной работы; нѣсколько отдѣльныхъ часовъ съ уродливыми божествами, и одно изъ нихъ японцы, показывая, по-русски называютъ „длнсаца-богъ“, не умѣя иначе выразить божество хитрости.

Около храма—также площадка съ видами на заливъ, стрѣльбище для стрѣльбы изъ лука съ призами и небольшою японскій ресторанъ. Всѣ японскіе храмы построены по одному и тому же шаблону: большой сарай съ поломъ, покрытымъ циновками; иногда помѣщеніе разгораживается ширмами на нѣсколько отдѣльныхъ куиренъ для божества, а остальное помѣщеніе для бонзъ и служителей храма. На первомъ планѣ нѣчто въ родѣ жертвенника, гдѣ устанавливаются чашечки съ жертвами для боговъ; чашечки наполнены японскою ишкеею, и запахъ ея отзывается въ воздухѣ. Всѣ божества отличаются замѣчательнымъ безобразіемъ по внѣшности.

Сходите по ступенькамъ храма, неохотно отрываясь отъ прелестныхъ видовъ.

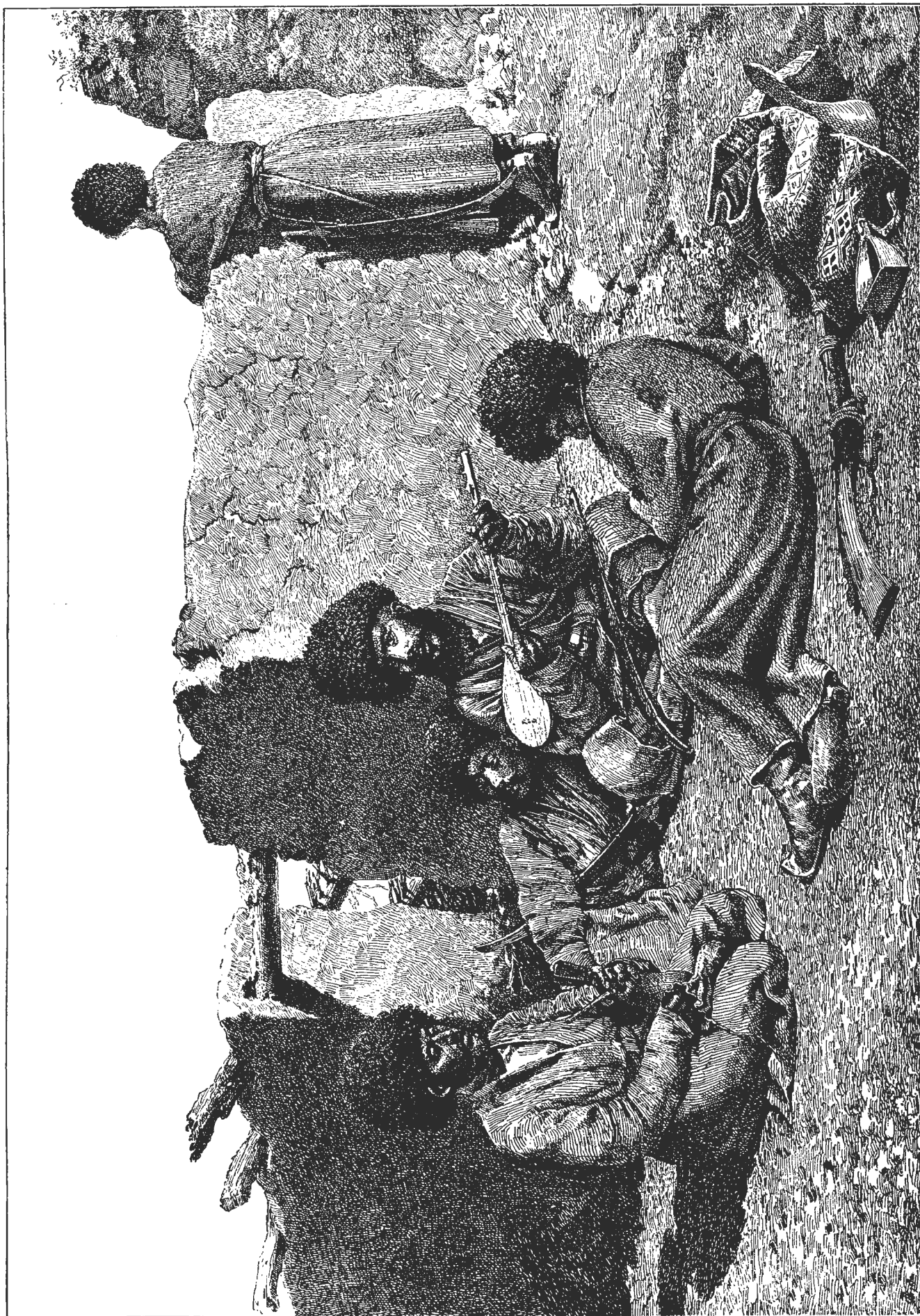
Пора обѣдать.

Гостиницы въ Нагасаки много; изъ нихъ лучшія: англійская „Hôtel Belle vue“, японскія „Фукуя“, „Фудзита“, „Хана-зона“, „Нагасаки“.

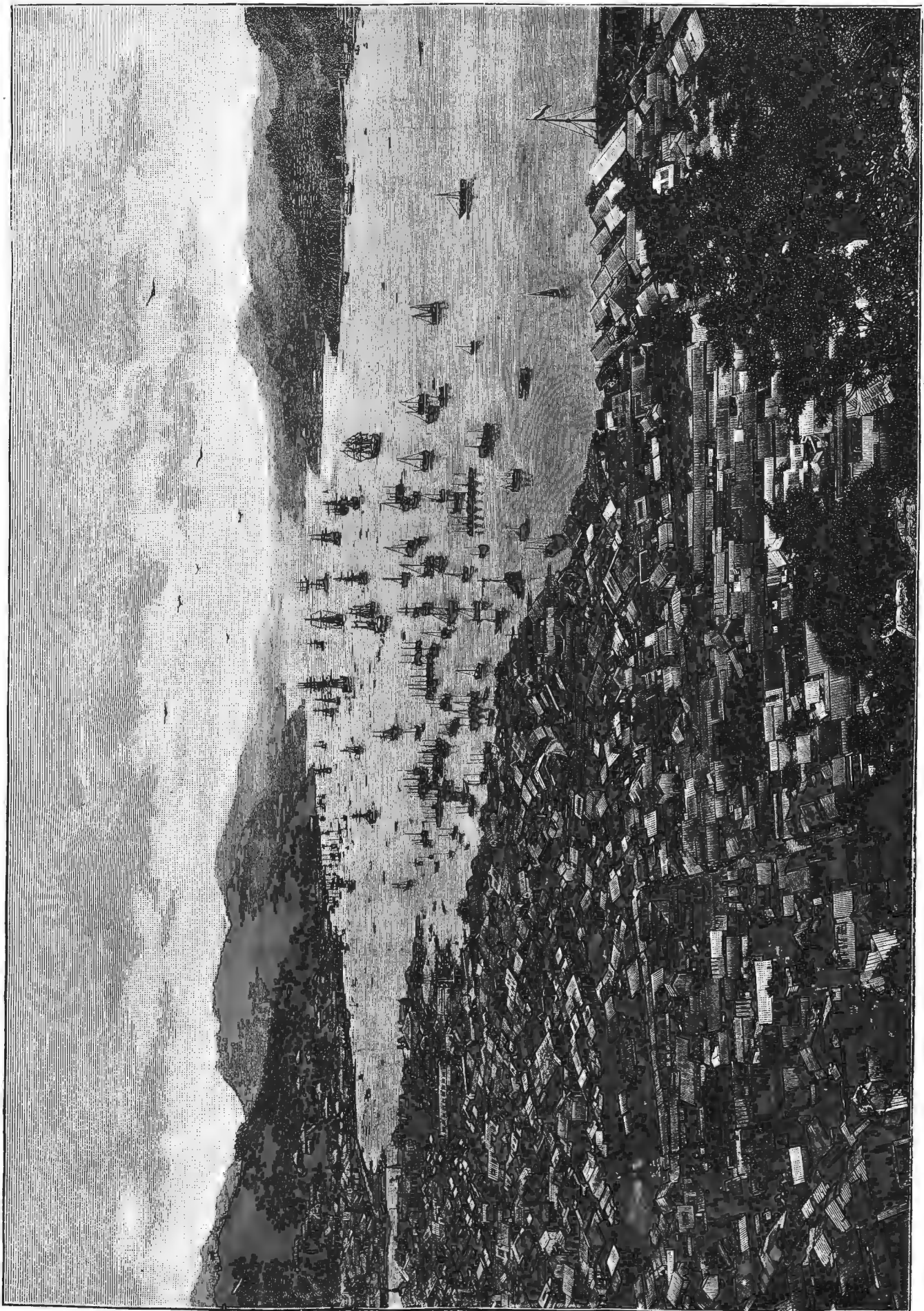
Японцы не терпятъ европейскаго вліянія. Всѣ мѣста, занимаемые у нихъ по нуждѣ англичанами, они стараются захватить своими, давая имъ спеціальное образованіе въ Европѣ.

Большое зданіе гостиницы „Хана-зона“ окружено садикомъ, но это вовсе не то, къ чему привыкъ глазъ европейца: этимъ садикомъ любуются сверху, съ веранды дома. Тутъ все въ микроскопическихъ размѣрахъ: и озерки, и мостики, и павильончики, аквариумы съ золотыми рыбками, скалы, карликовыя растенія, цвѣты, разбитые живописными куртинками. Тутъ же и маць—низкорослое хвойное дерево съ перелутанными, какъ барашковыя шапки, вѣтвями. Это дерево имѣетъ символическое значеніе: любовная японская чета, переписываясь, кладетъ въ конвертъ, вмѣстѣ съ письмомъ, вѣточку этого дерева и уголекъ, выражая этимъ пожеланіе, чтобы любовь развивалась, какъ вѣтка этого дерева, и тѣла-бы, какъ уголь.

Самая бумага и конверты для пишмной переписки носятъ

Аламанъ (На сборномъ пунктѣ). Ориг. рис. (собств. «Нивы») в Я Радекаго, автотипія Ангсера.

Общій видъ Нагасакскаго залива и рейда. Съ фот. грав. Ратескиіп

поэтический характер: кое-гдѣ разбросаны японскіе пейзажи, цвѣты, раковины, птицы.

У входа въ гостиницу встрѣчаютъ хозяйни и хозяйка съ земными поклонами.

— Доозо ойденасараната! (Милости просим!).

Тѣмъ временемъ вы слышите, какъ дженерикша уже силетничаетъ: кого, откуда привезъ, съ какого судна.

Требуется снять обувь въ прихожей, такъ какъ полы открыты чистыми циновками изъ рисовой соломы. Хозяйка провозакаетъ къ лѣстницѣ во второй этажъ.

Good day sir! Comment vous portez-vous? (Здравствуйте, господа! Какъ поживаете?).

Оглядываетесь—надъ головою, у входа, виситъ на бамбуковой жердочкѣ бѣлый какаду и, отчеканивъ привѣтствіе, нѣсколько разъ перевертывается кругомъ своей жердочки, какъ искусный клоунъ.

Вводятъ въ зало второго этажа со многими поклонами. Залъ пустое, кругомъ бумажныя ширмы, по стѣнамъ висятъ панно японскихъ художниковъ, пейзажи, изящно исполненные.

Раздвигаютъ ширмы, выходяща на веранду—и садъ съ отдаленными склонами горъ открывается во всей своей красѣ. Вмѣсто стульевъ приносятъ расшитыя подушки и раскладываютъ на полу.

— Доозо окакенасаре. (Присядьте, пожалуйста).

Является вереница дѣтей, всѣ одѣты въ пестрые цвѣтные халаты съ бантами на шинь, въ волосахъ шиньки съ ножницами, цвѣтами и разными побрякушками. Дѣти въ этомъ костюмѣ, съ огромными бантами, кажутся порхающими бабочками. Большею частью прислуживаютъ маленькія дѣвочки: одна несетъ свѣтильникъ, другая—столтикъ, скорѣе похожій на поднось, третья—хибачъ-жаровню для куренія и кинитку, четвертая—трубочки и табакъ, пятая—чайный приборъ и т. д.

Подойдя къ гостю, ребенокъ становится на колѣни и раскладываетъ вещи, затѣмъ идетъ за другимъ. Нѣсколько дѣвочекъ вносятъ большую рыбу, украшенную деревцами и цвѣтами.

Рыба такая подается лишь въ парадныхъ случаяхъ. Смѣсь блюдъ замѣчательная: сперва сырая рыба съ соей, дальше сладкій супъ изъ фруктовъ, жаренныя птички, сладкій прогъ не черствѣющій нѣсколько недѣль—все въ перемежку сладкое съ мяснымъ и рыбью. Ножей и вилокъ нѣтъ, ихъ замѣняютъ деревянныя палочки; хозяйка обязательно научаютъ ими управляться. Въ промежуткахъ угощаютъ японскимъ напиткомъ саки. Саки—рисовое вино, пьютъ его горячимъ, и вкусомъ оно похоже на подогрѣтый хересъ. Хозяинъ беретъ маленькую чашечку, устанавливаетъ гостю на два пальца и наливаетъ напитокъ, произнося: „гокингень“ (на здоровье). Гость долженъ выпить, сказать: „аршато“ (благодарю), поднести чашечку ко лбу, затѣмъ бросить ее хозяину такъ, чтобы она упала ему на два пальца, и налить ему вино. Сами хозяйка стараются бесѣдовать,—если нѣтъ переводчика или переводчицы, то мимикой.

Въ городѣ остается осмотрѣть японскій театръ Сибайя.

Театръ въ Нагасакі временной, сюда прѣзжаетъ труппа японскихъ актеровъ изъ Токио или Юкагамы. Зданіе состоитъ изъ одного ряда ложъ и партера, безъ мебели, раздѣленного на отдѣльныя квадратныя сѣрилами. Такъ какъ японскія вѣрлища тянутся долго, то японская публика, пользуясь случаемъ, собирается туда съ 10-ти часовъ утра до 10-ти часовъ вечера, съ провиніею, чадами и домочадцами. Въ театрѣ даются драмы, комедіи, трагедіи, но по большей части цѣлыя поэмъ въ ихъ послѣдовательномъ ходѣ событий, зачастую съ ненужными повтореніями, разъясненіями родословныхъ героевъ и т. д. Въ пьесахъ фигурируютъ разбойники, владѣтельные князья, сиорицѣ изъ-за наслѣдій, и японскія героини со всякими самоотверженными подвигами любви. Кулпсы помѣщаются позади зрителей, такъ что актеры передъ началомъ пьесы проходятъ предъ зрителями на сцену уже загримированными. Оркестръ убійственный: флейта, барабанъ и самшаны, ибнѣ тоже по японскому образцу, неестественные выкрики точно вывернутымъ горломъ, хотя женскіе голоса встрѣчаются даже очень недурные и вообще въ японцахъ сильно развито стремленіе къ музыкѣ. Въ театрѣ душно днемъ и, благодаря этому, нѣкоторыя дамы, преимущественно пожилыя, сбрасываютъ свой халатъ съ плечъ до пояса и сидятъ такимъ образомъ, обмахиваясь вѣеромъ, отнюдь не шопируя ничего вѣрнія. Иногда въ самомъ патетическомъ мѣстѣ проходятъ между зрителями продавцы провиніи и, не взирая на теченіе пьесы на сценѣ, громко выкрикиваютъ: вдонъ-сабайя (макаронны). Хотъ бы кто-либо оглянулся изъ актеровъ или зрителей: все идетъ своимъ порядкомъ.

Осмотръ города оконченъ, остается лѣвый берегъ залива, считая отъ входа. Первое мѣсто занимаетъ русскій кварталъ Иннасса, красивый мѣсть, весь покрытый домиками; гавани для шлюпокъ, набережная, обрывы мыса, кустарники нависше надъ водою—все это очень красиво на видѣ. Довольно большое мѣсто занимаетъ докъ для шлюпокъ съ русскихъ военныхъ судовъ; тутъ же госпиталь и баня. Казалось бы,—мѣсто казенное; но и тутъ разбиты куртины, дорожки и посажены цвѣты. Для развлечения больныхъ—ручной олень, двѣ газели и черепаха.

Посмотрите на чистоту, опрятность содержанія домовъ, сада, шлюпокъ, на вѣчную кропотливую работу японца у дома, въ саду, на полѣ—тогда только представитъ онъ вамъ во всей своей симпатичности. Одна постройка плотинъ рисовыхъ полей чего стоитъ! Въ деревнѣ есть три гостиницы съ билъярдомъ и кегельбапомъ. Нѣкоторые даже порывались выписывать русскія газеты для привлеченія большаго числа гостей. Зачастую прѣзжающіе сюда русскіе туристы наняваютъ себѣ дачу, цѣлый японскій домикъ. Это обстоятельство представляетъ массу удобствъ: есть веранда, откуда можно любоваться на рейдъ, въ двухъ шагахъ отъ дома на водѣ дремлетъ шлюпка, нѣтъ городского шума, поля и лѣса не вдалекѣ. Ынва, микано—сами деревья подають свои плоды къ вамъ въ окно и лѣны подняться и сорвать ихъ. Одна изъ улицъ, вслѣдствіе дачнаго жилья, носитъ русское названіе: „Ревнивая долина“. Два японскихъ храма, одинъ въ бухточкѣ Фунацъ, а другой въ самой глубинѣ залива, у впадающей въ него рѣчки. Первый называется Госиндаа, а второй—храмъ бога Судьбы. Въ первомъ храмѣ встрѣтитъ старикъ бонза, покажетъ капище и очень доволенъ, когда выразитъ хотя небольшой интересъ къ его святилищу. Завоветъ къ себѣ и, угощая, показываетъ альбомъ русскихъ моряковъ, посѣтившихъ его.

Русское кладбище недалеко отъ этого храма. Посмотрите, что это за прелестный уголокъ, съ какою заботливостью поддерживаются здѣсь растенія и цвѣты какою-то невидимую рукою.

Дѣти въ деревнѣ знаютъ много русскихъ словъ: „здравствуй“, „прощай“, „какъ вамъ поживаете“ и часто поютъ поправившуюся имъ русскую пѣсенку въ японскомъ переводѣ:

Сузумэ, сузумэ, докуйде?..

(Чижики, чижики, гдѣ ты былъ?).

Женщины японскія, мусумэ, то работаютъ въ саду, то шьютъ или прядутъ у преддверій своихъ домовъ. Иногда увидишь слѣбую музикавтицу, обучающую дѣвочку игрѣ на шструментѣ; а платы за урокъ—у насъ едва-ли бы хватило на то, чтобы просуществовать хотя одинъ день.

Японская дѣвушка до 22-хъ лѣтъ—созданіе подвижное, деликатное и симпатичное, но уже съ этихъ раннихъ лѣтъ начинается быстрый отцвѣтъ.

Женщина замужня должна сбрить себѣ брови, вычернить свои чудные зубы, чтобы никому не нравиться кромѣ мужа, какъ они говорятъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ женщина туфетъ подъ давленіемъ семейнаго деспотизма, возлагающаго на нее тяжесть работы, а также и заботы о дѣтяхъ. До замужества японская дѣвушка пользуется безусловною свободою, но равъ замужемъ—законъ строго преслѣдуетъ за намяну мужу. Пишущему эти строки японскіе хозяйка предложили разъ: „аната, хочешь, посмотри сегодня карасивую венщина голова долой“. Я, конечно, отказался отъ такого удовольствія. Несчастная пробыва за свою вину три года въ подводныхъ рудникахъ остр. Токасиа и затѣмъ была публично обезглавлена. Было это не больше десяти лѣтъ назадъ. Въ частной жизни японцы—народъ веселый, добродушный, общительный; что-то не приходится замѣчать большаго ссоръ и дракъ. Какъ уже они обходятся безъ этой соли общеситія—неизвѣстно. Разбойники однакожъ есть, и грабежи за послѣдніе годы стали чаще.

Можно, пройдя деревню, подняться на вершину горы Иннаса-яма; можно конечно днемъ, но лучше передъ вечеромъ съ дѣтьми.

Дѣти берутъ съ собою японскіе фонарики и бѣгутъ по дороге, освѣщая путь среди бамбуковой рощи.

— Кучинава (амъ!) крикнетъ кто-нибудь изъ нихъ, и всѣ они, какъ стая гончихъ, съ гикомъ бросаются за амъю, но ея уже слѣдъ простылъ среди кустарниковъ. Съ вершины горы видно открытое море, отдаленные острова и идущіе въ заливъ пароходы. Въ самый жаркій день прогулка на гору искупается чуднымъ воздухомъ, которымъ приходится дышать на ея вершинѣ.

Нѣсколько пригоршней лакомствъ—и дѣти довольны и счастливы прогулкою.

Утромъ невидимая рука положила на столтикъ въ вашей комнатѣ свѣжіе цвѣты и фрукты.

Вечеромъ просовывается въ дверь голова мальчика и проситъ:

— Поджалиста, бано, раскази „Афорнику“.

Приходится вооружиться англо-японскимъ словаремъ и удовлетворить просьбу мальчика, не показывая вида, что въ немъ узнаете автора утренней любезности.

Тотъ же мальчикъ, зная, что сегодня вамъ нельзя критти въ отель, приноситъ въ деревянныхъ ящичкахъ обѣдъ, ставитъ на столъ и какъ дымъ исчезаетъ. Открываете эти японскіе судки: супъ, жаркое, микано—и вдругъ изъ послѣдняго ящичка выскакиваютъ два живые земляные краба; мальчикъ и тутъ постарался развеселить, зная, какъ скучно слушать стукотню на кораблѣ при починкахъ.

Въ полуверстѣ отъ деревни храмъ бога Судьбы; стоитъ онъ у устья рѣки, впадающей въ заливъ; холмъ его окруженъ лощинами и густыми рощами; терраса спускается къ устью рѣки. Входя въ капище, надо позвонить въ бубенъ, висящій у входа. Приходитъ бонза, отворяетъ двери—и глазамъ пред-

ставляется уродливое божество, въ беспорядкѣ обсыпанное бумажками. Сюда приходятъ гадать: берутъ бумажный-шарикъ въ ротъ и выстрѣливаютъ на божество; если прильзнетъ — значитъ сбудется, если упадетъ — то итъ. Такимъ образомъ, божество является въ довольно странномъ видѣ — обсыпанное бумажками.

Какъ драгоценность, хранятся въ этомъ храмѣ старинныя, сдѣланныя на деревѣ, картины: японцы буксируютъ на шлюпкахъ русскій фрегатъ „Диану“ въ море. Событіе, относящееся къ началу сношеній русскихъ съ японцами.

Или на террасѣ этого храма, или же на верандѣ прибрежнаго домика посмотрите на японскій вечеръ; закатъ и восходъ солнца у тропиковъ и въ большихъ широтахъ совершенно разнятся другъ отъ друга по свѣтовымъ явленіямъ: въ первомъ случаѣ краски ярче, пѣжиѣе, разнообразнѣе, чѣмъ въ климатахъ холодныхъ. Къ закату солнца останавливается движеніе по заливу и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается моментъ торжества красота южной природы. Лучи уходящаго солнца скользятъ по холмамъ и долинамъ, позолачивая ихъ вершины и играя съ надвигающимся туманомъ; хребты измѣняютъ свои цвѣта въ розовый, синий и фіолетовый. Золотистая заря принимаетъ оранжевый, розовый и наконецъ иѣжно-зеленый оттѣнки. Отъ заката солнца тянутся до половины свода небеса лучи радужнаго спектра, одинъ отъ другого отдѣльно, вѣромъ, постепенно тая въ безпредѣльной лазурн небесной. Что-то сказочное, неописуемое и встрѣчаемое только у тропиковъ. Послѣ пробитія зари на какомъ-нибудь изъ военныхъ судовъ, начинается музыка, длящаяся часъ или полтора для услады окрестныхъ жителей. Съ наступленіемъ сумерокъ зажигаются огоньки по горамъ въ городѣ (Ора по-японски), скрашивая ихъ поверхность.

Рѣзче выступаютъ отдѣльные мысы и заливы. По своду небеса, въ прозрачной ихъ глубинѣ, яркими точками выступаютъ звѣзды и отражаются въ тихой, какъ бы засыпающей, водѣ залива. Звѣзды надъ вами, звѣзды подъ вами. Выплыла луна изъ-за горы, и золотистый дискъ ея виденъ въ водѣ. Въ одномъ изъ домиковъ деревни прозвучалъ струнный аккордъ, а за нимъ слышится иѣсня.

Пѣсня изображаетъ смѣшную сцену японской супружеской жизни, гдѣ супруги сначала ссорятся, а потомъ кончаютъ миромъ, согласіемъ и танцемъ томосэ.

Все тише и тише становится къ полночи. Надъ болотами рисовыхъ полей блуждаютъ огоньки. Воздухъ напоенъ ароматами орошаемой росой растительности; порывчики ночной бризы, слабой какъ дыханіе, ласкаютъ лицо, какъ ласка милой, любимой женщины. Наступилъ моментъ тѣхъ неуловимыхъ звуковъ наступающей ночи, которые едва познаются ухомъ; этотъ дивный, тихій какъ шепотъ концертъ. Изрѣдка лишь тишину нарушитъ свистокъ парохода, покажутся его три глаза — красный, зеленый и бѣлый, упадетъ искра въ воду, простучитъ цѣпь, пароходъ сталъ на якорь — и опять все смолкло. Миръ до такой степени прекрасенъ, чуденъ, торжественъ въ этой тиши, что нѣтъ другого желанія, какъ только дольше и дольше созерцать это величіе ночного праздника. Трудно формулировать все переживаемое въ такой обстановкѣ.

— Ма-ва рэ-э-э! доносится женскій мелодичный окликъ съ той стороны залива, и окликъ нѣсколько разъ отзвучитъ въ горныхъ долинахъ среди ночной тиши.

Это развѣдъ изъ театра: какаля-нибудь Оаги-санъ или Отамэ-санъ (мусумэ) зоветъ перевозчика. Тихо переплываетъ шлюпка къ деревнѣ, изрѣдка обливаясь фосфорическимъ свѣтомъ воды и оставляя за собою ленту свѣтащагося пути. Заснуло все... Деревья бросили свои причудливыя тѣни; такъ и хочется въ нихъ видѣть заловатый гербъ Японіи. Полночь.

„Бумъ, бумъ!“ сначала рѣдкимъ темпомъ, потомъ чаще и чаще, словно замирая, потомъ темпъ рѣже и ожесточеннѣе — удары въ барабанъ.

Звуки несутся изъ храма Осува: японцы будятъ своего идола на молитву. Холмы, при разостлавшихся тѣняхъ по водѣ, кажутся огромными фантастическими пещерами.

Тихо, тонкою струею выдвигается дымка тумана, стелется по горамъ и закрываетъ ихъ, какъ вуалью, на ночь. Къ утру забрезжитъ свѣтлая полоска надъ синимъ остовомъ горы Симабара, яркія звѣзды на противоположномъ концѣ свода небеса меркнутъ, какъ будто нехотя борясь съ возрастающимъ свѣтомъ. Снова по небу тянется иѣжная, пріятная для глаза зелень; зелень смѣняется розовыми оттѣнками, дальше оранжевыми, золотистыми; дискъ солнца выплываетъ изъ-за вершины, согрѣвая своими лучами растительность и выгоняя туманъ изъ ложицъ. Вода кругомъ корабля словно дышетъ струйками испареній, постепенно пропадающими. По прибрежью дѣти съ сумочками, собираясь въ школу, бѣгаютъ за земляными краббами. Краббъ спрятался подъ камень и выставляетъ свое страшное оружіе — клешню, стараясь ухватить ребенка за палецъ; нѣсколько ребятишекъ ищутъ раковинъ, пускаютъ кораблики своего надѣлія, любятъ ими и спорять, чей лучше, дотѣхъ поръ, пока подойдетъ шлюпка, чтобы отвезти ихъ въ городъ.

Остается осмотръ окрестностей.

Опять дженерикша везетъ 8 японскихъ ри (японская мпда), сначала вдоль рѣчки, впадающей въ заливъ, по дорогѣ въ Тогидзъ, по холмамъ въ ущельяхъ между горъ; то вдругъ неожиданный поворотъ — и чудный видъ прибрежныхъ скалъ, отвѣсно стоящихъ, какъ пальцы, въ водѣ (на картахъ такіа мѣста здѣсь обозначаются названіями: five fingers или Brothers), а море плещетъ, рокочетъ, ласкается около нихъ со своею безконечною, живительною пѣсню. Слѣва — море съ его безпредѣльною далью, изрѣдка парусъ рыбацкаго лодки; справа — берега съ горами, лоцинами и деревеньками, то здѣсь, то тамъ приютившимися. По этой дорогѣ есть одно мѣсто: на склонахъ одного изъ холмовъ стоитъ скала, видомъ похожая на рыбу, поставленную на хвостъ. Саба-Кусарэ — легендарное мѣсто, имѣющее за собою такое же преданіе, какъ о женѣ Лота, обратившейся въ соляной столпъ; такъ и тутъ: японка, взглянувшая на заповѣданное мѣсто, обатиась въ скалу. Японцы по сіе время проходятъ это мѣсто съ суевѣрнымъ страхомъ. Есть множество и другихъ мѣстъ: Мео, Симабаръ, сѣрные ванны, желѣзные ключи, чайныя плантаціи, водопадъ Хиго — все это оставляетъ въ памяти либо рощу, либо озеро, либо особый оригинальный видъ горы. А Симабаръ-яма! Взойдите на вершину этого хребта по каменной лѣстницѣ и оглянитесь на цѣпь горъ у вашихъ ногъ. Заливъ Симабара, то открытый, то заслоненный хребтами горъ, и глубокаа, какъ бездонная пропасть, долина этого хребта, съ рѣчками, озерами, деревеньками, разбросанными у его подножія. Развѣ слабыя слова человѣческія передадутъ это очарованіе?

Общее знакомство съ мѣстностью надо закончить, осмотрѣвъ докъ Татагами, островъ Паленбергъ и угольные копи Такасима. Возьмите шлюпку и двухъ гребцовъ, зовутъ ихъ Федька и Ванька — они такъ привыкли къ этимъ кличкамъ, что иначе и не рекомендуются. Обратите вниманіе на Федькинъ кирпичмонъ (халатъ): весь онъ испещренъ изображениями японскихъ рыбъ и моллюсковъ. Гребцы налегли на весла, качаясь въ разныя стороны и фузъ помчалась по заливу. Докъ Татагами вырытъ въ ущелии между двухъ смежныхъ горъ; приходилось врать порохомъ и динамитомъ гранитный крайъ ихъ соединившій. Эту преграду японцы преодолѣли при участіи французскихъ инженеровъ. Докъ тоже одно изъ хорошеющихъ мѣстъ: по холмамъ тянутся рисовыя поля, а у подножій ихъ расположены разныя службы и водокачальныя машины. Въ докъ вводятъ корабли съ приливомъ, достигающимъ здѣсь 7—8 футовъ; въ моментъ же отлива присоединяется еще небольшое зрѣлище: заливъ оголяется до одной четверти своей длины, и все бѣдное населеніе города и деревень, стремится искать ракушекъ, устрицъ и прочее въ оставшихся затонахъ грязнаго днища залива. Въ моряхъ, обладающихъ большою соленостью, корабли быстро обрастаютъ, въ подводной своей части, полипами и ракушками. Это сильно тормозитъ ихъ ходъ, а потому требуется періодическая очистка отъ нихъ. Для этого корабль вводятъ въ докъ, водокачка отливаетъ воду изъ залертаго шлюзомъ помѣщенія дока, а японцы на плоткахъ, по мѣрѣ осушенія корабля, отскабливаютъ острыми скребками крѣпко присосавшіяся ракушки и дерева полипа. Раковины съ присосавшимися деревцомъ полипа, въ вершокъ длиною и больше, розоваго, фіолетоваго и коричневаго цвѣтовъ. Полипы, разложенные на листъ чистой бумаги, представляютъ красивый и изящный узоръ. Японцы такъ хорошо поняли положеніе своей страны, что уже во многихъ мѣстахъ возвели такыя сооружения.

День въ докъ, помимо работъ, стѣитъ отъ 300 до 600 рублей сер. и доки никогда не остаются пустыми: корабли ожидаютъ даже очереди, чтобъ войти въ нихъ и почиститься. Дружно, быстро, хорошо и добросовѣстно работаетъ японская артель.

Каждый желѣзный корабль требуетъ ежегоднаго осмотра въ докъ, и всякая напрасная экономія въ данномъ случаѣ увеличиваетъ траты, удешевляя ихъ на послѣдующій ремонтъ. Изъ дока приходится довольно долго ѣхать къ Паленбергу — скалистый островокъ, съ малкою деревенью на его вершинѣ; сюда часто прѣбываютъ, чтобы повеселиться и удалиться отъ городского и рейдоваго шума, полюбоваться открытымъ моремъ. Надо заѣхать, чтобы дать роздыхъ гребцамъ.

Островокъ Токасима уже въ залива; около него стоятъ баржи и пароходы. Тачки съ углемъ спускаются отъ элеватора по рельсамъ къ пристани и затѣмъ безконечною лентою поднимаются снова къ жерлу шахты. Приходится спускаться на 400 футовъ отъ поверхности земли. Коридоры шахтъ идутъ на протяженіи нѣсколькихъ миль подъ водою. Конно-желѣзная дорога подвозитъ уголь къ элеватору. Кое-гдѣ струится вода по коридорамъ. Въ 1876 году одинъ изъ коридоровъ прорвало и вода затопила тамъ до 40 человѣкъ. Въ шахтахъ работаютъ японскіе ссыльные. Копи вырабатываютъ до 700 тоннъ угля въ день.

Всѣ эти мѣста, при долгой остановкѣ здѣсь, примелькаются, и остаются, какъ „злоба дня“, лишь событія жизни рейдовой, корабельной жизни: какъ стоитъ вашъ сосѣдъ, какъ проходить его ученье, какъ висятъ его веревочки; не сдѣлаетъ-ли онъ промаха, маневрируя машиною и т. д.

Къ рисункамъ.

Главный домъ на Нижегородской ярмаркѣ.

(Рис. на стр. 601).

Продолжающаяся съ 15 іюля по сентябрь, Нижегородская ярмарка, какъ извѣстно, ведетъ свое начало со временъ сѣдой старины. Первоначально ярмарка находилась въ Старыхъ Бѣлгаряхъ, ниже устья Камы, затѣмъ въ окрестностяхъ Арска (Казанской губ.), въ 1550 году перенесена въ Макарьевъ, а послѣ пожара въ 1817 году — на нынѣшнее ея мѣсто въ Нижнемъ Новгородѣ, на мысу, образуемомъ лѣвымъ берегомъ Оки и правымъ Волги. Здѣсь десятки каменныхъ отдѣльныхъ корпусовъ, съ многочисленными постройками и изображенными на нашемъ рисункѣ Главнымъ домомъ. Кромѣ русскихъ, сюда прѣѣзжаютъ купцы изъ Бухары, Персіи и др. Развитіе ярмарочной торговли видно изъ слѣдующихъ цифръ: товаровъ продано было въ 1857 г. на 86 милл., въ 1865 г. на 111 милл. и въ 1887 г. на 193 милл. руб.

Рынокъ въ Мервѣ. (Рис. на стр. 604).

Старинный и процвѣтавшій во времена халифата Мервъ, съ переходомъ во владѣніе русскихъ, снова начинаетъ воскресать, особенно послѣ проведенія желѣзнодорожнаго пути по нашимъ среднеазиатскимъ владѣніямъ. Расположенный верстахъ въ 800 отъ Каенійскаго моря, на южной окраинѣ песчаной пустыни Каракума, Мервъ является средоточіемъ плодороднаго оазиса, къ которому ведутъ дороги изъ Хивы, Бухары, Чарджуя, Ахаль-Теке, Персіи и Герата. Четверть-милліонное населеніе оаза занимается преимущественно земледѣліемъ. Изъ производствъ обращаютъ на себя вниманіе изготовленіе ковровъ, грубыхъ шелковыхъ тканей и издѣлія изъ серебра. Торговля находится преимущественно въ рукахъ армянъ и ведется довольно оживленно, представляя оборотъ до 1½ милліона рублей.

Депо Стрѣльнинской частной пожарной команды князя А. Д. Львова. (Рис. на стр. 605).

По дорогѣ изъ Петербурга въ Петергофъ, на возвышенномъ берегу Финскаго залива, при впаденіи въ него рѣчки Стрѣлки, лежитъ мыза Великаго Князя Константина Николаевича, Стрѣльна. Основанная Петромъ Великимъ въ 1711 году по образцу Версальскаго дворца, Стрѣльна издавна считается въ числѣ любимыхъ дачныхъ мѣстностей. Одинъ изъ постоянныхъ обитателей Стрѣльны, князь А. Д. Львовъ десять

лѣтъ тому назадъ положилъ начало пожарной командѣ, не мало потрудившейся за время своего существованія и оказавшей значительную помощь въ борьбѣ съ огнемъ въ смежныхъ со Стрѣльною участкахъ. Команда работала болѣе чѣмъ на 182 пожарахъ, совершивъ обозныхъ выѣздовъ 1086. Такія заслуги команды не прошли незамѣченными въ день десятой годовщины существованія ея и юбилей былъ отпразднованъ съ большою торжественностью 10 іюня. Среди прибывшихъ на торжество находились Е. И. Ламанскій, петергофскій комендантъ ген. А. В. Фрейгангъ, петербургскій бригадиръ-майоръ А. П. Паскннъ, гр. П. Ю. Сюзоръ, представители Техническаго Общества и комитета по предстоящей пожарной выставкѣ и много другихъ лицъ. Былъ произведенъ смотръ чинновъ команды; затѣмъ во дворѣ пожарной части, между здавленіи конюшни, обозной и казармъ, въ нарочно устроенной палатѣ былъ отслуженъ архимандритомъ Сергіевскаго монастыря Игнатіемъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтій. Передъ молебномъ настоятель мѣстнаго дворцоваго собора прот. Кедровъ сказалъ слово, въ которомъ охарактеризовалъ высокогуманное и филантропическое значеніе такого полезнаго учрежденія, какъ пожарная команда, являющаяся съ безкорыстной помощью для борьбы съ огнемъ. Снабженная всѣми приспособленіями для борьбы съ огнемъ, и образцово устроенная и обученная команда содержится на частныя средства князя А. Д. Львова, лично руководящаго командою.

Елена. (Рис. на стр. 609).

Какъ неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышетъ въ ней,—
Мы смотримъ съ трепетомъ тревожнымъ
На тихій свѣтъ ея очей:
Земное-ль въ ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотѣла-бъ ей молиться,
А сердце рвется обожать...

В. Тютчевъ.

Аламанъ. (Рис. на стр. 612).

Ужасъ каравановъ въ среднеазиатскихъ степяхъ, туркменно-разбойники, какъ извѣстно, соединяются шайками для грабежей (аламанъ). Мы не разъ уже давали изображенія этихъ шайекъ въ разные моменты впаденія на караванъ. Настоящій рисунокъ изображаетъ нѣсколькихъ разбойниковъ, прибывшихъ на сборный пунктъ и ожидающихъ остальную часть шайки.

Главная литературная премія „НИВЫ“ на 1891 годъ.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова.

При слѣдующемъ № 29 „Нивы“ всѣ подписчики получаютъ обѣщанныя нами сочиненія Лермонтова въ новомъ изданіи.

Изданіе это, составляющее главную литературную премію «Нивы» на 1891 годъ, есть **первое полное собраніе сочиненій Лермонтова**. Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ извѣстное по рукописямъ или печатному тексту, а многое впервые появляется въ печати. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе исправленное, тщательнѣе свѣренное съ рукописями или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Такая обработка изданія потребовала громаднаго труда со стороны редактора, А. И. Введенскаго, такъ какъ Лермонтовскій текстъ и въ Собраніяхъ сочиненій, и въ журналахъ былъ донныиъ настолько мало установленъ, что даже «Герой нашего времени» и другія, при жизни автора печатавшіяся произведенія, оказались искаженными. Что касается произведеній Лермонтова оставшихся въ рукописи, то они, вслѣдствіе неразборчивости почерка, были прочтены далеко не съ желательною точностью и до сихъ поръ количество ошибокъ въ каждомъ новомъ изданіи не уменьшалось, а даже возрастало.

Благодаря повѣркѣ текста по рукописямъ «Лермонтовскаго Музея», Публичной Библіотеки и др., въ настоящемъ изданіи всѣ эти погрѣшности исправлены, а также восстановлена орфографія автора по отношенію къ знакамъ препинанія, въ тѣхъ случаяхъ когда несоблюденіе ея извращало самый смыслъ текста.

Желая дать впервые **„дѣйствительно полное“** собраніе сочиненій нашего поэта, мы не остановились ни передъ какими матеріальными жертвами и вмѣсто обѣщанныхъ 45—48 листовъ (Сборникъ «Нивы» за іюль, августъ и сентябрь) даемъ въ 4-хъ томахъ 79 печатныхъ листовъ, т. е. количество почти вдвое большее противъ обѣщаннаго нами. Не смотря на громадную техническую трудности, представляемая печатаніемъ и брошюровкой болѣе чѣмъ десяти миллионныхъ печатныхъ листовъ, мы успѣли преодолѣть ихъ въ срокъ. Такимъ образомъ подписчики «Нивы» при № 29 получаютъ первые два тома и при № 33 остальные два тома **полнаго собранія сочиненій Лермонтова**.

Прилагаемый къ изданію портретъ поэта, гравированный на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, воспроизведенъ съ оригинала, хранящагося въ Лермонтовскомъ Музее.

Памятникъ Императору Александру II въ Одессѣ.

(Рис. на этой стр.).

Давно жданное одесскимъ населеніемъ торжество увѣковѣченія въ Одессѣ памяти въ Востѣ почившаго Царя-Освободителя Государя Императора Александра II — произошло 10 іюня, на второй день праздника Св. Троицы, въ Александровскомъ паркѣ, на томъ холмѣ и мѣстѣ, гдѣ въ Востѣ почившій Императоръ, разсмотрѣвъ и одобривъ планъ парка, собственноручно посадилъ дерево. Въ этотъ день, съ 9 — 10 час. утра, въ Александровскій паркъ стали стекаться со всѣхъ сторонъ толпы народа, запрудившаго къ 12 час. дня не только всѣ аллеи парка, но и прилегающія къ нему улицы.

Вся мѣстность парка, начиная съ Сабанскаго переулка, была чрезвычайно эффектно украшена флагами, гирляндами и городскими гербами. При входѣ въ паркъ, со стороны Сабанскаго переулка, была устроена триумфальная арка, задрапированная матеріями яркихъ цвѣтовъ и изящно украшенная гирляндами, флагами и городскими гербами. За аркой слѣдовали въ два ряда выкрашенные въ бѣлый цвѣтъ высокіе столбы, установленные по обѣимъ сторонамъ главной дороги, ведущей къ памятнику. Столбы эти, съ развѣвавшимися флагами, украшенные городскими гербами, — соединялись между собою гирляндами. Самая мѣстность вокругъ монумента представляла чрезвычайно живописную и вмѣстѣ съ тѣмъ величественную картину. Холмъ, вѣнчавшійся грандіозною колонной, скрытой на время отъ взоровъ полотнянымъ чехломъ, какъ бы устланъ былъ роскошнымъ ковромъ изъ зелени и цвѣтовъ, на которомъ съ двухъ сторонъ, обращенныхъ къ главной дорогѣ, красовались государственный гербъ изъ цвѣтовъ и инициалы Императора Александра II. Вокругъ холма и расположенной у подножья его изящной ограды съ „Царскимъ дубкомъ“ посрединѣ — точно также установлены были высокіе столбы съ развѣвавшимися на нихъ громадными національными флагами, украшенные гербами Одессы и соединенные между собою гирляндами изъ зелени. Холмъ какъ бы утопалъ въ цѣломъ морѣ флаговъ и гирляндъ. У аллеи, ведущей на площадку, расположенную на вершинѣ холма, устроена была вторая триумфальная арка.

Ровно въ 2 часа пополудни началось служеніе молебствія съ водосвятиемъ. Послѣ этого возгласена была „вѣчная память“ въ Востѣ почивающему Императору Александру Николаевичу. Затѣмъ послѣдовало провозглашеніе многолѣтня всѣмъ жителямъ г. Одессы. При пѣніи хоромъ пѣвчихъ „многая лѣта“ было сдернуто съ монумента покрывало, скрывавшее до того времени отъ глазъ публики памятникъ незабвенному Монарху, Царю-Освободителю. Памятникъ — колонна съ pedestalомъ, высотой 20 аршинъ, — изъ кварцеваго краснаго песчаника и гранита; на колоннѣ доска съ медальономъ бѣлаго мрамора, изображающимъ портретъ Императора; подъ медальономъ надпись: „Александру Второму благодарная Одесса“.

Политическое обозрѣніе.

Возобновленіе тройнаго союза необычайно радуетъ союзныя

державы, и всѣ газеты союзниковъ прославляютъ лигу мира. Но на самомъ-ли дѣлѣ миръ является единственною лиги, по крайней мѣрѣ, главной цѣлью союза? Едва-ли такъ. *Московскія Вѣдомости* въ прекрасной статьѣ замѣчаютъ, что „изоляция Россіи — это первая и главная цѣль тройной лиги; ради этой цѣли былъ, какъ извѣстно, заключенъ австро-германскій договоръ, и если потомъ на всѣ лады стали доказывать, что лига нужна, потому что Россія и Франція вынуждены нарушить миръ, то такое объясненіе было нужно только для прикрытія главной, неудавшейся цѣли. Только берлинскіе офиціозы могутъ повторять старую глупость о томъ, что Франція только и думаетъ о реваншѣ. Никто кромѣ „миролюбивыхъ“ нѣмцевъ не вѣлъ столько войнъ въ послѣднія десятилѣтія. Правда, каждая война „вызывалась не нѣмцами“, какъ

они доказываютъ это тысячу разъ, а маленькою Даніей, слабою Австріей, неготовою къ войнѣ Франціи; но вѣдь это можно рассказывать собственнымъ подданнымъ, а не другимъ, отлично знающимъ какъ дѣлается дѣло. Теперь пора бы уже убѣдиться, что, являясь главнымъ „нарушителемъ мира“ (Störenfried), невозможно свалить вину на другихъ, и старая басня о необходимости тройной лиги для спасенія Европы отъ реванша французамъ является по меньшей мѣрѣ наивною.

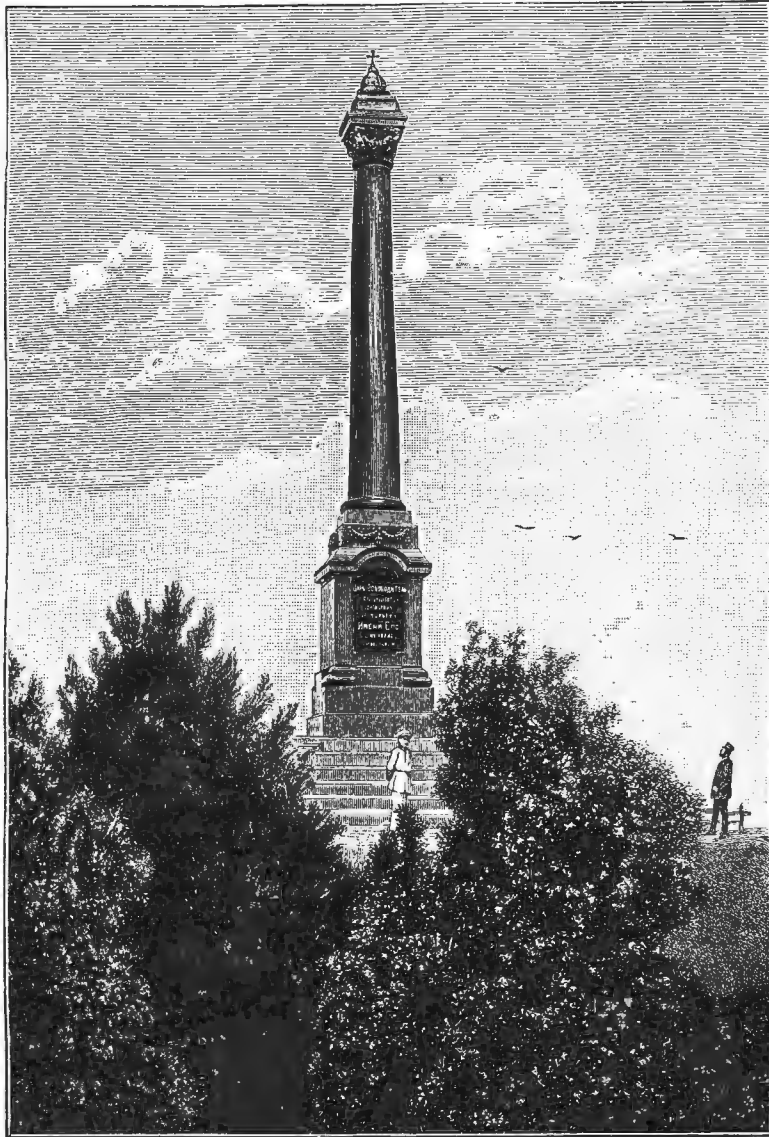
„Еще наивнѣе повторять поминутно, что тройная лига до сихъ поръ оградила Европу отъ войны.“

„Доказываютъ это тѣмъ, что Франція съ Россіей могли бы справиться съ Германіей и Австріей, но не рѣшаются начать дѣло, когда съ ними за одно такая могущественная держава какъ Италія!“

„Не нужно, конечно, думать, чтобы въ Берлинѣ дѣйствительно вѣрили всему тому, что тамъ говорятъ. Нѣмцы отлично знаютъ, что войны не было потому что Россія не желала представлять для Германіи то прикрытіе, которое она представляла ей въ прежнихъ войнахъ начинаемыхъ Германіей. Они знаютъ также, что не „реваншъ“ французамъ вызвалъ заключеніе вначалѣ австро-германскаго, а затѣмъ тройнаго союза, а желаніе этимъ путемъ принудить Россію по-

прежнему на своихъ могучихъ плечахъ поддерживать выросшую, благодаря ей поддержку, Германію. Князь Бисмаркъ думалъ насъ застраховать своею „лигой мира“. Мы уже столько разъ доказывали что это была его крупнѣйшая ошибка, повлекшая за собой цѣлый рядъ другихъ ошибокъ, что доказывать эту истину еще разъ совершенно излишне. Достаточно сказать, что политика князя Бисмарка возвратила Россію самой себѣ, возвратила ей свободу дѣйствій и позволила ей заботиться только о собственныхъ, а не о германскихъ интересахъ. Если въ Берлинѣ довольны такимъ изолированіемъ Россіи, то мы еще болѣе имѣемъ основанія радоваться тому, что императоръ Вильгельмъ II не исправляетъ, а лишь повторяетъ ошибки своего бывшаго ментора.“

На досугъ императоръ Вильгельмъ II продолжаетъ путешествовать. Побывавъ въ Голландіи, онъ посѣтилъ и Англію. Изъ всего пребыванія, которое стараются сдѣлать какъ можно болѣе великолѣпнымъ, но къ которому публика относится довольно сдержанно, обращаетъ на себя вниманіе пріемъ адреса городскихъ представителей въ Гильдголтѣ. Здѣсь императоръ, отвѣчая за завтракомъ на тостъ, провозглашенный въ честь

Памятникъ Императору Александру II въ Одессѣ. Съ фот. Антонопуло, грав. Рашевскій.

его лордомъ-мэромъ, сказалъ, что онъ, какъ внукъ королевы—ими которой за ея великодушный характеръ и за ея мудрые совѣты всё будутъ вѣчно помнить—всегда чувствуетъ себя въ этой прекрасной странѣ какъ дома. Въ англійскихъ и пѣмецкихъ жилахъ течетъ одинаковая кровь. Слѣдую примѣрамъ дѣда и отца, императоръ будетъ постоянно прилагать свои усилія къ поддержанію исторической дружбы между обоими народами. Стремится онъ прежде всего къ сохраненію мира, потому что только миръ можетъ внушить то довѣріе, которое необходимо для нормальнаго развитія наукъ, искусствъ и торговли. Пока миръ продолжается — можно серьезно посвящать себя великимъ проблемамъ, справедливое рѣшеніе которыхъ императоръ считаетъ главной задачей настоящаго времени. Императоръ всегда готовъ соединиться съ Англією и съ другими народами для совмѣстнаго труда на пользу мирнаго прогресса, дружественныхъ сношеній и поощренія культуры.

Должно быть для поддержанія мира, по приказанію Германскаго императора, въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ приступлено къ работамъ по укрѣпленію острова Гельголаанда. Императоръ поручилъ управленіе этими работами Вейсу, строителю укрѣпленій на лѣвомъ берегу Мозеля. Укрѣпленія Гельголаанда будутъ возведены по составленному еще фельдмаршаломъ Мольтке плану и обойдутся въ 6 милліоновъ марокъ.

Вскорѣ за посѣщеніемъ императоромъ Австрійскимъ англійской эскадры, плавающей въ Адриатическомъ морѣ, ее посѣтила и Итальянская королевская чета. Прибывъ въ Венецію для присутствованія при спускѣ новаго итальянскаго броненосца „Sicilia“, король, королева и принцы посѣтили 26 июня англійския военные суда здѣсь находившіяся. За завтракомъ, состоявшимся на флагманскомъ суднѣ, король провозгласилъ тостъ за здоровье королевы Викторіи, за благоденствіе великаго англійскаго народа, вѣрнаго друга Италіи, какъ въ счастливыя, такъ и въ тяжелыя времена, и за могучій англійскій флотъ. Король присовокупилъ, что въ его тостъ отзывается сердечное привѣтствіе всего итальянскаго народа. Командиръ англійской эскадры провозгласилъ тостъ за здравіе Итальянской королевской четы и, поблагодаривъ, отъ имени королевы, ихъ величества за посѣщеніе, выразилъ твердое убѣжденіе, что сердечныя, дружескія отношенія между Англією и Италією останутся въ будущемъ тѣми-же, какими они были въ прошлое время. Затѣмъ король и королева, сопровождаемые цуничнымъ салютомъ англійскихъ судовъ и шумными оваціями публики, вернулись во дворецъ. Послѣ посѣщенія итальянскихъ судовъ „Magia Pia“ и „Etna“, состоялся во дворцѣ обѣдъ въ честь англійскихъ офицеровъ.

Смѣсь.

Надежды возлагаемыя на новыя раскопки въ Афинахъ. Когда послѣ войны за освобожденіе явилась мысль создать новую столицу юнаго королевства Греціи изъ тогдашнихъ Афинъ, представлявшихъ собою холмы мусора и кучи лагузъ и домишекъ, уже тогда многіе хотѣли оставить незастроенною землю къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ Акрополя, гдѣ, по ихъ мнѣнію, находилась древняя агора (рынокъ), а новый городъ расположить кольцомъ вокругъ этого мѣста. Тогда бы слѣдовало оставить незастроеннымъ этотъ центръ античнаго города и произвести раскопки, и только послѣ этого украсить его новыми зданіями. Но этотъ планъ за неимѣніемъ средствъ и малымъ числомъ сторонниковъ былъ оставленъ. Благодаря этому, не смотря на множество сочиненій, мы не имѣемъ яснаго и повѣреннаго на дѣлѣ представленія о сердцѣ древнихъ Афинъ. Теперь, кажется, прежній промахъ будетъ отчасти исправленъ. Вотъ что напечатано въ № 4 „Сообщеній императорскаго нѣмецкаго археологическаго института въ Афинахъ“: „Извѣстно, что до сихъ поръ не найдено еще ни одного изъ зданій древне-греческаго рынка (агора), между тѣмъ какъ по свидѣтельствамъ древнихъ писателей на немъ находились дворецъ царя, зданіе совѣта, архивъ, храмъ Аполлона Петрооса и другія важныя зданія. Но еще не вполне выяснено, на какомъ мѣстѣ современнаго города находилась древняя агора. Этимъ и объясняется, что до сихъ поръ не предпринималось значительныхъ раскопокъ. Теперь есть надежда на разрушеніе этого, можно сказать, важнѣйшаго вопроса Афинской топографіи. Желѣзная дорога, соединяющая Афины съ Пиреемъ и кончающаяся вокзаломъ къ сѣверу отъ Тезейона, должна быть проведена далѣе черезъ городъ вплоть до площади Согласіа. Она пройдетъ туннелемъ, лежащимъ глубоко подъ теперешней почвой, отъ стараго вокзала къ сѣверу къ монастырю Папагги и еще далѣе до нынѣшней ратуши. Находящіяся на линіи желѣзной дороги дома уже скрыты и теперь должны начаться работы надъ прорѣзаніемъ туннеля. Такъ какъ при этомъ часть города, лежащая по этой линіи, будетъ разрыта почти на глубину 4 метровъ, то можно рассчитывать на богатыя находки не только античныхъ построекъ, но и другихъ древностей. При этомъ должна быть раскопана и древняя улица, которая вела отъ диллона (двойныхъ воротъ въ Элевзисъ) на древнюю агору и по обѣимъ сторонамъ которой тянулись колоннады. Изъ положенія и направленія улицы можно будетъ безъошибочно заключить о положеніи древней агоры. Невозможно, чтобы пролагаемый туннель не коснулся хотя бы части агоры. А разъ будетъ найдена часть ея или даже улица ведущая на нее, то не

долго придется ожидать и полной раскопки этой важнѣйшей части древняго города. (к.)

Все имѣетъ свою науку. На углахъ улицъ того лондонскаго квартала, гдѣ живетъ больше всего нищихъ, недавно можно было читать слѣдующее объявленіе: „Искусство просить милостыню *въ шесть уроковъ*. Профессоръ Лазаръ Родмей даетъ знать своимъ клиентамъ, что онъ будетъ читать лекціи по теоретическому и практическому преподаванію нищенства. По окончаніи учебнаго курса *только въ шесть уроковъ* каждый можетъ привольно и беззаботно жить на счетъ публики. Условія профессора очень умѣренныя. Онъ также принимаетъ за умѣренное вознагражденіе дѣтей на полный пенсіонъ. Вършенія его попеченію дѣти обучаются тому, какъ, по желанію, себя обезображивать. Далѣе, за приличное вознагражденіе указываются лучшія улицы въ самыхъ филантропическихъ кварталахъ города. Профессоръ Родмей имѣетъ складъ самыхъ лучшихъ свидѣтельствъ о бѣдности; превосходно поддѣлываетъ всевозможные рубцы и раны. Женщины *ежедневно* могутъ получать за дешевую цѣну *близнецовъ*, которые своимъ сходствомъ превосходно приспособлены къ тому, чтобы вызывать состраданіе публики. Профессоръ доставляетъ дрессированныхъ собакъ для слѣпыхъ, костыли, бандажы, словомъ все, что требуется въ нищенскомъ ремеслѣ. Заказы исполняются быстро и въ секретѣ. — Профессоръ Родмей, улица Принца, Ст. Джильсъ.“ (в.)

Провѣтаніе Соединенныхъ Штатовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣднія 38 лѣтъ населеніе увеличилось на 170%, протяженіе желѣзнодорожныхъ линій—на 1600%, сумма банковыхъ операцій—на 900%, число лошадиныхъ силъ въ паровыхъ машинахъ—на 685%, число фабрикъ—на 608%, торговые обороты—на 315%, число земледѣльцевъ—на 252%, флотъ же только—на 74%. За послѣднія 10 лѣтъ протяженіе желѣзнодорожныхъ линій увеличилось на 80%, число земледѣльцевъ—на 30%, торговые обороты—на 30%, и флотъ—меньше чѣмъ на 10%. Капиталъ національныхъ банковъ за это время съ 454.000.000 возросъ до 599.000.000 долларовъ, капиталъ государственныхъ банковъ и товариществъ на вѣрѣ—съ 114.000.000 до 188.000.000, капиталъ частныхъ банковъ—съ 76.000.000 до 99.000.000 долларовъ. Въ торговомъ флотѣ въ 1880 году считалось 4.068.000 тоннъ; въ 1890 же — 4.424.000. Въ этотъ же промежутокъ времени доходъ горнозаводства возросъ съ 380.000.000 до 600.000.000 долларовъ. (к.)

Старый долгъ. Одинъ старый испанскій торговый домъ, въ 1760 году, не будучи въ состояніи уплатить по своимъ обязательствамъ Фленсбургской фирмѣ Р., былъ объявленъ несостоятельнымъ. Благодаря постояннымъ трудамъ наслѣдниковъ и удачнымъ операціямъ, домъ этотъ въ настоящее время снова оправился. Желая удовлетворить старыхъ кредиторовъ, наслѣдники его навели справки о фирмѣ Р. Оказалось, что она уже перестала существовать, но въ какой-то деревенькѣ въ окрестностяхъ Фленсбурга живетъ прямой наслѣдникъ этой фирмы, правнукъ ея основателя. Ему ежегодно будутъ выдаваться отъ испанскаго дома чеки, пока долгъ не будетъ погашенъ. (к.)

Могила Аристотеля. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Nineteenth Century* Др. Чарльзъ Валдштейнъ сообщаетъ о результатѣ раскопокъ, предпринятыхъ имъ въ Эретріи на островѣ Эвбей, въ теченіи которыхъ, какъ онъ думаетъ, была найдена могила Аристотеля, какъ извѣстно умершаго на Эвбей. Откопанный Валдштейномъ саркофагъ содержалъ въ себѣ не только статуэтку, соответствующую описаніямъ наружности Аристотеля, но также металлическое перо, очиненное на подобіе гусиного, и два грифеля для писанія на восковыхъ дощечкахъ, какъ указаніе на то, что это могила ученаго. Дѣйствительно-ли найдено мѣсто послѣдняго успокоенія великаго философа или нѣтъ, во всякомъ случаѣ это открытіе очень интересно, такъ какъ до сихъ поръ еще не найдено втораго экземпляра металлическаго пера изъ временъ древней Греціи. (в.)

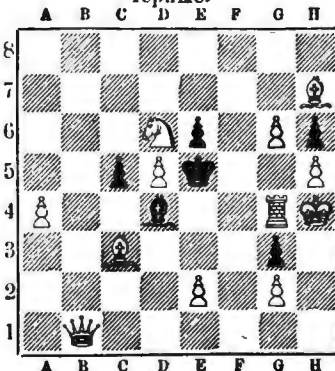
ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 31.

С. Лойда.

Черные.

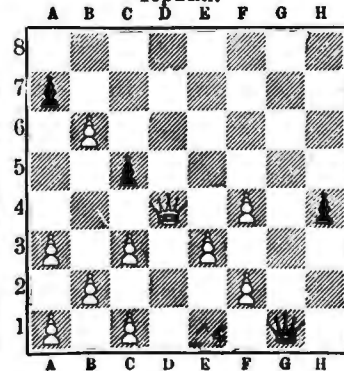
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 32.

П. П. Боброва и Д. И. Саргина (въ Москвѣ) (изъ „Шашечницы“).

Черныя.

Бѣлыя.

Запереть дамку и двѣ простыя.

Задача № 31 взята из богатого интересными известиями отдела „Хроника“ недавно вышедшего № 1 (июль 1891 г.) журнала „Шашечница“, редакторы-издатели Д. И. Саргисъ и П. П. Бобровъ. „Хроника“ между прочимъ сообщаетъ: „Америка. Нью-Йоркъ. Въ Шахматномъ Клубѣ (президентъ — Ch. A. Gilberg, секретарь — Simpson) 23 февраля этого года окончился обычный ежегодный турниръ. Призы получили: 1 и 2 (ex aequo) I. W. Baird и Delmar, 3 и 4 раздѣлили E. A. Ford и Simpson, 5—Hodges, 6—Nautant и 7—Rogers и Yeatan. На конкурсъ рѣшѣной задаче предложилъ задачу С. Лойдъ (см. дѣл.); онъ же далъ и призъ — золотую шахматную вещьцу. Изъ 19 конкурентовъ въ два часа первымъ рѣшилъ задачу и получилъ призъ Ch. Eccles“.

ПАРТІЯ № 10.

Играна 5 июня с. г. во второмъ турнирѣ - гандикапъ въ „Собраниі Экономистовъ“, Фонтанка, 32.

Ф. И.	Э. Шифферсъ.	Ф. И.	Э. Шифферсъ.	Ф. И.	Э. Шифферсъ.
Бѣлые.	Черные (съ да-чей впередъ пѣшки Г и 2-хъ ходовъ).	Бѣлые.	Черные (съ да-чей впередъ пѣшки Г и 2-хъ ходовъ).	Бѣлые.	Черные (съ да-чей впередъ пѣшки Г и 2-хъ ходовъ).
1. e2—e4	d7—d6	9. e5—e6?	3) C. f8—g7	17. К. e3—g4	К. h6 : g4
2. d2—d4	K. b8—c6	10. 0—0	0—0	18. Ф. d1 : g4	Ф. d8—b6+
3. C. f1—d3	K. g7—g6	11. К. b1—c3	c7—c6	19. Кр. g1—h1	с6—c5
4. e4—e5	K. g8—h6	12. К. e2—d4	e8 : d5	20. f4—f5?	Ф. b6 : e6!
5. f2—f4	C. c8—g4	13. К. e3 : d5	K. b8—c6	21. C. e1—f4?)	Л. f8 : f5
6. d4—d5	C. g4 : e2	14. К. d4 : c6	b7 : c6	22. Л. f1—e1?)	Ф. e6—d7!
7. C. d3—e2	C. g4 : e2	15. К. d5—e3	Л. a8—b8	23. Л. e1 : e7?)	Ф. d7 : e7
8. К. g1 : e2?)	K. c6—b8	16. e2—e3	d6—d5	24. C. f4 : b8	Ф. e7—f8?)

Примѣчанія къ партіи.

1) Здѣсь можно было также играть 4... C. c8—e6; напр.: 5. e5 : d6, e7 : d6; 6. Ф. d1—b5+, C. e6—f7; 7. Ф. b5—b5, Ф. d8—e7+ и вѣтъмъ 0—0. Ходы 5. Ф. d1—h1+ и 5. d4—d5 или 5. C. d3—b5 ни къ чему не ведутъ.

2) Послѣ 8. Ф. d1 : e1, К. c6—d4!; 9. Ф. e2—d3 или c4, c7—c5! у черныхъ превосходная партія.
3) Гораздо лучше было 9. К. f3—d4—e6, что значительно стѣснило-бы игру черныхъ.
4) Бѣлые рассчитывали выиграть качество.
5) На 22. Л. a1—e1, черные отвѣтили-бы 5... Ф. e6—f7 и бѣлые не могутъ брать C. f4 : b8 по причинѣ мата въ 2 хода.
6) Бѣлые могли отдать Ферзя за 2 ладьи, сыгравъ 23. C. f4 : b8, Л. f5—f1+; 24. Л. e1 : f1, Ф. d7 : g4; но тогда центральными пѣшками черныхъ рѣшили-бы партію въ ихъ пользу.
7) Бѣлые теряютъ Слона или получаютъ матъ въ 2 хода.
ПОПРАВКИ: Въ задаче № 30 слѣдуетъ запереть дамку и дать простыма. Въ задаче № 5 Сборника „Нивы“ (книжка № 6 за июль 1891 г.) слѣдуетъ запереть дамку.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Бонтора журнала „Нива“ просить своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографские расходы. Гг.-же городские подписчики благоволятъ пред-стать въ подлинныя билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. П. Н. Поле-вого. Ч. III. (Продолженіе). — Стихотворенія Н. Фофанова. — Нагасаки. Очеркъ А. Китаева (съ рис.). — Къ рисункамъ: Главный домъ на Нижегородской ярмаркѣ (съ рис.). — Рынокъ въ Мервѣ (съ рис.). — Дѣло Стрѣльнической частной пожарной ко-манды А. Д. Львова (съ рис.). — Елена (съ рис.). — Аламанъ (съ рис.). — О главной литературной преміи „Нивы“ на 1891 годъ. — Памятникъ Александру II въ Одессѣ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Шахматы. — Поправки. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

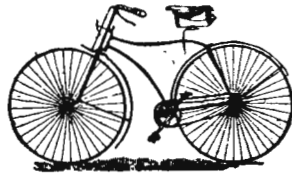
Редакторъ В. Клюшниковъ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ пригото-вленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обра-щено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цена: флакону 1 р. 65 к., бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ, опо-помادا (лучше колдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратитъ вниманіе на причепа-ную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главнаго склада для всей Россіи у В. Ауриха, въ С.-Петер-бургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмер. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—16

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКФУРТЪ П/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ“.

Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велоси-педы для взрослыхъ и дѣтей, также съ рези-ною „Юмента“ (подушка) и „инвентивской“! Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18—10

ПРЯЖКА-ПОДТЯЖКА, ЛЕННИНЪСЪ и ГЮЗИНЪСЪ

Замѣняютъ вполнѣ ремешъ и подтяжки. Легко самому придѣлать. Удобны, краси-вы, практичны и прочны ремешъ и подтя-жки вообще. Необходима для всѣхъ брющъ. Цѣны: 1 шт. 65 к., 3 шт. 1 р. 75 к., 6 шт. 3 руб. Перес. до 8 шт. 1 ф. Пер. влож. плат. (4) С.-Петербургъ, Невскій пр. № 20.

внѣтъ честь сообщить, что они доставля-ютъ черную краску, которую печатаетъ иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗАИКАНИЕ

и ДРУГІЕ НЕДОСТАТКИ ПРОИЗНОШЕНІЯ о-лѣчаться профессоромъ Бернанома. о-лѣч. Москва, Болш. Кисловка, д. Базилевскаго. 5289 4

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 К. ПРОДАЕТСЯ ВСЕГДѢ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блоннъ, С.-Пе-тербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ
В. № 5098 АППАРАТЫ 20—16
10, 15, 25 р. и дорожно. Полный наборъ и само-учитель. Пространный роскошно иллюстрир. преясъ-кур. безплатно. К. И. ФРЕЛАНДЪ. Москва. Маслицкая, уголъ Кривоколынаго пер. д. Сополова. С.-Петербургъ, Невскій пр. № 30—16.

№ 4711
WEISSER FLIEDER
(LILAS BLANC)
(БѢЛАЯ СИРЕНЬ)
„EAU D'ESPAGNE“
„ГОЛЬДЛАКЪ“.

НОВѢЙШІЕ ЛЮБИМЫЕ ОСОБЕННО КРѢПКІЕ ДУХИ. Можно получать почти во всѣхъ парфю-мерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Просятъ при покупкѣ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку
8—6 **№ 4711.** Ц. № 5229

ДЕНТИНЪ
В. ГЕННА
въ ВѢНѢ.
В. № 4731 34—21
Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ. Цѣна 40 коп. Продается въ парфюмери. и аптекарскихъ магазинахъ. Главнаго склада у Василія Ауриха: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVІІ вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

БРОКАРЪ и К^о.
ИЗОВРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (13)
ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербурѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИНА „ГУНИАДИ-ЯНОСЬ“
иади Яносъ“, поэтому по-корѣйше про-симъ обратитъ вниманіе на помѣщенную здѣсь предо-хранительную марку—порт-ретъ.
Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
Первоклассный алыкалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Алыкамъ и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно: Контора отправки книжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ ФУРБАХЪ и СТРЕБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10—6 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5152

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ - хроника XVІІІ в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес 2 в. 50 к.

ГИТАРЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 р. (отъ 7 р. и дороже съ механизмомъ для струнъ). Самоучитель Соколова въ 1 1/2 и 3 р.

По получении задатка приблизительно 1/3 стоимости, инструментъ высылается съ наложеннымъ платежемъ, на остальную сумму.

Заказы изъ провинции исполняются немедленно и аккуратно.

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-куррантъ безплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 5260
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарына.

ВНИМАНІЮ ПУБЛИКУЮЩИХЪ.

Безплатные Путеводители

Во всѣхъ вагонахъ I и II кл. С.П.Бурго-Варшавской, Николаевской, Московско-Курской, Мос-Брестской, Мос-Нижегородской жел. дорогъ и во всѣхъ перворазрядныхъ гостиницахъ, ресторанахъ и кофейныхъ и т. п.

Объявленія торгово-промышленныхъ фирмъ, помѣщенныхъ въ этомъ путеводителѣ, могутъ рассчитывать на самое широкое распространение среди миллионной проѣзжающей по означеннымъ дорогамъ публики. Объявленія принимаются у издателя ж. д. путеводителя, Малая Конюшенная № 8, кв. 3, или уполномоченными агентами, а также могутъ быть присылаемы по почтѣ. № 5255

БОННА среднихъ лѣтъ, знающ. языки и музыку пужна Вишневокому антрекарю Рубинштейну Гольшаны. № 5257

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

Больш. фирма и фабрика. Новые подѣлки.

со штурк. въ замшевомъ кошлѣкѣ. 8 р. 50 к. съ перес. въ предѣл. Европ. Россіи 9 — — въ Азіатск. Россіи 9 — —

"Лиллипутъ" удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполне замѣляетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и Ко. 5251
Специальн. фабр. оптич. инструментовъ
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4. (2-2)
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Пластр. прейсъ-куррантъ оптич. и фотограф. прибор. высылается безплатно.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ СВЯТЫ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
С.-Петербургъ

Оканчивается печатаніемъ и поступить въ продажу 16 іюля 1891 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

изданное А. Ф. Марксомъ, подъ редакцію А. И. Венденскаго, съ биографію и гравированнымъ на стали портретомъ Лермонтова.

Многие изъ Гг. подписчиковъ "Нивы" выразили желаніе, сверхъ обѣщаннаго имъ въ премію экземпляра полнаго собранія сочиненій ЛЕРМОНТОВА, приобрести таковое за известную плату, отдѣльно отъ журнала. Въ виду этого, мы поспѣшили, до изготовления всего количества потребнаго въ премію подписчикамъ, отпечатать пока нѣсколько тысячъ экземпляровъ сочиненія для отдѣльной продажи. Желая дать дѣйствительно полное собраніе сочиненій нашего поэта, мы не остановились ни передъ какими матеріальными затратами. Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ известное по рукописямъ или печатному тексту, а многое впервые появляется въ печати. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе исправленное, тщательно сверенное съ рукописями или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома in 8°, объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1273 страницы).

Содержаніе 1-й части: Предисловіе, биографическій очеркъ, стихотворенія 1828—1841 гг. (307 стран.).

" 2-й части: Поэмы и примѣчанія къ 1 и 2 ч. (374 стран.).

" 3-й части: Проза (272 стран.).

" 4-й части: Драмъ, письма М. Ю. Лермонтова, примѣчанія къ 3 и 4 ч. и алфавитный указатель къ соч. Лермонтова (320 стран.).

Такимъ образомъ, предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной вѣтшинности займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цѣна за экземпляръ полнаго собранія сочиненій 1 р. 50 к., а съ перес. 2 руб. Въ двухъ колѣнкорovýchъ, тисненыхъ красками, перелетахъ 2 руб., а съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ С.П.Б., въ контору журнала "Нива", Невскій, 6.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет- № 4961 скаго моста, домъ № 7-2. 26-14
Иллюстрированные прейсъ-курранты по требованіямъ выслаются безвозмездно.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВЪ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г. на новыхъ и выгодныхъ условіяхъ:

Примѣръ: Отецъ семейства 30-ти лѣтъ отъ роду страхуетъ 10,000 рублей съ тѣмъ, чтобы эта сумма была выдана его женѣ или дѣтямъ немедленно послѣ его смерти. За такое страхование онъ уплачиваетъ трехмѣсячную премію въ 82 р. 29 к. и пользуется при этомъ слѣдующими выгодами:

1. По истеченіи третьяго года страхованія взносы премій значительно уменьшаются, вслѣдствіе вычета дивиденда, отъ участія страхователей въ прибыляхъ Общества.
2. Застрахованное лицо, по достиженіи имъ 60-ти лѣтняго возраста, получаетъ само по себѣ половину означеннаго капитала, т. е. 5,000 руб., и затѣмъ прекращаетъ дальнѣйшую уплату премій; но при этомъ страхование въ 10,000 руб. въ пользу семейства сохраняется и впродъ полную свою силу. Дивидендъ страхователей въ 1891 году составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, соб. д. № 37) и въ Агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи.

№ 5248 4-4

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главныі складъ у Г. Голлендера, Демиdorf пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5136 (11)

ДЕЛО ЧАСОВЪ

поставщ. Двора Его Импер. 12-7 Величества № 4968
Москва, Мясницкая, д. 18.

В. ФРЕЙМУТЬ.
Собственной фабрики зол., сер. карм. часм. Прейсъ-курранты выслаются безплатно.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СЛОВАРЬ № 5258

Энциклопедія сельскаго хозяйства.

Все изданіе закончилось въ теченіе года и будетъ состоять изъ 12 выпусковъ (около 1000 стр. уборист. лѣт., болѣе 1000 рис.). Составилъ С. М. Богдановъ, профессоръ агрономіи въ университетѣ Св. Владиміра.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ:
Подписная цѣна до 1 ноября 6 р. съ перес. съ 1 ноября 7 р. 50 к. съ перес.

По окончаніи изданія Словарь будетъ стоить 10 руб.

Адресъ: Кіевъ, Петру Барскому.

8 ВЫСШИХЪ НАГРАДЪ

АГЕНТСТВО С. ПЕТЕРБУРГЪ МОИКА № 14, КВ. 48.

ГЛАВН. СКЛАДЪ въ С. ПЕТЕРБУРГѢ МАИЗЕНЪ въ КІЕВѢ

КРЫМСКОЕ-ШАМПАНСКОЕ КОЛКЕ Г. Н. ХРИСТОФОРОВА и П°

ВЪ МОСКВѢ ТВЕРСКАЯ, д. КОММИССАРОВА

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ЖЕНЬИ КОФЕ

ТВЕРСКАЯ, ПРОТЯВЪ САРМАНАГО П О Д В О Р Ъ А Д. ГИЛЛУСЪ, КОВЕТО ДО СМЕРТИ. ТРЕБОВАНІЕ ВЪ СВОБОДН. ПЛАТѢН. ПРІЕМЪ КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО

Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖИЙ.

BLAKEY'S BOOT PROTECTORS

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ
Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и искривленія. Легко придѣлать. СБЕРЕГАЕТЪ ВЪ 20 РАЗЪ БОЛЬШЕ СТОИМОСТИ. 4 КОЛЛ. 1 Р. 20 КОП., ПЕРЕСЫЛКА 2 ФУНТ. 10 " 2 Р. 30 КОП., 100 ГОЛЛ. 20 РУБ

Продаются во всѣхъ магазинахъ и лавкахъ и высыл. налож. платеж. изъ склада для Россіи. С.-Петербургъ. БАЗАРЪ МАРКЪ Невскій пр., № 20

ПИШУНЦАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ съ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-куррантъ, содерж. многочисленн. отзывамъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

XXII г.

№ 29

г. XXII

1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДЪ ЕЖЕНЕД. №№ СЪ 8—10 РИС. ВЪ КАЖД. И ЕЖЕМЪС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. Выдаеъ 20 июля 1891 г. ВЫКР (отъ 22 до 30 рис.) вази. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). II. этого № „Нивы“ безъ Сборника 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

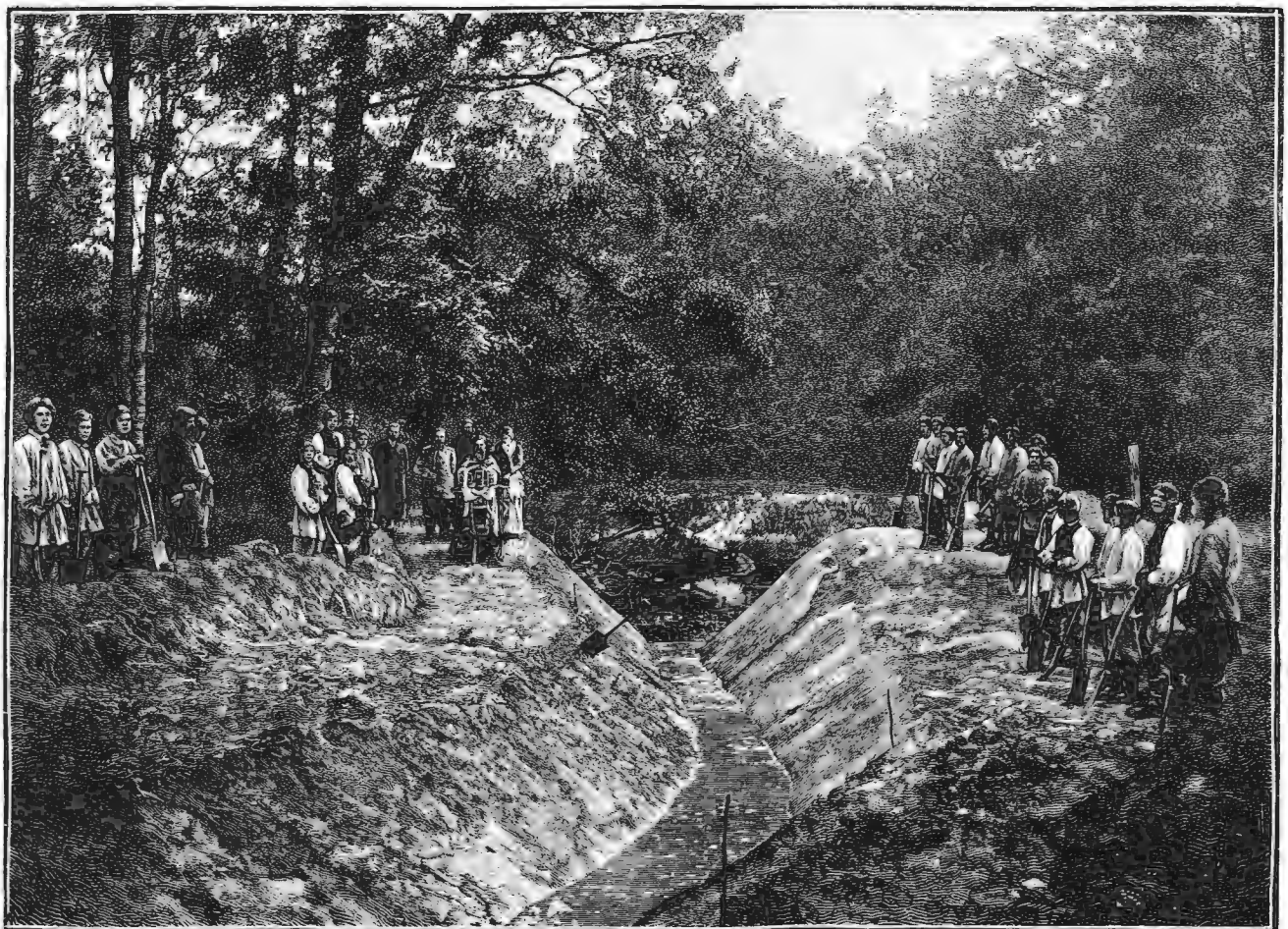
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ. НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	---------------------	-------

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

При этомъ №. прилагается гг. годовымъ подписчикамъ главная литературная премія „Нивы“ на 1891 годъ, ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, томы I и II (СБОРНИКЪ за ІЮЛЬ и АВГУСТЪ).

Экспедиція генерала Жилинскаго. Осушеніе болотъ въ Минской губ. Молебень въ лѣсу при началѣ прорытія канала. Съ фот. Кудрявцева, грав. Флюгель.

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XIII.

Измѣна растеть.

Нѣсколько дней спустя, въ передней государевой, въ обычный утренній часъ, собрались бояре и окольничіе въ ожиданіи выхода государя въ церковь. Ближе всѣхъ къ дверямъ комнаты стояли родственники царя: кравчій Иванъ Михайловичъ Годуновъ да братъ его, бояринъ Матвѣй Михайловичъ, да конюшій бояринъ Дмитрій Ивановичъ Годуновъ и дворецкій — бояринъ Степанъ Васильевичъ Годуновъ. Поближе къ „Годуновцамъ“ стоялъ новопожалованный бояринъ Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ, недавно осыпанный милостями и взысканный великимъ государемъ за воинскіе подвиги. Съ нимъ рядомъ бояре: князь Мосальскій, князь Хворостининъ, князь Ноготковъ и другіе, менѣе родовитые. Подальше, около стѣнъ, бояре старые и родовитые: Шереметевы, Буйносовы, Татищевъ, Хилковъ. И во всѣхъ трехъ группкахъ, враждебно и сумрачно смотрѣвшихъ другъ на друга, шли свои разговоры, свои оживленные толки то вполголоса, то шепотомъ.

— Ишь какъ величается! говорилъ пріятелямъ Хилковъ, кивая головою на Басманова. — Сейчасъ видно, что въ старшіе воеводы прыгнуть нарохтится!

— И попадетъ, и старыхъ бояръ въ товарищи заберетъ! Къ тому идетъ дѣло, злобно подсмѣивался князь Хворостининъ.

— Ну, ужь, нѣтъ! Кого другаго возьми, а я бы съ нимъ ни въ правой, ни въ лѣвой рукѣ не пошелъ! ворчалъ старикъ Шереметевъ.

— Тутъ, братъ Иванъ Петровичъ, намъ старикамъ и соваться нечего! Въ которой рукѣ ни иди — все не рука! замѣтилъ князь Буйносовъ-Ростовскій. — Чай слышалъ вѣсти-то изъ-подъ Путивля?

— Нѣтъ, не слыхалъ! А что же — недобрый?

— А такъ-то недобры, что хуже и быть не надо!

— А что да что? Разказывай, что знаешь!

И всѣ пододвинулись къ Буйносову.

— Вчерась, по вечеру, гонецъ пригналъ и грамоты привезъ отъ Шуйскаго и отъ Милославскаго къ царю, и самъ разказывалъ дьякамъ, что воеводы оплошали: Рыльскъ осаждали, и подъ самымъ носомъ ихъ туда вошла подмога отъ самозванца и запасы... А въ войскѣ ропотъ, и что ни день, *туда, къ нему*, перебѣгаютъ... А про Михайлу Салтыкова и прямо говоритъ, что тотъ завелъ съ *нимъ* шашни и народъ весь отъ Путивля отвелъ...

— Что-жь? И умно, по моему! сказалъ, обращаясь къ Морозову князь Телятевскій. — Приходитъ время такое, что каждому о своей шкурѣ подумать не мѣшаетъ...

— Да кто тамъ у царя такъ долго? Что онъ не выходитъ? нетерпѣливо спрашивалъ Басмановъ у Хворостинина.

— Кто какъ не Семень же Годуновъ! Съ докладами: кого вчера пыталъ, кого засѣлъ кнутомъ, кого на дыбу вздернулъ для порядка... Измѣну вишь вывести!

— Да онъ тамъ не одинъ, замѣтилъ князь Ноготковъ. — Тамъ и постельничій Истома Безобразовъ, тамъ и дохтуръ-нѣмецъ. Говорятъ, что царь Борисъ недужень...

Какъ будто въ подтвержденіе этихъ словъ дверь въ комнату государеву отворилась и старикъ-постельничій вышелъ оттуда съ толстымъ нѣмцемъ, докторомъ Клугономъ, который шелъ, важно переваливаясь и на ходу размахивая короткими и жирными руками.

Годуновцы тотчасъ окружили и доктора, и Безобразова и осыпали ихъ разспросами. Слышно было только, какъ вполголоса имъ отвѣчалъ постельничій:

— Не спалъ всю ночь... Всю ночь и мы всѣ на ногахъ... Измаялись на-смерть... И теперь въ опочивальнѣ съ Семеномъ.

Докторъ былъ словоохотливѣе, и на вопросы о здравіи царя сказалъ, указывая на голову:

— Здѣсь очень больно...

— Что же, головою страждетъ?

— Н-нѣтъ! Когда голява, надо хрѣну немножко прилягать — здорова голява. А это нездорова нутри голява: ошень думаетъ многа...

И раскланиваясь съ Годуновцами, толстый нѣмецъ, такъ же важно переваливаясь и размахивая руками, прошелъ черезъ переднюю въ сѣни, вмѣстѣ съ постельничимъ.

И еще растворилась дверь въ комнату; бояре смолкли и стали въ рядъ, выжидая выхода Годунова. Но вышелъ Семень Годуновъ и заявилъ боярамъ, что царь недужень, что выхода не будетъ и всѣ могутъ ѣхать по домамъ. Затѣмъ, обращаясь къ Басманову, онъ добавилъ съ усмѣшкой, которая какъ-то странно искривила его суровое и блѣдное лицо:

— А тебя, Петръ Ѳеодоровичъ, великій государь къ себѣ просилъ пожаловать, въ опочивальню, для бесѣды.

Басмановъ гордо поднялъ голову и, не обращая вниманія на взгляды ненависти и зависти, которые были на него устремлены со всѣхъ сторонъ, послѣдовалъ за Семеномъ Годуновымъ въ комнату государя.

Борисъ, давно уже страдавшій безсонницей, исхудалый, осунувшійся, прозрачно-желтый, видимо-снѣдаемый какимъ-то тяжкимъ внутреннимъ недугомъ, сидѣлъ на мягкомъ креслѣ около кровати. Передъ нимъ на столѣ были въ беспорядкѣ разбросаны какіе-то свитки и грамоты, полученные имъ по утру изъ-подъ Путивля. Царь читалъ ихъ, сурово насупивъ брови, и глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

Отвѣтивъ на поклонъ Басманова, Борисъ сдѣлалъ знакъ Семену Годунову, и тотъ поспѣшилъ удалиться, оставивъ Басманова съ глазу-на-глазъ съ царемъ.

Борисъ поднялъ глаза на Басманова, оглядѣлъ съ ногъ до головы всю его здоровую, красивую и крѣпкую фигуру, и проговорилъ какъ будто про себя:

— Любуюсь на тебя не даромъ... Какой красавецъ! — и видъ какой, бодрый, смѣлый, открытый! Сразу можно угадать, что ты не выдашь государя, не покривишь душой, какъ эти всѣ предатели... Шуйскіе да Милославскіе, да Салтыковы...

Потомъ, устремивъ свой пламенный взоръ прямо въ глаза Басманову, Борисъ сказалъ громко:

— Вѣдь если я тебя почту своимъ довѣремъ, если превознесу тебя надъ всѣми и вручу тебѣ начальство надъ всѣмъ войскомъ, вручу мочь полную, — ты станешь биться за меня съ Разстригой окаяннымъ, съ этимъ исчадьемъ ада, ты меня ему не выдашь? Не выдашь ему семьи моей?

— Великій государь, я рабъ твой недостойный, но вѣрный — и если ты почтишь меня довѣрьемъ, я буду биться до послѣдней капли крови...

— Клянись же мнѣ, вотъ... на моемъ Животворящемъ Крестѣ клянись, что ты за меня и за дѣтей моихъ... будешь биться до послѣдняго, что живота не пощадишь, что безъ всякой кривды служить мнѣ бу-

день, какъ началъ... Какъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ служилъ!

И Борисъ снялъ съ шеи золотую цѣпь съ драгоценнымъ крестомъ, въ которомъ, какъ въ ковчежцѣ, хранились мощи Св. угодниковъ, и подалъ крестъ Басманову.

— Клянусь—и пусть разразитъ меня Господь, если и клятвѣ измѣню! твердо произнесъ Басмановъ, крестясь и цѣлуя крестъ.

— Такъ слушай же, сказалъ Борисъ.—Я тебѣ вѣрю! Одному тебѣ — понимаешь? — одному тебѣ! Сегодня же велю писать на твое имя грамоту, и въ ней, для виду, первымъ воеводой назначу старика Михайлу Бахтеярова Ростовскаго, а тебя — вторымъ. На самомъ дѣлѣ, по моему же тайному приказу, ты будешь первымъ воеводою. Тѣхъ обоихъ—и Шуйскаго, и Милославскаго—долой!

Басмановъ низко поклонился.

— Слушай дальше! Не все еще! горячо продолжалъ Борисъ. — Если ты мнѣ будешь вѣренъ и храбро будешь биться съ самозванцемъ—и побѣдишь его... тогда проси себѣ въ награду чего душа желаетъ! Истомился я измѣной и обманомъ... Мучать меня предатели-бояре, жилы тянутъ изъ меня... Вотъ, смотри (онъ указалъ на грамоты)! И тутъ мнѣ пишутъ, что они его въ Путивлѣ добыть могли — и выпустили!.. Дали выскользнуть изъ рукъ!.. А ты—я знаю—ты бы не выпустилъ, ты бы заперелъ его... Ты мнѣ бы отдалъ на потѣху окаяннаго! Ха! ха! ха!..

Борисъ смѣялся зло, сухо, нервно, между тѣмъ какъ его свирѣпый взглядъ, какъ ножъ, проникалъ до самаго сердца Басманова.

— Великій государь, проговорилъ тотъ въ смущеніи, — я ужъ поклялся въ вѣрной службѣ! Если Богъ приведетъ добыть вора и обманщика — рука не дрогнетъ!..

— Да ты-то, Петръ Θεодоровичъ, вѣришь-ли, что онъ точно воръ и обманщикъ? Ты вѣришь-ли, что онъ не царевичъ Дмитрій Ивановичъ? Не „прирожденный государь“, какъ его тамъ въ Сѣверщинѣ величаютъ... Вѣришь? вѣришь-ли?

Басмановъ хотѣлъ говорить, но Борисъ вскочилъ со своего мѣста, крѣпко схватилъ его за руку и, судорожно сжимая ее, сталъ шептать ему на-ухо:

— Назъ тутъ никто не услышитъ... Такъ чтобы тебѣ увѣрить... я тебѣ откроюсь... я тебѣ то скажу, что и духовнику не говорилъ... Царевичъ Дмитрій ужъ давно въ землѣ... и не въ черной немочи онъ закололся, а зарѣзанъ... Мои же люди... Не я ихъ подсылалъ, а сами... сами, въ угоду мнѣ... зарѣзали его!..

И царь отпустилъ руку Басманова, и стоялъ какъ бы испуганный своимъ признаніемъ. Потомъ онъ добавилъ вполголоса, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ:

— А Битяговскій съ сыномъ и Качаловъ—это были слуги вѣрные, надежные... они не промахнулись бы... никто-бы не подсунулъ имъ на мѣсто царевича какого-то попова сына! Ха! ха! ха!

И онъ засмѣялся тѣмъ же сухимъ и злобнымъ смѣхомъ, отъ котораго у Басманова на душѣ похолодѣло.

— Ты видишь, бояринъ, какъ я тебѣ вѣрю! Видишь, какъ я съ тобою говорю! сказалъ царь Борисъ, нѣсколько оправившись отъ волненія. — Такъ вотъ же тебѣ мое послѣднее царское слово: ступай и разрази врага! Добудь мнѣ вора-самозванца — и я тогда тебѣ въ награду ничего не пожалѣю!.. Дочь свою, царевну Ксенію за тебя отдамъ, и за ней въ приданое Казань и Астрахань, и все Поволожье... Теперь ступай и помни мой обѣтъ. Я отъ него не отступлюсь, пока я живъ!

И онъ протянулъ руку Басманову, который поцѣловалъ ее, и страшно взволнованный, вышелъ въ переднюю. Онъ не зналъ что думать о царѣ Борисѣ — не

зналъ, радоваться-ли своему счастью и удачѣ или страдиться своей завидной долей.

XIV.

У колдуньи.

Поздно вечеромъ, въ тотъ же день, Семень Годуновъ явился по приказу Бориса въ его ошочивальню и доложилъ, что *все готово*.

— Когда-жъ ты былъ у этой вѣдьмы? тревожно спросилъ Борисъ.

— Всѣ эти дни ходилъ къ пей... Такъ и слышать не хотѣла!.. Говорю ей: „примешь-ли боярина Бориса?“ А она мнѣ прямо такъ и отрѣжетъ: „не приму — не знаю его судьбы!“ Ну, а сегодня утромъ говоритъ: „приди во второмъ часу ночи со своимъ бодринкомъ—сегодня буду ему гадать!“

— Ишь, вѣдьма проклятая!.. Тоже смѣетъ съ бодринкомъ считаться... Мало жгутъ ихъ!..

— Вѣдьму тоже надо жечь умѣючи! глубокомысленно замѣтилъ Семень Годуновъ.—Такъ если ты желаешь,—тамъ въ тайникѣ, подъ мыльной, все готово у меня.

— Пойдемъ, указалъ Борисъ, быстро поднимаясь съ постели.

Вѣстѣ съ Семеномъ онъ подошелъ къ углу, паправно отъ образовъ, приподнял коверъ, отперъ ключемъ маленькую потайную дверь, и спустился въ мыльню. Тамъ на столѣ горѣлъ фонарь и на лавкѣ лежало темное ходильное платье, охабень, теплые сапоги и шапка. Семень помогъ царю Борису переодѣться, самъ накинулъ шубу, взялъ фонарь, и другимъ потайнымъ ходомъ вывелъ Бориса въ длинный подземный проходъ, прорытый между рядомъ подземелій и тайныхъ дворцовыхъ подваловъ.

Медленно и осторожно двигались они, спускаясь тайникомъ къ Тайницкой башнѣ. Глухое эхо вторило шагамъ ихъ, среди мрака, который охватывалъ ихъ сплошной стѣной со всѣхъ сторонъ, и по которому, едва мерцая, скользила узкая и блѣдная полоска свѣта изъ фонаря, освѣщавшаго ихъ путь. Тайникъ закончился рѣшеткой, изъ-за которой потянуло холодомъ морозной февральской ночи. Семень отперъ рѣшетку, сиряталъ фонарь подъ полу шубы и вывелъ Бориса на переходы черезъ Кремлевскій ровъ. Здѣсь ждали ихъ простыя сани въ одну лошадь и десятокъ вооруженныхъ слугъ Семена Годунова. Они давно привыкли къ ночнымъ причудамъ своего боярина и даже не обратили вниманія на его закутаннаго и молчаливаго спутника.

— Къ Оленѣ юродливой! крикнулъ Семень холопу, который сидѣлъ верхомъ на упряжномъ конѣ и правилъ имъ. Сани быстро поехали по берегу Москвы-рѣки. Конные слуги поскакали около саней.

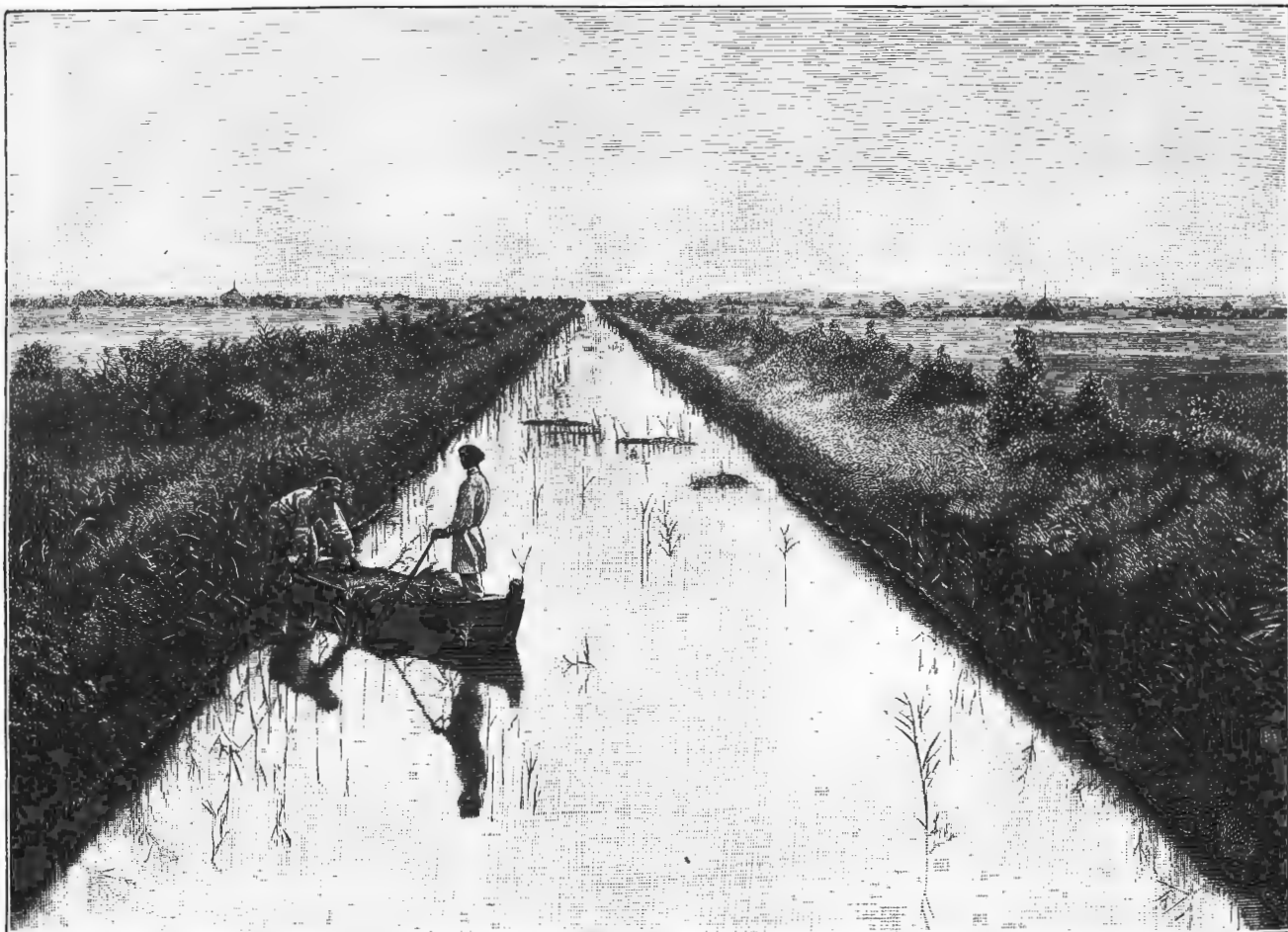
Проѣхавъ Москворѣцкія ворота и миновавъ живой мостъ черезъ Москву-рѣку, сани завсрнули за мостомъ налѣво, въ тѣсный переулочекъ, и остановились около ветхой покривившейся часовни, въ которой чуть теплились лампы. Въ темномъ и сыромъ подвалѣ подъ этою часовней жила не то пророчица, не то колдунья, всей Москвѣ извѣстная подъ именемъ Алѣнки юродливой. Къ ней всѣ москвичи ходили на поклонъ, какъ милостыни выпрашивая, чтобы „Олѣнушка“ погадала, и до вѣрялись безусловно всякимъ ея прорицаніямъ, придавали значеніе каждому ея слову.

Семень постучался у низенькой двери.

— Что-жъ, входи, что-ли? крикнулъ ему изъ-за двери чей-то грубый голосъ.

И Семень за руку ввелъ царя Бориса въ низкое и смрадное подземелье, въ которомъ полъ былъ покрытъ грязною рогожей.

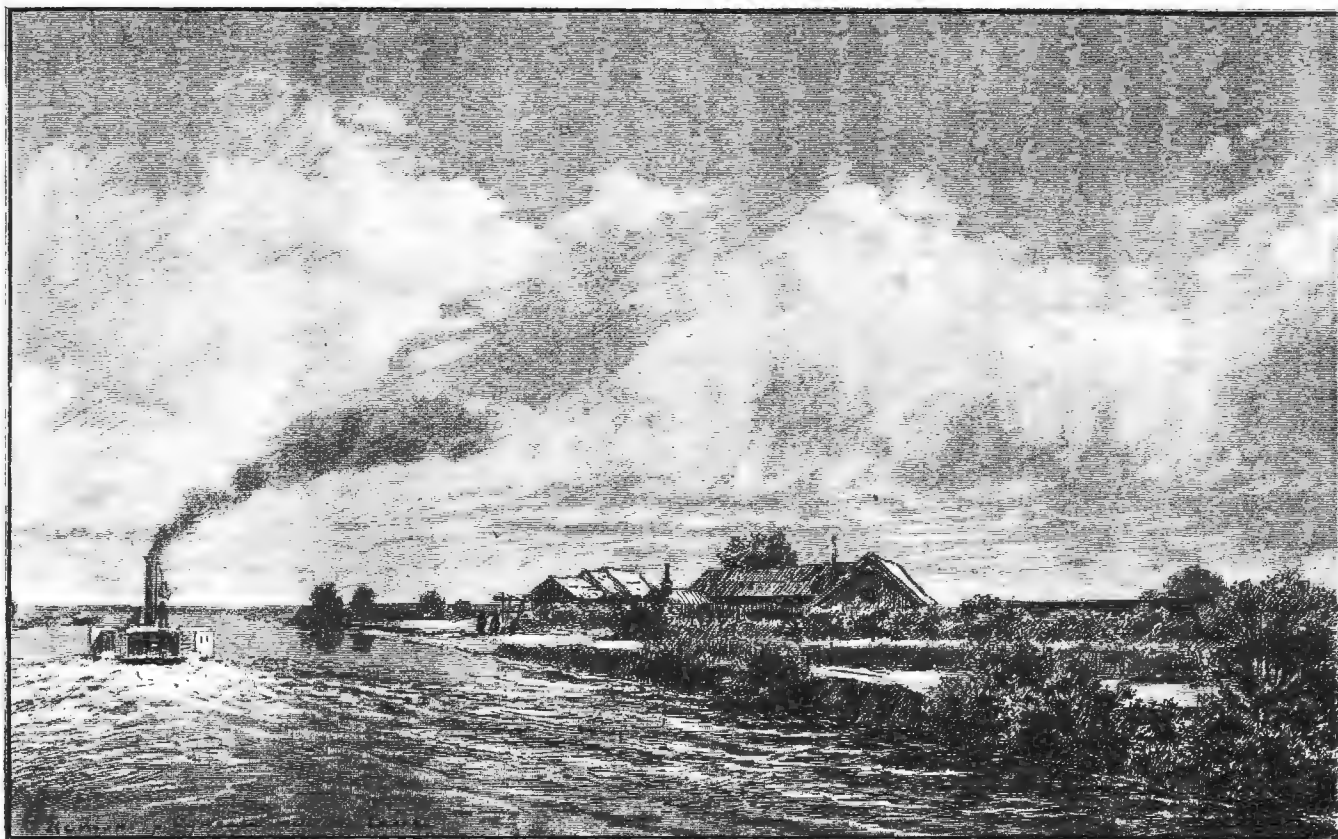
Налѣво отъ входной двери, около низенькой печурки, грѣлась какая-то маленькая и кривая старушонка, окутанная темнымъ рубищемъ, которое не воздѣ прикрывало ея старое и сморщенное тѣло. Грязныя босыя

Экспедиція генерала Жилинского. Осушение болотъ въ Минской губ. Главный каналъ, входящій въ р. Днѣпръ (протяженіе болѣе 170 в.).
Съ фот. грав. Флюгель.

Экспедиція генерала Жилинского. Осушение болотъ въ Минской губ. Неосушенное болото. Съ фот. грав. Флюгель

Восточная Сибирь. Истокъ рѣки Сунгачи изъ озера Ханин. Ориг. рис (собств. „Нивы“) Вольснаго, грав. мастерской „Нивы“.

Восточная Сибирь. Устье рѣки Сунгачи. Ориг. рис Вольснаго, грав. мастерской „Нивы“.

ноги старухи были протянуты прямо къ огню; сѣдая косматая голова колдуньи была свѣшена на грудь. Сидя противъ огня, она покачивалась изъ стороны въ сторону и что-то невнятно бормотала себѣ подъ носъ.

Семень Годуновъ и царь Борисъ, зная обычной старой колдуньи, присѣли на лавку около печи, не говоря ни слова. Сердце у Бориса сильно билось: ему тяжело было дышать въ смрадномъ и сыромъ подвалѣ.

— Семенушка! а Семенушка! вдругъ обратилась колдунья къ „правому уху государеву“.—Много-ли ты крови нонче пролилъ?

И она впиалась въ Семена своими большими, черными, какъ уголь горящими глазами.

— Оленушка, не я къ тебѣ гадать пришелъ, почти-точно отвѣчалъ Семень Годуновъ.—Я вонъ другаго боярина привелъ...

— Ну, привелъ, такъ и сиди бояринъ — жди очереди! Я тебѣ гадать хочу... Я тебѣ твою судьбу скажу: ты теперь кровь пьешь, людей пытаешь, невинныхъ загубляешь—а конца не чаешь...

— Оленушка, тревожно заговорилъ Семень, видимо не желая слышать ея приговора,—ты ужь не мнѣ, а вонъ ему гадай!

— Знать боишься? Чаешь, далеко твоя смерть? А она вонъ у тебя за плечами стоитъ... за плечами... Глянь!

Семень затрясся всѣмъ тѣломъ и вскочилъ съ лавки, не смѣя оглянуться...

Колдунья залилась громкимъ хохотомъ:

— Пугливъ же ты, Семенушка! проговорила она среди смѣха,—любишь жить, такъ долженъ и о концѣ думать!.. Ну, да я тебѣ другой разъ погадаю. Ты у меня давно намѣченъ... Да нонче не твой чередъ!

И вдругъ она обратила свой острый сильный взглядъ на царя Бориса.

— Борисомъ звать? небрежно спросила она.

— Борисомъ! глухо и не твердо произнесъ царь.

Старушонка поднялась на ноги, вытащила изъ-за печки круглое полѣно, обернула его грязной тряпичей и положила на лавку; потомъ достала щипцами изъ печурки головешку и стала ею окуривать полѣно, что-то невнятно бормоча себѣ подъ носъ.

Борисъ смотрѣлъ въ недоумѣнн—и не рѣшался понять... Онъ собирался даже спросить колдунью о значеніи ея гаданья; но она сама проговорила быстрой скороговоркой, окуривая полѣно:

— Вотъ что будетъ боярину Борису! вотъ что ему будетъ!

А потомъ обратилась къ Семену и добавила:

— Семенушка! вели боярину къ моей печурѣ прислушаться... Авось моя печура ему безъ обману скажетъ!

Борисъ всталъ съ лавки, шагнулъ къ печурѣ и приложилъ къ ней ухо. Сначала онъ услышалъ только неопредѣленный шумъ, потомъ свистъ и завываніе вѣтра, и вдругъ, среди этихъ завываній, онъ ясно различилъ погребальное пѣніе...

„Со святыми упокой“ — явственно долетало издали до его слуха...

Царь Борисъ отшатнулся отъ печки, схватилъ Семена Годунова за руку и рванулъ его съ мѣста:

— Уйдемъ, уйдемъ скорѣе отсюда! Куда завелъ ты меня... Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?

И они оба быстро вышли изъ подвала на свѣжій воздухъ, сѣли въ сани и помчались во всю прыть къ Кремлю; но долго еще звучали въ ушахъ царя Бориса погребальная пѣсня и тотъ громкій, хохотъ, которымъ проводила своихъ гостей старая колдунья.

XIV.

Метла небесная.

Царевна Ксенія давно уже замѣтила какую-то рѣзкую перемену въ отцѣ своемъ, и никакъ не могла по-

нять, отчего она происходитъ. Мелькомъ, издалека, по отрывочнымъ фразамъ матери, по немногимъ намекамъ окружающихъ, она была знакома, въ самыхъ неопредѣленныхъ и очень блѣдныхъ чертахъ, съ общимъ ходомъ борьбы Бориса противъ „окаяннаго Разстриги“.

Въ головѣ этой 24-лѣтней красавицы, неопытной и наивной, какъ малый ребенокъ, сложилось свое, особое представление объ этой борьбѣ, — какъ о чемъ-то въ родѣ восточнаго вѣрованья въ борьбу свѣта и тьмы, Ормузда и Аримана.

Отецъ, царь Борисъ, представлялся Ксеніи олицетвореніемъ свѣтлаго начала; олицетвореніемъ тьмы и мрака въ воображеніи царевны явился „злой Разстрига“, который не только дерзалъ поднимать руку на царя Бориса, но и порядокъ хотѣлъ ниспровергнуть и Церковь Божію предать въ руки лютеровъ и латынянъ. И вотъ, Ксенія всѣми силами души желала усиѣха царю Борису, и даже къ своей молитвѣ, утромъ и вечеромъ, стала прибавлять еще одно прошеніе:

„Господи, даруй побѣду отцу моему надъ злымъ врагомъ всего христіанства православнаго, надъ окаяннымъ Разстригой“.

Борьба длилась долго, нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и Ксенія видѣла, какъ страшно, какъ разрушительно она дѣйствовала на царя Бориса.

Ксенія не могла сознательно вникнуть въ то, что долженъ былъ ощущать ея отецъ; она не могла понять его тревогъ и опасеній... Но она видѣла, какъ его тревога отражалась на всѣхъ окружающихъ; она должна была замѣтить что-то новое, странное, небывалое, закравшееся и въ самыя стѣны Кремлевскаго дворца... Что-то такое, о чемъ прежде и помину не бывало! Всѣ словно ждали чего-то... Всѣ жадно прислушивались къ вѣстямъ о борьбѣ, кипѣвшей въ Сѣверскомъ краѣ... Всѣ тревожно слѣдили и за тѣми знаменьями, которыя около этого времени появились на небѣ...

Однажды, въ началѣ апрѣля, ея боярышни пришли къ ней въ теремъ перепуганныя и рассказали ей, что вотъ ужь три ночи сряду онѣ и на часокъ заснуть не могутъ.

— Какъ наступить третій часъ ночи, такъ и явится на небѣ звѣзда новал, такая-то страшная! говорили царевнѣ боярышни.

— Да чѣмъ же она страшная? сказала царевна Ксенія.

— Да тѣмъ и страшная, царевна, что невиданная! Да вотъ еще говорятъ, будто такія звѣзды передъ преставленіемъ свѣта будутъ... Такъ мы и боимся, не то-ли это?

— Сегодня разбудите меня ночью—я сама хочу ту звѣзду видѣть, сказала Ксенія.

— Что ты, что ты, государыня! Какъ это можно! Да ты напугаешься—мы въ отвѣтъ будемъ!

— Коли вы не разбудите, такъ я спать не лягу, пока не дождусь той звѣзды.

Боярышни пообѣщали разбудить царевну, и Ксенія, ложась въ постель, все думала объ этой звѣздѣ, напугавшей боярышень.

Неудивительно, что и во снѣ ей пришла на память та сказка, которую она когда-то слыхала отъ бахаря. Онъ самъ, этотъ неистощимый рассказчикъ, явился передъ царевною во снѣ и говорилъ ей:

— Царевна! Это на небѣ та самая звѣзда объявилась, которая Ратригу Тальянскому знаменемъ являлась. Такъ и знай: эта метла небесная—твоему отцу знаменье! Смететъ она съ лица земли и его, и царицу, и тебя, и весь вашъ родъ-племя!

Царевна въ испугѣ отшатнулась отъ бахаря — и вдругъ услышала, что кто-то ее будить и окликаетъ. Открывъ глаза, Ксенія, при свѣтѣ лампы, увидала передъ собою боярышню Вареньку, которая наклонилась надъ ея изголовьемъ и шептала:

— Государыня-царевна! Встань — взгляни... Мы всё обмираемъ отъ страха...

Царевна поспѣшно поднялась съ постели, подошла къ окошку, быстро отдернула занавѣсъ и увидѣла дивное зрѣлище: надъ Москвою горѣла огромная, яркая звѣзда, а ея красноватый, прозрачный хвостъ, изгибаясь, раскидывался на полъ-неба.

— Съ нами крестная сила! Помилуй насъ, Господи! шептали около царевны ея боярышни.

„Метла! Метла небесная!“ думала царевна, со страхомъ и сомнѣніемъ вглядываясь въ необычайное явленіе и невольно припоминая тягостныя впечатлѣнія сновидѣнія.

Царевна плохо спала ночь, и цѣлое утро думала о той хвостатой звѣздѣ, которая такъ напугала все населеніе теремнаго дворца.

Всѣ ее видѣли, всѣ о ней говорили, всѣ толковали ея явленіе по-своему. И Ксенія, прислушиваясь къ толкамъ, шептала про себя:

— Господи! Избави насъ отъ всякія напасти!

Незадолго до обѣда пришла боярыня-казначей и объявила царевнѣ, что царица Марья собирается послѣ обѣда на богомолье въ Симоновъ монастырь и приказала передать объ этомъ царевнѣ, чтобы та готовилась.

— Матушка-царица ѣдетъ въ Симоновъ служить молебны о побѣдахъ, сообщила всевѣдущая казначей,— да кстати хочеть о твоей судьбѣ у тамошняго схимника спросить. Сказываютъ, что мужъ прозорливый и постникъ великій!.. Многимъ предсказаль—и вѣдь какъ вѣрно!..

И казначей тотчасъ привела нѣсколько примѣровъ, и возбудила въ царевнѣ такое сильное желаніе услышать отъ схимника о своемъ будущемъ, что всѣ неприятныя впечатлѣнія ночи, всѣ мрачныя думы, передуманныя поутру, отошли на второй планъ. Ксенія пригласила боярыню-казначей съ собою откушать, и тотчасъ послѣ обѣда принялась вмѣстѣ съ нею выбирать себѣ фerezъ для поѣздки на богомолье и подбирать къ ней застежки понаряднѣе.

— Что это за бѣготня по лѣстницѣ? Ишь какъ развзились на сѣняхъ!.. Ужь нѣтъ-ли бѣды какой? вдругъ всполошилась боярыня-казначей, прислушиваясь къ шуму и тотчасъ же горошкомъ выкатилась изъ терема въ сѣни.

Царевна прислушалась. Шумъ продолжался и даже возрасталъ. Казалось, что шумятъ не на лѣстницѣ только и не на переходахъ: со двора тоже долеталъ какой-то неопредѣленный гулъ голосовъ и шаговъ. Слышались восклицанія... А вотъ какъ будто даже и плачь...

— Что это? Ужь не пожаръ-ли во дворцѣ? заговорила около царевны ея мама и боярышни.

— Ступайте, узнайте, что тамъ случилось! сказала Ксенія тревожно, обращаясь къ боярышнямъ, которыя опрометью бросились въ сѣни и еще скорѣе вернулись оттуда, блѣдныя, растеряныя.

— Царевна! едва могла проговорить боярышня Варвара,—царь тяжело занемогъ!.. Сама великая государыня бѣжитъ сюда къ тебѣ...

И, слѣдомъ за этой вѣстницей несчастья, сама царица Марья явилась въ дверяхъ. Блѣдная, растерянная, она вбѣжала въ теремъ, бросилась къ царевнѣ и схватила ее за руку:

— Пойдемъ, проговорила она слабымъ, упавшимъ голосомъ,— пойдемъ! Твой отецъ, царь Борисъ... умираетъ! Онъ зоветъ дѣтей... Пускай благословить васъ!.. Умираетъ!..

И она повлекла за собою царевну, которая была такъ поражена страшною вѣстью, что и сама не понимала—куда, зачѣмъ ее ведутъ, о чемъ ей говорятъ... И совершенно машинально, не отдавая себѣ отчета въ

своихъ дѣйствіяхъ, она поспѣшала за матерью, которая, не выпуская ея руки изъ своей, бѣжала черезъ весь дворецъ на половину царя Бориса.

Но страшная дѣйствительность, во всей ужающей правдѣ своей, предстала очамъ царевны, когда она переступила порогъ царской передней. Она была биткомъ набита боярами и ближними людьми, которые о чемъ-то оживленно между собою разговаривали, то шепотомъ, то вполголоса. Всѣ были такъ заняты своими разговорами, что почти не замѣтили прихода царевны и царицы, которая вынуждена была крикнуть громко:

— Дайте же дорогу—пустите насъ!

Говоръ смолкъ на мгновеніе—всѣ разступились молча. Въ комнатѣ были только старшіе бояре и ближняя родня царя. Духовникъ государя и весь причтъ Благовѣщенскаго собора стояли въ углу, у окна, ожидая призыва въ опочивальню. Здѣсь царило глубокое молчаніе, среди котораго явственно доносились изъ опочивальни стоны царя Бориса и чьи-то сдержанныя рыданія.

Царица и царевна быстро перешли въ опочивальню и увидѣли страшную картину. Кровать была выдвинута на средину комнаты: оборванныя, парчевыя занавѣси лежали кучей въ углу. У изголовья въ креслахъ сидѣлъ патриархъ Іовъ, глубоко опечаленный. Рядомъ съ нимъ, на колѣняхъ, припавъ лицомъ къ рукѣ Бориса, стоялъ царевичъ Теодоръ и рыдалъ неутѣшно: его затылокъ, голова и плечи содрогались и поднимались отъ тяжелыхъ судорожныхъ всхлипываній. Два доктора-нѣмца, засучивъ рукава, прикладывали ледъ къ груди и къ головѣ царя; около нихъ суетился старый постельничій и двое спальниковъ, исполняя тихіе приказы докторовъ.

Первое, что бросилось въ глаза Ксеніи, были большія кровавыя пятна на подушкахъ, на постельномъ бѣльѣ; серебряныя тазы, полныя кровью, стояли около стѣны... Но когда она опустилась на колѣни у кровати, рядомъ съ царевичемъ Теодоромъ, и взглянула въ лицо царя Бориса — она была такъ поражена его выраженіемъ, что не могла оторвать отъ него глазъ. На нее нашель тотъ столбнякъ горя, который бываетъ страшнѣе всякихъ бѣшеныхъ порывовъ отчаянія и всякихъ сокрушеній.

Царь Борисъ, блѣдный, какъ полотно, осунувшійся, высоко лежалъ на подушкахъ. Голова его была безсильно закинута назадъ. Глубоко-ввалившіеся глаза были закрыты; полукрѣпныя губы безсвязно лепетали какія-то невнятные слова... И только по этимъ несвязнымъ звукамъ можно было заключить, что жизнь еще держалась въ этомъ мертвѣющемъ тѣлѣ. Ксенія явственно слышала, какъ отецъ ея шепталъ:

— Отгоните... Семена Годунова... онъ меня душитъ... Прочь! Прочь!.. Дѣтей зовите... дѣтей!..

— Батюшка! На кого ты насъ покидаешь?.. вдругъ завопилъ царевичъ Теодоръ. — Кому поручаешь насъ, блѣдныхъ сиротъ!

Борисъ очнулся отъ тяжелаго, дремотнаго состоянія и заметался на подушкахъ. Глаза его широко открылись и блуждали въ пространствѣ: онъ уже ничего кругомъ не видѣлъ...

— Гдѣ дѣти?.. жена?.. дочь?.. говорилъ онъ, тревожно ощупывая окровавленную простыню.

— Мы здѣсь... Здѣсь! съ плачемъ отозвалась царица Марья, хватая его за руку.

— Теодоръ! прошепталъ Борисъ, еле слышно.—Тебѣ и матъ, и сестру... вручаю... Заботься! Слушай только патриарха и Шуйскаго...

И онъ смолкъ на мгновеніе, тяжело дыша и страшно поводя глазами.

Потомъ опять сталъ метаться, и вдругъ громко крикнуть:

— Бояръ! Бояръ зовите!

Спальникъ стремглавъ бросился къ двери, махнулъ

рукою—родственники царя и все боярство разом двинулись въ комнату и тѣсною толпою сплотились у дверей опочивальни.

— Великій государь! Пришли бояре! громко произнесъ патриархъ, поднимаясь со своего мѣста.—Что изволишь имъ приказать?

Борисъ сдѣлалъ надъ собою страшное усиліе, стараясь приподняться; но голова его безсильно склонилась на бокъ—глаза згетоялись...

— Отходить! тревожно проговорилъ патриархъ къ окружающимъ. — Посхимить надобно скорѣе... Схиму сюда!

Въ глазахъ Бориса вдругъ блеснулъ послѣдній лучъ жизни. Онъ приподнял голову и сказалъ:

— Бояре! Служите... царю... Феодору... Блюдите его... Но силы измѣнили. Онъ опрокинулся на подушку... Кровь хлынула горломъ, полилась изъ носу, изъ ушей. Царя Бориса не стало.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ

На бортѣ „Силезіи“.

Рассказъ Христіана Беннарда.

I.

Недалеко отъ ганноверскаго городка Штаде на Эльбѣ стоялъ, готовясь плыть въ Нью-Йоркъ, почтовый пароходъ „Силезія“. Благодаря своей значительной посадкѣ, онъ долженъ былъ выйти изъ Гамбурга лишь съ половиною груза и теперь, оставивъ за собою страшную Шулауэрскую отмель, ждалъ съ большими рѣчными пароходами остальнаго груза и пассажировъ.

По бокамъ его стояли меньшія суденышки съ тюками всевозможныхъ товаровъ, которые посредствомъ паровыхъ воротъ перегружались въ трюмъ „Силезіи“. Работа кипѣла, и офицеры, служившіе на суднѣ, едва успѣвали отбѣгать каждый новый тюкъ. Больше всѣхъ доставалось старшему офицеру, который распоряжался перегрузкою. Бросая вокругъ себя проницательные взоры, онъ стоялъ на капитанскомъ мостикѣ и раздавалъ приказанія; не обходилось отъ времени до времени и безъ замѣчаній. Въ подобныхъ случаяхъ каждый молчалъ, не протестуя. Рольфъ Винтерверпъ не порицалъ ничего безъ причины.

Вверхъ по теченію прозвучалъ пароходный свистокъ, возвѣщавшій приближеніе судна съ пассажирами и ихъ багажемъ. Едва рѣчной пароходъ причалилъ къ „Силезіи“ и съ него перекинули мостикъ, какъ хлынула пестрая толпа эмигрантовъ, впереди всѣхъ—междупалубные пассажиры, старавшіеся быстрымъ натискомъ захватить себѣ по возможности удобное мѣстечко для сна. Менѣе торопились счастливые обладатели мѣстъ въ каютахъ; они пропускали толпу впередъ и заботились о своихъ сундукахъ и ящикахъ, пока эти послѣдніе не исчезали въ трюмѣ.

Вдругъ чей-то большой сундукъ выскользнулъ изъ канатной петли и упалъ въ воду между двумя пароходами. Вслѣдъ за всплескомъ воды раздался женскій крикъ:

— Ахъ, мой сундукъ!

— Его сейчасъ вытаскать, отвѣтилъ старшій офицеръ, обращаясь къ крикущей дамѣ, спутникъ которой, очевидно мужъ, видимо старался ее успокоить и увести въ каюту.

Ея страхъ потерять цѣнный багажъ однако быстро прошелъ, когда она взглянула на капитанскій мостикъ.

— Рольфъ! вырвалось у нея. — Францъ, вообрази себѣ, вѣдь это Рольфъ Винтерверпъ!

Что-то дрогнуло вокругъ бородатаго рта офицера, но это длилось только мигъ; потомъ онъ поспѣшно поклонился и еще серьезнѣе обыкновеннаго вернулся къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Однако онъ уже менѣе увѣренно руководилъ работою, и подчиненные немало дивились его разсѣянности и тѣмъ заботамъ, которыя онъ расточалъ выловленному изъ воды сундуку.

Чась спустя, старшій офицеръ доложилъ капитану, что судно готово къ отплытію, и уже не покидать своего поста, пока Глюкштадтъ не былъ пройденъ и самъ капитанъ не смѣнилъ его. Какъ-то невѣроятно онъ оставался еще вѣскольکو времени на палубѣ и сошелъ въ салонъ перваго класса, лишь когда капитанъ, шутя, крикнулъ ему, что его ужинъ простынетъ. Дѣйствительно, при входѣ его баталеры уже убрали со стола, и многіе пассажиры оставили свои мѣста. Рольфу Винтерверпу хотѣлось бы, чтобы они всѣ скорѣе ушли и оставили его одного. Но развѣ это помогло бы? Когда-нибудь да долженъ же онъ встрѣтиться со своею подругою дѣтства и ея мужемъ. Это могло случиться и сейчасъ. Дѣйствительно, молодая женщина, видѣвшая какъ онъ входилъ, уже шла къ нему навстрѣчу съ ласковою улыбкою.

— Вотъ гдѣ пришлось намъ увидѣться, Рольфъ! Мы только что говорили о тебѣ и слышали, какъ тебя расхваливалъ одинъ господинъ, который уже бѣдилъ одинъ разъ на этомъ суднѣ. Ты знаешь моего мужа?

Она протянула моряку руку, указывая на шедшаго за нею элегантнаго тосиодина, который обязательно поклонился.

— Имѣю честь... Мы считаемъ себя счастливыми, что вы—нашъ путеводитель, такъ какъ во всякомъ случаѣ утѣнительно сознавать, что судно направляетъ опытная рука.

Рольфъ также пробормоталъ какую-то любезность и указалъ приближавшему баталеру куда поставить ужинъ. Молодая чета усѣлась напротивъ.

— Ты, конечно, счелъ меня очень глупенькой, когда я такъ

убивалась изъ-за сундука? сказала смѣясь молодая женщина.— Но я подумала въ первую минуту, что онъ погонетъ, а въ немъ вѣдь всѣ мои вещи. Не подмокли бы онѣ!

— Не думаю, возразилъ Рольфъ, медленно опуская кусокъ сахара въ свой чай.—И вѣлѣлъ отставить сундукъ въ сторону, и завтра ты можешь его посмотреть... Куда вы собственно направляетесь?

Такъ какъ мужъ, казалось, не слышалъ вопроса, она отвѣтила:

— Въ Нью-Йоркъ, а оттуда на Западъ, гдѣ у моего мужа дѣла. Что до меня, я бы охотилась...

— Однако, какая умѣренность! прервалъ ее мужъ, обращаясь къ Винтерверпу.—Кто несетъ такую утомительную службу, какъ ваша, въ вѣтеръ и непогоду, тотъ можетъ, по моему мнѣнію, больше себѣ разрѣшить, чѣмъ чай и холодное жаркое. Да, нашъ путь идетъ къ западу, къ Миссури и Канзасу, гдѣ одна акціонерная компанія приобрѣла большіе участки плодородной земли, которые она черезъ мое посредничество хотѣла бы отдать нѣмецкимъ эмигрантамъ. Это дѣло большой важности и, такъ какъ я боюсь отправить бѣдныхъ людей въ пустыню, то рѣшился разслѣдовать всѣ обстоятельства на мѣстѣ.

Собесѣдникъ кивнулъ головою.

— Это прекрасно съ вашей стороны, г. Карстенсъ; если-бы всѣ эмиграціонные агенты были такъ добросовѣстны! Но мнѣ удивляетъ, что вы берете съ собою вашу жену въ эти негостеприимные края.

— О, жену я оставляю въ хорошихъ рукахъ въ Ст.-Луи. Гретъ хотѣлось познакомиться съ Америкою, и я охотно исполнилъ ея желаніе, такъ какъ мнѣ самому было бы въ высшей степени тяжело разстаться съ нею мѣсяцевъ на шесть, на восемь.

Онъ положилъ свою выхоленную руку на плечо молодой женщины и нѣжно поглядѣлъ на нее.

Она кивнула ему и продолжала, обращаясь къ Рольфу:

— Вѣдь мы еще дѣтми играли въ кругосвѣтныя плаванія, и я всегда была твоею спутницею, пока ты на самомъ дѣлѣ не ушелъ въ море. Ахъ, это было счастливое время!

— Ну, и теперь еще какъ будто ничего, отвѣтилъ Рольфъ, знакомъ приказывая баталеру убрать со стола.—Хотя, какъ холостякъ, я не берусь судить о бракѣ, однако... Ну, а дѣтокъ вамъ Богъ не давалъ?

Слезы выступили у нея на глазахъ, когда она отвѣтила:

— У насъ былъ сынъ, но онъ умеръ двухъ лѣтъ отъ дифтерита.

— Тѣмъ лучше для него, невозмутимо замѣтилъ Карстенсъ.—Малый былъ отъ рожденія не очень здоровъ.

Рольфъ Винтерверпъ невольно сравнилъ лица обоихъ супруговъ и намечалъ, что они какъ будто мало гармонировали другъ съ другомъ. Грета, съ тѣхъ поръ какъ онъ ея не видалъ, стала, конечно, серьезнѣе; но нервное подергиваніе угловъ ея рта, которое онъ сначала приписалъ радости свиданья, теперь, при ея печали, дѣлало ее значительно старше своихъ лѣтъ, несмотря на яркія цвѣты лица. А она была на цѣлые семь лѣтъ моложе его, слѣдовательно не имѣла еще полныхъ двадцати лѣтъ. Въ Карстенсѣ онъ замѣтилъ, при всемъ его свѣтскомъ лоскѣ, какую-то торопливость движеній и безпокойный, блуждающій взглядъ.

Взглянувъ на часы, Рольфъ распростился съ Карстенсами и пошелъ на палубу взглянуть на направленіе судна.

Все время плаванія по Нѣмецкому морю стояла хорошая погода, и путешественники уже на другой день почти освоились съ „Силезіей“. Междупалубные пассажиры цѣлый день прогуливались на свѣжемъ воздухѣ; въ салонахъ занимались музыкой. Когда показался англійскій берегъ и въ каналѣ появилось множество судовъ, всѣ высыпали на палубу. Грета стояла одна на задней палубѣ и задумчиво смотрѣла вдаль; къ ней медленно подошелъ Рольфъ.

— Ты одна? спросилъ онъ.

— Да, мой мужъ работаетъ въ своей каютѣ. Не хорошо это, что онъ даже въ дорогѣ не даетъ себѣ отдыха.

— Что дѣлать, ужъ такая его должность! возразилъ Рольфъ.— И моя не легка.

Она утвердительно кивнула головою.

На сторожѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Каразина, грав. Ольшевскій.

— Дѣйствительно, не легка. Прошлою ночью я не могла уснуть отъ дрожанія судна, слышала, какъ ты командовалъ, и раздумывала о томъ, какъ тяжело изъ года въ годъ подвергаться всѣмъ случайностямъ плаванія, зависѣть отъ вѣтра и непогоды. Я считаю жизнь моряка очень трудною и безрадостною.

— Трудною — да, безрадостною — нѣтъ. Конечно, я лишена многого, что большинство считаетъ необходимымъ; но все-таки я бы ни съ кѣмъ не поѣхала. Счастье и довольство жизнью не заключаются въ ничегонедѣланіи и наслажденіи.

Грета задумчиво кивнула головою. Послѣ короткаго молчанія она спросила:

— Какъ поживаетъ твоя матушка?

— Благодарю за вниманіе; для ея преклоннаго возраста она еще очень крѣпка.

— Проѣздомъ черезъ Гамбургъ я бы охотно ее посѣтила, но не знала, гдѣ она живетъ, а справиться объ этомъ было некогда. Кромѣ того, я не могла знать, желаетъ ли она моего посѣщенія: твоя матъ за послѣдніе годы какъ-то отдалчалась отъ меня. Прежде она меня называла своею любимцею, на ея лицѣ выражалась радость при видѣ меня, но со времени моей помолвки стало иначе. Когда я, три года тому назадъ, видѣла ее въ послѣдній разъ незадолго до ея переѣзда въ Гамбургъ, она хотя была привѣтлива и добра какъ прежде, однако уже не выказывала той теплоты чувства, которая мнѣ, какъ круглой сиротѣ, всегда была такъ пріятна. Не обидѣла ли я ее какъ-нибудь ненамѣренно? Не знаю, что и подумать.

Рольфъ, повидимому, также ничего не зналъ, такъ какъ молча смотрѣлъ на клубы дыма, выходившіе изъ большой трубы.

— Бываетъ иногда, сказалъ онъ наконецъ. — Впрочемъ, вотъ идетъ г. Карстенсъ. До свиданья!

Съ этими словами онъ направился къ передней палубѣ, а молодая женщина пошла навстрѣчу мужу.

— Я искренно радъ, началъ Карстенсъ, взявъ ее подъ руку и медленно прохаживаясь съ нею по палубѣ, — что ты встрѣтила друга дѣтства въ лицѣ старшаго офицера нашего судна и можешь съ нимъ говорить о прошломъ, быть-можетъ, о многомъ, чего я совсѣмъ не знаю или знаю очень мало. Но все-таки я совѣтую тебѣ быть осторожнѣе въ обращеніи съ нимъ, — свѣтъ иногда приходитъ къ страннымъ заключеніямъ, въ особенности когда, какъ прежде... Ну, да ты меня поймешь.

— Поѣму? удивленно переспросила она. — Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ тебя не понимаю.

Онъ гнѣвно взглянулъ на нее.

— Ну, такъ я буду говорить яснѣе. Я желаю, чтобы ваша дружба прекратилась. Не годится, чтобы ты съ нимъ наединѣ такъ разговаривала, какъ я васъ только-что видѣла.

Она промолчала и только взглянула ему въ глаза долгимъ пристальнымъ взглядомъ; потомъ, вынувъ изъ своей рабочей корзинки маленькое вышиванье, усердно займалась имъ. Она знала, что Карстенсъ скоро пожалѣетъ о своей рѣзкости.

Однако его поведение снова вызвало у нея вопросъ, который она уже часто отгоняла отъ себя, робкій вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли Карстенсъ такъ искренно ее любитъ, какъ увѣряетъ почти ежедневно. Но почему же нѣтъ? Вѣдь она же только по любви отдала ему свою руку. О какомъ-нибудь расчетѣ съ его стороны не могло быть и рѣчи. Онъ былъ такой ловкій дѣлецъ, что компанія, представителемъ которой онъ состоялъ, сдѣлала его своимъ главнымъ агентомъ вскорѣ послѣ его женитьбы, и онъ зарабатывалъ очень много. Такимъ образомъ онъ не нуждался въ ея состояніи, а даже если бы это было и такъ, то не могъ бы посягнуть на него, такъ какъ она еще не имѣла права вынимать деньги изъ банка и могла пока пользоваться только процентами.

Грета уронила на коѣнни свою работу и смахнула наввернувшуюся на глаза слезу. Она вспомнила о бѣдномъ своемъ ребенкѣ, который, на второй годъ брака, явился на свѣтъ такимъ слабенькимъ и никогда не былъ совсѣмъ здоровъ. Ранняя смерть, быть-можетъ, избавила его отъ долгихъ мучительныхъ страданій, — съ этимъ пужно было согласиться; но какъ тяжело было выслушать отъ мужа это холодное: "тѣмъ лучше для него" — не столько изъ-за смысла словъ, сколько изъ-за тона, какими они были сказаны!

"А все-таки у него доброе сердце", сказала она про себя, стараясь побороть горькое чувство обиды. — Онъ предпринимаетъ это продолжительное, дорого стоящее путешествіе единственно въ интересахъ бѣдныхъ переселенцевъ.

Плаваніе близилось къ концу. Рольфъ Винтерверль, повидимому, вполне мирился съ необходимостью ограничивать свое знакомство съ молодою женщиною общими фразами во время или послѣ обѣда, и не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ сближенію.

Такимъ образомъ Карстенсъ, при всемъ желаніи, не могъ болѣе найти повода къ ревности; тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ приближенія къ цѣли путешествія, онъ очевидно предавался какому-то тяжелымъ мыслямъ, и когда съ нимъ заговаривали, внезапно, будто съ ужасомъ, возвращался къ дѣйствительности. Однажды онъ даже выразилъ желаніе, чтобы Грета по-

просила своего друга дѣтства, по прибытіи въ Нью-Йоркъ, сдѣйствовать скорому таможенному осмотру его багажа, такъ какъ ему очень непріятно долго стоять между тюками и ящиками. Молодая женщина исполнила его желаніе, но Рольфъ отвѣтилъ, что онъ въ этомъ ничѣмъ не можетъ быть полезенъ.

Дѣйствительно, произошла отчаянная толкотня, когда причалила шлюпка съ таможенными и полицейскими чиновниками, и эти послѣдніе взошли на бортъ. Каждый хотѣлъ отдѣлаться первымъ, и даже Карстенсъ, который въ подобныхъ случаяхъ всегда важно отступалъ назадъ, теперь такъ протискивался впередъ, что жена не могла за нимъ слѣдовать. Быть-можетъ, въ одномъ изъ старшихъ чиновниковъ оль узналъ своего стараго знакомаго: этотъ художавый полицейскій, очевидно, его зналъ, такъ какъ позволилъ себѣ коснуться его плеча съ любовнымъ: "Здравствуйте, господинъ Карстенсъ".

Отчего же такъ замѣтно поблѣднѣлъ свѣтскій молодой человекъ?

— Вотъ еще одного проворовавшагося кассира паловили, сказалъ одинъ матросъ другому.

Товарищъ отвѣтилъ смѣясь:

— Зачѣмъ малый не догадался перерѣзать телеграфный кабель, прежде чѣмъ съѣлъ на пароходѣ! Ну, а теперь придется ему выпустить изъ рукъ добычу; кому этотъ сухопарый скажетъ "здравствуйте", тому ужъ не сдобровать.

Молодой женщиной не приходило въ голову, что оба матроса говорили о ея мужѣ. Однако — не его-ли это голосъ протестуетъ противъ ареста?

— Безъ сомнѣнія, вы еще находитесь на бортѣ нѣмецкаго судна, соглашался лейтенантъ полиціи, — но ваша ссылка на нѣмецкаго генеральнаго консула вамъ не поможетъ, такъ какъ именно онъ потребовалъ вашего ареста, получивъ три дня тому назадъ телеграмму о вашемъ бѣгствѣ. Поэтому не трудитесь къ нему обращаться.

— Франц! раздался крикъ въ толпѣ, и блѣдная отъ ужаса молодая женщина пробилась къ арестованному.

Когда она схватила его руку, онъ отвернулъ голову въ сторону; видъ его изобличалъ его виновность.

II.

"Силезія" стояла у Гобокенской пристани, готовая къ обратному плаванію. Каюты и междупалубное пространство были еще не заняты; въ послѣднемъ находились только одинъ пассажиръ — молодая женщина, сидѣвшая въ самомъ темномъ углу на суддукѣ. Голова ея была понурена, руки недвижно сложены на коѣнникахъ. Это была Грета Карстенсъ.

Старшій офицеръ настоятельно предлагалъ ей каюту, просилъ по-крайней мѣрѣ принять пищу, которую онъ ей пришилеть — напрасно: она будетъ на хлѣбѣ и водѣ до тѣхъ поръ, пока не получитъ своихъ денегъ все тѣ, кого обманула ея мужъ. Растрченная сумма велика, по словамъ прибывшаго вчера изъ Германіи полицейскаго чиновника, который вмѣстѣ съ настигнутымъ воромъ отправился на родину на "Силезію". Растрчено около восьмидесяти тысячъ марокъ. Эту сумму она можетъ возмѣстить въ десять лѣтъ, прокармливая себя своимъ трудомъ, а проценты отдавая пострадавшимъ. Если она заработаетъ больше, чѣмъ сколько ей нужно, то своими сбереженіями покроетъ путевыя издержки мужа, который, по выходѣ изъ тюрьмы, уѣдетъ въ Австралію, гдѣ не знаютъ его прошлаго.

Несчастный! Онъ промоталъ деньги на игру и кутежи и, когда уже нельзя было пабѣжать огласки, надѣялся снаться бѣгствомъ, подъ предлогомъ дѣловой поѣздки. Онъ нарочно не скрывалъ своихъ приготовленій къ отъѣзду, думая усыпить всякое подозрѣніе, что непремѣнно удалось бы, если-бы случился нѣсколько дней послѣ его отъѣзда не поступило нѣсколько подлежащихъ уплатѣ векселей; младшій чиновникъ, временно замѣнившій мѣсто Карстенса, доложилъ, что въ кассѣ нѣтъ ни одного пфеннига, и это побудило компанію къ экстраординарной ревнѣи. Такимъ образомъ истина обнаружилась слишкомъ рано, по крайней мѣрѣ слишкомъ рано для Карстенса и его несчастной жены. Но развѣ она не должна радоваться, что это такъ случилось, и что она по незнанію дольше не оставалась женою обманщика, скрывавшаго за подкупающею вѣжностью свою плутовскую натуру? Но какой поворотъ — всѣ эти годы ея замужества!

Шумъ множества шаговъ пробудилъ ее отъ раздумья, и въ робкомъ ожиданіи она устремила глаза на лѣстницу, по которой теперь спускались съ верхней палубы пассажиры III класса.

Всѣ они, почти безъ исключенія, были нѣмцы, однако на видъ совсѣмъ не похожіе на тѣхъ, что двѣ недѣли тому назадъ покинули это полутемное пространство. Сюда теперь входили не здоровые, полные надежды переселенцы, но какіа-то мрачныя, удрученныя горемъ фигуры съ взерошенными бородами истыхъ ямки, спорившія изъ-за лучшихъ коекъ на какой-то ужасной смѣси плохаго нѣмецкаго языка съ еще худшимъ англійскимъ. Нѣсколько женщинъ съ грязными дѣтьми на рукахъ также принимали участіе въ ссорѣ.

Молодая женщина содрогнулась при мысли жить съ такими людьми въ одномъ помѣщеніи. Она, правда, видѣла много открытых, честныхъ лицъ, однако полульняный субъектъ, который, шатаясь, сходилъ съ лѣстницы, внушилъ ей непреодо-

лимый ужасъ. Не было порока, который не наложили бы своей печати на это лицо. Слѣдомъ, шла его старушка-мать, которая тотчасъ и подѣла къ Гретѣ.

— Сяду я съ вами, чтобъ онъ тутъ не примостился, загворила она, глядя въ глаза Гретѣ.—Прости меня, Боже, но я бы хотѣла, чтобъ онъ умеръ, хотя кромѣ него больше не имѣю дѣтей. Что-то еще выйдетъ изъ него, что еще выйдетъ! Прежде онъ былъ честнымъ человѣкомъ, какъ мой покойный мужъ; но потомъ пересталъ меня слушаться, сдѣлался мотомъ, и наконецъ захотѣлъ уѣхать въ Америку. Дома онъ навѣрно исправился бы, но его возлюбленная покой ему не давала: поѣдемъ, да поѣдемъ въ Америку! Вотъ онъ и пошелъ къ агенту, а тотъ его окончательно уговорилъ, проклятый торговецъ невольниками!.. Да, торговецъ! повторила женщина. Ненависть и презрѣніе звучали въ ея голосѣ.—Какъ онъ умѣлъ разказывать о плодородныхъ поляхъ, которыя въ Америкѣ будто бы дарятъ переселенцамъ, такъ что только засвѣй да жини! Другой разъ я сама пошла къ нему съ сыномъ: не вѣрилось мнѣ что-то. Тогда онъ намъ прочелъ благодарственные письма отъ тѣхъ, кто переселился въ Америку въ то именно мѣсто, куда онъ и насъ хотѣлъ послать. Тутъ пришла къ нему въ контору красивая молодая жена съ большимъ ребенкомъ на рукахъ и позвала его завтракать. Она намъ сказала, что мы можемъ быть спокойны, ея мужъ не посоветуетъ намъ дурнаго. Тогда я подумала: „ужъ эта намъ не солжетъ“, и черезъ десять минутъ все было слажено. Зато теперь мошенникъ и полатился: вотъ на этомъ самомъ суднѣ его везутъ подъ арестомъ на родину. Прости меня, Господи, но я бы пожалѣла веревки его повѣсить!.. Чтѣ съ вами?

Слушательница вздохнула такъ, какъ будто ей сердце разрывалось на части. Да, теперь она вносила отчетливо припоминала упрямого парня, его краснощекую невѣсту и недовѣрчивую мать, постоянно находившую новыя отговорки, пока наконецъ не сказала Карстену: „Ваша жена тоже мать, ей я повѣрю“.

И вотъ къ чему привела ея вѣра!

Неподвижно, будто во снѣ, слушала молодая женщина разказъ старухи о трудномъ путешествіи на Дальній Западъ и разочарованіяхъ, которыя тамъ ждали переселенцевъ. Каменистая, не тронутая сохою почва, зыскія цѣны на припасы, нездоровый климатъ, неухоженъ, болѣзнь... Сначала молодая чета вмѣстѣ съ матерью храбро отстаивала свое существованіе; но потомъ силы начали имъ измѣнять, дѣла пошли худо, такъ что копейки въ домѣ не оставалось, и сыну пришлось уйтъ въ ближайшій городъ въ поденщики. При этомъ онъ сталъ пить, жена отъ него ушла, мать нанялась въ служанки, а внучекъ умеръ отъ истощенія. Подъ конецъ сынъ поцалъ въ тюрьму, и теперь старуха везетъ его обратно въ Европу, надѣясь на поддержку со стороны дальней родни.

Была глубокая ночь. Старуха уже спокойно спала въ нижней койкѣ, на краю которой сидѣла, разказывая свою печальную исторію, какъ вдругъ Грета тихою поднялась со своего мѣста и пошла ощупью разыскивать лѣстницу. Безпрятственно достигла она верхней палубы и пугливо осматрѣлась кругомъ, не наблюдаютъ-ли за нею. Нѣтъ, матросы оставались по близости гротъ-матчы, а по другую сторону прислонившіяся къ шпанцамъ челоуѣкъ очевидно спалъ.

Она взобралась на резервную стѣнгу и повисла на верхнемъ брусѣ борта. Подъ нею клекотали и ильились волны, взрѣзываемыя носомъ быстро неснагося парохода; свѣтъ близкаго маяка Санди-Гукъ упалъ на ея руку и отразился въ свободномъ висѣвшемъ на пальцѣ обручальномъ кольцѣ. Бриллиантовый перстень покойной матери, который ей еще оставался, лежалъ въ полуоткрытой рукѣ спавшей впазу старухи. Теперь ея единственною цѣною собственностью былъ этотъ гладкій золотой обручъ на исхудаломъ пальцѣ. Но вотъ она сорвала его съ себя и бросила далеко въ море.

— Разлучены! безавучно прошептала она.—Не хочу быть связанною съ негодяемъ до самой смерти. Прости, мнѣ, Господи, что я сама освобождаюсь отъ своей проклятой жизни!

Въ ту самую минуту, какъ она хотѣла броситься въ воду, чѣп-то сильныя руки рванули ее назадъ и спустили внизъ. Это былъ Рольфъ.

— Грета! вотъ все, чтѣ онъ сказалъ.

— Пусти меня, Рольфъ! умоляла она.—Будь милосердъ, дай мнѣ умереть. Я дольше не могу жить, не могу!

— Опомнись, Грета, ты не должна и не имѣешь права умереть!

— Я должна, должна испустить смертью его и мои вины. Изъ-за меня невзрачно несчастно цѣлое семейство: мать, сынъ, невѣстка; ребенокъ умеръ... Три поколѣнья несчастны, и можетъ быть такихъ случаевъ не одинъ—цѣлыя сотни.

— Значитъ, старуха такъ проболталась, хотя я велѣлъ ей молчать, пробормоталъ Рольфъ. Вслухъ-же онъ сказалъ.—Тебѣ преувеличили; кто знаетъ, дѣйствительно-ли это такъ было. Во всякомъ случаѣ виновата не ты.

— Ты знаешь объ этомъ? Ахъ, Рольфъ!

Слы ее покинули, и она, рыдал, упала къ нему на руки. Но онъ мягко отстранилъ ее.

— Ты больна, Грета, у тебя лихорадка, переходи сейчасъ-

же въ больничную каюту. Ни тебѣ ни мнѣ это не будетъ стоить полшухи, лѣченіе также даровое, даю слово. Эй, Билль! Позовите сюда экономку, г-жу Веллеръ и разбудите доктора!

Въ виду чужихъ людей сопротивленія не послѣдовало. Пока Рольфъ уходилъ въ свою каюту, служанка съ Гретой ступилась внизъ, въ помѣщеніе между деками, за вѣщами большой.

— Не мудрено, что вы тамъ захворали, сказала госпожа Веллеръ, когда онѣ снова пошли наверхъ,—даже нашему брату не вынести такого спертаго воздуха и запаха водки. Идите скорѣе, не то еще упадете въ обморокъ.

Дѣйствительно до этого было недалеко, но Грета превозмогла себя; нервной горячки, которой опасались старшій офицеръ и корабельный врачъ, тоже не послѣдовало. Но предписаннаго ей покоя она не находила, напрасно старался отогнать отъ себя мучительныя мысли о своемъ положеніи.

Послѣ того какъ Грета физически оправилась настолько, что докторъ разрѣшилъ ей встать, она настала на желаніи самой каждое утро убирать свою каюту; съ одной стороны, это представляло для нея нѣкоторое раввлеченіе, съ другой—нѣкоторый навыкъ хотя къ легкому труду. Тѣмъ не менѣе день казался ей очень длиннымъ въ ея добровольномъ заточеніи; кромѣ доктора она видѣла только экономку, которая время отъ времени приходила спросить, не нужно-ли ей чего.

Вытеревъ суконкой мебель и деревянныя панели стѣны, молодая женщина отважилась наконецъ приняться за модели кораблей. Тонкая ихъ осластка была совсѣмъ сфрал отъ пыли; стереть ее, не повредивъ маленькихъ пропавшей искусства, было нелегко. Несмотря на всю осторожность, съ какою Грета сняла со стѣны надъ койкою маленькій корабликъ, отъ него тѣмъ не менѣе отдѣлился какой-то предметъ, который въ первую минуту можно было принять за парусъ, сдѣланный изъ гнutoй бѣлой жести. Поднимая его, она замѣтила, что это была фотографія, и какъ разъ—сердце точно останоуилось въ ея груди при этомъ открытіи—ея фотографія. Такова она была молодою дѣвушкой до обрученія; это ея прическа, ея платье, то самое, въ которомъ она такъ нравилась Фрау Винтервернъ.

На ея зовъ пришла экономка.

— Кто здѣсь жилъ до меня?

— Здѣсь?

— Экономка запнулась и покраснѣла.

— Такъ я скажу вамъ, фрау Веллеръ. Это не больничное помѣщеніе, а каюта господина Винтерверна.

Такъ какъ тайна уже открылась, то фрау Веллеръ не видѣла, почему-бы ей не говорить.

— Вы вѣрно догадались объ этомъ по табачному запаху, предположила она,—и по корабликамъ на стѣнахъ. Да, ужъ такого заниснаго моряка нѣтъ больше въ цѣломъ свѣтѣ, вѣрете мнѣ! Зато капитанъ очень дорожитъ господиномъ Винтерверномъ, а экипажъ такъ просто благоговѣетъ передъ нимъ!

— Спасибо, что отвѣтили на мой вопросъ, фрау Веллеръ; дольше и васъ не задержу. Одно только: теперь господинъ Винтервернъ живетъ въ пассажирской каютѣ?

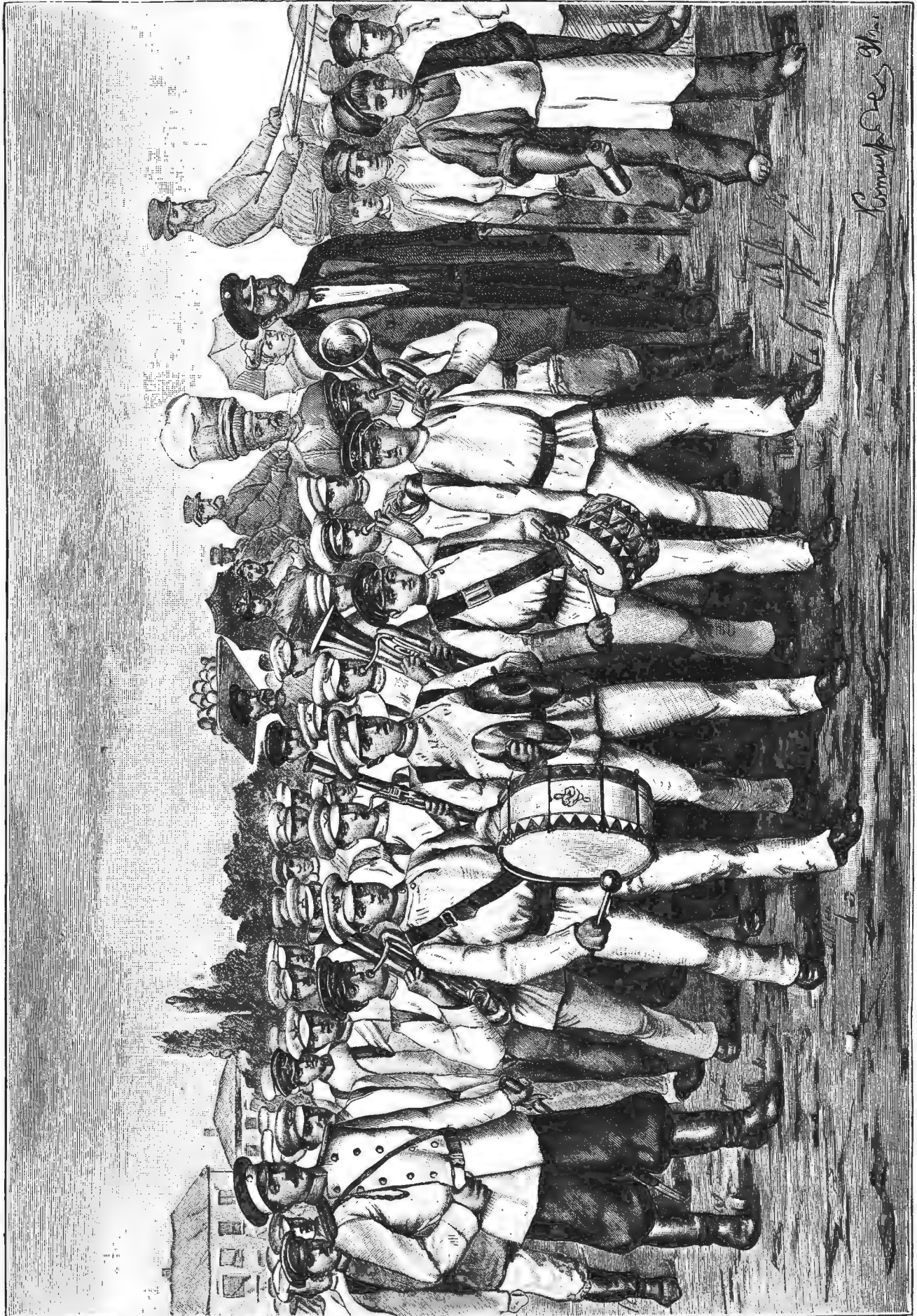
— Конечно, да еще въ каютѣ втораго класса; даже къ обѣду онъ не приходитъ къ намъ въ салонъ. А судно такъ плохо обставлено... Ахъ, батюшки, меня зовутъ!

Оставшись одна, Грета облегченно вздохнула. Снова вынувъ спрятанную отъ экономки фотографію, она усѣлась на одинъ изъ простенныхъ стульевъ подъ боковымъ окошечкомъ, такъ, чтобъ свѣтъ изъ него падалъ черезъ ея плечо на стѣнную модель корабля и на поблишее изображение въ ея рукахъ, съ котораго ей улыбалась далекая счастливая цора юности.

Ей казалось, что она вноси, какъ тогда, сидитъ въ квартирѣ Винтерверновъ у ногъ привѣтливой вдовы, которая нѣжно проводитъ рукою по ея головѣ, разказывая о Рольфѣ. Фрау Винтервернъ часто передавала молодой дѣвушкѣ поклоны отъ сына. А иногда и самъ Рольфъ сидѣлъ во время своихъ побывокъ противъ маленькой группы, глядя на которую онъ часто терялъ нить разказа и только молча улыбался съ счастливымъ выраженіемъ лица, какъ будто изображаемая имъ событія были такъ хороши, что у него не хватало словъ для ихъ описанія. Впрочемъ Рольфъ почти всегда казался сосредоточеннымъ, даже когда ежедневно въ теченіе цѣлыхъ недѣль встрѣчался съ подругою дѣтства. Но какъ ваволнованно смотрѣлъ ей въ глаза молодой штурманъ передъ ближайшимъ своимъ плаваніемъ,—Карстенъ тогда уже ухааживалъ за нею,—можно было-бы думать, что это прощанье на вѣки.

Дѣйствительно это было прощанье на вѣки: когда онъ вернулся, Грета была уже женою другаго, котораго считала лучшимъ и благороднѣйшимъ изъ людей, хотя, повидимому, не всѣ были того же мнѣнія. Фрау Винтервернъ часто плакала со времени обрученія „своей милой дочечки“, какъ она прежде называла Грету. На вопросъ о причинѣ ея печали отвѣтъ былъ всегда одинъ: „Мой сынъ, мой бѣдный дорогой мальчикъ!“ Однако Рольфъ всегда былъ здоровъ, какъ встрѣчалъ по возвращеніи: онъ сталъ только еще серьезнѣе и скрытнѣе, и наконецъ переѣхалъ съ матерью въ Гамбургъ, поступивъ на службу одной изъ тамошнихъ компаній почтоваго пароходства.

Маленькое изображение въ рукѣ Греты объяснило все, чего она до нынѣшняго дня не понимала. Оно разказало ей о страданіяхъ матери и горѣ ея благороднаго сына.

Лѣтняя прогулка гимназистовъ. Орлг. рис. (собств. «Нивы») Нотлярснаго, грав. Шлюберъ.

Первая кочерыжка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, автотипил Алгсрера.

Въ первую минуту послѣ своего открытія Грета была совсѣмъ подавлена неожиданностью, но скоро это чувство смѣнилось огорченнымъ сознаніемъ того, что нѣкогда она была любима такимъ человѣкомъ и теперь еще пользуется его уваженіемъ и дружбою.

Докторъ, посѣтившій ее подвѣчерь, нашелъ ее очень утомленною и предписалъ движеніе на свѣжемъ воздухѣ: все сидѣть внизу да раздумывать крайне вредно для ея состоянія, и если она рѣшительно не желаетъ встрѣчаться съ другими пассажирами, пусть выходитъ на палубу въ то время, когда они за столомъ.

Ея отказъ не привелъ ни къ чему, и какъ только въ салонѣ сѣли обѣдать, докторъ самъ явился за нею.

Наверху ее встрѣтилъ Рольфъ и спросилъ о здоровьѣ.

— Ты держалась молодцомъ и видимо поправила, Грета; теперь позаботься о болѣе здоровомъ цвѣтѣ лица. Ходи почаще на палубу, морской воздухъ дѣлаетъ чудеса.

Да, дѣйствительно онъ дѣлалъ чудеса, потому что блѣдная молодая женщина вдругъ покраснѣла; она покраснѣла еще больше, когда онъ взялъ ее подъ руку и началъ медленно ходить съ нею по палубѣ, тогда какъ врачъ удалился. Она не подозрѣвала, что они оба только-что условились не оставлять ее одну, изъ опасенія вторичной попытки самоубійства; онъ, со своей стороны, также ничего не зналъ объ обнаруженіи своей тайны, иначе не говорилъ-бы такъ непринужденно объ общихъ пріятныхъ воспоминаніяхъ юности. Онъ умолялъ только при появленіи экономки.

Фрау Веллеръ подошла къ Гретѣ и вручила ей письмо.

— Мнѣ нужно самой его передать, полицейскій позволитъ.

— Отъ моего мужа, прошептала Грета, блѣднѣя, и распечатала записку, писанную карандашомъ. Во время чтенія лицо ея попеременно выражало печаль и презрѣніе. Потомъ она со вздохомъ протянула письмо Рольфу.

— Я долженъ прочесть?

— Прощу тебя.

Загрубѣлое отъ вѣтра и непогоды лицо Рольфа осталось невозмутимымъ при чтеніи театральныхъ клятвъ въ любви Карстенса, который „изнывая въ мрачной темницѣ, обращалъ эти строки къ своей горячелюбивой женѣ“. Онъ только ради нея сдѣлался преступникомъ. Чтобы удовлетворить притязаніямъ своей нѣсколько избалованной женушки, онъ въ тихое отъ дѣлъ время употребилъ вѣренныя ему деньги на покрытие издержекъ по содержанію ихъ дома, и когда недочета въ кассѣ уже нельзя было покрыть, думалъ найти спасеніе въ бѣгствѣ. Въ этомъ одною было его несчастье, поэтому онъ умоляетъ ее не отворачиваться отъ него, не лишать его послѣдней поддержки, иначе съ отчаянія онъ сдѣлается настоящимъ преступникомъ. По отбытіи заслуженнаго имъ справедливаго наказанія она должна протянуть ему руку, должна помочь начать новую лучшую жизнь; пусть эта жизнь по вышности будетъ жалка, но одно присутствіе любимой жены и скраситъ и сдѣлаетъ его счастливымъ.

„Поэтому“, такъ кончалось письмо, „ты со своею возвышенною душою и истинно женскимъ милосердіемъ будешь единственнымъ существомъ, которое не броситъ въ меня камень, если свѣтъ меня осудитъ.“

Неизмѣнно любящій тебя
твой несчастный Францъ“.

Прочтя письмо, Рольфъ молча отдалъ его Гретѣ. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Что ты думаешь дѣлать?

— Все, чтѣ онъ отъ меня требуетъ, отвѣтила она рѣшительнымъ тономъ.— Уважать и любить его какъ мужа я больше не могу, но должна постараться спасти въ немъ человѣка.

— Другаго отвѣта я отъ тебя не ожидалъ. Пойдемъ, Грета, обѣдъ кончился, на палубѣ опять становится людно.

Съ этими словами онъ проводилъ ее къ люку, а когда на слѣдующій день въ обѣденное время она снова вышла про-

гуляться, онъ стоялъ на вахтѣ и лишь мелькомъ поклонился ей съ капитанскаго мостика; на этотъ разъ она была подъ присмотромъ парходнаго доктора.

III.

Путешествіе близилось къ концу. То и дѣло показывались со стороны Англій буксирные пароходы и катера лоцмановъ, которые высматривали возвращавшіяся домой парусныя суда, чтобы провести ихъ въ гавань. Соотвѣтственно времени года погода была благопріятная, и маленькія суденышки безбоязненно могли забираться далеко въ море.

При взглядѣ на декъ Грета слегка вздрогнула. Тамъ у фок-мачты стоялъ полицейскій, стерегшій ея мужа, а въ двухъ шагахъ отъ него, у борта, самъ Карстенсъ. Его покраснѣвшее лицо искривилось при видѣ ея въ любезную улыбку. Но съ какою цѣлью онъ сдѣлалъ знакъ лоцманскому катеру, плывшему совсѣмъ рядомъ съ „Силезіей“? Потомъ—быстрымъ взглядомъ на полицейскаго, прощальный жестъ руки въ сторону жены и...

— Человѣкъ уналъ въ воду! крикнулъ работавшій на грот-рефѣ матросъ, а полицейскій бросился бѣжать къ капитанскому мостику съ крикомъ: „Мой арестантъ! мой арестантъ!“

Старшій офицеръ стоялъ у рупора блѣднѣе смерти; страшная мысль мелькнула въ его умѣ: кто можетъ привлечь его къ отвѣтственности, если онъ замедлитъ на двѣ минуты или дастъ невѣрное приказаніе? Но онъ тотчасъ же опомнился и крикнулъ нао всѣхъ силъ черезъ рупоръ въ машинное отдѣленіе: „Стоять! Полнымъ ходомъ назадъ!“ Потомъ сбѣжалъ на палубу и съ командой: „Шлюпку со штурбота въ воду!“ бросился къ ближайшей лодкѣ; за нимъ матросы.

Неожиданная остановка и задній ходъ судна, тревожные крики и бѣготня вызвали на палубу обѣдавшихъ въ салонѣ пассажировъ. У парходнаго кили они увидѣли лодку, крейсировавшую подъ управленіемъ старшаго офицера, а на сторонѣ бакборта пробѣгалъ мимо остановившагося парохода легкой лоцманскій катеръ. Владѣлецъ его раскланялся съ капитаномъ и крикнулъ:

— Вѣрно вы посадили молодца на половинную порцію, что онъ не захотѣлъ больше оставаться у васъ? Машетъ мнѣ рукою, а потомъ прыгъ въ воду, какъ въ ванну; плавать-то онъ умѣлъ, да пошалъ какъ разъ подъ винтъ, ну и копецъ.

— Вы видѣли, какъ онъ тонуть?

— Своими глазами. Поднимайте ошгъ лодку совершенно спокойно. Good-bye, Sir!

Десять минутъ спустя „Силезія“ снова двинулась впередъ; пассажиры вернулись въ салонъ доканчивать прерванный обѣдъ, а несчастную вдову погибшаго преступника снесли внизъ въ обморокъ.

— Какъ же онъ былъ глупъ, что понадѣялся убѣжать!

— Глупъ? Ничуть. На катерѣ лоцмана подъ англійскимъ флагомъ онъ былъ бы внѣ преслѣдованія, а разъ онъ высадился бы на берегъ, пока сдѣлали бы запросъ о его арестѣ и выдачѣ, его и слѣдъ простылъ бы. Вотъ на что онъ рассчитывалъ, толковали въ публицѣ.

„Силезія“, пришедшая изъ Нью-Йорка съ половиннымъ грузомъ, направилась безъ остановокъ до самаго Гамбурга и стала у огромныхъ магазиновъ пакетботной компаніи, на набережной Ст.-Паули. Пока пассажиры сѣбною толпою выходятъ на берегъ, старшій офицеръ разговариваетъ на кормѣ съ вольнованною пожилою дамой. Блѣдная молодая женщина медленно выходитъ изъ своей каюты; она сѣбнитъ менѣе всѣхъ; никто ея не ждетъ.

— Вотъ она, шепчетъ Рольфъ;—будь добра къ ней, матушка.

И старая дама съ открытыми объятіями идетъ навстрѣчу къ Гретѣ, старая вдова прижимаетъ къ сердцу молодую.

— Поплачь, дорогая моя дочка, я буду плакать съ тобою.

Какъ радостно бьется материнское сердце! Наконецъ-то ея дорогія дѣтки соединятся и будутъ счастливы!

Къ рисункамъ.

Осушеніе болотъ въ Минской губерніи.

(Рис. на стр. 621 и 624).

Осушительныя работы въ бассейнѣ Припяти, какъ извѣстно, начались въ 1874 году и, согласно общему плану, должны были начаться на лѣвомъ берегу рѣки въ Минской губерніи. Но здѣсь представились такія препятствія со стороны почвы, которыя вынудили начать работу гораздо выше, на Утовалѣ, одномъ изъ притоковъ Припяти. На этой полосѣ было осушено 420 кв. верстъ. Въ 1887 году осушены бассейны рѣкъ Ясольды и Шары, одна изъ величайшихъ низменностей. Суммы потребныя на осушеніе доставлялись правительствомъ и окрестными землевладѣльцами. Всего осушено 2 милл. десятинъ, изъ коихъ 1 милл. въ уѣздахъ Бобруйскомъ, Рѣчицкомъ и Игуменскомъ. Изъ 2 милл. десятинъ казні принадлежатъ 240,000 дес. Луга всего этого пространства до осушенія доставляли только 1,640 руб. дохода, теперь же—61,000 руб.; лѣса доставляли 17,000 руб., теперь же—135,000 руб.

Поймы или прирѣчныя болота, а также образующіяся на равнинахъ съ незначительными покатостями и котловинами осушаются посредствомъ отвода воды, нѣрѣдко цѣлою системою каналовъ. Обширная болотистая и лѣсная страна, простирающаяся громаднымъ треугольникомъ вдоль рѣки Припяти, называется Полъсьемъ. Сѣверная окраина этой полосы, начинаясь на сѣверѣ у Бреста, тянется до верховьевъ Березины, мимо Кобрина, Слонима и Саудка; южная—мимо Влодавы, Ковеля, Клевани до Радомысли и далѣе по Днѣпру до впаденія Тетерева. Въ центрѣ этого низменнаго пространства находится Пинскъ съ его знаменитыми болотами. Понятно, какіихъ усилій стоило осушеніе этого центра. Всѣ работы, съ самаго ихъ начала, производились подъ руководствомъ генерала Жилинскаго.

Озеро Ханка и Сунгача. (Рис. на стр. 625).

На крайнемъ востокѣ Россіи, въ Южно-Усурійскомъ краѣ, на пограничной чертѣ съ Китаемъ—широкой водной ска-

тертью раскинулось озеро Ханка. Это громадный, нѣсколько продолговатый водоемъ, длинная ось котораго (70 слишкомъ верстѣ) почти совпадаетъ съ меридіаномъ. Рядомъ съ большимъ озеромъ, соединяясь съ нимъ небольшимъ, проходнымъ въ бродъ, проливомъ, расположено въ предѣлахъ Китая—Малое Ханка, отдѣляющееся отъ большого двумя косами, наименьшая ширина которыхъ (у пролива) не превышаетъ одной версты. Глубина Большого Ханка, по словамъ командировъ плавающихъ по немъ пароходовъ, не свыше 2-хъ сажень.

Берега Ханка, за исключеніемъ нѣсколько холмистаго южнаго, представляютъ изъ себя громадную равнину, незамѣтно сливающуюся съ водами озера. Равнина эта до послѣдняго времени была совсѣмъ ненаслѣдована и только поѣздки 1888—89 годовъ полк. Надарова и кн. Крапоткина бросили свѣтъ на строеніе восточной (русской) части береговъ озера, которые до того считались сплошнымъ болотомъ, простирающимся отъ береговъ Ханка и вытекающей изъ него р. Сунгачи вплоть до острововъ Сихотэ-алина.

Изъ свѣдѣній добытыхъ во время упомянутыхъ поѣздокъ выяснилось, что только небольшая полоса восточнаго берега Ханка и Сунгачи, въ нѣсколько верстѣ шириною—болотиста, да еще же къ востоку равнина подымается ровной покатою и, становясь повенному холмистой, незамѣтно сливается съ отрогами Сихотэ-алина. По своему характеру, вся эта мѣстность есть сѣверное продолженіе такъ-называемой Суйфууской степи, вмѣстѣ съ которой составляетъ пространство, вѣроятно не менѣе 15 тысячъ кв. верстѣ, плодородной, годной къ заселенію земли. Южная часть этой площади заселяется уже и въ настоящее время, а скоро, по всей вѣроятности, наступитъ очередь и сѣверной части.

Единственнымъ стокомъ водъ озера Ханка, въ которое впадаетъ нѣсколько, хотя и несудоходныхъ, но обильныхъ водю рѣчекъ, служитъ рѣка Сунгача, впадающая въ Усури, одинъ изъ крупнейших притоковъ Амура.

Отъ поста Камень-Рыболовъ, расположеннаго на южномъ берегу Ханка, начинается громадный водный путь (2778 в.), соединяющій Южно-Усурійскій край со станціей Стрѣтенскъ въ Забайкальѣ.

Часть этого пути—отъ Камень-Рыболовъ до станціи Буссе на Усури (7 верстѣ ниже впаденія Сунгачи), съ проведеніемъ проектируемой желѣзной дороги между Буссе и Владивостокомъ, будетъ вѣроятно заброшена и забыта. Пока на этомъ пространствѣ совершаютъ рейсы пароходы Амурскаго товарищества, свистки которыхъ два раза въ недѣлю оживляютъ громадную водно-болотистую пустыню озера и рѣки.

Болотистые берега Сунгачи—это настоящее царство пернатыхъ, описанное уже въ сочиненіи покойнаго Пржевальскаго, который у истоковъ Сунгачи наблюдалъ перелетѣ птицъ. Изъ млекопитающихъ—тигръ своей вороватой походкой бродитъ, разыскивая водящихся здѣсь въ большомъ числѣ козъ. Лиса охотится за водной птицей и фазаномъ; енотовидная собака—за мышами. Попадаются изрѣдка и другіе свойственные Южно-Усурійскому краю звѣри, но это, такъ-сказать, прохожіе, по отнюдь не мѣстные жители. Рыбы, въ несмѣтномъ количествѣ населяющія вѣчно мутныя воды Ханка и Сунгачи, описаны профессоромъ зоологомъ Дыбовскимъ. Читая эти описанія и убѣдившись на мѣстѣ, какъ строго они правдивы по отношенію количества водящейся въ этихъ мѣстахъ рыбы и птицы, невольно жалеешь, что некому эксплуатировать эти громадные богатства.

Рѣка Сунгача сама по себѣ крайне своеобразна: это совершенно одинаковой (около 30 саж.) ширины лента, которая, не образуя ни одного острова, при почти одинаковой глубинѣ, дико-прихотливыми изгибами навивается по совершенно плоской равнинѣ. Илестый, мягкій берегъ, мутная бѣлесоватая вода—совершеннѣйшая млечная рѣка въ кисельныхъ берегахъ. По берегамъ тальникъ, вырастающій до громадныхъ размѣровъ, и только ближе къ Усури начинаютъ, вдали отъ берега, показываться другія породы деревьевъ, каковы: осина, дубъ, обыкновенный и пробковый, акація, берева, виноградная лоза и другія. Какъ особенность Сунгачи, приходится отмѣтить, что это единственное въ Россіи мѣсто, гдѣ растетъ растение очень сходное, по крайней мѣрѣ по наружному виду, съ амазонской *Victoria Regia*. Это *Nelumbium speciosum*, священный лотусъ индусовъ. Свѣтло-розовые, величаво съ дѣтскую голову, цвѣты этого растения, покоющіеся на громадныхъ плавающихъ листьяхъ, красуются на заливахъ озеръ по обѣ стороны верхняго теченія Сунгачи, рѣзко выдѣляясь на однообразномъ фонѣ сѣреной болотной растительности.

Берегъ рѣки илестый, обрываетъ 7—8 футъ высотой, мягко настолько, что мнѣ неоднократно приходилось видѣть, какъ носъ парохода, на самыхъ крутыхъ поворотахъ, зарывался въ берегъ не менѣе аршина, безъ особо ощутительнаго толчка. Попадаются изгибы настолько крутые, что видишь идущую на буксирѣ баржу, которая бѣжитъ въ совершенно противоположную сторону съ прошедшимъ уже поворотъ пароходомъ, а буксиръ тянется черезъ очутившіся между ними мысы. На одномъ изъ безчисленныхъ на Сунгачѣ изгибовъ, такъ-называемомъ Дунькинѣмъ Кривуѣмъ, приходится идти слишкомъ шестьдесятъ верстѣ, чтобы очутиться въ тридцати-сорока са-

жеяхъ отъ берега, около котораго на такомъ же разстояніи, съ противоположной, конечно, стороны, былъ пароходъ четыре часа тому назадъ.

Истокъ и устье этой своеобразной рѣки, срисованные съ натуры, представлены на прилагаемыхъ рисункахъ.

М. Вольскій.

На сторожѣ. (Рис. на стр. 629).

Еще одинъ изъ тѣхъ степныхъ хищниковъ, которыхъ съ такимъ мастерствомъ изображаетъ бойкая кисть Н. П. Каравина. У воды, въ заросляхъ камыша, притаился коварный разбойникъ и поджидаетъ вѣрную добычу, зная, что въ степи къ водѣ стремятся и одинокіе путники, и цѣлыя караваны.

Лѣтняя прогулка гимназистовъ. (Рис. на стр. 632).

Физическое воспитаніе, которое должно идти рядомъ съ научнымъ образованіемъ и воспитаніемъ нравственнымъ, только за послѣднее время стало распространяться у насъ по среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Вводить болѣе правильныя занятія гимнастикой, обученіе военному строю и приемамъ, заставляли играть на открытомъ воздухѣ или совершать прогулки. Одна изъ такихъ прогулокъ изображена нами на стр. 632. Во главѣ съ оркестромъ, составленнымъ также изъ гимназистовъ, веселая ватага молодежи, въ сопровожденіи наставниковъ и родственниковъ, отправляется куда-нибудь повеселиться за городъ, подальше отъ городского шума и духоты. Но рядомъ съ развлеченіемъ прогулки эти могутъ имѣть и образовательное значеніе, если придать имъ характеръ экскурсій для собиранія растений, насѣкомыхъ и т. п., или ознакомленія съ достопримѣчательностями города и его окрестностей. Такое пріятное времяпрепровожденіе имѣетъ и полезную сторону, обогащая познаніе и укрѣпляя здоровье, всегда значительно израсходовавше послѣ долгихъ зимнихъ занятій.

Первая кочерыжка. (Рис. на стр. 633).

Подходитъ время собирать и рубить капусту. Долго ждали этой поры деревенскіе ребятишки. Они знаютъ, что съя капусту приговаривали: „не будь голеиаста, будь пузаста; не будь пустая, будь густая; не будь красная, будь вкусная!“ Вотъ въ этомъ-то все и дѣло, а что же можетъ быть вкуснѣе сочной кочерыжки?!. Наконецъ, какъ-то утромъ повела тетка мелюгу на огородъ, и сама очистила имъ „новую новинку“, между тѣмъ какъ старшая сестренка работаетъ надъ другимъ кочнемъ, сираваясь собственными средствами.

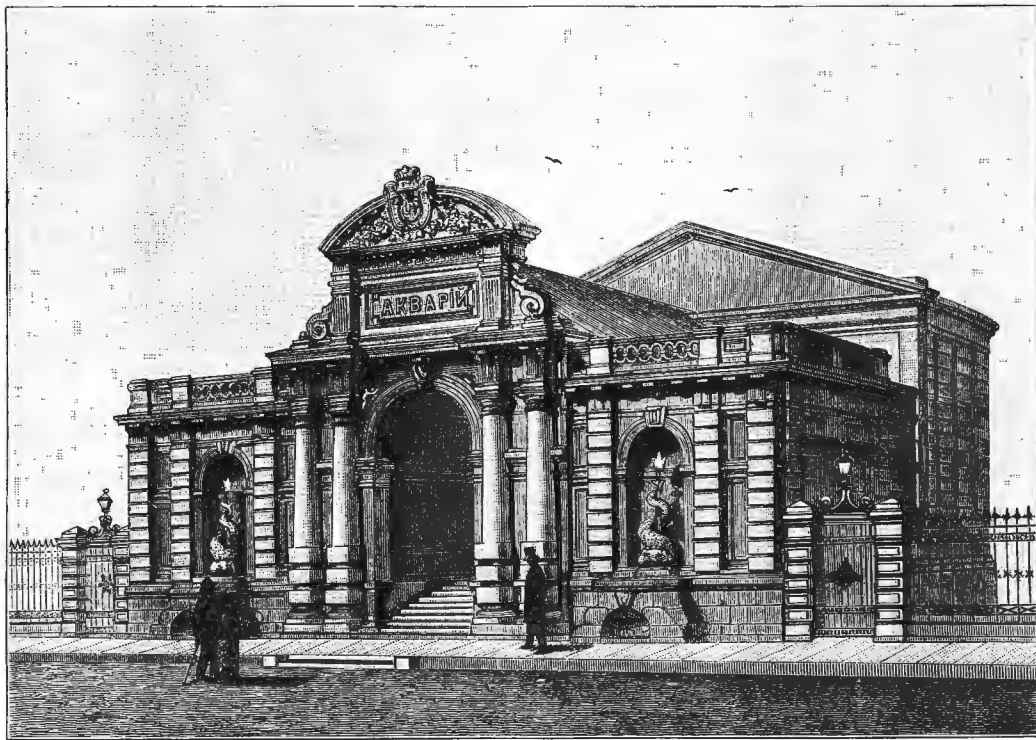
Харьковскій публичный акварій. (Рис. на стр. 636).

За границей почти въ всякомъ провинціальномъ городѣ имѣется какое-либо учрежденіе, способствующее изученію произведеній окружающей природы; на знакомствѣ же съ природою, особенно въ наше время усиленной борьбы съ естественнымъ условіемъ въ значительной степени выдѣляется благосостояніе народонаселенія. Всѣ эти естественно-историческіе музеи, опытно-испытательныя станции и поля, акклиматизаціонныя сады, акваріи, рыбноводни и т. д. имѣютъ большое педагогическое значеніе, а публичкѣ доставляютъ полезное развлеченіе. Наше отечество до сихъ поръ еще крайне бѣдно подобными учрежденіями, хотя необходимость ихъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознаніе русскаго общества. Чего изъ числа этихъ учрежденій у насъ еще вовсе нѣтъ, такъ это публичныхъ акваріевъ, ибо увеселительное заведеніе на Петербургской Сторонѣ, конечно, не достойно этого наименованія. Тѣмъ сочувственнѣе мы должны отнестись къ нынѣ нарождающемуся въ г. Харьковѣ, этомъ главнѣйшемъ сельско-хозяйственномъ, торговомъ, промышленномъ и научномъ центрѣ нашего юга, публичному, морскому и прѣсноводному акварію.

Во главѣ кружка его учредителей стоятъ мѣстный губернаторъ *А. И. Петровъ* и попечитель учебнаго округа *Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ*. Въ составъ кружка вошли да еще: городской голова *И. О. Фесенко*, нѣкоторые профессора, общественные дѣятели и капиталисты. Изъ числа послѣднихъ назывемъ столь извѣстнаго *И. Г. Харитonenка*, *А. Н. Эдельберга*, *Д. Х. Гевенистрейта*, жертвующихъ на общепольное дѣло кто по тысячѣ, кто и болѣе рублей. Выяснимъ въ краткихъ чертахъ, въ особенности тѣмъ изъ читателей, которымъ не посчастливилось побывать за границей, въ какомъ видѣ слѣдуетъ представлять себѣ будущій публичный акварій.

Приложенная къ настоящей статьѣ гравюра изображаетъ фасадъ зданія, сочиненный съ обычнымъ вкусомъ академикомъ *А. А. Нарландомъ*, извѣстнымъ строителемъ храма Воскресенія Христова на Екатерининскомъ каналѣ, на мѣстѣ злополучнаго событія 1 марта. Зданіе проектировано въ полтора этажа, причемъ прохладный подвальный предназначенъ для самаго существеннаго, а именно подъ морскія и прѣсноводныя мѣстности, такъ какъ водянныя животныя вообще плохо переносятъ лѣтнюю жару. По невмысокой лѣстницѣ посѣтитель подымается на крытую галлерею. За шинельною, слѣдуетъ помѣщеніе, гдѣ выставлены всевозможные образцы комнатныхъ, прѣсноводныхъ и морскихъ акваріевъ, со

вѣми аппаратами, къ нимъ принадлежащими, рыболовные снасти, а также собраніе книгъ, брошюръ и журналовъ, относящихся къ рыбоводству, рыболовству и акваріямъ. Тутъ же и демонстративная рыбодовия со вѣми новѣйшими, наиболѣе практичными приспособленіями, употребляемыми при искусственомъ выведеніи и вскармливаніи рыбной молодежи. Въ подходящее время года въ рыбодовіи будутъ производиться публично и соотвѣтственные опыты. Изъ описаннаго отдѣленія посетитель переходитъ въ зимній садъ. Среди тропической его растительности, въ потайныхъ клѣткахъ изъ проволочной латуны предполагается содержать ткачей, поугаевъ и другихъ птицъ, могущихъ привлекать вниманіе публики. Между скалами, искусно сложенными изъ туфа, начинается спускъ, вѣтой дорогой, въ подземную часть зданія. Посетитель попадаетъ въ цѣлую систему гrotтовъ и ходовъ, ведущихъ то вправо, то влево, то вверхъ, то внизъ, получая, на небольшомъ пространствѣ, иллюзію обширнаго лабиринта. Тутъ будутъ чередоваться сталактитовые гроты, каменоломни, угольная и соляная копи, флуга-лова пещера, спій гротъ и т. д. Въ стѣнахъ гротовъ, тутъ и тамъ искусно вѣдланы стѣны, за которыми помѣщаются прѣсныя и соленыя водо-выѣстилица, собственно акваріи. Въ гротахъ господствуетъ таинственный полумракъ; свѣтъ падаетъ въ нихъ лишь черезъ акваріи, по контрасту, ярко освѣщая ихъ обитателей. Въ однихъ посетитель узнаетъ старыхъ знакомыхъ базара и кухоннаго стола: стерлядей, шукъ, форелей и

Харьковскій публичный акварій по проенту академика А. А. Парланда. Съ фот. грав. Рашевскій.

т. д.; но вмѣстѣ съ тѣмъ, дивится ихъ яркой окраскѣ и граціознымъ движеніямъ. Другія выѣстилица заселены животными морскими, ясно свидѣтельствующими о томъ, насколько морская фауна разнообразна, красива и причудлива прѣсноводной. Одѣтые бровею морскіе коньки, плавая, употребляютъ спиной плавникъ вмѣстѣ какъ бы пароходнаго вѣнта, а отдыхая, цѣпляются спиральными хвостикомъ за морскіе пороги. Тутъ перекошенные камбалы, у которыхъ оба глаза съ одной стороны головы, или скаты (морскіе коты), плоскіе какъ доска, съ глазами какъ бы на спицѣ, а ртомъ на брюхѣ, а тамъ мелкая порода акулъ, или же морскія черепахи, тѣ самыя, изъ чешуи которыхъ готовятся издѣлія. Морскія звѣзды разнообразныхъ формъ и яркихъ цвѣтовъ карабкаются по скаламъ слѣдующаго резервуара. Еще далѣе взору представляются большіе омары, цѣлыя двѣтники изъ морскихъ анемоновъ или актиній и коралловыхъ кустиковъ. Особое вниманіе обращаютъ на себя причудливые осьминоги или спруты, наиболѣе умныя изъ беззвоночныхъ животныхъ. Своими расположенными лучеобразно вокругъ головы руками они наворачиваютъ себя изъ камней пещеру, въ которой подкарауливаютъ рыбъ и другую добычу. Нѣтъ возможности перечестъ вѣсхъ прелестей морской животной жизни, съ которыми насъ знакомитъ морская акваріи. Созерцаемъ морскихъ чудесъ какъ-то особенно пробуждается въ людяхъ интересъ къ живой природѣ. Многія изъ морскихъ животныхъ, предполагаемыхъ къ помѣщенію въ харьковскій акваріи, принадлежатъ къ черноморской фаунѣ; нныя изъ нихъ въ Западной Европѣ имѣютъ промышленное значеніе, у насъ же остаются пока безъ вниманія. Свѣдѣнія, распространяемыя о нихъ аквариемъ, могутъ поэтому приносить, хотя бы косвенно, и практическую пользу. Практическое направленіе не будетъ чуждо акварію и по отношенію прѣсноводнаго рыбнаго промысла. На обширномъ пространствѣ нашего Юга лишь единичные землевладѣльцы заботятся объ улучшеніи прудо-

выхъ рыбныхъ породъ; да это и трудно, ибо имъ приходится выписывать икру или молоки изъ-за границы или изъ Петербурга. Разсадникъ при харьковскомъ акваріи могъ бы сослужить тутъ большую пользу. Для этого при немъ предполагено филиальное отдѣленіе, для котораго однимъ изъ пригородныхъ владѣльцевъ заявлена готовность уступить два родниковыхъ пруда съ соотвѣтственною постройкою.

Задачи общепользнаго предіриятія, какъ видно изъ устава, въ сущности еще гораздо шире указанныхъ: ибо если окажутся средства, то предполагается также устройство и акклиматизаціоннаго сада, въ которомъ южный край рѣшительно давно нуждается.

Для дальнѣйшаго ознакомленія русскою публикой съ постановкой дѣла позанимствуемъ еще вѣкоторыя дополнителныя данныя изъ утвержденаго правительствомъ въ ноябрѣ прошлаго года устава акварія. Первый его параграфъ называетъ покровителемъ акварія нынѣ почившаго Августѣйшаго ревнителя и знатока русскаго животноводства Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Акваріи, какъ учрежденіе безусловно чуждое коммерческихъ цѣлей, сооружается на добровольныя пожертвованія учрежденій и ревнителей просвѣщенія. Списокъ учреждений и лицъ, внесшихъ на устройство или содержаніе акварія не менѣе 1,000 р., будетъ вырѣзанъ на мраморной доскѣ, которая будетъ красоваться на упомянутой выше галлерей зданія. Указанныя лица, равно какъ

и внесшія въ пользу акварія не менѣе 100 руб., получаютъ почетный дипломъ и пользуются пожизненно безплатнымъ входомъ въ акваріи. Комитетъ акварія постановилъ допускать эти взносы и по частямъ. Помимо такихъ пожертвованій, доходы акварія будутъ составлять: по возможности общедоступная плата съ посетителей, плата за пользование лабораторіей, выручка съ публичныхъ лекцій, экскурсій, отъ продажъ указателей и другихъ изданій, а также ожидаемыя ежегодныя субсидіи вѣдомствъ и общественныхъ учреждений. Расходы по акварію производятся: на доставку животныхъ и уходъ за ними, на страхованіе, отопленіе, освѣщеніе, снабженіе водою и ремонтъ зданія; на пріобрѣтеніе инструментовъ, аппаратовъ, справочныхъ сочиненій, на содержаніе служащихъ. Могущіе оказать ся избытки въ приходѣ предназначаются: на расширеніе и улучшеніе самаго акварія, на составленіе капитала для основанія при немъ зоологическаго или акклиматизаціоннаго сада и другія научныя и научно-практическія цѣли. Акваріи управляетъ комитетомъ, состоящимъ изъ харьковскаго губернатора, попечителя учебнаго округа, управляющаго государственными имуществами губерніи и шести членовъ, избираемыхъ на три года. Въ настоящее время членами комитета по выбору состоятъ: трое профессоровъ Харьковского университета, а именно А. Ф. Брандтъ, онъ же и директоръ акварія, В. Я. Данилевскій и А. Н. Красновъ; далѣе мѣстный общественный дѣятель техникъ Е. Е. Морозовъ, магистръ ботаники Н. К. Срединскій и оптикъ двора Его Величества А. Н. Эдельбергъ. Послѣдній принялъ на себя также и обязанности казначея.

Стремясь къ возможно скорѣйшему осуществленію предіриятія, комитетъ особенно озабоченъ дальнѣйшимъ привлеченіемъ денежныхъ средствъ, такъ какъ наличныхъ далеко не хватаетъ на постройку всего проектированнаго зданія. Крайне желательно, чтобы ревнители просвѣщенія пришли на помощь общепользному дѣлу.

Мукобата Дзисабуро и Китагаици Ицитаро.

(Портр. на этой стр.)

Ужаснейшее всѣхъ преступное покушеніе на жизнь Наслѣдника Русскаго Престола у всѣхъ еще въ памяти. Возвращаемся къ нему то. . .

... потому, что можемъ дать нашимъ читателямъ портреты двухъ японцевъ, которымъ было даровано Провидѣніемъ счастье оградить Особу Наслѣдника Цесаревича отъ дальѣйшихъ нападеній сумасброднаго фанатика.

Японцы эти, по имени Мукобата Дзисабуро и Китагаици Ицитаро, занимаются перевозкою людей въ небольшихъ колясочкахъ, и называются дженерикша или дженерикша. Обыкновенно ѣздятъ на одномъ человѣкѣ; но если дорога длинна и холмиста, то везутъ коляску двое или трое. Въ злосчастный день 29 апрѣля, въ городѣ Отсу, Наслѣдникъ Цесаревичъ ѣхалъ въ повозкѣ, которую везъ Мукобата; другой

японецъ везъ принца Георга Греческаго. Когда злодѣй нанесъ ударъ, Его Высочество поспѣшно сошелъ съ коляски; въ это время возчикъ ея, Мукобата Дзисабуро, схватилъ преступника за ногу и повалилъ; при паденіи тотъ выронилъ саблю, которую поднялъ Китагаици и ударилъ злодѣя по шеѣ. Дѣйствія этихъ двухъ дженерикша не остались не награжденными. Они получили по русской медали съ надписью „за усердіе“ и японскій знакъ отличія. Кроме того, Наслѣднику Цесаревичу угодно было наградить каждого изъ нихъ одновременно по 2,500 долларовъ и назначить ежегодную пенсію по 1,500 руб. золотомъ. Японское правительство также наградило ихъ пенсіей.

Китайская шампунка. (Рис. на этой стр.)

Мы, русскіе, называемъ всякое китайское судно шампункой, а между тѣмъ суда эти такъ разнообразны въ формѣ и величинѣ, что запомнить всѣ ихъ названія нѣтъ возможности.

Всѣ шампунки и суда — плоскодонныя съ приподнятой кормой, тупымъ носомъ и подъемнымъ огромнымъ рулемъ, который замѣняетъ имъ киль, поэтому китайцы могутъ свободно входить въ мелкія рѣки, лавировать и дѣлать большіе переходы. Изобиліе большихъ гаусовыхъ и мелкихъ рѣкъ, заставило китайцевъ прибѣгнуть къ этому типу постройки, но они не смущаются выходить на этихъ же судахъ и въ открытые океаны, выдерживать свѣжіе вѣтры и выказывать чудеса храбрости и ловкости въ управленіи парусами.

Мачты очень высоки и устройство парусовъ въ высшей степени остроумно и удобно. Десятки, а иногда и большіе параллельныхъ легкихъ бамбуковыхъ рейковъ, съ натянутымъ на нихъ кускомъ парусины, представляютъ прямой парусъ, который очень легко поднимается однимъ фаломъ (название

снасти). Благодаря этому устройству, парусъ хорошо стоитъ, можетъ быть быстро убранъ и, смотря по силѣ вѣтра, уменьшенъ или увеличенъ на нѣсколько рейковъ.

Многочисленность населенія заставляетъ китайцевъ переселяться цѣлыми семьями со всѣмъ хозяйствомъ на шампунки, поэтому легко представить себѣ, какое ихъ должно быть множество.

Хотя китайцы въ настоящее время и обладаютъ большимъ хорошимъ современнымъ флотомъ, но сердце ихъ не лежитъ къ тяжелымъ броненосцамъ; на своихъ же плоскодонныхъ судахъ они хорошіе хозяева.

Пока еще у нихъ много строятъ военныхъ шампунковъ, или джонокъ, которыя вооружаются простыми гладкостѣнными пушками, но они очень ловко на нихъ маневрируютъ и обучаютъ команду.

Политическое обозрѣніе.

Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, въ Россіи ожидается прибытіе

сербскаго короля Александра. Юный король уже выѣхалъ изъ Бѣлграда 10 іюля на пароходѣ при звонѣ колоколовъ, пушечной пальбѣ и долго несмокавшимъ „живо“ войска и народа. Царственная обстановка путешествія юнаго короля, сопровождаемаго, кромѣ блестящей свиты, представителями Россіи, произвела глубокое впечатлѣніе и вызвала живѣйшую радость населенія.

По поводу этой побѣдки *Сеттъ* приводитъ изъ органа сербской либеральной партіи „Српска Независностъ“ слѣдующую статью: „Извѣстіе о побѣдѣ нашего юнаго короля Александра въ Россію, для посѣщенія Августѣйшаго своего крестника отца и Государя братской намъ и вѣчно дружеской Россіи, Его Императорскаго Величества Императора Александра III, несказанно порадовало каждого сербскаго патриота. Радость эта вполне понятна всякому, кто знаетъ условія нашей народной жизни, нашего государственнаго развитія въ томъ видѣ, какъ ихъ опредѣлила природа и какъ создала и развила исторія. Послѣднія намъ учить, что всѣ правые пути разумной сербской политики ведутъ въ Россію, что въ Сербіи

только та политика увѣчалась успѣхомъ, которая шла этой стезей.

„Правильность такого взгляда сказывается и на другихъ, самыхъ могущественныхъ народахъ Европы. Они, убѣдившись въ невозможности обезпечить сами себѣ мирное развитіе, стали искать союзниковъ. Образование тройственнаго союза является въ данномъ случаѣ выразительнымъ результатомъ сказаннаго выше. Если Германія и Австро-Венгрія нуждаются въ союзникахъ, когда вооруженныя силы ихъ заключаются въ милліонахъ солдатъ, то тѣмъ болѣе это необходимо намъ слабымъ и немогущественнымъ сербамъ... Слава милосердному Богу, что Онъ позаботился и о слабыхъ! Сербія нѣтъ друга,

Дженерикша Мукобата Дзисабуро.

Бывшіе при Государѣ Наслѣдникѣ и принцѣ Георгіи Греческомъ во время покушенія въ Отсу. Съ фот. грав. Шюльеръ.

Дженерикша Китагаици Ицитаро.

Китайская шампунка. Съ фот. Апостоли грав. Флюгель.

пмѣть своего естественнаго союзника, предопредѣленнаго Провидѣніемъ въ лицѣ славянства, въ лицѣ его представителя—братской намъ Россіи, этой самой могущественной имперіи современнаго міра.

„Начало народности, одушевляющее нынѣ человѣчество къ великимъ подвигамъ, учить насъ, что при образованіи современныхъ государствъ большую роль играютъ расовыя особенности въ родѣ крови, языка и обычаевъ разныхъ племенъ. Тамъ же, гдѣ эти Богомъ данныя элементы соединяетъ еще и вѣра, эта небесная связь—тамъ союзъ дѣйствительно основанъ на природѣ. Тамъ возможна и совершенна дружба, которая въ состояніи превозмочь всѣ враждебныя замыслы нашихъ враговъ. Точно такая же, Богомъ благословенная связь, соединяетъ сербско-русскій народъ на вѣки!.. При благоприятныхъ обстоятельствахъ нашъ юный король отправляется въ первое свое путешествіе — поклониться своему духовному родителю и могущественному защитнику всего славянства и его судьб! Въ добрый часъ! Съ Богомъ въ путь!“

Нѣсколько ранѣ посѣщенія Сербскаго короля, въ Россію прибыла французская эскадра и, конечно, встрѣтила самый восторженный, чисто русскій пріемъ. На пути изъ Франціи къ намъ, французская эскадра побывала въ Давин и Швецин, гдѣ была принята самымъ радушнымъ образомъ и гораздо болѣе горячо, чѣмъ хотѣлось бы нѣмецкимъ газетамъ, которыя злобно пророчили ей холодную встрѣчу. Особенно не по душѣ нѣкоторымъ берлинскимъ газетамъ пріемъ со стороны Шведскаго короля Оскара, который на парадномъ обѣдѣ въ честь французскихъ моряковъ, произнесъ двѣ интересныя рѣчи. Въ нихъ король Оскаръ, между прочимъ, вспоминаетъ, что онъ началъ свою службу во флотѣ; онъ говорилъ: „поимому чувства симпатіи, между моряками столь естественнаго, къ какой бы

націи они ни принадлежали, существуетъ еще другая причина, побуждающая меня горячо васъ привѣтствовать. М. м. Г. г., вы всѣ сыны Франціи, а Франція была колыбелью моихъ предковъ, родина моихъ знаменитыхъ дѣдовъ, Бернадотта и Богарнэ. Подымю бокалъ за французскій морскія силы, за этотъ флотъ, который никогда не отступалъ отъ великихъ и возвышенныхъ принциповъ дисциплины и чести! Пью за здоровье этого корпуса офицеровъ, которые какъ въ дни побѣды, такъ и среди тяжкихъ испытаній всегда умѣли подавать и прекрасные примѣры мужества и искусства, преданности, вѣрности и патриотизма! Пью за французскій флотъ!“

Національная выставка въ Прагѣ ознаменовывается дѣлымъ рядомъ славянскихъ празднествъ, возбуждающихъ сильное удовольствіе нѣмецкой печати. *Neue Freie Presse*, толкуя о восторженномъ пріемѣ, оказанномъ въ Прагѣ сербамъ, говоритъ, что сербы особенно усердно мечтаютъ о конфедераціи балканскихъ государствъ, но что такія мечтанія имѣютъ такъ же мало практическаго значенія, какъ зрѣлище братанія, происходящаго нынѣ въ Прагѣ. Правительственная газета *Presse* развиваетъ ту мысль, что въ Чехіи „много Вашатыхъ“, поклоняющихся русской культурѣ, но что нынѣшнія демонстраціи въ пользу солидарности славянъ—не болѣе какъ дѣло горсти крикуновъ и вовсе не выражаютъ мнѣнія Чешскаго народа. Какъ бы въ отвѣтъ на всѣ замѣчанія подобнаго рода въ *Народныхъ Листахъ* помѣщена статья, обратившая на себя общее вниманіе. Въ статьѣ говорится, что сколько бы ни утверждали мадьяры и нѣмцы, будто между славянами нѣтъ солидарности, однако недавнія демонстраціи въ Прагѣ неопровержимо доказываютъ, что славянская идея вовсе не пустая выдумка Славянскаго благотворительнаго общества въ Москвѣ и Петербургѣ или Вашатаго.

С М Ъ С Ъ .

Нѣкоторыя цифровыя данныя относительно Полнаго собранія сочиненій Лермонтова въ нашемъ изданіи. Печатаемые нами 130,000 экземпляровъ Полнаго собранія сочиненій Лермонтова, по 79 печатныхъ листовъ въ каждомъ, составляютъ 10.270,000 листовъ, въ 16 страницъ каждый.

Каждая тысяча сфальцованныхъ листовъ, наложенныхъ другъ на друга, представляетъ толщину въ $3\frac{1}{4}$ дюйма; слѣдовательно 10.270,000 листовъ имѣютъ 397 сажень толщины или $\frac{4}{5}$ версты.

10.270,000 сфальцованныхъ листовъ, наложенныхъ другъ на друга, представляютъ высоту въ 3,179 сажень или $6\frac{1}{2}$ версты.

Если уложить листы, имѣющіе $21\frac{1}{2}$ дюймъ длины, рядомъ, въ видѣ ленты, то длина ея составитъ 2.628,631 сажень или $5,257\frac{1}{4}$ версты, или $8\frac{3}{4}$ разстояній между Петербургомъ и Москвой (604 в.), около 3 разстояній между Петербургомъ и Одессой, или $\frac{1}{7}$ окружности земли (37,800 в.).

10.270,000 листовъ покрываютъ поверхность въ $4.506,224\frac{1}{2}$ аршинъ, или $500,691\frac{1}{2}$ сажень, или 209 десятинъ, или 2 версты.

10.270,000 листовъ представляютъ вѣсъ въ 8,250 пудовъ или $16\frac{1}{2}$ вагоновъ груза.

Цѣна одной бумаги достигаетъ около 50,000 руб.; къ этой суммѣ надо прибавить еще наборъ, корректуру, печатаніе всѣхъ 10.270,000 листовъ, фальцованіе ихъ, печатаніе обложки и брошюровку 260,000 томовъ, т. е. 130,000 томовъ I и II части и 130,000 томовъ III и IV части, что въ общемъ итогѣ составляетъ громадную сумму.

Измѣненіе физиономіи. Знаменитые ученые утверждаютъ, что супруги, прожившіе много лѣтъ вмѣстѣ въ полной солидарности убѣжденій и идей, всегда питавшіе другъ къ другу любовь и дѣлавшіе одни и тѣ-же условія жизни, начинаютъ наконецъ походить одинъ на другого не только манерой и привычками, но даже лицомъ, особенно его выраженіемъ. Женевское фотографическое общество сняло портреты 78 супружескихъ паръ съ цѣлю установить, въ какой степени развивается это сходство. Въ результатѣ оказалось, что въ 24 случаяхъ сходство между мужемъ и женою было больше, чѣмъ между сестрой и братомъ, а въ 30 случаяхъ такъ же велико. (в.)

Блѣдная немочь у растений. — Интересныя изысканія и наблюденія ботаника Сакса обнаружили, что блѣдная немочь у растений происходитъ совершенно отъ той же причины, какъ у человѣка: отъ недостатка желѣза или же—гдѣ желѣза достаточно въ почвѣ окружающей растеніе—отъ болѣзненнаго строенія корней, затрудняющаго доступъ желѣзныхъ частицъ. Слѣшкомъ быстрый ростъ растенія также благоприятствуетъ развитію блѣдной немочи, какъ замѣтно и у человѣка. Это не научная гипотеза, но факты, подтвержденные опытами.

Если покропить чахущія растенія—особенно ихъ листья—очень жидкимъ растворомъ желѣза, то спустя короткое время развитіе хлорофила начнетъ усиливаться. Растенія съ большими корнями выдирать и поливать, если окончатъ ихъ и поливать желѣзною водою, или же пробуровать стволъ и дѣлать непосредственныя вырыскиванія желѣзнаго раствора; въ обоихъ случаяхъ растенія быстро поправятся и снова приобретаютъ сильно выраженную зеленую окраску.

Берлинскій физикъ Карлъ Кароли сдѣлалъ важное въ практическомъ отношеніи усовершенствованіе фонографа. Эдассоновъ фонографъ, какъ извѣстно, передавалъ человѣчскій голосъ нѣ-

сколько глухо и какъ бы сдвоеннымъ. Этотъ недостатокъ удалось устранить г. Кароли устройствомъ особаго резонанса, благодаря которому голосъ звучитъ изъ фонографа отчетливо, ясно и довольно громко. Г. Кароли показывалъ усовершенствованный имъ фонографъ на своихъ публичныхъ чтеніяхъ во время путешествія по Южной Германіи, Эльзасу и Швейцаріи, во всѣхъ тамошнихъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Усовершенствованіе его повсюду вызвало величайшее одобреніе какъ въ ученыхъ, такъ и свѣтскихъ сферахъ. Недавно г. Кароли демонстрировалъ свой фонографъ въ Берлинѣ. Ради курьеза въ фонографъ былъ вставленъ валикъ, передавшій слушателямъ дѣлныя рѣчи на настоящемъ волапюкѣ, который, по просьбѣ Кароли, еще въ Константицѣ сказалъ въ фонографъ изобрѣтатель этого „нарѣчія“, пасторъ Шлейеръ. (к.)

Вредъ свѣтлаго сѣна для лошадей. Многіе не хотятъ видѣть никакой опасности въ употребленіи свѣтлаго сѣна на кормъ лошадямъ, и такой взглядъ весьма распространенъ въ настоящее время. Сторонники его даже склонны видѣть въ худомъ пищевареніи лошадей послѣдствіе того, что имъ отпускается мало свѣжаго корма. Но какъ опасно свѣжее, еще не высушенное вполнѣ, сѣно—видно изъ нижеслѣдующаго. Въ ночь на 24 іюля у многихъ лошадей въ циркѣ Лорка, въ Люцернѣ, были замѣчены своеобразныя болѣзненные явленія: краснота глазъ, сильная лихорадка и неравильное сердцебиеніе. Диагноза ветеринара указалъ на отравленіе сердца. Злоумышленія быть не могло, овесъ былъ чистъ, анализъ воды и почвы не показалъ ничего ненормальнаго; подозрѣніе пало на сѣно и оказалось, что въ немъ, благодаря броженію, развились ядовитыя амидныя основанія. Изъ 30 заболѣвшихъ лошадей погибло 9 отлично выдрессированныхъ чистокровокъ. Этотъ случай является сильнымъ доказательствомъ вреда свѣжаго корма для лошадей. (к.)

Новое сладное вещество. Анилиновая фабрика въ Лудвигсгафенѣ ходатайствуетъ о полученіи патента на новое сладкое вещество, вполнѣ замѣняющее сахаринъ. Оно называется метиловымъ бензо-кислымъ сульфидинолѣмъ. Одного кристалла, длиною въ 2 миллиметра и толщиною въ тончайшую англійскую иглолку, достаточно, чтобы стаканъ воды сдѣлать приторно-сладкимъ. Еще не определено навѣрно, безвредно-ли это вещество. (к.)

О рабствѣ и нанибализмѣ. Брюссельскій „Mouvement anti-

ЗАЯВЛЕНІЕ.

При этомъ № 29 высылаются всѣмъ гг. годовымъ подписчикамъ I и II томы, сброшюрованные въ ОДНУ книгу,

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА,

а черезъ нѣсколько недѣль, т. е. при „Нивѣ“ № 33, выходящемъ 17 августа, гг. подписчики получатъ послѣдніе томы III и IV соч. Лермонтова, сброшюрованные тоже въ одну книгу.—Монтора редакціи „Нивы“ просить гг. подписчиковъ обратить на это вниманіе и въ случаѣ неполученія въ свое время вышесказанныхъ томовъ сообщить немедленно о томъ Конторѣ Редакціи.

esclavagiste“помѣщаете пространное донесение Камбы, откуда мы заимствуемъ слѣдующее: „Какое положеніе занимаетъ рабъ относительно своего господина въ Конго? Прежде всего раба можно съѣсть; но раньше чѣмъ онъ попадетъ на вертелъ, судьба его очень сносна. Онъ, безъ сомнѣнія, долженъ работать; зато ѣсть и пить вмѣстѣ со своимъ господиномъ, дѣлать его хижину, ни въ чемъ не терпѣть недостатка. И то сказать, куда годенъ обезсиленный лишеніями невольникъ? Какъ о немъ не заботиться, хорошо его не кормить, когда рано или поздно онъ долженъ самъ пойти на жаркое? Случается-же это довольно часто, хотя въ послѣднее время, благодаря наличности множества надсмотрщиковъ, подобныя пирушки въ государствѣ Конго значительно уменьшились. Негры кланутся намъ всѣми своими фетишами, что никто изъ нихъ больше не ѣсть человеческого мяса. Въ дѣйствительности это и не дѣлается среди бѣла дня, открыто, но ночью и въ потаенныхъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыя ночи можно слышать глухіе отрывистые звуки негритянскаго барабана, сопровождающіе часамъ къ 10—11 вечера отправленіе пирога съ берега на одинъ изъ острововъ рѣки Ловали. Если, стоя на берегу, внимательно прислушаться, то скоро можно услышать предсмертный крикъ жертвы, которую палачъ закалываетъ ножомъ. Спусти короткое время пылаетъ огонь, и на немъ поджаривается раздробленное на куски человеческое мясо. Его пожираютъ въ молчаніи и, потушивъ костеръ, возвращаются въ деревню переваривать свое любимое „ньяма“ (лучшій изъ всѣхъ ро-

довъ мяса).—„Еслибы бѣлые знали, какъ вкусно „ньяма“, то конечно ѣли бы его“, говорятъ негры.

„Спросить-какимъ образомъ правительство, издающее законы, облеченное властью, можетъ терпѣть такія гнусности? Правительственные чиновники дѣлаютъ свое дѣло, запрещаютъ и преслѣдуютъ этотъ страшный каннибализмъ. Но—ночь на экваторѣ такъ темна... Преслѣдуемые люди бѣгутъ съ одного острова на другой, а ихъ на огромной рѣкѣ цѣлыя тысячи; если по близости цѣтъ острова, людямъ открывается свои гостеприимныя объятія дремучій дѣвственный лѣсъ, который начинается у берега и уходитъ въ невѣдомую даль на многія сотни мпль.

„Исчерпывается ли этимъ весь ужасъ рабства? Нѣтъ, онъ кроется еще въ учрежденіи брака. Свободный человѣкъ имѣетъ въ числѣ своихъ женъ свободныхъ женщинъ и рабынь. Свободныхъ онъ получаетъ отъ родителей взаменъ обычныхъ подарковъ—рабовъ, скота и бусъ. Невольницъ онъ приобретаетъ отъ какаго-нибудь отдаленнаго племени или по дешевой цѣнѣ, или путемъ насильнаго похищенія; въ обоихъ случаяхъ женщина теряетъ свою свободу. Она осуждена на самыя тяжкія работы и, что всего хуже, всегда видитъ надъ собою дамокловъ мечъ. Какъ только свободная женщина въ Ндоло дѣлается матерью, мужъ ея удавливаетъ одну невольницу, коптитъ ее въ дыму на рѣшеткѣ изъ пальмовыхъ вѣтвей, и молодая мать должна каждый день ѣсть для своего подкрѣпленія кусокъ этого „лучшаго мяса.“ (в.)

ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Турниръ-гайдакапъ, начавшійся 5-го іюня въ „Собраніи Экономистовъ“ (Фонтанка, 32), окончился 4-го іюля. Призы вали: 1-й Э. С. Шифферсъ (1-й категоріи 1-го класса), выигравъ 13 1/2 партій; 2-й Ф. В. Корвинъ-Круковский (3-й кат. 1-го кл.), выигравъ 11 партій; 3-й и 4-й призы раздѣлили В. Г. Лизель (1-й кат. 2-го кл.) и А. Н. Афоняевъ (3-й кат. 1-го кл.), выигравъ оба по 10 1/2 партій.—Журналъ Шахматнаго общества объявляетъ конкурсъ шахматныхъ задачъ и шаховый турниръ по перепискѣ. (Условия наложены въ № 1 Шахматныя. Редакторы-издатели: Д. И. Саргинъ и П. П. Вобровъ. Москва. Зубовскій бульваръ, д. Анисрава).

СОДЕРЖАНІЕ: Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. П. Н. Полевого. Ч. II. (Продолженіе). — На борту Силезіи. Рассказъ Христиана Бенарда. — Къ ризеункамъ: Осужденіе болота въ Минской губерніи (съ 3 рис.). — Озеро Хана и Сунгача (съ 2 рис.). — На сторожѣ (съ рис.). Дѣтняя прогулка гимназистовъ (съ рис.). — Первая очеркыжня (съ рис.). Харьковский публичный аварій (съ рис.). — Мунобата Дзисабуро и Китагаиди Ицитаро (съ 2 портр.). — Китайская шампунна (съ рис.). — Подляцкое обозрѣніе. — Сѣльс. — Завѣщеніе. — Шахматы. — Объясненія. — При этомъ № прилагается Гг. годовымъ подписчикамъ первая главная премія „Нивы“ на 1891 годъ, ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, томы I и II.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Оканчивается печатаніемъ и поступитъ въ продажу 16 іюля 1891 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

изданное А. Ф. Марксомъ, подъ редакцію А. И. Введенскаго, съ біографію и гравированнымъ на стали портретомъ Лермонтова.

Многіе изъ Гг. подписчиковъ „Нивы“ выразили желаніе, сверхъ обѣщаннаго имъ въ премію экземпляра полнаго собранія сочиненій ЛЕРМОНТОВА, приобрести таковое за извѣстную плату, отдѣльно отъ журнала. Въ виду этого, мы посѣдѣли, до изготовленія всего количества потребнаго въ премію подписчикамъ, отпечатать пока нѣсколько тысячъ экземпляровъ сочиненія для отдѣльной продажи. Желая дать дѣйствительно полное собраніе сочиненій нашего поэта, мы не остановились ни передъ какими матеріальными затратами. Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ извѣстное по рукописямъ или печатному тексту, а многое впервые появляется въ печати. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе исправленное, тщательно сѣтренное съ рукописями или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома in 8^о, объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страницы).

- Содержаніе 1-й части: Предисловіе, біографическій очеркъ, стихотворенія 1828—1841 гг.. (298 стран.).
 „ 2-й части: Поэмы и примѣчанія къ 1 и 2 ч. (374 стран.).
 „ 3-й части: Проза (272 стран.).
 „ 4-й части: Драмы, письма М. Ю. Лермонтова, примѣчанія къ 3 и 4 ч. и алфавитный указатель къ соч. Лермонтова. (320 стран.).

Такимъ образомъ, предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной внѣшности займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цѣна за экземпляръ полнаго собранія сочиненій 1 р. 50 к., а съ перес. 2 руб. Въ двухъ колѣнкоровыхъ, тисненыхъ красками, переплетяхъ 3 руб., а съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

Съ требованіями просить обращаться въ СПб., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

Многочисленныя благодарности за высокое достоинство стеколъ

БЕРЕГИТЕ ВАШИ ГЛАЗА!
 Экономія съ изяществомъ.
 Очки и Пенсне въ оправѣхъ изъ настоящаго накладнаго золота (Double d'or). Оправы эти, сильно отличаясь въ цѣнѣ отъ массивныхъ золотыхъ, тѣмъ не менѣе прочіе послѣднихъ, ибо покрыты золотой пластинкой, не допускаютъ ломкости; самая оправка имѣетъ видъ настоящей масс. золотой.

Цѣна съ перископическими (Periscopique) стеклами, шлифованными согласно научнымъ вычисленіямъ, укрѣпляющими зрѣніе, съ пересылкою 4 руб.

Примѣчаніе. При заказахъ слѣдуетъ обозначать, какия требуются стекла, т. е. для близорукаго или дальнорукаго, на какомъ разстояніи заказчикъ лично развѣчиваетъ предметы, употребилъ-ли имъ уже раньше стекла, то какой № и сколько лѣтъ.
 Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ-механикъ, г. Варшава, ул. Королевская, № 49—8.
 Заказы исполняются точно и добросовѣстно. Прейсъ-курантъ бесплатно.
 Высылаются и наложеннымъ платежемъ. № 5263

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ!
Г. ВАЛЬТЕРЪ
 Спецiальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка за счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 51-2-2-7

Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы лечитъ: паружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 102. Отъ 1—3 и 6—7 1/2 ч. в.

ПРЯЖКА-ПОДТЯЖКА.
 Замѣняетъ вшитыя ремни и подтяжки. Легко самому придрѣзать. Удобнее, красивѣе, практичнѣе и прочнѣе ремней и подтяжекъ вообще. Необходимо для всѣхъ брѣжъ.
 Цѣны: 1 шт. 65 к., 3 шт. 1 р. 75 к., 6 шт. 3 руб. Перес до 8 шт. 1 ф. Пер. налож. плат. (5)

ПРИГЛАШАЮТЪ
 агентовъ. За условіями обращаться именномъ: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

ЗАИКАНІЕ
 и ДРУГІЕ НЕДОСТАТКИ ПРОИЗНОШЕНІЯ лечитъ профессоромъ Бернгомъ. Москва, Больш. Кисловка, д. Базилевскаго. № 52-3-9 4-7

БАЗАРЪ МАРКЪ С.-Петербургъ, Невскій пр. № 20.

ШОКОЛАТЬ
 ФАБРИКА СЕСТУКЪ
 ПРЕДПРИЯТІЕ
 НАШЕЙ
 МАРИИ.
 НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ

БЛАКЕЙСЪ БУТЪ ПРОТЕКТОРАС

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.
 Сохраняетъ подошвы и каблочки отъ изнашиванія и искривленія. Легко придѣлать. Сберегаетъ въ 20 РАЗЪ БОЛЬШЕ СТОИМОСТИ.
 4 КОЛЛ. 1 Р. 20 КОП., ПЕРЕСЫЛКА 2 ФУНТ. 10 „ 2 Р. 50 КОП., 100 КОЛЛ. 20 РУБ.
 Продаются во всѣхъ МАГАЗИНАХЪ и ЛАВКАХЪ и высыл. налож. платжж. изъ склада для Россіи.
БАЗАРЪ МАРКЪ С.-Петербургъ, Невскій пр. № 20

НЕ БЫВАЕТЪ
 прочіе мужскихъ кальсонъ какъ **ИЗЪ ТВИСТЪ,**
 въ ЛАЗИТЪ

Н. Ю. ГОТЛИБЪ, въ СПб., по Владимірской, д. 2, уг. Невск. пр. Ц. 1 р. 75 к. за пару. Перес. за каждыя 3 пары 1 р., но Азіатск. Россіи 1 р. 75 коп. Меньше 3-хъ паръ не высылаются. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и 2-1 данна. № 5264

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ
 продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 4754 28—28

ПАЛКА-ФЛЕЙТА

№ 2. Цѣна 1 руб.
№ 3. " 2 руб.

На видъ какъ обыкновенная палка, играть на ней очень легко. Братское наставление—бесплатно. Тетрадь нотъ 50 коп., подробный самоучитель 1 р. Пересылка за 2 фута.

ОКАРИНО

Практичный дешовый музыкальный инструментъ, на которомъ можно выучиться играть въ нѣсколько дней.
Цѣна 60, 75 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р и 7 р.
Краткое наставление бесплатно.
Подробный самоучитель 1 руб.

ФЛАЖОЛЕТЫ

въ 1 р. 50 к., 3 руб. и 6 руб.
Самоучитель 1 р.
Пересылка на счетъ покупателя.
Иллюстрир. прейсъ-курать бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо № 5261 музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ. Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкий мостъ, д. Захарьина.

О ПЕРЕПЛЕТАХЪ НА ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Многіе изъ гг. подписчиковъ „Нивы“ заявили желаніе получить сочиненія Лермонтова въ переплетѣ. Такъ какъ, по существующимъ правиламъ, Газетная экспедиція С.-Петербургскаго Почтамта не принимаетъ переплетенныхъ экземпляровъ для разсылки подписчикамъ, то Контора загото вила коленкоровыя крышки для переплета названнаго сочиненія, образецъ которыхъ здѣсь и помѣщается. Всѣ сочиненія Лермонтова изданы въ 4 хъ томахъ и сброшюрованы въ двухъ книгахъ. На каждый экземпляръ сочиненій заготовлено по двѣ крышки. Каждый простой переплетчикъ въ провинціи легко можетъ переплести книги въ эти крышки. Въ виду громаднаго количества заготовляемыхъ крышекъ, отличающихся изяществомъ и прочностію, Контора можетъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по весьма низкой цѣнѣ, а именно по 50 коп. за пару, а съ пересылкою по 1 руб. за пару. Съ требованіемъ обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ

В. № 5098 АППАРАТЫ 20—17 10, 15, 25 р. и дороже. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-куръ бесплатно. К. И. ФРЕЙЛАНДТЪ. Москва, Мясницкая. уголъ Кривоколышова пер., д. Соколова. С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30—16.

СИМФОНИОНЪ

Извѣстный музыкальный инструментъ (имѣетъ ладной отдѣлки съ ручкой для верчения) продается теперь оптомъ и въ розницу съ 6-ю переѣзъ. Песнями по настоящей оптовобричной цѣнѣ за **5 руб. 50 коп.** Довавочныя прейсъ-тисны и прейсы, находящіяся на вкладывающихся кругахъ въ 4 р. 20 и 5 р. Дожима. Пересылка стоить до 500 верствъ 90 коп.; до 1000 в. 1 р. 30 коп. и т. д. (Розничная цѣна инструмента была въ послѣднее время 8 руб.). ПОВѢШИШЬ

ВОРОДО-ВРИТНЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ займлетъ вполнѣ бритву и имѣетъ то преимущество, что даже дрожжащими руками и при недостаточномъ освѣщеніи изъ невозможно порѣзаться, такъ что этимъ инструментомъ каждый можетъ бриться самъ. Цѣна съ пересылкою 5 руб.

АНЕРОИДНЫЕ БАРОМЕТРЫ — вѣрные отъ 3 р 50 к. до 12 руб. съ пересылкою.
СОВЕРШЕННО БЕЗОПАСНЫМЪ ПИСТОЛЕТЪМЪ для стрѣльбы въ цѣль съ пересылкою по 3 р. 50 к. и 4 руб.
За наложен. платеж. считается 4 коп. съ рубля. Ц. № 5:62
И. И. ПИЛЬЦЪ. Москва, складъ и контора въ Барашевскомъ пер. д. Петрова.

ЛЕЙПЦИГСЪ и РОЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Письмен. преподаваніе ДВОИМЪ БУХГАЛТЕРІИ на русск. и нѣмецк. языкахъ вполнѣ завѣщающее устное преподаваніе. Масса благодаря и отлич. отавы. Оконч. выдаются свидѣтельства. Преподаватель бухгалтеріи А. Н. ЯНКОВСКИЙ. Условія и пробы письма РИГА высылаются бесплатно. ПРЕДОСТЕРЕЖАЮ отъ подражаній ПОЛНЪЯ ГАРАНТІЯ УСПѢХА!

Сочиненій заготовлено по двѣ крышки. Каждый простой переплетчикъ въ провинціи легко можетъ переплести книги въ эти крышки. Въ виду громаднаго количества заготовляемыхъ крышекъ, отличающихся изяществомъ и прочностію, Контора можетъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по весьма низкой цѣнѣ, а именно по 50 коп. за пару, а съ пересылкою по 1 руб. за пару. Съ требованіемъ обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

Leichner's Fettender
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незаменима на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль! В. № 4720 17—15
Театральная гримировка! Импрма румяна, бѣла. Карандаши для бровей!
Получаются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

№ 4711
WEISSER FLIEDER
(LILAS BLANC)
(БѢЛАЯ СИРЕНЬ)
„EAU D'ESPAGNE“
„ГОЛЬДЛАКЪ“

НОВѢЙШІЕ ЛЮБИМЫЕ ОСОБЕННО КРѢПКІЕ ДУХИ.
Можно получать почти во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Простя при покупкѣ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку
8-7 **№ 4711.** Ц. № 5220

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКФУРТЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“.
Вскаго года двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюмень“ (подушка) и пневматическій! Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5169 18—1

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ СВЯТЫ
ПЕРВОЕ МѢСТО
ТОПОНИМЪ ЛОНЪ Ж. БЛОКЪ
С.-Петербургъ

ДЛЯ РАЗЪЯСНЕНІЯ!
На многіе поступающіе къ намъ запросы относительно терапевтическаго значенія извѣстнаго въ медицинѣ съ 1801 г., нами разсылаемаго
Oberbrunnen ГЛАВНАГО ИСТОЧНИКА
ЗАЛЬЦБРУННА,
въ сравненіи съ минеральною водою тамъ же протекающаго источника „Kronenquelle“, часто смѣшиваемой съ нашимъ источникомъ, — мы считаемъ наилучшимъ отъѣтомъ, помѣстивъ ниже СРАВНИТЕЛЬНОЕ СОПОСТАВЛЕНІЕ важнѣйшаго состава частей обоихъ источниковъ по анализамъ профессоровъ: FRESSENIUS и POLECK.
1.000 частей содержатъ (въ безводномъ видѣ):

ОBERBRUNNEN	2,152	0,013	0,474	0,459
Kronenquelle	0,779	0,009	0,354	0,180

Главнѣйшія составныя части въ обоихъ источникахъ — двууглекислый и сірочислый натръ; содержаніе ОBERBRUNNENA почти въ ТРИ РАЗА БОГАЧЕ. ЧѢМЪ „Kronenquelle“ (по вышеприведеннымъ даннымъ), т. е. націонгъ долженъ имѣть ТРИ БУТЫЛКИ „KRONENQUELLE“, чтобы условно количество важнѣйшихъ составныхъ частей, заключающихся въ ОДНОЙ БУТЫЛКѢ „OBERBRUNNEN“. Такъ же и содержаніемъ латина Oberbrunnenъ богаче. № 5254 2—1
Разсылка княжеск. минеральн. водъ въ Оберъ-Зальцбруннъ, Фурбахъ и Стриблахъ.

ИИШУЦАЛІИ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Шитье въ 3 раза быстрее пера. Чистота, чекоткость красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ, и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курать, содерж. многочисленныя отавы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкий мостъ. Б. Морская, 21

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 30

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, ПАРИЖС. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выходъ 27 июля 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

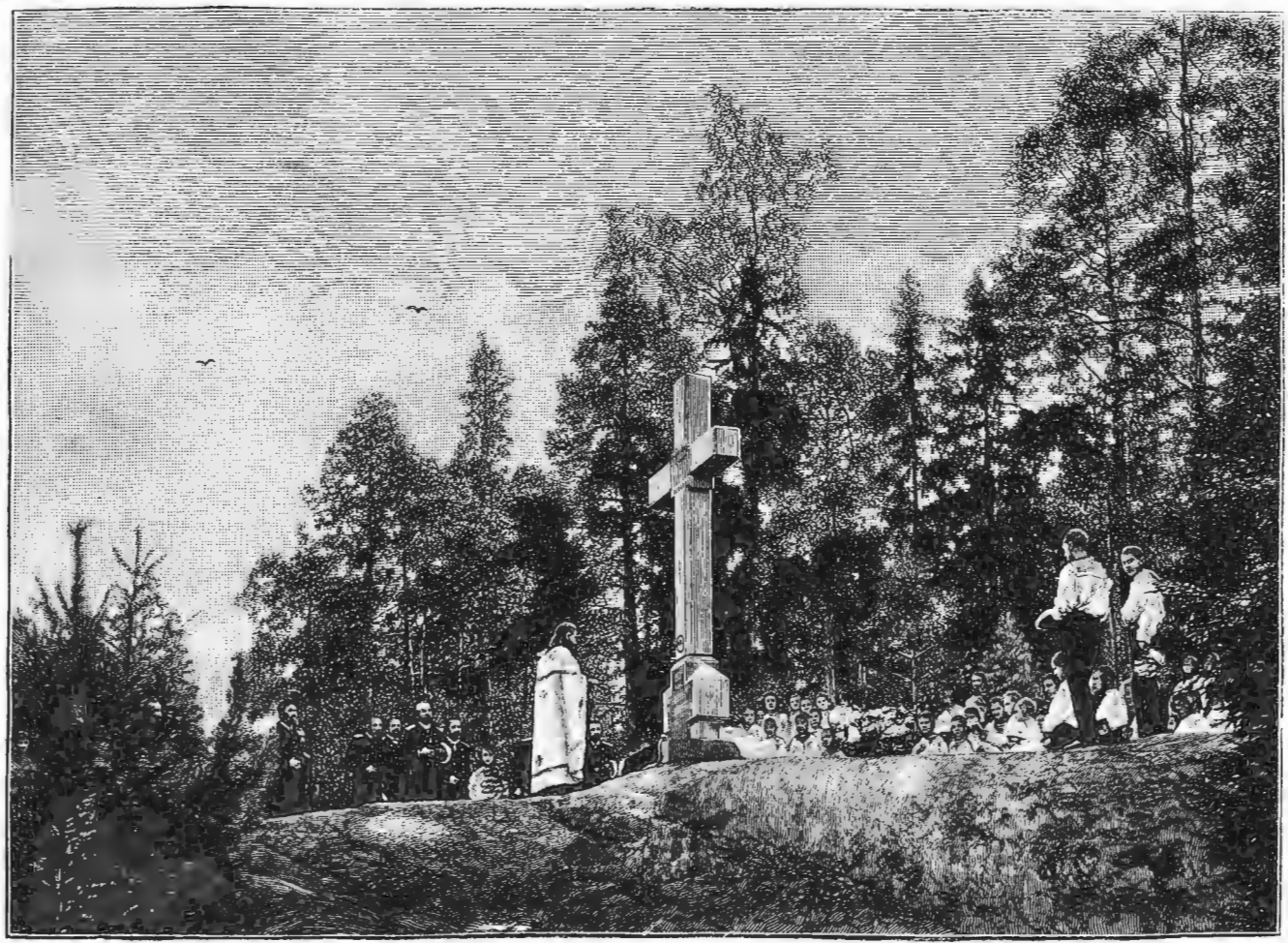
ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарелль (1/2 шир. строк.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Адельса Навас по 3 фр. для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 3 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.
Съ доставкой въ Петербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы“ совѣтн прилож., Сборникомъ и пр.

Ежегодный молебенъ передъ памятникомъ перваго морскаго сраженія при Петрѣ Великомъ подѣ Гангутемъ 27 июля 1714 г. Съ фотогр. Апостоли, грав. Рашевскій.

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Царственные сироты.

Не стало Бориса—и не стало царя на Москвѣ, хотя всѣ москвичи, а за ними и всѣ города поспѣшили присягнуть „царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ всея Руси и ея дѣтямъ, государю царю Θεодору Борисовичу и государынѣ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ“.

Не стало царя на Москвѣ, опустѣлъ царскій дворецъ, опустѣла Дума царская... Цѣлые девять дней не было никакихъ пріемовъ и выходовъ—вся жизнь придворная какъ будто замерла на время. Царь Θεодоръ Борисовичъ и царица Марья Григорьевна явились впервые боярамъ въ торжественномъ засѣданіи Думы, въ средней подписной золотой палатѣ. Они сидѣли на своихъ царскихъ мѣстахъ въ смиренныхъ гладкихъ бархатныхъ шубахъ и въ черныхъ шапкахъ. И бояре сидѣли кругомъ стѣнъ также въ смиренныхъ опашняхъ и въ однорядкахъ, вишневаго и темно-багроваго цвѣта, и въ черныхъ шапкахъ. Даже рынды при государѣ не блистали своимъ обычнымъ нарядомъ: на нихъ были черныя шапки, а тяжелыя золотыя цѣпи были надѣты поверхъ бархатныхъ темно-вишневыхъ приволокъ. И далѣе, въ проходной палатѣ, въ сѣняхъ и на паперти Благовѣщенскаго собора, вся дворня и приказные люди, и дьяки, и боярскія дѣти, и подьячіе толпились въ темныхъ одеждахъ. Нигдѣ не видно было обычнаго блеска и роскоши красокъ; не видно было ни золота, ни жемчуга, ни дорогихъ мѣховъ, ни каменьева самоцвѣтныхъ. Всѣ собрались какъ будто бы не на засѣданіе, а на поминки—всѣ стѣснились новостью положенія, и не знали какъ приступить къ дѣламъ. Говорили только—патріархъ да Шуйскій; затѣмъ дьякъ Посольскаго Приказа сталъ докладывать о томъ, что гонцы отправлены къ сосѣднимъ государямъ съ извѣщеніемъ о смерти царя Бориса... Юный Θεодоръ не выдержалъ и заплакалъ; за нимъ зарыдала и царица и удалилась на свою половину. Печальное засѣданіе печально и окончилось.

— Ну, такъ-то мы въ дѣлахъ не далеко уѣдемъ! шепнулъ князь Хворостининъ на ухо князю Василию Шуйскому.—Это, пожалуй, вору на руку.

— Что ты! что ты, князь! перебилъ его Шуйскій.—Какъ можно! Мы недаромъ присягнули царю Θεодору и будемъ вѣрой и правдой служить ему!.. Его теперь печаль гнететъ, а вотъ смотри, какъ обойдется, такъ онъ не хуже отца управитъ и нами, и землею.

— Твоими бы устами да медъ пить! со смѣхомъ замѣтилъ Хворостининъ.—Ну, а воръ-то развѣ станетъ ждать, пока царь Θεодоръ съ печалью управится?

— Да что намъ воръ! съ увѣренностію произнесъ Шуйскій.—Мы, старые-то воеводы, съ нимъ не умѣли успѣшно биться; ну, а теперь, какъ посланъ туда Басмановъ,—о ворѣ скоро и слухъ западетъ.

— Да! Слуховъ и то вовсе нѣтъ изъ войска, да только къ добру-ли это?

Шуйскій пожалъ плечами и обратился къ другому боярину, видимо не желая продолжать разговоръ.

Царь Θεодоръ, какъ вышелъ изъ Думы, такъ и прошелъ на половину матери, у которой онъ проводилъ теперь большую часть дня. И тамъ, во всѣхъ покояхъ, царя та же скорбь и пустота, и такъ же неприятно били въ глаза темныя смиренныя платья и черныя каптуры царицыныхъ боярынь и служни. Но на женской половинѣ дворца было все же менѣе замѣтно отсутствіе главной, руководящей силы—менѣе былъ осязателенъ

тотъ неполадокъ и неустройство, которые вдругъ проявлялись и въ частностяхъ, и въ общемъ теченіи придворной жизни. Царь Θεодоръ чувствовалъ себя уютнѣе и спокойнѣе въ комнатѣ царицы Марьи, нежели на своей царской половинѣ, гдѣ все напоминало ему отца, и его собственное безпомощное и безвыходное положеніе.

Медленно прошелъ красавецъ-юноша черезъ царицыны сѣни и переднюю, биткомъ набитыя женщинами, которыя, разступаясь передъ нимъ и низко кланяясь ему, не забывали полюбоваться на юнаго царя и перешепнуться о немъ между собою:

— Эко солнышко красное! Жаль что тучкой затуманилось... А по виду богатырь будетъ—и всему царству утѣха!

Но будущій богатырь проходилъ черезъ это женское царство не поворачивая головы, не удостоивъ взглядомъ красавицъ-боярынь... Онъ вошелъ въ комнату царицы и опустился на лавку около того стола, за которымъ сидѣла царица Марья, опустивъ голову на руки и печально вперивъ взоръ въ пространство. По столу и по лавкамъ были рядкомъ разложены узелки съ шитьемъ и вышиваньемъ, связки краснаго бархата, образцы тканья, кружева и низанья, коробки съ жемчугомъ и канителью. Видно было, что все это давно уже лежитъ здѣсь, нетронутое, забытое, заброшенное дѣятельною и хозяйливою царицей.

— Что скажешь, царь Θεодоръ? проговорила царица, не измѣняя своего положенія и не оборачиваясь къ сыну.

Царь Θεодоръ молча положилъ руку на плечо матери...

— Осиротѣли мы съ тобою, Одея! почти вполголоса произнесла царица и еще ниже наклонилась надъ столомъ.

— Матушка, не сидится мнѣ, не живется въ моихъ царскихъ палатахъ. Безъ батюшки пусть высокой теремъ, сказалъ царь Θεодоръ упавшимъ голосомъ.—Куда ни оглянуса, вездѣ отецъ мнѣ мерещится... Все голосъ его слышу... И страхъ, такой страхъ беретъ, какъ подумаю, что мы теперь безъ него заведемъ дѣлать!

— Осиротѣли мы—руки отъ дѣла отпадаютъ! Моченьки моей прежней нѣтъ! шептала царица, безпомощно покачивая головою.

— А я-то шель къ тебѣ помощи просить!.. Утѣху у тебя найти думалъ! горестно воскликнулъ несчастный юноша, закрывая лицо руками.

Но дверь скрипнула—царица Марья и царь Θεодоръ поспѣшно оправались и приняли обычную царскую осанку, хотя красные, распухшіе отъ слезъ глаза царицы выдавали ея тяжкое горе. Вошелъ старый столикъ царицынъ съ низкимъ поклономъ и возвѣстилъ о приходѣ князя Василія Шуйскаго.

Черезъ минуту вошелъ и самъ князь, истово и чинно перекрестился на иконы и, отвѣсивъ земной поклонъ царю и царицѣ, сталъ у стола, поглаживая свою жиденькую бородку и помаргивая своими маленькими хитрыми глазками.

— Что скажешь добраго, князь Василій Ивановичъ? обратилась царица къ Шуйскому.

— Благодаренье Богу! Дурныхъ вѣстей не приношу, великая государыня. Надѣюсь, что съ Его святою помощію мы одолѣемъ дерзкаго врага и посрамимъ, и послѣ великой нашей скорби возрадуемся и возвеселимся!.. Вся Москва теперь ужъ присягнула вамъ, великимъ государямъ; всюду цѣловали крестъ по церквамъ съ великою радостію, и во всемъ городѣ спо-

койно. Отъ патриарха также повсюду разсланы крестоцѣловальныя грамоты и думается мнѣ, великій государь, что надо бы...

Шуйскій, какъ и всегда, затруднялся выраженіемъ своей мысли. Царица нетерпѣливо обратилась къ нему:

— Да говори скорѣе, князь, что надо бы теперь царю Θεодору?

— А надо бы, государыня, чтобы великій государь почаще въ городъ показывался, по монастырямъ московскимъ послалъ бы вклады богатые, а на время скорби—по тюрьмамъ ходилъ бы и щедрюю бы милостыню пораздасалъ... Оно бы и для самого царя утѣшно было... А то вѣдь такъ-то скорбѣть, пожалуй, и всѣ дѣла упустить; а дѣла—не терять...

— Да... да! подтвердилъ царь Θεодоръ, разсѣянно слушавшій Шуйскаго,—да, это точно нужно бы!..

— Наставь, наставь его, князь Василій! вступилась царица Марья, любовно поглядывая на сына-царя,—не покинь его въ напасти, въ сиротствѣ великомъ! А мы твоей вѣрной службы не забудемъ!

— Что службишка моя, великая государыня? Я же вѣдь не даромъ крестъ цѣловалъ и тебѣ, и царю Θεодору, и царевнѣ Ксеніи... Богъ свидѣтель—душу готовъ положить за государя... И вотъ какъ сорочины блаженной памяти царя Бориса государь отбудетъ здѣсь, я бы совѣтовалъ ему сѣсть на коня, да ѣхать къ войску—и перевѣдаться съ врагомъ. Вѣдь при царѣ и войско, и воеводы не такъ-то бьются, какъ безъ царя. Сама извольшишь знать—заглазное-то дѣло...

— Да, да! Я тоже объ этомъ думать, матушка! сказала нѣсколько оживляясь царь Θεодоръ.

— А я-то съ Аксиньей какъ же здѣсь останусь? съ нѣкоторымъ испугомъ обратилась царица къ сыну и къ Шуйскому.—По этимъ смутнымъ временамъ вѣдь можно всего ждать недобраго!..

— И точно! Какъ я ихъ здѣсь... на кого оставляю? тревожно и растерянно промолвилъ царь Θεодоръ, какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Кругомъ тебя, государыня, здѣсь все вѣрные слуги. Блаженной памяти великій государь царь Борисъ Θεодоровичъ на смертномъ одрѣ мнѣ съ патриархомъ завѣщалъ блисти васъ и о васъ радѣть—такъ ужъ мы и соблюдаемъ, и порадуемъ. А для береженья да для спокойя я бы думалъ, великій государь, что городъ можно и поукрѣпить и по стѣнамъ нарядъ поставить, и въ Бѣломъ городѣ и въ Китаѣ, да и войска сюда собрать побольше... Вотъ тогда и поѣзжай себѣ спокойно, бей океаннаго Разстригу и приведи съ собой у стрежени.

Царь Θεодоръ вскочилъ съ лавки и бросился обнимать Шуйскаго.

— Спасибо, князь Василій! Ты мнѣ душу отвелъ... Вотъ, матушка, слуга-то вѣрный что значить! Послушай, князь, по-вечеру зайди ко мнѣ—сегодня я буду слушать твои доклады: и о дѣлахъ поговоримъ, и по совѣтуемъ еще...

Князь Шуйскій поклонился царю и царицѣ и вышелъ изъ комнаты. Но на порогѣ опять появился старый стольникъ и доложилъ царицѣ о разныхъ лицахъ ожидавшихъ въ передней выхода или приѣма.

Царица сумрачно и медленно повернулась и сказала рѣзко, отрывисто:

— Всѣхъ прочь гони!... Невмоготу мнѣ! Не до дѣла мнѣ—не до тряпья!.. скажи всѣмъ: завтра!..

И она опять опустила голову на руки и погрузилась въ глубокую скорбную думу. Царь Θεодоръ захотѣлъ ее утѣшить: подошелъ къ ней, сталъ ее ласкать, сталъ говорить, какъ онъ поѣдетъ въ войско, какъ будетъ биться и побѣдитъ проклятаго измѣнника и вора, какъ вернется побѣдителемъ въ Москву. Царица Марья поглядѣла на сына мрачно и недоуменно:

— Дитяtko бѣднсе! сказала она наконецъ, послѣ

долгаго молчанія.—Хорошо бы людямъ вѣрить... да не вѣрится! Чуетъ сердце, что не видать намъ счастья—закатилось наше солнце красное!

Тутъ подошла къ царицѣ царевна Ксенія, тихо вышедшая изъ внутреннихъ покоевъ. Поблѣднѣвшая и похудѣвшая за послѣднее время, Ксенія казалась еще прекраснѣе, и темная, простая ферязь какъ будто еще болѣе придавала блеску ея дивной красотѣ. Царевна опустила на колѣни у ногъ царицы и молча положила голову на колѣни матери.

Но что это?.. Въ передней слышится чьи-то голоса... шаги... суетня! Дверь распахнулась настежь и Семень Годуновъ врывается въ комнату царицы безъ доклада, растрепанный, блѣдный, позеленѣвшій отъ страха. Глаза его бѣгаютъ тревожно, руки трясутся, когда онъ большими спѣшными шагами подходитъ къ царицѣ, не обращая вниманія ни на царя, ни на царевну.

— Гонецъ изъ войска... Отъ воеводъ! произноситъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Сейчасъ примчалъ!.. Тутъ у крыльца дворцоваго конь такъ и грохнулся! Вѣстей не говорить—требуется, чтобы вели его къ царю!

Царь Θεодоръ обомлѣлъ отъ страха передъ наступающей минутой; но царица Марья поднялась съ мѣста, и быстро подступивъ къ Семену Годунову, крикнула грозно:

— Гдѣ-же онъ!? Гдѣ же тотъ гонецъ? Гдѣ!? Введи его сюда!.. Какъ смѣешь ты его держать въ сѣняхъ!

Семень бросился вонъ изъ комнаты. А царица Марья, трясаясь, какъ въ лихорадкѣ, отъ ожиданія и волненія, оперлась на столъ. Глаза ея блуждали, лицо было блѣдно. Уста шептали: „Гонецъ... съ вѣстями?.. Гонецъ!..“

— Матушка, успокойся! Можетъ и съ добрыми вѣстями онъ пріѣхалъ! утѣшала царицу Ксенія, хватая ее за руку.

Но царица была такъ взволнована, что даже позабыла о присутствіи царевны, позабыла выслать ее изъ комнаты, когда Семень переступилъ порогъ, ведя за собою гонца.

Царь Θεодоръ тотчасъ узналъ въ гонцѣ Тургенева и выступилъ ему навстрѣчу на средину комнаты. Но первый взглядъ на лицо Тургенева объяснилъ ему весь ужасъ вѣсти, которую тотъ привезъ изъ стана. Платье на Тургеневѣ было грязно, запылено, изорвано... Страшное утомленіе, тревога и напряженіе выражались на блѣдномъ лицѣ, изнуренномъ безсонными ночами и дальнимъ, тяжкимъ путемъ.

Едва переступивъ порогъ, Тургеневъ палъ на колѣни и воскликнулъ громко:

— Великій государь! Не вели казнить... за вѣсти злыя!.. Измѣна! Измѣна! Все войско, всѣ воеводы—и Басмановъ тоже!—вслѣдъ за предателями Михайлой Салтыковымъ да за Василіемъ Голицынымъ—передались на сторону Разстриги!..

II.

Послы царя Дмитрія Ивановича.

Вѣсть объ измѣнѣ воеводъ и переходѣ войска на сторону прирожденнаго государя быстро разнеслась по дворцу и по городу.

Дня три спустя послѣ пріѣзда Тургенева стали пріѣзжать въ Москву бѣглецы изъ войска, перешедшаго на сторону Разстриги, не захотѣвшіе ему служить. Всѣ они были избиты, ограблены, страшно истомлены дальнимъ путемъ; всѣ несли съ собою подтвержденіе роковой вѣсти и грозные слухи о неодолимомъ могуществѣ Разстригиной рати. Загудѣла Москва толками и разсказами, зашумѣлъ народъ по базарамъ и на крестцахъ... Но власти не унывали: нѣсколькихъ крикуновъ засадили въ тюрьму; двухъ посланныхъ изъ войска съ возмутительными грамотами схватили и отправили въ застѣнокъ. И вся Москва вдругъ затихла, замерла въ

Фритіофъ у конунга Ринга. Съ карт. Ф. Леке, грав. Кнезингъ.

трепетномъ ожиданіи, какъ затихаетъ сама природа, когда темно-багровое грозное облако крадется съ горизонта, охватываетъ полнеба и несетъ въ себѣ громъ и молніи, вихрь и градъ. Страшна эта зловѣщая тишина—предвѣстница и близкая предшественница бури и разрушенія!

Среди наступившаго затишья особенно рѣзко бросалась въ глаза та лихорадочная поспѣшность, съ которою Годуновцы готовились къ отпору наступавшимъ врагамъ и къ оборонѣ города. На Кремлевскихъ стѣнахъ и башняхъ цѣлый день, съ утра до ночи, кипѣла работа; тутъ углубляли и чистили рвы, тамъ поправляли земляныя насыпи, тамъ крыли новымъ тѣсомъ бойницы, тамъ пѣли „Дубинушку“, вкатывая на башни тяжелый нарядъ. Гонцы скакали изъ Кремля и въ Кремль, развозя по окрестнымъ городамъ грамоты, въ которыхъ всѣ служилые люди созывались на Москву для защиты царскаго семейства отъ „злокозненнаго врага и боготступника Гришки Отрепьева“.

Такъ наступило 1 июня 1605 года. Чудный солнечный день съ утра разгорѣлся надъ Москвою, которую давно уже не сырыскивало дождемъ. Жаръ сталъ ощутителенъ спозаранокъ, и можно было ожидать, что къ полудню солнце будетъ печь невыносимо. Пыль густыми клубами поднималась на улицахъ отъ движенія пѣшихъ и повозокъ и, при безвѣтрій, непроницаемымъ облакомъ висѣла въ воздухѣ надъ городомъ.

— Ишь ты вѣдь какую жарыщу Богъ послалъ! говорилъ, обращаясь къ сосѣдямъ-торговцамъ, нашъ старый знакомецъ, Пилъ Прокофійчъ.—Тутъ и подъ навѣсомъ, и въ тѣни-то, не продохнуть! Каково-же тамъ-то, на стѣнахъ да на башняхъ, работать да нарядъ встаскивать?

— Укрѣпляются! мрачно замѣтилъ старый суконщикъ. — Позабыли, что въ Писаніи сказано: „аще не Господь хранитъ градъ, всеу труждаются стрегущіе“.

— Ужь это истинно!.. Коли онъ придетъ—не удержатъ имъ, не устеречь имъ города отъ него! сказали одинъ изъ сосѣдей торговцевъ.

Но юркій Захаръ Евлампійчъ ужь не слушалъ приятелей; прикрывъ глаза рукою, онъ пристально всматривался вдаль своими зоркими маленькими глазками, и вдругъ молча указалъ пальцемъ вверхъ по Ильинкѣ. Всѣ сосѣди стараго бубличника обратились въ ту же сторону—да такъ и замерли...

Большой столбъ пыли клубился вдаль и явственно слышался шумъ и крики толпы народа, двигавшейся отъ воротъ Бѣлаго города. Вотъ шумъ и крики—ближе и ближе; вотъ явственно доносятся они издали... Вотъ бѣгутъ по улицѣ какіе-то оборванцы, мальчишки, нищія—и машутъ руками, и кричатъ:

— Эй, господа торговцы! Лавки запирай! На площадь! На Лобную!

Суматоха поднимается страшная. Всѣ мечутся въ разные стороны, всѣ кричатъ—никто ничего не понимаетъ... Купцы и приказчики запираютъ лавки, тащатъ тюки съ товарами внутрь своихъ балагановъ, а мимо нихъ по улицѣ бѣгутъ передовые вѣстовщики надвигающейся толпы и режутъ благимъ матомъ:

— Всѣ на площадь! Православные, на площадь!.. Красносельцы пословъ великаго государя ведутъ!.. Прирожденный государь грамотку москвичамъ прислалъ!.. На Лобномъ мѣстѣ читать будутъ!

Въ рядахъ поднимается чистый содомъ. Кто запираетъ лавку, кто бросаетъ товары, кто кричитъ безъ всякаго толку, перепоя товаръ съ мѣста на мѣсто. Всѣ потеряли голову... И всѣ бросаются на площадь, перегоняя и давя другъ друга... А тѣмъ временемъ по Ильинкѣ чинно и медленно двигается громадная толпа, и въ срединѣ ея, окруженные красносельскими слобожанами, шествуютъ на коняхъ присланные съ грамотами изъ-подъ Тулы дворяне Наумъ Плещеевъ да

Гаврило Пушкинъ: одинъ—высокій, сухощавый и суровый воинъ, въ помятомъ шеломѣ и смуромъ кафтанѣ, накинутаго поверхъ кольчужной рубахи; другой—румяный и веселый толстякъ, въ щегольскомъ нѣмецкомъ пикакѣ и рваномъ куякѣ, усаженномъ мѣдными бляхами. Кругомъ ихъ, тѣсясь и волнуясь, валитъ пестрая толпа народа и безоружнаго, и вооруженнаго, и наряднаго, и оборваннаго; рядомъ съ простой сермягой виденъ нарядный терликъ, рядомъ съ пестрымъ бабьимъ сарафаномъ,—черная монашеская ряса, рядомъ съ лохмотьями—суконный цвѣтной кафтанъ. Толпа двигалась непрерывною темною рѣкой, среди громаднаго облака поднятой пыли... Толпѣ не видно ни конца, ни края; она словно сказочный звѣрь: чѣмъ болѣе движется, тѣмъ болѣе растетъ, растетъ и наконецъ шумнымъ потокомъ изливается на площадь, уже залитую тревожными толпами московскихъ горожанъ.

— Дорогу! дорогу! Очищай дорогу посламъ прирожденнаго царя Дмитрія Ивановича!

— Веди пословъ на Лобное мѣсто! Веди! Дорогу!.. Сторонись, православные!

И сторонится народъ, открывая широкую дорогу Плещееву и Пушкину, которые торжественно шествуютъ на коняхъ къ Лобному мѣсту, посвящая на солнцѣ своими шеломами.

— Вона! вона! Гляди: послы государевы на Лобное мѣсто вошли!.. Грамоту читать будутъ!.. Ахъ, Господи, спаси насъ грѣшныхъ!.. Шапки долой!.. Грамота царская!

И шапки летятъ долой, толпа смолкаетъ какъ одинъ человѣкъ, и только вдаль, по окраинамъ площади, слышенъ еще неясный гулъ и говоръ.

Плещеевъ и Пушкинъ снимаютъ шелома, крестятся на соборы кремлевскіе и на церковь Троицы, что на рву. Затѣмъ Плещеевъ произноситъ громко:

— Всѣмъ вамъ, московскимъ людямъ, прирожденный государь нашъ, царь и великій князь Дмитрій Ивановичъ всея Руси, поклонъ шлетъ и грамоту.

— Буди здравъ царь Дмитрій Ивановичъ! заревѣло нѣсколько сотъ голосовъ около самаго Лобнаго мѣста.

— Какой тамъ царь!.. Окаянецъ онъ! Долой пословъ его! раздалось съ другой стороны.

— Молчать! Сунься только!

— Тсс! Тише... тише! Читайте грамоту. Читайте! Читайте! кричатъ съ разныхъ сторонъ площади тысячи голосовъ.

Пушкинъ вынулъ грамоту изъ-за пазухи и сильнымъ, громкимъ голосомъ, рѣзкимъ и звоющимъ какъ воинская труба, прокричалъ на всю площадь:

„Московскіе всякихъ чиновъ люди!.. Помни православную, христіанскую, истинную вѣру и крестное цѣлованіе, на чемъ есте крестъ цѣловали отцу нашему, блаженной памяти государю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, и намъ, чадамъ его, на томъ и мнѣ, прирожденному государю, крестъ цѣлуйте!..“

Но гулъ и громкій говоръ, и ропотъ толпы около Фроловскихъ воротъ прерываютъ начатое чтеніе грамоты. На мосту, у воротъ, показались бояре, духовенство, думные дьяки, окруженные стрѣльцами. Пищали, бердыши и копыя ярко засверкали на солнцѣ надъ пестрою толпою бояръ, начальныхъ людей и войска, высыпавшаго изъ Кремля. Но толпа, разступившаяся передъ духовенствомъ и боярами, сомкнулась передъ стрѣльцами, которые сбились въ кучу на мосту.

— Чего вы тутъ собрались! громко закричалъ князь Телятевскій.—Чего вамъ пужно?.. Ведите воровскихъ пословъ въ Кремль—мы тамъ прочтемъ ихъ грамоту.

— Да вонъ поди-ка, самъ возьми ихъ! гудѣла толпа, шипя на бояръ.

— Небось руки коротки! смѣялись въ толпѣ.

— И близокъ локоть, да не укусишь!

— Православные! попробовалъ крикнуть Шуйскій,—

зачѣмъ собрались? Коли есть нужда иль челобитье какое, ступайте прямо къ царю Θεодору, чѣмъ здѣсь шумѣть!

Но крики толпы покрыли голосъ его.

— Читать!.. Читать грамоту законнаго царя Дмитрія Ивановича!

И надъ стихнувшимъ всенароднымъ множествомъ вновь раздался громкій и рѣзкій голосъ Пушкина:

„Божьимъ произволеніемъ и его крѣпкою десницею покровенный спасенъ я былъ отъ измѣнника Бориски Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати. Богъ милосердый, невидимую силою, насъ, законнаго государя вашего, укрылъ и черезъ много лѣтъ въ судьбахъ своихъ сохранилъ. И нынѣ мы, царь и великій князь Дмитрій Ивановичъ всея Русси, съ Божіею помощію идемъ сѣсть на престолъ прародителей своихъ, на Московское и на всѣ иныя государства Россійскаго царства...“

Шумные, радостные клики громовымъ перекатомъ пронеслись по площади и, долго не умолкая, заглушали чтеніе грамоты.

„Не гнѣваемся на васъ“, продолжалъ читать Пушкинъ,— „что вы противъ насъ, великаго государя, выступили, служба измѣнникамъ нашимъ, Оедькѣ Борисову сыну Годунову и его матери, и ихъ родственникамъ и совѣтникамъ. Вѣдаемъ, что ваши умы и слухи и сердца омрачены невѣдѣніемъ...“

— Такъ, такъ!.. Правда, правда!.. закричали въ толпѣ.— Не вѣдали мы, что живъ законный государь!

— Буди здравъ, царь Дмитрій Ивановичъ! Помилуй насъ, темныхъ людей! слышались возгласы въ толпѣ.

„И нынѣ во всѣхъ городахъ“, продолжалъ на всю площадь выкрикивать Пушкинъ,— „бояре и дворяне, и всякихъ чиновъ люди намъ, прирожденному государю, крестъ цѣловали, и мы ихъ пожаловали, ихъ вины имъ отдали... И когда вы, люди московскіе, намъ крестъ поцѣлуете по правдѣ, мы и васъ пожалуемъ всякимъ своимъ царскимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ!“

Тутъ поднялся такой шумъ и крикъ, такой неистовый ревъ, что нѣсколько минутъ посланцы „прирожденнаго государя“ посматривали кругомъ въ совершенномъ недоумѣніи. Одни кричали „во здравіе царю Дмитрію Ивановичу“, другіе ругали и поносили Годуновыхъ, третьи плакали отъ радости и кричали безъ всякаго толка.

— Просіяло надъ нами солнышко красное! Дождались царя законнаго! вопилъ отчаянно размахивая руками Ниль Прокофьичъ, протѣсвившійся къ самому Лобному мѣсту.

— Гдѣ намъ противъ него идти, Богъ не попуститъ! кричали кругомъ.

— Не даромъ и Басмановъ и воеводы, и все войско на его сторону перекачнулись!.. Онъ прямой, законный царь!..

— А почему ты знаешь, что законный? галдѣли какіе-то посадскіе, толпившіеся около Захара Евлампьича и стараго суконщика.

— Братцы! вдругъ закричалъ старый бубличникъ,— да вѣдь тутъ на площади самъ князь Василій Шуйскій. Пусть онъ намъ скажетъ, законный-ли царь Дмитрій Ивановичъ!

Слова упали въ толпу, какъ искра въ порохъ.

— Шуйскаго! Шуйскаго на Лобное! раздалось со всѣхъ сторонъ изъ тысячи глотокъ.

— Шуйскаго сюда! закричали и Пушкинъ съ Плещеевымъ.

— Шуйскаго! Шуйскаго! радостно откликнулись голоса во всѣхъ концахъ площади.

И Шуйскій, подхваченный сотнею рукъ—перепуганный, блѣдный, трепетный—явился на Лобномъ мѣстѣ, рядомъ съ Плещеевымъ и Пушкинымъ.

И опять смолкло все народное множество, и съ на-

пряженнымъ вниманіемъ тысячи глазъ устремились на князя Василія, тысячи ушей приклонились жадно къ тѣмъ словамъ, которыя готовы были слетѣть съ его широкихъ, трепетныхъ устъ.

Стараясь оправиться, собраться съ мыслями и совладать съ собою, князь Василій, снявъ шапку, долго крестился и кланялся народу на всѣ стороны.

— Православные! произнесъ онъ наконецъ, съ усиленнымъ выговаривая каждое слово,— виноватъ я, грѣшный, невѣрный рабъ... передъ Богомъ и передъ законнымъ государемъ. Изъ страха передъ земнымъ владыкой я покривилъ душою...

— Слушайте, слушайте! пронеслось, какъ шелестъ, въ толпѣ.

— Я покривилъ душой... Еще какъ былъ я на Углицкомъ розыскѣ, я и тогда ужъ зналъ, что въ Углицѣ убить злодѣями не царевичъ Дмитрій, а поповскій сынъ!

— У-у-у! заревѣла толпа.— Живъ буди царь Дмитрій Ивановичъ! Въ Кремль!.. въ Кремль!.. Долой Борисово отродье!

— Прочь Годуновыхъ!.. Долой вражьи дѣтей!.. И годуновцевъ всѣхъ долой! Въ одну яму!.. Въ Кремль... во дворецъ!

И ничѣмъ не удержимая, многотысячная толпа бурнымъ потокомъ хлынула въ Фроловскія и Ильинскія ворота, крича, вопя и ругаясь, и громкими, неумолкающими кликами въ честь прирожденнаго, законнаго государя Дмитрія огласила ту самую площадь, надъ которой еще такъ недавно раздавалась торжественная и грозная апаеема „окаянному Разстригѣ“.

III.

„Смерть Годуновымъ!“

Прошло около полуторы недѣли съ тѣхъ поръ, какъ грозная буря народной мести разразилась надъ несчастной семьей Бориса, надъ его родней и близкими къ нему людьми—надъ всѣми, кто былъ съ нимъ связанъ или предапъ ему при жизни. Буря пронеслась; но слѣды ея были еще очень замѣтны всюду, и бояре снѣжили ихъ скрыть, затереть, загладить, въ ожиданіи того торжественнаго дня, когда новый, законный царь долженъ былъ вѣхатъ въ Москву и вступить на прародительскій престолъ.

Всѣ московскіе плотники, столяры и маляры работали надъ обновленіемъ царскихъ палатъ, въ которыхъ чернь успѣла многое переломать, разбить, ограбить, ободрать. Всюду былъ слышенъ стукъ топоровъ, поколачиванье молотовъ, покрикиваніе десятниковъ и громкія пѣсни рабочихъ. Бояре не ограничивались поправкою и подновленіемъ теремнаго дворца:— они заботились также и о томъ, чтобы во всемъ Кремлѣ, тѣсно застроенномъ, привести всѣ зданія и улицы въ порядокъ, очистить ихъ отъ сора и хлама, и уничтожить всякіе слѣды того разгрома, который чернь произвела въ домахъ Борисовой родни, Борисовыхъ приверженцевъ и служни. Только одинъ, обширный и нѣкогда богатый домъ,—бывшіе хоромы конюшаго боярина Бориса Годунова,—стоялъ мрачною, нетронутою развалиною. Выбитыя окна и двери его, поломанныя крыльца, порушенные перильные переходы, поваленный заборъ и пошатнувшійся на бокъ ворота—все свидѣтельствовало о томъ, что на этотъ домъ съ особенною силою обрушилась ярость народная. Бояре, повидимому, не безъ намѣренія оставили этотъ домъ въ небреженіи. Имъ, видимо, хотѣлось, чтобы новый царь вочью могъ убѣдиться въ томъ усердіи, съ которымъ вѣрные его подданные раззорили „старое Годуновское гнѣздо“.

Около этого Годуновскаго гнѣзда весь день толпился народъ. Уличные мальчишки и всякіе оборванцы еще рылись въ кучахъ сора, обломковъ и всякаго дребезга, наваленныхъ вдоль хоромныхъ стѣнъ; они вытаскивали

оттуда кусочки слюды, свинцовые переплеты оконъ, куски разбитой стеклянной посуды, клочки одеждъ и шатернаго наряда. Какой-то счастливецъ, говорятъ, откопалъ даже порядочную жемчужину. Но внутрь дома и даже внутрь двора никого не пускали: всѣ ходы и выходы тщательно охранялись стражею.

— Вотъ оно—величіе-то земное, каково переходчиво! говорилъ какой-то почтенный старикъ-посадскій, поглядывая на Годуновскій домъ.—Давно-ли царствомъ Годуновы правили, а теперь вонъ и сами въ узахъ, въ тѣснотѣ сидятъ въ своемъ же домѣ...

— Такъ имъ и надо! злобно огрызается въ толпѣ толстякъ-еупецъ.—Сколько крови пролили! Противъ законнаго царя бились!

— Да ты, послушай, милый! продолжалъ такъ же мягко старикъ-посадскій,—вѣдь тотъ, кто бился... Кто всему злу причина, того ужъ давно въ живыхъ нѣтъ! А платятся за него тѣ, что ни въ чемъ неповинны...

— Яблочко отъ яблоньки недалеко падаетъ... Опять же и въ Писаніи сказано: „отмститъ въ роды родъ—даже до пятого колѣна“.

— А все-таки, по душѣ говоря, жалко ихъ... Авось царь Дмитрій Ивановичъ ихъ помилуетъ и имъ вины отпустить...

— Какъ не отпустить! вступился какой-то сумрачный, высокій дѣтина.—Велитъ ихъ, какъ собакъ бѣ-

шенихъ, на первой осинѣ вздернуть—вотъ те и вся милость!

Старикъ гнѣвно глянулъ на говорившаго и отошелъ въ сторону, къ другой группѣ зѣвакъ, стоявшихъ передъ домомъ Годуновыхъ.

— Вотъ, братцы, потѣха-то была! говорилъ въ этой группѣ какой-то кривоглазый оборванецъ.—Какъ оно-някъ Годуновыхъ-то мы на дворъ вывели, видимъ водозовъ бочку съ водой съ рѣки на Житный дворъ везетъ... Нашлись молодцы-догадливы: бочку съ телѣги долой, а Годуновыхъ-то на телѣгу. Бабы-то заартачились-было, такъ мы ихъ въ охапку, да въ ту же колымагу—и повезли. А кругомъ народъ-то смѣется: кто поетъ, кто пляшетъ, кто въ сковороду бьетъ... Такъ ихъ и довели сюда.

— Тутъ и сидятъ?

— Вѣстимо сидятъ, до приказа.

Въ заднихъ рядахъ толпы стоитъ и всевѣдущій Захаръ Евлампій съ нѣсколькими рядскими торговцами и рассказываетъ имъ вполголоса:

— Вчера отъ государя прѣехали сюда бояре: князь Василій Голицынъ да Рубецъ-Мосальскій... Сказываютъ, будто царь велѣлъ всѣхъ Годуновыхъ по дальнимъ обителямъ разослать, по тѣмъ по самымъ, въ которыя они Романовыхъ-то разослали... А этотъ домъ велѣлъ сломать, чтобы о немъ и память сгинула!

(Продолженіе будетъ).

Холмъ Маниту.

Разсказъ изъ жизни въ Миннезотѣ. Феликса Лилла.

Въ тѣ годы, когда земли по верхней Миссисипи были еще мало извѣстны и почти совсѣмъ не заселены, нѣсколько трапперовъ построили свои хижины передъ землянымъ валомъ и палисадомъ форта Свеллинга, на западномъ берегу царицы сѣверо-американскихъ рѣкъ, недалеко отъ величественнаго водопада Св. Антонія. Пробѣгая въ зеленыхъ берегахъ по красивымъ мѣстностямъ и образуя своимъ теченіемъ множество поросшихъ лѣсомъ островковъ, Миссисипи еще является тамъ во всей своей ослѣпительной красотѣ. Далѣе, по впаденіи грязной Миссури, волны ея дѣлаются грязновато-желтыми.

Изъ дюжины выстроенныхъ подлѣ форта хижинъ самая большая и красивая принадлежала старому трапперу Самюэлю Гриню, который былъ женатъ на индіанкѣ племени Миннебаговъ и имѣлъ двухъ красивыхъ дочерей. Полная прелести для юноши, жизнь охотника уже болѣе не привлекала его; впрочемъ, парѣдка онъ выѣзжалъ на охоту, но никогда не отлучался изъ дому болѣе чѣмъ на мѣсяцъ. Ему жилось хорошо въ мирномъ уголкѣ, гдѣ онъ развелъ фруктовый садъ, огородъ и воздѣлалъ клочокъ земли. То, чего онъ не могъ болѣе достать на охотѣ, онъ покупалъ въ фортѣ. Въ этомъ фортѣ былъ небольшой гарнизонъ, около 200 человекъ драгунъ и карабинеровъ, подъ начальствомъ майора Роджера.

Къ осени, обыкновенно къ сентябрю, прерія и сосѣдніе лѣса одѣвались въ разноцвѣтную одежду. Это самое очаровательное время года въ Сѣверной Америкѣ и теперь еще называется индіискимъ лѣтомъ. Однажды Самюэль Гринъ сидѣлъ въ садикѣ передъ хижиной и покуривалъ коротенькую трубочку. Жена его была занята приготовленіемъ ужина, а расторопныя дочери, Сузанна и Эсэиръ, работали въ саду, стриживая послѣдніе зрѣлые плоды со сливы.

Садовая калитка распахнулась, и два молодыхъ траппера вошли въ садъ. Увидя дѣвушекъ, они бросились къ нимъ.

— Вотъ мы вамъ поможемъ! весело закричали они и съ такою силою начали трясти несчастную сливу, что чуть не сломали дерево.

— Довольно, да довольно же! кричали имъ дѣвушки, и всѣ они, смѣясь и болтая, принялись собирать въ корзинки упавшія сливы.

Самюэль Гринъ оглянулся, выпуль изо рта трубку и пронаесть:

— А, братья Вайаты. Здравствуй, Георгъ! здравствуй, Поль! Стоитъ мнѣ взглянуть, вы ужъ и торчите подлѣ моихъ дѣвчонокъ...

— А развѣ неслыш, дядюшка Самюэль? Вѣдь мы женихи имъ...

— Бездѣльники вы, вотъ кто! Вѣдь у васъ доллара нѣтъ за душой.

— За то мы brave трапперы. Захотимъ—поймаемъ бобра, а то и медвѣда подстрѣлимъ.

— На это вы молодцы, что говорить. Ну, а куда вы дѣваете деньги, вырученные за шкуры?

— Что спрашивать, дядюшка Самюэль! сказалъ Георгъ.— Вы сами отлично знаете, что въ нашей глуши нѣтъ сберегательныхъ кассъ.

— А потому мы и пошли другое примѣненіе деньгамъ, добавилъ Поль.

— Гмъ! проворчалъ старикъ.— Промотали, пропили, проиграли... и все чай въ кабакѣ маритантки въ фортѣ?

— Дядюшка Самюэль, весело сказалъ Георгъ,—когда вы были въ нашихъ лѣтахъ, вѣроятно и вы мало думали о сберегательныхъ кассахъ. Вѣдь только послѣ женитьбы, говорятъ, вы стали такимъ степеннымъ.

— И мы, конечно, проговорилъ Поль,—повѣчавшись съ вашими милыми дочками, вотъ-какъ остепенился.

Гринъ задумчиво съ минуту раскуривалъ трубку и затѣмъ сказалъ:

— Ну, что-жъ, я не противъ этого брака, оба вы славные трапперы. Такихъ молодыхъ здѣсь мало. Со своей стороны, я согласенъ.

— Bravo, дядюшка Самюэль! воскликнулъ Георгъ.—Когда же свадьба? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Ура! закричалъ Поль.—Завтра и свадьба!

— Вотъ выдумалъ еще! перебила Сузанна.—Намъ еще дѣла по горло, а онъ—завтра.

— Мы еще должны позаботиться о приданомъ, добавила Эсэиръ.—Надо закупить все необходимое у торговца въ фортѣ.

— Это все хорошо, сказалъ Гринъ.—Но хорошо-ли вы обдумали это, дѣвчурки? Вѣдь эти молодцы, женихи-то ваши,—самые отчаянные сорванцы! А вы, обратились онъ къ молодымъ людямъ,—сначала заработайте-ка по 600 долларовъ, а тамъ видно будетъ...

— Чортъ меня поberi, если мы не словимъ по 600 бобровъ! воскликнулъ Поль.

— Отлично, сказалъ Георгъ,—черезъ два мѣсяца у насъ будутъ эти деньги. Я давно думалъ отправиться къ священному холму индіевъ, гдѣ сами они не охотятся.

— Ты говоришь о холмѣ Маниту?

— Ну, да. Тамъ лежатъ три маленькихъ озера, чрезъ которыя протекаетъ рѣчка, на нихъ живетъ пропасть бобровъ.

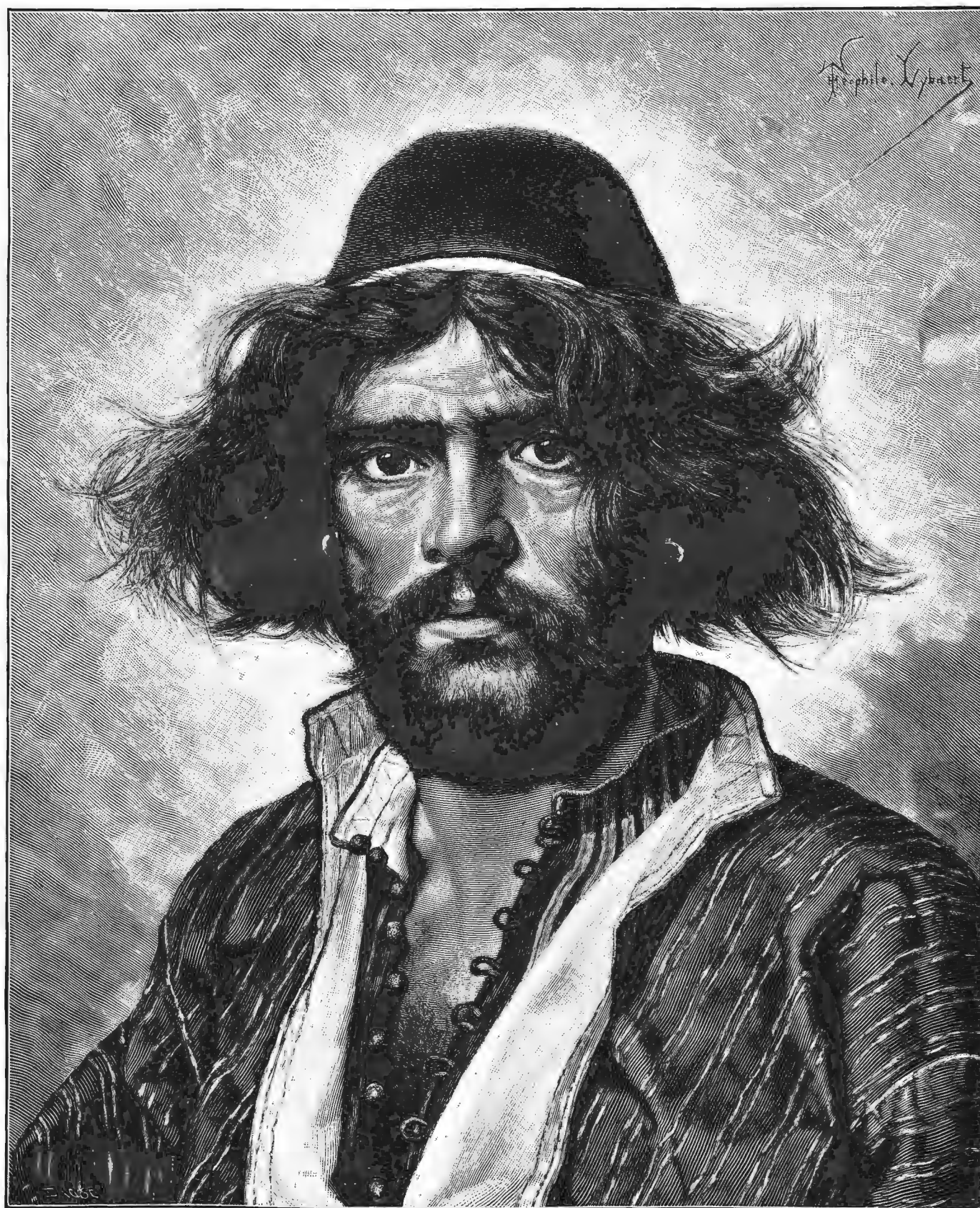
— Но туда еще не заходилъ ни одинъ трапперъ.

— А скальпированный? Губертъ Ридлей былъ тамъ два года тому назадъ, когда еще онъ попался въ плѣнъ къ Сиу.

— Однако онъ оставилъ тамъ свой скальп и едва избѣжалъ мучительной смерти, замѣтилъ Поль.

— Ты сумасшедшій, Георгъ! воскликнулъ Гринъ.—Проникать въ священныя мѣста индіевъ—крайнее безрассудство. Краснокожіе придутъ въ ярость и ты вернешься домой безъ волосъ.

— Я уже говорилъ объ этомъ съ Губертомъ, и онъ полагаетъ, что теперь самое благоприятное время для этого предпріятія, потому что всѣ сосѣднія племена и Чиппеван, и Сиу, и Омаги всѣ ушли къ Миссури на охоту за буйволами. Въ

Боснякъ. Съ карт. Т. Либерта.

пыпшнемъ году, стада буйволовъ появились гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно.

— Да, объ этомъ я слышала. Надо, значитъ, ждать ранней и суровой зимы. Но почему знаетъ Губертъ, что Сіу ушли изъ своихъ деревень?

— А онъ узналъ это отъ мирнаго Чинневал, съ которымъ встрѣтился въ преріи.

— Значитъ предпріятіе возможно и есть надежда на успѣхъ, сказалъ старикъ.—Если Губертъ возьмется за него, то я самъ не прочь отправиться вмѣстѣ съ вами.

— Вотъ было бы славно, дядюшка Самюэль! А еще мы захватимъ съ собою Патрика О'Бріена, рыжаго ирландца, и Аллана Рея. Итого насъ будетъ шестеро. Сбѣгай-ка за Губертъ, Поль!

— Сбѣгай самъ! Мнѣ еще надо поговорить о дѣлѣ съ Эсенрию.

— Да этого и не надо, сказалъ Гринъ,—вонъ, кажется, онъ идетъ къ своей хижинѣ.—И приложивъ правую руку, какъ рупоръ ко рту, онъ крикнулъ:—Эй, дружище Губертъ! Зайдите-ка слова на два!

Окликнутый остановился и тотчасъ же направился къ группѣ. Это былъ здоровый мужчина, лѣтъ тридцати, одежда котораго изъ оленьей кожи сильнѣе напоминала индѣйскую, чѣмъ костюмъ другихъ трапперовъ. Его лицо, обрамленное черною бородою, было блѣдно. Два года тому назадъ онъ былъ оскальпированъ однимъ воиномъ изъ племени Сіу. Вслѣдствіе этого онъ постоянно носилъ шапочку изъ шкуры выдры. Честный и правдивый, онъ въ то же время былъ серьезенъ, суровъ и скрытенъ. Казалось, на душѣ у него лежало тяжелое бремя, тайна, которую онъ не хотѣлъ никому повѣрить.

— Вѣрно-ли, Губертъ, что Сіу ушли на охоту за буйволами? спросилъ Гринъ.

— Да, вѣрно, отвѣчалъ скальпированный.

— А не пойти-ли намъ поохотиться на нейтральной почвѣ всѣхъ краснокожихъ, у холма Маниту?

Губертъ Ридлей медлилъ отвѣтомъ, затѣмъ онъ промолвилъ: — Отчего бы нѣтъ, но что касается меня, то я далъ себѣ клятву никогда не вступать въ землю Сіу.

— Я понимаю это, Губертъ, послѣ тѣхъ страшныхъ испытаній, которыя вы перенесли тамъ. Но вѣдь мы дойдемъ только до границы земли Сіу. Вѣдь она начинается, если я не ошибаюсь, тотчасъ же вслѣдъ за нейтральной почвой? Не такъ-ли?

— Да, это вѣрно, земля Сіу лежитъ за длинною цѣпью холмовъ, ограничивающихъ съ запада нейтральную почву. На сѣверѣ течетъ желтая рѣка „Лѣкарствъ“, на югѣ красная рѣка „Трубочной глины“, съ береговъ которой всѣ племена индѣйцевъ берутъ глину для своихъ трубокъ. Посреди нейтральной почвы, раздѣляя прерію отъ маленькихъ озеръ, поднимается разсѣлистый холмъ Маниту, на который могутъ вступать только колдуны и знахаря индѣйскихъ племенъ.

— А вы знаете, почему этотъ холмъ посвященъ великому духу?

— Когда я былъ въ плѣну у Сіу и научилъ ихъ языкъ, я много слышалъ объ немъ отъ Огима...

— Кто это Огима?

— Дѣло не въ Огимѣ, уклончиво отвѣчалъ Губертъ,—я слышалъ, что въ одной пещерѣ холма Маниту находится впадина и разсѣлина, въ которыхъ порывы вѣтра гудятъ то какъ нѣжные звуки органа, то какъ таинственное пѣніе, что пронзаетъ на людей сильное, неограниченное впечатлѣніе. Оттого краснокожіе и считаютъ этотъ холмъ мѣстопробываніемъ великаго духа.

— А правда, что тамъ много бобровъ на озерахъ?

— Страхъ сколько. Краснокожіе не трогаютъ ихъ.

— Значитъ, предпріятіе выгодно?

— О еще бы!

— Присоединитесь-ка къ намъ, дружище Губертъ!

Скальпированный снова погружился въ размышленія; казался, внутри его происходила борьба; наконецъ, онъ сказалъ:

— Ладно, я готовъ! Мнѣ до зарѣзу нужны деньги: я скоро оставлю эту страну и переселюсь въ восточные штаты. Я думаю, что недѣли въ четыре мы успѣемъ обработать дѣльце, прежде чѣмъ Сіу возвратятся.

— А далеко до этого холма?

— Дней пять туда и дней восемь отсюда.

— Это почему? спросилъ Георгъ.

— Потому что туда мы поѣдемъ верхомъ, а оттуда придется идти пѣшкомъ, лошади понесутъ шкуры.

— Прекрасно, сказалъ Гринъ.—У меня двѣ лошади, у Губерта свой вороной. Недостаётъ еще трехъ лошадей.

— Я достану ихъ у маркитанта изъ форта, мы съ нимъ друзья! воскликнулъ Поль.—Я сейчасъ же пойду къ нему.

— А я пойду поговорить о дѣлѣ съ Патрикомъ О'Бріеномъ и Алланомъ Реємъ, сказалъ Георгъ.— Кстати, когда мы вступаемъ?

— Я думаю, можно завтра на зарѣ, сказалъ скальпированный.

Всѣ согласились съ этимъ и разошлись, чтобы приготовиться къ поѣздкѣ.

Патрикъ О'Бріенъ и Алланъ Рей выразили готовность участвовать въ предпріятіи. Первый изъ нихъ прежде служилъ въ англійскихъ войскахъ въ Канадѣ и дезертировалъ оттуда, предпочитая вести свободную жизнь траппера въ лѣсахъ западныхъ штатовъ. Другой прежде былъ бродячимъ актеромъ, музыкантомъ и фокусникомъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, всѣ участники предпріятія собрались въ домъ стараго Грина, осѣдали лошадей и углубились въ прерію, направляясь на западъ, къ рѣкѣ Святаго Петра, одному изъ красивѣйшихъ въ то время притоковъ Миссисипи, называемому теперь Миннезотой.

Прерія, по которой они скакали, была одною изъ роскошнѣйшихъ въ Сѣверной Америкѣ; множество мелкихъ озеръ и прудковъ сверкали на солнцѣ какъ брилліанты въ зеленой оправѣ своихъ береговъ. Крутомъ не было ни души, только высоко на небѣ видѣлись стаи птицъ, летѣвшихъ къ югу.

На третій день они вступили на священную почву индѣйцевъ. Передъ ними на западѣ въ видѣ громаднаго вала тянулась порослая лѣсомъ цѣпь возвышенностей, надъ которой поднимался разсѣлистый, съ раздвоенною вершиной холмъ Маниту. То была почти гладкая скала, мѣстами поросшая травой и кустарникомъ.

Вечеромъ они уже находились у его подножія.

— Гдѣ же намъ разбить лагерь? спросилъ Гринъ.—Въ открытой преріи или на самомъ холмѣ?

— Если въ холмѣ есть пещеры, сказалъ Поль,—то мы можемъ выбрать подходящую изъ нихъ для жилья.

— Гм! проворчалъ рыжебородый ирландецъ,—мѣсто тамъ, говоритъ, нечистое...

— Никакъ ты боишься духовъ, Патрикъ?

— А хоть бы и такъ—лгать не стану. Въ Ирландіи какъ-то моя прабабушка разъ увидѣла духа и съ тѣхъ поръ вся наша фамилія боится духовъ.

Трапперы расхохотались.

— А въ пещерахъ нѣтъ медвѣдей? сказалъ предусмотрительный Гринъ.

— Да хоть бы и были! воскликнулъ Поль.—Не слѣдъ пренебрегать и медвѣжьимъ мѣхомъ.

— Какъ вы думаете, Губертъ? спросилъ старый трапперъ.

— Я раздѣляю мнѣніе Поля, отвѣчалъ скальпированный.— По моему безопаснѣе переночевать въ пещерѣ. Съ окрестныхъ холмовъ легко могутъ замѣтить огни, разведенные въ открытой преріи. И кромѣ того почью ни одинъ индѣецъ не забредетъ на холмъ великаго духа.

— Пусть будетъ такъ.

Они поскакали на холмъ, чтобы выбрать удобное мѣсто. Вскорѣ они нашли такое.

На южной сторонѣ холма оказалась большая пещера, входъ въ которую былъ замаскированъ кустарникомъ. Передъ пещерой находилась лужайка съ ручейкомъ; на ней могли пастись лошади. Трапперы вошли въ пещеру, которая простиралась далеко внутрь холма. Зажженный ими фонарь слабо освѣщалъ пещеру; повсюду валялись обломки камней; въ углу въ одну изъ разсѣлищ проникла струйка воды и образовала природный родникъ. Во всякомъ случаѣ, пещера была надежнымъ убѣжищемъ отъ непогоды. По стѣнамъ ея видѣлись трещины, сквозь которыя проникалъ въ пещеру свѣжій воздухъ съ гуломъ, похожимъ на отдаленные звуки органа или струны эоловой арфы. Охотники развудали лошадей, натаскали хворосту и зажгли костеръ, дымъ котораго уходилъ изъ пещеры въ одну изъ разсѣлищ свода. Одинъ долженъ былъ караулить, прочие улеглись спать.

На слѣдующее утро они съ жаромъ припались за охоту. Бобры сначала были такъ мало пугливы, что множество ихъ сразу было перебито мѣткими выстрѣлами охотниковъ. Затѣмъ они стали боязливей и удалялись въ свои подводныя жилища при каждомъ приближеніи охотниковъ. Тогда охотники стали ставить разнообразныя капканы, которые доставляли имъ богатую добычу. Такъ прошло три недѣли.

— Дядюшка Самюэль! какъ-то вечеромъ сказалъ Поль,—у насъ теперь такая куча шкуръ, что на каждого, навѣрно, придется болѣе 600 долларовъ. Не пора-ли подумать и о возвращеніи?

— Ты все думаешь объ Эсенри? улыбался спросилъ старый трапперъ.

— О, да, конечно!

— А ты, Георгъ, тоже думаешь о комъ-то?

— Я днемъ и ночью брежу миллой Сузанной.

— Я тоже не прочь вернуться; дѣйствительно, мы набрали такую пропасть бобровъ, что лошади едва свежутъ ихъ, сказалъ Губертъ Ридлей.—Тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнюю ночь я видѣлъ дурной сонъ.

— Оттого вы и были такъ разсѣяны и скупы на слова цѣлый день? спросилъ Гринъ.—Что же это за сонъ?

— Мнѣ приснилось, что меня опять скальпируетъ воинъ Сіу, и я въ ужасѣ проснулся.

— Вамъ этого бояться нечего, Губертъ. Человѣка можно оскальпировать только разъ.

— Это такъ, конечно... но я думалъ о другомъ.

— А въ самомъ дѣлѣ отправимся-ка завтра во свояси, сказалъ старый трапперъ.

— Да, да, завтра! воскликнули всѣ.

Эту ночь караулил Поль. Было около часу. Онъ сидѣлъ у входа въ пещеру и думалъ объ Эсепри. Ночь была лунная. Диемъ преріи бывала видна на дѣлкую мило. Тенерь все было закутано туманомъ, который облаками поднимался надъ зеленью и озерами.

Вдругъ на лужайкѣ, гдѣ находились лошади охотниковъ, появились какія-то темныя фигуры. Молодой человѣкъ вздрогнулъ, вскочилъ въ пещеру и разбудилъ спящихъ крикомъ:— Индѣйцы!

Въ одну минуту всѣ были на ногахъ и схватили ружья. Выглянувъ изъ пещеры, они увидали, что въ преріи тянулся ридъ огней отъ костровъ, окружавшихъ холмъ.

— Это Сіу, сказалъ скальпированный.

— Открыли они намъ присутствіе? спросилъ Георгъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ Поль,—они угнали нашихъ лошадей.

— Значитъ мы сидимъ здѣсь какъ въ капканѣ, проворчалъ Гринъ.

Къ пещерѣ приближался индѣецъ съ горящимъ факеломъ въ рукѣ. Судя по фантастическому костюму, это былъ колдунъ Сіу.

— Выпалить въ него? спросилъ Поль.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Губертъ,—онъ что-то хочетъ сказать намъ.

Колдунъ остановился, грозно потрясъ своимъ факеломъ, произнесъ нѣсколько словъ на своемъ гортанномъ нарѣчій и удалился.

— О чемъ болталъ этотъ молодецъ? спросилъ Гринъ.

— Онъ сказалъ, что мы—бѣлые дьяволы, воры и разбойники, мы осквернили мѣсто, посвященное Маниту, и должны погибнуть. Наши слѣды открыты, канканы ваяты и лошади угнаны. Намъ только шесть, ихъ же двѣсти воиновъ. Если мы не трусливыя женщины, то выйдемъ въ прерію на открытый бой. Если мы не выйдемъ, то они будутъ осаждать насъ и возьмутъ изморомъ; воины Сіу не могутъ войти на холмъ великаго духа. Наши тѣла будутъ брошены коршунамъ и воршамъ.

— Старый шутъ! воскликнулъ Поль.—Посмотрите онъ, какъ я всажу ему пулю въ лобъ.

— Что же теперь дѣлать? спросилъ Гринъ.—Если краснокожимъ нельзя войти на холмъ, то пока, значитъ, мы въ опасности, особенно если устроить баррикаду изъ камней. Воды у насъ сколько угодно, пороху и пуль хватитъ на всѣхъ Сіу. Вотъ съѣстнаго у насъ не больше, какъ на недѣлю. Что будетъ, какъ оно выйдетъ?

— Тогда мы выйдемъ въ прерію и пробьемся! вскричалъ Поль.

— Невозможно, насъ перебьютъ, у нихъ слишкомъ большой перевѣсъ.

— Тогда попытаемся уйти тайкомъ.

— Сіу слишкомъ бдительны, возразилъ скальпированный.

— Вы, Губертъ, долго жили среди краснокожихъ и знаете всѣ ихъ хитрости и уловки, сказалъ Гринъ.—Если кто изъ насъ и можетъ пробраться, то только вы. Вы должны позвать помощь изъ форта. Мы между тѣмъ подождемъ здѣсь, и если намъ суждено погибнуть, то мы дорого продадимъ свою жизнь.

Ридлей послѣ короткаго размышленія согласился на это отважное предпріятіе.

— Если Сіу меня замѣтятъ, я пропаду, сказалъ онъ,—если же мнѣ удастся счастливо пробраться сквозь ихъ посты, я васъ спасу, друзья! Я возьму съ собою одинъ ножъ, ружье только помѣшаетъ.

Тщательно приготовившись, онъ вылезъ изъ пещеры, скользя въ густой кустарникъ, поползъ какъ змѣя и скоро исчезъ въ высокой травѣ преріи.

Сторожевыя костры Сіу были въ двухстахъ шагахъ отъ холма, возлѣ каждаго изъ нихъ стояло по воину на стражѣ.

Ридлей чуть приподнял голову и осторожно осмотрѣлся. Затѣмъ, выбравъ удобную минуту, проползъ между двумя кострами чрезъ цѣпь индѣйскихъ сторожей и ползъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не счелъ себя въ опасности. Оглянувшись онъ увидѣлъ далеко за собою красноватые отблески сторожевыхъ огней во мракѣ ночи. Тенерь ему нечего было скрывать. Онъ уже поднялся на ноги и хотѣлъ пуститься бѣгомъ, какъ вдругъ услышалъ шорохъ. Онъ быстро скользнулъ въ траву. Когда онъ вновь осторожно поднялъ голову, то увидѣлъ съ десяткомъ пасущихся лошадей, подлѣ которыхъ не было сторожа. Конечно, первую его мыслью было завладѣть одною изъ лошадей. Онъ подползъ къ нимъ и уже положилъ руку на шею одной изъ нихъ, чтобы вскочить на нее, какъ вдругъ услышалъ недалеко отъ себя чей-то голосъ.

Онъ обернулся и увидѣлъ въ пятнадцати шагахъ отъ себя мальчика Сіу, поднимавшагося изъ травы, въ которой онъ, вѣроятно, лежалъ.

— Мишоа! прошепталъ Губертъ, блѣднѣя.

— А, Губертъ, это ты! сказалъ мальчикъ, подходя.— Безсвѣтнѣй, ты обманулъ мою сестру! Она спасла тебѣ жизнь, забывъ тебя отъ мученій. Ты былъ скальпированъ и долженъ былъ умереть, когда Огма спасла тебя, ходила за тобой, лѣчила тебя, ваяла тебя въ мужья... и ты безо всякой причины бросилъ ее... О, неблагодарный!

— Мишоа, отвѣчалъ Ридлей на языкѣ Сіу,—я не краснокожій и потому удалился къ своимъ бѣлымъ братьямъ.

— А Огма, которая такъ любитъ тебя, одержима съ тѣхъ поръ злымъ духомъ! воскликнулъ мальчикъ.— Ты смутилъ ея умъ, ты сдѣлалъ ее больною! О, прошу тебя, вернись къ ней! Она выздоровѣетъ отъ радости.

— Невозможно! мрачно сказалъ скальпированный.

— Ты не хочешь?

— Нѣтъ, Мишоа.

— Ты обязанъ! ты долженъ это сдѣлать!

— Кто меня заставитъ?!

— Я! Стоитъ мнѣ крикнуть...

Скальпированный быстро молнией схватилъ его лѣвою рукой за горло, а правую всадилъ ему ножъ въ грудь.

Обливаясь кровью, Мишоа упалъ въ траву.

Губертъ Ридлей вскочилъ на лошадь и поскакалъ.

— Жаль бѣднаго мальчика, прошепталъ онъ,—но что было дѣлать? Я долженъ былъ спасти друзей.

Съ наступленіемъ утра онъ былъ уже далеко. Подлѣ небольшого озера онъ слѣзъ съ лошади, напоилъ ее и пустилъ кормиться. Затѣмъ съ жадностью нанелъ самъ и немного отдохнулъ. Черезъ два часа онъ снова пустился въ путь.

Спустися нѣкоторое время онъ замѣтилъ на горизонтѣ двѣ фигуры; очевидно то были индѣйскіе всадники.

Онъ погналъ лошадь и бѣшено мчался къ дубовой рощѣ, находившейся на берегу ручья, пересѣкавшаго ему путь. Не дожидая ея, онъ увидѣлъ струю дыма, поднимавшуюся надъ деревьями. Полагая, что тамъ расположились на ночь краснокожіе, онъ уже хотѣлъ повернуть на югъ, какъ къ своему удивленію услышалъ звукъ трубы. Радостно вскрикнувъ, онъ помчался къ рощѣ.

Оттуда навстрѣчу ему выѣзжалъ отрядъ драгунъ и конныхъ карабинеровъ. То была часть гарнизона форта Свеллинга. Въ отрядѣ находилось 120 солдатъ съ майоромъ Роджеромъ во главѣ. Онъ ѣхалъ для вербовки людей на военную службу въ фортъ.

Индѣйскіе всадники замѣтили солдатъ своими острыми глазами и тотчасъ-же скрылись.

Ридлей просилъ отвести его къ майору Роджеру. Услышавъ, въ чемъ дѣло, тотъ рѣшилъ выручить трапперочъ. Онъ велѣлъ трубѣ выступленіе и черезъ часъ отрядъ уже скакалъ къ холму Маниту. Когда они подъѣзжали, Сіу быстро огегушили назадъ къ цѣпи холмовъ. Осажденные ликуя вышли навстрѣчу спасителямъ.

Майоръ не желалъ медлить на нейтральной почвѣ индѣйцевъ, опасаясь прихода другихъ племенъ, и приказалъ выступать.

Въ степи было поймано нѣсколько индѣйскихъ лошадей. Трапперы выбрали лучшихъ, остальныхъ вышугали.

Пробѣжая возлѣ того мѣста, гдѣ былъ убитъ Мишоа, Губертъ слѣзъ съ лошади, желая посмотрѣть, убралъ-ли трупу.

Безжизненное тѣло молодого индѣйца все еще лежало въ травѣ, но подлѣ него, склонивъ голову, сидѣла индианка, которая, завидѣвъ скальпированнаго, поднялась и пошла ему навстрѣчу. Въ ея рукѣ сверкала ножъ.

— Огма! смущенно проговорилъ Ридлей.

— Да, это я! сказала она на своемъ гортанномъ нарѣчій.— Мишоа еще былъ живъ, когда его нанли, онъ жилъ нѣсколько часовъ и сказалъ мнѣ все. Безсвѣтнѣй! Ты убилъ моего брата. Ты бросилъ меня, сдѣлавшую для тебя все! Умри предатель, ты заслужилъ этого!

Она бросилась на него, какъ тигрица, и вонзла ножъ ему въ грудь. Скальпированный зашатался и упалъ въ траву.

Объявившіеся солдаты и трапперы хотѣли пристрѣлить индианку.

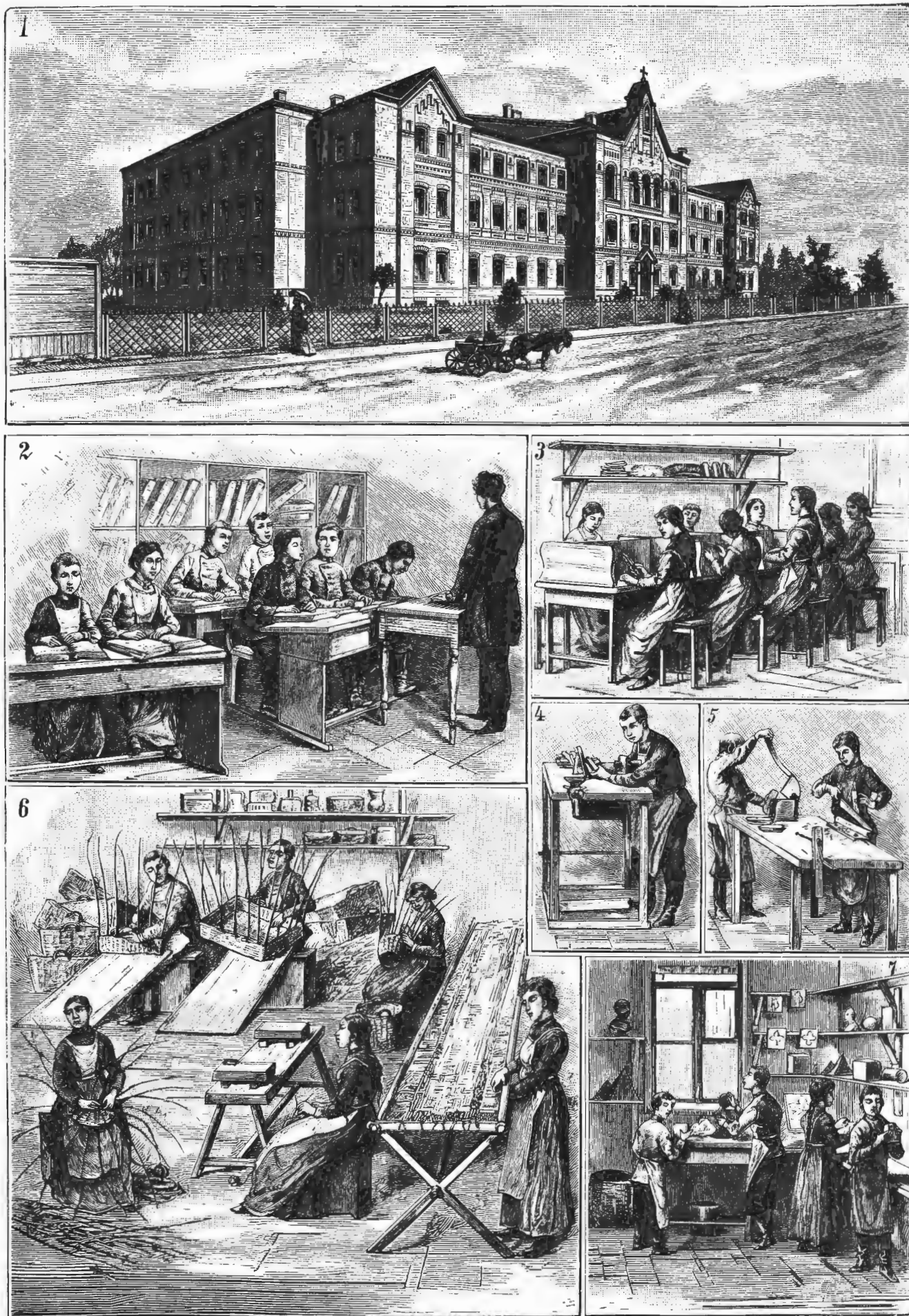
Тогда умирающій, собравъ послѣднія силы, приподнялся и сказалъ:

— Не трогайте, отпустите ее! Несчастная помѣшана... Я убилъ ея брата!.. Я и ее бросилъ... это моя жена!

Онъ опрокинулся навзничъ и захрипѣлъ.

Удрученные страшною сценой, трапперы и солдаты покинули это мѣсто. Долго позади ихъ звучала пѣсня. То, Огма, склонившись надъ тѣлами брата и своего бѣлаго мужа, пѣла погребальную пѣсню, которая заунывными звуками разносилась по преріи.

Подъ защитой солнца солдаты трапперы благополучно возвратились съ добычей въ фортъ Свеллингъ, гдѣ братья Вайаты обвѣщались съ дочерью Грина. Молодые люди занялись земледѣліемъ, всѣмъ оставивъ охоту. Мало-по-малу мѣсто кругомъ заселялось, и теперь тамъ стоитъ главный городъ штата Миннесоты—Сентъ-Поля. (к.)

Александрo-Маринское училище слѣпыхъ въ Петербургѣ. Рис. Г. Броллинга.

1. Внѣшній видъ гл.-зданія (Песочная улица и Каменноостровскій просп.) 2. Школа. 3, 4 и 5. Щеточное производство. 6. Плетеніе корзинъ. 7. Отливка изъ гипса.

Проектъ строящихся на мѣстѣ событія 17 октября 1888 г. храма Христа Спасителя Преславнаго Преображенія и часовни. Съ фот. Федецаго, грав. Рашевскій.

1. Храмъ. 2 Часовня.

Къ свѣдѣнію снимающихся и фотографовъ-любителей.

Громадные успѣхи фотографіи и незначительная сравнительно стоимость производимыхъ ею изображеній и снимковъ, въ особенности въ послѣднее время, много способствовали распространенію ихъ между всѣми классами общества; кромѣ того, дешевизна необходимыхъ для сего аппаратовъ и приспособленій, а также сравнительная легкость и простота манипуляцій побудили многихъ къ занятію фотографіею, въ качествѣ любителей.

Не касаясь въ настоящей статьѣ ни сущности фотографіи, ни новѣйшихъ ея успѣховъ, мы намѣрены лишь обратить вниманіе на нѣкоторые правила относительно туалета, формъ прически и т. п.,—правила, которыми снимающіеся въ большинствѣ случаевъ, по незнанію ихъ, пренебрегаютъ, въ ущербъ точности и изящества получаемыхъ снимковъ.

Поэтому въ случаѣ не вполне удачно произведеннаго снимка вина не всегда падаетъ на фотографа, ибо весьма часто сами снимающіеся портятъ снимокъ неудачнымъ выборомъ цвѣтовъ туалета или по другимъ какимъ-либо причинамъ.

Фотографическое изображеніе всякаго снимающагося, какова бы ни была его наружность, можетъ быть произведено не только вполне вѣрно, но кромѣ того изящно и элегантно, если только онъ будетъ соответствовать и своевременно наставленъ опытнымъ и понимающимъ дѣло фотографомъ, причемъ надлежащее содѣйствіе снимающихся не только значительно способствуетъ собственному ихъ удовлетворенію, но оно имѣетъ также существенное значеніе и для фотографа и во всякомъ случаѣ необходимо для успѣшнаго произведенія снимка.

Между тѣмъ все, что покуда извѣстно снимающимся изъ практики въ области фотографіи, ограничивается примѣненіемъ одежды темнаго цвѣта и соблюденіемъ извѣстнаго рода спокойствія во время процесса сниманія. Но подъ словомъ *темный* большинство снимающихся подразумеваетъ не болѣе не менѣе какъ *черный*; этимъ однако-жъ дѣло еще не кончается: даже и черное весьма часто кажется еще не достаточно чернымъ и посему многие, въ особенности дамы, прибѣгаютъ для этой цѣли къ черному бархату, который, конечно, уже чернѣе чернаго.

Подъ выраженіями *светлый* и *темный* цвѣтъ, конечно, не слѣдуетъ подразумевать исключительно *бѣлый* или исключительно *черный* цвѣта, такъ какъ различные цвѣта воспроизводятся фотографіей весьма различно. Такъ напримѣръ, синій или фіолетовый цвѣтъ, смотря по своей интенсивности, является на получаемомъ изображеніи то свѣтло-сѣраго, то почти бѣлаго цвѣта; напротивъ, зеленый или желтый—воспроизводятся на снимкахъ отъ темно-сѣраго до чернаго и т. п.

Гармоничное въ фотографическомъ смыслѣ дѣйствіе свѣта является исключительно слѣдствіемъ дѣйствія активныхъ свѣтовыхъ лучей, исходящихъ отъ снимаемаго предмета, и при сниманіи людей оно легче всего можетъ быть вызвано соответственнымъ выборомъ цвѣтовъ туалета. Посему туалетъ слѣдовало бы избирать такимъ образомъ, чтобы на производимомъ снимкѣ воспрепятствовать появленію однихъ лишь бѣлыхъ, или однихъ лишь черныхъ линий; съ этою цѣлью мы позволимъ себѣ обратить вниманіе снимающихся на ниже-слѣдующія указанія относительно цвѣта туалета.

Вообще мягкіе, не слишкомъ свѣтлые, но въ то же время и не слишкомъ темные цвѣта всегда будутъ давать самыя изящныя изображенія. Во всякомъ случаѣ, для болѣе крупныхъ частей туалета желтый и красный цвѣта не слѣдовало бы употреблять вовсе, такъ какъ оба они обладаютъ самою незначительною химическою силой.

Такъ какъ въ портретномъ снимкѣ главнѣйшую роль очевидно играетъ голова снимающагося, то при выборѣ цвѣтовъ одежды преимущественно слѣдуетъ руководиться цвѣтомъ лица.

Вѣдствіе того, для особъ съ свѣтлымъ цвѣтомъ лица, какъ, напримѣръ, въ большинствѣ случаевъ, для блондинокъ, будетъ подходить туалетъ, въ которомъ преобладаютъ: сѣрый, синій и фіолетовый цвѣта; напротивъ для брюнетокъ, или для особъ съ загорѣвшимъ отъ солнца лицомъ, или съ желтоватымъ цвѣтомъ онаго, рациональнѣе будетъ избрать одежду чернаго, коричневаго или зеленаго цвѣта.

Шатенки, съ бѣлымъ цвѣтомъ лица и темными, черноватыми даже волосами, при выборѣ туалета, должны непремѣнно соотноситься съ цвѣтомъ лица и отнюдь не съ цвѣтомъ волосъ, которые, напротивъ, слѣдуетъ привести въ соответствіе съ остальнымъ туалетомъ, посредствомъ незначительнаго и равномернаго нанесеннаго слоя пудры.

Что касается блондинокъ, въ особенности съ волосами впадающими въ желтоватый, рыжеватый или золотистый цвѣта, то имъ также можно посоветовать незначительно нанудрить волосы, дабы они надлежащимъ образомъ рельефно выступили на фонѣ; но тѣ же особы отнюдь не должны прибѣгать къ пудрѣ для украшенія лица—даже и въ такихъ случаяхъ, когда этимъ намѣрены маскировать маленькія пятнышки въ родѣ веснушекъ, которыя гораздо легче уничтожить на снимкѣ

соответственной ретушировкой, чѣмъ вызвать на немъ тонкія полутьныя лица, маскируемая пудрой.

Все вышесказанное сохраняетъ свою силу и тогда, когда на одномъ портретѣ снимаются двѣ особы съ одинаковымъ цвѣтомъ лица; посему и туалеты ихъ не должны рѣзко между собою различаться. Но если цвѣтъ лица одной изъ снимающихся особъ существенно отличается отъ цвѣта лица другой, что обыкновенно имѣетъ мѣсто при сниманіи дамы съ мужчиною, въ такомъ случаѣ сей послѣдній по туалету своему долженъ сообразоваться съ туалетомъ дамы, при чемъ по возможности долженъ избѣгать совершенно чернаго костюма, и кромѣ того для смятенія контраста лицъ, мужчине слѣдовало бы прибѣгнуть къ помощи пудры.

Само по себѣ понятно, что не можетъ быть рѣчи о правильномъ туалетѣ при сниманіи болѣе значительныхъ группъ, но во всякомъ случаѣ слѣдовало бы принять за правило—гдѣ только является возможность—избѣгать присоединенія къ группѣ одной лишь особы въ совершенно бѣломъ туалетѣ.

Особы старшаго возраста, въ особенности господа съ сѣдыми волосами на головѣ и бородѣ, смѣло могутъ сниматься въ черныхъ, или вообще темныхъ костюмахъ, не обращая вниманія на цвѣтъ лица своего.

Маленькимъ дѣтямъ лучше всего сниматься въ туалетахъ такихъ цвѣтовъ, которыя на изображеніяхъ воспроизводятся свѣтлыми, каковы напримѣръ: сѣрый, синій, фіолетовый, и такъ какъ при этомъ снимающій всегда имѣетъ въ распоряженіи лишь весьма ограниченное время позировки, то дѣтей отнюдь не слѣдуетъ снимать въ черныхъ бархатныхъ туалетахъ.

Если готовое фотографическое изображеніе должно быть впоследствии покрыто красками, то даже и для особъ съ темнымъ цвѣтомъ лица гораздо цѣлесообразнѣе набрать для своего туалета одинъ изъ такихъ цвѣтовъ, которые воспроизводятся болѣе свѣтлыми, какъ напримѣръ: сѣрый, свѣтло-коричневый или синій. Нельзя однако-жъ советовать для этой цѣли туалетъ бѣлаго цвѣта, въ особенности при покрытіи изображенія водяными красками, такъ какъ тогда моделировка изображенія, которая во всякомъ случаѣ должна проглядывать сквозь нанесенный слой краски, выйдетъ жестко и рѣзко.

При покрываніи фотографическихъ изображеній масляными красками не требуется никакихъ особенныхъ предостереженій, такъ какъ въ этомъ случаѣ покрывающій имѣетъ наибольшую возможность вызвать соответственную моделировку и гармонию даже и тогда, когда таковыхъ не оказалось бы на изображеніи.

Что касается матеріала одежды, то вообще для сниманія шерстяныя ткани слѣдуетъ предпочитать шелковымъ и вообще тканямъ съ блестящими поверхностями. Болѣе тяжелыя ткани, шерстяныя или даже шелковыя, вообще придадутъ изображенію болѣе изящный видъ, чѣмъ легкія ткани, такъ какъ при первыхъ очертанія складокъ выступаютъ на изображеніи гораздо рельефнѣе.

Шелковыя ткани съ блестящими поверхностями, какъ тяжелыя, такъ и легкія, вообще не дадутъ изящнаго изображенія, ибо блестящіе отсвѣты подобнаго рода тканей воспроизводятся на изображеніяхъ бѣлыми.

Бархатъ темно-синяго, фіолетоваго или коричневаго цвѣта даетъ иногда изящныя изображенія, въ особенности когда цвѣтъ лица и цвѣтъ волосъ снимающейся особы не особенно свѣтлы.

Полупрозрачныя и совершенно легкія ткани при сниманіи вовсе не слѣдовало бы употреблять.

Подъ выраженіемъ *смирно, спокойно* держать себя во время сниманія—вовсе не слѣдуетъ подразумевать строгую неподвижность, затанованіе дыхания или пристальный взглядъ открытыми неподвижными глазами, устремленный на указанный фотографомъ предметъ, но собственно—лишь воздержаніе отъ передвиженія тѣла послѣ окончательно установленнаго положенія, при чемъ въ особенности слѣдуетъ остерегаться передвиженія головы вверхъ, внизъ или въ сторону въ теченіе короткаго времени позировки.

Время необходимое для того чтобы аппаратъ успѣлъ надлежащимъ образомъ фиксировать изображеніе на пластникѣ—преимущественно зависитъ отъ состоянія погоды, и оно тѣмъ короче, чѣмъ интенсивнѣе дневной свѣтъ, или чѣмъ болѣе заключается въ немъ активныхъ химическихъ лучей, что обуславливается ясностью и свѣтлостью неба. Небо сѣрое, покрытое туманомъ, даетъ очень мало дѣйствительнаго свѣта, также какъ и небо слишкомъ яркаго голубаго цвѣта и совершенно безоблачное. Небо свѣтлое, покрытое бѣлыми облаками, даетъ возможность наиболѣе короткаго позированія.

Что касается времени года, то вообще зима менѣе удобна для сниманія, чѣмъ лѣто. Часы же послѣ полудня благоприятнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ до полудня.

Для взрослыхъ особъ позировка во время сниманія, даже и нѣсколькими секундами долѣе, не составляетъ существеннаго затрудненія; но при сниманіи дѣтскихъ портре-

товъ заботы фотографа возрастаютъ весьма сильно, въ особенности при пасмурной погодѣ. Тогда самую важную его задачу составляетъ умѣлое воспроизведеніе на пластинкѣ необходимаго свѣтового отпечатка въ самое короткое время. Посему слѣдовало бы придерживаться правила: приводить этихъ маленькихъ посѣтителей въ ателье фотографа лишь въ свѣтлую погоду.

Если сниманіе одного ребенка принадлежитъ уже къ труднѣйшимъ задачамъ фотографа, то затрудненіе возрастаетъ еще въ болѣе значительной степени, когда на одномъ снимкѣ приходится воспроизвести группу изъ нѣсколькихъ маленькихъ дѣтей.

Вообще положеніе лица при какомъ слѣдовало бы сниматься, должно быть предоставлено усмотрѣнію фотографа, такъ какъ онъ въ каждомъ данномъ случаѣ всегда лучше въ состояніи оцѣнить — получитъ-ли болѣе полное сходство съ оригиналомъ при сниманіи *en face* или въ профиль. Снимающій въ этомъ отношеніи можетъ придерживаться слѣдующихъ правилъ:

Полныя, круглыя лица съ большими устами, малыми глазами и малымъ носомъ — слѣдуетъ снимать въ полупрофиль, то есть, такимъ образомъ, чтобы одна сторона лица видна была вполнѣ, другая же — лишь нѣсколько. Для лицъ умѣренной полноты, съ орлинымъ носомъ, красивыми устами и глазами, слѣдовало бы избрать трехъ-четвертную профиль. Наконецъ лица съ очень рѣзкими очертаніями смѣло могутъ быть снимаемы *en face*.

Кромѣ положенія лица при сниманіи, слѣдуетъ принимать еще во вниманіе и то обстоятельство, что лица многихъ особъ, по наружнымъ очертаніямъ своимъ, созданы такимъ образомъ, что, желая придать имъ на снимкѣ возможно пріятный видъ, слѣдуетъ и головѣ особы придать извѣстнаго рода уклонъ вправо или лѣво, вверхъ или внизъ, по усмотрѣнію снимающаго. Обращаемъ еще вниманіе и на то, что лица нѣкоторыхъ особъ имѣютъ двойную профиль, то есть, что одна половина лица ихъ въ извѣстной мѣрѣ отстываетъ по формѣ своей отъ другой; въ такомъ случаѣ выборъ болѣе дѣлсообразной для полученія изящнаго изображенія стороны — слѣдуетъ также предоставить на усмотрѣніе снимающаго.

Общія предписанія относительно придачи снимающимся наиболѣе удобнаго положенія и общей осанки — дать почти невозможно; лучше было предоставить это усмотрѣнію и вкусу фотографа.

Вообще, для полученія изящнаго изображенія, снимающійся долженъ находиться въ свободномъ, непринужденномъ положеніи, причемъ всѣ части тѣла должны быть въ гармоніи между собою и на всей осанкѣ его долженъ выражаться отпечатокъ извѣстнаго рода дѣйствія.

Глаза должны быть устремлены немного въ сторону отъ камеры, на какой-нибудь незначительныхъ размѣровъ предметъ, указанный фотографомъ; взглядъ долженъ быть мягкій и веселый. Снимающійся отнюдь не долженъ смотрѣть въ аппаратъ, ибо иначе изображеніе получить угрюмое и болѣзненное выраженіе.

Во время позировки снимающійся долженъ слегка упереться на головудержатель, иначе онъ незамѣтно отклонитъ голову назадъ, предполагая, что ему нужно опереться на этотъ приборъ. Головодержатель для мужчинъ можетъ опереться прямо въ затылокъ; для дамъ лучше оканчивать вылку шариками и прислонять эти послѣдніе къ головѣ выше шиньона.

Къ рисункамъ.

Памятникъ убитымъ при Гангудскомъ сраженіи.

(Рис. на стр. 641).

27 іюля 1714 года произошло Гангудское сраженіе, въ которомъ русскіе, вслѣдствіе гениальной быстроты соображенія и энергической предприимчивости Петра Великаго, одержали первую морскую побѣду надъ шведами. Благодаря этой побѣдѣ, споръ нашъ со шведами за преобладаніе на Балтійскомъ морѣ окончился; финляндскія шхеры отъ Выборга до Торнео вмѣстѣ съ Аландскими архипелагомъ стали неоспоримымъ достояніемъ Россіи, а стратегическое значеніе шхеръ, хотя еще и ощущалось въ послѣднюю войну, однако уже такъ слабо, что на второй годъ войны мы ими уже не пользовались.

Покойному адмиралу Вонну Андреевичу Римскому-Корсакову, бывшему начальнику Морскаго училища, удалось по историческимъ матеріаламъ того времени достаточно точно опредѣлить мѣсто сраженія, а благодаря содѣйствію генералъ-лейтенанта графа Аминова, владѣльца мызы того мѣста, отыскать могилу убитыхъ. Графъ сообщилъ, что есть мѣсто, гдѣ похоронены убитые послѣ одного давнишняго сраженія между русскими и шведами, что около этого мѣста есть двѣ небольшія бухточкы, изъ коихъ одна называется „Заливъ убитыхъ“, а другая „Заливъ душъ“, и что гора, гдѣ находится могила, носитъ названіе „Горы мертвыхъ“.

Объ этомъ открытіи адмиралъ, черезъ посредство управляющаго Морскимъ министерствомъ донесъ покойному Государю.

Особымъ дороднымъ и полнымъ слѣдовало бы принять нѣсколько боковое положеніе и помѣститься въ приличномъ разстояніи отъ аппарата. Для особъ высокаго росту, но худощавыхъ, самымъ лучшимъ будетъ фронтное положеніе, въ разстояніи болѣе близкомъ къ аппарату.

Если руки и ноги снимающагося нѣсколько длинноваты по отношенію всего тѣла, то при портретѣ въ полный ростъ, первыя должны быть нѣсколько отодвинуты назадъ; послѣднія же — нѣсколько подтянуты подъ ступь, однако-жъ не настолько, чтобы положеніе снимающагося казалось натянутымъ или принужденнымъ.

Руки должны совершенно свободно покоиться на колышкахъ, однако не слишкомъ низко и не слишкомъ высоко; впрочемъ, одна изъ нихъ можетъ также лежать на столѣ, между тѣмъ какъ другая въ то же время держитъ книгу или иной подходящій предметъ. Во всякомъ случаѣ онѣ должны быть размѣнены такимъ образомъ, чтобы во всей осанкѣ снимающаго соблюденна была гармонія и, какъ уже сказано выше, отпечатокъ извѣстнаго дѣйствія.

Что касается положенія пальцевъ, то при полной рукѣ на первый планъ долженъ выступать большой палецъ, другіе же должны быть нѣсколько согнуты внутрь. Длинные руки должны обнаруживать нижнюю свою сторону. Изящная рука, то-есть не особенно длинная и не особенно короткая, у дамъ должна быть обнажена до двухъ третей, причемъ пальцы должны повисать свободно и граціозно.

Вытянутыя впередъ ноги въ крайнемъ случаѣ могутъ быть допущены, но отнюдь не слѣдуетъ отгибать назадъ все тѣло, опереться плечомъ о поручень стула, держать палецъ въ негнѣ отъ пуговицы — въ виду неестественности подобнаго рода позъ.

Понятно, что все сказанное нами о положеніи рукъ и ногъ терять свою силу и не должно быть принимаемо во вниманіе при сниманіи портретовъ въ половину роста, такъ называемыхъ грудныхъ портретовъ или бюстовъ. Это обстоятельство, въ особенности въ послѣднее время, много способствовало тому, что грудные портреты сдѣлались самыми любимыми.

Все-таки при воспроизведеніи бюста снимающійся никогда не долженъ быть плотно прислоненъ къ спинкѣ стула, по между ними нужно помѣщать лодушку, либо примѣнять тогда спеціальныя стулья съ подвижными спинками, дабы плечи снимающагося слегка выдавались впередъ.

За-то грудные портреты, въ особенности для молодыхъ дамъ, требуютъ особенной заботы по отношенію прически и головнаго убора вообще. Этотъ послѣдній долженъ быть изящно и соотвѣтственно подобранъ къ лицу снимающей, такъ какъ при подобнаго рода снимкахъ соотвѣтственная прическа въ значительной степени способствуетъ изяществу всего портрета. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ остерегаться пазнишняго обремененія головы и лучше всего придерживаться въ этомъ отношеніи такъ-называемой середины. При сниманіи пожилыхъ дамъ, весьма эффектно воспроизводится легкая обшивка головнаго убора черными или сѣрыми, но не особенно широкими, тюлевыми или другаго рода кружевами.

Рамки нашего очерка не позволяютъ намъ болѣе распространяться, посему этимъ и оканчиваемъ рядъ приведенныхъ указаній и предписаній, и шпачемъ надѣжду, что сказанное не останется безполезнымъ для читателей и читателей нашихъ.

С. М. Г.

Государь положилъ резолюцію и разрѣшилъ построить памятникъ, соизволивъ пожаловать деньги. Государь Наслѣдникъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ и Великіе Князья Константинъ Николаевичъ и Алексѣй Александровичъ пожертвовали также, и на эти деньги былъ заказанъ памятникъ.

Лѣтомъ 1870 года памятникъ былъ доставленъ на мѣсто и 22 іюля въ присутствіи Великаго Князя Константина Константиновича произведена закладка, а 27 іюля, въ день Гангудскаго сраженія, памятникъ былъ освященъ.

Этотъ знаменитый день Гангудскаго сраженія празднуется ежегодно нашими моряками, а суда, коимъ приходится заходить въ теченіе лѣта въ Гангудъ, считаютъ своимъ долгомъ поклониться праху павшихъ воиновъ и отслужить наяннхиду, что и представлено на предлагаемомъ рисункѣ.

Фритіофъ у конунга Ринга. (Рис. на стр. 644 и 645).

Прекрасная картина Фердинанда Лееке служитъ иллюстраціей къ извѣстной скандинавской сагѣ о норвежскомъ богатырѣ Фритіофѣ, замѣчательно переданной шведскимъ поэтомъ Тегнеромъ и переведенной на русскій языкъ Протопомъ. На картинѣ представлено прибытіе прославленнаго героя, выдававшего себя за друга Фритіофа, къ конунгу Рингу или Христу. Онъ сидитъ на возвышеніи въ то время, какъ его супруга Ингеборга, вѣжкогда возлюбленная Фритіофа, по приказу своего

повелителя и мужа, угощает пришельца из турьяго рога виномъ.

Выданная замужъ противъ воли за стараго конунга своимъ властолюбивыми братьями, она едва можетъ скрыть свое волнение, узнавъ въ гостѣ милого сердцу. Вся обстановка происходящей сцены мастерски передана художникомъ и переноситъ зрителя въ отдаленное время саги.

Боснякъ. (Рис. на стр. 649).

По національности теперешніе обитатели Босніи и Герцеговины болѣею частью принадлежатъ къ южнымъ славянамъ, которые вторглись въ эти земли въ XI в. и вытѣснили отсюда древнѣйшее иллирійское население, вѣроятно тождественное съ албанцами. Это славянское население громаднымъ большинствомъ своимъ принадлежитъ къ сербскому племени, которое по переселеніи раздѣлилось на многія вѣтви. Босняки, герцеговинцы и райцы или раскии суть члены одной и той же семьи. По характеру, население — грубое и необразованное — лѣниво, упрямо, храбро, склонно къ жестокости; въ домашнемъ быту отличается строгостью нравовъ, простотой, набожностью; въ торговыхъ сношеніяхъ между собою миролюбиво и справедливо. Сельское население живетъ довольно бѣдно, въ „колыбахъ“, сплетенныхъ изъ прутьевъ и покрытыхъ древесною корой (отсюда сами обитатели называются *колыбарами*), разбросанныхъ по лѣсу или близъ дорогъ на пустопорожной землѣ. Мужчины носятъ феску, которую магометане прикрываютъ тюрбаномъ. Женщины христіанки одѣваются по-сербски или по-турецки. Въ домахъ единственной мебелью служатъ ковры, нарѣдка никакъ въ стѣнѣ, да идущіе по стѣнамъ низкіе залавки, покрытые матрацами и подушками.

Александро-Маринское училище слѣпыхъ въ С.-Петербургѣ. (Рис. на стр. 652).

Воспитаніе дѣтей вообще — дѣло далеко нелегкое. Но еще труднѣе воспитывать и растить слѣпыхъ дѣтей. За весьма рѣдкими исключеніями, ни родительскій домъ, ни обыкновеннаго типа народныя школы въ этомъ отношеніи не въ состояніи замѣнить особыхъ учебныхъ заведеній, предназначенныхъ для слѣпцовъ. Такія спеціальныя училища, въ которыхъ эти пасынки судьбы могли бы получить общее образованіе, хоть первоначальное, и научиться ремесламъ, чтобы впоследствии зарабатывать хлѣбъ, — являются, конечно, истиннымъ благодѣніемъ. Этихъ училищъ у насъ устроено теперь немало, благодаря заботамъ Маринскаго попечительства для прирѣвнѣ слѣпыхъ, существующаго въ Петербургѣ уже болѣе десяти лѣтъ подѣ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Одно изъ подобныхъ училищъ находится и въ Петербургѣ и извѣстно подѣ названіемъ Александро-Маринскаго училища слѣпыхъ. Ранѣе оно воспитывало всего 50 дѣтей и находилось въ частномъ домѣ, а нынѣ оно расширено и переведено въ нарочно выстроенное для него зданіе на Аптекарскомъ островѣ, по Песочной улицѣ, начавъ новую эру существованія съ 17 октября 1889 года, когда новое зданіе было освящено и училище, такъ сказать, открыто на половину вслѣдствіе его неокончательнаго внутренняго устройства. Зданіе Александро-Маринскаго пріюта для слѣпыхъ построено въ три этажа и фасадомъ, довольно простымъ, но красивымъ, выходитъ на Песочную улицу. Первый этажъ отведенъ подѣ приготовительное отдѣленіе школы, занимающее шесть просторныхъ классныхъ комнатъ, и въ немъ же помѣщаются магазинъ съ надѣльными слѣпыхъ, квартира директора, весьма помѣстительный столовый залъ и кухня. Во второмъ этажѣ — разныя мастерскія, спальни для воспитанниковъ и помѣщенія для преподавателей и надзирательницъ. Третій этажъ занятъ подѣ церковь, пять музыкальныхъ кабинетовъ и классы. Прекрасный садъ съ питомникомъ фруктовыхъ деревьевъ и кустарныхъ растений примыкаетъ къ зданію, окруженному красивою желѣзною рѣшеткою. Мѣсто подѣ училище, занимающее около 4,000 кв. саж., пожертвовано Маринскому попечительству нашею Городскою Думою, съ условіемъ, чтобы училище воспитывало ежегодно 10 городскихъ стипендіатовъ. Постройка зданія обошлась въ 250,000 рублей слишкомъ, причемъ помѣщеніе училища рассчитано на 120 воспитанниковъ, независимо отъ квартиръ для служащихъ въ немъ. Училище состоитъ изъ трехъ отдѣленій — приготовительнаго, учебнаго и ремесленнаго. Въ первомъ, предназначенномъ для питомцевъ отъ 6-ти до 10-ти лѣтняго возраста, воспитанники готовятся къ дальнѣйшему обученію, по главному образцу развиваются физически и умственно, подлежатъ нравственному воспитанію. Учебное, второе отдѣленіе, существуетъ для возраста отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ, и въ его программѣ входятъ болѣе серьезное обученіе наукамъ и подготовка къ ремесленнымъ занятіямъ. Въ обоихъ этихъ отдѣленіяхъ дѣтямъ преподаютъ Законъ Божій, русскую грамоту, арифметику, географію, исторію Россіи и естественную исторію: повсемому изъ зоологіи, ботаники и минералогіи. Третье отдѣленіе предназначено для профессиональ-

наго образованія учениковъ старшаго возраста отъ 15-ти лѣтъ. Здѣсь изъ ремеселъ обучаютъ: плетенію изъ соломы, тростника, изъ суковныхъ полосокъ или кромокъ, щеточному производству, веревочно-капачному и проч. Воспитанники того и другаго пола дѣлаютъ соломенные половники, сидѣнья для стульевъ, корзины, баулы и разныя мелкія надѣлія изъ соломы, ковры изъ сукна, щетки всевозможныхъ сортовъ и проч. Такъ какъ цѣль ремесленнаго обученія — подготовить воспитанниковъ къ самостоятельному веденію мастерства, то каждый воспитанникъ училища долженъ здѣсь ознакомиться и со способами заготовки, сортировки и подготовки матеріала для работъ, а равно и съ качествами его и цѣнностью. Последніе годы пребыванія своего въ заведеніи ученики работаютъ уже какъ самостоятельные мастера и часть выручки отъ ихъ надѣлій отчисляется въ ихъ пользу. Спеціально женщинъ учатъ здѣсь рукодѣліямъ: вязанью обыкновенному и шнурковъ на вилѣхъ, плетенію кружевъ, шитью (ручному) и т. д.; независимо отъ этого дѣвушки исполняютъ и нѣкоторыя работы мужчинъ: плетенье половниковъ, изготовленіе корзинокъ, щетокъ и проч. И кромѣ того ихъ приучаютъ къ исполненію разныхъ самыхъ необходимыхъ домашнихъ работъ — накрыванію на столъ и уборкѣ со стола, мытью посуды, стиранію пыли, метенію комнатъ, причемъ болѣе взрослыя питомицы стираютъ мелкое бѣлье, подтираютъ и моютъ полы и т. п. Мальчиковъ также приучаютъ къ домашнимъ работамъ, соответственнымъ ихъ полу. Въ училищѣ есть модельная комната, есть и недурная библиотека съ книгами, напечатанными вышуклымъ шрифтомъ. Въ виду постоянно возрастающаго числа грамотныхъ слѣпцовъ и большаго недостатка русскихъ книгъ, напечатанныхъ вышуклыми буквами, Маринское попечительство для прирѣвнѣ слѣпыхъ, независимо отъ печатанія книгъ цунктирнымъ шрифтомъ обыкновеннымъ типографскимъ способомъ, образовало еще въ 1888 году, въ Петербургѣ, кружокъ дамъ-благотворительницъ, которые и приняли на себя безвозмездное печатаніе книгъ для слѣпыхъ ручнымъ способомъ. Этимъ способомъ, весьма нехитрымъ, нынѣ напечатано уже довольно книгъ, которые и сосредоточены въ библиотекѣ Александро-Маринскаго училища. Надо видѣть, съ какою жной радостью злополучные слѣпцы привѣтствуютъ, съ какою глубокой благодарностью принимаютъ каждую такую книгу! Для нихъ чтеніе является самымъ желаннымъ развлеченіемъ. Въ истекшемъ году руководство кружкомъ ручныхъ печатницъ приняла на себя О. П. Кидошенкова, и благодаря ей, дѣло пошло на ладъ. Видѣ воспитанниковъ училища производить прекрасное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что сюда принимаются такіе слѣпцы, т. е. имѣющіе непальчичную слѣпоту на оба глаза, которые не имѣютъ другихъ физическихъ недуговъ и недостатковъ. Издѣлія воспитанниковъ училища славятся хорошими качествами и многія изъ приготовляемыхъ вещей носятъ печать вкуса, изящества. Содержаніе училища вполне обеспечено въ будущемъ, во-первыхъ, процентами съ Высочайше пожалованнаго попечительству неприкосновеннаго капитала въ 1,052,650 рублей и, во-вторыхъ, взносами за ученіе, составляющими 360 руб. въ годъ съ каждаго ребенка. Попечительство уменьшаетъ эту годовую плату до 150 или 75 руб. въ случаѣ надобности, по своему соображенію, а бѣднѣйшихъ дѣтей принимаетъ бесплатно. Попечительство, очень усердно и благотворно работающее подѣ руководствомъ своего председателя, статсъ-секретаря К. К. Грота, владѣетъ еще и Высочайше пожалованной ему Новознаменской дачей по Петергофскому шоссе, откуда и перенесло ризницу и церковную утварь въ перковь училища для слѣпыхъ, въ которой хоръ слѣпыхъ воспитанниковъ приводитъ въ умиленіе своимъ прекраснымъ, задушевнымъ стройнымъ пѣніемъ.

П. Быновъ.

Проектъ храма на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 г. (Рис. на стр. 653).

21 мая текущаго года, въ присутствіи Ея Величества Государыни Императрицы и другихъ Августѣйшихъ Особъ, послѣдовала закладка храма на мѣстѣ событія 17 октября 1888 г., причемъ Ея Императорскому Величеству благоутробно было положитъ первый камень въ основаніе будущаго сооруженія: каменнаго храма Христа Спасителя Преславнаго Преображенія въ память чудеснаго спасенія Государя Императора и всей Августѣйшей Семьи отъ грозившей опасности, часовни и благотворительныхъ учреждений. Нынѣ уже приступлено къ строительнымъ работамъ по сооруженію сего храма, а также и часовни, которая будетъ находиться въ насыпи полотна желѣзной дороги, подѣ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Ихъ Величества и Ихъ Высочества вышли невредимыми изъ-подѣ обломковъ разрушеннаго поѣзда.

На нашемъ рисункѣ, воспроизводящемъ фотографическій снимокъ проекта храма, часовня представлена отдѣльно въ правомъ верхнемъ углу. Проектъ Высочайше утвержденъ 7 февраля 1891 г. Фотографія исполнена въ Харьковѣ Двора Е. И. В. Вел. Кн. Александры Петровны фотографомъ А. К. Федецькимъ.

Путешествіе короля Сербскаго въ Россію.

(Портр. на этой стр.).
Отъездъ Сербскаго короля Александра изъ Бѣлграда въ Россію состоялся при торжественной обстановкѣ. Регенты Белимарковичъ и Протичъ, министры, члены скупщины, государственнаго совѣта и бѣлградское население участвовали въ проводахъ юнаго короля. Всѣ выражали радость по случаю этой побѣдки короля въ родную страну. Улицы и пароходная пристань на Савѣ были разукрашены сербскими и русскими флагами, а на набережной устроены триумфальныя арки. Молодой король сердечно благодарилъ публику, не оставляя палубы сербскаго парохода „Делиградъ“, раскланиваясь съ народомъ и присутствующими савовниками. Публика восторженно кричала русскому посланнику, г. Персианин, „Сретьный путь“ (счастливый)

Прибывъ черезъ Одесу въ Кіевъ, король Сербскій 14 іюля посѣтилъ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ слушалъ обѣдню. Въ 2½ часа пополудни король поѣхалъ на пристань Двѣира и на пароходѣ сдѣлалъ прогулку. Улицы были роскошно убраны сербскими флагами. Народъ встрѣчалъ короля восторженными кликами. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. 15 іюля, въ день празднованія памяти Св. Равноапостольнаго великаго князя Владиміра, король Сербскій и сопровождающія его лица слушали обѣдню въ Софійскомъ соборѣ, а послѣ обѣдни изъ бѣсѣдки надъ обрывомъ берега Двѣира слѣдили за процессіей и крестнымъ ходомъ, шедшимъ отъ верхняго памятника Св. Владиміра къ нижнему памятнику, гдѣ должно было происходить водосвятіе. Когда процессія спустилась къ нижнему памятнику Св. Владиміра, король поѣхалъ туда въ сопровожденіи свиты. 16 іюля утромъ состоялся отъездъ короля Александра въ Москву. По дорогѣ на станцію желѣзной дороги король подробно осматривалъ соборъ Св. Владиміра, гдѣ обратилъ особенное вниманіе на внутреннюю отдѣлку собора, на живопись и мраморныя работы. У входа въ соборъ король былъ встрѣченъ пѣніемъ сербскаго гимна, исполненнаго хоромъ учениковъ городскихъ училищъ. Дѣвочки уснажили Красную дорожку, по которой шелъ король, цвѣтами. Изъ собора король отправился на станцію желѣзной дороги и, сердечно простившись съ сопровождавшими его лицами, сѣлъ въ вагонъ въ 10 час. Станція желѣзной дороги и улицы, по которымъ слѣдовалъ король, убраны были сербскими національными флагами и исполнены народомъ.

Сербскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ прибылъ 15 іюля въ Москву для встрѣчи прибывающаго короля Сербскаго. Ко-

Александръ, король Сербскій. Съ фот. Лейтера, грав. Шюблеръ.

Адмиралъ Жерве.

ролю приготовлены апартаменты Наслѣдника Цесаревича въ Кремлевскомъ дворцѣ.

17 іюля, въ 70-ти верстахъ отъ Москвы, на станціи Лопасня встрѣтили Сербскаго короля начальникъ губерніи и настоятель сербскаго по дворья, архимандритъ Кирилль. Въ 6½ час. вечера Императорскій поѣздъ подошелъ къ Московскому вокзалу при звукахъ встрѣчнаго марша. На разукрашенномъ дебаркадерѣ встрѣтили короля Его Высочество московскій генералъ-губернаторъ, высшія начальствующія лица военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и много публики. Во время обхода фронта почетнаго караула, выставленнаго отъ 12-го гренадерскаго Астраханскаго полка со знаменемъ, музыка исполнила сербскій гимнъ. Отсюда король вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ въ открытомъ придворномъ экипажѣ прослѣдовалъ къ Иверской часовнѣ, и по прибытіи въ Кремлевскій дворецъ, сдѣлалъ визитъ И. И. В. Великому Князю Сергію Александровичу и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Феодоровнѣ, встрѣтившей его

Послѣ обѣда у Ихъ Высочествъ король и Августѣйшій генералъ-губернаторъ съ суругой въ лапдо проѣхали, въ сопровожденіи своихъ свитъ, въ Нескучный садъ. Улицы были иллюминированы. Подъ звуки сербскаго гимна, король, подъ руку съ Великой Княгиней, вошелъ на террасу сада и поздоровался съ ожидавшими тамъ высшими начальствующими лицами и дамами. На временной пристани лхтъ-клуба передъ Нескучнымъ дворцомъ были приглашены къ чаю всѣ присутствующіе лица, причемъ синодальный хоръ исполнилъ нѣсколько концертныхъ пьесъ, заключивъ концертъ сербскимъ гимномъ. 18 іюля, въ 9 час. утра, Сербскій король вышелъ изъ своихъ апартаментовъ въ административный садъ, гдѣ фотографъ Труновъ снялъ портретъ съ его величества и нѣсколько группъ со свиты короля. Короля посѣтилъ Великій Князь Сергіи Александровичъ и вмѣстѣ съ нимъ осматривали Большой Кремлевскій дворецъ, Оружейную палату и древніе терема. Послѣ завтрака король отправился на средне-азиатскую выставку. По осмотрѣ историческаго музея и выставки, король со свитой распечаталъ въ книгѣ музея и отбыли на французскую выставку. Послѣ осмотра, состоялся обѣдъ у Великаго Князя Сергія Александровича въ Петровскомъ дворцѣ. Послѣ обѣда просѣдидъ отъѣздъ ходынскаго лагеря и заря съ церемоніей.

Вечеромъ въ лагерѣ состоялись иллюминація и фейерверкъ.

Прибытіе французской броненосной эскадры въ Кронштадтъ.

(Порт. на 657 и рис. на стр. 660 и 661).

Торжественное всѣми слоями населенія столицы, единогласно пріѣтствуемое всею Россіей, прибытіе французской эскадры въ русскія воды, на которыхъ французскій военный флагъ не развѣвался уже десятки лѣтъ, — событіе глубоко-знаменательное и имѣющее громадное общеевропейское значеніе, какъ всемірное заявленіе дружбы двухъ великихъ націй, въ виду послѣднихъ маневровъ направленной противъ нихъ подпольной и лишь постепенно съ годами обнажавшейся политической интриги, извѣстной подъ названіемъ „тройственного союза“. Такъ это и понято было всею Россіей, и особенно тѣми счастливыми, кому пришлось встрѣчать и принимать дорогихъ гостей. Всеобщій энтузіазмъ и ликования положительно не поддаются перу, и всякое описаніе поневолѣ выходитъ блѣдно и неполно... Давно уже ни для кого не тайна, что судьбы европейскаго мира всецѣло находятся въ рукахъ Россіи и Франціи, и отнюдь не зависятъ отъ того политическаго „сообщества“, которое самозванно присвоило себѣ наименованіе лиги мира. Поэтому, кромѣ понятныхъ каждому русскому, горячихъ симпатій къ представителямъ народа, наиболѣе близкаго намъ по духу, складу ума и характера, изъ всѣхъ ванадо-европейскихъ, Россія въ лицѣ своихъ гостей пріѣтствуетъ первое открытое заявленіе взаимной дружбы между двумя великими націями, открывающее новую эру въ исторіи Европы.

Приготовленія города Кронштадта и эскадры къ встрѣчѣ дорогихъ гостей начались наканунѣ ихъ прибытія, 10 іюля. На ялицо убранной флагами Петровской пристани съ 8 час. вечера пропеходило что-то въ видѣ гулянья, на рейдѣ—необычно-оживленное движеніе мелкихъ судовъ. Городъ былъ декорированъ флагами, какъ въ дни наиболѣе высокотожественныя. Дома утопали во флагахъ, французскихъ и русскихъ, дружно развѣвающихся рядомъ. Особенно великолѣпно разукрасилась часть города, прилежащая къ средней гавани, гдѣ впервые должны были вступить на берегъ наши дорогие гости, а именно, Петровская пристань и паркъ того же имени.

Первымъ встрѣтилъ французскую эскадру въ русскихъ водахъ пароходъ „Силачъ“, посланный, по распоряженію Морскаго министерства, къ южной оконечности острова Готланда, для проводки судовъ дружественной эскадры на большой кронштадтскій рейдъ. Эскадра подошла къ Готланду 10 іюля, около девяти часовъ вечера. Пароходъ „Силачъ“ немедленно приблизился къ флагманскому броненосцу „Marengo“. Наши офицеры были встрѣчены на флагманскомъ суднѣ чрезвычайно радушно, внимательно и любезно.

Утро 11 іюля началось при великолѣпной погодѣ и совершенно безоблачномъ небѣ. Надъ Красной Горкой стоялъ въ воздухѣ привязанный шаръ военнаго министерства. По его сообщенію, передаванному съ Красногорскаго телеграфа, французская эскадра была видна на горизонтѣ уже съ семи часовъ утра. По полученіи извѣстія о ея приближеніи, изъ Кронштадта вышелъ къ Лондонскому малку военный пароходъ „Онега“ съ французскимъ военно-морскимъ агентомъ лейтенантомъ де-Буалло, а также съ капитаномъ 1 ранга Скрыдловымъ, назначеннымъ состоять при контръ-адмиралѣ Жерве на все время пребыванія дружественной эскадры въ нашихъ водахъ. На малкѣ, кромѣ того, поджидалъ эскадру лоцъ-командиръ кронштадтскихъ лоцмановъ капитанъ 1 ранга Деливронъ съ лоцманами, по одному на каждое судно эскадры.

Въ половинѣ одиннадцатаго навстрѣчу эскадры прошли частные пароходы съ публикой: „Котлингъ“ съ канделой Славянскаго, „Викторія“, „Лучъ“ и др., съ оркестрами музыки, и множество мелкихъ пароходиковъ. Встрѣтивъ эскадру у малка восторженными кликами и пропустивъ ее, частные пароходы пошли вслѣдъ за нею обратно къ Малому рейду.

Едва только минный aviso „Lance“ прощесся мимо восторженно настроенной публики и команды военныхъ судовъ, общее вниманіе было обращено на грозные броненосцы французской эскадры, медленно подвигавшіяся къ своему мѣсту якорной стоянки. Ценоухіе ни на русскіе, ни на вѣмецкіе броненосцы, суда эти, окрашенные въ ровный сѣрый цвѣтъ, кажутся пловучими гранитными скалами съ вѣчающими ихъ твердыми башенъ. Эскадра шла въ строѣ кильватерной колонны. Впереди величественно подвигался громадный „Marengo“, подѣ контръ-адмиральскимъ флагомъ. Въ кильватеръ ему слѣдовали: колоссальный броненосецъ „Marseau“, затѣмъ броненосцы „Requin“, „Furieux“ и, наконецъ, крейсеръ „Surcouf“. Минноосцы №№ 128 и 129 шли по обѣимъ сторонамъ линіи. Въ 11 ч. 50 м. утра раздался съ „Marengo“ салютъ старшему на рейдѣ начальнику практической эскадры, вице-адмиралу Казнакову, съ выдающеюся морскою любезностью — съ подъемомъ кливера, а также русскаго военнаго флага на форъ-брамъ-стенгѣ. Фрегатъ „Герцогъ Эдибургскій“ отвѣчалъ подобнымъ же пріѣтствіемъ съ подъемомъ французскаго флага на той же форъ-брамъ-стенгѣ. Въ этотъ моментъ французскія суда были еще почти въ десяти верстахъ разстоянія отъ Кронштадта; тѣмъ не менѣе осталась масса пассажирскихъ пароходовъ полетѣла навстрѣчу, при-

чемъ каждое отдѣльное судно дружественной эскадры было встрѣчаемо столь же восторженно, единодушно и сердечно, какъ встрѣченъ былъ „Lance“. Французскіе моряки съ энтузіазмомъ отвѣчали на искреннія пріѣтствія „русскаго народа“. „Ура“, „vive la France“ и „vive la Russie“ гремѣло, не смолкая ни на минуту. Всѣ махали фуражками и платками. Вообще общая картина встрѣчи французской эскадры была поразительная. Броненосцы и крейсеры „Surcouf“ прошли мимо своего флагмана и стали занимать, при несмолкаемыхъ крикахъ „ура“, предназначенныя имъ мѣста, на линіи противъ русскихъ броненосцевъ, въ шахматномъ съ ними порядкѣ. Музыка гремѣла не переставая, то на русскихъ военныхъ, то на французскихъ судахъ, то на пассажирскихъ пароходахъ. Послѣднимъ, около 4-хъ часовъ пополудни, занялъ свое мѣсто „Marengo“, долго борovníйся съ мелководьемъ. Съ отдачей якоря на его гротъ-брамъ-стенгѣ звякнулъ русскій военный флагъ и одновременно раздался салютъ нации. Отвѣчали на салютъ съ купеческой стѣнки равнымъ числомъ выстрѣловъ съ подъемомъ французскаго національнаго флага на флагштокѣ, поставленномъ у внутренней брадвахты. Какъ только окончился обмѣлъ національныхъ салютовъ, контръ-адмиралъ Жерве немедленно сдѣлалъ визитъ вице-адмиралу Казнакову и затѣмъ отправился въ Среднюю гавань, чтобы сдѣлать визитъ главному командиру порта вице-адмиралу Шварцу. На Петровской пристани, едва только онъ вышелъ, при звукахъ Марсельезы, ему былъ поднесенъ маленькою дѣвочкой букетъ цвѣтовъ. Остальныя дѣвочки, числомъ до пятидесяти, ожидали адмирала съ букетами вдоль пути его слѣдованія къ экипажамъ, причемъ осыпали дорогу цвѣтами. Собранный народъ встрѣтилъ и провожалъ адмирала Жерве громовымъ, единодушнымъ, восторженнымъ „ура“. Слѣвъ въ приготовленный экипажъ (тройка) со своимъ адъютантомъ лейтенантомъ Le-Pord, военно-морскимъ агентомъ лейтенантомъ Буалло и адъютантомъ штаба кронштадтскаго порта капитаномъ 2-го ранга Максимовымъ, контръ-адмиралъ Жерве, видимо глубоко проникнутый встрѣчей, прослѣдовалъ на дачу главнаго командира при восторженныхъ кликахъ собравшейся въ Петровскомъ паркѣ публики.

Адмиралъ Жерве скорѣе возвратился на „Marengo“, вслѣдствіе полученнаго имъ приглашенія быть въ тотъ же день на обѣдѣ у французскаго посла въ Петербургѣ, куда онъ отправился въ 7-мъ часу пополудни на своей миноносцѣ.

Высокій, сухощавый, необыкновенно подвижной, адмиралъ Жерве (Альфредъ-Альберъ) производитъ чрезвычайно хорошее впечатлѣніе. Паружность его весьма симпатична; держитъ онъ себя очень скромно и выстѣпъ съ тѣмъ въ высшей степени пріѣтливо. Несмотря на свои 54 года (родился 19 декабря 1837 г.), адмиралъ Жерве глдитъ молодцомъ. Блестящіе, живые глаза горятъ почти юношескимъ огнемъ. Прослуживъ почти сорокъ лѣтъ (съ 1852 года) на палубахъ военныхъ кораблей, онъ сохранилъ удивительную бодрость духа и рѣдкую энергію. Морская его карьера отличается особеннымъ блескомъ. Первый офицерскій чинъ (гардемариискій) адмиралъ получилъ на семнадцатомъ году; двадцати лѣтъ онъ былъ мичманомъ, а въ лейтенанты произведенъ только въ 1862 году, двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Въ этомъ трудномъ чинѣ адмиралъ Жерве пробылъ всего девять лѣтъ (произведенъ въ капитаны 2-го ранга въ 1871 году); во французскомъ флотѣ сдѣлать въ лейтенантскомъ чинѣ отъ 15 до 20 лѣтъ. Въ 1879 году адмиралъ Жерве получилъ чинъ капитана 1-го ранга, а въ 1887 г. произведенъ въ контръ-адмирала, съ назначеніемъ начальникомъ главнаго штаба и директоромъ кабинета морскаго министра.

Вицъ-мундиры французскихъ моряковъ очень красивы, ихъ сабли на золотыхъ съ синимъ просвѣтомъ поясахъ португалецъ очень похожи на наши флотскіе налани. Треугольная шляпа контръ-адмирала Жерве украшена чернымъ плюмажемъ.

Костюмъ французскихъ матросовъ надали кажется совершенно одинаковымъ съ нашимъ (синія рубашки и черные панталоны), тѣмъ болѣе, что они носятъ теперь, какъ и наши, бѣлые чехлы на шапкахъ.

Французскія суда, пришедшія въ нашъ портъ, значительно отличаются, по внѣшнему виду, отъ судовъ русской эскадры, расположенной на томъ же Большомъ рейдѣ. Прежде всего бросается въ глаза иная окраска бортовъ. Французскія суда, выкрашенныя въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ, несомнѣно заумляютъ шегольскимъ состояніемъ бортовъ, отливающихся при солнцѣ стальнымъ блескомъ.

Флагманскій броненосецъ „Marengo“ хотя и не принадлежитъ къ современнымъ судамъ (построенъ въ 1868 году), но тѣмъ не менѣе онъ можетъ считаться очень серьезнымъ врагомъ, благодаря своей сильной артиллеріи (30 пушекъ разнаго калибра), миному вооруженію (4 аппарата) и солидной броневой защитѣ. Обладая грознымъ тараномъ и двумя выштами, „Marengo“ долженъ быть причисленъ къ весьма серьезнымъ врагамъ, особенно во время эскадреннаго боя,

когда силы противников значительно уравниваются. „Marengo“ обладает превосходными морскими качествами и положительно незаменим при блокадах и для боя в открытом морѣ въ свѣжую погоду.

Другой колоссальный броненосецъ „Marsen“, наиболее грозный представитель французскаго флота. Въ судно это вложено все наиболее современное, какъ въ техническомъ, такъ и въ боевомъ отношеніяхъ. Самая постройка этого гиганта въ 10,600 тоннъ далась французскимъ корабельнымъ инженерамъ съ большимъ затрудненіемъ. Они сооружали и изготовляли его къ плаванію въ теченіе десяти лѣтъ. Рапгоугъ „Marsen“ состоитъ изъ трехъ стальныхъ мачтъ большого діаметра съ трапами внутри и съ боевыми марсами, предназначенными для стрѣлковъ и установокъ скорострѣльной артиллеріи. А такихъ орудій на „Marsen“ четыре, и притомъ расположенныхъ въ отдѣльныхъ барбетныхъ башняхъ (одна на носу, другая въ кормѣ и двѣ по бокамъ) такъ удобно, что броненосецъ можетъ въ каждый данный моментъ обстрѣливать любую точку горизонта разомъ изъ трехъ орудій: громадное преимущество въ бою. Эти боевыя машины приводятся въ движеніе гидравлическими аппаратами. Три человека могутъ дѣйствовать гигантскими пушками совершенно свободно: онѣ повинуется имъ, точно оживленные существа. Кроме упомянутыхъ гигантско-пушекъ, на „Marsen“ поставлено семнадцать 14-ти-сантиметровыхъ (5,5 дм.) въ батарейной палубѣ, восемь скорострѣльныхъ 47-миллиметровыхъ орудій, разставленныхъ на мостикахъ, и десять револьверныхъ пушекъ, размѣщенныхъ преимущественно на боевыхъ марсахъ.

Эскадренный броненосецъ II класса „Requin“. Корпусъ построенъ изъ желѣза и стали; длина 85,3 метра, ширина 18 метровъ, скорость судна 14,22 узла при естественной тягѣ. Орудій: 2—42-сантим., поставленныхъ въ башняхъ, 4—10-сантим., размѣщенныхъ по бортамъ на выступахъ, 2—65-мм., 3—47-мм. и десять револьверныхъ, расположенныхъ на боевыхъ марсахъ и мостикахъ.

Прибрежный броненосецъ „Furieux“. Корпусъ построенъ изъ желѣза и стали, длина 72,55 метра, ширина 17,72 метра. Артиллерія: 2—34-сантим. орудія, поставленныхъ въ башняхъ, прикрытыхъ броней въ 45-сант. толщины, 5—45-мм. орудій Гочкиса и 10 револьверныхъ пушекъ.

Слѣдующее судно французской эскадры, крейсеръ III-го класса „Surcouf“ прежде всего поражаетъ зрителя своимъ чрезвычайно длиннымъ корпусомъ, а также изящными обводами всѣхъ линій, какъ носовыхъ, такъ и бортовыхъ. 3-хъ-мачтовый, имѣетъ два трехъ-лопастныхъ винта. „Surcouf“ принадлежитъ къ числу превосходнѣйшихъ ходяковъ всего міра: онъ дѣлаетъ свободно 20 узловъ въ часъ при усиленной тягѣ. Корпусъ его, построенный изъ стали, отличается значительною легкостью.

Миноносецъ авизо „Lance“, построенъ изъ стали; длина 59,2 метра, ширина 6,73 метра, имѣетъ 3 мачты одноподвертки съ косыми парусами. Артиллерія: 7 орудій—изъ нихъ 4—4,7 сантим. и 3 револьверныя пушки. Скорость авизо 18 узловъ.

Двѣ миноноски №№ 128 и 129, въ 80 тоннъ каждая, съ 22 человеками экипажа при каждой миноносцѣ, подъ командою лейтенантовъ Риду и Жирардъ-ли-Барсерри.

Утро 12 іюля прошло въ многочисленныхъ визитахъ, сдѣланныхъ, какъ французскимъ начальствующимъ лицамъ, такъ и этимъ послѣднимъ различнымъ представителямъ портовой администраціи и городского самоуправленія. Обѣдъ у главнаго командира порта прошелъ оживленно. Надъ входною дверью красовалась надпись: „Soyez les bienvenus“. Первый тостъ предложилъ главный командиръ за здоровье президента Карно. При окончаніи тоста, напротивъ адмирала Жерве появилась лревая электрическая надпись: „Vive la France!“ Тостъ принятъ воодушевленно, музыка играла „Марсельезу“. Адмиралъ Жерве былъ тронутъ и заявилъ, что крайне желалъ бы появленія рядомъ другаго клика: „Vive la Russie!“ Второй тостъ предложилъ адмиралъ Жерве за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы, всего Императорскаго Дома и просилъ почтить этого тостъ единодушнымъ „ура“. Раздалось единодушное, восторженное, долго несмолкавшее „ура“ при звукахъ гимна „Боже, Царя храни!“ На тостъ за нашихъ друзей французскихъ моряковъ и ихъ представителя адмирала Жерве, адмиралъ, въ почувствованныхъ выраженіяхъ, горячо благодарилъ за всѣ выраженныя французскимъ морякамъ симпатіи, несомнѣнно относящихся также къ самой Франціи, благодарилъ „за дружбу и оваціи“. „Я нахожусь точно въ сновидѣніи“, продолжалъ адмиралъ. — „Насъ осыпаютъ горячими симпатіями и усыпаютъ въ Россіи путь цвѣтами. Я счастливъ, что имѣю, въ свою очередь, возможность выразить Россіи отъ лица Франціи глубочайшія симпатіи и предложить тостъ за братство русскихъ моряковъ. Да здравствуютъ русскіе моряки!“

13 іюля состоялся Высочайшій осмотръ французской эскадры. Въ 9 час. утра изъ Петергофа вышли Императорскія яхты „Царевна“ и „Александрія“ и направились на Кронштадтскій рейдъ. Въ половинѣ десятаго начался первый салютъ ихъ штабдартамъ на Маломъ рейдѣ съ крейсера „Азія“. На яхтѣ „Царевна“ находились Ихъ Величества Государь Императоръ,

Государыня Императрица и Королева Греческая Ольга Константиновна, Ихъ И. В. Вел. Князь: Генераль-Адмиралъ Алексѣй Александровичъ, Георгій и Михаилъ Александровичи и Вел. Кн. Ксенія Александровна. На яхтѣ „Александрія“ находились Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ и другія особы Имп. фамиліи. Всѣ суда на рейдахъ съ утра расцвѣтились флагами, въ кронштадтскихъ гаваняхъ также зацвѣрили гирляндами флаговъ всѣ коммерческія суда. Погода стояла прекрасная, солнечная. Около 10 часовъ загремѣлъ салютъ на Большомъ рейдѣ, съ судовъ, съ купеческой стѣнки и крѣпостей. На судахъ какъ русской, такъ и французской эскадръ, команды стояли во фронтѣ и по реямъ.

Ихъ Величества сошли съ яхты „Царевна“ на гребную баржу, которая подъ двумя штабдартами Государя Императора и Королевы Греческой подошла къ французскому адмиральскому кораблю „Marengo“.

Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества взошли на корабль „Marengo“, гдѣ встрѣтили Государя Императора адмиралъ Жерве и командиръ съ рапортами. Музыка играла „Боже, Царя храни“. Ихъ Величества осматривали корабль и пробыли на немъ 25 минутъ; затѣмъ, на катерѣ подъ двумя штабдартами, Ихъ Величества съ французскимъ адмираломъ Жерве отошли отъ корабля и направились къ броненосцу „Марсо“. „Marengo“ салютовалъ при сѣздѣ Ихъ Величествъ. Императорская яхта отвѣчала на салютъ. Въ 11 час. 25 м. дня Ихъ Величества вступили на бортъ „Марсо“, на которомъ, послѣ встрѣчи, было произведено артиллерійское ученье, т. е. поворотъ башни и орудій.

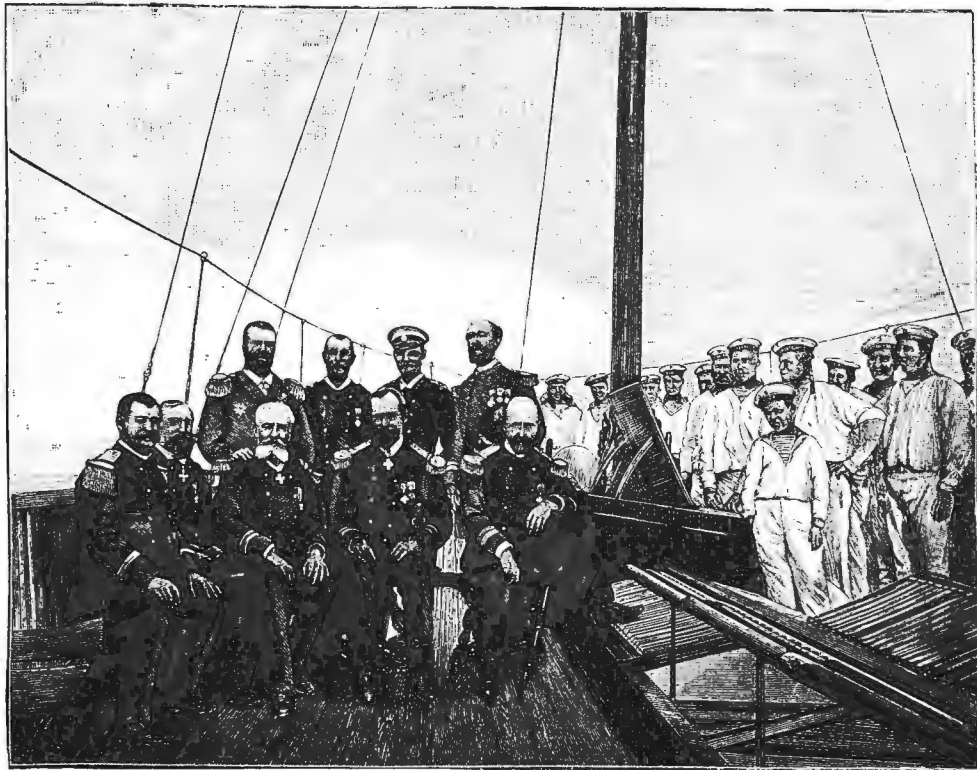
Государь Императоръ пробылъ на броненосцѣ 20 минутъ. Когда катеръ съ Ихъ Величества отошелъ отъ броненосца, гребцы на катерѣ взяли весла на валежъ и кричали „ура“. На броненосцѣ былъ произведенъ салютъ съ одного борта. При громѣ салюта, Ихъ Величества подошли къ яхтѣ „Держава“, гдѣ былъ спущенъ вымпелъ и подняты штабдарты. „Держава“ произвела отвѣтный салютъ. Вскорѣ на яхтѣ были подняты сигналы: Государь Императоръ приглашаетъ адмираловъ и командировъ, и команда имѣетъ время обѣдать. На яхтѣ „Держава“ послѣдовалъ Высочайшій завтракъ, по окончаніи котораго Ихъ Величества на яхтѣ „Царевна“ при грохотѣ салюта отправились въ Петергофъ.

Въ семь часовъ вечера состоялся въ кронштадтскомъ Морскомъ собраніи въ честь дорогихъ гостей, французскихъ моряковъ, блестящій по обстановкѣ и незабвенный по оживленію обѣдъ. Адмирала Жерве встрѣтили при входѣ въ соборніе старшины послѣдняго почти въ полномъ составѣ и свыше пятисотъ человекъ членовъ и постоянныхъ гостей, собравшихся чествовать французскихъ моряковъ. Передъ каждымъ приборомъ лежали большія меню и музыкальныя программы, художественно (и притомъ безвозмездно) нарисованныя Карзинными. Французскіе моряки чувствовали себя какъ дома, и вскорѣ завязали съ собесѣдами, русскими моряками, самую радужную бесѣду. Передъ шампанскимъ оркестръ Главача исполнилъ превосходный торжественный маршъ „Привѣтъ французамъ“, написанный Главачемъ по случаю прибытія въ Кронштадтъ дружественной эскадры. Присутствовавшие на обѣдѣ потребовали повторенія его нѣсколько разъ при громѣ единодушныхъ рукоплесканій. Когда розлили шампанское, послѣ предложеннаго главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта вице-адмираломъ Шварцемъ тоста за здоровье французскаго президента Карно, контръ-адмиралъ Жерве предложилъ тостъ за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы и за весь Царствующій Домъ. Народный гимнъ былъ повторенъ, по требованію присутствовавшихъ на обѣдѣ, нѣсколько разъ и, въ концѣ-концовъ, вся масса зашла, какъ одинъ человекъ, „Боже, Царя храни!“ Общее восторженное настроеніе дошло до неопредѣлимыхъ предѣловъ. Контръ-адмиралъ Жерве благодарилъ за горячія симпатіи, питаемыя русскими моряками къ французскимъ товарищамъ, и заключилъ свою рѣчь словами: „Я долженъ сказать, что еще большія симпатіи питаетъ весь Французскій народъ къ великому Русскому народу. Взаимныя симпатіи этихъ двухъ дружественныхъ націй неразрывны и безграничны... Вотъ почему я рѣшаюсь предложить тостъ“, закончилъ свою горячую рѣчь адмиралъ Жерве, „за братство между Россіей и Франціей... Ура!“ Этотъ тостъ вызвалъ новый общій восторженный, громогласныхъ кликовъ.

14 іюля, французскихъ моряковъ чествовалъ обѣдомъ на крейсера „Азія“ Е. И. В. Генераль-Адмиралъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Столы были сервированы на верхней палубѣ, подъ роскошно убранной палаткой, при блестящей обстановкѣ. Шатеръ этотъ положительно напоминалъ что-то сказочное, необычайное. Онъ тонулъ въ цвѣтахъ, изицію и художественно подобранныхъ въ три цвѣта: синій, бѣлый и красный. Въ одномъ концѣ шатра былъ сооруженъ дивный каскадъ, освѣщенный невидимыми электрическими лампочками такъ, что казалось льется непрерывная струя трехцвѣтнаго французскаго флага. Каскадъ фантастически остервенъ сверху цвѣточною пирамидой, одна сторона которой синія, другая — бѣлая и третья — красная. Вообще весь шатеръ напоминалъ вѣчно чудесное изъ сказочныхъ описаній тысячи одной ночи. Обѣдъ прошелъ чрезвычайно оживленно, съ цѣлымъ

Командиры французской броненосной эскадры.

рядомъ обыч-
ныхъ тостовъ:
за французскаго
президента Кар-
но (предложенъ
Августѣйшимъ
хозяиномъ обѣ-
да), за Ихъ Им-
ператорскихъ
Величествъ
(предложенъ
контр-адмира-
ломъ Жерве),
за французскій
флотъ и моря-
ковъ и за здо-
ровье Августѣй-
шаго Генераль-
Адмирала Алек-
сандра Алексан-
дровича. Во вре-
мя обѣда игралъ
хоръ гвардей-
скаго экипажа.
Блестящее
празднество, не
смотря на дур-
ную погоду, за-
тянулось почти
до полночи.
Всѣ приглашен-
ные возврати-
лись домой до-
вольно поздно,
особенно лица,
прибывшія изъ
Петербурга. Что
касается Вели-
каго Князя
Александра
Александровича,
то
Его Высочество
позволилъ оста-
ться ночевать на
крейсере „Азія“,
въ виду назначен-
наго на другой
день завтрака,
въ 12 1/2 часа
послѣ полудни
на броненосецъ
„Marengo“, у
начальника фран-
цузской эскадры
контр-адмирала
Жерве.

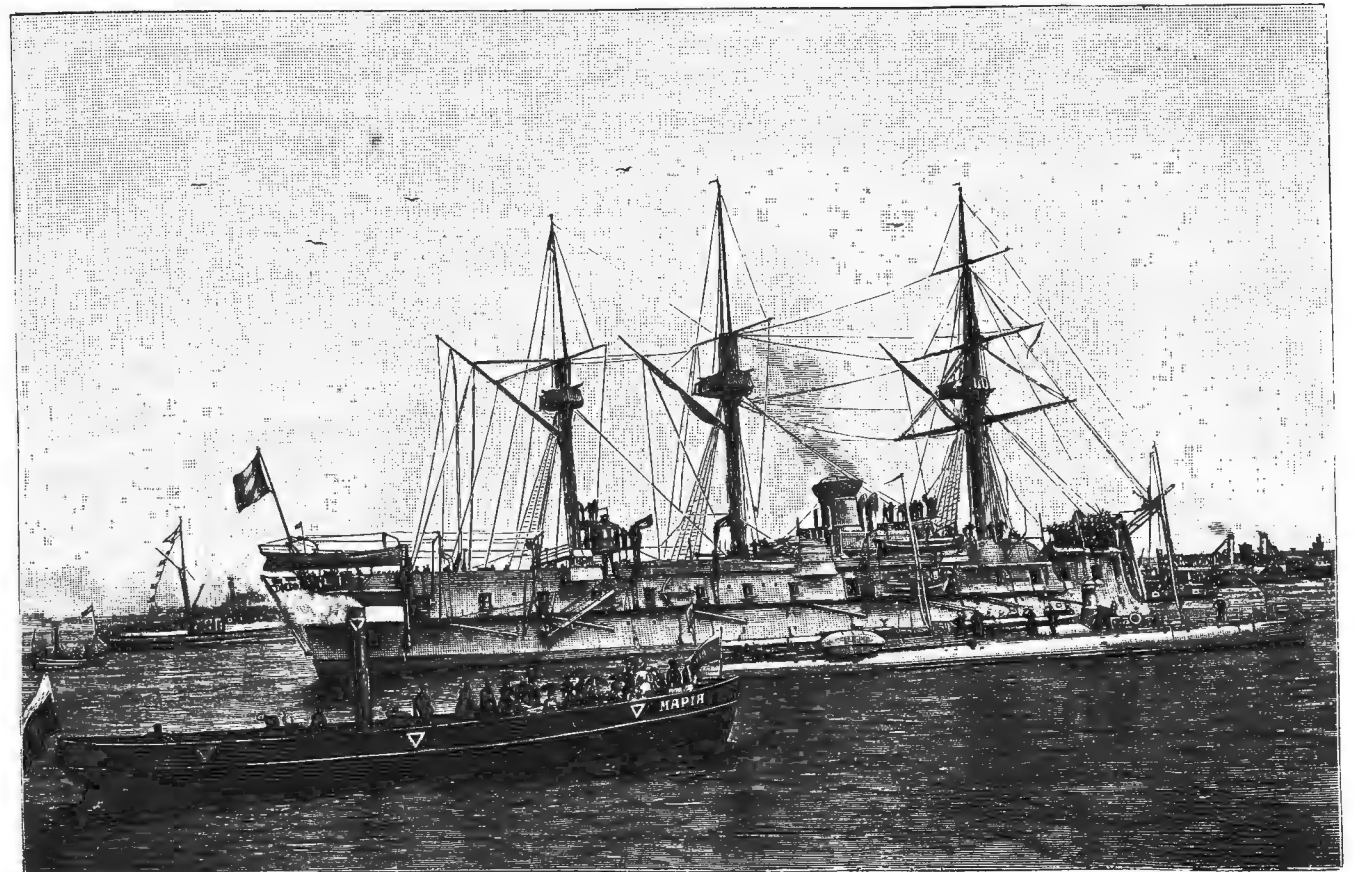

1. Лейт. Сень-Люкъ. 2. Веронъ. 3. и 1 р. Сирьдлоуъ. 4. Венсно. 5. де ла Барсери. 6. и 2 р. Сиверсъ.
7. Куржоль. 8. Ингуфъ. 9. Де-Пенфентень. Съ фот. Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

Его Высоче-
ство Великій
Князь Алексѣй
Александровичъ
прибылъ
на броненосецъ
„Marengo“ съ
крейсера
„Азія“, въ поло-
винѣ перваго ча-
са послѣ полудни
на гребной баржѣ,
шедшей на бук-
сирѣ, вслѣдствіе
вѣжей погоды,
находа „Рыб-
ка“. Адмиралъ
Жерве встрѣ-
тилъ высокога
гостя на трапѣ
со шлюпой въ
рукавѣ. Какъ толь-
ко
Его Высоче-
ство вступилъ
на трапъ, коман-
да вновь крик-
нула „ура“ и въ
тотъ же моментъ
раздались вели-
чественные зву-
ки русскаго на-
ціональнаго
гимна, испол-
неннаго судо-
выми хоромъ
музыки.

Роскошный,
изящно и пре-
красно серви-
рованный за-
втракъ состоя-
лся

на громадномъ ютѣ броненосца, обтанутомъ со всѣхъ сто-
ронъ разноцвѣтными флагами. Сверху ютѣ былъ прикрытъ тен-
томъ. По обѣ стороны входа въ гигантскую палатку, внутри
ей, красовались двѣ группы флаговъ: по одной сторонѣ высил-

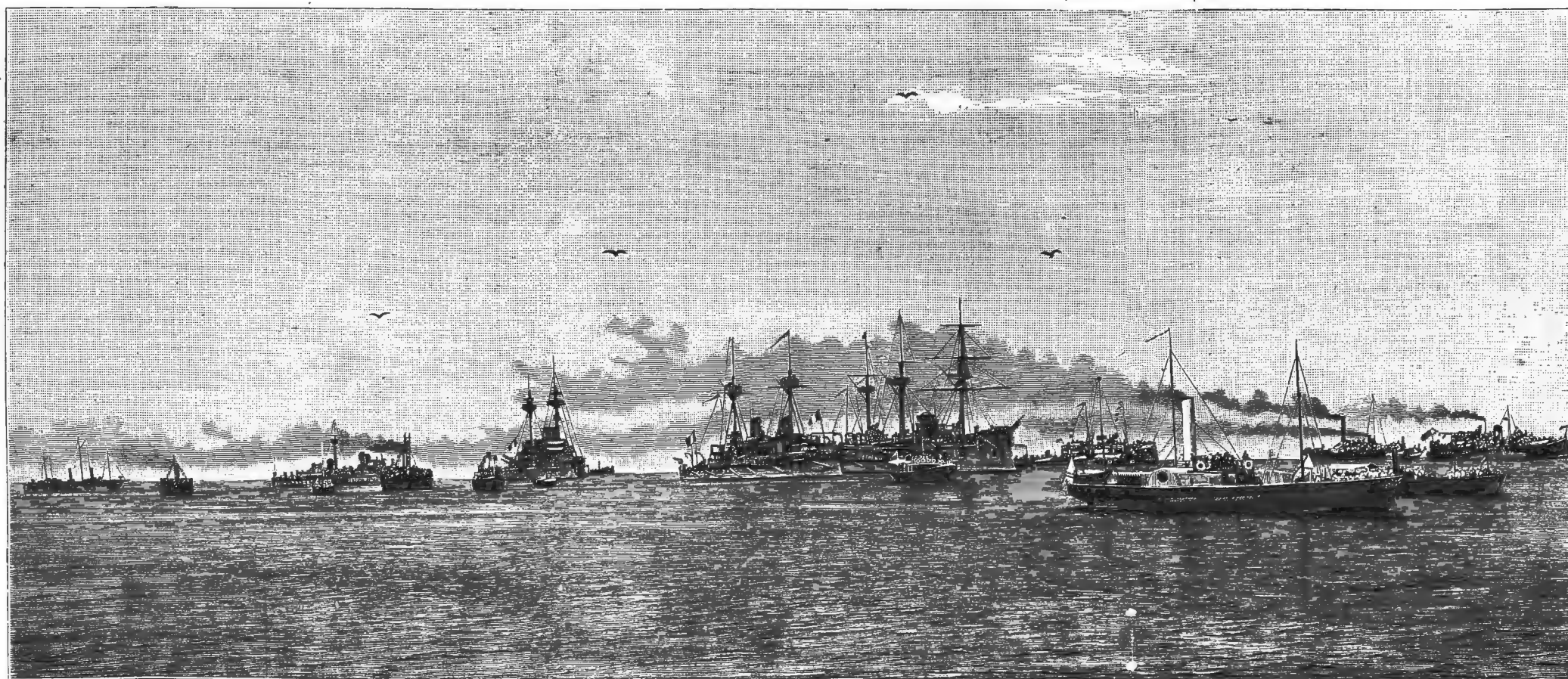
Эскадренный броненосецъ Маренго.

Минносонецъ № 128.

Французская броненосная эскадра въ Кронштадтѣ. Съ фотогр. Карбини, грав. Рашевскій.

ся русскій военный флагъ между двумя французскими, а по дру-

гой сторонѣ—фран-
цузскій флагъ ме-
жду двумя русскіи.
Этими комбина-
ціями какъ бы ал-
легорически изображалась сердечная, дружественная связь, су-
ществующая между двумя великими націями: французскою и рус-
скою. Завтракъ былъ сервированъ на трехъ отдѣльныхъ столахъ.
У средняго занялъ почетное мѣсто Великій Князь Алексѣй
Александровичъ. Какъ только разлили шампанское, контр-
адмиралъ Жерве предложилъ тостъ за здоровье Государя Им-

Surocou (Фюръ) Ингуфъ.

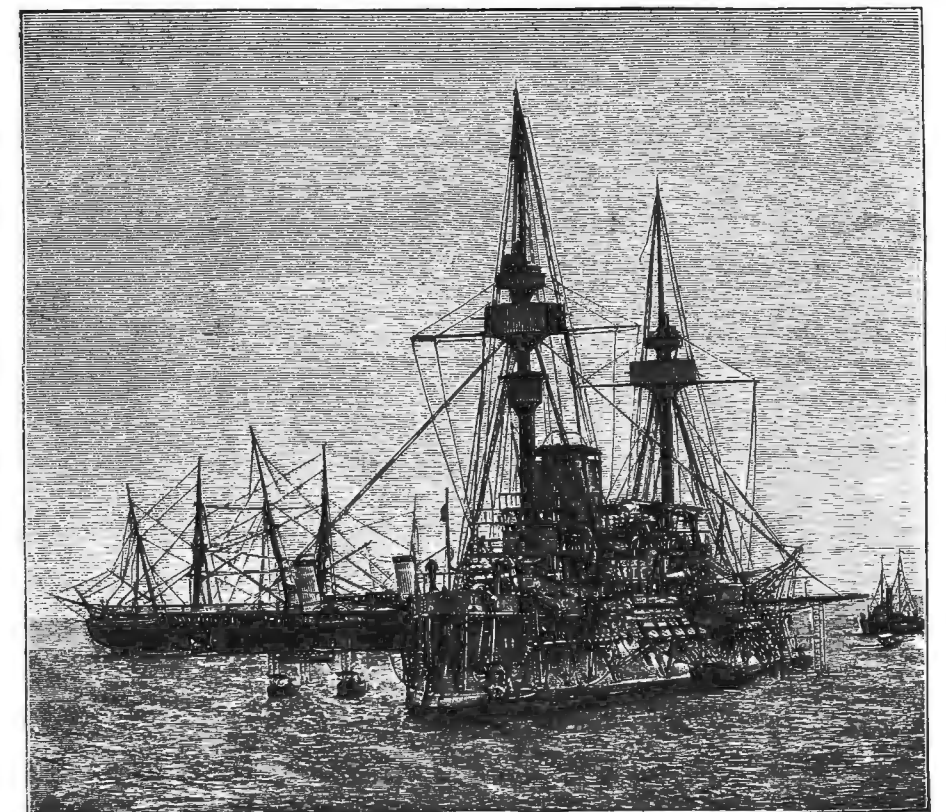
Furieux (Фюръ) Де-Пенфентень. Marsou (Марсо) Веронъ.

Requin (Рѣнъ) Венсно.

Marengo (Маренго) Куржоль.

Онега

Французская броненосная эскадра въ Кронштадтѣ. Съ фотогр. А. Н. Ренца и Шрадера (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Эскадренный броненосецъ I класса Марсо. Съ фот. Ренца и Шрадера, грав. Шюблеръ.

ператора и Государыни Императрицы, причѣмъ отъ имени французской націи и флота душевно пожелалъ Ихъ Величествамъ честь, долгую жизнь и славу. По объявленіи этого тоста, хоръ судовой музыки исполнилъ гимнъ „Боже, Царя храни“, выслушанный всѣми присутствовавшими стоя. Второю тостъ изволилъ предложить Великій Князь Алексѣй Александровичъ, за здоровье президента французской республики Карно, послѣ чего поблагодарилъ за чувства, только что высказанныя контръ-адмираломъ Жерве. „Чувства эти я цѣню“, закончилъ свою рѣчь Августѣйшій Генералъ-Адмиралъ, „потому, что они несомнѣнно, совершенно искренни“. Далѣе Его Высочество высказалъ свое уваженіе къ блестящему французскому флоту, за благосостояніе котораго и выпилъ бокалъ шампанскаго. Адмиралъ Жерве, не садясь, тотчасъ же отвѣчалъ и предложилъ выпить за здоровье Великаго Князя, Августѣйшаго представителя русскаго флота. „Славный флотъ этотъ, продолжалъ адмиралъ Жерве свою прекрасную рѣчь,—уже достаточно увѣчанъ лаврами, но я увѣренъ, что, подъ руководствомъ Вашего Высочества, онъ прибавитъ къ прежнимъ лаврамъ новыя!“

Изъ-за столовъ встали въ три часа пополудни и всѣ гости были приглашены въ адмиральское комфортабельное помѣщеніе, гдѣ имъ былъ предложенъ кофе. Въ исходѣ четвертаго часа Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ изволилъ оставить „Maigengo“.

15 іюля чествовалъ французскихъ моряковъ городъ въ Коммерческомъ собраніи, роскошно убранномъ флагами, зеленью и цвѣтами. Масса собравшагося передъ домою народа встрѣтила французскихъ моряковъ долго неумолкавшимъ „ура“. Послѣ обычныхъ тостовъ адмиралъ Жерве выпилъ бокалъ за Кронштадтъ, „твердыню русскаго флота“, и затѣмъ сказалъ приближенно слѣдующее: „И не забывай и всегда буду помнить тѣ цвѣты, которыми ваши дѣти уснажили мои первые шаги по русской землѣ. Въ нашихъ сердцахъ навсегда запечатлѣлся привѣтъ эскадры русскаго народа... Но мы не смѣемъ принять всѣ эти почти царскія почести исключительно на свой счетъ... Несомнѣнно, онѣ относятся къ дорогой намъ Франціи, воздаются ей. Мы хорошо сознаемъ это, и наша родина отлично понимаетъ это. Заявляю отъ имени Французской націи, что она проникнута глубокой симпатіей къ Россіи, она питаетъ къ вашей великой странѣ чувства неизгладимой дружбы. Взаимная дружеская связь между Россіей и Франціей была раньше, она есть и, я увѣренъ, сохранится навсегда!“

16 іюля, въ 7 ч. веч., состоялся въ Петергофскомъ Большомъ Дворцѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, обѣдъ. Въ началѣ шестаго часа французскіе гости прибыли изъ Кронштадта на пароходѣ „Петербург“, одновременно пришелъ экстренный поѣздъ съ приглашенными изъ С.-Петербурга. Обѣдъ сервированъ былъ въ Петровской залѣ, на четыре стола. Высочайшій столъ расположенъ былъ покоемъ. На обѣдъ были приглашены: начальникъ французской эскадры контръ-адмиралъ Жерве, начальникъ морскаго штаба Мерло-Понти, штабъ и командиры французскихъ судовъ, а также старшіе офицеры, французское и греческое посольство, свита Государя Императора, равно какъ высшее морское начальство, командиры Императорскихъ яхтъ и русскіе судовъ, стоящихъ на Кронштадтскомъ рейдѣ. Всѣхъ приглашенныхъ было 150 человекъ. Во время обѣда Государь Императоръ поднималъ бокалъ: „за здоровье президента республики Карно, за процвѣтаніе французскаго флота и въ особенности за эскадру адмирала Жерве“. Оркестръ исполнилъ французскій національный гимнъ.

17 іюля, въ 9 часовъ вечера, въ Петербургѣ состоялся раутъ въ Городской Думѣ въ честь французскихъ моряковъ. Огромная толпа народа, собравшаяся около зданія Думы, по обѣ стороны Невскаго проспекта и Перинной линіи, привѣтствовала ихъ при стѣдѣ кликами „ура“, не прекращавшимися на улицѣ во все время пребыванія офицеровъ эскадры на раутѣ. Празднество, которымъ ихъ чествовалъ городъ, отли-

чалось торжественностью обстановки и большимъ оживленіемъ. Гостей встрѣчали городской голова и члены управы на украшенной зеленью и цвѣтами лѣстницѣ. Большая Александровская зала, также превращенная въ цвѣтникъ, была украшена бюстомъ президента Франціи г. Карно, русскими и французскими цитами и флагами. Огромный бюстъ Государя Императора былъ установленъ въ смежномъ залѣ канцелярціи, превращенномъ въ роскошную гостиную. На галереѣ залы, переполненной зрителями, игралъ оркестръ пожарной команды. Въ глубинѣ залы, передъ портретомъ Государя Императора, на эстрадѣ былъ установленъ столъ, на которомъ были разложены ящики съ серебряными вещами, поднесенными судамъ французской эскадры и ея офицерамъ; тутъ были 8 серебряныхъ братинъ, предназначенныхъ для каютъ-кампаней судовъ эскадры, серебряная кружка, покрытая разноцвѣтною эмалью, предназначенная для адмирала эскадры Жерве, 5 серебряныхъ позолоченныхъ стопокъ для начальника штаба эскадры г. Понти и командировъ французскихъ броненосцевъ, 10 серебряныхъ стакановъ для командировъ остальныхъ судовъ эскадры и чиновъ ея штаба, и много серебряныхъ стакановъ для остальныхъ офицеровъ эскадры. Братинны, одного образца, имѣютъ форму ведра съ крышкою. Особенно изящна кружка, поднесенная адмиралу Жерве. Крышка и дно ея слѣланы изъ прозрачной эмали и украшены государственнымъ гербомъ. На всѣхъ сосудахъ вырѣзаны надписи: „Souvenir cordial de la ville de St. Pétersbourg à (фамилія)“.

Городской голова, В. Н. Лихачевъ, съ обычнымъ краснорѣчіемъ, которое на этотъ разъ было проникнуто горячимъ чувствомъ и сознаніемъ глубокаго значенія минуты, произнесъ блестящую рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ:

„Твердо надѣмся, что эта искренняя, взаимная и безкорыстная дружба не только послужитъ на пользу двумъ великимъ народамъ, но и вообще будетъ имѣть благотворное вліяніе, ибо стремятся только къ истинѣ въ правѣ и къ мирному преуславію. Говорятъ, что маленькіе подарки поддерживаютъ большую дружбу. Позвольте-же столицѣ Россіи, сердечно желающей, чтобы наша дружба была продолжительна и крѣпка, поднести каждому изъ судовъ, входящихъ въ составъ сѣверной броненосной эскадры, по братинѣ, на память дружескаго посѣщенія Россіи этою эскадрою. „Brat" veut dire en russe—frère, „bratina" veut dire—coupe de fraternité. Изъ братины, обходившей въ круговую, въ старину шли всѣ члены семьи, всѣ истинные друзья“.

Рѣчь головы была покрыта рукоплесканіями и криками „браво“ Оркестръ заигралъ „Марсельезу“, затѣмъ, по требованію гостей, „Боже, Царя храни“. Послѣ этого контръ-адмиралъ Жерве отвѣтилъ горячею рѣчью. Поданное велѣдъ затѣмъ шампанское было розпито на эстрадѣ изъ двухъ братинъ, и это зрѣлище вызвало всеобщее одушевленіе. Послѣдовалъ тостъ за здоровье Государя Императора, предложенный г. Лабулэ, принятый восторженно. Голова провозгласилъ тостъ за президента Франціи г. Карно и, въ отвѣтъ на тостъ г. Жерве за „городъ Петербургъ“, предложилъ тостъ за „лучшій городъ въ мірѣ — Парижъ“. Вслѣдъ затѣмъ гостямъ былъ предложенъ чай и угощеніе. Посреди ужина явились депутаты отъ собравшейся передъ зданіемъ Думы народной толпы съ хлѣбомъ-солью, какой только можно было достать въ это позднее время ночи—сладкимъ пирогомъ и конфетами. Французскіе моряки выходили на балконъ благодарить и были восторженно привѣтствованы толпой. Раутъ закончился далеко за полночь и, видимо, произвелъ самое пріятное впечатлѣніе на нашихъ иностранныхъ гостей.

Возгласы французовъ „Vive la Russie“ долго потрясали стѣны залы. Русскіе старались перекричать ихъ и кричали „Vive la France!“ Съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ проводили русскіе французскаго адмирала, когда онъ покинулъ раутъ. Крики „ура“ и „браво“ многотысячной толпы положительно заглушали даже стукъ колесъ экипажей.

Памяти Лермонтова.

Преемникъ славнаго великаго поэта,
Съ душой мятежною какъ бурный океанъ,
Ты по землѣ прошелъ какъ яркая комета,
Разсѣвая сладостный возвышенный обманъ
Въ сердцахъ, довѣрчиво считая привыкшихъ слазку
За слово истинны; раздвинувъ пологъ тьмы,
Ты властною рукою сорвалъ съ очей новязку,
И бросилъ жгучій ядъ сомнѣнія въ умы;
И то, какъ Прометей, на грозный споръ, на битву
Въ безумной гордости ты небо вызывалъ.
То въ умиленіи, въ слезахъ шепталъ молитву
И пѣсни чудныя о небесахъ слалъ.

Давно твой голосъ смолкъ, но горечью облитый,
Твой стихъ стальной живетъ, у всѣхъ онъ—на устахъ,

И ты, пѣвецъ, рукой ничтожною убитый,
Живешь на родинѣ, живешь у насъ въ сердцахъ.
И если всѣ мы чтимъ бессмертныи дивный геній
Творца Овѣгина, илѣнясь красотою
Его ласкающихъ и свѣтлыхъ пѣсногнѣвій,
Ихъ величавою, спокойной простотою.
И если мила намъ онѣ, какъ сводъ двурный,
Какъ тихій шепотъ волнъ, онѣ лелѣютъ слухъ,
То пѣснь твоя звучитъ и дышитъ страстью бурной
И окрыляетъ мысль и пробуждаетъ духъ.

Родство невольное мы чувствуемъ съ тобою
И вѣримъ, что ты намъ недаромъ небомъ данъ,
Поэтъ тоскующій, мятежною душою
Похожий на него—на бурный океанъ!

А. Кружловъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. П. И. Палевого. Ч. III.—Холмъ Маниту. Рассказъ изъ жизни въ Миннезотѣ. Феликса Лилла.—Изъ свѣдѣній снимающихся и фотографовъ-любителей.—Къ рисункамъ: Памятникъ убитымъ при Гангутскомъ сраженіи (съ рис.).—Фриатюфъ у донуга Ринга (съ рис.).—Босниакъ (съ рис.).—Александро-Маринское училище слѣпыхъ въ С.-Петербургѣ (съ рис.).—Проектъ храма на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда

17 октября 1888 г. (съ рис.).—Путешествіе короля Сербскаго въ Россію (съ портр.).—Привѣтіе французской броненосной эскадры въ Кронштадтъ (съ 1 портр. и 4 рис.).—Памяти Лермонтова. Стихъ. А. Кружлова.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Утвержденная Министерством Внутренних Дѣлъ, основанная въ 1872 году, съ курсомъ консерватори

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА Ю. И. РУССО.

Приемъ ежедневно съ 10 ч. утра до 7 ч. веч. Программы выдаются и высылаются бесплатно.
Директоръ Имполитъ Рагофъ.

СПБ., Невскій проспектъ, д. 55.
ПРИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛѢ

ЖЕНСКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

(съ художественными классами) Глафиры Рагофъ.
Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ по программѣ женскихъ гимназій, въ курсъ занятій входятъ: 1. Музыка въ объемъ курса консерватори подъ руководствомъ И. П. Рагофъ. 2. Рисованіе и живопись. 3. Изящныя рукодѣлія. 4. Новые языки (французскій, нѣмецкій и англійскій—теоретически и практически по наглядному методу). 5. Девялмация. 6. Гимнастика и танцы.
Плата за всѣ предметы—отъ 80 рублей и дороже, смотря по классу. Начало занятій 3 сентября. Программы выдаются и высылаются бесплатно.
Завѣдывающая учебнымъ заведеніемъ Марія Лохвицкая (урожд. Сналонъ).

ВЫИГРЫШНЫЕ

билеты и Дворянскіе з. л. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигрывать со дня задатка принадлеж. покупателю. Прощ. уменьш. съ долгомъ.

2-го СЕНТЯБРЯ

с. г. тиражъ II займа.

Оплата выигрышей и купоновъ въ Государств. Банкѣ. Немыграемые билеты и закл. листы ~~не~~ терять своей цѣны.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, Спб.
№ 5271 5-1

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.

ФРАНКУРГЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
"ОРЕЛЪ".

Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною "Юнго" (подушка) и пневматическій".
Ищутъ агентствъ. Иллюстрированный каталогъ, за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18-12

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ

В. № 5098 АППАРАТЫ 20-15

10, 15, 25 р. и дорожко Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. преисп. нур. бесплатно К. И. ФРЕЛАНДЪ. Москва. Мясницкая улочка Бривокольнаго пер., д. Соколова.

С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30-16.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ, БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовления. Ни и приговлеиіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.
Цѣна: флаконъ 1 р. 65 к., бензойное мыло 35 к. и 50 к. кускомъ, опопомлада (лучше колъдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на причетанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главнаго склада для всей Россіи въ В. Аурика, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19. Ищется во всѣхъ парфюмерн., аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19-17

ОСВѢЖАЮЩАЯ ЛАВАНДУЛОВАЯ СОЛЬ

(Invigorating Lavender Salts)

Новая, весьма приятнаго запаха, люкательная соль. Если открыть пробку флакона на нѣсколько минутъ, то пріятный запахъ распространится по воздуху, освѣжая его. Только настоящій въ флаконѣ, закупоренномъ коронкомъ.
THE CROWN PERFUMERY CO
177 New Bond Str. London.

Прод. во всѣхъ лучш. парфюмерн. магазинахъ

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
Цѣна 40 коп. Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главнаго склада въ Василіи Аурикъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18-19.

БРОКАРЪ и К^о.

ИЗОБРЕТАТЕЛИ Р. № 5087 (14)

ЦВѢТЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

ЗАИКАНИЕ

и ДРУГІЕ НЕДОСТАТКИ ПРОИЗНОШЕНІЯ
лѣчается профессоромъ Бернгомъ.
Москва, Больш. Кисловка, д. Банилевскаго. 6

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться писемно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59-57, соб. домъ.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ЖЕНЬИ КОФЕ

Тверская. Противъ Сахарнаго Подворья. Д. Импілизъ. Въ Москвѣ. Кофе по французскому рецепту. Кофе по итальянскому рецепту. Кофе по испанскому рецепту. Кофе по португальскому рецепту. Кофе по турецкому рецепту. Кофе по арабскому рецепту. Кофе по индійскому рецепту. Кофе по китайскому рецепту. Кофе по японскому рецепту. Кофе по персидскому рецепту. Кофе по египетскому рецепту. Кофе по сирийскому рецепту. Кофе по эфиопскому рецепту. Кофе по индонезійскому рецепту. Кофе по филиппинскому рецепту. Кофе по вьетнамскому рецепту. Кофе по лаосскому рецепту. Кофе по тайскому рецепту. Кофе по бирманскому рецепту. Кофе по индочинскому рецепту. Кофе по аннамскому рецепту. Кофе по камбоджскому рецепту. Кофе по сиамскому рецепту. Кофе по восточному рецепту. Кофе по западному рецепту. Кофе по среднему рецепту. Кофе по северному рецепту. Кофе по южному рецепту. Кофе по восточному рецепту. Кофе по западному рецепту. Кофе по среднему рецепту. Кофе по северному рецепту. Кофе по южному рецепту.

Л. ФОРШТРЕМЪ

ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА

ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Предостереженіе. Въ послѣнее время появилось въ продажѣ множество поддѣлокъ подъ названіемъ „Гуніади-Яносъ“; поэтому покорнѣйше просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предохранительную марку—портретъ.
Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

№ 4711

WEISSER FLIEDER

(LILAS BLANC)
БѢЛАЯ СИРЕНЬ
„PEAU D'ESPAGNE“
„ГОЛЬДЛАКЪ“

Новѣйшіе любимые особенно крѣпкіе духи.
Можно получить почти во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Просятъ при покупкѣ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку

8-8 № 4711. Ц. № 5229

РАPIER FAYARD et BLAUN

Бумага Файаръ и Блаунъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя известность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Файаръ и Блаунъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. Ц. № 4989 11-10

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ въ 50 кн. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕННА въ ВѢИВЪ
изъ ГРЕЦКИХЪ ОРЪХОВЪ

Безвредное средство для быстрого окрашиванія волосъ и борода въ черной, русой, темной и свѣтло-каштановой цвѣтъ. 10-15
Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Европ. Россіи. Главнаго склада для Россіи у В. Аурикъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

„ИДІАЛЬ“ ЧЕРНИЛЬНИЦА

Практично! Ново! Дешево! Красиво! Соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества идеальной чернильницы—перья не гнутся, нельзя дѣлать клеекъ, очень экономна, легко чистится. Приним. Эсмаркъ. Маленьк. 1 р. 50 к. Больш. 2 р. Перес. 2 ф. Лучшее перо для конторъ, школъ и дома это ПЕРО № 1000. Ищется въ 3 томищахъ: Е. Ф. Ф. и М. Гроссъ (144 штукъ) 1 р. 25 к. (6-1)
Пересылка вложеннымъ платежѣмъ.
С.-Петербургъ. **БАЗАРЪ МАРКЪ** Невск. пр. № 20.
ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. ЦХVII вѣка. въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціальныхъ городахъ, новое дешевое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

М. 5277
Изданіе это исполнено подъ редакціей автора „Исторіи новейшей русской литературы“ А. М. Скабичевскаго. Въ изданіи ПРИЛОЖЕНІЯ: обстоятельная біографія Лермонтова, составл. А. М. Скабичевскимъ, портретъ Лермонтова и 113 рисунковъ художника М. Е. Миллера. Сочиненія Лермонтова (полное собраніе) издаемъ Ф. Павленковымъ въ двухъ форматахъ: въ большомъ (всѣ сочиненія въ 1 томѣ) и въ маломъ—(въ 4 томкахъ). Цѣна того и другаго иллюстрированнаго изданія ОДИНЪ РУБЛЬ. Перелеты простѣе къ 1-томному изд. 40 к., роскошнѣе—1 р. За 2 простѣе къ 1V-томному—50 к. Тоже роскошнѣе—1 р.

УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВЪНТРЕННИХЪ ДѢЛЪ, ОСНОВАННЫЕ ВЪ 1881—82 году

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАЙГЕОФЪ

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ:

- а) СПЕЦІАЛЬНЫЕ:
- б) ДОБАВОЧНЫЕ:

Фортепіано, пѣніе, драматическое искусство, скрипка, виолончель, контрабасъ, арфа, Флейта, кларнетъ, гобой, фэготъ, тромбонъ, валторно, корнетъ-а-пистонъ, труба и органъ.
Musique d'ensemble, квартетный-оркестровый и оперный классы, хоровое пѣніе для взрослыхъ и для дѣтей, элемент. теорія, сольфеджіо, гармонія, контрапунктъ и формы, инструментована, транспонирована, исторія музыки, педагогика, минимъ, григирована, танцы, итальянск. и франц. языки и проч.

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ:

смотря по курсу или по предмету отъ 5—25 р. въ мѣс. или отъ 15—75 за полугодіе. Съ наступающаго сезона Дирекція Курсовъ нашла возможнымъ открыть 40 ваканцій по классу Фортепіано, отъ элем. по IV проф. курсъ включительно съ платою по 6ти р. въ мѣсяцъ или 30 рубъ за сезонъ,—по классу сольнаго пѣнія (20 ваканцій) младш. и старш. курсовъ по 7 руб. въ мѣсяцъ или 40 руб. за сезонъ.

Подробныя программы выдаются и высылаются бесплатно. Письменныя заявленія просить адресовать на имя Директора „Курсовъ“ Евгенія Павловича Райгофъ. Окончившіе полный курсъ ученія на „Курсахъ“ получаютъ, смотря по степени подготовки, свидѣтельство (педагогическое) или аттестатъ. № 5370

Адресъ: СПБ., Мал. Морская, № 7.
Приемные часы Директора Курсовъ по 14 августа включительно ежедневно по средамъ съ 3—6 ч. вечера.
Съ 16 августа приемъ ежедневный съ 10-ти часовъ утра до 6 час. вечера.

ФИСГАРМОНИИ
знаменитой фабрики **ШИД-МАЙЕРЪ**, рекомендованный Лавачемъ, Гензельтомъ, Ластомъ, въ 140, 180, 225, 300, 350, 450, 650 р., и др.

АМЕРИКАНСКИХЪ ФАБРИКЪ
въ 100, 140, 160, 200, 250, 300, 400, 500, 600, 800 и 1200 р.

ФРАНЦУЗСКИХЪ ФАБРИКЪ
въ 100, 130, 160, 190, 275 и 450 руб. и складами въ 140 и 225 руб. Самоучитель для физгармоній 2 руб. Играть на физгармоніи можно легко выучиться.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотамъ для физгармоніи—бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо № 5268 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 84 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

МАЗЬ противъ МУХЪ.
Средство для ловли и уничтоженія мухъ, таракановъ и прусаковъ. Не загрязняетъ помѣщенія, совершенно безвредно. (3—1) 2 флак. 1 р., 6 фл. 2 р. 75 к., 12 фл. 5 р. Перес. 2, 4, 8 ф. Перес. налож. платимъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ
С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ
ДИЛИПУТЬ

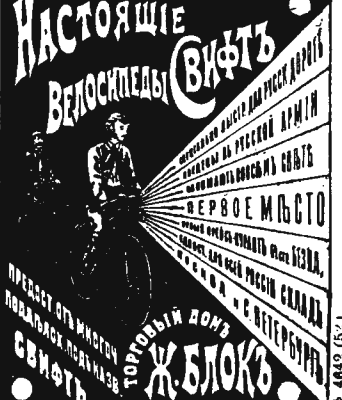

Больш. формы и фабрич. машинъ податки.

со шнуры, въ замшевомъ кошмъкъ. 8 р. 50 к. съ перес. въ предѣл. Европ. Россіи 9 — — въ Азіатск. Россіи 9 — 50 — (въ №№ 26 и 28 ошибочно напечатано 9 р.) „Лиллипутъ“ удобно помѣщается въ карманъ жилета или между пуговицами мундира и ополнѣнъ вымѣляетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К°. 5272
Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ, Аven. d. l. Républic. 4.
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылаются бесплатно.

Настоящіе велосипеды Вифъ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ, № 4482 (5-7)

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 16 ІЮЛЯ 1891 ГОДА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,
изданное А. Ф. Марксомъ, подъ ред. А. И. Введенскаго, съ биографіею и гравированнымъ на стали портр. Лермонтова. Многие изъ Гг. подписчиковъ „Нивы“ выразили желаніе, сверхъ обѣщаннаго имъ въ премію экземпляра полнаго собранія сочиненій ЛЕРМОНТОВА, приобрести таковое, за извѣстную плату, отдѣльно отъ журнала. Въ виду этого, мы посѣщили, до изготовленія всего количества потребнаго въ премію подписчикамъ, отпечатать пока нѣсколько тысячъ экземпляровъ сочиненія для отдѣльной продажи. Желая дать действительно полное собраніе сочиненій нашего поэта, мы не остановились ни передъ какими матеріальными затратами. Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ извѣстное по рукописямъ или печатному тексту, а многосъ впервые появляется въ печати. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе исправленное, тщательно сверенное съ рукописями или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома in 8°, объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страници).

Содержаніе 1-й части: Предисловіе, биографическій очеркъ, стихотворенія 1828—1841 гг. (298 стран.).

„ 2-й части: Поэмы и примѣчанія къ 1 и 2 ч. (374 стран.).

„ 3-й части: Проза (272 стран.).

„ 4-й части: Драмы, письма М. Ю. Лермонтова, примѣчанія къ 3 и 4 ч. и алфавитный указатель къ соч. Лермонтова (320 стран.).

Такимъ образомъ, предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной вѣншиности займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цѣна за экземпляръ полнаго собранія сочиненій 1 р. 50 к., а съ перес. 2 руб. Въ двухъ коленкорovýchъ, тисненыхъ красками, переплетяхъ 3 руб., а съ пересылкою 3 руб. 50 коп. Съ требованіями просить обращаться въ СПБ., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНИЙ

издателемъ журнала „Нива“ напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (всего 500)

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,
подъ редакціей А. И. Введенскаго, печатанное на лучшей голландской слоновою бумагѣ.

Сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ, при чемъ всѣ экземпляры этого изданія перенумерованы отъ № 1 по 500.

Для того чтобы сдѣлать книгу по стоимости доступною наибольшу общирному кругу любителей роскошныхъ изданій, цѣна за нее назначена возможно низка, а именно 5 руб. Въ четырехъ коленкорovýchъ переплетяхъ, съ кожаными корешками и изящнымъ тисненіемъ золотомъ — 7 руб. Гг. многогородные благоволятъ предлагать, сверхъ стоимости, на пересылку по 1 р. за каждый экз.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
въ Гогенгеймѣ. D. № 5265 2—1

Зимній курсъ начинается въ четвергъ, 15-го Октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію бесплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ Гогенгеймъ, въ іюль мѣс. 1891 г. Vossler.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет. № 4961 сѣваго моста, домъ № 7—2. 26—15

Иллюстрированные прейсъ-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

„МАЛЫЙ ВЕЛИКАНЪ“, новая америк. сложная молотилка; первая общедоступная, доставляющ. одновременно съ молотилою совершенно отсортированное чистое зерно. Цѣна 885 руб.

Кромѣ того большой выборъ всякаго рода насосовъ, пожарныхъ трубъ и земледѣльч. машинъ новѣйшихъ системъ.

Иллюстр. каталогъ за 7 коп. марку. № 5266 ДѢЮ МАШИНЪ 4—1

ФРАНЦЪ ФЕОД. УРЛАУБЪ
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, № 2.

НАСТОЯЩІЕ ДЖУТОВЫЕ НОСКИ И ЧУЛКИ
безъ шва

НЕЗАМѢНИМОЙ ПРОЧНОСТИ

только въ магазинѣ Ю. ГОТЛИБЪ, С.-Петербургъ, по Владиміровской, д. 2, уг. Невскаго пр. Цѣна носкамъ 5 р., чулкамъ 7 р. за дюжину. Самые тонкіе носки 6 р., чулки — 9 р. дюж. За пересылку прилагается 1 руб. Торговцамъ уступка. При пересылкѣ необходима шпа подушамъ.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮ гг. покупателей, что нѣкоторые торговцы продаютъ другіе сорта за джутовые.

Мт. № 5267 2—1

ЛЕПНИНГЪ и ГЛОЗНИНЪ
имѣютъ честь сообщать, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

BLAKEY'S BOOT PROTECTORS

СБЕРЕГАТЕЛЬ САЛОГЪ.
Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и искривленія. Легко придрѣлать. СБЕРЕГАЕТЪ въ 20 РАЗЪ БОЛЬШЕ СТОИМОСТИ. 4 КОЛЛ. 1 р. 20 коп., ПЕРЕСЫЛКА 2 ФУНТ. 10 „ 2 р. 50 коп., 100 КОЛЛ. 20 РУБ.

Продаются во всѣхъ магазиннахъ и лавкахъ и высилъ налож. платеж. Въ склада для Россіи, С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20

БАЗАРЪ МАРОКЪ

Письмен. преподаваніе **ДВОИХЪ БУХГАЛТЕРІИ** на русск. и нѣмецк. языкахъ имѣетъ замѣняющее устное преподаваніе

Имеетъ благодарн. и отличія отамъ. Окончивъ, выдается свидѣтельство.

Преподаватель бухгалтеріи **А. Я. ЯНГОВОКІЙ**

Условія и РИГА высылаются по треб. письм. **РИГА** бесплатно.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮ отъ подражанія

ИИШУАЦАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Имѣетъ въ 8 разъ быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отамни отъ Правительствъ и другихъ учрежденій, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для вои Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская. 21.

РАВОЖДЕНІЕ. Ромъ изъ современн. жизни. В. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 31

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН №№ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“ ПАРИЖС. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдавъ 3 августа 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 а.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr. для
Австр., Герман. и Швейц. у
Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.
10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы“ совѣсти прилож., Сборникомъ и пр.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1891 г., съ 30 рис. и отдѣльн. листь съ 30 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 42 рисунками рукодѣльных работъ.

Рынокъ въ Выборгѣ. Съ фот. грав. Флюгель.

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

Между тѣмъ какъ эти разнообразныя толки происходили передъ домомъ, внутри его въ одной изъ пустыхъ комнатъ обширнаго пустаго дома, на лавкѣ подъ образами, лежала бывшая царица Марья Григорьевна, въ старой и рваной ферязи, прикрытая темною тѣлогрѣей. Около нея на низенькой скамеечкѣ сидѣла Ксенія и отгоняла мухъ отъ изголовья матери, которая не спала всю ночь и только подъ утро забылась крѣпкимъ сномъ изнеможенія. Феодоръ Борисовичъ сидѣлъ на лавкѣ около сестры, опутивъ голову и скрестивъ на груди свои могучія руки. Онъ сидѣлъ неподвижно и безмолвно. Съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ сведенъ съ престола и привезенъ сюда съ сестрой и матерью—опять дѣлалъ дни проводилъ въ такомъ состояніи полного безучастія ко всему окружающему. И напрасно ласкала его сестра, напрасно старалась мать разсѣять его мрачныя мысли: несчастный юноша, потрясенный жестокимъ ударомъ судьбы, ни на минуту не выходилъ изъ своего тяжелаго оцѣпенѣнія.

— Скорѣе бы кончались, отвѣчалъ онъ на все, что сестра и мать говорили ему въ утѣшеніе.

— Что ты! Что ты, Феодя! Не гнѣви ты Бога! восклицала Ксенія.

— Ну, да! Тюрьма такъ тюрьма, коли ссылка такъ ссылка; а то ужь очень надоѣло ждать... Наболѣло сердце!..

Въ тотъ день царь Феодоръ проснулся утромъ такой же пасмурный и безучастный, какъ и во всѣ предшествующіе дни; однако же, заслышавъ благовѣсть къ ранней обѣднѣ, онъ всталъ со своего мѣста, опустился на колѣни предъ иконой и долго, долго молился... Рядомъ съ нимъ стала на молитву и Ксенія. Стала—и не могла молиться... Силы ей измѣнялись; мысли путались; слова молитвы безсвязно мѣшались въ головѣ съ горькимъ ропотомъ на неумолимую, злую судьбу-мачиху.

Братъ и сестра поднялись съ молитвы и снова заняли свои мѣста около матери, которая все еще спала, и спала такъ спокойно, такъ сладко, и дышала такъ ровно, такъ мирно.

Когда она проснулась, когда приподнялась съ жесткой лавки, — она въ первый разъ за эти десять дней улыбнулась, взглянувши на дѣтей своихъ:

— Вотъ сладко-то спалось мнѣ, дѣтушки! сказала она, оправляя свой головной уборъ, — вотъ сладко-то! Ахъ, Господи! Да я, кажется, и на пуховикахъ такъ не спала!.. И какой я сонъ чудесный видѣла, Аксеньюшка! Видно намъ не долго здѣсь ужь быть, видно смилуется надъ нами Творецъ Милосердый! Вижу я, что мы въ тюрьмѣ сидимъ, въ сырой, въ темной, въ смрадной; кругомъ и сырость, и гады ползаютъ, и крысы по угламъ скребутся; а мы къ стѣнѣмъ желѣзами прикованы, прижались другъ къ другу и сидимъ—не шелохнемся. Вдругъ, двери настезь, и входитъ *никто*, въ свѣтлыхъ ризахъ, и мечъ въ рукѣ. Прямо къ намъ подошелъ, мечемъ ударилъ по желѣзамъ—меня освободилъ и Феодю тоже, и на дверь намъ показалъ. А я ему и говорю: „А какъ же мы Аксеньюшку-то покинемъ?..“ Да на этомъ словѣ и проснулась.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Ксенія въ какомъ-то странномъ порывѣ, — нѣтъ! Вмѣстѣ съ вами: хоть въ гробъ, хоть на край свѣта! Лишь бы насъ не разлучали!

Мать притянула ее къ себѣ на грудь и крѣпко обняла, и долго, долго не выпускала изъ своихъ объятій...

Вдругъ—дверь хлопнула внизу; послышались тяжелые шаги и голоса; потомъ слышно было, какъ нѣ-

сколько человѣкъ поднимались на лѣстницу, медленно, не сѣша, перекидываясь отдѣльными словами. Царица Марья посмотрѣла на Ксенію и на Феодора.

— Дѣтки! Вѣдь это къ намъ бояре идутъ! Неужто сонъ мой сбудется?

И она съ волненіемъ стала прислушиваться къ голосамъ и шагамъ въ сѣняхъ. Вотъ эти шаги приблизились къ дверимъ, ключъ щелкнулъ въ замкѣ, дверь отворилась, и въ комнату вступилъ высокій, дюжій бояринъ. Красное, угреватое лицо его лоснилось отъ поту; толстый, красный носъ, съ широкими, раздутыми ноздрями, противно опускался на толстыя губы, едва прикрытыя жиденькой бородой и усами; а маленькіе, заплывшіе жиромъ, свиные глазки, насмѣшливо и дерзко сверкали изъ-подъ высоко-поднятыхъ бровей.

Переступивъ порогъ, бояринъ снялъ съ головы колпакъ и, обнаживъ широкую красную плѣшь, отвѣсилъ низкій поклонъ Годуновымъ.

— Что скажешь, князь Рубецъ-Масальскій? обратилась къ нему Марья Григорьевна.—Съ какими вѣстями присланъ?

— Принесъ я вамъ такія вѣсти, что не быть вамъ вмѣстѣ... Великій государь васъ въ разныя горницы рассадить повелѣлъ. Хе-хе! Такъ-то!

Ксенія бросилась къ матери и обвила ее шею руками.

— Я не разстанусь съ тобой! Ни за что не разстанусь!

Мать ничего не отвѣчала и только растерянно глядѣла на боярина.

— Ну, что-жь? Пообинмайтесь — на это запрета нѣтъ. А ты, Феодоръ Борисовичъ, изволь за мной пожаловать.

Феодоръ Годуновъ поднялся со своего мѣста и, обратясь къ боярину, сказалъ:

— Князь, свижутся-ли еще я съ матушкою и съ сестрой?.. Или ты на смерть меня ведешь?

— Хе-хе! Вѣстимо свидитесь... Раненько тебѣ о смерти думать... А какъ приказано васъ рассадить, такъ ты ужь не ломайся; подъ отвѣтъ меня не подводи.

Феодоръ поцѣловалъ мать и сестру и подошелъ къ боярину...

— Пойдемъ, сказалъ онъ твердо и спокойно, и вышелъ изъ комнаты встѣдъ за бояриномъ, между тѣмъ какъ Ксенія и Марья Григорьевна въ какомъ-то оцѣпенѣніи стояли все еще обнявшись въ углу подъ образами. Слышно было, какъ Феодора ввели въ одну изъ смежныхъ комнатъ и заперли въ ней на ключъ.

Черезъ минуту Рубецъ-Масальскій вновь явился на порогъ.

— Ну, матушка-царица, сказалъ онъ, насмѣшливо прищуривая глазки:—теперь ужь твой чередъ. Пожалуй въ свой покой!

— Я не пойду отсюда! громко крикнула царица Марья.—Я не разстанусь съ дочерью!

— Ишь ты какая пряткая! Небось, какъ ты нашу братью-боярѣ ссылала, такъ и дѣтей съ родителями, и мужей съ женами разлучала, — а тебя и тронуть не смѣй!.. Эй! Шерефединовъ! Молчановъ!

Дверь распахнулась, и на порогъ явились два человѣка въ темныхъ кафтанахъ и темныхъ шапкахъ. Одинъ—высокій, рябой, смуглый какъ цыганъ, съ черною какъ смоль бородою; другой—приземистый, широкоплечій, рыжій, весноватый. Изъ-за ихъ спины выглядывали четверо дюжихъ стрѣльцовъ.

Рубецъ-Масальскій указалъ имъ пальцемъ на царицу.

— Дѣлайте что приказано, добавилъ онъ вполголоса. Шерефединовъ, Молчановъ и четверо стрѣльцовъ разомъ бросились на несчастныхъ женщинъ, и прежде чѣмъ тѣ успѣли вскрикнуть — они вырвали царицу изъ объятій Ксеніи и на рукахъ вынесли ее изъ комнаты.

Еъ порывѣ злости и отчаянья, Ксенія вскрикнула и стремглавъ бросилась влѣдъ за матерью; но дюжій бояринъ, криво и скверно улыбаясь, загородилъ ей дорогу къ двери.

— Куда! куда, лебедка? проговорилъ онъ, посмѣиваясь и отталкивая Ксенію;—сиди, коли приказано...

— Звѣрь! разбойникъ! предатель! Пусти меня—или я голову объ стѣну разобью.

— Что-жь? Разбивай, коли такъ любо! А отсюда все-же не выпущу...

Лицо Ксеніи покрылось смертной блѣдностью, глаза зажглись пламенемъ бѣшенства... Какъ тигрица она бросилась па боярина, вцѣпилась въ его одежду, страшнымъ усиліемъ сорвала его съ мѣста; но онъ ухватилъ ее за руки, сжалъ ихъ какъ въ желѣзныхъ тискахъ и грубо отбросилъ Ксенію въ сторону.

— Ишь... Годуновская-то кровь—разымчива!.. Да ты смотри—не очень дури, а то...

И онъ по-прежнему сталъ къ дверямъ спиною, насмѣшливо и злобно поглядывая на царицу, которая въ изнеможеніи опустилась на лавку.

Вдругъ, гдѣ-то вдали раздался глухой стоупъ... легкой крикъ... и все затихло снова.

Ксенія поднялась съ лавки; глаза ея блуждали дико, страшно...

— Бояринъ! проговорила она. — Ты слышалъ?.. Что же это? Душатъ?.. Кого душатъ?

— Пустое! Никого не душатъ, сказалъ Рубецъ-Масальскій, съ нѣкоторымъ смущеніемъ. — Ты здѣсь побудь; а я пойду взгляну...

И онъ скрылся за дверью, щелкнувъ ключемъ въ замкъ. Шаги его затихли въ отдаленіи.

Ксенія осталась одна—и стала прислушиваться... И вся обратилась въ слухъ... И вотъ опять шаги и голоса въ сѣняхъ и хлопанье дверьми—и голосъ брата... и чьи-то крики, ругань... Удары, борьба... Вотъ кто-то рухнулъ на полъ, такъ что стѣны затряслись... Еще паденіе... И опять возни, борьба на смерть... И вдругъ ужасный, раздирающій, неслышанный вопль, вырвавшийся изъ молодой и сильной груди... а за нимъ стоны, стоны, все тише, все глуше...

Ничего не сознавая, не чувствуя подъ собою ногъ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, Ксенія сорвалась съ лавки, метнулась въ дверь, схватилась руками за скобу—оторвала ее страшнымъ усиліемъ и рухнула за-мертво на полъ, разсыпавъ около порога свои чудныя косы.

Она не слышала, какъ убійцы пронесли мимо ея дверей обезображенные трупы царицы Марьи и ея сына.

IV.

Вѣздъ царя Дмитрія Ивановича.

— Да полно тебѣ сокрушаться-то, другъ ты мой, Петръ Михайловичъ! говорилъ Ѳеодоръ Калашникъ Тургеневу. — Вѣдъ тутъ ужъ никакимъ сокрушеніемъ ничего не возьмешь—не поправишь!

— Да не въ томъ и дѣло! Не о томъ я и сокрушаюсь, Ѳедя! печально отвѣчалъ Тургеневъ другу. — Сокрушаюсь я о невинныхъ жертвахъ людской злости: о царѣ Ѳеодорѣ, о царицѣ Ксеніи... За что онъ погибъ?.. За что она теперь мѣку лютую терпитъ?.. Да и что съ ней будетъ!

— Говорятъ, что въ дальній монастырь сошлютъ, да тамъ и постригутъ...

— Охъ, Ѳедя! Пускай бы келья! Вѣдъ келья — что могила! Постригли бы ее—что погребли... А то страшно, страшно мнѣ за нее: чувствую мое сердце, что ей не

даромъ жизнь сохранили, и что не даромъ стережетъ ее въ своемъ домѣ старый бражникъ Рубецъ-Масальскій.

— Не пойму я тебя, Петръ Михайловичъ, въ толкъ не возьму. Что же тебѣ страшно-то?

— А то, что царицу Ксенію на посмѣянье хотятъ отдать врагу-то Годуновыхъ, царю-то новому—на погѣху, на...

Ѳеодоръ Калашникъ схватилъ его за руку.

— Что ты, въ умѣ-ли ты, Петръ Михайловичъ! Да вѣдъ Богъ же есть надъ нами...

— Богъ?—Есть Богъ!.. Да Богово-то дорого, а бѣсово-то дешево нынче стало. Теперь всего ждать можно! Вонъ видишь, прирожденный-то ихній государь только мигнулъ — и сразу Годуновыхъ съ лица земли стерли... Костей цари Бориса — и тѣхъ не пожалѣли, изъ Архангельскаго собора да въ убогій Варсонофьевскій монастырь перетащили... Такъ развѣ же эти люди скалятся надъ бѣдною сиротой, надъ бѣдною беззащитной дѣвушкой?

— Такъ какъ же быть?

— А вотъ постой... Еще разспросимъ, разузнаемъ... Я тамъ въ домѣ завелъ знакомство, подкупилъ кое-кого изъ слугъ... И если будетъ нужно—я надѣюсь на тебя, Ѳеодоръ! Помнишь, какъ въ Кадашахъ-то мы боярыню избавили отъ гнѣва царицы Марьи?

— Съ тобой—хоть въ прорубь! Нигдѣ не выдамъ...

— Спасибо, другъ. Я знаю, что ты, коли скажешь слово, такъ на немъ хоть теремъ строй!.. Авось намъ и придется еще помочь царицѣ и отъ бѣды ее спасти!

— Э, Петръ Михайловичъ! Смотри-ка, кто къ намъ идетъ! сказалъ Калашникъ, указывая пальцемъ въ окно.

— Батюшки! Никакъ Алѣшенька Шестовъ! радостно воскликнулъ Тургеневъ.

И точно — Алѣшенька Шестовъ, веселый и радостный, переступилъ черезъ порогъ свѣтелки Калашника и бросился въ объятія друзей, которые его засыпали вопросами:

— Откуда ты?.. Давно-ли здѣсь? Зачѣмъ сюда пріѣхалъ? Ужь не женать-ли?..

— Гдѣ же мнѣ вамъ разомъ на все отвѣтить! весело отозвался Шестовъ.—Дайте сроку, братцы. Пріѣхалъ я вчера, и прямо изъ Смоленска... И на великихъ радостяхъ!

— А что такое?.. Въ чемъ тебѣ удача? спросили разомъ Калашникъ и Тургеневъ.

— Какъ въ чемъ?.. Да вы-то развѣ не слышали? съ удивленіемъ обратился къ нимъ Шестовъ.—Вѣдъ государь велѣлъ Романовыхъ вернуть изъ ссылки!

— Слава Богу! Настрадались бѣдные... Насилу-то дождался избавленья! сказалъ Тургеневъ.

— Спасибо государю Дмитрію Ивановичу! Обо всѣхъ родныхъ онъ вспомнилъ. Всѣхъ велѣлъ собрать въ Москву—и матушку свою, ипокинью Марю Ивановну, сюда же привезти...

— Честь и слава ему, что онъ о нихъ не позабылъ и въ счастье, и въ величій, сказалъ Ѳеодоръ Калашникъ.

— А почему?—Напомнилъ Сидорычъ. Вѣдъ вотъ онъ каковъ, этотъ старикъ! Пробрался въ Тулу, съ чело-битьемъ къ государю Дмитрію Ивановичу—все за своихъ бояръ. И тотъ не только ихъ велѣлъ вернуть, но и всѣ имѣнья имъ отдать, по-прежнему, и животы, какіе сохранились въ царской казнѣ...

— Дай Богъ ему здоровья! сказалъ Калашникъ.

— Такъ вотъ и я пріѣхалъ сюда... Все здѣсь для бояръ моихъ готовить. Для Ивана Никитича, да для дѣтокъ Ѳеодора Никитича, что нынѣ Филаретомъ нарѣченъ, въ иноческомъ чинѣ. А какъ все здѣсь кончу, тогда назадъ, въ Смоленскъ, и тамъ женюсь...

— На комъ же?.. На боярыниѣ Луньевой?

— Вѣстимо!.. Она живетъ тамъ въ домѣ дяди, и мы

Отъ грозы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Каразина, грав. Рашевскій.

Въ прискочку. Рис. Берголе.

съ нею положили: какъ воцарится законный, прирожденный государь, такъ мы и за свадьбу.

— Исполать тебѣ, Алѣшенька! сказалъ Тургеневъ.— Глядя на тебя и я развеселился, и я готовъ повѣрить, что идетъ къ намъ законный царь, идетъ на радость, а не на горе!..

— Эхъ ты выдумалъ что! Да погоди, постой! Что же вы это дома-то сидите?.. Вѣдь вся Москва на улицѣ, да на ногахъ. Пойдемте и мы ему на встрѣчу.

— Пойдемъ пожалуй, отвѣчали въ одно слово и Тургеневъ, и Ѳеодоръ Калашникъ, и стали собираться къ выходу изъ дома.

Толпы народа, разряженнаго въ лучшее, праздничное платье, съ радостнымъ шумомъ спѣшили изъ-всѣхъ концовъ города на Лобную площадь, къ Троицъ-на-Рву и къ тому спуску, который вель къ Москворѣцкимъ воротамъ. За этими воротами перекинуть былъ черезъ Москву-рѣчку живою мостъ, по которому ѣздили въ городъ изъ Замоскворѣчья. По этому мосту царскій поѣздъ долженъ былъ вступить въ городъ и, поровнявшись съ Лобнымъ мѣстомъ, свернуть къ Фроловскимъ воротамъ, въ Кремль. Но Ѳеодору Калашнику съ двумя его пріятелями не удалось пробраться далѣе Лобнаго мѣста: здѣсь ихъ такъ затерло въ толпѣ, что они ни шагу не могли ступить далѣе. Сплошная стѣна народа стояла такъ устойчиво и твердо, что ни пробить, ни сдвинуть ее съ мѣста не оказывалось ни малѣйшей возможности. Въ толпѣ, торжествомъ и радостью настроеной, шли оживленные толки о предстоящемъ вѣздѣ.

— По Серпуховской дорогѣ вступать изволятъ...

— Ночевать изволятъ въ Коломенскомъ. На полпути оттуда первая встрѣча ему приготовлена; а вторая-то за мостомъ, а третья—у Соборовъ...

— Народу-то, народу-то—и-и, Господи! Тутъ не одна Москва, а и такихъ-то много, что верстъ за 20 и больше изъ-за Москвы пришли взглянуть на прирожденнаго государя.

— Еще-бы!.. Дивны дѣла Твои, Господи!

— Изъ-подъ ножа Годуновцевъ проклятыхъ Богъ спасъ—черезъ всѣ напасти провелъ—и вотъ вступаетъ нынче...

Съ Ивановской колокольни въ это время раздался первый ударъ колокола. Оттуда завидѣли вдали царскій поѣздъ, по Замоскворѣчью направлявшійся къ мосту.

По этому первому удару начался продолжительный перезвонъ на всѣхъ Кремлевскихъ колокольняхъ; имъ стали вторить колокола Троицы и площадныхъ храмовъ, а затѣмъ заговорили, загудѣли колокола всѣхъ сороковъ московскихъ церквей, наполняя воздухъ громкими, радостными звуками.

Вскорѣ въ Москворѣцкихъ воротахъ показалась голова царскаго поѣзда. Впереди ѣхалъ отрядъ польскихъ рейтаровъ и литовскихъ кошейщиковъ, въ острыхъ шишакахъ, въ свѣтлыхъ латахъ, надѣтыхъ поверхъ яркихъ цвѣтныхъ кафтановъ. Трубачи и барабанщики играли на трубахъ и били въ барабаны, но рѣзкая музыка ихъ заглушалась громкимъ, величавымъ звономъ всѣхъ колоколовъ въ Москвѣ, встрѣчавшихъ своего „прирожденнаго, законнаго государя“. За поляками и литвой шли длинными рядами стрѣльцы въ праздничныхъ красныхъ кафтанахъ; они окружали росписанную царскія кареты, которыя, мѣрно раскачивая своими тяжелыми кузовами, катились въ гору по изрытому колеями вѣзду. Сѣрые въ яблокахъ кони, давно застоявшіеся на Годуновскихъ конюшняхъ, рвались изъ постромокъ и плясали на ходу, едва сдерживаемые дюжими коноухами въ богатыхъ кафтанахъ. За каретами слѣдовала блестящая цестрая толпа конныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и всего младшаго придворнаго чина, въ расшитыхъ золотомъ опашняхъ и чугахъ. За

этого толпою—другая, также на коняхъ, но въ кольчугахъ, въ шеломахъ, при оружіи, двигалась стройно, подъ звуки наковъ и бубень. За воинствомъ царя земнаго шли служители Царя Небеснаго: духовенство въ ризахъ, ярко блиставшихъ на солнцѣ, безконечный рядъ хоругвей, фонарей, запрестольныхъ крестовъ и иконъ, усаженныхъ крупнымъ жемчугомъ и драгоценными камнями. Вслѣдъ за духовенствомъ, верхомъ на конѣ, принаряженномъ въ лучшей изъ царскихъ конскихъ нарядовъ, ѣхалъ статный всадникъ, въ золотомъ платьѣ съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, блиставшимъ камнями, и въ широкомъ жемчужномъ оплечьѣ. На головѣ его была надѣта расшитая золотомъ шапка съ широкимъ алмазнымъ перомъ. Едва успѣлъ онъ подъѣхать къ воротамъ у моста, какъ всѣ безчисленные толпы народа огласились однимъ общимъ восторженнымъ крикомъ:

„Буди здравъ, царь-государь нашъ, Дмитрій Ивановичъ!“

Но откуда ни возмись, вдругъ поднялся вихрь, налетѣлъ на царскій поѣздъ внезапнымъ порывомъ, нагналъ облако густой московской пыли: на нарядныхъ всадниковъ, сорвалъ съ нѣсколькихъ головъ богатые шапки и пронесся мимо.

— Что это? откуда вихрь поднялся? слышались въ толпѣ тревожные голоса.—Къ добру это, а къ худу?

— Чего тамъ къ худу!.. Это московскій вѣтеръ литвы некрещеной шапки пошибалъ... а ужъ они и закаркали!

— Вѣрно, вѣрно! Пусть молъ знаютъ, что и въ самой Польшѣ нѣтъ нашего Бога больше!

Но эти смѣшки и рѣчи были заглушены новыми, нескончаемыми радостными кликами толпы, которые прекратывались изъ конца въ конецъ площади, не затихая, не прерываясь, не ослабѣвая. Цѣлый народъ, умиленный, потрясенный трагической судьбою юнаго царя, возвращеннаго царству послѣ столькихъ бѣдъ и напастей—отъ всего сердца привѣтствовалъ его и былъ въ глубинѣ души проникнутъ высокимъ настроеніемъ торжественной минуты.

Вотъ, наконецъ, царь Дмитрій Ивановичъ поровнялся съ церковью Троицы, и глянувъ на Кремль, сильною рукою сдержалъ коня, который нетерпѣливо билъ копытами въ землю и перебиралъ удила, порываясь впередъ за другими конями. Снявъ шапку, царь пронесъ громко, такъ что всѣ окружающіе могли явственно слышать его слова:

— Здравствуй, матушка Москва, златоглавая, бѣлокаменная! Сподобилъ меня Богъ еще разъ увидѣть тебя, столичный городъ, прародительскій!

И онъ низко поклонился Кремлю бѣлокаменному, поклонивъ голову къ самой гривѣ коня, покрытой жемчужною сѣткою; поклонился на всѣ стороны и народу православному.

И новый, оглушительный взрывъ кликовъ, рыданій и громкихъ восторговъ огласилъ всѣ безчисленные толпы народа, который, словно одинъ человекъ, словно изъ одной общей громадной груди, гремѣлъ навстрѣчу юному царю.

— Солнышко наше красное! Радость наша свѣтлая, великая! Буди здравъ! Сіяй надъ Русскою землею! Да хранить тебя Богъ!

И слезы восторга, слезы радости одинаково блистали въ глазахъ юнаго царя и въ глазахъ всѣхъ, кто привѣтствовалъ его.

Алѣшенька Шестовъ плакалъ какъ ребенокъ и кричалъ неудержимо, махая шапкою и всѣмъ тѣломъ прерываясь впередъ, на встрѣчу подъѣзжавшему царскому поѣзду. Ѳеодоръ Калашникъ и Тургеневъ также невольно поддались общему настроенію толпы. Но когда царь остановилъ коня, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, когда онъ снялъ шапку и сталъ отвѣшивать по-

клоны на три стороны—Феодоръ Калашникъ вдругъ схватилъ Тургенева за руку и, молча, указывая ему глазами на царя, какъ бы спрашивалъ:

— Помнишь? Узнаешь-ли?

Тургеневъ понялъ его вопросъ—и сталъ внимательно вглядываться въ лицо царя, которое, казалось, онъ уже видалъ когда-то, давно; но не могъ припомнить, гдѣ именно?.. И это обстоятельство такъ смутило его, что онъ уже не могъ болѣе сочувствовать общему настроенію толпы, и все рвался въ своихъ воспоминаніяхъ, даже и тогда, когда царь давно уже проѣхалъ далѣе, когда вслѣдъ за нимъ прогарцовала мимо огромная толпа казаковъ—донскихъ, запорожскихъ и волжскихъ, когда вслѣдъ за казаками повалила нестрая толпа народа, сопровождавшая царскій поѣздъ отъ окраинъ города.

Затѣмъ оба друга направились домой, и ни одинъ изъ нихъ не рѣшался высказывать то, что у него было на душѣ: имъ не хотѣлось разрушать того очарованія, которое носилось около нихъ въ воздухѣ, которое звучало въ торжественномъ колокольномъ звонѣ, въ радостныхъ крикахъ народа, въ общемъ восторгѣ, выражавшемся на всѣхъ лицахъ... Но едва только они переступили порогъ своей свѣтлицы, Феодоръ Калашникъ захлопнулъ дверь и быстро подошелъ къ Тургеневу, который опустился на лавку въ глубокомъ раздумьѣ:

— Узналъ ты его? Узналъ?

— Знаю, что я его гдѣ-то видѣлъ, а гдѣ—припомнить не могу...

— А помнишь-ли нашу первую встрѣчу? Помнишь объѣдню въ Чудовомъ?..

Тургеневъ вскочилъ съ мѣста.

— Да! Это онъ—это тотъ самый, который тогда читалъ Апостоль!..

— Тотъ самый, мрачно подтвердилъ Калашникъ.

V.

Въ золотой клѣткѣ.

Ксенія очнулась отъ обморока въ незнакомой опочивальнѣ, на роскошной и широкой рѣзной кровати. Она лежала въ одной сорочкѣ, подъ собольимъ одѣяломъ, около нея суетились какія-то женщины и растирали ей виски и ладони, стараясь привести въ чувство. Докторъ Клугеръ прикладывалъ ей ледъ къ головѣ и давалъ ей что-то нюхать изъ какой-то стеклянки. Послѣ долгаго обморока Ксенія чувствовала страшный упадокъ силъ и такую слабость, что не могла шевельнуть рукой, не могла говорить... Ей хотѣлось обратиться съ распросами къ доктору, къ окружающимъ,—но языкъ ей не повиновался. Даже вѣки глазъ ей трудно было поднять; ей было больно смотрѣть на свѣтъ и она посѣшила закрыть глаза—и снова впала въ забытѣе. Но это былъ уже не обморокъ, не безсознательное состояніе, а полное изнеможеніе тѣлесное и душевное, вызванное страшными потрясеніями нравственными.

Когда она вторично открыла глаза, то въ опочивальнѣ было темно, лампы горѣли передъ богатыми образами въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ; три женскія фигуры, мирно похрапывая, лежали рядкомъ на коврѣ въ ногахъ кровати; Ксенія сдѣлала усиліе, чтобы понять, гдѣ она находится и что съ нею происходитъ, но мысль ея еще не работала и сознание отказывалось ей служить. Только уже дни два спустя послѣ страшныхъ событий 10 іюня, Ксенія настолько окрѣпла, что обратилась къ одной изъ дѣвушекъ съ вопросами:

— Гдѣ я? Гдѣ братъ Феодоръ? Гдѣ матушка?

Дѣвушка испуганно посмотрѣла на Ксенію и опрометью бросилась вонъ изъ опочивальни.

Ксенія еще разъ стала озираться кругомъ, все внимательно осматривая и ко всему приглядываясь—и тутъ только замѣтила она, что обѣ ея руки, въ кистяхъ, обмотаны тонкими трипницами, и что она не можетъ

шевельнуть ни однимъ пальцемъ. И вдругъ, при взглядѣ на руки, ей припомнилось что-то ужасное, невѣроятное... Она увидѣла себя передъ какою-то наглухо запертою дверью, въ которую она напрасно рвалась и билась, которую напрасно пыталась выломить. А за этою дверью слышались страшные стоны и крики... Да! это былъ голосъ ея брата... Гдѣ онъ?.. Что съ нимъ... Что съ матерью?..

И страшный крикъ вырвался изъ груди несчастной царевны—и снова въ изнеможеніи упала она на подушки, и снова впала въ забытѣе, и словно сквозь сонъ видѣла потомъ, какъ суетились и бѣгали около нея какія-то женщины и какъ подходилъ къ ея изголовью какой-то высокій, плотный мужчина, бралъ ее за плечо и за руку и что-то невнятно бормоталъ себѣ подъ носъ. Но счастью для Ксеніи, она не могла разслышать того, какъ этотъ мужчина говорилъ доктору-нѣмцу:

— Ты мнѣ ее безпремѣнно вылечи, Богданъ Богданъичъ! Никакой казни не пожалѣю, потому я ее въ подарокъ молодому царю готовлю! Одно слово—царскій кусъ!

— Первый красивый во вся Москва! отвѣчала нѣмецъ съ улыбкой.—Ми его поправимъ, князь Руица-Мазальскій!..

— То-то, нѣмецъ! И у тебя видно губа не дура!

— Первый красивый—такого другаго нѣтъ хорошаго!..

— Это я и самъ знаю! Кабы не царю ее готовилъ—не ушла бы она отъ моихъ рукъ!

Нѣмецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на стараго злодѣя и продолжалъ перевязку пораненныхъ рукъ Ксеніи.

Мало-по-малу силы стали возвращаться къ Ксеніи. Ея богатая, могучая натура взяла верхъ надъ недугомъ, и она стала видимо оправляться. Добродушный толстякъ-нѣмецъ-дохтуръ, являясь къ ней утромъ, говорилъ про себя:

— Alles gut! Sehr gut!.. Хорошо идетъ! прибавлялъ онъ громко, потирая руки и привѣтливо кланяясь царевнѣ.

Но все та же таинственность, то же упорное молчаніе окружали богатое ложе Ксеніи. Женская служня, безмолвно исполнявшая всѣ ея приказанія, повиновалась чьему-то строгому приказу и не произносила при Ксеніи ни одного слова, не отвѣчала ни на одинъ вопросъ ея.

Царевна чувствовала, что она, по прежнему, находится подъ стражей, что она только перемѣнила клѣтку, что изъ-подъ однихъ затворовъ перешла подъ другіе.

Наконецъ, нѣмецъ-дохтуръ пообщалъ Ксеніи, что на-завтра она можетъ встать съ постели и „гуляять въ другой комнатѣ“—и эта новость очень обрадовала несчастную царевну въ ея тягостномъ заключеніи. Она цѣлый день думала объ этомъ завтрашнемъ выходѣ и заснула спокойнѣе, чѣмъ въ предшествующіе дни. Жизнь вступала въ свои права, заявляла свои требованія, пробуждала желанія...

Но каково же было удивленіе и радость царевны, когда, на другой день, открывъ глаза, она увидѣла передъ собою свою боярыню-мату... Она глазамъ не вѣрила: думала, не во снѣ-ли ей это грезится... Но боярыня-мама сама не выдержала, увидя, что Ксенія пробудилась. Она упала на колѣни, схватила ея руку и стала цѣловать, прижимая къ груди и обливаясь горячими слезами.

— Царевна моя... радость ты моя... голубушка! Привель-таки Богъ свидѣться!..

Ксенія вскочила съ постели, стала обнимать старую боярыню и отъ волненія не могла произнести ни одного слова.

Когда прошел этот первый порывъ, Ксенія почувствовала, что еще плохо держится на ногахъ, и опять вынуждена была прилечь на нѣкоторое время.

Тутъ мама присѣла на краешкѣ ея постели, стала гладить ее по рукѣ и смотрѣть ей въ очи, приговаривая:

— Ну, слава Богу! слава Богу! Теперь ты выздоровѣла, и все такая же, какъ прежде, красавица писанная! Вотъ щечки по-блѣднѣе стали, да волосики спутались... Такъ мы ихъ расчешемъ—погоди! Теперь около тебя чужихъ не будетъ—все свои прежнія.

— Мама! Да гдѣ же я?.. Въ чьемъ домѣ?

— Охъ, царевна-голубушка, не приказано мнѣ тебѣ говорить—и не нудь ты меня! И такъ натерпѣлась я всякаго страха! Станешь спрашивать—опять насъ отъ тебя прогонять.

— Да кто же? Кто прогонитъ? Кто прислалъ тебя ко мнѣ?

— Приѣхалъ въ Москву прирожденный государь Дмитрій Ивановичъ, приказалъ тебя царевной величать, всю твою служню тебѣ воротить и во дворцѣ теремномъ тебѣ покои за-ново отдѣлать... А какъ отдѣлаютъ, такъ туда и переѣдемъ!

Ксенія слушала и ушамъ не вѣрила—такъ дико звучали для ея слуха всѣ эти рѣчи боярыни-мамы.

— О комъ ты говоришь? удивленно спросила Ксенія.—Какой прирожденный государь мнѣ приказалъ?.. Ты такъ зовешь проклятаго Раз...

Ужасъ выразился на лицѣ боярыни-мамы. Она поспѣшила зажать ротъ Ксеніи руками.

— Тсс! Ради Господа Бога! Побереги ты насъ, коли себя не бережешь! Мы всѣ изъ-за тебя пропадемъ!.. Вотъ Шуйскій-то Василій Ивановичъ—не намъ чета, а сказалъ какое-то гнилое слово не въ пору, на третій день приѣзда государева, такъ на смерть его осудили!..

— И казнили? спросила Ксенія.

— Нѣтъ. На плахѣ государь его помиловалъ да въ ссылку и отправилъ...

— Помиловалъ? задумчиво произнесла Ксенія.

И прибавила про себя:

„Онъ смѣетъ миловать!“

Но, несмотря на это презрительное восклицаніе, въ представленіи Ксеніи все же возникъ образъ царя, который воленъ казнить и миловать, карать и жаловать.

— Что же? Значитъ, онъ и надо мною тоже сказался—меня тоже *помиловалъ*? обратилась Ксенія къ мамѣ.

— Онъ добрый, дитятко мое, добрый! Милостивый, говорятъ... Да зоркій такой—все видитъ, все знаетъ самъ! Всюду одинъ ходитъ—все самъ дозируетъ...

— Ты говоришь: *милостивый*? Отчего же онъ только меня *одну* помиловалъ?

Боярыня-мама опять засуетилась.

— Не накличь ты бѣды на нашу голову, матушка-царевна! Не приказано намъ съ тобою ни о чемъ говорить, а то такихъ страстей насулено!..

Ксенія понурида голову... Она поняла, что она—царевна только по имени; а на самомъ дѣлѣ—горькая сирота и несчастная плѣнница.

VI.

Первая встрѣча.

Прошло еще съ недѣлю. Ксенія, среди своихъ прежнихъ приближенныхъ, стала по-немногу оживать. Молчаніе и таинственность, которыми ее окружали, перестали тяготить ее: она привыкла къ тому, что о нѣкоторыхъ лицахъ, о нѣкоторыхъ предметахъ говорить было нельзя... Мало того: она была даже довольна этимъ запретомъ. Ей все казалось, что и братъ Теодоръ, и царица-Марья разлучены съ нею на-время, только сосланы... Ей казалось, что рано или поздно она ихъ увидитъ. что они снова будутъ жить вмѣстѣ, и ей страшно было разрушить это очарованіе, страшно

было разсѣять тотъ туманъ, который покрывалъ въ ея сознаниіи невольную разлуку съ матерью и братомъ.

Покои, отведенные Ксеніи въ неизвѣстномъ ей боярскомъ домѣ, расположены были въ рядѣ, во второмъ жилѣ, и всѣми окнами выходили въ тѣнистый садъ, который по кособогу спускался къ рѣчкѣ и отовсюду былъ окруженъ высокимъ, здоровымъ тыномъ.

Изъ комнаты, смежной съ опочивальнею, дверь выходила на широкое крыльцо, которое спускалось въ садъ. Ксенія любила сидѣть въ этой комнатѣ со своими сѣнными дѣвушками, за обычнымъ плячнымъ рукодѣльемъ, любила, прислушиваясь къ тихому пѣнію дѣвушекъ, вдыхать свѣжій ароматный воздухъ, котормъ вѣяло изъ сада отъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ, отъ кустовъ бузины, жасмина и сирени. Но она долго не рѣшалась сойти въ этотъ незнакомый, чужой садъ, по которому свободно бѣгали и рѣзвились ея боярышни и сѣнныя дѣвушки. Наконецъ, боярыня-мама и боярыня-казначей общими силами выманили царевну изъ терема на прохладу и приволье зеленой садовой чащи.

— Тамъ, государыня, бесѣдка есть въ саду, и съ вышкой, и съ крылечкомъ. Такъ не дозволишь-ли туда боярышнямъ ягоды, да варенье, да воды со льдомъ снести,—будутъ тебѣ тамъ пѣни пѣть, пока ты будешь прохлаждаться. А намъ, старухамъ, прикажи медку подать—такъ мы тебѣ такую сказку расскажемъ, что тебѣ въ теремъ изъ сада идти не захочется.

— Инъ, будь по вашему, согласилась царевна.—Сегодня мнѣ и самой что-то не сидится въ комнатѣ.

И царевна спустилась съ крыльца въ садъ. Впереди по дорожкѣ чинно шли ея три боярышни, которыя держали надъ нею огромный солнешникъ. За боярышнями слѣдовали сѣнныя дѣвушки и несли ягоды на серебряныхъ блюдахъ, серебряные жбаны съ холодной ключевой водой, горшки съ вареньемъ и кувшины съ ягоднымъ квасомъ и медомъ.

Въ бесѣдкѣ, состоявшей изъ высокаго навѣса на столбахъ, разостлали ковры, поставили передъ царевной столикъ, а на немъ угощеніе и прохладительныя напитки, которыми царевна жаловала всѣхъ изъ своихъ рукъ.

— Ну-ка, боярышни! Потѣшите царевну—спойте ей пѣсенку, да повеселѣте! Ты, Варенька, запѣвай, а вы, дѣвушки, запѣвалу не выдавайте, подхватывайте.

— А что пѣть-то будемъ? спросила Варенька.

— Пойте: „За моремъ синичка не пышно жила...“

Варенька выступила передъ дѣвушками, которыя, весело хихикая и пересмѣиваясь, сбились въ кучку. Тонкимъ серебристымъ голосомъ вывела она:

„За моремъ синичка не пышно жила—
Пиво варивала...“

— „Пиво варивала!..“ подхватилъ хоръ боярышень и дѣвушекъ, и садъ огласился ихъ свѣжими, молодыми голосами.

Царевна, слушая ихъ, залюбовалась густою зеленью развѣсистыхъ деревьевъ и синевою чистаго, яснаго, лазуреваго неба, по которому съ веселымъ свистомъ носились ласточки. Въ душу ея мало-по-малу проникло то спокойствіе, котормъ все кругомъ ея дышало; ей захотѣлось пожить настоящимъ, не вспоминая о прошедшемъ, не думая о будущемъ.

Вдругъ пѣсня дѣвушекъ оборвалась на полусловѣ... Царевна обернулась къ нимъ и увидѣла, что всѣ онѣ, въ смущеніи и тревогѣ, указываютъ на дорожку сада, по которой шли къ бесѣдкѣ двѣ мужскія фигуры, въ богатыхъ боярскихъ платьяхъ.

Царевна взглянулась съ изумленіемъ въ подходившихъ бояръ, и вскочила въ ужасъ: въ одномъ изъ нихъ она узнала Рубецъ-Масальскаго. Другой, пониже и помоложе его, былъ ей неизвѣстенъ.

— Что-жъ вы, красныя дѣвицы, пѣть перестали? нахально обратился Рубецъ-Масальскій, подходя къ боя-

Собственноручный портрет Рембрандта. Грав Бодь

рышнямъ.—А мы только разлакомились было на ваши пѣсни...

Царевна Ксенія, блѣдная и взволнованная, обратилась къ оторопѣвшей боярынь-мамѣ и сказала твердо:

— Скажи боярину, что дѣвушки безъ моего приказа не смѣютъ пѣть, и попроси его уйти отсюда той же дорогой, какую онъ пришелъ.

Мама царевны, растерявшись, заметалась на мѣстѣ, дѣлая Ксеніи какіе-то знаки глазами, а Рубецъ-Масальскій обратился въ ея сторону и, отвѣсивъ ей поясной поклонъ, сказалъ съ особеннымъ удареніемъ:

— Поклонъ тебѣ правлю, государыня-царевна, а приказа твоего исполнить не могу. Пришелъ я сюда не своею волей, а по велѣнію нашего законнаго государя, Дмитрія Ивановича. По его велѣнію я и иду отсюда.

И онъ почтительно обратился къ своему спутнику и спросилъ его:

— Прикажешь, государь?

Ксенія вздрогнула и невольно взглянула на того, къ кому обратился Масальскій съ такимъ почтеніемъ. Она увидѣла передъ собою статнаго молодого человѣка, въ золотной парчевой чугѣ, которая ловко и щеголевато обхватывала его крѣпкую, мужественную фигуру. Изъ-за пестраго польскаго пояса выглядывала рукоятъ криваго персидскаго кинжала, осыпанная рубинами. Некрасивое, но выразительное и смѣлое лицо его было обращено въ сторону царевны, и большія, темныя, пламенные очи жадно впивались въ ея очи.

Ихъ взоры встрѣтились, и царевна невольно опу-

стила глаза передъ этимъ упорнымъ и смѣлымъ взглядомъ.

— Государыня-царевна, произнесъ Дмитрій Ивановичъ сильнымъ и звучнымъ голосомъ,—не изволь гнѣваться на боярина... Тутъ онъ не виновенъ: онъ точно мою волю правилъ. Я ѣхалъ мимо сада, услышалъ пѣсню дѣвушекъ и захотѣлъ сюда зайти, взглянуть... какъ ты живешь... и все-ли исполнено, что приказалъ я... къ твоему покою...

Ксенія подняла на него свои чудныя очи и проговорила только:

— Государь, тебѣ не мѣсто здѣсь и мнѣ, дѣвицѣ, говорить съ тобою не гоже... Удались или дозвожь мнѣ удалиться...

И прежде чѣмъ Дмитрій собрался ей отвѣтить, Ксенія махнула рукой своимъ боярышнямъ, спустилась съ крылечка бесѣдки и быстро скрылась подъ темнымъ сводомъ зелени.

А Дмитрій, смущенный и гнѣвный, долго стоялъ на мѣстѣ, покручивая свой молодой усъ и вперяя взоръ въ глубь садовой чащи.

— Вотъ она какова! сказалъ ему Рубецъ-Масальскій.— Да ты не очень съ нею чинись, великій государь! Она—твоя раба...

— Молчи, собака! гнѣвно крикнулъ на него Дмитрій, сверкнувъ глазами.— Это вы съ бабами привыкли плеткой управлять, а я не даромъ жилъ долго въ Польшѣ! Я съумѣю иначе проложить къ сердцу красавицы дорогу. Съумѣю иначе заставить полюбить меня!

(Продолженіе будетъ).

Французская выставка въ Москвѣ.

I.

Впечатлѣніе города.—Непріятныя мелочи.—Официальный каталогъ выставки.—Его недостатки.—Приблизительный планъ осмотра выставки.

Не знаемъ, какъ будетъ потомъ, но до сихъ поръ человѣка, прѣхавшаго въ Москву на французскую выставку, невольно должно было поражать полное отсутствіе какихъ-либо признаковъ, что въ городѣ есть что-нибудь особенное, что сюда издалека привезены товары, что французскіе купцы явились сюда гостями и что нынѣшнее лѣто—не обыкновенное лѣто въ Москвѣ, по прежнему величаво спокойной, тихой, прекрасной, но вмѣстѣ съ тѣмъ пыльной и душной.

Отсутствіе оживленія на улицахъ, конечно, дѣло обычнаго права; но странно, что относительно выставки не только нѣтъ въ городѣ рекламы, но даже объявленій, способныхъ дать человѣку прѣвзвѣную возможность болѣе или менѣе ориентироваться. Ни на афишныхъ кіоскахъ, ни на углахъ улицъ, ни въ ресторанахъ, ни въ гостиницахъ—нигдѣ нѣтъ самыхъ простыхъ свѣдѣній насчетъ интересующаго васъ предмета: съ котораго, наиримѣръ, до котораго часа открыта выставка, какая цѣна за входъ, какія средства сообщенія съ выставкой? Можетъ-быть, и даже, по всѣмъ вѣроятіямъ, все это было объявлено въ газетахъ, но не всѣ же должны хранить нумеръ газеты, гдѣ это было объявлено. Въ расписаніяхъ желѣзныхъ дорогъ указаны поѣзда, отправляющіеся съ дебаркадеровъ на французскую выставку. Человѣкъ, не знакомый съ Москвою и не идущій подъ рукой другихъ свѣдѣній, весьма естественно беретъ извозчика, ѣдетъ изъ центра на окраину, на станцію желѣзной дороги, старается не опоздать къ поѣзду, теритъ время, платитъ за извозчика и за мѣсто въ поѣздѣ и въ послѣдствіи съ разочарованіемъ узнаетъ, что съ Тверской, наиримѣръ, любой извозчикъ доведетъ его за 40 копѣекъ прямо до выставки... Отъ Страстнаго монастыря идутъ также конки туда, но, къ сожалѣнію, на вагонахъ не сдѣлано никакой соотвѣтствующей надписи. Что касается входной платы—она опредѣлена въ 30 коп.; но если вы прѣдете послѣ шести часовъ, то входъ стоитъ уже 75 коп. Опять становится немножко досадно—зачѣмъ платить лишнее. Если бы знать, что въ четвергъ седьмого возьмутъ съ васъ 75 коп., можно было бы прѣхать на полчаса раньше. По четвергамъ плата за входъ 1 рубль. Выставка открыта съ 11-ти часовъ до 12-ти ночи. Такъ по крайней мѣрѣ извѣстно официально, но на самомъ дѣлѣ къ восьми часамъ остаются уже отъ выставки одни увеселенія, а отдѣлы, гдѣ выставлены собственно товары,—всѣ погружены въ мракъ и закрыты. Только павильоны фарфора, бронзы и машинъ, служащіе проходами, освѣщены и ихъ можно осматривать и вечеромъ. Конечно, все это мелочи, но если не знать ихъ, онѣ могутъ показаться непріятными.

При входѣ на выставку продается „Официальный каталогъ“, довольно почтенная книжка, и, увидѣвъ ее, невольно каждый съѣшитъ пріобрѣсти, въ полной увѣренности, что те-

перь „все, что было тайнымъ, станетъ явнымъ“ и никакихъ уже недоразумѣній не будетъ... Но, получивъ эту книгу и перелистовавъ, рѣшительно не знаешь, что съ нею дѣлать потомъ; при осмотрѣ выставки она отягиваетъ руки, а заглядывать въ нее совсѣмъ не приходится... Представьте себѣ нѣсколько сотъ адресовъ различныхъ фирмъ, раздѣленныхъ на двѣнадцать группъ и тридцать семь классовъ и расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Дѣленія эти на группы и классы на самой выставкѣ или не сдѣланы вовсе, или сдѣланы такъ, что ихъ не замѣтно; но еслибъ даже и были они, то все-таки списка экспонированныхъ вещей въ каталогѣ нѣтъ, и онъ, кромѣ расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ адресовъ, ничего не даетъ; слѣдовательно, при осмотрѣ вещей никакой справки сдѣлать въ немъ нельзя. Къ каталогъ приложенъ небольшой планъ выставки. Онъ можетъ, правда, помочь нѣсколько сообразоваться съ мѣстностью, но не вполне. Дѣло въ томъ, что книга „Официального каталога“, какъ значится на обложкѣ, напечатана въ Парижѣ, видимо до устройства самой выставки, а потому въ немъ и помѣщенъ только списокъ фирмъ, *предполагавшихъ* прислать свои произведенія въ Москву, но всѣли фирмы прислали ихъ и какія именно вещи выставлены или—это приходится уже любознательному наблюдателю отыскивать самому. Точно также и „планъ“ составленъ до выставки; по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ на планѣ значится: „сало, масло, консервы, спроны и горчица“,—устроены очень элегантныя кіоски въ видѣ шампанскихъ бутылокъ и въ нихъ очень милыя продавщицы, совсѣмъ не похожія ни на спронъ, ни на горчицу, а тѣмъ менѣе на консервы...

Но, разумѣется, изъ этого еще не слѣдуетъ, что на самой выставкѣ смотрѣть нечего или, наоборотъ, что трудно разобратся въ той массѣ вещей, которыя проходятъ передъ вашими глазами. Разобраться вполне возможно и много есть вещей прекрасныхъ; но чтобы видѣть все, недостаточно объѣхать выставку въ два-три дня безъ системы, безъ заранее составленнаго плана. Нужна по крайней мѣрѣ недѣля, чтобы познакомиться со всѣмъ калейдоскопомъ выставки и то это возможно лишь съ извѣстнымъ запасомъ твердости, не допускающей уклоненій въ сторону,—къ безцѣльному оглядыванію вещей попадающихъ на глаза случайно.

Весь главный корпусъ выставки представляетъ два концентрическихъ кольца галлерей, между которыми по направленію радиусовъ расположены восемь большихъ павильоновъ. Зданія остались тѣ же, что были на выставкѣ Всероссийской 1882 г.

Четыре большихъ галлерей въшяго кольца, соединяющіи павильоны, заняты произведеніями художествъ. Съ этого, художественнаго отдѣла, минуя павильоны, слѣдуетъ начать осмотръ выставки. На это понадобится для подробнаго ознакомленія по крайней мѣрѣ день. Вечеромъ можно смотрѣть фарфоръ, бронзу, погѣщающіяся въ первомъ, входномъ павильонѣ, который освѣщается и открытъ до 12 часовъ ночи.

Изъ этого навильона ведетъ галерея внутреннего кольца въ слѣдующій навильонъ города Парижа. Въ галереѣ помѣщается печатный и книжный отдѣлы. Въ навильонѣ, кромѣ Парижа, — бумажный отдѣлъ, фотографія, часовой и картографическій отдѣлы.

Здѣсь опять материала для обзора хватитъ на день, если не идти мимо выставленныхъ предметовъ, окидывая ихъ разсѣяннымъ, небрежнымъ взглядомъ, и не бояться попросить лицъ, стоящихъ у витринъ, показать то, что васъ интересуетъ. Экспоненты чрезвычайно любезно и охотно показываютъ все и даютъ объясненія. Говорите съ ними смѣло по-русски — они не только поймутъ васъ, но и отвѣтятъ на русскомъ же языкѣ... Исключенія окажутся очень рѣдки.

На слѣдующій день можно обойти галерею золотыхъ и бриллиантовыхъ вещей, мебельный отдѣлъ и отдѣлъ матерій, платья и дорожныхъ вещей (здѣсь въ числѣ указанныхъ на планѣ каталога „дорожныхъ вещей“ — выставлены дѣтскія игрушки!).

На четвертый день останутся еще два навильона главного корпуса выставки. Затѣмъ день нужно посвятить на осмотръ сельско-хозяйственныхъ машинъ, находящихся въ отдѣльномъ зданіи. Но этотъ приблизительный планъ подробнаго осмотра выставки, разумеется, возможенъ лишь послѣ предварительнаго бѣлаго ознакомленія съ нею, съ общими ея характеромъ и, конечно, долженъ быть видоизмѣненъ сообразно вкусу, если кто-нибудь имѣетъ специальный интересъ къ тому или другому отдѣлу.

II.

Художественный отдѣлъ. — Пейзажи. — Особенности французской манеры. — Жанры. — Портреты. — Историческая живопись. — Аллегорія и фантазія. — Овцы неудачнаго каталога.

Художественный отдѣлъ выставки представилъ 375 именъ художниковъ, выставившихъ 661 произведеніе; такимъ образомъ, если считать хотя бы полминуты среднимъ числомъ на каждое произведеніе, то для обзора этого отдѣла потребуется около пяти часовъ. Въ такой массѣ картинъ и скульптурныхъ работъ (послѣднихъ, впрочемъ, гораздо меньше чѣмъ картинъ), разумеется, разберешься не сразу, но и первое впечатлѣніе, при первоначальномъ, бѣгомъ обзорѣ, довольно любопытно.

Общій стиль, если можно такъ выразиться, художественнаго французскаго отдѣла невольно поражаетъ русской глазъ совершенно непривычнымъ для него колоритомъ. Если взять каждую картину отдѣльно — трудно уловить существенную разницу съ тѣмъ, что мы видимъ на нашихъ выставкахъ (тутъ рѣчь идетъ не о достоинствахъ, разумеется, — хуже или лучше, — но о самомъ впечатлѣніи картины); но когда вы осматриваете всю массу выставленныхъ картинъ — удивительно замѣтно, что всѣ онѣ писаны въ совершенно другихъ, чѣмъ у насъ, условіяхъ: другое освѣщеніе, другія краски, какъ будто и солнце не то, что у насъ, и небо не то.

Пейзажъ, напримѣръ, французы пишутъ такую ярко-зеленую краской, которая совсѣмъ не идетъ для передачи нашей природы, и эти воплѣты вѣрныя на мѣстѣ, тамъ во Франціи, тоны, кажутся у насъ какъ-будто дѣланными, неестественными, а между тѣмъ, въ чемъ другому, но современное искусство французское нельзя обвинить въ прежнемъ его стремленіи къ дѣланности и условности. Напротивъ, съ большинства полотенъ такъ и вѣетъ серьезнымъ изученіемъ природы, и не только изученіемъ, но даже моментальною фотографіей. Современные французскіе художники широко пользуются фотографіей и прежде этюдны дѣлаютъ снимки помощью свѣтописи, для полученія наиболѣе точнаго контура.

Это замѣтно въ картинѣ. Привычный къ своимъ роднымъ тонамъ, глазъ французско-художника не можетъ даже уловить иные тона, когда трактуетъ иноплемennyй себѣ сюжетъ.

Такъ, на выставкѣ есть большое полотно извѣстнаго Детайля, изображающее русскихъ казаковъ-пѣсенниковъ, идущихъ на-зарѣ по дорогѣ. Детайль былъ лично въ Красномъ Селѣ въ лагерь, дѣлалъ тамъ, видимо, этюды и добросовѣстно научилъ и тить казацкой лошади, и самого казака, и даже дорогу русскую, но колорита не могъ уловить. Это не наша, — не русская заря, не русскій *воздухъ* въ картинѣ. Очевидно, наши картины должны производить на иностранцевъ то же впечатлѣніе, но объ немъ мы судить не можемъ; что же касается нашего, то пусть его провѣритъ лица посѣщающія Московскую выставку — это очень любопытно.

Что касается самой манеры трактовать сюжетъ, то французскіе пейзажисты берутъ прямо натуру и вставляютъ кусокъ ея въ раму. Въ ихъ картинахъ не замѣтна та, всегда немозжимо бьющая въ глаза натянутость, которая является при составленіи пейзажа изъ нѣсколькихъ, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ этюдовъ.

Въ силу этого внимательности иногда въ полотнѣ нѣтъ, но правды за-то больше...

Еще одна особенность рѣзко поражаетъ во французскомъ пейзажѣ — это необыкновенно высоко поднятый горизонтъ.

Примѣромъ можетъ служить Фламенгъ „Départ des barques de Trouville“.

Жанръ представленъ на выставкѣ довольно мало, но за-то съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ останавливался передъ

картинкою этого рода, когда встрѣчаешь ее. Впрочемъ, довольно сказать, что имя Мессонье въ числѣ экспонентовъ. Совѣтуемъ не пропустить небольшую картинку Фроппа „Le retour du Missionnaire“. Стараніе быть реальнымъ замѣтно и у жанристовъ французскихъ; но это стараніе часто уступаетъ мѣсто желанію во что бы то ни стало привлечь къ себѣ вниманіе зрителя. Вслѣдствіе этого, въ числѣ жанровыхъ картинъ много есть бьющихъ, что называется, по первамъ — пятки, наступленія XVIII столѣтія, мертвыя головы и т. п. ужасы.

Изъ числа болѣе шестисотъ картинъ — только 30 портретовъ, и то изъ нихъ почти половина миниатюръ. Главное въ портретѣ, разумеется, сходство съ оригиналомъ; но зная большинство оригиналовъ, съ которыхъ они писаны, мы не можемъ ничего сказать о ихъ достоинствахъ съ этой стороны, но въ числѣ портретной живописи есть вещи возвышающіяся уже до самостоятельной картины. Портретъ кардинала Лавижери написанъ Бонна такъ, что зрителю нѣтъ дѣла, кардиналь-ли это Лавижери или другой, — передъ нимъ, какъ живой сидитъ въ креслахъ типичный сановникъ католической церкви, въ своемъ красномъ одѣяніи.

Точно также типичнымъ изображеніемъ ученаго можетъ служить прекрасный портретъ извѣстнаго русскаго изобрѣтателя Яблочкова. Тутъ все хорошо, и поза, и выраженіе, и аксесуары, написанные правдиво, безъ расчета на эффектъ, и потому прекрасно.

Не богата также выставка въ отношеніи количественномъ историческими картинами. Самый большой историческій холстъ („Карль Смѣлый въ Нелъ“), поставленный даже въ отдѣльномъ помѣщеніи, съ особо устроеннымъ свѣтомъ сверху, ужасно грѣшитъ дѣланностью и деревянностью фигуръ.

Французы всегда были любители декоративныхъ картинъ съ грудами плодовъ, овощей или кучею разсыпанныхъ цвѣтовъ... и до сихъ поръ они не отстали отъ этого пристрастія. На выставкѣ то и дѣло попадаются такія полотна и иногда даже очень почтенныхъ размѣровъ. И цвѣты, и фрукты написаны очень тщательно и добросовѣстно, и съ болѣе-нмъ вкусомъ.

Много на выставкѣ затѣмъ уже чисто такъ-называемаго французскаго вздора — разныхъ аллегорій, фантазій и ир., гдѣ и рисуютъ иногда грѣшнѣе, и колоритъ взять неестественный, но на то это дескать и фантазія.

Къ этому же роду аллегорій можно отнести и огромную картину „Голосъ набата“ (Мейньяль); но написана она дѣйствительно хорошо, и, пожалуй, единственная серьезная изъ всѣхъ аллегорій по выпискѣ и трактовкѣ: огромный колоколъ въ полномъ размахѣ — вокругъ него призраки ужаса и отчаянія. Картина производитъ впечатлѣніе, если въ нее взглянуть.

Разумеется, не обошлось безъ знаменитаго парижскаго „Nu“. Голыхъ тѣлъ много, но висятъ они скромно, наверху, и большею частью надъ дверями.

Общій видъ художественнаго отдѣла производитъ болѣе чѣмъ пріятное впечатлѣніе и, обойдя его, вы не пожалѣете тѣхъ пяти часовъ, которые употребили на это. Вы послѣ осмотра вынесете много хорошихъ воспоминаній.

Для развлечения можете заглянуть въ художественномъ отдѣлѣ въ знаменитый каталогъ, тѣмъ болѣе, что впоследствии онъ не пригодится. Каталог напечатанъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Переводъ этотъ очень веселый: „Alzart, vue de Mustapha supérieur“, т. е. „верхній“, переведено: „превосходный видъ Мустафы“; „Incroyables à cheval“ (т. е. „шеголи время директоріи верхомъ“) — „невероятное на лошади“; „Jour de régates“ — „гонка суденъ“. Хороша также „женщина съ музой!“ („Femme à la bouche“)...

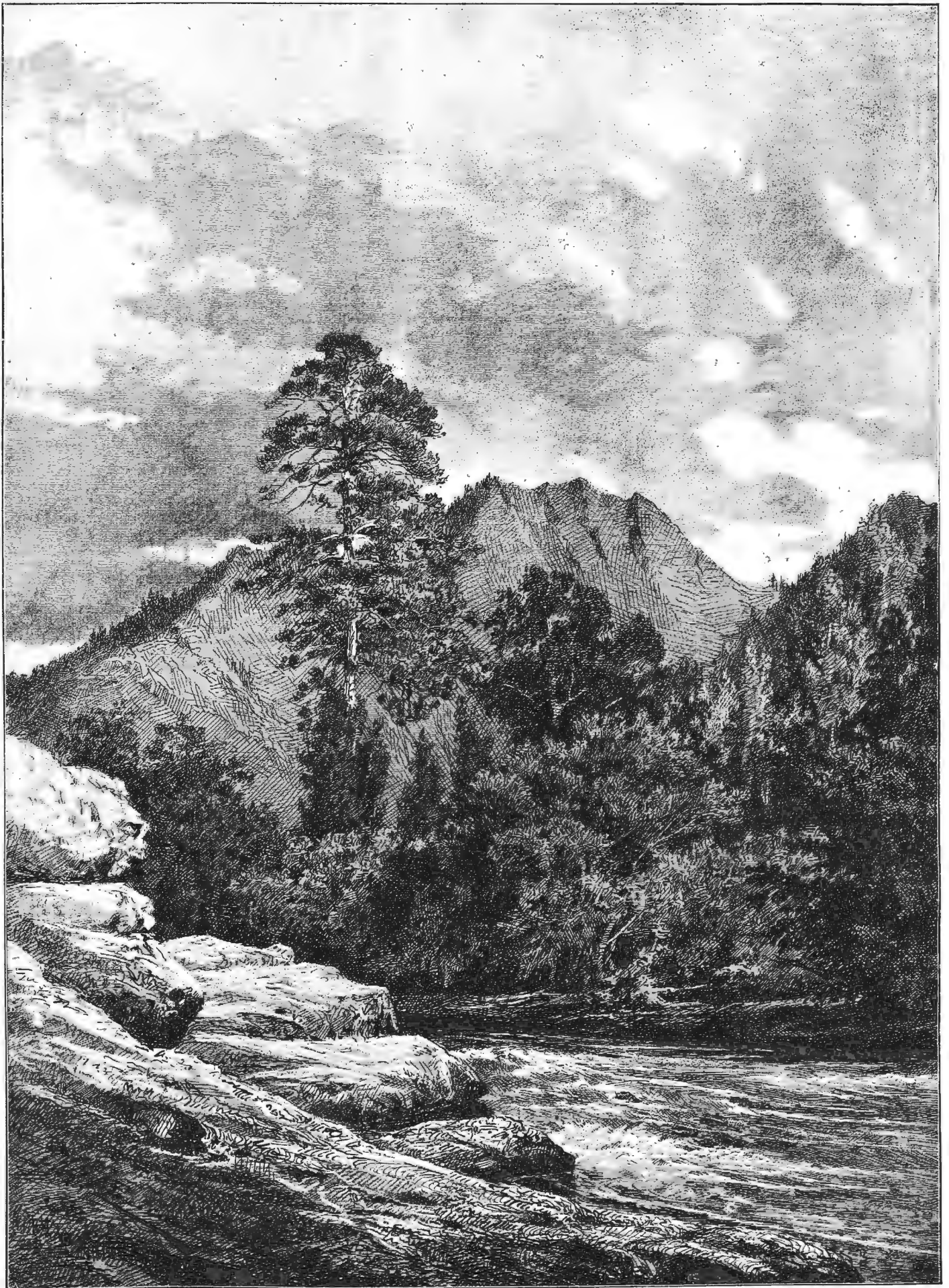
III.

Отдѣлы фарфора и бронзы. — Исходная точка сужденія о выставкѣ. — Какова была Франція и какова она есть.

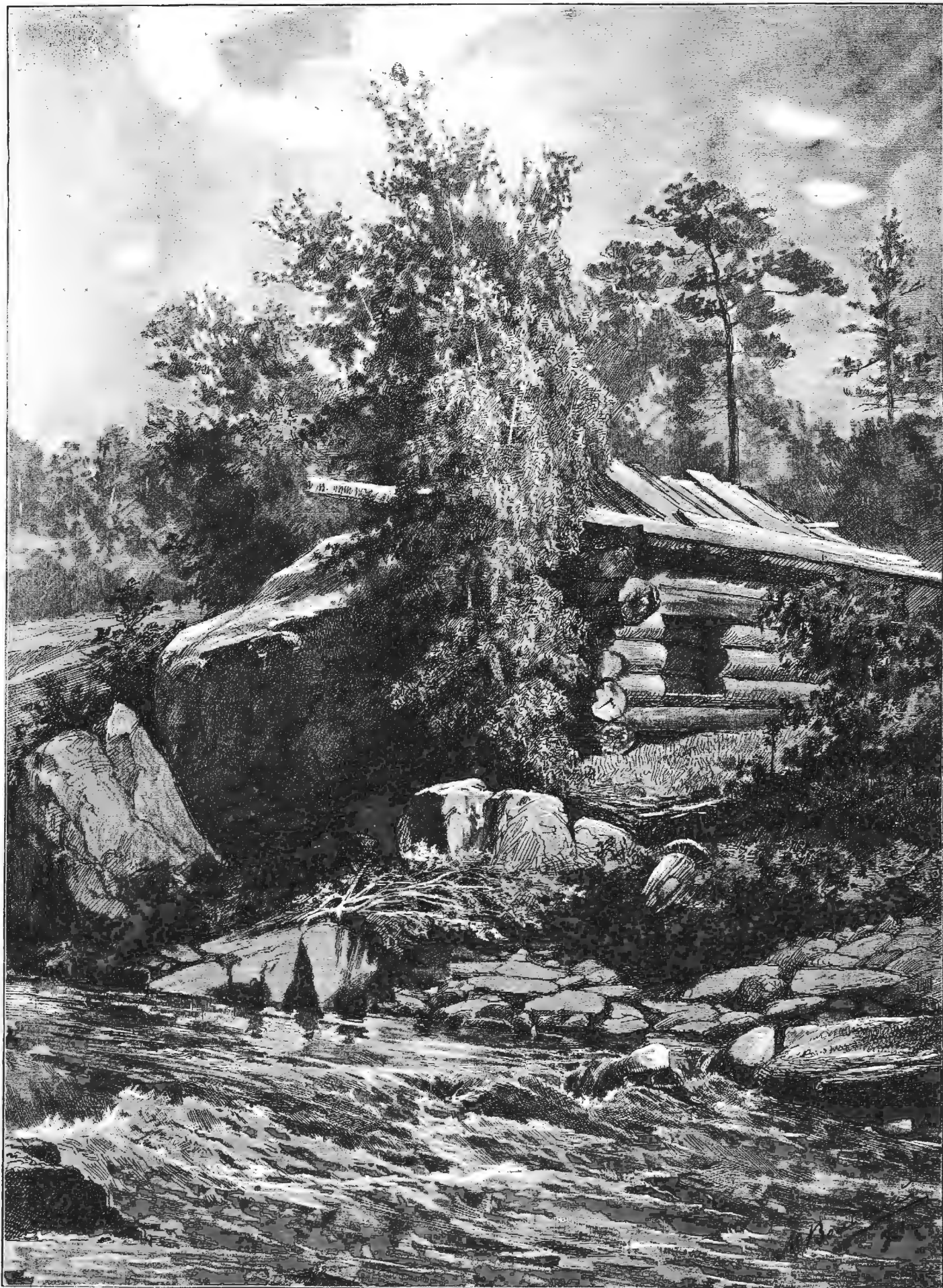
Входной, первый навильонъ занять, какъ было уже сказано, хрусталемъ, стекломъ, фарфоромъ и бронзой. Что касается хрустала и стекла, то ихъ, вѣроятно, привезутъ еще, потому что до сихъ поръ на мѣстахъ, отвѣденныхъ для нихъ, стоитъ одно огромное, превосходное зеркало поразительной чистоты и затѣмъ прилавокъ съ какими-то стаканчиками, очень незначительными, на которыхъ тутъ же, для желающихъ приобрѣсти ихъ, вырѣзаетъ русскій малый, съ болѣе-нмъ стараніемъ, кривыя буквы.

Отдѣленіе фарфора очень красиво. Стойки обгнаны темно-красною матеріей въ родѣ плюша и на ихъ полкахъ разставлены всевозможной формы и величины вазы, чашки, тарелки. Фарфоръ бѣлый, тонкій, чистый. Богатый человекъ, имѣющій возможность платитъ большія деньги, можетъ здѣсь купить для своего обихода очень хорошія и красивыя вещи, но настоящій любитель фарфора едва ли выберетъ себѣ здѣсь что-нибудь по вкусу.

Повторяемъ, все очень красиво, пестро, многоцвѣтно, но нѣтъ ни одной вещи въ строгомъ стилѣ. Въ прежнее время производство фарфоровыхъ вещей очень близко подходило къ искусству. Стилъ зависѣлъ какъ отъ формы самой вещи, такъ и отъ красокъ, секретъ которыхъ хранился съ необычайной тайной, и отъ живописи, дѣлаемой отъ руки. Все это создавало цѣлую школу, и мастера съ дѣтства приучались къ своему ремеслу. Благодаря участію истинныхъ художниковъ, соста-

Алтай. Рѣка Чамаль, впадающая въ Катунь (близъ устья). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Вольскаго, автотипія Ангерера.

Алтай. Кузница на Эликмонарѣ (рѣкъ, впадающей въ Катунь). Ориг рис (собств. „Нивы“) Вольскаго, автогипія Ангерера

вишихъ себѣ имя живописью по фарфору (Дролингъ, Жако-то и др.), фарфоровыя вещи являлись не только художественными предметами, но и своего рода писемъ, что для любителя-коллекціонера весьма цѣнно. Въ настоящее время, во-первыхъ, иллюминація фарфора идетъ фабричнымъ порядкомъ, т. е. художникъ-мастеровой, набившій себѣ руку на известномъ рисункѣ, почти съ точностью машины воспроизводитъ его, а во-вторыхъ, изобрѣтены и прямо машинные способы для разрисовки фарфора. Благодаря этому, прежній стиль утраченъ, а новаго не выработано, потому что тѣ исковерканныя попытки новыхъ формъ, образчики которыхъ привозены на выставку, не могутъ считаться стилемъ. О рисункѣ говорить уже нечего. Все это слишкомъ пестро, ломано, красиво на первый взглядъ, но очень скоро примелькается и прискучиваетъ.

Въ общемъ витрины фарфорового отдѣла похожи на выставки нашихъ петербургскихъ фарфоровыхъ магазиновъ. По крайней мѣрѣ здѣсь можно видѣть много совершенно подобныхъ же вещей.

Вслѣдствіе-ли этого или по причинѣ большихъ сравнительно цѣнъ, но торгуетъ фарфоровый отдѣлъ не очень бойко. Совершенно другое впечатлѣніе производитъ смежный съ нимъ отдѣлъ бронзы. Здѣсь цѣны тоже не низенькія. Дешевле 40 р. нѣтъ вещи, но много продано и заказано повторить. Публика толпится здѣсь больше и внимательнѣе присматривается къ выставленнымъ предметамъ. Тутъ почти каждая вещь говоритъ сама за себя—и вы чувствуете, что каждая эта вещь принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя переживутъ не одно поколѣніе, будутъ передаваться наслѣдствомъ и спустя много лѣтъ ихъ будутъ искать истинные знатоки и цѣнители старинныхъ предметовъ. Эти новенькія теперь бронзовыя вещи именно *достойны* стать представителями для будущихъ поколѣній вкуса современнаго намъ, словомъ, они теперь имѣютъ уже свой стиль.

Странно—многіе смѣшиваютъ производство бронзовыхъ вещей съ скульптурой изъ бронзы и даже на выставкѣ смотрятъ на нихъ, какъ на самостоятельное произведение какихъ-то неизвестныхъ мастеровъ. На что даже—большая бронзовая фигура Мефистофеля, сдѣланная по мраморной статуѣ Антокольскаго, находящейся у насъ въ Эрмитажѣ, и о той говорить, словно только здѣсь на выставкѣ въ первый разъ узнали о ней. Производство бронзовыхъ вещей есть ремесло—и вся суть его не въ художественномъ творествѣ фигуръ и образцовъ, которые могутъ быть взяты и готовые уже, но именно въ отчетливомъ воспроизведеніи этихъ фигуръ, въ тщательности отдѣлки и въ остроуміи, если можно такъ выразиться, способъ производства. Это-то именно, т. е. сизелировка, отдѣлка, тщательность и слѣдовательно известныя приспособленія для возможно большаго и лучшаго повторенія вещей по готовымъ формамъ, и доведено у французовъ теперь до высшей степени изящества и чистоты.

Вотъ эти два отдѣла, фарфоровый и бронзовый—могутъ послужить исходною точкою для того заключенія, которое получается по осмотру всей выставки. Французскій фарфоръ, лишенный субъективной работы, единичнаго вдохновенія, — несомнѣнно проигралъ, производство его упало, т. е. онъ сталъ хуже, чѣмъ былъ прежде; производство же бронзовыхъ вещей, могшее пострадать отъ труда коллективнаго, а наоборотъ только выиграть отъ него — поднялось до высокой степени совершенства.

Здѣсь отъ введенія фабричныхъ, механическихъ способовъ производство выиграло, а въ фарфорѣ, эти способы не соотвѣтствующи и фарфоръ сталъ хуже. Итакъ во всемъ, Франція, судя по тому, какою она представилась на выставкѣ, дошла до поразительныхъ результатовъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ вся сила заключается въ *остроумии* способа производства, и совершенно не оправдала ожиданій тамъ, гдѣ требуется вкусъ, единичное творчество, т. е. это не значитъ, чтобы вкуса не было вовсе, но его стало какъ-будто меньше.

Кто теперь даетъ моду въ Парижѣ?

Очевидно тѣ же, кто и прежде, т. е. тѣ, которые могли платить дороже другихъ.

Но дѣло въ томъ, что прежде дороже другихъ могла платить аристократія, а теперь ея нѣтъ; теперь за дамскіе наряды платятъ дороже другихъ известнаго сорта женщины и для нихъ-то главнымъ образомъ старается парижская мода, а за все остальное — банкиры, люди случая, люди которыхъ судьба вытолкнула наверхъ и которые сегодня на конѣ, а завтра подъ копейку...

Что такое вкусъ?

Привычка къ хорошимъ вещамъ и умѣнье выбирать ихъ.

Очевидно, при существованіи семей, у которыхъ изъ поколѣній въ поколѣніе переходятъ вещи, вещи эти такъ и дѣлаютъ стараются, чтобы онѣ были солиднѣе, долговѣчнѣе, и кромѣ того только тѣ вещи становятся долговѣчными, которыя *нравятся* наибольшему числу различныхъ поколѣній, не уничтожившихъ ихъ за неприглядность, когда онѣ дошли до нихъ. Такимъ образомъ, подъ видомъ старинныхъ перешедшихъ къ намъ вещей, мы имѣемъ образчики вкуса, выдержавшіе не только критику современныхъ имъ поколѣній, но и послѣдую-

щихъ и являющіеся вслѣдствіе этого наглядными уроками вкуса, т. е. привычки къ хорошимъ вещамъ и мѣриломъ для выбора при новыхъ приобретеніяхъ...

Когда же на сцену выходятъ другіе люди, люди случайные, торопящіеся насладиться сегодняшнимъ, счастливымъ днемъ и взять отъ него все возможное—являются другія требованія и другіе вкусы. Тутъ нужны вещи блестяшія, бьющія въ носъ, кричащія, вещи, которымъ не нужно долгое существованіе, потому что самъ ихъ владѣлецъ, можетъ быть, завтра выкинетъ ихъ или у него ихъ продадутъ съ аукціона... Тутъ нужна услуга мимолетному тщеславію и средства недолгой, но тѣмъ болѣе рельефной роскоши...

IV.

Модный отдѣлъ.—Матерія.—Мебель.—Бриллианты.—Отдѣлъ книжнаго и типографскаго искусства.—Фотографія.—Обои.

Не смотря однако на упадокъ вкуса—или вѣрнѣе именно вслѣдствіе этого упадка Франція является теперь передъ нами не легкомысленною кокеткой, заботящеюся лишь объ „украшеніи“ жизни человѣческой, а серьезною труженицею дѣлающею огромные шаги по всемъ отраслямъ техники.

Многіе, отправляясь на выставку, все еще думаютъ найти модный базаръ, складъ красивыхъ бездѣлушекъ и т. д.

Мы видѣли, что въ фарфоровомъ отдѣлѣ такихъ лицъ постигнетъ неминуемое разочарованіе. То же самое будетъ и въ модномъ. Во-первыхъ, онъ вовсе не такъ обширенъ, какъ можно было этого ожидать, а то что есть—совсѣмъ не оставляетъ впечатлѣніе чего-нибудь выдающагося и, во-вторыхъ, отдѣлъ этотъ менѣе другихъ поддается осмотру. Устроены ряды витринъ, въ видѣ огромныхъ шкафовъ съ стеклянными, какъ окна магазиновъ, стѣнами. За этими стеклами расположены красивыми, разноцвѣтными каскадами куски матерій. И витрины, и матерія за ихъ стеклами ужасно похожи другъ на друга. Все зависитъ вѣдь въ отношеніи матерій отъ ея качества, доброты и цѣны, по какой она продается. Ни того, ни другого однако не известно. За стекломъ, да еще на нѣкоторомъ отдаленіи, въ перекутаныхъ складкахъ ужасно трудно не только разобрать качество, но даже отличить нѣкоторые сорта. Цѣны тоже нигдѣ нѣтъ, не выставлено. Остается лишь любоваться цвѣтами матерій, но это приятно для глазъ—и ничего „не говоритъ сердцу“.

Изъ готовыхъ дамскихъ платьевъ трудно замѣтить что-нибудь. Хотя между ними есть одно, которое, какъ говорятъ (цѣнъ не выставлено) стоитъ около десяти тысячъ франковъ. Платьевъ очень не много. Къ тому же собственно то, что можно назвать „моднымъ отдѣломъ“, т. е. матерія, бахрома, ленты и одежда,—расположено въ двухъ павильонахъ въ перемежку со щетками, корзиночнымъ производствомъ, кожей, мебелью, игрушками. Тутъ же находится „морской отдѣлъ“, „военный матеріалъ и искусство“ и „земледѣльскій отдѣлъ“. Уже изъ этого одного можно заключить, что „моды“ далеко не составляють излюбленный и желанный предметъ на выставкѣ и положительно онѣ гораздо скромнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ мебель. Она, напротивъ, такъ и бросается въ глаза, такъ и выдается по позолотѣ, то яркимъ цвѣтомъ обивки. Вся мебель страшно дорога, новѣйшихъ фасоновъ, въ которой, кажется, сдѣлано все, чтобы на ней сидѣть было неудобно. Стулья и кушетки до того низенькія, что если сидѣшь — колѣнки къ подбородку пододвигутъ; у дивановъ и у кушетокъ такія спинки, что облокотиться нельзя... Тѣмъ не менѣе красиво.

Красиво, да, даже слишкомъ красиво, слишкомъ потому, что такая краса мимолетна, надобѣтъ скоро и обтрется. Сдѣланы, наприкладъ, драпировки на самой мебели, со складками, которыя будутъ лежать какъ слѣдуетъ только до тѣхъ поръ, пока вещь нова. Кромѣ того красота эта какаютъ бутылочная, точно не настоящая; для театра, для сцены — лучшей мебели не нужно, ну а въ комнатахъ какъ-то странно поставитъ. Въ стѣнѣ, наприкладъ, Людовика XIV (золото и красный шелкъ), очень рѣзкое сочетаніе, но оно не грубо, потому что взять лишь одинъ цвѣтъ красный; а теперь маленькій диванчикъ (цѣна 500 р.!) сдѣлаютъ изъ золотой рѣзбы и въ эту рѣзбу вставятъ и орнаментъ ренессансъ, и коринтскую колонну, и лиру, и бубенъ, и сухарь, и барабанъ и сфинкса—все вмѣстѣ, и обобьютъ матеріей по пестротѣ цвѣтовъ, похожей на ситцевое охѣяло изъ лоскутковъ... Главное все тутъ перемѣшано и ничего своего собственнаго, современнаго, новаго не выдуманно.

Даже такая смѣсь—и та не нова, и ей давнымъ-давно присвоенъ, въ архитектурѣ правда, терминъ „барокко“.

Много богатствъ свезено въ отдѣлъ бриллиантовыхъ вещей. Тутъ есть одно кольцо, котрому цѣна — двѣсти тысячъ. Изъ драгоценныхъ камней по преимуществу выставлены бриллианты. Есть сафиры и изумрудная парюра. Отдѣлка вещей по возможности безъ золота на виду. Кажется и бриллианты вставлены словно на время, чтобы ихъ поскорѣ вынуть можно было. На ряду съ настоящими лежатъ въ витринахъ и поддѣльные камни. Поддѣльные они превосходно. Любопытна цѣлая серія поддѣльных бриллиантовъ, представляющая копию съ величайшихъ камней этого рода въ свѣтѣ.

Въ отдѣлѣ книжнаго и типографскаго дѣла предполагалось

сначала выставить не только произведения печати в готовом виде, но и показать весь процесс их появления в свете, демонстрируя машины, служащие для этой цели; но предположение это не осуществилось и пришлось ограничиться книгами, эстампами и гравюрами. Говорят, книг предполагалось выслать до 60,000 экземпляров. Не было однако физической возможности проценировать их. На самом деле на выставку все-таки около 6,000 томов. Надо отдать полную справедливость французскому типографскому искусству — оно доведено буквально до верха совершенства. Опять-таки раз дело доходит до техники — современная Франция положительно совершает чудеса. Образчиком может служить „золотая книга“, поднесенная президенту республики французскими типографами и переплетчиками и содержащая описание выставки в Париже 1889 года.

Весь перегорок и стѣны описываемого отдѣла увѣшаны рисунками, воспроизведенными помощью тиснения. Не проходите мимо них — они стоятъ вниманія. Здѣсь вы увидите подлинныя рисунки художниковъ, такими сначала, какими они ихъ сдають въ редакцію журнала; затѣмъ воспроизведеніе ихъ въ гравюрѣ. Далѣе весьма интересны факсимиле древнихъ книгъ и рукописей, — череданныхъ съ поразительной точностью подлинника. Цѣлая витрина посвящена коллекціи модныхъ гравюръ, начиная съ 1846 года. Печатавіе масляными красками (олеографія) совершенно отсутствуетъ, но за то есть образцы воспроизведенія рисунковъ акварели, доведенные до того, что опытный глазъ обманывается, принимая ихъ за подлинную акварель. Каждая такая картинка стоитъ около тридцати франковъ, есть и по сту франковъ. Книжный отдѣлъ помѣщается, какъ сказано, въ короткой галлерей внутренней кольца, соединяющей входной павильонъ со слѣдующимъ павильономъ, обозначаемымъ на планахъ выставки буквою В. Здѣсь ближайшая стойка къ книжному отдѣлу занята фотографіей. Изъ всѣхъ выставленныхъ предметовъ, а они заключаются по преимуществу въ воспроизведенныхъ уже снимкахъ, интересны портреты до колѣкъ въ натуральную величину человѣка. Еще интереснѣе было бы, разумеется, видѣть самое стекло, при посредствѣ котораго дѣлается такой отпечатокъ. Но вообще негативовъ не выставлено вовсе. Образцовъ фотографическихъ аппаратовъ и препаратовъ тоже мало замѣтно. Было обещано показать вновь изобрѣтенныя цвѣтныя фотографіи, — но и ихъ нѣтъ. Можетъ быть опять-таки еще будутъ, но до сихъ поръ не было...

Постоянная смѣна разнородныхъ предметовъ, ужасно утомляетъ глазъ посѣтителя, и потому необходима на выставкѣ очень строгая система, очень ясное дѣленіе границъ отдѣловъ, чтобы уменьшить по возможности это утомленіе. Къ сожалѣнію, замѣтная поспѣшность, съ которою создавалась французская выставка, видимо мѣшала строгой систематизаціи.

Это особенно замѣтно въ той части выставки, о которой идетъ рѣчь. Тутъ какъ-то ужасно перенутаны съ фотографическими стойками обои и писчая бумага, и принадлежности письма, и еще что-то, и даже реставрація картинъ.

Говорятъ, самое производство обоевъ очень интересно. Но на выставкѣ вы можете видѣть только результаты этого производства. Не говоря уже о машинахъ, ни одного валика съ узоромъ нѣтъ, не показано также постепеннаго возникновенія куска обоевъ. Просто въ лабиринтѣ продольныхъ, затемняющихъ другъ друга перегородокъ вѣшаны рамы съ натянутыми на нихъ обоями, но и это сдѣлано такъ, что можно пройти мимо, не остановившись. А между тѣмъ тутъ есть интересное: во-первыхъ, обои такъ называемые насыщенные, подражающіе бархату и сукну, и тисненные, подъ кожу. Сукно и бархатъ переданы не особенно точно, кожа гораздо лучше. Во-вторыхъ, рисунки и цвѣта опять служатъ доказательствомъ, что прежніе французы, вкус которыхъ мы привыкли такъ хвалить, не сдѣлали бы такихъ узоровъ и мишурно-блестящихъ сочетаній цвѣтовъ. Опять слишкомъ ужъ вычурно, слишкомъ „трактирно“.

У.

Отдѣлъ точныхъ инструментовъ. — Санитарный отдѣлъ. — Химическіе и красильные продукты. — Металлургическій отдѣлъ. — Экипажи. — Железнодорожный отдѣлъ. — Вино.

Названія большинства поставленныхъ въ заголовкѣ этой рубрики отдѣловъ общающа очень много интереснаго для посѣтителя. Въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ приходится иногда останавливаться у оконъ просто оптическихъ магазиновъ, гдѣ выставлены любопытныя вещи! Отъ санитарнаго отдѣла можно ожидать цѣлой кунсткамеры, а химическіе и красильные продукты?.. Со страшными шагами, которые сдѣлала теперь химія, можно было бы чуть не демонстрировать опыты магии... Съ такимъ запасомъ готовности къ интересу и въ предвкушеніи удовольствія удовлетворить его и подходишь къ тому мѣсту, гдѣ на планѣ значатся названные отдѣлы...

И что же? — тотъ же лабиринтѣ витринъ, стеклянныхъ шкаповъ и перегородокъ. Шкапы крѣпко заперты, никого воулѣ ихъ нѣтъ. За стеклами лежатъ инструменты, новенькіе, чистенькіе, но вѣдь не для того же сдѣланные, чтобы смотрѣть на нихъ черезъ витрину. Это не брилліанты: по блеску и чистотѣ ихъ вишняго вида ни о чемъ судить нельзя. Въ химическомъ отдѣлѣ такіе же шкапы, но съ вазочками, въ которыхъ горкой лежатъ краски, по виду все синька больше...

Очень можетъ быть, что все это превосходно, заслуживаетъ вниманія и представляетъ интересъ. Очень можетъ быть, и даже навѣрное, специалістъ пойдетъ здѣсь много для себя полезнаго и поучительнаго, но все-таки для этого онъ долженъ отыскать кого-нибудь, кто бы отперъ ему шкапы и показалъ что нужно.

Въ санитарномъ отдѣлѣ — все больше рисунки да чертежи, которые гораздо легче было бы просто надать. Можетъ быть, въ этихъ рисункахъ для специалістовъ и заключается какое-нибудь новое откровеніе, но для публики они не интересны и она проходитъ мимо нихъ не останавливаясь, за что и винить ее нельзя. Такіе же чертежи и рисунки, и здѣсь они только уже один, развѣшаны въ желѣзнодорожномъ отдѣлѣ. Кажется, въ немъ больше ничего и не будетъ, а хотѣли сначала выставить модели поѣздовъ, локомотивовъ, но этого до сихъ поръ ничего нѣтъ.

Центромъ музыкальнаго отдѣла служитъ внутренняя галерея между павильономъ В и слѣдующимъ. Кромѣ этого, въ лабиринтѣ витринъ гдѣ-то стоятъ еще фортепьяно, не пѣвучія вида музыкальнаго инструмента, а похожія на мебель, такъ они усердно разукрашены разнымъ деревомъ и рѣзбою и раскрашены даже, но ни одинъ музыкантъ такимъ инструментомъ не прельстится, такъ какъ навѣрно, что всякое лишнее украшеніе мѣшаетъ звуку. Изъ музыкальныхъ инструментовъ выставлены до сихъ поръ только клавишные, но и ихъ немного. Есть механическое фортепьяно и гармонифлютъ, на которой игралъ Рубинштейнъ, посѣтившій выставку, и хвалилъ эту гармонію. Такого преданія на выставкѣ. Вотъ все, что можно сказать про „музыкальный“ отдѣлъ, и лица, побывавшія на выставкѣ, согласятся съ этимъ.

Въ архитектурномъ отдѣлѣ опять больше чертежи. Въ глупый павильонъ помѣщены отдѣлы: „экипажный“ и „сельскохозяйственный“. Послѣдній опять представляетъ лишь для специалістовъ интересъ. Экспонаты размѣщены такъ, что для непосвященнаго человѣка они не понятны. Подъ громкимъ названіемъ „экипажнаго“ отдѣла разумѣется небольшой помостъ и на немъ штуки четыре-пять экипажей. Есть коляска, есть карета — и ничего особеннаго.

Далѣе черезъ тунисскій и алжирскій отдѣлы (будутъ готовы впоследствии) вы проходите въ вишній отдѣлъ, занимающій цѣлый павильонъ. Отдѣлъ этотъ очень красивъ и обширенъ. Изъ цѣлой груды боченковъ составлена здѣсь высокая пирамида съ аллегорическими статуями наверху. Затѣмъ — и это очень характерно — возведена постройка въ готическомъ стилѣ, въ родѣ аббатства: тутъ ликеръ-бенедиктинъ.

Далѣе нѣсколько киосковъ для шампанскаго. Одинъ въ видѣ огромной шампанской бутылки изъ плюша, другой декорированъ четырьмя большими бутылками и задропированъ (Царь-шампанское); здѣсь можно подойти и выпить бокалъ. У киосковъ поставлены высокіе стулья. За прилавками торгуютъ французски. Здѣсь садятся, пьютъ... Этотъ отдѣлъ уже близко подходитъ къ выставочнымъ увеселеніямъ, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ заключеніе.

VI.

Отдѣльные павильоны выставки. — Воздушный шаръ. — Впечатлѣніе подъема. — Увеселенія. — Свѣтляческія фонтаны.

Изъ павильоновъ, находящихся внѣ здания главнаго корпуса выставки, самый большой — сельско-хозяйственныхъ машинъ, но онъ будетъ окончательно готовъ только ко второй половинѣ выставочнаго сезона, который продолжится до октября. Затѣмъ отдѣльно отъ выставки устроенъ Императорскій павильонъ, декорированный очень изящно. Самый павильонъ остался тотъ же, что былъ на выставкѣ 1882 года.

Есть также отдѣльный павильонъ французскаго военнаго министерства, куда пускаютъ за особую плату. Тутъ разставлены восковыя куклы, одѣтыя въ разныя французскія мундиръ. И больше ничего.

На выставкѣ есть панорама, изображающая коронаваніе Его Императорскаго Величества. Написана она хорошо и добросовѣстно. Портреты похожи.

Если французы не могли привезти съ собой настоящей Эйфелевой башни, то привезли ея модель, очень тщательно сдѣланную. Модель показывается въ особомъ помѣщеніи и за особую же плату.

Одно изъ самыхъ любопытныхъ и интересныхъ впечатлѣній оставляетъ по себѣ на выставкѣ поднятіе на воздушномъ привязномъ шарѣ.

Посѣтителямъ выставки предоставляется случай испытать полетъ на воздушномъ шарѣ, устроенномъ для публики капитаномъ Жильберомъ, организаторомъ почти всѣхъ такъ называемыхъ „привязныхъ шаровъ“ (Ballons-cartifs), существовавшихъ до сихъ поръ и нигдѣ не подвергшихся какому-нибудь инциденту. Такимъ образомъ, опытнымъ этого воздухоплавателя ручается за безопасность лицъ, желающихъ испытать совершенно новое для нихъ ощущеніе. А ощущеніе это дѣйствительно ново и оригинально.

Подъ шаръ подвѣшена круглая корзина съ двумя высокими бортами, однимъ внѣшнимъ и внутреннимъ, потому что въ серединѣ проходитъ веревка, держащая шаръ. Въ корзину допускаютъ пять-шесть человѣкъ за особую плату 5 р.

Входите вы по мостку, такому же, как на пароходной пристани. Когда всё вошли и мостки убраны, капитанъ Жильберъ, находящійся неизменно тоже въ корзинѣ, даетъ знакъ, и огромный воротъ съ поматаннымъ на него канатомъ, къ которому привязан шаръ, приходитъ въ движение. Двигается опъ паровую машину съ заранѣе рассчитанной и регулированной скоростью. Канатъ разматывается, шаръ получаетъ свободу и плавно потягивается вверхъ. Первое впечатлѣніе, когда вы невольно почувствуете у себя подъ ногами, подъ тонкимъ, плетенымъ дномъ корзинки, все увеличивающуюся пустоту и ощутите легкое колебаніе корзинки, — нѣсколько страшно своею непривычностью; но не успеетъ этотъ страхъ овладѣть вами, какъ вы уже видите себя на такой высотѣ, съ которою совершенно незнакомы, и въ виду этого уничтожается всякое отчетливое впечатлѣніе возможности упасть съ нея. Новизна зрѣлища поражаетъ васъ всецѣло и поглощаетъ все ваше вниманіе. Колебанія корзинки незамѣтны. Условія, въ которыхъ находитесь, совсѣмъ выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, и мысль, занятая совсѣмъ другимъ, не останавливается на томъ, что вы вотъ отдѣлены отъ земли и что есть возможность упасть съ этой высоты. Прямо внизу совершенно необычайная картина: зданія выставки и находящійся вблизи ипподромъ кажутся премпленьюко, чистенькою моделью, пгрушкой съ двигающимися экипажами и маленькими человѣчками, похожими на куколки, потому что вы никогда не видели ихъ такъ сверху и только съ куколками знакомы въ такомъ разурѣ. Такимъ образомъ, первое впечатлѣніе вовсе не грандіозное, не подавляющее, какъ можно было ожидать, своею широтой, но скорѣе „уменьшительное“, если можно такъ выразиться: все, что вы только-что видели большимъ, въ натуральную величину, вдругъ дошло до размѣровъ маленькой игрушки. Предметы, находящіеся вдаль, ближе къ горизонту, менѣе или почти вовсе не измѣняютъ тѣхъ своихъ размѣровъ, которые вы видите, находясь на землѣ; вслѣдствіе этого впечатлѣніе рѣзко уменьшившейся въ своихъ подробностяхъ середины въ сравненіи съ краями дѣлается такое, будто она провалилась, образовавъ котловину. Вообще при подъемѣ кажется, что не вы поднимаетесь отъ земли, а она уходитъ отъ васъ.

Про раскрывающуюся картину можно сказать, что она очень похожа на тѣ рисунки, которые дѣлаются съ птичьяго полета... Высота подъема чисто зависитъ отъ настроенія находящихся въ корзинѣ лицъ. Капитанъ Жильберъ очень вы-

мателенъ и, не давая замѣтить этого, слѣдитъ за этимъ настроеніемъ и даетъ знакъ, когда нужно остановить подъемъ. Остановка дѣлается совсѣмъ плавно, незамѣтно. Затѣмъ начинается спускъ. При спускѣ канатъ натягивается сильнѣе и чувствуется легкое дрожаніе, точно вы стоите на мельничѣ, только шума жернововъ, разумѣется, нѣтъ. Удалявшаяся отъ васъ земля начинаетъ теперь выплывать вамъ навстрѣчу и когда вы входите, наконецъ, спускаясь, въ ту высоту, на которой уже случилось вамъ бывать, — послѣднія сажени десяти, — сознаніе, что вы находитесь выше земли, снова возвращается и сердце охватываетъ не то что страхъ, но становится жутко...

Когда сойдемъ съ шара, то послѣ этого по крайней мѣрѣ полчаса дышать нечѣмъ, такъ тяжелъ кажется воздухъ внизу въ сравненіи съ тѣмъ, которымъ дышали при подъемѣ.

Рядомъ съ шаромъ устроены такъ-называемыя „русскія горы“ („montagnes russes“), но всѣ такъ и называютъ ихъ по-французски. Это чисто французская выдумка въ подражаніе нашимъ ледянымъ горамъ. Здѣсь онѣ деревянные и не гладкія, а съ ухабистыми горбами, по которымъ проложены рельсы и по нимъ катаются въ телѣжкѣ на колесахъ.

„Русскія горы“ — это почти единственное чисто французское учрежденіе на выставкѣ. Что касается остального, то ожидающій найти на выставкѣ чисто французскую среду, уголокъ Парижа, ничего не найдетъ подобнаго. Здѣсь совсѣмъ русскій духъ и Русью пахнетъ. Есть кафе-шантанъ, есть рестораны, есть „арабскій концертъ“, — но въ ресторанахъ все на русскій ладъ и даже большинство лакеевъ русскіе. Въ кафе-шантанѣ есть двѣ-три пѣвчички-француженки. Въ „арабскомъ концертѣ“ пляшутъ еврейки съ шальми.

Продавцы и лица стоящія у витринъ — тоже если не русскіе, то обрусѣвшіе французы. Это все по преимуществу приказчики и приказчицы изъ французскихъ магазиновъ нашихъ столицъ нашихъ.

По вечерамъ въ центральномъ саду выставки бьютъ цвѣтные фонтаны, освѣщаемые снизу электрическимъ свѣтомъ, пронзеннымъ сквозь разноцвѣтныя стекла. Красиво, но далеко не ново. Лѣтъ десять тому назадъ такой фонтанъ билъ въ Павловскѣ на музыкѣ, въ Зоологическомъ саду показывали эти фонтаны и эффектомъ освѣщенной при помощи электричества воды давно уже пользуются на большой сценѣ въ балетѣ и оперѣ...

Кн. В.

Къ рисункамъ.

Рынокъ въ Выборгѣ. (Рис. на стр. 665).

Расположенный у Транзундской губы Финскаго залива и на Финляндской желѣзной дорогѣ, губерпскій городъ Выборгъ чрезвычайно живописенъ, какъ благодаря древнему готическому замку, такъ и окрестностямъ, изъ которыхъ предельнѣйшая — вилла Монрено барона Николая. Въ городѣ есть гимназія, навигаціонная школа и 6 церквей. Жителей, преимущественно кареловъ, а также шведовъ, нѣмцевъ и русскихъ насчитываютъ свыше 16,000. Къ самому городу подходит Сайменскій каналъ, замѣчательный своимъ благоустройствомъ и живописными окрестностями. Вначалѣ сильная крѣпость, Выборгъ неоднократно осаждался русскими. Въ 1710 году крѣпость сдалась на капитуляцію адмиралу графу Апраксину. Нашъ рисунокъ изображаетъ рыночную площадь въ городѣ.

Отъ грозы. (Рис. на стр. 668).

Кто не знаетъ, какъ часто среди самого яснаго дня внезапно закрутятся вихри пыли, загудитъ вѣтеръ, на поля бѣжитъ и дождитъ злобщящая тѣнь, и темныя тучи, чреватыя грозой, облегаютъ небо?.. Великолѣпный рисунокъ Н. Н. Каразина изображаетъ молодую крестьянку, которая погоняетъ вскачь свою сивку по дорогѣ между двумя полосами ржи, чтобы загодя убраться домой, между тѣмъ какъ ласточки, предвѣстницы грозы, такъ и рѣютъ надъ тѣлѣгой.

Въ прискокнучу! (Рис. на стр. 669).

За окно кухни вывѣсили ошпанную индѣйку, и вотъ вся надворная псарня состязается въ акробатической ловкости, стараясь достать лакомый кусочекъ. Четверо здоровенныхъ псовъ прыгаютъ изо всѣхъ силъ, пытаясь схватить его съ прискоку, между тѣмъ какъ цѣпной сторожъ надрывется сильными лапами на злоумышленниковъ. Маленькій ворничка, забравшійся на боченокъ, отъ восторга „служитъ“. А за стеклами кухоннаго окна виденъ еще одинъ зритель, который, въ крайнемъ возбужденіи, съ интересомъ слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ.

Портретъ Рембрандта. (Рис. на стр. 673).

Это голова одного изъ многочисленныхъ собственноручныхъ Рембрандтовскихъ портретовъ, на которомъ великій живописецъ изобразилъ себя вмѣстѣ съ женою, извѣстною Сас-

кіей ванъ-Улленбургъ, сидяшею у него на колѣняхъ, между тѣмъ какъ самъ онъ поднимаетъ задранный кубокъ. Портретъ этотъ относится къ 1636 году и хранится въ Дрезденѣ. Обращаемъ вниманіе читателей на тонкую гравюру и оригинальную манеру ея выполнения.

„Чамаль“ и „Кузница на Элимонартѣ“.

(Рис. на стр. 676 и 677)

Группа самымъ причудливымъ образомъ перекрещивающихся горныхъ цѣпей, занимающая южную часть Томской губерніи, извѣстна подъ названіемъ Алтая. Двѣ большія рѣки: Бія — единственный истокъ Телецкаго озера — и Катунь, берущая начало въ громадныхъ ледникахъ горы Бѣлухи, протекаютъ по Алтаю. Первая составляетъ восточную его границу; вторая течетъ посрединѣ этой горной страны. Соединяясь вмѣстѣ у города Бійска, оба горные потока образуютъ одну изъ величайшихъ русскихъ рѣкъ — Обь.

Вся страна къ востоку отъ Катунь, покрытая сплошь дремучими лѣсами, изобилующими всякаго рода дичью, заселена кочующимъ племенемъ — алтайцами. Это владѣніа Алтайской миссіи, задача которой — обратить кочевниковъ въ христіанство и привить имъ русскую культуру. Западная часть Алтая, сравнительно мало лѣсистая, заселена русскими, многочисленныя деревни которыхъ ютятся въ долинахъ горныхъ рѣчекъ, въ перемежку съ „аулами“ обрусѣвшихъ до нѣкоторой степени алтайцевъ и метисовъ, происшедшихъ отъ смѣшенія этихъ двухъ племенъ. Въ этой же части расположены и Алтайскіе горные заводы.

Горныя долины Алтая, отличающіяся плодородіемъ почвы и великолѣпными угольями, манятъ къ себѣ русскихъ переселенцевъ, которые толпами устремляются сюда и, поселившись, въ короткое время достигаютъ значительнаго благосостоянія. Вслѣдствіе трудности сообщенія съ торговыми пунктами по Оби, несмотря на плодородіе почвы, въ горахъ съютъ немного хлѣба, — только то, что нужно для удовлетворенія мѣстной потребности. Взаимнѣ содержатъ много крупнаго скота; разводять пасѣки, — благо пчелы отлично ведутся; въ хребтахъ промышленяютъ марала¹⁾, ради его роговъ, цѣнныхъ на китайскихъ рынкахъ, да собираютъ массы кедроваго орѣха. Все это предметы экспорта и источникъ богатства алтайскаго крестьянина. Горныя рѣчки изобилуютъ тайменемъ, харіу-

¹⁾ Благородный олень.

Дневной балъ, данный контръ-адмираломъ Жерве на палубѣ флагманскаго корабля „Маренго“ 19 юля 1891 г.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“), грав. Шюблеръ.

сомъ и уськучемъ ¹⁾, которые держатся въ самыхъ быстрыхъ мѣстахъ, гдѣ, прыгая по камнямъ, „жижня-киптъ“ вода.

Въ высшей степени своеобразны эти берега горныхъ рѣчекъ, покрытые разнообразной растительностью, свѣжал зелень которой красиво отбѣняется сѣрыми массами камня, мѣстами желтымъ песочкомъ или какъ ласточкино гнѣздо прилипшею къ скалѣ пѣушкой. На прилагаемыхъ рисункахъ изображены этого рода мѣстности, срисованныя по Эллимонариу и Чамалу, правымъ притокамъ рѣки Катунн въ среднемъ ея теченіи.

Чешская художественно-промышленная выставка въ Прагѣ. (Рис. на стр. 684).

Открытая недавно въ память бывшей сто лѣтъ тому назадъ такой же выставки въ Прагѣ, текущая пражская выставка стала всеславянскимъ торжествомъ. Депутации отъ различныхъ славянскихъ областей Австро-Венгрии, отъ поляковъ, сербовъ, болгаръ и проч., и проч. одна за другой перебивали въ Чешской столицѣ, встрѣчая болѣе или менѣе блестящій приемъ, смотря по тому, насколько допускала это австрійская полиція.

Мѣсто, на которомъ воздвигнуты зданія выставки, лежитъ за городомъ и представляетъ обширныя площади, засѣяныя зеленѣющимъ дерномъ, цвѣтниками, тѣнистымъ аллеемъ,

въ промежуткахъ между которыми высятся постройки разнообразнаго стиля. Центральное зданіе, выстроенное на подобіе дворца съ монументальнымъ главнымъ входомъ, предъ которымъ поставлена конная статуя короля Георгія Подѣбрада, заключаетъ въ себѣ большую часть художественно-промышленнаго отдѣла: мебель, ткани, музыкальные инструменты, хрусталь и проч. Справа и слѣва къ нему примыкаютъ два меньшихъ зданія, украшенныхъ греческою колоннадой: здѣсь собраны картины, скульптурныя произведенія, старинныя вещи, какъ напр. драгоценныя ткани, богемскій хрусталь, оружіе, брони и т. д. Богатство этого отдѣла свидѣтельствуетъ о томъ, какое горячее участіе принимала въ выставкѣ чешская знать, выславшая эти драгоценности изъ своихъ древнихъ замковъ. Справа позади главнаго зданія тянутся разбѣянные среди цвѣтничковъ отдѣльные павильоны: обширный залъ машинъ, наглядное свидѣтельство процвѣтанія горнаго дѣла въ Чехіи; построенный изъ дерева лѣсной отдѣлъ, отдѣлы сельскаго хозяйства и садоводства, отдѣлы художественно-ремесленныхъ школъ.

Далѣе замѣчательны павильоны, принадлежащіе представителямъ чешскихъ знатныхъ фамилій. Они содержатъ въ себѣ произведенія, которыми славятся обширныя имѣнія знати. На нашемъ рисункѣ изображенъ павильонъ принцевъ Гайнау, содержащій образцы металлургическихъ работъ и издѣлій.

Французская броненосная эскадра въ Россіи.

(Рис. на стр. 681 и 685).

Дневной балъ, данный 19 іюля французскими моряками на адмиральскомъ кораблѣ „Маренго“, удался блестящимъ образомъ. Пароходы отвозившіе гостей изъ Петербурга на эскадру („Онега“, „Нева“ и „Петербург“) шли отъ Англійской набережной и прибыли на мѣсто назначенія къ условленному ранѣе времени, т. е. къ 2 часамъ. Флагманскій корабль адмирала Жерве представлялъ характерное зрѣлище морскаго колосса, окруженнаго со всѣхъ сторонъ пароходами. Гребные катера русскіе и французскіе перевозили гостей на „Magengo“. Длинною, непрерывною вереницею подымались по правому (почетному) трапу пригласенные на дневной балъ. На верхней площадкѣ трапа ихъ встрѣчалъ командиръ „Маренго“, а на палубѣ — самъ адмиралъ Жерве. Всѣ французскіе морскіе офицеры были въ вицмундирахъ съ эполетами. Громадная палуба „Magengo“, отъ кормы вплоть до машинъ, была превращена въ обширный шатеръ, потолокъ и стѣны котораго представляли внутри пеструю, но очень изящную мозаику кормовыхъ флаговъ всѣхъ націй. Масса зелени и цвѣтовъ и нѣсколько небольшихъ фонтановъ довершали это оригинальное убранство. Въ „батарейной палубѣ“ были устроены два роскошные буфета, а офицерская каютъ-компанія превратилась въ складочное мѣсто для верхняго платья. Проходя въ большой буфетъ, расположенный ближе къ носу судна, русскіе приглашенные съ удовольствіемъ останавливались передъ большимъ щитомъ, на которомъ красовалась колоссальная буква R (Russie) составленная изъ металлическихъ пластинокъ. Въ половинѣ третьяго раздался звукъ прекраснаго судового (эскадреннаго) оркестра „Magengo“ и тотчасъ же начались оживленные танцы. Кадрилли смѣнялись польками и вальсами, и все завершилось мазуркою monstre, руководить которою любезные хозяева предоставили нашимъ офицерамъ. Въ батарейной палубѣ, между тѣмъ, около буфетовъ толпилась масса гостей. Превосходныя вина, привезенныя эскадрой изъ Франціи, лились рѣкою. Гости не могли нахвалиться любезностью своихъ милыхъ хозяевъ. Самъ адмиралъ Жерве неутомимо распорядился всѣмъ и то и дѣло спускался въ батарейную палубу для того, чтобы вскорѣ снова подняться наверхъ. Развѣздъ съ „Magengo“ начался около 6 часовъ. Почти всѣ дамы вернулись домой съ вещественными „сувенирами“ въ видѣ хорошенькихъ cornets de bal и разноцвѣтныхъ лентъ съ вытисненною на нихъ золотомъ надписью: „Magengo“.

20 іюля нашихъ милыхъ гостей радушно чествовалъ С.-Петербургскій рѣчной Яхтъ-Клубъ. Начиная съ полудня берега Малой Невки у Крестовскаго острова становились все оживленнѣе. Публика прибывала. На Крестовскомъ шоссе собралась масса экипажей. Сотни экипажъ и лодокъ сновали взадъ и впередъ по рѣкѣ. Въ помѣщеніи Яхтъ-Клуба шла суматоха. Все кругомъ убиралось къ встрѣчѣ дорогихъ гостей. Ежеминутно къ подъѣзду подходили и подъѣзжали приглашенныя на обѣдъ лица, члены нарусныхъ и гребныхъ петербургскихъ обществъ и ихъ семейства. Въ третьемъ часу дня на нѣсколькокихъ катерахъ прибыли гости. Едва катеръ, на которомъ находился адмиралъ Жерве, подошелъ къ пристани, какъ на мачтѣ Яхтъ-Клуба взвился громадный трехъ-цвѣтный французскій флагъ. Раздался пушечный салютъ и оркестръ музыки грянулъ „Марсельезу“. Оглушительныя крики „ура“, „Vive la France!“ обратились въ одинъ сплошной гулъ. Дамы махали платками, мужчины — шляпами. Мгновенно всѣ стоявшія кругомъ суда расцвѣтились флагами и сигналами. Встрѣ-

ченный командоромъ клуба М. И. Казн и членами клуба, адмиралъ Жерве вмѣстѣ со своими офицерами направился къ мастерскимъ, гдѣ должно было совершиться крещеніе новаго ботика. Окруженные массой публики, гости подошли къ ботнику, на носу котораго на трехцвѣтной лентѣ висѣла традиціонная бутылка шампанскаго. Французскій флагъ развѣвался надъ ботникомъ и на бортахъ его видѣлись дощечки съ надписью „Admiral Gervais“. Роль крестной матери исполнила г-жа Скрыдлова. Она напутствовала новый ботикъ слѣдующей фразой по-французски: „Прекрасный ботъ! Пусть вътеръ и воды всегда тебѣ благоприятствуютъ, и пусть принесетъ тебѣ счастье даваемое мною славною или адмирала Жерве. Да здравствуетъ французскій флотъ!“ Загремѣлъ салютъ; вдребезги разбилась бутылка шампанскаго, обдавая искрящейся иѣной борть новаго судна, и обрядъ крещенія былъ оконченъ. Гости стали осматривать мастерскія и суда Яхтъ-Клуба, при чемъ въ особенности заинтересовались буеромъ — диковинкой для многихъ изъ этихъ жителей прекрасной, вѣчно цвѣтущей страны. Въ 3 ч. состоялась гонка на призы, которые и были розданы адмираломъ. Послѣ гонки начался обѣдъ. Въ нѣсколькихъ залахъ, за роскошно декорированными столами, усажены гости и хозяйва и самая оживленная непринужденная бесѣда на смѣшанномъ русско-французскомъ языкѣ завязалась между обѣдающими. На предсѣдательскомъ креслѣ сидѣлъ адмиралъ Жерве съ Анненской звѣздой на груди. Въ петличкахъ французскихъ офицеровъ также видѣлись наши орденскіе знаки Св. Станислава и Св. Анны. Бесѣда немного замолкла. Командоръ клуба М. И. Казн обратился къ адмиралу Жерве съ привѣтственной рѣчью, произведшею сильное впечатлѣніе. Въ короткихъ задумчивыхъ словахъ адмиралъ Жерве благодарилъ командора. Крики „Vive la France!“ „Vive la Russie!“ наполнили залы, заглушая музыку. Когда взаимныя выраженія симпатій немного поутихли, къ адмиралу Жерве обратился съ стихотвореніемъ присяжный яхтъ-клубскій поэтъ г. Ивановъ-Классикъ. Адмиралъ Жерве отвѣтилъ на привѣтствіе такъ: „Господа! Насъ привѣтствовали сейчасъ стихами. Я не понимаю ихъ содержанія, такъ какъ они были сказаны на русскомъ языкѣ, но я хорошо понялъ чувства ихъ вдохновившій. Что идетъ отъ сердца — понятно сердцу. Все, что я могу отвѣтить, это — „Vive la Russie!“ „Vive la Russie!“ загремѣло въ залѣ. „Vive la France!“ раздалось въ отвѣтъ и долго не смолкали восторженные крики. Адмиралъ Жерве ухмылялся не задолго до окончанія обѣда и копѣе послѣдняго принялъ характеръ самой задумчивой, дружеской, шумной бесѣды. Два оркестра музыки поминутно играли гимнъ и Марсельезу, каждый разъ выслушиваемые съ непокрытыми головами. Въ разныхъ концахъ зала и въ смежныхъ комнатахъ раздавалось „ура“. Это по русскому обычаю качали на рукахъ дорогихъ гостей. Въ восьмомъ часу вечера гости и большинство присутствующихъ дамъ и кавалеровъ усажены на пароходы и отправлены на тонн. Вслѣдъ за пароходами по рѣкѣ васькозали яхточки и ботники, широко распустивъ свои паруса. Рѣка оживилась. Сопровождаемые звуками музыки, всѣ суда вышли на море и подошли къ тонямъ, гдѣ предполагалось угостить гостей аршицемъ ловли лососей. Заверглись ворота, широко раскинулись громады сѣти, заброшенные далеко кругомъ, и вернулись съ богатой добычей. Счастье и тутъ улыбнулось нашимъ гостямъ и уловъ далъ около 40 пудовъ лососины. Такую удачу, разумеется, по русскому обыкновению, нужно было воспринять, и долго раздавалось по затихшему морю: „Vive la Russie!“ „Vive la France!“

¹⁾ Мѣстная порода рыбы.

Въ тотъ же день нашимъ гостямъ были показаны петербургскія пожарныя команды. Сборъ на Дворцовой площади былъ назначенъ въ 10 часовъ утра, но публика заняла всѣ тротуары еще съ 8 часовъ. Вся Дворцовая площадь была запружена народомъ. Въ началѣ одиннадцатаго по Невѣ приплыла катеръ, изъ котораго у набережной Зимняго дворца вышли начальники французской эскадры адмиралъ Жерве, командиръ „Requin“ Веисно, начальник штаба Мерло-де-Понти и офицеры французской эскадры. Пожарныя части къ этому времени были выстроены въ образцовомъ порядкѣ вдоль фасада Зимняго дворца. Оркестръ только ожидалъ сигнала, чтобы встрѣтить гостей музыкой. Небо было пасмурно, временами вкрапывалъ дождикъ, но это не мешало тысячной толпѣ любоваться пожарными обоями. Ни одному изъ брантмейстеровъ не было извѣстно, когда его вызовутъ съ его частью на смотръ, тѣмъ не менѣе все было въ образцовомъ порядкѣ. Лошади, весь обозъ и люди смотрѣли молодцами. Во главѣ команды стоялъ пожарный оркестръ. На смотру присутствовали также и графъ Шереметевъ, въ обозѣ котораго собраны всѣ новики пожарнаго дѣла. Гости встрѣтили маршемъ. Послѣ смотра пожарнымъ командамъ, гости осматривали Зимний дворецъ.

21 июля адмиралъ Жерве въ Петропавловскомъ соборѣ поклонился могилѣ въ Божѣ почитающаго императора Александра II и возложилъ на нее серебряный вѣнокъ отъ французской эскадры, съ надписью на черной лентѣ: „A l'Empereur Martyr, l'Escadre Française“ (Императору-мученику—французская эскадра).

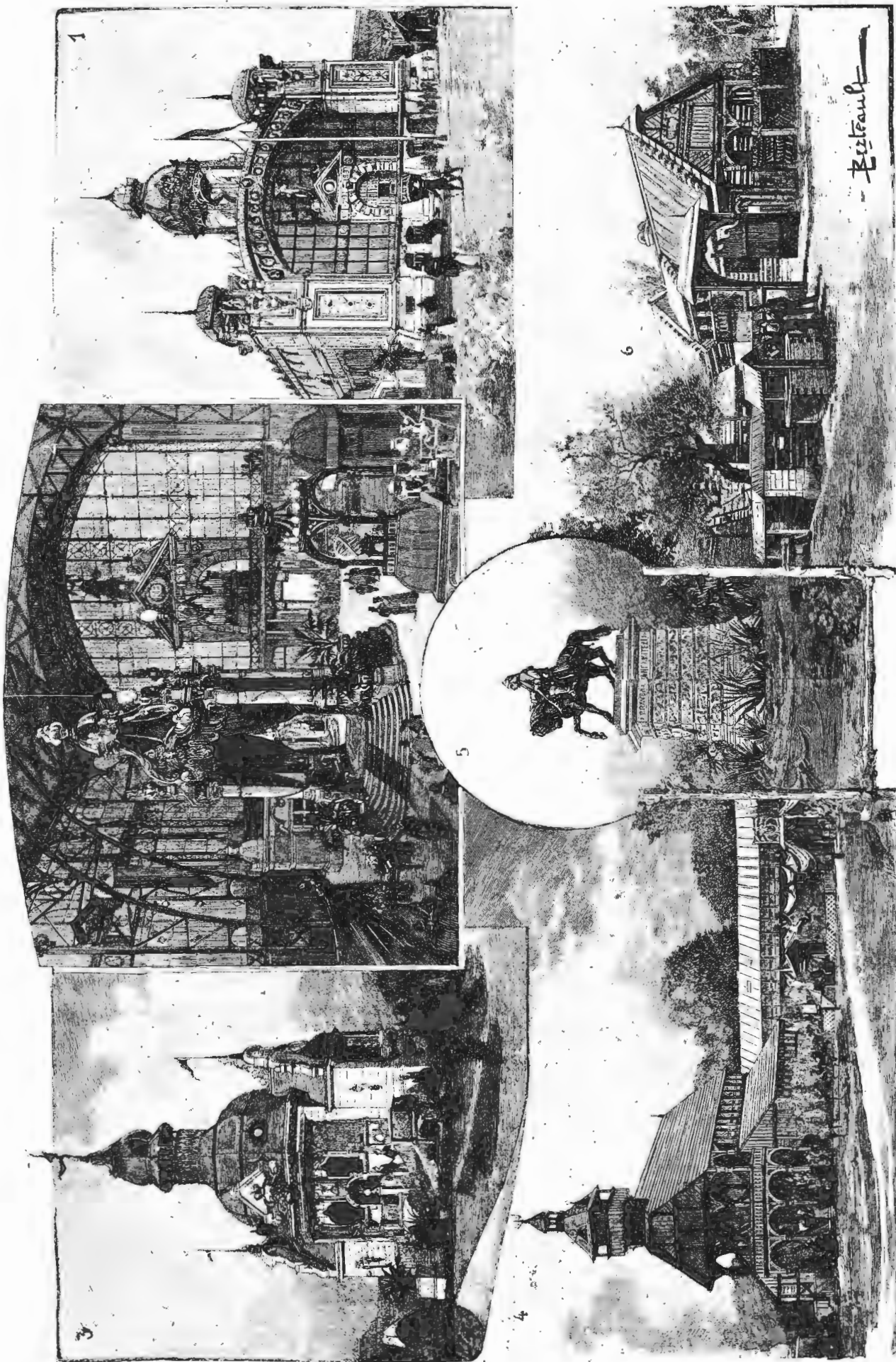
22 июля, въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества, адмиралъ отъ имени эскадры поднесъ Государынѣ Императрицѣ корону цвѣтовъ съ трехцвѣтными лентами, и вмѣстѣ со всѣми офицерами присутствовалъ на Высочайшемъ выходѣ и удостоился цѣловать руку Ея Величества. Вечеромъ въ Монплеирѣ, во время пюлюминаціи, Государь простился съ адмираломъ и офицерами и пожелалъ имъ счастливаго пути. Эти слова были покрыты троекратными, восторженными „Vive l'Empereur и Vive l'Impératrice!“

23 июля французская эскадра ушла въ Бюрке-зундъ для погрузки угля, высланнаго изъ Кронштадта на шести баржахъ нѣсколько дней тому назадъ. Первыми снялись съ якоря суда, стоявшія на Петергофскомъ рейдѣ: крейсеръ „Surgout“, минный aviso „Lance“, миноносцы №№ 128 и 129. Это было въ четвертомъ часу утра. Почти одновременно оставили Большой рейдъ флагманскій броненосецъ „Magengo“ и, въ сопровожденіи нароходовъ „Силачъ“ и „Полезный“, направился въ море. Около восьми часовъ утра оставили Кронштадтъ и остальные французскія суда: броненосцы „Marseau“, „Requin“ и „Fugieux“, предварительно обмѣнявшись установленными салютами съ Купеческой стѣнкой и флагманскимъ корветомъ „Рында“. Почти въ одинъ часъ съ дружественною эскадрой снялись съ якоря наши суда (практической эскадры), корветъ „Рында“, подъ флагомъ контръ-адмирала Валицкаго, клиперъ „Набѣдникъ“ и башенный фрегатъ „Адмиралъ Спиридовъ“. Отрядъ этотъ провожалъ французскую эскадру до Бюрке и затѣмъ направился въ Ревель въ присоединеніе къ практической эскадрѣ. Французскія суда должны были простоять въ Бюрке трое сутокъ, пока контръ-адмиралъ Жерве съ сорока офицерами совершитъ поѣздку въ Москву.

24 июля, въ 11³/₄ час. утра, французскіе моряки прибыли въ Москву съ экстреннымъ поѣздомъ, локомотивъ котораго убранъ былъ флагами. На дебаркадерѣ для встрѣчи собрались городской голова, французскій генеральный консулъ, члены комитета французской выставки, члены управы и масса публики. По выходѣ прибывшихъ изъ вагона, городской голова обратился къ адмиралу Жерве со слѣдующею рѣчью: „Отъ имени города Москвы, древней столицы Русскихъ Царей, привѣтствую васъ, г. адмиралъ, и господъ офицеровъ славнаго французскаго флота. Добро пожаловать!“ Адмиралъ отвѣчалъ: „Благодарю васъ, г. городской голова, за ваше привѣтствіе, которое отношу не къ себѣ лично, а къ Франціи. Я очень счастливъ, что нахожусь теперь въ Москвѣ и искренно сожалею, что не могъ быть въ ней раньше. Еще разъ благодарю васъ, г. городской голова, за привѣтствіе, которое мы принимаемъ съ самыми теплыми чувствами“. Присутствующіе покрыли рѣчь восторженными кликами: „Vive la France! Vive la Russie!“ и „ура“. Съ вокзала французскіе гости въ коляскахъ, запряженныхъ четверками, отбыли въ „Славянской Базаръ“, гдѣ для нихъ приготовлены были помѣщенія. Собранный на улицѣ, убранныхъ французскими и русскими флагами, народъ горячо привѣтствовалъ прибывшихъ громкими восторженными кликами. Адмиралъ Жерве, вѣхавшій въ одной коляскѣ съ Н. А. Алексѣевымъ, всю дорогу не прекрывалъ головы, отвѣчая на привѣтствія. Въ декорированную гостиницу адмиралъ Жерве былъ внесенъ на рукахъ подхватившаго его восторженною толпою. Послѣ визитовъ высшимъ начальствующимъ лицамъ, въ отведенномъ Жерве помѣщеніи, гдѣ поставленъ портретъ Карно, представлялась адмиралу депутація отъ французской колоніи, старшина которой, поднося хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ художественной работы, выразилъ сожалѣніе, что крат-

временность пребыванія здѣсь моряковъ не даетъ возможности здѣшней колоніи принять ихъ достойнымъ образомъ, почему колонія ограничивается поднесеніемъ хлѣба-соли, заимствуя этотъ обычай у русскихъ. Тутъ же отъ города были поднесены альбомы, описанія Кремля и путеводители по Москвѣ. Генералъ-лейтенанты Малаховъ и Духовской, представившись адмиралу, пригласили его отъ имени командующаго войсками на общую зарю съ церемоніей на Ходынскомъ полѣ. Отзавтракавъ въ „Славянскомъ Базарѣ“, французскіе офицеры осматрѣли Большой Кремлевскій дворецъ, покои Наслѣдника Цесаревича, Оружейную палату и кремлевскіе соборы и отбыли затѣмъ въ Историческій музей для осмотра средне-азиатской выставки. Въ вестибюлѣ музея хоръ военной музыки при входѣ и выходѣ гостей исполнилъ „Марсельезу“. Комитетъ выставки, встрѣтивъ французскихъ офицеровъ у входа и проводивъ ихъ по выставкѣ, предложилъ имъ шампанское и фрукты, причемъ предсѣдатель комитета Майковъ провозгласилъ тостъ за французскій флотъ, адмирала Жерве и всѣхъ присутствующихъ моряковъ. Адмиралъ Жерве отвѣчалъ тостомъ за процвѣтаніе русской торговли и промышленности, которая въ настоящее время идетъ быстрыми шагами и, прибавилъ: „Увѣренъ, что русскія производительныя силы найдутъ себѣ громадное примѣненіе въ непочатыхъ богатствахъ Средней Азій“. Въ заключеніе г. Майковъ отъ комитета вручилъ Жерве на память альбомъ видовъ выставки. Затѣмъ французскіе моряки на тройкахъ, убранныхъ цвѣтами, катались по городу. Въ 7 часовъ былъ обѣдъ на французской выставкѣ отъ городского головы на 120 кувертовъ. За обѣдомъ въ честь французскихъ моряковъ первый тостъ провозгласилъ губернаторъ князь Голицынъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы. Тостъ встрѣченъ громогласнымъ „ура“, оркестръ троекратно исполнилъ „Боже, Царя храни“. Тостъ городского головы за президента Карно покрытъ кликами „Vive la France!“ и троекратно исполненной „Марсельезой“. Послѣ тостовъ за Великаго Князя Сергія Александровича, адмирала Жерве и французскій флотъ, Жерве высказалъ сожалѣніе, что Карно не можетъ быть свидѣтелемъ оказаннаго приема, и поднялъ отъ имени Франціи бокалъ за Ихъ Величества, Великаго Князя Сергія Александровича, которому французское правительство препроводило орденъ „Почетнаго Легиона“, и за весь Царствующій Домъ. Когда стихли восторженные клики, Жерве провозгласилъ тостъ за городского голову, оказавшаго морякамъ сердечное гостеприимство. Голова отвѣтилъ тостомъ за процвѣтаніе Франціи. Жерве, еще разъ высказавъ благодарность за неизвѣданный доселѣ сердечный приемъ, заключилъ свою рѣчь словами: „На васъ и насъ теперь сосредоточено вниманіе всего міра. Во Франціи всѣ полны сердечными чувствами къ Россіи. Пью за святую Москву, за доблестный Русскій народъ и за его Царя“. Адмиралъ осушилъ и разбилъ свой бокалъ. Генералъ Черняевъ сказалъ: „Исторія насъ сблизила. Мы друзья. За Францію, ея армію и флотъ!“ Жерве отвѣтилъ: „Наученная своими несчастіями, Франція собираетъ свои силы, но, сильная своимъ единствомъ и дружбой Великаго Монарха, она спокойно и увѣреннозираетъ на будущее!“ Слѣдовали тосты за русскій генералитетъ и за солдатъ. Около 9 часовъ обѣдъ окончился мороженымъ, поданнымъ въ вазахъ, изображавшихъ суда съ французскими и русскими флагами. Мороженое нѣскольکو большій усѣбъ, и принято было оглушительными аплодисментами и криками *bravo*; всѣ флаги были тотчасъ же разобраны присутствовавшими офицерами. Тотчасъ послѣ обѣда французскіе гости прибыли къ Ходынскому лагерю, гдѣ, по Высочайшему повелѣнію, для нихъ былъ назначенъ обѣдъ лагеря, а затѣмъ заря съ церемоніей. Во время обѣда военнаго лагеря „ура“ сливалось со звуками „Марсельезы“. За ужинномъ въ роскошно декорированномъ офицерскомъ собораніи адмиралъ Жерве поднялъ бокалъ за здравіе Государя Императора и просилъ вѣрить, что французы пропаносятъ этотъ тостъ съ такимъ же восторгомъ, какъ и русскіе. Громовое „ура“ раздавалось по всему собранію, долгое время покрываемое звуками гимна, подхваченнаго всѣми присутствующими. Минута была констатъ величественная. Затѣмъ адмиралъ пронаесъ здравницу за нашу доблестную армію, желая ей расти и все болѣе и болѣе успиваться, а въ случаѣ призыва свыше явиться на поле битвы такою же побѣдительною, какою она была во всѣ времена. Этотъ тостъ былъ покрытъ неудержными кликами дорогихъ гостей: *Vive la Russie! Vive la France!* Адмиралъ Жерве закончилъ тѣмъ, что выразилъ желаніе пожать руку всѣмъ присутствующимъ, но, за невозможностію это исполнить, онъ обнялъ по-братски („*en signe de fraternité*“) генерала Малахова, который облобызалъ его трижды, что вызвало еще болѣе бурю восторговъ. Наконецъ поднялъ бокалъ герой Ташкента, генералъ Черняевъ, и провозгласила по-французски тостъ, пожелалъ, чтобы французская армія, сражавшаяся доселѣ въ различныхъ лагеряхъ съ нашей, впредь встрѣтилась бы съ нашею въ общемъ лагерѣ и на полѣ брани шла бы съ нею рука объ руку. Этотъ тостъ вызвалъ неудержимый порывъ восторговъ. Обратный путь гостей въ Москву войска освѣщали бенгальскими огнями.

25 июля французскіе моряки осматрѣли храмъ Христа Спасителя и Нескучный садъ, завтракали на Воробьевыхъ горахъ

Чешская художественно-промышленная выставка в Прагѣ.

1. Главный входъ во дворецъ промышленности. 2. Центральный залъ. 3. Павильонъ принцевъ Ганау. 4. Лѣсной отдѣлъ. 5. Конная статуя короля Георгія Подбѣрада. 6. Домъ чешскаго крестьянина.

и присутствовали на рысистых бѣгахъ. Въ 7 час. старшіе чины французской эскадры были на обѣдѣ у французскаго генеральнаго консула, а въ 11 часовъ вечера съ экстреннымъ поѣздомъ выѣхали въ Петербургъ при восторженныхъ кликахъ народа.

Библиографія.

Изданія Риккера:

Химическая технология. Соч. Рудольфа Вагнера, обработанное Ферд. Фишеромъ. Съ 13-го изд. „Handbuch der chemischen Technologie von Rud. Wagner, neu bearbeitet von Ferd. Fischer, перевелъ В. Тизенгольдъ. Выпускъ 3. Съ 96 рисунками. СПб. 1891. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 10 коп.

Hager. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ. Переводъ нѣмецкаго сочиненія Handbuch der Pharmaceu. Praxis von H. Hager, подъ редакцію и съ дополненіями профессоровъ В. Е. Анрепа и А. В. Пеля. Выпускъ 3. Alkaloidia.— Выпускъ 4. Amylum. Arsenum. СПб. 1888—1889. Ц. по 1 руб., съ перес. по 1 руб. 10 коп.

Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія, инженера С. ф. Гайсберга. Переводъ съ нѣмецкаго, съ измѣненіями и дополненіями по 4-му (нѣмецкому) изданію Н. С. Дрентельна. (2-е русское изданіе). Съ 119 рисунками въ текстѣ. СПб. 1891.

Названія изданія Риккера, принадлежащія наиболѣе извѣстнымъ нѣмецкимъ специалистамъ, изданы г. Риккеромъ съ обычной добросовѣстностью, въ прекрасныхъ переводахъ не менѣе извѣстныхъ русскихъ специалистовъ. Из-

Вѣнокъ возложенный на гробницу Императора Александра II адмираломъ Жерве отъ французской эскадры. Съ фот. А. В. Попова, грав. Флегель.

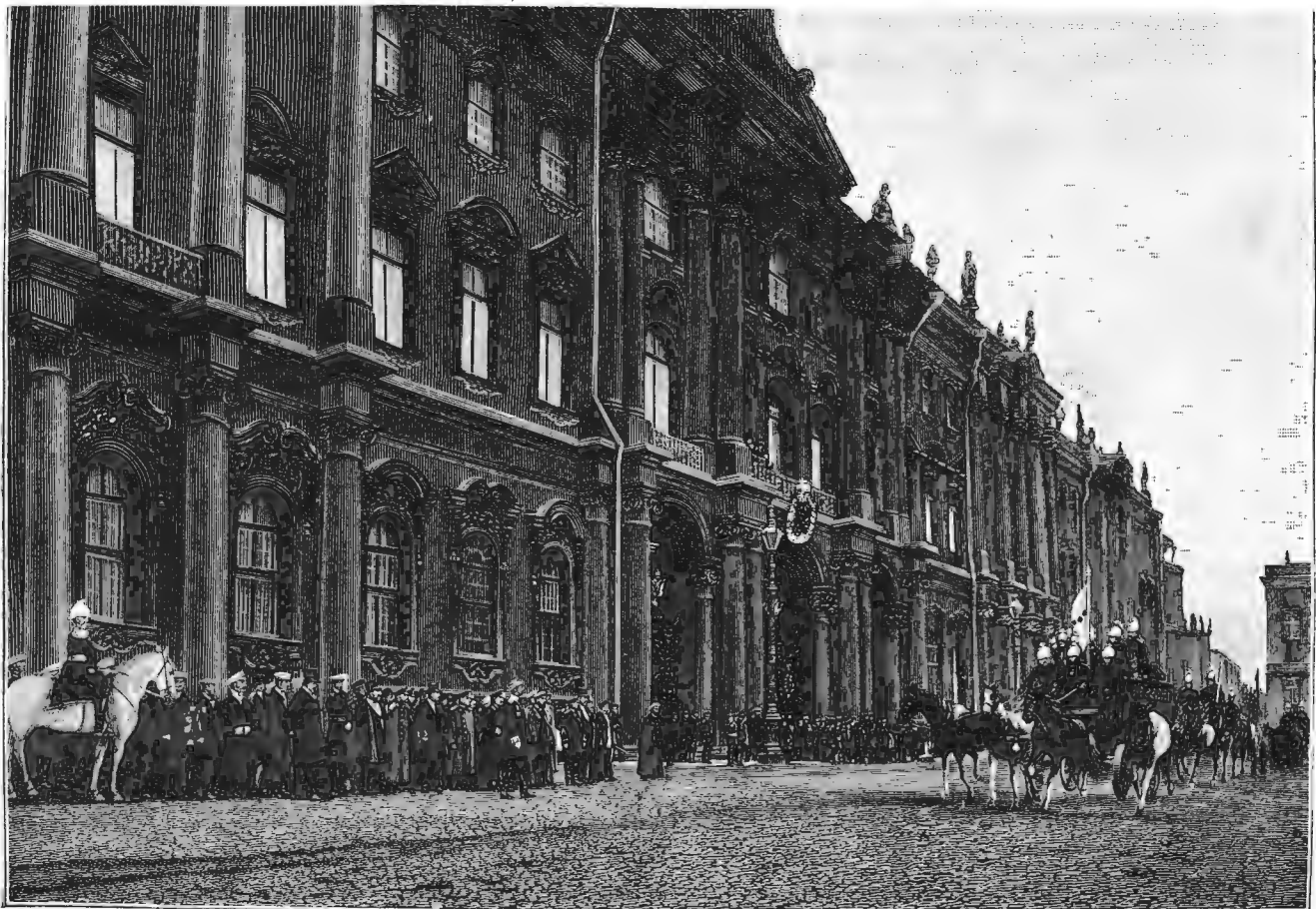
данія отличаются безукоризненнымъ исполненіемъ и со вѣстной стороны, на прекрасной бумагѣ съ образцово исполненными рисунками въ текстѣ.

Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ? Наставленіе для учителей, земскихъ дѣятелей и др. Съ приложеніемъ плана школьнаго сада. Составилъ И. И. Мещерскій. СПб. 1891. Ц. 30 коп.

Плодоводство у русскихъ крестьянъ почти совершенно не развито, что зависитъ не отъ одного, только недостатка средствъ, а быть-можетъ еще больше отъ незнакомства съ дѣломъ. Возбудить въ народѣ охоту къ плодоводству и распространить въ немъ необходимыя свѣдѣнія о правильномъ уходѣ за садомъ и огородомъ, въ настоящее время всего возможнѣе при посредствѣ народной школы. Но дѣло въ томъ, что учителя народныхъ школъ, какъ и земскіе дѣятели, отъ которыхъ зависитъ дѣло, весьма часто не отличаются знаніями въ области садоводства и огородничества. Книжка г. Мещерскаго и представляетъ собою чуть ли не первую—и во всякомъ случаѣ одну изъ первыхъ—попытку поставить вопросъ на надлежащую почву, предложивъ практическія указанія, какъ можетъ быть устроена садъ при школѣ. Въ необходимости такихъ указаній авторъ убѣдился при осмотрѣ многихъ школьныхъ садовъ въ 1889 году, по порученію Д-та Земледѣлія и Сельской промышленности.

Политическое обозрѣніе.

Пребываніе французской эскадры въ Россіи вызвало самые разпорѣчивые толки въ заграничной

Смотръ помарной команды 20 іюля у Зимняго дворца. Съ фот. генерала Пасвѣтсвича, грав. Раиенскій.

печати. По словам одних, встреча эскадры была чисто официальная, по словам других — праздничное времяпровождение толпы. *Правительственный Вестник*, приводя высокозвучающие слова, сказанные Государем Императором на обѣдѣ въ Петергофскомъ дворцѣ 16 июля, разъясняетъ точный смыслъ всего события. Вотъ что сообщаетъ *Правительственный Вестник*: „Государь Императоръ, поднявъ бокалъ, произнесъ: „За здоровье президента республики Карно, за процвѣтаніе французскаго флота и въ особенности за эскадру „адмирала Жерве“. Въ развитіе этихъ Государевыхъ словъ, всѣ двѣнадцать дней пребыванія у насъ представителей французскаго флота—явились длиннымъ рядомъ небывалыхъ, внушительныхъ, полныхъ глубокаго смысла, честованій. Если кто-либо, когда-либо, могъ убѣдиться во-очію—во что разрастаются въ Россіи слова ея Державнаго Хозяина, такъ это именно наши отбывшіе моряки славнаго французскаго флота. Длинный перечень по-истинѣ величественныхъ проявленій горячаго, неложнаго сочувствія со стороны Русскаго народа къ народу Французскому, и ни единою чертою случайнаго отступленія, ни единымъ намекомъ, неприятнымъ для кого бы то ни было, не затемнились эти двѣнадцать дней памятныхъ ликованій, эти проявления, въ развитіе словъ Государевыхъ, молчаливой, но правдивой мощи Его вѣроподданнаго народа“.

Посѣщеніе французскимъ флотомъ Кронштадта и оказанный ему приемъ произвели сильнѣйшее впечатлѣніе въ Англии. Тостъ, провозглашенный Государемъ Императоромъ, довершилъ впечатлѣніе; теперь англичане возлагаютъ всѣ надежды на приемъ французскаго флота въ Портсмутѣ, которымъ они желаютъ затмить приемъ въ Кронштадтѣ. Но предстоящій визитъ въ Портсмутъ уже и теперь рѣшительно не одобряется большинствомъ французскаго общества и вызываетъ нападки на г. Рибо и на Ваддингтона, французскаго посла въ Лондонѣ, что едва-ли имъ заслужено, такъ какъ посѣщеніе Портсмута состоитъ по приглашенію королевы Викторіи, не принявъ которое, значило вызвать осложненія.

Какъ бы отвѣтомъ на задуманную встрѣчу въ Кронштадтѣ, явилось чествованіе городомъ Шербургомъ находившагося тамъ крейсера „Адмиралъ Корниловъ“. Праздникъ своимъ блескомъ превзошелъ всѣ ожиданія, городъ былъ иллюминированъ, происходили манифестаціи. Громадная толпа народа присутствовала на празднествѣ въ честь русскихъ моряковъ и приветствовала восторженными кликами исполненіе русскаго народнаго гимна. Въ ратушѣ мэръ принималъ русскихъ, греческихъ и американскихъ моряковъ. Приемъ состоялся въ присутствіи гражданскихъ и военныхъ властей. При слѣдованіи русскихъ офицеровъ въ ратушу, они были предметомъ восторженныхъ и долгихъ овацій толпы. Мэръ, приветствуя русскихъ офицеровъ, сказалъ, что онъ является выразителемъ горячихъ чувствъ,

которыми исполнено населеніе Шербурга къ благородному и великодушному русскому народу, народу могущественному и призванному къ свѣтлой будущности. Ораторъ прибавилъ, что кака-то тайная сила уже давно создала взаимное влеченіе Франціи и Россіи. Въ настоящее время двѣ эскадры, дружно сплоченныя, братаются въ одѣжѣхъ и тѣхъ же водахъ, два народа стоятъ рука-о-руку. Союзъ ихъ является отнынѣ безповоротно совершившимся фактомъ и не нуждается въ дипломатической его санкціи. Въ заключеніе мэръ провозгласилъ тостъ за Государя Императора, Россію и офицеровъ крейсера „Адмиралъ Корниловъ“.

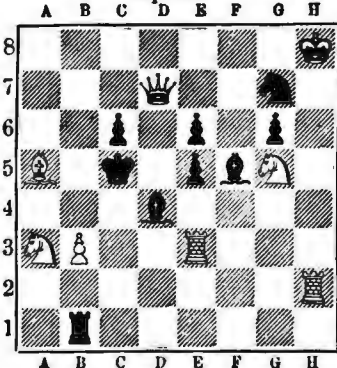
Командиръ крейсера „Адмиралъ Корниловъ“, выразивъ благодарность мэру, провозгласилъ тостъ въ честь г. Карно и города Шербурга. Затѣмъ состоялся въ ратушѣ punch въ честь русскаго и греческаго экипажей. На празднествѣ присутствовало до 600 человекъ, по большей части рабочихъ. Русскіе и греческіе моряки направились къ ратушѣ, предшествуемые хоромъ музыки, посреди громадной толпы народа, восторженно кричаваго: „Да здравствуетъ Россія! да здравствуетъ Греція!“ Въ ратушу пріѣхалъ командиръ „Адмирала Корнилова“. Предсѣдательствующій сказалъ: „Вчера всѣ приветствовали официально, сегодня же всѣ приветствуютъ все населеніе Шербурга и выражаетъ свои глубокія симпатіи къ русскимъ“. Командиръ крейсера благодарилъ, толпа подняла его на руки и понесла съ триумфомъ среди долго неумолкавшихъ кликовъ: „Да здравствуетъ Россія!“

Въ Китаѣ продолжаютъ буйства, направленные противъ проживающихъ тамъ европейцевъ. Во многихъ городахъ христіане подверглись гоненіямъ черни. Въ Шанхай проживающіе европейскіе организовали для своей защиты отряды добровольцевъ, число которыхъ доходитъ до трехсотъ. Европейцы стали теперь чувствовать себя болѣе спокойными; этому усюженію въ особенности содѣйствовало прибытіе въ Шанхай испанскаго крейсера, английской лодки, двухъ русскихъ и одного французскаго судовъ. Въ воззваніи Китайскаго императора къ народу строго осуждается вражда къ европейцамъ. Богдыханъ предупреждаетъ, что участники буйствъ подвергнутся жесточайшимъ наказаніямъ. Относительно христіанской вѣры императорское воззваніе гласитъ: „Религія Запада также учитъ людей творить добро, и тѣ изъ моихъ подданныхъ, которымъ она пришла въ по-сердцу, принявъ ее, остались тѣми же китайцами и попрежнему повинуются мѣстнымъ властямъ. Населеніе и миссіонеры должны жить между собою въ мирѣ и согласіи, но, къ несчастью, явились люди, измышляющіе неблагія. Пользуясь невѣжествомъ народа и корытничаніемъ въ немъ предрасудками, они возбуждаютъ безпорядки. Къ сожалѣнію, такихъ людей немало, и велико также число городовъ, селеній и деревень, гдѣ ихъ злой умъ мутитъ народъ“.

Задача № 33.

J. G. Campbell † (London).

Черные.

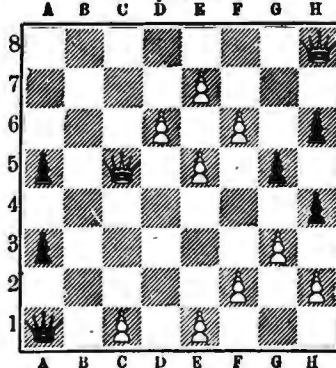
Бѣлые. Мать въ 3 хода.

Извѣстія изъ шахматнаго міра. Въ № 1 журнала „Шашечница“ объявлены условія перваго конкурса шахматныхъ задачъ журнала „Шашечница“. Тамъ-же помѣщены условія перваго шашечнаго турнира по перепискѣ журнала „Шашечница“.

Задача № 34. (Шашечная).

Ф. М. Утина (Муромъ).

Черныя.

Бѣлыя. Запереть даму и простую.

горнилами, и которая находитъ себѣ опроверженіе въ текущей (имѣя оконченную (прим. редакціи) партіи по перепискѣ между названными мастерами. Настоящая партія тождественна съ упомянутой партіей до 16-го хода. (Таррашъ).

2) Когда этотъ ходъ въ партіи по телеграфу (Чигоръ. Стейнъ) сдѣлалъ извѣстенъ въ Лондонѣ, то Гунсбергъ въ „Evening News and Post“ назвалъ его отчаянной безразсудной („desperate nonsense“) и предполагалъ, что въ дѣйствительности Стейнцемъ былъ сдѣланъ ходъ 7. ... С. а5—b6. Стейнница заявилъ, что этотъ знатно немалый жестокъ, но что онъ (Стейнница) будетъ достаточно отчаянъ („desperate“), чтобы сдѣлать этотъ ходъ столь часто, сколько того пожелаетъ Гунсбергъ въ предстоящемъ ихъ матчѣ.

3) Въ партіи по телеграфу Стейнница игралъ 16. ... К. d8—e6 и затѣмъ, послѣ 17. С. g5—c1.—Kh—g8. Таррашъ (вмѣстѣ съ Стейнницей) находилъ, что лучше было прямо сдѣлать 18. ... К. h6—g8, ходъ, котораго единственный недостатокъ заключается въ томъ, что онъ подтверждаетъ замѣчаніе Гунсберга въ 7-му ходу (т. е. „desperate nonsense“).

4) Чигоринъ даялъ здѣсь продолженіе: 17. (К. f3—h4?), К. g4—f6!; 18. С: К, gf: 19. К: f3, К: e6; 20. К: d6+, Ф: К; 21. Л: a1—d1, Ф: c7; 22. К: a8, Л: К; 23. Ф: Л: 0—0; съ большими шансами на ничью.

5) Бѣлые угрожаютъ К: d6+, Л d1, К: e8 и С: d7+.

6) На 21. ... Кр. d8 послѣдуетъ 22. К: c7; 23. К. d6, 24. Л: a1 и черныя теряютъ ладью или получаютъ матъ.

7) Если 24. ... С. d6, то 25. Ф. b8. Въ такъ называемой „Нормальной защитѣ“ гамбита Эванса теоретическіе ходы переходятъ число 25; въ защитѣ-же Гардинга-Стейнница, по всѣмъ правиламъ „Новой школы“, сдана партія черными предшествуетъ иногда подому развитію ихъ игры. Надо однако отдать справедливость, что послѣ хода 7. ... h7—h6 вышего 7. ... К. g8—h6, атака бѣлыхъ очень трудна и замысловата. Этотъ вариантъ будетъ вѣроятно средоточіемъ теоретическаго интереса предстоящаго новаго матча Чигорина со Стейнницей въ Ливанѣ. Кромя того, безъ знанія хода Чигорина 12. С. e4—e2!, едва-ли-бы Гунсбергу удалось одержать столь быструю побѣду въ настоящей партіи.

Корреспондентъ. Е. Шапиро (Одесса). Вашъ анализъ будетъ помѣщенъ въ октябрьской книжкѣ „Сборника“. Таррашъ прославился побѣдами въ Нюринбергѣ, Гамбургѣ, Бреславлѣ и Манчестерѣ. Въ послѣднихъ двухъ турнирахъ онъ выигралъ первый призъ, не проигравъ ни одной партіи!

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. многогородныхъ подписчиковъ, при перепискѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыхъ марокъ на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. П. И. Полевого. Ч. III. (Продолженіе).—Французская выставка въ Москвѣ. — Къ рисункамъ: Рынокъ въ Выборгѣ (съ рис.).—Отъ грозы (съ рис.).—Въ присионку (съ рис.).—Портретъ Рембрандта (съ рис.).—„Чашалъ“ и „Кузица на Эмигрантѣ“ (съ 2 рис.).—Чешская художественно-промышленная выставка въ Прагѣ (съ рис.).—Французская броненосная эскадра въ Россіи (съ 3 рис.).—Библиографія.—Политическое обозрѣніе.—Шахматы.—О перепискѣ адреса.—Объявленія.

При семь № прилагаются: ПАРИЖСНІЯ МОДЫ за АВГУСТЪ 1891 г., съ 30 рисунками и отдѣлымъ листъ съ 30 чертомъ, выкроенъ въ натуральную величину и 42 рисунками руководящихъ работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ПАРТІЯ № 10.

12-я партія матча. Играна въ Нью-Йоркѣ 5/17 января 1891 года (9-я, 10-я и 11-я партіи представляютъ мало интереса).

Гамбитъ Эванса.

И. Гунсбергъ.	В. Стейнница.	И. Гунсбергъ.	В. Стейнница.	И. Гунсбергъ.	В. Стейнница.
Черныя.	Бѣлые.	Черныя.	Бѣлые.	Черныя.	Бѣлые.
1. e3—f4	e7—e6	9. d4—d5	К. e6—d8	17. К. f3—h4(?)	К. d8—e6?
2. К. g1—f4	К. b8—c6	10. Ф. d1—a4	С. a5—b6	18. С. e2: g4	К. e6: g5
3. С. f1—c4	С. f8—e5	11. К. b1—a4	С. c7—c6	19. К. h4—f5	К. g5—e6
4. b2—b4	С. c5: b4	12. С. e4—e2!	С. b6—c7	20. Л. f1—d1	С. d6—c7
5. e2—c3	С. b4—a5	13. К. a3—c4	Ф. d6—f8	21. К. b6—a8	Л. b8: a8
6. Q—0	Ф. d8—f6	14. d5—d6!	С. c7: d6	22. Ф. a7: a8	Кр. e8—d8
7. d2—d4	К. g8—h6	15. К. e4—d6!	Л. a8—b8	23. Л. d1: d7+	Кр. d8: d7
8. С. c1—g5	Ф. f6—d6	16. Ф. a4: a7	К. h6—g4(?)	24. Л. a1—d1+	Сдана ?).

Примѣчанія къ партіи.

1) Нѣкоему истору Гардинга принадлежатъ сомнительная слава изобрѣтенія этой защиты, которую исключительно избиралъ Стейнница въ своихъ матчѣ съ Чигоринимъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

V. № 4754 28 - 24

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНИЙ

издателемъ журнала „Нива“ напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (всего 500)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

подъ редакціей А. И. Введенскаго, печатанное на лучшей голландской слоновой бумагѣ.

Сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ, при чемъ всѣ экземпляры этого изданія перенумерованы отъ № 1 по 500.

Для того чтобы сдѣлать книгу по стоимости доступною наиболѣе обширному кругу любителей роскошныхъ изданій, цѣна за нее назначена возможно низкая, а именно **5 руб.** Въ четырехъ колѣнковыхъ переплетахъ, съ кожаными корешками и изящными тисненіемъ золотомъ — **7 руб.** Гг. иногородные благоволятъ прилагать, сверхъ стоимости, на пересылку по 1 р. за каждый экз.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА.

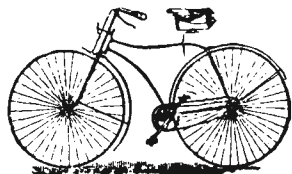

С. ПЕТЕРБУРГЪ

СПЕ. МЕХ. ПРОИЗВ. ОБУВИ.

Складъ для оптовой продажи товаровъ находится во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Пушномъ ряду, противъ канавы, литеры А и Б, №№ 15, 16 и 17. Настоящее объявленіе просить гг. торговцевъ принять къ свѣдѣнію.

№ 5283 12-1

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ. ФРАНКФУРТЪ Н/М. ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“.

Вскаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Мюмень“ (подушка) и „пневматическій“. Ницуть агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 фен. марками. Ц. № 5189 18-13

КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія. Лѣчебное приспособленіе (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Ц. № 5177. Весьма благоприятна климатическія условія. Жѣлѣзнодорожная станція. Путь черезъ Лицъ на Дунавъ. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-ое сентября. Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаются бесплатно. Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саліаса.

Историческій романъ временъ востесвія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПб. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

МАЗЬ противъ МУХЪ.

Средство для ловли и уничтоженія мухъ, таракановъ и прусаковъ. Не загрязняетъ помещенія, совершенно безвредно. (3-2) 2 флак. 1 р., 6 фл. 2 р. 75 к., 12 фл. 5 р. Перес. 2, 4, 8 ф. Перес. налогъ платателемъ. С.-Петербургъ. Невск. пр. № 20.

БАЗАРЪ МАРОКЪ

ГУВЕРНАНТКИ и ГУВЕРНЕРЫ (русскіе и иностранныя) рекомендуются дамой-англичанкой, ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЕЙ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки. Рекомендующая, въ силу своей профессіи, имѣетъ возможность оцѣнить рекомендуемыхъ. П. № 4923 12-8. Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. Шлянгинъ, кв. № 8, г. ж. БЮРО.

Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы. Лѣчитъ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 102. Отъ 1-3 и 6-7 1/2 ч. в.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ

В. № 5098 20-19 10, 15, 25 р. и дорожн. Полный наборъ и самоучитель. Пространный роскошно иллюстрир. прейсъ-куръ бесплатно. К. И. ФРЕЙАНДТЪ. Москва. Масницкая улочка Кривоколкина пер., д. Соколова. С.-Петербургъ. Невскій пр. № 30-16

ШОКОЛАТЪ ФАБРИКИ „СЪСІУКЪ“ ПРЕДУСТРЕЖАЕМЪ НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССІИ. НАШЕИ МАШИНЫ.

Продолжается подписка на популярный журналъ „ВРАЧЬ-ГОМЕОПАТЪ“. Цѣна 3 руб. въ годъ. Обращаться въ Центральную Гомеопатическую аптеку, С.-Петербургъ, Гороховая 15. Иллюстрированные прейсъ-курранты аптеки высылаются бесплатно. № 5275

ЛЕПНИЦЪ и ГЛОЗНИЦЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаютъ иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗАЙКАНИЕ

О ДРУГІЕ НЕДОСТАТКИ ПРОИЗНОШЕНІЯ о лѣчась профессоромъ Бернманомъ. Москва, Большая Кисловка, д. Базилевскаго.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ УДОСТОВЕРЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ НА ВСЕРОССИЙСКОМЪ ВЫСТАВЛЕНІИ 1889 г. **А. СІУКЪ** ПАРФЮМЕРІА ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА МОСКВА. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

САМОУЧИТЕЛИ и НОТЫ для всѣхъ инструментовъ. 10-10 Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к. „амуцитъ“ д. гармоніи 8 кл. и 10 кл. по 1 р. Школа д. 2-рядн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р. Школа для 3-хъ-рядн. гармоніи, ц. 75 к. „амуцитъ“ для скрипки, ц. 1 р. 50 к. „амуцитъ“ д. гитары, ц. 1 р. и для всѣхъ прочихъ инструментовъ. у КУЛИКОВА. Москва, Малосѣянъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ агентовъ. За условіями обращаться писемно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 58-57, соб. домъ.

COSMETICUM (кремъ-жиръ въ сухомъ видѣ) изъ химич. прѣгот. жира Rhuset. mascosoph. L. косметика А. УРБАНЪ. Цѣна за короб. 50 к., съ перес. 75 к. употребляется для жирности кожи лица. Бальзамич. жирная личная пудра ВИРГИНІЯ, эта пудра составлена исключительно изъ растительныхъ веществъ и имѣетъ то преимущество, что не содержитъ примеси метал. окисей, плотно прилагаетъ и незаметна при дневномъ свѣтѣ. Цѣна за короб. 60 к., съ перес. 85 к. Продается въ Косметическ. и Аптекарск. магазинахъ. Главн. складъ для Россіи у Вас. Аурихъ, СПб., Колокольная. 18-19.

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“ БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА. Въ составъ ее войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются крошк. карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается 4-5 книжекъ. До 15 июля вышли слѣдующія 40 біографій: Беконъ, Боккаччо, Рихъ, Вагнера, Гаудио, А. Гумбольдтъ, Гуса, Гюго, Данте, Дарвина, Дженнера, Кенлера, Колумба, Конфуція, Бюве, Лавуазье, Лессинга, Линннгстона, Липольда, Ляна, Лобомъ, Мицкевича, Мольера, Томаса Мора, Моцарта, Рафаэля, Санфла, В. Скотта, Стокли, Уатта, Шопенгауэра, Эдисона и Морзе (3 біогр. въ одной книжкѣ), Вѣдлинскаго, Гоголя, Демидовыхъ, Каразина (основателя харьков. университета), Крамского, Крылова, Ницона, Пушкина и Сватимова. Мирнымъ шрифтомъ обозначены біографіи, вышедшія за послѣдніе 2 мѣсца. Печатаются: Гарриксъ, Гегель, Гете, Говардъ, Даламбергъ, Достоевскій, Кальвинъ, Карлейль, Лермонтовъ, Микель-Анджело, Писсаррскій, Прудонъ, Татчеръ и др. Главн. складъ изданій въ книж. магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., 2). Вышедшія книжки продаются по 25 коп. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично.

Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ **Е. И. В. Государя Великаго Князя СЕРГѢЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА** М. № 5279 **СПБ. частное реальное училище.** Невскій, 83, противъ Знаменія. Приемъ прошеній вновь-поступающихъ приходящихъ и пансіонеромъ во вторникъ, четвергъ и субботу, отъ 12-3 ч. Вступительные экзамены съ 10 августа. Начало уроковъ 1-го сентября. Директоръ П. Богдановъ.

НОВОСТЬ!

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ

Новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключающій въ себѣ объемъ тоновъ полной хроматической гаммы отъ 2-хъ и 3-хъ октавахъ. Голоса приводятся въ движеніе дуваніемъ воздуха трогая или ногою педалью.

Цѣна 2 окт. нар. гармоинфлюта. 5 руб.
" 3 " " " " " " " " " " " " 10 руб.
" 3 " " съ нож. педалью. 15 руб.

Самоучитель по цифровой системѣ съ приложеніемъ пьесъ, соет. Маховикъ, 1 руб.

ПАЛКА-ФЛЕЙТА

на видъ какъ обыкновенная палка. Играть на ней очень легко.

Цѣна № 2-1 руб. (Краткое наставленіе № 3-2 р. н/о бесплатно).

тетрадь нотъ по 50 к.

Подробный самоучитель Келера 1 р.

Всѣ струнные, духовые, новѣйшаго изобрѣтенія механическіе и другіе музыкальныя инструменты и принадлежности въ громадномъ выборѣ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

По полученіи задатка приблизительно 1/3 стоимости, требуемое высчитывается съ наложеннымъ платежѣмъ на остальную сумму.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 5280
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

"ИДІАЛЬ" ЧЕРНИЛЬНИЦА

Практично! Ново! Дешево! Красиво!
Соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества идеальной чернильницы—перья не тунятся, нельзя дѣлать клеекъ, очень экономна, легко чистится. Прими. Эсмартъ. Маленьк. 1 р. 50 к. Больш. 2 р. Перес. 2 ф.

Лучшее перо для конторъ, школъ и дома это **ПЕРО № 1000.** Идетъ въ 3 толщ. цѣнахъ: Е. Ф. Е. и М. Гросс (144 штукъ) 1 р. 25 к. (6-2) Пересылаю наложеннымъ платежѣмъ.

С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20.
БАЗАРЪ МАРОКЪ

ВЫИГРЫШНЫЕ

билеты и Дворцкіе з. л. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигрываютъ со дня задатка принадлеж. покупателю. Проц. уменьш. съ долгомъ.

2-го СЕНТЯБРЯ
с. г. тиражъ II займа.

Оплата выигрышей и купоновъ въ Государств. Банкъ. Неприглашеніе билеты и закл. листы **НЕЖЕ** теряютъ своей цѣны.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПб.
№ 5271 5-2

ПИСЬМУЩАЯ МАШИНА "РЕМИНГТОНА"

Ишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, соедер. многоцелепны отомы отъ Правительства и другихъ учреждений, высчитывается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСНА на только что оконченное печатаніемъ сочиненіе **Ф. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

Изданіе **А. Ф. Маркса,** въ С.-Петербургѣ.

3 большихъ изящно изданныхъ тома, заключающихъ въ себѣ около 1,600 стр. текста, множество политической, художественно выполненныхъ гравюръ, эстамповъ на мѣди и картъ лѣсистости.

Въ первомъ томѣ разсматривается современное состояніе русскихъ лѣсовъ и указывается на существующіе въ нихъ безпорядки, выискивается значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежатыхъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Особенно важное значеніе для частныхъ лѣсовладѣльцевъ, лѣсопромышленниковъ и для лѣсоохранительныхъ комитетовъ въ губерніяхъ имѣетъ глава, посвященная подробному разсмотрѣнію и выисненію лѣсоохранительнаго закона 4 апрѣля 1888 года, такъ какъ появившіяся о немъ до сихъ поръ въ печати сообщенія изъ провинціи и разсужденія указывали на то, что въ положеніяхъ этого важнаго закона не вполнѣ еще разобралась.

Къ первому тому приложено двѣ художественно исполненные карты, изображающія 14-ю красными лѣсистость: одна — Россіи, по отдѣльнымъ уѣздамъ; другая — западно-европейскихъ государствъ.

Содержаніе втораго тома: элементы лѣснаго хозяйства; лѣсная почва; строеніе и жизнь дерева; хозяйство въ листовыхъ лѣсахъ (описаніе листовыхъ древесныхъ породъ); хозяйство въ хвойныхъ лѣсахъ (описаніе хвойныхъ древесныхъ породъ); хозяйство въ иланкахъ; кустаннин и разведеніе ихъ для образованія живыхъ изгородей и защитныхъ полосъ; естественное возобновленіе лѣсовъ; питомникъ и древесная школа; посѣвъ и посадка лѣса; особенноты степнаго лѣсоразведенія; орудія, употребляемая для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, различныя справочныя свѣдѣнія.

Къ этому тому приложено 125 художественно-исполненныхъ гравюръ и политипажей съ изображеніемъ древесныхъ породъ и ихъ частей, а также культурныхъ орудій, и 17 эстамповъ на мѣди.

Третій томъ содержитъ въ себѣ указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣнїяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплуатаціи лѣса; учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условия, какия должны быть включаемы въ контракты; назначеніе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

Къ третьему тому приложено два, печатанія, нѣсколько, красками, плана лѣсныхъ дачъ, для объясненія излагаемаго въ книгѣ наставленія къ устройству лѣсовъ.

Подписная цѣна за всѣ три тома 14 руб. съ пересылкою.

Стоимость каждого тома отдѣльно: т. I-й 5 р., съ перес. 5 р. 60 к., т. II-й 10 р., съ перес. 10 р. 60 к. и т. III-й 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Съ требованіями просятъ обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“, Невскій, д. № 6.

О ПЕРЕПЛЕТАХЪ НА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Многіе изъ гг. подписчиковъ „Нивы“ заявили желаніе получить сочиненія Лермонтова въ переплетѣ. Такъ какъ, по существующимъ правиламъ, Газетная экспедиція С.-Петербургскаго Почтамта не принимаетъ переплетенныхъ экземпляровъ для разсылки подписчикамъ, то Контора заготовила коленчоровыя крышми для переплета названнаго сочиненія, образецъ которыхъ здѣсь и помѣщается. Всѣ сочиненія Лермонтова изданы въ 4 хъ томахъ и сброшюрованы въ двухъ книгахъ. На каждый экземпляръ сочиненія заготовлено по двѣ крышми. Каждый прстой переплетчикъ въ провинціи легко можетъ переплести книги въ эти крышми.

Въ виду громаднаго количества заготовляемыхъ крышекъ, отличающихся изяществомъ и прочностію, Контора можетъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по весьма низкой цѣнѣ, а именно по 50 коп. за пару, а съ пересылкою по 1 руб. за пару.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

„МАЛЫЙ ВЕЛИКАНЪ“,
новая америк. сложная молотилка; первая общедоступная, доставляющ. однородно отсортированное чистое зерно. Цѣна 385 руб.

Кромѣ того большой выборъ всякаго рода насосовъ, пожарныхъ трубъ и измѣлѣтельныхъ машинъ повѣшенныхъ системъ.

Иллюстрир. каталогъ за 7 коп. марку, № 5286 **ДЕНО МАШИНЫ** 4-2

ФРАНЦЪ ФЕОД. УРЛАУБЪ
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, № 2.

★ МАССА БЛАГОДАР. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ: ★

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.

ПРОФЕССОРЪ БОРОВИЧЕВСКІЙ НАУКЪ
С. Я. ЛИЛІЕНТАЛЬ.
УСЛОВІЯ ОБУЧЕНІЯ — МОСКВА — ВЫСЛАННЫМЪ СЪ БЕЗПЛАТНОЮ ПРИБЛЮЖИТЕЛЬНОЮ ЦѢНОЮ

Догоружковская улица, Д. Финюганова. (4)

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ **Г. ВАЛЬТЕРЪ**
Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 62 прот. Ин. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высчитывается по требованію бесплатно. Пересылка на счетъ магнана. Ручательство на 2 года. № 5182 20-8

МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРЪ **А. М. ОСТРОУМОВА**
КУСОКЪ 30 Н. ПРОДАЕТСЯ ВЪ СЕДЪ.

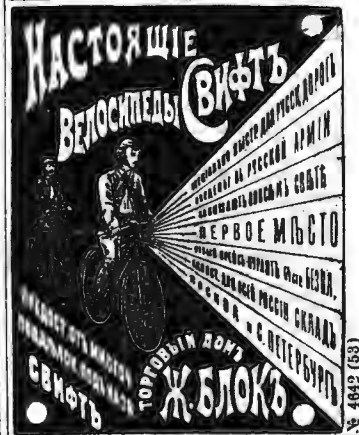
BLAKEY'S BOOT PROTECTORS

СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.
Сохраняетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и искривленія. Легко придѣлать. СБЕРЕГАТЕЛЬ ВЪ 20 РАЗЪ БОЛЬШЕ СТОИМОСТИ. 4 КОП. 1 Р. 20 КОП., ПЕРЕСЫЛКА 2 ФУНТ. 10 " 2 Р. 30 КОП., " КОП. 20 РУБ.

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ МАГАЗИНАХЪ И ЛАВКАХЪ ВЫСОКЪ НАЛОЖ. ПЛАТЕН. ИЗЪ СКЛАДА ДЛЯ РОССІИ

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20

МАРИНОВАНИЕ плодотъ, агодъ, овошекъ, грибовъ, рыбы, раковъ, мяса и приготвленіе икулей. Цѣ книги 50 к. съ пересылкой. Выписывать по адресу: Саратовъ, молочная Аопасъевой, Н: А. Аопасъеву.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 32

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдастъ 10 августа 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

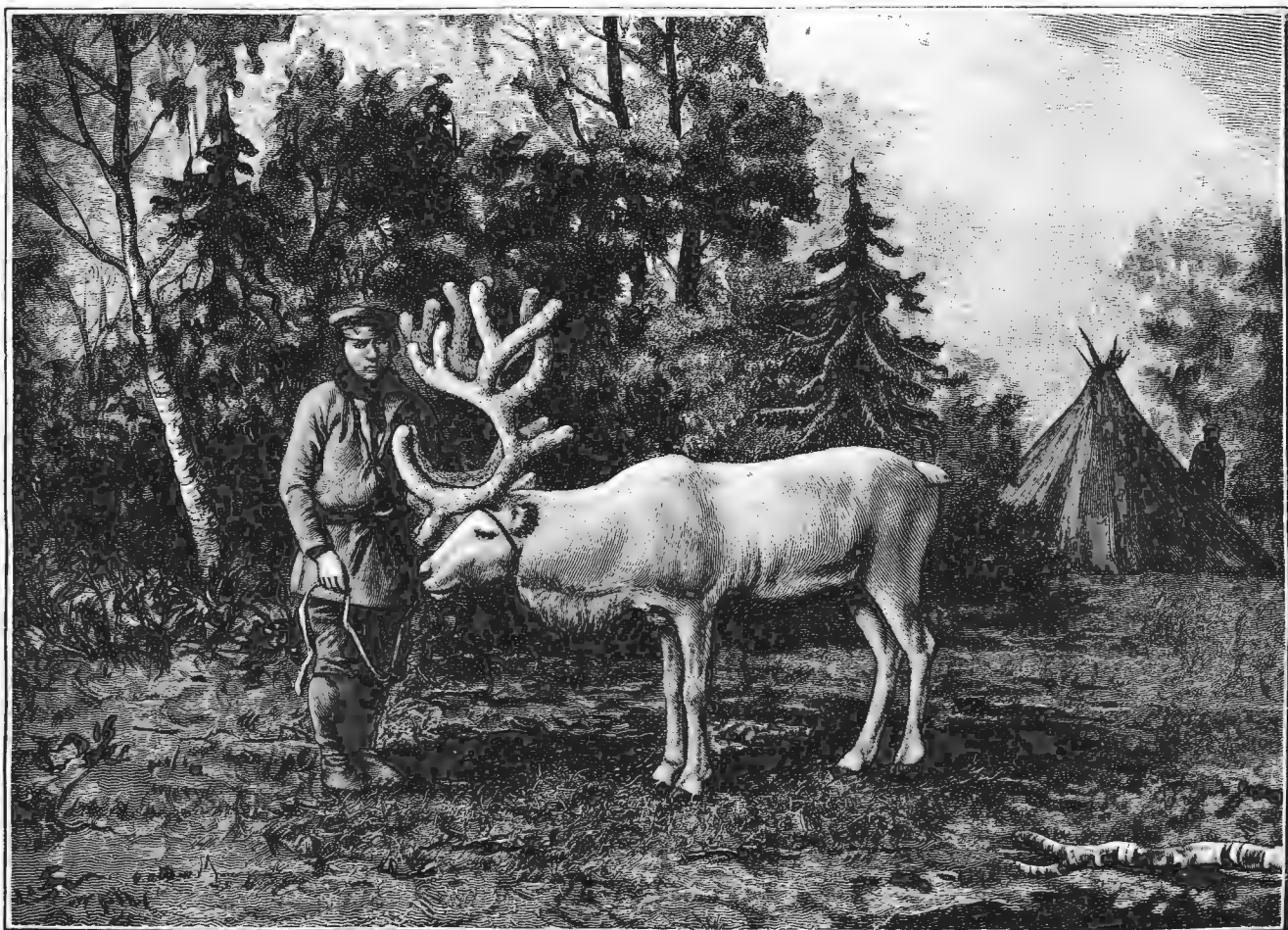
ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Navas по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкой въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.
. 10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписч. получ. всѣ уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми прилож., Сборникомъ и пр.

Восточная Сибирь. Орочны. Съ фот грав. Флюгель

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

Странное впечатлѣніе произвело на Ксенію первое свиданіе съ царемъ Дмитріемъ. Въ первый разъ въ жизни ей пришлось быть такъ близко къ молодому мужчине; въ первый разъ въ жизни ей пришлось обмѣняться съ чужимъ, незнакомымъ ей, человѣкомъ нѣсколькими словами. Она смутилась этою близостью, она должна была, по исконному обычаю терема, поскорѣе удалиться, укрыться отъ посторонняго, любопытствующаго взгляда... Но она чувствовала, что если бы обычай не побуждалъ ее къ тому, она бы не ушла, она бы поговорила съ нимъ, съ этимъ прирожденнымъ государемъ Московскимъ...

„Такъ вотъ онъ, этотъ страшный Дмитрій Ивановичъ!“ думала на другой день Ксенія надъ своими пальцами. — „Вотъ передъ кѣмъ такъ трепеталъ покойный батюшка! Вотъ кого такъ ненавидѣла и боялась моя матушка! Вотъ кого такъ страшно проклинали на всѣхъ соборахъ, на всѣхъ площадяхъ! Я думала въ немъ встрѣтить злодѣя... чудовище... Думала, что онъ идетъ ко мнѣ со зломъ, что встрѣтитъ меня укорами, что станетъ надо мною издѣваться, надъ беззаступною, беззащитною. А онъ, совсѣмъ не смотритъ злодѣемъ, онъ пришелъ съ добромъ, пришелъ какъ мы, бывало, съ матушкою, подъ праздникъ, хаживали по тюрьмамъ, посмотрѣть на тамошнихъ сидѣльцевъ, снести имъ калачъ крупчатый, да словомъ ласковымъ ихъ ободрить... Да нѣтъ же! Онъ—злодѣй, обманщикъ, онъ воровствомъ прошелъ на царство! Онъ—нехристь и чернокнижьемъ всѣмъ очи отвелъ! Вотъ и мнѣ тоже... Вѣдь я должна бы ненавидѣть его; я должна бы ему сказать: „сгинь, проклятый, пропади, сынъ сатаны! Прочь съ глазъ моихъ, ты—кровопійца!.. Губитель!..“ А я?—я только удалилась“...

И въ то время, какъ Ксенія передумывала эти думы, присматриваясь къ мудреному золотошвейному узору, кругомъ ея звучалъ несмолкаемый хоръ похвалъ, восторговъ, удивленія, обращенныхъ къ молодому государю.

— Вотъ такъ орелъ—настоящій орелъ! разглагольствовала боярыня-казначей. — Осанка-то какая! А поступь чего стѣбитъ? Чтѣ тамъ ни говори, сейчасъ ужъ видно, что не простъ человѣкъ, а отъ царскаго корени!

— Само собою! подтвердила мама.

— Гдѣ же такъ наметаться простецу-то! А породу-то настоящую, хоть въ семи водахъ перемой, все та же будетъ!

— А красавецъ какой! шептали почти вслухъ боярышни.—Очи соколиныя, брови соболиныя! Экому молодцу мудро-ли города брать?

— Да говорятъ, и мужество-то у него настоящее царское! Львиное! подзадоривала боярыня-казначей. — Вотъ въ той битвѣ-то, въ которой казаки-то его предали, бѣжали, а царскіе воеводы верхъ надъ нимъ взяли,—въ той битвѣ подъ нимъ двухъ коней убили, а онъ все бился, все впередъ рвался!..

— А тутъ опять, вступилась боярыня-кравчая,—чуть только онъ въ Москву пріѣхалъ—всѣмъ льготы, всѣмъ награды—никого не забудь! Тотчасъ розыскалъ родню свою и всѣхъ, кто помогалъ ему подняться. Романовыхъ вернулъ изъ ссылки. Куракиныхъ, Шестовыхъ, Богдана Бѣльскаго. А за матерью своею послалъ посольство... Говорятъ, самъ выѣдетъ къ ней навстрѣчу...

Ксенія слышитъ все, но послѣднія слова особенно глубоко врѣзаются ей въ память. Прерванная бесѣдой окружающихъ, вереница думъ Ксеніи снова начинается развиваться передъ нею и овладѣваетъ ея душой

до такой степени, что она забываетъ обо всѣхъ окружающихъ, забываетъ о работѣ.

„Какой же онъ обманщикъ“, думаетъ царевна, — „коли онъ не боится послать за матерью своей! Вѣдь если бы онъ не былъ сынъ ея, если бы онъ не былъ настоящій царевичъ, онъ не дерзнулъ бы показаться ей на глаза... Она его бы обличила—въ глаза бы обличила... Ахъ, Боже Праведный! Чтѣ это за тайна? Кто разгадаетъ, кто разъяснитъ мнѣ ее!“

VII.

Змѣй-искуситель.

Дня два спустя, въ то время, когда Ксенія сидѣла въ комнатѣ со своими боярышнями за обычнымъ пѣличнымъ дѣломъ, къ ней вошла боярыня-мама и завела не безъ тревоги:

— Царевна, къ тебѣ отъ государя стольникъ съ порученьемъ и съ поклономъ.

Ксенія вздрогнула, очнувшись отъ своей думы, и поспѣшила отвѣтить:

— Зовите его сюда скорѣе.

Почтенный старикъ, одинъ изъ бывшихъ стольниковъ парицы Марьи, вступилъ въ комнату съ низкимъ поклономъ и, подавая корзину съ вишнями, произнесъ:

— Великій государь и великій князь Дмитрій Ивановичъ всея Руси шлетъ тебѣ, государынѣ царевнѣ, поклонъ свой и кузовоѣ новины—вишенки владимірской.

— Благодарю великаго государя Дмитрія Ивановича за память и за ласку и передай ему также мой поклонъ, съ нѣкоторой тревогой отвѣчала Ксенія, знакомъ приказывая боярынѣ-кравчей принять вишни.

— А еще, продолжалъ стольникъ,—великій государь приказалъ тебѣ сказать, что завтра передъ обѣдомъ изволитъ пожаловать сюда для тайной бесѣды съ тобою.

Ксенія, въ величайшемъ смущеніи, поднялась съ своего мѣста, и не сразу отвѣтила стольнику—такъ боролись въ ней противуположныя чувства! Но наконецъ она сошла съ собою, и сказала стольнику:

— Скажи великому государю, что я буду ждать его пріѣзда...

Весь этотъ день и всю ночь Ксенія такъ волновалась, что сонъ почти ни на минуту не смыкалъ ея очей. То она говорила себѣ, что ей не слѣдовало вступать въ бесѣду съ этимъ богоотступникомъ, обманщикомъ,—съ этимъ врагомъ всей ея семьи... То вдругъ ей казалось, что царь Дмитрій Ивановичъ, въ тайнѣ отъ другихъ, хочетъ сообщить ей великую радость—возвратить изъ ссылки ея мать и брата. То ей приходило въ голову, что она должна его принять, наперекоръ всѣмъ теремнымъ обычаямъ, наперекоръ стыду дѣвичьему, — и высказать ему все то, что на душѣ у нея накипѣло; высказать ему прямо, что она его ненавидитъ, презираетъ, что если онъ погубилъ ея мать и брата, то она себѣ желаетъ только смерти...

Но когда пришли къ ней утромъ ея сѣнныя боярышни и боярыня-мама и стали, съ озабоченнымъ видомъ, спрашивать царевну о томъ, какой нарядъ угодно ей выбрать, и какой уборъ надѣть къ наряду—царевна выбрала изъ всѣхъ своихъ нарядовъ тотъ самый, въ которомъ когда-то изъ тайника смотрѣла на пиршество въ Грановитой палатѣ. Но, въ угоду строгому теремному обычаю, она надѣла густую бѣлую фату, которая прикрыла ея лицо и ея дивную косу.

Страшно-взволнованная вышла Ксенія въ комнату, стараясь придать себѣ видъ гордаго спокойствія—и не могла

скрыть своей тревоги отъ окружающихъ, которыя старались истолковать по своему предстоящее посѣщеніе государя. По ихъ взглядамъ и суетливымъ движеніямъ царевна могла догадаться, что все это бабье царство не менѣе ея взволновано ожиданіемъ, сомнѣніемъ и догадками.

Ровно за часъ до полудня, царевну извѣстили, что государь, въ сопровожденіи Басманова и еще двоихъ ближнихъ бояръ, подѣхалъ къ крыльцу. Черезъ нѣсколько минутъ, проведенныхъ Ксеніею въ самомъ тягостномъ ожиданіи, дверь въ сѣни распахнулась настежь, и двое бояръ всгупили въ комнату. Затѣмъ, въ комнату вошелъ царь Дмитрій, въ бѣломъ парчевомъ кафтанѣ съ золотыми разводами и въ небольшой малиновой бархатной шапочкѣ, усаженной по краю золотыми образцами. Всѣ боярыни, боярышни и служниа царевны встрѣтили его общимъ земнымъ поклономъ, на который онъ отвѣчалъ привѣтливомъ кивкомъ головы. Ксенія, трепетная и охладѣвшая, привстала ему навстрѣчу и снова поспѣшила опуститься въ кресло.

Страпчіе внесли за государемъ складной золоченый стулъ, положили на него бархатную подушку и удалились изъ комнаты, вмѣстѣ съ боярами и со всѣми придворными царевны. Царь опустился на стулъ, вперилъ очи въ Ксенію, и нѣсколько мгновеній сидѣлъ молча.

Тягостное молчаніе было прервано Ксеніей:

— Великій государь, сказала она дрожащимъ, не твердымъ голосомъ,—я готова выслушать твою волю... Знаю, что моя судьба въ твоей рукѣ! Не терзай же меня—объяви свою волю скорѣе.

— Вижу, царевна, сказалъ царь, — что злые люди много зла тебѣ насажали обо мнѣ. Вижу, что ты мнѣ не вѣришь, что ты меня винишь во всѣхъ бѣдахъ Русской земли... винишь меня и въ смерти твоей матери и брата...

— Въ смерти! съ ужасомъ повторила Ксенія.—Такъ значить—ихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ!

И закрывъ лицо руками, она горько заплакала.

Царь Дмитрій вскочилъ со своего мѣста.

— Клянусь Всемогущимъ Богомъ! воскликнулъ онъ торжественно, поднимая правую руку и указывая на иконы, — клянусь, что я въ ихъ смерти неповиненъ! Безъ моего приказа совершилась надъ ними воля Божья...

— Воля Божья!.. воскликнула, въ свою очередь, Ксенія, откидывая фату отъ лица и устремляя на Дмитрія гнѣвный, пламенный взоръ очей, еще мокрыхъ отъ слезъ. — Воля Божія! Твоя была тутъ воля! Ты во всемъ виновенъ, ты ихъ убійца — и гнусное убійство дерзаешь называть волей Божьей!

— Царевна, твердо и смѣло произнесъ Дмитрій, — ни отъ кого другаго не потерпѣлъ бы я этихъ словъ! Договорить бы не даль—и ужъ покончилъ бы съ дерзкимъ! Но ты говоришь не знаючи, и Богъ тебѣ судья. А если ты хочешь правду знать, такъ я тебѣ скажу, кто и въ смерти, и въ крови пролитой виновенъ...

Ксенія обратила на него удивленный трепетный взглядъ.

— Виновенъ твой отецъ.

— Отецъ мой?! Ты лжешь!

— Нѣтъ, я не лгу — и въ томъ сошлюсь я на всю землю Русскую. Во всей землѣ быть-можетъ ты одна не знаешь, что онъ меня еще съ пеленъ преслѣдовалъ и гналъ... Что онъ сослалъ меня съ родными дядями и съ матерью въ дальній удѣлъ... Что онъ и тѣмъ не успокоился—и подослалъ ко мнѣ убійцъ... И если-бы Богъ не спасъ меня — и если-бы добрые люди не укрыли отъ убійцъ... меня, невиннаго младенца...

— Быть не можетъ! Все это ложь и клевета!

— Клевета? Пусть такъ! Но то не клевета, что люди, присланные изъ Москвы Борисомъ, зарѣзали младенца Дмитрія-царевича, и что угличане всѣмъ

міромъ ихъ побили и подверглись страшной казни отъ Бориса. Вѣрныхъ слугъ царевича и всю родню его Борисъ сослалъ и разметалъ во всѣ концы земли — и послѣ брата Θεодора спокойно сѣлъ на царство. Онъ позабылъ, торжественно добавилъ Дмитрій,—что есть надъ царями земными Царь Небесный, Сердцевѣдецъ и Мститель за невинно пролитую кровь!

Дмитрій смолкъ на мгновенье. Ксенія его не прерывала.

— Спасенный отъ ножа убійцъ, я долго скитался и скрылся наконецъ подъ ивоческой рясой... Тѣ, кто спасъ меня, мнѣ помогли еще разъ избѣгнуть сыщиковъ Борисовыхъ и указали путь мнѣ за рубежь. Здѣсь, сбросивъ рясу, я нашель себѣ пріютъ у вольницы казацкой, дѣлилъ съ ней походы, опасности, труды, закалялся мужествомъ и наконецъ рѣшился искать себѣ защиты въ сосѣдней Польшѣ, а оттуда кликнуть кличъ на всю землю Русскую. Съ ничтожной горстью сбродной рати явился я на Русь—и крови проливать я не хотѣлъ. Я написалъ Борису: „Опомнись... Отдай намъ наше, и мы тебѣ, для Бога, отпустимъ твои вины“. Онъ съ презрѣніемъ отвергнулъ, выслалъ рать огромную и думалъ раздавить меня однимъ ударомъ. Но я, надѣясь на Бога, какъ Давидъ, когда онъ выступалъ на Голиаѳа,—я одолѣлъ Бориса. И одолѣлъ не чернокижествомъ, не волшебствомъ, какъ онъ въ грамотахъ писалъ, а тѣмъ, что мое дѣло было правое, тѣмъ, что вся Земля во мнѣ признала законнаго царя!

Дмитрій смолкъ на мгновенье, какъ бы собираясь съ мыслями и затрудняясь въ подборѣ словъ, и продолжалъ:

— Видитъ Богъ, что я не думалъ губить семью Бориса... Я только удалить хотѣлъ царя Θεодора и вдовую царицу Марью. Здѣшній бунтъ черни и буйство ея надъ царскою семьей, и заключеніе, которому ее подвергли, и насиліе надъ нею — все это шло не отъ меня! Я узналъ объ этомъ въ Тулѣ, и оплакалъ юнаго Θεодора... Онъ не былъ ни въ чемъ виновенъ — и палъ несчастной жертвой за вину отца. За кровь невинно-пролитую въ Угличѣ, здѣсь Богъ воздалъ другую, невинную кровью. Это-ли не судъ Божій?

И Дмитрій, вопрошая взглядомъ, обратился къ Ксеніи. Но Ксенія отвѣчала только горькими обильными слезами, которыя ручьями текли по ея щекамъ и возбуждали въ сердцѣ юноши горячее сочувствіе къ несчастной судьбѣ Ксеніи.

— Царевна, сказалъ Дмитрій послѣ нѣкотораго молчанія,—я пришелъ къ тебѣ съ добромъ, пришелъ сказать, что я забываю всѣ вины твоего отца и матери передо мною, что я хочу тебѣ добра... Я вернулъ тебѣ твою казну, я приказалъ тебя и содержать, и почитать, какъ подобаетъ царевнѣ... Отложи ненависть... Было намъ не воротить и не исправить... Но зачѣмъ же дальше-то смотрѣть врагами другъ на друга, когда я все готовъ исполнить, все сдѣлать для твоего покоя и счастья.

— Нѣтъ больше счастья для меня! Я все счастье свое похоронила! сказала Ксенія, печально опуская голову.

— Но, теперъ, царевна, ты знаешь всю правду; ты видишь, что не я одинъ виновенъ въ пролитой крови? Не на мнѣ одномъ лежитъ отвѣтъ... И неужли ты можешь, по-прежнему, считать меня обманщикомъ, злодѣемъ, врагомъ своимъ? Скажи...

Но Ксенія на всѣ эти вопросы отвѣчала только слезами и слезами.

Царь Дмитрій поднялся съ мѣста и сказалъ:

— Я первый къ тебѣ пришелъ... Я хотѣлъ загладить... заставить позабыть тебя и зло, и кровь, и горькія обиды... какъ я забылъ ихъ. Теперъ твоя ужъ воля, царевна,—отвернуться-ли отъ меня, какъ отъ врага, или считать меня своимъ защитникомъ и другомъ?

Литературный альбомъ. „Русланъ и Людмила“ Пушкина. Русалки на пути Руслана. Ориг. рис. (собств. „Изма“) К. Волкова, автогипія Ангерера.

Съ этими словами царь Дмитрій, поднявшись съ мѣста, поклонился Ксеніи и вышелъ изъ комнаты; и долго, долго, послѣ его ухода, еще лились слезы царевны, неутѣшныя, горькія, никому незримыя, никому непостижимыя.

VIII.

Двѣ исповѣди.

Феодоръ Калашникъ за послѣднее время совсѣмъ измѣнился, ухаживая за своимъ другомъ, Петромъ Михайловичемъ Тургеневымъ, который казался ему полумнымъ; онъ то вскакивалъ по ночамъ и ходилъ взадъ и впередъ по своей опочивальнѣ, то вслухъ разговаривалъ самъ съ собою и размахивалъ руками: днемъ иногда, по цѣлымъ часамъ, онъ сидѣлъ неподвижно гдѣ-нибудь въ углу на лавкѣ—и никто не могъ отъ него добиться слова. Феодоръ Ивановичъ только о томъ тревожился, какъ бы Тургеневъ на себя рукъ не наложилъ—и всюду ходилъ за нимъ по пятамъ.

— Голубчикъ, Петръ Михайловичъ! говаривалъ онъ не разъ, подсаживаясь къ своему другу и ласково глядя его по плечу,—да что съ тобой? Скажи ты мнѣ! Обмолвись хоть словечкомъ. Вѣдь ты знаешь, какой я другъ тебѣ: съ тобой въ огонь и въ воду... Что у тебя на душѣ?

— Тяжко мнѣ!.. горько мнѣ! простонеть бывало Тургеневъ ему въ отвѣтъ, и опять замолкнетъ и повѣситъ голову.

— Да что горько-то? Что тяжко-то?

— Что спрашиваешь? Аль не знаешь? неохотно отзывался Тургеневъ, и старался поскорѣе уйти отъ докучныхъ вопросовъ.

Затѣмъ, Тургеневъ сталъ проищать по цѣлымъ днямъ изъ дома, и какъ ни добивался, какъ ни пытался выпросить его Феодоръ Ивановичъ, гдѣ онъ проводитъ дни и что онъ затѣваетъ—Тургеневъ отмалчивался и все только становился мрачнѣе и мрачнѣе. Калашникъ ясно видѣлъ, что его друга точитъ какой-то тайный внутренний червь.

Однажды, поздно вечеромъ, Тургеневъ вернулся домой и прямо прошелъ въ свѣтелку Феодора Калашника.

— Феодоръ, я давно хотѣлъ тебѣ душу открыть—да не могъ... Ужъ больно черно у меня на душѣ было, больно много зла накопилось въ ней... Думалъ я, что мнѣ и головы на плечахъ не снести будетъ... Да Господь надо мною смилостивился!

— Говори же, говори скорѣе! Что у тебя было на душѣ... что ты затѣвалъ?

— Я ножъ точилъ на вѣрога лютаго... на того, что змѣемъ огненнымъ повадился теперь въ царевнинъ теремъ летать... Я его выслѣживалъ—я надъ его душой стоялъ... Да видно не судьба ему отъ моей руки погибнуть.

— Что ты? Что ты, Петръ Михайловичъ! Тебя и слушать-то страшно!

— А все-же слушай, не перебивай меня! Дай мнѣ, какъ у попа на духу— всю душу передъ тобой очистить!.. Прослышалъ я, что скоро царевна изъ дома Рубецъ-Масальскаго переселится въ прежніе свои покои въ Теремномъ дворцѣ; что этотъ змѣй-искуситель уговорилъ ее забыть все зло и всю вражду и примириться съ нимъ... И царевна всей душой на это согласилась: онъ ее околдовалъ!.. Она теперь имъ только бредить. А понимаешь-ли, чего онъ хочетъ отъ нея? У него вѣдь въ Польшѣ припасена невѣста, Мвишковна, вельможи тамошняго дочь. Вотъ я и надумалъ его убить, и цѣлые пять дней все поджидалъ его, все случая искалъ. Наконецъ вчера мы повстрѣчались съ нимъ лицомъ къ лицу, глазъ на глазъ—и рука не поднялась на злое дѣло...

— Слава Богу! съ чувствомъ произнесъ Калашникъ.—

Другое дѣло въ битвѣ, въ рукопашной свалкѣ, въ честномъ бою— а тайно, изъ-за угла пырнуть ножомъ! Не наше это дѣло!..

— Да; вижу, что не наше. Вотъ и рѣшился я, на иное. Завтра, черезъ боярышню Варвару, я проберусь къ царевнѣ въ садъ, въ тотъ часъ, когда она одна съ боярышней гуляетъ,— брошусь ей въ ноги, открою, укажу, въ какую пропасть она идетъ, и посмотрю, что скажетъ она. Если испугается она его сѣтей проклятыхъ и козней вражескихъ, тогда мы ей предложимъ бѣжать, и умчимъ ее далеко отъ Москвы и скроемъ до поры, до времени. А коли нѣтъ... коли она ужъ настолько сердцемъ предалась ему,—тогда ужъ, значить, мнѣ и жить не надо...

— Братъ! Неужели ты душу свою изъ-за нея загубишь? Опомнись!

— Нѣтъ. Я тогда пойду и всенародно скажу обманщику, что онъ обманщикъ, что онъ разстрига окаянный, а не царь—и пусть онъ дѣлаетъ со мною что хочетъ. По крайности, недаромъ жизнь отдамъ... Другимъ, слѣпымъ, быть можетъ, глаза открою!

Феодоръ Калашникъ посмотрѣлъ прямо въ глаза Тургеневу, и сказалъ твердо:

— Тогда ужъ и меня бери съ собою! Я не отстану отъ тебя... вмѣстѣ мы жили, вмѣстѣ дружили—вмѣстѣ и на плаху пойдемъ, рука-объ-руку! За правое дѣло и на плаху лечь не стыдно!

И друзья крѣпко-крѣпко обнялись, и братскимъ поцѣлуемъ запечатлѣли свой неразрывный союзъ на жизнь и на смерть.

Царевна Ксенія, послѣ тайнаго объясненія съ царемъ Дмитріемъ, рѣшительно потеряла почву подъ ногами. Все то, что поддерживало въ ней ненависть и злобу противъ Дмитрія, все—даже и смерть матери, и брата—вдругъ утратило въ глазахъ ея прежнее значеніе. Она услышала въ правдивомъ, убѣжденномъ разказѣ Дмитрія о такихъ страшныхъ дѣяніяхъ отца своего, которыя никогда ей и въ голову не приходили,—ей, знавшей Бориса только какъ нѣжнаго родителя и свиходительнаго мужа. Царевнѣ теперь представилась вся борьба царя Дмитрія противъ Бориса не дерзкимъ посягательствомъ какого-то проходимца, обманщика, какого-то разстриги на права царя, избраннаго народомъ, а полнѣе законною борьбою за обладаніе престоломъ отцовъ и дѣдовъ. Самая личность Дмитрія явилась предъ царевной въ иномъ, новомъ свѣтѣ: она увидѣла въ немъ мужественнаго, неустрашимаго юношу, который черезъ тысячи препятствій, опасностей и неудачъ положилъ себѣ дорогу къ цѣли, указанной ему самимъ Богомъ. Всѣ страданія, всѣ униженія и преслѣдованія, испытанныя въ дѣтствѣ Дмитріемъ, были зачтены ему въ особую заслугу, и теперь, въ сердцѣ царевны, возбуждали къ нему сочувствіе и жалость, которыя такъ часто и такъ близко совпадаютъ съ другимъ, болѣе нѣжнымъ чувствомъ.

Отдавши дань слезъ и сокрушеній своему горю, Ксенія, еще ничего не выдавая кромѣ сытнаго и скучнаго прозябанія въ четырехъ стѣнахъ терема, стала невольно оглядываться кругомъ себя, стала искать какой-нибудь разумной цѣли, какого-нибудь осмысленія жизни. Она, въ своемъ несносномъ положеніи не то плѣнницы, не то заключенницы, не смѣла мечтать о томъ семейномъ счастьи, которое прежде составляло главную цѣль всѣхъ ея стремленій и желаній; она искала хоть какой-нибудь перемены, какой-нибудь временной утѣхи, какого-нибудь отвлеченія отъ помысловъ о той монастырской кельѣ, которая начинала съ полною ясностью представляться ей, какъ неизбѣжный исходъ, въ ближайшемъ будущемъ. Этотъ исходъ пугалъ ее, раздражалъ ее, печалилъ ее до глубины души... А между тѣмъ только келья и могла пріютить царевну-сироту, для ко-

торой уже не оставалось никакого тепла, родного гнѣзда, никакого уголка во всей „Русской“ землѣ... И когда черезъ недѣлю послѣ первой, тайной бесѣды съ Дмитріемъ, царевна Ксенія получила отъ него извѣстіе, что онъ думаетъ на завтра опять прѣхать къ ней — она, прежде всего, со страхомъ, подумала:

„Царь Дмитрій прѣдетъ ко мнѣ напомнить о кельѣ... Не стать ему терпѣть меня, дочь врага своего, здѣсь на Москвѣ... Онъ вѣрно мнѣ укажетъ отсюда путь въ дальнюю обитель!..“

Но это мрачное настроеніе мысли не помѣшало Ксеніи позаботиться о своемъ нарядѣ. Она выбрала темно-вишневое, смиренное платье, не украшенное никакими драгоценностями, но которое до такой степени возвышало блескъ ея красоты, придавало столько прелести ея матово-блѣдному лицу и ея большимъ прекраснымъ глазамъ, что на нее невозможно было смотрѣть безъ очарованія...

Когда Дмитрій вошелъ въ ея комнату и, послѣ обычныхъ привѣтствій, всѣмъ приказалъ удалиться и оставить его съ царевною на-единѣ—Ксенія прежде всего сказала ему:

— Царь-государь, я знаю, что тебя ко мнѣ приводить, и не дивлюсь...

— Какъ? перебилъ Дмитрій, съ видимой тревогой.— Ты уже знаешь? Но какъ-же могла ты угадать?..

— Не трудно было угадать, грустно качая головою, сказала Ксенія.— У меня, сироты, нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ пріюта иного, кромѣ обители... Туда мнѣ и путь лежить! И ты пришелъ мнѣ объ этомъ напомнить...

— Царевна!

— Не скрывайся! Я знаю, что я тебѣ здѣсь помѣха... Приказывай—гдѣ должна я себѣ кельи искать?

— Царевна, мнѣ это и въ мысль не вмѣщается... Я самъ провела многіе годы въ тѣсномъ заключеніи—въ кельѣ, которая меня скрывала отъ ножей убійцъ. Я знаю, что такое келья! Знаю, сколько я въ ней страдала, сколько слезъ выплакала—и никого, даже и врага своего, противъ воли не запру въ четыре стѣны. Нѣтъ! Лучше прямо голову врагу снести съ плечъ, чѣмъ всю жизнь томить его за ненавистной оградой... Но развѣ-же ты мнѣ врагъ? Развѣ ты мнѣ помѣха?

— Я дочь родная твоего исконнаго врага, который погибелъ твоей искалъ, желалъ...

— Да развѣ ты ищешь ея? развѣ ты желаешь?.. Развѣ ты не простила мнѣ пролитой крови, послѣ того какъ узнала всѣ мои бѣды, всѣ мои скитанья по бѣлу свѣту?..

Ксенія потушила очи и перебирала своими тонкими пальцами кружево рукава, между тѣмъ, какъ онъ вливался въ нее смѣлыми, горящими очами.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ,—ты не угадала, зачѣмъ я къ тебѣ прѣехалъ! Не зло, а добро и ласка были у меня на умѣ...

— Ласка! тревожно повторила Ксенія и тоскливо отодвинулась отъ Дмитрія на своемъ креслѣ.

— Да! добро и ласка! Я ѣхалъ къ тебѣ—утѣшить тебя и душу свою тебѣ открыть. Тѣ высказать тебѣ хочу, о чемъ я и дни думалъ, и ночи думалъ, и чего не хочу болѣе скрывать отъ тебя, потому что ужъ и силъ на это не хватаетъ... Слушай же, царевна, и не перебивай меня.

Ксеніи, страшно взволнованная и блѣдная, вся обратилась въ слухъ, боясь проронить хотя бы единое слово царя Дмитрія. Она понимала, она чувствовала, что теперь вся судьба ея, все ея настоящее и будущее—въ рукахъ этого человѣка.

— Въ ту пору, когда я былъ инокомъ Чудова монастыря и ждалъ, нетерпѣливо ждалъ избавленія изъ моей тяжелой неволи—у меня была только одна отрада... Случалось, что ты, царевна, прѣзжала къ намъ въ соборъ и становилась на молитву въ нашемъ храмѣ. Я ненавидѣлъ твоего отца и всю твою семью, я въ

ту пору клялся погубить его, клялся мстить ему за всѣ мои несчастья, за сиротство и за неволю... Но когда я тебя видѣлъ, буря злости и мести затихала во мнѣ на мгновенье, я забывалъ обо всемъ—и я только тебя одну видѣлъ...

Дмитрій былъ такъ взволнованъ, когда произносилъ эти послѣднія слова, что голосъ его дрогнулъ, и онъ долженъ былъ пріостановиться на минуту,—перевелъ дыханіе и овладѣлъ собой настолько, что могъ продолжать:

— Въ ту пору я не зналъ еще ни людей, ни жизни... Я не зналъ женской ласки. И ты, царевна,—ты казалась мнѣ яркимъ, горячимъ солнцемъ, которое жгло меня своими лучами, и кровь во мнѣ кипѣла такъ сильно, что я ни днемъ, ни ночью не могъ пайти покоя отъ твоихъ чудныхъ глазъ, отъ твоей дѣвичьей красоты... Все тянуло меня къ тебѣ,—меня, ничтожнаго инока,—и я плакалъ слезами злости и отчаянья, на моемъ жесткомъ ложѣ, сознавая, какъ ты высоко стоишь надо мною, какъ далеко мнѣ до тебя, до царственнаго солнца, ненарѣкомъ заронившаго лучи въ нашу обитель!

Ксенія хотѣла остановить царя Дмитрія, хотѣла подняться съ мѣста, хотѣла сказать ему, что дѣвичій стыдъ не позволяетъ ей слушать такіа рѣчи; но сердце ея билось такъ сильно, грудь такъ усиленно дышала, что она не могла произнести ни одного слова, ни одного звука.

— Затѣмъ, продолжалъ Дмитрій,—бурная судьбина унесла меня далеко отъ Москвы и повела инымъ путемъ на верхъ почестей и славы. Я много видѣлъ блеска, шума, красоты, много гордыхъ красавицъ искала моего взгляда, добивались моей ласки; я слышалъ много лести, много похвалъ, которыя мнѣ кружили голову... Я много разъ, въ кровавой сѣчѣ, видѣлъ передъ собою смерть и гибель... Я видѣлъ народныя толпы, видѣлъ цѣлые города и области, которыя падали къ ногамъ моимъ и покорялись моей власти,—видѣлъ всю Москву, которая плакала, какъ одинъ человѣкъ, слезами радости и восторга, когда я въѣзжалъ въ Кремль, какъ законный прирожденный государь всей Руси... Но ничто не могло вырвать изъ моего сердца твой образъ—я не забылъ тебя... Я трепеталъ, чтобы ярость народная не обрушилась на тебя, какъ на дочь Бориса...

— Царь Дмитрій, зачѣмъ ты это говоришь? простонала наконецъ Ксенія. — Зачѣмъ я это должна слышать?

— О, дослушай до конца, царевна! Какъ я тебя здѣсь увидѣлъ, такъ и сказалъ себѣ: „довольно крови пролилось; искуплены вины Бориса гибелью его семьи и рода! Зачѣмъ же дочь его, ни въ чемъ неповинная, зачѣмъ она будетъ страдать, зачѣмъ она загубитъ жизнь молодую и красоту неказанную въ мрачной обители? Зачѣмъ она прикроетъ темною расой грудь и плечи, достойныя платна и діадимы? Нѣтъ! Пусть она согласится быть моей супругой, пусть раздѣлитъ со мною и жизнь, и власть, и радость, и счастье, и любовью заплатитъ за ту ненависть, которую питалъ ко мнѣ ея отецъ.“

Ксенія не выдержала: она чувствовала, что голова ея кружится, что кровь приливаетъ горячей волной къ ея сердцу, что еще одно слово—одно только слово—и она все позабудетъ для Дмитрія. Она быстро поднялась съ мѣста, съ мольбою сложила на груди трепетныя руки и сказала:

— Великій государь, пощади меня, бѣдную сироту,—не говори мнѣ болѣе объ этомъ... Я не смѣю и помыслить... Зачѣмъ ты издѣваешься надъ горемъ моимъ!

— Я—издѣваюсь! громко воскликнулъ Дмитрій, вскакивая со своего мѣста.—Я! Да знаешь-ли, царевна, что между бояръ нашлись злодѣи, которые тебя готовили мнѣ... на потѣху! Что стоило бы только мнѣ мигнуть—и не было бы никакихъ преградъ моимъ же-

ланьямъ... Но я не силою хочу тебя взять, царевна,— я тебѣ руку протягиваю... Опирайся на нее, и ничего не бойся. Я тебя сунругою введу въ мой домъ!

— Царь государь! О!.. дай же мнѣ подумать! Не троши меня отвѣтомъ!..

— Будь такъ! Но не томи и ты меня своимъ отвѣтомъ... Тебѣ отдѣланы и приготовлены покои въ Теремномъ дворцѣ. Черезъ недѣлю я пришло къ тебѣ спросить: согласна-ли ты переѣхать на новоселье. Если согласишься—помни, что туда ты переѣдешь уже невѣстой царя Дмитрія.

И, поклонившись Ксеніи, царь быстро удалился, какъ бы страшась услышать отъ нея то слово, которое могло поднять въ немъ бурю неудержимой, жгучей страсти.

IX.

Непрошенный другъ.

Частые пріѣзды царя Дмитрія Ивановича въ домъ князя Рубецъ-Масальскаго, въ которомъ временно жила царевна Ксенія, возбудили толки во всемъ городѣ. Въ народѣ говорили, что Борисова дочь околдовала молодого царя и женить на себѣ хочетъ; въ боярствѣ перешептывались о томъ, что у государя-моль „губа-не дура“, „знаетъ гдѣ что взять“; и добавляли къ этому, что за Дмитрія Ивановича опасаться нечего: „поиграетъ-моль, да и броситъ“. Того же взгляда держалась и вся царевнина служня, всѣ ея боярыни и приближенныя домашнія лица. Никому изъ нихъ не удалось подслушать тайныхъ бесѣдъ царя съ Ксеніей; никому сама Ксенія не обмолвилась о тѣхъ бесѣдахъ ни единымъ словомъ; но всѣ, по переѣздѣ, происшедшей въ ней, заключали, что ея свиданія съ Дмитріемъ Ивановичемъ будутъ имѣть важное значеніе для ея будущаго. Это будущее царевны Ксеніи сдѣлалось предметомъ оживленныхъ споровъ среди женскаго міра, окружавшаго царевну, и въ этомъ спорѣ преобладающую роль играли боярыня-кравчая и боярыня-казначей, противъ которыхъ боярыня-мама старалась всѣми силами отстоять и защитить свою питомицу.

— Совсѣмъ твоя царевна голову потеряла! не разъ говорила боярыня-кравчая боярынь-мамѣ. — Только дважды побывалъ ясный соколъ, только перьями трянулъ, а ужъ она и загорѣлась пожаромъ!..

— Ужъ и стыдъ-то дѣвичій отложила—съ глазу на глазъ съ мужчиной бесѣдуетъ! подсказывала боярыня-казначей.

— Ну, что пустое толковать! говорила боярыня-мама.—Не сама она виновата? Въдъ государю во всемъ своя воля! Какъ невѣсть, бывало, для царя-батюшки соберутъ во дворецъ, такъ не то еще бывало...

— Такъ тѣ, по крайности, невѣсты царскія! А наша царевна нонѣшнему царю не невѣста. Надо бы ей это знать! Ей одна дорога—въ монастырь...

— Какая ужъ невѣста? добавила боярыня-кравчая.— У царя Дмитрія, говорятъ, княжна какая-то польская выскана! Онъ и то все въ Польшу-то деньги шлетъ... Не ужъ-то же царь Дмитрій да на Годуновой женится?

— Тьфу! Пронасти на васъ нѣту! съ досадой говорила мама.—Ничего еще нѣтъ, а онъ ужъ пророчать!

— Чего пророчить-то? И такъ ясно! Да ты сама, боярыня, разсуди! Кабы онъ и захотѣлъ на нашей царевнѣ жениться—такъ его мать, Марѳа Θεодоровна, не допуститъ. Она для Ксеніи не теща! Царь Борисъ ей сколько горя надѣлалъ—всю жизнь ея загубилъ... А она, вишь ты, Борисову дочь-царевну себѣ въ невѣстки возьметъ! Нѣтъ, мать моя, эта не изъ таковскихъ!

— Говорятъ, какъ только привезли-то ее изъ обители, такъ тотчасъ послѣ встрѣчи съ сыномъ, она объ Годуновыхъ разспросила; да и говорить, быдто—„а эту зачѣмъ въ Москвѣ оставили?“

— Ахъ вы, сороки безхвостыя! гнѣвно крикнула боярыня-мама на своихъ достойныхъ подругъ и товарищъ.—Смѣете вы этакое поносное слово про великихъ

государей говорить! Небось, какъ жива была Марья Григорьевна, такъ слѣдочекъ ея дѣловали, и то себѣ за честь ставили, а нынче дочкѣ ея и слѣдите—не слѣдите!..

— Ну, ты не очень пыли, Мавра Ивановна! Мы въдъ и сами съ усами! А что тебѣ правда про царевну не нравится—такъ развѣ мы въ томъ причинны?

— Какая тамъ правда!? Посидѣла дѣвка дважды съ глазу-на-глазъ съ царемъ, да и то потому, что ему не скажешь: „вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ“, а ужъ вы и горло распустили... А коли на правду пошло, такъ васъ только то и злитъ, что васъ не спросили. Боитесь, что на свадьбѣ чаркой обнесутъ!

И боярыня-мама, сердито ворча и отмахиваясь руками, отходила отъ боярынь, которыя заливались громкимъ и недобримъ смѣхомъ.

Но злые языки были отчасти правы въ томъ, что они говорили о царевнѣ. Горячее признаніе царя Дмитрія Ивановича совсѣмъ искружило голову Ксеніи и вновь пробудило въ груди ея ту жажду счастья, ту жажду жизни, свѣта и радости, которой она уже давно не ощущала среди постигшихъ ее скорбей, утратъ и бѣдствій. И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ могущественнѣе отзывались въ сердцѣ Ксеніи эти призывы къ жизни и счастью—тѣмъ менѣе была она способна противиться имъ и подчинять свою волю спокойнымъ рѣшеніямъ разума. Она говорила себѣ: „Теперь или никогда!.. Или къ нему, или въ могилу!“

И сердце ея переполнялось благодарностью къ Дмитрію, который могъ бы такъ страшно отмстить Борису позоромъ его дочери—и такъ великодушно протягивалъ ей руку, такъ честно предлагалъ ей раздѣлить съ нимъ и власть, и жизнь, и счастье. И вотъ, мечты объ этомъ счастьѣ такъ охватили душу Ксеніи, что въ ней не осталось мѣста никакимъ инымъ помысламъ, никакимъ инымъ ощущеніямъ, никакимъ желаніямъ... День и ночь Ксенія думала только о Дмитріи, день и ночь стремилась душою къ нему и начинала ужъ жалѣть о томъ, что сама на цѣлую недѣлю отдала отъ себя свое счастье. Она открылась Варенькѣ, рассказала ей о бесѣдѣ съ царемъ Дмитріемъ, о своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ; по цѣлымъ часамъ сидѣла съ нею въ саду, подъ развѣсистымъ кленомъ, и все говорила съ боярышней о Дмитріи, о его таинственной судьбѣ, о его скитаніяхъ, о его царственномъ благородствѣ и великодушіи,—говорила ей о своемъ наступающемъ счастьѣ, наслаждаясь чуднымъ лѣтнимъ вечеромъ, который распространялъ живительную прохладу подъ густыми вѣтвями и обливалъ огнистыми лучами заката вершины старыхъ деревьевъ.

— Онъ добрый, Варенька! Онъ только смотритъ такимъ суровымъ... Ужъ очень онъ много бѣдъ на своемъ вѣку видѣлъ, говорила царевна, заглядывая въ очи своей подруги.

— Ужъ какъ же не добрый, государыня-царевна, коли онъ князя Василья Шуйскаго на плахѣ помиловалъ; а теперь, на радостяхъ, говорятъ, и изъ ссылки вернулся, и по-прежнему ближнимъ бояриномъ сдѣлалъ.

— Василья Шуйскаго, который на него зло умыслилъ... И насъ всѣхъ загубилъ своимъ вѣроломствомъ... Добрый, хороший онъ, Варенька, и когда я его царичей буду—онъ еще добрѣ будетъ! Варенька! вдругъ спохватилась царевна,—посмотри-ка! Что это?

И она указала Варенькѣ въ чашу сада, впереди себя, на ту дорожку, по которой имъ нужно было возвращаться къ дому. Двѣ мужскія фигуры, одна повыше, другая пониже, вышли тамъ изъ-за кустовъ и ясно выдѣлялись на темномъ полѣ зелени.

Первымъ движеніемъ царевны былъ испугъ; она хотѣла крикнуть и бѣжать... Но Варенька шепнула ей, что, можетъ-быть, эти люди посланы сюда съ тайною вѣстью отъ царя Дмитрія.

Сирота. Ориг рис. (собств „Нивы“) А. Котляревскаго грав Пүдъ

— Полно пугаться ихъ, царевна, пойдѣмъ къ нимъ прямо. Ты видишь, они насъ ждутъ!

И она смѣло пошла навстрѣчу незнакомцамъ. Когда царевна подошла къ нимъ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, такъ что можно было даже разсмотрѣть ихъ лица, она убѣдилась въ томъ, что эти люди не таятъ никакого злаго умысла. Они оба сняли шапки и отвѣсили по низкому поклону. Одинъ изъ нихъ, тотъ, что былъ пониже ростомъ, показался даже знакомъ царевнѣ: она вспомнила, что гдѣ-то ужъ видѣла это красивое лицо съ курчавой черной бородой и мягкими, добрыми, карими глазами.

— Что вы за люди? Какъ сюда зашли? спросила царевна, подходя къ чернявому молодцу.

Тотъ палъ на колѣни передъ царевной и сказалъ ей:

— Государыня-царевна, мы люди честные, не воры, не обманщики, твоему отцу вѣрные слуги! Зашли мы сюда доброй волею, чтобы тебя отъ зла оберечь. Не пугайся насъ—прикажи слово молвить.

— Да кто же вы такіе? Какъ тебя звать, добрый молодецъ? спросила царевна, всматриваясь въ лицо говорившаго.

— Зовутъ меня, государыня, Петромъ Тургеневымъ, а товарища моего Феодоромъ Калашникомъ. Ты меня изволила ужъ не разъ видѣть: то былъ я воеводами послѣ побѣды со знаменами къ покойному царю Борису присланъ, а то привезъ покойному братцу твоему вѣсть объ измѣнѣ проклятаго Петьки Басманова.

— А! да! помню, разсѣянно и поспѣшно проговорила Ксенія, какъ бы стараясь поскорѣе отдѣлаться отъ неприятныхъ и тяжелыхъ воспоминаній. — Но что же теперь тебѣ нужно? Говори, если ты точно добрый человекъ...

— Отошли боярышню, государыня, сказалъ Тургеневъ, поднимаясь съ колѣнъ. — Я съ тобой говорить могу только съ очей-на-очи.

Царевна шепнула Варенькѣ на ухо:

— Отойти отъ меня недалечко и будь подъ рукою.

Калашникъ, по знаку Тургенева, исчезъ въ кустахъ.

Ксенія опустила на дерновую скамью и сказала:

— Говори скорѣе—я слушаю.

— Государыня-царевна, сказалъ Тургеневъ, — мы присягали на вѣрность твоему батюшкѣ, и не ему одному, а и царидѣ Марьѣ, и братцу твоему, царю Феодору, и тебѣ, государыня. Ихъ всѣхъ Господь прибралъ и злые люди надъ ними грѣхъ совершили, въ крови ихъ омыли руки свои; но тебя сохранилъ Господь... Сохранна и присяга наша тебѣ въ вѣрности, и помнимъ мы, что должны тебѣ до гроба служить вѣрою и правдою.

Царевна подняла на Тургенева свои чудныя очи, въ которыхъ ясно выразалось сомнѣніе и вопросъ.

— И есть, помня ту присягу, государыня, продолжалъ Тургеневъ, — и слыша, въ какомъ ты живешь здѣсь утѣсненіи отъ новаго государя и отъ его пособниковъ и злодѣевъ, пришли мы тебя отъ нихъ избавить. Готово у насъ все для побѣга: и люди, и лошади—и только прикажи, государыня, сегодня ночью умчимъ тебя, куда сама велишь.

Царевна не ожидала такого страннаго оборота, и была не только удивлена, но почти разгнѣвана излишнею преданностью и усердіемъ этого вѣрнаго слуги. Она насушила брови и, спокойно обратясь къ Тургеневу, сказала:

— Ты ошибаешься, и тотъ, кто насаждалъ тебѣ объ утѣсненіи моемъ и объ обидахъ, чинимыхъ мнѣ, тотъ лгу взводить на государя Дмитрія Ивановича. Я его

милостью довольна и ни на что не жалуясь. Не смѣю роптать на Божью волю... Притомъ я знаю, что царь Дмитрій не виновенъ въ злодѣяннѣхъ боярѣ и въ гибели монахъ родныхъ и близкихъ... Я не смѣю и думать о томъ, чтобы бѣжать отсюда... я изъ воли государя не выступлю ни шагу...

Тургеневъ вздрогнулъ при этихъ словахъ царевны и сказалъ:

— Ужели ты и тогда, государыня, не выступишь изъ воли царя Дмитрія, когда онъ поведетъ тебя на вѣрную погибель?

— Какъ смѣешь... ты это говорить? гнѣвно воскликнула Ксенія, поднимаясь съ лавки. — Какая гибель? въ чемъ?

— Не гнѣвайся, государыня-царевна, не поспѣуй на меня за правду! Смѣю я говорить то, что вся Москва ужъ говоритъ, и не шепотомъ, а во весь голосъ трубить... Всѣ говорятъ, что царь Дмитрій собирается тебя отсюда перевезть къ себѣ поближе, въ Теремной дворецъ, и что готовитъ себѣ на потѣху...

— Замолчишь-ли ты, дерзкій холопъ! крикнула царевна. — Ты вѣрно сюда боярами подосланъ — сѣять раздоръ и смуту! Прочь отсюда, или я крикомъ соберу сюда людей и ты будешь...

— Не дерзкій я холопъ, царевна, а вѣрный рабъ твой до гроба, и знаю что говорю... Недаромъ прокляли его на площадѣ, не даромъ сверженный имъ патриархъ писалъ повсюду въ грамотахъ, что онъ глаза отводитъ колдовствомъ да чернокнижествомъ!.. Онъ и тебя околдовалъ, онъ и тебѣ глаза отвелъ! А насъ онъ не обманетъ... Мы тогда еще видали его, какъ онъ здѣсь въ Чудовой обители былъ инокомъ!.. Мы знаемъ, что онъ обманщикъ, а не прямой нашъ царь. Я это прямо говорю, я и креста ему не цѣловалъ, и цѣловать не стану! И если я увижу, что онъ тебя не пощадитъ и замыселъ свой исполнитъ — вотъ разрази меня Господь (и тутъ Тургеневъ поднялъ вверхъ руку съ крестнымъ знаменіемъ), если я не выйду на площадъ и не объявлю его обмана передъ всѣмъ народомъ!

Слова Тургенева какъ ножомъ полоснули царевну по сердцу; но честная правдивость и увѣренность, съ которыми онъ говорилъ, смирили ея гнѣвъ.

— Надъ царями истинными Богъ блюдетъ и хранить ихъ отъ крамольниковъ! сказала царевна, собираясь уходить. — Онъ блюдетъ и надъ царемъ Дмитріемъ — и возвелъ его на прародительскій престолъ черезъ сколькія бѣды и напасти... Смотри же, не играй напрасно головой своей!

— Дорога мнѣ голова моя, государыня, какъ дорога дѣвицѣ честь дѣвичья, сказалъ Тургеневъ, мѣняясь въ лицѣ. — Но я голову спокойно понесу на плаху, коли придется помирать за правду! А тебѣ, великая государыня, одно скажу: не сзумѣла ты оцѣнить вѣрнаго слугу, не сзумѣла ты отъ него правды выслушать — повелѣла ты ему быть въ смертной казни! Инъ, будь по твоему... Прости, государыня! Не поминай лихомъ вѣрнаго слуги! Дай тебѣ Богъ всякаго счастья!

И онъ поклонился Ксеніи въ землю; потомъ медленно, съ видимымъ усиленіемъ, какъ бы подавляя въ себѣ какое-то тяжелое чувство, свернулъ въ кусты и скрылся изъ глазъ царевны, которой показалось, что она слышитъ въ кустахъ чьи-то глухія рыданія.

— Варенька! Варенька! крикнула царевна боярышнѣ. — Домой, поскорѣе домой пойдѣмъ! Мнѣ страшно, мнѣ страшно здѣсь оставаться!

(Продолженіе будетъ.)

Полсутокъ на деревѣ.

Разсказъ изъ жизни на далекомъ Востока. А. Я. Максимова.

I.

— Завтра, съ разсвѣтомъ, идемъ въ Находку, неожиданно объявить своимъ офицерамъ командирь, возвращаясь на транспортъ уже съ заходомъ солнца и входя въ каютъ-компанію.

— Помилуйте, Николай Михайловичъ, это положительно невозможно, запротестовалъ, по обыкновенію, механикъ, отецъ не долюбивавшій неожиданныхъ походовъ.

— Почему, Левъ Ивановичъ? кротко спросилъ командирь.

— Я только-что приступилъ, съ вашего разрѣшенія, къ осмотру подлинника... Помните, какъ онъ скрипѣлъ третьяго дня при переходѣ изъ Посыета? доложилъ механикъ, вполне убѣжденный въ неотразимости выставленной имъ причины.

— Пустяки!.. Пускай машинисты проработаютъ цѣлую ночь, а завтра, съ разсвѣтомъ, мы должны уйти изъ Владивостока во что бы то ни стало, рѣшительно заявилъ Николай Михайловичъ.—Такъ приказалъ адмиралъ, добавилъ онъ значительно мягче, точно оправдываясь въ своей рѣшительности, вообще весьма рѣдкой и исключительной.

Левъ Ивановичъ, сбившій съ позиціи, многозначительно взглянулъ на своего пріятеля, штурманскаго офицера и содержателя каютъ-компаніи, ревностно исполнявшаго эту выборную должность уже второе лѣто.

— У меня провізія на исходѣ, попробовалъ тотъ, въ свою очередь, выставить вѣскій аргументъ въ доказательство невозможности скораго похода.

— Возьмите сейчасъ-же шлюпку, поѣзжайте на берегъ и купите все необходимое... Уходимъ на недѣлю, проговорилъ командиръ тѣмъ-же рѣшительнымъ тономъ.

— Подновато ѣхать—ничего теперь не достанешь, продолжалъ упорствовать содержатель каютъ-компаніи, подстрекаемый взглядомъ пріятеля-механика.

— Въ такомъ случаѣ примите въ долгъ изъ ахтеръ-люка *) солонину, распорядился Николай Михайловичъ, хорошо зная магическое дѣйствіе этой фразы на Льва Ивановича и штурмана, любившихъ покушать плотно, вкусно и хорошо.

— Не лѣнись, дружище, поѣзжай-ка, проворчалъ механикъ, направляясь изъ каютъ-компаніи въ машину, чтобы сдѣлать необходимое распоряженіе относительно ея изготовленія для предстоящаго похода.

Штурманъ не сталъ прекословить. Безмолвно поднявшись съ мягкаго дивана, онъ удалился въ свою каюту, порывалъ съ минутой въ какомъ-то завѣтномъ ящичкѣ шифовъера и вышелъ въ каютъ-компанію, вполне готовый ѣхать на берегъ.

— Дайте Ивану Петровичу шестерку, приказалъ старшій офицеръ вахтенному начальнику, съ любознательствомъ поглядывавшему съ палубы въ открытый люкъ.

— Есть! послышался сверху короткий, морской отвѣтъ, и черезъ секунду раздалась громогласная команда:

— На шестерку!.. Шестерка къ лѣвому транцу!..

Штурманъ угрюмо вышелъ изъ каютъ-компаніи, видимо сильно раздосадованный тѣмъ, что ему предстояло, вмѣсто сладкаго сна, пробродить по темнымъ улицамъ засыпающаго города, въ поискахъ за необходимой провізіей.

— Ну, слава Богу, сировадил! довольнымъ тономъ проворчалъ командиръ, оцасавшійся, при своей слабохарактерности, какой-нибудь задержки со стороны упрямыхъ подчиненныхъ: механика и штурмана.

— Зачѣмъ идемъ въ Находку? поинтересовался старшій офицеръ.

— Проверить бывшіе склады Удѣльнаго вѣдомства, удовлетворилъ Николай Михайловичъ любознательство своего помощника. — Говорятъ — половину расхитили. А вѣдь имущества всякаго было тамъ больше чѣмъ на миллионъ рублей... Жаль!..

— Какимъ-же образомъ миллионное имущество было оставлено безъ надлежащаго присмотра? полюбопытствовалъ судовоі врачъ, только наканунѣ прибывшій на службу во Владивостокъ и тотчасъ поцавшій въ плаваніе на транспортъ.

— О, это длинная, любознательная и назидательная исторія первыхъ попытокъ заселенія Усурійскаго края! воскликнулъ словоохотливый Николай Михайловичъ.—Вы съ Петромъ Осиповичемъ здѣсь новички, и многое покажется вамъ дикимъ; но мы, старожилы, ко всему уже попривыкли, посмотрѣлись и со всѣмъ обтерлись... Вотъ вы увидите завтра, во что обратилась Находка, еще недавно дѣлая мечта мѣстныхъ дѣятелей, создававшихъ въ своихъ кабинетахъ фантастическіе проекты колонизаціи только-что приобретеннаго края... Грустные развалыны недавняго величія!..

— Любопытно познакомиться съ исторіей заселенія Находки, обратился, въ свою очередь, Петръ Осиповичъ къ командиру, видимо хорошо знакомому съ условіями мѣстной жизни.

— Извольте, я расскажу вамъ вкратцѣ, предупредительно отозвался любезный Николай Михайловичъ, приветливо взглянувъ на совершенно юнаго мичмана, скромно сидѣвшаго въ почтительно отдаленнѣ отъ начальства и видимо еще не освоившагося съ товарищескимъ отношеніемъ командира къ своимъ подчиненнымъ.

— Съ приобретеніемъ богатаго, прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ Южно-Усурійскаго края, началъ свой рассказъ Николай Михайловичъ послѣ короткаго раздумья.—первымъ начало мечтать о широкой колонизаціи своихъ новыхъ земель Удѣльное вѣдомство. Средствъ у этого вѣдомства было достаточно; дѣятелей, жаждавшихъ хорошаго содержанія и выгодной командировки, было еще больше... Дѣло оставалось только за контингентомъ будущихъ колоній, но и это дѣло сладилось быстро, рѣшительно, хотя и безтолково... Благодаря дѣятельному участію въ этомъ важномъ для молодого края предпріят-

тін лицъ финскаго происхожденія, выборъ палъ на финновъ, какъ на самую, будто-бы, полезную и трудолюбивую часть населенія нашей обширной имперіи. Колонизація края финскимъ племенемъ казалась этимъ дѣятелямъ столь блестящею и несомнѣнно благоприятною, что они рѣшили съ перваго-же шага повести дѣло на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Глубоко обдуманная въ кабинетахъ программа дѣйствій такъ и пылала патриотическимъ огнемъ — совершить на крайнемъ Востокѣ невиданное дѣло: основать для финновъ сказочныя, богатыя колоніи, завести свои суда и пароходы для доставки будущихъ колоніальныхъ пропавденій въ Америку, Индію и еще куда-то, и создать наконецъ въ прекрасной бухтѣ Находка коммерческой портъ, снабдивъ его всѣми необходимыми, неистощимыми матеріалами и запасами... Задумали и рѣшили съ плеча... Прежде всего дѣтели приобрѣли парусный транспортъ, который долженъ былъ доставить будущихъ переселенцевъ въ новую обѣтованную землю и служить имъ на первое время для торговыхъ морскихъ предпріятій. На транспортъ нагрузили: самые новѣйшіе земледѣльческіе инструменты, громадное количество всевозможнаго желѣза для нуждъ будущихъ пароходовъ, тростъ и снасти для будущихъ кораблей, всѣ необходимыя припасы и вещи какъ переселенцевъ, такъ и начальствующихъ лицъ, заѣмъ ящики, ящики и ящики съ пивомъ, виномъ, шампанскимъ и другими живительными напитками... Не забыли и картъ прихватить, въ расчетъ на нѣскольکو лѣтъ самой ревностной игры... И такъ, транспортъ пришелъ въ Находку очень торжественно, чуть-ли не съ шумечной палубой. Всѣ матеріалы и вещи были аккуратно сложены въ воздвигнутые каменные и желѣзные магазины. Финновъ - переселенцевъ размѣстили въ основанной колоніи и предоставили ихъ своей волѣ и разуму; а финны-начальство расположились очень комфортабельно въ прекрасныхъ удѣльныхъ домахъ, въ ожиданіи несомнѣнныхъ результатовъ своего патриотическаго предпріятія... Ждать, конечно, было безъ дѣла скучновато, и вотъ дѣтели начали улаживать себя ежедневною картежною игрою и веселыми кангунками. Жилось имъ, на счетъ богатаго Удѣльнаго вѣдомства, весело и привольно: шампанское, вино и пиво лились широкой рѣкой среди подвиговъ на зеленомъ полѣ... Время шло незамѣтно, и результировать веселой колонизаціи не замедлилъ высиниться: у финновъ родился прекрасный картофель и такой плохой хлѣбъ, что начальство сейчасъ-же распорядилось выдать таковой заимобразно изъ магазиновъ. Финнамъ это распоряженіе очень понравилось, и они, не привыкшіе къ хлѣбощаществу и незнакомые съ мѣстными условіями, начали сѣять одинъ только картофель, вдоволь наѣдалась готовымъ хлѣбомъ Удѣльнаго вѣдомства. Послѣднему, наконецъ, надоѣло слышать только объ одномъ, произрастающемъ въ богатой колоніи, картофелѣ, надоѣло кормить совершенно облѣбнвшихся финновъ, и въ одинъ прекрасный день, вслѣдствіе высшихъ распоряженій, всѣ дѣтели внезапно улетучились изъ Находки, бросивъ на произволъ судьбы и переселенцевъ, и богатые склады, и матеріалы, и дома со всѣмъ имуществомъ; улетучились и принялись за болѣе подходящую къ своимъ способностямъ дѣятельность. Такъ, напримеръ, наиболее ученый мужъ пресловутой колоніи предпочелъ сдѣлаться владивостокскимъ батчиномъ... Финны-переселенцы, брошенные своими благодѣтелями, долго бѣдствовали и голодали, наконецъ бросили, въ свою очередь, Находку и перебрались во Владивостокъ, гдѣ занялись разнаго рода мастерствами. Находка-же со всѣми складами, имуществомъ и постройками перешла въ руки Морскаго вѣдомства, съ тѣмъ... чтобы окончателно придти въ запустѣніе и разрушеніе... Такъ печально, такъ неопозволительно безсмысленно окончилась глупая колонизація Южно-Усурійскаго края финскимъ племенемъ! закончилъ Николай Михайловичъ свой грустный рассказъ досадливымъ восклицаніемъ.

— Что-же осталось теперь отъ quasi-цвѣтущей колоніи? продолжалъ любознательствовать Петръ Осиповичъ, сильно заинтересованный всѣмъ слышаннымъ.

— Завтра увидите... А если вы охотникъ, совѣтую захватить ружье: фазановъ — необъятное количество... Мѣсто, въ этомъ отношеніи, совершенно дѣвственное.

— А тигры водятся? спросилъ докторъ.

— Не слыжалъ... Можетъ быть и заходятъ изрѣдка, далъ Николай Михайловичъ неопредѣленный отвѣтъ. — Однако, ужъ поздно! неожиданно оборвалъ онъ разговоръ, взглянувъ на часы.—Пора и спать. Надо сняться съ якоря не позже пяти часовъ утра, чтобы придти въ Находку къ полудню... Андрей Ивановичъ, обратился командиръ къ старшему офицеру,—распорядитесь, чтобы пары были готовы къ четыремъ... Спокойной ночи, господа!

И Николай Михайловичъ удалился въ свое помѣщеніе, расположенное рядомъ съ каютъ-компаніей.

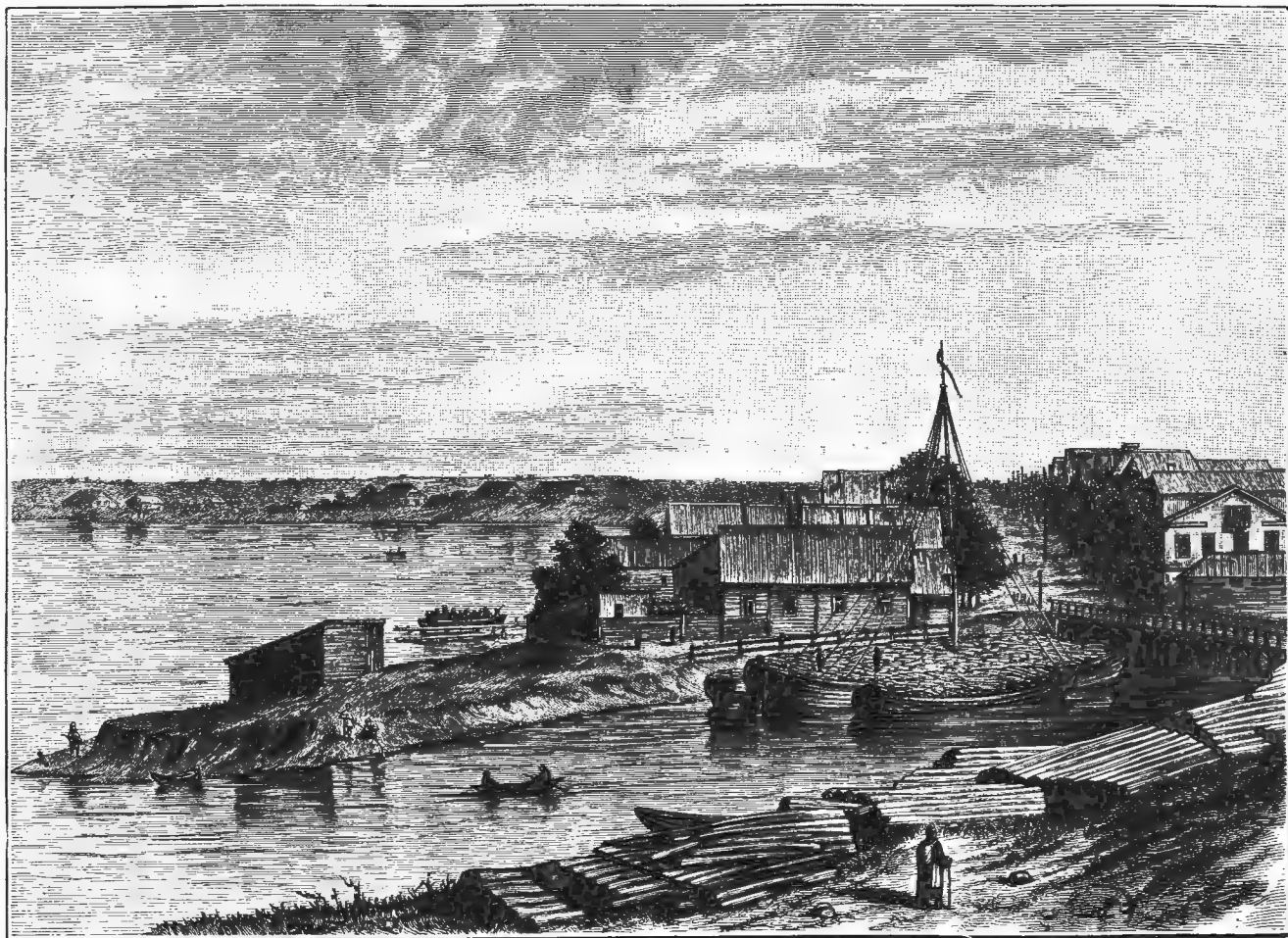
II.

Съ уходомъ командира, всѣ тотчасъ-же разошлись по своимъ каютамъ, торопясь выснаться, въ виду предстоявшаго ранняго похода.

Петръ Осиповичъ съ докторомъ направился на верхнюю палубу, въ рубку, гдѣ изъ было отведено общее помѣщеніе.

— Неужели вы дѣйствительно на охоту пойдете? спросилъ

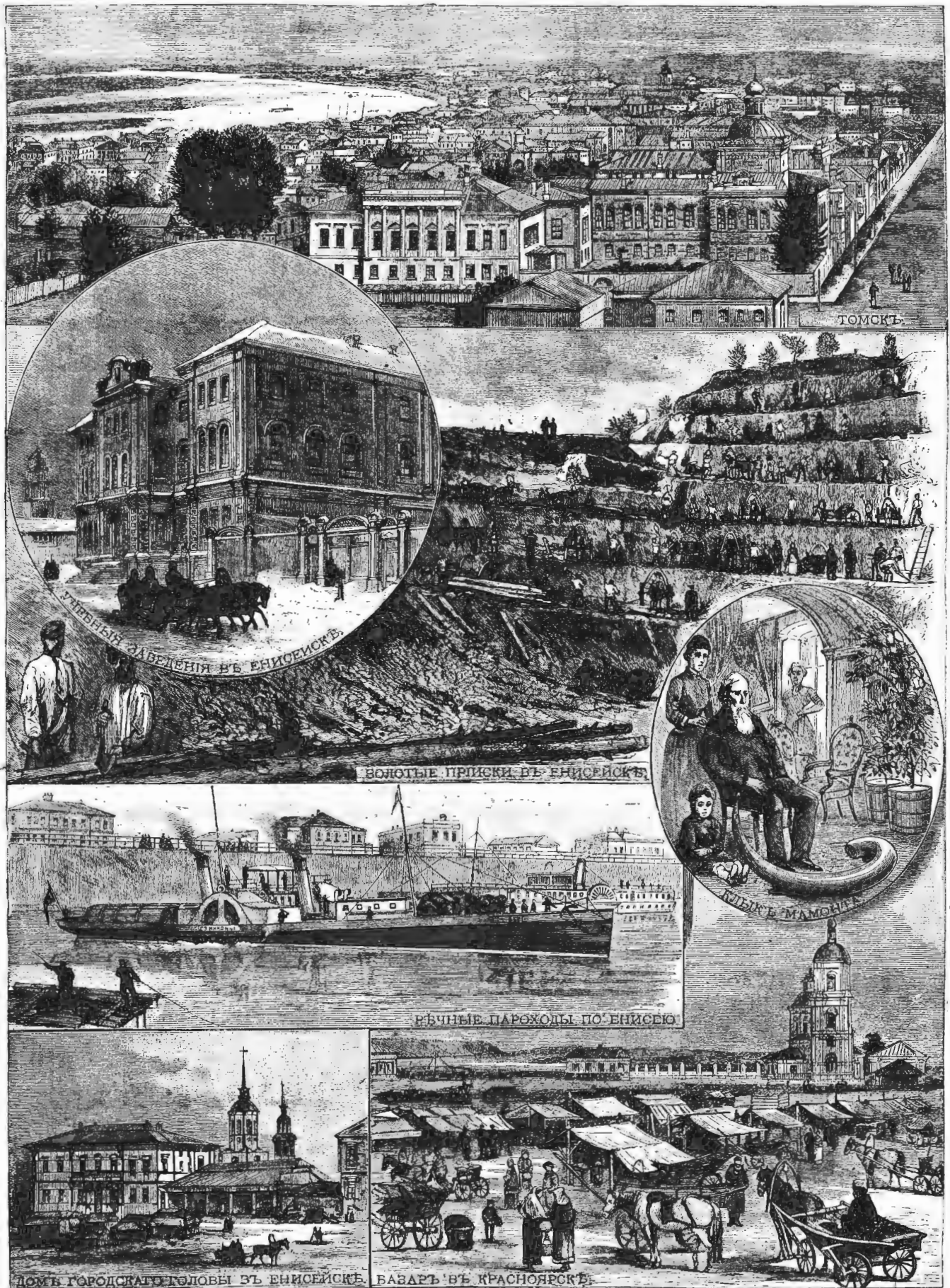
*) Ахтеръ-люкъ — особое помѣщеніе на суднѣ, въ которомъ хранится командная провізія.

Село Рыбачное и Славянка на рѣкѣ Невѣ близъ СПб. Ориг. рисъ Циммермана, грав. Флюгель

Гельсингфорсъ. Эспланада и памятникъ Рунебергу.

Виды Сибири. По рисунку I. I. N., грав. мастерская "Нивы".

докторъ своего сожителя, увидя, какъ тотъ сталъ, по приходѣ въ каюту, внимательно осматривать тяжелую англійскую двухстволку, привезенную изъ Петербурга.

— Конечно! рѣшительно отвѣтилъ молодой человекъ. — Вы, вѣдь, слышали, что въ Находкѣ масса фазановъ... Интересная охота!..

— Я слышалъ — это вѣрно, согласился Владиміръ Семеновичъ, — но вѣдь командиръ говорилъ также, что туда заходятъ и тигры... А вы знаете-ли, что эти хищники очень опасны... По описанію Пржевальскаго, въ Усурійскомъ краѣ водятся вѣдь пастоящіе бенгальскіе тигры, кровожадные, свирѣные и громадной величины...

— Они мнѣ не помѣшаютъ, беззаботно проговорилъ Петръ Осиповичъ, продолжая приводить въ порядокъ ружье, сильно поржавѣвшее въ теченіе двухмѣсячнаго пути на крайній Востокъ.

— Ого, какой вы смѣлый! воскликнулъ съ невольной усмѣшкой докторъ, ласково поглядывая черными, чрезвычайно симпатичными глазами на бравого мичмана, совершенно углубившагося въ чистку ружья и забывшаго даже о снѣ и предстоявшемъ раннемъ вставаніи.

— Вы, я вижу, страстный охотникъ, замѣтилъ Владиміръ Семеновичъ послѣ минутнаго молчанія, стараясь возобновить разговоръ.

— Вы отгадали! живо отозвался молодой человекъ. — Какъ только я узналъ о своемъ переводѣ въ Сибирскую флотилію, то прежде всего сталъ мечтать о томъ, какое оружіе захватить съ собой. Усурійскій край съ своими дѣвственными лѣсами, переполненными всевозможною дичью, представлялся въ моемъ воображеніи тѣмъ-то удивительно прекраснымъ, волшебнымъ!.. И такъ, я прежде всего, какъ получилъ прогоны, отправился въ лучшій оружейный магазинъ. Глаза у меня тамъ положительно разбѣжались: я не зналъ, на чемъ остановиться и что купить... Наконецъ выбралъ!.. Вотъ взгляните, какая прекрасная двухстволка!..

— Да, недурна, но слишкомъ тяжела, проговорилъ докторъ, внимательно разглядывая ружье. — Кромѣ того, заряжается съ дула, добавилъ онъ разочарованно.

— Это ничего, съ прежнею беззаботностью отвѣтилъ мичманъ. — Но вы обратите вниманіе на ея доброкачественность: стволы дамасской стали, а бьетъ дробью на сто шаговъ, и какъ еще бьетъ — просто заглядѣнье!.. Тяжеловѣсность ружья меня нисколько не обременяетъ: человекъ я молодой и сильный... Что касается заряжанія съ дула, то я нарочно купилъ именно такое ружье, такъ какъ возиться съ патронами здѣсь чрезвычайно затруднительно... Двухстволка приобрѣтена исключительно для птицы... Затѣмъ мною куплены: бердановская винтовка, прекрасные револьверы, ножи...

— Словомъ, дѣлать арсеналъ! усмѣхнулся докторъ. — Неужели вы навѣсите на себя все это оружіе, идя на охоту?.. Вѣдь здѣсь легко встрѣтить, на ряду съ фазанами, оленей, кабановъ, медвѣдей и наконецъ даже тигровъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ!.. Я рѣшилъ, напримѣръ, идти въ Находкѣ только на фазановъ и возьму съ собой одну двухстволку.

— А если встрѣтите тигра?!

— О, на эту встрѣчу прихватю съ десятокъ пуль... Стоитъ только опустить по пулѣ сверхъ дробь, забить пыжемъ, и дѣло въ шляпѣ!..

— И тигръ, вы полагаете, станетъ терпѣливо ждать этой процедуры? Сомнѣваюсь! усмѣхнулся опять Владиміръ Семеновичъ. — Послушайте, Петръ Осиповичъ, добавилъ онъ черезъ секунду серьезнымъ, убѣдительнымъ тономъ, — я вамъ положительно не советую идти на охоту и тѣмъ болѣе одному... Мѣсто вамъ вѣдь совершенно неизвѣстное: все можетъ случиться!..

— Пустяки! беззаботно воскликнулъ молодой человекъ, не желая сознать дѣйствительную опасность охоты въ безвѣстной тайгѣ.

Докторъ только пожалъ плечами и замолчалъ, видя бесплодность своихъ совѣтовъ. Черезъ четверть часа онъ уже сладко спалъ, предоставивъ своему сожителю полную свободу готовиться къ предстоявшей охотѣ.

Петръ Осиповичъ провозился со своими ружьями еще довольно долго. Онъ улегся около полуночи, но уснуть, несмотря на поздній часъ, не могъ. Воображеніе его играло, рисуя чудныя картины дѣвственной тайги, переполненной всевозможною дичью. Петръ Осиповичъ заранѣе предвкушалъ удивительно-сладостныя ощущенія охотника, вдругъ появившагося изъ тощихъ петербургскихъ лѣсовъ, оживляемыхъ лишь стаями противныхъ воронъ, въ роскошную, таинственную чащу вѣковыхъ деревьевъ — приютъ многочисленныхъ, разнообразныхъ звѣрей и птицъ. Охваченный этими чудными ощущеніями, онъ наконецъ заснулъ... И приснилось ему, что онъ уже на охотѣ... Изъ высокой, густой травы вылетѣлъ выводокъ фазановъ... Петръ Осиповичъ выстрѣлилъ, и великолѣпный самецъ нелѣно закувыркался въ воздухъ, широко раскинувъ свой красивый, разноцвѣтный хвостъ. Только-что онъ хотѣлъ подняться упавшаго къ ногамъ фазана, какъ вдругъ раздалось какое-то фырканье, свистъ — и дѣлѣ тучи разнообразной дичи поднялись разомъ изъ окружающей листвы и травы. Фазаны,

утки, гуси, бекасы, куропатки, глухари и тому подобная дичь и лѣсная дичь поднималась съ невообразимымъ шумомъ и гамомъ, поднималась исперерывно и, словно очарованная, неслась прямо на охотника... Тотъ стрѣлялъ, торопливо заряжалъ ружье, просящая порохъ и дробь, и опять стрѣлялъ, не дѣлая и ничего не соображая. Уже дѣлѣ груди убитой дичи высились вокругъ Петра Осиповича, но вылетѣть ей все не прекращался, напротивъ, усиливался до волшебныхъ размѣровъ. Всевозможная птица лѣзла прямо въ лицо, щекоца охотника крыльями и хвостами... Не успѣвая заряжать ружье, Петръ Осиповичъ схватилъ его, наконецъ, за дуло и, словно сказочный герой, началъ бить дичь прикладомъ направо и налево. Въ самый разгаръ этой бойни, вдругъ вынеслись изъ чащи дѣлѣ табуны оленей, козъ, кабановъ и стремительно понеслись на совершенно растерявшагося охотника... Черезъ секунду онъ уже былъ сбитъ съ ногъ... Сотни конягъ заступали по его ноющему тѣлу... Ему стало, наконецъ, не втерпѣжъ и онъ проснулся... Уже было совершенно свѣтло. Передъ койкой стоялъ вахтенный унгеръ-офицеръ и, настойчиво требуя Петра Осиповича за плечо, торопливо повторялъ:

— Ваше благородіе, вызвали всѣхъ наверхъ — съ якоря сниматься! Вставайте, ваше благородіе... всѣхъ наверхъ — съ якоря сниматься!..

Петръ Осиповичъ разомъ пришелъ въ себя отъ этихъ магическихъ словъ, сорвался съ койки словно ошпаренный, моментально одѣлся и стремительно выскочилъ на палубу. Яркій лучъ только-что изъ-за хребта подымавшагося солнца ударилъ ему прямо въ глаза. Онъ невольно зажмурился, не имѣя силъ вынести блескъ восходящаго дневнаго свѣтла.

На палубѣ уже кишѣло полное оживленіе: поднимали шлюпки и якорь. Клубы черного дыма выдмывались изъ трубъ транспорта и красиво стлались по совершенно ясному, безоблачному небу, поднимаясь легкому дуновенію слабого вѣтерка. Въ кочегарномъ отдѣленіи и въ машинѣ что-то шипѣло, шаркало и глухо гудѣло. По временамъ, съ трескомъ открывались точныя дверцы паровыхъ котловъ — и словно изъ ада вырывались тогда ярко-красныя полосы свѣта, окрашивая зловѣщимъ заревомъ грязныхъ, сильно вспотѣвшихъ кочегаровъ, хлопотливо сгребавшихъ уголь ближе къ топкамъ. Вода клокотала въ котлахъ, наполнила ихъ упругимъ, могущественнымъ паромъ, уже со свистомъ вырывавшимся изъ предохранительныхъ клапановъ... Но вотъ послышалось съ бака *) громкое извѣщеніе баковаго офицера:

— Всталъ якорь **)!

— Малый ходъ впередъ! раздалась съ мостика спокойная команда Николая Михайловича.

Машина зашипѣла, засвистѣла и наполнилась паромъ... Закачалась два огромныхъ цилиндра, двинула и выдвинула изъ себя толстые, блестящіе штоки поршней. Транспортъ тронулся съ мѣста и, вслѣдствіе винтомъ воду, величественно сталъ рѣзать зеркальную поверхность бухты Золотой Рогъ. Мимо потянулись, словно грандіозная панорама, куполоподобные холмы, покрытые роскошною зеленью, длинныя линіи скромныхъ городскихъ построекъ, портовыхъ сооруженія и наконецъ батареи, возвыгнутыя на далеко выдающихся, высокихъ мысахъ, позлащенныхъ веселыми лучами утренняго солнца...

Вотъ и проливъ Босфоръ Восточный, очень напоминающій своею дивною красотою Босфоръ турецкій. Справа потянулся лѣсистый, мрачный Русскій островъ, а слева — живописные, крутые мысы и прелестныя бухты, окаймленныя дѣлыми морями тропической зелени. Нѣсколько впередъ высятся изъ воды двѣ огромныя скалы, чрезвычайно напоминающія своею оригинальною вѣшностью „Ослинныя уши“ и названныя такъ именно, въ силу этого поразительнаго сходства. Еще далѣе торчатъ къ небу пять острѣхъ, столбоподобныхъ камней, извѣстныхъ у моряковъ подъ характернымъ названіемъ „Пять пальцевъ“... Въ туманной дали, почти на горизонтѣ, видѣется темная громада — это пресловутый Золотой островъ (Аскольдъ), послужившій когда-то яблокомъ жестокаго раздора между русскими и вѣтайскимъ населеніями края...

Выйдя на просторъ Усурійскаго залива, транспортъ заработалъ винтомъ во всю мочь довольно дряхлой машины и сталъ подвигаться къ намѣченному пункту съ достаточною быстротою, очень радовавшею самолюбиваго механика. Благодаря прекрасной, тихой погодѣ, все населеніе транспорта высыпало на палубу, въ томъ числѣ двѣ судовыя собаки, ручной тибетскій медвѣдь, обезьяна и двѣ лисицы — общіе друзья матросовъ. Алеутка, большой мохнатый песъ, тотчасъ же началъ, по обыкновенію, приставать къ огрызавшемуся Колобочку — маленькой, хромопогой, подслѣповатой собаченѣ, особенно любимой матросами за свой несчастный видъ и безобразіе. Обезьяна-макака, другъ и защитникъ Колобочка, сидитъ на вантахъ ***) и ревниво слѣдитъ за своимъ любимцемъ... Вотъ Колобочку надобно огрызаться и онъ начинаетъ наконецъ визжать отъ непрошенныхъ ласкъ грубаго, неповоротливаго товарища, Алеутки. Этотъ отчаянный визгъ застаиваетъ макаку выйти изъ выжидательнаго положенія: она

*) Бакомъ называется носовая часть судна.

**) Всталъ якорь! — морской терминъ, обозначающій, что якорь отдѣлился отъ грунта.

***) Ванты — веревочныя лѣстницы, ведущія на мачты.

почти мгновенно соскакивает съ вантъ, разбѣгается, хватаетъ назойливаго пса за ноги, ловко встряхиваетъ и бросаетъ его на палубу. Не успѣваетъ Алеутка опомниться отъ этого неожиданнаго нападенія, какъ обезьяна уже опять на ваптахъ, на своемъ недосыгаемомъ сторожевомъ посту. Она отлично знаетъ, что ей придется защищать своего любимца еще много разъ не только отъ пса, но даже отъ медвѣдя, любящаго также заигрывать съ беспильнымъ Колобочкомъ. Дѣйствительно, едва отсталъ отъ Колобочка сильно сконфуженный Алеутка, какъ на смѣну появился медвѣдь, съ довольно замѣтною плѣшкою на затылкѣ—результатомъ былыхъ, частыхъ схватокъ съ ловкой макакой. Медвѣдь прежде всего внимательно осматриваетъ и, не видя по близости своего бойкаго врага, притаившагося на ваптахъ, смѣло набросился на беззащитнаго, повидному, Колобочка, съ явнымъ намѣреніемъ помилить его въ крѣпкихъ лапахъ. Въ этотъ критическій моментъ макака сдѣлала гигантскій прыжокъ, и неожиданно очутившись на злопудучномъ медвѣжьемъ загривкѣ, быстро заработала дѣйными руками, вырывая шерсть дѣлыми ключьями. Страшно перепуганный, медвѣдь не замедлилъ обратиться въ постыдное бѣгство, при дружномъ хохотѣ матросовъ, внимательно наблюдавшихъ за всѣми перипетіями животной распри и дружбы...

Между тѣмъ транспортъ продолжалъ подвигаться впередъ, быстро приближаясь къ дѣлу своего плаванія. Вотъ слѣва открылся широкій входъ въ обширный заливъ Америка, окруженный темными, мрачными холмами, у подножія которыхъ видѣлись одинокія, бѣлые, сверкавшія на солнцѣ фанзы ловцовъ морской капусты и тренанговъ. Углубившись въ заливъ, транспортъ свернулъ влѣво и вошелъ, едва замѣтнымъ приходомъ, въ пресловутую бухту Находка, окаймленную роскошными, живописными холмами. На небольшой прогалнѣ видѣлись полуразрушенныя зданія, вытянувшіяся въ одну линію, перпендикулярную къ берегу. На первомъ планѣ, у са-

мага прибрежья, красовались два громадныхъ желѣзныхъ магазина американской системы.

— Вотъ, полюбуйтесь! указалъ Николай Михайловичъ доктору.—Это и есть бывшая резиденція мѣстнаго удѣльнаго начальства, много мечтавшаго о широкой колонизаціи удѣльныхъ земель Южно-Усурійскаго края...

Транспортъ малымъ ходомъ вошелъ въ глубь бухты. Загрѣмѣла якорная цѣпь, и якорь съ грохотомъ упалъ въ воду. Вода раздалась, словно широко раскрытая пасть сказочнаго чудовища, и вновь сомкнулась, проглотивъ сто пудовъ желѣза, упавшаго на дно и забаломутившаго вѣками осѣвшій илъ.

— Когда же вы на охоту? обратился командиръ къ Петру Осиповичу, жадно разглядывавшему черезъ бортъ окружающіе, почти дѣвственные, лѣса.

— Право, не знаю... Когда вы разрѣшите, конфузливо отвѣтилъ мичманъ.

— Потѣжайте хоть сейчасъ, любезно предложилъ Николай Михайловичъ.

— Уже поздно, вмѣшался въ разговоръ подошедшій докторъ, которому ужасно, повидному, не хотѣлось отпускать своего сожителя въ малоизвѣстную мѣстность.

— Въ такомъ случаѣ, отправляйтесь завтра съ разсвѣтомъ—самое превосходное время для фазаньей охоты, посоветовалъ командиръ.

— Лучше совѣтъ не ѣдите: перовенъ часъ—на тигра нарветесь, началъ докторъ опять уговаривать молодого человѣка.—Вѣдь задаромъ пропадете!..

— Прошу васъ, Владиміръ Семеновичъ, обо мнѣ не беспокоиться, я уже не нуждаюсь въ опеѣ, сухо проговорилъ мичманъ, видимо раздосадованный непрощеннымъ покровительствомъ своего сожителя.

— Ваше дѣло! обидѣлся, въ свою очередь, докторъ и спугнулся въ каютъ-кампанію.

(Оконч. въ слѣдующ. №).

Къ рисункамъ.

Орочоны. (Рис. на стр. 689).

Племя орочонъ принадлежитъ къ бродячимъ племенамъ Восточной Сибири; районъ кочевья этой монгольской расы обнимаетъ системы верховьевъ Амура и р. Очекыя, преимущественно у водораздѣла, Яблоноваго хребта. Занятія орочонъ составляютъ: охота и рыбная ловля; пушниною они уплачиваютъ и продаютъ, ясакъ, для сбора которой рассылаютъ старшинами, по разбросаннымъ на десятки верстъ кочевьямъ, преимущественно старши и старухи,—часто при этихъ путешествіяхъ терпяще голодъ и холодъ. Казна отчасти снабжаетъ орочонъ свинцомъ и порохомъ. Предметами охоты служатъ преимущественно бѣлка, изюбрь (родъ оленя, молодые рога котораго, или панты, дѣлятся высоко китайцами въ области медицины), сохатый (лось), медвѣди, на которыхъ рѣдкіе изъ орочонъ имѣютъ однако храбрость выходить. Орочоны, при неудачной охотѣ, терпятъ отъ голодухи, питаются преимущественно мясомъ бѣлки и рыбы. Хлѣбомъ пользуются въ обмѣнъ на рыбу и мѣха лишь тамъ, гдѣ это возможно. Съ удовольствіемъ подбираютъ кишки съ боенъ при золотыхъ приискахъ, отчего получили названіе кишечниковъ. Становища свои перемѣняютъ, нагружая юрты и домашній скарбъ, женщины и дѣтей на оленей, и перемѣняютъ становища, смотря по требованію условій охоты и корма, въ видѣ моха, для оленей. Принимаютъ крещеніе охотно. Съ мускульнымъ трудомъ не свыклись, но за-то замѣчательные ходоки по тайгѣ; служатъ проводниками для розсыльныхъ партій; нерѣдко тайно на промыслы проносятъ и спиртъ. Близъ золотыхъ промысловъ привыкаютъ иногда и къ труду на сѣнокосеніи и работѣ. Число оленей (дѣломъ сѣрые, зямоу бѣлые) у орочона служитъ мѣрою его богатства. Кромѣ домашняго хозяйства, олени служатъ орочонамъ для доставки на ярмарочные пункты въ тайгѣ пушнины и оттуда ввозятъ муку, полученную въ обмѣнъ, свинецъ, порохъ, масло, чай кирпичный. Олень для орочона лошадейю не замѣнимъ, такъ какъ не требуетъ для себя заготовокъ сѣна, которое притомъ въ тайгѣ рѣдко можно получить, и, обладая широкою ступнею, не легко проваливается въ глубокіе снѣга.

Литературный альбомъ. „Русланъ и Людмила“.

(Рис. на стр. 692 и 693).

Изящный рисунокъ И. Волкова иллюстрируетъ путешествіе Руслана, героя всѣмъ извѣстной поэмы А. С. Пушкина „Русланъ и Людмила“, послѣ битвы съ головою.

...Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальній сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бегаетъ онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,

Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младаго
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манять, не говоря ни слова...
Но тайнымъ Промысломъ хранимъ,
Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ,
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ —
Одна Людмила всюду съ нимъ...

Сирота. (Рис. на стр. 697).

„Куда мнѣ голову склонить?
Покинуть я и свирь.
Хотѣлъ бы весело взглянуть
Хоть разъ на Божій мѣръ...“

Эти всѣмъ извѣстные стихи невольно приходятъ въ голову при взглядѣ на прилагаемый рисунокъ. Что можетъ быть печальнѣе доли юнаго сироты?.. Единственная связь его съ дорогими родичами — сельское кладбище, на которомъ скромно тѣнятся ихъ могилы. Прекрасный рисунокъ г. Котляревскаго художественно передаетъ ощущенія осиротѣвшаго пареняка на этомъ единственно близкомъ его сердцу уголкѣ.

Рыбачья слобода и Славянка. (Рис. на стр. 700).

Вверхъ по Невѣ, верстахъ въ 16 отъ Петербурга, лежитъ на лѣвомъ берегу красивая Рыбачья слобода при впадѣніи рѣчки Славянки. Слобода возникла при Петрѣ I, который заселилъ ее жителями съ рѣки Оки. При дочери Великаго Преобразователя Россіи, Елизаветѣ Петровнѣ, была построена здѣсь церковь. Сама императрица нерѣдко лѣтомъ проживала въ слободѣ, охотясь въ находившемся тамъ звѣрницѣ. Въ настоящее время въ слободѣ насчитываютъ свыше 2,800 жителей.

Гельсингфорсъ. (Рис. на стр. 700).

Гельсингфорсъ, главный городъ Юзландской губерніи, живописно расположенъ на одной изъ шхеръ Финскаго залива. Основанъ Гельсингфорсъ около половины XVI вѣка верстахъ въ 7 къ сѣверо-востоку отъ нынѣшняго города на рѣчкѣ Вандѣ, а въ 1642 году, переведенъ на свое настоящее мѣсто королевскою Христиной. Русскими городъ занятъ съ 1808 года подъ начальствомъ Буксгевдена.

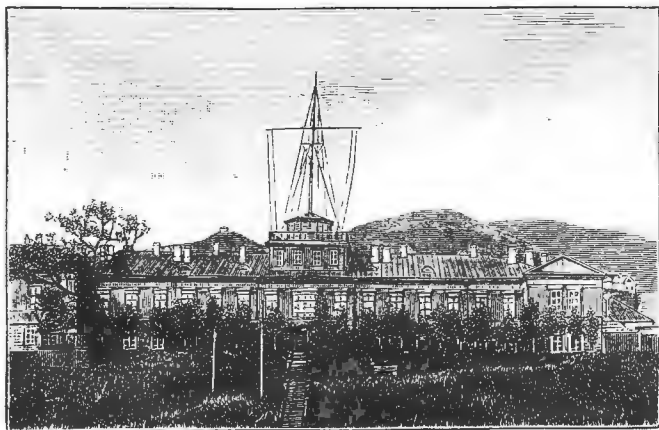
Хорошая гавань, съ одной стороны, и желѣзная дорога, соединяющая Гельсингфорсъ со столицей Имперіи и другими городами, сдѣлали городъ значительнымъ торговымъ центромъ края. Торговый флотъ насчитываетъ свыше 60 судовъ. Заморская торговля занимается вывозомъ дерева, желѣза, хлѣба и ввозомъ преимущественно хлопка, муки, вина и колониальныхъ товаровъ. Городъ со своими широкими и прямыми улицами очень красивъ, въ особенности Эспланада. Изъ зданій обращаетъ на себя вниманіе Университетъ съ прекрасной бібліотекой въ 150,000 томовъ, обсерваторіей и ботаническимъ садомъ, Импе-

раторскій дворець, православная церковь и здание сената. Въ городѣ насчитывается до 50,000 жителей, преимущественно шведовъ и финновъ.

Виды Сибири. (Рис. на стр. 701)

Путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича и предстоящее проведение Сибирской желѣзной дороги оживляютъ интересъ къ тѣмъ мѣстностямъ и городамъ, по которымъ она будетъ пролегать. На прилагаемомъ рисункѣ собраны главнѣйшія изъ нихъ.

Вотъ передъ нами общій видъ Томска съ нѣсколькими об-

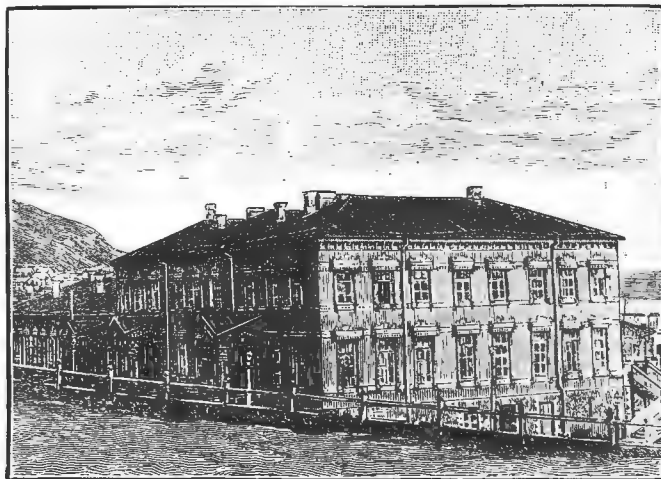

Владивостокъ. Зданіе Морского штаба.

щественными зданіями на первомъ планѣ и рѣкою Обью на лѣвой сторонѣ. Главная улиц. города, около мили длины, обстроена домами, которые могутъ поравняться съ домами любаго европейскаго города. Здѣсь двѣ гостиницы, собраніе, театр, университетъ съ богатою библіотекой въ 60,000 томовъ и 40,000 брошюръ, музей и анатомическій театр.

Енисейскъ служитъ зимнимъ мѣстопребываніемъ большей части золотопромышленниковъ на енисейскихъ золотыхъ россыпяхъ. Здѣсь три красивыя церкви, построенныя купечествомъ послѣ страшнаго пожара, опустошившаго городъ лѣтъ

18 тому назадъ. Замѣчательно учебное заведеніе, основанное золотопромышленникомъ Китмановымъ и изображенное въ кругу слѣва, подѣ Томскомъ. Ниже круга слѣва видна набережная рѣки Енисея, достигающаго здѣсь около мили въ ширину. Пароходъ на первомъ планѣ построенъ Сибиряковымъ изъ уральскаго желѣза, съ машинною, выписанною изъ Швеціи. Сибиряковъ, какъ извѣстно, предпринялъ очищеніе рѣки Ангары отъ пороговъ, которые дѣлаютъ ее въ нѣкоторыхъ частяхъ несудоходною; если предпріятіе это удастся, Енисейскъ будетъ соединенъ воднымъ путемъ съ Иркутскомъ. По сооруженіи же предпріятого правительствомъ ка-

Владивостокъ. Морское собраніе.

нала и воднаго пути между Томскомъ и Енисейскомъ, получится почти непрерывная водная коммуникація по Волгѣ, Оби, Иртышу, Ангарѣ и Амуру, за исключеніемъ около 500 миль черезъ Уралъ и другихъ пятисотъ отъ Иркутска до судоходной части Амура.

Между послѣдними двумя рисунками изображены Енисейскія золотыя россыпи, разрабатываемыя съ 1839 года. Какъ видно на рисункѣ, онѣ разрабатываются системою террасъ. Сибирь производитъ $\frac{1}{10}$ золота, добываемаго во всемъ мірѣ.

Въ самомъ виду рисунка слѣва виденъ домъ городского го-

Нвьянскъ (Пермской губ. Екатеринбургскаго уѣзда). Видъ завода.

Раутъ въ СПб. Городской Думѣ 17 июля 1891 г. Депутация отъ собравшейся передъ Думой толпы съ хлѣбомъ-солью французскимъ морякамъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Броллинга, грав. Рамевскій

ловы Енисейска, а справа во кругу—одна изъ комнатъ въ домѣ г. Китманова (брата основателя училища), украшенная громаднымъ клячкомъ мамонта, котораго ископаемыя кости приобрѣтаютъ все большее значеніе по мѣрѣ истребленія словъ.

Послѣдній рисунокъ внизу справа представляетъ базаръ въ Красноярскѣ, губернскомъ городѣ Енисейской губерніи.

Виды Владивостока. (Рис. на стр. 704).

Однимъ изъ лучшихъ украшеній Владивостока является аданіе Морскаго собранія. Большой двухэтажный домъ имѣетъ очень удобное помѣщеніе, большую столовую, танцевальный залъ въ два свѣта, приемныя, читальныя и биллиардныя комнаты. Къ этому зданію вплотную примыкаетъ одноэтажный домъ, въ которомъ помѣщается морская бібліотека съ очень удобною, большою и красивою читальною комнатою, гдѣ можно получать всѣ лучшіе журналы и газеты. Во Владивостокъ каждое лѣто приходятъ иностранныя эскадры и, благодаря этому удобному помѣщенію, наши моряки имѣютъ возможность принимать гостей, устраивать вечера, обѣды, концерты и отъ души веселиться. Въ настоящее время вокругъ Собранія устраивается садъ, и берегъ красивой, удобной бухты украсится бульваромъ.

Въ центрѣ города, на берегу бухты, стоитъ изображенное на другомъ рисункѣ зданіе Морскаго штаба, въ которомъ помѣщается управленіе порта. Посрединѣ аданія возвышается башня съ маякомъ, на которой поднимаются сигналы стоящимъ на рейдѣ судамъ и извѣщается объ идущихъ съ моря судахъ.

Политическое обозрѣніе.

Только по отбытіи французской эскадры, когда страсти поулеглись, явилась возможность подвести итоги всему тому, что произошло за время пребыванія французской эскадры въ Кронштадтѣ. Въ *Journal des Débats* напечатано письмо изъ Россіи, въ которомъ признается важность для Франціи этого событія и подмѣчены всѣ характерныя черты пріема, сдѣланнаго французскими морякамъ какъ высшими петербургскими сферами, такъ и всѣми слоями населенія обихъ столицъ. Въ сообщеніяхъ *Journal des Débats* и прочихъ вліятельныхъ органовъ царской печати выставляется на первый планъ официальное признаніе дружественныхъ чувствъ Россіи къ Франціи, а затѣмъ и исполненный правдивой искренности пріемъ французскихъ моряковъ въ Кронштадтѣ, Петербургѣ и Москвѣ. Въ *Journal des Débats*, главнымъ образомъ, подчеркивается полное единодушіе русскаго Правительства и Русскаго народа, сказавшееся съ изумительною силою и ясностью въ чествованіи французскаго флота. Оближеніе Франціи съ Россіею не только составляетъ гарантію прочности европейскаго мира, но и открываетъ французскому государству возможность возвратиться къ той вѣской роли, какая принадлежала ему въ политическихъ совѣтахъ Европы. Франція не сомнѣвалась въ своей силѣ, — пишутъ въ *Journal des Débats*, — но могла, однако, ошибиться въ ея оцѣнкѣ. Отнынѣ же уваженіе къ ея силѣ и могуществу было торжественно засвидѣтельствовано внѣ ея предѣловъ. Это подтверждаютъ не одни только чувства къ ней ея русскихъ друзей, но и послѣдствія, съ какою другія державы пожелали, въ свою очередь, почтить французскихъ моряковъ на возвратномъ ихъ пути въ Шербургъ. Мощь Франціи была признана наравнѣ съ порядкомъ вещей не помѣшавшимъ ея возрожденію, и это уже важный результатъ. Далѣе, выставляется громадность услуги, оказанной кронштадтскою встрѣчей какъ международному положенію Франціи, такъ и ея дальнѣйшему мирному внутреннему преуспѣванію. Привѣтствія, гремѣвшія въ честь ея представителей съ береговъ Невы, должны отнынѣ ввести успокоеніе въ среду партійныхъ противорѣчій и заглушить страсти, смущавшія покой страны. Почти въ томъ же духѣ выражаются и другіе вліятельные въ Парижѣ органы, въ товѣ которыхъ поражаетъ на этотъ разъ полное отсутствіе какихъ бы то ни было неприязненныхъ намековъ по адресу союза центральныхъ державъ.

29 іюля король Сербскій Александръ прибылъ инкогнито въ Вѣну. Его встрѣтилъ на вокзалѣ желѣзной дороги только австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ Тѣммель, корпусный командиръ баронъ Шенфельдъ, намѣстникъ графъ Кильминсегъ, члены сербской миссіи и депутация отъ тамошней сербской колоніи. Сербскій посланникъ и назначенный состоятъ при королѣ фельдмаршалъ-лейтенантъ Немечичъ и флигель-адъютантъ императора майоръ баронъ Потенъ выѣхали навстрѣчу его величества до границы. При крикахъ „живію!“ присутствовавшихъ сербовъ и „hoch!“ прочей публики король прослѣдовалъ въ Гофбургъ. 30-го король Александръ, въ сопровожденіи свиты, къ которой присоединились члены сербской миссіи и фельдмаршалъ-лейтенантъ Тѣммель, отправился въ Иншъ.

Вѣсскія газеты привѣтствуютъ пріѣздъ Сербскаго короля. *Fremdenblatt* говоритъ, что путешествіе предпринято для отдохновенія, а также для того, чтобы юный король могъ пред-

Невьянскій заводъ. (Рис. на стр. 704).

Невьянскій или Нейвинскій жельзодѣлательный, чугуноплавильный и золотопромышленный заводъ, Пермской губерніи, Екатеринбургскаго уѣзда, при рѣкѣ Нейвѣ, основанъ въ 1699 г. и есть древнѣйшій изъ всѣхъ горныхъ заводоу, почему и называется въ просторѣчій *Старымъ*. Въ 1702 г. императоръ Петръ I отдалъ его въ вѣчное владѣніе Никитѣ Демидову, обязавшемуся приготовить военные снаряды и въ теченіе 5 лѣтъ уплатить имъ за издержки по устройству завода; въ то же время къ заводу приписано земли на 30 верстъ во всѣ стороны, что составило 1.178,541 десятину. Въ 1769 г. внукъ Демидова продалъ заводъ Саввѣ Яковлеву. Нынѣ въ дачѣ Невьянскихъ заводоу состоитъ земли 180,000 десятинъ. Жителей въ заводскомъ селеніи 16,066 душъ того и другаго пола, 1 православная и 3 единовѣрческія церкви, базары по воскресеньямъ, ярмарки 24 іюня и 20 декабря.

Раутъ въ Спб. Городской Думѣ. (Рис. на стр. 705).

Мы уже сообщили своевременно объ устроенномъ по инициативѣ спб. городского головы, В. И. Лихачева, раутѣ и банкетѣ въ залахъ Думы, 17 іюля. На этотъ разъ прилагаемъ рисунокъ, изображающій депутацію отъ народной толпы, окружавшей зданіе Думы въ теченіе всего вечера до разгѣда гостей. Какъ извѣстно читателямъ, депутація эта поднесла французскимъ морякамъ импровизованную хлѣбъ-соль, какую только можно было достать въ позднее время ночи, а именно: сладкій пирогъ (тортъ) и коробку конфетъ, перевязанную ленточкой.

ставиться Дворамъ двухъ имперій, т. е. Русскому—въ виду племеннаго родства и единовѣрія, и вѣнскому—въ слѣдствіе географическаго положенія Сербіи. Къ Сербіи-де существуютъ симпатическія чувства какъ въ Россіи, такъ и въ Австро-Венгріи. Послѣдняя-де въ особенности, какъ это свидѣлствуетъ исторія, постоянно проявляла къ Сербіи искреннее дружеское доброжелательство (!); она желаетъ добра этой странѣ и въ будущемъ. „Къ сожалѣнію—говоритъ далѣе газета—внутренняя политическая жизнь Сербіи не содѣлствуетъ благоденствію страны (!). Сильные партійные раздоры и нападки на Австро-Венгрію оказали вредное вліяніе на дружественныя отношенія между обоими государствами“. (Это говорится гостямъ, представителямъ той политики, которая нынѣ господствуетъ въ Сербіи!) Въ заключеніе газета высказываетъ надежду, что изъ Петербурга и Иншля юный король вернется на родину, проникнутый успокоительнымъ сознаніемъ, что симпатіи обоихъ Дворовъ служатъ ему охраною, а это явится бесспорно драгоцѣннымъ политическимъ результатомъ предпринятаго имъ путешествія.

Визитъ Сербскаго короля въ Вѣну былъ весьма непродолжительнымъ, затѣмъ король Александръ встрѣтился съ отцомъ и отправился съ нимъ въ Парижъ.

Только-что появившійся Именной Высочайшій указъ, воспрепятствующій вывозу за-границу ржи, ржаной муки и отрубей, является особенно тягостнымъ для Германіи. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, хлѣбъ въ Пруссіи вздорожалъ. Органы социалистической печати стали печатать свѣдѣнія объ оборотахъ хлѣбнаго рынка, съ цѣлью доказать народу, что существующіе законы о зерновыхъ пошлинахъ поднимаютъ цѣну на хлѣбъ, дорого-вина котораго ложится тяжелымъ гнетомъ на рабочее населеніе. Но не одни только социалисты, а и сторонники другія партій протестуютъ противъ вздорожанія хлѣба, и одинъ изъ членовъ консервативной партіи издалъ даже брошюру, которую полиція должна была конфисковать. Высочайшій указъ долженъ еще болѣе повліять на подъемъ цѣвъ на хлѣбъ, такъ какъ Германія пользовалась, главнымъ образомъ, русской рожью.

Положеніе дѣлъ на островѣ Критѣ возбуждаетъ непрежнемую серьезныя опасенія. Съ обихъ сторонъ совершаются насилие, и опасность положенія усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что численность турецкихъ гарнизоновъ была значительно сокращена, въ слѣдствіе событий въ Іеменѣ, потребовавшихъ скорѣйшей отправки туда турецкихъ войскъ. Критскій генералъ-губернаторъ, Джебеть-паша, заданъ надѣяться въ Гераклионѣ, съ цѣлью воспрепятствовать вторженію турокъ въ тамошній округъ, не принимавшій до сихъ поръ участія въ общемъ движеніи критянъ. Джебеть-паша не потворствуетъ мусульманамъ, возлагаетъ на нихъ отвѣтственность за повторившіеся въ послѣднее время безпорядки и своимъ безпристрастіемъ навлекъ на себя общее неудовольствіе турецкаго населенія. Турки въ такой степени возбуждены противъ него, что совершаютъ убійства съ предвзятымъ намѣреніемъ доказать турецкому правительству, что губернаторство Джебеть-паша высококо не ограждаетъ христіанъ отъ пронола и насилій. На островѣ Критѣ ожидаютъ новаго возстанія, и въ предвидѣніи дальнѣйшихъ осложненій въ критскихъ водахъ уже крейсируетъ британская эскадра, состоящая изъ шести панцирныхъ судовъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при переѣздѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНИЕ: Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. П. Н. Полевого. Ч. III. (Продолженіе).—Полсутонъ на деревѣ. Рассказъ изъ жизни на далекомъ Востоку. А. Я. Максимова.—Къ рисункамъ: Орочоны (съ рис.).—Литературный альбомъ. „Руслякъ и Людмила“ (съ рис.).—Сирота (съ рис.).—Рыбачья слобода и Славянна (съ рис.).—Гельсингфорсъ (съ рис.).—Виды Сибири (съ рис.).—Виды Владивостока (съ 2 рис.).—Новьянскій заводъ (съ рис.).—Раутъ въ СПб. Городской Думѣ (съ рис.).—Политич. обзоріе.—О переѣздѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНИЙ
издательствъ журнала „Нива“ напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (всего 500)

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,
подъ редакціей А. И. Введенскаго, печатанное на лучшей голландской слоновою бумагѣ.

Сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ, при чемъ всѣ экземпляры этого изданія перенумерованы отъ № 1 по 500.

Для того чтобы сдѣлать книгу по стоимости доступною наиболѣе обширному кругу любителей роскошныхъ изданій, цѣна за нее назначена возможно низкая, а именно **5 руб.** Въ четырехъ колѣнкорыхъ переплеткахъ, съ кожаными корешками и изящнымъ тисненіемъ золотомъ — **7 руб.** Гг. инородные благоволятъ прилагать, сверхъ стоимости, на пересылку по 1 р. за каждый экз.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

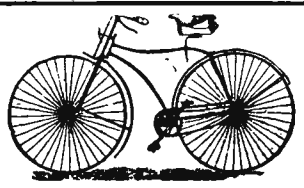
Leichner's Fettwäcker

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль! В. № 4730 17—18

Театральная гримировка! Карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Вельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ известнымъ книгопродавцамъ.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКФУРТЪ ИМ.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“.

Всякаго рода двухъ и трехъ-колѣсные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюмень“ (подушка) и „пневматическій“. Идутъ агентствъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18—14

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИНА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.
Въ послѣднее время появилось въ продажѣ множество поддѣлокъ подъ названіемъ „Гуниади-Яносъ“, поэтому покорнѣе просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предостережительную марку—портретъ.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ЛЕПНИЦА и ГЛОЗИЦА
имѣютъ честь сообщать, что они доставляютъ черную краску, которою печатаются иллюстрированные журналы „Нива“. № 2408

ДЕПО ЧАСОВЪ
поставщ. Двора Его Импер. 12—9 Величества № 4968 Москва, Мясницкая, д. 13.

В. ФРЕЙМУТЪ.
Собственной фабрики вол., сер. карм. часм. Прейсъ-курранты высылаются безплатно.

Библиотека продается 1265 томовъ. Каталогъ по требованію. Подробности письменно. Прилуки, Г. Л.

ВЕЛОСИПЕДЫ
всѣ части и принадлежности.
Люд. РАЙНЕКЕ.
Варшава, Холодная ул., 66.
Прейсъ-курранты безплатно. № 5281

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блоккъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

„ИДИАЛЬ“
ЧЕРНИЛЬНИЦА

Практично! Ново! Дешево! Красиво!
Соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества идеальной чернильницы—перья не тупятся, нельзя дѣлать класки, очень экономна, легко чистится. Прима. Эмархъ. Маленьк. 1 р. 50 к. Больш. 2 р. Перес. 2 ф. Лучшее перо для конторъ, школъ и дома это **ПЕРО № 1000.** Имѣется въ 3 томищахъ: В. Ф. Р. и М. Гроссъ (144 штукъ) 1 р. 25 к. (6—3) Пересылаю наложеннымъ платежомъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20.

С.-Петербургская чулочно-трикотажная фабрика
почетн. гражд. В. П. КЕРСТЕНА,
поставщика военно-учебныхъ заведеній, существ. съ 1855 года,
ВЫСЫЛАЕТЪ
по требованію безплатно новѣйш., вступающій въ силу съ 1-го августа с. г. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ своимъ издѣліямъ, значительно удешевленнымъ. Фабрика на Петерб. Стор., по Больш. Спасской, д. № 24. Складъ для розничной продажи на Вас. Остр., по 1-й линіи, д. № 38. Мт. № 5289

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., блявъ Египетск. № 4961 скаго моста, домъ № 7—2. 26—16
Иллюстрированные преісъ-курранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

BLAKEY'S BOOT PROTECTORS

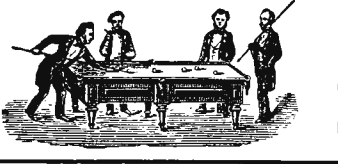
СБЕРЕГАТЕЛЬ САПОГЪ.
Сокращаетъ подошвы и каблуки отъ изнашиванія и изъ-забереженія. Легко придрѣвать. СБЕРЕГАТЕЛЬ въ 20 РАЗЪ ДѢШЕВѢЕ ОРИГИНАЛА. 4 КОЛЛ. 1 Р. 20 КОП., ПЕРСЫЛКА 2 ФУНТ. 10 К. 2 Р. 30 КОП., 100 КОЛЛ. 20 РУБ.
Продаются во всѣхъ магазинахъ и лавкахъ и въ свой налож. платежъ изъ склада для Россіи.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА
въ ВѢНѢ

В. № 4731 24—23

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
Цѣна 40 коп.
Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ Главн. складъ у Василія Ауриха: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИНА

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ оного вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.
Цѣна: флакону 1 р. 65 к., березовое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ, ополоска (лучше козьей-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.
Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на примечательную здѣсь охрипительную марку и на подлинное единственное его вѣста Главн. складъ для всей Россіи у В. Ауриха, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—18

ВЫИГРЫШНЫЕ
билеты и Дворянскіе з. л. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигрышъ со дня задатка принадлеж. покупателю. Прощ. уменьш. съ долгомъ.

2-го СЕНТЯБРЯ
с. г. тиражъ II займа.
Оплата выигрышей и купоновъ въ Государств. Банкѣ. Невыигравшіе билеты и закл. листы **НЕ** теряютъ своей цѣны.

БАНКІРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПб.
№ 5271 5—8

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.
Ром. хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣн. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣн. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Самовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ ДЕНЬ, УСТАНОВЛЕННЫЕ ВО 1881—82 ГОДУ

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКИЕ КУРСЫ РАППОФЪ

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ:

а) СПЕЦИАЛЬНЫЕ:

Фортепиано, пѣніе, драматическое искусство, скрипка, виолончель, контрабас, арфа, флейта, кларнетъ, гобой, фаготъ, тромбонъ, вадорно, корнетъ-а-пистонъ, труба и органъ.

б) ДОБАВОЧНЫЕ:

Musique d'ensemble, квартетный оркестровый и оперный классы, хоровое пѣніе для взрослыхъ и для дѣтей, элемент. теорія, сольфеджіо, гармонія, контрапунктъ и формы, инструментовка, транспонировка, исторія музыки, педагогика, мимика, гримировка, танцы, итальянскіе и франц. языки и проч.

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: смотря по курсу или по предмету отъ 5—25 р. въ мѣс. или отъ 15—75 за полугодіе. Съ наступающаго сезона Дирекція Курсовъ ишла щяцъ или 30 руб. за сезонъ, — по классу сольнаго пѣнія (20 ваканцій) младш. и старш. курсовъ по 7 руб. въ мѣсяцъ или 40 руб. за сезонъ.

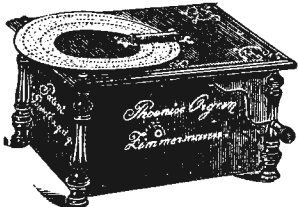
Подробныя программы выдаются и высылаются бесплатно. Писемныя заявленія просятъ адресовать на имя Директора „Курсовъ“ Евгенія Павловича Раппофъ. Окончившіе полный курсъ ученія на „Курсахъ“ получаютъ, смотря по степени подготовки, свидѣтельство (педагогическое) или аттестатъ.

Адресъ: СШБ., Мал. Морская, № 7. Приемные часы Директора Курсовъ по 14 августа включительно ежедневно по средамъ съ 3—6 ч. вечера.

Съ 16 августа приемъ ежедневный съ 10-ти часовъ утра до 5 час. вечера.

№ 52-0

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Салонный ручной органъ съ металлическими ногами и со стальными голосами. На немъ можно играть громче, тише и тремоландо.

Цѣна съ 10-ю пьесами 32 руб.

Добавочныя пьесы по 60 к.

Иллюстрированный прейсъ-куррантъ и каталогъ нотъ для фениксъ-органа—бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 5290

музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

БРОКАРЪ и К^о.

ИЗОБРЕТАТЕЛИ

Р. № 5087 (15)

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. Павленкова:

ГРЯДУЩАЯ РАСА.

Фантастическій романъ Эд. Бульвера. Картины изъ жизни нашихъ отдаленныхъ проблематическихъ потомковъ. Цѣна 50 коп. Главный складъ въ книжн. магазинѣ Луковникова (СШБ., Лештуковъ пер., д. № 2). М. № 5288

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ К. К. МАЗИНГА, въ Москвѣ,

между Воздвиженкой и Знаменкой, Ваганьковскій переулочекъ, пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ № 5218 и состоитъ изъ 6 классовъ основнаго и коммерческаго отдѣленій и химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса. Во всѣ классы воспитанники принимаются приходящими и пансіонерами. Въ приготовительное отдѣленіе принимаются воспитанники съ 8 лѣтъ. Начало приемныхъ экзаменовъ 8 августа. Начало ученія 16 августа.

КУПИТЬ

хорошую, прочную и доброкачественную обувь очень трудно. Торговцамъ выгодно продать дешевой и плохой товаръ, чѣмъ хорошій, но публика платитъ за первый столько же, сколько за второй. Умѣющіе же отличать плохую обувь отъ хорошей очень мало и поэтому для избѣжанія ошибки существуетъ фабричное клеймо. Приобрѣтая обувь нашего производства, просимъ обращать вниманіе на наше нижеприведенное фабричное клеймо, находящееся на подошвѣ нашей обуви.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Фабричное клеймо.

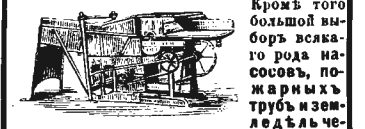
ТОВАРИЩЕСТВО
СПС. МЕХ. ПРОИЗВ.
ОБУВИ.

№ 5283 12-2

ПОВѢСТИ И РАЗСАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

„МАЛЫЙ ВЕЛИКАНЪ“, новая америк. сложная молотилка; первая общедоступная, доставляющая одновременно съ молотилою совершенно отсортированное чистое зерно. Цѣна 385 руб.

Кромѣ того большой выборъ всякаго рода насосовъ, пожарныхъ трубъ и земледѣльческихъ машинъ новѣйшихъ системъ. Иллюстр. каталогъ за 7 коп. марку. № 5266 ДѢЛО МАШИИЪ 4-3

ФРАНЦЪ ѲЕОД. УРЛАУБЪ
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линия, № 2.

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

НЕ БЫВАЕТЪ ИЗЪ ТВИСТЪ,

въ магазинѣ Ю. ГОТЛИБЪ, въ СШБ., по Владимірской, д. 2, уг. Невск. пр. Ц. 1 р. 75 к. за пару. Перес. за каждая 3 пары 1 р., по Азіатск. Россіи 1 р. 75 коп. Меньше 3-хъ паръ не высылаются. При пересылкѣ необходима мѣра посылки 2-2 длина. М. № 5264

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.

(ПРЕДСКАЗАТЕЛИ ПОГОДЫ). Въ Николаевѣ, опр. въ 5 м 6 р. 50 к., перес. за 2 м 3 ф. руб.

Въ полир. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р. Тоже съ термометромъ отъ 13 до 22 р. Кармана. баром. и для измѣренія высотъ отъ 11 до 45 р.

Е. КРАУСЪ и К^о.
Фабрика въ Парижѣ, Авен. д. 1. Rérubi. 4. ДѢЛО ДЛЯ РОССИИ № 5286
С.-Петербургъ. Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-кур. высылаются бесплатно.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (Велотъ) ПЕРВОЕ МѢСТО... Ж. БЛОКЪ

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ И. М. ХАЙНОВСКАГО

въ Москвѣ, противъ храма Спасителя, на Волконкѣ, имѣетъ всѣ права казенныхъ реальныхъ училищъ и состоитъ изъ шести классовъ и коммерческаго отдѣленія, и общаго отдѣленія дополнительнаго класса; ученики принимаются приходящими, пансіонерами и полупансіонерами. Начало приемныхъ экзаменовъ съ 7 августа, начало ученія съ 17-го августа. Здѣсь-же Приготовительный пансіонъ, ученики коего готовятся въ реальнаго училища, кадетскіе корпусы и въ эклѣзію въ полки. Ц. № 5287

МИНУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-куррантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 33

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ СЪ 8—10 РИС. ВЪ НАИД. И ЕЖЕМЪС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕН. Выдавъ 17 августа 1891 г. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы“ безъ Сборника 15 к., съ перес. 20 к.

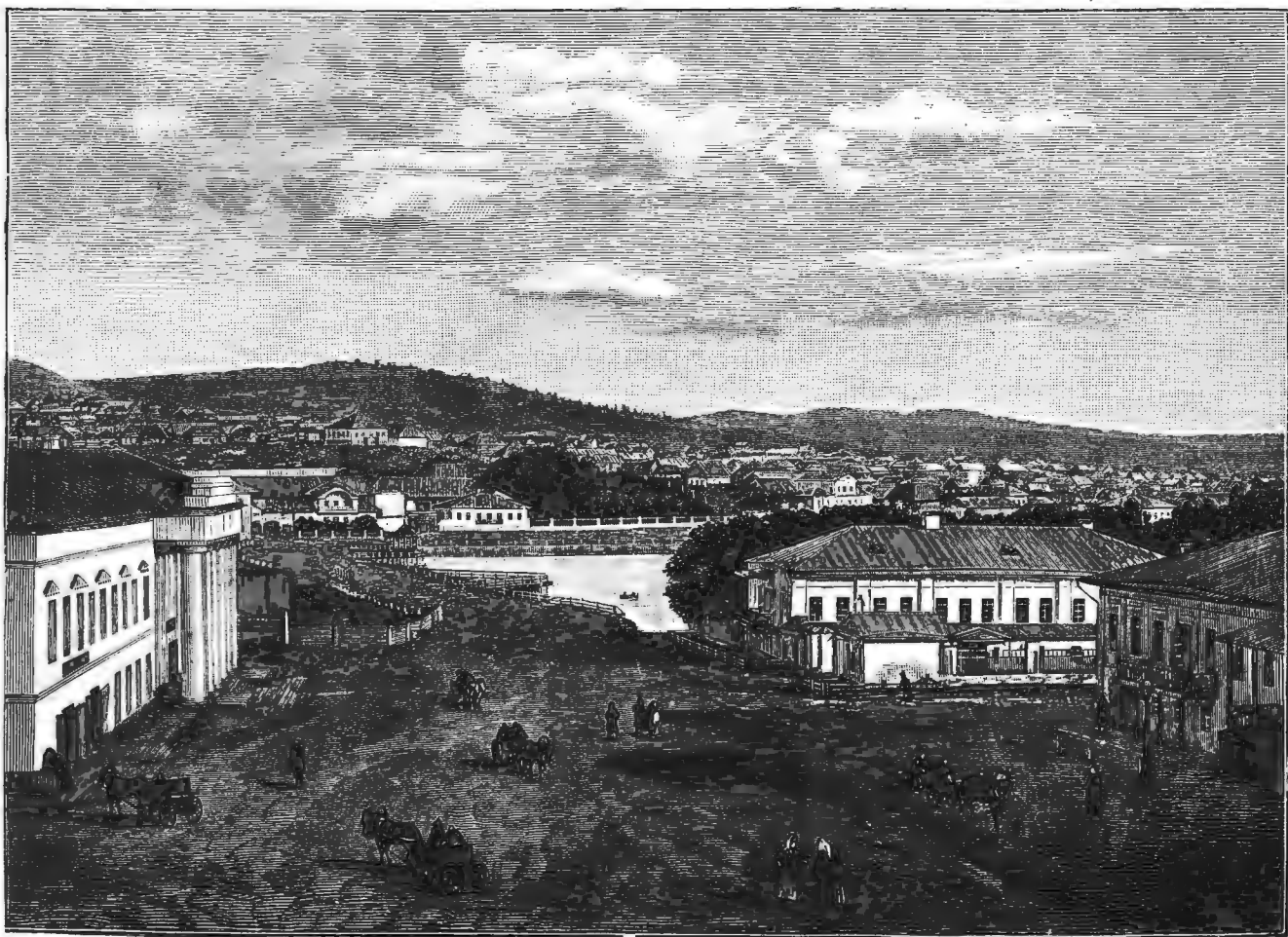
Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	---------------------	-------

Каждый новый подписч. получ. всё уже вышедш. въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всіми прилож., Сборникомъ и пр.

При этомъ № прилагаются гг. годовымъ подписчикамъ послѣдніе, III и IV, томы (въ одной книгѣ) ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, т. е. СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1891 года.

Видъ Мяснаго завода на Уралѣ. Съ фот. В. Д. Метенкова, грав. Шлипперъ.

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

Х.

Въ хоромахъ царицы Марѳы.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ксенія переселилась въ отведенные ей покои Теремнаго дворца, между боярами пошли споры.

— Чтѣ бы это значило? Какъ это понимать надо? слышались всюду одни и тѣ же вопросы, какъ только гдѣ-нибудь сходились двое-трое бояръ.

— Да чтѣ понимать-то? Плохо да и все тутъ! Говорятъ, на Годуновой жениться ладить.

— Какъ же такъ? И въ Польшѣ у него невѣста, и здѣсь? Этого и въ толкъ ужъ не возьмешь... На двухъ разомъ, что-ли, онъ жениться собирается?

— Экое ты слово-то брякнулъ? Нешто такъ можно о государѣ говорить! Ну, какъ прослышать?

— А по твоему какъ же?

— А по моему надо у Шуйскаго, у Василья, спросить—тотъ все лучше насъ знаетъ.

И спорившіе обращались по царскомъ выходѣ къ Шуйскому и просили его просвѣтить ихъ умомъ-разумомъ въ мудреномъ вопросѣ о царской женитьбѣ.

— Ничего знать не знаю и вѣдать не вѣдаю, отвѣчала, лукаво улыбаясь и моргая хитрыми глазками князь Василій.

— Ужъ какъ же тебѣ не знать? говорили ему бояре.— Ты теперь опять у царя въ милости, въ ближнихъ боярахъ его состоишь; у царицы-инокини тоже, небось, ежедень бываешь.

— Такъ вѣдь, други вы мои, царь у меня не спрашивается, а царица мнѣ не сказываетъ: откуда же мнѣ знать-то взять? отшучивался Шуйскій.

— Да полно тебѣ лукавить! осадилъ его князь Хворостининъ.— Ты напрямикъ скажи, чтѣ тебѣ вѣдомо? Вѣдь съ Польшей переговаривается царь объ невѣстѣ, о Мишковнѣ?

— Ну, переговаривается! А больше-то чтѣ? отвѣчалъ Шуйскій.

— Значить, онъ оттуда эту невѣсту сюда вывезетъ, да на ней и женится.

— Можетъ женится, а можетъ и такъ, время, безъ женитьбы, проведетъ, пока свои дѣла съ Польшей не уладить.

— Значить, это пустое толкуютъ, будто на Ксенію Борисовну жеребій палъ?

— А почему знать—пустое-ли, насупившись отвѣчала Шуйскій.— Говорятъ, на будущей недѣлѣ ее царской невѣстой объявятъ. И мудренаго пѣтъ: она красавица-писаная; ну, и приколдовала его своими черными очами... А вѣдь царю надъ ней воля вольная.

Бояре рѣшительно становились втуки послѣ подобной бесѣды съ Шуйскимъ, а тотъ, пользуясь минутой молчанія и недоумѣній, быстро отходилъ отъ нихъ и уклонялся отъ докучныхъ вопросовъ.

— Онъ все знаетъ, старый лукавецъ! говорилъ товарищамъ бояринъ Михайло Салтыковъ.— Да ничего не скажетъ... Ни въ чемъ себя не выдастъ! Послѣ ссылки, какъ воротился сюда, такой лисой прикидывается, что и смотрѣть-то мерзко! И къ царю въ душу влѣзъ, и къ инокинѣ Марѣѣ Феодоровнѣ—ежедень тамъ на поклонѣ... На первыхъ еще порахъ, какъ жутко ему тамъ приходилось!.. Бывало, царица по два, по три часа его выдерживала на ногахъ, пока допустить свои очи ясны увидѣтъ; а тутъ ужъ, говорятъ, онъ къ ней и въ милость втерся, и теперь ужъ жалуетъ его къ рукѣ и съ нимъ бесѣдуетъ.

— Да вотъ постой, недолго будетъ Шуйскому про-

сторъ! перебилъ Хворостининъ.— Скоро вернется Феодоръ Никитичъ Романовъ съ Сивера, опять власть въ Думѣ заберетъ, и не дастъ хозяйничать князь-Василью!

— Экъ ты хватилъ! замѣтилъ Салтыковъ.— Да вѣдь вернется-то ужъ не Феодоръ Никитичъ, а инокъ Филаретъ. Вѣдь онъ ужъ рясу-то не скинетъ! Его и теперь ужъ прочать въ Ростовскіе митрополиты... Да говорятъ, что онъ и самъ не хочетъ путаться въ мирскія дѣла!

— Ну, тогда ужъ трудно отъ Шуйскаго намъ защититься... Онъ какъ разъ и царство и царя—все въ руки заберетъ, и не скоро мы на него найдемъ управу. Вѣдь онъ, какъ ужъ, изъ рукъ скользитъ!..

Покои, отведенные въ Вознесенскомъ монастырѣ для царицы-инокини Марѳы Феодоровны, скорѣе напоминали женскую половину теремнаго дворца, нежели скромную келью отшельницы. Царь Дмитрій приказалъ не жалѣть денегъ на отдѣлку этихъ покоевъ. Особенно роскошно убрана была царицына „комната“. Своды въ ней были расписаны цвѣтами и травами, карнизы, косяки дверей и оконъ—раззолочены; стѣны обвѣшаны цвѣтными сукнами, лавки прикрыты пестрыми коврами и мягкими подушками. Богатая, золотая и серебряная утварь украшала поставцы по угламъ комнаты; тяжелое паникадило свѣшивалось со сводовъ на узорныхъ цѣпяхъ; на особомъ столикѣ стояли „часы звенящія“ въ видѣ бронзоваго верблюда, на которомъ ѣхалъ арабъ. Весь передній уголъ былъ занятъ иконами, крестами и складнями, которые блистали золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и камнями, отражая огни лампадъ и свѣчей, теплившихся надъ высокимъ аналоемъ.

Сама царица Марѳа, наряженная въ богатую иноческую одежду изъ дорогихъ, шелковыхъ матерій, сидѣла въ креслѣ у столика. На этомъ столикѣ навалены были грудой тѣ дорогія подношенія, которыми ежедневно били ей челомъ усердные поклонники и почитатели. А таковыхъ явилось у нея безчисленное множество съ тѣхъ поръ, какъ, по мановенію сына-царя, она была вызвана изъ дальней и тягостной ссылки и съ величайшими почестями привезена въ Москву.

Во всемъ нарядѣ царицы только темный головной иноческой уборъ да четки изъ крупныхъ рубиновъ и изумрудовъ, намотанныя на руку, напоминали, что царица Марѳа еще носила на себѣ иноческой образъ.

Царица-инокиня была окружена своими постельницами и стряпчими: пересматривала и передавала имъ на храненіе всѣ дары, поднесенные ей накануне, когда ей доложили о приходѣ князя Василья Шуйскаго.

По знаку царицы-инокини всѣ вышли изъ комнаты и оставили ее съ Шуйскимъ съ глазу-на-глазъ.

— Ну, князь Василій, обратилась къ нему царица съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ,—какія вѣсти подъ полѳю мнѣ принесъ?

— Великая государыня-царица, боюсь тебя тревожить... Боюсь прогнѣвить... И то ужъ я, твой холопъ и червь презрѣнный, не знаю, какъ замолить мои грѣхи передъ тобою...

Царица подняла на него недовѣрчивый, испытующій взглядъ и проговорила:

— Про старое не вспоминай: давно оно быльемъросло. Я прегрѣшенія твои тебѣ простила... Знаю, что ты мнѣ отслужишь за нихъ вѣрною службою...

— Охъ, государыня, повѣрь: и живота не пожалѣю! За тебя и за прирожденнаго законнаго государя нашего, Дмитрія Ивановича, хоть въ пекло готовъ идти.

Не забуду до смертнаго часа его великой ко мнѣ милости, какъ онъ меня на плахѣ помиловать изволилъ... А я-ли не заслужилъ той плахи! Въ своемъ законномъ прирожденномъ государѣ дерзнулъ усумниться, дерзнулъ крамолу сѣять...

Царица Марѳа Феодоровна исподлобья глянула на Шуйскаго, который говорилъ, прижимая руки къ груди и закатывая глаза горѣ. Холодная улыбка презрѣнія едва замѣтной змѣйкой скользнула по устамъ царицы, которая опять перебила рѣчь Шуйскаго вопросомъ:

— Говори скорѣе, какія вѣсти у тебя въ запасѣ?

— Недобрыя, великая государыня! Совсѣмъ околдовалъ Годуновна царя Дмитрія: онъ ею только дышетъ и мыслить. Переѣхала она, тому дня три, въ Кремлевскій теремной дворецъ, чтобы къ нему поближе быть.

— Безстыжая! гнѣвно воскликнула царица.—Видаиное-ли это дѣло съ тѣхъ поръ, какъ строены наши царскія палаты!

— Говорятъ, не нынче-завтра, продолжалъ Шуйскій, — царь-государь объявитъ Годуновну своей невѣстой...

— Какъ!.. Эту безстыдницу—невѣстой! Дочь нашего лютейшаго врага — своей невѣстой!.. Развѣ ужъ безъ моего благословенья захочетъ жениться... ну, тогда другое дѣло! Но тогда ужъ пусть меня отпуститъ изъ Москвы подалеже... Я съ ней не стану жить въ однѣхъ стѣнахъ!..

— Неужли же, государыня, для того тебѣ былъ Богомъ возвращенъ твой сыночекъ, чтобы ты снова его лишилась? Статочное-ли это дѣло?

— Къ лишеньямъ я привычна, произнесла царица съ особеннымъ удареніемъ.

— Знаю, знаю, государыня, сколько ты вынесла отъ злыхъ враговъ! И Бога молю, чтобы они еще разъ тебя не одолѣли, не надругались надъ властью матери... Юнаго царя сдержатъ потребно во что бы то ни стало...

— Но какъ же сдержатъ, когда онъ околдованъ, ты самъ же говоришь!..

— Есть, матушка, и противъ колдовства заклятье, и противъ женскихъ чаръ есть средство...

— Да! понимаю! Надобно ее сейчасъ же удалить, прогнать отсюда, заточить!.. Тогда и онъ объ ней небось забудетъ... и выкинетъ всю эту блажь изъ головы...

— Нѣтъ, государыня!.. Не приведи Богъ! Не то я мыслю...

— Такъ что же, говори скорѣй! Не бойся!

— А то, великая государыня, сказала Шуйскій, медленно растягивая каждое слово и видимо высказывая свою затаенную мысль съ большою осторожностью, — что отсылать ее отсюда теперь не время; а заточить всегда успѣемъ послѣ... Теперь, напротивъ, пусть она къ нему поближе будетъ, да и онъ тоже... Вѣдь дѣвушку дѣвичество и красить; пока вновѣ—онъ и будетъ къ ней лнуть; а потомъ—чай надоѣстъ не хуже всякой другой! Такъ разлучать ихъ и не надо; а вотъ насчетъ жепитьбы—воспрепятить и думать!

— Да какъ же я воспрепятствую-то? Подумай самъ, князь Василій, тревожно заговорила царица Марѳа. — Вѣдь онъ царь! Чтѣ любу ему, то онъ и творить!

— Царь Дмитрій Ивановичъ захочетъ-ли противъ тебя идти! Захочетъ-ли истречить материнской власти?.. Да если бы и захотѣлъ, въ твоей же власти, государыня, есть средство.

— Какое? Въ чемъ? Скажи...

Шуйскій замаялся, видимо, подыскивая рѣчи, въ которія ему хотѣлось облечь свою мысль, и наконецъ проговорилъ:

— Знаю, что ты ему мать родная... и что тебѣ его жалко, продолжалъ Шуйскій, пристально всматриваясь въ лицо царицы,—а все пригрозитъ не мѣшаетъ...

Царица опустила глаза въ землю и не смотрѣла на Шуйскаго.

— Пригрозитъ ему, что если онъ на Ксеніи жениться вздумаетъ—ты отречешься отъ него... За сына его считать не будешь...

Царица быстро подняла очи и глянула въ глаза Шуйскому. Ихъ взоры встрѣтились — и они поняли другъ друга.

Мгновеніе прошло въ молчаніи очень выразительномъ.

— Вѣдь долженъ-же государь-батюшка знать, мягко и лукаво добавилъ Шуйскій,—что онъ тобою, матушка-государыня, на Русскомъ царствѣ держится...

— Довольно... понимаю... Спасибо за совѣтъ... Ступай!.. сказала царица-инокиня.—Я жду къ себѣ сына-царя—онъ не бывалъ еще сегодня...

Шуйскій поклонился низко, низко и вышелъ изъ кельи.

XI.

Розы и терніи.

Ксенія такъ привыкла къ ежедневнымъ вечернимъ посѣщеніямъ Дмитрія, что наконецъ не могла ужъ представить себѣ вечера безъ свиданія и бесѣды съ нимъ... А въ этихъ бесѣдахъ для Ксеніи было такъ много новаго и привлекательнаго, такъ много поразительнаго и отуманивающаго воображеніе молодой дѣвушки. Онъ говорилъ ей о своихъ скитаньяхъ, набрасывая ей живую картину жизни польскихъ магнатовъ, описывая удалые набѣги запорожскаго рыцарства, яркими красками передавалъ перенесенныя имъ лишенія, униженія и страданія—и Ксенія слушала его жадно, боясь проронить хотя бы одно слово, боясь прервать нить его увлекательнаго разсказа. И чѣмъ чаще, чѣмъ дольше она его слушала, тѣмъ болѣе проникалась ея сердце горячею любовью и уваженіемъ къ этому юношѣ, который уже успѣлъ такъ много испытать, такъ много видѣть и узнать. Случалось, что отъ разсказовъ о видѣнномъ и пережитомъ на чужбинѣ Дмитрій переходилъ и къ впечатлѣніямъ дня, переходилъ къ разсужденіямъ о московской дѣйствительности, и съ горечью, съ досадой говорилъ о томъ „мерзостномъ зачужденіи“, которое повсюду находилъ, о „волокиѣ“ въ дѣлахъ, объ упорствѣ бояръ и о закиснѣлой грубости нравовъ, которая мѣшала принятію многоаго хорошаго отъ иноземцевъ. И Ксенія — дитя душою — съ восторгомъ внимала его мечтамъ о будущемъ, лучшемъ устройствѣ русской жизни, о новыхъ порядкахъ въ государственномъ управленіи, въ войскѣ, даже въ домашнемъ быту... Она вмѣстѣ съ Дмитріемъ вѣрила въ то, что это совершить легко, однимъ „хотѣнемъ и властью“ великаго государя — и цѣлые дни съ восторгомъ передумывала слышанное наканунѣ и съ попятнымъ нетерпѣніемъ ожидала новаго свиданья.

Два дня тому назадъ, Дмитрій сказалъ ей, наконецъ:

— Завтра, царевна, я попрошу у матушки благословенія на нашъ бракъ... И, какъ только получу его, тотчасъ же объявить вѣло тебя моей невѣстой...

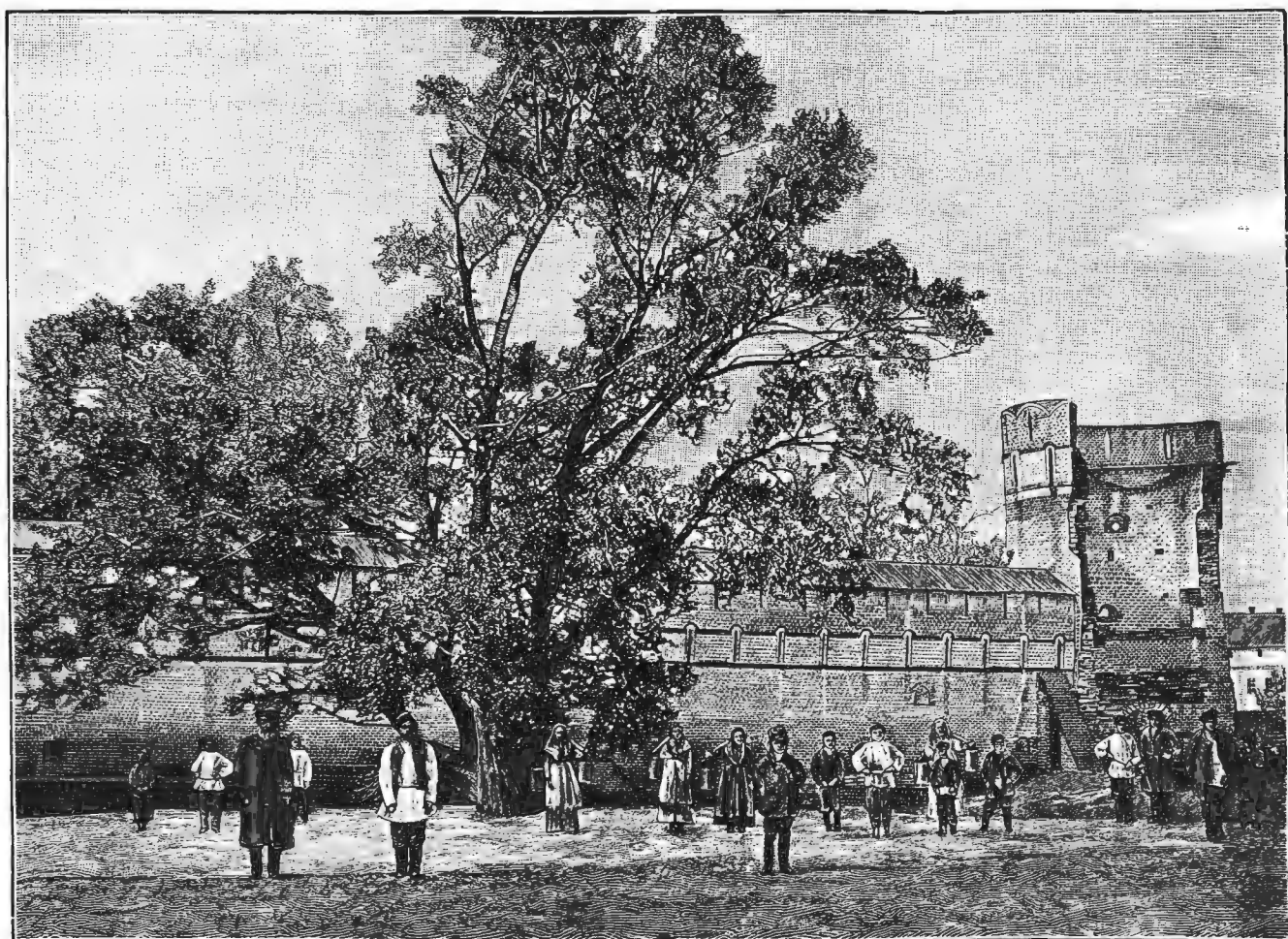
Ксенія опустила глаза и ничего не отвѣчала Дмитрію; но ея сердце сильно билось, переполненное признательностью и любовью къ юному царю.

Разставшись вечеромъ съ Дмитріемъ, царевна почти не сомкнула глазъ во всю ночь, а на другое утро изстрадавшаяся, дожидаясь вечера. Когда же наступилъ урочный часъ обычнаго прихода царя Дмитрія, а онъ и не являлся самъ и даже не присылалъ спросить о здоровьѣ царевны, — нетерпѣніе Ксеніи достигло высшей степени, и дальнѣйшее ожиданіе стало для нея невозможнымъ. Она, тайкомъ отъ другихъ боярынь, попросила боярыню-мату, черезъ одного изъ стольниковъ, узнать: гдѣ царь Дмитрій, здоровъ-ли и чтѣ съ нимъ сталось.

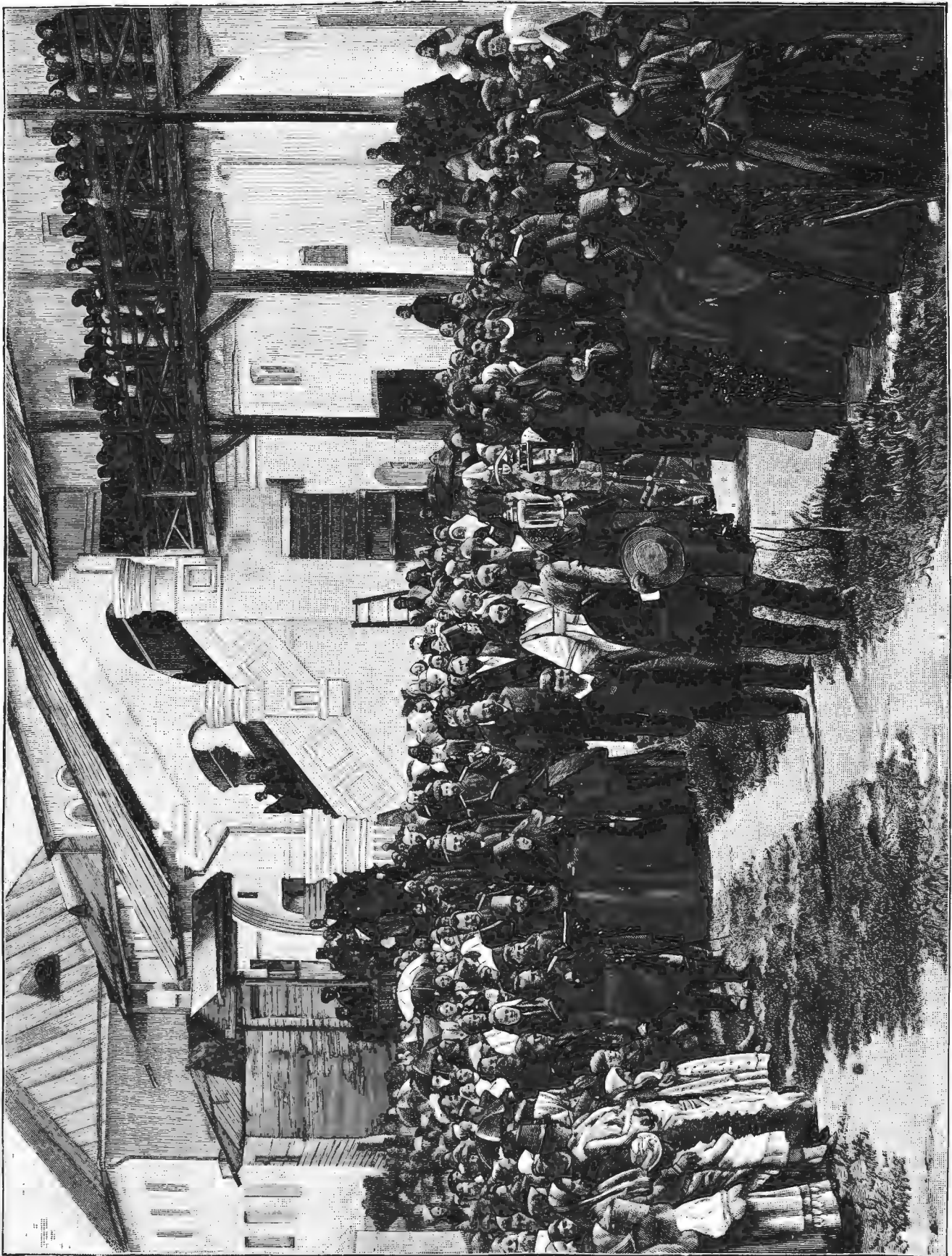
Стольникъ принесъ отвѣтъ, который удивилъ и озадачилъ царевну;—царь Дмитрій утромъ засѣдалъ съ

На Сѣверномъ Уралѣ. Маринскій участокъ. Зимняя добыча золота въ руслѣ р. Ивделя. Съ фот. Метенкова, грав. Флюгель.

Стѣна въ Макарьевскомъ монастырѣ и дерево, посаженное Св. Макаріемъ. Съ фот. Ошнина, грав. Флюгель.

Шествіе со славою въ Макарьевскомъ монастырѣ послѣ освященія церкви во имя Михаила Архангела.
Съ фот. Фоміна, грав. Шюблеръ.

болярами, а потомъ пошелъ къ царицѣ-инокинѣ Марѣѣ Ѳеодоровнѣ, а отъ нея вернувшись, приказалъ подать аргамаковъ себѣ и Басманову и съ десяткомъ конныхъ дѣтей боярскихъ за городъ умчалъ, невѣдомо куда. Ксенія протосковала цѣлый вечеръ и проплакала всю ночь. На слѣдующій день, измученная неизвѣстностью, она едва могла дожидаться вечера, и чуть не бросилась на шею Дмитрія, когда онъ къ ней явился послѣ вечера и опустился противъ нея въ кресло.

Съ перваго взгляда на царя, Ксенія убѣдилась въ томъ, что онъ чѣмъ-то очень сильно взволнованъ и разстроенъ. Обмѣнявшись съ Ксеніей обычными вопросами, Дмитрій замолкъ и грустно понурилъ голову.

— Что не веселье, царь Дмитрій Ивановичъ? нѣжно и тихо спросила Ксенія.

— Не веселье я потому, что не былъ у тебя вчера, царевна, и не могъ отвезти души съ тобою... Не могъ принести тебѣ желанной вѣсти!

— Я слышала, что уѣзжалъ ты за городъ съ Басмановымъ послѣ того, какъ побывалъ у матушки-царицы...

— Да! Уѣзжалъ, чтобы разсѣять думы черныя...

— Черныя? повторила вполголоса Ксенія.—Значить, матушка-царица не дала тебѣ благословенія на ненавистный бракъ со мною?

— Она о немъ и слышать не хочетъ... И говорить о немъ мнѣ запретила—и думать...

— Бѣдная, бѣдная я! прошептала Ксенія, опускала руки и поникая головою.—Нѣтъ мнѣ ни въ чемъ ни удачи, ни счастья.

— О, не опускай головы, моя дорогая, моя желанная царевна! горячо сказалъ Дмитрій.—Я уговорю, я умолю мою матушку, я съумѣю размягчить ея сердце и заставлю ее полюбить тебя, какъ я тебя люблю.

— Мудрено! печально сказала царевна.

— О, нѣтъ! Не мудрено... Довѣрься мнѣ!.. Не вѣкъ продлится злоба людская противъ царя Бориса... А я, я ни на комъ иномъ и не подумаю жениться... И волей или неволей вынужу согласье матушки... Она мнѣ не откажетъ, когда увидитъ, что мнѣ безъ Ксеніи и жизнь не въ жизнь.

— Государь, сказала Ксенія,—ты помнишь, что по своей воле я переѣхала сюда, въ теремной дворецъ... Ты вынудилъ меня къ согласью, заговоривъ о бракѣ... Если бракъ не можетъ состояться—мнѣ одна дорога... въ обитель! А жить здѣсь долѣе и ждать, когда получится согласіе матушки царицы... я не могу! не могу! Дозволь же мнѣ уѣхать не медля... завтра же!

Дмитрій, въ сильнѣйшемъ порывѣ, вскочилъ съ своего мѣста, бросился передъ царевной на колѣни и горячо воскликнулъ:

— Нѣтъ! Ты не уѣдешь!.. Ты не покинешь меня, царевна! Я молю тебя остаться, не отнимай у жизни моей и свѣтъ, и радость, и счастье, котораго я ждаль такъ долго! Солнышко мое, подруженька, голубка!..

И онъ осыпалъ ея руки поцѣлуями, онъ сжималъ ихъ въ своихъ сильныхъ рукахъ, онъ смотрѣлъ ей въ очи, онъ шепталъ тѣ безсвязные звуки, тѣ чудныя рѣчи любви, которыя звучатъ такой дивною гармоніей въ ушахъ любящей женщины и такъ легко падаютъ доступъ къ сердцу...

Ксенія растерянно и пугливо отодвинулась отъ Дмитрія, откинулась на спинку кресла и старалась высвободить руки изъ его рукъ... но тщетно... Онъ все шепталъ ей тѣ же рѣчи, все смотрѣлъ ей въ очи, все молилъ не покидать его, клялся любить до гроба...

Она боролась долго и съ нимъ, и съ собою, боролась послѣднею борьбою дѣвичьей стыдливости, противъ того страстнаго порыва юноши, который находилъ себѣ горячій отзывъ въ ея сердцѣ...

Онъ понялъ, что она молить его только словами, сама не сознавая ихъ смысла,—что не его, а себя ста-

рается она побороть, сдержать на мгновенье—и не можетъ...

ХІІ.

Прямые.

Нѣсколько дней спустя все боярство, собравшееся рано утромъ къ царскому выходу, было занято важною новостью, о которой говорили и толковали на всѣ лады не только въ передней государевой, но и въ проходныхъ сѣняхъ, и на крылечной площадкѣ.

— Слышалъ-ли? Романовы пріѣхали въ Москву! Романовы изъ ссылки вернулись...

— Какъ-же! какъ-же, знаю! Слышалъ, что вчера ужъ и государю являлись—и милостями осыпаны...

— Да, да! И это слышалъ! Ѳеодоръ-то Никитичъ, что нынѣ Филаретъ—въ митрополиты возведенъ, въ Ростовскіе... А Иванъ Никитичъ—изъ стольниковъ въ бояре сказанъ!

— Ужъ это точно что по-царски! Изъ стольниковъ въ бояре! Другой лѣтъ пятнадцать еще въ окольных тѣняхъ до боярства; а тутъ черезъ окольного прямо въ бояре!..

— И всѣ имѣнья, всѣ земли, всѣ животы повелѣно имъ возратить и изъ казны вознаграждать...

— А имъ и этого вишь мало! Говорятъ, что нынче будутъ на выходѣ, и челобитную хотять подать—о новыхъ милостяхъ...

Но несмотря на всѣ эти толки и зависть, возбужденную милостями Дмитрія Ивановича къ Романовымъ, весь дворъ государевъ заволновался, когда братья-Романовы подѣхали въ колымагѣ къ рѣшеткѣ дворца и пошли папертью Благовѣщенскаго собора и переходами къ государевой передней. Впереди шелъ Филаретъ, облеченный въ ипическое одѣяніе, съ посохомъ въ рукѣ; онъ сохранилъ все ту-же спокойную, величавую осанку, которая такъ хорошо согласовалась съ его высокимъ и могучею фигурой; въ волосахъ его и въ окладистой бородѣ обильно серебрилась сѣдина; горькія испытанія послѣднихъ лѣтъ много провели глубокихъ морщинъ на челѣ его, но онъ былъ свѣжъ и бодръ, лицо его было такъ же прекрасно, и тотъ-же обширный, глубокий умъ свѣтился въ его очахъ.

Позади его, волоча лѣвую ногу и подкорчивъ лѣвую руку, съ трудомъ выступалъ младшій братъ его, Иванъ Никитичъ, еще молодой, но уже разбитый параличемъ. Двое молодыхъ дворянъ поддерживали его подъ руки, на ходу.

Всѣ спѣшили навстрѣчу Романовымъ, всѣ забѣгали впередъ, чтобы имъ поклониться и заявить о своемъ расположеніи, всѣ шумно привѣтствовали и поздравляли ихъ съ благополучнымъ возвращеніемъ; но братья Романовы отвѣчали всѣмъ только легкимъ наклоненіемъ головы и молча проходили далѣе... Они знали цѣну этимъ дворскимъ любезностямъ, и хорошо понимали значеніе шумныхъ, радостныхъ привѣтствій.

Такъ прошли они и государеву переднюю, биткомъ набитую боярствомъ, и въ качествѣ близкихъ родственниковъ царя, безъ доклада вступили въ государеву комнату, гдѣ царь Дмитрій уже сидѣлъ за столомъ и говорилъ о дѣлахъ съ нѣсколькими боярами, стоявшими по бокамъ его кресла и стола. Тутъ были и Шуйскій, и Бѣльскій, и Басмановъ, и еще пять-шесть представителей старѣйшихъ боярскихъ родовъ.

Царь Дмитрій держалъ въ рукахъ какую-то грамоту, и указывая на нее, говорилъ боярамъ съ нѣкоторою досадою:

— Я, право, не возьму въ толкъ: о чемъ тутъ разсуждать? О чемъ тутъ думать? Дѣло все такъ ясно, что въ двухъ словахъ рѣшить можно—а ваши дѣлки ужъ гору бумаги о немъ исписать успѣли!..

И затѣмъ, увидавъ входящихъ Романовыхъ, вдругъ просіялъ лицомъ и всталъ съ кресла навстрѣчу имъ, и самъ пошелъ подъ благословеніе Филарета.

— Радъ васъ видѣть, гости дорогіе, Филаретъ Никитичъ и Иванъ Никитичъ! Самъ хотѣлъ сегодня заѣхать на подгорье къ вамъ — и послалъ къ вамъ стольника звать васъ на завтра къ моему царскому столу...

— Прости, великій государь, отвѣчалъ Филаретъ Никитичъ,—мы можемъ только благодарить тебя за все для насъ содѣянное; но мы не можемъ быть за столомъ твоимъ... Мы ѣдемъ сегодня-же въ Ростовъ... Пришли откланяться...

— Какъ? уже сегодня?.. Два дня всего какъ вы сюда пріѣхали—и ужь опять въ дорогу; и въ Вѣлокаменной, со мною и дня провести не хотите!..

— Государь, продолжалъ Филаретъ,—на насъ ты не изыщи... Вѣдь сколько лѣтъ мы не видались ни съ ближними, ни съ кровными (голосъ его дрогнул).— Да и Москва для насъ такъ опустѣла, что къ ней сердце не лежитъ. Не прогнѣвись на это, государь,— и въ міръ меня не тянетъ больше, и все мірское мнѣ теперь постыло!..

Дмитрій съ участіемъ взглянулъ на Филарета и съ чувствомъ проговорилъ:

— Не стану гнѣваться, Филаретъ Никитичъ... Поѣзжай-же съ Богомъ! И помни, что для Романовыхъ нѣтъ у меня отказа ни въ чемъ... чего-бы вы ни просили...

— Спасибо на ласковомъ словѣ да на привѣтѣ, государь! сказалъ Филаретъ Никитичъ.—Желаньямъ человѣческимъ, и точно, нѣтъ предѣловъ! Мы съ братомъ и теперь ужь, государь, хотѣли утрудить тебя новымъ челобитьемъ, хотѣли просить о новой и великой милости...

— Просите, просите—радъ вамъ служить! Не пожалѣю для васъ...

Бояре переглянулись между собою и съ завистью поглядывали на Романовыхъ.

— Государь! торжественно и тихо произнесъ Филаретъ Никитичъ, низко кланаясь Дмитрію Ивановичу,—дозволь намъ перевезть въ Москву тѣла покойныхъ братьевъ нашихъ, Александра, Василя и Михаила... погибшихъ въ ссылкѣ и въ опалѣ... и здѣсь похоронить ихъ съ честью...

— Какъ? только объ этомъ вы и просите меня, когда я готовъ на все! воскликнулъ Дмитрій съ изумленьемъ.

— Только объ этомъ, государь, подтвердилъ Филаретъ Никитичъ, наклоня голову.

— Завтра-же велю указы заготовить, и отправлю ихъ на мѣсто и все по твоему желанію будетъ исполнено, сказалъ Дмитрій.

— А съ этими указами пошлемъ мы нашихъ вѣрныхъ слугъ, съ твоими государевыми людьми... И вѣчно будемъ Господа молить за тебя, государь! А теперь—прости!

Царь Дмитрій снова подошелъ подѣ благословеніе Филарета, и простился съ Романовыми. Бояре, отвѣсивъ имъ низкій поклонъ на прощанье, въ душѣ очень радовались тому, что эти опасные соперники довольствовались малымъ и, отѣзжая, открывали имъ свободное поле дѣйствій.

Послѣ ухода Романовыхъ, царь, видимо растроганный, вмѣстѣ со всеми боярами направился къ обѣднѣ. Отстоявъ всю службу въ Благовѣщенскомъ соборѣ, Дмитрій Ивановичъ вышелъ изъ храма и, въ сопровожденіи бояръ и обычной почетной стражи изъ стрѣльцовъ и боярскихъ дѣтей, направился черезъ Ивановскую площадь къ Вознесенскому монастырю. Народъ, толпившійся на площади, привѣтствовалъ его громкими и радостными кликами:

„Да здравствуетъ законный государь нашъ царь Дмитрій Ивановичъ!“ — „Да здравствуетъ наше солнце красное!“

И вдругъ, изъ среды этой самой, ликующей и ра-

достно восклицавшей толпы, на самомъ пути царя, выступили Тургеневъ и Феодоръ Калашникъ и, не ломая шапокъ передъ царемъ, крикнули во всеуслышаніе, обращаясь къ толпѣ:

— Кому вы кланяетесь, православные! Онъ не царь! Онъ разстрига окаянный! Не царское онъ рожденье, а антихристово отродье! Будь онъ проклятъ въ семь вѣкѣ и въ будущемъ!

Дмитрій Ивановичъ измѣнился въ лицѣ, услыхавъ эти рѣчи; онъ грозно насунилъ брови и указалъ боярамъ на крамольниковъ, которыхъ уже окружила и ввела дворцовая стража.

— Ахъ они псы смердящіе! Ахъ окаянные! Чтѣ смѣютъ говорить! загудѣла толпа.—Дай ихъ намъ, государь! Дай намъ, мы въ ключья ихъ изорвемъ!

— Не смѣйте и пальцемъ тронуть ихъ! грозно крикнулъ царь Дмитрій.—На то есть судъ! Пусть ихъ допросятъ и судятъ по закону.

И онъ твердо прослѣдовалъ далѣе со своею свитою, между тѣмъ какъ стража вводила къ Приказамъ Тургенева и Калашника, связанныхъ по рукамъ и ногамъ и осыпавшихъ злобными насмѣшками площадной черни.

XIII.

Начало конца.

Въ послѣднихъ числахъ сентября въ одинъ изъ воскресныхъ дней, когда Шуйскій вернулся отъ обѣдни изъ собора на свое Кремлевское подворье, братъ Дмитрій сообщилъ ему, послѣшно и шепотомъ:

— Ступай скорѣй на верхъ въ свѣтелку — тамъ ждутъ тебя!

Князь Василій поднялся по лѣстницѣ въ свѣтелку и засталъ тамъ дорогую гостью, Мавру Кузьминичну. Боярыня-казначей сидѣла на лавкѣ подѣ образами, окутавъ лицо свое густою фатою.

— А! вотъ не чаялъ тебя увидѣть, боярыня! вкрадчиво и нѣжно произнесъ Шуйскій, кланаясь боярынь въ поясъ.—Ей-ей не чаялъ! Думалъ, ты ужь и позабыла обо мнѣ...

— Что ты, что ты, князь! Денно и ночью помню о тебѣ и о твоихъ дѣлахъ... Да все, вишь, не сподручно было отлучиться! Боюсь, не подсмотрѣли бы!

— Ха! ха! ха! Вотъ ты какая пугливая, боярыня, нынче стала! Ужь не за славушку-ли свою боишься? Такъ вѣдь я-жъ теперь не холостъ хожу—женатый, и жена-то молодая, да красавица еще какая... Ну, ну, садись-ка, гостя дорогая! Разсказывай, чтѣ въ терему-то тамъ у васъ творится?

— Да чтѣ, бояринъ? Точь-въ-точь, какъ ты сказалъ тогда, такъ и сбылось: словно бы ты наколдовалъ! Вѣдь наша-то царевна головушку повѣсила...

— Что-жъ такъ?

— А то, что милый-то дружокъ ужь нынче не такъ часто къ ней жаловать изволить, какъ бывало прежде. Случается, что два и три дня сряду не бываетъ—и какъ потомъ придетъ, такъ слышимъ, все она къ нему съ укоромъ да со слезами, а онъ все съ отговорками... а то и гнѣваться изволить!..

— Ну, это ужь само-собою! Чего-жъ ей больше ждать? Теперь онъ, чай, и самъ не радъ. Куда она ему? Колѣдой поперекъ дороги лежитъ... Теперь, боярыня, я по душѣ тебѣ скажу, что ей не долго ужь надъ нимъ величаться. Изъ Польши идутъ вѣсти, что его невѣста, польская княжна, собирается въ дорогу, что польскимъ посломъ ѣдетъ сюда самъ тестъ его, панъ Юрій Мнишекъ... Такъ, понимаешь-ли, онъ и теперь ужь радъ бы сбыть куда-нибудь царевну, да все вишь жалѣетъ ее. Ну, а дай пройти еще двумъ-тремъ мѣсяцамъ...

— Да, да! Вѣстимо. Видно, что онъ къ ней не прежнимъ жаромъ пышетъ; а ужь чтѣ остыло, то и постыло.

— Вотъ ты теперь, боярыня, ее и пошевеливай!

Все ей въ уши дуй объ этой невѣстѣ царской, да объ ея прїездѣ расписывай, да сокрушайся о горькой долѣ царевниной... Да все тверди о томъ, что мать-царица не даетъ согласія на бракъ Дмитрія съ царевной: „не дала моль прежде, такъ теперь ужъ и подавно!“ Такъ прямо и труби...

— Буду трубить, князь-батьюшка! Да только ужъ и ты, смотри, не позабудь меня—пристрой ко двору царицыну, какъ станутъ молодой-то царицѣ дворъ подбирать!

— Не забуду, не забуду, боярыня. Какъ можно позабыть!.. Ты только помоги намъ сбыть съ рукъ царевну, а тамъ ужъ я за тебѣ—горой передъ царемъ и предъ царицей!

— Ну, вотъ и спасибо! И прощенья просимъ—до первой вѣсти! И толстая боярыня,

распростившись съ Шуйскимъ, проворно юркнула въ одну изъ трехъ боковыхъ дверей свѣтелки. А Шуйскій сѣлъ къ столу и задумался... Въ головѣ его стройно, тонко и послѣдовательно слагался обширный планъ заговора, который долженъ былъ погубить Дмитрія, а Шуйскому открыть прямую и широкую дорогу... Куда? Къ чему? Онъ самъ еще не могъ бы отвѣтить на эти вопросы.

Холодный и ясный октябрьскій утренникъ серебрялъ траву и деревья верховаго дворцоваго сада морознымъ налетомъ, придавая одинъ общій блескъ пестрымъ, то блѣдно-зеленымъ, то ярко-краснымъ, то желтымъ тонамъ листьевъ... Огнистыя, багровыя облачка, съ холодными сѣроватыми краешками, разбѣгались съ востока на западъ, еще до половины прикрыты темными, ночными облаками... Сне-

женные и почернѣвшіе листья, которыми покрыта была промерзающая земля, рѣзко хрустѣли подъ ногами. Легкою дымкою курились воды небольшого прудочка, по которому важно и спокойно плавали два лебедя.

Царевна Ксения, послѣ бессонной ночи, проведенной въ слезахъ и томленіи, въ тяжкихъ мученіяхъ оскорбленнаго женскаго самолюбія и обманутой любви, едва поднявшись съ постели, вышла въ садъ, въ собольей шапочкѣ и собольей тѣлогрѣйкѣ. Ей было любо на холодномъ утренникѣ—ея груди дышать здѣсь было легче; она видѣла здѣсь надъ головою не раззолоченный пологъ своего богатаго ложа, не тяжкій, давящій сводъ терема, а высокое небо и просторъ, среди котораго она свободно

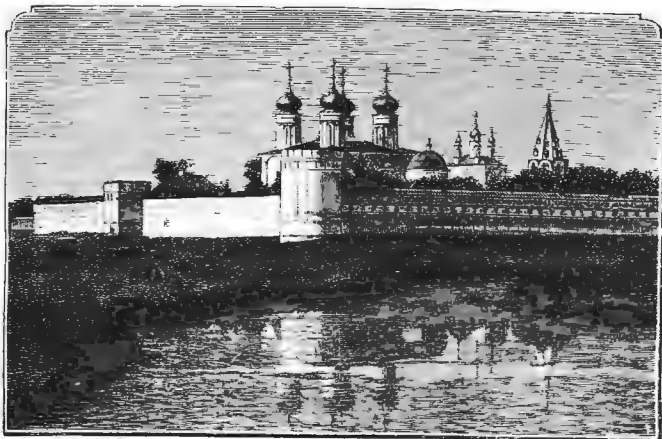
могла носить крылатою мечтою. Ей нравились въ этомъ небольшомъ садикѣ даже эти полуобнаженные деревья, съ ихъ облетѣвшею красотою. Она смотрѣла на нихъ, видѣла, какъ легкой вѣтерокъ налетѣлъ на нихъ и, обрывая листья, крутилъ ихъ по дорожкамъ, и говорила съ грустью:

— Такъ и онъ налетѣлъ на меня, потѣшился и бросилъ меня, сиротинку!

Въ этихъ грустныхъ мысляхъ царевна подошла къ своей любимой бесѣдкѣ въ этомъ небольшомъ верховомъ садикѣ и вздумала, поднявшись по лѣстницѣ на вышку той бесѣдки, — по-

любоваться видомъ широко-раскинутаго города, только что пробуждавшагося къ своей обыденной жизни и дѣятельности.

И только поднялась она на вышку, только присѣла на скамью и глянула вдаль, на густо застроенное Замоскво-

Монарьевъ-Желтоводскій-Троицкій монастырь, Нижегородской губ.
Съ фот. Фомина, грав. Флюгель.

Деревянные двери въ соборѣ Св. Троицы въ Монарьевскомъ монастырѣ, Ниж. губ.
Съ фот. Ф. Фомина, грав. Флюгель.

Триумфъ Диатора. Съ варт. А. Розье, грав. Веберъ.

рѣче, гдѣ изъ тѣсной массы бревенчатыхъ построекъ красивыми пятнами выдѣлялись бѣлыя церкви со сверкавшими на солнцѣ крестами,—какъ вдругъ, внизу на улицѣ, послышался глухой шумъ, гулъ голосовъ и топотъ коней, и въ промежуткахъ—заунывное, погребальное пѣніе...

— Вѣрно, чьи-нибудь похороны? подумала царевна, и, набожно крестясь, прикрывъ лицо фатою, она наклонилась надъ остріями частокочла, стараясь заглянуть на улицу... И обомлѣла отъ страха.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Полсутокъ на деревѣ.

Рассказъ изъ жизни на далекомъ Востокѣ. А. Я. Максимова.

(Окончаніе).

III.

На слѣдующій день, рано утромъ, едва появилась на востокѣ свѣтлая полоска, предвѣстница скорого восхода солнца, Петръ Осиповичъ уже былъ на ногахъ, вполнѣ готовый ѣхать на охоту. Выпросивъ у вахтеннаго начальника шлюпку, онъ, охваченный лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, живо перебрался къ бывшей резиденціи чиновъ Удѣльнаго вѣдомства. Передъ нимъ, какъ на ладони, открылся рядъ деревянныхъ домовъ, совершенно заупущенныхъ, съ вышнбленными рамами, сорванными съ петель дверями, развороченными печами, плитами и полами. На всемъ окружающемъ лежала печать хищническихъ рукъ, желавшихъ, повидимому, совершенно уничтожить всякій слѣдъ благоустройства и полного довольства. Среди этихъ жалкихъ, полуразрушенныхъ зданій, на небольшой площадкѣ, заросшей сорною травой и колючими кустарникомъ, стояли двѣ чугунныя пушечки, когда-то служившія грозною защитой противъ разбойническихъ нападений китайскихъ бродягъ—свирѣпыхъ хунхузовъ. Теперь же, брошенные, какъ и все остальное, на произволъ судьбы, онѣ печально покачнулись на своихъ, совершенно сгнившихъ, станкахъ и, поднявъ къ небу до-нельзя загрязненные и замусоренныя дула, какъ бы молили его избавить отъ настоящаго унижательнаго забвенія...

Съ тяжелымъ, грустнымъ чувствомъ миновалъ Петръ Осиповичъ развалины еще недавно цвѣтущей колоніи Удѣльнаго вѣдомства и направился извилистою тропой, неизвѣстно кѣмъ протоптанною, къ темнѣвшему невдалекѣ лѣсу, еще не тронутому бывшими дѣятелями колоніи. По мѣрѣ удаленія отъ берега, мѣстность постепенно возвышалась. Тропинка причудливо вилась по отлогому скату боковаго отрога хребта Сихотэ-Алинь, едва видѣвшася въ туманной дали. Вначалѣ окружающая растительность не представляла ничего особеннаго, но съ каждымъ шагомъ она становилась гуще, роскошнѣе и величественнѣе. Незамѣтно поднявшись на вершину холма, Петръ Осиповичъ остановился въ невольномъ изумленіи, забывъ на-время главную цѣль экскурсіи: такъ сказочно красива была окружающая природа!.. Всюду тянулись непрерывныя пѣни холмовъ, эффектно выдѣлявшихся на совершенно ласковомъ, безоблачномъ небѣ. Вершины ихъ, позлащенные восходящимъ солнцемъ, казались издали какими-то волшебными чертогами, то поражающими взоръ рѣзкими, стрѣльчатыми очертаніями, то ласкавшими его мягкостью и плавностью линий, то приводившими въ восторгъ величественными, истинно царственными формами. Тутъ и тамъ сверкали алмазною пылью горные ручьи и каскады, ниспадавшіе съ обрывовъ въ мрачныя, неизвѣданныя пропасти. Темные, безконечные лѣса поражали взоръ своимъ дивнымъ разнообразіемъ. Вершины холмовъ щетинились гигантскими елями, кедрами и соснами, которыя, словно могущественная рать, сбѣгали по скатамъ въ пади, гдѣ почти терялись среди широколѣстныхъ, величественныхъ ильмовъ, стройнаго орѣшника и пальмовиднаго диморфанта. Хвойныя породы деревьевъ смѣнялись лиственными почти незамѣтно, но всегда на одной высотѣ надъ уровнемъ моря. Иногда тѣ и другія породы были перемѣшаны на небольшомъ участкѣ, причемъ этотъ растительный вишегредъ восхищала взоры своимъ волшебнымъ великолѣпіемъ. Рядомъ съ вѣковыми кедрами, елями, лиственницами, пихтой, сосной, тисомъ и древовиднымъ можжевельникомъ высились къ небу: гигантскій кленъ, древняя, совершенно сѣдая липа, стройный тополь, приземистый, дуплистый дубъ, пробковое дерево, вязъ, алая береза, ясень, грабъ, абрикосъ и грецкій орѣхъ. Благодаря тучной почвѣ, деревья достигали большею частью поражающихъ размѣровъ, болѣе сажени въ обхватъ и до ста футовъ высоты. Справа и слѣва вдымались непролазныя чащи, полныя таинственностію. Барбарисъ, крушина, акація, колючая акація, шиповникъ, сирень, жасминъ, бузина, калина и жимолость образовали непроходимую заросль необычайной красоты и гармоніи. Весь этотъ роскошный подлѣсокъ переплетался цѣпкимъ виноградомъ, разросшимся съ невиданною, почти баснословною, силой. Затѣйливо вилась онъ среди необятной массы всевозможныхъ деревьевъ, щедро заполняя своею ярко зеленою каждою свободный отъ листвы уголокъ. То стлался онъ по мутной, вѣчно сырой почвѣ въ видѣ мягкаго, пышнаго ковра, то смѣло забирался на ближайшія деревья, не разбирая ихъ породъ, и затѣмъ свѣшивался отовсюду вязанными гирляндами и фантастическими кружевами...

Петръ Осиповичъ пытался-было пробраться сквозь эту чащу кустарниковъ и винограда, образовавшихъ силошную, цвѣту-

щую стѣну, но вскорѣ отказался отъ своей мысли, въ виду положительной невозможности преодолѣть густую съѣтъ вьющихся растений... Кругомъ господствовала какая-то таинственная, невозмутимая тишина, которая одновременно и поражала, и удивляла, и наполняла душу неизъяснимою тревогой. Казалось, все вымерло въ этой непроходимой заросли; но между тѣмъ она кишѣла таинственною жизнью, недоступною для человѣческихъ взоровъ и слуха. Птицы и звѣри таились въ роскошной зелени, чутко прислушиваясь къ тяжелымъ, непривычнымъ шагамъ человѣка, неожиданно появившагося въ тайгѣ съ злымъ намѣреніемъ и осмѣливагося нарушить вѣковое безмолвіе дѣвственной природы.

Сознавъ невозможность проникнуть въ чащу, Петръ Осиповичъ съ грустью оставилъ недоступную вершину холма и спустился по его отлогому скату ближе къ берегу. Тайга постепенно рѣдѣла и наконецъ перешла въ луговую растительность, среди которой лишь изрѣдка попадались коренастые, могущественные дубы. Густая, высокая, выше человѣческаго роста, трава покрывала мѣстность роскошнымъ ковромъ, ласкавшимъ взоръ темною зеленью, испещренною дивными полевыми цвѣтами, величественныхъ, совершенно тропическыхъ размѣровъ. Съ первыхъ же шаговъ среди этой чудной луговой растительности молодому охотнику пришлось убѣдиться, что онъ случайно попалъ въ мѣстность особенно излюбленную фазанами; тѣмъ не менѣе, съ самаго начала Петръ Осиповичъ сталъ испытывать непріятныя, раздражавшія нервы, неудачи. Осторожная, чрезвычайно чуткая птица таилась отъ охотника со всѣми задатками трусливой куриной породы. Забравшись въ густѣйшую траву, фазаны положительно замарали, спрятавъ головы въ какое-нибудь особенно укромное мѣстечко. Притаившася такимъ образомъ птицу возможно было спугнуть только въ томъ случаѣ, когда случайно чуть не наступили на нее. Въ этомъ исключительномъ случаѣ фазаны вылетали изъ-подъ самыхъ ногъ дѣлыми выводками, съ такимъ оглушительнымъ крикомъ и шумомъ, съ такою неожиданностью, что Петръ Осиповичъ невольно отбѣгивалъ и недоумѣвалъ: по которой птицѣ стрѣлять. Благодаря нерѣшительности охотника, фазаны успѣвали до выстрѣла отлетать на значительное разстояніе и опять притаились въ густой травѣ... Съ большимъ трудомъ освоился, наконецъ, Петръ Осиповичъ съ оригинальными деталями фазаньей охоты безъ собаки и постепенно началъ относиться къ подобнымъ неожиданнымъ вылетамъ съ должнымъ хладнокровіемъ. Охота пошла успѣшнѣе; не прошло и часу, какъ Петръ Осиповичъ настрѣлялъ до полдюжины превосходныхъ, жирныхъ фазановъ. Солнце поднялось уже довольно высоко: было около семи часовъ утра. Охотникъ сталъ ощущать необходимость отдыха. Тяжелое ружье совершенно оттянуло плечи и руки, не говори уже о набитой дичи, переполнившей довольно большой ягташъ. Утренняя, освѣжавшая прохлада начала смѣняться быстро наступавшею жарою. Петръ Осиповичъ вышелъ на тропинку съ цѣлью подыскать подходящее мѣсто для отдохновенія. Онъ шелъ безпечно, нисколько не помышляя объ опасностяхъ тайги и не сознавая даже, что какая-либо опасность возможна: Петръ Осиповичъ совершенно забылъ совѣты своего сожителя-доктора „быть осторожнымъ“. Пробираясь извилистою, узкою тропинкой, онъ съ восхищеніемъ любовался великолѣпными, крупными пионами и лиліями, кокетливо выглядывавшими во множествѣ изъ темной зелени тропической, луговой растительности. Тутъ же красовались: гигантскіе желтоголовники, чудный синій касатикъ и еще какіе-то, невиданные ранѣе, цвѣты оригинальной красоты. Однѣ изъ подобныхъ цвѣтовъ, необыкновенно крупный, съ роскошными махровыми лепестками, особенно понравился Петру Осиповичу, и онъ протянулъ къ нему руку съ цѣлью сорвать его на память объ восхитительной мѣстности... Въ этотъ самый моментъ въ густой травѣ, совершенно близко, послышалось вдругъ какое-то грозное урчанье, словно громадный котъ замурылкалъ возлѣ самаго уха охотника. Это неожиданное урчанье произвело на послѣдняго подавляющее впечатлѣніе. Петръ Осиповичъ, какъ стоялъ съ протянутой правой рукой, такъ и одеревенѣлъ, разомъ и мгновенно, напоминая собой каменное изваяніе. Руки и ноги его похолодѣли; на лбу выступили крупныя капли холоднаго пота; волоса на головѣ точно ожили и зашевелились. Страшная мысль мелькнула въ головѣ: „тигръ!..“ Безотчетный, внезапный, неотраженный ужасъ поглотилъ все существо охотника, и онъ, охваченный паникой и подстрекаемый мгновенно палѣвшимъ чувствомъ самосохраненія, стремительно бросился къ

ближайшему дубу, въ надеждѣ найти на немъ спасеніе отъ свирѣпаго, но еще невидимаго врага. Торопливо прислонивъ ружье къ стволу, Петръ Осиповичъ ухватился обѣими руками за первую вѣтвь... Мысли его путались. Ничего не соображая, съ помутившимися глазами, онъ силится лишь подняться на дерево какъ можно быстрѣй; но эти усилія оказались въ первые секунды напрасными. Силы охотника были парализованы страхомъ, что вотъ-вотъ тигръ выскочитъ и вонзитъ свои страшные клыки въ затылокъ вкусной добычи. Боясь оглянуться, Петръ Осиповичъ безпомощно тянулся на дубъ, не имѣя силъ приподняться даже на дюймъ отъ земли, къ которой онъ словно приросъ. Прошло нѣсколько мгновений, показавшихся охотнику вѣчностью... Въ его напряженномъ допелъси мозгу промелькнула панорама цѣлой прошедшей жизни: отчетливо вспомнилъ онъ вдругъ разомъ свое отрочество, самыя мелкія шалости, о которыхъ уже совершенно забылъ и никогда не вспоминалъ, вспомнилъ родительскій домъ, гимназію, морское училище, товарищей... Казалось, передъ его духовными очами вдругъ раскинулась ясная, подробная картина всей истекшей жизни, съ мельчайшими деталями и штрихами... Но вотъ эта картина затмилась такъ же мгновенно, какъ и появилась... Мучительная, страшная мысль опять пронзала голову: „тигръ, тигръ!“ Эта мысль, вмѣсто того, чтобы окончательно парализовать силы охотника, придала ему неожиданное мужество, влила въ него вдругъ ненасытную жажду жизни. Подъ впечатлѣніемъ вновь нахлынувшихъ чувствъ, Петръ Осиповичъ превозмогъ, наконецъ, душевную и физическую слабость, приподнялся на рукахъ и, словно подброшенный, развернувшись вдругъ, стальной пружиной, очутился на первыхъ вѣтвяхъ приземстаго дуба. Занявъ сравнительно безопасную позицію, охотникъ пришелъ въ себя; къ нему возвратилось самообладаніе и онъ началъ разсуждать; полное спокойствіе смѣнило недавнюю панику, исчезнувшую при первомъ сознаніи миновавшей опасности... Петръ Осиповичъ прежде всего потянулся за ружьемъ, прислоненнымъ къ стволу, схватилъ его за дуло и потащилъ къверху. Когда ружье было приподнято уже довольно высоко, оно вдругъ выскользнуло изъ руки, ударилось прикладомъ объ оголившейся корень дуба и переломилось въ шейкѣ приклада. Петръ Осиповичъ оказался, такимъ образомъ, на деревѣ совершенно безоружнымъ, если не считать небольшого охотничьяго ножа, захваченнаго на всякій случай. Не зная, что предпринять, онъ поспѣшилъ подняться на самую вершину дуба, гдѣ чувствовалъ себя въ полной безопасности: ему было хорошо извѣстно, что тигры на деревья не лазаютъ. Затѣмъ онъ сталъ внимательно оглядывать волнующуюся подъ ногами густую, высокую траву, съ цѣлю удостовериться, что причиной его недавняго, неотразимаго страха была, дѣйствительно, грозный хищникъ. Осмотръ окружающей мѣстности продолжался недолго. Зоркій глазъ Петра Осиповича вскорѣ разглядѣлъ, шагахъ въ тридцати отъ дуба, громаднаго тигра, осторожно пробравшагося въ травѣ. Невольная, нервная дрожь охватила опять все существо охотника, только-что избѣгнувшаго смертельной опасности. Хищникъ шелъ лѣвизною, медленною походкою, какъ будто не обращая вниманія на злополучнаго охотника, притаившагося въ листьѣ. Минувавъ дубъ, тигръ, тою же лѣвизною поступью, прошелъ по направленію къ вершинѣ холма, на минуту скрылся въ какой-то выбоинѣ и показался опять, уже значительно дальше. Петръ Осиповичъ, слѣдившій за движеніями хищника съ неослабнымъ, болѣзненнымъ вниманіемъ, началъ радоваться, что тигръ, вѣроятно, не замѣтилъ его и навѣрное уйдетъ въ горы. Радость эта оказалась преждевременною. Хищникъ, пройдя по склону холма около ста шаговъ, остановился, словно въ раздумьи, и затѣмъ, какъ будто на что-то рѣшившись, вдругъ повернулъ и пошелъ обратно къ дубу, сохраняя ту же величественно-лѣвизную поступь. Приблизившись опять шаговъ на тридцать, хищникъ прилегъ въ траву на брюхо и, положивъ громадную, круглую, мохнатую голову на вытянутыя переднія лапы, началъ пристально глядѣть на охотника, невольно затрепетавшаго отъ этого упornaго, жестокаго взгляда. Нахлынувши было надежды на спасеніе исчезнута, какъ дымъ, унесенный налетѣвшимъ вихремъ. Стало очевиднымъ, что голодный звѣрь рѣшилъ не выпускать лакомой добычи и терпѣливо дожидаться, когда намѣченная жертва оставитъ свою недоступную позицію. Хищникъ какъ бы создавалъ погнугу беззащитности этой жертвы: иначе онъ не расположился бы передъ нею такъ смѣло и откровенно.

Положеніе Петра Осиповича было незавидное. Съ трудомъ пристроившись на толстомъ суку, онъ уже черезъ часъ началъ ощущать во всемъ тѣлѣ нестерпимую ломоту; ноги его затекли до такой степени, что почти каждую минуту являлась необходимость разминать ихъ всевозможными гимнастическими упражненіями. Тигръ, между тѣмъ, съ ужасающею рѣшимостью оставался на прежнемъ мѣстѣ, не спуская съ жертвы глазъ, словно желая околдовать ее этимъ пристальнымъ, свирѣпымъ взглядомъ.

Солнце поднялось уже довольно высоко; было около восьми часовъ утра.

„Сейчасъ подымутъ на транспортѣ флагъ“, подумалъ Петръ Осиповичъ, поглядывая на часы.

Эта мысль нѣсколько заняла его, и онъ сталъ относиться къ близкому сѣдству хищника болѣе хладнокровно. Часовыя стрѣлки ползли убійственно медленно, словно испытывали терпѣніе злополучнаго охотника, продолжавшаго внимательно глядѣть на циферблатъ раскрытыхъ часовъ... Вотъ минутная стрѣлка, наконецъ, допала: ровно восемь часовъ!..

— Зѣваютъ, зѣваютъ на транспортѣ, началъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, киняться Петръ Осиповичъ по поводу неаккуратности вахтеннаго начальника, запоздавшаго, по его мнѣнію, подъемомъ флага.

— Уже одна минута девятаго, а они тамъ спятъ, продолжалъ досадовать Петръ Осиповичъ.— Это чортъ знаетъ, что такое!.. Наконецъ-то!.. воскликнулъ онъ удовлетвореннымъ тономъ и сталъ прислушиваться.

Издадека неслись хорошо знакомые, какъ будто бы ободравшіе, звуки рожковъ и глухіе раскаты барабаннаго боя, отчетливо раздававшагося въ чистомъ недвижномъ воздухѣ. Петръ Осиповичъ торжествующе взглянулъ на тигра, словно говоря взоромъ: „на-ко, послушай, я вѣдь не одинъ!“ Но хищникъ отнесся къ этимъ постороннимъ звукамъ, неожиданно нарушившимъ таинственное безмолвіе дѣвственной тайги, съ полнымъ пренебреженіемъ. Онъ даже не пошевелился и продолжалъ лежать въ томъ же наблюдательномъ положеніи. Глаза его были упорно устремлены на охотника, постоянно перемѣщавшагося на дубѣ, чтобы хотя немного размять сильно затекшія конечности...

Солнце, между тѣмъ, поднимавшись еще выше, начало замѣтно припекасть; становилось жарче и жарче. Тигръ, очутившись на солнцепѣ, лѣвизно приподнялся, встряхнулся, словно собака, вышедшая изъ воды, граціозно потянулся, красиво изогнувъ гибкую, полосатую спину, и затѣмъ медленно перешелъ на другое мѣсто, въ тѣнь дуба. Хищникъ улегся на новомъ мѣстѣ опять на брюхо, положилъ морду на лапы и сталъ поглядывать на охотника совершенно такъ же, какъ поглядываетъ иногда кошка на висящую высоко въ кѣткѣ птичку...

Прошло еще около часу времени... Хищникъ закрылъ глаза, отдавшись легкой дремотѣ. Иарѣдка онъ полуоткрывалъ ихъ, взглядывая на жертву и опять замуривалъ ихъ, видимо успокоенный, что лакомая добыча еще не исчезла.

Петръ Осиповичъ, донельзя утомленный продолжительнымъ сидѣніемъ на деревѣ, началъ подумывать, какъ бы пристроиться поудобнѣй: то онъ садился на вѣтвь верхомъ, то становился на ноги, то ложился, прислонившись къ толстому стволу, то опять становился. Съ каждой минутой положеніе его дѣлалось болѣе и болѣе невыносимымъ. Чаще и чаще являлась потребность перемѣститься и размять постоянно затекшіе члены. При всемъ этомъ, вполнѣнный дичью ягташъ до такой степени оттягивалъ плечи, что Петръ Осиповичъ рѣшился наконецъ развязаться съ этою обувью, какъ ни жалко ему было разстаться со своими охотничьими трофеями. Снявъ съ ягташа широкій ремень съ цѣлю устроить изъ послѣдняго петля для поддержки туловища, Петръ Осиповичъ сбросилъ фазановъ съ дерева. Дичь съ шумомъ грохнулась на землю. Задремавшій было тигръ стремительно вскочилъ и однимъ гигантскимъ прыжкомъ очутился возлѣ дуба. Внимательно осматривъ и обнюхавъ упавшій ягташъ, онъ, видимо разочарованный, сердито ударилъ лапой по стволу дерева, причемъ содралъ когтями громадный кусокъ коры. Затѣмъ хищникъ возвратился на свой наблюдательный постъ, гдѣ и улегся опять съ какимъ-то гнѣвнымъ урчаніемъ, словно предупреждая охотника, чтобы тотъ сидѣлъ поспокойнѣй и не смѣливался нарушать сладостную дремоту грознаго хищника.

IV.

Время приближалось къ полудню. Солнце поднялось почти надъ головой и обдавало одиноко стоявшій дубъ снопами жгучихъ лучей. Петръ Осиповичъ, донельзя истомленный, началъ чувствовать первые приступы сильнаго голода.

„На транспортѣ навѣрное уже обѣдаютъ“, мелькнула у него невольная мысль, начавшая съ этого момента давить его, словно кошмаръ. Въ напряженномъ мозгу злополучнаго охотника представилась вдругъ цѣлая картина судоваго обѣда:

Вотъ подали командную пробу... Что за превосходныя щи: жирныя, точно подернутыя янтаремъ, вкусныя, дымящіяся! Щи пробуютъ и хвалятъ... „Встывать къ вину и обѣду!“ раздается громкая команда вахтеннаго начальника... Дудки заливаются соловьями... Петру Осиповичу даже кажется, что онъ отчетливо слышитъ въ отдаленіи этотъ дружный, веселый свистъ боцмановъ и утвери-офицеровъ... Команда степенно пьетъ положенную чарку водки и расаживается на верхней палубѣ вокругъ мѣдныхъ, ярко-вычищенныхъ, баковъ... Офицеры спускаются въ каютъ-компанію. Столъ уже накрытъ. Вѣстовые суетятся и швыряютъ между столомъ и буфетомъ, торопливо подавая всѣмъ превосходный борщъ, любимое кушанье Петра Осиповича. Весело въ каютъ-компаніи: пьютъ, ѣдятъ, бесѣдуютъ и вспоминаютъ, вѣроятно, объ отсутствующемъ товарищѣ, ушедшемъ на охоту съ разсвѣтомъ... Навѣрное вспоминаютъ!.. Вотъ подали чудный ростбифъ... У Петра Осиповича даже слюнки потекли отъ этого воображаемаго, сочнаго, вкуснаго куска мяса, красиво гарнированнаго зару-

Маленький маляръ. Съ карт. Н. Розанова, грав. Рашевскій.

Секретъ. Съ карт. Шмаповекаго, грав. Пуцъ.

мяненным картофелемъ, брюквой и морковью. Тутъ же, на столѣ, салатъ, огурцы, пикли... Боже мой, какъ все это вкусно!.. Наконецъ подали сладкое... Впрочемъ, Петръ Осиповичъ не хочетъ сладкаго... Во рту у него страшно пересохло отъ жажды, а отъ сладкаго, пожалуй, еще больше пить захочется... Вотъ покушали, закурили папирсы, разговорились... Кто пошелъ въ каюту—отдохнуть... „Ахъ, какъ хорошо теперь на транспортѣ!“ чуть не вскрикнулъ Петръ Осиповичъ, опущая въ желудкѣ мучительные спазмы отъ неудовлетвореннаго, сильно разгорѣвшагося аппетита.

Къ этимъ мученіямъ скоро присоединилась сильная страданія отъ жажды. Не зная, какъ утолить ее, Петръ Осиповичъ машинально потянулся къ ближайшей вѣтви, съ цѣлью сорвать нѣсколько листьевъ, но тотчасъ же отказался отъ своего намѣренія. Это движеніе вызвало во всемъ тѣлѣ нестерпимыя болѣзненные ощущенія—результатъ продолжительнаго сидѣнія на деревѣ въ чрезвычайно неудобномъ положеніи. Страшная ломота въ поясницѣ и всей спинѣ не позволяла пошевелиться. Отекшія ноги словно одеревенѣли. Шея казалась свихнутою. Оснившая физическія, невыразимыя страданія, Петръ Осиповичъ кое-какъ приподнялся на сукъ и, весь дрожа отъ нечеловѣческаго напряженія, началъ постепенно разминаться. Отъ этого напряженія на лбу выступили крупныя капли холоднаго пота; но синиѣ, вдоль хребта, пробѣгали лихорадочный ознобъ, несмотря на все усиливавшіяся дневной зной. Съ большимъ трудомъ возобновивъ кровообращеніе, Петръ Осиповичъ съ прежнею машинальною, будто подавленный неотступною, по воле же время неясною, мыслью объ утоленіи жажды, сорвалъ нѣсколько листьевъ, вложилъ въ ротъ и началъ усленно, судорожно жевать. Появилась слюна; мученія отъ жажды какъ будто бы умалились. Пережевывая хорошенько листья, Петръ Осиповичъ проглотилъ ихъ, затѣмъ сорвалъ еще и, совершенно автоматически, началъ ѣсть листья довольно усердно, несмотря на сильную горечь во рту. Подъ руку попались нѣсколько сырыхъ желудей. Петръ Осиповичъ не замедлилъ проглотить и ихъ. Стало немного легче, но крайней мѣрѣ временно...

Тигръ между тѣмъ продолжалъ лежать совершенно недвижно, словно не чувствуя ни жажды, ни голода. Его огромная, мохнатая голова покоилась на переднихъ вытянутыхъ лапахъ... Но вотъ хищникъ лѣзливо приподнялся, потянулся и началъ медленно прогибаться вокругъ дуба, разминая, по видимому, затекшіе отъ продолжительнаго лежанья члены. Проходя ятлать съ дичью, онъ подошелъ къ нему, тщательно обнюхавъ убитыхъ фазановъ и опять отошелъ, видимо не рѣшаясь, несмотря на голодъ, отвѣдать невѣдомой еще пищи. Мелькомъ взглянувъ затѣмъ на притаившагося охотника, тигръ снова улегся въ тѣнь, не выказывая намѣренія оставить свой наблюдательный постъ. Это странное упорство хищника произвело на Петра Осиповича удручающее впечатлѣніе. Онъ началъ сознать полную безвыходность опаснаго положенія. Въ его душу стало вкрадываться неотразимое отчаяніе. Раасчитывать на спасеніе было трудно: только одинъ счастливый случай могъ избавить охотника отъ мучительной гибели. Въ напряженномъ мозгу Петра Осиповича предстала страшная дилемма: или погибнуть отъ голода и жажды, или быть растерзаннымъ свирѣлымъ, голоднымъ хищникомъ... Чтò лучше?! На чтò рѣшиться?.. Высиживать на деревѣ продолжительное время представлялось физически невозможнымъ. Рано или поздно должно же наступить полное изнеможеніе, и тогда... все кончено... Придется сдѣлаться жертвой легкомысленной охоты въ неизвѣстной, дикой глуши.

„Зачѣмъ, зачѣмъ я пошелъ на охоту?! Отчего не влялъ добрымъ совѣтамъ доктора?“ началъ Петръ Осиповичъ терзаться позднимъ раскаяніемъ.

Положеніе его становилось все невыносимѣе и невыносимѣе. Минуты тянулись за минутами съ мучительною медлительностью. Душевное состояніе алополучнаго охотника было тождественно съ душевнымъ состояніемъ приговореннаго къ смерти. Разница заключалась только въ томъ, что преступникъ, наканунѣ смерти, всегда пользуется многими льготами: онъ спитъ, его кормятъ до отвала, поятъ, стараются исполнить каждое желаніе, какъ волю умирающаго, хотя и насильственно. Петръ же Осиповичъ былъ лишенъ даже этого, чисто животнаго, удовлетворенія. Голодный, томимый нестерпимую жаждой, съ каждой минутой усиливавшеюся до жестокихъ страданій, онъ чувствовалъ себя совершенно развитымъ какъ физически, такъ и морально. Глаза его уже давно помутнились. Во всемъ тѣлѣ ощущалась мучительная ломота. Голова, казалось, была сдавлена желѣзными обручами, постепенно суживавшимися и суживавшимся. Страшная боль въ вискахъ и затылкѣ быстро усиливалась. Петръ Осиповичъ сталъ чувствовать полное изнеможеніе, при которомъ паденіе съ дуба было очень возможнымъ, несмотря на приспособленіе, устроенное изъ ягташнаго ремня... Между тѣмъ тигръ не проявлялъ никакого намѣренія удалиться. Онъ, очевидно, рѣшилъ „дождаться“, когда обезсиленная жертва свалится съ дерева. Хищникъ какъ бы сознатель, что это должно скоро случиться, и не желалъ отказаться отъ близкой возможности удовлетворить свой алчный аппетитъ вкуснымъ человѣческимъ мясомъ. Это упорство звѣря ясно

доказывало, что онъ не разъ уже имѣлъ случай лакомиться человѣкомъ, и одинъ видъ этого человѣка распалялъ въ немъ дикіе, кровожадные инстинкты. Хищникъ отлично понималъ, что человѣкъ боится его, и эта боязнь придавала ему необычайную смѣлость. После полудня тигръ сталъ проявлять все большее и большее нетерпѣніе. Онъ не разъ подходилъ къ самому дубу, становился на заднія лапы, словно прикидывая, нельзя-ли снять съ дерева жертву, и рвалъ передними лапами стволъ съ такою силою, что кора летѣла изъ-подъ его могучихъ, страшныхъ когтей большими кусками. Оскаливъ ужасающіе клыки и яростно рывая, хищникъ глядѣлъ при этомъ на охотника такъ злобиво и свирѣло, что тотъ несколько дрогнулъ всѣмъ тѣломъ и закрывалъ глаза, будучи не въ силахъ вынести подавляющій взоръ голоднаго, разъяреннаго звѣря. Въ эти ужасныя минуты Петръ Осиповичъ боялся расшелеваться, опасаясь свалиться съ дерева прямо въ раскрытую пасть хищника. Судорожно цѣпляясь ослабѣвшими руками за вѣтви, онъ мысленно молилъ Бога спасти отъ мучительной смерти, повторяя лишь одно слово, но съ порывомъ такого глубокаго отчаянія, что кровь, казалось, застыла въ жилахъ, тѣло холодѣло, мысли путались...

„Спаси, спаси, спаси!“ твердилъ онъ мысленно, не находя другихъ словъ мольбы и обращенія къ Тому, Кто только Одинъ могъ придти на помощь.

„Спаси!“ молилъ онъ съ невыразимою душевною тоскою.

И вдругъ передъ его неожиданно просвѣтлѣвшими духовными очами раскрылись страницы прошлой жизни, пренеполненной маловѣрія.

— Господи, спаси!.. Спаси!.. вырвался изъ стѣсненной груди Петра Осиповича судорожный, страшный стонъ, въ которомъ одновременно слышались: и мольба, и раскаяніе, и жгучая, душевная тревога... Нѣсколько мгновеній онъ находился въ какомъ-то дивномъ, сладостномъ экстазѣ, и вдругъ изъ помутившихся глазъ неожиданно хлынули слезы, благотворныя, успокаивающія, чудныя. Петръ Осиповичъ словно просвѣтлѣлъ, обновился, очистился. Душа и тѣло его разомъ освѣжились и окрѣпли. Онъ почувствовалъ наплывъ новыхъ силъ, новой энергіи и мужества. Неотразимый ужасъ исчезъ и смѣнился невозможнымъ спокойствіемъ. Петръ Осиповичъ пересталъ томиться; въ немъ воскресла надежда на возможное и скорое спасеніе...

V.

На транспортѣ только-что отобѣдали. Завязалась обычная бесѣда, дружеская, оживленная и разнообразная.

— Что-то нашъ охотникъ не возвращается, замѣтилъ докторъ, уже давно безпокоившійся о своемъ юномъ сожителѣ.

— А когда ушелъ онъ на охоту? полюбопытствовалъ командиръ.

— Въ четыре часа утра, доложилъ сутуловатый лейтенантъ, до сихъ поръ угрюмо молчавшій.—Я стоялъ на вахтѣ...

— Въ четыре часа утра? съ растонявкой повторилъ командиръ.—Теперь уже третій часъ... Прошло безъ малаго полусутокъ... Долгонько же онъ охотится...

— Не случилось-ли съ нимъ чего? съ тревогой проговорилъ докторъ.

— Можетъ быть заблудился въ тайгѣ: вѣдь это вполне возможно для такого новичка, попробовалъ штурманъ объяснить продолжительное отсутствіе Петра Осиповича.

— Могло и хуже случиться, хладнокровно пробурчалъ механикъ.— Въ Находкѣ, вѣдь, не мало тигровъ шатается: на прошлой недѣлѣ одного ману съѣли...

— Вы это отъ кого узнали? недовѣрчиво спросилъ докторъ.

— Здѣшніе сторожа, которые при складахъ находятся, рассказывали... Да это еще не единственный случай: мѣсяцъ тому назадъ крестьянина-охотника растерзали, съ прежнимъ хладнокровіемъ пробурчалъ механикъ, словно говорилъ о съѣденномъ пирожкѣ.

— Этого еще не хватало! съ безпокойствомъ воскликнулъ добрейшій Николай Михайловичъ.— Андрей Ивановичъ, рѣшительно обратился онъ къ старшему офицеру,—надо немедленно послать команду на поиски Петра Осиповича. Пожалуйста, распорядитесь!.. Пошлите людей по числу имѣемыхъ на транспортѣ берданокъ.

— Есть! категорически отвѣтилъ Андрей Ивановичъ и торопливо вышелъ изъ каютъ-команды.

— Я бы желалъ ѣхать съ командой, заявилъ докторъ.

— Позвольте и мнѣ также... И мнѣ! попросились, въ свою очередь, угрюмый лейтенантъ и штурманъ.

— Пожайте, господа, пожайте... Я васъ не держу, любезно согласился командиръ.— Я вполне радѣляю вамъ желаніе развѣдать объ участи товарища...

Не позже какъ черезъ полчаса, отъ борта транспорта отвалилъ неуклюжій, пузатый баркасъ съ сорока матросами, вооруженными винтовками. На баркасѣ же находились: докторъ, угрюмый лейтенантъ и штурманъ, также захватившіе, на всякій случай, по берданкѣ.

— Желая вамъ полного успѣха! крикнулъ командиръ съ мостика вслѣдъ медленно удалявшейся шлюпкѣ.

Солнце уже стало приближаться къ вершинамъ хребта Си-

хотѣ-Алинь, едва спившаго на западѣ, въ прозрачной воздушной дымкѣ. Жара немного спала. Съ моря подул освѣжающій вѣтерокъ и весело заигралъ тяжелыми листьями вѣкового дуба — случайнаго убѣжища злополучнаго охотника. Петръ Осиповичъ востро почувствовалъ, вышелъ изъ своего полубытья и усленно втянулъ полною грудью не прежній, до нельзя раскаленный воздухъ, доводившій его до полнаго очумленія и рѣзавшій до нестерпимой боли пересохшее дыхательное горло, но воздухъ мягкій, благотворный, насыщенный влагою. Прохладный морской вѣтерокъ значительно оживилъ Петра Осиповича, сильно настрадавшагося отъ голода, жгучей жажды и физическихъ мученій, вызванныхъ многочасовымъ пребываніемъ на деревѣ, въ самомъ неудобномъ положеніи. Немного ободрившись, Петръ Осиповичъ поинтересовался: что дѣлаетъ его настойчивый, кровожадный врагъ. Тигръ, убѣдившись, видимо, въ невозможности снять человѣка съ дуба, лежалъ на прежнемъ мѣстѣ. Хищникъ продолжалъ зорко сторожить лакомую добычу, не спуская съ нея глазъ и проливая изумительную настойчивость. Петръ Осиповичъ глядѣлъ на звѣря значительно спокойнѣе. Въ его сердцѣ теплилась надежда, что хищнику не удастся полакомиться его истомленнымъ тѣломъ, что выручка — близко... Прошелъ еще тяжелый часъ; уже солнце коснулось нижнимъ краемъ отдаленной вершины Сихотѣ-Алинь, но надежда, открытая горячей молитвой, не угасала... Вотъ солнце уже скрылось на половину; изъ-за хребта виднѣлась лишь золотая макушка; долины и нади раскрылись, постепенно сгущавшимися тѣнями; ночь близилась, подступала неслышнымъ, быстрыми шагами... Вдругъ, въ прозрачномъ воздухѣ, пронесся издали какой-то неясный шумъ. Черезъ минуту послышался, какъ будто бы, человѣческіе голоса — ближе и ближе. Петръ Осиповичъ внимательно осмотрѣлся. Сердце его затрепетало отъ, разомъ нахлынувшей, почти безумной радости; по склону хребта спускалась къ дубу дѣлая толпа матросовъ; во главѣ шли: докторъ, угрюмый лейтенантъ и штурманъ.

„Меня ищутъ!“ съ восторгомъ подумалъ Петръ Осиповичъ и, совершенно забывъ страшныя физическія страданія, онъ быстро поднялся на ноги, замахалъ платкомъ и прокричалъ сдвоеннымъ, радостнымъ голосомъ:

— Тигръ!.. Тигръ!.. Здѣсь!.. Здѣсь!.. И злополучный охотникъ началъ тыкать рукой въ то мѣсто, гдѣ благодушно продолжалъ лежать хищникъ, нисколько, по видимому, не встревоженный неожиданнымъ, дикимъ крикомъ жертвы.

Эта жертва занимала тигра до такой сильной степени, что онъ, несмотря на свою чуткость, не обратилъ даже вниманія на приближавшуюся толпу людей, разомъ притихшихъ, какъ только они услышали предупредительный крикъ злосчастнаго товарища... Началось интересное скрадыванье безпечнаго хищника. Ползкомъ, прятаясь въ густой травѣ, матросы очень скоро скрали тигра почти на сто шаговъ. Хищникъ лежалъ какъ на ладони, благодаря тому, что лежище его было значительно ниже... Вдругъ тайга огласилась громовымъ залпомъ. Пораженный на смерть, тигръ высоко подпрыгнулъ, словно подъ нимъ мгновенно развернулась стальная могучая пружина, и упалъ на траву, обгряя ее струйками крови, хлеставшей изъ многочисленныхъ ранъ во всѣхъ частяхъ тѣла. Матросы поднялись изъ скрывавшей ихъ травы и съ криками „ура!“ побѣжали къ поверженному хищнику, продолжавшему конвульсивно биться въ предсмертныхъ судорогахъ. Это была настоящая атака!.. Раздался новый залпъ на близкомъ разстояніи и... тигръ недвижно вылинулся на окровавленной травѣ...

Съ большимъ трудомъ сползая Петръ Осиповичъ съ дуба и поналъ прямо въ объятья своего сожителя-доктора.

— Ну, слава Богу, слава Богу, что разыскали васъ невредимымъ! привѣтствовалъ Владиміръ Семеновичъ злополучнаго охотника. — Вѣдь почти шесть часовъ по тайгѣ пробродили: всю по близости обшарили... Такъ и рѣшили уже, что васъ въ дивныхъ мѣстахъ. И вдругъ...

— Увидѣли, подхватилъ весело штурманъ, — что на дубѣ сидитъ кака-то необычайно громадная птица и машетъ крыльями: такъ, по крайней мѣрѣ, показалось, вслѣдствіе близорукости, нашему многоуважаемому Густаву Карловичу.

— Совсѣмъ не такъ дѣло было, вышлася въ разговоръ угрюмый лейтенантъ. — Правда, я подумалъ прежде, что на дубѣ сидитъ орелъ, но тотчасъ же убѣдился въ своей ошибкѣ и своего первоначальнаго предположенія никому не высказывать.

— Не высказывали, а я все-таки отгадалъ, что вы думали, продолжалъ шутить штурманъ. — Вамъ, вѣроятно, неизвѣстно, что я умѣю читать въ чужихъ мысляхъ... Вотъ и теперь, напримеръ, прекрасно знаю, что Петръ Осиповичъ только и думаетъ о томъ, какъ бы выпить скорѣй, да закусить... За этими дѣло не стапегъ: у меня на всякій случай припасено. Не угодно-ли?

И штурманъ подавъ Петру Осиповичу флагу съ виномъ и еще что-то, завернутое въ бумагу.

— Благодарю васъ, господа, благодарю васъ! только и могъ проговорить, сильно взволнованный молодой человѣкъ... Затѣмъ онъ съ жадностью прильнулъ губами къ флагѣ и началъ пить вино, словно воду, большими, торопливыми глотками...

— Довольно, довольно, остановилъ его докторъ, отбиралъ почти опорожненную залпомъ, флагу. — Теперь закусите немного, а затѣмъ пойдете на транспортъ... Тамъ я васъ напою, накормлю и спать уложу...

— Да, пора, поддакнулъ штурманъ. — Ишь, какъ уже стемнѣло!

— Маршъ, молодцы, на транспортъ! крикнулъ Густавъ Карловичъ матросамъ, продолжавшимъ еще копошиться у мертваго тигра.

— Сейчасъ, ваше благородіе, сейчасъ... Позвольте шкуру съ нея снять, попросилъ бравый унтеръ. — Тигра славная!..

— Ну, снимайте, только живѣй! согласился угрюмый лейтенантъ.

— Какой прокъ въ этой шкурѣ: вѣдь, вся дырявая, словно рѣшето! проворчалъ штурманъ, приглядываясь къ энергичной работѣ нѣсколькихъ матросовъ, ловко кромсавшихъ ножами тигровую тушу.

— Все-таки шкура, ваше благородіе, ухмыльнулся унтеръ. — Дырочки-то мы зачинимъ и сбудемъ ее рублевъ за тридцать... Почти по рублю на брата придется!..

Черезъ полчаса, когда уже почти совсѣмъ стемнѣло, всѣ тронулись къ заброшенной колоніи Удѣльнаго вѣдомства.

Петръ Осиповичъ шелъ рядомъ съ докторомъ, продолжавшимъ внимательно ухаживать за своимъ сожителемъ.

— Вѣдь я предупреждалъ васъ, чтобъ вы не ходили одни, началъ ласково укорять Владиміръ Семеновичъ. — Вотъ и наравались на тигра... Хорошо, что все благополучно кончилось!.. Теперь ужъ навѣрное въ другой разъ не рискнете... Эта проклятая охота произвела на васъ, безъ сомнѣнія, самое скверное, тяжелое впечатлѣніе!..

— Нѣтъ, напротивъ, я очень доволенъ всѣмъ случившимся.

— Почему? удивился докторъ, останавливаясь въ недоумѣніи на тропинкѣ и стараясь разглядѣть въ темнотѣ выраженіе лица своего спутника, словно допытываясь: не шутитъ-ли онъ, или не рехнулся-ли вдругъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ продолжительнаго страха и неожиданной затѣмъ радости.

Петръ Осиповичъ смущенно молчалъ.

— Почему? повторилъ свой вопросъ Владиміръ Семеновичъ, продолжая пытливо всматриваться въ лицо спутника.

— Потому... потому, что я позналъ теперь Бога, едва слышно прошепталъ Петръ Осиповичъ.

— Я васъ понимаю, я васъ отлично понимаю! горячо проговорилъ докторъ, крѣпко пожимая руку молодому человѣку.

— Да, действительно! задумчиво прибавилъ онъ, слѣдуя дальше. — Въ тѣ ужасныя часы, которые вамъ довелось провести глазъ на глазъ съ тигромъ, можно было познать Бога...

Къ рисункамъ.

Миасскій заводъ. (Рис. на стр. 709).

Миасскій заводъ расположенъ въ центрѣ золотыхъ приисковъ, на восточномъ склонѣ Южнаго Урала. Названіе „завода“ онъ сохранилъ только въ силу своей исторіи, такъ какъ прежде былъ мѣднсплавильнымъ заводомъ. Въ 1772 г. тульскій купецъ Лугининъ получилъ разрѣшеніе построить здѣсь мѣднсплавильный заводъ; въ началѣ его предпріятіе было оставлено Пугачевскимъ бунтомъ, но въ 1777 году заводъ былъ уже въ ходу и на немъ работало до 400 чел. крѣпостныхъ Лугинина. Послѣ его смерти, наследниками его, заводъ былъ въ 1798 г. проданъ Государственному Ассигнаціонному банку. Во время управленія банка впервые было обращено вниманіе на находимое въ окрестностяхъ золото и устроена была золотопромывальная фабрика. Послѣ этого заводъ перешелъ въ казенное управленіе и съ 1811 г. выплавка мѣди въ немъ была прекращена. Въ настоящее время окружающіе заводъ золотыя прииски арен-

дуются К^о Асташева. Наибольше замѣчательнѣ Александровскій приискъ, въ которомъ золото находится въ видѣ самородковъ, достигающихъ иногда крупныхъ размѣровъ; тамъ были найдены самородковъ болѣе пуда вѣсомъ, другой около двухъ съ половиною пудовъ. Миасскій заводъ — одинъ изъ наиболѣе красивыхъ и многолюдныхъ заводоу на Уралѣ, имѣющій около десяти тысячъ жителей. Населеніе занимается работами на окрестныхъ приискахъ и отчасти хлѣбопашествомъ. Рисункъ представляетъ центръ завода, въ срединѣ видна часть пруда и плотина, налѣво — зданіе главной конторы Миасскихъ приисковъ, направо — домъ управляющаго.

В. Метеновъ.

Добыча золота на сѣверномъ Уралѣ.

(Рис. на стр. 712).

Добыча золотосныхъ песковъ въ руслахъ рѣкъ, на Уралѣ, производится отводомъ теченія, для чего устраиваются

плотины, шлюзы и т. п. дорого стоящаго сооружения. На сѣверномъ Уралѣ есть болѣе дешевый способъ добычи, причѣмъ главная работа представляется полярнымъ морозамъ. Такъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, Пермской губ., въ руслѣ рѣки Ивделя, песокъ добывается посредствомъ такъ-называемыхъ „выморозокъ“. Вдоль рѣки, со льда, подъ которымъ предполагается выработка дна ея, очищается снѣгъ. Затѣмъ во льду рѣки дѣлаются квадратныя углубленія въ два-три ряда съ небольшими промежутками между ними. Ледъ въ этихъ углубленіяхъ не пробиваютъ до воды, а оставляютъ тонкій слой его и выжидаютъ, пока дно углубленій, благодаря морозу, не утолщится. Тогда снова выбираютъ ледъ до тонкаго слоя, послѣ вторичнаго подмерзанія воды ко дну и стѣнкамъ углубленій, ледъ выработывается снова, пока не обнаружится дно рѣки. Послѣ этого выбиваютъ нѣкоторые ненужныя перегородки между углубленіями и производятъ добычу песковъ, иногда весьма богатыхъ содержаніемъ въ нихъ золота. Пока стоятъ морозы, стѣнки выработокъ только утолщаются и работа въ нихъ безопасна—теченіе идетъ стороной, не размывая стѣнокъ; но при недостаточной низкой температурѣ вода размываетъ стѣнки и весь трудъ золотоскателей пропадаетъ даромъ. Рисунокъ представляетъ скалистый берегъ р. Ивделя, въ руслѣ которой начинаютъ дѣлать „выморозки“.

В. Метенновъ.

Макарьевъ-Желтоводскій-Троицкій монастырь.

(Рис. на стр. 712, 713 и 716).

Этотъ древній монастырь, извѣстный также подъ названіемъ *Святотроицкаго-Желтоводскаго*, находится въ Нижегородской губерніи, въ уѣздномъ городѣ Макарьевѣ, на небольшомъ пригоркѣ лѣваго берега р. Волги, которая во время весеннихъ разливовъ окружаетъ обитель сплошнымъ воднымъ пространствомъ и при этомъ сильно размываетъ песчаный грунтъ, на которомъ обитель была нѣкогда построена. Основателемъ обители, въ концѣ XIV вѣка, явился преподобный Макарій—одинъ изъ тѣхъ сильныхъ волю и мужественныхъ подвижниковъ, которые направлялись на охрану Русской земли и всюду стремились дать прочныя основы православію, среди разплеменнаго и еще цетвердаго въ вѣрѣ населенія. Преподобный Макарій самъ былъ сначала инокомъ въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ и жилъ долгое время, какъ пострженникъ и ученикъ Св. Діонісія Суздальскаго. Послѣ кончины своего учителя, вдохновленный его горячею проповѣдью, преподобный Макарій основалъ сначала Богоявленскій-Луховскій на р. Лухѣ (притокѣ р. Клязьмы, въ Костромской губ.), монастырь, затѣмъ удалился на мѣсто, занимаемое Макарьевскою обителью, и здѣсь, на урочищѣ *Желтыя-воды*, основалъ другую обитель, во имя Св. Троицы. Въ началѣ XV вѣка, однакожь, Макарьевская обитель подверглась нападенію татаръ, была ими разорена до основанія и самъ преподобный Макарій былъ взятъ въ плѣнъ. Татары, вскорѣ послѣ того, освободили его изъ плѣна, но подъ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы онъ не возобновлялъ своей Приволжской обители. Опечаленный этимъ, преподобный Макарій удалился на рѣку Унжу (въ Костромской губ.), гдѣ и основалъ третью свою обитель—*Макарьевскій-Унжскій* монастырь. Въ немъ онъ и почилъ отъ трудовъ своихъ (около 1444 г.).

Макарьевскій-Желтоводскій монастырь долго находился въ полномъ запустѣніи—болѣе ста лѣтъ. Въ началѣ XVII вѣка онъ былъ возобновленъ инокомъ Аврааміемъ, однимъ изъ потомковъ Муромскихъ князей. Въ 1667 г. обитель была даже окружена толстою каменною стѣною съ башнями, и эти укрѣпленія сослужили инокамъ добрую службу, такъ какъ обитель могла выдержать довольно продолжительную осаду разбойничьихъ скопищъ Разина и обречь отъ нихъ свои богатства. Изъ дальнѣйшей исторіи обители заслуживаетъ упоминанія тотъ фактъ, что въ царствованіе царя Михаила Феодоровича, въ числѣ послушниковъ Макарьевскаго монастыря находился знаменитый *Никонъ*, впоследствии возведенный въ патриархи Всероссийскіе.

Въ настоящее время, монастырь Макарьевскій, какъ можно видѣть изъ прилагаемаго нами рисунка (см. стр. 720 нынѣшняго № *Нивы*), сохранилъ вполне ту именно вышность, которая была придана ему въ половинѣ XVII вѣка:—тѣ же крѣпкія стѣны и башни съ бойницами отражаются въ волнахъ Волги, и такъ же величаво выступаютъ изъ-за стѣнъ главы церквей и колоколенъ, оттѣненные густою зеленью монастырскаго сада. Всѣхъ храмовъ нынѣ въ монастырѣ шесть; наиболѣе обширнымъ и замѣчательнымъ изъ храмовъ является соборъ Св. Троицы, возобновленный великолѣпно въ 1859 г. послѣ страшнаго бѣдствія, которое постигло это величавое зданіе: въ этомъ году куполъ собора, по неизвѣстной причинѣ, обвалился и засыпалъ всю внутренность храма обломками. При этомъ погибли внутри храма многіе драгоцѣнные остатки старинныя, въ видѣ древняго рѣзнаго иконостаса, рѣзныхъ аналоевъ, иконъ стариннаго письма и т. д. Но, по особому счастью случайности, сохранились превосходныя деревянные рѣзные двери, которыми соборный храмъ Св. Троицы замыкается со стороны притвора. Эти двери рѣшетчатыя—и рѣшетка, составляющая ихъ, вся слагается изъ отдѣльныхъ, четырехъ-

конечныхъ крестовъ, сопоставленныхъ такъ искусно, что промежутки между 4-мя крестами представляются надали почти правильными кругами. Эта красивая, рѣзная и расписная рѣшетка съ задней стороны подложена простой рѣшеткой изъ желѣзныхъ прутьевъ, которая замыкается цѣпью съ висящимъ замкомъ. Мы даемъ изображеніе этой любопытной древности на стр. 720 нынѣшняго № *Нивы*. Наиболѣе новымъ изъ храмовъ монастыря оказывается церковь Михаила Архангела, освященная въ 1887 году. Одинъ изъ рисунковъ нынѣшняго № *Нивы* (см. стр. 717) изображаетъ именно то торжественное шествіе, которое происходило внутри стѣнъ Макарьевскаго монастыря послѣ освященія церкви Михаила Архангела. Рисунокъ, точно и вѣрно воспроизводящій фотографію шествія, снятую съ патуры, живо передаетъ намъ то торжественное настроеніе, которое преобладало въ народномъ множествѣ въ этотъ знаменательный день, когда и садъ и дворъ монастыря, и храмы, и переходы его были залиты огромною толпою молящихся.

Изъ заключеніе очерка замѣтимъ, что около одной изъ стѣнъ Макарьевской обители, неподалеку отъ полуразрушенной рѣзной башни, сохранился также весьма цѣнный остатокъ старинныя, напоминающій объ основателѣ самой обители. Это—громадный, развѣсистый вязъ, уже много вѣкомъ сряду бросающій свою благодатную тѣнь на монастырскія твердыни. Въ монастырѣ сохранилось преданіе, что этотъ вязъ былъ посаженъ нѣкогда руками преподобнаго Макарія и что онъ пережилъ разореніе обители татарами. Всѣ богомольцы, приходящіе въ Макарьевскую обитель, любятъ этимъ чуднымъ и могучимъ деревомъ и очень охотно отдыхаютъ отъ утомленія пути подъ тѣнью его развѣсистыхъ вѣтвей. Это дерево изображено нами съ фотографическаго снимка, въ рисункѣ, помѣщенн. на стр. 716 нынѣшняго № *Нивы*. Въ заключеніе нашего описанія, напомнимъ читателямъ *Нивы*, что память преподобнаго Макарія Желтоводскаго и Унженскаго празднуется нашею Церковью 25-го іюля; а мощи его почіютъ подъ спудомъ въ Унженскомъ Макарьевскомъ монастырѣ.

Тріумфъ Діагора. (Рис. на стр. 717).

Древній грекъ, рядомъ съ умственнымъ образованіемъ; получалъ прекрасное тѣлесное воспитаніе, которое, будучи гармонически и тѣсно соединено съ первымъ, вырабатывало великія и славныя гражданъ. Тѣлесныя упражненія считались обязательными, начинались уже очень рано, а вначалѣ происходили повсюду: на улицахъ, площадяхъ и т. п. Впослѣдствіи появились мѣста, особо приспособленныя для физическаго воспитанія. Систематическія тѣлесныя занятія начинались съ 8-лѣтняго возраста и происходили въ „палестрахъ“. Позже до 20 лѣтъ ими занимались въ „гимназіяхъ“. Тѣлесныя занятія раздѣлялись на упражненія съ гимнастическимъ характеромъ, или „палестрику“, и упражненія съ характеромъ игръ и танцевъ, или „архестрику“. Центромъ первыхъ было пятиборіе или пентатлонъ, куда входили бѣгъ, прыжки, метаніе копья и диска и борьба. Въ опредѣленные промежутки времени происходили состязанія въ тѣлесныхъ упражненіяхъ или игры. На нихъ стекались отовсюду участники и зрители. Объединяя различныя отдѣльныя государства и способствуя ихъ развитію и процвѣтанію, игры имѣли громадное значеніе въ древней Греціи и имъ придавали должное значеніе, почему игры являлись постояннымъ событіемъ. Къ нимъ готовились задолго, побѣдители становились настоящими героями, ими гордились ихъ родина, имъ ставились памятники и ихъ имена прославлялись въ пѣсняхъ. По играмъ вели даже счетъ годамъ. Важнѣйшими играми были Олимпійскія, около храма въ Олимпіи, и были посвящены Зевсу. Кромѣ того, славились игры Писійскія, Истмійскія и Немейскія.

Нашъ рисунокъ изображаетъ чествованіе стараго Діагора, съ острова Родоса, который въ молодости самъ былъ не разъ побѣдителемъ въ играхъ, и два сына котораго однажды оказались также героями въ состязаніяхъ. Возложивъ свои побѣдныя вѣнки на сѣдую голову отца, они съ торжествомъ несутъ его на своихъ сильныхъ плечахъ передъ ликующей толпой. По преданію, старикъ не могъ пережить своей радости и умеръ въ тотъ же день.

Маленькій маляръ. (Рис. на стр. 720).

Встарину первоначальное обученіе живописи начиналось съ того, что изображено на нашемъ рисункѣ: даже великіе мастера заставляли учениковъ своихъ прежде всего растирать краски. Мальчику давали плоскій четвероугольный отполированный камень и такъ-называемый *курantzъ*, коническій камень, которыми и растиралась сухая краска съ масломъ на большомъ камнѣ. Теперь, со введеніемъ въ общее употребленіе готовыхъ масляныхъ красокъ въ жестянакахъ,—растираніе красокъ у художниковъ болѣе не практикуется. Но у маляровъ, особенно захолустныхъ, этотъ способъ приготовленія краски сохранился до сихъ поръ,—и не мало художниковъ, прошедшихъ впоследствии академію, начинали занятіемъ изображеніемъ на картинѣ г. Рованова.

Секретъ.

(Рис. на стр. 721).

Много интереснаго приходится передавать на ушко между молодыми подругами. Талантливый художник уловил самый моментъ такой передачи. Одна изъ товарокъ, тщательно прикрывая ротъ, какъ бы для того чтобы самыя стѣны не услышали, сообщаетъ вѣсть очевидно сенсационную, судя по выраженію лица слушающей. Какъ въ картинѣ, такъ и въ гравюрѣ, кромѣ мимики обоихъ лицъ, превосходно передана тонкая, прозрачная кисея на платѣ.

Генераль - адъютантъ графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ.

(† 2 августа 1891).

(Портр. на этой стр.).

Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ 2-й родился 31 декабря 1795 года. Воспитывался въ корпусѣ Инженеровъ Путей Сообщенія и, за успѣхи въ наукахъ, произведенъ въ прапорщики 11 июня 1812 г., нѣтъ отъ роду

Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ. († 2 августа 1891).
Съ фот. Лихтенберга въ Одессѣ, грав. Шюблеръ.

16 лѣтъ; затѣмъ, согласно желанію, переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи артиллерійскую бригаду. Проходя службу, графъ Строгановъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны въ 1820 г. съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1825 г., въ чинѣ подполковника, графъ Строгановъ находился въ печальномъ мѣстѣ съ выступленіемъ изъ Таганрога тѣла блаженной памяти государя императора Александра Павловича по день привезенія оного въ Петербургъ. Въ 1831 году былъ произведенъ, за отличіе, въ генералъ-майоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества, а въ 1834 году былъ назначенъ товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ и въ томъ же году, 6 декабря, — генераль-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1836 г. повелѣно было ему исправлять должность Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго генераль-губернатора. Въ 1839 году назначенъ былъ управляющимъ министерствомъ Внутрен-

Французскіе моряки въ Москвѣ. Посѣщеніе храма Спасителя. Съ фот. генерала Насвѣтевича, грав. Рашевскій.

нихъ Дѣлъ, при чемъ Высочайше повелѣно было ему присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ. Въ 1840 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты съ оставленіемъ при той же должности, а въ 1841 году, по прошенію, уволенъ отъ управленія министерствомъ, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта, при чемъ получилъ Высочайшій рескриптъ, 23 сентября того же года, съ извѣщеніемъ ему полной признательности Государя Императора за неутомимые труды, коими сопровождалась отличная дѣятельность и полезная его служба. Затѣмъ, исполняя рядъ порученій и назначеній для присутствованія въ разныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, графъ Строгановъ былъ назначенъ въ 1849 году, по Высочайшему повелѣнію, членомъ Государственнаго Совѣта, при чемъ исполнялъ другія должности. Въ 1854 году назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ Петербурга, въ 1855 г.—Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генераль-губернаторомъ. За отличіе по службѣ произведенъ въ генералы-отъ-артиллерию въ 1856 г. Въ 1862 г. отъ должности генераль-губернатора, по прошенію, уволенъ, съ оставленіемъ членомъ Госуд. Совѣта и въ званіи генераль-адъютанта. Въ томъ же году Высочайше дозволено принять поднесенное ему Одесскимъ городскимъ обществомъ наименованіе перваго вѣчнаго гражданина города Одессы. Портретъ его, написанный Н. Д. Кузнецовымъ, виситъ въ залѣ засѣданій Одесской Думы. Въ Одессѣ графа знали всѣ до единаго, и каждый, встрѣчая его на обычной прогулкѣ по бульвару, снималъ шляпу предъ величественнымъ старцемъ.

Боевую службу графъ началъ въ кампаніи 1813 года; послѣ Рейхенбахскаго перемирія находился въ походѣ черезъ Пруссію, Силезію, Богемію, Саксонію и проч. Германскія владѣнія до Рейна и потомъ черезъ княжество Дармштадтское, королевство Виртембергское и проч. до самаго города Парижа; былъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ: августа 14, 15 и 16 въ генеральномъ сраженіи подъ Дрезденомъ, 17 и 18—подъ Кульмомъ, 29-го—подъ Гейльсбергомъ; сентября 5-го подъ Кульмомъ; октября 2-го въ форсированной рекогносцировкѣ подъ

м. Борна; октября 4, 6 и 7 въ генеральномъ сраженіи подъ г. Лейпцигомъ; октября 19-го, при австрійскомъ корпусѣ, въ сраженіи подъ г. Козовъ. Въ 1815 г. былъ вторично въ походѣ противъ французовъ и въ Парижѣ; въ 1831 г., іюля 11, въ сраженіи при Ранціонжѣ; того же года, 24 іюля, находился при стычкѣ съ мятежниками авангарда главной арміи, между Наборовымъ и Баллимовымъ; 25 и 26 августа, того же 1831 года, находился въ сраженіи подъ Варшавою и при взятіи оной. Раненъ и контуженъ не былъ. Имѣлъ ордена: Россійскіе: Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Владимира 1-й степени, Св. Александра Невскаго, брилліантами украшеннаго, Бѣлаго Орла, Св. Анны 1-й и 4-й степени и Св. Георгія 4-го класса, и много иностранныхъ.

Графъ оставилъ значительное состояніе. Въ квартирѣ его оказалось наличными денегъ и цѣнныхъ бумагъ на 3 милл. рублей, кромѣ множества драгоценностей, дорогихъ орденовъ и проч. Далѣе два большія имѣнія и домъ, въ которомъ онъ провелъ послѣдніе годы жизни. Все это графъ завѣщалъ поровну двумъ своимъ внукамъ: супругѣ фангель-адъютанта Шереметева и г-жѣ Родзянко. Всю свою прислугу (до 20 человекъ) графъ обезпечилъ пожизненными пенсіями въ размѣрѣ годоваго жалованья. Громадную бібліотеку графъ принесъ въ даръ Новороссійскому университету.

Французскіе моряки въ Москвѣ. Посѣщеніе храма Спасителя. (Рис. на стр. 725).

Читателямъ извѣстны уже изъ газетъ подробности пребыванія нашихъ дорогихъ гостей въ Первопрестольной столицѣ. Прилагаемый рисунокъ, воспронзведенный съ моментальной фотографіи нашего почтеннаго соотрудника, г. Насвѣтвина, нарочно ѣздившаго въ Москву, — изображаетъ тотъ моментъ, когда французскіе моряки, прибывъ ко храму Спасителя, входятъ на ступени наперѣ среди двухъ силовыхъ стѣнъ пріѣзжающаго ихъ народа.

Политическое обозрѣніе.

Поѣздка Великаго Князя Алексѣя Александровича въ Виппи вызвала среди Французскаго народа новый рядъ сочувственныхъ Россіи манифестацій. Эти взрывы народныхъ смущеній вызвали даже протесты противъ чрезмѣрныхъ увлеченій, утверждавшихъ, будто бы необузданность восторга можетъ уничтожить плоды многолѣтней выдержки и благоразумія. Противъ этихъ сѣтованій возражаетъ *Journal des Débats*, доказывающій, что при данныхъ обстоятельствахъ, порывъ народныхъ чувствъ не могъ выразиться въ сдержанной формѣ и не должно удивляться тому, что воспоминанія о кронштадтскихъ и петербургскихъ событіяхъ откликнулись въ народѣ такъ громко и единодушно. „Нельзя требовать, — говоритъ *Journ. des Débats*, — отъ толпы, сгоравшей нетерпѣніемъ выразить свои чувства Брату Государя Повелителя Русской Земли, безукоризненнаго соблюденія тайны инкогнито. Дипломатическія и вѣнскія дѣла, попятно, не могутъ вернуться на улицы, но съ другой стороны слѣдуетъ имѣть въ виду, что добрыя отношенія между правительствами и народами не могутъ не выражаться, подчасъ, нагляднымъ образомъ въ проявленіяхъ общественнаго мнѣнія и чувства. Послѣ всего, что произошло въ Финскомъ заливѣ и на берегахъ Невы, добавляетъ газета, не подобало бы отрицать умѣренности восторженныхъ кликовъ раздававшихся на берегахъ Сены. Нѣкоторымъ изъ нашихъ публицистовъ скорѣе слѣдовало бы радоваться тому, что восторгъ былъ всенародный, что никакая партія или группа не могла приписать его своему личному почину, и что громъ овалій былъ отголоскомъ сердечныхъ словъ, которыми наши моряки обмѣнялись передъ тѣмъ съ радужно встрѣтившими ихъ хозяевами невискихъ водъ“.

7 августа французская эскадра, во главѣ съ адмираломъ Жерва, прошла Спитгэдъ, обмѣнявшись салютомъ съ английской эскадрой. Рейдъ былъ покрытъ судами съ тысячами зрителей. Сдѣлано все, чтобы здѣшній пріемъ получилъ чрезвычайное значеніе. Королева Викторія пожелаала лично присутствовать на общемъ смотрѣ французскому и английскому флотамъ и приказала приготовить ей парадную яхту „Victoria and Albert“.

Въ Германіи цѣны на хлѣбъ все повышаются, не смотря на утѣренія берлинской оффиціальной газеты *Nord. Allg. Zeitung*, что опасности голода въ Германіи вовсе не существуетъ. Въ Берлинѣ ожидаютъ, что цѣны на ржаной хлѣбъ поднимутся въ непродолжительномъ времени слишкомъ на 90%, а для облегченія подвоза индійской и американской пшеницы, по общему мнѣнію, требуется приостановка дѣйствующей таможенной системы. Въ послѣднемъ засѣданіи совѣта прусскихъ министровъ рѣшено не предлагать пока отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ и держаться выжидательнаго образа дѣйствій. *Имперскій Указатель* сообщаетъ, что вслѣдствіе неблагоприятныхъ видовъ на урожай и запрещенія вывоза русской ржи, правительство рѣшило повизнать, въ видѣ опыта, на казенныхъ же-

лѣзвыхъ дорогахъ тарифы, установленные для перевозки зерноваго хлѣба и мучныхъ продуктовъ. Изъ всего видно, что въ Германіи хлѣбный вопросъ отодвинулъ на задній планъ всѣ злобы дая.

Въ *Правительств. Вѣстн.* помѣщена слѣдующая корреспонденція изъ Пекина: 3 мая толпа китайцевъ произвела нападеніе на обширный католическій храмъ въ гор. Хэ-дзюу, лежащемъ въ 60 верстахъ выше Нанкина, на Янь-цзы-цзянѣ. Благодаря своевременному прибытію отряда войскъ на мѣсто безпорядковъ, съ окружнымъ начальникомъ во главѣ, погромъ ограничился сожженіемъ небольшого домика, и толпа разсѣялась, оставивъ въ рукахъ властей 17 чел. своихъ коноводовъ. Начавшіяся на другой день волненія въ Ань-цинѣ, главномъ городѣ провинціи Ань-хой, были прекращены въ самомъ началѣ мѣстными префектомъ, послѣ того какъ выборные отъ бушевавшей толпы произвели обыскъ въ католической миссіи и не нашли тамъ дѣтей, будто бы похищенныхъ миссіонерами. Потерпѣвъ неудачу въ Хэ-дзюу и Ань-цинѣ, тайное „общество братьевъ-стариковъ“, преслѣдующее антидинастическія цѣли и являющееся главнымъ двигателемъ настоящихъ народныхъ волненій, попыталось произвести безпорядки въ городахъ по нижнему теченію Янь-цзы-цзяна. Такъ, въ Нанкинѣ толпа сожгла школу для дѣвчонокъ, принадлежащую епископальнымъ методистамъ, и была усмирена лишь съ помощью военныхъ командъ. Кромѣ городовъ по Янь-цзы-цзяну, гдѣ народное волненіе выразилось въ формѣ насилій надъ христіанами, появившееся тайное общество распространяетъ и въ другихъ китайскихъ городахъ прокламаціи, приглашающія народъ къ открытому возстанію. Мѣры, принимаемыя провинціальными властями, заключаются въ усиленіи военной охраны мѣстъ, гдѣ произошли безпорядки, и въ наклеякѣ объявленій, въ которыхъ народу напоминаютъ, что христіанская религія учитъ лишь добру, и, подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній, запрещаютъ распространять нелѣпные слухи, имѣющіе цѣлью нарушеніе общественнаго порядка. Центральное правительство, со своей стороны, разослало инструкціи мѣстнымъ властямъ съ приказаніемъ послать въ мѣста безпорядковъ войска, и чиновниковъ для разслѣдованія, а также подвергать аресту и наказывать виновниковъ производимыхъ насилій. 24 мая, толпы народа предали пламени и разрушенію христіанскій храмъ въ посадѣ Усюе, находящемся въ 30 миляхъ отъ открытаго для иностранной торговли порта Цяо-цзяна (Кью-кянга) на Янь-цзы-цзянѣ, причѣмъ были убиты двое европейцевъ—английскій миссіонеръ и главный таможенный досмотрщикъ; двое китайскихъ чиновниковъ, пытавшихся образумить бушующую толпу, были тяжело ранены. Вслѣдъ затѣмъ, такому же погрому подверглись католическія учрежденія въ уѣздномъ городѣ У-си. Европейское населеніе Цяо-цзяна, У-чана и Ханькоу также находится въ страхѣ за свою безопасность, вслѣдствіе анонимныхъ угрозъ, распространяемыхъ въ этихъ горо-

дахъ. Получивъ донесенія хугуанскаго генераль-губернатора Чжанъ-чжи-дуна, обрисовавшаго яркими красками всю серьезность положенія дѣла, китайское правительство рѣшилось принять болѣе энергичныя мѣры къ подавленію готовяго повсемѣстно вспыхнуть мятежа, и въ *Правительственной Газетѣ* появился указъ Богдыхана, которымъ признается высоко-нравственный характеръ христіанской религіи и подтверждается право ея на легальное существованіе въ Китаѣ. Вместе съ тѣмъ, повелѣвается охранять личную и имущественную безопасность европейцевъ. Россійскій повѣренный въ дѣлахъ вызвалъ изъ Владивостока двѣ каюперскія лодки для ностоннаго крейсированія въ водахъ Янъ-цзы-цзына. Французскій и англійскій посланники потребовали отъ Пекинскаго правительства 6.500,000 талей вознагражденія. Въ такомъ же духѣ дѣйствуютъ представители Германіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, угрожая, въ случаѣ неудовлетворенія, экзекуцію.

СМѢСЬ.

Сназаніе, послужившее мотивомъ стихотворенія Шиллера „Перчатка“, имѣетъ въ Испаніи слѣдующій вариантъ. Лишь только пер-

чатка упала съ балкона, донъ Манюэль обнажилъ шпагу, обернулъ руку плащомъ и бросился на дворъ, гдѣ находились львы. Львы не тронулись съ мѣста, онъ поднялъ перчатку и принесъ ее дамѣ. Но подавая перчатку, онъ далъ дамѣ пощечину со словами: „возьми и ради дрянной перчатки не играй жизнью храбрыхъ дворянъ“. Затѣмъ донъ Манюэль объявилъ, что готовъ дать удовлетвореніе любому защитнику оскорбленной дамы. Но донна Анна спокойно перенесла пощечину, сказавъ, что дальнѣйшихъ доказательствъ его храбрости не требуется; она знаетъ, насколько храбръ донъ Манюэль и что ей завѣтно мечтой было имѣть храбраго мужа, который умѣетъ при случаѣ наказывать жену. Тронутый необычайною покорностью дамы и восхищенный ея лонкимъ отвѣтомъ, донъ Манюэль тотчасъ же предложилъ ей руку и сердце. (к.)

Америка, какъ великая потребительница. По словамъ *Boston Journal*, Америка, несмотря на то, что количество ея населенія составляетъ приблизительно только двадцатую часть населенія всего земнаго шара, потребляетъ 28% всего производимаго во всемъ свѣтѣ сахару, 30% всего производимаго кофе, почти треть всемірнаго производства желѣза, около трети производства стали и мѣди, болѣе четверти всего приготавлиаемаго хлопка и шерсти, треть всей выдаваемой резины, болѣе половины всего олова и 40% всего каменнаго угля, добываемаго изъ копей всего свѣта. (х.)

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

При этомъ № разсылаются Г.г. подписчикамъ 3-й и 4-й томы полнаго собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова, сброшюрованные въ одну книгу, составляющую „Сборникъ Нивы“ за СЕНТЯВРЬ МѢСЯЦЪ.

Во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній, сообщаемъ къ свѣдѣнію Г.г. подписчиковъ, что СЛѢДУЮЩАЯ, ОКТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА „Сборника Нивы“, будетъ разослана имъ при первомъ октябрьскомъ №. (т. е. №. 40) „НИВЫ“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ г. многогородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Г.г. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Корень зла. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. П. Н. Погого. Ч. III. (Продолженіе).— Полудень на деревѣ. Разсказъ изъ жизни на далекомъ Востокѣ. А. Я. Максимова. (Окончаніе).— Къ рисункамъ: Мласснй заводъ (съ

рис.).— Добыча золота на сѣверномъ Уралѣ (съ рис.).— Манарьевъ-Желтоводскій Троицкій монастырь (съ 3 рис.).— Триумфъ Дягора (съ рис.).— Маленькій мальръ (съ рис.).— Секретъ (съ рис.).— Генералъ-адъютантъ графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ († 2 августа 1891 г.) (съ портр.).— Французскіе моряки въ Москвѣ. Посѣщеніе храма Спасителя (съ рис.).— Полития. обзоръіе. — Смѣсь. — Нашимъ подписчикамъ. — О перемѣнѣ адреса. — Объясненія. — При этомъ № разсылаются 3 и 4 т. полн. собран. сочин. М. Ю. Лермонтова (Сборникъ „Нивы“ за Сентябрь).

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться писемно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59-57, соб. домъ.

за 30 коп. ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ высылаются фокусныя карты съ объясненіемъ и съ иллюстрац. преіесъ-курпантомъ съ разными НОВОСТЯМИ. С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. 18, кв. 120. Мастерская игръ и фокусовъ

А. МЕЛАМЕДЪ.
Торговцамъ выгодная уступка.

Schlesischer Obersalzbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ принимаемый съ 1801 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ бесплатно: Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЛЬ**, Зальцбруннъ, въ Силезіи.

10-7 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5152

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова:

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ и ЮГѢ

А. БРЭМА.

Дополненіе къ его сочиненію „Жизни животныхъ“. Съ 13 рисунками и портретомъ автора. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Корочевскаго. Цѣна 2 руб. М. № 5294

ИСУСЪ

(сынъ Навина) Повѣствованіе изъ библейск. времёнъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА**. Перев. съ нѣм. съ 58-ю грав. въ текстѣ, по рис. художн. **А. Земцова**. С.-Петербургъ, 1890 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 20 коп.

ЛЮБИМЦЫ и РОЗНИЦЫ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 К. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ШОКОЛАТЪ

ФАБРИКИ „ЕСТУИКО“

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ: НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССІИ. ОТЪ ПОДРАЖАНІЯ НАШЕЙ МАРКИ.

Главный складъ: Спасская улица, собств. А. № 27.

Фабрика усоверш. металл. товариществъ станковъ **А. СКАВРОНСКАГО**. СПб., Гродненскій пер., собств. домъ, № 6. Преіесъ-курпантъ за 14 коп. марку.

ДЛЯ РАЗЪЯСНЕНІЯ!

На многіе поступающіе къ намъ запросы относительно терапевтическаго значенія известнаго въ медицинѣ съ 1801 г., нами разсылаемаго

Oberbrunnen ЗАЛЬЦБРУННА,

въ сравненіи съ минеральною водою тамъ же протекающаго источника „Kronenquelle“, часто смѣшиваемой съ нашимъ источникомъ, — мы считаемъ наилучшимъ отвѣтомъ, помѣстивъ ниже **СРАВНИТЕЛЬНОЕ СОПОСТАВЛЕНІЕ** важнѣйшаго состава частей обоихъ источниковъ по анализамъ профессоровъ: **FRESENIUS и POLECK.**

1.000 частей содержатъ (въ безводномъ видѣ):	Двууглекислаго натра.	Двууглекислой литины.	Двууглекислой магнезіи.	Сѣрнокислаго натра.
OBERBRUNNEN	2,152	0,013	0,474	0,459
Kronenquelle	0,779	0,009	0,354	0,180

Главнѣйшія составныя части въ обоихъ источникахъ — двууглекислый и сѣрнокислый натръ; содержаніе **ОБЕРБРУННА** почти въ три раза богаче, чѣмъ „Kronenquelle“ (по вышеприведеннымъ даннымъ), т. е. пациентъ долженъ выпить **ТРИ БУТЫЛКИ „KRONENQUELLE“**, чтобы усвоить количество важнѣйшихъ составныхъ частей, заключающихся въ **ОДНОЙ БУТЫЛКѢ „OBERBRUNNEN“**. Тамъ же и содержаніемъ литины Обербрунненъ богаче. № 5254 2-2

Разсылка княжеск. минеральн. водъ въ **Оберъ-Зальцбруннъ, Фурбахъ и Стриболль.**

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

У. № 4754 28 - 29

„МАЛЫЙ ВЕЛИКАНЪ“,
новая америк. сложная молотилка; первая
общеизвестная, доставляющ. одновременно
со сложной совершенно отсортиро-
ванное чистое зерно. Цѣна 385 руб.

Кромѣ того
большой вы-
боръ всяка-
го рода на-
сосовъ, по-
жарныхъ
трубъ и зем-
ледѣльче-
скихъ машинъ повѣшенныхъ съест.

Иллюстрир. каталогъ за 7 коп. марку.
№ 5266 ДѢЛО МАШИНЪ 4-4
ФРАНЦЪ ФЕОД. УРЛАУБЪ
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 лянѣ, № 2.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ
В. № 5098 АППАРАТЫ 20-20

10, 15, 25 р. и дороже.
Полный наборъ и само-
учитель. Пространный
роскошно иллюстрир.
прейс-куръ бесплатно.
К. И. ФРЕЛАНДТЪ.
Москва, Мясницкая,
улицъ Кривокозьянова
пер., д. Соколова.
С.-Петербургъ, Невскій пр. № 30-16.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Специалистъ хронометровъ.
СПбурѣ, Невскій пр., № 52
прот. Им. Публ. Библиотеки.
Отпускаетъ и розничн. продажа.
Подробный иллюстрирован-
ный прейс-куръ высылается по встре-
бованію бесплатно. Пересылка на счетъ ма-
газина. Ручательство на 2 года. № 5182 20-9

НОВАЯ КНИГА:
ВЕЛОСИПЕДЪ
Теорія и практика. Опытъ руководства для
любителей и любительницъ велосипедовъ и
военно-велосипедныхъ командъ. Составили
Г. Сансъ и Н. Романовичъ. Съ 13-ю та-
блицами рисунковъ отвечающими въ Лейп-
цигѣ. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 20 к. Складъ
В. А. Березовскаго, С.-Петербургъ, Коло-
кольная, 14. Мт. № 5291

ШУЖЕ БОЛѢЕ 100,000 шт. ВЪ УПОТРЕ-
БЛЕНІИ!!!
Универсальная машинка для быстрой и
красивой прически дамскихъ волосъ, по
последней модѣ (безъ посторонней по-
мощи). № 5295
Цѣна съ укупоркою и пересылкою во
всѣ города 2 р.
Адресъ: А. Граге, Москва, Неглинный
пробѣздъ, д. № 15, кв. № 3.

МАССА БЛАГОДАР. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ:
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
иногороднихъ и московскихъ
ПОСРЕДСТ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
вводѣнъ замѣняющихъ устное препода-
ваніе. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
Преподаватель коммерческихъ наукъ
С. Я. ДИЛЛЕНТАЛЬ.
ПОЛН. ГАРАНТІИ УСПѢХА. * ПРЕПОДАТЕЛЬ ПО ПОДР. РАМ.
УДОБНОСТЬ ПРОФ. * МОСКВА * ВЫСЛАНАТОСЪ
НЫМЪ ЛЕКЦІИ * БЕЗПЛАТНО.
Долгоруковская улица, д. Финогеновой. (3)

НАСТОЯЩЕ
ВЕЛОСИПЕДЫ **ВИФЪ**
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 лянѣ, № 2.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНИЙ
издателемъ журнала „Нива“ напечатано въ небольшомъ количе-
ствѣ экземпляровъ (всего 500)
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,
подъ редакціей А. И. Введенскаго, печатанное
на лучшей голландской слоновою бумагѣ.
Сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ, при чемъ всѣ экземпляры
этого изданія перенумерованы отъ № 1 по 500.
Для того чтобы сдѣлать книгу по стоимости доступною наиболее
обширному кругу любителей роскошныхъ изданій, цѣна за нее на-
значена возможно низка, а именно **5 руб.** Въ четырехъ ко-
ленкоровыхъ переплетѣхъ, съ кожаными корешками и изящнымъ
тисненіемъ золотомъ — **7 руб.** Гг. инородные благоволятъ
прилагать, сверхъ стоимости, на пересылку по 1 р. за каждый экз.
Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ кон-
тору журнала „Нива“, Невскій, 6.

НОВОСТИ
МЕХАНИЧЕСКОЕ
ПИАНИНО
заграничной работы, новѣй-
шей конструкціи.
Можно играть не только какъ
на обыкновенномъ пианино, но
также отлично исполнять всѣ
танцы и концерты ялесм по-
средствомъ верчения ручки.
Цѣна безъ нотъ 600 руб.
Ноты по 1 руб. 25 коп. за
каждый метръ (=1½ аршина).
Юлій Генрихъ
ДИММЕРМАНЪ.
Главное дело музыкальныхъ
инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская,
№ 34 и 40. Москва, Кузнец-
кій мостъ, д. Захарьяна.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКУРТЪ И/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЬ“.
Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велоси-
педы для взрослыхъ и дѣтей, также съ рези-
ной „Юмемъ“ (подушка) и „инвентивской“.
Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ
за 10 пфен. марками. Ц. № 5189 18-15

ДИСКОП
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ТОВАРИЩЕСТВО
СПБ. МЕХАН. ПРОИЗВ. ОБУВИ.
НѢКОТОРЫЕ
торговцы обувью жалуются, что при про-
дажѣ наша обувь приносятъ имъ слиш-
комъ малую пользу, опираясь на то, что
наша обувь слишкомъ прочна и слѣдова-
тельно не скоро изнашивается, а публика
затрудняется платить немного дороже хо-
та бы и за хорошей товаръ. Вслѣдствіе
же этого мы не станемъ производить худ-
шую обувь, чтобы сдѣлать ее
еще болѣе дешевою, но обра-
щаемся къ гг. предпочтѣю-
щимъ хорошую обувь, не жа-
леть маленькаго изливка въ
расходахъ на нее и приобрѣ-
тать обувь нашего произ-
водства.

№ 5293 12-3

ШОКОЛАДЪ
ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА
ЖОРЖЪ БОРМАНЪ
удостоенный на многихъ международныхъ
выставкахъ высшихъ наградъ,
продается во всѣхъ городахъ имперіи.

ВОЛЫШАЯ Ц. № 5293
БЕРЕЖЛИВОСТЬ
4 стакана отборной содовой воды стоить
около 2 хъ коп. Патентованные аппараты
для точнаго домашней выдѣлки содовой
воды, лимонада и муссирующаго вина, шу-
ка 5 руб., кромѣ пересылки. Контора В. Лан-
ды, Варшана, ул. Лешно, 53. Нужны Агенты.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА ВЪ ВѢНѢ
изъ ГРЕЦКИХЪ ОРѢ-
ХОВЪ.
Безвредное средство
для быстрого окраши-
ванія волосъ и боро-
ды въ черной, русой,
темно- и сѣнто-каштан-
новый цвѣтъ. 16-16
Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс.
Главный складъ для Россіи у В. Ауринъ
въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ВЫИГРЫШНЫЕ
билеты и Дворанские з. л. съ задат-
комъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р.
Выигрѣть со дня задатка принад-
леж. покупателю Проц. уменьш. съ
доходомъ.
2-го СЕНТЯБРЯ
с. г. тиражъ II займа.
Оплата выигрѣшей и купоновъ въ
Государств. Банкъ. Невыигрѣшіе
билеты и закл. листы **НЕ** терять
своей цѣны.
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПб.
№ 5271 5-4

„ИДІАЛЬ“
ЧЕРНИЛЬНИЦА
Практично! Ново!
Дешевѣ! Красиво!
Соединяетъ въ себѣ всѣ
преимущества идеаль-
ной чернильницы — перо
не тунится, нельзя дѣлать клѣсокъ, очень
экономна, легко чистится. Привил. Осмартъ.
Маленькая. 1 р. 50 к. Большая. 2 р. Перес. 2 ф.
Лучшее перо для конторы, школы и дома это
ПЕРО № 1000. Ищется въ 3 тол-
щинахъ: Е. Ф., Ф. и
М. Гроссъ (144 штукъ) 1 р. 25 к. (6-4)
Переслать наложеннымъ платженіемъ.
С.-Петербургъ,
БАЗАРЪ МАРКЪ Невск. по. № 20.

ШИШУЦАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
Ишетъ въ 3 раза
быстрѣе пера. Чисто-
та, четкость красота.
Введена во всѣхъ
Министерствахъ и
мног. правительствъ
и частныхъ учрежд.
Преис-куръ, содерж. многочисленн.
отзывы отъ Правительства и другихъ учре-
жденій, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

XXII г.
№ 34

г. XXII
1891

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖС. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдавъ 24 августа 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 fr. для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыл приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже бышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями, Сборникомъ, Полнымъ собраніемъ сочиненій М. Ю. Лермонтова и пр.

Соловецкій монастырь. Общій видъ. Съ фот. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.

ПРОЛОГЪ.

Лѣтъ тридцать съ небольшимъ тому назадъ въ Петербургѣ появилась удивительная красавица, заставившая говорить о себѣ чуть не весь городъ.

Появилась она въ первый разъ въ итальянской оперѣ, въ ложѣ извѣстнаго въ то время банкира.

Ложа эта была абонирована, и всѣ привыкли видѣть въ ней только трехъ лицъ: на первомъ планѣ — толстую, распыльшуюся фizioномію жены банкира, полузаслоненную громаднымъ розовымъ вѣеромъ, съ прическою, буквально осыпанною сверкающими брилліантами; рядомъ съ нею тщедушную, лимфатическую дѣвицу лѣтъ семнадцати—ея дочь, одѣтую, въ противоположность маменькѣ, особенно просто, даже бѣдно, — и сзади, въ глубинѣ ложи, фигуру отца семейства, напоминающую туповатаго, откормленнаго оберъ-кельпера въ гостиницѣ не перваго разбора... И вотъ, въ этой-то ложѣ, куда уже давно не направлялся ни одинъ бинокль, появилось четвертое лицо, сразу замѣченное и сразу же оцѣненное по достоинству.

Это была женщина высокая, стройная, съ тонкою таліей и прекраснымъ бюстомъ. Какъ овальное лицо ея, такъ и умѣренно открытыя шея и плечи поражали наблюдателя своею необыкновенною бѣлизною. Знатки ни на минуту не сомнѣвались, что эта бѣлизна не происходила отъ косметиковъ, но она также не была и слѣдствіемъ какого-нибудь болѣзненнаго состоянія; выраженіе лица, грація и сила въ движеніяхъ красавицы и впоследствии, когда услышали ея и полный силы звучно-гармоническій голосъ, — все это говорило въ пользу ея здоровья, далеко недюжиннаго.

Первое, что обращало на себя вниманіе—это высокій, умный лобъ, не закрытый, какъ у другихъ, прическою, а прелестно, словно у головы Юноны, обрамленный двумя роскошными волнами золотистыхъ волосъ; затѣмъ—глаза красавицы, то полузакрытыя темными, длинными рѣсницами, словно дремлющія, то вдругъ загорающіяся особеннымъ, глубокимъ блескомъ. Выраженіе этого прекраснаго лица было задумчиво-безстрастно и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно женственно; но чуткій къ неземной красотѣ художникъ не рѣшился бы писать съ нея Мадонну: иныя мысли тревожили бы его творческій духъ, и сильнѣе, чѣмъ нужно, билось бы сердце при созерцаніи этой модели.

Да, незнакомка была такъ хороша собою, что не прошло и недѣли съ перваго ея появленія въ ложѣ банкира, какъ уже весь Петербургъ заговорилъ о новой красавицѣ, встревожившей у всѣхъ самое жгучее любопытство.

Кто и что она?

Вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ, впрочемъ, скоро и просто. Знакомые банкира, бывавшіе у него въ домѣ, не могли не знать, что почтенный биржевой тузъ очень недавно возвратился изъ Лондона, гдѣ былъ со всею своею семьею, — что именно оттуда привезъ онъ эту дѣвицу, Агнесу Блэквудъ, круглую сироту, особу превосходно образованную, знающую музыку весьма основательно, воспитанную какъ только могутъ воспитывать въ хорошихъ англійскихъ семьяхъ, а посему вполне надежную компаньонку своей дочери—Эллисъ. Вотъ и все, что могли узнать любопытствующіе непосредственно отъ банкира и членовъ его семьи. Но этого имъ казалось мало. Всѣ эти данныя были слишкомъ просты и обыкновенны для такой необыкновенной особы, какова была Агнеса Блэквудъ.

Дѣвица Эллисъ выѣзжала на балы и вечера къ знакомымъ всегда въ сопровожденіи своей мамы, но не новой компаньонки; исключеніе въ этомъ случаѣ со-

ставляла только опера, но заходившихъ въ ложу банкира не знакомили съ Агнесой Блэквудъ. На вечерахъ и даже большихъ балахъ въ домѣ банкира красавица-англичанка появилась только разъ, но исключительное вниманіе, оказанное чужестранкѣ посетителями, кажется, не понравилось хозяйкѣ — и съ этого дня Агнеса Блэквудъ при гостяхъ въ залахъ не показывалась болѣе.

Все это казалось страннымъ, невольнo вызывающимъ всевозможные толки... Злые языки говорили, что между самимъ банкиромъ и его супругою отношенія измѣнились къ худшему.

Но вѣдь отъ злыхъ языковъ уберечься невозможно.

Въ Петербургѣ въ то время жилъ очень богатый баринъ, отставной генералъ, Николай Сергѣевичъ Рубанъ-Опальный. Получивъ блестящее свѣтское образованіе, обладая сильными связями, Николай Сергѣевичъ скоро выдвинулся впередъ и генеральскіе эполеты надѣлъ очень рано.

Крайне самолюбивый, нетерпящій подчиненія, служившій, что называется, только изъ чести, — онъ въ одно прегрѣсное утро, кѣмъ-то или чѣмъ-то обиженный, подалъ въ отставку и облекся въ черный сюртукъ штатскаго покроя.

Онъ былъ молодцовато-красивъ, веселъ, остроуменъ, богатъ... Что-же нужно болѣе, чтобы быть баловнемъ судьбы и общимъ любимцемъ. Маменьки и папеньки, имѣющіе дочерей-невѣсты, не спускали съ него глазъ; холостяки, старые и молодые, относились къ нему съ подобострастнымъ уваженіемъ; сановники баловали и упрекали, но очень ласково, за то, что бросилъ службу и лишилъ ихъ возможности тянуть его на высшія іерархическія ступени, сами, впрочемъ, втайнѣ завидуя его положенію, — спокойному, обеспеченному и свободному, какъ воздухъ.

А жилось Николаю Сергѣевичу не дурно.

Самъ онъ, не замѣчая какъ это случилось, протянулъ до сорока лѣтъ холостякомъ, спасшись отъ соблазнительныхъ узъ Гименея... Самъ онъ не помнилъ, былъ-ли онъ хоть разъ влюбленъ, — кажется, былъ, — но это случилось такъ давно, еще до офицерскихъ эполетъ — и давно уже кануло въ вѣчность... Теперь уже какъ будто и поздно было думать о бракѣ: Николай Сергѣевичъ и не думалъ... Хотя за него, не смотря на довольно зрѣлый возрастъ, думали еще многіе. Въ числѣ этихъ думающихъ были и банкиръ со своею супругою.

Интересный холостякъ, впрочемъ, не очень тяготился своимъ одиночествомъ. У него былъ роскошный домъ-музей въ одной изъ лучшихъ улицъ Литейной части, превосходный поваръ — французъ, старшій конюхъ-англичанинъ, титулуемый даже шталмейстеромъ, — и жилъ Николай Сергѣевичъ довольно открыто. По четвергамъ обѣды на сорокъ приборовъ; ежедневно — не болѣе девяти: это почему-то считается поварами максимальнымъ числомъ для тонкаго обѣда высшей кулинарной школы. Въ карты генералъ не игралъ вовсе, терпѣть даже не могъ ихъ и потому не посѣщалъ клубовъ. Единственною страстью его была охота, и въ его кабинетѣ, въ роскошныхъ шкапахъ, хранился цѣлый арсеналъ дорогаго оружія. Кромѣ того, онъ поощрялъ балетъ, но умѣренно, не дѣлая, впрочемъ, особенныхъ различій между его звѣздами.

И вотъ, этотъ-то баловень судьбы, страстно относящійся только къ лошадямъ, собакамъ и оружію, заинтересовался, и очень серьезно, таинственною англичанкой.

Сначала онъ началъ, нѣсколько чаще чѣмъ слѣдуетъ,

посѣщать домъ банкира; тамъ, конечно, были этому очень рады, перетолковавъ эти посѣщенія по-своему. Но вышло такъ, что интересная миссъ Блэквудъ не показывалась, а менѣе интересная дѣвица Эллисъ показывалась слишкомъ уже назойливо.

Наконецъ, эта назойливость приняла такой оборотъ, что Николаю Сергѣевичу пришлось отказаться отъ такого пути сближенія съ Агнесою Блэквудъ.

Это его стало замѣтно раздражать и подстрекать на большую настойчивость. Нашлись близкіе пріатели, замѣтившіе это увлеченіе Николая Сергѣевича, — и до его ушей стали долетать иногда весьма остроумныя, чаще же довольно пошловатыя шутки.

Въ числѣ знакомыхъ Рубанъ-Опальнаго были кое-кто изъ членовъ англійскаго посольства; тамъ онъ узналъ, что отцомъ красавицы былъ майоръ Блэквудъ, убитый въ Индіи во время послѣдняго возстанія, то есть очень недавно; болѣе же — ровно ничего. А когда Николай Сергѣевичъ, рискуя сдѣлать крупную безтактность, обратился съ разспросами къ хозяйкамъ дома, то получилъ отвѣтъ сухой и крайне уклончивый.

— Вы знаете, что мой мужъ очень добръ, сообщила банкирша, — онъ, несмотря на свои занятія исключительно только съ сухими цифрами, сохранилъ нѣжное, истинно христіанское сердце. Это была случайная встрѣча... бѣдная сирота... Вы понимаете?..

— Несчастная дѣвушка, поддержалъ банкиръ, но былъ остановленъ выразительнымъ взглядомъ своей супруги.

И вотъ однажды Николай Сергѣевичъ рѣшился на безтактность еще болѣе крупную. Владѣя англійскимъ языкомъ, онъ написалъ самой Агнесѣ Блэквудъ. Содержаніе письма было слѣдующее.

Прежде всего онъ отрекомендовался обстоятельно и подробно, затѣмъ просилъ прощенія за свою дерзость, далѣе объяснилъ причины, вызвавшія его на такую безтактность, — и тутъ же выразилъ свое пламенное желаніе быть ей полезнымъ. Подъ конецъ онъ просилъ миссъ Блэквудъ указать ему способъ, если не сближенія, то, по крайней мѣрѣ, знакомства и возможности лично высказаться.

Какъ ни скрывалъ при этомъ свои чувства авторъ письма, какъ ни занятъ былъ мыслью не допустить ничего могущаго оскорбить строгую пуританку, — онъ предполагалъ ее именно такою, — но тѣмъ не менѣе истинное чувство сквозило сквозь строки, змѣнилось между словъ и придавало письму теплый колоритъ, дышавшій хотя можетъ-быть и братскою, но все-таки — любовью.

„Она, очевидно, несчастна въ этой несимпатичной семьѣ и, конечно, изъ-за куска хлѣба“, рѣшилъ про себя Николай Сергѣевичъ и остановился на этомъ рѣшеніи.

Отправивъ письмо, съ особыми предосторожностями, дабы оно не миновало должныхъ рукъ, Рубанъ-Опальный испытывалъ необыкновенное волненіе и даже сожалѣлъ, что сдѣлалъ такую глупость, достойную развѣ неопытнаго, влюбленнаго юнкера... и вдругъ почему-то убѣдился, что письмо останется безо всякаго отвѣта.

Но отвѣтъ былъ полученъ и даже сравнительно скоро.

„Глубоко тронута вашимъ вниманіемъ ко мнѣ, писала Агнеса Блэквудъ. — Письмо ваше проникнуто чувствомъ искренняго и вполнѣ чистаго участія. Благодаря добротѣ мистера Зильбервельтъ (имя банкира) и его уважаемой супруги, я ни въ чемъ не нуждаюсь. Что же касается болѣе близкаго знакомства съ вами, то боюсь, что оно не доставитъ особаго интереса такому блестящему представителю высшаго русскаго общества, а потому предоставляю это знакомство возможной случайности, но не беру ее сама устраивать“.

Подписано просто: „Агнеса Блэквудъ.“

Николай Сергѣевичъ былъ очень не въ духѣ, полу-

чивъ и прочитавъ это письмо. Въ тотъ же день онъ уѣхалъ на охоту, предполагая пробыть въ Новгородской губерніи всю недѣлю.

„Нѣтъ, надо провѣтриться, рѣшилъ онъ, — чтобы не надѣлать еще большихъ глупостей.“

Но рѣшеніе свое не привелъ онъ въ исполненіе: охота заняла его менѣе, чѣмъ всегда. Поваливъ на берлогѣ перваго медвѣдя, онъ неожиданно вернулся въ Петербургъ, вспомнивъ, что это день его абонемента въ оперу.

Увы! въ ложѣ банкира на этотъ разъ были только три лица — именно желаннаго, четвертаго, не оказалось.

Едва досидѣвъ первый актъ, Николай Сергѣевичъ вышелъ изъ театра, отыскавъ Кузьму и своего вороного рысака и покатылъ домой. Вдругъ, не дожидая до поворота въ Мѣщанскую, онъ крикнулъ кучеру: „стой!“ — и стремительно выскочилъ изъ саней.

По тротуару шла женщина высокая, стройная, съ опущенною на лицо вуалю. Николаю Сергѣевичу показалось, что это она.

„Фу, какъ глупо! подойти на улицѣ, на тротуарѣ... Ни за что!“ мелькнуло было у него въ головѣ. Но онъ все-таки подошелъ. Краска невольнаго стыда бросилась ему въ лицо, но онъ подошелъ и заговорилъ:

— Миссъ Блэквудъ... Простите... Бога ради простите... Я...

Рубанъ-Опальный назвалъ свою фамилію.

Англичанка вздрогнула, остановилась и смѣрила его взглядомъ.

— Не вѣрю, произнесла она спокойно. — Тотъ почтенный джентльменъ, чье имя вы сейчасъ назвали, не остановилъ бы на улицѣ даму, которой не былъ представленъ.

„Подѣломъ!“ опустилъ голову Николай Сергѣевичъ, пробормоталъ:

— Простите... я жестоко наказанъ! и, снявъ шляпу, отвѣсилъ самый почтительный поклонъ.

„Выслѣдите! подумалъ онъ, садясь въ сани. — Ни за что!.. гадко!“

А стройная красавица шла все впередъ и впередъ, даже не ускоряя шага, не обернувшись ни разу — даже не взглянувъ на него, когда тотъ провесся мимо, все еще съ приподнятою надъ головою шляпой.

Впервые провелъ Николай Сергѣевичъ ночь безпкойную, полную самыхъ неукротимыхъ волненій; онъ, кажется, писалъ, даже много писалъ, не помнилъ какъ заснулъ полуодѣтый, но утромъ дѣйствительно нашелъ на своемъ письменномъ столѣ письмо, писанное его рукою, и прочиталъ его со вниманіемъ, какъ нѣчто даже новое.

Въ этомъ письмѣ было формальное предложеніе руки и сердца, только оно было написано крайне пылко, отрывчато и уже черезчуръ страстно.

— Такъ значить и быть! Сама судьба писала моею рукою, рѣшилъ онъ и сѣлъ приводить письмо въ порядокъ, придать ему видъ и слогъ вполнѣ приличный такому важному рѣшенію и его солидному положенію.

„Вотъ поднимутся въ городѣ толки... Вотъ пойдетъ переполохъ!“ подумалъ влюбленный генералъ, вдругъ расхохотался и велѣлъ подавать одѣваться.

Письмо было отправлено, и весь день Николай Сергѣевичъ былъ въ прекрасномъ, даже праздничномъ настроеніи духа.

Отвѣтъ послѣдовалъ такъ же своевременно. Его благодарили за честь, оказанную простой дѣвушкѣ, сиротѣ, безъ средствъ и положенія въ обществѣ, и желали поговорить лично. Адресъ былъ указанъ такъ: „Мѣщанская, № дома и № квартиры. Среда, ровно въ девять вечера“.

Такая простота отвѣта, даже нѣкоторая вульгарность, очень озадачила Николая Сергѣевича.

Соловецкий монастырь. Видъ отъ обсерватори. Съ фот. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

Соловецкий монастырь. Видъ съ угловой башни. Съ фот. Лейцингера грав. Шюблеръ.

Внутренность Преображенскаго собора въ Соловецкомъ монастырѣ. Съ фот. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

Трапеза въ Соловецкомъ монастырѣ. Съ фот. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

„Позвольте—что-же это?“ подумалъ онъ и тотчасъ же догадался, „о, это интрига—это шутка!.. Очевидно его письмо не попало въ должныя руки, прочтено, и его самого хотятъ поставить въ смѣшное положеніе...“

Но все-таки, въ назначенный день и часъ, Рубанъ - Опальный явился на мѣсто. Спросилъ дворника куда пройти и сталъ подниматься по несомѣмъ опрятной, полутемной лѣстницѣ, добрался до четвертаго этажа и позвонилъ.

Дверь ему отворила скромно одѣтая и очень почтенная на видъ старушка и, ничего не спрашивая, произнесла:

— Пожалуйте прямо, вотъ въ эту дверь,—не заперто.

Николай Сергѣевичъ вошелъ, сбросивъ шубу на руки старушки.

Первая комната, освѣщенная лампой подъ голубымъ абажуромъ, стоявшею на овальномъ преддиванномъ столѣ, была въ два окна и меблирована крайне просто. Здѣсь никого не было, но изъ сосѣдней комнаты, надъ дверью которой была спущена тяжелая занавѣсь, слышался слабый плачь ребенка... Чуть донесся этотъ звукъ, но холодный потъ выступилъ на лбу Николая Сергѣевича, и онъ почувствовалъ будто полъ уходитъ куда-то изъ-подъ его ногъ.

Не успѣлъ онъ оправиться, какъ передъ нимъ стояла она, сама Агнеса Блэквудъ, смотрѣла прямо въ упоръ въ его глаза, и такъ грустенъ, такъ полонъ глубокой печали былъ этотъ взоръ, что гость поспѣшилъ произнести:

— Что съ вами?

Она улыбнулась и, ему показалось, что по ея щекѣ скатилась бриллиантовая капля.

— Садитесь! указала она на стулъ и сама сѣла, заботливо поглядывая на занавѣшенную дверь.

Николай Сергѣевичъ повиновался.

— Конечно, васъ озадачило мое письмо... Мое предположеніе, болѣе чѣмъ поспѣшное... началъ было онъ.

— Да, озадачило, отвѣчала она просто. — Я много получала здѣсь писемъ отъ разныхъ лицъ вашего круга, но эти письма были слишкомъ оскорбительны. Ваше—меня тронуло. Я вижу, что вы человѣкъ честный, сильно увлекшійся мною, то есть скорѣе—моею внѣшностью (она снова улыбнулась), — можетъ-быть даже любящій, или, вѣрнѣе, влюбленный... И я рѣшилась открыть вамъ глаза. На комъ вы хотите жениться?

— Миссъ Блэквудъ!.. началъ было Николай Сергѣевичъ.

— Это все, что вы знаете... О, какъ это мало!.. Я видѣла ваше лицо, какъ оно измѣнилось только отъ того, что вы слышали голосъ ребенка, отъ одного подозрѣнія... Это мой...

Когда женщина даже не обладаетъ красотой, у ней

бываютъ минуты, въ которыя она становится красивою. Но эти минуты бываютъ только у матерей... Высшее чувство женщины — материнская любовь — въ такіе минуты кладетъ особую, святую печать на лицо.

Агнеса Блэквудъ такая именно стояла передъ Николаемъ Сергѣевичемъ. Онъ тихо наклонился къ ея опущенной рукѣ и поднесъ эту руку къ своимъ губамъ.

— Это мой отвѣтъ, произнесла она.

И слышалось въ этомъ звукѣ и рѣшеніе, и вмѣстѣ въпросъ.

— Кто отецъ его? заговорилъ Николай Сергѣевичъ.

— Вы...

Онъ взглянулъ на нее и даже отшатнулся.

— Вы, повторила она, — если вы способны воспитать въ себѣ это чувство: только тогда онъ никогда не узнаетъ, что у него есть другой отецъ кромѣ васъ, и вы должны глубоко повѣрить этому... потому что въ этомъ, только въ этомъ и мое счастье, и его... моего...

Агнеса не договорила. Послышался снова чуть слышный дѣтскій плачь. Красавица взяла за руку Николая Сергѣевича, и тяжелая драпировка колыхнулась, скрывъ ихъ обоихъ.

Черезъ часъ они вышли.

Растроганнымъ голосомъ, въ которомъ чувствовались неиритворныя слезы, Николай Сергѣевичъ говорилъ:

— Дорогая моя, клянусь вамъ Богомъ и своею честью, что счастье ваше и нашего сына будетъ и моимъ единственнымъ счастьемъ.

— Нашего?.. Вы сказали *нашего*?.. О, повторите еще разъ... ради всего святаго!

— Нашего! твердо и ясно повторилъ Николай Сергѣевичъ.

Агнеса Блэквудъ вдругъ упала передъ нимъ на колѣни, цѣлуя ему руки.

Онъ силою поднялъ ее, посадилъ рядомъ и не спускалъ глазъ съ этого дивнаго лица, обрамленнаго ореоломъ живаго, распадающагося по плечамъ золота.

Дѣйствительно, Петербургъ заговорилъ...

Но тѣмъ не менѣе свадьба была отпразднована шумно и гласно; только на другой день послѣ свадьбы, молодые уѣхали за границу, да такъ неожиданно и тайно, что даже въ домѣ Николая Сергѣевича никто не зналъ объ этомъ, и распоряженія по дому старшій дворецкій Григорій Ивановичъ получилъ съ почтою изъ Луги.

Лѣтъ восемь продолжалось это отсутствіе. Наконецъ Рубанъ-Опальный вернулись, но уже не вдвоемъ, а въ сопровожденіи прелестнаго мальчика, смуглаго, быстроглазаго, необыкновенно, по мнѣнію окружающихъ, похожаго и на мать нѣсколько, и главное на отца, на глубокоуважаемаго Николая Сергѣевича.

(Продолженіе будетъ).

Корень зла.

Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ.

П. Н. Полевого.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Окончаніе).

По улицѣ, безъ всякаго порядка, валила, по обѣ стороны, пестрая толпа всякаго мелкаго люда, всякихъ зѣвакъ и оборвышей, а по срединѣ улицы, медленно выходя, двигалось грозное и печальное шествіе. Впереди ѣхали на коняхъ царскіе стольники; за ними ѣхалъ дьякъ, державшій въ рукахъ какое-то длинное рукописаніе; за дьякомъ шелъ старичекъ-священникъ, въ черныхъ ризахъ, съ крестомъ въ рукѣ. За нимъ, среди стрѣлцкой стражи, медленно шли двое осужденныхъ на казнь, въ бѣлыхъ саванахъ поверхъ платя, съ восковыми свѣчами въ рукахъ. Оба были молодые, стройные красавцы; особенно тотъ, что повыше былъ

ростомъ—плечистый, русоволосый, курчавый молодецъ, съ открытымъ, чисто-русскимъ лицомъ. Оба медленно и спокойно выступали, позвякивая на ходу тяжелыми ножными цѣпами, и гѣли погребальныя пѣсни, отпѣвая себя заживо, готовясь сойти въ отверстую передъ ними могилу. Ихъ свѣжіе, звучные, ровные голоса доносились до слуха царевны, которая могла даже разобрать отдѣльныя слова... Но не эти слова, не эти звуки ее поразили: — ее поразило то, что она узнала въ осужденныхъ на казнь Петра Тургенева и Ѳедора Калашника... Она видѣла съ какимъ твердымъ и спокойнымъ мужествомъ они шли на

смерть—и ей вспоминались послѣднія слова Тургенева:
„Не умѣла ты, государыня, оцѣнить своего вѣрнаго слуги!“

— И вотъ онъ, этотъ вѣрный слуга Годуновыхъ—идеть на смерть, кладезь голову на плаху... А я не могу спасти его!.. Господи, да что же это? За что его казнить? Вѣдь Шуйскаго же царь помиловалъ на плахѣ! Надо бѣжать, просить, молить его милости!

Она быстро спустилась съ вышки и опрометью бросилась бѣжать по саду къ хоромамъ, зажимая себѣ уши, чтобы не слышать шума и гула толпы, чтобы не слышать пѣнія этихъ двухъ молодыхъ и сильныхъ голосовъ, которымъ скоро предстоитъ смолкнуть подъ ударомъ топора о плаху...

— Дѣвушки! Дѣвушки! Боярыни! Боярышни! кричала Ксенія, вбѣгая въ свой теремъ,—сбѣгайтесь скорѣй сюда! Посылайте мнѣ стольника—къ государю мнѣ его отправить надобно... Просить, молить, чтобы сюда, ко мнѣ пришелъ, чтобы пожаловалъ онъ самъ—царь Дмитрій Ивановичъ!

Ксенія въ отчаяньи ломала руки и заливалась горькими слезами.

Боярышни и боярыня-мама суетились около нея, не понимая причины ея слезъ, не зная что предпринять. Не растерялась только боярыня-казначей. Съ легкой улыбочкой подошла она къ царевнѣ, какъ бы желая утѣшить ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ удерживать, остановить ея порывъ.

— Государыня-царевна! сказала она.—Гдѣ же это видно, чтобы въ такую рань царя-государя въ дѣвичій теремъ звать? И такъ ужъ намъ, твоимъ людшкамъ, проходу царицны люди не даютъ... А что же они теперь-то скажутъ, какъ еще прознаютъ, что ты спозаранокъ царя въ свои покои зовешь!..

— Прочь отъ меня! Какъ смѣешь ты со мною такъ разговаривать!.. Я милости хочу у царя просить! Тамъ людей неповинныхъ на казнь ведутъ—а ты мнѣ о сплетняхъ бабьихъ сказываешь... Сейчасъ же послать къ царю! Слышишь-ли, я приказываю вамъ—я велю!..

— И рады бы твой приказъ исполнить, государыня, печально отвѣчала боярыня-мама,—да въ томъ-то и бѣда, что государя-то еще съ вечера въ городѣ нѣтъ... Сказываютъ, что съ Шуйскимъ въ его Кузьминскую усадьбу, на охоту, вишь, поѣхалъ...

— Боже! Боже! Тутъ люди головы кладутъ на плаху, а онъ охотится... Что же это? Какъ ихъ спасти?—что дѣлать—еще разъ!..

— Хоть я и знаю, государыня-царевна, что ты прогнѣваться изволишь на меня, опять и очень рѣзко вступилась боярыня-казначей,—а все же я скажу, что и просить-то государя объ этихъ ворахъ и измѣнникахъ тебѣ негоже!.. Это сейчасъ мимо дворца вѣли на казнь тѣхъ самыхъ Петьку Тургенева, да Оедьку Калашника, которые осмѣлились на площади всенародно произносить предъ царемъ хульные рѣчи и передъ всѣми открыто своею измѣною хвалились! Такихъ-то миловать—такъ всѣмъ намъ, вѣрнымъ царскимъ слугамъ, послѣ того хоть не жить на свѣтѣ!

— Уйди ты съ глазъ моихъ! Уйди! Уйди, скорѣе! И не возвращайся больше! закричала Ксенія, виѣ себя, поднимаясь съ мѣста и указывая на дверь.

— Изволь, государыня, не смѣю я тебѣ перечить! Спасибо, спасибо тебѣ, на добромъ словѣ; видно и ждать мнѣ отъ тебя нечего за долгую службу... Къ измѣнникамъ царскимъ у тебя сердце жалостливо, а вѣрные слуги тебѣ не надобны... Прощай-же, государыня! Авось, невѣста-то царская, что сюда изъ Польши ѣдетъ, помилостивѣ тебя къ намъ будетъ!

И отвѣсивъ низкій поклонъ царевнѣ, боярыня-казначей горошкомъ выкатилась изъ терема.

— Невѣста царская? Изъ Польши ѣдетъ? повторила

царевна, медленно произнося каждое слово и обводя своихъ приближенныхъ смущеннымъ вопрошающимъ взглядомъ.

И въ глубокомъ молчаніи стояли кругомъ приближенные царевны, не смѣя проронить ни единого слова, не смѣя поднять глазъ на мертвенно-блѣдное лице Ксеніи.

XIV.

Вѣрность и лукавство.

Вечеромъ, того-же дня, царевну извѣстили, что великій государь изволить къ ней пожаловать, послѣ вечера.

Царь Дмитрій явился сумрачный, смущенный, взволнованный. Холодно обмѣнявшись съ Ксеніей сухимъ поклономъ, онъ, съ первыхъ-же словъ, обратился къ ней съ вопросомъ:

— А правду-ли сказывали мнѣ, царевна, будто ты хотѣла просить, чтобы я помиловалъ измѣнниковъ—Петьку Тургенева и Оедьку Калашника—которыхъ судъ боярскій осудилъ на смерть за дерзкія ихъ рѣчи, зазорныя для царскаго величества?

— Правда, государь! Сушая правда! отвѣчала Ксенія, прямо глядя въ глаза Дмитрію.

— А правда-ли, что ты по нимъ обоимъ сорокоусты заказала и панихиды на поминъ души ихъ велѣла пѣть у себя въ церкви, на снѣгахъ?

— Да, правда! А ты-то что-же, Дмитрій Ивановичъ? Ты не для розыску-ль сюда пожаловать изволил?

— Спрось—не розыскъ, царевна! И дивно-ли, что я тебя хочу спросить, чѣмъ это такъ тебѣ измѣнники тѣ дѣроги и милы тебѣ?

— Не мудрено мнѣ и отвѣтить тебѣ, Дмитрій Ивановичъ! Тѣ, кого ты зовешь измѣнниками—были Годуновымъ вѣрными слугами, и Петръ Тургеневъ приходилъ ко мнѣ и уговаривалъ, чтобы я сюда, въ твой теремной дворецъ, не вѣзжала... Онъ прямо говорилъ мнѣ, что здѣсь ждетъ меня обманъ, предательство, позоръ... Что ты только потѣшишься мною хочешь... Что я тебѣ...

— Довольно! замолчи, царевна! Вижу я, что не ошиблись тѣ, кто меня остерегалъ, кто уговаривалъ меня беречься отъ Годуновыхъ!.. Вижу, что я подъ кровомъ своимъ укрылъ и въ тебѣ врага лютаго...

— И я вижу, государь, что мои враги не дремлютъ, что они ведутъ свои подвохи—вижу и то, что не нужна я болѣе тебѣ! Посмѣялся ты надо мною, Дмитрій, и—Богъ тебѣ судья! Тебѣ и матери твоей, царицѣ Марѣѣ. Я знаю, что у тебя уже припасена невѣста, и что она прибудетъ вскорѣ сюда, въ Москву... Желаю тебѣ удачи и счастья во всемъ! Но отпусти-же меня отсюда—отпусти меня въ обитель. Только въ ней и мѣсто мнѣ—только въ пей и пріютъ, гдѣ голову мнѣ приклонить, гдѣ могу укрыться отъ стыда и отъ укоровъ людскихъ!

— Я не удерживаю тебя—иди, пожалуй, царевна. Кто съ моими врагами дружить—тотъ мнѣ также врагъ! Тебѣ не любо здѣсь, такъ, можетъ, тамъ приглянется и любѣе будетъ. Прощай, царевна!

И онъ поспѣшно всталъ и направился къ двери; но услышалъ за собой рыданія Ксеніи, круто повернулъ назадъ, подошелъ къ ней съ распростертыми объятіями и готовъ былъ броситься къ ногамъ ея, молить о прощениі, вновь говорить ей слова утѣшенія и ласки...

Но она, сквозь слезы, съ ужасомъ взглянула на него, и простирая предъ собою руки, сказала дрожащимъ голосомъ:

— Уходи, государь, уходи!.. Видитъ Богъ, что и скорѣе руки наложу на себя; но ужъ не бывать по прежнему... Не самъ-ли ты сказалъ, что я тебѣ врагъ! Ступай къ тѣмъ, которые тебя лучше, вѣрнѣе, крѣпче съумѣютъ любить—и пусть мои дѣвичьи слезы не отольются тебѣ слезами! Уходи, уходи скорѣе...

Дмитрій гордо поднялъ голову, повернулся и вышелъ изъ терема Ксеніи.

Послѣднее свиданіе съ Дмитріемъ Ивановичемъ не обошлось Ксеніи даромъ. Жестокія, невыносимыя потрясенія послѣдней недѣли подорвали силы царевны настолько, что она слегла въ постель и заболѣла сильнѣйшею горячкой. На нѣкоторое время печальная дѣйствительность скрылась изъ глазъ ея и

смѣнилась безконечно долгимъ бредомъ, въ которомъ настоящее путалось съ прошедшимъ, страшные образы, созданные разгоряченнымъ воображеніемъ, мѣшались

съ знакомыми, милыми и дорогими лицами и воспоминаніями, и мирная обитель представлялась, въ рѣдкія минуты успокоенія, желаннымъ, милымъ пріютомъ для

нѣболѣвшей, изстрадавшей души несчастной царевны. Чаще всѣхъ другихъ знакомыхъ и милыхъ образовъ прошло-го, царевна видѣла около себя свою бывшую боляршню Ирину, бѣжавшую когда-то изъ-подъ суроваго надзора Кадашевской боярни. Ксеніи грезилось, что эта самая боляршняя Ирина находится тутъ,

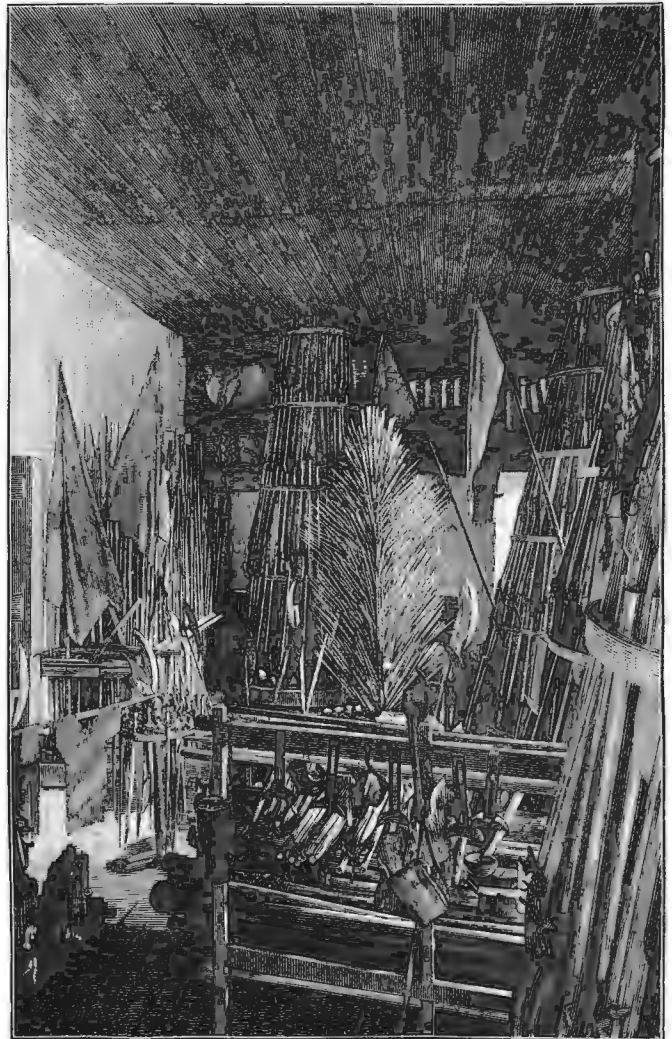
при ней, около ея постели, и то взбываетъ ей изголовье, то оправляетъ складки одѣяла, то прикрываетъ ей ноги теплою тѣлогрѣй... Царевна не разъ даже

Соловецкій монастырь. Часть стѣны отъ озера. Съ фот. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

Соловецкій монастырь. Скитъ Стиръ-Гора. Съ фот. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

Оружейная палата въ Соловецкомъ монастырѣ. Съ фот. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

На улицу не пускаютъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Котляревскаго, грав. Ангереръ.

очень явственно чувствовала какъ Ирinya, своими нѣжными и гибкими руками, прикладывала къ горячему челу ея что-то холодное и ароматное, приносившее ей облегченіе и прохладу.

— Это ты, Приша? не разъ окликала царевна порхавшій передъ нею призракъ боярышни; но не получила отвѣта.

— Дай мнѣ руку, Приша, въ изнеможеніи шептала по временамъ Ксенія, и чувствуя чью-то теплую и мягкую руку на головѣ своей, засыпала, приговаривая:—спасибо, Приша, мнѣ такъ легче.

Сколько времени продолжалось это состояніе бреда—эта тяжелая борьба природы съ недугомъ—Ксенія не знала. Но въ первый-же день, когда бредъ, наконецъ, ее оставилъ и окружающая дѣйствительность снова глянула ей въ очи, царевна была поражена тѣмъ, что увидѣла передъ собою ту-же боярышню Иринью, которая ей грезилась въ теченіи всей болѣзни. Ксенія стала всматриваться съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ въ это знакомое, хотя нѣсколько похудѣвшее и поблѣднѣвшее личико, и вдругъ услышала знакомый голосъ:

— Чтò такъ въ меня вперилась, царевна? Аль все еще не признаешь своей причудливой и непокорной Пришеньки?

— Такъ это точно ты? И не въ бреду мнѣ это грезится? Дай мнѣ обнять тебя! Откуда ты взялась — и какъ сыскала меня?

— Какъ станетъ тебѣ полегче, весело проговорила Ирinya, — все расскажу тебѣ, царевна! А теперь тебѣ не надо тревожиться — не то и Богъ вѣсть сколько времени продлится еще твой недугъ.

— А гдѣ же мама моя?

— Боярыня-мама? съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣчала Ирinya, — она въ отлучкѣ... Обѣщала скоро вернуться...

— А Варенька?

— Та въ хлопотахъ: все по хозяйству, да съ ключами, да со служней. Да усни же, государыня-царевна; не то уйду я отъ тебя: тогда вѣдь все равно заснешь со скуки.

И царевна послушно засыпала, положивъ руку Ириньи себѣ на голову.

И только ужъ много дней спустя Ирinya рассказала царевнѣ, какъ она бѣжала, и какъ скрывалась по обителямъ до самой смерти царя Бориса.

— А тутъ, когда пріѣхалъ въ Москву царь Дмитрій Ивановичъ, ужъ я не опасалась больше: съ теткою и съ дядей пріѣхала въ Москву; сюда же пріѣхалъ и нареченный мой женихъ, Алѣшенька Шестовъ, и думали мы съ нимъ вѣнчаться здѣсь же, на Романовскомъ подворьѣ... Да вдругъ я слышу, что ты больна, царевна, и что на половинѣ твоей не ладно.. Чтò ты въ бѣдѣ и въ горѣ... А тутъ и на Алѣшеньку страясась бѣда...

— Какая? Чтò такое? тревожно спросила Ксенія.

— Лучшіе два друга его крамольниками объявились государю—и сложили голову на плахѣ...

— Петръ Тургеневъ и Ѳеодоръ Калашникъ? Такъ они ему друзьями были?

— Охъ, загадочными! Они и выкрали меня тогда у строгой-то боярыни... Упокой Господи ихъ душу!..

Ирinya набожно перекрестилась и продолжала, какъ бы стараясь поскорѣе перейти къ другому:

— Вотъ мы съ женихомъ и порѣшили, царевна, нашу свадьбу отложить, пока уляжется въ душѣ это горе-горькое—пока и ты оправилась и соберешь кругомъ себя надежныхъ, вѣрныхъ слугъ... А до тѣхъ поръ я тебѣ всей душой служить готова!

— Приша! А гдѣ-же мои-то люди? Гдѣ мои боярыни? Гдѣ мама?

— Мама не стерпѣла твоей бѣды — и послѣ того,

какъ ты слегла, она, дня черезъ два, вдругъ разнемоглась по-утру, а къ вечеру и Богу душу отдала... А боярыни твои — всѣ разомъ тебя покинули. Казначей да кравчая — къ царю Марю приняти въ дворъ; а всѣ другія ждутъ пріѣзда Марины Мнишковны, и ей хотять ударить челомъ о службѣ и о жалованьѣ.

— А Варенька?..

— Варенька со мною за-одинъ—и мы тебя не выдадимъ, царевна! Мы съ тобою и въ міръ, и въ Божію обитель—куда бы ни занесла тебя судьбина!..

Ксенія притянула къ себѣ Ирину и горячо ее поцѣловала. Послѣ нѣкотораго молчанія она съ большимъ трудомъ собралась съ мыслями, какъ будто припоминала что-то, и наконецъ сказала:

— А та? Какъ ты ее назвала?.. Ну, невѣста царская! Когда она пріѣдетъ?

— На будущей недѣлѣ ждутъ сюда ея отца, съ послами отъ Жигимонта Польскаго, а тамъ всѣ говорятъ—она ужъ не замедлитъ...

Ксенія вдругъ заволновалась, схватила Иринью за руку, и поспѣшно проговорила:

— Ирinyшка! голубушка! Я не хочу... я не могу здѣсь долше оставаться... Скорѣе! уѣхать, уѣхать отсюда!

— Государыня-царевна, къ отъѣзду твоему давно ужъ все готово... ждали только, чтобы ты оправилась немного.. Бояринъ Рубецъ-Масальскій и то по вся дни заходитъ сюда со спросомъ о здоровьѣ твоёмъ!..

— Скажи боярину, что я здорова, и завтра же готова выѣхать отсюда... Ступай, скажи сейчасъ!

Нѣсколько дней спустя, послѣ отъѣзда царевны Ксеніи изъ Москвы, царь праздновалъ новоселье въ томъ новомъ деревянномъ дворцѣ, который онъ выстроилъ на самомъ Кремлевскомъ холмѣ, противъ соборовъ. Дворецъ былъ выстроенъ на славу: рѣзной, фигурный, вычурный, раскрашенный цестро и ярко, покрытый крышей изъ поливной блестящей черепицы. Всѣ окна были обведены тройными карнизами съ позолотою, всѣ двери обиты мѣдными, ярко блестящими полосами и скобами; всѣ острія и наверхъ кровель украшены мудреными и причудливыми флюгарками, въ видѣ раззолоченныхъ драконовъ, птицъ и звѣрей. Какія-то страшныя хари тянулись подъ крышею, на верху дворца, въ видѣ карниза; какіе-то истуканы поставлены были въ нижнемъ жильѣ, между окнами, и, надо сказать правду, очень не нравились степеннымъ московскимъ людямъ. Но болѣе всего не нравилось всѣмъ то трехглавое и трехзѣвное изображеніе „адскаго пса Цербера“, которое хитроумный нѣмецъ-строитель поставилъ у самаго входа на крыльцо царскаго дворца. Нестъ былъ вылитъ изъ мѣди и изъ средняго зѣва его вытекала струя воды въ особый поддонъ въ видѣ мѣднаго таза; а когда та струя вытекала, другіе два зѣва адскаго пса разѣвались и громко стучали и хлябали своими мѣдными зубатыми челюстями.

Въ этотъ-то новый дворецъ перебрался царь Дмитрій Ивановичъ, ожидая къ себѣ изъ Польши дорогихъ гостей — тестя Мнишка съ громадною свитой и свиту невѣсты, для которой приготовлены были въ новомъ деревянномъ дворцѣ особыя, роскошно-отдѣланные покои.

Царское новоселье праздновалось шумно, разгульно и весело. На царскій пиръ приглашено было не только все боярство, весь придворный чинъ, но даже и служилые иноземцы, и панъ Доморацкій съ товарищами, начальникъ польской дружины, приведенной въ Москву Дмитріемъ. Пиръ начался вскорѣ послѣ полудни, а когда ночной мракъ давно уже опустился и окуталъ весь Кремль и царскіе хоромы,—пиръ все еще длился, шумный, громкій, широкій пиръ „на всю руку“: „гуляй моля душа, пока жизнь хороша!“ Яркій свѣтъ лился широкими красноватыми полосами изъ оконъ на

площадь передъ дворцомъ, засыпанную снѣгомъ и заставленную конями и колымагами гостей. Нестройный говоръ нѣсколькихъ сотъ голосовъ, заглушаемый то пѣснями, то громкою музыкой, доносился явственно до толпы народа, которая собралась поздравать передъ дворцомъ на царскій праздникъ, и терпѣливо топталась на снѣгу съ утра и до ночи.

— Гуляетъ государь-батюшка на весь крещеный мѣръ! слышались голоса въ толпѣ.

— То-то и онѣ, что не на крещеный мѣръ; а вонъ и всякихъ нехристей, и нѣмчиновъ, и поляковъ съ собою за столъ сажаетъ! Вотъ это—не рука!

— Тебѣ небось завидно, что онъ ихъ-то поить, а тебѣ сюда на площадь бочку не выкатилъ, замѣтилъ кто-то со смѣхомъ.

— Не завидно мнѣ; а только не-рука православному царю съ нехристями за однимъ столомъ ѣсть!

— Это вѣрно! замѣтило еще нѣсколько голосовъ.— И на мусикѣ за столомъ играть, и на трубахъ—этого тоже досель никогда у московскихъ царей не бывало.

— Такъ что-жъ что не бывало! А теперь вонъ есть; потому царь нашъ Дмитрій Ивановичъ такъ хочетъ!.. крикнулъ въ толпѣ чей-то сильный пьяный голосъ.

— Ого-го! зашумѣли и засмѣялись зѣваки кругомъ пьяницы.—Царю люблю, и тебѣ люблю! Видно, ты спозаранку отъ адскаго пса водицы хлебнулъ!

И хохотъ толпы смѣшался со звуками музыки и пѣсней и неяснымъ говоромъ, доносившимся изъ дворца.

— Одно я тебѣ скажу, другъ любезный, тайственно шепталъ на ухо царскому истопнику старый жилецъ, толкавшійся около дворцоваго крыльца, среди дворцовой служби:—одно тебѣ скажу... Да и не я одинъ, а всѣ, чай, это запримѣтили: какъ отринулъ онъ отъ себя Ксенію Борисовну, какъ погнался за этой полькой—такъ и закурилъ, закурилъ!..

— Статся можетъ... Да и то сказать надо: какъ забралъ его въ руки князь Василій, такъ и сталъ его съ ума сдѣлывать... Все къ Басманову подлетается—а тотъ царя въ пиры да въ гулянки сманиваетъ!.. Грѣхи!

И какъ разъ въ то время, когда эти толки шли около дворца и на площади, двѣ мрачныя фигуры, закутанныя въ шубы, съ высоко поднятыми воротниками, вышли изъ-за угла дворцовыхъ зданій, перешли площадь и, остановившись у соборовъ, оглянулись на ярко-освѣщенный царскій дворецъ, гудѣвшій музыкою, пѣснями и шумнымъ разгуломъ пиршества.

— Князь Василій Ивановичъ! почти со слезами въ голосѣ говорилъ Шуйскому Милославскій.—До чего же мы это дожили! Въ царскомъ дому бѣсовское гудѣніе и плясаніе, и лядвіями повихляніе... Царь московскій, распоясавшись, съ нехристями ѣсть и пѣть, и въ присядку пляшетъ!

— Да, да, князь Ѳеодоръ Ивановичъ! Дѣжили, голубчикъ мой, дѣжили... По грѣхамъ насъ Господь наказываетъ! Подумать надобно намъ, подумать, какъ грѣха избыть... Пойдемъ ко мнѣ; сегодня, на подворьѣ у меня сберется кое-кто на думу... ночью! На тайное совѣщаніе...

И затѣмъ, поднявъ кулакъ, онъ погрозилъ имъ въ направленіи дворца Дмитрія:

— Добро, добро!.. Не долго ужъ тебѣ теперь, скomorошій правнукъ, надъ нами старыми боярами-то потѣшаться!

XV.

Въ обители.

Наступила весна 1606 года—весна дружная, теплая, благодатная. Снѣга сбѣжали быстро, рѣки вскрылись и прошли почти незамѣтно и уже къ концу апрѣля начались вездѣ въ поляхъ работы. Даже дороги къ началу мая просохли настолько, что по нимъ ужъ можно было ѣздить безъ особыхъ затрудненій и задержекъ. Такою рѣдкою и диковинною случайностью вос-

пользовался царскій стольникъ Алексѣй Шестовъ и отправился на побывку къ роднымъ, въ Ростовскій край и Костромское Поволжье.

Онъ уѣзжалъ, чтобы избѣжать шумныхъ празднествъ и всякихъ пировъ по поводу пріѣзда въ Москву царева тестя, Юрья Мнишка, прибывшаго съ огромною свитой изъ польскихъ и литовскихъ людей, въ которой насчитывалось больше 2,000 человекъ. Алѣшенькѣ было не до веселья: тяжело и грустно было у него на сердцѣ. Никого изъ родныхъ, милыхъ и близкихъ людей у него на Москвѣ не осталось. Романовы разѣхались по своимъ помѣстьямъ. Петра Тургенева и Ѳеодора Калашника онъ самъ похоронилъ рядомъ на Ваганьковѣ, выпросивъ у царя, въ видѣ особенной милости, чтобы тѣла ихъ были выданы ему изъ убогаго дома „на честное погребеніе“. Иринья, дорогая Иринья, желанная и нареченная невѣста, на время также его покинула, уѣхавъ изъ Москвы съ царевной Ксеніей Борисовной, за которой она послѣдовала въ Володимірскую женскую обитель, свято исполняя при ней христіанскій долгъ любви и безкорыстной преданности.

Изъ обители, куда Ксенія удалилась, не доходило до Москвы никакихъ вѣстей. Алѣшенька начиналъ уже не просто тосковать по Ириньѣ, а даже не на шутку тревожиться,—не стряслось-ли какой-нибудь новой бѣды надъ его суженой. Вотъ почему, отпросившись въ Ростовскій край и въ Кострому, Алѣшенька выѣхалъ изъ Москвы не по Троицкой, а по Владимірской дорогѣ, и такъ по ней бойко гналъ, что его всюду, на ямскихъ подворьяхъ и станахъ, принимали за царскаго гонца, посланнаго во Владиміръ съ важными вѣстями по государеву дѣлу.

Благодаря такой снѣшной ѣздѣ, Алѣшенька Шестовъ, спозаранокъ выѣхавшій изъ Москвы, во вторникъ Ѳоминой недѣли, къ полдню среды ужъ подѣзжалъ къ Володиміру-Залѣсскому, который живописно раскидывался передъ нимъ на высокихъ бережныхъ холмахъ излучистой Клязьмы.

— А куда же тебя вези-то, господинъ хорошій? спрашивалъ его старый ямщикъ.—Чай есть у тебя пріятели здѣсь въ городѣ? Или велишь на заѣзжій дворъ ѣхать? У насъ, тутотка, у Настасьи Тетерихи харчи больно хороши даютъ, да и квасы варить тоже первые въ городѣ, и брага хмѣльная на погребу за-всегда есть...

— А ну тебя и съ квасами, и съ брагой! сердито отозвался Алѣшенька,—вези прямо въ Рождественскій монастырь. Не до харчей, когда дѣло есть.

— Дѣло дѣломъ, а харчи харчами, проворчалъ старикъ.—Тоже, не поѣвши хлѣба Божьяго, за дѣло какъ же приниматься?

И онъ лѣнливо заворачивалъ лошадей въ объѣздъ, окраинами города, по направленію къ древнему Рождественскому монастырю.

Вотъ наконецъ и обитель; вотъ телѣжка Алѣшеньки остановилась у воротъ, и онъ, постучавшись, вошелъ въ калитку, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ привратникомъ.

— Ступай, скажи матери-настоятельницѣ, что государевъ стольникъ Алексѣй Шестовъ, молъ, прибылъ изъ Москвы, проѣздомъ, и хочетъ повидать свою... родню. Тутъ есть боярышня Иринья Луньева, при царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ служить...

— При инокинѣ Ольгѣ, сурово поправилъ его сѣдой, дряхлый сторожъ монастырскій.

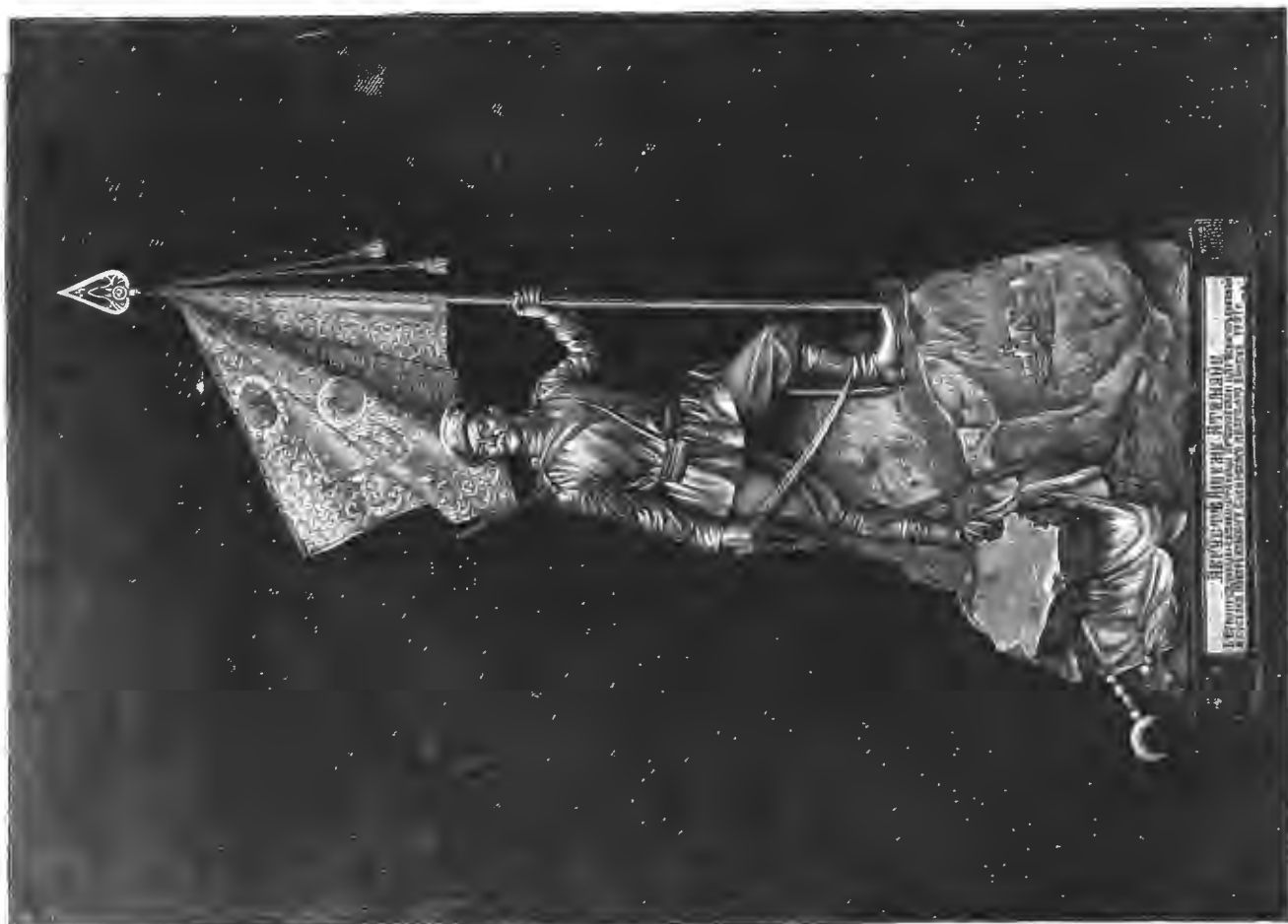
— Ну да, при инокинѣ Ольгѣ! досадливо повторилъ Шестовъ.—Да поживѣй ворочайся, старина!

И онъ сунулъ сторожу въ руку нѣсколько алтынъ.

Старикъ глянулъ на Алѣшеньку во всѣ глаза, поклонился ему въ поясъ, и такъ прытко заковылялъ отъ воротъ къ кельѣ настоятельницы, что Алѣшенька невольно улыбнулся.

Группа, поднесенная Государю Наследнику Цесаревичу казаками Атбасарской станции Сибирского казачьего войска. Работа Хлыбникова по рисунку Наразина и модели Сафонова. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Группа, поднесенная Государю Наследнику Цесаревичу казаками Прѣсновской и Прѣснеторьковской и посолна Новороссійскаго Сибирскаго казачьего войска. Работа Хлыбникова по рисунку Наразина и модели Сафонова. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Невольничій рынокъ въ древнемъ Римѣ. Съ карт. Булалже. грав. Шванке.

Через полчаса все было улажено, и Алёшенька, сия радостью глубокой, искренней и честной любви, стоялъ въ монастырскомъ саду и держалъ за обѣ руки свою дорогую, безцѣнную Иринью, которая выбѣжала къ нему на часокъ, поболтать между дѣломъ, какъ будто она и не разлучалась съ нимъ и только вчера еще видѣла его и наговорила съ нимъ до-сыта.

— Ну, что же ты сталъ? Что молчишь? допрашивала Иринья.—Говори, зачѣмъ прѣхалъ?

Но Алёшенька молчалъ и только широко и блаженно улыбался, вглядываясь въ очи своей подруженьки, и всею грудью вдыхалъ ароматы распустившейся березовой почки, которыми былъ пропитанъ воздухъ сада.

— Да говори же! Аль обѣтъ молчанья наложилъ на себя, господинъ царскій стольникъ? нетерпѣливо побуждала Алёшеньку Иринья, стараясь высвободить свои руки изъ его рукъ.

— Погоди, голубушка! Дай насмотрѣться, налюбоваться на тебя! шептала влюбленный юноша.

— Неужто ты только за этимъ изъ-за двухъ-сотъ верстъ прѣхалъ! Не лукавь—дознаюсь вѣдь я!

— Ириньюшка, прѣхалъ я тебя просить... Сжался ты надо мною! Невмоготу мнѣ. Брожу я по Москвѣ, какъ по пустынѣ—одинъ-одинешенекъ. Сжался ты надо мною: повѣнчаемся!

— Значитъ, по твоему, такъ: на чужую бѣду рукой махни, а мнѣ на шею повѣсься! Развѣ я могу царевну такъ бросить, умникъ?

— Ириньюшка! Да вѣдь я который годъ своего счастья жду!

— Такъ что-жъ такое? И я жду! отвѣчала Иринья съ досадою;—а коли надоѣло тебѣ ждать, такъ и ска-тертью дорога... Въ Москвѣ невѣсть непечатый уголъ! Не твоей Ириньѣ чета!

И она съ притворнымъ гнѣвомъ оттолкнула его руки.

Какъ разъ въ это время надъ головой Алёшеньки, изъ кельи, скрытой густыми кустами сирени, раздались звуки музыки и заунывное пѣніе...

— Вотъ! она поетъ! Прислушайся! шепнула Алёшенькѣ Иринья.

И онъ, прислушавшись, услышалъ, какъ свѣжій, прекрасный голосъ пѣлъ:

Какъ сплachtetся малая пташечка,
Голосиста бѣла-перепелочка:
Охъ-ти мнѣ, пташечка, горевати!
Хотятъ сыръ-дубъ зажигати...
Мое гнѣздышко разворити,
Моихъ малыхъ дѣтушекъ загубити,
Меня, пташечку, помати!"

Соловецкая обитель.

(Рис. на стр. 729, 732, 733 и 736).

Соловецкій монастырь, болѣе извѣстный въ народѣ подъ названіемъ *Соловковъ*, представляетъ въ высшей степени своеобразный и замѣчательный остатокъ новгородской старины. Основанный въ началѣ XV вѣка новгородскими выходцами на островахъ Соловецкихъ, лежащихъ въ Бѣломъ морѣ, онъ, и въ ту пору, и въ настоящее время, можетъ быть названъ достойнымъ отпрыскомъ мощнаго, дѣятельнаго, предприимчиваго и глубоко-религіознаго Новгорода. Какъ въ началѣ, при основаніи Соловецкой обители, она была расадникомъ духовнаго и религіознаго просвѣщенія между полудикими туземцами, обитавшими на берегахъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, и главною опорой разраставшихся въ Поморьѣ новгородскихъ колоній,—такъ и теперь, та же обитель служитъ для всего нашего Сѣвера центромъ просвѣщенія, религіознаго и нравственнаго, и образцомъ трудолюбія, разумно примѣняемаго къ потребностямъ Поморскаго края. Десятки тысячъ богомольцевъ, ежегодно посѣщающихъ Соловки, приходя въ обитель на поклоненіе святымъ Соловецкимъ чудотворцамъ, дивятся здѣсь не только обилію и благолѣпію храмовъ, не только богатству ризницы и казны монастырской, но и тому поразительному благосостоянію, которое они на каждомъ шагу могутъ наблюдать всюду на островахъ Соловецкихъ окруженныхъ мерзлою и непривѣтною пучиною Бѣлаго моря. Они видятъ здѣсь лѣса, расчищенные и разработанные какъ рощи, видятъ роскошные дуга, на которыхъ насуетъ тучныя

Иринья дернула за рукавъ Алёшу и, наклонясь къ нему, шепнула:

— Поетъ такъ-то по цѣлымъ днямъ! Подъ окномъ сидитъ и распѣваетъ, и все грустное такое! Всю душу у насъ съ Варенькой вымотала!

А изъ-за кустовъ опять послышалось пѣніе:

..Какъ сплachtetся на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
Инь Боже, Спасъ Милосердый,
За что наше царство погбло:
За батюшкино-ли согрѣшенье?
За матушкино-ли немоленье?
А свѣты вы, наши высокіе хоромы,
Кому вами будетъ владѣти?
А свѣты, браные убрusy,
Березы-ли вами крутити?
А свѣты, злоты ширинки,
Лѣсы-ли вами дарити?
А свѣты, ихоты-сережки,
На сучья-ли васъ вадѣвати?
Инь Боже, Спасъ Милосердый,
За что наше царство погбло?.."

— За что? за что, Господи? За что мы погбли? послышался вслѣдъ затѣмъ жалобный голосъ царевны, прерываемый глухими рыданіями.

Иринья посиѣшно отвела Алёшу отъ окна кельи въ глубь сада и проговорила ему нѣжно и горячо:

— Ну, вотъ, ты самъ ее слышалъ! Вотъ такъ-то по цѣлымъ днямъ поетъ, да плачетъ, да складываетъ пѣсни... А то въ грудь себя бьетъ и говоритъ, что въ нихъ, въ Годуновыхъ, весь корень зла— что ихъ до конца изгубить надо! А если мы объ ней не вспомнимъ, то и не поѣсть, и спать не ляжетъ!.. Ну, какъ ее покинуть!

— Голубушка! И жаль ее, да и себя-то мнѣ жалко... Мы бы съ тобой какъ зажили, какъ голубочки на вѣткѣ...

— Ахъ, и не говори мнѣ, Алёшенька милый! Сердце у меня такое, что и съ тобою мнѣ бы счастья не было, кабы я знала, что она тутъ одинокая убивается!.. Повремени еще, голубчикъ, теперь уже не долго! Къ Варенькѣ сестра прѣдетъ мнѣ на смѣну, тогда я наишу тебѣ, или сама къ тебѣ какъ свѣтъ на голову упаду! Возьми, молъ, меня, мой желанный, мой муженекъ богоданный! А теперь—уѣзжай, уѣзжай немедля, и вотъ тебѣ отъ меня памятка на прощанье!

Она быстро обняла его, крѣпко-крѣпко поцѣловала въ уста сахарныя, — и въ мигъ, какъ видѣніе, скрылась за кустами, оставя юношу подъ обаяніемъ дивныхъ чаръ любви, среди благоухающаго и зеленѣющаго сада.

к о н е ц ъ .

отъ ученя время занимаютъ ремеслами. Такимъ образомъ, обитель Соловецкая, дѣятельно и усердно служа всѣмъ матеріальнымъ и нравственнымъ нуждамъ нашего Сѣвера, поддерживаетъ постепенно живую связь съ населеніемъ Поморья и широко распространяетъ ту искреннюю и чистую любовь къ Соловкамъ, которая побуждаетъ русскаго человѣка брести за тысячи верстъ на поклоненіе Соловецкимъ угодникамъ, а иногда, по обѣту, работать 2—3 года на пользу Соловецкой казны.

Первыми поселенцами на островахъ Соловецкихъ были Преподобный Германъ и Св. Савватій; они прибыли сюда изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и первоначально поселились подъ Сѣкиркою горою, гдѣ теперь находится одинъ изъ скитовъ Соловецкаго монастыря, изображенный на одномъ изъ нашихъ рисунковъ, на стр. 736, нынѣшняго № *Нивы*. Здѣсь, въ 12 верстахъ отъ нынѣшняго монастыря, Германъ и Савватій прожили вдвоемъ шесть лѣтъ въ полномъ уединеніи (съ 1429 по 1435 гг.). Затѣмъ, Св. Савватій удалился на материкъ, и скорѣе послѣ того преставился въ деревнѣ Сорокѣ, гдѣ и былъ погребенъ. Послѣ кончины Савватія, къ старцу Герману пришелъ молодой и дѣятельный юноша, Зосима, сынъ богатыхъ новгородскихъ бояръ, владѣвшихъ обширными помѣстьями на берегахъ Онежскаго озера. Онъ уговорилъ Преподобнаго Германа еще разъ перенести пучину морскую и поселиться на Соловецкомъ островѣ.

Оба отшельника поселились не тамъ, гдѣ нѣкогда Германъ жилъ съ Савватіемъ, а неподалеку отъ морскаго берега, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ монастырь Соловецкій (см. общій видъ обители, на стр. 729 въ нынѣшнемъ № *Нивы*). Скорѣе послѣ того, Зосима, выйдя однажды изъ келіи на обычную утреннюю молитву, увидѣлъ надъ келіей яркій свѣтъ, и среди лучей этого свѣта благолѣпный храмъ на облакахъ. Это видѣніе побудило Зосиму основать здѣсь монастырь; онъ сталъ радушно принимать тѣхъ одинокихъ пришельцевъ, которые являлись на островъ и поселились около его келіи. Вмѣстѣ съ ними онъ молился и трудился надъ постройкою небольшой церкви во имя Преображенія Господня, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Зосима былъ удостоенъ видѣнія храма небеснаго.

Когда церковь была закончена, Зосима и остальные отшельники рѣшили послать одного изъ среды своей въ Новгородъ—просить архіепископа Іону, чтобы онъ прислалъ для новой церкви антипинъ и утварь церковную, а для обители—игумена. Архіепископъ Новгородскій исполнилъ желаніе отшельниковъ; а впоследствии и самъ Зосима, по просьбѣ всей братіи, рѣшился, наконецъ, принять игуменство, и съ этою цѣлью отправился въ Новгородъ. Здѣсь онъ былъ принятъ всѣми съ почетомъ и ласкою, посвященъ въ санъ игумена и вернулся въ обитель съ богатыми дарами. Многие изъ новгородскихъ бояръ пожертвовали въ храмъ новой обители серебряные сосуды, богатыя облаченія и иконы; нѣкоторые изъ жертвователей обязались даже ежегодно доставлять Соловецкой обители запасы хлѣба и другихъ припасовъ. Съ того времени монастырь сталъ входить въ славу и привлекать къ себѣ богомольцевъ, непрерывно возрастать и богатѣть отъ щедрыхъ даровъ и вкладовъ.

Между прочимъ, заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что сама знаменитая Марѳа Борецкая пожертвовала въ монастырь на вѣчное владѣніе свои волости Суму и Кемь, «рыбныя ловища, землю и воды, и пожни, и хлѣшей дѣсь».

Въ 1471 г. Зосима напомнилъ инокамъ о первомъ основателѣ иноческаго житія на Соловецкомъ островѣ—объ инокѣ Савватіи; самъ Зосима, съ нѣкоторыми изъ братіи, отправился на рѣку Выгъ, въ с. Сороки, обрѣлъ мощи Савватія нетлѣнными и торжественно перевезъ ихъ въ обитель.

Скорѣе послѣ того, почувствовалъ приближеніе кончины, Зосима собралъ братію и сказалъ ей:

— Дѣти мои! Готовлюсь идти въ путь отцовъ... Изберите себѣ игаго наставника.

Братіи отвѣчала рыданіями на слова любимаго игумена.

— Не печальтесь, сказалъ онъ имъ,—разлучаюсь съ вами только тѣломъ, но духомъ всегда буду съ вами.

И затѣмъ тихо скончался (17 апрѣля 1478 г.).

Послѣ кончины Зосимы и паденія Великаго Новгорода, обитель все же продолжала процвѣтать. Іоаннъ III, вступивъ во владѣніе Двинскою областью, укрѣпилъ за монастыремъ все, что было даровано обители Новгородомъ, т. е. владѣніе всѣми Соловецкими островами, большими и малыми.

Особенно много способствовалъ процвѣтанію обители одинъ изъ знаменитѣйшихъ преемниковъ Св. Зосимы, Св. Филиппъ, впоследствии удостоенный высокой чести избранія въ итронополитъ вся Русь. При немъ хозяйство обители приведено было въ чрезвычайный порядокъ, а богатства монастырской казны возросли до того, что онъ уже могъ всѣ деревянные храмы и зданія монастыря замѣнить каменными (около 1552 г.). Позднѣе, въ концѣ того же вѣка, въ виду безпрестанныхъ нападений шведовъ на берега Бѣлаго моря, монастырь былъ укрѣпленъ толстыми стѣнами и башнями, и обращенъ въ неприступную твердыню. Приставъ Яхонтовъ, присланный сюда съ рабочими изъ разныхъ волостей въ 1594 году, воздвигъ

кругомъ всей обители стѣну въ 3—4 сажени вышины, до 3-хъ сажень толщины и 421 сажень въ окружности. Эта громадная стѣна, выложенная изъ гранитныхъ валуновъ, съ амбразурами, бойницами и башнями, и теперь еще поражаетъ каждою прочностью своей кладки и страшною массою труда, который былъ затраченъ на ея постройку. Часть этой стѣны изображена нами на стр. 736 нынѣшняго № *Нивы*. По окончаніи этого монументальнаго сооруженія, весь монастырь Соловецкій принялъ уже тотъ видъ, который онъ сохраняетъ, за малыми исключеніями, до настоящаго времени, и которымъ нынѣ еще любятъ богомольцы и посѣтители съ угловой башни, на которой обычно развѣвается флагъ (см. стр. 732 нынѣшняго № *Нивы*).

За этими крѣпкими стѣнами иноки соловецкіе, въ теченіе десяти лѣтъ (1667—1676 гг.), отсиживались отъ царскихъ воеводъ, когда въ монастырь завелась смута при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вся соловецкая братія рѣшилась не принимать исправленныхъ богослужебныхъ книгъ, присланныхъ сюда патриархомъ Никономъ. Но воевода князь Мещерскій одолѣлъ упорство братіи, взялъ монастырь приступомъ и вынудилъ монаховъ къ повиновенію, казнилъ и разославъ въ дальнія ссылки тѣхъ иноковъ, которые упорствовали въ противленіи полезнымъ «новшествомъ» патриарха Никона.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ Петръ Великій дважды посѣтилъ Соловецкую обитель; въ нашемъ вѣкѣ здѣсь были Великіе Князья Константинъ Николаевичъ, Алексѣй и Владиміръ Александровичи. Часовня, воздвигнутая на пристани, и крестъ, водруженный передъ монастырскими воротами, служатъ памятниками посѣщенія обители Петромъ I и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Кромѣ того, внутри воротъ сохраняются доселѣ двѣ модели кораблей, на которыхъ въ оба свои посѣщенія приплывалъ къ острову Петръ I.

Въ самой оградѣ монастырской помѣщается въ настоящее время шесть храмовъ, изъ которыхъ многіе могутъ похвалиться весьма почтенною древностью. Такъ, напр., соборъ во имя Преображенія Господня, построенный въ видѣ деревянной церкви на мѣстѣ келіи Св. Зосимы и замѣненный каменнымъ храмомъ уже въ 1558 году. Въ одномъ изъ придѣловъ этого собора (во имя Зосимы и Савватія) покоятся мощи основателей обители, Преподобныхъ Зосимы и Савватія, въ серебряныхъ позлащенныхъ ракахъ. Другой соборъ, во имя Успенія Богородицы, построенъ въ 1552 г. Церковь Св. Николая освящена въ 1590 г.; а церковь во имя Благовѣщенія, воздвигнутая надъ Святыми воротами, достроена въ 1596 году, тотчасъ послѣ окончанія кладки монастырскихъ стѣнъ. Даже деревянная кладбищенская церковь во имя Св. Оуфрїя Великаго (въ стѣнѣ ограды) сооружена въ 1666 г. И всѣ храмы Соловецкой обители, какъ это можно видѣть изъ внутренняго вида одного изъ соборовъ (см. рис. на стр. 733 нынѣшняго № *Нивы*), носятъ на себѣ отпечатокъ почтенной старины, ненарушенной никакими модными вычурами новѣйшей церковной архитектуры. Такою же стариною вѣетъ и отъ сводовъ монастырской трапезы (см. рисунокъ на стр. 733 нынѣшняго № *Нивы*), въ которой тысячи богомольцевъ ежегодно вкушаютъ здоровую и вкусную пищу монастырскую, безвозмездно предлагаемую имъ иноками во славу Великихъ Соловецкихъ Угодниковъ.

Ризница монастыря принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ русскихъ монастырскихъ ризницъ. Она можетъ похвалиться не только сокровищами матеріальными, но и безцѣнными вкладами, важными по своему историческому значенію. Тутъ, какъ величайшая святыня, сохраняются простыя облаченія Св. Зосимы и Св. Филиппа, надѣваемые при богослуженіяхъ только въ самые большіе праздники. Рядомъ съ ними рѣзкою противоположностью являются богатѣйшія ризы, пизанскія крупнымъ жемчугомъ и пожалованныя въ 1550 г. Іоанномъ Грознымъ вмѣстѣ со многими другими вкладами. Нельзя пройти молчаніемъ тотъ знаменательный фактъ, что больша часть вкладовъ этихъ относятся къ послѣднимъ годамъ страшнаго Іоаннова царствованія и напоминаютъ темныя дѣла, въ совершеніи которыхъ онъ, повидимому, горько каялся. Къ числу этихъ вкладовъ относились наприимѣръ тѣ весьма значительныя суммы денегъ, которыя Грозный внесъ на поминъ души царевича Іоанна, «отъ его руки скончавшагося», и на поминъ опальныхъ 753 новгородцевъ, которыхъ, какъ сказано было въ поминальной записи, «отдѣлалъ Малюта Скуратовъ». Въ той же ризницѣ, среди всякой драгоценной утвари, сохранились и еще двѣ святыни историческія: налѣтъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго и сабля, подаренная обители княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ.

Рядомъ съ ризницей заслуживаетъ полнаго вниманія археолога весьма богатая оружейная палата Соловецкой обители, съ величайшею точностью переданная нашимъ рисункомъ на стр. 736 нынѣшняго № *Нивы*. Въ этомъ монастырскомъ музеѣ собраны и хранятся всѣ тѣ орудія, оружье и доспѣхи, какіе были присланы въ обитель и въ ней изготовлены съ того времени, когда она была обращена въ неприступную крѣпость. Кольчуги, шлемы, бердыши, панцири, наручи, копыя, рогатины чередуются здѣсь съ болѣе современными пищалями, мушке-

тами, самокатами и пушками разных малых калибровъ, которыя однако же служили не разъ добрую службу обителю, отражая отъ ея стѣнъ нападенія шведовъ.

Въ новѣйшей исторіи обители есть одинъ чрезвычайно любопытный и поучительный эпизодъ, который много способствовалъ прославленію Соловецкаго монастыря и дивной мощи Соловецкихъ Угодниковъ въ средѣ всего Русскаго народа. Мы говоримъ о томъ жестокомъ и варварскомъ бомбардированіи, которое обитель выдержала въ 1854 г. (6 и 7 июля) отъ английскихъ кораблей, посланныхъ въ Бѣлое море. Бомбардируя въ теченіе двухъ дней Соловецкую обитель, — въ которой, кромѣ инокъ, было всего нѣсколько инвалидовъ и штрафованныхъ солдатъ, забрасывая монастырь бомбами, гранатами и калеными ядрами, — «просвѣщенные мореплаватели» немного причинили вреда храмамъ и зданіямъ монастыря. Отъ выстрѣловъ пострадала панеть Преображенскаго собора, снесена была верхушка одной башни, зажжена монастырская мельница (векорѣ потушенная); но инокъ и гореть защитниковъ обители не поколебались. Они мужественно ходили съ крестнымъ ходомъ по стѣнамъ, предводимые своимъ героемъ-настоятелемъ, оцемъ-архимандритомъ Александромъ, и молит-

венными возгласами и пѣніемъ каноновъ отвѣчали на бѣшеную канонаду англичанъ. Чрезвычайно знаменательнымъ оказался всѣмъ тотъ любопытный фактъ, что, несмотря на продолжительную канонаду, ни одинъ изъ инокъ, богомольцевъ и защитниковъ обители Соловецкой не былъ не только убитъ, но даже и раненъ. Мало того: ни одна чайка изъ множества этихъ птицъ, покрывающихъ своими гнѣздами дворъ монастырскій, не была ни ранена, ни убита снарядами англичанъ. А между тѣмъ, по окончаніи бомбардированія, когда англичане убѣдились въ полной его бесполезности, изъ остатковъ отъ ихъ снарядовъ сооружены были предъ Святими вратами три пирамиды: одна изъ 42 гранатъ и ядеръ 96-ти-фунтовыхъ, другая изъ 170 гранатъ и ядеръ 36-ти-фунтовыхъ, третья изъ разорванныхъ гранатъ разнаго калибра и разбитыхъ ядеръ и бомбъ, собранныхъ по монастырю и около его ограда. Тутъ же стоятъ и тѣ двѣ маленькія пушечки, которыми съ прибрежной батареи обитель храбро отвѣчала на английскую канонаду... Эти три пирамиды служатъ живыми памятниками русскаго мужества, основаннаго на твердой вѣрѣ въ Бога и въ Св. Угодниковъ Соловецкихъ, — и англійскаго варварства, которое, въ своей бездельной злобѣ, не пощадило и величайшей русскаго святини

Къ рисункамъ.

На улицу не пускаютъ. (Рис. на стр. 737).

Улицей въ Малороссіи называется мѣсто лѣтнихъ сборницъ сельскаго молодежи, собирающейся поигать и поплясать, хотя это сборное мѣсто не всегда бываетъ между двумя порядками хатъ, а зачастую гдѣ-нибудь въ сторонѣ — на выгонѣ или даже за околлицей. Дѣвчата и паробки становятся въ кругъ и поютъ хоромъ; танцующіе выходятъ попарно на середину круга и подъ скрипку исполняютъ различныя, весьма характерныя танцы... Изображенная на рисункѣ дѣвчина чѣмъ-то провинилась — и старъ (мать), а можетъ и самъ батько не пустили ее на улицу.

Подношенія Августѣйшему Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ. (Рис. на стр. 740).

Казакъ станицы Атбасарской, Прѣсновской и Прѣсногорьковской и поселка Новорыбинскаго. Сибирскаго казачьяго войска, заказалъ для поднесенія своему Августѣйшему Атаману, Государю Наслѣднику Цесаревичу, двѣ группы изъ оксидированнаго серебра на подставкѣ изъ краснаго гранита, вытѣленины Сафоновымъ по рисункамъ Каразина. Обѣ группы исполнены въ заведеніи фабриканта Хлѣбникова. Первая изъ нихъ, — подношеніе атбасарскій, — изображаетъ казака водружающаго русское знамя при штурмѣ Андиджана; знамя — копія со стариннаго, хранимагося въ войскѣ. Вторая, — подношеніе всѣхъ остальныхъ станицъ и поселка, — изображаетъ коннаго казака на развѣдкѣ; арматура золоченая, бивны эмалева, красныя и зеленыя. Такимъ образомъ въ этихъ двухъ группахъ воплощена вся суть казачества: его боевая и сторожевая служба.

Невольничій рынокъ въ древнемъ Римѣ. (Рис. на стр. 741).

Рабство въ древнемъ мірѣ послужило основаніемъ величію и роскоши древняго Рима — оно же развратило и погубило Римъ. Картина Булацке наглядно изображаетъ намъ какъ продавались рабы на невольничьемъ рынкѣ въ Вѣчномъ Городѣ. Ихъ выставляли на высокоомъ деревянномъ помостѣ (catasta), снабженномъ лѣстницей, по которой поднимались покупщики осматривать товаръ. У каждаго изъ продаваемыхъ на шеѣ висѣла доска (titulus), на которой написано было его имя, качества, недостатки и проч. Цѣны товара были весьма разнообразны. За полеваго работника Катонъ Старшій платилъ до 600 руб. на наши деньги; цѣна молодой красной дѣвочки колебалась между 800 и 2,400 рублей; за дѣтей платилось кругомъ по 250 руб. Рабы съ особыми дарованіями, напр., ученые, музыканты, врачи, художники, продавались нерѣдко по баснословно дорогимъ цѣнамъ. Такъ, напр., одинъ ученый рабъ, Дафинсъ, былъ купленъ болѣе чѣмъ за 50,000 рублей.

На первомъ планѣ картины изображенъ продавецъ невольничковъ, беззаботно лакомящійся сидя посреди своего товара.

Нельзя сказать чтобы римляне не сознавали противовѣстности рабства. Такъ, напримѣръ, въ *Диалогѣ* встрѣчается слѣдующее опредѣленіе этого института, принадлежащее законовѣду Флорентину, современнику императора Александра Севера: «Рабство есть основанное на народномъ правѣ установленіе, по которому человекъ въ противность природѣ подчиняется чуждой власти». Юристъ Теофилъ прибавляетъ къ этому: «Природа создала всѣхъ свободными, и рабство есть порожденіе войны». Философъ Сенека идетъ еще дальше: «Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что рабство охватываетъ всего человека», пишетъ онъ, «тѣмъ подчинены господамъ и закрѣплены за нимъ; духъ же свободенъ и ничѣмъ не связанъ, такъ что охватывающая его темница отнюдь не препятствуетъ ему совершать великое и стремиться къ небесному». Не смотря

на то, даже Сенека былъ далекъ отъ сомнѣній въ необходимости рабства.

Что касается пренебреженія рабства у римлянъ, то они совершенно вѣрно приписывали начало его военному плѣненію, при чемъ плененный врагъ, подобно всей прочей военной добычѣ, становился собственностью побѣдителя. Обыкновенно же плѣнные отдѣлялись отъ прочей добычи и продавались за счетъ казны. Объ этомъ часто упоминается въ лѣтонисяхъ (у Ливія подъ 500 г. до Р. X.), и при аукціонной продажѣ въ лагерѣ плѣннымъ надѣвали на голову вѣйки въ знакъ того, что государство не отвѣчаетъ за могущіе оказаться въ нихъ недостатки. Лишь изрѣдка случалось, что часть военнопленныхъ присуждалась въ награду солдатамъ, напримѣръ, въ 423 г., когда по взятіи города Фиденъ каждый всадникъ получилъ по одному, а храбрѣйшіе и по два военнопленныхъ. Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ бывали случаи, когда свободный гражданинъ становился рабомъ. Уклонившіеся отъ всеобщихъ повинностей и военной службы, не явившіеся къ рекрутскому набору или покидавшіе знамя на полѣ битвы, обманно позволившіе продавать себя въ рабство съ тѣмъ чтобы воспользоваться деньгами — вотъ категоріи преступниковъ, которыхъ государство продавало въ рабство. Отецъ въ силу родительской власти могъ продать своего сына въ неволю, и еще законы Двѣнадцати Таблицъ опредѣляютъ, что лишь послѣ троекратной продажи сынъ освобождался отъ родительскаго произвола. Должникъ, по истеченіи всѣхъ дарованныхъ ему сроковъ на уплату, также становился рабомъ своего кредитора. Религія также могла быть причиной потери свободнаго состоянія; такъ, напримѣръ, при Диоклетіанѣ христіане низшаго званія были обращены въ рабство. Всѣ родившіеся отъ рабы дѣлили судьбу матери, кто бы ни былъ ихъ отецъ.

Первоначально римляне довольствовались небольшою числомъ рабовъ для домашнихъ услугъ; у многихъ было не болѣе одного раба въ домѣ. Но съ расширеніемъ римскаго владычества и съ развитіемъ роскоши, возрастала потребность въ рабахъ, и цѣлыя толпы военнопленныхъ доставлялись въ Италію со всѣхъ концовъ свѣта. Такъ, Регуль вывезъ множество рабовъ изъ Африки, а въ лагерѣ Лукулла продавали плѣнника за 4 драхмы. Великая Греція, Галлія, Испанія, Иллирія, Африка и Передняя Азія доставляли громадный контингентъ, и такъ какъ торговля рабами представляла выгодное дѣло, то и развилась въ громадныхъ размѣрахъ. Работоторговцы пользовались самою дурною славой, вслѣдствіе своей нечестности. Какъ выше упомянуто, на шеѣ каждаго продаваемого висѣла доска съ перечнемъ его качествъ и недостатковъ. Если же продавецъ не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности за товаръ, то надѣвалъ на голову продаваемого шляпу. Въ противномъ случаѣ, особый законъ защищалъ покупателя отъ обмана и надувательства. Даже нравственные недостатки и дурныя привычки при этомъ принимались во вниманіе, и если, напримѣръ, работоторговецъ продавалъ вора, или бѣглеца, или игрока за добропорядочнаго слугу, или закореняго въ рабскихъ порокахъ и хитростяхъ (veterator) за новичка, — то обязанъ былъ принять его обратно за ту же цѣну. Покупщики, со своей стороны, принимали всѣ мѣры предосторожности, заставляли товаръ раздѣваться, осматривали и ощупывали его со всѣхъ сторонъ. Каждое украшеніе, каждая повязка на тѣлѣ продаваемаго были подозрительны покупателю — не скрываютъ-ли они какой-нибудь язвы или иного тѣлеснаго недостатка.

Въ Римѣ господинъ былъ полновластенъ надъ рабомъ своимъ. Тогда какъ въ Аѳинахъ запрещено было собственноручно убивать раба, — въ Римѣ господинъ могъ наказывать, истязать, мучить и лишать его жизни, не давая никому очета. Еще во время Цицерона, частные люди не только без-

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ.
Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

человѣчно терзали своихъ рабовъ, но и казнили ихъ смертью. Многие писатели рассказываютъ о жестокости вѣковаго Ведія Подліона, жившаго въ правленіи Августа. Однажды, когда у него обѣдалъ самъ императоръ, рабъ нечаянно разбилъ драгоценный стеклянный сосудъ. Ведій тотчасъ велѣлъ кинуть раба въ садокъ на съѣденіе муренамъ (угрямъ). Провинившійся палъ къ ногамъ императора и умолялъ какъ-нибудь иначе казнить его. Августъ освободилъ его, велѣлъ перебить въ домѣ всю стеклянную посуду и засыпать рыбный садокъ. Законъ Петронія, по которому господамъ запрещалось отдавать безъ разрѣшенія высшей власти своихъ рабовъ на бой съ дикими звѣрьми въ циркѣ, повидимому также изданъ при Августѣ. Только при Антонинѣ издавъ былъ законъ, что за убійство собственнаго раба будетъ взыскиваться такъ же, какъ и за убійство чужаго. Но все это было каплей въ морѣ, въ сравненіи съ повсемѣтно господствовавшимъ грубымъ произволомъ; и поголовныя возстанія рабовъ были не рѣдкостью въ Римской исторіи. Передъ Спартакомъ, приведшимъ подъ стѣны Рима 120,000 рабовъ, задрожалъ Вѣчный Городъ, и возстаніе это было буквально залито потоками крови. Однихъ плѣнныхъ было распято до 6,000.

Завершеніе путешествія Наслѣдника Цесаревича.

(Портр. на стр. 745).

23 октября 1890 года, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, направляясь въ путь, покинулъ Гатчину; 4 августа 1891 года, возвратился Онъ во временное мѣстопробываніе Своихъ Августѣйшихъ Родителей — въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ, къ войскамъ.

Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, не считая желѣзнодорожнаго пути отъ Гатчины до Тресты и отъ Оренбурга въ Красное Село, сдѣлано 34,934 версты.

Такимъ образомъ, завершается дѣяніе Наслѣдника Цесаревича, начатое съ благословенія Родительскаго, освященное науцествомъ Церкви нашей и обратившее на цѣлый годъ, безъ малаго, взгляды и думы всѣхъ русскихъ людей на Востокъ. Цѣлое полушаріе земли опоясано путинной Цесаревича. Третья часть этого великаго пути совершена Его Высочествомъ по Русской Землѣ, по Сибири.

Блестящи, торжественны, по-истинѣ величественны были встрѣчи, устроенныя, съ одной стороны, предупредительною заботливостью правительствъ многочисленныхъ странъ, которыя посѣщалъ Цесаревичъ, съ другой, привѣтомъ народовъ и племенъ, которыхъ созывалъ слухъ о небываломъ посѣщеніи ихъ молодымъ Сыномъ Бѣлаго Царя, Наслѣдникомъ Его Престола; много, конечно, минуло и часовъ высокаго наслажденія уносить съ собою всякій путешествующей; золотую розсыпь залегаютъ въ него тѣ впечатлѣнія, замѣтки, сравненія, наблюденія, изъ которыхъ, современемъ, скажутся выводы и заключенія; все возможное, въ этомъ нельзя сомнѣваться, сдѣлано было для облегченія трудностей и неудобствъ путешествія — и все-таки Наслѣдникомъ совершенъ нелегкій трудъ, доведено до конца большое, важное дѣяніе.

Глубоковнушительнымъ является то обстоятельство, что Наслѣдникъ Цесаревичъ Самъ пожелалъ пойти на этотъ трудъ и тѣмъ завершить свое образованіе. Въ 1890 году, съ окончаніемъ высшаго учебнаго курса, представилась возможность осуществить предположеніе Его Императорскаго Высочества относительно большаго путешествія на Востокъ. На посѣщеніе дальнихъ окраинъ Цесаревичъ смотрѣлъ не какъ на увеселительную прогулку, а какъ на исполненіе долга, какъ на возможность пріобрѣтенія опыта и свѣдѣній, могущихъ впоследствии быть полезными на службѣ Государю и Отечеству. Въ Сибирь Цесаревича влекло важное политическое и экономическое значеніе этой части Русскаго Государства, влекло и желаніе изучить на мѣстѣ вопросы о сибирской желѣзной дорогѣ. Какъ Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, Великому Князю также весьма желательно было подробно осмотрѣть мѣстныя казачьи части. Путь въ Сибирь былъ, конечно, выбранъ морской, вносившій новый интересъ и высокую поучительность; кромѣ того, дальнее и продолжительное плаваніе ставило Высочайшаго Путешественника лицомъ къ лицу съ условіями и трудностями военно-морской службы. Для выполненія всего этого предстояла годовая, нѣрѣдко томительная, по своей неизбѣжности, вслѣдствіе отсутствія телеграфа, разлука съ Августѣйшими Родителями и всею Августѣйшею Семьею; предстояла отчаянная рѣшимость идти на возможные случайности, отъ которыхъ не обезпечены и Особы Царствующихъ Домовъ, совершенно исключительными, иногда глубоко-таинственными, условіями. Рѣшено было: испытать эту разлуку, пойти на эти случайности, замкнуться, когда потребуется, въ узкое огражденіе корабельной каюты, или, еще болѣе неудобную, почтовую коляску, и пойти на встрѣчу всякой непогодѣ и всякому безвременью.

Если на долгихъ путяхъ Своихъ, вѣдъ Россіи, Наслѣдникъ знакомился съ Востокомъ, и передъ Нимъ, одни вслѣдъ за другими, являлись крупныя данныя для наблюденій, то путь Его по Россіи былъ, кромѣ того, связанъ и съ воплощеніемъ мѣтропріяній, отнынѣ подлежащихъ органическому связанію Сибирь съ европейскою половиною Имперіи. Наслѣдникъ присутствовалъ, во Владивостокѣ, при открытіи работъ сибирской

желѣзной дороги, съезъ на полотно ея тачку земли и пробѣжалъ въ поѣздѣ по построенному трехверстному участку; при Его Высочествѣ произведена закладка владивостокскаго дока, и этимъ положены безконечно плодоносныя сѣмена, послѣдствій произрастанія которыхъ, даже приблизительно, опредѣлить нельзя. Въ тѣ же дни важныхъ начинаній на долю Наслѣдника выпало почтить дорогую память тѣхъ настоячивыхъ работниковъ, которые положили свои силы на объединеніе Сибири съ Европейскою Россіею — Цесаревичъ присутствовалъ при закладкѣ памятника адмиралу Невельскому во Владивостокѣ и при торжественномъ открытіи, въ Хабаровкѣ, памятника графу Муравьеву-Амурскому.

Если лучезарны и ослѣпительны были, въ Египтѣ, Индіи и Китаѣ, обстановки встрѣчъ; если многое говорили мыслямъ легенды о царяхъ Сіамскихъ, спящихъ въ безмолвныхъ развалинахъ своихъ, утомленныхъ жизнью, столицъ; если поразительными являются шумныя довліи слововъ и опасныя охоты на тигровъ, фантастика иллюминаціонныхъ огней и привѣтствій народовъ; если въ бронзѣ, мраморѣ и гранитѣ глядѣли на встрѣчу Августѣйшему Путнику воплощенія исторической жизни тысячелѣтій, расцвѣченныя флагами и пробуждаемыя грохотомъ салютовъ, — то какою же дѣвственною, святою тишиною должны были глянуть молчаливыя, непамятенныя, дѣвственныя дебри Сибири? Какими дѣтymi природою должны были показаться всѣ наши буряты, киргизы, голды! всѣ эти деревянныя села и поселки нашихъ русскихъ переселенцевъ и казаковъ, въ которыхъ единственнымъ придорожнымъ украшеніемъ, на встрѣчу Высокаго Гостя, выставлены бѣдныя иконы, хлѣбъ-соль съ деревянными солонками и тканья полотнца, — села, въ которыхъ только звукъ одинокаго церковнаго колокола, съ невысокой колоколенки, задумчиво привѣтствовалъ проѣзжавшаго Престола Наслѣдника, не всегда покрывая робкими, но упорными звуками своими, стукъ колесъ Его экипажа! Великая параллель возникла передъ Августѣйшимъ Посѣтителемъ этихъ мѣстъ, гдѣ такъ безконечно мало прошедшаго, гдѣ все рѣшительно въ будущемъ и гдѣ не можетъ быть и рѣчи о легендарномъ утомленіи земли или народа, только начинашаго отвоевывать отъ дѣбрей первыя прогалыны своихъ покосовъ полей. Не обманется внимательный глазъ скромностью видѣнной обстановки края, потому что нечисленны богатства его лѣсовъ, водъ и нѣдръ земныхъ, сохраненныхъ отъ Бога для будущихъ поколѣній нашихъ, потому что горячи сердца, и тепла вѣра трудищагося вѣроподданнаго народа.

Съ неописуемою радостью встрѣчаетъ Русская Земля Первенца Государева. Дважды въ жизни спасенный Богомъ отъ смертной опасности, Цесаревичъ возвращается къ своимъ многочисленнымъ и многотруднымъ обязанностямъ какъ Военный, какъ членъ Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта, снабженный такимъ богатымъ запасомъ свѣдѣній и наблюденій, что мало кто противопоставитъ имъ запасъ болѣе самостоятельный, а главное, болѣе непосредственный, въ смыслѣ примѣненія его ко всѣмъ трепещущимъ вопросамъ государственной жизни нашей.

Государю Императору угодно было въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Наслѣдника Цесаревича, 17 марта текущаго года, и переданномъ Цесаревичу ко времени возвращенія Его на Русскую Землю — 19 мая, поручить Ему, на крайнемъ Востокѣ, въ 9,986 верстахъ отъ Петербурга, положить основаніе работамъ сибирскаго рельсоваго пути, этого „истинно народнаго дѣла“. Если рельсовый путь, современемъ, послужитъ металлическою связью Сибири съ Европейскою Россіею, то связью духовною, не меньшей цѣны и значенія, и уже сказавшеюся, является переѣздъ вдоль всей Сибири Наслѣдника Цесаревича, — связью, прочностъ которой гораздо болѣе сильна потому, что она — связь духовная, неподчиняющаяся преходящимъ условіямъ времени и мѣста. Однимъ изъ звеньевъ этой духовной связи является благодатная милость Именнаго Высочайшаго Указа, отъ 17 апрѣля текущаго года, смягчившая и сократившая наказанія отбываемыя въ Сибири, — милость, явленная Государемъ Императоромъ въ ознаменованіе посѣщенія Сибири Любезнѣйшимъ Сыномъ Его.

(Правит. Вѣстн. № 169, 1891 г.)

Пребываніе Государя Наслѣдника Цесаревича въ Томскѣ. (Рис. на стр. 748).

Рисунокъ нашъ изображаетъ восторженную встрѣчу Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича въ Томскѣ, 5 іюля. На другой день по прибытіи, Его Высочество, въ 10^{1/2} часовъ утра, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Императорскій Томскій университетъ, осматривалъ его въ теченіе полутора часа, во всѣхъ подробностяхъ, выразилъ свое удовольствіе и, вслѣдъ затѣмъ, благополучно отбылъ на пароходѣ въ Тобольскъ. Въ университетѣ, гдѣ были собраны всѣ учебныя заведенія Томска, встрѣча была оказана самая восторженная. Передъ отъѣздомъ изъ Томска, Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было осчастливить попечителя округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Флоринскаго, своимъ фотографическимъ портретомъ, съ собственноручною Его Высочества подписью.

Памятникъ русскимъ воинамъ, геройски погибшимъ при битвѣ со шведами, 10 іюля 1701 года, на островѣ Люцаусгольмѣ, близъ Риги.

(Рис. на стр. 748).

10 іюля настоящаго года въ Ригѣ происходило важное торжество освященія памятника, воздвигнутаго на одномъ изъ острововъ рѣки Западной Двины, именно на островѣ Люцаусгольмѣ, въ память 400 русскихъ воиновъ, геройски погибшихъ 10 іюля 1701 года въ битвѣ со шведами.

Шведская армія подошла къ Ригѣ 7 іюля 1701 года. Главнокомандующій саксонско-русскими войсками, фельд-маршалъ Штейнау, на случай попытки шведовъ перейти Западную Двину у самой Риги, распорядился занять подъ городомъ острова на этой рѣкѣ, при чемъ одинъ отрядъ русскихъ, состоявшій изъ 400 человекъ, былъ расположенъ на островѣ Люцау въ укрѣпленіи, которое за годъ передъ этимъ было возведено самими шведами.

Послѣ удачной переправы, 9 іюля 1701 года, черезъ Двину, Карлъ XII одержалъ побѣду надъ саксонско-русскимъ отрядомъ и отбѣшилъ его отъ Риги, за исключеніемъ четырехсотеннаго отряда, засѣвшаго на Люцаусгольмѣ.

По сохранившимся наиболее достовернымъ свѣдѣніямъ, Карлъ XII послѣ окончательнаго пораженія саксонцевъ, только ночью 9 іюля отрядилъ полковника Гельмерсена съ войсками, потребовать сдачи 400 русскихъ, занимавшихъ Люцау. Но храбрецы слышать не хотѣли ни о какой сдачѣ и защищались всѣ до послѣдняго человека.

Всѣ они погибли, во славу русскаго оружія, за Вѣру, Царя и Отечество, какъ подобаетъ русскимъ воинамъ, помнящимъ и свято соблюдающимъ разъ данную присягу.

Не дешево русскіе богатыри продали свою жизнь; въ этой почтой схваткѣ пало очень много шведовъ вмѣстѣ съ начальникомъ, полковникомъ Гельмерсеномъ.

400 погибшихъ русскихъ богатырей были похоронены въ одной братской могилѣ, надъ которою въ настоящее время возвышается холмъ, на вершинѣ коего и поставленъ памятникъ.

Уже въ 1888 году послѣдовало Высочайшее Государя Императора соизволеніе на открытіе подписки для возведенія памятника.

2 іюня нынѣшняго года происходила торжественная закладка памятника, изготовленнаго въ Финляндіи изъ гранита, а 10 іюля, въ 190-ю годовщину геройской смерти храбрецовъ, послѣдовало торжественное открытіе памятника, при участіи войскъ рижскаго гарнизона.

Средне-Азиатская выставка въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 749).

Средне-Азиатская выставка въ Москвѣ является для Россіи великимъ торжествомъ,—результатомъ долголѣтнихъ и громаднѣхъ усилій, положенныхъ на дѣло распространенія культуры въ такихъ пустыняхъ и уголкахъ Средней Азіи, въ которыхъ 45—50 лѣтъ назадъ не дерзало проникать ни одинъ европейскій путешественникъ, ни одинъ самый предприимчивый, самый пронырливый англійскій торговый или дипломатическій агентъ. Когда, въ 1863 году, венгерскій ученый Вамбери, тщательно скрывшій свою национальность подъ вѣшностью и одеждой восточнаго странника (дервиша), проникъ на нѣсколько дней въ Бухару и обозрѣлъ ея мусульманскія святыни—вся Европа превознесла его подвигъ до небесъ и всѣ географическія общества чествовали его, какъ послѣдствіи чествовали Ливингстона и Станлея, хотя тотъ же подвигъ, до Вамбери, былъ совершенъ многими скромными русскими людьми безъ всякихъ переодѣваній и романтической обстановки.

Вынужденное движеніе Россіи внутрь Средней Азіи началось еще издавна (при Петрѣ Великомъ) и было вызвано необходимостью защитить свои восточныя границы отъ разбойничьихъ набѣговъ со стороны средне-азиатскихъ кочевниковъ. Но, въ теченіе 150 лѣтъ, Россія, занятая непрерывными войнами на Западѣ и на Югѣ, не могла энергично вести борьбу съ азиатскими ханствами, которые были защищены отъ нашего нападенія громадными стѣнами и пустынями. Только уже въ началѣ царствованія императора Александра II рѣшено было вести упорную войну противъ Коканскаго, Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ, такъ какъ разбой и насилие средне-азиатскихъ кочевниковъ находили себѣ поддержку именно въ этихъ трехъ враждебныхъ Россіи владѣніяхъ.

Послѣдовательныя войны съ Коканскимъ, Бухарскимъ и Хивинскимъ ханствами, продолжавшіяся съ 1864 по 1873 годъ, были чрезвычайно тѣсны и могли быть успѣшно закон-

чены только благодаря такимъ талантливымъ русскимъ генераламъ, какъ Черняевъ, Веревкинъ, Кауфманъ и Колпаковский, а также и благодаря необычайной выносливости русскаго солдата. Въ результатъ войны получило соединеніе огромнаго края, который отчасти былъ покоренъ русскимъ оружіемъ, отчасти добровольно отдался въ подданство „Вѣлаго Царя“, отчасти (Бухара) связанъ съ Россіею узлами неразрывнаго союза. Войны въ Средней Азіи закончились тѣмъ громовымъ ударомъ, который нанесъ Скобелевъ воинственному племени текницевъ, связавъ такимъ образомъ, посредствомъ приобрѣтенія Мервскаго оазиса, наши средне-азиатскія владѣнія съ юго-западнымъ берегомъ Каспійскаго моря.

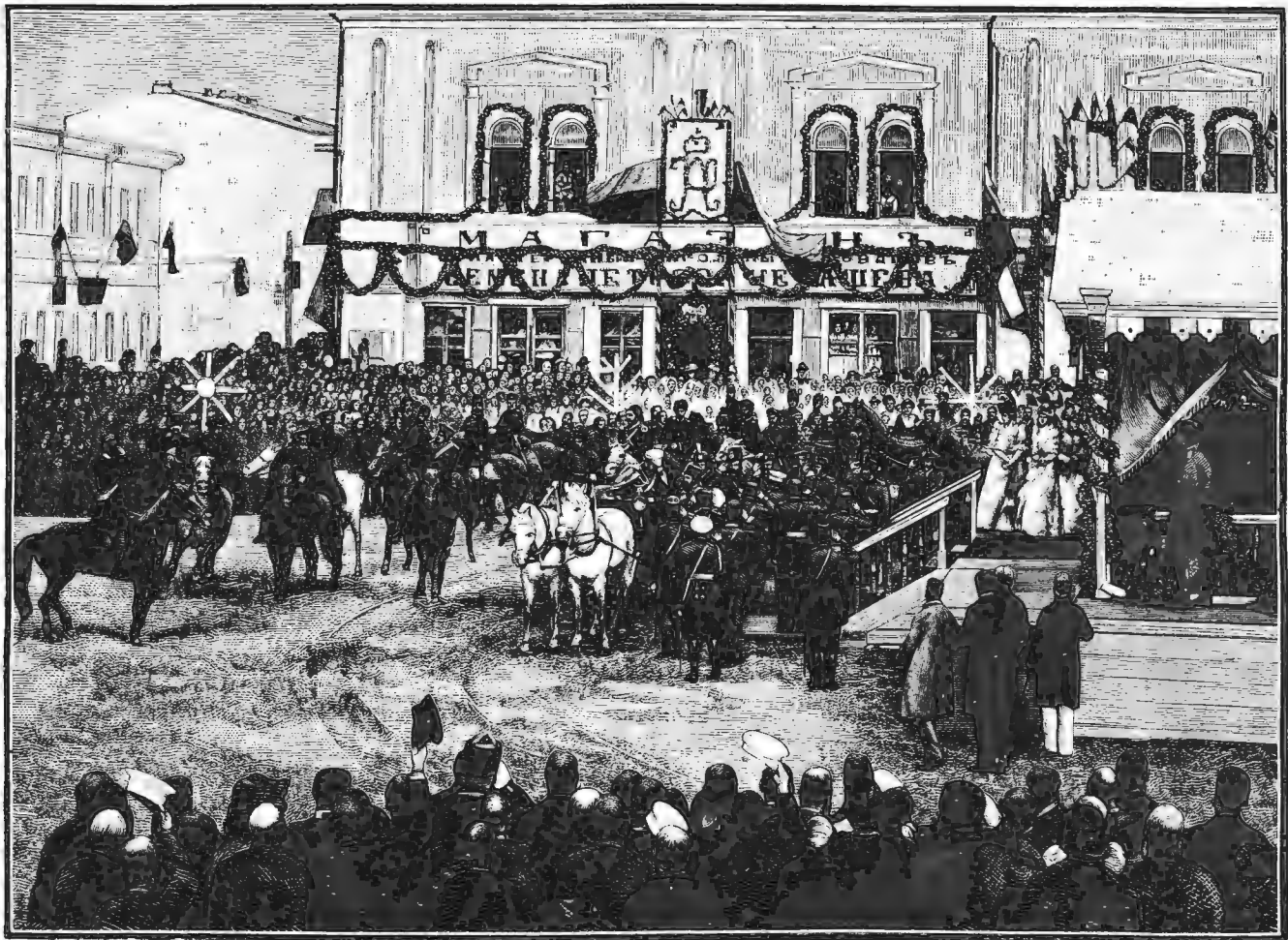
Но если трудно было завоевать эти дальнія, огражденные пустынями, страны, то еще труднѣе было здѣсь утвердиться и засадить цивилизацію. Но и на это нашлись честные и смѣлые русскіе дѣятели, которые успѣли просвѣтить ново-приобрѣтенный край, успѣли возбудить въ туземцахъ, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ Россіи, и духъ предприимчивости, и желаніе принять участіе въ общей жизни Россіи—внести свою долю труда въ ея промышленность и торговлю. Дѣло пошло настолько быстро и успѣшно, что уже въ началѣ нынѣшняго царствованія явилась потребность связать отдѣленные средне-азиатскія владѣнія съ Каспійскими прибрежиями непрерывнымъ желѣзнодорожнымъ путемъ, который чрезвычайно оживилъ весь край и, въ данную минуту, служитъ чрезвычайно важную службу Россіи и Европѣ, такъ какъ только при помощи этого пути оказалась возможность ознакомиться съ неисчерпаемыми богатствами нашихъ средне-азиатскихъ владѣній. И вотъ, въ результатъ долгихъ и тягостныхъ войнъ, въ результатъ многолѣтнихъ и благородныхъ усилій, потраченныхъ на упроченіе русскаго владычества въ Средней Азіи и на дѣло распространенія въ ней цивилизаціи, получился возможность устроить въ Москвѣ, въ 1891 г., особую, специальную Средне-Азиатскую выставку, которая заслуживаетъ вниманія просвѣщенныхъ людей.

Помѣщеніе для выставки избрано было весьма удачно, въ самомъ центрѣ города, въ обширныхъ залахъ того зданія „Историческаго Музея“, описанію котораго мы посвящаемъ особую статью въ *Нивѣ* (см. № 36, стр. 788). Помѣщеніе выставки было чрезвычайно искусно декорировано различными художественными подробностями, которыя отчасти знакомятъ насъ съ богатыми историческими воспоминаніями Средней Азіи. Такъ, напримѣръ, самый входъ въ залы выставки былъ устроенъ по образцу знаменитой Самаркандской древней мечети (см. рис. 1 на стр. 749 нынѣшняго № *Нивы*). Сверхъ того, въ различныхъ уголкахъ выставочнаго помѣщенія были чрезвычайно художественно восстановлены такіе бытовые черты и подробности средне-азиатской жизни, которыя заставляютъ насъ воображеніемъ переноситься на эти далекія окраины. Такъ, напримѣръ, одна изъ залъ выставки знакомитъ насъ съ путями сообщенія въ Средней Азіи (караванный способъ); другая—съ уличною жизнью Бухары и Хивы; третья—съ восточнымъ базаромъ, оживленнымъ и истремымъ, и блестящимъ яркостью красокъ (см. рис. 3 на стр. 749). На этомъ базарѣ явилась возможность ознакомиться посетителя выставки и съ типами средне-азиатскихъ народовъ, которыхъ и въ видѣ живыхъ людей, и въ видѣ прекрасно исполненныхъ манекеновъ, очень оживляютъ и украшаютъ базаръ выставки. По очень счастливному замыслу, на выставкѣ, въ особомъ отдѣлѣ, собраны всѣвозные предметы торговли (см. на нашемъ рис. 2), и имъ противопоставлены превосходно и чрезвычайно полно составленные коллекціи мѣстныхъ произведеній Средней Азіи, которыя можно легко подраздѣлить на 5 отдѣловъ: 1) фрукты, 2) шерсть, 3) шелкъ, 4) хлопокъ, 5) сокровища минеральныхъ. Изъ этихъ богатствъ средне-азиатскій хлопокъ уже занимаетъ видное мѣсто на русскомъ рынкѣ, и перевозится Закаспійскою дорогою въ миллионныхъ пудовъ; шерсть приобрѣтаетъ болѣе и болѣе значенія по своимъ превосходнымъ качествамъ и привлекаетъ на выставкѣ вниманіе европейцевъ. Изъ минеральныхъ богатствъ, на выставкѣ видимъ превосходные образцы свинца (съ богатыми содержаніемъ серебряной руды), мѣди, селитры, сѣры, марганца. Образцы фруктовъ, винограда и всякихъ надѣлій и заготовокъ изъ фруктовъ, отъ вина, сушеній и вареній, до цукатовъ, изюма и кишмиша—свидѣтельствуютъ о такомъ разнообразіи растительнаго царства въ Средней Азіи, съ которымъ можетъ тягаться южный берегъ Крыма и многіе частки Южной Европы. Вообще говоря, Средне-Азиатская выставка—явленіе удивительное и замѣчательное, и мы привѣтствуемъ ея положительный успѣхъ.

Политическое обозрѣніе.

Вступленіе французской эскадры на Синтгэдскій рейдъ произошло при довольно неблагоприятной погодѣ. На морѣ дулъ свѣжій вѣтеръ и по случаю сильнаго волненія немногіе изъ частныхъ яхтъ и пароходовъ рѣшились выйти навстрѣчу. Около двадцати яхтъ съ публикою стояли у шловучаго маяка.

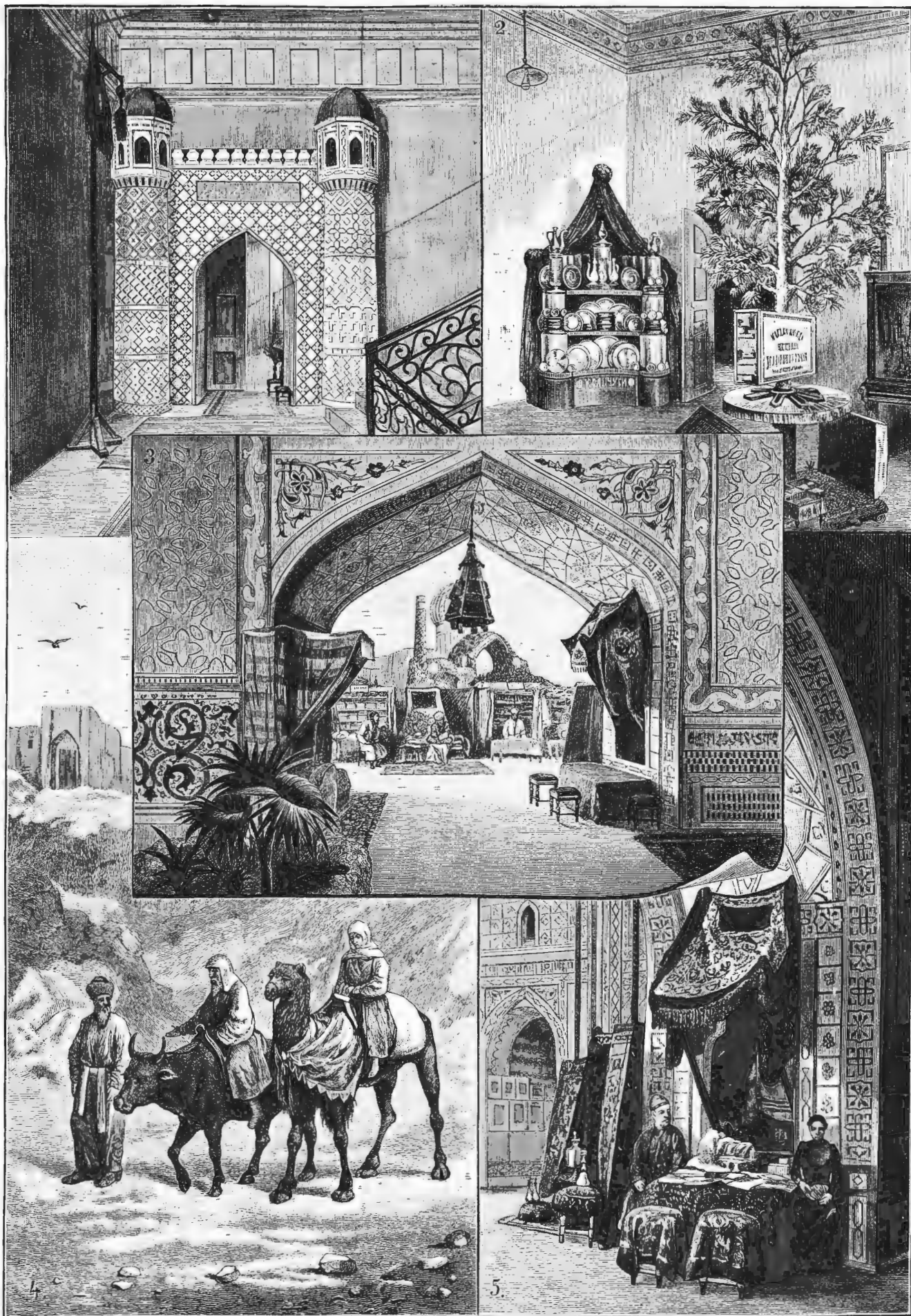
Грозные броненосцы французской эскадры медленно подвигались, въ стрѣхъ кильватерной колонны, къ мѣсту назначенной имъ стоянки, имѣя впереди адмиральскій корабль „Magengo“, за которымъ слѣдовали тихимъ ходомъ броненосцы: „Requin“, величественный „Marceau“, „Furieux“, „Surkouf“ и „Lance“,

Прибытіе Государя Наслѣдника Цесаревича въ Томскъ, 5 іюля 1891 г. Съ фот. грав. Флюгель.

Памятникъ русскимъ воинамъ, геройски погибшимъ въ битвѣ со шведами, 10 іюля 1701 г., на островѣ Людаусгольмѣ, близъ Риги. Съ фот. грав. Рашевскій.

Средне-Азиатская выставка въ Москвѣ 1891 г. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Рашевскій.

1. Входъ въ залы выставки. 2. Первая зала выставки съ витринами металлическихъ везныхъ издѣлій (посрединѣ дерево изъ иголокъ). 3. Перспектива залы Самаркандскаго базара. 4. Маненены въ залъ путей сообщенія Средней Азій и Россіи. 5. Одна изъ лавокъ въ залѣ Самаркандскаго базара. Библиотека "Руниверс"

въ сопровожденіи миноносекъ, шедшихъ по обѣимъ сторонамъ кильватерной линіи. Вступивъ на рейдъ, броненосецъ „Magenta“ салютовалъ двадцатью однимъ выстрѣломъ съ поднятіемъ британскаго флага. Отвѣтныи салютъ послѣдовалъ немедленно съ береговыхъ батарей. Величественное движеніе броненосцевъ дѣйствовало на всѣхъ возбуждающимъ образомъ. Публика на яхтахъ и пароходахъ, видимо, наэлектризовывалась. Поровнявшись съ англійскимъ броненосцемъ „Camperdown“, на мачтѣ котораго развѣвался флагъ адмирала Сеймура, „Magenta“ произвелъ салютъ и остановился. Съ британскаго портоваго судна „Duke of Wellington“ тотчасъ же раздался отвѣтныи выстрѣлы. Команды какъ англійскихъ, такъ и французскихъ судовъ были выстроены на реяхъ и на палубахъ. Англійскіе моряки привѣтствовали каждое проходившее мимо нихъ французское судно громкимъ „ура“. Восторженные клики публики, махавшей шапками и платками, вмѣстѣ съ дружными возгласами, гремѣвшими съ англійскихъ и французскихъ судовъ, перекатывались по обширному Спитгедскому рейду. Было 4 часа пополудни, когда съ французскаго адмиральскаго броненосца раздался первый пушечный выстрѣлъ, а въ пять часовъ на французскія суда прибыли англійскіе лопманы, и вся эскадра направилась въ Осборнскую бухту, гдѣ и бросила якорь. Французская эскадра произвела на англійчанъ внушительное впечатлѣніе. Многихъ поразила сѣрый цвѣтъ французскихъ броненосцевъ, тогда какъ суда англійскаго флота выкрашены черной и бѣлой красками. Сѣрый цвѣтъ присвоенъ броненосцамъ сѣверной эскадры потому, что, сливаясь съ горизонтомъ, препятствуетъ глазу видѣть суда издали. Такъ, въ среду 19 августа, въ то время какъ эскадра подходила къ Спитгедскому рейду, трудно было распознать издали ея суда даже въ подзорную трубу. На слѣдующій день, 8 (20) августа, состоялся парадный обѣдъ у королевы въ Осборнскомъ замкѣ. 10-го портсмутскій мэръ давалъ банкетъ на 500 кувертовъ французскимъ адмиралу, офицерамъ и послу. На банкетѣ присутствовали герцоги Коннаутскій. Рядъ торжествъ и празднествъ закончился приемомъ адмирала Жерве въ Осборнскомъ дворцѣ и затѣмъ блестящимъ смотромъ въ Портсмутѣ. По окончаніи портсмутскаго смотра, королева Виктория послала президенту Карно телеграмму, въ которой говоритъ, что была рада принять адмирала Жерве и его офицеровъ, и высказываетъ удивленіе къ французской эскадрѣ. Въ своей отвѣтной телеграммѣ президентъ Карно благодарилъ королеву за выра-

женныя ею чувства къ французскимъ офицерамъ и къ французской эскадрѣ. Приемъ, оказанный французскимъ морякамъ въ Осборнѣ и Портсмутѣ, свидѣтельствуетъ, что франко-русское сближеніе явилось вполне равносильнымъ тройственному союзу и потому Англія успѣшила разсѣять толки о ея вступленіи въ тройственный союзъ, а также залить о своей рѣшимости быть попрежнему нейтральною. Приходомъ французской эскадры въ Англію очень недовольны въ берлинскихъ политическихъ кружкахъ. Нѣмецкая печать крайне смущена тономъ, которымъ привѣтствуютъ французскихъ моряковъ англійскія газеты всѣхъ отбѣшковъ. Въ Берлинѣ никакъ не ожидали такой рѣзкой перемены фронта, какая совершилась въ англійскихъ правящихъ сферахъ. „Какой внезапный поворотъ въ настроеніи общества и печати!“—пишетъ лондонскій корреспондентъ газеты *Berl. Tagebl.* изъ Портсмута. „Не вѣривъ своимъ глазамъ, когда приступилъ къ чтенію тѣхъ самыхъ лондонскихъ газетъ, которые такъ еще недавно восторгались прїездомъ въ Англію императора Германскаго и въ такихъ сердечныхъ выраженіяхъ отзывались объ естественномъ союзѣ и дружбѣ Англіи съ Германіей. Эти самыя газеты слытятся теперь увѣрять своихъ французскихъ гостей, что приемъ, оказанный Германскому монарху англійскимъ народомъ, не былъ примодушенъ, и что союзъ между Соединеннымъ Королевствомъ и Германскою имперіею рѣшительно немислимъ“.

Взнорядки въ Китаѣ продолжаютъ. *National Zeitung* сообщаетъ, что „движеніе противъ христіанъ въ Китаѣ исходитъ, въ большей части, отъ тайныхъ обществъ. Всѣ роды, участвовавшіе въ возстаніи тайниговъ, не перестаютъ съѣтъ радоры, и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы вызвать возстаніе среди голодающаго народа и отставныхъ солдатъ. Одинъ изъ наслѣдниковъ покойнаго наикнискаго вице-короля Цзень-Кво-Цзена, между прочимъ, выплачиваетъ даже 50,000 таэлей (больше 100,000 рублей) тайнымъ сообществамъ, чтобы поддерживать спокойствіе въ области. Другіе высшіе правительственные чиновники слѣдуютъ его же примѣру, а общества, забравъ деньги, употребляютъ ихъ затѣмъ для анти-правительственной пропаганды“. Внушенія, сдѣланныя представителями державъ и угрозы провозвѣсти экзекуцію, повліяли сильно на Пекинское правительство. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Шанхая, сильная китайская эскадра получила приказъ идти въ Нанкинъ, другая флотилія сосредоточивается къ сѣверу отъ Янь-тзе-Кіанга.

С М Ъ С Ъ .

Знаменитый профессоръ Вѣнскаго университета д-ръ Нотнагель недавно демонстрировалъ своей аудиторіи даму, страдающую болѣзною печени, которая по изслѣдованіи была признана въ высшей степени замѣчательнымъ и рѣдкимъ случаемъ. Это — такъ называемый *cisticercus* печени, маленький но опасный паразитъ, представляющій собою зачаточное (пузырчатое) состояніе одной ленточной глисты, живущей во внутренностяхъ собаки. Въ своемъ докладѣ, построенномъ на находкѣ этого паразита, Нотнагель напиралъ въ особенности на то обстоятельство, что распространеніе опаснаго паразита въ послѣднее время является лишь слѣдствиемъ все возрастающаго пристрастія къ собакамъ. Преимущественно маленькія комнатныя собачки бываютъ носительницами заразы. Любя чистоту, онѣ иногда дѣлами часами занимаютъ своимъ туалетомъ, при чемъ крошечные, почти микроскопическіе, паразиты легко могутъ попасть на мордочку, въ количествѣ хотя бы нѣсколькихъ экземпляровъ, и тамъ остаться. Такимъ образомъ маленький любимецъ очень плохо вознаграждаетъ свою госпожу за расточаемыя ему ласки: паразитъ проникаетъ въ тѣло человека и располагается въ своемъ излюбленномъ мѣстѣ—печени; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ переходить въ другіе жизненные органы, какъ-то: сердце и мозгъ, вызывая неизлѣчимыя болѣзни и смерть.

Въ Вѣнѣ, Кенигсбергѣ и Ленѣ такія болѣзни являются относительно частыми, именно у женщинъ, принадлежащихъ къ зажиточнымъ сословіямъ, и не подлежатъ сомнѣнію, что это не что иное, какъ прискорбное слѣдствіе чрезмѣрно развитой въ этихъ городахъ страсти къ комнатнымъ собачкамъ. (б.)

600-лѣтіе Швейцарской независимости. Въ послѣднихъ числахъ іюля нынѣшняго года въ Швицѣ состоялось празднованіе дня основанія Швейцарской республики. Ровно 600 лѣтъ тому назадъ здѣсь было положено начало союза швейцарскихъ кантоновъ. Двухдневное празднество отличалось грандіознымъ характеромъ и привлекло тысячи швейцарцевъ со всѣхъ концовъ ихъ небольшого отечества. Въ первый день, при громадномъ стеченіи народа, состоялось торжественное шествіе во храмъ, въ которомъ участвовали всѣ власти и представители кантоновъ. Въ этотъ день произнесено было нѣсколько рѣчей президентомъ республики г. Вельти и др. должностными лицами. Назначенное на другой день театральное представленіе, состоявшее изъ ряда живыхъ картинъ и посвященное исторіи Швейцаріи, прошло весьма оживленно и вызвало всеобщій восторгъ. Первая картина изображала семью древнихъ рыбаковъ, охотниковъ и пастуховъ на берегахъ Фирвальдштеттскаго озера за 200 лѣтъ до Р. X. Далѣе шли: знаменитая клятва первыхъ союзниковъ въ 1291 году, извѣстный выстрѣлъ Вальгельма Телля въ Альтдорфѣ, битва при Моргартенѣ въ 1315 году, гдѣ

были разбиты австрійцы, и т. д. Въ заключеніе всѣ дѣйствующія лица, числомъ до 700 человекъ, лица и одежды которыхъ были бронированы, составили общую группу „Гельвеція“, оставаясь неподвижными цѣлые полчаса. Вечеромъ этого дня берега Фирвальдштеттскаго озера и прибрежныя Альпы были блестяще иллюминированы. Озеро лежало точно въ вѣнкѣ разноцвѣтныхъ огней, всѣ мѣстечки по берегамъ его были освѣщены бенгальскими огнями, на горныхъ вершинахъ пылало до 4000 костровъ и надъ всѣмъ этимъ на вершинѣ горы, господствующей надъ Швицемъ, блистала огненный крестъ, выдѣляясь на черномъ небѣ. (к.)

Въ Берлинскомъ *Passage-Paropticum* недавно показывалось единственное въ своемъ родѣ чудо природы, возбудившее всеобщій интересъ, одна изъ тѣхъ анатомическихъ рѣдкостей, которая подчасъ творитъ природа вопреки своимъ же законамъ, какъ бы въ доказательство своего всемогущества. Феноменъ этотъ—итальянскіе близнецы Точки. Въ знаменитыхъ сіамскихъ близнецахъ ясно различались два отдѣльные индивида, тѣла которыхъ срослись только въ одномъ мѣстѣ; напротивъ, итальянскіе близнецы Точки представляютъ собою единое существо, напоминающее сказочныя существа древнихъ мифологій. Нижняя часть тѣла вплоть до шестаго ребра является вполне нормальною и ничѣмъ не отличается отъ тѣла отдѣльнаго индивида. Но начиная съ шестаго ребра это тѣло раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ каждая представляетъ собою вполне развитую верхнюю часть человѣческаго тѣла. Въ общемъ братья Джованни и Джаконо Точки обладаютъ двумя головами, четырьмя руками, двумя грудями, при одной нижней части тѣла и двухъ ногахъ. Близнецы эти, 15-ти лѣтъ отъ роду, чрезвычайно развиты дѣти. Они охотно вступаютъ въ разговоръ, отлично пишутъ и умѣютъ рисовать, одинъ изъ нихъ даже очень хорошо рисуетъ. Въ большихъ и красивыхъ черныхъ глазахъ ихъ свѣтится природный умъ, придающій особую прелесть ихъ личикамъ. Въ умственномъ отношеніи это два самостоятельные независимые другъ отъ друга индивида, тѣлесная и душевная дѣятельность которыхъ, конечно благодаря силѣ привычки, почти совпадаютъ. Но нѣрѣдко они испытываютъ весьма различныя ощущенія: напримѣръ Джаконо бываетъ печаленъ, когда Джованни доволенъ и веселъ. Ложатся спать они въ извѣстный срокъ и почти одновременно засыпаютъ, но среди дня иногда одинъ изъ нихъ засыпаетъ въ то время когда другой пишетъ или рисуетъ. Любопытно, что каждый изъ нихъ считаетъ свою ногу, находящуюся на его сторонѣ, и вставая по утрамъ каждый обуваетъ свою ногу. Нелишнимъ будетъ замѣтить, что родители дѣтей, равно какъ и ихъ сестры, обладаютъ совершенно нормальною пропорціонально развитымъ тѣломъ. (к.)

Изъ огня да въ псымя. Приводимъ краснорѣчивый примѣръ

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г. Кобеляки, Полт. губ.—Дарин Сидоровнѣ Тарасовой.

Потрудитесь обратить вниманіе на наши объявленія, гдѣ яено сказано, что въ числѣ 12 книгъ Сборника „Нивы“ будутъ 4 тома полнаго собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова, которое и разослано уже г.г. подписчикамъ: первые 2 тома, сброшюров. въ одну книгу, при № 29 „Нивы“ (Сборникъ за Іюль и Августъ), а остальные 2 тома—при № 33 (Сборникъ за Сентябрь).

УЧЕНИКИ и УЧЕНИЦЫ О. В. ЕЗЕРСКАГО

приводятъ въ порядокъ и вновь заводятъ счетоводство по любому дѣлу и по любой системѣ по итальянской двойной или по русской тройной съ ручательствомъ, залогомъ и отвѣтственностью арти. Адресоваться:

на СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ О. В. ЕЗЕРСКАГО, МОСКВА, Тверская, д. Хомяковыхъ, уголъ Садовой. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп. 66 * ХАРЬКОВЪ, Больш. Понасовская 46.

УЧЕНИЧЕСКІЯ РАБОТЫ УДОСТОЕНЫ МЕДАЛЮЮ по учебному отдѣлу на ВСЕРОС. ВЫСТАВКѣ въ МОСКВѣ 1882!

судопроизводства, практиковавшагося въ Америкѣ относительно цвѣтныхъ до уничтоженія рабства. Въ 1824 г. одинъ свободный негръ изъ Нью-Йорка предпринялъ путешествіе на Югъ. Въ Вашингтонѣ онъ внезапно былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму; оказалось, что его приняли за одного невольника, который долго передъ тѣмъ убѣжалъ съ плантаціи. После долгого предварительнаго ареста, во время котораго производилось слѣдствіе, дѣло наконецъ дошло до судебного разбирательства, и тутъ не замедлило выясниться, что обвиняемый — свободный человѣкъ. Онъ былъ тотчасъ же оправданъ; но какъ ему было нечѣмъ уплатить судебныя издержки, то его продали въ рабство и вырученной суммою погасили этого, насильно навязаннаго несчастному, долгъ. (б.)

СОДЕРЖАНІЕ: Навъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина. Прологъ. — Корея въ 1891. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. П. Н. Полевова. Ч. III. (Оконч. еніе). — Соловьевъ обитатель (съ 8 рис.). — Изъ рисунковъ: На улицѣ не пускаютъ (съ рис.). — Подношенія Августѣйшему Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ (съ 2 рис.). — Невольничій рынокъ въ древнемъ Римѣ (съ рис.). — Завершеніе путешествія Наслѣдника Цесаревича (съ портр.). — Пребываніе Государя Наслѣдника Цесаревича въ Томскѣ (съ рис.). — Памятникъ русскимъ воинамъ, геройски погибшимъ при битвѣ со шведами, 10 іюля 1701 года, на островѣ Люцаусгольмъ, близъ Риги (съ рис.). — Средне-Азиатская выставка въ Москвѣ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

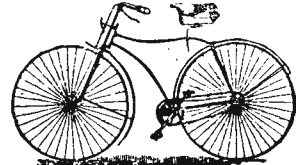
Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клаушниковъ.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет. № 4961 скаго моста, домъ № 7-2. 26-17
Иллюстрированные прейсъ-курранты по востребованію высылаются безвозмездно.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ. ФРАНКУРТЪ П/М. ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИЦЕДОВЪ „ОРЕЛЪ“.

Велкаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною „Кюмень“ (подошва) и „пневматическій“. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. Ц. № 5169 18 10.

Г. ПИРВИЦЪ и К° въ РИГѢ. МАШИННЫЙ и ЧУГУНОЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ СТРОИТЬ КАКЪ СПЕЦІАЛЬНОСТЬ: № 5300

Турбины (178 въ дѣйстви), Вальцовыя станки машины для Перловой крупы и прочія мельничныя машины, паровыя машины и паровики, кромѣ того, принимаемъ совершенное устройство мельницъ вѣвильней системъ съ автоматическимъ приподомъ, альсопалли и прочія машины, съ полною гарантіею. Складъ жернововъ.

НАВОДНЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

УПРАВЛЯЮЩІЙ № 5307 имѣемъ съ хорошими рекомендаціями при 11 лѣтней опытности ищеть въ веснѣ 1892 г. мѣсто. Съ распр. проку обрат. къ А. Р. Пахну. Инфляндск. г., чр. г. Верро, къ им. Пелькск.

ПРИГЛАШАЮТЪ агентовъ. За условіями обращаться писменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій. 59-57, соб. домъ.

ФЛАГИ

или доломъ, магазиновъ и заводовъ заготовленіи въ большомъ выборѣ на фабрикѣ Блѣкъ и зонтиковъ В. Ф. Сѣлкина. Садовая домъ № 29, между Гороховой и Мучниной. Продаеда ономъ и въ розницу.

ТЕАТРАЛЬН. МУЗЫК. и ХУДОЖ. ЖУРНАЛЪ „АРТИСТЪ“. Открыта подписка на сезонъ 1891/2 г. (годъ 3-й). Подписная цѣна 9 р., съ перес. 10 р. Допуск. разсрочка. Отдѣльн. №№—2 р. РЕДАКЦІЯ: Москва, Курьяно, домъ Барилъск. № 53/4

„ИДІАЛЬ“ ЧЕРНИЛЬНИЦА

Практично! Ново! Дешево! Красиво! Соединить въ себѣ всѣ преимущества идеальной чернильницы—перья не тунятся, нельзя дѣлать класки, очень эконома, легко чистится. Принятъ. Семахъ. Маленьк. 1 р. 60 к. Больш. 2 р. Перес. 2 ф. Лучшее перо для конторъ, школъ и дома это ПЕРО № 1000. Ищется въ 3 толъ въ города 2 р. Адресъ: А. Граге, Москва, Неглинный провъдъ, д. № 15, кв. № 3.

УЖЕ БОЛѢЕ 100,000 шт. ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ!!!

Универсальная машинка для быстрой и красивой прически дамскихъ волосъ, по послѣдней модѣ (безъ посторонней помощи). № 5295

Цѣна съ укуоркою и пересылкою во всѣхъ города 2 р. Адресъ: А. Граге, Москва, Неглинный провъдъ, д. № 15, кв. № 3.

ЛЕЖИТЕСЬ и ГЛОЗНИТЕСЬ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 3405.

БАЗАРЪ МАРКЪ С.-Петербургъ. Невск. пр., № 20.

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ. (ПРЕДСКАЗАТЕЛИ ПОГОДЫ).

Въ минимуров. опре. въ 5 и 6 р. 50 к., по. рос. за 2 и 3 фнк.

Въ полдр. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р. Тоже съ термометромъ отъ 13 до 22 р. Карманн. баром. и для измѣренія высотъ отъ 11 до 45 р.

Е. КРАУСЪ и К°.

Фабрика въ Парижѣ, Аven. d. I. Républ. 4. 2-2 ДЕПО ДЛЯ РОССІИ № 5286 С.-Петербургъ, Мойка, № 42. Иллюстр. прейсъ-кур. высылаются безплатно.

ВЫИГРЫШНЫЕ

билеты и Дворянскіе л. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигривъ со дня задатка принадлеж. покупателю. Прод. уменьш. съ долгомъ.

2-го СЕНТЯБРЯ

с. г. тиражъ II займа. Оплата выигрышей и купоновъ въ Государств. Банкѣ. Невыигравшіе билеты и закл. листы несутъ тертярю съ своей цѣны.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскій, СПб. № 5271 5-3

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ. Въ послѣднее время появилось въ продажѣ множество поддѣлокъ подъ названіемъ „Горькая вода Саксленера“.

Источница „ГУНИАДИ-ЯНОСЬ“

Ищадъ Янось; поэтому покорнѣе просимъ обратить вниманіе на помѣщенную здѣсь предохранительную марку—портретъ.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ. ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛН ДАМЪ, БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. И; и приготовленія этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ. Цѣна: флакону 1 р. 65 к., бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ, опо-помода (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р. Въ виду многихъ поддѣлокъ прому обратитъ вниманіе на причепатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главнаго склада для всей Россіи у В. Аурика, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Ищется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—19

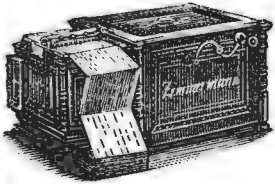
БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА

Невскій пр., д. № 29—31, рядъ съ Думою. Отдѣленіе: Садовая, д. № 32, въ СПб. Покупаемъ и продаемъ проценти, бумаги, русск. золото и серебро, иностран. деньги въ кредитѣ, билетахъ, золотѣ и серебрѣ. Выдаемъ ссуды съ правомъ выкупа по частямъ: подъ билеты I займа. II Дворянскаго займа сполна оплаченнаго. подъ другія процентныя бумаги 10% ниже биржевой цѣны, озимца съ сумми до 1,000 р.—7% годовыхъ, свыше 1,000 р.—6% годовыхъ. ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ на срокъ, до востребованія и на текущій счетъ, по которымъ платитъ: На годъ и болѣе по соглашенію. На три мѣсяца. 5% По востребованію. 6 мѣсяцевъ. 6% По востребованію. 5% по текущему счету 4 1/2% Принимаетъ страхов. бил. I и II по 75 к. Исполняетъ биржевыя и иногородныя порученія въ точности. ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ № 1303. Мт. № 5305.

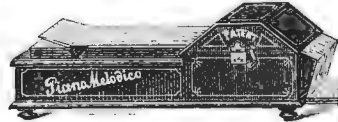
ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ—хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ВСѢ МОГУТЪ ИГРАТЬ

на нижеслѣдующихъ музыкальныхъ инструментахъ:

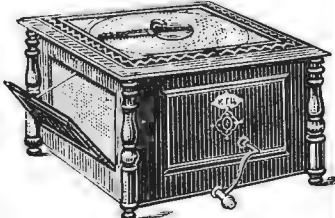
КРЕСТРЪ-МАНОПАНЪ съ 10 пьесахъ 70 р.
Добавочныя пьесы въ разныя цѣны.

ПИАНО-МЕЛОДИКО.
Цѣна безъ нотъ 80 руб.
Ноты въ разныя цѣны.

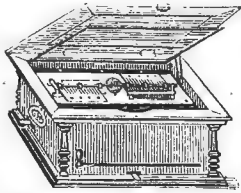
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ съ 10 пьесами 32 р.
Добавочныя пьесы по 60 коп.

ГЕРОФОНЪ съ 10 пьесами 30 руб.
Добавочныя пьесы по 50 коп.
АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ съ 10 пьесами 24 р.
Добавочныя пьесы по 50 к.
ДѢТСКИЙ АРИСТОНЪ съ 6 пьесами 8 р.
Добавочныя пьесы по 25 коп.

СИМФОНІОНЫ:

№ 3. Съ ручкой, съ 6 пьес. 8 р. Добавочныя пьесы по 35 к.
№ 5. Заводной съ 6 пьес. 18 р. Добавочныя пьесы по 35 к.
№ 7. Заводной съ 10 пьес. 35 р. Добавочныя пьесы по 60 к.

СИМФОНІОНЫ:

№ 9. Заводной 84 тонн. съ 10 пьес. 65 р. Добавочныя пьесы по 75 к.
№ 12. Заводной 84 тонн. „Sublime harmonie“ съ 10 пьесами. 90 р. Добавочныя пьесы по 1 р.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО заграничной работы новѣйшей конструкціи, на которомъ можно играть какъ на обыкновенномъ пианино, а также посредствомъ вращенія ручки, какъ на органѣ. Цѣна безъ нотъ 600 руб. Ноты по 1 р. 25 к. за метръ (— 1 1/2 арш.), а также всѣ другіе музыкальные инструменты хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ. № 5299 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарына.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
ЦАРЬ-ДѢВЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. Д-ръ Волицынъ, возврат. изъ-за границы. Ц. 1 р. 50 к., обложка: наружная, кожаная, грудная болѣзнь съ илр. 2 р.

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА
В. № 4731 24—24

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
Цѣна 40 коп.
Продается въ парфюмер. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (ВУФЪ)
ПЕРВОЕ МѢСТО
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
С.-Петербургъ

ТОВариЩЕСТВО СПС. МЕХАН. ПРОИЗВ. ОБУВИ. НѢКОТОРЫЕ
торговцы обувью жалуются, что при продажѣ наша обувь приноситъ имъ слишкомъ малую пользу, опираясь на то, что наша обувь слишкомъ прочна и слѣдовательно не скоро изнашивается, а публика затрудняется платить немного дороже хотя бы и за хорошій товаръ. Вѣдь дѣло же этого мы не станемъ производить худшую обувь, чтобы сдѣлать ее болѣе дешевою, но обрабатываемъ къ гг. предпочитающимъ хорошую обувь, не жалѣть маленькаго излишка въ расходахъ на нее и приобретають обувь нашего производства.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
№ 5283 12—4

КРАСИВО ПИСАТЬ выучивается всякій заочно (посредствомъ перенески) въ 15 уроковъ у проф. каллиграфіи **А. КОССОДО.** Методъ припробованъ на Парижской всемирной выст. 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 2 семиклассныя марки высылаются **пробное письмо** и условия. Адресъ: Профессору каллиграфіи **Адольфу Коссодо** въ Одессѣ, Екатерининская, 8. № 5309

ЗАНИМАЮЩІЕСЯ МУЗЫКОЙ

благоволятъ сообщить свои точныя адреса въ С.-Петербургѣ, Главнѣйшій почтамтъ лит. Р. О. Ц. для безвозмездной имъ высылки музыкальнаго сочиненія. № 5306

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНИЙ издателемъ журнала „Нива“ напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (всего 500) **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,** по редакціи **А. И. ЗВЕНДЕНСКАГО,** печатанное на лучшей голландской слонопной бумагѣ. Сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ, при чемъ всѣ экземпляры этого изданія перенумерованы отъ № 1 по 500. Для того чтобы сдѣлать книгу по стоимости доступною наиболѣе обширному кругу любителей роскошныхъ изданій, цѣна за нее назначена возможно низкая, а именно 5 руб. Изъ четырехъ колѣнокорыхъ переплетѣхъ, съ кожаными корешками и изящнымъ тисненіемъ золотомъ — 7 руб. Гг. иногородные благоволятъ прилагать, сверхъ стоимости, на пересылку по 1 р. за каждый томъ. Съ требован. просить обратит. въ С.Пб., въ конт. журнала „Нива“, Невскій, 6.

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРЕТATEЛИ

Р. № 5087 (16)

ЦВѢТЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер. д. 1, кв. 9.

НОВАЯ КНИГА: ВЕЛОСИПЕДЪ

Теорія и практика. Опытъ руководства для любителей и любителей велосипедовъ и военно-велосипедныхъ командъ. Составили **Г. Саксъ и Н. Романовичъ.** Съ 13-ю таблицами рисунковъ отпечатанными въ Лейпцигѣ. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 20 к. Складъ: **В. А. Березовскаго,** С.-Петербургъ, Колокольная, 14. М. № 529

АЗОБРѢТЕНІЯ, могущія имѣть прикупать металлическій и электрическій заводъ „Смѣл и Свѣтъ“. С.-Петербургъ, Татарскій пер., 12. № 5301
Распределяется коллекція почтовыхъ марокъ. При залогѣ любой сумми, начиная отъ одного рубля, высылается немедленно партія марокъ для выбора на тройную сумми. Адресовать къ г. Либану, Амбарная уллица. Д. № 23, Бѣд. ив. Ганъ. № 5313

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА
ЖОКЪ БОРМАНЪ
удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

НАСТОЯЩІЕ ДЖУТОВЫЕ НОСКИ И ЧУЛКИ
безъ шва
незамѣнимой прочности
только въ магазинѣ **Ю. ГОТЛИБЪ,** С.-Петербургъ, по Владимирской, д. 2, уг. Невского пр. Цѣна носкамъ 5 р., чулкамъ 7 р. на дюжину. Самые тонкіе носки 6 р., чулки — 9 р. дѣж. За пересылку прилагается 1 руб. Торговцамъ уступка. При пересылкѣ необходима ядра подшивы.
ПРЕДОСТЕРЕГАЮ гг. покупателей, что нѣкоторые торговцы продають другіе сорта на джутовые. М. № 5267 2—2

МИНИАТУРА МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Писать въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость красота. Изведена во всѣхъ министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 5748 Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г. № 35 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XXII 1891

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 ГИС. въ КАНДОМЪ и ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСН. МОДЪ* (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 31 августа 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарель (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 фр., для
Австр., Герман. и Швейц. у Ju-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 10 р.

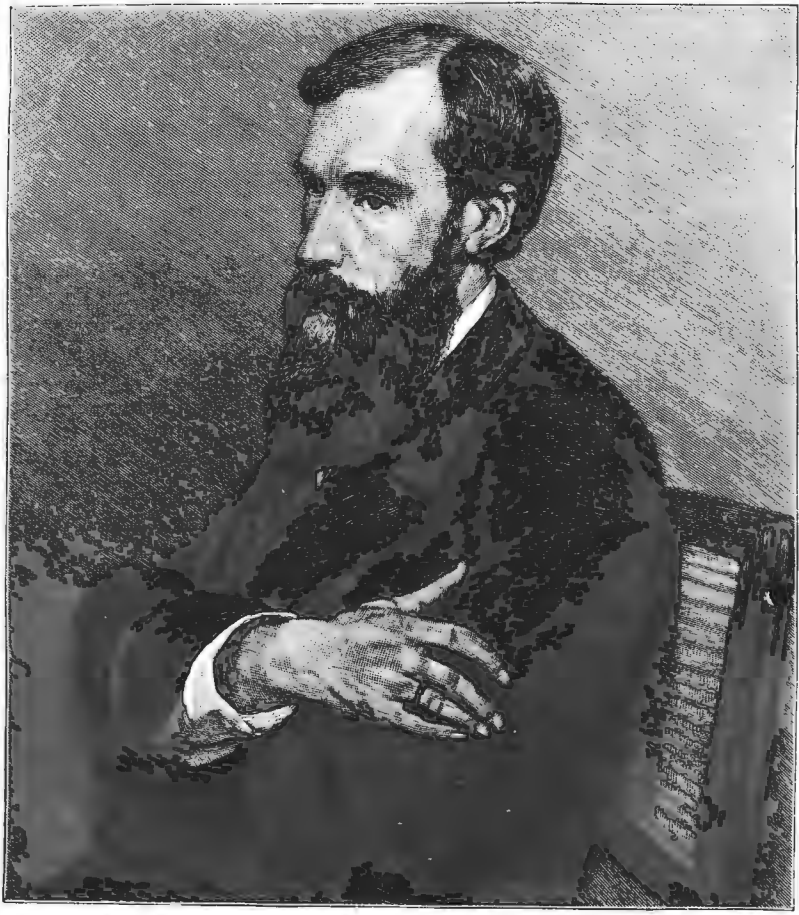
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. лини. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложениями, Сборникомъ, Полнымъ собраніемъ сочиненій М. Ю. Лермонтова и пр.

П. М. Третьяковъ.

Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, одинъ изъ представителей весьма известной и богатой московской мануфактурной фирмы Третьяковъ и Кошвинъ, является собою весьма замѣчательный и притомъ весьма оградный типъ, народившійся въ русскомъ обществѣ лишь во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія. Эта вторая половина нынѣшняго столѣтія, начавшаяся могучимъ притокомъ горячаго чувства народности, вызвавшая къ разумной жизни многомилліонное крестьянское населеніе Россіи, прогремѣвшая по всему свѣту цѣлымъ рядомъ совершившихся у насъ великихъ реформъ — ознаменовалась и въ московской жизни появленіемъ новаго типа представителей торговаго сословія, который почему-то не былъ замѣченъ Островскимъ и не нашелъ себѣ живаго, рельефнаго изображенія въ длинномъ рядѣ его произведеній. Это — типъ богача-купца или богача-фабриканта изъ купцовъ, получившаго об-

П. М. Третьяковъ. Съ карт. П. Е. Рѣпина, грав. Шюблеръ.

ширное, иногда даже блестящее, вполне-европейское образованіе, но не отставшаго ни отъ своей профессіи, ни отъ дѣловскихъ обычаевъ и привычекъ. Занятый все утро своими счетами и расчетами, заваленный конторскими дѣлами и биржевыми сдѣлками, осаждаемый разнымъ дѣловымъ людомъ, который весь день толчется въ его конторѣ и рабочемъ кабинетѣ — этотъ богачъ находилъ вечеромъ время для занятій музыкой, литературой, художествами... Онъ составляетъ себѣ отличную бібліотеку, собираетъ около себя литераторовъ и ученыхъ, поддерживаетъ учащуюся молодежь, принимаетъ не деньгами только, а собственною, личною дѣятельностью, участие въ обширныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ, не жалѣетъ денегъ на изданіе хорошей, классической книги, на покупку высокохудожественнаго произведенія... Однимъ словомъ, этотъ прекрасный и замѣчательный русский типъ, который выразился такъ ярко въ Солдатенковыхъ, Бот-

киныхъ, Барановыхъ, Морозовыхъ, Кузнецовыхъ, Рукавишниковыхъ и многихъ другихъ представителей московскаго богатѣйшаго купечества, воплотился и въ почтенномъ П. М. Третьяковѣ, котораго имя не можетъ быть забыто и останется навсегда ярко и неизгладимо написаннымъ на одной изъ первыхъ и наиболѣе видныхъ страницъ лѣтописи русскаго искусства.

Павелъ Михайловичъ еще смолоду увлекся только что нарождавшеюся тогда „новѣйшею“ русскою школою живописи, и, можетъ быть, отчасти слѣдуя примѣру Боткина и Солдатенкова, отчасти-же руководясь иными высшими побужденіями,—сталъ собирать картины *исключительно русскіихъ* художниковъ. Но дѣятельность простаго собирателя не удовлетворила и не могла удовлетворить Павла Михайловича: онъ сталъ *изучать* русское искусство въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, знакомясь и съ прошлымъ, и съ настоящимъ его положеніемъ, и съ личностью русскаго художника, и съ его общественнымъ положеніемъ, съ его воззрѣніями на искусство, съ его причудами, пуждами и прихотями. Важною заслугою Павла Михайловича оказывалось вовсе не то, что онъ *многo* покупалъ и не жалѣлъ денегъ на покупки, а то что онъ уже очень рано научился умѣнно выбирать и покупать *лучшее* изъ того, чтò являлось на выставкахъ русскаго искусства, и это *лучшее* не уступалъ никому. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, у Павла Михайловича стала образовываться не простая коллекція хорошихъ картинъ, а огромная галерея лучшихъ произведеній русскаго искусства, въ которой, притомъ-же, каждый художникъ былъ представленъ не одною какою-нибудь случайно-приобрѣтенною картинкою, а *цѣлымъ рядомъ лучшихъ его произведеній*. Въ картинной галерей П. М. Третьякова весь новѣйшій періодъ русскаго живописи до такой степени полонъ и богато подобранъ, что по ней оказалась возможность прямо изучить каждого изъ наиболѣе крупныхъ представителей русскаго искусства, даже слѣдить за его постепеннымъ художественнымъ развитіемъ, сопоставляя его первыя, юношескія произведенія съ произведеніями той поры, когда его талантъ уже окрѣпъ и достигъ полной зрѣлости. Когда галерея картинъ П. М. Третьякова

приобрѣла громадную художественную цѣнность и значеніе, онъ, какъ человѣкъ глубоко-просвѣщенный, рѣшился придать ей еще значеніе *историческое*, и сталъ собирать произведенія художниковъ старой школы, эскизы, этюды, рисунки и наброски, послужившіе материаломъ для извѣстныхъ историческихъ произведеній русской живописи (напр. этюдъ къ картинѣ Иванова), портреты художниковъ и русскіихъ дѣятелей, писанные съ натуры художникомъ, и, благодаря этому новому обороту въ направленіи своей собирательной дѣятельности, придалъ своей галерей значеніе драгоцѣннѣйшаго музея русской живописи. „Третьяковская“ галерея въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ Павла Михайловича, занимающая отдѣльное, огромное, вполне приспособленное къ своему назначенію помѣщеніе, сдѣлалась въ данную минуту одною изъ неизбежныхъ стадій развитія для каждаго русскаго художника и одною изъ тѣхъ достопримѣчательностей Москвы, которыя не могутъ быть неизвѣстны образованному русскому человѣку, посѣщающему Бѣлокаменную.

Но, собравъ свое сокровище, Павелъ Михайловичъ не удовольствовался достиженіемъ этой благой цѣли.. Онъ не захотѣлъ подвергать дѣло всей своей жизни случайностямъ и превратностямъ судьбы, которыя могутъ постигать всякую частную собственность; онъ понялъ, что драгоцѣнное собраніе художественныхъ произведеній, собранное въ его галерей, рано или поздно могло бы разойтись по рукамъ и утратить то значеніе цѣльности и связи, которое было достигнуто имъ съ такимъ немовѣрнымъ трудомъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Павелъ Михайловичъ самоотверженно и великодушно принесъ всю свою „Третьяковскую галерею“ въ даръ городу Москвѣ съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти жертвователя городъ озаботился дальнѣйшею участію заключенныхъ въ галерей драгоцѣнныхъ коллекцій и далъ ей особое, достойное ея помѣщеніе. Москва приняла это громадное пожертвованіе съ глубокою признательностью, которую раздѣлить, конечно, и вся Россія. Въ будущихъ поколѣніяхъ русскіихъ художниковъ имя Павла Михайловича Третьякова, какъ мы полагаемъ, останется навсегда памятнымъ какъ имя человѣка, оказавшаго незабвенныя услуги русскому искусству.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На пути къ Ишань-Дауду.

Все чтò будетъ разсказано дальше случилось тогда, когда наши передовые отряды впервые проникли въ глубину Центральной Азіи, въ этотъ совершенно невѣдомый, полный заманчивой таинственности міръ, въ которомъ остатки когда-то высокой и богатой культуры, сохранивъ еще во многомъ свои типичныя черты, смѣшались со слѣдами послѣдовавшихъ за тѣмъ долгихъ періодовъ варварства.

Почти ощупью подвигались впередъ наши немногочисленные, разрозненные въ своихъ дѣйствіяхъ, батальоны, безъ опредѣленнаго плана, безъ общей, ясно очерченной, правильно намѣченной цѣли.

Это было чисто инстинктивное стремленіе наше на югъ,—стремленіе, хотя и объясняемое официально обезпеченіемъ нашихъ восточныхъ окраинъ отъ грабежей и набѣговъ полудикихъ племенъ, исканіемъ такъ-называемыхъ естественныхъ рубежей, но, по всѣмъ своимъ признакамъ, роковое, неизбѣжное, передъ силою котораго безсильна самая хитроумная дипломатія, могущая только на время тормозить, задерживать ходъ, но не парализовать окончательно, ни даже измѣнить его направленіе.

Конечно, главная цѣль чувствовалась невольно, но эта цѣль вырастала въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, что только безшабашно смѣлые политики высказывали ее вслухъ, прямо-таки указывали рукою куда слѣдуетъ... Большинство же словно отвергивались отъ того, чтò само лѣзло въ глаза, и хотя съ натяжками, объясняли всякій нашъ шагъ впередъ чѣмъ-нибудь очень ужъ близкимъ, будничнымъ; а такъ какъ эти шаги, болѣею частью, для насъ самихъ были полною неожиданностью, то дальновидные, предусмотрительные дипломаты частенько попадали въ крайне комичное положеніе.

Тогда обыкновенно тѣ, кому надлежало давать отвѣтъ, слегка конфузились, чуть не извинялись даже, и спѣшили объяснить случившееся якобы неловкостью, недалновидною запальчивостью какого-нибудь генерала, а то и капитана, которые и получали иногда должное внушеніе; но все то, чтò ими было сдѣлано, оставалось безповоротно и, звено къ звену, ковало роковую цѣпь на югъ, къ берегамъ Индійскаго океана.

Трудная и вмѣстѣ съ тѣмъ завлекающая своею загадочностью задача лежала передъ горстью піонеровъ. Но за то и піонеры эти были особенные.

Это были борцы, закаленные въ боевыхъ трудахъ и лишеніяхъ, наученные долгимъ и суровымъ боевымъ опытомъ, отважные въ своемъ стремленіи впередъ, непоколебимо стойкіе, когда приходилось удерживать занятое.

Это были солдаты, которые за долгую службу давно уже забыли свои деревни и все чтò у нихъ дома; сжились, сроднились съ нумерами своихъ частей; въ нихъ видѣли все свое, внѣ ихъ — чужое. Это были люди которые не то чтобы не дорожили своими головами, но умѣли смотрѣть смерти прямо въ глаза, считая ее только „простою случайностью“. Въ боевомъ отношеніи каждый солдатъ былъ мастеръ своего дѣла и охотникъ, не массовый нуль строя, а вполне сознательная единица.

Однимъ словомъ, это были кадры нынѣшнихъ „старотуркестанскихъ“ батальоновъ.

Превосходство нашего вооруженія передъ неприятельскимъ было не особенно велико. Правда, наши ружья посылали пулю на версту, когда вражескія едва-ли пролетали треть этого разстоянія; но за то, навѣрное, населеніе одного какого-нибудь небольшого азіатскаго городка чуть не втрое же превышало численность всѣхъ нашихъ силъ, а передъ нами была вся Азія, со своими, еще гордыми, не терпѣвшими поражений, могучими ханствами.

Азія насъ не знала. Она считала Россію страню бѣдною, лежащею гдѣ-то очень далеко на сѣверѣ, страню вѣчнаго холода и голода. На наши отряды Азія смотрѣла не иначе, какъ на кучки искателей приключеній, рыскающихъ по свѣту ради хлѣба и добычи. Ее озадачивала смѣлость этихъ авантюристовъ, ихъ боевое искусство, наносящее пораженіе за пораженіемъ грознымъ полчищамъ эмировъ; она объясняла этотъ нашъ успѣхъ то гнѣвомъ Аллаха, то знакомствомъ нашимъ и дружбою съ чортомъ, „шайтаномъ“, но нисколько не сомнѣвалась въ окончательной, вѣнчающей дѣло побѣдѣ правовѣрныхъ надъ несносными гяурами.

Мѣстности, уже занятыя нами, сохраняя полную жизненную связь съ независимыми ханствами, смотрѣли на это занятіе какъ на временное плѣненіе, не переставали относиться къ намъ какъ къ непримиримымъ врагамъ, и постоянно готовы были къ предательскому возстанію въ тылу.

Относительный успѣхъ нашего наступленія вызывалъ уже повсемѣстно грозный признакъ „хазавата“ (священной войны), и фанатическое населеніе, наэлектризованное пылками рѣчами муллъ, а главное странствующихъ уличныхъ проповѣдниковъ, юродствующихъ *дивона*, готово было ежеминутно, какъ одинъ, встать и ринуться на дерзкаго осквернителя ихъ священной почвы.

Да, это было время трудное, опасное, но увлекательно интересное; время, о которомъ до сихъ поръ еще добромъ поминается въ боевыхъ туркестанскихъ кружкахъ, и многое, случившееся въ это время, давно уже приобрѣло себѣ ореолъ легендарности, много лицъ осынилось славою былинныхъ героевъ... Все мелкое, заурадное сгладилось въ памяти живущихъ; сохранилось только общія, крупныя черты, и эти черты невольно казались особенно размашистыми, не вмѣщающимися въ скромныя рамки современнаго.

Городъ былъ взятъ.

Кровавый штурмъ, уложившій подъ стѣнами груды защитниковъ, и суточный, карательный за упорство грабежъ—сдѣлали свое дѣло.

Стиснувъ зубы, затаивъ непримиримую злобу въ душѣ, жители сдались на волю побѣдителя и выслали депутатовъ съ покорностью, хлѣбомъ и солью (дастарханомъ).

— Алахъ прогнѣвался на насъ за грѣхи наши, говорили депутаты.—Онъ вамъ даровалъ побѣду, намъ—пораженіе. Покоряемся Его святой волѣ и молимъ усердно, чтобы гнѣвъ Его не былъ вѣченъ.

Этими словами они весьма недвусмысленно очерчивали характеръ и значеніе своей временной, вынужденной покорности.

„И такая пока хороша!“ думали мы.—„Остальное сдѣлаютъ примѣръ и время“.

Наступилъ якобы мирный періодъ.

Но это былъ именно тотъ „худой миръ“, о которомъ почему-то изстари сложилось странное мнѣніе, будто бы онъ „лучше доброй ссоры“.

Депутаты получили почетныя медали на красныхъ лентахъ, жители открыли базары; „бѣлыя рубахи“, вчера еще дравшіяся львами съ халатниками, мирно и весело толкались по грязнымъ, вонючимъ закоулкамъ и попивали чаекъ въ тѣнистыхъ чай-хане, съ тѣми же халатниками. Офицеры ѣздили по окрестностямъ ради изученія новаго края, а то чаще просто изъ любопытства, безъ страха подвернуться на каждомъ шагу подъ предательскій выстрѣлъ или ударъ ножа... Казалось, суровый призракъ войны исчезъ безслѣдно,—но это только казалось.

Зорко слѣдила за всѣмъ занятая нами цитадель, и ночи проводились въ сборѣ, со всѣми боевыми предосторожностями.

Быль полдень. Солнце палило во всю, отбрасывая на изжелта-сѣрую, раскаленную почву глубокія, черныя тѣни.

Изъ темной арки городскихъ воротъ, стиснутыхъ между двумя тяжелыми, глинобитными башнями, выѣхала кавалькада, состоявшая изъ трехъ офицеровъ, двухъ казакъ и нѣсколькихъ туземныхъ джигитовъ узбекскаго типа.

На халатахъ этихъ джигитовъ блестяли бѣлыя Георгіевскіе крестики, на ихъ головахъ красовались уже не чалмы, а высокія, черныя бараньи шапки, какими обыкновенно эти молодцы запасаются тотчасъ же, едва только поступаютъ на службу къ русскимъ.

Джигиты—это очень характерное явленіе въ Средней Азіи. Это, на первый взглядъ, просто „продажныя шпаги“, которымъ положительно нечѣмъ заниматься въ мирное время, какъ только воровствомъ и разбоемъ.

Въ военное время начинается ихъ бенефисъ. Съ перваго боеваго выстрѣла все то, что уцѣлѣло на свободѣ и не сдѣлалось добычею тюрьмы и палача, пристраивается около стороны имѣющей большіе шансы на успѣхъ. Они служатъ побѣждающимъ въ высшей степени усердно и преданно, но эти два качества мгновенно испаряются, едва только побѣдитель дѣлается побѣжденнымъ. Во всякомъ случаѣ, джигиты—народъ весьма полезный, подчасъ даже необходимый. Никто, какъ они, не сумѣетъ сдѣлать нужную, опасную развѣдку; никто, какъ они, не проникнуть въ самый станъ враговъ ради сбора свѣдѣній, рискуя головою, не только ради одной корысти, но и изъ молодечества, ради почетной выслуги. Они превосходные проводники, ибо до тонкости знаютъ страну, всѣ ходы и выходы; когда понадобится—переводчики; при томъ прекрасные лагерные слуги. Джигиты—и конюхъ, и оруженосецъ, и поварь, и маркитантъ... Онъ носитель комфорта.

Джигитъ умѣетъ, очень даже быстро, стать необходимостью; но его надо держать въ рукахъ—и на рыцарскую преданность его, какъ бы она ярко ни высказывалась, полагаться не особенно.

Кучка такихъ именно джигитовъ сопровождала въ данную минуту нашихъ офицеровъ, выѣхавшихъ на загородную прогулку.

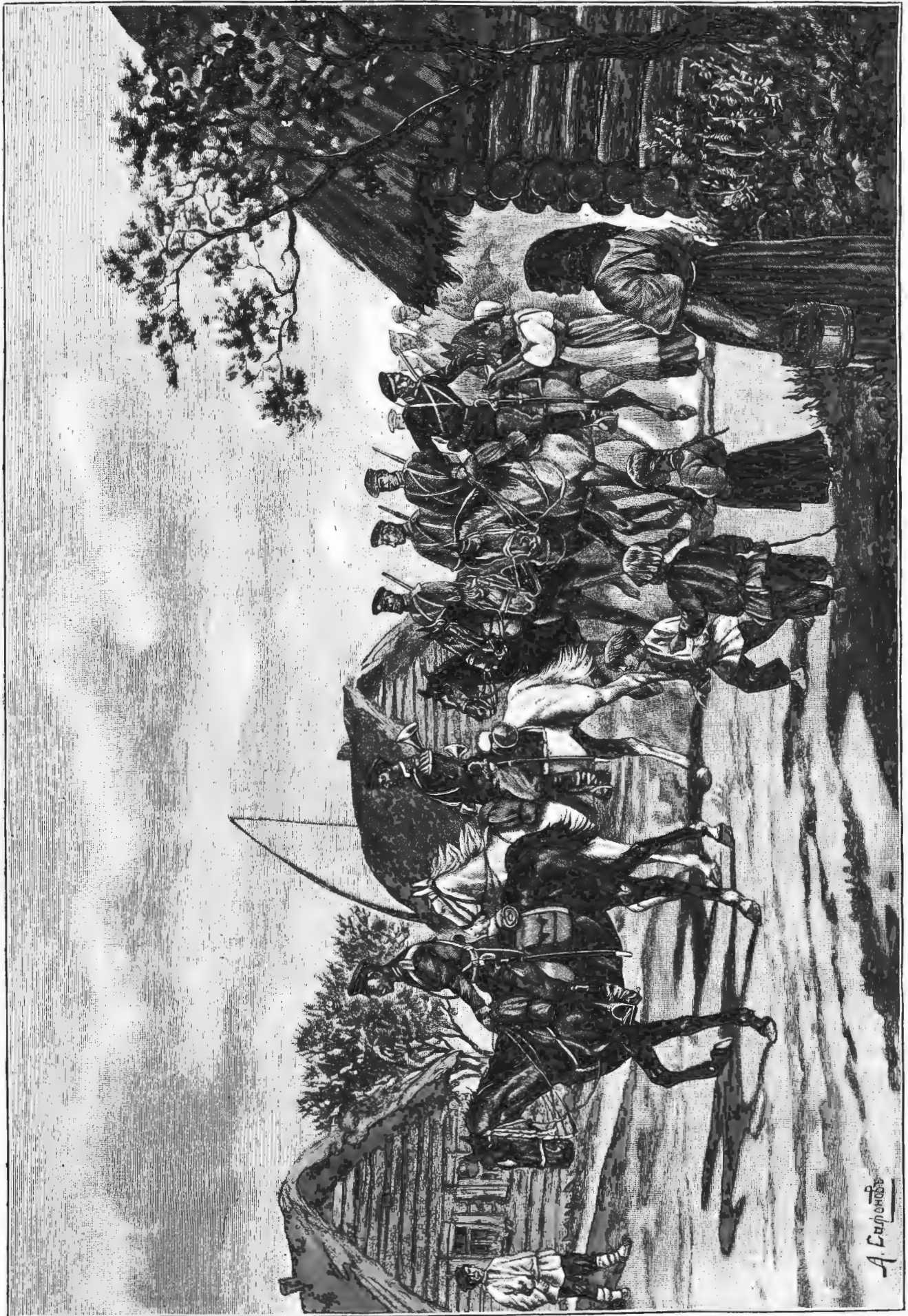
Впереди, рядомъ, полнымъ шагомъ, какимъ только умѣютъ ходить кровныя азіатскія лошади, ѣхали два офицера: одинъ—строевой, капитанъ Шолобовъ, плотный, широкоплечій атлетъ, съ добродушными сѣрыми глазами и окладистою свѣтлорусою бородою; другой—маленькій толстякъ, съ физиономіей расплывшеюся, лукаво-веселюю, съ докторскими, сильно заношенными погонами на парусинномъ кителѣ.

За офицерами, не отставая, какъ говорится: „мордою въ хвостъ“, трусили рысцою казаки-оренбуржцы на своихъ горбоносыхъ, толстоногихъ моштаклахъ; поодаль, нѣсколько отставъ, ѣхалъ третій офицеръ, окруженный джигитами.

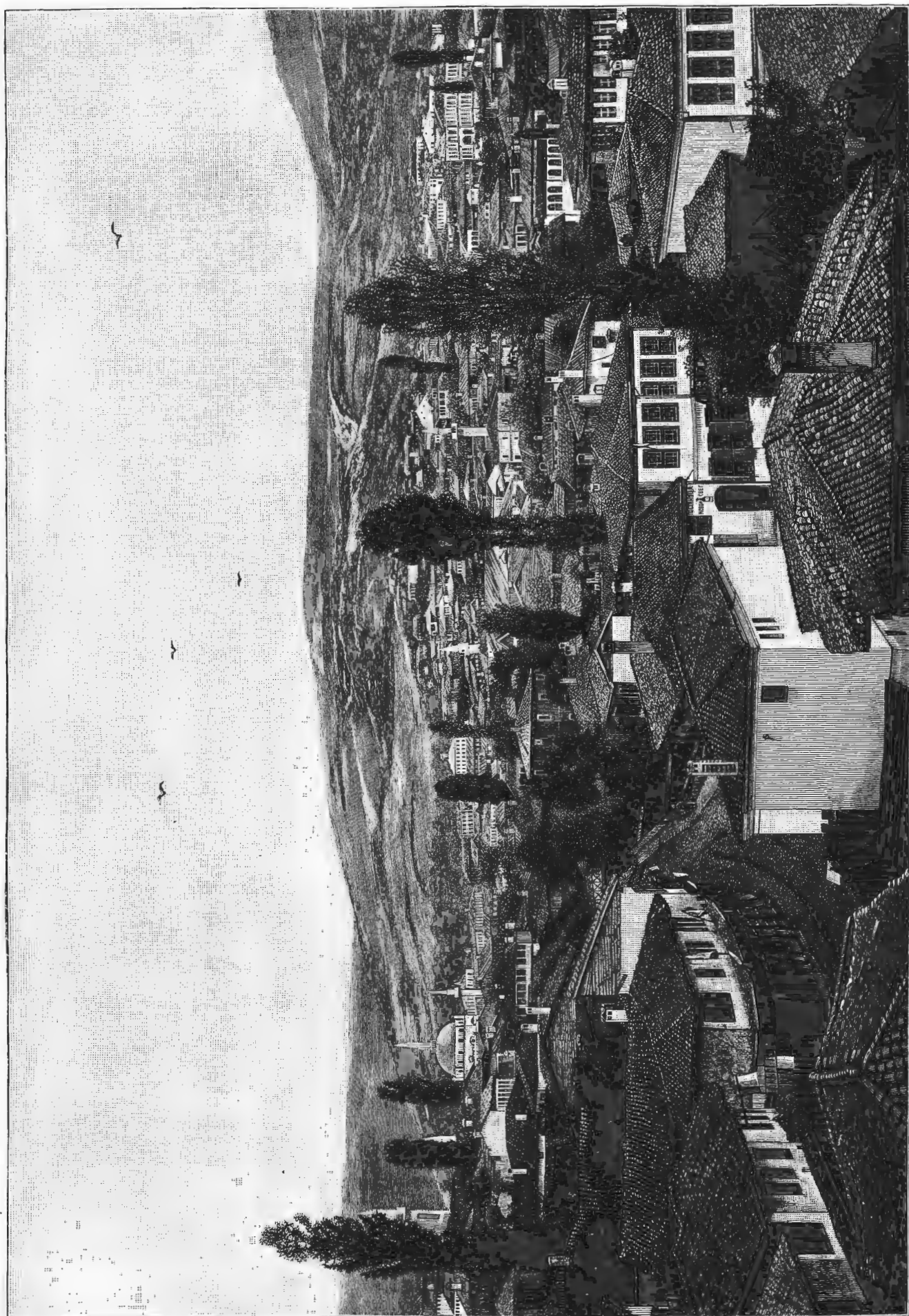
Вся группа, выбравшись за городъ, втянулась въ узкую дорогу, съ обѣихъ сторонъ которой тѣснились глиняныя стѣны садовъ и сакель, скучныя стѣны, не глядяція на улицу ни однимъ окошечкомъ. Дорога эта то пряталась въ густой тѣни тувовыхъ деревьевъ, то выбѣгала, извиваясь, на открытыя, ярко освѣщенныя солнцемъ, пространства, и была буквально запружена идущимъ и ѣдущимъ пестрымъ азіатскимъ людомъ. Очевидно было, что это усиленное движеніе не было повседневымъ, а носило на себѣ всѣ признаки событія чрезвычайнаго.

Верстахъ въ двадцати отъ городскихъ воротъ находилось священное урочище „Ишанъ-Даудъ“ съ мечетью и могилою святаго того же имени.

Въ этотъ день былъ годовою базаръ и праздникъ святаго, весьма чтимаго обывателями. Десятки тысячъ

На маневрахъ. Ориг. рис. (собств. «Нивы») А. Сафонова, грав. Шюблеръ.

Видъ крѣпости Шумла. Съ фот. грав. Рашевскій.

народа со всѣхъ окрестностей и даже за нѣсколько дней пути собираются подѣ тѣнью священной туговой роши, близъ полуразвалившейся древней мечети, и предаются здѣсь, въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, всевозможнымъ забавамъ, доходящимъ до оргій.

Здѣсь и труппы батчей-плясуновъ и „маншарабазовъ“ (актеровъ), дающихъ подѣ открытымъ небомъ свои циничныя представленія, здѣсь и чай-хане, и походныя кухни со всякими сластями, и укромныя лавочки продавцовъ „бузы“, которою можно упиться до полного опьяненія, и тайныя притоны съ неизбѣжными опиумомъ, ганашею и кукнаромъ, съ доведенными до полного истощенія, тѣни-подобными, посѣтителеми-курильщиками. Здѣсь и пріюты для игры въ кости и орлянку, гдѣ расплата частенько доходитъ до ножей и крови, и удалыя скачки, и другія конныя ристалища... Въ священной рошѣ Ишанъ-Дауда въ этотъ день можно волю послушаться сказокъ и пѣсенъ бродячихъ поэтовъ-сказочниковъ и священныхъ проповѣдей фанатиковъ-дивона, однимъ словомъ, здѣсь собирается все, что только можетъ соблазнить азіата; не попасть въ этотъ день сюда было бы громаднымъ лишеніемъ для каждаго правовѣрнаго.

Цѣлью поѣздки нашихъ офицеровъ также было желаніе посмотрѣть и послушать все что творится въ этомъ интересномъ пунктѣ.

Азіаты не любятъ торониться, ѣдутъ обыкновенно самымъ тихимъ шагомъ, а потому наша кавалькада быстро обгоняла все, что попадалось ей на пути.

Много народу шло пѣшкомъ, неуклюже и тяжело шагая по мягкой дорогѣ, въ своихъ массивныхъ ичигахъ съ калошами; большинство же ѣхало верхомъ, по одному и по-двое, на лошадахъ, ишакахъ *) и даже на быкахъ. Скрипя высокими, немазанными колесами, колыхаясь коврами и циновками, въ облакахъ густой пыли, катились крытыя арбы, наполненныя народомъ; попадались арбы, закрытыя совсѣмъ уже на-глухо,—это везли женщинъ... Глухой гулъ человѣческихъ голосовъ, разнообразные крики животныхъ, звонъ бубенчиковъ, ляганье желѣзныхъ стремянъ одно о другое — весь этотъ гамъ стоялъ надо всею полоскою извиистой, запруженной дороги, постепенно замирая вдали, въ жаркомъ, удушливомъ, переполненномъ пылью июньскомъ воздухѣ.

— Эко, однако, сила ихъ преть! озлился, наконецъ, веселый докторъ, круто осаживая свою лошадь, чуть не наскочившую на упавшаго подѣ непосильною ношей, растеряшагося, запутавшагося въ своемъ собственномъ вьюкѣ, ослика.—Еще подѣ ноги всякая дрърянь суется! Кшшш! Анаеема! А скоро? Не опоздать бы...

— Поспѣемъ, успокоительно замѣтилъ капитанъ Шолобовъ.—У нихъ вѣдь самая томаша начинается передъ вечеромъ, по прохладкѣ. А солнце-то еще высоко... Поспѣемъ!

— А все-таки лучше бы поскорѣ! Ей Богу дышать нечѣмъ! Тамъ насъ Ибрагимка ждетъ... ковры разостлалъ, чаю, айрану холоднаго приготовилъ. Господи, какъ пить хочется!.. Дай-ка коньячку глоточекъ!

Капитанъ молча полѣзъ въ объемистый, сѣдельный кобуръ, вытащилъ оттуда фляжку и передалъ доктору.

— А самъ что же?

— Не хочу.

— Хоррошо! этакъ, знаешь, уравниваетъ температуру... Послушай, Шолобовъ, какъ ты думаешь?.. безъ большой вѣроятности впасть въ ошибку, не лучше ли намъ... то-есть, я хочу сказать: не дѣлаемъ-ли мы маленькую глупость—съ этою поѣздкою?

— А что?

Капитанъ удивленно вскинулъ глаза на своего спутника.

— Да вотъ... какъ бы намъ не влетѣть! До лагеря

*) Ослахъ.

двадцать верстъ, да какихъ верстъ—тутошнихъ, клюкою, чай, мѣренныхъ... народъ дикій. Ишь какими волками глядятъ на насъ!.. А тамъ, при усиленномъ возбужденіи парами ароматовъ Востока и прочаго... чикъ—и готово!

Шолобовъ улыбнулся уже во весь ротъ.

— Что мы съ ними впятеромъ подѣлаемъ?! продолжалъ докторъ, сильно понижая голосъ, чтобы, молъ, казаки, нижніе чины, не слышали.—Я, вѣдь, тѣхъ нашихъ барантачей не считаю... Народъ не надежный!

Докторъ показалъ нагайкою на джигитовъ.

— Ничего... не въ такихъ бывали.

— Я вѣдь не къ тому... Ахъ, bestia! Ну посмотри ты, Иванъ Алексѣевичъ, на эту образину... Вотъ субъектець!

Прижавшись вплотную, словно вдавившись спиною въ стѣну, вытянувъ впередъ сухія жилистыя руки, стоялъ старый, оборванный нищій, съ лицомъ до ужаса испорченнымъ проказой. Его воспаленные глаза, затянутые слѣпымъ, бѣловатымъ налетомъ, смотрѣли впередъ взоромъ, мертвенно-неподвижнымъ; беззубый, извѣденный болѣзнию ротъ судорожно шевелился, испуская какіе-то странные, гортанные звуки. Лохмотья едва-едва прикрывали, худое какъ скелеть, исполованное рубцами тѣло несчастнаго.

Шолобовъ задержалъ коня и бросилъ нищему серебряную монету. Тотъ не замѣтилъ подаянія. Какой-то мальчишка, шмыгнувъ, какъ ящерица, между ногами лошадей, поднялъ деньги и сунулъ монету въ руку старика, сказавъ что-то по-своему... Тотъ оцупалъ поданное, на его лицѣ появилось выраженіе какого-то озлобленнаго ужаса, онъ вскрикнулъ, швырнулъ монету далеко отъ себя, съ такимъ движеніемъ, какимъ стряхиваютъ ядовитое насѣкомое, и торопливо началъ вытирать эту руку о землю.

— Видѣлъ? шепотомъ произнесъ докторъ.

— Видѣлъ, спокойно отвѣтилъ Шолобовъ.

— Фа-а-анатикъ! протянулъ толстякъ, перегибаясь съ сѣдла назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на скрывавшуюся въ пыли фигуру нищаго.

— Сумасшедшій! пожалъ плечами капитанъ.—Этихъ намъ не переучить, не передѣлать... Такіе доживутъ свое и вымрутъ, мало-по-малу, нашими врагами. А вонъ тѣ... что камнемъ въ насъ сейчасъ швырнули...

Иванъ Алексѣевичъ показалъ въ сторону, гдѣ изъ-за гребня плоской крыши выглядывало нѣсколько милотидныхъ, дѣтскихъ головокъ.

— Тѣ, продолжалъ онъ,—уже будутъ совсѣмъ иного взгляда: попривыкнуть къ намъ, обрусѣютъ,—увидишь. То-есть мы-то съ тобою можетъ-быть и не дождемся...

— Развѣ такъ долго?

Добрались до перекрестка.

Это было уже почти на половинѣ дороги. Здѣсь, на всѣхъ четырехъ углахъ, были устроены навѣсы чай-хане, и на глинобитныхъ приступкахъ, на войлокахъ и камышевыхъ циновкахъ лежали груды маленькихъ дынь и ранжеваго переспѣлаго урюка (абрикосовъ); въ глубинѣ виднѣлись колоссальныя самовары, испускавшіе цѣлыя облака чернаго дыма. Острый запахъ горѣлаго, кунжутнаго масла обличалъ по близости присутствіе харчевни.

Не только мѣста подѣ навѣсами, но даже вся площадь перекрестка была загромождена сплошь отдыхавшими пилигримами. Ни пройти, ни проѣхать, положительно, не было никакой возможности.

— Хошь (раздайся, посторонись)! поднялъ нагайку Шолобовъ.

— Хошь! хошь! надрывался докторъ, приподнимаясь на стременахъ.

— Хошь! повторяли казаки, протискиваясь впередъ офицеровъ.

Народъ стоялъ сплошною стѣною, угрюмо смотрѣлъ на русскихъ и не двигался съ мѣста.

— Джигиты сюда! произнесъ Шолобовъ.

— Постой, голубчикъ, Иванъ Алексѣевичъ, повремени! заволновался докторъ. — Зачѣмъ крутыя мѣры? Вонъ тамъ, кажется, объѣхать можно... вонъ переулочкомъ, по стѣнчкѣ.

— Баловать ихъ не слѣдуетъ! замѣтилъ Шолобовъ. — Расчистить дорогу! обратился онъ къ подоспѣвшимъ джигитамъ.

Тѣ переглянулись, подняли нагайки высоко надъ своими шапками, поправились въ сѣдлахъ и ринулись въ толпу.

Послышались крики, брань, звонкое шелканіе ремней по твердому и глухое—по мягкому. Скоро, по всетаки съ большимъ трудомъ, удалось освободить небольшое пространство пути, по которому всадники наши могли, вытянувшись гуськомъ, выбраться на болѣе просторное мѣсто.

Въ эту минуту, откуда-то сверху, послышался отчаянный старческий крикъ.

Всѣ невольно обернулись.

На плоской крышѣ, свѣсивъ босыя ноги, сидѣлъ сѣдой какъ лунъ старикъ, въ громадной свѣтлозеленой чалмѣ. Онъ неистово размахивалъ руками и охрипшимъ отъ напряженія, разбитымъ голосомъ кричалъ что-то, обращаясь къ нашимъ.

— Налъ, что ему надо? спросилъ Шолобовъ.

Третій офицеръ, котораго назвали Налемъ, пріостановилъ своего красиваго, золотисто-бураго жеребца съ бѣлыми хвостомъ и гривою, прислушался, пристально взглядываясь въ черты старика, и отвѣчалъ:

— Онъ говорить... онъ просто ругается... называетъ насъ конечно проклятыми и грозитъ, что святой Ишанъ, навѣрно, разобьетъ насъ параличемъ, за то, что мы ѣдемъ въ его владѣнія.

— Гм! А я думалъ что-нибудь серьезное, махнулъ рукою капитанъ.

— Самъ сдохни! Самому сто типунъ на языкъ, подагру въ обѣ лапы и тифусъ-морбусъ въ рожу! закричалъ уже по-русски докторъ. — Что, не любишь! А не повернуть-ли намъ назадъ, братцы?

— Что, параличъ напугалъ?

Шолобовъ засмѣялся.

— Какъ назадъ?! Боже сохрани! тревожно произнесъ Налъ.

— Впередъ! скомандовалъ капитанъ.

И вся кавалькада ускорила шагъ, пробираясь вдоль стѣнки, обгоняя шарахнувшуюся въ сторону вереницу вьючныхъ верблюдовъ.

Одинъ изъ джигитовъ, незамѣтно, отсталъ отъ кавалькады, постоялъ минуту на мѣстѣ, и затѣмъ повернулъ назадъ, безпрестанно оглядываясь—не замѣтили-ли моль его отсутствія.

А уже издали доносился глухой, словно отдаленные раскаты горнаго грома, гулъ многотысячной толпы, собравшейся на святомъ мѣстѣ, и въ этомъ гулѣ отчетливо слышались удары большаго барабана, громаханье бубновъ и дробное рокотаніе литавръ.

II.

„Н а л ь“.

Года три тому назадъ, къ намъ въ батальонъ прибылъ изъ Петербурга новый товарищъ.

Явился онъ къ командиру батальона—такой щеголеватый, чистенькій, въ мундирѣ съ иголочки, и чуть что не въ лаковыхъ сапожкахъ. Отъ его носовыхъ платковъ, изъ тонкаго батиста, и даже отъ безукоризненной бѣлизны перчатокъ пахло духами; а самъ онъ былъ такой хорошенькій, словно дѣвушка переодѣтая; да и движенія его всѣ были ловкія, граціозныя, а голосъ—симпатичный контраalto, словно у ребенка, который пытается басить, чтобы показать, что онъ уже совсѣмъ взрослый.

Подумали мы сначала, увидавъ такую куколку-цапку, что это изнѣженный баричъ, богатый маменькинъ сыночекъ, бѣлоручка, которому у насъ скоро все надоѣстъ и опротивѣетъ, да и не подь силу ему будетъ наша суровая, полная тяготъ и лишеній, боевая жизнь,—но скоро убѣдились въ совершенно противномъ. Пріѣзжій оказался такимъ молодцомъ, такимъ славнымъ, лихимъ товарищемъ, что, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, завоевалъ и общую любовь, и даже общее уваженіе, ибо къ нему нельзя было отнестись какъ къ неопытному новичку, а безъ риска можно было дать какое угодно назначеніе.

Новый товарищъ нашъ, словно на лету, легко схватывалъ и усваивалъ себѣ боевой опытъ, отлично владѣлъ оружіемъ, а конемъ—такъ даже на удивленіе туземцевъ.

Воспитывался онъ, не помню въ какомъ, только въ одномъ изъ привилегированныхъ заведеній, чуть-ли не въ Пажескомъ. Папаша его, какъ говорилъ онъ, былъ отецъ богатъ, конюшня ихъ въ Петербургѣ была полна хорошими лошадьми. Свой манежъ, свои берейторы; чуть не каждое утро ходили учителя фехтованья, и вообще воспитаніе давалось ему какое-то средневѣковое, рыцарское, только съ тою разницею, что и науками занимались усиленно. Говорилъ онъ на иностранныхъ языкахъ, даже на англійскомъ, увѣрялъ будто знаетъ и по-индійски. Вообще у него, въ этомъ отношеніи, были замѣчательныя способности: менѣе чѣмъ въ годъ, онъ совершенно свободно овладѣлъ татарскимъ языкомъ, и даже нѣсколькими мѣстными нарѣчійми, объясняя намъ, что будто бы ему въ этомъ много помогали нѣкоторыя теоретическія занятія еще въ Петербургѣ.

Привезъ онъ съ собою много книгъ, все больше объ Индіи и древней Азіи. Иногда, по вечерамъ, онъ читалъ и намъ кое-что, разъ какъ-то даже цѣлый рядъ отрывковъ изъ „Рамалчы“ и „Магабараты“. Офицеры, не выпивъ ни рюмки, цѣлую ночь просидѣли, слушая эти чудныя сказки, даже маіоръ Крыса одобрилъ, сказавъ, что „составлено удивительно, и все какъ слѣдуетъ, даже и насчетъ прочаго... гм!..“ При этомъ маіоръ толкнулъ подъ бокъ сосѣда-доктора, и такъ энергично, что тотъ даже немного обидѣлся.

Съ этого раза назвали мы чтеца Налемъ. Такъ онъ и пошелъ съ тѣхъ поръ: „Налъ, да Налъ“. Скоро пожалуй только въ спискахъ останется: „Подпоручикъ Рубанъ-Опальный, Сергѣй Николаевичъ, сынъ отставнаго гвардіи генерала, изъ дворянъ Тамбовской губерніи, родился 18... и пр., и пр., и пр.“, какъ оно полагается по закону, во всякомъ правильномъ и по формѣ составленномъ послужномъ спискѣ.

Сергѣй Николаевичъ обладалъ очень хорошими матеріальными средствами, но его богатство, особенно по сравненію съ состояніемъ офицерскихъ кошельковъ, періодически только пополняющихся остатками отъ вычетовъ изъ третнаго жалованья, нисколько не тяготило товарищей, не кололо бѣднякамъ, такъ сказать, глаза. У него было удивительно много такта въ этомъ отношеніи и способности примѣняться къ обстановкѣ.

Натура „Налы“ была увлекающаяся—порохъ да и только! Онъ былъ нервно-вспыльчивъ, но за-то и добръ безпрередѣльно, а главное, послѣ вспышки, обпаривалъ такую полную и скорую готовность къ примиренію, такъ искренно извинялся передъ тѣмъ, на кого обрушивалась его вспышка, что подь копецъ никто даже и не обижался, а такъ, просто, скажутъ ему бывало: „Ну, остынь, кипятокъ!“ тѣмъ дѣло и кончается.

Въ свою же очередь, новый товарищъ нашего немногочисленнаго боеваго кружка обладалъ удивительною способностью привязывать къ себѣ, подчинять другихъ своему миротворному вліянію. Поссорится-ли кто иной разъ, бывало, на смерть, Сергѣй Николаевичъ

такъ просто и естественно находилъ точку примиренія, такъ умѣлъ поставить дѣло, что, смотришь, враги уже чокаются стаканами и цѣлуются, да еще говорятъ при этомъ: „Вотъ, было, мы съ тобой глупостей надѣлали!“

Храбростью у насъ удивить было нельзя. Храбрость или, называйте какъ хотите, смѣлость, отвага, нервная дрессировка,—все это были качества отрицательныя. Такъ должно было быть. Но у Рубана это качество проявлялось въ такой красивой формѣ, что имъ нельзя было не любоваться.

Когда, подъ усиленнымъ неприятельскимъ огнемъ, онъ, не прячась въ закрытіе, спокойно наблюдалъ за происходящимъ,—въ этомъ спокойствіи не чувствовалось ни малѣйшей рисовки, ни признака желанія бра-вировать; а когда ему кричали: „Спрячься! Чего торчишь на убой!“ — онъ такъ же спокойно слѣдовалъ совѣту, не спѣша направляясь къ приглашавшему.

Ловко и лихо владѣя конемъ и оружіемъ, онъ поражалъ своими энергичными и смѣлыми вылетами изъ рядовъ, и всегда это выходило кстати, какъ будто и пужно было такъ, а не ради джигитства и удали. Но не подумайте, что нашъ любимецъ былъ кровожаденъ. Нисколько! Частенько дуло его оружія оставалось незаконченнымъ послѣ боя, какъ и до него.

Но при всѣхъ добрыхъ и приятныхъ качествахъ Наля, въ немъ было и что-то странное, заставлявшее не разъ задумываться нашего доктора, очень ученаго человѣка, и при этомъ одареннаго большою проника-тельностью въ постановкѣ диагноза.

Разъ съ Налемъ былъ случай, который положительно привелъ насъ всѣхъ въ восторгъ, а вслѣдъ за симъ въ крайне безпокойное недоумѣніе.

Дѣло происходило такъ.

Рота, въ которой находился Рубанъ, попала въ западню. Она была атакована совершенно неожиданно съ трехъ сторонъ. Массы конныхъ вынеслись изъ балки, охвативъ горсть нашихъ солдатъ могучимъ, энергично надвигавшимся кольцомъ. Рота быстро свернулась въ каре и встрѣтила врага залпомъ. Но вѣдь тогда у насъ не было скорострѣлокъ, ружья заряжались съ дула, шомполами, бумажными патронами, и повторить этотъ залпъ не было уже времени. Когда разсѣялся дымъ, конскія морды, съ раздувающимися ноздрями, съ глазами вытаращенными отъ ужаса, а за ними ряды загорѣлыхъ азиатскихъ лицъ и сверкающаго на солнцѣ желѣза кривыхъ шашекъ—показались передъ самою щетиною нашихъ штыковъ.

Нѣсколько всадниковъ прорвали ряды и уже рубились внутри, падая одинъ за другимъ подъ ударами штыковъ и прикладовъ. Завязалась отчаянная, жаркая рукопашь,—но не на долго. Наши удержались, однако подвинулись назадъ, шаговъ на сто.

Снова развернулось пустое пространство, отдѣляющее насъ отъ враговъ, а тѣ строились, правильно сжимаясь въ массы, готовясь повторить нападеніе.

Опытный офицеръ, командиръ роты, замѣтилъ недалеко неглубокій суходоль, усѣянный крупными валунами; тамъ, за ихъ прикрытіемъ, конечно, легче было отсиживаться. И вотъ, по его командѣ, рота начала медленно отступать по указанному направленію, производя, на ходу, пальбу рядами.

Суходоль-то мы заняли, но тѣмъ временемъ подошла неприятельская пѣхота; кромѣ того, за спинами многихъ всадниковъ оказались тоже пѣшіе вооруженные люди, сидѣвшіе цѣпко на крупахъ лошадей. Изъ за кургана влѣво—появились пестрые значки на длинныхъ древкахъ, и между ними громадный, клинообразный значекъ зеленого цвѣта, съ чернымъ конскимъ хвостомъ подъ копьемъ и мѣднымъ шаромъ наконечника... Хорошо намъ знакомый значекъ самого муллы Алемъ-Кула.

Дѣло, значить, предстояло не шуточное. Мы имѣли передъ собою опытнаго полководца, и знали, что съ нимъ не менѣе шести тысячъ, а противъ него только одна рота, да и то далеко не полного состава.

Замѣтивъ и оцѣнивъ по достоинству нашу позицію, мулла Алемъ-Кулъ рѣшилъ не рисковать болѣе своими людьми, а взять насъ, что называется, изморомъ; а такъ какъ подкрѣпленіе къ намъ могло прійти не скоро, да надо было ухитриться прежде увѣдомить о нашемъ положеніи, что признавалось невозможнымъ, то положеніе это было не завидное. Это, конечно, сознавали ясно не только офицеры, но и каждый солдатъ, и на всѣхъ лицахъ можно было ясно прочитать одно рѣшеніе.

„Попались—такъ надо помирать!“

И вотъ началась, извѣстная въ военныхъ лѣтописяхъ, а у солдатъ перешедшая въ „былину“, четырехдневная осада скопищами Алемъ-Кула горсти бѣлыхъ рубахъ, на балкѣ Акъ-булакъ.

„Акбулацкое отсиживание“.

Во время этой осады и совершился тотъ загадочный случай съ нашимъ товарищемъ.

Засѣли мы, за валунами, подработавъ себѣ немного и искусственное закрытіе; враги заняли тоже хорошія позиціи, облежавшія насъ теперь уже со всѣхъ сторонъ, а раздѣляла насъ, накаленная солнцемъ, сѣрая, каменная полоса, и на этой полосѣ, между пестрыми трупами узбековъ, ярко выдѣлялось нѣсколько бѣлыхъ рубахъ, неволью оставленныхъ на мѣстѣ во время отступленія къ суходолу.

Судя по недвижности, это были трупы. Ихъ изуродовать еще не успѣли; головы были на своихъ мѣстахъ, а теперь врагамъ уже трудно было выполнить надъ нашими этотъ варварскій обычай. Тѣла убитыхъ оказались подъ защитою нашихъ же ружей и, пытавшіеся подобраться къ тѣламъ варвары, немедленно платились за подобныя попытки жизнью. Въ свою очередь и намъ нельзя было добраться до тѣлъ, такъ какъ разстояніе между тѣлами и вражескою линіею было вдвое меньше нашего.

Затихло что-то. Не стрѣляютъ наши, не дымятъ и гребешки вражескихъ балокъ. Бываетъ иногда такъ, минутами... Солнце палитъ во всю, заливая жгучими лучами борцовъ, и эти трупы между ними, и золото цвѣтныхъ, шитыхъ халатовъ, и бѣлыя рубахи, ничкомъ лежація, загорѣлымъ затылкомъ кверху. И вотъ одна между ними начала шевелиться, приподнялась на локоть, и блѣдное лицо, съ кровавою полоскою на лбу, обернулось въ нашу сторону.

Глухой ропотъ пронесся по рядамъ... тихо, чуть слышно, но въ этомъ ропотѣ послышалось ясно слово: „вылазка“.

— Смирно! раздалась команда капитана Бирбаума.— Не смѣть!

Ропотъ стихъ, закончившись чѣмъ-то безнадежнымъ „э-эхъ!“ А одинъ солдатикъ, сложивъ руки около рта рупоромъ, какимъ-то пронзительнымъ голосомъ закричалъ:

— Найденовъ!.. ползи—коли сможешь!..

Крикъ этотъ очевидно долетѣлъ до слуха несчастнаго. Тотъ сдѣлалъ страшное усиліе, вострепенулся всѣмъ тѣломъ, словно рыба, выброшенная на берегъ, проползъ шага два, и снова упалъ лицомъ въ землю.

Крикъ досады и злости вырвался изъ-за гребней занятыхъ врагами. Нѣсколько джигитовъ выскочили, махая шашками. У насъ загремѣли выстрѣлы.

Опять стихло. Медленно, томительно медленно разсѣивался пороховой дымъ.

— Не тронули!. Эвоя, двое попались!.. Лежать!.. Нашъ цѣль!. Слава Тѣ, Господи!.. успокоительно загу-дѣло по нашимъ рядамъ.

И странно! Общее положеніе словно было забыто;

Гадюна хватающая полевку. Рис Домбровского, грав. Кюссъ.

главная цѣль отошла на второй планъ, все ступевалось передъ этимъ раненымъ Найденовымъ. Роковымъ вопросомъ дня была судьба оставленнаго солдата.

А солнце близилось къ западу, и синеватая тѣни камней все удлинялись, рѣзко очерчиваясь на покраснѣвшемъ фонѣ накаленныхъ песковъ.

Наступить ночь. Подъ ея покровомъ защита этого раненаго, защита отъ поруганія тѣлѣ павшихъ товарищей будетъ немислима.

И это всё мы понимали, всё—какъ одинъ.

— Эхъ, Найденовъ, Найденовъ!.. Пропадетъ твоя голова! послышался знакомый голосъ того-же солдатика.— Землякъ вѣдь, какъ бы объяснилъ онъ свое исключительное участіе,—изъ одной волости.

Тоскливое волненіе овладѣло всёми.

Медленно, страшно медленно спускалось солнце, обливая все кроваво-краснымъ, пожарнымъ свѣтомъ, и бѣлая рубаха, неподвижно лежащая на пескѣ, особенно рубаха Найденова, все ярче и ярче обрисовывались на своихъ мѣстахъ, или, вѣрнѣе, глаза наши особенно остро различали ихъ между грудями цвѣтныхъ одеждъ и красныхъ бешметовъ регулярныхъ пѣхотинцевъ муллы Алемъ-Кула.

И какъ нарочно, снова повсюду надолго стихла пальба, кругомъ воцарилась какая-то непонятная тишина, словно здѣсь не было ни одной живой души, или оба стана подчинились волшебному оцѣпенѣнію.

Наль разстегнулъ поясъ съ револьверомъ и осторожно положилъ его на камень; затѣмъ онъ отцѣпилъ шашку,—и не успѣли спросить его даже, что онъ собирается дѣлать, какъ уже разстояніе шаговъ около десяти, отдѣляло его отъ нашей линіи.

Онъ шелъ, не торопясь, твердо, какъ всегда, граціозною походкою, и шелъ прямо по направленію къ раненому.

И ни одного выстрѣла ему навстрѣчу... Только по всему гребню вражеской засады — появились изумленные головы, въ чалмахъ и косматыхъ шапкахъ.

А Наль все шелъ.

Вотъ онъ уже у тѣла... Вотъ наклоняется, — сильнымъ движеніемъ поднимаетъ его подъ мышки, видимо хочетъ вскинуть на плечи,—трудно, невозможно. Онъ идетъ назадъ; ноги несчастнаго волочатся по

землѣ, поднимая густую, красноватую пыль, голова безпомощно свѣсилась. Тяжело раненому — слышенъ стонъ.

Наль идетъ очень медленно—невыносимо медленно!.. Онъ словно вовсе не подвигается впередъ.

— Скорѣе же! крикнулъ кто-то межъ нами.

— Скорѣе! Скорѣе!.. послышались задыхающіеся голоса.

И эти звуки разомъ нарушили общее оцѣпенѣніе. Въ рядахъ враговъ раздалась пронзительные дикіе вопли, подхваченные тысячами голосовъ. Треснулъ выстрѣлъ... другой... третій. По всёмъ линіямъ загремѣла беспорядочная, торопливая пальба. Узбеки группами повскакали изъ засады, пытаясь остановить смѣльчака, отнять вырванную изъ ихъ рукъ добычу. Но уже было поздно! И спасеннаго и спасителя подхватили десятки рукъ, и буквально внесли въ окопы.

Капитанъ оставался все время на своемъ посту, внимательно слѣдя за клубами дыма и вспышками вражескихъ огней. Онъ словно не замѣчалъ даже подвига своего товарища. Только, когда стемнѣло уже окончательно, и, теперь уже, по азиатскому обычаю, на всю ночь стихъ боевой огонь, онъ отыскалъ Наль и наклонился къ нему:

— Какъ же это ты такъ... голубчикъ...

Только и сказалъ старый капитанъ, и замѣтивъ утомленную, болѣзненную позу Сергѣя Николаевича, заботливо добавилъ:

— Да ты не раненъ-ли?

— Нѣтъ... только усталъ... очень, очень усталъ... Со мною что-то странное творится... со мною...

Но Сергѣй Николаевичъ не договорилъ, что такое съ нимъ. Онъ прикрылся съ головою шинелью и заснулъ, а можетъ-быть и нѣтъ—такъ только прикинулся спящимъ.

Постоялъ надъ нимъ минутку капитанъ.

„Что такое съ нимъ?“ думаетъ.—Сережа! а, Сережа!

Онъ нащупалъ его руку подъ складками шинели... нащелъ. Рука Наль отвѣтила ему покойнымъ, дружескимъ пожатіемъ.

„Странно!“ подумалъ капитанъ, и не слышно шагая въ своихъ мягкихъ, татарскихъ сапогахъ, пошелъ по линіи, пристально всматриваясь въ непроницаемую тьму южной, удушливой ночи.

(Продолженіе будетъ).

Въ воронкѣ гейзера.

Ф. Стейница (съ англійскаго).

Однажды лѣтомъ я отправился съ товарищами на охоту по берегамъ Ваяката, рѣки на сѣверномъ островѣ Новой Зеландіи. Стоялъ прекрасный, теплый день. Обогнавъ оставшее общество и прищипывая лошадь, я поскакалъ на вершину лѣсистаго холма, лежавшаго въ сторонѣ отъ нашего пути.

Видъ былъ чудесный, совершенно новый для меня. Котловина отовсюду склонаясь къ небольшому центральному озеру уступами или террасами изъ блага какъ снѣгъ силиката (кремнекислой соли), образованными въ теченіе вѣковъ водою двадцати или болѣе высокихъ гейзеровъ, которые, смѣняя другъ друга, выбрасывали вверхъ исполніскіе фонтаны сверкашіе на солнцѣ. Раньше я никогда не видалъ гейзеровъ или Puias, какъ ихъ называютъ туземцы, и потому красота ихъ привела меня въ восхищеніе. Величественно и волшебю поднимались къ небу громадныя столпы воды и снова падали блестящими каскадами. Едва глазъ начиналъ привыкать къ очаровательному зрѣлищу и казалось возможнымъ пересчитать эти удивительныя фонтаны, какъ нѣкоторые изъ нихъ внезапно пропадали, а въ другихъ мѣстахъ изъ-подъ земли появлялись новые. Надъ ними висѣло облако нѣжнаго, молочно-блага тумана; сама же вода, поднимавшаяся изъ гейзеровъ, синѣла какъ сафиръ, становясь все свѣтлѣе, по мѣрѣ того какъ поднималась вверхъ, и оттуда, блистая всёми цвѣтами радуги, падала въ озеро, надъ теплою поверхностью котораго поднимался голубоватый туманъ.

Спутники скоро догнали меня и подобно мнѣ восхищались красотой зрѣлища. Но я, не довольствуясь этимъ, хотѣлъ поближе посмотрѣть гейзеры, спустившись въ самую долину. Воспользовавшись приваломъ, пока проводники разбивали ла-

герь и сносили туда топливо, а товарищи разнуздывали лошадей, я иѣшкомъ направился къ долинѣ.

Ближайшій гейзеръ находился не болѣе чѣмъ въ полумилѣ, но спускъ въ долину былъ крутъ и обрывистъ, такъ что я съ трудомъ подвигался впередъ. Когда я спустился съ холма на высшую террасу, куда достигала вода изъ гейзеровъ, почва совершенно замѣнилась. Подъ ногами у меня была твердая лава, устѣнная трещинами и скважинами, изъ которыхъ поднимался голубоватый паръ. Хотя я и не сознавалъ всей опасности прогулки по такой предательской почвѣ, однако весьма осторожно ставилъ ногу на гладкую и стеклообразную лаву, грозившую ежеминутно обрушиться и увлечь меня въ бездонную пропасть. Добравшись до гейзера, я остановился въ нѣмомъ изумленіи предъ этимъ гигантскимъ фонтаномъ, величавымъ произведеніемъ природы.

Стоилъ воды, выбрасываемый гейзеромъ, былъ почти въ метръ толщиною и въ 50 футовъ вышиною. Онъ поднимался съ оглушительнымъ свистомъ и ревомъ изъ своего кратера, находившагося на вершинѣ незначительнаго возвышенія, въ родѣ миниатюрнаго вулкана, по склонамъ котораго стекали на террасу потоки воды и съ глухимъ шумомъ, прокатясь по всёмъ террасамъ, падали въ озеро. Я погрузилъ было въ воду налѣцъ, но тотчасъ же выдернулъ его назадъ: вода была чистый кипятокъ. Мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало заглянуть въ жерло гейзера, но пока онъ извергалъ потоки горячей воды, разумѣется это было немислимо. Я уже упоминалъ, что гейзеры дѣйствовали не непрерывно, а постоянно смѣняя другъ друга, такъ что нѣкоторые во временамъ оставались въ покоѣ. Какъ разъ въ ста метрахъ отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ, находился гейзеръ, который былъ

въ дѣйствиі во время моего спуска въ долину, теперь же окончательно замолкъ. Къ нему-то я и направилъ шаги и, взобравшись на незначительное возвышеніе его кратера, заглянулъ внутрь.

Внѣшняя сторона кратера была довольно шероховата, зато внутренняя гладка какъ полированный мраморъ и бѣла какъ снѣгъ, съ легкимъ впрочемъ розоватымъ оттѣнкомъ. Формою кратеръ походилъ внутри на громадную воронку въ 25 метровъ діаметромъ, суживающуюся къ отверстию въ пропасть, которая походила на темный бездонный колодезь.

Я такъ увлекся своими наблюденіями, что забылъ всякую осторожность. Вдругъ случилось нѣчто неожиданное. Жерло кратера и почва, на которой я стоялъ, состояли изъ соли кремнезема, ломкой какъ тонкое стекло. Вдругъ я почувствовалъ, что почва рушится и уходитъ изъ-подъ моихъ ногъ. Я отступилъ назадъ, но предательская почва все ломалась, я попытался удержаться за что-нибудь, но этимъ только ухудшилъ свое положеніе. Именно, сдѣлавъ сильное движеніе, я поскользнулся, упалъ во весь ростъ и покатился въ отлогую воронку гейзера.

Не помня себя отъ ужаса, я испустилъ пронзительный крикъ и судорожно протянулъ впередъ руки, чтобы уцѣпиться за первый попавшійся предметъ; но поверхность воронки, гладкая какъ полированный мраморъ или стекло, увлекла меня все далѣе. Отверстіе ужаснаго колодца приближалось, чтобы навѣки поглотить меня...

Гейзеръ состоитъ изъ воронки и трубы. Обыкновенно воронка суживается и переходитъ въ трубу, подобную шахтѣ рудника. Но бываетъ, что она отклоняется и въ незначительномъ отдаленіи отъ трубы образуетъ выступающій карнизъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Какъ разъ на такомъ укомъ скалистомъ плато, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трубы гейзера, я и остановился.

Въ первую минуту я воздалъ благодарность Небу за чудесное спасеніе; но было-ли это и въ самомъ дѣлѣ спасеніе? Конечно, я не упалъ въ ужасную бездну, не разбился на неизвѣстной глубинѣ, я лежалъ цѣлымъ и невредимымъ и сохранилъ способность обдумать свое положеніе. Но возможно-ли было выбраться отсюда? Я чуть приподнялся и взглянулъ вверхъ.

Прямо надо мною въ отверстиіе кратера видѣлся клочекъ голубаго неба, но, къ удивленію моему, на немъ теперь, въ полдень, свѣтилась звѣзда. Я вспомнилъ объ извѣстномъ феноменѣ, что изъ глубокаго колодца на небѣ въ теченіе всего дня видѣются звѣзды. Надо было подумать о другомъ: о способѣ выбраться изъ бездны. Вся кровь прилила мнѣ въ голову, когда я взглянулъ внизъ, гдѣ въ двухъ шагахъ чернѣла подо мною пасть гейзера. Стѣнки воронки были гладки, уцѣпиться было не за что. Выбраться не было надежды. Въ окружающей меня тишинѣ слышалось только однообразное ворчаніе и клокотаніе воды въ гейзерѣ, изъ трубы котораго струйками подымался паръ. Моментъ изверженія долженъ былъ настать, черезъ часъ, черезъ минуту — кто знаетъ! Подземный потокъ вырвется наружу и захлестнетъ меня какъ крысу, попавшую въ мышеловку. Нѣтъ, мнѣ предстояло даже нѣчто болѣе ужасное. Мнѣ предстояло быть заживо свареннымъ въ горячей водѣ гейзера!

Сердце усиленно забилося во мнѣ при этой мысли. Я весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, холодный потъ выступилъ на лбу, нервы были напряжены до крайности въ ожиданіи чего-то ужаснаго. Каждое мгновеніе казалось мнѣ вѣчностью.

Наконецъ, съ усиленіемъ спящаго, видящаго ужасный сонъ, я началъ тереть лобъ, чтобы вернуть способность мышленія. Неужели нѣтъ исхода? Неужели, бездѣйствуя, отдаться на волю рока?

Я снова оглядѣлся. Воронка была слишкомъ широка, чтобы я могъ выбраться, упираясь ногами и руками въ противоположныя стѣнки. Вдругъ я вспомнилъ о своемъ охотничьемъ ножѣ. Быть-можетъ мнѣ удастся вырубить хоть маленькіи ступеньки и выбраться на воду. Сколько времени займетъ подобная работа, объ этомъ я не думалъ. Лихорадочно я схватилъ ножъ, но отчаяніе сразу овладѣло мною, — вѣдь камень былъ крѣпокъ какъ алмазъ. При второмъ ударѣ клинокъ со звономъ сломался и покатился въ бездну, а съ нимъ пропала и послѣдняя надежда.

До этой минуты я сдерживался и не пытался даже кричать,

отчасти сознавая бесполезность крика. Друзья были въ полумилѣ разстояніи. Развѣ они могутъ услышать призывный крикъ изъ бездны глубокаго гейзера... Теперь, въ отчаяніи и уже ничего не сознавая, я испустилъ долгій и пронзительный крикъ. Никогда не забуду, что послѣдовало вслѣдъ за этимъ! Едва звукъ сорвался съ моихъ губъ, какъ ему отвѣтилъ другой, выходявшій какъ бы изъ самой глубины, сначала глухой, затѣмъ все громче и громче, переходя въ громовые раскаты и яростный ревъ, какъ будто демоны этой бездны все вмѣстѣ хотѣли передразнить меня. Подавленный ужасомъ, я прижался къ скалѣ и зажалъ уши, чтобы не слышать этого оглушительнаго рева.

Не знаю, какъ долго я оставался въ такомъ положеніи. Когда я вновь приподнялся, то услышалъ только однообразное шипѣніе и клокотаніе подземной воды. Такъ продолжалось минутъ пять, затѣмъ клокотаніе это стало усиливаться, постепенно переходя въ ужасающій ревъ. Гейзеръ просыпался — мой часъ насталъ!

Отбѣивъ отъ страха, я прижался къ стѣнѣ и сдерживалъ дыханіе, съ широко-раскрытыми глазами ожидалъ появленія кипящей воды. Вдругъ сильный толчокъ пошатнулъ скалу, изъ бездны вылетѣлъ какъ бы порывъ вѣтра, за нимъ слѣдовалъ страшный оглушительный ударъ; громадный столбъ воды поднялъ меня и бросилъ изъ кратера въ воздухъ на громадную высоту.

Удивительно, какъ раньше я не рассчиталъ громадной скорости этого водянаго столпа. Смѣшно было думать о возможности утонуть въ немъ. Свариться живымъ я тоже не могъ: вода, правда, была очень тепла, но до кипятку ей было далеко. Тѣмъ не менѣе настоящее положеніе мое было ничѣмъ не лучше прежняго.

Не знаю, рассказывать-ли мнѣ далѣе, ибо все дальнѣйшее было такъ фантастично, невѣроятно и комично, что пожалуй не достанетъ ярнхъ кра окъ на его описаніе.

Всякій видѣлъ, какъ танцуетъ мячикъ или пробка на концѣ водяной струи, дущенной изъ фонтана; пусть представятъ себѣ гигантскій фонтанъ, изъ котораго бьетъ струя въ 5 футовъ толщины и въ 80 футовъ вышины; на концѣ этой струи вмѣсто мячика или пробки находится живой человекъ. Вотъ лучшая иллюстрація моего положенія.

Движеніе тѣла поддерживаемаго водяною струей зависить отъ его вѣса. Если оно слишкомъ тяжело, то тотчасъ падаетъ внизъ, если же слишкомъ легко, то по инерціи отрывается отъ струи и летитъ въ сторону. Вѣроятно мой вѣсъ вполне соответствовалъ силѣ водяной струи, потому что я не упалъ и не полетѣлъ въ сторону, но нѣсколько разъ былъ подхватываемъ водою, причѣмъ вертѣлся въ воздухѣ, какъ волчокъ или кубарь. Что я испытывалъ въ это время — трудно сказать. Головокружительная высота, упругость водяной колонны, прикосновеніе теплой воды, оглушительный шумъ, искристый блескъ водяныхъ капелъ на солнцѣ, — все это перемѣшивалось въ какой-то чудовищный хаосъ; все было похоже на какой-то чудесный сонъ. Мысли мои путались, я чувствовалъ головокруженіе и слабость, и мнѣ казалось, что съ минуты на минуту я потеряю сознание.

Внезапно, не знаю, какимъ образомъ, я оторвался отъ водяной струи и полетѣлъ внизъ съ высоты 80 футовъ.

Упавъ я на скалу, безъ сомнѣнія отъ меня-бы ничего не осталось, но къ счастью я упалъ ногами въ воду, наполняющую воронку гейзера, подлѣ самаго края ея. Собравъ послѣднія силы, я вынырнулъ, схватился за край воронки обѣими руками и счастливо выскокилъ вонъ.

Все это было дѣломъ секунды. Не упавъ я такъ близко отъ края, я безъ сомнѣнія бы погибъ. Я видѣлъ, какъ вслѣдъ затѣмъ водяной столбъ рухнулъ и съ шумомъ и грохотомъ исчезъ въ пасть гейзера.

Измученный, шатаясь, какъ пьяный, я добрался до стоянки, тщательно размѣряя на пути каждый шагъ и пробуя предательскую почву. Выбравшись наконецъ изъ опасной долины, я оглянулся назадъ. Гейзеръ нѣсколько мгновеній находился въ покоѣ, затѣмъ изъ него снова поднялся водяной столбъ, искрсясь и сверкая на солнечномъ блескѣ, красивый и привлекательный для всякаго видящаго его въ первый разъ. У меня, конечно, прошло всякое желаніе любоваться имъ поблизу. (И.)

Шумла.

(Рис. на стр. 757).

(Воспоминанія участника войны 1877—1878 гг.).

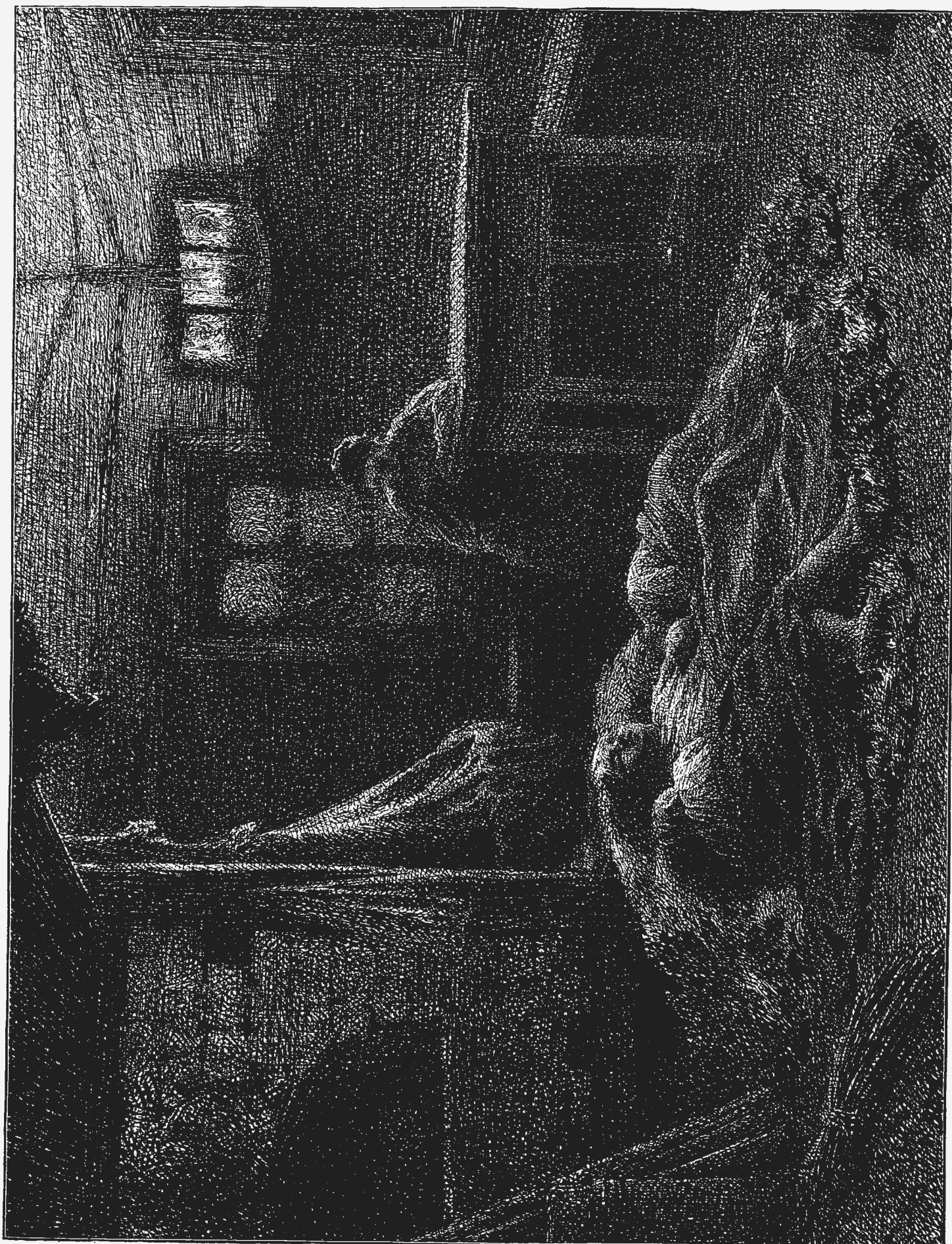
I.

Городъ Шумла расположенъ у восточной подошвы отдѣльнаго отрога горъ, совершенно отрѣзаннаго отъ главнаго Балканскаго хребта долиною рѣки Камчика, и представляетъ чрезвычайно живописное мѣсто, замѣчательное въ торговомъ и особенно военнo-стратегическомъ отношеніяхъ; надо пройти цѣлые ряды знаменитыхъ Шумлинскихъ укрѣпленій, чтобы увидѣть городъ, скрытый въ долинѣ между лѣсистыми горами, изрѣзанными множествомъ овраговъ и охватывающими его съ

сѣверо-запада и юга, какъ бы подкожной; лишь съ востока идетъ болотистое ущелье, изъ котораго течетъ рѣчка Буклуджа, впадающая въ Камчикъ. Непреступныя Шумлинскія укрѣпленія, гордость и опора Турецкой имперіи, усовершенствованныя передъ войной, согласно требованій новѣйшаго фортификаціоннаго искусства, тянутся по равнинѣ и, подымаясь по крутымъ высотамъ, оканчиваются у отвѣсныхъ скалъ замыкающихъ долину. — Съ высоты холма, на которомъ расположенъ фортъ „Игдысь-табл“, открывается великолѣпный видъ на го-

На постояломъ дворѣ. Ориг. рис. (собств. «Нивы») Шатовскаго, автогипса Ангерера

Ночью. Ориг. рис. перомъ (собств. „Иммы“) М. Зоццено. автотипія Ангерера

родъ съ его стройными минаретами мечетей и куполами, съ его массой зданий разнообразной архитектуры, какъ бы амфитеатромъ расположенныхъ, и съ его прекрасными фруктовыми садами; среди города бьютъ фонтаны чистой свѣжей воды и журчатъ многочисленныя горныя ручьи; а тамъ вдали на склонахъ горъ виднѣются хлѣбныя поля и виноградники. Все вмѣстѣ представляетъ очаровательную картину. Изъ достопримѣчательностей города обращаютъ вниманіе путешественника: огромныя высокія казармы и госпиталь, образцовый во всѣхъ отношеніяхъ; дворецъ съ башенными часами; главная мечеть, изящной оригинальной архитектуры; Махмудова школа, огромный фонтанъ среди города, масса ресторановъ, кофеенъ, лавокъ и магазиновъ. Городъ Шумла по своему положенію у подножія Балканъ, черезъ которые ведетъ удобнѣйшій путь—перевалъ, составляетъ торговый пунктъ, центръ дорогъ изъ придунайскихъ и черноморскихъ городовъ и удобнѣйшее защищенное мѣсто для сосредоточенія войскъ. Чтобы увеличить центральное значеніе Шумлы, какъ города и крѣпости, Турецкое правительство въ концѣ шестидесятихъ годовъ возобновило соединить ее вѣтвью желѣзной дороги со станціею Каспиджанъ Русско-Варненско-желѣзной дороги и грандіозной линіей желѣзной дороги черезъ Балканы къ городу Ямболу, конечному пункту Адрианопольской желѣзной дороги. Турецкія власти горячо принялись за желѣзно-дорожное дѣло; скоро были приглашены англійскіе инженеры, которые произвели уже надежныя изысканія намѣченныхъ желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, и въ томъ 1870 года закинула впервые постройка 14-верстной, важной въ торговомъ отношеніи, боковой вѣтви желѣзной дороги, пользуясь даровымъ трудомъ поселянъ, которыхъ силой стояли на барщину. Однако не суждено было исполниться доброму предпріятію: турецкая казна была пуста, и вотъ за неимѣніемъ средствъ постройка дорогъ прекратилась, все осталось лишь на бумагѣ. До сихъ поръ видны слѣды даже шпаль боковой вѣтви Русско-Варненской желѣзной дороги, а прекрасное зданіе вокзала, проданное мѣстнымъ жителямъ, обращено въ жилое помѣщеніе. Точно также до сихъ поръ видны слѣды начавшейся постройки Забалканской желѣзной дороги—полуразвалившаяся насыпь полотна дороги, дугой опоясывавшая городъ.

Грозовая турецкая твердыня Шумла не есть собственно обыкновенная крѣпость, а обширный укрѣпленный лагерь, съ далеко выдвинутымъ отъ города цѣлымъ рядомъ сильныхъ укрѣпленій, съ многочисленными траншеями, такъ что для занятія его требуется довольно значительная армія. Во всѣхъ турецкихъ войнахъ съ Россіею, крѣпость Шумла ни разу не была атакована, штурмована нашими войсками, что вселяло въ турокъ убѣжденіе о неприступности этой крѣпости. Дѣйствительно, до войны 1828—1829 г. в.р. Шумла никогда не подвергалась прямой осадѣ со стороны русскихъ войскъ, являвшаяся въ разное время предъ ея твердынями; хотя въ 1810 г. она и была обложена 30000-ю русской арміею графа Каменскаго, но 2-хъ-дневной бой (11 и 12 июня), нанесшій большой уронъ туркамъ, въ то же время вынудилъ и русскихъ снять блокаду крѣпости. Въ 1828 году 8 іюля тоже 30000-ая армія, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, въ присутствіи вѣнценскаго верховнаго вождя государя императора Николая Павловича, атаковала турецкій лагерь подъ Шумлою, разбивъ турокъ, овладѣла лагеремъ и обложила крѣпость поведя правильную осаду ея. Его величество изволилъ лично руководить осадными работами, подвергая себя серьезнымъ опасностямъ, такъ что наконецъ, по чувству вѣрноподданческой любви, главнокомандующій арміею графъ Витгенштейнъ вынужденъ былъ съ почтительною твердостью замѣтить: „Государь, вы удостоили сохранить за мною всѣ права главнокомандующаго, осмѣливаясь просить Ваше Величество удалиться тотчасъ же съ поста, котораго вамъ не слѣдуетъ занимать; иначе я буду въ прискорбной необходимости просить объ отставкѣ и поступить рядовымъ въ вашу армію“. Его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ, сопровождавшій государя императора подъ Шумлу, не могъ тоже не присоединиться къ совершенно справедливому мнѣнію главнокомандующаго, сказавъ: „Витгенштейнъ правъ! и я присоединяюсь къ нему, какъ генералъ фельдцейхмейстеръ, чтобы умолять Ваше Величество не подвергать себя величайшему несчастію, какое только можетъ постигнуть армію, имперію и Императорскій Домъ“. (Лакруа). Послѣ этого государь императоръ уѣхалъ подъ Варну. Шумла скоро осталась лишь блокированной незначительнымъ отрядомъ, такъ какъ всѣ силы русской арміи были сосредоточены на другихъ болѣе важныхъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій. Послѣ паденія Варны, Силистрии, Айдоса, Адрианополя и другихъ городовъ предъ неустрашимыми и неопобѣдимыми русскими чудо-богатырями, участь грозной Шумлы вѣсла на волосья, также какъ рѣшеніе политической жизни всей Турецкой Имперіи въ Европѣ; но великодушный и могущественный верховный защитникъ и покровитель Славянъ единымъ своимъ державнымъ словомъ отсрочилъ роковую неизбежную судьбу Турціи, пощадивъ ея существованіе, заключеніемъ 2 сентября 1829 г. Адрианопольскаго мира.

II.

Въ послѣднюю турецкую войну укрѣпленный турецкій Шум-

линскій лагерь также служилъ сосредоточіемъ главныхъ турецкихъ силъ подъ непосредственнымъ начальствомъ сердаръ-экрема Абдуль-Керима-пашы, котораго, за бездѣйствіе и за допущеніе русскихъ войскъ совершить знаменитыя переправы черезъ Дунай, турецкій султанъ смѣнилъ, предель военному суду и сослалъ на островъ Родосъ, а Мехметъ-Али пашу 9 іюля 1877 г. назначилъ вмѣсто него. 10 августа того же года въ кр. Шумлу прибылъ изъ Константинополя съ 10000 отрядомъ войскъ черезъ Варну Фаали-паша, который Шумлу избралъ главною своею квартирою до конца войны, состоя вполнѣдствіи въ званіи главнокомандующаго Дунайскою арміею. По Санъ-Стефанскому прелиминарному договору 19 февраля 1878 г. грозная неприступная турецкая твердыня Шумла отдалась безъ боя въ руки доблестныхъ русскихъ героевъ. Тяжело и обидно было туркамъ безъ боя сдавать свою первоклассную крѣпость, а потому они старались оттянуть день очищенія ея, хотя безъ сомнѣнія всѣ они были довольны прекращеніемъ кровавой жестокой рѣзни. Съ какою радостью турки встрѣтили русскихъ вѣстниковъ мира и какую торжественную встрѣчу они имъ устроили всюду! 27 января 1878 г. изъ города Хаджи-Оглу-Базарджика командиромъ 14 армейскаго корпуса генералъ-лейтенантомъ Циммерманомъ были командированы полковникъ Пovalo-Швейковскій и капитанъ Гершельманъ съ возмѣщеніемъ объ Адрианопольскомъ перемиріи и для установленія демаркаціонной линіи. По пути слѣдованія нашихъ парламентаріевъ, турецкія войска всюду отдавали имъ воинскія почести и оказывали радушный пріемъ и содѣйствіе. Поздно вечеромъ они вѣхали въ городъ Шумлу и остановились у дворца, занятаго Фаали-пашей. Здѣсь наши офицеры были встрѣчены музыкою и почетнымъ карауломъ, который отдалъ имъ честь. Самъ Фаали-паша оказалъ имъ восторженный пріемъ, съ любезною предупредительною угостивъ роскошнымъ ужиномъ, за которымъ лилось рѣдкой шампанское,—были провозглашены тосты за здоровье Государей, главнокомандующихъ и арміи. Тутъ же присутствовали начальники-дивизій: Сели-паша, умный и образованный по-европейски турецкій генералъ, и Мустафа-паша, суровый, старый турокъ, начальникъ штаба Шумлинскихъ войскъ Гусни-паша, русский полковникъ парламентаръ отъ князя Довдукова-Корсакова, Императорскаго комиссара Богаринъ, и плѣнный ротмистръ одного гусарскаго полка Г. На другой день лично Фаали-паша показывалъ русскимъ офицерамъ турецкій госпиталь, прекрасно содержимый и въ изобиліи снабженный всѣми больничными вещами и медикаментами; уходъ за больными и ранеными былъ самый заботливый и тщательный, такъ что наши раненые съ похвалою отзывались о туркахъ.

Если турки такъ высоко цѣнили свою гордость — крѣпость Шумлу, то и русскіе хорошо понимали необходимость ея скорѣйшей очистки, такъ какъ здѣсь сосредоточивалось до 8 таборовъ турецкой пѣхоты, да около 50 тысячъ разнаго сброда — вооруженныхъ турецкихъ бѣглецовъ. Благодаря энергіи, быстротѣ и осторожности дѣйствій генерала Столыпина, комиссара по очищенію турками крѣпостей Варны и Шумлы, и начальника 2-ой пѣхотной дивизіи генерала Бѣлокопытова, занятіе города русскими войсками было совершено, не вызвавъ никакого волненія, недоразумѣнія, а лишь ускоривъ очищеніе турками крѣпости. Въ началѣ іюля 1878 г. Калужскій полкъ съ тремя стрѣлковыми ротами Либавцевъ, съ 2 батареями артиллеріи и 2 эскадронами гусаръ двинулся на занятіе Шумлы. Турки были озадачены внезапнымъ появленіемъ русскаго отряда, который мирно и тихо двигался впередъ къ Шумлѣ, идя подъ музыку въ ногу и совершая всѣ передвиженія и перестроенія спокойно и торжественно, какъ бы на смотру. Толпа любопытныхъ и масса турецкихъ солдатъ любовались невиданнымъ зрѣлищемъ, какъ бы не предчувствуя грозы, конца своему владычеству. Подъ самой Шумлою генералъ Столыпинъ устроилъ торжественный парадъ войскамъ отряда, каждая часть котораго затѣмъ отходила на предназначенный ей участокъ. Такъ, Калужскаго полка два батальона съ артиллеріей заняли фортъ „Игдысъ-табіа“, направивъ жерла своихъ орудій на городъ; а одна рота Либавцевъ съ расчуженными знаменами и музыкою вступила въ самый городъ. Малочисленный русскій отрядъ занялъ Шумлу безъ боя, мирно, не нарушая спокойствія и ничѣмъ не возбуждая турецкій фанатизмъ, такъ что сами турки были до крайности изумлены и озадачены такимъ дипломатическимъ и осторожнымъ образомъ дѣйствій русскихъ войскъ и не дѣлали имъ ни малѣйшей задержки и препятствій. Къ половинѣ августа мѣсяца крѣпость окончательно была очищена отъ турецкихъ войскъ, отправленныхъ черезъ Варну моремъ въ Константинополь.

III.

Среди достопримѣчательностей города Шумлы выдается по своему историческому значенію Махмудова школа для бѣдныхъ дѣтей обоого пола, основанная въ честь посѣщенія города турецкимъ султаномъ Махмудомъ II. Это событіе въ жизни обывателей Шумлы, происходившее, конечно, при торжественной обстановкѣ, глубоко вѣззалось въ память старожилъ, которые съ удовольствіемъ вспоминаютъ этотъ знамени-

тельный фактъ и съ особою подробностью рассказывают о немъ, указывая даже мѣста, освѣщенные посѣщеніемъ и пребываніемъ ихъ падишаха. Съ наступленіемъ весны 1837 года турецкій султанъ Махмудъ II предпринялъ торжественную поѣздку въ Болгарію и Румелию, чтобы лично ознакомиться съ состояніемъ этихъ своихъ земель. Въ городѣ Шумлѣ къ пріѣзду падишаха выстроили небольшой дворецъ и роскошно меблировали его въ азіатскомъ вкусѣ. Въ началѣ мая стало окончательно извѣстно время пріѣзда въ Шумлу султана. На встрѣчу его величества вышло все населеніе города, съ муллами въ бѣлыхъ чалмахъ во главѣ; лишь одинъ мусульмане стояли прямо со сложенными руками на животѣ, христіане пали ницъ со своими епископомъ и священниками, не смѣя сморгнуть, по обычаю, на падишаха, пока онъ не пробѣжалъ. Султанъ осмо-

трѣлъ городъ, всѣ укрѣпленія и войска гарнизона и изволилъ принимать въ торжественной церемоніи представителей города, награждая ихъ халатами. Его величество за всѣ расходы по своему путешествію расплачивался чистыми деньгами, что крайне удивляло всѣхъ, особенно народъ, привыкшій работать даромъ; щедро награждалъ каждого встрѣченнаго имъ бѣднягу - нищаго, и принималъ всѣ прошенія отъ просителей и просительницъ. При отъѣздѣ изъ Шумлы султанъ пожаловалъ 10000 гульденовъ на бѣдныхъ города; изъ части этихъ денегъ, по желанію самихъ же бѣдняковъ города, для увѣковѣченія памяти о великодушномъ щедромъ подаркѣ верховнаго турецкаго владыки, и основали школу для дѣтей бѣдныхъ обоого пола, назвавъ ее въ честь имени падишаха—Махмудова школа.
Ф. В. Игнатьевъ.

Къ рисункамъ

На маневрахъ. (Рис. на стр. 756).

Кавалерійскій отрядъ, на маневрахъ, проходитъ лежащую на пути его слѣдованія деревушку. Солдаты спѣшатъ освѣжиться отъ лѣтнаго зноя и напоить коней. Бабы выбѣгаютъ съ ведрами и ковшами студеной воды. „Мальчишекъ радостный народъ“ спѣшатъ присоединиться къ авангарду, маршируя съ усиленною энергіей... Во всемъ поселкѣ мало-по-малу разгорается необычное оживленіе.

Гадюка хватаящая полевку. (Рис. на стр. 761).

Напрасно ищемъ мы въ окружающей насъ природѣ покоя и мира, воспѣваемого поэтами. Внимательному наблюдателю повсюду представляется одна и та же картина непрерывной, жестокой борьбы на смерть. Сколько существованій губитъ хотя-бы одна крохотная полевка, озабоченно шмыгающая у насъ подъ ногами! То проглатываетъ она судорожно извивающагося червя, то неповоротливую улитку, то охотится за летающими насѣкомыми и ловитъ ихъ быстрымъ, ловкимъ скачкомъ. Но въ жару преслѣдованія, мышка забываетъ необходимую осторожность. Она не замѣчаетъ, какъ змѣя, ядовитая гадюка, выползаетъ изъ своего укромнаго угла, вперивъ сверкающіе глаза въ свою жертву. Все ближе, тихо, неслышно скользятъ въ травѣ кольца пресмыкающагося. Но вотъ гадюка поднимаетъ голову, съ яростнымъ шипѣніемъ молніей кидается впередъ, и несчастная полевка уже въ зубахъ. Смертельный ядъ изливается въ ранку — нѣсколько содроганій, и мертвая мышка недвижно свѣсилась изъ пасти змѣи. Но гадюка неудобно схватила свою добычу, и кладетъ ее наземь, потомъ широко разѣваетъ пасть, хватаятъ мышъ съ головы и медленно двигая челюстями начинаетъ ее проглатывать. Это не легкая работа. Шея змѣи раздувается, и наконецъ добыча скользитъ въ глотку. Медленно возвращается гадюка въ свое убѣжище, чтобы въ лѣтнемъ покоѣ переварить свой завтракъ.

Какъ извѣстно, гадюки страшны не только мышамъ, лягушкамъ, ящерицамъ и мелкимъ птичкамъ, но и человѣку. Ядъ ихъ дѣйствуетъ на людей весьма сильно и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ причинить смерть въ теченіе 20 минутъ. Дѣйствіе яда тѣмъ сильнѣе, чѣмъ жарче температура лѣтнаго дня, а также чѣмъ долѣе змѣя накапливала ядъ. Но и не смертельное укушеніе гадюкой производитъ продолжительные болѣзненные припадки, иногда возобновляющіеся периодически въ теченіе десяти и болѣе лѣтъ. Гадюку легко распознать по черной полосѣ зигзагомъ пробѣгающей вдоль всего спиннаго хребта и двумъ расходящимся чернымъ дугамъ на затылкѣ. Какъ средство противъ укушенія гадюкой рекомендуются: перевязка укушенной конечности ниже раны (т. е. ближе къ пальцамъ), расширеніе и выдавливаніе раны, такъ чтобы кровь шла обильно, выливаніе въ рану раствора лимонной кислоты и при этомъ напаваніе раненаго по возможности до-пьяна спиртными напитками.

На постояломъ дворѣ. Рис. Шаховскаго.

(Рис. на стр. 764).

Обычная сцена въ тѣхъ глухихъ уголкахъ земли Русской, гдѣ еще не проложены желѣзныя дороги. Докторъ, ѣдущій на слѣдствіе, и провѣжій купецъ, сошлись на постояломъ дворѣ и мирно бесѣдуютъ за самоваромъ, въ ожиданіи лошадей.

Обращаемъ вниманіе читателей на мастерское воспроизведеніе facsimile рисунка французскимъ карандашомъ, причемъ въ точности переданъ каждый штрихъ оригинала.

Ночью. Рис. М. Зоценко. (Рис. на стр. 765).

Этотъ весьма тонкій рисунокъ перомъ, переданный подобно предшешему facsimile авторитетной Ангерера, представляетъ внутренность избы, принадлежащей бѣдной вдовѣ съ тремя сиротами. Между тѣмъ какъ дѣти, при кроткомъ свѣтѣ лампы, заснули безвѣстнымъ сномъ свойственнымъ ихъ возрасту, мать въ тяжеломъ раздумьи присѣла на лавку послѣ скуднаго ужина.

Сяду я за столъ
Да подумаю
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокой мнѣ...

(Нольцовъ).

Китайскія волшебныя зеркала.

Н. Штерне. (Рис. на стр. 768).

Китайцы, къ которымъ мы зачастую относимся съ незаслуженнымъ презрѣніемъ, въ области многихъ искусствъ и ремеселъ не только предупредили насъ, но и до сего дня далеко оставляютъ за собою нашу промышленность. Достаточно упомянуть о фарфорѣ, порохѣ, сплавахъ и окраскѣ металловъ, о шелковыхъ и бумажныхъ мануфактурахъ, о наборныхъ и лаковыхъ работахъ. Недавняя китайско-японская выставка въ Берлинѣ могла бы окончательно выдѣлать насъ отъ пренебрежительнаго отношенія къ китайцамъ. Произведенія искусства здѣсь были перемѣшаны съ тысячами бездѣлушекъ, сдѣланныхъ съ своеобразнымъ вкусомъ, продуктовъ удивительнаго терпѣнія и ловкости, которымъ не въ состояніи подражать наши фабрики и мастерскія. Ихъ металлическіе сплавы, простѣйшія на первый взглядъ вещи, еще представляютъ полную загадку для нашей техники, несмотря на успѣхи нашей металлохиміи. Здѣсь навѣкъ превзошелъ науку, и какъ въ сноровкѣ, такъ и въ знаніи тайнъ ремесла, эти монгольскіе, по всѣмъ вѣроятіямъ древнѣйшіе въ мірѣ, обработыватели металловъ, превзошли даже затѣйливыхъ и лукавыхъ карликовъ сѣверныхъ сагъ и тельхиновъ, черныхъ мастеровъ Крита и Родоса. Прекрасныя образчики этой древнетельхиноской кузнечной затѣйливости представляютъ все рѣже встрѣчающіяся китайскія волшебныя зеркала, при изслѣдованіи которыхъ даже образованные люди приходятъ къ убѣжденію, что здѣсь дѣйствительно замѣшано какое-то волшебство. Это по большей части круглыя металлическія ручныя зеркала, которыя отчетливо представляютъ въ отраженномъ на бѣлую стѣну отъ лицевой ихъ стороны солнечномъ „зайчикѣ“ фигуры, китайскія надписи и загадочныя характерныя изображенія, помѣщенные на задней сторонѣ зеркала, въ видѣ выцукостей или наборной и гравированной работы. На свѣтломъ фонѣ эти фигуры являются тѣневыми, на темномъ же—свѣтлыми. Если даже на лицевой сторонѣ нашего обыкновеннаго зеркала нарисовать фигуры и пытаться отразить ихъ на стѣну, то изъ этого ровно ничего не выйдетъ, а тутъ какимъ-то волшебствомъ онѣ прямо переходятъ на стѣну даже съ задней стороны зеркала.

Недавно въ Берлинѣ автору этой статьи представился случай наблюдать это рѣдкостное и въ высшей степени интересное явленіе на одномъ изъ такихъ зеркалъ, принадлежащихъ г. Зенткеру. Чтобы дать читателямъ понятіе объ этихъ курьезахъ Восточной Азіи, почти не встрѣчающихся въ Европѣ, къ этой статьѣ приложенъ рисунокъ, изображающій заднюю сторону зеркала, въ томъ видѣ, какъ она отражается на стѣну. Эти зеркала дѣлаются изъ желтой бронзы, покрываемой тонкимъ, бѣлымъ какъ серебро слоемъ амальгамы; поверхность ихъ слегка вогнута, но даетъ вполне правильныя, слегка уменьшенныя изображенія. Толщиною зеркало около 5 миллиметровъ. Будучи снабжено металлическою ручкой, оборнutoю волокнами бамбука, оно легко и удобно можетъ служить для туалета. На оборотной сторонѣ, на пестромъ фонѣ изображенъ знаменитый китайскій драконъ Лунгъ, сидящій подлѣ цвѣтущимъ терновникомъ, подлѣ бамбуковаго пня.

Этотъ драконъ Лунгъ, изображаемый то оленемъ, то лошадыю, то чешуйчатымъ гадомъ, то тигромъ, какъ въ данномъ случаѣ, не имѣетъ ничего общаго съ ужасными огнедышащими драконами греческихъ мифовъ и германскихъ сагъ; въ глазахъ китайца онъ добрейшее, самое достойное почитанія существо, и всякій истинный сынъ Срединной имперіи счелъ бы за счастье называться молодымъ или старымъ дракономъ, если-бы это счастье не принадлежало исключительно одному только смертному, именно императору. Государи Срединной имперіи ведутъ свое происхожденіе отъ святѣйшаго дракона и предки нынѣшней династіи, мудрейшіе и славнѣйшіе правители, имѣли видъ драконовъ. Этотъ своеобразный священный драконъ китайцевъ, по отношенію къ которому изображенный на рисункѣ является только символомъ, изображается съ оленьими рогами, воловьими ушами, головою верблюда, шеей змѣи, ногами тигра,

съ орлиными когтиами и рыбьей чешуей; онъ сидитъ на тронѣ, высоко въ воздухѣ, и сподитъ оттуда на землю только тогда, когда должно случиться пѣтя необыкновенное. Несмотря на свой злой видъ, онъ такъ благочестивъ и любвеобиленъ, что уступаетъ дорогу каждому червяку и насѣкомому изъ опасенія задвить его.

Что изображеніе на нашемъ зеркалѣ дѣйствительно представляетъ этого благочестиваго и приносящаго счастье дракона, объ этомъ свидѣтельствуетъ крѣпко вдѣланный въ сплавъ и гладко отполированный большой иероглифъ, знакъ священнаго дракона Лунга. Подлѣ изображенія находится строчка китайскаго письма, содержание которой составляетъ обыкновенно пожеланіе счастья или магическое заклинаніе, такъ какъ по обычаю эти зеркала дарятъ какъ туалетный приборъ, сохраняющій счастье, здоровье и красоту. Такъ, знаменитый синологъ Станиславъ Жюльенъ видѣлъ у барона Лагранжа въ Парижѣ одно изъ подобныхъ зеркалъ съ надписью, состоящей изъ словъ шею (долгая жизнь) и фю (счастье).

Въ отраженіяхъ отъ нашего зеркала изображенія отчетливо можно узнать дракона подлѣ вѣтвистымъ терновникомъ и прочитатъ китайскія письмена, означающія его названія, которыя, вмѣстѣ съ его фигурою, видѣются на свѣтовомъ фонѣ стѣны, почти такъ же, какъ пятна на дискѣ луны, разница состоитъ лишь въ болѣе рѣзкихъ абрисахъ. Если постепенно отодвигать зеркало отъ стѣны, гдѣ получило отраженіе, то оно будетъ увеличиваться, не становясь отъ этого менѣе яснымъ, конечно до нѣкотораго предѣла.

Китайцы называютъ эти зеркала Тшеоу Коуангъ Кіен (зеркала пропускающія свѣтъ), такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ получается иллюзія, что рисунки съ оборотной стороны зеркала проходятъ вмѣстѣ съ лучами свѣта черезъ массу зеркала и отражаются на стѣнѣ. Для изученія этого рѣдкостнаго явленія Жюльенъ отыскалъ приведенное выше китайское названіе въ одной изъ многочисленныхъ энциклопедій, которыми такъ богаты страны Средней имперіи. Ученость въ Китаѣ пользуется наибольшимъ уваженіемъ. Китайцы не довольствуются какимъ-нибудь маленькимъ пятнадцатитомнымъ Мейеромъ или Брокгаузомъ, но уже раньше, чѣмъ у насъ появилось книгопечатаніе, обладали громадными энциклопедическими сочиненіями по сотнѣ и болѣе томовъ. Въ 56-мъ томѣ энциклопедіи Ke-tsch-king-youen Жюльенъ нашелъ свѣдѣніе, что эти „пропускающія свѣтъ зеркала“ существуютъ въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ, что о нихъ упоминаетъ еще историкъ IX столѣтія по Р. X. Tschin-кою и что гораздо раньше они были воспѣты поэтомъ Кин-ма.

Поэтому весьма возможно, что эти волшебныя зеркала и секретъ ихъ приготовленія уже въ древности перешли изъ Азіи въ Европу, и что зеркала, употреблявшіяся греками и этрусками на мистеріяхъ, на задней сторонѣ которыхъ находились подобныя же фигурныя изображенія, — не что иное, какъ подражаніе китайскимъ. По крайней мѣрѣ древне-римскій историкъ Авль Геллій упоминаетъ о зеркалахъ, то дающихъ отраженія, то нѣтъ, и безъ сомнѣнія волшебныя металлическія зеркала, фигурировавшія на процессахъ вѣдѣмъ въ Средне вѣка, на задней сторонѣ которыхъ были выгравированы загадочныя знаки и изображенія дьявола, принадлежали къ издѣліямъ азиатской затѣйливости. Итальянскій историкъ Муратори рассказываетъ, что подлѣ подушкой Веронскаго епископа, приговореннаго къ смерти Мартинио делла-Скала, и въ домѣ Кола-да-Ріенци были найдены магическія зеркала, съ загадочными надписями на задней сторонѣ.

Несмотря на изслѣдованія многихъ физиковъ, еще вполне не разъясненъ секретъ изготовленія этихъ зеркалъ. Несомнѣнно только то, что мы имѣемъ дѣло съ фокусомъ, такъ какъ выпуклыя наборныя и выгравированныя изображенія задней стороны зеркала очевидно не имѣютъ никакаго отношенія къ отраженію, которое получается на стѣнѣ. Глубоко понимая человѣческую натуру, искусные монгольскіе мастера имѣли въ виду заинтересовать и ввести въ заблужденіе нашу фантазію этою хитростью

(т. е. видимымъ повтореніемъ на задней сторонѣ зеркала изображеній, искусно замаскированныхъ на лицевой сторонѣ его). Намъ приходилось много наблюдать за дѣйствіемъ этой рѣдкой игрушки на различныхъ людей, и почти всѣ, даже образованные люди, становились втупикъ передъ этимъ замѣчательнымъ фокусомъ.

Но, — спроситъ нетерпѣливый читатель, — въ чемъ же наконецъ секретъ этихъ невидимыхъ изображеній на лицевой сторонѣ зеркала, отраженія которыхъ лучи солнца волшебствомъ вызываютъ на стѣну? Англійскій физикъ Брустеръ, даже не видавшій никогда этихъ зеркалъ, сдѣлалъ предположеніе, что все дѣло адѣсь въ поляризаціи свѣта рисункомъ. Желая проверить эту догадку, я тщательно изслѣдовалъ въ этомъ направленіи зеркало, любезно предоставленное мнѣ на время; по глазъ, вооруженный инструментомъ, исключающимъ поляризованный свѣтъ, такъ же не могъ различить на полированной поверхности невидимаго дракона, какъ и невооруженный глазъ. Получилось, такъ сказать, опутительное доказательство невидимаго бытія. Въ объясненіе безосновочно можно сказать только то, что нѣкоторыя части зеркальной поверхности сработаны такъ, что болѣе отражаютъ свѣтъ, чѣмъ другія, хотя всѣ онѣ на первый взглядъ кажутся одинаково отполированными и обладающими одинаковою силой отраженія. Какъ мы скоро увидимъ, дѣйствительно только благодаря различной толщинѣ металла въ различныхъ мѣстахъ получается вышеописанный эффектъ.

Можно дать себѣ болѣе ясный отчетъ въ изумительномъ дѣйствіи этихъ зеркалъ, если самому постараться изготовить подобное же зеркало. Вышеупомянутая китайская энциклопедія говоритъ, что уже древній китайскій ученый Утчензингъ, жившій въ 1260—1341 г., рѣшился во что бы то ни стало проникнуть въ тайну загадочныхъ зеркалъ. Онъ поступилъ такъ же, какъ дѣти, интересующіяся скрытымъ механизмомъ своихъ игрушекъ, именно онъ сломалъ одно изъ этихъ рѣдкихъ зеркалъ, разбивъ его на нѣсколько кусковъ. Оказалось, что фигура дракона, игравшая главную роль на томъ зеркалѣ, была сдѣлана изъ тончайшей мѣди и вставлена въ болѣе грубый металлъ, затѣмъ все было покрыто тонкимъ слоемъ свинца и отполировано. На нашемъ зеркалѣ находится подобный же блѣднѣйшій слой, состоящій не изъ свинца, а сдѣланный изъ амальгамы, свинца, олова, ртути и серебра и затѣмъ отполированный. Въ виду необычайной тонкости зеркала я со-

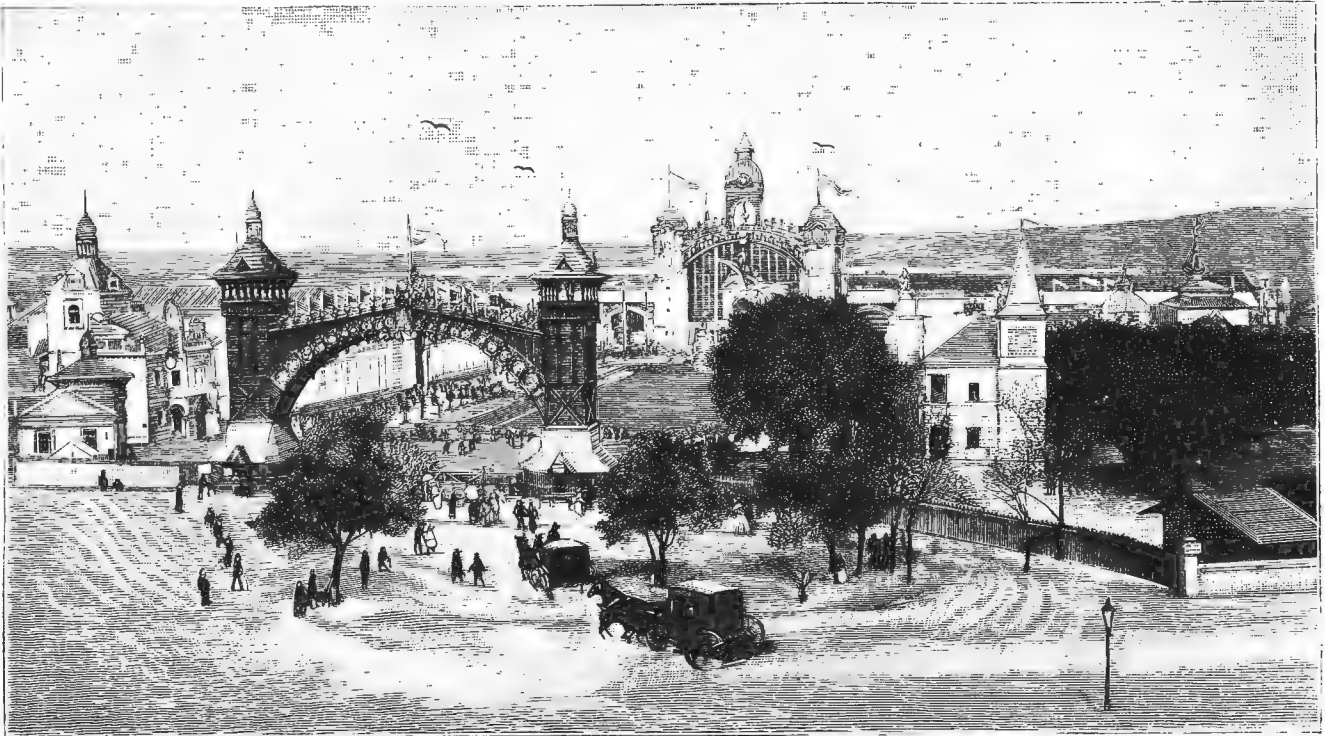
мнѣваюсь, чтобы видимыя въ отраженіи фигуры могли быть вдѣланными изъ другаго металла въ лицевую сторону зеркала, и оставляю этотъ вопросъ открытымъ, такъ какъ не смѣлъ припритѣнить геронческій способъ древне-китайскаго ученаго.

Можно однако нѣсколькими способами получить одновременно разнообразіе отраженія отъ зеркальной металлической поверхности. Брустеръ старался легко гравировкою и вытравливаніемъ вызвать на гладкой металлической поверхности фигурки, которыя, благодаря тщательной полировкѣ, стали бы совершенно незамѣтными для глаза, но появились бы въ отраженіи. Но онъ могъ только приблизительно повторить этотъ феноменъ со стеклянными пластинками, на задней сторонѣ которыхъ онъ начертилъ прозрачныя фигуры. Вѣроятно, это достигается прессованіемъ металлической поверхности штемпелемъ и слѣдующей затѣмъ полировкою, такъ какъ штемпельныя монеты представляютъ иногда аналогичныя явленія. Большинству собирателей монетъ извѣстно, что монеты со стертими до неузнаваемости штемпелями, будучи расклены въ темнотѣ, внезапно показываютъ незамѣтные дотошъ знаки и изображенія. Подобными же причинами вызывается одновременная разница отраженія.

Профессоръ Пепперъ, показывавшій въ Лондонскомъ Политехническомъ институтѣ отраженіе отъ подобныхъ волшебныхъ зеркалъ, вызываемое съ помощью электрическаго свѣта, высказалъ подобное же мнѣніе относительно приготовленія этихъ зеркалъ. Онъ рассказываетъ, что одинъ англійскій мѣдникъ, слышавшій его лекцію, пришелъ къ нему черезъ нѣсколько дней и показалъ сдѣланное имъ подобіе этого фокуса.

Автогипія мастерской „Нивы“.

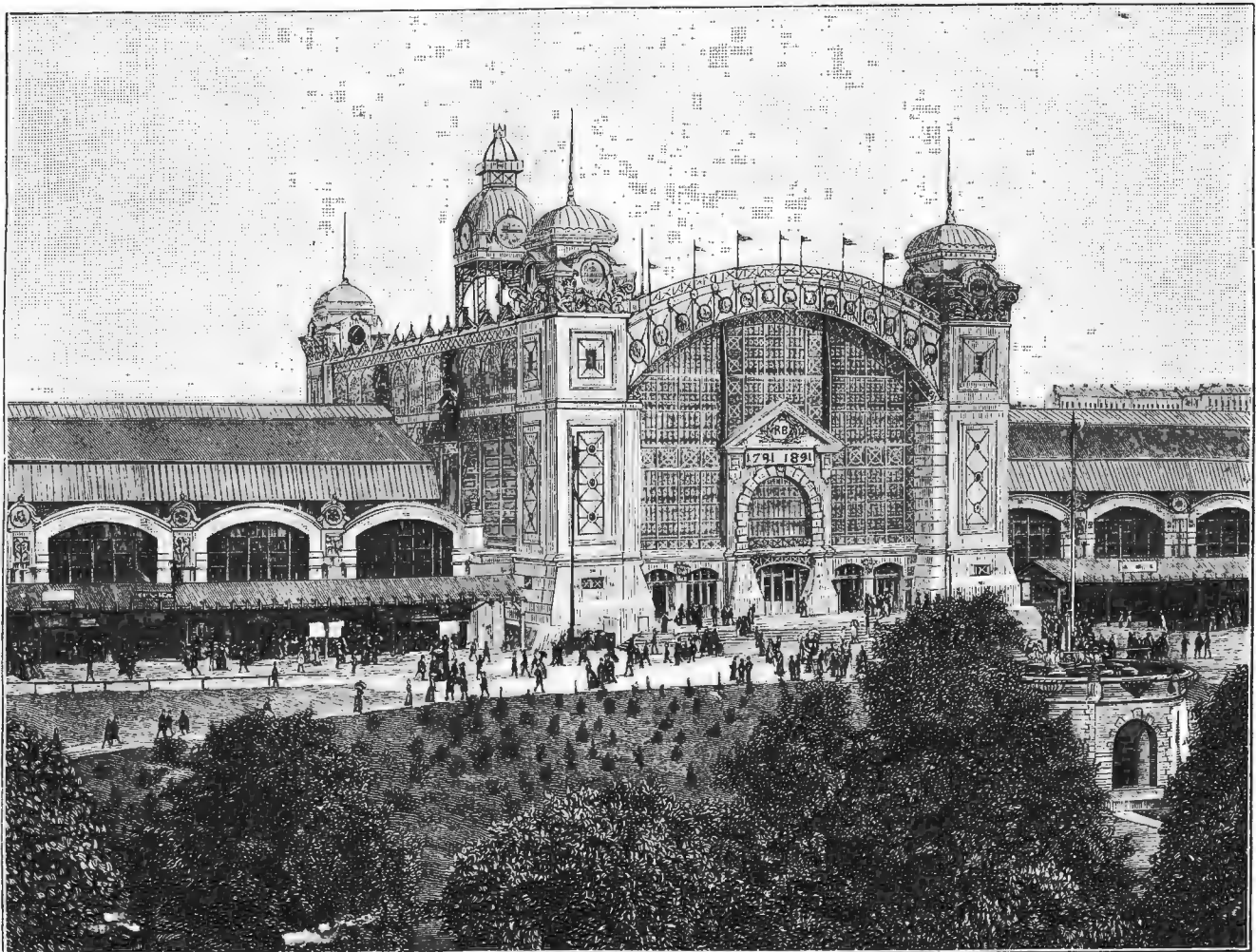

Главный входъ на Чешскую національную выставку въ Прагѣ. По фотографіи Малоха, грав. Рашевскій.

Этотъ медникъ три раза отбилъ штемпель на одномъ и томъ же мѣстѣ металлической пластинки, тщательно полируя каждый разъ отбитое изображеніе. Только послѣ третьяго раза ставшая незамѣтною на пластинкѣ фигура отразилась на стѣнѣ. Такимъ образомъ существуетъ много способовъ изготовленія китайскихъ волшебныхъ зеркалъ. (в. к.)

Чешская художественно-промышленная выставка въ Прагѣ. (Рис. на этой стр.)

Въ № 31 мы помѣстили описаніе и виды Пражской выставки: въ дополненіе къ послѣднимъ прилагаемъ общій видъ выставки и центральный „дворецъ“ промышленности.

Видъ промышленнаго отдѣла на Чешской національной выставкѣ въ Прагѣ. Съ фотографіи Малоха, грав. Рашевскій.

Политическое обозрѣніе.

Смотръ соединеннымъ французской и англійской эскадрамъ, произведенный королевою Викторіею, на Спитгэдскомъ рейдѣ прошелъ блестящею. Обширный рейдъ, благодаря прояснившемуся небу, былъ усѣянъ множествомъ яхтъ и частныхъ парусовъ. Въ три часа, королева прибыла въ Кауэзъ на Осборнскаго замка и вошла на свою яхту „Alberta“, при громѣ пущенныхъ салютовъ, раздавшихся съ англійскихъ станціонеровъ. Яхта „Alberta“, подъ брѣндъ-вымпеломъ ея величества, подошла на Осборнскомъ рейдѣ къ яхтѣ „Victoria and Albert“, на которую королева перешла, въ сопровожденіи свиты, посла Ваддингтона и членовъ французскаго посольства. Въ 4 часа королевскій кортежъ вошелъ на Спитгэдскій рейдъ. Послѣ смотра, поравнявшись съ адмиральскими кораблями „Camperdown“ и стоявшимъ впереди его „Magengo“, яхта „Victoria and Albert“ остановилась, и адмиралы обѣихъ эскадръ представились ея величеству. Королева поздравила ихъ съ блестящимъ состояніемъ ввѣренныхъ имъ начальству судовъ и командъ. Адмиралу Жерве ея величество сказала, что радуется представившемуся ей случаю видѣть его эскадру и была бы крайне огечалена, если бы дурная погода помѣшала ей прибыть на Спитгэдскій рейдъ. Затѣмъ, ея величество пожелала французскимъ морякамъ счастливаго пути на возвратномъ ихъ плаваніи и благодарила адмирала Жерве и французскихъ офицеровъ за доставленное ей смотромъ высокое удовольствіе. Адмиралъ Жерве благодарилъ королеву, передавшую, въ его присутствіи, французскому послу, Ваддингтону, телеграмму на имя президента Карно. Этимъ смотромъ, какъ мы уже сообщали, закончилось пребываніе французской эскадры въ водахъ Англии, и она возвратилась въ Шербургъ; но съ возвращеніемъ эскадры далеко не затихли отголоски впечатлѣній, вызванныхъ чествованіемъ французскихъ моряковъ въ Россіи и Англии. Въ Парижѣ сталъ замѣтно преобладать взглядъ, что, благодаря послѣднимъ событіямъ, Франція вновь заняла крупное положеніе въ международныхъ отношеніяхъ. Этимъ громаднымъ успѣхомъ Франція обязана своимъ нынѣшнимъ правителямъ, возродившимъ политическое могущество своей родины. Факты осилили предубѣжденія даже въ лагерѣ политическихъ противниковъ установившагося строя, заявившихъ устами своихъ вожаковъ, въ департаментскихъ совѣтахъ, что министерство Фрейсина можетъ гордиться достигнутыми имъ успѣхами. Роялистскій органъ *Soleil* сознается, что „положеніе дѣлъ измѣнилось въ корнѣ“, и что даже для монархистовъ „стало затруднительно поддерживать оппозицію нынѣшнему французскому правительству“. Ни одна изъ оппозиціонныхъ партій болѣе не чувствуетъ подъ собою прежней почвы для дальѣйшихъ нападокъ на государственныхъ людей, сумѣвшихъ возвратить странѣ почетъ и уваженіе всей Европы.

С М Ъ С Ъ .

Постройка турбинъ на Ниагарѣ. Въ Нью-Йоркѣ образовалось международное общество подъ названіемъ „Cataract-Construction-Company“ съ капиталомъ въ 20 милліоновъ долларовъ для эксплуатаціи части Ниагарскаго водонада. Сила паденія воды въ этомъ мѣстѣ равна 125.000 лошадиныхъ силъ, изъ которыхъ 50.000 должны быть проведены въ отстоящій на 32 километра городъ Буффало; остальные въ новый промышленный городъ, для основанія котораго общество купило 1400 акровъ земли. Для составленія проектовъ этого громаднаго предпріятія былъ учрежденъ конкурсъ, на который были допущены только извѣстныя фирмы Америки и Европы. Проектирована постройка 25-ти турбинъ, въ 5000 лошадиныхъ силъ каждая, двигательная сила которыхъ доходила бы посредствомъ электричества до мѣста назначенія. Конечно, встрѣтятся значительныя затрудненія въ этомъ доселѣ не практиковавшемся въ такихъ размѣрахъ и при такихъ издержкахъ предпріятіи. (к.)

Средство отучить лошадей грызть недоуздокъ. Шаловливыя лошади иногда грызутъ и рвутъ свой недоуздокъ. Слѣдующее чрезвычайно простое средство, по словамъ „Друга лошадей“, можетъ отучить ихъ отъ этой привычки. Надо взять бичежку, длиною въ 7 метровъ и толщиною въ 2 сантиметра, средину ея обвязать петлей, на подобіе подхвостника, вокругъ корня хвоста, провести оба конца крестообразно по крупу, пропустить по бокамъ лошади черезъ подпругу, соединить съ недоуздомъ и прикрѣпить къ кольцу въ стойлахъ, къ которому принята лошадь, если же она находится на вольтъ, то къ дереву или столбу. Когда лошадь при такой бичевкѣ попытается грызть недоуздокъ, то тотчасъ же почувствуетъ значительную боль въ корнѣ хвоста и очень скоро, иногда даже въ нѣсколько дней, отвыкнетъ отъ этой дурной привычки. (к.)

Летучія рыбы. Взглядъ, установившійся на этихъ оригинальныхъ представительницъ воднаго царства, отнюдь не выдерживаетъ научной критики: рыбы эти совѣтъ не „летаютъ“, какъ можно предполагать, судя по названію. Летучія рыбы (*Exocoetus volitans*) принадлежатъ къ семейству морскихъ щукъ и очень походятъ на сельдей; отличаются чрезвычайно развитыми и подвижными грудными плавниками. Когда кака-нибудь хищная рыба, или появленіе судна, выводитъ летучую рыбу изъ ея созерцательнаго состо-

анія, она проворно выскакиваетъ изъ воды, распускаетъ свои большіе плавники и устремляется въ горизонтальномъ направленіи надъ поверхностью моря. Она несетъ, такимъ образомъ, по вѣтру и противъ вѣтра, на разстояніи многихъ саженъ. Къ концу „полета“ быстрота его ослабѣваетъ, и если направленіе вѣтра косвенное или подъ прямымъ угломъ относительно рыбы, то она поворачиваетъ по этому направленію. Днемъ и въ хорошую погоду летучія рыбы рѣдко падаютъ на корабли: это случается, болѣе частью, только въ ночное время, при вѣтрѣ; замѣчено при этомъ, что онѣ чаще падаютъ на корабли, возвышающіеся надъ моремъ не болѣе, какъ на три метра, и рѣже—на болѣе высокіе. „Полетъ“ этихъ рыбъ существенно отличается отъ птичьяго полета. Грудные плавники летучей рыбы не поднимаются и не опускаются, какъ крылья птицы, бабочки, летучей мыши; но въ нижнихъ ихъ частяхъ происходятъ быстрыя колебательныя движенія, которыя прежде ошибочно принимались за взмахи. Мускулы грудныхъ плавниковъ вообще не довольно велики для того, чтобы поднимать на воздухъ тѣло рыбы: вѣсъ ихъ составляетъ только $\frac{1}{3}$ вѣса всего тѣла, между тѣмъ какъ грудные мускулы птицы составляютъ среднимъ числомъ $\frac{1}{6}$ тяжести тѣла. Незначительное взлетаніе летучихъ рыбъ надъ гребнями волнъ не есть, такимъ образомъ, активное летательное движеніе: оно вызывается токами воздуха, поднимающимися изъ воды при горизонтальномъ направленіи вѣтра. Движенія летучихъ рыбъ по воздуху совершаются, такимъ образомъ, по траекторіи и напоминаютъ полетъ брошеннаго ядра. Рыба выскакиваетъ изъ воды благодаря тому, что сокращаются ея крѣпкія мышечныя волокна на спинѣ и бокахъ. Напряженные грудные плавники слушаютъ при этомъ правилами. Легко объяснить, почему летучія рыбы падаютъ на корабли преимущественно ночью: въ темнотѣ онѣ не видятъ корабля и потому не могутъ свернуть со своего пути.

Хорошая и неподдающаяся дѣйствию воды замазка, необычайной крѣпости и связывающей силы, готовится слѣдующимъ образомъ. Портландскій цементъ или хорошую гидравлическую известь кладутъ въ густой растворъ кельскаго клея. Полученная замазка накладывается при употребленіи толстымъ слоемъ и въ 3 дня окончательно затвердѣваетъ. (к.)

Германскія газеты попрежнему злобствуютъ и отрицаютъ всякое значеніе портсмутской встрѣчи. Но Германія въ настоящее время болѣе занята внутренними экономическими неурядицами. Хлѣбный вопрое—на первомъ мѣстѣ. Съ 20-го августа вступилъ въ силу пониженный тарифъ по поясамъ для перевозки хлѣба. Кромѣ прусскихъ казенныхъ дорогъ и многихъ небольшихъ частныхъ рельсовыхъ путей, тарифъ этотъ распространяется на саксонскія, бранденбургскія, эльзас-лотарингскія казенныя желѣзныя дороги и на любекско-бухенбергскую, мекленбургскую, бреславль-варшавскую и альтдамь-кольбергскую линіи. Несмотря на это удешевленіе, все-таки не рассчитываютъ на пониженіе высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, такъ какъ перевозка по воднымъ путямъ обходится дешевле. Поэтому и теперь продолжаютъ настоятельно требовать безотлагательной приостановки хлѣбныхъ пошлинъ.

Для третьяго члена тройственнаго союза, Италіи, неожиданно возникаютъ новыя затрудненія. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Массовы, негусъ Менеликъ заявилъ о своемъ рѣшеніи восстановить морскія границы Абиссиніи и произвелъ ударъ въ счетъ ссуды, выданной ему итальянскимъ банкомъ. Итальянская печать встревожена подобнымъ двусмысленнымъ поведеніемъ Менелика. Главнокомандующій итальянскими войсками отправилъ въ Тигрѣ пятьсотъ человекъ.

Въ виду совѣстнаго давленія европейскіхъ державъ на китайское правительство, политика бездѣйствія покинута и приняты мѣры, чтобы насилие противъ европейцевъ болѣе не повторялось. Китайскія власти теперь не отступаютъ ни передъ какими средствами для протравленія дальѣйшихъ буйствъ фанатиковъ. Повсюду раздаются прокламаціи, призывающія народъ къ повиненію; дома европейцевъ и католическія миссіи оберегаются войсками. Чиновники мѣстной администраціи объѣзжаютъ города и селенія и наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы проживающимъ въ нихъ иностранцамъ не нанеслось никакихъ обидъ. Китайское правительство, благодаря угрожающимъ представленіямъ европейскіхъ пословъ, энергически принялось за уничтоженіе подпольныхъ обществъ, подстрекавшихъ чернь къ избіенію европейцевъ. Несмотря на явное желаніе цинкскаго правительства положить конецъ безпорядкамъ, во многихъ мѣстностяхъ, китайскіе чиновники не въ силахъ, однако, совладать съ народомъ. Обычные прислѣжные блюстители порядка не представляютъ собою надежнаго элемента и, видимо, держатъ сторону своихъ согражданъ. Войска не всегда успѣваютъ во-время, да къ тому слѣдуетъ замѣтить, что китайскіе солдаты сами не прочь поживиться за счетъ ненавидимыхъ имъ европейцевъ и, усмиривъ бунты, грабятъ иностранцевъ.

ПАРТИЯ № 12.

13-я партия матча. Играна въ Гаваниѣ 26 декабря 1890 г. (7 января 1891 г.).

Дебютъ Цукерторга.

Table with chess notation: В. Стейницъ. И. Гунсбергъ. В. Стейницъ. И. Гунсбергъ. В. Стейницъ. И. Гунсбергъ. Бѣлые. Черные. 1. К. g1-f3 К. g8-f6 15. Ф. d1-a4 К. a6-b8 28. Ф. a6-b7 Ф. e8-g8(9) 2. d2-d4 e7-e6 16. Л. a1-c1 5) f7-f8 29. Ф. b7-d7 Кр. g8-h8 3. e2-e3 С. f8-b4+ 17. e5:f6 С. e7:f6 30. С. b4-e7 Л. c8-g8 4. c2-c3 С. b4-e7 18. К. c3-e2 Л. f8-e8 31. Ф. d7:c6 Л. a8-c8 5. С. f1-e2 0-0 19. Л. f1-f3 Ф. d8-e7 32. Ф. c6:d5 Л. g8-g7 6. 0-0 d7-d5 20. Л. e1-f1 Л. e8-c8 33. С. e7-b4 Ф. g8-d3 7. c3-c4 b7-b6 1) 21. С. d1-b4 Ф. e7-e6 1) 7) 34. Ф. d5-f3 Л. c8-c2 8. К. b1-c3 С. c8-b7 22. К. e2-f4 Ф. e6-e4 7) 35. С. b4-c3 Л. g7-e7 9. c4:d5 e6:d5 2) 23. К. f4-h5 К. b8-d7 36. e3-e4 11) Ф. e4-g6 10. К. f3-e5 К. f6-d7 2) 24. Ф. a4-a6 Ф. e4-e8 3) 37. d4-d5 Ф. e4-g6 e3:d4 Ф. d4+; 26. Кр. h1, Ф. b4; 27. Ф. b7, Ф. d8; 28. Л. f7 и выигрываютъ. 9) После 27... С: f8, бѣлые выигрываютъ посредствомъ 28. Л: f6, g7: f8; 29. Ф. b7 Ф. g6; 30. Л. g3. 10) Гораздо лучше было 28... Ф. f7; 29. Ф: f7+, Кр: f7; 30. Л: h7+, Кр: g8; 31. Л. h3, черные нападая на слабую пѣшку e3 имѣли шансы на ничью. 11) Для упрощенія игры.

Примѣчанія къ партии.

1) Лучше 7... c7-c5. 2) Здѣсь предпочтительнѣе 9... К: d5; и затѣмъ c7-c5. 3) Здѣсь необходимо было c7-c5. 4) Теперь c7-c5 нельзя по причинѣ С: f3; отсталая же пѣшка с6 на открытой линіи очень слаба. 5) Сильнѣе сдвинуть ладью на линіи f. 6) Чернымъ лучше было играть 19... a7-a6, съ переводомъ ладьи черезъ a7 на e7 или f7. 7) Лучше было Ф. e8. 8) На 24... С: d4 послѣдовало-бы: 25. e3: d4, Ф: d4+; 26. Кр. h1, Ф: b4; 27. Ф. b7, Ф. d8; 28. Л. f7 и выигрываютъ. 9) После 27... С: f8, бѣлые выигрываютъ посредствомъ 28. Л: f6, g7: f8; 29. Ф. b7 Ф. g6; 30. Л. g3. 10) Гораздо лучше было 28... Ф. f7; 29. Ф: f7+, Кр: f7; 30. Л: h7+, Кр: g8; 31. Л. h3, черные нападая на слабую пѣшку e3 имѣли шансы на ничью. 11) Для упрощенія игры.

Корреспонденціи. М. И. Туманову (Сызрань). Задачи ваши будутъ напечатаны.

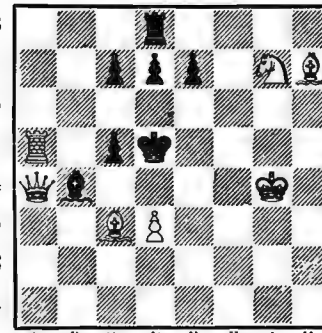
В. Г. (Витебскъ). Задача № 2 со временемъ будетъ помѣщена. Въ задачѣ № 3 вы не замѣтили 1. Ф. h2+ и 2. Ф: g3+.

Н. В. Паннову (СПБ.). Этоюдомъ воспользуемся.

Подписчику "Нивы" № 106294. Вознагражденія за помѣщеніи задачи не полагаются.

Задача № 35.

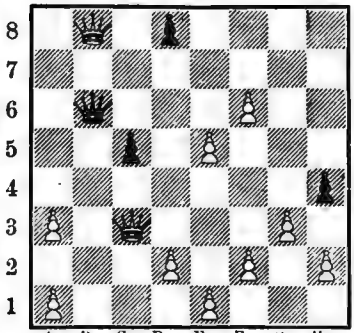
П. Маракулина (Нолнискъ). Черные.

Бѣлые. Мать въ 2 хода.

Задача № 36. (Шашечная).

П. П. Воброва (Москва). Черныя.

Бѣлыя. Запереть дамку и простую.

ПОПРАВКА. Въ № 32 "Нивы" на стр. 704, въ 1-мъ столбцѣ строка 11-я сверху, вырваста опечатка: вмѣсто Объя слѣдуетъ читать: Толмо.

СОДЕРЖАНІЕ: П. М. Третьяковъ (съ портр.) — Наив. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина. Ч. I. (Продолженіе). — Въ воронѣ гейзера. Ф. Стейницъ (съ англійскаго). — Шумла. (Воспоминанія участника войны 1877--1878 гг.) (съ рис.). — Къ рисункамъ: На маневрахъ (съ рис.). — Гадюка, хватающая полевую (съ рис.). — На постояломъ дворѣ. Рис. Шаховскаго (съ рис.). — Ночью. Рис. М. Зоценко (съ рис.). — Китайскія волшебныя зеркала (съ рис.). — Чешская худож.-промышленная выставка въ Прагѣ (съ 2 рис.). — Полит. обзоріе. — Смісь. — Шахматы. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Мюшинниковъ.

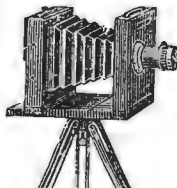
ЛЕПНИЦЫ и ГЛАЗНИЦЫ

имѣютъ честь сообщать, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы. дѣлать: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 102. Отъ 1-3 и 6-7 1/2 ч. н.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

для Г.г. любителей.

Всѣдѣствіе новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вѣсныя хорошія портреты, группы и ландшафты. Цѣна прибора 18, 25, 35, 50 руб. и др. Ручн. аппараты для моментальныхъ снимковъ отъ 15 р.

Просимъ не смѣшивать съ рекламируемымъ крайне дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и К° фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ въ С.-Петербургѣ, Мойка № 42. Наставленіе и иллюстр. прейсъ-курантъ выш. № 5315 высылаются бесплатно. 3-1

МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ ПРОВИЗОРА А.М. ОСТРОУМОВА КУСОКЪ 30 И. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ШОКОЛАТЪ ФАБРИКИ "ЕСТУЖКО" НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССІИ.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. 116. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. въ колѣн. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ. ФРАНКУРТЪ И/М. ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ "ОРЕЛЬ". Великаго рода двухъ и трехъ-колесныя велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ резиною "Июмень" (подушка) и "пневматическій". Шинны агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 руб. маркам. Ц. № 5189 18-17

КРЫСОМОРЪ. Разрѣшенъ Врачебнымъ Отдѣленіемъ Эстляндскаго Губернскаго Правленія, какъ не содержащій въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ. КРЫСОМОРЪ: умерщвляетъ крысъ, сусликовъ и другихъ грызуновъ, непріятнѣе домашнимъ животнымъ. № 5317 2-1 КРЫСОМОРЪ: продается въ жестианкахъ, съ привадами для употребленія; маленькія жестианки по 1 р. и большія по 3 р. за штуку. КРЫСОМОРЪ: можно получать у изобрѣтателя его Е. Ю. БЛОНА въ Ревелѣ и во многихъ большихъ торговляхъ аптекарскими товарами въ Россіи. ПОВѢСТИ И РАЗСЪАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора "Петербургскихъ Трущобъ"); 8-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова: № 5316 ЗАПИСКИ ЖЕЛУДА, всиланна имъ самимъ на пользу и поученіе всѣмъ, кто ѣсть, пьетъ и читаетъ. Переводъ съ 10 англійскаго изданія, дополненный по 4 французскому изданію. Цѣна 50 коп.

"НОВОСТЕ" ПИШУЩУЮ МАШИНУ "КАЛЛИГРАФЪ" рекомендуетъ Генрихъ Жемлинка въ Москвѣ, уголъ Тверской и Старога Галетнаго пер., домъ Фальцъ-Фейль, велосипедный магазинъ, № 19. № 5314

НОВЫЕ АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ Crab-Apple Blossoms экстра-концентрированы. Съ обильнымъ ароматич. запахомъ, долго не выдыхающимся, и поэтому весьма экономичны при употребленіи. Достаточно нѣсколькихъ капель. № 5313 Приготовляется исключительно THE CROWN PERFUMERY CO. 177 New Bond Str. London. Продается у всѣхъ главныхъ парфюмеровъ.

"ИДИАЛЬ" ЧЕРНИЛЬНИЦА. Практично! Ново! Дешево! Красиво! Соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества идеальной чернильницы — перья не тухнетъ, нельзя дѣлать класки, очень экономна, легко чистится. Принципъ Эсмарха. Маленьк. 1 р. 50 к. Больш. 2 р. Перес. 2 ф. Лучшее перо для контуръ, шквалъ и дома это ПЕРО № 1000. Имѣется въ 3 толщинахъ: Е. Ф. Е. и М. Гроссъ (144 штукъ) 1 р. 25 к. (8-6) Переслать наложеннымъ платежемъ. С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20. БАЗАРЪ МАРКЪ

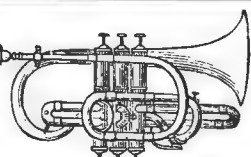
ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ОБЩЕСТВО "ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ" ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 27. ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЬ 1889. ОДЕКОДОНЪ двойной ОДЕКОДОНЪ тройной ОДЕКОДОНЪ №4 [ЭКСТРАКТЪ] КАЧЕСТВОМЪ НИ СКОЛКО НЕ УСТУПАЮЩІЙ ИНОСТРАННОМУ ПРОИЗВОДСТВУ. МАГАЗИНЪ ВЪ МОСКВѢ: НА КУЗНЕЦКОМЪ МОСТУ. д. ТРЕТЬЯКОВЫХЪ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

№ 4754 28 - 26

КОРНЕТЬ-А-ПИСТОНЪ

въ 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 85, 100 р. и дороже.

ФИСГАРМОНІИ

Фабрика Шидмайера, рекомендованная Главнымъ Генеральнымъ Листомъ отъ 140 руб. до 2,000 р.

Американскихъ фабрикъ отъ 100 руб. до 1,200 р. Французскихъ фабрикъ отъ 100 руб. до 450 руб.

Скрипки отъ 2 р. до 800 р.

Флейты отъ 2 р. до 160 р.

Гитары отъ 3 р. до 100 руб.

Кларнеты отъ 6 руб. до 75 р.

а также всѣ другія музыкальныя инструменты и принадлежности къ нимъ, лучшего качества, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, рекомендуютъ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ. № 5312 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій ж., домъ Захарьина. Иллюстрированный прейсъ-курантъ — бесплатно.

Leichner's Fettmilde

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка!

Мирный румяна, бѣлала. Карандаши для бровей!

В. № 4720 17-17

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ. Главнѣйшій складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ШОКОЛАДЪ

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА

Жоржъ БОРМАНЪ

удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 62 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продана. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка за счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5112 23-10

НАСТОЯЩЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (ВѢСТЪ)

ПЕРВОЕ МѢСТО

Ж. БЛОКЪ

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНИЙ

издателемъ журнала „Нива“ напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (всего 500)

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

подъ редакціей А. И. Введенскаго, печатанное на лучшей голландской слоновой бумагѣ.

Сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ, при чемъ всѣ экземпляры этого изданія перенумерованы отъ № 1 по 500.

Для того чтобы сдѣлать книгу по стоимости доступною наиболѣе обширному кругу любителей роскошныхъ изданій, цѣна за нее назначена возможно низка, а именно **5 руб.** Въ четырехъ колленкорovýchъ переплетяхъ, съ кожаными корешками и изящнымъ тисненіемъ золотомъ — **7 руб.** Гг. многогородные благоволятъ прилагать, сверхъ стоимости, на пересылку по 1 р. за каждый экз.

Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

COSMETICUM

(нольдь-кремъ въ сухомъ видѣ) изъ химич. пригот. мира Physol. macrosoph. L.

косметика А. УРБАНЪ.

Цѣна за короб. 50 к., съ перес. 75 к. употребляется для нѣжности кожи лица.

Бальзамич. жирная личная пудра ВИРГИНІЯ,

эта пудра составлена исключительно изъ растительныхъ веществъ и имѣеть то преимущество, что не содержитъ примѣси металла. онисей, плотно прилегаетъ и незамѣтна при дневномъ свѣтѣ.

Цѣна за короб. 60 к., съ перес. 85 к.

Продается въ Косметическ. и Аптекарск. магазинахъ. Главн. складъ для Россіи у Вас. Аурихъ, СПб., Колокольная, 18-19.

В. № 5188 5-5

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фааръ и Блэнь есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фааръ и Блэнь разрѣшена въ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подписи. Ц. № 4969 11-11

ТОРГОВЦЫ

все еще неохотно вводятъ нашу обувь во всеобщее употребленіе, находятъ что дешевый, хотя бы и плохой товаръ гораздо выгоднѣе, ибо для закупки не требуется большого капитала, а въ продажѣ расходуется въ большѣе количество, чѣмъ хорошій. Дѣйствительно, по своей непрочности плохой товаръ заставляетъ покупателя чаще обзаводиться новыми сапогами и торговцу выгоднѣе продать въ годъ 4 пары вмѣсто двухъ. Это-то и мешаетъ публикѣ пользоваться обувью нашего производства, за прочностью и удобство въ носеніи которой мы сжало ручаемся, и только уоурное со стороны публики, дѣйствующей въ этомъ случаѣ въ видахъ собственной выгоды, требованіе обуви нашего производства, можетъ устранить эти препятствія.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Фабричное клеймо.

Товарищество

СПБ. МЕХ. ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ

№ 5283 12-5

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59-57, соб. домъ.

МАССА БЛАГОДАР. И ПОЧЕТ. ОТЗЫВОВЪ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ

иногороднихъ и москвитинъ

ПОСРЕДСТ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ

вполнѣ замѣняющихъ устное преподаваніе. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.

С. Я. КИЛИЕНКО

Условія: ПРОБНОЕ ПИСЬМО * ВЫСЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Долгоруковская улица, д. Фингононой. (8)

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (средствомъ переноски) въ 15 уроковъ у проф. каллиграфіи

А. КОССОДО.

Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали.

За 2 семиконечными марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Екатерининская, 8. № 5809 (2)

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленные отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи: ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 36

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, ПАРИЖС. МОДЪ (отъ 30 до 40 модч. рис.) и Выдаѣть 7 сентября 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКИЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линия	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	---------------------	-------

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1891 г., съ 29 рис. и отдѣльн. листомъ съ 31 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 20 рисунками выпильныхъ работъ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложениями, Сборникомъ, Полнымъ собраніемъ сочиненій М. Ю. Лермонтова и пр.

Незванный гость хуже татарина. Съ карт. М. Стоксъ, грав. Бошгъ.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Послѣ уже, спустя мѣсяца два, а можетъ больше, докторъ намъ очень обстоятельно и толково объяснилъ все происшедшее. Онъ говорилъ, что часто рѣшительность и нервная отвага,—онъ это называлъ особеннымъ развитіемъ и чувствительностью нервной системы—очень понятно выходило,—такъ вотъ, эта рѣшительность такъ, молъ, дѣйствуетъ на другихъ, что совсѣмъ подчиняетъ. Примѣры приводилъ: напримѣръ, встрѣчу со львомъ—араба, когда оба долго и спокойно смотрѣли другъ другу въ глаза и, наконецъ, левъ не выдержалъ, повернулся и ушелъ. Налъ тоже тутъ былъ и со многими соглашался, но тутъ вышелъ странный казусъ:

Попался въ плѣнъ Касимъ-Берды-Ханъ, одинъ изъ свиты Алемъ-Кула. Онъ именно командовалъ пѣхотою подъ Акъ-Булакомъ, такъ вотъ онъ узналъ Сергѣя Николаевича и спрашивалъ его: кто это другой съ нимъ былъ, когда за тѣломъ они ходили? Такой высокой старикъ, въ длинной бѣлой одеждѣ и въ темной чалмѣ? Онъ все руку поднималъ и грозилъ имъ, а самъ смотрѣлъ такъ на нихъ, что они словно замерли. И свѣтъ шель отъ старика длиннымъ лучемъ, прямо къ нимъ въ завалы, а кругомъ вдругъ такъ все потемнѣло, что кромѣ этого луча и чуднаго старика они больше ничего не видѣли. Потомъ старикъ пропалъ. У гууровъ закричали, и мы, молъ, тоже очнулись, да ужъ поздно было.

Вотъ объ чемъ спрашивалъ плѣнный Касимъ-Берды-Ханъ. Но ужъ тутъ и докторъ ничего не могъ ему отвѣтить.

— Галлюцинаціи... началъ было онъ.

— Такъ и ты его видѣлъ? спросилъ Берды-Хана Налъ, положи ему руку на плечо.

— Видѣлъ и другіе наши видѣли... Вотъ такъ какъ тебя теперь вижу... тихо, замѣтно оробѣвъ, съ дрожью въ голосѣ произнесъ плѣнный.

Онъ отошелъ подальше отъ Наля, забился въ самый уголокъ шатра и не выходилъ оттуда до вечера—до вечерняго намаза, во время котораго молился особенно усердно, бормоча исключительно изреченія, охраняющія отъ злыхъ чаръ и всякихъ заклятій.

Сергѣй Николаевичъ тоже разстроился немного. Онъ рассказывалъ, что помнитъ только минуту, когда шагнулъ за гребень, а больше ничего. Смутное что-то, словно во снѣ, давно забытомъ. И помнится—и ничего возстановить нельзя. Вопросъ Берды-Хана какъ будто согласовался немного съ этимъ сномъ, и это его смутило.

Но дѣло-то въ томъ, что послѣ Акъ-Булацкаго сидѣнья у нашего любимца была жестокая горячка, и долглась эта проклятая болѣзнь больше мѣсяца; а въ головъ его, какъ объяснилъ докторъ, конечно все перепуталось: и явленія горячечнаго бреда, и кое-что можетъ-быть изъ дѣйствительности, и разобраться во всемъ этомъ невозможно, да и нѣтъ никакой надобности. Съ этимъ мы всѣ охотно согласились, а все-таки вокругъ Наля съ этихъ поръ образовалась какая-то дымка таинственности. Намъ казалось, что если и бываютъ на землѣ чародѣи, или что-нибудь въ этомъ родѣ, ну, вотъ, какъ въ сказкахъ, такъ это именно такъ начинается.

Солдаты же прямо называли поручика Рубанъ-Опальпаго „заговореннымъ“—слово такое знающимъ, что помогаетъ только до тѣхъ поръ, пока не открылъ это слово другому, а открылъ — готово! отъ первой пули самому валиться надо.

Солдаты, конечно, народъ темный, они все объясняютъ по-своему. Суевѣріе имъ вполне извинительно.

Возвращаемся къ разсказу.

III.

Улькунъ-Томаша *).

На невысокомъ, съ одной стороны обрывисто-крутомъ, съ другой—пологомъ холмѣ стояла старая, полуразвалившаяся мечеть „Ишанъ-Даудъ“, окруженная, словно гнѣздами ласточекъ, безчисленными глинобитными пристройками, служившими, въ базарные дни, лавками для товаровъ и пріютами богомольцевъ. Подъ обрывомъ холма протекалъ глубокой арыкъ, развѣтвлявшійся ниже на множество отдѣльныхъ, оросительныхъ канавокъ. Священная роща начиналась отъ подножья холма и тянулась до самой дороги, покрывая сплошною сѣнью своихъ вѣтвистыхъ вѣтвей значительное пространство. Столѣтніе туты и карагачи раскинули зонтомъ свои роскошныя кроны, нижнія вѣтви которыхъ пестрѣли подвѣшенными приношеніями богомольцевъ: цвѣтными тряпками и лентами, платками и разными кустарными бездѣлушками, въ видѣ амулетовъ и прочаго. Сама мечеть, по народнымъ преданіямъ, построенная еще задолго до Тимуридовъ, обращена была своимъ высокимъ фронтономъ на дорогу. На фронтонѣ остались еще слѣды когда-то роскошной поливочной работы, древней маюлики. Можно было даже разобрать кое-какія изображенія священныхъ изреченій и воззваній. Колоссальная рѣзная по дереву дверь, цѣлыя ворота, вела внутрь мечети. Дверь эта, окованная грубо желѣзомъ, была растворена настежь,—и въ глубинѣ мечети, подъ темнымъ, закоптѣлымъ сводомъ, видѣлся подвѣшенный на цѣпяхъ, громадный мѣдный котелъ, покрытый тонкою гравировальной работою. Надъ дверью, на длинномъ древкѣ, неподвижно висѣла въ воздухѣ тяжелая, истрепанная временемъ, темная ткань, а надъ нею длинный конскій хвостъ и нѣсколько мѣдныхъ, пустыхъ шаровъ, производящихъ при каждомъ движеніи воздуха, странные, унылые звуки;—это было, когда-то грозное, знамя самого Дауда, обошедшее по народнымъ преданіямъ полміра.

Ниже, по эту сторону арыка, растянулась большая открытая площадь для конскихъ ристалищъ и другихъ, требующихъ простора забавъ; кругомъ этой площади примыкали частныя сады и сакли сосѣднихъ обывателей, обнесенныя глинобитными стѣнками. У самой дороги расположилось нѣсколько просторныхъ караванъ-сараявъ, съ жилыми помѣщеніями и павильонами для лошадей и аробъ.

Едва наши офицеры подѣхали къ мѣсту праздника, какъ на встрѣчу имъ, изъ толпы вышли двое пѣшихъ джигитовъ-слугъ Аксакаль-Ибрагимъ-бая.

— Таксыръ просить пожаловать сюда, за нами! сказала одинъ изъ нихъ, кланяясь Шолобову.

— Таксыръ Ибрагимъ-бай благодарить Аллаха за то, что онъ не изгналъ изъ сердца вашего благаго желанія почтить его коверъ своимъ посѣщеніемъ! выкрикивая нараспѣвъ, произнесъ другой.

— А гдѣ же этотъ самый коверъ? полюбопытствовалъ докторъ, котораго продолжительная верховая ѣзда порастрясла изрядно.

— За нами просимъ пожаловать.

Джигиты побѣжали впередъ, расталкивая народъ, довольно безцеремонно. Всадники тронулись за ними.

По мѣрѣ проѣзда русскихъ, народныя массы стихали, прерывая свой разговоръ, съ любопытствомъ провожали кавалькаду глазами; нѣкоторые, видимо, боролись между робкимъ желаніемъ приподняться для почтительнаго кулдуха, и сохраненіемъ презрительной важности, но

*) Большое народное празднество (томаша—зрѣлище).

такъ какъ джигиты не особенно энергично приглашали къ почтению, то послѣднее осилило.

Сотни мальчишекъ, юрко шныря въ толпѣ, проскакивая подъ брюхами лошадей, точно собаченки, сопровождали русскихъ всю дорогу. Эти не стѣсняясь дѣлали вслухъ рѣзкія замѣчания по поводу иностранцевъ, и ругались, также нисколько не стѣняясь. Въ одномъ мѣстѣ, чтобы пробраться къ узенькому мостику черезъ арыкъ, надо было потревожить цѣлую компанію, расположившуюся вокругъ бродячаго старика-сказочника. Офицеры было остановились, чтобы послушать тоже, но рассказчикъ замолчалъ и прикрылъ свое лицо по-ложу рванаго халата.

Потихоньку добрались и до „ковра“.

Коверь этотъ или, правильнѣе, много ковровъ и стеганыхъ ватныхъ одѣялъ, были разложены подъ густою тѣнью дерева и высокаго намета, натянутаго на двухъ, расписанныхъ красками и золотомъ, кольяхъ. На коврахъ лежали груды шелковыя цилиндрическія подушки; посрединѣ стояло десятка два мѣдныхъ и глиняныхъ блюдовъ съ урюкомъ, фисташками, сушеными фруктами и разнымъ азиатскимъ лакомствомъ; въ сторонѣ, неподалеку, поднимался густой столбъ смраднаго дыма: тамъ, на угольяхъ догоравшаго костра, чернѣлъ громадный котель съ пловомъ, прикрытый деревянною доскою, а поверхъ еще конскою попоною, дабы ризъ упрѣлъ хорошенько. Не смотря на солидные размѣры котла, полного до краевъ, тутъ же на привязи стоялъ еще живой баранъ, тупо глядя на огонь и моргая бѣлыми рѣсницами при каждомъ рѣзкомъ звукѣ о камень ножа, подвастриваемаго дюжимъ, полуголымъ сартомъ, аскальскимъ поваромъ.

Самъ хозяинъ, красивый, не старый еще брюнетъ, въ ярко-желтомъ шелковомъ халатѣ и шалевомъ турбанѣ, двинулся къ прибывшимъ, сложилъ руки на животъ, согнулся и, сладко улыбаясь, сталъ поочередно пожимать между двумя ладонями протянутыя ему руки гостей.

— Вотъ мы къ тебѣ, Ибрагимъ, и пріѣхали! началъ докторъ, расправляя затекшія отъ верховой ѣзды ноги.

— Очень радъ, очень радъ!.. Я даже заболѣлъ, думая, что васъ что-либо удержитъ отъ вашего благаго намѣренія, но узнавъ, что вы благополучны въ пути ко мнѣ, вновь выздоровѣлъ и душа моя просіяла неземнымъ счастьемъ. Очень радъ, очень радъ!

— Эко поетъ цвѣтисто! замѣтилъ Шолобовъ. — А у васъ тутъ, бай, хорошо!.. Чаю и кальянъ!

Одинъ изъ прислужниковъ, красивый мальчикъ въ долгополой красной рубашкѣ и съ мелкими косичками, выбивающимися изъ-подъ вышитой золотомъ тюрбетейки, стремительно кинулся исполнять приказаніе.

Налъ подошелъ къ стволу дерева, прислонился къ нему спиною и задумчиво всматривался въ толпу, машинально скручивая себѣ папирску.

Онъ замѣтилъ, что въ этой пестрой, многотысячной толпѣ, живымъ муравейникомъ кишѣвшей вокругъ насколько могъ видѣть глазъ, происходило что-то странное. Вопреки острому любопытству азіатовъ при видѣ чего-нибудь новаго, толпа не только не сгущалась вокругъ праздничной ставки Ибрагимъ-бая, а напротивъ того: кольцо, охватывавшее эту ставку, становилось все жиже и жиже и скоро образовалась совсѣмъ пустая полоса, расширявшаяся съ каждою минутой. Народныя массы отодвигались отъ нихъ, сгущаясь, въ свою очередь, вокругъ мечети.

Даже тѣ, что расположились по близости, комфортабельными бивуаками, и тѣ стали собирать свои ковры и войлоки и искали себѣ другаго, болѣе отдаленнаго отъ русскихъ пункта.

Физиономія Ибрагимъ-бая тоже нѣсколько измѣнилась: въ его острыхъ, подвижныхъ чертахъ лица по-

явилось безпокойное выраженіе; раза два онъ, будто нечаянно, пытался глубже запрятать за пазуху халата свою серебряную медаль на Станиславской лентѣ, жалованную недавно русскимъ генераломъ, а та, какъ на зло, такъ и выпячивалась впередъ, усиленно сверкая на солнцѣ своимъ свѣтлымъ дискомъ.

„Какъ отъ зачумленныхъ!“ мелькнуло въ головѣ Наля.

— Чего это они? замѣтилъ и капитанъ странное поведеніе толпы.

Только сибарить-докторъ не замѣчалъ ничего, кейфуя на мягкихъ коврахъ и усиленно налегая на угощеніе.

Прошло такимъ образомъ минутъ двадцать.

За это время свободное пространство, отдѣлявшее нашу группу отъ толпы, хотя уже болѣе не расширилось, но и не заполнилось. Общее празднество, казалось, опять вступило въ свое живое теченіе... Кое-гдѣ снова слышалось рокотаніе литавръ, дробь тамбуриновъ, завываніе трубъ и рѣзкіе выкрики машварабазовъ... У мечети группа странствующихъ нищихъ-проповѣдниковъ затянула въ носъ безконечно длинную, унылую мелодію... За стѣнами высокой сакли незримо захлопали, въ тактъ плясунамъ должно быть, нѣсколько десятковъ мозолистыхъ рукъ... но все это было теперь далеко не то, что до пріѣзда русскихъ, и когда люди Ибрагимъ-бая, разметя метлами значительное пространство передъ ставкою, стали разстилать особенные ковры для пляски батчей и другихъ представленій въ честь „дорогихъ гостей“, очень немногіе въ толпѣ, побуждаемые страстнымъ желаніемъ посмотрѣть тоже на даровое зрѣлище, тронулись нерѣшительно впередъ, подвинулись шаговъ на десять и тотчасъ же опустились на землю.

За то почти на всѣхъ деревьяхъ, на плоскихъ сакельныхъ крышахъ и гребняхъ стѣнокъ появились безчисленныя головы любопытныхъ и слышался подозрительный трескъ сучьевъ, не выдерживающихъ болѣе непосильной тяжести.

А между тѣмъ солнце склонялось къ западу.

Здѣсь сумерки бывають коротки; густой мракъ ночи почти разомъ смѣняетъ собою яркій свѣтъ дня... Слуги Ибрагимъ-бая начали заботиться о ночномъ освѣщеніи.

Соорудили невдалекѣ двѣ колоссальныя треноги изъ сухихъ жердей, на нихъ укрѣпили котлы съ кунжутнымъ масломъ и напитанными въ немъ ватными оческами; кромѣ того, притащили нѣсколько десятковъ бумажныхъ фонарей и разставили ихъ рамкою вокругъ ковра-арены, на которую уже выступили четыре музыканта въ бѣлыхъ рубахахъ и усѣлись въ рядъ, поджавъ ноги, положивъ передъ собою свои незатѣйливые инструменты.

Ближайшими зрителями готовящейся томаши были, кромѣ нашихъ офицеровъ и ихъ эскорта, слуги и туземные гости Ибрагимъ-бая. Вокругъ ковра набралось все-таки человекъ пятьдесятъ, изъ которыхъ половина была вооруженныхъ. Встревоженный тѣмъ-то хозяинъ сталъ понемногу успокаиваться, но не надолго. Вернулся отставшій на перекресткѣ джигитъ, шепнулъ что-то своимъ, тѣ—дальше.. Отъ слугъ дошло и до хозяина; тотъ поблѣднѣлъ какъ полотно и прошепталъ:

— Эхъ! Въ недобрый часъ!.. Аллахъ, смилуйся надъ нами... Пронеси бѣду!

Затѣмъ онъ внезапно оживился, хлопнулъ себя по бедрамъ и закричалъ:

— Ну, что же тамъ копаются! Пускай начинаютъ скорѣе!

Около ставки, между двухъ распряженныхъ аровъ, на поднятыхъ кверху оглобляхъ, былъ натянутъ большой коверъ въ видѣ шатра, полы котораго достаточно

Выходъ изъ церкви.
Праздничный обѣдъ.

Престольный праздникъ въ малороссійскомъ селѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Имакевича, грав. Шюблеръ.
На улицѣ.

Передъ хатой.
Въ шинитъ

прикрывали все то, что в нем происходило. Там мигали огоньки фонарей и копошилось несколько фигур, шелестя шелковыми тканями своих костюмов; оттуда сильно пахло мускусом и другими пряными ароматами Востока. Это была устроена уборная для батчей и группы актеров.

По вызову Ибрагимъ-бая, полы шатра распахнулись. Показалась высокая фигура с вымазанным сажею лицом; эта фигура держала на руках, словно куклу, мальчика лет двенадцати, одетого по-женски, с массой мелких косичек, украшенных бусами и побрякушками, выбивающимися пестрою бахромою из-под ярко вышитой золотом, островерхой шапочки.

При появлении батчи, музыканты грянули оглушительную дробь... Машкарабаз три раза поднял мальчика высоко над головою и торжественно опустил его как раз на середину ковра... Батча, ленивым движением рук, оправил складки своей одежды, перегнулся тонким, худым корпусом назад, выпрямился снова и медленно, едва передвигая босые ноги, стал описывать по ковру первый круг своей пляски.

Слуги и гости Ибрагимъ-бая одобрительно захопали в ладоши и прокричали свое приветствие плясуну. Тот оживился немного и стал суживать мало-помалу свой круг, спиралью подвигаясь к центру арены.

— Зажигай! крикнул распорядитель группы.

Объ треноги затрещали и всыхнули разом. Яркое, маслянистое пламя, поднявшись двумя высокими столбами, далеко осветило кругом, словно споря своим заревом с багровым диском заходящего солнца. Но скоро этот диск погас—и огонь, разложенный руками человеческими, восторжествовал над вечно живым светом природы.

Повсеместно поднялись такие же столбы пламени. Всюду, в глубинах священной рощи, под сводами мечети, под навесами караван-сарая, — везде, где только копошились люди, загорелись мириады огоньков: красных, зеленых, белых... Все эти огоньки то группировались по несколько, то разбегались врозь, сновали по ветру направлениям, придавая общей картине что-то дикое, волшебное, полное чарующей силы и таинственности.

Местами из густоты мрака, будто на бегу задятые фонарным лучем, выдвигались дороги, расшитые золотом одежды, смѣняясь то живописным пестрым тряпьем нищаго, то металлическим блеском голого, словно бронзового, тела... Густые столбы дыма костров, багрово освещенные снизу, причудливо клубясь, уходили во мракъ ночи, снова появляясь, но уже выше, над кронами деревьев, тучами стелился и нависал над гульбищем, а сквозь прорѣзы этого пожарнаго, дымаго навѣса там и сям сверкали звѣзды Юга, да какія звѣзды!.. словно бриллианты, нашитые на черное сукно, сверкающіе всеми переливами радуги... Гдѣ-то кони взбѣсались... Сорвались съ привязей и носятся между кострами, увеличивая общую суматоху. Ихъ ловят... кричат... слышно дикое гиканье и шелканье плетей... Встревоженные ишаки подняли свой возмущающій душу рев... И все это: и звуки, и линии, и краски, свѣтъ и мракъ, — все перепуталось, движется и мѣняется, какъ въ гигантскомъ калейдоскопѣ, мелькая въ бассейнахъ и прудахъ, въ проточныхъ аркахъ своими опрокинутыми отраженіями...

— Это тоже музыка? не то насмѣшливо, не то и въ серьезъ обратился Шолобовъ къ своему молодому товарищу.

— Да! не сразу отвѣтилъ тотъ. — Музыка дикая, первобытная, но, безспорно, музыка... Ужъ во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ наши ротные пѣсенники, которыхъ ты такъ любишь.

— То свое...

— Это тоже свое—для нихъ... Да и для насъ тоже съ тобою, повѣрь, не совсѣмъ чужое.

— Да у тебя, вишь, все азіаты! вмѣшался докторъ.— По-твоему, и Россіи, и Шекспиръ... и тамъ чортъ лысый—все одного рода...

Наль улыбнулся и спокойно отвѣчалъ:

— Все человѣчество отсюда...

— Это съ Ишанъ-Дауда, что-ли?

— Нѣтъ, вообще... Тамъ, подальше... южнѣе... знаешь, за тѣми горами, до которыхъ мы скоро-скоро доберемся... и которыя насъ, конечно, не удержатъ... отъ...

— Какой ты всегда къ ночи восторженный дѣлаешься! прервалъ Шолобовъ.

— Компрессъ бы, бормоталъ докторъ, шаря рукою по подносу съ фисташками и выбирая, которыя больше растрескались.

Наль провелъ рукою по своему лицу, снимая этимъ движениемъ и фуражку, спустился ступенькою ниже и сѣлъ вплотную рядомъ съ Шолобовымъ.

— Со мною что-то опять не ладно, шепнулъ онъ ему.

— Опять?.. ну, полно, право! Ты нервничаешь, какъ баба...

— Нѣтъ, я говорю серьезно... Ты вѣдь меня знаешь. Я увѣренъ, что съ нами... нѣтъ, со мною собственно, сегодня должно случиться что-нибудь особенное... Сегодня начало этого, мною чувствуемаго, но еще неяснаго, далекаго...

— Что же именно?

— Не знаю... Я буду далеко-далеко отъ васъ всѣхъ.

— Въ плѣнъ что-ли попадешься?

— Нѣтъ, я буду свободенъ какъ птица, какъ воздухъ...

— Убьютъ, что-ли?

— Нѣтъ, не то...

— Хочешь?

Шолобовъ отстегнулъ фляжку и протянулъ Налью.

— Смотри!—Рубанъ оттолкнулъ руку капитана, отшатнулся назадъ, словно увидалъ нѣчто его сильно поразившее, и сталъ пристально всматриваться въ темный промежутокъ между исковерканными временемъ, изрытыми, прогнившими дуплами, вѣковыми стволами ближайшихъ карагачей.

Тамъ, на одно мгновение, показалась высокая, блѣлая фигура старика, только мелькнула въ лучѣ краснаго свѣта костра—и скрылась.

— Это уже второй разъ я его вижу! прошепталъ Наль.

— Здѣсь?

— Нѣтъ, первый разъ тогда, помнишь? Сегодня — второй.

— Я тебя больше брать съ собою никуда не буду, полусерьезно произнесъ капитанъ. — Ты какъ увидишь эту суть-то азіатскую — сейчасъ бредить начинаешь. Брось, право!..

— А на Акъ-Булакѣ тоже я бредилъ. Помнишь?

— Ну что же? капитанъ пожалъ плечами. — Это просто случайность и ничего больше. Все старики здѣсь такъ одишь на другаго похожи. Пустяки!

Отпоясавшаго тѣмъ временемъ батчу смѣнилъ фокусникъ—огнеглотатель. Этотъ дѣлалъ видъ, что съ наслажденіемъ глоталъ маленькіе горячіе угольки и потомъ, кривляясь и прыгая, изрыгалъ изъ своего старческаго, беззубаго рта цѣлые фейерверки. Зрители хлопали вь ладоши и ревели отъ восторга.

— Загулила Азія! толкнулъ въ бокъ казакъ-оренбурецъ своего товарища.

Они стояли почтительно, поодаль, вытирая сальные отъ плова пальцы о кожаные шаровары.

— Расходитесь, лѣшіе! отозвался тотъ. — А Пурмедка-то неладное привезъ съ дороги.

— Что такое?

— Слышь, онъ отсталъ давеча на майданѣ, такъ тамъ слышали, будто муллы-Алемкулова людишки появились, и тутъ, значить, ихъ, на этомъ гуляньѣ, видимо-невидимо кишить... А можетъ и вретъ, кто его знаетъ!

— Ибрагимка нашъ что-то приунылъ: капитану бы доложить нужно.

— Самъ уже смекаетъ. Я его знаю: онъ вѣдь повѣтру все чуетъ, зоркій. Шепнулъ мнѣ давеча: „Деметьевъ, гляди въ оба; держись къ конямъ ближе: волкъ подъ горою“.

— Эвона! Гляди какой сычъ на мечеть полѣзъ!

— Сшибить бы его оттедова.

На фронтонѣ мечети, ярко освѣщенная заревомъ огней, появилась странная человѣческая фигура. Это былъ дивона, въ яркихъ лохмотьяхъ, весь обвѣшанный предметами своей профессіи: выдолбленными тыквянками, связками амулетовъ и металлическихъ побрякушекъ, ножами всѣхъ видовъ и размѣровъ, — все это колыхалось, шелестѣло и дребезжало при каждомъ малѣйшемъ движеніи юродствующаго фанатика. На его головѣ, поросшей густыми, черными, сбитыми колтунномъ волосами, торчала высокая коническая шапка, опушенная внизу бараньимъ мѣхомъ. Обнаженная, сухая какъ у муміи грудь, носила слѣды глубокихъ порѣзовъ и увѣчий, наносимыхъ въ минуты религіознаго вдохновенія. Его лицо также было до ужаса изборождено шрамами. Глаза горѣли сумасшедшимъ, изступленнымъ блескомъ. Лѣвою рукою онъ держалъ посохъ, снабженный длиннымъ, трехграннмъ остриемъ; правая, вооруженная громаднымъ бубномъ, потрясала его надъ головою фанатика.

Показавшись на фронтонѣ, дивона неистово завопилъ, покрывъ этимъ дикимъ звукомъ все, что слышно было кругомъ, подпрыгнулъ кверху, завертѣлся, избразивъ изъ себя нѣчто въ родѣ громаднаго, пестраго волчка, и вдругъ ринувшись съ высоты внизъ, глухо хлопнулся о сухую, утрамбованную тысячами ногъ, глинистую почву.

Въ толпѣ пронесся словно рокотъ далекой грозы. Большинство кинулось къ разбившемуся и благоговѣйно окружили его еще содрогавшееся тѣло.

— Очистительную жертву принеси, прошепталъ Ибрагимъ-бай.

— Святой! Святой! послышались голоса въ толпѣ.

— Осмотри сѣдловку и готовь коней, вполголоса распорядился капитанъ. — Да не кидайся: дѣлай покойно, вида не подавай! подбодрилъ онъ метнувшагося было казака.

Всадникъ, въ черной бараньей шапкѣ, появился передъ ставкою, соскочилъ со взмыленнаго коня и почти тельно приложилъ руку ко лбу.

Это былъ любимый капитанскій джигитъ, Юсупъ, на его груди блестѣли два георгіевскихъ крестика и медаль.

— Тюра *), доложилъ онъ, — я сейчасъ съ Алтырыка — чуть не попался... Тамъ стоятъ люди муллы-Алемкула. Самъ мулла съ войскомъ въ двухъ переходахъ отсюда. Что прикажешь дѣлать?

— Ступай ѣшь пловъ и пей чай, хладнокровно отвѣтилъ капитанъ. — Коня вели выводить хорошенько.

— Одна-ако! протянулъ докторъ. — Вѣдь это мы, что пазывается, влетѣли.

— Пока еще не совсѣмъ.

Налъ пододвинулся къ Ибрагимъ-баю, который сидѣлъ, видимо подъ гнетомъ всего происходящаго. Акскаль былъ блѣденъ и шепталъ молитвы.

Батчи на коврѣ, смѣшившіе огнеглотателя, теперь уже трое разомъ, бойко кружились, подъ аккомпаниментъ дикой музыки.

*) Начальникъ.

— Ибрагимъ, началъ Налъ, — мы твои гости.

— Милостью и благодатью ко мнѣ Бога, отвѣчалъ тотъ, словно избѣгая упорно направленнаго на него взгляда.

— Мы твои гости! повторилъ молодой офицеръ, выразительно подчеркивая каждое слово.

— Моя голова прежде свалится къ погамъ вашимъ, чѣмъ оружіе враговъ коснется кого-либо изъ васъ.

— Утѣшенія мало, философски замѣтилъ докторъ. — Что же мы, однако, медлимъ? Къ чорту эту томашу! На коней, да удирать поскорѣе.

Шолобовъ улыбнулся.

— Удирать уже прошло время, произнесъ онъ, — теперь надо выкручиваться иначе. Если мы сейчасъ тронемся въ путь, мы и двухъ верстъ не сдѣлаемъ.

Онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону. Онъ сдѣлалъ это, подъ предлогомъ посмотреть на музыкантовъ поближе, а главная, настоящая цѣль капитана, было объяснить чѣмъ-нибудь болѣе возвышенный голосъ.

— Ибрагимъ-бай! крикнулъ онъ громко и весело, да такъ крикнулъ, что не одинъ Ибрагимъ-бай могъ его слышать. — У тебя здѣсь очень хорошо: мы ночуемъ! Вели, вонъ тамъ, поставить палатку и приготовить постели.

— Что это онъ? Съ ума что-ли сошелъ? встревожился докторъ.

— Онъ знаетъ что дѣлаетъ, успокоилъ его Налъ.

— Юсупъ, поправь шпору.

Капитанъ поставилъ ногу на ступеньку террасы.

Старшій джигитъ кинулся исполнять приказаніе.

Докторъ не слыхалъ, что говорилъ Шолобовъ джигиту, воспользовавшись этою минутою; до его встревоженнаго слуха долетѣло только, и то вскользь, окончаніе: „понялъ?“ И онъ видѣлъ, вмѣсто отвѣта, молчаливый кивокъ юнусовой шапки.

Между тѣмъ, вниманіе Наля было привлечено слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ числѣ трехъ пляшущихъ батчей, одинъ особенно выдѣлялся своимъ ростомъ и стройностью формъ. Каждое движеніе его отличалось граціею совсѣмъ не мужскою. Батча все время скрывалъ свое лицо за широкимъ рукавомъ рубахи и только одни глаза, красивые, черные какъ угольки, видѣлись между рукавомъ и металлическими подвѣсками шапочки, закрывавшими даже самыя брови. Двое изъ его товарищей, утомленные продолжительною пляскою, отошли и сѣли рядомъ съ музыкантами; этотъ еще продолжалъ, медленно кружась, легко переступая по коврику босыми ногами, съ подвязанными у щиколотокъ лентами съ бубенчиками.

Что-то знакомое, близкое почувствовалъ Налъ въ этихъ глазахъ, устремленныхъ прямо на него.

Батча, описывая кругъ, подошелъ къ самому офицеру и быстро сѣлъ къ нему на колѣни, обнявъ руку за шею.

Налъ вздрогнулъ — это была женщина.

— Гуль-Гуль! шепнулъ онъ ей на ухо. — Какимъ образомъ?

— Спасайтесь! также шепнулъ мнимый батча, сорвался со своего мѣста, оживленно закружился, описавъ полъ-круга по коврику, и, незамѣтно, юркнулъ въ шатеръ межъ арбами.

Сильно забилося молодое сердце Наля: онъ еще чувствовалъ грубый ароматъ розоваго масла, ощущалъ теплоту стройнаго, худощаваго, юркаго какъ змѣйка, тѣла своей любимицы. Голосъ Шолобова вывелъ его изъ этого состоянія.

— А! вотъ и палатка готова! Прекрасно. Лошадей разсѣлать! Ибрагимъ-бай, спасибо за угощеніе и забаву. Отпусти этихъ. Завтра, съ солнечнымъ восходомъ, мы тронемся домой.

IV. Совѣщаніе.

Въ то же время, на противоположномъ концѣ народнаго гульбища, въ дальнемъ караванъ-сарай, происходило слѣдующее:

Туда, еще съ разсвѣта, прибыли чужіе люди, чело-вѣкъ восемь, и расположились на отдыхъ. Люди эти были вооружены и сидѣли на добрыхъ, рослыхъ аргамакахъ, крытыхъ, поверхъ сѣдловки, коврами попо-нами. Прибыли они не сразу всѣ, а по одиночкѣ, да еще съ разныхъ сторонъ, а всѣ оказались знакомыми другъ съ другомъ. Старшій мулла Ишанъ-Дауда, столѣтній Годдай-ходжа, какъ узналъ о прибывшихъ, сейчасъ же самъ пришелъ, съ однимъ изъ нихъ по-здоровался, поговорили тихонько, не долго, и велѣли хозяину караванъ-сарая очистить задній большой дворъ отъ чужихъ аробъ, да коней, и поглядывать у воротъ, чтобъ посторонніе зря не совались. Полчаса не прошло, какъ со всѣхъ сторонъ стали сходитьсь разные люди, а мулла у воротъ сидѣлъ. Два слова скажетъ пришедшему, тотъ въ отвѣтъ что-то пробормочетъ и проходить во внутрь, сопровождаемый напутствіемъ.

Еще русскіе не пріѣзжали на гульбище; Ибрагимъ-бай только распоряжался объ устройствѣ томаши и угощеніи, а уже въ караванъ-сарай набралась такая томаша, что мулла приказалъ не впускать больше. Исключеніе сдѣлано было только для прискакавшаго изъ города—Арыкъ-аксакала Девлета. Еще вчера, хитрый Девлетъ-бай, первый явившійся къ русскимъ съ изъявленіемъ покорности, важно развѣзжалъ по базару, въ новопожалованномъ отъ генерала парчевомъ халатѣ и красной лентѣ, а сегодня прискакалъ совсѣмъ какъ простой джигитъ, скромно слѣзъ у входа съ рызаго, поджараго коня и низко согнулся передъ Годдай-ходжой въ смиренномъ поклонѣ.

Строго посмотрѣлъ мулла на повоприбывшаго.

— Какія вѣсти? спросилъ онъ.

— Какія отъ васъ будутъ: по вашимъ и наши! Мы подневольные, отвѣтилъ Девлетъ, съ глубокимъ вздохомъ.

— Генералъ гдѣ?

— Въ Урдѣ лежитъ: боленъ, сказывали.

Подошелъ тутъ еще одинъ курчавый, черный какъ сажа негръ. Служилъ онъ прежде палачомъ у бека. Мужчина лѣтъ сорока, неуклюже тяжелаго сложенія и, видимо, необычайной физической силы.

— Чурекъ тоже прибѣжалъ? спросилъ онъ у муллы хриплымъ голосомъ.

— Прибѣжалъ? насмѣшливо передразнилъ его мулла.—

Поклониться надо муллѣ, прежде чѣмъ въ разговоръ пускаться, замѣтилъ онъ, уже болѣе строгимъ тономъ.

— И такъ хорошо, отмахнувшись рукою палачъ и сталъ протискиваться во внутрь караванъ-сарая.

Послѣ полуденнаго намаза, мулла оставилъ свой наблюдательный постъ и самъ отправился во дворъ. Тамъ, подъ тѣнью группы карагачей, около прудика, уже расположился совѣтъ, которому предназначено было, въ этотъ именно день, подъ покровительствомъ святаго Ишанъ-Дауда, рѣшать дальнѣйшія судьбы народныя.

Около двухсотъ чело-вѣкъ собралось сюда со всѣхъ сторонъ, какъ представители родовъ и кишлаковъ. Главное мѣсто занялъ мулла-Годдай и рядомъ съ нимъ помѣстился одинъ изъ пріѣзжихъ всадниковъ, красивый, еще не старшій чело-вѣкъ, въ ярко-красномъ, военномъ халатѣ и круто свернутомъ шалевомъ тюрбанѣ. Прочіе сидѣли вокругъ, въ два ряда, плотно одинъ

къ другому, безпрестанно передавая изъ рукъ въ руки дымящіяся кальяны. Нѣсколько мальчиковъ, прислужники караванъ-сарая, разносили гостямъ маленькія чашечки зеленого чая, побрякивая мѣдными узорчато-гравированными кунганчиками.

Мулла-Годдай откашлялся въ руку и началъ:

— Правовѣрные! произнесъ онъ своимъ слабымъ, уже старческимъ голосомъ.

— Тихе, тихе! раздалось кругомъ. — Эй, не греми тамъ! Да тихе же, вамъ говорятъ!

— Правовѣрные, повторилъ мулла, — великій защитникъ страны нашей, мулла-Алемкулъ, да пошлетъ Аллахъ безмѣрную благодать на его священную голову!— прислалъ намъ добрыя вѣсти. Онъ прислалъ вотъ этого чело-вѣка...—тутъ мулла указалъ на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, — также достопочтеннаго таксыра Минъ-башу, Нурмеда, сказать, что часъ вашего освобожденія уже насталъ. Денно и ночью молимъ мы, служители истиннаго Бога, дабы онъ даровалъ намъ побѣду надъ коварными пришельцами, но Аллахъ, въ своемъ безконечно-справедливомъ гнѣвѣ на насъ, покрываетъ наши грѣшныя головы позоромъ пораженія. Нынѣ же молитвы наши услышаны Аллахомъ и его святымъ Пророкомъ. Возстанемъ всѣ какъ одинъ. Пусть всякій изъ васъ, у кого только есть силы поднять хоть простую палку, идетъ на битву съ проклятыми невѣрными. Мы разобьемъ ихъ, мы поснимаемъ ихъ нечистыя головы и усѣмъ дорогу тѣлами русскими. Мѣра долготерпѣнія истощилась! Оскверненная земля мусульманская вопіетъ. Каменные стѣны мечетей нашихъ—и тѣ плачутъ, слезами невидимыми, отъ позора неслыханнаго. Обутая нога невѣрнаго попираетъ плиты священныхъ половъ и пороги входовъ. Только кровью проклятыхъ пришельцевъ сможемъ мы съ нихъ вѣчный позоръ и безчестіе.

Заплакалъ даже мулла и закрылъ лицо руками. Народъ заговорилъ:

— Чего не возстать! возстанемъ! Ежели мы всѣ, да разомъ—только пыль полетитъ!..

— Полетитъ-то полетитъ... только изъ-подъ чьихъ пятокъ?!

— А чего бояться русскихъ?.. Много-ли ихъ тутъ!

— Тотъ разъ тоже поднимались... Мы-то всѣ вышли въ сады, да на дорогу, а сарбазы, какъ только русскія пушки начали, первые побѣжали... Такъ вѣдь нельзя...

— На русскихъ какъ пойдешь!.. Они, вонъ, за сто верстъ стоятъ, и не видно ихъ совсѣмъ, а сюда стрѣляютъ... Какъ къ нимъ подступишься!..

— Били-же и ихъ тоже...

— А какъ били? Ну что ты говоришь?! Тридцать двѣ головы привезли, а своихъ и счету нѣту сколько по балкѣ раскидали. Этакъ-то бить, такъ скоро и народу мусульманскаго не останется...

— Русскимъ шайтанъ помогаетъ... а отъ насъ и Аллахъ отвернулся, муллы говорятъ: все за грѣхи наши!.. А какіе такіе грѣхи?!

— Постой!.. Надо толкомъ все... Ты, вотъ, мулла Годдай, сказалъ, что молитвы наши услышаны Аллахомъ и его святымъ Пророкомъ. Почему же ты знаешь это? Разъ, вотъ, тоже такъ говорили, а вышло совсѣмъ напротивъ... Помнишь?.. Много-ли къ намъ домой съ поля вернулось?.. Какъ-бы опять того-же не вышло!

— Маловѣрный! покачалъ головою мулла Годдай.— Стихните вы всѣ и прислушайте слова чело-вѣка вдохновеннаго, особою милостью Божьею взысканнаго... Кушкъ-Аулъ, расскажи имъ свое видѣніе!

(Продолженіе будетъ).

К р а ж а .

(Психологическій этюдъ Юліуса Келлера).

Онъ укралъ.

Другаго названія для его поступка, сколько ни ищи, не было. Все другое—пустое самооправданіе: онъ укралъ, присвоилъ себѣ собственность другаго чело-вѣка.

Но этотъ другой богатъ! Его денежныя шкапы биткомъ па-бить, дѣти на всю жизнь обезпечены, — кому же вредъ отъ маленькой потери? Что значить пара несчастныхъ черво-нецъ для богача?

Добрая сестра. Съ карт. Л. Михальскаго (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. П. Бергъ.
Библиотека "Руниверс"

Но все-таки это воровство. Онъ коварно обобралъ своего хозяина. Соблазнъ былъ силенъ, онъ не устоялъ.

Денежный шкапъ былъ настежь отворенъ, маленькій ящикъ на нижней полкѣ до краевъ наполненъ червонцами, и они такъ соблазнительно блестѣли... А дома лежала молодая жена бѣднаго, плохо оплачиваемаго писца — больная и слабая; она и малютка часто нуждались даже въ самомъ необходимомъ. Какъ полезно было бы ей выпить рюмку хорошаго вина, подкѣрнить свои силы кускомъ курицы! Какъ снова зарумянились бы ея блѣдныя щеки, сильнѣе забился пульсъ, просвѣтлѣло настроеніе!

И какъ разъ въ эту минуту хозяинъ всталъ и вышелъ въ соседнюю комнату, съ поданной ему для подписи бумагой. Не было ли это указаніемъ свыше?... Нѣсколько выхваченныхъ изъ шкапушки червонцевъ, и его семейное счастье, уничтоженное болѣзнию и лишениями, расцвѣтеть снова! Развѣ это воровство? Нѣтъ, это только самозащита — инстинктъ самосохраненія.

И онъ рѣшился... Дѣло сдѣлано, и онъ съ богатою добычей въ карманѣ куртки быстро направился домой.

Сначала у него на душѣ было очень радостно: „Помощь! Спасеніе!“ ликовалъ онъ, ускоряя шаги.

Вдругъ слышитъ голосъ:
„Воръ! Держи вора!“

Онъ съ ужасомъ вадрогнулъ и остановился какъ вкопанный. Капли пота выступили на его лбу; онъ схватился за голову.

Какъ, уже накрыли?!

Мимо него бѣжалъ народъ; его толкнули, чуть не сбили съ ногъ.

Наконецъ бѣжавшіе остановились возлѣ какого-то молодого человѣка, котораго уже крѣпко держалъ полицейскій. Его со всѣхъ сторонъ обступили съ громкимъ говоромъ и жестикулациями и, когда блюститель порядка увелъ свою жертву, мальчишки долго провожали ее гикомъ и крикомъ.

Такъ вотъ кто воръ! Не онъ!

Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ и пошелъ дальше. Какъ онъ могъ сравнить себя съ тѣмъ, другимъ, быть-можетъ самымъ обыкновеннымъ уличнымъ воронкомъ, который способенъ ограбить ребенка, отнять у бѣдняка послѣдній грошъ! Этого вѣдь онъ не сдѣлалъ.

Онъ съ усиліемъ овладѣлъ собою и заставилъ себя думать о другомъ.

Что прежде всего купить на эти деньги, чтобы порадовать бѣдную женку? Вина?... закусокъ?... фруктовъ?... Да, вотъ оно! Онъ будетъ дѣлать закупки, это непременно расцѣлитъ его мрачныя мысли.

Но развѣ не удивятся, когда бѣдный, съ виду нуждающійся человѣкъ, въ поношенномъ платьѣ, станетъ мѣнять червонцы и покупать вещи, доступныя только богачамъ? Не посмотрятъ-ли на него съ недоумѣніемъ, не начнутъ-ли подозрѣвать? Не выдастъ-ли вора его, какъ онъ чувствуетъ, блуждающій взглядъ? И вдругъ его схватятъ и закричатъ: „Воръ!“

Что за вздоръ, какая нерѣшительность!.. Развѣ продавцу не все равно, откуда у покупателя деньги?... Вотъ винный погребъ, ярко освѣщенный, полный народа... Взойдемъ же!

Нѣтъ, что-то неладно. Онъ слишкомъ неспокоенъ, онъ дрожитъ... Еще никогда онъ не бралъ чужой копѣйки, никогда не приобрѣталъ чего-либо незаконнымъ путемъ. Вынутыя изъ кармана деньги жгутъ его руку огнемъ. Нѣтъ, сначала нужно успокоиться, убѣдить самого себя въ томъ, что онъ не простой воръ; тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Прежде всего онъ пойдетъ къ себѣ домой, гдѣ жена въ такой нищетѣ, гдѣ ребенокъ плохо накормленъ... Видъ ихъ придастъ ему мужество и спокойствіе, дастъ сознание собственной правоты.

Поспѣшно входитъ онъ въ свое убогое жилище и горячими устами касается устъ больной. При видѣ его она улыбается слабою, но счастливой улыбкой.

— Какъ ты себя чувствуешь? тихо, несмѣло спрашиваетъ онъ.

— Хорошо, совсѣмъ хорошо! чуть слышно отвѣчаетъ она.

„Хорошо, совсѣмъ хорошо!“ Это она всегда говоритъ, бѣдная, милая страдалница, а сама дѣлается съ каждымъ разомъ блѣднѣе и слабѣе.

— Ты обманываешь меня, сказалъ онъ почти съ негодованіемъ и схватилъ ея руку.—Тебѣ худо, очень худо... Ты терпишь нужду и предаешься мрачнымъ мыслямъ. Хорошая пища и уходъ, вотъ что тебѣ нужно. Но потерпи немного... все это будетъ. Ты больше не будешь такъ нуждаться и хворать,—я тебя вылѣчу.

Его глаза широко раскрыты. Почти лихорадочная краска заливаеетъ лицо.

— О, и плохія времена когда-нибудь кончатся! продолжаетъ онъ возвышеннымъ, но неувереннымъ голосомъ. — Перемелется—мука будетъ.

Она смотритъ на него съ недоумѣніемъ. А онъ вдругъ опускаетъ руку въ карманъ, и черезъ минуту золотыя монеты уже на маленькомъ столикѣ у ея постели, горятъ и сверкаютъ въ вѣтъ ничѣмъ не защищенной лампы.

— Вотъ, мое сокровище, торопится онъ говорить, — вотъ

деньги!.. Онѣ твои, на нихъ я тебя побалую... Почему только богатые могутъ выздоравливать, за что бѣдняки должны погибать изъ-за бездѣлницъ, когда какой-нибудь червонецъ все можетъ поправить!.. Вѣдь это безуміе, гнусность!.. Я уже тебя вылѣчу, а когда это исправимъ, тогда... тогда еще будетъ!

Слова надежды замираютъ на его губахъ. Онъ говоритъ все тише, тише, и взоръ его, сначала такъ лихорадочно горѣвшій, мало-по-малу заволакивается и выражаетъ почти испугъ.

Жена—ни слова, но ея лицо... ея лицо!.. Не радость и надежда, но вновь пробуждающаяся жизненная энергія видна въ этихъ угоненныхъ чертахъ, — а недоумѣніе, подозрѣніе, ужасъ.

— Воръ!.. Это она крикнула? Она дрожащими устами бросила ему это страшное слово?!

Нѣтъ! она ничего не сказала... ни слова, ни звука, только пристально смотритъ ему въ лицо.

Однако это слово такъ и звучитъ въ его ушахъ. Она пронеситъ его опять и опять, съ презрѣніемъ и гнѣвомъ, ненавистью и отвращеніемъ:

— Воръ!..

Ужасъ, негодованіе,—все слышится въ одномъ этомъ словѣ. А молодая женщина все еще не произнесла ни звука, все еще съ недоумѣніемъ смотритъ на взволнованнаго мужа.

Онъ, задыхаясь, сгребаетъ со стола золото, нахлобучиваетъ шляпу на голову и бросается къ дверямъ. На порогѣ онъ оборачивается:

— Мнѣ еще нужно кое-о-чемъ позаботиться: это очень важно!

Съ этими словами онъ поспѣшно уходитъ. Путь его—прямо въ контору хозяина. Онъ нао всѣхъ силъ дергаетъ за дверной колокольчикъ и кричитъ дѣвушкѣ, отворяющей двери:

— Я долженъ поговорить съ хозяиномъ, сейчасъ же и по очень важному дѣлу!

Горничная съ этимъ не соглашается: хозяинъ въ кругу своей семьи, ему нельзя мѣшать.

— Но я не могу откладывать, это опасно! Доложите обо мнѣ, онъ долженъ меня принять.

— Я попробую.

Онъ ждетъ, затаявъ дыханіе. Наконецъ раздается голосъ служанки:

— Для васъ хозяинъ дѣлаетъ исключеніе, войдите.

Поспѣшно, мимо смущенной дѣвушки, бросается онъ въ кабинетъ принципала, который уже ждетъ его.

— Что за причина вашего поздняго и такого бурнаго прихода ко мнѣ?

— Причина, эта... покража, сударь...

— Какъ! У меня?

— Да, и воръ стоитъ передъ вами.

Слова глухо срываются съ его поблѣднѣвшихъ губъ. Хозяинъ невольно отступаетъ назадъ, а онъ дрожащими руками выкладываетъ червонцы на письменный столъ. Послѣ этого онъ какъ-то вдругъ дѣлается спокойнѣе, съ облегченіемъ переводитъ духъ и голосъ его звучитъ мягко и умоляюще:

— Возьмите ваши деньги назадъ... Я взялъ ихъ въ минуту безумія.

Принципалъ съ изумленіемъ смотритъ на стоящаго передъ нимъ, страшно возбужденнаго человѣка.

— Что же васъ побудило сдѣлаться воромъ? спрашиваетъ онъ настоятельнымъ тономъ.

Писецъ несмѣло вскидываетъ на него глаза.

— Любовь къ женѣ! шепчетъ онъ.—Но она меня за это ненавидитъ... Страхъ за ея жизнь... Но она умретъ теперь, потому что я сдѣлался воромъ!

Онъ закрываетъ руками лицо, и въ первый разъ по немъ струятся тихія, облегчающія слезы.

Вдругъ онъ чувствуетъ на своемъ плечѣ чью-то руку.

Онъ открываетъ глаза и видитъ передъ собою серьезное лицо хозяина.

— Скажите мнѣ все, опишите ваше положеніе какъ оно есть. Зачѣмъ замыкаться въ своемъ ожесточеніи? Говорите свободно и откровенно... Почему вы украли?

Одно мгновеніе писецъ колеблется и нерѣшительно смотритъ на принципала, но потомъ смущеніе его проходитъ, и онъ въ краснорѣчивыхъ словахъ описываетъ свое положеніе и все, что за послѣднее время переживалъ и передумалъ. По мѣрѣ того какъ онъ говоритъ, растаетъ и его возбужденіе; каждое слово носитъ отпечатокъ безусловной искренности. Въ первый разъ послѣ долгаго-дольгаго времени онъ высказываетъ то, что давно накипѣло у него на душѣ...

— Вотъ, сударь, какимъ образомъ я сдѣлался воромъ, устало кончаетъ онъ свой рѣчь.—А теперь дѣлайте со мною что вамъ будетъ угодно.

Съ опущенной головою ждетъ онъ отвѣта.

— Возьмите опять эти деньги, говоритъ, немного помолчавъ, принципалъ,—онѣ ваши!.. Но вы забрали страшный окольный путь для полученія отъ меня помощи. Если бы вмѣсто того, чтобы замыкаться въ глухой и безысходной злобѣ на то, что я богаче васъ, — вы только откровенно представили мнѣ ваше положеніе, то до этого бы не дошло... Но еще есть время... Я вѣрю въ вашу неспорченность и довѣряю вамъ: вы оста-

петесь у меня на службѣ, а это золото отдайте вашей бѣдной женѣ, чтобы она скорѣе поправилась. Ну, что же вы не берете? Или я долженъ дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что это ваша законная собственность?

Нѣсколько минутъ спустя, раскашавшійся воръ былъ снова на улицѣ и спѣшилъ къ себѣ домой. На этотъ разъ онъ дорогою дѣлалъ всевозможныя закупки, и при этомъ ему ни разу не приходило въ голову, что этими червонцами и тратами можно возбудить чье-либо подозрѣніе. А когда онъ пришелъ домой къ своей бѣдной напуганной женѣ и выложилъ на ея кровать всѣ приобретенныя драгоценности, въ видѣ хорошаго вина и

закусокъ, то больная взглянула на него уже безъ ужаса, и навстрѣчу ему не прозвучало страшное слово: „воръ!“ Нѣтъ, она любовно обняла его и нѣжно шепнула:

— Откуда ты взялъ такъ много денегъ?

— Только не украдь, женушка!

— Украдь?! Ахъ, мой милый, какъ тебѣ приходится въ лову такіе ужасы? Ты — воръ!..

Онъ схватилъ ея узкую, исхудавшую руку и покрывъ ея страстными поцѣлуями.

— Да, ты права, тихо сказалъ онъ, едва сдерживая слезы, — я не воръ!

Ископаемыя исполинскія животныя Америки.

Г. С. Вольте.

Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ существованія земли какъ планеты, форма и строеніе земной коры не оставались неизмѣнными, а подвергались самымъ разнообразнымъ перемѣнамъ. Земля также имѣетъ свою исторію, въ которой періоды намѣряются, однако, не сотнями лѣтъ, а несравненно большими промежутками времени. Эта исторія есть предметъ изслѣдованій науки геологій, которая дѣлитъ всю исторію земли на четыре геологическія періода: первичный, вторичный, третичный и послѣтретичный или новѣйшій. По господствующей теоріи земная кора состоитъ изъ послѣдовательно наслѣдовавшихъ другъ на друга породъ или формаций. Глубже всѣхъ залегли такъ-называемыя „первозданныя“ кристаллическія горныя породы гранита, гнейса, базальта и др., которыя были извержены изъ пѣдръ земли на ея поверхность въ то время, когда наша планета находилась еще почти вся въ расплавленномъ состояніи и лишь начинала покрываться тонкой корой отвердѣвающихся минераловъ. Эта первичная оболочка земли, лишенная всякихъ слѣдовъ органической жизни, покрывалась вскорѣ водою и стала дномъ первобытнаго океана. Здѣсь зародились первыя растенія и животныя. Благодаря совместному дѣйствію этихъ трехъ факторовъ: воды, растеній и животныхъ (главнымъ образомъ, корненожекъ и моллюсковъ), твердыя кристаллическія породы разрыхлились, отчасти растворились и затѣмъ вновь отложились въ видѣ мягкихъ осадковъ, въ родѣ глинистаго сланца, песчаника, известняка, мѣла и тому подобныхъ осадочныхъ формаций. Эти морскія образованія первичнаго и вторичнаго періода располагались въ видѣ громадныхъ пластовъ и, вслѣдствіе периодическаго поднятія и опусканія морскаго дна, становились то сухею, то дномъ океана, при чемъ общая фигура материковъ и омывавшихъ ихъ морей постоянно измѣнялась. Карта земли, напримѣръ, мѣловой формаций вторичнаго періода не имѣетъ ничего общаго съ современной географической картой. Тамъ, гдѣ возвышаются нынѣ громадные горныя хребты, бушевали волны океана, а мѣста нашихъ морей занимали обширныя равнины или архипелаги острововъ. Еще въ третичную эпоху существовалъ цѣлый материкъ въ томъ мѣстѣ Атлантическаго океана, которое извѣстно подъ именемъ Саргассова моря. Кордильеры и Аллеганскія горы были подъ водою, а средняя, наиболѣе низменная теперь часть Сѣверной Америки представляла высокое плоскогоріе и т. д. При этихъ перемѣнахъ, конечно, мѣнялись и растительность, и животный міръ, населявшие эти пространства: морская флора и фауна замѣнялись сухопутными, и наоборотъ. На морскихъ осадочныхъ породахъ напластовались затѣмъ прѣсноводные рѣчные наносы третичнаго періода, и наконецъ самыя верхнія слои нашей земной коры состоятъ изъ такъ-называемаго „алювія“, образовавшагося и образующагося понынѣ вслѣдствіе вывѣтриванія и осипанія всѣхъ ранѣе сложившихся горныхъ породъ земли.

Каждая изъ формаций, на которыя раздѣляются образованія указанныхъ четырехъ геологическихъ періодовъ, характеризуется особымъ свойственнымъ ей растительнымъ и животнымъ міромъ, въ свою очередь совершенно не похожимъ на современныя растенія и нынѣ обитающія на землѣ животныя.

Но каковы же образцы, спроситъ читатель, мы узнаемъ о строеніи и формѣ существъ, вымершихъ совершенно уже многія тысячелѣтія тому назадъ? Къ счастью для науки, эти аборигены земли оставили послѣ себя слѣды, по которымъ мы можемъ возстановить нѣогда съ замѣчательною точностью фигуру растенія или животнаго: это отпечатки створцовъ и листьевъ на горныхъ породахъ, питавшихъ пѣкогда корни нынѣ исчезнувшихъ растеній, а также отпечатки или окаменѣлости раковинъ и скелета существовавшихъ тогда животныхъ. Эти драгоценныя остатки вымершей флоры и фауны находятъ въ землѣ при раскапываніи горныхъ породъ или на берегахъ рѣкъ, прорывшихъ себѣ русло черезъ эти породы и обнажившихъ такимъ образомъ нижележащія слои асминой коры.

Ископаемые остатки обитающихъ на землѣ доисторическую эпоху растеній и животныхъ составляютъ предметъ особой науки — палеонтологій, основателемъ которой былъ знаменитый естествоиспытатель конца прошлаго вѣка Георгъ Кювье. Съ тѣхъ поръ палеонтологія обогатилась въ высшей степени замѣчательными открытіями, пролившими свѣтъ на

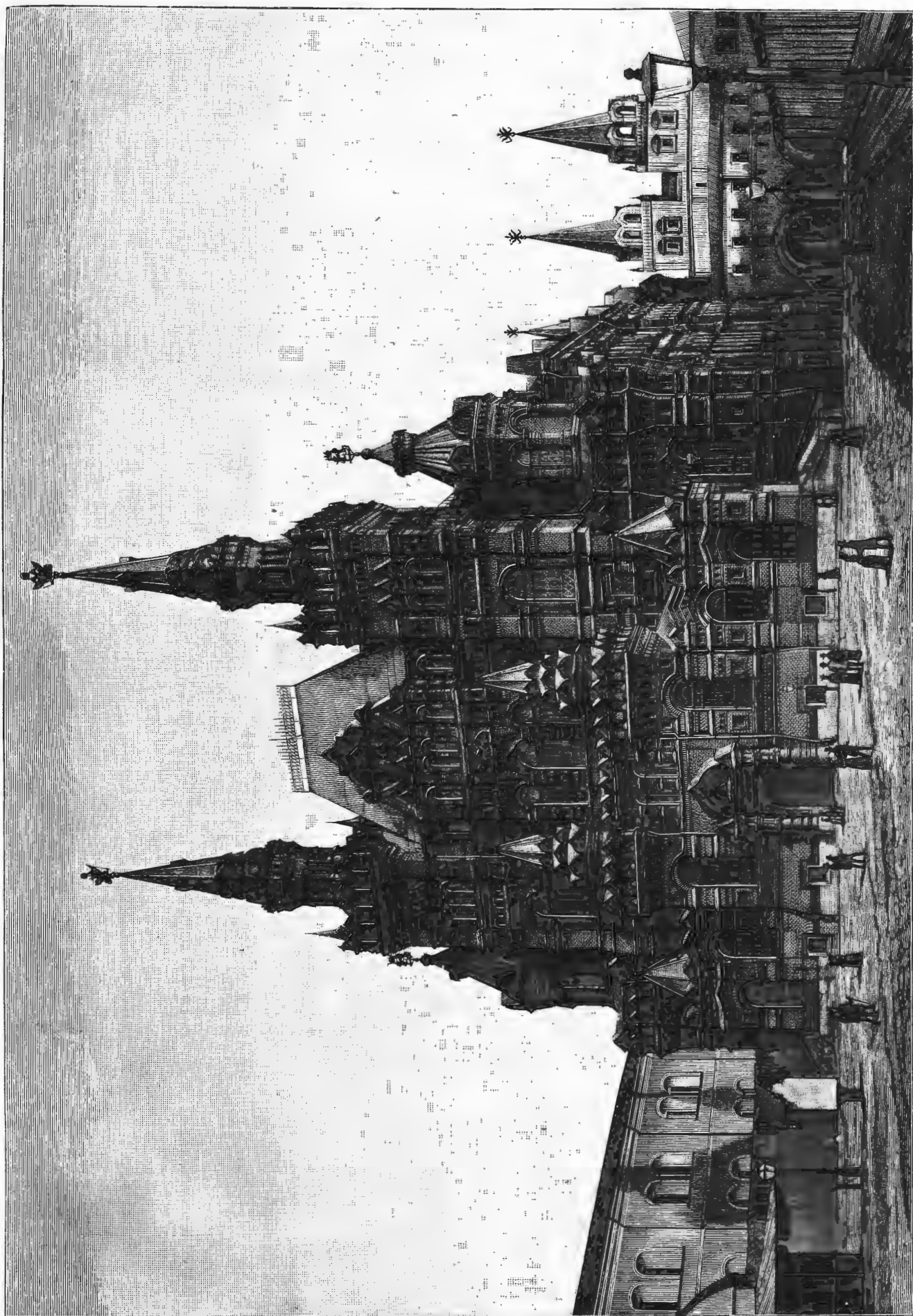
многіе важныя и трудныя вопросы естествознанія. Такъ, теорія Дарвина о происхожденіи видовъ нашла въ нихъ свое блестящее подтвержденіе.

Въ послѣднее время особенныя заслуги въ этомъ отношеніи оказали американскіе палеонтологи, сдѣлавшіе множество въ высокой степени интересныхъ и поучительныхъ находокъ въ западныхъ территорияхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ области Скалистыхъ горъ. Эта пустынная и дикая мѣстность, населенная притомъ враждебными племенами индѣйцевъ, сдѣлалась доступною лишь весьма недавно. Когда извѣстный американскій ученый Маршъ, которому наука обязана многими блестящими открытіями, предпринялъ здѣсь въ 1870 году съ помощью своего проводника, индѣйца Буффало Билъ, свои первые поиски за окаменѣлостями, то его чуть было не оскальпировали туземные дикари, и онъ едва спасся бѣгствомъ. Слѣдующій разъ онъ предусмотрительно запасся очень сильнымъ вооруженнымъ эскортомъ, который и сопровождалъ его при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Проведеніе Великой Тихо-Океанской желѣзной дороги, прорѣзывающей всю Сѣверную Америку отъ Атлантическаго до Великаго океана, способствовало заселенію и умиротворенію этой дикой страны. Кромѣ того, прорытіе многочисленныхъ туннелей, трашей и т. под. инженерныя работы обнажили въ разныхъ мѣстахъ подземныя породы и выбросили на поверхность множество сохранявшихся тамъ окаменѣлостей. Тысячи американцевъ различныхъ профессій: инженеры, ученые, военные, бросились изучать ново-открытую для цивилизаціи страну, ея топографію, геодезію, флору и наконецъ ея ископаемыя богатства. Это было поистинѣ обще-національное дѣло: не только спеціально основанныя тогда съ этою цѣлью публичныя учрежденія: институты геологической и географической, но и университеты, коллежи и, наконецъ, многія частныя общества и компаніи выслали своихъ изслѣдователей — натуралистовъ и основали собственные музеи.

Въ это-то время и сдѣланы были удивительныя открытія, такъ обогатившія палеонтологію. Конечно, и въ Европѣ найдено было въ разное время большое количество ископаемыхъ формъ, но онѣ во многомъ уступаютъ современнымъ имъ американскимъ собратьямъ, которые поражаютъ своими колоссальными размѣрами и причудливыми, разнообразными формами тѣла. Въмѣстѣ съ тѣмъ, анатомическое строеніе этихъ животныхъ представляетъ часто такія оригинальныя особенности, возможность существованія которыхъ казалась прежде совершенно немислимою.

Дѣло въ томъ, что между представителями американской первобытной фауны найдены такъ-называемыя смѣшанныя или переходныя формы, соединяющія въ себѣ признаки животныхъ, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ классамъ животнаго царства. Зоологи прошлаго вѣка, основываясь на изученіи современныхъ животныхъ и немногихъ найденныхъ тогда въ Европѣ окаменѣлостей, полагали, что всѣ нынѣ живущіе виды точно въ такой же неизмѣнной формѣ существовали отъ-вѣка, что каждая группа животныхъ, классъ, отрядъ, семейство, родъ и даже видъ характеризуется точно опредѣленными и ей лишь одной свойственными анатомическими признаками, рѣзко отличающими ее отъ другой зоологической группы, и нѣкоторые тогдашніе ученые хвастали, что по какому-либо обломку кости они совершенно точно опредѣляютъ, къ какому виду принадлежало обладавшее ею животное. Самъ Кювье, основатель палеонтологій, категорически утверждалъ, что „природа не соединяетъ (въ одной и той же особи) раздвоенныхъ копытъ и роговъ съ острыми зубами“. Между тѣмъ, продолжатели основанной имъ науки разрушили своими открытіями, съ самою убѣдительною очевидностью, такъ рѣшительно высказанное имъ положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и теорію неизмѣнности или постоянства видовъ.

Напротивъ того, теорія Дарвина, утверждающая, что современные виды животныхъ получили свою нынѣшнюю форму и организацію путемъ медленно, но постоянно, тысячелѣтійми, накопавшихся измѣненій въ строеніи тѣла; что нынѣ существующія, столь рѣзко обособленныя, группы животнаго царства ведутъ свое начало отъ формъ смѣшанныхъ, обладавшихъ разнородными систематическими признаками и лишь вслѣдствіи дифференцировавшихся въ особые виды путемъ усиленія

Историческій Музей въ Москвѣ, въ зданіи котораго помѣщается нынѣ Средне-азиатская выставка.
Съ фот. Тиле. грав. Рамевскій.

Смерть Великого князя Андрея Боголюбского (1174 г.). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

одних и ослабленія других признаков,—эта теорія получила яркое подтвержденіе и прекрасную иллюстрацію въ найденныхъ за послѣднее время, особенно въ Америкѣ, экземплярахъ ископаемаго царства. Оказалось, что иѣкогда существовали животныя, соединившія въ себѣ признаки пресмыкающихся и птицъ, такъ что по одиѣмъ костямъ Кьюе отвѣтъ бы такое животное къ рептиліямъ, по другимъ—призналъ бы въ немъ птицу и думалъ бы, конечно, что эти кости принадлежатъ двумъ различнымъ животнымъ. Найдены были, наконецъ, скелеты животного, у котораго рога жвачнаго сочленились страннымъ образомъ съ клыками плотояднаго хищника.

Перейдемъ къ описанію американскихъ ископаемыхъ. Въ слояхъ первичнаго періода найдены лишь немногочисленные и слабо развитые представители позвоночныхъ животныя. Рыбы этой эпохи, снабженныя твердымъ панциремъ, покрывавшимъ ихъ тѣло, очень отличаются по своему виду отъ современныхъ. Другая существовавшая тогда группа позвоночныхъ—пресмыкающіяся—была, если можно такъ выразиться, въ младенческомъ періодѣ, т. е. въ періодѣ созиданія. У большинства этихъ животныя позвоночный столбъ еще не вполне окостенѣвшій; обособленіе на различные отряды, семейства и т. д. едва только намѣчено; встрѣчающіяся формы не разнообразны и не многочисленны. Для примѣра назовемъ эриоса, найденнаго Копомъ (Cope) въ Техасѣ. Другія болѣе высокоорганизованныя позвоночныя (птицы, млекопитающія) въ первичныхъ періодахъ совсѣмъ не попадаются.

Совершенно другую картину представляютъ рептиліи вторичнаго періода, который, по истинѣ, можно назвать періодомъ господства пресмыкающихся на землѣ. Обиліе самыхъ разнообразныхъ формъ, гигантскіе размѣры многихъ видовъ, обширное распространеніе на сушѣ и въ водѣ, дифференцировка на множество отдѣльныхъ семействъ, родовъ, видовъ—все это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что эпоха вторичныхъ образованій на землѣ была золотымъ вѣкомъ царства рептилій, —минувшимъ безвозвратно, такъ какъ въ слѣдующихъ періодахъ начинается вырожденіе этихъ животныя, а царяи земли становятся млекопитающія.

Пресмыкающіяся разматриваемаго періода, въ отличіе отъ современныхъ, не только пресмыкались по землѣ,—многія изъ нихъ прекрасно плавали и постоянно жили въ моряхъ; третьи—летали по воздуху. Летающее пресмыкающееся! Не парадоксъ ли это? Нѣтъ, дѣйствительно существовали животныя, обладавшія характерными анатомическими признаками нормальныхъ рептилій, но, очевидно, приспособившіяся уже къ иной, воздушной жизни: это переходныя формы къ настоящимъ птицамъ.

Изъ морскихъ пресмыкающихся найдены были въ Америкѣ представители двухъ отрядовъ: ихтиозавровъ и мозазавровъ. Но тогда какъ европейскіе *ихтиозавры* носятъ еще очень явственные признаки сухопутныхъ животныя, въ видѣ, напр., довольно хорошо развитыхъ костей переднихъ конечностей: плеча и предплечья,—американскій видъ, названный Маршемъ *заурондонъ*, уже гораздо болѣе приближается къ типу морскаго звѣря: кости, составляющія его переднія конечности, округлены въ видѣ плоскихъ дисковъ и расположены другъ подлѣ друга такъ, что образуютъ настоящую плавательную лопатку въ родѣ весла. Другая особенность *зауронодона*, отъ которой онъ получил свое имя и которая также отличаетъ его отъ европейскихъ ихтиозавровъ—это полное отсутствіе зубовъ.

Настоящими владыками американскихъ водъ въ періодъ образованія мѣловой формаціи, грозною всѣмъ живымъ существамъ, населившимъ моря, были исполинскіе *мозазавры*. Эти гиганты, достигавшіе въ длину до 20 метровъ (болѣе 9 сажень), имѣли видъ змѣй; благодаря сходному способу сочлененія позвонковъ, ихъ гибкое тѣло способно было совершать такія же быстрыя и разнообразныя движенія. Конечности были устроены довольно сложно и приспособлены къ движенію по водѣ; по своему строенію онѣ напоминали плавательныя лопатки китовъ. Часть этихъ морскихъ чудовищъ, приводящихъ на память мнѣологическxхъ змѣй Лаокоона, усажена была многочисленными крѣпкими зубами, рассчитанными на мясную пищу. Глазъ, по крайней мѣрѣ у иѣкоторыхъ видовъ, защищенъ былъ коронкой изъ костныхъ пластинокъ. Маршу удалось собрать до 1,400 экземпляровъ этихъ плавающихъ ящеровъ, принадлежащихъ къ различнымъ семействамъ, родамъ и видамъ: очевидно, мѣловое море Америки кишмя-кишѣло мозазаврами.

Не менѣе чудовищны были сухопутныя рептиліи, извѣстныя подлѣ именемъ *динозавровъ*, что значитъ—страшные ящеры. Эти животныя отличались удивительнымъ разнообразіемъ формъ: здѣсь были и гиганты въ 20—30 метровъ (9—14 сажень), и маленькіе ящеры, величиною съ лису или кошку; одни принадлежали къ породѣ плотоядныхъ хищниковъ и плавали ужасъ на окрестное население, другіе мирно питались растеніями; одни имѣли одинаково развитыя переднія и заднія конечности и передвигались какъ обыкновенныя пресмыкающіяся, другія ходили только на заднихъ лапахъ, на манеръ страусовъ, такъ какъ переднія конечности у этихъ животныя были очень редуцированы; третьи прыгали на подобіе кенгуру. Всѣ эти рептиліи обладаютъ иѣкоторыми анатомиче-

скими признаками, роднящими ихъ съ птицами; эти особенности относятся, преимущественно, къ устройству таза и заднихъ конечностей.

Динозавры представляютъ болѣе развѣтвленную группу, чѣмъ какой-либо изъ нынѣ существующихъ отрядовъ рептилій: Маршъ насчитываетъ въ этой группѣ семь порядковъ, много семействъ и еще большее число родовъ и видовъ.

Изъ травоядныхъ динозавровъ особенно замѣчательны по своей странной фигурѣ *бронтозавръ* (что значитъ—гремучал ящерца). Длина его скелета—16 метровъ (7 саж. слишкомъ), всѣ живаго звѣря доходилъ до 20 тоннъ (свыше 1240 пуд.). Но что особенно поражаетъ при взглядѣ на это животное, это—маленькая голова, совершенно не соответствующая такому громадному туловищу: ея объемъ не составляетъ и четвертой части объема одного шейнаго позвонка. Въ такой небольшой головкѣ, понятно, не могло быть много мозга. Какъ ни малы размѣры мозга у современныхъ рептилій, но они оказываются громадными при сравненіи съ мозгомъ динозавровъ. Маршъ вычислилъ, что мозгъ нынѣ живущаго аллигатора, приведеннаго къ величинѣ бронтозавра, занимаетъ объемъ во сто разъ болѣе, чѣмъ мозгъ этого послѣдняго. Надо полагать, что животное не отличалось особенной смысленностью.

Зубовъ у бронтозавра было мало, да и тѣ были очень слабы; всѣ они помѣщались исключительно на переднихъ частяхъ челюстей. Голова сидѣла на длинной, гибкой шеѣ. Туловище заканчивалось очень длиннымъ хвостомъ, позвонки котораго, въ отличіе отъ спинныхъ, были совершенно плотны и массивны. Походка у этого звѣря, опиравшагося на всѣ четыре почти одинаково развитыя конечности, была медленная и степенная. Судя по положенію, въ которомъ находятъ его скелеты, онъ поспѣвалъ преимущественно болотистыя низины и любилъ закапываться въ илъ.

Другая группа травоядныхъ динозавровъ характеризуется слабымъ развитіемъ переднихъ конечностей. Животныя этого типа по своему виду скорѣе птицы, чѣмъ ящеры. Громадный хвостъ вмѣстѣ съ задними ногами служилъ, на подобіе треножника, поддержкой туловища, тогда какъ переднія конечности представляли органъ хватанія. Изъ европейскихъ формъ сюда причисляется *иуанодонъ*. Его американскій родственникъ—*гадрозавръ*—не даромъ получилъ прозвище удивительнаго (*Hydrosaurus mirabilis*). Его длинная голова, разматриваемая въ профиль, ни дать ни взять, голова гуся или лебедя: передняя часть ея, расширяющаяся въ видѣ лопаточки, совсѣмъ напоминаетъ клювъ птицы. Многочисленные зубы (у одной особи ихъ насчитали 2072), также и ломкіе, какъ у ранѣе описаннаго бронтозавра, помѣщаются только въ задней части челюстей. По мнѣнію Копа, эти ящеры не дурно плавали и тогдашнимъ озерамъ и питались водными растеніями, отпечатки которыхъ на породѣ находятъ рядомъ съ скелетами гадрозавра.

Еще болѣе странный и чудовищный видъ имѣлъ, тоже травоядный, *Triceratops flabellatus*, съ головой въ 2 метра длины (почти сажень), вооруженной чѣлымъ арсеналомъ страшныхъ орудій: спереди челюстей помѣщались острый, рѣжущій клювъ; иѣсколько сади, на носу укрѣпленъ былъ плоскій рогъ въ видѣ топора; еще далѣе, на макушкѣ, торчала пара громадныхъ роговъ. Теменные кости черепа образовали костное продолженіе въ видѣ крышки надъ шейю; край ея былъ усажень маленькими заостренными косточками на подобіе зубьевъ пилы. Всѣ эти костистые выступы головы одѣты были роговымъ покровомъ, значительно увеличивавшимъ ихъ размѣры. Не смотря на такой грозный видъ, едва-ли имѣвшійся у другаго четвероногого, это травоядное животное вело мирный образъ жизни и пользовалось своими орудіями единственно для защиты отъ опасныхъ и могущественныхъ враговъ, какими дѣйствительно представлялись тогда плотоядные ихъ родичи изъ того же отряда динозавровъ.

Стоитъ взглянуть хотя бы на скелетъ носорога *цератозавра* (*Ceratopsaurus nasicornis*), чтобы повѣтъ ужасъ, который внушали эти звѣри. Голова крокодила, около трехъ сажень длиною, съ острымъ рогомъ на носу, съ 66 большими коническими острыми зубами во рту и съ костистыми выступами надъ глазами на лбу, а на ногахъ длинныя заостренныя когти—вотъ слабый абрисъ этого чудовища.

Однако, не смотря на страшную силу и вооруженіе, всѣ эти гиганты исчезли съ лица земли: съ такимъ совершенствомъ организованные исполнены оказались несостоятельными въ борьбѣ съ невидимыми физическими элементами климата и другихъ вишнихъ явленій и, беспомощные къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ, погибли безвозвратно, тогда какъ болѣе слабыя на видъ и маленькія формы динозавровъ уцѣлѣли и, приспособляясь мало-по-малу къ измѣнившимся условіямъ жизни, дали начало итичей породѣ.

Переходную форму, между пресмыкающимися и птицами представляютъ летающія рептиліи вторичнаго періода, каковы птеродактиль Европы или *птеранодонъ* Америки. Крылья этихъ животныя устроены на подобіе крыльевъ летучей мыши. Птеранодонъ отличается отъ своего европейскаго родича, во-первыхъ, гораздо болѣе большими размѣрами тѣла (около 8 метровъ при размахѣ крыльевъ), во-вторыхъ, полнымъ отсут-

ствіемъ зубовъ (откуда и названіе животнаго—беззубая птица). Оригинальная анатомическая особенность—спинные позвонки, лежащіе на уровнѣ лопатокъ, слиты вмѣстѣ точно такъ же, какъ крестцовая кость: это указываетъ на однородность плечевого пояса съ тазовымъ.

Ископаемыя птицы Сѣверной Америки того же вторичнаго періода не менѣе оригинальны, чѣмъ описанныя выше рептиліи. Главная и курьезнѣйшая особенность ихъ — присутствіе зубовъ. Этотъ признакъ до такой степени не вяжется съ нашимъ обычнымъ представленіемъ о птицѣ, какъ животномъ беззубомъ, что у нѣкоторыхъ народовъ сложилась даже поговорка: „это случится, когда у куръ вырастутъ зубы“, соотвѣтствующая русской поговоркѣ: „это случится, когда рыба запоетъ“, и означающая невозможность наступленія какого-либо событія. Между тѣмъ, палеонтологія разрушаетъ это представленіе наглядными примѣрами. Въ мѣлу Канзаса и Колорадо Маршъ нашелъ множество окаменѣостей зубастыхъ птицъ, соотвѣтствующихъ европейскому *археотериксу*. Эти зубастые современники птеранодона и другихъ беззубыхъ ящеровъ (какъ это странно звучитъ: зубастая птица и беззубое пресмыкающееся!), подобно нынѣ живущимъ птицамъ, раздѣлялись на два отряда: 1) летающихъ и 2) бѣгающихъ, у которыхъ крылья болѣе или менѣе атрофированы, какъ напр., у страуса.

Ископаемый *гесперорнисъ* принадлежитъ ко второму отряду. По общему виду онъ напоминаетъ современныхъ нырковъ, на которыхъ онъ походилъ и своимъ образомъ жизни. Это была водяная, хорошо плавающая птица, питавшаяся рыбой. Ея далеко раздвигающіяся челюсти позволяли ей проглатывать даже довольно крупную добычу.

Совершенную противоположность гесперорнису представляетъ *изтиорнисъ*. Эта летающая птица ростомъ не больше голубя. Хорошо развиты и покрытыя большими перьями крылья прикрѣплялись къ сильно выдающемуся килю грудной кости. Крѣпкіе, загнутые назадъ зубы помѣщались въ отдѣльныхъ ячейкахъ челюстныхъ костей.

Млекопитающія вторичнаго періода представляютъ полнѣйшій контрастъ съ гигантскими рептиліями: это слабыя, небольшія животныя. Подобно пресмыкающимся первичнаго періода, млекопитающія этой эпохи находятся въ первой стадіи развитія; оно достигаетъ своего апогея лишь въ третичномъ періодѣ, послѣ исчезновенія ископаемыхъ ящеровъ.

Большая часть ископаемыхъ млекопитающихъ Сѣверной Америки добыта въ западныхъ территоріяхъ Соединенныхъ Штатовъ, въ мѣстности, получившей отъ первыхъ французскихъ охотниковъ-пионеровъ характерное названіе „Mauvaises Terres“. Это дѣйствительно печальная, пустынная страна, лишенная почти всякой растительности; лишь у подошвы горъ, волею кое-гдѣ встрѣчающихся водоемовъ, произрастаютъ кусты юкки. Недавно эта мѣстность была любимымъ убѣжищемъ бизоновъ, а въ отдаленную геологическую эпоху здѣсь паслись первобытныя травоядныя и рычали испанскіе звѣри третичнаго періода, здѣсь происходили ужасныя битвы гигантовъ и здѣсь же схоронены рядомъ кости побѣдителей и ихъ жертвъ, такъ что „Mauvaises Terres“ можно по-истинѣ назвать громаднымъ подземнымъ кладбищемъ первобытныхъ млекопитающихъ Сѣверной Америки.

Очень многія изъ этихъ животныхъ оказываются общими для обоихъ материковъ, т. е. для Старога и Новаго Свѣта. Среди спеціально американскихъ формъ можно различить двѣ группы: однѣ—смѣшанныя, переходныя, по всей вѣроятности предки современныхъ млекопитающихъ; другія, напротивъ, представляютъ совершенно оригинальные типы, не имѣющіе почти ничего общаго съ нынѣ живущими представителями этого класса позвоночныхъ.

Къ первой группѣ относится недавно найденный *фенакодъ* (*Rhencodus*). Это животное было ростомъ съ волка. Черепъ его напоминаетъ голову тапира, плечевыя кости устроены какъ у плотоядныхъ, а бедра пріближаются болѣе къ костямъ лошади или носорога; лапы, снабженныя пятью пальцами, по нѣкоторымъ признакамъ, на примѣръ формой таранной кости, похожи на лапы когтистыхъ животныхъ, тогда какъ расположеніе костей ихъ плоской стопы имѣетъ сходство съ копытомъ нашихъ лошадей. Зубы, въ нормальномъ числѣ, сидятъ непрерывнымъ рядомъ; коренные снабжены коронкой изъ бугорковъ. Мы видимъ здѣсь, словомъ, такую смѣсь признаковъ, къ тому же—признаковъ не рѣзко выраженныхъ и способныхъ къ развитію въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, что американскій ученый Коупъ усмотрѣлъ въ *фенакодѣ* общаго родоначальника чуть-ли не всѣхъ нынѣ существующихъ млекопитающихъ, до обезьяны включительно. Конечно, это не болѣе какъ смѣлая гипотеза.

Другую группу ископаемыхъ млекопитающихъ составляютъ *диноцератиды*, т. е. животныя со страшными рогами. *Dinoceros mirabilis*, найденный Маршемъ въ Эоценовой формациі Уоминга, одинъ изъ курьезнѣйшихъ представителей этого типа. Его громадная голова, усаженная шестью выступами въ видѣ роговъ и вооруженная клыками, имѣющими форму кинжаловъ, придавала этому животному, съ одной стороны, видъ жвачнаго или толстокожаго, съ другой — плотояднаго

звѣря. Мозгъ диноцера, какъ и у описанныхъ выше гигантскихъ рептилій, отличался очень незначительными размѣрами, совершенно не гармонируя съ громадными, неуклюжимъ туловищемъ, напоминающимъ тѣло слона или гиппопотама.

Встрѣчающійся въ американскомъ миоценѣ, слѣдовательно принадлежащій болѣе поздней эпохѣ, *бронотерій* замѣчательнѣе, главнымъ образомъ, оригинальнымъ положеніемъ роговъ на головѣ: они помѣщались надъ челюстями прямо передъ глазами. Еще болѣе странный видъ имѣлъ *тиллотерій* съ его черепомъ медвѣдя, коренными зубами копытныхъ животныхъ, большими рѣзцами грызуновъ и длинными когтями хищныхъ звѣрей. Слѣдуетъ упомянуть еще объ *оредонахъ*, животныхъ промежуточныхъ между толстокожими и жвачными: Лидей (*Leidy*) назвалъ ихъ жвачными свиньями.

Ископаемыя млекопитающія Южной Америки принадлежатъ въ общирнѣйшей геологической эпохѣ. Всѣ они найдены въ обширной равнинѣ, занимаемой Аргентинскою республикой и Патагоніей и названіемъ пампъ. Большая часть этихъ животныхъ относится къ породѣ беззубыхъ, которая въ настоящее время представлена всего пятью родами; изъ нихъ два живутъ въ Африкѣ и Индіи, а три остальные въ Америкѣ: это лѣнвивцы, броненосцы и муравѣды. Ископаемыя беззубыя отличаются отъ своихъ потомковъ, нынѣ населяющихъ тѣ же самыя мѣстности, преимущественно своею величиной: тогда какъ современные представители этого класса—низкорослыя, маленькія животныя, вымершіе виды были настоящіе гиганты, ростомъ съ носорога, гиппопотама или даже слона. Въ остальныхъ отношеніяхъ они очень похожи на нынѣшнихъ лѣнвивцевъ, броненосцевъ и муравѣдовъ.

Такое *Megatherium* — испанскій лѣнвивецъ, питавшійся древесными плодами и листьями, которые онъ доставалъ своими сильными передними конечностями, въ то время какъ заднія и хвостъ служили ему опорой. Крѣпкими когтями, которыми вооружены были его лапы, онъ могъ копать землю вокругъ стволовъ деревьевъ и вырывать ихъ затѣмъ съ корнемъ.

Къ другому роду, именно къ броненосцамъ, относится ископаемый *глинтодонъ*. Все тѣло его было дѣйствительно защищено сильною броней: туловище было покрыто твердыми костными панциремъ, составленнымъ изъ маленькхъ многогранныхъ пластинокъ; на головѣ находился подобный же уборъ изъ костныхъ пластинокъ; равнымъ образомъ и хвостъ помѣщался въ особомъ предохранительномъ футлярѣ. Амезино подгагаетъ, что первобытный человекъ, обитавшій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водились эти необыкновенныя чудовища, пользовался ихъ панциремъ въ видѣ крыши, раскладывая ее надъ своимъ незатѣйливымъ жилищемъ—ямой, выкопанной въ землѣ съ помощью костей навишихъ животныхъ.

Грознымъ врагомъ этихъ мирныхъ, хотя и безобразныхъ, беззубцевъ былъ водившійся тогда въ пампасахъ плотоядный хищникъ *махайродъ*, прототипъ нынѣшнихъ львовъ и тигровъ. Его пасть вооружена была двумя длинными, загнутыми назадъ, клыками, сиющесными на подобіе кинжала и пазубренными по краямъ. Этими бивнями онъ пробурывалъ панцирь беззубыхъ и наносилъ имъ страшныя раны, но такъ какъ, съ другой стороны, эти клыки должны были мѣшать жевачью пищу, то думаютъ, что махайродъ предпочиталъ высасывать кровь изъ убитыхъ имъ жертвъ, чѣмъ пожирать ихъ мясо. Этотъ звѣрь водился не только въ Южной Америкѣ: его ужасный ревъ раздавался и въ Сѣверной Америкѣ, и на равнинахъ Европы, гдѣ онъ былъ настоящимъ бичемъ Воинмъ для беззащитныхъ оленей и антилопъ, которыя наслѣсь тамъ громадными стадами.

Пампы третичнаго періода населяли еще многія другія не менѣе интересныя и чудныя животныя, въ родѣ, на примѣръ, *макрохени*, которая походила одновременно на лошадь, верблюда и слона.

Много уже вымершихъ представителей животнаго царства извлечено палеонтологами изъ нѣдръ земли, гдѣ они прележали безконечный рядъ столѣтій, но сколько еще она скрываетъ невиданныхъ формъ, о которыхъ мы не имѣемъ даже малѣйшаго представленія!

Мы уже заканчивали нашъ очеркъ, когда прочли въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ, что въ известникѣ пермской формациі въ Саксоніи найдены окаменѣлости позвоночныхъ животныхъ, имѣющихъ, съ одной стороны, признаки амфибій, съ другой — рептилій. Рядомъ съ остатками взрослыхъ экземпляровъ попались также и молодые изъ разныхъ стадій развитія, и вотъ у этихъ послѣднихъ обнаружено присутствіе жаберъ, какъ у зародышей лягушекъ. Строеніе же тѣла напоминаетъ болѣе рептилію. Кожа голая и гладкая и лишь на брюхѣ покрыта панциремъ изъ костныхъ пластинокъ. Величина тѣла отъ 0,75 до 1 метра; голова довольно большая, а хвостъ очень короткій. Описавшій этихъ животныхъ профессоръ Креднеръ считаетъ ихъ первичными четвероногими, такъ какъ у нихъ еще не обособились признаки амфибій и рептилій; это слѣдовательно промежуточныя, переходныя формы, въ родѣ описанныхъ выше *Pteranodon* и др.

Къ рисункамъ.

Незванный гость хуже татарина. (Рис. на стр. 773).

Если даже просто незванный гость хуже татарина, то какво же хозяевамъ, когда онъ въ самомъ дѣлѣ татаринъ, не разъ, можетъ-быть, пробовавшій и мертвой конники, и цѣлой ордой нападавшій на отбившихся отъ стада заболѣвшихъ животныхъ, которымъ безощадно выжлеывалъ глаза!..

Только-что собрались двое братьевъ приступить къ семейной трапезѣ, какъ вдругъ, со страшнымъ шумомъ разсѣкая воздухъ крыльями, и съ ужасающимъ крикомъ, пожаловалъ къ нимъ безъ приглашенія диковинный гость... Понятно, что оба мопсика въ конецъ растерялись, а одинъ такъ и замеръ „за столомъ“.

Престольный праздникъ въ малороссійскомъ селѣ.

(Рис. на стр. 776 и 777).

Въ Киевской и другихъ губерніяхъ Малороссіи — престольный или храмовый праздникъ въ селѣ почитается выше всѣхъ годовыхъ. Иво всѣхъ сосѣднихъ деревень и хуторовъ идутъ сюда помолиться и отстоять обѣдню, послѣ которой хозяева приглашаютъ дальнихъ сосѣдей къ себѣ откушать. Для этого нынѣ еще до церковной службы выходятъ за околицу и заранее зовутъ къ себѣ гостей. По обычаю, приглашаются только незнакомые; знакомые же прѣзжаютъ сами внослѣдствіи. Обѣдъ для гостей готовится большею частью на дворѣ, передъ хатой, такъ какъ въ хатѣ слишкомъ тѣсно для такой обширной стращни. Самое столованье сопровождается усиленными потчиваніями, такъ-называемою *триндой* гостей. Послѣ обѣда нынѣ уходятъ, а другіе остаются, знакомятся между собой и бесѣдуютъ. Въ центрѣ рисунка изображено общее гулянье на селѣ.

Добрая сестра. (Рис. на стр. 781).

Не требующая похвалъ картинка, прелестная по простотѣ замысла и граціозности исполненія.

Историческій Музей въ Москвѣ. (Рис. на стр. 784).

Москва въ течение послѣдняго десятилѣтія начала обстраиваться, и обстраивается красно, толково, солидно и *стильно* (выражаясь языкомъ художниковъ). Мало-по-малу громадныя московскія площади начинаютъ обставляться новыми величавыми зданіями, которыя постепенно вытѣсняють зданія начала нынѣшняго столѣтія, строенныя въ такъ-называемомъ *казарменномъ* или *Аракчеевскомъ* стилѣ. Такъ, напр., съ Красной площади исчезли темные, грязные и ветхіе *ряды* (зданіе Гостиннаго Двора) и на мѣстѣ ихъ возникаетъ теперь колоссальное сооруженіе — *новые ряды*, воздвигаемые по проекту талантливаго художника Померанцева. Точно такъ же и въ другомъ центральномъ мѣстѣ Москвы, около Иверской и Воскресенскихъ воротъ, прежнее безобразное, аляповатое зданіе губернскаго присутственныхъ мѣстъ исчезло и замѣнилось чрезвычайно красивымъ и оригинальнымъ зданіемъ московской Городской Думы. Благодаря такимъ громаднымъ, дорогимъ и прекраснымъ зданіямъ, Москва, и безъ того уже красивая и живописная, въ послѣднее время хорошеетъ съ каждымъ годомъ и при этомъ нельзя не отмѣнить того отраднаго факта, что ея новѣйшія зданія, по общему характеру своему, начинаютъ приближаться къ древнимъ московскимъ зданіямъ лучшаго періода развитія того смѣшаннаго стила, которому принадлежатъ наиболѣе цѣнные памятники Москвы. Начало новѣйшему періоду московской архитектуры было положено колоссальною постройкою московскаго „Историческаго Музея“ по плану академика Шервуда. Надо признаться, что ему предстояло выполнить очень мудреную задачу. Мѣсто для зданія Музея было очевидно изъ-подъ старыхъ казенныхъ построекъ около Воскресенскихъ воротъ. Фасадомъ своимъ оно должно было выходить на ту же Красную площадь, которая съ одной стороны окаймляется величавыми стѣнами и башнями Кремля, а съ другой украшается однимъ изъ чудесъ русскаго церковнаго зодчества — знаменитымъ Покровскимъ соборомъ (болѣе известнымъ подъ названіемъ Василія Блаженнаго). Задачаю стороною зданіе Музея должно было выдвинуться внизъ, на другую площадь, между часовнею Иверской Божіей Матери и угловою башнею Кремля, отъ которой начинается рѣшетка Кремлевскаго сада (Александровскаго). Однимъ словомъ, строителю Музея приходилось вступитъ въ художественное состязаніе съ тѣми зодчими, которые украсили дивными памятниками своего искусства Москву Іоанновъ, Василіевъ и Феодоровъ, и если побѣда въ этомъ состязаніи и не осталась на сторонѣ новаго строителя, то все же надо отдать ему справедливость: онъ съ честью вышелъ изъ этого состязанія и создалъ нѣчто такое, что можетъ быть поставлено рядомъ съ дорогими нашему сердцу памятниками московской старины. Художникъ не произвелъ ничего цѣльнаго и воистинно оригинальнаго, но сумѣлъ искусно собрать и ловко связать въ своемъ проектѣ Музея столько знакомыхъ намъ древне-русскихъ архитектурныхъ мотивовъ, что въ общемъ они составляютъ весьма характерное воплощеніе всего московскаго

зодчества лучшей эпохи и напоминають памъ, въ отдѣльных частяхъ, всѣмъ известные памятники, производя въ насъ приятное и своеобразное впечатлѣніе.

Внутреннее помѣщеніе „Историческаго Музея“ громадное. Залы его расположены въ трехъ ярусахъ и кромѣ того имѣютъ еще отдѣльныя помѣщенія по различнымъ башнямъ и вышкамъ.

Идея, положенная въ основу „Историческаго Музея“, очень оригинальна: онъ предназначенъ быть хранилищемъ тѣхъ древностей, которыя постоянно откапываются и открываются въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества. Поэтому и вся внутренность Музея распределена, сообразно различнымъ отраслямъ русской археологической науки, на отдѣлы, въ составъ которыхъ входятъ тѣ или другія залы. Самыя залы, принадлежащія къ известному отдѣлу, по орнаментамъ и всей обстановкѣ своей, напоминають ту историческую эпоху, къ которой принадлежатъ собранныя въ этихъ залахъ древности. Въ нѣкоторыхъ залахъ стѣны украшены фресками, работы лучшихъ нашихъ художниковъ; изъ нихъ особенно выдаются фрески В. Васнецова, изображающія бытъ людей, такъ-называемаго, „каменнаго вѣка“, и фрески Семирадскаго („Похороны славянскаго князя“ и „Тризна воиновъ Святославовыхъ“), которыя были воспроизведены въ *Нивѣ* за прошлые годы. Многія изъ залъ Музея и теперь уже полны весьма замѣчательными предметами древности и прекрасными исполненными слѣпками и снимками съ важнѣйшихъ памятниковъ древней Руси; въ нѣкоторыхъ залахъ еще довольно пусто: онѣ предназначены служить пріютомъ для всего, что доставитъ въ будущемъ работы нашихъ археологовъ.

Во главѣ Музея стоитъ знаменитый московскій ученый и отличный знатокъ московской старины царскаго періода, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.

Нашъ рисунокъ (см. стр. 784 нивѣшняго № *Нивы*) изображаетъ Музей съ фасада, обращеннаго на Красную площадь, гдѣ и находится главное, парадное крыльцо Музея. Надъ вхоомъ отъ Музея видна стѣна древняго Кремля, съ частью Никольскихъ воротъ; направо, вдали, видны Воскресенскія ворота Китай-города, позади которыхъ, по другую сторону, находится знаменитая московская святыня съ чудотворною иконою Иверской Божіей Матери.

Въ настоящее время въ зданіи Музея помѣщается „Среднеазиатская выставка“, статья о которой, съ соответствующими рисунками, помѣщена въ № 34 *Нивы*.

Убіеніе Андрея Боголюбскаго, князя Владиміро-Суздальскаго. (Рис. на стр. 785).

Лѣтопись наша, подъ 1175 годомъ, сохранила намъ весьма подробный и обстоятельный разсказъ о смерти знаменитаго Владиміро-Суздальскаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго. Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи этотъ разсказъ составляетъ даже цѣлую отдѣльную „повѣсть“, переполненную мелкими бытовыми чертами, ясно указывающими на то, что повѣсть писана современникомъ, который или самъ былъ очевидцемъ событія, или слышалъ разсказъ о немъ отъ очевидцевъ и живыхъ свидѣтелей.

Убіеніе князя, по свидѣтельству лѣтописи, было слѣдствіемъ заговора, въ который противъ суроваго и строгаго князя Андрея вступили его бояре и приближенные люди изъ княжеской челяди. Важнѣйшими въ числѣ заговорщиковъ были братья Кучковичи (бояре), зять ихъ Петръ, и Анбаль-ключникъ, родомъ Яснѣй. Въ субботу, 29 іюня 1174 г., заговорщики, въ числѣ 20 человекъ, подошли къ дверямъ княжяго терема вооруженные — и вдругъ ихъ обуялъ такой страхъ, что они отступили отъ дверей и пошли сначала въ княжескій погребъ, чтобы подбодрить себя виномъ и медомъ. Затѣмъ они, уже разгоряченные виномъ и охмелѣвшие, вновь подступили къ дверямъ терема, и одинъ изъ ихъ, стараясь поддѣлаться подъ голосъ любимаго княжяго слуги, сталъ стучаться, приговаривая: „Господине, господиве!“ — „Кто тамъ?“ спросилъ его князь. „Проконій“, отвѣчалъ стучавшій. — „О, прѣтъ! сказалъ князь, — ты не Проконій.“ Когда эта хитрость не удалась, заговорщики стали ломать дверь и выломали ее. Князь вскопчилъ съ постели, бросился къ мечу, висѣвшему надъ его изголовьемъ, — а тотъ мечъ былъ завѣщанъ, унаслѣдованный отъ Св. Бориса, — но Анбаль-ключникъ еще утромъ вынулъ мечъ изъ ноженъ, и только ножи его шашель князь. Тогда князь сталъ защищаться, чѣмъ понало. Такъ какъ онъ былъ высокъ и силенъ, то легко справился съ первыми двумя, ворвавшимися въ теремъ: одного повалилъ на полъ, схватилъ съ другимъ. Но его одолѣли множествомъ — повалили и безощадно изрубили мечами и саблями. Думая, что князь уже мертвъ, убійцы вышли изъ терема, унося съ собою того, который былъ поверженъ княземъ на полъ и имъ же раненъ вионыхъ, во время свалки. Но князь вскорѣ очуудся, поднялся, погнался за убійцами, громко стоная и призывая къ себѣ на помощь. Когда онъ спустился по лѣстницѣ, силы ему измѣнились, и онъ

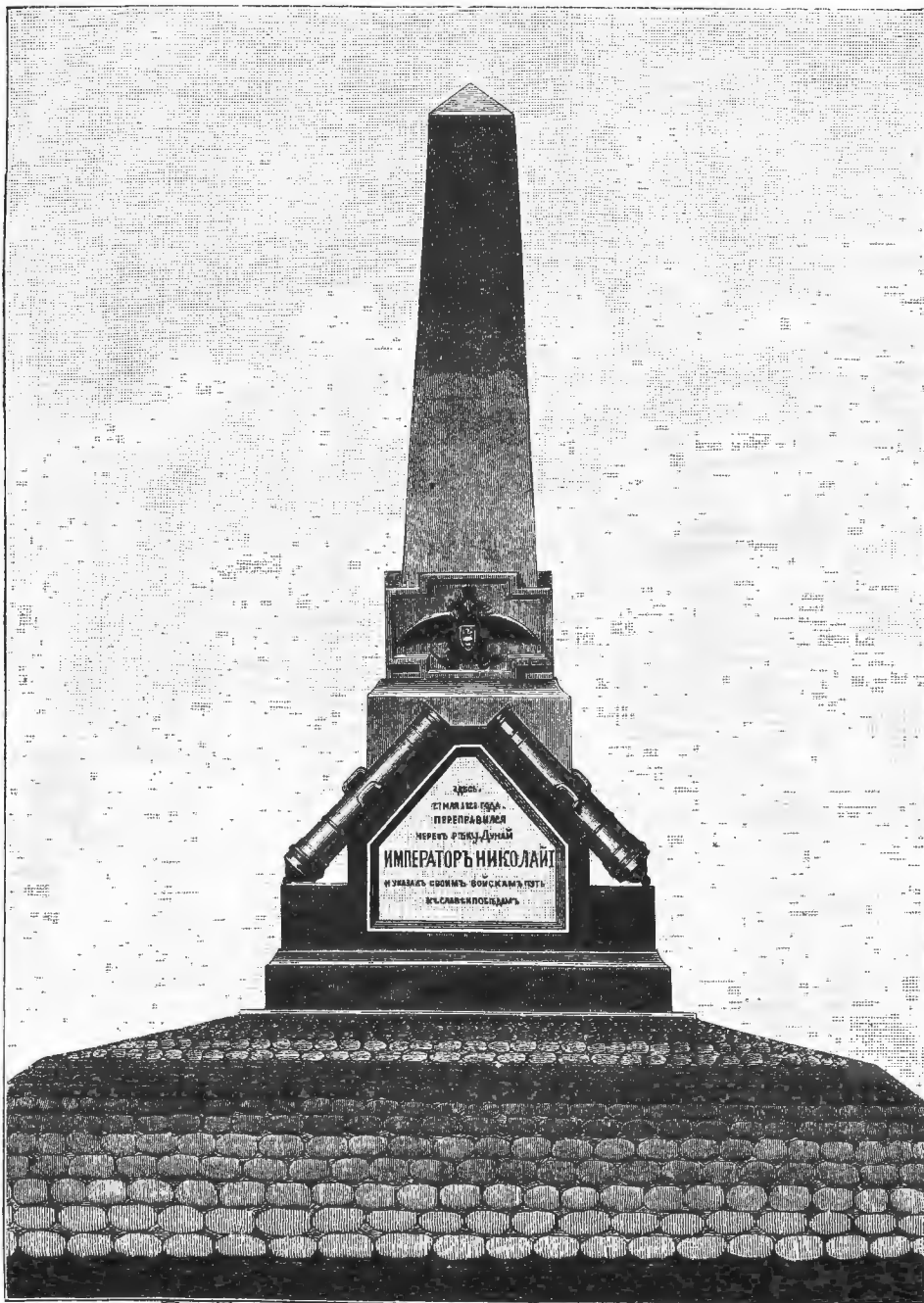
уналь за столпомъ, поддерживавшимъ сводъ и дѣстницу. Убійцы услышали его голосъ, вернулись, нашли его за столпомъ и безъ жалости прикончили.

Памятникъ на мѣстѣ переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай въ 1828 году. (Рис. на этой стр.).

Война 1828 года, которую Россія въ теченіе двухъ лѣтъ вела съ Турціею, была одиною изъ самыхъ яркихъ и блестящихъ доказательствъ того великодушія, которое составляло одну изъ основныхъ чертъ характера императора Николая I. Поводомъ къ ней, первоначально, послужила та отчаянная борьба, которую маленькая, но героически настроенная Греція упорно вела съ Турціею, тогда еще грозною и могущею ственною. По вступленіи на престолъ, императоръ Николай, пораженный героизмомъ грековъ и возмущенный жестокостями турокъ, рѣшился объявить Турціи войну, въ союзѣ съ Франціею и Англіею. Соединенный русско-французско-англійскій флотъ сжегъ турецкій флотъ въ Наваринской бухтѣ, но не вынудилъ султана этою побѣдою къ уступкамъ. При томъ, вскорѣ послѣ Наваринской битвы, Англія стала интриговать и угрожать Францію отстать отъ союза съ Россіею, находя продолженіе войны съ Турціею невыгоднымъ для своихъ политическихъ видовъ на Востокъ. Франція, дѣйствительно, послѣдовала коварнымъ совѣтамъ Англіи—и обѣ союзницы Россіи одновременно устранились отъ дальнѣйшаго вооруженнаго воздѣйствія на Турцію, которая продолжала неистовствовать въ Греціи. Императоръ Николай остался одинъ, но не отступилъ отъ своего великодушнаго намѣренія — освободить Грецію и всѣ единоувѣрныя съ Россіею народности, подчиненныя Турціи, отъ невыносимаго мусульманскаго гнета. Но прежде чѣмъ рѣшиться на тягостную борьбу съ Турціею, императоръ Николай истощилъ всѣ усилія миролюбія, чтобы покончить миромъ съ Турціею. Переговоры длились (какъ и наканунѣ войны 1878 г.) безконечно долго и не приводили ни къ какимъ результатамъ; при томъ, и Англія, и Австрія, одинаково опасаясь могущества Россіи, держали себя во время переговоровъ Россіи съ Турціею такъ двусмысленно, что ободряли султана къ упорству и къ открытію непріязненныхъ дѣйствій противъ Россіи. Убѣдившись въ безполезности переговоровъ, императоръ Николай рѣшился наконецъ дѣйствовать мечомъ—и двинулъ войска къ

Дунаю. Здѣсь, 27 мая 1828 года, русскія войска переправились на турецкій берегъ (близъ монастыря Св. Ферапонта) и начали ту славную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно-тягостную кампанію, которая привела ихъ подъ стѣны Адрианополя, но стоила намъ громаднхъ потерь въ людяхъ, такъ какъ наши войска во множествѣ гибли отъ чумы и другихъ заразныхъ болѣзней, отъ которыхъ не могла ихъ оградить плохо-устроенная медицинская и санитарная часть нашего военнаго управления. Но, несмотря на всѣ жертвы, Турція понесла дѣйствительный рядъ такихъ пораженій, которыя вынудили ее къ Адрианопольскому миру, а по этому миру была окончательно признана не только независимость Греціи отъ Турціи, но еще и Дунайскія княжества поставлены подъ непосредственное покровительство (протекторатъ) Россіи.

Въ нынѣшнее царствование, на мѣстѣ переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай въ 1828 г., воздвигнутъ памятникъ, изображенный нами на стр. 789 нынѣшняго № *Нивы*. Памятникъ представляетъ собою массивный обелискъ, утвержденный на постаментѣ, украшенномъ двуглавыми орлами русскаго государственнаго герба. Этотъ постаментъ покоится на кубическомъ основаніи, которое, въ свою очередь, установлено на широкомъ, но невысокомъ основаніи изъ сѣбра мрамора. Отъ одной изъ сторонъ фундамента, въ видѣ широкихъ выступовъ, поднимаются мраморныя карнизы, составляющіе какъ бы раму для прекрасной надписи памятника. Эта надпись гласитъ: „Здѣсь, 27 мая 1828 года, переправился черезъ рѣку Дунай императоръ Николай I и указалъ своимъ войскамъ путь къ славѣ и побѣдамъ“. Два старыя орудія, наклонно положенныя на выступы карнизовъ, какъ бы дополняютъ эту надпись живымъ напоминаніемъ о множествѣ трофеевъ, отбитыхъ русскими войсками у турокъ во время войны 1828—29 гг.

Памятникъ близъ монастыря Св. Ферапонта, на мѣстѣ переправы русскихъ войскъ въ Турецкую войну 1828—1829 г. (близъ Измаила). Грав. Рашевскій.

Политическое обозрѣніе.

Крупнѣйшими фактами истекшей недѣли явились перемѣны министерства въ Турціи и вопросъ о Дарданеллахъ. Великимъ визиремъ назначенъ нынѣшній критскій губернаторъ Джевадъ-паша. Уволены шесть другихъ министровъ. Джемаль-эддинъ назначенъ шейхъ-уль-исламомъ, Риза-паша — военнымъ министромъ, Рифатъ-паша — министромъ внутреннхъ дѣлъ, Галли-паша — министромъ вакуфовъ, Зухди-паша —

министромъ народного просвѣщенія и Махмудъ-паша — министромъ общественныхъ зданій. Остальные министры остаются въ должностяхъ. Эта перемена министерства обсуждается заграничными газетами съ различныхъ точекъ зрѣнія, и большинство органовъ полагаютъ, что власть въ Константинополѣ, по желанію султана, перешла въ руки государственныхъ людей, прошлое которыхъ заставляетъ ожидать, что новое турецкое правительство будетъ менѣе сочувствовать политикѣ союза трехъ державъ и Англии, чѣмъ бывшее министерство Кіамиль-пашы. Официозная *Agence de Constantinople* сообщаетъ, что за послѣднее время положеніе великаго визиря Кіамиль-пашы признавалось весьма шаткимъ, и при первыхъ признакахъ его упадка, общій голосъ предназначалъ ему въ преемники министра юстиціи Риза-пашу. Противъ всякихъ ожиданій, султанъ призвалъ на постъ великаго визиря Джебъ-пашу. Министры финансовъ, морской и иностранныхъ дѣлъ остались на своихъ постахъ. О причинахъ такой внезапной перемены министерства въ газету *Berl. Tagebl.* сообщаютъ, что въ Константинополѣ ходятъ на этотъ счетъ разныя догадки, но которая изъ нихъ ближе къ истинѣ — рѣшить, при настоящихъ обстоятельствахъ, болѣе чѣмъ трудно. Не подлежитъ сомнѣнію только тотъ фактъ, что перемена министерства совпала съ рѣшеніемъ султана предоставить русскимъ коммерческимъ судамъ право свободного прохода черезъ турецкіе проливы, и это обстоятельство не преминуло вызвать въ Европѣ общее предположеніе, что министерскій переворотъ въ Константинополѣ знаменуетъ передвиженіе тамъ центра тяжести въ сторону политики державъ столицъ вѣдъ центрального союза. Въ европейскихъ политическихъ кружкахъ, какъ сообщаютъ дѣлѣ берлинской газетѣ, уволенный визирь Кіамиль-паша считался, какъ извѣстно, сторонникомъ австро-германскаго союза и особенно австрійскихъ интересовъ въ дѣлахъ балканскихъ государствъ. Въ константинопольскихъ политическихъ кружкахъ, какъ сообщаютъ берлинскимъ газетамъ, особенное впечатлѣніе произвело увольненіе отъ должности военнаго министра Гази-Османъ-пашы. Въ *Polit. Corresp.* объясняютъ отставку защитника Плевны не ошалой, а самоличнымъ его рѣшеніемъ удалиться отъ дѣлъ, такъ какъ онъ не пожелалъ быть подчиненнымъ своему бывшему адъютанту Джебъ-пашѣ.

Вопросъ о свободномъ пропускѣ русскихъ судовъ чрезъ Дарданеллы болѣе недѣлю уже давалъ пищу англійской, берлинской и вѣнской печати. Въ Лондонѣ пытались до крайности преувеличить значеніе состоявшагося соглашенія Россіи съ Портой въ вопросѣ о Дарданеллахъ; въ Берлинѣ же и Вѣнѣ огласились къ нему спокойнѣе и не усмотрѣли никакой причины волноваться вѣстѣй съ Англіею. Весьма догадка газетъ былъ положенъ конецъ официозной телеграммой „*Agence de Constantinople*“, объясненія котораго въ вопросѣ о пропускѣ

русскихъ судовъ черезъ турецкіе проливы тотчасъ успокоили не ксатипъ взволнованныхъ газетныхъ публицистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пролили свѣтъ на сокровенныя причины поднявшейся въ Лондонѣ тревоги. Газета „*Tägliche Rundschau*“, отъ 5 сентября, въ подкрѣпленіе сообщеній, заставившихъ австро-германскую печать огнестись со спокойнымъ духомъ къ дѣлу о проливахъ, приводитъ телеграмму константинопольскаго агентства, по словамъ которой, русско-турецкое соглашеніе было вызвано рѣшеніемъ Порты положить конецъ недоразумѣніямъ, постоянно возникавшимъ при пропускѣ черезъ турецкіе проливы судовъ Добровольнаго флота и Русскаго общественаго пароходства и торговли, содержащихъ рейсы между Одессой и Владивостокомъ и задержка которыхъ турецкими властями у входа въ Дарданеллы возбуждала всякій разъ свраведливые протесты. Недоразумѣніи, какъ поясняетъ телеграмма турецкаго официознаго агентства, возникли каждый разъ по той причинѣ, что на судахъ, отправлявшихся на Востокъ изъ черноморскихъ портовъ, нерѣдко провозились каторжанки иодъ конвоемъ, а также рекруты, предназначавшіеся для военной службы на восточныхъ окраинахъ русскихъ владѣній въ Азіи. Тѣмъ же путемъ русскими судами доставлялись обратно и отслужившіе свой срокъ солдаты. По конвенціи о проливахъ, дополнившей Парижскій трактатъ, допустить въ Дарданеллы возвращался одинокъ военнымъ судамъ; о купеческихъ же корабляхъ въ ней ничего не говорилось. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ разногласій при пропускѣ черезъ проливы русскихъ коммерческихъ судовъ послѣдовало соглашеніе, въ силу котораго, на будущее время, въ случаѣ посадки на суда солдатъ и каторжанковъ въ русскихъ черноморскихъ портахъ для доставки ихъ на крайній Востокъ, русское посольство въ Константинополѣ будетъ каждый разъ увѣдомлять объ этомъ Порту, а Порта будетъ разрѣшать пропускъ такихъ судовъ черезъ Дарданеллы. Что касается русскихъ кораблей, идущихъ обратно въ черноморскіе порты съ безсрочно-отпускными шажими чинами, то турецкое правительство, по объясненію того же константинопольскаго агентства, обязалось разрѣшать имъ проходъ черезъ проливы на основаніи ростаго заявленія командира судна.

Императоръ Вильгельмъ присутствовать на большихъ маневрахъ австрійскихъ войскъ. Съ императоромъ Германскимъ прибылъ въ Горизъ и имперскій канцлеръ, генералъ Каприви, такъ что, кромѣ государей союзныхъ иѣмецкихъ имперій, на театрѣ маневровъ австро-венгерскихъ войскъ встрѣтились, на этотъ разъ, и руководители вѣднейшей политики обоихъ союзныхъ государствъ. Въ виду исключительныхъ политическихъ обстоятельствъ, при которыхъ состоялось въ нынѣшнемъ году свиданіе императоровъ, въ вѣдскихъ и берлинскихъ кружкахъ заговорили объ этой встрѣчѣ, какъ о политическомъ событіи особой важности.

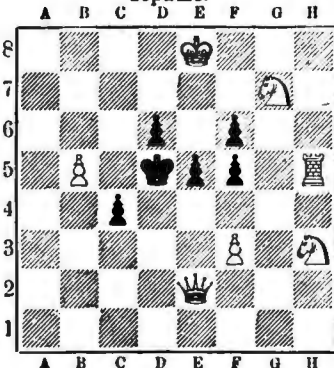
ШАХМАТЫ.

Подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 37.

В. И. Шошина (СПБ.)

Черные.

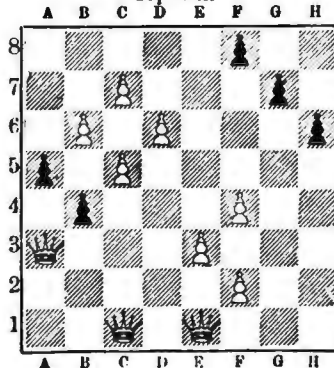
Бѣлые.

Мать въ 2 хода.

Задача № 38. (Шахечная).

Ф. М. Утинна (Муромъ).

Черныя.

Бѣлыя.

Запретъ простую.

Рѣшенія задачъ.

- № 25. С. Сочолоуе (Прага) (№ 16 „Нивы“). Мать въ три хода.
 1. С. е1—b4, Кр. е4—d5 (а, в); 2. С. h5—f3+, ♞; 3. Ф., К ♠.
 а) 1. . . ., Кр. е4—d3 или с3; 2. Ф. а1—e3+, Кр. d3—e4; 3. С. ♠.
 б) 1. . . ., f5—f4; 2. К. h3—f2+, ♞; 3. Ф., С ♠.

Рѣшил: Е. Ф. Андреевъ (СПб.), Ф. Терениковъ (Витегра), С. П. Соколовъ (Казуга), В. Савицкій (Варшава), Я. Н. Горъ (м. Калюсъ, Подольск. губ.).

- № 26. (Этюдъ). (№ 16 „Нивы“). Бѣлые матуютъ, дѣлая ладью только одинъ ходъ.
 1. Кр. а1—a2, Кр. a8—b8! (если 1. . . ., Кр. a7 или b7; то 2. Кр. a3 или b3 и мать вынуждается раньше); 2. Кр. b2 (послѣ 2. Кр. b3, терялась бы оппозиція), Кр. a8; 3. Кр. c3, Кр. b7; 4. Кр. b3, Кр. a7; 5. Кр. e4, Кр. b6; 6. Кр. b4, Кр. a8; 7. Кр. e5, Кр. b7; 8. Кр. b5, Кр. a7; 9. Кр. e6, Кр. b8; 10. Кр. b6, Кр. a8; 11. Л. c1—e3 ♠; варианты очевидны.

Рѣшил: С. П. Соколовъ (Казуга); Я. П. Горъ (м. Калюсъ, Подольск. губ.); Г. Бѣлицкій (с. Станавка); Александръ Петр. Хохленко (СПб.); Ф. Терениковъ (Витегра); Е. Ф. Андреевъ (СПб.).

№ 27. В. Г. Гершманъ (Витебскъ). (№ 21 „Нивы“). Мать въ 2 хода.

1. Ф. g1—b6, ♞; 2. Мать различными способами. (Въ вариантѣ 1. . . . f6—f5, во избѣжаніе „double coup“ (2. Ф. или К ♠) авторъ впоследствии поставилъ черную пѣшу на h6.

Рѣшил: П. П. Пашновскій (Александръ); Е. Ф. Андреевъ, М. Замаринъ, Н. В. Панковъ (СПб.); Ф. Терениковъ (Витегра); П. С. Соколовъ (Казуга); А. П. Хохленко (СПб.).

- № 28. Шахечная. И. П. Смирнова (Москва). (№ 21 „Нивы“). Запретъ дамку.
 1. d4—e5, b6—b2; 2. a3—c1, d6—a3; 3. f0—b2; 4. f2—b6; 5. e1—b4; 6. e3—c5.
 Рѣшил: Е. Ф. Андреевъ, В. П. Шошина, В. И. Шошина, Н. В. Панковъ (СПб.); М. Волоховъ, С. П. Соколовъ (Казуга); Ф. Терениковъ (Витегра); А. И. Мысливъ (Сарапулъ); В. П. Колосаевъ (Касимовъ); Д. Лагуновъ (Елисаветградъ); И. П. Ветенинкова (Ярославль); В. Г. Манаровъ (Дмитровъ); М. И. Ивановъ (Москва); М. Н. Неустровъ (Молога); М. И. Тумановъ (Сызрань); В. Ефимовъ (Москва); Г. Рутенбергъ (Кіевъ); Р. Вилянъ (Верднѣно); В. Г. Богомиль (Кіевъ); Сусликовъ (Харьковъ).

№ 29. А. Ros'a (№ 24 „Нивы“) мать въ 3 хода.

1. e6—e7, Кр. e5—d6 (а, б), 2. e7—e8 Л., Кр. d6—c6; 3. Л ♠.

- а) 1. . . . Кр. e5—f0; 2. e7—e8 К+, Кр. e5; 3. С. f0 ♠.

- б) 1. . . . Кр. e5—d4; 2. e7—e8 Ф, Кр. c3; 3. Ф ♠.

Рѣшил: А. М. Юргенсъ, Е. Ф. Андреевъ (СПб.); Ф. Терениковъ (Витегра); С. П. Соколовъ (Казуга); В. Савицкій (Варшава).

№ 30. Шахечная. В. П. Шошина (№ 24 „Нивы“). Запретъ дамку и 2 простыя.

1. a3—b4; 2. d4—e5; 3. e3—h4; 4. h8—b2; 5. f2—e3; 6. h1—e1.

Рѣшил тѣ же лица (см. зад. № 28).

№ 31. С. Лойда (№ 27 „Нивы“). Мать въ 3 хода.

1. Ф. b1—b6, Кр. e5—d4; 2. К. d6—e4, ♞; 3. Ф, С, К, ♠. а) 1. . . ., Кр. e5—f0; 2. К. d6—f5, ♞; 3. Ф. ♠. б) 1. . . . С. d4—e3 или e5—e4; 2. . . . К. d6—e8, ♞; 3. Ф. ♠. в) 1. . . . e6—d5; 2. К. d6—f7 + Кр. e5—f6; 3. g6—g7 ♠.

Рѣшил: Е. Ф. Андреевъ (СПб.); В. Савицкій (Варшава); С. П. Соколовъ (Казуга); Ф. Терениковъ (Витегра); А. Б. Магазаникъ (Бердичевъ).

№ 32. Шахечная (№ 28 „Нивы“). Запретъ дамку и 2 простыя.

1. a3—b4, 2. d4—g7, 3. c1—d2, 4. c3—b4, 5. a1—b2, 6. g7—f8, 7. f2—g3, 8. d2—c3, 9. f8—h6, 10. h6—c1 (если 5. . . . h4—g3, то 6. f4—h2 и 2 дамки и шапка заперты).

Рѣшил тѣ же лица (см. задачу № 28).

Некрологъ.

† Н. Е. Митропольскій, въ Петербургѣ, 17 августа, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни, на 25-мъ году жизни. Несмотря на молодые годы, Н. Е. успѣвъ занять себя однимъ изъ сильнѣйшихъ русскихъ шахматныхъ игроковъ и однимъ изъ лучшихъ знатоковъ шахматной литературы. Н. Е. издавалъ спеціальныя журналы „Шахматы“ и въ шахматные отдѣлы сперва въ „Новомъ Времени“, а послѣднее время въ „Новостяхъ“.

† Л. Паульсенъ, въ Бломбергѣ (Липпе), на 59 году жизни. Знаменитый шахматный мастеръ и теоретикъ, величайшій игрокъ не смотря на доску (à l'aveugle) (отъ 10—15 партій однопременно).

Библиографія.

Недавно вышелъ № 2 журнала „Шахечница“, редакторы-издатели: Д. И. Сарганинъ и П. И. Бобровъ (Москва, Зубовскій бульв., д. Ангстрасъ).

Въ Нью-Йоркѣ вышелъ отчетъ о шестомъ американскомъ шахматномъ конгрессѣ, содержащій всѣ партіи турнира (болѣе 400), съ примѣчаніями В. Стейница (ограниченное число именныхъ экземпляровъ подписчиковъ).

2-й заемъ 1866 года.

51-й тиражъ 2 сентября 1891 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.
3	6	5 0	2152	38	500	5549	45	500	8203	49	500	10135	14	1000	12518	17	500
5	26	500	3025	33	500	5561	31	500	8220	23	500	10158	5	500	12618	48	500
67	47	500	3216	46	500	5571	13	500	8340	20	500	10224	44	500	12784	4	500
252	39	500	3294	28	500	5650	48	500	8423	11	500	10292	9	500	12819	47	500
306	1	5000	3311	10	500	5696	22	500	8435	41	500	10303	29	500	12881	40	500
443	47	500	3325	36	500	5739	11	500	8437	6	500	10310	23	500	12909	28	500
452	24	500	3350	9	500	5763	6	500	8576	42	500	10346	18	500	12959	13	500
625	26	500	3356	11	500	5778	30	500	8598	19	500	10517	11	500	12970	24	500
635	19	500	3452	2	500	5882	25	500	8802	46	500	10654	16	1000	12981	43	500
641	27	500	3482	3	500	5885	15	500	8711	44	500	10893	35	500	13033	28	500
644	4	500	3597	22	500	5956	5	500	8755	43	500	10801	30	500	13058	26	500
784	32	1000	3615	10	500	5981	39	500	8786	3	500	11014	25	500	13105	50	500
784	36	500	3640	18	1000	6089	15	500	8842	19	500	11052	10	500	13166	27	500
826	36	500	3645	11	500	6216	26	1000	8898	25	500	11199	35	500	13118	39	8000
886	38	500	3670	12	500	6291	29	500	8907	36	500	11312	25	500	13211	14	500
1019	17	500	3746	28	500	6318	31	25000	8922	2	500	11341	15	500	13220	39	500
1019	42	8000	3754	36	500	6388	13	500	8913	10	1000	11400	42	1000	13320	4	1000
1038	33	500	3759	47	500	6511	28	500	8981	7	500	11497	2	1000	13369	9	500
1173	3	500	3761	37	500	6630	2	500	9038	6	500	11500	47	500	13401	21	500
1191	16	500	3765	8	5000	6639	35	500	9039	9	500	11533	28	1000	13457	22	500
1320	40	500	3932	1	500	6650	22	500	9078	32	500	11551	22	500	13541	39	1000
1696	9	500	3956	18	500	7037	32	500	9080	24	40000	11555	28	500	12544	11	500
1738	28	500	3982	39	500	7111	25	5000	9159	50	500	11580	21	500	13576	31	500
1771	7	500	4039	43	500	7252	24	500	9212	42	8000	11587	40	1000	13600	40	500
1816	40	1000	4056	59	200000	7257	46	500	9329	39	500	11733	38	500	13945	2	500
1910	41	10000	4297	30	1000	7261	28	500	9443	33	500	11815	5	500	14015	23	500
1972	32	500	4313	17	500	7298	3	500	9498	45	500	11847	50	500	14177	45	500
1978	27	500	4349	33	500	7352	49	500	9591	48	500	11868	31	500	14206	18	500
2085	6	500	4359	28	500	7390	5	500	9694	30	500	11934	38	500	14250	43	500
2436	47	500	4382	25	500	7637	7	500	9705	12	500	11937	40	500	14346	21	500
2500	10	500	4421	40	500	7650	47	500	9709	26	500	11949	50	500	14340	46	8000
2674	15	500	4433	43	500	7746	6	500	9742	21	500	12020	34	500	14377	46	500
2720	19	500	4680	10	500	7758	24	500	9815	9	500	12355	41	500	14579	6	10000
2792	20	500	4716	33	500	7779	47	500	9885	33	500	12377	14	500	14592	19	500
2819	37	1000	4883	42	500	7783	4	500	9887	3	500	12397	35	500	14604	19	500
2861	16	500	5027	48	500	8038	27	500	9919	28	1000	12482	4	1000	14646	49	500
2371	39	1000	5259	17	500	8051	35	500	10019	28	1000	12491	2	500	14791	5	10000
2907	5	500	5373	1	1000	8130	14	500	10697	49	500						

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

679, 846, 1013, 1410, 1563, 2384, 2465, 2809, 2952, 3274, 3434, 3477, 4431, 4560, 5024, 5295, 5396, 5469, 5711, 5758, 5837, 5863, 5979, 6011, 6402, 6419, 6476, 6895, 7354, 7521, 7524, 7608, 7802, 7843, 7954, 7983, 8057, 8102, 8425, 8432, 8441, 9199, 9510, 9774, 10218, 10221, 10373, 10655, 11238, 11194, 12307, 12368, 12386, 12338, 13437, 13479, 13775, 13824, 14010, 14138, 14241, 14588, 14901, 14928, 15266, 15297, 15427, 15582, 15639, 15808, 15855, 16366, 16594, 16624, 17096, 17081, 17197, 17291, 17386, 17610, 17628, 17668, 17908, 17951, 18404, 18431, 18451, 18539, 18600, 18883, 19093, 19101, 19335, 19568.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Наль: Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Карзинна. Ч. I. (Продолженіе).—Ирама. (Психологическій этюдъ Юлиуса Келлера).—Исполняемъ исполніи животныя Америки. Г. С. Вольте.—Къ рисункамъ: Незваный гость хуже татарина (съ рис.).—Престольный праздникъ въ малороссійскомъ селѣ (съ рис.).—Добрая сестра (съ рис.).—Историческій Музей въ Москвѣ (съ рис.).—Убіеніе Андрея Боголюбскаго, князя Владиміро-Суздальскаго (съ рис.).—Памятникъ на мѣстѣ переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай въ 1828 году (съ рис.).— Политическое обозрѣніе.—Шахматы.—Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ. — Объявленія. — При семъ же прилагаются „ПАРИЖСкіЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1891 г., съ 29 рис. и отдѣльнымъ листомъ съ 31 чертж. выкройки въ натуральную величину и 20 рис. вышивальныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Млюшниковъ.

И. И. КАРПОВЪ
(Составитель руководства)
СКЛАДЪ
ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
С. П. Б. ЗАГОРОДНЫЙ, П. Р. Д. 2.

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращатся
письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Пе-
тербургъ, Сенскій, 59—57, соб. домъ.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
Первоклассный амальгамическій источникъ, съ успѣхомъ принятымъ въ 1801 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ бесплатно.
Контора отправки минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦЕРУННЪ **ФУРБАХЪ** и **СТРИБОЛЬ**, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10-8 Склады во всѣхъ автокахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5152

БРОКАРЪ и К^о.
ИЗОВРѢТATEЛИ Р. № 5087 (17)
ЦВѢТЧОГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Склады фабрики въ С.-Петербурѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

Въ мѣстности, гдѣ
МЕХАНИЧЕСКАЯ
ОБУВЬ
еще не имѣется въ продажѣ, мы высылаемъ частными лицами бесплатно вынй розничный Прейс-курантъ съ подробными указаніемъ для снятия мѣрки. Также предлагаемъ всевозможныя
ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ
и при требованіи высылаемъ бесплатно иллюстрированный Прейс-курантъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Фабричное клеймо.
Товарищество
СПБ. МЕХ. ПРОИЗ-
ВОДСТВА ОБУВИ.
№ 5283 12—6

УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ, ОСНОВАННЫЕ ВЪ 1881—82 ГОДУ

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ

ПѢНІЕ: проф. Е. Ф. Цванцигеръ, О. Н. Нардуччи, Н. П. Маринъ, А. Р. Дюффертъ, Г-жа Гольмъ, Г-нъ Бадеръ и Г-нъ проф. Панз. ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО: С. М. Со- славскій, СКРИПКА: Гг. Поповъ и Крюгеръ. ФОРТЕПИАНО: Гг. Е. П. Рапгофъ, фонъ-Дрейеръ, Полетина, Фоссъ, Бильманъ, Россетъ и Г-жи: Яриушъ, Дилонъ, Герлчева, Блюмъ, Турнина и проч. ТЕОРІЯ: Н. Н. фонъ-Бахъ и Г-нъ М. Ляппольдъ. ИТАЛЬЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ: Г-жа Наталіотти. МИМИКА И ТАНЦЫ: Г-нъ Агостовъ. ВИОЛОНЧЕЛЬ: Гг. Пуна и Потаповъ. СОЛЬФЕДЖІО И ХОРЪ: В. А. Данилевская. ИБДНО-ДУХОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ: Г-нъ проф. Турнеръ. ФЛЕЙТА: Г-нъ Нелеръ. ОРКЕСТРОВЫЙ КЛАССЪ: Г-нъ Майеръ-Пирро. ПЕДАГОГИКА И MUSIQUE D'ENSEMBLE: Директоры Нурсовъ, Евгений Павловичъ Рапгофъ. № 5322

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: смотря по курсу или по предмету отъ 5 до 25 р. въ мѣсяцъ или отъ 15 до 75 р. за полугодіе. Для особенно даровитыхъ нѣбета по классамъ фортепиано и пѣнія нѣсколько удешевленныхъ вакансій. Окончившіе полный курсъ ученія по „Нурсамъ“ получаютъ свидѣтельство или аттестатъ. Молебствіе состоится 1-го сентября въ 1 ч. днѣ. Начало занятій 2-го сентября. Письменные заявленія о поступленіи просить адресовать на имя Директора Бурсовъ, ЕВГЕНІЯ ПАВЛОВИЧА РАПГОФЪ.

Адресъ: СПБ., Мал. Морская, № 7.
Пріемные часы директора и пріемъ вновь поступающихъ въ теченіе августа и сентября ежедневно, съ 10—5 ч. Подробныя программы высылаются и выдаются бесплатно.

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

Жоржъ БОРМАНЪ

удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ для коллекцій. Прейс-курантъ безплат. **К. А. Роде,** С.-Петербургъ, Средняя Подъячская, д. 6, кв. 8.

УЖЕ БОЛЕЕ 106,000 шт. ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ!!!
Универсальная машинка для быстрой и красивой прически дамскихъ волосъ, по последней модѣ (безъ посторонней помощи). № 5295
Цена съ упаковкою и пересылкою во всѣ города 2 р.
Адресъ: А. Граго, Москва, Неглинный провъдъ, д. № 15, кв. № 3.

ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
ЛУИ БУНСЬКЕ
ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ФАБРИКА ПЕРИЛЬОНОВЪ И ПАРИСЪ

ДЕПО ЧАСОВЪ
поставщ. Двора Его Импер. 13—10 Велічества № 4968
Москва, Мясницкая, д. 13.
В. ФРЕЙМУТЪ.
Собственной фабрики вол., сер. карм. часы. Прейс-куранты высылаются безплатно.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ
для Г.г. любителей.
Вѣдѣніе повѣсти. Изобрѣтен. фотоапп. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать изящн. хороше портреты, группы и ландшафты.
Цена прибора 18, 25, 35, 50 руб. и др.
Ручн. аппараты для моментальныхъ снимковъ отъ 15 р.
Просимъ не смѣшивать съ рекламируемыми крайне дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и К^о
Фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
въ С.-Петербургѣ, Мойка № 42.
Наставленіе и иллюстр. прейс-курантъ въ № 5315 высылаются безплатно.

ИНИЦИАЛЪ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Имеется въ 3 раза больше пера. Чистота, четкость и красота. Издана во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейс-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнечій мостъ. Б. Морская, 21.

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. В. Соловьева. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ЗНАМЕНИТОЙ ПАРИСКОЙ ФАБРИКИ

ЭРАРЪ

РОЯЛИ въ 1250, 1500 и 2000 рублей.
ПИАНИНО въ 700 и 850 р.
АРФЫ новейшей конструкціи 1200 руб.
РОЯЛИ и ПИАНИНО съ АРМОНИПИАНО системы ГЛАВАЧА (устройство для выдерживанія звуковъ).
РОЯЛИ въ 750 р. и дороже. ПИАНИНО въ 600 руб.
Каждый играющій на фортепиано легко освоивается съ Армонипиано.

ФИСГАРМОНИИ
знаменитой фабрики Шидмайеръ рекомендованныя Главачемъ, Гензельтомъ, Листомъ въ 140, 180, 225, 300, 350, 450, 650 р. и др. Американскія въ 100, 140, 160, 200, 250, 300, 400, 500, 550, 800 и 1200 руб.
Французскія въ 100, 130, 160, 190, 275 и 450 руб. и складныя въ 140 и 225 руб.
Самоучитель для фисгарм. 2 рубля.
Выучиться играть на фисгармоніи можно очень легко.
Иллюстрированный прейс-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи — безплатно. № 5319

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. № 34 и 40. | Москва, Кузнечій м., д. Захарына.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ.
ФРАНКУРГЪ Н/М.
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“.

Всякаго рода двухъ и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей, также съ рессорною „Нюменъ“ (подушка) и „пневматическій“. Имуть агентовъ. Иллюстрированный каталогъ въ 10 френ. марками. Ц. № 5189 18—18

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет- № 4961 скаго моста, домъ № 7—2. 26—18
Иллюстрированные прейс-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

ВЫСОЧАЙШЕ АКЦИОНЕРНОЕ
С.-ПЕТЕР ХИМИЧЕСКАЯ
БУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 27.
Золотая медаль, Парижъ, 1889 г.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
высшаго качества
для чистки зубовъ и освѣженія дыханія рта.

ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ. ЗУБНАЯ ПАСТА.
При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1. Невскій проспектъ, № 32, домъ Католической церкви. Р. № 5311 3—1
2. Невскій проспектъ, № 68, у Английска моста.
3. Вознесенскій просп., уголъ Базааской ул., д. Шредера, № 24—52. (Оптов. и розничн. продажа).
Магазинъ въ Москвѣ: На Кузнечкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ

ЛЕВИНГЪСЪ и ГЮЗИНЪ
имѣютъ честь сообщать, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрировавшій журналъ „Нива“. № 2405

ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
РИХАРДЪ ЯКОВЪ
въ Москвѣ.
Телефоны, громомотоды, звонки всѣхъ приборы и матеріалы по электро-техникѣ. Иллюстриров. прейс-курантъ съ полн. руко. ведомствомъ высылаются за 75 коп. или марками. Магазины: складъ и мастерская: уголъ Никитской и Газетнаго пер., д. Селезнева; 2-й магаз.: Мясницкія ворота, д. Фирсанова, противъ Центр. Телеграфа. № 5324

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО
ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ. ВЪ 10 ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВА НА КРАСНОЕ БѢЛОЕ КОТОРОСЪ. ПИСЬМО ОСВѢДѢЛЫИ ОБУЧЕНІЕ ДВОИНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ Москва, Покровка, домъ Бутиковой. А. С. Шиланскій. НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

ГУВЕРНАНТКИ и ГУВЕРНЕРЫ
(русскіе и иностранн.) рекомендуютъ дамъ-англичанокъ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЕЙ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки.
Рекомендуемая, въ силу своей профессіи, имѣетъ возможность оказать рекомендаціи. Ц. № 4923 12—9
Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. Шидлонгъ, кв. № 8 г-нъ БЮРО.

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТАНЫ
12 книгъ въ годъ
ВЪ КАЖДОЙ НЕ МЕНѢЕ ЧЕМОЮ ЦѢНА ЗА ГОДЪ 4 РУБ.
СЪ ДОСТАВКОЮ ПЕРЕСЫЛКОЮ
ПОДПИСА НА 1891 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: С. ПЕТЕРБУРГЪ ВЕРЕЙСКАЯ УЛИЦА №16 СОБСТВЕН. ДѢЛЪ ИЗД-Ф ПАНТЕЕВЪ РЕД-Р АНТЕРЪ

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ СВЯТЫ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 37

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдавъ 14 сентября 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну непарсиль (1/4 шпр.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Adolphe Havas по 3 fr. для
Австр., Герман. и Швейц. у Ru-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.
10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Собоя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями, Сборникомъ, Полнымъ собраніемъ сочиненій М. Ю. Лермонтова и пр.

Георгиевская скала въ Черномъ морѣ, на которой явился Св. Великомученикъ Георгій въ 891 г. Памятникъ тысячелѣтія Георгіевскаго монастыря.
Съ фот. Райнишъ, грав. Рашевскій.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Какая-то безобразная масса разноцвѣтныхъ отреньевъ, прижавшаяся къ самому стволу дерева, поднялась и медленно выдвинулась на самую средину круга.

— Потомъ, велѣлъ мнѣ Пророкъ сѣсть на крупъ своего коня, и понесли мы, высоко-высоко, надъ всею землею, съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ. Мы неслись, а Пророкъ приказалъ мнѣ смотрѣть. И видѣлъ я, что несемся мы надъ пустынею. Мертвые пески кругомъ, и вѣтъ ни одной зеленой былинки; лишь на желтомъ пескѣ всюду, куда только ни достигаетъ глазъ, бѣдѣютъ сухія человѣческія кости. Говорю я: „О, Пророкъ! чтѣ это за земля, постигнутая такимъ страшнымъ бѣдствіемъ?“ и отвѣчаетъ мнѣ Пророкъ: „это страна вапаша!“ Залился я слезами и говорю: „Великій! чѣмъ отвратить это, чѣмъ умиловитъ гнѣвъ Аллаха?!..“ Вынулъ тутъ Пророкъ изъ своихъ золотыхъ ноженъ свою саблю и заблесталъ клинокъ алмазами и изумрудами, тронулъ меня онъ концомъ этого клинка сюда, подѣ сердце, брызнула кровь и полилась на землю... и великое чудо увидали глаза мои, недостойные. Едва только капля крови моею достигала земли, тамъ свершалось дивное превращеніе: падала кровь на песокъ—и покрывался этотъ песокъ зеленою травою и ароматными розами; падала капля на высохшее ложе ручья—и по немъ полились свѣтлыя струи; падала на кости мертвыя—и вставали эти кости цвѣтущими юношами... „Боже!“ воскликнулъ я. „Пролей скорѣе всю мою кровь до послѣдней капли, и ороси ея несчастную землю, правобѣрную!“ И чувствовала я какъ уменьшалась во мнѣ благодатная кровь, какъ слабѣли силы мои, гасъ взоръ, замедлалъ слухъ... И чувствовалъ я какъ уже, безплотный, легкій какъ птица, несся я самъ надъ землею—и слышалъ я пѣніе гурій, сладкіе звуки рая, слышалъ близость самого Аллаха. Да пройдетъ изъ конца въ конецъ, по всему міру, правая вѣра его!

Замолкъ дивона, грянулся пичкомъ на землю и забился въ нервной судорогѣ...

Мулла Годдай всталъ, зачерпнулъ рукою воды изъ чашки и, набожно склонясь надъ юродивымъ, омочилъ его голову...

Очарованный рассказомъ, народъ безмолвствовалъ.

Минуты черезъ двѣ дивона очнулся и сѣлъ, долго озираясь по сторонамъ и безирестанно проводя руками по лицу, словно снимая съ него невидимую паутину.

Толпа слушателей тоже понемногу освободилась отъ чарующаго вліянія рассказа. Сотни голосовъ загудѣли одобрительно, сотни рукъ потянулись за пазухи къ кошелькамъ... Со всѣхъ концовъ полетѣли къ ногамъ Кущкъ-Аула серебряныя и мѣдныя монеты. Нурмедъ бросилъ ему золотую.

Когда собраніе нѣсколько успокоилось, мулла Годдай-ходжа снова возвысилъ свой голосъ.

— Поговоримъ теперь, правобѣрные, какъ намъ начать наше святое дѣло. Здѣсь посланецъ самого муллы Алемкула,—этотъ человѣкъ ждетъ отъ васъ рѣшенія, чтобы передать его вождю войскъ мусульманскихъ. Надо, порѣшивъ все окончательно, съ нимъ условиться.

— Надо-то надо! замѣтилъ въ первомъ ряду круга сидѣвшій узбекъ, въ войлочномъ бѣломъ колиакѣ. — Только мы-то безъ войска чтѣ подѣлаемъ? пусть мулла Алемкулъ подходитъ, мы какъ одинъ всѣ къ нему пристроимся; а гдѣ теперь мулла?

— Сказали тебѣ—не далеко стоитъ! толкнулъ узбека въ бокъ сосѣдъ, торговецъ съ городского базара.

— Стань нашъ на Акъ-су стоитъ, два перегона отсюда. Намъ прийти не долго... Я вотъ со своими вчера

засвѣтло выѣхалъ, а сегодня съ вами сижу, пояснилъ Нурмедъ.

— Полагаю я: не прочесть-ли теперь бумагу Алемкулову, шепнулъ Нурмеду мулла Годдай.

— Читай!

Вытащилъ мулла изъ-за пазухи маленькій свертокъ, завернутый въ шелковомъ платкѣ, тщательно развернулъ его, перекусилъ нитку, связывавшую бумагу, и сталъ медленно, осторожно разворачивать.

Видъ бумаги внушительно подѣйствовалъ на народъ. Поднявшійся было говоръ стихъ... Всѣ снова насторожили вниманіе.

— Да благословитъ Аллахъ святое начинаніе! читалъ мулла.—Насталъ часъ...

— Да это мы слышали уже... А въ чемъ дѣло—говори... послышалось въ толпѣ.

— Погоди читать! перебилъ Нурмедъ.—У насъ тамъ мулла, что писалъ, такъ мудрено говорить, что и пойметъ-то его не всякій... Передай бумагу въ народъ, пусть всѣ печать увидятъ,—тамъ самую,—а дѣло я расскажу. Такъ-то лучше будетъ!..

Согласился Годдай. Пошла бумага по рукамъ.

— Слушайте! началъ Нурмедъ-Минбаша.—Русскихъ теперь немного, а все-таки, если ихъ еще будетъ меньше—то лучше. На прошлой недѣлѣ мы въ горахъ смуту подняли—туда долженъ пойти одинъ отрядъ русскихъ. Пусть гуляютъ!.. Сегодня, на Минъ-арыкѣ поднялись тоже; туда тоже пойдутъ гауры. Есть извѣстіе такое, что собираются. Тогда тутъ ихъ уже не много останется. Вы всѣ поднимайтесь и окружайте городъ. Да не лѣзьте зря, а если русскіе къ вамъ битися выйдутъ, отходи къ Шайтанъ-Кале... Тутъ-то мы на нихъ и навалимся. Врозь всѣхъ перебьемъ, а пока они всѣ въ кучѣ — лучше не соваться. Какъ слышать, въ городѣ?

Послѣднія слова обращены были къ аксакалу Девлету.

Тотъ робко осмотрѣлся по сторонамъ и нерѣшительно отвѣчалъ:

— Въ городѣ всѣ готовы,—одна бѣда: есть между нашими такія собаки, что народъ мутятъ... Говорятъ будто за Бѣлымъ Царемъ жить лучше. Говорятъ, что и вѣру не трогаютъ, и отъ солдатчины на вѣкъ избавленіе, и податей меньше... Вотъ тамъ есть одинъ,—Ибрагимъ-бай называется—тотъ съ генераломъ даже аракъ пилъ... Многіе видѣли, онъ и здѣсь вотъ поджидаетъ гостей... Встрѣчу имъ готовить, будто эмиру самому... Предатель—одно слово.

— Ибрагимъ-бай хорошій человѣкъ, онъ вѣдь про русскихъ правду говоритъ... это точно...

— Ибрагимъ-бая трогать не надо!.. Онъ никому не обидчикъ... послышались голоса сзади.

— Узкой, кто это тамъ? обратился мулла Годдай къ палачу.

И защитники Ибрагимъ-бая смолкли.

— Говорили мои люди, замѣтилъ Нурмедъ,—видѣли тѣхъ гостей... Недалеко они—скоро придутъ... Вотъ-бы съ нихъ и начать... Пятеро всего?

— Русскихъ пятеро, да собакъ-джигитни съ десяткомъ, больше не будетъ... Вотъ-бы ты, таксырь, захватилъ-бы ихъ! съ тобою народу довольно!..

— Захватить!.. Нѣтъ, съ русскими такъ запросто нельзя, у нихъ у cadaго по пистолету, что сто разъ стрѣляютъ—поди-ка сунься! Захватить—захватить, да чтѣ своихъ потеряемъ... Не расчтеть!.. А раскинуть умомъ-разумомъ прежде—такъ лучше будетъ... Приказалъ я стеречь ихъ и наблюдать, чтѣ дѣлать будутъ.

Можетъ-быть въ гостяхъ разумъ пропьютъ, да заснуть, тогда и перевежемъ.

Прибѣжалъ мальчишка въ цвѣтной рубашкѣ, за нимъ слѣдомъ другой.

— Ъдутъ! Ъдутъ! закричали.

— Собаки! выругался мулла Годдай.

Юродивый застоналъ и заметался. Лежа на землѣ, онъ поднималъ кулаки и грозилъ кому-то невидимому.

— Праведная душа близость нечистыхъ чуетъ! объяснилъ мулла.

— Пойду погляжу на нихъ, хоть издали! поднялся Нурмедъ и загремѣлъ своимъ оружіемъ.

— И глаза свои поганить не хочу! проворчалъ мулла.

Много народу поднялось глядѣть на русскихъ, много и въ караванъ-сараѣ осталось. За Нурмедомъ вышли еще двое изъ его людей. Стали межъ собою разговаривать.

— Чудакъ этотъ Годдай! замѣтилъ таксырь, посланецъ Алемкула.—Набралъ народу всякаго, еще бумагу при всѣхъ читать вздумалъ. Можно-ли поручиться за всѣхъ! Опять насчетъ этихъ свиней. Все-ли у васъ готово?

— Все!.. Тридцать человѣкъ тамъ у майдана заслудутъ и мостокъ сломаютъ. Весь народъ на эту дорогу сгонять, чтобы проѣзда не было, а мы вмѣстѣ съ русскими, словно по своему дѣлу пойдемъ, только красные халаты снимаемъ. На майданѣ саклю подожгутъ; какъ задымить, тогда и дѣлу начало...

— Это хорошо! Алемкулъ приказалъ: и не возвращаться безъ русскихъ головъ. Особенно одинъ тамъ есть, погони съ одною дорожкой, усы съ просѣдью. Вонъ этотъ!.. Видишь, первый съ лошади слѣзаетъ.

— Вижу... Эко Ибрагимъ засуетился!.. А чуетъ, собака, неладное. Ишь какимъ волкомъ озирается!

— Хорошо-бы живьемъ захватить... Да, жаль, не дадутся... А уже джигитовъ ихнихъ всѣхъ перерѣзать надо будетъ и головы выставить, чтобы другимъ не повадно было...

— Свою береги! слышалось около.

— Кто сказалъ? а?

Вздрогнувъ Нурмедъ. Ясно слышалъ: „свою береги“, а кто сказалъ это—не успѣлъ замѣтить... Много народу въ толпѣ, кишмя кишать...

— Слышалъ?

— Слышалъ. Чтò между нашими передатчиковъ да измѣнниковъ развелось!.. Много!..

— Вотъ тамъ, на совѣтѣ, думаешь мало было такихъ, у кого языкъ и уши на двѣ стороны работаютъ! Не ходи близко!

— Ну ихъ!

Прошелся Нурмедъ съ товарищами по базару, поразсмотрѣли чтò надобно, вернулись въ караванъ-сарай, а тамъ уже снова народъ собрался. Много такихъ было, что побывали прежде у „кухарчи“*), духу набрались,—словно очумѣлые готовы лѣзть на русскихъ. Насилу мулла Годдай сдерживаетъ.

— Погодите хоть до ночи!

А тутъ и темнѣть стало... Запылали огни, разгорячились воспаленныя бузою и опіумомъ фанатическія головы...

Дивона Кушкь-Аулъ очнулся съ вечернею прохладою; его окружила цѣлая толпа такихъ же юродивыхъ. Ходятъ кучею по народу и хоромъ, вытянувшись въ рядъ, воютъ строфы Корана, да такія все выбираютъ, что народъ хоть на ножи лѣзть готовъ.

— Крови моей надо?!.. воить Кушкь-Аулъ.—Берите мою кровь, берите!

Сталъ онъ передъ входомъ въ мечеть, ухватился руками за пологно знамени святаго Дауда, къ лицу своему прижимаетъ.

Мулла Годдай со своими, а Нурмедъ со своими едга

*) Торговца опіумомъ.

сдерживаютъ порывы расходившейся народной страсти.

Кинутся зря на русскихъ—толку мало будетъ, а потери громадныя. Знаетъ Нурмедъ хорошо, что нахрапомъ не возьмешь, и все у него такъ отлично подстроено, а эти помѣшать хотятъ. Хоть бы Кушкь-Аула убраться куда подальше — онъ вѣдь, полоумный, всему причиною.

— Душа благодатная! смиренно подошелъ къ юродивому мулла. — Душа благодатная, послушай словъ моихъ...

— Крови моей надо? крови?.. Берите! бормочетъ тотъ, не отрываясь отъ священнаго знамени.

Подошли еще нѣсколько муллъ, взяли подъ руки Кушкь-Аула и медленно повели его въ мечеть. Тотъ упирался было сначала, но все-таки уступилъ силѣ.

— Намазъ творить идемъ! объяснилъ одинъ изъ учениковъ Годдая ближайшимъ изъ народа.

— А двери зачѣмъ запираютъ? усумнился кто-то.

Тяжелая, рѣзная дверь мечети медленно закрылась и внутри завизжалъ въ ржавыхъ скобахъ массивный засовъ.

— Мулла знаетъ, чтò дѣлаетъ... не мѣшайте муллъ! раздался тамъ и сямъ успокаивающіе голоса.

Толпа начала было стихать, но вдругъ вверху, словно съ неба, раздался нечеловѣчскій крикъ... Кушкь-Аулъ, введенный въ мечеть, вырвался изъ рукъ учениковъ Годдая и, замѣтивъ ходъ наверхъ, какъ кошка взобрался по лѣстницѣ. Вся его безобразно-дикая фигура появилась на высококомъ гребнѣ фронтона.

— Крови моей надо?.. Берите! закричалъ юродивый и бросился внизъ головою...

Эту сцену и видѣли наши офицеры и, конечно, поняли ея роковое значеніе.

Нѣсколько времени прошло въ относительномъ покоѣ. Пораженный мученическимъ подвигомъ юродиваго, народъ остолбенѣлъ. Этими немногими минутами агенты Годдая и Нурмеда воспользовались довольно удачно. А тутъ ясно донеслось отчетливо произнесенное во всеуслышаніе приказаніе Шолобова.

„Перебить сонныхъ—чегò же прощѣ!“ мелькнуло почти во всѣхъ головахъ. Даже Нурмедъ озадаченъ былъ простотою этой идеи—и, отозвавъ кое-кого изъ своихъ, началъ мѣнять свои первоначальныя распоряженія.

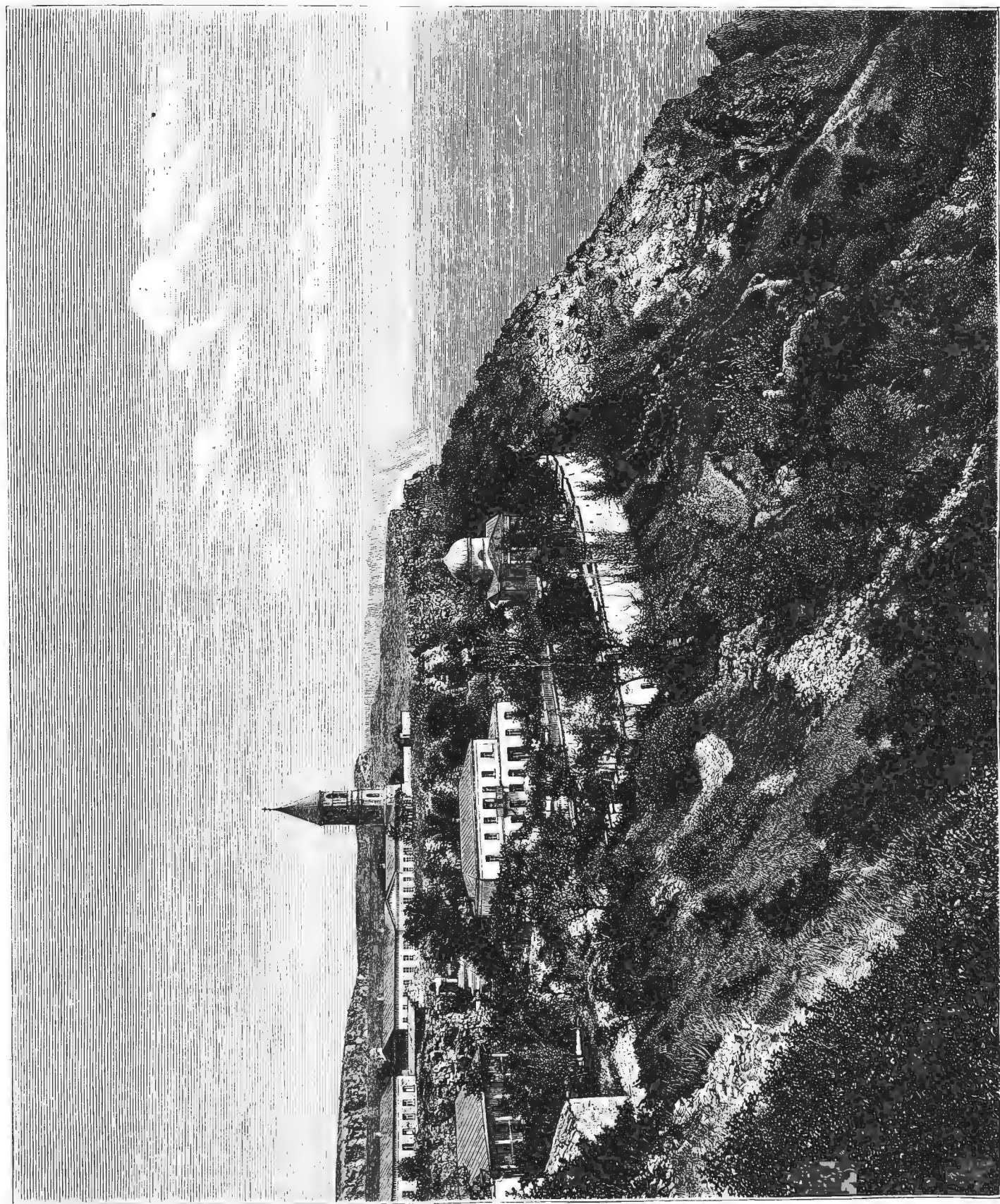
— Однако же и просты они! добавилъ онъ. — Или, дѣйствительно, они ничего не подозреваютъ?

V.

„Послѣднюю береги для себя.“

Мало-по-малу гасли огни костровъ, замирало утомленное народное гульбище. Густой мракъ южной ночи завоевывалъ все большее и большее пространство, только надъ караванъ-сараемъ, гдѣ сгруппировались враги, стояло еще красное зарево; тамъ еще гудѣли многочисленные толпы и слышалось грохотаніе литавръ. Но въ этихъ звукахъ чувствовался уже не разгулъ веселья,—что-то грозное, безусловно враждебное скоплялось тамъ, какъ электричество въ грозовыхъ тучахъ, готовое, вотъ-вотъ, разразиться страшнымъ, роковымъ ударомъ. Опытное ухо Шолобова давно уже чувствовало опасность, и голова его энергично и отчетливо работала надъ планомъ спасенія.

Розыскъ Юнуса далъ понять нашимъ, что дѣло придется имѣть не съ одною полувооруженною толпою народа, а со врагомъ болѣе опаснымъ — съ отборными разбѣздами муллы Алемкула. Еще днемъ капитанъ замѣтилъ кое-гдѣ въ толпѣ красные халаты военныхъ; даже физиономія одного изъ нихъ показалась ему какъ будто знакомою... и припоминалъ онъ, гдѣ бы это было? Какъ будто недѣлю или двѣ тому назадъ... нѣтъ, больше... та же самая физиономія, красивая, со сверкающими, ярко-бѣлыми зубами, словно улыбающаяся, промелькнула передъ нимъ, въ дыму ружейнаго залпа...

Георгиевскій монастырь въ Крыму. (По поводу тысячной годовщины основанія). Съ фот. грав. Рашевскій.

Все мое! Орпл. рис. (собств. „Нивы“) Иманевича, грав. Флюгеля.

Всадникъ не свалился съ коня, онъ только ловко повернулся, укрываясь отъ смерти за тѣломъ своей лошади, и вынырнулъ снова изъ облака дыма, отскакавъ, сдержалъ вороного аргмака, махнулъ въ воздухъ грозя клинкомъ — и скрылся за пригоркомъ... „Хорошій набѣдникъ! подумалъ Шолобовъ, — вотъ бы такого къ намъ, въ джигиты... Кажется, это тотъ самый!“

Немудрено, что и Нурмедъ припомнилъ капитана, когда указывалъ на него своему товарищу.

— Юнусъ! окликнулъ Иванъ Алексѣевичъ своего десятника.

Голова въ черной шапкѣ появилась въ палаточномъ створѣ.

Капитанъ быстро написалъ карандашемъ на вырванномъ изъ карманной книжки листкѣ нѣсколько словъ. Онъ еще оторвалъ два такихъ листка и на нихъ повторилъ написанное.

— Вотъ это ты раздай джигитамъ; отбери трехъ: Юлу, Барантача и Максимку, у нихъ кони подобрѣе, и чтобы, немедля, прозь, скакали въ крѣпость—не всё же влопаются! Теперь темно, авось проберутся! по тили въ награду каждому, а кто первый — два получить...

— О, таксырь!..

— Чуть станеть свѣтать — сбатовать коней... при нихъ двое останутся. Ты и остальные со мною будутъ... Понялъ?..

— Понялъ, таксырь!..

— Что же ты это... бой затѣваешь? вмѣшался докторъ.

— Очень можетъ быть.

— Однако, это глупо... Ты меня прости, пожалуйста... но, ей-Богу, глупо. Я бы совѣтовалъ иначе...

— Что?

Капитанъ улыбнулся.

— Просто драла задать... „Ночь темна, на небѣ тучи...“ Мы и того...

— И переловятъ насъ, а то просто перебьютъ изъ-за стѣны, по дорогѣ... Тутъ оставаться вѣрнѣе.

— А здѣсь не перебьютъ? Вотъ съ этой мечети... Мы какъ на ладонкѣ—укрыться негдѣ...

— На разсвѣтѣ мы сами займемъ эту мечеть... Это наша цитадель...

Докторъ даже присвистнулъ.

— О, Господи, ей-Богу же я предчувствовала... И охота была ѣхать!.. Ходятъ уже недѣлю слухи недобрые, а мы, словно мальчишки... Вотъ тоже нижние чины съ нами... отвѣтственность...

— Да ну, не пой!

Капитанъ отвернулся отъ своего собесѣдника и пристально всматривался въ силуэтъ купола Ишанъ-Дауда, отчетливо рисующійся на красномъ заревѣ костровъ.

— Ну, вы—головорѣзы, строевой народъ... А я-то, дуракъ, что увязался съ вами!.. У меня, вонъ, больные, раненые... Моя обязанность совсѣмъ другая... Мнѣ бы... Послушай... посуди самъ: развѣ не глупо?

— Глупо!

— Вотъ видишь-ли. Опять: вы офицеры, васъ много — ну, двумя меньше будетъ — это еще не особенно важно... Но насъ, врачей, всего два—вѣдь это ужасно!.. это пятьдесятъ процентовъ убили... Понимаешь ты это?..

— Что дѣлать! государство въ минуты великихъ событий и не такія жертвы несетъ... что дѣлать!..

— Тебѣ смѣшно! Тебѣ все шутки... головорѣзы!.. пушечное мясо! Вотъ этотъ сумасшедшій Налъ тоже! Все предчувствуетъ, ясновидящаго разыгрываетъ, а этого не могъ, небось, предвидѣть...

— А гдѣ Налъ?

— Да чортъ его знаетъ гдѣ. Я его уже давно не вижу.

— Налъ! окликнулъ капитанъ. — Эй, Рубанъ, иди сюда!

Отвѣта не послѣдовало.

Шолобовъ быстро вышелъ изъ палатки.

— Сережа! послышался его голосъ. — Юнусъ! Ибрагимъ-бай! гдѣ поручикъ?

Блѣдная, взволнованная фізіономія аксакала готчасъ появилась передъ Иваномъ Алексѣевичемъ. Десятникъ-джигитъ отозвался оттуда, гдѣ темною группою видѣлись офицерскія лошади. Казаки, присѣвшіе около самой палатки, вытянулись въ струнку.

— Однако!..

Капитанъ снялъ фуражку и приложилъ руку ко лбу...

— Однако! повторилъ онъ.—Рубанъ!

На этотъ разъ Шолобовъ крикнулъ уже, нисколько не стѣняясь, во все горло.

Отвѣта также никакого.

— Пропаль! выскочилъ изъ палатки совершенно встревоженный и растерявшійся окончательно докторъ.

— Не можетъ быть!.. какъ пропаль?!.. Налъ! Сережа!

— Да не ори же такъ, голубчикъ! Не ори, сдѣлай милость... Онъ, можетъ-быть, такъ... Можетъ тутъ гдѣ, недалеко... Ну, тамъ, зачѣмъ-нибудь. Сейчасъ прійдетъ... Сергѣй Николаевичъ, да гдѣ же ты, голубчикъ, въ самомъ дѣлѣ?..

— Ихъ благородіе, полчаса-какъ, туда вонъ, къ машкарабазамъ въ шатеръ пошли! доложилъ одинъ изъ казаковъ.

Казакъ не кончилъ фразы, какъ уже Шолобовъ былъ въ шатрѣ между аробъ.

— Огня сюда! послышался его голосъ.

Юнусъ съ фонаремъ и Ибрагимъ-бай съ горящею головешкою изъ костра подбѣжали къ шатру.

Тамъ было пусто. Машкарабазы, музыканты и батчи давно уже исчезли. Только одинъ тотъ, что глоталъ горячіе уголья, еще копошился въ темнотѣ, набивая мѣшокъ какими-то цвѣтными лохмотьями.

Захваченный врасплохъ, онъ выронилъ мѣшокъ, присѣлъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на вошедшихъ.

— Здѣсь былъ сейчасъ русскій офицеръ? спросилъ его Юнусъ.

Угле-глотатель заморгалъ глазами, прижалъ руки къ животу, скорчился въ три погибели и молчалъ, словно у него отнялся языкъ.

— Офицеръ гдѣ? толкнулъ его ногою Шолобовъ.

— Китты, китты... Урусъ тюра китты... *) бормоталъ перепуганный машкарабазъ.

— Куда?

Актеръ показавъ головою на противоположный выходъ изъ шатра.

— Гуль-Гуль была. Гуль-Гуль пошла. Тюра пошелъ... китты...

— Куда же ты? остановилъ метнувшася было капитана докторъ.

— Не ходи, таксырь, проговорилъ Ибрагимъ-бай.— Не ходи. Ты погибнешь даромъ... Мои люди лучше разыщутъ; они узнаютъ. Я пошлю сейчасъ... эй!

— Это вѣрно, остановился Шолобовъ.

Первая минута волненія, вызванная таинственнымъ исчезновеніемъ Наля, прошла. Опытный солдатъ овладѣлъ собою.

— Посылай скорѣе... слышишь?.. осторожно, безъ шума, во все стороны. Пока темно... Кто найдетъ, кто дастъ знать—вотъ это отдай!

Капитанъ быстро сорвалъ съ себя часы съ золотою цѣпью и вынулъ изъ кармана кошелекъ.

— Бери!

Ибрагимъ-бай вѣжливо и почтительно отстранилъ его руку.

— Тюра, началъ онъ,—прими мой совѣтъ. Я старъ уже—и не обижайся, если простой человекъ осмѣливается совѣтовать военному начальнику.

— Говори!

*) Ушелъ, ушелъ. Русскій начальникъ ушелъ.

Ибрагимъ-бай заговорилъ вполголоса и скороговоркою:

— Вашего товарища—если онъ пошелъ туда и не погибъ еще—спасеть только Богъ; вы же, пока темно, переодѣвайтесь въ наше платье... Поодиночкѣ, потихоньку вы скроетесь отсюда... Васъ проведутъ. Въ палаткѣ вашей свѣтъ—лошадей подведемъ поближе—пусть ихъ видятъ... онѣ останутся... До разсвѣта далеко, и вы будете далеко также... Люди мои надежные и не выдадутъ.

— Превосходная мысль! воскликнулъ докторъ. — О, Господи, спаси и помилуй!

— Безъ Наля—я ни шагу! проговорилъ капитанъ, входя въ палатку.

Это было сказано такимъ тономъ, что докторъ, хорошо знавшій натуру Шолобова, понурилъ только голову и молча послѣдовалъ за Иваномъ Алексѣвичемъ.

— О, Господи!

— Не вздыхай! право, и безъ того тоска... Знаешь, что я тебѣ посоветую,—это тебя развлечетъ немного.

— Что?

— Когда будешь разстрѣливать свой револьверъ, то не торопись: чтобы всѣ четыре пули не пропали даромъ. Пятую же, послѣднюю—сохрани для себя... Понялъ? Докторъ отвернулся и заплакалъ.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Ибрагимъ-бай, тоже вошедшій въ палатку къ русскимъ, заговорилъ снова:

— Таксырь, моя голова ляжетъ прежде вашихъ... Подумай только, что пользы въ твоей смерти, а спастись можно... Если тюр Наля пошелъ къ нимъ, если они взяли его,—они не казнятъ, не зарѣжутъ его тотчасъ же... Они увезутъ его и будутъ держать плѣнникомъ... Имъ не расчетъ убивать офицера. Ты живъ будешь межъ своими... Можно будетъ узнать, выкупить. Ты умрешь, твои лягутъ съ тобою тоже — и никто никогда не узнаетъ объ участи пропавшаго... Спасайся!

— Послушай!

Докторъ схватилъ руку капитана и крѣпко сжалъ ее.

— Да спасайся, коли хочешь! Бери казаковъ съ собою, бери джигитовъ—и удирайте... Костюмируйтесь чучелами, бѣгите какъ воры... Я останусь!

Въ голосѣ Шолобова слышалось раздраженіе, но раздраженіе тоскливое, безнадежное.

— Никогда еще туркестанецъ-солдатъ не бросалъ своего товарища въ неизвѣстной опасности! добавилъ онъ.—Ибрагимъ, распоряжайся съ ними, какъ ты хочешь! Я одинъ останусь.

— Я съ тобою, таксырь, выдвинулся Юнусъ.

— Ваше благородіе, приложилъ руку къ козырьку одинъ изъ казаковъ,—никакъ невозможно!

— Что?

— Бѣжать отседова безъ вашего благородія.

— Да рѣшайся же, рѣшайся! приставалъ докторъ, замѣтивъ будто въ Шолобовѣ что-то въ родѣ колебанія.

— Чуть разсвѣтетъ, началъ капитанъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, — всѣ около меня! Первымъ дѣломъ—безъ выстрѣла перебѣжать вотъ это поле и ворваться въ мечеть... дверь не заперта, а если заперта—захватить топоръ съ собою... Анисимовъ, понимаешь?

— Понимаю, ваше благородіе!

— Тамъ ходъ наверхъ, откуда эта скотина сверзилась; это самая высокая точка надъ всею мѣстностью. Тамъ мы долго продержимся! Ну, что, какія вѣсти объ Налѣ? Есть кальянь готовый?—подай!

Услышавъ слово „кальянь“, Ибрагимъ-бай словно встрепенулся и самъ лично бросился исполнять требованіе Шолобова.

Какъ долго ночь тянется!

А въ караванъ-сараѣ тоже начало стихать. Зарево огней погасло. Наступилъ такой мракъ, что не только

въ двухъ шагахъ, а даже свою собственную протянутую руку нельзя было рассмотреть. Только одна офицерская палатка мутновато-розовымъ фонаремъ выдѣлялась изъ темноты, слабо освѣщая на нѣсколько шаговъ около себя, и въ область этого свѣта чуть-чуть входили группы коней, красные халаты джигитовъ, тюрбанъ и блестящие шитаго халата Ибрагимъ-бая, склонившагося надъ приготовленіемъ кальяна, блики на казачьихъ вишневыхъ, да изрѣдка испуганная тревожная фигура кого-нибудь изъ аксакальскихъ слугъ, сбившихся въ кучу около своего обоза.

— Послѣднюю пулю для себя... шепталъ докторъ, уныло повѣсивъ голову.

— Что же, пропадать такъ пропадать! вздохнулъ одинъ изъ казаковъ.

Подоселъ Юнусъ къ Ибрагимъ-баю, помогать должно-быть.

— Они хотятъ мечеть занять? почти на-ухо проговорилъ аксакаль десятнику.

— Да.

— Они хотятъ святыню осквернить кровью?

— Хотятъ.

— И ты, правовѣрный, пойдешь съ ними?

— Пойду... а ты?

— И я пойду... И голову, и душу губить придется разомъ... А если...

Аксакаль заговорилъ еще тише. Десятникъ джигитовъ слушалъ внимательно, кивая утвердительно папаху.

— Аллахъ да поможетъ намъ! кончилъ Ибрагимъ-бай.—Онъ осѣнилъ меня этою мыслью.

— Да поможетъ! согласился джигитъ и отошелъ къ своимъ.

Ароматъ кальянаго дыма вывелъ капитана изъ задумчивости. Докторъ первый протянулъ руку къ куреву, но Ибрагимъ-бай словно не замѣтилъ этого движенія и почтительно подалъ кальянь капитану.

Съ наслаженіемъ, тремя большими затычками, приложился Шолобовъ къ узорчатому камышовому мундштуку и сказалъ:

— Спасибо.

Затянулся и докторъ, да сразу закашлялся...

„Что за гадость! подумалъ онъ, — наши папирсы куда лучше... „Послѣднюю береги для себя...“ Чортъ знаетъ, какъ мы этотъ день скверно кончаемъ!“

И докторъ, вынувъ револьверъ, сталъ медленно поворачивать пальцемъ барабанъ, отсчитывая съ каждымъ поворотомъ черныя дырки, откуда выглядывали коническія свинцовыя головки.

— Первая, считалъ онъ, — вторая, третья, четвертая... пятая—вотъ эта... эта...

Онъ даже пальцемъ потрогалъ холодную поверхность пули, и вздрогнулъ.

VI.

Корень и стебель.

Порывисто распахнувъ пологъ шатра машкарабазовъ, Налъ увидалъ тамъ страшную суматоху. Актеры и батчи торопливо укладывались, видимо собираясь въ путь; но эти сборы были безшумны, только тихій шепотъ слышался во всѣхъ углахъ, на всѣхъ лицахъ выражалось сильнѣйшее безпокойство, вотъ-вотъ готовое перейти въ панику. Появленіе русскаго, такое неожиданное, такое стремительное, чуть не произвело катастрофу. Нѣсколько человекъ, побросавъ имущество, не успѣвъ смѣть грубые слѣды гримировки, бросились вонъ, нырнувъ подъ полы шатра. На мгновеніе передъ глазами Наля мелькнула красная рубаха Гуль-Гуль. Едва коснулось его уха серебристое дребезжаніе ея украшеній, но она тотчасъ же скрылась, и тяжелая пола ковра чуть не пахнула прямо ему въ лицо, обдавъ съ ногъ до головы пылью.

Наль высочилъ вслѣдъ за нею.

— Гуль-Гуль! повторялъ онъ призывъ.

Но дѣвушка словно его не слышала, скрылась въ темнотѣ, мелькнула на мгновение въ какомъ-то свѣтовомъ пятнѣ и снова исчезла.

„Странно!“ подумалъ Наль, остановился и хотѣлъ было вернуться къ общей ставкѣ.

Вдругъ что-то мягкое, тяжелое кинулось ему въ ноги, охватило колѣни, и онъ упалъ... Онъ не успѣлъ вскрикнуть, не успѣлъ схватиться за револьверъ, какъ почувствовалъ на себѣ силу не одной пары рукъ... На него навалились... на голову накинута халатъ... Его несутъ, тяжело дыша, словно послѣ утомительной борьбы, а онъ, безсильный, безпомощный, задыхаясь, чуть не теряетъ сознания.

— Вотъ не ожидали!.. Легко съ этимъ справились!.. Самъ въ руки полѣзъ! услышалъ наконецъ плѣнникъ нѣчто опредѣленное.

„Что-то они со мною дѣлать будутъ?.. подумалъ несчастный. — Убьютъ?.. Нѣтъ, не то... я бы это зналъ, я бы это чувствовалъ“.

И странно, послѣ перваго тревожнаго ощущенія печальной неожиданности, на душѣ Наля стало какъ-то особенно спокойно. Стѣсняла его только грубая, воюющая ткань верблюжьяго халата, плотно прижатая къ его лицу... Но кто-то изъ несшихъ споткнулся, и это движеніе измѣнило складки, свѣжій воздухъ пахнулъ, образовалась даже щель у глаза, и въ эту щель Наль видѣлъ часть блестящей кольчуги, да по временамъ мелькало красивое, смуглое лицо съ черною, курчавою бородою и бѣлыми, сверкающими даже во мракѣ, зубами.

Не долго несли Наля. Когда его опустили на землю и сдериули халатъ, онъ увидалъ, что лежитъ за угломъ мечети, у самой стѣнки: кругомъ густая толпа народа, а ближе къ нему — чужіе, вооруженные люди. Одинъ изъ нихъ осматриваетъ, крѣпко-ли связаны руки и ноги плѣнника, пробуетъ узлы кушаковъ, другой отстраняетъ кого-то, а этотъ кто-то, не разберешь въ темнотѣ, лѣзетъ къ нему, шипитъ отъ злости, и въ его судорожно сжатомъ кулакѣ некрится зловѣщее лезвіе ножа.

— Нальцемъ чтобы не тронули! приказываетъ красавецъ въ кольчугѣ. — Мой, не вашъ плѣнникъ!.. Рубить прикажу, если не отстанутъ... Ханъ-берды, головою за него отвѣчаши!

— Слушаю, таксыръ! отвѣчаетъ должно-быть Ханъ-берды. — Слушаю... Принесли только еще людей на подмогу.

Не слышно ни криковъ, ни даже громкаго говора; но сколько бѣшеной злобы чувствуется въ этой темной толпѣ, живую стѣной окружившей его — безсильнаго, безоружнаго, связаннаго по рукамъ и по ногамъ... И вспомнилъ Наля запасной баранъ на призывъ у котла, того тоже обрели въ жертву ножу, но положеніе того лучше: его не обдавали ядомъ ненависти и злобы, — его даже ласкали. Самъ Наль кусочекъ сахару далъ... „Фу, какія глупости лѣзутъ въ голову!.. А что наши?.. Шолобовъ, докторъ?.. что съ тѣми?.. Тамъ тихо... ни выстрѣловъ, ни шума борьбы... Да... пока... по нимъ готовится то же... О, Господи! какъ глупо попался! и помочь не въ силахъ, предупредить... безъ боя, безславно! и впрямь точно барана на пловъ... О, какая тоска, какое невыносимое мученіе!“

— Чего стонешь? Развѣ связалъ больно? нагнулся Ханъ-берды. — погоди, послѣ больнѣ будетъ... Не рвись, не рвись! полегче!.. Молись своему Богу лучше.. Вѣрнѣе будетъ!

И хочетъ Наль молиться, да не можетъ... Все въ головѣ перепуталось: и чудный, полный любви, величавый образъ матери, а съ нимъ и картины дѣтства, блескъ обстановки — и, какъ въ туманѣ, чуть обрисовывающійся обликъ покойнаго отца, и суровыя, но добрыя лица товарищей, и этотъ красивый змѣненный Гуль-Гуль, и какія-то чудныя невѣдомыя грѣзы, высокія горы, покрытыя вѣчными льдами, таинственная сѣнь полуденныхъ лѣсовъ, просторъ безконечнаго синяго моря, а за нимъ — туманъ; и вотъ что-то величавое проступаетъ въ этомъ туманѣ, къ нему близится, склонилось надъ нимъ и шепчетъ:

— Сынъ мой, это я... Иди за мною... иди, не спрашивая! Иди туда, гдѣ нѣтъ ни вѣчной тьмы, ни вѣчнаго свѣта, — гдѣ царитъ только безконечно-отраднѣй покой... Иди безъ раздумья, только съ одною стѣпкою вѣрою... Иди, иди за мною!

— Иду... чуть слышно прошептали губы Наля, и онъ забылся... Сознаніе отлетѣло, а съ нимъ и мучительная боль въ кистяхъ рукъ, въ затекшихъ отъ неестественнаго положенія ногахъ... И какой миръ, какой полный покой насталъ въ его душѣ!..

„Это смерть?“ промелькнулъ невольный вопросъ.

— Нѣтъ, это преддверіе вѣчнаго, божественнаго небытія... ясно отвѣтилъ все тотъ же призывающій голосъ.

Сергѣй Николаевичъ заснулъ и, должно-быть, очень крѣпко.

Во снѣ видѣлось ему, будто онъ уже не плѣнникъ, не безпомощный мѣшокъ, крѣпко опутанный веревками, — напротивъ, онъ движется совершенно свободно... идетъ... даже очень скоро, торопясь поспѣвать за тѣмъ, кто ведетъ его за руку. А этотъ, ведущій, — все тотъ же невѣдомый старикъ, величавый, кроткій и вмѣстѣ страшный, нежеланный, какъ что-то насильственное, роковое, отнимающее собственную волю, лишающее яснаго сознанія.

Чуть касается руки Наля ведущая рука, а кажется ему, что легче бы бороться съ десятками прежнихъ грубыхъ рукъ, съ этими тугими узлами кушаковъ, чѣмъ теперь. И боится Наль оскорбить эту руку даже намекомъ на сопротивленіе

А идутъ они оба уже давно. Давно уже не слышно кругомъ никакихъ голосовъ, давно уже не видно никакихъ огней и въ воздухѣ не пахнетъ кострами да люднымъ становищемъ. Свѣжо вѣетъ съ горныхъ высотъ, дышется легко и привольно. Мириады звѣздъ усеяли ночное небо — и на востокѣ первое преддверіе утренней зари серебристою полосою занимается...

— Здѣсь отдохнемъ! говоритъ ведущій.

Они остановились.

Старикъ разостлалъ на каменистую почву верхнюю одежду, и Наль покорно опустился на землю.

— Засни! проговорилъ старикъ.

И Наль заснулъ.

Да, теперь это дѣйствительно сонъ, а то, что было, то наяву. Они шли въ дѣйствительности и шли долго. Далеко ушли они отъ мѣста народнаго гульбища, отъ мѣста ненависти и крови...

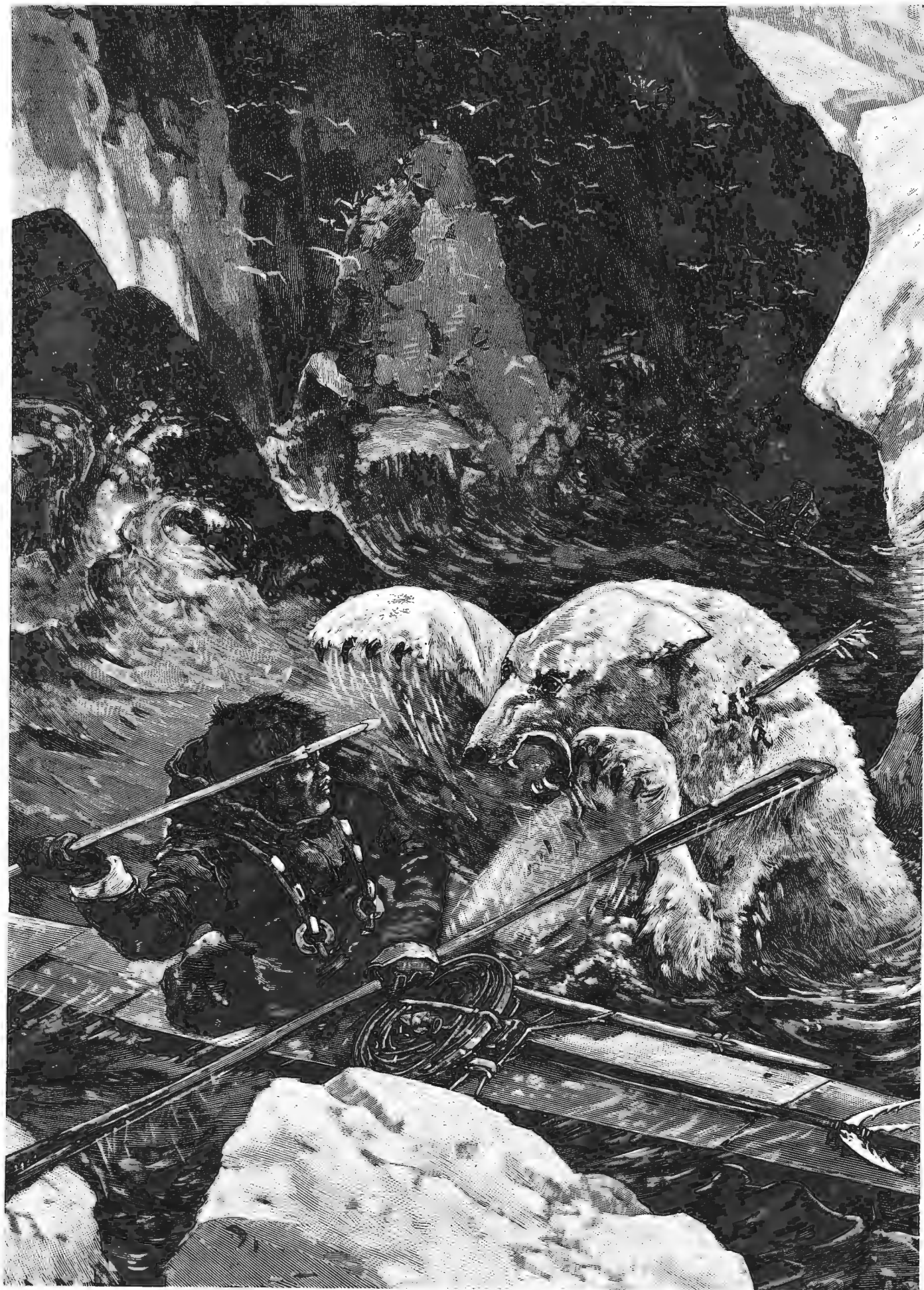
(Продолженіе будетъ.)

На краю свѣта

Рассказъ Геймса.

Тамъ далеко, „на краю свѣта“, гдѣ жизнь еще не втиснута въ шаблонныя рамки условной рутины, зачастую можно встрѣтить людей, жизнь которыхъ будто дѣлкомъ выхвачена изъ волшебной сказки, до того она переполнена интереснѣйшихъ приключеній и превратностей. Такъ, напримеръ, на одномъ базу въ Кингстонѣ-на-Ямаикѣ я случайно разговорился и повезу

познакомился съ однимъ чрезвычайно симпатичнымъ человекомъ, — виднымъ, красивымъ мужчиной. Имена свои мы, какъ водится, пробормотали такъ невнятно, что я долго не зналъ, съ кѣмъ говорю; мой собеседникъ, вѣроятно, былъ такъ же мало свѣдущъ по отношенію къ моей особѣ. Тѣмъ не менѣе это не помѣшало намъ сдѣлаться въ самое короткое время

Эскимось въ борбѣ съ бѣлымъ медвѣдемъ. Рис. Ряхтеръ, грав. Клоессъ.

наилучшими друзьями. У насъ сразу нашлось двѣ точки соприкосновения: во-первыхъ, оба мы любили море и хорошо его знали; во-вторыхъ, сдѣлали пріятное открытіе, что мы почти изъ одной мѣстности: онъ — нѣсколькими милями сѣвернѣе, а — нѣсколькими милями южнѣе датской границы. Вокругъ насъ разговоръ шелъ по-англійски; поэтому намъ доставляло удовольствіе говорить другъ съ другомъ по-датски, отчасти оттого, что намъ были пріятны самые эти давно знакомые звуки языка, отчасти потому, что—какъ мы были увѣрены—насъ здѣсь никто не понималъ, а это всегда имѣетъ свою прелесть.

— Однако, что это мы тутъ стоимъ да смотримъ на толпу? замѣтилъ капитанъ Туксенъ.—Пойдемте-ка, я здѣсь знаю всѣ закоулки. Въ домѣ есть уютные уголки, гдѣ можно съ большимъ удовольствіемъ распить бутылочку-другую; я уже объ этомъ позабочусь, какъ старый другъ дома. Мы еще прихватимъ съ собою кое-кого, кто также можетъ-быть васъ заинтересуетъ: вонъ ту высокую бѣлокурую даму, мою жену. Пойдемте, я васъ представлю. Она чистокровная датчанка и будетъ въ восторгѣ встрѣтить почти земляка, съ которымъ можетъ поговорить на родномъ языкѣ.

Онъ взялъ меня подъ руку, и мы съ трудомъ протѣснились сквозь толпу къ красной молодой женщинѣ, которая стояла, слегка прислонясь къ колоннѣ. Она была поразительно хороша собой: стройная, могучая фигура валькирии съ великолѣпною головою и роскошными волнами волосъ, завитки которыхъ свободно ниспадали ей на плечи, сдерживаясь только свѣтло-голубымъ бантомъ. Совершенно гладкое бѣлье платье пріятно отличалось отъ нестрыхъ нарядовъ англичанокъ благородною простотою и скромнымъ вырѣзомъ на груди; руки въ очень длинныхъ перчаткахъ были опущены и небрежно держали вѣеръ, между тѣмъ какъ вокругъ въ сутолокѣ бала этотъ, самъ по себѣ невнятный предметъ, приобрѣталъ въ рукахъ креолокъ далеко не невнятное значеніе. Менѣе удачно владѣли имъ англійскія дамы. А молодая датчанка, не двигаясь, задумчиво смотрѣла куда-то вдаль поверхъ толпы,—чуждое ей, но прекрасное явленіе.

При видѣ жены лицо моего спутника озарилось улыбкой счастья. Онъ тихонько положилъ ей на плечо руку и позвалъ:

— Тира!

Она быстро обернулась—она стояла къ намъ бокомъ.

— Гдѣ ты такъ долго пронадалъ, Аксель? радостно спросила она.

Да, это была восхитительная женщина.

— Могу я представить тебѣ сосѣда по границѣ, съ которымъ ты можешь говорить по-датски?

— Конечно! съ живостью воскликнула она,—гдѣ онъ?

— Здѣсь.

Туксенъ выдвинулъ меня впередъ и назвалъ мою фамилію.

— Офицеръ съ нѣмецкаго фрегата.

Она протянула мнѣ руку любезно и непринужденно:

— Очень рада!

Все въ пей—каждое слово, каждое движеніе—было просто и искренно. Съ перваго взгляда нельзя было не почувствовать довѣрія къ этой бѣлокурой женщинѣ. Но какою крѣпкою броней нужно было, вѣроятно, одѣть свое сердце тому, кого она удостаивала своею дружбой, чтобы эта дружба не переняла для него въ безнадежную любовь! Зато человѣкъ называвшій ее своею — должно-быть былъ очень счастливъ и очень гордъ.

— Тира, ты идешь съ нами? спросилъ капитанъ. — Мы хотимъ уйти отсюда и основать маленькое государство викинговъ; въ библіотекѣ м-ра Блони намъ никто не помѣшаетъ. Я позабочусь о какомъ-нибудь напитокѣ, а ты сведи туда своего полуземляка. Предложите, пожалуйста, руку моей женѣ! Гордо выпрямившись, я пошелъ съ нею по залѣ. Мы шли медленно. Я былъ выше ея ростомъ; разговаривая, ей приходилось смотрѣть на меня снизу вверхъ. Что за прекрасное лицо! Что-то меня поразило въ немъ, только я не зналъ что именно.

Одна изъ танцующихъ паръ толкнула насъ. Г-жа Туксенъ поскользнулась и съ легкимъ крикомъ испуга крѣпко схватилась обими руками за мою руку.

— Я хожу неуверенно, сказала она, — легко падаю, и мнѣ очень трудно подниматься.

— Отчего?

— Мнѣ предписаны медленные движенія; вы не замѣчаете, что я хромаю?

Только теперь я обратилъ вниманіе на ея походку.

— Вы повредили себѣ ногу?

— Да, я получила ударъ топора въ колѣно три года тому назадъ.

— Вы? какимъ образомъ? спросилъ я, сильно удивленный.

— Это длинная исторія, сказала она смѣясь; — ее можетъ вамъ рассказать мужъ; съ того же времени у меня эта плохо зажившая рана надъ глазомъ.

Такъ вотъ что мнѣ показалось страннымъ въ этой сѣверной красавицѣ!

Медленно пошли мы дальше. Она крѣпко оперлась на мою руку.

— Мнѣ пришлось бы плохо, не ѣзди я верхомъ, шутила она.—Лошадь замѣняетъ все, въ чемъ мнѣ отказано.

Библіотека м-ра Блони была прелестный тихій уголокъ. Мы усѣлись подъ великолѣпными пальмами. Скрытый въ листвѣ темнокрасный фонарикъ обливалъ насъ своимъ магнитъ свѣтомъ, оставляя всю комнату въ таинственномъ полумракѣ. Надали доносились звуки музыки и шумъ бала. Я былъ въ какомъ-то особенно пріятномъ настроеніи духа, чему немало способствовала близость этой милой молодой женщины, которую къ тому же окружалъ ореолъ нѣсколько романичный: не у кухонной же плиты, въ самомъ дѣлѣ, получаютъ удары топоромъ или кинжаломъ!

Тутъ подошелъ супругъ съ бутылкой шампанскаго подъ мышкою и тремя бокалами въ рукахъ.

Г-жа Туксенъ полулежала на диванѣ, задумчиво глядя вверхъ по направленію къ фонарику, вся облитая его красноватымъ свѣтомъ. Трудно было оторваться отъ этой очаровательной картины!

Капитанъ наполнилъ бокалы пѣнистымъ напиткомъ и высоко поднял свой.

— Skaal! сказалъ онъ по-датски.

Мы чокнулись.

Хорошо было въ этомъ уютномъ уголкѣ, въ обществѣ этой удивительно симпатичной чегы! Я долженъ былъ рассказывать г-жѣ Туксенъ о ея далекой родинѣ, гдѣ теперь на изгородяхъ, валахъ и дорогахъ лежалъ глубокой снѣгъ; гдѣ бѣдные голодные жаворонки залетали во дворы домовъ и, безстрашно припрыгивая у самаго крыльца, искали себѣ корму; гдѣ скоро въ крытыхъ соломою домикахъ зажгутся веселыя ѣлки. Она слушала, улыбаясь.

— Уже шесть лѣтъ, какъ я не видѣла снѣга и льда, сказала она почти съ грустью. — Всѣ въ мірѣ пальмы отдала бы за одну единственную душистую ѣлочку!

— А когда ты въ послѣдній разъ видѣла снѣгъ и ледъ, перебилъ ее мужъ, — то, кажется, не особенно радовалась, — поминишь, тамъ въ Магеллановомъ проливѣ, „на краю снѣга“?

— Какъ вы туда попали? съ изумленіемъ спросилъ я.

— Мы здѣсь такъ славно усѣлись, началъ онъ вмѣсто отвѣта, — можно рассказать эту исторію, Тира?

Она склонилась въ знакъ согласія свою прекрасную голову.

— Почему же нѣтъ? сказала она съ присущей ей милою простотою.—Если я ничего не имѣю противъ того, чтобы всѣ лейтенанты и клерки знали, какъ мы съ тобою встрѣтились, то совсѣмъ другое дѣло съ сосѣдомъ по родному краю, даже можно сказать—съ землякомъ, тѣмъ болѣе, что онъ убѣждаетъ отсюда и въ шумѣ волнъ скоро забудетъ нашу маленькую повесть.

Я поспѣшилъ чистосердечно завѣрить ее въ противномъ.

— Тогда тѣмъ лучше! ласково сказала она.

Передъ нашими ворами въ глубинѣ лежала гавань со своими площадками. Сквозь аркады веранды къ намъ доносилось легкое дуновение вѣтра замѣтнаго вѣтерка. Тамъ и сямъ, какъ огненные искры, сверкали и проносились мимо великолѣпные свѣтлячеса жучки; они то вынырнуть изъ мглы, то опять въ ней пропадутъ, и мракъ будто становится еще гуще. Это была волшебна прекрасная ночь, и я никогда ея не забуду.

— Я долженъ начать нѣсколько издали, заговорилъ капитанъ, — чтобы было понятно, какимъ образомъ я очутился командиромъ одной чилійской канонерки и въ качествѣ такового крейсировалъ въ Магеллановомъ проливѣ. Но я постараюсь быть какъ можно кратче. Достаточно для начала рассказать, что я былъ когда-то морскимъ вадетомъ въ Дани, потомъ въ американской междоусобной войнѣ сражался на сторонѣ Южныхъ Штатовъ въ битвѣ на рейдѣ Гамптонъ-Родса; потомъ перешелъ къ императору Максимилиану и сдѣлался знаменосцемъ въ его лейбъ-гвардіи.

Должно-быть я посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Вы сомнѣваетесь? засмѣялся онъ.—Вотъ доказательства.

Онъ досталъ изъ кармана накетикъ въ красной шелковой оберткѣ и вынулъ оттуда сверкающую орденскую звѣзду и крестъ.

— Смотрите, это орденъ Розы императора Максимилиана, а это крестъ за храбрость, честно заслуженный и приколотый самимъ императоромъ. Здѣсь нельзя этого носить, но я все-таки съ ними не расстаюсь.

Я коснулся звѣзды и креста.

— Вы много пережили! сказалъ я съ непритворнымъ изумленіемъ.

— Самое интересное еще впереди, улыбнулся онъ. — Skaal!

Онъ указалъ пробѣгавшему мимо лакею на опорожненную бутылку.

— Вы будете еще больше удивляться. Когда вспыхнула война между Чили и Перу, моряки, умѣвшие управляться съ пушкой, встрѣчали особенно радушный приемъ въ Чили: вѣдь приходилось защищаться противъ много превосходившихъ морскихъ силъ Перу. Мнѣ повезло: я былъ на славною памяти фрегатѣ „Эсмеральда“, когда перуанскій мониторъ „Гуаскаръ“ дважды на всѣхъ парахъ врѣзался въ наше дряхлое судно, хотя оба раза едва-едва не былъ взятъ чилій-

цами на бордаж; онъ спасся только благодаря тому, что быстро далъ задній ходъ, и что храбрецы, уже сирывнувшие на него съ фрегата, съ незабвеннымъ командиромъ Артуромъ Пратомъ во главѣ, были все изрублены. Когда мониторъ третій разъ вѣрнулся въ смертельно раненое судно, оно не могло больше дать отпора и пошло ко дну. Но когда волны смыкались надъ палубой, изъ жерла послѣдней пушки, едва видѣвшейся надъ водою, все-таки раздался еще одинъ послѣдній выстрѣлъ по торжествующему неприятелю. И я пошелъ ко дну, но былъ вытащенъ; при обмѣнѣ плавучихъ снова попалъ къ чилийцамъ и былъ вахтеннымъ на „Кавадонгѣ“, когда мы взидали на скалы панцирной фрегаты „Индепенденція“. Онъ гнался за нашей маленькой канонеркой. Мы считали себя погибшими. Тогда нашъ командиръ сталъ держать прямо на ороасанный рифомъ берегъ. Все мы были спокойны и безстрашно смотрѣли въ глаза смерти, лишь бы судно не досталось неприятелю. Наконецъ насталъ моментъ, когда оно должно было разбиться... Оно легло прямо на скалы. Вдругъ волна прилива приподняла маленькое суденышко и перебросила черезъ рифъ на глубокое мѣсто. „Индепенденція“, точно обезумѣвъ, неслась за нами по пятамъ. Страшный трескъ — и она крѣпко засѣла въ камняхъ, чтобы уже никогда не подняться. Тутъ мы изъ нашего единственнаго орудія стали до тѣхъ поръ бить ея палубу отъ носа до кормы, пока мачта за мачтой не попадали черезъ бортъ и гордое панцирное судно, — теперь жалкій обломокъ, — не опустило передъ „Кавадонгой“ своего флага. Господи, какъ загремѣло тогда наше „ура!“

Г-жа Туксенъ блестящими глазами смотрѣла на мужа. Ея отважное молодое сердце радовалось боямъ и побѣдамъ.

— Я былъ при томъ, продолжалъ онъ, — какъ взлетѣла на воздухъ „Лоа“, коварно обманутая неприятелемъ. Наша команда, послѣ долгой, многотрудной, полной лишений блокады берега, была рада даже такой добычѣ, какъ одиноко плававшая покинутая лодка съ превосходными овощами и сочными фруктами. Пригнали ее, стали разгружать, а тутъ вдругъ одинъ наступилъ на проводникъ адской машины. Судно взлетѣло... Я очутился въ водѣ, оглушенный, но почти не раненый. Плававшая между обломками, я видѣлъ то, чего не забуду во всю свою жизнь. Хотя это и не относится къ моей исторіи, но я все-таки расскажу адсье, къ чести тѣхъ героевъ всехъ странъ и народовъ, которые являютъ вѣрность до гроба. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ также утѣлялся отъ страшнаго кораблекрушенія, но не умѣя хорошо плавать, сталъ опять тонуть. Это видитъ его слуга, который тоже не умѣетъ плавать, но поймалъ якорный поплавокъ и за него держится. Не говоря ни слова, онъ его перекидываетъ черезъ голову, подвигаетъ лейтенанту, а самъ — идетъ ко дну!

Мы ничего не сказали. Тихо склонились вмѣстѣ бокалы, молча осушили мы ихъ.

— Однако къ дѣлу, продолжалъ онъ, усаживаясь поудобнѣе. — Это нужно было рассказать, чтобы вы поняли, какимъ образомъ я по окончаніи войны попалъ въ командиры чилийскаго военнаго судна, и именно канонерки, которая должна была слѣдить за господами охотниками на тюленей и одновременно, за пещересами. О тѣхъ и другихъ въ то время ходили не совсѣмъ хорошіе слухи. Были вы когда-нибудь въ Магеллановомъ проливѣ? прервалъ онъ свой рассказъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Значитъ вы лишились самаго прекраснаго и величественнаго

наго зрѣлища въ мірѣ, сказали онъ. — Возьмите вашъ Рейнъ и заставьте его течь по той части Швейцаріи, гдѣ она всего внушительнѣе, — тогда вы будете имѣть слабое подобіе. Мѣсто дѣйствія моей исторіи Майнъ-Гарбургъ. Прекраснѣе я ничего не видывалъ. Представьте себѣ утѣренной величныи бассейны гавани съ чрезвычайно узкимъ входомъ. А теперь вообразите себѣ скалистые стѣны этой гавани, почти сплошь поросшіи кровавокрасными цвѣтами азалии, и это футовъ на пятьдесятъ въ вышину. Каждый стволъ, каждый пень обвитъ, опутанъ ими. А гдѣ нѣтъ цвѣтовъ, тамъ стелется ковромъ мохъ вышнюю въ цѣлый метръ, всехъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ сибѣжно-бѣлаго до темнаго, почти чернаго. Это первый этажъ чудной сказной декорации. А надъ вами подымается второй, субтропическій лѣсъ съ цвѣтущею миртой, гордымъ лавромъ и высокими древовидными папоротниками. Въ третьемъ этажѣ — все болѣе и болѣе рѣдѣющей хвойный лѣсъ, а въ вышнѣй — вѣчный снѣгъ, изъ котораго поднимаются ослѣпительной бѣлизны исполинскіе пики, ниспадающіе до самаго залива огромные зеленовато-голубые глетчеры или — въ лѣтнее время — бурные гремѣщіе водопады, какъ тотъ, который въ глубинѣ залива стремится съ уступа на уступъ къ долинѣ, далеко разбрасывая отливашую всѣми цвѣтами радуги бѣлую пѣну.

И все это могучее великолѣпнѣе природы, это необычайное множество цвѣтовъ, изъ года-въ-годъ расцвѣтающихъ и опадающихъ — въ безмолвной, беззвучной тишинѣ, рѣдко радуя человѣческой взоръ... Есть что-то необъяснимо-величественное въ этой тишинѣ, нарушаемой только шумомъ водопада. Отъ времени до времени стала вырваться бороздить воду крыломъ; тамъ исполнитъ-внѣ, фыркая, прокладываетъ себѣ дорогу сквозь зеленая воды пролива; грѣется на солнцѣ компания тюленей на плоскомъ скалистомъ прибрежьи — это единственныя проявленія жизни на всемъ протяженіи пролива съ его безчисленными плавучими и бухтами. Въ этой глухой пустынѣ, на краю свѣта, природа ведетъ свою тихую, неслышную, но колоссальную, на взглядъ того кто ее понимаетъ, даже подавляющую работу, расточая такіа красоты, какія только возможны на земномъ шарѣ.

Но въ глубинѣ непроходимыхъ лѣсовъ, тамъ, гдѣ мягкій перистый коверъ мха часто скрываетъ бездонную трясину, мѣстами гнѣздится малочисленное человѣческое племя, выдавая свое присутствие лишь струйкою голубоватаго дыма надъ кронами вѣковыхъ деревьевъ. Это прятующееся въ лѣсной чащѣ племя — пещересы. Они равнодушны къ красотамъ окружающей ихъ природы — слишкомъ ужъ трудна имъ борьба за существованіе! Дарвинъ представилъ ихъ въ очень невыгодномъ свѣтѣ, отвелъ мѣсто на самой низкой ступени человѣчества. Между тѣмъ, что касается ихъ наружности, я не могу съ нимъ такъ безрассосовно согласиться. Между этими коричневыми молодцами приходилось встрѣчать не одного симпатичнаго субъекта, особенно между молодыми, а дѣти — тѣ мнѣ просто доставляли удовольствіе, когда изъ какаго-нибудь встрѣчнаго челнока вдругъ пугливо вынырнетъ пухлодѣ цыновокъ кудрявая головка, и пара большихъ черныхъ глазъ робко уставится на большой корабль и на насъ, бѣлыхъ людей. Вообще между неграми я видѣлъ гораздо больше отталкивающихъ фizioномій, чѣмъ между пещересами; но въ глубинѣ души они дикіе въ полномъ значеніи этого слова, и понавшему въ ихъ руки беззащитному человѣку грозятъ страшная участь.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Почки и ихъ отправленія.

Мы нерѣдко восхищаемся быстрыми шагами современной науки на пути къ всевозможнымъ изобрѣтеніямъ въ области механики; но многіе изъ насъ даже не подозреваютъ того, что наиболѣе достойный восхищенія, наиболѣе производительный механизмъ — наше собственное тѣло. Мы дивимся колоссальнымъ гидравлическимъ машинамъ, этимъ произведеніямъ нашего желѣзнаго вѣка; но никто не думаетъ о томъ, что самый сильный и дѣятельный гидравлическій насосъ бьется въ нашей груди въ видѣ крошечнаго сердечнаго мускула. Принято чуть не съ благоговѣніемъ говорить объ усилкахъ телеграфнаго дѣла за послѣднее время; но многіе-ли проникнуты сознаніемъ того, что едва-ли когда-нибудь будетъ изобрѣтенъ болѣе надежный и быстрый способъ телеграфированія, чѣмъ съ помощью нервовъ нашего тѣла? Какъ перевозятъ тѣ мастерскія, въ которыхъ простѣйшіе сырые материалы превращаются въ предметы высокой цѣнности, отличающіеся полезностью и красотой! А между тѣмъ нельзя и вообразить себѣ мастерской, которая была бы совершеннѣе человѣческаго организма, перерабатывающаго воздухъ, пищу и питье въ ослѣпительно бѣлый, крѣпкій какъ желѣзо, костяной скелетъ, въ мускулы, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ представляется машиной, въ алую кровь — этотъ жизненный сокъ, въ хорошо округленные члены, словомъ — въ цѣлаго человѣка, въ живое существо.

Новѣйшая наука открыла множество разнообразныхъ способовъ очищенія, съ помощью которыхъ дурными веществами

отдѣляются отъ хорошихъ, чистыя отъ нечистыхъ. А между тѣмъ еще нигдѣ не приложено столько заботъ къ удаленію всего лишняго, ненужнаго, какъ внутри человѣческаго тѣла, нѣмногого въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ превосходно приспособленныхъ для этой цѣли аппаратовъ. На первомъ планѣ — дыхательный аппаратъ, который помогаетъ выдѣленію бесполезныхъ, негодныхъ къ употребленію веществъ: черезъ легкія улетучивается углекислота и избыточная вода. Также съ помощью кожи освобождается отъ обременяющихъ ее отбросовъ, которые скопляются при переработкѣ пищи и питья въ различныхъ лабораторіяхъ нашего тѣла. Въ каждой мастерской, гдѣ идетъ дѣятельная работа, скопляется пыль и грязь; точно такъ же и въ человѣческомъ тѣлѣ скопляется достаточное количество веществъ негодныхъ, а при болѣе продолжительномъ ихъ тамъ пребываніи даже вредныхъ.

Другую часть веществъ, негодныхъ къ употребленію, удалять изъ организма селезенка, расположенная въ верхней лѣвой части брюшной полости, ограниченная съ правой стороны желудкомъ, съ лѣвой — ребрами. Главными же факторами въ дѣлѣ удаленія негодныхъ продуктовъ являются почки; онѣ содѣйствуютъ освобожденію крови отъ дурныхъ веществъ гораздо болѣе, чѣмъ кожа и селезенка.

Но какъ мало кто понимаетъ отправленія этого въ высшей степени важнаго фильтрующаго аппарата! Его мѣстонахожденіе въ глубинѣ организма и нечувствительность, вслѣдствіе которой онъ лишь очень рѣдко напоминаетъ о себѣ болью,

Любимый цвѣтокъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, автотппія Ангерера

Полольщицы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Глоба, автотипия Ангерера.

служать причиною того, что на вышеупомянутый аппарат почти не обращается внимания. Дурным последствиемъ такого къ нему отношенія является множество почечныхъ болѣзней и связанныхъ съ ними страданій, которыя по большей части навѣрно были бы предотвращены, еслибы мы лучше понимали устройство и жизненныя отправления нашего тѣла. Малыя причины часто вызываютъ большія послѣдствія. Такъ бываетъ въ исторіи, въ наукѣ и въ человеческой жизни. Необдуманное слово, плохо перетолкованное замѣчаніе часто служили причинами большихъ войнъ. Крошечное отверстие въ плотины можетъ погубить цѣлую страну; одна искра — взорвать на воздухъ цѣлое зданіе. Такъ и небрежное отношеніе хотя бы къ одному органу нашего тѣла можетъ въ конце разстроитъ здоровье и свести въ преждевременную могилу.

Почки помѣщаются въ срединной части брюшной полости, у спины, по обѣимъ сторонамъ верхнихъ поясничныхъ позвонковъ; справа отъ нихъ лежитъ печень; лѣвая почка отчасти прикрыта селезенкой. Длина ихъ, 9 сантиметровъ, соответствуетъ длинѣ средняго пальца; ширина отъ 5 до 6 сантиметровъ; толщина отъ 3 до 3½ сантиметровъ. Формою своею почки напоминаютъ большой бобъ, цвѣтомъ — не слишкомъ пережаренный, красновато-коричневый кофе. Своими вогнутыми краями почки, расположенныя по обѣимъ сторонамъ туловища, обращены къ позвоночнику. Поверхность почекъ гладкая; она состоитъ изъ жироваго слоя, расширяющагося по направленію къ вогнутымъ краямъ. Подъ этимъ слоемъ лежитъ крѣпкая волокнистая сумка, сросшаяся съ корковымъ или наружнымъ слоемъ почки.

Важнѣйшія отправления почекъ совершаются въ ихъ корковомъ слое, имѣющемъ въ толщину едва лишь одинъ сантиметръ, и если бы было возможно дѣлать наблюденія надъ этою крошечною лабораторіей, когда тамъ работа въ полномъ разгарѣ, то зрѣлище представилось бы поразительное.

Въ этомъ корковомъ слое прежде всего мы замѣчаемъ массу кровеносныхъ сосудовъ, такъ какъ почки вообще поглощаютъ кровью, имѣя своею задачею очищать послѣднюю; сосуды эти расположены густою сѣтью, среди которой залегаютъ значительное число другихъ сосудовъ нѣсколько толще первыхъ, которые однако не содержатъ въ себѣ крови и идутъ частью прямо, частью извилинами: это мочевые каналцы. Во многихъ мѣстахъ корковаго слоя бросаются въ глаза болѣе тѣсныя сплетенія этихъ капилляровъ въ форму шариковъ. Раскрывъ одинъ изъ такихъ шариковъ, мы найдемъ внутри спутанный клубокъ тонкихъ нитей: передъ нами та таинственная камера, въ которой кровь освобождается отъ мочи и откуда эта послѣдняя поступаетъ въ мочевые каналцы. Выбѣсть съ тѣмъ, этимъ же путемъ выдѣляется изъ организма большая часть скопившейся въ немъ лишней воды.

Чрезвычайно тонкія трубочки, выводящія мочу изъ почечныхъ клубочковъ, сначала дѣлаютъ нѣсколько извилинъ, потомъ соединяются съ однородными трубочками и направляются внизу и внутри, постепенно расширяясь и принимая то здѣсь, то тамъ новые каналы. Дюжины и сотни такихъ трубочекъ наконецъ сходятся въ одной точкѣ почти лучеобразно и образуютъ пирамиду, которая называется Мальпигиевой, по имени открывшаго ее заслуженнаго итальянскаго анатома и физиолога.

Такихъ пирамидъ не одна, а цѣлый рядъ, одна воелѣ другой, причемъ ихъ основанія покоятся всегда на корковомъ слое почки, а вершины обращены къ внутренней части этого органа, гдѣ находится полость, распространяющаяся особенно къ вогнутой во внутрь сторонѣ почекъ. Эта полость называется *почечною лоханкою*; она выстлана прочной оболочкой, и въ ней собирается моча, стекающая сюда изъ вершинъ Мальпигиевыхъ пирамидъ. Изъ почечной лоханки моча течетъ по мочеточникамъ, двумя перепопчатымъ трубкамъ толщиной почти въ стволъ пера, и попадаетъ въ пузырь, откуда безъ дальнѣйшихъ странствованій извергается вонъ.

Замѣчательно, что на верхнемъ краѣ каждой почки лежитъ еще одно тѣло, довольно сходное съ почками по строенію и расположенію; оно представляетъ какъ бы сдавленную почку, въ вышину имѣетъ отъ 2 до 2½ сантиметровъ, въ ширину отъ 4 до 5 сантиметровъ, а въ толщину лишь нѣсколько миллиметровъ. Эта *надпочечная железа* хоть и снабжена трубчатымъ и корковымъ веществомъ, однако не имѣетъ выводнаго канала и назначеніе ея до сихъ поръ неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе можно допустить, что она находится въ извѣстной связи съ главными почками, которымъ и помогаетъ при случаѣ, когда онѣ обременены непосильною работою.

Опасность переутомленія для почекъ особенно велика. Не мало людей, которые самымъ неблагоприятнымъ образомъ вводятъ въ свой организмъ жидкости и этимъ чрезмерно нагружаютъ почки. Опасность становится особенно значительной, когда люди эти ведутъ сидячій образъ жизни, при которомъ ихъ легкія, кожа и мускулы плохо работаютъ; если къ тому же кишечникъ слабъ, то въ концѣ концовъ всѣ лишнія вещества, не находя себѣ другаго выхода, стремятся изъ различныхъ частей тѣла къ почкамъ, которыя одиѣ должны ихъ удалить. При такихъ условіяхъ не удивительно, что этотъ

маленькій органъ, которому и при нормальныхъ условіяхъ довольно дѣла, наконецъ слабѣетъ и заболѣваетъ.

Еще никогда не было столько больныхъ почками, какъ въ наше время; разстройства этого маленькаго кровоочистительнаго и обезжиривающаго аппарата порождаютъ множество часто непоправимыхъ бѣдъ. Упомянемъ здѣсь о рѣзи въ почкахъ, такъ-называемой почечной колики, которая является слѣдствіемъ присутствія камней въ почечной лоханкѣ, причиняетъ страшныя страданія и часто оканчивается смертью. Потому часто встрѣчаются и трудно поддаются лѣченію воспаленіе почекъ и туберкулезъ; наблюдались даже случаи почечнаго рака.

Во всякомъ случаѣ, число заболѣваній почекъ растетъ, и вопросъ о причинахъ этого явленія долженъ быть разрѣшенъ здѣсь же тѣмъ скорѣе, что это выставитъ въ настоящемъ свѣтѣ наши предвѣдущія положенія.

Наши современники страдаютъ болѣзнями почекъ вслѣдствіе того, что не понимаютъ отравленій и въ достаточной мѣрѣ не цѣнятъ рабочей производительности этого органа. Наши предки въ огромномъ большинствѣ, конечно, также мало были знакомы съ внутреннимъ устройствомъ человеческого организма; за то они работали своими мускулами больше насъ, за которыхъ работаютъ машины; они больше эксплуатировали свое тѣло и этимъ вообще поддерживали его въ хорошемъ состояніи. Если кому-нибудь случалось ввести въ свой организмъ больше жидкостей чѣмъ слѣдуетъ, — а чрезмерное употребленіе напитковъ практиковалось и въ старыя времена, оно не есть, какъ можно было бы думать, одна изъ отличительныхъ особенностей нашего времени, — то это не представляло такой опасности, какъ теперь. Насыщенный хлѣбъ приходилось тогда зарабатывать въ потѣ лица въ полномъ смыслѣ этого слова; такимъ образомъ, постоянно дѣятельный организмъ могъ легко справиться съ избыткомъ бесполезныхъ веществъ. Кожа служила хорошимъ фильтромъ, оказывая въ этомъ отношеніи большую помощь почкамъ. Здоровый человѣкъ, уже при легкой работѣ и даже въ состояніи покоя, незамѣтно теряетъ черезъ кожу въ теченіе одного дня 1/16 вѣса всей заключающейся въ немъ воды. И такъ, прежде всего этотъ природный фильтръ долженъ былъ являться на выручку; онъ и работалъ какъ нельзя лучше при дѣятельномъ пользованіи мускулами. Остальное довершалъ крѣпкія легкія, къ тому же и кишечникъ былъ въ болѣе порядкѣ; слѣдовательно злоупотребленіе напитками не имѣло такихъ дурныхъ послѣдствій какъ теперь. Наша культура заставлятъ насъ жить больше перами и мускуламъ предоставлятъ мало работы; поэтому на нашей обязанности лежитъ сглаживать этотъ недостатокъ, не напрягая своего организма слишкомъ односторонне.

Но какъ мало людей, дѣйствительно заботящихся объ регулированіи отравленій своего организма! Громадное большинство горожанъ не дышетъ всѣми легкими; комнатная жизнь, которую по большей части мы ведемъ, требуетъ дѣятельности дыхательныхъ органовъ лишь наполовину, вслѣдствіе чего легкія дѣлаются менѣе производительными въ дѣлѣ выведенія ненужныхъ веществъ. Кожа у многихъ не содержится въ должной чистотѣ, навѣжена, запущена. Есть такіе субъекты, у которыхъ лишь съ большимъ трудомъ можно вызвать испарину. Такимъ образомъ, этотъ фильтръ слишкомъ часто не достигаетъ своей цѣли.

А кишечникъ — какъ плохо онъ работаетъ у тѣхъ, кто со своего рабочаго стула встаетъ только для того, чтобы сѣсть за обѣденный столъ, кто по цѣлымъ часамъ сидитъ въ конторѣ или магазинѣ, за ткацкимъ станкомъ или на каюдрѣ, а вечеръ и часть ночи проводитъ за картами или въ трактирѣ за кружкою пива! Какимъ образомъ кишечникъ можетъ хорошо работать у людей, которые большую часть жизни проводятъ въ сидячемъ положеніи и въ часы отдыха не дѣлаютъ ничего для укрѣпленія этого органа, для возбужденія и облегченія его дѣятельности!

При такихъ условіяхъ усиленное и постоянное переполненіе организма жидкостями становится дѣйствительно опаснымъ. Тѣмъ не менѣе, наши интеллигенты пьютъ слишкомъ охотно, особенно тѣ изъ нихъ, мускулы которыхъ работаютъ всего менѣе, стало-быть всѣ природные фильтры которыхъ не въ порядкѣ. Условія городской жизни, искусственно приготовленная пища и чрезмерная наклонность ко всякаго рода напиткамъ влекутъ за собою самыя печальныя послѣдствія.

Довторяю: наши дѣды и прадеды пили не меньше насъ, за то лучше и скорѣе перерабатывали выпитое. У насъ же, напротивъ того, все сваливаютъ на почки. Если легкія работаютъ немного, если кожа не дѣйствуетъ какъ бы слѣдовало, а кишечникъ не выполняетъ въ должной мѣрѣ своихъ функций, то чтѣ же остается какъ не переутомленіе почекъ? На этотъ маленький, и безъ того не знающій отдыха, органъ наваливаютъ все новую работу, пока наконецъ онъ не ослабѣетъ и не откажется служить.

При нормальныхъ условіяхъ почки взрослого человѣка выдѣляютъ въ сутки 1½ килограмма мочи. У людей, искусственно употребляющихъ пиво или другіе напитки, это количество

утраивается, учетверяется; случается даже, что почки получают въ десять разъ больше того, что онѣ способны переработать.

За этимъ слѣдуетъ жестокая расплата. Кто чаще всего хвораетъ почками? — Люди, мало двигающіеся, съ вялыми мускулами, плохою кожей и беднѣйшимъ кишечникомъ.

Безъ сомнѣнія, почечныя разстройства, какъ и разстройства всего организма, могутъ быть вызваны другою крайностью, чрезмѣрнымъ напряженіемъ мускуловъ непосильною работою; но все-таки главный контингентъ больныхъ почками представляютъ люди боящіеся мускульнаго труда.

При злоупотребленіи почками постепенно ослабѣваетъ ихъ способность очищать кровь отъ извѣстныхъ отбросовъ. Одна часть мочевого вещества осаждается въ почечной лоханкѣ вмѣсто того, чтобы стекать дальше по мочеточнику. Эти осадки мало-по-малу превращаются въ твердые образованія, тѣ моче-вые камни, которые такъ страшно беспокоятъ больного и которые, не находя выхода изъ узкихъ каналовъ отягощеннаго ими органа, служатъ тяжелой помѣхой его отправленіямъ. При Брайтовой болѣзни почекъ, которая вообще считается неизлѣчимою, дѣло обстоитъ въ сущности немного иначе. Здѣсь, правда, нѣтъ каменистыхъ образованій; за то почечные сосуды очень ослаблены. Канальцы частью утрачены сплу отдѣлять изъ крови мочевины и мочевую кислоту; часть этихъ негодныхъ къ удоболенію и вредныхъ веществъ остается въ организмѣ и въ концѣ концовъ отравляетъ его. Вода также задерживается въ значительномъ количествѣ, и въ результатъ является водлика. Напротивъ того, бѣлковыя вещества, предназначенныя оставаться въ организмѣ для его питанія, выдѣляются изъ него большими массами. Это разстройство почечныхъ функций, разумеется, имѣетъ громадное вліяніе на здоровье, и если заблаговременно не принято мѣръ, то больной въ короткое время дѣлается жертвою болѣзни. Самая лучшая пища, содержащая въ себѣ массу бѣлковыхъ веществъ, не идетъ ему впрокъ, такъ какъ бѣлокъ въ организмѣ не удерживается. Что обремененіе почекъ является главною причиною болѣзни, видно изъ того, что больные почками обыкновенно имѣютъ сухую кожу съ закрытыми порами: она не работаетъ и вся тяжесть труда лежитъ на почкахъ.

Справедливость нашихъ положеній ясно доказывается тѣми удачными способами лѣченія, которые въ послѣднее время были примѣняемы многими врачами къ этого рода болѣзнямъ, слышнымъ прежде неизлѣчимыми. Лѣченіе состоитъ въ томъ, чтобы осторожно и постепенно заставлять работать другіе, кромѣ почекъ, кровоочистительные и обезжидивающіе аппараты организма больного и, какъ скоро это удастся, работа почекъ облегчена, этотъ органъ мало-по-малу крѣпнетъ и снова приобрѣтаетъ свои прежнія свойства.

Къ рисункамъ.

Георгіевскій монастырь въ Крыму.

(Рис. на стр. 793 и 796).

Въ 12 верстахъ отъ Севастополя, на южномъ берегу Чернаго моря, на тѣхъ скалахъ, гдѣ, по мнѣнію археологовъ, въ древности находился храмъ дѣвственной Діаны Таврической, нынѣ высится зданіе первокласснаго Георгіевскаго монастыря, празднующаго нынѣ тысячную годовщину своего основанія. Самая высокая изъ этихъ скалъ, въ древности называлась *Паренионъ* (дѣвственная) или *Фиолентъ*, нынѣ называется скалою Св. Георгія, такъ какъ, по преданію, послѣдній явился на сосѣднемъ съ нею утесѣ (см. рис. на стр. 793) погибавшимъ въ морѣ грекамъ и утѣшилъ бурю. Спасенные греки устроили въ скалѣ, на мѣстѣ своего крушенія, пещерную церковь (около 891 г.), а вскорѣ, воздвигнувъ нѣсколько келій, положили основаніе общежительному монастырю. Чудотворная икона Св. Георгія, обрѣтенная на томъ самомъ утесѣ, гдѣ явился великомученикъ, находилась въ монастырѣ до 1779 г., а затѣмъ была увезена митрополитомъ Ипатіемъ въ его новую митрополию.

Подъѣзжая къ обители съ сѣвера, по дорогѣ отъ Севастополя, сначала сильно разочаровываешься, встрѣчая среди пустынной мѣстности, покрытой самою скудною растительностью, монастырскія зданія довольно однообразной архитектуры.

Сѣрая стѣна, за нею сѣрыя деревья. Ни шелесту, ни тѣни. Входите въ калитку, направо казарма какал-то — и только... Лѣвизно зѣваетъ вамъ навстрѣчу собаченка, изъ какого-то окна выглядываетъ сонный монахъ и опять спрячется... Жарко... Лѣвивая ворона смотритъ на васъ со стѣны. Но вонъ направо какія-то глубокия, идущія внизъ и похожія на туннель ворота. Въ ихъ глубинѣ по желтымъ стѣнамъ играютъ какіе-то голубые, зеленые и золотистые отбѣнки. „Должно-быть, надо идти туда“, соображаете вы. Спросите не у кого. Спускаетесь, дѣлаете нѣсколько шаговъ — и останавливаетесь, ослѣпленные, изумленные, боясь свалиться въ какую-то бездну, полную красокъ и блеска, развернувшуюся подъ вами внезапно, неожиданно. Восторгъ подхватываетъ васъ невидимыми крылами и разомъ уноситъ въ такую сверкающую даль, гдѣ уже нѣтъ

Мы знали больного, которому одного только разумнаго лѣченія кожи гимнастикою, массажемъ и водою было достаточно для устраненія страданій почекъ. Тѣло больного, прежде почти не дававшееся психиатру, теперь стало покрываться равномерно распределенною благодѣтельной влагой. Такимъ образомъ почки сбросили часть тяготѣвшаго на нихъ гнета и начали дѣйствовать энергичнѣе. Моча начала отдѣляться въ большемъ количествѣ, съ нею удалялось все больше и больше воды и вредныхъ веществъ и все меньше и меньше бѣлка; водянистыя опухоли исчезали, почки видимо выдоравливались.

Многіе приписываютъ болѣзни почекъ простудѣ, не желая ничего слышать о крайнемъ раздраженіи и переутомленіи этого органа. Между тѣмъ та и другая причины сводятся къ одному и тому же: при сильной простудѣ кожа большею частью перестаетъ правильно функционировать, потъ уходитъ назадъ въ поры, и это одно уже представляетъ опасность для почекъ, которыя такимъ образомъ получаютъ больше работы.

Кромѣ того, есть еще извѣстныя вещества, которыя не только способствуютъ, но даже сами по себѣ служатъ поводомъ къ тяжелымъ заболѣваніямъ слабыхъ и восприимчивыхъ почекъ. Такимъ ядомъ для почекъ бываетъ, напримѣръ, часто употребляющійся для втираній скипидаръ; онъ особенно сильно дѣйствуетъ на этотъ органъ, вызывая изъ него кровянистыя отдѣленія; далѣе, такъ-называемыя шансиія мышкы, которыя при злоупотребленіи ими точно такъ же въ сильной степени вредятъ почкамъ; потомъ — сѣрная кислота и, при нѣкоторыхъ условіяхъ, хиининъ и мышьякъ — два лекарства, слишкомъ часто употребляющіяся самымъ легкомысленнымъ образомъ.

Все это только подтверждаетъ то положеніе, что обремененіе почекъ по своей винѣ, вслѣдствіе злоупотребленія ими, или же по незнанію и необдуманному съ ними обращенію, является главною причиною столь частыхъ въ настоящее время заболѣваній этого органа. Въ лабораторіи нашего организма идетъ дѣятельная работа; каждое колесо этого великолѣпнаго механизма неутомимо приводитъ въ движеніе другое; всѣ органы приспособлены самымъ остроумнымъ образомъ къ тому, чтобы, въ случаѣ слишкомъ сильнаго напряженія одного изъ нихъ, другой являлся къ нему на помощь. Тѣмъ не менѣе, пользование этимъ въ высшей степени цѣлесообразнымъ механизмомъ требуетъ яснаго пониманія его строения и управленія. Поэтому тотъ, кто не знаетъ своего тѣла и по незнанію или легкомыслію смѣется надъ законами физиологій, рано или поздно понесетъ наказаніе. Природа — неутомимый кредиторъ, требующій уплаты долга до послѣдней полушки. И такъ, пусть каждый по возможности поучается гигиенѣ и слѣдуетъ ея спасительнымъ совѣтамъ, для каковой цѣли нужно только немного выдержки и воздержности.

мѣста ни разочарованія, ни равнодушію. Вы не замѣчаете надъ монастырскія зданія и скромнаго храма, не видите садика съ деревьями, тѣни которыхъ скользятъ и играютъ по стѣнамъ обители. Вы видите только полную зелени, скалы и моря просятъ подъ собою. Мой спутникъ до того былъ пораженъ этимъ, что двинулся впередъ, протянувъ руки, точно чтобы не упасть. Онъ остановился, встрѣтивъ желѣзную рѣшетку, подъ которой крупна завѣзана узкою тропкою, ведущею васъ къ тому песчаному побережью, гдѣ едва замѣтною точкой чудится вамъ сползшій туда монахъ и бѣлыми червячками, точно выползшими изъ орѣха, кажутся купающіеся въ прозрачной, какъ кристаллъ, и голубой, какъ кобальтъ, морской водѣ. Голубая какъ кобальтъ, дальше она снѣдетъ какъ индigo, не теряя своей прозрачности. Прозрачна и полна блеска, прозрачна и въ то же время густа. Какъ хотите мирите это, но это такъ. А эти красновато-лиловыя мраморныя скалы съ рѣзкими тѣнями, съ точно какою-то дивною чеканкой золотистыхъ реберъ и угловъ, съ чернью трещинъ и щелей и позолоты, проступившей насквозь этой породы!.. Скалы лежатъ и въ морѣ, и у моря, но всѣ онѣ одинаково живутъ, одинаково теплятся — именно теплятся. Вамъ кажется, что подъ ихъ каменной грудью бѣжитъ теплая кровь — до такой степени онѣ живы. А бѣлое, едва замѣтное кружево прибоя, то свертывающееся, то развертывающееся на каймѣ, узенькой каймѣ берега... И эта чудная безконечность передъ вами, безконечность, надъ которой висите вы, прислонясь къ чугунной рѣшеткѣ ласточкина гнѣзда обители, прильпнившей къ скаламъ. Внизу подъ вашими ногами цѣлый водопадъ зелени, гдѣ каждый листокъ блещетъ и радуется, гдѣ тысячи птицъ, словно нашедшихъ среди окружающей пустыни единственныя пріюты, поютъ и водятся въ чащѣ... Облачко вдали показалося — и вы думаете, что оно наравнѣ съ вами; птица летитъ — она подъ вами, а подъ нею до моря еще далеко-далеко. Морели это движется, или оно стоитъ, а вы несетесь надъ нимъ? Или вы оба одинаково стремитесь куда-то? Да и гдѣ море? Вверху оно и отражено небомъ внизу, или небо вверху, въ неизъяснимыхъ глубинахъ своихъ отражаетъ море? Сознаніе терлетъ всякую почву, сказка становится дѣйствительностью, а на-

стоящая, жалкая, будничная дѣйствительность отбѣгаетъ куда-то назадъ, исчезаетъ безъ слѣда передъ этой осенней, лучистой, сверкающей фантазіей природы...

Потомъ уже вы видите—тѣнью заполненную террасу подъ собою, гдѣ журчитъ холодная струя воды, лада вь каменный бакетъ, различае те тысячн цвѣтовъ, поднявшихся изъ камня, точно скала глядитъ на васъ безчисленными ласковыми и яркими глазенками; видите по скату—пестрыя группы собравшихся сюда изъ Севастополя счастливецъ, вмѣстѣ съ вами любующихся этимъ чудомъ крымскаго берега. Вы различаете церкви и кельи, монаховъ, сидящихъ на крыльцѣ передъ ними, и вамъ досадно на ихъ равнодушныя лица. Вамъ кажется, что коршунъ, примостившійся въ это мгновение вонъ на тотъ выступъ базальтовой скалы, больше чѣмъ они понимаетъ и любитъ природу. Вы забываете, что именно монахъ выбралъ этотъ уголокъ и поселился здѣсь въ то время, какъ вы, мірскіе люди, ютились по бурнымъ осыпямъ и желтымъ рывинамъ того печальнаго и пустыннаго края, что за монастыремъ залегъ въ самую глубь Крыма.

Монахъ поселился, да,—и поселился давно. Здѣсь, какъ выше сказано, херсонесскіе греки устроили обитель еще въ первые вѣка христіанства. Она — одна изъ древнѣйшихъ по всему берегу Чернаго моря. Св. Георгій здѣсь смѣнилъ Діану Таврическую, которой на этихъ скалахъ былъ воздвигнутъ въ незапамятныя старь великолѣпный храмъ—храмъ Ифигеніи. Тутъ еще не особенно давно были видны остатки мраморныхъ колоннъ, и самый мысъ натѣво сначала назывался Пароеніонъ—мысомъ Дѣвы. Туда, къ нему, по узкимъ тропинкамъ и направился я сверху.

Вотъ путь, котораго я не забуду никогда. Солнце, зелень, шестель вѣтвей, крики цикады—и какіе крики, заглушающіе все кругомъ. Вамъ кажется, что звенятъ скалы, звенятъ листья, что самый воздухъ звенитъ каждымъ своимъ атомомъ. Звонъ цикады въ травѣ внизу, звонъ цикады вверху въ чащѣ, переплетающейся надъ вашей головой въ непроницаемые своды—и опять выступы голого утеса, и опять васъ жжетъ солнце, жжетъ во всю... За каждымъ поворотомъ головокругительной тропинки вамъ кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ берегъ. Но достаточно дорожкѣ выбѣжать на открытое мѣсто, и увы!—оказывается, что берегъ еще далеко внизу, что скалы еще не увеличились, борозды моря не обратились въ волны. Вы точно еще и не начинали спуска. И опять вы царапаетесь, сбѣгаете по ступенькамъ, вырубленнымъ въ скалѣ, держась за вѣтви сползаете на площадки утеса, чтобы нѣсколько отдышаться на нихъ и убѣдиться, что море все такъ же далеко, что скалы его еще стоятъ въ лиловой тѣни и борозды на водной поверхности еще не округлились въ уругія волны.

И все время оглушительный звонъ цикады и полетъ листьевъ, и все время южное пламенное солнце допниваетъ васъ своими золотыми лучами. Ужь и монастырь наверху точно сбѣжался въ одну горсточку, и зданія его все больше и больше тѣняются, точно стараются сбѣжаться поменьше, уйти въ скалу, будто и имъ страшно этой бездны. За-то когда я ступилъ наконецъ на узенькую кайму берега, полукругомъ охватившую заливъ, и оглянувшись на стѣну, по которой сползъ внизъ, на эти роши и базальтовые скалы, на эти вершины, такъ красиво рисующіяся въ небесахъ, я сразу понялъ, почему древніе выбрали именно здѣсь мѣсто для храма Ифигеніи, почему потомъ херсонесскіе греки построили тутъ первую таврическую обитель. Гдѣ на другомъ мѣстѣ можно такъ молиться! гдѣ благоговѣйныя созерцанія и самоуглубленія могутъ достигъ такой силы!

Все, что сверху заслонено было выступами утесовъ, здѣсь выдвинулось на первый планъ. Громадная бухта, заканчивающаяся направо мысомъ Фиолентомъ, кажущимся отдѣльною чудовищною скалою, сплошь охваченною лиловою тѣнью... Натѣво она упирается въ красивый и грандіозный мысъ, утопущій въ голубомъ свѣтѣ. За нимъ еще воздушнѣе, еще прозрачнѣе, словно сквозящіе, словно выточенные изъ одной массы голубаго хрустала, намѣчваются утесы Айа, сторожевые утесы приютившейся за ними Балаклавы. Певсюду въ глыбахъ и громадахъ камня червѣютъ пещеры и гроты... Вода манитъ къ себѣ, послѣ утомительнаго спуска такъ пріятно уйти съ головою въ ея воскрешающую прохладу и свѣжесть... Какъ прозрачна она! уходишь далеко, уже глубь подъ тобою и видишь внизу на ея днѣ каждую мелкую рыбешку, весело играющую въ просвѣтахъ солнечнаго отраженія... Но, увы! время не ждетъ, надо идти наверхъ, и только теперь страшно станвится, когда смотришь туда и думаешь, что на эту стѣну предстоитъ подыматься. И страшно, и жалко оставить это чудное море, которое, словно двумя каменными руками Фиолента и Айи, такъ любовно охватилъ и держитъ въ своихъ объятіяхъ берегъ Тавриды.

Мнѣ долго не забыть этого подъема. Я ползъ, ползъ, напоминая муравья, взобравшагося на крѣпостную стѣну. Минуты шли за минутами, и первый часъ немощной усталости засталъ меня еще на трети пути. Взглянешь внизъ — море уже далеко, ну, кажется, слава Богу, монастырь близко; посмотришь туда вверхъ — и все еще видишь его такимъ маленькимъ, такимъ недоступнымъ, закутавшимся въ непроницаемую чащу садика. А солнце палитъ и цикады

звенятъ, словно наемѣхался надъ твоимъ утомленіемъ. И съѣтъ некуда. Въ самомъ дѣлѣ, монахамъ, обитель которыхъ прилежася къ себѣ такімъ массамъ туристовъ, не дѣлаетъ чести то, что они не позаботились даже по пути къ морю вырубить въ нѣсколькихъ пунктахъ хоть два-три мѣстечка для отдыха труждающимся. Смѣшно говорить о расходахъ: нѣсколько скамей не стоили бы ничего монастырю, не надо и скамей—просто выровняй выступы земли кое-гдѣ, положи два-три камня, которыхъ кругомъ въ изобиліи. Для этого есть чудные, хорошо защищенные отъ солнца, уголки, и не одна душа сказала бы искреннее спасибо за это монашествующей братіи. И помню только одно: когда я наконецъ добрался до верху—я ничего не могъ сообразить и повать. Ноги одеревенѣли, я какъ пласть упалъ въ траву и едва въ ней отдышался...

У крымскихъ татаръ есть свое преданіе объ этомъ монастырѣ. Они чтутъ Св. Георгія какъ великаго воина и богатыря, съ которымъ не только не могли совладать люди, но и самъ шайтанъ (демонъ) оказывался безсильнымъ. Св. Георгій бѣдиль на крылатомъ, огнедышащемъ конѣ, который слеталъ сюда купаться, пока всадникъ отдыхалъ на высотѣ, на той самой площадкѣ, гдѣ теперь стоитъ монастырь Св. Георгія. Разъ, когда его конь купался, богатырь замѣтилъ справа подплывавшее къ нему чудовище. Долго не думая, онъ оторвалъ колоссальную скалу и швырнулъ ее. Чудовище было раздавлено, а скала получила въоослѣдствіи имя мыса Фиолента. Черезъ недѣлю послѣ того онъ увидѣлъ подобное же чудовище, подплывавшее къ его коню скалы. Св. Георгій оторвалъ другой утесъ, швырнулъ его туда, убилъ опять морскаго амфи, и вышелъ мысъ Айа... Что здѣсь стоялъ и храмъ Ифигеніи — опять подтверждается сказаніемъ крымскихъ татаръ, свивавшихъ впрочемъ это съ памятью о Св. Георгіи. Онъ, видите-ли, освободилъ отъ великана-генія (джина) красавицу-дѣвушку, привезъ ее сюда, выстроилъ ей здѣсь храмъ, гдѣ она, живя одна, и молилась по обычаямъ своей далекой родины.

(В. Н.-Д.)

Все мое! (Рис. на стр. 797).

Настала пора собирать груши — тѣ сочныя малороссійскія *лисы*, о которыхъ жители столицъ не имѣютъ понятія, такъ какъ эти нѣжные плоды не терпятъ перевозки далѣе ста верстъ и даже въ отрубяхъ превращаются въ кисель. А между тѣмъ эти груши *beurré* не уступаютъ самымъ лучшимъ дошесамъ. Понятны слезы мальчугана, котораго сестренка съ женскими лукавствомъ вдувала подрашнть.

Эскимось въ борьбѣ съ бѣлымъ медвѣдемъ.

(Рис. на стр. 801).

Эскимосы, населяющіе морское побережье въ Гренландіи или по Гудзонову заливу, живутъ преимущественно рыболовствомъ, а въ зимнее время года и охотой. Преслѣдуя, они главнымъ образомъ тюленей, китовъ и нарваловъ, но подчасъ безстрашно схватываются и съ бѣлымъ медвѣдемъ, какъ видно на рисункѣ. Бѣлый медвѣдь, живущій на крайнемъ Сѣверѣ, крупнѣе всѣхъ своихъ родичей; длина взрослага самца доходитъ до 4-хъ аршинъ, а вѣсъ до 16 центнеровъ. Онъ не принадлежитъ исключительно какой-либо части свѣта, и водится по всему сѣверному побережью Европы, Азии и Америки. Встрѣчается и на материкѣ, и на пловучихъ льдинахъ, превосходно плаваетъ самъ и можетъ по цѣлымъ часамъ держаться на водѣ. Пища его состоитъ почти изъ всѣхъ животныхъ, которыя водятся въ морѣ и на побережьяхъ, но тюленей всѣхъ видовъ представляютъ любимую его добычу, такъ какъ онъ достаточно хитеръ и ловокъ, чтобы добывать даже этихъ умныхъ и осторожныхъ животныхъ. Хотелся за бѣлымъ медвѣдемъ на сушѣ, эскимосы строятъ деревянные шалаши, въ которыхъ и подстерегаютъ его; или пускаютъ въ ходъ слѣдующую уловку. Они сгибаютъ кругообразно полосу китоваго уса въ 2 фута длины и 4 дюйма ширины, обертываютъ тюленьимъ жиромъ и замораживаютъ. Затѣмъ отыскиваютъ бѣлаго медвѣда, дразнятъ его, пуская въ него стрѣлу, бросаютъ ему кружокъ изъ китоваго уса и обращаются въ бѣгство. Медвѣдь обнюхиваетъ кружокъ и проглатываетъ его. Отъ теплоты желудка тюленій жиръ таетъ, китовый усъ расправляется со скоростью пружины и разрываетъ внутренности медвѣда. Но эскимосы не боятся и открытой борьбы со звѣремъ какъ на сушѣ, такъ и на водѣ. Лодки ихъ, которыми они управляютъ съ изумительною ловкостью, называются *кайками* и бьются до трехъ саженъ длины, при ширинѣ едва въ $\frac{3}{4}$ аршина, дѣлаются изъ легкаго дерева, обшиваемаго тюленьей кожей, и имѣютъ только одно круглое отверстіе въ верхней палубѣ, въ которое и просовываетъ ноги гребець, садясь въ лодку. Весло—двойное, на концахъ не шире ладони. Оружіемъ, кромѣ лука и стрѣлъ, служитъ гарпунъ или копье. Эскимось на нашемъ рисункѣ поражаетъ вынырнуващаго воулъ него медвѣда копьемъ. Звѣрь въ свою очередь защищается отчаянно, и катастрофы на такой охотѣ весьма не рѣдки.

Любимый цвѣтокъ. (Рис. на стр. 804).

Внезапно палетѣлъ порывъ вѣтра, вагналъ сѣрыя тучи,

дождь крупными каплями хлынул на крыльцо,—а тамъ любимый цвѣтокъ, выращенный съ такими заботами... Скорѣе укрывать его отъ непогоды!

Полольщицы. (Рис. на стр. 805).

Полотье — тяжелая работа, выпадающая у насъ въ Россіи, гдѣ траву полоть просто выдергивая руками, большею частью на долю женщинъ. Трудно сгибаться или сидѣть на корточкахъ подъ палящими лучами зѣтнаго солнца, и поневолѣ приходится то и дѣло прибѣгать къ глиняному кувшину со ступеной водой изъ ближайшаго ключа.

Адмиралъ Жерве. (Портр. на этой стр.).

До сихъ поръ, какъ извѣстно, адмиралъ Жерве изъ скромности рѣшительно отказывалъ фотографамъ въ дозволѣніи сплать съ него карточку, такъ что во время пребыванія его въ Петербургѣ мы могли помѣстить въ „Нивѣ“ лишь моментальный снимокъ, сдѣланный генераломъ Насвѣтевичемъ на одной изъ пароходныхъ пристаней, гдѣ высаживался нашъ гость. Теперь, какъ сообщаетъ газета *Gaulois*, адмиралъ уступилъ наконецъ просьбамъ своей невесты, желавшей имѣть его портретъ, и портретъ этотъ появился во всѣхъ французскихъ журналахъ. Выбиремъ лучший для помѣщенія въ настоящемъ номерѣ. Невѣста адмирала Жерве, по словамъ *Gaulois*, американка, двадцатилѣтняя очаровательная, блондинка съ голубыми глазами, обладающая 20.000,000 франковъ. Адмиралъ былъ помолвленъ съ нею еще до побѣды въ Кроунштадтѣ и въ постоянной перепискѣ сообщалъ ей о всѣхъ торжествахъ и ованціяхъ, конхъ онъ былъ виновникомъ.

Контръ-адмиралъ Жерве. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Въ правительственныхъ сферахъ Англій продолжаютъ толки по вопросу о свободномъ пропускѣ русскихъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы. Государственные люди Англій возмущены тѣмъ обстоятельствомъ, что состоявшееся съ Россіею соглашеніе было вызвано желаніемъ договорившихся сторонъ устранить недоразумѣнія, возникшія на берегахъ Босфора, при появленіи у проливовъ, какъ объясняютъ англичане, „смѣшанныхъ судовъ“, могущихъ получать, по мѣрѣ надобности, либо торговое, либо военное назначеніе. Къ этимъ смѣшаннымъ судамъ въ Лондонѣ и причисляютъ суда русскаго Добровольнаго флота. *St. James-Gazette* рѣшительно не понимаетъ, какъ могли въ дипломатическихъ кружкахъ Вѣны и Берлина такъ безучастно отнестись къ прямому нарушенію Парижской конвенціи и даетъ понять германскому правительству, что интересы Германіи должны быть солидарными съ интересами Англій, какъ въ вопросѣ о проливахъ, такъ и относительно египетскихъ дѣлъ. Официозный *Standard* обращаетъ свой гнѣвъ, главнымъ образомъ, на Францію, содѣйствие которой, по его мнѣнію, способствовало не въ малой мѣрѣ рѣшенію вопроса о проливахъ въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ. Органъ британскаго правительства напоминаетъ французамъ, что возобновленіе ихъ дипломатической дѣятельности на почвѣ, явно враждебной британскимъ интересамъ, можетъ обратиться имъ во вредъ, и сожалѣетъ, что портсмутская встрѣча пропала для нихъ даромъ. *Daily Telegraph* присоединяется къ мнѣнію остальной печати и приписываетъ дипломатическій успѣхъ Россіи въ вопросѣ о проливахъ поддержкѣ Франціи, желавшей, чтобы „русскій флотъ могъ оказать современемъ противъ насъ, въ Средиземномъ морѣ, итальянскимъ морскимъ силамъ. Въ заключеніе газета заявляетъ, что въ виду русско-турецкаго соглашенія, Англій придется усилить свой флотъ на

Средиземномъ морѣ, и выражаетъ надежду, что подъ вліяніемъ совершившихся въ Константинополѣ событій, радикалы британскаго парламента болѣе не воспротивятся формальному соглашенію Англій съ Италіею, какъ съ морскою державою. Австрійская печать относится очень спокойно къ Константинопольскимъ событіямъ. *Allg. Zeitung* сообщаетъ, что мнѣнія вѣнскихъ политическихъ кружковъ все болѣе и болѣе склоняются на сторону сужденій приписывающихъ переѣзду министерства въ Турціи недовольству султана полицейскою администраціею, безпильною справиться съ разбойничествомъ, роняющимъ въ глазахъ Европы достоинство и обаяніе Турціи, а также и другимъ причинамъ, не имѣвшимъ прямаго отношенія къ вопросамъ внѣшней политики. Тѣмъ не менѣе, отставка Кіамиль-паша, въ которомъ Англія утратила усерднаго по своимъ дѣламъ ходатая, приобрѣтаетъ, въ глазахъ вѣнскихъ политиковъ, значеніе перелома, направленаго въ прямой ущербъ британскому вліянію. По извѣстіямъ *Politische Correspondenz*, въ свою очередь, не усматривающей ни малѣйшей связи между отставкой Кіаміля и вопросомъ о проливахъ, соглашеніе Турціи съ Россіею, относительно пропуска коммерческихъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы, ни въ чемъ не нарушившее существующихъ трактатовъ и не дающее державамъ ни малѣйшаго предлога поднимать вопросъ о проливахъ, не имѣетъ никакого отношенія къ внѣшнимъ политическимъ дѣламъ. Но независимо отъ чисто внутреннихъ причинъ, вызвавшихъ паденіе великаго визиря, всегда стоявшаго на стражѣ британскихъ интересовъ, даже и въ египетскомъ вопросѣ фактъ отставки Кіаміля-паша неизбежно поведетъ къ ослабленію вліянія Англій. Относительно поваго

великаго визиря, Джевадъ-паша, до сихъ поръ еще ничѣмъ себя не замѣвшаго, газета *Polit. Corresp.* замѣчаетъ, что значеніе его не представляетъ ничего такого, что могло бы быть перетолковано въ смыслѣ поворота Турціи въ сторону противную политикѣ центральныхъ державъ, и хотя не подлежащая сомнѣнію, что султанъ былъ весьма недоволенъ образомъ дѣйствій Англій въ египетскомъ вопросѣ, тѣмъ не менѣе, было бы преждевременно выводить изъ этого слишкомъ положительныя заключенія и предрѣшать характеръ дальнѣйшихъ отношеній Турціи, какъ къ самой Англій, такъ и къ среднеевропейскому союзу.

Во Франціи эти дни общее вниманіе исключительно сосредоточивалось на большихъ маневрахъ, происходившихъ близъ восточной границы. Корреспондентъ *Temps* пишетъ, что иностранныхъ военныхъ агентовъ поразили быстрота движеній войскъ и порядокъ, въ какомъ всѣ участвовавшія на маневрахъ части разошлись послѣ дѣла при Бѣррѣ по своимъ кантониръ-квартирамъ. По окончаніи маневровъ французскихъ войскъ, де-Фрейснэ давалъ въ Вандеврѣ завтракъ въ честь генераловъ и иностранныхъ военныхъ агентовъ.

Волненія въ Китаѣ противъ европейцевъ все усиливаются. Въ газету *North China News* пишутъ, что терроръ иностранцевъ истощился. Нерѣшимость китайскихъ властей возмутительна. Убіиства и поджоги продолжаютъ, а злоумышленники и подстрекатели не преслѣдуются. Нѣкоторые изъ мандариновъ медлятъ отправкою войскъ въ наиболѣе угрожаемыя фанатическою черною европейскія поселенія. Въ юнѣ власти арестовали до тридцати человекъ, участвовавшихъ въ нѣсколькихъ грабежахъ и поджогахъ, а затѣмъ, подъ предлогомъ отсутствія противъ нихъ достаточныхъ уликъ, выпустили ихъ на свободу. Со всѣхъ сторонъ приходятъ вѣсти объ опасностяхъ, грозящихъ европейскимъ резидентамъ. Газета *Morning Post* замѣчаетъ, что казни совершаются тамъ

публично, злодѣевъ же, уличенныхъ въ убійствѣ европейцевъ, казнили секретно. Проволочки, допускаемыя китайскими властями въ дѣлахъ возникающихъ по жалобамъ европейцевъ, упорное бездѣйствіе и медленность, съ какою отправляется въ Китаѣ правосудіе почти во всѣхъ уголовныхъ случаяхъ, имѣющихъ отношеніе къ смутамъ, направленнымъ противъ европейцевъ, даютъ послѣднимъ, по замѣчанію англійской газеты, прямой поводъ заключить, что мысль объ истреб-

леніи иностранцевъ пустила въ Китаѣ глубокіе корни. На европейскіхъ дворахъ—говоритъ въ заключеніе газета *Morning Post*—лежитъ прямой долгъ положить конецъ насиліямъ. Чѣмъ дальше тянутся переговоры, тѣмъ глубже укрѣпится въ китайцахъ убѣжденіе въ томъ, что Европа бесцельна противъ Китая. Державы должны безъ дальнѣйшихъ промедленій—или заставить Китай безпрекословно соблюсти дарованныя имъ права, или совершенно отказаться отъ этихъ правъ“.

С М Ъ С Ъ.

Рѣдная игра природы. Изъ Скоттля (штатъ Вашингтонъ) сообщаютъ о слѣдующемъ чрезвычайно рѣдкомъ и интересномъ явленіи, случившемся тамъ въ прошедшую зиму. Благодаря продолжительнымъ сильнымъ морозамъ подержъ одинъ горный ключъ въ Каскадныхъ горахъ. Образовавшаяся ледяная масса вслѣдствіе постоянного течения воды все увеличивалась въ объемѣ и достигла наконецъ значительной толщины. Быстро разрастаясь, она нависла надъ замерзшею рѣчкой, которую образуетъ этотъ ключъ, и достигла края противоположной скалы. Къ концу зимы ледяная масса, по которой въ долину продолжала сбѣгать вода ключа, была въ 20 футовъ толщиной и почти въ 1000 футовъ длиною. Выше, на значительной глубинѣ, на берегу рѣчки находился лѣсъ и маленькое мѣстечко Слокумъ, жители котораго съ ужасомъ ожидали паденія ледяной глыбы. Черезъ нѣсколько недѣль, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей ледяная масса, потерявъ точку опоры, съ громомъ рухнула внизъ, ломая по дорогѣ какъ тростинки столѣтніе дубы и увлекая ихъ за собою. Недалеко отъ селенія эта масса остановилась и образовала баррикаду въ 50 футовъ вышины изъ обломковъ скалъ, ледяныхъ глыбъ, земли и деревьевъ. Лѣсъ, лежавшій на пути этой ледяной лавины, цѣлкомъ истребленъ. (к.)

Новыя находки въ Египтѣ. Въ южной части великолѣпнаго Дерь-аль-Бахарскаго храма въ Фивахъ, построеннаго царемъ Гатасу изъ XVIII династіи, въ прошломъ году былъ найденъ саркофагъ жрицы Аменгъ, жившей при XI-й династіи, т. е. почти за 3000 лѣтъ до Р. Х. Известковый саркофагъ содержалъ разломанный деревянный гробъ съ надписями и въ немъ мумію, въ красиво свернутомъ и испещренномъ родословномъ покойницы холстѣ, подлѣ которой находились одно эмалевое и три серебряныя зеркала и нѣсколько сѣтокъ для ношенія флаконовъ съ духами. Въ стоявшемъ поодаль отъ саркофага ящикѣ были найдены двѣ кожи и кости „священныхъ быковъ“, тонкая пряжа и сосуды. Эта находка побудила г-на Гребю, директора Гизехскаго музея, предпринять дальнѣйшія раскопки въ этомъ мѣстѣ. Въ тщательномъ избранномъ пунктѣ была вырыта шахта въ 15 метровъ глубиною, причемъ наткнулись на заваленную камнями дверь; отъ нея въ юго-западномъ направленіи идетъ коридоръ въ 76 метровъ длины вплоть до высѣченной въ скалѣ комнаты, въ которую приводитъ и другой коридоръ въ 54 метра длиною. Надъ нимъ тянется третій коридоръ, оканчивающійся двумя склепами. Всѣ эти коридоры были наполнены муміями въ деревянныхъ саркофагахъ, мѣстами поставленныхъ одинъ на другой и богато украшенныхъ рѣзбой и изваяніями. Найденныя 163 саркофага принадлежатъ властолюбивой XXI династіи Аменидовъ или жреческой, которая смѣнила династію Рамессидовъ и подготовила упадокъ государства. Среди другихъ были найдены муміи великаго жреца Пинотема, сына Масагирти, жреца царицы Аахотенгъ, Сета, смотрителя царской сокровищницы, одного военачальника и др. Многие имена на гробницахъ были намѣренно выскоблены или замазаны, многіе гробы разломаны и у большинства ихъ содраны позолоченныя изваянія головы и рукъ. Каменные саркофаги часто носятъ совсѣмъ другія имена, чѣмъ находящіеся въ нихъ деревянные гробы, и по всѣмъ вѣроятностямъ перепутаны и муміи, заключенныя въ этихъ гробахъ. Кромѣ множества обыкновенныхъ вещей, употребившихся при погребеніяхъ, найдено 75 статуэтокъ Озириса, деревянныхъ и пустыхъ внутри, въ которыхъ заключались свертки папируса съ выдержками изъ „Книги Мертвыхъ.“ Великіе жрецы Фивскаго Амона ведутъ свое происхожденіе отъ первыхъ царей XII-й династіи (2400 л. до Р. Х.), т. е. почти отъ времени посѣщенія Египта Авраамомъ; при послѣднихъ царяхъ XX-й династіи (1100—1000 до Р. Х.) они достигаютъ такой власти, что великій жрецъ становится одновременно намѣстникомъ Эоіопіи и начальникомъ египетской арміи. Вскорѣ затѣмъ они захватываютъ престолъ и кладутъ основаніе XXI-й династіи. Вышеописанныя раскопки производились въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года, а уже въ февралѣ всѣ найденныя саркофаги были нагружены на суда для перевозки въ Каиро. (к.)

Солнце—убійца. Въ юніѣ 1887 г. одинъ молодой и богатый американецъ, по имени Карлъ Энслей, былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья во время послѣбѣденнаго отдыха на софѣ. Пуля попала въ голову и причинила моментальную смерть. Въ отдаленіи у противоположной стѣны было найдено лежавшее на полу маленькое ружье. Вынутая изъ раны пуля какъ разъ пришлась по его стволу, очевидно выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ этого ружья. Не смотря на то что по показанію свидѣтелей въ моментъ выстрѣла въ комнату никого не было кромѣ убитаго, подозрѣніе пало на родственника покойнаго Джона Аврея, который по закону былъ единственнымъ наслѣдникомъ Энслея, въ случаѣ смерти послѣдняго. Приговоренный судомъ къ смертной казни, онъ апеллировалъ въ высшую инстанцію и въ нынѣшнемъ году дѣло его слушалось вторично. Защитникъ

подсудимаго, г-нъ Валлисъ изъ Цинцинати, въ доказательство невинности своего кліента произвелъ слѣдующій блестящій опытъ. Зарядивъ ружье, онъ положилъ его на томъ же мѣстѣ гдѣ оно было найдено, на софѣ было помѣщено изображеніе человѣка, вырѣзанное изъ бумаги, и на стѣнѣ противъ окна повѣшенъ стеклянный шаръ, наполненный водою, который, дѣйствуя какъ зажигательное стекло, отбрасывалъ лучи солнца прямо въ камеру ружья. Ровно въ 3 часа, въ часъ смерти Энслея, произошелъ выстрѣлъ и пуля ударила въ голову бумажнаго человѣка. Послѣ этого подозрѣваемый въ убійствѣ Энслея родственникъ былъ немедленно оправданъ. (к.)

Майоръ Газтано Казати въ своемъ сочиненіи *Zehn Jahre in Aequatoria und die Rückkehr mit Emin Pascha* описываетъ между прочимъ свадебные обычаи туземцевъ. Въ Румбекѣ сватовство, религиозные обряды и заключеніе контракта—тѣ же самыя, что у арабовъ, но своеобразность праздника заслуживаетъ подробнаго описанія. Наканунѣ дня, предшествующаго свадьбѣ, женихъ, уместившій тѣло благовонными маслами и завернувшись въ плащъ изъ тончайшаго льна, объѣзжаетъ улицы селенія въ сопровожденіи одного изъ своихъ друзей. По соблюденіи всѣхъ формальностей брака, новобрачный приглашаетъ ближайшихъ изъ своихъ и женинныхъ родственниковъ въ комнату, куда является новобрачная, одѣтая въ „гад“, короткую юбку, закрывающую тѣло отъ пояса до колѣнъ. Танцуя она начинаетъ вертѣться вокругъ приглашенныхъ, прищипывая пальцами. Чтобы не остаться безучастнымъ и выказать свою власть надъ женой, мужъ царапаетъ своими нарочно отпущенными для того ногтями въ нѣсколькихъ мѣстахъ тѣло своей возлюбленной. Свадебный обѣдъ, различнаго достоинства, смотря по состоянію брачующихся, непременно долженъ содержать въ себѣ слѣдующія яства: вареное мясо, жареное съ сахаромъ и медомъ мясо и алады. Все это заливается пивомъ, называемымъ мериссою. Брачное торжество, на которое приглашаются и посторонніе, продолжается шумно и оживленно: танцы, пѣніе, музыка смѣняють другъ друга. Празднества, въ которыхъ новобрачная не принимаетъ участія, продолжаются 3 дня съ утра до вечера. Балъ перваго дня открывається своеобразною аллегоріей. Юноши и дѣвушки сидящіе врозь поютъ свадебныя пѣсни. Затѣмъ одна изъ дѣвушекъ встаетъ и идетъ къ юношѣ съ плеткою изъ гиппопотамовой кожи, которую тотъ съ благодарностью принимаетъ. Поднявшись съ мѣста, онъ обводитъ глазами собраніе и громко произноситъ: „Выходи кто добивается общаго удивленія!“—„Я готовъ,“ отвѣчаетъ одинъ изъ присутствующихъ, выходитъ на средину и подставляетъ голую спину. Юноша отсчитываетъ 15 полночьныхъ ударовъ по спишъ добровольнаго мученика, который долго еще потомъ носить на своемъ тѣлѣ живыя доказательства своего мужества. Затѣмъ оба дѣйствующія лица начинаютъ наносить другъ другу раны, которыя каждый переноситъ съ геройскимъ терпѣніемъ, гордый тѣмъ, что присутствующія дѣвушки могутъ видѣть его ловкость и мужество. Пѣсни и танцы оканчиваются на 3-й день, праздникъ уже близко къ тому, чтобы перейти въ вакханалію, какъ вдругъ появляется старуха „lelet el hafscha“, олицетворяющая собою ночь. Она тушитъ огни, юноши, толкаясь, бросаются къ дѣвушкамъ и попарно съ ними оставляютъ домъ. Но ниръ продолжается еще и 4-й день, уже только между родственниками новобрачныхъ; въ этотъ день принимаетъ участіе въ нирѣ и новобрачная, чтобы украсить собою конецъ праздника. Съ этого дня начинается совместная жизнь супруговъ. До конца года мужъ живетъ въ домѣ своей жены, причемъ обычаемъ не позволяетъ ему видѣть тещу, до рожденія перваго сына. Теща у туземцевъ пользуется большимъ уваженіемъ со стороны зятя. (к.)

Отъ Попечительства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство. (Садовая, № 60, телефонъ 1360).

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая сушеный хлѣбъ.

Взлакаѣса бо, ѣ дасте ми ѣсти (Матф. ѳлѣ).

Въ рѣдкой семьѣ, послѣ ѣды, не бываетъ хотѣ небольшихъ остатковъ хлѣба. Не бросайте ихъ, добрые люди, а собирайте и сушите, какъ бы малы они ни были. Эти малые остатки, собранные по всему городу, составятъ громадное количество хлѣба и помогутъ накормить сотни и тысячи пострадавшихъ отъ неурожая нынѣшняго года.

Попечительство Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, съ 1880 г., по опыту знаетъ, сколько добра можно сдѣлать изъ самыхъ ничтожныхъ вещей: оно принимаетъ пожертвованія по городу всякимъ хламомъ, выбрасываемымъ изъ домовъ и, продавая его, получаетъ до 20 тысячъ въ годѣ, воспитывая на эти деньги 500 бѣднѣйшихъ дѣтей!

Тамъ и теперь оно надѣется, что, прочитавъ его настоящее воззваніе, всѣ добрыя хозяйки въ семьяхъ обратятъ вниманіе, чтобы не пропала у нихъ даромъ ни одинъ лишній кусокъ хлѣба, ни одна ворочка, а соберутъ ихъ, и, наконецъ, отдадутъ Попечительству, которое, для удобства жителей столицъ носить и присылать собранные ими сухари ближе отъ ихъ жилищъ, открыло сборъ во всѣхъ частяхъ города, какъ это видно изъ ниженомѣненныхъ адресовъ.

Не оставьте же, добрые люди, без вниманія настоящего воззванія и не съспитесь самыми малыми частями ваших остатковъ, а соберите ихъ, и вы сдѣлаете истинно доброе дѣло, за которое благодарить васъ Господь, ибо Онъ алкаетъ, и вы, въ лицѣ меньшихъ Его братьевъ, накормили Его, а что сдѣлалъ вы одною изъ малыхъ сихъ, сдѣлалъ Ему*.

Почетительно принимаетъ пожертвованія сущенымъ хлѣбомъ у своихъ членовъ по нижеслѣдующимъ адресамъ:

- Въ Адмиралтейской части—К. Э. Мальма, Б. Морская, д. 27; А. П. Курсанова, Галерная, д. 34, кв. 2.
- Въ Александровско-Невской—Н. А. Кормилева, Невскій, д. 105.
- Въ Васильевской—въ Хозяйственно-Рукотдѣльномъ заведеніи Попечительства, 12 линия, д. 35; Н. Д. Маринца, 13 линия, д. 24.
- Въ Выборгской—Н. М. Иванова, Саратовская, д. 32.
- Въ Назанской—В. З. Фридрихскаго, Екатерингофскій пр., д. 29, кв. 2; Н. Г. Янсона, Офицерская, д. 18, кв. 34.

- Въ Коломенской—Л. В. Шмеллингъ, Торговая, д. 31.
- Въ Литейной—А. Э. Альванга, Сергѣевская, д. 19; Н. В. Шустина, уг. Гагаринской и Сергѣевской, д. 5-10; А. И. Андреева, Департаментъ Ухлѣбовъ; П. В. Даниловой, М. Итальянская, д. 2; Ш. М. Кумовича, Васильевская, д. 46; Л. В. Григорьева, Лиговка, д. 9.
- Въ Московской—въ мастерской Попечительства, Загородный, д. 13; Г. О. Целибѣева, Загородный, д. 17; Н. Н. Целибѣева, Пушкинская, д. 13; А. А. Вагенгейма, Невскій, д. 67; Г. М. Вильштейна, Николаевская, д. 4.
- Въ Нарвской—А. П. Голышевскаго, Измайловскій полкъ, 4 рота, д. 11.
- Въ Петербургской—Н. Н. Харкова, Церковный пер., д. 17-6; А. О. Ульянова, Кронверкскій пр., д. 71; В. Н. Колонова, Широкая ул., д. 31, кв. 2.
- Въ Рождественской—С. В. Мартина, Коная ул., д. 4.
- Въ Спасской—въ складѣ Попечительства, Садовая, д. 60, кв. 3.
- Въ с. Рыбачкомъ—Н. П. Вушкова, Вушорки, д. 2.
- Въ с. Александровскомъ—В. И. Сосова, Шлиссельбургскій пр., д. 25.

Въ Конторѣ журнала „Нива“ (Невскій, 6) поступили въ продажу

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“ 1891 г.,

ДЕСЯТИ АКВАРЕЛЕЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Многочисленные запросы со стороны Г.г. подписчиковъ о томъ, могутъ-ли они получить рамы для акварелей „Художественнаго Альбома“, побудили насъ изготовить большую партію багетныхъ рамъ, сдѣланныхъ подъ орѣхъ, съ рѣзбою, золотымъ ободкомъ и со стекломъ. Въ каждую раму вставленъ картонъ на которомъ должна быть укрѣплена картина, такъ-что всякій можетъ вставить картину самъ, не прибѣгая къ помощи переплетчика.

Вслѣдствіе громаднаго количества заказанныхъ нами рамъ, мы можемъ предложить ихъ Г.г. подписчикамъ по весьма недорогой цѣнѣ, а именно:

Для Г.г. городскихъ подписчиковъ по 1 р. 25 к. за раму со стекломъ. Покупающимъ не менѣе 5 рамъ, онѣ уступаются за 5 р. 50 коп., а при покупкѣ не менѣе 10 рамъ—за 10 р. 50 коп.

Г.г. иногороднымъ подписчикамъ рамы высылаются безъ стеколъ, вслѣдствіе того, что не смотря на тщательную упаковку, стекла въ дорогѣ легко могутъ разбиться.

Г.г. московскіе подписчики благоволятъ обращаться за рамами въ контору Н. Н. Печновской (Петровскія линіи), гдѣ онѣ продаются (безъ стеколъ) по 1 р. 15 к. за раму. Покупающимъ не менѣе 5 рамъ, таковыя уступаются за 5 руб. 25 коп., а при покупкѣ 10 рамъ за 9 р. 75 коп.

Требованія г.г. иногородныхъ исполняются лишь при условіи выписки не менѣе пяти рамъ—единовременно. Цѣна за 5 рамъ (со вставленными картонами и безъ стеколъ), съ ящикомъ и упаковкою 5 рублей, а при выпискѣ не менѣе 10 рамъ—8 р. 50 к., съ ящикомъ и упаковкою.

Рамы будутъ высылаться по желѣзной дорогѣ или черезъ транспортную контору и стоимость пересылки ихъ будетъ уплачиваться адресатами на мѣстѣ, при полученіи ящика.

„Художественный Альбомъ“ будетъ разосланъ Г.г. подписчикамъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, но покупатели рамъ получаютъ его теперь-же, т. е. вмѣстѣ съ рамами. Г.г. иногороднымъ подписчикамъ „Альбомъ“ высылается также одновременно съ отправкою рамъ.

При покупкѣ рамъ г.г. городскіе и московскіе подписчики благоволятъ предъявлять подписные билеты на „Ниву“, а Г.г. иногородные прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получаютъ ими „Нива“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ г.г. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыхъ марокъ на типографскіе расходы. Г.г. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Навъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Назарина. Ч. I. (Продолженіе).—На краю свѣта. Рассказъ Геймса.—Почти и ихъ отправленіе.—Къ рисункамъ: Георгіевскій монастырь въ Крыму (съ 2 рис.).—Все мое! (съ рис.).—Эснимось въ борьбѣ съ бѣлымъ медвѣдемъ (съ рис.).—Любимый цвѣтокъ (съ рис.).—Половцы (съ рис.).—Адмиралъ Жерве (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—О рамкахъ для преміи „Нивы“ 1891 г.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленіе.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ въ Гогенгеймѣ.

Зимній курсъ начинается въ четвергъ, 15-го Октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію безплатно. КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ Гогенгеймъ, въ Сентябрѣ мѣс. 1891 г. Vossler.

КРЫСОМОРЪ.

Разрѣшенъ Врачебнымъ Отдѣленіемъ Эстляндскаго Губернскаго Правленія, какъ не содерящій въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

- КРЫСОМОРЪ: умерщвляетъ крысъ, сусликовъ и другихъ грызуновъ, не вреденъ домашнимъ животнымъ. № 5317 2-2
- КРЫСОМОРЪ: продается въ жестянкахъ, съ правдами для употребленія; маленькія жестянки по 1 р. и большія по 3 р. за штуку.
- КРЫСОМОРЪ: можно получать у изобрѣтателя его Е. Ю. БЛОНА въ Ревелѣ и во многихъ большихъ торговыхъ антикарскими товарами въ Россіи.

ВОЕННАЯ ГИМНАСТИКА. Рук., сост. по ир. Мин. Нар. Пр. для ср. уч. зав. Подпор. Везениковымъ. Ц. 2 р. съ перес. Москва. Екатерининск. полкъ.

ЛЕПНИНГЪ и ГЛОЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ для колленцій. Прейс-курантъ безплат. К. А. Роде, С.-Петербургъ, Средняя Подъячская, д. 6, кв. 8.

Желаю купить небольшое ИМЪНІЕ по Варшав. или Батъ ж. д. Рѣка, дѣсъ, хорошаго усадьба необходимыми. С.-Петербургъ, Новарской пер. 14, кв. 16. № 5331

ЖЕНСКІЕ КЛАССЫ НОВЫХЪ ЯЗЫКОВЪ М. М. БОБРИЩЕВОЙ-ПУШКИНОЙ.

Пріемъ со 2-го сентября въ новомъ помѣщеніи классовъ: С.-Петербургъ, Фонтанка 37, близъ Анничкова Дворца. Молебствіе и начало классовъ 16 сентября. Принимаются и пансіонерки. См. №№ 3 и 6 „Нивы“ за 1891 г. Р. № 5334

БАДЕНЬ-БАДЕНЬ частн. женск. клиника „QUISISANA“ Отпуска круглый годъ. ПРОГРАММЫ. Мед. Сов. Д-ръ Баугертнеръ.

PAPIER FAYARD ET BLAYN Бумага Фаяр и Блянь есть наружное средство. Шестидесятилетняя известность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяр и Блянь разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. № 5332 20-1

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

У. № 4754 28 - 27

ВЪ СТНИКЪ
ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТЫ
12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ
ВЪ КАЖДОЙ НЕ МЕНЬШЕ 400 СТР.
ЦѢНА ЗА ГОДЪ
4 РУБ.
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ

ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ВЕРЕЙСКАЯ УЛИЦА, №16
СПБТВЕН. ДАМЪ
ИЗДТ. ПАНТЕЛЕЕВЪ. АН. ЭНГЕЛЬС. ПРДТЪ

№ 61, МОЙКА, БОЛЬШОЙ МАГАЗИНЪ „ДУВРЪ“.

Обширѣйшій магазинъ новостей въ Петербургѣ.
Готовы платья бальные, вечернія, визитныя. Ностюмы для гулянья.
Готовы Пальто, Шубки, Ротонды, Редвинготъ, Сорти - де - бля.
Готовые Напоти, Матине, Юби, Корсеты, Шляпы.
Въ 24 часа исполняются заказы вышеозначенныхъ предметовъ.
Специальность бѣлая для приданого.
Громадный выборъ матерій иностранныхъ и русскихъ фабрикъ. Последняя новость.
Цѣны не доуекающія никакой конкуренціи.
Правило Б. М. „Дувръ“ постоянно доставляетъ магазину Высшія Новости хорошаго качества и по окончаніи сезона продавать оставшіяся товары по дешевой цѣнѣ.
Пересылка въ провинцію только съ получеіи денегъ.
Для мѣрки покорѣйше просятъ высылать лѣвъ и длину шубки.
Б. М. „Дувръ“ въ С.-Петербургѣ отдѣленій не имѣетъ.

№ 5327

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

1. ГОЛЕНДЕРЪ (8)
Для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: СПб., Дешидовъ п., д. № 1.

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ,
продается во всѣхъ городахъ имперіи.

ЭСТОНСКАЯ ГАЗЕТА „WALGUS“
изъ-за своего истинно восточно-русского направления самая распространенная въ Прибалтійскомъ Браѣ и между естами переселенцами внутри Россіи. „Walgus“ расходится въ 8000 экз. и потому объявленія находятъ самое большое распространеніе.
Цѣна объявленія 5 коп. за строку пята. Во главѣ газеты вѣдомія. Ежегодно даетъ „Walgus“ своимъ читателямъ большой адресный календарь. Цѣна объявленій въ немъ 5 рублей за страницу и 3 руб. за 1/2 стр. Объявленія принимаются до 1-го ноября.

Цѣна объявленія 5 коп. за строку пята. Во главѣ газеты вѣдомія. Ежегодно даетъ „Walgus“ своимъ читателямъ большой адресный календарь. Цѣна объявленій въ немъ 5 рублей за страницу и 3 руб. за 1/2 стр. Объявленія принимаются до 1-го ноября.

ШУЖЕ БОЛѢЕ 100.000 шт. ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ!!!

Универсальная машинка для быстрой и красивой прически дамскихъ волосъ, по последней модѣ (безъ посторонней помощи).
№ 5295

Цѣна съ упоркою и пересылкою во всѣ города 2 р.
Адресъ: А. Граге, Москва, Неглинный протвдъ, д. № 15, кв. № 3.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ С. СІУЖЕ
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГРОДАХЪ РУССІИ БЕЗЪ ПЛАТЫ ЗА ПРОВОЗЪ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
ОТЪ ПОДРАЖАНІЯ
НАШЕЙ МАРКИ

МАССА БЛАГОДАР. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНИКЪ И ИНОСЛОВНИКЪ
ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
вполнѣ завыняющаго уровня преподаваніе. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
ПРОДАВАТЕЛЬ СОВЕРШЕННЪ НАУКЪ
С. Я. ЛИЛІОНТАЛЬ
УСЛОВІЯ ПРОФ. БЕЗПЛАТНО

Долгоруковская улица, д. Финогеновой. (7)
Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы. Лѣчить: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв. Б. Отъ 1-3 и 6-7 1/2 ч. в.

НОВАЯ КНИГА: СКРИПКА

альтъ, виолончель, контра-басъ и гитара. Полное руководство къ устройству, починкѣ и храненію, съ чертежами, сов. Можжъ и Мен. Продается въ столич. муз. и книжн. магазинахъ и въ Театр. улит. Минкина. Цѣна 1 руб. П. № 5328

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ ГАРМОНИИ

Фабрики **И. Ф. КАЛЪБЕ**,
имѣютъ такой

Однорядныя: въ 4, 5, 5 1/2, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двурядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и въспіа въ 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и въспіа въ 30, 50 и 75 р.
Самоучитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
Гармоніи можно имѣть пѣвцаго или русскаго строя.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
По полученіи задатка приблизительно 1/2 стоимости заказа, инструментъ высылается съ маложоннымъ платежемъ на остальную сумму.
Иллюстрир. преисъ-курантъ бесплатно.
Продажа оптомъ и въ розницу.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное дело № 5325
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С. Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Специальстъ хронометровъ.
СПбургъ, Невскій пр., № 52
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Подробный иллюстрированный преисъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5182 20-11

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСПЕДЫ СВИФТЪ
ПЕРВОЕ МѢСТО
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

МАГАЗИНЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ № 11.

Громадный выборъ новѣйшихъ рисунковъ, а также и новизны въ рамкахъ и мольбертахъ. Образцы на Международной, Постоянной, Универсальной Выставкѣ въ Москвѣ.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІА“

Измайловскій проспектъ, № 27.
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ

Разнообразныя косметическія свойства этого состава сдѣлали его важною потребностью для туалета.

- ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ ВІОЛЕТЪ де ПАРМЪ.
- КАРБОЛОВЫЙ ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.
- ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ де ла НОБЛЕСЪ.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точности фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІА“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, № 52, домъ Католической церкви. Рт. № 5330 2-1
- 2) Невскій проспектъ, № 66, у Аничкова моста.
- 3) Вознесенскій пр., уг. Кавказской ул., д. Шредера, № 24 - 52. (Оптовая и розничная продажа).

Магазинъ въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Прод. во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп., но безъ пересылки.
№ 5336 (1) Пров. КИНУНЕНЪ.
Проситъ непростѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ наждаго флакона, — пров. Кинуненъ.
Главный складъ: С.-Петербургъ, Дешидовъ пер., д. № 1.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Карзина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и во всѣхъ известнѣхъ книгопродавцахъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.

г. XXII

№ 38

1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 8—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдавъ 21 сентября 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ . . .	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія . . .	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------------	------------	---	------	---	------	--------------------------	-------

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложениями, Сборникомъ, Полнымъ собраніемъ сочиненій М. Ю. Лермонтова и пр

Церковь въ Геосиманскомъ сниту, близъ Троице-Сергіевой Лавры (по поводу пятисотой годовщины памяти Св. Сергія).
Ориг. рис. Суслова, грав. Рашевскій.

Изъ альбома.

I.

Въ лѣсу.

Я люблю бродить безъ всякой мысли
У себя въ березовомъ лѣсу;
Изъ моихъ волненій, думъ, вопросовъ,
Ничего сюда я не песу.

* * *

Мнится мнѣ, что всѣмъ, чѣмъ мозгъ мой полонъ,
Что таитъ въ себѣ душа моя,
Заражу я этотъ чистый воздухъ,
Оскорблю деревья эти я.

* * *

Здѣсь въ лѣсу все только жизнь природы,
Только ростъ, дыханье, красота...
Для чего-жъ незваной гостьѣ—мысли
Отравлять блаженный мѣста?

II.

Изъ В. Гюго.

*Oh, qui que vous soyez, jeune ou
vieux, riche ou sage...*

О, кто бы ни былъ ты—старикъ или молодой,
Философъ или богачъ—знай, ежели ни разу
Воспламененному отъ ожиданья глазу
Не привелось слѣдить вечернею порой
Походку легкую, воздушное мельканье
Покрова блага, который, какъ сверканье
Чудесной молнии въ глубокой тьмѣ ночей,
Кидаетъ яркій слѣдъ во тьмѣ души твоей;

* * *

И если лишь изъ словъ влюбленнаго поэта,
Когда передъ тобой онъ плачетъ и груститъ,
Ты знаешь высшее изъ всѣхъ сокровищъ свѣта,

Блаженство, что намъ жизнь такъ чудно золотить—
Блаженство обладать нетронутой душою
Во всей ея красѣ, открытой, безъ границъ,
И свѣточемъ своимъ, и солнцемъ, и звѣздою
Имѣть блескъ глазъ ея сквозь чистый шелкъ рѣсницъ;

* * *

И если никогда не слышалъ ты дрожанья
Въ своей рукѣ—другой; и если чудный звукъ
„Люблю тебя!“ души не погружалъ въ мечтанья,
Исполненные чаръ, и радостей, и мукъ;
И если никогда ты не смотрѣлъ съ презрѣньемъ
На блага, суетно волнующія кровь,
При мысли, что бѣжимъ мы здѣсь за возвышеньемъ,
Богатствомъ, почестью—когда у насъ любовь!

* * *

И если никогда, въ часъ общаго покоя,
Пока она спала, безпечная, блестя
Румяной свѣжестью,—ты, передъ домомъ стѣи
До утренней зари, не плакалъ, какъ дитя;
И ей не посылаешь съ отчаянной мольбою
Призывъ идти къ тебѣ, все вѣря, что ему
Она откликнется, и, сокрушенъ борьбою,
Не жаждалъ умереть, съ проклятиемъ всему;

* * *

И если ты хоть разъ не опутилъ блаженно,
Что у тебя въ душѣ взглядъ женщины зажегъ
Вдругъ душу новую, что предъ тобой мгновенно
Открылись небеса, и въ нихъ явился Богъ;
Что за нее, дитя, чей смѣхъ такъ беззаботно
Встрѣчаетъ скорбь твою, ты все бы въ жизни далъ,
И пытку вынесъ бы, на казнь пошелъ охотно—
Ты не любилъ, ты не страдалъ!..

Петръ Вейнбергъ.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Когда, освѣженный здоровымъ продолжительнымъ сномъ, Сергѣй Николаевичъ проснулся и открылъ глаза, солнце уже довольно высоко поднялось надъ горизонтомъ. Сбросивъ движеніемъ руки какую-то ткань со своего лица, онъ увидѣлъ сидящую около, будто дремлющую, фигуру; это — теперь уже наяву, совершенно ясно—былъ все тотъ же старикъ съ темно-бронзовымъ худощавымъ лицомъ, съ бѣлою, серебристою бородою, въ темно-красной чалмѣ и длинной бѣлой рубахѣ, подпоясанной тесьмою... Онъ сидѣлъ словно не замѣчая порывистыхъ движеній проснувагося и пристально всматриваясь въ даль, — въ ея туманную синеву, откуда, чуть только выясняясь, виднѣлись очертанія купола и волнистыя группы деревьевъ.

Наль вскопчилъ на ноги, только сейчасъ замѣтивъ, что поверхъ его форменной одежды былъ накинута грубый халатъ и на головѣ, вмѣсто фуражки, торпливо, небрежно наверхенная чалма — и то, и другое свалилось на землю при этомъ движеніи.

— Кто ты? дрогнувшимъ голосомъ почти крикнулъ Сергѣй Николаевичъ.

— Кто ты?.. кто ты?.. кто ты?.. повторило горное эхо, сначала отчетливо ясно, потомъ все слабѣе и слабѣе.

Старикъ не отвѣчалъ и даже не обернулся. Словно не живой человѣкъ, а какое-то изваяніе, сидѣлъ онъ, не мѣняя позы, не сводя глазъ съ намѣченной точки.

Сергѣй Николаевичъ повторилъ вопросъ и прикоснулся къ его плечу. Тотъ вздрогнулъ и медленно повернулъ голову...

Наль отшатнулся... Онъ не выдержалъ этого спокойнаго, безстрастнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко проникающаго въ душу взгляда.

Такъ смертные не смотрятъ.

— Прости меня, началъ Наль, помолчавъ и спра-

вившись съ первою минутою смущенія.—Прости меня, благодатный; кто же ты, второй разъ меня спасающій?

Губы старика незамѣтно улыбнулись.

— Я тебѣ вернулъ жизнь, произнесъ онъ наконецъ. — Это ты называешь спасеніемъ?.. Темный, непросвѣтленный ребенокъ!

— Два раза ты охранялъ меня отъ опасности, спасъ отъ смерти или плѣна, что еще хуже. Назови мнѣ имя свое.

— Имя—звукъ...

— Звукъ, да! но звукъ мнѣ этотъ нуженъ, я хочу его слышать, я хочу знать, кто мой покровитель... почему? по какому праву? Я тебя не знаю, не зналъ. Я не призывалъ тебя, ты самъ являешься; не тяготи же мою душу, мнѣ тяжела эта таинственность! Кто ты?

Наль чувствовалъ свое бессиліе передъ этимъ молчаливымъ старикомъ, и это бессиліе начинало его раздражать. Онъ ясно ощущалъ даже, что въ эту минуту, если бы онъ захотѣлъ уйти, бѣжать отъ своего спутника,—то не могъ бы безъ его на то воли.

— Кто же ты, непрошенный покровитель? сорвалось у него съ языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкое слово „непрошенный“ вызвало въ его лицѣ краску стыда и раскаянія.

— Прости меня, благодатный, прости! почти про-стоналъ Наль и крѣпко сжалъ сухую старческую руку.

Старикъ обнялъ его и прикоснулся ко лбу Наль своими губами.

— Ты спрашиваешь меня, кто я, началъ онъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ,—и не кончаешь вопроса: кто я тебѣ?

„Благодатный“ протянулъ руку, нагнулся и сталъ медленно отканивать пальцами молодой ростокъ, пробившійся межъ камнями. Онъ дѣлалъ это осторожно боясь повредить молодое растеніе. Послѣ минутной

работы, на свѣтъ выглянуть тоненькій, бѣлый корешокъ, покрытый нѣжными, влажными волосками.

— Вотъ это—я! указаль онъ на корень,—это—ты! указаль онъ на стебелекъ съ первыми зачатками листевъ.— Разрѣжь здѣсь — оба погибнуть, вмѣстѣ — они цѣлы и живы...

Сергѣй Николаевичъ глубоко задумался. Все, что произошло съ нимъ въ эту ночь, было такъ загадочно, такъ странно. Слова старика проникнуты были тою же загадочностью, а между тѣмъ все это какъ будто не новое, что-то давно живущее въ его душѣ — неясное, но существующее; и образъ величаваго старца—не чуждый образъ: и близкій и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣримо далекій—и льнетъ къ нему сердце и отталкиваетъ тяжелое предчувствіе гибели безвозвратной. Такое ощущение, помнитъ онъ, было на страшной высотѣ, на перевалѣ Сауръ-били. Онъ подошелъ къ самому краю карниза и смѣло взглянулъ внизъ, въ самую глубину пропасти. Тамъ клубились бѣлыя облака, то застилая сплошь, то открывая мѣстами долину внизу. Чуть замѣтною ниткою серебрилась рѣка, а рѣка эта была широка и бурна. Чуть замѣтными точками носились орлы, тамъ, внизу, далеко подъ ногами, а орлы эти высоко надъ долиною рѣяли. Непреодолимая сила тянула Наля броситься въ эту бездну и едва удерживалъ его на ногахъ инстинктъ самосохраненія. Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончилась эта борьба, если бы дружеская рука не коснулась его плеча и не произнесла бы:

— А ты не дури! Этакъ и сверзиться не долго.

Наль отошелъ, всего шагъ отступилъ отъ гибельнаго края карниза—и разомъ исчезло очарованіе. Теперь же и отступить некуда. Нѣтъ, не слышно отрезвляющаго, дружескаго голоса...

Чуть донесся изъ долины неясный звукъ... еще и еще...

— Выстрѣлы! вздрогнулъ Сергѣй Николаевичъ и опомнился.

Да, это стрѣляютъ... Вотъ опять... Вотъ стихло...

— Тамъ, у мечети... Тамъ товарищи, друзья... Боже, они погибнуть!

— Они спасены уже! спокойно отвѣтилъ старикъ.

А Наль не говорилъ, онъ только подумалъ: слова съ языка не успѣли сорваться.

— Что же онъ—на мысли мои отвѣчаетъ?! „Они спасены!“

Чувство живой радости охватило Наля. Онъ вдругъ разрыдался, но красивое лицо его улыбалось. Напряженные нервы не выдержали, колѣни подогнулись сами собою, рука совершила крестное знаменіе.

Когда Наль взглянулъ снова на своего собесѣдника, онъ не сразу узналъ его. Исчезъ таинственный, величавый образъ: передъ нимъ сидѣлъ самый обыкновенный старецъ — слабосильный, даже жалкій на видъ. Много такихъ видѣлъ онъ часто на перекресткахъ проѣзжихъ дорогъ, на людныхъ мѣстахъ базаровъ—и ничего близкаго, ничего призывающаго не чувствовалъ онъ къ нему больше. Исчезло безъ слѣда непонятное очарованіе.

— Послушай, обратился къ нему Сергѣй Николаевичъ,—кто бы ты ни былъ... спасибо! Ты не хочешь сказать своего имени—не надо. Но помни, что всегда, во всякую минуту, для тебя открыты и мой кошелекъ, и мое сердце.

— Кошелекъ мнѣ не надо, а сердце твое въ моей груди бьется, тихо проговорилъ старикъ.

Но эта новая загадка не произвела прежняго дѣйствія. Она только снова раздражила Наля.

— Я иду! сказалъ онъ отрывисто.

— Куда?

— Къ своимъ, туда.

— Ты погибнешь на пути, и я уже сегодня спасти тебя вновь не въ силахъ, грустно проговорилъ старикъ.—

Дождись ночи... Когда станетъ совершенно темно, ты увидишь вонъ тамъ, по этому направленію,—замѣть теперь хорошенько: вонъ между тѣмъ сѣрымъ острымъ камнемъ и этимъ, что меньше, что меньше, круглымъ,—огонь ты увидишь; иди на этотъ огонь смѣло.

Старикъ тяжело приподнялся, отвязалъ отъ пояса маленькій мѣшечекъ и тыквянку и положилъ ихъ на землю.

— День цѣлый пройдетъ — ты голодень. Здѣсь ты найдешь немного хлѣба и нѣсколько глотковъ воды, а мнѣ это не нужно. Пока прощай! Помни: жди до темноты, до ночи.

Старикъ пошелъ. Долго слѣдилъ глазами Наль за его удаляющеюся фигурою. Онъ спускался въ долину: то на минуту скрываясь за камнями, усѣянными горный скатъ, то появляясь снова въ виду, становясь все меньше и меньше; наконецъ скрылся окончательно. А Сергѣй Николаевичъ все смотрѣлъ и смотрѣлъ, и ему стало невыразимо грустно здѣсь одному, на этомъ дикомъ, раскаленномъ солнечными лучами, предгорномъ скатѣ.

„И такъ цѣлый день, проговорилъ онъ.—А старикъ правъ—дождаться ночи необходимо; рискнуть идти одному, безоружному, было бы болѣе чѣмъ неблагоприятно“.

Онъ машинально поднялъ оставленный ему мѣшокъ и тыквянку, выбралъ мѣстечко въ тѣни громаднаго камня, швыркомъ ноги отбросилъ большую ящерицу, попавшую ему на глаза, и вынувъ изъ мѣшка, надвое сложенную, сухую какъ камень, лепешку, аппетитно закусилъ ее своими молодыми зубами. Вдругъ онъ что-то увидѣлъ и вздрогнулъ... Ему показалось, что таинственный старикъ не ушелъ, а лежитъ тутъ же, по близости. Присмотрѣвшись, онъ невольно расхохотался. Это видѣлась на землѣ оставшаяся одежда,—какой-то старый, рваный халатъ и размотанная, съ отрезанными концами, чалма...

Нѣмые свидѣтели истекшей таинственной ночи.

VII.

Тревога.

Между тѣмъ въ становищѣ Ибрагимъ-бая у Ишанъ-Дауда происходило слѣдующее.

Огонь въ палаткѣ былъ потушенъ, господа значить заснули. Докторъ, съ начинающейся сильною головною болью, но еще въ полномъ сознаниі, торопливо одѣвался въ широкій халатъ; казаки уже переодѣлись и, снявъ оружіе, оборачивали его коврами, но такъ, чтобы при случаѣ и достать легко было.

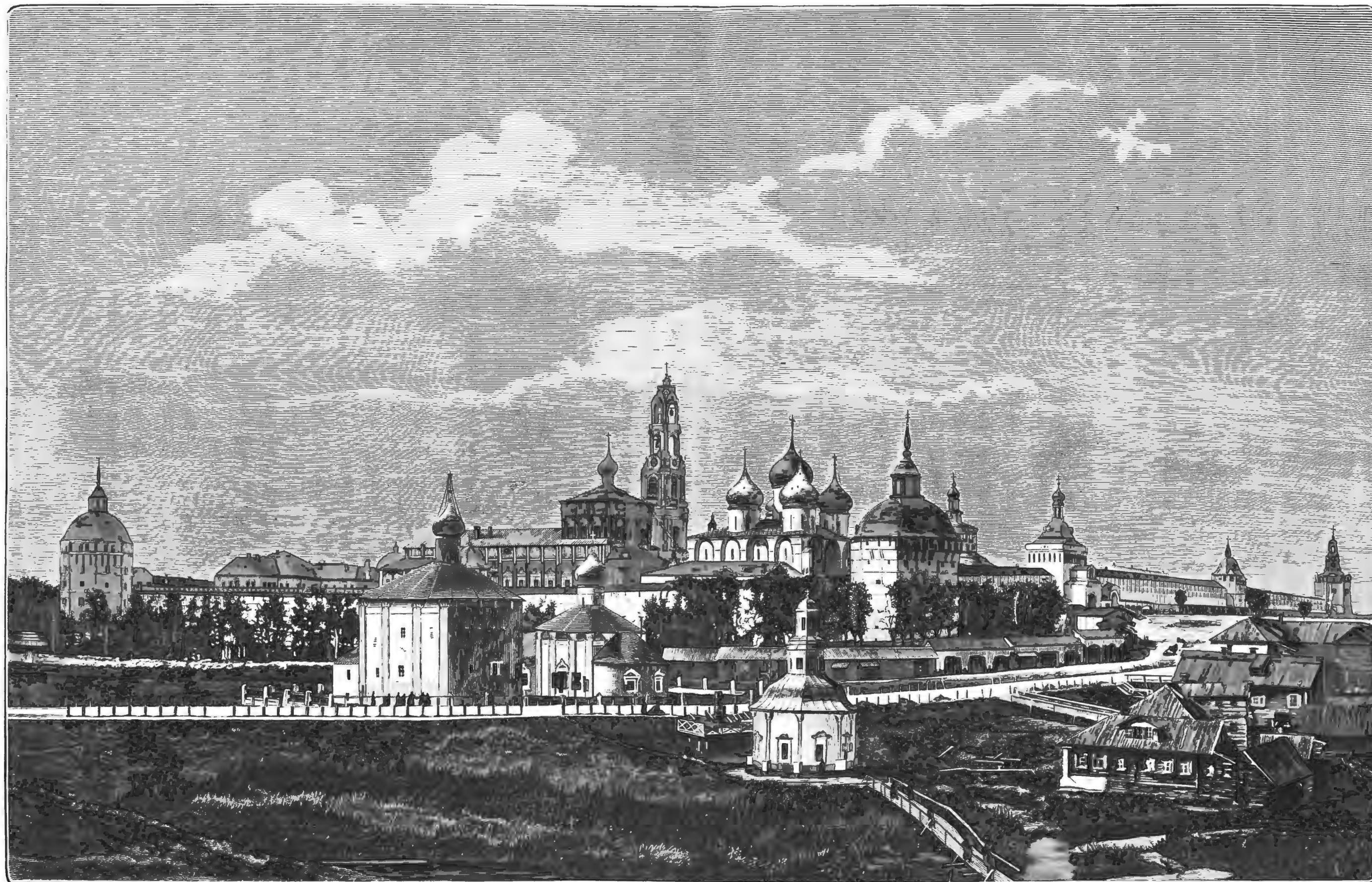
Окончательно безсознательнаго Шолобова джигиты вынесли на рукахъ и уложили на арбу, тщательно завѣсивъ ее войлоками; докторъ полѣзъ туда же. Казаки помѣстились на другой, слѣдовавшей сейчасъ же зади. Всѣ эти приготовленія къ бѣгству дѣлались ловко и быстро, безъ всякаго подозрительнаго шума. Лошадей оставили на мѣстѣ; ихъ отсутствіе могло бы быть замѣчено раньше чѣмъ слѣдуетъ. Люди Ибрагимъ-бая вывели арбу на дорогу и помѣстили между прочими, чужими. Все это такъ казалось естественнымъ, столько народу собралось передъ разсвѣтомъ тронуться въ обратный путь, что у проснувшихся не вызывало ни малѣйшаго подозрѣнія.

Наконецъ все было готово.

Докторъ, посвященный въ тайну обморока Шолобова, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и жалѣлъ, что онъ самъ не накурился какъ слѣдуетъ.

„Теперь бы лежалъ подъ халатами какъ бревно и не чувствовалъ бы этого отвратительнаго состоянія“, думалъ онъ, тщательно затягивая крохотное, клинообразное отверстіе, назойливо открывавшееся сбоку, при каждомъ толчкѣ арбяныхъ колесъ.

Казаки набожно крестились, бормоча слова молитвъ, цутая ихъ между собою.

Общій видъ Троице-Сергіевоу Лавры (по поводу пятисотой годовщины памяти Св. Сергія). Съ фот. грав. Рашевскій.

— Ну и машкарадъ же, прости Господи! сплюнулъ одинъ изъ нихъ.—Разсказать, такъ засмѣютъ товарищи.

И когда появились первые признаки разсвѣта и обрисовались силуэты на поблѣвшею сторонѣ горизонта, арба Ибрагимъ-бая была уже верстахъ въ пяти отъ мѣста готовившейся рѣзни, взявъ окольную дорогу, чтобы далеко обойти майданъ, опасное мѣсто — возможной засады.

И была пора.

Тихо, ползкомъ, со всѣхъ сторонъ, подвигались враги, окружая злополучную палатку. Видъ привязанныхъ на своихъ мѣстахъ лошадей не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Пора! командовалъ Нурмедъ-таксырь.

И дикій вой сотенъ озлобленныхъ голосовъ пронесся по всему урочищу.

Вдругъ разомъ все стихло... на мгновение стихло, чтобы разразиться снова самыми отборными проклятіями.

— Китты! *) крикнулъ кто-то первый.

— Врете! взбѣленился Нурмедъ и съ пѣною у рта рвануло полотно шатра, дрогнушаго и разомъ покосившагося на-бокъ.

Въ нѣсколько секундъ отъ новенькой, красивой палатки остались одни только ключья. Какой-то взбѣшенный фанатикъ кинулся къ лошадямъ и всадилъ шолобовскому коню ножъ въ животъ. Раненое животное рванулось и, обрызгивая всѣхъ кровью, металось въ толпѣ, давя людей, усиливая безпорядокъ.

Нѣсколько выстрѣловъ въ остальныхъ лошадей раздалась тамъ и сямъ. Кто-то застоналъ.

— Да тише вы... смиренно! кричалъ, первый опомнившийся отъ такой неожиданности, таксырь-Нурмедъ.— Своихъ перебьете!

Выстрѣлы и шумъ борьбы произвели панику въ группахъ бивакирующихъ мирныхъ поклонниковъ Ишанъ-Дауда; въ обозахъ произошла невозможная путаница. А время уходило и со временемъ, все впередъ да впередъ, дальше катились арбы Ибрагимъ-бая, давно уже выбравшіяся на просторъ и свободно перешедшія изъ осторожнаго шага въ самую необузданную скачку.

Съ вымазаннымъ до неузнаваемости лицомъ, въ старомъ простомъ халатѣ, Ибрагимъ-бай скакалъ позади всѣхъ; Юсупъ, тоже измѣнившій свой костюмъ, самъ правилъ арбою Шолобова, сидя верхомъ на запряженной лошади.

Когда разсвѣло окончательно, бѣглецы были въ относительной безопасности. Разстояніе до городскихъ стѣнъ было уже не велико: еще полчаса ходу и изъ за зелени садовъ должны показаться высокіе зубчатые гребни. А навстрѣчу быстро подвигалось облако пыли. Въ этомъ облакѣ мелькали бѣлыя шапки казаковъ, и усиленно кивали косматыя конскія морды. Ибрагимъ-бай вынесся впередъ имъ навстрѣчу—и черезъ минуту полусотня оренбургцевъ окружила арбы.

Докторъ высунулся изъ арбы, махалъ руками, истерически плакалъ и разсказывалъ торопливо невозможную чепуху. Костюмированные казаки повывлѣзали тоже и стыдливо сбрасывали съ себя халаты, принимая снова свой обычный видъ. Сотникъ Буреломъ, командиръ отряда, скребъ затылокъ, пытаясь понять что-нибудь изъ докторскаго разсказа.

— Слѣзай! командовалъ онъ наконецъ.— Поводи коней. А Иванъ Алексѣевичъ-то гдѣ же? А Сережа?

— Тутъ-тутъ, живъ и здоровъ! поторопился докторъ.— А Налъ-то нашъ—тю-тю!

Докторъ попытался выразительно свистнуть, но это у него не вышло.

Шолобовъ, отъ тряски и шума, сталъ приходить наконецъ въ сознание. Докторъ догадался намочить ему голову и обмыть съ лица дорожную пыль. Ибрагимъ-

*) Ушли.

бай зачерпнулъ изъ арбы воды и поднесъ чашку къ губамъ больнаго. Тотъ пилъ машинально, большими глотками, быстро овладѣвая собою. Голова его трещала отъ боли, въ глазахъ ходили зеленые круги, но она уже многое сообразила, соскочилъ съ арбы и тотчасъ же упалъ бы, если бы казаки его не поддержали.

— Буреломъ, сколько съ тобою? спросилъ онъ заплетающимся языкомъ.

— Полусотня; да по большой дорогѣ полусотни побѣжала; рота стрѣлковая для поддержки должна выступить. Вотъ такъ штука!

— Давай лошадь, живо!

— Да ты не сможешь, голубчикъ Иванъ Алексѣевичъ,— ты бы домой ѣхалъ; генералъ беспокоится. Максимка, молодчина, прибѣжалъ, еще темно было, прямо къ генералу. Конь у него у самыхъ воротъ сдохъ. Сейчасъ тревогу, тихую, безъ шума, и гайда!

— Лошадь давай! повторилъ Шолобовъ.

И не дожидаясь исполненія приказанія, вырвалъ поводъ у ближайшаго казака, хотѣлъ сѣсть, да самъ не могъ,—казаки подсадили.

Почувствовавъ себя въ сѣдлѣ, старый капитанъ преобразился.

— Садись! командовалъ онъ.

— Безъ шапки что-ли пойдешь? замѣтилъ сотникъ Буреломъ.— Эй, Косыхъ, взяли у тебя коня—давай и шапку. Съ арбами въ городъ возвращайся.

— Ну нѣтъ, я уже съ вами не пойду, шалишь! проговорилъ докторъ и быстро полѣзъ обратно въ арбу.— Конвойчикъ бы намъ оставили маленькій, обратился онъ къ Шолобову.

Но тотъ уже не могъ ему отвѣтить. По два въ рядъ, прижимаясь къ стѣнкамъ, огибали арбы казаки и вытягивались на дорогу. Должно-быть передніе, а съ ними оба офицера, погнались шибкою рысью, потому что оставшіяся въ хвостѣ пришлось съ мѣста въ карьеръ догонять товарищей.

Арбы Ибрагимъ-бая поѣхали домой уже шагомъ.

Минъ-баши Нурмедъ, кое-какъ собравъ своихъ, вспомнилъ наконецъ о плѣнникѣ.

— Хотъ одного да приведу Алемкулу, да еще живаго. А ну, приведите ко мнѣ того!

Побѣжали исполнять его приказаніе.

Связанный Налъ долженъ былъ находиться въ маленькомъ дворикѣ за мечетью, подъ строгою охраною— хана-Берды и другаго джигита. За посланными двинулась толпа. Скоро и тамъ поднялся неистовый крикъ, заставившій Нурмеда поблѣднѣть и бѣгомъ броситься на мѣсто происшествія.

— Ушелъ и этотъ! послышалось ясно въ переднихъ рядахъ толпы.

— Ушелъ!.. не можетъ быть! схватился за голову красавецъ минъ-баша.— Ушелъ! Берды-ханъ, собака! Петлю ему на шею!

Берды-ханъ стоялъ, прижавшись какъ волкъ, у стана, даже не отмахиваясь отъ наступавшихъ на него съ кулаками буяновъ.

— Упустилъ? проговорилъ Нурмедъ, подойдя ближе съ поднятою плетью.— Не устерегъ? Да отвѣчай же, проклятый! Что языкъ у тебя что-ли отнялся? Вдвоемъ съ однимъ связаннымъ не справились... Подлые труссы!

Берды-ханъ поднялъ голову и злобно сверкнулъ глазами. Старый джигитъ рванулся впередъ такъ, что толпа отхлынула. Его, изборожденное боевыми шрамами, лицо было по-истинѣ ужасно. Даже самъ Нурмедъ понялся, невольно потянувшись за рукоятку сабли.

— Ты мнѣ человѣка давай стеречь, а не дьявола! хрипло заговорилъ Берды.— Не справился—какъ же!.. Ты знаешь, что я съ пятью разомъ легко управлялся, а то шайтанъ былъ—и на выручку ему приходилъ шайтанъ.

— Ты, таксырь, выдвинулся тутъ товарищъ Бердыхана,—не сердись на него, нельзя сердиться. Ночью приходилъ самъ сатана, глаза у него горятъ какъ уголья; и навелъ онъ на насъ такую силу, что ни рукою, ни ногою не могли двинуть и слова сказать не могли. Видѣли, все видѣли, а ничего сдѣлать не могли. Видѣли—какъ онъ его поднялъ, какъ кушаки развязалъ, какъ халатъ накинулъ на плечи—и повелъ. А мы сидимъ и двинуться не можемъ. Долго такъ сидѣли; а пришли въ себя, ханъ-Берды говоритъ: „теперь мнѣ не жить!“ вынулъ ножикъ, да къ горлу... насили я отнять.

— Вѣрно, подтвердилъ и тотъ.

На взмыленномъ хрипло-дышащемъ конѣ прискакалъ всадникъ и сказалъ что-то Нурмеду; тотъ встрепенулся и крикнулъ:

— Коней давайте!

Въ толпѣ послышались слова: „Урусъ-кемде!“ *) и вслѣдъ за этимъ сотни голосовъ закричали: „Спасайтесь, правовѣрные!“

Нурмедъ, окруженный своими кавалеристами, поскакалъ къ воротамъ.

Общая паника распространялась съ заразительною быстротою. Мулла-Годдай заперъ двери мечети и мрачно сѣлъ на порогѣ, снаружи.

— Вѣгите-бѣгите, трусы! Не хотите вы смерти праведной, недостойны вы рая Пророка. О Аллахъ, за что такъ караешь гнѣвомъ своимъ народъ—тебя чтущій! бормотали его желтыя, старческія губы и глаза сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей безсильно, но непримиримо злобою. — Пошли мнѣ смерть! пошли, о милосердный! шепталъ старый фанатикъ.—Закрой скорѣе эти глаза, дабы они срама знамени твоему святому не видѣли...

VIII.

Раздумье и грѣзы.

Мѣсто, гдѣ находился Сергѣй Николаевичъ,— было пустынное предгорье... Поднимаясь надъ долиною тянулись ряды холмовъ, прикрытые тонкимъ слоемъ тука. Мѣстами видѣлись каменистыя обнаженія, мѣстами словно скалы высились громадные камни; растительность была жалкая—тошная... Да и что могло расти на этихъ раскаленныхъ возвышенностяхъ!.. Далѣе поднимался второй рядъ высотъ, уже совершенно оголенныхъ, а за ними, стѣною уходя въ облака, стояли горы съ вѣчно сверкающими льдомъ и снѣгомъ вершинами. Это были первые отроги Алая. Долина внизу, окутанная утреннею дымкою, разстилалась какъ въ планѣ, расплываясь въ даль, пока не замыкала ее едва замѣтная синѣющая полоса другихъ горъ... Кое-гдѣ серебрилась вода, то занимая большія правильныя пространства—это затопленные рисовыя поля, то узенькими черточками—это арки... Городскія стѣны видѣлись ясно, а надъ ними холмъ цитадели съ тяжелыми башнями. Но до нихъ было далеко... Вонъ и мечеть Ишанъ-Даудъ, крохотная, едва бѣлѣющая въ темной группѣ ея вѣковыхъ карагачей... Вонъ цѣлыя тучи пыли обозначаютъ проѣзжіе пути... Неясный гулъ движенія чуть доносится, а больше ничего — и что дѣлается тамъ, надо догадываться... Выстрѣлы были, но болѣе этотъ звукъ не повторялся ни разу.

„Развѣ пойти?!.. Хотя-бы ножикъ перочинный оставили!..“

Наль глубоко вздохнулъ, осмотрѣвшись и тщательно ощупавъ свои карманы.

„Такъ первый попавшійся навстрѣчу халатникъ — пристукнетъ... Глупо. Надо ждать!.. Какъ бишь онъ говорилъ?.. да!.. Стать вотъ здѣсь, смотрѣть туда, между этимъ круглышемъ и тѣмъ острымъ выступомъ. Тамъ будетъ виденъ огонь... „и на этотъ огонь ты иди смѣло!“ Странный старикъ! Странныя вещи случаются со мною!..

*) Русскіе идутъ!

„Бѣдная мама моя!.. Почему такъ ей было тяжело, такъ больно отпускать меня?.. Вѣдь не могу-же я оставаться всю жизнь съ нею?.. Надо служить, надо идти впередъ... Надо... И какъ меня тянуло сюда!.. именно сюда—и это особенно смущало мою дорогую, мою нѣжно-любимую... Она рвалась за мною, ее удержали: „это было-бы неудобно, тяжело для нея, ну, — наконецъ, странно...“ Тамъ всѣ такъ умно говорили—и она имъ повѣрила... Нѣтъ, она дѣлала видъ, что вѣритъ, и осталась... — „Пиши каждый день... пиши все... все... мелочей нѣтъ. Все для меня одинаково важно и дорого. Пиши!“ Я писалъ—не каждый день... нѣтъ... это вовсе не нужно, но писалъ часто... Письма безконечно идутъ долго... Чуть не полгода...“

Сергѣй Николаевичъ вдругъ вспомнилъ одинъ эпизодъ, и почему это именно этотъ незначущій эпизодъ пришелъ въ голову!

Разъ онъ засталъ въ маленькой гостиной своей матери красиваго полковника генеральнаго штаба, хорошаго знакомаго, даже товарища по школѣ его покойнаго папа... Оба они, и хозяйка и гость, тщательно разсматривали карту, мать слушала сквозь слезы, а полковникъ говорилъ ей: „Видите, моя дорогая, это очень еще далеко... Громадная, еще мало изслѣдованная пространства отдѣляютъ насъ отъ ея сѣверныхъ границъ“.

Оба замолчали, когда вошелъ Сережа. Мама поспѣшила утереть слезы, а полковникъ весело обратился къ вошедшему:

— А мы тутъ вашъ маршрутъ соображали! заговорилъ онъ. — Ну, молодой человекъ, вамъ предстоитъ дорога трудная и не короткая... Въ добрый часъ, въ добрый часъ!.. Я всегда былъ такого мнѣнія, что молодымъ офицерамъ лучше начинать свою службу на окраинахъ, въ истинно боевомъ кругу... чѣмъ коптѣть здѣсь въ Петербургѣ и только размѣниваться на мелочи, да губить здоровье... Отъ души желаю успѣха!..

Посидѣвъ полковникъ, ушелъ. Вышла мама, а карта осталась на столѣ. И Сережа смотрѣлъ на эту знакомую карту. Только теперь замѣтилъ онъ рѣзкую черту краснымъ карандашомъ по Гималаю, и другую, ломаную черту, отиѣченную сѣвернѣе...

„Почему мама боялась такъ близости къ Индіи?“ сообразилъ Сергѣй Николаевичъ въ эту минуту, припомнивъ такъ ясно давнишній эпизодъ.

„Она боится... а меня именно тянетъ туда всею душою... Такъ вотъ и подгонялъ-бы событія все впередъ и впередъ... А этотъ старикъ... у него нѣтъ на лбу священнаго изображенія пламени, но черты его не здѣшнія... Нѣтъ... Онъ вѣрно оттуда...“

При этомъ воспоминаніи Наль снова почувствовалъ себя скверно... Снова какой-то страхъ запалъ въ его душу, снова имъ овладѣло томительное безпокойство... Далеко ушелъ тотъ, а какъ будто вотъ тутъ, гдѣ-то по близости, и смотритъ на него пристально. Подъ влияніемъ этого взгляда Наль словно засыпаетъ, и съ трудомъ, съ большимъ усиліемъ гонитъ отъ себя неотвязную, невольную, томительную дремоту...

Легкій шелестъ по близости заставилъ Наль оглянуться... Изъ расщелины, чуть пыля, ползла сѣрая змѣя съ ярко-бронзовымъ низомъ. Маленькая головка приподнялась отъ земли и пристально смотрѣла на пришельца... Наль встрѣтилъ ее взглядъ своимъ. Нѣсколько мгновений и человекъ, и змѣя словно боролись лучами зрѣнія... Наконецъ гадина безпокойно метнулась въ сторону и поползла прочь, торопливо извиваясь межъ камней своими кольцами.

„Укусила-бы—и смерть... Это страшная мѣдянка, да какая большая!“ подумалъ Наль и тотчасъ-же удивился.

Чѣмъ-бы вскопичить сейчасъ, вооружиться камнемъ что-ли, отбѣжать подальше, а онъ сидитъ и смотритъ, и какъ близко... вотъ!.. Сергѣй Николаевичъ протянулъ

руку и достала до камня, того самага, около котораго только что виднѣлась маленькая смертоносная головка змѣи со своими холодными, но выразительно напряженными глазами, а страшный врагъ ушелъ и не видно его, не слышно болѣе даже ея вызывающаго невольную дрожь шелеста.

„Куда онъ звалъ меня?!.. „Иди туда, гдѣ нѣтъ ни“ вѣчной тьмы, ни вѣчнаго свѣта... Гдѣ царить только“ „безконечно отраднѣй покой... Иди безъ раздумья,“ „только съ одною слѣбною вѣрою... Иди... Иди!“

„Иди за нимъ и оставишь здѣсь все, что такъ радостно, дорого и мило! Все, что такъ полно жизни, полно очарованія—и зачѣмъ?.. Для вѣчнаго небытія, „слиться съ нирваной“ Странное ученіе!.. Таинственное, непонятное, но влекущее какъ та пропасть... И кто-же ты, призывающій?.. Почему ты меня зовешь, а не кого другаго? Что отъ меня именно тебѣ нужно, за что меня ты избралъ своєю жертвою? Непрошенный, незваный покровитель!.. Ты старъ и дряхлъ, для тебя и здѣсь жизнь уже почти небытіе, для тебя остыли всѣ радости жизни. Ты и ступай одинъ... Меня-же оставь въ покоѣ. Ты говорилъ, что тебѣ ѣсть не надо,—последній кусокъ хлѣба, последнюю каплю воды мнѣ оставилъ, а я голоденъ и поѣлъ-бы теперь съ большимъ удовольствіемъ... У доктора деньщикъ удивительно барашка готовитъ... Я помню, у отца Никанора, пироги всегда во воскресеньямъ... Сегодня кажется воскресенье и есть... Такъ-бы съѣлъ большущій кусокъ!.. Буреломъ поетъ какъ соловей... Стройный хоръ подхатыкаетъ... Чудно, весело! Старики наши начнутъ припоминать былое, заспорятъ... Гуль-Гуль... чудная, милая дѣвочка!.. Странная какая-то, но такъ-бы и ласкалъ ее, такъ-бы и смотрѣлъ ей въ ея веселые глазки... И русскихъ любить... Такъ намъ предапа. „Вы, говоритъ, женщины своихъ не бьете, не запираете, позволяете лицо свое всѣмъ показывать, вы добрые...“ На прошлой недѣлѣ мы ѣздили къ ней. Я, Шолобовъ, Буреломъ, Красоткинъ и докторъ, этого забавный толстякъ... О Господи!.. да живы-ли они?.. Спасены—онъ ясно сказалъ „спасены“, а онъ лгать не станетъ... Онъ долженъ знать это и можетъ... онъ все знаетъ... онъ даже все, что на душѣ моей, знаетъ... о, это ужасно!.. Куда отъ него спрятаться, куда скрыть свои мысли?.. Оставь-же ты меня, оставь!.. Заклинаю тебя твоею-же нирваной!.. Ты вонъ тамъ за камнемъ стоишь и смѣешься... Дьяволъ!.. Я это чувствую, я...“

Налъ быстро вскопчилъ и обошелъ камень вокругъ; никого не было... Тишина мертвая окружала его одинокаго среди пустыни, и солнце, давно уже перейдя зенитъ, багровѣло спускаясь къ западу.

„Нѣтъ, кротко и съ любовью смотрѣлъ ты на меня, старичокъ непонятный. Ты—корень... я—стебель твой... Не зла желаешь ты мнѣ... Благостью, любовью дышатъ слова твои... Не мучь-же меня невѣдѣніемъ!.. Объясни, расскажи... Дай мнѣ жить, пока жизнь для меня свѣтла и радостна... Послѣ, послѣ, быть-можетъ... я самъ...“

Словно тѣнь промелькнула передъ нимъ... одно мгновенье только, дрожа и колеблясь въ остывающемъ вечернемъ воздухѣ, держалось видѣніе передъ его изумленными глазами и скрылось.

Чудная женщина, вся въ черномъ, съ золотистыми волосами, стройная, величественно красивая... Нѣтъ, это странная, случайная игра свѣта, это послѣдній лучъ заходящаго солнца залилъ золотомъ тотъ камень, фосфорическимъ свѣтомъ пронизалъ сгущенную тѣнь... Но звуки, звуки откуда-же?.. Ясно, отчетливо слышалъ Налъ: — Я надъ тобою—не бойся... Я спасу тебя и охраню... Такъ повелѣно свыше...

— Матушка!.. рванулся Сергѣй Николаевичъ, и слезы снова градомъ брызнули изъ его глазъ.

Забыто все... Всѣ воспоминанія, всѣ мысли слились въ одномъ дорогомъ, безконечно любящемъ и любимомъ образѣ...

Какъ быстро темнѣеть!.. Въ долину давно уже загораются огни. Красноватое зарево поднимается далеко надъ городомъ.

— Сюда! произнесъ Налъ и отошелъ къ назначенному мѣсту. Между острымъ выступомъ и круглымъ камнемъ разгоралось высокое костровое пламя.

Сергѣй Николаевичъ вздохнулъ съ чувствомъ радости и душевнаго облегченія, и скорою, молодою походкою пошелъ по указанному направленію.

IX.

Казачья полусотня, съ Шолобовымъ и Буреломомъ во главѣ, скоро добѣжала до мѣста ночныхъ событій. Вся площадь была засорена остатками бивуака и лопатными въ суматохѣ арбами; тамъ и сямъ чернѣли забытые котлы; на видномъ мѣстѣ, почти у самага въѣзда, лежалъ уже издохшій капитанскій Гнѣдко... Небольшая толпа собралась у мечети... Но эти люди, болѣею частью дряхлые старики, сидѣли молча, угрюмо глядя на казаковъ. Мулла-Годдай, казалось, дремалъ, опустивъ голову на высоко согнутыя колѣни. Трушъ юродиваго фанатика, прикрытый ковромъ, лежалъ все еще на мѣстѣ своего паденія, у подножья знамени чтимаго святаго.

Еще раньше нѣсколько казаковъ, отдѣлившись отъ отряда, заскакали впередъ, и теперь, обогнувъ становище, одинъ за другимъ выскакивали изъ-за стѣнокъ, сдерживая взмыленныхъ коней.

— Скоро-же удрали!.. произнесъ Шолобовъ.—А ну-ка этихъ къ допросу... Переводчикъ!..

Казакъ-татаринъ протискался изъ заднихъ рядовъ и сталъ слѣзать съ лошади...

— По какой дорогѣ ушли Алемкуловы люди?.. Спроси-ка ты у него...

Капитанъ указалъ нагайкою на муллу.

Казакъ-переводчикъ, потянувъ за поводъ упирающагося мошатака, тронулъ старика за плечо и перевелъ вопросъ по-татарски.

Медленно вскинулъ потухшія очи мулла-Годдай и снова молча опустилъ ихъ.

Буреломъ въ это время допрашивалъ кое-кого изъ другихъ, но толку добиться было невозможно. На всѣ вопросы слѣдовало упорное молчаніе.

— Въ нагайки-бы ихъ, живо залопотали-бы!.. предложилъ озлившійся сотникъ.

— Брось! остановилъ Шолобовъ.—Ты, говорилъ, вторая полусотня на майданъ идетъ... Есть бумага?..

Буреломъ полѣзъ въ карманъ и вытащилъ вмѣстѣ съ кистетомъ записную, замасленную книжку.

— Давай толковаго урядника, я напишу стрѣлкамъ, чтобы шли сюда и заняли здѣсь позицію, а вторая полусотня, чтобы съ майдана свернула влѣво, на Шихманъ, прошла до черной балки и вытянулась-бы до самыхъ колодцевъ, да чтобы шарили дорогою хорошенько, а мы съ тобою гайда, прямо на караванный путь... Если и не догонимъ, то все-таки развѣдку настоящую сдѣлаемъ... Къ ночи обѣ полусотни сойдутся на колодцахъ.

Капитанъ и говорилъ, и писалъ одновременно, одновременно почти и кончилъ... Казаки пока торопливо опраляли сѣдловку и протирали конямъ воспаленныя отъ бѣга ноздри... Косматые степняки шумно встряхивались, нѣкоторые обнаруживали непреодолимое желаніе поваляться.

— Ничего, не замай!.. оно хорошо, кровь разбиваетъ... — Луку-бы не сломала... тпру!.. Чтoby-тѣ извилло!..

— Роба... зачерпни воды во фляги... Тутъ чудесная!..

Гляди, Митька коверъ какой спѣръ... Торочъ живѣ... — Спѣръ!.. Прямо на дорогѣ валялся... Поднялъ... А ты,—спѣръ!..

— Садись!.. все покрылъ густой басъ сотника Бу-

реломы.

У заводскихъ воротъ въ день полочки. Жены ожидающія своихъ мужей.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ф. Козачинскаго, грав. Ангереръ

Пошли...

— Я такъ полагаю, поровнялся сотникъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ,—я полагаю, что живьемъ увезли...

Шолобовъ молчалъ и привставъ на стременахъ, чтобы облегчить тряску коня, хватался рукою за голову. Боль тупая, боль похожая на угарную—упорно держалась, казалось даже усиливалась.

— Я по такимъ примѣтамъ полагаю, что живьемъ, продолжалъ Буреломъ: — какъ ежели предали-бы они его смерти, надругательство сдѣлали-бы: голову съ собою-бы уволокли, напоказъ вышнему начальству, а тѣло-бы съ надругательствомъ, тутъ-бы, навиду оставили... Надо-быть, значитъ живьемъ.

— А ты думаешь, что я самъ того не полагаю? думаешь отъ этого муллы остался бы хоть клокъ бороды, если бы нашли Серезино тѣло? проворчалъ Шолобовъ, и ударомъ шпоръ послалъ впередъ туповатую лошадь.

— Полагаю, продолжалъ словоохотливый сотникъ,—чтобы какъ бы намъ ежели самимъ не нарваться... Полусотня всего, да сзади теперь полусотня,—а мулла Алемъ-Куль тоже не шутить.

— Далеко до Алемъ-Кула, проворчалъ Шолобовъ.— Эхъ, намъ бы хоть одного изъ этихъ красныхъ захватить: все бы узнали хоть что-нибудь.

Но захватить на этотъ разъ никого не довелось... День жаркій, лошади сдѣлали уже большой переходъ усиленною рысью и притомились; изрѣдка тяжело дыша, онѣ значительно сбавили рысь... Полусотня растянута сильно... есть, значитъ, присталые.

— Шагомъ! скомандовалъ Буреломъ. — Ну и пѣкло же, прости Господи!..

Остановились передохнуть у опустѣлаго караванъ-сарая, тоже торопливо покинутого обитателями.

— И чего бѣгутъ, чего прячутся! досадливо проговорилъ капитанъ. — Вонъ, даже чайникъ съ чаемъ у огня бросили... Не броди по сторонамъ!.. Чего шарите!..

Казакъ не безъ удовольствія, послѣзавъ съ коней, принялись угощаться. Отыскали мѣшокъ съ лепешками, двое уже тащили большой котелокъ съ недофденнымъ пловомъ. Урядникъ, отстегнувъ отъ сѣдла мѣдный чайникъ, сталъ заваривать для господъ—своего.

— Води, води коней!.. не давай устлаваться... води, не зѣвай! покрикивалъ онъ, бренча посудомъ.

Шолобовъ слѣзъ съ лошади, велѣлъ намочить себѣ голову и легъ подъ навѣсомъ, а Буреломъ распорядился выслать, впередъ и въ стороны, „бекеты“, какъ говорилъ онъ, „на всякій, значитъ, неожиданный случай!“

— И какъ это, удивительное дѣло! Вдругъ это онъ былъ и пропалъ... Отлучился должно полагать зачѣмъ, на минуту—и сейчасъ его... Темно было?

— Да, уже около полуночи... этакая безшабашная голова!.. Вотъ и влопался бѣдняга!

— Долго-ли.

— Узнаемъ что-нибудь... отпиршусь я самъ у генерала къ Алемъ-Кулу парламентаромъ. Выкупъ соберемъ... надо хлопотать...

— А я такъ думаю, что нашему брату-офицеру и пускаться не слѣдуетъ. Азія, вѣдь: вмѣсто одного, двухъ вызволять придется.

— Бываетъ... Девлетку послать надо. Онъ шустрый, онъ и нашимъ угодить стараться будетъ, и тѣмъ—то же разстареется. Эхъ, горе-горе! бѣдный Серезка! Меня чтó огорчаетъ... (Шолобовъ приподнялся на локоть и провелъ рукою по лицу). Чтó меня тревожитъ болѣе всего—это его мать. Онъ мнѣ читалъ письма ея иногда,—сколькой любви, да какой!.. Узнаеть, бѣдная, не выдержитъ... А вѣдь въ случаѣ чего не скроешь, увѣдомить придется.

— Гуль-Гулька тоже наплачется, усмѣхнулся казакъ.

— А ну ее!.. Изъ-за этой егозы все и вышло... Мнѣ говорили, онъ за нею пошелъ, померещилась она ему должно-быть... Я ея не видалъ.

— Нѣтъ, эскулапъ-то нашъ, какого страха натерпѣлся!.. Вылѣзаетъ изъ арбы... Боже, ты мой!.. обликъ даже совсѣмъ неестественный сдѣлался. То-то теперь въ крѣпости рассказы плететь! А какъ, надо полагать, должна теперь Ибрагимъ-баю награда выйти за усердіе?

— Полагаю!.. Что же отдохнули немного, можно бы и трогаться.

— Маленько бы еще, попоить малость, да торбишки павѣсить. Запалились гнамши!..

Покончивъ привалъ, давъ вволю передохнуть конямъ, освѣжившись и сами, тронулись дальше. Выйдя на караванный путь и не встрѣтивъ нигдѣ развѣздовъ муллы-Алемъ-Кула, отрядъ свернулъ къ горамъ и къ закату солнца подошелъ къ черной балкѣ, на колодцѣ, гдѣ долженъ былъ соединиться со второю полусотнею.

Оба отряда сошлись почти одновременно.

Эсаулъ Ползуновъ, командиръ сотни, доложилъ, что моль съ десятокъ человекъ разнаго званія позахватили, а толку не добились никакого.

— Одначе свѣдѣніе есть, что стоятъ верстахъ въ тридцати не больше, „сила великая—видимо-невидимо“, и что онъ уже послалъ генералу обстоятельное сообщеніе.

— Пропалъ нашъ Налѣкъ! покачалъ онъ головою,—допрыгался!

— Э...эхъ!.. только крикнулъ Шолобовъ.

Стали на колодцахъ бивакомъ, развели костры.

— Ночью идти назадъ—не резонъ, рѣшили командиры,—поснимъ здѣсь съ оглядочкою.

(Продолженіе будетъ).

На краю свѣта.

Рассказъ Геймса.

(Окончаніе).

Рассказчикъ остановился и посмотрѣлъ на жену съ безконечной нѣжностью во взглядѣ. Г-жа Туксенъ полулежала на диванѣ, слегка прикрывъ глаза своей бѣлою рукою. Теперь она встала:

— Мнѣ бы хотѣлось домой, сказала она, и обращаясь ко мнѣ, ласково прибавила:—проводите насъ; мы живемъ недалеко отсюда, и останьтесь нашимъ гостемъ на ночь, тогда мужъ расскажетъ вамъ дальше, а меня извините пожалуйста.

Такъ какъ меня интересовалъ не балъ, а эти люди съ ихъ исторіей, то выборъ былъ очень легокъ, и немного погодя капитанъ и я сидѣли уже на верандѣ его дома. Вокругъ насъ стояла ничѣмъ не нарушаемая тишина. Г-жа Туксенъ удалилась на покой съ ласковымъ общаньемъ:

— До свиданья завтра!

Когда она уходила отъ насъ одна, безъ поддержки, я тутъ только замѣтилъ, какъ она слегка волочила одну ногу. Но это ее нисколько не портитъ, она все-таки оставалась восхитительной женщиной.

— Ну, капитанъ? спросилъ я, съ напряженнымъ любопытствомъ подсаживаясь къ нему ближе.

— Иногда случалось, продолжалъ онъ,—что пешересы ночью напали на стоявшій на якорѣ корабль, который не очень зорко охранялся, и предавали его полному разграбленію. Они очень падки на добычу, которая можетъ служить имъ, совершеннымъ бѣднякамъ, пищею и одеждой; поэтому въ своей дикой жадности они умерщвляютъ все живое, и горе судну, безпомощно засѣвшему между подводными камнями и шкерами бухтъ: дикари скоро его откроютъ и, само собою разумѣется, завладѣютъ имъ какъ своей добычей. Кто-же будетъ имъ противиться, кто можетъ помѣшать имъ въ этой всѣмъ забытой пустынь?

„Я раньше упомянулъ объ охотѣ на тюленей, которая въ рукахъ неустрашимыхъ людей является очень выгоднымъ промысломъ; къ тому же, на пути можетъ встрѣтиться могучій китъ, и если судно подготовлено, охота съ лихвою вознаграждаетъ затраченные труды. Такимъ образомъ отъ времени до времени въ проливѣ появляются шхуны и бриги, которыми не трудно управлять. Занятіе ихъ—ловля тюленей и при случаѣ китовъ; постоянная стоянка—или чилийскій берегъ, или послѣдній, самый крайній городокъ въ мірѣ, скрытый въ лѣсу,

Пунта-Аренасъ, со своими маленькими деревянными домами.

„Мой тестъ былъ датскимъ морскимъ капитаномъ и акционеромъ одного торговаго дома въ вышеупомянутомъ городкѣ. По случаю кризиса, угрожавшаго фирмѣ, онъ перешелъ на своемъ добромъ бригѣ „Герда“ Атлантической океанъ, чтобы поселиться въ Пунта-Аренасѣ, самому наблюдать за ходомъ дѣлъ. Это былъ морякъ стараго закала, одинъ изъ тѣхъ, которые идутъ въ море по страстному влеченію и неохотно заживаются на сушѣ. Чтобы быть совершенно свободнымъ отъ всякихъ узъ, могущихъ нехотати привязать его къ старой родинѣ на Сѣверѣ, онъ отдалъ въ наемъ свой домикъ на Маломъ Бельтѣ, и получивъ восторженное согласіе дочери—моей перешней жены, въ жилахъ которой течетъ та-же неутомимая кровь—взялъ ее съ собою на корабль.

„Она уже нѣсколько лѣтъ съ нимъ жила и справлялась съ компасомъ и секстантомъ на палубѣ такъ же хорошо, какъ со сквородами на кухнѣ. Не одну ночь и не одинъ день ходила она на вахтѣ съ отцомъ и одна; постепенно привыкла по командѣ брать рифы и убирать паруса, и получила не меньшій навыкъ къ поворотамъ, галсамъ и завязыванію морскихъ узловъ, чѣмъ къ вязанію и штопанью.

„Такимъ образомъ, она прѣехала въ Пунта-Аренасъ и поселилась съ отцомъ въ домѣ Германсенъ и К°. Спустя короткое время она уже стала хорошо извѣстна патагонцамъ, которые приходили изъ своихъ далекихъ саваннъ со шкурами гуанако и страусовыми перьями, и эти коричневыя великаны всегда радовались, когда при торгѣ она сидѣла между ними на связѣ шкуръ. Одинъ изъ вождей, футовъ семи росту, однажды даже объяснилъ ей, что онъ будетъ очень радъ и дастъ сто шкуръ гуанако на придачу, если она согласится послѣдовать за нимъ въ его вигвамъ въ саваннѣ. Когда же она со смѣхомъ растолковала ему, что не имѣетъ къ этому ни малѣйшей охоты, онъ печально ушелъ, и изъ до безучастия три дня поодѣ-рядъ и уѣхалъ, физически и морально подавленный горемъ, домой къ своей темнокожей супругѣ и немытымъ дѣтямъ.

„Дѣловой кризисъ былъ продолжителенъ; завѣдывающій дѣлами оказался неспособнымъ его предотвратить, и мой тестъ долженъ былъ всѣмъ руководить самъ. Такое положеніе дѣлъ однако не требовало безвыѣднаго пребыванія въ довольно уединенномъ Пунта-Аренасѣ, гдѣ онъ скучалъ превыше мѣры самымъ предосудительнымъ образомъ; то же самое испытывала его дочь, Тира.

„Однажды вечеромъ въ началѣ февраля, что тамъ у нихъ означаетъ лѣто (однако безъ удушливой жары: 10° С. нормальная температура), они сидѣли вдвоемъ въ конторѣ фирмы. На спиртовой лампочкѣ вспыхала вода, предназначенная для приготвленія крѣпикаго грога, который такъ любилъ Нильсъ Германсенъ во время полнолунія, не пренебрегая, впрочемъ, этимъ благороднымъ напитокомъ и во время первой и послѣдней четверти. За стѣнами въ непроходимомъ первобытномъ лѣсу завывала буря; она ломала старыя дряхлыя деревья, гнала передъ собою по проливу лѣсные валы и потрясала крытые тесомъ дома и хижины. Тира сидѣла за рулемъ и играла „Tappern Landsoldat“ и „Kong Christian stod ved høien mast“ и тому подобныя пѣсни далекой родины.

„Вдругъ отворилась дверь и вошелъ Мадсъ Йенсенъ. Онъ былъ прежде капитаномъ корабля и по характеру природный морякъ; судно его погибло у патагонскаго берега, а его самого захватили индѣйцы и обращались съ нимъ очень дурно, пока наконецъ онъ не раскрылъ черепа заснувшему пьяному сторожу и, укравъ лошадей у своего милаго хозяина, вываливагося въ томъ же положеніи, не ушелъ изъ плѣна безъ выкупа, послѣ чего полумертвый отъ перенесенныхъ имъ невѣроятныхъ трудностей, достигъ Пунта-Аренасъ и тамъ остался. По необходимости онъ поступилъ на службу къ Германсенъ и К° въ качествѣ бухгалтера и посредника въ торговлѣ съ индѣйцами, которыхъ онъ такъ нѣжно любилъ. Послѣднее время этотъ молодой человекъ носилъ вычищенные ваксой башмаки, помадиль душистымъ масломъ волосы и украшалъ золотую булавкою свою красную фланелевую рубашку. Дѣло въ томъ, что онъ смертельно влюбился въ Тирю и даже хотѣлъ съ заряженнымъ револьверомъ пуститься въ погоно за патагонскимъ вождемъ, когда узналъ о его сватовствѣ, но тотъ, къ счастью, опередилъ Мадса на цѣлый день пути и этимъ спасъ свою жизнь; въ противномъ случаѣ ему пришлось бы плохо, такъ какъ, въ довершеніе всего, именно онъ и былъ прежнимъ господиномъ и властелиномъ ревниваго Мадса.

„Вошедшій обмѣнялся привѣтствіями съ Нильсомъ Германсеномъ и его дочерью и тихонько сѣвъ у стола, сталъ жевать табакъ. Тира продолжала наигрывать свои пѣсни, а Мадсъ отбивалъ тактъ граціознымъ движеніемъ своей большой головы.

—„Тира, сдѣлай-ка намъ грогъ! вдругъ примѣшался къ звукамъ инструмента густой басъ отца.

„Молодая дѣвушка поспѣшно встала и начала хлопотать около лампочки.

„Мадсъ Йенсенъ слѣдилъ за нею сіяющимъ взоромъ. „Превосходный бригъ“, вѣроятно думалъ онъ въ эту минуту, „съ хорошею оснасткою и парусами. Образцовый галюнъ—и какъ бы и хотѣлъ быть его капитаномъ!“

„Такъ можно было бы резюмировать мечты и желанія бывшаго моряка; но, вдругъ его честное лицо омрачилось.

—„Большая Змѣя опять тутъ съ тремя женщинами и грудой шкуръ! прервалъ онъ молчаніе.

—„Кто это? спокойно спросилъ капитанъ Германсенъ.

—„Тотъ красивый негодяй, который—будь онъ проклятъ!—хотѣлъ жениться на фрейлейнъ Тирѣ.

„Старый Германсенъ разсмѣялся такъ, что чуть стѣны не задрожали; Тира также смѣялась и ея бѣлые зубы такъ и сверкали между алыми губками.

—„Не смѣйтесь, капитанъ, а лучше спустите на все это время собакъ съ цѣпи, а вы, фрейлейнъ Тира, сидите-ка дома пока эти красныя молодцы тутъ шатаются. Вотъ только четверть часа тому назадъ я далъ добраго пинка этому самому негодяю за то, что онъ стоялъ подъ вашими окнами и подсматривалъ сквозь ставни.

—„Ого! воскликнулъ Германсенъ, — вотъ онъ какой! Значитъ надо смотрѣть въ оба. Довѣрай послѣ этого краснымъ бездѣльникамъ! Ну, такой зять мнѣ не ко двору. Слушай, Тира, а тебя на это время отправлю къ твоей теткѣ!

„Тира разсмѣялась ему въ лицо:

—„До Фейле немножко далеко, отвѣчала она.

—„Я говорю о бригѣ, который стоитъ на якорѣ тамъ, у Богомъ забытой пристани; вѣдь онъ окрещенъ Гердой въ честь твоей тетки.

„Тутъ фрейлейнъ Тира выпрямилась во весь ростъ:

—„Какъ? Я тамъ останусь, одна? Должна отсюда уйти? Нѣтъ, этого не будетъ! Я останусь съ тобой!

„Отецъ съ выраженіемъ удовольствія посмотрѣлъ на свое прекрасное рѣшительное дитя.

—„Ты не одна будешь, я пойду съ тобою. Прихватимъ Уве, Сѣрена и Юнса. Мнѣ здѣсь надоѣло. Покрепимъ недѣльки до вѣтри, а тамъ для препровожденія времени станемъ охотиться на тюленей. Между тѣмъ твоей красной поклонникъ уѣдетъ, да и мы сами, кромѣ того, выберемъ разъ навсегда изъ этого жалкаго залолустья. Здѣсь довольно людей для сдѣлокъ съ краснокожими.

—„Превосходно! ликовала Тира, — вотъ это я люблю! На палубу, кататься по проливу! И мы заѣдемъ въ Борья-Бэй и въ портъ Ангосто, и въ Майнъ-Гарбургъ, и пройдемъ черезъ Инглишъ-Нэрроусъ!

—„Хорошо, хорошо, будь по твоему и ты будешь стоять на рулѣ, когда будемъ проходить. Налей-ка еще стаканъ. Да здравствуетъ соленая вода! Только въ грогъ цускъ не понадаетъ, прѣсная вкуснѣе.

„Два дня спустя „Герда“ снялась съ якоря. Весело развѣвался съ гафеля алый Данеброгъ съ бѣлымъ крестомъ. Тира, стройная и прекрасная, стояла на рулѣ, размахивая снятою съ бѣлокуроухъ кося легкой матроской, по направленію къ пристани, съ которой Мадсъ Йенсенъ печально отгѣчалъ ей своимъ краснымъ посовымъ платкомъ. „Герда“, напуганная боковымъ вѣтромъ, вступила въ проливъ, надъ которымъ издали возвышался въ солнечномъ сіяніи могучій Салмилетъ со своими двумя исполинскими вершинами.

„Двѣ недѣли крейсировали они въ проливѣ, соображаясь съ направленіемъ вѣтра. Тюленей за это время добыто было немного; за то наканунѣ прихода въ Майнъ-Гарбургъ работы было довольно, съ утра и до вечера. Животныя позволяли себя убивать такъ легко, какъ будто имъ жизнь надоѣла, или будто они желали сдѣлать удовольствіе бѣлокурой молодой датчанкѣ, показавъ ей настоящую охоту на тюленей. Къ вечеру „Герда“ была нагружена такимъ количествомъ свѣжихъ тюленьихъ тушъ, что должна была возвращаться домой во избѣжаніе ихъ порчи. При нордвѣстѣ, душемъ съ Пенасскаго залива, можно было надѣяться скоро попасть домой. Но—человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!

„Тихою ночью бригъ остановился въ прекрасной гавани, направленной твердою рукою фрейлейнъ Тиръ. Азалии въ своемъ сказочномъ изобиліи роскошно цвѣли по всему скалиному побережью; глетчеры сверкали въ сіяніи полумѣсяца; легкій ночной вѣтеръ колебалъ стройныя вершины лавровъ; греми низвергался водопадъ со своего крутаго каменнаго ложа, и катилась мимо „Герды“ вѣстѣ съ волною отливъ его сверкающая бѣлая пѣна. Въ небѣ блистали звѣзды и мѣсяцъ обливалъ своимъ блѣднымъ свѣтомъ скалы и воду.

„На „Гердѣ“ не знали, что съ вечера въ нѣсколькихъ тысячахъ мегровъ отъ нея стоитъ чилийская канонерка.

„А я ничего не зналъ о „Гердѣ“. Я хотѣлъ войти въ Майнъ-Гарбургъ еще до наступленія сумерекъ. Но чрезвычайная сила противнаго теченія задала моей слабой машинѣ такую работу, что я не успѣлъ своевременно достигъ цѣли и радъ былъ найти на противоположномъ берегу пролива якорную стоянку, достаточно извѣстную для нашего небольшого судна, со входомъ относительно настолько широкимъ, что даже при наступленіи ночи я могъ безопасно въ него войти.

„Отрядъ на моемъ суднѣ былъ прекрасный: все унтеръ-офицеры, участвовавшіе вмѣстѣ со мною въ войнѣ. Матросы были надежные и уважали меня. Служба была нелегка, и держалъ и свою команду строго, но работали хорошо и охотно.

„И такъ мы тихо стояли на якорѣ. На суднѣ было насъ

Слѣпая. Съ аарг. Пигльгейна, грав Крей-

Въ севильскомъ café-chantant. Съ карт. Франке, грав. Пейне.

только три офицера, следовательно я должен был сам стоять на вахтѣ. На этотъ разъ мнѣ досталась такъ-называемая „Собачья вахта“, самая неприятная изъ всѣхъ,—отъ полуночи до четырехъ часовъ утра. Медленно расхаживалъ я взадъ и впередъ по мостику; впереди меня вахтенный унтеръ-офицеръ дѣлалъ то-же самое. Ни звука вокругъ, кромѣ тихаго плеска волнъ о скалы, да вдали глухаго шума водопада въ Майнъ-Гарбурѣ, входъ въ гавань котораго лежалъ противъ насъ наискосокъ.

„Я не зналъ, что по ту сторону пролива стоитъ, какъ и я, на вахтѣ молодая дѣвушка. Она была совершенно одна. Люди, полуертвые отъ усталости послѣ жаркой дневной работы, забрались въ свои помѣщенія; около полуночи и отецъ ушелъ подъ палубу, спокойно передавъ своей отважной дочери надзоръ за судномъ.

„И она ходила взадъ и впередъ, въ круглой шляпѣ на бѣлокурыхъ кудряхъ, въ накинутомъ на плечи кожаномъ плащѣ, глядя во всѣ стороны своими зоркими молодыми глазами. Она знала, что значитъ ходить на вахтѣ. Взоръ ея не отрывался отъ воды. Мѣсяцъ призрачно сиялъ, и тѣни отъ высокихъ береговыхъ скалъ дѣлались все длиннѣе и косвеннѣе, окутывая мракомъ узкій заливчикъ, въ который постепенно переходилъ водоемъ гавани тамъ, по направленію водопада. Молодая дѣвушка прислоняется къ низкому релюлю на задней палубѣ судна, не переставая глядѣть въ воду. Монотонно доносятся къ ней отдаленный ревъ водопада; онъ утомляетъ, усыпляетъ, но Тира бодрится и гонитъ сонъ. За кораблемъ мгла все спускается, по водѣ носится какія-то черныя точки... Она продолжаетъ пристально смотрѣть впередъ, но и ея храброе сердце бьется теперь нѣсколько тревожнѣе; какъ легко теперь врагу подкрасться, неслышно, незримо, а она—одна. Всѣ ситъ крѣпкимъ сномъ. Не разбудить-ли лучше отца? Она приподнимается, хочетъ идти... Милосердный Боже, что-же это такое?!

— „Помогите!“ вскрикиваетъ она изъ всѣхъ силъ, и эхо въ скалахъ повторяетъ этотъ крикъ. — „Помогите!“ и съ сухимъ трескомъ быстро одинъ за другимъ слѣдуютъ выстрѣлы ея револьвера; она направляетъ ихъ туда, гдѣ изъ мрака ночи вынырнули какіе-то мрачныя человѣческіе образы, прямо подъ кормою. Оттуда раздается въ отвѣтъ пронзительный крикъ ярости на то, что ихъ открыли, или, быть можетъ, чей-нибудь предсмертный крикъ, и въ послѣднемъ мерцаніи заходящаго мѣсяца она видитъ, какъ снизу взираютъ на палубу... Въ ея рукѣ высоко взвился топоръ, который всегда виситъ надъ дверью каюты; но тутъ ее кто-то хватаетъ за сзади и опрокидываетъ на землю: вторая лодка пристала сбоку къ „Гердѣ“, и съ дикимъ воемъ бросаются на палубу краснокожіе, чья богатую добычу. Тира чувствуетъ оглушительный острый уколъ въ лобъ надъ самымъ глазомъ, что-то теплое струится по ея лицу, и голова ея тяжело ударяется о палубу. Но тутъ въ толпу нападающихъ врывается огромная фигура Нильса Гормсена. Отецъ борется за свое дитя... Сплошной огонь двѣнадцати выстрѣловъ, и какъ бѣшеный начинаетъ онъ махать второю сѣкирою съ длиннымъ лезвіемъ. Изъ помѣщенія матросовъ стремится на палубу живой потокъ; они молотятъ по дикарямъ своими острогами, тѣснятъ и гонятъ передъ собою, съ носа на корму, неудержимо, непреодолимо, съ всеокрушающею яростью самозащиты и мести. Свиста падаютъ смертельные удары въ толпу тѣсно сплотившихся дикарей; слышны вопли боли и ужаса; краснокожіе, толкая другъ друга, въ паническомъ страхѣ бѣгутъ къ релюлю, оттуда отчаянными прыжкомъ за бортъ; плескъ воды, шумъ весель, и снова крикъ, снова паденіе... Довольно работать! Усталые люди рукавомъ рубахи вытираютъ вспотѣвшія лица...

— „Гдѣ фрейлейль Тира? послышался вопросъ.

— „Гдѣ Тира?!“ раздается вмѣсто отвѣта голосъ парализованнаго страхомъ отца, который въ эту минуту выбѣгаетъ изъ каюты, гдѣ онъ ее искалъ.

— „Они взяли ее съ собою! вскрикиваетъ онъ въ отчаяніи и потомъ, заглушая ревъ водопада:—Шлюнку въ воду! Ради Милосерднаго Бога, скорѣе!

— „Какъ они работаютъ! Ужасъ и ярость удвоили ихъ силы; они задыхаются...

— „Олускай!

— „Лодка съ плескомъ падаетъ въ воду.

— „Скорѣе туда, къ весламъ.

— „Куда плыть, капитанъ?

— „Куда? Странный вопросъ! Неужели никто не знаетъ, куда?

— „Вдругъ впередъ, въ той сторонѣ, гдѣ долженъ быть входъ въ гавань, раздаются дикіе крики, чередующіеся съ возгласами команды и трескомъ выстрѣловъ: краснокожіе въ своемъ безорядочномъ бѣгствѣ очутились какъ разъ передъ носомъ нашего катера. Мои люди такъ налегли на весла, что они чуть не ломались. Впередъ, впередъ! Мы во-время идемъ на выручку; я—на рулѣ.

— „На абордажъ, молодцы! рубите ихъ!

— „Мы проносимся мимо нихъ въ невѣрномъ свѣтѣ звѣздъ, такъ, что нашъ листелъ задѣваетъ ихъ углы челнокъ; но уже весла со свистомъ падаютъ на ихъ головы, моя сабля уже работаетъ, абордажная сѣкира, свистя, влетаетъ въ темную кучку дика-

рей: крикъ многихъ голюсовъ, и челнокъ начинаетъ медленно погружаться въ воду; оставшіеся въ живыхъ сплываютъ вправо... Но что это лежитъ тамъ въ тонущей пирогѣ?

— „Фонарь сюда!

— „Великій Боже! Дѣвушка, бѣлая, съ окровавленными лицомъ, съ распухшими по кожаному плащу длинными бѣлокурыми косами; концы ихъ полощатся въ водѣ, которая уже достаетъ до ея лица, смывая съ него кровь. Прежде чѣмъ сомкнулись надъ нею волны, мы уже схватили, подняли ее за платье, за ноги, за голову. Жалкое суденышко тонетъ, но бѣлокурая дѣвушка лежитъ въ нашемъ катерѣ. Тутъ быстро подѣзжаетъ къ намъ какая-то шлюпка.

— „Не видали-ли вы моей дочери? слышимъ мы голосъ, хватающій за сердце.

— „Да! Она у меня въ лодкѣ!

— „И тотъ-же голосъ восклицаетъ:

— „Боже, благодарю Тебя!

— „Я не забуду этого возгласа, еслибъ даже забылъ все на свѣтѣ.

— „Онъ сидитъ подлѣ меня и держитъ на колѣняхъ голову дѣвушки; раненая потеряла сознание, съ ея ноги струится кровь. Тяжелый ударъ разбилъ ей колѣно—это должно быть мой топоръ, который я бросилъ въ кучу людей. Бѣдный милый цвѣтокъ! А все-таки слава Богу, что хоть спасена!

— „Мы вернулись на канонерку. Большую устроили въ моей каютѣ, и нашъ корабельный докторъ сталъ неуспѣшно ходить за нею. Черезъ два дня, послѣ удачнаго преслѣдованія пешересовъ на сушѣ, мы отплыли въ Пунта-Аренасъ, имѣя на буксирѣ бригъ Нильса Гормсена.

— „Мы везли милую, терпѣливую больную. Больной человѣкъ можетъ, вообще говоря, отравить жизнь себѣ и другимъ своимъ нетерпѣніемъ и всевозможными капризами; но онъ-же можетъ сдѣлать окружающихъ добрѣе и даже счастливѣе, если представляетъ собою живой примѣръ смиренія и вмѣстѣ мужества. Такова была Тира Гормсена. Блѣдная, но все-же прекрасная, лежала она, храбро перенося жестокаго страданія, послѣ того какъ пришла въ себя. Она еще ничего не знала о томъ, что съ нею происходило послѣ оглушившаго ее удара въ лобъ; всѣ ужасы, сопровождавшіе ея похищеніе и спасеніе, были отъ нея скрыты.

— „И по цѣлымъ часамъ, какъ только могъ—сидѣлъ у ея постели вмѣстѣ съ ея отцомъ.

— „Вы имѣете право на это, серьезно сказалъ онъ, когда я первый разъ обѣ атомъ проспалъ.

— „Улыбка съ которою она благодарила за малѣйшую услугу; ея взглядъ, когда я клалъ ей на постель букетъ алыхъ азалий; необычайное мужество, съ которымъ она, не испустивъ ни одного слова, дала себѣ перевязать тяжелую рану колѣна. Все это и еще многое другое, важное и неважное, непрерывно приковывало къ ней мои мысли и наконецъ безозворотно овладѣло моимъ сердцемъ. Я страшился минуты, когда буду долженъ спустить на берегъ мою милую, теперь лежавшую въ горничьей паціентку. А эта тяжелая минута была уже близка. Уже вечеромъ того дня мы должны были стать на якорь передъ Пунта-Аренасъ, а завтра утромъ—разстаться съ нашими пассажирами, потомъ вапастись углемъ и плыть обратно. Да, уголь! Онъ былъ единственною моею надеждою, представляя предлогъ къ частымъ остановкамъ; къ тому-же, его поставила какъ разъ фирма Германсенъ и К^о.

— „Мы стали на якорь. Тира лежала въ бреду, а утромъ, когда мы ее спускали съ корабля, и я командовалъ,—блестящія голубые глаза меня уже не видѣли, и она не понимала моего прощальнаго привѣтствія. Тяжело было у меня на сердцѣ, когда мы слялись съ якоря. Черезъ двѣ недѣли я предполагалъ вернуться; но прошелъ почти годъ, прежде чѣмъ мы снова увидѣлись. Дѣло въ томъ, что я былъ отозванъ въ Вальпараисо депешью, которую лично вручилъ мнѣ, уже въ проливѣ, капитанъ „Мемфиса“, большого почтового парохода.

— „И писалъ ей оттуда, и съ постели она мнѣ отвѣчала сперва маленькими записками; потомъ ея письма сдѣлались длиннѣе, сердечнѣе, все болѣе воспаденія мое ликующее сердце. Теперь она знала все и обращала ко мнѣ выраженія такой горичей благодарности, что я пристыженно склонялъ голову надъ ея письмомъ и говорилъ самъ себѣ: „Чѣмъ ты это заслужилъ? Вѣдь только по милости Божьей ты очутился такъ кстати на караулѣ у входа въ гавань!“ А у самого сердца такъ и прыгало отъ радости.

— „Теперь передо мной лежало ея послѣднее письмо:

— „Черезъ двѣ недѣли мы прїедемъ на „Луксоръ“. Буду рада пожать руку, которая мнѣ спасла жизнь. Я должна для здоровья ѣхать въ болѣе теплыя края, и пана покончилъ здѣсь со своими занятіями“.

— „И насталъ день, когда на горизонтѣ взвился дымокъ „Луксора“. У меня были разведены пары на сторожевомъ катерѣ, и выѣхалъ ей навстрѣчу. Все ближе подходило большое судно, выдвигая изъ безбрежнаго океана сначала мачты, потомъ огромный островъ. Маленькій винтъ моего пароходика быстро вертѣлся, но кажется еще быстрѣе билось мое сердце. Я бѣжалъ навстрѣчу своей судьбѣ, это и хорошо зналъ. Возврата для меня уже не существовало. Безъ Тирѣ жизни пред-

ставилась мнѣ чѣмъ-то безобразнымъ, хаотическимъ; потерявъ ее, я могъ-бы заглушить горе развѣ только въ пылу сраженія. Теперь я былъ уже насупротивъ „Луксора“; онъ замедлилъ ходъ, оттуда кинули внизъ лямку, мы притянули катеръ къ фалрепу *). Тамъ вверху стояла она, Тира, съ улыбкой глядя внизъ, цвѣтущая, розовая, привѣтливая... Я замахалъ фуражкой и крикнулъ:

— „Тира!

— „Аксель! звонко раздалось въ отвѣтъ.

„Мы были помолвлены.

„Теперь фалрепъ былъ у меня—и я взобрался на „Луксоръ“. Передо мною была Тира: одной рукою она опиралась на руку отца, другую протянула мнѣ, и взглядъ ея сіяющихъ счастьемъ голубыхъ глазъ былъ такъ краснорѣчивъ... Какое дѣло мнѣ было до капитана, до всего экипажа, до пассажировъ?.. И широко раскрытъ объятія, она кинула мнѣ съ серьезнымъ видомъ, оставила руку отца и упала ко мнѣ на грудь. А я высоко подвѣялъ ее, какъ торжествующій побѣдитель свою добычу, какъ мать свое спасенное дитя. Она обвила рукой мою шею и положила мнѣ на плечо свою головку; такъ я сънесъ ее съ палубы въ экипажъ.

„Мы сидѣли въ комнатѣ огня, гдѣ остановились Гормсены. Тира прижалась ко мнѣ. Мы были одни.

— „Тира, любишь-ли ты меня? Хочешь быть моею?

„Она взглянула на меня снизу вверхъ.

— „Ты спасъ мнѣ жизнь, она твоя навѣки! сердечно сказала она.—Ты бросилъ въ меня топоръ, теперь бери хромую жену. Я думала только о тебѣ съ той минуты, какъ снова получила возможность думать.

„Тутъ вошли двое другихъ—мой тестъ и Мадсъ Йенсенъ, который тоже пріѣхалъ съ ними. Онъ казался нѣсколько смущеннымъ.

— „Это вышло у васъ чертовски скоро! уныло замѣтилъ онъ, наливая себѣ довольно большой стаканъ бранди.

— „Да, нашъ братъ не привыкъ мѣшкать, весело сказалъ я.—Ну а что подѣлываетъ Большая Змѣя?

„Нильсъ Гормсенъ громко расхохотался, а Мадсъ Йенсенъ принялъ удрученный видъ.

— „Напивается каждый день отъ любовной тоски и шлѣ брудершафтъ съ Мадсомъ.

— „Оставь, пожалуйста!.. молилъ тотъ.

„Но разсказчикъ продолжалъ:

— „Нѣтъ, твой поворъ да будетъ извѣстенъ, Мадсъ, мой мальчикъ. Первое время, когда Тира лежала больная, храбрый вождь дѣльными днями сидѣлъ съ трубкою подъ нашей дверью, на кампѣ, и однообразно пѣлъ погребальную пѣсню. Онъ убилъ томагавкомъ собаку, которую я на него натравилъ, вторую собаку застрѣлилъ, и тогда я позволилъ ему сидѣть и пѣть. Но когда Мадсъ однажды далъ ему понять, что смертельной опасности больше нѣтъ, и когда онъ самъ въ этомъ убѣдился, увидѣвъ въ окнѣ силуэтъ Тире, онъ сталъ исполнять вокругъ

дома такой вопиственный танецъ, что Тира могла выздороветь отъ одного смѣха, и прежде чѣмъ мы хорошенько опомнились, Большая Змѣя съ Мадсомъ Йенсенъ пошли вмѣстѣ, рука объ руку, въ гостилицу; съ тѣхъ поръ они ежедневно вдвоемъ напивались и даже въ одинъ вечеръ выпили брудершафтъ.

„Но тутъ Мадсъ Йенсенъ бросился вонъ изъ комнаты и въ этотъ вечеръ больше не появлялся“.

Кончивъ разсказъ, капитанъ Туксенъ поднялъ свой стаканъ.

— А конецъ исторіи вы знаете: теперь мы мужъ и жена, и я такъ счастливъ, что не перемѣнился бы судьбою ни съ однимъ королемъ Европы. Я здѣсь водворился навсегда послѣ бурь житейскихъ и никуда больше не стремлюсь; сдѣлался компаньономъ фирмы Германсенъ и К°, а Мадсъ Йенсенъ командуетъ нашею самою большою баркою и всегда желанный гость въ нашемъ домѣ и за нашимъ столомъ, каждый разъ, какъ приходитъ въ гавань. Самъ онъ сдѣлался пропагандистомъ чайныхъ и апостоломъ трезвости и больше не дотрагивается до вина и бранди. За то Большая Змѣя въ одно зимнее утро, снова напившись пьянымъ отъ любовнаго горя, замерзъ у дверей Германсенъ и К°, и Мадсъ Йенсенъ, сочувствовавшій своему товарищу по несчастью, прилично похоронилъ его на свой счетъ...

Капитанъ еще разъ наполнилъ стаканы.

— Кто-то, кажется Гораций,—сказалъ однажды, что забота всюду насъ сопровождаетъ, садимся-ли на лошада, ѣдемъ-ли на кораблѣ,—и это вѣрно... Но любовь дѣлаетъ то же самое. И кого она захочетъ убить или призвать къ жизни, того съумѣетъ найти хоть на краю свѣта. Покойной ночи! А завтра опять сначала, какъ говорилъ король Вальдемаръ.

Мы простояли еще недѣлю въ Кингстонѣ, и не проходило дня, чтобы я не заходилъ въ домъ гостеприимныхъ датчанъ, гдѣ чувствовалъ себя безконечно хорошо. Наконецъ настала послѣдній вечеръ, котораго втайнѣ я боялся. Г-жа Туксенъ протянула мнѣ руку.

— Вы были у насъ желаннымъ гостемъ, сердечно сказала она,—мы васъ никогда не забудемъ! Надѣюсь, и вы насъ также?

А у меня на сердцѣ было очень тяжело, и наклонившись надъ маленькую ручку, которая такъ храбро сражалась и дала такъ много счастья, я отъ души отвѣтилъ:

— Да, я буду васъ помнить всегда и вездѣ... Да хранитъ Богъ васъ и ваше счастье!

Когда нашъ фрегатъ выходилъ изъ гавани, надъ бѣлымъ домикомъ на горѣ трижды склонился датскій флагъ, а на верандѣ долго развѣвался бѣлый платокъ.

„Ушло какъ пришло!“

Но мы еще ищемъ другъ другу. Последнее письмо я получилъ изъ Пунта-Арепаса. Они на тѣто перебрались изъ тропиковъ въ болѣе прохладныя страны, на родину. Въ письмѣ лежалъ красный цвѣтокъ азалии и внизу стояло: „Изъ Майнъ-Гарбура, съ конца свѣта!“ (Б.)

Дятисотая годовщина памяти Св. Сергія.

(Рис. на стр. 813, 816 и 817).

Троице-Сергіева Лавра, славная своимъ историческимъ прошлымъ и дорога каждому православному русскому человеку, находится въ 60 верстахъ отъ Москвы, по Ярославской дорогѣ (въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губ.). Рядомъ съ почтовымъ трактомъ, пролегающимъ у самыхъ стѣнъ обители, проходятъ нынѣ Московско-Ярославская желѣзная дорога, на которой здѣсь устроена станція, въ самомъ Сергіевскомъ посадѣ, раскинувшимся вокругъ древней обители и весьма бойко торгующемъ мѣстными произведениями: игрушками, деревяною посудой, рѣзными изъ дерева ложками и иконами.

Въ началѣ XIV вѣка на мѣстѣ прославленной Лавры не было ни жилья, ни дорогъ: обширный дремучій лѣсъ на многие десятки верстъ тянулся во всѣ стороны, захватывая собою почти половину нынѣшняго Дмитровскаго уѣзда. Въ этомъ-то лѣсу, около 1337 года, поселились два брата-отшельника, Варооломей и Стефанъ, и положили основаніе будущей знаменитой обители.

Оба эти отшельника происходили изъ рода ростовскихъ бояръ. Родители ихъ, Кириллъ и Марія, переселились изъ Ростова въ Радонежъ (нынѣ село Городокъ, въ 12 верстахъ отъ Лавры), гдѣ и родился у нихъ сынъ Варооломей.

Въ Варооломѣ съ самаго ранняго дѣтства стала проявляться замѣчательная любовь къ церковному богослуженію, къ единенной молитвѣ, къ соблюденію постовъ, которыми онъ такъ изнурялъ свое тѣло, что родители уговаривали его пощадить себя... Когда же ему минуло 15 лѣтъ, онъ сталъ проситься у отца и матери, чтобы они отпустили его въ „пустыню“.

Родители не рѣшились отговаривать сына отъ выполнения его намѣренія, но просили его „немного потерпѣть“, говоря: „Мы уже стары и живемъ въ скудости и болѣзняхъ. послужи намъ еще немного, и когда покроешь насъ землею—тогда твори волю свою“.

Варооломей свято исполнилъ волю родителей. По смерти

*) Канатъ, въ торжественныхъ случаяхъ—периза тѣла.

ихъ, онъ отдалъ свою долю наслѣдства среднему брату, а самъ, вмѣстѣ со старшимъ братомъ Стефаномъ, сталъ искать себѣ по окрестнымъ лѣсамъ мѣста, удобнаго для поселенія. Долго искали они, и наконецъ нашли такое мѣсто на холмѣ, у воды, въ густой лѣсной чащѣ. Здѣсь, сотворивъ молитву, братья принялись рубить деревья и устроили себѣ сперва хижины, а потомъ двѣ отдѣльныя келіи и маленькую церковь (во имя Св. Живоначальной Троицы), которая и была освящена по благословенію митрополита Теофоста (въ 1340 г.). Образовалась малая пустынь... Но житіе братьевъ-отшельниковъ въ этой новопостроенной пустыни было крайне трудное и скорбное. Питаться приходилось болѣе лѣсными кореньями и варевомъ изъ травъ; хлѣбъ былъ въ диковину; всюду кругомъ—глушь и лѣсныя трупобы...

Старшій братъ не выдержалъ тяжкаго испытанія: подвигъ оказался ему не по силамъ. Онъ ушелъ въ Москву и вступилъ въ иноки Богоявленскаго монастыря. Младшій, Варооломей, призвавъ къ себѣ въ пустыню нѣкоего игумена Митрофана, тоже принялъ отъ него иночество подъ именемъ Сергія. И въ иноческомъ чинѣ еще два года прожилъ Сергій въ своей палубленной пустыни, среди нуждъ и лишеній всякаго рода. Жилъ онъ въ такой тишинѣ и въ такомъ полномъ уединеніи, что даже лѣсные звѣри привыкли къ нему и его не пугались: волки и лисыцы подходили къ самой его келіи; одинъ медвѣдь повадился даже часто посѣщать Сергія, который иногда дѣлился съ нимъ послѣднею коркою хлѣба.

По истеченіи двухъ лѣтъ, къ Сергію стала сходиться братія, сначала по одному, потомъ по два и болѣе. Сергій всѣхъ ихъ отговаривалъ отъ поселенія въ его пустыни; совершенно искренно указывалъ имъ на то, что имъ придется жить въ страшной нуждѣ и лишеніяхъ... Но пришельцы молили его о дозволѣніи поселиться около него, и Сергій уступалъ ихъ слезнымъ мольбамъ.

Неутомимый и въ молитвѣ, и въ трудахъ, Сергій самъ

строилъ кельи для братіи, самъ кололъ въ лѣсу дрова, носилъ воду, пекъ хлѣбы, дѣлалъ свѣчи, тачалъ обувь, кроилъ иноческія одежды изъ грубой ткани и всѣмъ подавалъ примѣръ величайшаго смиренія.

Наконецъ, слава о свѣтомъ житіи и подвигахъ Сергія стала распространяться по окрестнымъ городамъ и обителямъ. Въ монастырь Сергія пришелъ изъ Смоленска архимандритъ одного изъ тамошнихъ монастырей, Симонъ, который покинулъ свою обитель, чтобы быть простымъ монахомъ въ пустынь Сергія. Онъ принесъ съ собою небольшое количество денегъ и отдалъ эти деньги въ даръ обители, на украшеніе и расширеніе церкви Св. Троицы, сообразно съ возрастающимъ числомъ братіи.

Вскорѣ послѣ того, Сергію, послѣ долгихъ переговоровъ и настояній со стороны братіи, принялъ священство и былъ поставленъ въ обитель игуменомъ. Тогда онъ ввелъ въ своей обители самый строгій уставъ и полное общежитіе: ни у кого изъ иноковъ не могло быть ничего *своего* въ келии. Выходить изъ обители за подаваемъ строго воспрещалось даже и тогда, когда вся братія терпѣла великую скудность и недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Не разъ случалось, что иноки по два и по три дня сидѣли безъ хлѣба, а въ церкви Св. Троицы, вмѣсто восковыхъ свѣчей, горѣла березовая и сосновая лущина; но Сергію твердо стоялъ на своемъ, и ни у кого, кромѣ Бога, не просилъ ни подалий, ни даровъ, ни приношеній.

Только послѣ того, какъ недалеко отъ Сергіевой обители была проложена новая дорога отъ Москвы къ Ярославлю, около обители явился поселокъ, и обитель стала посѣщать многіе богомольцы. Съ этихъ поръ, слава Сергіевой обители стала быстро распространяться и скорѣ она приобрѣла на Сѣверѣ Руси такое же значеніе, какимъ въ Южной Руси пользовалась обитель Кіево-Печерская. Приношенія и богатые дары стали отовсюду поступать въ Сергіеву обитель, и она скорѣ украсилась многими благородными храмами. Князья и бояре наперерывъ спѣшили посѣтить обитель, чтобы поклониться игумену Сергію и получить отъ него благословеніе. И онъ всѣхъ принималъ одинаково просто и ласково, вѣчно занятый своими трудами, смиренно облеченный въ ветхую рясу съ заплатами. Всѣмъ одинаково старался онъ помочь молитвою и словомъ утѣшенія; а для немощныхъ богомольцевъ, приходившихъ въ обитель, онъ завелъ странно-примный домъ, въ которомъ они могли отдохнуть отъ дальняго пути и подкрѣпиться скромною трапезою иноковъ.

Простота, смиреніе и твердость Сергія въ иноческомъ подвижѣ—обратили на него вниманіе Св. Алексія, митрополита Московскаго, который любилъ Сергія, приблизилъ его къ себѣ, неоднократно поручалъ ему выполненіе весьма важныхъ дѣлъ церковныхъ и наконецъ выразилъ ему желаніе — непременно видѣть его преемникомъ своимъ въ высокомъ санѣ митрополита „всѣя Руси“. Однакоже смиренный Сергію настойчиво и упорно отказался отъ этой высокой чести и остался простымъ инокомъ.

Въ концѣ своей жизни Сергію удостоился еще иной высокой чести: ему привелось благословить великаго князя Московскаго Дмитрія Иоанновича (Донскаго) на борьбу съ татарами. При этомъ Преподобный предсказалъ Дмитрію побѣду въ Куликовской битвѣ, и въ напутствіе князю отпривилъ посланіе, которое ободрило великаго князя къ переправѣ всего его войска за Донъ.

Сергію скончался одиннадцать лѣтъ спустя послѣ славной побѣды, одержанной Дмитріемъ надъ полчичами Мамай (25 сентября 1391 г.). До конца жизни онъ пребывалъ въ томъ же смиреніи и простотѣ и не переставалъ горячо и усердно молиться за Русскую землю и ея избавленіе отъ тяжкаго татарскаго владычества.

Вскорѣ послѣ блаженной кончины своей, Сергію былъ причтенъ къ лику Святыхъ и память его празднуется Церковью Русскою въ день его кончины, 25 сентября. Мощи Преподобнаго Сергія обрѣтены нетлѣнными въ 1422 г. и почтуютъ понынѣ въ соборномъ храмѣ Св. Троицы, въ богатѣйшей ракѣ, сдѣланной изъ лигата серебра въ 1737 г., по повелѣнію императрицы Анны Иоанновны. Деревянный же гробъ, въ кото-

ромъ первоначально покоплось тѣло Преподобнаго, хранится какъ особая святыня въ Спасо-Видѣицкомъ монастырѣ, въ 3 верстахъ отъ Лавры Троице-Сергіевой. Драгоценною памятью о великомъ основателѣ Лавры служатъ также и тѣ вещи, которыя лично принадлежали Преподобному Сергію, илислы жили въ его время церковною утварью. Такъ, въ богатѣйшей ризницѣ Лавры, блистающей золотомъ, жемчугами и драгоценными камнями, приходящимъ въ Лавру богомольцамъ показываютъ крашенныя облаченія Преподобнаго Сергія, толстую обувь и кожаный поясъ его работы, и деревянные церковные сосуды, служившіе ему при совершеніи таинствъ. Эти предметы, блистающіе только своею высокою простотою, составляютъ и доселѣ главную драгоценность Лаврской ризницы.

Не вдаваясь въ описаніе Лавры, много разъ уже подробно описанной въ *Нивѣ*, мы только вкратцѣ припомнимъ важнѣйшія эпохи ея исторіи и укажемъ на живую и тѣсную связь ея съ исторіею Россіи. Уже начиная съ половины XV вѣка, скромная обитель Св. Сергія разрослась въ обширный и богатѣйшій монастырь и оградилась крѣпкими стѣнами и высокими башнями отъ вѣншихъ враговъ, которыхъ тогда было такъ много у Московскаго государства. Великіе князья и цари Московскіе соревновали между собою въ обогащеніи „Дома Св. Сергія“ — какъ нерѣдко именовалась Лавра въ былое время. Особенно благоволилъ къ „Дому Св. Сергія“ Грозный царь Иванъ Васильевичъ, который былъ и крестень въ стѣнахъ обители Преподобнаго и послѣ крещенія даже былъ положенъ на время въ его раку, по желанію родителей, какъ бы вручавшихъ младенца особому покровительству Преподобнаго. Въ 1561 г. Грозный особую грамотою поставилъ Троице-Сергіеву обитель выше всѣхъ остальныхъ монастырей въ Московской митрополіи. Съ той же самой поры она стала управляться архимандритами. Незабвенныя услуги оказаны были монастыремъ Московскому государству въ грустную эпоху Смутнаго времени, когда обитель Сергіева открыла свои житницы для снабженія столицы и войска хлѣбомъ, а изъ своей сокровищницы много разъ наполняла оскудѣвшую казну государственную, выдавая деньги и слитыя серебра и золота на содержаніе ратной силы, необходимой для борьбы съ врагами государства, поляками, литовцами и русскими измѣнниками. Сверхъ того, сама обитель, защищаемая горстью мужественныхъ иноковъ, стрѣльцовъ и крестьянъ монастырскихъ, въ теченіе 16-ти мѣсяцевъ выдерживала осаду тридцатитысячнаго войска Сапѣги и Лисовскаго, посланныхъ къ обители Тушинскимъ царикомъ. Храбрые защитники обители, съ криками: „Сергію! Сергію!“ смѣло бросались въ битву, отчаянно бился съ врагами на стѣнахъ, и отстояли обитель. Въ концѣ XVII вѣка „Домъ Св. Сергія“ дважды укрывалъ юнаго Петра отъ стрѣльцкихъ смутъ и замысловъ Софьи, и въ 1702 г. — особымъ царскимъ указомъ — былъ поставленъ вторымъ послѣ Кіево-Печерской обители въ ряду монастырей русскихъ, а поздѣе, — въ началѣ царствованія дочери Петра, — за Троице-Сергіеву обителью утверждено названіе *Лавры* (1744 г.).

Въ Троицкомъ соборѣ Лавры, кромѣ мощей Сергія и чудотворнаго образа Св. Троицы (въ иконостасѣ, по правой сторонѣ отъ Царскихъ дверей), находится еще одна замѣчательная и высоко-чтимая святыня: это образъ видѣнія Пресвятой Богородицы Преподобнымъ Сергіемъ, сдѣланный изъ верхней гробовой доски Преподобнаго. Этотъ образъ неоднократно сопровождалъ наши войска на пути къ побѣдамъ; такъ, въ 1654 г. царь Алексѣй Михайловичъ бралъ его съ собою въ Польскій походъ; въ 1703 году онъ былъ отпривленъ въ армію графа Б. П. Шереметева, одержавшую первую побѣду надъ шведами; въ 1812 году тотъ же образъ сопровождалъ Московское ополченіе, а въ 1855 г. былъ препровожденъ въ Крымъ, гдѣ передъ нимъ горячо молились храбрые защитники Севастополя.

25 сентября 1891 года обитель Сергіева будетъ праздновать 500-ую годовщину памяти Преподобнаго, дорогою для всѣхъ русскихъ людей, и мы пользуемся наступленіемъ этого знаменательнаго праздника, чтобы еще разъ напомнить о кроткомъ и смиренномъ основателѣ знаменитой *Лавры*.

Къ рисункамъ.

У заводскихъ воротъ въ день получки.

(Рис. на стр. 821).

День полученія заработной платы — съ утра поднимаетъ на ноги все женское населеніе призаводскаго поселка или окрестнѣ города, въ которомъ расположенъ заводъ. Всѣ хозяйки, матери, сестры, сожительницы съ большимъ или меньшимъ волненіемъ ожидаютъ возвращенія домоу рабочаго, кормильца семьи, ушедшаго въ контору за расчетомъ: донесетъ онъ домой заработанныя денежки или завернетъ въ первый по пути кабакъ да тамъ и оставитъ ихъ нерѣдко съ прибавкой всего носилъ наго платя и послѣдней пары салога? Однѣ жены, созная свое законное право (тоже подчасъ обращающаея лишь въ право быть побитою не на животъ, а на смерть), не дожидаясь естественнаго исхода и спѣшатъ къ заводу, чтобы пере-

хватить мужа съ заработкомъ у самыхъ воротъ, когда онъ будетъ выходить оттуда, и болѣе или менѣе хитрыми улонами отвлечь его отъ дальнихъ странствій и заманить домой. Живописно изображаетъ намъ группу такихъ Пенелопъ всѣхъ возрастовъ, собравшихся у завода. Старшія кумушки конечно разговорились, и одна изъ нихъ повидимому рассказываетъ минувшіе подвиги своего благовѣрнаго.

Слѣпая. (Рис. на стр. 824).

Картина Бруно Шилъгейна была однимъ изъ перловъ недавно закрывшейся Берлинской художественной выставки. Слѣпая дѣвушка, нащупывая посохомъ дорогу, идетъ среди поля засѣянаго яркими цвѣтами алаго мака. Контрастъ между роскошью цвѣтущей природы и несчастною дѣвучей котоя лишена возможности созерцать ее — глубоко трогателенъ.

Ловля бездомныхъ собакъ въ Петербургѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Броллинга, грав. Рашевскій,

Профессоръ Пигльгейнъ родился въ Гамбургѣ, первоначально посвятилъ себя пластикѣ, но затѣмъ перешелъ къ живописи и учился у Паувельса въ Веймарѣ и у Дюна въ Мюнхенѣ. Первымъ крупнымъ произведеніемъ его была большая картина распятія „Moritur in Deo“, имѣвшая громадный успѣхъ на выставкахъ 1879 и 1880 годовъ. Всего же известнѣе авторъ своею панорамой Иерусалима.

Севильскій café-chantant. (Рис. на стр. 825).

Эта художественно исполненная, полная жизни и движенія картинка напоминаетъ моментальныя снимки фотографіей, до того типично и живо каждое изображенное на ней лицо. Большая часть посѣтителей кафе-шантана — участвующіе въ боѣ быковъ, разодѣтые въ своихъ живописныхъ костюмахъ. Превосходна фигура самого трактирщика, стоящаго на первомъ планѣ рядомъ съ матадоромъ. На сценѣ — двѣ пѣвицы, пѣтъ которыхъ одна приклоняется въ ладоши подъ тактъ пѣсни съ акомпаниментомъ стараго гитариста, и расфранченная тапцовщица, пляшущая фанданго съ бряцаньемъ кастаньетъ.

Ловля бездомныхъ собакъ. (Рис. на стр. 829).

Бездомныя, бродячія собаки, иногда цѣлыми стаями скитающіяся около человѣческаго жилья, не только причиняютъ

не мало безпокойства, но порою даже опасны, бросаясь на прохожихъ. Въ Константинополѣ и въ некоторыхъ другихъ городахъ Востока, отъ бродячихъ собакъ нѣтъ отбоя, и обыватели, особенно торговцы съѣстными припасами, терпятъ не мало неудобствъ отъ нихъ. Въ Петербургѣ это зло устраниено, и бездомныя собаки удаляются съ улицы фурманчиками. Рано по-утру, когда певская столица еще облыта сномъ, выѣзжаютъ фурманчики на ловитву — и можно наблюдать картины небезинтересныя, но часто непривлекательныя и, къ счастью, мало известныя петербургскимъ обитателямъ. Горе тогда безпрзорному или скитающемуся четвероногому другу челоуѣка! Какъ только его замѣтятъ, начинается травля. За нимъ гонятся, ловятъ арканомъ и затѣмъ, безцеремонно схвативъ за шиворотъ, засаживаютъ въ фургоны, гдѣ онъ всегда найдетъ нѣсколькихъ сотоварищей по несчастію. Если въ это время случится хозяинъ или ховяйка пойманной собаки, ей будетъ стоить не малыхъ хлопотъ освободить свою Амшику или Шарика изъ заключенія, и перѣдко, несмотря на упрашиванія и даже деньги, пѣнное животное отвозится на одинъ изъ певскихъ острововъ, гдѣ устроенъ временной пріютъ. Тамъ бездомныя собаки оставляются нѣкоторое время до прибытія за ними хозяевъ, и если такихъ не оказывается, собаки истребляются.

Политическое обозрѣніе.

Новое горе посѣтило Царскую Семью и Россію, въ послѣдніе дни съ прискорбіемъ внимающую тревожныя вѣсти о ходѣ болѣзни Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Георгіевны. Великая Княгиня, вторично за время болѣзни приобщенная Св. Тайнъ въ 6½ часовъ вечера 11 сентября, при усплившемся упадкѣ силъ, сего 12 сентября въ 3 часа пополудни, нанутствуемал молитвою священника, тихо въ Божѣ почилла.

Въ 11 часовъ утра въ Архангельскомъ соборѣ высокопреосвященный Иоанникій митрополитъ Московскій и Коломенскій совершилъ панихиду.

Въ началѣ прошлой недѣли произошелъ инцидентъ, могущій повлечь за собою серьезныя послѣдствія. Получено было извѣстіе, что часть команды съ одного изъ англійскихъ броненосцевъ, плавающихъ въ Архипелагѣ, высадилась на островѣ Сигри, т. е. на турецкой территоріи, и одновременно пропелся слухъ о захватѣ его Англією. Сначала появилось извѣстіе о занятіи англичанами острова Митилены, находящагося почти на равномъ разстояніи, какъ отъ Смирны, главнаго порта на анатолійскомъ берегу Малой Азіи, такъ и отъ входа въ Дарданеллы, и впечатлительныя умы, преимущественно на биржѣ, этому повѣрили. Вся европейская печать отнеслась съ крайнимъ осужденіемъ къ этому факту. Занятіе острова Митилены англичанами, замѣчаютъ берлинскія газеты, было бы событіемъ первѣйшей важности, способнымъ расшевелить восточный вопросъ со всѣми сопряженными съ нимъ осложненіями и привлечь на этотъ инцидентъ вниманіе державъ, признающихъ ненарушимость утвержденныхъ за Турцією правъ. Островъ Митилена господствуетъ надъ входомъ въ Дарданеллы. Разрѣшеніе пропуска черезъ проливы русскимъ коммерческимъ судамъ, по словамъ газеты *Berl. Tagebl.*, ни при какихъ натяжкахъ не могло бы оправдать выходы англичанъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ трудно предположить, чтобы командиръ англійскаго судна произвелъ десантъ по собственному почину, безъ предварительныхъ инструкцій. Однако извѣстіе о занятіи острова Митилены англичанами оказалось

невернымъ. Слухъ былъ вызванъ маневрами, произведенными британскою эскадрою у острова Сигри, близъ острова Митилены, причемъ на островокъ сошла часть команды съ одного изъ англійскихъ броненосцевъ, которая, по окончаніи упражненій, тотчасъ же вернулась на свой корабль. Порта обратилась къ сэръ-Вильяму Уайту за разъясненіями. Англійскій посольствъ отвѣтилъ, что ничего объ этомъ не знаетъ, но полагаетъ, что дѣло идетъ о періодическихъ маневрахъ. Въ воскресенье англійская эскадра ушла обратно въ Мармариту. Въ оттоманскихъ кружкахъ полагаютъ однако, что это было предостереженіемъ, имѣющимъ цѣлью произвести впечатлѣніе на султана, насчетъ возможныхъ послѣдствій сдѣланныхъ уступокъ требованіямъ русскаго посольства въ вопросѣ о проливахъ.

Но не одному командиру англійской эскадры суждено было быть нарушителемъ общественнаго спокойствія. Императоръ Вильгельмъ на парадномъ обѣдѣ въ Эрфуртѣ произнесъ рѣчь, въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ: „Эта земля особенно священна для нашего отечества по связаннымъ съ нею историческимъ преданіямъ. На этомъ мѣстѣ коринѣанскій выскочка самымъ тяжкимъ образомъ оскорбилъ Германскаго государя и глубоко принизилъ нашу подавленную родину. Уже тогда въ душѣ моего прадѣда зародилась мысль о сопротивленіи до послѣдней крайности, и мысль эта, соврѣвъ, привела къ отпору 1813 года“.

Рѣчь императора произвела въ Парижѣ впечатлѣніе вызова. Официальная поправка *Имперскаго Указателя*, замѣнившая выраженіе „коринѣанскій выскочка“ словами „коринѣанскій завоеватель“, нѣсколько смягчила впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе газета *Paris* заявила, что вызовъ сдѣланъ и взять его назадъ нельзя. Въ Парижѣ опасались, чтобы рѣчь императора Вильгельма не подлила масла въ огонь при происходившихъ манифестаціяхъ по поводу постановки на парижской сценѣ оперы „Лоэнгринъ“. Однако большинство парижскаго населенія отнеслось съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ подстрочному скандалу, а принятія полицією чрезвычайныя мѣры не помѣшали представленію вагнеровской оперы, имѣвшей громадный успѣхъ.

Даже берлинская печать единодушно хвалитъ французское правительство, съумѣвшее обуздать толпу.

Отъ главной конторы редакціи журнала „НИВА“.

Въ виду предстоящей разсылки при №. 41 журнала „Нива“ преміи

„АЛЬБОМЪ „НИВЫ“ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ“,

Главная контора редакціи этого журнала покорнѣйше проситъ тѣхъ гг. подписчиковъ, которые получаютъ журналъ „Нива“ не непосредственно изъ почтово-телеграфныхъ и почтовыхъ учрежденій, а по земской почтѣ чрезъ земскія управы, волостныя правленія или инымъ путемъ, а также чрезъ посредство довѣренныхъ лицъ, озаботиться, чтобы премія была имъ доставлена этими лицами и учреждениями своевременно и въ надлежащемъ видѣ, такъ какъ почтово-телеграфныя и почтовыя учрежденія, сдавъ по принадлежности ими полученное, дальнѣйшей ответственности на себя не принимаютъ. Равнымъ образомъ Контора проситъ гг. подписчиковъ журнала „Нива“, получающихъ свою корреспонденцію на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, войти по сему въ сношеніе съ лицами завѣдывающими этими станціями.

СОДЕРЖАНІЕ: Изъ альбома. Стих. П. Вейнберга.—Маль. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Наразина. Ч. I. (Продолженіе).—На краю свѣта. Разсказъ Геймса. (Окончание).—Пятисотая годовщина памяти Св. Сергія (съ 2 рис.).—Къ рисункамъ: У заводскихъ воротъ въ день получки (съ рис.).—Снѣжная (съ рис.).—Семильскій café-chantant (съ рис.).—Ловля бездомныхъ собакъ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—О разслѣдъ преміи: Альбома „Нивы“.—О ямахъ для преміи „Нивы“ 1891 г.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Плюшкиновъ.

Въ Конторѣ журнала „Нива“ (Невскій, 6) поступили въ продажу

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“ 1891 года,

ДЕСЯТИ АКВАРЕЛЕЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Многочисленные запросы со стороны Г.г. подписчиковъ о томъ, могутъ-ли они получить рамы для акварелей „Художественнаго Альбома“, побудили насъ приготовить большую партію багетныхъ рамъ, сдѣланныхъ подъ орѣхъ, съ рѣзбою, золотымъ ободкомъ и со стекломъ. Въ каждую раму вставляются картонъ, на которомъ должна быть укрѣплена картина, такъ что всякій можетъ вставить картину самъ, не прибѣгая къ помощи перенетчика.

Вслѣдствіе громаднаго количества заказанныхъ нами рамъ, мы можемъ предложить ихъ Г.г. подписчикамъ по весьма недорогой цѣнѣ, а именно:

Для Г.г. городскихъ подписчиковъ по 1 р. 25 к. за раму со стекломъ. Покупателямъ не менѣе 5 рамъ, онѣ уступаются за 5 р. 50 коп., а при покупкѣ не менѣе 10 рамъ — за 10 р. 50 коп.

Г.г. иногороднымъ подписчикамъ рамы высылаются со вставленнымъ картономъ, но безъ стеколъ, вслѣдствіе того, что не смотря на тщательную упаковку, стекла въ дорогѣ легко могутъ разбиться.

Г.г. московскіе подписчики благоволятъ обращаться за рамами въ контору Н. Н. Печниковой (Петровскія линіи), гдѣ онѣ продаются (безъ стеколъ) по 1 р. 15 к. за раму. Покупателямъ не менѣе 5 рамъ, таковыя уступаются за 5 р. 25 к., а при покупкѣ 10 рамъ — за 9 р. 75 коп.

Требованія г.г. иногородныхъ исполняются лишь при условіи выписки не менѣе пяти рамъ—единовременно. Цѣна за 5 рамъ (со вставленнымъ картономъ и безъ стеколъ), съ ящикомъ и упаковкою 5 рублей, а при выпискѣ не менѣе 10 рамъ — 8 р. 50 к., съ ящикомъ и упаковкою.

Рамы будутъ высылаемы по желѣзной дорогѣ или черезъ транспортную контору и стоимость пересылки ихъ будетъ уплачиваться адресатами на мѣстѣ, при полученіи ящика.

„Художественный Альбомъ“ будетъ разосланъ Г.г. подписчикамъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, но покупатели рамъ получаютъ его теперь же, т. е. вмѣстѣ съ рамами. Г.г. иногороднымъ подписчикамъ „Альбомъ“ высылается также одновременно съ отправкою рамъ.

При покупкѣ рамъ Г.г. городскіе и московскіе подписчики благоволятъ предъявлять подписные билеты на „Ниву“, а Г.г. иногородные прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается имя „Нива“.

Существуетъ съ 1874 г.
Похвальный отзывъ за врачебно-гигиеническую выставку. Спб. 1889 г.

Поставщикъ Двора Государя Великаго Князя Владиміра Александровича

ЛИМАНЪ и РИКСЪ

въ С.-Петербургѣ.

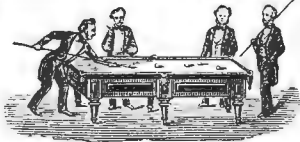
Обширѣйшій оптовый складъ всѣхъ хирургическихъ и перевязочныхъ предметовъ и принадлежностей для ухода за больными. Аптечныя принадлежности и всевозможныя издѣлія изъ резины.

Казенныя, земскія и желѣзнодорожныя больницы, лазареты и склады пользуются особенно льготными условіями. Подробные прейсъ-курранты или свѣты высылаются по первому требованію. Всякое порученіе исполняется съ строгою аккуратностію.

Цѣны дешевыя.

Мт. № 5351

Адресъ для писемъ: Лиманъ и Риксъ. Гороховая 17. Спб. | Адресъ для телеграммъ: Лиманъ, Петербургъ.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ Троицкій пр., близъ Египет. № 4961 скаго моста, домъ № 7—2. 26—12
Иллюстрированныя прейсъ-курранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

„ЛИНОЛЕУМЪ“

(Пробковые ковры).

Этотъ настоящій линолеумъ очень проченъ, непромокаемъ, не принимаетъ пыли, изнѣженъ, легко чистится, безъ запаха, предохраняетъ отъ сырости, пыли, холода, въ особенности противъ холодныхъ половъ и настижковъ № 5345 2—1

имѣется у Братьевъ ГРИВШЪ. Караванная № 26.

БРОКАРЪ и К^о.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ

Р. № 5087 (189)

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОПА ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

высочайше утвержденное Акціонерное Общество подъ фирмою

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ДУХИ

высшаго качества:

Персидская Сирень, Бѣлый Геліотропъ, Ландышъ, Лиля Бланъ, Эссъ Буке и Эссъ Виолетъ, Иксора Брени, Буке Императрисъ, Жоней Клубъ, Олопонакъ, Шампака.

Незамѣняемый Букетъ (Bouquet Sans Pareril)—Букетъ Гвоздь (Bouquet Clou), духи составленные С.-Петербур. Химич. Лаб., имѣютъ пріятный и долго сохраняющийся запахъ.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенію, и требовать точности фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, № 32, домъ Католической церкви. Р. № 5344 2—1
 - 2) Невскій проспектъ, № 66, у Анчкова моста.
 - 3) Вознесенскій пр., уг. Казанской ул., д. Шредера, № 24—52. (Оптовая и розничная продажа).
- Магазинъ въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковъ.

Отъ Земледѣльческой Школы Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

Старѣйшее въ Россіи сельскохозяйственное учебное заведеніе — Московскія Земледѣльческая школа, основанная съ 15 августа 1822 года, не имѣетъ до сего времени точныхъ свѣдѣній о судьбѣ ея бывшихъ питомцевъ, что составляетъ существенный пробѣлъ въ матеріалахъ по исторіи Школы, необходимыхъ однако же для составленія историческаго очерка по Школѣ ко дню исполненія въ 1893 году семидесятипятилѣтней годовщины основанія Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Вслѣдствіе сего Московскія Земледѣльческая Школа обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ ея бывшимъ питомцамъ — сообщить обстоятельныя свѣдѣнія о дѣятельности своей, а также ихъ товарищей (на сколько имъ это извѣстно), со времени выхода изъ Школы, въ видѣ ответовъ хотя бы только на нижеслѣдующіе вопросы (болѣе же подробныя свѣдѣнія будутъ приняты, конечно, съ благодарностію).

1. Имя, отчество, фамилія и принадлежность къ сословію.
2. Годъ окончанія курса Школы и съ какими именно аттестатами вышелъ, а также время полученія дальнѣйшихъ правъ.
3. Все ли время проведено на сельскохозяйственной практикѣ и если не все, то сколько именно, и притомъ въ своемъ или чужихъ имѣніяхъ.
4. Въ чьихъ имѣніяхъ занималъ хозяйственные должности, какія именно, въ какихъ губерніяхъ и за какія вознагражденія. № 5343 3—1
5. Гдѣ находится въ настоящее время (губернія, уѣздъ, имѣніе и подробный почтовый адресъ), чѣмъ занимается и какое получаетъ за трудъ вознагражденіе.

Свѣдѣнія надлежитъ адресовать: Директору Московской Земледѣльческой Школы Алексѣю Павловичу Перепелкину. (Смоленскій бульваръ, домъ Школы).

ВЪСТНИКЪ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ
ВЪ КАЖДОЙ НЕ МЕНЬШЕ 400 СТ.
ЦѢНА ЗА ГОДЪ
4 РУБ.
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ

ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ВЕРЕЙСКАЯ УЛИЦА, №16
СОБСТВ. ДОМЪ.
ИЗД. Ф. ПАНТЕЛЕЕВЪ. РЕД. А. Н. УНГЕЛЬБЕРГЪ.

СРЕДИ ЦЫГАНЪ.
Сборникъ 25 самыхъ любимыхъ новыхъ цыганскихъ пѣсень въ вѣсто
10 р. только Р. 2 50 к.
Франко-Русская кадрили: Парижъ и Петербургъ, соч. Д. Николаева, 60 к., самая любимая танцвальнаго сезона.
Перхъ совершенства, лучший вальсъ извѣстнаго композитора Б. Кейль, Р. 1, продается у издателя
Николая Христовича ДАВИНГОФЪ.
С.-Петерб. Б. Морская, № 28.
Кромѣ того всѣ пьесы и этюды для всѣхъ инструментовъ. № 5350
Главнѣйшій складъ всѣхъ **ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНИЙ**
Каталогъ высылается бесплатно.

Только что вышелъ
КАТАЛОГЪ ВСѢХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ И ПОДАРКОВЪ № 5353
(иллюстрированный) и высылается за двѣ нѣдѣли вѣчна марки. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Невскій пр., д. № 4 (фирма суц. съ 1872 г.).

ЖЕНСКІЕ КЛАССЫ НОВЫХЪ ЯЗЫКОВЪ
М. М. Бобринцевой-Шушкиной.
Пріемъ съ 9-го сентября въ новомъ помѣщеніи классовъ: С.-Петербургъ, Фонтанка 37, близъ Аничкова Дворца. Молебствіе и начало классовъ 18-го сентября. Принимаются и иностранки. Смотри № 37 "Ива".

ТРАВА № 5242
КУЗЬМИЧА ХВОЙНИКЪ
продается у Павла Степановича Бризгалова. За требованіями прошу обращаться къ нему въ Вуадуку, Самарской губерніи.

ЛЕВИНГЪСЪ и ГЮЗМЪНЪ.
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ "Ива". № 2405

КНИГИ И НОТЫ
можно выписывать изъ склада Н. Е. Мартова. — С.-Петербургъ, Васковд. 3.

НАСТОЯЩІЕ БЕЛОСНЕДЫ (ВИФЪ)
ПЕРВОЕ МѢСТО
Ж. БЛОКЪ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.
Ром.-хрон. XVII в. Вс. Соловьева.
СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣн. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Горнеть-а-пистонъ въ 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 85, 100 р. и дороже;

а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ № 5357

РЕКОМЕНДУЕТЪ
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальных инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морск., № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

Сиринки отъ 2 р. до 800 р.
Иллюстрированный прейскурантъ бесплатно.
По полученіи задатка приблизительно 1/3 стоимости заказа, требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.
Гитары отъ 3 р. до 100 руб.
Англійское концертно отъ 24 р. до 201 р.
Флейты отъ 2 до 160 руб.
Кларнеты отъ 6 р. до 75 р.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробное описаніе источника высылается по почтѣ бесплатно; Контора отправитъ инляксенскихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ ФУРБАХЪ и СТИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезію.
10-9 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5152

ТОВАРИЩЕСТВО СПБ. МЕХ. ПРОИЗВ. ОБУВИ. ПОЧТИ
ежедневно получаемъ имъ денежные письма съ заказами на нашу обувь. Но такъ какъ отдѣльная парч., вслѣдствіе большихъ поштовыхъ расходовъ, обходится покупателю нѣсколько дорого, то мы советуемъ Г.г. желающимъ имѣть нашу обувь покупать ее въ своихъ городахъ, если есть торговцы нашимъ товаромъ; въ такомъ случаѣ покупка обойдется дешевле. Приобрѣтенная же покупателемъ обувь будетъ нѣсколько не хуже той, какую бы получалъ онъ непосредственно отъ насъ, поручо чему — находимся на каждой подошвѣ вышеприведенное фабричное клеймо. № 5283 12—

УЖЕ БОЛЕЕ 100,000 шт. ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ!!!
Универсальная машинка для быстрой и красивой прически дамскихъ волосъ, по послѣдней модѣ (безъ исторической помози). № 5295
Цена съ упоркою и пересылкою во всѣ города 2 р.
Адресъ: А. Гртге, Москва, Неглинный провѣд., д. № 15, кв. № 3.

АМЕРИК. КОНЦЕРТ. ПИАНО
новое продается по случаю. М. Морская, домъ 12, кв. 44. № 5355

ПОЧИНКУ РОЯЛЕЙ И ПИАНО
исполн. спеціальнѣ дешево, хорошо, съ ручат. Узн. Михайловская ул., № 4, нотн. магазинъ Г. Васильева, и Малая Морская, домъ 6, кв. 13. № 5354

КЕРОСИНОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ
Сила и Свѣтъ отъ 1 до 24 л. с. Безопасность, дешевизна, простота. Неизмѣнн. въ сол. хоз. и фабр. промышл. Опис. и цѣны высл. за 7 коп. м. Метал. и электр. зап. Сила и Свѣтъ Шна. А. Г. Цаванскаго. СПб. Татарскій пер. № 12.

ДЛЯ ВОЛОСЪ БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛПТИ
косметина А. ЭНГЛУНДЪ.
Освѣжаетъ головную кожу. Ц. флакона 1 р. 50 к., съ перес 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подписъ А. Энглундъ красными чернилами и марку Сиб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торг. антк. тов.р., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейтъ, В. Безбардискъ, Р. Келлеръ и Коми., О Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ антк. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главн. складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. (1) Ц. № 5346

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА
Жоржъ БОРМАНЪ
удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ
для Г.г. любителей.
Вслѣдствіе новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.
Цена прибора 18, 25, 35, 50 руб. и др.
Ручн. аппараты для моментальныхъ снимковъ отъ 15 р.
Просимъ не смѣшивать съ рекламируемыми крайне дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и К°
фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ въ С.-Петербургѣ, Мойка № 42.
Наставленіе и иллюстр. прейскурантъ вы- № 5315 высылается бесплатно. 3-3
Поступила въ продажу новая книга:
Ө. Достоевскій, „ЗАДАЧИ РУССКАГО НАРОДА“
(Составлено по „Дневнику писателя“ Л. Пякфоровича. Изд. составителя. Ц. 30 к.)

МИНИАТУРА МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Имеется въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость красота. Изведена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейскурантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

XXII г.
№ 39

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXII
1891

ВЫХОД. ЕЖЕНЕД. №№ СЪ В-10 РИС. ВЪ КАНД. И ЕЖЕМЪС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕН. Выданъ 28 сентября 1891 г. ВЫПР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы“ безъ Сборника 15 к., съ пер. 20 к., со Сборникомъ 80 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

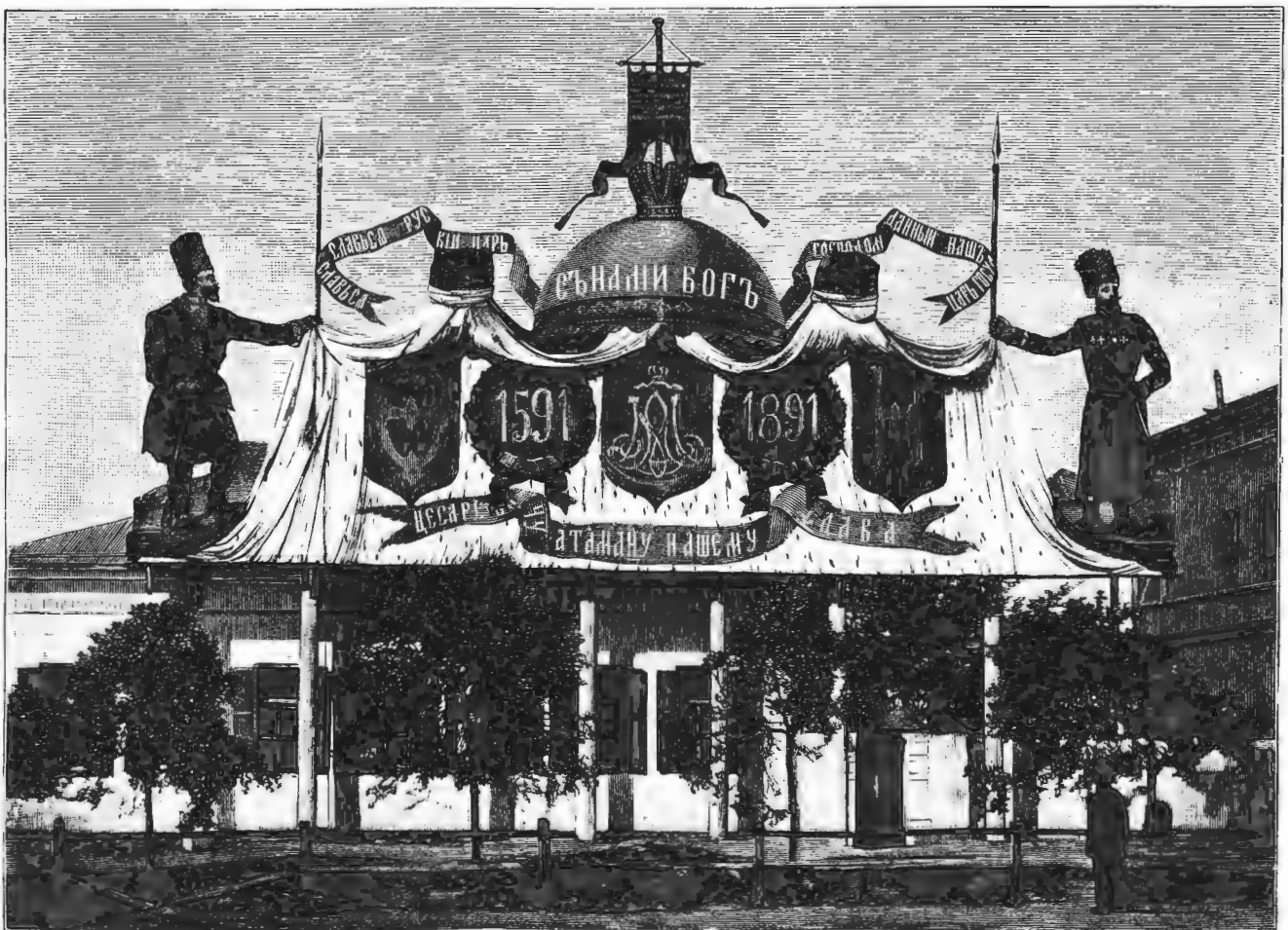
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 8.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарелль (3/4 шир.
стран) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб.—Загран.: для Франціи
у Agence Havas по 3 fr., для
Аустр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 3 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Пе-
тербургъ **5 р.**
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ **6 р. 50 к.**
За границу, съ пересылкою **10 р.**
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. **6 р.**
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . **7 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

При этомъ №. прилагается СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за ОКТЯБРЬ.

300-лѣтній юбилей Уральскаго казачьяго войска. Транспарантъ съ двумя фигурами казаковъ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Невеселый почлегъ. Какъ ни утомились офицеры за день усиленной гоньбы, а не спалось. Участь бѣднаго товарища не давала имъ покоя. Надежда на выкупъ была, но слабая. Всѣ хорошо знали Алемъ-Кула. А ну какъ онъ не денегъ запроситъ, а потребуетъ нныхъ условій? Ну, какъ скажетъ въ отвѣтъ: „согласенъ, но только послѣ очистки вашими войсками города и по обязательствѣ отступить за предѣлы и проч.“ Какъ послѣдній лучъ надежды. блеснула одна только мысль: это, что шайка, захватившая Наля, пожелаетъ сама воспользоваться выгодами выкупа и плѣнника скроютъ отъ своего вожда.

— Ну, этого я не особенно полагаю, грустно покачалъ головою Иванъ Алексѣевичъ.

Офицеры сидѣли у огня, прихлебывая горячій чай; большинство казаковъ спало на землѣ, подстлавъ котомки; лошади на приколахъ фыркали и отмахивались хвостомъ отъ докучливыхъ ночныхъ мошекъ. Вдругъ, въ цѣпи послышался обликъ: „кто идетъ!“ и щелкнулъ курокъ.

— Легче, свой! послышался веселый, знакомый голосъ, заставившій всѣхъ трехъ офицеровъ вскочить на ноги, словно ихъ страшный каракуртъ укусилъ.

— Сережа!.. Налъ!.. Сумасшедшій!.. послышались притѣтствія.

— Господи! Вотъ не ожидалъ! Живъ, цѣлъ! голубчикъ!..

И Шолобовъ, едва сдерживая слезы радости, кинулся на встрѣчу подходившему.

А подходившій былъ дѣйствительно Сергѣй Николаевичъ, усталый, нѣсколько блѣдный, но съ лицомъ веселымъ и радостнымъ. Онъ появился въ освѣщенномъ отъ костра пространствѣ, и конфузливо принимая объятія Шолобова, жаль протянутыя ему руки казачьихъ офицеровъ.

— Не томи же... рассказывай, что съ тобою случилось?..

Недоумѣвающая, даже нѣсколько испуганная лица большинства проснувшихся казаковъ, тоже появились въ освѣщенномъ кругѣ.

— А, чай готовъ? Это прекрасно! Давай скорѣе, просто до смерти хочется! весело заговорилъ вновь прибывшій. — Ну, и намучился же я: цѣлый день, на солнцепекѣ, одинъ-одинѣшечекъ. Со мною просто чудеса... это непостижимо, вы, право, господа, не повѣрите!.. Видите-ли...

— Садись вотъ сюда, на бурку, указалъ Шолобовъ. — Да брось ты его, Буреломъ, чего за полу держишь, не уйдетъ. Садись, милый.

— Сѣсть, отчего не сѣсть. Сядемъ. Уфъ, хорошо! Горячую пищу варить будутъ, Артемъ Петровичъ?

— Не... не изъ чего, отвѣчалъ всауль, — да ты ѣсть хочешь? Накормимъ. Бердяга! давай коржумы съ закускою.

Иванъ Алексѣевичъ тѣмъ временемъ зорко и внимательно осматривалъ съ ногъ до головы своего друга.

— Ни револьвера, ни шашки, безъ шапки... китель разорванъ у ворота, подъ мышками тоже, нѣсколько пуговицъ отлетѣло, съ мясомъ, что называется. Борьба была, значить, какъ слѣдуетъ... Вырвался... диво, не раненъ... непостижимо!.. Господи! да начнешь ты, наконецъ, говорить дѣло?!

Такъ капитанъ закончилъ вслухъ свои наблюденія.

Еще съ минутку повозились, усѣлись. Изъ ковровыхъ коржумовъ появились—холодная баранья ляжка съ прилипшими къ мясу газетными клочками, двѣ дыни, деревянные складни съ пирожками и битками, и тща-

тельно обернутая полотенцемъ бутылка. Командирскій драбантъ, казакъ татаринъ-Бердяга, чистилъ ножъ, втыкая его въ песокъ и обтирая о голенище сапога.

Сергѣй Николаевичъ принялся наконецъ за повѣствованіе событій загадочной ночи. Онъ говорилъ какъ-то странно. То торопливо, то путаясь, словно припоминая что-то забытое. Слушателямъ казалось даже съ минуту, что рассказчикъ просто сочиняетъ и не совсемъ складно выдумываетъ разные выходы изъ своего неловкаго положенія. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, что съ нимъ было? Грѣзы мѣшались съ дѣйствительностью, а то, что была дѣйствительность — тоже похоже скорѣе на грѣзы, на бредъ горячечнаго,—и краска смущенія неволью не разъ выдалась въ лицо рассказчика, и хотѣлось бы ему замолчать, хотѣлось бы самому заплакать и спросить у этихъ жадно слушающихъ друзей: да что же, наконецъ, съ нимъ въ эту ночь случилось, и какъ это случилось, и почему. А тутъ къ нему пристраютъ съ разспросами и какъ будто не вѣрятъ, смотрять на него даже подозрительно. Вонъ Налъ видѣлъ, отчетливо видѣлъ, какъ Буреломъ толкнулъ локтемъ Шолобова, а тотъ пожалъ плечомъ и кончикъ уса у него нервно дрогнулъ.

— Ну, право же я не лгу... право это все правда! сорвалось неволью у Наля.

— Да мы вѣримъ, Богъ съ тобою! тихо проговорилъ капитанъ.

— Чудны дѣла твои Господи! вздохнулъ и потянулся всауль Ползуновъ.—У насъ вотъ, въ Красногорской станицѣ, тоже былъ одинъ—туманъ этакъ въ глаза наводилъ. Тоже это ежели у него лошадь сведуть—сейчасъ къ нему. На конецъ сапога посмотритъ и говорить: „Ищите, молъ, тамъ-то“—и вѣрно.

— Да Гуль-Гулька-то была дѣйствительно, или такъ только, тоже въ родѣ видѣнія обозначилась? поинтересовался Буреломъ.

— Гуль-Гуль? да, была; она сѣла ко мнѣ на колѣни, это я совершенно ясно помню. Тогда еще со мною ничего не начиналось, или нѣтъ, стойте, за деревомъ, близко вотъ такъ, не дальше этого (Налъ указалъ на крупъ сѣрой лошади, выдѣляющийся во мракѣ)—она стояла тамъ и пристально смотрѣла на меня. Я обернулся, онъ исчезъ, а потомъ уже тогда... это непостижимо!..

Странное впечатлѣніе произвелъ рассказъ Наля на слушателей. Они какъ будто совсемъ не того ожидали. Расскажи имъ, что молъ, меня связали, приторочили къ сѣдлу, какъ тюкъ, или просто пѣшкомъ гнали межъ лошадей, привязавъ руки къ стременамъ, били, мучили дорогою. Потомъ на привалѣ соснули, а я тихонько развязался,—случайность помогла, что-ли... вотъ, бываетъ, искра стреканетъ изъ костра, да, какъ разъ угодить на узелъ, веревка, молъ, и перетлѣетъ въ одномъ мѣстѣ... развязался, поползъ... подальше отползъ, всталъ да ходу... А то еще копя отвязалъ отъ прикола лучшаго, да на немъ, словно вѣтеръ. Всполошились недруги, тревогу подняли—лови, держи! Да, лови вѣтеръ въ полѣ!.. Расскажи имъ что-нибудь Налъ въ этомъ родѣ, конца бы не было восторгамъ и радостямъ. А то, что же это такое? Вѣдь, эти слушатели такъ любятъ милаго ювошу. Они къ нему всѣмъ сердцемъ, какъ къ своему доброму хорошему товарищу, а онъ—вовсе не ихъ. Будто бы между нимъ и ими—глубокая пропасть разстилается: или онъ смѣется надъ ними, или вправду чужой, не такой какъ они, не простой крещенный. А если все это онъ вретъ, морочитъ только? если что-нибудь, такъ просто объяснимое, но ужасное,

невѣроятное? Отъ одной мысли кровь стынетъ, сердце тоскливо сжимается. Это вздоръ! Не можетъ быть! *Это-то* уже никакимъ образомъ не можетъ случиться.

— Усталъ такъ спи! прервалъ Шолобовъ тяжелое недоумѣніе. — Не здѣсь, добавилъ онъ, замѣтивъ движеніе Наля. — Пойдемъ туда, тамъ я велѣлъ кошму разостлатъ, вонъ подъ кустомъ. Пойдемъ, Сережа!

— Покойной ночи, господа! поднялся Сергѣй Николаевичъ и пожалъ руки казакамъ; тѣ оба отвѣтили на пожатіе, но не такъ какъ всегда, особенно старый эсаулъ Ползуновъ. Тотъ жать-то жалъ, даже довольно сильно, но успѣшилъ отдернуть руку очень уже будто брезгливо, или можетъ-быть это только такъ показалося Налю.

Нервы его были вѣдь разстроены—и не вѣсть что покажется.

Отвель Шолобовъ Сергѣя Николаевича въ сторону, присѣлъ на кошму и его посадилъ съ собою. Помолчали оба—долгонько-таки помолчали, а потомъ капитанъ проговорилъ словно про себя, не громко:

— Эхъ, жаль, что не мнѣ одному рассказалъ ты *все это*—первому!

— Это почему?

— Да потому что рассказалъ бы мнѣ разъ, и не повторилъ бы больше. Мало-ли что имѣть соврать можно, и конечно болѣе правдоподобнаго.

— Зачѣмъ же врать, я говорилъ правду... я самъ не понимаю, что это такое. Самъ это чувствую, мнѣ даже казалось, что я лгу, говоря дѣйствительно то, что со мною случилось. Ахъ, если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ скверно!

— А они этого не понимаютъ, и никто изъ нашихъ не пойметъ, и я самъ не понимаю, раздражительно проговорилъ Иванъ Алексѣевичъ, — но я тебѣ вѣрю, я люблю тебя какъ брата, я чувствую, что ты честный, хороший малый... сердце золотое... А они... ну, какъ думаешь, что если они, да и не всѣ они, а кто-нибудь... одинъ, мало-ли всякихъ, ну... если этотъ одинъ не повѣритъ... Будетъ-ли онъ допытываться дѣйствительности, будетъ-ли онъ искать болѣе вѣроятнаго объясненія? О, Боже мой! до чего доискаться тогда можно будетъ... мерзость!..

И Шолобовъ такъ стиснулъ свою трубочку, что она у него въ пальцахъ треснула и сломалась.

— Ну, кончилъ онъ, — говорятъ, будто утро вечера мудренѣе—ложись и спи, если можешь... Ложись рядомъ, однимъ пальто покроемся... Ночи не гляди что теплыя, лихорадку схватишь.

И капитанъ вытянулся во всю длину, закрылъ глаза и сталъ про себя читать „Вѣрую“. Онъ всегда дѣлалъ такъ, когда спать было надо, а сонъ не идетъ. Отчетливо отдѣляя слова, онъ читалъ до конца всю молитву, начиналъ сначала и такъ до тѣхъ поръ, пока терялось сознаніе, слова молитвы начинали путаться, обрываться машинально, силою только механической памяти цѣпляясь одно за другое, и сонъ, незамѣтно подкравшись, овладѣвалъ имъ окончательно.

Легъ и Налъ, но ему не могли помочь уже никакія молитвы.

„До чего же могутъ додуматься? проносилось у него въ мозгу.—До какой мерзости?“

Онъ хотѣлъ вскочить на ноги, рука Шолобова удержала его силою.

— Успокойся... постарайся заснуть... сказано — утро вечера мудренѣе... проговорилъ Иванъ Алексѣевичъ, не открывая глазъ и уже въ десятый разъ начиная „Вѣрую...“

Онъ уже было начиналъ путаться. Сонъ вотъ-вотъ подходилъ, да движеніе Наля отогнало его и пришлось начинать сначала.

А звѣзды такъ густо усеяли темный сводъ ночнаго неба, такъ ярко свѣтили, особеннымъ мерцающимъ,

золотистымъ блескомъ, что казалось будто ихъ свѣтъ ло льдахъ, на вершинахъ Алая отражается. Но это былъ свѣтъ не звѣздный: тамъ, на страшной, недосигаемой высотѣ, уже начиналась утро. Внизу, въ долинахъ лежала глубокая ночь; а зубчатые, скатные гребни вѣковыхъ гигантовъ чуть румянились первыми лучами восхода.

Утромъ, когда кони были посѣдланы, сторожевые посты вернулись и сотня собралась въ обратный путь. пришлось послать на розыски за арбою. Сергѣй Николаевичъ не могъ уже подняться на ноги. Онъ былъ въ жару и бредилъ несвязными рѣчами. То звалъ свою маму, то гналъ кого-то, то въ чемъ-то каялся и не узнавалъ никого, даже своего лучшаго, вѣрнаго друга Ивана Алексѣевича.

Долго рыскали разосланные казаки, отыскивая арбу въ покинутыхъ населеніемъ кишлакахъ, наконецъ нашли, впрягли казачью лошадь и тронулись медленно въ путь, уложивъ больнаго офицера.

Шолобовъ помѣстился на арбѣ же, у изголовья Наля, непрерывно мѣняя компрессы на воспаленной головѣ.

На подорогѣ встрѣтились джигиты шолобовскіе—Юнусъ и Максимка. Они разыскивали сотню чуть не всю ночь, только удивительно, какъ не догадались справиться у ротнаго командира стрѣлковой роты, бивакировавшей на стоянкѣ у Ишанъ-Дауда. Тамъ знали, гдѣ должна находиться сотня.

— Ми туда бѣгалъ, говорилъ Максимка,—по вси кишлакъ бѣгалъ—никого нѣтъ, всѣ дома такъ кидаль. Ми смотрѣлъ, вездѣ смотрѣлъ...

Юнусъ молчалъ и былъ видимо доволенъ, что опять видитъ своего начальника, а заглянувъ въ арбу, невольно вытаращилъ глаза и вопросительно взглянул на капитана.

— Нашелся! кивнулъ тотъ головою.

— То-то вы усердствовали, подлецы, — подѣхалъ эсаулъ.—Экъ, набили коржуны! Много набарантовали?

— Ничаго не барантоваль... зачимъ барантовать?.. Ми увсякій кишлакъ ходили, вездѣ спрашивали... залопоталъ Максимка.

А Юнусъ угрюмо глядѣлъ внизъ и загорѣлою плетернею скребъ затылокъ, такъ что баранья шапка съѣхала у него почти на носъ.

Издали доносились веселая, захватская пѣсня. До слуха долетали только барабанный подбой, гулкій рокоть бубна, да рѣзкіе визгливые выклики подголоска. Густое облако пыли, извиваясь межъ садовъ и стѣнокъ, тянулось вслѣдъ за звуками. Тамъ шла стрѣлковая рота, возвращалась съ ночлега у Ишанъ-Дауда.

Казаки, больше изъ подражанія, затагнули тоже, но что-то ужасно унылое и нескладное.

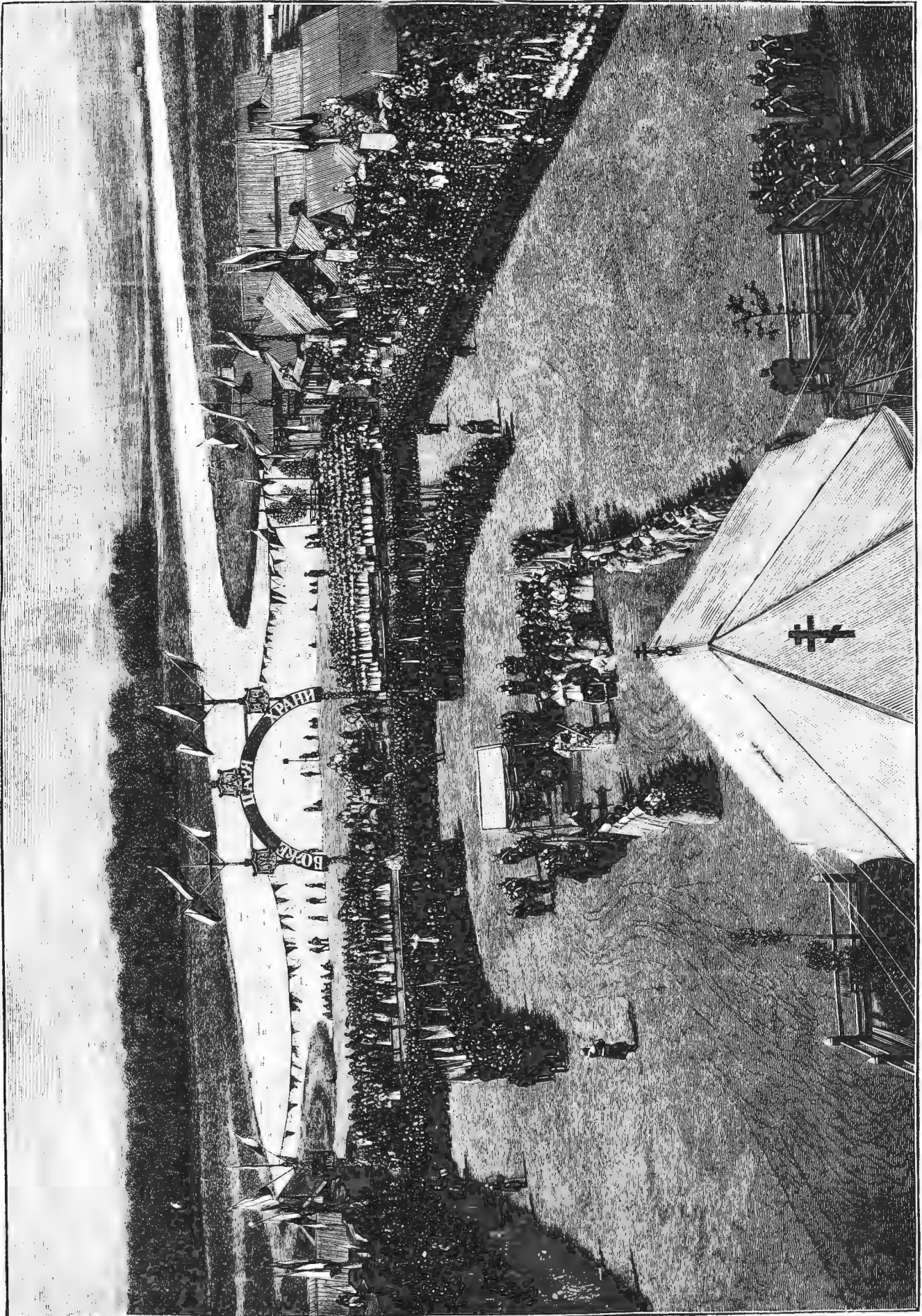
X.

Въ городѣ и около его стѣнъ въ данную минуту замѣтно было особенное движеніе.

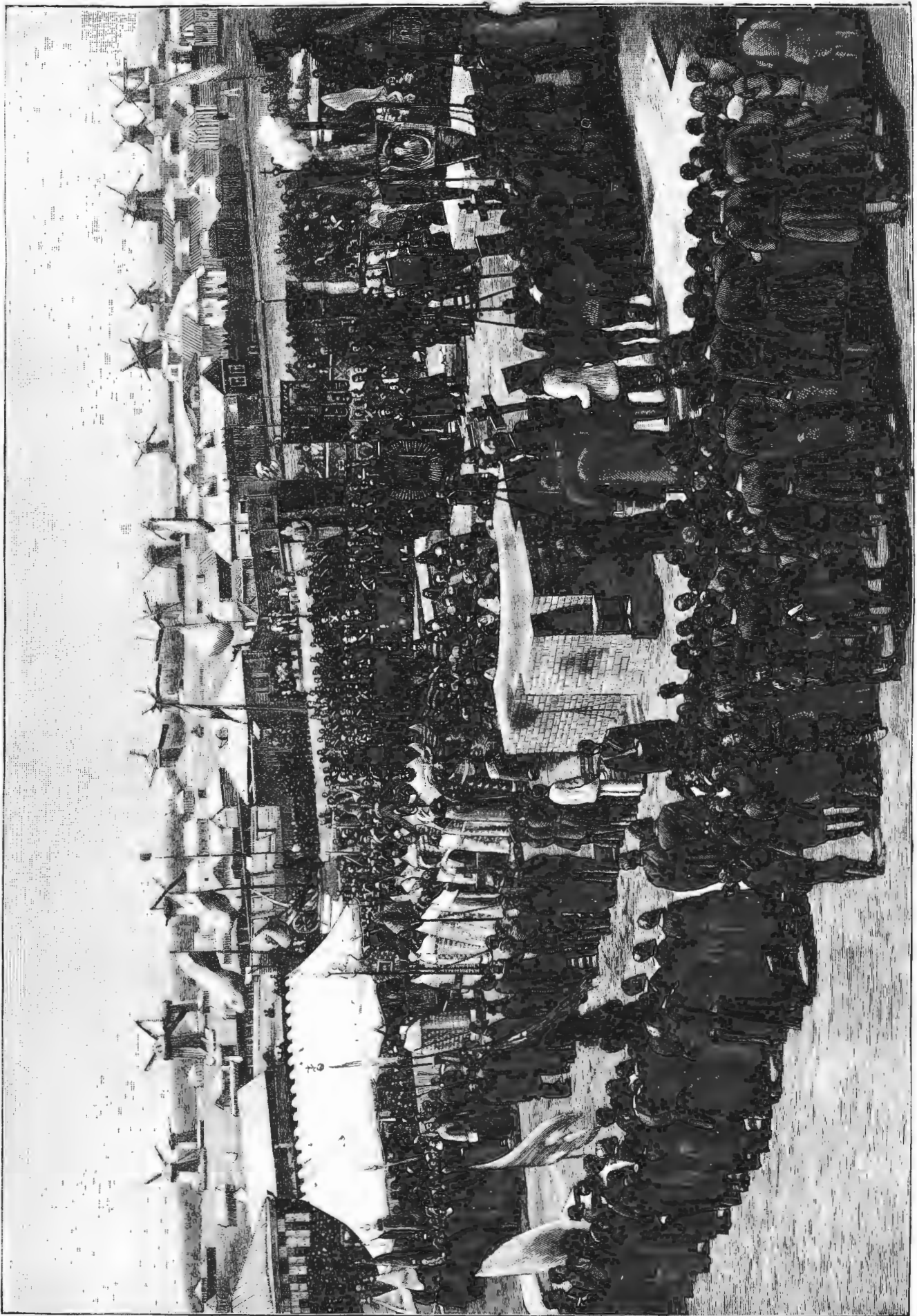
Окрестные жители поставлены были въ положеніе довольно критическое. Слухъ о приближеніи полчищъ муллы Алемкула давно уже облетѣлъ повсюду—ждали столкновенія. Куда дѣваться? чью принять сторону?

Все, склонное къ намъ, сгруппировалось поближе къ городу,—не помѣщаясь въ его стѣнахъ, стало бивуакомъ въ окрестныхъ садахъ; все противное не вѣдомо куда попряталось, или ушло, или заперлось у себя въ сакляхъ, притаившись, въ ожиданіи результатовъ катастрофы... Базары запирали лавки. Курбаши-Девлетъ, тотъ самый, что съ такою покорностью недавно являлся на сходку у Ишанъ-Дауда, — теперь, не слѣзая со своего рыжаго скакуна, особенно замѣтно вывѣсивъ медаль на красной лентѣ, ѣздилъ по улицамъ, приглашая къ спокойствію и довѣрію.

У Ибрагимъ-бал собрались представители безусловно сознательно преданной, русской партіи.

300-лѣтній юбилей Уральскаго казачьго войска. Освященіе знамень и чтеніе грамоты. Съ фот. грав. Рашевскій.

300-літній ювілей Уральського казачього війська. Закладка нового храму. Сь фот. грав. Шюбгеръ.

У генерала въ цитадели собранъ былъ военный совѣтъ, на который приглашены были по обыкновенію всѣ ротные командиры. Приготовленія къ боевому походу велись оживленно, торопливо, но толково, какъ всякое хорошо изученное, вполне знакомое дѣло. На лицахъ всѣхъ солдатъ отражалось веселое довольство. Стоянка безъ боя затянулась порядочно-таки и стала надождать.

У палатокъ маркитанта Касима-Намазова, раскинутыхъ у самаго подножія цитадели, группировалось офицерство, свободное отъ службы, ожидая конца совѣщанія въ генеральской квартирѣ.

Посланные на развѣдку и поиски по запискѣ Шолобова рота и казачья сотня уже входили въ городскія ворота.

Все кинулось имъ навстрѣчу.

Вѣсть о гибели Наля давно уже дошла сюда и въ его спасеніе никому не вѣрилось, а тутъ его привезли живаго, — нашли, значить. Всѣ были очень рады, но толку не добились никакого.

Шолобовъ на вопросы, посылавшіеся со всѣхъ сторонъ, отвѣчалъ коротко:

— Ушелъ...

— Ну, и перетрусилъ онъ, бѣдняга, натерѣлся тоже, говорили и эсаулъ Ползуновъ, и сотникъ Буреломъ. — Мы думали, что и вправду онъ несъ намъ невозможную ахинею, а это у него горячка отъ волненія начиналась... Дастъ Богъ поправится — можетъ, добьемся толку.

Шолобовъ даже радъ былъ, что горячка выручила. Въ выздоровленіи Наля онъ былъ почему-то увѣренъ. Подъ влияніемъ выгоднаго для Наля оборота дѣла, Иванъ Алексѣевичъ даже не особенно огорчился выговоромъ генерала, якобы за легкомысліе съ печальными послѣдствіями. Понятіе о легкомысліи такъ не вязалось съ репутаціей боеваго капитана, что всѣми, не исключая и самого начальства, приято было скорѣе за шутку.

Но между казаками, свидѣтелями разказа Наля, пошли различныя толки. Весь разказъ переиначивался, получилъ самую непредвидѣнную окраску, достигъ до невозможныхъ нелѣпостей — и въ такомъ видѣ разошелся быстро по всему отряду.

— Онъ, братцы мои, слово такое знаетъ, говорили солдаты. — У его, вишь ты, и лицо, обликъ самый, со всѣмъ какъ не нашъ, крещенный.

И, мало-по-малу, между солдатами и молодымъ офицеромъ стало развиваться какое-то неясное отчужденіе. А такъ какъ уровень развитія и многихъ офицеровъ того времени не далеко уходилъ отъ солдатскаго, то и между послѣдними замѣчалось то же, къ великому огорченію Шолобова, капитана Бирбаума и еще нѣсколькихъ, болѣе близкихъ друзей Сергѣя Николаевича.

На военномъ совѣтѣ рѣшено было немедленно сформировать сильный отрядъ, въ составъ котораго вошла вся кавалерія и чуть не двѣ трети пѣхоты. Отрядъ этотъ долженъ былъ выступить навстрѣчу Алемкула, постараться заставить его принять бой и *„раскатать на голову разъ навсегда“*, какъ было выражено въ приказѣ. Самъ генералъ долженъ былъ, несмотря на свою лихорадку, вести войска въ дѣло. Походные госпитали и обозы сгруппировались въ цитадели, гдѣ оставлено было четыре роты, находя эти силы совершенно достаточноными на случай обороны. Отряду, выступившему въ горы нѣсколько дней тому назадъ, согласно вѣстей, добытыхъ отъ лазутчиковъ, послано было приказаніе измѣнить программу дѣйствій и идти по предгорьямъ, стараясь обогнуть съ западной стороны непріятельскую армію. Все было расписано въ приказѣ толково и ясно и какъ нельзя болѣе соответствовало общему желанію.

— Нашъ шутить не любить, говорили командиры, весело потирая руки.

— Орель! что и говорить! толковали солдаты.

А на базарѣ и на перекресткахъ улицъ бродили юродивые-дивоны въ пестромъ тряпѣ и высокихъ копическихъ шапкахъ, заунывнымъ голосомъ вопили строфы Корана, призывая правовѣрныхъ къ возстанію. Муллы въ мечетяхъ говорили то же, не такъ открыто, впрочемъ, какъ тѣ, блаженные; но народъ, наученный горькимъ опытомъ, слушалъ не возражая и угрюмо молчалъ, выжидая хода событій, болѣе выясняющихъ волю премудраго Аллаха.

Ходъ въ цитадель поднимался по довольно крутому скату, обработанному въ грубыя ступени. Между тяжелыми глинобитными башнями чернѣлъ длинный туннель воротъ, по сторонамъ котораго тонулись углубленные помѣщенія, прежнія тюрьмы — нынѣ провіантскіе склады и помѣщенія для караула. Выйдя изъ-подъ воротъ внутрь цитадели, дорога расходилась вправо и влѣво, огибая стѣны бековскаго дворца съ карнизами, красиво украшенными цвѣтными изразцами — увы! — сильно уже попорченными частью временемъ, частью нашими снарядами: годъ тому назадъ городъ и крѣпость подверглись дважды усиленной бомбардировкѣ. Во дворцѣ были просторныя сакли, помѣщенія самого бека и его гарема, и кромѣ того дворы, полуоткрытые, обрамленные навѣсами на колонкахъ, связанные одинъ съ другими узенькими переходами. Въ первомъ дворѣ помѣщался генералъ со штабомъ, во второмъ — офицерскій лазаретъ и походная церковь. Эти сакли были великолѣпно украшены рѣзбою по алебастру и пестрою живописью, узорные потолки старой персидской работы блестяли позолотою, плитные полы покрыты тяжелыми, мягкими коврами.

Въ одной изъ такихъ сакель помѣстили, все еще безпамятнаго, ни на минуту не приходившаго въ сознаніе, Сергѣя Николаевича. Были тутъ еще двое больныхъ офицеровъ, но одинъ изъ нихъ внезапно выздоровѣлъ, какъ только узналъ о походѣ (спасительное дѣйствіе возбужденной энергіи — явленіе весьма частое въ такихъ случаяхъ), и выписался, несмотря на усиленный протестъ доктора. Другой — совсѣмъ умирающій, кончины котораго ждали съ часу-на-часъ.

Наля положили особенно.

Вмѣстѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ пріѣхалъ изъ Петербурга и старикъ-слуга, скорѣе дядька: почтенная личность, внѣшностью напоминающая типы старыхъ дипломатовъ; дворецкіе тоже такіе бывають въ старинныхъ богатыхъ домахъ. Григорій Ивановичъ — такъ звали дядьку — даже и здѣсь тщательно брился и носилъ, завязанный пыльнымъ бантомъ, бѣлый галстукъ. Преданный своему молодому господину, старикъ былъ убитъ горемъ. Съ нимъ чуть не сдѣлался ударъ, когда онъ узналъ объ исчезновеніи Наля, и теперь живая радость видѣть его снова на своихъ рукахъ глубоко омрачалась настоящимъ положеніемъ.

— Боже мой, Боже мой, Создатель Праведный! говорилъ онъ, поминутно вздыхая. — Не за себя молю — за ихъ превосходительство Агнесу Яковлевну.

Такъ звали мать Сергѣя Николаевича.

— Вѣрите-ли-съ, Иванъ Алексѣевичъ, говорилъ онъ Шолобову, — ихъ превосходительство при прощаньи сказали мнѣ: „Григорій, на тебя, другъ мой, больше всего надѣюсь... Смотри, береги Сережу, тебѣ Богъ за это заплатитъ...“ Обняли меня собственноручно, поцѣловать изволили, благословили-съ и перстень драгоцѣнный подарили — вотъ-съ...

И Григорій Ивановичъ съ гордостью протягивалъ свою, всегда опрятную, даже выхоленную руку.

— Мнѣ-ли наказывать беречь! мнѣ-ли?! говорилъ онъ, слезливо моргая глазами. — Съ дѣтства, малюткою, на моемъ пощеніи всегда. Сына роднаго такъ любить невозможно.

Вотъ съ этимъ-то Григоріемъ Ивановичемъ Шолобовъ устроилъ больнаго въ новомъ помѣщеніи. Имущество Наля было перенесено все сюда же, и въ нѣсколько часовъ сакля приняла видъ комфортабельной и уютной спальни. Свѣтъ въ саклю шелъ изъ окна надъ входною дверью въ мавританскомъ стилѣ, стрѣльчатую аркою съ красивыми выгибами; у двери, подъ навѣсомъ, снаружи, помѣстилъ свою постель Григорій Ивановичъ, скромно загородивъ ее импровизованною изъ ковра ширмою.

Докторъ, занятый больными, находилъ все-таки время разъ десять въ день навѣщать Наля, комично сердясь на старика-дядьку, во-первыхъ, надоѣдавшаго ему вѣчными разспросами о ходѣ болѣзни, а главное — чрезмѣрною заботливостью о больномъ, доходившею до разлада съ его докторскими предписаніями.

Шолобовъ оставленъ былъ комендантомъ цитадели и даже радъ былъ этому назначенію. Кажется даже будто онъ самъ намекнулъ генералу объ этомъ; да кому же и было поручить такой важный постъ, охраняющій весь тылъ выступившихъ отрядовъ?

Изъ двухъ докторовъ остался тотъ, что участвовалъ въ поѣздкѣ къ Ишанъ-Дауду, и батальонный батюшка, отецъ Никаноръ, вдовецъ, недавно праздновавшій пятидесятилѣтіе во священническомъ санѣ и, кстати, тридцатилѣтіе вдовства, — всю службу свою несшій въ степи, — старикъ бодрый и сильный, порою любившій и поострить, и въ мѣру выпить, и даже поиграть въ картишки по маленькой; но что касается до службы — неумолимо строгій и неукоснительно исполняющій всѣ требы, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

Отецъ Никаноръ былъ особенно друженъ съ Григоріемъ Ивановичемъ, поразившимъ его большою начитанностью по богословію.

— Рѣдки нынѣ такіе люди, весьма рѣдки! говорилъ отецъ Никаноръ. — Не слуги это, а цѣстуны и вѣрные руководители въ жизни. Да-съ! не вамъ, господамъ, образованнымъ офицерамъ, чета!.. Ну-ко-съ, скажите кто, что означаетъ: „Того даде главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его?“ А Григорій Иванычъ это знаетъ и объяснить можетъ.

— Я вотъ и самъ, служитель церкви, по слабой памяти много упустившій, охотно и со смиреніемъ преклоняюсь и займаюсь.

Таковъ былъ ближайшій кружокъ, сгруппировавшійся у постели больнаго, безсознательнаго Наля.

конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Амбреть-Соръ *).

Угрюмая, оголенные скалы поднимались по сторонамъ узкой горной тропинки, Богъ вѣсть кѣмъ протоптанной — людьми или животными. То нависая надъ головою, словно готовые рухнуть и раздавить своимъ паденіемъ дерзкаго путника, то острыми зубцами тянушіяся къ небу, растрескавшіяся отъ солнечнаго зноя, изрытыя ливнями, каменные громады представляли видъ унылый и мрачный...

По этой тропинкѣ, тяжело ступая босыми, усталыми ногами, медленно поднимался „Благодатный“, устремивъ впередъ недвижные глаза, не замѣчая ничего вокругъ...

Вотъ тѣнь орла скользнула по стѣнѣ, вонъ словно изваяніе торчитъ на гребнѣ скалы красавецъ-аркаръ со своими колоссальными рогами, вонъ громадная ящерица выглядываетъ изъ расщелинъ, вдыхая широко раскрытою пастью раскаленный воздухъ... Съ глухимъ, роковымъ шорохомъ гдѣ-то катится обваль... Чей-то хриплый крикъ подхватываетъ и далеко несетъ горное эхо... словно играетъ со звукомъ, разстаться не хо-

*) Источникъ нектара.

четь... А старикъ все идетъ и идетъ, будто не отъ міра сего, всему чуждый, не знающій ни страха, ни усталости.

Тамъ, высоко подъ облаками, въ глубинѣ боковаго ущелья, чернѣетъ отверстіе пещеры... Надъ входомъ торчитъ короткій шестъ съ полинялою тряпкою, остаткомъ знамени; около чуть журчитъ ключъ, и вода, медленно сочасъ, наполняетъ искусственную чашеобразную впадину. Наполнивъ ее до краевъ, вода снова течетъ, едва змѣясь, бесполезно исчезая въ каменистыхъ осныяхъ. На днѣ этой чаши виднѣются позеленѣлыя отъ времени, обросшія словно мохомъ, старыя монеты, и мѣдный ковшъ лежитъ у края, прикованный цѣпью.

Легенда — давно забытая — гласила, что пещера эта служила жилищемъ святому отшельнику, пришедшему съ далекаго Юга, что отшельникъ этотъ великія чудеса творилъ, воскрешалъ мертвыхъ, и самъ Тимуръ однажды велѣлъ зарыть его въ землю, распахать мѣсто погребенія, посѣять пшеницу, дожидаться зерна, убрать, смолоть и спечь хлѣбъ, и тогда только разрыть могилу, такъ какъ *тотъ* общалъ самъ вкусить хлѣба, на его могилѣ взрожденнаго.

Такъ и произошло.

Много народа ходило слушать и поклониться тому человѣку, но много и гибло ихъ въ пыткахъ и казняхъ, такъ какъ люди эти не хотѣли послѣ признать Магомета изъ пророковъ пророкомъ.

Завидѣвъ издали черное отверстіе пещеры и ключекъ знамени, путникъ протянулъ впередъ руки, радостно вскрикнулъ и ускорилъ шаги.

Придя, онъ зачерпнулъ ковшомъ воды, напился и сѣлъ подлѣ, поджавъ подъ себя ноги, сѣлъ у самаго края водоема, пристально глядя на его покойную поверхность.

Онъ отдыхалъ теперь послѣ своего долгаго и труднаго пути. Тошная грудь дышала покойно, равномерно поднимаясь подъ грубымъ полотномъ рубахи.

Долго сидѣлъ онъ такимъ образомъ, не спуская глазъ съ чаши. Лицо его стало мало-по-малу проясняться... Вновь появилось прежнее чарующее, таинственно-величавое выраженіе... и губы зашевелились, словно въ молитвѣ.

И видѣлъ старикъ:

Вокругъ, закрывая небо, высоко поднимаются роскошныя пальмовыя кроны, вѣковые чинары и дубы окружаютъ великолѣпный храмъ, хитрымъ узоромъ обвилъ плющъ хитрые узоры карнизовъ и арокъ, то причудливою бахромою вися по краямъ, то ползя наверхъ, безъ конца, словно пытаясь добраться на самую вершину купола. Густая, непроницаемая завѣса ползучихъ растений затянула красивыя арки...

Передъ храмомъ сидятъ полукругомъ великіе старцы въ бѣлыхъ одеждахъ, сидятъ неподвижно, погруженные въ созерцаніе, сидятъ какъ тѣ изваянія, что украшаютъ храмъ, бѣлѣя сквозь зелень полуденнаго, таинственнаго лѣса.

Подходить онъ къ нимъ, смущенный и робкій, и гнѣвомъ сверкнули очи сидящихъ.

Но онъ не такой какъ теперь... Это у края водоема сидитъ дряхлый старикъ, а вода ему отражаетъ лицо молодое, красивое, тѣло какъ у полубога, стройное... Вотъ какъ у того, что шелъ за нимъ, освобожденный изъ вражескихъ рукъ, шелъ подневольно, ради друзей земныхъ, сердцемъ и крестомъ отъ него, спасаго, отрекшійся.

— Зачѣмъ вернулся ты сюда? спрашиваетъ первый изъ старцевъ.

И каждый повторяетъ все тотъ же вопросъ, каждый сопровождаетъ вопросъ этотъ взглядомъ, полнымъ укоризны и презрѣнія.

— За прощеніемъ! смиренно склоняясь, отвѣчаетъ пришедшій.

— Сиди и жди величія свыше.

— Сиди и жди, по-очередно повторяют старцы.

Какъ долго, мучительно долго ждалъ онъ рѣшенія!.. Какъ горячо молился и какъ все то, что прежде для него было ясно и близко, теперь далеко уходило, затягиваясь туманомъ забвенія и невѣдѣнія!

Густою сѣтью затаили плющи и лианы входъ во внутрь святилища, и силится осужденный проникнуть туда своимъ грѣховнымъ взоромъ, хочеть прочесть свой приговоръ, найти надежду на смягченіе и помилованіе...

А живая зелень все гуще и гуще заплетаетъ входъ, на глазахъ множатся безчисленные листья, на глазахъ бѣгутъ, развиваясь и путаясь между собою, безчисленные побѣги...

Борятся очи жаждущаго съ живою силою природы. Борется духъ съ грубою матеріей, но матерія полна жизни и силы, духъ — угнетенъ, униженъ.

— О, нирвана! и въ тебѣ вѣдь, безличной, безстрастной, необъятной, есть милосердіе!.. Гнѣвомъ-ли своимъ караешь меня?! Вѣдь гнѣвъ рожденъ оскорбленіемъ, родитъ мечь, мечь оскорбляетъ, вызываетъ гнѣвъ — и такъ вуется непрерывная цѣпь зла и мрака, и нѣтъ имъ, звеньямъ той цѣпи, мѣста на небѣ: они достойніе земли, земныхъ сердець. О, нирвана! разсѣй эту бездушную, злую завѣсу!..

И завѣса раздвинулась... Словно

сильное дуновение вѣтра всколыхнуло ползучую зелень, и дивный образъ предсталъ передъ глазами молящаго...

Чудная женщина, съ голубыми глазами, съ кроткой, печальной улыбкой на устахъ, съ тѣломъ бѣлымъ какъ мраморъ, вся окутанная свѣтлымъ золотомъ волнистыхъ кудрей, легкимъ облакомъ появилась въ темной аркѣ входа въ святилище.

Крикъ ужаса, крикъ отчаянія и невыносимой правдивости боли огласилъ лѣсъ на далекое пространство, встревоживъ дремавшее населеніе... Шумно хлопая крыльями, замелькали въ высокихъ кронахъ ярковытнныя птицы... Шарахнулись въ кустахъ и понизьяхъ четвероногія, влобно зашипѣли змѣи, развивая свои кольца, и глухо зарычалъ полосатый тигръ, встряхнувшись со сна, глазами пронизывая чащу, отыскивая нарушителя покоя...

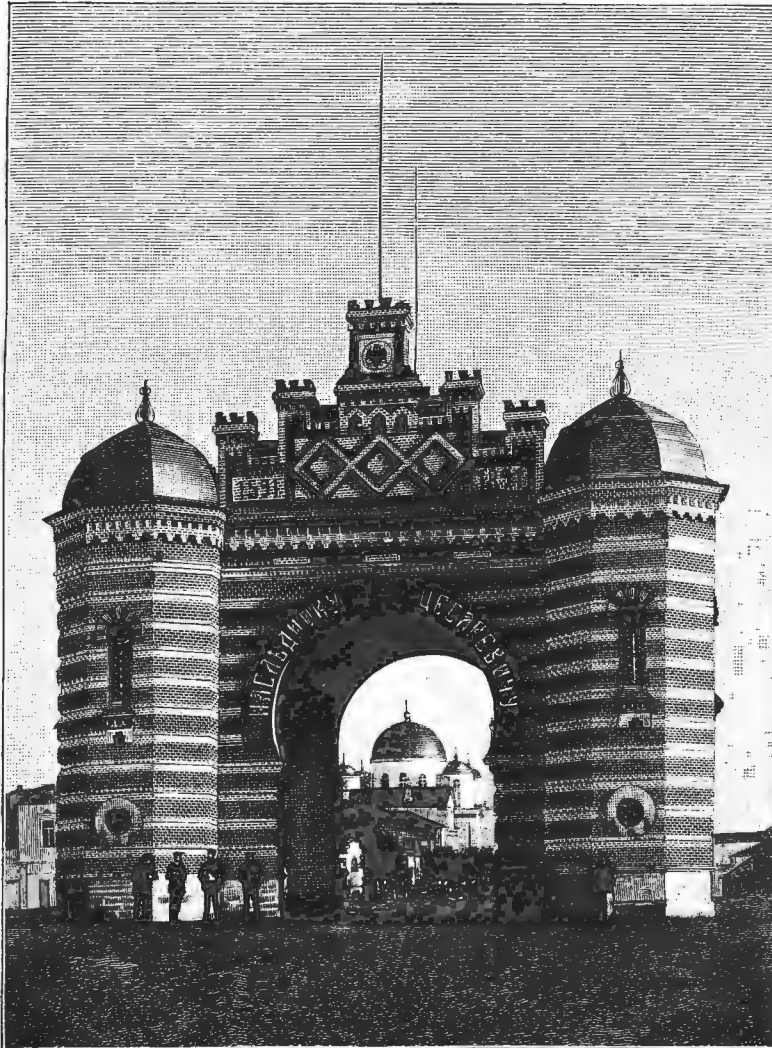
Не шелохнулись только старцы-изваянія, не дрогнули ни одинъ мускулъ въ ихъ высохшихъ, темнобронзовыхъ лицахъ, не колыхнулась ни одна складка ихъ бѣлыхъ одеждъ.

Исчезло видѣніе — укоръ и напоминаніе! Подновило только отпечатокъ въ сердцѣ грѣшника, словно огнемъ прожгло по готовому, старому слѣду...

Жестокая, беспощадная пытка!

Долго тянулось испытаніе, долго, безконечно долго молчали суровые судьи...

Наконецъ, заговорилъ одинъ, и рѣчь его текла равномѣрно, безстрастно, слова лились одно за другимъ какъ всплески ручья, какъ шелестъ высокихъ тростниковъ, какъ гулъ морскаго прибора...

300-лѣтній юбилей Уральскаго казачья войска. Триумфальная арка.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

— Ты, просвѣтленный, познавшій величіе духа, но падшій сынъ плоти; ты, отрехшійся отъ всего земнаго, отъ всѣхъ земныхъ страстей,—ты, уже стоявшій на пути къ нирванѣ и посвященный въ великую тайну небытія,—ты цаль, побѣжденный плотью, побѣжденный тѣмъ, надъ чѣмъ давно уже торжествовалъ побѣду... Душу свою, изъ временной тюрьмы освобожденную, вновь ввергъ въ эту темницу сомнѣнія, плача и страданій, а душа эта не твоя, временно ввѣрена она тебѣ, какъ частица великаго духа, ввѣрена твоей охранѣ отъ козней зла, вложена въ тѣло твое отъ зла прописешее, зломъ живущее, какъ все имущее плоть царство властителя тьмы, ради твоего испытанія, твоего же спасенія и торжества побѣды свѣта надъ тьмою... Что же сдѣлалъ ты съ этою частицею божества?

— Я виновенъ... я жестоко страдаю! простоналъ въ отвѣтъ кающійся.

— Не ты страдаешь — страдаетъ душа твоя, тобою униженная и оскорбленная!.. Духъ тьмы и злобы, по твоей вѣпѣ, вновь похитилъ часть божественнаго духа и заперъ ее въ новую темницу земныхъ ощущеній. Вдвойнѣ тяжела вина твоя — двойное тебѣ предстоитъ испытаніе.

— Готовъ на все, клянусь моимъ раскаяніемъ!

— Иди и ищи!.. Найдешь его въ полной красотѣ силъ и молодости, во всеоружіи дьявола... Просвѣти — не путемъ насилія, а вольною волею — и приведи сюда, отрехнагося отъ земли и всего земнаго, искренно, вѣсьмъ сердцемъ преданнаго нирванѣ... Иди и ищи!

— Иди и ищи! хоромъ повторили остальные старцы.

— Иду, покорный высшей волѣ великаго духа, отвѣтилъ испытуемый, всталъ и пошелъ.

А кругомъ уже стояла глухая, темная ночь, плотную сѣткою окружали его непролазныя дебри, кишачія зломъ и ненавистью... Но, казалось, что дебри

300-лѣтній юбилей Уральскаго казачьяго войска. Георгіевское войсковое знамя.
Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) А. Земцова, грав. Рашевскій.

эти разступались передъ нимъ, смертоносныя змѣи ползли прочь отъ его босыхъ ногъ, кровожадные тигры, угрюмо глядя исподлобья, словно нехотя уступали дорогу...

Шель онъ, испытываемый, не своею волею—и ничто не могло мѣшать ему, загоразивать путь, свыше ему указанный.

Онъ шелъ на сѣверъ, и вышелъ наконецъ за предѣлы священнаго лѣса.

И вотъ онъ внѣ этихъ предѣловъ. Тутъ покинула его святая, охраняющая сила, и страхъ охватилъ беспомощнаго путника.

Голодъ мучилъ его и вызывалъ тяжелыя заботы о пропитаніи, холодъ и жаръ жгли его слабѣющее тѣло, и искалъ онъ крова, убѣжища... Враги грозили со всѣхъ сторонъ, и рука тянулась за оружіемъ... Унылая душа, больное сердце жаждали покоя и мира — и далеко передъ нимъ бѣжалъ этотъ покой, мана, но не давался въ его съ мольбою протянутыя руки... И эти руки, не касавшіяся металла, съ жадностью сжимали вложенныя въ нихъ монеты подаянія.

И такъ много лѣтъ бродилъ онъ, словно во тьмѣ, пока незримая рука не привела его на это священное мѣсто—наслѣдіе уже отошедшаго въ вѣчность, священнаго, быть-можетъ такого же какъ и онъ, грѣшника.

Такъ же какъ и тогда, утоливъ жгучую жажду, взглянулъ онъ въ глубину чаши и не узналъ себя въ этомъ ясномъ отраженіи изможденнаго старца.

Но глаза его сверкали живою радостью, сердце билось покойно и ровно, дышалось легко, возвращеніе духовныхъ силъ ощущалось все полнѣе и полнѣе.

— О, нирвана, вскричалъ онъ,—близокъ часъ моего спасенія!

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза и увидѣлъ на камнѣ глубоко вырѣзанную надпись:

„Амбредъ-Соръ“.

Скоро послѣ этого онъ нашелъ *его*. Съ перваго взгляда — сомнѣнія не было... Но высшая воля требовала дальнѣйшихъ испытаній. Сила духа, власть надъ волею и духомъ другихъ ему возвратилась, но къ нему, именно къ этому близкому, дорогому юношѣ, онъ не смѣлъ примѣнить эту силу...

Просвѣти не путемъ насилія, а волею волею отречениягося отъ земли, искренно, всѣмъ сердцемъ нирвану преданнаго.

Такъ повелѣно свыше.

II.

У маркитанта.

Медленно тянулось выздоровленіе Наля. Шолобовъ, вмѣстѣ съ Григоріемъ Ивановичемъ, по цѣлымъ ночамъ не отходили отъ его постели. Скентикъ-докторъ не скрывалъ своихъ опасеній.

— Мозгъ воспаленъ — это штука плохая! говорилъ онъ.—Если и выживетъ, какъ бы того не было...

И докторъ выразительно тыкалъ себѣ пальцемъ въ лобъ и отрицательно качалъ головою.

Шолобовъ и старый дядька, напротивъ того, въ выздоровленіи, и самомъ благополучномъ, не сомнѣвались нисколько.

Отецъ Никаноръ посѣщалъ больнаго тоже частенько и каждое воскресенье, аккуратно, приносилъ просфору, съ вынутою частицею о здравіи раба Божія, боярина Сергія.

А время стояло смутное и тяжелое.

Изъ отряда слухи доходили рѣдко, а тамъ и совсѣмъ перестали доходить. Нельзя было думать, чтобы генералъ оставилъ гарнизонъ цитадели безъ вѣстей и сообщеній, — значитъ пути были не свободны: джигиты попадались и гибли; а это признаки скверныя... Приходилось довольствоваться базарными слухами и до-

песеніями наемныхъ развѣдчиковъ; и въ томъ, и въ другомъ надо было разбираться осторожно, далеко не все брать прямо на вѣру.

Девлетъ-Курбаши являлся по нѣскольку разъ въ день къ Шолобову, съ увѣреніями, что въ городѣ все покойно и преданность жителей внѣ всякаго сомнѣнія. Ибрагимъ-бай, напротивъ, сомнѣвался очень и не скрывалъ отъ коменданта истиннаго положенія вещей.

Юнусъ, этотъ преданнѣйшій изъ джигитовъ, вызвался самъ пробраться въ отрядъ и вернуться съ достойными вѣстями. Вотъ уже скоро недѣля какъ уѣхалъ, а назадъ еще не возвращался.

Базары почти пріостановили торговлю, половина лавокъ оставались запертыми. Народъ сидѣлъ по домамъ, рѣдко выходя на улицу. Часто наши обходы не встрѣчали ни живой души въ этихъ узкихъ, слѣпыхъ улицахъ, безъ одного окошечка. Ночью, ко внѣшнимъ стѣнамъ, окружавшимъ городъ, высылались усиленные караулы.

Скучая бездѣйствіемъ, завидуя тѣмъ кто выступилъ въ поле, офицеры гарнизона проводили большею частью время въ палаткахъ маркитанта, Касима-Намазова; тамъ образовалось нѣчто въ родѣ клуба, и по вечерамъ, за часъ до вечерней зари, здѣсь же собирались ротные, заливчаткіе пѣсенники, ради поддержки хорошаго настроенія духа.

Всегда въ боевыхъ офицерскихъ кружкахъ найдется одинъ, относящійся критически къ распоряженіямъ начальства, ожидающій всегда чего-нибудь худшаго, даже какъ будто радующійся этому худшему, какъ доказательству его проницательности. Такими бываютъ, большею частью, обойденные почему-нибудь довѣріемъ начальства, почти всегда плохіе служаки, словно подпольные, тяготящіеся своимъ положеніемъ и не скрывающіе этого.

И въ нашемъ кружкѣ былъ одинъ такой — штабъ-капитанъ Казиміръ Костецкій, человекъ уже довольно пожилой, разъ за что-то разжалованный, служившій прежде на виду, но теперь упрямый въ это „треклятое болото“, какъ онъ выражался не стѣсняясь.

Онъ, сидя за столикомъ въ маркитантской палаткѣ, предлагалъ переменить, безусловно тасуя грязную до невозможности, чужъ не единственную въ отрядѣ, колоду картъ; но охотниковъ попытать счастье не находилось. Не игралось какъ-то, да и вообще было не весело.

— Что, жалѣете денегъ? подсмѣивался онъ. — Все равно скоро всѣхъ перерѣжутъ! Глухаревъ, ну-ко, понтируйте хоть вы... Скука смертная!

— Экъ у васъ языкъ недобрый! отозвался Глухаревъ, командиръ третьей роты.

— Весьма можетъ случиться. Зачѣмъ закрывать глаза на дѣйствительность... Забрались мы чортъ знаетъ зачѣмъ сюда, зря и безтолково... Послали, такъ сказать, какъ на убой, да и забыли про насъ.

— Ну и неправда, вмѣшался молодой прапорщикъ Столбушинъ. — У генерала говорили, что къ осени еще два батальона придутъ изъ Оренбурга, и изъ Сибири два; батарею еще присылаютъ... Совсе не забыли!

— Вѣрите, если хотите.

— Генералу-то не вѣрить?!

— Гм!

Костецкій пожалъ плечами и улыбнулся.

— Я знаю, вы его не любите... Все за то, что опъ вамъ роту не даетъ! буркнулъ не подумавъ юноша.

— Глуго! снова пожалъ плечами Костецкій.

— То-есть, позвольте... вы сказали: глуго! Это что же такое?!

— Ну, да пустяки! перебилъ Глухаревъ. — Тутъ и безъ того насъ одинъ-два да и обчелся,—а ссориться станемъ, такъ съ тоски помремъ.

— Не велика тоже честь командовать этимъ сбродомъ мужичья! словно про себя проговорилъ штабсъ-капитанъ.—Такъ что же, никто не понтируетъ? Ну и не надо!

Костецкій спряталъ колоду въ карманъ своихъ шароваръ.

— Касимка, сколько за мною?

— Многого, очинь многого, отозвался маркитантъ.

— Ну прибавь къ этому „многого“ еще „неминого“ и дай, что тамъ у тебя осталось, какая мерзость?

Взошелъ докторъ.

— Ну что? ну какъ? посыпались ему навстрѣчу вопросы.

— Какъ бы вамъ сказать... надежда есть, но не большая... Температуру все понизить не можемъ: бредъ по ночамъ безсвязный.

— Этотъ бредъ не мѣшало бы хорошенько изслѣдо-

вать, опять словно не обращаясь къ кому-нибудь, а про себя произнесъ Казимиръ Костецкій.

Докторъ взглянулъ на него вопросительно.

Одинъ изъ офицеровъ, тоже изъ молодыхъ, по типу киргизъ, чертилъ что-то по столу кускомъ мѣла, и мѣлъ этотъ неожиданно у него хрустнулъ.

Глухаревъ тихонько наложилъ ему на плечо свою тяжеловѣсную руку.

— Я ему морду побью когда-нибудь, шепотомъ проговорилъ киргизъ своему старшему товарищу.

— Охота тебѣ, Бабаджанка, связываться!.. Ужъ его не передѣлаешь.

— Его нада слѣдовать... зачѣмъ съ собакой Девлеткой дружить?.. Девлетъ и нашимъ и вашимъ. Я все понимаю. Вонъ смотри! Ишь, манить его: сейчасъ вмѣстѣ пловъ пойдутъ жрать, я знаю...

(Продолженіе будетъ).

Погубленная душа.

Рассказъ изъ жизни въ южной Венгрии.

Берты Катчеръ.

Расцвѣтасть сирень. Пришла желанная гостя — весна. Нигдѣ не встрѣчаютъ ее съ такимъ ликоваіемъ, какъ въ горныхъ странахъ, гдѣ старуха-зима царитъ дольше, чѣмъ въ равнинахъ. Я приняла приглашеніе дяди провести нѣсколько дней у него въ Б***, базарномъ мѣстечкѣ на Военной границѣ, и правду сказать — не раскаялась въ этомъ. Подобно тому какъ пророкъ не признается въ своемъ отечествѣ, такъ и мѣстные жители обыкновенно не понимаютъ красоту своей страны. Ежегодно тысячи венгровъ для поправленія здоровья горнымъ воздухомъ ѣздятъ въ Тироль, Штирію и Швейцарію, пренебрегая истинно-райскимъ уголкомъ, лежащимъ у нихъ подъ рукою.

Я скоро познакомилась со многими семействами въ Б***, и у насъ не проходило дня безъ поѣздокъ въ лѣсъ или горы, безъ пикниковъ, партій въ кегли въ нѣмецкихъ и румынскихъ казино и тому подобныхъ лѣтнихъ удовольствій. Въ Троицынъ день мы собрались ѣхать къ красивому водопаду Коронни, издающему со значительной высоты въ небольшое глубокое озеро. Всѣ трудности пути искупились красотой окружающей насъ природы. Мѣстный судья любезно позаботился о всеобщемъ удобствѣ, взявъ на себя хозяйственную часть въ этой поѣздкѣ. Было заготовлено множество ковровъ и пледовъ, захвачены вина и провизія; дѣло, конечно, не обошлось и безъ цыганъ съ ихъ скрипками и цимбалами. Все общество находилось въ прекрасномъ расположеніи духа. Величественная красота природы, бурныя и страстныя пѣсни цыганъ, хорошее венгерское вино только содѣйствовали общей веселости. Когда прогремѣли уже застольныя пѣсни и веселье достигло апогея, — вдругъ гдѣ-то высоко надъ нами зазвучала нѣжная и грустная мелодія, которой всѣ мы невольно заслушались. Пѣсня уже смолкла, а мы все сидѣли въ глубокомъ молчаніи, точно очарованные. Никому не хотѣлось прерывать молчанія. Наконецъ я сказала:

— Кто бы могъ быть этотъ пѣвецъ? Только страшное горе можетъ вызывать подобныя звуки изъ груди человѣка...

— Да, отвѣчалъ судья, — бѣдный Виргилій можетъ пожаловаться на свою несчастную долю. Терзаемый угрызениями совѣсти, онъ бродитъ, не зная покоя, по нашимъ горамъ, отыскивая погубленную имъ душу его Ливіи.

— Погубленную душу Ливіи?

— Да. Это — очень грустная исторія, разыгравшаяся здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Расскажите ее намъ, пожалуйста!

— Это какъ-то не вяжется съ нашимъ веселымъ настроеніемъ.

— Все равно, расскажите.

— Видите-ли вы высокую, остроконечную скалу, которая выситя надъ остальными? Оттуда десять лѣтъ тому назадъ бросилась Ливія, первая красавица нашего мѣстечка.

— Ужасно!

— Да! сколько горя было ея родителямъ, а еще больше — Виргилію, считавшему себя виновникомъ ея смерти! Вотъ какъ было дѣло, я постараюсь быть краткимъ. Ливія и Виргилій, дѣти сосѣдей, съ ранняго дѣтства подружились и полюбили другъ друга. Она была на нѣсколько лѣтъ моложе его. Отецъ Ливіи, цыганъ Петти, поселился въ нашихъ мѣстахъ, купивъ небольшой участокъ земли. Онъ воздѣлывалъ ее не хуже другихъ крестьянъ, работая ежедневно до поту лица; по праздникамъ же онъ не ходилъ въ кабаки, чтобы пропить тамъ свой заработокъ, какъ то дѣлаютъ другіе крестьяне, но бралъ свою скрипку и удалялся въ лѣсъ. Тамъ онъ ложился на траву и до глубокой ночи игралъ любимыя мелодіи роднаго народа. Тамъ и познакомилась съ нимъ Марія, единственная дочка священника Василія. Она рѣже стала появляться

съ тѣхъ поръ на танцахъ и все чаще гуляла въ лѣсу. Пѣсни Петти съ каждымъ праздникомъ становились все веселѣе, за то Марія съ каждымъ днемъ становилась задумчивѣе. Такъ наступила осень. Никому въ деревнѣ не приходило даже въ голову, что Марія, гордая своею красотой, ходила въ лѣсъ, чтобы видѣться тамъ съ черноглазымъ Петти, простымъ цыганомъ, а между тѣмъ она любила его всѣми силами своей души и не могла жить безъ него. Но она любила также и своихъ родителей и знала, что они ни за что не отдадутъ ее за простаго цыгана. Она не разъ говорила Петти:

— Я не могу расстаться съ тобой! Это было бы смертью для меня. Ахъ, Петти, что ты со мной сдѣлалъ!

— Нѣтъ, это сдѣлала любовь, отвѣчалъ Петти. — Погоди, Марія, я пойду къ твоему отцу и буду просить твоей руки. Если онъ не благословитъ насъ, тогда, Марія, ты должна быть женою моею просто по нашему старому цыганскому обычаю. Ты согласна, Марія?

— Да! отвѣчала она просто, и первый разъ рука объ руку они пошли въ деревню.

Какъ и надо было ожидать, въ домѣ священника поднялась цѣлая буря. Несмотря на то, что Петти былъ самый красивый, умный и работающій малый въ деревнѣ, священникъ не желалъ дать согласіе на этотъ бракъ. Марія грозилась наложить на себя руки. Ничего не помогало.

— Батюшка, говорила она, — пожалѣй насъ, не будь жестокимъ.

— Но, дитя, онъ простой цыганъ.

— Развѣ онъ виноватъ, что Богъ, Которому ты служишь, назначилъ ему быть цыганомъ. Но Петти готовъ креститься... Я люблю его и пойду за нимъ на край свѣта. На колѣняхъ прошу у тебя благословенія.

— Нѣтъ, никогда!

— Встань, Марія, не трать понапрасну словъ! Здѣсь передъ Распятіемъ — при этихъ словахъ Петти взявъ со стола Распятіе — клянусь любить и уважать тебя, какъ жену свою, и заботиться о тебѣ до самой смерти. Идешь-ли ты за мною?

— Да! твердо отвѣчала она. — Ты этого хотѣлъ, отецъ! Богъ проститъ тебѣ, какъ проститъ и намъ.

И рука объ руку они вышли изъ дому.

Маленькій, уютный садикъ Петти примыкалъ къ саду вѣжточнаго крестьянина Павла. Богатый, уже старѣющій, Павелъ женился на красивой дѣвушкѣ изъ чужой деревни, по счастью его продолжалось не долго. Скоро жена его умерла въ родахъ, подаривъ ему здороваго и красиваго сына. Съ тѣхъ поръ Павелъ велъ уединенную жизнь; ничто не удерживало его въ этой жизни, кромѣ горячей любви къ сыну Виргилію. Виргилій росъ красивымъ ребенкомъ. Темные локоны обрамляли его розовое лицо, на которомъ сіяли большіе синіе глаза.

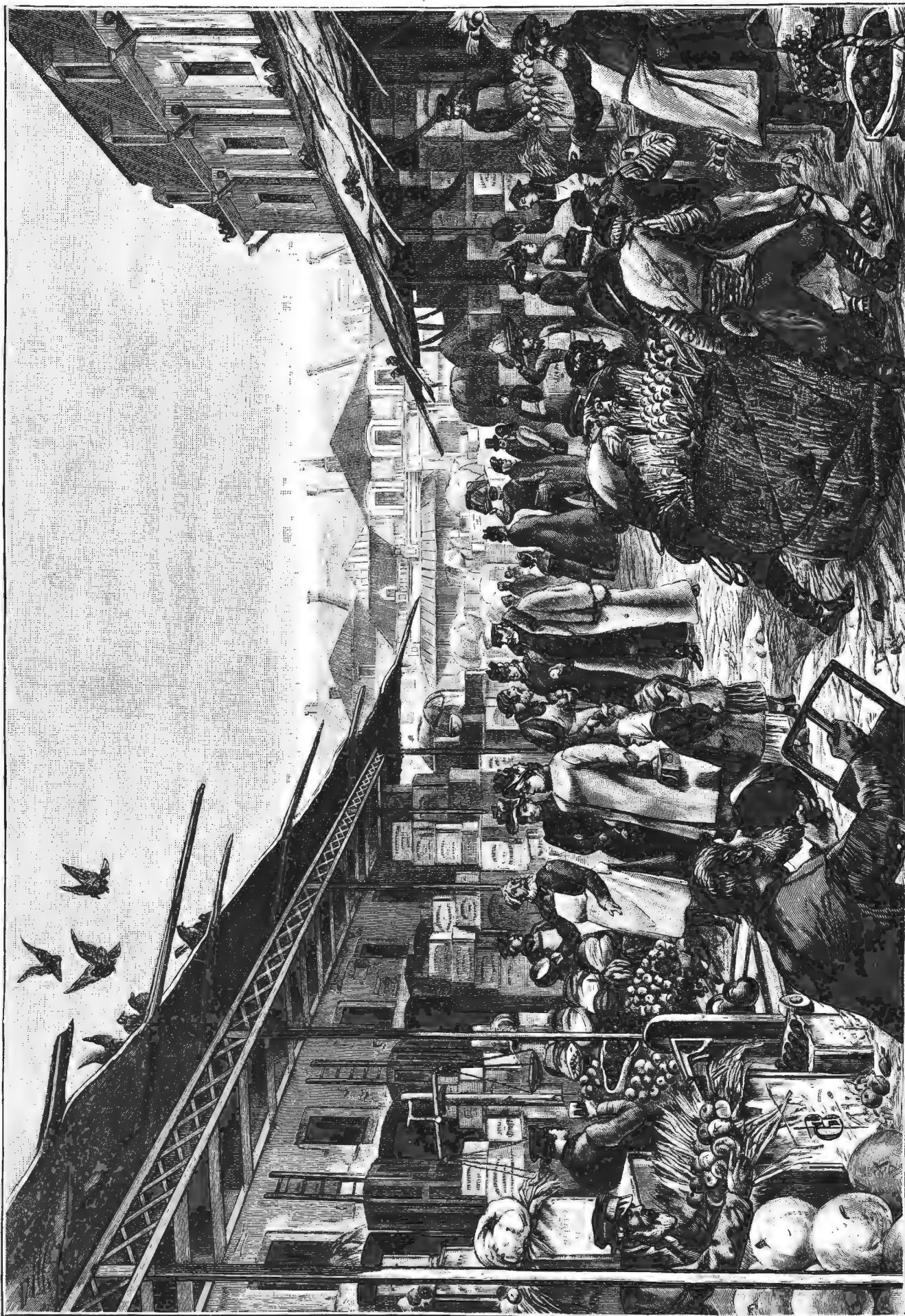
Когда Марія въ одинъ изъ осеннихъ дней ушла къ Петти, Виргилію было всего три года. Сначала гордый Павелъ не обращалъ никакого вниманія на своихъ сосѣдей, считая всякое знакомство лишь обременительною обузой, но вскорѣ невольно замѣтилъ ихъ, когда Петти, забросившій было свою скрипку, снова началъ играть на ней по вечерамъ, по желанію Маріи. Музыка благотворно дѣйствовала на Павла, примиривъ съ жизнью его разбитое сердце. То ликующіе, то плачущіе звуки, которые срывались со струнъ скрипки Петти, все чаще привлекали его къ изгороди, раздѣлившей сада, и однажды, не отдавая себѣ отчета въ этомъ, онъ очутился въ сосѣднемъ саду.

— Ахъ, Петти, кто научилъ тебя такъ играть! Звукъ твоей скрипки такъ же близки къ сердцу, какъ церковный органъ.

— Скажи, дядя Павелъ, воскликнула Марія, — развѣ можно не любить человѣка, который такъ чудно играетъ и притомъ

„Въ теплый край, за сине море...“ Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Писемского, грав. Рашевский.

Осенній фруктовый рынокъ на Щукиномъ дворѣ въ СПб. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бромлинга, грав. Шюблеръ.

такъ добръ и великодушнѣе? Только одного недостаетъ для нашего полного счастья—благословенія церкви.

— То, на что ты рѣшилась изъ любви, Марія, сплошь да рядомъ дѣлають у насъ изъ легкомыслія и страсти. Свѣтъ становится день ото дня хуже. Какъ можемъ мы требовать хорошаго поведенія отъ нашихъ дочерей, когда онѣ постоянно ищють передъ глазами соблазнительные примѣры? Я не понимаю твоего отца, Марія. Какъ могъ онъ безжалостно отвернуться отъ родной дочери! Слышалъ-ли онъ, какъ играть Петти?

— Нѣтъ, никогда. Онъ не бываетъ у насъ, а Петти слыхкомъ гордь для того чтобы заманить его хитростью, печально вздохнувъ, сказала Марія.

Съ этихъ поръ между сосѣдями завязались дружескія отношенія. Павелъ, котораго перенесенное горе сдѣлало болѣе снисходительнымъ къ слабостямъ и страстямъ людей, отъ души полюбилъ Марію и ея мужа. Онъ рѣшился примирить священника съ его дочерью, которая такъ страдала отъ продолжительнаго гнѣва отца, хотя и скрывала это отъ Петти, страдала вдвойнѣ, потому что уже послала подъ сердцемъ залогъ любви.

— Мнѣ тяжело и помыслить, дядя Павелъ, что дитя мое не будетъ носить имени своего отца. Надѣюсь, ты не оставишь насъ и будешь его крестнымъ отцомъ?

— Конечно. И если это будетъ дѣвочка, то завтра же прощу ея руки для моего Виргилія, такъ какъ она безъ сомнѣнія будетъ такъ же добра и прекрасна, какъ ея мать, улыбаясь сказалъ старикъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ пошелъ къ священнику и зазвалъ его подъ какимъ-то предлогомъ къ себѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда Петти игралъ на скрипкѣ. Съ Василіемъ повторилось то же, что раньше испытывалъ Павелъ: онъ жадно ловилъ звуки скрипки, проникавше въ садъ изъ сосѣдняго дома. Съ тѣхъ поръ онъ по вечерамъ сталъ часто заходить къ Павлу, который какъ бы печально всегда переводилъ бесѣду на своихъ сосѣдей. Онъ часто упоминалъ, какъ тоскуетъ Марія по родителямъ и какъ ужасна для нея мысль о томъ—что она лишена благословенія церкви. Священникъ всегда казался смущеннымъ при этихъ словахъ. Между тѣмъ наступило Рождество. Въ сочельникъ отецъ навѣстилъ свою дочь и простилъ ее. Марія съ мужемъ получили приглашеніе провести праздники въ родительскомъ домѣ.

Какъ нѣжный весенній цвѣтокъ росла въ домѣ цыгана дѣвочка, названная при крещеніи Ливіей, и никто этому не радовался болѣе Виргилія, видѣвшаго въ ней будущую подругу игръ. Онъ по дѣлалъ часамъ сидѣлъ у колыбели ребенка и не могъ налюбоваться имъ. Съ восхищеніемъ слѣдилъ онъ за ея первыми шагами и только ей одной позволялъ дѣлать съ нимъ, что ей угодно. Они росли какъ родные братъ и сестра. Однажды, уже подросткомъ, Ливія прібрѣжала къ нему въ слезахъ и рассказывала, что дѣти въ школѣ прозвали ее „цыганенкомъ“. Виргилій утѣшалъ ее и обѣщалъ заступиться за нее. На слѣдующій же день онъ такъ поколотилъ обидчиковъ, что на будущее время никто уже не рѣшался дразнить Ливію. Между тѣмъ дѣвочка съ каждымъ днемъ развивалась въ прелестьную дѣвушку и очаровывала всѣхъ своей красотой и граціей. Скоро она сдѣлалась любимицей всего мѣстечка. Виргилій, здоровый и пылкій юноша, солдатъ въ душѣ, какъ большинство жителей военной границы, не имѣлъ никакого призванія къ сельскому хозяйству. Онъ мечталъ о военной жизни, городахъ и лаврахъ на полѣ сраженія. Девятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ солдаты, обручившись со своею невѣстою Ливіей. Причисленный къ батальону будапештскихъ егерей, онъ, благодаря своему уму, рѣшительности и расторопности, скоро заслужилъ благоволеніе начальства и уже черезъ полгода былъ произведенъ въ капралы. Ливія ликовала, ликовала также и старый Павелъ. „Виргилій будетъ гордостью всего мѣстечка“, сказала гадалка, съ которой пришли посоветоваться по полученіи письма.

Въ 1878 году началась война съ Босніей, и батальонъ, въ которомъ находился Виргилій, получилъ предписаніе выступить въ поле. Ливія съ отцомъ поѣхала въ Будапештъ. Петти между тѣмъ за послѣдніе годы увеличилъ свои владѣнія и принадлежалъ къ числу зажиточныхъ крестьянъ. Прошаніе Виргилія съ невѣстою было очень трогательно, Ливія плакала, клялась ему въ вѣрности до могилы и обѣщала каждое воскресенье ставить свѣчу Божіей Матери, чтобы Она хранила его; Виргилій обѣщаль писать какъ можно чаще. Онъ сдержалъ слово. Вначалѣ письма приходили почти еженедѣльно, въ нихъ онъ описывалъ ходъ войны и рассказывалъ о подвигахъ своего батальона. Въ концѣ октября Виргилій писалъ, что отличился въ одномъ сраженіи и получилъ крестъ. Дѣвушка чуть не сошла съ ума отъ радости. Виргилій, съ Виргиліемъ отличился въ сраженіи! И она, дочь простаго цыгана, его невѣста! Скорѣй бы окончилась эта гадкая война! Ливія и не думала даже о томъ, что война можетъ отнять у нея ея сокровище.

Однажды моя Бланка, которой шель въ то время семнадцатый годъ, ежедневно прочитывавшая въ газетахъ о нашихъ потеряхъ, такъ какъ и мой шуринокъ въ то время находился на войнѣ, прібрѣжала ко мнѣ въ канцелярію вся блѣдная и воскликнула прерывающимся голосомъ:

— Ахъ, папа, ужасная вѣсть! Бѣдная, бѣдна, Ливія! Его убили, убили его...

— Что, что такое? испуганно спросилъ я.

— Виргилій убитъ. Вотъ читай: въ числѣ убитыхъ подъ Х** упомянуть и капралъ Виргилій. Что сказать Ливія, когда она придетъ справиться, какъ обыкновенно? Ты знаешь, папа, я не могу лгать, но я не могу сообщить ей объ этомъ. Ради Бога сообщи самъ ей эту ужасную вѣсть.

Я подумалъ, что лучше будетъ постепенно приготовить любящую дѣвушку къ этой ужасной потерѣ. Къ тому же и самъ я еще не терялъ надежды, въ газетѣ могла быть ошибка. Какъ-то странно и больно было подумать, что такой здоровый, веселый и жизнерадостный малый сдѣлался жертвою смерти. Но проходила недѣля за недѣлей: о Виргиліи не было вѣсти, Ливія становилась все безпокойнѣе. Однажды, помню, она пришла ко мнѣ, вся сіяя отъ радости, и весело сказала:

— Правда-ли, господинъ судья, что война кончилась? Мнѣ говорилъ Илья, бывший на-двухъ въ Темешварѣ.

— Да, дитя мое, это правда, отвѣчалъ я серьезно. Крикъ радости вырвался изъ ея груди, она была въ лапони, прыгала по комнатамъ, какъ ребенокъ, и распѣвала: „Виргилій идетъ домой, Виргилій идетъ домой!“

Слезы навернулись у меня на глазахъ, у меня не хватило духу тогда же сообщить ей роковую вѣсть. Но на другой день я сдѣлалъ это. Блѣдная, съ опущенными руками, точно пораженная громомъ, она дослушала до конца мои слова. Я ждалъ слезъ и криковъ горести, но ничего подобнаго не было, только грудь ея вздымалась бурною страданія. Я пытался утѣшить ее и позвалъ Бланку, которая проводила ее домой, гдѣ ее ждала Марія. Увидавъ мать, Ливія бросилась къ ней въ объятія съ горестнымъ крикомъ: „убить! убить!“ Марія взяла холодную руку своей дочери, нѣжно погладила ее и кроткимъ голосомъ сказала:

— Приди въ себя, моя бѣдная дѣвочка, вспомни, намъ еще надо сообщить объ этомъ ужасномъ извѣстии дядюшкѣ Павлу.

Ливія, этотъ рѣзвый и беззаботный доселѣ мотылекъ, навѣки утратила свое веселье и ко всему стала относиться вяло и равнодушно. Даже и въ первое время своей мучительной тоски она не оставляла работы, но выполняла ее уже не съ прежнимъ весельемъ и рвеніемъ. Она часто навѣщала Павла, съ которымъ случился ударъ при извѣстии о смерти единственнаго, такъ горячо имъ любимаго сына. Недѣля шла за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, Ливія все грустила о своемъ женихѣ и не ходила ни на танцы, ни на вечеринки. Она всячески искала уединенія, но ей не всегда удавалось это. Ливія была слишкомъ богатою невѣстою,—такъ какъ ясно было, что и Павелъ откажетъ ей все свое состояніе,—чтобы маменьки и тетюшки мѣстныхъ жениховъ оставили ее въ покоѣ. По прошествіи года траура, она засыпана была предложеніями. Но Ливія всѣмъ отказывала, любя и сохраняя вѣрность своему убитому жениху.

Такъ прошелъ годъ. Начались полевые работы, и Ливія не было времени предаваться своей тоскѣ. Какъ-то въ воскресенье распространилась вѣсть, что въ деревню скоро будутъ два однополчанина Виргилія, совершавшіе походъ въ Боснію. Ливія страстно желала видѣть ихъ, чтобы поговорить съ ними, въ надеждѣ услышать хоть что-нибудь о Виргиліи. Она все еще надѣялась...

— Прекрасная Ливія, неужели ты вѣришь баснѣ, что твой Виргилій убитъ? сказалъ улыбаясь одинъ изъ солдатъ.

— Баснѣ? повторила Ливія и вопросительно взглянула на него.

— Ну, да. Не убивайся изъ-за пустяковъ, дѣвушка, ты еще молода, полюбишь другаго, а у насъ солдатъ первое правило: „новая деревня—новая любовь!“

— Что ты хочешь сказать этимъ?

— Да то, что Виргилій твой здоровѣхонекъ и живетъ себѣ въ Баньялукѣ со своей милой боснячкой.

— Ты лжешь! дико вскрикнула Ливія.

— Клянусь тебѣ, нѣтъ. Что мнѣ за прокъ лгать? Мѣсяцъ тому назадъ я собственными глазами видѣлъ, какъ пробирался Виргилій въ домъ Станы Бѣлобеговой, первой красотки въ Баньялукѣ.

— Ты самъ видѣлъ?

— Да, самъ!

— О Боже, неужели онъ живъ? Судья мнѣ самъ читалъ, что его убили.

— Что могутъ знать газетные писакі за сто верстъ отъ поля битвы! Я тебѣ говорю, Виргилій живетъ въ Баньялукѣ.

Съ глухимъ крикомъ боли Ливія ушла безъ чувствъ. Ее отнесли домой, гдѣ она скоро оправилась. Объяснивъ причину своего обморока, она вновь принялась за работу. Она не плакала, не жаловалась, только черные глаза ея выдавали ея безисходное горе. Возможно-ли, что Виргилій измѣнилъ ей? Виргилій, котораго она любитъ болѣе всего на свѣтѣ! Зачѣмъ еще жить ей? Въ отчаяніи она молила Бога послать ей смерть. Но, быть можетъ, солдатъ обманулъ ее? Если Виргилій измѣнилъ ей, то неужели онъ настолько безсердеченъ, что оставилъ безъ извѣстій своего отца? Бѣдная дѣвушка пришла какъ-то ко мнѣ и умоляла меня навести справки въ Банья-

лукъ. Нельзя описать ея скорби и отчаянія, когда дѣйствительно оказалось, что Виргилій живетъ въ Баньялукъ, въ домѣ Станы Бѣлобереговой. Одинъ Богъ знаетъ чтѣ происходило въ душѣ этой милой дѣвушки, когда она рѣшилась покончить съ собою. Въ Троицкій день, ровно десять лѣтъ тому назадъ, она поднялась на вершину той скалы и бросилась внизъ. Два дня спустя пастухи нашли тѣло несчастной Ливіи.

Послѣдовало продолжительное молчаніе. Взоры всѣхъ невольно устремились на указанную скалу. Тамъ на вершинѣ виднѣлась чья-то фигура. Мы посмотрѣли на судью съ нѣмымъ вопросомъ.

— Это Виргилій. Онъ ежегодно въ день смерти Ливіи взбирается на эту скалу. Я несколько не удивлюсь, если рано или поздно онъ бросится оттуда внизъ.

— Виргилій? Расскажите-же и объ немъ. Правда-ли онъ измѣнилъ своей невѣстѣ?

— Онъ былъ опасно раненъ подлѣ Х**. Наши войска должны были отступить, оставивъ раненыхъ въ полѣ на милость враговъ. Молодая боснячка Стана, въ числѣ другихъ дѣвушекъ, явилась на поле сраженія для подачи помощи раненымъ.

Трехсотлѣтіе Уральскаго войска.

(Рис. на стр. 833, 836, 837, 840, 841 и 848).

Высочайшій манифестъ, недавно Всемилостивѣйше дарованный славному Уральскому казачьему войску, по поводу пержитаго войскомъ трехсотлѣтія, утвердилъ на неизбѣжномъ основаніи историческаго показанія фактъ существованія Уральскаго (Яицкаго) казачьяго войска въ 1591 году.

Историческое показаніе, подтверждающее фактъ отдѣльнаго и самостоятельнаго существованія Яицкаго войска въ этомъ году, есть не что иное, какъ царскій наказъ астраханскимъ воеводамъ, Сицкому и Пушкину, которымъ въ 1591 году было приказано идти на Терекъ, противъ ослушника царскаго, шамхала Тарковского, и къ войску своему присоединить 1000 Волжскихъ и 500 Яицкихъ казаковъ. Но было бы, конечно, ошибочно думать, что войско Яицкое (какъ назывались первоначально Уральскіе казаки) образовалось именно въ томъ 1591 году, въ которомъ царскій наказъ уже намѣчаетъ пять сотенъ этого войска какъ вполне определенную военную единицу. Казачье Яицкое (или Уральское) войско несомнѣнно существовало и значительно ранѣе 1591 года, и едва-ли не возникло оно на Яикѣ еще въ концѣ царствованія Грознаго, когда, вслѣдствіе завоеванія Казани, появились на Волгѣ волыница, извѣстная подлѣ общимъ названіемъ Волжскихъ казаковъ, и стала весьма усердно отгнѣснять съ береговъ Волги разныхъ степныхъ кочевниковъ, нѣкогда тѣсно связанныхъ съ Казанскимъ царствомъ. Но такъ какъ Волжскіе казаки не уступали случая грабить и персидскіе торговые караваны, поднимавшіеся въ судахъ по Волгѣ, то, вслѣдствіе жалобъ персидскаго правительства, царь Іоаннъ Грозный выслалъ противъ казаковъ Волжскихъ свое царское войско, подлѣ начальствомъ стольника Мурашкина, который разгромилъ Волжскую казачью волынцу, въ 1577 году, и обезопасилъ Волжскій торговый путь. Тогда часть Волжскихъ казаковъ ушла на Яикъ, и здѣсь вступила въ борьбу съ Ногайскою ордою, которая кочевала около столицы орды, городка Сарайчика на р. Яикѣ (Уралѣ). Въ 1580 году, эти волжскіе выходцы нанали на Сарайчикъ, взяли его и разорили до основанія, отгнѣснивъ Ногайскую орду далѣе на Востокъ; а сами основали на Яикѣ свое поселеніе на урочищѣ Орлиномъ (въ 40—50 верстахъ выше нынѣшняго города Уральска). Отсюда уже эти поселившіеся на Яикѣ, Яицкіе казаки и вступили въ сношеніе съ московскими царями, которые, въ видахъ защиты своихъ владѣній на Юго-Востокѣ отъ нападенія степныхъ кочевниковъ, приняли Яицкихъ казаковъ "подъ свою высокую руку" и стали присылать имъ милостивыя грамоты и свое царское жалованье въ видѣ подарковъ.

Вскорѣ Яицкое казачье войско вошло въ полнѣйшую связь съ другими казачьими войсками—Донскимъ, Терскимъ и Волжскимъ. Сохранились любопытныя грамоты, писанныя старшимъ изъ казачьихъ войскъ, Донскимъ, къ остальнымъ казачьимъ войскамъ, при взаимныхъ сношеніяхъ. Эти любопытныя грамоты начинались обыкновенно со слѣдующаго, весьма характернаго обращенія: *«Великому и славному рыцарскому Волжскому, Терскому и Яицкому войску и всемъ тѣмъ пресловутымъ господамъ атаманамъ, и казакамъ, и всему великому войску»*. На новыхъ своихъ поселкахъ, Яицкое казачье войско крѣпло и разрасталось и усиливало и несло вѣрную службу царямъ Московскимъ, безпрерывно принимая участіе въ войнахъ и походахъ царскихъ. Такъ, въ 1603 году, Яицкіе казаки ходили набѣгомъ на Хиву; въ 1629 году мы видимъ Яицкихъ казаковъ въ числѣ войскъ, посланныхъ въ Крымъ; въ 1634 году, Яицкіе казаки, подлѣ начальствомъ царскихъ воеводъ, дѣйствуютъ подлѣ Смоленскомъ. За то и правительство Московское не забываетъ ихъ службы, даетъ имъ жалованье деньгами, хлѣбомъ, сукномъ, порохомъ и свинцомъ, а въ виду малолѣтства казаковъ, истощаемыхъ частыми войнами, даетъ имъ возможность иногда "набираться" (т. е. пополняться) новыми людьми. Сверхъ того, въ 1614 году, каза-

здѣсь она пашла его, обливавшася кровью. Она приказала снести его, какъ и многихъ другихъ раненыхъ, къ себѣ въ домъ. Бѣднякъ получилъ рану въ голову и, когда наконецъ очнулся, забылъ обо всемъ прошедшемъ. Онъ даже не могъ сказать, кто онъ и откуда. Стана почувствовала жалость къ молодому и красному солдату и заботливо ухаживала за нимъ. Между тѣмъ непріятель удалился. Виргилій, духовныя силы котораго постепенно восстанавлились вмѣстѣ съ физическими, позволилъ Станѣ нѣжно ухаживать за собою. Въ это время пришелъ запросъ отъ Ливіи, дѣйствительно-ли онъ въ Баньялукъ. Имя Ливіи было молніей прорѣзавшей потемки, окружавшія его память. Онъ вспомнилъ все, все бросилъ и помычался на родину. Но уже было поздно... Разумъ его помутился. Онъ все воображаетъ, что именно въ Троицкій день найдетъ погубленную имъ душу Ливіи, тамъ, гдѣ убилась эта бѣдная дѣвушка.

Мы молча поднялись. Могучая природа утратила свое очарованіе при рассказѣ объ ужасахъ происшедшихъ на лонѣ ея. Тихо и задумчиво двинулись мы въ путь. (в. к.)

камъ было пожаловано все теченіе рѣки Урала, отъ устья рѣки Илека до впаденія въ Каспійское море—со всѣми притоками и съ правомъ ловить рыбу и добывать соль въ солиныхъ озерахъ. Цѣня службу казаковъ Московское правительство приказывало воеводамъ, которыхъ къ казакамъ отпращивало—чтобы они самые выговоры свои "покрывали гладью"; а многихъ рѣчей съ казаками не заводили, чтобы ихъ не ожесточить". Но такъ какъ Яицкіе казаки, не смотря на частые походы и войны, все же находили время и возможность пускаться отъ времени до времени въ удалые морскіе походы и грабить персидскія побережья, то для сдерживанія этой излишней казацкой удалы, Московское правительство рѣшилось въ устьѣ Яика построить укрѣпленный городокъ, который прозванъ былъ сначала Яицкимъ-городкомъ, а впоследствии Гурьевымъ-городкомъ, по имени основателя.

Къ сожалѣнію, дѣйствія лицъ назначенныхъ правительствомъ для непосредственныхъ сношеній съ Яицкими казаками не всегда оказывались осторожными и далеко не всегда справедливыми и безкорыстными. Этимъ отчасти объясняется участіе Яицкихъ казаковъ въ Разинскомъ бунтѣ, замутившемъ "славный тихій Донъ" и все Поволжье и дальній Востокъ Московскаго государства.

Изъ событийъ исторіи Яицкаго казачьяго войска въ царствованіе Петра Великаго слѣдуетъ отмѣтить, во-первыхъ, походъ Яицкихъ казаковъ въ Хиву, въ отрядѣ Черкаскаго; во-вторыхъ, переносъ казаковъ, пропавшую въ 1723 году; въ-третьихъ, утвержденіе выборнаго атамана высшею правительственною властью.

Съ этого времени, въ Яицкомъ войскѣ, послѣ назначенія атамановъ пожизненно, возникла партія старшинъ и зажиточныхъ казаковъ. "Въ теченіе 50-ти лѣтъ",—такъ говоритъ безпристрастный историкъ Уральскаго войска,—"на Яикѣ идетъ борьба двухъ партій, ожесточенная и непрерывная". Правительство неоднократно пыталось прекратить эту борьбу, но тѣ лица, которыхъ оно туда посылало, принимали постоянно сторону старшинъ, и это вело къ новымъ недоразумѣніямъ. Эти недоразумѣнія, по свидѣтельству историка, еще увеличивались "взяточничествомъ, развитымъ въ неслыханныхъ размѣрахъ во всѣхъ слояхъ администраціи, дикимъ произволомъ властей, наглымъ пресрѣніемъ къ справедливости, явнымъ неуваженіемъ къ закону". Борьба партій на Яикѣ, въ связи съ приливомъ старообрядцевъ, убѣгавшихъ на Уралъ, съ опасеніемъ введенія регулярныхъ порядковъ въ Яицкомъ войскѣ, подготовили мало-по-малу почву для Пугачевского бунта, который на время охватилъ Приволжскій и Оренбургскій край*). Послѣ усмиренія бунта, который продолжался почти три года, приказано было рѣку Яикъ переименовать въ Уралъ, а Яицкое войско называть Уральскимъ казачьимъ войскомъ. Назначеніе атамана предоставлено исключительно Высочайшей волѣ. Въ 1782 г. Уральское казачье войско въ административномъ отношеніи отчислено къ Астраханской губерніи, хотя въ военномъ отношеніи было подчинено вновь учрежденному губернаторству Уфимскому и Самарскому.

Постоянное участіе Уральцевъ въ нашемъ непрерывномъ движеніи внутри Азіи и во всѣхъ войнахъ Россіи съ ея врагами было своевременно награждаемо различными новыми отличіями, наградами и льготами. Такъ, въ 1798 году учреждена одна лейбъ-гвардіи сотня Уральцевъ, обязанная въ теченіе трехъ лѣтъ нести службу въ С.-Петербургѣ. Чрезвычайно любопытно то, что въ ту пору у этой сотни еще не было однообразной формы одежды и вооруженія, которое стало вводиться въ войскѣ Уральскомъ не ранѣе 1803 года и окончательно было введено уже только при императорѣ Николаѣ I въ 30-хъ годахъ.

Въ царствованіе императора Александра II положенія о

* Хороскини, "Казачья войска", 1881, стр. 35—36.

казацких войскахъ были подвергнуты полному пересмотру и разработка новыхъ положеній возложена на особый комитетъ, учрежденный изъ депутатовъ отъ казацкихъ войскъ. Къ этимъ депутатамъ самъ императоръ 5 ноября 1888 г. обратился со слѣдующими незабвенными словами:

„Я желаю, чтобы казацки войска, оказавшія столько незабвенныхъ заслугъ отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе; твердо надѣюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажутъ себя такими же молодцами, какими были всегда. Но я, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаю, чтобы въ устройствѣ казацкихъ войскъ военное ихъ значеніе было, сколько возможно, согласовано съ выгодами гражданскаго быта и хозяйственнаго благосостоянія“.

Въ этихъ словахъ заключалась цѣлая программа новой и болѣе целесообразной организаціи, по которой казачество должно было въ значительной степени отказаться отъ своей обособленности и во всемъ, что не касалось сеговоенной жизни, тѣснѣе слиться съ остальными мирными гражданами Имперіи.

Блестательнымъ доказательствомъ Высочайшей милости и благоклоннаго вниманія Государя Императора къ Уральскому казачьему войску было состоявшееся нынѣ посѣщеніе Уральска Государемъ Наслѣдникомъ, Атаманомъ всѣхъ казацкихъ войскъ. Посѣщеніе это совпало съ празднованіемъ 300-лѣтняго юбилея Уральского казачьяго войска, и это празднованіе, столь оградно ознаменованное присутствіемъ Его Императорскаго Высочества, сопровождалось такими изъявленіями восторга, выражалось такимъ единодушнымъ порывомъ върноподданническихъ чувствъ, который навѣки запечатлѣется въ сердцахъ всѣхъ уральцевъ. Невозможно передать всѣ тѣ гордіячія паліянія, которыми сопровождалась всюду встрѣчи Его Высочества на землѣ Уральского войска; невозможно и перечислить все то, что придумано и приутовлено было всюду добродушными уральцами для встрѣчи Его Высочества. На стр. 833 нами помѣщено изображение одного изъ транспарантовъ съ двумя громадными фигурами уральскихъ казаковъ и съ гербомъ Уральского войска посрединѣ; а на стр. 840 вышншаго № *Нивы* изображена одна изъ триумфальныхъ арочекъ, воздвигнутыхъ по поводу пріѣзда Наслѣдника Цесаревича. Самый юбилей 300-лѣтія сопровождался двумя пріенонамитными событіями: освещеніемъ вновь пожалованныхъ девяти полковыхъ знаменъ (рис. на стр. 836) и закладкою новаго войсковаго храма (рис.

на стр. 837). Послѣ торжественнаго богослуженія, совершеннаго пресвященнымъ Макаріемъ въ древнемъ Михайловскомъ соборѣ, состоялся войсковою кругъ; приступлено было къ освященію знаменъ, которыя и были послѣ того вручены Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ полковнымъ командирамъ. Затѣмъ наказный атаманъ прочелъ Высочайшую грамоту Уральскому казачьему войску, коею Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловалъ войску на дарованное уже (6 мая 1884 г.) войсковое Георгіевское знамя — новую Александровскую юбилейную ленту съ надписями на ней: „Въ

память трехсотлѣтняго существованія Уральского казачьяго войска“ и на бантѣ: „1891“. Кроме того, Государю Императору благоудно было призвать „за благо сохранить за Уральскимъ казачьимъ войскомъ и на будущее время существующій нынѣ въ этомъ войскѣ порядокъ пользованія для рыболовства рѣкою Ураломъ“. Чтеніе грамоты было покрыто громовымъ ура! Затѣмъ началось торжественное шествіе войсковаго круга и духовной процессіи къ мѣсту закладки новаго собора, по совершеніи коей, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ предложилъ войску обѣдъ на красиво убранной полянѣ на берегу Урала, близъ Ханской рощи.

Въ настоящее время, многочисленное по составу Уральское казачье войско, въ которомъ во великое время состоитъ налицо казаковъ, могущихъ быть вызванными на службу во 2-ю и 3-ю очередь, слишкомъ 8,000 человекъ, а лошадей, годныхъ къ службѣ, болѣе 32,000 головъ, — представляетъ собою

одну изъ органическихъ частей могущественнаго Россійскаго государства *). Уральскіе казаки — не исключительно военное сословіе: это важная промышленная сила. Уральцы — народъ трудолюбивый, дѣловой, смѣливый. Кошеводство и скотоводство процвѣтаютъ въ приуральскихъ мѣстностяхъ. Соляной промыселъ, составляющій немаловажную статью дохода Уральцевъ, также сильно развитъ. Но важнѣйшею основою благосостоянія Уральского казачьяго войска является, безъ сомнѣнія, рыбный промыселъ, подчиненный, по особымъ обычаямъ казачьяго войска, строжайшимъ правиламъ и устроенный чрезвычайно разумно и толково. Доходъ войска отъ рыболовства простирается отъ 1,250,000 до 1,800,000 рублей. При этомъ и цифры добычи рыбнаго промысла (по свѣдѣніямъ 1870 г.) болѣе чѣмъ внушительны; въ годовой уловъ Ураль-

*) Число всѣхъ казаковъ, готовыхъ къ выводу на службу, въ Россіи простирается до 208,000 человекъ при 255,000 лошадей.

300-лѣтній юбилей Уральского казачьяго войска. Уральскіе казаки царствованія Александра II.
Рис. Виола, грав. Саржанъ.

цы добывают до 72,000 пудов красной рыбы; до 1.100,000 пуд. остальной; производят до 35,000 пуд. пшры и до 4,000 пуд. балыка. На стр. 848 вышшняго № *Нивы* мы дали въ картинѣ различные костюмы Уральскихъ казаковъ прошлаго царствованія, а на стр. 841—современные.

Лѣтопись геройскихъ подвиговъ Уральского казачьяго войска очень обширна и краснорѣчива. Мы не станемъ касаться ея страницъ, засвидѣствованныхъ недавнимъ Всемилюстивѣйшимъ манифестомъ и многими высокопочетными отличіями, дарованными Уральскому войску. Напомнимъ только, что во время послѣдней войны Уральцамъ выпала на долю весьма видная, почти выдающаяся, роль при переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай. Известные своимъ навыкомъ къ водѣ и своею чрезвычайною смѣлостью и удалью въ управленіи легкими рѣчными судами, они и на Дунаѣ были поставлены во главѣ этого дѣла и запечатлѣли своею кровью преданность Престолу и Отечеству.

Къ рисункамъ.

Въ теплый край!..

(Рис. на стр. 844).
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ,
И туманъ, и непогоди
Осень поздняя несетъ...

Людамъ скучно, людамъ
горе,—
Птичка въ дальнія
страны,
Въ теплый край, за синее
море,
Улетаетъ до весны.

Фруктовый рынокъ на Щукинскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 845).
Съ концомъ лѣта, порою соврѣваніи фруктовъ, совпадаетъ кипучая дѣятельность одного изъ уголковъ сѣверной столицы, изображеннаго на нашемъ рисункѣ талантливымъ художникомъ-обозрвателемъ Петербурга, г. Бродлингомъ. Это фруктовый рынокъ на Щукинскомъ дворѣ, что на Большой Садовой—центръ оптовой торговли всевозможными плодами, откуда запасаются ими всѣ рестораны, большая часть фруктовыхъ магазиновъ, развозчики и расчетливыя хозяйки—изъ первыхъ рукъ, то-есть покупая значительно дешевле, нежели въ другихъ мѣстахъ. Передъ нами такъ-называемый фруктовый рядъ—два длинныхъ балаганобразныхъ зданія съ веренищами лавокъ, передъ которыми даже на панели навалены груды арбузовъ, дынь, грушъ и проч. Громадныя корзины уложенныхъ въ солому яблочъ перетаскиваются носильщиками изъ лавокъ на воза ломовыхъ извозчиковъ. Сотни самыхъ разнообразныхъ покупателей тѣнятся въ проходѣ, на перебой зазываемые хозяевами лавокъ. Тучи голубей, находящихъ здѣсь обильную пищу, ютятся по крышкамъ.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Георгиевна († 12 сентября 1891 г.).

(Портр. на этой стр.).

Безвременно почившая Великая Княгиня, правнучка императора Николая, внука короля Датскаго Христиана, дочь Августѣйшаго брата Государыни Императрицы—короля Эллиновъ Георга I и королевы Эллиновъ Ольги Константиновны, дочери Великаго Князя Константина Николаевича, родилась въ Корфу 18 августа 1870 г. Въ Греціи царевна Александра Георгиевна была любимицей единовѣрнаго намъ народа. Отъ первыхъ дней тамъ знали и любили ее, и нынѣ, наравнѣ съ Россіей, вся Греція оплакиваетъ утрату. Усопшей Великой Княгинѣ пред-

назначалось самою судьбою—послѣ своей Августѣйшей матери сдѣлаться вторымъ зеномъ, которое еще болѣе скрѣпило бы родственныя и религіозныя узы соединяющія Россію съ Эллинскимъ народомъ. 4 іюля 1889 г. Великая Княгиня Александра Георгиевна вышла замужъ за Великаго Князя Павла Александровича. Въ памяти всѣхъ еще свѣжи свѣтлые, радостные дни, когда Августѣйшая невеста, блистая молодостью и красотой, впервые вступила на Русскую землю. Отъ этого брака 6 апрѣля 1890 года родилась дочь Марія Павловна, а 6 сентября настоящаго года—сынъ Димитрій Павловичъ—въ подмосковномъ селѣ Ильинскомъ, гдѣ Великая Княгиня съ супругомъ гостила у Е. И. В. Вел. Кн. Сергія Александровича. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Россія была опечалена вѣстью о тяжеломъ недугѣ Великой Княгини, — тяжелой форма эклампсін — который съ каждымъ днемъ принималъ все болѣе опасное теченіе. Ни

молодость Августѣйшей страдалницы, ни успія врачей не въ состояніи были отвратить роковаго исхода, увлекшаго въ могилу во цвѣтѣ лѣтъ супругу Е. И. В. Великаго Князя Павла Александровича, повергнувъ въ глубокое горе ея родныхъ, которымъ не дано было даже утѣшенія проститься съ царственною мученицею.

Послѣ тихаго уединенія въ Ильинскомъ, гдѣ лишь рѣдкіе посѣтители дерзали выраженіемъ соболѣзнованія своего нарушать сосредоточенную, немѣримо-глубокую скорбь, послѣ взрывовъ неподдѣльнаго чувства горести народныхъ массъ въ Москвѣ, печальный кортежъ съ тѣломъ Великой Княгини прибылъ въ Петербургъ. 17 сентября въ императорскія комнаты Николаевскаго вокзала къ 10 часамъ утра стали съѣзжаться особы Императорской фамиліи. Въ десять часовъ утра прибылъ на станцію Николаевской желѣзной дороги Императорскій поѣздъ, къ которому былъ прицѣленъ траурный вагонъ. Лишь только поѣздъ этотъ вдалеки по-

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Георгиевна († 12 сентября 1891 г.). Съ фот. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

казался, на дебаркадеръ изъ царскихъ комнатъ вышли Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ супругою Великою Княгинею Марією Павловною, Алексѣй Александровичъ, Константинъ Константиновичъ съ супругою Великою Княгинею Елисаветою Маврикіевною, Великая Княгиня Вѣра Константиновна съ дочерьми—принцессами Эльзою и Ольгою Вюртембергскими; Великіе Князья: Николай Николаевичъ, Николай Михайловичъ, Георгій Михайловичъ, Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій съ супругою Принцессою Евгенією Максимиліановною и Герцогъ Михаилъ Георгиевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій, а также духовенство. На поѣздъ прибыли Ихъ Императорскія Высочества съ Августѣйшими дѣтьми, Король и Королева Эллиновъ, и прочія Высокія Особы, сопровождавшія тѣло въ Бозѣ почившей Великой Княгини изъ Москвы. Когда поѣздъ остановился, въ вагонъ вошелъ митрополитъ Исидоръ Новгородскій, Петербургскій и Финляндскій, съ духовенствомъ, и совершилъ установленную литію. По окончаніи литіи, четыре камергера двора Его Императорскаго Величества сняли съ гроба покровъ, а Государь Императоръ, король Эллиновъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, принцъ Вальдемаръ Датскій, королевичъ Георгъ Греческій, Великій Князь Павелъ Александровичъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и прочія особы Императорской фамиліи приняли изъ вагона гробъ, для перевесенія его на печальную колесницу. Когда изъ вагона показался гробъ, почетный караулъ отъ л.-гв. Павловскаго полка, выставленный у вокзала со знаменемъ и хоромъ музыки, всталъ на караулъ и музыка заиграла „Коль славенъ Нашъ Господь въ Сіонѣ“. По установкѣ гроба

съ останками въ Бояѣ почившей Великой Книгини, онъ былъ покрытъ великокняжескимъ покровомъ. Государь Императоръ, король Эллиновъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья и иностранные принцы и прочія особы Императорской фамилии пошли за колесницею, а Государыня Императрица съ королевою Эллиновъ, Великой Княжной Ксении Александровны и Греческой королевой Маріей и прочими Великими Книгинями сѣли въ траурныя кареты и процессія тронулась въ путь по Невскому и Интеиному проспектамъ, Гагаринской и Дворцовой набережнымъ, черезъ Троицкій мостъ и площадь, въ Петропавловскую крѣпость, черезъ Иоанновскія ворота. 18 сентября происходило погребеніе.

И. А. Гончаровъ. (Портр. на стр. 852).

(Некрологъ).

15 сентября скончался отъ воспаления легкихъ Иванъ Александровичъ Гончаровъ, одинъ изъ послѣднихъ представителей знаменитой русской литературной школы, возникшей подъ вліяніемъ Пушкина и Гоголя. Обстоятельства личной жизни покойнаго сложились необыкновенно счастливо для плодотворнаго развитія въ немъ высокихъ природныхъ дарованій. Онъ родился 6 іюля 1812 года въ богатой купеческой семьѣ; но трехъ лѣтъ потерялъ отца и росъ подъ вліяніемъ любящей матери и своего крестнаго отца, отставнаго моряка, живо заинтересованнаго ребенка разсказами о далекихъ странахъ и заманчивыхъ путешествіяхъ. И рядомъ съ любознательностью, въ ребенкѣ тогда уже закралась мечта нѣкогда и самому совершить путешествіе. Первоначальное образованіе Гончаровъ получилъ въ небольшомъ домашнемъ пансіонѣ, у священника въ имѣніи княгини Хованской, за Волгой, — человѣка, по тогдашнему времени, весьма образованнаго, жеватаго на французскіе. Здѣсь уже Иванъ Александровичъ имѣлъ возможность хорошо освоиться съ новыми языками и перечиталъ множество книгъ разнообразнаго содержанія изъ домашней бібліотеки священника. Двѣнадцать лѣтъ мальчикъ отвезли въ Москву, въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній, а девятнадцати, въ 1831 г., Гончаровъ поступилъ въ Московскій университетъ по филологическому факультету и слушалъ публичныхъ профессоровъ — Надеждина, Шевырева, Каченовскаго, Сибирева, Погодина и пр. Основательное знакомство съ исторіями западныхъ литературъ давало ему возможность отнестись съ полнымъ пониманіемъ значенія къ совершившейся передъ нимъ дѣятельности Пушкина, и влекло его самого къ литературѣ, и уже на университетской скамьѣ онъ перевелъ появившійся тогда романъ Евгения Сю „Атаръ-Гуль“, который частію и былъ напечатанъ въ 1832 г. въ „Телескопѣ“. Окончивъ въ 1834 г. университетскій курсъ и проведя послѣ того нѣсколько мѣсяцевъ на родинѣ, Гончаровъ поселился въ Петербургѣ и поступилъ на службу въ одинъ изъ департаментовъ министерства Финансовъ, гдѣ, благодаря прекрасному знанію иностранныхъ языковъ, получилъ мѣсто переводчика. Но службѣ онъ не отдалъ всего себя, и всѣ досуги посвящалъ чтенію и изученію иностранныхъ литературъ. Въ то-же время онъ ищетъ сближенія съ литературными кружками, и въ семьѣ художника Н. А. Майкова знакомится съ лучшими представителями тогдашней литературы. Въ началѣ 40-хъ годовъ въ умѣ Гончарова стала складываться планъ перваго большаго романа его. Когда вторая часть еще не была написана, первую передалъ Бѣлинскому, который съ горячимъ одобреніемъ отнесся къ Гончарову и побуждалъ его скорѣе окончить романъ. Въ 1847 году, въ февральской и мартговской книжкахъ „Современника“, перешедшаго тогда отъ Плетнева къ Панаеву и Некрасову, и появилась „Обыкновенная Исторія“. Въ томъ же журналѣ вскорѣ напечатанъ очеркъ „Иванъ Савичъ Поджабринъ“. Оканчивая „Обыкновенную Исторію“, Гончаровъ задумывалъ уже и другой романъ, и въ 1849 году, въ издаваніи при „Современникѣ“ „Литературномъ Сборникѣ съ Иллюстраціями“ появился „Сонъ Обломова“. Въ 1852 году, по приглашенію министра Народнаго Просвѣщенія, А. С. Норова, Гончаровъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе въ качествѣ секретаря при адмиралѣ Путятинѣ, начальникѣ экспедиціи для обозрѣнія русско-американскихъ владѣній и открытія торговыхъ сношеній съ Японіей. Очерки этого двухлѣтняго путешествія, печатавшиеся вначалѣ въ разныхъ журналахъ, въ 1858 году вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Фрегатъ Паллада“. Въ 1855 г. Гончаровъ снова занялъ свое мѣсто въ министерствѣ Финансовъ, но въ слѣдующемъ, по приглашенію министра Норова, принялъ должность цензора, которую четыре года спустя оставилъ, выйдя въ отставку. Но еще на службѣ, въ 1857 году, онъ получилъ отпускъ за-границу, на воды, и въ Маріенбадѣ, въ теченіе 6—7 недѣль, на свободѣ дописалъ „Обломова“, котораго была написана только первая часть, и романъ появился въ 1859 г., въ первыхъ четырехъ книжкахъ „Отеч. Записокъ“. Въ 1862 г. Гончаровъ снова поступилъ на службу — редакторомъ органа министерства Внутреннихъ Дѣлъ „Сыерналъ Почта“, а въ 1863 году назначенъ членомъ совѣта по дѣламъ печати. Послѣ „Обломова“ появились въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ одна за другою три главы изъ готовившагося новаго романа подъ заглавіями: „Софья Николаевна Бѣловодова“, „Портретъ“ и „Бабушка“, а въ 1869 году въ „Вѣстникѣ

Европы“ напечатанъ и весь романъ „Обрывъ“, задуманный почти одновременно съ „Обломовымъ“. Этимъ романомъ оканчивается главнѣйшая литературная дѣятельность Гончарова, и послѣ появляются только парьдка статьи и очерки, высокодаровитые, но не имѣющие такого значенія, какъ романы. Въ 70-хъ годахъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и „Русской Речи“ редакціи Навроцкаго появились „Милліонъ терзаній“ (1872), „Литературный вечеръ“ (1877) и „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ (1879), написаны (1874) для готовившагося сочиненія о Бѣлинскомъ А. И. Пышина „Замѣтки о личности Бѣлинскаго“ (вошедшія прямо въ VIII т. изд. 1884 г.); затѣмъ въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и „Нивѣ“ напечатаны: „Изъ университетскихъ воспоминаній“ (1887) и „Воспоминанія и очерки“ („На родинѣ“) (1888), „Слуги“ (1888) и „Нарушеніе воли“ (1889).

Въ лицѣ И. А. Гончарова сходитъ съ житейской сцены одинъ изъ величайшихъ дѣятелей русской литературы, объективнѣйшій художникъ, произведенія котораго не умрутъ, покуда существуетъ русскій языкъ.

А. Введенскій.

Французская выставка въ Москвѣ. Отдѣлъ бронзы.

(Рис. на стр. 853).

Въ общемъ обзорѣн выставкѣ (см. „Нива“ № 31) мы уже коснулись бронзоваго производства во Франціи. Помѣщая теперь рисунокъ отдѣла бронзы на выставкѣ, скажемъ нѣсколько словъ о его подробностяхъ. Прежде всего бросается въ глаза витрина торговаго дома Барбѣдьенъ (Barbedienne), заслужившаго большую извѣстность и награжденнаго множествомъ медалей на всевозможныхъ выставкахъ. Барбѣдьенъ работаетъ бронзовыя статуи, комнатныя украшенія, столовые приборы и предметы для освѣщенія. Все это дѣлается изъ настоящей бронзы, темной и посеребренной.

Изъ статуй и статуэтокъ отличныхъ по моделямъ первоклассныхъ художниковъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе снимокъ съ группы работы художника Мерсье. Группа эта сдѣлана изъ темной бронзы. Она называется *Quand tème* и изображаетъ Альзасъ въ образѣ мощной, красивой женщины, въ альзасскомъ костюмѣ, поддерживающей раненаго солдата. Кромѣ этой группы, недуренъ *Моцартъ* — мальчикъ настраивающій скрипку. Есть прекрасные снимки съ древнихъ художественныхъ произведеній, наиримѣръ, постаментъ для часовъ, *Дѣтъ парки*, снимокъ съ группы находившейся на фронтонѣ Парѣнона и перевезенной оттуда въ Британскій Музей, въ Лондонѣ. У древняго оригинала не хватаетъ головы и конечностей, но группа воспроизведена въ реставрированномъ видѣ по модели художника Клезингера (Clesinger). Хорошъ снимокъ съ древней эгрусской вазы воспроизведенный изъ бронзы. Изъ работъ Мерсье выставлены еще снимокъ съ другой группы его *Gloria victis*. (Оригиналъ принадлежитъ префектурѣ Сенскаго департамента). Слава несетъ побѣжденнаго воина, у котораго въ рукѣ обломокъ меча.

Ядъ витринъ справа кончается около выхода въ центральный садъ витриной *Отто и Шарпантье* (Hottot et Charpentier). Она расположена рядомъ съ витриной Барбѣдьена. Торговый домъ Отто и Шарпантье сравнительно еще молодой. Онъ основанъ въ 1859 году и до сихъ поръ находится подъ управленіемъ своего основателя г. Отто. Специальность его — работы изъ сплава, подѣлка, подъ бронзу и подъ терракотту.

Въ витринѣ выставлены почти исключительно одиѣ статуэтки, блистающія позолотой и яркою окраской пестрыхъ восточныхъ костюмовъ. Въ художественномъ отношеніи работы этой фирмы уступаютъ другимъ, но онѣ красивы по внѣшнему виду, изящны и ласкаютъ глазъ пестротой красокъ. Хороши: *Египтянка на верблюдѣ*, которая должна изображать Клеопатру, *Индійскій жоньеръ*, *Женщина у стола* и нѣсколько головокъ. Выдающимся по исполненію является *Алмазъ*, выставленная въ проходѣ между витринами, и *Психея съ зеркаломъ* изъ посеребренной композиціи — подѣлка подъ бронзу. Зеркало у Психеи настоящее и можетъ прекрасно служить для потребностей туалета. Для композиціи дѣна этой вещи слишкомъ дорога, она назначена въ 1,100 рублей. Недурны *Тамбовщица* и *Двушка играющая на скрипкѣ* — подражаніе терракоттѣ изъ металлической композиціи.

Напротивъ витрины Отто и Шарпантье, съ лѣвой стороны у выхода въ центральный садъ, находится витрина *Тьебо* (Thiebaud-Frères). Торговый домъ Тьебо основанъ въ 1789 г. Это одинъ изъ стариннѣйшихъ представителей бронзовой фабрикаціи во Франціи. Прежде онъ воспроизводилъ исключительно одиѣ статуи и группы, но послѣдніи двадцать лѣтъ занимается также отливкой предметовъ для украшенія комнатъ и для мебелировки. Безспорно имъ выставлены красивѣйшія и лучшія произведенія во всемъ отдѣлѣ художественной бронзы.

Первое, что бросается въ глаза близъ его витрины, это бронзовая копія знаменитаго *Мефистофеля* г. Аутокольскаго, въ величину оригинала; копія сдѣлана хозяевами витрины по заказу г. Аутокольскаго и принадлежитъ самому художнику. Цѣнить онъ ее въ 10,000 руб., не считая провоза и таможенныхъ пошлинъ. Копія эта видна на первомъ планѣ нашего рисунка. Кромѣ „Мефистофеля“ выставлены двѣ группы амуровъ, но

три въ каждой, воспроизведенныя съ оригиналовъ находящихся въ Версали, и множество мелкихъ статуэтокъ, между которыми очень хороша статуэтка Данте. Всѣ эти работы изъ зеленой бронзы.

Но помимо бронзы, Тьебо выставилъ и мраморныя статуи. Изъ нихъ очень хороша *Мадонна съ Младенцемъ* — Густава Доре и *Диана* Фальгера, хотя „Диана“ вѣскольکو массивна.

Изъ предметовъ для мебелировки выставлено замѣчательное зеркало — трехствѣнное раскрывающееся. Рамка къ нему сдѣлана отъ руки изъ кованаго жѣлѣза и ковальной мѣди, и поразительна по своему изиществу и тонкости работы, съ которою исполнены всѣ детали, цвѣты, листья и украшения. Пре-

лестны также жардиньерки въ стилѣ Луввика XVI изъ бронзы и особеннаго, недавно открытаго, тонкинскаго мрамора. Мраморъ съ сѣрыми прожилками очень краснаго рисунка. Вся бронза этихъ массивныхъ жардиньерокъ вызолочена. Вещи эти очень хороши, но и цѣна недурная. Пара стоитъ 10,000 франковъ безъ стоимости пошлннъ и провоза, которая еще въ точности не опредѣлена. Образцовою работою отличается массивный фонтанъ. Чаша и доска съ крапомъ для водной струи вмѣстѣ со всѣми украшениями состоятъ изъ двухъ кусковъ, каждый изъ нихъ огранъ сразу и составныхъ частей не имѣетъ. Отливка такихъ сложныхъ вещей очень затруднительна и въ этомъ отношенн работа достойна вниманн.

Политическое обозрѣнн.

Вслѣдъ за эрфуртскою рѣчью Германскаго императора, вызвавшею вѣкоторое волненн среди боязливыхъ любителей мира, появилось въ Страсбургѣ правительственное распоряженн, подлежащее провозвсти противоположное вначалѣнн. По этому распоряженн, начиная съ 1 октября текущаго года, охранительныя правила относительно паспортовъ будутъ примѣняемы лишь къ состоящимъ на дѣйствительной службѣ военнымъ, къ отставнымъ офицерамъ и къ лицамъ, уклонившимся отъ исполненн воинской повинности въ Германн. Мѣра эта произвела благоприятное впечатлѣнн. По мнѣнню *Republique Francaise*, послѣ эрфуртской рѣчи, она доказываетъ, что Вильгельмъ II, услышавъ осуждающнй его голосъ Европы, отрекся отъ своей рѣчи. *Temps* видитъ въ отменѣ паспортовъ въ Эльзасъ-Лотарингн не только миролюбивую, но и примирительную мѣру. Газета приговаривается, что такое распоряженн будетъ прнвѣтствовано въ Эльзасѣ съ чувствомъ безконечнаго облегченн, а во Францн оно будетъ встрѣчено благоприятно. Нѣскольکو иначе отнѣняются германское распоряженн нѣмецкн газеты. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* замѣчаетъ, что прнннате этой мѣры именно теперь, когда въ другомъ мѣстѣ господствуетъ первое настроенн, свидѣтельствуемъ, что германскн руководящн круги исполнены сознанн безопасности. Будемъ надѣяться, что правительственное распоряженн въ Эльзасъ-Лотарингн дѣйствительно не имѣетъ задорнаго характера, а вначушено дѣйствительно миролюбивыми желаннми. Иначе становятся страшными слова германскаго канцлера Капривн, произнесенныя имъ на коммершѣ чиновъ 78 полка. Провозглашая гостъ за императора, канцлеръ сказалъ: „Всѣ помыслы императора направлены къ сохраненн мира. Въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшаго основанн сомнѣваться въ томъ, что миръ дѣйствительно будетъ сохраненъ: политическнй горизонтъ не омраченъ ни единою тучей“. Бесѣдуя въ томъ же городѣ съ мѣстнымъ бургомистромъ, имперскнй канцлеръ высказался въ томъ-же смыслѣ и заявилъ, что опасенн насчетъ прочнотн нынѣшняго положенн дѣлъ лишены основанн. „Никто изъ правителей, сказалъ канцлеръ, — не имѣетъ желанн нарушнть миръ и вызывать европейскую войну. Составившеся въ послѣднее время сближенн между нѣкоторыми государствами тоже не даетъ основанн къ опасеннмъ и является лишь проявленнмъ бывшихъ и ранѣе отношенн. Скольکو я могу суднть, ни одно изъ европейскихъ правительствъ не захочетъ войны, которая, по страданнмъ и другимъ послѣдствнмъ, превзойдетъ всѣ прежнн войны“.

Не меньшимъ миролюбнмъ вѣдетъ отъ рѣчи, которую произнесъ въ Банонѣ французскнй министръ иностранныхъ дѣлъ Рибо, по поводу открытн статуи генерала Федѣрба. Указавъ на военныхъ добродѣтели, примѣры которыхъ данъ былъ Федѣрбомъ, ораторъ сказалъ, что добродѣтели эти можно видѣть и теперь въ армн и флотѣ. Затѣмъ онъ упомянулъ о недавнихъ послѣдствнхъ Европы французскнмъ флотомъ. „Послѣ нѣкотораго времени неопредѣленности, сказалъ Рибо, — Европа отдала намъ, наконецъ, снраведлнвостъ. Предусмотрительный и, по-

добно намъ, твердый въ своихъ мирныхъ предначертаннхъ Государь открыто засвидѣтельствовалъ глубокое сочувствн, которое соединяетъ Его страну съ нашею“. Слова эти были сопровождены бурными рукоплесканнми и клнками: „Да здравствуетъ Русскнй Царь! Да здравствуетъ Францн! Да здравствуетъ Россн!“ „Русскнй народъ, продолжалъ дабе министръ, — слнлся со своимъ Императоромъ въ заявленн искренней дружбы къ намъ. Вамъ известно, какую взаимность встрѣтили эти чувства у насъ; кронштадтскн событн нашли отголосокъ даже въ глуши нашихъ самыхъ мелкихъ сель. Все это, однако, не заставило насъ забыть ни того, что было раньше, ни того, что произошло потомъ. Всюду, гдѣ побывали наши моряки, имя Францн встрѣчало уваженн и еще большую любовь. Въ Даннн, Швецнн и Норвегнн имъ оказаны были самыя трогательныя манифестацн. Наконецъ въ Портсмутѣ, гдѣ сама королева произвела имъ смотръ, ихъ ожидалъ самый внимательный, самый радущнй прнемъ. Весь мнръ получилъ впечатлѣнн, которое не изгладится. Изъ этого содалось для насъ новое положенн, что, однако, еще не значитъ, чтобы намъ слѣдовало усвоивать новую политнку: та политнка, которой мы держимся, слишкомъ благоприятна для того, чтобы мы отказались отъ нея въ тотъ самый день, когда ея цѣнность стала для всѣхъ очевидна, и когда мы начинаемъ пожннать ея плоды“.

Инаго свойства получаютъ нвѣстня съ дальняго Востока. Телеграмма изъ Шанхая въ *New-York-Herald*, сообщенная англнйскимъ газетамъ, извѣщаетъ, что положенн дѣлъ въ Кнтѣ все ухудшается. Не подлежатъ сомнѣнню, что кнтаяскн тайныя общества ведутъ агитацню систематически и велчески стараются возбуднть фанатическую и невѣжественную кнтаяскую чернь противъ иностранцевъ. Должна Япъ-Цзе-Кванга буквально наводнена возмущительными прокламацнми. Вушангъ, Ханькоу и Шункингъ готовятся къ возстанню. Все это вызываетъ сильное волненн среди иностранцевъ. Иностранцы военные суда сосредоточены въ Шанхаѣ, которому также грозитъ опасность. Три военныхъ судна ушли въ Вушангъ. Французскнй посланнкъ Лемаръ уѣхалъ въ Пекинъ. Вслѣдствн такого положенн дѣлъ между Соединенными Штатами, Великобританнй, Францнй и Германнй состоялось соглашенн въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ неисполненн Кнтаяемъ требованн объ охранѣ иностранцевъ, державы эти начнутъ противъ него совмѣстны дѣйствня. Если произойдутъ дальнѣйшн наснлня или какн бы то ни было безпорядки, то военные суда каждаго изъ названныхъ государствъ будутъ охранять подданныхъ, консульства и свои интересы; въ случаѣ надобности будутъ произведены морскн демонстрацн.

18 сентября телеграфъ прннесъ нвѣстн, что генералъ Буланже лишилъ себя жизни на могилѣ г-жи Бонмвѣт, выстрѣлнвъ себѣ въ ухо изъ револьвера. Смерть его послѣдовала мгновенно.

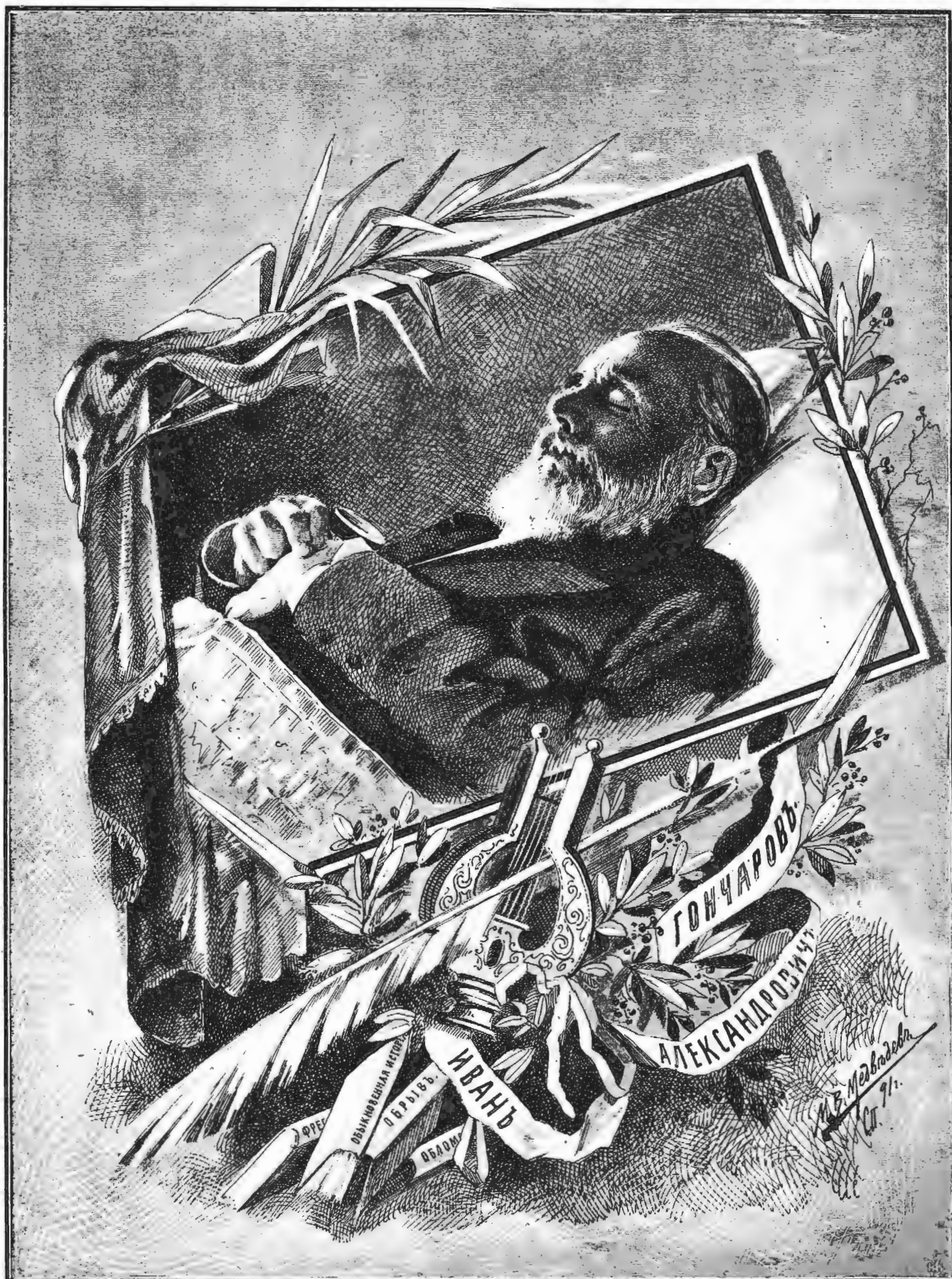
За нѣскольکو дней до этого событн лишилъ себя жизни генералъ Вальмасада, виновнкъ послѣдняго чилнйскаго возстанн.

С м ѣ с ѣ .

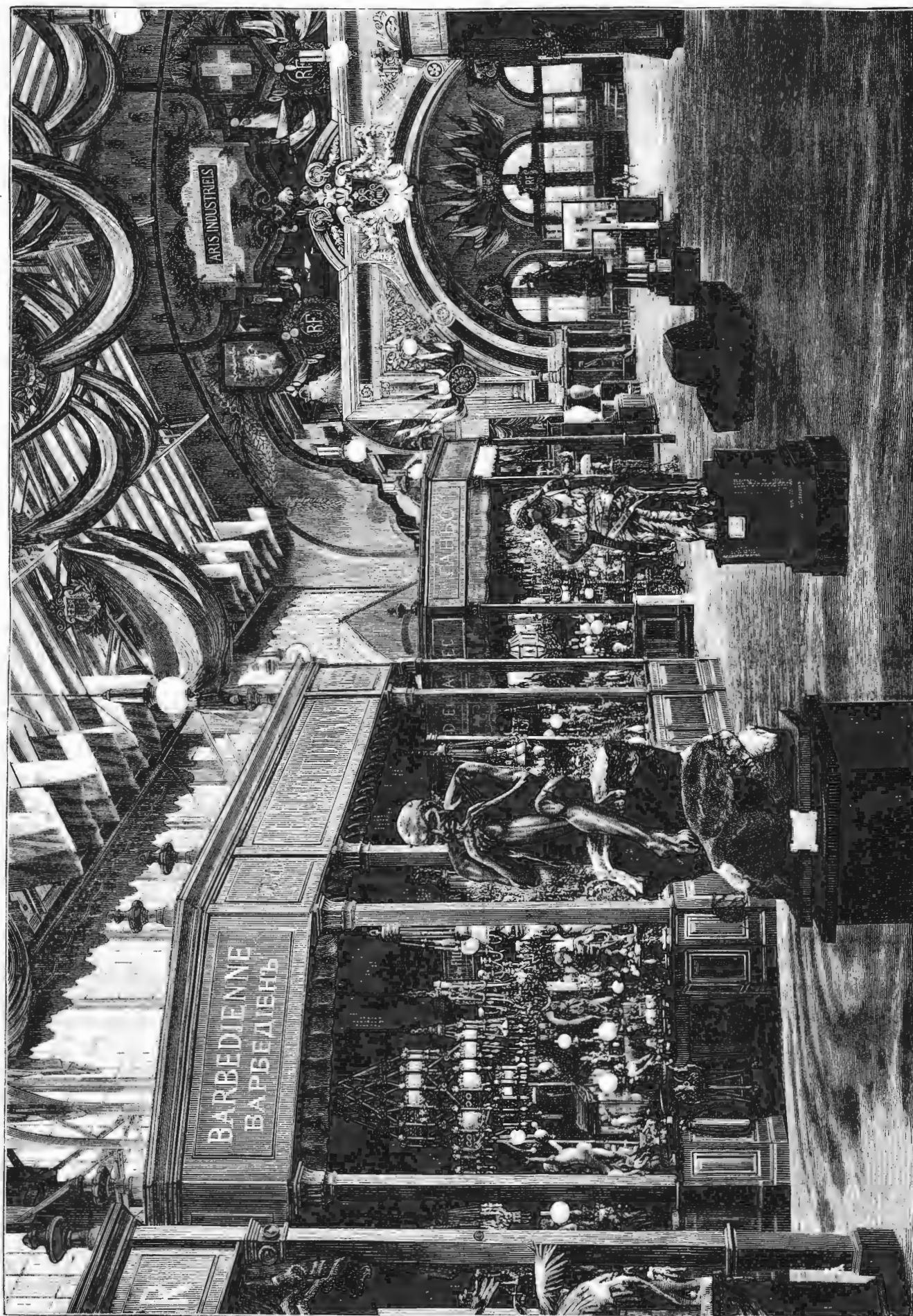
Притворная расточительность. Андрей Дорн, извѣстнй морской герой и дожъ Генуи, фигурирующн у Шиллера въ его „Фиско“, былъ могущественнымъ влестелнмомъ, пользовался царскимъ почетомъ отъ своихъ согражданъ и былъ ими любимъ, какъ отецъ. До насъ дошелъ одинъ въ высшей степени своеобразный эпизодъ изъ его жизни, характеризующнй, вмѣстѣ съ тѣмъ, эпоху. Эгогъ властитель при одномъ случаѣ съумѣлъ соединнть проявленн большою пышности съ бережлнвостью настоящаго отца своихъ подданныхъ. Въ его генуэзскомъ палаццо, еще теперь возбуждающемъ восхищенн, оставался однажды императоръ Карлъ V. Чтобы достойно прнннть высокаго гостя, Дорн приказалъ соединнть его комнаты съ нѣкоторыми галереями въ гавани посредствомъ деревянныхъ переходовъ, и когда по нимъ переносили во дворецъ серебряную и золотую посуду, употреблявшуюся для угощенн императора на одной изъ галеръ, онъ приказалъ побросать ее въ море, чтобы никто болѣе ею не пользовался. Втихомолку же онъ заранѣе позаботился о томъ, чтобы на нѣскольکو футовъ глубнны

подъ водою были растянуты сѣти, съ помощью которыхъ драгоценности были потомъ выловлены. Подобныя мелнцы выставн роскоши, повидимому, соответствовали привычкамъ и вкусамъ того времени — „были въ модѣ“; по крайней мѣрѣ, Карлъ V, по словамъ современника, — „былъ весьма изумленъ богатствомъ дожа“. (в.)

Бережлнвостъ. Англнйскн государственный дѣятель, лордъ Джонъ Россель († 19 августа 1792 г.), отличался бережлнвостью, доходившею до самой мелочной скуности. Онъ имѣлъ даровое мѣсто въ Друрнлнскомъ театрѣ и потому бывалъ тамъ ежедневно. Въмѣсто того, чтобы отдавать свое верхнее платье на храненн въ гардеробъ, уплачивая за это какую-нибудь мелочь, онъ регулярно закладывалъ его за одинъ шиллннгъ въ ломбардъ, недалеко отъ театра; это ему стоило, по выкупѣ платья тотчасъ же послѣ спектакля, только полъ-пенни процента, стало-быть какъ-разъ на половину меньше того, что нужно было платить сторожу при гардеробѣ. (в.)

И. А. Гончаровъ на смертномъ одрѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) М. Медвѣдова, автогипсія Демчинскаго.

Французская выставка въ Москвѣ. Отдѣль бронзь. Сь фот. Мебіуса, грав. Рашевскій.

Дерева-карлики в Китаѣ представляют диковинку тамошняго искусства садоводства. Подобно тому, как посредством стигиванія въ дѣтскомъ возрастѣ женскихъ ногъ кигайцы останавливаютъ ихъ ростъ, точно такъ же они получаютъ миниатюрные дубы, каштаны, сосны и кедры, выращивая ихъ въ цѣпочныхъ горшкахъ. Эти деревья часто достигаютъ пятидесятилѣтняго возраста, имѣя въ вышину менѣе одного фута. Для достиженія такого результата

китайскій садовникъ беретъ молодое растеніе и обрѣзаетъ у него корневище; потомъ, посадивъ растеніе въ небольшой ящикъ или цѣпочный горшокъ, наполненный хорошею землею, усердно его поливаетъ, а при слишкомъ быстромъ ростѣ — обкапываетъ и, кромѣ того, обрываетъ у него по нѣскольку корешковъ. Съ каждымъ годомъ листья вырастаютъ меньше, и дерево-карликъ становится прелестною игрушкой. (в.)

Отъ главной конторы редакціи журнала „НИВА“.

Въ виду предстоящей разсылки при №. 41 журнала „Нива“ преміи

„АЛЬБОМЪ „НИВЫ“ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ“

Главная контора редакціи этого журнала покорнѣйше проситъ тѣхъ гг. подписчиковъ, которые получаютъ журналъ „Нива“ не непосредственно изъ почтово-телеграфныхъ и почтовыхъ учреждений, а по земской почтѣ чрезъ земскія управы, волостныя правленія или инымъ путемъ, а также чрезъ посредство довѣренныхъ лицъ, озаботиться, чтобы премія была имъ доставлена этими лицами и учреждениями своевременно и въ надлежащемъ видѣ, такъ какъ почтово-телеграфныя и почтовые учреждения, сдавъ по принадлежности ими полученное, дальнѣйшей ответственности на себя не принимаютъ. Равнымъ образомъ Контора проситъ гг. подписчиковъ журнала „Нива“, получающихъ свою корреспонденцію на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений, войти по сему въ сношеніе съ лицами завѣдывающими этими станціями.

Въ Конторѣ журнала „Нива“ (Невскій, 6) поступили въ продажу

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМИИ „НИВЫ“ 1891 ГОДА, ДЕСЯТИ АКВАРЕЛЕЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Многочисленные запросы со стороны Г.г. подписчиковъ о томъ, могутъ-ли они получить рамы для акварелей „Художественнаго Альбома“, побудили насъ изготовить большую партію багетныхъ рамъ, сдѣланныхъ подъ орѣхъ, съ лѣпыми украшениями, золотымъ ободкомъ и со стекломъ. Въ каждую раму вставленъ картонъ на которомъ должна быть укрѣплена картина, такъ что всякій можетъ вставить картину самъ, не прибѣгая къ помощи перенлетчика.

Вслѣдствіе громаднаго количества заказанныхъ нами рамъ, мы можемъ предложить ихъ Г.г. подписчикамъ по весьма недорогой цѣнѣ, а именно:

Для Г.г. городскихъ подписчиковъ по 1 р. 25 к. за раму со стекломъ. Покупающимъ не менѣе 5 рамъ, онѣ уступаются за 5 р. 50 коп., а при покупкѣ не менѣе 10 рамъ — за 10 р. 50 коп.

Г.г. многогороднымъ подписчикамъ рамы высылаются со вставленнымъ картономъ, но безъ стеколъ, вслѣдствіе того, что не смотря на тщательную упаковку, стекла въ дорогѣ легко могутъ разбиться.

Г.г. московскіе подписчики благоволятъ обращаться за рамами въ контору Н. Н. Печниковой (Петровскія линіи), гдѣ онѣ продаются (безъ стеколъ) по 1 р. 15 к. за раму. Покупающимъ не менѣе 5 рамъ, таковыя уступаются за 5 р. 25 к., а при покупкѣ 10 рамъ — за 9 р. 75 коп.

Требованія Г.г. многогородныхъ исполняются лишь при условіи выиски не менѣе пяти рамъ — одновременно. Цѣна за 5 рамъ (со вставленнымъ картономъ и безъ стеколъ), съ ящикомъ и упаковкою 5 рублей, а при выискѣ не менѣе 10 рамъ — 8 р. 50 к., съ ящикомъ и упаковкою.

Рамы будутъ высылаемы по желѣзной дорогѣ или черезъ транспортную контору и стоимость пересылки ихъ будетъ уплачиваться адресатами на мѣстѣ, при полученіи ящика.

„Художественный Альбомъ“ будетъ разосланъ Г.г. подписчикамъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, по покупкѣ рамъ получаютъ его теперь же, т. е. вмѣстѣ съ рамами. Г.г. многогороднымъ подписчикамъ „Альбомъ“ высылается также одновременно съ отпавкою рамъ.

При покупкѣ рамъ Г.г. городекіе и московскіе подписчики благоволятъ предъявлять подписные билеты на „Ниву“, а Г.г. многогородные прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которымъ получается ими „Нива“.

ШАХМАТЫ.

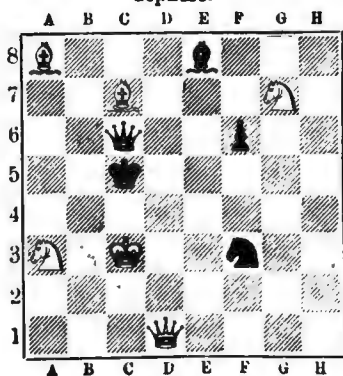
Подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 39.

Н. Максимова (СПБ.)

Посвящается памяти Н. Е. Митропольскаго.

Черные.

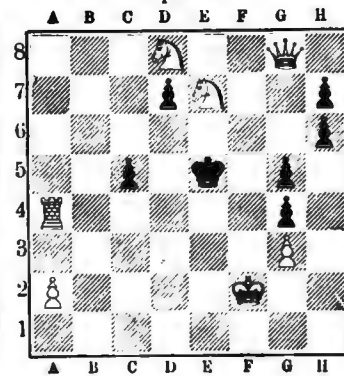
Бѣлые. Мать въ 2 хода.

Задача № 40.

J. Hlipeny.

Первый призъ на 3-мъ конкурсѣ задачъ чешскихъ композиторовъ.

Черные.

Бѣлые. Мать въ 3 хода.

Въ августѣ мѣсяцъ сего года состоялся въ Прагѣ третій съѣздъ чешскихъ любителей шахматной игры. Въ турнирѣ приняли участіе 7 игроковъ. Первый призъ получилъ *Jan Klicala (Cicala)*. На конкурсѣ задачъ первый призъ за четырехъ-ходовыя задачи получилъ *L. Cimburk*; за трехъ-ходовыя задачи первый призъ получилъ *J. Hlipeny* (крестынинъ изъ мѣстечка *Chleby*).

ПАРТІЯ № 13.

(14-я партія матча; играна въ Гаваннѣ 29 дек. 1890 г. (10 янв. 1891 г.).

Гамбитъ Эванса.

И. Гунсбергъ. В. Стейницъ.		И. Гунсбергъ. В. Стейницъ.		И. Гунсбергъ. В. Стейницъ.	
Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.
1. e2—e4	e7—e5	12. C. a3—b2 ♀	d7—d5	23. g2—g4!	a7—a5
2. K. g1—f3	K. b8—c6	13. K. b1—c3 ♀	0—0	24. J. f1—g1!	b6—b4? 10)
3. C. f1—c4	C. f8—c5	14. K. c3—e2	K. e7—g6	25. g4—f5	C. e8—f5
4. b2—b4	C. e5—b4	15. ♀. d1—b3	C. b4—a5	26. C. d3—f5	J. f8—f5
5. e2—c3	C. b4—a5	16. K. f3—e1	K. c6—e7	27. J. g1—g6	b4—a3
6. 0—0	♂. d8—f6	17. 12—f4	♂. e6—b6	28. J. g6—e6? 11)	K. e7—c6
7. d2—d4	h7—h6 1)	18. C. b2—a3! ♀	f7—f5	29. ♀. c2—f5	K. c6—d4
8. C. e4—b5 2)	K. g8—e7	19. ♀. b4—a4	c7—c6	30. K. e2—d4	C. b6—d4
9. C. c1—a3	e5—d4 3)	20. C. b5—d3	♂. b6—d8	31. ♀. f5—e6+	Kp.g8—h8
10. e4—e5 4)	♂. f6—e6 5)	21. ♀. a4—c2	b7—b5 6)	32. J. a1—d1	C. d4—c3
11. c3—d4	C. a5—b4	22. Kp.g1—h1	C. a5—b6	33. J. d1—d5	♂. d8—b8!

Согласился на ничью 12).

Примѣчанія къ партіи.

- 1) Турниръ считается лучшимъ ходомъ 7. . . . C. a5—b6.
- 2) Сильнѣе повидимому 8. ♀. d1—a4, какъ игралъ Гунсбергъ въ 16-й партіи матча.
- 3) Цѣль защиты 6. . . . ♀. d8—f6—не мѣняется на d4, чтобы не дать бѣлымъ пѣшецаго центра и не пустить коня b1 на c3; здѣсь однако является необходимость взять d4, ибо бѣлые грозятъ, обвѣсивши обѣихъ коней, выиграть пешку e5.
- 4) Лучшее было пока держать пешку на 4-мъ ряду.
- 5) Очевидно плохо 10. . . . K. c6—e5; 11. K. f3—e5, ♀. f6—e5; 12. J. f1—e1 и т. д.
- 6) Бѣлые предпочитаютъ атаку выигрышу пешки посредствомъ 12. C. b5—c6, C. b4—a3; 13. C. c6—d7+ и т. д.

7) На 13. Ф. d1-a4, могло послѣдовать: 13. . . . С. e8-d7; 14. Л. f1-e1, Ф. e6-f7; если теперь 13. Л. e1: e6, то С. b4-e7 въ пользу черныхъ.
 8) Этими ходами было бы выгодно невыгодной для нихъ мѣнъ форза; если теперь 18. . . . с7-e6; то 19. С. b5-d3 и на 19. . . . Ф. b6: b3; 20. a2: b3, угрожающа С. : e7, Л. : a5, и кроме того движеніемъ пѣшки на f3.
 9) Предпочтительнѣе было развивать игру ходами С. e6, Л. e8 и С. b6.
 10) Необходимо было 24. . . . Ф. d8-e8 на защиту косяка g8.
 11) Гораздо лучше было 28. Л. g3 или 28. К. f3 и затѣмъ сдвинуть ладьи.
 12) Въ данномъ положеніи черные имѣютъ перевѣсъ; белые не могутъ увести косяка безъ потери пѣшки a2; если же Л. d1, то Ф. b7-e4, К. g2 и Ф. f3 съ хорошей атакой.

Корреспонденція.

А. В. (Ченстоховъ). Вознагражденія за приславаемый шахматный матеріалъ не полагается.

М. А. Р.-ву (Рязань). Задачи стараго типа и неинтересны.
И. Дубовину (Кременчугъ). Поставъ 8. Ф. d1-b3, К. g8-e7; 9. d4: e5, К. e6: e5; 10. К. : e5, Ф. : e3; 11. С. : f7+, Кр. d8; белые возвращаютъ пѣшку, но атака ихъ не сильна. Хорошее продолженіе также: 8. Ф. a4, С. b6; 9. С. e3, К. g8-e7; 10. d: e5, К. : e5; 11. К. : e5, Ф. : e5, С. d4 и т. д. Какая наилучшая атака противъ 7. . . . h7-b6, намъ покажетъ предстоящій матчъ Чигорина со Стейнцемъ въ Гаваннѣ.

Поправка.

Въ задачі № 38 (въ № 36 "Нивы") должна стоять черная дамка на e3.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала "Нива" проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ пред-стать въ подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Наль. Романъ въ 3-хъ частяхъ, Н. Н. Каразина. Ч. I и II. (Продолженіе).—Погубленная душа. Разсказъ изъ жизни въ южной Венгрии. Берты Натчеръ.—Трехсотлѣтіе Уральскаго войска (съ 6 рис.).—Къ рисункамъ: Въ теплый край!.. (съ рис.).—Фрунтовый рынокъ на Щукинскомъ дворѣ въ СПб. (съ рис.).—Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Георгиевна († 12 сентября 1891 г.) (съ портр.).—И. А. Гончаровъ (съ портр.).—Французская выставка въ Москвѣ. Отдѣлъ бронзы (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Отъ главной конторы редакціи журнала "Нива".—О рамкахъ для преміи "Нивы" 1891 г.—Шахматы.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.—При этомъ же прилагается "СБОРНИКЪ НИВЫ" за Октябрь.

Печатать А. Ф. Марисъ.

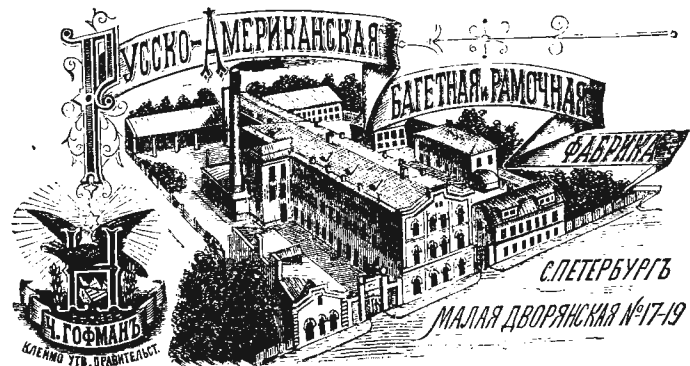
Редакторъ В. Ключниковъ.

С. ПЛЪШКАЛОВЪ, ОДЕССА

ФАБРИКА ЖЕЛѢЗНОЙ МЕБЕЛИ

Главный мага-
зинъ въ домѣ
Діалегмено,
уголъ Почто-
вой и Ришель-
евской.

МАГАЗИНЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ № 11. (2)

Громидный выборъ новѣйшихъ рисунковъ, а также и новизны въ рамкахъ и молбертахъ. Образцы на Международной, Постоянной, Универсальной Выставкѣ въ Москвѣ.
НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

КРУШЕНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ПОѢЗДА 1888 г.
 Картина извѣстнаго художника Каразина. Роскошное изданіе, печатано въ 22 краски, съ изображеніемъ всей Царской Семьи въ полной ея священо-благотворительной дѣятельности. Картина одобрена и рекомендована Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія для всѣхъ учебныхъ заведеній.
 Цѣна 2 руб. 35 коп. съ пересылкою, въ магазинѣ **ЗУЕВА,** бывшемъ **П. РАЗЖИВИНА,** М. № 5373
 С.-Петербургъ, Невскій пр. 66. противъ Анничкова Дворца.

ЛЕВНИНСКІЙ и ГРОЗНИКЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405.

Только что вышло
КАТАЛОГЪ ВСѢХЪ ИЗобрѢТЕНІЙ
И ПОДАРКОВЪ М. № 5353
 (иллюстрированный) и высылается за двѣ пятикопечныя марки. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Невскій пр., д. № 4 (фирма существуетъ съ 1872 г.).

Ц. № 5269 **ОСВѢЖАЮЩАЯ**
ЛАВАНДУЛОВАЯ СОЛЬ
 (Invigorating Lavender Salt)

Новая, весьма приятнаго запаха, нюхательная соль. Если открыть пробку флакона на нѣсколько минутъ, то приятный запахъ распространится по воздуху, освѣжая его. Только настоящій въ флаконѣ, лагуоренномъ коронѣ.
THE CROWN PERFUMERY Co
 177 New Bond Str. London.

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА въ ВѢНѢ
 Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
 Цѣна 10 коп.
 Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ Главнаго склада у Василія Ауриха: С.-Петербургъ, Колокольная, 18-19.

Вышелъ № 15 (сентябрь 1891 г.) журнала (годъ 3-й)
"АРТИСТЪ" Содержание: *Самъ у себя пово стирожки*, ком. Кальдерона, пер. С. А. Юрьева; *Не по...*, повесть Д. Н. Машина-Сибиряка; *Парижскій Салонъ* (съ рисунк.); *Лицедеи*, очерки П. М. Свободина; *Торжественно, какъ браважиртъ*, ст. И. И. Иванова; *Прототипы Фальстафа*, ст. Н. И. Сторожениа; *Теленки орлы Фрейтага*; *Бравый Фрицъ*, разск. А. С. Кушнерова; *Шекспиръ на Монсенсонскій степи*, ст. Э. Матерна; *Литературное Обзоріе* И. И. Иванова; *Турготри А. Аренскаго*; *Сумерки*, романъ Дарстона; *Современное Обзоріе*; *Хроника*. *Докторъ Штокманъ*, др. Г. Ибсена; *Жизнь Ил. Мона*, др. В. С. Лихачова. *Приложенія*: 4 фотографии; *Григорій гл. артистовъ москв.*; *Малого театра* и картины: В. Е. Мановскаго—*Намъ присидитъ*, И. И. Шикина—*Дождь* и акад. И. Пелевина—*Стриптикъ*. Подписная цѣна (7 к.) 9 р., съ пер. 10 р. Допускается разсрочка. Отдѣльные №№ 2 р. Подписка принимается въ редакціи "Москва, Кудрино, д. Бартеельск.", въ конторѣ Печетовской, книжн. магазинѣ "Новаго Времени", Вольфъ, Пращиникова и др. Вышелъ № 5 "Театральной библиотеки". Содержание: *"Душа Поляски"*, ком. М. П. Садовскаго и 5 одноактныхъ пьесъ гг. Щерлова, Пальерона (въ перев. А. П. Нащокина), Холостова, Меллера и Наменскаго. Отд. №№ по 1 р. Подп. 3 р. въ г. к., съ пер. 4 р., примимъ только отъ подписч. на "Артистъ".

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО

ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕКАРСКИХЪ И ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

МУЗЫКЪ МАГАЗИНЪ А. БИТНЕРЪ.
 С.-Петербургъ, Невскій просп. № 22, высматривать по порученію автора за 22 коп. № 5362 почт. маркамъ 3-1
"МАРСЕЛЬЕЗА" Маршъ для форте-пiano пер. Л. Адоева.

Вышло новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
СОХРАНЕНІЕ ЗДОРОВЬЯ
 Общая гигиена въ примѣненіи къ обшней жизни Д-ра Эйдама. Съ 7-ю рис. въ текстѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго А. Д. Карцицкіи.
 Цѣна 40 к. М. № 5371

НУЖЕ БОЛЬШЕ 100,000 шт. ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ!!!
 Универсальная машинка для быстрой и красивой прически дамскихъ волосъ, по послѣдней модѣ (безъ посторонней помощи). № 5295
 Цѣна съ укупоркою и пересылкою во всѣ города 2 р.
 Адресъ: А. Грэгъ, Москва, Неглинный провѣдъ, д. № 15, кв. № 3.

Только подлинно съ этой фабрики, марки
Huste-Nicht
 Berichth. geschützt
"НЕ КАШЛЯЙ"
 Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты.
Л. Г. ПУГНИЦЪ и К^о. въ Бреславлѣ.
 Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему въвозъ и продажа ихъ въ Россіи разрешены.
 *) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к.; конфекты по 30 и 50 к.
 Упаковка и пересылка считаются особо
 Главнаго склада для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19.
 Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 5384

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
 Специалист хронометровъ.
 СПбургъ, Невскій пр., № 52
 прот. Им. Публ. Библиотеки.
 Оптова и рознич. продажа.
 Подробный иллюстрирован-
 ный прейс-курнтъ высылаеся по востре-
 бованію бесплатно. Пересылка на счетъ ма-
 газина. Ручательство на 2 года. № 5183 23-12

ПОДРОБНАЯ программа музын. жур-
 нала „МУЗА“ высылаеся
 бесплатно музын. магазиномъ А. Битне-
 ра, С.-Петербургъ, Невскій просп., № 22.
 Первый № „МУЗЫ“ и прехія выйдутъ 30-го
 № 4861 декабря сего 1891 года. 23-1

Последняя только что усовершенствованная
НОВОСТЬ
МАГИЧЕСКОЕ
ОГНИВО!
 ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧ-
 КИ И КАРМАННЫЙ
 ФОНАРЬ. 5-1
 Изящно! Практично!
 Безопасно! Дешево!
 Служитъ карманной
 спичечницей, давая
 яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ.
 Сдѣлано изъ никкеля. Только 1/4 вер-
 стинны — удобно носить въ карманѣ.
 Огниво съ 1000 зарядами 2 руб. Пер. 1 ф.
 Запасъ въ 2000 зар. 1 р.; въ 10,000 зар. 4 р.
 Пересылаю вложеннымъ платежемъ.
 С.-Петербургъ,
БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр., № 20.

Сдѣлано изъ никкеля. Только 1/4 вер-
 стинны — удобно носить въ карманѣ.
 Огниво съ 1000 зарядами 2 руб. Пер. 1 ф.
 Запасъ въ 2000 зар. 1 р.; въ 10,000 зар. 4 р.
 Пересылаю вложеннымъ платежемъ.
 С.-Петербургъ,
БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр., № 20.

ШОКОЛАДЪ
 СОБИРАТЕЛЬСКОГО
А. И. АВРИКОВА СЫНОВЪ
 ВЪ МОСКВѢ.
 С. № 5307
 8-1
 продается
 во всѣхъ городахъ
РОССІИ

ШОКОЛАДЪ
ФАБРИКИ СЕСТУКЪ
 НАХОДЯТСЯ
 ВО ВСѢХЪ
 ГОРОДАХЪ
 РОССІИ
 ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ
 СЪ ПЕРВАМЪ
 НАШЕИ
 МАШИИ

Д-ръ Волицкій, возрат. изъ-за границы. Лѣ-
 чить: парущина, кожная, грудная болѣзни и
 ракъ. Невскій 71/1, кв 5. Ортъ 1-3 и 6-7. Ч. в.

НАСТОЯЩІЕ
ВЕЛОСИДЕЛЫ **СВѢТЪ**
 ПЕРВОЕ МѢСТО
Ж. БЛОКЪ
 С.-Петербургъ

ФИСГАРМОНИ
 фабрики **ШИДАМЕРЪ** рекомендованы Главачемъ,
 Гензельтомъ, Листомъ, въ 140, 180, 225, 300, 350,
 450, 650 и др.
АМЕРИКАНСКИХЪ ФАБРИКЪ въ 101, 140, 160,
 200, 250, 300, 400, 500, 550, 800 и 1200 р.
ФРАНЦУЗСКИХЪ ФАБРИКЪ въ 101, 130, 160,
 190, 275 и 450 руб. и складныя въ 125 и 200 р.
 Школа для фисгармоніи 2 руб.
 Играть на фисгармоніи можно легко выучиться.
 Иллюстрированный прейс-курнтъ и каталогъ по-
 луть для фисгармоніи — бесплатно.
 По полученіи задатка приблизительно 1/3 стои-
 мости заказа требуемое высылается съ паложен-
 нымъ платежемъ на остальную сумму.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЬ. № 5376
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНИЙ
 издателемъ журнала „Нива“ напечатано въ небольшомъ количе-
 ствѣ эземпляровъ (всего 500)
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,
 подъ редакціей А. И. Введенскаго, печатанное
 на лучшей голландской слоновою бумагѣ.
 Сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ, при чемъ всѣ экземпляры
 этого изданія перенумерованы отъ № 1 по 500.
 Для того чтобы сдѣлать книгу по стоимости доступною наиболѣе
 обширному кругу любителей роскошныхъ изданій, цѣна за нее на-
 значена возможно низка, а именно **5 руб.** Въ четырехъ ко-
 ленкорovýchъ переплетахъ, съ кожаными корешками и изящнымъ
 тисненіемъ золотомъ — **7 руб.** Гг. иногородные благоволятъ
 прилагать, сверхъ стоимости, на пересылку по 1р. за каждый экз.
 Съ требованіями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ кон-
 тору журнала „Нива“, Невскій, 6.

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
СЕЛЬСКІЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1892 Г.
 Я. Абрамова. Ц. 20 н. Склады изданія: въ С.-Петербургѣ — въ книжномъ магазинѣ Лу-
 товникова, въ Москвѣ — у Саленныхъ и у Ступина, Нижнемъ — у Духовскаго, Казани — у
 Дубровина, Одессѣ — у Распопова и Старополь-Кавказскомъ — у Я. В. Абрамова.
 Оптомъ и купателямъ обычная уступка. М. № 5371

ЭЛЕПАТЪ пров. **КИНУНЕНЪ**
 для волосъ. Прод. во всѣхъ больш. Аптеч. и Космет. магази-
 нахъ. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп., но безъ пересылки.
 № 5336
 Просить непрямо обращаться вниманіе на клею въ самомъ
 стеклѣ наждаго флакона, — пров. КИНУНЕНЪ.
 Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Усовершенствованный
ОРГАНЪ СОЛОВЕЙ
 всѣхъ системъ, заграничныхъ и здѣшнихъ
 фабрикъ, потерявшихъ хорошій тонъ изъ-за
 многого игранія, смрости или моли, поправ-
 ляетъ заново хорошо, дешево и добросовѣстно
 специалистъ. Узвать: Михайловская, д. 4, нот-
 ный магазинъ Г. Васильева, и Малая Морская,
 д. № 6, кварт. 13. № 5351

РОЯЛИ И ПІАНИНО
БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
 Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.
 Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна
 каждой банн 1 руб., съ перес. 2 руб. —
 2 банн съ перес. 3 руб. Для предупре-
 жденія подѣлокъ прошу требовать на каж-
 домъ этикетѣ подписи: А. Энглундъ, краси-
 выми чернилами и марку Спб. Косметиче-
 ской Лабораторіи.
 Получить можно: въ Русск. Оби. торгов.
 аптекъ товарищ., у А. Рузанова, Спб. Тех-
 но-Химич. Лабор. — Въ Москвѣ: у К. Фер-
 рейнъ, В. Безбардиси, Р. Келлеръ и Ко, О.
 Готтингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптекъ,
 и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Глав-
 ный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ,
 Спб. Косметическая Лабораторія А. Эн-
 глундъ, Литейная, № 38. Ц. № 4479

Рекомендуется какъ лучший органъ для
 домашняго развлеченія и для вечерни-
 ной. Очень прочной и красивой отдѣлки.
 Играетъ громко и приятно. Ноты къ не-
 му металлическія, никогда не портятся
 (это часто случается съ картонными).
 Пиесъ большой выборъ, всѣ танцы, много
 русскихъ пиесенъ, духовныхъ пиесъ, изъ
 оперъ и пр. Цѣна „Органу-Соловей“ съ
 10-ю пиесами по выбору 60 р. Пиесмъ от-
 дѣльно по 75 к. Каталогъ всѣхъ пиесъ и
 инструментовъ высылаеся бесплатно.
 Заказы изъ провинціи исполняются не-
 медленно. Продажа оптомъ и въ розницу.
 Рекомендуютъ фабрику музыкальныхъ
 инструментовъ М. № 5374
Д. А. АЛЕКСАНДРОВА,
 Невскій пр., 55, въ С.-Петербургѣ.

АМЕРИК. КОНЦЕРТ. ПІАНИНО
 новое продается по случаю. М. Морская,
 домъ 12, кв. 44. № 5355

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДНОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРЪ“.
 Средство для уничтоженія мозолей и боро-
 давокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два
 флакона съ перес. 1 руб.
 Получить можно во всѣхъ парфюмери.,
 аптекарск. магазиннахъ и аптекахъ. Главный
 складъ у Г. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1.
 Въ С.-Петербургѣ. № 5377 (1)

ШОКОЛАДЪ
 ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА
Ж. БОРМАНЪ
 удостоенный на многихъ международныхъ
 выставкахъ высшихъ наградъ.
 продается во всѣхъ городахъ имперіи.

БЕЗПЛАТНО
 раздается и высылаеся новый, значительно
 пополненный
КАТАЛОГЪ
СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНИЙ
 МУЗЫКАЛЬНЫМЪ МАГАЗИНОМЪ
А. ГУТХЕЙЛЬ,
 поставщика Двора Его Императорскаго
 Величества, П. № 5359
 Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Юнкера, 10.

**Всемирно-извѣстное и знаме-
 нитое заведеніе.**
 Основано въ 1864 году.
 50 чистыхъ породъ.

Заведеніе для дрессировки собакъ
АРТУРЪ ЗЕЙФАРТЪ
 КЕСТРИЦЪ (ГЕРМАНІЯ)
 признанное лучшимъ знатокомъ, достав-
 ляетъ высше образцы современныхъ со-
 бакъ кожаныхъ, охотничьихъ, спорто-
 выхъ и т. п. К. № 5375
 Большая коллекція собакъ — сенъ-бернар-
 дскихъ, ньюфаундлендскихъ, мастифовъ,
 немецкихъ договъ, бульдоговъ, болонокъ,
 прысолововъ, сторожевыхъ собакъ, пу-
 делей, мопсовъ, и т. д.
 Гарантии за высшее качество!
 Громадный выборъ.
 Лучшие отзывы изъ всѣхъ странъ.
 Тысячи благодарственныхъ писемъ выс-
 шихъ авторитетовъ по кинолгии.
 Богато иллюстрированый альбомъ 50
 пфенинговъ или 65 сантимовъ. Каталогъ
 бесплатно.
Вывозъ во всѣ части свѣта.

„НОВОСТЬ“
ПАРА!
 эффектныхъ — переносимыхъ
ГАЗОВЫХЪ СВѢЧЕЙ
 Горящихъ свѣтъ въ стearиновыхъ и стоящихъ
 въ пять разъ дешевле ихъ. — Съ наставленіемъ,
 упаковкою и пересылкою только — 1 р. 50 к.
 Варшава, Кармелитская ул. 18-5. Афанасьеву.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ 3 раза
 быстрее пера. Често-
 та, четкость и прасота.
 Введена во всѣхъ
 Министерствахъ и
 мног. правительствъ
 и частныхъ учрежд.
 Прейс-курнтъ, содерж. многочисленныя
 отзывы отъ Правительствъ и другихъ учре-
 жденій, высылаеся бесплатно. № 3748
 Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ
 Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН МѢС СЪ 6—10 РИС. ВЪ НАИДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСН. МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и Выдавъ 5 октября 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія.	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	---	------	---	------	---------------------	-------

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложениями, Сборникомъ, Полнымъ собраніемъ сочиненій М. Ю. Лермонтова и пр.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1891 г., съ 29 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 41 рисунковъ рукодѣльных работъ.

Улица въ Нисневодскѣ. Съ этюда полковника Корвинъ-Піотровскаго, рис. Шамота, грав. Шлипперъ.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Дѣйствительно, у входа въ палатку показалась хитрая голова аксакала-курбаши, дѣлавшаго знаки Костецкому.

— Взойди! Взойди! Что новаго? слышались голоса.

— Онъ долженъ знать! Въ нѣкоторомъ родѣ полиціймейстеръ города! Курбаши — это такъ и значитъ по ихнему, весело заговорилъ докторъ.

Девлетъ подобострастно раскланялся, прижимая руки къ желудку, и согнувшись вошелъ въ палатку. Впрочемъ, сѣлъ онъ довольно фамиллярно и не по мѣстному обычаю на землю, а на табуретъ.

— Ну что, есть что-ли у тебя какія вѣсти? Какой же ты курбаши, если ничего не знаешь? повторилъ вопросъ Глухаревъ.

— У меня все покойно, у меня все хорошо.. Говорятъ на базарѣ будто большая побѣда: Алемкуль уходитъ, далеко уходитъ, а генераль за нимъ идетъ. Большая побѣда! Въ горахъ, говорятъ, нѣтъ большой побѣды: полковникъ отходить, за нимъ Атта-бекъ идетъ. Все слава Богу! все слава Богу!.. Максимку джигита знаешь?—зарѣзали его... нашли на дорогѣ, а бумагу отъ генерала украли...

— Что?! Максимку?! вскочилъ докторъ.

— Да, Максимку... Хочу доложить коменданту. Голову тутъ, у самыхъ воротъ, подбросили.. Много есть дурныхъ людей! Мулла вонъ говорилъ вчера имъ въ мечети: „Слушайте русскихъ,—служите хорошо Акъ-Падишаху!..“ Глухой народъ, не понимаетъ хорошенько. — Я-бы этихъ муллъ перевѣшалъ, лучше-бы было, проворчалъ Глухаревъ.

Незамѣтно, но злобно сверкнули глаза Девлета, по его направленію. Быстро овладѣлъ собою хитрый курбаши.

— Можетъ-быть и надо такъ, проговорилъ онъ.— Вамъ виднѣе.

Костецкій поднялся съ мѣста.

— Пойдемъ, обратился онъ къ полиціймейстеру.— Я проведу тебя въ цитадель къ коменданту. Такъ вѣдь, пожалуй, не пустятъ: нынче у насъ насчетъ довѣрія строго!

Курбаши снова раскланялся и вышелъ за офицеромъ.

— Эка язва! проворчалъ ему вслѣдъ Столбушинъ.

— Ей Богу, побью когда-нибудь морду! сплюнулъ на сторону Бабаджановъ.

— Да нѣтъ, господа, вы его не понимаете: это такой типъ! вмѣшался словоохотливый докторъ.— Пессимистъ съ головы до пятокъ. Она человекъ, право, въ душѣ не дурной,—жизнь ему не улыбалась: какая-то исторія была, пострадалъ—ну и того... теперь тѣдъсь отдувается; озлобленъ конечно... ну, и все прочее...

— А можно навѣстить Сережу? перебилъ его Глухаревъ.

— Почему нѣтъ... Только онъ еще не узнаетъ никого. Спокойнѣе сталъ какъ будто, а не въ сознаниіи еще.

— Странное дѣло! Вотъ бы не подумалъ, чтобы у него отъ страха.

— Совсе не отъ страха. Человѣкъ нервный, впечатлительный, очевидно что-нибудь необыкновенное случилось. Вонъ Костецкій вчера говорилъ, что непонятное собственно то, что ни раны, ни царапины. Былъ въ плѣну — ушелъ... невѣроятно... Въ плѣну-ли былъ еще?! Вообще онъ какъ-то странно выражался... Все увѣряетъ, что гласъ народа — гласъ Божій, ссылаясь, что молъ между солдатъ идутъ какіе-то несуразные толки.

— Ну и языкъ же! вздохнулъ Глухаревъ.

— Ядовитый! протянулъ докторъ.— А впрочемъ малый весьма начитанный и преинтересный собесѣдникъ. Ну, до свиданья... Вечеркомъ, кто свободенъ, ко мнѣ въ хату, — женочку соорудимъ, какую ни на есть, прошлогодніе журналы перечитывать будемъ. Эка тощца!

— А я въ ночной караулъ, пойду людей разсчитывать, поднялся прапорщикъ Бабаджановъ.— Столбушка, пойдемъ вмѣстѣ.

— Пойдемъ.

И оба офицера, подстегнувъ шашки и оправивъ у пояса револьверы, вышли изъ палатки.

Глухаревъ, оставшись одинъ, сталъ набивать свою трубочку, мурлыча подъ носъ какую-то пѣсенку.

III.

У постели больного.

Шолобовъ, только-что вернувшійся съ объѣзда, отпустивъ дожидаващаго его съ обычнымъ докладомъ Девлета-курбаши, зашелъ къ Налю. Тамъ уже сидѣлъ отецъ Никаноръ и вполголоса разговаривалъ съ Григоріемъ Ивановичемъ. Несмотря на отворенныя настежь двери, въ саклѣ было душно, какъ всегда къ ночи, пока не остынутъ накалившіяся за день стѣны.

— Хотъ бы на часокъ сюда на террасу вынести! замѣтилъ капитанъ.

— Докторъ запретили строго-съ, почтительно отвѣтилъ дядька.— Я самъ бы такъ полагалъ, да господинъ докторъ, какъ бы не были недовольны. Потому что случится—все на насъ и свалится. Господи, Господи, пошли Ты намъ милость Свою!

— Вотъ, отецъ, очень радъ тебя видѣть, хочу посовѣтоваться, началъ Шолобовъ.

— Съ готовностью, кивнулъ отецъ Никаноръ.

— Видѣлъ я сегодня Ибрагимъ-бая, къ нему заѣжалъ. Говорилъ онъ мнѣ, что знаетъ такого старика, что можетъ помочь больному—безъ лѣкарствъ всякихъ, а такъ просто, наговоромъ что-ли. Не знаю, право... я, конечно, всему этому не вѣрю. Но вѣдь кто знаетъ, вѣдь вреда собственно не можетъ быть никакого? Какъ ты, батько, думаешь?

— Полагаю, что возможно: въ старину бывали такіе примѣры неоднократно, были святые цѣлители.

— У насъ, у ихъ бабушки, у матушки покойнаго папеньки ихняго,—Григорій Ивановичъ кивнулъ въ сторону постели, — былъ тоже старецъ одинъ, изъ монастыря Саввы-преподобнаго, іеромонахъ,—весьма помогаль словомъ единымъ въ бѣдъни,—я помню.

— Оно такъ, замѣтилъ отецъ Никаноръ,—но то были старцы христіанскаго исповѣданія, а тутъ знахарь—мусульманской вѣры, а можетъ и того худше. Конечно, отчего не попробовать. Я, впрочемъ, ничего не имѣю противъ. Благость Господня, съ вѣрою ежели, изъ всякаго источника приемлема быть можетъ. Кто же такой? Изъ какихъ?

— Да Ибрагимъ самъ его не знаетъ. Говорилъ мнѣ, что приходилъ къ нему старикъ, говорилъ о больномъ офицерѣ, обѣщаль помочь. Просился, даже очень... Да, кстати, я хотѣлъ съ тобою обстоятельно поговорить объ одномъ дѣлѣ. Выйдемъ на минутку.

— Пройдемся! поднялся отецъ Никаноръ.

Они вышли на дворъ, поднялись по лѣстницѣ на плоскія крыши связанныхъ между собою сакель, и стали тамъ разговаривать, медленно прогуливаясь взадъ и впередъ.

— Видишь-ли, отецъ, тамъ, что ни говори... Вѣдь ты знаешь, я какъ брата полюбилъ Сережу... Я человѣкъ

мало ученый, но наблюдать умѣю. Буду говорить безъ обиняковъ. Онъ боленъ душою, безусловно,—я не понимаю этой болѣзни, но чувствую, что какой-то таинственный старикъ, чортъ его принесъ откуда-то, играетъ здѣсь не маловажную роль. Я иногда вдумываюсь, до головной боли, и все-таки понять ничего не могу. Онъ не былъ еще въ бреду, когда рассказывалъ мнѣ... А знаешь-ли что онъ рассказывалъ? Только молчи, чтобы это осталось между нами.

И Шолобовъ сталъ повторять рассказъ самого Наля о своемъ чудесномъ спасеніи.

Общее въ этомъ рассказѣ, перепутанное, съ добавленіями и комментаріями, отецъ Никаноръ зналъ уже изъ слуховъ въ отрядѣ, но вѣдь это все приписывалось горлачному бреду.

— Было-ли такъ? переспросилъ отецъ Никаноръ.

— Было такъ. Я чувствую, я глубоко увѣренъ, что это правда... Горячка началась послѣ — это я отчасти виноватъ... это отъ другаго... Я понимаю, что отъ такой, другой то-есть, мысли, можно съ ума сойти... это я понимаю. Скажи, пожалуйста, бываютъ чудеса въ наше время?

— Отчего же! изумленно посмотрѣлъ на собесѣдника отецъ Никаноръ. — Благость Господня и Его Святая воля проявляется незримо, и умъ человѣческій, не постигая сути, относитъ сіе въ область чудеснаго... Возможно...

— Да вѣдь то отъ Бога, а это вѣдь...

Шолобовъ замолчалъ и заскребъ всею пятернею свой загорѣлый затылокъ.

— Знаешь что... Если-бъ я зналъ, если-бъ самъ увидѣлъ этого старика, я бы его охотно повѣсилъ!.. Боюсь я только, что если и этотъ Ибрагимкинъ знахарь изъ такихъ же... Какъ ты думаешь?

Но батюшка не отвѣчалъ. Онъ ходилъ молча, заложивъ руки на спину, вздыхалъ и возводилъ очи къ вечернему, багровому небу. Затѣмъ онъ неожиданно остановился и измѣнившимся голосомъ проговорилъ:

— Не допускай!

Шолобовъ посмотрѣлъ на него, недоумѣвая. Онъ голоса даже не узналъ знакомаго, даже лицо отца Никанора какъ будто измѣнилось, а можетъ-быть отблескъ вечерняго неба такъ странно освѣтилъ это всегда добродушное, даже простоватое лицо.

— Не допускай! повторилъ отецъ Никаноръ. — Гдѣ вѣра въ силу молитвы — тамъ нѣтъ мѣста волхвованіямъ. Завтра я принесу Святые Дары, приму глухую исповѣдь и причащу... И какъ это я, погрязшій въ суетѣ, малодушный попъ, раньше не догадался!.. Боже Милосердный, отпусти мнѣ, грѣшному!..

— Нельзя-ли сегодня... сейчасъ бы? схватилъ его за руку Шолобовъ.

— Не достоинъ я самъ... Всю ночь проведу въ молитвѣ... до завтра!.. Господи! буди милостивъ ко мнѣ, грѣшному... До завтра.

Отецъ Никаноръ степенно сошелъ внизъ и направился въ свое помѣщеніе.

Капитанъ, увидя выстроившихся въ рядъ фельдфебелей, ожидавшихъ приказаній, подошелъ къ нимъ.

Въ цитадели, на восточномъ фасѣ, обвалилась часть стѣны, и въ эту брешь со стороны, особенно съ мечети и медрессы, что за базаромъ, видна была часть внутренняго пространства. Это неудобно, надо исправить. Шолобовъ отдалъ приказаніе дежурному на ночь фельдфебелю съ разсвѣтомъ пропустить партію рабочихъ-туземцевъ. Рабочихъ этихъ приведетъ Девлетъ - курбаши, это его обязанность, — такъ, чтобы осмотрѣть всѣхъ и пропустить счетомъ, провести прямо на мѣсто работы.

Пробили зарю, замолкъ стройный хоръ солдатъ, пѣвшихъ вечернія молитвы, и сама цитадель и ея окрестности успокоились.

А Наля въ эту ночь было особенно худо.

Иванъ Алексѣвичъ съ дядькою съ трудомъ справились съ больнымъ, безсознательно метавшимся въ постели; онъ даже вскакивалъ на ноги, стоналъ словно отъ невыносимой боли и бредилъ громко, иногда даже совершенно отчетливо.

— Помилуй Богъ! крестился Григорій Ивановичъ, прислушиваясь къ этому бреду.

Шолобовъ съ нетерпѣніемъ ждалъ утра и появленія отца Никанора съ Дарами. Докторъ навѣдывался раза два, требуя, чтобы не снимали ни на одну минуту съ головы холодныхъ компрессовъ.

Тяжелая ночь тянулась мучительно долго.

Нервы старика-дядьки не выдержали наконецъ. Онъ съ трудомъ сдерживалъ рыданія.

— Батюшка мой, говорилъ Григорій Ивановичъ,— жить ты хочешь, голубчикъ мой!.. Тебѣ-ли не жизнь: живи-знай, всѣмъ намъ на радость. Любить хочешь, радоваться? Да люби, Господь съ тобою, — выздоравливай только... Маменьку зовешь... спасти просишь... Да отъ кого спасать тебя? Гдѣ недругъ твой?.. кто тебя, роднаго, отъ насъ отнять хочетъ?.. Кто идетъ сюда, кто близко?.. Никого нѣту — все свои, любящіе тебя, ребеночекъ родненькій... Да опомнись!.. Помилуй Богъ, помилуй!.. Что же это она, Иванъ Алексѣвичъ?.. что за нирвана такая, прости Господи!..

А Шолобовъ, стиснувъ зубы, ворчалъ:

— Ну, и доктора наши! Что они знаютъ, что понимаютъ?.. Вѣстовой, поди разбуди опять доктора... пускай тутъ сидитъ, будетъ ему дрыхать!

Поднимали доктора; приходилъ онъ заспанный.

— Компрессы и ничего больше. Къ разсвѣту будетъ спокойнѣй...

Это, моля, кризисъ.

Наконецъ стало разсвѣтать.

По плитамъ двора затоптали нѣсколько десятковъ босыхъ ногъ. Это провели приведенныхъ Девлетомъ рабочихъ. Группа полуголыхъ сартовъ съ китменями въ рукахъ прошла мимо самыхъ дверей комнаты Сергѣя Николаевича.

Сзади всѣхъ, немного отставъ, брель, прихрамывая, старикъ, не глядя, какъ другіе, по сторонамъ, и только вздрогнулъ слѣгка противъ самой двери. Да и не мудрено было вздрогнуть.

Наль какъ разъ въ это мгновеніе дико вскрикнулъ:

— Онъ... опять онъ! и разомъ смолкъ, — да такъ страшно смолкъ, что Григорій Ивановичъ, произнеся: „умеръ... кончился!..“—повалился къ нему на кровать и обнялъ его похолодѣвшія ноги.

— Не можетъ быть! проговорилъ глухо Шолобовъ.— Нѣтъ, это сонъ. Пульсъ бьется... Григорій Ивановичъ, успокойтесь, сходите лучше за отцемъ Никаноромъ.

А рабочіе прошли на свое мѣсто и скоро послышалось шлепанье сырой глины и глухіе удары китменей. Кто-то требовалъ фашиннику.

Отецъ Никаноръ появился изъ походной церкви, въ камилавѣ, въ эпитрахилѣ, надѣтомъ поверхъ новенькой бѣлой, какъ снѣгъ, рясы. Онъ шелъ съ запасными Дарами и движеніемъ руки благословилъ ставшій, при его появленіи, въ ружье внутренней караулъ. Видно было по лицу священника, что онъ провелъ ночь безъ сна; выраженіе этого лица, несмотря на признаки сильнаго утомленія, было величаво-торжественное. Онъ прошелъ прямо въ саклю больнаго и попросилъ всѣхъ оставить его одного.

— Даже и вы уйдите, мягко обратился онъ къ Григорію Ивановичу.

Долго, очень долго оставался съ Налемъ глазъ-на-глазъ отецъ Никаноръ. Во все это время старый дядька молился, стоя на колѣняхъ, не спуская просящаго взора съ потемнѣлаго отъ времени и походовъ ротнаго

Предъ Совѣтомъ Трехъ въ Венеци. Съ карт. проф. Пилоти, грав. Кезебергъ.

образа, выставленнаго у входа въ церковь. Шолобовъ пристально смотрѣлъ на городъ въ амбразуру стѣны, а можетъ дѣлалъ только видъ, что смотритъ. Глухаревъ, придя на площадку, сразу замѣтилъ, что совершается что-то особенное, и остановился въ вопросительной позѣ, но, должно-быть, сообразилъ, снялъ фуражку и началъ креститься тоже; за нимъ видѣлась скуластая, косоглазая голова прапорщика Бабаджанова.

— Иванъ Алексѣевичъ, Григорій Ивановичъ, прошу пожаловать! послышался радостный голосъ священника.

Старикъ-дядька рванулся къ двери. Шолобовъ оставилъ свой наблюдательный постъ.

— Съ радостью, съ великою радостью, съ принятиемъ Святыхъ Тайнъ душевно поздравляю!

— Какъ мнѣ хорошо! ясно послышался другой голосъ, слабый, чуть коснувшійся уха Шолобова.

Съ этого дня въ полномъ выздоровленіи Сергѣя Николаевича не было ни у кого ни малѣйшаго сомнѣнія.

Наль поправлялся быстро, даже настолько быстро, что это возмущало доктора.

— Нельзя такъ, помилуйте, говорилъ онъ, — это ни на что не похоже! На все есть свои сроки и порядокъ... Ахъ, да: вчера вотъ Гуль-Гуль ко мнѣ приходила... все про тебя, Сережа, спрашиваетъ. Я ее не пустилъ... Славная дѣвушка, красива, какъ чертенокъ, и, кажется, по-уши въ тебя влюблена. Но какая дикая!

Шолобовъ слегка толкнулъ его локтемъ.

— Нѣтъ, это я такъ, впрочемъ... замаялся было докторъ.—Какую лошадку подыскалъ тебѣ Ибрагимъ-бай, прелесть: вороная, какъ смоль, гладкая, какъ атласъ, глазища—вотъ, ножки—вотъ какія, тоненькія, какъ у козы, и не дорого... Иванъ Алексѣевичъ, ты видѣлъ?

— Приведите сюда! обрадовался Наль, и глаза у него стали разгораться.

— Рано, рано. Терпѣніе, мой другъ, терпѣніе!

— Экій ты болтунъ! чистое рѣшето! проворчалъ Шолобовъ.

— Развѣ это секретъ?

— Взойти позвольте? послышался съ площади голосъ Костецкаго.

— Пожалуйста, обрадовался Сережа.

Его теперь радовало каждое посѣщеніе товарищей. Все, что было прежде неприятнаго,—все сгладилось. Всѣ казались такими добрыми, ласковыми, искренними.

— Душевно поздравляю съ выздоровленіемъ... очень радъ! протянулъ руку вошедшій.—Признаться сказать, мы не вѣрили въ хорошей исходъ. Докторъ вотъ говорилъ, что если и поправится, то того... Чтò, господинъ эскулапъ, надули вашу медицину?!.. Ха-ха-ха!

— Все вы глупости говорите! вспыхнулъ докторъ.— Это, наконецъ, безтактно...

— Ну, полно! тронулъ его Наль.— Садитесь, Казимиръ. Григорій Ивановичъ, дайте чаю... Можетъ-быть, вина хотите? Мнѣ нельзя самому, вотъ онъ запрещаетъ.

— Слушайте больше!.. Здравствуйте, капитанъ! Извините, я васъ со свѣта не сразу замѣтилъ... такъ темно!

— Не беспокойтесь, проворчалъ Шолобовъ.

— Какъ у васъ тутъ хорошо! Слово въ будуарѣ... Никакъ духами пахнетъ?.. Ходятъ тутъ за вами, какъ за барышнею какою-нибудь... Что же, говорятъ, на безрыбьи...

— Послушайте, Костецкій, рѣзко перебилъ его Иванъ Алексѣевичъ.— Вы, если не ошибаюсь, сегодня дежурный?

Онъ вынулъ часы и про себя добавилъ:

— Ровно два!

— Я понимаю вашъ намекъ, господинъ комендантъ. Положимъ, долгъ христіанина повелѣваетъ посѣщать больныхъ и заключенныхъ, но безъ ущерба для службы... Повимаю... злоупотреблять этимъ долгомъ не слѣдуетъ, даже и на такомъ ничтожномъ посту, который

занимаю я, субалтернъ... Вотъ допью стаканъ вина и пойду.

— Я ни на что не намекаю, отвѣтилъ Шолобовъ.

Глаза Наль взглянули по его направленію просительно.

— Не люблю такихъ, замѣтилъ докторъ по уходѣ Костецкаго.— У него, какъ у гремучника, есть подъ зубомъ мѣшечекъ съ ядомъ, и вотъ онъ все его капъ да капъ съ кончика языка; а, впрочемъ, малый съ головою, и даже весьма содержательной.

— Ему здѣсь тяжело, заступился Наль.

— А тяжело, такъ убирайся! отрѣзалъ Шолобовъ.

— И радъ бы въ рай, да грѣхи, говорятъ, не пускаютъ... Григорій Ивановичъ, сообразовите и мнѣ стаканчикъ... Мерси-съ!

— Кушайте на здоровье!.. А скоро позвольте намъ мясную питательность?..

— „Мясную питательность...“ гм!.. подумаемъ... подумаемъ... Ну, до свиданья. Пойду по больнымъ. Опять двое дынь нажрались, — „товарищы“, говорятъ, принесли!..

— Во имя Отца и Сына!..

— Ахъ, отецъ Никаноръ!.. Какъ я радъ!..

Наль рванулся съ постели и протянулъ свои исхудалыя руки навстрѣчу входящаго священника.

А ночью случилось такое мало понятное обстоятельство.

Разсказывалъ объ этомъ Григорій Ивановичъ и разсказывалъ такимъ образомъ:

— Въ самую ночь, часу этакъ во второмъ, меня это словно подъ сердце кольнуло. Вскочилъ я—и къ нимъ. А они лежатъ съ открытыми глазами и шепчутъ что-то-съ... И другой кто-то тихонько говоритъ, а сидитъ этотъ другой на постели: старый-престарый, не въ нашей одеждѣ,—на меня взглянулъ, я и остолбенѣлъ: ни съ мѣста сойти не могу, ни слова промолвить... Вертится это въ головѣ: „сгинь сатана!“ а голосу нѣтъ. Назадъ хочу, людей разбудить, тревогу поднять — ну, не могу, да и только. Такъ и простоялъ все время... Сгинулъ старикъ, словно сквозь землю провалился. Бросился я къ Сергѣю Николаевичу — молчить, не отвѣчаетъ. Махнули мнѣ рукою и словно заснули... Господи Милостивый, что же это такое?

— Былъ? пытливо поглядѣлъ Шолобовъ на своего друга.

— Былъ, тихо отвѣтилъ тотъ.

— Поймаю — безъ зазрѣнія совѣсти повѣшу! проговорилъ капитанъ съвозъ зубы и порывисто вышелъ изъ сакли.

IV.

Покровитель Гуль-Гуль.

Смѣнившись съ дежурства, Казимиръ Костецкій велѣлъ осѣдлать своего иноходца и выѣхалъ на обычную прогулку.

Сначала онъ заѣхалъ къ своему пріятелю Девлетъ-курбаши, долго пробылъ у него на дому,—выѣхали оба вмѣстѣ.

Подъ городскими воротами нашъ караулъ отдалъ честь офицеру.

— Ты говоришь, Девлетъ, теперь безопасно? громко сказалъ штабсъ-капитанъ.—Хочу промять немного Омара,—застоялся конь... Можно будетъ до Майдана доѣхать.

— Теперь тихо... куда хошь иди, вездѣ покойно, отвѣтилъ курбаши.

— А все-таки поглядывай! обратился Казимиръ къ караулу.

— Слушаемъ, ваше благородіе!.. отвѣтило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Гайда! рысью!

И оба всадника скрылись въ густомъ облакѣ дорожной пыли.

— Такъ что-же, таксырь? сказали, первый сдерживая коня, Девлетъ, когда они отъѣхали съ версту отъ городскихъ воротъ.

— Подумаю еще.

— А я написать уже хотѣлъ муллѣ Алемъ-Кулу. Думать-то долго нечего... написать?

— Пиши, если хочешь... Только, Боже тебя сохрани называть мое имя! Пиши просто: одинъ русскій офицеръ, великій мастеръ военнаго дѣла. Но помни условіе... Ни къ какому вашему халатнику, будь онъ самъ Тамерланъ, я въ подчиненіе не пойду... понимаешь?

— Понимаю... Только и мулла Алемъ-Куль изъ такихъ тоже, что не пойдетъ въ подчиненіе.

— Увидимъ.

— Опять насчетъ мусульманства... Необходимо будетъ...

— Да хоть въ язычество, хоть въ буддизмъ!.. Не все-ли равно?

Костецкій захохоталъ, но смѣхъ этотъ не былъ искренній. Онъ осадилъ своего Омара и круто свернулъ въ боковую дорожку, тѣсно зажатую межъ стѣнокъ, огораживающихъ джугарныя плантаціи.

— Куда же ты? повернулъ коня и Девлетъ.

— Къ Гуль-Гулькѣ заѣдемъ... Давно не былъ въ гостяхъ у этого зміеныша.

— Не любить она тебя, усмѣхнулся Девлетъ.— Она теперь словно закодванная... Только и знаетъ одно: „Джанымъ Налъ“, да „Налъ джанымъ“ *).

— Ладно!

Костецкій выместилъ свою досаду на иноходца и прибавилъ шагъ.

— Хорошая баба... говорилъ Девлетъ, едва поспѣвая за своимъ спутникомъ.

Черезъ четверть часа бѣга, всадники свернули снова въ такой узенькій проходъ, что рядомъ ѣхать было уже невозможно, и остановились передъ наглухо запертыми воротами; здѣсь стѣны поднимались значительно выше и за ними виднѣлась темная крона роскошнаго, вѣковаго карагача.

— Ну-ко, постучи.

Девлетъ, не слѣзая съ лошади, нагнулся къ желѣзному кольцу, и сухой, металлическій звукъ неприятно прозвенѣлъ въ воздухѣ.

— Да что они, спятъ всѣ, что-ли? провочалъ курбаши, выждавъ съ минуту.

— Валяй крѣпче!

Слѣзъ Девлетъ съ коня, принялся барабанить во всю. Пѣшему удобнѣе. Нервные кони поводили ушами и вздрагивали при каждомъ ударѣ.

— Кто тамъ? послышался, наконецъ, робкій голосъ.

— Отворяй!.. Гости пріѣхали!

— Нѣту дома Гуль-Гуль... Въ городъ ушла... давно ушла, нѣту!

— Вретъ все! тихонько проговорилъ Девлетъ, кивнувъ головою Костецкому.

— А вотъ увидимъ... Требуй чтобы отворили.

— Отворяй, все равно!.. Гость важный... офицеръ русскій... Сердиться будетъ.

— Кто такой?

— Назови себя—все равно.

— Не узналъ, что-ли?.. Самъ курбаши пріѣхалъ... Видишь вѣдь въ дырку кто... Захочу, все равно, двери сломаю.

— Зачѣмъ ломать, говорилъ голосъ изнутри. — Не вѣришь, что нѣту Гуль-Гуль—самъ увидишь.

Послышался визгъ засова, дверь скрипя отворилась.

— Коней вводить что-ли? спросилъ курбаши.

— А то какъ же!..

Отворилъ дверь во дворъ сакли Гуль-Гуль хромоногій работникъ сартъ и лукаво поглядывалъ на гостей.

А тѣ, довольно безцеремонно, привязавъ лошадей къ

*) Джанымъ—душа.

столбамъ навѣса, направились во внутрь дворика, къ саклѣ, на крышѣ которой была разставлена небольшая зеленая палатка, вся скрытая въ развѣсистыхъ вѣтвяхъ дерева.

Рѣзная дверь въ саклю была не заперта, и гости вошли безпрепятственно.

— А гдѣ Мантыкъ? гдѣ старая Ханымъ? полюбопытствовалъ Девлетъ.

— Мантыкъ съ Гуль-Гуль пошелъ, а Ханымъ спитъ.

— Разбуди и скажи, чтобы чаю несла... Ну, что-жъ, отдохнемъ, повалеемся. Садись, таксырь...

И Девлетъ фамильярно толкнулъ Костецкаго, приглашая послѣдовать его примѣру.

Красиво и уютно было обставлено жилище Гуль-Гуль. Плитной полъ устланъ коврами, у стѣнъ лежали свертками, стеганыя, пестрыя одѣяла и цѣлыя горы цилиндрическихъ подушекъ. Изящная мѣдная посуда сверкала въ нишахъ. По стѣнамъ развѣшаны были, живописными арматурами, музыкальные инструменты и оружіе; въ углу стояли кованые сундуки съ одеждою и ларцы съ украшениями: браслетами, ожерельями и головными уборами; тутъ же виднѣлось небольшое зеркало, въ украшенной цвѣтною фольгою рамкѣ; посрединѣ сакли, на широкомъ, но низенькомъ табуретѣ, помѣщались горшки съ сильно пахучими растениями и большой, роскошный кунганъ-умывальникъ. Въ воздухѣ пахло мускусомъ и розовымъ масломъ и было душно. Здѣсь и утварь, и самыя стѣны были пропитаны этими пряными ароматами Востока, сильно дѣйствующими на нервы непривычныхъ посѣтителей.

Костецкій сталъ скручивать папиросу, Девлетъ потребовалъ кальянъ.

Пришла Ханымъ, старуха лѣтъ шестидесяти, но все-таки съ закрытымъ лицомъ, и принесла чай.

— Гостямъ рада, прошамкала она, — но Гуль-Гуль дѣйствительно уѣхала въ городъ. Часа два какъ... велѣла Мантыку осѣдлать лошадь, и уѣхала... Да благовословить пророкъ ваше прибытіе!

— Спасибо!.. Жаль!.. А когда вернется?

— Скоро заря... барабаны русскіе пробьютъ, пушка выстрѣлитъ, никого не пустятъ до утра ни въ городъ, ни изъ города. Должно быть тамъ заночуетъ.

— Ну, такъ чего же сидѣть, поѣдемъ и мы.

Костецкій едва проглотилъ маленькую чашечку чая и поднялся на ноги.

— Который разъ—и все не застаю дома! досадливо проворчалъ офицеръ.—Скажи, что послѣ-завтра пріѣду съ Налемъ... чтобы ждала.

— Налъ вѣдь не выѣзжаетъ еще, замѣтилъ шепотомъ Девлетъ.

— Все равно! Скажи, чтобы ждала... непремѣнно!

— Скажу, таксырь, скажу...

Старуха поклонилась почтительно и проводила гостей до воротъ. Она долго слѣдила за ними глазами, пока тѣ не скрылись за поворотомъ.

А Девлетъ, словно поддразнивая своего спутника, разводилъ руками и говорилъ:

— Удивительное дѣло! Налъ пріѣдетъ — дома есть, Казиміръ пріѣдетъ — дома нѣтъ... и всегда такъ... И всегда правда бываетъ... удивительное дѣло!

— Мнѣ удивительно не то что тебѣ, задержалъ коня Казиміръ.—Меня удивляетъ, какъ она цѣла до сихъ поръ. Отъ города далеко, и никто ея не трогаетъ... Вотъ хоть бы за то, что съ русскими знаетъся.

— А мнѣ это совсѣмъ не удивительно. Я и знаю, да не скажу, произнесъ Девлетъ. — Вотъ я—курбаши, власть большую имѣю, а что могу ей сдѣлать?.. Ничего!.. А потому что не смѣю. Тронь ее пальцемъ—головы не убережешь... Покровитель у ней силенъ очень—вотъ отчего!..

— Кто, Налъ что-ли?

Костецкій презрительно пожалъ плечами.

— Нѣтъ, не Налъ, а другой... Да и не изъ вашихъ совсѣмъ... Ваши что! Будь хоть самъ генераль, какъ онъ уберезетъ?.. Развѣ въ цитадель запретъ дѣвку... И всѣ будутъ знать—гдѣ она. А я бы ее увезъ и спряталъ—изъ вашихъ никто бы и не догадался. Я вотъ, захотѣлъ бы, просто голову отрѣзалъ бы и на базаръ подбросилъ бы, а то къ самымъ воротамъ цитадели. Что-бы вы сдѣлали?.. Ничего! И не узнали бы—кто и за что... Виноватаго бы не нашли. Послали бы за мной, стали бы спрашивать, приказали бы разыскать виновнаго и передъ судъ доставить... А Девлетъ-курбаши отвѣчалъ бы: „Ваше превосходительство! я служу

— Сюда сворачиваютъ, прошепталъ курбаши,—бѣды не было бы... не трогай!.. пугливо произнесъ онъ, замѣтя, что Казимиръ Костецкій сталъ торопливо разстегивать пуговку револьвернаго кобура.—Ни-ни... Оборони тебя Богъ!.. Стой тутъ—я продвинусь на встрѣчу.

Узкая дорожка извивалась змѣею, довольно крутыми поворотами. Топотъ близился, но еще никого не было видно. Девлетъ тоже исчезъ за первымъ поворотомъ. Костецкій остался одинъ.

Разомъ, словно неожиданно, изъ-за этого поворота показался всадникъ на крупной вороной лошади. По одеждѣ—врагъ.

Таврическій Дворецъ въ СПб. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Акь-Шадишаху вѣроу-правдою, за порядкомъ смотрю, а своей военной силы не имѣю... Гуль-Гуль, молъ, живеть далеко, за городомъ... Теперь война... Люди Алемъ-Куловы вездѣ бродятъ, разбойничаютъ... Если казаки ваши не доглядѣли — гдѣ же мнѣ, простому курбаши?..“ Ну, и ничего бы не вышло. А вотъ не смѣю я, не могу ничего ей сдѣлать—потому есть такой покровитель, что отъ него не отвертишься. Подъ землею меня сыскалъ бы, хотя бы у васъ подъ карауломъ сидѣлъ—и оттуда вытащилъ бы, да подъ свой ножикъ приволокъ. Вотъ и ты ничего сдѣлать не можешь, злишь-не-злишь, а не можешь, потому что Гуль-Гуль не въ городѣ живеть, подъ вашей охраною, а здѣсь, на волѣ.. Налъ вотъ можетъ... Онъ однимъ словомъ, взглядомъ только, куда хочетъ ее поведеть за собою... Только и тотъ силенъ надъ нею. Не знаю, что-то будетъ, если, сохрани Богъ, они оба здѣсь, у Гуль-Гуль, встрѣтятся. Девлетъ, разговаривая такимъ образомъ, ѣхалъ теперь впереди Костецкаго. Не доѣзжая немного до поворота на большую дорогу, онъ такъ осадилъ свою лошадь, что Костецкій наткнулся на ея крупъ.

Не успѣлъ выругаться офицеръ, какъ замѣтилъ блѣдное лицо курбаши и его выразительный жестъ, приглашающій къ молчанию и полной тишинѣ. Изъ-за стѣнокъ большой дороги поднималась пыль и слышался мягкій топотъ некованныхъ копытныхъ ногъ. Всадниковъ было нѣсколько. Топотъ усиливался.

Костецкій поблѣднѣлъ какъ полотно.

Рядомъ съ всадникомъ, плотно, ѣхалъ курбаши и встревоженно, торопливо говорилъ ему что-то. Долегло до слуха довольно ясно:

— Это тотъ самый таксырь, о которомъ я писалъ тебѣ.

— Этотъ? произнесъ всадникъ и безцеремонно ткнулъ въ сторону русскаго офицера рукою, вооруженною ногайкою.

Краска стыда бросилась было въ лицо Казимиру и снова отхлынула.

А всадникъ былъ силенъ, статенъ и красивъ. За нимъ виднѣлись еще вооруженные люди, въ воздухѣ запахло горящими фитилями мултуковъ.

Пристально посмотрѣлъ красавецъ въ лицо Костецкому, придержалъ даже немного лошадь для этого, отвернулся и скоро тронулся впередъ. Не удостоивъ больше взглядомъ офицера, онъ проѣхалъ мимо, заставивъ этимъ движеніемъ Костецкаго прижаться къ самой стѣнѣ. Даже стремяна ихъ встрѣтились и звякнули. Вороной конь зажалъ уши и злобно попытался укусить иноходца. Щелкнула ногайка—и всадники разѣхались. За первымъ и остальные тою же дорогою,—только эти разсматривали русскаго съ большимъ любопытствомъ, и одинъ изъ нихъ, ухмыльнувшись, фамильярно хлопнулъ Казимира по плечу и проговорилъ:

Свѣтлѣйшій князь Г. А. Потемкинъ-Таврической (по поводу сотой годовщины его смерти).
Со старинной гравюры Харитонова, грав Шюблеръ.

— Яшки, тамыр-яшки! *)

— Не будет никаких твоих повелѣній, таксырь? почтительно спросил Девлетъ.

— Я ночью здѣсь... знаешь? распорядился красавецъ.—Мои люди притомились—поставь своихъ, чтобы во-время дали знать если что. За русскими казачьими разъѣздами слѣдили бы. А завтра, къ полудню, поставься понавѣдаться...

— Хопъ, таксырь, хопъ!.. Будетъ исполнено.

— Прощай!

Скрылись враги. Девлетъ подѣхалъ къ Костецкому.

— Кто это? проѣхалъ тотъ сквозь зубы.

— А вотъ тотъ самый, что говорилъ я тебѣ, Гуль-Гулькинъ покровитель. Ой-ой былъ богатый!.. Русские разорили его кишлакъ,—теперь у Алемъ-Кула минбашею служить. Ухъ, какой воитель!.. Первый налетъ у эмира... Ему въ бою просто нѣтъ равнаго. Скажи спасибо Девлеткѣ.

— За что?

— А за то, что я раньше уже писалъ о тебѣ. Иначе не уцѣлѣлъ бы твоей головѣ, если-бы ты былъ не изъ нашихъ.

У Костецкаго мелькнула мысль: выхватить револьверъ и на мѣстѣ положить двуличнаго курбаши, затѣмъ вернуться, кинуться въ неравную свалку и погибнуть.

Но, увы! эта честная мысль мелькнула только на мгновение и тотчасъ же уступила мѣсто другой, навѣянной злобою и отчужденностью... Онъ потупилъ голову и молча поѣхалъ за Девлетомъ.

Протяжные звуки казачьей трубы послышались въ сторонѣ города... Пыльный воздухъ замѣтно холодѣлъ...

Повѣстка къ зарѣ... Черезъ четверть часа запрутъ ворота... Всадники прибавили ходу...

V.

Гуль-Гуль влюблена.

Ибрагимъ-бай былъ очень огорченъ. Онъ посылалъ просить тюр-коменданта къ себѣ на томашу, устраиваемую по случаю рожденія внука, и самъ лично ѣздилъ приглашать, а Иванъ Алексѣевичъ говоритъ, что не можетъ; будто бы ему, какъ коменданту, нельзя отлучаться изъ крѣпости, да еще въ гости... Вѣдь вотъ ѣздитъ же по всѣмъ улицамъ города, ѣздитъ и за ворота заглядываетъ, а къ нему, преданнѣйшему аксакалу, нельзя... Отчего это комендантъ сталъ къ нему немилостивъ?.. Прежде можно было, а теперь нельзя...

Никакъ его не могъ вразумить Шолобовъ, что служба не позволяетъ, время не такое, отвѣтственность велика... Сдѣлалъ видъ Ибрагимъ-бай, что понялъ наконецъ.

— А ужъ ты, Сергѣй Николаевичъ, непременно! обратился онъ къ Налю. — Ты теперь, слава Аллаху, встаешь съ постели; слабъ еще, да ничего... Я тебѣ такого коня пришлю, что не тряхнетъ, не шелохнетъ... Да ко мнѣ и недалеко.

— Я приѣду... съ докторомъ... я съ удовольствіемъ, согласился Наль. — Видишь, это мой первый выѣздъ будетъ... Въ добрый часъ... Первый выѣздъ, и къ хорошему, вѣрному другу... Такъ, Ибрагимъ?

— О, таксырь!

Ибрагимъ-бай прижалъ руку Наль къ своему сердцу.

— И ты, бабай, приходи... Ты человекъ хороший, ой-ой, хороший! обратился аксакалъ къ Григорію Ивановичу.

— А то безъ себя отпущу, что-ли? засмѣялся дядка.—Всѣмъ, значитъ, комплектомъ.

— Пилавъ съ куриными печенками!.. Непременно!.. заказалъ докторъ.

— Все будетъ, улыбнулся Ибрагимъ-бай. — Эхъ, жаль, жаль!.. Ну, что дѣлать... Я тебѣ, Иванъ Але-

*) Тамыр—пріятель.

ксѣевичъ, всего пришлю въ цитадель... И халатъ пришлю парчевый, на память о новорожденномъ...

— Присылай!.. приму... Ну, до свиданья.

— Такъ приѣзжайте же! крикнулъ аксакалъ, спустился внизъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ черезъ базаръ къ своему дому.

А домъ Ибрагимъ-бая, теперь старшаго аксакала, находился въ центрѣ города. Его обширные караванъ-сарай примыкали къ самому базару и тянулись до главнаго медресе, отсюда узкій переулокъ велъ къ воротамъ жилого дома. Первый дворъ, обнесенный навѣсомъ, служилъ для лошадей; второй занятъ былъ саклями, приемными для гостей, а дальше расположены были сакли гарема, съ прудомъ и садомъ. Изъ кунацкихъ тоже можно было пройти въ этотъ садъ, только въ особю отгороженную стѣною его первую половину... Здѣсь были виноградники и тянулся живой тоннель изъ переплетшихся между собою старинныхъ лозъ, въ руку толщиною... Ибрагимъ-бай былъ очень богатъ, только прежде, подъ властью эмировъ, нужно было тщательно скрывать это богатство, а то излишекъ отбирался въ казну подъ разными предлогами... Теперь положеніе аксакала-купца было совершенно обезпечено, и онъ велъ свои торговля дѣла открыто и безъ боязни.

Его младшій сынъ, всего годъ женившійся на первой, порадовалъ старика прибылью семейства... По этому случаю готовился праздникъ, на который приглашены были всѣ главнѣйшіе жители города и представители новой власти—русскіе офицеры. Жаль вотъ только, что время такое неудобное: генералъ въ отсутствіи, а то праздникъ аксакала былъ бы на славу и на зависть кое-кому изъ постороннихъ...

Сарты вообще очень тщеславны—это ихъ характерный признакъ—и любятъ гордиться высокими связями и знакомствами.

Сергѣй Николаевичъ въ первые же дни настолько поправился, что могъ выходить, — ненадолго впрочемъ и подъ надзоромъ дядки; но верхомъ еще не садился—это предполагался его первый выѣздъ. Взгрустнулъ молодой офицеръ, вспомнивъ о своемъ пропащемъ безъ вѣсти темно-буромъ аргамакѣ, но утѣшился, увидѣвъ такого воронаго красавца, что у наѣзника даже глаза заблестали... Это и былъ подарокъ Ибрагимъ-бая.

Сергѣй Николаевичъ все придумывалъ, чѣмъ бы ему отплатить за коня: денегъ Ибрагимъ не возьметъ хоть предложи тройную цѣну; вещей, особенныхъ такихъ, приличныхъ для данной цѣли, не было и купить негдѣ, заказать—времени нѣтъ... Ужасно обидно!

Эти соображенія нѣсколько разстраивали веселое, игривое даже, расположеніе духа выздоравливающаго.

— Ничего, послѣ сочтешься! успокаивалъ его Шолобовъ.

— Подстаканникъ серебряный можно съ эмалью, есть такой, предлагалъ дядка Григорій Ивановичъ.—Чего ему право еще!.. Что они, азиаты, понимаютъ! Охъ ужъ эти намъ подарки! Продай — бери денегъ сколько хочешь, жалко, что-ли!—и чудесное дѣло!

Собрались наконецъ въ гости.

Близко было—минутъ десять ходу всего... Офицеры, приглашенные тоже, собрались запросто, пѣшкомъ.

— А вы, Казиміръ? удивился Сергѣй Николаевичъ, заглянувъ въ маркитантскую палатку, прежде чѣмъ сѣсть на лошадь.

Костецкій сидѣлъ въ грязномъ, разстегнутомъ кителѣ, безъ погонъ, и читалъ что-то.

— Не приглашенъ, произнесъ онъ, неприятно улыбаясь,—не удостоенъ...

— Ну, не можетъ быть!

— Да я и говорю: пустяки! Ибрагимъ-бай просто просилъ всѣхъ, вмѣшался въ разговоръ Глухаревъ,

оправляя револьверный кобуръ. — Что же ему лично каждаго...

— Да вы и идите... я не *вст!* Костецкій подчеркнулъ послѣднее слово. — Я вотъ съ нимъ вчера глаза-на-глазъ встрѣтился на базарѣ, могъ бы сказать, еслибъ захотѣлъ...

— Какой вы, ей Богу, придирчивый!..

— Да чортъ съ нимъ! произнесъ тихонько Бабаджановъ, дернувъ за рукавъ Глухарева.

— Иммеръ-форвертсъ, гайда! торопилъ докторъ. — Что, голубчикъ, самъ влѣзешь или подсадить надо?

— Попробую, улыбнулся Налъ, любовно погладивъ кровнаго жеребца, любуясь нервностью и красотой выжидательной позы. Аргамакъ косилъ огневымъ глазомъ на новаго сѣдока и слегка прижималъ ухъ.

— О ля-ля! О, милый!.. Ахъ ты, душка! восхищался Сергѣй Николаевичъ, взявшись опытною рукою за гриву.

Ибрагимовскіе конюха ловко помогли ему сѣсть.

— Что за прелесть! невольно вскрикнулъ молодой офицеръ, почувствовавъ подъ собою эластичныя движенія коня.

— Да онъ, кажется, со шпатою! слышалось изъ палатки замѣчаніе Костецкаго.

Тронулись въ путь.

Девясть-курбаши выѣхалъ изъ боковой базарной улицы съ нѣсколькими полицейскими. Представитель порядка былъ въ праздничномъ нарядѣ, даже конь осѣдланъ парадно, покрытъ парчевымъ чепракомъ. Замѣтивъ, что большинство офицеровъ идутъ пѣшкомъ, онъ почтительно соскочилъ съ лошади и распорядился послать полицейскихъ съ длинными палками впередъ расчищать дорогу, что было болѣе ради этикета, нежели для дѣла: улицы были почти пусты, а кто сидѣлъ въ лавкахъ и въ чай-хане, тѣ приглашались вставать и кланяться.

— А что же таксырь Казиміръ не съ вами? спросилъ курбаши.

— Нездоровъ должно-быть, уклончиво отозвался прапорщикъ Столбушина.

— Депутацію пригласительную забылъ послать Ибрагимъ-бай, размѣялся докторъ.

Хозяинъ встрѣтилъ гостей у воротъ и съ каждымъ обнялся по этикету.

— Доволенъ?

Ибрагимъ-бай мигнулъ Сергѣю Николаевичу на коня.

— Спасибо... прелесть! И гдѣ ты только достаемъ такихъ?.. Спасибо!.. О, какой у тебя парадъ!

Начиная изъ-подъ воротъ, весь дворъ былъ устланъ коврами и по нимъ протянуты были дорожки изъ узорнаго канауса. Вся ниша вторыхъ воротъ, ведущихъ въ приемныя, также была обвѣшана коврами и шалами. Самый разнообразный и обильный дастарханъ *) покрывалъ собою всѣ окраины, возвышенія подъ навѣсами.

Любитель покушать, докторъ оцѣнилъ все выставленное по достоинству и произнесъ:

— Важно! Ай-да хозяинъ!

Молодой отецъ новорожденнаго, совѣмъ почти мальчикъ, скромно потупивъ глаза, кланялся гостямъ молча. Ибрагимъ-бай суетился, но степенно, усаживая гостей на мягкіе свертки одѣялъ и подкладывая подушки...

А тутъ уже сидѣли всѣ важныя лица города, молчаливо покачивая громадными чалмами, равнодушно, даже апатично глядя и на русскихъ гостей, и на угощеніе.

Еще было достаточно дневнаго свѣта, и фонари не зажигались. Музыканты налаживали свои инструменты.

— А вѣдь покойнѣе здѣсь, обратился докторъ къ Сергѣю Николаевичу, — чѣмъ тамъ, помнишь?.. Тутъ, братъ, шалишь... Вотъ она, цитадель, подъ бокомъ... Вонъ они, солдатики, отсюда слышно... Тутъ не то... Ну и натерпѣлись же мы тогда страху...

Напоминаніе это было, кажется, не особенно пріятно Налю. Замѣтилъ докторъ самъ свою безтактность и постарался замать.

— Да чортъ съ нимъ... А хорошо: знаешь, мнѣ тоже начинается нравиться этотъ Востокъ... ковры... виноградъ... тепло... нѣга...

— Ёшь, чего смотришь! толкнулъ Бабаджановъ со сѣда, прапорщика Столбушина.

— Да ложки нѣтъ, отозвался тотъ.

— А ты вотъ какъ!

И киргизъ безцеремонно запустилъ пять пальцевъ въ дымящееся блюдо съ пловомъ.

Григорій Ивановичъ, замѣтивъ это движеніе, хихикнулъ.

Молодой сынъ хозяйскій выходилъ зачѣмъ-то изъ сакли, вернулся :: кивнулъ отцу. Онъ шепталъ что-то видимо озабоченный.

— Пустяки... уговори! Я хорошо заплачу, произнесъ Ибрагимъ-бай.— Она всегда съ капризами... Избалована очень.

— Послушай, Ибрагимъ, началъ болтливый эскулапъ, — безъ дамъ скучно!.. Отчего вы женъ своихъ прячете? Какъ не стыдно!

Пожаль плечами хозяинъ.

— Обычай старины и законъ такой... Да и лучше... Онъ у насъ простыя, не разговорчивыя съ гостями, необразованныя... Не то что ваши.

— Ревнивы вы очень, азіаты... Бонитесь! засмѣялся докторъ.

— Кирепче будытъ, нарушилъ наконецъ молчаніе одинъ изъ туземныхъ гостей, Шарофей-бай, купецъ, бывавшій въ Оренбургѣ и даже въ Нижнемъ и понимавшій немного по-русски.

— Теперь ежели въ Петербургѣ у насъ всю эту исторію показать, замѣтилъ Григорій Ивановичъ, — истинно за театръ сочли бы, большое было бы рвеніе къ посѣщенію, и антрепренеру доходъ. Вы, ваше благородіе, изволили бывать въ Петербургѣ?

Послѣдній вопросъ относился къ капитану Глухареву.

— Не привелось, старина. Въ Казани былъ. Въ Москву даже не попалъ ни разу...

— Весьма сожалительно... Столица первая и жизнь деликатная, особенно въ нашемъ кругу... въ большомъ свѣтѣ.

— Не идетъ! громко заявилъ о комъ-то хозяйскій сынъ, снова появившійся изъ боковаго дворика.

Ибрагимъ-бай поднялся и пошелъ самъ на выручку, извинившись передъ гостями.

Стало темнѣть, позажигали фонари, картина измѣнилась. Прислуга суетливо убирала разстроенныя блюда и замѣняла новыми.

(Продолженіе будетъ).

Свѣтлѣйшій князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій.

(По поводу 100-й годовщины смерти). (Портр. и рис. на стр. 864 и 865).

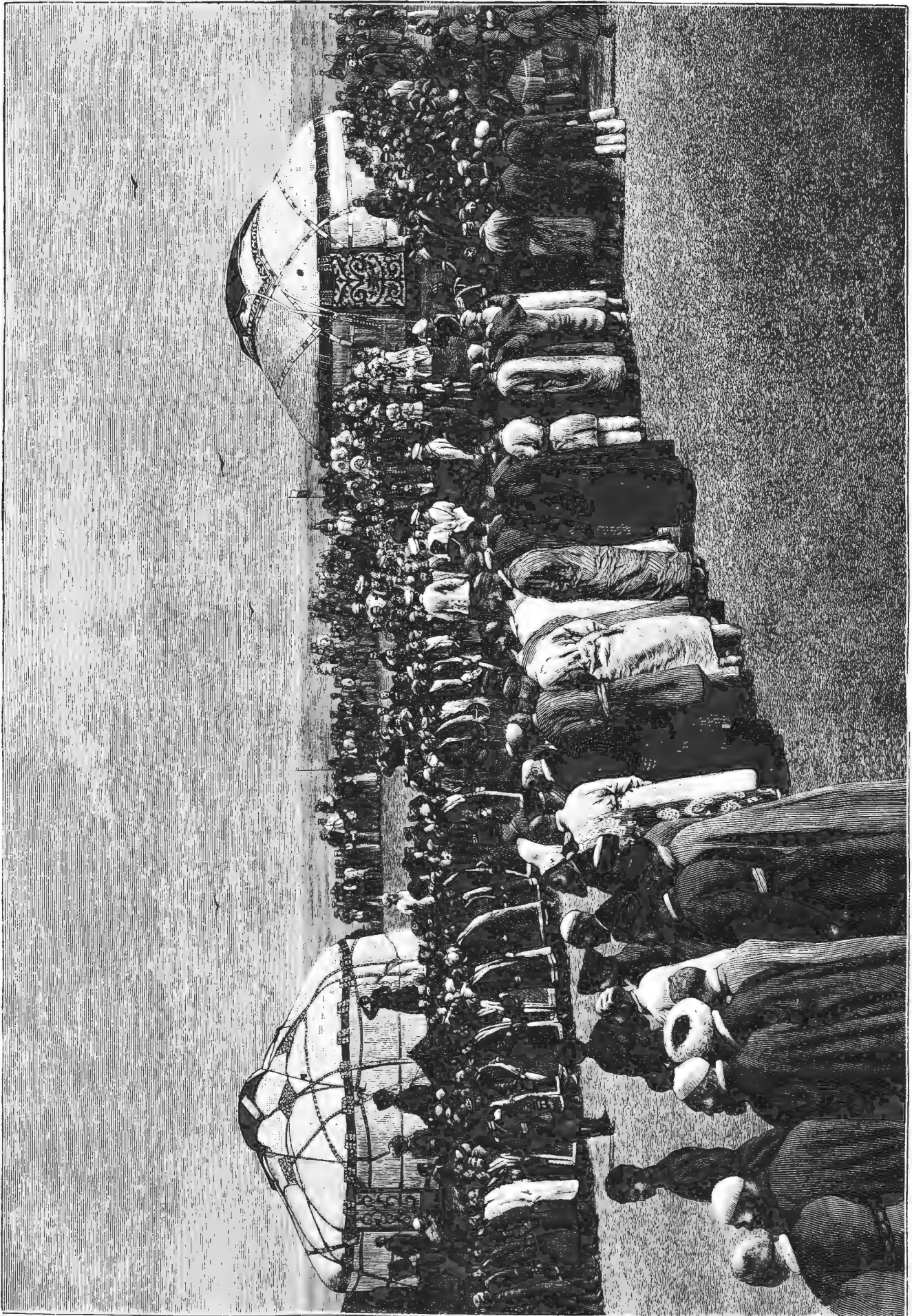
Сынъ небогатаго помѣщика Смоленской губерніи, капитана Александра Васильевича Потемкина, Григорій Александровичъ Потемкинъ родился 1739 года въ селѣ Чижевѣ, и предназначаемый отцомъ въ духовное званіе, учился въ Смоленской семинаріи, а съ 1757 г. окончивалъ курсъ Богословія и

др. наукъ въ дворянской гимназіи при Московскомъ университетѣ, будучи записанъ въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ. При необыкновенной памяти, онъ то поражалъ своимъ трудолюбіемъ (выучился по-латыни и по-гречески и 17-ти лѣтъ получилъ золотую медаль), то бросалъ книги и ничего не дѣлалъ лежа по цѣлымъ днямъ въ постели, учась верховой ѣздѣ и фехтованію или бесѣдуя съ монахами. Дѣло кончилось исклю-

*) Дастарханъ—угощеніе.

Черногорскія альпы. Съ карт. Ригера, грав. Гейеръ и Кирмае.

Пребываніе Государя Наслѣдника Цесаревича въ Уральскѣ. Киргизскій празднникъ. Съ фот. грав. Рашевскій.

чением его изъ университета „за нехождение на лекціи“. Получивъ отъ архіепископа Амвросія ссуду въ 500 руб., высоко-рослый, стройный, красивый юноша прѣхалъ въ Петербургъ и вступилъ на службу въ свой полкъ. Произведенный въ вахмистры за усердіе къ службѣ, онъ въ достопамятный день 28 іюня 1762 года былъ въ числѣ немногихъ сопровождавшихъ Екатерину изъ Петергофа въ Петербургъ.

На другой день, когда столица привѣтствовала императрицу, Потемкинъ за услугу произведенъ былъ въ подпоручики съ пожалованіемъ ему 600 душъ, и вскорѣ посланъ курьеромъ въ Стокгольмъ, по возвращеніи пожалованъ поручикомъ, допущенъ въ избранное общество императрицы и 30 ноября назначенъ камеръ-юнкеромъ, съ оставленіемъ въ военномъ званіи и съ повелѣніемъ присутствовать въ Синодѣ. Такъ началъ свое блистательное поприще 23-лѣтній „баловень счастья“, впоследствии „полудержавный владетель“ Россіи.

Но въ то время Потемкину было еще далеко до такого могущества. При дворѣ первенствовали Орловы, и онъ только въ 1768 году получилъ званіе камергера и чинъ генералъ-майора. Когда началась Турецкая война 1769 года и Орловы отправились съ русскимъ флотомъ въ Архипелагъ, Потемкинъ выпросился въ дѣйствующую армию, бился подъ Хотиномъ, а затѣмъ, перейдя въ Молдавскую армию, въ 1770 году за Ларгскую битву получилъ *Георгія* 3-й ст., отражалъ толпы татаръ въ Кагульской битвѣ, первый вошелъ въ Измаилъ и былъ отправленъ съ донесеніями въ Петербургъ.

Къ досадѣ Румянцева, который не терпѣлъ Потемкина за высокомеріе, послѣдній вернулся въ армию съ рекомендательнымъ письмомъ императрицы. Румянцева сталъ давать ему опасныя и отвѣтственныя порученія, съ цѣлью выказать его неспособность, и дѣйствительно, Потемкинъ, при его почти всеобъемлющемъ умѣ, лишенный воинскаго генія, дѣлалъ ошибку за ошибкой до конца похода 1773 года. Тѣмъ не менѣе, считая себя обиденнымъ, онъ обратился прямо къ Екатеринѣ письмомъ, въ которомъ требовалъ себѣ награды, и вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и награжденъ Александровскою лентой. Екатерина, озабоченная въ то время Пугачевскимъ бунтомъ и имѣя нужду въ близкомъ совѣтникѣ, вызвала Потемкина изъ арміи. Потемкинъ явился при дворѣ, но казался задумчивымъ и вдругъ изумилъ всѣхъ, когда черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Александро-Невскій монастырь, отпустилъ бороду и объявлялъ, что мѣняетъ блестящій дворъ на иноческую келью. Екатерина вызвала Потемкина изъ монастыря, и съ этихъ поръ участь его была рѣшена: онъ занялъ первое мѣсто среди царедворцевъ, былъ назначенъ вице-президентомъ Военной коллегіи, новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, командиромъ конныхъ войскъ, и 25 декабря 1774 г. получилъ орденъ *Св. Андрея Первозваннаго*. Онъ много содѣйствовалъ подавленію Пугачевщины и заключенію Кучукъ-Кайнарджійскаго договора. По заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, Екатерина возвела Потемкина въ графское достоинство, пожаловала ему орденъ *Св. Георгія* 2-й ст., чинъ генералъ-аншефа, саблю съ алмазами и свой портретъ. Потемкинъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, имѣлъ 144,000 руб. жалованья, кромѣ стола и экипажа; старушка-мать временщица была возведена въ званіе статсъ-дамы, короли искали его дружбы. Императоръ Іосифъ прислалъ ему дипломъ на званіе свѣтлѣйшаго князя Римской имперіи, Фридрихъ Великій—орденъ *Чернаго Орла*, Густавъ III—орденъ *Серафима*, Христіанъ VII—орденъ *Слона*, Станиславъ-Августъ—ордена *Бѣлаго Орла* и *Станислава*. Приказы имъ объявляемые, по Высочайшей волѣ, велѣно было считать наравнѣ съ указами подписанными императрицей. Онъ лично вручалъ указъ объ отставкѣ Орлову, Румянцеву—въ званіи кievскаго и малороссійскаго генералъ-губернатора—былъ его подчиненнымъ, все раболѣпствовало передъ Потемкинымъ. Съ 1775 года до самой кончины его Россія была управляема его умомъ и волею въ теченіе 16-ти лѣтъ.

Въ 35 лѣтъ отъ роду, достигнувъ высшихъ почестей и могущества, Потемкинъ вскорѣ оправдалъ умомъ и дѣлами неограниченныя милости императрицы и выборъ его. Онъ понялъ мѣсто Россіи въ Европѣ и начерталъ огромный планъ дѣйствій, извѣстный подъ названіемъ Греческаго Проекта. Управляя европейскою политикою Россіи, онъ видѣлъ возможность утвердить русскую власть надъ Чернымъ моремъ, уничтожить Турцію, раздѣлить ее съ Австріей, возстановить Грецію, отдавъ ее одному изъ внуковъ Екатерины, взять Польшу, и поставя орла русскаго въ Византію, сдѣлать Россію первенствующею въ Европѣ державой. Поэтому, предоставляя другимъ непосредственное внутреннее управленіе, Потемкинъ взялъ на себя дѣла на Югѣ, устройство войска и флота, чѣмъ надлежало начать обширныя планы.

Завявшись устройствомъ южныхъ пограничныхъ областей, Потемкинъ въ 1775 г. уничтожилъ буйную Запорожскую Сѣчь и заложилъ верфь въ устьѣ Днѣпра. Съ 1778 года начато построеніе Херсона. Въ 1777 году началось устройство Кавказской линіи. Къ 1783 году преобразовалась русская армія, причемъ реформа простерлась и на всѣ казачія войска. Въ 1784 году совершился безъ кровопролитія важнѣйшій подвигъ Потемкина—присоединеніе Крыма и окончательное утвер-

жденіе Россіи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Въ обширныхъ странахъ отъ Кубани до Днѣпра воздвигались города (Екатеринославъ, Мариуполь, Нахичеванъ и др.), строились верфи, заселялись пустыни, вооружались крѣпости, возникла торговля и промышленность. Основаніемъ Севастополя Потемкинъ упрочилъ будущность Черноморскаго флота.

Дѣятельность Потемкина была изумительна, а между тѣмъ онъ жилъ безпечно и великолѣпно въ Петербургѣ, повременамъ только наѣзжая въ южныя области, и лежа на диванѣ управлялъ политическими интригами всѣхъ столицъ Европы, встревоженныхъ возраставшимъ могуществомъ и превосходною политикою Россіи. Соперники Потемкина должны были призвать его, превышавшій всѣ ожиданія, геній. Императрица не щадила награды. Кромѣ богатыхъ помѣстьевъ и денегъ безъ счета, Потемкину подаренъ былъ Анничковскій дворецъ, пожалованы орденъ *Св. Владимира* 1-й ст., званія сенатора, генералъ-инспектора всѣхъ войскъ, чинъ генералъ-фельдмаршала, съ наименованіемъ Таврическимъ, званіе президента Военной коллегіи и шефа кавалергардовъ.

Погощенный своими величественными планами, Потемкинъ успѣлъ склонить на войну съ Турціей императора Іосифа и настоялъ на необходимости войны предъ Екатериной, утомленной уже 25-ти-лѣтнимъ царствованіемъ, угрожа своимъ удаленіемъ отъ двора. Императрица спѣшила согласиться на всѣ его планы, и такъ какъ Потемкинъ хотѣлъ показать ей плоды трудовъ своихъ, рѣшено было, что зимою 1787 года Екатерина посѣтитъ новыя области, управляемыя Потемкинымъ. Такъ состоялось это знаменитое путешествіе *Минервы Сиверы* по южной или *Новой* Россіи, показавшее всю мѣру трудовъ Потемкина. При личномъ свиданіи съ императоромъ Іосифомъ положено было воевать съ турками, уже готовившимися на войну упорную. Армія русская состояла изъ 260,000 регулярнаго войска, не считая 200,000 казаковъ, калмыковъ и татаръ. Пятнадцать военныхъ кораблей привѣтствовали Екатерину въ Севастополѣ, кромѣ Галернаго и др. флотовъ, видѣнныхъ ею въ Херсонѣ.

Исходъ войны, начавшейся блистательнымъ пораженіемъ турокъ Суворовымъ въ 1787 году при Кинбурнѣ, далеко не оправдалъ надеждъ Потемкина, который самъ былъ виновъ важнаго пренятствія къ успѣхамъ. Забывалъ свою неспособность предводити войсками, онъ требовалъ себѣ званія главнокомандующаго. Императрица старалась примирить его требованія съ успѣхомъ дѣла и раздѣлила армию, вручивъ начальство надъ главною Потемкину, а надъ меньшею Румянцеву. Антагонизмъ между вождями, пораженіе Іосифа турками, привели къ тому, что только въ декабрѣ Очаковъ былъ взятъ кровопролитнымъ штурмомъ.

Императрица послала Потемкину *Георгія* 1-й степени и звала его въ Петербургъ. Медаль, особая похвальная грамота, фельдмаршальскій жезлъ съ лаврами и алмазами, орденъ *Св. Александра Невскаго* на драгоценномъ бриллиантѣ, 100,000 рублей на окончаніе Таврическаго дворца и шпага съ бриллиантами, увольненіе Румянцева и главное начальство надъ обоими арміями были Потемкину наградою по прѣздѣ.

Но звѣзда всезнающаго „баловня счастья“ начинала уже заткаться. Потемкинъ видѣлъ, что императоръ Іосифъ едва ли поддержитъ его, Екатерина рѣшительно требовала мира, армія была обезсилена походомъ. Только побѣдами могъ Потемкинъ достигнуть своей цѣли, но умъ его былъ ничтоженъ во всемъ, что касалось начальства войсками, а гордость не дозволяла ему передать дѣло другому.

Потемкинъ кончилъ тѣмъ, что выставилъ на поле битвы Суворова, но несмотря на побѣды его подъ Фокшанами и Рымникомъ, и князя Рѣпинна на Салтѣ, не позволялъ имъ идти впередъ и дѣйствовать рѣшительно. Забравъ нѣсколько крѣпостей, онъ началъ переговоры съ турками о мирѣ и встрѣтилъ отказъ. Императрица думала ободрить Потемкина наградами: онъ получилъ 100,000 руб., бриллиантовый вѣнокъ въ 150,000 руб., титулъ великолѣпнѣмъ, дипломатами и всей роскошью Европы и Азии, страдалъ и томился, прескученный жизнью, оскорбляемый неисполненіемъ желаній, тревожимый слухами о новомъ фаворитѣ императрицы, молодомъ П. А. Зубовѣ, который горделиво угрожалъ низвергнуть стараго временщика, ненавидимаго столь многими. Надлежало кончить войну и слѣзнуть въ Петербургъ. Но только въ декабрѣ 1790 г. былъ взятъ Измаилъ, и Потемкинъ, въ февралѣ 1791 г., прѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ самъ могъ видѣть, какъ перемѣнились обстоятельства. Хотя 28 апрѣля онъ далъ сказочно-роскошный пиръ въ своемъ Таврическомъ дворцѣ императрицѣ и Петербургу, все еще являлся правителемъ Россіи и былъ осыпанъ наградами, но самъ думалъ только о смерти, и давъ полномочіе Рѣпинну заключить миръ при первомъ случаѣ, 24 іюля выѣхалъ изъ Петербурга и совсѣмъ большой прибылъ въ Яссы, когда Рѣпинъ уже заключилъ перемиріе, невыгодное для Россіи. Потемкинъ чувствовалъ смерть въ груди и хотѣлъ умереть въ своемъ Николаевѣ, основанномъ имъ еще въ началѣ кампаніи при впаденіи рѣки Ингула въ Бугъ. Но дорогою ему стало хуже, и на 38-й верстѣ отъ Яссъ, среди Бессарабской пустыни, онъ велѣлъ остановиться. Разо-

стлали плащъ, вынесли Потемкина изъ кареты, положили на землю, и онъ тихо скончался на рукахъ своей племянницы, графини Браницкой, 5 октября 1791 г. Вечеромъ, окруженная погребальными факелами, вернулась карета съ тѣломъ въ Яссы.

Память о Потемкинѣ въ южно-русскомъ краѣ.

Н. Ширева.

5 октября 1891 г. исполнится 100-лѣтіе со дня кончины князя Потемкина-Таврическаго и, слѣдовательно, услышать о немъ что-нибудь новое отъ живыхъ свидѣтелей уже невозможно. То, что сохранила намъ исторія въ напечатанныхъ, а можетъ быть и въ остающихся еще въ рукописяхъ, памятникахъ о дѣлахъ минувшихъ, вотъ все, что мы будемъ знать о Потемкинѣ. Замѣчательно при этомъ одно обстоятельство. Новороссійскій край, какъ извѣстно, былъ созданіемъ Потемкина. То, о чемъ лишь мечталъ Петръ Великій, Екатерина II при содѣйствіи своего гениальнаго сподвижника, Потемкина, совершила на дѣлѣ, и, не смотря на всѣ препятствія, сѣверный берегъ Чернаго моря сдѣлался русскимъ берегомъ. Дѣятельность Потемкина по устройству новоприосвоеннаго, почти безлюднаго края, была изумительная, необыкновенная. Съ уничтоженіемъ отжившей своей вѣкъ Сѣчи Запорожской, явилась возможность устроить въ Новороссіи правильную колонизацію изъ русскихъ переселенцевъ (въ томъ числѣ и раскольниковъ) и пришельцевъ изъ турецкихъ областей. Явились новые города, стали селиться иностранные купцы; наконецъ появилась на волнахъ Чернаго моря сильнѣйшая русскій флотъ. Сохранилось достовѣрное преданіе, что Потемкинъ въ одинъ изъ проѣздовъ своихъ за Бугъ къ арміи, обозрѣвая избранное имъ мѣсто для кораблестроенія и города, названнаго въ память Очаковской побѣды „Николаевымъ“*), долго любовалась обширною и удобною мѣстностью при впадѣніи р. Ингула въ Бугъ, и, какъ бы предвидя будущность края, воскликнула: „О! теперь Черное море наше, и потомство отдастъ мнѣ справедливость.“¹ Но, къ сожалѣнію, плодотворная дѣятельность Потемкина продолжалась недолго. На 18-мъ году управленія краемъ, онъ скончался въ лучшіе годы своей жизни, въ пустынномъ полѣ, на границѣ вышшихъ уѣздовъ Клишневскаго и Яскаго, между селеніями Ундешты и Темелуцы, около стараго почтового тракта изъ м. Скуляпъ въ г. Клишневъ. Здѣсь обветшалый памятникъ (въ родѣ пирамиды изъ дикаго камня) напоминаетъ случайному проѣзжему о мѣстѣ его кончины. Впрочемъ, памятникъ это не тотъ, что былъ поставленъ скорѣ по смерти князя; тотъ—давно разрушился, а существующій—возобновленъ въ двадцатыхъ годахъ любимымъ племянникомъ Потемкина, графиней Браницкой (рожд. Энгельгардтъ), на рукахъ которой онъ и скончался. И что же? Лишь только не стало Потемкина, а скорѣ за нимъ не стало и Екатерины, заботы о Новороссіи какъ бы прекращаются; мало того, на дѣла рукъ его воздвигается что-то въ родѣ гоненія, и даже самый прахъ Потемкина, предназначенный для почетнаго погребенія въ Херсонскомъ храмѣ во имя „Спасителя рода человѣческаго“ (нынѣ бывшій крупнѣйшій памятникъ Св. Екатерины), велѣно предать забвенію. Такъ, особымъ повелѣніемъ отъ 27 марта 1798 г. предписывалось, чтобы гробъ Потемкина безъ всякой огласки былъ зарытъ въ землю въ той же церкви, а мѣсто это изглажено такъ, „какъ бы его никогда не бывало“. Черезъ мѣсяцъ херсонскій комендантъ доносилъ уже о точномъ исполненіи повелѣнія. Говорятъ, что въ первый разъ снова открыли могилу Потемкина племянникъ его, екатеринославскій архіепископъ Іовъ въ 1818 г. Затѣмъ, въ концѣ 1860-хъ и началѣ 1860-хъ годовъ любознательные осматривали, и дѣйствительно нашли остатки праха Потемкина; но только въ августѣ 1874 г., по инициативѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, кости Потемкина были окончательно упокоены и надъ прахомъ его воздвигнутъ приличный памятникъ изъ чернаго мрамора съ вызолоченнымъ гербомъ и такими же надписями: „Очаковъ—1788. Крымъ и Кубань, Херсонъ—1788. Анкерманъ—1789. Екатерinosлавъ—1786. Бендеры—1789. Николаевъ—1789“. Кроме того, въ 1873 г. Херсонское губернское земство соорудило въ той же церкви въ честь Потемкина небольшую овальную мраморную доску тоже съ надписью. Выстѣ съ закрытіемъ могилы Потемкина уничтожено было и предположеніе о сооруженіи ему памятника въ Херсонѣ. Нынѣ существующій въ этомъ городѣ памятникъ Потемкину сооруженъ въ 1828—1836 гг., съ разрѣшенія государей Александра I и Николая Павловича; онъ построенъ, какъ говорятъ, преимущественно на средства родственниковъ князя (графовъ Браницкихъ и Воронцовыхъ) и составляетъ одно изъ лучшихъ произведеній художника Мартоса. Потемкинъ изображенъ въ формѣ кавалергардовъ своего времени (онъ и былъ „шефомъ“ этого „корпуса“). На самомъ памятникѣ надписи: „Князю Потемкину-Таврическому—Новороссійскій край“. Засимъ въ Херсонѣ болѣе ничто не напоминаетъ Потемкина. Сохранилось лишь преданіе, что когда Екатерина II, проѣздомъ черезъ Херсонъ въ 1787 г., посадила „на память“ три абрикосовыхъ зерна, изъ которыхъ потомъ выросло велико-

Румянцева, услышавъ о смерти Потемкина, заплакала, говоря: „Потемкинъ былъ врагъ мой, но человекъ великій“. — C'était mon élève et l'homme de génie (это былъ мой ученикъ и гениальный человекъ), сказала опечаленная императрица.

лѣнное тройное дерево, еще въ концѣ 1860-хъ годовъ сохранившееся въ очень хорошемъ видѣ, то и Потемкинъ посадилъ такое же зерно; изъ него, говорятъ, выросло также дерево, но оно давнымъ-давно исчезло безслѣдно.

Любимый городъ Потемкина, Николаевъ, въ настоящее время не сохраняетъ ничего напоминающаго о Потемкинѣ. Увеселительный дворецъ Потемкина въ урочищѣ Спасскѣ (въ $\frac{1}{2}$ вер. отъ Николаева) еще въ 40-хъ годахъ разрушился и былъ перестроенъ въ домикъ въ мавританскомъ вкусѣ; исчезъ и оригинальный „молдаванскій домъ“ Потемкина въ самомъ городѣ. Только храмъ во имя Св. Григорія, просвѣтителя Арменіи (патронъ Потемкина), заложенный Потемкинскимъ и оконченный послѣ его смерти (въ 1794 г.), напоминаетъ еще о строителѣ города и мѣстнаго адмиралтейства.

Съ давнихъ поръ еще два кургана напоминали мѣстнымъ жителямъ о Потемкинѣ. Одинъ изъ нихъ въблизи Очакова извѣстенъ подъ названіемъ „Свѣтлѣйшаго“; съ него смотрѣлъ Потемкинъ на штурмъ крѣпости, номинунто крестясь и повторяя: „Господи помилуй“. Другой курганъ („Потемкинскій“) находится въблизи Бендеръ. Здѣсь, по преданію, была ставка князя во время осады этой крѣпости въ 1789 г. Замѣтны кстати, что за ваятіе Очакова и Бендеръ, кромѣ другихъ наградъ, въ честь Потемкина были выбиты особая почетныя золотыя медали.

Заслуги Потемкина по покоренію Крыма и Кубани увѣковѣчили лишь титуломъ („князь Тавричскій“) и изображеніемъ его на памятникѣ Екатерины II, воздвигнутомъ въ Симферополѣ 18 октября 1890 г.

Въ Екатеринославѣ, который Потемкинъ затѣялъ было въ широкихъ размѣрахъ соорудить въ честь Екатерины, тоже теперь очень немногое напоминаетъ его замыслы. По плану Потемкина, городъ долженъ былъ имѣть 15 верстъ только въ длину; въ немъ проектированъ былъ университетъ съ Академіею Художествъ и Музыки, Медицинское училище, разныя учебныя, промышленныя и общественныя заведенія. Соборъ (во имя Преображенія Господня) долженъ былъ имѣть въ длину 71 саж. и въ ширину 21 саж.; слѣдовательно, долженъ былъ превзойти храмъ Св. Петра въ Римѣ. Закладка этого собора совершена была съ необыкновенной пышностью 9 мая 1787 г. самою Екатериною II и сопровождавшимъ ее Германскимъ императоромъ Іосифомъ II; но теперь только ограда вокругъ нынѣшняго храма (построеннаго въ 1830—1835 гг.) напоминаетъ о предположенныхъ Потемкинскимъ размѣрахъ первоначальнаго храма, одинъ фундаментъ котораго стоилъ болѣе 70 тыс. руб. Находящійся въ Екатеринославѣ памятникъ Екатерины II тоже напоминаетъ мысль Потемкина поставить здѣсь монументъ государыни еще при жизни ея; памятникъ былъ отлитъ по заказу Потемкина въ Берлинѣ, но не поспѣлъ ко времени посѣщенія Новороссіи Екатериною и оконченъ былъ, къ великому неудовольствію Потемкина, только въ 1788 г. Засимъ мысль о памятникѣ какъ-то исчезла, и самый памятникъ найденъ былъ случайно въ 40-хъ годахъ въ Петербургѣ, на заводѣ Берда, въ числѣ ненужнаго металла. Екатеринославское дворянство купило его и открыло въ своемъ городѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, 26 сентября 1846 г. Домъ князя Потемкина, гдѣ нынѣ Благородное Собраніе, теперь совершенно перестроенъ, а отъ прежняго великолѣпія не осталось и слѣда. Есть свѣдѣнія, что по воцареніи Павла I всѣ драгоцѣнныя этого дома и роскошная обстановка (напр. цѣлыя зеркала во всю стѣну) были проданы съ аукціона въ 24 часа за нѣсколько тысячъ рублей. Самое названіе „Екатеринославъ“ было отмѣнено въ 1797 г. Одинъ изъ современниковъ той эпохи говорилъ: „Съ горестью смотрѣли екатеринославскіе жители, какъ вывозили тронъ императрицы изъ залы дворянскихъ собраний, гдѣ онъ былъ чтимъ, какъ палладиумъ всего края; какъ опустошался дворецъ Потемкина и богатый паркъ...“² *)

Переимѣна названія въ это время постигла и другой городъ, „Григоріополь“ (Херс. губ.). Желая увѣковѣчить память Потемкина, Екатерина въ 1792 г. повелѣла назвать учрежденное Потемкинскимъ поселеніе для кавказскихъ армянъ „Григоріополемъ“, но при Павлѣ I это названіе было отмѣнено и городъ названъ былъ „Чернымъ“, причемъ жителей лишили прежнихъ привилегій.

Въ заключеніе замѣтимъ, что, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, въ остальныхъ частяхъ Новороссійскаго края о Потемкинѣ не сохранилось почти никакихъ воспоминаній. Развѣ только церковь во имя Св. Григорія Арменскаго въ г. Новогеоргиевскѣ (Херс. губ., основанъ греками-армянами въ 1780-хъ

*) Гакстгаузъ: „Ислѣд. народн. жизни Россіи“ (пер. съ нѣм.). М. 1870. Т. I, стр. 463. А. Скальковскій: „Хронологич. обзор. ист. Новор. края“. Ч. 2. Одесса. 1838, стр. 11.

*) Очаковъ взятъ былъ штурмомъ 6 декабря 1788 г. (день памяти Св. Николая).

годах), такая же церковь в бывшем военном поселении Новогригорьевскѣ (въ 9 вер. отъ Вознесенска), уже засыпанная колодезь въ 3 вер. отъ Вознесенска, выкопанная въ честь Потемкина поселенцами-арнауками, да еще кое-что въ этомъ же родѣ, -- вотъ и все, что можетъ еще напоминать о томъ мужѣ, который своею дѣятельностью далъ возможность присоединить къ титулу Русскихъ Государей титулъ „Царей Херсонеса-Таврическаго“.

Разрушеніе Сѣчи Запорожской (въ 1775 г.) сдѣлало имя Потемкина непопулярнымъ между разошедшимися въ разные стороны казаками. Желалъ какъ-нибудь склонить на свою

сторону всеильнаго вельможу, они выбрали его въ свои „почетные сѣчевые казаки“; у нихъ слытъ онъ даже подъ прозвищемъ *Грышка Неюсы*; но скоро они разлюбили его. Правда, сформированные Потемкинымъ изъ бывшихъ запорожцевъ казачьи отряды служили со славою подъ его начальствомъ, но ни въ иѣсахъ, ни въ преданіяхъ не сохранили казачи доброй памяти о немъ. Запорожцы долго не забывали, напр., того, что Потемкинъ по разрушеніи Сѣчи забралъ изъ ихъ сѣчевой церкви заветные вклады и украшения, часть которыхъ отослалъ въ любимый свой Николаевъ, а часть взялъ въ свою походную церковь.

Къ рисункамъ.

Кисловодскъ. (Рис. на стр. 857).

Упраздненное укрѣпленіе и казачья станица Терскаго войска, Ставропольской губ., Пятигорскаго уѣзда, Кисловодскъ расположенъ при рѣчкахъ Березовкѣ и Ольховкѣ, которыя своимъ слияніемъ образуютъ Эль-Куму, впадающую въ Подкумокъ. Укрѣпленіе было построено въ 1803 году и состоитъ изъ пятиугольной крѣпостцы съ 5-ю бастіонами и 2-мя рavelинами. Станица приобрѣла громкую извѣстность своимъ желѣзнокислымъ минеральнымъ источникомъ, получившимъ названіе *Нардзана*, т. е. богатырскаго. Главныя минеральныя части Нардзана: желѣзная закись, углекислота, сернокислые натръ и магнезія. Вода имѣетъ свойство сильно укрѣпляющее; употребляется въ видѣ ваннъ и для питья. Воды Нардзана полезны въ истерикѣ и др. женскихъ болѣзняхъ, ииохондріи, кровотеченіяхъ, ревматизмѣ, параличѣ и т. п. Кисловодскъ имѣетъ около 1500 жителей.

Предъ Совѣтомъ Трехъ. (Рис. на стр. 860 и 861).

Съ начала XIV столѣтія въ Венеціанской республикѣ все прочіе укрѣпилась власть знати (Nobili) и наконецъ въ защиту себѣ создала особый тайный судъ, который въ теченіе столѣтій заставлялъ трепетать гражданъ „Царицы морей“. Это былъ знаменитый *Совѣтъ Трехъ*, избирасмый изъ членовъ *Совѣта Десяти* и имѣвшій своею задачею заботиться о безопасности государства и истреблять въ самомъ зародышѣ каждое покушеніе на существующій строй. Вооруженный самыми широкими правами, онъ вскорѣ сталъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, въ сравненіи съ которымъ избираемый глава государства, дожъ, пользовался лишь призрачною властью. Всѣ звали, что этотъ страшный судъ существовалъ на законномъ основаніи, но никому не было извѣстно, кто именно изъ десяти выбранъ въ число грозныхъ трехъ. Обнародовались такіе приговоры, но подписывались они только секретаремъ. Передъ дворцомъ Дожей выставялись тѣмъ обезглавленные или иначе казненные, но процессъ ихъ ницего не былъ слышно. Слово кака-то неземная власть нависла надъ Венеціанскою республикой. Даже сами трое судей-инквизиторовъ не были безопасны отъ нея, ибо былъ еще такъ-называемый *замѣститель* къ которому могли присоединиться двое инквизиторовъ чтобы въ случаѣ нужды судить третьяго своего товарища.

Двое изъ нихъ судили цѣлый годъ и носили черное платье; третій инквизиторъ одѣвался въ красное и, въ качествѣ совѣтника при дожѣ, принадлежалъ къ составу суда лишь 8 мѣсяцевъ въ году. При отправленіи правосудія они не были

связаны никакими правилами, кромѣ общаго согласія въ приговорѣ. Средства изслѣдованія преступленій, добываніе свидѣтелей, примѣненіе пытокъ для вымогательства сознаний, выборъ наказаній, тайное или открытое совершеніе казней -- все было предоставлено ихъ безответственному произволу.

На службѣ ихъ находились шпіоны во всѣхъ слояхъ населенія, до Совѣта Сорока и дворца Дожей; тайные агенты работали въ столицѣ и провинціи; тайные, никому не извѣстные палачи или наемные убійцы (bravi) готовы были исполнять приговоры по одному мановенію руки. Благодаря этому страшному учрежденію, Венеція могла въ теченіе вѣковъ сохранить свой аристократическій строй, хотя судъ этотъ былъ гораздо страшнѣе честолюбивымъ и увлекавшимся аристократамъ, нежели скромнымъ гражданамъ и цардной толпѣ.

Картина Пилоти изображаетъ, какъ трое наемныхъ убійцъ пришли въ совѣтъ получать плату за свою кровавую работу. Одинъ изъ нихъ въ доказательство показываетъ платѣ убитаго, въ котормъ завернута его голова. Остальные ждутъ денегъ. Секретарь выплачиваетъ имъ дукаты изъ казенной шкатулки. Красный инквизиторъ съ полнымъ спокойствіемъ смотритъ на завершеніе дѣла. Одинъ изъ черныхъ какъ будто еще разъ совѣтуется со своею совѣстью, точно-ли это кровавое дѣло было необходимо для общаго блага; третій какъ бы говоритъ убійцѣ словами Болингброка въ „Ричардѣ II“: „Возьми эту плату за грѣхъ твоей совѣсти и не жди отъ меня ни благодарности, ни расположенія“.

Черногорскія альпы. (Рис. на стр. 868).

Небольшія владѣнія князя Николая Черногорскаго, лежащая, какъ извѣстно, у Адриатическаго моря, между южной оконечностью Далматин, Герцеговиной и Албаніей, представляя чистую горную область. Въ самомъ сердцѣ этого альпійскаго мірка и переносить насъ великолѣпная картина Альберта Ригера. Видъ этотъ снятъ со старой горной дороги, ведущей изъ Котора (Каттаро) въ Цетинье, вырубленной въ скалахъ и находящейся на 900 метрахъ (около 450 сажень) высоты. Отсюда видны не только всѣ окрестныя горныя кряжи, громоздящіеся другъ на друга, но и вся Бока Которская (Катарскій заливъ). Этотъ заливъ есть единственная изъ бухтъ на Далматинскомъ берегу углубляющаяся на 4 мили въ материкъ. Фіордъ не идетъ параллельно горнымъ цѣпямъ, какъ болѣею частью въ Далматин, но прорываетъ многія изъ нихъ, такъ что образуется рядъ водяныхъ котловинъ, отдѣленныхъ одна отъ другой выступами двухъ противоположащихъ горъ. На заднемъ планѣ крайняго къ матеріку водоема расположена подъ двумя крутыми хребтами Монте-

Иргизскій нумганъ, поднесенный Государю Наслѣднику Цесаревичу иргизами Уральской области. Съ фот. грав. Флюгель.

Селы и Веттергнаха далматинская гавань Каттаро, сильно укрѣпленная съ моря, а сзади — лежащимъ на высотѣ 200 метровъ форгомъ Санъ-Джованни. Тотчасъ за городомъ змѣнится вверхъ видимал на нашемъ рисункѣ Старая дорога, рядомъ съ которою нынѣ проведенъ новый проѣздный путь, такъ что теперь изъ Каттаро въ Цетинье можно ѣздить и въ экипажѣ. Чѣмъ выше поднимается путникъ, тѣмъ великолѣпнѣе окрестная панорама. Скоро уже фортъ Санъ-Джованни оказывается внизу, исчезая въ общей громадѣ чериогорскихъ великановъ. Заливъ также весь открывается до самаго моря. Картина величественная, которую долго не забудеть очевидецъ!

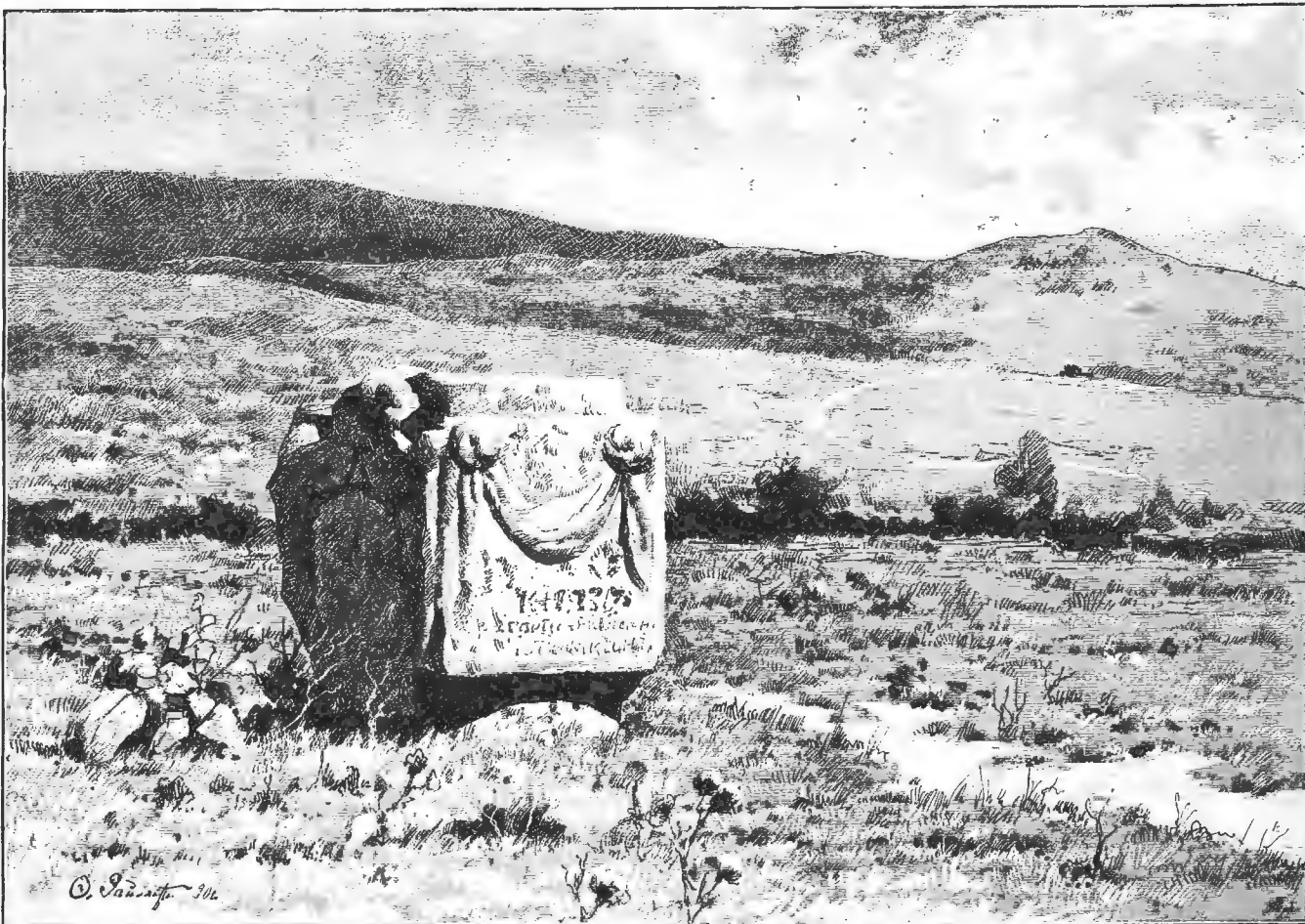
Пребываніе Государя Наслѣдника Цесаревича въ Уральскѣ. Киргизскій праздникъ.

(Рис. на стр. 869 и 872).

Въ дополненіе къ рисункамъ, помѣщеннымъ нами въ 39-мъ

№ *Нивы* по поводу 300-лѣтняго юбилея Уральского казачьяго войска, помѣщаемъ изображеніе праздника, даннаго въ честь Государя Наслѣдника Цесаревича мѣстными киргизами. Это точное воспроизведеніе фотографическаго снимка, присланнаго намъ изъ Уральска г. Хохлачевымъ, со всѣми деталями туземныхъ нарядовъ, разукрашенныхъ юрть и проч. На рисункѣ изображенъ тотъ моментъ, когда киргизы подносятъ Его Императорскому Высочеству кумгаи съ кумысомъ — своего рода хлѣбъ-соль. На первомъ планѣ волостные старшины и почетные бии (судьи) въ халатахъ изъ разноцвѣтнаго бархата, одѣланныхъ позументами; тутъ-же и простые члены стеной, и дѣти-воспитанники киргизскаго училища. Направо видна кибитка Его Высочества, а возлѣ ней — нѣсколько киргизокъ въ бѣлыхъ головныхъ уборахъ.

Поднесенный Государю Наслѣднику Цесаревичу кумгаи (рис. на стр. 872), работы Овчинникова, подставка и двѣ чашечки — серебряныя, вызолоченныя, силою устланы цѣнными

Памятникъ на мѣстѣ гдѣ скончался Свѣтлѣйшій Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, въ Бессарабской губерніи Яскаго уѣзда. Рис. (собств. „Нивы“) О. Райляна, грав. Ангереръ.

Главная контора редакціи журнала „НИВА“,

въ виду предстоящей разсылки при №. 41 журнала „Нива“ преміи

„АЛЬБОМЪ „НИВЫ“ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ“,

покорнѣйше просить тѣхъ гг. подписчиковъ, которые получаютъ журналъ „Нива“ не непосредственно изъ почтово-телеграфныхъ и почтовыхъ учреждений, а по земской почтѣ чрезъ земскія управы, волостныя правленія или инымъ путемъ, а также чрезъ посредство довѣренныхъ лицъ, озаботиться, чтобы премія была имъ доставлена этими лицами и учреждениями своевременно и въ надлежащемъ видѣ, такъ какъ почтово-телеграфныя и почтовыя учреждения, сдавъ по принадлежности ими полученное, дальнѣйшей ответственности на себя не принимаютъ. Равнымъ образомъ Контора просить гг. подписчиковъ журнала „Нива“, получающихъ свою корреспонденцію на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ отделеній, войти по сему въ сношеніе съ лицами завѣдывающими этими станціями.

камнями. На двух сторонах кумгана сдѣлана эмалью надпись на двухъ языкахъ: „Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу отъ Киргизскаго народа Уральской области. 1891“.

Памятникъ Потемкину на мѣстѣ его кончины.

(Рис. на стр. 873).

На рисункѣ, среди обширной, холмистой равнины, виденъ обветшалый памятникъ изъ дикаго камня, воздвигнутый племянницей Потемкина, графиней Браницкой, на томъ мѣстѣ, гдѣ скончался свѣтлѣйшій князь Тавриды, между селеніями Унциенты и Темелеуды, на границѣ нынѣшнихъ уѣздовъ Клушневскаго и Иссаго.

Политическое обозрѣніе.

22 сентября въ Мелькѣ происходило торжественное освещеніе памятника, сооруженнаго на могилѣ павшихъ въ сраженіи 1805 г. русскихъ воиновъ арміи Кутузова. Памятникъ воздвигнутъ на средства, пожертвованныя Государемъ Императоромъ. Городское управленіе Мелька сдѣлало большія приготовленія къ чествованію тогдашнихъ союзниковъ Австріи. Военный министръ командировалъ на торжество партію офицеровъ съ генераломъ во главѣ и кромѣ того отрядъ войска. На торжествѣ, русскій повѣренный въ дѣлахъ, князь Кантакузенъ, благодарилъ мелькскую городскую общину за благодушную охрану русской могилы. Военный уполномоченный, полковникъ Зуевъ, выразилъ отъ имени русской арміи благодарность за присутствіе на празднествѣ представителей австро-венгерской арміи. Австрійскій генералъ-майоръ Бекъ отвѣтилъ, что австро-венгерская армія питаетъ сердечныя товарищескія чувства къ своимъ храбрымъ союзникамъ 1805 года, и прибавилъ, что австро-венгерскіе товарищи по оружію всегда охраняютъ могилы русскихъ товарищей. При освещеніи памятника исполнены были сперва русскія, а потомъ австрійскія пародныя гимны. На данномъ вслѣдъ за тѣмъ банкетѣ бенедиктинскій монахъ Карлъ провозгласилъ тостъ за Государя Императора, послѣ чего князь Кантакузенъ предложилъ тостъ за императора Австрійскаго. По словамъ газетъ, русскіе гости, присутствовавшіе въ Мелькѣ при открытіи памятника павшимъ въ 1805 году русскимъ воинамъ, были глубоко тронуты вниманіемъ, оказаннымъ имъ представителями австрійской арміи и мѣстнымъ населеніемъ.

Въ тотъ же день въ Ниццѣ происходило торжественное открытіе памятника Гарибальди въ присутствіи зятя Гарибальди—генерала Канціо, министра Рувье, мэра города Ниццы и представителей многихъ итальянскихъ и французскихъ обществъ. Въ произнесенныхъ по этому случаю рѣчахъ ораторы съ благодарностью вспомнили помощь, оказанную со стороны Гарибальди Франціи въ 1870 году. Генералъ Канціо привѣтствовалъ память Гарибальди отъ имени его семьи и сказалъ, что общіе враги пытались вызвать взаимную подозрительность между французскимъ и итальянскимъ народами изъ-за Рима. Далѣе ораторъ сдѣлалъ воззваніе къ Франціи, прося ее оставить великія подозрѣнія. „Имя Гарибальди, прибавилъ Канціо,—есть символъ единенія между обоими народами“. Рувье, говорившій отъ лица всей французской республиканской печати, напомнилъ о роли Гарибальди при народной оборонѣ 1870 года и высказалъ протестъ противъ обвиненія въ томъ, будто республиканская Франція мечтаетъ о возстановленіи свѣтской власти папы. Ораторъ просилъ итальянцевъ съ презрѣніемъ отвергнуть высказываемыя по ихъ адресу обвиненія. „Столкновеніе между Франціею и Италіею, сказалъ Рувье,—было слѣдствіемъ преступленія противъ цивилизаціи и свободы Европы“. Слѣдующій ораторъ, Рувье, напомнилъ о необыкновенной роли Гарибальди, который, по его словамъ, создалъ единство Италіи и сдѣлалъ Римъ ея столицею. Далѣе онъ упомянулъ о неразрывныхъ узлахъ, которые соединяютъ Францію съ Италіею, и заключилъ свою рѣчь словами: „Лучшимъ апофеозомъ Гарибальди, явившагося защищать насъ въ минуту нашего несчастья, послужить почести, которыя отдаетъ ему сегодня республиканская Франція, могущественно вооруженная и развивающаяся среди порядка и свободы“. Никакихъ особыхъ происшествій во время церемоніи не было. На банкетѣ, который былъ данъ вслѣдъ затѣмъ отъ городского управленія Ниццы въ честь итальянскихъ и французскихъ делегатовъ, провозглашено было нѣсколько тостовъ, касавшихся преимущественно единенія между романскими народностями. Послѣдній изъ тостовъ провозглашенъ былъ Рувье, который,

напомнивъ о дѣятельности республики за двадцать лѣтъ, высказалъ, что французское правительство желаетъ „республики, открытой для всѣхъ“.

Какою-то странною противоположностью являются событія, происшедшія въ Римѣ 20 сентября. Въ это время въ Вѣяномъ городѣ находилось множество паломниковъ. Трое изъ нихъ, французы, произвели демонстрацію передъ гробницею короля Виктора-Эммануила въ Пантеонѣ, написавъ въ книгѣ для посетителей слова: „Vive le rare!“, а одинъ изъ нихъ прибавилъ букву „R“ (начальную букву слова „roi“). Подъ первымъ впечатлѣніемъ этого поступка, столпившійся народъ началъ бить нѣкоторыхъ изъ французовъ, которые вели притомъ себя вызывающимъ образомъ. Французы были арестованы и отправлены въ центральный полицейскій домъ. По этому поводу въ главныхъ городахъ Италіи происходили народныя демонстраціи. 22 сентября утромъ въ Римѣ народъ собрался большою толпою и отправился въ Пантеонъ, гдѣ возложили на гробъ короля вѣнки изъ дѣтвѣвъ и лавровъ, причѣмъ вслѣдъ былъ сохраненъ полныи порядокъ. Папа осудилъ поступокъ французскихъ паломниковъ. Клерикальныя газеты заявляютъ, что подобная демонстрація была не у мѣста и не во время. Французскія посольство и французская колонія также протестовали противъ демонстраціи. Французскія газеты, въ большинствѣ, горячо порицаютъ поведеніе паломниковъ, учинившихъ этотъ инцидентъ, и даже находятъ, что выходка ихъ оправдываетъ образъ дѣйствій римскаго населенія.

Внезапная смерть генерала Буланже продолжаетъ быть предметомъ разнорѣчныхъ толковъ. О кончинѣ когда-то блестящаго и популярнаго ех-министра и главы національной партіи передаютъ слѣдующія подробности. Четверо рабочихъ, работавшихъ на кладбищѣ, замѣтили въ 11 1/2 час. Буланже, шедшаго къ могилѣ г-жи Боннемеанъ, а въ 12 1/4 ч. тѣ же рабочие услышали звукъ выстрѣла. Подбѣжавъ къ могилѣ, они убѣдились, что Буланже сдѣлалъ въ себя выстрѣлъ изъ револьвера и что пуля, понавъ въ высоту, пробила черепъ. Управляющій кладбищемъ, котораго немедленно повѣстили о случившемся, вынулъ револьверъ изъ нервно сжатой руки Буланже и распорядился о перенесеніи тѣла въ кладбищенскій склепъ, откуда оно было перевезено въ отель улицы Мон-трейе. Громадная толпа народа все время собиралась передъ отелемъ, оживленно толкуя о происшествіи. Буланже носился, повидимому, уже нѣкоторое время съ идеею о самоубійствѣ. На это предположеніе наводитъ фактъ, что онъ возложилъ на могилу г-жи Боннемеанъ вѣнокъ съ надписью: „До скораго свиданія, Маргарита!“ Похороны были гражданскія, такъ какъ Малинскій епископъ не разрѣшилъ отпѣванія въ церкви тѣла Буланже, какъ самоубійцы. Громадная толпа народа присутствовала на похоровахъ. Во время давки нѣсколько человекъ было контужено, одному городскому переломили руку. Рѣчей произнесено не было.

Причину самоубійства объясняютъ различно. По словамъ парижскаго корреспондента *National Zeitung*, генералъ Буланже находился въ послѣднее время въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, что думалъ даже о продажѣ своего имуществъ. Къ этому присоединилось еще такое нравственное разочарованіе, какъ упроченіе республиканскаго правительства, огнившее у него послѣднюю иллюзію на лучшее будущее.

СОДЕРЖАНІЕ: Наль. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. И. Каразина. Ч. II. (Продолженіе). — Свѣтлѣйшій князь Г. А. Потемкинъ-Тавричскій. (По поводу 100-й годовщины смерти). (Съ портр. и рис.). — Память о Потемкинѣ въ южно-русскомъ краѣ. Н. Ширева. — Къ рисункамъ: Нисловоски (съ рис.). — Предъ Свѣтомъ Трехъ (съ рис.). — Черногорскія альпы (съ рис.). — Прѣбываніе Государя Наслѣдника Цесаревича въ Уральскѣ. Киргизскій праздникъ (съ 2 рис.). — Памятникъ Потемкину на мѣстѣ его кончины (съ рис.). — Отъ главн. конторы редакціи журнала „Нива“. — Политическое обозрѣніе. — Объявленія.

При семъ № прилагаются „ПARIЖСКИЕ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1891 г., съ 29 рис. и отдѣльный листъ съ 30 черт. выроекъ въ натур. величину и 41 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

**АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ
ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА
составленный Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.**

ИЗДАНИЕ 2-е, дополненное новыми рисунками. Цѣна въ автограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 коп. Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

ПРИЯТНОЕ ЗАНЯТІЕ ДЛЯ КАЖДАГО.

Купите у **Э. Г. ДЕЗЛЕРА** (СПБ., углов. магаз. Горох. и Мойки)

терракотовыя вещи въ арабскомъ стилѣ съ тисненными узорами, покрой ихъ лакомъ и потомъ раскрашивай узоры (по 30 к., золото 40 к.). Безъ всякаго труда въ скоромъ времени, поэтому способу получаете очень эффектные блюда, вазы, кружки, жардиньерку и т. д., для всякаго красиваго подарка и изящное украшеніе для комнаты. Для ДѢТЕЙ отъ 7 лѣтъ есть легкіе узоры. Работа сохнетъ чрезъ нѣсколько часовъ и затвердѣетъ въ нѣсколько дней съ высушимъ глиняемъ, такъ что раскрашенныя вещи можно мыть теплою водою. Раскрашенныя рисунки по 40 и 20 к.

Поступилъ въ продажу романъ **БЕРТЫ ФОНЪ-СУТТЕРЕРЪ**

„ПРОТИВЪ ВОЙНЫ“.

Переводъ съ немецкаго, съ разрѣшенія автора, подъ редакціей и съ оступленіемъ **Ф. И. БУЛГАКОВА**. (Изданіе „Вѣстника Иностранной Литературы“). Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., за пересылку прилагать 25 коп.; обращающіеся въ складъ а пересылку не платятъ. **СКЛАДЪ ИЗДАНИИ** въ Редакціи „Вѣстника Иностранной Литературы“, С.-Петербургъ, Вережская, 16 и въ Конторѣ журнала „Гостиница Дворъ, Зеркальная линия, магазинъ П. Ф. Платтслова, № 63. № 534

Подписка на „Вѣстникъ Иностранной Литературы“ на 1891 годъ продолжается: Цѣна съ доставкою и пересылкою за годъ 4 руб.

МУЗЫК. МАГАЗИНЪ А. БИТНЕРЪ.
С.-Петербургъ, Невскій просп. № 22, высылаетъ по порученію автора за 22 коп. № 5363 почт. марками
„МАРСЕЛЬЕЗА“ Маршъ для фортепiano пер. Л. Адоева.

„ОХОТНИКАМЪ“. До 150 шаговъ и дальше бьетъ хорошо дробью всякое ружье независимо отъ снарядовъ. Снаряды для помп., центр. ружей всѣхъ калибровъ. Сотия 3 р.; 50 шт. 3 р. А. Тарнопольскому, Ростовъ на Дону, Садовая, 36, Ружейный магаз. Пересылка налож. платеж. Право на привилегію заявлено.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.
Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. въ коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

„ЛЕНИНГЪСЪ“ и „ГОЗНИЦЪ“
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПОДРОБНАЯ программа музык. журнала „МУЗА“ высылается бесплатно музык. магазиномъ А. Битнера, С.-Петербургъ, Невскій просп., № 22. Первый № „МУЗЫ“ и премія выйдутъ 20-го № 5361 декабря сего 1891 года. 3-2

ДЕПО ЧАСОВЪ
поставщ. Двора Его Импер. 12-11 Величества № 4968 Москва, Мясницкая, д. 13.
В. ФРЕЙМУТЪ.

Собственной фабрики зол., сер. карм. часм. Прейс-куранты высылаются бесплатно.

ДАЧА
въ Старой Руссѣ, противъ парка, приносящая дохода 750 р., продается за 8 тысячъ. Троицкая, д. 3, кв. 9. № 5385

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ
косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается бѣлою. Ц. флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку Сиб. Косметической Лабораторіи. Ц. № 4477
Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. антек. товар. у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейля, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Ю. О. Гетлингъ, и во всѣхъ известнѣхъ антек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главн. складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Ингейная, № 38.

И.И.КАРПОВЪ
(СОСТАВИТЕЛЬ РУКОВОДСТВА)
СКЛАДЪ
ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
С.П.Б. ЗАГОРОДНЫЙ. ПР. Д. 2.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА ВЪ ВЪНЪ
ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРЪХОВЪ

Безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и бороды въ черн., русый, темн.- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 12-1
Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главн. складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

Leichner's Fettwider
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Пудра для вечера и дня, незаметная на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль! В. № 5391 16-1
Театральная гримировка!
Жирная румина, бѣлѣна. Карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главн. складъ для всей Россіи: у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ВОЛШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ
собственной фабрики съ подлинн. ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 5381 6-1
ПАВЕЛЬ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Дубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
Новый иллюстр. прейс-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ
СТРАХОВОЕ И ТРАНСПОРТНОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯНИНЪ“.
Правленіе Общества имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія:
1) что съ 28-го сего сентября оно открываетъ операциі по страхованію отъ огня, а съ октября с. г. операциі по морскому страхованію.
2) Затѣмъ въ январѣ 1892 года оно открываетъ операциі по транспортованію владѣй и сухопутному страхованію транспортовъ, а съ открытіемъ навигаціи будущаго 1892 года также и операциі по рѣчному страхованію.
Страхованія могутъ быть заключаемы въ Правленіи Общества въ С.-Петербургѣ, въ Главныхъ Агентствахъ и во всѣхъ агентствахъ Общества, открываемыхъ во всѣхъ городахъ и другихъ значительныхъ торговыхъ центрахъ, селахъ, посадахъ и мѣстечкахъ Россійской Имперіи.
Предсѣдатель Правленія: А. С. Семеновъ.
Директоры: Н. П. Де-Росси, З. В. Пилеръ, П. П. Черемисиновъ и В. П. Усачевъ.
Р. № 5379

Отъ Земледѣльской Школы Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.
Старѣйшее въ Россіи сельскохозяйственное учебное заведеніе — Московская Земледѣльская школа, основанная съ 15 августа 1822 года, не имѣетъ до сего времени точныхъ свѣдѣній о судьбѣ ея бывшихъ питомцевъ, что составляетъ существенный пробѣлъ въ матеріалахъ по исторіи Школы, необходимыхъ однако же для составленія историческаго очерка по Школѣ ко дню исполненія въ 1893 году семидесятипятилѣтней годовщины основанія Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Вслѣдствіе сего Московская Земледѣльская Школа обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ ея бывшимъ питомцамъ — сообщить обстоятельныя свѣдѣнія о дѣятельности своей, а также ихъ товарищей (на сколько имъ это извѣстно), со времени выхода изъ Школы, въ видѣ отвѣтовъ хотя бы только на нижеслѣдующіе вопросы (болѣе же подробныя свѣдѣнія будутъ приняты, конечно, съ благодарностію).
1. Имя, отчество, фамилія и принадлежность къ сословію.
2. Годъ окончанія курса Школы и съ какимъ именно аттестатомъ вышелъ, а также и время полученія дальнѣйшихъ правъ.
3. Все ли время проведено на сельскохозяйственной практикѣ и если не все, то сколько именно, и притомъ въ своемъ или чужихъ имѣніяхъ.
4. Въ тѣхъ имѣніяхъ занималъ хозяйственныя должности, какія именно, въ какихъ губерніяхъ и за какія вознагражденія. № 5343 3-2
5. Гдѣ находится въ настоящее время (губернія, уѣздъ, имѣніе и подробн. почтовый адресъ), чѣмъ занимается и какое получаетъ за трудъ вознагражденіе.
Свѣдѣнія надлежитъ адресовать: Директору Московской Земледѣльской Школы **Алексѣю Павловичу Перепелкину.** (Смоленскій бульваръ, домъ Школы).

PAPIER FAYARD et BLAUN
Бумага Фаяръ и Бляунъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя опытность заставляла появляться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Бляунъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскими департаментами. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать: собственноручную подписи. N. № 5332 20-1

ТРОИЦКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВ. МИНЕРАЛЬН. ВОДЪ Г. А. ЭТИНГЕРА.
Троицкая ул., № 36-38, у Пяти угловъ.
Доставляется на домъ съ присылкою открытаго ипьемна для возобновленія заказовъ Сифоны /сезонерс. или (по — р. 10 к. 25 бут. шипучаго лимонаду . 1 р. 75 к. 25 полуб.) сод. водм. (1 13 25 " фрут. и ягоди. водъ. 2 р. 50 к. 25 " Вишн. . . . 2 " 50 " 1/4 ведра лимоннаго или гнѣз. лимонныхъ водъ. . . 2 " 50 " 1/4 ведра лимоннаго или ликоннаго морсу. . . — р. 60 к.
Заказъ за бутылку по 2 коп., сифонъ по 1 руб. 50 коп. М. № 537

БРОКАРЪ и К^о.
ИЗОБРѢТATEЛИ Р. № 5087 (19)
ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО ЖЫЛА СЪ ПРЕЖНЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.
Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 8.

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen
Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ принятый въ 1801 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылается по ночтѣ бесплатно.
Мониторъ отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ** **ФУРБАХЪ** и **СТРИБОЛЛЪ**, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10-10 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5152

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.
Употребляется для мытья лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ оного вошли бы исключительно естественныя вещества, не оказывающія дурнаго запаха.
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНЪ.
го вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Бензойное мыло 35 к. и 60 к. кусокъ; Оплонопада (лучше колдъ-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главн. складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18-19. Имѣется во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО
 ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ ЗА УСПЕХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ
 ВЪ 10 ЛѢТЪ УРОКОВЪ
 ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВА. НА КРАСИВОЕ БЛАГОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛИ. ОБУЧЕНИЕ ДВОИНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРИИ
 Москва, Покровка, домъ Бутиковой. А. С. Шилинговъ.
 НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

Последняя только что усовершенствованная
НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!
 ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ. 5—Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной спичечницей, давая яркій свѣтъ во цѣлымъ часамъ. Сдѣлано изъ никеля. Только 1¼ вершинки — удобно носить въ карманѣ. Огниво съ 1000 зарядами 2 руб. Пер. 1 ф. Запасъ съ 2000 зар. 1 р.; въ 10,000 зар. 4 р. Переслать наложеннымъ платежомъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20

ЭЛЕГАНТНЫМЪ ОСОБАМЪ!
 Представляя лучшую фабрику искусственныхъ камней въ Парижѣ, мы высылаемъ съ наложеннымъ платежомъ на сумму 10 р. слѣдующія три вещи: № 5394
 1) БРОШКУ наладного золота съ поддѣльными бриллиантами, последняя новостъ.
 2) ПАСА СЕРЕГЪ тоже съ золотыми замками. Эти три вещи съ ручательствомъ: мы имѣютъ своего вида и имѣютъ блескъ настоящихъ бриллиантовъ.
 Съ требованіями просить обращаться въ Торговый домъ
АЛЕКСАНДРЪ И К^о
 Parfumerie des Artistes
 № 36-ой въ Пассажѣ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

МЕДОВО-ГЛИЦЕРИНОВОЕ ЖИДКОЕ МЫЛО
 Приготовленное лабораторіей А. Энглундъ. При употребленіи медово-глицериноваго жидкаго мыла кожа лица, рукъ и проч. принимаетъ пѣкный и свѣжій видъ; удобно имѣть въ дорогѣ, такъ какъ легко помещается въ любой карманшкѣ, слѣдовательно, не занимаетъ почти никакого мѣста; и получаетса всегда чистота и опрятность при употребленіи.—Цѣна металлическаго флакона 30 коп., съ пересылкою 6-ти флаконовъ 2 р. 25 к. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ всей Россійской Имперіи.
 ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: 10—1 А. Энглундъ, Спб., Литейный, 36.
 НАВОЗДЕНІЕ. Рем. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

НАСТОЯЩЕ БЕЛОСНЕДЫЙ СЫРЪ
 ПЕРВОЕ МѢСТО
Ж. БЛОКЪ
 Торговл. домъ
 № 4912 (04)

ВСѢ МОГУТЪ ИГРАТЬ
 посредствомъ верченія ручкою
 на нижеслѣдующихъ музыкальныхъ инструментахъ:

Оркестръ-Манопань съ 10-ю пьесами 70 руб. Добавочныя пьесы въ разныя цѣны.
Аристонъ-Органъ съ 10 пьесами 24 р. Добав. пьесы по 50 к.
Герофонъ съ 10 пьесами 80 р. Добав. пьесы по 50 к.
Серафинъ съ 8 пьесами 15 р. Добав. пьесы по 30 к.
Дѣтскій Аристонъ съ 8 пьесами 8 р. Добав. пьесы по 25 к.
Юлій Генрихъ Циммерманъ
 Главное депю № 5398 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.
 Иллюстрированный прейсъ-курантъ—бесплатно.
 По полученіи задатка приблизительно изъ стоимости заказа, требуемое высылается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.
Симфоніоны: съ ручкой. № 3, съ 6 пьес. 8 р. Добав. пьесы по 35 к. Заводные: № 5, съ 6 пьес. 18 р. Добав. пьесы по 35 к. № 7, съ 10 пьес. 35 р. Добав. пьесы по 80 к. № 9, съ 10 пьес. 55 р. Добав. пьесы по 75 к. № 12, съ 10 пьес. 90 р. Добав. пьесы по 1 р.

а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ рекомендуются **Юлій Генрихъ Циммерманъ**
 Механическое пианино заграничной работы, новѣйшей конструкціи, на которомъ можно играть какъ на обыкновенномъ пианино, а также посредствомъ верченія ручкой, какъ на органѣ. Цѣна безъ нотъ 600 рублей. Ноты по 1 руб. 25 коп. за метръ (= 1½ арш.).

„ЛИНОЛЕУМЪ“
 (Пробковые коври).
 Этотъ настоящій линолеумъ очень проченъ, непромокаемъ, не принимаетъ пыли, изыщенъ, легко чистится, безъ замачки, предохраняетъ отъ сырости, пыли, холода, въ особенности противъ холодныхъ половъ и настилокъ. № 5345 2—2 имѣется у **Братъевъ ГРИВШЪ**. Караганная № 26.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ
 С.-Петербургъ Троицкій пр., близъ Египетск. № 4961 скаго моста, домъ № 7—2. 26—20 Иллюстрированные прейсъ-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

Высочайше утвержденное Анціонерное Общество
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
С.-ПЕТЕРЪ. ХИМИЧ. ЛАБОРАТОР.
 Измайловскій пр., № 27. Золотая медаль, Парижъ, 1889 года.
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
 высшаго качества для чистки зубовъ и освеженія дыханія рта.
Зубные порошки. Зубная паста.
 При покупке обращать вниманіе на фабричную марку, при семь обозначенную, и требовать точности фирмы:
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ.
 Единственныйяъ магазину въ С.-ПЕТЕРЪ:
 1. Невскій проспектъ, № 82, домъ Католической церкви. Р. № 5311 3—2
 2. Невскій проспектъ, № 66, у Английскаго моста.
 3. Вознесенскій просп., уголъ Казанской улицы, д. Прюдера, № 21—52. (Оптов. и розничн. продажн).
 Магазины въ Москвѣ: На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА Ж. БОРМАНЪ
 удостоенный на многихъ междунар. выставкахъ высшихъ наградъ. продается во всѣхъ городахъ имперіи.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛДЕНДЕРЪ (9)
 для снятченія комъ. Цѣна за кусокъ 30 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи. Главч. складъ: Спб. Дежидовъ п., д. № 1.
ГУВЕРНАНКИ и ГУВЕРНЕРЫ (русскія и иностранныя) рекомендуются дамою-англичанкой, ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЕЮ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки. Рекомендующая, въ силу своей профессіи, имѣетъ возможность оцѣнить рекомендуемыхъ.
 Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. Шилинговъ, кв. № 8. г-жъ БЮРО.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ для Г.г. любителей.
 Всѣхъ типовъ новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовкн, можетъ снимать вполне хорошея портреты, группы и ландшафты.
 Цѣна прибора 18, 25, 35, 50 руб. и др.
 Ручн. аппараты для моментальныхъ снимковъ отъ 15 р.
 Просимъ не смѣшивать съ рекламируемыми крайне дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и К^о
 фаб. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ въ С.-Петербургѣ, Мойна № 42. Поставленіе и иллюстр. прейсъ-куранты высылаются бесплатно. № 5395

ПРИГЛАШАЮТЪ
 агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блонинъ, С.-Петербургъ, Цескій, 59—57.

ДЛЯ **КРАСКА ВОЛОСЪ**
 ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА **АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ,**
 окрашиваетъ въ черн., коричневыя, розовыя цвѣта, смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 коп. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обращать вниманіе на марку с.-пет. космет. лабораторіи. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарск. и парфюмерн. магаз. Россіи.
 Ц. № 5388 ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ 10—1 **А. Энглундъ,** Литейный, № 36, въ С.-Петербургѣ.

ЦВѢТОЧНЫЙ ОДЕКОЛОНЪ УДОСТОВЕРЕНН. СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ НА ВСЕРОСС. МОСКОВС. ВЫСТАВКѢ 1883 Г.
А. СІУКЪ
 ПАРФЮМЕРІА ВЫСШАГО КАЧЕСТВА МОСКВА.
 ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

ПИСЬМОМЪ МАШИНА **„РЕМИНГТОНА“.**
 Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствъ и мног. правительствъ, и частныя учрежд.
 Прейсъ-курантъ, содержитъ многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748 Единственныйяъ складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**
 Москва С.-Петербургъ Казанскій мостъ. В. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 41

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 8 - 10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдавъ 12 октября 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской. Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	--------------------------	-------

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложениями, Сборникомъ, Полнымъ собраніемъ сочиненій М. Ю. Лермонтова и пр.

При этомъ №. разсылается гг. годовымъ подписчикамъ главная художеств. премія „Нивы“ на 1891 годъ—АЛЬБОМЪ „НИВЫ“ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ.

Типы женщинъ Мезенскаго уѣзда, Арханг. губ. Съ фотографіи Лейдцингера, грав. Ольшевскій.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Ибрагимъ-бай вернулся и сѣлъ рядомъ съ Наемъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ тотъ, замѣтивъ раньше переговоры отца съ сыномъ.

— Да вотъ... Ибрагимъ-бай улыбнулся и заговорилъ шепотомъ:—пригласилъ я Гуль-Гуль... Помнишь?

Наль вспыхнулъ до ушей.

— Видишь, и ты, кажется... продолжалъ хозяинъ, толкнувъ слегка его подъ локоть.—Такъ вотъ, увидѣла тебя Гуль-Гуль и заупрямилась. „Не хочу, говорить, передъ всѣми выходить,—ни пѣть не буду, ни танцовать не могу. Пускай самъ ко мнѣ сюда придетъ и попроситъ, тогда, можетъ-быть...“ Пойди ужь, уломай эту упрямыцу.

— Гуль-Гуль здѣсь! чуть не крикнулъ Сергѣй Николаевичъ.

— Погоди, не время, да и не ловко. Ты посиди, а потомъ встань и пройди въ первый дворъ, гдѣ лошади. Тамъ тебя къ ней проводить... Хорошо?

— Приду.

— Скажи, чтобъ музыканты начинали, распорядился Ибрагимъ-бай и отошелъ въ сторону.

Вышла первая пара, загудѣли дикіе инструменты. Всталъ Наль, чтобы промяться немного, и отошелъ къ дверямъ.

— Не пора-ли, Сергѣй Николаевичъ, утомились, чай, съ отвычки, поднялся-было и Григорій Ивановичъ.—Теперь бы въ постельку...

— Ну, нѣтъ, рано... Я хорошо себя чувствую,—такъ хорошо, будто и боленъ не былъ.

— То-то глазки у васъ стали веселые... Давно уже такихъ не видалъ, радостно заговорилъ дядька. — Ну, что-жъ, посидимъ. Докторъ не запрещаетъ — значить, можно.

А докторъ внимательно разсматривалъ пилсунувъ и выбивалъ тактъ пальцами по мѣдному блюду.

Вниманіе офицеровъ тоже было занято батчами. Глухаревъ набилъ трубочку и пускалъ кольца дыма въ воздухъ, отказавшись отъ предложеннаго ему кальяна.

— Сюда иди, таксырь, незамѣтно подошелъ къ Наю одинъ изъ слугъ, — за мною иди. Тутъ только темно немного, а тамъ свѣтло будетъ. Иди, таксырь, не бойся.

Пошелъ Наль за своимъ проводникомъ, повернули за уголъ влѣво и очутились въ небольшомъ дворикѣ, выходъ изъ котораго къ гостямъ былъ занавѣшенъ ковромъ. Здѣсь сидѣли батчи, доканчивая свой туалетъ, готовясь къ выходу.

— Тамъ она сидитъ, указалъ слуга въ темный уголъ подъ навѣсомъ и скрылся.

Не успѣлъ сдѣлать Наль нѣсколькихъ шаговъ по указанному направленію, какъ навстрѣчу къ нему стремительно бросилась закутанная фигура. Это была Гуль-Гуль.

Она тяжело дышала, крѣпко стиснула руку офицера, приложила эту руку къ своему лицу и проговорила:

— Какой ты злой, какой недобрый!.. Какъ я, бѣдная, измучилась!

— Что съ тобою, моя козочка? ласково отнесся къ ней Сергѣй Николаевичъ.—Что съ тобою?

— Козочка твоя, еще немного бы, чуть-чуть, самую малость—и сдохла бы, а ты и не зналъ бы ничего и не догадался бы... У, нехорошій!

Оба они очутились наединѣ, въ крохотной боковой саклѣ, гдѣ горѣла сальная свѣча въ подсвѣчникѣ-гвоздѣ, воткнутомъ между плитъ пола.

— Мнѣ никто не говорилъ ничего... Ты больна была?

— Ты былъ боленъ, не я... Я мучилась, я сильно мучилась: и спать не могла, и кушать не хотѣла... Я спрашивала всѣхъ о тебѣ, рвалась къ тебѣ... Всѣ вы

злые—не пускали... тюрка докторъ не пускалъ, комендантъ не пускалъ, сарбазы смѣялись и дорогу ружьями загороживали. Казиміръ приставалъ — я его ударила; онъ меня ударить хотѣлъ—я ножъ показала. Сарбазъ меня связать хотѣлъ,—старый капитанъ, что тамъ сидитъ, трубку свою куритъ, заступился, не велѣлъ обижать бѣдную Гуль-Гуль... а ты и не зналъ ничего.

„Да вѣдь это любовь,—пылкая любовь Востока, дикая, необузданная любовь!“ пробѣжало въ головѣ Наля.

И, самъ не замѣчая того, крѣпко обнялъ Гуль-Гуль и поцѣловалъ ее въ глаза, влажные отъ слезъ...

— Люблю я тебя такъ, какъ и не умѣла любить прежде... Только о тебѣ и думаю, хороший мой, ненаглядный! продолжала безъ умолка лепетать дѣвушка.—Помнишь тогда, я узнала, что тебя схватили... О, какъ я боялась! Я съ ножомъ кинулась тебя отнимать, я вѣдь видѣла, что ты за мною пошелъ, я близко была... А тотъ смѣется и говоритъ: „не бойся...“

— Кто—тотъ?

— А... это ничего, это я такъ сказала... Меня тогда увели и заперли, а я ушла. Они, глухие, думаютъ, что Гуль-Гуль можно силою заставить... Ахъ, какъ я рада, какъ рада была, что ты вернулся!.. Потомъ, говорятъ, боленъ, умираетъ... Не пускали, не пускали, подлые!.. Что же ты плачешь? Соколъ мой, царь мой, что же ты плачешь? Тебѣ жалко бѣдную Гуль-Гуль... жалко?

И Наль дѣйствительно заплакалъ. Его тронулъ этотъ искренній, порывистый лепетъ: нервы были еще слабы.

— Вѣдь и я тебя люблю, давно люблю, проговорилъ онъ, и самъ не зналъ, какъ эти слова вырвались изъ его сердца на волю.

— Какая я теперь счастливая!

Гуль-Гуль отшатнулась, не выпуская рукъ Наля, и въ этомъ полумракѣ всматривалась въ его черты.

— Красавецъ мой! чуть не вскрикнула она, и ринулась къ его ногамъ.

Она опустила свою головку на плиты пола, силою взяла ногу Наля и поставила себѣ на шею.

— Раздави!.. Вся въ твоей власти!

— Дитя мое дорогое, радость моя, голубушка!

— Какъ, какъ ты сказалъ?.. А скажи, какъ по-русски будетъ это, скажи... Ибрагимъ-бай говоритъ: „Иди, пой, пляши...“ Не хочу плясать имъ, не хочу пѣть. Только для тебя одного: велишь—и буду... Царь мой, знаешь, скажи: „Гуль-Гуль, перерѣжь себѣ горло...“ Видишь?

Она схватила ножъ съ подноса, наполненнаго до краевъ дымными дотями, и съ выразительнымъ жестомъ поднесла его къ горлу. Наль стремительно схватилъ ее за руку.

Лицо Гуль-Гуль было блѣдно. На немъ теперь было выраженіе какого-то изступленія.

— Вели! проговорила она глухо и хрипло,—и какъ я буду счастлива!

— Да успокойся, жизнь моя, успокойся!

— Какъ ты сказалъ? Жизнь? Да, жизнь... и ты моя жизнь теперь...

— Ибрагимъ-бай просилъ меня... началъ Сергѣй Николаевичъ, вспомнивъ цѣль своей мисси.

— Только для тебя буду... Велишь?

Она хлопнула въ ладоши и потребовала огня, зеркала и ящикъ съ нарядами.

— Сейчасъ одѣваться буду, сейчасъ выйду къ нимъ. Только это все для тебя, для одного тебя... Каждое слово пѣсни моей—тебѣ, никому другому. А ты смотри на меня, жги глазами, и я на тебя буду смотрѣть и пѣть... О, Аллахъ, Аллахъ!.. Тебѣ не хорошо?.. Что съ тобою?.. Погоди, сейчасъ.

Она помочила конецъ кушака въ водѣ и стала вытирать имъ виски Сергѣя Николаевича, а тотъ, дѣйствительно, почувствовалъ себя дурно, голова закружилась, въ глазахъ позеленѣло, и онъ безпомощно опустил голову на колѣна танцовщицы.

— Такъ бы и замерла на всю жизнь, прошептала она,—такъ бы и не выпустила!

Легкій припадокъ прошелъ быстро. Наль, однако, съ трудомъ всталъ на ноги и сдѣлалъ шагъ къ двери.

— Еще разъ поцѣлуй... Я сейчасъ, я сейчасъ выйду... Скажи Ибрагимъ-баю, чтобы не беспокоился,—не пропадутъ его деньги... Вотъ онъ, вотъ! не надо мнѣ, берите вы... Гуль-Гуль теперь не для васъ танцовать будетъ.

Она кинулась къ шкапулкѣ съ уборами, выхватила отсюда нѣсколько золотыхъ монетъ и швырнула ихъ въ дворъ батчамъ и машкарабазамъ. Тѣ рванулись со своихъ мѣстъ подбирать брошенное.

— О-о-о! Якши, Гуль-Гуль, якши!.. Ханъ якши, Гуль-Гуль! слышались радостные голоса.

Двое мальчишекъ успѣли разодратъ изъ-за находки.

— Ну, теперь иди, сказала рѣшительно Гуль-Гуль.— Иди!

— Батюшки, Сергѣй Николаевичъ, да гдѣ же вы? послышался голосъ Григорія Ивановича.

— Здѣсь, иду! отозвался Наль.— А ты думалъ, что я опять въ плѣнъ попался? Да, въ плѣнъ, только въ иной...

— Господа беспокоятся, пожалуйста-съ.

Когда они вошли въ общую саклю, тамъ она уже была въ полномъ разгарѣ: музыканты надрывались просто, колотя въ бубны и литавры, батчи вертѣлись, какъ дьяволята... Бабаджановъ смотрѣлъ, вытаращивъ глаза, Столбушинъ зѣвалъ и потягивался, Глухаревъ набивалъ уже шестую трубочку, а докторъ, обратясь къ Налу и глядя насмѣшливо, проговорилъ:

— Исчезновение подозрительно. Всякія волненія еще весьма опасны... Нажалуюсь Ивану Алексѣевичу, а главное—отцу Никанору.

— Да жалуйтесь! засмѣялся Наль, присоединяясь къ обществу.

Онъ почувствовалъ приливъ необыкновенной веселости и счастливымъ голосомъ крикнулъ хозяину:

— Ибрагимъ-бай! Сейчасъ она войдетъ!

Но въ эту минуту произошло что-то крайне тревожное. Музыканты стихли, батчи куда-то юркнули, Ибрагимъ-бай поднялся съ мѣста и замѣтно поблѣднѣлъ. Гости закопошились, вставая на ноги.

Въ воротахъ показался казакъ-урядникъ.

— Ваше высокоблагородіе, тревога! Комендантъ приказалъ... за городомъ пальба слышна...

— Чтò, чтò такое?

— Въ цитадель, въ цитадель! первый вскочилъ докторъ и бросился къ воротамъ.

— Да не порите горячку, спокойно произнесъ Глухаревъ, аккуратно упряывая трубочку въ карманъ шароваръ. — Тревогу не ударили еще — значитъ, время есть. Пошлютъ разузнать, чтò за пальба, гдѣ, почему. Можетъ такъ только. Тебѣ чтò приказалъ комендантъ? обратился онъ къ казаку.

— Приказали только доложить, что сейчасъ развѣдку пошлютъ, а чтобы господа-офицеры, на всякій случай, въ частямъ пожаловали.

— Ну, вотъ видите. Чтò пороть горячку?

— Конечно, нечего. Мы бы могли отлично продолжать... Сейчасъ должна... началъ было Наль.— Къ частямъ, такъ къ частямъ! рѣзко оборвалъ онъ начатое—боевой офицеръ проснулся. — Ну, право, докторъ, точно и болень не былъ... Спасибо, Ибрагимъ-бай. Чтò дѣлать, служба! Спасибо за угощеніе и ласку... Коня! Но тутъ онъ покачнулся, его поддержали.

— Не гожусь пока... пробормоталъ Сергѣй Николаевичъ, безпомощно опершись на плечо Григорія Ивановича.

Его вывели и посадили на лошадь. Не успѣлъ Наль разобрать поводья, какъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его за стремя и поцѣловалъ сапогъ.

Это была Гуль-Гуль.

— Смотри, не забывай, прошептала она. — Скажи тамъ, вели, чтобы меня пускали!

Когда выбрались на базарную улицу, то дѣйствительно гдѣ-то далеко, очень далеко, снова слышались выстрѣлы.

— Пушки? обратился докторъ къ капитану Глухареву.

— Какія тамъ пушки... Такъ, мулочки попаливаются, пустяки! Гоняются, можетъ, за кѣмъ-нибудь. Не нашего-ли Юнуса травятъ?

У воротъ цитадели тихо, безшумно, строилась рота. Шолобовъ спокойно отдавалъ приказанія.

— А, вернулись? обратился онъ къ прибывшимъ.— Жаль, разстроили вашу компанію... Странно, братьяги, что вонъ тамъ палили — теперь не слышать—по Чемкентской дорогѣ... Чтò бы это значило?

— Оттуда бы некому, пожалуй плечами Глухаревъ.— А впрочемъ, знаешь-ли что? Не на почту-ли нашу наткнулись? Думаю, что такъ.

— И самъ такъ думаю... Эко, темень! Тутъ и десятка шаговъ не сдѣлаешь, все равно придется ждать до свѣта... Ступай, Сережа, спать, на тебѣ лица нѣту... Чтò, готово?

— Готово, ваше благородіе, раздался изъ темноты, гдѣ строилась рота, молодцоватый отвѣтъ фельдфебели.

— Веди-ка самъ... Усилить карауль у городскихъ воротъ и почаще обходи по стѣнамъ...

— Самому-то лучше! встряхнулся Глухаревъ, и подошелъ къ фронту.

Тотчасъ же послышалась его хрипловатая команда:

— Рота—на-право! Ряды—вздой!

А Наль, поласкавъ вороного и сдавъ его пока на руки конюхамъ Ибрагимъ-бая, сталъ подниматься по ступенькамъ къ цитадельнымъ воротамъ.

Григорій Ивановичъ уже забѣжалъ впередъ, зажегъ огонь и приготовилъ постель.

Шолобовъ заглянулъ къ своему другу на минуту, пожелать покойной ночи; но Сергѣю Николаевичу не спалось. Сначала образъ Гуль-Гуль какъ живой стоялъ передъ его глазами. Слѣды поцѣлуевъ словно горѣли и въ ушахъ беззвучно раздавались слова: „милый... соколъ мой, царь мой, моя жизнь, моя радость...“

— Радость и ты моя... прошептала Наль.

Старикъ благословилъ своего питомца дрожащею рукою и почтительно поцѣловалъ въ лобъ.

— Какъ мнѣ хорошо!.. Какъ меня всѣ любятъ!.. Вѣдь это на землѣ все, не на небѣ... значитъ земное. И въ этомъ земномъ Богъ... Вѣдь все это Его великія творенія... И духъ Имъ созданъ, и тѣло... Кого же проклинать—отъ чего отречься?..

Тревожно прислушивался старый пѣстунъ сначала къ нѣжному шепоту засыпающаго, потомъ вглядывался въ чуть замѣтное шевеленіе губъ, силясь понять значеніе и смыслъ этого движенія. Наконецъ, ровное, спокойное дыханіе убѣдило его, что спитъ уже его дорогой, любимый питомецъ. А дядька все еще стоялъ и смотрѣлъ, и слушалъ.

„Слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ!“ мысленно произнесъ онъ наконецъ, поправилъ зеленый абажуръ на ночникѣ и сталъ самъ укладываться.

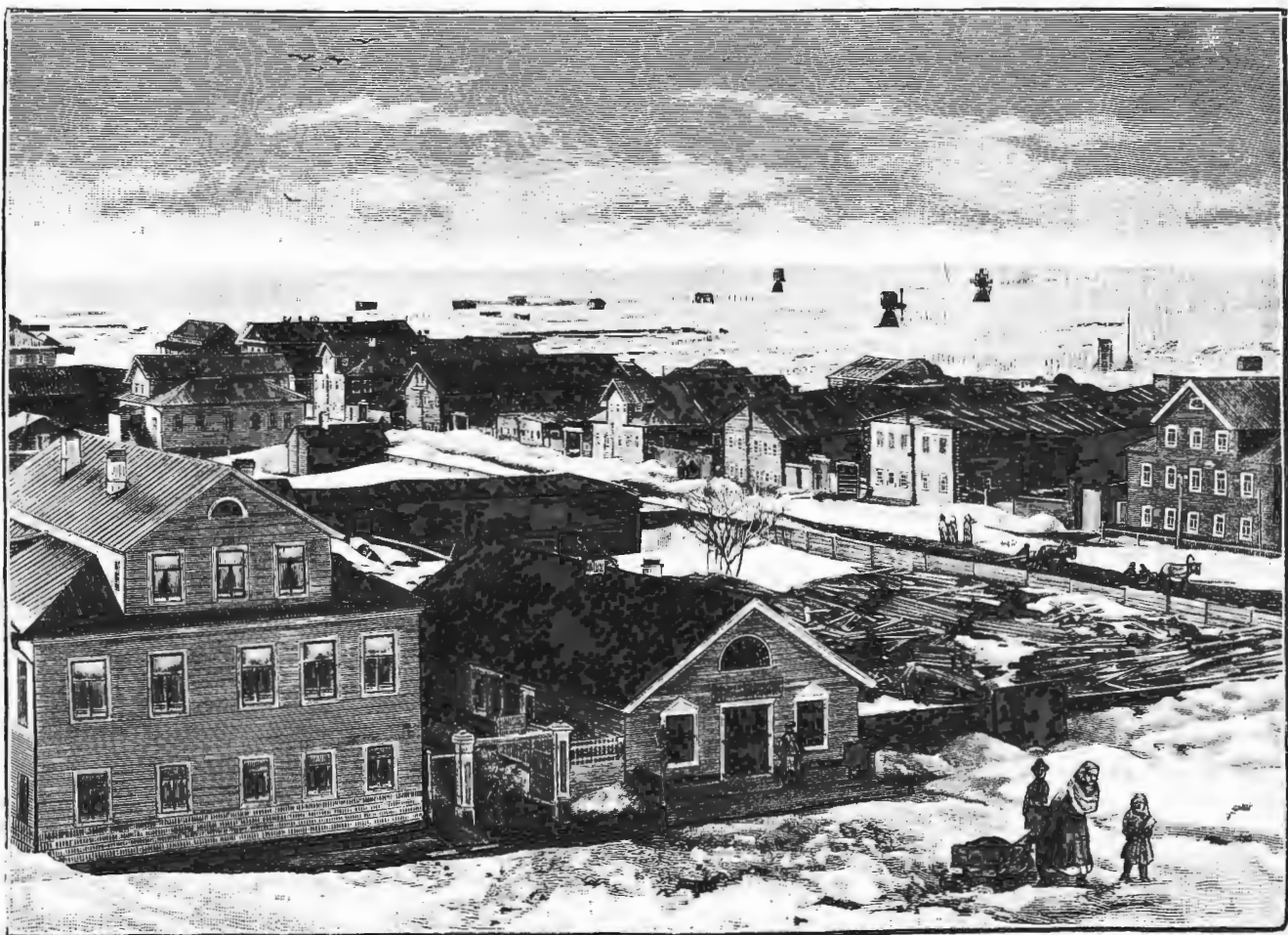
VI.

Почта изъ Россіи.

Еще не разсвѣло какъ слѣдуетъ, къ воротамъ города подошла давножданная, желанная почта изъ Россіи. На маленькій казачій конвой, сопровождавшій повозки и вьючныхъ верблюдовъ, дѣйствительно, было сдѣлано нападеніе, но неудачно для нападавшихъ: конвоиры отбились, хотя принуждены были остановиться на пути и соорудить вагенбургъ. Глухаревъ выручилъ во время.

Соборъ въ Мезени. Съ фот. Лейцингера, грав. Флюгель

Мезень, уѣздный городъ Архангельской губ. (вдали тундра Адъ). Съ фот. Лейцингера, грав. Флюгель

Молебствіе на полѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Каразина, грав. Рашевскій.

Прибытіе почты составляло событіе и положительный праздникъ.

Григорій Ивановичъ уже получилъ пакеты на имя своего барина, но не рѣшался будить его.

„Пускай, молъ, выспится, послѣ начитается вволю“.

Старика озадачивалъ немного одинъ изъ конвертовъ, особенно увѣсистый, съ протертыми отъ дальней дороги углами, со слѣдами сквозной промочки и помѣченный его собственнымъ именемъ.

— Отъ кого-бъ это?.. Рука словно будто незнакомая, не барынина. Вишь ты какъ выведено... Широко да твердо! Что-жъ, прочтемъ, узнаемъ...

Но старикъ, будто предчувствуя что-то недоброе, нерѣшительно вертѣлъ конвертъ въ рукахъ и сунулъ его въ карманъ, отложивъ чтеніе.

— Эко вы пряткій!.. Вѣдь вотъ проснулся-таки! замѣтилъ онъ Сергѣя Николаевича, быстро сходящаго къ повозкамъ, окруженнымъ толпою любопытныхъ.

Налъ зябко запахивалъ полы шинели и, прижавшись къ барьеру, пропускалъ казаковъ тащившихъ къ воротамъ тяжелые чемоданы. Въ палаткѣ маркиганта образовалось нѣчто въ видѣ импровизованной приемной конторы. Тамъ шла уже сортировка и выдача писемъ и посылокъ. Нетерпѣніе было общее и слишкомъ понятное, чтобы не задерживать дѣла излишними формальностями.

Все населеніе цитадели, проснувшись ранѣе обыкновеннаго, было на ногахъ.

— Знаешь, говорилъ вполголоса Шолобовъ Глухареву, не спавшему всю ночь, запыленному съ ногъ до головы,— это чудо, что почта проскочила. Это они проворонили. Я имѣю скверныя свѣдѣнія... Отдохни, да потолкуемъ.

— Чую и я неладное, пыхнулъ изъ своей трубочки цѣлымъ облакомъ дыма командиръ третьей роты. — Давно чую, да пока помалкиваю. И что такое въ отрядѣ дѣлается?.. Провалились они, что-ли, сквозъ землю!.. Событія прерваны, это очевидно... Джигитовъ лютать, а вотъ почта прошла... Удивительная случайность!

— Ужъ если мой Юнусъ плошаеть... пожалъ плечами Шолобовъ.— Живъ-ли онъ еще, бѣдняга?.. Можетъ какъ и Максимку...

И капитанъ не договорилъ, махнулъ рукою и сталъ подниматься къ воротамъ.

— Поспи, да приходи наверхъ! крикнулъ онъ своему пріятелю.

— Прійду!.. снова ушелъ въ облако дыма Глухаревъ.

А Налъ уже давно былъ у себя и торопливо рвалъ конверты. Лицо его горѣло отъ волненія и радости, руки дрожали. Онъ опустилъ тяжелый коверъ, закрывавшій входъ, и принялся за чтеніе.

Григорій Ивановичъ вышелъ, чтобы не мѣшать барину, а кстаи распорядиться съ утреннимъ чаемъ.

Очевидно, что письма задерживались въ фортѣ, на предпоследней, опредѣленной границѣ,—далѣе они не шли въ ожиданіи „оказіи“. Время было очень уже смутное, и затянулось это время надолго. Полгода почти покоились пакеты, и набралось ихъ не мало. И прежде случались эти задержки, но чтобы такіа продолжительныя,—это въ первый разъ. При такомъ положеніи вещей, конечно, легко было не понять многого изъ содержанія писемъ, не расположивъ ихъ предварительно въ хронологическомъ порядкѣ. Сергѣй Николаевичъ поступилъ сначала такимъ именно образомъ,—нетерпѣливо заглядывая то въ одно, то въ другое, невольно пробѣгая глазами отрывочныя фразы. Волненіе овлаждало имъ все сильнѣе и сильнѣе. Выраженіе радости смѣнялось другимъ, тревожнымъ, недоумѣвающимъ. Онъ даже особенно внимательно сталъ читать одно изъ писемъ, потомъ бросилъ и провелъ рукою по лицу, словно снимая съ него невидимую паутину.

— Никакъ плачуть!.. послышалось было Григорію Ивановичу.

И старикъ рванулъ въ двери.

Налъ однако не плакалъ. Это просто легкій стонъ, словно невольно, вырвался изъ его груди. Онъ справился съ собою и читалъ теперь внимательно, сосредоточенно, и не обратилъ вниманія на стараго дядьку.

— Маменька... Агнеса Яковлевна... ихъ превосходительство... живы-ли, здоровы-ли? заговорилъ пѣстунъ, замѣтивъ недоброе выраженіе читавшаго.

— Здорова! сухо проговорилъ Сергѣй Николаевичъ, и сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

.....
письмо первое.

Петербургъ, ноября 17, 18...

„О, если-бы ты зналъ, дорогой мой, горячо любимый Сережа, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ я берусь за перо! Мысли путаются, слова не вяжутся. Мнѣ кажется, что легче бы все это сказать тебѣ лично, мой ангель... Но ты такъ далеко, такъ далеко... Господи!.. За что Ты посылаешь мнѣ это испытаніе!

„Съ нами случилось большое несчастье... то-есть нѣтъ, это ничего... Это я могла бы легко перенести... Но...“

Сергѣй Николаевичъ силится разобратъ, что такое было зачеркнуто послѣ этого „но“, а зачеркнута была почти цѣлая строка.

„Мы разорены... мы потеряли почти все. Судъ былъ беспощаденъ... и мы съ тобою почти нищіе. Прости меня, прости мой кроткій, мой горячо любимый мальчикъ. Я не знаю, кто виноватъ: я-ли, нераспорядительность-ли твоего отца, покойнаго Николая Сергѣевича?.. О, нѣтъ! Я никого не хочу винить, но поправить дѣло уже невозможно. Все, что мнѣ осталось по приговору суда, такъ немного—все это, конечно, принадлежитъ только тебѣ одному. Я пріучила тебя къ роскоши, къ полному довольству. Перенесешь-ли ты эту перемену, такую рѣзкую и несправедливую?

„Ты знаешь, что завѣщаніе моего покойнаго мужа было составлено все въ твою пользу; но потомъ случилось что-то странное. Нашлись другіе наслѣдники... дѣти брата твоего папѣ—помнишь дядю Петра, о которомъ говорили, что онъ промоталъ все свое состояніе въ Парижѣ и умеръ въ нищетѣ. Вотъ его дѣтямъ, какъ племянникамъ Николая Сергѣевича, и перешло все состояніе наше. Они—законные наслѣдники оказались, а ты—нѣтъ...“

„Мнѣ говорило сердце, всегда говорило, что между матерью и сыномъ не должно быть никакихъ тайнъ... О какъ было бы хорошо, если-бы я послушалась во время голоса сердца! Мнѣ не пришлось бы теперь, когда уже настали печальныя, роковыя послѣдствія,—словно по необходимости начать свое покаяніе. Тѣмъ болѣе, что это покаяніе не разъяснить тебѣ ничего, то-есть не разъяснить самаго главнаго.

„Ты словно стоишь передо мною въ эту минуту, и я смотрю тебѣ прямо въ глаза и говорю. Слушай... ради Бога только не смотри такъ холодно, такъ строго! Вѣдь мама твоя страдаетъ, жестоко страдаетъ... А ты всегда былъ такой добрый, ласковый, кроткій. Ты уже существовалъ на свѣтѣ, когда Николай Сергѣевичъ на мнѣ женился. Маленькій крошка-ребенокъ, но ты уже былъ... Не вырывай же у меня этого послѣдняго слова. Ты понялъ, ты догадался?.. И вотъ тѣ племянники—законные наслѣдники, а ты—нѣтъ. Ты только по имени Сергѣй Николаевичъ Рубанъ-Опальный—и больше ничего, больше у тебя никакихъ правъ нѣтъ. Такъ рѣшилъ судъ, и рѣшилъ безповоротно.

„О какъ бы я хотѣла видѣть тебя въ эту минуту и слышать что ты меня прощаешь! Помни, что въ этомъ прощеніи моя жизнь.

„Я кончила... Я больше не могу писать. О, зачѣмъ ты такъ далеко, зачѣмъ не со мною!

„Люблю тебя какъ... да развѣ мыслимо какое-нибудь сравненіе съ этой любовью. Твоя мама.“

„Пиши скорѣе... Пытки на колесѣ—легче ожиданія твоего отвѣта“.

письмо второе.

Петербургъ, декабря 20.

„Не знаю, откуда у меня берутся силы, чтобы выносить всю эту пытку. Я, кажется, создана изъ желѣза. Сколко унижений и незаслуженныхъ оскорблений вынесла я отъ этихъ низкихъ людей! Впрочемъ, они не виноваты... Ради Бога не подумай, что я на нихъ тебѣ жалуюсь. Я даже рада, что тебя не было въ это время. Ты, по крайней мѣрѣ, не испыталъ того, чего не перенесъ бы, особенно съ твоимъ пылкимъ характеромъ. Какъ я благодарна Алексѣю Васильевичу за его заботы обо мнѣ и хлопоты! Ты помнишь его?.. Вѣдь онъ тебя всегда такъ любилъ и баловалъ. Это очень, очень хороший, честный и добрый человѣкъ. Онъ даже во многомъ напоминаетъ твоего покойнаго папа. Если-бы не онъ, я бы право не знала, что дѣлать. Напиши ему и поблагодари—это его очень тронетъ... Непремѣнно напиши.

„Слава Богу, все почти кончилось. Какъ тяжело было мнѣ оставлять нашъ милый домъ на Сергѣевской!.. Я плакала какъ ребенокъ, прощаясь со всеми его уголками. Вездѣ я видѣла твой образъ—го милымъ крошечкою, бѣгающимъ по голубой залѣ, то уже въ красивомъ мундирѣ пажа... Какой ты былъ стройный, граціозный!.. Со мною сдѣлалась однако истерика въ спальнѣ, помнишь, гдѣ стояла твоя кровать. Я взяла всю твою мебель къ себѣ, и письменный столъ папа, и его большое кресло. Мнѣ больше ничего не нужно. Алексѣй Васильевичъ высчитываетъ все мою седьмую часть. Богъ съ нею, съ этой подачкой!

„Я все распродала лишнее и переѣхала на маленькую квартирку. Очень уютно: двѣ комнаты довольно порядочныя, моя спальня, и совсѣмъ особо,—даже ходъ отдѣльный,—красивая комната съ двумя свѣтлыми окнами, для тебя, если ты прїѣдешь. Создатель Мой, Милосердный Боже, пошли Ты мнѣ это счастье!

„Я просила Алексѣя Васильевича устроить такъ, чтобъ изъ моихъ денегъ выслать тебѣ тысячу рублей. Онъ обѣщалъ... Какой онъ внимательный и преданный! Меня эта преданность очень утѣшаетъ. Если бы ты зналъ, какъ люди мерзки! Всѣ прежніе друзья отъ насъ отвернулись. Даже княжна Зина со своею маленькою перестали у меня бывать. Положимъ, это болѣе смѣшно, чѣмъ грустно,—но это гадко, ужасно гадко!.. Онѣ посѣщали меня чуть не каждый день. Зина даже ошибалась какъ-то странно,—все увѣряла меня, что любить какъ свою мать, даже будто больше, и потому привыкла называть меня „шатап“. Скажу тебѣ откровенно, что это мнѣ даже нравилось. Дѣвушка казалась такою доброю, воспитанною, съ чуднымъ сердцемъ. Мало-ли что могло случиться... А мнѣ она была по душѣ. Да и ты, кажется, былъ къ ней не особенно равнодушенъ. Послѣ того, какъ *это* случилось, онѣ обѣ будто ножомъ отрѣзали,—да безтактно такъ,—разомъ. Вчера я получила отъ княгини письмо, гдѣ она увѣдомляетъ, что ся дочь помолвлена, и проситъ написать тебѣ, чтобы ты возвратилъ ей медальонъ съ портретомъ Зины, который она подарила тебѣ передъ отъѣздомъ. Чтѣ еще глупѣе и оскорбительнѣе—это предложеніе заплатить его стоимости. Фи, какая мерзость!.. Если онъ у тебя сохранился,—пришли. Я уже буду знать, какъ поступить. Алексѣй Васильевичъ общается, что недѣли черезъ двѣ всѣ дѣла мои устроятся и опредѣлятся точною цифрою,—небольшою, но онъ увѣряетъ, что прожить будетъ можно. Онъ просилъ крѣпко поцѣловать тебя, что я мысленно болѣе чѣмъ охотно исполняю. Горячо обнимаю тебя, моя радость, мое счастье!.. Ради Неба, сжался надъ своею бѣдною мамою—отпросись и прїѣзжай. Алексѣй Васильевичъ говоритъ, что тебѣ нельзя совсѣмъ бросать службу, особенно при настоящихъ, измѣнившихся обстоятельствахъ. Но вѣдь можно взять отпускъ. На-

конце, если и служить, то хотя бы поближе. Радость моя, до свиданья!..

„О, увижу-ли я тебя, моего свѣтлаго ангела?!

„Твоя бѣдная страдалница, мама“.

письмо третье.

Петербургъ, 10 января.

„Съ Новымъ Годомъ, мой нѣжный другъ, мое сокровище, мой ангелъ!.. Съ началомъ этого новаго года совпадаетъ и наше *новое* положеніе. Дай Богъ, чтобы оно было счастливо для тебя—для меня... мнѣ все равно. Я могу быть счастлива только твоимъ счастьемъ.

„Какъ грустно встрѣтила я канунъ Новаго Года! Одна—только съ мыслью о тебѣ. Часама къ двѣнадцати заѣхалъ Алексѣй Васильевичъ и просидѣлъ до часу. Это меня очень тронуло.

„Я изложила ему свой планъ на весну, когда устанутся дороги. Мнѣ хочется предпринять путешествіе—и знаешь куда?.. Къ тебѣ... Да, къ тебѣ. Эта мысль занимаетъ меня непрерывно. Алексѣй Васильевичъ ничего не возражалъ, но кажется, что онъ считаетъ это положительно неосуществимымъ. Онъ мнѣ говорилъ такіе ужасы, такъ мрачно описывалъ весь безконечно-длинный, по его мнѣнію, путь, что у меня сердце болѣло за тебя. „Во всякомъ случаѣ, безъ себя я васъ не отпущу“, заключилъ свое описаніе Алексѣй Васильевичъ. Какой онъ добрый и заботливый, и какъ горячо любилъ онъ моего покойнаго Nicolas! Я ему подарила нашу группу, помнишь: я съ папою въ шараванѣ и ты рядомъ, на пони. Алексѣй Васильевичъ горячо поцѣловалъ мою руку, и я замѣтила, какъ въ его глазахъ заблестѣли слезы.

„Опять маленькая непрїятность: оказалось, что я не имѣла права распорядиться даже тѣмидесятью тысячами, которыя я тебѣ выслала полгода тому назадъ. Тогда, я помню, управляющій тамбовскими имѣніями опоздалъ высылкою денегъ, и я запрдала здѣсь часть лѣса, получила задатокъ и послала тебѣ. Теперь говорятъ, что я не имѣла права распорядиться продажей; сдѣлка эта не состоялась, и я должна возвратитъ задатокъ и еще уплатитъ неустойку, что-то очень много.

„Алексѣя Васильевича это очень сильно озабочиваетъ. Меня, конечно, тоже... Ахъ, какъ мнѣ трудно справляться съ дѣлами!

„Зина, представь себѣ, оказалась вовсе не помолвлена: это все вздоръ, это просто былъ приличный предлогъ порвать съ нами всѣ сношенія... О, какъ это низко! Будто мы съ тобою ее ловили... фи!.. Сохранился ли у тебя ея гадкій медальонъ? пришли непременно.

„Вчера я ѣздила къ М. попросить, нельзя-ли тебя перевести въ Петербургъ, въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ... Ну, не сердись, ради Бога, что я сама вздумала распорядиться за тебя твоею судьбою. Вѣдь тутъ ничего не было рѣшительнаго, просто попытка. Я хотѣла заручиться возможностью и потомъ уже предложить тебѣ этотъ переводъ. Вѣдь ты понимаешь мои чувства, это вѣдь такъ естественно.

„Увы! меня приняли очень, даже очень холодно и отвѣтили полнымъ отказомъ. Это тотъ самый М., который былъ на *ты* съ Nicolas и вѣчно пачкалъ мои перчатки своими накрашенными усами.

„Сегодня я ѣду съ Алексѣемъ Васильевичемъ въ оперу. Я не хотѣла нигдѣ показываться, но онъ уговорилъ меня, увѣряя, что мнѣ надо хотя немного развлечься. Мы будемъ въ закрытомъ бенуарѣ. Мнѣ, право, теперь не до оперы—такъ не хочется. Просто не хочу огорчить отказомъ добраго Алексѣя Васильевича.

„Крѣпко цѣлую тебя, моего неоцѣннаго, горячо любимаго.

Твоя мама.“

письмо четвертое.

Петербургъ, января 11.

„Едва только успѣла отправить на почту вчерашнее письмо къ тебѣ, какъ наконецъ-то получила отъ тебя.

О, какая это радость, какое невыразимое счастье! Мнѣ сдѣлалось дурно, письмо выпало изъ рукъ, я не скоро оправилась... Благодарю тебя, благодарю, мой милый, дорогой мальчикъ!

„Я читала, какъ въ лихорадкѣ, и плакала, не могла удержатъ слезъ. Ты пишешь, что здоровъ, доволенъ, счастливъ, всѣ тебя любятъ, и ты любишь всѣхъ,—а я плачу!.. Вотъ уже который разъ я прочитываю твое, увы! не длинное, письмо, и каждый разъ нахожу что-то новое и новое. Я читаю его и по строкамъ, и между ними, вдумываясь въ каждое слово, въ каждую букву. Боже, ты мое, единственное мое счастье!..“

„Ради Бога, береги себя. Ты описываешь свою боевую жизнь, ты пишешь такъ легко обо всемъ, такимъ спокойнымъ, даже радостнымъ тономъ. Ты хорошо маскируешь обратную сторону боевыхъ лишений и опасностей, но мое воображеніе пополняетъ твой рассказъ и живыми красками рисуетъ именно эту обратную сторону... О, какъ наполняется сердце мое страхомъ за тебя, какая глубокая тоска закрадывается въ мою душу! Ты пишешь о своихъ друзьяхъ, и какъ пишешь! Знаешь, если бы я встрѣтила твоего Шолобова, я бы... я бы просто упала передъ нимъ на колѣни и расплывалась бы его руки... И опять, и опять это гадкое чувство ненависти и недовѣрія къ людямъ... Вѣдь и эти всѣ, что здѣсь насъ окружали, тоже казались такими хорошими, пока... А что, если?.. Нѣтъ, у меня на лбу холодный потъ выступаетъ при одной только мысли, что тебѣ придется тамъ пережить всѣ разочарованія, испытанія здѣсь мною... Кланяйся Григорію Ивановичу и скажи, что я горячо, сердцемъ цѣню его преданность, что я давно уже не считаю его наемнымъ слугою, а другомъ, привязаннымъ къ тебѣ искренно и безкорыстно... Увы, кажется, что именно этому безкорыстью грозитъ небольшое испытаніе!.. Скажи ему все откровенно... Вѣдь теперь платить ему такое большое жалованье будетъ болѣе чѣмъ трудно. Я получила и его письмо; не знаю, извѣстно-ли тебѣ содержаніе этого посланія. Онъ, кстати, посылаетъ мнѣ полный, даже черезчуръ подробный отчетъ въ израсходованіи денегъ. У него вѣдь все твое на рукахъ. Между нами будь сказано, отчетъ слишкомъ уже точенъ, до дробей копѣекъ. Это не особенно утѣшительный признакъ. Я помню, покойный Nicolas сбѣжался всегда надъ такими отчетами и говорилъ по поводу особенной аккуратности: „Кажется, пора будетъ смѣнить...“

„Онъ добрый и честный человекъ, къ тому же старикъ, къ тебѣ привязанъ съ дѣтства, и за него я все-таки вполне увѣрена. Скажи ему отъ меня большое спасибо.“

„Звонять... Это вѣрно Алексѣй Васильевичъ.“

„Прости, я немного прервала свое письмо. Дѣйствительно, приходилъ мой добрый другъ и покровитель. Твое письмо мы снова перечитывали вмѣстѣ. Онъ мнѣ многое разъяснялъ и пополнялъ. Онъ только-что изъ штаба и прѣхалъ ко мнѣ именно по поводу тебя... Ахъ, ты мой скромникъ и потому, поневолѣ, лгунишка! Что же ты мнѣ ничего не пишешь о своихъ собственныхъ подвигахъ? Алексѣй Васильевичъ говоритъ про тебя чудеса. Тамъ, въ штабѣ, уже получены донесенія, очень подробныя даже, и о тебѣ есть. Ты вырвешь раненаго изъ боя, изъ рукъ враговъ его вырвешь просто... Ты герой.. О, Господи! зачѣмъ Ты въ боевой славѣ сыновей столько страха и горя посылаешь ихъ матерямъ!“

„Тебѣ дадутъ Георгіевскій крестъ. Эту радость сообщилъ мнѣ все тотъ же Алексѣй Васильевичъ.“

„Знаешь, я замѣтила, какъ мѣняется выраженіе его умнаго лица, когда ему приходится сообщать мнѣ что-нибудь горькое или радостное. Последнюю новость онъ мнѣ сообщилъ просто сіяя. Кажется, о сынѣ родномъ нельзя было бы говорить съ большею гордостью, съ большимъ счастьемъ. Онъ со мною опять разсматривалъ карту Азии. На картѣ все это такъ близко, даже

болѣе чѣмъ слѣдуетъ, но онъ называлъ мнѣ эти разстоянія въ миляхъ. И зачѣмъ это вы такъ далеко забираетесь къ югу?“

„Послушай, дорогой мой, добрый, не сердись... Вотъ ты уже отличился—и какъ! Ты—признанный герой... не довольно-ли? Я не принуждаю тебя, я ничего не говорю, я, право, такъ только. О, какое бы это было для меня счастье!..“

„Сегодня мы съ Алексѣемъ Васильевичемъ ѣдемъ черезъ Неву. Пойдемъ прогуляться пѣшкомъ по набережной,—мнѣ докторъ велѣлъ ежедневно гулять, не смотря ни на какую погоду,—а тамъ, по мосткамъ, черезъ Неву, къ часовнѣ. Алексѣй Васильевичъ, съ тѣхъ поръ какъ овдовѣлъ... Ахъ, да, я тебѣ еще не сообщила объ этомъ... Впрочемъ, тогда это тебя не могло особенно интересовать... Помнишь, онъ былъ женатъ на миліонершѣ Тряпушиной... такая полная была дама. Она скончалась годъ тому назадъ, завѣщавъ мужу все свое громадное состояніе. У него тоже былъ процессъ по поводу этого завѣщанія, но Алексѣй Васильевичъ выигралъ дѣло. Все это тоже не могло не повліять на его здоровье, и вотъ ему, какъ и мнѣ, доктора посоветовали ежедневныя прогулки. Онъ получилъ очень важное повышеніе по службѣ,—времени свободнаго, значить, стало гораздо больше,—и онъ гуляетъ со мною.“

„Дописываю это письмо... Меня ждутъ... Сами и отнесемъ его въ почтовый ящикъ.“

„До свиданья, мой герой, моя гордость, моя жизнь! Крѣпко-крѣпко—не цѣлуетъ, нѣтъ,—душить тебя въ своихъ объятіяхъ твоя

Мама.“

письмо пятое.

Петербургъ, апрѣля 5.

„Какой громадный промежутокъ! Я такъ хотѣла писать къ тебѣ, сколько разъ бралась за перо, и все откладывала. Я это сдѣлала, не посоветовавшись съ тобою... Я право не знаю, какъ это случилось... Я была будто въ чаду, да и теперь еще не могу вполне опомниться и овладѣть собою.“

„Алексѣй Васильевичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и я была не въ силахъ ему отказать.“

„Прости меня и постарайся полюбить его... я не говорю, какъ своего покойнаго папу, моего незабвеннаго Nicolas, но какъ нашего единственнаго и безусловно вѣрнаго друга.“

„Какъ-нибудь послѣ я тебѣ подробно и обстоятельно опишу, какъ все это случилось. Пока я и сама еще не могу отдать себѣ полнаго отчета.“

„Уже недѣля, какъ помолвка наша оглашена. Это вышло случайно. Мы не хотѣли гласности. Меня наконецъ вспомнили и многіе изъ нашихъ прежнихъ знакомыхъ... Боже, какъ они лгали, разыгрывая гнусную комедію своей радости! Я сначала не хотѣла никого принимать, но Алексѣй Васильевичъ убѣдилъ меня, что это необходимо для поддержанія связей.“

„М., представъ себѣ, заѣзжалъ сегодня самъ и объяснялъ свой, болѣе чѣмъ холодный, приемъ и отказъ твоимъ тогдашнимъ положеніемъ. Онъ говорилъ, что молодому человеку безъ средствъ нѣ слѣдовало служить въ гвардіи, что бѣдность поставила бы тебя въ неудобное положеніе относительно товарищей, что гораздо лучше было бы тебѣ упрочить свою военную карьеру тамъ, на окраинахъ, что это тебя бы выдвинуло скорѣе впередъ. И вотъ, видишь-ли, онъ и не ошибся въ этомъ. Но что теперь, если я настаиваю на переводѣ въ Петербургъ, такъ онъ готовъ оказать всякое содѣйствіе и охотно общается все устроить.“

„Я съ часу-на-часъ жду чего-нибудь подобнаго отъ княгини. Это было бы верхъ всякой наглости! Алексѣй отнимаетъ у меня перо и хочетъ писать къ тебѣ самъ. Охотно и съ удовольствіемъ передаю ему это право...“

(Продолженіе будетъ)

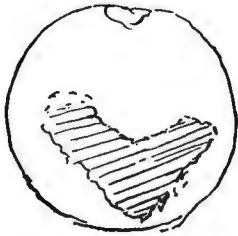

Мъняла. Съ карт. проф. Кошелева (исключит. право воспроизвед. въ гравюрѣ и т. п. принадл. „Нивъ“), грав. Ю. Мульгановскій.

Планета Марсъ.

(Ст. Д-ра Марла Кранца).

Въ ясные вечера — въ концѣ сентября и началѣ октября прошлаго (1890) года — можно было наслаждаться прекраснымъ зрѣлищемъ: едва только солнце скрывалось за линіей горизонта, какъ на южной и юго-западной сторонѣ быстро-темнѣющаго неба, еще задолго до появления первыхъ звѣздочекъ, восходили три самыя яркія планеты, расположенныя по прямой линіи, наклонной къ горизонту. И, казалось, разстояніе между ними было небольшое: первая — Венера — блестяла своимъ мягкимъ свѣтомъ, за нею сверкала голубоватымъ огнемъ Юпитеръ; свѣтъ его былъ такъ яркъ, что отъ предметовъ на землѣ ложились тѣни; за Юпитеромъ загоралась и горѣла та красноватая планета, которая, благодаря своему цвѣту, стала называться именемъ бога войны — Марсомъ или Ареемъ. Объ этомъ Марсѣ и поведемъ мы рѣчь.

Марсъ по Гюйгенсу.

Астрономы, посвятившіе себя дѣлу изслѣдованія поверхности планетъ, особенно охотно — и не безъ основанія — сосредоточиваютъ свое вниманіе на Марсѣ. Въ настоящее время вполне выяснилось, что изученіе только этой планеты можетъ повести къ интересному разъясненію многихъ вопросовъ въ этой области знанія. Меркурій, находясь близко отъ солнца, виденъ довольно неясно, и только благодаря хорошимъ глазамъ Скиапарелли нынѣ стали извѣстны нѣкоторыя подробности картины поверхности Меркурія.

Другіе два ближайшіе сосѣда Земли (за исключеніемъ Марса) — Венера и Юпитеръ — также неудобны для наблюденій: Венера неизмѣнно является окутанною густыми облаками и, кромѣ того, во время своихъ встрѣчъ съ Землею, т. е. при противостояніяхъ, обращаетъ къ ней ту половину, которая находится во мракѣ ночи. Юпитеръ, благодаря своей величинѣ, еще не достигъ той степени охлажденія, при которой уже возможны образованія, доступныя наблюденію. То же можно сказать и о Сатурнѣ, а остальные планеты слишкомъ удалены отъ насъ во мракѣ міроваго пространства.

Первая „карта“ Марса (если оставить за такимъ чертежомъ названіе карты) была сдѣлана въ XVII столѣтіи Гюйгенсомъ и Гукомъ. Изъ наблюденій надъ нѣкоторыми постоянными пятнами, имѣющими обращеніе вѣстѣ съ самою планетой около ея оси, Гюйгенсъ вычислилъ продолжительность сутокъ на Марсѣ и, оказалось, что марсовскія сутки длиннѣ земныхъ всего на 41 минуту, годъ же тамъ больше года почти вдвое: онъ имѣетъ 668 соответственныхъ сутокъ или 687 земныхъ.

Есть не мало работъ по этому предмету позднѣйшихъ астрономовъ: Маральди, Бланкини, Гершеля, Шрэттера, Мэдлера, Секки, Локьера, Кейзера и многихъ другихъ, но мы остановимся на Скиапарелли, директорѣ обсерваторіи въ Миланѣ.

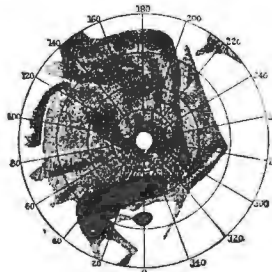
Этотъ ученый почти закончилъ дѣло изслѣдованія поверх-

заливовъ, озеръ, рѣкъ, каналовъ и острововъ, и имена эти большею частью заимствованы изъ міеологической географіи; надписи эти сдѣланы ради сокращенія обозначеній различныхъ пунктовъ на Марсѣ, чтобы удобнѣе было отличать свѣтлыя, желто-красныя пятна отъ другихъ, болѣе темныхъ или сѣрыхъ стального цвѣта. Названія могли бы быть и другія, но большинство изслѣдователей (едва ли не всѣ, за исключеніемъ Физд и Шмидта) убѣждены въ томъ, что не только названія въ географіи Марса — вѣрнѣе: *ареографіи* или *марсографіи* — заимствованы изъ землеописанія, но и самыя предметы, такъ названные, являются такими же, каковы они и на Землѣ. Убѣжденіе такое явилось, главнымъ образомъ, при наблюденіи надъ свѣговыми скопленіями въ областяхъ южнаго и сѣвернаго полюсовъ планеты. Можно совершенно отчетливо слѣдить изо дня въ день, какъ тамъ таетъ свѣгъ, отодвигаясь къ полюсу, причемъ воды на Марсѣ, видимыя съ земли, кажутся болѣе темными, чѣмъ и понятно: если смотрѣть съ горы на глубокое озеро у подножья ея, то водная поверхность покажется темною потому, что лишь немногіе лучи свѣта достигаютъ дна и отражаются.

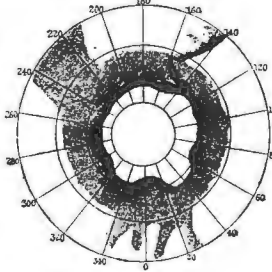
„Планета Марсъ“, говоритъ Скиапарелли, „не является сухою, каменистою пустыней: она живетъ, и развитіе ея жизни обнаруживается въ весьма запутанной системѣ явленій; нѣкоторыя группы этихъ явленій занимаютъ пространство достаточно обширныя, чтобы быть видимыми съ земли... Цѣлый новый міръ открывается для изслѣдованія, міръ какъ бы предназначенный возбуждать жажду знанія въ изслѣдователѣ“.

Распрежденіе воды и суши на Марсѣ представляетъ нѣкоторую особенность въ сравненіи съ нашей планетой. Тамъ вода покрываетъ только половину всей поверхности, тогда какъ на землѣ двѣ-трети ея скрыты подъ океаномъ. На Марсѣ, а онъ несравненно старѣе Земли, уже значительная часть атмосферы перешла въ твердое состояніе и въ видѣ различныхъ химическихъ соединеній входитъ въ составъ каменныхъ породъ. Слѣдуетъ отмѣтить и то, что преобладающая масса суши расположена около экватора. Эта особенность можетъ быть объяснена такъ: вслѣдствіе взаимнаго тренія поверхности планеты и космической пыли, въ продолженіе многихъ и многихъ тысячелѣтій, вращательное движеніе Марса около своей оси замедлилось¹⁾, а это, въ свою очередь, повліяло на центробѣжную силу на экваторѣ, т. е. масса воды и суши въ экваториальной области стала уже съ меньшей энергіей стремиться отъ центра планеты; конечно, твердая кора ея удерживаетъ ту форму, которая образовалась гораздо раньше — именно подъ вліяніемъ болѣе сильной центробѣжной силы, но относительно водной поверхности этого сказать нельзя. И такъ, непремѣннымъ слѣдствіемъ замедленія вращательнаго движенія Марса было поднятіе тамъ суши на экваторѣ и отливъ воды къ полюсамъ.

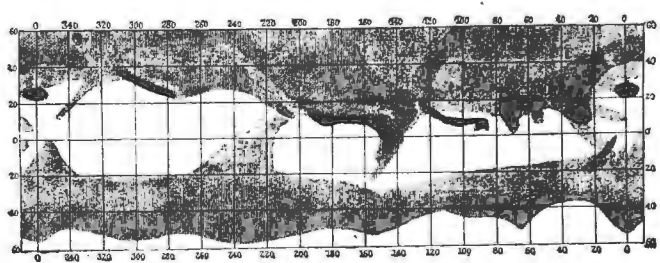
Но наибольшую достопримѣчательностью на этой планетѣ являются, такъ-называемые, *каналы* ея: видно, какъ множество линій, одинаковой ширины и необыкновенной пря-

Южное полушаріе.

Сѣверное полушаріе.

Страна по экватору.

Марсъ по Найзеру.

ности Марса. Въ промежутокъ отъ 1877 до 1888 года онъ составилъ точную карту этой планеты, пользуясь рефракторомъ Мерда, инструментомъ, имѣющимъ отверстіе въ 8 дюймовъ и увеличивающимъ въ 500 разъ. Для опредѣленія широты и долготы различныхъ пунктовъ на Марсѣ Скиапарелли производилъ микрометрическія измѣренія. Благодаря прозрачности воздуха верхней Италиі (въ немъ почти нѣтъ паровъ), ученый наблюдатель увидѣлъ при помощи небольшого, но превосходнаго инструмента — больше, чѣмъ могъ увидѣть американецъ Голь въ свою испорченную зрительную трубу (отверстіе рефрактора — 28 дюйм.). Вообще говоря, при наблюденіяхъ надъ такими яркими небесными тѣлами, каковы ближайшія къ солнцу планеты, чистота, прозрачность воздуха имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ величина телескопа; но послѣднее, т. е. сила увеличенія, весьма важно при спектральномъ анализѣ и при разсмотрѣніи слабо-свѣтящихся тѣлъ, какъ, напр., луны и туманныхъ пятенъ.

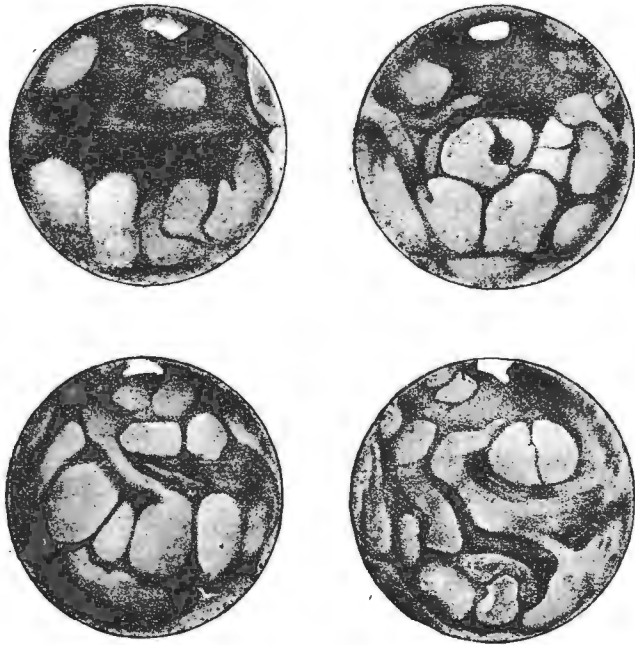
На картѣ Скиапарелли не мало прописано названій морей,

мизны, пересѣкаютъ поверхность Марса въ разныхъ направленіяхъ. Вблизи экватора линіи эти тянутся почти параллельно ему, а къ сѣверу и югу — болѣе или менѣе наклонно. Сосчитать эти „каналы“ нѣтъ никакой возможности... Скиапарелли говоритъ, что въ моменты особенной прозрачности воздуха поверхность Марса представлялась ему въ видѣ весьма замысловатой вышивки — такъ густа свѣгъ, образуемая перекрещиваніемъ главныхъ и побочныхъ каналовъ!.. Но при этомъ самымъ загадочнымъ кажется то обстоятельство, что эти каналы периодически являются двойными. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, это бываетъ въ концѣ зимы и лѣта, т. е. во время таянія свѣговъ, то на одномъ, то на другомъ полюсѣ Марса, и въ эти періоды почти у каждаго канала появляется другой — параллельный первому. Слѣдуетъ еще замѣтить, что такое явленіе совершается съ необычайною быстротою — почти въ одніи сутки, словомъ — совсѣмъ не такъ, какъ

¹⁾ По изслѣдованіямъ Ньюкомба земной день также нѣсколько удлинился (за историческій періодъ времени) отъ дѣйствія той-же причины.

происходить тамъ другія измѣненія ¹⁾, которыя Скиапарелли наблюдалъ. Глубина воды въ большинствѣ каналовъ незначи-

несомнѣнно прочное, благодаря такимъ наблюденіямъ: во-первыхъ, свѣтлый край диска планеты, надвигаясь на неподвижную звѣзду, сначала только ослабляетъ свѣтъ ея и уже потомъ, когда звѣзда накрывается непроницаемою частью диска, — ее совсѣмъ не видно наблюдателю; во-вторыхъ, въ спектрѣ Марса обнаружена линия водорода ¹⁾. Разъ что существуетъ атмосфера на Марсѣ — существуетъ на немъ и вода, а также бываютъ вечернія и утреннія зори, сумерки, идетъ дождь, падаетъ снѣгъ. Нѣкоторые исследователи утверждаютъ, что море въблизи экватора имѣетъ болѣе снѣжнѣйшій цвѣтъ, чѣмъ въ прочихъ широтахъ—вслѣдствіе усиленнаго испаренія воды и, поэтому, большаго содержанія въ ней солей.

Изображенія поверхности Марса по наблюденіямъ Скиапарелли съ сентября 1877 по мартъ 1878.

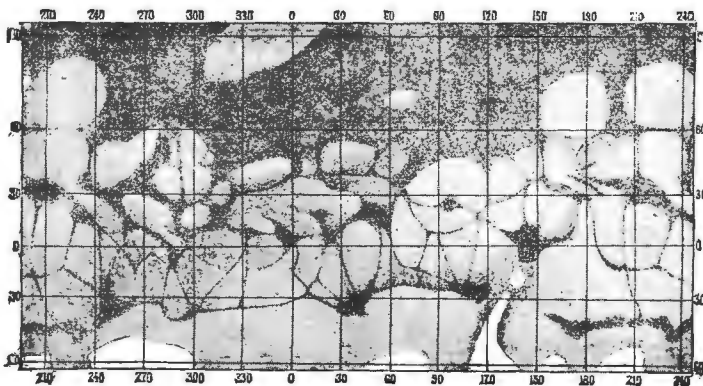
тельна, только немногіе изъ нихъ, напр. „Нилъ“, глубоки, на что указываетъ ихъ почти черный цвѣтъ.

Можно ясно видѣть, какъ надъ поверхностью Марса глунутся облака или, по крайней мѣрѣ, видны скользящія тѣни, которыя и можно принять только за облака, если сопоставить такое явленіе съ знакомымъ намъ явленіемъ въ нашей атмосферѣ; даже скорость движенія этихъ тѣней уже опредѣлена. Неоднократно было замѣчено, что часть поверхности суши, покрытая массою облаковъ, принимала потомъ (когда облака уходили) блѣсоватый оттѣнокъ, что означало присутствіе на ней только-что выпавшаго снѣга; по прошествіи нѣкотораго времени та же часть поверхности планеты, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, становилось попрежнему желтовато-красною, т. е., снѣгъ на ней растаялъ. Пассатныя вѣтры на Марсѣ должны быть менѣе силы, чѣмъ на землѣ, такъ какъ обращеніе его около своей оси медленнѣе, и тучи застаиваются тамъ небо гораздо рѣже по той причинѣ, что атмосфера Марса (планеты болѣе древней) имѣетъ меньшую плотность въ сравненіи съ земной атмосферой. Тамъ, надъ полями и швами, разстилается небо болѣе безоблачное и прозрачное, чѣмъ наше.

Явленія, составляющія предметъ метеорологіи, повидимому, не такъ сложны и запутаны на Марсѣ, какъ на землѣ, и потому они доступнѣе для изученія, такъ что многіе изслѣдователи полагаютъ, что изученіе этихъ явленій можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, способствовать выясненію нѣкоторыхъ вопросовъ земной метеорологіи. Если съ этимъ соглашаться, то, конечно, наша метеорологія станетъ совершенствоваться, а въ совершенствованіи она несомнѣнно нуждается.

Во время солнцестояній происходитъ на одномъ изъ полушарій Марса (на сѣверномъ или южномъ, попеременно) энергичное испареніе, на другомъ же—воздухъ уплотняется, а во время равноденствія — процессъ испаренія совершается въ экваторіальной полосѣ, и тогда, къ югу и сѣверу отъ нея, располагаются области уплотненнаго воздуха.

На сѣверномъ полушаріи Марса лѣто длиннѣе зимы на 76 дней, на южномъ—зима настолько же длиннѣе лѣта; такое распредѣленіе временъ года обусловливается, во-первыхъ, относительно-большой кривизной орбиты этой планеты (орбита ея—эллипсисъ, значительно отличающійся отъ круга, въ одномъ изъ фокусовъ котораго находится солнце) и, во-вторыхъ, положеніемъ самой оси Марса. Продолжительное лѣто и короткая зима въ сѣверномъ полушаріи отличаются умѣренной температурою, напротивъ того на южномъ полушаріи длинная зима очень сурова, а короткое лѣто—весьма жаркое. Существуетъ даже предположеніе, что южное полушаріе Марса въ настоящее время находится въ ледниковомъ періодѣ, причемъ, конечно, допускается, что наше представленіе о ледниковыхъ эпохахъ надо считать правильнымъ. Въ серединѣ лѣта сѣверный полюсъ совершенно освобождается отъ снѣга, южный же—вѣчно покрытъ имъ, а зимою южно-полярный снѣговой покровъ спускается до 55° широты. На Марсѣ, какъ и на

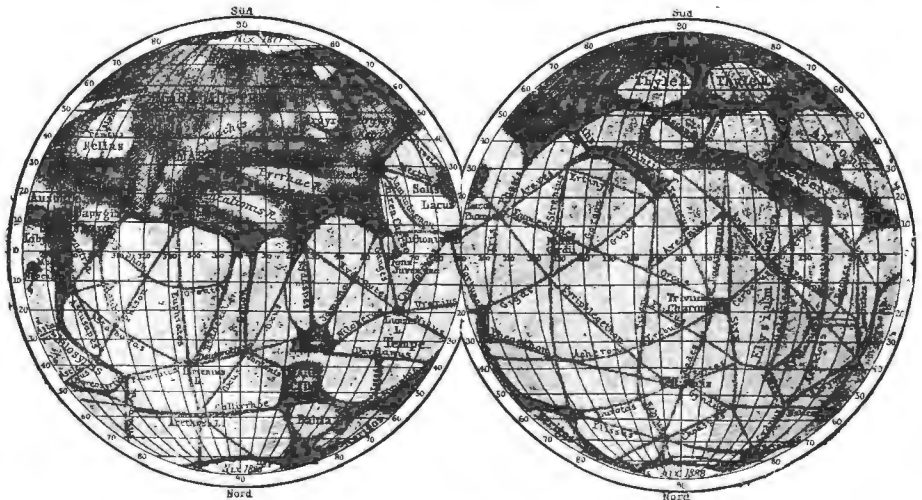

Карта Марса въ Меркаторской проеціи.

Извѣстный астрономъ Вильгельмъ Мейеръ высказываетъ такое предположеніе касательно явленія двойственности каналовъ на Марсѣ: вторые (параллельные) каналы только временно наполняются водою, а потому и бываютъ видимы съ земли лишь въ извѣстные періоды времени; происхожденіемъ и существованіемъ своимъ они обязаны мѣстнымъ разнумнымъ существамъ. Когда снѣга начинаютъ таять на одномъ изъ полюсовъ — полярное море переполняется водою, которая и стремится по каналамъ къ другому полюсу, гдѣ и превращается въ ледъ. Вотъ для таковыхъ-то эпохъ отлива вода съ одного полюса на другой и необходимы побочные каналы — болѣе мелкіе, чѣмъ главные: они предохраняютъ душу отъ большихъ наводненій.

Правдоподобіе этой Мейеровской гипотезы становится, однако, весьма сомнительнымъ, если принять въ соображеніе необычайную ширину каналовъ: она, приблизительно, достигаетъ десяти географическихъ миль.

Все вышесказанное заставляетъ предполагать существованіе атмосферы на Марсѣ. И дѣйствительно, такое предположеніе имѣетъ свое основаніе,

Карта Марса съ такъ-называемыми каналами въ первоначальномъ ихъ видѣ.

¹⁾ Напримеръ, „Меридово озеро“ Скиапарелли видѣлъ въ 1877 г. послѣднимъ „Ранн Ниссета“ въ 1884 г оно уже было около этой рѣки; берега „Большаго Сирта“ и „Длиня“ приняли другое очертаніе, многія области въ семилѣтній періодъ оказались подъ водою и т. д.

¹⁾ Поглощеніе нѣкоторыхъ свѣтовыхъ лучей атмосферою Марса обусловливаетъ красноватый цвѣтъ этой планеты. Едва-ли можно допустить, какъ думалъ геометръ Ламбертъ, что вся растительность на Марсѣ окрашена въ красный цвѣтъ.

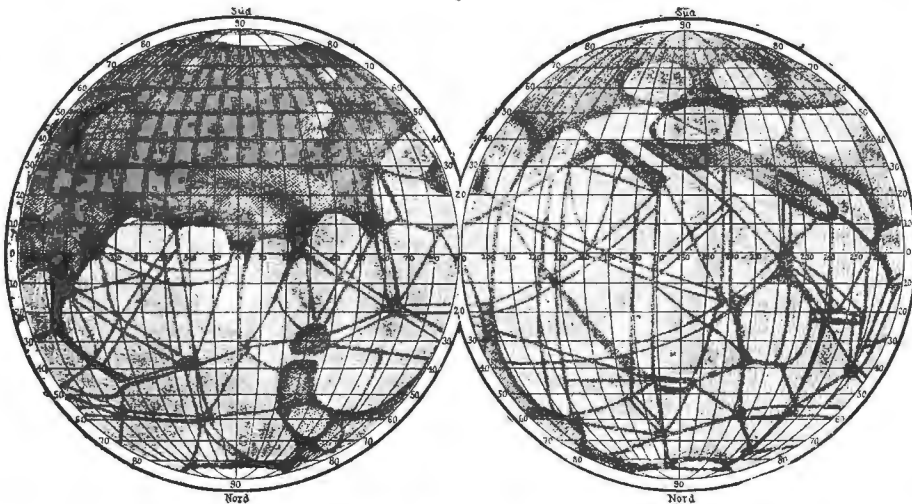
Пойманъ. Съ карт. Мацотта, грав. Абтъ.

Охота на гривистаго горнаго барана (аруи). Рис. Шпехтъ, грав. Шрейберъ.

земля, точки самой низкой температуры („полюсы холода“) не совпадают съ точками пересѣченія его осей съ поверхностью. Марсъ имѣетъ двухъ спутниковъ, или двѣ луны, о существованіи которыхъ догадывался уже Кеплеръ, но намъ неизвестно, на чемъ онъ строилъ эти догадки. Въ письмѣ къ Галилею (въ 1610 г.) Кеплеръ между прочимъ говоритъ: „Желалъ бы я обладать такимъ телескопомъ, съ помощью котораго могъ бы упредить тебя въ дѣлѣ открытія двухъ спутниковъ Марса и отъ 6 до 8 спутниковъ Сатурна“. Въ астрономической литературѣ позднѣйшаго времени часто встрѣчается предположеніе, что у Марса двѣ луны; между многими учеными такое мнѣніе высказали: теологъ Дергамъ, философъ Вольфъ, пасторъ Шмидтъ, англійскій писатель Свифтъ и Вольтеръ, но, однако, никто не видѣлъ этихъ лунъ; наконецъ, американиецъ А. Голь впервые усмотрѣлъ ихъ въ 1877 г., благодаря большому рефрактору Кларка на обсерваторіи въ Вашингтонѣ. Онъ опредѣлилъ ихъ орбиты, а также приближительную величину, пользуясь при этомъ фотометрическими измѣреніями.

Луны Марса названы именами сыновей-возницъ бога войны,

Карта Марса съ двойными каналами.

о которыхъ упоминается въ Иліадѣ (XV, 119): Деймосомъ (ужасъ) и Фобосомъ (страхъ); но эти страшныя имена вовсе не соответствуютъ Марсовскимъ Деймосу и Фобосу: спутники его чрезвычайно малы. А фонъ-Гумбольдтъ называетъ ихъ за ихъ мизантропность „карманными планетами“. Объемъ, напр., Фобоса, ближайшаго къ Марсу спутника, такъ незначителенъ, что тамъ на кругосвѣтное путешествіе потребовалось бы не 80 дней, а всего 8 часовъ. Расстояніе отъ этой луны до Марса немногимъ болѣе длины Нила. Вильгельмъ Мейеръ такъ отозвался о ближайшей къ Марсу лунѣ. „... Если бы вдругъ перенести земнаго астронома, склоннаго болѣе чѣмъ другіе люди чувствовать себя ближе къ небесамъ, прямо на Марсъ и именно въ тотъ моментъ, когда надъ нимъ проходилъ бы Фобосъ, то нашъ астрономъ невольно протянулъ бы руку, чтобы схватить эту лунку, или, пожалуй, пугливо нагнулся бы, боясь, какъ бы она не задѣла его по головѣ...“

Зная, какъ не велико разстояніе Фобоса отъ Марса, можно предположить, что угловая скорость (скорость движенія по окружности) этого спутника весьма значительна. Въ самомъ дѣлѣ, если вращать шаръ, привязанный къ одному концу шнура, причѣмъ другой конецъ его неподвижно прикрѣпленъ, то скорость вращенія будетъ возрастать по мѣрѣ укорачиванія шнура; и дѣйствительно, Фобосъ движется вокругъ Марса съ невѣроятною быстротой. Марсъ летитъ въ мировомъ пространствѣ со скоростью много превышающей скорость пули, а его спутникъ успѣваетъ при этомъ облетѣть вокругъ него три раза въ сутки. Марсъ вращается около своей оси въ ту же сторону, въ которую движется и Фобосъ, а потому послѣдній *восходитъ* и *заходитъ* не по три раза въ сутки, а только по два, причѣмъ для обитателей Марса (если они есть) эта луна восходитъ не съ востока, какъ всѣ звѣзды, а съ запада, и движется навстрѣчу звѣздамъ; такая особенность объясняется большою угловою скоростью Фобоса. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ: если бы наша луна двигалась быстрее, а именно — облетала бы землю ровно одинъ разъ въ сутки, то казалась бы намъ стоящею неподвижно на небѣ, а если бы ея угловая скорость еще увеличилась, то видимое движеніе луны было бы навстрѣчу звѣздамъ. У Фобоса дважды въ день сдѣлана фаза полнолунія и новолунія, и почти ежедневно есть возможность наблюдать его затмѣніе.

Другой спутникъ Марса Деймосъ — отстопитъ отъ него втрое

дальше, чѣмъ Фобосъ, и движется соответственно угловою своей скоростью, т. е. медленнѣе Фобоса.

На Марсѣ, имѣющемъ пару лунъ, время слѣдовало бы считать мѣсяцами двухъ родовъ; одинъ земной день равенъ приблизительно тремъ мѣсяцамъ Фобоса. Этотъ спутникъ Марса виденъ съ него, какъ звѣзда первой величины, а Марсъ съ Фобоса представляется такимъ громаднымъ, что покрываетъ шестнадцатую часть небеснаго свода.

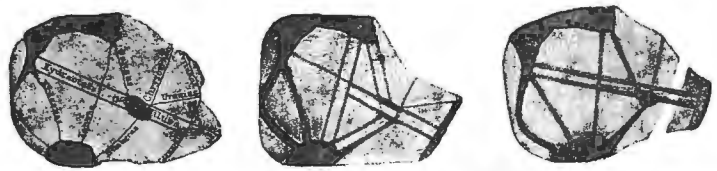
Тотъ замѣчательный фактъ, что Марсовы спутники, несмотря на давнишніе и ревностные поиски астрономовъ, были открыты въ весьма недавнее время — навѣтъ французскаго астронома Дюбуа на мысль, что спутники эти не явились вмѣстѣ съ самою планетой, а, такъ сказать, только „пріемиши“ ея... Подъ влияніемъ притягательной силы Марса они — Деймосъ и Фобосъ — будто бы покинули (и сравнительно недавно) ближайшее кольцо астероидовъ и стали сопутствовать Марсу, т. е. выходить, что Марсъ какъ бы похитилъ изъ „планетнаго пролетаріата“ два тѣла и сдѣлалъ ихъ своими спутниками. Мнѣніе Дюбуа, однако, опровергнуто въ позднѣйшее время вычисленіями математика Пуанкаре.

Обитають-ли на Марсѣ люди и животныя?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить, во-первыхъ, что внѣшнія условия для развитія органической жизни, повидимому, существуютъ на этой планетѣ и даже явились на ней раньше, чѣмъ на землѣ, и, во-вторыхъ, что никогда нельзя будетъ доказать научнымъ путемъ присутствія или отсутствія на Марсѣ существъ, подобныхъ людямъ. Дѣйствительно, не трудно вычислить, какой величины долженъ быть данный опредѣленнаго вида предметъ — напр., кубъ — на поверхности разныхъ планетъ, чтобы его можно было увидѣть съ земли при увеличеніи въ 500 разъ. На нашей лунѣ предметъ долженъ имѣть 100 метровъ въ длину, тогда онъ будетъ видимымъ; такъ что если бы тамъ была своя Эйфелева башня, то ее можно было бы разглядѣть отсюда... Но на нашемъ спутникѣ все пустынно и мертво, и если тамъ, на лунѣ, были живыя существа, то они уже давно вымерли... На Венерѣ

каждое ребро куба должно имѣть $1\frac{1}{2}$ млн., но чтобы кубъ былъ виденъ — нужны благоприятныя условия для наблюденія, а ихъ нѣтъ; на Марсѣ ребро куба должно равняться 2 милямъ, на Юпитерѣ — 22 милямъ и т. д. Для большей ясности замѣтимъ: въ физикѣ принято, что хорошій глазъ видитъ бѣлый квадратъ (сторона = 1 метру) на черномъ полѣ отдаленно на разстояніи млн., т. е. можетъ отличить его отъ бѣлаго круга такой же величины.

Нельзя все-таки не замѣтить, что и при дальнѣйшемъ усо-

Примѣръ временныхъ измѣненій въ такъ-называемыхъ каналахъ Марса.

вершенствованіи телескоповъ невозможно надѣяться на болѣе успѣхъ въ такомъ дѣлѣ, какъ разсматриваніе поверхности планетъ, да и выше было сказано, что въ этомъ отношеніи всего важнѣе чистота, прозрачность воздуха. Не многимъ болѣе того, что видѣлъ Скиапарелли, можно будетъ видѣть съ Калифорнійской обсерваторіи, выстроенной на значительной высотѣ, пользуясь при этомъ чистѣйшимъ воздухомъ, свойственнымъ Калифорніи. Во всякомъ случаѣ, никогда нельзя будетъ утверждать, что видимыя, какъ бы созданныя человекомъ, сооруженія на планетахъ дѣйствительно сдѣланы разумными существами, и весьма еще сомнительно, удастся ли разрѣшить загадку существованія на Марсѣ двойныхъ каналовъ и нѣкоторыхъ другихъ замѣчательныхъ явленій; впрочемъ, если и удастся, то въ весьма далекомъ будущемъ, ибо придется преодолѣть не мало всяческихъ препятствій при наблюденіяхъ.

Удвоеніе марсовскихъ каналовъ совершается сравнительно очень быстро, а между тѣмъ данный пунктъ на планетѣ можетъ быть наблюдаемъ только восемь или десять вечеровъ подрядъ; затѣмъ слѣдуетъ промежутокъ въ 38 дней, когда наблюденія въ тѣ-же часы уже невозможны; если же погода

не благоприятствует, то перерыв может затянуться и на два мѣсяца. Марс, кромѣ того, долженъ быть возможно ближе къ землѣ (кратчайшее разстояніе его отъ насъ—7.500.000 миль), противостоянія же, т. е. то положеніе планеты, когда она какъ разъ противъ солнца, повторяются только черезъ 26 мѣсяцевъ; но для того, чтобы научить Марса въ различныхъ его состояніяхъ и въ разныя времена тамошняго года—необходимо наблюдать циклъ противостояній этой планеты за 16 лѣтъ.

Какъ ни здравы такія соображенія, однако многіе мужи не унываютъ и, строя гипотезы одну за другой, даютъ объясненіе всему происходящему на Марсѣ. Говорятъ, напримеръ, что такъ какъ Марсъ отстоитъ отъ солнца дальнѣе чѣмъ земля, то, слѣдовательно, меньшее количество солнечныхъ лучей падаетъ на его поверхность, а потому Марсовы флора и фауна должны отличаться болѣе тусклымъ, блѣднымъ колоритомъ. Животныя, населяющія южное полушаріе планеты, гдѣ зима продолжительна и сурова, должны быть покрыты очень густою, длинною шерстью... Въ виду того, что Марсъ древнѣе земли, полагаютъ, что и культура тамъ старше, значить—совершеннѣе нашей, а если это такъ, то на Марсѣ нѣтъ военного сословія: время вѣчнаго мира тамъ уже наступило... Говорятъ еще, что 100 нашихъ килограммовъ вѣсятъ на менѣе плотномъ Марсѣ только 38 килограммовъ; при одной и той же затратѣ силы тамъ можно произвести гораздо болѣе работы, чѣмъ у насъ. Марсовецъ, напримеръ, могъ бы легко везти нашу тяжело-нагруженную телегу, а прыжокъ его вверхъ можетъ быть сажени на три, на четыре; за-то желающему утопиться тамъ—не легко это сдѣлать, ибо тѣло его плаваетъ, какъ пробка. Одинъ изъ неунывающихъ писателей сообщилъ даже, между прочимъ, что „вслѣдствіе меньшей силы тяготѣнія на Марсѣ, походка его обитателей похожа на птичью, т. е. она въ родѣ легкаго, припархивающаго бѣга страуса...“

Фантазировать, конечно, можно на разныя лады, что и видно въ пресловутыхъ романахъ Жюль Верна, выдаваемыхъ за романы „естественно-историческіе“; но наука, опирающаяся на наблюденія и строгіе выводы изъ нихъ, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ подобными произведеніями. Есть, впрочемъ, еще одна гипотеза, ожидающая разсмотрѣнія и признанія со стороны теологовъ и математиковъ, которые охотно уступаютъ другъ другу эту честь, а именно: извѣстный философъ Вольфъ высказалъ мысль, что Творецъ съ тою цѣлью далъ планетамъ вращательное движеніе около оси, чтобы вся ихъ поверхность могла быть обитаема людьми, а не только одно полушаріе, обращенное къ солнцу; слѣдовательно всѣ планеты, въ томъ числѣ и Марсъ, вращающіяся около своей оси, должны быть населены живыми существами, подобными намъ.

Относительно положенія Марса среди другихъ планетъ, можно сказать, что онъ является первою изъ такъ-называемыхъ „верхнихъ планетъ“, а по величинѣ—онъ на седьмомъ мѣстѣ; діаметръ же его равенъ 0,54 діаметра земли. Согласно Кантовской теоріи, Марсъ—шестой по старшинству сынъ солнца, моложе Юпитера и кольца астероидовъ, но старше Земли и еще старше Венеры. По вычисленіямъ одного извѣстнаго физика—возрасты планетъ, расположенныхъ въ порядкѣ ихъ происхожденія, разнятся приблизительно на 5.000.000 лѣтъ, но положеніе, на которомъ основывались тѣ вычисленія, требуетъ еще проверки.

Было время, когда отъ огромнаго вращающагося газоваго шара отдѣлялись одно за другимъ кольца, которыя въ свою очередь разрывались, причемъ меньшіе отрывки притягивались болѣе крупными (только въ нѣкоторыхъ кольцахъ астероидовъ это явленіе не имѣло мѣста) и сливаясь образовывали планеты съ ихъ спутниками. Шестое кольцо образовало Марса съ его парой лунъ; центральный газовый шаръ (солнце) продолжалъ сжиматься и отъ него оторвалось новое кольцо, изъ котораго и составила Земля со своею луною, или тоже съ парой лунъ, какъ нынче многіе думаютъ. По времени происхожденія Земля занимаетъ среднее мѣсто между Марсомъ и Венерой, что под-

тверждается сравненіемъ состоянія атмосферъ на этихъ трехъ планетахъ. Атмосфера Марса менѣе плотна, чѣмъ земная; Венера же, напротивъ того, вращается въ густомъ, плотномъ покровѣ изъ облаковъ, такъ что лишь парѣдка удастся сквозь разрывы въ этой облачной толщѣ видѣть поверхность Венеры. На ней въ настоящее время господствуютъ тѣ же условія, которыя на землѣ имѣли мѣсто въ эпоху каменноугольнаго періода и при которыхъ царилъ тогда тепличная температура, причемъ материкъ проявлялъ огромную производительность, неотличавшуюся разнообразіемъ органическихъ формъ.

Есть основаніе думать, что настанетъ время, когда Марсъ притянетъ къ себѣ обоихъ своихъ спутниковъ, благодаря чему разовьется новое количество теплоты и жизнь на этой планетѣ поддержится еще на нѣкоторое время, но потомъ... Что же будетъ потомъ?..

Ко всему вышесказанному не мѣшаетъ присоветовать еще нѣсколько соображеній, хотя и придется теперь очутиться въ области вопросовъ не подлежащихъ строгому рѣшенію, но и тутъ кое-что можно по крайней мѣрѣ выяснитъ на основаніи выводовъ физики, примененіе которыхъ къ интересующему насъ отдѣлу знанія еще не имѣетъ твердой постановки.

Итакъ, что же послѣ будетъ съ Марсомъ? Новый запасъ теплоты источникъ, планета станетъ охлаждаться, остынетъ, наконецъ, и превратится въ мертвый, пустынный шаръ, подобный нашей лунѣ, а затѣмъ въ такомъ видѣ будетъ совершать свой путь вокругъ солнца еще многіе миллионы лѣтъ, а можетъ-быть и билліоны, пока въ свою очередь не поглотится солнцемъ, какъ и всѣ остальные планеты... И каждый разъ, какъ солнце притянетъ къ себѣ планету и поглотитъ ее—будетъ развиваться громадное количество теплоты, а вслѣдствіе этого станетъ возрождаться и новая жизнь... Ну, а потомъ?.. А потомъ наступитъ время, когда и само солнце остынетъ въ цѣпляющемъ холодѣ міроваго пространства, остынетъ несмотря на весь свой пылѣвшій жаръ, постоянно поддерживаемый поглощеніемъ падающихъ метеоритовъ, и, въ свою очередь, станетъ приближаться все болѣе и болѣе къ центральному тѣлу нашей системы млечнаго пути (по Канту, это центральное тѣло—Сириусъ). Если принять очень извѣстную гипотезу англійскаго физика Томсона, основанную на второй теоремѣ механической теоріи теплоты Карно, то въ концѣ концовъ вселенная умретъ *голодною смертью*. Такъ какъ теплота переходитъ съ тѣла болѣе высокой температуры на тѣло съ низшей температурой (обратно—никогда), то всѣ виды энергіи: теплота, свѣтъ, электричество, магнетизмъ—будутъ, такъ сказать, улетучиваться въ безконечное пространство—и всеобщее расцвѣтніе матеріи и энергіи будетъ *концомъ всего*.

Цѣльнеръ, однако, находитъ спасеніе для вселенной отъ такой печальной участи въ предположеніи, что пространство *не безгранично*, а представляетъ все-таки конечный объемъ, ограниченный нѣкоторою замкнутою кривою поверхностью. Всѣ прямыя линіи въ дѣйствительности являются дугами громадныхъ окружностей. Если въ одномъ пунктѣ вселенной міры гибнутъ, а составныя части ихъ улетучиваются, то въ другомъ—изъ этихъ частей необходимо составляются и возникаютъ новыя міры... Но здравая философія должна была бы предохранять умъ человѣческой отъ увлеченія подобными гипотезами. Дѣло въ томъ, что понятіе *пространства* не применимо ко вселенной, такъ какъ въ этой области мы лишены возможности что-либо опредѣлить; точно также относительно вселенной не существуетъ *времени*, ибо не имѣется никакой мѣры для него; наше время мы измѣряемъ *кажущимся* движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, которое, кромѣ того, произвольно предполагаемъ равномернымъ, оставляя въ сторону ту истину, что законы природы не воплотились всеобщіи, т. е. не имѣютъ, такъ сказать, *вселенскаго значенія*. Законы природы едва-ли представляютъ нѣчто болѣе приближительныхъ формулъ, полученныхъ путемъ обобщенія изъ ограниченаго круга данныхъ, доставляемыхъ опытомъ, рядомъ наблюденій... На конечные вопросы міровой жизни наука не даетъ отвѣта.

Къ рисункамъ.

Городъ Мезень. (Рис. на стр. 877 и 880).

Мезень, уѣздный городъ Архангельской губерніи, расположенъ на правомъ берегу рѣки Мезени, образующей при городѣ заливъ, въ которомъ останавливаются морскія суда. Отъ Білаго моря городъ отстоитъ въ 40 верстахъ. Мезенскій край, отчасти называвшійся въ древности Удорскимъ, принадлежалъ Новгороду, а по паденіи послѣдняго присоединенъ къ Московскому государству. Воеводы, управлявшие краемъ, имѣли свое мѣстопробываніе при впадѣніи рѣки Ваги въ Мезень, но по неудобству мѣстоположенія переселились въ 1739 году въ смежную слободу Окладникову и Кузнецову, такъ какъ отсюда могли ходить по рѣкѣ Мезени суда въ море, для звѣриныхъ промысловъ. Жители счлались государственными черносошными крестьянами. Въ 1780 году слободы переименованы въ уѣздный городъ Мезень Архангельской провинціи Вологод-

скаго намѣстничества, а въ 1799 г. городъ описанъ къ Архангельской губерніи.

Въ городѣ считается 2000 жителей. Изъ храмовъ замѣчательны церкви: Богоявленія, построенная въ 1700 г., Рождества Богородицы—въ 1718 г. и Спаская—въ 1737 г. Въ послѣдней находится образъ Нерукотвореннаго Спаса, перенесенный въ Мезень въ 1663 году изъ пустыни, находившейся при устьѣ рѣчки Хорговки. Занятія здѣшнихъ мѣщанъ состоятъ преимущественно въ скотоводствѣ, съвокошеніи, строительствѣ судовъ, рыболовствѣ, морскихъ промыслахъ; весьма немногіе сѣютъ рожь и ячмень, разводятъ капусту, рѣпу и рѣдьку. Морскіе промыслы упали въ настоящее время отъ недостатка капиталовъ; прежде мѣстные жители ходили на большихъ судахъ на Новую Землю; нынѣ же промышленяютъ болѣею частью около побережья. Зимой чловѣкъ сто занята судостроеніемъ.

Торговля въ последнее время стала ничтожною. Въ началѣ XIX вѣка въ городѣ была Московская контора для торговли съ иностранцами мѣхами и лѣсомъ; тогда купцовъ считалось до 60 человекъ, и было предположеніе на устьѣ Мезени основать порты, но стремительныя приливы и отливы въ Мезени не дозволили привести планъ въ исполненіе. Затѣмъ торговля перешла къ ижемцамъ. Зимомъ въ городъ привозятъ купцы и мѣшаче другихъ городовъ съ хлѣбомъ, съѣстными припасами и разными товаромъ, закупаютъ у жителей лошадей, рогатый скотъ, коровье масло, разную рыбу, ворвань, кожи морскихъ звѣрей и оленей, шкуры медвѣдей, лисецъ, зайцевъ, разную дичь. Ярмарка съ 10 по 20 января.

Мезенскій уѣздъ—самый обширный и пустынный изъ всѣхъ уѣздовъ Европейской Россіи. Онъ занимаетъ съ островами 9,814 кв. миль или 373,000 кв. верстъ. Вся площадь уѣзда представляетъ пустынную тундру, ограниченную на востокѣ Уральскимъ хребтомъ и раздѣленную пересѣкающимъ ее Тиманскимъ хребтомъ на двѣ части. Въ восточной части округа разстилается обширная равнина къ с. отъ рѣки Печоры, извѣстная подъ именемъ Большеземельской тундры, а къ югу—Малоземельской. Западная часть уѣзда, къ западу отъ Тиманскаго хребта, представляетъ также обширную равнину, которая къ сѣверу отъ полярнаго круга называется Каннискою тундрой. Вѣлое море принадлежитъ уѣзду Восточнымъ берегамъ.

Жителей въ уѣздѣ около 40,000 душъ обоего пола. Кромѣ великороссіянъ, въ уѣздѣ есть зыряне и самоѣды. Первые до 12,000, а вторыхъ до 4 1/2 тысячъ. Зыряне живутъ по рѣкамъ Мезени, Печорѣ и Ижмѣ; самоѣды въ сѣверной части уѣзда кочуютъ на полуостровѣ Канни и островѣ Колгуевѣ. Хлѣбопашество, но суровости климата, почти вовсе не развито. Скотъ и лошади отличаются хорошими качествами, особенно на югѣ; на сѣверѣ же они малосильны. Порода такъ-называемыхъ мезенскихъ лошадей пользуется особою извѣстностью; она разведена по повелѣнію Петра I и произошла отъ смѣси мезенскихъ лошадей съ обивскими. Зыряне и самоѣды содержатъ большія стада оленей. Изъ морскихъ звѣрей бьютъ бѣлыхъ медвѣдей, моржей, морскихъ зайцевъ.

Молебень. (Рис. на стр. 881).

„Безъ Бога ни до порога“, говоритъ пословица. Истинно русский человекъ за все принимается съ молитвой и все дѣлаетъ съ Божьей помощью. Окончена жатва и убранъ хлѣбъ, и поселянинъ благодаритъ Создателя за собранные плоды своего тяжелаго труда. Вспахана земля, надо приступить къ посѣву, и вновь возносятся молитвы къ Престолу Всевышняго, чтобы Онъ послалъ обильный урожай. Н. Н. Каразинъ, въ изящной акварели, гравюру съ которой читатель найдетъ на стр. 881, со свойственнымъ ему талантомъ, бойко воспроизвелъ картину молебна посреди вспаханнаго поля, подъ открытымъ небомъ, оглашаемаго порхающими птицами.

Мѣняла. (Рис. на стр. 885).

На картинѣ профессора исторической живописи Н. А. Ко-

шелева точно живой сидитъ одинъ изъ жрецовъ золотого тельца, безбородый, обрюзглый мѣняла. Безжизненно смотритъ изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ тусклые глаза его, и только по движенію пальцевъ можно догадаться, что онъ высчитываетъ барыни.

Пойманъ. (Рис. на стр. 888).

Лѣто приближается къ концу. Плоды и ягоды поспѣли, а цвѣты во всей красѣ разливаютъ благоуханіе подъ яркими солнечными лучами. Трое малюговъ: два мальчугана и милостивая дѣвушка, забралась въ садъ и пропавели въ немъ небольшое оустоженіе, каждый по своему вкусу. Красавица набрала цвѣтотъ, а мальчишки и плодовъ. При выходѣ изъ калитки одинъ изъ нихъ замѣшкался, а оба его сотоварища по набѣгу прихлопнули калитку, и, не внимая отчаяннымъ крикамъ, не выпускаютъ своего алопулчанаго друга изъ западин.

Охота на гривистаго горнаго барана (аруи).

(Рис. на стр. 889).

Всѣ дикіе овцы, подобно дикимъ козамъ, живутъ въ горахъ и, надо замѣтить, только въ сѣверномъ полушаріи. Первоначальною родиной ихъ является Азія, распространились же онѣ до южной Европы, Сѣверной Африки и сѣверныхъ областей Америки. Одинъ изъ интереснѣйшихъ видовъ горнаго барана водится въ горахъ Атласа и по отрогамъ его въ Алжирѣ. Это гривистый баранъ, отличающійся крупнымъ ростомъ, крѣпкимъ сложениемъ, громадными рогами и длиною ниспадающею гривой. Алжирскіе арабы называютъ этого барана *аруи* и рьяно за нимъ охотятся, хотя онъ нелегко дается въ руки. Онъ водится въ поманугтой африканской колоніи Франціи какъ въ горахъ Ауръ, такъ и на Джебелъ-Амурѣ и на

И. А. Гончаровъ († 15 сентября 1891 г.). Силуэтъ Елиз. Бемъ.

Джебелъ-Сиди-Шейхъ, любятъ самую возвышенную скалистую трущобу, куда охотникъ пробирается лишь съ величайшимъ трудомъ, и поэтому охота за гривистымъ бараномъ не только утомительна, но и сопряжена съ опасностью для жизни. Въ этихъ скалистыхъ трущобахъ лѣтомъ овцы питаются сочными альпійскими растеніями, пробивающимися межъ камней, а зимою жесткими лишайми, травами и пшкорослыми кустарниками. Гривистый баранъ живетъ большею частью въ одиночку, особенно необщительны старые бараны; только во время спариванія, въ ноябрѣ, попадаются они по нѣскольку головъ вмѣстѣ. Арабы алжирской провинціи Константины большею частью подстерегаютъ барановъ на стойкѣ, карабкаются на отвѣсные утесы и залезаютъ ночью вблизи ручья, куда овцы ходятъ на водопой. Чуть забрезжитъ разсвѣтъ, появляется дичь. Какъ только животныя наклонятъ головы къ водѣ, раздаются выстрѣлы изъ длинныхъ винтовокъ; но какъ бы ни были они вѣрно направлены, рѣдко случается, чтобы гривистый баранъ палъ на мѣстѣ. Теперь-то и наступаетъ самая опасная, тяжелая и волнующая пора охоты. Обыкновенно пораженные пулей животныя падаютъ съ крикомъ, а затѣмъ, собравшись съ силами, вскакиваютъ и быстрыми рѣзкими скачками обращаются въ бѣгство. Преслѣдованіе такого смертельно раненаго барана среди скалистыхъ горныхъ ущелій—

есть истинное испитавіе мужества, тѣлесной силы и терпѣнія охотниковъ, которые нерѣдко по цѣлымъ часамъ карабкаются по кровавымъ слѣдамъ за звѣремъ, пока не найдутъ его уже мертвымъ на днѣ какой-нибудь пропасти. Арабы очень любятъ лакомиться его вкуснымъ мясомъ; изъ шкуръ выдѣлываютъ одѣяла для ногъ, изъ кожъ — сафьяны.

„Силуэтъ И. А. Гончарова“ Е.

Бэмъ. (На стр. 892).

Помѣщаемъ превосходный и отличающійся большимъ сходствомъ силуэтъ И. А. Гончарова, сдѣланный г-жею Бэмъ съ натуры, въ кабинетѣ покойнаго писателя, по случаю пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности. Знакомые почившаго узнаютъ даже различныя вещицы на его письменномъ столѣ.

С. Т. Аксаковъ.

(Портр. на этой стр.)

20 сентября исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Сергія Тимоѣевича Аксакова, знаменитаго автора „Семейной хроники“. Аксаковъ род. въ Уфѣ, 20 сентября 1791 г., въ старинной дворянской семьѣ, производившей свой родъ отъ варяга Шимона, выѣхавшаго изъ своей земли въ Русь, съ большою свитой подвластныхъ ему людей, при великомъ князѣ Ярославѣ. Мать Аксакова, женщина большаго ума и по своему времени замѣчательнаго образованія, старалась отстранить сына отъ вліянія невыгодныхъ сторонъ старей помѣщичьей жизни, вообще имѣла большое вліяніе на характеръ его и на его умственное и нравственное развитіе. Восемь лѣтъ Аксаковъ поступилъ въ Казанскую гимназію, изъ которой перешелъ въ только-что основанный тогда Казанскій университетъ. Окончивъ въ 1807 году курсъ, Аксаковъ перѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу — переводчикомъ въ Ко-

С. Т. Аксаковъ (по поводу сотой годовщины дня рожденія). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Профессоръ Рудольфъ Вирховъ (по поводу 50-лѣтія ученой дѣятельности). Рис. К. Кольтъ.

миссію составленія законовъ. Страсть къ театру, возникшая въ немъ еще въ гимназіи, заставила его искать театральныхъ знакомствъ, и онъ сблизился съ кружкомъ „Бесѣды любителей русскаго слова“ съ Шишковымъ во главѣ. — обстоятельство, оказавшее на молодого Аксакова, на его литературныя понятія и направленіе, — невыгодное вліяніе. Въ 1811 г. Аксаковъ бросилъ службу и поселился въ своемъ оренбургскомъ имѣніи, изрѣдка навѣщая столицу. По въ 1826 году онъ совѣтъ перѣхалъ въ Москву, гдѣ Шишковъ, тогда уже министръ Народнаго Просвѣщенія, доставилъ ему мѣсто цензора. Сблизившись съ литераторами, какъ старыми, такъ и позже чрезъ своего знаменитаго сына Константина, съ молодыми, Аксаковъ въ эту пору своей жизни много писалъ и печаталъ, преимущественно о театрахъ, придерживаясь старыхъ литературныхъ традицій. Новые литературныя направленія, созданныя Пушкинымъ, Гоголемъ и пр., не остались, однако, безъ вліянія на впечатлительнаго Аксакова. Уже на склонѣ жизни, когда ему было болѣе 50 лѣтъ, отдавшій воспоминаніямъ о пережитомъ, Аксаковъ вдругъ проявилъ всю неистощимую силу своей талантливой природы, создавъ произведенія, сдѣлавшія имъ его знаменитымъ. Въ эти послѣдніе 12 лѣтъ жизни онъ написалъ: „Записки объ ужении рыбы“, „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“, „Семейную хронику“ и „Дѣтскіе годы Багрова-внука“, и уже на смертномъ одрѣ передалъ въ сборникъ *Братчина* статью „Оловячбабочекъ“. Скончался Аксаковъ 30 апрѣля 1859 года въ Москвѣ и похороненъ въ Симоновомъ монастырѣ. Послѣднія произведенія Аксакова, и особенно „Семейная хроника“ и „Дѣтскіе годы Багрова-внука“, отли-

чаются необыкновенною красотою и въ то же время безнискучественностью языка, глубокимъ чувствомъ природы и жизни, трогательною искренностию и почти наивною правдивостью, отсутствіемъ всякой тенденціозности и предвзятости, и занимаютъ по праву одно изъ видныхъ мѣстъ въ русской классической литературѣ. „Семейная хроника“ въ переводахъ пользуется павѣстностью и за-границею.

Рудольфъ Вирховъ. (Портр. на стр. 893).

1 октября исполнилось 70 лѣтъ знаменитому нѣмецкому ученому и политическому дѣятелю Рудольфу Вирхову. Юбилей былъ отпразднованъ очень торжественно; участіе въ немъ приняли, между прочимъ, и русскіе ученые, среди которыхъ насчитывается не мало учениковъ, слушателей и поклонниковъ славнаго врача и антрополога. Рудольфъ Вирховъ (Virchow) родился 1 октября 1821 г. въ померанскомъ городѣ Шинфельдѣ. Образование Вирховъ получилъ въ Берлинѣ, которому принадлежитъ и главнѣйшая часть его дѣятельности. 22-хъ лѣтъ Вирховъ былъ уже младшимъ врачомъ и въ 1846 г. прозекторомъ въ больницѣ Шаритѣ въ этомъ городѣ. Въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ Рейнхардомъ, онъ положилъ основаніе *Архиву Патологической Анатоміи и Физиологіи*, а также *Клинической Медицины*, которые со смертію Рейнхарда, въ 1852 г., онъ продолжаетъ уже одинъ. Одновременно съ этимъ онъ читаетъ лекціи по патологической анатоміи. Въ 1848 и 1849 годахъ, вмѣстѣ съ Лейбнигеромъ, имъ издавался еженедѣльный журналъ *Медицинская Реформа*. Въ это время Вирховъ принимаетъ участіе въ политическомъ движеніи охватившемъ его родину и лишающемъ мѣста. Въ 1849 году, въ сочиненіи „Einheitsbestrebungen in der wissenschaftlichen Medizin“ (Berlin), онъ высказалъ свои взгляды на науку, и призванный въ томъ же году въ качествѣ профессора патологической анатоміи въ Вирбургъ, занялъ одно изъ выдающихся мѣстъ среди ученыхъ такъ-называемой Вирбургской школы. Въ 1856 году Вирховъ возвратился, со званіемъ ординарнаго

профессора, въ Берлинскій университетъ и создалъ во вновь основанномъ Патологическомъ институтѣ образцовое учрежденіе, ставшее средоточіемъ самостоятельныхъ пэмскихъ многочисленныхъ молодыхъ ученыхъ. Замѣчательны его изслѣдованія въ целулярной патологіи; но и вообще открытія и работы Вирхова столь значительны и многочисленны, что современная патологическая анатомія во всѣхъ своихъ частяхъ тѣмъ-нибудь да обязана знаменитому ученому. Но не на одну патологію, а вообще на всю медицину Вирховъ имѣлъ громадное вліяніе, и едва-ли найдется еще другой ученый могущій раздѣлить съ Вирховымъ его славу. Вмѣстѣ съ тѣмъ заслуги Вирхова какъ преподавателя также громадны: по всему свѣту работаютъ ученики и ассистенты Вирхова во славу медицины и своего учителя. Рядомъ съ его научными работами нельзя обойти молчаніемъ и его политической дѣятельности. Съ 1859 года, Вирховъ избирается городскимъ депутатомъ отъ города Берлина и въ 1862 году, избранный въ прусскую палату депутатовъ, становится однимъ изъ основателей и вожаковъ прогрессивной партіи. Въ войны 1867 и 1870—71 годовъ онъ руководитъ обществомъ помощи войску, устраиваетъ первые прусскіе санитарные поезда и строитъ барачные лазареты. Кроме того, не мало важны заслуги Вирхова и по археологіи. Въ 1879 году онъ участвуетъ при раскопкахъ павѣстнаго Шлимана въ Гисарликѣ, плодами чего были его работы: „Zur Landeskunde der Troas“ 1880 и „Alttrajanische Gräber u. Schädel“ 1882. Въ 1881 году Вирховъ посѣтилъ Кавказъ, произведя значительныя изслѣдованія по антропологіи („Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten“ 1883). Съ февраля по май 1888 года онъ объѣхалъ со Шлиманомъ Египетъ, Нубію и Пелопонесъ. Къ этому времени относится основаніе Вирховымъ въ Берлинѣ нѣмецкаго музея одежды и домашней утвари. Число работъ по всѣмъ отраслямъ многосторонней дѣятельности славнаго ученаго очень велико, и онѣ, начиная съ его безсмертной „Cellularpathologie“, вмѣстѣ съ многочисленными его учениками и послѣдователями, увѣковѣчиваютъ имя Рудольфа Вирхова.

Политическое обозрѣніе.

24 сентября въ 6 часовъ 55 минутъ утра скончался Виртембергскій король Карлъ отъ паралича сердца. Съ полночи королевская семья находилась у одра умирающаго. Преемникъ его, король Вильгельмъ, предсѣдалъ въ тотъ же день въ королевскомъ замкѣ на совѣтѣ министровъ.

По поводу кончины короля Карла *Journal de St.-Petersbourg* пишетъ: „Въ виду родственныхъ узъ, связывающихъ виртембергскую династію съ нашей Августѣйшей Императорской Фамиліей, это павѣстие встрѣтитъ у насъ глубокое соболѣзнованіе и величайшее участіе къ горю, постигшему Ея Величество Королеву Ольгу, Августѣйшую тетку нашего Государя. Къ выраженіямъ глубокаго сочувствія, которое, несомнѣнно, получитъ изъ своего первого отечества королева Виртембергская, присоединятся также доказательства привязанности, почтения и безавѣтной преданности со стороны населенія пріемнаго отечества ея величества и послужатъ ей утѣшеніемъ въ ея глубокой скорби“.

Торжественное погребеніе короля состоялось 27 сентября. Присутствовали Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и другія особы. По окончаніи панихиды, отслуженной въ Мраморномъ залѣ дворца резиденціи, тѣло было торжественно перенесено въ могилу. За траурною колесницею шли король Виртембергскій, императоръ Вильгельмъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, великій герцогъ Баденскій и другія особы. При спускѣ гроба въ могилу произведены установленные салюты.

Вдовствующая королева не присутствовала на похоронахъ. Ея величество посѣтила могилу послѣ погребенія.

Въ официальной газетѣ, 24 сентября, былъ опубликованъ манифестъ, коимъ новый король, Вильгельмъ II объявляетъ, что, въ силу закона о престолонаслѣдіи, онъ вступаетъ въ управленіе государствомъ и обѣщаетъ ненарушимо соблюдать постановленія конституціи. Въ дальнѣйшей прокламаціи король заявляетъ, что въ качествѣ германскаго государя, онъ будетъ неколебимо соблюдать договоры, на которыхъ было основано германское отечество.

Германскій императоръ прислалъ, какъ напечатано въ *Staats-Anzeiger*, королю Виртембергскому телеграмму, въ которой онъ выражаетъ королю, королевѣ и всему народу искреннѣйшее соболѣзнованіе и, кроме того, увѣряетъ короля въ горячей дружбѣ и привязанности. Король отвѣтилъ выраженіемъ благодарности и увѣреніемъ въ томъ, что онъ сознаетъ вышнюю на его долю большую отвѣтственность и, какъ прежде, твердо стоитъ за императора и имперію, въ качествѣ члена прусской арміи.

Вслѣдъ за генераломъ Буланже отошелъ въ вѣчность еще болѣе славный политическій дѣятель. Ночью на 25 сентября скончался въ Брайтонѣ предводитель ирландской партіи Парнелль. Въ пятницу Парнелль простудился, послѣ чего у него обнаружилась сильный ревматизмъ. За нѣсколько времени до смерти онъ лишился сознанія.

Куріозы печати.

По поводу текущей выставки дубочныхъ картинъ въ С.-Петербургѣ, чрезвычайно поучительной въ павѣстномъ смыслѣ и дѣлающей честь ея учредителямъ, газета *Новое Время* обмолвилась слѣдующею фразой: „Въ настоящее время нѣкоторые хромофотографіи гг. Сытина, Соловьева и Тила, цѣною въ 10—15 коп., по достоинству не уступаютъ преміямъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій гг. Добродѣева и Маркса“. Только силой вынужденія ежедневной газеты можемъ мы объяснить себѣ, каковы образомъ редація не вычеркнула этихъ строкъ невѣжественнаго обозрѣвателя выставки. Неужели *Новому Времени* приходится разъяснять, что есть ремесленная хромофотографія и художественная хромофотографія, какъ напр. на фортепiano есть игра тапера и есть игра Рубинштейна? Неужели *Новое Время* не понимаетъ, что изъ нѣсколькихъ тысячъ дубочныхъ хромофотографій, цѣнрящихся на выставкѣ, не найдется ни одной картины, т. е. художественнаго произведенія, соединяющаго въ себѣ правильность рисунка, перспективу и гармонию тоновъ? Наконецъ, неужели *Новое Время* не помнитъ собственного отаыва, которымъ оно почтило нашъ „Альбомъ акварелей“ въ прошломъ

году, найдя наши хромофотографіи воспроизведенными оригиналь въ мельчайшихъ подробностяхъ?

Мы не имѣемъ надобности распространяться здѣсь о достоинствѣ нашихъ премій, такъ какъ читателямъ „Нивы“ павѣстно мнѣніе о нихъ такихъ авторитетовъ, какъ И. К. Айвазовскій, Зичи, Сверчковъ и другіе знаменитые живописцы. Поэтому ограничимся замечаніемъ замѣтки *Нового Времени* въ нашу лѣтнюю куріозовъ.

* * *

Не только хромофотографія хромофотографія, но и невѣжество невѣжеству рознь. Вотъ, напр., невѣжество чистѣйшей пробы со свойственнымъ ему развизно-самоувѣреннымъ тономъ. Въ № 38 *Живописнаго Обозрѣнія* напечатано подъ рубрикой „Разныхъ павѣстій“ слѣдующее наумительное павѣстіе:

Еще о желѣзной маскѣ. Въ № 25 *Живописнаго Обозрѣнія* за текущій годъ была помѣщена статья о научныхъ изслѣдованіяхъ по поводу извѣстной „желѣзной маски“. Въ настоящее время въ заграничной печати появилась новая гипотеза,—по счету четыр-

наддателя, — о таинственномъ узникѣ. Капитанъ Бавери утверждаетъ, что ему удалось дешифрировать депеши Людовика XVI и его военнаго министра Лувау, въ которыхъ идетъ рѣчь о загадочной „Желѣзной маскѣ“. Изъ этихъ депешъ состоящихъ изъ непрерывнаго ряда цифръ, будто бы ясно, что „Желѣзной маской“ былъ никто иной, какъ генералъ Бюлондъ, осужденный на пожизненное тюремное заключеніе за то, что онъ приостановилъ осаду города Конн въ Пьемонтѣ вопреки приказамъ Катината, т. е. явился измѣнникомъ своего правительства. Людовикъ XVI, по извѣстномъ мотивѣ,

не пожелалъ его казнить, а далъ ему жить подъ условіемъ, чтобы никто никогда не видалъ его лица. Не говори уже о красотѣ слога, прелесть этихъ *Бюлонди* (Бюлонъ) и *Катината* (маршалъ Катина), зачѣмъ было приписывать Людовику XVI извѣстные мотивы, по которымъ онъ не пожелалъ казнить „Желѣзную маску“? Всего только одинъ мотивъ и былъ, а именно: Людовика XVI не было еще на свѣтѣ и родился онъ (1754) — спустя полвѣка послѣ смерти „Желѣзной маски“ (1703).

С М Ъ С Ъ .

По Высочайшему повелѣнію Государыни Императрицы, внесены въ кассу Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста Секретаремъ Ея Величества, тайнымъ совѣтникомъ Ооомомъ, 20,000 рублей, пожалованные Августѣйшею Покровительницею, для распределенія между нуждающимися въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ, что немедленно исполнено и деньги оправлены въ распоряженіе тѣхъ мѣстныхъ учреждений Общества, которымъ довѣрено попеченіе о нуждающихся.

Бойкій отвѣтъ. Герцогъ Мальборо, послѣ побѣдоносной битвы при Мальплаке (11-го сентября 1719 г.), замѣтилъ между францужскими военнопленными одного чрезвычайно виднаго человѣка. „Еслибъ я имѣлъ сорокъ тысячъ такихъ противниковъ, какъ вы“, обратился онъ къ нему, — „побѣда не досталась бы мнѣ такъ легко“. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать: „О, господинъ маршалъ! Сорокъ тысячъ такихъ людей тамъ было; намъ недоставало только одного такого человѣка, какъ вы“. (в.)

Въ Конторѣ журнала „Нива“ (Невскій, 6) поступили въ продажу

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“ 1891 ГОДА, ДЕСЯТИ АКВАРЕЛЕЙ „ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬБОМА“.

Мы изготовили большую партію багетныхъ рамъ, сдѣланныхъ подлѣ орѣха, съ лѣпными украшениями, золотымъ ободкомъ и со стекломъ. Въ каждую раму вставленъ картонъ, на которомъ должна быть укрѣплена картина, такъ что всякій можетъ вставить картину самъ, не прибѣгая къ помощи переплетчика.

Вслѣдствіе громаднаго количества заказанныхъ нами рамъ, мы можемъ предложить ихъ гг. подписчикамъ по весьма недорогому цѣнѣ, а именно:

Для гг. городскихъ подписчиковъ по 1 р. 25 к. за раму со стекломъ. Покупаящимъ не менѣе 5 рамъ, онѣ уступаются за 5 р. 50 коп., а при покупкѣ не менѣе 10 рамъ — за 10 р. 50 коп.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы высылаются со вставленнымъ картономъ, но безъ стеколъ, вслѣдствіе того, что не смотря на тщательную упаковку, стекла въ дорогѣ легко могутъ разбиться.

Гг. московскіе подписчики благоволятъ обращаться за рамами въ контору Н. И. Печновской (Петровскія линіи), гдѣ онѣ продаются (безъ стеколъ) по 1 р. 15 к. за раму. Покупаящимъ не менѣе 5 рамъ, таковыя уступаются за 5 р. 25 к., а при покупкѣ 10 рамъ — за 9 р. 75 коп.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются лишь при условіи выписки не менѣе пяти рамъ — одновременно. Цѣна за 5 рамъ (со вставленными картонами и безъ стеколъ), съ ящикомъ и упаковкою 5 рублей, а при выпискѣ не менѣе 10 рамъ — 8 р. 50 к., съ ящикомъ и упаковкою.

Рамы будутъ высылаются по желѣзной дорогѣ или черезъ транспортную контору и стоимость пересылки ихъ будетъ уплачиваться адресатами на мѣстѣ, при полученіи ящика.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Навъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. И. Каразина. Ч. II. (Продолженіе). — Планета Марсъ. (Ст. Д-ра Карла Франца) (съ 7 рис.) — Къ рисункамъ: Горьдъ Мезень (съ 3 рис.). — Молебень (съ рис.). — Мѣнла (съ рис.). — Пойманъ (съ рис.). — Охота на гривистаго горнаго барана (арму) (съ 2 рис.). — „Силуэтъ М. А. Гончарова“ Е. Бэмъ (съ рис.). — С. Т. Аксаковъ (съ портр.). — Рудольфъ Вирховъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Куріозы печати. — Сибѣ. — О рамахъ для преміи „Нивы“ 1891 г. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

При этомъ № высылаются гг. годовымъ подписчикамъ главная художественная премія „Нивы“ на 1891 г. — АЛЬБОМЪ „НИВЫ“ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

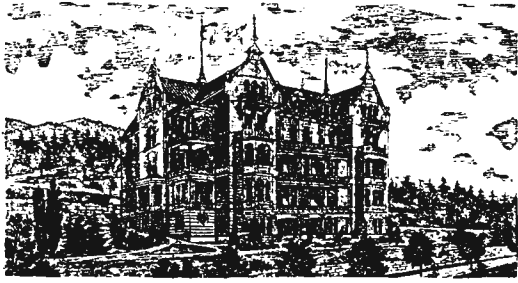
МУЗЫКЪ: МАГАЗИНЪ А. БИТНЕРЪ. С.-Петербургъ, Невскій просп. № 22, высылаютъ по порученію автора за 22 коп. подробная программа музык. жур. „МУЗЫ“ высылаются бесплатно музык. магазиномъ А. Битнеръ. № 5362 почт. марками 3-3 ра, С.-Петербургъ, Невскій просп., № 22.

МАРСЕЛЬЕЗА Маршъ для форте-пiano пер. Л. Адоева. № 5361 Первый № „МУЗЫ“ и премія выйдутъ 20-го декабря сего 1891 года. 3-3

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ
ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА
составленный Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.
ИЗДАНИЕ 2-е, дополненное новыми рисунками. Цѣна въ литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 коп. Съ требованіями обращаться въ СПб., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

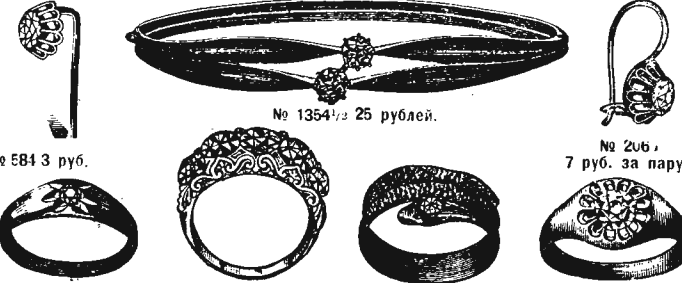
PAPIER FAYARD ET BLAUN
Бумага Фаяр и Блаунъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила повсюду поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяр и Блаунъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовати собственноручную подписи. № 5332 20-3

БАДЕНЪ-БАДЕНЪ
частн. женск. банника
„QUISISANA“
Открыта ергодый годъ.
ПРОГРАММЫ.
Мед. Сов. Д-ръ Баумгертнеръ.

ЭЛЕОПАТЬ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Прод. во всѣхъ больш. Аптеч. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп., но безъ пересылки. № 5336
Пров. КИНУНЕНЪ.
Проситъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.
Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

И. № 5399 **ФАБРИКА**
ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
КАРЛА ГОЛЬ въ Канштадтѣ (Германія)
высылаютъ безъ всякой доплаты за пересылку до границы золотыя вещи своего издѣлія изъ мѣсснаго 14 каратнаго золота съ искусственными брилліантами имѣющими великолѣпную игру. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно. Заказы исполняются лишь по полученіи полной стоимости выписываемой вещи, причѣмъ самая стоимость можетъ быть прислана русскими кредитными билетами или почт. марк.

№ 1354 1/2 25 рублей.
№ 584 3 руб.
№ 788 4 р. 50 к.
№ 741 15 р. 50 к.
№ 787 10 рублей.
№ 736 8 рублей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Специалист хронометровъ.
СПбурзь, Невскій пр., № 82
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Подробный иллюстрирован-
ный прейсъ-курантъ высылается по востре-
бованію безплатно. Пересылка на счетъ Ма-
газина. Ручательство на 2 года. № 5182 2-18

ШОКОЛАДЪ
ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА

Ж. БОРМАНЪ
уважаемый на многихъ международныхъ
выставкахъ высшихъ наградъ,
продается во всѣхъ городахъ имперіи.

уважаемый на многихъ международныхъ
выставкахъ высшихъ наградъ,
продается во всѣхъ городахъ имперіи.

ШОКОЛАДЪ
А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВИИ
ВЪ МОСКВѢ.
С. № 5307.
В-10.
продается
во всѣхъ городахъ
РОССІИ

Последняя только что усовершенствованная
НОВОСТЬ
МАГИЧЕСКОЕ
ОГНИВО!
ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧ-
КИ И КАРМАНЫИ
ФОНАРЬ.
Маленькое, Практичное,
Безопасное! Дешево!
Служитъ карманной
спичковницей. А для
яркнхъ свѣтъ въ цѣлыя часы.
Сдѣлано изъ чистаго никкеля. Только 1/4 вер-
шинный — удобно носить въ карманѣ.
Огниво съ 1000 зарядами 2 руб. Пер. 1 ф.
Зипсъ въ 2000 зар. 1 р.; въ 10,000 зар. 4 р.
Пересылаю наложеннымъ платежомъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ,
Невск. пр., № 20

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ,
Невск. пр., № 20

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ
ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ
КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ ути-
ральниковъ, кожа лица дѣлается чистою.
Удобное средство въ дорогѣ. Ихъ удобно
всегда имѣть при себѣ. Цена пачки 80 коп.,
съ перес. по почте 2-хъ пачк. 2 р.; 4 пачки
съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣ-
локъ, прошу требовать на каждой пачкѣ:
подпись А. Энглундъ — красными чернилами
и марку Сиб. Косметической Лабораторіи.
Получить можно: во всѣхъ магазинахъ
Сиб. Химической Лабораторіи, въ Русск.
Общ. торгов. аягек. товар., у А. Рузмина.
Въ Москвѣ у К. Феррейна, В. Безбардиса,
Р. Келлеръ и Ко, О. Гетлингъ, и во всѣхъ
известныхъ аптеч. и парфюм. торгов. Рос-
сийской имперіи. Главный складъ для всей
Россіи. С.-Петербургъ, С.-Петербургская
Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ.
Литейная № 38. Ц. № 5349

НИЖНЯЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза
быстрѣ пера. Чисто-
та, четкость красота.
Введена во всѣхъ
Министерствахъ и
мног. правительств.
и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн.
отзывы отъ Правительства и другихъ учре-
жденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

„ЛЕНИНГЪСЪ И ГИОЗИНЪ“
имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2408

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обратителъ
письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Пе-
тербургъ, Цевскій 56-57.

МОЗГОВАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРЪ“.
Средство для уничтоженія мозолей и боро-
давокъ. Цена 35 коп. за флаконъ, за два
флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн.,
аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный
складъ у Г. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1.
Въ С.-Петербургѣ. № 5377 (2)

ФИСГАРМОНИИ
Фабрици ШИДМАЙЕРЪ, рекомендованныи Глава-
чемъ, Гензельтомъ, Листомъ, въ 140, 180, 325, 300,
350, 450, 650 и др.
ЛУЧШИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ фабрикъ въ 100,
140, 160, 200, 250, 300, 400, 500, 550, 800 и 1200 р.
ЛУЧШИХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ фабрикъ въ 100, 130,
160, 190, 275 и 450 руб. и складами въ 125 и 200 р.
Школа для фисгармоніи 2 руб.
Играть на фисгармоніи можно легко выучиться.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ по-
томъ для фисгармоніи — безплатно.
По полученіи задатка приблизительно 1/3 стои-
мости заказа требуемое высылается съ наложен-
нымъ платежомъ иль ослѣдную сумму.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ. № 5398
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ
БАТЕТНАЯ РАМОЧНАЯ
ФАБРИКА
СПЕТЕРБУРГЪ
МАЛАЯ ДВОРЯНСКІЙ № 17-19
МАГАЗИНЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ № 11. (3)
Громадный выборъ новѣйшихъ рисунковъ, а также и
новизны въ рамкахъ и мольбертахъ. Образцы на Между-
народной, Постоянной, Универсальной Выставкѣ въ Москвѣ.

„КОЛОДА“
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
„РУССКАЯ ШЕВРОВАЯ
КОЖА“.
Мы производимъ въ продолженіе уже
двухъ лѣтъ русскую шевровую кожу и до-
стигли при этомъ такихъ блестящихъ ре-
зультатовъ, что ее трудно отличить отъ
французской и въ прочности даже превосхо-
дитъ ее. Мы изготовляемъ изъ этой
кожи дамскіе сапоги на пуговицахъ и та-
ковые же полусапожки высокие на резинѣ,
но очень дешевыми цѣнами,
составляющие крайне выгод-
ный товаръ для торговцевъ.
Образцы, только торгова-
намъ, высылаетъ Торговый
Домъ „Леопольдъ Нейше-
леръ“ въ С.-Петербургѣ, Мос-
квѣ, Одессѣ и Ригѣ.
**С.-ПЕТЕРБУРГ-
СКОЕ ТОВАРИ-
ЩЕСТВО МЕХА-
НИЧЕСКАГО
ПРОИЗВОДСТВА
ОБУВИ**
№ 5281 12-8

РОЯЛИ И ПИАНИНО
всѣхъ системъ, заграничныхъ и здѣшнихъ
фабрикъ, дотеранія хорошии тоны изъ-за
многого игранія; смости или молч., попра-
вляетъ заново хорошо, дешево и добросовѣстно
специальность. Учатъ: Михайловская, д. 4, хот-
ный магазинъ Г. Васильева, и Малая Морская,
д. № 6, кварт. 13. № 5351

КОНТОРА
ЕТОРА МАЙЕРЪ
въ Москвѣ
(учрежденная въ 1872 г.)
СТРАХУЕТЪ отъ тиражей пога-
шенія билеты 1-го и 2-го инт-
реннихъ съ выигрыш. залповъ.
Владѣльцы билетовъ, застра-
хованныхъ въ одной или нѣско-
лькихъ конторахъ и вышедшихъ въ про-
дажу билеты тиражи погашеній, по-
корѣнне просятъ предъвить
неотлагательно (хотя расцѣтъ по
объему производится конторою въ
точеніе 10 лѣтъ) чрезъ корреспон-
дентовъ или прямо въ конто-
ру въ Москвѣ эти билеты для
обмѣна на другіе, новыишіе
въ тиражѣ: III. № 5307 3-1
Порученія для провинцій испол-
няются съ обратною почтой.
Всѣхъ справокъ о процентныхъ
бумагахъ ислѣдуется немедленно,
если на отвѣтъ будутъ приложены
четырнадцать коп. почт. марками.

Только подлинно съ этой фабрики, маркой
Huste-Nicht
„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной-Мальбѣи-Цукерантъ и
Конфекты.
Л. Г. ПИТЦЪ и Ко.
въ Бреславлѣ.
Химическимъ анализомъ и медицинскимъ
опытомъ подтверждено, что во всякомъ
случаѣ въ составѣ этихъ препаратовъ не
входятъ никакія вредныя для здоровья ве-
щества; почему вслѣдствіе и продажа ихъ въ
Россіи разрешена.
Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к.
конфекты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи у В. Ауриха
въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19.
Продажа во всѣхъ аптекахъ, магаз.
и аптекахъ Россіи. В. № 5364 (2)

ШОКОЛАДЪ
ФАБРИКИ „ЕСТУЖКЪ“
НАХОДЯТСЯ
ВО ВСѢХЪ
ГОРОДАХЪ
РОССІИ.
ПРЕДУБЕДИТЕЛИ
СТАРОПРАЖАНЪ
НАШЕИ
МАРИИ

НАСТОЯЩЕ
ВЕЛОСИПЕДЫ (Велѣтѣ)
ПЕРВОЕ МѢСТО
Ж. БЛОКЪ
С.-Петербургъ

НИВА

Иллюстрированный Журнал Литературы

XXII г.
№ 42

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕНЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣнъ 19 октября 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫПРОЕБЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . 5 р. } Съ доставкою въ Петербургъ . 6 р. 50 к. } Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. М. Печковской, Петровская Торг. линия . 6 р. } Съ пересылкой въ Москву и др. го. ода Россіи . 7 р. } За границу . 10 р.

Подписка на 1891 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями, Сборникомъ, Полн. собраніемъ сочин. М. Ю. Лермонтова, альбомомъ „Нивы“ и пр.

Джакомо Мейерберъ.

Хотя самъ Мейерберъ и утверждалъ, что онъ родился въ 1794 году, однако этому не слѣдуетъ придавать значенія. Въ послужномъ спискѣ его обозначено, что родился онъ 24 августа (5 сентября) 1791 года, и поэтому въ нынѣшнемъ году исполняется ровно 100 лѣтъ со дня рожденія великаго композиста. Онъ былъ сынъ банкира Бера и при крещеніи получилъ имя Якова. Одинъ изъ друзей его отца, богатый Мейеръ, заинтересовался раннимъ музыкальнымъ развитіемъ и богатымъ дарованіемъ мальчика и завѣщалъ ему свое состояніе, подъ условіемъ, чтобы къ своей фамиліи онъ прибавилъ и его; вслѣдствіе этого мальчикъ сталъ носить двойную фамилію Мейеръ-Беръ, которая впоследствии слилась въ Мейерберъ. Итальянизированіе имени его Яковъ произошло по причинѣ его дол-

гаго пребыванія въ Италіи, гдѣ молодой композистъ написалъ цѣлый рядъ оперъ въ итальянскомъ стилѣ. Въ началѣ своей дѣятельности Мейерберъ имѣлъ нѣсколькихъ видныхъ соперниковъ, именно: пианиста Гуммеля въ игрѣ и Вебера и Россини въ композиціи торствъ. Однако скоро молодой музыкантъ оставилъ мысль о виртуозномъ совершенствованіи въ игрѣ и посвятилъ себя всецѣло композиторскому поприщу. Въ 1812 году онъ оставилъ въ Мюнхенѣ свою первую оперу „Дочь Іефалъ“, не имѣвшую никакого успѣха. Затѣмъ имъ была написана опера „Абамелекъ или два калифа“, тоже не имѣвшая успѣха, но пѣвственный Сальери оцѣнилъ талантъ Мейербера и содѣйствовалъ ему отправленію въ Италію, что тотъ и сдѣлалъ въ 1814 году. Тамъ знакомство съ новымъ стилемъ заставило Мейербера приняться за работу для усвоенія его, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ востой-

Джакомо Мейерберъ (по поводу 100-й годовщины рожденія). Грав. Вене.

чиваго труда онъ выступилъ въ Падуѣ, въ 1813 г., съ оперою „Romilda e Constanza“, за которою послѣдовали: въ 1819 г. „Semiramide riconosciuta“, въ 1820—„Emma di Resburgo“, доставившая автору крупный успѣхъ. Послѣ „Эммы“ для Италіи были написаны Мейерберомъ оперы „Margherita d'Anjou“, „L'Esule di Granada“, „Almansor“ и наконецъ въ 1825 году „Il Crociato“, послѣдняя и лучшая изъ его итальянскихъ оперъ, имѣвшая громадный успѣхъ. Всѣ эти оперы вызвали ожесточенныя нападкы въ Германіи; даже Веберъ, другъ и товарищъ Мейербера, пришелъ въ негодованіе отъ его „ренегатства“ и написалъ злую статью противъ Мейербера. Оперою „Il Crociato“ закончился итальянскій періодъ дѣятельности Мейербера, и 35-ти лѣтъ отъ роду, уже зрѣлымъ художникомъ, онъ оставилъ Италію для Парижа, куда звалъ его Россіини, сдѣлавшійся директоромъ театра Лувуа. Здѣсь въ 1830 году былъ написанъ „Робертъ-Дьяволъ“, либретистами котораго явились Делавинъ и Скрибъ. Эта опера поставлена была въ 1831 году, имѣла неслыханный успѣхъ и въ скоромъ времени обошла всѣ сцены Европы. Въ 1836 году была поставлена новая опера Мейербера „Гугеноты“, не возбуждавшая однако того энтузіазма, какимъ была встрѣчена „Робертъ-Дьяволъ“. Нѣ-

мецкіе критики строго отнеслись къ этой оперѣ. Въ 1842 г. Мейерберъ переселился, по приглашенію короля Фридриха-Вильгельма IV, въ Берлинъ, гдѣ имъ было написано нѣсколько кантатъ и инструментальныхъ сочиненій. Въ 1844 году онъ написалъ нѣмецкую оперу „Лагерь въ Силезіи“, которую потомъ передѣлалъ въ „Сѣверную звѣзду“. Въ 1846 году написанъ „Струэнзе“, котораго нѣмецкая музыкальная критика считасть серьезнѣйшимъ изъ произведеній Мейербера. Въ 1849 году Мейерберъ возвратился въ Парижъ. Здѣсь былъ написанъ „Пророкъ“, самое зрѣлое, самое совершенное съ технической стороны произведеніе Мейербера. Послѣ „Пророка“ Мейерберъ принялся за начатую еще въ 1845 году „Африканку“, но ему не удалось поставить ее при своей жизни. Въ 1859 году былъ написанъ „Плоэрмельскій праздникъ“, не представляющій большаго интереса. Мейерберъ умеръ 2 мая (20 апрѣля) 1864 года. Мейерберъ былъ электикъ; въ немъ соединились высшіе признаки трехъ главныхъ музыкальных школъ Западной Европы: пластичная мелодичность итальянцевъ, богатство гармоніи и глубина внутреннего анализа нѣмцевъ, мастерство декламации, ритмическая пластика французовъ. (к.)

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

„Мой дорогой другъ, Сережа,—

„Ты меня простишь, что я прямо начинаю со слова ты... Я глубоко убѣжденъ, что ты не станешь оспаривать мое право на эту фамильярность.

„Я тебя зналъ еще ребенкомъ и былъ самымъ близкимъ, искренно преданнымъ другомъ твоего отца. Теперь я женюсь на твоей матери, на этой святой жемчужинѣ, которую люблю всею силою моей души. Она мнѣ дастъ полное и свѣтлое счастье, и повѣрь, что ты найдешь во мнѣ истинно любящаго тебя отца и друга. Я особенно подчеркиваю слово *другъ*, ибо прошу тебя относиться ко мнѣ именно въ этомъ духѣ. Не люблю многого гонорить, да, признаться, и не умѣю, но зато, если что скажу, такъ это уже вѣрно, какъ топоромъ вырублено, и ничто въ свѣтѣ не изгладить, не измѣнить развѣ сказаннаго.

„Крѣпко тебя обнимаю и цѣлую

Твой другъ Алексѣй Казарскій.“

Это было послѣднее письмо.

Во время чтенія Григорій Ивановичъ раза два заглядывалъ въ комнату, приподнимая полу ковра, но вида Наля, погруженнаго въ чтеніе, не рѣшался его прерывать.

Онъ уже успѣлъ прочесть свое и былъ въ особенно мрачномъ настроеніи.

„Такъ... такъ я предполагалъ...“ думалъ старикъ, сидя за своею ширмою. — „Вотъ оно какъ бываетъ въ свѣтѣ! Сегодня ты наверху, но не гордись, ибо — кто знаетъ?—завтра, быть-можетъ, предназначено тебѣ отъ Господа быть внизу... Такъ-съ... Оно конечно, если разсудить обстоятельно, Агнеса Яковлевна женщина достойная, хотя бы и не нашего вѣроисповѣданія, однако все-таки и законныхъ племянниковъ обижать не слѣдуетъ — не порядокъ! Побжили, попользовались, ну, и будетъ... Господь тоже знаетъ, что кому послать надо, что у кого отнять, и противъ сего Великаго Предопредѣленія—кому какой положенъ предѣлъ—идти не возможно, да и не подобаетъ по христіанству. Болитъ душа по Сергѣю Николаевичу, шибко болитъ, а ничего не подѣлаешь! Теперь вотъ Игнатій Викулычъ пишетъ: „Принимай, молю, Григорій, жѣры, но береги свою старость; накопилъ достаточно—укрѣпи и не растрать.“ Оно точно, что сбережъ надо, потому больше здѣсь разсчитывать нечего. Такъ оно съ одной стороны вѣрно выходитъ, съ другой только... Что-жъ съ другой? Служилъ я долго, служилъ вѣрою и правдою, до глубокой старости прослужилъ, — ну, и довольно. На государственной службѣ и то почетная отставка выходитъ, да еще съ пенсіономъ, съ полнымъ подѣ старость обез-

печеніемъ. А ужъ тутъ что! Тутъ теперь, истинно, только свое сбережъ, накопленное, а уже пенсіонъ и все прочее—тютю-тютю!

„Жаль, истинно жаль Сергѣя Николаевича, а ничего не подѣлаешь! Только сказать-то какъ? — Языкъ вѣдь не повернется... Можетъ сами начать. Сами понимаютъ дѣло... Эхъ, кабы сами первые заговорили бы!

„Скажутъ: „Ну, другъ, Григорій Ивановичъ, какъ теперь? Положеніе мое финансовое измѣнилось, держать больше, извините, не могу...“ А я бы: — „Помилуйте, баринъ, развѣ мы изъ корысти. Всею душою, молю, проживемъ какъ-нибудь и на чертвомъ хлѣбѣ!“ А они:—„Нѣтъ, Григорій Ивановичъ, вы стары, вамъ уже трудно будетъ въ нуждѣ, да впроголодь“. А я: „Да помилуйте же...“ А онъ... Такъ бы и сговорились, поплакали бы на разставанье — ну, и того... Эхъ, хорошо бы, если бы сами начали..

„Крѣпись, Григорій Ивановичъ, крѣпись!.. Чу-кось!.. Никакъ зовутъ... Нѣтъ, это только такъ, послышалось... Охъ, Господи, Господи! Теперь отсюда скоро и не выберешься! Хорошо, что не плошалъ: есть съ чѣмъ.

„Спасибо, Игнатій Викулычъ, за увѣдомленіе. Что-жъ, поразмыслимъ, подумаемъ... Да и то правда: что здѣсь за жизнь? Сказано: Азія—дичь! Придетъ смерть, въ некрещеной землѣ сгниютъ твои кости и никому изъ сродственникововъ не доведется не только придти помолиться на твоей могилѣ, даже обрѣсти оную будетъ невозможно... А уже съ Сергѣемъ Николаевичемъ назадъ въ Петербургъ не поадаешь... Имъ теперь, вотъ хоть бы какъ и этимъ его товарищамъ, только тутъ въ Азіатской сторонѣ и служить... Нѣтъ, надо самому убираться, пока ноги носятъ... Въ-время, значить... Что-жъ, и уйдемъ... Вѣдь, собственно говоря, и самимъ имъ легче будетъ... Даровой службы они отъ меня не примутъ, платить, соотвѣтственно моему положенію, не могутъ, а обыкновенное денщицье положеніе — мнѣ не по плечу... Тяжело подѣ старость шубу на курточку мѣнять—не приходится... Зубы притупились, на мягкое просятъ...

„Вѣроятно, сами начать разговоръ. Письма тоже получены, принимаютъ все къ свѣдѣнію... Сидятъ тучачею и глазъ съ листовъ не сводятъ...“

— Эхъ, дѣла-дѣла!..

— Григорій Ивановичъ! раздался голосъ Наля.

Старикъ встрепенулся и, спрятавъ письмо въ боковой карманъ сюртука, поспѣшилъ на зовъ.

— Гдѣ Шолобовъ?

— Не могу этого знать... Заходили было, спрашивали, да узнали, что вы письма получили, читаете,

„ну — говорить — пускай читаетъ, теперь ему не до насъ“, улыбнулись и ушли... Чаю бы выпили... перестоялся. Сейчас подамъ.

— Ничего не надо.

Сильное раздраженіе чувствовалось въ голосѣ Сергѣя Николаевича. Старый дядька смотрѣлъ на него пристально, пыталъ его просто своимъ взоромъ. Налъ замѣтилъ это.

„Развѣ онъ уже знаетъ?..“ мелькнуло у него въ головѣ. — „Онъ кажется тоже получилъ письмо... Все-ли только онъ знаетъ?“

— Я очень усталъ, я нездоровъ и дурно спалъ ночь, проговорилъ онъ. — Я лягу и позабочусь, чтобы меня никто не беспокоилъ.

— Слушаю-сь.

Налъ снова скрылся за ковромъ, а Григорій Ивановичъ погрузился снова въ размышленія о суетѣ мірской и, отчаянно махнувъ рукой, проговорилъ:

— Э-эхъ! и посовѣтоваться-то по душѣ не съ кѣмъ, ну и сторона же!..

VII.

Тяжелое раздумье.

Но Сергѣй Николаевичъ не ради сна захотѣлъ остаться въ полномъ уединеніи. Тяжелымъ, давящимъ кошмаромъ легло ему на душу это раздумье. Въ эту минуту для него невыносимо было чье-либо присутствіе.

Будь Шолобовъ тутъ, на лицо, — откровенная натура Налъ, пожалуй, не выдержала бы... Слова искреннія, живыя полились бы рѣкою, но испытаннаго друга не было. А въ голосѣ и взглядѣ своего дядьки онъ уже успѣлъ уловить недобрый признакъ: чуткое сердце Налъ словно угадало что-то другое, новое, чего никогда не замѣчалось прежде въ этомъ хорошо знакомомъ, изученномъ до мелочей, старческомъ лицѣ Григорія Ивановича.

Да, свершилось нѣчто неожиданное и роковое.

Какъ мать читала между строкъ письма сына, такъ и въ этихъ ея письмахъ между строкъ развертывалось передъ глазами Налъ все недосказанное... А это-то недосказанное и было для него роковымъ и неожиданнымъ.

Онъ не сынъ своего отца... Онъ незаконнорожденный... Онъ уже существовалъ на свѣтѣ, когда его мать выходила замужъ... О, если бы это было увлеченіе, не совсѣмъ во-время исправленное отцомъ!.. А если нѣтъ?.. Но кто же, кто же?! Увлеченіе!.. Какой же сынъ не обязанъ простить матери подобнаго увлеченія, хотя бы это и имѣло такія тяжелыя послѣдствія, какъ въ данномъ случаѣ?.. И онъ охотно бы простилъ, охотно, съ любовью и ласкою, поцѣлуями стеръ бы слезы стыда и раскаянія, если бы... если бы такъ часто въ ея письмахъ не появлялось имя Казарскаго, имя, почему-то вдругъ ставшее ему ненавистнымъ.

Съ мельчайшими, безпомпадными подробностями возстановлялись передъ нимъ теперь всѣ отношенія Казарскаго къ его матери... Даже при жизни отца... Великій шагъ, всякое слово, взглядъ, пожатіе руки, — все казалось ему теперь глубоко оскорбительнымъ... Почему? — Налъ не могъ себѣ дать никакого отчета.

Даже смерть отца, странная, неожиданная, теперь какъ будто объяснялась — и какъ!.. Господи!.. Да откуда же берутся эти ужасныя, безчеловѣчныя мысли... Какой дьяволъ вѣваетъ ихъ, напентываетъ въ уши?!

А дьяволъ этотъ передъ нимъ теперь какъ живой... Налъ узнаетъ эту желтоватую отъ дряхлости бороду, эти впалыя щеки, эти нависшія сѣдыя брови и сверкающіе изъ-подъ нихъ пронзающіе въ душу глазаголя...

— Ты?..

Нѣтъ, это призракъ, бредъ... случайная галлюцинація... Нѣтъ никого... Тишина кругомъ, только неясный гулъ жизни несется изъ-за стѣнъ молчаливой пятадели...

Они разорены... Они потеряли все... Вѣдь это вздоръ! Развѣ такіе пустяки могутъ быть роковыми?

О, съ какимъ счастьемъ, съ какою радостью онъ перенесъ бы всѣ лишенія, какъ бы горячо любилъ свою маму, если бы не эти мысли, не этотъ проклятый, чужой Алексѣй Васильевичъ...

„Любить меня, страдаетъ, трауръ не снимаетъ по покойномъ мужѣ — и на каждой строкѣ другое, ненавистное имя!.. И это имя освѣщаетъ, врачуетъ ея безвыходное горе... Нѣтъ, горе не искреннее, дѣланное, притворное!

„Любить меня?.. но какая же мать не любитъ своего сына... И въ то же время дрожить и мѣтеть отъ ласкъ другаго, ничего общаго съ этимъ сыномъ не имѣющаго?.. А можетъ-быть и есть это общее?..

„Не бѣдность же ее испугала!.. Ну, что же, теперь богатство вернулось снова, удвоенное, утроенное быть-можетъ... Не думаетъ-ли она, что я приму эту милостыню судьбы?.. Да скорѣе отсохнуть у меня руки... И отъ кого же?..“

Сергѣй Николаевичъ сильно сжалъ руками свою голову и застоналъ.

— А вы бы не убивались такъ, не хорошо, послышался вкрадчивый, какъ будто и ласковый голосъ Григорія Ивановича.

Налъ опомнился.

— Подите сюда... скорѣе!.. Ну, входи же... Садись, слушай и отвѣчай! Да садись же, старикъ!

Старый дядька тревожно окинулъ взоромъ своего питомца, торопливо поставилъ стаканъ съ чаемъ на столъ и присѣлъ на кончикъ стула.

— Не годится такъ убиваться... Ну, что же — воля Божья... что подѣлаешь! Вы бы лучше...

— Ты скажешь правду?.. Вѣдь ты знаешь?.. Ты не солжешь мнѣ?.. Ты добрый, ты меня искренно любишь, не правда-ли?.. Говори же всю правду. Отвѣчай!..

— Да что вы, родной мой... да извольте... развѣ я...

На глазахъ старика заискрились слезинки, онъ потянулся было къ рукѣ Сергѣя Николаевича, но тотъ брезгливо уклонился отъ такого выраженія преданности.

— Ты былъ въ день свадьбы моего отца?.. Ты знаешь все... должешь знать по крайней мѣрѣ...

— И до свадьбы служилъ при нихъ, какъ же-съ... У дѣдушки вашего еще въ казачкахъ состоялъ... Вѣрою и правдою пятидесятилѣтіе прослужилъ — и болѣе того-съ... По нынѣшнимъ временамъ такихъ слугъ не много найдется... Не только что...

— Чей я сынъ?

Налъ поставилъ этотъ вопросъ такъ коротко и ясно, лицо его выражало такую потребность въ неотложномъ и прямомъ отвѣтѣ, что Григорій Ивановичъ потупился и тихо проговорилъ:

— Госпожи Агнесы Яковлевны Блэквудъ... Это точно-съ.

— Отецъ мой кто?

— Доподлинно неизвѣстно... Только не Николай Сергѣевичъ... Это вѣрно-съ... Послѣ свадьбы сейчасъ же папенька, то бишь баринъ, съ вашею маменькою за-границу изволили выѣхать, а мнѣ было приказано сопровождать вслѣдъ за ними госпожу Флюгель съ ребеночкомъ... Это вы и были ребеночекъ тотъ... Догнали мы господъ въ городѣ Берлинѣ... Меня назадъ отправили и наказали молчать... Клятву даже взяли, и молчалъ я, сами знаете... Теперь ужъ конечно все едино, потому что какъ изъ письма извѣстно...

— Николай Сергѣевичъ давно былъ знакомъ съ мамой... то-есть много раньше свадьбы?.. Давно?.. Ну, годъ, два?..

— Никакъ нѣтъ... И о существованіи Агнесы Яковлевны не знали... Госпожа Флюгель говорила это до-рогою, будто въ первый день знакомства узнали они

Божоматерь.

Снимокъ съ картона принадлежащаго Его Императорскому Величеству, написаннаго художникомъ В. М. Васнецовымъ для Владимирскаго собора въ Кіевѣ. Грав. Ю. Мультановскій. (Исключительное право надана принадлежатъ А. И. Бегрову, съ разрѣшенія котораго снимокъ этотъ воспроизведенъ гравировъ).

о васъ, то-есть, что ребеночекъ есть уже у невѣсты ихней... Конечно, по своей любви и добротѣ они приняли васъ все равно что за сына... Такъ и все прочіе полагали, даже было полное въ томъ убѣжденіе... А тутъ... Маменька ваша жила въ гурбанткахъ, въ компаньонкахъ, что-ли, у еврей-банкира, фамилію запомнеть... Дѣвушка въ бѣдности... Ну, съ кѣмъ грѣха не случается!.. Злые языки говорили, будто папенька вашъ большія деньги взялъ съ этого еврея за покрытіе... Только это невѣрно... Николай Сергѣевичъ самъ былъ человекъ съ большимъ состояніемъ и съ амбіціею. Это не вѣрно-съ... Да что вы, Сергѣй Николаевичъ!.. да помилуйте!..

— Вонъ! хрипло прошепталъ Налъ, рванулся, будто бы хотѣлъ задушить своего дядьку, покачнулся и, блѣдный какъ полотно, тяжело опустился въ кресло.

— Такъ-съ! Дождался за свою болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнюю службу... дослужился... Такъ-съ!.. Опомнитесь, баринъ, на кого замахнулись, на кого закричать рѣшились...

— Прости, старикъ... и уходи скорѣе... скорѣе... дальше...

— Уйду-съ... И далеко уйду-съ... Навсегда можетъ быть простимся... Что же-съ... Въ жизни все такъ-съ... Нѣтъ памяти на добро, нѣтъ заслугъ... Сегодня ты отецъ родной, завтра— „вонъ!“ Покорнѣйше благодаримъ за ласку...

Старикъ поднялся и ворча что-то подъ носъ направился въ свое помѣщеніе.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ Шолобовымъ.

Широко шагая, капитанъ размашисто вошелъ въ комнату, готовый сообщить что-то, вѣроятно, интересное и важное, и остолбенѣлъ, увидя выраженіе лица Сергѣя Николаевича.

— Сережа, что съ тобою?

Капитанъ подозрительно посмотрѣлъ на лежавшія на столѣ письма и повторилъ вопросъ:

— Несчастіе?.. бѣда?.. мать больна?.. умерла?..

— Хуже, прохрипѣлъ Налъ. — Читай... читай все — узнаешь... Какое мученіе!

Съ трудомъ поднялся Сергѣй Николаевичъ съ кресла, перешелъ на кровать и легъ лицомъ къ стѣнѣ.

Этимъ онъ какъ бы хотѣлъ предоставить большую свободу чтенію.

— Посмотримъ, пробормоталъ Иванъ Алексѣевичъ, но все-таки, прежде чѣмъ приступить къ чтенію, заботливо положилъ руку на голову друга, покачалъ головою, на цыпочкахъ, поддерживая саблю, подошелъ къ столу и взялъ первое, ближайшее письмо.

Настала мертвая тишина, нарушаемая только тяжелымъ, усталымъ дыханіемъ чтеца и легкимъ шелестомъ почтовой бумаги.

Прошло около часу... Глаза Шолобова перебѣгали съ писемъ на Сергѣя Николаевича, на его спину, вздрагивавшую словно отъ неслышныхъ, внутреннихъ рыданій, и снова жадно вливался въ строки.

— Знаешь-ли кто я? послышался совершенно чужой голосъ.

Капитанъ вздрогнулъ и взглянулъ вопросительно.

— Я сынъ жида-банкира и авантюристки англосаксонскаго происхожденія... Довольно чистокровная помѣсь... Ха-ха-ха!.. Не правда-ли?..

— Опомнись, въ свою очередь строго и внушительно остановилъ его Иванъ Алексѣевичъ. — О комъ ты говоришь?! Вѣдь потомъ самъ себя языкъ готовъ будешь вырвать за это слово... Полоумный!..

Шолобовъ въ эту минуту какъ разъ остановился на томъ мѣстѣ письма, гдѣ говорилось о немъ... Слезы градомъ полились изъ его суровыхъ солдатскихъ глазъ.

— Святая женщина... А ты такія слова!.. Именно полоумный!.. Молчи!

И капитанъ снова принялся за чтеніе.

Но дочитать до конца ему не пришлось. На площадкѣ послышались шаги и голоса. Это докторъ съ Глухаревымъ и прапорщикомъ Столбушинымъ шли сюда, очевидно въ гости къ Сергѣю Николаевичу. Послѣднее это совѣмъ было не кстати, и Шолобовъ сообразилъ это быстро.

Торопливо сунувъ письма подъ бюваръ, онъ проговорилъ только:

— Погоди, скоро приду... Одумайся пока и успокойся, и вышелъ навстрѣчу приближавшимся.

— Не ходите... Былъ припадокъ маленькій, какія-то непріятности пишутъ изъ Петербурга... Ничего, прошло теперь, успокоился и заснулъ. Не надо тревожить. Пойдемте-ка на барбетъ посидѣть, кстати посмотримъ, какъ они его справили.

И вся компанія свернула съ площадки въ узкій проходъ между саклями и стала подниматься на полуразрушенную каменную лѣстницу.

Налъ остался одинъ, но въ странномъ забытіи не замѣтилъ ухода Шолобова: ему казалось, что Шолобовъ все еще сидитъ за письменнымъ столомъ и говоритъ съ нимъ, только не своимъ голосомъ, а другимъ, — голосомъ того, *Благодатнаго*, голосомъ ровнымъ, увѣреннымъ, приковывающимъ къ себѣ неотразимое вниманіе...

— Жизнь — зло, говорилъ этотъ голосъ, — въ жизни земной нѣтъ утѣшенія, нѣтъ радостей, нѣтъ спокойствія... Земная жизнь — непрерывное терзаніе души, частицы свѣтлаго духа, заключенной въ темницу плоти — достоянія и царства дьявола... Иди за мною, оставь безъ сожалѣнія эту проклятую жизнь, подчини тюрьму ея временному узнику, и тогда узнаешь истинный покой, прозрѣешь, слѣпецъ, и откроются тебѣ величайшія міровыя тайны... Иди за мною... Нѣтъ любви на землѣ, нѣтъ ея между живыми, ея населяющими... Вѣчная злоба, вѣчныя страданія, и сама смерть не освободитъ души, если при жизни ты не побѣдишь плоть во славу великаго духа.

— Нѣтъ любви! машинально повторилъ Налъ и повернулся на голосъ.

Пусто было въ комнатѣ. Онъ одинъ... Гдѣ же тотъ, только-что сейчасъ говорившій и смолкнувшій?

— Опять онъ... опять... Что же ты прятаться? Говори, продолжай! Видишь, я слушаю тебя... слушаю... говори же!

Но отвѣта на его призывъ не послѣдовало.

VIII.

Дружба, преданность и любовь.

Съ высоты барбета, сквозь тяжелые зубцы стѣнъ, видна была живописная панорама города — съ плоскими крышами, съ цѣлымъ лабиринтомъ узенькихъ улицъ и переулковъ, съ куполами мечетей и бань, съ запыленными группами садовъ. Солнце палило своими почти отвѣсными лучами, и знойная мгла словно целеною застилала окрестности. Въ городѣ было тихо и безжизненно, только подъ тѣнистыми сводами базаровъ гудѣли голоса, и то какъ-то глухо, дремотно.

— А мы было шли, началъ Глухаревъ, — дѣло то того...

— Знаю! нетерпѣливо перебилъ Шолобовъ. — Придется, пожалуй, отсиживаться. Я имѣю свѣдѣніе обратительное, изъ рукъ вонъ мерзкое: „тамъ“ знаютъ все, что у насъ дѣлается... да какъ знаютъ! Мнѣ Ибрагимъ-бай говорилъ, что будто у насъ зарядовъ и полукомплекта нѣту, — это правда, къ несчастію, совершенная правда; а откуда онъ знать можетъ? Онъ другъ вѣрный... Я обѣщалъ всю его семью и скарбъ взять въ цитадель, въ случаѣ чего... но онъ мнѣ говорилъ, что тамъ знаютъ это и что его люди отъ *тѣхъ* узнали... Скверно!

— Да что!.. Алемкулка надулъ генерала: онъ тутъ близко стоитъ теперь, виѣшался прапорщикъ.

— Перетаскали сухарный запас? обратился комендантъ къ Глухареву.

Тотъ кивнулъ головою.

— Бабаджанъ хорошо понимаетъ по ихнему, произнесъ онъ вслухъ.—Быль онъ въ обходѣ, поймали они подозрительнаго человѣка изъ этихъ юродивыхъ. Попытали, говорить, немного...

— Ну!

— Да что ну... лапошить: „Солнце разъ поднимется, солнце разъ сядетъ, солнце два поднимется, солнце два сядетъ, солнце три — русскіе глаза его поганить не будутъ... закروются“.

— Куда его дѣли?

— Бабаджанъ говорить: перепытали малость—казаки поусердствовали.

— На базарѣ смутно... Въ домахъ позаперлись... У Ибрагимъ-бая добро на арбы сложено, заговорилъ Столбушинъ.

— Въ цитадели тѣсно, словно про себя промолвилъ Шолобовъ.

— Героическія событія, чортъ ихъ побери, въ воздухѣ чуются, угрюмо пробормоталъ докторъ и безнадежно махнулъ рукою.

— Налъ опять задурилъ... Ну, да у него горе не малое.

— Что такое?

— Долго рассказывать... Вотъ порохоми запахнетъ—очнется, какъ рукою сниметъ... Вы уже его не безпокойте. Сегодня попозднѣе, послѣ зари, соберемся ко мнѣ—совѣтъ устроимъ военный, поголовный; оповѣсти офицеровъ, а къ Сережѣ я самъ зайду. Не въ такихъ передрагахъ бывали... не бѣда!

Сказавъ это, Иванъ Алексѣевичъ оставилъ общество и спустился съ лѣстницы.

Шолобовъ вернулся къ квартирѣ Сергѣя Николаевича. Онъ не дочиталъ письма до конца, но то что уже зналъ, казалось ему достаточнымъ, чтобъ легко понимать печаль своего друга. Не справляясь—можно-ли, онъ прямо вошелъ въ комнату и засталъ Наля, повидимому, спящимъ; однако тотъ вздрогнулъ, поднялся и спустился на полъ ноги.

— Ну, прямо безъ обвиняковъ, безъ возраженій! началъ Шолобовъ, стараясь придать своему голосу даже нѣсколько веселый характеръ.—Поговоримъ на чистоту! Будешь слушать?

Налъ печально улыбнулся и кивнулъ головою.

— Я вѣдь простой человѣкъ и буду говорить просто, за то отъ сердца. Съ кѣмъ грѣха не бываетъ—и это все вздоръ. Графъ ты тамъ, князь, маркизъ что-ли, солдатъ простой,—это, братецъ, все равно; главное, быть честнымъ малымъ, вѣрнымъ царю слугою и хорошимъ сыномъ, — это главное. Ты вотъ тамъ сболтнулъ глупость, это не бѣда! Это вѣдь не твое, не отъ души, а такъ чортъ за языкъ дернулъ — пустое. Былъ богатъ, теперь бѣднякъ, какъ и мы грѣшныя... Не унывай... Ты хорошій офицеръ, на виду у всѣхъ, твое все впереди. Молодъ ты еще, ребенокъ почти,—самъ себѣ и дорогу пробьешь и имя сдѣлаешь... и какое еще имя! Это не то что родовое, а свое собственное, благопріобрѣтенное... это поважнѣе! По наслѣдству получить всякій дуракъ сумѣетъ, такъ-то. Пройдетъ годикъ-другой, мы устроимся; все это, что мы теперь занимаемъ, съ оружіемъ, да оглядкою, все это будетъ наше, навѣки закрѣпленное, и настанетъ миръ и тишина. Вотъ какъ тамъ, что сзади осталось... Сторона здѣсь богатая, привольная; перетащимъ сюда твою маму, и она будетъ счастлива и ты съ нею. А ты думаешь однимъ жалованьемъ не проживешь? тьфу! Да у насъ всѣ тутъ однимъ жалованьемъ живутъ... развѣ худо? Роту получишь, столовые прибавятъ. Я вотъ однимъ жалованьемъ всю службу прожилъ, и даже скопилъ на черный день, ей-Богу, у меня вотъ уже около тысячи рублей есть... Не вѣришь—покажу! Шутка-ли,

въ какія-нибудь двадцать лѣтъ службы скопить такую сумму! Да гдѣ двадцать, я вѣдь прежде все прокучивалъ,—это за послѣднее время. Видишь что, эти деньги мы пошлемъ твоей матушкѣ на дорогу, чтобы сюда съ чѣмъ ѣхать было, понимаешь?.. Ай-ай-ай! какой же ты еще мальчишка неразумный, да избалованный! Я думалъ право, что какое ни на есть дѣйствительное горе, а то... Вотъ чудакъ-то, что только значатъ человѣческіе предрасудки!..

Шолобовъ проговорилъ все это торопливо, будто снѣша высказаться чтобъ его не успѣли перебить и сбить съ толку, и кончивъ рѣчь, началъ неистово обнимать своего друга.

— Что это—ты плачешь? Ну хорошо, вотъ хорошо! Валяй! реви бѣлугой, это значительно облегчаетъ!

Сергѣй Николаевичъ едва освободился отъ дружескихъ объятій; онъ крѣпко сжалъ обѣими руками руки Шолобова и сказалъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Да, я останусь съ вами... Я вовсе не баричъ, какъ вы думали, и не избалованъ, меня бѣдность не пугаетъ нисколько. Я останусь съ вами, но она останется тамъ, ей теперь ѣхать незачѣмъ. Ты вѣдь не дочиталъ конца? Знаешь, я былъ бы безмѣрно счастливъ, если-бъ случилось только первое, то есть... нѣтъ—только разореніе. Ты не дочиталъ—и не надо... не надо дочитывать. Тамъ есть другое, худшее и непоправимое... Я останусь съ вами...

Иванъ Алексѣевичъ хотѣлъ было спросить: „Да что же это другое?“—но не рѣшился.

„Не деликатно, подумалъ онъ,—такъ уже назойливо допытываться тайны, хотя бы и близкаго друга“.

— Ахъ да, встряхнулся онъ,—сегодня, послѣ зари, военный совѣтъ у меня, приходи.

— Приду! казалось совершенно покойно произнесъ Налъ и первый протянулъ Шолобову руку на прощаніе. Тотъ неторопливо вышелъ, крикнувъ еще разъ за ковромъ:

— Такъ приходи же, наши всѣ соберутся! Я и за отцомъ Никаноромъ пошлю.

Налъ не отвѣчалъ.

Не успѣли затихнуть шаги капитана, какъ появился Григорій Ивановичъ. Старый дядька вошелъ безъ обычной величавой увѣренности и солидности. Онъ остановился у дверей и проговорилъ:

— Смѣю обезпокоить разговоромъ?

Налъ взглянулъ на него изумленный и непривычнымъ для его слуха голосомъ стараго пѣстуна, и этимъ приниженнымъ, робкимъ выраженіемъ его лица.

— Что такое?.. Въ чемъ дѣло?

— Пути Господни неисповѣдимы, началъ было Григорій Ивановичъ, старательно обдумавшій заранѣе и якобы все предусмотрѣвшій въ своемъ объясненіи.

— Говори прямо!

Старикъ сбился и потерялъ связь рѣчи; отборные, очень умные и неотразимые доводы какъ-то испарились изъ его головы разомъ. Онъ замылся и пробормоталъ только:

— Старъ сталъ... слабъ... не подѣ силу большаго.

— Что не подѣ силу?.. Служить больше не хотите?

Налъ перешелъ на „вы“. Имъ вдругъ овладѣло чувство гадливости къ своему, когда-то до гроба преданному слугѣ и другу. Онъ понялъ все, что происходило на душѣ Григорія Ивановича, и коротко отрѣзалъ:

— Я васъ не держу.

— Понимаю-съ, смиренно наклонилъ голову старикъ, и слезы появились на его рѣсницахъ. — Понимаю-съ... Конечно, можно предположить, что чувство корыстолюбія такъ-сказать заставляло меня служить и дѣдушкѣ, и папенькѣ вашему, и вамъ—преданно и вѣрно... Напрасно-съ! Но старость, преклонность такъ-сказать лѣтъ и желаніе быть погребеннымъ на христіанской землѣ—руководитъ мною... Это истинно-съ. Казенная прислуга

вамъ по положенію теперь слѣдуетъ, а я уже не го- жусь. Дождался на старости отъ васъ окрика грознаго. Можетъ еще и удара собственноручнаго дождусь, всяко бываетъ... Увольте меня, Сергѣй Николаевичъ. Наконецъ и средства ваши теперь не позволяютъ.

— Это не ваше дѣло, господинъ Григорій Ивановичъ, остановилъ его, невольно, словно передразнивая, подлаживаясь къ его тону, Наль. — Но только вы уже болѣе ко мнѣ на глаза не показывайтесь. Слышите?.. Иначе...

И лицо Сергѣя Николаевича вдругъ приняло такое страшное выраженіе, что старикъ отшатнулся, попы- тился къ дверямъ и разомъ исчезъ за складками тя- желаго ковра.

„Этотъ тоже должно-быть конца не знаетъ, свѣдѣнія не полны, значитъ“, подумалъ Наль, нѣсколько успо- койвшись. „Что же, почему же ему лучше быть и этого вліятельнаго М., и княжны Зины съ ея маменькою, и прочихъ?“

И вдругъ ему пришла фантазія вернуть Григорія Ивановича, прочесть ему именно этотъ конецъ, объяс- нить что его маменька, а значитъ и онъ самъ еще богаче чѣмъ были, и посмотрѣть какъ переѣдутъ выраженіе лица старика, какъ онъ будетъ выверты- ваться и стараться завладѣть прежнимъ положеніемъ. Но Сергѣй Николаевичъ только подумалъ объ этомъ, и не привелъ своей мысли въ исполненіе.

Разочарованіе въ преданности и любви дядьки было слишкомъ уже полное, новая чаша огорченія выпита до дна.

Этотъ когда-то близкій человѣкъ былъ для него теперь совершенно чужой, безконечно далекій, и даже чувства злобы не осталось въ душѣ Наля, — наступило полное равнодушіе, будто бы обидчика и не существова- ло вовсе.

Но оборони Богъ человѣка отъ состоянія подобнаго равнодушію! Оно ужасно своею пустотою и холодомъ. За туманомъ такого состоянія исчезаютъ и другіе, не- повинные, когда-то милые образы; исчезаетъ постепенно все свѣтлое и радостное въ жизни, и теперь Наля ка- зался дорогой образъ матери отлетающимъ въ даль, едва замѣтными очертаніями уходящимъ въ эту далекую область проклятаго тумана.

— Какъ и все на землѣ, какъ и все носящее плот- скую печать злаго духа, все тлѣнное и преходящее! гремѣлъ въ эту минуту, словно надъ самымъ ухомъ, знакомый голосъ.

— Дашь-ли ты мнѣ покой? Пощадишь-ли ты меня, Благодатный! простоналъ Сергѣй Николаевичъ.

И вдругъ имъ овладѣло страстное желаніе видѣть того, таинственнаго покровителя въ минуты смертель- ной опасности, такъ упорно его преслѣдующаго, овла- дѣвающаго имъ, словно змѣя неслышно заползающаго къ нему въ глубину сердца.

— Ты здѣсь?

Но какъ ни всматривался Наль, въ комнатѣ никого не было. Ахъ, нѣтъ, — вотъ у постели, плотно прижав- шись къ ковра, стоитъ кто-то, съ головою окутанной тканью; вотъ слегка колыхнулись складки одежды. Въ нагрѣтомъ воздухѣ пахнуло мускусомъ и розою; легкій, серебристый шелестъ, знакомый звукъ женскихъ укра- шеній, ясно коснулся его слуха... мгновеніе — и двѣ нѣж- ныя, гибкія руки охватили его шею.

— Это я, Гуль-Гуль! страстно прошептала губы тан- цовщицы.

— Ты?! Какъ ты попала сюда? какъ вопла? почему- то также шепотомъ спросилъ озадаченный Сергѣй Ни- колаевичъ.

— Онъ меня привелъ... онъ сказалъ мнѣ: иди за мною! и я пошла... онъ велѣлъ мнѣ войти — и я здѣсь... Онъ сказалъ мнѣ, что придетъ за мною. О если бы онъ не приходилъ дольше! Если-бъ никогда не приходилъ и оставилъ меня здѣсь вѣчно! Если-бъ и никто не вхо- дилъ сюда, какъ въ могилу никто не входитъ... и такъ безъ конца.

— Дитя мое... что же ты плачешь?

— Нѣтъ, я не плачу... Я смѣюсь, я радуюсь... смотри!

И лицо Гуль-Гуль оживилось веселымъ, но беззвуч- нымъ смѣхомъ, хотя изъ ея глазъ лились неудержимыя слезы.

Обнявъ Наль гибкую, тонкую талію Гуль-Гуль, загля- нулъ въ ея глаза — и живая радость любви проникла ему въ душу, смѣнивъ всѣ муки и сомнѣнія недавняго прошлаго. Забылось все, поглощенное минутою счастья и мира.

— Ты моя новая жизнь! проговорилъ онъ.

— Ты мой Аллахъ! шептали сквозь поцѣлуи жгучія губы танцовщицы.

Гуль-Гуль вдругъ похолодѣла, глаза выразили ужасъ, она откинулась назадъ и не проговорила, а скорѣе простонала:

— Пора! за мною пришли... онъ пришелъ, пора!.. Завтра, когда солнце сядетъ, приходи ко мнѣ, — знаешь? Приходи, или я умру отъ ожиданія... приходи... приходи! А теперь пора, — иду!

Она будто отозвалась на чей-то призывъ, крикнувъ это послѣднее „иду“ — и рванулась къ двери.

Странно, Наль даже не замѣтилъ, колыхнулись-ли полы ковра или все время висѣли такими же непо- движными, тяжелыми складками, но красавица Гуль- Гуль уже не было въ его комнатѣ. Какъ очарованный стоялъ онъ и въ ухахъ его звенѣло: „приходи-приходи, или я умру отъ ожиданія“.

„Приду, моя радость, моя красавица! мысленно по- сылалъ онъ отвѣтъ. — Завтра, когда солнце сядетъ... Завѣтъ не сегодня?“

Но сегодня солнце уже сѣло, и когда Наль опомнился и окончателно пришелъ въ себя, то услышалъ послѣд- нюю дробь зареваго барабана. Гдѣ-то подальше, чуть слышно, вторилъ замиравшій звукъ казачьей трубы — и вслѣдъ за этими звуками, раздались аккорды строй- наго солдатскаго пѣнія.

Выстроенныя по стѣнамъ роты совершали вечернюю молитву.

„Да, сегодня послѣ зари совѣтъ у Шолобова, — надо идти... пора, кажется“.

Онъ чуть было не позвалъ Григорія Ивановича по- мочь одѣваться, но вспомнилъ послѣднее съ нимъ объ- ясненіе, горько усмѣхнулся, самъ отыскалъ свою саблю и револьверъ — и вышелъ. Хотя и тепла была южная ночь, но послѣ духоты сабли, его обдало пріятною свѣ- жостью. Сергѣй Николаевичъ вздохнулъ полною грудью и спустился къ воротамъ цитадели. У него проявился вдругъ аппетитъ; онъ вспомнилъ, что не ѣлъ ничего съ самаго утра, и здоровая, молодая натура предъявила свои требованія.

„Зайду на минуту къ маркитанту“, рѣшилъ онъ и бодро зашагалъ по каменнымъ плитамъ.

(Продолженіе будетъ).

Въ будущемъ.

Рассказъ В. Горева.

Панютину оставалось еще три часа до отбѣда на станцію желѣзной дороги. Все необходимое было уже переговорено, и въ небольшой, уютной комнатѣ часто водворилось молчаніе, прерываемое стрекотаньемъ сверчка за печкой да протяжными

завываньями мятел. Ведровъ задумчиво глядѣлъ на огонь, покуривая свою неизмѣнную трубку. Его жена, Екатерина Ивановна, занималась своимъ тоже неизмѣннымъ вязаньемъ, а дочь Наташа ничѣмъ не занималась, хотя и у нея на колѣ-

Дѣвочка-голландка. Съ карт. Г. Кеннга, грав. Девисъ.

ных лежала какая-то работа. Панютини в несколько часов под-ряд говорил без умолку, но под конец и ему что-то вгрустнулось.

Этот месяц был проведен им, хоть и по-деревенски—просто, но очень весело, а тут через каких-нибудь три часа прощайте—и поминать как звали! Он уедет за полторы тысячи верст, из родной, тихой и глухой деревеньки в шумный Петербург. Положим, он таким-же образом уезжает каждый год, но раньше это как-то проще происходило. Прощается он дома с матерью и заедет по дороге на весь вечер к Ведровым. Здесь ему предстоит простая, задумчивая беседа закоренялых сельских жителей, оживляемая веселым разговором Наташи, потом скромный ужин, затем тысячи разнородных пожеланий. Старик Ведров расцелует с ним трижды, по-русски; Екатерина Ивановна долго жмет ему руку с самым сострадательным видом и всегда скажет какую-нибудь напутственную речь, правда, очень краткую, но в то же время подходящую к случаю. Совершенно дѣтское, хорошенькое личико Наташи примет не то испуганный, не то печальный вид. Ей до слез жалко расстаться с Панютиним, с которым у нея с дѣтства ведется крѣпкая дружба. Он прѣзжает почти каждый день; они катаются вмѣстѣ на коньках, играют в четыре руки на плохеньком фортепиано, надобают старой кухаркѣ Степанидѣ, — и вдруг все это должно прекратиться... Конечно, жаль! Панютину тоже всегда бывает неприятно это прощанье, как вообще болшинство прощаний. Но в это время он уже обыкновенно переносит мысли в Петербург. Перед ним встают хорошо знакомыя картины: маленькая комнатка, лампа съ зеленым абажуромъ, столикъ, заваленный книгами, — и видитъ онъ себя то въ обществѣ этихъ молчаливыхъ друзей-книгъ, то въ тѣсномъ кружкѣ товарищей-студентовъ, то въ просторной аудиторіи, то въ „поднебесьи“ театра, — и ему хочется поскорѣе очутиться въ этой заманчивой обстановкѣ. Но вотъ онъ сидитъ въ саяхъ. Лошади тронулись. На крыльцѣ стоитъ Ведровъ и произноситъ обычное „будьте здоровы“. Выбѣжала на крыльцо и Наташа, несмотря на угрозы матери, что „моя простудилась—доктора позовемъ“.

— Пишите почаще! кричитъ она ему вдогонку, и голосъ ея звонко проносится въ морозномъ воздухѣ.

Сытые лошади быстро пробѣгаютъ восемь верст до станціи. Еще полчаса томительнаго ожиданія, и начинается дорога, длинная, утомительная, но приятная...

Въ этотъ разъ дѣло идетъ какъ-то не такъ. Правда, Павелъ Петровичъ такой-же, какъ и всегда, не слишкомъ молчаливый и не слишкомъ разговорчивый, Екатерина Ивановна такая-же говорунья и хлопотунья. А вотъ въ Наташѣ въ одинъ день произошла замѣтная перемена: то заговоритъ вдругъ неестественно громко, то смѣется слишкомъ много, то вдругъ, обравшись сразу, быстро пройдетъ въ свою комнатку и выйдетъ оттуда блѣднѣе обыкновеннаго. Родители ничего не замѣчаютъ, а Панютинъ хоть и видитъ эту перемену, да не придаетъ ей значенія; онъ самъ почти такой-же сегодня. Толковалъ съ Ведровымъ о послѣдней волчьей олавѣ—и ни съ того, ни сего вдругъ заговорилъ съ жаромъ о какомъ-то высокомъ трудѣ для блага человечества, тутъ-же перешелъ къ рассказамъ о студенческой жизни, въ сотый разъ описывалъ Петербургъ, въ сотый разъ заговорилъ съ Наташей о томъ, какъ они встрѣтятся черезъ восемь мѣсяцевъ, Екатеринѣ Ивановнѣ обѣщалъ прислать какихъ-то диковинныхъ цвѣточныхъ сѣмянъ, снова съ нѣсколькихъ словъ завелъ съ Ведровымъ продолжительный и горячій споръ о крестьянахъ, — и такъ прошла большая часть вечера.

Наступило общее молчанье. Панютину хотѣлось-бы еще поговорить, но только не съ Ведровымъ о крестьянахъ и не съ Екатериной Ивановной о цвѣтахъ, а съ Наташей. Онъ долженъ ей сказать что-то очень необходимое и важное, и ему невыразимо сильно хотѣлось остаться съ ней наединѣ. Онъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Разгулялась погода, сказалъ онъ обращаясь къ Ведрову.— Мой Семенъ пожалуй завезетъ меня вмѣсто станціи куда-нибудь въ поля. Дорогу замело, и зги не видно. Хорошо теперь сидѣть въ теплой комнатѣ...

— И мечтать о тѣхъ странахъ, гдѣ цвѣтутъ лимоны, подхватила Наташа, принужденно смѣясь.

— Да-съ, жутко теперь въ полѣ, замѣтилъ Ведровъ.— А вы знаете что, Владиміръ Николаевичъ? плюньте на свою бѣду, да започуйте у насъ; завтра мятежъ поутихнетъ и доберетесь до станціи засвѣтло. Гдѣ въ такую темь восемь верст по полю таскаться.

— Ничего, доберусь какъ-нибудь, не въ первый разъ, а оставаться нельзя: я ужъ и такъ слишкомъ загулялъ здѣсь; давно пора въ Питеръ.

— Да вѣдь съ вами, я знаю, ничего не подѣлалось. Надо пойти посмотрѣть, что на Божьемъ свѣтѣ дѣлается. А ты, Катеринюшка, ужинкомъ распорядись—уже десятый часъ, Владиміру Николаевичу скоро ѣхать пора, если не раздумаетъ.

Онъ нахлобучилъ на голову громадную мѣховую шапку и отправился взглянуть „на Божій свѣтъ“; ушла за нимъ и Екатерина Ивановна готовить ужинъ.

Панютинъ отошелъ отъ окна.

— Скучно мнѣ, Наталья Павловна, сказалъ онъ, останавливаясь передъ нею.

— По Петербургу, что-ли? ничего, скоро утѣшитесь, два дня какихъ-нибудь мигомъ пролетятъ.

— Нѣтъ, я не про то. Уѣзжать отсюда не хочется: такъ хорошо жилось мнѣ здѣсь этотъ мѣсяць, что и Петербургъ больше не манитъ.

— Пустяки говорите! И какъ у васъ все это скоро мѣняется: недавно еще только и толковалъ, что про свой Петербургъ, а теперь какая-то меланхолическая зима нашла. Скучно! Уѣзжать не хочется! передразила она, стараясь поддѣлаться подъ его голосъ.

— Вотъ вы всегда такая: заговори съ вами серьезно, вы сейчасъ перецѣганивать. А сказать по правдѣ, я съ удовольствіемъ остался-бы здѣсь еще недѣлки на двѣ.

— Ну, что-жъ, и оставайтесь. Я... мы будемъ рады. Постараемся ихъ повеселѣе провести.

— Нѣтъ, нельзя,—надо ѣхать: мои обязанности еще...

— Пошелъ философствовать! Нельзя оставаться, такъ поѣзжайте—крестъ на дорогу!

— Полноте вамъ смѣяться; мнѣ право не до смѣха.

— А то плакать прикажете? Вотъ уѣдете — тогда будетъ причина поплакать.

— А вы будете плакать?

— Какъ же, непременно. Посыплю пепломъ главу, расчешу волосы и зареву благимъ матомъ: вѣту Владиміра Николаевича, уѣхалъ Владиміръ Николаевичъ въ Петербургъ-у-ургу!

— Будетъ вамъ, сказалъ Панютинъ, беря ее за руку.— Скажите лучше мнѣ что-нибудь такое теплое, хорошее на прощанье. Она осторожно высвободила руку и отодвинулась.

— Не умѣю я говорить прощальныхъ рѣчей, а если хотите чего-нибудь теплаго на дорогу, такъ папа вамъ шубу свою дастъ, знаете ту, что виситъ въ передней, надъ которой мы всегда такъ издѣваемся.

Она старалась засмѣяться, но вышло что-то мало похожее на смѣхъ. Владиміръ быстро прошелся по комнатѣ.

— Я думалъ, что вы хоть на прощанье отстанете отъ своей привычки смѣяться надо мною. Да что долго говорить! Знаете-ли что, Наталья Павловна?—Онъ быстро схватилъ ее за руку и наклонился къ ней.—Знаешь-ли что, Наташа?... я люблю тебя, сильно люблю тебя!

Наташа быстро вскочила. Густая краска разлилась по ея лицу, губы дрожали.

— Что же это значить, Владиміръ Николаевичъ? Отплатить вы мнѣ этимъ хотите? Да вѣдь шутки не всякія позволяютъ, всему есть мѣра!

— А если это не шутка?..

Она остановалась въ недоумѣніи. Владиміръ не далъ ей отвѣчать.

— Нѣтъ, Наташа, это не шутка; еще разъ повторяю и тысячу разъ готовъ повторить, что люблю тебя страстно, беззаветно.

И онъ сжималъ ея маленькія ручки въ своихъ сильныхъ рукахъ.

— Володя... Владиміръ Николаевичъ!.. оставьте, замолчите, мама рассердится, ну что вы пристали, къ чему это...

Она растерянно смотрѣла на него.

— Скажи мнѣ, Наташа, любилъ-ли ты меня хоть немножко? Она уже овладѣла собою.

— Ну вотъ, онъ опять свое! Развѣ не видишь, противный, плачу изъ-за тебя!

Слезы брызнули изъ ея глазъ, и она быстро убрѣжала въ свою комнату. Прошло нѣсколько минутъ. Ведровъ не возвращался. Изъ кухни слышался звонкій голосъ Екатерины Ивановны, обращенный къ глуховатой Степанидѣ.

— Володя, поди сюда! раздался голосъ Наташи.

Панютинъ отворилъ двери и вошелъ въ хорошо знакомую, уютную комнатку. Наташа сидѣла на деревянной скамеечкѣ, закутавшись въ большой теплый платокъ. Слезы еще не успѣли обсохнуть на ея глазахъ, а хорошенькое личико выражало какую-то непривычную торжественность и серьезность.

— Садись сюда, сказала она, давая ему возлѣ себя мѣсто.

Онъ сѣлъ и обнявъ рукою ея стройный станъ. Она отвела его руку.

— Я тебѣ повѣрила сегодня. Смотри, чтобы ты не увидѣлъ со временемъ у меня другихъ слезъ... Ты не высыхаютъ такъ скоро и не легко переносятся. Ты первый смутилъ мой покой... Думаешь, я остаюсь довольная и счастливая? Нѣтъ, безыюной мыслью я буду стремиться къ тебѣ за тысячу верст, и что бы ни дѣлалъ ты тамъ, знай, что я съ тобой, что я смотрю на тебя!

— Наташа, ангелъ мой, къ чему эти опасенія? Восемь мѣсяцевъ пролежитъ стрѣлою... Я буду трудиться, какъ никогда, и меня будетъ укрѣплять мысль, что все это для тебя одной. А тамъ кончится все, примчусь я сюда — и сразу: „давайте мнѣ мою невѣсту!“

— Ишь какой! грустно улыбулась Наташа,—ужъ и невѣсту; а я дала тебѣ слово?... Ну да что тамъ! Смотри же будь умникъ, а теперь прощай...

Она обернулась къ нему и, обвиняя его шею своими топкими руками, звонко поцѣловала его въ губы.

— Ступай туда, я сейчасъ тоже приду, сказала она, выпровоживая его за двери.

Выходя въ другую комнату, Панютинъ услышалъ сзади подавленное рыданіе. Онъ хотѣлъ вернуться, но послышались шаги Екатерины Ивановны, возвращавшейся изъ кухни.

— Вотъ и ужинъ готовъ; да неси скорѣе, Степанида! А гдѣ же Наташа? Наташенька, что же гости одного сидѣть оставила? Нечего сказать—хозяйка радушная. Ну, дѣ знаю я секретъ! Ты ужь вѣрно слезки проливаешь по обыкновенію на прощанье? Большая она у васъ пріятельница, Владиміръ Николаевичъ: всегда плачетъ когда вы уѣзжаете.

„Да она моя невѣста, а не пріятельница“, чуть не сказала Панютинъ, но удержался и пробормоталъ въ отвѣтъ что-то неопредѣленное.

Пошла Наташа. Она весело улыбалась, хотя покраснѣвшіе глаза ее выдавали.

— Вотъ она, артистка. Да и тароватая ты, голубушка, на слезы! Стыдно плакать: вѣдь ты уже большая, почти невѣста. Ну-ну, не конфузься, прибавила она и поцѣловала Наташу въ лобъ.—А вотъ и старикъ идетъ!

Вошелъ Ведровъ.

— Ивридная мятель, я вамъ доложу. Я парень не трусъ, а въ такую погоду не тронулся бы съ мѣста. И загорѣлось вамъ, Владиміръ Николаевичъ,—ѣхать да ѣхать. Право, останьтесь лучше!.. Ну да я только такъ говорю, добавилъ онъ, видя, что Владиміръ собирается возражать,—поѣзжайте себѣ съ Богомъ, да не пейайте на насъ, если къ утру назадъ вернетесь. А теперь, пока судъ да дѣло, закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Усѣлись за столъ.

— Много вамъ теперь предстоитъ поработать, началъ Ведровъ. — Ниче долженъ себѣ человекъ лбомъ пробивать дорогу. Не то что въ наше блаженное времячко: выучился кое-какъ читать, писать, да и ѣхать себѣ чуть не въ губернаторы. Да вѣдь что толку-то во всемъ этомъ? Учись весь вѣкъ, а все-жъ дуракомъ умрешь!

И высказавши эту старую истину, онъ занялъ ее рюмкой водки.

— То-то, я думаю, заваяничаетъ нашъ Владиміръ Николаевичъ, сказала Екатерина Ивановна.—На насъ и смотрѣть не захочетъ, какъ пріѣдетъ сюда черезъ годикъ.

Панютинъ краснорѣчиво взглянулъ на Наташу, и она слегка покраснѣла. Оба они говорили за ужиномъ очень мало. Панютинъ даже нѣсколько разъ невпопадъ отвѣтилъ на вопросы Екатерины Ивановны. Ему хотѣлось бы еще хоть нѣсколько минутъ поговорить съ Наташей... Впрочемъ, къ чему? Они все уже переговорили и даже попрощались. И у него внезапно явилась потребность остаться одному, уѣхать тотчасъ же, хотя оставалось еще полчаса времени. Онъ особенно многозначительно взглянулъ на часы, застегнулся на все пуговицы и поднялся съ мѣста. За нимъ поднялись и остальные. Онъ подошелъ къ Ведрову.

— Ну, будьте здоровы, голубчикъ Владиміръ Николаевичъ, сказалъ старикъ, обнимая его. — Насъ лихомъ не поминайте, да напишите когда-нибудь: въ нашу глушь рѣдко вѣсти со свѣту Божьяго доходятъ.

Затѣмъ дошла очередь до Екатерины Ивановны. Ея лицо приняло сострадательное выраженіе. Она, по обыкновенію, начала говорить кучу всякихъ добрыхъ пожеланій.

Сокровище кобры.

Едва-ли есть въ мірѣ другое животное, которое играло бы въ народныхъ сказкахъ и сагахъ такую видную роль, какъ змѣя. Отъ интересныхъ рассказовъ сборника индійскихъ басенъ „Гитопадеса“, порожденныхъ волшебнымъ подумракомъ дѣтвенныхъ лѣсовъ этой страны, до доморощеныхъ рассказовъ европейскаго крестьянства—вездѣ паталкиваемся мы на гибкую фигуру этого, полного таинственности, двуязычнаго пресмыкающагося. Люди родившіеся подъ счастливымъ созвѣздіемъ—имѣютъ возможность подсмотрѣть, какъ въ вночный поддень, въ лѣсной тиши, просовывается между корнями вѣковѣчныхъ деревьевъ красивая головка блѣлой „мѣдилицы“, поучающая даже взбѣрей перекликаться, понятными имъ, пронзительными криками, или подвараулить въ темныхъ погребахъ старыхъ развалинъ увѣчающую золотистымъ блескомъ головку „царицы лягушекъ“, ревниво оберегающую свое дорогое убжище.

Не трудно объяснить, почему именно змѣямъ народное повѣрье приписываетъ такъ много чудеснаго: ихъ изворотливое, безногое тѣло, двигающееся то очень медленно, то съ быстротою летящей стрѣлы, маленькая головка съ торчащими изъ пасти, часто ядовитыми, зубами и раздвоеннымъ языкомъ, поражающая неподвижность блестящихъ глазъ и, наконецъ, та быстрота, съ какою дѣйствуетъ смертельное укушеніе—все это представляетъ обильный матеріалъ для народной фантазіи, ищущей во всемъ чего-то чудеснаго.

Безспорно, что происхожденіе того или другаго мифа о змѣ-

Владиміръ мелькомъ взглянулъ на Наташу. Стоя въ сторонкѣ, она такъ и впилась въ него глазами, и въ нихъ выразилось столько безмолвной грусти, что у него защемило что-то въ груди.

— А вы мнѣ чего пожелаете, Наталья Павловна? обратился онъ къ ней.

Она протянула ему руку и проговорила чуть слышно:

— До свиданья!

На дворѣ послышался звонъ бубенчиковъ.

— Ну-съ, идемте, сказалъ Ведровъ, когда прощанье и одѣванье кончились.—А ты, Наташка, накинь на себя что-нибудь потеплѣе, если провожать хочешь.

Они вышли на крыльцо. Мятель разыгралась не на шутку. Въ темнотѣ Панютинъ съ трудомъ различилъ сапоги и лошадей.

— Не забудь, Володя! прошептала Наташа, поровнявшись съ нимъ.

Вѣсто отвѣта, онъ схватилъ ея маленькую ручку и прижалъ ее къ губамъ...

Два часа ночи. Къ сѣверо-востоку несется ночтовый поѣздъ съ шипѣньемъ и грохотомъ, какъ сказочный змѣй, смѣло прорѣзывая почую темноту, подставляя свою желѣзную грудь рѣзкому морозному вѣтру и дикимъ напорамъ мятли. Ночь темная, безъ просвѣта. Безконечная снѣжная равнина раскрыла передъ нимъ свои холодныя объятія; онъ неутомимымъ своимъ свѣтомъ и шумомъ прервалъ ея могильную тишь и неудержимо несется навстрѣчу позднему разсвѣту.

Въ вагонахъ господствуетъ сонъ. Каждый пріютился какъ могъ поудобнѣе: кто развалился на мягкомъ бархатномъ диванѣ, кто скорчался въ три погибели на жесткой деревянной скамейкѣ.

На такой жесткой и неудобной лавкѣ примостился Панютинъ. Сильная усталость оковала его члены, но безпокойная мысль мѣшаетъ ему уснуть. Тысячи различныхъ вопросовъ являютъ къ нему, требуя отвѣта, и среди нихъ одинъ больше всѣхъ его занимаетъ: „Что будетъ?“ думается ему; но трудно отвѣтить на этотъ вопросъ; придетъ время, и онъ самъ собой разрѣшится...

Не одному Панютину не спится въ эту ночь: долго не можетъ уснуть и Наташа. Тусклый свѣтъ догорающей лампадки освѣщаетъ ея блѣдное личико, подернутое, какъ туманомъ, тихою грустью. Она думаетъ о томъ, какъ пройдетъ эта зима, длинная, скучная деревенская зима, съ завываніями мятли и волчьими завываніями, какъ медленно протянется день за днемъ весна—и пріѣдетъ Владиміръ.

Какъ-то встрѣтятся они? И тревожно начинаютъ биться ея сердце.

„А что какъ забудеть? — Нѣтъ, нѣтъ!“ старается она себя успокоить.

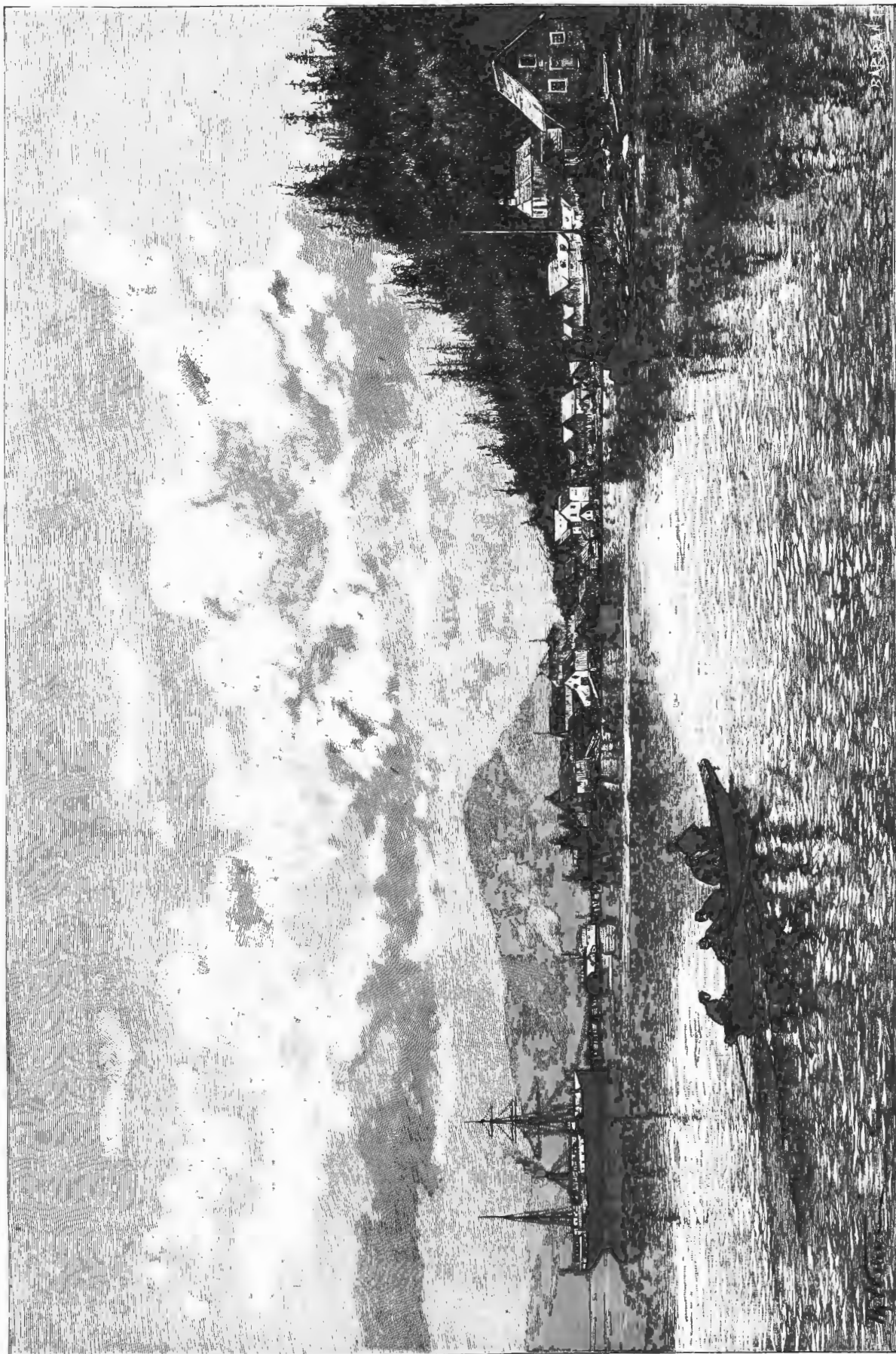
„Забудеть, забудеть!“ шепчетъ ей какой-то внутренней голосъ, и чувствуетъ она, какъ что-то неприятное, тяжелое сдавливаетъ ея горло...

Мятель утихла. Луна украдкой выглянула изъ-за свинцовой тучи и бросила свой мягкій, серебристый лучъ въ маленькую комнату. Онъ тихо прокрался вдоль занавѣски и ушалъ на голову Наташи. Она спала спокойнымъ сномъ. Прозрачныя слезы, какъ капли инея, застыли на ея длинныхъ рѣсницахъ; на блѣдныхъ щекахъ появился легкій руминецъ. Порой ея губы что-то неясно шептали и складывались въ тихую, счастливую улыбку.

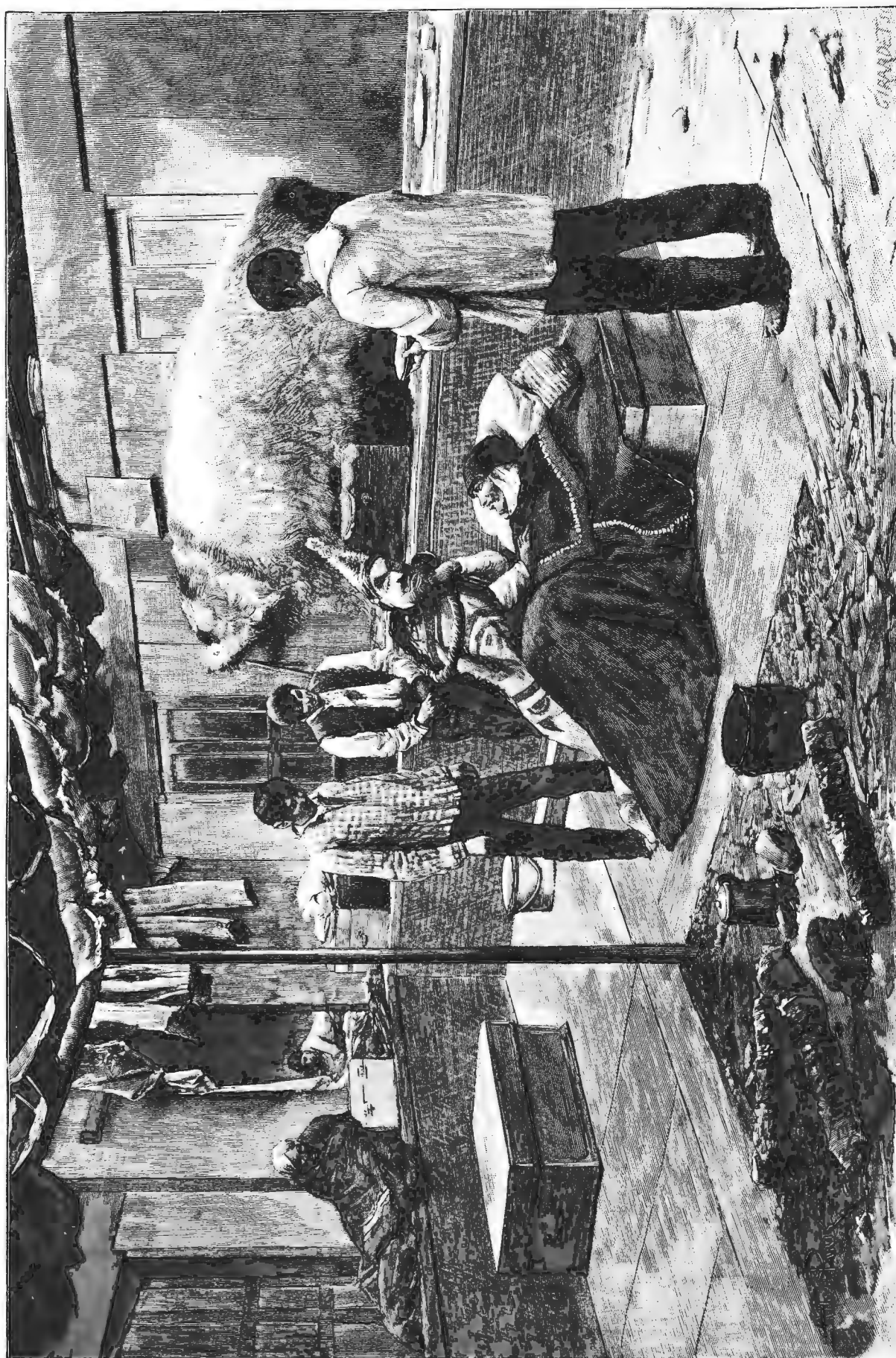
лхъ заслуживаетъ быть изслѣдованнымъ; но гораздо интереснѣе, если народные рассказы, изображающіе одиъ и тѣ-же свойства и особенности змѣй, часто не лишеныя правдоподобія, будутъ подтверждены тщательнымъ изслѣдованіемъ ученаго натуралиста. Подобный рассказъ, распространенный не у насъ, а въ Индіи, гдѣ онъ признается достовернымъ, и служитъ предметомъ настоящаго очерка.

Въ нѣкоторыхъ популярно изданныхъ зоологическихъ книгахъ, въ примѣчаніи о кобрѣ или индійской очковой змѣѣ (*Naja tripudians*), приводится рассказъ суевѣрныхъ туземцевъ, что это—безспорно ядовитѣйшее—животное часто встрѣчается съ небольшимъ камнемъ, носимымъ имъ въ пасти, издающимъ въ темнотѣ довольно яркій свѣтъ. Говорятъ, что кобра имъ очень дорожитъ, и, въ случаѣ надобности, храбро защищаетъ, потому будто бы, что всѣ помыслы ея вращаются на этомъ камнѣ. Никогда она такъ не раздражается, никогда зубъ ея не бываетъ столь ядовитымъ, какъ при покушеніи отнять у нея эту драгоценность.

Эта сказка вызвала такой же смѣхъ, какъ и извѣстное растеніе „Мухоловка“ (*Dionaea muscipula*), „питающееся мясомъ“, до обнаруженія Дарвиномъ своихъ изслѣдованій объ этомъ растеніи. Послѣ наблюденій, сдѣланныхъ американскимъ натуралистомъ профессоромъ Г. Гензольдомъ на Цейлонѣ, имѣвшимъ возможность всесторонне изслѣдовать эту, названную „минералогическою коброю“, змѣю, остается согласиться, хотя это и не совсѣмъ приятно, что суевѣрные ин-

Форт Врангель, въ бывшей русской Америкѣ (Аляска). Рис. Веберъ, грав. Барбанъ.

Внутренній видъ жилища краснокожихъ на Аляскѣ. Колдунъ у постели больного. Рис. Парр, грав. Жирарде.

дусы и тамулы оказываются вполне правыми. Опъ пропозодилъ свои наблюдения въ 1876 г. издадеко отъ Point-de-Galle и впервые помѣстилъ описаніе о Наія-Каллу (змѣиномъ камнѣ) въ „Harpers Monthly Magazine“, откуда мы его и заимствуемъ.

О разсказанной нами исторіи Гензольдтъ неоднократно уже слышалъ во время прежнихъ своихъ путешествій по Индіи, и между прочимъ ему говорили, что обладательницей такого камня, приблизительно изъ 20 кобры, можетъ быть только одна; по разсказамъ этимъ онъ не вѣрилъ. Къ крайнему изумленію, хозяинъ его, нѣмецкій плантаторъ, оказался ярымъ защитникомъ такого взгляда. Самъ онъ, да и прочіе члены его семейства—видѣли въ общей сложности не менѣе 40 кобры со сѣянными камнемъ и не считали особеннымъ затрудненіемъ опять найти такую же. По словамъ нѣмца, минералъ этотъ полупрозраченъ, желтовато-зеленаго цвѣта, по формѣ и величинѣ со горошину, и въ темнотѣ издаетъ явственное мерцаніе. Кроме того, американскій ученый узналъ, что такіа кобры очень рѣдко выносятся изъ джунглей и что добыть такой камень очень трудно, не только вслѣдствіе опасенія быть укушеннымъ, но и потому, что животное, испугавшись, беретъ камешекъ въ пасть и снѣшитъ скрыться. Находящіеся въ услуженіи на плантаціи синагаезскіе и тамульскіе рабочіе увѣряли даже, что, лишившись своего камня, кобры, съ горы, часто околѣваютъ.

Любопытство Гензольдта, разумеется, было крайне возбуждено, и наконецъ, рѣшившись увидѣть загадочную Каллу-Наія, онъ обѣщаль тому изъ работниковъ, которымъ она будетъ выслѣжена, награду въ 5 рупій (около 10 марокъ). Бѣдняку кули, довольствующемуся самою ничтожною платною платою, такая сумма кажется цѣлымъ сокровищемъ. Личные розыски американскаго натуралиста были совершенно безуспѣшны, несмотря на то, что убито и вскрыто имъ было до 50 такихъ змѣй. Черезъ нѣсколько дней, подъ вечеръ, узнаетъ онъ наконецъ, что однимъ изъ тамуловъ такое животное найдено. Натуралистъ нашъ тотчасъ же отправляется, съ выслѣдившимъ змѣю проводникомъ, съ такою поспѣшностью, что даже ружье, этотъ неразлучный спутникъ всѣхъ путешественниковъ въ тропикахъ, второпяхъ, было забыто. Но предоставимъ разсказъ ему самому:

„Тамуль провелъ меня съ порядочною милою, сперва къ сѣверу, по холмистой части плантаціи, а потомъ, по узкой тропинкѣ, черезъ густую поросль, къ небольшому водопаду, у котораго мнѣ уже случилось быть однажды. У самаго источника находился тамариндъ громаднѣйшихъ размѣровъ, подождая къ которому, шаговъ на 50, проводникъ мой внезапно приостановилъ меня, указывая на это дерево съ таинственнымъ видомъ. „Тамъ, сказалъ онъ, лежитъ Наія, но я больше не сдѣлаю ни одного шага впередъ“, и невыразимыми тѣлодвиженіями и гримасами, сдѣлавшими бы честь любому клоуну, старался убѣдить меня не идти дальше. Ничего, однако, не видя съ мѣста нашей остановки, я приблизился къ дереву еще футовъ на 20, и вдругъ остановился, какъ вкопанный. Неужели загадочность этой змѣи теперь выяснится? У самаго основанія древеснаго ствола замѣтилъ я въ травѣ зеленоватое мерцаніе, казавшееся исходящимъ изъ одной точки. Въ первое мгновеніе, по чрезвычайному сходству этого свѣта, мнѣ показалось, что я вижу предъ собою обыкновеннаго „свѣтлячка“—самку общезвѣстнаго „Иванова червячка“, *Lampyrus posticus*; но взглядывшись пристальнѣе я скорѣ убѣдился, что здѣсь должно быть нѣчто другое. У лампиридовъ, какъ и вообще у всѣхъ мерцающихъ фосфористымъ блескомъ насекомыхъ, сила свѣта постоянно измѣняется, становясь попеременно то ярче, то слабѣе, между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ напряженность свѣта оставалась неизмѣнимою. Къ этому пужно еще прибавить, что въ этотъ вечеръ атмосфера наполнена была міриадами летающихъ свѣтящихся жучковъ.

„Спустя немного, оказалось возможнымъ различить и самую змѣю. Она лежала въ травѣ, свернувшись кольцомъ, совершенно спокойно, слегка только покачивая головою. Безъ ружья мнѣ очень трудно было добыть этотъ свѣтящійся камешекъ, но очень можетъ быть, если бы со мною не было такого предосторожнаго проводника, въ увлеченіи разрѣшить загадку и я покусился бы на какой-нибудь отчаянный и безцѣльный рискъ. Добросовѣстный мальчикъ, считая себя въ нѣкоторой степени за меня отвѣтственнымъ, тихо подкрался и крѣпко схвативъ меня за руку, умолялъ не дѣлать попытки, чтобы добыть „каллу“, потому что онъ былъ бы избитъ хозяиномъ до смерти, если бы со мною случилось какое-нибудь несчастье; къ тому же, онъ изливилъ готовность особенною какою-то хитростью достать этотъ загадочный камешекъ въ теченіе не болѣе двухъ дней, подъ непремѣннымъ условіемъ: кобры въ настоящую минуту отнюдь не тревожить. Хотя на это обѣщаніе я не слишкомъ разсчитывалъ, но, сообразивъ, что всякая попытка съ моей стороны была бы напрасною и даже могла бы помѣшать успѣху, рѣшился послѣдовать его совѣту. Никогда въ жизни не случалось мнѣ еще съ такимъ неудовольствіемъ оставлять рѣдкаго зрѣлища. Наія-Каллу своею неразрѣшимою таинственностью до того ме-

ня очаровала, что въ продолженіе не менѣе двухъ часовъ глаза мои были прикованы къ ней съ какою-то неодолимою силою.

„На возвратномъ пути тамуль сталъ увѣрять меня, что кобра, по привычкѣ, непременно возвратится на то же мѣсто и въ слѣдующую же ночь, такъ какъ она нами не была напугана,—что онъ придумалъ средство добыть этотъ камешекъ безъ всякой опасности, и что если убить змѣю изъ ружья, то цѣль моя не будетъ достигнута. Чтобы еще больше его подохотить, и обѣщаль, вмѣсто 5, дать ему 10 рупій.

„Хитрый мальчикъ сдержалъ слово. На слѣдующій же день, отправившись пораньше, онъ скорѣ возвратился и принесъ желанный камень. Это былъ, очевидно, округленный дѣйствіемъ воды полупрозрачный минералъ желтоватаго цвѣта, издававшій въ темнотѣ, въ особенности будучи согрѣтымъ, зеленоватый, фосфористый свѣтъ. Вначалѣ я принялъ этотъ минералъ за общезвѣстный подъ именемъ „тяжелого шпата“ сѣрно-кислый баритъ (изъ котораго выдѣлываются, преимущественно въ Болоньѣ, мелочныя бѣдѣлушки и потому называемый болонскимъ камнемъ), отличающійся тою же особенностью, именно: сильно согрѣтый, онъ становится самосвѣтящимъ. При дальнѣйшемъ же изслѣдованіи оказалось, что это „хлорофанъ“ (пирросмаргдъ, зеленый плавникъ)—весьма рѣдко встречающаяся равновѣдность плавиково шпата (фтористаго кальція). Минералъ этотъ, согрѣтый въ пламени спирта, или брошенный въ кипятокъ, свѣтитъ прекраснымъ зеленымъ блескомъ, пока не остынетъ. Нѣкоторые виды этого минерала до того чувствительны, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ могутъ издавать свѣтъ въ темнотѣ, будучи только немного согрѣты въ сжатой рукѣ. Густавъ Розе, знаменитый берлинскій минералогъ, разсказываетъ, что, во время путешествія своего съ Эренбергомъ и Гумбольдтомъ по Алтаю, имъ удалось найти въ хрищевыхъ слояхъ Иртыша, близъ Красноярска, такіе экземпляры этого минерала, которые мерцали въ ночной темнотѣ прелестнымъ сіяніемъ, согрѣвшись въ теченіе дня только лучами солнца.

„Способъ, какимъ добыть этотъ Наія-Каллу свѣтлымъ тамуломъ, замѣчательнѣе въ высшей степени. Отправившись заблаговременно до захода солнца, онъ вѣлѣзъ на упомянутое тамариндовое дерево, устроившись на одной изъ вѣтвей его такимъ образомъ, чтобы находиться какъ разъ сверху надъ тѣмъ мѣстомъ, которое служило постояннымъ ночлегомъ для змѣй,—и какъ только съ наступленіемъ ночи она появилась со своимъ свѣтящимся камешкомъ и улеглась, онъ сразу выскочилъ на нее взытый съ собою полный шокъ золы. Испуганная Наія засуетилась, долго копалась въ волѣ и потерявъ, наконецъ, надежду найти свое сокровище, ушла, скрывшись въ густомъ джунгли. Волѣ хитрый, чѣмъ отважный, кули не слѣзъ тотчасъ же со своего наблюдательнаго поста и, просидѣвъ на деревѣ всю ночь, спустился только съ восходомъ солнца, убѣдившись предварительно, что животное исчезло. Вплотѣдствіи мнѣ удалось найти, до моего отъѣзда, еще три экземпляра этого минерала.

„Постараюсь теперь объяснить это кажущееся чудо. Кобры, повидимому, единственная порода змѣй, питающихся насекомыми. Муравьи, саранча, нѣкоторыя породы жучковъ и пр. составляютъ ихъ обыкновенную пищу, но свѣтящіеся насекомыя, кажется, предпочитаютъ прочимъ, потому, можетъ быть, что добываются они легче другихъ. Мнѣ случалось наблюдать по цѣлымъ часамъ, съ какимъ проворствомъ и съ какою ловкостью бросались кобры на этихъ свѣтящихся звѣрковъ, дѣлая такіа движенія, которыя требовали большаго напряженія и которыя поэтому, очевидно, были для нихъ очень утомительны. Энтомологамъ извѣстно, что лампириды отличаются тою особенностью, что летать могутъ только самцы; самки же, вслѣдствіе неполнаго развитія ихъ крыльевъ, летать не могутъ. Послѣднія, вообще, значительно малочисленнѣе, но за то крупнѣе, и самый блескъ ихъ почью, когда онѣ спокойно ползутъ въ травѣ, гораздо сильнѣе, и мерцаетъ въ равныхъ по времени промежуткахъ, то съ большею, то съ меньшею яркостью, служа прекрасною приманкою для самцовъ.

„Такимъ же образомъ и хлорофановый голышъ, издающій почти такой же свѣтъ, какъ и насекомыя, и для Наія-Каллу въ свою очередь можетъ служить средствомъ для привлеченія летающихъ жучковъ. Я полагаю, что изъ той опытности, которая приобрѣтена ими тысячелѣтіями, кобры приучились исподволь, мало-по-малу, навлекать какую-нибудь полаху. Не трудно допустить, что попадающіеся между голышами высохшаго источника, свѣтящіеся камни могли быть найдены коброю и приняты ею за свѣтящіеся червячки. Во всякомъ случаѣ она не могла не замѣтить, что тамъ гдѣ свѣтится такой камешекъ, свѣтлячки встрѣчаются чаще, ловля ихъ поэтому облегчается, мѣсто оказывается удобнымъ и слѣдовательно предпочтается всѣмъ прочимъ. Могло случиться, что на такомъ мѣстѣ сошлось не одна, а нѣсколько кобры и тогда изъ-за этого камня, естественно, завязалась между ними борьба. Съ этого момента до сознанія, что добываніе пищи находится въ прямой зависимости отъ фосфористаго голыша, и что поэтому, въ преду-

преждевие соперницъ, необходимо завладѣть имъ, по моему мнѣнію, нѣтъ слишкомъ большого шага и нѣтъ надобности допускать сверхъестественной умственной силы.

„Кромѣ того, по мнѣнію моему, есть основаніе допустить, что въ настоящемъ случаѣ дѣятельность кобры является не однимъ только послѣдствіемъ лично приобретенной ею опытности, потому что и молодая змѣйка инстинктивно пользуется хлорофаномъ такъ же точно, какъ и старая. Отсюда является необходимость признать тотъ фактъ, что среди низшихъ животныхъ существуетъ еще извѣстная, наследственно переходящая расовая память, значительно превосходящая ту небольшую опытность, которая приобретается каждою отдѣльною особью, въ короткій относительно періодъ ея существованія. То же самое можетъ быть примѣнено и къ высшимъ разрядамъ животныхъ. Возьмемъ для примѣра маленькаго, не прозрѣвшаго еще котенка. Въ случаѣ приближенія къ нему собаки, онъ начинаетъ шипѣть, щетиниться и выгибать спину; слѣдовательно, хотя собаки онъ еще не знаетъ и не можетъ ее видѣть, но по врожденному инстинкту, сознаетъ уже присутствие своего врага и прибѣгаетъ къ свойственнымъ кошкамъ средствамъ самозащиты“.

На этомъ оканчивается изложеніе г. Гензольдта. Я повторилъ интересное его описаніе безъ всякихъ сокращеній, признавая разсматриваемый предметъ заслуживающимъ полного вниманія. Но можетъ-ли такое толкованіе этого рѣдкаго въ природѣ явленія, всецѣло быть примѣнено и къ другимъ случаямъ—это еще вопросъ. Я предпочелъ бы скорѣе объяснить это явленіе тою общезвѣстною у низшихъ животныхъ способностью подражанія другимъ животнымъ, которая называется произвольнымъ мимикри *). Точно такъ же и предпо-

ложеніе его — признать необходимость существованія наследственной расовой памяти — я нахожу уже слишкомъ смѣлымъ. Не имѣя поэтому возможности объяснить это замѣчательное явленіе научнымъ способомъ, мы должны довольствоваться пока лишь его описаніемъ.

Вкратцѣ обращаю вниманіе моихъ читателей еще на одинъ предметъ. Во всѣхъ почти мнѣнческихъ сагахъ о змѣяхъ, и преимущественно въ нѣмецкихъ, встрѣчается что-то общее между этими животными и блестящими минералами. Преимущественно это бываютъ драгоценные, обладающие таинственною силою, камни, носительницами или хранительницами которыхъ являются змѣи. Въ особенности прелестно это рассказано въ одной изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ Гримма сагъ, объ Карлѣ Великомъ въ Цюрихѣ: змѣя, освобожденная, по могущественному приказу короля, отъ врага своего, большой жабы, подноситъ ему въ благодарность въ пасти своей сокровище—благородный самоцвѣтный камень.

Я хотѣлъ бы спросить поэтому, является-ли въ мнѣяхъ такое сочетаніе змѣи съ блестящими камнями чисто случайнымъ, или же въ этомъ выражается опозитивированное восхваленіе чудныхъ, поразительно неподвижно блещущихъ глазъ этого животного? Не открытъ-ли былъ уже и раньше, у одной изъ нашихъ европейскихъ змѣй истребительницъ насѣкомыхъ — что можетъ же быть допущено — тотъ же рассказанный нами способъ ихъ ловли? Или же, наконецъ, не заключается-ли въ основаніи этого мнѣя темное воспоминаніе о самой кобрѣ, можетъ быть, занесенное къ намъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ съ береговъ Инда и Ганга, одновременно съ переселеніемъ арийскихъ племенъ?

Къ рисункамъ.

Богоматерь, несущая спасеніе.

(Рис. на стр. 900 и 901).

Въ Сборникѣ *Дивы* за июнь мѣсяцъ текущаго года мы напечатали пространную статью Д. И. Шинмарева о Киевскомъ соборѣ Св. Владимира. Помѣщая теперь снимокъ съ картона, принадлежащаго Его Императорскому Величеству Государю Императору, работы извѣстнаго художника Виктора Михайловича Васнецова для образа Богоматери, несущей спасеніе, въ главномъ алтарѣ, мы приводимъ описаніе этого образа изъ статьи г. Шинмарева:

„Высота фигуры Богоматери около 12½ аршинъ, а весь образъ 15 аршинъ. Богоматерь написана идущею по облакамъ, имѣя на лѣвой рукѣ Младенца Иисуса, простирающаго руки. По сторонамъ Богоматери размѣщены летящіе и славящіе Бога херувимы. Объ этомъ образѣ говорить положительно невозможно—надо его видѣть. Можно лишь сказать, что впечатлѣніе, имъ производимое—непосредственно и незабываемо. Лишь Богоматери—кротко-милостивый, а у Спасителя, въ Его широко открытыхъ глазахъ виденъ призывъ, видны любовь и всепрощеніе. Весь онъ написанъ на золотомъ фонѣ, такъ что при освѣщеніи онъ горитъ и выступаетъ, точно изъ огня, а дымъ, когда лучи солнца попадаютъ на образъ и играютъ на его фонѣ—впечатлѣніе получается поразительное, непередаваемое“.

Магазинъ эстамповъ А. И. Бегрова, въ С.-Петербургѣ, издалъ способомъ фотогравюры прекрасныя копія съ картины Васнецова въ двухъ размѣрахъ: одинъ (44×25 сант.) цѣною въ 3, съ пересылкой 4 р., а другой (31×18)—въ 2 рубля и съ пересылкой—2 р. 50 к.

Дѣвочка-голландка. (Картина Г. Кенига).

(Рис. на стр. 905).

Вся прелесть этой изящной головки заключается въ выраженіи чистоты и невинности на дѣтскомъ личикѣ. Эти большіе глаза, которые еще такъ недавно стали глядѣть на Божій міръ, не отражаютъ въ себѣ ни удивленія, ни негодованія, ни хитрости, ни злобы... Въ ихъ только покой еще не возмущенной души и благоволеніе всему сущему.

Фортъ Врангель и его тотемы.

(Рис. на стр. 908, 909 и 912).

Фортъ Врангель, бывшее русское поселеніе въ бывшей Русской Америкѣ (нынѣ С.-Американская территория Аляска), расположенъ на сѣверномъ берегу острова Врангеля, близъ устья рѣки Стикни. Островъ этотъ, какъ извѣстно, лежитъ у юго-восточныхъ береговъ Аляски. Окрестности форта весьма живописны, но самое мѣстечко незначительно: согни бѣлыхъ, да согни четыре краснокожихъ, принадлежащихъ къ племенамъ Тлинкетъ и Гайда,—вотъ и все его населеніе. Замѣчательнѣйшее въ немъ—это такъ-называемые тотемы—громад-

*) Подъ названіемъ мимикри разумѣется способность нѣкоторыхъ животныхъ подражать другимъ посредствомъ измѣненія окраски, внѣшнихъ признаковъ, движеній и опитностью приобретеннымъ искусствомъ, которая до того развита, что, почти преобразившись, они приобретаютъ въ борьбѣ за существованіе значительное преимущество.

ные столбы съ скульптурною рѣзбой, водружаемые краснокожими предъ ихъ жилищами. Они служатъ какъ бы родовыми деревьями, напоминающими происхожденіе главы семейства и увѣковѣчивающими подвиги его предковъ. До полутора метра ширины и до 10—20 метровъ высоты, эти тотемы украшены изображеніями чудовищныхъ животныхъ въ перемѣшку съ человѣкообразными уродами. Встарину они чрезвычайно уважались, теперь почитаютъ лишь уплывшіе, но уже не воздвигаютъ новыхъ.

Краснокожіе туземцы дѣлятся на роды или кланы, которые по преданію произошли отъ четырехъ символическихъ животныхъ: ворона, волка, кита и орла. Типы этихъ животныхъ равнообразно воспроизводятся рѣзбой, смотря по комбинаціямъ союзовъ и браковъ. Если на вершинѣ тотема торчатъ безобразная человѣческая фигура въ шапкѣ — это означаетъ жилище вождя. Иногда встрѣчаются два тотема по обѣимъ сторонамъ дома: одинъ изъ нихъ обозначаетъ генеалогію мужа, другой—жены. На одномъ изъ тотемовъ нѣтъ никакихъ изображеній кромѣ слѣдовъ медвѣдя, фигурой котораго украшена и вершина тотема. Попадаютъ также на могилкахъ колоссальныя изображенія волка и другихъ животныхъ.

Хижины краснокожихъ строятся изъ дерева. Въ центрѣ единственнаго помѣщенія—очагъ, дымъ выходитъ въ крышу. Вокругъ по стѣнамъ—скамьи, первобытная мебель, походныя постели; на стѣнахъ развѣшаны шкуры и мѣха; на потолкахъ сушатся рыба и мясо.

Краснокожіе съ незапамятныхъ временъ имѣютъ обыкновеніе украшать рѣзбой домашнюю утварь и даже весла. Теперь они дѣлаютъ множество вещей на продажу: миниатюрные тотемы, ложки изъ рога и т. п. Особенно замѣчательны ихъ рѣзвы изъ дерева и пестро раскрашенныя маски, употребляемыя краснокожими на празднествахъ, на войнѣ или кодунами во время консультацій у постели больного. Рис. на стр. 909 изображаетъ именно такую консультацію.

Брызгунъ (*Toxotes jaculator*). (Рис. на стр. 913).

Рыбы всегда считались самыми низшими изъ позвоночныхъ какъ въ отношеніи устройства тѣла, такъ и въ отношеніи инстинктивныхъ способностей. Кромѣ того, что органы чувствъ у рыбы менѣе совершенны, а слѣдовательно и впечатлѣніи ихъ менѣе живы и отчетливы,—самая среда, безомовная и темная, въ которой онъ проводитъ свою жизнь, повидному не доставляетъ имъ разнообразія ощущеній. Но такъ какъ мы не въ состояніи слѣдить за ними въ ихъ убѣжищахъ, то намъ почти неизвѣстны подробности ихъ нравовъ. Все, что мы знаемъ объ нихъ—это, кромѣ заботъ о размноженіи, постоянную заботу объ удовлетвореніи своей прожорливости и стремленіе укрыться отъ нападенія враговъ. У рыбъ борьба за существованіе поистинѣ безпощадна, и въ этой борьбѣ нѣкоторыя изъ нихъ прибѣгаютъ къ изумительнымъ хитростямъ, проявляя инстинкты гораздо болѣе развитыя, чѣмъ привыкли мы встрѣчать въ этомъ классѣ позвоночныхъ.

Изъ видовъ болѣе замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ такъ-называемый брызгунъ (*Toxotes jaculator*). Это индійская морская рыба, водная у бере-

говъ Азии и большей части Индйскаго архипелага, Новой Гвиней и даже Австрали; встрѣчается также и въ прѣсныхъ водахъ.

Правы этой рыбы весьма интересны. Питается она преимущественно мелкими ракообразными и насѣкомыми. Чтобы овладѣть послѣдними, брызгунъ приближаетъ къ слѣдующему приему: какъ только замѣтитъ онъ насѣкомое, летящее или ползущее на водяномъ растеніи, онъ приближается, поднимаясь къ поверхности воды, выставляетъ морду и ловко стрѣляетъ изъ рта на высоту аршина каплями воды, которая по-

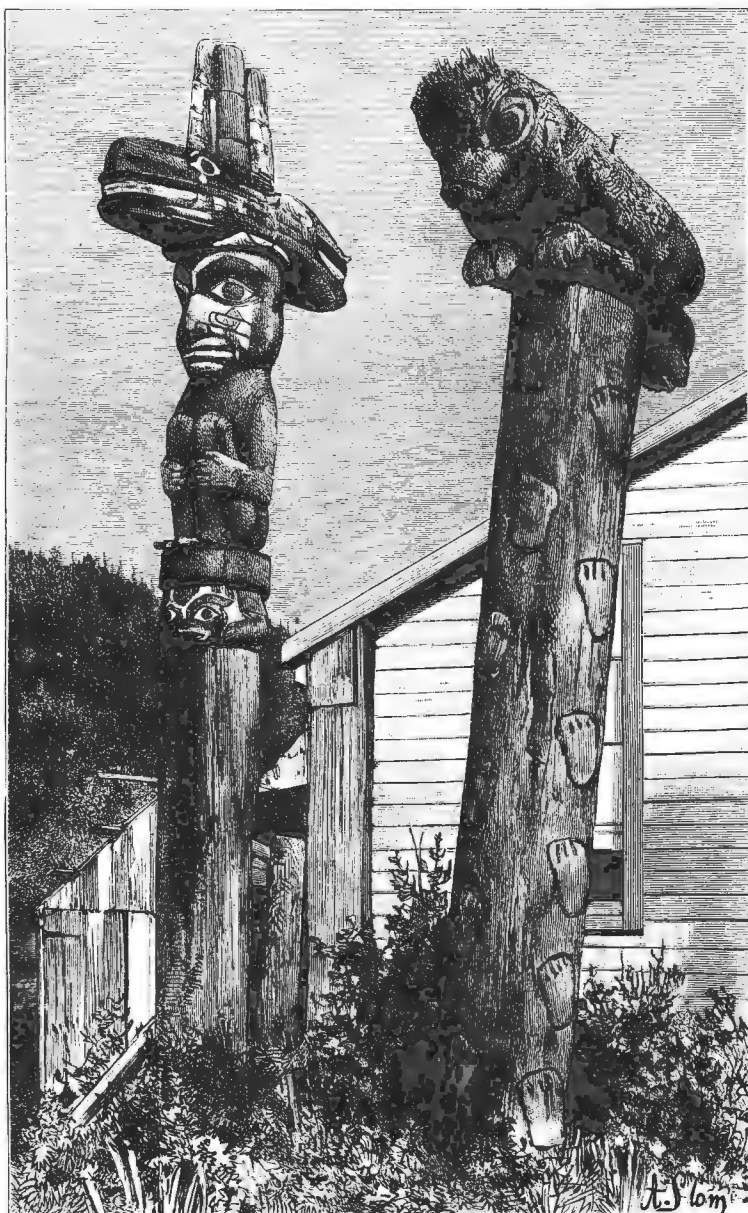
охотой, которую они устраиваютъ, подставляя ей насѣкомыхъ на прутикахъ или на ниткахъ.

Само собою разумѣется, что во рту брызгуна долженъ быть особый аппаратъ для стрѣлянйя каплями воды, но изслѣдовать его до сихъ поръ не приходилось.

Японцы также держатъ брызгунъ въ небольшихъ водохранилищахъ, въ срединѣ которыхъ установлена палка на два фута надъ водою. Къ этой палкѣ приделаны деревянные шпильки для прикрѣпленія къ нимъ насѣкомыхъ. Какъ только насѣкомыя прикрѣплены, появляются рыбы; онѣ сначала

Тотемъ во Врангелѣ (Аляска).

Тотемъ во Врангелѣ (Аляска).

падаютъ въ насѣкомое и сбиваютъ его въ воду. Въ случаѣ промаха, брызгунъ возобновляетъ попытку и въ концѣ концовъ всегда достигаетъ своей цѣли.

Брызгунъ собирается иногда довольно многочисленными стадами, которыя не пугаются приближенія лодокъ, и такимъ образомъ легко наблюдать игру рыбъ, какъ это и удалось сдѣлать Бокуру на Менамѣ.

Жители Явы держатъ эту рыбу въ сосудахъ, забавляясь ея

плаваніемъ около палки, потомъ поднимаются на поверхность воды, спокойно останавливаются на одномъ мѣстѣ, устанавливаютъ глаза на набранномъ ими насѣкомомъ и мгновенно выбрасываютъ въ него нѣсколько капель. При выбрызгиваніи замѣтенъ шумъ, подобный шуму отъ маленькихъ шприцевъ. Удивительна точность, съ которою эти рыбы бросаютъ свою струю въ жертву.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ, при этомъ № прилагается подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи, для заблаговременнаго возобновленія подписки на журналъ „Нива“ въ 1892 году.

Самоубійство генерала Буланже. (Рис. на стр. 915).

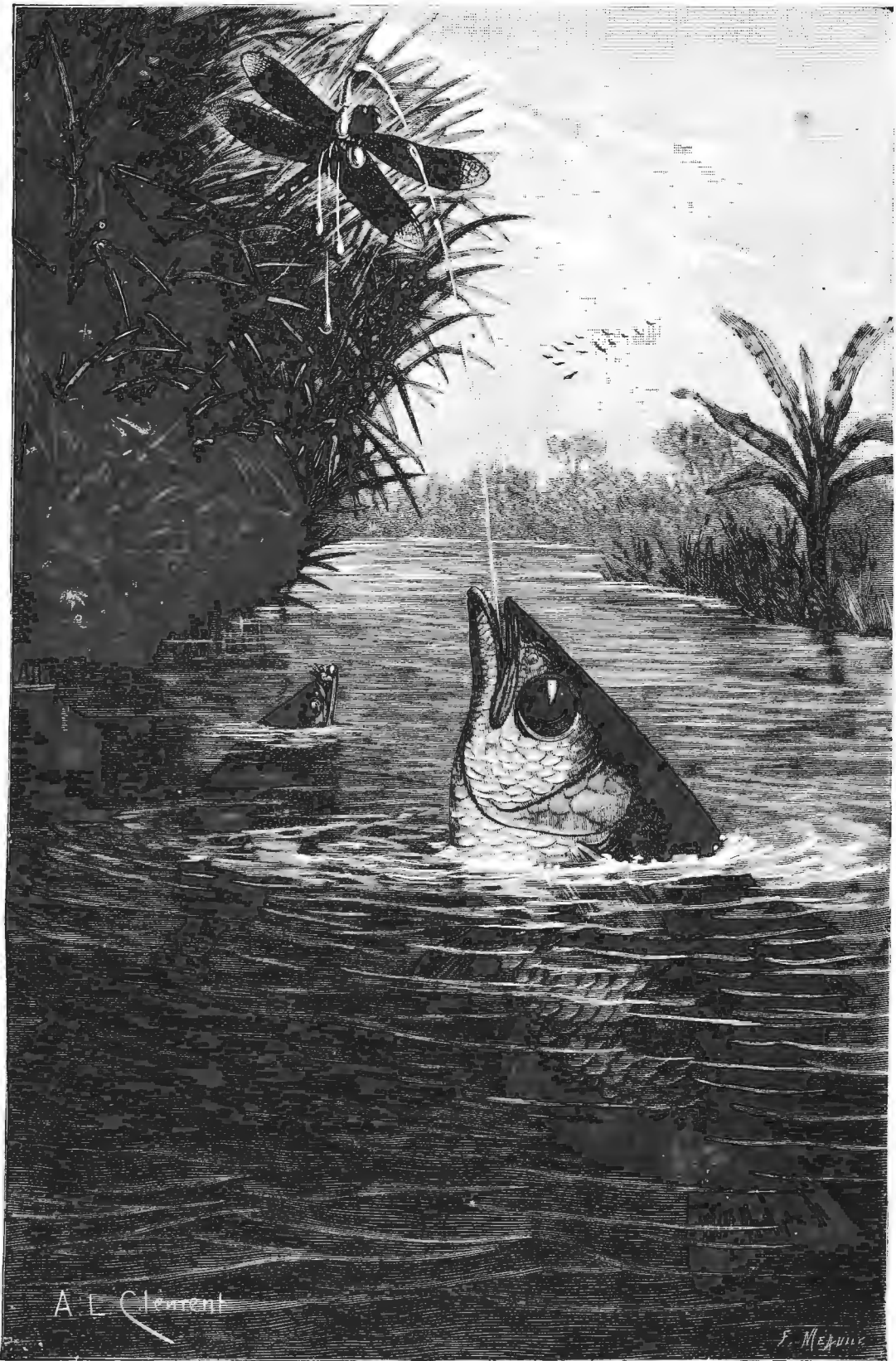
Въ политическомъ обозрѣніи № 40 *Нивы* было помѣщено трагической кончинѣ вѣкогда гремѣвшаго на

весь міръ генерала Буланже. Давалъ въ нынѣшнемъ номерѣ гравюру изображающую самоубійцу у памятника г-жи де-Боннменъ на кладбищѣ Иксель въ Брюсселѣ, остається прибавить, что послѣ смерти своей возлюбленной, раздѣлывшей всѣ тяжести изгнанія, Буланже чрезвычайно тосковалъ. Каждый день онъ отправлялся съ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ на кладбище, откуда возвращался еще болѣе удрученнымъ, печальнымъ. Говорятъ, что дни за 2—3 до катастрофы бывшій французскій военный министръ сжегъ многія изъ своихъ бумагъ. Въ день самоубійства, генералъ Буланже отправился ранѣе обыкновеннаго на кладбище въ собственномъ экипажѣ и притомъ одинъ. Экипажъ остановился у кладбища, и генералъ отправился прямо къ могилѣ

г-жи де-Боннменъ, гдѣ онъ провелъ долгое время стоя, облокотясь на памятникъ. Племянницы генерала, встревоженныя такою неурочною побѣдкой, немедленно уведомили объ этомъ г. Дютена, который, предчувствуя недоброе, тотчасъ же ваялъ извозчика и помчался вдогонку за своимъ другомъ. Онъ всталъ генерала у памятника въ глубокомъ раздумьи, что показалося ему подозрительнымъ, и онъ напомнилъ Буланже объ обѣщаніи, которое послѣдній ему далъ: не покушаться на свою

жизнь. „Я принадлежу Франціи,—отвѣчалъ генералъ,—и не убью себя“. Затѣмъ онъ попросилъ г. Дютена оставить его на вѣсколькое времени одного. Положившись на обѣщаніе Буланже, Дютентъ согласился на его просьбу и удалился, но едва онъ достигъ вы-

хода съ кладбища, какъ раздался выстрѣлъ. Дютентъ и кладбищенскій сторожъ тотчасъ же бросились къ мѣсту катастрофы, гдѣ они уже застали инспектора кладбища Маршала: „Все кончено,—сказалъ послѣдній,—г-нъ Буланже убилъ себя“. Генерала нашли у подножія памятника. Рядомъ лежала его шляпа, а изъ виска струилась кровь. Ему тотчасъ же перевязали голову и вымыли запачканное въ крови лицо; когда разстегнули его жилетку, на груди, около сердца, нашли портретъ г-жи де-Боннменъ, въ полномъ расцвѣтѣ молодости и красоты. Когда тѣло Буланже привезли на его квартиру въ Rue-Montoyer, то на его письменномъ столѣ нашли вѣсколько депешъ, съ которыми Буланже обращался передъ смертью къ своимъ политическимъ друзьямъ.

Брызгунъ (*Toxotes jaculator*). Рис. Клеманъ. грав. Мегюль.

Митрополитъ Платонъ. (Портр. на стр. 916).

1 октября, вечеромъ, послѣ шестидневной болѣзни, скончался одинъ изъ старѣйшихъ архиепископовъ русскихъ, членъ Святейшаго Синода, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, высокопресвященный Платонъ. Со смертію его Россійская Церковь лишилась одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ іерарховъ, высокообразованнаго и одареннаго острымъ умомъ, краснорѣ-

чиваго проповѣдника, горячо преданнаго русской государственной идеѣ и русскому дѣлу, которымъ онъ неутомимо служилъ повсюду, гдѣ находился.

Почившій родился въ 1803 году въ посадѣ Погорѣломъ Городищѣ Тверской губернии, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Въ мѣрѣ назывался Николаемъ Ивановичемъ Городецкимъ. Восми лѣтъ его помѣстили въ Ростовское духовное училище. Въ первые годы своего ученія почившій получалъ отъ своихъ родителей по 25 коп. серебромъ на дѣлю третью (3/4 мѣсяца) и на всѣ ученическія потребности. Благинище окончивъ курсъ училища, онъ былъ переведенъ въ Тверскую духовную семинарію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1823 году. Въ виду его способностей и замѣчательнаго трудолюбія, онъ былъ назначенъ студентомъ въ С.П.б. Духовную Академію. По окончаніи курса С.-Петербургской Духовной Академіи, будучи тогда 24-лѣтнимъ молодымъ человекомъ, Николай Ивановичъ Городецкий былъ назначенъ профессоромъ физико-математическихъ наукъ и греческаго языка въ Орловскую духовную семинарію. Въ этомъ учебномъ учрежденіи онъ занималъ одновременно должности: профессора, бібліотекаря, инспектора семинаріи и секретаря семинарскаго правленія. Помимо его педагогическихъ обязанностей, на него возлагались также ревизіи духовныхъ училищъ Орловской епархіи. Вскорѣ плодотворная дѣятельность молодого богослова была замѣчена и онъ переведенъ 24 октября 1829 года на должность бакалавра по кафедрѣ греческаго языка въ С.П.б. Духовную Академію. Въ этой Академіи онъ первый началъ излагать студентамъ уроки нравственнаго богословія на русскомъ языкѣ. Спустя годъ, онъ принялъ монашество. Когда знаменитый архимандритъ Иннокентій (Борисовъ) спросилъ его, какое онъ ваялъ имя въ монашествѣ, почившій отвѣтилъ, что его желаніе было бы именоваться „Никандромъ“. На это Иннокентій отвѣтилъ, что „у монаха своихъ желаній не должно быть, а вотъ мы сейчасъ узнаемъ, какое тебѣ имя назначаетъ Промыслъ Божій“, — и написалъ на клочкахъ бумаги нѣсколько именъ и, свернувъ ихъ, опустилъ въ свой клубокъ. Н. И. Городецкий вынулъ билетикъ съ надписью: „Платонъ“. Съ этимъ именемъ онъ и былъ 17 мая 1830 г. постриженъ въ церкви Александро-Невской лавры въ монахи. 26 мая инокъ Платонъ былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха этой лавры, а 6 ноября 1831 года назначенъ инспекторомъ С.П.б. Духовной Академіи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.

Находясь въ теченіе пяти лѣтъ на службѣ Академіи, почившій занималъ должности: профессора, бібліотекаря, члена конференціи Академіи и правленія, дѣйствительнаго члена петербургскаго цензурнаго духовнаго комитета, редактора журнала „Христіанское Чтеніе“.

Въ 1837 году покойный былъ опредѣленъ въ Костромскую духовную семинарію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ. Спустя два года онъ былъ переведенъ настоятелемъ Виленскаго Свято-Духова монастыря, а въ 1843 году былъ назначенъ вторымъ викаріемъ Литовской епархіи. Оставаясь въ ней до 1850 года, усопшій не мало и плодотворно потрудился на укрѣпленіе и распространеніе православія. Свою замѣчательную дѣятельность онъ проявилъ затѣмъ съ 1850 по 1867 годъ въ званіи архіепископа Рижскаго, а съ 1867 по 1877 годъ — архіепископа Донскаго. Здѣсь онъ нашелъ обширное поле для миссіонерской дѣятельности. Раскольниковъ въ Донской епархіи въ 60-хъ годахъ насчитывалось до 80,000. Почившій старался искоренить существовавшую вражду у старообрядцевъ къ православной церкви и успѣлъ въ этомъ. Въ 1871 году онъ открылъ въ Новочеркасскѣ миссіонерскій комитетъ и при его помощи распространялъ христіанство среди калмыковъ, исповѣдывавшихъ буддизмъ. Въ 1877 году покойный былъ перемѣщенъ на кафедру Херсонской епархіи, а въ 1882 году назначенъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ. Недавно, по почину покойнаго, въ Кіевѣ состоялось съѣздъ преосвященныхъ южныхъ и западныхъ епархій для рѣшенія вопроса объ общихъ мѣрахъ противъ штунды. При жизни своей митрополитъ Платонъ пользовался большою извѣстностью какъ энергичный дѣятель и какъ высокодаровитый проповѣдникъ, а смерть его долго и искренно будетъ оплакиваться всѣми православными, не только въ нашемъ отечествѣ, но и за предѣлами его.

Новый экипажъ. (Рис. на стр. 916).

20 октября въ С.-Петербургѣ, на Скотопрignonномъ дворѣ, въ присутствіи петербургскаго градоначальника генерал-лейтенанта П. А. Грессера, старшаго техника Градоначальства г. Стружкофа, членовъ Городской Управы и многихъ другихъ лицъ, былъ показанъ экипажъ новаго вида. Онъ легко на ходу, удобенъ, помѣстителенъ и, главное, не дорогъ. По формѣ онъ довольно оригиналенъ и представляетъ собою двухмѣстный фэтонъ на двухъ колесахъ, сидѣніемъ обращенный къ кучеру, такимъ образомъ, что пассажиры сидятъ спиной къ лошади и отдають кучеру приказанія черезъ имѣющееся нѣсколько выше спинки сидѣнія окошечко; такія же окошечки имѣются и по бокамъ экипажа; внутренности колки обита простую, но изящною и прочною матеріею; вѣсъ экипажа около двадцати пудовъ, сидѣнія гораздо шире сидѣній извозчичьихъ пролетокъ, спинка значительно выше, а по дѣлѣ онъ равенъ изящнѣшему экипажу.

Новый экипажъ называется *колма*. Изобрѣтенъ онъ инженеромъ Штромбергомъ и построень Туландеромъ.

Политическое обозрѣніе.

3 октября происходила въ Россіи и за-границей подписка на Россійскій 3% золотой заемъ 1891 года. Успѣхъ ея, несмотря на отказъ и даже помѣху со стороны нѣмецкихъ капиталовъ, былъ самый выдающійся. По словамъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*, точно проверенная цифра подписки составляетъ 7.816,257 облигацій, на сумму 977.632,125 руб. мет., или 2.926.500,000 франковъ нарицательнаго капитала, а именно: во Франціи въ Поземельномъ Кредитѣ 2.350,000 облигацій, въ Лионскомъ Кредитѣ 1.525,000 облигацій, въ Парижско-Нидерландскомъ банкѣ 1.525,000 облигацій, въ Учетной Национальной конторѣ 593,432 облигацій, у Э. Госкье и Коми. 351,000 облигацій, въ Банкѣ вкладовъ и текущихъ счетовъ 335,109 облигацій, въ Обществѣ промышленнаго и торговаго кредита 309,054 облигацій, въ Учетномъ банкѣ Парижа 281,633 облигацій, въ Главномъ Обществѣ (Société Générale) 250,000 облигацій, а всего во Франціи 7.520,228 облигацій; въ Россіи 220,000 облигацій, въ Голландіи у Гонне и Коми. 57,829 облигацій, въ Англии у Гамбро и сыиъ 12,000 облигацій и наконецъ въ Копенгагенѣ 6,200 облигацій. Цѣна на новый 3% заемъ повысилась въ Парижѣ съ 79 и 79 1/4 до 79 1/2 за 100; по разверткѣ, какъ сообщаетъ *Агентство Гаваса*, подписавшіеся на 1 до 4 облигацій получаютъ одну облигацію, подписавшіеся на 5 до 9 — двѣ, отъ 10 до 19 — три, отъ 20 до 39 — четыре, отъ 40 до 59 — пять, отъ 60 до 79 — шесть, отъ 80 до

93 — семь облигацій и т. д., по расчету 7,50% съ придачею одной полной облигацій на каждый изъ разрядовъ. Банкиръ Госкье въ Парижѣ разослалъ парижскимъ бѣднымъ 10,000 франковъ въ ознаменованіе блистательной подписки на русскій заемъ.

Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь Гирсъ, прибылъ вмѣстѣ съ г. Влангали, русскимъ посланникомъ при итальянскомъ правительствѣ, 30 сентября изъ Паланцы въ Миланъ. Къ этому времени туда же пріѣхалъ изъ Рима глава итальянскаго министерства маркизъ ди-Рудини. На другой день г. Гирсъ, въ сопровожденіи гг. ди-Рудини и Влангали, отправился въ Моццу, гдѣ и былъ принятъ итальянскимъ королемъ, который долго съ нимъ бесѣдовалъ. Затѣмъ былъ сервированъ завтракъ, на которомъ вмѣстѣ съ ихъ величествами присутствовали герцоги Аостскій и Абруцскій, герцогиня Генуэзская, г. Гирсъ, маркизъ ди-Рудини, г. Влангали и свиты короля и принцевъ. Послѣ полудни гг. Гирсъ и Влангали выѣхали обратно въ Миланъ, причеиъ былъ соблюденъ такой же церемоніаль, какъ при пріѣздѣ русскаго министра. По словамъ *Gaulois*, послѣ свиданія съ итальянскимъ королемъ въ Моццѣ, гг. Гирсъ и Влангали имѣли продолжительное совѣщаніе съ маркизомъ ди-Рудини, который сообщилъ имъ договоръ тройственнаго союза, прибавивъ, что послу Менабреа поручено довести его до свѣдѣнія также и фран-

ЗАЯВЛЕНІЕ.

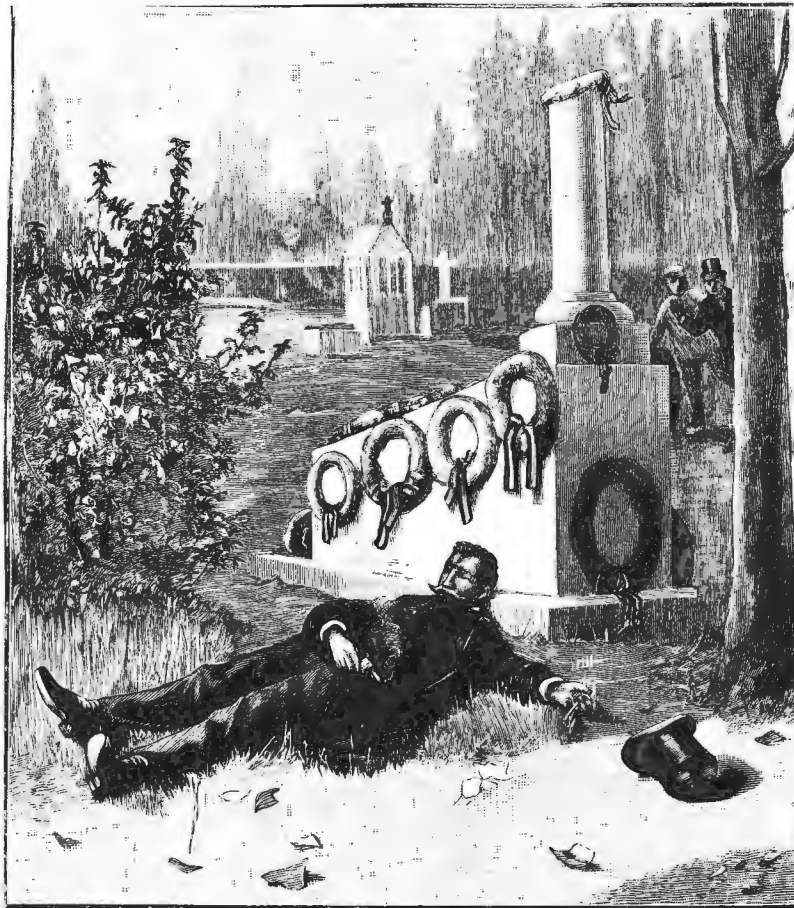
Послѣ выхода Октябрьской книги „Сборника Нивы“ нѣсколько гг. подписчиковъ обратились къ намъ съ заявленіемъ, будто-бы они не получили Сборника за Іюль, Августъ и Сентябрь. Между тѣмъ, по собственнымъ ихъ письмамъ, они получили „Полное собраніе сочиненій Лермонтова“, на обложкѣ коего, внизу подъ титуломъ крупнымъ шрифтомъ ясно напечатано, что именно сочиненія Лермонтова составляютъ „Сборникъ Нивы“ за Іюль, Августъ и Сентябрь.

дуэскаго правительства, которое, въ отвѣтъ на этотъ актъ вѣжливости, отпривитъ эскадру въ Палермо привѣтствовать короля.

Главные столичные и провинціальныя итальянскія газеты объясняютъ свиданіе г. Гирса съ маркизомъ ди-Рудини и визитъ г. Гирса королю въ смыслъ новаго залога мира.

Въ вѣнскихъ политическихъ кругахъ произвелъ неприятое впечатлѣніе фактъ, что маркизъ ди-Рудини въ сопровожденіи двухъ пословъ сдѣлалъ визитъ г. Гирсу. По поводу этого посѣщенія нѣкоторыя газеты съ сожалѣніемъ замѣчаютъ, что Криени не сдѣлалъ бы такого визита. Въ общемъ большая часть австрійскихъ газетъ заявляютъ, что практическимъ результатомъ посѣщенія маркизомъ ди-Рудини г. Гирса можетъ быть лишь взаимное увѣреніе въ желаніяхъ сохранить миръ.

Внезапная смерть Парнелла вызвала повсюду искреннее сожалѣніе. Англійскія газеты различныхъ отгѣнковъ по достоинству оцѣниваютъ заслуги умершаго ирландскаго вождя. Погребеніе тѣла Парнелла происходило въ Дублинѣ 29 сентября. Прибывшій туда въ 7 ч. утра гробъ былъ встрѣченъ въ вокзалѣ парнеллистскими депутатами различныхъ отгѣнковъ, представителями ирландской національной лиги и другихъ обществъ, густою толпою, и перевезенъ въ городскую думу, гдѣ былъ поставленъ на катафалкъ, покрытый массою вѣнковъ. Народъ стекался тысячами, чтобы поклониться праху Парнелла. Около 3 часовъ пополуночи тѣло было отправлено для преданія землѣ на кладбище, находящееся въ пяти миляхъ отъ города. За печальною колесницею, запряженною 6-ю лошадьми, слѣдовали городскіе головы и представители Дублина, Корка и различныхъ городовъ, парнеллистскіе депутаты и члены ирландскихъ обществъ. Весь corteжъ,

Самоубійство генерала Буланже у могилы г-жи Бонменъ на Иксельскомъ кладбищѣ въ Брюсселѣ.

въ которомъ участвовали также хоры музыки, игравшіе траурныя марши, растянулся на нѣсколько англійскихъ миль. На всемъ пути слѣдованіи corteжа толпились прибывшій изъ всѣхъ частей Ирландіи народъ, относившійся сочувственно къ покойному. Когда гробъ былъ перенесенъ къ могилѣ, народъ съ обнаженными головами проходилъ мимо гроба. Огнѣваніе тѣла окончилось при лунномъ свѣтѣ и пронзело глубокое впечатлѣніе.

Парнеллистскіе депутаты издали прокламацію къ ирландскому народу, въ которой заявляютъ, что намѣрены отстаивать національную независимость и продолжать борьбу. Виредь до возстановленія единой автономистской парламентской партіи, они предлагаютъ созвать конвентъ изъ руководящихъ ирландскихъ дѣятелей для изысканія средствъ къ исполненію программы Парнелла. Въ заключеніе они заявляютъ, что не желаютъ имѣть ничего общаго съ отщепенцами, которые вызвали расколъ и вогнали въ гробъ перваго изъ ирландцевъ.

Смѣсь.

Экспедиція, снаряженная Вѣнскою императорскою академіей для изслѣдованія глубинъ въ восточной части Средиземнаго моря, достигла весьма важныхъ результатовъ. Въ общемъ въ 72 пунктахъ были произведены изслѣдованія глубины, свойствъ и органической жизни моря. Наибольшая глубина въ 3700 метровъ найдена между Моллою и Черуго. Третья глубина въ 3500 — 4000 метровъ, идущая съ сѣвера на югъ черезъ Средиземное море, у греческихъ береговъ круче и обрывистѣй, чѣмъ у береговъ Италіи и Сициліи. Наблюденія надъ проникновеніемъ свѣта въ морскія глубины показали, что вода всего прозрачнѣе у африканскихъ береговъ. Тамъ въ полдень, на глубинѣ 43 метровъ, съ поверхности моря ясно виденъ даже небольшой металлическій кружокъ. Во мно-

ШАХМАТЫ.

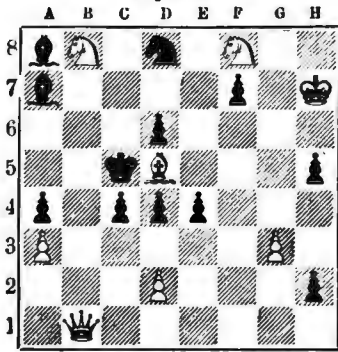
Подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 41.

S. Zimmermann.

Второй призъ на коннуръ задачъ чешскихъ композиторовъ.

Черные.

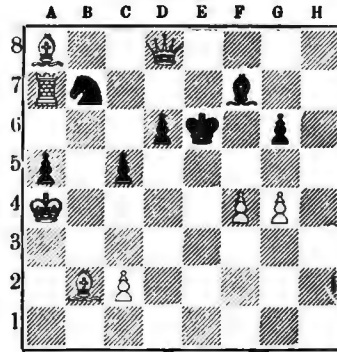

Бѣлые. Мать въ 3 хода.

Задача № 42.

В. И. Шошина.

Черные.

Бѣлые. Мать въ 2 хода.

Недавно вышелъ № 3 (сентябрь) журнала Шахматниці. Редакторы-надеватели: Д. Н. Саргинъ и П. П. Бобровъ. Москва, Зубовскій бульваръ, д. Ангирасъ.

11 октября начался турниръ на равныхъ силахъ въ „Собраніи Экономистовъ“ (Фонтанка, 22).

ПАРТІЯ № 14.

(16-я партія матча; играна въ Нью-Йоркѣ 3 (15) января 1891 г.).

Гамбитъ Эванса.

И. Гунсб.	В. Стейн.	И. Гунсбергъ.	В. Стейницъ.	И. Гунсбергъ.	В. Стейницъ.
Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.
1. e2-e4	e7-e5	8. Ф. d1-d4	1) С. a5-b6	15. К. b1-d2	1) К. f4-h3
2. К. g1-f3	К. h8-c6	9. С. c4-b5	К. g8-e7	16. Кр. g1-g2	К. h3-g5
3. С. f1-c4	С. f8-c5	10. С. c1-a3	e5-d4	17. С. a3-b2	К. c6-e7
4. b2-b4	С. c5-b4	11. c4-c5	Ф. f8-g6	2) 18. С. b5-e2	К. g5-e6
5. c2-c3	С. b4-a5	12. c3-d4	К. e7-d5	19. Кр. g2-h1	Ф. g4-f5
6. 0-0	Ф. d8-f6	13. Л. f1-e1	К. d5-f4	20. К. f3-h4	1) Ф. f5-f2??
7. d2-d4	h7-h6	14. g2-g3	Ф. g6-g1	21. К. d2-e1	сдѣлся.

Примѣчанія къ партіи:

- 1) Здѣсь можно продолжать атаку также ходами 8. Ф. d1-b3 или 8. С. c1-e3. Слабѣе 8. С. c4-b5.
- 2) Чернымъ слѣдовало брать пѣшку d4 (бѣлые не могли дважды брать за d4 по причинѣ К. h3+ и бѣлый ферзь потерялъ). Если нослъ 15. К. b1-d2, черные возьмутъ К. c6-d4, то 16. Л. e4, К: f3+; 17. К: f3, Ф: f3; 18. Л: f4 съ рѣшающей атакой, напр.: 18... Ф. h5; 19. С. e4, или 18... С: f2+, 19. Кр. f1, Ф. h1+; 20. Кр: f2, Ф. a1; 21. Ф. b3, Кр. d8; 22. Ф: f7, e6; 23. С. d6, Ф. b3+; 24. С. e2, Л. e8; 25. Ф: e8+, Кр: e8; 26. Л. f8+.
- 3) Игнорировать указываетъ на продолженіе 15... С. a5 и 15... К: d4; 16. К: d4, С: d4; 17. Л. e4, С: a1; 18. Л: f4, Ф. e6; 19. С. e4, Ф. b6!
- 4) Слѣдовало отступить ферземъ на h7, послѣ чего бѣлые сохранили бы перевѣсъ посредствомъ С. f3 и e4.

гихъ мѣстахъ погружали въ воду чувствительныя пластинки, и въ одномъ мѣстѣ, въ 200 морскихъ миляхъ къ сѣверу отъ Бенгази, пластинки почернѣли отъ лучей свѣта на глубинѣ въ 500 метровъ. Количество кислорода, содержащагося въ водѣ, совершенно одинаково какъ въ верхнихъ, такъ и нижнихъ слояхъ ея; на днѣ моря находится чрезвычайно много амміака. Въ восточной части Средиземнаго моря на глубинѣ 3000 метровъ вовсе нѣтъ никакихъ животныхъ, на глубинѣ же въ 2000 метровъ водятся только маленькія листообразныя водоросли, чрезвычайно похожія на найденныя экспедиціей Планктона на такой же глубинѣ въ Атлантическомъ океанѣ. (к.)

Письмо Лудовина XVI. На дняхъ появилось въ *Evenement* неизвѣстное доселѣ письмо несчастнаго короля Лудовика XVI. Письмо это, принадлежащее владѣльцу извѣстной коллекціи автографовъ барону Ларенти, писано королемъ къ его брату графу Прованскому (позднѣ Лудовику XVIII) и заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „Парижъ, 1 июля

Высокопреосвященный Платонъ, митрополитъ Кіевскій и Галиційскій († 1 октября 1891 г.)

1792 года. Милый братъ! Ты вѣроятно уже слышалъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ мнѣ 21 іюня, которыя тѣмъ болѣе для меня, что чернь, разграбившая мой дворецъ, была подстрекаема людьми нѣкогда облагодѣтельствованными мною. Национальная гвардія, которая могла бы защитить меня, была подкуплена мятежниками, а начальникъ ея и не подумалъ пускаться въ ходъ своей авторитетъ. Я противопоставилъ оскорбленіямъ и яростнымъ крикамъ полное спокойствіе, и моя твердость и хладнокровіе устыдили на этотъ разъ недовольную толпу. Королева и вся моя семья вели себя истинно героически: съ нѣкотораго времени мы уже привыкли ничего не считать невозможнымъ и постепенно нить чашу бѣдствій. Часть національнаго собранія высказала глубокое недовольствіе по поводу случившагося. Лежандръ говорилъ на якобинской трибунѣ, что народъ только почтилъ своимъ посѣщеніемъ своего „Повѣреннаго“; въ томъ же смыслѣ высказались въ своихъ листахъ Маратъ и Эберъ. Подъ моими окнами под-

Новый образецъ утвержденныхъ С.П.Б. градоначальникомъ извозчичьихъ экипажей, изобрѣтенныхъ инженеромъ Штромбергомъ, устроенныхъ Туландеромъ. Съ фот. Савицкаго (исключительное право воспроизведенія принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

23-й годъ
издания.

НИВА

1892-й
годъ.

иллюстрированный журналъ—для семейнаго чтенія—литературы, политики и современной жизни, со многими бесплатными приложениями, преміями и проч.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ этого №.

Въ теченіе 22-лѣтняго изданія „НИВЫ“ русская публика настолько ознакомилась съ нашимъ журналомъ, что намъ остается лишь указать его содержаніе на будущій 1892 годъ. За все это время „НИВА“ преслѣдовала единственную задачу: быть истинно русскимъ журналомъ и давать читателямъ лучшія произведенія русской литературы и изящныхъ искусствъ. Та же задача будетъ выполняться нами и въ 1892 г.

Въ прошломъ году литературный отдѣлъ нашего журнала былъ расширенъ болѣе чѣмъ вдвое противъ прежнихъ лѣтъ бесплатнымъ приложеніемъ „Сборника Нивы“, что дало намъ возможность, сверхъ напечатаннаго въ журналѣ, помѣстить еще два большіе романа, каждый въ трехъ частяхъ, и болѣе двадцати повѣстей: Н. Д. Ахшарумова, П. Д. Боборыкина, М. М. Н. Волконскаго, Н. Н. Каразина, Н. Д. Маслова, В. И. Немировича-Данченка, П. Н. Полевого, И. Н. Потапенна, гр. Е. А. Салиаса и др., ежемѣсячную научную лѣтопись и множество популярно-научныхъ статей. Мы обещали дать нашимъ подписчикамъ 12 ежемѣсячныхъ книжекъ Сборника, въ 200--250 страницъ каждая. На самомъ дѣлѣ мы давали каждый мѣсяцъ болѣе общаго, а всего Сборникъ за 1891 годъ заключалъ въ себѣ 3548 страницъ убористой печати и интереснѣйшаго чтенія, составляя въ совокупности ежемѣсячный журналъ.

Въ будущемъ 1892 г. мы точно также дадимъ нашимъ подписчикамъ

12 КНИГЪ СБОРНИКА

изъ коихъ три (за Іюль, Августъ и Сентябрь 1892 г.) будутъ составлять главную литературную премію, а именно:

За Іюль: Сочиненія ГРИБОѢДОВА,

За Августъ: Сочиненія ПОЛЕЖАЕВА,

За Сентябрь: Сочиненія КОЗЛОВА; каждый изъ этихъ поэтовъ будетъ изданъ подъ редакціей А. И. Введенскаго и составитъ отдѣльный томъ съ гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ портретомъ. Для несостоящихъ подписчиками „НИВЫ“ цѣна наждаго тома въ отдѣльной продажѣ 1 руб.

Такимъ образомъ подписчики „Нивы“ изъ года въ годъ постепенно приобтѣнутъ бесплатно цѣлую бібліотечку ПЕРВОСТЕПЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Ручательствомъ добросовѣстности ихъ изданія можетъ служить изданное нами въ 1891 г. „Полное собраніе сочиненій Лермонтова“ подъ редакціей А. И. Введенскаго.

Необычайный успѣхъ нашей художественной преміи за 1891 г.

АЛЬБОМА СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

послужилъ намъ доказательствомъ, что мы вѣрно угадали вкусъ нашихъ подписчиковъ, и побуждаетъ насъ продолжать дѣло въ томъ же направленіи.

Издавая этотъ альбомъ въ видѣ перваго опыта, мы въ 1891 году для большаго ознакомленія съ нимъ публички разослали его въ редакціи столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, которыя и не замедлили дать о немъ самые лестные отзывы.

Въ текущемъ году мы считаемъ это излишнимъ, будучи вполнѣ увѣрены, что имена художниковъ говорятъ сами за себя лучше всякихъ похвалъ. Что же касается технической стороны исполненія, то по альбому 1891 года Гг. подписчики сами могутъ судить, до какой высокой степени совершенства доведена нами художественная передача въ копіи всѣхъ красокъ и мельчайшихъ подробностей подлинной картины.

АЛЬБОМЪ „НИВЫ“ на 1892 годъ

заключаетъ въ себѣ точныя (facsimile) копіи слѣдующихъ картинъ:

- 1) Профессора И. И. АЙВАЗОВСКАГО: „Лунная ночь на берегу Чернаго моря, близъ Сухумъ-Кале“.
- 2) Академика А. Н. БЕНУА: „Вечеръ“.
- 3) Профессора А. П. БОГОЛЮБОВА: „Морской каналъ въ С.-Петербургѣ“.
- 4) Профессора Н. Д. ДМИТРИЕВА-ОРЕНБУРГСКОГО: „У колодца“.
- 5) Натаніеля ЗИХЕЛЯ: „Фатима“.
- 6) А. М. КОТЛЯРЕВСКОГО: „Спряталась“. (Сцена изъ малоросс. жизни).
- 7) Профессора Н. А. КОШЕЛЕВА: „Изъ дѣтства Петра Великаго“.
- 8) Профессора Л. Ф. ЛАГОРИО: „Близъ Ай-Петри въ Крыму“.
- 9) Профессора Н. Е. МАКОВСКОГО: „Бояринъ“.
- 10) В. И. НАВОЗОВА: „У яблонь“.

Изъ громадныхъ запасовъ литературнаго матеріала, находящагося въ портфель редакціи, можемъ указать на слѣдующія произведенія:

Ахшарумовъ, Н. Д.—„Въ потемкахъ совѣсти“, романъ въ 2 частяхъ.

Боборыкинъ, П. Д.—Повѣсть.

Брикнеръ, А. Г., проф.—исторической разсказъ.

Брандтъ, А., проф.—„Живописныя растенія“, популярно-научный очеркъ съ 10 гравюр.

„Афонскій монастырь“. Очеркъ съ рис.

Бутовскій, Н.—„Деньщикъ Морозка“, разсказъ.

Волконскій, Кн. М. Н.—„Довѣренное лицо“, разсказъ.

„Борисъ Кутлинскій“, разсказъ.

Григоровичъ, Д. В.—„Городъ и деревня“, повѣсть.

Данилевскій, Г. П.—„Шаринъ“ (посмертное произведеніе), разсказъ.

Елисѣевъ, А. В., Д-ръ—„Хадія Аравійскій въ пустынь“, оч.

Желиховская, В. П.—„На синеморскихъ буграхъ“, романъ.

„На берегахъ Невы и Темзы“, романъ.

Заринъ, А. Е.—„Противъ теченія“, разсказъ.

Крестовская, М. В.—„Дѣти“, идиллія.

Лѣсковъ, Н. С.—„Осиробленная Нетта“, картины римской

жизни времени Тиверія, съ рисунками Е. М. Бѣмъ.

Майковъ, А. Н.—„Изъ приключеній Гарунина въ Италиі“, разск.

Максимовъ, А. Я.—„Тюлений островъ“, разсказъ со мног

рисунковъ.

Масловъ, Н. Д.—„Другъ друга не поняли“, романъ.

Невзоровъ, И.—„Рыцарь тайги“, разсказъ.

Немировичъ-Данченко, В. И.—„Дора“, повѣсть.

„Какъ они разошлись“, разсказъ.

„Миражи“. Шесть маленькихъ разск.

Полевой, П. Н.—„Исторія двухъ злуповъ“, историч. разск.

„Зѣло досадительное дѣло“, историч. разск.

Полонскій, Я. П.—„Одnofамильцы“, разсказъ.

Потапенко, И. Н.—„Баба замѣшалась“, разсказъ.

„Сорвалось“, разсказъ.

„Маленькая игра“, разсказъ.

Салиасъ, Гр. Е. А.—„Служитель Бога“, романъ.

„Таіе дни“, исторической разсказъ.

„Счастье“, разск. изъ соврем. жизни.

Сизова—„Соломонія Сабурова“, историч. разсказъ.

Н. Станицкій—„Дѣдушка“, разсказъ.

Стулли, Ф. С.—„Гроза“, разсказъ.

Терпигоревъ (Сергій Атава)—„Стратонъ Стебельцынъ“, пов.

Попрежнему ежемѣсячно будутъ при „НИВѣ“ выходить особыя приложения:

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ

дающія въ теченіе года болѣе 300 гравюръ костюмовъ новѣйшихъ парижскихъ фасоновъ, съ ежемѣсячн. прилож. болѣе 300 выкроекъ въ натуральн. величину и около 300 рисунк. рукодѣльн. и вышивльн. работъ—словомъ полн. модн. журналъ.

При № 1 „НИВЫ“ на будущій годъ подписчики получатъ:

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1892 годъ

въ новой изящно-печатанной красками вышкетѣ.

Такимъ образомъ подписчики „НИВЫ“ на будущій 1892 г. получатъ:

52 еженедѣльныхъ №№ иллюстрированнаго журнала „Нива“, 12 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, изъ коихъ три составятъ отдѣльныя изданія (главная литературная премія):

одинъ томъ: Сочиненія Грибоѣдова } съ грав. на стали портр.
одинъ томъ: Сочиненія Полежаева } Цѣна наждаго тома въ
одинъ томъ: Сочиненія Козлова } отдѣльн. продажѣ по 1р.

10 акварелей извѣстныхъ художниковъ.

1 изящную папку для „Альбома Нивы“, украшенную акварелью Академика С. Александровскаго.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“ съ 300 гравюрами.

12 приложений при „Модахъ“ состоящихъ изъ рукодѣльныхъ и вышивльныхъ работъ и чертежей выкроекъ въ натуральную величину (въ теченіе года около 600).

Стѣнной календарь на 1892 г. печатанный 6 красками.

Полученіе художественнаго АЛЬБОМА „НИВЫ“ и ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМІИ (сочиненій Грибоѣдова, Полежаева и Козлова) не сопряжено для подписчиковъ „НИВЫ“ ни съ какими издержками—ни за премію собственно, ни за пересылку ей, какъ это вошло въ обычай у нѣкоторыхъ издателей, которые взимаютъ со своихъ подписчиковъ не только плату за такъ-называемую ими премію, но еще особенно и за пересылку. Преміи же „НИВЫ“ составляютъ бесплатныя и дѣйствительно цѣнныя приобтѣненія, въ чемъ подписчики могли убѣдиться въ 1891 г. при полученіи Альбома и Сочиненій Лермонтова.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марисъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

куленные крикуны выкрикивают угрозы, свидетельствующія, что ихъ вожаки способны на все. Безъ утѣшенія вѣри я впасть бы въ глубокое отчаяніе. „Домурье высказывалъ мнѣ различные планы, какъ уничтожить скопище якобинцевъ съ Робеспьеромъ и Дантономъ во главѣ, но все это немисливо безъ пролитія крови; я же скорѣй предпочту пасть жертвою возмущенія, чѣмъ занятъ свою честь кровью хоть одного француза. Видя, что безуміе повсюду торжествуетъ и своеволие побѣдило правосудіе, я хочу поступить подобно Карлу V, отказавшись отъ престола. Я не знаю, что готовить мнѣ судьба, но знаю, что на свѣтѣ нѣтъ болѣе несчастнаго человѣка, чѣмъ твой другъ и любящій братъ. Лудовикъ“. (к.)

Празднованіе смерти ребенка. Въ Испанской Америкѣ распространены своеобразныя обычай давать веселія празднества въ день смерти ребенка. Такой же обычай существуетъ и въ южной части Чили, и не только среди креоловъ и мулатовъ, но и между туземными бѣлыми населеніемъ. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ Карль Охзеніусъ въ *Ausland*: „Мнѣ часто приходилось видѣть, какъ зажиточные землевладѣльцы въ провинціи Вальдивіи свѣшили закупать припасы для празднества, когда ожидали смерти своихъ маленькихъ дѣтей. Покупаютъ обыкновенно быка, который въ ожиданіи убоя насадетъ возлѣ дома, яблочнаго вина, водки, меда, сала, разныхъ сладостей и восковыхъ свѣчей и приготавливаютъ все необходимое къ празднику „Velorio“, прежде чѣмъ малютка заснетъ вѣчными сномъ. Празднества начинаются съ минуты смерти ребенка до его погребенія. Маленькое тѣло умершаго кладутъ въ обширномъ покоѣ, украшаютъ цвѣтами и кругомъ ставятъ свѣчи. Такъ какъ ребенокъ уже сталъ ангеломъ (angelito), то горю и слезамъ нѣтъ мѣста подлѣ его трупа, напротивъ, всѣ члены семьи и приглашенные сосѣди предаются самому шумному веселью. Музыка, пѣніе и танцы не прекращаются въ теченіе всего дня и ночи. Обыкновенно принуждаютъ танцовать и мать покойнаго. „Не плачь! говорятъ ей, — твой ребенокъ теперь ангелъ на небѣ“. Мы, европейцы, не можемъ подавить въ себѣ несприятнаго чувства при видѣ этихъ сценъ. Я помню, какъ въ пятидесятыхъ годахъ я попалъ въ первый разъ на подобный „Velorio“ къ одному моему знакомому фермеру Бастидасъ. Умеръ его внукъ, одолѣтній сынокъ его дочери Эмили, котораго я часто качалъ на колѣняхъ и въ

шутку прозвалъ „paisanito“ (мужичокъ). Когда я подбѣжалъ къ дому, навстрѣчу мнѣ вышелъ уже изрядно подивившій старикъ Бастидасъ со стаканомъ вина въ рукѣ и подавъ его мнѣ съ такими словами: „здравствуйте, донъ-Карлосъ, выйдите да слѣзайте съ лошади и присоединяйтесь къ нашему празднеству. Сегодня утромъ умеръ вашъ paisanito“. Я былъ такъ пораженъ его словами, что невольно слѣзъ съ лошади и пошелъ за нимъ, чтобы утѣшить бѣдную мать. Я увидѣлъ ее танцующую съ заплаканными глазами среди большого общества, собравшагося у смертнаго одра ребенка, пожалъ ей только руку и тотчасъ же удалился. Я слышалъ, что на другой день одинъ изъ родственниковъ Бастидасъ выпросилъ на день тѣло ребенка, чтобы имѣть случай устроить подобный же праздникъ. Какъ уже было замѣчено, этотъ обычай, претящій всякому европейцу, весьма распространенъ среди туземнаго населенія“. (к.)

Развитіе телеграфнаго сообщенія. По сообщенію Бернскаго междунагоднаго бюро, въ 1890 году въ Европѣ было 570.000 километровъ телеграфныхъ линий съ 1.650.000 километровъ проводовъ. По сравненію съ прошлымъ годомъ протяженіе телеграфныхъ линий увеличилось на 25.000 кил., а проводовъ — на 50.000 километровъ. Также увеличилось въ этомъ году и число телеграфныхъ учреждений, именно на 15.000, и число переданныхъ телеграммъ, достигшее въ этомъ году до 200.000.000. Изъ нихъ на Англию приходится 65 миллионъ, на Францію — 42, на Германію — 26, на Россію — 11 и на Италію — 9 миллионъ телеграммъ. (к.)

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По желанію многихъ изъ нашихъ Гг. подписчиковъ, при этомъ № мы разсылаемъ 2 подписныхъ бланка на „Ниву“ 1892 года, одинъ изъ которыхъ просимъ передать кому-либо изъ знакомыхъ, желающихъ подписаться на „Ниву“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Дякомо Мейерберъ (съ портр.). — Наль. Романъ въ 3-хъ частяхъ. М. Н. Каразина. Ч. II. (Продолженіе). — Въ будущемъ. Разсказъ В. Горва. — Соирволице нокры. — Къ рисункамъ: Богоматерь, несущая спасеніе (съ рис.). — Дѣвочна-голландка. (Картина Г. Ненига) (съ рис.). — Фортъ Врангель и его тотемы (съ рис.). — Брызгунъ (Тохоотъ jasculator) (съ рис.). — Самоубійство генерала Буланже (съ рис.). — Митрополитъ Платонъ (съ портр.). — Новый экипажъ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Заявленіе. — Свѣсь. — Шахматы. — О подпискѣ на „Ниву“ 1892 г. — Заявленіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Податель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 (СЕДЬМОЙ) ГОДЪ
съ 1 ноября 1891 по 1 ноября 1892 г.

на ежедн. иллюстрированный журналъ сельскаго хозяйства, садов., лѣсов., животн., пчелов., шелков., рыбов. и домоводства

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

И. И. Масляникова. СПб., Надеждинская, 43.

Масса рисунковъ. Бесплатно: отв. на вопросы, сѣмена, архитект. проекты красками, „Альбомъ типовъ домашн. животныхъ“.

На годъ 6 р. съ пер. и 21 к. на перес. альбома. № 5402

Новое исправленное изданіе для начинающихъ при школьномъ и домашнемъ обученіи ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

съ задачами, упражненіями и образцами различныхъ работъ и разборовъ С. В. Хворова, со словаремъ трудныхъ въ написаніи словъ. Упраженія составлены изъскательныхъ методовъ и изъ образцовыхъ реченій русскихъ писателей и пословицъ. Учебникъ можетъ замѣнить для учителя диктантъ, а для учащагося самодиктантъ. Цѣна 35 к., съ пер. 45 к. Отъ продажи сего учебника въ книжн. магазинахъ „Новаго Времени“ денги полностью поступаютъ въ Главн. Упр. Общ. Красн. Креста въ пользу голодающихъ отъ неурожая. Съ выписывающихъ отъ автора по 1-е декабря с. г. (СПб., на Пескахъ, Матинская ул., д. № 7 — о выпискѣ могутъ заявлять въ Главн. Упр. Общ. Красн. Кр.) двадцать процентовъ поступятъ въ Общ. Красн. Кр. также въ пользу голодающихъ.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ,

окрашиваетъ въ чернѣй, коричневый прочный цвѣтъ, смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 коп. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обращать вниманіе на марку с.-пет. космет. лабораторіи. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарск. и парфюмерн. магаз. Россіи. Ц. № 5383 ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ 10-21

А. Энглундъ,
Литейный, № 36, въ С.-Петербургѣ.

ЦАРЬ-ДѢВЩА.

Вс. Солоньева.

Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

РОЯЛИ И ПИАНИНО

всѣхъ системъ, заграничныхъ и здѣшнихъ фабрикъ, потерявшие хорошій тонъ изъ-за многого играя, сырости или пыли, поправляются заново хорошо, дешево и добросовѣстно спеціально. Узнать: Михайловская, д. 4, нотный магазинъ Г. Васильева, и Малая Морская, д. № 6, кварт. 13. № 5354

ИСУСЪ

(смыслъ Навина). Повѣствованіе изъ библейск. времечъ ГЕОРГА ЭБЕРСА. Перев. съ нѣм. съ 58-ю грав. въ текстѣ, по рис. художн. А. Земцова. С.-Петербургъ 1890 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 20 коп.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блонинъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59 — 57.

Годъ 2-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 г. Годъ 2-й

НА ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

12 книгъ въ годъ, ежемѣсячно не менѣе 400 страницъ большаго формата. № 5110 4-1

„ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ 1892 г. въ томъ же объемѣ и по той же программѣ, какъ издается въ текущемъ году, а именно: 1) Романы, повѣсти и всякаго рода произведенія художественной литературы; 2) Историческіе разсказы, біографіи, мемуары и всякаго рода очерки по исторіи культуры; 3) Путешествія, географическіе и нравоописательные очерки и 4) Смѣсь, анекдоты, извѣстія, объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ: съ доставкою и пересылкою: на годъ — 4 р., на 6 мѣсяцевъ — 2 р. Гг. служащіе въ казен. и частн. учрежд. пользуются разсрочкою, за поручит. казначействъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ — въ Конторѣ Редакціи „Вѣстникъ Иностранной Литературы“, Гостиный дворъ, Зеркальная линія, № 63, Магазинъ П. Ф. Пантелеева (прот. Пажескаго Корпуса), въ Москвѣ — въ Конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линія, а гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ Редакцію журнала, С.-Петербургъ, Берѣвская ул., д. № 16, собственный.

ПОДПИСКА НА 1891 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА ВСѢ СРОКИ,

на годъ, на первое и второе полугодія. Въ Редакціи имѣется 1000 годовыхъ экз. 3 изд. Новымъ подписчикамъ высматриваются немедленно. Поступилъ въ продажу романъ „ПРОТИВЪ ВОЙНЫ“, Берты фонъ-Суттнеръ, пер. съ нѣмекц., съ разрѣшенія автора, подъ ред. и съ вступленіемъ Ф. И. Булгакова. 428 стр. форм. „Вѣстника“. Складъ изданія въ Редакціи, Берѣвская, 16, и въ конторѣ, Гостиный дворъ, № 63, магазинъ П. Ф. Пантелеева. Цѣна безъ пересылки 1 р. 60 к., а для подписчиковъ на „Вѣстн. Иностр. Литер.“ 1 р.; за пересылку слѣдуетъ прилагать 25 к. Съ наложеннымъ платежомъ не высматривается.

Редакторъ А. Н. Зигельгардтъ.

Издатель Г. Ф. Пантелеевъ.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

вЪ ЦАНЪ (корол. Прусское)

обширнѣйшій въ Европѣ известнѣйшій заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и разныхъ любительскихъ обществъ.

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Вел. Кн. Павла Александровича, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго и другихъ царствующихъ особъ. Р. № 5412

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульскихъ договъ и сенбернаровъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ, а также охотничьихъ собакъ, какъ то: лгавыхъ, борзыхъ, дасховъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ.

Иллюстрированные прейсъ-курранты по-французски и по-нѣмецки безплатно. 5-е издание брошюры „Воспитаніе, уходъ, дрессировка и болѣзни чистокровныхъ собакъ“, съ рисунками, по франц. и нѣмец. — за 10 марк.=12,50 франк.=5 руб.=6 гульд. Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу. (Bahnhof-Wittenberg).

Открыта на 1892 годъ подписка на новый ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ журналъ для юношества „МІРЪ БОЖІЙ“.

Подписная цѣна 6 р. въ годъ, съ доставкой и пересылкой 7 р., за границу 10 р. 1-я книга 1892 г. выйдетъ въ началѣ декабря сего года. № 5406

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Лиговка, д. 25-8, кв. 5. Изд. А. Давыдова. Ред. Викторъ Острогорскій.

ДЛЯ ВОЛОСЪ БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ. Освѣжаетъ головную кожу. Ц. флаконъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подписъ А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова, В. Москвѣ; у К. Феррейна, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Комп., О. Гетлингъ, и во всѣхъ нѣмецкихъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главн. складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. (2) Ц. № 5346

ТОВАРИЩЕСТВА „ГИГИЕНА“ ПУДРА

роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ

ОСВѢЖАЮЩІЙ ОДЕКОЛОНЪ

высшаго достоинства

СТИРОВАЯ ЖИДКОСТЬ

благовонная, для освѣженія комнаты.

ПРОДАЖА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.

С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9. Ц. № 5407 11-1 Москва, Никольская, д. гр. Шереметева.

Отъ Земледѣльческой Школы Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

Старѣйшее въ Россіи сельскохозяйственное учебное заведеніе — Московская Земледѣльческая школа, основанная съ 15 августа 1822 года, не имѣетъ до сего времени точныхъ свѣдѣній о судьбѣ ея бывшихъ питомцевъ, что составляетъ существенный пробѣлъ въ матеріалахъ по исторіи Школы, необходимыхъ однако же для составленія историческаго очерка по Школѣ ко дню исполненія въ 1893 году семидесятилѣтней годовщины основанія Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Велѣствіе сего Московскаго Земледѣльческаго Школы обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ ея бывшимъ питомцамъ — сообщить обстоятельныя свѣдѣнія о дѣятельности своей, а также ихъ товарищамъ (на сколько имъ это извѣстно), со времени выхода изъ Школы, въ видѣ ответовъ хотя бы только на нижеслѣдующіе вопросы (болѣе же подробныя свѣдѣнія будутъ приняты, конечно, съ благодарностью).

1. Имя, отчество, фамилія и принадлежность къ сословию.
2. Годъ окончанія курса Школы и съ какою именно аттестатомъ вышелъ, а также время полученія дальнѣйшихъ правъ.
3. Все ли премя проведено на сельскохозяйственной практикѣ и если не все, то сколько именно, и притомъ въ своемъ или чужихъ имѣніяхъ.
4. Въ чьихъ имѣніяхъ занималъ хозяйственными должности, какия именно, въ какихъ губерніяхъ и за какия вознагражденія. № 5343-3
5. Гдѣ находится въ настоящее время (губернія, уѣздъ, имѣніе и подробный почтовый адресъ), чѣмъ занимается и какое получаетъ за трудъ вознагражденіе.

Свѣдѣнія надлежитъ адресовать: Директору Московской Земледѣльческой Школы Алексѣю Павловичу Перепелкину. (Смоленскій бульваръ, домъ Школы).

Въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга поступила въ продажу новая книга:

ИЗЪЯСНЕНІЕ ТЕМНЫХЪ ИЗРЕЧЕНІЙ ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ПСАЛТЫРИ

наложенное по руководству святыхъ отцовъ церкви протоіереемъ С. Г. ТЕРНОВСКИМЪ.

Москва, 1891 г. Цѣна 1 р. с.

Въ средѣ православныхъ христіанъ встрѣчаются два рода людей совершенно непохожихъ другъ на друга: одни получили обширное образованіе, — много читали произведеній Запада, потому и дышатъ западнымъ духомъ; другіе остались при одномъ церковномъ образованіи, — верховъ для нихъ — единственное училище, — единственный учитель. — Первые иногда позволяютъ себѣ несправедливыя упреки противъ Православной церкви, — будто бы она допускаетъ въ своемъ Богослуженіи чтеніе, съ которымъ нельзя соединить никакой мысли. — Последніе все чернятъ назъ ея тѣни, — въ немъ ищутъ свѣта и укрѣпленія и утѣшенія, — и нерѣдко встрѣчаются съ темнотою, для нихъ непроницаемою. Чтобы достигнуть предположенной цѣли, то-есть показать правду Православной церкви и въ сѣмъ отношеніи и оправдать младенческую вѣру въ нее, должно было обличить неосновательность упрековъ первыхъ и пролить свѣтъ на тѣ изреченія, которыя преданныхъ церкви приводятъ въ недоумѣніе. Само собою очевидно, что и тѣ и другіе болѣе имѣли въ виду Псалтырь, потому что Псалтырь и безпрестанно читается въ церкви, и составляетъ домашній занятіи еще и доселѣ большей части членовъ церкви.

Съ сею цѣлью авторъ доказываетъ, что въ изреченіяхъ Псалтыри по церковному чтенію, не смотря на темноту, всегда скрывается мысль, назидательная для ума и сердца, и что со всѣми ея выраженіями и одобреніями и даже отдѣльными словами, хотя бы первыя и казались неоконченными и несвязанными, вторыя — странными и незначительными, послѣднія — неумѣстными.

Съ требованіями на книгу просимъ обращаться въ книжный магазинъ МОРОЗОВА, въ Москвѣ, на Никольской. Пересылка за счетъ магазина. № 5400

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новое изданіе Ф. Павленкова:

ГЕРОИ И ГЕРОИЧЕСКОЕ ВЪ ИСТОРИИ.

Публичныя бесѣды Томаса Карлейля. Переводъ съ англійскаго В. И. Яковенко. Съ приложеніемъ статьи переводчика о Карлейлѣ. Цѣна 1 руб. 50 коп. Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова, Спб. Лентуковъ, пер. д. № 2.

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON D'HIVER, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Ce PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

CORRESPONDANCE EN TOUTES LANGUES

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

приготовленное лабораторіей А. Энглундъ.

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освежающая и пріятная пѣна, впитывалась въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прому обратитъ вниманіе на подписъ А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

Получать можно во всѣхъ известнѣйшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ всей Россійской Имперіи, Ц. № 5403 10-1

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ А. ЭНГЛУНДЪ, Спб., Литейный пр., 38.

ЛЕШИНГЪ и ГЮЗІНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“ № 2405

ВЪ СЛЕТЕРБУРГѢ ВОЗНЕСЕНСКИЙ ПРОМЪ УЛ. КАЗАНСКОЙ УЛ. № 21-32

МАГАЗИНЫ ЛЕВЫЙ ПР. № 32 и ПРАВЫЙ ПР. № 66

ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПР. № 27

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЬ 1889г.

О-ДЕ-КОЛОНЪ двойной О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4 [ЭКСТРАКТЪ]

О-ДЕ-КОЛОНЪ тройной

Качествомъ ни сколько не уступающій иностранному производству.

МАГАЗИНЪ ВЪ МОСКВѢ: НА КУЗНЕЦКОМЪ МОСТУ. Д. ТРЕТЬЯКОВЫХЪ.

Въ Конторѣ журнала „Нива“ (Невскій, 6) поступили въ продажу

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМИИ „НИВЫ“ 1891 ГОДА, ДЕСЯТИ АКВАРЕЛЕЙ „ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬБОМА“.

Мы изготовили большую партію багетныхъ рамъ, сдѣланныхъ подъ орѣхъ, съ лѣпными украшеніями, золотымъ ободкомъ и со стекломъ, по прилагаемому образцу. Въ каждую раму вставленъ картонъ на которомъ должна быть укрѣплена картина, такъ что великій можетъ вставить картину самъ, не прибѣгая къ помощи переплетчика.

Вслѣдствіе громаднаго количества заказанныхъ нами рамъ, мы можемъ предложить ихъ г.г. подписчикамъ по весьма недорогой цѣнѣ, а именно:

Для г.г. городскихъ подписчиковъ по 1 р. 25 к. за раму со стекломъ. Покупавшимъ не менѣе 5 рамъ, онѣ уступаются за 5 р. 50 к., а при покупкѣ не менѣе 10 рамъ—за 10 р. 50 коп.

Г.г. иногороднымъ подписчикамъ рамы высылаются со вставленнымъ картономъ, но **безъ** стеклъ, вслѣдствіе того, что не смотря на тщательную упаковку, стекла въ дорогѣ легко могутъ разбиться.

Г.г. московскіе подписчики благоволятъ обращаться за рамами въ контору Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), гдѣ онѣ продаются (безъ стеклъ) по 1 р. 15 к. за раму. Покупавшимъ не менѣе 5 рамъ, такія уступаются за 5 р. 25 к., а при покупкѣ 10 рамъ—за 9 р. 75 к.

Требованія г.г. иногородныхъ исполняются лишь при условіи выписки **не менѣе пяти рамъ**—единовременно. Цѣна за 5 рамъ (со вставленными картонами и безъ стеклъ), съ ящикомъ и упаковкою 5 рублей, а при выпискѣ не менѣе 10 рамъ—3 р. 50 к., съ ящикомъ и упаковкою.

Рамы будутъ высылаемы по желѣзной дорогѣ или черезъ транспортную контору и стоимость пересылки ихъ будетъ уплачиваться адресатами на мѣстѣ, при полученіи ящика. Желающіе получить рамы почтою, благоволятъ прилагать на пересылку по почтовой таксѣ: 5-ти рамъ за 19 фунтовъ и 10-ти рамъ за 34 фунта.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (10)

Для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к. Получить можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи. Главн. складъ: Спб., Демидовъ п., д. № 1.

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

Удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

НОВАЯ ИГРА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

СЛОВАРЬ СМѢКАЛКА

Интересно и изучно! Изящное издание. Направляетъ вниманіе, развиваетъ умъ и научаетъ правописанію.

Цѣна 2 р. 75 коп. 4 игры 10 руб.

Послѣднія только что усовершенствованная

НОВЫЙ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной спичечницей, давая яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изъ цинка и никеля. Только 1/4 вер. вышини—удобно носить въ карманѣ. Огниво съ 1000 зарядами 2 руб. Пер. 1 ф. Запасъ въ 2000 зар. 1 р.; въ 10,000 зар. 4 р. Пересылаю наложеннымъ платежемъ.

С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (СВИФТЪ)

ПЕРВОЕ МѢСТО

ТОТОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

№ 4643 (64)

Всевозможные музыкальные инструменты, принадлежности къ нимъ и ноты въ громадномъ выборѣ и по дешевымъ цѣнамъ рекомендуетъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина. Иллюстрир. прейс-курантъ бесплатно.

БИЛЛЯРДАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ Троицкія пр., близъ Египет. № 4961 скаго моста, домъ № 7-2. 26-21

Иллюстрированные прейс-куранты по потребованіямъ высылаются безвозмездно.

Только что поступила въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

НОВАЯ КНИГА:

„БОЛЕЗНИ И ПОВРЕЖДЕНІЯ нашихъ сельскохозяйственныхъ растений.“

Руководство къ распознаванію ихъ и къ борьбѣ съ ними.

Для сельскихъ хозяевъ, садоводовъ и проч. Проф. О. Мирхнера. № 5409

Перев. съ нем., съ дополненіями автора, подъ редакціей и съ дополненіями примѣнительно въ Россіи, проф. С.-Петербургскаго Университета Хр. Гоби.

Спб., 1891. Стр. 630. Ц. 3 р. безъ пересылки

БРОКАРЪ и К^о.

ИЗОВРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (20)

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ Фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

ЛИТИГРАФИЧЕСКАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, чистоты красота. Изведена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейс-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ Б. Морская, 21.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. Спб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес 2 р. 50 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.

№ 43

г. XXII

1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН №№ съ 6—10 рис въ каждомъ и ежемѣсячн. даровъ прилож 12 книгъ „СБОРНИКА“ ПАРИЖСН. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн рис) и
Выданъ 26 октября 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖИ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис) и разн. рис. рукод работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес 20 к

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 года.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ. НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шпр.
страни.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. Загран. для Франціи
у Adolphe Havas по 3 fr для
Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.

Съ доставкой въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленіи отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ до особому
соглашенію.

Подписка на 1891 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями, Сборникомъ. Полн собраніемъ сочин. М. Ю. Лермонтова. альбомомъ „Нивы“ и пр

Въ мастерской художника. Съ карт. г-жи Роньеръ, грав. Картеръ.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Карзина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

IX.

Военный совѣтъ.

Въ просторной саклѣ коменданта собрались уже всѣ офицеры маленькаго гарнизона.

Всѣ были теперь не запросто, по-товарищески, а проникнуты сознаниемъ важности предстоящаго совѣщанія, съ лицами серьезными и въ кителяхъ застегнутыхъ на всѣ пуговицы. Даже Столбушинъ съ Бабаджанкою, сидя рядомъ, не щипались и не толкали другъ друга подъ бока, по обыкновенію, а глубокомысленно крутили кисточки своихъ темляковъ, косясь на листки сѣрой бумаги, положенные передъ ними на покрытомъ сукномъ канцелярскомъ столѣ.

Глухаревъ началъ было набивать трубочку, даже кisetъ раздернулъ, но почему-то снова спряталъ въ карманъ принадлежности куренія и сплюнулъ. Комендантъ поглядывалъ на входную дверь: онъ ужъ послалъ за опоздавшимъ Налемъ, и теперь поджидалъ, казалось, совершенно равнодушно. Казимиръ Костецкій чертилъ карандашомъ на своемъ листкѣ подробный планъ цитадели, а черезъ его плечо заглядывалъ докторъ и дѣлалъ кое-какія поправки и указанія. Отецъ Никаноръ сидѣлъ поодаль отъ стола, молча, съ полуоткрытыми глазами, медленно перебирая пальцами янтарныя четки. Два деньщика и казакъ-вѣстовой втроемъ возились у самовара, приготавливая господамъ чай.

Вошелъ наконецъ Налъ, что-то прожевывая, и общество разомъ оживилось. Первымъ докторъ произнесъ: „А!“ Шолобовъ добавилъ: „Пора!“ и улыбнулся, чтобы нѣсколько смягчить неволью выразившееся замѣчаніе по службѣ. Столбушинъ и Бабаджанъ повскакали со своихъ мѣстъ. Глухаревъ, словно вдругъ получившій разрѣшеніе курить, вытащилъ кisetъ и теперь уже сталъ энергично набивать трубочку. Отецъ Никаноръ молча благословилъ издали вошедшаго, а Казимиръ Костецкій, пристально вглядываясь въ блѣдное лицо Сергѣя Николаевича, процѣдилъ сквозь зубы:

— Ну, кажется теперь всѣ въ сборѣ.

— Гм! гм! началъ Иванъ Алексѣевичъ.—Садись сюда, Сережа... Такъ вотъ въ чемъ дѣло: Последнія извѣстія изъ отряда, да и то сомнительныя,—что генералъ находится по ту сторону „Джаманъ-тау“, пройдя ущелье,—это дней десять отсюда усиленнаго марша, а то и болѣе. Между тѣмъ скопища не самого Алемъ-кула, а можетъ и самъ онъ тутъ, заняли оба пути, изъ Хаазлы и Каракента — и подходятъ къ городу... Передовые посты непріятеля уже два два какъ бродятъ, чуть не у самыхъ стѣнъ.

— Сегодня въ полдень—чего тутъ—въ верстѣ всего за воротами видѣли! вставилъ прапорщикъ Столбушинъ.

— А ты не лѣзь и не перебивай! дернулъ его за локоть Бабаджанъ.

— Да, близко, черезчуръ уже близко... Смѣлы стали подлещы, а это признакъ недобрый! продолжалъ Иванъ Алексѣевичъ.— Такъ я васъ, господа, собралъ, чтобы по-товарищески сообща потолковать о защитѣ цитадели, въѣренной охранѣ нашей, отстаивать которую, во всякомъ случаѣ, мы обязаны—до послѣдней капли крови.

— Пускай сунутся! замѣтилъ Столбушинъ.

— Зубы повышибемъ! поддержалъ его Бабаджанка.

— При энергичномъ и многочисленномъ непріятелѣ, шансовъ на успѣхъ не много, раздался рѣзкій голосъ Казимира.

Шолобовъ сердито сдвинулъ брови, Глухаревъ сплюнулъ и покосился на говорившаго однимъ глазомъ, а отецъ Никаноръ величаво произнесъ:

— Съ помощью Господа Бога...

— И почти безъ патроновъ...

— Костецкій, когда я буду спрашивать мнѣнія, до васъ также дойдетъ очередь, сухо и даже строго замѣтилъ комендантъ.—Я, господа, продолжаю: Прежде всего я сообщу вамъ проектъ обороны, и вы, господа, потомъ, мнѣ выскажетесь искренно,—что надо будетъ добавить, что измѣнить. Надо чтобы каждый, въ горючее время, отлично зналъ и общее и свое частное дѣло, не бродить чтобы въ потемкахъ и не ждать особыхъ приказаній. Зарядовъ къ орудіямъ и ружейнымъ патронамъ у насъ достаточно, сухарей тоже. Стѣны и барбетъ приведены въ полный порядокъ... Собственно, оборонѣ подлежатъ два пункта: сама цитадель и большой прудъ внизу, защиту котораго приметъ на себя Глухаревъ, съ двумя ротами... Тамъ надо немедленно окопаться и устроить баррикады, завалы что-ли.

— Дѣлаютъ! пыхнулъ густымъ клубомъ дыма командиръ третьей роты.

— Вся позиція этого отряда отлично обстрѣливается, кромѣ того, со стѣнъ и западнаго барбета, а позиція эта важная: защита воды, вы это хорошо сами понимаете. Тамъ же внизу заготовлены запасы соломы и камыша, чтобы выжечь до-чиста все, что окружаетъ цитадель, расчистить, такъ сказать, эспланаду. Вотъ и все... Остальное видно будетъ въ свое время. Ты, Сергѣй Николаевичъ, со своею ротою, охраняешь главный ворота—резервъ—на площадкѣ у церкви... Сергѣй Николаевичъ!

Налъ, услышавъ свое имя, какъ бы очнулся. Онъ все время сидѣлъ погруженный въ глубокое раздумье, его занимали теперь совсѣмъ инныя мысли, и онъ ровно ничего не слышалъ изъ сообщеній своего друга. Казимиръ Костецкій давно уже внимательно наблюдалъ за его состояніемъ и даже обратилъ на это вниманіе сосѣда доктора.

— Да, да! кивнулъ головою Налъ и улыбнулся.— Тамъ виднѣе будетъ.

Онъ потеръ рукою свой лобъ, разсѣянно окинулъ взоромъ всѣхъ сидящихъ за столомъ. Докторъ пересѣлъ къ нему поближе и осторожно тронулъ его пульсъ. Налъ вздрогнулъ и отдернулъ руку.

Шолобовъ поспѣшилъ занять всю эту неловкость.

— Такъ вотъ, господа, началъ онъ, усиливъ голосъ,— вы и выскажетесь теперь откровенно... Младшіе начинаютъ: Столбушинъ!

— Чудесно!

— А вылазки будемъ дѣлать? Чуръ, меня послать поджигать, подхватилъ Бабаджанка.

— Хорошо, такъ и будетъ! не въ очередь, утвердительно кивнувъ головою, рѣшилъ Глухаревъ.

— Вполнѣ согласенъ также, заявилъ Казимиръ Костецкій.—Если бы у насъ было много пороха, то я бы предложилъ въ крайности взорваться на воздухъ, но увѣ! этотъ эффектный подвигъ для насъ невозможенъ. Что дѣлать!

— Иванъ Алексѣевичъ, вели старыя рубахи отобрать изъ ротъ, да перемыть хорошенько на бинты и тряпки, а то не соломою же затыкать придется, обратился къ коменданту докторъ.

— Хорошо! вполголоса проговорилъ Шолобовъ и нахмурился.—А теперь, господа, чайку... Эй! подавайте! Милости просимъ.

Очевидно, что официальность засѣданія окончилась. Всѣ почему-то встали и стали разстегивать пряжки портупей. Налъ вышелъ на площадку, Столбушинъ юркнулъ за нимъ.

— Сергѣй Николаевичъ... Сережа, послушай! догналъ онъ своего товарища.

— Что тебѣ?

— Ты... не подумай.—Прапорщикъ понизилъ голосъ, чтобъ другіе не слышали, и взялъ Наля подъ руку.— Ты не подумай, помнишь, я у тебя бралъ деньги,— разъ десять рублей взялъ, а другой разъ матери посылалъ въ Оренбургъ: цѣлыхъ сорокъ пять... Я отдамъ, ты не думай... только не разомъ: сначала двадцать, а потомъ за слѣдующимъ жалованьемъ уже все остальное. Вотъ Костецкій свинья... тотъ не отдастъ... тотъ вѣдь тебѣ много долженъ, ниши за нимъ: „пропало!“

— Да что ты это вздумалъ?

— Какъ что?! Ты теперь не богатъ, тоже какъ и мы... откуда тебѣ взять...

Наль остановился и смотрѣлъ на юнаго офицера вѣспросительно.

— Григорій Ивановичъ говорилъ, что тамъ что-то случилось. Онъ рассказывалъ разныя глупости, ну это все равно. Онъ ѣхать въ Россію собирается, съ Касимкою все дѣло ведуть,—Касимка ему двѣ тысячи долженъ; вотъ какъ отдастъ, и поѣдетъ съ первою оказіею. Ахъ, какъ мы всѣ рады!

— Чему? изумился Сергѣй Николаевичъ.

— Какъ чему?! Впрочемъ, кажется, я глупость сказала... А все-таки рады. Видишь: мы все думали, что ты получишь награду, отличишься... Воиъ уже Георгія получилъ... Золотую саблю пожалуй—плюнешь на насъ и уѣдешь въ Петербургъ, въ адъютанты что-ли, или въ гвардію... Такъ бываетъ часто. А теперь, какъ случилось *все это*,—конечно у насъ, съ нами служить останешься. Что тебѣ въ Петербургѣ дѣлать безъ денегъ? Такъ вѣдь?.. Вотъ мы и обрадовались... Сначала огорчились немного, а потомъ подумали и обрадовались... Такъ помни, я тебѣ деньги отдамъ, а теперь побѣгу: Бабаджанка ждетъ. Мы съ нимъ условились, знаешь?.. Не пойдешь-ли и ты съ нами? Ну, не хочешь—не надо! Прощай!

И Столбушинъ, крѣпко пожавъ руку своему товарищу, пересѣкъ свѣтлую полосу, тянувшуюся изъ окна комендантской сакли, и исчезъ въ темнотѣ.

Бѣлый китель Столбушина, мелькнувшій въ полосѣ свѣта, смѣнился яркимъ пятномъ халата Ибрагимъ-бая. Старый аксакаль, глава преданной Россіи партіи, пришелъ сообщить коменданту нѣчто важное. Онъ пожелалъ говорить одинъ-на-одинъ, и Шолобовъ исполнилъ его желаніе. Глухаревъ пошелъ внизъ слѣдить за работами по укрѣпленію позиціи у ируда, продолжавшимися даже ночью, при свѣтѣ фонарей. Костецкій спустился въ маркитантскую ставку, гдѣ его дождался курбаши-Девлетъ, а Сергѣй Николаевичъ остался на открытой площадкѣ. Къ нему скоро подошелъ докторъ съ отцомъ Никаноромъ.

Всѣ трое расположились около орудія: докторъ присѣлъ на его станины, а батюшка сталъ прохаживаться съ Налемъ по площадкѣ. Темное небо со сверкающими звѣздами разстилалось надъ ихъ головами, млечный путь обозначился особенно ярко. Теплый, ночной воздухъ вѣялъ покоемъ и миромъ.

— А тутъ вражда и злоба! вздохнулъ отецъ Никаноръ.

— Какъ и все на землѣ, подтвердилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Зачѣмъ такъ? Земля также предназначена для мира и покоя, продолжалъ батюшка, — только злоба духа тьмы смущаетъ этотъ покой и родитъ скорбь и смятеніе. А мы, вѣрующіе, должны кротостью смирять скорбь, а силою водворять покой—и такъ неустанно бороться съ кознями дьявола.

— А вотъ порѣжемъ враговъ, или они насъ порѣжутъ, вотъ и опять на время поспокойнѣе будетъ, замѣтилъ скептикъ-докторъ.

— Экій вы, право, сейчасъ и перетолкуете вкось! Дѣло войны, а съ нею и смерти, не есть дѣло рукъ человѣческихъ; это тайна великая Божьяго гнѣва и воли. И свои свѣтлыя силы—воинство небесное—Господь мечемъ опоясалъ и щиты вложилъ въ длани. Оружіе это аллегорія. Несовершенство человѣческое, управляя волею свободою, создаетъ ошибки, а за ними зло. Совершенствованіе духовное смягчаетъ сіе зло и мало-по-малу устраняетъ необходимость въ оружіи. Вы уже хотите чтобъ разомъ, безъ труда и жертвъ, безъ вѣры миръ вѣчный и любовь на землѣ воцарился, безъ борьбы насталъ бы покой и равновѣсіе... Нѣтъ, батюшка! Господь Великъ и Всемогущъ, въ Его власти побѣда надъ дьяволомъ,—да что тогда въ людяхъ проку будетъ?.. Дороги Его великому сердцу только вѣрные, прошедшіе пламя испытанія и въ немъ очистившіеся... А то, просто говоря, свяжите человѣку руки, прикуйте къ столбу, положите около сокровище златное, да и радуйтесь: вотъ, молъ, безъ надзора оставилъ сего человѣка, а злато не расхищено. Не назовете того добрымъ, кто, до-сыта наѣвшись, остатками накормитъ голоднаго... Нѣтъ, самъ алкай и жаждай, а оторви отъ себя, побори звѣря—и отдай другому алчущему. Не лѣнливцу безпечному, хотя бы и искренно въ милость Господню вѣрующему—Богъ помогаетъ, а изнемогшему въ борьбѣ, но не отчаявшемуся, простираетъ Свою спасительную десницу. Стойте же на стѣнахъ, разите враговъ и свято вѣруйте, что когда изсякнутъ силы ваши земныя, тлѣныя, не оставитъ васъ Господь Своею вѣчною помощію, ради торжества Креста и дѣла праваго. Погибнете всѣ безъ остатка, надругается врагъ надъ Святынею Алтаря... и на то воля Божья. Изъ праха и тлѣна возстанетъ новая жизнь и сіяніе правды... Вѣчная смерть только отчаявшимся, утратившимъ вѣру и упованіе... А бороться надо...

Отецъ Никаноръ остановился, снялъ шляпу и отеръ лобъ фулировымъ платкомъ.

— Что за благодать... небо-то, небо какое!.. Чаша алмазная опрокинута... Красота!

— Да, пока изъ этой чаши ливнями не хватитъ да снѣгомъ, замѣтилъ докторъ.

— Такжеже и въ сердцѣ человѣческомъ: ощущеніе скорби смѣняется радостью, тьма — свѣтомъ, злоба — любовью.

— Злоба—любовью, машинально повторилъ Сергѣй Николаевичъ послѣднее слово.

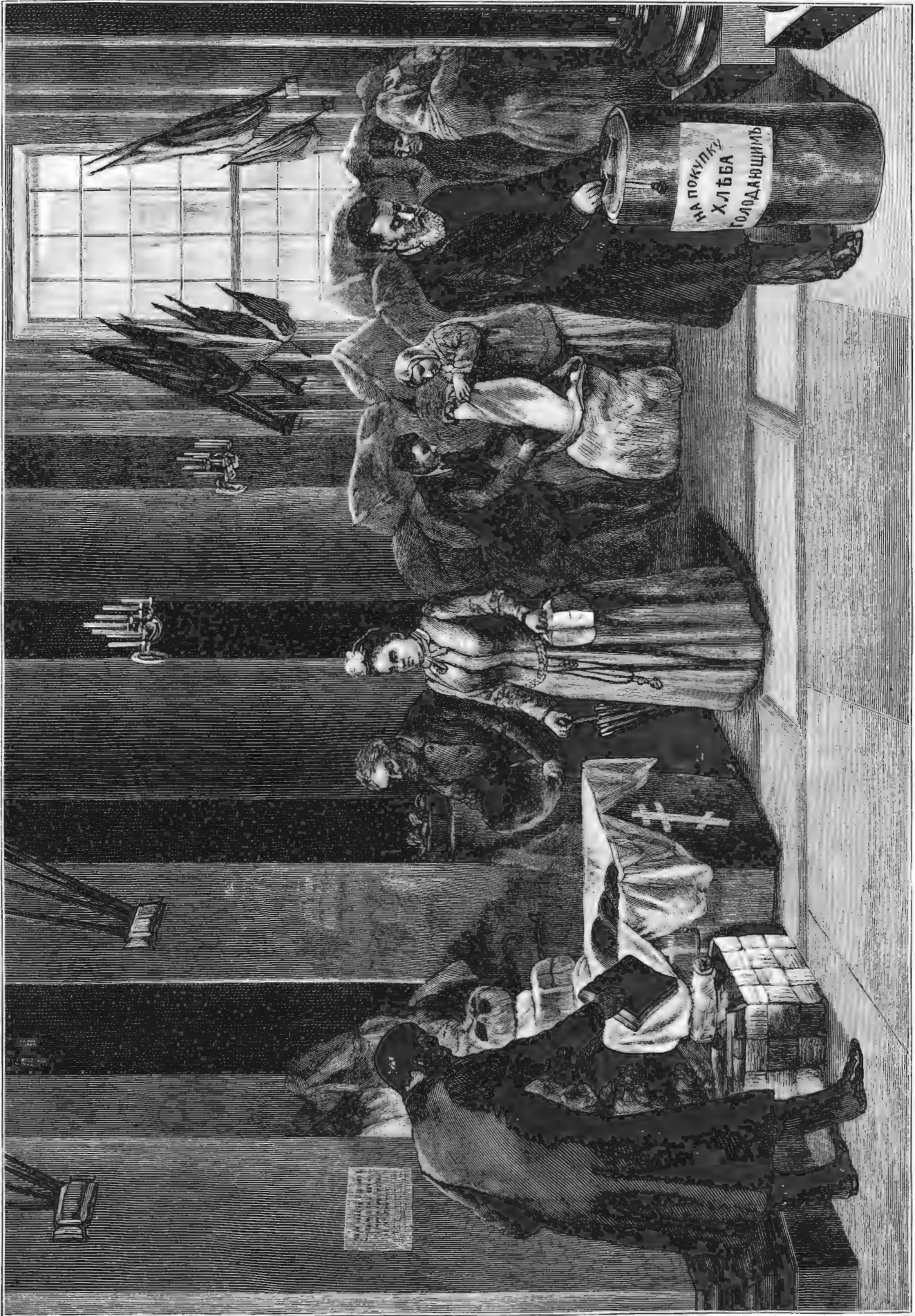
— Любовью и радостью, подтвердить отецъ Никаноръ.—Вотъ вы, Сергѣй Николаевичъ, какъ скорбѣли духомъ, какое испытаніе выдержали! Я вѣдь все знаю, и по лицу вижу, и по сему же лицу теперь замѣчаю спасительную перемѣну. Глаза ваши сіяютъ покоемъ и кротостью, а сердце любви преисполнено. Дайте-ко я благословлю васъ... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... аминь!.. Только это уже не годится... впрочемъ, что же... ничево...

Наль вдругъ истерично разрыдался и припалъ лицомъ на грудь отца Никанора. Докторъ лѣнливо поднялся съ лафета и поддержалъ его за талию.

— Эко нервы у васъ разстроены! Вотъ, а еще тоже офицеръ, мужчина въ нѣкоторомъ родѣ. Да будетъ! Вотъ и Ибрагимъ окончилъ свою аудіенцію, съ Шолобовымъ вмѣстѣ вышли. Что еще новаго?

Докторъ пошелъ къ мѣсту, гдѣ размѣнивались рукопожатіями комендантъ съ аксакаломъ. Наль оправился и шепталъ что-то отцу Никанору.

— Что-жь, пойдѣмъ ко мнѣ? Проведи ночь у меня. Можетъ покойнѣй будетъ, помолимся вмѣстѣ, да и отойдемъ ко сну, ласково говорилъ отецъ Никаноръ, перейдя съ официального *вы* на отечески покровительственное *ты*. — Пойдемъ, сынъ мой, пора и на боковую.

Пріємъ пожертвованій въ пользу голодающихъ, открытый въ Казанскомъ соборѣ, въ СПБ.
 Ориг. рис. (собств. "Нивы") А. Земцова, грав. Раппевскій.

На тоняхъ. Орлг. рлс. (собств. «Имъ») Броллинга, грав. Раппевскій.

X. Тигрица.

День прошел довольно покойно, вопреки общаго ожидания.

Разъезды не замѣтили ничего особенно подозрительнаго. Въ городѣ только было особенно тихо, и на базарѣ торговали, у отпертыхъ лавочекъ, исключительно евреи и индусы. Торговли, впрочемъ, никакой не было,—просто сидѣли купцы на порогахъ своихъ лавочекъ, покуривая кальянъ и попивая зеленый чай изъ мѣдныхъ кунганчиковъ. Даже въ поляхъ, за городскими стѣнами, не было видно рабочаго люда; все населеніе куда-то запряталось. Осѣдланная лошадь видѣлись только у воротъ дома Ибрагимъ-бая. И этотъ домъ, единственный оживленный, поддерживалъ постоянное сношеніе съ отпертыми настежь, тяжелыми воротами цитадели.

Въ ротныхъ расположеніяхъ тоже было тихо, не слышно ни шутокъ, ни смѣха, ни пѣсенъ. Полсотни полуголыхъ рабочихъ лѣниво шлепали китменями у пруда, подъ надзоромъ унтеръ-офицеровъ. Тамъ оканчивали оборонительныя работы. Маркитантъ поторопился убрать свою палатку и переселился въ цитадель, и площадь передъ воротами опустѣла, засоренная укупорочною соломою, пробками, окурками паширосъ и какими-то цвѣтными бумажками... Два-три чумазыхъ сартенка копошились въ томъ мусорѣ, выбирая стеклышки разбитыхъ бутылокъ, съ радостнымъ крикомъ накидываясь всѣ разомъ, если попадалась цѣлая. Въ опустѣлыхъ кварталахъ уныло завывали собаки, словно передъ пожаромъ. Жара стояла невыносимая.

Такъ прошелъ день.

Передъ вечеромъ Налъ пришелъ къ Ибрагимъ-баю и велѣлъ осѣдлать воронаго.

— Куда это ты собираешься, таксырь? спросилъ его хозяинъ дома.

— Въ разъездъ, ночью, отвѣтилъ офицеръ. — Обѣду аванпосты, навѣщу Бурелома кстати. Онъ тамъ въ садахъ бивакируетъ съ полусотнею.

— Скажи ты коменданту, чтобы убралъ онъ эту полусотню до грѣха.

Налъ улыбнулся.

— Самъ успѣешь убраться, когда время будетъ. Наши казаки чуткіе... что ихъ учить!

Вернулся Налъ. Отбили зарю. Стемнѣло. Лихорадочное нетерпѣніе овладѣло Сергѣемъ Николаевичемъ. Желанный, радостный часъ наступалъ. Мысль о свиданіи съ Гуль-Гуль овладѣла теперь всѣмъ его пылкимъ молодымъ существомъ, все остальное отошло далеко на второй планъ. Онъ все рассказалъ за ночь отцу Никанору. И тотъ сердечно вошелъ въ его интересы.

— Окрестимъ и повѣнчаемъ. Крѣпче будетъ... И душу ея спасемъ, и душу твою успокоимъ... Въ этой любви можетъ-быть тебѣ Господь посылаетъ спасеніе отъ козней и навожденій дьявольскихъ.

Такъ сказалъ отецъ Никаноръ, намекая Налю на то, что высказано было имъ самимъ во время недавней исповѣди.

Тотчасъ послѣ зари, Сергѣй Николаевичъ, незамѣтно уйдя изъ цитадели, пробрался къ конюшнѣ, гдѣ его дожидался вороной, бодро вскочилъ въ сѣдло, и ходкимъ шагомъ направился къ городскимъ воротамъ. Послѣ зари ворота эти оказались запертыми. Не отдавая себѣ отчета, Налъ повернулъ вправо узенькимъ проходомъ вдоль стѣны, вспомнивъ, что въ полуверстѣ есть проломъ удобный, если не проѣхать верхомъ, то, по крайней мѣрѣ, провести коня въ поводу. Такъ онъ и сдѣлалъ. Тихо и дробно застучали по мягкой дорогѣ кованыя копыта; свѣжій воздухъ, не зараженный человѣческими жилищами, не стѣсненный высокими стѣнами, нахнулъ въ пылающее лицо всадника. И ра-

достныя, свѣтлыя грѣзы овладѣли его душою. Въ этихъ грѣзахъ было забыто все.

Какъ ни темна ночь, но привычные глаза начинаютъ уже отличать болѣе свѣтлую полосу дороги, клубы пыли, темныя кроны деревьевъ и изрѣдка тяжелые силуэты сакель. Зеркалами, въ неясныхъ, расплывчатыхъ рамкахъ, видѣлись затопленные рисовыя поля. Чуть слышно журчала вода, пробираясь по дну арыковъ.

— Милая моя, желанная! шептали губы Налъ.

Чу!.. Кто-то пѣшій пересѣкъ дорогу и скрылся за стѣнкою. Конь гдѣ-то фыркнулъ по близости. Вороной насторожилъ уши и отозвался легкимъ ржаніемъ. Стая розовыхъ скворцовъ съ шумомъ поднялась невдалекѣ. Что это ихъ встревожило середь ночи?.. Сергѣй Николаевичъ, казалось, ничего не замѣчалъ подозрительнаго, занятый одною жгучей мечтою свиданія.

Вотъ и поворотъ.

Вороной шелъ уже ускореннымъ галопомъ, и черезъ полчаса остановился какъ вкопанный, передъ знакомою дверью. Не слѣзая съ сѣдла, Налъ нагнулся и щелкнулъ всячею желѣзною скобою. Его ждали, потому что дверь оказалась незапертою. Выбѣжалъ горбунъ и принялъ коня. Подобралъ саблю, чтобы не звенѣла, Сергѣй Николаевичъ прошелъ черезъ дворикъ, и на порогѣ сакли охваченъ былъ знакомыми объятіями.

— Пришелъ!..

— Да, моя жизнь!.. Да, мое счастье!..

— Сюда, сюда!.. Иди за мною.

Минуты не прошло—они уже сидѣли вдвоемъ, глазъ-на-глазъ, на коврѣ. Сакля была освѣщена двумя бумажными фонарями. Сдернута пелена отъ мухъ съ заранѣе приготовленнаго дастархана, и Гуль-Гуль, въ праздничномъ нарядѣ, сверкающая ожерельемъ и нагрудными украшениями, какъ змѣйка свернула у его ногъ, положивъ хорошенькую головку къ нему на колѣни.

— Какъ хорошо!.. шептала она. — Такъ ты меня очень-очень любишь?

— Люблю-ли я, моя крошка!.. Ты для меня теперь одна на свѣтѣ, ты для меня теперь все!

— Какъ и ты для меня... Правда?..

Она приподняла голову и, улыбаясь, пристально смотрѣла ему въ глаза.

— Правда!

Онъ крѣпко обнялъ Гуль-Гуль. Та ловко освободилась, отскочила въ сторону и схватила саазъ.

— Сиди и слушай, я тебѣ пѣть буду. Помнишь, я хотѣла пѣть только для тебя?.. Помнишь тогда?.. Намъ помѣшали. А теперь никто и ничто не помѣшаетъ. Хочешь?.. Слушай!

Раздался звукъ струнъ. Какой-то едва слышный аккордъ, и съ этимъ аккордомъ слились такіе же тихіе звуки голоса.

— Я буду пѣть тебѣ одному... одному... одному...

Холодная, озябшая свѣжинка носится въ воздухѣ, *)

Злой вѣтеръ гоняетъ ее во всѣ стороны.

Коснулась она вѣтки дерева, хотѣла задержаться;

Вѣтру завидно,—онъ дунулъ, и снова полетѣла

безиріютная свѣжинка.

Бѣдная, холодная, озябшая свѣжинка!

Упала она на камень, а вѣтеръ за нею;

Упала на дорогу—раздавило ее бездушнымъ копытомъ.

Снова вспрыгнула, снова по вѣтру несется

Въ хорѣ сестеръ и подругъ, такихъ же бродягъ

безиріютныхъ.

Бѣдная, холодная, озябшая свѣжинка!

Прилипла къ гривѣ коня—

Страхнулъ ее конь безпощадно;

Коснулась одежды путника—

Сбросила ее злая рука человѣка.

Бѣдная, холодная, озябшая свѣжинка!

Вотъ дымная сакля чернѣетъ,

Красный свѣтъ горитъ сквозъ отверстіе крыши;

*) Буквальный подстрочный переводъ.

Туда, туда полетѣла гонимая вѣтромъ свѣжинка,
И въ саклю крутится запорхнула.

Вѣдная, холодная, озябшая свѣжинка!
Тамъ яркой звѣздой горитъ уголекъ.
Куда ты, бѣдняжка?.. растаешь!..
А можетъ я этотъ огонь затушу
Своимъ ледянымъ поцѣлуемъ!

Вѣдная, холодная, озябшая свѣжинка!
И смѣло слетѣла свѣжинка,
Вплзась въ уголекъ, и погибла...
Сладокъ былъ ея смертный поцѣлуй.
А злой зашипѣлъ, окутался паромъ на мигъ,
И снова пылаетъ и манитъ
Другую, бѣдную, холодную, озябшую свѣжинку!..

Гуль-Гуль кончила и, лукаво улыбаясь, смотрѣла на своего гостя.

— Ты понялъ?.. понялъ? Ну и сожги же меня, какъ тотъ уголь!

Она снова кинулась въ объятія Наля, далеко откинувъ саазъ.

— Радость моя, счастье!.. Я всю жизнь свою соединю съ твоею. Хочешь быть моею женою?

Гуль-Гуль испуганно вскрикнула и вырвалась изъ объятій.

— Чтѣ ты сказалъ!.. Чтѣ сказалъ?.. У! злой „уголекъ“!..

Выраженіе страсти и нѣги мигомъ сбѣжало съ ея лица, смѣнившись выраженіемъ непритворнаго страха, какого-то животнаго испуга. Такъ смотреть загнанная въ уголь собака на поднятую надъ нею палку.

Наль повторилъ предложеніе.

— Не надо!.. взвизгнула Гуль-Гуль, прижалась къ противоположной стѣнѣ, закрыла лицо руками и заплакала.

Наль приподнялся и потянулся за нею.

— Да Богъ съ тобою, голубка моя!.. Чтѣ испугало тебя?.. Поняла-ли ты, чтѣ сказалъ я?

— Поняла!.. сквозь всхлипыванія говорила Гуль-Гуль, — женою быть... Запрутъ меня, стеречь будутъ, кормить изъ рукъ, какъ звѣря, потому битъ и ругать, и при мнѣ же другую жену цѣловать, такую же забитую узницу.

— У насъ не такъ... У насъ нельзя на двухъ жениться... Одна на всю жизнь! И не запираютъ, не бьютъ,—полная свобода и воля.

— И другихъ любить позволяютъ?

Вопросъ этотъ Гуль-Гуль задала чуть-чуть приподнявъ головку и снова лукаво улыбаясь сквозь слезы.

Наль не нашелся, чтѣ отвѣтить.

— А, видишь... нѣтъ!.. Какая же это воля и свобода?

— Да зачѣмъ же тебѣ любить теперь другаго? спросилъ Сергѣй Николаевичъ и нахмурился.

Больно, очень больно кольнуло его въ сердце этотъ наивный вопросъ.

— Я одинъ для тебя все, вѣдь я твой Аллахъ!.. Сама ты это сказала. И ты для меня одна! Мы будемъ всю жизнь счастливы. И какъ день, какъ мигъ пролетитъ эта жизнь, дорогая моя!..

— Дорогая твоя теперь молода и красива, перебила Гуль-Гуль, — голосокъ у ней, какъ у птички, глазки горятъ какъ звѣздочки на небѣ и станъ гибокъ какъ змѣйка. Пройдетъ время, глазки потухнутъ, щеки завянутъ, сѣдина пробьется въ этихъ душистыхъ косахъ, сгорбится станъ и захрипитъ голосъ соловьиный, и скажешь ты, посмотрѣвъ на меня: „у! вѣдьма!“

Наль улыбнулся, притянулъ красавицу ближе къ себѣ.

— А я развѣ вѣчно буду красивъ и молодъ?.. Не скажешь ли ты мнѣ также подъ старость: „у! колдунъ!..“ Нѣтъ, не правда!.. Состарится тѣло, а сердце будетъ полно воспоминаній о прежнемъ, о чудной, радостной молодости, прожитой вмѣстѣ, въ любви и согласіи. Чтѣ намъ думать о томъ, что будетъ—когда... Сегодня нашъ жизненный праздникъ.

— Сегодня!.. И будемъ жить этимъ „сегодня“! весело сказала Гуль-Гуль, вскочила на ноги, и быстрымъ движеніемъ сбросивъ съ плечъ бешметъ, осталась въ одной тонкой, прозрачной, кисейной рубахѣ.

Она взяла со стѣны тамбуринъ и стала въ позу по-средины сакли.

— Смотри, я сейчасъ танцовать буду — опять для тебя, опять для тебя одного...

Задрожалъ тамбуринъ, дробно зазвенѣли его колокольчики. Гуль-Гуль на цыпочкахъ, не слышно ступая по ковру, описала кругъ. Ея стройное, бронзовое тѣло при свѣтѣ фонарей сверкало сквозь тонкіе покровы рубахи. Глаза полузакрылись и, какъ сонambuла, шепча неясныя рѣчи, она начала второй кругъ, тѣснѣе перваго. Тамбуринъ, высоко поднятый надъ головою танцовщицы, дрожалъ и колебался теперь съ быстротою крыльевъ мухи: исчезли его контуры, слились въ сплошное жужжаніе серебристые звуки. На третьемъ кругѣ душистая ткань задѣла по лицу очарованнаго Наля... Онъ слышалъ дыханье Гуль-Гуль, онъ чувствовалъ жаръ этого чуднаго тѣла—и разомъ смолкъ тамбуринъ...

Красный свѣтъ словно пожара вспыхнулъ надъ саклею, озарилъ ея верхнія окна, громкіе голоса неслись отъ воротъ, забряцало оружіе, заржали кони...

— Таксырь! вскрикнулъ горбунъ, вбѣгая въ саклю.

Наль схватился за оружіе... Поздно!

Широко распахнулись полы ковра, и на порогѣ сакли, ярко освѣщенной двумя факелами, показался высокій красавецъ, въ кольчугѣ поверхъ краснаго халата. За нимъ виднѣлись вооруженные люди.

— Ну, здравствуй, Гуль-Гуль! Вотъ я опять къ тебѣ въ гости наѣхалъ. Не ждала? Здравствуй, моя красотка! У тебя гости... Ну, ничего. Я съ этимъ гостемъ—посвѣти поближе!—о, да-мы уже немного знакомы!

— Ты этого гостя не тронешь! спокойнымъ голосомъ, но сверкая глазами, произнесла Гуль-Гуль и стала между Нурмедомъ и Налемъ.—Звала я тебя сегодня?

— Нѣтъ.

Нурмедъ-минбаши будто немного смутился.

— А если нѣтъ, такъ зачѣмъ же ты не стучалъ у воротъ, зачѣмъ не спросилъ, впусти-ли? Къ кому ты, какъ врагъ, ворвался?.. опомнись!

— Я стучался, да у тебя, знать, не слышали. Прости!

— То-то. Садись теперь!.. А вы—прочь!

И Гуль-Гуль повелительно указала рукою на дверь другимъ, уже успѣвшимъ войти въ ея саклю.

— Сними оружіе. Ты видишь, онъ безоружный...

Положи и свое туда въ уголь, чтобы сабли вмѣстѣ лежали. Садись. Не во-время ты наѣхалъ, правда, да прогнать тебя нѣтъ у меня силы. Ахъ, ты, мой тигръ кровожадный, а смиренный! Гуль-Гуль тебя усмирела... Садись...

Голова закружилась у Наля... Съ трудомъ поднялся онъ на ноги. Онъ видѣлъ выраженіе глазъ Гуль-Гуль и видѣлъ въ нихъ то же чувство любви, какъ и за минуту передъ этимъ.

„Что же это?“ мелькнуло у него въ головѣ.

— Куда? зазвенѣлъ голосъ танцовщицы.

— Мнѣ здѣсь болѣе нечего дѣлать, глухо произнесъ Сергѣй Николаевичъ и, шатаясь, направился къ двери.

— Вернись, полоумный!

Онъ быстро повернулся, подошелъ къ Нурмеду и тронулъ его за плечо.

— Послушай, таксырь, въ нашей странѣ ведется издавна обычай: такой споръ кончаютъ оружіемъ, по-единкомъ. Здѣсь я одинъ, съ тобою же — твой воинъ: я тебя вызываю!

— Ты одинъ и я одинъ, поднялся также на ноги Нурмедъ, и лицо его озарилось веселою улыбкою.—Обычай у васъ хорошъ, мы его тоже знаемъ. И безъ злобы въ сердцѣ готовъ я помѣриться съ тобою. И ты не

сердись на меня. Только звѣри въ такихъ случаяхъ дерутся со злобою, а мы—люди—съ сердцемъ спокойнымъ извѣдаемъ мечами волю Аллаха. Пойдемъ! На коняхъ или пѣшимъ?

— Какъ хочешь!

— Не привыченъ я пѣшимъ. Садись на своего вороного.. А хорошъ у тебя жеребецъ—мнего не хуже! я видѣлъ.

А Гуль-Гуль оживилась. Лицо ея горѣло, глаза искрились лихорадочнымъ весельемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тревогою ожиданія.

— Оба мнѣ любы... оба мнѣ дороги... Извѣдаемъ волю Аллаха, бормотала она, и торопила людей приготовленіями къ бою.

„Тигрица!“ промелькнуло у Наля невольное сравненіе.

И у него неожиданно сложилось такое рѣшеніе: побѣдить и, не взглянувъ на нее, уѣхать.

Первый дворъ былъ довольно просторенъ, чтобъ разбѣжаться всадникамъ шаговъ на пятьдесятъ. На крышѣ передней сакли стали люди со смоляными факелами, и свѣтъ ихъ озарялъ все пространство арены. Притащили котель съ кунжутнымъ масломъ и паклею, поставили на треногу — и запылало еще болѣе яркое пламя. Джигиты Нурмеда искоса поглядывали на русскаго офицера и перешептывались. А съ мипашою былъ отрядъ челоуѣкъ двадцать, не менѣе. Два джигита въ шелковыхъ халатахъ, любимцы Нурмеда, держали подъ-узды хозяйскаго коня. Тотъ храпѣлъ отъ непривычнаго свѣта, поводилъ ушами и нетерпѣливо билъ копытомъ землю.

— Подайте коня таксыру, обратился къ своимъ минбаши, указывая на Наля.

Привели вороного

— Ну, здравствуй предъ боемъ — обнимемся и поцѣлуемся!

Наль былъ тронутъ. Онъ не заставилъ себя ждать, и искренно, братски обнялъ противника.

Сѣли на коней

Гуль-Гуль полулежа расположилась на порогѣ сакли. Она была въ тѣни навѣса, только чуть искрились камни ея ожерелья, а надъ ними двѣ другія, еще болѣе яркія, живыя точки.

„Теперь только-бы ей хвостомъ заиграть?“ мелькнуло у Наля.

Онъ уже болѣе не смотрѣлъ въ ту сторону и все вниманіе сосредоточилъ на своемъ противникѣ.

Шагомъ, съ опущенными саблями, сѣхались борцы, приподняли оружіе, чуть коснулись клинками и разошлись. Какъ бы обмѣнявшись мѣстами, оба стояли теперь другъ противъ друга, какъ вкопанные, измѣряя другъ друга глазами. Конь Нурмеда злобно зажалъ уши и тянулся впередъ, сдерживаемый сильною рукою. Вороной Наля храпѣлъ, нетерпѣливо махая головою. Двѣ-три секунды, не болѣе, тянулось ожиданіе схватки, а казалось, проходили томительные часы. Рванулись, наконецъ, сшиблись. Оба коня высоко взвились на дыбы, завизжало желѣзо о желѣзо, но не разомкнулись сѣпавшіеся клинки. Пыль поднялась столбомъ, и въ этой пыли бѣлый китель Наля и красный халатъ Нурмеда казались такъ близки, будто бойцы сѣпились въ рукопашную. Смолкъ звукъ желѣза, образовалось снова разстояніе между врагами.

— Нашъ одолѣеть... смотри!.. шепталъ кто-то, задыхаясь, въ кучкѣ джигитовъ

— Гдѣ урису противъ нашего!

— Не говори... Хорошъ и этотъ рубака! Берегись!

Опять повторилась ошибка, но короткая. Борцы, словно не тронувъ, миновали другъ друга. Что-то блестящее, кривое, звеня описало въ пыльномъ воздухѣ кругъ и ударило о крышу, какъ разъ надъ входомъ, гдѣ лежала Гуль-Гуль. Это была сабля Нурмеда; она съ крыши, отскочивъ, свалилась на землю и воткну-

лась кривымъ клинкомъ у самыхъ ногъ красавицы.

Джигиты бросились толпою къ своему начальнику. Одинъ схватилъ за поводъ лошадь Наля.

Нурмедъ-минбаши качался въ сѣдлѣ, схватившись за голову обѣими руками. Сквозь пальцы его струилась кровь. Произошло нѣчто дикое, тяжелое. Сначала Сергѣю Николаевичу показалось, что только одинъ кто-то держитъ за поводъ вороного, но у этого одного будто бы разомъ выросли десятки рукъ, и эти руки стащили его съ сѣдла.

— Рѣжь горло! говорилъ кто-то,—чего смотрѣть?

Но горла ему никто не рѣзалъ. Его освободили, его повели въ саклю. Шагнувъ Наль—и споткнулся на конвульсивно бьющееся по землѣ тѣло „Кто же это убитый? Вѣдь не Нурмедъ?“

— А ты не очень торопись добираться до чужаго горла. Вотъ и поплатился!.. Ай, да дѣвка! Какъ она его ловко! Божій судъ — вольный, а вы—какъ разбойники накинудись. Такъ нельзя. Мало-ли, что свой господинъ. По доброй волѣ дрались—мѣшать не надо. Такой шель говоръ въ толпѣ, почтительно разступавшейся передъ побѣдителемъ, входившимъ снова въ знакомую саклю Гуль-Гуль.

Минбаши-Нурмедъ, полураздѣтый, сидѣлъ на коврѣ и обмывалъ въ тазу окровавленные руки. Старуха опытными руками кончала перевязку его головы. Гуль-Гуль, прижавшись въ уголь, въ полумракѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, настраивала саазъ.

— Ну, сядь здѣсь, мой братъ! произнесъ Нурмедъ нѣсколько ослабѣвшимъ голосомъ — Хорошій ты воинъ, батырь настоящий—твоя побѣда! Уѣхалъ бы я отсюда, да самъ ты виноватъ... Слава Аллаху, не на смерть, а такъ хватилъ, что, вотъ старуха говорить, дня два лежать надо. Куда же мнѣ дѣться?.. Только все-таки уходи отсюда къ своимъ поскорѣе, пока еще не разсвѣло... Поздно будетъ, когда замѣшкаешься. Да и теперь уже поздно. Я велѣлъ моимъ людямъ беречь тебя, какъ свое око, и проводить до вашихъ аванпостовъ. Наши кругомъ уже васъ обложили—уѣзжай! Эй, приготовьте коня таксыру Налю.. Такъ твое имя, кажется?

— Не очень тяжело? наклонился къ раненому Сергѣю Николаевичу.

— Пустяки... Да посмотри на меня поближе.. Эй, освѣтите сюда!.. Слушай, исполни мою просьбу: помѣняемся саблями! Моя хорошая, изъ Хоросана клинокъ и на ручкѣ четыре алмаза—дай мнѣ свою на память.

Наль порывисто обнялъ его и поцѣловалъ.

— Тише больно.. экій горячій — и въ дружбѣ, и въ бою одинаково.

— Вотъ говорили, что у русскихъ нѣтъ настоящихъ батырей огнемъ верхъ берутъ надъ нами, замѣтилъ старый джигитъ со шрамомъ поперекъ носа и выдающейся скулы.

— Это не русскій, нѣтъ... Ты откуда?

Вопросъ этотъ вызвалъ цѣлый рой воспоминаній и незабытыхъ сомнѣній у Наля.

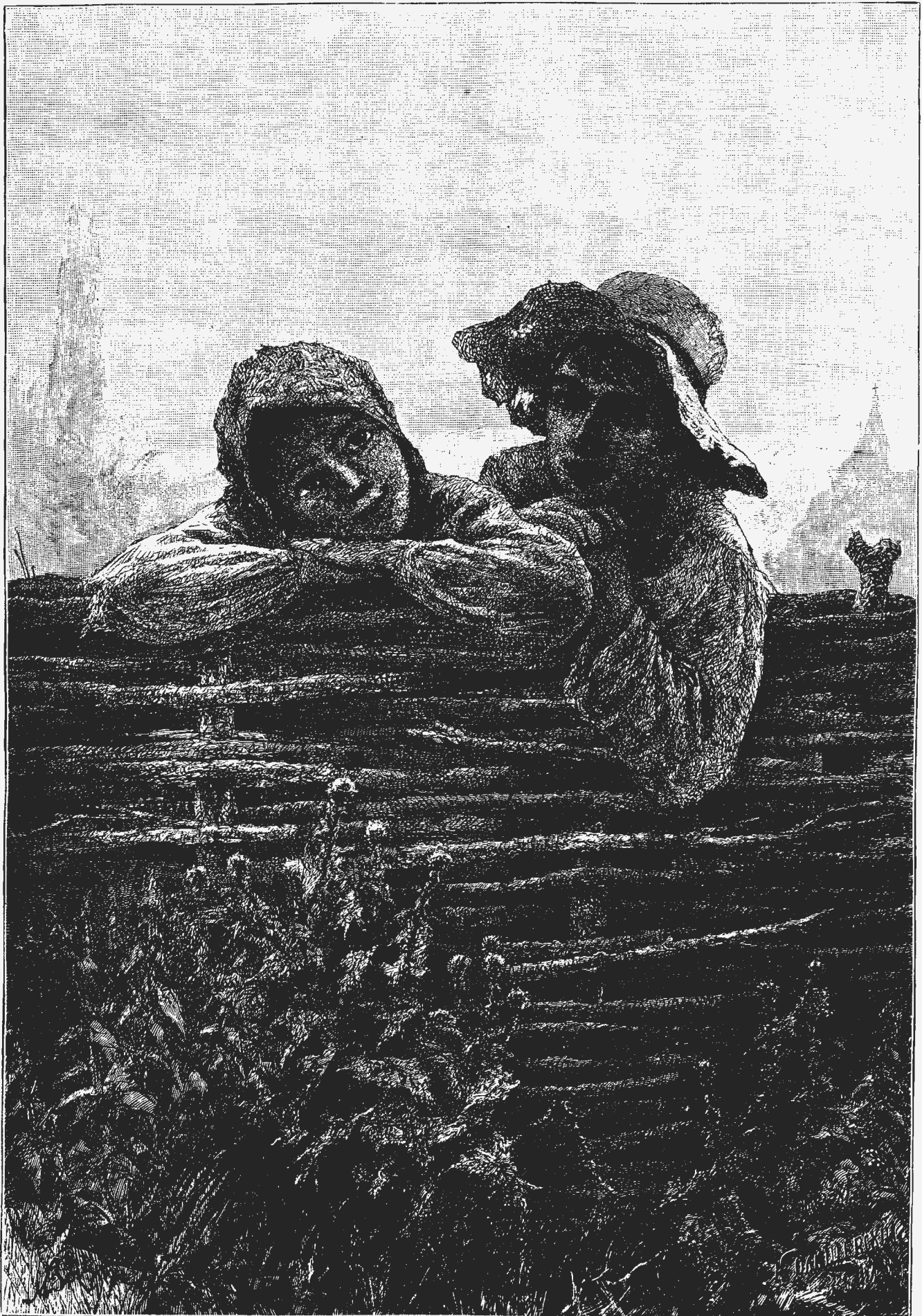
— Не знаю теперь, отвѣтилъ онъ.

— Ты нашъ и глаза эти наши, и голосъ не съ Сѣвера, и лобъ не такой, и руки... Ты нашъ!.. Ты родомъ, какъ и я, изъ Лагора. Ты сынъ Юга... Однако, сѣпши, будетъ поздно. Смотри ты у меня, Даудъ-бай, провести съ почетомъ! За каплю крови головою отвѣчаешь.

Нурмедъ ослабѣлъ и припалъ на локоть. Кровь снова засочилась сквозь головныя повязки. Засуетилась старуха.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, таксыръ! торопилъ старый Даудъ-бай, чуть не силою выводя Наля изъ сакли.

— Пстой! снова послышался голосъ Нурмеда.—Вернись на минуту... Мы помѣнялись оружіемъ... Пошли намъ Богъ никогда его больше не скрещивать! Я тебя полюбилъ...

Мечтатели. Ориг рис. перомъ (собств. „Нивы“) М. Зоценна, грав. Ольшевскій.

Наль зарыдалъ, проговорилъ только: „увидимся“—и уступилъ силѣ. Его вывели, посадили на лошадь и обрружили Кавалькада тронулась въ путь. Снова, какъ недавно, Сергѣй Николаевичъ почувствовалъ, что кто-то ухватился за его стремя и цѣлуется ногу Онъ брезгливо отдернулъ

— Не забывай! торопливо заговорила Гуль-Гуль.— Слышишь?

— Уйди ты, тигрица!..

— Молчи! Помни: за тобою пойду!.. вездѣ рязицу.. Убьешь меня, какъ собаку, — все равно.

Но Сергѣй Николаевичъ уже не слышалъ, что говорила и даже кричала красавица. Кавалькада шла полною рысью и впереди — Даудъ-бай, говорившій что-то вострыми всадникамъ, а таковыхъ было не мало. Вся окрестность кишѣла врагами. Съ недоумѣніемъ смотрѣли тѣ на русскаго офицера, ѣдущаго подъ охраною Нурмедовой команды, и долго слѣдили глазами за удаляющимся облакомъ пыли.

Чуть разсвѣло—кавалькада остановилась.

— Тс!.. приподнялъ руку Даудъ-бай. — Смотри, таксырь, вонъ стоятъ ваши. Поѣзжай теперь свободно и, когда увидишься съ моимъ начальникомъ, скажи, что Даудъ-бай доставилъ тебя исправно.

Старый джигитъ указалъ рукою вдаль, гдѣ на горизонтѣ ясно видѣлись два верховыхъ силуэта. Это были казачій вѣдетъ изъ полусотни сотника Бурелома.

Наль быстро снялъ цѣпочку съ часами и протянулъ ихъ Дауду.

— О, таксырь! воскликнулъ тотъ, почтительно, двумя руками принимая этотъ подарокъ

Съ такимъ же нескрываемымъ недоумѣніемъ, какъ тѣ смотрѣли на находящагося между ними врага, и казаки вѣдета смотрѣли на подѣзжавшаго къ нимъ своего офицера. Они видѣли группу верховыхъ, приготовившихъ уже стрѣлять, а тутъ, вишь ты, какая оказія: свой ѣдетъ. Чтò за диво? Молча пропустили они Сергѣя Николаевича, не спрашивая обычнаго *отзыва*, и переглянулись между собою.

За версту, не доѣзжая воротъ, встрѣтилъ Наль и самого сотника.

— Ты это откуда же? къ Гуль-Гулькѣ, что-ли, ѣздишь? Эхъ ты, безшабашная голова!

Наль молча кивнулъ головою.

— Берегись! крикнулъ онъ, нѣсколько отъѣхавъ.— Я чуть не попался. Тамъ изъ видимо-невидимо шляется.

— То-то я и говорю. Есть вѣсти. Мои готовы отойти. Нельзя же, чтобы безъ одного выстрѣла... Вотъ оно!

Далеко позади стукнуло... сейчасъ же еще... Затѣмъ послышались выстрѣлы значительно дальше и смолкли. По дорогѣ приближался дробный топотъ казачьей рыси. Это отходили вѣдеты.

Сергѣй Николаевичъ далъ поводъ вороному и поскалкалъ къ городскимъ воротамъ.

„И солгалъ я, подумалъ онъ, внутренно покраснѣвъ.— Чуть не попался... зачѣмъ?— да какъ же иначе? Какъ объяснить имъ все—подумать...“

И то же тяжелое, невыносимое чувство, испытанное уже разъ въ ставкѣ казаковъ — давно, до болѣзни, — вновь овладѣло душою Наля.

— Надо мною положительно тяготѣетъ чье-то проклятіе. Не твое-ли, странный, непонятный старикъ?

А старикъ — вотъ онъ: сидитъ у воротъ полуголый, тощій, точно скелетъ, обтянутый бронзовой кожей; рваная чалма закрываетъ половину лица... За подаяніемъ протянута сухая костлявая рука...

— На погибель идишь... вернись!.. Останься со мною—спасешься!.. говоритъ старикъ...

Шарахнулся вороной въ сторону... Не хочетъ всадникъ взглянуть на жалкаго нищаго, а часовые, словно нарочно, мѣшкуютъ, лѣнливо двигаютъ тяжелые запоры, медленно раскрывается зияющая пасть подворотнаго тунеля.

Въ цитадели рокочетъ барабанъ, это утренняя заря... нѣтъ, не тѣ звуки... иные...

Звуки тревоги.

(Продолженіе будетъ).

Ревель.

Историческій очеркъ.

Губернскій городъ Эстляндской губерніи. Ревель живописно расположенъ во впадинѣ глубокой бухты на южномъ берегу Финскаго залива. Ревель окруженъ высокою и крѣпкою стѣною, надъ которою поднимаются колокольни церквей и остроконечныя кровли домовъ. Посреди города находится каменный холмъ, на которомъ возвышаются старый замокъ Тевтонскаго Ордена и соборъ. Этотъ холмъ называется Домбергомъ и является въ эстонскихъ преданіяхъ могильнымъ курганомъ великана Калева.

ни завоеванія страны Датскимъ королемъ Вальдемаромъ II. Въ началѣ XIII столѣтія энергичный епископъ Альбертъ фонъ-Анопльдернъ, упрочивая государственное устройство въ Лифляндіи, призвалъ рыцарскій орденъ Меченосцевъ для борьбы съ эстами, который, завоевывая Эстляндію, проникъ до самыхъ сѣверныхъ границъ ея. Кроме того, эстамъ грозилъ опасность и съ другой стороны. Тѣмъ 1219 года король Вальдемаръ II привелъ громадный датскій флотъ въ Ревельскую бухту, взялъ и разрушилъ эстонскій городъ Линданиссу и на мѣстѣ его приказалъ построить крѣпкій замокъ. Устрашенные эсты послали своихъ старѣйшинъ къ королю съ выраженіемъ покорности и просьбой о мирѣ. Король ласково встрѣтилъ и щедро одарилъ пословъ, которые приняли крещеніе отъ датскихъ епископовъ. Однако эсты вскорѣ коварнымъ образомъ нарушили миръ. Собранный въ громадномъ числѣ, они напали на лагерь безпечныхъ датчанъ и чуть не истребили все войско ихъ. Только благодаря храбрости воиновъ рюген-

Ревель упоминается еще въ скандинавскихъ сагахъ. Въ одной изъ нихъ, относящейся къ 1000 году и повѣствующей о поѣздкѣ въ Эстляндію, упоминается мѣстечко Rafali. Самое названіе „Ревель“ очевидно норманскаго происхожденія: „revle“ по-датски и „räfvel“ по-шведски означаетъ „рифъ“.

Первыя даты исторіи города Ревели относятся ко време-

Видъ на Ревель отъ Катаринентала.

скаго графа Винслава первый патискаль былъ отраженъ и затѣмъ оправившееся датское войско на голову разбило эстовъ. Поздѣйшая сага приписываетъ эту побѣду чуду. Когда лундскій архіепископъ Андрей горько молился о ниспослании побѣды датскому войску, съ неба будто бы упало красное знамя съ бѣлымъ крестомъ, и подъ сѣнью его датское войско одержало побѣду.

Но датское владычество было непродолжительно. Пенавность эстовъ къ чужеземному игу порождала постоянныя возстанія, которыя, несмотря на то, что быстро подавлялись, препятствовали политическимъ сношеніямъ и торговлѣ Вальдемара съ сѣвѣрною Германіей и давали случай Ордену постепенно завладѣвать страной. Постѣ того какъ Вальдемаръ былъ разбитъ въ извѣстномъ сраженіи при Борнвѣдѣ (въ іюль 1227 года), эсты вновь воспрянули духомъ. Хотя Орденъ и содѣйствовалъ датчанамъ при подавленіи возстаній эстовъ, тѣмъ не менѣе онъ и самъ мало-по-малу вытѣснялъ ихъ изъ завоеванной страны. Вскорѣ магистръ Ордена Фолькингъ явился подъ Ревелемъ и, подкрѣпленный возставшими эстами, принудилъ датскій гарнизонъ удалиться изъ замка.

Фолькингъ усилилъ укрѣпленія Домберга построениемъ каменнаго орденаго замка, названнаго меньшимъ замкомъ (castrum minus), въ противоположность всему Домбергу, носившему названіе castrum magnum. Самое названіе горы Домбергомъ болѣе позднего происхожденія и ведетъ начало отъ времени построенія на этой горѣ собора Вальдемаромъ II въ 1240 году.

Со времени взятія Ревеля рыцарями Ордена начинается заселеніе склоновъ горы туземцами и притокъ нѣмецкаго элемента изъ нижне-саксонскихъ и вестфальскихъ городовъ, изъ Любека и со скандинавскаго Сѣвера, такъ что городъ и его окрестности принимаютъ вновь нѣмецкій характеръ.

Но и владычество Ордена Меченосцевъ не могло быть прочно, такъ какъ Вальдемаръ не могъ равнодушно перенести потерю своихъ завоеваній въ Эстляндіи и всѣми средствами пытался возвратитъ ихъ. Въ 1232 году онъ выхлопоталъ у папы буллу, которая требовала у Ордена возвращенія королю отнятыхъ земель. Однако Орденъ не исполнилъ этого требованія, стремясь къ соединенію со своимъ сильнымъ союзомъ, Тевтонскимъ Орденомъ, чему всѣми силами мѣшалъ Вальдемаръ. Только тогда, когда Ливонскій Орденъ былъ наполовину уничтоженъ въ ужасной битвѣ съ Литвою подъ Рагденемъ, гдѣ погибъ и магистръ его Фолькингъ, папа употребилъ все свое вліяніе для соединенія обоихъ Орденовъ подъ усло-

віемъ возвращенія Дании Ревеля и другихъ отнятыхъ у нея земель. 7 іюня 1238 года договоръ былъ подписанъ въ Стенби, на Зеландіи, королемъ Вальдемаромъ и великимъ магистромъ соединенныхъ Орденовъ Германомъ Балькомъ.

Подъ слѣдующимъ затѣмъ столѣтнимъ владычествомъ Дании въ Ревелѣ произошло мало перемѣнъ. Запутанное положеніе дѣлъ въ Дании и случившееся въ 1343 году возстаніе эстовъ, стоившее жизни многимъ датчанамъ и нѣмцамъ, заставили короля Вальдемара III принять предложеніе Нѣмецкаго Ордена относительно продажи ему датскихъ владѣній въ Эстляндіи. 29 августа 1346 года въ

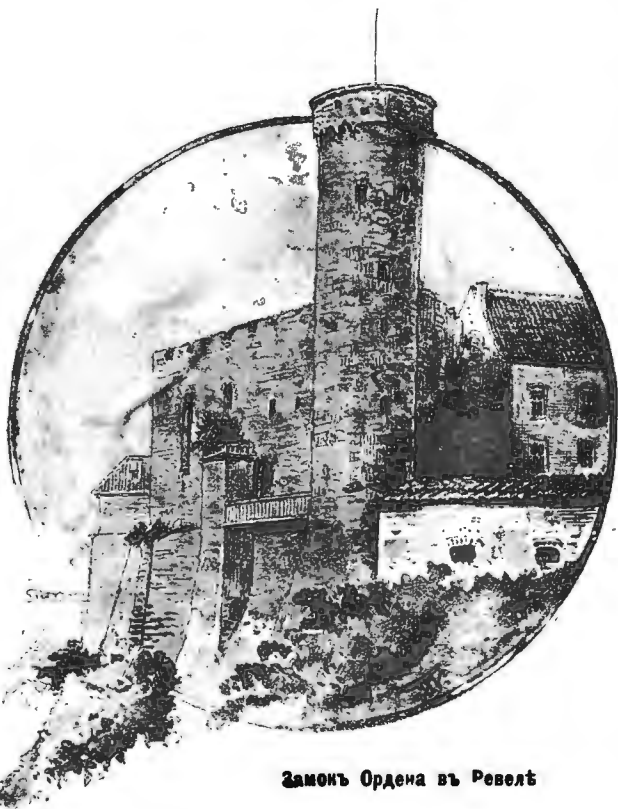
Старый рынокъ въ Ревелѣ.

Ревельская ратуша.

Маріенбургѣ былъ подписанъ договоръ, по которому Даниа уступала великому магистру Нѣмецкаго Ордена Генриху Дузенеру свои владѣнія въ Эстляндіи за 19,000 кѣльнскихъ марокъ.

Если, какъ выше было замѣчено, при датскомъ владычествѣ въ Ревелѣ и Эстляндіи произошло мало перемѣнъ, то съ уступленіемъ ихъ Ордену, тамъ вновь началась кипучая жизнь. Завязалась оживленная сухопутная торговля Ревеля съ Новгородомъ и Псковомъ, содѣйствовавшая проложенію по всему краю удобныхъ для сообщенія дорогъ, и морская торговля съ Данцигомъ, Любекомъ, Брюгге и Антверпеномъ. Московскій государь Иванъ Васильевичъ III, желая остано-

Замокъ Ордена въ Ревелѣ

Церковь Св. Олая въ Ревелѣ.

На привалъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Козачинскаго, грав. Шубертъ.

Породы договъ. Рис. Шрётеръ, грав. Кюльс.

ние Ревеля и нанести чувствительный удар Ливонии, упрямдиль 10 августа 1494 года вѣмецкїи купеческїи дворъ въ Новгородѣ и отвелъ въ Москву въ плѣтъ 40 вѣмецкїихъ купцовъ; но это послужило только новымъ негодичникомъ благополучія для Ревеля, такъ какъ Ганзейскїи союзъ избралъ его главнымъ складочнымъ пунктомъ для торговли съ Новгородомъ. Начавшаяся вѣкорѣ война съ Россїей кончилась печально для послѣдней сраженїемъ подъ Псковомъ въ 1502 г., въ которомъ магистръ Ордена Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ разбилъ русскїихъ и обезпечилъ продолжительный миръ для Ливонїи.

Продвѣтанїе Ревеля за этотъ періодъ ознаменовалось многими великолѣпными памятниками архитектуры, скульптуры и живописи.

Отъ древняго замка, построеннаго Вальделаромъ II, почти ничего не осталось, за то хорошо сохранилась главная часть орденскаго замка съ его крѣпкими стѣнами и громадною башнею. Восточная часть его была срыта по повелѣнїю императрицы Екатерины II и на мѣстѣ ея построены обыкновенныя зданїя. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка высятся старыя соборы. Его вѣншнїй видъ крайне не затѣйливъ, за то внутренность весьма интересна, благодаря цѣлому ряду гробницъ историческїихъ лицъ. Къ XVI вѣку относится великолѣпная гробница шведскаго полководца Понтуса де-ла-Гарди и супруги его Софїи Гульдегельмъ, дочери Шведскаго короля Иоанна III, высѣченная изъ мрамора ревельскимъ скульпторомъ Арнольдомъ Пассеромъ. Затѣмъ въ соборѣ покоится графъ Матїасъ Турнъ, извѣстный участникъ 30-ти-лѣтней войны, сестра Густава Вазы графиня Маргарита фонъ-деръ-Гопа, первые изъ русскїихъ моряковъ совершившіе кругосвѣтное плаванїе: Самуилъ Грейгъ и Иванъ Крузенштернъ. Мраморный памятникъ Грейгу воздвигнутъ по повелѣнїю императрицы Екатерины II. Украшенїемъ собора служитъ картина Распятїя, написанная дюссельдорфскимъ художникомъ, профессоромъ Эдуардомъ Гебгардтомъ, какъ извѣстно уроженцемъ Эстляндїи, и помѣщенная въ алтарь.

Если спускаться по лѣстницѣ, вдушей съ Домберга въ городъ, то пройди черезъ старыя двойныя ворота, очутнись прямо противъ церкви Св. Николая, построенной въ XIV столѣтїи.

Вѣншнїй видъ ея такъ-же простъ, какъ и у всѣхъ другихъ старыхъ городскїихъ церквей, за то тѣмъ привлекательнѣе внутреннїи. Въ церкви собрано множество драгоценныхъ памятниковъ искусства, спасенныхъ энергичными мѣрами прїора церкви въ 1524 году отъ иконоборцевъ. Кромѣ великолѣпныхъ гробницъ съ высѣченными на нихъ эпитафіями, въ церкви находятся два художественно выполненныхъ алтаря, обладающіе также важнымъ историческимъ значенїемъ. Одинъ изъ нихъ, деревянный съ рѣзбовою любекской работы конца XV столѣтїя, замѣчательнъ въ особенности тѣмъ, что на одной изъ его иконъ изображенъ видъ города Любека, старѣйшїи изъ извѣстныхъ доселѣ видовъ этого города. Другой алтарь дѣланъ въ Брюгге. Третьимъ замѣчательнымъ произведенїемъ искусства является написанная на стѣнѣ картина „Пляска Мергвухъ“, копія съ извѣстной картины изъ „Marienkirche“.

На сѣверъ отъ церкви тѣсная улица ведетъ къ старому рынку, который, будучи окруженъ высокими домами съ остроконечными кровлями, еще не утратилъ своего средневѣковаго характера. Недалеко отъ него находится и Ревельская городская ратуша, образецъ готической архитектуры, съ башнею пристроенною въ 1665 году советникомъ Юганномъ Миллеромъ, современникомъ знаменитаго путешественника Олеарїа. Нижнїй этажъ ратуши выходитъ на улицу крытымъ коридоромъ. Во второмъ этажѣ находится зала засѣданїй, на стѣнахъ которой написаны 8 картинъ художникомъ Юганномъ Акеномъ. Въ ратушѣ помѣщается и богатый городской архивъ.

Къ замѣчательнымъ строенїямъ города относится древняя церковь Св. Олая съ ея величественною колокольнею, вышиною въ 138,3 метра. Церковь эта упоминается уже въ 1267 году, но достроена была только въ

1330. Она сгорѣла почти до-гла въ 1820 году, но была реставрирована въ старомъ видѣ по желанїю императора Николая Павловича.

Въ концѣ улицы, на которой находится церковь Св. Олая, высятся „ворота на взморье“. Это живописныя старыя ворота крѣпости, по бокамъ когорыхъ стоятъ по башнѣ. Отъ воротъ открывается чудный видъ на море.

Отъ старинныхъ монастырей города остались одни лишь развалины. Извѣстный доминиканскїи монастырь въ Ревелѣ сгорѣлъ въ 1562 году Выѣзжая изъ города по Нарвской дорогѣ, невольно восхищаешься красивою окрестностью Ревеля. Здѣсь, недалеко отъ города, на берегу моря стоитъ небольшой деревянный домикъ, построенный Петромъ Великимъ среди дубовыхъ и липовыхъ аллей. Возлѣ него въ 1718 году архитекторъ Микетти, по повелѣнїю императора, построилъ маленкїй загородный дворецъ. Вся эта мѣстность названа Петромъ въ честь императрицы Катариненталемъ. Въ часѣ пути отъ Катариненталя находится замѣчательныя развалины монастыря Св. Бригитты, который былъ построенъ въ 1407 году тремя ревельскими купцами, Швальбергомъ, Крузе и Гуксеромъ. Въ 1577 году онъ былъ разрушенъ русскими.

Въ заключенїе скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей исторїи Ревеля. Съ 1558 года онъ достался

Церковь Св. Николая и старыя двойныя ворота.

„Ворота на взморье“ въ Ревелѣ.

королю Шведскому Эрику IV и принадлежалъ Швеціи до 1710 года, когда въ Великую Сѣверную войну былъ присоединенъ къ Россїи. Нынѣ Ревель имѣетъ болѣе 50,000 жителей и славится своими морскими купаньями.

(к.)

Развалины монастыря Св. Бригитты.

Исторія двухъ могилъ.

П. Н. Полевого. (Рис. на стр. 936).

Исторія Россіи въ XVIII в. богата трагическими эпизодами, которые современея должны будут послужить богатою почвою для русской исторической драмы и романа. Темная завѣса, еще недавно покрывавшая наше прошлое, въ наше время начинает понемногу вскрываться, и поневолѣ изумляетъ насъ тѣмъ обиліемъ яркихъ картинъ, сильныхъ характеровъ, запутанныхъ интригъ и положеній, которыми въ такомъ чрезвычайномъ изобиліи и нестромъ разнообразіи переполнены лѣтописи нашей исторической и общественной жизни прошлаго вѣка. Вчитываясь въ эту лѣтопись, мы видимъ передъ собою поразительную смѣсь европейской утонченности приличій и обычаевъ съ дикими проявленіями произвола, насилія и почти невѣроятной грубости нравовъ: на насъ производятъ странное впечатлѣніе эти русскіе богатыри, переодѣтые во французскіе парики и кафтаны, и все же не любящіе Европой стѣсняться и съ Европой церемониться.

Мы недостаточно еще обращаемъ вниманія на изученіе памятниковъ и остатковъ нашего XVIII в., и время—безпопечное къ нимъ, какъ и ко всему на свѣтѣ—стираетъ ихъ съ лица земли, то разрушая, то неузнаваемо измѣняя ихъ вѣнность. А между тѣмъ, сколько странныхъ, то романтическихъ, то кровавыхъ страницъ русской жизни прошлаго вѣка напоминаютъ многіе изъ этихъ памятниковъ!.. Такъ думали мы, когда, въ одинъ изъ послѣднихъ проѣздовъ черезъ Новгородъ, посетили всѣми забытыя могилы несчастныхъ князей Долгорукихъ, казненныхъ въ Новгородѣ въ 1739 году, по волѣ императрицы Анны Иоанновны и ея страшнаго любимца, герцога Бирона.

Прилагая на страницахъ *Нивы* снимокъ съ этихъ могилъ, надоемъ нашимъ читателямъ только два момента страшной и кровавой драмы, разыграннейся въ Новгородѣ и скрытой подъ тяжелыми, пѣвыми плитами этихъ скромныхъ могилъ.

I.

Въ началѣ января 1728 года, весь Новгородъ былъ въ великомъ волненіи и тревогѣ. Городъ готовился къ торжественной встрѣчѣ юнаго государя, императора Петра II Алексѣевича, который, вмѣстѣ съ блестящею свитою, съ знатнѣйшими „персонами“ двора и съ высокоареченною невѣстою своею, Екатериною Алексѣевною Долгорукою, долженъ былъ прослѣдовать черезъ Новгородъ въ Москву, гдѣ онъ предполагалъ поселиться надолго... Многіе поговаривали даже, что юный императоръ и навсегда тамъ останется, и тѣмъ болѣе придавалъ значенія его проѣзду черезъ Новгородъ, гдѣ въ то время жилъ и архіерействовалъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ синодальныхъ Петра Великаго, умѣйшій Теофанъ Прокоповичъ. И самъ Теофанъ, видимо, хотѣлъ блеснуть передъ юнымъ государемъ и его спутниками своимъ торжественнымъ пріемомъ, и готовилъ имъ праздничную встрѣчу и пиръ на славу. По его приказу, у вѣзда въ городъ со стороны Петербурга, двѣ артели плотниковъ на-сѣхѣ строили высокую триумфальную арку, звонко постукивая топорами и подувая въ кулаки на крещенскомъ морозѣ. Въ ближайшей къ городу слободѣ, всю дорогу, но бокамъ, усаживали высокими ёлками, прикрывая ими безобразныя курныя избы; а среди ёлокъ устанавливали крашеный помостъ, съ котораго особо-назначенныя лица должны были привѣтствовать высокаго путешественника рѣчами на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Въ Софійскомъ соборѣ все чистили, мыли, золотили и подкрашивали, приготавливая древній храмъ къ торжественному архіерейскому служенію, при которомъ долженъ былъ присутствовать императоръ и его спутники. Въ обширной палатѣ архіерейскаго дома обивали стѣны коврами, а окна заѣливали яркими занавѣсами, такъ какъ здѣсь назначенъ былъ обѣденный столъ его величества. Въ школѣ при архіерейскомъ домѣ, школьники съ утра до вечера обучались пѣнію новыхъ „псалмовъ и кантовъ“, которые они должны были пѣть во время стола, въ Высочайшемъ присутствіи. Въ шпальтѣ при архіерейскомъ домѣ, всѣ швенцы и закройщицы съ ногъ сбились, готовя новыя облаченія для архіерейскихъ *отроцать* (т. е. пѣвчихъ) и другихъ лицъ причта; а въ иконописной мастерской всѣ иконописцы, взираясь размазывали тѣ эмблемы и аллегорическія фигуры, которыми приказано было украсить триумфальную арку, поставленную у вѣзда въ городъ.

Но болѣе всѣхъ этихъ рабочихъ людей былъ занятъ самъ Теофанъ Прокоповичъ,—знаменитый ораторъ, писатель и дипломатъ. Онъ всюду былъ самъ и всюду поспѣвалъ, чтобы дать дѣльный совѣтъ, толковое указаніе или ободряющій отзывъ. И побывавши всюду, Теофанъ стѣпшлъ возвратиться въ свой рабочій кабинетъ, заваленный книгами и бумагами, и здѣсь усленно трудился надъ торжественными рѣчами и стихотвореніями, которыми онъ собирался чествовать внука Великаго Преобразователя Россіи. Ни рѣчи, ни стихи, конечно, не могли бы затруднить Теофана, который никогда за словомъ въ карманъ не хогилъ и превосходно владѣлъ и рус-

скимъ, и латинскимъ языкомъ; по и рѣчи, и стихи, на этотъ разъ—заставили Теофана задуматься, потому что въ нихъ было нужно влести много тонкихъ, прозрачныхъ намековъ, высказать разныя благія пожеланія—и рядомъ съ ними вкленъ и вставить самую грубую лезть, съ цѣлю прославленія не только юнаго императора и высокоареченной невѣсты, но также и ея родъ-твенниковъ, всемогущихъ временщиковъ, князей Долгорукихъ, отъ которыхъ Теофанъ ожидалъ для Россіи всего недобраго... Задача была трудная, и Теофанъ долго обдумывалъ ее прежде чѣмъ закончить свои стихи и рѣчи и отослать ихъ въ типографію, чтобы „предать тисненію“.

Наконецъ наступило 11 января 1728 г.—день назначенный для пріѣзда императора въ Новгородъ. Теофанъ выслалъ за версту отъ города нѣсколько каретъ и богато-убранныхъ саней, запряженныхъ дугами лошадей въ богатѣйшей сбруѣ. Кошныя гвардейцы составляли почетную стражу этого поѣзда, въ который пересѣлъ великій путешественникъ, вмѣстѣ со своими приближенными и знатными „персонами“.

Въ ближайшей къ городу слободѣ императора встрѣтили 400 *отроцать* въ бѣлой одеждѣ, съ красными перевязями Императорскій поѣздъ остановился, и двое изъ „отроцать“ привѣтствовали царя рѣчами на латинскомъ и русскомъ языкахъ. У триумфальной арки монарха ожидалъ самъ Теофанъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, окруженный многочисленнымъ духовенствомъ. Онъ тоже привѣтствовалъ Петра II рѣчью и потомъ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ во всѣхъ новгородскихъ церквахъ, продолжалъ шествіе съ пѣніемъ до самаго собора. На всемъ этомъ пути войска стояли шалерами. Юный царь простоялъ обѣдно въ соборѣ, приложился къ мошамъ и направился изъ собора въ архіерейскій домъ. Полкъ, стоявшій въ строю во дворѣ Софійскаго собора, во время перехода императора черезъ дворъ, салютовалъ бѣлыми огнемъ. Въ продолженіе обѣда пѣвчіе пѣли на хорахъ „псалмы“, а въ смежныхъ комнатахъ играла музыка, которая не покрывала громкихъ и веселыхъ кликовъ пиршества, среди котораго Теофанъ, угощая своихъ гостей, блистательно остроумно, веселою игривою рѣчей и тонкою лезтью, которую онъ расточалъ передъ юнымъ государемъ и его всемогущими любимцами, князьями Долгорукими, въ то время державшими въ рукахъ своихъ бразды правленія. По окончаніи стола, Теофанъ роздалъ всѣмъ присутствовавшимъ экземпляры латинскихъ стиховъ, напечатанныхъ имъ по случаю торжества, и въ этихъ стихахъ всѣ Долгорукіе были превознесены до небесъ... Вечеромъ въ саду, около дома, зажжена была великолѣпная пилюминація, состоявшая изъ 150 пирамидъ, украшенныхъ вѣзелями его величества, высокоареченной невѣсты его, княжны Долгорукой, и всѣхъ ея родныхъ, всемогущихъ Долгорукихъ. Празднество, которымъ всѣ остались очень довольны, закончилось шумнымъ и блестящимъ фейерверкомъ...

II.

Минуло десять лѣтъ со времени этой встрѣчи, устроенной Теофаномъ Петру II въ Новгородѣ. Юный Петръ давно уже былъ въ могилѣ и на Престолѣ Россійскомъ восьмой годъ уже царствовала императрица Анна Иоанновна. Долгорукіе, такъ много способствовавшие ея возведенію на Престолъ, давно уже были въ ссылкѣ, въ томъ отдаленномъ и стъльномъ Березовѣ, гдѣ такъ плачевно конилъ жизнь и другой могущественный временщикъ, Меньшиковъ. О Долгорукихъ забыли; они успѣли привыкнуть къ своей горькой долѣ и рады были забвенію и покою. Вдругъ, по какой-то странной прихоти судьбы, о Долгорукихъ вспомнили... По доносу одного изъ клеветовъ Бирона, дѣло о Долгорукихъ было вновь поднято изъ архивной пыли Тайной канцеляріи, и къ несчастнымъ князьямъ, за тысячу верстъ, были посланы сначала сыщики и допросники, а потомъ и команда, которой приказано было привести шестерыхъ князей Долгорукихъ въ Новгородъ и тамъ допросить ихъ „съ пристрастіемъ“. Князей привезли, помѣстили въ одной изъ башенъ Новгородскаго *дѣтница* (крѣпости)—и допрашивали долго, мелочно, придирчиво. Князя Ивана Алексѣевича, главнаго фаворита Петра II, подвергли пыткѣ—и ничего не добились новаго, что бы могло увеличить вину несчастныхъ или дать возможность обвинителямъ произнести надъ ссыльными князьями новый и болѣе страшный приговоръ. Тѣмъ не менѣе, по настоянію Бирона, изъ шести князей Долгорукихъ—четверо были осуждены на смертную казнь, которая и была приведена въ исполненіе 11 Новгородѣ, 12 ноября 1739 г. Князю Ивану Алексѣевичу отсѣчена голова послѣ колесованія; князю Василію Луцкучу, князьямъ Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ—тоже отсѣчены головы. Двое остальныхъ сосланы въ дальнюю ссылку, въ которой ихъ не велѣно было никогда выпускать, кромѣ первыи.

Тѣла казненныхъ князей были свезены на Красное поле, подл. Новгородомъ, гдѣ прежде былъ Рождественскій скудельничій монастырь, а нынѣ расположено городское кладбище.

Вдова князя Ивана Алексеевича, Наталья Борисовна Долгорукая, дочь фельдмаршала Шереметева, воздвигла надъ могилами несчастныхъ князей двѣ часовни, а въ 1768 году, сынъ Ивана Алексеевича, князь Михаилъ Ивановичъ построилъ надъ этими могилами храмъ во имя Николая Чудотворца. Въ ризницѣ церкви, воздвигнутой надъ прахомъ князей Долгорукихъ, хранятся цѣнные вклады, внесенные въ церковную казну на поминовение души усопшихъ. Вклады эти состоятъ изъ массивнаго серебрянаго подсвѣчника, серебрянаго ка-

дила и серебрянаго блюда съ мнѳологической сценой посрединѣ и съ оброномъ цѣвѣточною каймою по краямъ. Надпись на задней сторонѣ блюда гласитъ: „сіе блюдо новгородскую церковь Николая Чудотворца дано вкладу по князе Иване Алексеевиче Долгорукове“.

Несчастлива супруга Ивана Алексеевича, возвращенная изъ ссылки, посвятила себя на воспитаніе дѣтей; но какъ только подиала ихъ и устроила ихъ судьбу, такъ удалилась въ монастырь и умерла инокиней.

Къ рисункамъ.

Въ мастерской художника. (Рис. на стр. 921).

Котятъ—непостоянный сюжетъ прелестныхъ картинокъ, полныхъ юмора и движенія. „Vivent les chats!“ (да здравствуютъ кошки!) писала

г-жа Кюстинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бюффону: „дивилізація еще не стала у нихъ второю натурой. Онѣ первобытныя собаки, граціозныя, независимыя, свободныя и естественныя“

Семидесятилѣтняя художница, г-жа Ронперъ изображаетъ намъ семью кошекъ, забравшуюся въ мастерскую художника. Одна изъ котятъ, умилившись на палитрѣ, грызетъ кисточку; другой, лежа въ самомъ ящикѣ для красокъ, играетъ съ крыломъ, которымъ сметають пыль. Двое забрались на крышку, а мать, добродушно мурлыкая, поощряетъ ихъ игры.

Гробницы князей Долгорукихъ, казенныхъ въ Новгородѣ въ 1739 г. Съ фот. грав. Флюгель.

Пріемъ пожертвованій въ пользу голодающихъ, открытый въ Казанскомъ соборѣ въ Спб.

(Рис на стр. 924).

Какъ извѣстна *Правительственный Вѣстникъ*, въ нынѣшнемъ году отъ неурожаа наиболѣе пострадали слѣдующія 13 губерній: Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Уфимская, Пензенская, Тульская, Казанская, Самарская, Оренбургская, Тамбовская, Рязанская, Воронежская и Вятская, т. е. болшая часть той степной и черноземной полосы, которая издревле была житницею остальной Россіи. Кроме того, въ губерніяхъ Курской, Орловской, Костромской, Астраханской, Пермской, Тобольской, Херсонской и Харьковской болѣе или менѣе сильно пострадали нѣкоторые уѣзды Бѣдствіе громадное, и понятно, что какъ правительство, такъ и общество поснѣшили принять самыя энергическія мѣры къ отвращенію его. Правительственныя ассигнованія на этотъ предметъ уже нынѣ простираются до 22 милл. рублей. Всегда отзывчивыя къ народной нуждѣ, вѣдомство Святѣйшаго Синода и Россійское Общество Краснаго Креста приняли на себя дѣятельное участіе въ устройствѣ частной благотворительности. Служащіе въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ наперерывъ жертвуютъ извѣстный процентъ съ получаемаго или жалованья. Въ разныхъ мѣстахъ столицы открыты пункты для приема пожертвованій деньгами и хлѣбомъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ одинъ изъ такихъ пунктовъ — Казанскій соборъ, открытый для этой цѣли съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера. На задней стѣнѣ собора видны нагроможденные другъ на другѣ мѣшки, въ которые сыплются приносимые жертвователями сухари. На лѣвой сторонѣ ящики съ цѣлыми ковригами печенаго хлѣба. Направо — кошилка для жертвующихъ денегъ.

Мы слышали, что на-дняхъ общее количество пожертвованій въ соборѣ дошло до внушительной цифры 22,000 пудовъ сухарей и 36,000 рублей.

На тоняхъ. (Рис. на стр. 925).

Въ окрестностяхъ Петербурга, по устьямъ Невы, разбросано нѣсколько рыболовныхъ заведеній, извѣстныхъ подъ названіемъ *тоней*.

Рыба ловится громадными неводами, которые забрасываютъ, отбѣвая на лодкахъ отъ берега, и вытягиваютъ вѣртами. Любители рыбной ловли прѣзжаютъ на тони цѣлыми компаніями, en рique-pique, со всевозможными запасами винъ и закусокъ. Завести неводъ стоитъ, смотря по ходу рыбы, погодѣ и времени года, отъ 5 до 50 рублей, конечно, по уговору. Попадаются, кроме множества мелкой рыбы, крупныя лососи, а иногда и осетрь. Но этотъ послѣдній при-а-д-л-е-ж-и-т-ь обыкновенно не заказчику, а

владѣльцамъ тоней. „Все ваше чтѣ поймаетъ, говорятъ рыбаки заказчику, заводя неводъ,—кроме осетра...“—„И покойника“, добавляетъ знающій заказчикъ, такъ какъ безъ этой оговорки, если бы въ неводѣ оказалось тѣло утопленника, то заказчику пришлось бы хоронить покойнаго на свой счетъ. Но само собой разумѣется, что такіе печальные узлы случаются весьма рѣдко, и почти никто не отказывается отъ исполненія христіанскаго долга.

Мечтатели. (Рис на стр. 929).

Работы перомъ М. Зоценка извѣстны нашимъ читателямъ и оцѣнены по достоинству. Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ новый рисунокъ даровитаго художника, изображающій двухъ дѣтей, задумчиво смотрящихъ черезъ плетень куда-то вдаль.

На привалѣ. (Рис на стр. 932).

До разсвѣта выбрались охотники пострѣлять дичи. Долго бродили они по болотамъ и въ чащѣ лѣсной, не много настрѣляли себѣ въ удовольствіе беззаботной твари, и вотъ уставыи усѣлись на лѣсной опушкѣ утолить голодъ. Заморивъ червячка, они, пригрѣтые теплыми лучами полуденнаго солнца, тутъ же прикурнулись и заснули. Этому только и ждалъ ихъ пожилой спутникъ, втихомолку производящій опустошеніе въ бутылкѣ.

Породы договъ. (Рис на стр. 933).

Всѣмъ извѣстна меделянская собака (canis molossus), которую римляне вывезли изъ Британіи и пускали на травлю дикихъ звѣрей. Трехъ такихъ собакъ было достаточно, чтобы одолѣть медвѣдя, четыре собаки одолѣвали льва. Впослѣдствіи меделянскихъ цесовъ брали на войну, и они оказывали громадныя услуги, терзая враговъ. Отъ этихъ-то собакъ, какъ полагаютъ, и произошли англійскіе доги. Но эти послѣдніе, подвергаясь культурѣ, утратили всю свою кровожадность и стали до того кротки, что служатъ лучшими сторожами дѣтей. На нашемъ рисункѣ, сдѣланномъ съ натуры Шретеромъ, прежде всего бросается въ глаза громадный англійскій догъ *Ботсвайнъ*,

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Александръ Александровичъ и Государыня Императрица Марія Феодоровна. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Рашевскій.

получивший первый приз на Лондонской выставке 1883 года. Как добродушно положил он морду на колѣно своего воспитателя и как радужно устремилъ вдаль свои умные глаза! Рядомъ съ нимъ величественно сидитъ знаменитая *Крисотка баронесса Ильфордъ*, собственность г-жи Карделекъ въ Гринфильдѣ. Эти мастифы, какъ зовутъ своихъ договъ англичане, отличаются не особенно высокимъ ростомъ, желтою мастью шерсти, черными мордой и ушами, плоскимъ, сморщеннымъ лбомъ, бычьимъ затылкомъ и крѣпкими ногами. Рядомъ съ баронессой Ильфордъ стоитъ красивый песъ *Лео*, собственность Dr. Кастера въ Рейнгау, представитель такъ-называемыхъ нѣмецкихъ договъ, похожихъ и на ульмекаго, и на датскаго дога.

Кромѣ Лео, на рисункѣ видны еще два нѣмецкихъ дога — это лежащій у ногъ воспитателя тигровый догъ, и такой же въ лѣвомъ верхнемъ углу рисунка на первомъ планѣ. Въ кругу этихъ крупныхъ представителей своей породы замѣшались болѣе мелкіе, также претендующіе на родство съ

догами. На скамьѣ сидитъ *бульдогъ*, имѣющій честь считаться национальнымъ англійскимъ псомъ, которымъ ветарину травили быкомъ (bull). Наконецъ, группу дополняютъ слѣва два моиса—бульдоги въ миниатюрѣ.

Высокопреосвященный Платонъ, митрополитъ Киевскій и Галицкій. (Портр. на стр. 940).

Въ прошломъ № 42 „Нивы“, при биографіи почившаго святителя, митрополита Киевскаго и Галицкаго, вѣдѣствіе при скорбной ошибкѣ завѣдующаго гравюрами, введеннаго въ заблужденіе одинаковыми размѣрами портретовъ, тождествомъ облачений и подписей, былъ сданъ въ машину портретъ Платона митрополита Московскаго. Ошибка была замѣчена слишкомъ поздно, когда большая часть экземпляровъ была уже отпечатана. Слѣдуетъ исправить эту погрѣшность, помѣщая портретъ Высокопреосвященнаго Платона, митрополита Киевскаго и Галицкаго.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ, по докладѣ исполняющему, въ текущемъ октябрѣ мѣсяцѣ, двадцатипятилѣтія благотворительнаго участія Государя Императрицы въ дѣлахъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, 14 сего октября Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Ея Императорскому Величеству Маріинскій знакъ отличія безпорочной службы 1-й степени, за XXV лѣтъ.

Помощь пострадавшимъ отъ неурожая.

— Въ кассу Главнаго Управленія Россійскаго общества „Краснаго Креста“ съ 1 по 15 октября поступило пожертвованій 88,223 рубля 55 коп., съ прежде-поступившими — 103,159 руб. 41 коп., а съ присоединеніемъ Высочайше пожалованныхъ Августѣйшею Попровительницею Общества 20,000 руб., всего 123,159 руб. 41 коп.—Въ теченіе минувшаго сентября въ распоряженіе министерства Внутреннихъ Дѣлъ поступило пожертвованій деньгами 28,975 руб. 50 коп. и хлѣбомъ 13,541 пуд. 10 фунтовъ.—Московская Дума постановила, въ ознаменованіе 25-лѣтія суверенитета Царя Императорскихъ Величествъ, отчислить 50,000 руб. въ пользу голодающихъ; затѣмъ постановила открыть при городской управѣ подписку пожертвованій въ пользу голодающихъ мѣстностей, ввести таксу на кислый ржаной хлѣбъ въ Москвѣ и поручить управѣ опредѣлять ежедневно на него цѣну, представляя ихъ генераль-губернатору на утвержденіе.—Представитель чайной фирмы К. и С. Поповы, прибывъ въ Кострому, представилъ губернатору 25,000 рублей въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Студенты С.-Петербургской Духовной Академіи согласились — подаваемый имъ къ чаю бѣлый хлѣбъ предоставлять до конца учебнаго года въ распоряженіе общества вспоможенія голодающимъ, существующаго при Казанскомъ соборѣ; въ общей сложности, отъ всѣхъ студентовъ, въ теченіе 7½ мѣсяцевъ, поступитъ въ пользу голодающихъ около 40,000 булокъ, считая въ день по 200 булокъ.—Собраніе профессоровъ университета Св. Владиміра выразило желаніе прочесть рядъ публичныхъ лекцій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.—Крестьянами многихъ волостей Ковенской губерніи составлены приговоры о ссудѣ ржи изъ мѣстныхъ запасныхъ магазиновъ, срокомъ на одинъ годъ, въ размѣрѣ половины, третьей и четвертой части имѣющейся наличности, причемъ ими принята на себя безвозмездная доставка хлѣба на ближайшія стціи желѣзной дороги.—Служащіе въ центральныхъ частяхъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, чины центрального управленія министерства Юстиціи, служащіе въ Римско-католической Духовной Коллегіи, въ СПб. 2 реальномъ училищѣ, въ конторѣ редакціи, типографіи и артистическомъ заведеніи журнала *Нивы*, служащіе и рабочіе на стціи Окуловка Николаевской ж. д. и многіе другіе согласились жертвовать ежемесячно извѣстный процентъ съ получаемаго ими жалованья. Въ губернскихъ комитетахъ пожертвованія стекаются десятками тысячъ рублей.

Военное и морское дѣло.

— 18 октября, въ десять часовъ утра, состоялась торжественная и рѣдкая церемонія прикрѣпленія къ древкамъ знаменныхъ флаговъ, пожалованныхъ вновь сформированнымъ экипажамъ, квартирующимъ въ Кронштадтѣ: 2, 10, 11, 13, 14, 15 и 16-му.

— На юбилейный праздникъ Уральскаго казачья войска, въ Уральскъ прибыли верхомъ три казака Забайкальскаго казачья войска, совершившіе путь въ 5,110 верстъ на однихъ и тѣхъ же лошадей бурятской породы. Отъ Читы до Уральска казаки ѣхали три съ половиною мѣсяца.

— Предлагаемое къ открытію въ Киевѣ инженерское училище рѣчного плаванія будетъ устроено по образцу подобнаго училища въ Нижнемъ-Новгородѣ.

— Высочайше повелѣно: строящійся на Пенскомъ механическомъ заводѣ московскаго товарищества, парусный корветъ для морскаго кадетскаго корпуса наименовать „Морякъ“ и зачислить въ списокъ судовъ балтійскаго флота.

Сельское хозяйство и промышленность.

— Въ февралѣ 1892 года (съ 1 по 10 число) въ Кишиневѣ, при бессарабскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ, устраивается съѣздъ русскихъ винодѣльцевъ.

— На крымскомъ побережьи, отъ Ялты до Алушты, урожай винограда въ текущемъ году получился, на поливныхъ и хорошо обработанныхъ участкахъ—прекрасный. Отъ Алушты до самаго Судака виноградъ вышелъ посредственнымъ, а мѣстами сады погибли подъ аршиннымъ слоемъ напавшихъ съ горъ камня и пла. Большинство садовладѣльцевъ уже запродали свои вина. Алуштинскія вина прекрасныхъ сортовъ урожая текущаго года запроданы съ зимы по три рубля за ведро.

— Казачьи сады вообще во всѣхъ винодѣльныхъ округахъ Терской области подверглись нападению грибка: мильдіу, антракоза и пятнистой ржавчины. Степень пораженія настолько велика, что еще въ концѣ іюля всѣ сады, въ особенности же въ станицахъ Червленной, Щедринской и Шелковской, потеряли зеленую окраску, вѣдѣствіе отмирания пораженныхъ листьевъ. Вѣдѣствіе преждевременнаго опаденія листьевъ, обильно зародившіяся кисти подверглись осыпанію зеренъ, ягоды при созрѣваніи хотя и чернѣли, но не вырабатывали сахара; наконецъ, голая, лишенная листьевъ, лоза оказывалась не въ состояніи дозрѣть, что неблагоприятно отразилось на урожаѣ.

— Вѣдѣствіе чрезвычайно жаркаго лѣта текущаго года съ продолжительными засухами, въ Харьковской губерніи повторились сравнительно рѣдкія явленія — растрескиваніе, осѣданіе земли и образованіе проваловъ. Отъ невысомаго лѣтнаго зноя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земля до такой степени высохла, что обратилась въ каменистую массу, не поддававшуюся разрыхленію ни желѣзными лопатами, ни ломами; въ такихъ именно мѣстностяхъ трескалась земля. Во время наиболѣе сильнаго припека, обычно-

венно между 1 и 3 часами пополудни, земля внезапно вадрагивала, какъ бы отъ землетрясенія.

Торговля.

— Отпускъ пшенихъ товаровъ за-границу, съ 1 января по 1 августа текущаго года, опредѣлился въ 388,290,000 руб., превысивъ соответствующій отпускъ 1890 года на 21,671,000 руб. или на 5,8%. Въ то же время привозъ, выразившійся за 7 мѣсяцевъ въ 219,048,000 руб., вѣдѣствіе значительнаго пониженія въ іюлѣ, превысилъ прошлогодній только на 4,309,000 руб. или на 2%. Превышеніе отпуску надъ привозомъ за 7 мѣсяцевъ выразилось въ 169,242,000 руб. или въ 77,3%.

— Лица, ѣздившія за-границу съ цѣлю изученія условій торговли продуктами мукомольнаго производства, возили съ собою образцы русской муки, вырабатываемой въ Поволжскомъ, Юго-Западномъ и Привислинскомъ краяхъ. Изъ этой муки, въ разныхъ мѣстахъ Англій, Бельгій, Франціи и другихъ государствъ, въ видѣ ошма, былъ приготовленъ мѣстнымъ пекарямъ хлѣбъ. Въ большинствѣ случаевъ, ошма оказались чрезвычайно удачными, и хлѣбъ, приготовленный изъ ржаной муки, безусловно одобрялся. Поэтому, можно думать, что русская мука найдеть сбытъ на иностранныхъ рынкахъ.

— Въ Видавѣ для заграничнаго вывоза сильно скушается картофель, цѣна на который значительно поднялась. Два судна зафрахтованы для вывоза картофеля въ Германию.

Искусства изобразительныя.

— 16 октября, въ помѣщеніи Главнаго Штаба, открылась выставка конкурсныхъ проектовъ памятника, предположеннаго Военнымъ министерствомъ къ сооруженію на полѣ сраженія, 28 сентября 1708 года, русской арміи со шведами при д. Лисной, въ Быховскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи. Основная мысль памятника должна говорить о Петрѣ Великомъ, какъ полководцѣ, и его арміи; памятникъ долженъ быть сооруженъ изъ бронзы и гранита и стоимость его не должна превышать 100,000 руб. Всѣхъ проектовъ на конкурсъ представлено 18, изъ которыхъ шесть въ рисункахъ и одиннадцать въ видѣ скульптурныхъ моделей.

Пути сообщенія.

— Къ началу іюля, въ первыхъ ста верстахъ Уссурийской желѣзной дороги сдѣлано свише 20,000 кубическихъ сажень выемокъ и насыпей, выложено 120 кубическихъ сажень каменныхъ мостовъ и трубъ; для Владивостокской пассажирской стціи устроены: фундаментъ, цоколь, каменная платформа, здание главнаго склада и больница. Изысканія закончены до Николаевскаго; начаты предварительныя изысканія отъ Графской до Хабаровки. Постройка моста черезъ Амуръ предположена въ 7 верстахъ ниже Хабаровки; желѣзнодорожная стція проектирована въ 3-хъ верстахъ отъ города. Отправлена экспедиція для развѣдки участка Хабаровка-Усть-Тенскъ.

— Очистка и углубление бердянской гавани, близ городских пристаней, идет успешно; французская компания, взявшая на себя это дело, выполняет свои обязательства скоро и точно, и пароходы, имѣющие осадку до 8 фут., будут свободно подходить къ пристани.

— Въ скоромъ времени въ Кіевѣ начнется прокладка кабелей для городской электрической желѣзной дороги отъ Европейской гостиницы до Александровской площади.

Некрологъ.

— 9 октября, близ Оптиной пустыни, на-

ходящейся въ 30 верстахъ отъ Калуги, въ Шамордицѣ, въ монастырѣ, скончался на 90 году отъ рожденія извѣстный старецъ, монахъ-схимникъ Амвросій.

— 15 октября въ Одессѣ скончался старожилъ Одессы, графъ Михаилъ Дмитриевичъ Толстой, на 91 году

Политическое обозрѣніе.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано 12 октября официальное сообщеніе большой важности о мѣрахъ, принятыхъ для подавія помощи населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Неурожай нынѣшняго года озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ во многихъ мѣстностяхъ Имперіи поставилъ земледѣльческое населеніе этихъ мѣстностей въ необезпеченное положеніе въ отношеніи народнаго продовольствія, разумѣя подъ этимъ не только удовлетвореніе потребностей по пропитанію, но и обѣспеченію полей для будущаго урожая.

Мѣстные начальства и учрежденія, вѣдающія народное продовольствіе, своевременно, въ большей части случаевъ, выяснили значеніе бѣдствія, постигнаго населенія, и дали возможность правительству пойти на встрѣчу народной нуждѣ.

Благодаря принятымъ, вслѣдствіе сего, мѣрамъ, озимый посѣвъ произведенъ при благоприятныхъ условіяхъ и безъ значительнаго сокращенія площади посѣва. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже производится, на выданныя изъ Государственнаго Казначейства ссуды, заготовка яровыхъ сѣмянъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, обращено особое вниманіе на сохраненіе въ странѣ хлѣбныхъ запасовъ и на обезпеченіе средствъ пропитанія наиболѣе нуждающейся части населенія. Для сего послѣдняго признано необходимымъ установить, на мѣстахъ, соответственные способы дѣятельнаго воспособленія нуждающимся, ограничивая въ то же время это воспособленіе предѣлами самаго необходимаго, дабы не обратитъ понечительную заботливость правительства о народныхъ нуждахъ въ погворство тунеядству, ослабляющее производительныя силы страны.

Съ этою цѣлью, въ неурожайныхъ губерніяхъ: 1) образованы, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, особыя продовольственныя совѣщанія изъ представителей казеннаго и земскаго управленія; 2) привлечены въ дѣятельному участію въ дѣлѣ народнаго продовольствія, въ помощь хозяйственнымъ учрежденіямъ, органы прочихъ частей мѣстнаго управленія, главнымъ образомъ,—земскіе начальники; 3) рекомендовано образованіе земскихъ складовъ зерна и муки для продажи хлѣба по заготовительной и даже уменьшенной цѣнѣ; 4) преподаны правила объ условіяхъ продовольственнаго вспоможенія; 5) установлена дешевая перевозка продовольственнаго и сѣмяннаго хлѣба, а также кормовыхъ продуктовъ для скота; 6) разрѣшены въ казенныхъ и удѣльныхъ лѣсахъ пастьба скота, собираніе валежника, хвороста, вѣтвей и листьевъ, и 7) усилены мѣстные заработки. Въ сихъ послѣднихъ видахъ, на работы по сооруженію Московско-Казанской и Курско-Воронежской желѣзныхъ дорогъ принимаются преимущественно пострадавшіе отъ неурожая; для нихъ-же организуя работы по устройству шоссеиныхъ и ремонту грунтовыхъ путей.

Удовлетвореніе указанныхъ продовольственныхъ нуждъ вызываетъ надобность въ значительныхъ денежныхъ позанмѣтованіяхъ изъ общихъ государственныхъ средствъ. Объ окончательномъ размѣрѣ потребнаго на сей предметъ кредита можно въ настоящее время составить лишь предположительное заключеніе. До сихъ поръ на сѣмянныя и продовольственныя нужды ассигновано по губерніямъ:

	На сѣмена.	На продовольственіе.	Всего.
	Р.	у б а.	и.
Симбирской . . .	1.300,000	3.700,000	5.000,000
Самарской . . .	1.368,604	3.031,396	4.400,000
Казанской . . .	1.700,000	2.300,000	4.000,000
Пензенской . . .	1.400,000	1.600,000	3.000,000
Нижегородской . . .	1.378,000	1.422,000	2.800,000
Саратовской . . .	1.500,000	1.000,000	2.500,000
Тамбовской . . .	1.130,000	1.170,000	2.300,000
Тобольской . . .	—	1.711,500	1.711,500
Уфимской . . .	—	1.300,000	1.300,000
Пермской . . .	350,000	650,000	1.000,000
Оренбургской . . .	—	1.000,000	1.000,000
Рязанской . . .	—	900,000	900,000

и 1.994,000 въ Курскую, Таврическую, Олонецкую, Орловскую, Вятскую и Тульскую. Всего по 18-ти губерніямъ 31.905,500 р. Кромѣ того, на общественныя работы, не считая лѣсоустроительныхъ и желѣзнодорожныхъ, отпущено 1.125,000 рублей.

Блестательный успѣхъ поднески на русскій 3% заемъ въ Парижѣ продолжаетъ вызывать разнорѣчивыя толки. По поводу его Брюссельскій *Nord* замѣчаетъ: „Это великолѣпное доказательство кредита Россіи и преобладающаго могущества французскаго рынка. Это—побѣда, которую Россія и Франція могутъ гордиться, притомъ побѣда мирная, гдѣ роль побѣжденныхъ будутъ играть развѣ только тѣ, которые сами этого хотѣли, а именно—антагонисты, осужденныя къ уплатѣ издержекъ за войну, имъ же такъ не кстаи объявленную“.

Какъ бы въ отвѣтъ на сердечный приемъ французскихъ моряковъ въ Кронштадтѣ, Петербургѣ и Москвѣ, русскіе моряки въ настоящее время являются предметомъ горячихъ оваций въ Брестѣ. Туда прибылъ 13 октября фрегатъ „Мининъ“ и былъ встрѣченъ въ портѣ громадною толлою народа. Дурная погода помѣшала офицерамъ фрегата сойти на берегъ, но командиръ фрегата Бирюлевъ сдѣлалъ визиты адмиралу Жерве и командирамъ французскихъ судовъ. 16 октября мэръ со своими помощниками посѣтилъ командира русскаго судна „Мининъ“, гдѣ имъ предложенъ былъ завтракъ. Делегация комитета торговли пригласила русскихъ офицеровъ на предстоющій 4 ноября банкетъ. Командиръ „Минина“ обѣщаль присутствовать на банкетѣ и сообщилъ, что дастъ 3 ноября балъ на своемъ кораблѣ. Русскій консулъ и русскіе офицеры присутствовали наканунѣ вечеромъ на представленіи въ театрѣ и были предметомъ горячихъ оваций.

Въ Берлинѣ выработана окончательно имперскимъ военнымъ вѣдомствомъ предварительная смета расходовъ на 1892—1893 гг. По ней требуется для пополненія артиллерійской матеріальной части, орудій, зарядныхъ ящиковъ и упряжныхъ лошадей, 34 милліона единовременныхъ расходовъ. Увеличивать личный составъ не предполагается, но мѣнется въ виду начате еще въ прошломъ году преобразование полевоы артиллеріи довершить такъ, чтобы всѣ 343 полковыя батареи приведены были въ такъ-называемый усиленный составъ, т. е. чтобы каждая батарея состояла изъ шести запряженныхъ орудій при двухъ или трехъ запряженныхъ зарядныхъ ящикахъ.

С М Ъ С Ъ.

Мы получили слѣдующее письмо: Позволяю себѣ, при посредствѣ вашей уважаемой редакціи, обратиться къ своимъ добрымъ знакомымъ, которые меня не забыли, съ усердною просьбою оказать посильную помощь мѣстному нашему населенію, Ефремовскаго уѣзда, наиболѣе пострадавшаго отъ постигнаго насъ неурожая. Лицъ, которыя сочувственно отнесутся къ моей просьбѣ, покорнѣйше прошу адресовать свои пожертвованія на имя жены моей, Елены Ивановны Свѣчиной,—Тульской губерніи, станція Кадное.

Очень прошу редакціи другихъ газетъ перепечатать это письмо и меня о томъ, по возможности, уведомить. Свѣдѣнія, какъ о полученныхъ пожертвованіяхъ, такъ и о способахъ ихъ израсходованія, будутъ ежемѣсячно сообщаться, какъ мѣстной администраціи, такъ и въ редакціи тѣхъ газетъ, которыя не откажутъ мнѣ въ помощи и содѣйствіи (напечатаніемъ этого письма) доброду и святому дѣлу.

Федоръ Александровичъ Свѣчинъ.

11 октября, 1891 г. Село Ситово, Ефремовскаго уѣзда.

Адресъ: Тульской губ., станція Кадное.

Туннель въ Пиринеяхъ. Верховный военный судъ въ Мадридѣ, послѣ долгихъ совѣщаній, разрѣшилъ одному акціонерному обществу прорыть въ Пиринеяхъ туннель. Новый туннель, первый по

величинѣ въ Пиринеяхъ,—представитъ собою новую связь между Франціей и Испанією, соединивъ желѣзнодорожную линію По-Олеронъ съ линіей Гусска-Каифранкъ. Такимъ образомъ Иберійскій полуостровъ прикнетъ къ Франціи, и вмѣстѣ къ континенту, посредствомъ третьяго рельсоваго пути, тогда какъ прежде связующими звеньями были только двѣ желѣзнодорожныя линіи: береговая линія Байона-Ст. Себастьянъ на сѣверѣ, и Перпиньянъ-Фигурасъ на югѣ. Проектируемый въ Среднихъ Пиринеяхъ туннель долженъ имѣть въ совокупности 7780 метровъ длины (около 4-хъ верстъ), изъ которыхъ болѣе половины, 4770 метровъ, придется на испанскую территорию. Устье туннеля, выходящее на эту послѣднюю, будетъ прикрыто цѣнью небольшихъ укрѣпленій, закладка которыхъ совпадетъ съ началомъ постройки туннеля. (в.)

Солнце въ роли поджигателя. На-дняхъ въ Берлинѣ произошелъ слѣдующій замѣчательный случай. Нѣкая госпожа Кнобельсдорфъ, сидя въ своей комнатѣ, услышала запахъ гари, шедшій изъ сосѣдней комнаты. Вбѣжавъ туда она замѣтила на подоконникѣ огонь, который тотчасъ же былъ потушенъ домашними средствами. Оказалось, что причиною пожара было слѣдующее: на подоконникѣ стояло на салфеткѣ блюдечко съ водою, черезъ которое какъ черезъ зажигательное стекло лучи солнца воспламенили находившуюся

подъ нимъ салфетку. Если бы по близости никого не было, могъ прозойти большой пожаръ. (к.)

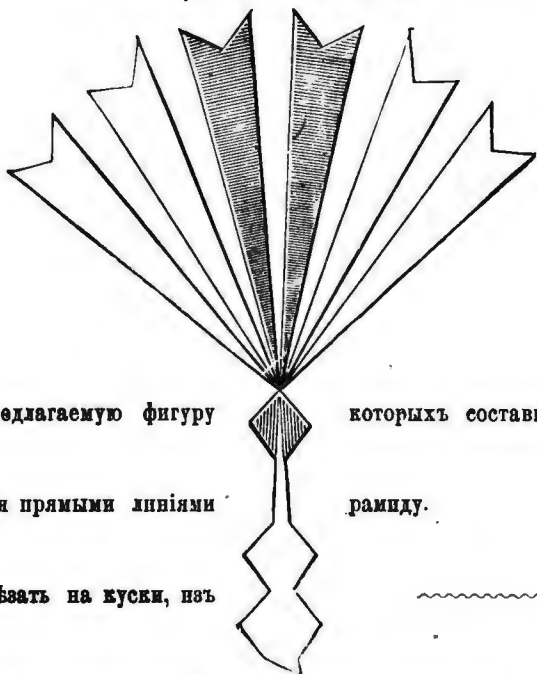
Археологическія раскопки въ Крыму, предпріятыя истекшимъ лѣтомъ профессоромъ И. И. Веселовскимъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Прежде всего имъ были окончены раскопки скифскаго могильнаго холма въ деревнѣ Шульговкѣ, Мелитопольскаго уѣзда, гдѣ было найдено множество интересныхъ въ археологическомъ смыслѣ вещей, и затѣмъ раскопанъ большой могильный курганъ въ деревнѣ Сабли, Симферопольскаго уѣзда. Самыми успѣшными оказались раскопки профессора Веселовскаго въ имѣніи одной помѣщицы въ 4 верстахъ отъ Симферополя, гдѣ имъ было раскопано 4 кургана. Одинъ изъ нихъ оказался насыпаннымъ надъ склепомъ въ 5 1/2 аршинъ длины, въ сажень ширины и глубины, построеннымъ изъ обтесанныхъ каменныхъ плитъ, соединенныхъ бѣлою глиною. Склепъ имѣлъ деревянную крышу, поверхъ которой была навалена земля. Въ этомъ склепѣ былъ найденъ скелетъ, лежащій головою къ востоку. Въ трехъ углахъ склепа

Высокопреосвященный Платонъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій († 1 октября 1891 г.)
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

были поставлены асифоры, а въ четвертомъ каменная плита, очевидно изображавшая роль стола, на которой лежали кости быка и ножъ съ костянымъ черенкомъ. У ногъ скелета лежалъ рогъ въ серебряной оправѣ; справа отъ скелета находился мѣдный шлемъ. На правой рукѣ скелета сохранилось золотое кольцо въ видѣ змѣи, на лѣвой—такое же серебряное. Кроме того, въ склепѣ были найдены пять кошей, колчанъ съ мѣдными стрѣлами и боевая дубина съ деревянною ручкою и желѣзнымъ наконечникомъ. На шеѣ скелета находилось золотое ожерелье, въ 80 золотниковъ вѣсомъ, съ застежками въ видѣ львиныхъ головъ. Не менѣе интересныя раскопки произвелъ тотъ же профессоръ подлѣ линіи Лозово - Севастопольской желѣзной дороги. Здѣсь было раскопано нѣсколько гробницъ. Одна изъ нихъ сдѣлана изъ 4 большихъ камней въ 2 квадратныхъ аршина каждый, и накрыта сверху такимъ же камнемъ. Скелетъ въ ней былъ найденъ въ сидячемъ положеніи. Дальнѣйшія раскопки этого интереснаго кургана были отложены до слѣдующей весны. (к.)

Геометрическая задача № 43.

Предлагаемую фигуру
двумя прямыми линіями
разрѣзать на куски, изъ
которыхъ составить пирамиду.

СОДЕРЖАНІЕ: Навъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина. Ч. II. (Продолженіе).—Ревель. Историческій очеркъ (съ 9 рис.).—Исторія двухъ могилъ. П. М. Полевого (съ рис.).—Къ рисункамъ: Въ мастерской художника (съ рис.).—Пріемъ пожертвованій въ пользу голодающихъ, открытый въ Назанскомъ соборѣ въ СПБ. (съ рис.).—На тоняхъ (съ рис.).—Мечтатели (съ рис.).—На привалѣ (съ рис.).—Порядокъ договѣ (съ рис.).—Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица (портр.).—Высокопреосвященный Платонъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій (съ портр.).—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задача.—О подпискѣ на „Ниву“ 1892 г.—О выставкѣ главной преміи „Нивы“ на 1892 г.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшиновъ.

ПОРТРЕТЫ
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ
СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

- 1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.
- 2) Государыня Императрица Марія Феодоровна.
- 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.
- 4) Великій князь Георгій Александровичъ.
- 5) Великій князь Михаилъ Александровичъ.
- 6) Великая княжна Ксенія Александровна.
- 7) Великая княжна Ольга Александровна.

Гравюра артистически исполненная съ фотографій С. Л. Левицкаго и К^о и отпечатанная на отличной веленовой бумагѣ, размѣромъ 10 1/2 вершк. выш. и 7 1/2 вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размѣромъ 13 1/2 вершк. выш. и 9 1/2 вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалку 2 р. 50 к.

Съ требованіемъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, СПБ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 г.

Подробности см. въ прошломъ № 42.

Подписная цѣна показана на 1-й стран. этого №.

О выставкѣ главной преміи „НИВЫ“ на 1892-й годъ:

Чтобы заранѣе ознакомить своихъ гг. подписчиковъ съ главною бесплатною премією „Нивы“ на будущій 1892-й годъ, большимъ

ХУДОЖЕСТВЕННЫМЪ АЛЬБОМОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ,

мы теперь-же разослали его въ нижепоименованные книжные магазины и библиотеки, гдѣ желающіе могли бы наглядно убѣдиться въ высоко-художественномъ исполненіи акварелей, сдѣланныхъ fac-simile съ картинъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: 1) „Лунная ночь на берегу Чернаго моря, близъ Сухумъ-Кале“, проф. И. К. Айвазовскаго, 2) „Вечеръ“, акад. А. Н. Бенуа, 3) „Морской каналъ въ С.-Петербургѣ“, проф. А. П. Боголюбова, 4) „У колодца“, проф. Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго, 5) „Фатима“, Натаніеля Зихеля, 6) „Спрята-

лась“, худож. А. М. Котляревскаго, 7) „Изъ дѣтства Петра Великаго“, проф. Н. А. Кошелева, 8) „Близъ Ай-Петри въ Крыму“, проф. Л. Ф. Лагоріо, 9) „Бояринъ“, проф. К. Е. Мановскаго и 10) „У яблоновъ“, худ. В. И. Навозова. На приложенномъ отдѣльномъ листѣ помѣщено описаніе картинъ и краткая характеристика ихъ авторовъ. Альбомъ разошлетъ подписчикамъ въ красивой папкѣ (10 вершк. длины и 7½ вершк. ширины; той-же величины и картины), украшенной акварелью академика С. Ѳ. Александровскаго.

Альбомъ можно видѣть:

- Въ С.-Петербургѣ:** въ Главной Конторѣ „Нивы“ и въ книжн. магаз.: И. П. Анисимова, В. А. Березовскаго, Ф. А. Ентелича, А. М. Бортовскаго, М. О. Вольфа, Глазунова, Дейнера, Н. П. Карбасникова, Бр. Курбатовыхъ, П. В. Луновичова (бывш. Цылева), Н. Г. Мартынова, „Народная Польза“, „Новаго Времени“, А. Я. Панафидина, Н. П. Петрова, М. В. Попова, Карла Рикера, П. В. Смирнова, М. М. Стасюлевича, Тузова, И. Д. Тяпкина, Н. О. Фену, Цинзерлинга (бывш. Мелье и К), Эггерса и К^о, Эрнсона.
- Въ Москвѣ:** въ отд. конторы „Нивы“ у Н. Н. Печниковой (въ Петровскихъ линияхъ), въ книжн. магаз. ввсл. бр. Салаевыхъ, „Новаго Времени“, А. Ланга, Ф. А. Богданова, Васильева, Н. П. Карбасникова, Поста, Н. И. Мамонтова, Шапошникова, Ласточкина, Глазунова, Анисимова, Вольфа, Леухина.
- Въ Архангельскѣ:** въ Обществ. библ.
- Астрахань:** въ „Прикаспійскій книжный магазинъ“.
- Вану:** у книгопродавца Тараева.
- Ватушъ:** у книгопр. М. Николадзе.
- Бердянскъ:** въ книж. магаз. Гаврилицы и К^о и у книгопрод. Г. А. Эдигера.
- Борисоглебскъ:** у П. Дурново.
- Брестъ-Литовскъ:** въ книж. магаз. Варгафига.
- Варшавѣ:** въ книжн. магаз. В. М. Истомина и Карбасникова.
- Вильно:** въ книж. магаз. Сыркина и Странуна.
- Витебскъ:** у книгопродавцевъ Миндельсона и В. П. Магеровскаго.
- Владикавказъ:** въ книжн. магазинѣ Черемиской.
- Владимиръ:** въ книжн. магазинахъ А. А. Бѣлянина и И. П. Иванова.
- Вологдѣ:** въ магаз. Д. В. Волоцкаго.
- Воронежъ:** въ книж. магаз. М. П. Савостьянова, Агафонова и В. В. Юрковича.
- Выборгъ:** у кни. Н. Ольденбурга.
- Вяткѣ:** въ книж. магаз. А. И. Залѣтской.
- Гомель (Мог. г.):** у книгопродавца Я. Г. Сыркина.
- Гродно:** въ книж. магаз. „Народная Польза“.
- Дерптъ:** въ Русской Библиотекѣ.
- Динбургъ:** у кни. К. Юзеса и у Я. Паденина.
- Екатеринбургъ:** въ книжн. магаз. Пеномарева, Н. В. Пироговскаго и у кни. Бабинова.
- Екатериншодаръ:** у кни. П. Т. Галладманца.
- Екатеринславъ:** у книгопрод. Шаффермана и въ книж. магаз. Ульмана и К^о.
- Киевѣ:** въ книжн. магазинѣ Золотова.
- Кішиневъ:** у книгопр. Савчука.
- Казани:** у кни. А. А. Дубровина, Э. П. Рязанова, К. П. Алексѣева, Н. Я. Башманова и въ муз. магаз. „Восточная лира.“
- Калугѣ:** въ книж. магаз. А. А. Мантейфеля и въ магазинѣ наследн. Мясникова.
- Кшишневъ:** въ книж. магаз. М. О. Шаха и Лихтанскаго.
- Кіевѣ:** въ книж. магаз. Н. Я. Оглоблина, Корейво, гг. Гинтера и Малецкаго, Югансона, въ „Южно-Русскомъ книжн. магаз.“ и у И. А. Розова.
- Керчь:** въ книж. магаз. А. Г. Дервисьев.
- Ковно:** въ книж. магаз. „Общ. любит. чтенія“ и въ магаз. І. С. Мандельштама.
- Козловъ:** въ книж. магаз. Муравьева и у П. П. Дурново.
- Костромѣ:** въ книж. магаз. Бекенева, Д. П. Блещинна и Соколова.
- Кременчугъ:** въ библ. И. М. Садды.
- Кронштадтѣ:** въ книж. магаз. „Кроншт. Вѣсти.“ и въ магаз. В. С. Ченунова.
- Курскѣ:** въ книж. магаз. Нашина, Переплетново и М. Н. Дружинина.
- Кутаисѣ:** въ книж. магаз. Бр. Чиладзе.
- Кѣльцахъ:** въ магаз. Леонъ и К^о.
- Либавѣ:** въ книж. магаз. Р. Пуце.
- Лебедяни (Тамб.):** въ магазинѣ В. И. Чуримина.
- Лодзи:** у кни. Р. Шатке и Г. М. Странуна.
- Ломжи:** въ магаз. А. Рихтера.
- Люблинѣ:** у кни. Низеветтера.
- Минскѣ:** въ книж. магаз. А. Городенскаго, въ библ. С. Ф. Савицкой, Е. Френкеля и В. Фруминна.
- Митавѣ:** у книгопр. Бестгорна.
- Могилевѣ:** въ книж. магаз. Сыркина.
- Моршанскѣ:** въ книжн. магазинѣ М. Прокофьева.
- Несвижъ (Под. г.):** у книгопродавца Р. Шера.
- Нижнег.-Новгородъ:** въ книж. магаз. „Первая Нижегород. артель“.
- Николаевѣ (Херс.):** у М. О. Шаха и М. А. Ефасова.
- Новгородъ:** въ книж. магаз. И. И. Дорреръ.
- Новочеркасскѣ:** въ книж. магаз. П. В. Анашевой и въ магаз. Прокофьева.
- Пѣваши (Черн. г.):** въ магаз. Янубонича и Болотникова.
- Одессѣ:** у кни. Е. П. Распопова, въ книж. магаз. „Новаго Времени“, Ансюна, И. А. Розова, Я. Х. Шермана и В. Г. Суворова.
- Омскѣ:** въ книж. магаз. В. М. Орлова.
- Орлѣ:** въ книж. магаз. В. Д. Нашина и въ магаз. „Орловскаго Вѣстника“.
- Оренбургѣ:** въ книжн. магазинѣ Мис. Арх. Братства.
- Острогожскѣ:** въ библ. Рѣдкина.
- Пензѣ:** въ книж. магаз. Н. А. Магницкаго, В. Н. Алексѣева и И. И. Добровольскаго.
- Перми:** въ книж. магаз. О. П. Петровской.
- Петрозаводскѣ:** въ „Алексѣевск. Общ. Библиотекѣ“.
- Петроковѣ:** у кни. А. Панскаго.
- Полтавѣ:** въ книж. магаз. Бойно-Родзевича и Е. Ф. Богоявленскаго и К^о.
- Полоцкѣ:** въ книж. магаз. М. А. Екатова.
- Прагѣ (Австрія)** у Э. Валца.
- Ревель:** въ книж. магаз. Ю. Вольфрама.
- Радомѣ:** въ магаз. Р. Чарнецкой.
- Ревель:** въ книж. магаз. Клуге и Штремъ и у кни. Вассермана.
- Ригѣ:** въ книжн. магазинахъ А. В. Витлина и Н. Киммеля.
- Ростовъ-на-Дону:** въ книж. магаз. Теръ-Абрамяна, Ф. В. Жуби и Ѳ. С. Романовича.
- Рыбинскѣ:** въ магаз. И. В. Смирнова.
- Рязани:** въ книж. магаз. С. С. Шемаева.
- Самарѣ:** въ книжн. магазинѣ Плотникова и Грау.
- Саратовѣ:** въ книж. магаз. „Приволжская книжная торговля“.
- Севастополѣ:** въ книжн. магазинѣ О. А. Протопоповой.
- Симбирскѣ:** въ книж. магаз. К. И. Юргенса.
- Синѣрополѣ:** въ книж. магаз. Н. Туманова и у Н. Н. Шматко.
- Слонимѣ (Ряз.):** въ книж. магаз. М. А. Сафонова.
- Славянкѣ (Хар.):** у А. В. Мандрыкина.
- Смоленскѣ:** въ книж. магаз. С. А. Клецова и въ библ. М. Ф. Лавровой.
- Ставрополѣ:** въ книжн. магазинѣ М. Т. Тимофѣева.
- Суваллахъ:** въ магаз. С. Левинской.
- Таганрогѣ:** въ книжномъ магазинѣ М. Иллъса.
- Тамбовѣ:** въ книж. магаз. Зотова.
- Ташкентѣ:** въ книж. магаз. Шварца.
- Твери:** въ книж. магаз. Муравьева.
- Тичинскѣ:** въ книж. магаз. „Центральная книжн. торг.“, Л. Б. Хидденель и въ конг. А. И. Евангулова.
- Томскѣ:** въ книжн. магазинѣ Манушина и Михайлова.
- Тулѣ:** въ книж. магаз. Л. И. Пузыревскаго и А. Д. Львова.
- Уфѣ:** въ книж. магаз. Блохина.
- Харьковѣ:** въ книжн. магаз. „Новаго Времени“, въ библ. Бирюкова, въ конг. Ф. Н. Константинова и у книгопр. Ф. Н. Миллера.
- Херсонѣ:** въ книж. магаз. М. О. Шаха.
- Черниговѣ:** въ книжн. магазинѣ Данюшевскаго.
- Черновцѣ:** въ книжн. магазинѣ Ф. Н. Лавовскаго.
- Хроставѣ:** въ книжн. магазинѣ И. Н. Соболева.
- Феодосіи:** у книгопр. Л. М. Надель и въ магаз. Б. О. Фенштейнъ.

НУЖЕНЪ КОМПАНИОНЪ

съ капиталомъ отъ 40 до 75 тысячъ руб. для расширенія заводскаго и другаго дѣла, приносящаго ЧИСТАГО ДОХОДА отъ 15 до 40%. Капиталь гарантируется вполнѣ. Справ. № 5875. МОСКОВСКОЕ № 5417

СПРАВОЧНОЕ АГЕНТСТВО.

Москва, Столешниковъ пер., д. Никифорова

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ. Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб. — 2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лаборатори.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. агент. товарищ., у А. Рузанова, Спб. Техно-Химич. Лабор.— въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Безбардинъ, Р. Келлеръ и Ко, О. Гетлингъ и во всѣхъ известныхъ аптекахъ и парфюмер. торгов. Россійской империи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Спб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. Ц. № 5347

Только подлинно съ этой фабрики, маркой.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТЦЪ и К. въ Бреславѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входитъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрешены.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 5364 (3)

Открыта на 1892 годъ подписка на новый ежемѣсячный

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ журналъ для юношества „МІРЪ БОЖІЙ“.

Подписная цѣна 6 р. въ годъ, съ доставкой и пересылкой 7 р., за границу 10 р. 1-я книга 1892 г. выйдетъ въ началѣ декабря сего года. № 5406

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Лыцова, д. 25—8 кв. 5. Под. А. Давыдова. Ред. Викторъ Острогорскій.

„НОВОСТЬ“

американскую, пишущую машину „Маллиграфъ“ рекомендуютъ Генрихъ Жемлячка въ Москвѣ, угодъ Тверской и Старого Газетнаго переул., домъ Фальцъ-Фейнъ, велосипедный магазинъ № 19-А. Высчитается описаніе. № 5418

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова: Мт. № 5428

ФАБРИЧНАЯ ГИГИЕНА.

В. В. Святловскаго. Фабрич. инспект. Варшавск. Округа. Съ 153 рис. (720 стр.). Ц. 4 р. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова, Спб. Лешуковъ пер., д. № 2.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—67.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ ПАРИКИ

легки, изящны и не отличимы отъ собственныхъ волосъ. Специально дамская парикмахерская

ГЕНРИ ДЕЛЬКРОА и К^о.

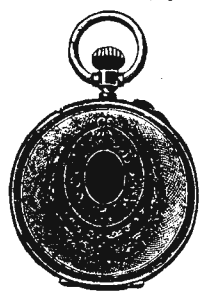
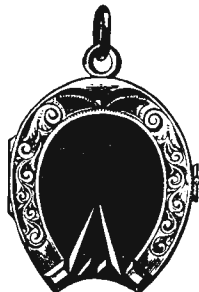
32. Невскій, домъ Католической церкви, 32, Бель-этажъ. № 5415

К. № 5414

ФАБРИКА

ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ КАРЛА ГОЛЬ въ Канштадтѣ (Германія)

высчитаетъ безъ всякой доплаты за пересылку до границы золотыя вещи своего издѣлія изъ массивнаго 14 каратнаго золота съ искусственными брилліантами имѣющими великолѣпную игру. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высчитается безплатно. Заказы исполняются лишь по полученіи полной стоимости выписываемой вещи, причѣмъ самая стоимость можетъ быть прислана русскими кредитными билетами или почтовыми марками.

№ 736. Кольцо изъ 14 каратнаго золота съ искусственнымъ брилліантомъ 8 руб.

№ 549. Медальонъ для 2-хъ фотографій изъ 14 каратнаго золота.

№ 1268. Дамскіе ремонтарные часы съ прекрасн. механ. изъ 14 карати. золота

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Файаръ и Бляйнъ есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность вставила повсюду много поддѣлокъ. Настоящая бумага Файаръ и Бляйнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. N. № 5383 20—4

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ЖИРНАЯ ПУДРА

Бѣлая, розовая и рашель. 50 к. коробки.

ПУДРА ВЕЛЮТИНЪ, ПУДРА ДОНГОЛА, ПУДРА де-НИОНЪ.

БѢЛИЛА И РУМЯНА.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точности фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕНН. МАГАЗ. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, № 82, домъ Католической церкви. Рт. № 5413 2—1
 - 2) Невскій проспектъ, № 66, у Анничкова моста.
 - 3) Вознесенскій пр., уг. Казанской ул., д. Шредера, № 24—52. (Оптова и розничная продажа).
- Магазинъ въ Москвѣ: 1) На Кузнечкомъ мосту, домъ Третьяковъ.

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп. Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія

Ауриха: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Марзина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ известнымъ книгопродавцамъ.

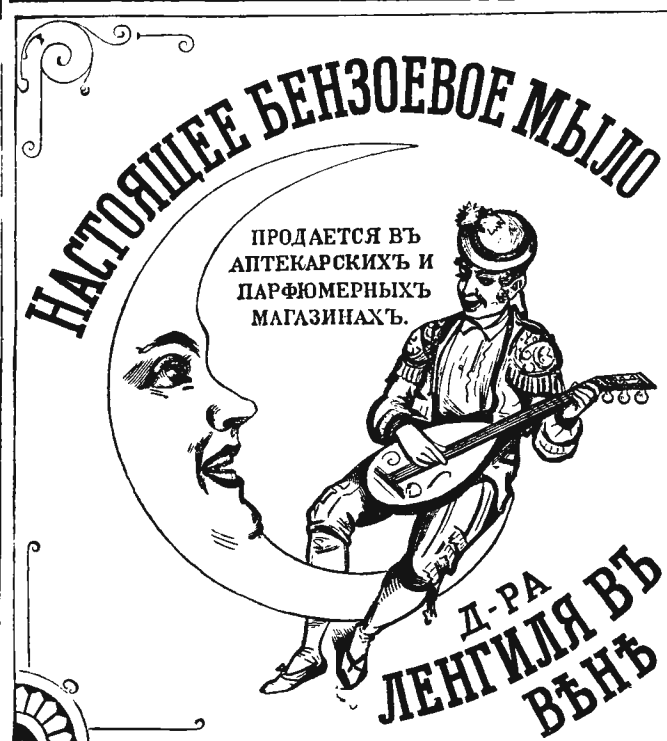
ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блондуры, желтая вода для брюнетокъ. Фланонъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (1)

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

Для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптеч. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к. но безъ пересылки.

Простятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ наждаго флакона, — пров. Кинуненъ. Главный складъ: С.-Петербургъ. Демидовъ пер., д. № 1. № 5129

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ВЪ ТАЙГѢ.
(Нѣзъ воспоминаій о далекомъ Востокѣ)
А. В. Елизарова. Цѣна 50 коп.
Выпущенные изд. ред.: "Природа и Люди",
СПБ. Вознесенск. пр. 47, за пересылку не платятъ. № 5419

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ

Наря форм. въ замшев. носелъч. 8 руб. пересылка за 3 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.
„Аргусъ“ имѣютъ превосходн. оптичск. качества и одинаково пригодны для военныхъ цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія „универсальнаго биноля“.

Е. КРАУСЪ и К^о
Спеціальн. фабр. оптичск. инструментовъ.
Парижъ, Rue de Bondy, № 32.
ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ:
С.-Петербургъ. Мойка, № 42.
Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. бесплатно.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ.

Предохранитель отъ лопанія лампочекъ. стекль 1 р. ♦ Машина для обрѣзанія Фитилей, очень проста и практична, дѣлаетъ воспламенение лампъ невозможнымъ 1 р. ♦ Фотографич. аппаратъ не игрушка, отъ 5 р. ♦ Магическая лампа зажигаетъ свѣчки и огниво 1 р. 50 к. ♦ Штормовый аппаратъ, чинитъ чулки, пологотло, матерію и проч. 1 р. ♦ Самоучитель кройки. Не надо болѣе дорогихъ портянокъ! Остроумн. приборъ для кройки безъ предварит. сѣдѣній 5 р. ♦ Вѣшалка американ. для чистки платья 1 р. 50 к. ♦ Аппаратъ шитья и починки перчатокъ 1 р. ♦ Швейн. машинка 4 р. ♦ Аппаратъ для выдѣлки пелъзъ 2 р. 50 к. ♦ Американск. часн-бу-дильники. 8 р. 50 к. ♦ Сапого-обуват. и раздѣлатель 1 р. 50 к. ♦ Брюно-выпрямитель 2 р. 50 к. и 4 р. дѣлаютъ утюжку доукую. ♦ Папиросница - автоматъ. Украшеніе любого кабинета 2—3 р. ♦ Мелит. вина, молока и яицъ по 50 к. и 1 р. опредѣл. въ точности ихъ качества. ♦ Сыродермателъ (ягель) 75 к. ♦ Машина для модной, дамской прически безъ постор. помощи 1 р. ♦ Машина для дѣланія пальпировъ 75 к. и 2 р. ♦ Электрич. спичечница 1 р. ♦ Электрич. ночникъ 4 р. ♦ Машина для стрижки волосъ людей и животныхъ 7 р. ♦ Волшебные фонари отъ 1 рубля 50 к. Фокусъ, шутки, подерки для дѣтей и взрослыхъ. Товаръ высылается пожеланію, но не желѣе чѣмъ на 3 руб. Каталогъ всѣхъ изобрѣтѣній и подарковъ (иллюстриров.) за дѣт. пятикопечн. марк. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ домъ 4. Складъ новыхъ изобрѣтѣній (фирма существ. съ 1872-го года.)

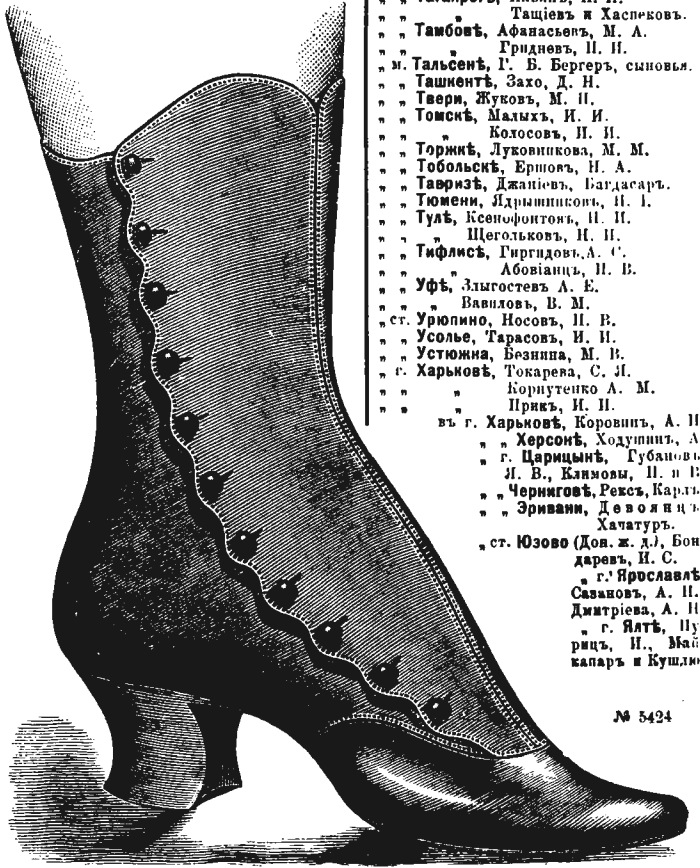
НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. П. 2 в. съ пер. 2 в. 50 к.

ОБУВЬ

ТОВАРИЩЕСТВА СПБ. МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ

имѣютъ слѣдующіе торговцы въ слѣдующихъ городахъ.

<p>Въ г. Анкерманъ, Броунштейнъ, М. С. Таращ. Л. Чобратеръ.
Ананьевъ, Литлицъ, В.
Архангельскѣ, Арсенсонъ, М. П.
Астрахани, Третьяковскій, С. Ф. Степановъ, И. Р. Постниковъ, П. И.
Барнаулѣ, Жерпаковъ, Е. А. Бендеряхъ, Рафаловичъ, М.
Бериславѣ, Гончаровъ, Н. С.
Бердянскѣ, Левензонъ, С. К. Бабалжанъ, М. П.
Благовѣщенскѣ, П. И. Чуринъ и К^о.
Брянскѣ, Бриллиантовъ, К. Т.
Борисоглебскѣ, Черномашенцевъ, Василій Андреевичъ.
Вялкѣ (Лифл. губ.), Кронбергъ, М.
Владивкавѣ, Е. С. Зиналова сынов.
Братья Богдасаровъ.
Дукьяновъ, И. П.
Никитинъ, Д. А.
Воронежѣ, Поповъ, Д. Н.
Воронцовѣ (Ставр. губ.), Корниловъ, Степанъ Родионовичъ.
Вѣншичъ, Рабниновичъ, П.
Вяткѣ, Поскребышевъ, В. С.
Гельсингфорскѣ, Ляндросъ, Марія, Александровская ул., № 11.
Денбекъ, Э., противъ Эспланады.
Георгиевскѣ, Кузьминъ, Е. М.
Генчическѣ (Тавр. губ.), Дукаревичъ, Я. С.
Грозномъ, Зиналова, Е. М.
Гурьевѣ (Урал. Обл.), Заринъ, В. В.
Дерптѣ, К. Р. Милларъ.
Дубовѣ (Сарат. губ.), Граубергеръ, Александръ Христофоровичъ.
Евпатори, Позаджievъ, П. Я.
Екатеринбургѣ, братья Мандрова.
Закожуричкова, А. И.
Ейскѣ, Карлашевъ, П. С.
Екатеринодарѣ, Котляровъ, П. В. Черновъ, А. С. Шапошиновъ, И. Братъя Р. и С. Шенцовы.
Екатеринославѣ, Аптекманъ, М. Я. Ельцъ, Чистовъ, И. К.
Жмериннахъ, Мандель Мордокъ.
Иваново-Вознесенскѣ, Пудровъ, Александръ Венедиктовичъ.
Кашенецъ-Подольскѣ, Гитлеръ I.
Калугѣ, Добровольскій, В. М.
Казани, Катковъ, М. В.
Кашинѣ (Тверск. губ.), Черенинъ, Федоръ Федоровичъ.
Касимовѣ, Петько, И. О.
Керчи, Д. И. Дидманъ.
А. И. Лобозревъ.
Х. С. Михайловъ.
С. Филъштинеръ.
Я. М. Хачеурзювъ.
Кинешаѣ, Новикова, М. П.
Кіевѣ, Шабардинъ, А. И.
Клейбергъ, Р. В.
Зозулинъ, Н. П.
Козловѣ, Никифоровъ, В. П.
Костромѣ, Настуховъ, П. С.
Козинъ, А. С.
Кременчугѣ, Бабахаджи, И. М.
Красноярскѣ, Гадазовъ, Николай Герасимовичъ съ сыновьями.
Кронштадтѣ, Марковъ, Я. К.
Кутанскѣ, Бокерія, Д. З.
Габуня, В. Г.
Габуня, П. Б.
Цикоридзе, Ф. А.
Чарковъ, Э. Г.
Курганѣ, Хамзовъ, А. В.
Курскѣ, магазинъ СПБ. Мех. Обувн. Московск. ул., д. Александрова.</p> | <p>Въ г. Кузнецкѣ (Сарат. губ.), Емельяновъ, Леонидъ Никандровичъ.
Либавѣ, Готшалкъ, В.
Луцкѣ (Волынск. губ.), Гурьевичъ, Юліанъ Гурьевичъ.
Маргеланѣ, Захо, Д. Н.
Марьуполѣ (Екат. губ.), Бичъ, С. С. Митавъ, А. Хомзе и К^о.
Моздокѣ, Кожениковъ, П. Г.
Могилевѣ, Эберлинъ, О. М.
Моршанскѣ, Сазановъ, И. М.
Нерчинскѣ, Рафъ, Ф. И.
Нижне-Уральскѣ, Стуловъ, Г. С.
Нижнему-Новгородѣ, Смирновъ, Митрофанъ Никаноровичъ.
Мокшелевъ, А. М.
Николаевѣ, Глазовъ, А.
Ага, Я.
Новочеркасскѣ, Титченко, Е. Д.
Моноцковъ, И. П.
Карѣевъ, С. К.
Милковъ, Н. Г.
Одессѣ, Филуринъ, Л. (Александр. пл., гор. домъ).
Филуринъ, З. (Рыбная пл. собств. домъ).
Яковенко, К. М.
Михельсъ, С. А.
Омскѣ, Козьминъ и Дерювъ.</p> | <p>Въ г. Оберпаленѣ, Лейб-бургъ, К. Ф.
Оренбургѣ, Мотковъ, А. И.
Грабовскій, О. И.
Павлодарѣ, Козьминъ и Дерювъ.
Пензѣ, Карташовъ, М. П.
Семеновъ, А. Н.
Перми, Казашниковъ, А. Е.
Газарьевъ, П. Г.
Продовольств. Отдѣлъ Урал.
ж. д.
Полтавѣ, Токарева, С. Я.
Пошехонѣ, Слѣпчиковъ, Н. Д.
Пятигорскѣ, Бураковъ, С. А.
Ревелѣ, Юргенсонъ, Карлъ.
Рени, Берештейнъ, Ц.
Ригѣ, А. Хомзе и К^о.
Ростовѣ н/Д., Изилья, П. П.
Рыбинскѣ, Батуревъ, Н. В.
Рыльскѣ, Дураковъ, Н. В.
Самарѣ, Поповъ, К. Н.
Христеневъ, Ю. В.
Самарандѣ, Захо, Д. Н.
Саратовѣ, Вестужевъ, П. Г.
Волдыревъ, А. П.
Севастополѣ, Грязновъ, П. И.
Семипалатинскѣ, Козьминъ и Дерювъ.
Скопинѣ, Фадѣевъ, В. С.
Смоленскѣ, Ирвиневичъ, Б. А.
Симферополѣ, Базаджievъ, Л. И. Валасный, П. М.
Сибирскѣ, Беринъ, И. М.
Таганрогѣ, Ильинъ, П. И.
Ташцевъ и Хаспиковъ.
Тамбовѣ, Афанасьевъ, М. А.
Гридановъ, П. И.
Тальсенѣ, Г. В. Бергеръ, сыновья.
Ташентѣ, Захо, Д. Н.
Твери, Жуковъ, М. И.
Томскѣ, Малыхъ, И. И.
Колосовъ, И. И.
Торжкѣ, Луконникова, М. М.
Тобольскѣ, Ершовъ, Н. А.
Тавризѣ, Джалиевъ, Багдасаръ.
Тюмени, Ядришкинъ, П. И.
Тултѣ, Ксенофонтовъ, П. И.
Щегольковъ, Н. П.
Тифлисѣ, Гиргидовъ, А. С.
Абовианъ, П. В.
Уфѣ, Злыгостевъ А. Е.
Вавиловъ, В. М.
Урюлино, Носовъ, П. В.
Усолъе, Тарасовъ, И. И.
Устюжна, Беззина, М. В.
Харьковѣ, Токарева, С. Я.
Корунтенко А. М.
Прякъ, И. П.
въ г. Харьковѣ, Коровинъ, А. И.
Херсонѣ, Ходушинъ, А.
г. Царицынѣ, Губановъ, И. В., Кляновъ, П. и В.
Черниговѣ, Рексъ, Карлъ.
Эриванн, Девоянцъ, Халатуръ.
ст. Юзово (Дон. ж. д.), Бондаревъ, И. С.
г. Ярославлѣ, Сазановъ, А. П.;
Дмитріева, А. П.
г. Ялтѣ, Пурицъ, П., Майкапаръ и Кушли.</p> |
|--|---|---|

№ 5424

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саліаса.

Историческій романъ времени востества на престолѣ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПБ. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Leichner's Fettreiner

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка!
Жирныя румяна, бѣлала. Нарандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Вельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
♦ Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

НОВАЯ ИГРА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

СЛОВАРЬ СМѢКАЛКА

Интересно и научно!
Изыщное изданіе. Напрягаетъ вниманіе, развиваетъ умъ и научаетъ правописанію.

Цѣна 2 р. 75 коп. 4 Игры 10 руб.

Послѣдняя только что усовершенствованная

НОВОСТЬ

МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изыщное! Практично! Безопасно! Дешово! Служитъ карманной спичечницей, давая при этомъ во всѣмъ часамъ.

Сдѣлано изъ чистого стекла. Только 1 1/2 вер. вышину — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 1000 зарядками 2 руб. Пер. 1 ф. Запасъ съ 2000 зар. 1 р. въ 10,000 зар. 4 р. Пересылка наложеннымъ платежемъ.

С.-Петербургъ, **БАЗАРЪ МАРКЪ** Невск. пр. № 20.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

по самым умеренным ценам:

Скрипки въ 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

Смычки для нихъ въ 50 к., 1 р., 1 1/2 р., 2 р., 3 р., 5 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 60 р.

Гитары въ 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 75 р., 100 р. и 125 р.

(Отъ 7 руб. и дороже съ механизмомъ для струнъ).
Цитры: обновленныя въ 8 р., 12 р., 20 р., 40 р., 60 р., 80 р., 100 р. и 125 руб.
Концертныя въ 40 р., 60 р. и 125 р.

Звончяныя въ 15 р., 40 р., 60 р. и 100 р.

Корнеты-а-пистонъ въ 15 р., 22 р., 25 р., 35 р., 50 р., 60 р., 75 р., 85 р., 100 р., 135 и 200 р.

Флейты въ 2 р., 4 р., 6 р., 9 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., и собственной фабрики въ 60 р., 75 р., 85 р., 120 руб. и 160 р.

Кларнеты въ 6 р., 10 руб., 5 р., 20 р., 25 р., 35 р., и собственной фабрики въ 45 руб., 60 р. и 75 р.

Английска концертно, въ 24 р., 30 р., 40 р., 50 р., 65 р., 85 р., 110 р., 125 р., 140 р., 160 р., 200 р. и 225 р.

ГАРМОНИИ Г. Ф. КАЛББЕ. Однорядныя: въ 4 р., 5 р., 5 1/2 р., 6 р., 7 р., 7 1/2 р., 8 р., 8 1/2 р., 9 р., 10 р., 11 р., 12 р., 15 р., 20 р. и 25 р.

Двурядныя: въ 12 р., 14 р., 15 р., 16 р., 18 р., 20 р., 25 р., 28 р. и 30 р. и виольныя въ 22 р.

Трехрядныя: въ 60 р. и виольныя въ 80 р., 50 р. и 75 р.

Самочитель Соколова по 1 руб. а также всѣ другія музыкальныя инструменты и принадлежности къ нимъ.

Заказы паз провинции исполняются немедленно и аккуратно. По получении 1/2 стоимости требующее высылается съ надлежащимъ платежомъ на остальную сумму.

Иллюстрированный преис-курантъ безплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, Н. Морская, № 31 и 40. Москва, Кузнецкій м. д. Захаркина.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ БРАТЬЕВЪ ШИНЪ
Въ гор. ЕКАТЕРИНОДАРЕ, Еубанск. Обл. Новый каталогъ фруктовъ и лѣсныхъ деревьевъ и комнатныхъ растений вышлетъ и высылается желаемыя безплатно. № 5410

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ!

самъ себя брить новоизобрѣтенною безопасною бритвою

„СТАРЪ“

употребленіе коей особенно облегчаетъ бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться. Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чистой шлифованной и магнетизированной новыиъ патентованныиъ способомъ бѣдой стали. При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія. Этой „Старъ“ нашелъ такое громадное распространеніе во всемъ свѣтѣ, что фабрикантъ и изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ ихъ заготовлять. Цена съ перес. 5 р. **НОВАЯ МАШИНА** для чистки замочной скважины. Цена съ перес. 1 руб.

„ГРАНАТЪ“, машина для точенія карандашей. Цена съ перес. 1 руб.
Преис-курантъ съ новостями и практич. предметами высылается безплатно.
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ,
Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей. С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 62 прот. Ими. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный преис-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5182 20-14

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОУТАВЩИНА

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

удостоиненный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ. продается во всѣхъ хорошихъ магазинахъ.

НАСТОЯЩИЕ ВЕЛОСИПЕДЫ ВИФЪ
УДОБНОСТЬ, ПРОЧНОСТЬ, СКОРОСТЬ
ПЕРВОЕ МѢСТО
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

НЕОБХОДИМО ИМѢТЬ КАЖДОМУ
альбомъ съ каталогами и образцами, преис-куранты по всѣмъ отраслямъ торговли, напримеръ: всѣ издѣлія изъ золота, серебра, стали и пр. мет. Швейц., вышивал., чулоч., пишущихъ и др. маш. Америк. вѣсовъ, велосип., экипажей, насос., самокат., деревян. составн. шкафовъ, шпалъ и т. п., краск. обоевъ, ваксм, мази, чаю, кофе галыль и др. бакалейн., галант., парфюм., благов., аптеч. тов. и ливъ. Для мануфак. отдѣл. помѣщены всѣ ткани изъ шелка, шерсти, пеньки и бумаги: съ обозначен. назван. выработки и фабрич. цѣнъ, болѣе миллиона сорт. и ливъ. и во всѣхъ цѣнтахъ и рисун., начиная съ дешев. и до вышнихъ цѣнъ. Имѣя мое произвед. кажд. будетъ знать всему цѣну, что необход. какъ для торговц. и покуп. Желающіе выписывать чрезъ меня тов. усл. — альбомныи. Ц. съ перес. приложим. и образц. три р., по полученіи котор. вышлю немедл. по адресу.
Адресъ для денежн. пакетовъ: Борнсо-гавбскъ, Тамб. губ., Н. Е. Кудрявцеву.

ЛЕВИНГОСЪ и ГЮЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON D'HIVER, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Ce PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde
Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

CORRESPONDANCE EN TOUTES LANGUES

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получить можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у Г. Голландеръ. Демидовъ пер. № 1. Вѣ С.-Петербургѣ. № 5877 (3)

Д-ръ Волиций, возврат. изъ-за границ. лечитъ: наружныя, кожныя, грудныя борошки и ракы. Невскій 71/1, кв. 5. Отъ 1-3 и 6-7 1/2 ч. в.

РОЯЛИ И ПИАНО

всѣхъ системъ, заграничныхъ и здѣшнихъ фабрикъ, потерявшие хорошей тонъ изъ-за многого игранія, смости или моли, исправляетъ запово хорошо, дешево и добросовѣстно. Специальность. Узнать: Михайловская, д. 4, потный магазинъ Г. Васильева, и Малая Морская, д. № 6, кварт. 13. № 5354

ТОВАРИЩЕСТВА „ГИГИЕНА“

ПУДРА

роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ

ОСВѢЖАЮЩІЙ ОДЕКОЛОНЪ

высшаго достоинства
СТИРОВАЯ ЖИДКОСТЬ
благословная, для освѣженія комнатъ.

ПРОДАЖА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.

С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9. Ц. № 5407 11-2
Москва, Никольская, д. гр. Шереметева.

НИШУЦАНЪ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 8 разъ быстрее пера. Частота, чистота и красота. Выведена по всѣмъ Министерствъ и много правительствъ и частныхъ учрежд.

Преис-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ Б. Морская. 21.

ИСУСЪ

(Свѣтъ Навина) Повѣствованіе изъ библейск. времени ГЕОРГА ЭБЕРСА. Перев. съ нѣм. съ 58-ю грав. въ текстѣ, по рис. художн. А. Земцова. С.-Петербургъ 1890 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 20 коп.

Въ Конторѣ журнала „Нива“ (Невскій, 6) поступили въ продажу

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМИИ „НИВЫ“ 1891 ГОДА,

ДЕСЯТИ АКВАРЕЛЕЙ „ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬБОМА“.

Мы изготовили большую партію багетныхъ рамъ, сдѣланныхъ подъ орѣхъ, съ лѣпными украшениями, золотымъ ободкомъ и со стекломъ, по прилагаемому образцу. Въ каждую раму вставленъ картошъ на которомъ должна быть укрѣплена картина, такъ что всякій можетъ вставить картину самъ, не прибѣгая къ помощи переплетчика.

Вслѣдствіе громаднаго количества заказанныхъ папъ рамъ, мы можемъ предложить ихъ Г.г. подписчикамъ по весьма недорогому цѣнѣ, а именно:

Для Г.г. городскихъ подписчиновъ по 1 р. 25 к. за раму со стекломъ. Покупаящихъ не менѣе 5 рамъ, онѣ уступаются за 5 р. 50 к., а при покупкѣ не менѣе 10 рамъ—за 10 р. 50 коп.

Г.г. многогороднымъ подписчикамъ рамы высылаются со вставленнымъ картономъ, но **БЕЗЪ СТЕКОЛЪ**, вслѣдствіе того, что не смотря на тщательную упаковку, стекла въ дорогѣ легко могутъ разбиться.

Г.г. московскіе подписчики благоволятъ обращаться за рамами въ контору Н. И. Печниковой (Петровскія линіи), гдѣ онѣ продаются (безъ стеколъ) по 1 р. 15 к. за раму. Покупаящихъ не менѣе 5 рамъ, таковыя уступаются за 5 р. 25 к., а при покупкѣ 10 рамъ—за 9 р. 75 к.

Требованія г.г. многогородныхъ исполняются лишь при условіи выписки **НЕ МЕНѢ ПЯТИ РАМЪ** — одновременно. Цѣна за 5 рамъ (со вставленнымъ картономъ и безъ стеколъ), съ ящичкомъ и упаковкою 5 рублей, а при выпискѣ не менѣе 10 рамъ—8 р. 50 к., съ ящичкомъ и упаковкою.

Рамы будутъ высылаться по желѣзной дорогѣ или черезъ транспортную контору и стоимость пересылки ихъ будетъ улачиваться адресатами на мѣстѣ, при полученіи ящичка. Желающіе получить рамы почтою, благоволятъ предлагать на пересылку по почтовой таксъ: 5-ти рамъ за 19 фунтовъ и 10-ти рамъ за 34 фунта.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 44

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXII
1891

ВЫХОДЪ ЕЖЕНЕД. №№ СЪ 8—10 РИС. ВЪ КАЖД. И ЕЖЕМЪС. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 мод. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕН. Выдаѣ 2 ноября 1891 г. ВЫПР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы“ безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к., со Сборникомъ 80 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

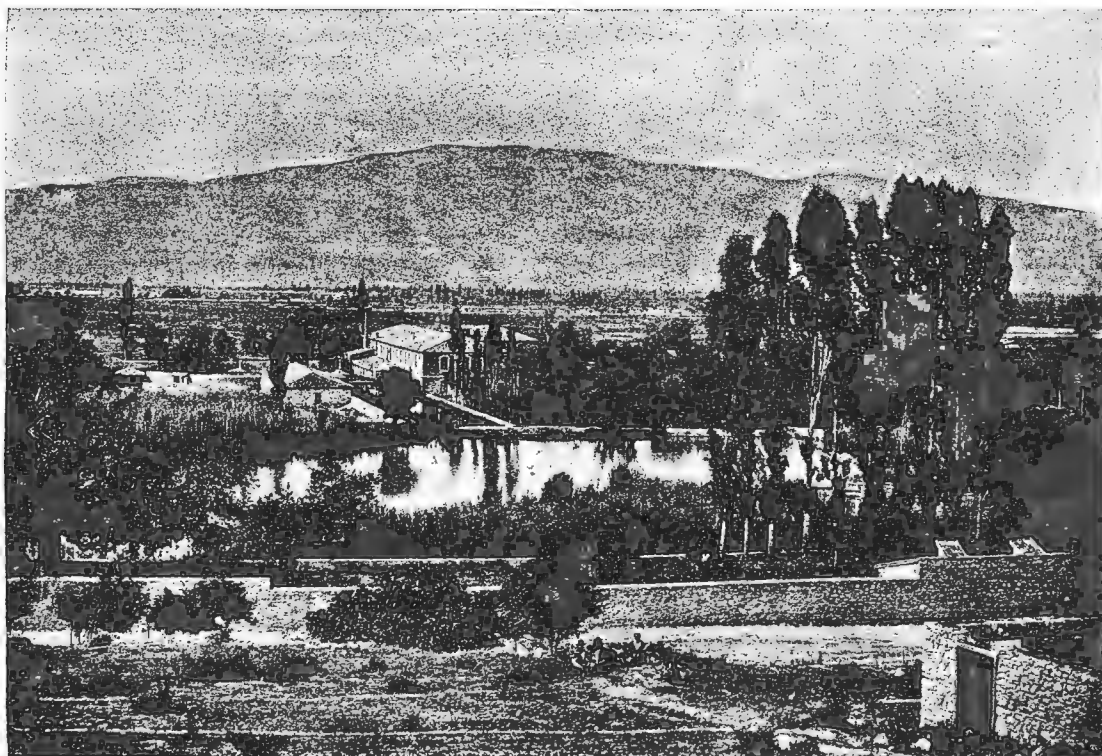
ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарель (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
1 руб. — Загран.: для Франціи
у Adolphe Naves по 3 fr., для
Австр., Герман. и Швейц. у Ri-
dolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Не-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Не-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 10 р.
Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленіи отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногород. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА НОЯБРЬ**, 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** за НОЯБРЬ съ 36 рис. и отд. лист. съ 30 черт. выкр. въ натур. велич. и 28 рис. выпильн. работъ.

Подписка на 1891 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями, Сборникомъ, Полн. собраніемъ сочин. М. Ю. Лермонтова, альбомомъ „Нивы“ и пр.

Купальня Діаны близъ Смирны. Съ фот. автотипія Герсеа.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

ХІ.

Штурмъ.

Въ домъ Ибрагимъ-бай было пусто. Сергѣй Николаевичъ догналъ его обозъ съ женами, дѣтьми и болѣе пѣннымъ скарбомъ уже на базарѣ, у самыхъ цитадельныхъ воротъ... Солдаты роты Глухарева — тащили куда-то охапки соломы; ими распорядился Столбушинъ, и выраженіе лица юнаго прапорщика вовсе не соответствовало трагизму предстоящаго боя...

— Приказано, какъ что — сейчасъ иллюминацію... Тамъ тебя ищутъ! крикнулъ онъ Налю. — Шолобовъ сердится!

Въ воротахъ Сергѣй Николаевичъ встрѣтился съ комендантомъ.

— А!..

Озабоченное, нѣсколько даже озлобленное лицо бывалата воюки освѣтилось было на мгновеніе радостной улыбкою, но тотчасъ-же приняло выраженіе серьезности.

— На мѣсто, поручикъ!.. Я тебя уже давно ищу...

Измучилъ ты меня, добавилъ Иванъ Алексѣевичъ тихо, сквозь зубы, и отвернувшись, сдѣлавъ видъ будто не замѣтилъ движенія Наля, живо обнаружившаго желаніе протянуть ему руку.

Казиміръ Костецкій, накинувшій почему-то теплое пальто поверхъ кителя, стоялъ въ небрежной позѣ, прислонившись къ косяку еще отпертыхъ воротъ, и пристально наблюдалъ эту короткую сцену. Онъ перевелъ свой взглядъ на группу закутанныхъ женщинъ съ закрытыми черными сѣтками лицами, проходившими торопливо въ цитадель. Съ ними были и дѣти... Ибрагимъ-бай, вооруженный съ ногъ до головы, говорилъ въ эту минуту съ комендантомъ.

Подѣхалъ Бабаджанъ, соскочилъ со своей рыженкой, степной лошади и, подобравъ саблю, побѣжалъ наверхъ.

— А вѣдь Деветка-то удрагъ!.. крикнулъ онъ, ни къ кому особенно не обращаясь, а такъ, во всеобщее свѣдѣніе.— Нигдѣ не могъ разыскать... говорили на дому: еще съ вечера ушелъ; сказывалъ—сюда, въ цитадель... Я предупреждалъ... говорилъ... Собака-предатель!..

— Ну, чертъ возьми, постѣ, все равно, попадетъ! проворчалъ сквозь зубы Шолобовъ.

— А, Налюша, здорово! обратился киргизъ къ Сергѣю Николаевичу.— Ого, какой у тебя клявчъ *) важный! Откуда добыгъ?.. Самому эмиру такъ въ пору...

Наль вздрогнулъ и почему-то вспыхнулъ до ушей... Роскошная сабля Пурмеда, въ ножнахъ, усыпанная золотыми украшениями, но ярко-зеленому бархату, съ драгоценнымъ эфесомъ, невольно бросилась теперь въ глаза всѣмъ.

— Да, хороша!.. проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ и тотчасъ присѣлъ на выступъ стѣны. Кровь отхлынула и голова закружилась...

Въ эту минуту, молча, но тяжело дыша отъ напряжения, солдаты пригнали орудіе, предназначенное для защиты воротъ, и всѣ занялись его установкою.

Сергѣй Николаевичъ поднялся и шатаясь пошелъ къ себѣ... Тамъ его Григорій Ивановичъ, блѣдный съ отвисшею трясущею губою, увязывалъ зачѣмъ-то чемоданъ, молясь, всхлипывая и бормоча:

— Дождались бѣды! О, Господи, Владыко Милосердный, пронеси грозу!.. Помилуй насъ, помилуй!.. О, Господи!..

— Вина скорѣе!.. задыхаясь крикнулъ Наль и оперся о столъ.

*) Клявчъ—сабля.

А за стѣнами города слышенъ былъ глухой гулъ подступающихъ вражескихъ массъ. До самой цитадели доносился этотъ звукъ, словно завываніе вѣтра. У городскихъ воротъ загремѣли выстрѣлы—послѣдній салютъ врагу на этой передовой позиціи—отступающихъ карауловъ... Подошелъ Буреломъ съ полусотнею...

— Ну и лавина-же валить! крикнулъ онъ.— Алемкуль съ ними... Самъ я видѣлъ значки!..

Послышался сухой костровый трескъ огня... За позиціей Глухарева взвились тяжелые желтовато-бѣлые клубы дыма и по крайнимъ саклямъ побѣжали красные языки!..

Вѣтеръ былъ отъ насъ и навстрѣчу врагу... Огненнымъ ураганомъ разгорался пожаръ—расчистка эспланады... Скоро огонь добрался до базарныхъ навѣсовъ... Все, сухое до-нельзя, горѣло съ неудержимою силою, и въ ревѣ колоссальнаго пожара затерялся ударъ, первый пушечный выстрѣлъ съ западнаго барбета...

Только теперь ясно обозначалась важная позиціи Глухарева, защищавшая воду, а съ нею и жизнь оборонявшихся. Высокій валъ угломъ выходилъ далеко впередъ, фланги этого укрѣпленія—одинъ упирался въ глубокій ровъ цитадели, другой—въ каменную мечеть, приведенную въ оборонительное положеніе. Изъ горжи передовой позиціи тнулся ровъ выводившій къ воротамъ цитадели, оканчивавшійся небольшою пробойной въ ея стѣнѣ. Это путь сообщенія обѣихъ позицій. Рота Глухарева могла дѣйствовать такимъ образомъ и противъ врага, атакующаго ее съ фронта, и противъ тѣхъ кто-бы пошелъ на приступъ главныхъ воротъ. Съ западнаго барбета и съ большаго протяженія стѣны можно было превосходно обстрѣливать все опасное пространство. Слабѣйшимъ пунктомъ обороны была южная сторона, но за то тамъ разстилалась совершенно открытая мѣстность конной площадки, и непріятель не отважился-бы сосредоточивать тамъ большія силы, терпя жестокой уронъ отъ огня осажденныхъ.

Уже три квартала, до самыхъ городскихъ стѣнъ, пылали въ огнѣ. Жители были предупреждены заранѣе, но не всѣ должно-быть покинули во-время свои дома. Стоны, вопли, плачъ и проклятія—прорывались въ хаосѣ звуковъ гибели и разрушенія.

Не отрывая бинокля отъ глазъ, Шолобовъ покойно стоялъ на гребнѣ барбета, но въ этомъ спокойствіи было много кажущагося... Его мучило какое-то тяжелое предчувствіе, и увѣренность въ успѣхѣ была поколеблена...

По случаю непонятной, несвоевременной болѣзни Наля, защиту воротъ принялъ Костецкій...

А съ Налемъ случилось вотъ что.

Онъ, едва только начался пожаръ, собравъ всю силу воли, возбужденный стаканомъ краснаго вина, бросился на свой постъ и на половинѣ дороги, у самой церкви остановился какъ вкопанный. Ему показалось, что кто-то дохнулъ ему прямо въ лицо и повелительно произнесъ: „спи!“

Сергѣй Николаевичъ отшатнулся и упалъ навзничь. Отецъ Никаноръ выходя изъ церкви, видѣлъ паденіе Наля и поспѣшилъ къ нему на помощь. Съ Григоріемъ Ивановичемъ вдвоемъ они внесли больнаго въ саклю, уложили на постель и попытались было подать помощь, но бесполезно. Наль оставался въ глубокомъ обморокѣ.

— Позови доктора! а мнѣ надо идти туда! грустно произнесъ священникъ и поспѣшно вышелъ...

— Господи Силь! молился онъ, направляясь къ площадке передъ воротами.— Ты, благословившій и укрѣпившій руку отрока Давида... Укрѣпи и насъ слабыхъ,

малочисленныхъ рабовъ Твоихъ, горячія моленія Тебѣ возносящихъ... Спаси Господи люди Твоя... Спаси достояніе Твое!..

Мѣстами, гдѣ пожаръ затихалъ, истребивъ все, что было подъ силу, и дымясь тѣли безобразныя развалины сакель, стали сгущаться враги. Тамъ и сямъ ихъ ярковыбѣтныя массы уже ранѣе видѣлись сквозь дымъ, очевидно скопляясь противъ позиціи Глухарева. Надъ куполомъ дальней мечети колыхалось большое зеленое знамя... Тамъ вспыхивали большіе дымные клубы, а за ними глухіе пушечные удары... Не было сомнѣнія, что у враговъ была артиллерія и у мечети главная ея позиція. Характерный вой ядернаго полета слышался уже не разъ, но снаряды, не долетая до цитадели, тяжело падали на землю, нѣкоторые рикошетировали...

Когда Шолобову донесли о странной болѣзни Наля, онъ проговорилъ словно про себя:

— Лучше-бы онъ умеръ...

Капитанъ самъ не давалъ себѣ отчета, почему это слово сорвалось у него съ языка, и ему стало досадно. Онъ все ждалъ, что его другъ оправится, явится среди ихъ... отважный и свѣтлый духомъ... Вернется ихъ прежній, лихой любимецъ, и сами собою разсѣются тяжелыя подозрѣнія... Въ чемъ подозрѣнія?.. почему?.. гдѣ поводъ къ такой гнусности?.. А между тѣмъ эти проклятыя подозрѣнія сами собою лѣзутъ въ голову, змѣю забираются въ сердце... Странно, что даже люди его роты, когда услышали, что нелюбимый Казиміръ Костецкій принимаетъ надъ ними начальство, какъ будто повеселѣли...

Глухаревъ не зналъ еще ничего о Наля. Онъ теперь былъ отдѣленъ отъ своихъ и сосредоточилъ все вниманіе на защитѣ своей позиціи... Столбушинъ безопасно бѣгалъ по брустверу редута, исполняя приказанія стараго офицера и чисто поддѣтки перекликался со своимъ другомъ Бабаджаномъ, сидѣвшимъ на западномъ барбетѣ...

— Столбушка!.. кричалъ киргизъ.—Смотри, смотри!.. Вонъ они слѣва къ тебѣ подкрадутся... берегись!..

— Вижу!.. Къ намъ сюда ихъ ядро долетѣло... А къ вамъ нѣтъ!

И въ тонѣ голоса слышалась даже нѣкоторая хвастливость: вотъ-моля мы какіе!.. Къ намъ попадаетъ, а вы съ носомъ!..

Ибрагимъ-бай вышелъ на барбетъ къ Шолобову, и его яркій халатъ красивымъ пятномъ вырѣзался между скромными костюмами русскихъ.

На южномъ фасѣ слышалась учащенная пальба... Тамъ на площади показались въ разбродѣ группы конныхъ, открывшихъ огонь изъ ручныхъ мултуковъ: пмъ отвѣчали наши стрѣлки...

Шолобовъ не обратилъ на это никакого вниманія... Онъ пристально вглядывался въ куполъ дальней мечети.

— Они тамъ собираются, шепнулъ ему Ибрагимъ-бай.

— Да, кивнулъ головою комендантъ.

Онъ на маленькомъ листочкѣ записной книжки черкнулъ каран (ашемъ нѣсколько словъ и подозвалъ ближайшаго унтеръ-офицера.

— Отнеси въ третью роту... въ руки Глухареву... Проходъ знаешь?

— Такъ точно, ваше благородіе!.. гораздо громче чѣмъ слѣдуетъ отвѣтилъ солдатъ, особенно тщательно сдѣлалъ поворотъ налѣво кругомъ и побѣжалъ исполнять приказаніе...

— Идутъ! произнесъ капитанъ. Махнулъ рукою, снялъ шапку и перекрестился.

Дѣйствительно, густыя массы непріятельской пѣхоты, широко охвативъ нашу главную позицію, — двигались по обгорѣлымъ кварталамъ; наиболѣе сгущались эти массы противъ редута защищавшаго воду...

— Картечью? побѣжалъ къ Ивану Алексѣвичу Бабаджановъ.

— Погоди... я скажу... надо беречь заряды.

Далеко сзади, гдѣ-то по сторонамъ, съ южнаго фаса, крики и пальба усилились. Молчаливо только подвигались, все вперед и вперед, штурмовыя колонны. Шли какъ *птица* саранча, съ какимъ-то зловѣщимъ шорохомъ, огибая массивныя части развалинъ, процѣживаясь въ ихъ проходахъ и скважинахъ, то перебѣгая, по припадая — ползкомъ.

— Слово черви копошатся!.. слышалось въ группѣ артиллеристовъ крайне удачное сравненіе.

— Катай! махнулъ рукою Шолобовъ.

Гулкохватило орудіе съ барбета. Картечная жетинка провизжала точно надъ самымъ ухомъ.

Весь валъ, защищающій воду, окутался дымомъ. Словно удары бича по жесткой почвѣ, щелкали одинъ за другимъ правильные залпы. Люди третьей роты, готовые къ отпору въ рукопашъ, выстроились на гребнѣ бруствера и отчетливыми силуэтами рисовались на бѣлой стѣнѣ ружейнаго дыма. Высокая сгорбленная фигура Глухарева, и съ нимъ махающая саблей маленькая фигурка Столбушина.

— Бабаджанка, жарь шибче!.. Совсѣмъ близко подходят!.. донесся на западный барбетъ его голосъ.

Дисциплинированные залпы уже слились въ сплошную, безкомандную пальбу. Видно было, какъ солдаты торопливо заряжали ружья. Штурмующія массы застопали. Но уже близко, совсѣмъ у вала... Этотъ стопъ былъ призывное „Ал-л-ла!“

Вдругъ Шолобовъ крикнулъ:

— Кто велѣлъ... убью!.. Что они дѣлаютъ!.. О, Господи!.. и стремительно побѣжалъ къ караулу у главныхъ воротъ.

Костецкій приказалъ отпереть ворота и бросился съ ротою Наля на помощь Глухареву. Это была роковая, почти непоправимая ошибка, чтобы не сказать болѣе.

— Резервъ! донесся оборвавшийся отъ натуги голосъ коменданта.

Минуто энергичная вылазка какъ бы казалась удачною. Но вотъ выбѣжавшая гореть бѣлыхъ рубахъ смѣшалась съ цвѣтными халатами враговъ — и попятилась. Вотъ они уже въ воротахъ, вотъ за ними, опрокинувъ ничтожную кучку, валить толпою враги... Заняли ворота, разливаются ихъ волны вправо и лѣво.

Съ крестомъ высоко поднятымъ надъ головою, величаво поступью шель, отважно глядя вперед, отецъ Никаноръ, а за нимъ, нога въ ногу, мѣрно отбивая тактъ по каменнымъ плитамъ, на юнивъ штыки, шли резервные полувзводы.

Шолобовъ ихъ потребовалъ во время.

Молча, безъ обычнаго крика „ура!“ ударила стройная сила на охмелѣвшую успѣхомъ массу и буквально смела ихъ обратно за ворота.

— Спасибо, ребята!.. овладѣвъ собой, громко и покойно обратился къ нимъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Рады стараться, ваше б—діе!.. весело загудѣло въ рядахъ, и солдаты резерва торопливо принялись запирать и заваливать ворота.

Шолобовъ перекрестился и подошелъ приложиться ко кресту.

— Костецкаго ко мнѣ!

Наступило общее молчаніе. Кто-то крикнулъ:

— Убить должно быть!..

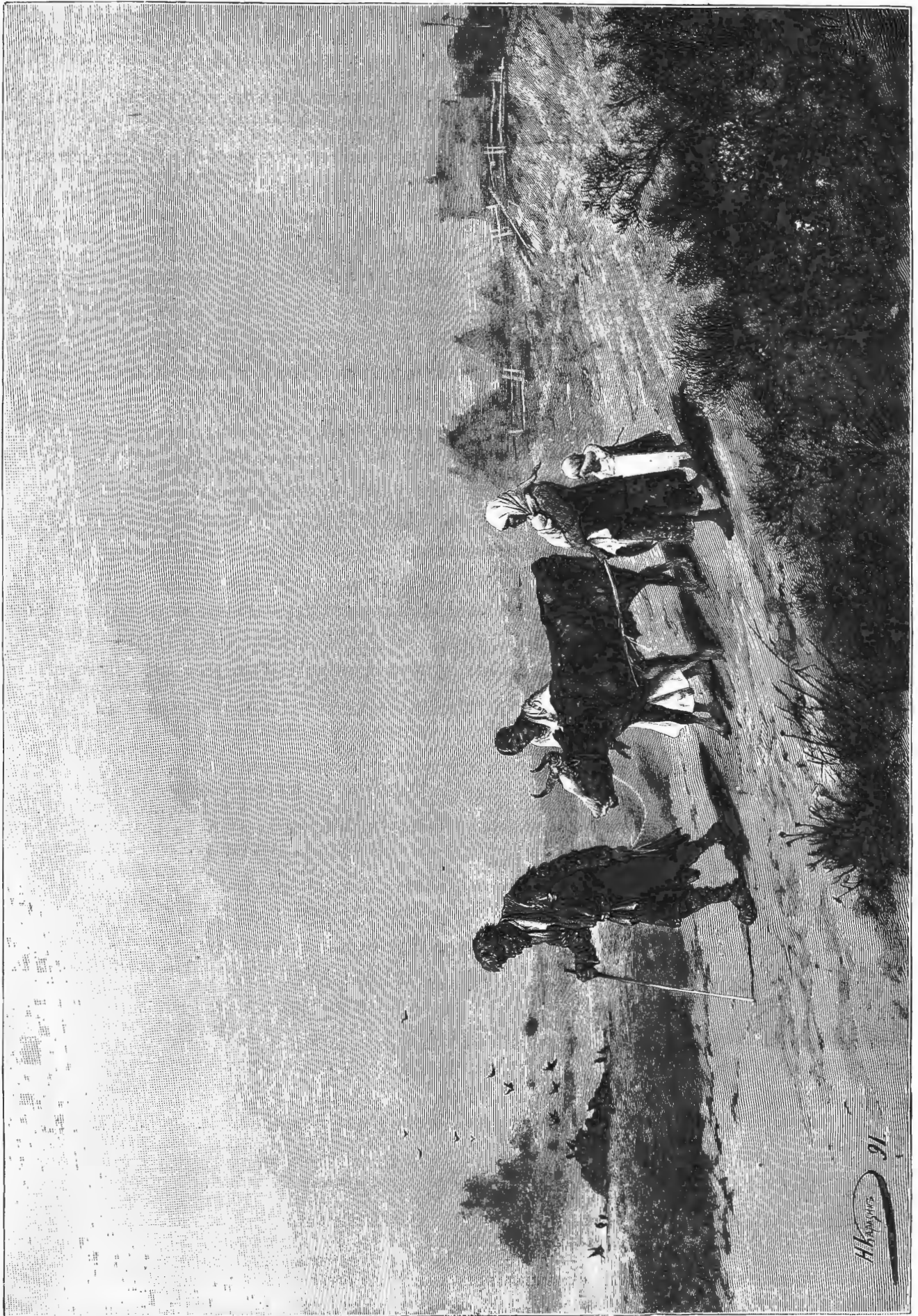
— Костецкій въ плѣну!.. кричалъ съ барбета Бабаджановъ.—Вонъ его повели!.. Нашихъ тамъ добиваютъ... головы рѣжутъ!

Орудіе западнаго барбета накалилось, не смотря на то, что его усердно поливали водою.

— Редутъ взяли!.. Глухаревъ убитъ! слышался снова уже отчаянный крикъ Бабаджанова.

Шолобовъ бросился на голосъ.

Дѣйствительно, все внутреннее пространство редута наполнило было дымомъ, черезъ его валы перебѣгали

Голодный годъ. Последняя корова. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Гашевскій.

Голодный годъ. Последняя лошадь. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Раппевскій.

новья толпы. У входа въ соединительный ровъ дрались остатки третьей роты, и дрались отчаянно за тѣло своего стараго командира. Нѣсколько поодаль видна была кучка казаковъ Буреломъ, неистово прорубающая себѣ шашками дорогу. Огонь резерва, выведеннаго Шолобовымъ на барбетъ, помогъ только защитникамъ редута отступить въ цитадель. Тѣло Глухарева, изуродованное въ схваткѣ, внесли даже съ признаками нѣкотораго торжества: „все-таки, моль, отбили!“ Столбушинъ, съ смущеннымъ видомъ, со слезами на глазахъ, приложивъ руку къ козырьку шапки, началъ что-то рапортовать коменданту.

— Божья воля! произнесъ Иванъ Алексѣевичъ. — Ишь подлецы! указалъ онъ рукою на отбитую у насъ позицію.

Тамъ горопливо заваливали прудикъ трупами. Очевидно враги догадывались, что нельзя имъ будетъ удержаться здѣсь, подъ смертоносными стѣнами цитадели, такъ они спѣшили лишить защитниковъ воды и тѣмъ парализовать продолжительную оборону.

— Картечь!.. жаръ, жаръ!.. обдавалъ ихъ сверху Бабаджановъ. — А... подались, дьяволы!.. А ну — вдогонку!..

— Отходить, отходить!.. Бѣгутъ... Отбили!.. слышались тамъ и сямъ по стѣнамъ повеселѣвшіе голоса.

Штурмующія массы отступали и въ самомъ дѣлѣ. Они отступали, бѣжали даже гораздо быстрее, чѣмъ казалось отсюда, сверху. А массы труповъ, цѣлыя горы мѣстами, лежали неподвижно гдѣ кого застала смерть, и между мертвыми ползли и копошились еще живые, но тяжело раненые.

Уронъ понесенный непріятелемъ былъ громаденъ. Уронъ нашъ, благодаря выходѣ Костецкаго, былъ относительно серьезнѣй. Изъ роты Наля, такъ преступно, легкомысленно брошенной въ многотысячную вражескую массу, осталась едва-ли четвертая доля.

Рота Глухарева тоже уменьшилась на половину.

Слишкомъ тридцать процентовъ убили. Слишкомъ много для перваго штурма, для перваго дня осады.

XII.

Переговоры.

Наступило время относительнаго затишья. Непріятель повсюду отступилъ за городскія стѣны, оставивъ по ихъ гребнямъ наблюдательные посты. Только за бывшею Глухаревскою позиціею виднѣлись въ развалинахъ притаившіяся толпы—предусмотрительная мѣра со стороны мурлы Алемъ-Кула: иначе русскіе могли бы во-время очистить отъ труповъ прудъ, пока еще не началось разложеніе. Излишняя, впрочемъ, предусмотрительность. Печальнымъ кровавымъ пятномъ виднѣлась, утромъ еще блестящая, поверхность воднаго резервуара. А солнце жгло, беспощадно усиливая разложеніе.

Раненые и умирающіе были спешены къ церковнымъ дверямъ. За пороховымъ погребомъ стучали китмени и лопаты,—тамъ хоронили убитыхъ. Тѣло Глухарева, покрытое старымъ, а все-таки парчевымъ покровомъ, лежало отдѣльно подъ почетною охраною двухъ унтеръ-офицеровъ. Отецъ Никаноръ едва поспѣвалъ исповѣдывать и причащать раненыхъ. Докторъ съ двумя фельдшерами не даромъ просилъ отобрать изъ ротъ старія рубахи,—ему работы было достаточно.

Шолобовъ только на минуту заглянулъ въ комнату своего друга: нахмурился, глядя на блѣдное лицо снащаго таинственнымъ сномъ Сергѣя Николаевича, и тотчасъ же вышелъ, не слыхавъ даже, какъ его попытались остановить старыя дядька вопросомъ:

— Ну, что?.. отбили? Есть надежда на враговъ пораженіе?

Иная мысль занимала теперь коменданта. Только три офицера осталось теперь въ его распоряженіи:

Столбушинъ и Бабаджанка—оба молодые, смѣлые, готовые на все, но юнцы неопытные, да сотникъ Буреломъ, офицеръ старыя, замѣнившій ему теперь убитаго помощника.

Слезы брызнули изъ глазъ Ивана Алексѣевича, когда онъ проходилъ мимо тѣла Глухарева и, перекрестясь, отвернулся, чтобы не замѣтили этихъ слезъ часовые.

Выйдя на барбетъ, куда деньщикъ принесъ ему стаканъ чаю, комендантъ долго всматривался въ окрестность, и даже немного подремалъ, присѣвъ на лафетъ.

Солдаты расположились по стѣнамъ, на боевыхъ мѣстахъ, тоже дремали утомленные безсонною ночью и событіями дня. Такъ тянулось до вечера.

Стало прохладнѣе. Нависалъ роковой вопросъ: дерзнетъ-ли врагъ повторить свой адскій штурмъ ночью?.. Не любить мрака мусульмане. Не охотники, суевѣрные, до боя въ потемкахъ! Это свойство врага было вѣсьмъ хорошо извѣстно, и ночной штурмъ имѣлъ вѣроятность весьма слабую. А все-таки!

И къ этому осторожному „все-таки“ готовились внимательно.

На барбетъ теперь собрались всѣ наличные офицеры, разбирая подробности утренняго боя.

— А все испакостили этотъ подлецъ Костецкій! горячился Столбушинъ. — Не сдѣлай онъ этой безмысленной вылазки, вторая рота была бы цѣла, резервы были-бы во-время направлены по ровику къ Глухареву, и не отвлечены на другое дѣло... Мы бы на чистоту отбили и воды бы не потеряли.

— Вѣрно! согласился Буреломъ.

— Вотъ теперь самъ цѣль... въ плѣнъ попался. Потомъ все равно генералъ вытребуетъ... вернется!.. Дунина вернули же въ третьемъ году. Въ герои еще попадетъ чего добраго!..

— А я говорю, что не вернется! рѣшительно заявилъ Бабаджановъ.

— Это почему?

— А потому, что онъ съ Девлеткою заодно. Тотъ бѣжалъ и этотъ бѣжалъ... только...

— Ну, это нехорошо... Это ты напрасно!.. и сотникъ Буреломъ укоризненно покачалъ головою. — Можно-ли подумать даже такое дѣло... и на офицера... Это напрасно!..

— А вотъ увидишь!.. Я киргизъ... киргизъ глупый, думаешь такъ?.. А киргизъ глупый лучше васъ вдаль видить.

— Ну, уже лучше!..

— Лучше!.. Вонъ то что?

И Бабаджановъ указалъ рукою вдаль, гдѣ отъ меча отдѣлилась какая-то бѣлая тряпка на палкѣ.

— А чортъ его знаетъ что!

— То-то!.. Это они парламентаровъ высылаютъ. Сейчасъ изъ-за той стѣнки покажутся. Вонъ, вонъ... вонъ выѣзжаютъ!..

Шолобовъ, сидѣвшій поодаль, всталъ и началъ подвигивать бинокль.

Дѣйствительно, отъ стана отдѣлились три всадника и осторожно, шагомъ, выбирались на базарную улицу. Передній махалъ бѣлымъ платкомъ на пикѣ; за нимъ, на пѣгой лошади, налаживалъ мѣдную, длинную трубу. Сзади ѣхалъ золотисто-парчевой халатъ на сѣромъ конѣ, въ богато-убранной сбруѣ.

— Парламентары и есть... послушаемъ! кивнулъ головою Буреломъ.

— Да все то-же, какъ и прежде! махнулъ Столбушинъ и посторонился, чтобы пропустить коменданта.

Раздался рѣзкій звукъ трубы. Шолобовъ велѣлъ ближайшему горнисту отвѣтить. Парламентары, значить, приняты. Послали за Ибрагимъ-баемъ. Хотя всѣ офицеры понимали по-татарски, а все лучше, если съ официальнымъ переводчикомъ.

Опять завилла труба,—опять отвѣтили нашъ горнисть. Всадники приблизились шаговъ на полтораста.

— Тюрк-русскій комендантъ желаетъ-ли говорить съ посланцемъ самого достоуважаемаго, великаго паша *) муллы Алемъ-Кула, да продлитъ Аллахъ на многія лѣта его жизнь и славу!

Шолобовъ утвердительно кивнулъ головою.

— Русскій комендантъ разговаривать съ вами согласенъ! крикнулъ Бабаджановъ во все горло.—Подходите ближе!..

— У насъ законъ такой, что честныхъ посланцевъ не бьютъ! кричалъ голосъ снизу.

— А у насъ развѣ нѣтъ такого закона?.. Чтѣ надо? отвѣчалъ Бабаджановъ.

— Ну, такъ мы еще поближе подъѣдемъ, а то кричать зря не приходится.

— Подъѣзжайте, послушаемъ!

Прошло нѣсколько секундъ ожиданія. Солдаты, заинтересованные сценою, выглядывали изъ-за зубцовъ, нѣкоторые даже взобрались на ихъ гребни.

— Великій Алемъ-Куль, въ награду за вашу храбрую оборону, шлетъ вамъ свой поклонъ, привѣтъ и милость.

— За поклонъ и привѣтъ спасибо, а милости не надо... Передай имъ это, улыбнулся Шолобовъ.

Бабаджановъ передалъ.

— Напрасно, говорилъ голосъ внизу.—Милость властителя что милость Аллаха—отъ нея не отказываются.

— Что надо?.. Говори прямо!

— А то, что вамъ надѣяться не-на-что... Войско генерала разбито и частью въ плѣну, — самъ генераль убитъ. Сдавайтесь и вы. Чтѣ помирать напрасно!.. Алемъ-Куль встрѣтитъ васъ съ почетомъ и ласкою, какъ слѣдуетъ храбрыхъ воиновъ. Жалко ему васъ стало... сдавайтесь!

— Вреть, вреть, собака!.. загудѣло въ солдатскихъ рядахъ.—Вреть!.. Чтѣ его слушать!.. Пальнуть бы вотъ за такія слова: „Генераль убитъ, войско наше въ полонъ забрали“. Вотъ погоди скоро вернется генераль—онъ тѣ наладеть по загревкѣ!..

— Сдаются, что-ли?!.. Мулла Алемъ-Куль до завтрашняго восхода солнца дастъ вамъ сроку... подумайте. Да вотъ это письмо возьмите. Это отъ вашего же офицера.

— Онь письмомъ машеть... Какъ же взять-то его?.. обратился Бабаджановъ къ Ивану Алексѣвичу.

— А ты скажи, чтобы положили письмо у воротъ, на край рва... Получимъ—небось.

— Положи письмо, да и уходи. Скажи Алемъ-Кулу, что придумаемъ до завтра!.. Такъ что-ли?

— Такъ! кивнулъ головою утвердительно Шолобовъ.

— Ну, отъѣзжай теперь, а то стрѣлять будемъ... Ходу, ходу!.. Ухъ, какъ понеслись!.. Страшно тоже подъ самими стѣнами!.. Они все по-своему думаютъ... какъ у нихъ...

Вызвался солдатикъ-стрѣлокъ; его спустили со стѣны по веревкѣ, за письмомъ, и снова втащили.

Шолобовъ распечаталъ и разорвалъ бумагу-обертку.

— Отъ Костецкаго, произнесъ онъ и вопросительно взглянулъ на товарищѣй.

— Интересно! пробурчалъ Буреломъ.

Въ это время къ офицерамъ подошли докторъ, окончившій первую перевязку, и отецъ Никаноръ.

— Костецкій пишетъ? Вѣдняя! полюбоньствоваль докторъ.

— Изъ вражескаго стапа извѣстие!.. Такъ! вздохнулъ отецъ Никаноръ.—Изъ лагеря агаряишъ печестивыхъ... Послушаемъ.

Въ это время Шолобовъ пробѣгалъ глазами письмо. Лицо его выразило тревогу, но не надолго... Онъ дочиталъ до конца и передалъ бумагу Бурелому: тотъ, читая, скрепѣ всею пятернею затылокъ и, кончивъ,

*) Полковода.

вопросительно взглянулъ на Ивана Алексѣвича, кивнулъ въ сторону Столбушина.

— Всѣ офицеры должны прочесть! наклонилъ голову комендантъ.

„Пишу къ вамъ, какъ попавшійся въ плѣнъ вашъ несчастный товарищъ, значилось въ письмѣ Костецкаго, — чтобы убѣдить васъ въ необходимости сдачи немедленной. Здѣсь, въ лагерѣ муллы Алемъ-Кула, со мною, какъ и съ нижними чинами, подвергшимся моей участи, обошлись по-человѣчески... Мнѣ представлены явные и неопровержимыя доказательства полнаго разгрома нашихъ главныхъ силъ на урочищѣ Джауръ-курганъ. Генераль убитъ... Большинство офицеровъ въ плѣну, отправлены въ глубь страны. Гарнизонъ цитадели предоставленъ собственнымъ силамъ и на помощь ему ни откуда рассчитывать нечего... Вы знаете, господинъ комендантъ, всю ничтожность средствъ обороны и предстоящій недостатокъ въ снарядахъ, не говоря про потерю воды въ сегодняшнемъ печальномъ дѣлѣ. Благоразуміе ваше подскажетъ вамъ вашу прямую обязанность—не губить напрасно столько вѣреныхъ вамъ жизней и принять хорошія и вполне почетныя условія сдачи“.

Подписано: „Костецкій“.

Прочли это письмо и отецъ Никаноръ, и докторъ. По прочтеніи, комендантъ тщательно сложилъ бумагу и спряталъ ее въ грудной карманъ кителя.

— Ну-съ, мы всѣ на-лицо... Чтѣ скажешь. Пашутка?

Вопросъ обращенъ былъ къ Столбушину, какъ младшему.

— По-моему, повѣсить мало за такое письмо, а не слушать этого подлеца!

— Вѣрно!.. Что, не моя правда? оживленно подтвердилъ Бабаджановъ.

— Не вѣрится мнѣ... А впрочемъ, все равно драться надо...

— Могу я сказать слово, свое, такъ сказать, высказать мнѣніе, подошелъ докторъ. — Я вѣдь тутъ тоже лицо въ нѣкоторомъ родѣ званія офицерскаго и къ дѣлу причастнос... Не бойся, я буду говорить тихо, солдаты не услышатъ... Пройдемся немного...

— Видишь, я буду думать и говорить не по военному можетъ-быть, но вообще по человѣческому разуму... Ты не волнуйся и не геройствуй... Плѣнъ, при подобныхъ условіяхъ полной невозможности сопротивленія, вовсе не позорное дѣло. Но послѣ плѣна, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, еще есть и будущее... Положимъ, наши силы истреблены... Вы этому, кажется, не вѣрите — напрасно. Костецкій прежде всего русскій офицеръ и опрометчиво писать не будетъ. А онъ пишетъ ясно: „представлены неопровержимыя доказательства“. Пройдетъ годъ — наше дѣло все-таки будетъ сдѣлано, новая войска придутъ изъ Россіи и побѣда будетъ наша... Намъ возвратятъ, принудятъ возвратитъ — и двѣсти пятьдесятъ человѣческихъ жизней будетъ сохранено для отечества, а это заслуга не малая... Погибать же зря, за понюшку табаку, ради пазиданія потомству, чтобы потомъ поставили здѣсь какой-нибудь столбъ съ величественною надписью: „Здѣсь легли кости...“ и пр. и пр. — красиво, но глупо... Извини меня—глупо!.. Вотъ мой совѣтъ, человѣка не военнаго, не героя, нѣтъ, но человѣка не глупаго и немножко дальше видящаго, чѣмъ вы, ослѣпленные предразсудкомъ называемымъ военною честью...

— Гм!.. улыбнулся Иванъ Алексѣвичъ.—А ты чтѣ скажешь, отецъ Никаноръ?

— Это до меня не касается, смиренно наклонилъ сѣдую голову священникъ. — Мое дѣло утѣшить страдальца, нанутствовать умирающаго въ страны горнія и ободрить падшихъ духомъ и вѣрою. Претерпѣвшій до конца спасется... А конецъ сей не въ нашихъ рукахъ, а въ великой рудѣ Господней...

— Ибрагимъ-бай, напиши отвѣтъ Алемъ-Кулу. Есть бумага?

— Есть!

Аксакаль досталъ изъ-за пазухи свертокъ восковой бумаги и футляръ съ камышинками и чернилами.

— Присяжь вотъ тутъ и пиши. Слушай внимательно: „Нашъ генераль приказалъ намъ защищать эту цитадель. Сдадимъ только по его приказанію. Если онъ вправду убить—будемъ ждать отъ него приказанія съ того свѣта... А пока болѣе никакихъ переговоровъ вести не станемъ“.

Шолобовъ продиктовалъ это такъ громко и отчетливо, что его не могли не слышать не только ближайшіе, но и болѣе отдаленные защитники стѣнъ, тѣмъ болѣе, что солдаты чутко и внимательно слѣдили за всею предъидущею сценою, инстинктивно понимая ея значеніе.

Громкое „ура!“ прокатилось по гребнямъ и, подхватившее далѣе, кольцомъ охватило цитадель...

„Невмѣняемые!“ подумалъ про себя докторъ, и похрустывая головою пошелъ на перевязочный пунктъ.

Отецъ Никаноръ пошелъ по стѣнамъ, благословляя солдатъ, набожно крестившихся при его приближеніи.

Солнце садилось багровое, утоная въ сизомъ туманѣ. Казалось, что пыль и дымъ утренняго боя не улеглись, не разсѣялись и сплошною пеленою окутали горизонтъ, скрывая стѣны, а за ними широко раскинутый станъ полчищъ муллы Алемъ-Кула.

XIII.

Видѣнія и грѣзы.

А Сергѣй Николаевичъ лежалъ въ своемъ очарованномъ снѣ и ничего не видѣлъ и не слышалъ, что наяву происходило вокругъ. За то его большое воображеніе, будто по чьей-то чужой волѣ, какъ подъ диктовку, рисовало инныя картины, инныя образы...

Какъ едва замѣтный ростокъ, пробивъ земную кору, выглянуть на свѣтъ, начинаетъ развиваться, постепенно выбрасываетъ первые листки, удлиняетъ свой стержень, гонить вѣтви и мало-по-малу превращается въ тѣнистое дерево,—такъ и мысль, ухватившись часто за одно мимолетное слово, развивается въ картины широкія, цѣлый міръ охватывающія своимъ неудержимымъ полетомъ... Такъ и въ головѣ Наля слова Нурмеда: „ты не русскій, ты сынъ Юга, ты братъ мой, ты нашъ“— слова эти послужили росткомъ, готовымъ и рвущимся къ развитію.

„Ты сынъ Юга“ — и Югъ раскрылся передъ нимъ тѣнистымъ, тропическимъ лѣсомъ... Гроза утихаетъ, тяжелый, пропитанный запахомъ сѣры, удушливый воздухъ тѣснить грудь... Удаляясь, грохочутъ раскаты грома, бурный потокъ бушуетъ, подмывая столѣтнія пальмы, и съ тижкимъ, болѣзненнымъ трескомъ рунатся гордые лѣсные великаны... Хищный звѣрь притаился и не рѣшается еще выглянуть изъ своихъ убѣжищъ, птицы молчатъ... Страшенъ еще финалъ стихійной злобы, и люди подчиняются этому страху... Вонъ виднѣтся группа робкихъ, измокшихъ путниковъ... Словно гора, виденъ слонъ, прижавшійся къ опутанному плющемъ стволу дуба, а около люди, и между ними не здѣшніе, бѣлые: красивая пожилая женщина сидитъ у дупла, а съ нею, обнявъ за талію, положивъ чудную головку на плечо, молодая красавица-дѣвушка... Сѣдой старикъ стоитъ подлѣ, вооруженный, и будто чутко прислушивается къ чему-то... Отрокъ-сынъ, и тоже съ ружьемъ, усталый, измученный, дремлетъ и вздрагиваетъ во снѣ, бредитъ громко, грозитъ кому-то... Вонъ и слуги-индусы сидятъ молчаливою группою, — не много ихъ... Не много осталось вѣрныхъ своимъ господамъ въ эту тяжелую, смутную пору.

Встала дѣвушка на ноги, подошла къ брату—и озарилось особеннымъ свѣтомъ лицо ея чудное, лицо слишкомъ близкое Наю, слишкомъ знакомое...

— Мама! вырвался у него изъ груди.

Но никто не слышалъ этого призыва.

Да, это она!.. Молодая, блѣдная, въ вѣнчѣхъ золотистыхъ косъ, обвитыхъ вокругъ головы дядею.

И ясно стало такъ Наю, словно кто рассказалъ ему все, назвавъ по именамъ всѣхъ членовъ семейства.

Горе написано на лицахъ путниковъ... Это несчастные бѣглецы. Дрожать они, тревожно прислушиваются къ каждому звуку. Но не злоба стихій ихъ пугаетъ...

Какъ темно стало, какъ все погрузилось, потонуло и сгибло въ этомъ таинственномъ мракѣ!..

Григорій Ивановичъ заглянулъ въ комнату Наля и отшатнулся, пробормотавъ коспѣющимъ языкомъ:

— Съ нами крестная сила!

Кто-то съ сѣдою бородою, въ длинной бѣлой одеждѣ, сидѣлъ у изголовья постели... Но въ эту минуту отчаянные крики: „Ворвались... взяли... рѣжутъ!.. Спасайтесь!..“ заставили дядьку броситься къ церкви... Старикъ упалъ ницъ передъ иконостасомъ и потерялъ сознание...

Это былъ моментъ, послѣдовавшій за неудачною вылазкой Костецкаго.

Разсвѣтаетъ... Мѣрно качаясь движется слонъ. Въ тяжелой бесѣдкѣ на его спинѣ сидитъ семья бѣглецовъ. Только старикъ-отецъ, понуривъ голову, идетъ пѣшкомъ между вѣрными слугами... Узка тропинка, застилаетъ даль туманъ испарений и слабо борется съ этимъ туманомъ свѣтъ зари, бѣлою полоскою просвѣчивающей между стволами... Видитъ Наль это печальное шествіе и вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ другое, значительно дальшее, видитъ то, чего бѣглецы еще видѣть не могутъ... И страшною, невыносимою тоскою сжимается его сердце... Хочетъ онъ крикнуть имъ: „Стойте!.. Назадъ!“ — не повинуется голосъ; хочетъ Наль броситься самъ на помощь—не повинуются окаменѣвшіе, безсильные члены.

Толпа людей, полуголыхъ, съ лицами, искаженными злобой, засѣла притаившись по бокамъ дороги, желѣзо сверкаетъ въ кустахъ... Все ближе и ближе подходятъ къ этому мѣсту бѣглецы... Вонъ уже ясно въ туманѣ видна тяжелая масса слона и мѣрно колыхающаяся на его спинѣ бесѣдка.

Затихло въ цитадели, очнулся Григорій Ивановичъ, боится заглянуть вновь въ саклю и стоитъ у двери, прислушиваясь.

— Что ты, старина? подошелъ тутъ маркитантъ Касимка.

— Ради Бога!.. Пстой!.. Тамъ...

И дядька осторожно пріотворилъ дверь.

Никого. Только смертельно блѣдный, съ широко открытыми, бессмысленными глазами, лежалъ Наль, и на его лицѣ застыло выраженіе страха...

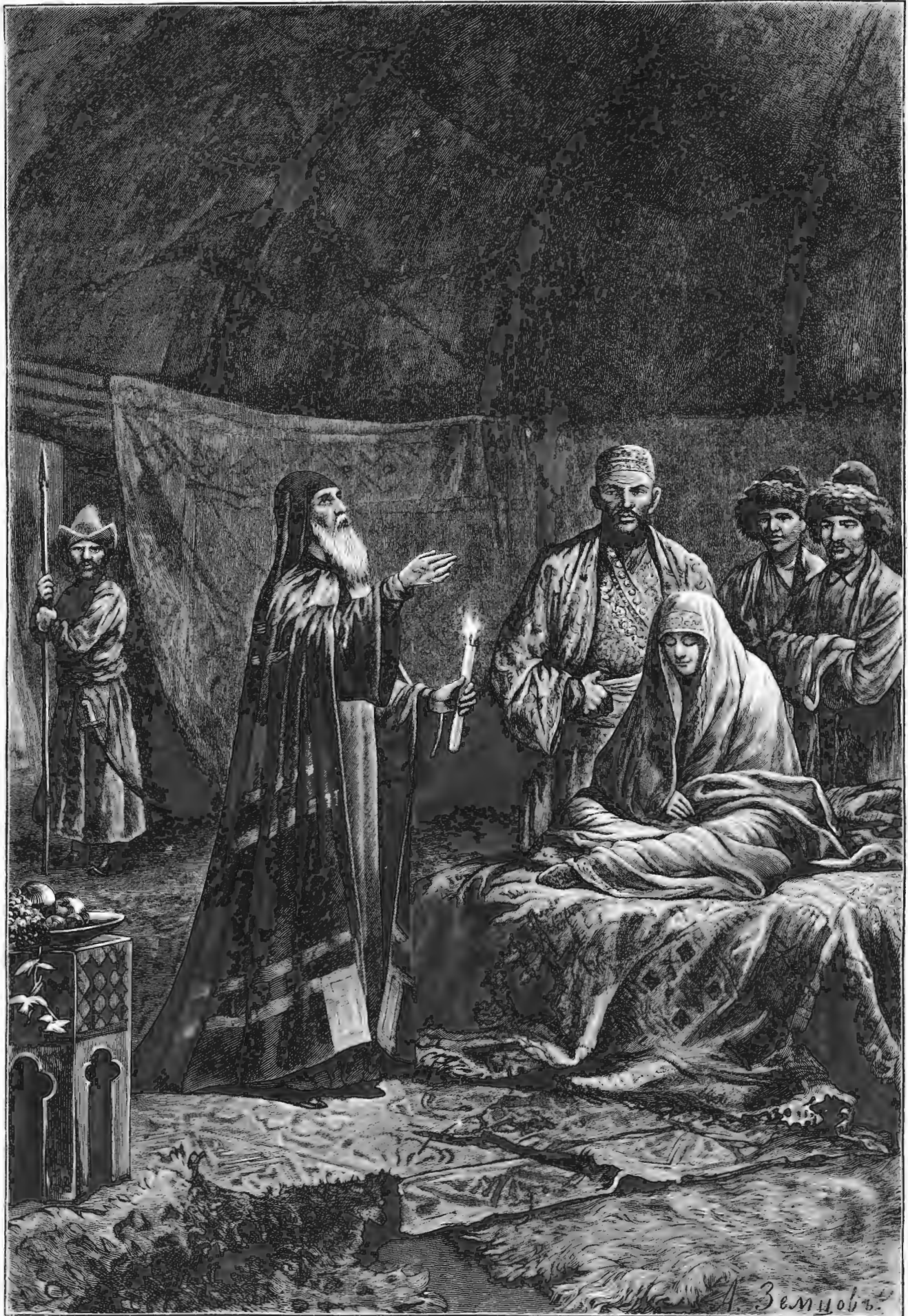
— Никакъ скончались! прошепталъ маркитантъ. — Всѣ скоро тамъ будемъ!..

Григорій Ивановичъ присѣлъ на порогъ и закрылъ лицо руками.

Какой-то раненый солдатъ вбѣжалъ, хватаясь за бокъ руками. Бѣдняга мотнулся было, по ошибкѣ, къ дверямъ комнаты Сергѣя Николаевича, споткнулся на дядьку и, захрипѣвъ, упалъ, разомкнувъ руки, сжимающія рану... Потокомъ полилась кровь... Маркитантъ Касимка бросился въ сторону...

„Всѣ скоро тамъ будемъ... всѣ...“ шепталъ старикъ, съ ужасомъ косясь на умирающаго въ конвульсіяхъ солдата.

И здѣсь кровь, и тамъ льется безъ мѣры... Крики

Св. Алексѣй митрополитъ въ Ордѣ, у больной Тайдулы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ. 2

злости и мольбы о пощаде, отчаянный женский вопль, рыдания и хохот... Лежит съдой отецъ съ раздробленною головою, лежитъ и отрокъ-сынъ, а все не выпускаетъ ручонка согрѣтаго выстрѣломъ ствола ружейнаго... Молодая златокудрая красавица спелася объятіями со своей матерью... Нѣсколько мускулистыхъ рукъ вырываютъ ее изъ этихъ объятій... Разметались дивныя косы, кто-то накрутилъ ихъ на руку и сильно тянетъ; блѣдное лицо запрокинулось, ножъ высоко занесенъ...

— Мать моя... иду!.. Я спасу тебя...

Что это?! Онъ—онъ самъ стоитъ между тѣми... Онъ самъ уже заслонилъ отъ враговъ припавшую къ ногамъ его красавицу... Онъ повелительнымъ жестомъ остановилъ смертоубійство, и понуривъ голову отходить молча убійцы... Только зачѣмъ на немъ эта длинная бѣлая одежда, зачѣмъ этотъ знакъ священнаго пламени на лбу?.. Зачѣмъ въ его сердцѣ нѣтъ болѣе образа матери и бьется оно совѣмъ инымъ, жгучимъ, Богъ вѣсть откуда явившимся чувствомъ.

Нѣтъ, это другой, не онъ—Наль, а другой, но какъ много сходства между ними!.. Куда же ты, чудный двойникъ? Зачѣмъ исчезаешь?.. Зачѣмъ уносишь ее?.. Останься!.. Скажи мнѣ!..

Куда же все скрылось: и лѣсъ, и туманъ, и сама смерть, и палачи, и жертвы?

— Смотри и вникай, говоритъ надъ самымъ ухомъ большого таинственный голосъ. — Не сонъ ты видишь, не бредъ это большого, тревожнаго воображенія... Картины прошлаго проходятъ передъ твоими духовными очами... Смотри!

Какая тишина, какой миръ! На чудной полянѣ, подъ тѣнью громаднаго дуба, пріютилась скромная хижина. Ручей журчитъ неподалеку, скрытый зеленью, громадные скалистые утесы поднимаются за лѣсомъ, а за ними, высоко-высоко на темной лазури, сверкаютъ вѣчные льды...

На порогѣ жилища сидитъ она, златокудрая, его мама, и держитъ на колѣняхъ ребенка... Тянется къ груди крошечная ручка, и кроткая улыбка играетъ на устахъ красавицы...

— Этотъ малютка ты! поясняетъ таинственный голосъ... А Наль и самъ это чувствуетъ, его сердце словно слилось съ сердцемъ ребенка и такъ ему хорошо, такъ уютно и сладко...

А счастливый отецъ выходитъ на поляну изъ лѣса. Но зачѣмъ онъ печаленъ и блѣденъ? зачѣмъ исчезло съ его лба это свѣтлое пламя?..

— Ради тебя я забылъ священный обѣтъ свой, говоритъ пришелецъ. — И страшная кара ждетъ отступника... Идутъ за тобою... Въ странѣ рабовъ нѣтъ героевъ, а много предателей... Есть животная жажда свободы, а не духовной воли... Предали меня и ведутъ сюда иноземцевъ. Окружень уже лѣсъ—нѣтъ спасенія!..

Опустилъ голову надшій сынъ великаго духа и, покорный судьбѣ, отошелъ въ сторону.

А люди пришли.

Со всѣхъ сторонъ входили индусы, вооруженные и безоружные, махали руками, показывали сюда и низко кланялись побѣдителямъ...

Почтительно подошелъ къ красавицѣ человекъ въ бѣломъ мундирѣ, въ тяжелой каскѣ, нолоча за собою желѣзную саблю.

— Часъ избавленія насталъ, произнесъ онъ.

И ее повели съ торжествомъ.

Вотъ людная пристань большаго приморскаго города, за лѣсомъ мачтъ разстилается необозримая синева океана... Стоитъ „Благодатный“ на выступѣ дамбы и смотритъ во слѣдъ отходящему кораблю... Блѣднѣютъ удаляющіеся паруса, словно уходятъ въ эту синюю бездну, скрылись давно, а все стоитъ и смотритъ во слѣдъ „Благодатный“...

Исполнено невыносимыхъ страданій его сердце, и эти страданія больной, безпамятный Наль, капля за каплею, вмѣстѣ съ нимъ переживаетъ — и разомъ все порвалось и стихло.

Очнулся Сергѣй Николаевичъ, быстро вскочилъ съ кровати и покачнулся. Онъ схватился рукою за лобъ, что-то силится вспомнить... долго, мучительно; наконецъ вспомнилъ, метнулся за оружіемъ — не нашелъ ни сабли, ни револьверовъ... Онъ бросился къ двери, отдернулъ коверъ, распахнулъ обѣ половинки, оказавшія однако сильное сопротивленіе, зазвенѣла лоннувшая цѣпь и брякнулъ упавшій замокъ... Два ружья скрестились передъ самою его грудью.

— Назадъ! произнесъ грубый, повелительный голосъ. У дверей Паля стояли часовые.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Призракъ графини Сентъ-Эньянь.

Историческій разсказъ Ганзена.

I.

Въ одинъ изъ тихихъ февральскихъ вечеровъ 1729 года посылщики во французскомъ городкѣ Ажанъ-на-Гароннѣ заработали много денегъ.

Въ городскомъ залѣ для баловъ былъ устроенъ блестящій маскарадъ, удовольствіе не только для всего города, но и для всей окрестности.

Жизнь и смерть составляютъ самый рѣзкій контрастъ. И этотъ ярко освѣщенный залъ, изъ котораго неслись веселые звуки музыки, шумъ, говоръ и смѣхъ разодѣтыхъ масокъ, представлялъ рѣзкій контрастъ лѣжавшему вблизи городскому кладбищу, озаренному только свѣтомъ луны, мерцавшимъ на бѣломъ мраморѣ памятниковъ, подъ которыми мирно и спокойно вѣчнымъ сномъ покоились люди, тоже нѣкогда взявшіе свое отъ жгучаго маскарада, осушившіе до дна кубки радости и счастья.

Посылщики Жанъ и Пьеръ только что принесли на балъ знатную даму, одѣтую испанской танцовщицей, и озирались по сторонамъ, высматривая новаго внимателя, когда къ нимъ подошелъ господинъ, одѣтый въ черное и въ черной маскѣ, и спросилъ:

— У васъ есть время?

— Точно такъ, ваша милость, отвѣчалъ Жанъ, вѣжливо приподнявъ свою шапку, — мы къ вашимъ услугамъ.

— Вы принесете сюда даму. Вотъ вамъ ливръ за труды. Дама сама платитъ не будетъ и не скажетъ вамъ ни одного слова.

— Прекрасно, ваша милость, а гдѣ позволено жить ваша дама?

— Видите высокія желѣзныя ворота кладбища Св. Сульинція. Идите тамъ, отворивъ дверцу носилокъ. Дама придетъ и молча сидеть. Ваше дѣло только принести ее сюда. Понимаете?

— Слушаемъ, ваша милость.

Жанъ и Пьеръ подхватили на плечи носилки и направилась къ находившимся въ двухстахъ шагахъ воротамъ кладбища, въ то время какъ замаскированный господинъ поднялся по парадной лѣстницѣ, вошелъ въ бальный залъ и остановился у колонны.

Въ залѣ танцевали. Гремящая музыка заглушала веселый говоръ и смѣхъ.

Дойдя до воротъ кладбища, Жанъ и Пьеръ опустили носилки, отворили дверцу и стали дожидаться. Луна ярко свѣтила. Они посмотрѣли направо, на дорогу шедшую вдоль кладбищенской ограды, потомъ налево, въ темный переулокъ, подлѣ церкви Св. Сульинція, — но нигдѣ не было видно никакаго дамы. Случайно Жанъ взглянулъ черезъ рѣшетку воротъ на освѣщенное луной кладбище и тотчасъ-же невольно вздрогнулъ.

— Смотри-ка, вотъ она! шепнулъ онъ своему товарищу.

У высокаго, великолѣннаго мраморнаго памятника, недалеко отъ воротъ, стояла дама, одѣтая въ черное и въ черной маскѣ. Замѣтивъ посылщиковъ, она направилась къ воротамъ, безъ шума отворила и затворила ихъ за собою и молча вошла въ носилки.

Посылщики ничѣмъ не выказали своего удивленія. Въ ихъ многолѣтней практикѣ имъ доводилось видѣть и не такія приключенія. Не ломая понапрасну головы въ догадкахъ, они

усердно исполняли свой долг, за что им щедро платили. Они бережно понесли даму от кладбища къ дому, гдѣ происходить маскарадъ. Тамъ она молча вышла изъ поилокъ.

Ожидавшій ее замаскированный господинъ, подоиди къ носильщикамъ, сказалъ:

— Я нанимаю васъ еще на два часа, вотъ вамъ два ливра!

— Покорно благодаримъ, вашу милость, отвѣчала Жанъ. — Что-же вамъ угодно? Принести еще одну даму?

— Пѣтъ, вы подождете здѣсь эту даму и снесете ее туда-же, откуда принесли.

— Значитъ на кладбище, слушаемъ, ваша милость!

— Да смотрите, не болтайте объ этомъ!

— Помилуйте, ваша милость, мы свое дѣло знаемъ, ужъ стараемся заслужить.

Замаскированный подалъ руку таинственной дамѣ и повелъ ее по лѣстницѣ въ балый залъ.

— Это интересно, сказалъ Пьеръ, — знатныя дамы стали бѣгать на кладбища, чтобы оттуда отправиться на балъ. Что ни говори, а носильщику приходится видѣть много чудесъ въ рѣшетѣ.

— Да, есть надъ чѣмъ поломать голову, отвѣчала Жанъ. — А то ли еще дѣлается въ Парижѣ. Мнѣ рассказывалъ знакомый кучеръ, что тамъ на кладбищѣ Св. Медарда стали являться духи и мертвецы вставать изъ гробовъ. Тамъ парижане по почамъ бѣгаютъ смотрѣть это диво. А ужъ дамы-то, и не говори, какъ увидятъ такое явленіе, такъ въ обморокъ и падаютъ. Такъ вотъ оно что!

— Ну, ужъ ты врѣ да не очень..

— Мнѣ что-же... только кучеръ божился, — мы еще съ нимъ сидѣли тогда въ качалкѣ у дяди Перрена, убѣдительно доказывалъ Жанъ.

И дѣйствительно, въ его словахъ была доля правды. Увлечение всѣмъ сверхъестественнымъ въ то время перешло всѣхъ границы не только въ Парижѣ, но и во всѣхъ французскихъ провинціяхъ. Рассказывали, что на могилѣ Франциска Парижскаго на кладбищѣ Св. Медарда совершались чудеса: появлялись духи умершихъ, больные разомъ выздоравливали и здоровые внезапно падали въ конвульсіяхъ. Въ свѣтъ являлись цѣлыя сочиненія о духахъ. Самыхъ ярыхъ ревнистелей этой вѣры въ духовъ называли „конвульсіонерами“. Люди здравые смѣялись надо всѣмъ этимъ, но насмѣшка еще не могла искоренить этого повальнаго ослѣпленія публики.

II.

Къ числу горячихъ поклонниковъ вѣры въ сверхъестественное принадлежалъ и молодой графъ Филиберъ де-С.-Эньянь, одинъ изъ богатѣйшихъ дворянъ въ Пени, владѣтель громадныхъ помѣстій и великолѣпнаго дворца въ Ажанѣ. Годъ тому назадъ умерла горячо любимая имъ жена его, Гортенаія, точно такъ же вѣрившая во всѣ чудеса, какъ и ея молодой супругъ. Послѣ смерти ея графъ впасть въ глубокое уныніе, но со временемъ онъ свыкъ съ этою тяжелою утратою, которую облегчила зарождавшаяся въ немъ новая любовь.

Молодая знатная дама, Марионъ де-Келюсъ, въ которой онъ открылъ такія же совершенства сердца, ума и красоты, какія нѣкогда украшали его супругу, овладѣла его сердцемъ, и онъ всецѣло отдался этой новой любви. Уже состоялась помолвка. Съ этого времени онъ снова кинулся въ бурный потокъ удовольствій, отъ которыхъ удалялся послѣ смерти жены. Вѣсело съ невѣстою и ея матерью, маркизою де-Келюсъ, онъ присутствовалъ и на вышеописанномъ маскарадѣ.

Обѣ дамы сидѣли на диванѣ въ углу залы. Подлѣ нихъ стоялъ графъ Филиберъ въ живописномъ костюмѣ крестоносца. Всѣ они были въ маскахъ, какъ и остальные участники маскарада, дворяне со своими дамами, офицеры гарнизона, чиновники и должностныя лица города.

Молодой графъ съ любовью смотрѣлъ на свою Марионъ и, что удивительно, думалъ въ это время объ умершей Гортенаіи, которая нѣкогда, тоже невѣстой, танцевала съ нимъ въ этомъ блестящемъ огниломъ залѣ, а теперь мирно покоится въ родовомъ склепѣ на кладбищѣ Св. Сульниця.

Онъ стоялъ, погруженный въ свои грустныя мысли, когда подошелъ къ нему замаскированный кавалеръ и дотронувшись слегка до его плеча, шепнулъ ему на ухо:

— Сіятельный крестоносецъ, твой Гортенаія шлетъ тебѣ свой привѣтъ! Одна дама изъ того міра хочетъ поговорить съ тобою. Слѣдуй за мною, графъ Филиберъ, если желаешь видѣть ее.

И одѣтый въ черное незнакомецъ пошелъ отъ графа, раздвигая пеструю толпу масокъ.

Молодой графъ былъ удивленъ и ошеломленъ загадочною рѣчью таинственнаго вѣстника, который узналъ его не смотря на костюмъ и маску. Онъ тихо наклонился къ невѣстѣ, сказавъ, что тотчасъ же вернется, и направился за незнакомцемъ, рѣшившись обличить его и потребовать отчета, если тотъ позволитъ себѣ мистифицировать его.

Замаскированный вышелъ изъ залы въ боковую дверь и, оглянувшись, поманилъ графа. Филиберъ последовалъ за нимъ. Оба они шли теперь по длинному коридору.

— Ну! сказалъ С.-Эньянь.

— Мы сейчасъ придемъ, отвѣчалъ невѣстный.

— Кто вы?

— Вѣстникъ изъ невидимаго міра.

— Вы, кажется, позволяете себѣ шутить!

— Это маскарадное право, графъ.

Онъ отворилъ дверь въ концѣ коридора и приподнявъ портьеру, сказалъ:

— Прошу васъ войти, графъ.

Въ это самое время оркестръ въ залѣ заигралъ явѣжную, пѣвучую мелодію. Заинтригованный и слегка возбужденный, графъ С.-Эньянь вошелъ въ комнату, слабо освѣщенную только одной лампадой. Восковые свѣчи въ большомъ канделябрѣ были только что потушены, какъ то показывалъ легкій дымокъ, подымавшійся отъ ихъ свѣтильнъ.

Противъ двери, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каминна, стояла одѣтая во все черное дама, въ черной же маскѣ.

— Филиберъ! Филиберъ! пронесла она протяжно, — вотъ при какихъ условіяхъ свидѣлись мы вновь!

Графъ былъ изумленъ. Онъ слышалъ голосъ своей Гортенаіи. И фигура, и манеры дамы напомнили ему умершую. Онъ искалъ глазами приведшаго его незнакомца, но тотъ исчезъ.

— Что это значитъ? спросилъ встревоженный графъ С.-Эньянь. — Къ чему эти балаганныя шутки?

— Вспомни, Филиберъ, торжественно произнесла черная дама, — прекрасный майскій вечеръ года два тому назадъ. Мы сидѣли въ бесѣдкѣ, кругомъ распѣвали жасмины и пѣлъ соловей. Помнишь ты сказалъ: „Гортенаія, наши сердца связаны неразрывно и сама смерть не въ состояніи разлучить ихъ! И послѣ смерти души наши соединятся!“ Ты помнишь?

Ужасъ охватилъ графа. Да, это были тѣ-же слова, которыя онъ сказалъ Гортенаіи, когда они впервые услышали о чудесахъ, происходившихъ на кладбищѣ Св. Медарда въ Парижѣ. Еще тогда, онъ ясно помнитъ это, они долго разговаривали о привидѣніяхъ.

Между тѣмъ дама продолжала глухимъ голосомъ:

— А теперь? О, Филиберъ! Тогда на твоихъ устахъ и на лбу и во снѣ было одно имя—Гортенаія; теперь его замѣнило другое—Марионъ! Развѣ это неправда? О, Филиберъ!.. Твоя Гортенаія не знаетъ покоя и въ могилѣ.

— Это адское навожденіе! крикнулъ блѣдный отъ ужаса С.-Эньянь. — Пусть я умру, но я узнаю, кто ты!..

И онъ бросился къ таинственной дамѣ.

Тогда ея черная атласная маска упала и изъ-подъ нея оказалась голый черепъ, въ то время какъ костлявая рука угрожающе протянулась къ графу.

Этого было довольно. Графъ не выдержалъ, слабо вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ на полъ.

Дама надѣла черную маску, сошла съ лѣстницы и молча вошла въ носилки, которыя Жанъ и Пьеръ тотчасъ же повесили. Немного спустя вышелъ и замаскированный кавалеръ въ черномъ и пошелъ въ другую сторону.

Передъ воротами кладбища Жанъ и Пьеръ опустили носилки. Таинственная дама вышла и медленно пошла по кладбищу, къ той самой могилѣ, у которой увидали ее въ первый разъ носильщики.

Заинтересованные носильщики смотрѣли ей вслѣдъ. Подоидя къ высокому, великолѣпному памятнику, она остановилась и обернулась.

Въ этотъ мигъ часы на колокольнѣ церкви Св. Сульниця глухо пробили полночь. Таинственная дама, освѣщенная луннымъ свѣтомъ, сняла черную атласную маску.

Жанъ и Пьеръ, испустивъ крикъ ужаса, подхватили свои носилки и со всѣхъ ногъ пустились бѣжать.

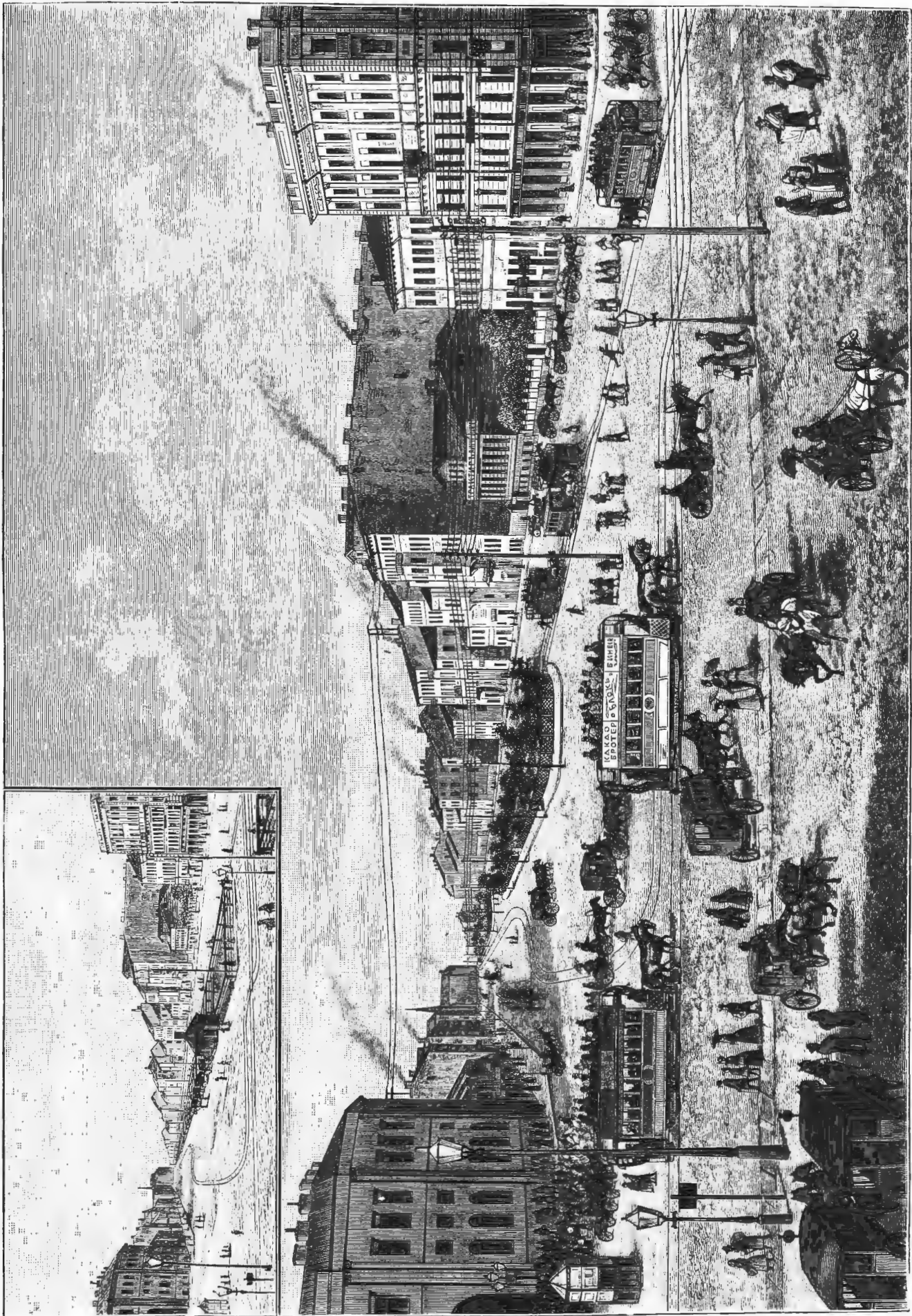
Тогда дама, тщательно осматрѣвшись, сняла и другую маску, изображавшую лицевую часть черепа, и положила ея въ карманъ. Ея настоящее лицо было почти такъ же противно, какъ только-что снятая страшная маска, несмотря на то, что дама была молода, не старше двадцати лѣтъ.

Она хотѣла отойти отъ памятника, чтобы сиртаться въ ближайшихъ кустахъ, пока придетъ ея кавалеръ и увезетъ ее отсюда, какъ они уговорились. Но едва она сдѣлала шагъ, какъ почувствовала, что кто-то видѣлся въ ея черное платье и будто тянетъ ее къ себѣ. Необъяснимый ужасъ охватилъ даму и безъ того уже возбужденную обстановкою, позднимъ часомъ и предыдущими сценами. Въ ея разгоряченномъ мозгу мелькнула мысль, что это поконившаяся въ гробницѣ графини Гортенаія де-С.-Эньянь, въ наказаніе за обманъ, тащить ее къ себѣ въ могилу.

Съ дикимъ крикомъ ужаса она рванулась впередъ, причемъ почувствовала, что кусокъ ея платья остался въ рукахъ привидѣнія, — какъ безумная бросилась отъ гробницы къ воротамъ и побѣжала по дорогѣ, ведущей къ заставѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ воротамъ кладбища подытила извѣстная карета, изъ которой вышелъ все еще замаскированный кавалеръ въ черномъ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ кучеру, ливрея котораго была тщательно закрыта чернымъ плащомъ, и поспѣшно вошелъ на кладбище.

Онъ внимательно оглянулся во всѣ стороны, съ минуту подождать и затѣмъ тихо позвалъ:

Прежній видъ Лиговни и засыпанный Лиговскій каналъ въ СПб. въ настоящее время.
Ориг. рис. (собств. "Нивы") Броллинга, графъ Рашевскій.

Первый день рождения. Съ карт. Зиберга, грав. Кнеапигт.

— Фаншонъ Жадн!
Отвѣта не было, только ночной вѣтерокъ шумѣлъ въ ку-старникахъ.

Незнакомецъ видимо обезпокоился. Онъ гнѣвно топнул ногою и пробормоталъ сквозь зубы какое-то проклятье. Затѣмъ онъ позвалъ нѣскольکو погромче:

— Фаншонъ Жадн!

Отвѣта не было. Онъ услышалъ только тихое ворчаніе, а когда приглядѣлся получше, замѣтилъ у памятника маленькую собачку. Онъ не обратилъ на нее никакого вниманія. Развѣ онъ могъ предполагать, что маленькое животное разрушило планъ, который онъ такъ тщательно обдумалъ и приводилъ въ исполненіе.

Позвавъ въ третій разъ, онъ проворчалъ вслухъ:

— Шельма-то, кажется, надула меня и убѣжала... Можетъ-быть, она испугалась чего-нибудь?.. А вдругъ она донесетъ?..

Убѣдившись, что дальнѣйшее ожиданіе бесполезно, онъ вышелъ изъ кладбища, сѣлъ въ карету и крикнулъ кучеру:

— Домой!

И карета покатила изъ города по освѣщенной луной дорогѣ въ Вилльиѣвъ.

III.

Какъ только пробило полночь, всѣ замаскированные въ балетномъ залѣ сняли маски.

Маріонъ де-Келье съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія своего жениха. Между тѣмъ какія-то двѣ молодыя дѣвушки случайно попали въ ту комнату, гдѣ лежалъ графъ С.-Эньянь.

Отворивъ дверь, онѣ увидали распростертаго на коврѣ и повидимому бездыханнаго крестоносца и подняли страшный крикъ, на который сбѣжались всѣ посѣтителн маскарада и въ числѣ ихъ и невѣста С.-Эньяна.

Маріонъ быстро наклонилась и сняла маску съ лица жениха.

— Боже мой! Чтѣ случилось?.. Филиберъ! Филиберъ!..

— Прошу, господа, пропустите меня! раздавался чей-то голосъ въ толпѣ.

Старикъ, въ костюмѣ астролога, протискался сквозь толпу кавалеровъ и дамъ. То былъ докторъ Дюоншель, домашній врачъ С.-Эньяна. Онъ всегда носилъ при себѣ небольшую аптечку.

— Ничего, ничего... Посмотримъ что будетъ... Больной упадетъ въ покоѣ! Необходимо отвезти его какъ можно скорѣе домой!

Графъ тотчасъ же былъ отнесенъ во дворецъ, гдѣ докторъ Дюоншель употреблялъ всѣ средства, чтобы привести его въ сознаніе.

С.-Эньянь лежалъ уже нѣсколько часовъ безъ движенія; по временамъ онъ бредилъ, произнося безсвязныя фразы.

Больной говорилъ что-то о призракѣ своей жены, о мертвой головѣ.

Докторъ сначала принималъ все это за лихорадочный бредъ. Но на слѣдующій день онъ попалъ на другую мысль. По всему городу распространилось странное извѣстіе, вышедшее изъ кабачка ядѣюшки Перрена, гдѣ оба носильщика были завсегдатаями.

Жанъ и Пьеръ рассказывали тамъ, какъ въ прошлую ночь они принесли съ кладбища на балъ женщину съ мертвую головой и спустя нѣкоторое время снова отнесли ее на кладбище.

Докторъ Дюоншель далъ знать полиціи, передавъ все что узналъ изъ безсвязныхъ рѣчей больного. Оба носильщика разсказали также все, что имъ было извѣстно. Начальникъ полиціи съ нѣсколькими агентами, докторомъ Дюоншелемъ и носильщиками отправился на кладбище, гдѣ Жанъ и Пьеръ указали памятникъ, подлѣ котораго стояла таинственная дама. Это былъ великолѣпный памятникъ надъ родовымъ склепомъ графовъ С.-Эньянь, гдѣ была погребена и графиня.

Когда всѣ стояли въ недоумѣніи, кто-то замѣтилъ маленькую собачку.

— Да вѣдь это любимая собачка графини, сказала Дюоншель. — Она знаетъ, что здѣсь погребена ея милая госпожа. Графъ до своей новой помолвки ежедневно ѣздилъ сюда и бралъ съ собою собачку. Вѣроятно, она забѣжала сюда и привезла ночь на могилѣ своей госпожи.

Подлѣ маленькой собачки замѣтили лоскутъ, вырванный изъ шелковаго чернаго платья. Никто не зналъ, чья и подумать. Всѣ терялись въ догадкахъ. Лоскутъ захватили на всякій случай.

Упомянутыя выше таинственныя явленія на кладбищѣ Св. Медарда въ Парижѣ занимали все населеніе Франціи, и въ Ажанѣ было также много вѣрующнхъ въ явленія духовъ. Они говорили: «Ну, что? Теперь вы видите, что все это правда! У насъ повторяются тѣ же самыя чудеса!»

Скентники, къ которымъ принадлежалъ и докторъ Дюоншель, пожимали плечами, но не находили объясненій загадочному происшествію.

На третій день дѣло нѣсколько распухало. Мальчишки, игравшіе за кладбищемъ Св. Сульпиція, нашли на дорогѣ маску, изображавшую мертвую голову, и искусно сдѣланный изъ дерева остовъ руки. Было ясно, что эти предметы имѣютъ

связь съ явленіемъ призрака. Но съ какою цѣлью былъ продѣланъ этотъ маскарадъ, вызвавшій такіе ужасныя послѣдствія? Конечно, тутъ не могло быть и рѣчи о простой маскарадной шуткѣ... Теперь скентники насмѣшливо говорили вѣрующимъ:

— Немного терпѣнія—и все разъяснится.

И дѣйствительно, ждать пришлось недолго. Утромъ четвертаго дня послѣ происшествія, когда докторъ Дюоншель выходилъ изъ дворца графа, близкаго къ сумасшествію, навстрѣчу ему пошелъ госпитальный врачъ Геренъ и воскликнулъ:

— А я за вами, коллега! Прощу васъ скорѣе въ госпиталь. Крестьяне принесли ко мнѣ женщину, которую нашли въ лѣсу въ ужасномъ положеніи. Мнѣ кажется, что она имѣетъ отношеніе ко всей этой глупой исторіи съ привидѣніемъ, такъ какъ она все бредитъ кладбищемъ Св. Сульпиція и воображаетъ, что за ней гонится и хватаетъ ее какой-то призракъ.

Дюоншель посѣтилъ вмѣстѣ съ Гереномъ въ госпиталь. Они вошли въ комнату, гдѣ лежала больная, подлѣ которой находилась сидѣлка.

Она лежала въ лихорадкѣ, и съ устъ ея порою срывались безсвязныя фразы:

— Онятъ! онятъ!.. Чего тебѣ надо?.. О, умолю, пощади меня! Я знаю; ты графиня С.-Эньянь... Но я не виновата предъ тобою... Это все проклятый шевалье!

— Вотъ такъ она постоянно бредитъ, сказалъ госпитальный врачъ.

— Теперь я понимаю все, тихо сказала ему Дюоншель, — эта женщина служила орудіемъ ужасной интриги. Погодите, я постараюсь узнать отъ нея все.

Онъ взялъ руку больной и сказалъ:

— Несчастная, очистите вамъ совѣсть полнымъ сознаніемъ, и тогда я освобожу васъ отъ руки призрака, преслѣдующаго васъ.

Она вопросительно взглянула на него.

— Вы были въ воскресенье ночью на кладбищѣ Св. Сульпиція, въ маскѣ изображающей мертвую голову, подлѣ другою, черною атласною маской?

Больная молчала, опустивъ голову.

— И тамъ были схвачены въ полночь рукою призрака?

— Да, да! съ ужасомъ простонала больная.

— Успокойтесь, это былъ не призракъ, а маленькая собачка графини де-С.-Эньянь, которая часто проводитъ ночь на могилѣ своей госпожи. Я самъ видѣлъ на слѣдующій день эту собачку и лоскутъ, который она вырвала изъ вашего платья.

Больная какъ будто опомнилась. Лицо ея просвѣтлѣло.

— И это правда? спросила она.

— Да, я могу доказать вамъ.

Она провела рукою по лбу, облегченно вздохнула нѣсколько разъ и, взглянувъ съ благодарностью на Дюоншеля, тихо сказала:

— Я разскажу вамъ все!

Былъ приглашенъ начальникъ полиціи, секретарь котораго записалъ слѣдующее показаніе:

«Меня зовутъ Фаншонъ Жадн, мнѣ 21 годъ, я актриса и съ дѣтскихъ лѣтъ нахожусь на сценѣ. За мое безобразіе меня прозвали совою. У меня хорошій голосъ, я пою, танцую и играю, но не гожусь на главныя роли. До сихъ поръ я играла преимущественно злыхъ фей, безобразныхъ колдуній и призраковъ. Наша труппа играла недалеко отъ Ажана. Тамъ мы ставили феерію, въ которой я играла роль призрака съ мертвою головой. Однажды нашъ директоръ Дюгавонъ созвалъ насъ и объявилъ, что онъ разорился. Онъ раздѣлилъ между нами свои послѣднія деньги, причѣмъ на мою долю досталось всего 7 ливровъ, тогда какъ я была должна хозяйкѣ гостиницы, гдѣ я жила, 86 ливровъ. Я отдала полученныя деньги хозяйкѣ и просила подождать остальныхъ. Но она раскричалась, угрожая засадить меня въ тюрьму, если черезъ часъ я не заплачу остальнаго долга. У меня больше не было ни одного су, а помощн ждать было не откуда. Тогда я рѣшилась покончить съ собою и побѣжала къ рѣкѣ. Но тамъ меня охватилъ страхъ — и я побрела назадъ, предпочитая посидѣть въ тюрьмѣ. Когда я боаально вошла къ хозяйкѣ, я нашла ее совѣмъ другою. Она весело сказала мнѣ:

«—Все устроилось къ лучшему! У меня былъ директоръ Марсельскаго театра; онъ видѣлъ вашу игру и остался отъ нея въ восхищеніи. Онъ хочетъ пригласить васъ.

«Я была и удивлена, и обрадована этою внезапною переменою обстоятельствъ. Хозяйка повела меня въ соседнюю комнату, гдѣ я увидѣла красиваго молодого человѣка, который скорѣе былъ похожъ на придворнаго кавалера, чѣмъ на содержателя театра. Онъ далъ знакъ хозяйкѣ удалиться и сказалъ мнѣ:

«— Я былъ въ театрѣ. Вы чудесно сыграли вашу роль. Вашъ голосъ мнѣ крайне симпатиченъ, онъ напоминаетъ мнѣ голосъ одной моей знакомой, которой уже нѣтъ на свѣтѣ. Я приглашаю васъ, заплачу вашъ долгъ и, сверхъ того, вы получите триста ливровъ. Хотите-ли вы завтра же ѣхать со мной? Карета у меня весьма удобна.

„Я приняла его предложеніе со слезами благодарности. На другой день мы поѣхали, но не въ Марсель, а въ маленькій замокъ Вилльевъ. По дорогѣ онъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Я шевалье де-С.-Эньянь, двоюродный братъ графа де-С.-Эньянь, титулъ и имѣнія котораго по закону переходятъ ко мнѣ, если онъ умретъ безъ наследниковъ. Но теперь онъ хочетъ жениться, что, очевидно, идетъ въ разрѣзъ съ моими интересами. Я хочу устроить одну шутку, для которой и пригласилъ васъ. Вамъ предстоитъ сыграть три сцены: первую—на кладбищѣ, вторую—на балу, и третью—вновь на кладбищѣ: все это займетъ не болѣе часу.

„Сначала я сильно испугалась, но онъ успокоилъ меня:

— Не бойтесь, это маскарадная шутка, не болѣе. Однако, если она удастся, вы получите тысячу ливровъ и ежегодную пенсію въ двѣсти ливровъ, подъ условіемъ сохраненія тайны.

„Общанія были слишкомъ заманчивы, чтобы противустоять имъ, и я согласилась. Тогда онъ началъ учить меня моей роли. Я должна была сыграть предъ графомъ С.-Эньяномъ призракъ его жены. Шевалье случайно подслушалъ разговоръ графа съ его женою года два тому назадъ. Я должна была для полного обмана графа повторить тѣ же слова. Я съ успѣхомъ испол-

нила свою роль. Но по возвращеніи на кладбище мнѣ показало, что рука призрака схватила меня. Тогда въ ужасѣ, терзаемая совѣстью, я бросилась бѣжать, не дождавшись шеваляе, хотѣвшаго захватить за мною. Я пришла въ себя въ лѣсу, гдѣ и нашли меня добрые крестьяне“.

На дальнѣйшіе вопросы Фаншонъ Жади давала точныя детальныя отвѣты, такъ что всѣ сомнѣнія исчезли.

Шевалье де-С.-Эньянь былъ знатный дворянинъ, котораго нельзя было вызвать въ судъ безъ королевскаго указа. Отправили донесеніе королю, или вѣрнѣе первому министру Флэри, такъ какъ юный Лудовикъ XV еще не занимался государственнымъ дѣлами.

Флэри прислалъ приказъ арестовать шеваляе, но тотъ, предупредивъ полицію, бѣжалъ въ Испанію, а оттуда въ Вестъ-Индію, гдѣ, какъ слышно, и погибъ.

Фаншонъ Жади отдѣлалась непродолжительнымъ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ.

Графъ С.-Эньянь, благодаря тщательному уходу и искусству доктора Дюпоннеля, скоро поправился. Онъ женился на Марионъ де-Келью и жилъ счастливо, не смущаемый никакими сверхъестественными явленіями. Одинъ изъ его потомковъ, полковникъ С.-Эньянь, служилъ при Наполеонѣ I. (в. к.)

Къ рисункамъ.

Купальня Діаны въ Смирнѣ. (Рис. на стр. 945).

Въ глубинѣ Смирнскаго залива раскинулась амфитеатромъ увѣчанная зубчатою короною развалины, царица Анатоліи, еще у древнихъ называвшаяся „красой Азіи“ — красавица Смирна.

Купола церквей, каменные дома европейцевъ, мечети, тонкіе минареты, деревянные домики, окрашенные во всевозможныя яркіе цвѣта, турецкія жилища съ черенными кровлями, ютящіяся по скагамъ Пага, съ закрытыми мелкою рѣшеткою окнами, все это, перемежаемое съ зеленою садовою и кладбища, поднимается какъ очарованный сказочный городъ въ гору, отливая пѣжною бархатистостью красокъ, блеститъ и сияетъ въ изумительно прозрачномъ воздухѣ Іоніи. А внизу зеркальная поверхность залива отражаетъ тысячи лодокъ, судовъ и пароходовъ, сиюющихъ по гавани или стоящихъ у широкой набережной для разгрузки или нагрузки: кипучая дѣятельность бьетъ ключомъ и свидѣтельствуетъ о богатствѣ и значеніи Смирны.

Основаніе Смирны теряется въ сѣдой древности и приписывается выходцамъ изъ Эфеса. Долгое время смирніоты отстаивали свою свободу, но вынуждены были покориться царю лидійскому Аліату. Городъ былъ разрушенъ и лежалъ четыреста лѣтъ въ развалинахъ. Александръ Великій возстановилъ городъ, но выстроилъ его въ трехъ верстахъ разстоянія отъ древней Смирны, лѣжавшей тамъ, гдѣ раскинулось небольшое озеро, извѣстное подъ названіемъ Купальни Діаны. Преемники Александра расширили городъ и украсили его великолѣпными сооруженіями, и скоро онъ сдѣлался средоточіемъ малоазійской торговли. Великолѣпныя Смирны возросло еще болѣе подъ владычествомъ пергамскихъ царей, а затѣмъ и римлянъ. Здѣсь же учреждена была одна изъ первыхъ христіанскихъ церквей. Основывая эту церковь и грозя Эфесу, апостолъ Павелъ пророчилъ Смирнѣ блестящую будущность. Эфеса итѣ. Смирна процвѣтаетъ.

Со времени византійскаго владычества Смирна, благодаря своему богатству, постоянно привлекала къ себѣ разныхъ завоевателей и, какъ лакомый кусокъ, переходила изъ рукъ въ руки: ея владѣли Сельджуки, Родосскіе рыцари, Османскіе турки, а въ 1402 году она подверглась страшному опустошенію со стороны полчищъ Тамерлана.

Испытавшая всевозможныя бѣдствія, столько разъ разрушенная рукой человѣка, Смирна, благодаря своему чудному географическому положенію и заливу, способному укрыть въ себѣ флоты всего міра, постоянно возрождалась какъ фениксъ изъ пепла и, привлекая къ себѣ торговцевъ всего свѣта, снова обстраивалась, снова богатѣла, какъ бы заколдованная отъ конечной гибели при всѣхъ обрушивавшихся на нее несчастіяхъ. Много пострадала Смирна отъ землетрясеній, чумы и пожаровъ. Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время, она цвѣтущій городъ—съ населеніемъ около 200,000 человѣкъ,—по своимъ торговымъ оборотамъ занимающій въ Турціи первое послѣ Константинополя мѣсто.

Въ турецкомъ кварталѣ, улицы извилисты, узкія; дома, по большей части деревянные, выстроены такъ, что верхніе ихъ этажи выступаютъ надъ нижними, отчего въ болѣе узкихъ улицахъ верхніе домики, расположенныхъ на противоположныхъ сторонахъ улицы, почти сходятся, оставляя лишь небольшую просвѣтъ, въ который глядитъ голубое небо. Иногда дома прерываются небольшою мсечью съ минаретомъ, тонкимъ какъ свѣча, съ чернымъ узкимъ гасильникомъ; рядомъ нѣсколько кинарисовъ, сквозь рѣшетку ограды видѣтся нѣсколько могилъ. Перпендикулярно торчатъ изъ земли бѣло-

мраморныя плиты: нѣкоторые покрыты листьями и красиво изсѣченными узорами.

Видъ измѣняется при переходѣ въ христіанскіе кварталы Смирны: улица раздѣлается въ ширину, жилища открываются свѣту и воздуху. Дома устрочены наизюбъ и притомъ подражая плану домовъ древности. Внизу огромная, мощеная мраморными плитами, передняя - атриумъ, въ которую выходятъ двери всѣхъ боковыхъ комнатъ, имѣющая сама двѣ большія двери: одна изъ нихъ—выходъ на улицу; другая, противоположная ей, выходъ во внутренній садикъ—ионіанскій раіо—усаженный ясминными и съ мраморнымъ фонтаномъ посрединѣ, изъ котораго постоянно бьетъ тонкая струйка воды освѣжающая воздухъ. Часто, въ просвѣтѣ, отдѣляющемъ садикъ отъ атриума, виденъ деревяный трельяжъ весь увитый жимолостью, плющемъ и виноградомъ. Этотъ атриумъ, украшенный мозаикой, статуями, барельефами, уставленный цвѣтами, съ тянущимися по стѣнамъ диванами, составляетъ настоящую гостиную, гдѣ сидитъ обыкновенно семейство и гдѣ оно принимаетъ гостей, на виду прохожихъ, такъ какъ дверь съ улицы въ атриумъ почти никогда не затворяется.

Съ вершины Пага, по которому разбросаны развалины средневѣковаго замка, открывается чарующій видъ на окрестность.

Подъ ногами сбѣгаетъ къ заливу Смирна, на противоположной сторонѣ залива предмѣстье Корделіо раскинуло свои бѣленькіе домики.

Далеко за нимъ видна долина, по которой вьется Гермъ; все окрестныя холмы и долины покрыты богатѣйшею растительностью: масличныя, гранатовыя, апельсинныя и миртовые деревья перемежаются съ хлѣбными нивами, съ плантаціями тутовыхъ и фиговыхъ деревьевъ, съ бахчами арбузовъ и дынь, съ виноградниками, а изъ гущи ясминныхъ садовъ выглядываютъ загородные дома богатыхъ турокъ и европейцевъ, и дачныя мѣстности Смирны: Буриабатъ, Буджа, Севдикей, Гѣз-тепе.

Слѣва горизонтъ обрывается горами, составляющими прибрежье Эгейскаго моря; справа тихо струится рѣка Мелесъ, близъ которой ищера, гдѣ, по преданію, Гомеръ слалалъ свои вдохновенныя іебны. Однимъ изъ источниковъ Мелеса служитъ озеро—Купальня Діаны—тутъ же расстилающее свою зеркальную поверхность и близъ котораго, какъ сказано выше, находилась древняя Смирна. Невдалекѣ отъ озера видѣтся очень старинная арка знаменитаго Караваннаго моста, по которому проходятъ всѣ прибывающіе на верблюдахъ изъ Азіи караваны.

При видѣ этихъ безконечныхъ веренищъ верблюдовъ, несущихъ товары на своемъ горбу и медленно переступающихъ слѣдомъ за маленькимъ осликомъ, неизбежно открывающимъ шествіе, чувствуешь себя какъ бы перенесеннымъ въ глубь вѣстовъ, ко временамъ первыхъ торговыхъ сношеній между древними народами, ко временамъ патриарховъ, съ помощью того же верблюда совершавшихъ свои путешествія.

Близъ моста, гдѣ верблужья стоянка, скучено нѣсколько сотенъ этихъ полезныхъ, мохнатыхъ животныхъ, которыя имѣютъ лишь одну слабость—упорное нежеланіе пускаться въ путь, если во главѣ каравана не идетъ маленькій осликъ, который, однако, по своейственной ему скромности, и въ этомъ случаѣ нисколько не превозносится, и такъ же безмятежно бредетъ во главѣ каравана, покуривъ голову, семеня маленькими кончиками и лишь нрѣдка поневеливая своими большими ушами.

Вотъ одинъ изъ каравановъ тронулся въ обратный путь мимо раскинувагося у Мелеса турецкаго кладбища, освѣщенная великолѣпными кинарисами. Караванъ идетъ медлен-

пшмъ, но вѣрныи шагомъ; глазъ невольно слѣдитъ за этимъ огромнымъ колышнущимся массами; вотъ онѣ вдали какъ бы нырнули въ землю, смутившись во ветрѣчную ложину, но вотъ онѣ снова вынырнули на поверхность и показались на гребнѣ холма, и ихъ темные, важные силуэты скорѣе украшаютъ, чѣмъ оживляютъ пейзажъ. Вотъ произошла какая-то задержка, какое-то препятствіе на дорогѣ: одинъ изъ верблюдожатыхъ сворачиваетъ тотчасъ съ пути и по стремнинамъ, по голымъ скаламъ безстрашно обсакиваетъ на своемъ пшомъ, конѣ остановившихся животныхъ, мигомъ приводитъ все въ порядокъ, и снова караванъ движется, силуэты его становятся все меньше, меньше, и наконецъ исчезаютъ за поворотомъ дороги въ дальніи горы. В. Теплово.

Голодный годъ. (Рис. на стр. 948 и 949).

Последняя корова Кто, сколько-нибудь знакомый съ сельскою жизнью, не знаетъ, какое громадное значеніе имѣетъ корова въ незатѣйливомъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Корова даетъ необходимое удобреніе для поля, молоко для пашага дѣтей, она же и источникъ хотя и маленькаго, но все-таки дохода, которымъ покрываются разныя мелкія нужды семьи. Она — основа крестьянскаго благосостоянія, безъ нея нѣтъ и дома; она — главная цѣнность, предметъ общаго заботы, любви и ухода.

Насталъ тяжелый годъ, грозные признаки неурожая уже дали себя почувствовать. Нѣтъ хлѣба, нѣтъ и корма для скота. Не къ кому обратиться за помощью, — кругомъ бѣда, и бѣда безвыходная! Худѣетъ отъ безкормицы любимца-буренушка, все равно подохнетъ, что проку! Лучше продать заблаговременно, все хоть сколько-нибудь дадутъ за нее на базарѣ. Тяжелое рѣшеніе, крайнее рѣшеніе, которое долго таилось безмолвно въ сердцахъ всѣхъ членовъ семьи, пока не вырвалось въ роковымъ словѣ.

Повели Буренушку

Словно на погостъ близкаго члена семьи провожаютъ рогагую матушку-кормилицу. Идутъ молча, слова не вымолвить, только дѣвочка сзади не можетъ удержать своихъ слезъ, утирая раскрасившіеся глаза пыльными, грязными ручонками.

Продадутъ, получатъ гроши, купятъ хлѣба, покормятъ недѣлю-другую, а тамъ.

А тамъ — воля Божья!

Последняя лошадь. Похлопоталъ мужикъ, помогли люди, призапаялъ на посѣвъ. "Вотъ, думаетъ, вснашу полосу, посѣю, обезпечусь на будущій годъ, а пока — Богъ не безъ милости! Авось не пропаду со своимъ сивкою Мужикъ съ конемъ мало-ли работы будетъ на зиму — не ложисъ, знай, и себя прокормить хватить, и семья на хлѣбъ, и сивка на сѣно. Мужикъ, съ конемъ ежели, нешто пропастъ можно?"

Оно точно-что голодъ, точно-что туго приходится, да пока конь на дворѣ — полъ-горя.

— Ну, пошевеливай, тани соху, потрудишься на хозяйина!

Бредетъ сивка, налегши грудью въ рваный холмъ, отощалъ отъ безкормицы — кожа да кости однѣ; ослабѣлыя ноги шныкаются въ глубокую бороздѣ, словно мѣха ходятъ коствявые бока, а хозяйинъ не кнутомъ, такъ словомъ ласковымъ подбадриваетъ. Тащисъ, волоки соху черезъ сѣлу.

— Ну, чего сталъ! Тяни, знай, потягивай!

Солнце къ лѣсу спустилось, а много-ли напахано!.. Не то, что прежде, на сытое брюхо. Глаза помутнились у сивки, переставляетъ ноги словно не свои. Голову понурилъ, изъ послѣднихъ силъ надрывается. Суха земля, словно каминъ ворочаютъ пригнутыя сошники. Сталъ бы, передохнулъ бы хоть малость, легъ бы вотъ на часикъ, да сказать не можетъ — безсловесная, безответная тварь...

— Ну, тани-потягивай! выпручай хозяйина!

Тянулъ-тянулъ сивка, да и затянулся

— Ну, что ты... Господь съ тобой!.. Ну, вставай!.. ну, не балуй!

А уже гдѣ тутъ баловать! Словно мѣшокъ съ костями рхнулъ конь на бокъ и задрыгалъ ногами. Потускнѣли открытыя глаза, струйка черной крови вылилась изъ ноздрей...

— Ну, не балуй!.. ну, вставай, соколикъ!

И чудится оторопѣлому мужикъ, что вотъ-вотъ сейчасъ вскопнеть на ноги его сивка, встряхнется, отдышется, снова наляжетъ въ холмъ. И понимаетъ онъ тоже, что покончилъ свою службу его вѣрныи работникъ...

Стоитъ мужикъ на недопаханной полосѣ надъ ковскимъ труномъ, въ пѣломъ отупѣнн, а въ головѣ его, словно дразня и подсмѣиваясь, юлю вертится все та же мысль. "Пропастъ мужикъ, съ конемъ ежели, нешто можно?"

н н

Св. Алексѣй, митрополитъ Московскій и всея Руси, въ Ордѣ, у больной ханши Тайдулы.

(Рис. на стр. 953)

Св. Алексѣй митрополитъ (въ мѣрѣ Елевсерій) родился въ самомъ началѣ XIV вѣка. Родители его, Феодоръ и Марія, были уроженцы Чернигова и принадлежали къ болгарской славѣ. Едва достигнувъ 20-ти-лѣтняго возраста, юный Елевсе-

рій поступилъ въ Московскій Богоявленскій монастырь. Здѣсь, при постриженіи, молодой инокъ получилъ имя Алексѣя.

Болѣе 20 лѣтъ провелъ Алексѣй въ своей иноческой кельѣ, постоянно занимаясь изученіемъ Св. Писанія. Его смиреніе, при обширной начитанности въ священныхъ книгахъ, при постоянствѣ въ духовныхъ подвигахъ, обратили на него вниманіе митрополита Теоноста и князя Московскаго Симеона Гордаго. Теоностъ вызвалъ Алексѣя изъ обители и повелѣлъ ему завѣдывать всѣми дѣлами по управленію Церковью и въ особенности судами церковными.

Слишкомъ двадцать лѣтъ трудился Алексѣй, помогая Теоносту, который, незадолго до своей кончины, назначилъ Алексѣя своимъ преемникомъ. Алексѣй исполнилъ его завѣтъ и поѣхалъ въ Царьградъ, гдѣ и былъ возведенъ въ митрополиты всея Руси.

По возвращеніи изъ Царьграда, митрополитъ Алексѣй принялся за управленіе Русскою Церковью и правилъ такъ твердо и такъ премудро, что не въ одной только Руси, но и въ ближайшихъ сосѣднихъ странахъ пользовался высокими значеніемъ и уваженіемъ. Слава о его святой жизни разнеслась далеко за предѣлы Руси и достигла даже до Орды. Въ 1357 г. татарскій ханъ потребовалъ, чтобы митрополитъ Алексѣй немедленно прибылъ въ Орду. Такое требованіе хана было вызвано семейнымъ несчастіемъ: любимая жена хана, Тайдула, три года сряду болѣла глазами и наконецъ лишилась зрѣнія. Никакія цѣлебныя средства не помогали недугу. Тогда, наслышавшись о святости митрополита Алексѣя, Тайдула подумала, что онъ можетъ ей принести облегченіе своею молитвою, и упростила хана, чтобы тотъ вызвалъ митрополита Алексѣя.

Получивъ повелѣніе ханское, митрополитъ Алексѣй тотчасъ собрался въ дальній путь и передъ отъѣздомъ пожелалъ отслужить молебень въ соборномъ храмѣ Успенія. Во время этого молебна онъ былъ удостоенъ особаго знаменія, которое его ободрило: свѣча у раки Св. Петра митрополита зажглась сама собою. Митрополитъ Алексѣй взялъ съ собою часть этой свѣчи и отправился въ путь.

Въ то время, когда Св. Алексѣй находился въ пути, Тайдула видѣла вѣщій сонъ: митрополитъ Алексѣй предстать ей въ полномъ облаченіи, окруженный всѣмъ духовенствомъ, которое ему сопутствовало. Это видѣніе съ такою ясностью сохранилось въ памяти Тайдулы, что она, по образцу видѣнаго во снѣ облаченія, приказала изготовить подобныя же облаченія святителю Алексѣю и сопровождавшему его духовенству.

Св. Алексѣй былъ встрѣченъ ханомъ и его сыновьями съ великою честью. Затѣмъ ханъ провелъ его въ кибитку къ больной женѣ своей и просилъ святителя помолиться объ ея исцѣленіи. Святитель сталъ служить заздравный молебень, зажегъ часть той свѣчи, которая сама возгорѣлась надъ ракою Св. Петра, освятилъ воду и когда окропилъ водою Тайдулу — она немедленно прозрѣла.

Это чудо всѣхъ такъ поразило, что и ханъ, и сама Тайдула не знали, какъ выразить святителю свою признательность. Они отпустили митрополита Алексѣя изъ Орды, щедро одаривъ его. Въ числѣ другихъ даровъ признательная ханша подарила своему исцѣлителю т. подворье въ Московскомъ Кремлѣ, на которомъ останавливались татарскіе послы и ханскіе чиновники. Св. Алексѣй освятилъ это мѣсто и заложилъ на немъ Чудовскую обитель, въ которой указалъ за алтаремъ мѣсто для своего погребенія. П П

Прошедшее и будущее Лиговки. (Рис на стр. 956).

Въ числѣ многихъ рѣкъ и рѣчекъ, пересѣкавшихъ нѣкогда топкіе берега Невы, не послѣднее мѣсто занимала рѣчка Лиговка, которая беретъ свое начало вѣстахъ въ 20-ти на юго-западъ отъ Петербурга, близъ деревни Лигово, гдѣ она соединяется съ другими ручьями и рѣчками, вытекающими изъ возвышенностей, окружающихъ Красное Село. Пробѣжавъ узенькою ленточкой 20-ти-верстное разстояніе по окрестностямъ Петербурга, рѣчка Лиговка въ самомъ городѣ проходила вдоль по одной изъ окранныхъ улицъ — именно по Лясковъ. Такъ какъ капризная рѣчка, пролагая себѣ путь къ Невѣ черезъ Лясковую и Пески, часто разливалась, а постоянно возраставшее населеніе Петербурга значительно способствовало ея загрязненію, то уже издавна, еще съ половини прошлаго вѣка, были приняты мѣры къ упорядоченію ея теченія. Вблизи столицы были устроены на рѣчкѣ плотины и шлюзы; въ низовьяхъ рѣчки выкопанъ довольно обширный прудъ; самыя берега Лиговки укрѣплены вымошенными откосами. Когда, при императрицѣ Екатеринѣ II, въ видѣ предосторожности отъ наводненій, задумано было прорыть кругомъ Петербурга Обводный каналъ, котораго уровень долженъ былъ лежать значительно ниже русла Лиговки, — рѣшено было эту рѣчку провести надъ каналомъ, по мосту, черезъ особое искусственное русло. Въ царствованіе императора Николая I, прежній деревянный мостъ на Лясковъ, черезъ Обводный каналъ, былъ замѣненъ грандіознымъ каменнымъ, и искусственное русло Лиговки на этомъ мосту было также замѣнено весьма солиднымъ каменнымъ сооруженіемъ, внутри котораго рѣчка протекала по мосту

подъ толстымъ гранитнымъ слоемъ, только съ двумя открытыми резервуарами.

Въ послѣдніи 10—15 лѣтъ, когда Городская Дума обратила серьезное вниманіе на улучшеніе санитарныхъ условій города, комиссія, назначенная ею для изученія условій, неблагопріятныхъ для оздоровленія Петербурга, указала и на рѣчку Лиговку, какъ на разсадникъ миазмовъ. Рѣшено было Лиговку зарыть, проложивъ ей путь къ Невѣ по широкой трубкѣ, проведенной подъ землею; а на мѣстѣ Лиговки предположено было развести большой бульваръ, который долженъ былъ служить однимъ изъ лучшихъ украшеній города. Послѣ долгихъ споровъ и сборовъ, Дума приводитъ нынѣ этотъ проектъ въ

исполненіе. Лиговка на всемъ пространствѣ отъ нѣмецкой Евангелической больницы и до Обводнаго канала уже засыпана; трубы, для провода воды Лиговки въ Неву, уже проложены; въ скоромъ времени, на мѣстѣ бывшей грязной и весьма неблагоустроенной рѣчки, раскинутся обширные скверы, съ кудрявою, ярко зеленою и красивыми рѣшетками. Широкая улица, украшенная этими скверами, сдѣлается одною изъ самыхъ видныхъ и лучшихъ улицъ столицы. Нашъ рисунокъ, помѣщенный въ нынѣшнемъ № *Ивы*, даетъ самое полное понятіе о будущемъ *Лиговскомъ* проспектѣ, а небольшой медальонъ въ углу рисунка представляетъ намъ печальное прошлое Лиговки.

Двадцатипятилѣтіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

28 октября 1866 года совершилось радостное и многознаменательное для всей Россіи событіе: Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ сочетался бракомъ съ дочерью Датскаго короля Христіана IX, Принцессою Марією Дагмарою. По прибытіи въ Россію Она всѣхъ очаровала тѣми высокими дарованіями и душевными качествами, которыми Она щедро была надѣлена отъ природы и которыхъ еще были возвышены воспитаніемъ въ родной Королевской Семьѣ. Россія — второе отечество юной Датской Принцессы — приняла Ее съ тѣмъ горячимъ чувствомъ восторга и тѣми заявленіями радости и уваженія, которыми испоконъ вѣковъ выражается непоколебимая преданность и безавѣтная вѣрность Русскаго народа его Государямъ и глубочайшее, искреннѣйшее сочувствіе всѣмъ радостямъ Царственной Семьи.

Богъ благословилъ брачный союзъ Государя Наслѣдника Цесаревича съ Великою Княгинею Марією Θεодоровною всѣми благами счастливой семейной жизни. Къ тому времени, когда Государь Наслѣдникъ, волею неисповѣдимыхъ судьбъ Божіихъ, былъ призванъ вступить на прародительскій Престоль и взяты въ руки бразды правленія, — Онъ уже былъ счастливымъ Отцомъ Семьи, въ которой двое Старшихъ Сыновей вступали въ возрастъ ранней юности, Дочь — приближалась къ отрочеству, а Младшій Сынъ еще утѣшалъ Августѣйшихъ Родителей невинными играми дѣтства.

Тяжкіе труды правленія, которые долженъ былъ нести Государь Императоръ по вступленіи на престоль по кончинѣ Родителя Своего, Императора Александра II, не ослабили его тѣсной связи съ Августѣйшею Семьею. Самыя тягосты царствованія и заботы Царственного Вождя Русскаго народа облегчались постоянно тѣмъ, что Онъ былъ неразлученъ со Своею Августѣйшею Супругою, которая мужественно дѣлила съ Нимъ всѣ невзгоды — печалилась Его печалью и радовалась Его радостью, переносила на всѣхъ вѣрноподанныхъ тѣ чувства Материнской любви, которыя питала къ Семьѣ Своей. Она стала во главѣ благотворенія, милосердія и щедротъ, обильно изливаемыхъ въ дѣятельности множества тѣхъ обществъ, учреждений и кружковъ, которые Государынѣ Императрицѣ благоудно было принять подъ Свое Августѣйшее покровительство.

Сверхъ того, по примѣру Своихъ Августѣйшихъ Предшественницъ, значительную долю Своего драгоценнаго времени Государыня Марія Θεодоровна должна была посвятить на многосложные труды по руководству великимъ дѣломъ женскаго образованія въ Россіи, въ послѣднюю четверть вѣка проникшаго во всѣ классы общества и постоянно направляемаго къ тому, чтобы дать будущимъ поколѣніямъ Русскаго народа просвѣщенныхъ матерей, способныхъ разумно и честно руководить воспитаніемъ дѣтей своихъ.

Промыслъ Божій, хранившій въ теченіе четверти вѣка семейный очагъ Царственной Семьи отъ всякихъ бѣдъ и напастей, явно, предъ лицомъ всего свѣта, явилъ надъ Августѣйшими Супругами и Ихъ Семьею чудо благодати и милосердія. Три года тому назадъ, когда страшная, непредвидѣнная опасность угрожала жизни всего Августѣйшаго Семейства, когда на пути слѣдованія съ Юга на Сѣверъ гибельное крушеніе постигло весь поѣздъ, когда смерть кругомъ пожинала обильную жатву, — вся Августѣйшая Семья осталась невредимою въ томъ именно мѣстѣ крушенія, въ которомъ болѣе всего грозила Ей смертная опасность. Богъ сохранилъ Россіи и Августѣйшаго Вождя ея, и Его Супругу, и всѣхъ Августѣйшихъ Дѣтей.

Прошлымъ лѣтомъ, когда Наслѣдникъ Цесаревичъ, по волѣ Своего Родителя, объѣзжалъ дальній Востокъ и находился среди подданныхъ дружественнаго намъ государства и народа, неистовый убійца нежданно устремился на высокаго гостя, съ изступленнымъ безуміемъ въ сердцѣ и съ мечемъ въ рукахъ... И Промыслъ Божій отнялъ руку безумца и сохранилъ Цесаревича невредимымъ.

Нынѣ, когда исполнилось двадцатипятилѣтіе Августѣйшаго Супружества и этотъ знаменательный семейный праздникъ празднуется всею Царственною Семьею, мы можемъ только присоединить свой скромный голосъ къ могучему голосу всей многомилліонной Россіи и воскликнуть:

„Да здравствуетъ нашъ Августѣйшій Монархъ со Своею Августѣйшею Супругою, и да сохранитъ Богъ Ихъ Императорскія Величества на многіе и многіе годы для блага и счастья Ихъ Августѣйшей Семьи и всего Русскаго народа!“

Телеграммы отъ 28 октября.

Я. ПТА, 28 октября. Сегодня въ церкви Ливадійскаго дворца совершенно благодарственное молебствіе протопродиреромъ. Присутствовали Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшею Семьею, Августѣйшіе иностранные гости и свита. За богослуженіемъ слѣдовали завтракъ въ столовой Большаго дворца. Ихъ Императорскія Величества представляли адреса отъ городовъ, дворянства, общества, а также отъ Германскаго благотворительнаго общества Петербурга, германской колоніи и другіе.

Литинское губернское земство жертвуетъ 200,000 рублей на основаніе Александро-Маріинскаго капитала для пособія нуждающимся, Ятлинское уѣздное земство 2,000 р. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, Бердинская дума слагаетъ городскіе недоимки на 5,000 руб. Всѣ лица, пожелавшія поздравить Ихъ Императорскія Величества, расписывались у Ихъ Величествъ въ теченіе цѣлаго дня. (*Корресп. Полюго Врем.*)

Я. ПТА, 28 октября. Сегодня, въ день двадцатипятилѣтія бракосочетанія Ихъ Величествъ, въ ятлинской церкви совершены литургія и благодарственное молебствіе. На молебствіи присутствовали таврической губернаторъ и предводитель дворянства, съѣхавшіеся въ Яллу начальствующія лица, мѣстные дворяне, городской голова, чины пограничной стражи, воспитанники гимназій и ремесленнаго училища, воспитанники женскихъ учебныхъ заведеній и пріютовъ. Въ церквахъ Ливадіи были также совершены благодарственные богослуженія.

МОСКВА, 28 октября. Торжественное молебствіе въ Большомъ Успенскомъ соборѣ о здравіи и долголетіи Ихъ Величествъ совершилъ митрополитъ въ присутствіи генералъ-губернатора, военныхъ и гражданскихъ чиновъ.

Общество трудолюбія выдало сегодня бѣднѣйшимъ жителямъ города 5,000 даровыхъ обѣдовъ. Въ этотъ день обѣды будутъ выдаваться ежегодно.

ОРЕНБУРГЪ, 28 октября. Двадцатипятилѣтіе супружества Ихъ Величествъ празднуется здѣсь торжественно. Въ соборѣ и въ всѣхъ церквахъ отслужены молебны, учащіе освобождены на три дня, въ театрѣ парадный благотворительный спектакль. Дума послала поздравительный адресъ, сложила 10,000 рублей недоимокъ съ бѣдныхъ горожанъ и отпустила 500 р. двумя спротскіямъ пріютамъ при монастыряхъ.

КОСТРОМА, 28 октября. Сегодня во всѣхъ церквахъ молебствіе. Городъ украшенъ флагами, въ учебныхъ заведеніяхъ занятія нѣтъ.

ХАРЬКОВЪ, 28 октября. Сегодня городъ украшенъ флагами, магазины и промышленныя заведенія закрыты, во всѣхъ храмахъ торжественное служеніе, въ театрахъ утромъ и вечеромъ спектакли съ исполненіемъ народнаго гимна.

Сегодня освящено новое зданіе пріюга нищенствующихъ мальчиковъ. Новое помѣщеніе рассчитано на 100 пансіонеровъ. Городская дума постановила содержать въ пріютѣ 25 мальчиковъ. Зданіе пріюга устроено на землѣ мѣстнаго благотворительнаго общества.

РИГА, 28 октября. Сегодня, по случаю двадцатипятилѣтней годовщины бракосочетанія Ихъ Величествъ, городъ убранъ по праздничному и улицы переполнены массами народа. Въ окнахъ, среди цвѣтовъ и зелени, красуются бюсты Государя Императора и Государыни Императрицы. Въ соборѣ и во всѣхъ церквахъ отслужены торжественныя молебствія. Всѣ газеты посвятили нынѣшнему празднику особыя статьи; кромѣ того, *Dina Zeitung* выпустила сегодня художественно исполненный памятный листъ, а въ статьѣ своей изложила, что двадцатипятилѣтіе счастливаго супружества Ихъ Величествъ всюду — во дворцахъ и хижинахъ — восхваляется какъ всѣмъ признанный примѣръ семейной жизни. Вечеромъ въ театрѣ со-

стоитъ парадный спектакль и городъ будетъ роскошно иллюминированъ.

БАКУ, 27 октября, вечеромъ. Въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія бракосочетанія Ихъ Величествъ городская дума постановила учредить Александро-Маріинское убѣжище для 25-ти престарѣлыхъ лицъ обоего пола, водвигнувъ для того особое зданіе, воспитывать насчетъ города въ Маріинской городской гимназіи 25 дѣвицъ и сложить съ бѣдныхъ жителей 10 тыс. руб. недоимокъ.

НАРВА, 28 октября. По отслуженіи въ залѣ городской думы Господу Богу благодарственнаго молебствія по случаю 25-лѣтія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, состоялось экстренное засѣданіе Нарвской городской думы, въ которомъ постановлено было отпривить чрезъ с.-петербургскаго губернатора всеподданнѣйшій поздравительный адресъ на имя Ихъ Императорскихъ Величествъ и назначить изъ городскихъ средствъ 1,000 руб. для покупки хлѣба въ пользу голодающихъ.

УСТЮЖНА, 28 октября. Въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія бракосочетанія Ихъ Величествъ городская дума, отслуживъ благодарственное молебствіе, единогласно постановила: принести Ихъ Величествамъ всеподданнѣйшее поздравленіе отъ города Устюжны и сложить съ бѣдныхъ жителей городскихъ недоимокъ 300 руб.; кромѣ того, на то же пожертвовано изъ собственныхъ средствъ городскимъ головою Я. М. Подѣвнымъ 500 р., А. М. Коняльцовой 500 р. и П. Д. Иконниковымъ 50 руб.

ВОЗНЕСЕНСКІЙ ЗАВОДЪ, 28 октября. Рабочее населеніе и служащіе Шинновскихъ желѣзнодорожныхъ заводовъ постановили, въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія супружества Ихъ Величествъ, соорудить въ церквахъ Илевскаго и Вознесенскаго заводовъ иконы Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго и Св. Равноапостольной Маріи Магдалины.

Къ рисункамъ.

Первый день рожденія. (Рис. на стр. 957).

Прелестная семейная картинка! Трудно сказать, кто тутъ лучше — старуха-ли бабушка, съ такой любовью покоющая взоры на виновникъ торжества; или мать, задумчиво и тревожно устремившая на него взглядъ, какъ бы пыталась заглянуть въ туманную даль грядущаго; или старшіе братья и сестры, окружившіе его цѣлымъ роємъ; или маленькіе гости, пришедшіе поздравить его съ букетомъ; или, наконецъ, самъ новорожденный, справляющій первую годовщину свою на бѣломъ свѣтѣ.

Король Вильгельмъ и королева Шарлотта Виртембергскіе. (Портр. на стр. 964).

21 сентября скончался король Виртембергскій Карлъ I, супругъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Николаевны. Такъ какъ у покойнаго короля не было дѣтей, то престолъ перешелъ къ его племяннику, принцу Вильгельму, единственному сыну покойнаго принца Фридриха и принцессы Катарини Виртембергской. Нынѣшній король родился 13 февраля 1848 года. Въ 1866 году молодой принцъ Вильгельмъ поступилъ въ Тюбингенскій университетъ, но уже въ слѣдующемъ году военныя событія призвали его въ ряды воиска, и принцъ совершилъ походъ при главной квартирѣ Виртембергской полевой дивизіи. Франко-прусскій походъ

принцъ Вильгельмъ совершилъ при главной квартирѣ III арміи. Произведенный въ 1877 г. въ генералъ-майоры, принцъ Вильгельмъ, вскорѣ послѣ смерти своей супруги, 1 іюля 1882 года, сложилъ съ себя командованіе въѣрною ему кавалерійскою дивизіей. Произведенный въ 1883 г. въ генералъ-лейтенанты, принцъ получилъ, спустя пять лѣтъ, чинъ генерала-отъ-кавалеріи. Упомянутый отказъ молодого принца отъ непосредственнаго командованія былъ вызванъ желаніемъ узвать поближе страну, въ которой царствовать онъ нынѣ призванъ. Желаніе это подкрѣпилось также необходимостью замѣщать покойнаго короля Карла, здоровье котораго съ зимы 1880—1881 г. не разъ заставляло удаляться на отдыхъ отъ управленія страню. Потому принцъ имѣлъ не мало случаевъ близко и много-сторонне узвать теченіе государственныхъ дѣлъ въ королевствѣ, причѣмъ неоднократно проявлялъ глубокія знанія и блестящее дарованіе.

3 февраля 1877 года принцъ Вильгельмъ вступилъ въ супружество съ принцессой Маріей Вальдекъ-Пирмонтской, сестрою нынѣшней королевы-регентши Голландіи. Бракъ этотъ, осчастливленный въ томъ же году рожденіемъ дочери, былъ неслыханно долговѣчнымъ, и молодая принцесса скончалась въ 1882 году. Спустя 4 года вдовствовавшій принцъ вторично сочетался бракомъ съ Шарлоттой, принцессой Шаумбургъ-Липпской, родившеюся 28 сентября 1864 г. Дѣтей у Виртембергской королевской четы нѣтъ.

Политическое обозрѣніе.

Русскіе моряки продолжаютъ быть предметомъ самаго восторженнаго пріема со стороны французовъ. Обѣды, банкеты, танцевальныя вечера и утра смѣняются одинъ другимъ, при пушечной пальбѣ и восторженныхъ крикахъ и увѣреніяхъ въ дружбѣ участвующихъ. 16 октября происходило факельное шествіе въ Брестѣ, и весь городъ былъ блестяще иллюминированъ. На другой день командиръ фрегата „Дмитрій Донской“ сдѣлалъ визитъ мѣстнымъ властямъ. Депутація отъ воспитанниковъ лица поднесла ему бронзовую фигуру съ надписью „Quand on voudra“. Фигура эта изображаетъ французскаго офицера, который держитъ въ одной рукѣ знамя, а въ другой пистолетъ. Одинъ изъ лицестовъ произнесъ рѣчь о франко-русскомъ союзѣ. Въ пятницу, 18 октября, командиры русскихъ судовъ получили корзины цвѣтовъ отъ адмирала Жерве. Русскіе матросы, сходявшіе на берегъ, были встрѣчены овациями. Банкетъ, устроенный въ честь офицеровъ русской и французской эскадръ, удался блестятельно. Офицеры были встрѣчены на пристани нѣкоторыми членами общественного управленія, причѣмъ публика шумно ихъ приветствовала. Банкетъ; начавшійся въ 7 часовъ, кончился въ 11. Каждый изъ русскихъ офицеровъ сидѣлъ между французскими офицерами и членомъ общественного управленія. Были произнесены рѣчи: городскимъ головою, адмираломъ Жерве, консуломъ Керросомъ и его сыномъ. Городской голова, приветствуя бронштатскихъ гостей, указалъ на симпатіи, соединяющія фран-

цію съ Россіей, и выразилъ надежду, что русскія суда найдутъ еще болѣе торжественную встрѣчу, если посетятъ Брестъ въ то время, когда тамъ будетъ президентъ республики. Командиры русскихъ судовъ произнесли благодарственныя рѣчи. Адмиралъ Жерве сказалъ, что онъ „считаетъ себя счастливымъ, имѣя возможность еще разъ выразить свою признательность за пріемъ, сдѣланный ему въ Россіи. Консулъ провозгласилъ тостъ за г. Карно и за Францію. Сынъ консула упомянулъ въ рѣчи о Наваринскомъ боѣ.

Въ то же время французскіе унтеръ-офицеры устроили ужинъ въ честь русскихъ унтеръ-офицеровъ.

20 октября происходилъ на „Мининѣ“ въ честь французскихъ офицеровъ банкетъ. Морской префектъ провозгласилъ на немъ тостъ въ честь Ихъ Императорскихъ Величествъ, капитанъ Вирюлевъ отвѣтилъ тостомъ въ честь президента Карно, французскаго народа и французской арміи и флота. Банкетъ отличался сердечнымъ характеромъ.

Въ тотъ же день состоялись еще два банкета, устроенныхъ въ честь русскихъ моряковъ частными комитетами. За банкетами произошелъ обмѣнъ патриотическихъ тостовъ.

Вечеромъ былъ блестятельный пріемъ у г. Керроса, на которомъ присутствовали всѣ французскіе адмиралы и много русскихъ и французскихъ офицеровъ.

23 октября состоялось танцевальное утро на фрегатѣ „Мининъ“, которое закончилось праздникомъ въ Брестѣ. На немъ

собралось 600 человек, в том числе много лиц высшего общества, армии и флота. Музыка несколько раз исполнила русский народный гимн и „Марсельезу“, которые публика встречала единодушными приветственными возгласами. Участвовавшие в празднике разошлись очень поздно при криках: „Да здравствует Россия! да здравствует Франция!“ Крики эти возобновились тысячу раз. При отъезде русские офицеры обнимались и целовались с товарищами-французами. На вечернем банкете, данном начальниками портовых служб, председательствовавший адмирал Либро провозгласил прочувствованные тосты за Государя Императора и Государыню Императрицу, а потом за русский флот и офицера „Мишина“. Консул Керрось, говоря от имени капитана Бирюлева, выразил благодарность за оказанный русским морякам сочувственный прием и поднял бокал за французский флот. По окончании банкета состоялось факельное шествие с участием русских моряков, которых толпа приветствовала горячими кликами.

Король Румынский недавно посетил Берлин и был там принят с большими почестями. Между прочим ему разрешено вновь надеть мундир своего полка. Король, зачисленный в списки гвардейского полка полковой артиллерии, выразил Германскому императору благодарность и высказал радость по поводу того, что он имеет возможность перенести принципы прусской армии в армию румынскую. „Принципы эти прибавил он — вкоренились в молодой румынской армии, которая гордится ими“.

Немецкие либеральные органы, как телеграфируют *Новому Времени*, утверждают, что король Карль Румынский, одолев в Бухаресте руссофильскую партию, предпочел теперь в Берлине закрыть огонь на Румынии к средневропейской лиге и условиться насчет той помощи, на которую может рассчитывать румынское правительство, если оно откажется развить русским войскам свободный пропуск на Балканский полуостров. Союз Румынии с тройственной лигой должен служить к тому, чтобы предупредить дальней-

шее усиление России. Ведутся также переговоры о перевооружении румынской армии. Официальная *Съверо-Германская Газета*, в передовой статье, написанной в высокопарном тоне, говорит, что король Карль „увезет с собою уверенность в том, что Румыния имеет в сердце Европы друзей безкорыстных, искренних и верных“. В Вѣнѣ также поговаривают о присоединении Румынии к тройственному союзу, хотя в дипломатических кружках утверждают, что это невозможно, так как тройственная лига, если бы приняла в свой союз Румынию, вынуждена была бы ввалить на себя гарантию за целостность и неприкосновенность Румынии и взять ее интересы под свое покровительство. Такая охрана интересов Румынии совершенно несовместима с мирными планами и направлением тройственной лиги, о которых неоднократно торжественно было заявлено.

В Риме в настоящее время заседают третий конгресс мира. Два предшествовавшие происходили в Лондоне и Париже, но они не отличались таким многолюдством как римский конгресс. Не говоря уже об итальянских членах конгресса, которых насчитывается до 90 сенаторов и 267 депутатов, французский парламент участвует на конгрессе 11 сенаторами и 45 депутатами, английской — 3 пэрами и 40 коменерами, Германия — 16 членами рейхстага, Австро-Венгрия — 32 депутатами. Прочия государства тоже имеют на конгрессе мира не мало представителей. Церемония открытия состоялась 22 октября в присутствии хранителя печати и многих дипломатов. Президент напуты депутатов Бианкери и римский городской голова произнесли речи, затѣм говорили 14 членов разных стран. В своей речи Бианкери, которому много аплодировали, сказал, что программа конференции стремится к осуществлению международного арбитража, но исключает обсуждение специальных вопросов. Бианкери присовокупил, что Италия желает быть только элементом согласия и мира, она останется верной своей задаче и не изменила ей, вступая в соглашение, в котором лишь ошибочно усматривают не те цели, которые существуют в действительности.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Августѣйшими Дѣтьми, ихъ величества король и королева Датскіе и ея королевское высочество принцесса Валлійская, съ двумя дочерьми-принцессами, 19 октября, въ 7 час. утра, прибыли въ Дамингъ; того же числа, въ 10 час. утра, отправились, по желѣзной дорогѣ, на Вержолово, куда прибыли въ 7 час. вечера того же числа; въ 8 час. вечера, отправились далѣе, по пути въ Крымъ, и въ понедѣльникъ, 21 октября, въ 10 час. 30 мин. утра, прибыли на полустанцію Спасовъ-Скитъ. Ихъ Величества, съ Августѣйшими Спутниками, посѣтивъ вновь строящійся храмъ, прослѣдовали во временную церковь, гдѣ были встречены преосвященнымъ Амвросіемъ съ духовенствомъ и, послѣ краткаго богослуженія, odbyли въ Севастополь, куда и прибыли во вторникъ, 22 октября, въ 10 час. 30 мин. утра. По принятии почетнаго караула отъ 49-го пѣхотнаго Брестскаго полка, Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми и спутниками перешли на пароходъ Добровольнаго Флота „Орель“, и 23 октября, въ 11 час. 30 мин. по полуд., прибыли въ Явандю.

— 21 октября, по случаю завершения сокроваго дѣла, въ Бозѣ почившей Вел. Кн. Александры Георгиевны, въ Петропавловскомъ соборѣ отслужены заупокойная литургія и панихида. На могилу Е. П. В. въ Бозѣ почившей Вел. Кн. Александры Георгиевны возложены серебряные вѣнки: два присланные изъ Греціи и одинъ вѣнокъ отъ бывшихъ офицеровъ фрегата „Дмитрій Донской“.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату новѣлено:

1) Сохраняя въ силѣ воспрещеніе отпуску ржи, ржаной муки и отрубей всякихъ, распространить таковое на всѣ прочіе, кромѣ пшеницы, зернового хлѣба и картофеля, а равно на приготовляемые изъ запрещенныхъ къ вывозу зерновыхъ хлѣбовъ и картофеля: муку, солоду и крупу, тѣсто и печеный хлѣбъ.

2) Воспрещеніе сіе ввести въ дѣйствіе со дня, слѣдующаго за обнародованіемъ сего Указа Нашего въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства“, съ предоставленіемъ министру Финансовъ о содержаніи сего Указа сообщить, по телеграфу, для немедленнаго исполненія, подлежащимъ таможеннымъ учрежденіямъ.

Дѣла церкви.

— 17 октября, въ Херсонѣ состоялось освященіе главнаго престола въ храмѣ Св. Владимира, заложенномъ въ 1861 году надъ остатками древней церкви въ крестильною купелью Св. Равноапостольнаго Князя Владимира. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается величественный храмъ, въ тогда стоилъ сильный военною мощью и богатый торговлею греческій городъ Херсонесъ (по русскимъ лѣтописямъ—Корсувъ), основанный за 500 лѣтъ до Р. Х. и разрушенный турками въ концѣ XIV вѣка. Въ этомъ же городѣ, въ церкви (базиликѣ) во славу Рождества Пресвятыя Богородицы въ 958 году крестился Владиміръ Святій.

Военное и морское дѣло.

— Въ м. Деречинѣ, Слободскаго уѣзда, въ конныхъ 4-го эскадрона 11-го драгунскаго Харьковскаго полка произошелъ пожаръ, сгорѣли 33 строевыя лошади и разныя конныя снаряженія.

— Въ Англии, съ одной изъ верфей на берегахъ рѣки Тайнъ, недавно спущенъ на воду стальной пароходъ „Великій Князь Кон-

стантинъ“, выстроенный по заказу „Русскаго общества пароходства и торговли“. Длина парохода 284 фута, ширина 37 футовъ и глубина трюма 27 футовъ.

Сельское хозяйство и промышленность.

— Россійское общество любителей садоводства, въ Москвѣ, въ текущемъ году устроило для сельскихъ учителей практическіе курсы пловодства и огородничества. На курсахъ состояло сорокъ два учителя и учительницы и три стороннихъ слушателя, въ числѣ которыхъ одинъ священникъ.

— На-дняхъ состоялось первое собраніе членовъ-учредителей Русскаго Общества пчеловодства, поставившаго своею задачею содѣйствовать расширенію правильнаго пчеловодства и расширенію сбыта его продуктовъ.

Торговля.

— На Сальномъ булвѣ, въ Петербургѣ, въ настоящее время происходитъ необычайно оживленіе, такъ какъ остались на зимовку 15 поморскихъ парусныхъ судовъ, на которыхъ привезено и выгружено болѣе 400,000 пудовъ разной сѣверной рыбы.

Искусства изобразительныя.

— Среди проживающихъ въ Петербургѣ профессиональныхъ иконописцевъ возникла мысль объ устройствѣ въ столицѣ школы иконописанія. Въ этой школѣ ученики, до сихъ поръ работавшіе по разнымъ иконописнымъ мастерскимъ, будутъ подробно изучать древне-русское и византійское иконописанія по сохранившимся до настоящаго времени образцамъ. Учредители школы предполагаютъ воспользоваться образцами, оставшимися послѣ смерти извѣстнаго иконописца Рачевскаго, работами искусства современнаго иконописца Малева, а также оригиналами и копіями, хранящимися въ музеѣ общества любителей древне-рус. письменности.

С М Ъ С Ъ.

Мы получили слѣдующее письмо: Не откажите дать мѣсто въ почтенномъ журналѣ Вашемъ, моему обращенію о помощи голодающимъ людямъ!

Въ южной части Рязанской губерніи, пораженной въ нынѣшнемъ году полными неурожаемъ всѣхъ хлѣбовъ и кормовыхъ травъ,

болѣе другихъ пострадала Измайловская волость Скопинскаго уѣзда: тутъ сѣдено все, хлѣбъ, лебеда; домашній скотъ пораспроданъ за безцѣнокъ и давно уже проѣденъ; въ большинствѣ семей по недѣлѣ и больше не ѣли хлѣба; наша мѣстная помощь безсилна предъ громадой бѣдствія, и мы обращаемся съ надеждой къ помощи общи-

ственной, и усердно просимъ помочь голодающему крестьянству.

По жертвованію покорно прошу адресовать: *Почетителю по продовольствію Измайловской волости Александру Александровичу Бартевеву, въ село Измайлово, Рязанской губ., Скопинскаго уѣзда.*

Съ совершеннымъ почтеніемъ Елизавета Бартевевъ, землевладѣльница Скопинскаго уѣзда.

18 октября 1891 г. Село Измайлово, Скопинскаго уѣзда.

Шарлотта, королева Виртембергская.

Опыты генерала Диренфорта надъ произведеніемъ искусственнаго дождя, происходившіе 18 августа въ Техасѣ, увѣчались полнымъ успѣхомъ. Небо было безоблачно, и нельзя было ожидать дождя раньше какъ черезъ недѣлю. Тогда генераль Диренфортъ пустилъ воздушный шаръ, наполненный смѣсью водорода съ кислородомъ, которая была взорвана на значительной высотѣ. Взрывъ сопровождался страшнымъ сотрясеніемъ воздуха, подобнымъ громовому удару. Солнце все еще ярко свѣтило, и барометръ стоялъ на прекрасной погодѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ

взрыва было пущено множество бумажныхъ змѣевъ съ динамитными зарядами, которые были взорваны въ воздухѣ. Одновременно съ этимъ и на землѣ, на пространствѣ двухъ квадратныхъ английскихъ миль, было взорвано множество динамиту. Въ воздухѣ стоялъ громъ, подобный артиллерійской пальбѣ, и дымъ поднимался на высоту 200 футовъ. Эти взрывы не остались безъ вліянія на атмосферу. Горизонтъ потемнѣлъ, и дождь полилъ какъ изъ ведра на

Вильгельмъ II, король Виртембергскій. Съ фот. грав. Шюблеръ.

поверхности въ 1,000 английскихъ миль. Генераль Диренфортъ намеренъ продолжать свои опыты. (к.)

Выдающееся произведеніе Обуховскаго сталелитейнаго завода. Недавно, по заказу военнаго министерства на Обуховскомъ заводѣ изготовлены двѣ двѣнадцатидюймовыя пушки, каждая вѣсомъ 2750 пудовъ. Специально для ихъ перевозки на Николаевской желѣзной дорогѣ устроены были особые вагоны-платформы съ грузовой емкостью въ 3000 пудовъ каждый. (в.)

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Намъ приходится иногда выслушивать замѣчанія о томъ, что извѣстія о текущихъ, нерѣдко весьма важныхъ событіяхъ русской жизни и относящіяся къ нимъ рисунки, какъ напримѣръ портреты русскихъ дѣятелей, по поводу юбилейныхъ торжествъ, кончины и т. п., помѣщаются нами въ третьемъ листѣ журнала. Считаемъ нужнымъ объяснить разъ навсегда. Мы не дѣлаемъ никакой разницы между листами; вопросъ этотъ—чисто техническій. Еженедѣльные иллюстрированные журналы имѣющіе нѣсколько тысячъ, даже десятковъ-другой тысячъ подписчиковъ, управляются съ составленіемъ и печатаніемъ номера въ теченіе одной недѣли. Но „Нива“, имѣющая много болѣе ста тысячъ подписчиковъ, сдаетъ первые два листа каждаго номера въ печать за мѣсяць до выхода въ свѣтъ; иначе, при томъ громадномъ количествѣ экземпляровъ, въ которомъ печатается „Нива“, мы не имѣли бы никакой возможности отпечатать ихъ къ сроку выхода номера. При этомъ въ первыхъ двухъ ли-

стахъ помѣщаются такія статьи и рисунки, которые не имѣютъ интереса дня, каковы романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи и т. п. Еслибы мы, получивъ извѣстіе о кончинѣ какого-либо русскаго дѣятеля, помѣстили портретъ его въ первомъ или во второмъ листѣ, то подписчики получили бы этотъ номеръ спустя цѣлый мѣсяць послѣ смерти помянутаго лица. Съ другой стороны, мы напр. не можемъ помѣстить въ первыхъ листахъ портретъ даже такого лица, котораго юбилей будетъ завѣдомо праздноваться черезъ мѣсяць, такъ какъ ко времени выхода номера, празднованіе можетъ быть отмѣнено или отерочено. Во избѣжаніе этихъ неудобствъ мы оставляемъ для текущихъ событій третій листъ, который сдается въ типографію лишь за недѣлю до выхода номера и печатается одновременно на трехъ машинахъ. Только при такомъ условіи мы и можемъ помѣщать текущія событія немедленно вслѣдъ за совершившимся фактомъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

23-й годъ
издания.

НИВА

1892-й
годъ.

иллюстрированный журнал—для семейнаго чтения—литературы, политики и современной жизни, со многими бесплатными приложениями, премиями и проч.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ этого №.

Въ теченіе 22-лѣтняго изданія „НИВЫ“ русская публика настолько ознакомилась съ нашимъ журналомъ, что намъ остается лишь указать его содержаніе на будущій 1892 годъ. За все это время „НИВА“ преслѣдовала единственную задачу: быть истинно русскимъ журналомъ и давать читателямъ лучшія произведенія русской литературы и изящныхъ искусствъ. Та же задача будетъ выполняться нами и въ 1892 г.

Въ прошломъ году литературный отдѣлъ нашего журнала былъ расширенъ болѣе чѣмъ вдвое противъ прежнихъ лѣтъ бесплатнымъ приложеніемъ „Сборника Нивы“, что дало намъ возможность, сверхъ напечатаннаго въ журналѣ, помѣстить еще два большихъ романа, каждый въ трехъ частяхъ, и болѣе двадцати повѣстей: Н. Д. Ахшарумова, П. Д. Боборыкина, И. М. Н. Волконскаго, Н. Н. Карзина, Н. Д. Маслова, В. И. Немировича-Данченко, П. Н. Полевого, И. Н. Потапенка, гр. Е. А. Салиаса и др. ежемѣсячную научную лѣтопись и множество популярно-научныхъ статей. Мы общими дѣлами нашимъ подписчикамъ 12 ежемѣсячныхъ книжечекъ Сборника, въ 200—250 страницъ каждая. На самомъ дѣлѣ мы давали каждый мѣсяцъ болѣе общаго, а всего Сборникъ за 1891 годъ заключалъ въ себѣ 354 страницъ убористой печати и интереснѣйшаго чтенія, составляя въ совокупности ежемѣсячный журналъ.

Въ будущемъ 1892 г. мы точно также дадимъ нашимъ подписчикамъ

12 КНИГЪ СБОРНИКА

изъ коихъ три (за Іюль, Августъ и Сентябрь 1892 г.) будутъ составлять главную литературную премию, а именно:

За Іюль: Сочиненія ГРИБОѢДОВА,

За Августъ: Сочиненія ПОЛЕЖАЕВА,

За Сентябрь: Сочиненія КОЗЛОВА; каждый изъ этихъ поэтовъ будетъ изданъ подъ редакціей А. И. Введенскаго и составить отдѣльный томъ съ гравированными на стали Ф. А. Брокгаузъ въ Лейпцигѣ портретомъ. Для несостоящихъ подписчиковъ „НИВЫ“ цѣна каждого тома въ отдѣльной продажѣ 1 руб.

Такимъ образомъ подписчики „Нивы“ изъ года въ годъ постепенно приобрѣтутъ сепаратно цѣлую библиотечку ПЕРВОСТЕПЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Ручательствомъ добросовѣстности ихъ изданія можетъ служить изданное нами въ 1891 г. „Полное собраніе сочиненій Лермонтова“ подъ редакціей А. И. Введенскаго.

Необычайный успѣхъ нашей художественной преміи за 1891 г.

АЛЬБОМА СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

послужилъ намъ доказательствомъ, что мы вѣрно угадали вкусъ нашихъ подписчиковъ, и побуждаетъ насъ продолжать дѣло въ томъ же направленіи.

Издавая этотъ альбомъ въ видѣ перваго опыта, мы въ 1891 году для большаго ознакомленія съ нимъ публики разослали его въ редакціи столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, которыя и не замедлили дать о немъ самыя лестныя отзывы.

Въ текущемъ году мы считаемъ это издѣніемъ, будучи вполнѣ увѣрены, что имена художниковъ говорятъ сами за себя лучше всякихъ похвалъ. Что же касается технической стороны исполненія, то по альбому 1891 года Гг. подписчики сами могутъ судить, до какой высокой степени совершенства доведена нами художественная передача въ копіи всѣхъ красокъ и мельчайшихъ подробностей подлинной картины.

АЛЬБОМЪ „НИВЫ“ на 1892 годъ

заключаетъ въ себѣ точныя (facsimile) копіи слѣдующихъ картинъ:

- 1) Профессора И. И. АЙВАЗОВСКАГО: „Лунная ночь на берегу Чернаго моря, близъ Сухумъ-Кале“.
- 2) Академика А. Н. БЕНУА: „Вечеръ“.
- 3) Профессора А. П. БОГОЛЮБОВА: „Морской каналъ въ С.-Петербургѣ“.
- 4) Профессора Н. Д. ДМИТРИЕВА-ОРЕНБУРГСКАГО: „У колодца“.
- 5) Натаніеля ЗИХЕЛЯ: „Фатма“.
- 6) А. М. КОТЛЯРЕВСКАГО: „Спряталась“. (Сцена изъ малоросс. жизни).
- 7) Профессора Н. А. КОШЕЛЕВА: „Изъ дѣтства Петра Великаго“.
- 8) Профессора Л. Ф. ЛАГОРИО: „Близъ Ай-Петри въ Крыму“.
- 9) Профессора Н. Е. МАКОВСКАГО: „Бояринъ“.
- 10) В. И. НАВОЗОВА: „У яблоковъ“.

Изъ громаднѣхъ запасовъ литературнаго матеріала, находящагося въ портфель редакціи, можемъ указать на слѣдующія произведенія:

Ахшарумовъ, Н. Д.—„Въ потемнахъ совѣсти“, романъ въ 2 частяхъ.

Боборыкинъ, П. Д.—Повѣсть.

Брикнеръ, А. Г., проф.—историческій разсказъ.

Брандтъ, А., проф.—„Живописная растенія“, популярно-научный очеркъ съ 10 гравюр.

„Афонскій монастырь“. Очеркъ съ рис.

Бутовскій, Н.—„Деньщикъ Морозка“, разсказъ.

Волконскій, Кн. М. Н.—„Довѣренное лицо“, разсказъ.

„Борисъ Кутлинскій“, разсказъ.

Григоровичъ, Д. В.—„Городъ и деревня“, повѣсть.

Данилевскій, Г. П.—„Шаринъ“ (посмертное произведеніе), разсказъ.

Елисѣевъ, А. В.—„Хадія Аравійскій въ пустынь“, от.

„Желиховская, В. П.—„На синеморскихъ бухрахъ“, романъ.

„На берегахъ Невы и Темзы“, романъ.

Заринъ, А. Е.—„Противъ теченія“, разсказъ.

Крестовская, М. В.—„Дѣти“, идиллія.

Лѣсковъ, Н. С.—„Осиробленная Негэта“, картины римской жизни временъ Тиверія, съ рисунками Е. М. Бѣмъ.

Майковъ, А. Н.—„Изъ приключеній Гаруина въ Италіи“, разск.

Максимовъ, А. Я.—„Тюлений островъ“, разсказъ со мног. рисунковъ.

Масловъ, Н. Д.—„Другъ друга не поняли“, романъ.

Невзоровъ, И.—„Рыцарь тайги“, разсказъ.

Немировичъ-Данченко, В. И.—„Дора“, повѣсть.

„Какъ они разошлись“, разсказъ.

„Миражи“. Шесть маленькихъ разск.

Полевой, П. Н.—„Исторія двухъ зипуновъ“, историч. разск.

„Этло досадительное дѣло“, историч. разск.

Полонскій, Я. П.—„Однофамильцы“, разсказъ.

Потапенко, И. Н.—„Баба замѣшалась“, разсказъ.

„Сорвалось“, разсказъ.

„Маленькая игра“, разсказъ.

Салиасъ, Гр. Е. А.—„Служитель Бога“, романъ.

„Такіе дни“, историческій разсказъ.

„Счастствъ“, разск. изъ соврем. жизни.

Сизова—„Соломонія Сабурова“, историч. разсказъ.

Н. Станицкій „Дѣдушна“, разсказъ.

Стулли, Ѳ. С.—„Гроза“, разсказъ.

Терпигоревъ (Сергій Атава)—„Стратонъ Стебельчинъ“, пов.

Попрежнему ежемѣсячно будутъ при „НИВѢ“ выходить особые приложения:

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ

дающія въ теченіе года болѣе 300 гравюръ костюмовъ новѣйшихъ парижскихъ фасоновъ, съ ежемѣсячн. прилож. болѣе 300 выкроекъ въ натуральн. величину и около 300 рисунк. руководствъ и вышивль. работъ—словомъ полн. модн. журналъ.

При № 1 „НИВЫ“ на будущій годъ подписчики получатъ:

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1892 годъ

въ новой изящно-печатанной красками вышкеткѣ.

Такимъ образомъ подписчики „НИВЫ“ на будущій 1892 г. получатъ:

52 ежемѣсячныхъ №№ иллюстрированнаго журнала „Нива“, 12 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, изъ коихъ три составятъ отдѣльныя изданія (главная литературная премія):

одинъ томъ: Сочиненія Грибоѣдова } съ грав. на стали портр.
одинъ томъ: Сочиненія Полежаева } Цѣна каждого тома въ
одинъ томъ: Сочиненія Козлова } отдѣльн. продажѣ по 1 р.

10 акварелей извѣстныхъ художниковъ.

1 изящную панку для „Альбома Нивы“, украшенную акварелью Академика С. Александровскаго.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“ съ 300 гравюрами.

12 приложений при „Модахъ“ состоящихъ изъ руководствъ и вышивль. работъ и чертежей выкроекъ въ натуральную величину (въ теченіе года около 600).

Стѣнной календарь на 1892 г. печатанный 6 красками.

Полученіе художественнаго АЛЬБОМА „НИВЫ“ и ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ (сочиненій Грибоѣдова, Полежаева и Козлова) не сопряжено для подписчиковъ „НИВЫ“ ни съ какими издержками—ни за премию собственно, ни за пересылку ея, какъ это вошло въ обычай у нѣкоторыхъ издателей, которые взимаютъ со своихъ подписчиковъ не только плату за такъ-называемую ими премию, но еще особенно и за пересылку. Преміи же „НИВЫ“ составляютъ бесплатныя и дѣйствительно цѣнныя приобрѣтенія, въ чемъ подписчики могли убѣдиться въ 1891 г. при полученіи Альбома и Сочиненій Лермонтова.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Ключицкозъ.

ШАХМАТЫ.

Подъ редакціей Э. С. Шифферса.

ПАРТІЯ № 14.

18-я партія матча (17-я—Ферзь въ гамбитъ была ничья). Играна въ Нью-Йоркѣ 9 (21) января 1891 года.

Гамбитъ Эванса.

И. Гунсберъ.	В. Стейницъ.	И. Гунсберъ.	В. Стейницъ.	И. Гунсб.	В. Стейницъ.
Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.
1. e2-e4	e7-e5	19. K. d4-e2	d7-d6	37. J. h4-e4	e4-c3
2. K. g1-f3	K. b8-c6	20. K. e2-g3	C. b6-d8	38. J. f1-e1	J. d7-d8
3. C. f1-c4	C. f8-c5	21. e4-e5	b7-b5	39. K. g3-e2	K. b6-d5
4. b2-b4	C. c5-b4	22. Ф. a4-a3	c5-c4	40. Ф. b4-a4	Ф. g7-f6
5. c2-c3	C. b4-a5	23. e5-d6	K. e7-d5	41. K. g5-f3	C. c7-b6
6. 0-0	Ф. d8-f6	24. C. b3-e2	b5-b4	42. J. e1-c1	c3-c2
7. d2-d4	K. g8-f7	25. Ф. a3-a4	Ф. h6-d6	43. h2-h3	Ф. f6-b2
8. Ф. d1-a4	C. a5-b6	26. C. c2-a4	K. d5-b6	44. Ф. a4-b3	Ф. b2-b3
9. C. c1-g5	Ф. f6-d6	27. Ф. a4-c2	J. a8-b8	45. a2-b3	a6-a5
10. K. b1-a3	e5-d4	28. C. d4-d7	Кр. g8-h8	46. J. e4-c4	J. c8-c4
11. K. a3-b5	Ф. d6-g6	29. J. c1-d1	Ф. d6-h6	47. b3-c4	K. a5-b4
12. c3-d4	Ф. a7-a8	30. C. h7-f5	g7-g6	48. g2-g3	C. b6-d2
13. d4-d5	K. c6-e5	31. C. f5-e8	J. b8-c8	49. Кр. g1-f2	K. b4-d3
14. K. f3-e5	Ф. g6-g5	32. Ф. e2-b2	Ф. h6-g7	50. Кр. f2-e3	K. d3-c1
15. C. e1-f3	Ф. g5-h6	33. Ф. b2-b4	C. d8-d7	51. K. e2-c1	J. d8-d1
16. C. a4-b3	0-0	34. J. d1-d4	J. f8-d8	52. K. c1-e2	a5-a4
17. J. a1-c1	c7-c6	35. Ф. d4-d4	Кр. h8-g8	53. K. f3-d4	c2-c1
18. K. b5-d4	c6-c5	36. K. f3-g5	J. d8-d7	54. K. e2-c1	J. d1-c1

Примѣчанія къ партіи:

- 1) Этотъ ходъ Стейницъ испробовалъ въ 8-ми партіяхъ матча съ Чигоринымъ въ Гавани 1889 г. Изъ нихъ онъ выигралъ 3, проигралъ 4 и одна была ничья. Испробованъ нѣсколько разъ неудачно ходъ 7. ... К. g8-h6, отъ слова возвращается къ старому продолженію. Такъ какъ въ защитѣ Стейницъ (6. ... Ф. f6) всегда приходится идти слонамъ на b6, то повидимому лучшей ходъ прямо 7. ... C. a5-b6, не выжидая нападенія Ф. a4. Если 7. ... h7-h6, то С. Аланнъ указываетъ на слѣдующее продолженіе: 8. C. c1-e3, K. g8-e7 (или 8. ... C. b6; 9. d4-e5, K. c6-e5; 10. K. f3-e5, Ф. f6-e5; 11. C. e3-d4, C. b6-d4 (или 11. ... Ф. g5; 12. f2-f4 и т. д.); 12. c3-d4 и черные слишкомъ отстаютъ въ развитіи игры; 9. d4-d5, K. c6-d8 (не лучше K. b8); 10. Ф. d1-a4, C. a5-b6 (послѣ 10. ... b7-b6? послѣдуетъ K. f3-d2-b3 и бѣлые выигрываютъ ишху); 11. C. e3-b6; c7-b6; 12. C. c4-b5, a7-a6; 13. K. b1-a3, J. a8-b8; 14. J. a1-b1, и если 14. ... a6-b5, то 15. Ф. a7, K. d8-c6; 16. d5-c6; K. e7; 17. Ф. a7-b6 съ превосходной партіей при равныхъ ишхяхъ, причѣмъ терпѣе еще ишха b5.
- 2) Ходъ 8. C. c1-e3, по нашему мнѣнію, гораздо сильнѣе. Чигоринъ игралъ здѣсь 8. d4-d5.
- 3) Нельзя 12. ... Ф. : e4, по причинѣ: 13. J. f61, Ф. g6; 14. d5, f6; 15. d5-c6, f6-g5; 16. K. e5, Ф. f3; 17. c6-d7; C. : d7; 18. K. : d7, Ф. : d7; 19. K. : c7-f, C. : e7; 20. C. b5.
- 4) Если 17. e4-e5, то 17. ... d7-d6 съ угрозой C. d7. Атака бѣлыхъ уже отбита.
- 5) Лучше было 20. ... C. c7, чтобы мѣшать ходу e4-e5.
- 6) Слѣдовало играть 30. ... a5 или c3.

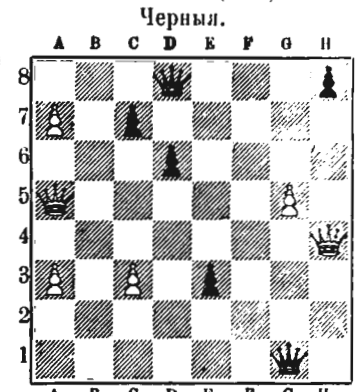
- 7) Немного лучше было 34. K. g8-e2-c3.
- 8) Предпочтительнѣе было 38. J. f1-c1.
- 9) Отсюда до конца Стейницъ ведетъ партію весьма сильно и энергично.
- 10) На 43. J. : c2, слѣдовало бы 43. ... Ф. a1+; 44. K. c1, K. d5.
- 11) Если 41. J. e4, то 44. ... K. c3!
- 12) Если 48. K. e1, то 48. ... J. d1 и заглѣзъ K. d3.

Задача № 44. П. И. Мараулина (Нолинскъ).

Бѣлые. Мать въ 2 хода.

Задача № 45 (шашечн. этюдъ). Н. В. Панкова (СПБ.).

Бѣлые начин. и выигрываютъ.

Въ „Сборникѣ Экономистовъ“ (Фонтанка, 32) начался 11 октября третій турниръ (на равныхъ силахъ), въ которомъ участвуютъ 12 игроковъ. О результатѣ будетъ своевременно сообщено.—Тамъ-же С. З. Аланнъ 13 октября сдѣлалъ сообщеніе о разныхъ защитѣхъ въ гамбитѣ Эванса. Тамъ-же, въ воскресенье 3-го ноября, въ 2 часа дня, С. З. Аланнъ сдѣлалъ сообщеніе о новой защитѣ въ гамбитѣ Эванса

СОДЕРЖАНІЕ: Малъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина. Ч. II. (Продолженіе).—Призракъ графини Сентъ-Энльи. Историческій разсказъ Гиззена. — Къ рисункамъ: Купальня Діаны въ Смирнѣ (съ рис.).—Голодный годъ (съ 2 рис.).—Св. Алесій, митрополитъ Московскій и всен Русси, въ Ордѣ, у большой ханши Табдулы (съ рис.).—Прошедшее и будущее Лиговки (съ рис.).—Двадцатипятилѣтіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Телеграммы отъ 28 октября. — Къ рисункамъ: Первый день рожденія (съ рис.).—Король Вильгельмъ и королева Шарлотта Виртембергскія (съ 2 портр.).—Полиг. обзоръ.—Разныя извѣстія. — Спѣск. — Нашия читателямъ.—О подиискѣ на „Ниву“ 1892 г.—Шахматы.—Объявленія.

При семь № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за НОЯБРЬ; 2) ПАРНИКЪ МОДЫ“ за НОЯБРЬ, съ 36 рис. и отд. лист. съ 30 черт. выир. въ натур. велич. и 23 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Илюшинковъ.

Ф. САНЪ-ГАЛЛИ,
Невскій пр., № 8 и № 60
магазины.
**КУХОННЫЕ ОЧАГИ.
КАМИНЫ.
ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПЕЧИ.**

Лиговка, № 60, заводъ.
**ПАРОВЫЯ МАШИНЫ.
КОТЛЫ.
ПАРОВЫЕ НАСОСЫ.**

**БИЛЛЯРДАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.**
С.-Петербургъ Троицкй пр., близъ Емчип-
№ 4901 скаго моста, домъ № 7-2. 26-27
Иллюстрированныя прейсъ-курранты по востребованію высылаются безвозмездно

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
учрежденное
Иваномъ Михайловичемъ Хайновскимъ
(Москва, противъ Храма Спасителя)
имѣетъ всѣ права казенныхъ реальныхъ училищъ и состоитъ изъ двухъ отдѣльных основнаго и коммерческаго и имѣетъ два приготорительные классы (младшій и старшій) и дополнительный VII классъ (общее отдѣленіе) для поступающихъ въ Техническое Училище, институты: Института Сообщенія, Горный, Лѣсной, Технологическій, Ветеринарный и др., высшія спеціальныя училища. П. № 5431
Здѣсь же ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЯ ПАН. ЮНЬ для готовящихся во всѣ среднія учебныя заведенія и къ выдержанію экзамена по 1-му и 2-му разряду.
ПРІ-МЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ВСЕГО ГОДА.

ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
ПАРОВОЯЯ ФАБРИКА
ЛУИ БУИСЬИКО
ВЪ КАЖДОМЪ ПРІНЦИПѢ
ИЗЪ КАЖДОЙ МОДЕЛИ МОСВА И РОДА

ШЕСТЬ КОМЕДИЙ
П. П. ГЕДЪИЧА
для театра, для любит. и домашн. спектакля
1) Горяція письма. Ком. въ 1 дѣйств.
2) На хуторѣ. Ком. въ 3 дѣйств.
3) Женя. Ком. въ 1 дѣйств.
4) На южномъ берегу Крыма. К. въ 2 д.
5) Въ цвѣтахъ. Ком. въ 3 дѣйств.
6) Старая сказка. Ком. въ 4 дѣйств.
Цѣна этому изданію издаванію 2 р., съ пересылкой 2 р. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 (СЕДЬМОЙ) ГОДЪ
съ 1 ноября 1891 по 1 ноября 1892 г.
на ежевед. иллюстрированный журналъ сельскаго хозяйства, садов., лѣсов., животн., пчелов., шелков., рыбов. и домоводства

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“
Н. И. Масляникова СПБ., Надеждинская, 43. Масса рисунковъ. Безплатно: отв. на вопросы, сѣмена, архитект. проекты красками: печи для 2-хъ этаж., съ 1-мъ затопомъ (складн. модель), скотно-конн. двора, съ избами и сараемъ для кормовъ, загородн. двухэтажн. дома съ подвал., зерносушильни, вѣтрян. двигателя. больш. дерев. моста. „Альбомъ типовъ домашн. животныхъ“.
№ 5434
На годъ 6 р. съ пер. и 21 к. нѣ перес. алб. м.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ НА
ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

на годъ 5 р. на 1 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 50 к.

За границу Объявленія по 10 к. за строку

на годъ 10 р.

Адресъ: С.-Петербургъ, 360 №№ въ годъ. Редакт. И. В. Сиворцовъ. Невскій пр., д. 20. 12 нн. роман., разсм. и очерк. Издатель А. А. Гревс.
При подиискѣ на годъ допускается разсрочка — 1-й взносъ 2 или 1 р., послѣдующіе по 1 р. № 5442 9-1

БРОКАРЪ и К^о.
ИЗОВРѢТАТЕЛИ Р. № 5087 (21)
ЦВѢТЧАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Сладъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 8.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВЪНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

№ 4754 28 - 28

ЛЕННИНГЪ и ГРОЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОНЪ 30 К. Продается вездѣ.

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блоннъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59-57.

PARIS
Printemps
NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON D'HIVER, sur demande affranchie adressée à

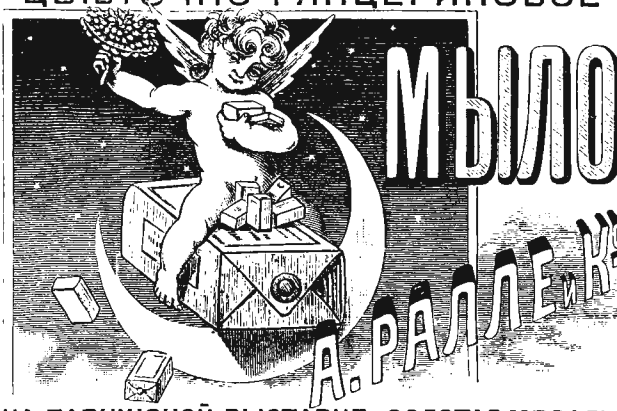
MM. JULES JALUZOT & Ce
PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde
Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

CORRESPONDANCE EN TOUTES LANGUES

1865 г. 1846 г. 1882 г.
А. РАЛЛЕ и К^o. преемники въ Москвѣ.
ЦВѢТЧОНО ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО
А. РАЛЛЕ и К^o
НА ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
МОДНЫЕ ДУХИ
съ самыми изысканными запахами
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ПЛАТНОВЪ и КРУЖЕЖЪ.
О-ДЕ-КОЛОНЪ
дистиллированный на цвѣтахъ
ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ЗАПАХОВЪ.
ПРОДАЮТСЯ во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Сочинение доктора права ФРИДРИХА ЛИСТА.
Переводъ съ немецкаго подъ редакціей Н. В. Трубинова съ его вступленіемъ, примѣчаніями и біографіей Фр. Листа. № 5435

Содержаніе: Предисловіе. Кн. I. ИСТОРИЯ. Кн. II. ТЕОРИЯ. Кн. III. СИСТЕМЫ. Кн. IV. ПОЛИТИКА.
Большой томъ въ тридцать печатныхъ листовъ. Цѣна 3 рубля съ пересылкой.
Складъ изданій и розничная продажъ: въ Царскомъ Селѣ, Кадетская ул., д. Курдюмова, у изд. А. Э. Мертенса; въ Петербургѣ, въ типографіи брат. Пантелеевыхъ, Невская ул., собств. домъ, № 18. Книга эта высылается по первому письменному требованію по полученіи трехъ рублей или съ наложеннымъ платежомъ. Книжнородательная обштина цесарки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.

4000 стр. обыкновеннаго формата.

ВСЕМІРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.
(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

12 книгъ въ годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

"Всемирная бібліотека" выходитъ въ среднихъ числахъ каждого мѣсяца книжками въ 18 - 20 печатныхъ листовъ большаго журнальнаго формата (до 4,000 страницъ въ годъ).

Въ журналѣ помѣщаются исключительно лишь выдающіеся новинки иностранной литературы.
Между прочимъ въ теченіе 1891 года были помѣщены слѣдующіе романы и разсказы: ОДНА ЖИЗНЬ, ОДНА И ЛЮБОВЬ. Романъ Маріонъ Бреддонъ. — ПѢНА. Романъ Армандо Палаччио Вальдесъ. — ТРОТТОЛИНО. Разсказъ Уйда. — ПИОНЖИ. Историческій романъ изъ временъ французской революціи Жюль Кларети. — ТИРСА. Романъ Джоржа Гиссинга. — НЕСЧАСТНОЕ ЖИВОТНОЕ. Разсказъ Пьера Лоти. — БЕЗДНА. Романъ изъ русской жизни графа Василия. (Переводъ съ французскаго съ разрѣшенія автора). — ПАРИ. Разсказъ Генриха Сенкевича. — ТРУЖЕНИКЪ. Разсказъ Поля Бурже. — ТИВЕРИЙ. Историческій романъ Вильгельма Валло. — КАЛЕБЪ и ХОРА. Новелла Эмilia Эрнмана. — ВЪ ОСНОВОУ ПРОСЬБЪ. Новелла Бретъ-Гарта. — ИДА ЛЮДИНГТОНЪ. Романъ Эдварда Беллами (автора романа "Будущій вѣкъ"). — НОВАЯ ЖИЗНЬ. Новелла Елизы Ожешковой. — БЕЗЪ ВОЗВРАТА. Романъ Теодора Фонтана. — УСТАЛОЕ СЕРДЦЕ. Разсказъ Осипа Шубина. — ДЕНЬГИ. Романъ Э. Зола. — СЧАСТЬЕ. Новелла Маріи Радзевичевны. — ДОЛГЪ МЕСТИ. Романъ Жюль Оне. — ДО ВОСТРЕБОВАНІЯ. Разсказъ Э. Додэ. — СНИГГРЬ. Эскизъ Уйда. — 1815 ГОДЪ. Историческій романъ Жюль Лермина. — КРОВЬ. Разсказъ Эмilia Зола. — ЯНЪ МАРИЯ ПЛЪ ИХАРЪ. Романъ Ю. Зейера (переводъ съ чешскаго, одобренный авторомъ). — ПРОПАЩАЯ ЛЮДИНА. Разсказъ Педро Аларкона. — ИЖЪ ЖИЗНИ СТЕПИ. Разсказъ Тола Доріанъ. — ИСПОВѢДЬ. Романъ Марсела Превъ съ приложеніемъ письма Александра Дюма. — ИЖЪ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГА. Романъ Педро Аларкона. — НЕ ИЖЪ ГЕРОЕВЪ. Новелла (переводъ съ англійскаго съ рукописи) Чарльза Тёрнера. — ДУРНУШКА. Разсказъ Сальватора Фарина (переводъ съ рукописи). — ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ. Разсказъ Матильды Серао и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
съ пересылкой и доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи:

На годъ 3 руб.
" полгода 2 "

- ♦ За поручительствомъ гг. казначеевъ допускается разсрочка платежа на какихъ угодно основаніяхъ.
 - ♦ Каждый романъ имѣетъ свою отдѣльную нумерацію страницъ и снабженъ заглавнымъ листомъ, такъ что можетъ быть сброшюрованъ и переплетенъ въ самостоятельный томъ.
 - ♦ Гг. новые подписчики получаютъ безплатно начало и продолженіе произведеній, переходящихъ печатаніемъ въ слѣдующій подписной годъ.
- Съ требованіями просить обращаться въ Редакцію журнала "Всемирная бібліотека" (С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 36). Кромѣ того для гг. москвитинъ и харьковчанъ подписочная книжка принимается въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской (Петровской линіи) и въ Харьковѣ въ конторѣ Ф. Константинова, близъ биржи.

Редакторъ-издатель К. Плавинскій.

**СКРИПКИ, ГИТАРЫ,
ЦИТРЫ, МАНДОЛИНЫ,**
итальянскія и нѣмецкія струны и всѣ принадлежности; флейты, кларнеты, корнетъ-à-пистонъ, гармоніи нѣмецкія и русскія и пріемъ въ починку. Продажа оногомъ и въ розницу. Прейсъ-курантъ высылается безплатно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно.

ФАБРИКА
МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕНТОВЪ
Д. А. АЛЕКСАНДРОВА.
Невскій пр., 55, въ С.-Петербургѣ

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕННЫЙ КОФЕ
Тверская, противъ Саввиного переулка въ Москвѣ.
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.

ГУВЕРНАНТИ И ГУВЕРНЕРЫ
(русскіе и иностранные) рекомендуются дамой-англичанкой, ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЙ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки.
Рекомендуемая, въ силу своей профессіи, имѣетъ возможность оцѣнить рекомендаціи.
№ 4923 12-11
Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. Шпаловъ, кв. № 8, г-жа БУРО.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новая книга: № 5444
П. А. КАРЫШЕВЪ.
Духовно-нравственный вѣръ въ человѣка по ученію св. Православной вѣры.
М. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ П. К. Притыкина, Москва, Петровскія линіи № 15. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

ЦВѢТЧОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
УДОСТОВЕРЕННЫЙ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮ НА ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ 1882 г.
А. СИУКЪ
ПАРФЮМЕРІЯ
ВЫШОГО КАЧЕСТВА
МОСКВА.
ТРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗЪ ПЛАТНО.

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ
косметина А. ЗНГЛУНДЪ.
При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается бѣлою. Ц. флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать подписи А. Знглундъ красными чернилами и марку Сиб. Косметической Лабриаторіи. Ц. № 4477
Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова, въ Москвѣ; у К. Феррейт, В. Безбаридъ, В. Келлеръ и К. О. Гетлингъ, и во всѣхъ известныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главн. складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабриаторіи А. Знглундъ, Литейная, № 38.

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКІЙ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ!
самъ себя брить новозобрѣтенною безопасною бритвою

„СТАРЪ“

употребленіе коей особенно облегчаетъ бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія составляетъ дѣйствительно важное изобрѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться. Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чистой шифонованной и магнетизированной новѣйшій патентованнымъ способомъ 66-той стали. При каждой бритвѣ приложено объясненіе способа употребленія. Этого „Старъ“ выдѣлано такое громадное распространеніе во всемъ свѣтѣ, что фабрикантъ и изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успѣваетъ изъготавливать. Цена съ перес. 5 р.

НОВАЯ МАШИНА для чистки лезвовой бритвы. Цена съ перес. 1 руб.

„ГРАНАТЪ“, машинка для точенія карандашей. Цена съ перес. 1 руб.

Прейсъ-курантъ съ новостями и практич. предметами высылается бесплатно.

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ,
Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей.
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34.

• ПРЕЛОДАЮ ПИСЬМЕННО •

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ

ВЪ 10 УРОКОВЪ

ВЪПОЛНЪ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТНОЕ ПРЕЛОДАВАНІЕ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛЯЕТСЯ КРАСИВОЕ БЛАГОЕ КОНТОРС. ПИСЬМО

ОСНОВАТЕЛИ. ОБУЧЕНІЕ ДВОИМЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ

БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Бутиковой.

А. С. Шиманский.

• НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ. •

Оптовая продажа 7 разъ удостоены первыя награды.

ЦИТРЫ

отличной работы, хорошаго качества и сильнаго тона отъ 16—22—28—38—300 мар. Школа Гретера для самообученія 1 ч. 5 м., 11 ч. выск. школа 7 м.

Скрипки и всѣ струнные инструменты. Прейсъ-куранты бесплатно.

Ц. № 3440 **БРАТЯ Вольфъ**, 4 1
Фабрика инструментовъ, Врейцнахъ.

СЛОВАРЬ СМѢКАЛКА

Интересно и научно!
Изъясняетъ вниманіе, развивающъ умъ и научающъ правописанію.

Цена 2 р. 75 коп. 4 игры 10 руб.

Еще предлагаетъ:

Последняя только что усовершенствованная

НОВЫЙ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево!
Служитъ карманной спичечницей, давая яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изъ никкеля. Только 14 вер. вышину — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 1000 зарядами 2 руб. Пер. 1 ф. Запасъ въ 2000 зар. 1 р.; въ 10,000 зар. 4 р.

Переслать наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20. А.

ШИШУЦАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ, и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ Б. Морская, 21.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:

СКРИПКИ въ 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

Смычки для нихъ въ 50 к., 1 р., 1 1/2 р., 2 р., 3 р., 5 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 60 р.

ГИТАРЫ въ 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 75 р., 100 р. и 125 р.

(Отъ 7 руб. и дороже съ механизмомъ для струнъ).

ЦИТРЫ:
обыкновенныя въ 8 р., 12 р., 20 р., 40 р., 60 р., 80 р., 100 р. и 125 руб.
Концертныя въ 40 р., 60 р., и 125 р.
Электричныя въ 15 р., 40 р., 60 р. и 100 р.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ
въ 15 р., 22 р., 25 р., 35 р., 50 р., 60 р., 75 р., 85 р., 100 р., 135 и 200 р.

ФЛЕЙТЫ въ 2 р., 4 р., 6 р., 9 р., 13 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., и собственной фабрики въ 60 р., 75 р., 85 р., 120 руб. и 160 р.

КЛАРНЕТЫ въ 6 р., 10 руб., 5 р., 20 р., 25 р., 35 р., и собственной фабрики въ 45 руб., 60 р. и 75 р.

АНГЛІЙСКІЯ КОНЦЕРТИНО
въ 24 р., 30 р., 40 р., 50 р., 65 р., 85 р., 110 р., 125 р., 140 р., 160 р., 200 р. и 225 р.

ГАРМОНИИ Г. Ф. КАЛЬБЕ:
Однорядныя: въ 4 р., 5 р., 5 1/2 р., 6 р., 7 р., 7 1/2 р., 8 р., 8 1/2 р., 9 р., 10 р., 11 р., 12 р., 15 р., 20 р. и 25 р.
Двухрядныя: въ 12 р., 14 р., 15 р., 16 р., 18 р., 20 р., 25 р., 28 р., 30 р. и въскія въ 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и въскія въ 30 р., 50 р. и 75 р.

а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. По полученіи изъ стоиности требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму. Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина

МАГАЗИНЪ И МАСТЕРСКАЯ БѢЛЫЯ М. ГАРФЕЛЬДА.

СПбургъ, Больш. Морская, № 6, противъ гостиницы „ФРАНЦІЯ“ 2-й этажъ.

СЛУЧАЙНО ПРОБРЕТЕННЫ

Чулки дамскіе чистой шерсти	Поски мужскіе чистой шерсти
Меринсовосые 90 к. за пару	Меринсовосые 65 к. за пару
Вигонъ 1 р. 25 к. „ „	Вигонъ 80 к. „ „
Разноцвѣтные 1 р. 25 к. „ „	Цѣльные 90 к. „ „
Фильдекостъ 10 р. — „ „	Бумажки очень хорош. дост. 4 р. за дюж.

Цѣльные платки голландскіе и батиковые 5 р. 50 к. за дюжину.
Англійскіе платки counter-panes 7 р. 50 к.
Мт. № 5437
Вайковья одѣжда тигроваго рисунка (оригинальн.) двухсторонняя по 9 р.
Выборъ мужскаго и дамскаго бѣлья готово и на заказъ.
Заказы исполняются аккуратно и скоро.

ПОЛОТНО, СТОЛОВОЕ И ПРОЧ. БѢЛЪЕ
по фабричнымъ цѣнамъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1892 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПЕНУРЫ

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Основная задача газеты — оставаться вѣрной своему названію, т. е. посвящать свои силы возможно полному изученію нуждъ родной земли.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

на 1 мѣс.	на 3 мѣс.	на 6 мѣс.	на годъ.
р. к. р. к. р. к. р. к.	— 80 2 —	3 75 6 50	

Безъ доставки — 90 2 60 4 50 8 —
Съ доставкой на домъ въ С.-Петербургъ.
Съ перес. во всѣ города Россіи. 1 — 3 — 5 — 9 —

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе **ОДНОГО** рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, которые вѣсутъ до ноября мѣсяца полную подписную сумму за годъ, „РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ въ ноябрѣ и декабрѣ текущаго года будетъ высылаться **бесплатно**. Полугодовымъ подписчикамъ газета будетъ высылаться бесплатно лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ „РУССКОЮ ЖИЗНЬЮ“, газета высылается въ теченіе мѣсяца за шесть семикопѣчныхъ марокъ.

Требованія на газету адресуются:
С.-Петербургъ, въ контору „Русской Жизни“, Невскій пр., 65.
№ 5438 Редакторъ-Издатель А. Порховщиковъ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ (11)

для смаженія кони. Цена за кусокъ 30 к. Получать можно во всѣхъ нарфам. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ,

окрашиваетъ въ черныя, коричневыя прочныя цвѣты, смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. Цена 1 р., съ переслатью 1 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обращать вниманіе на марку с.-нет. космет. лабораторіи. Получать можно во всѣхъ известн. аптекарск. и парфюмер. магаз. Россіи.
Ц. № 5383 ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ 10—8

А. ЭНГЛУНДЪ,
Литейный, № 36, въ С.-Петербургѣ.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВѢВѢ

изъ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстрого окрашенія волосъ и борюми въ черныя, русыя, темно- и свѣтло-каштановыя цвѣты. 12—2

Цена за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Россіи.
Главный складъ для Россіи у В. Аурхъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ТОВАРИЩЕСТВА

„ГИГИЕНА“

ПУДРА

роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ

ОСВѢЖАЮЩІЙ ОДЕКОЛОНЪ

высшаго достоинства

СТИРОВАЯ ЖИДКОСТЬ

благовонная, для освѣженія комнатъ.

ПРОДАЖА ВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.

С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9. Ц. № 5407 11—8
Москва, Никольская, д. гр. Шереметева.

Настоящіе Велоспелы Свѣтъ

ПЕРВОЕ МѢСТО

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

С.-Петербургъ

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 45

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выданъ 9 ноября 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 30 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 года.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку монярейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 3 fr. для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 3 марки 50 pf.

Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лѣнн. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Подписка на 1891 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями, Сборникомъ, Полн. собраніемъ сочин. М. Ю. Лермонтова, альбомомъ „Нивы“ и пр.

Кавказъ. Шушминскіе татары. Съ фот. грав. Турія.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Выручка.

Вопреки ожиданіямъ Шолобова, ночь прошла благополучно. Къ разсвѣту тоже неприятель не обнаруживалъ намѣренія повторить штурмъ.

Наступилъ второй день осады,—день, полный невыносимыхъ мученій. Какъ тщательно ни сберегали воду, накопленную въ кувшинахъ и баклагахъ, но эта вода была выпита вся безъ остатка. Оставалось только два ведра, сданные въ распоряженіе доктора. Отъ неубранныхъ труповъ поднималось зловоніе, а эти трупы горами лежали у самыхъ воротъ, особенно на позиціи покойнаго Глухарева.

Солдаты, съ запекшимися отъ жажды устами, глядѣли мрачно и молчали. Но никому не приходила въ голову мысль о сдачѣ. Всѣ готовились къ смерти, желая нетерпѣливо штурма и боя, чтобы уже если погибать, то какъ слѣдуетъ.

Мелькнула-было мысль о вылазкѣ, но эта мысль оставлена скоро какъ бездѣльная и невозможная.

И какая странная, томительная тишина наступила кругомъ и тянулась весь этотъ мучительный день до самаго солнечнаго заката! Первые звуки, нарушившіе эту тишину, были: у насъ—рокотъ барабана, бьющаго вечернюю зарю, и тихое пѣніе молитвы хоромъ; у нихъ—унылые, протяжные, призывающіе къ молитвѣ голоса муэдзиновъ.

Ночная прохлада оживила немного осажденныхъ, но не на долго. Къ разсвѣту у многихъ начался бредъ. Раненые умирали отъ ранъ, сравнительно ничтожныхъ. Ослабѣлыя руки живыхъ съ трудомъ едва поспѣвали хоронить умершихъ.

Число защитниковъ рѣдѣло съ каждымъ часомъ.

Утромъ, на третьи сутки, снова явились парламентары, но ихъ встрѣтили выстрѣлами.

Враги не отвѣчали на эти выстрѣлы... Жаль!.. эта мертвая тишина становилась уже невыносимою.

— Изморомъ хотятъ взять! рѣшилъ комендантъ.— Что-жь, долгъ свой выполнимъ честно.

Отецъ Никаноръ служилъ обѣдню по случаю праздника, а къ молебну вышелъ на западный барбетъ. Вынесли крестъ и обѣ хоругви. Солдаты не окружали наложя, оставались на своихъ мѣстахъ колѣнопреклоненные и набожно крестились.

Съ кропиломъ и крестомъ священникъ обошелъ всю позицію. Столбушинъ несъ за нимъ чашу, и глаза молодого прапорщика лихорадочно горѣли, глядя на воду. А воды этой было всего нѣсколько капель.

Подожель докторъ къ коменданту и проговорилъ тихо:

— Фельдшеръ Айзикъ зарѣзался ланцетомъ.

— Что поторопился? печально усмѣхнулся Иванъ Алексѣевичъ.

А солнце какъ стало на зенитѣ, такъ и не движется болѣе. Конца нѣтъ этому дню, и часовыя стрѣлки будто замерли на своихъ мѣстахъ.

— А что если, вотъ какъ стемнѣетъ, выйти, кто въ силахъ, и ударить? предложилъ Буреломъ.

— Мы погибнемъ тамъ, внѣ цитадели, а должны погибнуть здѣсь.

Шолобовъ такъ подчеркнул слова „должны“ и „погибнуть“, что Буреломъ только взглянулъ ему въ глаза и молча пожалъ руку.

Но, вопреки общаго ожиданія, на разсвѣтѣ четвертаго дня, въ неприятельскомъ лагерьѣ стали рѣшительно готовиться къ штурму, готовиться энергично, чрезмѣрно торопливо даже.

Бабаджанъ прибѣжалъ съ западнаго барбета.

— Знаешь, что это значить? указалъ онъ на дальнюю мечеть Ивану Алексѣевичу.

— Знаю, радостнымъ тономъ отвѣтилъ тотъ.— Наши возвращаются—и близко. Послѣдняя попытка Алемкула завладѣть нашей позиціей и дать отпоръ. А то ему бѣда! Между двухъ огней попадетъ.

— Ей-Богу же такъ! Чего бы ему, въ самомъ дѣлѣ, горячиться, когда черезъ день, много два, могъ бы забрать насъ руками!

Немногіе, сохранившіе силы, защитники стѣнъ повеселѣли.

Часовъ около семи утра все обгорѣлое пространство начало заполняться вражескими массами. Передніе шли бѣгомъ съ неистовыми воплями „Алла!“ производя на бѣгу безпорядочную, безвредную пальбу изъ ружей. Эти маскировали идущія позади нихъ густыя массы со штурмовыми лѣстницами и вязками хвороста для закидыванія рва.

Дымъ и огонь окутали гребни стѣнъ цитадели. Грянули орудія, завывла картечь и начался, до сихъ поръ еще не забытый, отчаянный, адскій штурмъ.

Крѣпостныя ворота, заваленныя снаружи сухимъ хворостомъ и соломой, пылали. Пламя поднималось куда выше боковыхъ башенъ, а тушить было нечѣмъ. Страшный жаръ стоялъ въ крытомъ туннелѣ и заставилъ отступить защитниковъ въ глубину площадки.

Здѣсь стоялъ Столбушинъ у орудія, заряженнаго предпоследнею жестяною картечи, и ждалъ момента, когда падетъ стѣна пожара и хлынутъ враги.

На крутизны западнаго барбета лѣзли съ остервенѣніемъ неслыханнымъ. Зеленое знамя муллы Алемкула развѣвалось неподалеку. Сквозь дымъ боя виденъ былъ и онъ самъ, окруженный муллами и ближайшими сподвижниками. Мулла Годдай, на старой бѣлой лошади, держалъ высоко надъ головою раскрытый Коранъ.

Ровъ перешли у самаго подножія стѣнъ, прижались враги въ сравнительно безопасномъ пространствѣ. Послышались глухіе удары китменей и зловѣщій шорохъ осыпающейся глины. Тамъ пробивали брешь.

Вдругъ въ адскомъ шумѣ боя наступилъ короткій мигъ затишья. Простая случайность, но въ этотъ мигъ издадала, словно неясное эхо того, что происходило здѣсь, послышались пушечные выстрѣлы. Одинъ... другой... третій... залпъ!.. и хриплое, словно полусадушенное, слабое, но радостное „урра!“ отвѣтило имъ со стѣнъ цитадели.

— Выручаютъ!.. Генералъ идетъ!.. пронеслось по рядамъ.

И все лихо, все горе было забыто мгновенно.

— Спасибо, ребята! Спасибо, братцы! Ну, вотъ и дождался Божьей помощи! говорилъ Шолобовъ.

Но, увъ! комендантъ не шелъ уже по рядамъ защитниковъ своею обычною твердою поступью, — его несли на ружьяхъ, съ безпомощно отвисшею книзу рукою, блѣднаго, въ залитомъ кровью, разстегнутомъ кителѣ.

— Иванъ, плохо? нагнулся къ нему отецъ Никаноръ.

— Нѣтъ, слава Богу!—кажется, пустяки... А впрочемъ, кто его знаетъ?

Передніе, не зная, что происходитъ сзади, еще продолжали пробивать брешь и лѣзть на барбетъ—и гибли подъ обрушенными на ихъ головы зубцами стѣнъ; но главныя массы штурмовыхъ колоннъ отступали поспѣшно. Нестройными толпами стала овладѣвать паника. Мулла Алемкулъ со своими сподвижниками тщетно пытались привести войска въ порядокъ... Поздно!..

Изъ-за городскихъ стѣнъ, гдѣ еще такъ недавно

кишѣли цвѣтные халаты, показались бѣлыя рубахи. Изъ-за дальней мечети въ карьеръ выскочили два казачьихъ орудія и снялись съ передковъ какъ разъ на перекресткѣ базарной улицы. Зазвенѣла картечь. Гдѣ-то далеко слышалось перекатами „уррра!“

Началось сплошное, безмысленное, стадное бѣгство. Бѣлая лошадь муллы Годдая несла прямо на орудія. Но уже на ея спинѣ не было вдохновеннаго всадника; въ пыли и грязи волочилась сцѣпившаяся со сбитымъ набокъ исковерканнымъ сѣдломъ безобразная масса.

Показался голубой значокъ, за нимъ ярко-красный, за нимъ желтый съ чернымъ, за нимъ еще и еще—цѣлый букетъ знаменъ, и въ густой пыли, поднятой сотнями конскихъ ногъ, замелькали бѣлые офицерскіе кителя.

Это былъ генераль со своею свитою.

Столбушинъ вдругъ чего-то струсиль. Онъ безпокойно искалъ глазами кого-нибудь старшаго... у кого спросить, чью команду слушать. Но генераль уже былъ близко, уже у воротъ.

Молодой прапорщикъ подтянулся и торжественно крикнулъ:

— Смирно! глаза на-пра-во!..

Осада была снята, дни мученій прошли.

II.

День торжества и скорби.

Встрѣтивъ главнокомандующаго, съ крестомъ въ рукахъ, какъ разъ на порогѣ обгорѣлыхъ воротъ, отецъ Никаноръ занялся приготовлениями къ благодарственному молебну; къ нему присоединился другой священникъ, вернувшійся съ отрядомъ, совсѣмъ молодой и еще очень суетливый, любопытный до невозможности, болѣе мѣшавшій нашему старику своими непрерывными разспросами.

Мѣстомъ для молебна назначенъ былъ тотъ же покрывшій себя славою, окровавленный западный барбетъ.

Генераль былъ мраченъ и угрюмъ. Настроение его духа замѣтно отражалось на лицахъ окружавшей его свиты.

Навѣстивъ раненаго Шолобова, генераль оставался съ нимъ наединѣ довольно долго. Онъ справился о состояніи поручика Рубана-Опальнаго. Ему доложили, что лежить еще безъ сознанія.

Странно какъ-то усмѣхнулся старикъ при этомъ. Скорѣе эта, скривившая его сѣдоусое, изрытое морщинами лицо, улыбка напоминала гримасу, вызываемую мучительною болью.

Генераль потребовалъ старшаго адъютанта и отдалъ приказаніе сдѣлать обыскъ въ квартирѣ Наля, отобрать всѣ бумаги, письма и оружіе и приставить къ дверямъ строгій караулъ.

Разрѣшено было навѣщать страннаго больнаго только одному доктору, да и то не нашему, а другому, приземистому нѣмцу, изъ стрѣлковаго батальона.

И странно, этотъ совершенно неожиданный арестъ общаго любимца какъ будто никого не удивилъ ни сколько. Будто бы это такъ и слѣдовало, такъ и ожидали всѣ, да откладывалось только пока, за недосугомъ.

Узналъ скоро и тяжело раненый Шолобовъ объ этомъ арестѣ и промолчалъ, только ему стало значительно хуже.

Столбушинъ, разговаривая по сему поводу со своимъ скуластымъ другомъ, рѣшилъ, что генераль разсердился на Серезу за его болѣзнь не во-время.

— Ей-Богу, онъ думаетъ, что Наль струсиль и притворился больнымъ, а это неправда, наивно истолковывалъ происшедшее юный защитникъ цитадели.

— А я думаю—хуже, таинственно подмигнувъ киргизъ.—Много хуже. Только то также совсѣмъ не правда.

Отслужили молебенъ, съ хоромъ пѣвчихъ, съ вѣнкомъ знаменъ и значковъ вокругъ налож.

Генераль все время стоялъ на колѣнахъ и плакалъ. То-есть онъ не плакалъ, а сами собою слезы сбѣгали по морщинамъ щекъ и капали на орденъ съ кончиковъ сѣдыхъ усовъ. И не онъ одинъ—многіе плакали тоже.

Съ отцомъ Никаноромъ сдѣлался даже маленькій обморокъ во время службы... Еще бы! истомился старикъ за осаду. Отецъ Василий хотѣлъ—было замѣнить его, да оправился первослужащій, помочилъ голову водою изъ чаши и продолжалъ.

Подошли два офицера и все время службы поддерживали его подъ руки.

Крестный ходъ начался вокругъ стѣнъ, по наружной сторонѣ. Не могъ идти отецъ Никаноръ—его понесли на рукахъ. И генераль тоже несъ. Сдѣлали изъ ружей носилки, покрыли ихъ офицерскими пальто, посадили старика въ полномъ облаченіи и понесли. Улыбается отецъ Никаноръ. И, дремлетъ ему, ослабѣлая рука чуть помахиваетъ въ воздухѣ кропиломъ, и шепчутъ уста неясныя моленія.

Четыре казачьи сотни разсыпались по окрестностямъ разыскивать и силою стогнать жителей для уборки тѣла. Ибрагимъ-бай взялся за это неотложное дѣло, и на его халатѣ сверкалъ теперь солдатскій Георгіевскій крестъ, лично надѣтый самимъ главнокомандующимъ.

Работа по очисткѣ кишѣла.

А мулла Алемкулъ поспѣшно отступалъ со своими главными, регулярными силами, преслѣдуемый по пятамъ нашими. Народная милиція оставила его и бѣжала.

За городскими стѣнами вырыты были громадныя, глубокія ямы, куда сваливались тѣла. Слава Богу, вѣтеръ тянулъ отъ цитадели, а то бы дышать было невозможно.

Маркитантъ Касимка уже разбилъ на старомъ мѣстѣ свою гостепримную палатку, и подъ ея сводами соби- рались офицеры, толкуя о минувшихъ событіяхъ.

Столбушинъ, Бабаджанъ и сотникъ Буреломъ были героями дня и центромъ горячо толковавшихъ кружковъ.

Докторъ сдѣлать свою обязанность, жалуясь на сильную головную боль и тошноту. У него, видимо, начинался тифъ, разгораясь съ неудержимою силою.

Панихиду по убиеннымъ воинамъ служилъ уже отецъ Василий, ибо отецъ Никаноръ спалъ теперь крѣпчайшимъ сномъ, отдыхая отъ четырехсуточного непрерывнаго бдѣнія и нравственнаго гнета. Когда его проводили мимо квартиры Наля, онъ съ глубокимъ вздохомъ взглянулъ на угрюмыя фигуры часовыхъ и слабою рукою благословилъ запертую дверь.

— Претерпѣвшій до конца — спасется! проговорилъ отецъ Никаноръ, отыскивая глазами своего обычнаго собесѣдника, Григорія Ивановича.

Но старый дядька, увы! тоже лежалъ въ госпиталѣ съ признаками начинающагося тифа.

Страшный бичъ, сотрудникъ меча, косилъ безпощадно, набросившись преимущественно на уцѣлѣвшіе остатки геройскаго гарнизона.

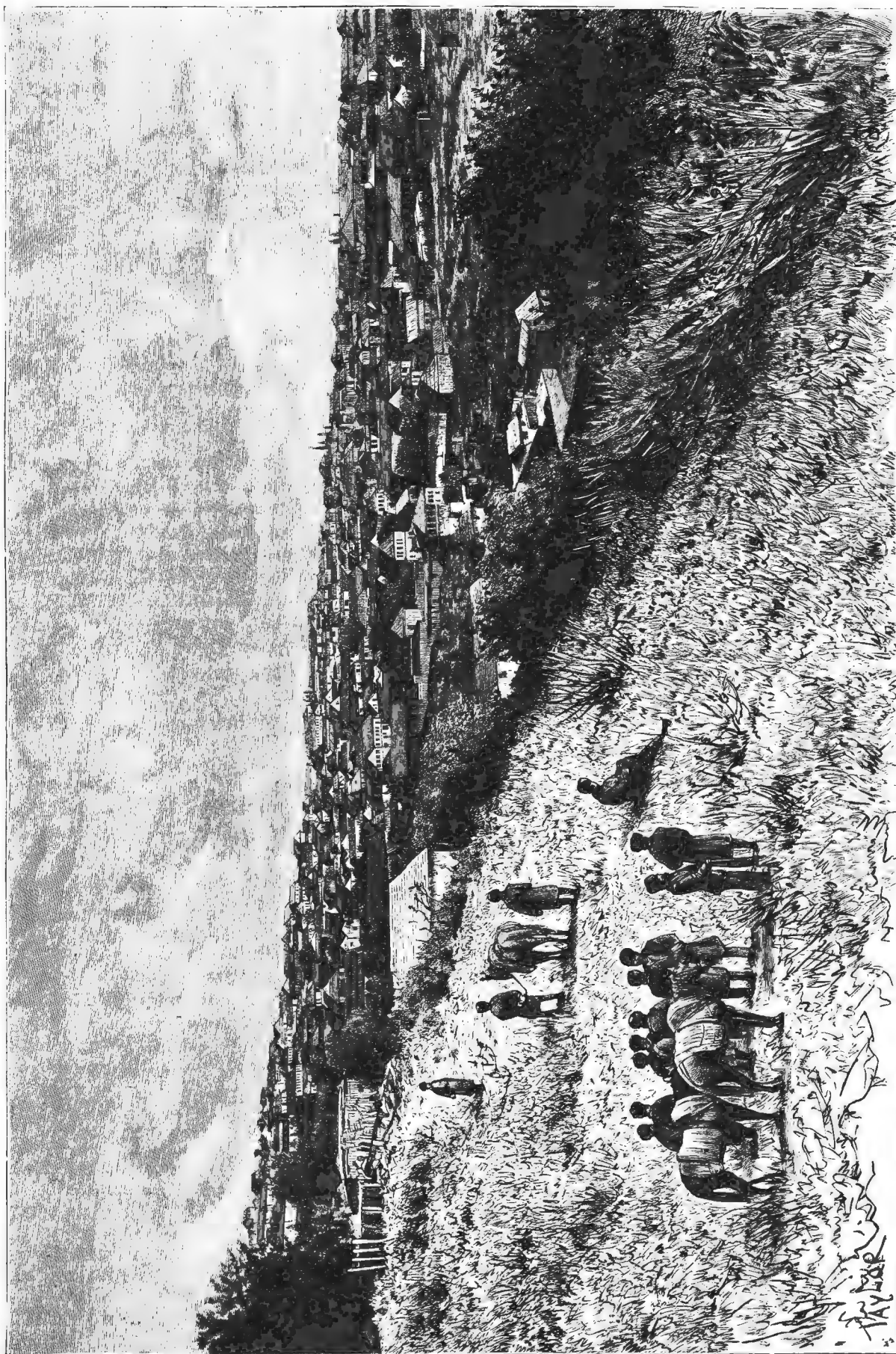
Въ это-то время очнулся Сергѣй Николаевичъ отъ своего непонятнаго сна.

III.

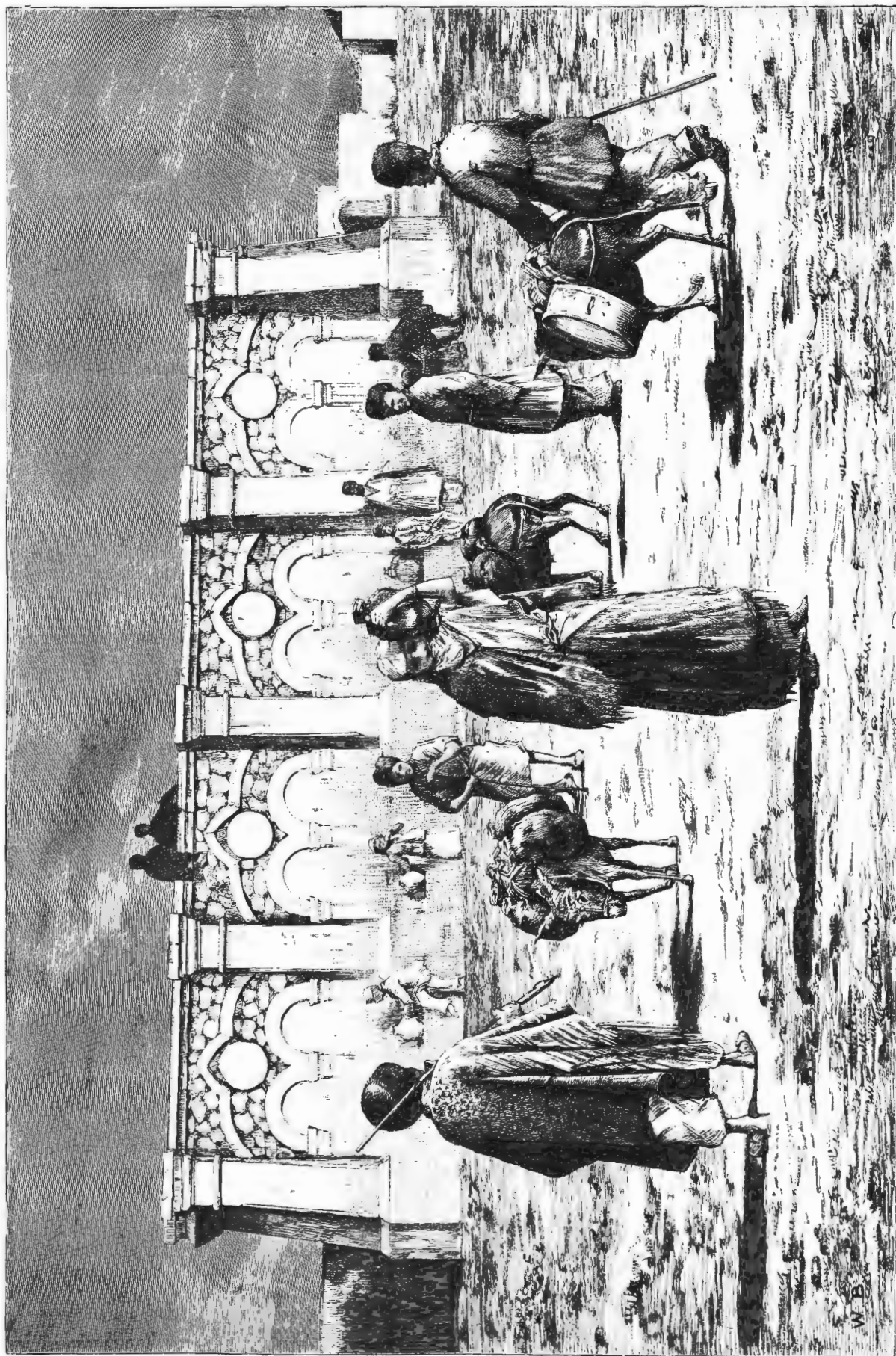
Улики.

Между тѣмъ надъ головою Наля скопились грозныя тучи, уже не подозрѣній только, а тяжелыхъ, казалось, неопровержимыхъ уликъ.

Наступая на мнимаго муллу Алемкула, видя передъ собою только разъѣздъ его аръберггарда, главные наши силы все удалялись и удалялись отъ города. Два-три незначительныхъ, но побѣдоносныхъ дѣла еще болѣе подтвердили убѣжденіе генерала. Плѣнные въ одинъ голосъ показывали, что принадлежатъ къ вой-

Общій видъ города Шуши (Елисаветпольской губ.) Съ фог. рис. Тайлоръ, грав. Маньяръ.

Водоёмы въ Шушь. Съ фот. рис. Барботенъ, грав. Маньяръ

скамь отважнаго полководца мусульманъ, общая ровную встрѣчу по ту сторону горъ. Въ ущельѣ Шайтанъ-дервазъ войска наши встрѣтили врага на сильно укрѣпленной позиціи. Недѣля понадобилась на ея обходъ, на перетаскиваніе обозовъ и артиллеріи по невозможнымъ, такъ-называемымъ, козымъ горнымъ тропинкамъ.

Ущелье было обойдено, покинуто защитниками почти безъ боя, а тѣнь муллы Алемкула отходила все дальше и дальше, изнуря наши войска, удаляя ихъ отъ главной базы.

А отъ Шолобова приходили извѣстія самыя утѣшительныя. Это были записки на французскомъ языкѣ и содержаніе этихъ записокъ было самое пріятное.

„Все покойно. Населеніе укрѣпляется въ вѣрноподданничествѣ и извѣрилось въ обѣщанія Алемкула. На базарѣ говорятъ, что храбрый батырь бѣжитъ передъ русскими. Гарнизонъ ни въ чемъ не нуждается, даже почта приходитъ своевременно“.

Въ отрядѣ были кое-кто знающіе по-французски, и самъ генераль, конечно, тоже, но все-таки не настолько, чтобы разбирать стиль записокъ — благо поняли. Шолобовъ не зналъ иностранныхъ языковъ вовсе, а понятно, не желая, чтобы читались его извѣстія, попалъ въ руки врага, хотя бы случайно, обратился къ помощи своего друга, Наля; тотъ и писалъ. Кто же могъ еще?.. и вдругъ... о, ужасъ! Всѣ эти дописанія оказались ложными.

На одной изъ стоянокъ, въ передовой цѣпи задержали оборваннаго, измученаго, почти умирающаго пѣшехода. Несчастный требовалъ, чтобы его немедленно провели къ генералу.

Никто бы не могъ узнать въ этомъ жалкомъ созданіи когда-то молодцоватаго, лихаго джигита Юнуса. А это былъ онъ... Разсказъ его поразилъ всѣхъ какъ громомъ.

Юнусъ говорилъ о безпокойствѣ въ окрестностяхъ города, о приготовленияхъ къ осадѣ; онъ увѣрялъ, что уже четверо джигитовъ были раньше посланы съ такими же вѣстями, но пропали, что капитанъ Шолобовъ послалъ его какъ послѣднюю надежду, взявъ клятву въ вѣрности. Джигитъ разсказывалъ, какъ его схватили на второмъ переѣздѣ и отобрали бумаги,—самого же обѣщали зарѣзать. Ночью онъ бѣжалъ, рѣшивъ все-таки нагнать и отыскать генерала, такъ такъ и на словахъ могъ передать все, — ему извѣстно было и положеніе, и о чемъ писалъ тюра-комендантъ, — да потомъ раздумалъ, и рѣшилъ вернуться, предупредить Шолобова, такъ какъ онъ лично видѣлъ ставку Алемкула.

Когда Юнусъ былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ городскихъ воротъ, а шелъ онъ ночью, пользуясь темнотою, его остановили два человѣка. Одного онъ узналъ по голосу. Это былъ Девлетъ-шахъ-вурбаши, другаго не могъ распознать. Вотъ этотъ-то другой и выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Юнусъ бросился было бѣжать—тѣ за нимъ. Онъ бѣжалъ долго и, наконецъ, упалъ въ безпамятствѣ. Очнувшись, онъ понялъ, что тяжело раненъ, напился воды изъ арыка, долго отлеживался въ пустой, брошенной саяль... и попытался было идти. Кто-то лѣчилъ его, кормилъ, кто именно—не помнилъ тогда, и не понималъ, а пришло въ себя только черезъ двѣ недѣли, и поблагодаривъ пріютившихъ его бѣдняковъ, семью мусорщиковъ-байгушей, рѣшилъ, во что бы то ни стало, исполнить данное коменданту слово. Дальнѣйшій разсказъ джигита былъ цѣлая эпопея страданій, лишеній и страха. Но Аллахъ помогъ—и вотъ онъ разыскалъ-таки генерала.

Очевидно, что всѣ получаемыя до сихъ поръ донесенія были ложь.

Въ разсказѣ Юнуса особенно поразило одно обстоятельство, а именно: тотъ второй, кто стрѣлялъ въ него,—

тотъ, кого онъ не узналъ въ темнотѣ, былъ въ бѣломъ, русскомъ кителѣ.

Немедленное возвращеніе форсированнымъ маршемъ рѣшено было въ ту-же ночь.

Наканунѣ послѣдняго перехода казаки авангарда встрѣтили конную партію вооруженныхъ всадниковъ. Всадники везли съ собою тѣло своего начальника—упорно дрались за эту святыню, а все-таки были опрокинуты и бѣжали,—и завернутый въ дорогіе ковры трупъ вождя и вьючные кони съ его добромъ, все досталось въ руки казакамъ. Въ числѣ отбитаго имущества обратила на себя вниманіе русская форменная сабля съ дорогимъ шифрованнымъ толедскимъ клинкомъ. Сабля—хорошо знакомая всѣмъ офицерамъ отряда, сабля Сергѣя Николаевича.

Единственный плѣнный изъ конвоя Нурмеда,—а это было его тѣло, — объяснилъ, что это сабля большаго друга покойнаго, съ которымъ ихъ вождь побратался на вѣкъ. Плѣнный этотъ больше ничего не добавилъ, такъ какъ съ наконечникомъ пики, глубоко забравшимся подъ ребра, много не разболтаешься. Но и этого было довольно.

А тутъ еще явилось одно, прямо уже подтверждающее обвиненіе обстоятельство: возвратился отрядъ преслѣдовавшій отбитаго отъ стѣны муллу Алемкула. Отрядъ этотъ нагналъ обозъ вождя, и съ обозомъ отбита была личная его ставка со всѣми бумагами и документами.

Пересмотръ этихъ бумагъ обнаружилъ переписку Девлетъ-шаха, и въ ней ясно было видно, что рѣчь идетъ о русскомъ офицерѣ, дѣлавшемъ врагу подлыя, но честолюбивыя предложенія. Имени офицера не было въ перепискѣ, но имя это у каждаго вертѣлось на языкѣ.

Когда Богъ попуститъ затемненіе разума у человѣка, то обыкновенно тогда только становится все необыкновенно яснымъ.

Такъ и теперь. Всѣ странности Наля, всѣ его чудесныя приключенія, необыкновенное избавленіе отъ опасности послѣ Улькунъ-Томаши, удивительная неуязвимость — все стало яснымъ и понятнымъ, а тутъ еще и семейная переписка, разобранная и внимательно прочтенная двумя штабъ-офицерами слѣдователями—раскрыла глаза.

— Да въ немъ и русской крови нѣтъ ни капельки! рѣшили прозорливые слѣдователи. — Что-же тутъ необычайнаго!

Казаки изъ полусотни Бурелома,—словно общее подозрѣніе, быстро охватившее всѣхъ, развязало имъ языки,—докладывали, что видѣли поручика, какъ онъ передъ самымъ этимъ разомъ былъ у непріятеля, говорилъ съ нимъ и прямо, значить, на нашъ ведетъ выкатилъ,—съ этого часу и началось.

Буреломъ подтвердилъ это показаніе.

Высказанное было Столбушинимъ и Бабаджаномъ подозрѣніе на Костецкаго, на его подозрительную, чуть было разомъ все не погубившую вылазку, пропущено мимо ушей.

Къ подозрѣнію этому отнеслись съ крайне легкомысленною небрежностью, такъ слабо казалось оно, сравнительно съ ясною логичностью и послѣдовательностью уликъ противъ Наля.

Летаргическій, совсѣмъ уже не встаети, сонъ поручика Рубана-Опальнаго тоже объяснился естественно... Иначе предателю пришлось бы драться и рисковать. Смысла бы не было. Хотѣли было накинуться на доктора—какъ это онъ не могъ освидѣтельствовать мнимобольнаго какъ слѣдуетъ. И это „какъ слѣдуетъ“ рисовалось теперь у всѣхъ въ самыхъ разнообразныхъ и энергическихъ предположеніяхъ. Но докторъ былъ теперь самъ въ бреду и безпамятствѣ, и подвергать его допросу не приходилось.

Надъ больнымъ Григоріемъ Ивановичемъ тоже учредили негласный надзоръ; имущество дядьки подверглось строгому обыску, а такъ какъ въ этомъ имуществѣ оказалась весьма изрядная денежная сумма, то все переписали и сдали подъ караулъ на храненіе.

Только отецъ Никаноръ сохранилъ глубокую увѣренность въ полной невинности Наля. Лично говорилъ объ этомъ съ генераломъ, чуть было не поколебалъ стараго рубаку, но слѣдствіе шло энергично и было неопровержимою логикою полнаго обвиненія.

Отецъ Никаноръ просилъ свиданья съ заключеннымъ и получилъ отказъ. Ему сказали очень многозначительно:

— Въ свое время это будетъ, *даже по закону*, необходимо.

— Увидите, если Святой Промыселъ не откроетъ вамъ глазъ и не обълитъ неповиннаго!.. пророчески произнесъ старый священникъ.

А генераль, наклонивъ благоговѣнно голову, самъ того не замѣчая, проговорилъ:

— Аминь!

IV.

Судъ и приговоръ.

Сергѣй Николаевичъ, убѣдившись, что онъ арестованъ и находится подъ строгимъ карауломъ, отнесся удивительно спокойно къ своему положенію.

Онъ даже не сразу понялъ въ чемъ дѣло, и не особенно пытался разъяснить себѣ данное обстоятельство.

Въ душѣ Наля было такъ мирно и тихо, какъ въ душѣ человѣка очнушагося послѣ продолжительной, тяжелой болѣзни, забывшаго обо всемъ, что было прежде, на ощущающаго ничего, кромѣ наслажденія данною минутою покоя и отрады.

Стѣною поднимался передъ его духовными очами туманъ забвенія, и въ этомъ туманѣ, мало-по-малу, исчезало все пережитое, прошлое. Словно на порогѣ новой жизни стоялъ онъ, силясь проникнуть мыслью впередъ, не оглядываясь на то, что осталось сзади.

Низкій, тяжелый, украшенный рѣзбою и позолотою потолокъ, со своимъ массивнымъ ковромъ, расписанными балками, былъ почти надъ самою его головою, а ему казалось, что надъ нимъ, въ недосыгаемой вышины, на фонѣ темно-синяго южнаго неба, колыхаются роскошныя пальмовыя кроны... И тянетъ его въ эту лучезарную высь... безплотнаго, окрыленнаго духомъ.

Караульный унтеръ-офицеръ внесъ къ нему въ саклю чай и хлѣбъ. Косаясь на заключеннаго, солдатъ осторожно поставилъ принесенное на столъ, смахнувъ предварительно рукавомъ пыль и, пятясь задомъ, вышелъ, сильно захлопнувъ за собою дверь. Захлопнулъ и перекрестился.

Сергѣй Николаевичъ не обратилъ на него никакого вниманія. Ему блеснулъ только въ глаза яркій просвѣтъ отворенной двери, и въ этомъ просвѣтѣ, въ этомъ золотистомъ, ослѣпительномъ солнечномъ лучѣ, мелькнулъ величественный образъ.

— Ко мнѣ, о, Благодатный!.. Ко мнѣ, отецъ мой! радостно вскрикнулъ Наль и протянулъ руки.

И ему показалось, что *тотъ*, никому кромѣ него незримый, вошелъ въ саклю, растаявъ въ ея полумракѣ.

Наступилъ часъ суда и вмѣстѣ съ тѣмъ перваго личнаго допроса.

Въ то смутное время, за страшною отдаленностью отъ главныхъ правящихъ силъ, права главнокомандующаго были необыкновенныя. Подписанный имъ, смертный приговоръ, даже офицеру, приводился въ исполненіе немедленно. Слова закона „въ двадцать четыре

часа“, не были только эффектною фразою. Дѣйствительность даже предупреждала этотъ короткий срокъ. И вечеромъ того же дня былъ назначенъ судъ.

Старшіе офицеры отряда собрались въ приемной саклѣ главнокомандующаго и молча сѣли за столъ, покрытый сукномъ. Посреди предсѣдатель, — старый штабъ-офицеръ, — и около него, больше для формы, томъ военныхъ законовъ. Генераль приказалъ допустить всѣхъ офицеровъ отряда, да помѣститься всѣ не могли за столомъ, и молчаливою толпою стояли на площадкѣ у входа. Свидѣтели казаки были допрошены подъ присягою. Показаніе Бурелома тоже скрѣплено присяжною клятвою.

Ровный, нѣсколько дрожащій голосъ докладчика, — офицера генеральнаго штаба, съ некрасивымъ балтскимъ акцентомъ, — монотонно дочитывалъ подробности дѣла, перебирая одинъ за другимъ всѣ факты улики и обвиненія.

Вздروгнули всѣ и потупились, когда показался Наль между четырехъ солдатъ, въ сопровожденіи дежурнаго по карауламъ офицера.

Сергѣй Николаевичъ, блѣдный какъ полотно, прошелъ черезъ площадку, не взглянувъ ни на кого, и наклонившись переступилъ черезъ порогъ.

Наступило мертвое, невыносимое молчаніе. Даже сѣдоголовый предсѣдатель словно боялся взглянуть въ лицо обвиненному, и жестоко теребя кисть сабельнаго темляка, произнесъ наконецъ:

— Прочтите обвиненіе!

Опять началось монотонное чтеніе; опять гробовое, унылое молчаніе.

А на столѣ лежали подъ прессомъ-камнемъ измятыя записки, якобы донесенія Шолобова, и двѣ сабли: одна въ роскошныхъ свѣтло-зеленыхъ ножнахъ и съ алмазами на бѣлой, костяной ручкѣ, другая форменная, русская.

Глаза Наля вдругъ заискрились и ожили, встрѣтившись съ этимъ оружіемъ.

— Гдѣ онъ? спросилъ онъ неожиданно, прервавъ чтеніе секретаря.

Всѣ вздрогнули отъ этого звука, такъ онъ былъ неожиданъ и простъ.

— Кто? поднялъ голову предсѣдатель.

— Нурмедъ!.. Я объ немъ спрашиваю, повторилъ Наль.

— Онъ умеръ.

— Бѣдный другъ!.. Бѣдный братъ мой! прошептали губы Наля, но въ этомъ напряженномъ вниманіи даже шопотъ былъ слышенъ ясно, отчетливо.

Всѣ переглянулись. Предсѣдатель тяжело вздохнулъ.

— Неужели правда? толкнулъ тихонько Столбушинъ подъ локоть Бабаджанова и утеръ кулакомъ набѣжавшую слезу.

— Это вы писали?

Предсѣдатель протянулъ Сергѣю Николаевичу одну изъ записокъ. Тотъ не обратилъ вниманія на вопросъ и не двигался, пристально глядя на свою саблю.

Одинъ изъ офицеровъ передалъ ему бумажку, тщательно ее разгладивъ при этомъ, и повторилъ вопросъ.

Наль взглянулъ и отрицательно, улыбаясь, покачалъ головою.

— Ну, ей-Богу же онъ лгать не станетъ! позабывъ дисциплину, на всю саклю закричалъ Столбушинъ. — Налюша!.. Да что же ты молчишь!.. Да говори же, ради Бога!.. Объясни имъ...

Улыбка Наля стала еще выразительнѣе. Взглядъ, брошенный на молодого, увлекшагося офицера былъ полонъ такой любви, такой глубокой благодарности, что всѣ присутствующіе почувствовали себя неловко.

— Прапорщикъ Столбушинъ! Вы не умѣете себѣ вести какъ слѣдуетъ и потому — оставьте залъ!.. произнесъ строго предсѣдатель...

Прерванный этим маленьким эпизодом, судный процесс продолжался.

Обвинение очень подробное и обстоятельное было прочтено, дали обвиненному в руки перо и предложили подписать роковой документ.

Нѣсколько секунд Налъ держалъ перо въ рукахъ съ такимъ видомъ, будто употребленіе этого предмета для него совершенно незнакомо...

Рядомъ сидѣвшій офицеръ указалъ ему на мѣсто внизу бумаги и повторилъ настойчиво:

- Подпишите-же, если поняли!..
- Что? словно машинально спросилъ Налъ.
- Ваше имя и чинъ.

Всѣ вздохнули свободнѣй и стали мало-по-малу овладѣвать собою.

— Это издѣвательство! разразился вдругъ сухощавый офицеръ, артиллеристъ съ длинными рыжими бакенбардами и желчнымъ лихорадочнымъ лицомъ.—Это притворство и слишкомъ грубое, даже циничное. Рехнулся видите!.. Съ ума сошелъ!.. Это обыкновенная уловка такихъ господъ, когда нѣтъ выхода... послѣдняя соломинка...

Его раздраженіе передалось невольно большинству... Предсѣдатель вынужденъ былъ призвать къ порядку, и когда тишина возстановилась, раздалась его покойная рѣчь:

Дигские армяне. Съ фот. грав. Тирія.

— Мое имя... имя... Ахъ, да!.. я подпишу... Сейчасъ. Сергѣй Николаевичъ нагнулся надъ листомъ и подписалъ.

Офицеръ рядомъ слѣдилъ за его рукою и пожалъ плечами, другой заглянулъ и вытаращилъ глаза.

Въ концѣ листа ясно и четко стояло:

„Налъ—сынъ Благодатнаго“.

Этого уже никто не ожидалъ, и всѣ растерялись окончательно.

Предсѣдатель долго и внимательно разсматривалъ подпись и вдругъ произнесъ:

— Уведите подсудимаго.

Караульный офицеръ вступилъ въ свои права, о плитный полъ застучали приклады ружей, и Налъ повели обратно.

— Господа! Мы здѣсь присутствуемъ при исполненіи печальной, крайне тяжелой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне важной обязанности. Въ нашихъ рукахъ теперь жизнь и честь когда-то нашего товарища, нашего, до сихъ поръ, то есть до постановленія приговора — офицера. Обвиненіе, тяготящее надъ его головой, тяжело и превышаетъ предѣлы милосердія, а потому, собравъ все хладнокровіе, покойно слушаемъ это обвиненіе, слушаемъ все, что только можетъ хотя сколько-нибудь поколебать его, — и со спокойною совѣстью и твердымъ духомъ постановимъ приговоръ. Говорите!

Онъ обратился къ желчному офицеру, назначенному обвинителю.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Местъ негра.

Разсказъ Мориса Лиліе.

Былъ тихій лѣтній вечеръ, когда я сидѣлъ на палубѣ корабля, шедшаго изъ Стокгольма въ Петербургъ, и смотрѣлъ на безконечную водяную поверхность. Луна медленно поднималась надъ далекимъ горизонтомъ и ея серебристые лучи рассыпали снопы искръ по гладкой поверхности спокойнаго моря.

Внизу тихо журчали морскія волны, плескаясь съ однообразнымъ шумомъ въ борты корабля; вверху надъ головою раскинулось темное вечернее небо, на которомъ начинали вспыхивать яркими огоньками далекія звѣзды.

— Славный выдался вечеръ, произнесъ подлѣ меня чей-то

Петербургскіе типы. Продавецъ счетовъ, метелокъ, мыла и проч.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Б. Томашевича, грав. факсимиле Шлипперъ.

хрипый голосъ, и я увидѣлъ высокаго и сильнаго мужчину съ которымъ познакомился уже за обѣдомъ въ общей столовой корабля. Это былъ, какъ я узналъ отъ капитана корабля, владѣлецъ одного изъ большихъ звѣрницевъ, Корнелиусъ-ванъ-Акенъ, голландецъ по происхожденію, добродушный и, не смотря на свою грубую профессію укротителя звѣрей, очень образованный человѣкъ. За столомъ я замѣтилъ на его лѣвой рукѣ страшные шрамы, слѣды ранъ, очевидно нанесенныхъ какимъ-нибудь изъ укрощаемыхъ имъ дикихъ звѣрей, такъ какъ зачастую эти животныя, несмотря на видимую покорность, поддаются порывамъ природной дикости и тогда растерзываютъ даже ходящихъ за ними сторожей.

Мы вступили въ разговоръ, и ванъ-Акенъ сообщилъ мнѣ, что ѣдетъ изъ Стокгольма, гдѣ остался его звѣронецъ, въ Петербургъ, чтобы нанять тамъ помѣщеніе для представленій. На мой вопросъ, отчего у него такіе страшные шрамы, онъ засучилъ рукавъ и показалъ слѣды ужасной раны. Я попросилъ его разказать, какъ онъ получилъ эту рану.

— Этими шрамами, сказалъ укротитель, — столько-же объясненъ дикому звѣрю, сколько адской злобѣ и коварству разсвирѣпѣвшаго человѣка. Лѣтъ десять тому назадъ я ѣздилъ въ Африку для пополненія моего звѣрница. Въ Капштатѣ я былъ принятъ въ домѣ голландскаго консула и тамъ узналъ одного негра, который понравился мнѣ своею ловкостью и рѣшительнымъ характеромъ. Я просилъ консула уступить мнѣ слугу, который съ радостью былъ готовъ сопровождать меня въ Европу. Томъ былъ способнымъ и усерднымъ слугою, онъ прилежно ходилъ за звѣрями, и когда я сталъ обучать его своей профессіи, онъ безстрашно входилъ въ клѣтки дикихъ звѣрей, такъ что спустя нѣсколько лѣтъ я предоставилъ въ его вѣдѣніе часть дрессировки и кормъ животныихъ.

Къ тому времени дочь моя была помолвлена съ моимъ старшимъ помощникомъ, Яномъ Гельмеромъ. Янъ былъ сынъ моего стараго друга, морскаго офицера изъ Амстердама, который погибъ въ морѣ при крушеніи своего корабля. Я взялъ къ себѣ спротиву Яна и сдѣлалъ его своимъ помощникомъ; смѣлый и отважный, онъ укрощалъ самыхъ свирѣпыхъ изъ монхъ звѣрей. Ему я мечталъ передать усѣбно начатое мною дѣло и не желалъ себѣ лучшаго преемника.

Уже не разъ дочь сообщала мнѣ, что негръ неравнодушенъ къ ней, и я самъ порой замѣчалъ, съ какою страстью устремлялся на нее взоръ Тома. Скоро ни для кого изъ насъ не было тайной, что онъ по-уши влюбленъ въ нее. Дочь и Янъ подшучивали надъ влюбленнымъ негромъ, но я смотрѣлъ на дѣло серьезно и снѣшилъ помозвоку, чтобы отнять у негра всякую надежду. Но, къ несчастію, за нѣсколько дней предъ обрученіемъ негръ успѣлъ остаться наединѣ съ моей дочерью, узналъ передъ ней на колѣни, горячо высказавъ свою любовь и умолялъ дѣвушку не отвергать его.

Она была такъ неосторожна, что громко расхохоталась въ лицо Тому. Это оскорбило и поразило его до глубины сердца. Онъ заслуживалъ состраданія, а никакъ не насмѣшки, и я со своей стороны внимательнымъ отношеніемъ къ нему старался загладить легкомысленный поступокъ моей дочери. Съ этой минуты Томъ сталъ неузнаваемъ; безавѣтно-веселый до сихъ поръ, теперь онъ сталъ мрачнымъ и скучнымъ, мало говорилъ, отвѣчая по возможности коротко только на вопросы, но работалъ такъ-же прилежно. Онъ избѣгалъ моей дочери и ея жениха и не говорилъ съ ними ни слова, только меня онъ удостоивалъ своимъ разговоромъ. Я просилъ его положить конецъ такому невыносимому поведенію; отказать ему безо всякаго предлога, мнѣ не хотѣлось.

Въ это время мы со звѣрникомъ находились въ Бирмингемѣ, большомъ фабричномъ городѣ Англій. Сборъ былъ хорошій, а храбрость моего Яна, входившаго съ голыми руками въ клѣтки звѣрей, вызвала удовольствіе и восхищеніе публики. Самымъ труднымъ вѣщамъ его программы былъ такъ называемый „африканскій пиръ“, состоявшій въ томъ, что онъ входилъ въ клѣтку, гдѣ находились львица, пантера, леопардъ и нѣсколько звѣрей, и раздавалъ имъ куски сыраго мяса прямо изъ рукъ. Съ его стороны необходимо было крайнее вниманіе, чтобы помѣшать звѣрямъ напасть на кучей на него самого и растерзать его вмѣсто корма; это достигалось силою пристального взора, приводящаго въ страхъ животныихъ, чувствующихъ въ этотъ мигъ полное превосходство человѣка.

Однажды, на одномъ изъ представленій, Янъ вошелъ въ клѣтку. Какъ обыкновенно, онъ заставлялъ звѣрей прыгать въ кольца, становиться на заднія лапы, ложиться и вставать по приказанію и дѣлать разныя подобныя штуки. Когда звѣри предъ тѣмъ хорошо накормлены и вполнѣ сыты, они исполняютъ все это довольно охотно, но если они голодны, то укротителю грозитъ серьезная опасность. Все повидимому обстоитъ благополучно, только львица была безпокойнѣе чѣмъ обыкновенно. Негръ на мой вопросъ, кормилъ-ли онъ львицу, отвѣчалъ утвердительно. Но во время представленія „африканскаго пира“ львица съ явными признаками голода бросалась впередъ и вырывала у Яна протыкаемые имъ куски мяса, не подпуская другихъ звѣрей.

Приближался конецъ пумера, животныя получили свою долю, и на шутивый вопросъ Яна: „Кто-же заплатитъ за уго-

щеніе?“ должны были по программѣ разойтись по угламъ клѣтки за исключеніемъ львицы, оставшейся посреди клѣтки предъ Яномъ. „А, ты хочешь заплатить? сказалъ юноша, вызывая общій смѣхъ зрителей, — это благородно и дѣлаетъ честь парню звѣрей, но я избавлю тебя отъ этого, если ты меня поцѣлуешь“. Львица тотчасъ-же сдѣлала то, что она предѣлывала уже сотни разъ и прежде: она встала на заднія лапы и положила переднія на плечи Яна, приблизившись мордой къ его лицу. Я стоялъ сбоку у клѣтки наблюдая за представленіемъ, чтобы въ случаѣ надобности подать немедленно помощь.

Вдругъ я услышалъ, что львица испустила злое ворчаніе. значеніе котораго я такъ хорошо зналъ. Кровь остановилась у меня въ жилахъ отъ ужаса. Я видѣлъ, какъ животное отвернуло глаза, въ которыхъ сверкнуло свирѣпое выраженіе, отъ укротителя, чтобы избѣжать его взора... Надо было спѣшить!..

Чтобы не пугать зрителей, которые конечно не понимали всего ужаса происшедшаго, я свисткомъ позвалъ сторожей съ раскаленными желѣзными шестами, всегда готовыми на этотъ случай. Но было поздно... Прежде чѣмъ они добѣжали до клѣтки, львица страшнымъ ударомъ лапы повалила на-земь несчастнаго Яна и рыча бросилась на него. Испуганная публика съ криками бросилась изъ звѣрница.

Раскаленные шести сторожей загнали разсвирѣпѣвшую львицу въ уголъ клѣтки, гдѣ она рыча облизывала свои окровавленные лапы, въ то время какъ мы вытаскивали изъ клѣтки несчастнаго юношу. Онъ былъ мертвъ, страшный ударъ львицы убилъ его наповалъ. Всѣ служители оплакивали смерть горячо любимаго молодого человѣка, за исключеніемъ Тома, который оставался равнодушнымъ. Я не стану описывать раздирающей сцены, когда дочь узнала о смерти своего жениха.

Владѣлецъ звѣрница остановился, я смотрѣлъ на него взоромъ полнымъ ожиданія. Ванъ-Акенъ однако не скоро удовлетворилъ моему любопытству; онъ молча глядѣлъ на поверхность моря, погруженный въ свои мысли. Когда наконецъ я его спросилъ:

— И вы узнали по чьей винѣ произошла эта катастрофа?

Онъ вздрогнулъ, очнувшись отъ забытья, и продолжалъ:

— Да, да! Слушайте, чтѣ было дальше. Спустя нѣсколько недѣль, когда я перекочевалъ со своимъ звѣрникомъ въ Шеффилдъ, я вошелъ въ полдень въ клѣтку львицы, чтобы заставить ее предѣлать нѣкоторыя упражненія. Послѣ того ужаснаго происшествія сначала я сгоряча мыслъ намѣренъ застрѣлить животное, но по здравомъ размысленіи поинялъ, что это будетъ только двойная потеря, такъ какъ убитаго Яна этимъ не вернешь къ жизни. Однако я рѣшилъ строго наблюдать за животнымъ и принудить его къ пошлѣйшему повиновенію. Съ этою цѣлю я бралъ съ собою въ клѣтку большой хлыстъ, на концѣ котораго прикрѣплена стальная пуля. Это прекрасное средство укрощенія, предъ которымъ звѣри питаютъ невольный ужасъ.

Дѣлая упражненія съ львицею, я замѣтилъ, что она не охотно повинуется. Я повторилъ приказаніе и услышалъ въ отвѣтъ злое рычаніе, не предвѣщающее ничего хорошаго. Но я рѣшился восторжествовать надъ упрямымъ звѣремъ и заставить его повиноваться.

Львица не хотѣла прыгать въ кольцо. Мнѣ показалось, что она не дѣлаетъ этого отъ боли. Желая убѣдиться, я подошелъ къ ней и замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ свѣтлой шкуры каплю крови. Но я не обратилъ на это особаго вниманія, полагая, что это кровь, брызнувшая на нее съ сыраго мяса. Я заставилъ ее встать и вдругъ замѣтилъ гнѣвный взглядъ ея зеленыхъ мерцающихъ глазъ. Я ударилъ ее хлыстомъ, и въ тотъ-же мигъ львица подняла лапу и ударила меня по лѣвой рукѣ такъ, что вырвала клочекъ мяса. Къ счастью я не потерялъ совнанія, взоромъ заставилъ животное смириться и едва дошелъ до дверей клѣтки, гдѣ меня приняла сторожка.

На слѣдующій день львица пала, и я приказалъ снять съ нея шкуру для продажи. Тогда въ тѣлѣ живаго нашли длинную серебряную иглу, принадлежавшую Тому, который съ этого дня куда-то исчезъ. Тогда у меня исчезло уже всякое сомнѣніе въ томъ, что это было дѣломъ рыцаря негра. По моему заявленію, полиція вскорѣ нашла негра, который и былъ арестованъ. На судѣ онъ признался въ своей винѣ съ тѣмъ влорадствомъ, которымъ отличается чернокожая раса. Онъ показалъ также, что подготовилъ и гибель Яна. Чтобы вызвать хищный инстинктъ львицы, онъ незамѣтно пропиталъ кровью платье бѣднаго Яна, благодаря чему львица и бросилась на несчастнаго. Въ отношеніи ко мнѣ негръ примѣнилъ другой способъ. Такъ какъ я не подпускалъ львицу къ себѣ близко, то прехняя уловка очевидно не годилась. Тогда незадолго предъ моимъ входомъ въ клѣтку, онъ воткнулъ иглу въ тѣло львицы. Расчетъ его, что животное разсвирѣпѣетъ отъ боли, вполнѣ оправдался. Только мое самообладаніе спасло меня отъ вѣрной смерти.

Такъ ужасна была месть негра за отвергнутую любовь. Предатель заплатилъ жизнью за свои злодѣянія, но мнѣ онъ конечно не могъ возратить того, чтѣ такъ безжалостно отнялъ. Дочь моя впала въ уныніе по смерти своего жениха, и я на

первыхъ порахъ думалъ, что она никогда не утѣшится. Она не хотѣла болѣе оставаться въ звѣрищѣ и поселилась у одного изъ родственниковъ. Тенерь, къ счастью, она утѣшилась, по-

любила другаго, вышла за него замужъ и живетъ, кажется, счастливо. Я же до сихъ поръ ношу на моей рукѣ слѣды страшной мести негра". (к.)

Къ исторіи чувства состраданія.

Лекція читанная въ Дерптскомъ университетѣ въ пользу Общества вспоможенія бѣднымъ.

А. Г. Брикнера.

I.

Для популяризаціи какаго-либо историческаго матеріала существуютъ нѣсколько способовъ изложенія. Наиболѣе занимательнымъ для читателя представляется тотъ, въ которомъ отдѣльное событіе или личность обнаруживается какъ въ рамкѣ—въ соответственной исторической обстановкѣ. По гораздо поучительнѣе и плодотворнѣе въ научномъ отношеніи является сопоставленіе цѣлаго ряда фактовъ и сравнительная группировка историческихъ событий.

Къ сожалѣнію, послѣдній методъ въ области историческихъ изслѣдованій составляетъ рѣдкое исключеніе.

Какъ много остается еще сдѣлать на поприщѣ популяризаціи историческихъ выводовъ, видно изъ того, что даже тщательно разработанныя въ частностяхъ историческія событія даютъ мѣсто самымъ смутнымъ представленіямъ и поразительнымъ противорѣчіямъ. Даже такой вопросъ, какъ: идетъ-ли человѣчество въ своемъ развитіи впередъ или стоитъ на одномъ мѣстѣ—рѣшается до сихъ поръ каждымъ сообразно своему личному взгляду, вкусу и темпераменту, тогда какъ въ области другихъ наукъ, какъ напр., въ астрономіи или ботаникѣ, подобныя противорѣчія совершенно не имѣютъ мѣста. Что сказали бы объ астрологахъ, если-бы они до сихъ поръ спорили о томъ: земля-ли вертится вокругъ солнца, или солнце вокругъ земли? Что представляли ботаники и зоологи до открытій клеточки?

Если же въ области исторіи не открыто еще положительныхъ истинъ и историческихъ законовъ, и если до сихъ поръ не только не рѣшенъ, но едва затронутъ вопросъ о прогрессѣ и регрессѣ въ исторіи, то это объясняется лишь господствомъ рутинны и косности въ историческихъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ исторія является скорѣе искусствомъ, чѣмъ наукой. Пока исторія не дѣлается выводомъ изъ цѣлага ряда событий, пока она видитъ въ нихъ лишь причины и слѣдствія, не доискиваясь внутренней связи, общей руководящей нити, —она не есть наука.

Какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи, извѣстные явленія и факты могутъ быть слѣдствіемъ или случая, или постоянныхъ законовъ; но такъ какъ трудно и даже невозможно предположить, чтобы что-либо совершалось случайно, то остается искать какиихъ-либо основныхъ законовъ существующаго порядка.

Для историческихъ фактовъ, измѣряемыхъ столѣтіями и тысячелѣтіями, могутъ быть поставлены двѣ гипотезы: или 1) существованіе челоѣчества остается вѣчно и неизмѣнно однимъ и тѣмъ же, или 2) оно измѣняется съ теченіемъ времени.

Допустивъ вторую гипотезу, можно сдѣлать слѣдующія три предположенія: 1) измѣненіе совершается къ худшему: является вырожденіе, упадокъ челоѣчества; 2) измѣненіе совершается къ лучшему, представляя совершенствованіе, развитіе, прогрессъ, и наконецъ 3) существуетъ смѣна прогресса и регресса, —движеніе взадъ и впередъ, приливъ и отливъ, родъ колебаній маятника, Сизифова работа.

Такимъ образомъ имѣется четыре основныхъ предположенія о жизни всего существующаго: 1) неподвижность, 2) регрессъ, 3) прогрессъ, 4) смѣна прогресса и регресса.

Что же сдѣлаю историками, людьми науки, чтобы положить конецъ такому различію мнѣній, чтобы поставить невыблемыя основы, въ силу которыхъ личныя возрѣнія имѣли бы такъ же мало мѣста, какъ и при рѣшеніи основныхъ вопросовъ другихъ наукъ? Ничего! Или, можетъ статься, предполагаютъ, что этотъ вопросъ можно рѣшить только субъективно, что онъ не поддается точному, объективному рѣшенію?

Я съ этимъ не согласенъ. Мнѣ кажется, что основныя историческія истины могутъ быть установлены такъ же точно и неизменно, какъ движеніе земли и другихъ планетъ вокругъ солнца.

Если я становлюсь рѣшительно на сторону теоріи прогресса въ исторіи челоѣчества, то это не есть слѣдствіе оптимистическаго темперамента или субъективнаго взгляда, но плодъ тщательнаго наблюденія и изслѣдованія историческихъ событий, сопоставленія различныхъ эпохъ и ступеней развитія между собою. При такомъ сравнительномъ методѣ изученія, всѣ жалобы на минное вырожденіе челоѣчества представляются пустой фразой, призракомъ, точно такъ же, какъ и вѣтра во всѣ челоѣческія бѣдствія, по Шопенгауэро-Гартмановскому ученію, не выдерживаетъ истинно-научной критики. Высказываемый мною взглядъ основанъ не на простыхъ гипотезахъ, но на индуктивномъ способѣ изслѣдованія, т. е. на заключеніяхъ отъ частнаго къ общему. Такой способъ, при огромномъ количествѣ матеріала, приобретаетъ долю вѣроятности, которая граничитъ съ полною точностью.

Я поставилъ себя цѣлью констатировать прогрессъ въ одной

изъ безчисленныхъ отраслей челоѣческаго развитія. Я избралъ именно ту, которая кажется мнѣ имѣющею наибольшее значеніе,—отрасль нравственности, прогрессъ въ которой упирается всего отрицаются противниками теоріи совершенствованія.

Каждое историческое прогрессивное движеніе можетъ быть наблюдаемо въ трехъ различныхъ сферахъ: въ области матеріальнаго существованія, въ области умственнаго развитія и въ области нравственности. Совершенствованіе въ послѣднемъ отношеніи оспаривается особенно усердно и отрицается даже тѣми, которые признаютъ развитіе матеріальной и интеллектуальной жизни, какъ напр. Бокль и Шопенгауэръ. Задача истинно-научнаго историческаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы выслѣнить солидарность между собою всѣхъ трехъ отраслей и доказать, что матеріальное, интеллектуальное и этическое развитіе идутъ рука объ руку.

II.

Послѣдующими, взятыми изъ огромной массы матеріала, наблюденіями я хочу способствовать рѣшенію вопроса о томъ: сопровождался-ли ходъ цивилизаціи возрастаніемъ или уменьшеніемъ счастья, добродѣтели и челоѣколюбія между людьми. Я хочу указать на нѣсколько моментовъ развитія чувства *состраданія*.

Слово *состраданіе* не требуетъ особенно точнаго опредѣленія. Мы понимаемъ подъ нимъ способность сочувствовать страданіямъ другихъ; глубоко этическую черту, родственную съ одной стороны чувству любви, съ другой — христіанскому благочестію.

Поставимъ вопросъ: были-ли люди во всѣ предыдущіе вѣка одинаково способны ощущать состраданіе, или можно замѣтить извѣстное движеніе впередъ въ этой способности.

Лучшимъ и наиболѣе краснорѣчивымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужатъ сами факты. Сравнимъ между собою различные ступени историческаго развитія въ этомъ отношеніи; разсмотримъ участіе состраданія въ различныхъ отрасляхъ и при различныхъ обстоятельствахъ; простоять ли наличности или отсутствіе коллективнаго состраданія въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и зададимъ себѣ вопросъ: болѣе ли настоящее время челоѣчество вообще и отдѣльные индивидуумы въ частности къ чувству состраданія, чѣмъ прежде?

Со своей стороны, я ограничусь только постановкой вопросовъ и указаніемъ, какимъ образомъ на нихъ можетъ быть отвѣчено для полученія искомыхъ результатовъ. Затѣмъ будетъ предоставлено размышленію, историческому чутью и интересу каждаго разрабатывать вопросъ дальне.

Я укажу на прогрессивную способность состраданія въ трехъ различныхъ группахъ явленій:

- 1) въ отношеніяхъ людей къ ихъ врагамъ и противникамъ;
- 2) въ отношеніяхъ людей къ зависящимъ отъ нихъ и подчиненнымъ, и
- 3) въ представленіяхъ людей о Божествѣ, въ смыслѣ состраданія.

III.

Разсматривая отношенія людей къ врагамъ, мы различаемъ три различныхъ рода отношеній: международныя войны, борьба партій и обращеніе съ преступниками.

Международныя войны. Относительно вѣшняго врага только тогда можетъ явиться рѣчь о состраданіи, когда онъ побѣжденъ. Пока продолжается битва, состраданіе встрѣчается только въ исключительныхъ случаяхъ.

Исторія показываетъ, что первоначально существовала война всѣхъ противъ всѣхъ, что война была нормальнымъ состояніемъ и понятіе о мирѣ едва существовало. Въ то время, когда челоѣкъ мало отличался отъ хищныхъ животныхъ, борьба за существованіе оканчивалась истребленіемъ врага. Въ войнахъ дикарей военно-плѣнные болѣею частью умерщвлялись. Въ Центральной Африкѣ мы и теперь еще видимъ примѣры такого отношенія къ побѣжденнымъ. Существовали народности, у которыхъ намѣренно воспитывалось отсутствіе состраданія ко врагу; такъ, напр., карамаиенцы не могъ жениться, пока не убилъ ни одного врага; скиты не имѣли права на праздничествѣ пить изъ круговой чаши не умертвивъ хотя одного неприятеля.

Въ настоящее время понятіе о мужествѣ и героизмѣ не находится въ связи съ числомъ убитыхъ враговъ. Гуманное отношеніе къ неприятелю считается добродѣтелью, тогда какъ прежде дѣлилось противоположное. Потребовалось много времени и благопріятныхъ условий, чтобы вызвать такую переимѣну въ понятіяхъ о нравственности. Огорченному Пріаму не пришлось бы теперь такъ долго и безуспѣшно молить о выдачѣ

Боярышня. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Лоренца, грав. Хельмцигій.

Теодорихъ Великій получаетъ Италию въ ленъ отъ императора Зенона. Рис. Мерте, грав. Клоуъ.
Библиотека "Руниверс"

тѣла убитаго Гектора; оно было бы доставлено ему тотчасъ послѣ смерти убитаго героя.

Въ отношеніяхъ побѣдителя къ побѣжденнымъ теперь прикладывается совѣтъ иная мѣрка. То, что вовсе не считалось безнравственнымъ, признается теперь безчеловѣчною жестокостью. Когда экспедиціи афинянъ въ Сицилію (въ 413 году) потерпѣла неудачу, предводитель ихъ былъ побитъ камнями и тысячи воиновъ погибли медленною, голодною смертью въ каменоломняхъ, между тѣмъ какъ побѣдители съ чувствомъ удовольствія и злорадства присутствовали при мученіяхъ побѣжденнаго врага. Страданія негровъ въ Америкѣ ничто въ сравненіи съ тѣми мученіями, которымъ подвергали римляне своихъ рабовъ; эти сраданія — казнь воды въ сравненіи съ цѣлымъ ведромъ. Таковы были высококультурные греки и римляне, добродѣтели которыхъ играютъ столь видную роль во всей педагогикѣ. Мы по привычкѣ находимъ въ нихъ все прекраснымъ, вмѣсто того, чтобы объективно отнестись къ моральному развитію той эпохи и сравнить ее съ настоящимъ. Если теперь у турокъ или китайцевъ встрѣчаются случаи замучиванія до смерти военно-пѣшихъ, то извѣстія о такого рода событіяхъ производятъ переполохъ во всемъ образованномъ мірѣ и возбуждаютъ крайнее негодованіе, тогда какъ, напр., во время 30-ти-лѣтней войны подобныя ужасы составляли заурядное явленіе и проходили безнаказанными. Если уваженіе человѣческихъ правъ побѣжденнаго и участіе къ несчастію ближняго можетъ считаться симптомомъ болѣе высокаго нравственнаго развитія, то въ этомъ отношеніи этической прогрессъ очевиденъ до осязаемости.

Войны нашихъ дней настолько отличаются отъ древнѣйшихъ, что едва могутъ быть обозначаемы однимъ съ ними именемъ.

IV.

Перейдемъ теперь къ гражданскимъ войнамъ, къ борьбѣ партій и обращенію съ усмиреными бунтовщиками.

Надо сознаться, что принципы гуманности достигли здѣсь меньшихъ практическихъ результатовъ, чѣмъ въ международныхъ войнахъ. Это не есть борьба между равными противниками; къ усмиренымъ инсургентамъ примѣняются въ этомъ случаѣ пѣвѣстныя мѣры наказанія, — пѣвѣстныя, вызванныя необходимостью, репрессалии.

Но и здѣсь, при сравненіи различныхъ ступеней культуры, замѣчается большая разниця; прежней жестокости противопоставляется милосердіе, крайнему звѣрству — нравственное достоинство.

Нынѣшнее государственное устройство признаетъ право оппозиціи; прежде — не допускало даже права жалобы со стороны притѣняемыхъ; малѣйшее противорѣчіе вызывало лишеніе собственности, свободы и жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и инсургенты, въ свою очередь, когда имъ удавалось одерживать верхъ, съ величайшей жестокостью мстили своимъ притѣснителямъ. Тѣмъ не менѣе, если мы сравнимъ жестокость, съ которой велась гражданскія войны въ XIX столѣтіи (какъ напр. борьба Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ въ Америкѣ, войны карлистовъ и т. п.), то она покажется ничтожною въ сравненіи съ варварствомъ войнъ болѣе древнихъ временъ или войнъ внѣ-европейскихъ. Казнь стрѣльцовъ при Петрѣ Великомъ; умерщвленіе 15,000 человѣкъ, болынею частью пѣвиновныхъ, за уличные безпорядки при тишайшемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; заключенія, пытки и истязанія при царѣ Василіи Шуйскомъ и проч. объясняются не личною жестокостью правителей, а требованіями времени.

Гораздо большія жестокости встрѣчались въ исторіи грековъ и римлянъ, и считались въ порядкѣ вещей. Теперь же только въ далекихъ, внѣ-европейскихъ странахъ можно встрѣтить такія жестокости, которыя когда-то были обыкновеннымъ явленіемъ въ самомъ центрѣ европейской культуры.

По приведеннымъ фактамъ можно узнать, насколько замѣнился взглядъ на наказуемость политическихъ противниковъ или политическихъ преступниковъ. Во многомъ, что въ былое время наказывалось смертью, теперь не видятъ даже проступка; напримеръ, свобода мнѣній, порицаніе общественныхъ злоупотребленій и т. п. Нетерпимость къ мнѣнію противниковъ исчезаетъ; жестокость и мстительность уступаютъ мѣсто великодушію и состраданію.

V.

Еще болѣе замѣтно развитіе чувства состраданія къ нарушителямъ общественнаго порядка, къ преступникамъ. Въ этой области во всей исторіи ясно виденъ переходъ отъ жестокости къ милосердію, отъ террора къ состраданію, отъ безчеловѣчности къ истинной гуманности. Не только русскій народъ называется, понесшихъ кару, преступниковъ „несчастными“ — въ чемъ совершенно несправедливо видятъ отсутствіе чувства законности въ русскомъ народѣ, — но ни одинъ образованный и не лишенный гуманности человѣкъ не можетъ отказать преступнику въ этомъ названіи.

Что падшіе имѣютъ право на состраданіе остальнаго человечества, доказываетъ филантропическое направленіе всей новѣйшей литературы уголовнаго права, всей новѣйшей кри-

минальной практики; точно такъ же, какъ измѣненіе законодательства, работы объ улучшеніи тюремъ, основаніе убищницъ для выпущенныхъ и отбывшихъ наказаніе преступниковъ и т. д. Постепенно и послѣдовательно, шагъ за шагомъ, совершилась въ уголовномъ законодательствѣ реформа въ направленіи милосердія и снисхожденія. Въ силу исторической необходимости установился болѣе гуманный способъ преслѣдованія и наказанія преступленій и проступковъ. Этической прогрессъ, побѣда милосердія надъ принципами кары, ненависти и мести такъ очевидны въ этой области, что только близорукіе, глухіе къ урокамъ исторіи люди могутъ не замѣчать ихъ.

Подсудимые являются уже побѣжденными противниками общественнаго порядка. Общество относительно ихъ не находится въ состояніи замозащиты. Тѣмъ болѣе основанія къ милосердію и справедливости, къ состраданію и снисхожденію, къ изысканію средствъ подіать павнаго, исправить провинившагося, возвратитъ обществу заблудшаго. Исторія показываетъ, что принципъ этотъ медленно, но вѣрно, идетъ впередъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго, укажемъ на цѣсколько чертъ изъ уголовнаго законодательства и уголовной практики.

Въ послѣднее время замѣчается все болѣе и болѣе развивающееся стремленіе оградить пѣвиновныхъ и покарать только дѣйствительныхъ преступниковъ. Даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ поднимается вопросъ о „вмѣняемости“ и о „смягчающихъ обстоятельствахъ“, что прежде не имѣло мѣста. Лишеніе свободы, какъ мѣра предосторожности, практиковалось въ былое время болѣе легкомысленно, и если привести въ извѣстность число пѣвиновъ подвергнутыхъ предварительному заключенію въ различныя вѣка, то замѣтно будетъ поразительное, послѣдовательное уменьшеніе случаевъ примѣненія этой мѣры.

Число судебныхъ убійствъ, теперь почти исчезающее, было прежде несравненно больше. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ масса людей осуждалась за совершенныя преступленія, призываніе въ которыхъ вырывалось пыткой. Пытка была хроническою болѣзнію времени, отъ которой человечество избавилось только медленно и постепенно; это была моральная и логическая ошибка, которая намъ теперь едва понятна; коллективная вина цѣлыхъ поколѣній, заблужденіе которое признается теперь за таковое всеми мыслящими людьми. А между тѣмъ было время, когда пытка считалась „благодѣяніемъ“, охраной государства отъ козней злоумышленниковъ. Такого измѣненія во взглядахъ нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ нравственнымъ развитіемъ человечества, прогрессомъ въ исторіи чувства состраданія.

Перейдемъ къ смягченію самихъ наказаній. Теперь мѣры вины опредѣляются съ гораздо болынею точностью и справедливостью чѣмъ прежде. Въ теченіе многихъ вѣковъ — невольные убійцы карались наравнѣ съ преднамѣренными. За вину одного привлекалась къ отвѣтственности цѣлая семья, цѣлый городъ. Въ восточныхъ государствахъ, часто вмѣстѣ съ вѣиновными подвергались мучительной казни или ссылкѣ всѣ его близкіе. Въ III вѣкѣ до Р. Х. у римлянъ существовалъ законъ, по которому, если рабъ убивалъ своего господина, вся его семья несла казнь.

Вопросъ о вмѣняемости такъ мало принимался въ расчетъ, что признавалось перѣдко необходимымъ казнить дѣтей, что теперь кажется намъ неслыханнымъ и невозможнымъ злодѣяніемъ. По старо-еврейскому закону ребенокъ, ударившій своихъ родителей, или бранившій ихъ, или просто оказавшій неповиновеніе, — подлежалъ смертной казни.

Уточненныя жестокости практиковавшіяся когда-то при казняхъ — для насъ теперь совершенно непонятны. Когда мы слышимъ, что въ Персіи, напримеръ, казнь преступника продолжается дни и мѣсяцы, намъ кажется, что мы входимъ въ чуждый намъ міръ. Точно такъ же намъ непонятно настроеніе общества, которое само принимало участіе въ казни, побивало преступника камнями, подносило дрова для костровъ и т. п.

Исторія быстрыми шагами приближаетъ насъ къ полной отгнѣи смертной казни, которой въ сущности произнесенъ уже смертный приговоръ. Понятіе о возмездіи, объ искупленіи вытѣснено въ уголовномъ правѣ на задній планъ и вмѣсто него выдвигается впередъ задача исправленія преступника. Мнѣніе, что смертная казнь необходима для безопасности государства, или что она служитъ предупрежденіемъ преступленій, стало анахронизмомъ. Замѣчается, напротивъ того, общее стремленіе войти въ положеніе преступника, стать на его мѣсто. На этомъ поприщѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, состраданіе одержало величайшія побѣды; оно сдѣлалось силой въ исторіи, — одной изъ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя двигаютъ міръ.

Движеніе впередъ въ отношеніяхъ людей къ своимъ врагамъ, лучше всего резюмируется сопоставленіемъ словъ Ветхаго и Новаго Заветъа: „око за око, зубъ за зубъ“ и „возлюбите враги своихъ“.

VI.

Перейдемъ теперь къ другому ряду наблюденій, — къ вопросу объ отношеніяхъ людей къ подчиненнымъ, слабымъ и безправнымъ.

Если въ отношеніяхъ людей къ врагамъ можно констати-

ровать значительный шаг вперед, то несомненно, что и в отношениях сильных к слабым, власть имущих к безвластным, совершеннолетних к несовершеннолетним должно явиться преобладание нравственных принципов.

Бросив взгляд на историю, мы заметим, что различие между богатыми и бедными, привилегированными и безправными, взысканными земными благами и обездоленными, подчиненными,—постепенно исчезает, уступая место равенству. Возможны ли были бы такие перемены без сочувствия сильных к слабым? Конечно, нет. Достаточно вспомнить уничтожение рабства и отмену крепостной зависимости, чтобы убедиться насколько основныя понятия нравственности изменились к лучшему, поставив высокие принципы человечности на место грубого произвола и притеснения слабых.

Неравенство было большею частью следствием борьбы. Были победители и побежденные, следовательно свободные и зависимые, повелители и рабы. Необходимым условием такого порядка вещей было низкое нравственное состояние обеих сторон. Рабство и безправие, полная зависимость одного от другого несомнестимы с понятиями высшей нравственности. Милосердие, чувство справедливости и сострадание устранили главное зло древняго мира—рабство, благодаря все той же способности сочувствовать страданиям ближняго, стремлению уменьшить его бедствия, доставить человеческое существование обездоленным.

VII.

История женщины развивалась тем же путем. Из рабыни она дѣлалась постепенно товарищем мужчины. Лишенная правъ, женщина стояла гораздо ниже своего повелителя, являясь орудием, рабочей машиной и служа низшим дѣломъ. История женщины есть история освобождения ея от подобной зависимости. Весьма характерно, что на Востоке, оставшемъ и въ другихъ отношеніяхъ отъ Запада, положеніе женщины осталось подчиненнымъ. Въ центрахъ культуры, напротивъ, стремятся все болѣе и болѣе обезпечить ея экономическое и духовное состояніе. Путь пройденный женщиной отъ положенія рабыни въ древнемъ мірѣ и на Востоке до новѣйшаго ея социальнаго положенія—поражаетъ своей огромностью. Отношенія сильнаго пола къ слабому радикально изменились, и грубое властвование замѣнилось уваженіемъ и заботливостью. Главнымъ двигателемъ и здѣсь было чувство состраданія и симпатіи.

То же самое можно сказать и относительно дѣтей. История искусства показываетъ, что дѣти сравнительно недавно стали предметомъ художественнаго изображенія. Въ прежніе вѣка отсутствовало иныишее любовное отношеніе къ дѣтскому міру. Отсюда и тѣ ошибки воспитанія, и та черствость и жестокость, съ которою относились къ дѣтямъ. Часто встрѣчаются у дикихъ народовъ умерщвленіе поворожденныхъ дѣвочекъ и убіеніе слабыхъ дѣтей, какъ совѣтовалъ и Аристотель, совершенно не соответствующее нашимъ нынѣшнимъ нравственнымъ понятіямъ. Достаточно сравнить отношеніе къ сиротамъ и незаконнорожденнымъ; вспомнить, что прежде не существовало ни пріютовъ, ни колоній для бѣдныхъ и больныхъ дѣтей, ни заботливости о свѣжемъ воздухѣ въ школахъ и т. п., чтобы убедиться, какія крупныя завоеванія совершила въ этой области история симпатіи и состраданія.

Не менѣе замѣтный этическій шагъ сдѣланъ въ области оказанія помощи немущимъ. Нельзя сказать, чтобы въ прежніе вѣка совершенно отсутствовало чувство благотворительности, но помощь бѣднымъ не была разумно организована, потому что не было тѣлаго чувства состраданія. Мы видимъ пицхи и въ восточныхъ государствахъ, далеко отставшихъ отъ насъ въ культурѣ, но раздача милостыни на Востоке не представляетъ большой нравственной цѣны, такъ какъ она есть актъ вышней благотворительности, совершаемый для умноженія божества; спекуляція, выгодное помѣщеніе капиталовъ.

Въ годины же народныхъ бѣдствій, голода и эпидеміи,—мы видимъ тамъ такое холодное равнодушіе со стороны богатыхъ и сильныхъ къ страданіямъ народныхъ массъ, которое кажется намъ поистинѣ возмутительнымъ.

Еще одно слово объ отношеніи людей къ животнымъ. Никто не станетъ отрицать, что и въ этой отрасли состраданіе одерживаетъ побѣды надъ черствостью и безчужденностью. Сколько вѣковъ должно было пройти, пока додумались до

основанія общества покровительства животнымъ. Если даже признать заблужденіемъ нынѣшнюю преувеличенную агитацію противъ вивисекціи, какъ безполезной и несоотвѣтствующей высшимъ цѣлямъ науки, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что въ этомъ заблужденіи отроднаго признака времени. То же самое можно сказать и о взглядахъ вегетарианцевъ, отвергающихъ животную пищу, хотя вопросъ—насколько они правы—еще долго останется спорнымъ. Какъ бы то ни было, агитація противъ всякаго рода истязанія животныхъ указываетъ направленіе, въ которомъ совершается этическій прогрессъ. Если въ Перу съ живыхъ козловъ сдираютъ кожу; если у дикарей вообще существуетъ звѣрскій способъ убиванія животныхъ; если въ Индіи на рынкахъ отъ живыхъ черепахъ продаютъ мясо фунтами по желанію покупателей, то ничего подобнаго уже нельзя встрѣтить у народовъ болѣе способныхъ къ историческому движенію. Вообще надо замѣтить, что народы занимающіеся охотой и рыбной ловлей менѣе склонны сострадать животнымъ, чѣмъ занимающіеся скотоводствомъ и принадлежатіе къ болѣе высокимъ ступенямъ культуры. А следовательно и въ этомъ отношеніи нельзя не признать завоеванія совершенныхъ состраданіемъ.

VIII.

Отношеніямъ людей къ врагамъ и противникамъ, къ слабымъ и подчиненнымъ соответствующе обыкновенно и религиозныя воззрѣнія данной эпохи. Вопросъ о томъ,—насколько божество, олицетворяя собою идеалы людей, способно къ состраданію—принадлежитъ къ самымъ важнымъ проблемамъ истории религіи.

Понятія о божествѣ у язычниковъ совсѣмъ иныя, чѣмъ у христіанъ; у однихъ—понятіе стоитъ невысоко въ этическомъ отношеніи, у другихъ—поднимается до высокой нравственности. Божество во всѣ эпохи является олицетвореніемъ свойствъ и идеаловъ челоука. Антропоморфизмъ и антропонимизмъ занимаютъ въ религиозной исторіи самое выдающееся мѣсто. Божество представляется въ совершенствѣ человеческой природы; но совершенство это различно на различныхъ ступеняхъ культуры. Приведемъ примѣры:

Приносить человеческія жертвы божеству мыслимо только тогда, когда представленіе о немъ соответствующе звѣрскимъ инстинктамъ самихъ народовъ. Массовыя казни въ Африкѣ суть не что иное какъ жертвоприношенія, религиозные акты, соответствующіе понятію о божествѣ не знающемъ состраданія.

Если подняться ступенью выше, то боги Греціи такъ же въ сущности не хуже и не лучше поклонявшихся имъ. Они полны страстей, ненависти, зависти и недоброжелательства, преслѣдуютъ своихъ враговъ съ величайшей жестокостью и ожесточеніемъ, и дѣлаютъ изъ всей своей власти возможно худшее употребленіе.

Даже въ христіанскомъ мірѣ, всѣ религиозныя преслѣдованія, въ которыхъ исчезаетъ послѣдній признакъ состраданія, совершаются во имя Божества. Тысячи, сотни тысячъ людей умерщвляются „in majorem Dei gloriam“; нетерпимость соответствовала религиознымъ представленіямъ, послѣднимъ только имя христіанства, но не имѣвшимъ его сущности. Такіе факты, какъ смертная казнь за употребленіе мяса въ постные дни, какъ неслыханныя звѣрства инквизиціи, нетерпимость къ иначе вѣрующимъ, т. е. къ еретикамъ, сжиганіе ихъ на кострахъ, съ увѣренностью, что они и на томъ свѣтѣ будутъ подвергнуты вѣчному мученію; процессы колдуицъ въ XVI и XVII вѣкахъ, кровавыя дѣла Филиппа II въ Нидерландахъ,—все это кажется намъ въ настоящее время какимъ-то кошмаромъ, извѣстнаго рода безуміемъ. Тутъ уже нѣтъ вмѣнимости, такія дѣянія соответствующе патологическому состоянію челоучества, которое по временамъ является жертвою религиознаго изуверства.

Нельзя отрицать, что челоучество съ теченіемъ времени сильно подвинулось впередъ къ освобожденію отъ фанатической нетерпимости въ религіи, къ болѣе развитому въ этическомъ отношеніи представленію о сущности Божества и къ измѣненію религиозной идеи, въ смыслѣ терпимости и гуманности.

Задача моя не вполне исчерпана, но я хотѣлъ только сдѣлать опыты желательнаго и возможнаго метода историческихъ преслѣдованій и ввести свой небольшой вкладъ въ историю чувства состраданія.

Къ рисункамъ.

Шуша и ея жители. (Рис. на стр. 969, 972, 973 и 976).

Шуша, уфадный городъ Елисаветпольской губ., представляетъ естественную и почти неприступную крѣпость. Городъ, будучи расположенъ на высокой горѣ, съ трехъ сторонъ защищенъ природою, съ четвертой-же устроена каменная невысокая стѣна. Въ Шушѣ имѣли пребываніе Карабагскіе ханы, во время зависимости своей отъ Персіи. Карабагская провинція, одна изъ богатѣйшихъ и плодороднѣйшихъ въ Закавказьѣ,

принадлежала прежде Арменіи, потомъ завладили ею Персіане, у которыхъ ее при Шахъ-Сефѣ отняли турки, но при Надиръ-шахѣ она снова была присоединена къ Персіи. Надиръ-шахъ большую часть Карабагскихъ жителей изъ татаръ переселилъ въ Хорасанъ; въ числѣ ихъ былъ и Панахъ-ханъ, старшина Девеширскіаго племени. Наскучивъ жить въ Хорасанѣ, онъ въ 1747 году собралъ своихъ единоплеменцевъ, бѣжалъ съ ними опять въ Карабагъ, гдѣ и былъ избранъ народомъ въ ханы, и въ этомъ достоинствѣ утвержденъ потомъ Персидъ-

скимъ правительствомъ. Панахъ-ханъ сначала поселился въ укрѣпленіи Баятѣ или Тарнаугѣ, находившемся близъ развалинъ древняго города Барды, потомъ жилъ въ Шахъ-Булахѣ, и наконецъ, въ 1752 году (1167-го гижрѣ), основалъ нынѣшній городъ и сдѣлалъ его своею резиденціею. По смерти отца, въ 1753 году сынъ его Ибрагимъ наследовалъ права и власть Карабагскаго хана. Въ 1795 году городъ осаждалъ безъ успеха Персидскій ханъ Ага-Магометъ, но въ 1797 году онъ-же взялъ городъ голодомъ, однакоже черезъ 8 дней былъ убитъ своими служителями, а Ибрагимъ-ханъ опять вступилъ въ свои права; въ 1805 году Ибрагимъ-ханъ явился къ князю Циціанову, который стоялъ на Курахъ-Чаѣ, и изъявилъ совершенную готовность принять покровительство Россіи. Князь заключилъ съ ханомъ договоръ, по которому зависимость отъ Персіи отмѣнялась и ханъ обязался платить Россіи ежегодно по 8 тыс. червонцевъ. Ханъ пронаведенъ въ генераль-лейтенантъ, и русскія войска вступили въ Шушу. Однакоже, Ибрагимъ скоро измѣнилъ своему обѣту, тайно пригласилъ персидскія войска, обѣщая сдать имъ городъ, а самъ вышелъ изъ города съ семействомъ и сталъ неподалеку лагеремъ. Не смотря на убѣжденія маіора Лисановича возвратиться въ городъ, Ибрагимъ не послушался, а при возвращеніи его силою въ схваткѣ былъ убитъ съ женою, дочерью и многочисленною прислугою. Послѣ этого власть хана была вручена Мехти-Кули-хану, сыну Ибрагима. Въ 1822 г. Мехти-Кули-ханъ бѣжалъ въ Персію. Въ 1826 году городъ Шуша выдержалъ 47-дневную осаду отъ войскъ Абассъ-мирзы; въ 1840 году назначенъ уѣзднымъ городомъ Каспійской области; въ 1847 году Шемахинской губ.; въ 1859 году Бакинской губ.; а въ 1868 году отошелъ во вновь образованную Елисаветпольскую губ. Для въѣзда въ городъ есть три вороты: Ахъ-Оглы съ востока, Эриванскія съ запада, для верховыхъ и въяковъ, Елисаветпольскія съ сѣвера—для повозокъ. Городскія строенія расположены безъ порядка, улицы кривы, гористы и во многихъ мѣстахъ пересѣкаются оврагами. Дома всѣ каменные, покрыты большею частію тесомъ, кровли не плоскія а со стропилами; среди домовъ попадаются обитаемые турлунныя землянки, называемыя дорбазами. Шуша пользуется хорошимъ климатомъ; по возвышенному положенію, въ ней не бываетъ большихъ жаровъ, но за то осенью идутъ часто дожди и носится густой туманъ. Многие изъ жителей занимаются земледѣіемъ, почти при каждомъ домѣ есть фруктовый садъ; тканье шелковыхъ и бумажныхъ матерій также значительно; въ городѣ имѣется нѣсколько красильныхъ, кожевенныхъ и мыловаренныхъ заведеній. По своему положенію Шуша составляетъ важный пунктъ для торговаго сообщенія съ персидскими пограничными областями.

Верстахъ въ сорока отъ Шуши расположено селеніе Дигъ, известное въ исторіи съ конца X вѣка. Земпадъ, первый властитель Сіуника, отдалъ его своей женѣ, царицѣ Шахантухдѣ. Эта послѣдняя подарила его въ 998 г. Татевскому монастырю. Селеніе расположено на склонѣ плоской возвышенности. Около 450 землянокъ съ плоскими крышами.

Продавецъ счетовъ. (Рис. на стр. 977).

Съ красивыхъ и опрятныхъ улицъ сѣверной столицы по-прежнему исчезаютъ мелкіе продавцы и другіе уличные типы, еще недавно хорошо известные обитателямъ Петербурга. Шарманщиковъ, петрушекъ, бродячихъ акробатовъ совсѣмъ уже не видно; сичечники, продавцы квасу и сбитня, торговки сеledками и клюквою нрѣдка попадаются еще, да и то подалеже отъ Невскаго и Морской. Къ числу такихъ вымирающихъ уличныхъ торговцевъ принадлежитъ и торговецъ счетами и метелками, удачно срисованный съ натуры известнымъ художникомъ Б. Томашевичемъ. Обращаемъ вниманіе читателей на превосходную гравюру г. Шлиппера—чудо терпѣнія и мастерства гравера—передающую fac-simile, штрихъ въ штрихъ, рисунокъ перомъ.

Боярышня. (Рис. на стр. 980).

Тонкій карандашъ молодого художника Лоренца изящно и граціозно передаетъ женскія лица. На стр. 980 изображена въ богатомъ костюмѣ боярышня чисто русская красавица, невольно и надолго могущая остановить на себѣ вниманіе истиннаго поклонника женской красоты:

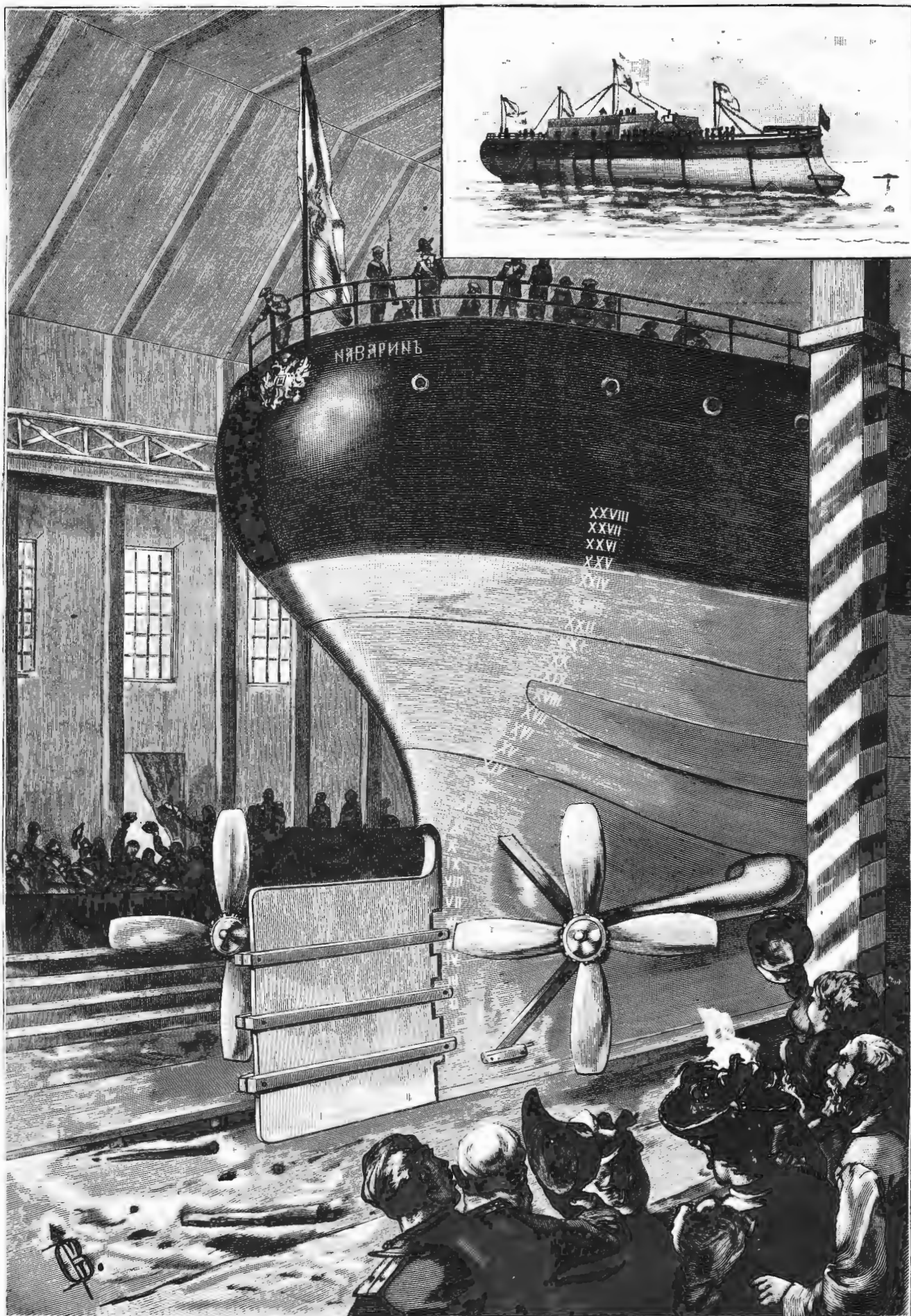
Косы по ладони;
Грудь, какъ у лебедки;
Очи съ поволокой;
Щеки—маковъ цвѣтъ.

Теодорихъ Великій получаетъ Италію въ ленъ отъ императора Зенона. (Рис. на стр. 981).

Съ IV столѣтія готскія племена начали тѣснить Римскую имперію, центръ тяжести которой со времени Константина Великаго перемѣстился на востокъ, въ Грецію. Когда остготы по смерти Аттилы освободились отъ владычества гунновъ, императоръ Маркіанъ отдалъ имъ для поселенія Паннонію и западную Венгрію, гдѣ они образовали три королевства, подъ властью трехъ братьевъ изъ рода Амаловъ. Чтобы охранить имперію отъ безпокойнаго сосѣда, слабыя греческіе императоры по договору платили имъ ежегодно денежную дань. Тѣмъ не менѣе остготскіе короли смотрѣли на себя какъ на вассаловъ императора, и по обычаю посылали заложниками въ Константинополь знатныхъ людей. Въ качествѣ заложника прибылъ туда въ 462 году и восьмилѣтній Теодорихъ, сынъ одного изъ остготскихъ королей. Онъ прожилъ 10 лѣтъ при императорскомъ дворѣ, изучая государственныя учрежденія и обычаи грековъ, причемъ не могъ не замѣтить дряхлости ихъ государственнаго организма и изнѣженной жизни двора. Въ это время умеръ его отецъ, Теодемиръ, соединившій подъ своею властью всѣ три королевства. Теодорихъ вернулся на родину и наследовалъ отцу. Онъ былъ мудръ, воинственъ и честолюбивъ, такъ что его побавались въ Византію, и императоръ Зенонъ, бывший тогда на престолѣ, вслѣдствіи искалъ приблизить его къ себѣ знаками своего расположенія. Въ 484 г. онъ пожаловалъ остготскому королю консульское достоинство и уступилъ ему большую часть Мизіи съ условіемъ, чтобы Теодорихъ отражалъ дикіе воинственные народы отъ границъ Римской имперіи. Послѣдній между тѣмъ желалъ болѣе обширнаго прироста для своихъ дѣлій и видѣлъ такое только въ Италиі, гдѣ незадолго передъ тѣмъ воцарился вождь Ругіевъ Одоакръ, провозгласившій себя королемъ Италиі и вассаломъ Византійскаго императора. Византійскій дворъ при полномъ своемъ безсиліи долженъ былъ признать это насильственное воцареніе. Тогда, вѣроятно, Теодорихъ предложилъ себя и своихъ готовъ для войны съ Одоакромъ подъ условіемъ, что ему предоставятъ власть надъ Италией въ качествѣ императорскаго вассала, если онъ побѣдитъ и свергнетъ Одоакра; впрочемъ, весьма возможно, что самъ императоръ, искавшій случая удалить опаснаго сосѣда, предложилъ ему этотъ заманчивый кусокъ. Достаточно того, что Теодорихъ заключилъ договоръ съ императоромъ и отправился въ Византію, гдѣ самъ императоръ торжественно объявилъ его полководцемъ Великой Римской имперіи и леннымъ повелителемъ Италиі. Это событіе, происшедшее въ 488 году, и изображено на нашемъ рисункѣ. Императоръ Зенонъ съ величайшею роскошью принялъ внушавшаго ему страхъ остготскаго короля. Въ то время какъ сидя на престолѣ въ дворцовой церкви онъ представлялъ колѣнопреклоненному Теодориху римскій сенатъ и римскій народъ, сѣдой канцлеръ вручилъ королю грамоту о назначеніи гота на ленныхъ условіяхъ королемъ Италиі. Теодорихъ присягнулъ императору и настоялъ на томъ, чтобы въ походѣ его сопровождалъ одинъ изъ родственниковъ императора съ цѣлью показать римлянамъ, что онъ поступаетъ съ вѣдома и согласно волѣ ихъ императора. Внимательно слу-

Григорій Антоновичъ Захаринъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Спускъ броненоснаго корабля „Наваринъ“ въ СПБ. Ориг. рисунокъ (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Шюблеръ.

цала свята короля, преклонившая колѣна на нижнихъ ступеняхъ трона, этотъ обрядъ объясненъ между владыкою пораженного римскаго міра и могучимъ властителемъ германскаго племени; не менѣе внимательно слушали и недовѣрчивые греческіе царедворцы и вельможи, которые надѣялись на то, что Теодорихъ и Одоакръ сокрушатъ свои силы въ междоусобной войнѣ на благо имперіи. Не медля, Теодорихъ пошелъ на Италию, отбросилъ Генидовъ, пытавшихся преградить ему путь, и нанесъ три сильныхъ пораженія легионамъ Одоакра. Въ 493 г. послѣ долгой осады овладѣвъ Равенной и умертвивъ Одоакра, Теодорихъ провозгласилъ себя королемъ Италии. Его тридцатилѣтнее царствование было благотворно для разоренной Италии, которая при немъ впервые вдохнула свободно послѣ долгихъ и кровавыхъ усобицъ. (к.)

Проф. Г. А. Захарьинъ. (Портр. на стр. 984).

Профессоръ Григорій Антоновичъ Захарьинъ, занимающій столь выдающееся положеніе среди русскихъ врачей, родился въ 1830 году. Учился въ Саратовской гимназій, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1852 году. Пробывъ по окончаніи университетскаго курса три года ассистентомъ факультетской терапевтической клиннки, Захарьинъ провелъ послѣ того три года въ Германіи и Франціи, готовившись къ занятію клиннкеской кафедры. Съ 1860 года и по настоящее время онъ преподавалъ факультетскую терапевтическую клинику, сначала въ качествѣ адъюнкта, а потомъ—профессора. Въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности проф. Захарьинъ неуклонно служилъ дѣлу *клиннкескаго обученія*, отдавалъ и отдаетъ ему свои силы и свои рѣдкія дарованія,—кому неизвѣстно, съ какими постоянными и выдающимися усиліями. Бывшіе слушатели проф. Захарьина, хорошо знакомые съ его клинкой, становясь сами преподавателями, признавали влияние клиннкеской дѣятельности проф. Захарьина «благодѣтельными». Проф. Захарьинъ владѣетъ рѣдкими даромъ преподаванія: его изложеніе поразительно по своей простотѣ, ясности и содержательности, притомъ съ изрядной долей здороваго юмора, столь естественнаго въ такомъ близкомъ къ жизни дѣлѣ, какъ врачевная практика. Нечего и говорить о томъ необыкновенномъ впечатлѣніи, которое профессоръ Захарьинъ производитъ на свою аудиторію. Аудиторія эта постоянно переполнена, даже въ тѣ времена, когда обыкновенно другія аудиторіи пусты. Проходятъ годы и десятилѣтія, являются новые талантливые дѣтели—клинники проф. Захарьина неизмѣнно сохраняютъ свое первенствующее мѣсто. Какъ ни велико влияние проф. Захарьина, какъ клиннкескаго преподавателя, влияние его, какъ врача, можетъ быть еще болѣе. Та же строгая дисциплина, что въ его аудиторіи и клиннкѣ, господствуетъ и въ его врачевной практикѣ. И это необходимо: не говоря уже о прошломъ, не очень давнемъ, когда достаточно было пощупать пульсъ, посмотреть языкъ и разсказать городскіе слухи, чтобы считать исполненнымъ врачебный долгъ,—какъ часто и теперь, къ сожалѣнію, видимъ, что врачи, и самые знаменитые, находятъ возможнымъ въ теченіе 4—5 вечернихъ часовъ дать совѣтъ 20—30 лицамъ даже по такимъ сложнымъ болѣзнямъ, какъ внутреннія. Профессоръ Захарьинъ считаетъ истиннымъ, дѣйствительнымъ, а не кажущимся только, лишь тотъ врачебный совѣтъ, который основывается на полномъ освѣдомленіи объ условіяхъ, въ которыхъ живетъ больной, и на обстоятельномъ изслѣдованіи настоящаго и прошлаго состоянія больного, и который заключаетъ въ себѣ не только планъ лѣченія, но и ознакомленіе больного съ причинами, поддерживающими его болѣзнь и коренившимися въ образѣ его жизни,—разъясненіе больному, что лѣченіе лишь облегчаетъ выходъ къ здоровью, а прочное установленіе и сохраненіе послѣдняго невозможно безъ избѣжанія названныхъ причинъ; словомъ, онъ считаетъ необходимымъ разъясненіе больному его индивидуальной гигиены. Понятно, какого труда стоить такое разслѣдованіе дѣла и основывающійся на немъ совѣтъ. Понятно поэтому, почему такъ велика врачевная слава профессора Захарьина. Ни одинъ изъ современныхъ русскихъ врачей не способствовалъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ, установленію между врачами и въ обществѣ правильной взгляда на то, какимъ долженъ быть *истинный, полезный врачебный совѣтъ*. Это его великая заслуга предъ врачами и обществомъ; она несомнѣнно останется, какъ прочный слѣдъ его дѣятельности, и въ будущемъ. Здѣсь же припомнимъ, что извѣстная университетская актова рѣчь профессора Захарьина: „Здоровье и воспитаніе въ городѣ и за городомъ“ произвела въ свое время большое впечатлѣніе въ обществѣ и въ литературѣ и не мало способствовала болѣе внимательному отношенію къ дѣлу здоровья и воспитанія.

Главнѣйшіе литературные труды проф. Захарьина отличаются всею чистотой клиннкескимъ характеромъ. Въ послѣднее время проф. Захарьинъ предпринялъ изданіе своихъ клиннкескихъ лекцій и выпустилъ уже два выпуска, успѣхъ которыхъ небывалый. Работа проф. Захарьина „О каломель“ произвела сильное впечатлѣніе за-границей. Одинъ французскій врачъ такъ выразился о лѣченіи гипертрофическаго цирроза каломелью: „французская медицина открыла новую болѣзнь, а проф. Захарьинъ нашелъ лучшее средство противъ нея“.

Многочисленная семья слушателей проф. Захарьина хранитъ признательную память объ его клиннкѣ. Многие изъ его бывшихъ ассистентовъ состоятъ клиннкескими преподавателями. Академія Наукъ избрала его своимъ почетнымъ членомъ. Государь Императоръ пожаловалъ проф. Захарьину орденъ Св. Владиміра 2-й степени и Бѣлаго Орла.

Прибавимъ, что проф. Захарьинъ, уже прежде жертвовавшій значительныя, въ общемъ, суммы Физико-Медицинскому Обществу и Московскому университету (на стипендіи и единовременныя пособія), представилъ, со времени своего назначенія заслуженнымъ профессоромъ, съ начала 1885 года, на все время своей службы при университетѣ, получаемое имъ изъ казны вознагражденіе за чтеніе лекцій, такъ же, какъ и студенческой гонораръ, въ распоряженіе правленія университета на восполненіе недостаточнымъ и прилежнымъ студентамъ.

Спускъ броненоснаго корабля „Наваринъ“.

(Рис. на стр. 985).

8 октября, въ день годовщины Наваринскаго сраженія (1827 г.), въ Петербургѣ былъ спущенъ броненосецъ „Наваринъ“, выстроенный на верфи Галернаго островка Обществомъ франко-русскихъ заводовъ, подъ руководствомъ завѣдывавшаго постройкой П. А. Титова и подъ наблюдениемъ корабельнаго инженера, младшаго судостроителя Максимова.

Стоимость корпуса вновь спущеннаго корабля „Наваринъ“, безъ брони и артиллеріи, опредѣлена, по контракту, въ суммѣ 2.900,000 руб., а стоимость машинъ—1.551,610 р. Къ постройкѣ было приступлено 1 іюля 1889 года, и до спуска корабля на воду употреблено въ постройку стали: собственно на корпусъ—до 192,000 пуд. и на штевни и рулевую раму—2,474 пуда.

По сравненію съ броненоснымъ кораблемъ „Императоръ Николай I“, который выстроенъ тѣмъ же Обществомъ франко-русскихъ заводовъ и совершаетъ въ нынѣшнемъ году свое первое плаваніе, новый корабль „Наваринъ“ отличается тѣмъ, что его вспомогательная артиллерія, состоящая изъ восьми 6-дюйм. дальнобойныхъ орудій, расположена въ казематѣ, защищенномъ 5-ти-дюймовой броней.

Историческое имя корабля напоминаетъ, какъ извѣстно, морскую побѣду соединенныхъ эскадръ русской, французской и англійской, подъ общимъ начальствомъ вице-адмирала сэръ-Эдварда Кодрингтона, надъ турецкимъ флотомъ. Русская эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала графа Югина Петровича Гейдена, состояла изъ кораблей: „Азовъ“, „Гангутъ“, „Изевкиль“ и „Александръ Невскій“; фрегатовъ: „Константинъ“, „Проворный“, „Елена“ и „Касторъ“. Французская эскадра состояла изъ трехъ кораблей, двухъ фрегативъ и двухъ мелкихъ судовъ; англійская—изъ трехъ кораблей, трехъ фрегативъ и пяти мелкихъ судовъ. Всею въ союзной эскадрѣ находилось 26 судовъ. Неприятельская турецко-египетская эскадра состояла, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, изъ 65 боевыхъ судовъ, а по другимъ—изъ 110 судовъ, въ числѣ которыхъ находилось три линейныхъ корабля и до двадцати большихъ фрегативъ.

Сраженіе окончилось полнымъ разгромомъ турецко-египетской эскадры. Потери союзниковъ ограничились сильнымъ поврежденіемъ такелажа и рангоута, а равно около 650 человекъ убитыми и ранеными. Въ томъ числѣ на русской эскадрѣ насчитывалось убитыхъ 59 и раненыхъ 135 человекъ.

Изъ числа участниковъ въ Наваринскомъ боѣ, судя по списку, помѣщенному въ № 9 *Морскаго Сборника* за 1877 г., въ настоящее время состоятъ на службѣ во флотѣ только два офицера, а именно: членъ комитета о раненыхъ адмиралъ графъ Югій Логиновичъ Гейденъ, служившій въ чинѣ лейтенанта на фрегатѣ „Константинъ“, и состоящій по морскому министерству адмиралъ Василій Степановичъ Завойко, бывшій на кораблѣ „Александръ Невскій“ въ чинѣ мичмана.

Н. А. Тарновскій. (Портр. на стр. 988).

Константинъ Августовичъ Тарновскій, 50-лѣтній юбилей литературно-театральной дѣятельности котораго праздновался въ Москвѣ 12 сентября, родился въ 1826 году, въ Ковенской губерніи. Образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ. Окончивъ въ 1846 году курсъ, онъ служилъ въ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, въ министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, а затѣмъ въ министерствѣ Двора, занявъ въ этомъ послѣднемъ сначала должность секретаря московской дирекціи Императорскихъ театровъ, а въ 1856 году—должность инспектора репертуара. Выбди въ отставку, Тарновскій всецѣло отдался дѣятельности драматурга, къ которой чувствовалъ влеченіе съ юныхъ лѣтъ: 15-ти лѣтъ отъ роду онъ уже перевелъ одноактную комедію „Le muet de St.-Malo“, названную имъ „Шѣмой пошеволь“, которая 12 сентября 1841 г. и была поставлена въ московскомъ Большомъ театрѣ, а во время студенчества—комедію „Испытаніе“, поставленную въ 1842 г. на сценѣ Малаго театра. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе полулѣтка Тарновскій написалъ болѣе сотни оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ (драмъ, комедій и водевилей), изъ которыхъ многія, какъ „Испанскій дворникъ“, „Воробушки“, „Кутерьма“,

„Дитя“ и проч. до сихъ поръ не сходятъ со сцены; а для театра Лентовскаго имъ написаны были феэри: „Призракъ“, „Напа-Санбъ“, „Лѣсной бродяга“ и пр. Тарновскій писалъ также статьи въ періодическихъ изданіяхъ, какъ русскихъ, такъ, во время пребыванія за границей, и во французскихъ; въ Парижѣ онъ пользовался нѣкоторою извѣстностью. Въ Москвѣ Тарновскій извѣстенъ своею полезнаю дѣятельностью

и въ другихъ сферахъ. Онъ принималъ большое участіе въ устройствѣ консерваторіи въ первопрестольной столицѣ и въ основаніи, вмѣстѣ съ Н. А. Рубинштейномъ, „Аргистическаго кружка“; его живому участію не мало обязана и первая студенческая касса при Московскомъ университетѣ, въ пользу которой, въ 1865 г., онъ устроилъ, на свой рискъ, три концерта давленія большой сборъ, послужившій ей первымъ основаніемъ.

Политическое обозрѣніе.

Всеобщій миръ въ настоящее время въ полномъ расцвѣтѣ. Онъ достаточно вооруженъ и продолжаетъ вооружаться. Къ такому заключенію можно придти изъ заявленій, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ за послѣдніе дни.

Въ Австро-Венгріи начались засѣданія делегаціи. При приемѣ венгерской делегаціи въ гофбургѣ, послѣ рѣчи президента ея, Зичи, императоръ Францъ-Иосифъ прочелъ слѣдующую тропную рѣчь: „За только-что высказанное вами увѣреніе въ вѣрности и преданности выражаю вамъ сердечную благодарность. Я могу съ удовольствіемъ заявить, что мы находимся со всѣми державами въ отношеніяхъ вполне дружественныхъ. Состою въ полномъ согласіи съ нашими союзниками, и вижу въ сохраненіи мира вѣрнѣйшій залогъ счастья и благополучія народовъ. Мое правительство не теряетъ этой дѣли изъ вида, да и отъ всѣхъ кабинетовъ приходитъ къ намъ увѣренія въ такихъ же мирныхъ стремленіяхъ. Правда, до сихъ поръ это не устранило еще опасностей въ политическомъ положеніи Европы и не остановило всеобщихъ вооруженій; но такъ какъ потребность въ мирѣ проявляется повсемѣстно и притомъ съ такимъ единодушіемъ, то надежды на достиженіе, въ концѣ концовъ, означенной дѣли терять нельзя. Я желаю бы, чтобы на мою долю выпало объявить моимъ народамъ радостную вѣсть, что выпѣшній заботы и нынѣшнее бремя вооруженнаго мира пришли къ концу. Законопроекты, которые, согласно конституціи, будутъ предоставлены на ваше обсужденіе, свидѣтельствуютъ, что мои правительства съ величайшею добросовѣстностью извѣстили финансовое положеніе монархіи и въ смѣтѣ будущаго года на постоянную армію и флотъ ограничились удовлетвореніемъ лишь неотложныхъ и настоятельно необходимыхъ нуждъ, причемъ пришлось отложить до другаго времени весьма важныя требованія военнаго вѣдомства. Въ Босніи и Герцеговинѣ обнаруживается постоянно возрастающее развитіе всѣхъ отраслей экономической жизни. Такимъ образомъ, собственныхъ доходовъ въ этихъ провинціяхъ будетъ и въ будущемъ году вполне достаточно для покрытія расходовъ на мѣстное управленіе. Въ полномъ убѣжденіи, что вы отнесетесь къ своей задачѣ съ безусловнымъ вниманіемъ и полною преданностью, желаю вашей дѣятельности надлежащаго успѣха и отъ всего сердца привѣтствую васъ“.

Австрійская делегація выбрала въ президенты члена палаты господъ кн. Шенбурга, который въ своей рѣчи высказалъ, что результатомъ общаго политическаго положенія является тотъ въ высшей степени важный фактъ, что миръ представляется обезпеченнымъ также и на ближайшее будущее. „Къ сожалѣнію, однако, прибавилъ Шенбургъ,—необходимыя вооруженія нанесли тяжелый ущербъ всѣмъ европейскимъ государствамъ въ ихъ мировомъ экономическомъ положеніи“. Въ Австро-Венгріи, какъ это видно изъ внесеннаго графомъ Кальноки общенперскаго бюджета на 1892 годъ, военный бюджетъ увеличенъ на 4.604,009 гульд., отнесенныхъ болѣею частью въ обыкновенную роспись и, слѣдовательно, состав-

ляющихъ увеличеніе постоянное. Увеличеніе военныхъ расходовъ мотивировано усиленіемъ расходовъ на расквартированіе войскъ и на продовольствіе натурою, улучшеніемъ солдатской пищи, укомплектованіемъ батарей до нормальнаго мирнаго состава, приобрѣтеніемъ резервныхъ запасовъ стали-бронзовыхъ осадныхъ орудій и усиленіемъ крѣпостей въ Галиціи. Расходы на содержаніе войскъ въ Босніи и Герцеговинѣ исчислены въ 4.345,000 гульденовъ. Въ бюджетѣ Босніи, который тоже внесенъ въ делегаціи, расходы показаны въ 10.686,426, а избытокъ въ 121,892 гульд.

Въ Англіи, на банкетѣ у лорда-мэра, маркизъ Солсбери произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, что миру не угрожаетъ ни малѣйшее облачко и что вообще народы постепенно переносятъ войну въ область торговли, причемъ Англія остается вѣрною принципамъ свободной торговли. Затѣмъ, коснувшись давнишняго большаго мѣста Англіи—Египта, маркизъ замѣтилъ, что „политика Англіи относительно Египта остается безусловно неизмѣнною, отступленіе отъ нея представится возможнымъ лишь по выполненіи возложенной на Англію задачи. Мы, говорилъ англійскій премьеръ,—желаемъ, чтобы по отношенію къ Турціи Египетъ сохранилъ установленное договорами и фирманами положеніе, но чтобы въ этомъ положеніи страна эта была настолько сильна, что могла бы бороться съ внутренними и виѣшними врагами. Мы надѣемся, что дѣль эта будетъ вскорѣ достигнута, если только другія державы будутъ оказывать намъ поддержку, а не дѣлать затрудненія. Пока Египетъ долженъ быть занимаемъ иностранною державою, и этою иностранною державою можетъ быть только Англія“.

Итальянскій премьеръ, маркизъ ди-Рудини, также произнесъ недавно рѣчь, въ которой коснулся виѣшней политики страны и между прочимъ заявилъ, что бюджетъ теперь объединенъ, сведенъ къ полному равновѣсію и даже даетъ нѣкоторый излишекъ; никакихъ новыхъ долговъ и займовъ вперед не будетъ. Далѣе министръ-президентъ высказался противъ всякаго измѣненія закона о гарантіяхъ и сказалъ, что памятники могутъ прѣзирать въ Италію съ полною безопасностью. Италія употребитъ свое вліяніе, чтобы еще болѣе упрочить миръ. Рудини ручается, что государи проникнуты величайшею умѣренностью и благоуміемъ. Сформированіе группы державъ, связанныхъ дружественнымъ союзомъ, не должно внушать никакихъ опасеній. Италія возобновила тройственный союзъ съ тою цѣлью, чтобы скрѣпить положеніе вещей, могущее содѣйствовать политикѣ итальянскаго сосредоточенія. Затѣмъ Рудини коснулся отношеній къ Германіи, Австро-Венгріи и Англіи, и потомъ сказалъ: „Наши хорошія отношенія къ Россіи вышли въ послѣднее время общественному мнѣнію какъ-бы чувство безопасности и сохраненія мира. По отношенію къ Франціи мы постоянно старались разсѣять въ ней подозрѣнія и недоувѣріе, которыя и должны прекратиться въ настоящее время; вмѣстѣ съ отданіемъ почестей Гарибальди, къ намъ принеслись изъ Франціи какъ-бы пожеланія установить сердечныя отношенія, что всегда будетъ дорого Итальянскому народу“.

С М Ъ С Ъ .

„Баккалумы!“ — таинственное слово, одинаково знакомое европейскому дипломату на Золотомъ Рогѣ и туземному жителю, который надѣется чего-нибудь достигнуть у турецкихъ сановниковъ или въ непроницаемыхъ дебряхъ турецкаго правосудія. „Баккалумы!“ — „посмотри!“ Что объ этомъ думаетъ самъ наученный горькимъ опытомъ турокъ, видно изъ слѣдующаго анекдота: Одинъ багдадскій купецъ прибылъ въ Константинополь, чтобы лично подать жалобу на неправый приговоръ провинціального суда. Великій визирь, къ которому онъ обратился, только что передъ этимъ имѣлъ небольшое объясненіе съ посланникомъ одной изъ великихъ державъ и, наскучивъ сухими матеріями, категорически отказалъ въ жалобѣ купца, даже не взглянувъ на бумагу. Едва министръ произнесъ этотъ краткій приговоръ, проситель бросился дѣловато край его одежды, въ теплыхъ выраженіяхъ призывая на его главу благословеніе Аллаха. Удивленный такимъ поведеніемъ, сановникъ спросилъ:

— Что съ тобою?! Черезъ мое рѣшеніе ты проигралъ свое дѣло, потерялъ время, деньги, и за это меня благословляешь?

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ купецъ, — сегодня я убѣдился въ томъ, что султанъ—да хранить его Аллахъ—избираетъ на столь высокіе посты лишь людей одаренныхъ величайшею проныцательностью. Вы въ двѣ минуты разсмотрѣли мое дѣло, рѣшили и отказали мнѣ. Хвала и благодареніе Аллаху! Другой

великій визирь со своимъ: „Баккалумы! баккалумы!“ задержалъ бы меня здѣсь дѣль мѣсяца и въ концѣ концовъ далъ бы тотъ же самый отвѣтъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я могу вернуться къ своей торговлѣ и своему семейству, не тратя напрасно еще болѣе денегъ и времени. Вотъ почему я призываю благословеніе на вашу главу!

Великій визирь разсмѣялся, одумался, разслѣдовалъ дѣло и отменилъ свое послѣднее рѣшеніе. (в.)

Изъ міра звѣздъ. Въ первую половину ночи, въ юго-восточной части неба, надъ ярко-блестящимъ Сиріусомъ, поднимается величественное созвѣздіе Ориона. Оно выдѣляется между всѣми безчисленными созвѣздіями обоимъ полусарій сильными блескомъ своихъ звѣздъ, ярко горящихъ на бездонномъ темномъ небѣ, и большою загадочною туманностью, лежащею немного южнѣ средней звѣзды пояса на мечѣ небснаго героя. Новѣйшія наблюденія посредствомъ спектроскопическаго телескопа показали, что большая часть звѣздъ этого созвѣздія, какъ то подтверждается и физическимъ устройствомъ ихъ, принадлежатъ къ одному типу или, яснѣе, къ одной и той же болѣею звѣздной семьѣ. Фотографія неба, блестящее дѣтище и могучее орудіе астрономіи, показала еще болѣе. Профессоръ В. Г. Пиккерингъ, снявъ съ горы Вилсона (Южная Калифорнія) при помощи фотографической линзы всю окрестность большаго туманнаго пятна, открылъ, что она превратилась въ

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 г.

Подробности см. въ предыдущихъ №№.

Подписная цѣна показана на 1-й стран. этого №.

громадныя спиральныя туманности. Прямая же туманность, какъ она представлялась глазу въ обыкновенный телескопъ, была только свѣтлымъ пятномъ въ этой удивительной системѣ. Протяжение въ пространствѣ этой медленно сплывающей и свѣтящейся изъ безконечной дали звѣздной матеріи такъ чудовищно велико, что не можетъ быть выражено никакимъ числомъ;

диаметръ его въ тысячи тысячъ разъ болѣе диаметра всей орбиты Нептуна, содержащей болѣе 1,200 милліоновъ миль. Въ этихъ отдаленныхъ сферахъ вселенной находятся дѣятельныя, непрерывно работающія лаборатории, откуда выходятъ готовые міровые колоссы, и настоящія фабрики солнцъ, таинственныя произведенія которыхъ мы, къ сожалѣнію, видимъ въ крайне ограниченномъ количествѣ. Если всѣ звѣзды, которыя соединяются съ этой великой туманностью, дѣйствительно принадлежатъ къ одной большой семьѣ, то, безъ сомнѣнія, центромъ этой семьи является звѣзда β Ориона или Ригель, находящаяся въ углу туманности. Звѣзда первой величины, она блеститъ великолѣпнымъ блѣлымъ свѣтомъ, будучи самою яркою во всемъ созвѣздіи. Она не что иное, какъ громадное блестящее солнце, которое настолько удалено отъ насъ, что до сихъ поръ всѣ старанія точнѣе опредѣлить ея паралаксъ или разстояніе отъ насъ остаются почти безплодными. Лучъ свѣта, обладающій ужасающею скоростью 300,000 километровъ въ секунду, по меньшей мѣрѣ въ 500 лѣтъ достигаетъ отъ звѣзды Ригель до земли. Изъ этого слѣдуетъ, что эта звѣзда отстоитъ отъ земли въ 30,000,000 разъ дальше, чѣмъ наше солнце. Яркость солнца, по приблизительнымъ измѣреніямъ, въ 40,000 милліоновъ разъ слабѣе яркости звѣзды Ригель. Сила свѣта звѣзды Ригель въ 20 милліоновъ разъ болѣе, чѣмъ у нашего солнца. Самое богатое воображеніе не можетъ дать себѣ ясное представленіе о подобномъ солнечномъ колоссѣ. Безусловно то, что если бы наше солнце замѣнилось звѣздой Ригель, то Меркурій, Венера и Земля скоро были бы расплавлены и уничтожены интенсивнымъ жаромъ этой звѣзды. Поэтому, если у этой звѣзды есть своя собственная планетная система, то, безъ сомнѣнія, между отдѣльными ея членами должны быть гигантскія

разстоянія. Очевидно, что при подобныхъ вычисленіяхъ приходится обращаться съ милліонами, какъ съ самыми обыкновенными, заурядными единицами мѣры. Напримѣръ, наше солнце отстоитъ отъ земли на 20,000,000 географическихъ миль, а звѣзда Ригель въ 30 милліоновъ разъ дальше, слѣдовательно, на 600,000,000,000 географическихъ миль. Если на листѣ бумаги нарисовать раз-

стояніе звѣзды Ригель отъ земли, положивъ, что разстояніе солнца отъ земли равняется 1 милліметру, то надо былся бы листъ въ 30 километровъ длиною, т. е. болѣе четырехъ географическихъ миль. (к.)

Въ новомъ помѣщеніи Брюссельскаго естественнаго-научнаго музея находится теперь семь игуаноидовъ, могучихъ кенгуруобразныхъ представителей ископаемыхъ пресмыкающихся динозавровъ, 11 лѣтъ тому назадъ найденныхъ подъ Монсомъ въ каменноугольныхъ коняхъ. Кости скелетовъ были осторожно положены въ гипсъ и въ такомъ видѣ отосланы въ Брюссель. Каждую кость затѣмъ опускали въ расплавленный желатинъ, чтобы придать крѣпость разрушающейся костной ткани. Послѣ этого ученые собрали кости въ скелеты, которые теперь и выставлены въ музей. Игуаноиды, длина которыхъ приблизительно равняется 9 метрамъ, а высота въ полуприподнятомъ положеніи—4, были самыми громадными изъ европейскихъ ящерницъ. (к.)

Населеніе земнаго шара. Въ послѣднемъ выпускѣ „Географостатистическихъ таблицъ“ за 1891 годъ, профессоръ Юрашекъ приводитъ слѣдующія статистическія данныя относительно населенія земли. Въ 1890 году населеніе земнаго шара считалось въ 1,515,800,000 человекъ, къ концу 1891 года оно возросло до 1,554,500,000 человекъ, что въ общемъ составляетъ по 11-12 человекъ на 1 квадрат. километръ. Изъ этой суммы на Европу приходится 358,2 милліоновъ (36,9 человекъ на 1 кв. километръ), на Азію 860,3 милліона (19,3 ч. на 1 кв. кил.), на Африку 206,1 милліона (6,9 ч. на 1 кв. кил.), на Америку 124,5 милліоновъ (3,3 ч. на 1 кв. кил.), на Полинезію 5,3 милліона (0,59 ч. на 1 кв. кил.) и на Полярныя страны 80,000 человекъ на 4,5 милліоновъ квадратныхъ километровъ. (к.)

Н. А. Тарновскій (по поводу 50-лѣтія литературно-театральной дѣятельности). Съ фог. грав. Шюблеръ.

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1892 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ за „НИВУ“ 1892 года допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Юня 1892 г. 3 р.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1892 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1892 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всеми приложеніями и преміями — НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

5% съ выигр. заемъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г.

4-й тиражъ 1-го ноября 1891 г.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

Table with 18 columns (№ сер., № лист., Сумма) and 20 rows of lottery results.

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го февраля 1892 года.

Тиражъ погашенія будетъ производиться съ 1-го мая 1896 года.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. многогородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Навъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. М. Каразина. Ч. III. (Продолженіе) — Местъ негръ. Рассказъ Мориса Лиле. — Изъ исторіи чувства состраданія. Лекція А. Г. Бриннера — Къ рисункамъ: Шуша и ея жители (съ 4 рис.). — Продавецъ счетовъ (съ рис.). — Болышня (съ рис.). — Теодорихъ Великій получаетъ Италию въ лентъ отъ императора Зенона (съ рис.). — Проф. Г. А. Захарынъ (съ портр.). — Спускъ броненоснаго корабля „Наваринъ“ (съ рис.). — К. А. Тарновскій (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — О подпискѣ на „Ниву“ 1892 г. — О подпискѣ на „Ниву“ 1892 г. съ разорочкою платежа. — Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Печатать А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ

Для гг. многогородныхъ составлены слѣдующія колленціи: въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

Каждая колленція (даже 5 руб.) такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ. Колленція въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодны для большихъ семействъ, школъ, приютовъ, базаровъ, собраній, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и проч.

Покорѣннѣе прошу дать заказъ на эти колленціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ и ихъ челья возобновить послѣ распродажи занеца, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новости, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.

Переслать наложеннымъ платежемъ. Иллюстр. прейсъ-куррантъ перес. безплатно. БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20. А.

ФАБРИКА ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ КАРЛА ГОЛЬ ВЪ КАНШТАДТѢ (Германія)

высчитаетъ безъ всякой доплаты за пересылку до границы золотыя вещи своего издѣлія изъ массивнаго 14 каратнаго золота съ искусственными брилліантами изълучающими великолѣпную игру. Иллюстрированный прейсъ-куррантъ высчитывается безплатно.

Заказы исполняются лишь по полученіи полной стоимости выписываемой вещи, причемъ самая стоимость можетъ быть прислана русскими кредитными билетами или почт. марк.

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

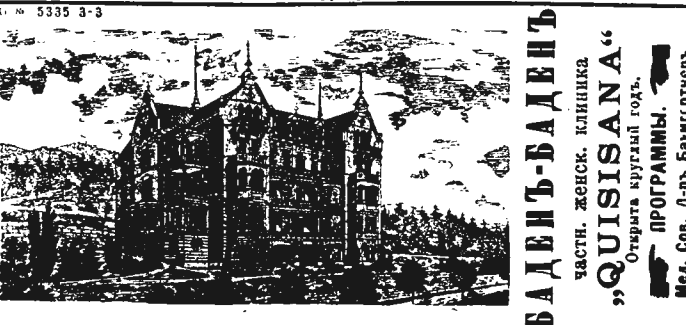
Въ составѣ ея войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемесячно выпускается 4—5 книжекъ.

До 15 октября вышли слѣдующія 50 біографій: Векота, Воккачю, Рих. Вагнера, Галлея, Гареля, Гете, Говарда, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гого, Даламбера, Даше, Дарвина, Дженнера, Кальвина, Марейля, Келлера, Колумба, Жоффуды, Кюве, Лавуазье, Лессинга, Линнгона, Линкольна, Ливней, Лойоли, Микель-Анджело, Мицкевича, Мольера, Томаса Мора, Моцарта, Рафаэля, Самы-Муни (Будды), Свифта, В. Скотта, Стэнли, Теккерея, Уатта, Шопенгауэра, Эдисона и Морзе, Блэнкинса, Гоголи, Демидовыхъ, Каразина (основателя харьков. университета), Кранскова, Крылова, Николая, Пневальскаго, Пушкина и Салтыкова.

Мирнымъ шрифтомъ обозначены біографіи, вышедшія за послѣдніе 2 мѣсяца. Печатаются: Гарриксъ, Волковъ, Гейне, Гутенбергъ, Дефо, Диккенсъ, Достоевскій, Кольцовъ, Лермонтовъ, Павликовъ, Паскаль, Прудонъ, Сперанскій, Франклинъ, Джоржъ Эллиотъ и др. Главнй складъ изданія въ книжн. магазинѣ П. Луковникова (Сиб. Лешуковъ пер., 2). Вышедшія книжки продаются по 25 коп. во всѣхъ книжныхъ магазинахъ безразлично.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяръ и Блянь есть наружное средство. Шестидесятилѣтняя известность заставляла появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяръ и Блянь разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись.

Настоящая „Кузмицкая трава“ Eriodra vulgaris (хвойный ягодный) сам. я — лучший сорт в г. Бузулук, Сам. губ. Публическая библиотека Н. П. Матвеева.

Д-р Волиций, возврат. из-за границы. лечит: наружная, кожная, грудная болезни и рак. Невский 71, кв. 5. Отъ 1-3 и 6-7 2 ч. в.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блонкь, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57.

ТОЛЬКО что отпечатаны и поступили въ продажу портреты Чарльза Дарвина, артистически исполненный способомъ гравировки на мѣди, который можно выписывать за 9 марокъ черезъ всѣ книжные и художественные магазины и отъ издателя Joh. Zapf, Nostiz-Strasse, 7, Berlin, S. W.

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА
въ БѢЛЪ

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ Главнаго склада у Василія Ауриха: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19

ЦАРЬ-ДѢВЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 8-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Семь разъ удостоены первыя награды.

СКРИНКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1/2—50 мар. Футиляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для учителя (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразати, Сора, Зингера и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейс-куранты безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Ц. № 5153 Крещатокъ. 2-1

НОВАЯ ИГРА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.

СЛОВАРЬ СМѢКАЛКА

Интересно и научно! Изящное издание. Напрягаетъ вниманіе, развиваетъ умъ и научаетъ правописанію.

Ц. 2 р. 75 к. 4 Игры 10 р. Предлагаю еще: Последнія только что усовершенствованныя

НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!

ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Прочно! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной свѣчицей, давая ярный свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Дѣлано плашкою изъ никкеля. Только 1/4 вер. вышины — удобно носить въ карманѣ.

Огниво съ 1000 зарядами 2 руб. Пер 1 ф. Запасъ въ 2000 зар. 1 р.: въ 10,000 зар. 4 р.

Переслать наложеннымъ платежемъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр., № 20. А.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.

„НОВОСТИ ДНЯ“

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Вступая въ десятый годъ издавія, газета наша и въ 1892 году будетъ выходить по программѣ прошлыхъ лѣтъ и попрежнему употребитъ всѣ усилія, чтобы дать читателю богатый матеріалъ по всѣмъ интересующимъ его областямъ; кромѣ того, ежедневно помѣщаются интересныя фельетоны, Ц. № 5460 5—1

Годовымъ подписчикамъ за 50 коп. выслается романъ А. М. Пазукина „Ополченца Россіи“, продающійся по 2 р. за экземпляръ.

Съ дост. на годъ . . . 9 р. — к. | Съ доставкой на 3 мѣс. . . . 3 р.
„ „ „ 6 м. . . . 5 „ 50 „ | „ „ „ 1 мѣс. . . . 1 „

Адресъ: Москва, контора газеты „НОВОСТИ ДНЯ“.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“

Измайловскій проспектъ, № 27.

ВЪСЛОВАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ

Разнообразныя косметическія свойства этого состава сдѣлали его важною потребностью для туалета.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ ВЮЛЕТЪ де ПАРМЪ.

КАРБОЛОВЫЙ ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ де ла НОБЛЕСЪ.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точности фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕНН. МАГАЗ. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, № 82, домъ Католической церкви. Рт. № 5330 2—2

2) Невскій проспектъ, № 66, у Анничкова моста.

3) Вознесенскій пр., уг. Казанской ул., д. Шредера, № 24—52. (Уптовая и розничная продажа).

Магазинъ въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.

Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ Дрогистовъ Россіи. № 5420 (2)

МАГАЗИНЪ И МАСТЕРСКАЯ БѢЛЪЯ

М. ГАРФЕЛЬДА.

СПБ., Больш. Морская, № 5, прог. гост. „Франція“, 2-й этажъ.

Принимаетъ заказы на мужское, дамское бѣлье и приданое по весьма сходнымъ цѣнамъ, а также и передѣлку.

РАЗНООБРАЗНЫЙ ВЫБОРЪ

полотняныхъ и батистовыхъ носовыхъ платковъ, чулковъ и носковъ.

ПОДОТНО, СТОЛОВОЕ И ПОСТЕЛЬНОЕ БѢЛЪЕ

по фабричнымъ цѣнамъ.

Заказы исполняются скоро и аккуратно. М. 5456

Иллюстрированные прейс-куранты безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ НА

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 50 к.

За границу Объявленія по 10 к. за строку.

на годъ 10 р.

Адресъ: С.-Петербургъ, 360 №№ въ годъ. Редакт. И. В. Сиворцовъ. Невскій пр., д. 20. 12 кн. роман., разск. и очерк. Издатель А. А. Греве.

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка — 1-й взносъ 2 или 1 р. — послѣдующіе по 1 р. № 5442 9—2

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

К. БАУХЪ

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ, № 17, въ бель-этажѣ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Годъ 2-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.** Годъ 2-й.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

12 книгъ въ годъ, ежемѣсячно не менѣе 400 страницъ большого формата. 4—2

„ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ 1892 г. въ томъ же объемѣ и по той же программѣ, какъ издается въ текущемъ году, а именно: 1) Романы, повсти и всякаго рода произведенія художественной литературы; 2) Историческія разсказы, біографіи, мемуары и всякаго рода очерки по исторіи культуры; 3) Путешествія, географическія и нравоописательныя очерки и 4) Смѣсь, анекдоты, извѣстія, объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ: съ доставкою и пересылкою: на годъ — 4 р., на 6 мѣсцевъ — 2 р. Гг. служакіе въ казен. и частн. учрежд. пользуются разсрочкою, за поручит. казначесть.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ — въ Конторѣ Редакціи „Вѣстникъ Иностранной Литературы“, Гостиный дворъ, Зеркальная линія, № 63, Магазинъ П. Ф. Пантелеева (противъ Пажескаго Корпуса), въ Москвѣ — въ Конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскій линія, а гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ Редакцію журналовъ, С.-Петербургъ, Берейская ул., д. № 16, собственный.

ПОДПИСКА НА 1891 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА ВСѢ ОРОКИ,

на годъ, на первое и второе полугодія. Въ Редакціи имѣется 1000 годовыхъ экз. 3 изд. Новымъ подписчикамъ высылаются немедленно.

ПРОТИВЪ ВОЙНЫ

ром. Берги фонъ-Суттнеръ, пер. съ нѣмецк., съ разрѣш. автора, подъ ред. и съ вступл. Ф. П. Булгакова. 426 стр. форм. „Вѣстн.“. Складъ изданія и розничная продажа въ Редакціи, Берейская, 16, и въ конторѣ, Гост. Дворъ, № 63, маг. Пантелеева. Цѣна бѣль перес. 1 р. 50 к., а для подписчиковъ на „Вѣстн. Иностр. Литер.“ 1 р.; за перес. слѣдуетъ прилагать 25 к. Съ наложеннымъ платежомъ не высылаются.

Редакторъ А. Н. Зингелгардъ. Издатель Г. Ф. Пантелеевъ.

ВНИМАНИЮ РОДИТЕЛЕЙ И ПЕДАГОГОВЪ.
Открыта подписка на 1892 г. (4-ый г. изд.) общенадогог. еженед. газ. „Школьное Обозрѣніе“. Составъ сотрудн. прежній. Иностран. корреспон. Подробн. проспекты высылаются по требов. безпл. Подп. цѣна Шк. Об. на 1 г. — 5 р., 1/2 г. — 3 р., 1/4 г. — 2 р., 1 м. — 60 к. Для учит., нач. шк. и духовныхъ лицъ на 1 г. — 4 р., 1/2 г. — 2 р., 1/4 г. — 1 р., 1 м. — 40 к. Въ пользу голодающихъ редакция „Шк. Об.“ жертвуетъ 20% со всей подписной суммы, поступившей до 1-го февр. 1892 г. Адр. конторы: Москва, Тверск. бульв., д. 6. Шеннигъ.

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач. 2 р.; 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прому требовать на каждой пачкѣ: подписи А. Энглундъ — красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Спб. Химической Лабораторіи, въ Русск. Общ. торгов. аптекъ товаров., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Феррейна, В. Безбардинъ, Р. Келлеръ и К. О. Геттингъ, и во всѣхъ известнѣхъ аптекахъ и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи, С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная № 38. Ц. № 5349

Только подлинно съ этой фабрич. маркой

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТЦЪ и К^о.
въ Бреславлѣ.
Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрешены.
*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфеты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 5384 (4)

Всемирно-извѣстное и знаменитое заведеніе.
— Основано въ 1864 году. —
■ 50 чистыхъ породъ. ■

Заведеніе для дрессировки собакъ АРТУРЪ ЗЕЙФАРТЪ
КЕСТРИЦЪ (ГЕРМАНИЯ)
признанное лучшими знатоками, доставляетъ всѣмѣ образцы современныхъ собакъ компанійныхъ, охотничьихъ, спортивныхъ и т. п. К. № 5375
Большая коллегія собакъ — сенъ-бернарскихъ, ньюфаундлендскихъ, мастифовъ, ирландскихъ договъ, бульдоговъ, болонокъ, крысолововъ, сторожевыхъ собакъ, пуделей, молсоу, и т. д.
Гарантія за высшее качество: Громадный выборъ.
Лучшіе отмычъ изъ всѣхъ странъ. Тысячи благодарственныхъ писемъ высшихъ авторитетовъ по кинологіи. Богато иллюстриров. ный альбомъ 50 пенниговъ или 85 сантимовъ. Каталогъ безплатно.
Вывозъ во всѣ части свѣта.

„НЕДѢЛЯ“

Въ вышедшихъ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

ИСКУССТВО ПИСАТЕЛЬСТВА. И. И. Янжула. — ВОСПОМНАНІЯ О С. Я. НАДСОНѢ (съ неопубликованными его стихотвореніями). — ГРАФИОНЪ АРЖАНТО. Ц. А. Кюи. — М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ. П. О. Морозова. — ГЕНРИКЪ ИВЕСЕНЪ. Критическій очеркъ. Вл. Поссе. — ИСТОРИЯ „КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ“. Критическій очеркъ. А. П.-ой. — ВЪ ПОХОДѢ (изъ записокъ бывшего начальника штаба 12-го корпуса). А. И. Носича. — БРАТЯ СЕРБЫ. По личнымъ наблюденіямъ Г. С. Зинькова. — ПО РУССКОМУ ВОСТОКУ. Путевые очерки. В. Л. Дядюва. — ВЪ СЕРДЦѢ ФИНЛЯНДИИ. Замѣтки туриста. Мисс. — МЕДВѢЖЬИ УГОЛЬ. Очерки Д. Мамина-Сибиряка. — КУМЫСНЫИ СКИТАНИИ. А. А. Тихонова. — СВЯТОГОРСКІЙ МОНАСТЫРЬ. Изъ замѣтокъ пѣшехода. Александра Орлова. — С. В. КОВАЛЕВСКАЯ. Биографическій очеркъ. — ТЯГОТА. Разсказъ Глѣба Успенскаго. — ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДОЧЬ. Повесть И. Н. Потапенко. — ПЕТЕРБУРГСКІЙ СЛУЧАЙ. Повесть И. М. Н. Волонскаго. — ПЕРЕПУТАНІЕ ГЕНЕРАЛОВЪ. Разсказъ Д. А. Виллинскаго. — ВЪКРЕСТЬ. ИЗЪ „ЕВРЕЙСКИХЪ СЛУЗУТОВЪ“. Ян. Михайловича. — ХУТОРСКІЕ ВЕЧЕРА. Разсказы. Н. М. Селезнева. — СУПРУГИ. Повесть И. Сѣверова. — КАПИТАНЪ АРМИИ СПАСЕНІЯ. Романъ Джона Лая. — ДЕНЬГИ. Романъ Э. Зола. — РОЗА ГАТРИ. Повесть Жанны Дельофа. — ИСПОВѢДЬ ИДЕАЛИСТА. Романъ Марселя Прево. — НЕВѢСТА ИЗЪ АВСТРАЛІИ. Повесть Э. Горюнга. — СТИХОТВОРЕНІЯ Я. П. Полонскаго, П. И. Вейнберга, К. М. Фофанова, В. П. Лебедева и др. — ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ. — ПУБЛИЦИСТИКА ТРЕХЪ ДЕСЯТИЛѢТІИ. В. И. Яковенко. — НѢМЕЦКІЕ КРИТИКИ „КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ“. А. А. Рейнгольда. — ТРИНАДЦАТЬ ТИМЪ СОЧИНЕНІЙ ГР. Л. И. ТОЛСТОГО. — НОВЫЯ ИЗДАВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА. — И. А. ГОНЧАРОВЪ. — С. Т. АКСАКОВЪ. — НОВАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЯ ИСТОРИЯ. — РУССКІЕ ПЕРЕВОДЫ ШЕКСПИРА. — ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ. — ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ. — ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНАГО МІРА.

Въ вышедшихъ номерахъ газеты „НЕДѢЛЯ“, кромѣ текущихъ статей и извѣстій, хроникъ, обзорной, библиографической статьи, писемъ изъ провинціи, замѣтокъ и проч., напечатаны еще слѣдующія статьи: БОЖАНЪ И СИЛЫ СОЦІАЛИЗМА. — ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ НАДЪ ЖИВОТНЫМИ. — ОГНЕННЫЙ БИЧЪ. — ДВА ФРАНЦУЗА. — ЗЛОБА ДНЯ. — ДЕНЕЖНОЕ ЦѢПАНІЕ. — ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭМИГРАНТА. — НОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ. — ЕВРЕЙСКОЕ ДВИЖЕНІЕ. — ХИМИЯ ЧАЮТКИ. — СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ. — ГАЗЕТНОЕ НАВОДНЕНІЕ. — ФОНОГРАФЪ, ТЕАТРОФОНЪ, КИНЕТОГРАФЪ. — ТАЙНЫ ПОГОДЫ. — КОЛОНИИ АЛКОГОЛИКОВЪ. — ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКІЯ ПИСЬМА и др.

Цѣна „КНИЖЕКЪ НЕДѢЛИ“ вмѣстѣ съ газетой „НЕДѢЛЯ“ девять рублей въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Подписка на 1892 годъ открыта.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 4.
Редакторъ-Издатель П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1892 г.

НА НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ ВИНОДѢЛІЯ“
ЗАДАЧА ЖУРНАЛА „Вѣстникъ Винодѣлія“ — распространить среди винодѣльческаго населенія Россіи спеціальныя зоологическія свѣдѣнія и содѣйствовать тѣмъ развитію виноградарства, поднятію винодѣлія и правильной постановкѣ виноторговли. Для достиженія намѣченной цѣли редакція заручилась сотрудничествомъ выдающихся иностранныхъ и русскихъ ученыхъ, виноградарей и винодѣловъ, какъ то: профессоровъ Ф. Вассилеръ, П. Вилла, У. Гайонъ, Р. Гете, Э. Махъ, А. Милларде, И. Несслеръ, О. Оттави, Э. Оттави, В. Пюллиа, Г. Фозисъ, Г. Б. Черлетти, И. Я. Акинфиевъ, В. Н. Андреевъ, И. П. Аркиповъ, А. И. Базаровъ, проф. А. Н. Бенетовъ, В. К. Винобергъ, проф. Х. Я. Гоби, А. С. Ермоловъ, проф. Д. П. Новоаловъ, проф. П. А. Костычевъ, В. Г. Котельниковъ, проф. Н. Э. Линдлеманъ, кн. В. И. Масальскій, проф. Д. И. Менделѣевъ, М. В. Неручевъ, В. В. Пашкевичъ, проф. А. В. Пель, Л. Н. Поповъ, проф. С. А. Прибытковъ, А. Е. Саломонъ, Г. В. Струве, проф. И. И. Тавилдаровъ, В. И. Филипповъ, Л. Н. Шимковъ и ин. др.
„Вѣстникъ Винодѣлія“ будетъ выходить ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры книжками въ размѣрѣ четырехъ печатныхъ листовъ, съ рисунками въ текстѣ.

Подписная цѣна журнала „Вѣстникъ Винодѣлія“:

	Безъ пересылки и доставки	Съ пересылкою и доставкой	Съ пересылкою за границу
На годъ	5 руб.	6 руб. — коп.	7 руб.
На полгода	3 „	3 „ 50 „	4 „

Подписка и объявленія принимаются: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ редакціи; въ Москвѣ — въ кн. маг. „Новаго Времени“ (Кузнецкій мостъ, д. Шорной); въ Одессѣ — въ кн. маг. „Новаго Времени“ (Дерибасовская ул., № 11) и Е. П. Распопова (Дерибасовская ул., д. Веде); въ Кишиневѣ — въ кн. маг. М. О. Шаха; въ Новочеркаскѣ — въ „Донскомъ книжномъ магазинѣ“ П. В. Анапеловой; въ Екаторинодартѣ — въ садовомъ заведеніи братьевъ Шикъ. № 5454

Иногородные адресуются: въ редакцію журнала „Вѣстникъ Винодѣлія“, С.-Петербургъ, Екатеринбургскій каналъ, № 71.
Редакторъ-Издатель Василій Тамровъ.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ТОЛЬКО 5 руб.

Настоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и пр., съ пробн. снимк. и руковоств. Пер. за 15 фунтовъ. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4. Невскій проспектъ, 4. Новый иллюстрир. каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 2 пятикопечн. марки.

ТОВАРИЩЕСТВА
„ГИГИЕНА“
ПУДРА
роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ
ОСВѢЖАЮЩІЙ ОДЕКОЛОНЪ
высшаго достоинства
СТИРОВАЯ ЖИДКОСТЬ
благоняная,
для освѣженія комнатъ.
ПРОДАЖА ВЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ.
С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9. Ц. № 5407 11 4
Москва, Никольскій д. г. Шереметевъ.

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОНЪ 30 к. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

КОНТОРА
ЕГОРА МАЙЕРЪ
въ Москвѣ
(учрежденная въ 1872 г.)
СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутр. классовъ съ выигрыш. займовъ.
Владѣльцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и вышедшихъ въ предшествовавшіе тиражи погашенія, покорнѣе просятъ предъявить неотлагательно (хотя расчетъ по общему производится конторою въ теченіе 10 лѣтъ) чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ эти билеты для обмена на другіе, новыя билеты въ тиражѣ. III. № 5397 3-2
Порученія изъ провинціи исполняются съ обратною почтою.
Всѣя справки о процентныхъ бумагахъ высылаются немедленно, если на отвѣтъ будутъ приложены четырнадцать коп. почт. марками.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. П. В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ — ГИГИЕНА РТА.
VERITABLE EAU de VOTOT
POUDRE DENTIFRICE de VOTOT
PATE DENTIFRICE de VOTOT
НАСТОЯЩАЯ ВОДА ВОТО.
ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ ВОТО
ИЗЯЩНЫЙ АРОМАТЪ, ВЫСОКОЕ ДВОИТВО. ТУАЛЕТНАЯ ВОДА ВОТО
ДЛЯ ТУАЛЕТА ДАМЪ И ДѢТЕЙ.
„LE SUBLIME“ — ВОДА ДЛЯ МЫТЬЯ ВОЛОСЪ. Ц. № 5451 11—1
ПРОДАНА ВЪ ПАРИЖѢ: 17, Rue de la Paix. Въ Россіи, во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.
Главный агентъ для Россіи: Ch. Fortier, Москва, Софійка, д. Захарына.
На всѣхъ этихъ произведеніяхъ требовать подписи

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
 Специалист хронометровъ.
 СПбуръ, Невскій пр., № 52
 прот. Им. Публ. Библиотеки.
 Оптовая и розничн. продажн.
 Подробный иллюстрирован-
 ный прейс-курантъ высылается по востре-
 бованію безплатно. Пересылка на счетъ ма-
 газина. Ручательство на 2 года. № 51-2 20-15

ШОКОЛАДЪ
 ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА
ЖОРЖЪ БОРМАНЪ
 удостоенный на многихъ международныхъ
 выставкахъ высшихъ наградъ.
 продается во всѣхъ городахъ имперіи.

РУКОВОДСТВО
ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМЪ И
СУДЕБНЫМЪ ДѢЛАМЪ
 для земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ съѣз-
 довъ, волостныхъ судовъ, сельскихъ и во-
 лостныхъ судовъ,
 (законъ 12-го іюля и 29-го декабря 1889 г.)
СО ВСѢМИ ИЗМѢНЕНІЯМИ,
ДОПОЛНЕНІЯМИ И РАЗЪЯС-
НЕНІЯМИ ЭТОГО ЗАКОНА,
ПОСЛѢДОВАВШИМИ ДО 1-ГО
СЕНТЯБРЯ 1891 г.
 Составлено А. К. Анастасевичемъ.
 2 тома (около 2.000 страницъ).
 Цѣна 7 р. 50 коп., пересылка за 7 фунт.
 Съ требованіемъ о высылкѣ книгъ слѣ-
 дуетъ обращаться:
 Въ г. Черныговъ, къ Ивану Фомичу Сах-
 новскому. № 5457

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ
„АРГУСЪ“
 БИНОКЛЬ
 БЕЗЪ ФИРМЫ
 „АРГУСЪ“
 ИМИТАЦІЯ.

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб
 пересылка за 3 ф.
 Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб
 пересылка за 4 ф.
 „Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. каче-
 ства и одинаково пригоденъ для военныхъ
 цѣлей, охоты, поля и театра, а потому вполне
 заслуживаетъ названія „универсальнаго
 бинокля“. № 5422 2-2
Е. КРАУСЪ и К°.
 Специальн. фабр. оптическ. инструментовъ.
 Парижъ, Rue de Bondy, № 32.
 ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ:
 С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
 Иллюстр. прейс-курантъ высыл. безплатно.

ДЕПО ЧАСОВЪ
 поставщ. Двора Его Импер.
 12-12 Величества № 4968
 Москва, Мясницкая, д. 13.
В. ФРЕЙМУТЪ.
 Собственной фабрики вол., сер. карм. часм.
 Прейс-куранты высылаются безплатно.

НАСТОЯЩІЕ
ВЕЛОСКОПЕДЫ (ВИФЪ)
 ПЕРВОЕ МІРОВО
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. БЛОКЪ
 С.-Петербургъ

ТОЛЬКО ЧТО ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ
СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ,
 исполненными fac-simile по картинамъ известнѣйшихъ русскихъ
 художниковъ, а именно:
 1) Профессора И. И. АЙВАЗОВСКАГО: „На Черномъ морѣ“. 2) Ака-
 демика С. В. АЛЕКСАНДРОВСКАГО: „Молодая шведка“. 3) Акаде-
 мика С. И. ВАСИЛЬОНОВА: „Раннее утро въ запорожцѣв“. 4) Ака-
 демика Е. Е. Волкова: „ПЕЙЗАЖЪ“. 5) Придворнаго художника
 М. ЗИЧИ: „ТАМАРА“. 6) Художника Н. Н. КАРАЗИНА: „Конный бу-
 харскій стрѣлокъ“. 7) Академика А. Д. НИВШЕНКО: „Охота на ля-
 цину“. 8) Профессора Ю. Ю. КЛЕВЕРА: „Вечеръ въ деревнѣ“. 9)
 Профессора Л. О. ПРЕМАЦЦИ: „На дворѣ Толедскаго дома“. 10)
 Профессора Н. Е. СВЕРЧКОВА: „На медвѣдѣ“.
 Картины заключены въ роскошную панку украшенную акварелью художника
 А. Земцова. Размѣръ картинъ 10 верск. вышинъ и 7 1/2 верск. ширины.
 Каждая картина въ альбомѣ печатана 15-20 красками, на лучшей бѣлой бри-
 стольской бумагѣ, и представляеть сама по себѣ отдѣльное художественное про-
 изведение, такъ что желающій видѣть ту или другую акварель у себя на стѣнѣ
 въ рамѣ—можетъ для этой цѣли вынуть изъ альбома сколько угодно листовъ.
 На особомъ листѣ помѣщенъ объяснительный текстъ къ картинамъ и краткая
 характеристика ихъ авторовъ.
 Цѣна 3 руб. съ пересылкою. Требованія просить адресовать въ
 СПБ—гъ. въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ПИАНО-МЕЛОДИКО.
 Салонный органъ со струнами, испол-
 ненный посредствомъ веревки ручкой ве-
 ловозможна пьеса. Избѣгъ притный, ме-
 лодичный тонъ и весьма удобенъ какъ
 для салонной музыки, такъ и для танцевъ.
 (11 верш.).
 Цѣна безъ нотъ 80 руб. Ноты по 70 к. за метръ (11 верш.).
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ
 С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьяна.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1892 годъ
 НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И
 ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ
РУССКАЯ ЖИЗНЬ
 Основная задача газеты—оставаться вѣрной своему названію, т. е.
 посвящать свои силы возможно полному изученію нуждъ родной земли.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	па	па	па	па
	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	годъ.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Безъ доставки	— 80	2 —	3 75	6 50
Съ доставкой на домъ въ С.-Петер-				
бургъ.	— 90	2 60	4 50	8 —
Съ перес. во всѣ города Россіи.	1 —	3 —	5 —	9 —

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе ОДНОГО
рубля ежемѣсячно впередъ.
 Новымъ подписчикамъ, которые внесутъ до полбры мѣсяца полную
 подписную сумму за годъ, „РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ въ полбры и декабрь
 текущаго года будетъ высылаеться безплатно. Полугоднымъ подпис-
 чикамъ газета будетъ высылаеться безплатно лишь въ декабрь мѣсяцѣ.
 Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ „РУССКОЙ ЖИЗНЬЮ“, газета
 высылаеться въ теченіе мѣсяца за шесть семикопѣчныхъ марокъ.
Требованія на газету адресуются:
 С.-Петербургъ, въ контору „Русской Жизни“, Невскій пр., 65.
 № 5438 Редакторъ-Издатель А. Пороховицковъ.

Ф. САНЪ-ГАЛЛИ,
 Невскій пр., № 8 и № 60
 магазинъ.
КУХОННЫЕ ОЧАГИ.
КАМИНЫ.
ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПЕЧИ.
 Липовка, № 60, заводъ.
ПАРОВЫЯ МАШИНЫ.
КОТЛЫ.
ПАРОВЫЕ НАСОСЫ.

БЕЗЪ ВРЕДА ВСЯКОЙ МОЖЕТЪ
ТЕПЕРЬ!
 самъ себя брить новобрѣтенною
 безопасною бритвою
„СТАРЪ“
 употребленіе коей особенно облегчаетъ
 бритье, а съ гигиенической точки зрѣнія
 составляетъ дѣйствительно важное по-
 брѣтеніе, ибо каждый можетъ ею бриться
 Бритва „Старъ“ выдѣлана изъ самой чи-
 стой пилфованной и магнетизированной
 новымъ патентованнымъ способомъ 6й-
 лой стали. При каждой бритвѣ приложено
 объясненіе способа употребленія. Этогъ
 „Старъ“ имѣетъ такое громадное распро-
 страненіе во всѣхъ свѣтѣ, что фабрикантъ и
 изобрѣтатель въ „Америкѣ“ не успе-
 ваетъ ихъ изготовлять. Цѣна съ перес. 5 р.
НОВАЯ МАШИНА для чистки лаковой и ва-
 тильки. Цѣна съ перес. 1 руб.
„ГРАНАТЪ“, машина для точенія каран-
 дашей. Цѣна съ перес. 1 руб.
 Прейс-курантъ съ новостями и практич.
 предметами высылаеться безплатно.
ИОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ,
 Складъ разнородныхъ товаровъ и новостей,
 С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЕНДЕРА“.
 Средство для уничтоженія мозолей и боро-
 давокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два
 флакона съ перес. 1 руб.
 Получать можно во всѣхъ парфюмерн.,
 аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный
 складъ у Г. Голлендера, Демидовъ пер., № 1.
 Въ С.-Петербургѣ. № 5377 (4)

ЭЛЕОПАТЪ
ПРОВО. КИНУНЕНЪ
 для волосъ. Элеопатъ Кинунена на-
 ходится для продажи во всѣхъ больш.
 Аптеч. и Космет. магазинахъ. Цѣна
 флакону, содержащему 120 грам-
 мовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки
 Пров. КИНУНЕНЪ.
 Просить непременно обращать вни-
 маніе на клеймо въ самомъ стеклѣ
 каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.
 Главный складъ: С.-Петербургъ, Де-
 мидовъ пер., д. № 1. № 5126

ЛЕВИНГЪ и ГЮЗЛНГЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
 ютъ черную краску, которуя посылается
 иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

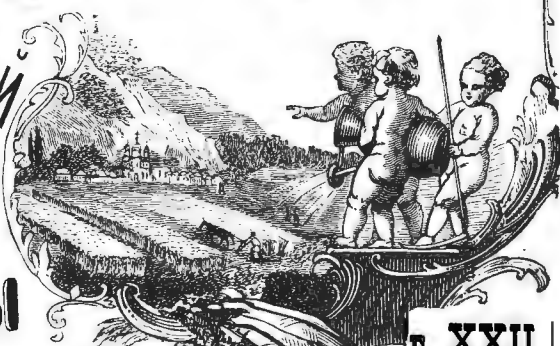
ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ „СЕСТУКЪ“
 НАХОДИТЬСЯ
 ВО ВЪСѢХЪ
 ГОРЬКАХЪ
 РУССІИ.
 ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ
 ПЕРВОКЛАССНУЮ
 ПИЩУ
 ИМѢЮЩУЮ
 ПЕРВЫЕ
 НАГРАДЫ

МИНУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ 3 раза
 быстрее пера. Чисто-
 та, четкость и красота.
 Введена во всѣхъ
 Министерствахъ и
 мног. правительствъ
 и частныхъ учрежд.
 Прейс-курантъ, содерж. многочиолныя
 отзывы отъ Правительства и другихъ учре-
 жденій, высылаеться безплатно. № 3748
 Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ
 Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.

№ 46

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXII

1891

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. МѢС СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн рис.)
Выданъ 16 ноября 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія.	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	---	------	---	------	---------------------	-------

Подписка на 1891 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями, Сборникомъ, Полн собраніемъ сочин. М. Ю. Лермонтова, альбомомъ „Нивы“ и пр.

Первая ссора. Съ карт. А. Корелли, грав. Веберъ.

Н а л ь.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Окончаніе).

Рыжебородый артиллеристъ откашлялся и подвинулъ къ себѣ документы дѣла.

— Господа штабъ- и оберъ-офицеры, началъ онъ вставъ и обведи глазами собраніе, — мы имѣемъ дѣло съ преступленіемъ величайшимъ изъ предусмотрѣнныхъ законодательствомъ вообще и военнымъ въ особенности. Мы имѣемъ дѣло съ измѣною, задуманною заблаговременно, тщательно подготовлявшеюся и ведущею не только къ гибели нашей, — то есть нашихъ, здѣсь находящихся, войскъ, — но и къ гибели всего нашего, русскаго дѣла въ этомъ краѣ...

Обвинитель остановился на секунду, далъ вдуматься въ сказанное и продолжалъ:

— Въ нашей средѣ явился офицеръ, молодой и очень симпатичный, но этотъ офицеръ сильно выдѣлялся изъ нашей скромной среды своими особенностями, скорѣе странностями. И вотъ эти-то странности оставлены были нами безъ вниманія. Онъ болѣе развлекали насъ, но оставались необъясненными. Онъ, какъ будто, не нашъ, какъ будто чуждый намъ человѣкъ. Онъ любитъ Азію, мечтаетъ объ Индіи... Онъ говоритъ на всѣхъ туземныхъ нарѣчіяхъ и безпрепятственно, замѣтите также *безконтрольно*, сносится съ туземцами. Вездѣ у него друзья, вездѣ связи... Вездѣ тамъ, гдѣ, собственно говоря, не слѣдовало-бы офицеру, особенно въ военное время... Съ этимъ человѣкомъ случаются все необъяснимыя приключенія, точно онъ окруженъ волшебнымъ ореоломъ, одаренъ какою-то сверхъестественною силою... Я прошу припомнить факты, а таковыхъ не мало, и они у всѣхъ хорошо сохранились въ памяти... Въ то время, когда наши офицеры, благодаря преданности Ибрагимъ-бая и его находчивости, почти чудомъ спасаются отъ вѣрнаго плѣна, — этотъ спасается уже положительно непонятнымъ чудомъ, то-есть непонятнымъ, если смотрѣть на дѣло глазами ослѣпленными любовью и довѣріемъ, какими мы тогда всѣ смотрѣли.

„Нелѣпыя сказки мы принимали за необъяснимыя, по истиннымъ явленія. Находились люди науки, пытавшіеся намъ объяснить эти чудеса, а мы, развѣсив уши, вѣрили... Припомните эти объясненія самого Наля... поручика Рубана-Опальнаго, хотѣлъ я сказать, — какъ все это было туманно и странно, и мы этимъ туманомъ ограничивались, удовлетворялись и вѣрили... Эти нервничанья, эти странныя болѣзни и обмороки... Этотъ, наконецъ, продолжительный, летаргическій сонъ тянувшійся какъ разъ столько, сколько нужно было по расчету... Я, впрочемъ, уклоняюсь немного отъ предмета...“

„Между тѣмъ мало-по-малу дѣйствительность начинаетъ проясняться... Все необыкновенное оказывается такимъ простымъ и вполне объяснимымъ... Представьте себѣ только то, что никому не приходило въ голову. Между нами, въ числѣ офицеровъ, находится опытный и ловкій шпіонъ и предатель.“

— О! послышались недовольные возгласы.

— Я прошу васъ это только представить. Я еще не привожу эти эпитеты по адресу обвиняемаго... Я только прошу васъ предположить. Хорошо-съ! Какъ этотъ шпіонъ и предатель будетъ поступать? Приходило-ли это кому-нибудь въ голову?.. нѣтъ?.. Хорошо-съ! Я постараюсь обрисовать такое положеніе... Во-первыхъ, таковой постарается снискать себѣ чѣмъ-бы то ни было любовь, уваженіе и довѣріе, — это первое. Снабженный широко матерьяльными средствами, онъ, конечно, скоро установитъ себѣ репутацію добраго, щедрого и безкорыстнаго малаго, такъ-съ!.. Поддерживая сношенія съ врагами, онъ для вида будетъ пожалуй и бить ихъ, бить эти ничтожныя единицы, жертвы искупленія, и

завладѣетъ репутаціей храбреца... Далѣе: храбрецу этому враги охотно простятъ нѣсколько хотя-бы десятокъ своихъ-же головъ-демонстрацій, но тщательно будутъ оберегать голову своего ловкаго сподручника, и вотъ вамъ причина его неуязвимости...

„Положеніе подобнаго субъекта, рискованное, требующее постоянного напряженія всѣхъ умственныхъ способностей, неизбѣжно подѣйствуетъ на его нервную систему — и тогда вамъ ясны будутъ многія — дѣйствительно нервные странности... и такъ далѣе... Вернемся теперь отъ общей картины предположеній къ фактамъ. Что говорить эти факты? извольте-съ:

„Первое, — эти записки. Изъ всѣхъ офицеровъ гарнизона только онъ одинъ знаетъ французскій языкъ. Подсудимый отрицаетъ этотъ фактъ. Рука, положимъ, не его, мы слышали съ другими его письмами, но вѣдь почеркъ записокъ очевидно дѣланый, и не на столько-же глупъ былъ писавшій, чтобы сохранить въ этихъ строкахъ типичныя черты своего почерка. Далѣе: показаніе несчастнаго Юнуса-джигита, этого героя преданности и усердія: „стрѣлявшій былъ въ бѣломъ кителѣ“; этого мало — пуля, вынутая изъ раны юнуса и имъ сохраненная... вотъ она! Это пуля револьвера системы Кольта, то есть нашихъ офицерскихъ револьверовъ... Значитъ, безспорно, стрѣлявшій былъ нашъ офицеръ... Посмотрите какъ адски ловко было устроено дѣло! Предатель Курбаши со своимъ сподвижникомъ, этимъ неизвѣстнымъ пока офицеромъ, держитъ положительные развѣзды вокругъ городскихъ стѣнъ, развѣзды въ которыхъ они, конечно, ничемъ не рискуютъ. Наши вѣрные джигиты ловятся и убиваются, истинные документы уничтожаются, и посылаются съ другими джигитами — ложные. Странно, что всѣ тѣ джигиты, привозившіе французскія письма, куда-то безслѣдно исчезали; непростительная небрежность нашего штаба...“

— Позвольте! перебилъ кто-то.

Предсѣдатель призвалъ перебившаго къ порядку.

— Да, я повторяю: непростительная небрежность, продолжалъ ораторъ.— Кто чаще всего изъ офицеровъ гарнизона позволялъ себѣ эти опасныя загородныя прогулки?.. Свидѣтели показываютъ будто Костецкій и Рубанъ-Опальный; значитъ, кто-нибудь изъ этихъ двухъ... Кто-же именно?.. Костецкаго видѣли разъ, видѣли два, по никто его не видалъ окруженнаго эскортомъ изъ непріятельскихъ кавалеристовъ, да еще за часъ до начала осады и вслѣдъ затѣмъ штурма. Съ Костецкимъ не случилось никакихъ чудесъ, и никакія незримыя силы не являлись охранять его отъ вражескихъ пуль и сабель... Костецкій храбро защищаетъ ворота... правда, онъ дѣлаетъ непростительную тактическую ошибку — вылазку при подобныхъ обстоятельствахъ; но эта ошибка, удайся-ко она, спасла-бы осажденнымъ важную передовую позицію и тотъ-же Костецкій былъ-бы прославленъ какъ герой. Вѣдняя теперь — горькимъ, безотраднымъ плѣномъ искупаетъ свою ошибку... Не будемъ-же позорить его ничѣмъ не оправдываемымъ подозрѣніемъ, подказаньямъ только тою антипатіею, которую, обыкновенно, вселяютъ къ себѣ, въ товарищескихъ кружкахъ, подобныя Костецкому натуры.

„Далѣе, у Костецкаго нѣтъ друзей и братьевъ въ непріятельскомъ лагерѣ, съ которыми онъ братался-бы мѣняясь оружіемъ. А это что?“

И ораторъ указалъ на лежація на столѣ сабли.

— А это что вы сейчасъ слышали сами, когда обвиняемый стоялъ между вами, въ маскѣ притворной невѣрности?..

„Письма найденныя въ ставкѣ муллы Алемгула

окончательно открывают глаза и разбирают послѣднія сомнѣнія. Имени нѣтъ... Да развѣ теперь это имя нужно?!.. Честолюбивый и пылкій характеромъ, онъ мечтаетъ о широкой власти... Требованія его не малы... Какъ ясно выражается сангвиническая натура Рубана въ этихъ письмахъ! Я понимаю его мечты... Я понимаю его соблазны... Стать во главѣ несмѣтныхъ войскъ нафанатизированныхъ успѣхомъ, развернуть надъ своею головою свѣтлое побѣдное знамя, смѣять, зная военное искусство, горсть бѣлыхъ рубахъ, и быть признаннымъ милліонами освободителемъ... О, эта карьера пошире карьеры скромнаго командира роты!..

„Вѣдь если-бы не Юнусъ и его безсмертный подвигъ, если-бы удался задуманный умно и ловко планъ, цитадель-бы пала. Ободренный успѣхомъ народъ—поголовно струшировался-бы подъ знаменами муллы Алемгула—и тогда-бы обвиняемый, не въ видѣ простоватаго блаженнаго, а нѣсколько-бы иначе, очнулся отъ своего сна и скоро, очень скоро, мы бы видѣли его въ новомъ положеніи, окруженнаго многочисленнымъ штабомъ роскошныхъ халатовъ, опытною рукою на насъ-же направляющаго вдохновенныя массы... Но великъ Богъ земли Русской и во-время слетѣла предательская маска!.. Да не обманетъ-же насъ вновь новая маска кротости, простоты, любви и невѣжливости!

„Правда восторжествуетъ, законъ найдетъ свою жертву.

„Я кончилъ.

Наступило кратковременное молчаніе, убѣдительная рѣчь обвинителя произвела впечатлѣніе сильное, почти подавляющее, и общая увѣренность въ виновности подсудимаго росла съ непреодолимою силою.

— Теперь ваша очередь! обратился председатель къ другому офицеру, съ академическомъ значкомъ на кителѣ.

Тотъ поднялся, откашлялся и, кивнувъ головою, улыбнулся своему противнику, какъ будто извиняясь въ томъ, что ему приходится оспаривать и даже опровергать такіе неопровержимые доводы.

— Господа штабъ и оберъ-офицеры, началъ онъ,—вещественныя улики въ тяжеломъ преступленіи нашего бывшаго товарища и нѣкоторыя противъ него личныя показанія (все это вамъ уже хорошо извѣстно), конечно, очень сильны и почти достаточны для единогласнаго обвиненія... Но я говорю *почти*, и это *почти* тоже имѣетъ нѣкоторое основаніе... Уважаемый всѣми, председатель суда, одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ и любимѣйшихъ товарищей, сказалъ, что не слѣдуетъ упускать ничего, что бы могло повести если не къ полному оправданію, то, по крайней мѣрѣ, къ смягченію участи подсудимаго. Съ этого малаго я и начну... Еще великій Шекспиръ, устами одного изъ своихъ героевъ, Гамлета, сказалъ: „На свѣтѣ, другъ мой Горацио, есть еще много чего не сплосъ нашимъ мудрецамъ“, а это вѣрно! Состояніе духа поручика Рубана-Опальнаго, его пѣкоторыя странности, даже вполне невѣроятныя событія, съ нимъ случившіяся—нельзя уже такъ, навѣрняка, объяснять невыгодно для подсудимаго, какъ объяснялъ сейчасъ мой уважаемый предшественникъ. Въ самыхъ этихъ явленіяхъ мы видимъ уже нѣчто, далеко не такъ легко объяснимое, какъ кажется капитану... Напримѣръ: вспомнимъ суевѣрный ужасъ одного изъ плѣнныхъ послѣ Акбулакскаго дѣла при видѣ Сергѣя Николаевича и рассказъ этого плѣннаго про какого-то старика. Вы это все помните?.. Далѣе: я допускаю возможность, что въ бою можно падить или не подвергаться опасности своего шпіона, хотя бы находящагося въ рядахъ противника, но трудно объяснить удивительную дисциплину тѣхъ, кого этотъ, якобы шпіонъ, убиваетъ самъ,—трудно допустить, чтобы такая дисциплина обезоруживала-бы сопротивление, а

разъ сопротивление есть, то съ нею неразлучна и опасность жизни для нападающаго. Вы объясняете побѣдки подсудимаго за городъ наблюденіемъ за возвращающимися джигитами, интригою адскою, безчестною... Между тѣмъ мы знаемъ, есть даже показанія—и не одно въ дѣлѣ, что поручикъ Рубанъ-Опальный былъ заинтересованъ одною туземкой, что молодая кипучая кровь, сила, наконецъ, взаимной любви, заставляла его рисковать своею головою... это легкомысленно въ военное время со стороны офицера, но не безчестно... Подсудимый, рискуя головою, можетъ быть и не думалъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ рискуетъ и честию. Къ величайшему сожалѣнію, все розыски этой туземки оказались безуспѣшны. А очень можетъ быть, что ея показанія пролились-бы на дѣло совсѣмъ иной свѣтъ, чѣмъ тотъ, который въ настоящее время насъ ослѣпляетъ...

„Затѣмъ обвинитель намекалъ ясно на притворный характеръ продолжительнаго сна или обморока, во все время осады. Весьма жаль, что нашъ докторъ, ближайшій наблюдатель даннаго явленія, самъ, пораженный тифомъ, находится въ полномъ безпамятствѣ; но у насъ есть показаніе нашего храбраго и честнаго коменданта цитадели. Въ этомъ показаніи есть много въ пользу несчастнаго Рубана, и показаніе это, проникнутое духомъ увѣренности въ правотѣ Наля, приглашаетъ насъ, умоляетъ скорѣе, не торопиться роковымъ приговоромъ. Таковое же показаніе отца Никанора, раздѣляющаго вполне увѣренность Шолобова, тоже нельзя не принять болѣе чѣмъ къ свѣдѣнію. Положимъ, что въ обоихъ этихъ показаніяхъ нѣтъ фактовъ, нѣтъ, такъ-сказать, матеріала, нѣтъ реальныхъ мотивовъ, но инстинктъ, предчувствіе въ подобныхъ натурахъ, каковы оба давніе показанія, тоже чего-нибудь да стоитъ!.. Ближайшіе къ подсудимому люди: одинъ испитанный другъ, другой духовникъ,—и ни у того, ни у другого—не зародилось никакого подозрѣнія... Почему же это? Или они въ силу дружбы и христіанскаго милосердія—не искренни въ своихъ показаніяхъ; или же—что же, наконецъ,—или они сами участники въ преступленіи и покрыватели.

— Ну-ну, эка хватилъ!.. какъ можно!.. Это чортъ знаетъ что такое! послышался ропотъ въ рядахъ присутствующихъ.

— Что, видите!.. Уже эти возгласы показываютъ ясно, насколько нелѣпо, насколько неправдоподобно было бы подобное предположеніе... Я продолжаю:

„Выбирая изъ двухъ, я не имѣю ни желанія, ни права не только обвинять Костецкаго, но даже способствовать къ усилению относительно него подозрѣнія. Но только одно могу замѣтить моему предшественнику, а именно: не всегда плѣнъ бываетъ тяжелъ и безотраденъ, и не для всякаго... Больше я ничего не скажу по этому поводу.

— Вотъ это вѣрно! подхватилъ громко Бабаджановъ.

— Я, кажется, васъ тоже попрошу удалиться, строго замѣтилъ председатель.

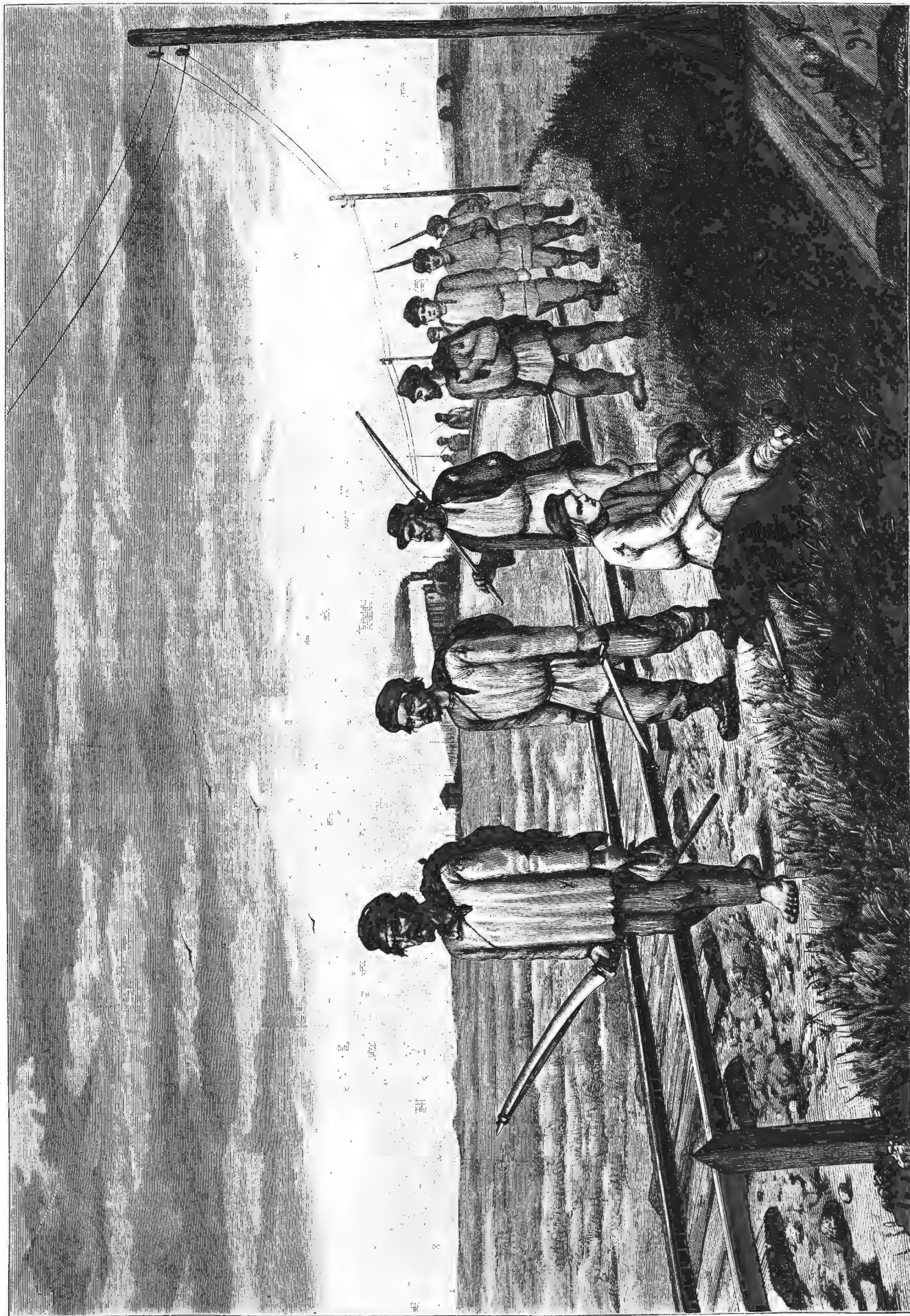
И киргизъ присмирѣлъ.

— Я убѣжденъ, наконецъ, что и среди васъ самихъ, среди многихъ офицеровъ и даже нижнихъ чиновъ, найдется много убѣжденныхъ въ полной невинности подсудимаго... зацѣпиться не за что... улики громадны и адски ясны, а убѣжденіе въ невинности все-таки не поколеблено,—что же это значитъ?

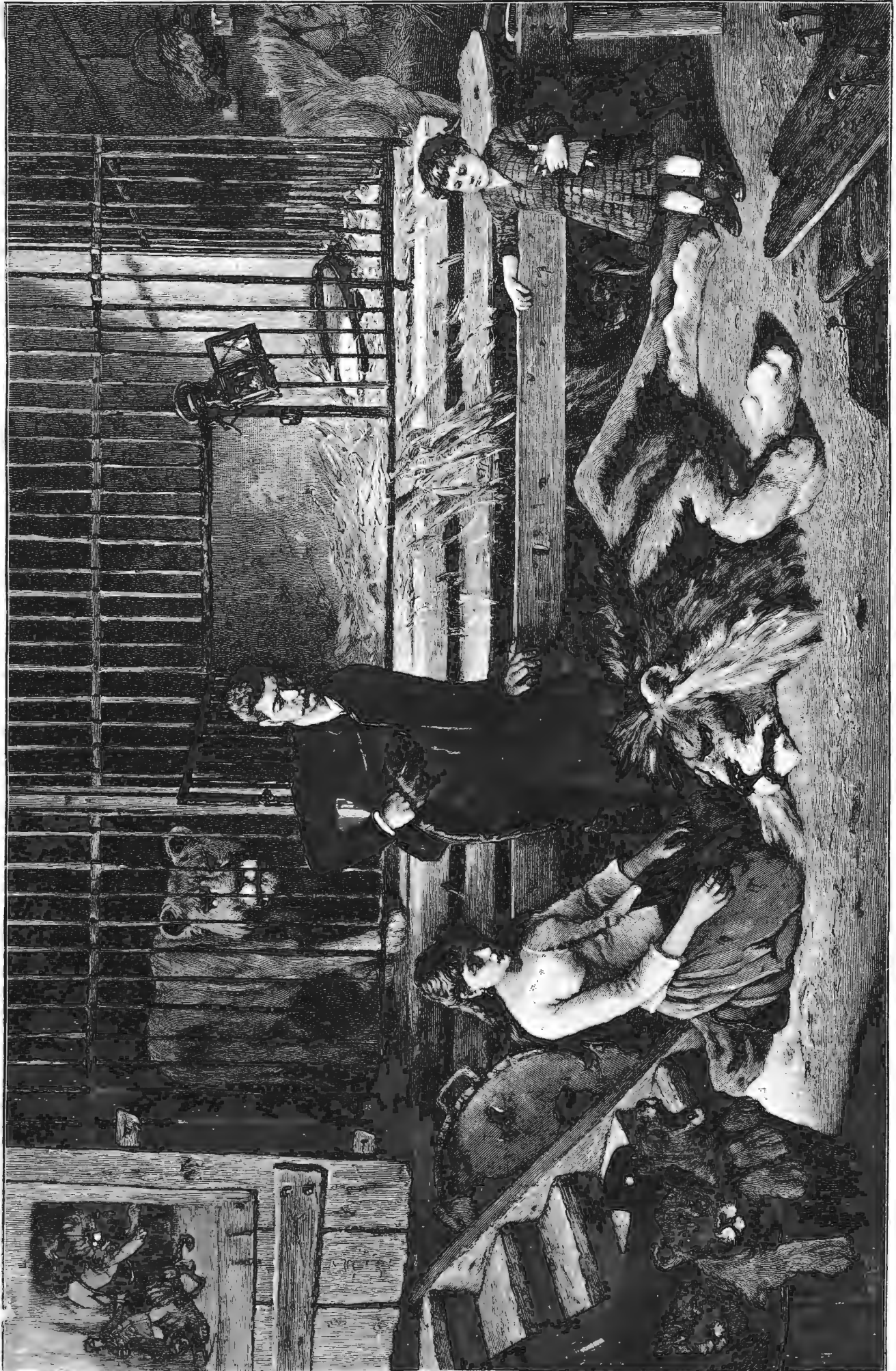
„Это значитъ то, что свершается какой-то невѣдомый намъ, непонятный процессъ воли Божьей; что-то роковое нависло надъ нашими головами,—и не торопитесь своимъ послѣднимъ приговоромъ предупредить эту Святую Волю.

Защитникъ кончилъ, поклонился и сѣлъ на свое мѣсто. Впечатлѣніе его рѣчи вышло слабое.

— Я могу говорить? поднялся неожиданно обвинявшій.

Возвращеніє съ неудавшагося заработка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, грав. Хеллицкій.

Смерть Цезаря. Съ карт. Г. Вергеймера, грав. Пене.

Предсѣдатель посмотрѣлъ на всѣхъ съ недоумѣніемъ. Его взглядъ будто спрашивалъ: „Я право не знаю... можно или нѣтъ, какъ это тамъ полагается?“

— Что же, господа, какъ вы думаете? спросилъ онъ наконецъ, громко.

— Да пушай говорить, пожалъ влечами старый казачій офицеръ.

А Бабаджановъ написалъ нѣсколько словъ на оторванномъ клочкѣ бумаги и передалъ обвинителю. Въ запискѣ его значилось слѣдующее:

„Ну, что тебѣ такъ хочется, чтобы Серезу разстрѣляли?.. Какой ты, право!“

Тотъ прочелъ и передалъ эту наивную записку предсѣдателю. Тотъ, въ свою очередь, прочелъ, грустно улыбулся и строго посмотрѣлъ въ сторону автора.

Обвинитель между тѣмъ уже началъ:

— Если уже въ такомъ дѣлѣ, требующемъ точности, говорить о какомъ-то внутреннемъ, ни на чемъ не основанномъ убѣжденіи, о голосѣ сердца, такъ-сказать, и христіанскаго братолюбія, то нельзя оставить безъ вниманія и голосъ народа, а этотъ народъ теперь наши солдаты. Въ глазахъ этихъ солдатъ заподозрѣнъ офицеръ. Въ глазахъ этихъ солдатъ — улики, такія очевидныя, такія положительныя — имѣютъ значеніе громадное. Помните вы, какъ всего годъ тому назадъ, двое рядовыхъ изъ казанскихъ татаръ, смущенные муллою, бѣжали и передались неприятелю. Они попались въ плѣнъ къ намъ, невольны вернулись въ ряды, ранеными подняты были на мѣстѣ боя — и оба судимы были за измѣну присягѣ и знамени, оба разстрѣляны. Что же теперь скажутъ солдаты, если офицеръ, уличенный въ преступленіи несравненно тяжчайшемъ, избѣжитъ такой участи? Какъ отзовется это на дисциплинѣ, на вѣрѣ въ непреложность и силу закона?.. Подумали вы объ этомъ?.. Да если бы приговоръ вполнѣдствіи оказался роковою ошибкою, это сравнительно не бѣда. Погибла бы невинно одна голова... честь памяти погибшаго была бы восстановлена. Но не погибла бы дисциплина, а дисциплина — это уже не честь одного человѣка: это честь войска, слава его знаменъ, честь которую мы призваны оберегать всѣми силами души и тѣла, и ради которой мы не можемъ останавливаться ни передъ какими жертвами. Къ охранѣ этой чести я и призываю васъ, господа, въ эту страшную минуту!

Кончилъ обвинитель и сѣлъ.

— Доконалъ! проговорилъ кто-то вполголоса.

Предсѣдатель подовзалъ кивкомъ головы отряднаго адъютанта.

— Какъ же, право, теперь... голосовать что-ли?

— Я думаю, а впрочемъ...

И адъютантъ торопливо началъ перелистывать сводикъ военныхъ законовъ.

— Конечно, оно покойнѣе, да и вѣрнѣй, если голосовать, бормоталъ онъ, перебирая страницы. — Тутъ не ясно сказано... вотъ, вотъ... нѣтъ, это не то...

Послышался мѣрный звукъ шпоръ. Часовые стукнули прикладами ружей. Появился самъ генералъ. Всѣ встали.

Сѣдой воинъ, съ осунувшимся отъ бессонницы и тяжелыхъ заботъ лицомъ, вошелъ въ комнату и обвелъ глазами присутствующихъ.

— Измучили вы меня совсѣмъ! глухо проговорилъ генералъ и тяжело опустился на скамью. — Уже скоро разсвѣтъ... А кажется, мнѣ здѣсь быть не слѣдуетъ? Я, пожалуй, уйду... Только, какъ вы все это длинно, какъ длинно...

Но генералъ не ушелъ и озабоченно смотрѣлъ на предсѣдателя.

— Допрашивали... прочли? произнесъ онъ вполголоса.

Ему подали обвиненіе подписанное Налемъ, сыномъ Благодатнаго.

Изумленно посмотрѣлъ генералъ на подпись и вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, произнесъ перекрестясь:

— Слава Богу!

И словно поясняя это восклицаніе добавилъ:

— Такъ ему легче будетъ... Я такъ и думалъ... такъ и думалъ... О, Господи!..

Между тѣмъ, началось голосованіе. Листъ, содержащій обвиненіе — медленно пошелъ по рукамъ. Каждый писалъ свое роковое *да* или *нѣтъ*, стараясь не глядѣть, что писали другіе.

Если, рѣшившись на самоубійство, человѣкъ ляжетъ на рельсы и будетъ смотрѣть, какъ движется къ нему тяжелая масса локомотива, что онъ будетъ чувствовать?

Легче, мнѣ кажется, было бы тому, чѣмъ всѣмъ здѣсь присутствующимъ, когда медленно, словно не легкой листъ бумаги, а какая-то страшная тяжесть, ползъ вокругъ стола этотъ сѣрый бумажный четырехугольникъ, цѣпляясь за дрожащія руки, задерживаясь на секунду и снова продолжающій свое роковое движеніе.

Началось это движеніе отъ предсѣдателя влѣво, кончилось съ правой стороны.

Всѣ зачали дыханіе.

Въ двадцати семи *да*, было одно только *нѣтъ*, написанное крупнымъ почеркомъ, да еще черезъ *э* оборотное.

Одинъ только Бабаджановъ остался вѣренъ своему внутреннему убѣжденію.

— Приведите осужденнаго! послышался совсѣмъ незнакомый голосъ.

Всѣ невольно вздрогнули.

А все-таки этотъ показавшійся всѣмъ незнакомымъ голосъ, былъ голосъ предсѣдателя.

— Воды... дайте воды!.. Что такое? засуетились въ глубинѣ.

Это сдѣлалось дурно обвинителю.

Прошло минутъ пять, но какихъ минутъ!

Привели Сергѣя Николаевича.

Тотъ, съ прежнею улыбкою полного душевнаго спокойствія, выслушалъ приговоръ.

— Такъ повелѣно свыше, проговорилъ онъ своимъ гармоничнымъ голосомъ.

— Вамъ пришлютъ духовника, заявилъ ему предсѣдатель.

Налъ казалось не разслышалъ что ему говорятъ, и продолжалъ стоять у стола, медленно обводя взоромъ всѣхъ присутствующихъ.

Эти лица, когда-то дружескія, близкія, казались ему теперь совсѣмъ чужими. Если въ его взглядѣ и было что-нибудь, кромѣ величаваго спокойствія, такъ развѣ только — легкое удивленіе.

— Уведите же его! крикнулъ кто-то.

И это было исполнено немедленно.

Когда осужденнаго подвели къ дверямъ его сагли, онъ вдругъ словно опомнился, даже вскрикнулъ, рванулся и опрокинулъ ближайшаго часоваго. Завязалась безобразная, вовсе никѣмъ не ожидаемая, борьба.

— Неправда, ложь... это подло!.. стоналъ и хрипѣлъ Сергѣй Николаевичъ, изнемогая въ непосильной борьбѣ съ караульными.

Его не слушали, втолкнули и захлопнули дверь.

Это была реакція, но реакція минутная: что-то вспомнилось, что-то созналось въ эту минуту и забилося разомъ.

— Затихъ! приложилъ караульный офицеръ ухо къ дверямъ.

— Какъ бы не убилъ себя чѣмъ, ваше благородіе! осторожно замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Хорошо бы сдѣлалъ!

А до разсвѣта оставалось не болѣе часу. Надо было еще сдѣлать должныя распоряженія. Адъютантъ торопливо дописывалъ приказъ и нарядъ.

Жребій кому командовать разстрѣливающимъ взводомъ выпалъ на долю Бабаджанова.

V.

К а з н ь .

Въ полуверстѣ за городомъ, за южными воротами разстилась ровная площадь, служившая еще изстари, прежними ханами назначеннымъ, мѣстомъ публичныхъ казней.

Ни одно дерево, ни одинъ кустъ не отъняли это проклятое мѣсто, только остатки старой висѣлицы угрюмо чернѣли посрединѣ, да множество бугорковъ указывали мѣста погребенія жертвъ человѣческаго правосудія.

Здѣсь еще до разсвѣта собрались нѣсколько туземцевъ-рабочихъ съ китменями, подъ конвоемъ казацкаго взвода.

Около уцѣлѣвшаго столба висѣлицы была вырыта яма и около ямы поставленъ неуклюжій деревянный ящикъ—гробъ, прикрытый пока, до времени, циновками.

Въ цитадели никто не сомкнулъ глазъ во весь остатокъ ночи. Шолобовъ, которому стало значительно хуже, потребовалъ къ себѣ Столбушина, и взявъ со столика святой со своей шеи старинный образокъ-складень, сказалъ:

— Передай ему... не въ руки, а потомъ... понимаешь, послѣ... положи ему на грудь... тогда... смотри же...

Сопутствовать приговореннаго на мѣсто казни назначенъ отецъ Василій. Старику Никанору это было бы не по силамъ.

— А заупокойную обѣдню я отслужу здѣсь, во храмѣ, заявилъ онъ.

— Не полагается по уставу въ такихъ случаяхъ, замѣтилъ было отецъ Василій.

— А это не твоего разума дѣла! внушительно проговорилъ отецъ Никаноръ.—Грѣхъ за сіе на себя принимаю охотно.

Большинство офицеровъ велѣли осѣдлать лошадей, чтобы слѣдовать на мѣсто казни, но это не было простое любопытство.

Въ приказѣ, прочитанномъ по войскамъ, сейчасъ же послѣ утренней зари, казнь назначена была въ половинѣ восьмого, а теперь только шесть. Эти полтора часа показались вѣчностью.

Солнце взошло. Всѣ на ногахъ, бродятъ, собираются, расходятся, какъ будто и дѣло дѣлаютъ. Вонъ, лошадей повели къ водопою. Вонъ орудія моютъ. Вонъ кашевары окружили вола, понурившего рогатую голову, уставившаго на палачей свои мутные, круглые глаза. Вонъ и у маркитанта въ шатрѣ народъ виденъ, а тихо какъ-то вокругъ, не слышно голосовъ, словно нѣмые всѣ стали, знаками изъясняются.

Тяжелое, невыносимо-унылое утро!

Ровно въ семь въ обгорѣлой рамѣ крѣпостныхъ воротъ показались всадники,—это былъ казацкій передовой конвой, шагомъ спускавшійся къ базарной улицѣ. Дробный стукъ копытъ по каменнымъ плитамъ гулко отдавался подъ сводами, замирая за первымъ поворотомъ; за казаками заблестѣли штыки пѣхотинцевъ. Это былъ взводъ Бабаджанова, раздѣленный на двѣ половины. Между этими половинами, окруженный четырьмя часовыми, шелъ Налъ.

Приговоренный не обнаруживалъ никакого волненія. Онъ шелъ покойно, глядя впередъ, словно рассматривая эти холщевыя бѣлыя спины, съ перекинутыми черезъ плечи скрученными шинелями.

За взводомъ шла крытая арба, вся занавѣшенная циновками—эта была приготовлена для Сергѣя Николаевича, если бы тотъ не могъ идти.

Но ему сказали: „идите!“ и онъ пошелъ безпрекословно.

Бабаджановъ шелъ на флангѣ взвода, особенно почему-то наблюдая за равненіемъ. Онъ даже концомъ

сабли осаживалъ выдвигающихся слишкомъ впередъ и шлопогоса подговаривалъ съ каждымъ шагомъ:

— Ногу... ногу!..

Члены суда, всѣ верхомъ, рысью обогнали печальный кортежъ и, не здороваясь съ людьми, вѣхали въ четырёхугольникъ войскъ, вышедшихъ заранѣе и построившихъ каре вокругъ мѣста казни. Только одинъ фашъ этого каре былъ разомкнутъ, какъ разъ за позорнымъ столбомъ. Тамъ, далѣе, уходя въ утренній туманъ, чуть маячила казацкая цѣпь, наблюдавшая за тѣмъ, чтобы кто-нибудь изъ любопытныхъ не попалъ случайно въ обстрѣливаемую полосу.

Отецъ Василій съ крестомъ шелъ рядомъ съ осужденнымъ, но если бы кто-нибудь наблюдалъ за выраженіемъ только его лица, то навѣрное принялъ бы его самого за этого осужденнаго.

Пришли.

— Не надо! сказалъ Бабаджанъ, когда два унтеръ-офицера, поставивъ Налъ у столба, стали разматывать веревки.

— Не надо привязывать! повторилъ онъ громко, замѣтивъ недоумѣніе на лицахъ унтеръ-офицеровъ.

Тѣ отошли и вытянулись въ струнку.

Вдругъ кто-то крикнулъ:

— Доктора! А гдѣ докторъ?

Рыжій остзеецъ забился глубоко въ группу офицеровъ и, блѣдный, смотрѣлъ черезъ ихъ плечи.

Его попросили сойти съ лошади и стать рядомъ со священникомъ.

— Готово!..

— Прочтите приговоръ!..

— Ахъ, зачѣмъ?! послышалось въ толпѣ.

Началось чтеніе...

Кто-то махнулъ платкомъ...

— Командуйте же! обратился къ Бабаджану старый казацкій штабъ-офицеръ.

— Взводъ, кладь!..

Штыки опустились, и тридцать ружейныхъ стволовъ стали медленно подниматься вверху.

— Или!

Но прежде чѣмъ блеснулъ огонь и взвилась бѣлая дымная лента, прежде тѣмъ сухой трескъ залпа коснулся слуха присутствующихъ, Налъ упалъ.

Первымъ, забывъ дисциплину, задыхаясь отъ слезъ, съ какимъ-то волчьимъ воемъ вмѣсто рыданія, подбѣжалъ къ упавшему Бабаджанъ, за нимъ еще нѣсколько офицеровъ, затѣмъ уже докторъ.

Никто не отдавалъ себѣ отчета въ этомъ движеніи.

— Ни одной пули! крикнулъ одинъ изъ подбѣжавшихъ.

— Но онъ умеръ, заявилъ другой. — Докторъ, что вы скажете?

— Онъ умеръ безспорно.

Докторъ вынулъ ланцетъ и сильно кольнулъ у кисти лежащаго... Бурая капля съ трудомъ показалась и тотчасъ же запеклась.

— Нервный ударъ. Это бываетъ! кивнулъ головою докторъ. — Я не вижу надобности повторять залпъ... Можно хоронить.

И вотъ, всѣмъ страстно захотѣлось скорѣе хоронить, скорѣе уходить отсюда. Скорѣе, скорѣе! А никто не трогался съ мѣста... Унтеръ-офицеры подняли безжизненное тѣло и опустили въ ящикъ. Столбушинъ, сдерживая слезы, наклонился надъ трупомъ и, тщательно надѣвъ на шею мертвеца цѣпочку образа-складня, задулъ самый складень за воротъ рубахи.

Отецъ Василій, благословивъ гробъ, положилъ туда свой крестъ.

Ему замѣтили это.

— Ничего, заколачивайте! Такъ отецъ Никаноръ приказалъ мнѣ, чтобы положить, значить, съ тѣломъ.

Опустили гробъ въ яму... Стали засыпать...
Правосудіе было удовлетворено.

VI.

Къ новой жизни.

Въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста казни, тамъ, гдѣ дорога раздваивается вилкою, стояла полуразрушенная, старая могила какого-то, давно забытаго, праведника. Эта могила сохранила до сихъ поръ обаяніе нѣкоторой святости у туземцевъ, и на ея шестѣ болтались по вѣтру цвѣтныя тряпочки — приношенія поклонниковъ. Съ десятокъ полустлѣвшихъ турьихъ роговъ лежали на карнизѣ подъ куполомъ, густой бурьянъ и высохшіе стебли какого-то ползучаго растенія закрыли заложенный снизу до половины стрѣльчатый сводъ входа, изъ котораго вечерними сумерками вылетали десятки летучихъ мышей.

Вотъ у этой-то могилы, во все время казни, стоялъ высокій человѣкъ съ сѣдою бородой, съ закрытымъ развившеюся чалмою лицомъ, одѣтый въ длинную бѣлую рубаху, подпоясанную темно-краснымъ шарфомъ... Когда раздался ружейный залпъ, человѣкъ этотъ взглянулъ на солнце, перевелъ глаза на край тѣни отъ могилы, рѣзко обозначавшейся на пыльной дорогѣ, и, наклонившись, отмѣтилъ перстомъ ея положеніе.

Затѣмъ онъ скрылся самъ за угломъ могилы и опустился на землю.

Никто не видалъ его, а если кто случайно и замѣтилъ эту высокую, молчаливую фигуру, то не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія.

Весь день сидѣлъ старикъ на своемъ мѣстѣ, не мѣняя позы, не поднимая даже головы, и когда наступили короткія сумерки, быстро смѣнившіяся непроглядною ночьюю темнотою, онъ всталъ и направился къ свѣженасыпанному бугру.

На подорогѣ къ нему присоединился другой, несшій на плечѣ тяжелый китмень.

— Ты, Сауръ?

— Я... Видишь — пришелъ во-время... Заперли русскіе городскія ворота, уныніе у нихъ и тоска... Безлюдны пути, никто насъ не видитъ и не слышитъ.

— Приступимъ! сказалъ старикъ.

Новоприбывшій сталъ опытными руками работать китменемъ, разрывая свѣжую могилу.

Работа шла скоро и быстро. Могучія, мускулистыя руки Саура знали хорошо свое дѣло.

А старикъ глядѣлъ на небо, наблюдая звѣзды, по нимъ отмѣчая время, и произнесъ:

— Торопись, мой „Темный“, торопись... Срокъ близокъ... Торопись!..

И самъ наклонился, самъ началъ помогать своими голыми руками, до пояса уже спустившись въ разрываемую могилу.

Стукнулъ о дерево китмень... Близко!.. Затрепали доски крыши; подсунутое между ними и стѣнкою желѣзо китменя легко отрывало гвозди.

Рука „Благодатнаго“ коснулась уже похолодѣвшаго лба Наля.

— Смотри, чтѣ это?.. Крестъ! поднялъ Сауръ что-то блеснувшее металломъ.

— Брось тамъ!

Скользя по груди умершаго, руки старика нащупали цѣпочку и складень; и то, и другое было снято и оставлено въ могилѣ.

Двоемъ они вытащили тѣло наверхъ и бережно положили на разостланный халатъ Саура.

Изъ складокъ своего пояса старикъ досталъ маленькій сосудъ, круглый, съ тонкимъ горлышкомъ, выдолбленный изъ цѣльнаго куска нефрита.

Наля раздѣли до-нага и бросили одежду въ могилу, которую Сауръ сталъ приводить въ первоначальное положеніе. Снова были опущены на свое мѣсто доски

крыши, снова ее покрылъ слой сухой земли, все увеличивающійся съ каждымъ взмахомъ китмени.

А старикъ уже облачилъ тѣло, еще безжизненное, неподвижное, въ такую же длинную бѣлую рубаху, кака была у него самого.

Онъ осторожно, концомъ ножа, раздвинулъ крѣпко стиснутые зубы покойника и влилъ туда нѣсколько капель изъ флакона.

— Оставь то дѣло и иди мнѣ помочь! обратился онъ къ подручному.

Тотъ немедленно исполнилъ приказаніе.

Тѣло Наля было положено на-бокъ. Съ этимъ тѣломъ продѣлывалось то, чтѣ обыкновенно продѣлываютъ съ утопленниками, возбуждая у нихъ искусственно дыханіе.

И работа эта, усиленная, энергичная, но осторожная, умѣлая, скоро стала увѣнчиваться успѣхомъ.

Старикъ наклонился ухомъ къ самому сердцу пробуждаемаго и радостно произнесъ:

— Слава тебѣ, духу величайшему, слава!

Окончивъ быстро работу у могилы, Сауръ сталъ помогать „Благодатному“, покорно слушая и безпрекословно исполняя всѣ его приказанія.

Изъ небольшого узла достали еще нѣсколько сосудовъ, кусокъ грубой шерстяной ткани, пропитанной чѣмъ-то обладающимъ острымъ, прянымъ запахомъ. Этою тканью помощникъ сталъ сильно и быстро растирать еще холодныя конечности. Начата была эта работа съ рукъ, отъ плеча до кисти, и скоро появилось легкое біеніе пульса.

Концы пальцевъ стали дрожать и конвульсивно сгибаться, грудная клѣтка, едва замѣтно приподнявшись, колыхнула ткань облаченія.

— Онъ дышетъ! прошепталъ „Темный“, обращаясь къ своему повелителю.

Тотъ обмакнулъ указательный палецъ въ одинъ изъ сосудовъ и провелъ этимъ пальцемъ вертикально по лбу Наля. На этомъ блѣдномъ, словно восковомъ, лбу появилось изображеніе священнаго пламени.

— Да не смоешь во вѣкъ сила тьмы этого святаго знака просвѣтленія! торжественно произнесъ „Благодатный“, и пристально глядя нѣсколько секундъ прямо на его закрытыя вѣки, повелительно добавилъ:

— Пронись!

Наль глубоко вздохнулъ и открылъ глаза. Сауръ упалъ на колѣни, прикоснулся губами къ краю одежды „Благодатнаго“ и робко спросилъ:

— Что повелишь далѣе мнѣ, „Темному“?

— Собери все и ступай. Сохрани обо всемъ, чтѣ видѣлъ, глубокою тайну и черезъ девять сутокъ жди меня у источника жизни.

— Ухожу.

„Темный“ наклонился еще разъ, еще разъ поцѣловалъ край одежды старика и ушелъ, скрывшись во мракѣ ночи. А старикъ сѣлъ у изголовья Наля, положивъ его голову къ себѣ на колѣни.

„Сынъ Благодатнаго“, открывъ на мгновеніе глаза, снова сомкнулъ ихъ и теперь спалъ покойно, тихо, ровно дыша, согрѣваясь все болѣе и болѣе. Отецъ наклонился надъ его лицомъ и, казалось, даже во мракѣ видѣлъ, какъ мало-по-малу оживаетъ это прекрасное лицо, покрываясь легкимъ, здоровымъ румянцемъ.

Старикъ говорилъ будто про себя, а спящій все слышалъ; каждое слово отца, достигая слуха, глубоко запечатлѣвалось у него въ сердцѣ.

„Открыта тебѣ тайна твоего рожденія. Открыта тайна моего великаго преступленія. Просвѣтленный духомъ, излюбленный сердцевицею величайшаго духа, я забылъ свои клятвы, увлеченный земною красотой, и погибалъ во мракѣ, отдавшись во власть духа тьмы и разрушенія. Я далъ гебѣ жизни, похитивъ у Нир-

Рѣшительный отвѣтъ. Карт Зимма. грав. Эйбъ.

ваны частицу всеобъемлющей души, и подвергъ эту святую частицу скорби, страданію и мучительной смерти, и тѣмъ искупилъ свое прегрѣшеніе... Нынѣ, къ новой жизни воскресшій, ты пойдешь во слѣдъ за мною, самъ просвѣтленный, и не оглянешься на земную жизнь, на ея лживыя, непрочныя радости, гнусныя соблазны злаго духа, предательскія западни для легковѣрныхъ...

„Что дала тебѣ та жизнь, земная, плотская? Какая радость въ ней осталась не отравленною горькимъ разочарованіемъ? Какое чувство не измѣнило тебѣ?“

„Позорная могила,—та, на краю которой ты, изъ нея извлеченный, спишь теперь,—эта могила дастъ отвѣтъ на вопросы. Забудь же объ этой жизни съ ея радостями плоти, отдайся всецѣло созерцанію великаго духа и скоро, просвѣтленный самъ, предстанешь предъ сонмомъ просвѣтленныхъ, постигнешь равновѣсіе покоя и свѣта, пока сама собою не спадетъ твоя земная оболочка и не сольется вѣренна тебѣ частица духа съ Нирваной.“

„Пойдешь-ли теперь за мною, забывъ навѣки что погубило и здѣсь зарыто?“

— Иду, отецъ мой! ясно прозвучало изъ устъ сияющаго.

— О „величайшій“! Ты слышишь?! Я исполнилъ твое повелѣніе... Идешь-ли за мною?

— Иду, иду...

— Пока не наступитъ часъ послѣдняго испытанія, послышался „Благодатному“ голосъ въ сторонѣ... Кажалось, что этотъ голосъ шелъ прямо отъ старой полуразрушенной могилы.

Амбредъ-Соръ покорно наклонилъ голову и промолвилъ:

— Я повинуюсь!

VII.

Честь возстановлена.

Прошла недѣля.

Отецъ Никаноръ ежедневно молился о спасеніи души безвременно погибшаго мученика... Глубокое убѣжденіе въ невинности Наля все росло и росло въ душѣ старика... Шолобову тоже стало лучше. Онъ попросилъ къ себѣ генерала и совѣтовался съ нимъ, какъ поступить теперь съ увѣдомленіемъ въ Петербургъ о случившемся... Нельзя-ли вовсе скрыть, уничтожить даже слѣды суда и казни, и написать, что сынъ погибъ во время защиты цитадели. Но, увы! сдѣлать это было невозможно. Несчастная мать! Что будетъ съ нею?

Офицеры старались увѣрить себя и другъ друга, что все, что случилось, такъ и должно было быть, что поступили всѣ законно и правильно, а передъ закономъ голосъ сердца и дружбы долженъ умолкнуть. Понемногу даже стали успокаиваться, и жизнь вступала въ свою обычную боевую колею.

Только Бабаджанъ ходилъ пасмурный, задумчивый, изрѣдка совѣщаясь со своимъ другомъ Столбушинымъ.

Разъ онъ рѣшительно, подозревая товарища, сообщилъ:

— Знаешь, я хочу уйти отъ васъ, перебѣжать на ихъ сторону?

— Что ты, сумасшедшій! Опомнись!

— Да ты не думай, что въ самомъ дѣлѣ. Я такъ нарочно. Мнѣ вѣдъ тамъ повѣрять. Что же, я киргизъ, не вашъ, значить, ну, и повѣрять. Я тамъ все раз-

знаю, всю правду. Если Сережа виноватъ—тогда уже что дѣлать. Вернусь, скажу вамъ,—всѣмъ легче будетъ; если же...

И глаза киргиза заискрились злобѣющимъ блескомъ.

Но доброму товарищу погибшаго не пришлось привести въ исполненіе свое крайне рискованное намѣреніе.

Изъ лагеря муллы Алемкула явился конный посланецъ съ письмомъ отъ Костецкаго. Письмо было адресовано въ руки генерала. Вотъ что въ немъ значилось:

„Весьма сожалею, что непростительная поспѣшность ваша была роковою для безвинно погибшаго, вами разстрѣляннаго. Преступленіе, въ которомъ вы его обвинили,—было сдѣлано мною. Я одинъ вѣль сношенія съ Алемкуломъ. И послѣдняя вылазка была не болѣе, не менѣе, какъ приличный предлогъ плѣна. Конечно, я бы поторопился во-время раскрыть вамъ глаза, если-бъ зналъ обо всемъ, что вы тамъ творили такъ поспѣшно; но, увы! вѣсть эта дошла до меня слишкомъ поздно. Я бы даже не открывалъ вамъ истины... Зачѣмъ? если бы не былъ самъ жестоко разочарованъ въ своихъ надеждахъ и планахъ. Когда вы получите это письмо, то не пытайтесь искать меня между живыми: револьверъ покончитъ мои земные расчеты, и сознаніе, что это письмо сниметъ съ памяти Рубана позорное пятно, значительно облегчаетъ мнѣ мою безотрадную, послѣднюю минуту. Прощайте и простите.“

Казимиръ Костецкій.“

„Болѣе подробныя доказательства невинности вашего Наля вы найдете въ письмѣ муллы Алемкула. Ему, конечно, вы можете болѣе вѣрить, чѣмъ мнѣ. А подлнца, курбаши-Девлета, я зарѣзалъ здѣсь собственноручно.“

Можете себѣ представить, что произошло въ цитадели и во всѣхъ, не только офицерскихъ, но и солдатскихъ кружкахъ, когда содержаніе письма Костецкаго стало общеизвѣстно.

Не было офицера, который бы отъ души, всѣмъ сердцемъ не пожелалъ бы быть самъ на мѣстѣ разстрѣляннаго. И все-таки, сквозь глубокую скорбь просвѣчивало свѣтлое чувство нравственнаго удовлетворенія. Дорогое имя любимаго товарища и память о немъ освобождалась изъ-подъ тяжелаго гнета позора.

Отецъ Никаноръ совершилъ крестный ходъ на могилу „невинно убиеннаго“. Весь гарнизонъ участвовалъ въ этомъ печальномъ торжествѣ. На могилѣ былъ водруженъ большой крестъ и вокругъ положено было основаніе будущему саду. Каждый изъ офицеровъ посадилъ по дереву. Ибрагимъ-бай взялся на свой счетъ провести воду и соорудить часовню. Бывшая рота Сергѣя Николаевича назначена была на стоянку сюда, и вся мѣстность, до сихъ поръ пустынная и печальная, оживилась красивымъ бивуакомъ.

Шолобова принесли сюда на носилкахъ. Суровый воинъ рыдалъ и улыбался сквозь слезы.

Во время паннихиды знаменщики окружили могилу, и при возгласѣ отца Никанора:

„И сотвори ему вѣчную память“—

старыя, отрепанныя, избитыя вражескими пулями знамена тихо наклонились и покрыли собою могильный бугоръ.

К О Н Е Ц Ъ .

Играющія животныя.

Старая Машка привела свое многообѣщающее потомство: четыре превосходныхъ котенка въ буйномъ задорѣ носятся другъ за другомъ по комнатѣ; одинъ малютка—бѣлый съ чернымъ хвостомъ, другой—пестрый, двое остальныхъ желтоватые съ длинною шелковистою шерстью—вылитые портреты своей матери, которая наполовину ангорской породы. Точно маленькіе чертвята шныряютъ они по столамъ и стульямъ, дѣлаютъ забавные прыжки черезъ спинку моего стула, ловятъ своими бархатными лапками шевелящееся перо, играютъ перочисткою какъ мячикомъ и съ любопытствомъ провожаютъ глазами

каждое колечко дыма, которое я пускаю изъ своей трубки.

Вотъ двое схватили клубокъ бичевокъ. Одинъ подбрасываетъ его вверхъ и ловко ловитъ передними лапками; бичевка размоталась, другой шалунишка хватается ея свободный конецъ. Теперь они вдвоемъ тянутъ въ разныя стороны, пока первый не выпускаетъ клубки, который катится прочь. Всѣ котята бросаются за нимъ въ погоню, стараясь одинъ передъ другимъ заполучить игрушку въ свои лапки. Но ни одному это не удается.

Почтенная мамаша котятъ добродушно смотритъ на игру,

проявляя свои вѣжливѣе чувства тихимъ мурлыканіемъ. Оже сточенная бѣготня подѣ столами и стульями продолжается до тѣхъ поръ, пока въ концѣ концовъ бичевка не затянется вокругъ ножки стула. Клубокъ не катится дальше. Шалуны въ большомъ смущеніи; каждый одинъ за другимъ его толкаетъ... Напрасно: онъ ни съ мѣста.

Но вотъ найдена новая игрушка. Одинъ изъ рыженькихъ притащилъ откуда-то буглячючую пробку, и игра возобновляется съ новымъ рвеніемъ. Скоро и эта игрушка закинута такъ, что ее нельзя достать, а какъ подѣ рукою ничего другаго вѣтъ, то теперь достается пестрому хвосту матери. Тутъ-то поднимается настоящая возня! Машка бѣжитъ хвостомъ то вправо, то влѣво, дѣти проворными прыжками слѣдуютъ за каждымъ движеніемъ; то одинъ, то другой схватываетъ хвостъ. Вотъ бѣленькій сбѣжился съ пестрымъ, обхватили другъ друга передними лапками и дерутся за игрушку—хвостъ матери.

Двое остальныхъ хватаютъ высушившей пушистой его конецъ и кусаютъ своими острыми зубками; но тутъ Машка вдругъ оборачивается и раздаетъ направо и налево вѣскольکو вѣскихъ пощечинъ; плутишки откатываются въ сторону и хорошенько не знаютъ, наказаны-ли они въ шутку, или серьезно.

Нѣтъ, это серьезно, что и доказываетъ имъ новый ударъ материнской лапки. Потомъ старушка усаживается на стулъ, предоставляя повѣсамъ выбрать себѣ болѣе подходящую игрушку, чѣмъ ея хвостъ. По они уже устали, одинъ ложится тутъ-же, двое другихъ отправляются къ матери, только четвертый все еще не можетъ успокоиться и пробуетъ загрызвать то съ тѣмъ, то съ другимъ, но безуспѣшно.

Вдругъ полуотворится дверь. Въ комнату заглядываетъ темная курчавая голова; два блестящихъ, черныхъ какъ уголь глаза высматриваютъ изъ-подъ навѣшенной шерсти — нерѣшительно останавливается въ дверяхъ молодой пудель, онъ не знаетъ, можно-ли ему войти. „Сюда, Флокъ!“ зову я. Однимъ прыжкомъ онъ въ комнату — и уже отпѣтъ своими черными мохнатыми лапками среди отдыхающихъ кошекъ.

Старая Машка невольно выгнула спину самымъ угрожающимъ образомъ, но тотчасъ-же снова принимаетъ прежнюю позу: она знаетъ собаку и спокойно остается на своемъ мѣстѣ. А пуделемъ немедленно завладѣваютъ котята: они рады новому товарищу, и такому веселому, терпѣливому—сквозь его курчавую шерсть нелегко проникнуть ихъ острые коготки. Какъ забавны тяжелые прыжки еще цѣловкой собаки въ сравненіи съ глубокими движеніями кошекъ! Пудель гонится за одной — трое другихъ за нимъ. Вотъ онъ протягиваетъ къ нимъ лапу... Одинъ изъ маленькихъ плутишекъ ложится на спинку и захватываетъ лапу; онъ крѣпко въ нее вѣпшлся когтями и зубами. Между тѣмъ другіе завладѣли широкою спинной пуделя. Онъ не можетъ отбѣгнись отъ соединенныхъ силъ нападающихъ и не находитъ для своего спасенія ничего другаго, какъ начать кататься по полу. Теперь всѣ его выпускаютъ, и однимъ прыжкомъ—котята уже на стулѣ. Пудель вскакиваетъ на ноги, отрихивается и сбѣжнть за ними.

Но на стулѣ ему не взобраться, и, при каждой тщетной попыткѣ, бархатныя лапки съ выпущенными коготками бьютъ его по носу, такъ что онъ, фыркая и ворча, долженъ обратиться въ поспѣшное бѣгство. Тутъ кошки опять за нимъ въ погоню, возня начинается снова, а когда пудель терять терпѣніе и хочетъ кусаться, маленькіе мучители поспѣшно скрываются подѣ книжнымъ шкафомъ; онъ туда не можетъ, слишкомъ великъ для этого, и, кружа вокругъ шкафа, только получаетъ удары бархатныхъ лапокъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ не начинаютъ изнемогать отъ усталости; тогда веселая шайка забивается въ уголъ спать.

Кого такое зрѣлище можетъ оставить равнодушнымъ? Самый угрюмый инкохондрихъ — и тотъ не удержится отъ улыбки. Если что либо способно возбудить интересъ къ жизни животнаго міра, такъ это *игры животныхъ*. Приятно смотрѣть, какъ маленькіе звѣрки, еще не затронутые суровою, ожесточающею борьбой за существованіе, не тревожащие заботами о дневномъ пропитаніи, всецѣло отдаются веселой игрѣ, дающей исходъ ихъ жизнерадостному чувству и забавными выходами наполняющей ничѣмъ не ограниченныя досуги. Граціозныя, часто забавныя и неуклюжія тѣлодвиженія, такъ веселящіе наблюдателя, говорятъ о томъ, что даже самое кроваважное животное наслаждается невиннымъ беззаботнымъ дѣтствомъ, когда его помыслы и стремленія направлены лишь на игры и забавы. Какъ смѣшно играютъ съ деревяннымъ шаромъ маленькіе неуклюжіе медвѣжата въ звѣрицѣ; львы и тигры въ ранней юности возятся на подобіе нашихъ домашнихъ кошекъ, а многообѣщающее потомство Лисы-Патрикѣевны рѣзавится на солнышкѣ на открытомъ мѣстѣ передъ своею норой...

Игры животныхъ служатъ проявленіемъ присущаго всѣмъ живымъ существамъ стремленія къ дѣятельности. Каждый требуетъ занятія, молодость несомнѣнима съ празднымъ покоемъ. Каждому внимательному наблюдателю не преминетъ броситься въ глаза большое сходство между играми животныхъ и дѣтей. Вѣдь дѣтскіе игры также не что иное, какъ видоизмѣняющійся съ теченіемъ времени рядъ игръ и забавъ — результатъ стремленія къ неутомимой дѣятельности.

Одаренный безконечно подвижною фантазією, ребенокъ умѣетъ всѣхъ и все привлечь къ своимъ забавамъ. Такъ, саножная колодка превращается у него въ куклу, отцовская палка—въ скаковую лошадь, ножная скамеечка—въ экинажъ, столъ—въ каюдру, грубый обрубокъ дерева представляетъ всѣ возможные и невозможныя образы, рисуемые богатою фантазією.

Подобное этому наблюдается и въ мірѣ животныхъ. Игнующему котенку все годится—клочокъ бумаги, клубокъ нитъ къ, увидѣннй листъ, сухая вѣтка, пробка отъ бутылки; то же можно сказать о щенкѣ.

Но, какъ извѣстно, игра имѣетъ и свою серьезную сторону. Духъ и тѣло возбуждаются къ живой дѣятельности прежде всего игрою, и, благодаря ей, крѣпнущіе маленькіе слабые члены; отъ постоянного движенія кровь быстрѣе течетъ по жиламъ, мускулы и кости пріобрѣтаютъ силу. Выбѣтъ съ этимъ пробуждается дѣятельность духа; несогласная игра фантазіи подготавливаетъ его къ предстоящей въ скоромъ времени болѣе серьезной работѣ, которой потребуютъ школа и жизнь. Въ животномъ мірѣ игры дѣтенышей имѣютъ то же значеніе. И здѣсь, благодаря непрерывному, неутомимому упражненію тѣла въ игрѣ, организмъ крѣпнеть и приспособляется къ борьбѣ за существованіе, которая начинается, какъ скоро мать покидаетъ своихъ дѣтенышей, предоставляя ихъ самимъ себѣ.

Въ дѣтскихъ играхъ господствуетъ большое разнообразіе, сообразно съ возрастомъ, поломъ и индивидуальными особенностями. Такъ, если мальчикъ хватается прежде всего за игрушечную лошадку, саблю и лукъ, то дѣвочка выбираетъ себѣ ящикъ съ посудой и куклу; грудной младенецъ улыбается гремушкѣ, ребенокъ постарше требуетъ болѣе подходящихъ для его возраста игрушекъ. Въ игрѣ уже проявляется характеръ дѣтей, обнаруживаются ихъ склонности, игра нерѣдко предвѣщаетъ грядущее призваніе. Будущій зоологъ возводитъ свои первыя постройки изъ пестры и земли, деревянныя кубикомъ или кирпичикомъ; будущій воинъ возится съ оловянными солдатками и деревяннымъ оружіемъ; живописецъ царапаетъ свои первые грубые рисунки углемъ на стѣнѣ...

Подобнымъ же образомъ игры дѣтенышей въ животномъ мірѣ постоянно носятъ основной характеръ присущихъ каждой особи стремленій. Тѣлесныя органы молодого животнаго развиты еще не настолько, чтобы обнаруживать его природныя наклонности въ той степени, въ какой онѣ проявляются у взрослого животнаго. Поэтому природа указываетъ ему поле дѣятельности, соответствующее степени его развитія. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ маленькій котенокъ, за неимѣніемъ мыши, забавляется съ обрѣзкомъ бумаги и другими легкими предметами; охотничья собака преслѣдуетъ не успѣвшаго въѣтру листка, возится съ башмаками своего хозяина и тормошитъ ихъ, какъ если бы это была живая добыча.

Въ этомъ отношеніи игра представляетъ родъ природнаго воспитанія, которое должно подготовить животное къ свойственной ему позднѣйшей дѣятельности. Чѣмъ сильнѣе животное дѣлается съ возрастомъ, тѣмъ болѣе игра принимаетъ характеръ дѣятельности. Вначалѣ она устремлена на все, что окружаетъ молодое животное, но скоро кругъ дѣйствія его начинаетъ суживаться, игра все болѣе и болѣе принимаетъ окраску серьезности, соответственно чему постепенно пропадаетъ охота играть; съ теченіемъ времени она, обыкновенно, совсѣмъ исчезаетъ, пробуждаясь лишь нарѣдка, по особому поводу.

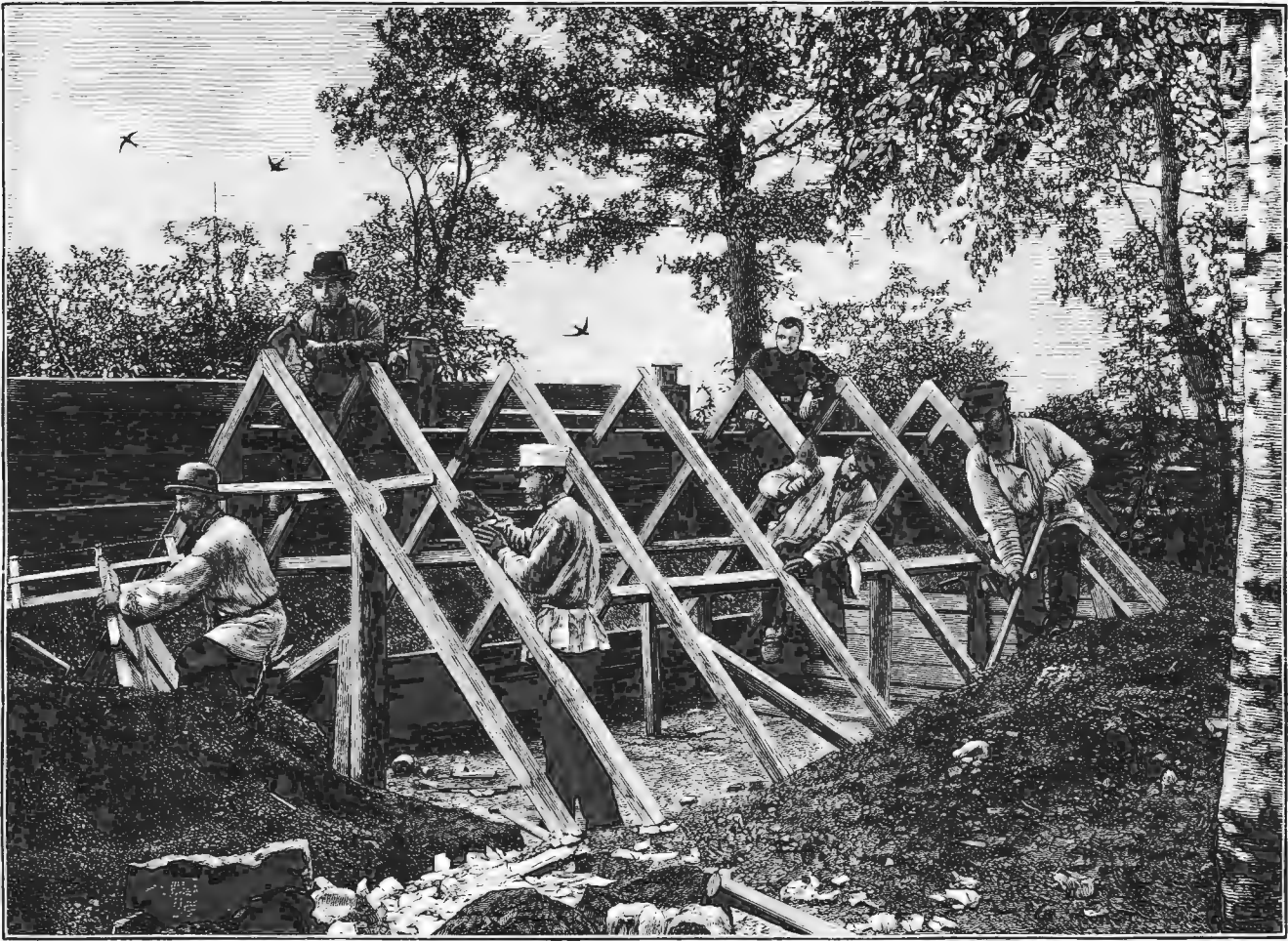
Какъ только зубы и когти нашихъ котятъ достаточно окрѣпнутъ, старая Машка приноситъ имъ домой мышей, которыхъ гдѣ-нибудь паловила. Загрызенныя до полусмерти, не будучи въ состояніи снаться бѣгствомъ, онѣ должны теперь служить упражненію охотничьихъ инстинктовъ у молодыхъ кошекъ. Выбѣто клубка нитокъ, кошки теперь забавляются съ трепещущей отъ боли и страха мышью, поджидывая ее какъ мячикъ, и бѣдному грызуну не остается ничего болѣе, какъ медленно истекать кровью среди этой жестокой гравли. Котята кладутъ мышку передъ собой и сверкающими глазами провожаютъ каждое ея движеніе. Если она не шевелится, ее подталкиваютъ лапкой; каждая слабая попытка къ бѣгству, напротивъ, предотвращается острыми зубками и коготками маленькихъ мучителей, — игра, привлекательная по красной граціи и гибкости движеній молодой кошки, но отталкивающая, благодаря явному отпечатку хищности и кровожадности, все болѣе и болѣе выдающихъ настоящую натуру животнаго.

Также и молодая собака скоро перестаетъ удовлетворяться преслѣдованіемъ безобидныхъ бумажекъ и лоскутковъ, видѣ ремешковъ и саногъ оставляетъ ее равнодушной; за то она выслѣдитъ бѣлку, загонитъ на дерево кошку и, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ переходитъ отъ игры къ дѣлу. Кумушка-кошка точно такъ же ведетъ свое потомство отъ веселыхъ забавъ къ суровой дѣятельности. Она приносить имъ птичекъ, ящерицъ, лягушекъ, не пренебрегая мышами, саранчой и дождевыми червями, и въ игрѣ учитъ своихъ дѣтенышей мучить животныхъ, ловить ихъ и жадно есть. И лишь только маленькіе лисята достигнутъ величныя полузрѣлыхъ кошекъ, они уже одинъ отправляются на охоту, чтобы примѣнить на дѣлѣ то, чему ихъ выучила воспитательница-мать; застѣ-

圖之堂聖施復督基會本臺河駁京東會教正本日

Русская православная церковь Воскресения на Суругатаѣ, въ Токио (Японія).
 Съ японской фотогравюры, грав. М. Рашевскій.

Курсы пловодства и огородничества въ Гатчинѣ. Постройка земляного подвала. Съ фот. Жмулева, грав. Рашевскій.

Курсы пловодства и огородничества въ Гатчинѣ. Обрѣзка яблонь, посаженныхъ въ плодовомъ саду. Съ фот. Жмулева, грав. Рашевскій.

нута враслохъ молодого зайчика или бѣлку, подстеречь въ гнѣздѣ рябчика или куропатку, поймать пересела, полуоперившагося жаворонка, или хотя бы мышъ, или какое-нибудь пасѣкомое.

Итакъ игры молодыхъ животныхъ представляютъ, съ одной стороны, проявленіе быющей ключемъ жизненной энергии, веселаго беззаботнаго права, проявленіе безпокойнаго стремленія къ дѣятельности; съ другой—способъ, посредствомъ котораго природа надѣляетъ юное животное способностями и шагъ за шагомъ ведетъ къ будущей, свойственной его виду, жизнедѣятельности. Когда животное дѣлается взрослымъ, постоянныя заботы, неизбежная борьба за существованіе—едва ли оставляютъ ему время предаваться играмъ; поэтому у болѣе взрослыхъ животныхъ лишь нѣрѣдка замѣчается желаніе забавляться.

Взрослая домашняя конка съ теченіемъ времени усвоиваетъ серьезность. Цѣлыя ночи она проводитъ въ ловлѣ мышей, а днемъ лежитъ и дремлетъ на своемъ любимомъ мѣстечкѣ. Правда, отъ времени до времени и она даетъ волю своему веселому настроенію—лазаетъ и прыгаетъ; но все-таки охотнѣе ласково третъ около ноги своего хозяина. Собака также дѣлается серьезнѣе, благоразумнѣе. Она считаетъ ниже своего достоинства ребячливо вознестись съ другими дворняжками: за то она прилежно изучаетъ выраженіе лица и жесты своего господина и старается изо всѣхъ силъ исполнить лежащую на ней обязанность—быть вѣрнымъ сторожемъ въ домѣ, на дворѣ и въ полѣ около стада, быть товарищемъ на охотѣ, оправдать доверіе, которое къ ней имѣетъ человѣкъ. Только въ угоду молодымъ собакамъ она порою самоотверженно принимаетъ участіе въ ихъ играхъ, но ея роль здѣсь почти исключительно пассивная. Она должна многое извинять маленькимъ невостановленнымъ буянцамъ, которые такъ охотно дѣлаютъ старшаго товарища мишенью своихъ продѣловъ. Она терпѣливо переноситъ, когда острые зубки выпиваются ей въ уши, когда неуклюжіе малыши начинаютъ на ней барахтаться. Пустить въ ходъ свою силу, чувствительнымъ образомъ наказать маленькихъ мучителей—этого не допускаетъ ея честная натура. Если дѣло зашло слишкомъ далеко, она ворчаніемъ или легкимъ ударомъ ланы даетъ имъ понять, что уже довольно; если и тогда они не перестаютъ, добродушное животное само уходитъ.

Есть, однако, звѣри, до глубокой старости сохраняющіе рѣзвость и шаловливость. Мой маленькій темно-каштановый пинчеръ считается тѣмъ, кто видитъ его игры, не старше одного года, а между тѣмъ бѣловатый, все увеличивающійся налетъ на его черной мордочкѣ говоритъ о томъ, что онъ уже давно перенагнулъ за предѣлы молодости.

Нашъ Престо—необыкновенно умное животное. Въ томъ, что касается дрессировки, понятливости и разныхъ фокусовъ, ему не легко найти соперника. За то нашему любимцу недостаетъ серьезности и сознанія собственнаго достоинства. Хотя и онъ едва ли считаетъ другихъ собакъ равнымъ себѣ, но самъ отличается такою вѣтреностью и легкомысліемъ, непомѣрнымъ тщеславіемъ и ребяческой страстью къ играмъ, что начинаетъ выжидать и выть, когда ему не удается показать чужимъ, что онъ умѣетъ. Едва гость войдетъ въ домъ, Престо тотчасъ же завладѣваетъ его вниманіемъ. Онъ становится передъ нимъ на задній ланки, прогуливается на нихъ, танцуетъ, запираетъ двери. При этомъ онъ пристально смотритъ въ лицо чужому человѣку, и если замѣчаетъ, что его фокусы нравятся, то радость его не имѣетъ границъ. Теперь онъ уже старается вызвать гости вонъ изъ дому—ласть, скребется въ дверь, дергаетъ за платье, а добившись своей цѣли, задаетъ бѣшеную гонку по улицѣ, черезъ изгороди и огороды: то онъ хватается кусокъ дерева или камень, подбрасываетъ вверхъ и снова ловитъ, то старается поймать кончикъ своего хвоста и при этомъ разъ сто обернется вокругъ самого себя какъ кубарь. Если направо довольно и начинаетъ кружиться голова, онъ вертится налѣво, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе. Такимъ образомъ онъ безъ передышки забавляется часъ—два. Пожелаетъ ли чужая собака принять участіе въ игрѣ, онъ тотчасъ перестаетъ: никого не должно съ нимъ быть, онъ одинъ хочетъ пожинать похвалы.

Взрослыя животныя предаются играмъ лишь въ извѣстное время года—время любви. Извѣстно, какъ собака и конка, посредствомъ прыжковъ, скачковъ и музыкальныхъ звуковъ, стараются выставить въ возможно болѣе выгодномъ свѣтѣ себя и свои преимущества передъ избранными сердца. На птицѣмъ дворѣ—любовныя игры голубей, неуклюжія ухаживанія гусака и переваливающагося съ ноги на ногу селезня, гордая привѣтствія пѣтуха, распусканіе хвоста у павлина...

То же самое у птицъ, живущихъ на свободѣ. Какъ только стаетъ снѣгъ, и на лугахъ начнеть пробиваться первая зе-

лень, въ нашихъ птицахъ просыпается любовь. Съ крышъ раздается болтовня воробьевъ, въ верхнихъ деревьяхъ, еще непокрытыхъ листомъ, трещать скворцы, горихвостка поетъ свою короткую некрасивую пѣсню, жаворонки заливаются трелью—все это призывы любви. Какъ увидятъ воробей вокругъ своей подруги, какъ топорщитъ перышки, какъ рѣзко припрыгиваетъ по коньку крыши; то онъ поднимется въ воздухъ, показывая свое проворство въ полетѣ, то разливается въ жалобахъ.

И такъ у всѣхъ. Даже тихій зимородокъ на берегу ручья, круглый годъ, словно угрюмый отшельникъ съ холоднымъ сердцемъ, не сходящій съ узловатыхъ древесныхъ корей,—и тотъ становится живымъ и дѣятельнымъ, идетъ на смотринны и ищетъ себѣ подругу для лѣтней семейной жизни; огненнымъ allegro раздается его пронзительный зовъ и, какъ скоро она покажется, онъ стрѣлою летитъ за нею вдогонку. Онъ бьетъ крыльями, вытягиваетъ грудь и шею, тончется на своихъ короткихъ ланкахъ по засохшимъ пнямъ у берега и дѣлаетъ забавныя попытки выказать ловкость даже въ ходьбѣ.

Въ листвѣ ольхи, сѣрватою съ краснымъ отливомъ, сидитъ другой пѣвецъ любви, премилый маленькій чирикъ. Громко звучитъ его оживленная болтовня и чириканье. Вотъ онъ подымается и начинаетъ порхать вокругъ самки. Маленькая птичка кажется при этомъ безобразно большою, точно радугный вѣтромъ воланъ. Она бьетъ крыльями, распускаетъ хвостъ и описываетъ круги вокругъ дерева.

Изъ-подъ темнозеленаго навѣса хвоя раздается тоскливое, изъ глубины груди вырывающееся воркованье голубя. Приближаясь какъ можно осторожнѣе и взглянемъ на эту любовную идиллію. На одномъ изъ верхнихъ суковъ сосны помѣстился голубя. Съ раздутыми перышками лежитъ она на сукѣ—олицетвореніе сладкаго покоя—и слѣдитъ за продѣлками голубя. А онъ, перелетая съ вѣтки на вѣтку, воркуетъ все громче; то бѣгомъ, то опять поднимаясь въ воздухъ, кружитъ онъ вокругъ голубки. Теперь онъ несется прямо къ ней, надувъ зобъ и гордо поднимъ голову; это заставляетъ ее встать со своего мѣста и обратиться въ притворное бѣгство на другое дерево. Онъ слѣдуетъ за нею, жесткокулируетъ; снова поднимается голубя, снова летитъ за нею голубокъ.

Прелестное зрѣлище представляетъ и тихій лѣсной прудъ. Тамъ основалась парочка камышницъ, и такъ какъ эти красавицы, граціозныя птички не подвергаются преслѣдованію со стороны человека, а скорѣе, наоборотъ, оберегаются имъ, то онъ и не обнаруживаетъ страха и доверчиво смотрятъ на гости. Изъ бурога камыша на ту сторону берега раздается громкій зовъ пѣтушка, съ противоположнаго берега пруда отвѣчаетъ курочка. Пѣтушокъ выходитъ изъ тростинка. Обхватывая своими длинными сѣрыми пальцами стебли водяного ситника, взбирается онъ повыше и обозрѣваетъ окрестности. По ту сторону пруда показывается курочка. Съ силою удара по водѣ ланками, она гребетъ по направленію къ пѣтушку, сопровождая каждый ударъ граціознымъ кивкомъ головы. Тотъ въ свою очередь манитъ ее и плыветъ ей навстрѣчу; теперь оба вмѣстѣ направляются къ берегу. То бѣгал по листочкамъ водяныхъ растений, то плавая, то взамахивая крыльями на подобіе утокъ, предаются они своимъ граціознымъ играмъ. Вотъ они оба усердно наслѣдуютъ молодую зеленъ травъ, покрывающихъ береговую откосъ; пѣтушокъ нѣжно предлагаетъ подругѣ лучшіе кусочки, потомъ снова въ припрыжку бѣгаетъ взадъ и впередъ, залетаетъ и кружитъ по всѣмъ направленіямъ, описывая круги и дуги, прыгаетъ подъ хвостомъ ольхи, а подруга за нимъ вслѣдъ. Скоро они отсюда выходятъ и опять принимаются за тѣ же игры; такимъ образомъ, плавая и бѣгал, играя и отыскивая пищу, проводятъ они раннюю весеннюю пору, пока ими всецѣло не овладѣетъ забота о молодомъ выводѣ.

Этихъ примѣровъ достаточно. И такъ, когда животнымъ приходитъ время устраивать свои домашніе очаги, создавать семьи, въ нихъ снова пробуждается уснувшее было стремленіе къ играмъ. Но эти игры уже отлчаются отъ невинныхъ, беззаботныхъ забавъ дѣтства. Мирная игра нѣрѣдко превращается въ ожесточенную борьбу между соперниками, продолжающуюся до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ, побѣжденный, не очиститъ поля битвы для побѣдителя. Если допустить у животныхъ существованіе извѣстнаго вкуса, то самка, за которую ухаживаетъ нѣсколько самцовъ, даритъ своимъ расположеніемъ самаго красиваго, самаго ловкаго или самаго неустрашимаго въ бою; побѣжденные бываютъ отвергнуты.

Игры животныхъ для любителя природы представляютъ всегда новый, всегда живой интересъ. Безнечная рѣзвость дѣтнейшей и ухаживанья взрослыхъ—одинаково веселое, одинаково привлекательное зрѣлище.

Значеніе школьныхъ садовъ и сельско-хозяйственныхъ курсовъ.

В. Александрова.

(Къ вопросу о сельско-хозяйственномъ образованіи). (Рис. на стр. 1035).

Наши постоянныя и тяжелыя бѣдствія отъ неурожаевъ каждый разъ серьезно напоминаютъ о нашемъ экономиче-

скомъ недугѣ отъ недостатка сельско-хозяйственнаго образованія. Такое сложное дѣло, какъ сельское хозяйство, прежде

всего требует знания и правильных расчетов, а наш крестьянин до сих пор остается без всяких знаний и большей частью работает ошупью и рутинным способом, или мѣстами, подъ влияніемъ болѣе легкихъ отхожихъ промысловъ и городской цивилизаціи, все болѣе и болѣе отвлекается отъ сельской жизни и тяжелой земледѣльческаго труда, теряя свою прежнюю чувствительность къ финансовымъ переменамъ въ природѣ. Занимаясь хозяйствомъ хищническимъ способомъ, онъ все беретъ отъ земли, безъ того, какъ потребляя вѣковые ея продукты, и почти ничего не возвращаетъ ей. Мѣстами безпощадно вырубая и сжигая лѣса для пашни, не щадитъ онъ у себя и необходимой естественной защиты для своей культуры отъ холодныхъ и сухихъ вѣтровъ. При такомъ хозяйствѣ всѣ рѣзкія измѣненія въ физическихъ его условіяхъ, въ родѣ повторяющихся ливней и быстрого таянія снѣговъ или преобладанія болѣе сухихъ восточныхъ вѣтровъ и быстрыхъ переходовъ отъ тепла къ холоду и проч., окончательно и по своему измѣняютъ нашу культурную площадь, угрожая въ будущемъ еще болѣе широкимъ разстройствомъ и бѣдствиями при дальнѣйшемъ истощеніи почвы, уменьшеніи влаги и размноженіи вредныхъ насекомыхъ.

Въ такомъ громадномъ государствѣ, какъ Россія, необходимы научныя знанія для улучшенія хозяйства едва-ли не скорѣе всего могли бы проникнуть въ крестьянскую среду изъ особыхъ и доступныхъ для крестьянина позаній по разнымъ отраслямъ хозяйства и промышленности для каждого рода мѣстности, если среда эта окажется нѣсколько болѣе восприимчивою къ научнымъ знаніямъ и улучшеніямъ. Отсюда нужда въ лучшей народной школѣ, воспитывающей дѣтей крестьянина въ интересахъ его среды, растетъ у насъ съ каждымъ днемъ, какъ одна изъ первоочередныхъ въ государствѣ. У насъ уже появились при нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ школьные сады, заведенные по инициативѣ самихъ учителей.

Подъ школьнымъ садомъ разумѣется всякій школьный участокъ, на которомъ разводится плодовой садъ, питомникъ, огородъ, пасѣка и при благоприятныхъ условіяхъ небольшая пашня для общихъ занятій и работъ учащаго съ учащимися, съ воспитательною и экономическою цѣлью для тѣхъ и другихъ. При нѣкоторой опытности и знаніи нашъ народный учитель, занимаясь съ крестьянскими ребятами въ школьномъ саду надъ рѣшеніемъ послѣднихъ задачъ и вопросовъ сельского хозяйства, этимъ самымъ могъ бы положить доброе начало сельско-хозяйственному образованію въ нашей крестьянской средѣ и сдѣлать ее болѣе восприимчивою къ научнымъ знаніямъ. Въ этомъ случаѣ для народнаго учителя соединяются два весьма благоприятныхъ условія: первое, сельскій учитель въ большинствѣ случаевъ—единственный человекъ въ деревнѣ, который сравнительно легко можетъ получить и получить необходимые знанія и болѣе другихъ сносится, какъ педагогъ, практически передавать эти знанія нуждающемуся въ нихъ населенію; второе,—сельскій учитель пользуется особенно продолжительными каникулами, отъ 4 до 5 и болѣе мѣсяцевъ, которые не знаетъ часто какъ скоротать, не имѣя подъ руками никакихъ производительныхъ занятій. По нашему глубокому убѣжденію, изъ дѣтскихъ работъ и занятій въ школьномъ саду можетъ быть составленъ въ цѣломъ такой осмысленный дѣтскій трудъ, который прежде всего послужилъ бы хорошимъ средствомъ для воспитанія въ дѣтяхъ необходимыхъ нравственныхъ и физическихъ привычекъ къ труду. Дѣти-подростки работаютъ и наблюдаютъ въ саду вмѣстѣ съ учителемъ; а трудятся вмѣстѣ со взрослыми для многихъ изъ нихъ составляетъ большое удовольствіе. Они видятъ результаты своей работы, выращенныя ими деревца, кусты и другіе продукты культуры, а это еще болѣе побуждаетъ ихъ трудиться энергично. При такой общей работѣ учителя и учениковъ въ школьномъ саду каждый изъ нихъ чувствуетъ себя участникомъ въ дѣлѣ и помощникомъ товарищей, а учитель становится къ ученику въ такое положеніе, въ какомъ бываетъ отецъ или старшій братъ его на первой работѣ въ полѣ. На такихъ общихъ и болѣе оживленныхъ и продолжительныхъ работахъ въ саду невольно развиваются въ дѣтяхъ любовь къ осмысленному труду, внимательное и бережливое отношеніе къ продуктамъ природы, особенная любовательность, общительность и эстетическое чувство, дѣйствующее и на загрузбѣлую душу смѣлающимъ образомъ. Въ школьномъ саду также успѣшно можетъ быть продолжено образованіе и развитіе въ ребенкѣ понятій естественнымъ путемъ, при непосредственномъ воспріятіи ощущеній вѣснаго міра, а тѣмъ правильнѣе и полнѣе разовьются у ребенка первыя понятія, тѣмъ онъ легче и безопибочнѣе будетъ мыслить впоследствии. Занятія и наблюденія въ школьномъ саду, рядомъ съ наблюденіями окружающей природы, представляютъ цѣлый рядъ прекрасныхъ по своей естественной организаціи предметныхъ уроковъ, богатыхъ матеріаломъ. Въ школьномъ саду крестьянскіе ребята отлично убѣждаются на собственныхъ своихъ работахъ и наблюденіяхъ въ полнѣйшей возможности примѣнять прочитанное къ дѣлу, а это безъ сомнѣнія поведетъ къ тому, что и впоследствии, по выходѣ изъ школы, они будутъ нескатъ случая воспользоваться

книжкой по какой-либо отрасли своего хозяйства. Учащій и учащаяся, работая болѣе осмысленно въ школьномъ саду, прельщая образовательныя и экономическія цѣли, пользуются наблюденіями мѣстныхъ условій и явленій природы и причащаются къ своевременной и точной записи этихъ наблюденій. Для успѣха въ хозяйствѣ весьма важно каждому хозяину развить въ себѣ нѣкоторую опытность въ такомъ точномъ наблюденіи сельско-хозяйственныхъ условій и явленій въ окружающей природѣ. Притомъ, результаты такого опытнаго и болѣе или менѣе повсемѣтнаго наблюденія явленій, при ихъ постоянной записи, могутъ послужить и точными данными для науки путемъ сравненія таковыхъ наблюденій изъ многихъ школьныхъ садовъ извѣстной мѣстности. При болѣе успѣшномъ развитіи сады эти могутъ также послужить окружающему населенію образцомъ болѣе удачнаго хозяйства на небольшихъ участкахъ земли и удобнымъ мѣстомъ для пріобрѣтенія сѣмянъ и растений лучшей и болѣе цѣнной культуры. Учитель, работая съ учениками въ саду надъ болѣе успѣшнымъ выращиваніемъ и размноженіемъ растений, побуждаетъ крестьянскихъ ребятъ пересаживать лучшіе выращенные ими деревца и кусты къ себѣ на усадьбу и пользоваться разсадомъ и сѣменами школьнаго сада, въ награду за ихъ труды по саду. Такимъ образомъ крестьянскіе ребята причащаются прилагать знанія къ дѣлу; а возможность удачнаго приложенія знаній усилитъ въ нихъ охоту къ пріобрѣтенію знаній и увеличить увѣренность въ особенной пользѣ осмысленнаго труда. Побужденіе крестьянскихъ дѣтей къ выращиванію деревцевъ въ школьномъ саду и у себя на усадьбѣ особенно важно въ образовательномъ отношеніи для населенія сѣверной и средней полосы государствъ, гдѣ крестьянинъ, безпощадно вырубая и расчищая въ лѣсахъ каждый клочекъ земли подъ пашню, привыкъ чуть не враждебно, съ пренебреженіемъ относиться ко всякому дереву, не смотря на его громадное значеніе, какъ защиты для культурныхъ растений. При личномъ участіи въ воспитаніи плодоваго деревца крестьянскіе ребята во-первыхъ легче усмотрятъ всѣ стадіи развитія растения, и во-вторыхъ, ухаживая за тѣмъ или другимъ деревомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его выращиванія, ослабятъ въ себѣ грубое пренебрежительное отношеніе къ дереву. Наконецъ, школьные сады предоставятъ учащимся массу весьма разнообразныхъ ручныхъ работъ по культурѣ растений и по заготовкѣ и ремонту снарядовъ и орудій по хозяйству, начиная съ самыхъ простыхъ и мелкихъ подѣлокъ, — въ родѣ зубца для грабеля и бороздника, колѣсика съ дощечкой для этикета, и кончалъ сложною и крупною — разборнымъ ульемъ для пчелы, или болѣе аккуратно работы—прививкой и окулировкой живыхъ растений. Такая работа въ цѣломъ составитъ самый интересный и производительный ручной трудъ полезный для развитія руки, глазо-мѣра и необходимой внимательности, притомъ трудъ несколько не отвлекающій отъ земли и сельского хозяйства. Наконецъ, школьные сады при достаточномъ количествѣ земли могутъ удержать многихъ учащихся отъ бродячей жизни въ долгія лѣтнія каникулы, предоставивъ имъ возможность создать себѣ въ деревнѣ лучшее положеніе въ матеріальномъ и духовномъ отношеніяхъ. Съ улучшеніемъ же и обезпеченіемъ положенія сельского учителя и его школьной обстановки можетъ окончательно выработаться народный учитель-воспитатель, полный спокойствія и расположенія къ труду, какимъ онъ долженъ быть, какъ начальныи учитель, при первомъ воспитаніи и обученіи дѣтей. Такому воспитывающему и ощущительно полезному направленію сельской школы народъ нашъ положительно порадуется, какъ лучшей педагогической мѣрѣ къ улучшенію его тяжкаго труда, хозяйства и быта.

Мы глубоко убѣждены, что такая педагогическая мѣра возможна для народной школы и при настоящемъ ея учителѣ, если школа будетъ надѣлена достаточнымъ участкомъ земли, а учителю предоставится возможность ознакомиться съ нѣкоторыми отраслями сельского хозяйства и пріобрѣсть достаточный навыкъ въ приемахъ нѣкоторыхъ болѣе сложныхъ работъ по хозяйству, чтобы онъ могъ успѣшнѣе примѣнять, упрощать и облегчать каждую работу въ школьномъ саду, какъ для себя лично, такъ и для учащихся въ особенности. Поэтому рядомъ съ сельскохозяйственными занятіями въ народной школѣ и въ дополненіе къ нимъ—въ высшей степени полезнымъ представится намъ устройство въ разныхъ мѣстностяхъ государства періодическихъ краткосрочныхъ курсовъ для народныхъ учителей по разнымъ отраслямъ сельского хозяйства и промышленности, для скорѣйшаго содѣйствія на мѣстѣ болѣе успѣшному устройству школьныхъ садовъ. Намъ удалось въ настоящемъ году принять близкое участіе въ устройствѣ курсовъ плодводства и огородничества въ Петербургской губерніи, руководимыхъ магистрантомъ богачиномъ Р. Ределемъ, и познакомиться въ прошломъ году съ таковыми же курсами въ Псковской губерніи, извѣстнаго садовода А. Грелля. На тѣхъ и другихъ курсахъ нельзя было не убѣдиться въ громадной ихъ пользѣ, какъ для сельскихъ учителей, такъ и для постороннихъ слушателей, по возмозному исполненію на таковыхъ курсахъ весьма сложныхъ и новыхъ работъ по обработкѣ земли, культурѣ растений и технической обработкѣ

сырья. Такие практические курсы, при болѣе широкомъ ихъ приращеніи, представляютъ наибѣйшую возможность и при небольшихъ сравнительно затратахъ не только распространить по деревнямъ и селамъ необходимыя знанія для улучшенія извѣстной отрасли мѣстнаго хозяйства, но и обогатить данную мѣстность культурою болѣе цѣнныхъ растений или какою-либо новою техническою обработкою сырья на мѣстѣ. Мы видѣли, съ какою энергіею и съ какими сочувствіемъ къ дѣлу работали сельскіе учителя на курсахъ плодоводства и огородничества въ городѣ Гатчинѣ и какъ много полезнаго вынесли они, стараясь успѣшно выполнить задачу курсовъ по практическимъ работамъ, — устроить на отведенныхъ участкахъ примѣрный плодовый садъ съ питомникомъ и огородомъ и привести въ порядокъ старый запущенный садъ. Въ продолженіе трехъ недѣль курсовъ была исполнена учителями масса такихъ сложныхъ работъ, какъ сѣмка и нивелировка участковъ, отведенныхъ подъ садъ; изслѣдованіе грунта и распланировка участковъ подъ плодовый садъ, питомникъ и огородъ; устройство пограничныхъ канавъ съ валомъ и живую изгородью и проведеніе дорожекъ; перекопка 200 квадр. сажень въ питомникѣ на перевалѣ на 14 вершковъ глубины; постройка садоваго землянаго подвала и глиняныхъ водоёмовъ для нагрѣванія колодезной воды передъ поливкою; заготовка компостныхъ и другихъ кучъ для улучшенія почвы и подпочвы; выкопка особыхъ ямъ извѣстной величины для посадки взрослыхъ плодовыхъ деревьевъ и самая посадка деревьевъ; посѣвъ дичковъ яблони и сѣянъ другихъ растений; посадка и пересадка дичковъ и прививковъ плодовыхъ деревьевъ и кустовъ; упражненія въ окулировкѣ, прививкѣ и размноженіи отводками, дѣленіемъ и черенками. Не чуждались

учителя и самыхъ мелочныхъ и простыхъ, повидному, работъ, напр., въ родѣ насадки лопатъ и мотыгъ; приготовленія разныхъ кольевъ, реекъ, ватерпасовъ; варки садоваго вара; пережиганія глины для ея обработки; обдѣлки досокъ, стропилъ и бревенъ для сруба землянаго подвала и проч. Они старались какъ можно ближе ознакомиться съ приемами каждой предлагаемой работы и насколько возможно болѣе приобрести въ ней навыка: нѣкоторые изъ нихъ работали до кровавыхъ мозолей и отековъ на рукахъ, не обращая вниманія на проливные дожди, вязкость почвы послѣ дождя и нѣкоторые лишены въ пищу, одежду, обуви и удобствахъ для сна. Занятія на этихъ курсахъ происходили ежедневно съ 6-ти часовъ утра и до 7-ми вечера, съ двумя перерывами: утромъ на одинъ часъ для чая и днемъ на два часа для обѣда и отдыха. Въ праздничные же дни учителя отправлялись съ руководителемъ на экскурсіи для знакомства на мѣстѣ съ сорною, луговою и болотною растительностью и съ культурою мѣстнаго садоваго сада, питомника и огорода.

Въ результатѣ такихъ занятій мы видимъ развитіе въ народѣ стремленія къ лучшему хозяйству, паденіе многихъ вредныхъ предрасудковъ, и наконецъ возможность послѣдующаго задержанія дальнѣйшаго развитія того естественнаго процесса, въ силу котораго даже лучшая наша культурная площадь и нашъ тяжелый земледѣльческій трудъ и хозяйство все болѣе и шире становятся подъ ужасное давленіе физическихъ условій.

Не можемъ же пожелать полнаго успѣха такой образовательной мѣрѣ для улучшенія народнаго труда и хозяйства, такъ какъ отъ успѣха этого труда зависитъ наше богатство и счастье.

Къ рисункамъ.

Первая ссора. (Рис. на стр. 993).

Нигдѣ такъ часто не приложима русская пословица „Милые бранятся — только тѣшатся“, какъ въ средѣ подростковъ. Малѣйшаго предлога достаточно, чтобы задѣть самолюбіе въ этомъ критическомъ возрастѣ, который приближается къ юношескому, но сохранивъ въ себѣ еще много дѣтскаго. Вотъ передъ нами такая поспорившаяся парочка — оба сидятъ надувшись другъ на друга. Но юное сердце какъ вспыльчиво, такъ же и отходчиво. Не пройдетъ нѣсколькихъ минутъ — и друзья помирятся какъ ни въ чемъ не бывало. Римскій художникъ А. Корелли, кисти котораго принадлежитъ картина на первой страницѣ нынѣшняго нумера, одинъ изъ немногихъ живописцевъ, посвятившихъ себя акварели. Въ ней оны достигъ замѣчательнаго совершенства и работы его очень цѣнятся знатоками и любителями, особенно послѣ берлинской выставки 1886 года, на которой онъ былъ удостоенъ вышей награды.

Возвращеніе съ неудавшагося заработка.

(Рис. на стр. 996).

Отхожіе промыслы на Руси искони служили подспорьемъ населенія въ мало-хлѣбородныхъ губерніяхъ, и не рѣдко видѣть среди лѣта партію крестьянъ, отправляющихся изъ довольно сѣверныхъ краевъ, напр., въ Донецкую область косарями. Но въ тяжелый годъ неурожая хлѣбовъ и травъ, во время общей безкормицы и голодовки, и эта надежда на заработокъ нерѣдко обманываетъ: прибывъ на мѣсто, партія не находитъ себѣ работы и должна возвращаться съ пустыми руками... Этотъ печальный исходъ и изображенъ нашимъ молодымъ художникомъ.

Смерть Цезаря. (Рис. на стр. 997).

Нѣтъ болѣе Цезаря — старый другъ и многолѣтній кормилецъ издохъ. Сколько горя принесла смерть Цезаря, видно по взглядамъ и позамъ его хозяевъ. Какъ убитая сидитъ у косматой головы страшнаго звѣря молодая женщина, давно уже привыкшая къ ужасному царю звѣрей, переставшему для нея быть страшнымъ за многіе годы совместной скитальческой жизни. Неподвижно стоитъ у отворенной кѣтки содержатель звѣринца, которому было не мало труда и опасностей укротить непокорнаго влстителя африканскихъ степей. Пойманный молодымъ львенкомъ, онъ не скоро приручился, — не то что львята, которые рождаются въ неволѣ. Но терпѣніе и настойчивость человѣка все можетъ преодолѣть, и непокорный левъ сталъ наконецъ послушнымъ голосу своего укротителя. Не мало послѣ того раздѣлилъ Цезарь успѣховъ со своимъ повелителемъ, къ которому благородное животное, наконецъ, горячо привязалось и охотно впускало его въ кѣтку. Мало того, хозяинъ подставлялъ льву широкіе обручи, и царь звѣрей покорно проскакивалъ въ нихъ наподобіе самаго кролика пуделя, что вызывало всегда восторженныя рукоплесканія зрителей. Затѣмъ левъ садился передъ столкомъ, ему повязывали салфетку на шею, и онъ начиналъ обѣдать чинно

принимая изъ рукъ хозяина кусочки мяса... Словомъ, не перечестъ всѣхъ его продѣлокъ. И вотъ, когда труды увѣчались успѣхомъ, когда оставалось только собирать плоды терпѣнія и настойчивости, Цезарь издохъ, и съ его смертію опять наступили трудные дни лишеній и невгодъ для его хозяевъ.

Рѣшительный отвѣтъ. (Рис. на стр. 1001).

Рѣшительный отвѣтъ всегда затруднителенъ, особенно въ случаяхъ подобныхъ изображенному Зиммомъ, когда дѣло идетъ о всей будущей судьбѣ. Понятно, что молодая дѣвушка серьезно призадумалась, хотя и хочетъ скрыть свои колебанія подѣ улыбкой.

Православный соборъ въ Токио. (Рис. на стр. 1004).

24 февраля нынѣшняго года происходило въ Токио торжественное освященіе православнаго храма во имя Воскресенія Христова, на вершинѣ холма Суругадай. Начать оны былъ постройкою въ 1887 году по проекту архитектора Шурупова, подъ непосредственнымъ надзоромъ преосвященнаго Николая, основателя и начальника русской духовной миссіи въ Японіи. Не болѣе тридцати лѣтъ какъ насаждены были первая сѣмена православія въ Японіи, и нынѣ насчитывается уже около 20,000 православныхъ японцевъ. Великое дѣло этого распространенія неразрывно связано съ именемъ преосвященнаго Николая. По окончаніи курса въ Московской духовной академіи, отецъ Николай былъ посвященъ въ санъ іеромонаха и посланъ въ Николаевскъ, а оттуда въ 1861 году назначенъ въ Японію, настоятелемъ церкви при русскомъ консульствѣ въ Хакодате. По прибытіи въ Японію о. Николай рѣшилъ заняться проповѣдью православія, несмотря на всѣ затрудненія, которыя ставились японскою нетерпимостью. Рядомъ съ этимъ незнаніе мѣстнаго языка и обычаевъ много мѣшало успѣху дѣла. Около 7 лѣтъ труды о. Николая были безуспѣшны, пока ему не удалось обратитъ на путь православія одного японца Савабѣ-санъ, жреца городской молельни. Новообращенный, получившій при Св. Крещеніи имя Павла, вскорѣ сдѣлался ревностнымъ и лучшимъ помощникомъ о. Николая. Въ 1869 году, послѣ немалыхъ хлопотъ преосвященнаго Николая, была учреждена въ Японіи православная миссія, и чрезъ 3 года уменьшились стѣсненія христіанъ съ изданіемъ правительственнаго распоряженія не преслѣдовать ихъ. Около этого времени о. Николай переѣхалъ въ Токио, гдѣ было приобретено мѣсто для русской миссіи и построенъ былъ для нея особый домъ съ церковью. Вскорѣ церковь не могла вмѣщать всей паствы и было рѣшено построить на площадкѣ у главнаго дома большой соборный храмъ. Съ этою цѣлью были открыты приемъ пожертвованій и въ 1887 году можно было приступить уже къ работамъ. Нынѣ прекрасный храмъ уже освященъ и можетъ вмѣщать болѣе 1,500 молящихся. Мы получили рисунокъ этого храма изъ Японіи съ оригинальною японскою подписью. Дословный переводъ ея весьма обязательно сдѣланъ для насъ въ здѣшнемъ японскомъ посольствѣ и помѣщается подѣ рисункомъ.

Принцъ Дамронгъ.

(Портр. на этой стр.)

Путешествующій по Европѣ и прибывшій на-дняхъ въ Ливадію, Сіамскій принцъ Дамронгъ, 3 ноября, представляясь Государю Императору, вручилъ Его Величеству письмо Сіамскаго короля и знаки высшаго ордена Сіамскаго Шахръ-Кри. 4 ноября принцъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ катался въ паркѣ и посѣтилъ Массандру. На другой день, въ 3 часа пополудни, Сіамскій принцъ и принцесса Вельская съ дочерьми отбыли изъ Ялты на пароходѣ Добровольнаго флота „Орель“.

Принцъ Дамронгъ, сводный братъ короля Сіамскаго, Чуалонгорна, обладаетъ обширнымъ образованіемъ, самостоятельными взглядами, остроуміемъ и чрезвычайно серьезно относится къ своему призванію. Если вѣрится извѣстному Бловнцу (корреспонденту *Times*), то вотъ собственныя слова принца, сказанныя во время свиданія съ неутомимымъ журналистомъ:

„Съ 6 и до 14 лѣтъ (теперь принцу 34-й годъ) моими преподавателями были учителя различныхъ національностей. 14-ти лѣтъ я вступилъ въ ряды войскъ и вскорѣ былъ назначенъ полковникомъ лейбъ-гвардіи моего отца, покойнаго короля. Но преобладающею моею склонностью были ученые занятія, и имъ посвящаль я всѣ мои досуги, такъ что старшій братъ мой, вступивъ на престолъ, довѣрилъ мнѣ управленіе народнымъ просвѣщеніемъ въ Сіамѣ. Я хотѣлъ соединить новыя мои обязанности съ офицерскою службой, но вскорѣ убѣдился, что нельзя ѣхать верхомъ на двухъ коняхъ разомъ, и такъ какъ мнѣ предстоялъ выборъ между солдатомъ и чиновникомъ, то я вышелъ изъ арміи и сталъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, основаннаго

Принцъ Дамронгъ Сіамскій. Съ фот. грав. Пшюблеръ.

немыслимо, такъ какъ большая часть семей не можетъ обходиться безъ дѣтской помощи въ работѣ. Чтобы восполнить такой пробѣлъ въ образованіи и возбудить охоту къ ученію, я сталъ во множествѣ распространять интересныя и поучительныя книжки, возможно дешевыя, но изящно наданныя, что, надѣюсь, будетъ имѣть хорошее вліяніе на родителей и дѣтей“.

Политической миссін принцъ не имѣетъ. „Тѣмъ не менѣе“, говоритъ онъ, „мы всегда обезпечиваемъ своей націи политическія выгоды, знакомясь съ высшею цивилизаціей другихъ народовъ. Сіамъ по природѣ своей чрезвычайно плодотворная страна, богатъ лѣсами и минералами. Кто можетъ сказать, что будетъ съ Сіамомъ, когда и на его долю выпадутъ тѣ блага цивилизаціи, которыя доставлены открытіями нынѣшняго вѣка націямъ стоящимъ во главѣ прочихъ“.

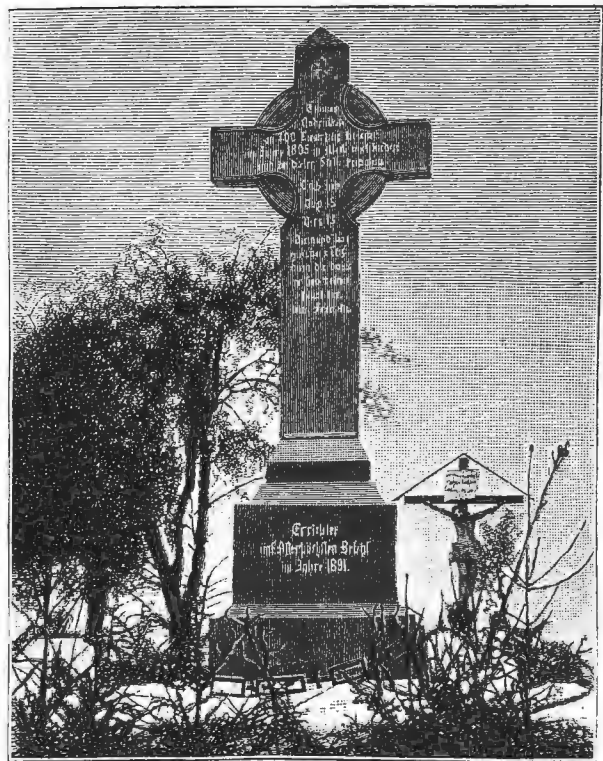
Памятникъ русскимъ воинамъ, погибшимъ въ Мелькѣ въ 1805 г.

(Рис. на этой стр.)

22 сентября (4 октября), въ городкѣ Мелькѣ, лежащемъ въ трехъ часахъ пути отъ Вѣны, открытъ памятникъ тремъстамъ русскимъ воинамъ, погибшимъ здѣсь въ 1805 году. Послѣ Аустерлицкаго сраженія, французы взили въ плѣнъ 1,200 человекъ и отравили ихъ въ Мелькѣ. Изъ плѣнниковъ 500 русскихъ были заключены комендантомъ въ башнѣ Бенедиктинскаго монастыря, съ одною только дверью и маленькими албраурами вмѣсто оконъ. Это было 13 декабря; голая суровая зима, и трое русскихъ, находившихся въ подвалѣ башни, вздумали погрѣться, нашли гдѣ-то дровъ и разложили огонь. Дымъ, поднимаясь къверху, наполнилъ верхніе этажи башни, запертой на ночь, и результа-

Новый памятникъ, воздвигнутый по Высочайшему повелѣнію, на могилѣ трехсотъ русскихъ воиновъ въ Мелькѣ. Лицевая сторона.

Задняя сторона.

и общественнаго здравія. Въ учрежденныхъ и содержимыхъ правительствомъ школахъ считалось 2,500, а въ монастырскихъ до 50,000 учениковъ, что, конечно, весьма недостаточно въ сравненіи съ осѣдлымъ населеніемъ Сіама, простирающимся до 6 милл. душъ, причѣмъ число это сильно увеличивается бродячими сіамцами. Но принудительное обученіе въ Сіамѣ

томъ этого была страшная катастрофа: триста человекъ задохнулись въ дымѣ.

Они были похоронены въ общей могилѣ, за городомъ, между потокомъ Мелькомъ и Дунаемъ, и надъ нею поставленъ былъ простой крестъ, носившій съ тѣхъ поръ названіе *русскаго* (Russenkreuz). Нашему военному атташе въ Вѣнѣ, полковнику

Зуеву, принадлежит честь разыскания всѣхъ подробностей этого дѣла въ архивахъ города Мелька. Запасшись необходимыми свидѣніями, онъ сдѣлалъ докладъ своему вѣдомству, прося довести до свѣдѣнія Высшей Власти. Въ маѣ 1891 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе воздвигнуть на мѣстѣ памятника погибшихъ. Общество города Мелька охотно уступило для этого кусокъ земли. Самый памятникъ—четырёхконечный крестъ изъ чернаго сѣнита, вышиною болѣе двухъ сажень, съ русскою надписью на лицевой сторонѣ, крупными золотыми буквами, которая гласитъ: „Вѣчная память тремъстамъ русскимъ воинамъ, погибшимъ на чужбинѣ въ 1805 году въ Мелькѣ и здѣсь погребеннымъ“. Затѣмъ означены глава и стихъ изъ Евангелія отъ Іоанна съ текстомъ: „Большее сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други свои“. Въ самомъ низу написано, что памятникъ поставленъ по Высочайшему повелѣнію въ 1891 году. На задней сторонѣ креста та же надпись на нѣмецкомъ языкѣ. Подножіе креста составляетъ квадратная площадь изъ такого же камня бѣлаго цвѣта. По угламъ чугунныя тумбочки и между ними чугунная цѣпь. Кругомъ устроена площадка, края которой выложены дерномъ и обсажены молодыми пихтами.

Іоганъ Каспаръ Лафатеръ. (Портр. на стр. 1012).

Германія празднуетъ 150-ю годовщину рожденія одного изъ выдающихся представителей литературнаго періода извѣстнаго подъ названіемъ періода „бури и натиска“—періода, къ которому вмѣстѣ съ цѣлою плеядой блестящихъ дѣятелей принадлежали Гёте и Шиллеръ. Для насъ, русскихъ, писанія Лафатера, болѣею частью протестантско-богословскія, паноловинны мистическія, не имѣютъ значенія, и вся его извѣстность въ Россіи, нѣкогда весьма громкая и обширная, основана на его трактатѣ о физиогномикѣ.

Іоганъ Каспаръ Лафатеръ, сынъ врача, родился 15 (3) ноября 1741 года въ Цюрихѣ, съ 1754 года учился въ мѣстной гимназіи, и предназначенъ въ духовное званіе, съ юности принявъ аскетическо-мистическое направленіе, которому и оставался вѣренъ всю жизнь. Въ 1763 году онъ посѣтилъ Сѣверную Германію, гдѣ познакомился со многими выдающимися людьми того времени (Зульцеръ, Эрнести, Геллертъ, Эзеръ, Моисей Мендельсонъ, Клоппштокъ и др.) и вскорѣ выступилъ на литературное поприще со своими знаменитыми „швейцарскими пѣснями“. По возвращеніи въ Цюрихъ, онъ сталъ, въ 1769 г., діакономъ, а въ 1775 г. настоятелемъ при церкви свят-

скаго дома, а затѣмъ и при церкви Св. Петра. Последніе годы его жизни были омрачены полгическими волненіями. Борясь противъ суровыхъ мѣръ кантональнаго правительства, злоупотребленій демократіи и насилій французской директоріи, онъ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ Россіей и Австріей, и въ маѣ 1799 г. сосланъ въ Базель. Освобожденный въ іюніѣ и возвращенный въ Цюрихъ, онъ былъ, при взятіи этого города Массеной, пораженъ пулей на улицѣ, гдѣ оказывалъ помощь раненому солдату. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ страданій, онъ умеръ отъ раны 2 января 1801 г. Лафатеръ пользовался громадною популярностью во всей Европѣ, былъ въ перепискѣ даже съ коронованными особами, въ томъ числѣ съ императрицей Маріей Теодоровной.

Величайшимъ твореніемъ, прославившимъ имя его во всемъ мірѣ, были его „физиогномистскіе отрывки“, обыкновенно называемые *физиогномикой*, въ четырехъ большихъ томахъ. Основная мысль этого трактата такова, что въ человѣческомъ лицѣ отражается то чистый, то искаженный образъ Божій, и что одинаковые или сходные характеры должны имѣть соответствующія или одинаковыя или сходныя черты лица. Гёте и другіе помогали Лафатеру въ этой работѣ. Дальнѣйшія наблюденія однако показали, что хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ ученія Лафатера было много вѣрнаго, но общія положенія не выдерживаютъ критики. Тѣмъ не менѣе, предсказанія Лафатера по физиогноміи долгое время считались оракуломъ, и еще дѣды наши серьезно говорили объ Лафатерѣ.

Кубокъ сѣверной броненосной эскадры.

(Рис. на стр. 1012).

Читатели нашего журнала хорошо помнятъ горькій приемъ, оказанный въ Кронштадтѣ французской броненосной эскадрѣ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Йерве. По возвращеніи на родину офицеры эскадры испросили у своего начальства разрѣшенія поднести своимъ друзьямъ въ русскомъ флотѣ подарокъ, въ воспоминаніе дней проведенныхъ среди нихъ. Подарокъ этотъ представляетъ изящную вазу, высотой около аршина, работы гг. Фроманъ-Мерисъ по модели *Вешера*. Ча чашѣ, поддерживаемой группой Цептуна и двухъ ваянъ, вычеканены три медальона, а подножіе, украшенное тригонами, морскими конями, лебедями и дельфинами, рѣзаными въ водѣ, носитъ надпись по-французски: „Сѣверная броненосная эскадра, подъ командою адмирала Йерве, морскому собранію въ Кронштадтѣ“, и фамиліи всѣхъ офицеровъ эскадры.

Политическое обозрѣніе.

Русскіе гости продолжаютъ быть предметомъ самаго радужнаго приема во Франціи и ея колоніяхъ. И. И. В. Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи и Герцогъ Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій присутствовали 1 ноября на охотѣ, устроенной въ честь Ихъ президентомъ республики въ Рамбульѣ. На эту охоту были приглашены адъютанты высочайшихъ гостей, баронъ Моренгеймъ, французскій посолъ въ С.-Петербургѣ графъ Монтебелло и генералъ Брюжеръ.

Изъ Алжира сообщаютъ, что по случаю пребыванія тамъ русскихъ моряковъ, городъ украшенъ русскими и французскими флагами. Вечеромъ 4 ноября, во время иллюминаціи состоялось факельное шествіе, въ которомъ приняли участіе разныя общества и многочисленная публика съ оркестромъ звуковъ. Въ общественномъ собраніи былъ устроенъ пуншъ, на которомъ присутствовали губернаторъ, мѣстные власти и около 250 чел. гостей. При входѣ въ залъ русскіе офицеры были встрѣчены шумными аплодисментами и криками „Vive la Russie!“ Губернаторъ обратился къ офицерамъ съ приветственною рѣчью и провозгласилъ тостъ за здоровье Ихъ Императорскихъ Величествъ и за президента Карно. Городской голова, упомянувъ о франко-русскихъ симпатіяхъ, провозгласилъ тостъ за офицеровъ „Дмитрія Донскаго“, русскій флотъ и Россію. Префектъ провозгласилъ тостъ за Великаго Князя Георгія Александровича. Русскій консулъ благодарилъ отъ имени командира „Дмитрія Донскаго“, за пріятель и пожеланія и провозгласилъ тостъ за г. Карно. Оркестръ нѣсколько разъ исполнилъ русскій гимнъ. Вечеръ закончился народнымъ спектаклемъ въ театрѣ, гдѣ публика встрѣтила шумными овациями русскимъ гостямъ.

Рѣчь императора Австрійскаго, произнесенная имъ при приемѣ делегатовъ, прозвучала не повсюду благоприятное впечатлѣніе. *Neue Freie Presse* находить, что тронная рѣчь очень скудна, такъ какъ въ ней ничего не сказано ни о заявленномъ Германскимъ императоромъ возобновленіи троюбвеннаго союза, ни о сближеніи съ Англіей. Газета прибавляетъ, что на тронной рѣчи „лежитъ тѣнь кронштадтскихъ событій“.

Дальнѣйшія вѣсткія только болѣе увеличили смущеніе. Такъ телеграфъ принесъ извѣстіе, что послѣ пріема императоръ Францъ-Іосифъ бесѣдовалъ со многими изъ делегатовъ. Делегату Демелю, который по выслушаніи тронной рѣчи высказалъ, что теперь можно считать величайшую увѣренность въ сохраненіи мира, императоръ сказалъ: „Нужно, однако, быть

очень осторожнымъ. Все это только ожиданія, осуществленія которыхъ надо ожидать“. Многихъ делегатовъ императоръ спрашивалъ о состояніи озимыхъ посѣвовъ, особенно сильно потерпѣвшихъ въ Венгріи и Галиціи отъ засухи. Делегатъ Бреннеръ отвѣтилъ на это, что въ Нижней Австріи и другіхъ областяхъ озимые посѣвы находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ Россіи. „Къ сожалѣнію—сказалъ императоръ—въ Россіи голодъ, что крайне прискорбно“.

Еще болѣе тягостное впечатлѣніе произвелъ слухъ, будто при бесѣдѣ съ главою польскаго клуба Яворскимъ императоръ представилъ нынѣшнее политическое положеніе, какъ особенно серьезное. Газета *Wiener Abendblatt* затѣмъ заявила, будто императоръ сказалъ, что голодъ въ Россіи увеличиваетъ опасность войны. Хотя это заявленіе было рѣшительно опровергнуто напечатаннымъ вечеромъ сообщеніемъ польскаго клуба и газетою *Wiener Abendpost*, однако оно успѣло произвести значительное недоумѣніе въ политическихъ кружкахъ Вѣны и вызвать движеніе на биржѣ. Въ засѣданіи рейхсрата были представлены семь запросовъ относительно лживаго сообщенія газеты *Wiener Abendblatt*. Всѣ партіи, безъ исключенія, возмущены выходкою газеты. Въ бюджетной комисіи австрійской делегаціи нѣсколько делегатовъ выразили свое негодованіе по поводу газетныхъ продѣлокъ, которыя вызвали паніку на биржѣ. Советъ министровъ поэтому счелъ долгомъ собраться и установилъ тексты отвѣта на запросы по дѣлу *Wiener Abendblatt*. До закрытія засѣданія рейхсрата графъ Таафе заявилъ, что правительство раздѣляетъ негодованіе рейхсрата и приложитъ всѣ старанія къ разъясненію обстоятельствъ дѣла и къ наказанію виновниковъ случившихся биржевыхъ маневровъ. Прокурорскій надзоръ приступилъ уже къ судебному разслѣдованію. Рейхсратъ тотчасъ единогласно рѣшилъ приступить къ обсужденію отвѣта. Антисемитскій депутатъ Люгеръ заявилъ, что *Wiener Abendblatt* поддерживаетъ связи съ барономъ Гиршемъ и служить органомъ международной клики, стремящейся втянуть Австрію въ войну съ Россіей.

Все это происходило спустя три дни послѣ того какъ въ комисіи иностранныхъ дѣлъ венгерской делегаціи графъ Кальноки заявилъ, что Австро-Венгрія находится въ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми державами. Относительно торговыхъ договоровъ министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ, что не можетъ пока дать разъясненій по этому вопросу, такъ какъ онъ еще остается открытымъ. Наши отношенія къ ирежнимъ союзникамъ, продолжалъ министръ, скрѣплены возобновленіемъ

тройственного союза. Особенно интимными стали наши отношения с Германией послѣ осенних маневровъ, на которыхъ присутствовали Германскій императоръ. Министръ присовокупилъ, что толки о кронштадтскихъ событіяхъ были преувеличены. Результатомъ этихъ событій исключительно является естественное сближеніе, состоявшееся уже раньше, между Россіей и Франціей. Не смотря на частыя перемѣны министровъ въ Румѣніи, отношенія Австріи къ этой державѣ остались дружественными, такъ какъ тамъ руководящею силою являются взгляды короля, который имѣетъ рѣшительное влияние на развитіе страны. Отношенія къ Сербіи значительно улучшились съ прошлаго года, чему много содѣйствовало посѣщеніе короля Александра въ Пилль. Правда, что въ сербскомъ обществѣ возрасаетъ великосербская идея, но это не внушаетъ, однако, опасеній: движеніе остается мѣстнымъ. По

вопросу о Дардавеллахъ, Турція разослала разъясненіе, которое принято къ свѣдѣнію всѣми державами. Какъ видно изъ разъясненія, дѣлая нѣкоторыя уступки Россіи, Турція руководилась законнымъ правомъ. О Болгаріи министръ заявилъ, что вопросъ признанія принца Фердинанда остается, къ сожалѣнію, въ прежнемъ положеніи. Благоуразумное поведеніе болгарскаго правительства заслуживаетъ одобренія. Ему можно только посоветовать поддерживать наилучшія отношенія съ Турціей, какъ суверенною державою, и избѣгать рискованныхъ проектовъ. Общее положеніе, по мнѣнію министра, благоприятно сохраненію мира. По дружественнымъ своимъ отношеніямъ съ Австріей итальянское правительство заранѣе извѣстило Австрію о свиданіи маркиза Рудини съ министромъ Гиромъ. Маркизь Рудини далъ послѣ свиданія новыя разъясненія, которыя не возбуждаютъ никакихъ опасеній.

Библиографія.

Героическіе рассказы.—Народы Востока и Запада. Отечественные героическіе рассказы.

Объ книги съ рисунками, картами и планами. Составилъ К. К. Абаза. Цѣна каждой книги 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 80 к. Изданіе Березовскаго въ СПб.

Подъ этимъ новымъ названіемъ г. Абаза выпустилъ вторымъ изданіемъ хорошо извѣстную читающей публикѣ „Общедоступную военно-историческую хрестоматію“. Въ свое время эта книга была встрѣчена весьма сочувственными отзывами въ нашей періодической печати. Къ настоящему изданію составитель приложилъ много труда, чтобы исправить недѣлительные у него недостатки и восполнить существенныя пробѣлы: прибавлена новая статья „Юлій Цезарь“; нѣкоторыя статьи переделаны; одна, какъ не отвѣчающая цѣли изданія, совсѣмъ выпущена. Остальной матеріалъ тщательно пересмотрѣнъ и исправленъ, согласно съ замѣчаніями компетентныхъ лицъ, давшихъ объ этомъ трудъ свои отзывы.

Главное достоинство книги г. Абазы заключается въ томъ, что она составлена опытнымъ и талантливымъ педагогомъ, который умѣлъ приспособить военную исторію для чтенія не только въ военной средѣ, но въ семьѣ и школѣ, и съ этой цѣлью пожертвовалъ нѣкоторыми специальными достоинствами рассказа въ пользу его общедоступности.

Книга полезна особенно для юношества, которое найдетъ въ ней идеалы далеко не односторонніе и, можно сказать, вполне здоровые. Каждый рассказъ знакомитъ читателя съ исторіей славы навѣснаго народа, съ доблестными сторонами его характера. Нечего и говорить, что дѣти, особенно мальчики, будутъ преимущественно увлекаться отечественной исторіей; но въ обихъ книгахъ есть рассказы, имѣющие достоин-

ства хорошихъ монографій, которые съ удовольствіемъ прочтутся и взрослыми.

Недостатокъ книги заключается, по нашему мнѣнію, въ недостаточной связи между дѣйствіями въ нѣкоторыхъ рассказахъ и въ слишкомъ большомъ расхождѣ зресоки на описовку малыхъ фигуръ и даже малозначущихъ агессуаровъ. Въ общемъ трудъ г. Абазы слѣдуетъ поставить на ряду съ лучшими книгами, изданными въ послѣднее время для чтенія въ семьѣ и школѣ. Н. Б.

Педагогическій календарь на 1891—1892 г. Годъ второй. Составилъ В. А. Воскресенскій. Ц. 50 к. Изданіе „Книжнаго склада“ А. М. Калмыковой. М. 1891.

Педагогическій календарь въ томъ видѣ, какой придакъ ему составитель, не только справочная книжка для учителей; всѣмъ интересующійся дѣломъ народнаго образованія въ Россіи найдетъ тамъ для себя различныя свѣдѣнія, какъ-то: статистику училищъ всѣхъ вѣдомствъ, законоположенія и правила, касающіяся различныхъ сторонъ училищнаго дѣла въ Россіи, уставы и программы нѣкоторыхъ специальныхъ учебныхъ заведеній, списки книгъ, одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а также педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ и журналовъ, вышедшихъ въ теченіе прошлаго года. Календарь даетъ также библиографію всѣхъ статей, напечатанныхъ въ педагогическихъ журналахъ прошлаго года. Вторая половина книжки занята нѣсколькими самостоятельными статьями по вопросамъ народнаго образованія и подробной біографіей чешскаго педагога Коменскаго (по поводу трехсотлѣтней годовщины его рожденія, которая будетъ праздноваться 28 марта 1892 г.).

Педагогическій календарь Воскресенскаго допущенъ въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ.

Смѣсь.

Мы получили слѣдующее письмо:

Милостивый государь,

Шадринскій Уѣздный Временный Благотворительный Комитетъ, призванный къ дѣятельности почти поголовнымъ бѣдствіемъ 307,000 населенія Шадринскаго уѣзда вслѣдствіе полнаго неурожая хлѣбовъ въ теченіе двухъ лѣтъ—1890 и 1891 годовъ—въ засѣданіи своемъ 14 сего октября постановилъ: съ цѣлію увеличенія средствъ Комитета обратиться къ содѣйствію прессы, просилъ редакціи наиболѣе распространенныхъ газетъ и журналовъ побудить въ обществѣ сочувствіе къ бѣдственному положенію нашего края. Материаломъ для редакціи можетъ служить протоколъ перваго засѣданія Комитета 13-го октября, въ которомъ помѣщена рѣчь члена-секретаря Комитета Н. Г. Федорова, характеризующая въ краткихъ чертахъ крайнее бѣдственное положеніе уѣзда. Грозная туча уже собралась надъ уѣздомъ и готова разразиться голодомъ повсемѣстнымъ и почти поголовнымъ. Уже и теперь 77,000 жителей питаются хлѣбомъ изъ сорныхъ травъ съ незначительной примѣсью ржи. Домашній скотъ, избалованный добрымъ сѣномъ, отвергиваетъ морды отъ этого хлѣба, а люди бѣдятъ и благодарятъ Бога, у кого есть запасъ сорной травы на завтрашній день. Но и урожай сорныхъ травъ не былъ значителенъ. Не далеко то время, когда не останется ничего. Даже и теперь обычное явленіе, что люди по два и по три дня остаются безъ всякой пищи, а что будетъ дальше—страшно подумать. Мы, мѣстные жители, съ замираніемъ сердца ждемъ этого страшнаго бѣдствія. Чтобы ослабить его, нужна помощь немедленная. Но бѣдный, голодный уѣздъ, истрадавшійся въ борьбѣ за каждый день существованія, не можетъ найти помощи въ самомъ себѣ. До сихъ поръ мы не получали помощи ни откуда ни копѣйки, кромѣ мѣстныхъ пожертвованій, давшихъ 1500 руб. Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Найдется масса лицъ, которыя не въ состояніи отвернуться отъ чужаго несчастья и для которыхъ горе ближняго равносильно собственному. Но дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Помогите же намъ, г. редакторъ, и словомъ, и дѣломъ. Призовите общество къ благотворительности, принимайте пожертвованія и посылайте въ Шадринскій Временный Благотворительный Комитетъ.

З. м. Предсѣдателя Комитета, Поповъ.

Членъ-секретарь Комитета Федоровъ.

При этомъ письмѣ намъ присланы образцы хлѣба, которымъ питается населеніе и на которые страшно смотрѣть. До какой степени надо настрадаться чтобы рѣшиться ввести въ желудокъ эту землестую массу, напоминающую все что угодно, только не хлѣбъ!

Нахожденіе труповъ подлѣ Визакни. Въ іюлѣ прошлаго года подлѣ городка Визакни (Зальцбурга), находящагося недалеко отъ главнаго города Седьмиградья Германитада, послѣ сильной грозы было сдѣлано крайне интересное открытіе, привлечшее общее вниманіе. Благодаря громадному количеству воды, въ началѣ названнаго мѣсяца стекшей въ долину съ горъ, окружающихъ Визакну, почва во многихъ мѣстахъ и въ особенности шахты соляныхъ рудниковъ были размыты. Одна изъ большихъ шахтъ, оставленная въ началѣ нынѣшняго столѣтія, была до краевъ залита водою и представляла глубокой колодезь. Рудокопы, находившіеся подлѣ этой шахты, замѣтили, что на поверхности залившей ее воды среди старыхъ полусгнившихъ бревенъ плаваютъ нѣсколько мужскихъ труповъ. Вытащенные изъ воды трупы оказались принадлежавшими жертвамъ войны 1849 г.; на нихъ видѣлись сабельныя и огнестрѣльныя раны. Именно, 4 февраля 1849 года подлѣ Визакни произошло столкновеніе венгровъ съ австрійскими войсками, причѣмъ пало болѣе 300 человекъ. Трупы ихъ были брошены въ шахту, такъ какъ трудно было вырыть могилу въ промерзлой землѣ. На краю шахты сдѣлали небольшую насыпь и на ней воздвигли деревянный крестъ. Могила эта была забыта и въ теченіе 40 лѣтъ навѣи спокойно лежали въ глубокой шахтѣ. Трупы убитыхъ не разложились, но вполне сохранились на днѣ шахты въ сильно просоленной водѣ. Только волосы выпали, всѣ же внутренніе и вышніе органы остались въ цѣлости. Такимъ образомъ сильно просоленная вода оказалась столь же пригодною для консервированія, какъ и спиртъ. (к.)

Въ Англіи во время лѣтняго сезона въ замки аристократовъ обыкновенно навѣщаетъ множество гостей, для которыхъ отводятся особыя комнаты. Обозрѣватель *III. London News* Джемсъ Пайнъ рассказываетъ слѣдующій забавный случай по поводу этого. Среди гостей лорда Х. онъ встрѣтилъ одного господина, котораго прежде не видалъ въ этомъ домѣ.

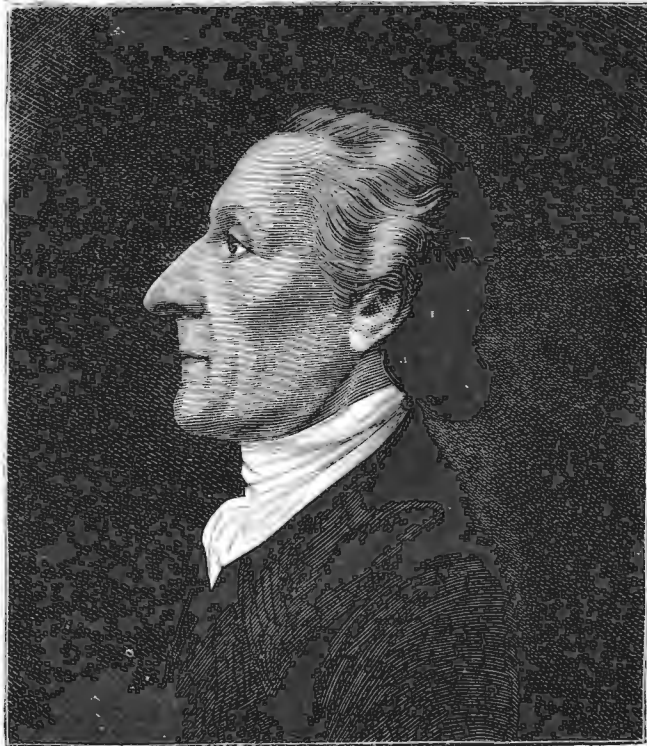
— Скажите, спросилъ онъ этого джентльмена, — васъ безъ сомнѣнія пригласилъ лордъ Х.?

Джентльменъ отвѣчалъ отрицательно.

— Въ такомъ случаѣ—леди X.?

— Нѣтъ и не леди X., хладнокровно отвѣчалъ джентльменъ.— Я знаю, что лордъ X. поссорился и уже давно не говоритъ съ женой, поэтому когда я схожу въ столовую онъ принимаетъ меня за знакомаго жени, она же—за его знакомаго (к.).

Происхождение медвяной росы. Часто въ лѣтній полдень листья многихъ растений, въ особенности кленовъ и липъ, покрываются блестящимъ налетомъ, который представляетъ липкую, тягучую, сладкую какъ сахаръ массу, покрывающую листъ сплошь, какъ глазурь, или въ видѣ отдѣльныхъ капель. Иногда вся листва липы или клена покрыта такимъ налетомъ, который стекаетъ съ листа на листъ каплями въ видѣ мелкаго дождя. Это явление, извѣстное подъ названіемъ медвяной росы, такъ же старо (о немъ знали еще Плиній), какъ и вопросъ о причинахъ и происхожденіи его. Въ разные времена ему давали различные объясненія. Нѣкоторые ученые полагали, что медвяная роса есть сладкое выдѣленіе самихъ листьевъ; но наблюденіе противорѣчитъ этому, такъ какъ капли во время его не увеличиваются въ объемъ. Вопросъ оставался нерѣшеннымъ, и только недавно докторъ Бюгенъ изъ Иены удовлетворительно объяснилъ это явление. Онъ пришелъ къ заключенію, что медвяная роса выдѣляется не листьями, но животными организмами, именно тлей. Такъ какъ послѣдняя весьма мала и почти не отличается окраскою отъ листьевъ, то не мудрено, что до сихъ поръ на нее не обращали вниманія при этомъ явленіи. Тля выдѣляетъ изъ себя медвяную росу часто на протяженіи 2 сантиметровъ. Возможность громаднаго выдѣленія медвяной росы этими крошечными насекомыми станетъ понятнѣе, если припомнить ихъ необычайную плодовитость и быстроту размноженія. Бюгенъ приводитъ любопытный примѣръ: 2 тли въ 2 дня выпустили 28 капель медвяной росы и въ это время размножились до 16 штукъ. Эти 16 тлей въ теченіи 1 дня выработали 100 капель росы. Поэтому, если мы возьмемъ вѣтку съ 30 листьями, на каждомъ изъ которыхъ находится по 16 тлей, то въ 1 день на этой вѣткѣ появится 3,000 капель медвяной росы, т. е. ежеминутно по 2 капли. Такъ какъ въ жаркіе лѣтніе дни размноженіе тлей идетъ быстро, то нѣтъ ничего удивительнаго, что цѣлыя деревья покрываются медвяною росой, которая падаетъ съ нихъ мелкимъ дождемъ. Медвяная роса, какъ показываетъ химическій анализъ, состоитъ изъ 50% сахара-сырца, 25% превращеннаго и 20% декстрина.

Иоганъ Наспаръ Лафатеръ (по поводу 150-й годовщины рожденія).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Ваза поднесенная французскою сѣвѣрною броненосною эскадрой подъ командою адмирала Жерве Морскому собранію въ Кронштадтѣ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Когда за холодною росистою ночью слѣдуетъ жаркій день, то капли медвяной росы, смѣшиваясь съ каплями ночной росы, увеличиваются въ объемъ, и явленіе выступаетъ во всей своей полнотѣ. Сама медвяная роса не приноситъ деревьямъ ни пользы, ни вреда. Она приманиваетъ муравьевъ, которые жадно пьютъ еѣ. Часто разводятся въ медвяной росѣ грибки, которые быстро растутъ и покрываютъ весь листъ бѣлымъ налетомъ, точно пудрою, и это явленіе носитъ названіе „ржавчины“ (к.).

Водовороты Сицилы и Харибда, въ Мессинскомъ проливѣ, между Сициліей и Калабрией, какъ извѣстно, играютъ страшную роль въ произведеніяхъ древнихъ поэтовъ и писателей. Благодаря узости пролива, съ прибрежныхъ горъ отлично видны оба водоворота, эти „ревуція чудовища“ древности, и современному зрителю становится непонятнымъ, какъ въ такихъ незначительныхъ водоворотахъ погибали цѣлыя флоты. Хотя, безъ сомнѣнія, значеніе водоворотовъ преувеличено древними мифами и баснями, тѣмъ не менѣе надо полагать, что съ теченіемъ времени Мессинскій проливъ значительно расширился, такъ какъ теперь оба водоворота столь незначительны, что даже трудно безошибочно указать мѣсто, гдѣ они находятся. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, водоворотъ Сицилы окруженъ гнейсовыми скалами на Калабрійскомъ берегу, на которыхъ лежитъ городокъ Сицила и которая сходять въ море и поднимаются изъ воды отдѣльными камнями и утесами. При сильномъ вѣтрѣ шумъ волнъ тамъ напоминаетъ лай собакъ, благодаря чему вѣроятно и сложилось древнее сказаніе. Харибда лежитъ подлѣ Мессинской гавани, въ 9 морскихъ миляхъ отъ Сицилы, такъ что опытному моряку мудрено попасть въ какой либо изъ этихъ водоворотовъ. Въ Катанѣ существуетъ сказаніе, что при Фридрихѣ II одинъ катанскій рыбакъ, Кола Песче, дважды нырнулъ въ Харибду за золотымъ кубкомъ и нашелъ смерть въ ея пучинѣ (к.).

Морская гавань въ Парижѣ. Комиссія собранная для разработки проекта устройства въ Парижѣ гавани, годной для морскихъ судовъ, недавно опубликовала свои работы. Между Руаномъ и Парижемъ предполагается провести большой каналъ, глубиною въ 6,2 метра. Гавань для большихъ кораблей будетъ находиться между Сенъ-Дени и Клиши, тогда какъ мелкія суда будутъ становиться въ Анделіусъ, Вернонъ, Пуасси, Аржантейль. Постройка канала обойдется въ 150 милліоновъ франковъ. (к.)

Открыта подписка на „Ниву“ 1892 г.

(Подписная цѣна см. на 1-й страницѣ).

Подписчики „Нивы“ на 1892 г. получают, кромѣ 52 номеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 номеровъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 номеровъ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫШИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ и выкроекъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ

романовъ, повѣстей, разсказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будутъ заключаться:

за **Юль** сочиненія **ГРИБОВДОВА** } Для несостоящихъ подписчиками
за **Августъ** „ **ПОЛЕЖАЕВА** } „Нивы“ цѣна каждого тома въ от-
за **Сентябрь** „ **КОЗЛОВА** } дѣльной продажѣ 1 рубль.

Каждый изъ этихъ поэтовъ будетъ изданъ подъ редакціей **А. И. Венденскаго** и составитъ отдѣльный томъ, съ гравированнымъ на стали **Ф. А. Брокгаузомъ** въ Лейпцигѣ портретомъ.

Кромѣ того подписчики „Нивы“ на 1892 г. получаютъ какъ главную художественную премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитриева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагоріо, Маковского и Навозова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошной акварелью Александровскаго.

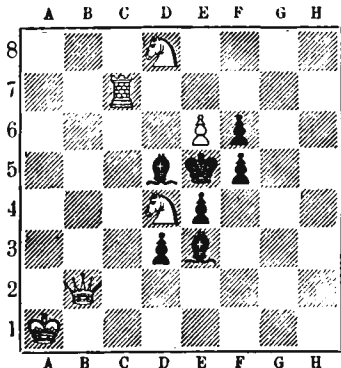
ШАХМАТЫ.

Подъ редакціей **Э. С. Шифферса.**

Задача № 46.

П. И. Маракулина (Полиньскі).

Черные.

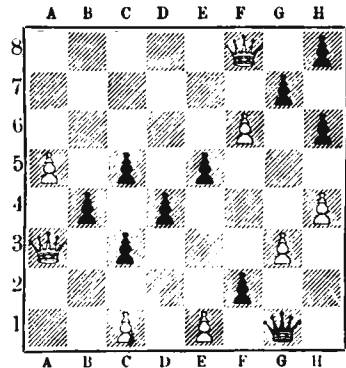

Бѣлые. Мать въ 2 хода.

Задача № 47 (шашечная).

Е. В. Андреева (СПБ.).

Черныя.

Бѣлыя. Запереть дамку и простую.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

- № 39 (№ 31 *Нивы*). **J. G. Campbell** † (London). Мать въ 8 ходовъ.
1. Л. e3-h3, С. d4-a1 (Вар.); 2. Л. h2-b2, ♞, 3. Л. и. ♠. а) 1. . . . С. d4-e3; 2. Л. h3-e3, ♞; 3. Л. К ♠ б) 1. . . . Л. b1-b3; 2. Л. h3-f3, ♞; 3. С ♠ с) 1. . . . Л. b1-b2; 2. Л. h2-b2, ♞; 3. Л. и. ♠ д) 1. . . . К ♞; 2. Л. e2+, ♞; 3. Л. К ♠ е) 1. . . . С. f5-h3; 2. К. e4 ♠.
№ 35 (№ 35 *Нивы*). **П. Маракулина (Полиньскі).** Мать въ 2 хода.
1. К. g7-e8, ♞; 2. Ф. С. К ♠;
№ 37 (№ 36 *Нивы*). **В. И. Шошинъ (СПБ.).** Мать въ 2 хода.

1. К. g7-e8, ♞; 2. Ф. К ♠.
№ 39 (№ 39 *Нивы*). **Н. И. Максимова (СПБ.).** Мать въ 2 хода.
1. Ф. d1-a4, ♞; 2. Мать различными способами.
Всѣ задачи рѣшены: **Е. В. Андреева, А. И. Мясниковъ (СПБ.), Н. С. Даржанъ (Кронштадтъ), свѣд. I. Помосовъ (с. Дерюшево, Малмыжскаго у. Вятской губ.), В. Терениновъ (Вытегра), В. Савицкий (Варшава), С. П. Соколовъ (Казуга), свѣд. Г. Богомоловъ (с. Рождественское, Перяславской губ.), Л. И. Истомина (Харьковъ), Я. П. Горрь (м. Калюсъ, Подольской губ.).
№№ 35, 37 и 39 рѣшили: **И. Замаринъ, В. Я. Юреничъ (СПБ.), В. Дубровский (Москва).**
№№ 35 и 37. **А. Ф. Смирновъ (Переяславъ), А. Н. Беръ (м. Лихуръ, Тифлисскаго губ.), А. Магазиникъ (Бердичевъ), Ф. и Р. Лоренцъ (СПБ.), Х. Петровъ (Тифлисъ).**
№ 35. **Г. Батановъ (Острозенка), В. Уоловъ (Кронштадтъ).**
№ 37. **В. Д. Рѣзниковъ (Тухорьскъ, Куб. области), I. Розениноффъ (Кресты, Велижскаго уѣзда), С. Зансъ (Шпола, Киевской губ.), Сильверсманъ (Обуховскій заводъ), С. И. Дроздовскій (Симферополь), М. И. Ивановъ (Москва), Н. Филиповъ (Темиръ-Ханъ-Шура).**
№ 39. **Суслиновъ (Харьковъ), Ф. Зиппъ и П. Кановъ (Грибынскі).****

Рѣшенія шашечныхъ задачъ.

- № 34. (№ 31 *Нивы*). **Ф. М. Уткина (Муромъ).** Запереть дамку и простую.
1. e7-d8; 2. d6-f8; 3. h8-b2, h6-g5 (а); 4. d8-b6; 5. c5-b6; 6. c1-d2; 7. f8-h6; 8. h6-d2; 9. d2-a5.
а) 3. . . . a5-b4; 4. c5-d4, h4-c3 (b). 5. d4-h8; 6. d8-f6; 7. h8-b2, h6-g5; 8. c1-d2; 9. f8-h6; 10. h6-d2 (c1).
b) 4. . . . h6-g5; 5. f8-c5; 6. d4-c3; 7. c1-d2, 8. d8-a5; 9. a5-h6.
Рѣшили: **Е. В. Андреева (СПБ.), Н. П. Смирновъ (Москва), Анна Л. Преображенская (с. Сергеевское, Тул. губ.).**
№ 36. (№ 35 *Нивы*). **П. П. Боброва (Москва).** Запереть дамку и простую.
1. a3-b4; 2. e3-a5; 3. f6-e7; h4-f2 (d8-d4); 4. d2-e3 и т. д.); 4. e1-g3; 5. d2-e3; 6. h8-g3; 7. a5-e1, и 8. a1-c3. Вар. легкий.
№ 38. (№ 36 *Нивы*). **Ф. М. Уткина (Муромъ).** Запереть простую (съ черной дамкой на c3).
1. f4-e5; 2. e7-d8; 3. d8-h4; 4. a3-e7; 5. e3-f4; 6. h4-g5; 7. c1-c5; 8. f2-g3; 9. e1-g3; 10. c5-g1.
Рѣшили кромѣ названныхъ лицъ: **А. Поповъ (Астрахань); М. Волоновъ и С. П. Соколовъ (Казуга); М. И. Ивановъ (Москва); М. И. Тумановъ (Смарань); Я. П. Горрь (м. Калюсъ, Подол. губ.).**

ПОПРАВКИ:

- Въ задачѣ № 16 (№ 11 Сборн. „Нивы“ за ноябрь) на a6 должна стоять черная лѣшка, и слѣдуетъ читать: лѣшка d5, а не b5.
Въ „Кр. курсъ деб. и конц. парт.“ (№ 4 Сборн. „Нивы“ за апрѣль), на стран. 246, строка 14 снизу, черныя конь c6, а не g1 идетъ на e5 (въ Вар. а).

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1892 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ за „НИВУ“ 1892 года допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

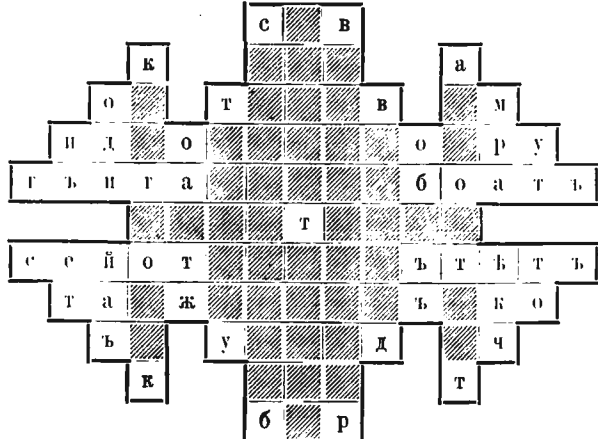
- 1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Юня 1892 г. 3 р.
- 2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1892 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1892 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ вносовъ, журналъ будетъ высылаться со всеми приложеніями и преміями — наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

Задача буквъ № 48.

Н. В. П.

Раздѣлить данную фигуру на семь частей, изъ коихъ сложить прямоугольникъ такъ, чтобы въ немъ образовалась начальная буква фамилии писателя, отрывокъ произведенія котораго требуется прочитать.

СОДЕРЖАНИЕ: Мать. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Н. М. Каразина. Ч. III. (Окончание).—Играющая животныя.—Значеніе школьныхъ садовъ и сельско-хозяйственныхъ курсовъ. В. Александрова (съ 2 рис.).—Къ рисункамъ: Первая ссора (съ рис.).—Возвращеніе съ неудавшагося заработка (съ рис.).—Смерть Цезаря (съ рис.).—Рѣшительный отвѣтъ (съ рис.).—Православный соборъ въ Токио (съ рис.).—Принцъ Дамронгъ (съ портр.).—Памятникъ русскимъ воинамъ погибшимъ въ Мелькѣ въ 1806 г. (съ 2 рис.).—Юганъ Наспаръ Лафатеръ (съ портр.).—Нубонъ сѣверной броненосной эскадры (съ рис.).—Политич. обзоръ.—Библиографія.—Съиск.—О подпискѣ на „Ниву“ 1892 г.—Шахматы.—О подпискѣ на „Ниву“ 1892 г.—Съиск.—О подпискѣ на „Ниву“ 1892 г.—О рамкахъ для преміи „Нивы“ 1891 г.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ

Редакторъ В. Клюшиниковъ.

РАМЫ
ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“
 1891 г.
ДЕСЯТИ АКВАРЕЛЕЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬБОМА.
 (Подробности см. въ предыдущихъ №№).

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6, въ С.-Петербургѣ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

№ 4751 28 28

„МУЗА“ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МУЗА“ печатаетъ исключительно произведенія, имѣющія безспорное значеніе въ музыкальномъ отношеніи и по красотѣ мелодій представляющія наибольшій интересъ. „Муза“ печатается на своихъ страницахъ нѣсколько для фортепiano въ 2 и 4 руки, танцы, романсы, сочиненія для скрипки, для виолончели, вокальные квартеты и пр. и пр. „Муза“ имѣетъ особый дѣтскій отдѣлъ, въ коемъ помѣщаетъ по мѣсяцѣ 20 пѣсень въ теченіе каждаго года. Одновременно съ выходомъ 1-го, за 1892 годъ, тетради музыкальнаго журнала „Муза“, а именно 20-го декабря сего 1891 года, гг. абоненты получаютъ:

РОСКОШНУЮ ПРЕМИЮ:

„Сборникъ образцовыхъ произведеній оперной и инструментальной музыки авторовъ прежнихъ временъ“, соед. проф. Императорск. Спб-бургской Консерваторіи

Л. А. САККЕТТИ

Подписная цѣна „Музы“ за годъ 4 р. 80 к., съ доставки, и перес. 5 р. 50 к. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ А. БИТНЕРА, комисіонера и поставщика Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества и Консерваторіи, № 5165

Невскій просп., д. № 22.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
 Невскій просп. № 42. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Рекомендовать часы собственнаго производства прусской системъ. Лицамъ которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени составляетъ существенную необходимость. Ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года. Иллюстриров. прейсъ-куранты высылаются безплатно.

БИЛЛАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
 С.-Петербургъ Троицкій пр., близъ Елмнетъ-№ 4961 скаго моста, домъ № 7 2. 26—23
 Иллюстрированные прейсъ-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

БРОКАРЪ и К^о.
 ИЗОВРѢТATEЛИ Р. № 5087 (22)
ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

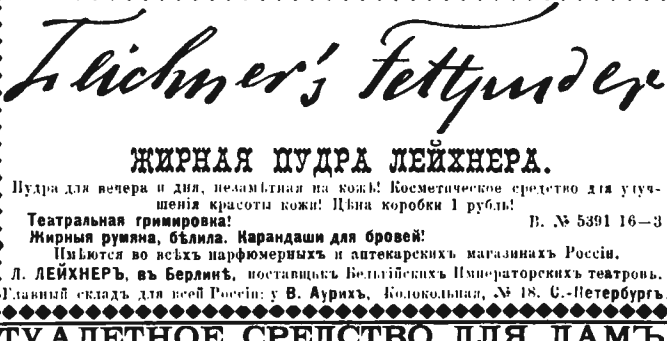

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербург. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

За годъ 8 р.
 За 1/2 г. 4 р.
ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ
 Историко-литературный журналъ.
 Въ ноябрьск. отдѣлѣ за 1892 г. выйдетъ съдѣл. произвед.: 1) Ариосто, „Неистовый Роландъ“, въ стихахъ; 2) Сочиненія В. П. Боткина; 3) Эразмъ Роттердамскій, „Похвала глупости“; 4) Письма темныхъ людей; 5) Персидскія письма Монтемпье; 6) Соч. Л. Берне; 7) Сильвіо Пеллико; 8) Кожеди Шеридана; 9) Шелли, вступл. Г. Брандеса; 10) „Notiscipius“, поэма Р. Гаммерлина; 11) Народные свадебные обряды и пѣсни на Волынѣ; 12) Критич. ст. Ж. Леметра о франц. писателяхъ; 13) Энцикл.; 14) Монтенъ, Опыты; 15) Руссо, Сочиненія и др.
 Выпущившіе журналы за 1888, 1889, 1890, 1891 и 1892 гг. платятъ 31 руб.
 III Г. **СЕМЕЙНАЯ БИБЛИОТЕКА.** III Г.
 Ежемѣсячный журналъ. За 1/2 года 1 р.
 „Семейн. Библ.“ имѣетъ свою задачу—дать возможность составить себѣ бібліотеку изъ произведеній избранныхъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, исключительно по избранной литературѣ. За два года существованія, „Сем. Библ.“ успѣла дать, между прочимъ, слѣдующія произведенія: Г. П. Данлевскаго, „Потемкинъ на Дунаѣ“; Исандера, „Кто виноватъ?“; В. Толстого, „Болѣзнь воли“; стих. Батушкова и Козлова; Смирновой, „Юронецъ“; Сальвова, „Законный негодъ“ (нов.); Филиппова, „Истор. разсказы“; Наръжнаго, „Два Иваны“; Шамиссо, „Чудесная исторія“; Гюго, „Последній день осужденнаго“ и „Шинель“; Шатообріана, „Атала“ и др. Оставшіеся годовые экземпляры за 1890 и 1891 года могутъ быть вынесены съ уплатою 2 руб. за каждый годъ.
 IX Г. **КОЛОСЬЯ** За годъ 8 р.
 1/2 г. 4 р.
 3 мѣс. 2 р.
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ журналъ литературы, науки, искусства и общественной жизни (съ рисунками и картинками), выходитъ въ объемѣ 300—400 стр.
 — Гг. годовые подписчики „Колосья“ получаютъ избранныя произведенія графа Л. М. ТОЛСТОГО, съ біографіей, портретомъ и иллюстраціями, специально подготовленными для нашего изданія извѣстнѣйшимъ академикомъ П. П. СОКОЛОВЫМЪ.
 Редакція журналовъ: Спбурск. Николаевская, д. № 16. № 5470

Leichner's Fettmilder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
 Пудра для вечера и дня, незаменима на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!
 Театральная гримировка!
 Жирная румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!
 Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
 Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бѣлгородскихъ Императорскихъ театровъ.
 Главный складъ для всей Россіи: у В. АУРИХА, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ вошло бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; Бальзовое мыло 35 к. и 50 к.; губцы; Опонжиды (лучше колды-крема) 1 р. Уайковъ и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18—19. Имѣются во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

ЖЕЛАЮ АРЕНДОВАТЬ кнѣни. Спб., Гродиска ул. № 25, кв. № 49. Агроному

НОВАЯ ИГРА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ

СЛОВАРЬ СМЪКАЛКА
Интересно и научно. Изящное издание. Напрягаетъ вниманіе, развиваетъ умъ и научаетъ правописанію.

И. 2 р. 75 к. 4 Игры 10 р. Предлагаю еще: Последняя только что усовершенствованная

НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!
ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.
Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Нужно карманной лампочкой, давая яркий свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано на цѣю изъ пшеницы. Только 11 шершавости — удобно носить въ карманѣ. Огниво съ 1000 зарядами 2 руб. Пер 1 ф. Запасъ въ 2000 зар. 1 р. въ 10,000 зар. 4 р. Пересылаю наложеннымъ платежомъ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невск. пр., № 20. А.

САРПИНКА РУЧНОЕ КАЧЕСТВО ДЛЯ ДАМСКИХЪ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ
«САСОННЫЯ» ПЛАДІЯ НОВОСТИ

на лѣто 1892 года РОЗНИЧНАЯ И ПОТОВАЯ ПРОДАЖА. Альбомъ образцовъ высылаютъ съ декабря и на 40 коп. присланныхъ почтовыми марками въ заглавномъ письмѣ ВЪ САРАТОВЪ. Главная контора и центральная торговля САРАТОВЪ, пассажъ Лаптева.

отдѣленія: МОСКВА, Петровка между Кузнецкимъ и Салтым. пер., прот. маг. Вандрага. Казань, съ Января 1892 г. на Николаевской площ., д. X Юшкова. въ Тифлисѣ съ Ноября 1891 г.

ФАБРИКАНТЫ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БЕНДЕРЬ И СТЕПАНОВЪ

ЦИТРЫ
отличной работы, хорошаго качества и сильного тона отъ 16—22—28—38—400 мар. Школа Гретера для самообученія 1 ч. 5 м., 1 ч. выш. школа 7 м. Скрипки и всѣ струнные инструменты. Прейс-курантъ бесплатно. Ц. № 5440 БРАТЯ Вольфъ, 4—2 Фабрика инструментовъ, Крейдцахъ.

НАВОДНЕНИЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
ДЕЖЪ
на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 50 к.
За границу Объявленія по на годъ 10 р. 10к. за строку.
Адресъ: С.-Петербургъ, 360 №№ въ годъ. Редакт. И. В. Сиворцовъ. Невскій пр., д. 20. 12 км. роман., разск. и очерк. Издатель А. А. Грехъ.
При подпискѣ на годъ допускается разсрочка — 1-й взносъ 2 или 1 р. — послѣдующіе по 1 р. № 5442 0—3

PAPIER FAYARD ET BLAYN
Бумага Фаярда и Блэна есть наилучшее средство. Шестиугольная и вышеступчатая заставка позволила много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаярда и Блэна различима на продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требованъ собственноручную подпись. № 5432 20—6

В. Томлянинъ. Повесть „ГОСПОДА И СЛУГИ“. Цѣна 1 р., безъ перес. Г. Тимъ, Курск. губ.

УПРАВЛЯЮЩІЙ
имѣю съ хороними рекомендаціями, при 11-лѣтней опытности, ищетъ къ веснѣ 1892 года мѣсто. Съ расч. прому обрат. къ А. Р. Пляну. Лифляндск. губ., чр. г. Верро, въ им. Пельскъ. № 5466

ДЛЯ ВОЛОСЪ БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛПТИНЪ КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.
Освѣжаетъ головную кожу. Ц. флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прому требованъ: подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. агент. товар., у А. Рузанова, Въ Москвѣ; у К. Феррейра, В. Безардискъ, Р. Келлеръ и Коми, О Регинскъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфром. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. (3) Ц. № 5346

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ ПРЯМОУГОЛЬНОГО ПАРФЮМЕРА АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ,
окрашиваетъ въ черный, коричневый прочный цвѣтъ, смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 коп. Для предупрежденія поддѣлокъ, прому требованъ: вниманіе на марку с-лет. космет. лабораторіи. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарск. и парфюмерн. магаз. Россіи. Ц. № 5383 ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ 10—4

А. Энглундъ, Литейный, № 38, вл. С.-Петербургъ.

ТОВАРИЩЕСТВА „ГИГИЕНА“ ПУДРА
роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ
ОСВѢЖАЮЩІЙ ОДЕКОЛОНЪ высшаго достоинства
СТИРОВОНАЯ ЖИДКОСТЬ благовонная, для освѣженія комнаты. ПРОДАЖА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.
С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9. Ц. № 5107 11—5 Москва, Николаевск. д. пр. Шереметева.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. 1711 г. въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

1865 г. 1846 г. 1882 г.
А. РАЛЛЕ и К° преемники въ Москвѣ.
ЦВѢТНО ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
НА ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
МОДНЫЕ ДУХИ
СЪ САМЫМЪ ЛЕЖИМЪ ЗАПАХОМЪ
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ПЛАТКОВЪ И КРУЖЕВЪ.
О-ДЕ-КОЛОНЪ
дистиллированный на цвѣтахъ. № 5445 4—2
ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ЗАПАХОВЪ.
ПРОДАЮТСЯ во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

„НЕДѢЛЯ“

Въ вышедшихъ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

ИСКУССТВО ПИСАТЕЛЬСТВА. И. И. Янжула. — ВОСПОМИНАНІЯ О С. Я. НАДСОНѢ (съ неопечатанными его стихотвореніями). — ГРАФИНИ АРЖАНТО. Ц. А. Иом. — М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ. П. О. Морозова. — ГЕНРИКЪ ПЬСЕНЪ. Критическій очеркъ. Вл. Поссе. — ИСТОРИЯ „БРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ“. Критическій очеркъ. А. П. вой. — ВЪ ПОХОДѢ (изъ записокъ бывшаго начальника штаба 12-го корпуса). А. И. Носича. — БРАТЯ СЕРБЫ. По личнымъ наблюденіямъ. Г. С. Зинькова. — ПО РУССКОМУ ВОСТОКУ. Путевныя очерки. В. Л. Дядюка. — ВЪ СЕРДЦѢ ФИНЛЯНДИИ. Записки туриста. Мис. — МѢДВѢЖІЙ УГОЛЪ. Очерки Д. Мамина-Сибиряка. — КУМЫСНЫИ СБИТАНІЯ. А. А. Тихонова. — СВЯТОГОРСКІЙ МОНАСТЫРЬ. Изъ записокъ путешода. Александра Орлова. — С. В. КОБАЛЕВСКАЯ. Биографическій очеркъ. — ТИГОНА. Разсказъ Глѣба Успенскаго. — ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДОЧЬ. Повесть И. Н. Потапенко. — ПЕТЕРБУРГСКІЙ СЛУЧАЙ. Повесть Ив. М. Н. Воионскаго. — ПЕРЕНУТАЛИ ГЕНЕРАЛОВЪ. Разсказъ Д. А. Виланскаго. — ВЫКРЕСТЬ. ИЗЪ „ЕВРЕЙСКИХЪ СИЛУЭТОВЪ“. Яв. Михайловича. — ХУТОРСКІЕ ВЕЧЕРА. Разсказы. Н. М. Селезнева. — СУНУРУИ. Повесть И. Сѣверова. — КАПИТАНЪ АРМИИ СПАСЕНІЯ. Романъ Дюноа Лау. — ДЕНЬГИ. Романъ Э. Золя. — РОЗА ГАТРИ. Повесть Жанни Дельофа. — ИСПОВѢЛЬ ИДЕАЛИСТА. Романъ Марселя Приво. — НЕВѢСТА ИЗЪ АВСТРАЛИИ. Повесть Э. Горнунга. — СТИХОТВОРЕНІЯ Я. П. Полонскаго, П. И. Вейнберга, К. М. Фоманова, В. П. Лебедева и др. **ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.** — ИЗЪ ИСТИНЪ ТРЕХЪ ДЕСЯТИЛѢТІИ. В. И. Яковлева. — НѢМЕЦКІЕ КРИТИКИ „БРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ“ А. А. Рейнгольда. — ТРИНАДЦАТИ ТОМЪ СОЧИНЕНІЙ Г. Л. Н. ТОЛСТОГО. — НОВЫЯ ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА. — И. А. ГОНЧАРОВЪ. — С. Т. АКСАКОВЪ. — НОВАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЯ ИСТОРИЯ. — РУССКІЕ ПЕРЕВОДЫ ОБЕИТА. — ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ. — ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ. — ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНАГО МИРА.

Въ вышедшихъ номерахъ газеты „НЕДѢЛЯ“, кромѣ текущихъ статей и извѣстій, хроникъ, обзорной, библиографическихъ отзывовъ, исеемъ изъ провинціи, замѣтокъ и проч., напечатаны еще слѣдующія статьи: **ВОЖАКИ И СИЛЪ СОЦІАЛИЗМА.** — **ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ НАДЪ ЖИВОТНЫМИ.** — **ОГНЕННЫЙ ВЪЧЪ.** — **ДВА ФРАНЦУЗА.** — **ЗЛОБА ДНЯ.** — **ДЕШЕВОЕ ПИТАНІЕ.** — **ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭМИГРАНТА.** — **НОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ НА КНИЖНОМЪ РЫНКѢ.** — **ЕВРЕЙСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.** — **ХИМИЯ ЧАЮТНЫИ.** — **СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ.** — **ГАЗЕТНОЕ НАВОДНЕНІЕ.** — **ФОНОГРАФЪ.** — **ТЕАТРОФОНЪ.** — **КИНЕТОГРАФЪ.** — **ТАЙНЫ ПОГОДЫ.** — **КОЛОНИЯ АЛКОГОЛИКОВЪ.** — **ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКІЯ ПИСЬМА** и др. № 5450 2—2

Цѣна „КНИЖЕКЪ НЕДѢЛИ“ вмѣстѣ съ газетой „НЕДѢЛЯ“ девять рублей въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Подписка на 1892 годъ открыта.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 4.

Редакторъ-Издатель П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ.

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 5381 6—2
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственноручной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстр. пр. прейс-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

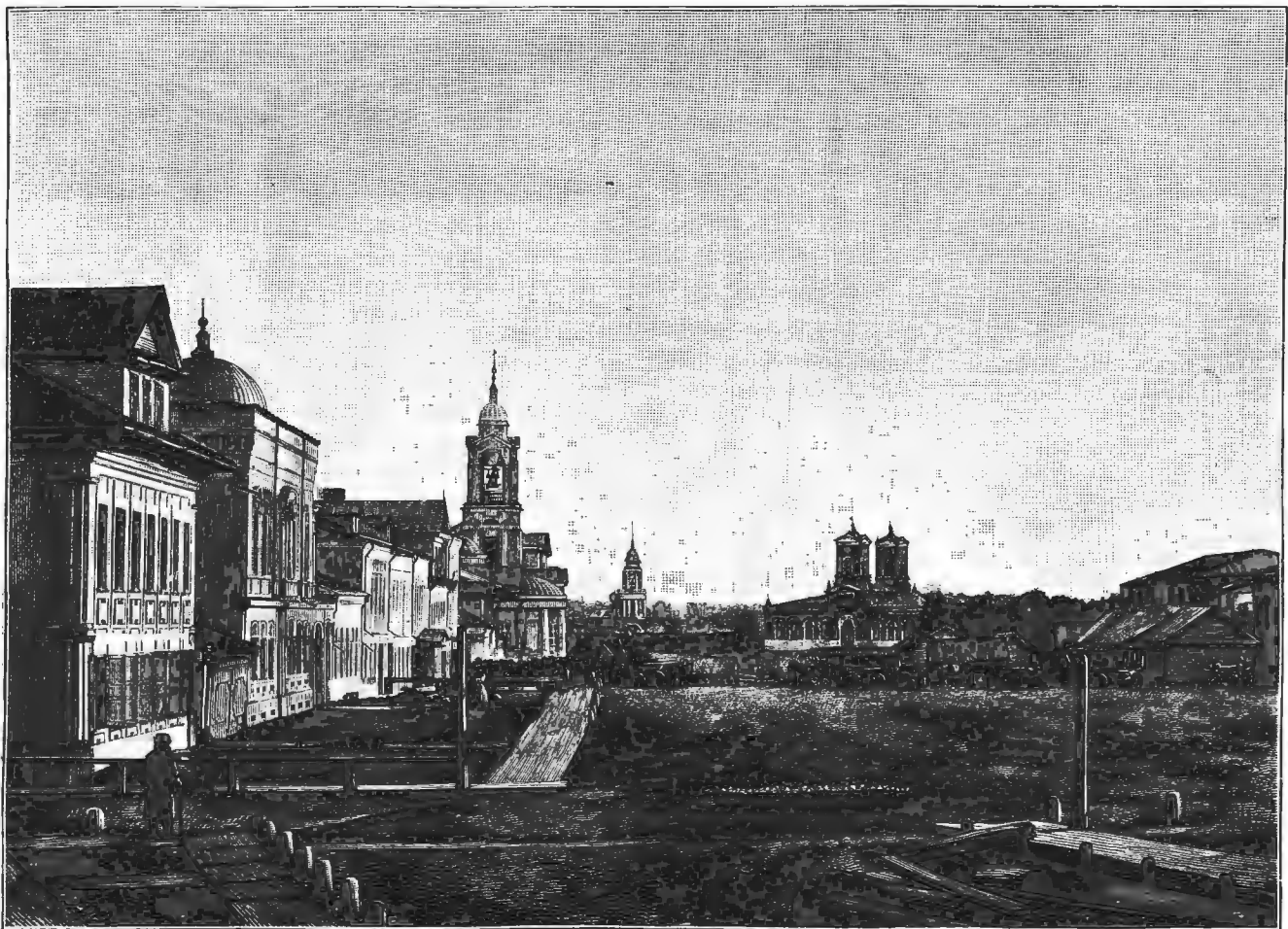
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН №№ СЪ 6-10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и Выдашь 23 полбри 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 года.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл Н. Н. Печнов- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	---	------	---	------	---------------------	-------

Подписка на 1891 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всё уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всіми приложеніями. Сборникомъ, Полн собраніемъ сочин. М. Ю. Лермонтова, альбомомъ „Нивы“ и пр.

Видъ города Ржева. Дума, часть Гостиного Двора и церковь Рождества Богородицы на площади Никъзъ-Федоровской стороны.
Съ фот. Красницкаго, грав. Шлипперъ.

Розита.

Испанская быль XV вѣка.

Графа Е. А. Салиаса.

I.

Когда сатана въ пустынь, искушая Спасителя, по-казалъ Ему съ міроваго утеса всѣ царства земныя го-вора: „поклонися мнѣ и я отдамъ Тебѣ все это“, то Спаситель—такъ наивно вѣрить все испанское просто-народье — не могъ соблазниться видомъ всѣхъ этихъ царствъ... потому что въ числѣ ихъ не было Испаніи!

Да, вѣрить испанецъ простодушно, но искренно и твердо, что Испанія самая дивная, волшебная страна въ мірѣ. Много чудныхъ городовъ въ ней, но нѣтъ ничего прекраснѣе Гренады, Севильи и Толедо. Если Севилья красивѣе всѣхъ городовъ своими граціозными зданіями и башней Хиральдой, Гренада очаровательнѣе всѣхъ городовъ своими садами, своей Вегой и Сьеррой-Невадой, своей Альгамброй съ безчисленными террасами и минаретами, то древній Толедо, грознымъ вѣнцомъ стоящій на высококомъ и крутомъ утесѣ, горде-ливѣе и величественнѣе всѣхъ городовъ.

У подножія утеса, на который взгромоздился городъ, стремительно бѣжить, мчится въ узкомъ и глубокомъ руслѣ злой и коварный Тахо, отдѣляющій Толедо отъ половины Испаніи, отъ половины цѣлаго міра. Столица Кастиліи съ незапамятныхъ временъ соединилась съ этимъ міромъ черезъ самый удивительный мостъ, ка-кой только можетъ существовать на свѣтѣ. Съ одного крутого, скалистаго берега на другой таковой же, пе-рекинулась арка, поражающая око путника своимъ граціозно дерзкимъ взмахомъ. Эта арка изъ каменныхъ глыбъ будто висѣла въ воздухѣ.

Много поколѣній перебивало въ Толедо за цѣлый вѣкъ и, любуясь, дивились на мостъ Толедскій.

Но пришелъ день—и одно изъ восьми чудесъ Испа-ніи исчезло съ лица земли и осталось лишь въ памяти народной. На обоихъ берегахъ быстротечнаго Тахо, другъ противъ друга торчали двѣ большія развалины, но соединявшая берега дивная арабская арка рухнула въ волны Тахо, и каменные глыбы, исчезнувъ въ вол-нахъ, устлали глубокою дно рѣки.

Въ правленіе кастильскаго короля донъ-Педро Же-стокаго, сводный братъ его, знаменитый Генрихъ Транс-тамаръ возмутился противъ него, половина всего ры-царства стала за него—и все поднялось другъ на друга. Смута началась во всей странѣ.

Феодалы, забывъ тѣ времена, когда давали дружный отпоръ маврамъ, теперь, разъединясь и помогая двумъ братьямъ, жестоко боролись и воевали другъ съ дру-гомъ, разоряя и обагривъ кровью отечество. Вѣрный королямъ городъ Толедо стоялъ за Педро Жестокаго, и Генрихъ Транстамаръ рѣшился наказать его.

Онъ напалъ со своей дружиной на городъ — взявъ его, конечно, приступомъ не могъ, но изъ злобой и слѣпой ненависти, предательски и коварно нанесъ страшный ударъ толедцамъ. Въ темную ночь онъ ухи-трился взорвать на воздухъ чудный мостъ чрезъ Тахо.

Озлобленные толедцы дружно поднялись и жестоко отплатили Транстамару, уничтоживъ всю его дружину.

Прошелъ цѣлый вѣкъ, и давняя междоусобная распря братьевъ была уже давно забыта.

Кастилія, соединясь съ Арагономъ въ одно коро-левство, процвѣтала подъ скипетромъ Фердинанда и Изабеллы Католическихъ. Толедо пересталъ быть сто-лицею, уступивъ эту честь Бургосу, а два берега Тахо стояли попрежнему съ развалинами моста, напоминая о печальныхъ дняхъ братоубійственной борьбы. Архі-епископъ Ильдефонсо, правитель всей Толедской про-винціи, уже давно и по примѣру всѣхъ своихъ пред-шественниковъ, вызывалъ зодчихъ и строителей со

всего свѣта, предлагая огромное вознагражденіе, чтобы снова соединить Толедо съ половиною Испаніи. Но увы! строить такой же мостъ, какой былъ прежде, ни-кто не выискивался и не рѣшался.

Тайна сооруженія арабской арки была видно уне-сена маврами, побѣжденными и изгнанными изъ пре-дѣловъ возрожденной Испаніи.

Много искусныхъ зодчихъ являлось въ Толедо, они осматривали берега, мѣрили ширину бурнаго и ковар-наго Тахо, соображали, дѣлали свои расчеты—и уда-лялись, не рѣшаясь на условія архіепископа, или, вѣр-нѣе сказать, на одно изъ его непремѣнныхъ условий. Если бы не это условіе, то быть можетъ уже давно многіе архитекторы рѣшились бы взяться за стройку. Что за бѣда если арабская арка, выведенная на-авось, рухнетъ и исчезнетъ вновь въ волнахъ, когда затраты должны быть конечно сдѣланы не на счетъ строителя, а на счетъ города! Но хитроумный Ильдефонсо, пред-лагая большое вознагражденіе за сооруженіе моста, ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы при открытіи его, когда онъ будетъ освобожденъ отъ всѣхъ подпо-рокъ и балокъ, самъ зодчій со своимъ семействомъ находился въ центрѣ арки, дабы заплатить жизнью своей и своихъ въ случаѣ ея разрушенія и паденія.

II.

Однажды весной въ городѣ появился странникъ съ котомкой за плечами и съ посохомъ. По его произно-шенію видно было, что онъ не кастилецъ, а вѣроятно родомъ изъ Арагона.

Остановившись въ простой „вентѣ“, т. е. на постояломъ дворѣ, и отдохнувъ съ дороги, онъ на другой день направился во дворецъ архіепископа. О пришельцѣ доложили.

Ильдефонсо—благообразный, сѣдой старикъ, съ умны-ми черными глазами и съ громадными, дѣтей пугав-шими, бровями, принялъ странника. Пришелецъ былъ введенъ въ богатую, пунцовую и позолоченную гостиную.

Прелатъ сидѣлъ въ большомъ золоченомъ креслѣ на возвышеніи, на двѣ ступени выше пола. Возлѣ его кресла, почти трона, стояли два молодыхъ шестнадца-тилѣтнихъ красавца-пажа, а за кресломъ маршалъ въ черномъ бархатномъ одѣяніи съ обнаженной шпагой въ рукѣ.

— Кто ты, сынъ мой? встрѣтилъ пришельца прелатъ.

— Имя мое — Хуанъ, отозвался явившійся. — Фами-лія—Аревало, родомъ я изъ Сарагоссы.

— Чтѣ-жь тебѣ нужно?

— Я явился предложить вашему высокопреосвящен-ству, выстроить мостъ черезъ Тахо, совершенно по-добный тому, который былъ когда-то сооруженъ здѣсь еще владычествовавшими маврами.

Наступило молчаніе. Архіепископъ своими умными глазами пронизывалъ насквозь скромно стоявшаго предъ нимъ пришельца.

— Сынъ мой, дерзость и самонѣніе тоже великій порокъ. Слыхалъ-ли ты, или, быть-можетъ, видѣлъ тѣ арабскія арки, коими полна Андалузія? Неужели ты не дивился имъ, неужели не знаешь ты, что тайна ихъ постройки принадлежитъ, увы! маврамъ и сгинула вмѣстѣ съ этими изгнанными врагами христіанства и Испаніи?

— Видѣлъ я ихъ много, отозвался Аревало.—Я—зодчій и потому готовъ взяться за такое дѣло.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать семь.

— Выстроилъ-ли ты хотя что-либо до сихъ поръ?

— Съ восемнадцати лѣтъ, ваше высокопреосвящен-

ство, я работаю, и много уже въ Аррагонѣ красуется построекъ и зданій, которыя выстроены по моимъ планамъ и которыя прославили имена ихъ строителей, а не мое.

— Объяснись, сынъ мой, я не понимаю.

Хуанъ Аревало объяснилъ архіепископу, что крайняя бѣдность заставляетъ его всегда предлагать свои проекты и планы другимъ архитекторамъ. Такимъ образомъ онъ является при дѣлѣ въ качествѣ посторонняго лица, числится помощникомъ строителя, а затѣмъ при окончаніи дѣла получаетъ небольшое вознагражденіе. Вся же честь и слава принадлежитъ другимъ. Теперь же, узнавъ, что городъ Толедо вызываетъ зодчихъ для постройки моста, состоящаго изъ одной брошенной съ берега на берегъ арки, онъ рѣшился явиться и предложить свои услуги, увѣренный въполнѣ, что ему удастся создать такой же мостъ, который когда-то соорудили здѣсь мавры. Аревало кончилъ рѣчь заявленіемъ, что секретъ арабской арки заключается весь въ исчисленіи. Перо и бумага—вотъ что рѣшаетъ вопросъ!

— Сынъ мой, воскликнулъ Ильдефонсо,—я никогда не дозволю строить мостъ, который долженъ быть названъ мостомъ Св. Мартина, человѣку, приступающему къ этому великому дѣлу не съ вѣрой въ Бога и Пресвятую Дѣву Марію, а на основаніи дерзкихъ соображеній и вдобавокъ при помощи какого-то черно-книжія.

— Я—человѣкъ вѣрующій, отвѣчалъ Аревало твердо.—Я истинный христіанинъ и католикъ, и никакимъ чернокнижіемъ никогда не занимался. Иначе давно бы и погибъ жертвой инквизиціи.

— Но ты говоришь, что тайну прочности арки ты можешь найти при помощи простой бумаги и пера.

— Точно такъ, ваше высокопреосвященство, это простой ариѳметическій расчетъ. Тутъ нѣтъ ничего противнаго римскому престолу и святому отцу-папѣ.

Снова наступило молчаніе. Старецъ Ильдефонсо задумался.

— Но знаешь-ли ты, заговорилъ онъ снова,—всѣ условія, поставленные еще моими предшественниками?

— Знаю. Я рѣшаюсь согласиться на нихъ.

— Знаешь-ли ты, наконецъ, мое условіе, чтобы зодчій при снятіи лѣсовъ находился самъ со всѣмъ своимъ семействомъ и родственниками среди моста, въ самомъ ненадежномъ мѣстѣ арки.

— Я согласился бы и на это условіе, ваше высокопреосвященство, но оно не примѣнимо ко мнѣ. Я—сирота, одинокъ на свѣтѣ, слѣдовательно, я могу жертвовать только своею жизнью.

— Мы это обойдемъ... Человѣкъ все-таки дорожить своей жизнью стократно болѣе, чѣмъ жизнями нѣсколькихъ родныхъ. Къ несчастью, такъ на свѣтѣ. Дай мнѣ подумать, сынъ мой, и завтра въ эту пору, посоветовавшись съ конклавомъ, я дамъ тебѣ отвѣтъ. Но ты можешь надѣяться, ибо внушаешь мнѣ довѣріе.

На другой день въ ту же пору архіепископъ Ильдефонсо объявилъ пришельцу, что ему дано будетъ разрѣшеніе на постройку моста черезъ Тахо, лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ прежде этого выстроилъ въ маломъ видѣ, изъ крошечныхъ четырехугольных кусочковъ гранита, точь-въ-точь такой же мостъ на разстояніи трехъ шаговъ.

— Мой конклавъ рѣшилъ большинствомъ голосовъ, что если маленькій мостъ удержится, то и большой мостъ при помощи Божьей ты выстроишь.

Аревало согласился и въ тотъ же день принялся за работу въ маленькомъ садикѣ при дворцѣ архіепископа. Опъ устроилъ двѣ каменные стѣнки на подобіе двухъ крутыхъ береговъ Тахо, а между ними устроилъ лѣса и собственноручно сталъ класть саженный мостикъ, заключающійся въ одной перекинутой аркѣ.

Черезъ мѣсяцъ мостъ былъ готовъ. Маленькія жер-

дочки, дощечки и палочки были вынуты и маленькая прелестная арка привлекла весь городъ. Всѣ любовались и дивились.

Не прошло десяти дней, какъ большія суммы были отпущены на покупку матеріала и на наемъ рабочихъ. Имя Хуана Аревало уже было извѣстно въ городѣ. Онъ еще не соорудилъ моста черезъ Тахо, а уже всѣ говорили о немъ и спрашивали другъ друга: „видѣлъ-ли мостъ Аревало?“

Между тѣмъ молодой зодчій нанялъ себѣ маленькую квартиру недалеко отъ берега и проводилъ цѣлый день на работахъ, гдѣ устанавливались лѣса. Установка ихъ была мудрена. Громадныя деревья сбѣились между собой точно въ воздухѣ, между двухъ крутыхъ береговъ надъ бурливыми волнами Тахо.

Когда Аревало не былъ на работахъ около полудня, или въ сумерки, онъ задумчиво и даже съ унылымъ видомъ бродилъ по городу и по окрестностямъ. Иногда онъ подолгу оставался въ какомъ-нибудь самомъ темномъ углу знаменитаго собора, слушалъ органъ, молился, мечталъ. Изрѣдка равнодушно приглядывался онъ къ красавицамъ, которыя часто наполняли соборъ.

Но Аревало не былъ похожъ на другихъ молодыхъ людей. Онъ холодно и безстрастно встрѣчалъ взглядъ всякой красавицы, хотя бы самый горячій и убійственный. Женщины, хотя бы обладающія самою чудною, волшебною красотой—не существовали для него.

III.

Однажды Хуанъ Аревало зашелъ въ соборъ во время вечерни и, укрывшись въ темномъ уголкѣ одной „capilla“, т. е. въ одномъ изъ придѣловъ, сталъ по обыкновенію раздумывать и мечтать.

Въ капиллѣ было совершенно темно, и только два яркихъ и узкихъ луча дневнаго свѣта влиялись въ два окна, находившіяся въ вышинѣ подъ самыми сводами, и казались двумя воздушными золотыми полосами.

У стѣны стояли двое молящихся: крестыниинъ въ плащѣ съ большой шляпой въ рукахъ, а около него монахъ-капуцинъ съ четками въ рукѣхъ и босоногій. Предъ ними немножко ближе къ престолу молились на колѣнахъ двѣ дамы. Вскорѣ появилась третья дама, и ставъ среди капиллы далеко отъ престола, опустила тоже на колѣна на каменные плиты.

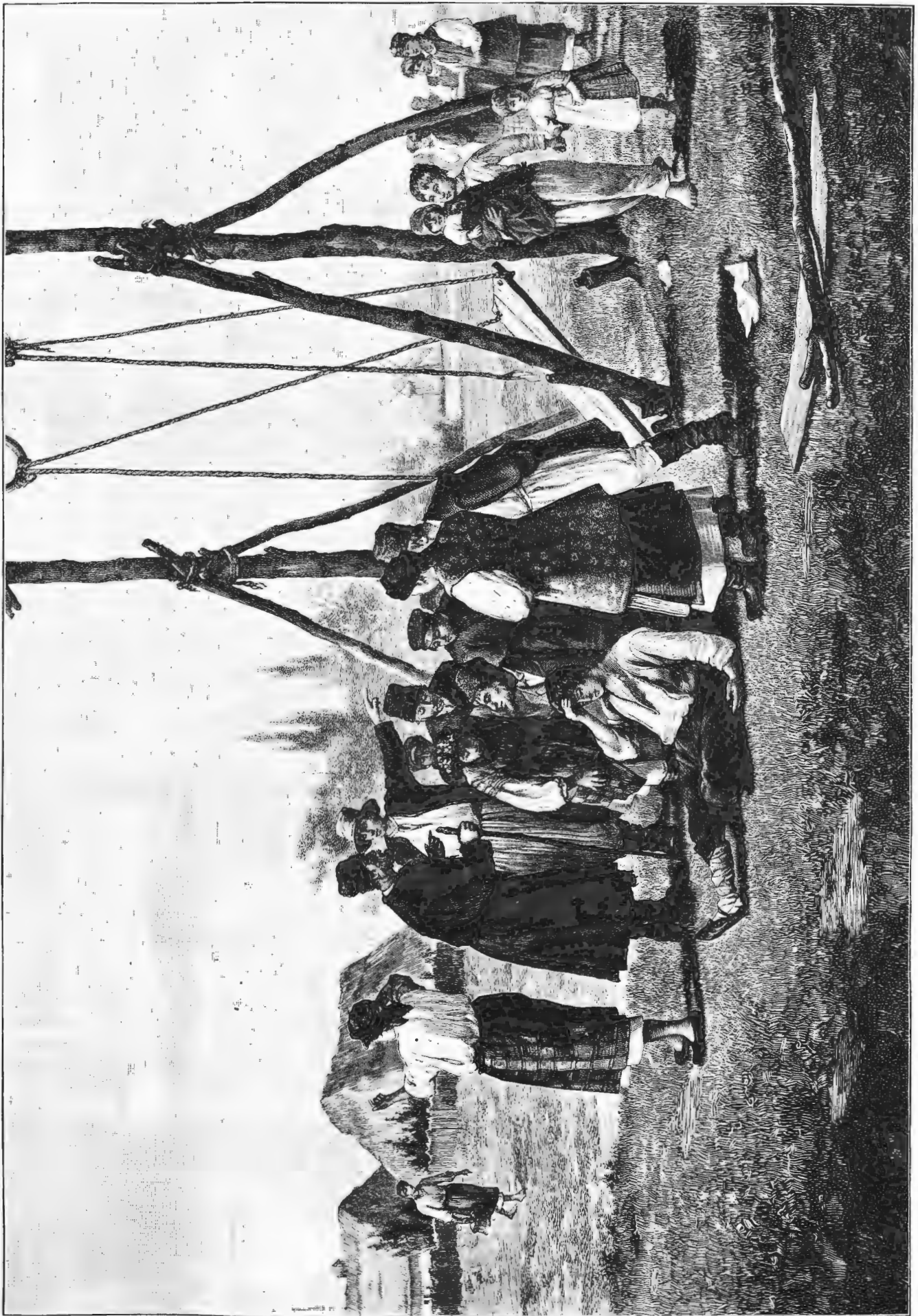
Аревало, стоявшій у стѣны впереди, могъ видѣть лицо ея. Это была очень молодая дѣвушка, одѣтая, какъ и всѣ испанки, въ черное платье съ черной мантілей на головѣ.

Аревало, никогда не обращавшій особаго вниманія на женщинъ, поневолѣ заинтересовался и сталъ приглядываться къ незнакомкѣ. Ея правильно-красивое матовое лицо съ большими черными глазами удивило его своимъ выраженіемъ. Оно было черезчуръ горделиво, строго и спокойно. Твердость и рѣшительность характера сказывались ясно въ красивыхъ чертахъ. Не было ничего ребячески-наивнаго въ этомъ юномъ лицѣ, какъ въ большей части лицъ молодыхъ испанокъ, а между тѣмъ ей конечно было не болѣе шестнадцатисемнадцати лѣтъ.

Незнакомка стояла на колѣнахъ, поднявъ красивые глаза къ престолу, гдѣ было изображеніе Святой Дѣвы, и яркій свѣтъ, падавшій сверху изъ оконъ, отражался и сиялъ въ ея большихъ, задумчивыхъ и, казалось, вдохновенныхъ глазахъ. Было очевидно, что она не только не замѣчаетъ Аревало, смотрящаго на нее, но забыла даже, гдѣ она находится.

Вскорѣ двѣ дамы, молившіяся у придѣла, поднялись и, шурша платьями, медленно вышли изъ придѣла. За ними черезъ минуту ушелъ капуцинъ, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ и крестыниинъ.

Незнакомка не обратила на двигавшихся и прохо-

Сорвался съ начелей. Ориг. рис. Имакевича, грав. Пудъ.

Вечеръ на Невскомъ проспектѣ въ СПб. Ориг. рис. (собств. „Иванъ“) Г. Бромлинга, грав. Шюблеръ.

дившихъ мимо нея людей никакого вниманія и недвижно оставалась на колѣнахъ, устремивъ взглядъ подъ своды придѣла какъ-бы въ полномъ забытїи моленїя.

Аревало тоже не двигался, стоя у стѣны, и съ еще большимъ вниманїемъ вглядывался въ вдохновенное молитвою лицо дѣвушки. Наконецъ, она опустила глаза, какъ-бы пришла въ себя и осмотрѣлась.

Окинувъ взоромъ пустой придѣлъ, она взглянула на Аревало, и глаза ея на мгновенїе остановились на немъ. Нѣсколько секундъ смотрѣла она на молодого человѣка, упорно вглядываясь въ его лицо, съ удивленїемъ и какъ-бы озадаченнаго его присутствїемъ въ капиллѣ.

Аревало невольно смутился и отвелъ отъ нея глаза. Взглядъ дѣвушки показался ему черезчуръ страннымъ, испытующимъ и даже загадочнымъ.

Что могло удивить ее? Костюмъ его былъ обыкновенный національный, скромный.

Дѣвушка поднялась, пошла изъ придѣла, но затѣмъ оглянулась на него снова. Въ ея взорѣ былъ вопросъ, и вопросъ этотъ былъ ясенъ.

Аревало понялъ, что взглядомъ своимъ она говоритъ: — Что-же вы не идете за мной?

Этотъ молчаливый взглядъ былъ настолько простъ и ясенъ, что Аревало двинулся. Дѣвушка пошла къ выходу изъ собора, а Аревало послѣдовалъ за ней. Она приблизилась къ чашѣ со святой водой, остановилась возлѣ нея и ждала.

Аревало приблизился, опустил руку въ чашу и протянулъ дѣвушкѣ горсть со святой водой. Она омочила руку въ его рукѣ, затѣмъ омочила себя по обычаю лобъ и осѣнила себя крестнымъ знаменїемъ. Пока Аревало дѣлалъ то же самое, дѣвушка выговорила, строго глядя ему въ лицо:

— Вы Хуанъ Аревало?

— Да, отозвался онъ почтительно.

— Вы взялись строить мостъ черезъ Тахо?

— Да! тѣмъ же голосомъ отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— О васъ всѣ говорятъ. Мнѣ васъ указали на-дняхъ, и теперь я узнала васъ.

Аревало не отвѣтилъ ничего.

Незнакомка помолчала мгновенїе и выговорила:

— Исполните, сеньоръ, мою просьбу. Эта капилля, гдѣ мы встрѣтились—обычное мѣсто моей молитвы. Я съ дѣтства прихожу въ нее. Придѣловъ въ соборѣ много... Не ходите въ мою капиллю и выберите себѣ другую. Являясь въ мою, вы будете смущать меня и мѣшать молиться.

Все это было сказано спокойно и гордо.

Аревало молча склонился въ знакъ согласїя.

Всякій другой молодой человѣкъ непремѣнно заподозрилъ-бы въ дѣвушкѣ своеобразное кокетство, отчасти дерзкое и смѣлое, но Аревало былъ не таковъ. Да и заподозрить въ кокетствѣ дѣвушку съ такимъ строгимъ лицомъ было трудно.

Незнакомка едва замѣтно кивнула головой и двинулась изъ собора. Аревало далъ ей выйти и затѣмъ тихо двинулся тоже къ выходу. Когда онъ вышелъ на паперть, незнакомка была уже въ сотнѣ шаговъ и тихо шла черезъ площадь.

Цѣлый день продумалъ молодой человѣкъ о странной встрѣчѣ и странной просьбѣ, но на другой день забылъ и думать объ незнакомкѣ, будучи отъ природы не способенъ сильно заинтересоваться какою-либо красавицей.

IV.

Прошло около недѣли. Наступили великіе дни Страстной седмицы, начались въ городѣ процессїи и мистерїи въ соборѣ и во всѣхъ церквахъ. Въ Страстную пятницу весь городъ былъ на ногахъ и на улицѣ, чтобы видѣть главную процессїю, обходящую городъ.

Хуанъ Аревало вышелъ тоже изъ дому.

Эти процессїи Страстной недѣли особенно интере-

совали молодого зодчаго, такъ какъ на его роднѣ не было въ обычаѣ ничего подобнаго.

Онъ присоединился къ толпѣ недалеко отъ собора, чтобы пропустить мимо себя и видѣть всю процессїю.

Въ кучкѣ народа, стоявшаго около него, онъ вдругъ увидѣлъ женскую фигуру и узналъ въ ней свою незнакомку. Она тоже увидала его, взглянула на него быстро, украдкой, но Аревало успѣлъ замѣтить, что взглядъ ея былъ менѣе строгъ, чѣмъ когда-то у чаши со святой водой.

Она была вмѣстѣ съ пожилой женщиной, съ сѣдымъ старикомъ и держала за руку десятилѣтняго мальчика.

Аревало, пользуясь колыханїемъ толпы, передвинулся ближе къ нимъ и наконецъ сталъ рядомъ со старикомъ. Въ первую минуту ему захотѣлось заговорить съ почтеннымъ на видъ толеданцемъ, но затѣмъ тотчасъ-же онъ перемѣнилъ намѣренїе.

Онъ не былъ способенъ на подобнаго рода поступки. Познакомиться съ семьей дѣвушки, которая такъ странно познакомилась съ нимъ, было-бы подѣ-стать всякому другому молодому человѣку, такъ какъ все это походило нѣсколько на любовное приключенїе пришельца въ чужомъ городѣ. Но именно это обстоятельство какъ-бы оскорбляло достоинство молодого зодчаго.

„Не ради красавицъ явился я въ Толедо, а ради инаго великаго дѣла!“ рѣшилъ онъ мысленно.

Процессїя открылась отрядомъ солдатъ; за ними ѣхали по два въ рядѣ нѣсколько рыцарей въ блестящихъ латахъ съ опущенными забралами.

Затѣмъ, тоже по два въ рядѣ, шли длинной вереницей люди въ длинныхъ бѣлыхъ саванахъ, ополсанные простыми веревками на которыхъ висѣли четки. Головы и лица ихъ были закрыты подобїемъ мѣшковъ, тоже бѣлыхъ, въ котрыхъ были прорѣзаны дырочки для глазъ. Въ рукахъ каждый держалъ большую зажженную свѣчу. Всѣ они были босоноги, и по нѣкоторымъ ногамъ, пѣжнымъ и бѣлымъ, можно было догадаться, что ихъ обладатели очутились вдругъ безъ обуви только по случаю покаяннаго торжества.

Дѣйствительно, эти замаскированные участники шествїя были большей частью богатые люди или-же древнїе аристократы, внесшіе щедрую дань въ церковь за право такого покаянїя.

За вереницей въ саванахъ появилась главная часть процессїи... Вслѣдъ за двумя воинами римлянами двигался красивый, но блѣдный и худой молодой человѣкъ, изображавшїй Христа. Онъ несъ или тащилъ на плечѣ большой крестъ, а за нимъ шелъ высокій старикъ въ древне-еврейскомъ одѣянїи и поддерживалъ крестъ. Старикъ изображалъ Іосифа Аримаѣйскаго.

Позади, по два въ рядѣ, двигались апостолы въ разноцвѣтныхъ одѣянїяхъ, старики и молодые люди, сѣдые, черноволосые и бѣлокурые...

Шествїе замыкалъ огромнаго роста рыжїй и страшно безобразный человѣкъ, изображавшїй предателя Христова. Иуда шелъ опусти глаза въ землю, какъ-бы одинъ, такъ какъ отсталъ отъ вереницы апостоловъ, а за нимъ по близости никто не шелъ, всѣ будто сторонились... Онъ несъ въ одной рукѣ мѣшочекъ съ деньгами, на которомъ была начертана большая цифра 30, а на другой рукѣ у него была черная кошка.

Шествїе замыкалось снова кающимися въ саванахъ, рыцарями въ латахъ и солдатами.

Когда процессїя прошла, Аревало разумѣется собрался тотчасъ удалиться отъ молодой дѣвушки и стоящихъ съ нею. Но въ тотъ-же мигъ мальчикъ, котораго она держала за руку, показалъ на него и, оборачиваясь къ пожилой женщинѣ и къ дѣвушкѣ, произнесъ веселымъ голосомъ:

— Вотъ сеньоръ про котораго вы часто говорите!

Старикъ повернулся къ Аревало, очевидно призналъ его, и улыбувшись произнесъ:

— Позвольте познакомиться. Мы вас знаем какъ и многіе въ Толедо. Мы всё, толеданцы, съ удивленіемъ и любовью взираемъ на васъ. Мы надѣмся, что Богъ поможетъ вамъ въ вашемъ великомъ предпріятіи. Позвольте представиться: мое имя — Рамонъ Талавера, я уроженецъ и обыватель Толедо, когда-то занимался тоже нашимъ славнымъ дѣломъ—оружіемъ. Могу васъ увѣрить, что много на свѣтѣ толедскихъ клинковъ, кинжаловъ и шпагъ съ моей фабрики. Теперь я бросилъ это дѣло. Позвольте познакомить васъ—вотъ моя дочь, а вотъ внучка и внучекъ.

Аревало раскланялся съ женщинами. Мать незнакомки, пожилая женщина, полная, съ добродушнымъ лицомъ, заговорила съ нимъ о процессіи, о текущей недѣлѣ, о великихъ дняхъ страстей Господнихъ.

Два раза она обратилась къ дочери, называя ее Розитой.

Имя Розы странно коснулось слуха молодого человека. Это было дорогое для него имя. Такъ звали его мать, которой онъ лишился будучи еще младенцемъ.

Аревало заговорилъ было съ дѣвухой, но донья Розита оставалась попрежнему непреклонна—холодною и суровою, ни разу не подняла на него своихъ чудныхъ глазъ и только нѣсколько черезчуръ тихимъ голосомъ, выдававшимъ волненіе, отвѣчала однозвучно: *да и нѣтъ*.

Наконецъ семья раскланялась съ Хуаномъ Аревало, и Талавера пригласилъ его посѣтить ихъ, прибавляя по обычаю, что все въ его домѣ находится въ распоряженіи поваго знакомаго, знаменитаго зодчаго.

Прошла Страстная недѣля, прошла и Святая, и хотя работы были прекращены за это время, Аревало и не думалъ отправляться по приглашенію.

Ему не было возможности думать о чемъ либо помимо труднаго, дорогаго сердцу и великаго предпріятія. Послѣ Святой онъ кончилъ первую и немаловажную часть дѣла: вполне установилъ лѣса. Началась кладка гранитныхъ глыбъ...

Прошелъ еще мѣсяцъ. Хуанъ Аревало проводилъ цѣлые дни на стройкѣ, а вчера — дома. И за все это время волненій, сомнѣній и усталости молодой зодчій ни разу не вспомнилъ о дѣвухѣ.

V.

Однажды главный надзиратель надъ работами, каменщикъ по ремеслу, но уже разбогатѣвшій и ставшій подрядчикомъ, добрый, честный и набожный человекъ, по имени Гомесъ, заявилъ Аревало, что ввечеру придетъ къ нему по весьма важному дѣлу. У Гомеса былъ загадочный видъ, и Аревало удивился.

Въ тотъ же день, около девяти часовъ, Гомесъ явился къ архитектору и кратко объяснилъ ему, что на постройкахъ творится что-то неладное и не мѣшало бы заказать молебень Пресвятой Дѣвѣ, чтобы все окончилось благополучно.

На удивленные вопросы Аревало, подрядчикъ объяснилъ, что недѣли съ двѣ назадъ, возвращаясь отъ пріятели около полуночи, онъ случайно проходилъ вблизи стройки и зашелъ на нее.

Среди лѣсовъ, въ темнотѣ, онъ увидѣлъ темную фигуру, которая сидѣла на доскѣ прямо надъ пучиной Тахо. Его взялъ страхъ, онъ перекрестился и быстро ушелъ со стройки. Онъ подумалъ, что ему просто померещилась эта черная фигура.

Черезъ недѣлю приблизительно, забывъ днемъ на работахъ свою навагу или складной ножъ, который подарила ему покойная сестра и которымъ онъ очень дорожилъ, онъ вспомнилъ о немъ среди ночи, уже часа въ два, и тотчасъ всталъ, одѣлся и отправился на стройку.

— Не подумайте, сеньоръ, замѣтилъ Гомесъ, — что я шель на стройку съ какими-либо боязливими мыслями. Я и забылъ совсѣмъ о томъ, что мнѣ когда-то

померещилось. Я думалъ только о томъ, цѣла-ли моя наваха. Но едва вступилъ я на лѣса, какъ увидѣлъ тихо двигавшуюся ко мнѣ навстрѣчу темную фигуру, женскую, а не мужскую. Но она двигалась не по лѣсамъ. Она двигалась по воздуху, въ пространствахъ между лѣсами и пучиной Тахо. Разумѣется, я бросился бѣжать и только дома очнулся отъ страха.

Аревало невольно улыбнулся на все, что услышалъ. Въ немъ не было и тѣни того суевѣрія, которымъ отличались его соотечественники.

„Что же мудренаго, подумалъ онъ, — что на лѣса ночью кто-нибудь ходитъ ради любопытства или просто ради прогулки...“

— Вы думаете, это все? продолжалъ Гомесъ.—Нѣтъ. Въ томъ-то и дѣло. Не далѣе какъ вчера пришелъ ко мнѣ одинъ изъ нашихъ рабочихъ, Фернанъ, которого вы знаете, и передалъ мнѣ приключившееся съ нимъ. Онъ зачѣмъ-то отправился на стройку тоже среди ночи и точно такъ же былъ испуганъ и ушелъ. Онъ не только видѣлъ привидѣніе среди лѣсовъ, но слышалъ ужасные звуки, такіе, которые, онъ говоритъ, описать невозможно. Сначала ему показалось, что кто-то поетъ, потомъ ему показалось, что кто-то жалобно плачетъ. А затѣмъ почудился ему какой-то страшный свистъ, будто даже скрежетъ зубовъ, и вообще всякое навожденіе. Онъ бросился бѣжать безъ оглядки, а затѣмъ счелъ нужнымъ рассказать это мнѣ. Разумѣется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Фернанъ видѣлъ то же самое привидѣніе, которое два раза видѣлъ я.

Аревало успокоилъ Гомеса и общалъ въ слѣдующую же ночь отправиться самъ.

— Если я не увижу ничего, сказалъ онъ, — то все-таки общаю вамъ, что буду три ночи подрядъ ходить на стройку въ самую полночь. И если дѣйствительно привидѣніе является на нашей стройкѣ, то, вѣроятно, не испугается меня, явится и мнѣ. А если дѣйствительно происходитъ что-либо нехорошее, то мы обратимся къ архіепископу и споемъ торжественный „Te Deum“, чтобы избавить наше предпріятіе отъ нечистой силы.

Дѣйствительно Аревало въ ту же ночь вышелъ изъ дому и отправился къ берегамъ Тахо. Приблизившись къ стройкѣ, онъ спокойно вступилъ на помость, прошелъ по доскамъ всѣхъ лѣса до противоположнаго берега и нисколько не удивился, что не видалъ и не слышалъ ничего особеннаго.

Усѣвшись на самой срединѣ лѣсовъ, онъ задумался и снова въ тысячный разъ провѣрялъ въ своей головѣ всѣ выводы своей зодческой работы. Ему представлялся его мостъ уже оконченнымъ, представлялась смѣлая и дерзкая арка — цѣлая каменная глыба, грандіозно и граціозно висящая въ воздухѣ.

„Я умру и умрутъ всѣ мои современники, думалось Аревало.—Пойдетъ поколѣніе за поколѣніемъ — и всѣ пройдутъ. А ты, плодъ моего разума и рукъ, останешься на-вѣки!“

Просидѣвъ на стройкѣ около часу, Аревало вернулся домой бодрый, довольный, вѣрующій...

На другой день, когда снова кипѣла работа, Гомесъ подошелъ къ архитектору и молчливо-вопросительно взглянулъ на него. Аревало разсмѣялся и выговорилъ:

— Разумѣется былъ, милый Гомесъ, даже сидѣлъ цѣлый часъ здѣсь въ самую полночь.

— И ничего? спросилъ каменщикъ.

— Разумѣется, ничего. Но я общаю вамъ еще двѣ ночи ходить, чтобы только успокоить васъ и всѣхъ рабочихъ. Я слышалъ, что Фернанъ уже рассказалъ это всѣмъ и всѣ вы работаете со стѣсненнымъ сердцемъ, съ суевѣрнымъ страхомъ. Я этого не хочу. Если понадобится для успокоенія вашего, я готовъ по два раза въ недѣлю ночевать здѣсь, пожалуй даже поставлю стражу. Но, конечно, отслужить молебень лучше всего.

На слѣдующую ночь Аревало точно такъ же отправился на стройку, прошелъ по ней и вернулся домой.

На третью ночь онъ чувствовалъ себя настолько усталымъ, что, несмотря на обѣщаніе, рѣшился обмануть Гомеса и отложить свое ночное посѣщеніе до слѣдующаго раза.

Побывавъ третій разъ на стройкѣ, Аревало вернулся точно такъ же домой, не выдавъ ничего.

Но прошло еще дня четыре, и одинъ изъ рабочихъ явился къ нему утромъ отъ имени Гомеса.

— Гомесъ захворалъ, сказалъ онъ, — и сегодня на работѣ не будетъ. Онъ былъ ночью на стройкѣ и такъ перепугался, что слегъ въ постель.

Разумѣется, Аревало тотчасъ же отправился на домъ къ подрядчику, котораго очень любилъ, и узналъ отъ Гомеса, что тотъ снова осмѣлился пойти ночью на стройку и снова то же привидѣніе представилось ему. Фигура — положительно женщина — привидѣлась ему сидящую неподвижно среди балокъ, наклонившись, и въ такой позѣ, какъ бы собиралась летѣть съ лѣсовъ въ пучину рѣки.

Завидя Гомеса, она быстро двинулась на него, но онъ, перепугавшись на смерть, бросился бѣжать изо всѣхъ силъ, и послѣдствіемъ сего была хворость: лихорадка и жаръ.

Аревало пожелалъ каменщику поскорѣй поправиться и общался со слѣдующей ночи отправляться и быть на стройкѣ съ десяти часовъ до разсвѣта.

VI.

Аревало вѣрилъ, что Гомесъ не лжетъ. Ему хотѣлось только доказать, что это привидѣніе — не что иное, какъ какіе-нибудь обыватели толедскіе, случайно заходящіе по ночамъ на лѣса изъ простаго любопытства.

Аревало легъ раньше спать и приказалъ разбудить себя предъ полуночью.

За четверть часа до полуночи, молодой человѣкъ былъ уже надъ бурливымъ Тахо; сонъ настолько одолевалъ его, что онъ, зѣвая и проклиная суевѣріе своихъ соотечественниковъ, усѣлся на удобномъ мѣстѣ среди лѣсовъ и собрался было опять дремать.

Ночь была тихая, прохладная и ясная. Въ такія ночи подъ небомъ Испаніи вся природа какъ будто лѣниво и отраднo отдыхаетъ отъ жгучаго деннаго зноя и отъ вынесенныхъ за день мукъ подъ безпощадно палящими лучами солнца.

Прошло около получаса въ полной тишинѣ. Аревало хотя и собирался подремать, но синева и серебро, чудно сочетавшіяся въ ночи кругомъ него, и въ далекой выси, и на землѣ, подѣйствовали на душу художника и отогнали дремоту. Онъ невольно сталъ любоваться окрестностью, и темно-синюю долиной, и величественнымъ угесомъ, на вершинѣ котораго грознымъ гранитнымъ гнѣздомъ громоздился древній городъ, и могучимъ потокомъ, вѣчно живымъ, въ своемъ безостановочномъ бѣгѣ къ морю...

Легкій шелестъ заставилъ Аревало вдругъ перевести глаза съ окрестности ближе къ себѣ и мосту... Онъ слегка вздрогнулъ, не отъ суевѣрія, а отъ неожиданности... Шагахъ въ пяти отъ него уже стояла недвижно женская фигура и глядѣла на него.

— Доброй ночи, сеньора! вымолвилъ Аревало шутливо.—Вы изволили явиться на вашу обычную ночную прогулку?

Женщина молчала, но опустила голову какъ виновная.

— Я долженъ признаться вамъ, сеньора, что пришелъ сюда ночью исключительно съ цѣлью встрѣтиться съ вами и обратиться къ вамъ съ просьбой, чтобы вы...

Аревало запнулся, всталъ и, собираясь въжливѣе и

мягче выразить свою просьбу, подошелъ къ незнакомкѣ.

— Неужели я не ошибаюсь! воскликнулъ онъ, приглядѣвшись и узнавъ юную внучку Талаверы.

— Да, это я, донъ-Хуанъ, тихо и виновато отвѣтила Розита.—Я часто ночью прихожу сюда.

Аревало былъ настолько пораженъ, что долго не могъ вымолвить ни слова.

Розита опустила на ближайшую балку и усѣвшись молчала.

— Зачѣмъ вы ходите сюда? спросилъ наконецъ молодой человѣкъ, садясь около дѣвушки. И онъ разсказалъ ей, какой страхъ нагнала она на рабочихъ.

— Я прихожу глядѣть на вашу работу, едва слышно отозвалась она, — думаю о васъ и горюю... Здѣсь я чувствую себя ближе къ вамъ, будто бесѣдую съ вами самимъ, глядя на это чудное сооруженіе... Я думаю, вы догадываетесь, какая причина заставляетъ меня такъ поступать.

— Нѣтъ, донья Розита... Я не смѣю думать, чтобы моя личность была вамъ...

— Причина та, донъ-Хуанъ, что я люблю васъ! вдругъ будто вырвалось у дѣвушки громко, твердо, по съ отгѣнкомъ горечи.

Аревало снова смутился и не зналъ, что отвѣчать. Ему стало вдругъ грустно.

Молодая дѣвушка заговорила снова первая. Тихо, печально, беспомощно, будто жалуюсь на свою лихую долю, объяснила она, что съ первыхъ встрѣчъ съ зодчимъ на улицахъ Толедо, а затѣмъ въ соборѣ, она полюбила его. Полюбила въ первый разъ... И сначала она боролась всячески со своимъ чувствомъ, которое не раздѣлено, даже не вѣдомо виновнику его возникновенія, но теперь, послѣ тщетной борьбы, она рѣшается прямо высказать все...

— Полюбите меня, донъ-Хуанъ, кончила Розита, — и вся жизнь моя будетъ посвящена вамъ, каждая мысль, каждый ударъ сердца будутъ ваши, для васъ...

Розита смолкла, Аревало не отвѣтилъ. Наступило долгое молчаніе, томительное и грустное.

— Дѣлать нечего, заговорилъ онъ наконецъ, — и покаюсь вамъ, донья Розита. Я повѣдаю поневолѣ то, что всегда хранилъ втайнѣ... Другаго исхода нѣтъ... Я не могу, Розита, полюбить васъ. Я не долженъ и не смѣю полюбить кого-либо, а тѣмъ наче жепиться...

— У васъ есть невѣста на родинѣ, въ Аррагонѣ?

— Нѣтъ, Розита. Я никого не люблю и конечно никогда ничего подобнаго не будетъ со мной. Этого не должно быть. Иначе я погибну.

— Дѣва Марія! воскликнула дѣвушка.—Я не понимаю васъ. Объяснитесь!

— Я чувствую даже, что неспособенъ полюбить. Никогда еще ничего такого не бывало со мною. И кромѣ того, душу мою тяготитъ, Розита, предсказаніе, въ которое я вѣрю и котораго хочу избѣгнуть.

— Какое предсказаніе?

— Въ моемъ родномъ городѣ есть гитана, дряхлая старуха лѣтъ девяноста, которая очень почитается какъ прорицательница. Многимъ людямъ многихъ поколѣній предсказала она ихъ судьбу въ точности. Даръ провидѣнія такъ силенъ въ старухѣ, что она видитъ ясно даже крупныя событія лѣтъ за десять и двадцать впередъ. Говорятъ, что она даже предсказала соединеніе Кастилии и Аррагона въ одно королевство вслѣдствіе брака Фердинанда и Изабеллы. И многое другое... И вотъ эта гитана сказала мнѣ: „У тебя будетъ имя громкое... Или славное, или позорное! Вся Испанія узнаетъ его... Любящая женщина повліяетъ всемогущимъ образомъ на всю твою земную жизнь... Или погубитъ тебя въ самую лучшую минуту твоей жизни, или чудесно спасетъ тебя отъ гибели“. И вотъ,

Хлорисса. Съ карт Р Собри, грав. Веберъ.

Розита, благодаря этому предсказанію, я, послѣ многихъ размышленій, рѣшился отдаляться отъ всѣхъ женщинъ. Я никогда не только не женюсь, но даже и полюбить кого-либо не допущу себя... Пускай явится губительница или спасительница помимо меня и моей личной воли.

— Но въ чемъ болѣе увѣрены вы, донъ-Хуанъ? спросила Розита грустно. — Какое вліяніе, худое или хорошее, будетъ имѣть эта женщина?

— Скорѣе худое, Розита... Это чаще бываетъ на свѣтѣ. Въ особенности съ людьми призванными служить искусству.

— Я глубоко вѣрю въ противоположное, воскликнула Розита. — Женщина любящая и преданная не можетъ погубить человѣка, котораго избрало ея сердце. Напротивъ жена, подруга жизни — стражъ своего мужа и защитница отъ враговъ, явныхъ и даже тайныхъ, потому что она должна чутъ сердцемъ, гдѣ опасность для любимаго человѣка. Подумайте, Хуанъ... Обдумайте и взвѣсьте все и дайте мнѣ отвѣтъ. Мы предназначены другъ для друга. Я вѣрю въ это. Я безумно люблю васъ и готова сейчасъ же пожертвовать для васъ своей жизнью... Какъ же я могу погубить васъ, если стану вашей женой, рабой и стражемъ въ жизни?! Обдумайте все и дайте мнѣ отвѣтъ хотя бы чрезъ мѣсяцъ. А пока я общаю вамъ не приходится болѣе

сюда, чтобы горевать и плакать надъ своей печальной долей.

— Розита, я знаю впередъ, что я отвѣчу вамъ. Я не позволю себѣ увлечься... Изъ всѣхъ женщинъ, что я встрѣчалъ, вы первая, къ которой я чувствую какое-то непонятное для меня влеченіе. Но я поборолъ его въ себѣ... Я не долженъ никого любить, да и не могу... То, что было у меня къ вамъ — не любовь. Я бы желалъ чтобы вы были мнѣ сестрою, другомъ.

— Подумайте и отвѣтите, отозвалась дѣвушка. — Я хочу вѣрить, хочу надѣяться...

Розита встала. Аревало поднялся тоже. Они двинулись молча, вышли изъ сооруженія на берегъ, и здѣсь Розита простилась съ нимъ.

— Идите домой. Намъ могутъ увидѣть вмѣстѣ.

— Вы не боитесь идти одни?

— Я ничего не боюсь, Хуанъ, тихо отвѣтила она. — Ничего на свѣтѣ, и это потому, что я не боюсь смерти. Теперь я боюсь, правда... боюсь вашего отвѣта. Онъ можетъ быть для меня ужаснѣе смерти!

Они молча простились и разошлись въ разные стороны.

Аревало, взволнованный и грустный, вернулся къ себѣ. Онъ чувствовалъ себя какъ бы виноватымъ предъ простою, прямодушною дѣвушкой. Борьба въ немъ самомъ уже начиналась.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Тяжелая расплата.

В. Теплова.

Велики были заслуги, громки подвиги янычарскаго войска, одною изъ надежнѣйшихъ въ былое время устоевъ турецкаго могущества, но не менѣе велики были и преступленія этого своевольнаго, мятежнаго воинства, во многомъ напоминавшаго буйство нашихъ прежнихъ стрѣльцовъ. И когда на всѣхъ исторіи чашка, постепенно наполнявшаяся его преступленіями, перетянула другую чашку, послѣдовала кровавая расправа султана Махмуда съ тѣми, которыхъ время не научило приспособляться къ непрестанно пзмѣняющимся условіямъ существованія государствъ. Янычары пали потому, что въ своемъ ослѣпленіи полагали, будто XVI вѣкъ длится до нашего времени, и не новали, что терпимое встарь — нынѣ является уже вполне немисланнымъ.

Въ пятнадцатой жизни янычаръ было много драматическихъ моментовъ, самое уничтоженіе ихъ было такъ жестоко, гроза, унесшая ихъ, сопровождалась такими раскатами грома, что будетъ не безинтересно приподнять вемного кровавую завѣсу, окутавшую истребленіе войска, бывшаго некогда вѣрнѣйшимъ опоромъ оттоманскихъ султановъ.

I.

Турецкое государство, съ самаго своего основанія, было построено на началѣ военномъ, вслѣдствіе чего вся забота руководившихъ имъ людей обратилась главнымъ образомъ на развитіе такихъ учрежденій, которыя должны были содѣйствовать завоевательнымъ успѣхамъ Оттоманской имперіи, и этимъ-то объясняется первоначальный перевѣсъ военнаго могущества Турціи надъ христіанскими государствами.

Основою этого могущества было созданіе постоянной, состоящей на жалованьи, арміи за сто лѣтъ ранѣе Французскаго короля Карла VII, слышащаго со времени среднихъ вѣковъ за создателя постоянныхъ армій.

Первые повелители турокъ, Эртогруль и Османъ, сражались съ помощью конницы, носившей названіе *акинджии*, которую въ случаѣ надобности приходилось собирать заблаговременно. Третій султанъ, Орханъ, первый завелъ пѣхотинцевъ, состоявшихъ уже на опредѣленномъ жалованьи и обязанныхъ постоянною службою: назывались они *ян* или *наде* и получали въ день по одной *акчи* или четверти серебряной драхмы. Они были раздѣлены на десятки, сотни, тысячи, состоявшие подъ начальствомъ десятниковъ, сотниковъ и полковниковъ. Войско это, гордясь получаемымъ имъ значительнымъ жалованьемъ, дѣлалось все болѣе и болѣе требовательнымъ, слѣдствіемъ чего явились серьезные безпорядки. Озабоченный такимъ положеніемъ дѣлъ, Орханъ призвалъ на совѣтъ брата своего Алаэддина и своего родственника по матери Кара-Халиля-Чендерли. Послѣдній представилъ султану свой проектъ, свидѣтельствующій какъ о коварствѣ политикѣ Чендерли, такъ и о тонкомъ пониманіи имъ челоукаго сердца. Онъ предложилъ именно создать войско, составленное исключительно изъ христіанскихъ дѣтей, силою обращенныхъ въ исламъ. По его словамъ, всѣ побѣжденные являются, на основаніи восточнаго права, рабами своихъ побѣ-

дителей, которые тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ возможность законно и безусловно распоряжаться по своему произволу ихъ имѣніями, ихъ женами и дѣтьми. Обращая ихъ дѣтей всѣми возможными средствами въ мусульманство и зачисляя ихъ въ ряды турецкой арміи, султанъ, по мнѣнію Чендерли, будетъ лишь содѣйствовать ихъ земному и небесному счастью, такъ какъ, по одному выраженію Корана, всѣ дѣти рождаются на свѣтъ съ предрасположеніемъ къ исламу.

Орханъ сразу оцѣнилъ всѣ преимущества проекта Чендерли и тотчасъ привелъ его въ исполненіе. По нѣкоторымъ другимъ источникамъ, первая мысль о созданіи янычарскаго войска, долженствовавшего представлять обширное военное братство, зародилась у султана Орхана подъ впечатлѣніемъ организаціи ордена Родосскихъ рыцарей.

Какъ бы то ни было, мысль объ учрежденіи войска изъ рабовъ вполне подходила подъ тогдашнее устройство Турецкаго царства. Огорванные отъ своего народа и своей религіи, не имѣя никакихъ мѣстныхъ связей, ни какихъ-либо родныхъ или близкихъ, кромѣ своихъ сотоварищей по оружію, получая пищу и жалованье отъ султана, всѣ эти рабы, конечно, должны были быть беззавѣтно преданы и своему повелителю, и вообще военному дѣлу, какъ единственному поприщу, гдѣ имъ представлялась возможность отличиться и выдвинуться впередъ.

Столь полезныя вначалѣ чувства солидарности между всѣми членами воинственнаго янычарскаго братства заключали, однако, въ себѣ сѣмена грядущихъ бѣдствій, такъ какъ развили духъ нетерпимости и ревниваго отстаиванія своего прежняго строя отъ какихъ бы то ни было нововведеній, хотя бы и въ высшей степени необходимыхъ.

Вскорѣ по созданіи новаго войска, Орханъ постѣнилъ въ деревнѣ Сулидже, близъ Амасси, знаменитаго основателя ордена дервишей, Хаджи-Бекташа, и просилъ его благословить новыхъ воиновъ и дать имъ имя.

Шейхъ положилъ на голову одного изъ созданныхъ рукавъ своей одежды такъ, что конецъ его свѣшивался на спину солдата, и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Войско, которое теперь только-что создано, будетъ называться *си-чирри* (новое войско); лицо его всегда будетъ бѣло (т. е. радостно) и блестяще; его десница будетъ страшна, его мечь тяжелъ, а стрѣла быстрослетна. Оно будетъ одолевать врага во всѣхъ сраженіяхъ и возвращаться домой оно будетъ не иначе какъ побѣдителемъ.

Съ тѣхъ поръ Хаджи-Бекташъ сталъ считаться покровителемъ янычаръ и ихъ небеснымъ заступникомъ. Въ воспоминаніе о данномъ имъ благословеніи, къ янычарской шапкѣ изъ бѣлаго войлока, называвшейся *кече*, сзади пришивался свѣшивающийся на спину лоскутъ бѣлой матеріи, знаменовавшей собою рукавъ одежды мусульманскаго святаго. Увѣряютъ даже, что первый воинскій уставъ янычаровъ и строгая ихъ дисциплина во многомъ обязаны непосредственному участію и совѣтамъ Хаджи-Бекташа.

Войско янычаровъ пополнялось уроженцами христіанскихъ областей, подвластныхъ султанамъ. Сначала брали ихъ изъ всѣхъ областей безъ различія, но затѣмъ по преимуществу въ Албаніи, Босніи и Болгаріи.

На христіанское населеніе Румелии была наложена особая натуральная повинность. Каждые три, четыре года посылались изъ Константинополя особые лица по санѣжкамъ Румелии для набора христіанскихъ мальчиковъ отъ 8 до 12, отъ 10 до 14 лѣтъ. У христіанскихъ отцовъ и матерей навсегда отнимали самыхъ красивыхъ, бойкихъ, здоровыхъ и сильныхъ дѣтей. Такимъ образомъ, христіанскія народности не только лишались своихъ лучшихъ силъ, съ помощью которыхъ могли бы попытаться сбросить вѣчное господство, но въдобавку имѣли огорченіе видѣть, что эти самыя силы, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, обращались въ злѣйшихъ враговъ и притѣснителей христіанъ, къ которымъ они сами принадлежали по рожденію.

Отобранныхъ дѣтей на мѣстѣ же одѣвали въ особую форму и отвозили въ Стамбулъ. Здѣсь ихъ еще разъ осматривали въ Блистательной Порта и распределяли по *сераямъ* — учебнымъ заведеніямъ, нарочно для того устроеннымъ въ Стамбулѣ и Адрианополѣ, причѣмъ ихъ обращали въ исламъ. Состоя подъ надзоромъ евнуховъ, одинъ, немногіе, способнѣйшіе, обучались арабскому, турецкому и персидскому языкамъ, а главное — повинности, дисциплинѣ и привычкѣ переносить усталость и лишения. Другіе же, большинство, мели поля, служили на кухняхъ, работали въ саду и огородахъ султана, упражнялись въ стрѣльбѣ изъ лука. Наказываемые батогами послѣ этого должны были благодарить наказавшаго ихъ евнуха и цѣловать полу его кафтана. Изъ этой-то молодежи составлялись султанскія войска — янычары (пѣхота) и синахи (кавалерія); нѣкоторыхъ же изъ нихъ брали ко двору въ *ич-огланы* (пажи), изъ нихъ выходили впоследствии военные сановники и визири (министры).

Для обученія военному дѣлу всѣ эти молодые люди зачислялись въ отдѣлъ янычарскаго войска, носившій имя *Аджеми-огланы*; воинская часть эта была старѣйшею изъ всѣхъ отдѣловъ янычаръ и постоянно стояла въ Константинополѣ, ее не выводили оттуда даже и въ военное время. Обученіе рекрутовъ требовало отъ четырехъ до пяти лѣтъ, а затѣмъ ихъ переводили въ другія части войска; по повышеніи ихъ, связанное съ переводомъ въ другую отдѣлъ, дѣлалось лишь разъ въ каждыя семь лѣтъ, когда замѣщались вакансіи выбывшихъ и умершихъ янычаровъ.

Такъ какъ подобный способъ пополненія янычаръ исключительно христіанскими дѣтьми былъ въ силѣ до царствованія Магомета IV, т. е. до того времени, когда начались уже тепеніе трехъ столѣтій у христіанъ было отнято по крайней мѣрѣ пять милліоновъ мальчиковъ, насильно обращенныхъ въ исламъ¹⁾.

Весь янычарскій корпусъ, носившій коллективное имя *оджака*, раздѣлился на четыре отдѣла: Джемаатъ, Бюлюкъ, Сейменъ и Аджеми-огланы. Каждый отдѣлъ раздѣлялся на извѣстное число отрядовъ, называвшихся *одѣ* или *орты*; всего было 229 орты, изъ которыхъ 77 стояли въ столицѣ, а остальные были распределены по разнымъ областямъ.

Въ отдѣлѣ Джемаатъ была 101 орта, но одну изъ нихъ, 65-ю, султанъ Мурадъ IV раскраспоровалъ въ 1623 г. за то, что одинъ изъ служившихъ въ ней янычаръ, по имени Алтунджи-оглу, осмѣлился поднять руку на своего государя, Османа II, во время большаго возмущенія противъ него всѣхъ янычаръ, о которомъ будетъ сказано ниже. Мурадъ проклялъ эту орту, и проклятіе постоянно повторялось чрезъ каждыя двѣ недѣли до нынѣшняго столѣтія²⁾. Самая казарма, гдѣ помещалась 65-я одѣ, была обращена въ конюшню. Отдѣлъ Бюлюкъ состоялъ изъ 61 орты, а Сейменъ и Аджеми-огланы имѣла по 34 каждый.

Во время Сулимана II (1520—1566) янычары, возросшіе тогда сильно въ своей численности, получили новую организацию. Съ этого же царствованія переиначилась система комплектованія этого войска: понемногу перестали принимать въ него христіанъ, а оно стало пополняться главнымъ образомъ дѣтьми янычаръ, требованіе о чемъ было впервые предъявлено янычарами при вступленіи на престолъ султана Селима II. Въ виду этого, когда принимали кого-либо въ оджакъ, то шесть янычаровъ должны были быть поручителями, что дѣйствительно существуетъ родство между новопринимаемымъ и однимъ изъ янычаровъ, давшихъ на полѣ брани.

Самая церемонія принятія въ янычары была крайне проста. Послѣ вечерней молитвы, офицеръ вводилъ новобранца въ казарму, гдѣ уже были собраны всѣ солдаты той одѣ, низшіе офицеры надѣвали на новобранца янычарскую шапку, а на плечи накидывали ему плащъ изъ очень толстаго сукна; въ такомъ парадѣ его подводили къ *одѣ-башни* (помощнику начальника орты), которому онъ цѣловалъ руку, въ отвѣтъ на что одѣ-башни привѣтствовалъ его названіемъ *юлдаша* (товарища). Въ видахъ спасительнаго предупрежденія новобранца,

при немъ наказывали всѣхъ провинившихся въ тотъ день. Въ военное время такія принятія совершались въ штабѣ съ гораздо болѣею торжественностью. Въ такихъ случаяхъ на пріемѣ присутствовалъ глава всего янычарскаго войска, ата, сидѣвшій въ своемъ шатрѣ, окруженный высшими офицерами. Затѣмъ чаушъ-башни (нѣчто въ родѣ оберъ-полицеймейстера) одною рукою бралъ новобранца за ухо, а другою нанесилъ ему ударъ по затылку — подробность, которая несомненно напоминаетъ одинъ изъ обрядовъ, соблюдавшихся въ былое время при посвященіи въ рыцари, и какъ бы подтверждаетъ предположеніе, что Орханъ заимствовалъ отъ родосскихъ рыцарей идею учрежденія янычаръ. По нанесеніи удара, чаушъ-башни приказывалъ новобранцу идти въ такую-то орту и увѣщевалъ его исполнять усердно всѣ обязанности его новаго званія.

Численный составъ янычарскаго войска не былъ никогда установленъ точнымъ образомъ: онъ мѣнялся постоянно. Сначала войско состояло изъ тысячи человекъ; Магометъ II опредѣлилъ его въ 12,000 человекъ, Сулманъ I довелъ до 40,000, а Мурадъ III до 60,000 человекъ. Въ царствованіе Магомета IV число янычаръ возросло до двухсотъ тысячъ человекъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія полный составъ орты опредѣлялся въ 500 человекъ, обыкновенно же орта состояла изъ 200—300 человекъ.

Во время учрежденія янычаръ имъ было дано красное знамя съ изображеніемъ полумѣсяца и обоюдо-остраго меча халифа Омара; затѣмъ оно было измѣнено, и главнымъ стягомъ оджака стало знамя — *байракъ* — носившее особое названіе *Имами-Азамъ*, очень большихъ размѣровъ, изъ бѣлой шелковой матеріи, по которой золотомъ были вышиты различныя иреченія изъ Корана, относящіяся къ обязанности мусульманъ сражаться съ невѣрными. Посрединѣ байрака красовалась слѣдующая надпись: „О, правотѣрные! Знайте вы всѣ, что по волѣ великаго Аллаха и его пророка Магомета, побѣда навсегда соединена съ этимъ знаменемъ“. Каждая орта имѣла свой значокъ изъ матеріи наполовину красной, наполовину желтой. Кромѣ того, орты отличались одна отъ другой особыми изображеніями (*тишанъ*) разныхъ четвероногихъ, птицъ, растений, оружія или вообще различныхъ предметовъ. Эмблемы эти изображались на печати одѣ и на всемъ ей имуществомъ: онѣ были изображены на налаткахъ, на стѣнахъ и дверяхъ казармы; большинство янычаръ накалывали ихъ себѣ татуировкой на различныхъ частяхъ своего тѣла, по преимуществу на рукахъ. Обычай этотъ имѣлъ для многихъ ужасныя послѣдствія въ день истребленія янычаръ, когда по этимъ эмблемамъ узнавали принадлежность задержаннаго къ ошальному войску.

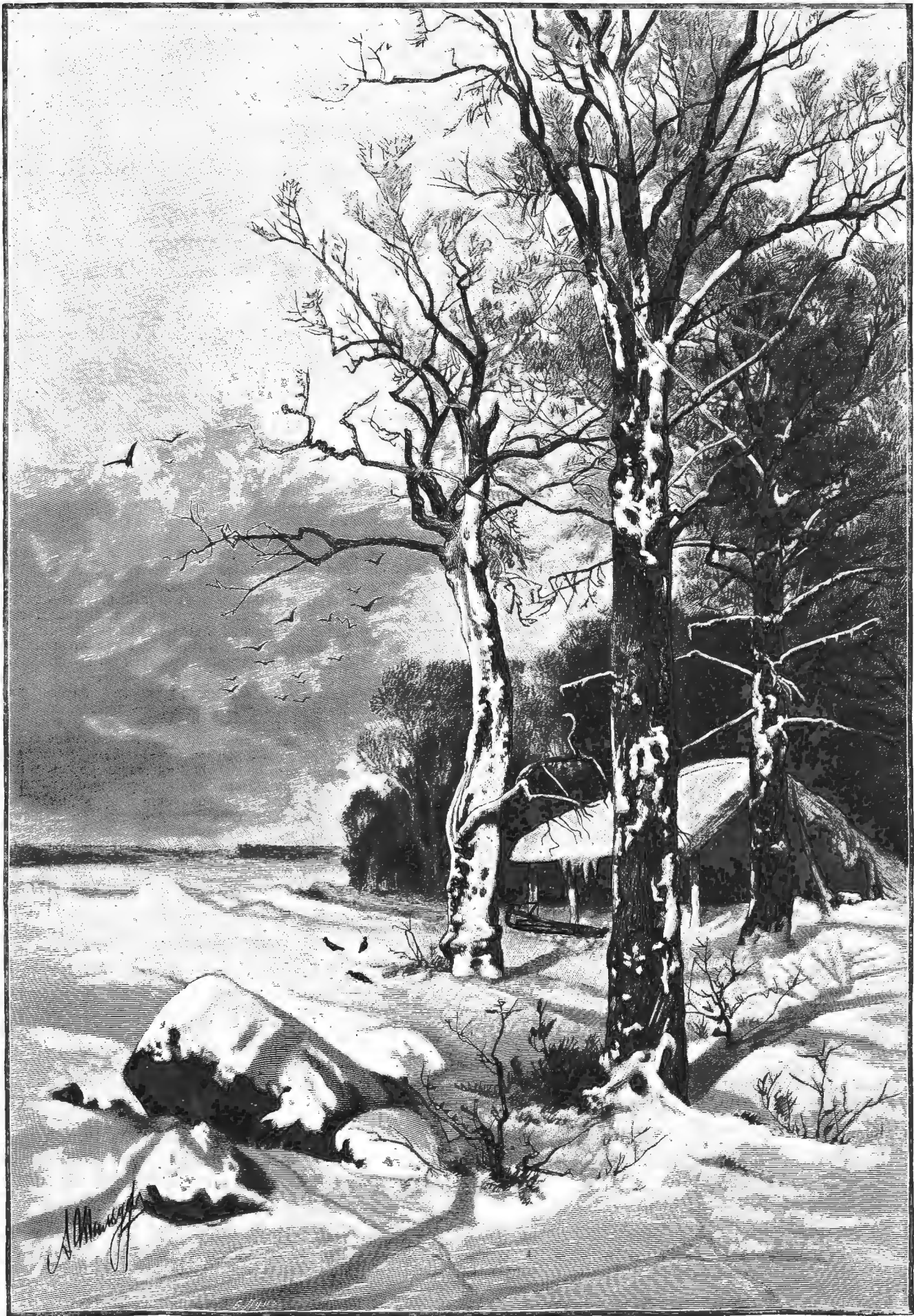
Но подобно тому, какъ для всякой европейской воинской части величайшею святынею является знамя, для янычаръ такою святынею были ихъ котлы, предназначенные для варки супа и пилава и полагавшіеся по два, по три на каждую орту. Котлы эти, обыкновенно очень большихъ размѣровъ, были предметомъ культа со стороны янычаръ, относившихся къ нимъ съ величайшимъ благоговѣніемъ, быть-можетъ почитали въ нихъ либо символъ своего единенія или товарищескаго духа, либо центръ, около котораго въ извѣстные часы сбиралась для полученія своего продовольствія всѣ члены воинственнаго братства. Когда нужно бывало совѣщаться о какихъ-нибудь общихъ дѣлахъ или принимать рѣшенія относительно послѣдующаго образа дѣйствій, янычары собирались именно вокругъ своихъ котловъ. Начало всякаго бунта прежде всего ознаменовывалось опрокидываніемъ котловъ — этимъ янычары какъ бы хотѣли выразить, что они не желаютъ получать продовольствія отъ такого недостойнаго правительства какъ тогдашнее.

Какъ только янычарскіе котлы бывали опрокинуты, ужасъ распространялся по Константинополю, а султанскій сераль начиналъ трепетать, помышляя какъ бы умножить мятеежную волнуню. Глубочайшее уваженіе янычаръ къ ихъ котламъ было такъ велико, что при частыхъ мятеежахъ стоило возставшимъ захватить котлы другихъ ортъ, чтобы эти послѣднія всѣ присоединились къ возставшимъ, перешли на сторону своихъ котловъ.

Янычары, конечно, дорожили и своими значками и тишанами, но превыше всего держались они за свои котлы, тѣмъ болѣе что, по отношенію къ нимъ, къ чувству воинской чести, заставляющей защищать свои знамена, тутъ примѣшивалось и чувство суевѣрія, принуждавшее въ потерѣ котловъ видѣть предзнаменованіе ужаснѣйшихъ несчастій. Такимъ образомъ, если случалось, что во время войны котлы какой-нибудь орты захватывались непріателемъ, эта орта считалась обезславленной, а всѣ служившіе въ ней офицеры лишались чина. Если впоследствии, своими новыми подвигами, офицеры приобретали вновь право на производство, они не могли быть зачислены въ ту орту, въ которой они служили до своего разжалованія. Самая орта, подвергшаяся подобному безславію, осуждена была на вѣчное униженіе: она не имѣла уже болѣе права торжественно нести свои котлы во время церемональнаго марша при различныхъ публичныхъ празднествахъ.

1) Histoire de l'empire ottoman, par Lavallée, p. 131.

2) Tableau général de l'empire ottoman, par d'Ohsson, III.

Зима. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Шильдера, грав. В. Пуцъ.

Олени въ горахъ. Съ карт. А. Тиле, грав. Пене.

Исходя из такого уважения к котламъ, и названія чиновъ янычарскихъ офицеровъ напоминали разныя кухонныя должности: во главѣ орты стоялъ *чорбаджи-баши* (главный приготовитель супа), затѣмъ слѣдовали: *аиджи-баши* (главный поварь), *сакка-баши* (главный водоносъ), *каракуллуджи* (поваренокъ). Самое названіе корпуса, *оджакъ*, означало печь, очагъ. Наконецъ, всѣ солдаты на шанкахъ своихъ носили, вмѣсто кокарды, деревянную ложку. Всѣ эти странные обычаи держались вплоть до самаго уничтоженія янычарскаго войска.

Высшіе чины оджака были: янычарскій ага, сеймень-баши, куль-кехая, загарджи-баши, самсунджи-баши, турнаджи-баши, истамболь-агаси, енчиреп-эфенди, мухазурь-агаси, башъ-чаушъ и орта-чаушъ. Первые шесть сановниковъ составляли *диванъ* — высшій военный совѣтъ всего янычарскаго войска.

Ага былъ верховнымъ начальникомъ всѣхъ янычаръ: онъ по своему усмотрѣнію, хотя и по согласенію съ великимъ визиремъ, назначалъ на всѣ должности, какъ высшія, такъ и низшія, распоряжался распределеніемъ отрядовъ по всѣмъ крѣпостямъ, ввѣреннымъ охранѣ янычаръ, и назначалъ комедантовъ этихъ крѣпостей. Первымъ помощникомъ ему былъ сеймень-баши, начальствовавшій тѣмъ отдѣломъ оджака, который носилъ имя сеймень. На время отсутствія ага, когда этотъ послѣдній долженъ былъ покидать Константинополь во время войны для сопровожденія ли великаго визиря или для принятія начальства надъ янычарами, находившимися въ арміи, сеймень-баши замѣнилъ въ столицѣ агу, нося тогда званіе его *каймакама* (замѣстителя). Куль-кехая былъ интендантомъ арміи и вторымъ помощникомъ ага; онъ завѣдывалъ всею хозяйственною частью войска и наблюдалъ за исполненіемъ уставовъ. Истамболь-агаси былъ главнокомандующимъ всѣми янычарами, расположенными въ столицѣ. Енчиреп-эфенди исполнялъ обязанности судьи для всего оджака, ему подвѣдомы были всѣ пререканія болѣе или менѣе серьезнаго характера, возникавшія между янычарами. Мухазурь-агаси былъ представителемъ всего оджака предъ Блистательною Портою; названіе свое онъ получилъ отъ войсковой печати (*мухазуръ*), которую онъ постоянно долженъ былъ имѣть при себѣ. Онъ безотлучно пребывалъ при великомъ визирѣ и на обязанности его лежало быть ходатаемъ предъ правительствомъ за общіе и частныя интересы янычаръ. Башъ-чаушъ завѣдывалъ зачисленіемъ новыхъ солдатъ и велъ войсковые списки всего оджака. Орта-чаушъ наблюдалъ за исполненіемъ приговоровъ, произнесенныхъ агою или енчиреп-эфенди.

Въ каждой ортѣ не могло быть болѣе восьми офицеровъ, хотя бы она была въ полномъ составѣ пятисотъ человекъ.

Внутренняя жизнь оджака управлялась суровыми законами, съ помощью которыхъ и поддерживалась жесткая дисциплина, отличавшая, въ особенности въ первое время, этотъ родъ войска. Обыкновеннымъ наказаніемъ было битие по пятамъ, но иногда, въ случаяхъ важныхъ, ага приговаривалъ виновнаго къ смерти. Вражда, иногда возгоравшаяся между двумя ортами, обыкновенно разрѣшалась поединкомъ избранныхъ каждою стороною бойцовъ. Чаще всего эти поединки происходили въ одномъ изъ рововъ, окружавшихъ кварталъ Перы.

Впоследствии, съ упадкомъ дисциплины, у янычаръ бывали частыя и кровопролитныя схватки, но преимуществу съ *алмунджи* (моряками). Во время такихъ переналозъ обитатели столицы смирно сидѣли по домамъ, правительство въ подобныхъ случаяхъ тоже принимало мало участія, находясь безполезнымъ, что оба разнузданные класса народа взаимно уничтожали другъ друга. Порта вмѣшивалась лишь тогда, когда неурядица принимала слишкомъ большіе размѣры, либо когда она переходила за границы.

Такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, Галата, одно изъ предмѣстій Константинополя, была театромъ страшнаго поношма между галиунджи и янычарами изъ уроженцевъ Лазистана. Уже издавна между ними существовала вражда. Ожесточеніе дошло до того, что когда одна изъ сторонъ скрылась въ ограду тамошней главной мечети, другая притащала пунжу, вшитую съ какого-то перваго понавагаго торговаго суд-

на, стоявшаго по близости на якорѣ, и открыла огонь по главнымъ воротамъ мечети. На улицахъ за всѣмъ угломя были устроены засады, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ перекатывался по всей Галатѣ, не прерываясь даже и ночью. Всякое сообщеніе, всякая торговля были въ предмѣстїи прекращены. Правительство сначала не вмѣшивалось въ дѣло, давъ бойцамъ свободу разодрагаться велясть; правда, оно сдѣлало нѣкоторыя слабыя попытки повліять на обѣ стороны въ примирительномъ смыслѣ, но попытки эти не имѣли никакого успѣха. Шумъ и гамъ длились уже три дня, болѣе пятидесяти человекъ было уже убито. Тогда правительство, опасаясь, какъ бы и другія янычарскія орты не вступились за своихъ товарищей и смятеніе не распространилось по всему Константинополю, мудро рѣшило дѣйствовать непосредственно на предметъ раздора, который и былъ устраненъ, чтобы не доставался ни той, ни другой сторонѣ.

Дисциплинарныя взысканія на янычаръ налагались помощниками командировъ — ода-баши; внутренняя полиція въ каждой ортѣ возложена была на *сакка*, которые и арестовывали виновныхъ. Обвиняемые въ проступкахъ болѣе серьезныхъ и въ преступленіяхъ судились самими янычарскимъ агою, произносившимъ свои приговоры безапелляціонно — виновныхъ онъ могъ приговаривать собственною властью къ исключенію изъ янычаръ и даже къ смертной казни. Привыкшій виновнымъ въ трусости немедленно лишался янычарскаго званія и исключался изъ оджака. Исключенный не могъ претендовать впередъ ни на какія привилегіи по бывшему своему званію.

Виновные штабъ-офицеры судились *диваномъ* изъ высшихъ чиновъ янычарскаго корпуса.

Такъ какъ въ прежней Турціи каждому сословію присвоенъ былъ особый родъ смертной казни, то и янычары выговорили себѣ право быть казнимыми, наравнѣ съ высшими сановниками, лишь посредствомъ удушенія; тѣла казненныхъ бросались въ Восторъ, а въ самый моментъ совершенія казни производился одинъ пушечный выстрѣлъ, оповѣщавшій всѣхъ, что однимъ янычаромъ стало въ Турціи меньше.

Всякій султанъ при своемъ воцареніи записывался какъ простой рядовой въ первую орту янычарскаго отдѣла Бюлюкъ. 60-я, 61-я, 62-я и 63-я орты этого отдѣла составляли султанскую гвардію: они носили названіе *солаковъ* и отличались особымъ высокимъ султаномъ изъ перьевъ, прикрѣпленнымъ къ ихъ каскѣ. Когда падишахъ совершалъ какое-нибудь торжественное шествіе, около его коня шли 4 полковника, 8 поручиковъ и 60 рядовыхъ солаковъ.

Во времена Орхана единственными отличіемъ янычаръ была бѣлая шапка, замѣненная при Магометѣ II чалмою; шапка же, *кече*, оставлена была исключительно для праздничнаго наряда. Со времени Мурада I янычарскіе офицеры стали носить красивую шапку, шитую золотомъ (*беркъ*). Затѣмъ уже янычарамъ былъ данъ общій мундиръ, отличавшійся отъ мундировъ прочихъ войскъ единственно своимъ покроемъ, причеиъ онъ могъ быть какихъ угодно цвѣтовъ. Мундиры офицеровъ были различны, смотря по должностямъ; имѣли также значеніе цвѣтъ ихъ саногъ: офицеры отдѣла Бюлюкъ носили ихъ краснаго цвѣта, другихъ же отдѣловъ — желтаго.

Высшихъ военачальниковъ можно было отличить по каскѣ съ большимъ султаномъ-*ускуфъ*.

Длина бороды, полагавшейся янычарскимъ чинамъ, была строго регламентирована: нѣкоторые не имѣли права носить ее вовсе.

Янычары были вооружены *скимитаромъ* (короткимъ мечемъ) или имѣли за поносомъ ятаганъ или сѣкиру, а на плечѣ несли шпаль. Въ вооруженіи было тѣмъ болѣе разнообразіе, что каждый долженъ былъ вооружаться на свой собственный счетъ; при открытіи военныхъ дѣйствій, правительство снабжало изъ своихъ складовъ оружіемъ лишь тѣхъ янычаръ, у кого не было собственнаго. Одеты янычары въ военное время были въ длинную, узкую кольчугу и войлочную бѣлую шапку, на которой была золотая бляха, иногда украшенная драгоценными камнями; у всѣхъ были султаны изъ перьевъ; усѣвшіе отличиться на войнѣ — носили султанъ изъ орлиныхъ перьевъ.

(Продолженіе будетъ).

„Дочь фараона“ и ея супругъ.

Въ 1326 году до Рождества Христова, приблизительно за 32 столѣтія до нашего времени, событіе огромной важности произошло весь Египетъ отъ одной границы до другой.

Умеръ величайшій изъ его царей: Рамзесъ II, бѣдоносный завоеватель, прошедшій во главѣ своего войска чуть не весь извѣстный въ то время міръ и подивившій свое государство на высшую точку могущества и цивилизаціи; тотъ великій основатель городовъ и строитель памятниковъ, въ правленіе котораго египетское искусство достигло апогея своего развитія; тотъ, кто въ безчисленныхъ надписяхъ на храмахъ и дворцахъ называлъ себя „любимцемъ боговъ, повелителемъ міра, милостивымъ божествомъ“ и т. д., — тотъ, колесницы котораго каждое утро направлялись къ храму, вле-

комья чегырьми плѣнными королями, — испустилъ послѣднее дыханіе.

Жрецы набальзамировали его трупъ, все населеніе страны преиспаялось траурными шурами, въ теченіе семидесяти двухъ дней нигдѣ не отиравалось богослуженія, не приносило жертвъ, не праздновалось праздниковъ. Весь народъ воздерживался отъ купанья, отъ мяса, шпеничаго хлѣба и вина.

Съ утра и до вечера цѣлыя толпы молящихся располагались передъ закрытыми храмами, посылавъ главы свои неплотью, и каждый при встрѣчѣ спрашивалъ другаго: „Ты уже знаешь? Сынъ солнца вернулся къ своему отцу!“

Теперь умершаго отирали на мѣсто его земнаго успо-

коения. Мумия его, въ великолѣпномъ гробу, окруженномъ изображеніями главѣйшихъ боговъ страны и ихъ жрецами, стояла на царской баркѣ, которая должна была перевезти ее въ Бибанъ-эль-Молукъ, усыпальницу царей, и въ то время, какъ судно со своею царственною пошею медленно скользило по желтымъ водамъ Нила, къ берегамъ его изъ городовъ и деревень стремились народъ, желая отдать послѣднія почести своему почившему властелину. Мужчины разрывали свои одежды, женщины рвали на себѣ волосы, и всѣ безъ исключенія посыпали головы пепломъ; сотни тысячъ жертвоприношеній были въ этотъ день брошены въ священную рѣку.

Даже тяжко угнетенной части египетскаго народонаселенія—своякъ—было разрушено въ этотъ день всеобщей скорби отдохнуть отъ тяжелой работы, которую покойный фараонъ возложилъ на нихъ, какъ иго. Это былъ Рамзесъ II, о которомъ иудейское сказаніе, во второй книгѣ Моисея, гласитъ: „И явился въ Египтъ новый царь, и сказалъ своему народу: Вотъ какъ размножились дѣти Израиля, но мы ослабимъ ихъ хитростью, ибо, если подвигнется война, они могутъ перейти на сторону нашихъ враговъ. И поставили надъ ними надсмотрщиковъ, и принуждали ихъ къ работамъ съ жестокостью“.

Вмѣстѣ съ многочисленными военноплѣнными, которыхъ Рамзесъ приводилъ изъ своихъ завоевательныхъ походовъ, евреи, переселившіеся въ Египтъ во время намѣстничества Иосифа и размножившіеся тамъ до такихъ угрожающихъ размѣровъ, употреблялись на работы въ рудникахъ, на постройку огромныхъ храмовъ и дворцовъ, на прорытіе каналовъ, которыми Рамзесъ перерѣзывалъ по всѣмъ направленіямъ свое государство; евреи должны были обтесывать кирпичи и выламывать камень въ каменоломняхъ; въ особенности же они употреблялись на то, чтобы доставлять непобѣдимыя количества добывавшагося въ горахъ матеріала на мѣсто постройки вновь заложенныхъ городовъ, Ситона и Рамзеса. Возведеніе порабощенными народами колоссальныхъ построекъ, которыя должны были увѣковѣчить имя фараона, безконечно льстило его гордости, и онъ приказывалъ на каждой изъ нихъ большими буквами дѣлать надписи, гласившую, что при этомъ ни одинъ египтянинъ не былъ отягощенъ тяжелой работой.

Этотъ властелинъ съ желѣзною волей, правленіе котораго продолжалось 67 лѣтъ, генеръ пересталъ существовать!

Имя около ста лѣтъ отъ роду, онъ—какъ говоритъ преданіе—остѣлъ, и когда врачи объявили, что зрѣніе никогда больше къ нему не вернется, сказали: „Вотъ пришло время уступить страну моему преемнику, ибо сынъ солнца долженъ за всѣмъ смотрѣть своими глазами“. И, посвятивъ своего наследника во всѣ государственныя дѣла, Рамзесъ II собственноручно лишилъ себя жизни.

Послѣ его погребенія въ склепѣ, который онъ при жизни хребталъ для себя вырубить въ известнякѣ Ливійскаго горнаго хребта, возвышающагося къ западу отъ Оивъ футовъ на 300 надъ равниной,—входъ въ склепъ, по обычаю, былъ замурованъ и такъ засыпанъ пескомъ и мелкими камешками, что кромѣ жрецовъ никто не могъ его найти.

И дѣйствительно тайна этой усыпальницы сохранялась въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Въ разное время, постепенно, было открыто болѣе двадцати гробницъ египетскихъ царей, и найденныя въ нихъ муміи распредѣлены между музеями всѣхъ странъ; но несмотря на самыя тщательныя розыски, не удалось открыть и слѣда отъ усыпальницы величайшаго изъ всѣхъ фараоновъ.

Между тѣмъ чиновники музея древностей въ Булакѣ¹⁾ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ замѣчали, что туристы, посѣщавшіе древній городъ царей, Оивы, привозили оттуда предметы, которые оказывались принадлежащими къ эпохѣ Рамзеса II, и скоро уже не подлежало никакому сомнѣнію, что гробница этого фараона кому-нибудь известна. Чтобы раскрыть это дѣло, нарядили форменную сыскную полицію. Арестовали одно за другимъ множество лицъ, на которыхъ мало подозрѣніе; не остановились даже передъ примѣненіемъ къ нимъ палочныхъ ударовъ, но эти мѣры не подвинули раскрытіе тайны ни на югу. Упрямые смуглые молодцы отказывались дать какія бы то ни было свѣдѣнія, а ихъ жены, съ нахмуренными бровями смотрѣвшія на экзекуцію, только поддерживали ихъ упрямство.

Къ личностямъ особенно подозрительнымъ принадлежали, въ числѣ другихъ, четыре брата, по имени Абдъ-эль-Расуль, которые, какъ и многие другіе феллахи, поселившись въ нѣсколькихъ оставленныхъ гробницахъ, служили туристамъ проводниками, отдавали внаймы ослонъ и сбывали иностранцамъ настоящія и поддѣльныя древности. Этихъ четырехъ молодцовъ посадили въ тюрьму, гдѣ ихъ мозолистыя подошвы не одинъ разъ должны были отвѣдать напки; но ихъ уста оставались нѣмы до тѣхъ поръ, пока не было прибѣгнуто къ болѣе дѣйствительному средству—подкупу. Одному изъ братьевъ обѣщана награда показала болѣе выгодною, чѣмъ дальнѣйшее разграбленіе могилъ, и, по его указаніямъ, 5 іюля 1881 года, профессоръ Dr. Бругшишъ-наша, попечитель Булак-

скаго музея, отправился въ путь по направленію къ пустынной скалистой равнинѣ Бибанъ-эль-Молукъ, чтобы убѣдиться въ справедливости своихъ предположеній.

Послѣ долгаго и труднаго лазанія по кручамъ западнаго горнаго хребта, недовольный проводникъ наконецъ остановился у одного усяйнаго валунами мѣста и съ сердцемъ объявилъ, что это входъ въ древнюю могилу. Нѣсколькимъ приведеннымъ сюда феллахамъ было тотчасъ же приказано убрать разбросанные камни, и вскорѣ рабочіе наткнулись на отверстіе высѣченнаго въ скалѣ хода, въ формѣ колодезя, имѣющаго въ квадратѣ 6 футовъ. Послѣ того, какъ съ помощью ворота ходъ сдѣланъ былъ доступнымъ, Бругшишъ, безъ всякаго колебанія, спустился внизъ въ сопровожденіи проводника.

Предпріятіе было не только очень тревожнаго свойства, но и сопряженное съ серьезными опасностями. Профессоръ Бругшишъ былъ, правда, вооруженъ съ головы до ногъ; но, за исключеніемъ сопровождавшаго его изъ Каира помощника, не одинъ изъ нанятыхъ имъ людей съ удовольствіемъ въ его убилъ, такъ какъ всѣ слишкомъ хорошо знали, что какъ скоро будетъ найдена могила, для нихъ изскриетъ богатый источникъ дохода. До этого времени, когда они находили мумію—продажа которыхъ запрещена правительствомъ,—то разлагали ее на части и отдѣльно сбывали каждый членъ, а туловище, предварительно обшаренное въ надеждѣ найти золотыя пластинки и другія цѣнности, или сжигалось, или же выбрасывалось въ разсѣльныя горы, гдѣ гіены, шакалы и коршуны вскорѣ уничтожали всякій его слѣдъ.

Съ мрачными лицами и очевидною неохотой феллахи оказывали профессору необходимыя услуги; но эти угрожающіе признаки отнюдь не охладили его рвенія къ дѣлу науки. Достигнувъ, вмѣстѣ съ проводникомъ, дна колодезя, Бругшишъ очутился у входа въ коридоръ, который шелъ къ западу и имѣлъ около 24 футовъ длины; туда они и направились, послѣ того, какъ факелы были зажжены. Въ коридорѣ было множество употребительныхъ въ древнемъ Египтѣ погребальныхъ жертвоприношеній, часто попадались художественной работы издѣлія изъ фарфора, металла и алебаstra и множество женскихъ украшеній; но обломки гробовъ изъ-подъ мумій, ломотья пропитанныхъ смолою повязокъ и панирусъ, которыми былъ усыпанъ полъ: все говорило о дѣятельности гробителей, въ теченіе цѣлыхъ годовъ безпрестанно занимавшихся здѣсь своимъ промысломъ, и возбуждало въ профессорѣ опасеніе, что онъ пришелъ слишкомъ поздно, чтобы спасти, быть можетъ, незамѣнимыя для науки сокровища. Но вдругъ, при крутомъ поворотѣ коридора къ сѣверу, Бругшишъ, къ несказанному своему удивленію, увидѣлъ цѣлый рядъ еще совершенно неповрежденныхъ гробовъ, числомъ болѣе двадцати. Когда миновало первое удивленіе, онъ изслѣдовалъ неожиданную находку, насколько это можно было сдѣлать при невѣрномъ свѣтѣ смоляныхъ факеловъ, и даже при этомъ поверхностномъ осмотрѣ оказалось, что онъ имѣлъ передъ собою бранные останки какъ верховныхъ жрецовъ, такъ мужскихъ и женскихъ родственниковъ цѣлаго ряда царственныхъ фамилій.

Еще болѣе воспламененный этой находкою, Бругшишъ по коридору проникъ въ самую глубь горы, и тамъ, гдѣ коридоръ кончался, увидѣлъ помѣщеніе, которое собственно и было могильнымъ склепомъ. Въ этомъ помѣщеніи, чрезвычайно низкомъ, имѣвшемъ въ длину 30, въ ширину 20 футовъ, стояло, частью на полу, частью стоймя вдоль стѣны, еще гораздо большее число мумій, въ своихъ рѣдкой красоты гробахъ, особенно большихъ и тяжелыхъ.

И здѣсь пришлось ограничиться только бѣглымъ обзоромъ, такъ какъ Бругшишъ уже началъ задыхаться отъ снѣгата воздуха этого подземелья и, вмѣстѣ съ проводникомъ, поспѣшилъ къ выходу, котораго достигъ, совершенно разбитый отъ усталости и волненія.

Большая часть ночи прошла въ разыскиваніи людей, необходимыхъ для извлеченія изъ-подъ земли драгоцѣнныхъ реликвій; съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня на лицо было уже 300 феллаховъ. Гробы одинъ за другимъ были подняты наверхъ, потомъ тщательно зашты в рогожи и нарусину и перевезены по усыпанной обломками историческихъ памятниковъ равнинѣ Оивъ на правительственные парходы, стоявшія на якорѣ у Луксора. Черезъ шесть дней упорнаго труда подъ палачиимъ лучами іюльскаго солнца, дѣло было кончено.

Когда парходы, нагруженные археологическими сокровищами, покидали Луксоръ, всѣ триста рабочихъ, въ мрачномъ, почти угрожающемъ молчаніи, столпились на берегу. Въстѣ о томъ, что случилось, съ поразительною быстротой распространилась вѣсть по Нилу, и по всѣмъ населеннымъ мѣстностямъ собрался народъ, чтобы видѣть, какъ будутъ провозить его прежнихъ царей. Какъ тогда, при погребеніи великаго фараона, такъ и теперь, мужчины испускали своеобразный вопль скорби, женщины съ плачемъ распускали по плечамъ волосы, дѣти жалобными криками вторили всеобщимъ стонамъ. Фанатики-дервиши бросались въ рѣку, чтобы догнать суда вилавъ, и только направленныя на нихъ ружейныя стволы принудили ихъ отказаться отъ этого намѣренія; выкрикивая

¹⁾ Предмѣстіе Каира и вмѣстѣ его гавань.

дикія проклятія против похитителей, они поплыли назадъ къ берегу. Ночью для безопасности, на случай могущихъ произойти нападений, на пароходахъ поддерживали огонь и отъ времени до времени давали залпы изъ ружей.

Только когда экспедиція счастливо достигла Булака, можно было вполнѣ убѣдиться въ важномъ значеніи сдѣланной находки. Въ гробахъ, частью покрытыхъ драгоценными украшеніями, почивалъ двадцать одинъ фараонъ; всѣ они царствовали въ Египтѣ въ промежутокъ времени между XVIII и XX столѣтіями до Р. Х. Между ними находился великій Рамзесъ II и его супругъ, Пеферъ-Ари.

Въ послѣдней мы имѣемъ передъ собой—въ чемъ новѣйшія изысканія почти не оставляютъ сомнѣній—не кого другаго, какъ ту добрую принцессу царской крови, которая однажды въ тростникѣ Нила нашла подкинутого мальчика, назвала его Монсеемъ, взяла къ своему двору и воспитала какъ сына. Эту юную принцессу Рамзесъ II позже возвелъ въ санъ своей супруги и соправительницы государствомъ; поэтому она увѣковѣчена на многихъ архитектурныхъ памятникахъ эпохи Рамзеса II рядомъ съ изображеніемъ этого владетельна. и во всѣхъ возрастахъ, въ которыхъ художникъ того времени изо-

бразилъ ее красками или рѣзцомъ, Пеферъ-Ари является прелестною, рѣдкою по привлекательности женщиною, какою она живетъ и будетъ вѣчно жить въ предаіи.

Въ Булакѣ муміи были частью лишены своихъ покрововъ и повязокъ. Вальзамированіе великаго Рамзеса потребовало болѣе двухъ мѣсяцевъ, а 15-ти минутъ было достаточно для того, чтобы открыть его голову, которая, даже послѣ трехтысячелѣтняго покоя, представляетъ поразительное сходство съ изображеніями, какія намъ оставили художники и скульпторы того времени, и носить несомнѣнную печать величія, твердой воли и непреклонной гордости.

И вотъ всѣ эти когда-то могущественные цари, царицы, принцы, верховные жрецы, мудрые законодатели и тираны, которые въ свое время почитались „подобно божествамъ“, теперь, „въ качествѣ древностей“, стоятъ въ нумерованныхъ стеклянныхъ ящикахъ Булакскаго музея. Каждый безъ всякаго страха можетъ подойти и заглянуть въ ихъ гордыя лица, а золотое изображеніе на гробѣ прелестной царицы Пеферъ-Ари, которая когда-то могла называть себя „царицей-богиней, любимницей богини Мутъ“, будто ласково улыбается зрителю. (Б.)

Къ рисункамъ.

Ржевъ. (Рис. на стр. 1017).

Въ 134 верстахъ отъ Твери и въ 511 отъ Петербурга, на обихъ высокихъ берегахъ Волги, расположенъ уѣздный городъ Тверской губерніи Ржевъ, существовавшій уже въ XII вѣкѣ, какъ видно изъ уставной грамоты 1150 г. Смоленскаго князя Ростислава Мстиславовича Смоленскаго епископѣ. Въ 1216 году городъ былъ отнятъ у Смоленскаго князества и сталъ уѣзднымъ городомъ съ собственнымъ княземъ. Первымъ уѣзднымъ княземъ Ржевскимъ былъ Владиміръ Всеволодовичъ въ 1225 г. Отъ него и городъ получилъ названіе Ржева-Владимірскаго. По присоединеніи къ Московскому государству, Ржевъ, послѣ смерти великаго князя Василия Темнаго, достался четвертому сыну его Борису, умершему въ 1422 году. Сыновья его Теодоръ и Иванъ раздѣлили городъ между собою: Теодоръ взялъ себѣ городъ по лѣвую сторону Волги, а Иванъ по правую; часть послѣдняго была отдана великимъ княземъ Иоанномъ IV сыну Ивана, Дмитрію. Отсюда части города называются и до сихъ поръ Князь-Теодоровскою и Князь-Дмитріевскою. По завѣщанію Ивана Грознаго, Ржевъ достался князю Владиміру Андреевичу Старицкому, по смерти котораго городъ сталъ управляться царскими намѣстниками. Въ 1708 году Ржевъ былъ приписанъ къ Ингерманландской губерніи, въ 1719 году онъ находился въ Тверской провинціи С.-Петербургской губерніи, а въ 1775 году причисленъ къ Тверскому намѣстничеству, причѣмъ былъ назначенъ уѣзднымъ городомъ.

Въ настоящее время городъ насчитываетъ до 36,000 жителей. Главное занятіе ихъ—хлѣбопашество, огородничество, отчасти садоводство, отхожіе промыслы, а въ особенности обработка пеньки и льна.

Сорвался съ качелей. (Рис. на стр. 1020).

Качели, въ томъ первобытномъ видѣ, какъ онѣ устроятся у насъ—чисто русская народная забава. Ветарину онѣ водилъ и при помѣщичьихъ домахъ, теперь же уцѣлѣли развѣ кое-гдѣ по куческимъ. Два столба съ перекладиной, два кольца, доска да веревки—вотъ и все что нужно для того, чтобы доставить это, въ буквальномъ смыслѣ духъ захватывающее, удовольствие. Но небрежность, съ которою строятся качели, нерѣдко тяжело отзывается качающимся. Вотъ красивая дѣвчина и нарубокъ стали другъ противъ друга по концамъ доски, взилая за веревки, и начинаютъ раскачивать доску, гибкая колѣни... Разъ за разомъ все выше взлетаетъ доска, все громче взвизгиваетъ дѣвушка, опускаясь какъ бы въ бездну съ высоты, но ей все еще мало... „А ну, ще! а ну, еще трохи (еще немножко)!“ кричитъ она. Парень удваиваетъ усилія, присѣдая къ доскѣ, которая чуть не перелетаетъ черезъ перекладину... Но вдругъ—ветхая веревка не выдерживаетъ и лопается... Дѣвчина, истинно живо уцѣпившись за свои веревки, повисаетъ въ воздухѣ, ее подхватываютъ окружающіе и выручаютъ; парень давно лежитъ на землѣ съ зашибленной головой—и въ первый мигъ всѣ до того озадачены, что только толкуютъ, какъ это могло случиться... Потомъ бѣгутъ до хаты за водой, и оказываютъ первую помощь. Молодой художникъ, г. Ижакевичъ, прекрасно передалъ весь этотъ переполохъ.

Невскій проспектъ въ СПБ. (Рис. на стр. 1021).

Невскій, главная артерія Петербурга, не всегда бываетъ такою, какимъ онъ изображенъ на рисункѣ нашего даровитаго сотрудника. Въ теченіе сутокъ два раза наступаетъ пора—послѣобѣденное время дня, когда онъ почти пустъ, и нѣсколько часовъ ночи, когда онъ совершенно пустыненъ. Художникъ нашъ изобразилъ „Невскую перспективу“ въ самый развалъ зимаго движенія, когда вдоль панелей вспыхнуть

электрическіе фонари и все населеніе столицы наперегонки торопится въ театры, концерты и т. п. сборища. Вотъ по срединѣ широчайшей улицы идутъ одинъ за другимъ вагоны „конки“, густо набитые публикой и внизу и на имперіалѣ. Городовой подъ самымъ дышломъ убѣждаетъ безстрашныхъ петербуржцевъ сойти съ рельсовъ и не соваться подъ лошадей; заботливый спутникъ охраняетъ свою даму, мимо которой вихремъ проносятся рысакъ кавалергарда. Извозчики, переругиваясь „желтоглазыми“, юрко шмыгаютъ между крупными экипажами. Магазины сверкаютъ газовымъ и электрическимъ освѣщеніемъ, выставками блестящихъ предметовъ роскоши и произведеній искусства, самая разнохарактерная толпа отъ богачей въ собольихъ шубахъ до нищихъ въ лохмотьяхъ тѣснится на панели двумя потоками въ противоположныя стороны,—и все это вмѣстѣ изъ оконъ пятого или шестаго этажа представляется громаднымъ муравейникомъ, который копошится безъ перерыва, безъ отдыха, безъ усталости...

Хлорисса. (Рис. на стр. 1025).

Весеннею ночью пролеталъ легкокрылый Зефиръ надъ землею; въ то время прелестная Хлорисса бродила среди благоухающихъ весеннихъ цвѣтовъ. Пораженный ея красотой, Зефиръ набралъ красавицу въ супруги и даровалъ ей господство надъ царствомъ цвѣтовъ. Отъ этого брака родился Карносъ, т. е. плодъ, котораго Зевсъ сдѣлалъ покровителемъ плодовъ.

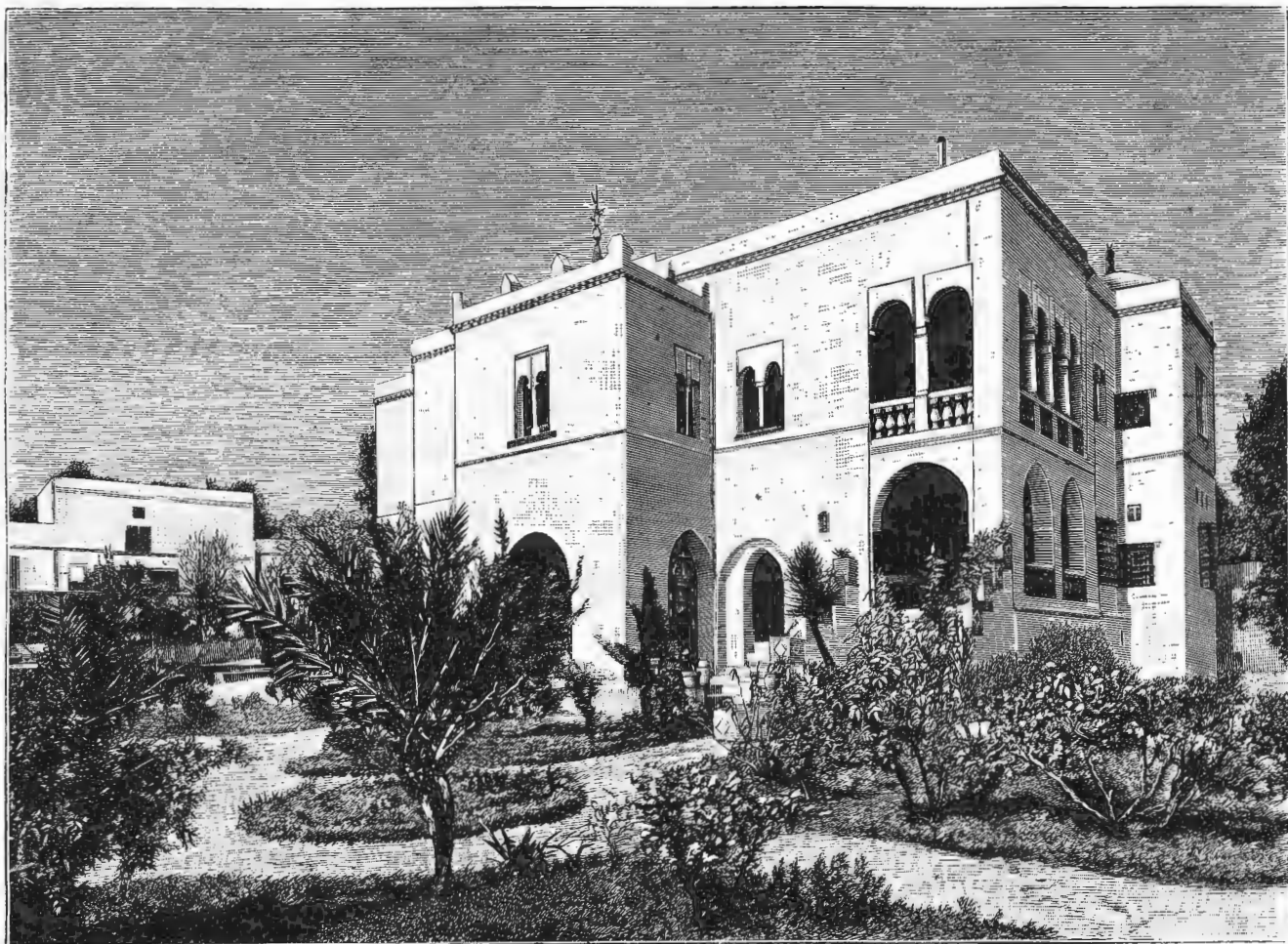
Хлорисса—греческая Флора, одна изъ Горъ, была богинею весны.

Зима. (Рис. на стр. 1028).

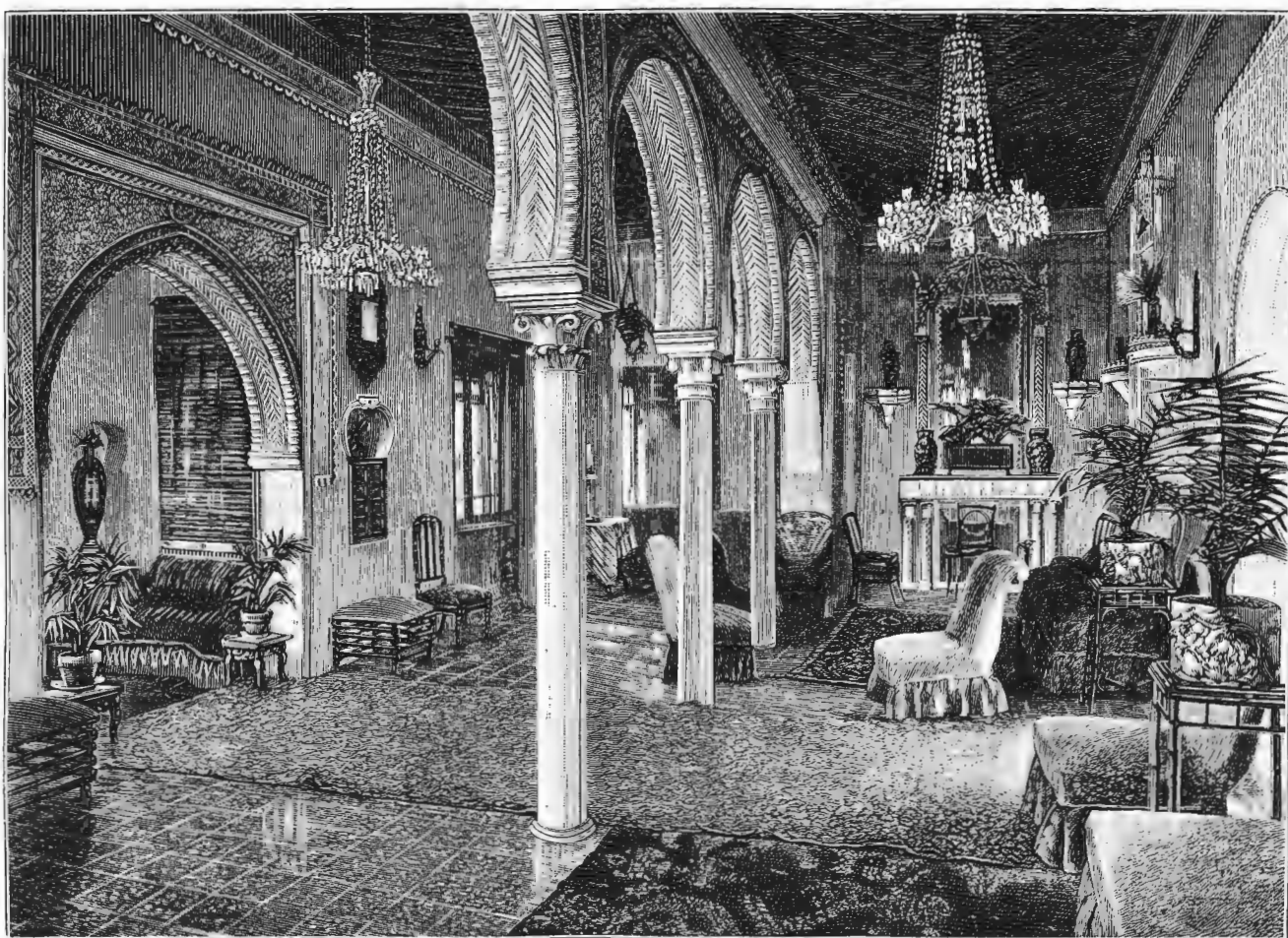
Одна изъ тѣхъ „зимокъ“, которыми такъ любятъ щеголять наши пейзажисты. Все покрыто глубокимъ, пушистымъ снѣгомъ. И земля, на которой почти до неузнаваемости занесло дорогу, и деревья съ обледѣвшими голыми сучьями, и льдиной шалаши, у котораго брошены чьи-то дровнишки... Пусто и безжизненно въ лѣсу; однѣ вороны не унываютъ, оглашая морозный воздухъ рѣзкимъ, однообразнымъ карканьемъ...

Олени въ горахъ. (Рис. на стр. 1029).

Отечество оленя—средняя Европа, гдѣ онъ водится лишь въ обширныхъ лѣсныхъ участкахъ, любя покой и просторъ. Близкаго сосѣдства людей олень не терпитъ. Въ половинѣ сентября, когда самки отгоняютъ отъ себя теллятъ, т. е. предоставятъ ихъ собственнымъ о себѣ заботамъ, въ оленѣ просыпается боевой духъ. Ночью выходитъ онъ со своимъ стадомъ на открытое мѣсто и начинаетъ ревѣть, буди лѣсное эхо. Глаза его блестятъ, поздри дымятся, гордая голова высоко поднята, онъ бѣшено бьетъ землю передними ногами въ ожиданіи противника, который только-что отозвался вдали. Эти грозные вызовы чередуются то отсюда, то отсюда, враги идутъ на-встрѣчу другъ друга, но „тутошный“ олень ступаетъ лишь нѣсколько шаговъ: онъ хочетъ удержатъ за собой позицію. Кто желаетъ овладѣть ею—пусть самъ пожалуетъ, милости просимъ. Какъ только тутошный завидѣлъ пришельца—онъ перестаетъ ревѣть, и, не теряя минуты, устремляется на врага. Рога трещатъ въ столкновенияхъ, земля подъ бойцами оказывается точно вспаханною, кустарники вытоптанными, сучья деревьевъ переломанными. Если бойцы равносильны, бой длится долго, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ бойцовъ не поскользнется и не упадетъ на колѣни; тогда другой мгновенно вонзаетъ ему свои глазные отростки роговъ въ бокъ между реберъ. Или бываетъ такъ, что оба бойца взаимно перепутаются рогами и не могутъ развязаться; тогда оба погибаютъ голодною смертию.

Вилла Калорама въ Эль-Бартъ (Алжиръ). Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Вилла Калорама въ Эль-Бартъ. Большая гостиная. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Вилла Калорама въ Эль-Біарѣ (Алжирь).

(Рис. на стр. 1033).

Эль-Біарь находится въ разстояніи четырехъ верстъ отъ города Алжира къ юго-западу, на высотѣ 200 метровъ надъ уровнемъ моря. При температурѣ почти одинаковой съ алжирскою, эта мѣстность имѣетъ то преимущество, что она недоступна сырости, характеризующей менѣе возвышенныя приморскія холмы; съ другой стороны, лучи заходящаго солнца еще грѣютъ ее въ то время, когда ниже лежащіе склоны, напр. Мустафы, давно охвачены тою внезапною и рѣзкою свѣжестью предъ наступленіемъ ночи, столь знакомою змующимъ здѣсь иностранцамъ.

На этой-то возвышенности расположена вилла г. Оливье, извѣстная подъ названіемъ Калорама. Это зданіе новѣйшей архитектуры, въ мавританскомъ стилѣ, съ внутреннимъ *patio* (дворикомъ), аркадами, колонами, просвѣтами и куполомъ (*кубба*), свойственнымъ этого рода постройкамъ; но такъ какъ она предназначалась для европейцевъ, то и снабжена всѣмъ современнымъ комфортомъ, какого можно пожелать. Окруженная деревьями, а именно эвкалиптами, которые такъ хорошо растутъ въ Алжирѣ, она заключена какъ бы въ поляхъ благоухающихъ цвѣтовъ и особенно розъ, наполняющихъ ее садъ. Главныя ворота выходятъ на дорогу, но отдѣлены отъ нея длинною зеленой аллеей.

Калорама набрана на этотъ годъ для зимняго мѣстопробыванія Е. И. В. Великаго Кнзя Георгія Александровича. Съ террасы, позади дома, открывается знаменитая панорама Алжирской бухты. Налѣво и на сѣверъ раскинулся городъ Алжиръ, надъ которымъ высится Бу-Зареахъ, за нимъ Сиди-Ферухъ, гдѣ высадились французскія войска; направо склоны Мустафы, усѣянные дачами, часть равнины Митиджа и морской берегъ до мыса Магифу; наконецъ, тутъ же величественныя вершины Джорджюры и Кабилін, которыхъ темныя крики скоро поблѣднѣютъ отъ снѣга.

Въ долинахъ же и на Эль-Біарѣ лѣтъ и снѣгъ совершенно неизвѣстны, и такъ-называемою зимой цвѣтеть и зрѣеть множество растений и плодовъ.

Вольфгангъ-Амедей Моцартъ. (Портр. на стр. 1036).

Жизнь и дѣятельность величайшаго изъ композиторовъ, Моцарта, со дня смерти котораго 23 ноября исполнилось сто лѣтъ, представляются какимъ-то силовымъ чудомъ; здѣсь все выходитъ изъ ряда обыкновеннаго, все свидѣтельствуетъ о сверхъестественномъ. Если бы факты изъ его композиторской дѣятельности не были на лицо, если бы свѣдѣнія о его жизни не были удостовѣрены такими добросовѣстными биографами, какъ Ниссенъ, Отто Янъ, Улыбышевъ (первые два тома его „Новой биографіи“ Моцарта вышли недавно въ русскомъ переводѣ), Поль и др., то положительно можно было бы подумать, что авторъ „Донъ-Жуана“, „Волшебной флейты“, „Свадьбы Фигаро“ и „Requiem“—лицо легендарное, мнѣшеское: столько почти невѣроятнаго въ его частной и общественной жизни. Можно-ли повѣрить, что ребенокъ *четыре*хъ лѣтъ, никогда не учившійся играть на скрипкѣ, сыгралъ безъ малѣйшихъ ошибокъ вторую скрипку въ квартетѣ? Вѣроятно-ли, что человекъ въ теченіи 25 лѣтъ композиторской работы написалъ болѣе *восемисотъ* произведеній, считая въ томъ числѣ и дѣльныя оперы, и симфоніи? А между тѣмъ—это все факты.

Дитя-чудо, Моцартъ, приводитъ въ восторгъ публику, имѣя отъ роду шесть лѣтъ (родился въ Зальцбургѣ 27 января 1756 года); отецъ его, Леопольдъ Моцартъ, самъ музыкантъ и очень образованный человекъ; рано сталъ эксплуатировать силы своихъ дѣтей,—Вольфганга и старшей его сестры, Маріи-Анны. Причиной тому, быть-можетъ, были стѣсненные обстоятельства; но побѣдки, первое возбужденіе ребенка, постоянныя упражненія на клавишнѣ, не могли оказывать благотворнаго вліянія на слабое здоровье Вольфганга. Въ этомъ раннемъ возрастѣ Моцарта постигли Мюнхенъ, Вѣну и Пресбургъ, а въ слѣдующемъ году имена этихъ талантливыхъ дѣтей уже гремѣли во Франціи, Швейцаріи, Англии и Голландіи, и только въ 1766 г. они вернулись въ Зальцбургъ. Особенный фуроръ маленькій Вольфгангъ произвелъ при Версальскомъ дворѣ. Въ Парижѣ, кстати, впервые появились въ печати первыя произведенія „композитора“ Моцарта (нѣсколько сонатъ для скрипки съ фортепиано); автору ихъ было семь лѣтъ.

Послѣ трехлѣтняго путешествія по Европѣ, Моцартъ начинаетъ серьезно изучать теорію, хотя имъ были уже написаны симфоніи; успѣхи были столь велики, что онъ чрезъ годъ поставилъ свою оперу „Бастіанъ и Бастіана“ въ Вѣнѣ, на домашней сценѣ (первая его опера „La finta semplice“ не увидѣла свѣта), которую онъ самъ дирижировалъ. Въ 1769 году мы видимъ уже молодого композитора въ Миланѣ, гдѣ онъ ставитъ и дирижируетъ свою оперу „Митридатъ“ и заказанную ему для карнавальнаго сезона оперу „Лючіо Силла“. Пылкіе итальянцы устраивали настоящіе триумфы 14-лѣтнему композитору и дирижеру; благодаря знаменитому теоретнику, падре Мартини, онъ былъ избранъ членомъ Болонской музыкальной академіи; пана въ Римѣ пожаловалъ его кавалеромъ ордена Золотой шпору; но Моцарта тянуло на родину, хотя и здѣсь ему

не особенно посчастливилось; онъ отправился въ Парижъ, гдѣ, потерявъ мать и не найдши постоянныхъ занятій, не захотѣлъ долѣе оставаться и вернулся домой. Въ Парижѣ онъ познакомился съ Глюковскою реформой, и слѣдствіемъ этого былъ „Идомеи“, поставленный на Мюнхенской сценѣ въ 1780 г. и имѣвшій громадный успѣхъ.

Но артисты не любятъ успѣховъ товарищей; „чудо-ребенокъ“ превратился въ опаснаго конкурента для всѣхъ композиторовъ; разные мѣстные гении, по крайней мѣрѣ считавшіе себя таковыми, стали вѣчески тѣснить Моцарта и не допускать его на сцену. Въ то время, какъ извѣстно, царила итальянская музыка, овладѣвшая всѣми сценами; артисты были итальянцы, поддерживавшіе своихъ композиторовъ; борьба предстояла не малая. Но гению некогда входить въ мелочныя житейскія дразги; онъ творитъ въ силу духовной своей потребности творить. Особенно не по душѣ припалась многимъ опера „Похищеніе изъ серала“, написанная по приказанію императора Іосифа II на нѣмецкій текстъ. Опера понравилась, несмотря на то, что успѣху весьма старались вредить. По порученію того же императора Моцартъ взялся за комедію Бомарше „Свадьба Фигаро“, но пѣвцы постарались провалить оперу въ Вѣнѣ; она однако привела въ восторгъ Прагу и въ благодарности за это Моцартъ написалъ для пражцевъ „Донъ-Жуана“ (1787 г.), который шелъ здѣсь съ громаднымъ успѣхомъ; этой оперѣ въ Вѣнѣ предпочли „Ассуръ“ Сальери.

Преемникъ императора Іосифа II, Леопольдъ, относился довольно равнодушно къ Моцарту, оперы его не ставились; композитору пришлось работать, не покладая рукъ; онъ все дѣлалъ по заказу и на снѣхъ; онъ давалъ уроки, сочинялъ по заказу артистовъ пьесы для всѣхъ инструментовъ; приходилось угождать и публикѣ, и артистамъ, и даже пѣвцамъ-итальянцамъ. Въ 1790 г. онъ написалъ для нихъ „Cosi fan tutte“, а въ годъ своей смерти имъ сочинены „Волшебная флейта“, „Милосердіе Тита“ и знаменитый „Requiem“, который онъ не успѣлъ окончить. На смертномъ одрѣ Моцартъ получилъ наконецъ извѣстіе о назначеніи его капельмейстеромъ въ соборъ Св. Стефана. Умеръ онъ 5 декабря (по новому стилю) въ крайней бѣдности, вслѣдствіе чего его бросили въ общую яму для нищихъ и до сихъ поръ неизвѣстно мѣсто, гдѣ похороненъ гениальный Моцартъ. Вдова его вышла замужъ за Ниссена, впоследствии биографа Моцарта. Отъ перваго мужа у нея было двое сыновей; изъ нихъ одинъ умеръ въ 1844 г., а другой въ 1859 г., и родъ Моцарта прекратился.

Цѣлые томы написаны о дѣятельности Моцарта въ теченіи этого столѣтія на всѣхъ языкахъ, биографій его—безчисленное множество, но никто такъ ярко не опредѣлилъ его, какъ онъ самъ, и не столько въ письмахъ своихъ, сколько въ предсмертныхъ словахъ, которыя должны имѣть историческое значеніе; вотъ они: „Я умираю теперь, когда я обезпеченъ, когда я могъ бы работать, не дѣлая болѣе уступокъ прихотямъ публики, когда я могъ бы писать, слушаясь только одного своего вдохновенія, не повинувшись ни модѣ и никакимъ вѣшнимъ расчетамъ, когда я могъ бы быть полезенъ семейству, теперь, въ силѣ молодости, оставлю жену свою и дѣтей... Не говорилъ-ли я, что „Requiem“ я написалъ для себя самого? Въ этой трагической тирадѣ умирающаго Моцарта,—вся его дѣятельность. Моцартъ, ради средствъ къ существованію, уступающій „прихотямъ публики“ и „повинующійся модѣ и вѣшнымъ расчетамъ“! Онъ, гениальнѣйшій изъ композиторовъ, вынужденъ исполнять разные грошовые заказы, чтобы жить.

Нѣтъ такой области музыкальнаго письма, въ которую этотъ универсальный гений не внесъ бы своихъ произведеній; церковная музыка, ораторіи, оперы, балеты, пѣсни, симфоніи, концерты для всякаго рода инструментовъ, камерная музыка во всѣхъ ея видахъ, каноны, кантаты, танцы, марши, сольфеджин, этюды, сонаты, аранжировки (сочиненія Генделя)—вездѣ онъ оставилъ прекрасные образцы, всюду видна рука Моцарта, все говорить: „я принадлежу Моцарту“. И подумать только, что добрыя двѣ трети всей обширной бібліотеки, завѣщанной этимъ творцомъ потомству, написаны по заказу, изъ необходимости, ради куска хлѣба! Мудрено-ли, что онъ окончательно истощилъ свои силы; вѣдь извѣстно, что Моцартъ писалъ вездѣ и всегда: днемъ и ночью, за столомъ и въ экипажѣ, одинъ и въ обществѣ, во время кутежа (онъ очень любилъ веселую жизнь) и урока, въ кофейной за билльардомъ и дома за письменнымъ столомъ; онъ постоянно сочинялъ; вдохновеніе его лилось, какъ изъ фонтана, пока не иссякъ животворный источникъ его, жизнь Моцарта.

Подобно тому, какъ трудно постигнуть всю интенсивность его творческой силы, такъ же точно трудно опредѣлить личность Моцарта,—столько въ ней противорѣчій: легко восламеняющіяся чувства и созерцательный умъ, нѣжное, доброе сердце и голова съ рѣдкими математическими способностями, горячій темпераментъ (любовь къ удовольствіямъ, разнообразіе вкуса) и безконечная работа, почти злоупотребленіе духовными способностями; днемъ—нерѣдко кутежи и веселье, ночью—бдѣніе и работа до утра; то во-горженный, то вѣтренный, то грустный, то веселый, то набожный католикъ, то трактирный завсегдатай,—вотъ какимъ рисуется въ воображеніи авторъ

„Донъ-Жуана“ на основаніи того, что известно о немъ, какъ по письмамъ, такъ и по многочисленнымъ биографіямъ. И такой-то человекъ, который неоднократно отдавалъ послѣдніи деньи своимъ товарищамъ въ нуждѣ, жилъ въ крайне стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ, не поддерживаемый никѣмъ и преслѣдуемый многочисленными врагами, завистниками его гениа.

Чтобы сколько-нибудь подробно опредѣлить значеніе Моцарта въ музыкальной литературѣ, необходимо было бы указать условія, въ которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, остановиться на исторіи развитія симфонической музыки и оперы до него, рассмотреть тотъ переворотъ, который имъ совершенъ въ той и другой областяхъ, и наконецъ указать на то вліяніе, какое онъ имѣлъ на дальнѣйшую судьбу концертной и сценической музыки; къ сожалѣнію, для такого, хотя бы и сжатаго обзора мы не обладаемъ достаточнымъ мѣстомъ и *polens volens* приходимся ограничиться рамками замѣтки *par occasion*. Не все однако области, въ которыхъ творилъ этотъ гениа,—церковная, симфоническая и оперная музыка,—имѣютъ до настоящаго времени одинаковое значеніе, хотя въ свое время каждая изъ нихъ служила путеводною звѣздой для многихъ современныхъ и позднѣйшихъ композиторовъ; самъ Гайднъ, считавшій Моцарта первымъ композиторомъ въ мірѣ, подражалъ ему. Особенно велико его значеніе въ оперной музыкѣ; церковная же и симфоническая, за исключеніемъ нѣкоторыхъ его лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ („Requiem“, симфонія *C-dur* (Юпитеръ) и *G-moll*), нѣсколько устарѣли для нашего времени, хотя нужно тутъ же прибавить, что Моцартъ вездѣ Моцартъ.

Главная сила его въ драматическомъ талантѣ. Изъ семи его оперъ, кромѣ первыхъ, двѣ написаны въ стилѣ *серьезной* итальянской оперы (*opera seria*): „Титъ“ и „Идомея“, двѣ—въ народномъ нѣмецкомъ характерѣ: „Похищеніе изъ серала“ и „Волшебная флейта“, и три—въ духѣ *комической* итальянской оперы (*drama giocoso*): „Донъ-Жуанъ“, „Такъ все онъ поступаетъ“ и „Свадьба Фигаро“. Конечно, такое дѣленіе только приближительное, потому что Моцартъ дарствуетъ надо всѣми стилями и въ этомъ состоитъ его гениальность; у всѣхъ существовавшихъ до него національныхъ

школъ: нѣмецкой, французской и итальянской онъ заимствовалъ лучшими сторонами для того, чтобы создать свой стиль, самостоятельный, Моцартовскій. Онъ не философствуетъ, а создаетъ, беря изъ каждой школы все лучшее, что можетъ быть ему пригодно для его художественныхъ цѣлей; его стиль—особенный, общій всѣмъ школамъ и ни одной исключительно.

Если нѣмецкая школа выработала гармонию, то Моцартъ ее развилъ до такихъ предѣловъ, до которыхъ она никогда не доходила прежде; онъ усилилъ составъ оркестра, онъ выдѣлялъ въ своей симфонической музыкѣ отдѣльные инструменты, поручая имъ сольные партіи (то же мы видимъ и въ нѣкоторыхъ его операхъ). Подмѣтивъ, что итальянская школа въ оперѣ ставитъ выше всего мелодію, онъ не только не является антагонистомъ ей, но напротивъ отводитъ ей первенствующую роль, даетъ ей самый широкій просторъ; ни одинъ композиторъ въ мірѣ такъ не богатъ мелодической изобрѣтательностью, какъ Моцартъ. Но французская школа выработала декламацию, речитативъ; стиль этотъ, хотя и является продуктомъ разсудочной дѣятельности, имѣетъ однако большія преимущества для передачи страсти, онъ способствуетъ быстротѣ драматическаго дѣйствія, онъ придаетъ ситуаціи живяность, реальность; Моцартъ и въ области речитатива служилъ и продолжаетъ служить образцомъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ Глукъ.

Но заимствованное имъ перерабатывалось, пересоздавалось; ему всецѣло принадлежитъ созданіе музыкальныхъ *характеровъ*; его герои чувствуютъ, живутъ и дѣйствуютъ въ звукахъ, музыка—ихъ естественный языкъ; въ какомъ бы положеніи они ни находились, они остаются музыкально вѣрны своей природѣ; взятые-ли отдѣльно, или въ общемъ ансамблѣ, его герои себѣ не измѣняютъ; лица комическія, какъ и трагическія, во всѣхъ положеніяхъ выдержаны отъ начала до конца, и притомъ, Моцартъ нигдѣ не переступаетъ границъ естественности и художественной красоты. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливо сопоставленіе его съ Рафаэлемъ. Изучая Моцарта, не знаешь, чему больше изумляться, количеству-ли созданнаго имъ за короткій срокъ его жизни, или же качеству его, которое по-истинѣ чудесно...
В. Баскинъ.

Моцартъ и Потемкинъ.

5 (17)-октября 1791 года умеръ знаменитый фаворитъ императрицы Екатерины II, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Въ томъ самомъ году, а именно 23 ноября (5 декабря) 1791 года, скончался Моцартъ. Упомянувъ о столѣтней годовщинѣ этихъ событій, мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что въ самое послѣднее время жизни Моцарта и Потемкина возникла мысль о приглашеніи знаменитаго композитора и пианиста на нѣкоторое время пріѣхать въ Россію, именно къ князю Потемкину, любившему музыку.

Князь Григорій Александровичъ любилъ окружать себя актерами, пѣвцами, шпанами. Въ противоположность императрицѣ Екатерины II, которая нисколько не отличалась музыкальнымъ талантомъ и даже жаловалась на полное отсутствіе умѣнья отличать музыку отъ обыкновеннаго шума, Потемкинъ, какъ кажется, хорошо умѣлъ цѣнить музыку и порою занимался ею нѣкоторымъ образомъ спеціально. При немъ даже во время походовъ обыкновенно находились оркестръ. Въ перепискѣ его съ извѣстнымъ энциклопедистомъ барономъ М. Ф. Гриммомъ довольно часто говорилось о музыкѣ. Неоднократно князь посылалъ Гримму коніи нотъ новыхъ сочиненій Сартри и другихъ композиторовъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императрицѣ Гриммъ называетъ Потемкина „благодѣтелемъ по части музыки“. Посылая Гримму однажды какой-то „хоръ дервишей“, князь снабдилъ эту музыку разными примѣчаніями. Племянникъ Потемкина замѣчаетъ въ биографіи дяди, имъ составленной: „Музыкѣ не учась, судилъ о ней какъ знатокъ, любилъ въ оной все важное и возвышенное; многихъ музыкантовъ и виртуозовъ имѣлъ на своемъ иждивеніи“.

Во всемъ этомъ Потемкинъ походилъ на многихъ другихъ русскихъ вельможъ того времени. Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій также содержалъ оркестръ и выписывалъ дирижеровъ и музыкантовъ изъ-за границы. Графъ Скавронскій былъ до того меломаномъ, что, какъ рассказываютъ, заставляя свою прислугу говорить съ нимъ не иначе какъ въ речитативахъ. Занимая постъ русскаго дипломата въ Неаполѣ, онъ ежедневно по цѣлымъ часамъ игралъ на скрипкѣ, надеждался пѣвцемъ извѣстнаго композитора Паззиелло и подписывалъ дѣловыя бумаги въ театрѣ, сяди въ своей ложѣ, во время оперныхъ представленій. У многихъ богатыхъ помещиковъ въ имѣніяхъ были театры съ оркестромъ, гдѣ давались оперы.

Особенно замѣчательнымъ знатокомъ музыки былъ графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка проживавшій въ Вѣнѣ въ качествѣ русскаго дипломата. Въ Вѣнѣ тогда процвѣтала музыка. Тамъ пребывалъ Гайднъ, Моцартъ, нѣсколько позже Бетховенъ. Шуринъ графа Разумовскаго, князь Лихновскій былъ учени-

комъ и въ то же самое время другомъ Моцарта, съ которымъ былъ лично знакомъ и графъ Андрей Кирилловичъ. Вообще, однако, Разумовскій цѣнилъ сочиненія Гайдна выше трудовъ Моцарта. Во дворцѣ у графа Разумовскаго собирались лучшие музыканты и нерѣдко вмѣстѣ съ самимъ графомъ, бывшимъ очень искуснымъ скрипачемъ, исполняли квартеты знаменитыхъ композиторовъ того времени. Бетховенъ посвятилъ свою „Pastoral-Symphonie“ князю Лихновскому и графу Разумовскому, игравшему въ то время въ Вѣнѣ роль мецената.

И вотъ, графъ Андрей Кирилловичъ въ 1791 году, почти, можно сказать, наканунѣ кончины Потемкина и Моцарта, возмѣтилъ мысль сдѣлать Моцарту предложеніе отпраться къ князю Потемкину и обрадовать послѣдняго своею игрою на фортепиано.

Моцартъ въ это время находился въ незавидномъ положеніи, хотя уже тогда былъ знаменитостью. Такъ напр., онъ незадолго до этого съ особеннымъ успѣхомъ игралъ при дворахъ въ Дрезденѣ и въ Берлинѣ; король Фридрихъ-Вильгельмъ II даже предлагалъ ему занять мѣсто камермейстера въ Берлинѣ; однако Моцартъ какъ-то считалъ себя обязаннымъ не покидать Вѣны. Къ тому же въ прусской столицѣ публика предпочитала сравнительно слабую оперу Диттердорфа „Doctor und Apotheker“ безсмертнымъ твореніямъ Моцарта „Свадьба Фигаро“ и „Донъ-Жуанъ“. Императоръ Иосифъ II, любившій музыку и высоко цѣнившій Моцарта, умеръ въ началѣ 1790 г.; его братъ и преемникъ, Леопольдъ II, равнодушно относившійся къ музыкѣ, не обращалъ никакого вниманія на Моцарта. Финансовое положеніе знаменитаго композитора было плачевнымъ. Учениковъ у него было мало. Доходовъ не доставало для покрытія издержекъ при содержаніи семьи. Приходилось заложить серебро, обращаться къ ростовщикамъ. Планъ путешествія въ Англію, куда отпраться именно въ это время Гайднъ и гдѣ можно было нажить большія деньги, не состоялся. Если бы въ это время Моцарту было бы серьезно сдѣлано предложеніе на выгодныхъ условіяхъ отпраться въ Россію, онъ вѣроятно бы согласился покинуть Австрію.

Впрочемъ, въ самое послѣднее время жизни Моцартъ былъ занятъ сочиненіемъ оперъ „Волшебная флейта“ и „La Clemenza di Tito“. Успѣхъ былъ сначала сравнительно не важенъ и не раньше какъ осенью 1791 года вѣнская публика до того полюбила особенно „Волшебную флейту“, что въ продолженіи октября ее давали двадцать четыре раза.

Моцартъ въ августѣ 1791 года находился въ Прагѣ. Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій въ писемѣ къ князю Потемкину отъ 10 августа замѣтилъ слѣдующее: „Хотѣлъ было я отпраться къ вамъ перваго пианиста и одного изъ лучшихъ композиторовъ въ Германіи, именемъ Моцартъ. Онъ не доволенъ своимъ положеніемъ здѣсь и охотно предпринялъ-бы это

путешествіе. Теперь онъ въ Богеміи, но его ожидаютъ сюда обратно. Если ваша свѣтлость пожелаетъ, я могу нанять его не надолго, а такъ, чтобы его послушать и затѣмъ содержать при себѣ нѣкоторое время.“ *)

Въ то время, когда было писано это письмо, князь Потемкинъ уже былъ опасно боленъ. Появились у него еще до получения этого письма пароксизмы той болѣзни, жертвою которой онъ сдѣлался. Письмо Разумовскаго было получено Потемкинымъ вѣроятно во время пребыванія въ Яссахъ, гдѣ

князь занимался веденіемъ переговоровъ о мирѣ съ Турками. Военныя дѣйствія продолжались, но Потемкинъ въ нихъ уже не принималъ участія. Болѣзнь его усиливалась, и двѣ-три недѣли спустя послѣ полученія письма, въ которомъ говорилось о Моцартѣ, князь умеръ.

Судя по редакціи письма Разумовскаго, Моцартъ вѣроятно зналъ о намѣреніи графа предложить ему поѣздку въ Яссы. Никто не могъ ожидать тогда, что гениальный композиторъ нѣсколько недѣль спустя сойдетъ въ могилу. —X.

Политическое обозрѣніе.

Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь Н. К. Гирсъ, путешествуетъ для возстановленія своего здоровья за границей. Во время своего пребыванія въ Италіи онъ былъ принятъ Итальянскимъ королемъ и видѣлся съ маркизомъ ди-Рудини. На обратномъ пути въ Россію, г. Гирсъ посѣтилъ Штутгартъ и побывалъ въ Парижѣ и Берлинѣ. Въ Парижѣ онъ имѣлъ свиданія съ президентомъ республики, г. Карно, и министрами Фрейсина и Рибо. Въ Берлинѣ нашъ министръ былъ принятъ императоромъ Вильгельмомъ и видѣлся съ канцлеромъ Каприви.

Отмѣчая эти посѣщенія и указывая на частный характеръ путешествія г. Гирса, газеты находятъ, однако, что свиданія его съ государственными людьми подтверждаютъ довѣріе къ сохраненію мира. По поводу пребыванія русскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, брюссельская газета *Nord* говоритъ:

„Г. Гирсъ былъ встрѣченъ въ Парижѣ какъ официальнымъ миромъ, такъ и общественнымъ мнѣніемъ проявленіи предупредительной и сердечной симпатіи. Этого нельзя было не предвидѣть. Парижскія газеты соблюдаютъ вообще большую сдержанность въ своихъ сужденіяхъ о политическомъ значеніи визита русскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Одна изъ нихъ ограничивается даже приравниваніемъ этого визита поѣздкѣ въ Монцу. Между этими двумя событіями есть, однако, та очевидная разница, что когда состоялась бѣсѣда съ г. Рудини, г. Гирсъ находился въ Италіи для возстановленія своего здоровья, тогда какъ во Франціи онъ поѣхалъ. Если можно было справедливо заявлять, что свиданіе въ Монцѣ принесло пользу дѣлу общаго мира, то еще съ большою справедливостью можно сказать то же о пребываніи г. Гирса въ столицѣ, гдѣ присутствіе его свидѣтельствуетъ о прочности соглашенія, являющегося однимъ изъ существенныхъ и постоянныхъ элементовъ европейскаго равновѣсія“.

Слѣдствіемъ пребыванія нашего министра иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, газеты считаютъ слова императора Вильгельма, сказанныя имъ солдатамъ новаго призыва, „которымъ придется проявлять свои доблести только въ мирное время“, — а равно рѣчь

канцлера Каприви, произнесенную имъ въ рейхстагѣ 15 ноября. Коснувшись вѣщшаго политическаго настроенія, генералъ

напомнилъ, что онъ сопровождалъ императора Вильгельма въ его поѣздкѣ въ Нарву и вернулся оттуда съ убѣжденіемъ, что это посѣщеніе принесло самыя удовлетворительныя послѣдствія, установивъ, какъ по положенію, такъ и по родственнымъ связямъ, столь дружественныя отношенія, какія только возможны. Канцлеръ присовокупилъ, что онъ не утверждалъ бы сказаннаго, если бы ему не было достоверно извѣстно, что и съ другой стороны были удовлетворены успѣхомъ встрѣчи. Ораторъ сказалъ далѣе, что онъ рѣшительно отвергаетъ, будто кронштадтскія событія дали поводъ къ новымъ опасеніямъ. Генералъ Каприви твердо увѣренъ, что личныя намѣренія русскаго Императора на миролюбивѣйшія въ мирѣ. Ни одно правительство не желаетъ въ настоящее время вызывать войну; ни одно правительство не располагаетъ достаточнымъ перевѣсомъ надъ дру-

гими, чтобы начать необдуманно войну. Чѣмъ крѣпче правительство, тѣмъ ему легче предупредить опасныя приключенія. „Я радъ тому, что у нашихъ западныхъ сосѣдей, — сказалъ Каприви, — правительство обладаетъ такою силою. Если бы нашъ восточный сосѣдь не находилъ, что французское правительство достаточно сильно, чтобы на него можно было положиться, то кронштадтскаго свиданія не состоялось бы. Положеніе теперь болѣе выяснилось, и оно не даетъ повода къ опасеніямъ“.

Въ Парижѣ архіепископъ экскій Гуть-Суларъ предсталъ 12 ноября предъ апелляціоннымъ судомъ, засѣдавшимъ подъ предсѣдательствомъ Перивье, въ слѣдствіе письма, адресованнаго архіепископомъ министру Фаллиеру и касавшагося паломничества въ Римъ. Дѣло разбиралось при многочисленной публикѣ, но инкарихъ инцидентовъ не было. Гуть-Суларъ напомнилъ о насиліяхъ, учиненныхъ надъ паломниками, заявилъ, что, посылая свое письмо, онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить Фаллиера, а только исполнилъ свой долгъ; образъ дѣйствій его былъ одобренъ епископами; католическая церковь ни съ какимъ правительствомъ борьбы не ведетъ; къ сказанному онъ ничего прибавить не имѣетъ. Кене-де-Бореперъ произнесъ обвинительную рѣчь, заявилъ, что онъ возбуждаетъ преслѣдованіе не противъ священника, а противъ мятежнаго гражданина. Защитникъ, охарактеризовавъ римскій инцидентъ, потребовалъ оправданія епископа, который гордо подвѣлъ французское знамя. Апелляціонный судъ приговорилъ къ 300 фр.

Вольфганг-Амедей Моцартъ (по поводу сотой годовщины со дня смерти).

*) Текстъ письма, писаннаго на французскомъ языкѣ, слѣдующій: „Il n'a pas tenu à moi, mon prince, de vous expédier le premier clavésiniste et un des plus habiles compositeurs de l'Allemagne — le nommé Mozart, qui ayant quelque mécontentement ici serait disposé d'entreprendre ce voyage. Il est en Bohême maintenant, mais il sera bientôt de retour. Si votre altesse veut m'autoriser alors à l'engager, non pour un long terme, mais simplement à se rendre auprès d'elle pour l'entendre et l'attacher à son service, si elle le juge à propos“. См. соч. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ, III, стр. 122.

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1892 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ за „НИВУ“ 1892 года допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1892 г. 3 р.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1892 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1892 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всеми приложениями и преміями — наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

штрафа архіепископа эскаго за то, что онъ написалъ министру Фаллиеру оскорбительное письмо по поводу паломничества въ Римъ. Гуть-Суларъ вышелъ изъ судебной палаты, окруженный массою любопытныхъ; въ толпѣ одинъ кричалъ: „Да здравствуетъ Гуть-Суларъ!“ и рукоплескалъ, другіе свистали и кричали: „Да здравствуетъ республика!“ Редакція *Figaro* открыла подписку для покрытія судебныхъ издержекъ по дѣлу Гуть-Суларъ и уплаты за него штрафа.

Америка не можетъ жить безъ убоицы. 25 октября бразильская миссія въ Парижѣ сообщила телеграмму изъ Рио-де-Жанейро, въ которой передается, что президентъ распустилъ конгрессъ и призываетъ народъ набрать новыхъ представителей. Союзная территория объявлена въ осадномъ положеніи на два мѣсяца. Мѣры эти вызваны якобы дѣйствіями конгресса и пропсами монархистовъ. Въ другой телеграммѣ изъ Рио-де-Жанейро сообщаютъ, что конгрессу, несмотря на властолюбіе президента Фонсеки, удастся сохранить конституціи республиканскій и федеративный характеръ. Вскорѣ

затѣмъ провинціи Рио-Гранде-до-Сулъ и Грао-Пара объявили себя независимыми и отдались въ руки недовольныхъ. Тогда диктаторъ Бразиліи Фонсека отменилъ всѣ данныя гражданамъ гарантіи и назначилъ комиссію для обхода суда надъ всеми тѣми, кого онъ называетъ инсургентами. Но возстаніе въ провинціи Рио-Гранде-до-Сулъ увѣчалось успѣхомъ. Генералъ Исидоръ Гонзалесъ былъ разбитъ инсургентами, а 11 ноября въ Рио-Жанейро, гдѣ приняты недавно мѣры встрѣтны сильное сопротивление, вспыхнуло возстаніе противъ правительства маршала Фонсеки. Инсургенты, овладѣвъ безъ сопротивленія арсеналомъ, потребовали удаленія Фонсеки, который и вышелъ въ отставку. Вслѣдъ затѣмъ президентомъ республики былъ провозглашенъ генералъ Флоріано-де-Пейхато. Господствовала паника, чернь разгромила помѣщенія редакцій двухъ правительственныхъ газетъ, но къ вечеру спокойствіе было восстановлено. Члены правительства вышли въ отставку, осадное положеніе отменено. Почти вся Бразилія признала новаго президента.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 7 ноября, въ 10 час. утра, прибылъ въ Ялту его кор. выс. герцогъ Альбрехтъ Виртембергскій и былъ встрѣченъ на молѣ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Ихъ Высочества прослѣдовали въ Ливадію, во Дворецъ, гдѣ Герцогъ былъ принятъ Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей.

9 ноября, послѣ завтрака въ Ливадіи, герцогъ Альбрехтъ Виртембергскій уѣхалъ изъ Ялты на пароходѣ Русскаго общества пароходства и торговли „Великій Князь Алексѣй“.

— 10 ноября пришла на Ялтинскій рейдъ султанская яхта „Изеддинъ“, на которой прибыли чрезвычайный турецкій посоль муширь Фуадъ-паша со свитою. Въ десятомъ часу утра, посоль со свитою съѣхалъ съ яхты на берегъ, гдѣ для него приготовлены апартаменты въ Ливадійскомъ домѣ на набережной. 11 ноября, чрезвычайный посоль Султана муширь Фуадъ-паша представлялся Его Императорскому Величеству и привѣтствовалъ Государя Императора отъ имени Султана.

Правительственные распоряженія.

— Высочайше повелѣно: Сохраняя въ силѣ воспрещеніе отпуска тѣхъ товаровъ, кои поименованы въ Указахъ отъ 28 іюля и 16 октября сего года, распространить таковое на пшеницу, а равно на приготовляемые изъ нея пищевые продукты.

Помощь голодающимъ.

— По свѣдѣніямъ, поступившимъ въ Глав-

ное Управленіе Россійскаго Общества Краснаго Креста по 1 ноября, общій итогъ пожертвованій въ кассы Общества и отчисленныхъ изъ его капиталовъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая опредѣлился въ 945,594 руб. 16 коп.; притокъ-же матеріальныхъ пожертвованій, главнымъ образомъ пищевыми продуктами, можетъ быть исчисленъ въ 53 вагона разнаго хлѣба. Всѣ хлѣбные припасы уже полностью отправлены въ различныя неурожайныя губерніи.

— Къ 5 ноября пожертвованій въ пользу нуждающихся вслѣдствіе неурожая въ С.-Петербургскій епархіальный комитетъ поступило деньгами 161,954 руб. 55¹/₂ коп. и пищевыми продуктами 8,931 пуд. 13 фунтовъ.

— По свѣдѣніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о дѣятельности благотворительныхъ комитетовъ и попечительствъ для помощи нуждающемуся населенію въ губерніяхъ, достигнутыхъ неурожаемъ, образованныхъ независимо отъ епархіальныхъ комитетовъ и учреждений Россійскаго Общества Краснаго Креста, въ эти комитеты и попечительства поступило въ теченіе сентября и октября, кроме пожертвованій припасами, всего 268,425 р. 98 к. Сумма эта образовалась частью изъ благотворительныхъ приношеній, обращенныхъ непосредственно въ названнаго мѣстнаго учрежденія (223,383 руб. 73 коп.), частью изъ пожертвованій, поступившихъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и имъ, затѣмъ, разассиг-

нованныхъ. Всего въ Министерствѣ получено пожертвованій по настоящее число 202,425 руб. 74 коп.

— Въ непродолжительномъ времени, въ Одессу будетъ доставлена громадная партія, до 500,000 пудовъ, хлѣба, предназначаемаго для продовольствія населенія 8-ми сѣверныхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, губерній. Хлѣбъ этотъ слѣдуетъ съ Кавказа и будетъ доставленъ въ Одессу моремъ, а отсюда отправленъ по желѣзной дорогѣ.

— Въ послѣднее время, большія саратовскія хлѣбопекарни, при изготовленіи ржаного хлѣба, примѣшиваютъ къ нему значительную часть жидкой пшеничной каши, которая предварительно варится въ особыхъ большихъ котлахъ, а затѣмъ выкладывается въ заторныя квашни, подбивается мукою и заквашивается, составляя, въ общемъ, около ¹/₃ всего затора. Отъ такой примѣси, значительно выигрывая по своему вишнему виду, хлѣбъ нисколько не теряетъ во вкусѣ и питательности, обходится-же много дешевле.

Пути сообщенія.

— Во Владивостокѣ рабочей сезонъ на желѣзной дорогѣ можетъ считаться почти законченнымъ. Надѣются открыть временное движеніе къ осени будущаго года между Владивостокомъ и Никольскомъ.

— 11 ноября, около полудня, товаро-пассажирскій поѣздъ № 5 Орловско-Грязской желѣзной дороги, на 19-й верстѣ отъ Орла,

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №№, просимъ гг. ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1892 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе дни ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

на мосту через рѣку Онтуху, вслѣдствіе лопнушаго банджа въ товарномъ вагонѣ Польской дороги, сошелъ съ рельсовъ; три пассажирскихъ вагона и одинъ багажный свалились съ моста въ рѣку. 15 человекъ раненныхъ перевезены въ Орель. Число убитыхъ, большая часть которыхъ извлечена изъ воды, доходитъ до 26-ти; можно полагать, что въ руслѣ рѣки, среди обломковъ вагоновъ, будетъ отыскано еще нѣсколько труповъ.

Народное просвѣщеніе.

— 24 октября утвержденъ уставъ „Общества школьныхъ дачъ для воспитанниковъ

с.-петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Это вновь возникающее общество имѣетъ цѣлю принимать на каникулярное время, на свое безвозмездное попеченіе, въ особо устроенныхъ дачахъ, воспитанниковъ и воспитанницъ с.-петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые по слабости здоровья нуждаются въ подкрѣпленіи силъ, но, по недостатку средствъ, не имѣютъ возможности проводить лѣто внѣ города. На дачи предполагается принимать дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 14 лѣтъ, по ходатайству начальниковъ учебныхъ заведеній.

Музыкальные извѣстія.

— Въ артистическомъ мірѣ первыми откликнулись на общественную бѣду ученики консерваторіи, давшіе 7-го ноября концертъ въ пользу голодающихъ. Изъ нашихъ молодыхъ музыкальныхъ силъ, впервые выступившихъ передъ публикой, обращаетъ на себя вниманіе пианистъ г. Николаевъ. Его тонкое, вполне обдуманное исполненіе сонаты В-молл Шопена указываетъ на несомнѣнно выдающійся талантъ.

ШАХМАТЫ.

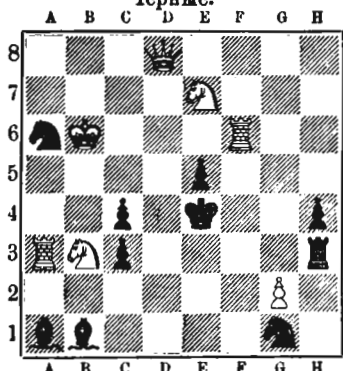
Подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 49.

J. Rauner (Leeds).

1 призъ конкурса „Bristol Mercury“.

Черные.

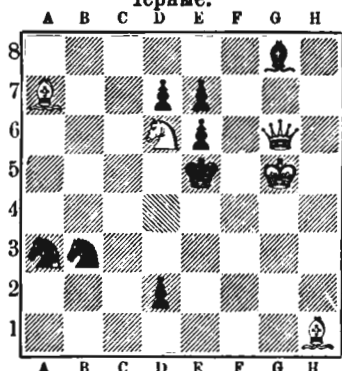
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача № 50.

Н. И. Маракулина (Нолинскъ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Извѣстія изъ шахматнаго міра.

Въ началѣ мѣсяца вышелъ № 4, октябрь, журнала „Шашечница“. Въ немъ между прочимъ помѣщены 13 послѣднихъ задачъ русскихъ композиторовъ, принятыхъ на конкурсъ. Срокъ присылки задачъ продленъ до 1-го декабря; число послѣднихъ одного композитора увеличено до 3-хъ. Въ началѣ ноября вышелъ № 3 за юнскъ „Шахматнаго журнала“. Въ немъ содержится интересная статья Степанца о дебютѣ Лонгана. — 9 ноября Чигоринъ выѣхалъ изъ Парижа, гдѣ любители устроили въ честь его обѣдъ. — Вскрѣсѣ С. З. Аланинъ выѣдетъ для матча съ З. Таррашемъ въ Нюрнбергъ. — Въ „Собраніи Экономистовъ“ (Фонтанка, 32), второй туръ 3 турнира начался 15 ноября. О результатѣ 1-го тура сообщимъ въ слѣдующемъ шахм. отдѣлѣ. С. И. Полнеръ вернулся изъ-за границы; матчъ его съ Э. С. Шифферсомъ отложенъ до окончанія турнира.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.

„НОВОСТИ ДНЯ“

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Вступая въ десятый годъ изданія, газета наша и въ 1892 году будетъ выходить по программѣ прошлыхъ лѣтъ и попрежнему употребитъ всѣ усилія, чтобы дать читателю богатый матеріалъ по всѣмъ интересующимъ его областямъ; кромѣ того, ежедневно помѣщаются интересные фельетоны.

Съ первыхъ январскихъ номеровъ въ „Новостяхъ Дня“ будетъ помѣщаться повѣсть П. М. Невжина „Голодуха“. Годовымъ подписчикамъ за 50 коп. высылается романъ А. М. Пазухина „Ополченая Россія“, продающійся по 2 р. за экземпляръ.

Съ дост. на годъ . . . 9 р. — к. | Съ доставкой на 3 мѣс. . . . 3 р.
" " " 6 м. . . . 5 " 50 " | " " " 1 мѣс. . . . 1 "

Адресъ: Москва, контора газеты „НОВОСТИ ДНЯ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1892 году журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 30 листовъ. Русское Обозрѣніе будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ. За полгода.

Съ пересылкой и доставкой во всѣ города Россійской Имперіи. . . 15 руб. 50 коп. 8 руб. — коп.
За границу 19 " — " 10 " — "

Отдѣльные №№ продаются въ конторѣ журнала по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверской бульв., А. Зынова, № 46, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

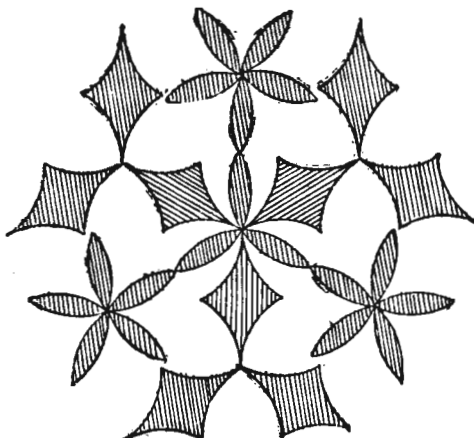
При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается расрочка подписной

Геометрическая

задача

№ 51.

Данную фигуру разрѣзать на части такъ, чтобы составить изъ нихъ правильный шестиугольникъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Розита. Историческая быль XV вѣка. Графа Е. А. Салиаса. — Тамелая расплата. В. Теллова. — „Дочь фараона“ и ея супругъ. — Къ рисункамъ: Рмевъ (съ рис.). — Сорвался съ начелей (съ рис.). — Невскій проспектъ въ СІБ. (съ рис.). — Хлорисса (съ рис.). — Зима (съ рис.). — Олени въ горахъ (съ рис.). — Вилла Налорама въ Эль-Барѣ (Алжиръ) (съ 2 рис.). — Вольфгангъ-Амедей Моцартъ (съ портр.). — Моцартъ и Потемкинъ. — Политическое обозрѣніе. — О подпискѣ на „Ниву“ 1892 г. съ расрочкою. — Разныя извѣстія. — Завлеченіе. — Шахматы. — Геометрическая задача. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марьясъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ

Б. Морская, № 17, бель-этажъ, рядомъ съ Нумбергомъ.

Высочайше утвержденное Акціонерное Общество

С.-ПЕТЕРЬ. ХИМИЧ. ЛАБОРАТОР.

Измайловскій пр., № 27. Золотая медаль, Парижъ, 1889 года.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

высшаго качества для чистки зубовъ и освѣженія дыханія рта. **Зубные порошки. Зубная паста.**

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семь обозначенную, и требовать точность фирмы:

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРЬ.:

- 1. Невскій проспектъ, № 32, домъ Католической церкви. Р. № 5311 3—3
- 2. Невскій проспектъ, № 66, у Лицикина моста.
- 3. Вознесенскій просп., уголъ Казанской улицы.
- д. Шредера, № 24—52 (Олтова и рознич. продажа).
- Магазинъ въ Москвѣ: На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.

ЛЕПНИНГЪ и ГЛОЗНИНЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Д-ръ Волцигъ, возврат. изъ-за границы. Личнѣ: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракъ. Невскій 71/1, кв. 5. Отъ 1-3 и 6-7 1/2 ч. п.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обратителн письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57.

САРПИНКА РУЧНОЕ ТКАЧЕСТВО
ДЛЯ ДАМСКИХЪ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ

САСОННЫЯ ПЛАДІИ НОВОСТІ
на лѣто 1892 года
РОЗНИЧНАЯ И ОПТОВАЯ ПРОДАЖА
АЛЬБОМЪ ОБРАЗЦОВЪ ВЫСЛАЮТЪ
СЪ ДЕСЯТКИ ИМЪ на 40 вѣщ.,
присланныхъ почтовыми марками
въ вѣзномомъ письмѣ въ САРАТОВЪ,
ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ
САРАТОВЪ, пассажъ Лаптева.
ОТДѢЛЕНІЯ:
МОСКВА, Петрова, между Кузнецкимъ
и Салтык. пер., прот. маг. Вендрагъ.
Казань, съ Января 1892 г. на Нико-
лаевской площ., д. Х. Юшкова.
въ Тифлисѣ съ Ноября 1891 г.

**ФАБРИКАНТЫ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
БЕНДЕРЬ и СТЕПАНОВЪ**

**БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметина А. ЭНГЛУНДЪ.**

Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб. — 2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Сиб. Косметической Лабораторіи.

Получить можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарами, у А. Рязанова, Сиб. Технохимич. Лабор. — Въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Безбардинъ, Р. Келлеръ и Ю. О. Геллингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главныя склады для всей Россіи: С.-Петербургъ, Сиб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. Ц. № 5347 (2)

Только подлинно съ этой фабрики, маркой

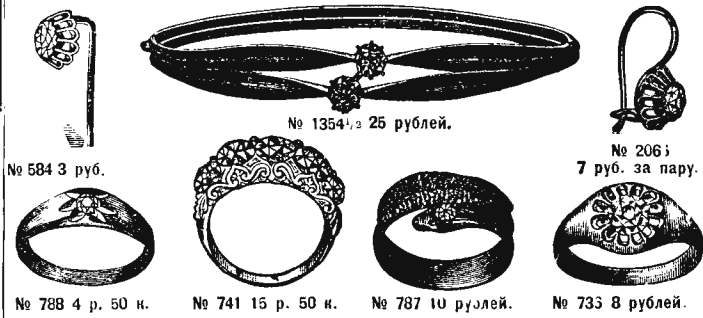
Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной-Мальца-Экстрактъ и Конфекты.
Л. Г. ПИТШЪ и К^о.
въ Бреславль.
Химическимъ анализомъ и медицинскимъ опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрѣшены.
*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 5384 (5)

**ФАБРИКА
ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
КАРЛА ГОЛЬ въ Канштадтѣ (Германія)**

выслагаетъ безъ всякой доплаты за пересылку до границы золотыя вещи своего издѣлія изъ массивнаго 14 каратнаго золота съ искусственными брилліантами имѣющими великолѣпную игру. Иллюстрированный прейсъ-курантъ выслагается бесплатно.

Заказы исполняются лишь по полученіи полной стоимости выписываемой вещи, причѣмъ самая стоимость можетъ быть прислана русскими кредитными билетами или почт. марк.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ НА
ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ДЕЖЪ

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 50 к.
За границу Объявленія по 10 к. за строку.
на годъ 10 р.

Адресъ: С.-Петербургъ, 360 №№ въ годъ. Редакт. И. В. Сиворцовъ. Невскій пр., д. 20. 12 нн. роман., разсн. и очерк. Издатель А. А. Греве.
При подпискѣ на годъ допускается разсрочка — 1-й взносъ 2 или 1 р. — послѣдующіе по 1 р. № 5442 9—4

1892 г. ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА г. 1892
СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ СПБ. И ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ИМПЕРІИ.

СВѢТЪ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ ВЪ РОССІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годъ 4 полгода 2 три мѣс. 1
Съ 1 января 4 р. Съ 1 января 2 р. съ 1 янв. 1 апр. 1 р.
по 31 декабря 4 р. или 1 июля 2 р. съ 1 июля. 1 окт. 1 р.

СВѢТЪ И РОМАНЫ
ГАЗЕТА СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
состоящимъ изъ произведеній лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

За годъ: СВѢТЪ и 12 том. роман. 8 р.
За полгода: СВѢТЪ и 6 том. роман. 4 р.
За 3 мѣс.: СВѢТЪ и 3 том. роман. 2 р.

Письма и деньги адресовать:
С.-Петербургъ, редація газеты „Свѣтъ“, Невскій, № 136
РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ В. В. КОМАРОВЪ.

В. Томилинъ. Поэты
„ГОСПОДА И СЛУГИ“.
Цѣна 1 р., безъ перес. Г. Тимъ, Курск. губ.
ВНИМАНІЮ РОДИТЕЛЕЙ И ПЕДАГОГОВЪ.
Открыта подписка на 1892 г. (4-ый г. изд.) общепедагог. ежедн. газ. „Школьные Обозрѣнія“. Составъ сотрудн. прежній. Иностран. корреспон. Подробн. проспектъ выслагается по требов. безпл. Подп. цѣна „Шк. Об.“ на 1 г. — 5 р., 1/2 г. — 3 р., 1/4 г. — 2 р., 1 м. — 60 к. Для учит., нач. шк. и духовныхъ лицъ на 1 г. — 4 р., 1/2 г. — 2 р., 1/4 г. — 1 р., 1 м. — 40 к. Въ пользу голодающихъ редакція „Шк. Об.“ жертвуетъ 2% со всей подписной суммы, поступившей до 1-го февр. 1892 г. Адр. конторы: Москва, Тверск. бульв., д. 6. Шеннингъ.

**ЭЛЕОПАТЬ
ПРОВ. КИНУНЕНЪ**

для волосъ. Элеопать Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптеч. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стѣклѣ наждаго флакона, — пров. Кинуненъ.
Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 5129

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 к. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ „ЕСТУЧКЕ“
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ
ПРЕДУСТЕРЕЖЕНІЕ
ОТЪ ПОДДѢЛКИ
НАШЕЙ
МАРКИ

Наша патентов. машинка для модн. и любим. Французск. причѣски безъ посторонней помощи, легко, скоро и красиво. Ц. 1 р., перес. 1 ф., упак. 20 коп.
Продажи. скидка. Остер. поддѣлокъ.
Единственный агентъ для всей Россіи: Г. ГЕБГАРТЪ, Пассажъ, 37.

**EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE**
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Многочисленныя благодарности за высокое достоинство стеколъ

Наилучшій подарокъ на елку.
БЕРЕГИТЕ ВАШИ ГЛАЗА!

Очи и Пенсне въ оправѣхъ изъ настоящаго накладнаго золота (Double Or). Оправы эти, сильно отличающіяся въ цѣнѣ отъ массивныхъ золотыхъ, тѣмъ не менѣе прочнѣе послѣднихъ, ибо покрыты золотой пластинкой, не допускаютъ ложности; самая оправка имѣетъ видъ настоящей масс. золотой. — Цѣна съ перископическими (Periscopique) стеклами, шифованными согласно научнымъ вычисленіямъ, укрѣпляющими зрѣніе, съ пересылкою 4 руб.

Примѣчаніе. При заказахъ слѣдуетъ обозначать, какія требуются стекла, т. е. для близорукаго или дальзорюкаго, на какомъ разстояніи заказчикъ ясно различаетъ предметы, употребилъ-ли имъ уже ранѣе стекла, то какой № и сколько лѣтъ? Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ-механикъ, г. Варшава, ул. Королевская, № 49—8. Заказы исполняются точно и добросовѣстно. Прейсъ-курантъ бесплатно. Выслаживаются и наложеннымъ платежемъ. № 5479

БЫСОЧАЙШЕ утвержд. Товарищество добычи и обработки фосфоритовъ и др. минеральныхъ туфовъ

производить: № 5482
всѣ сорта фосфоритной муки, костяную муку, гипсъ, кормовую муку, суперфосфатъ и т. д. **Заказы. Рязань. Правленіе.**
Телеграммы. Рязань. Фосфоритъ.
Брошюры, образцы, листки цѣвъ, наставленія—**бесплатно** по требованію.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главн. складъ у **Г. Голлендера**, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5377 (5)

УЧЕБНЫЯ ПОСОВІЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ,

составленныя **В. ЗЕЛИНСКИМЪ:**
ХРЕСТОМАТІЯ для объяснительнаго чтенія. Ц. 25 к. № 5471
КОРНЕСЛОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА. Ц. 50 к.
СПРАВОЧНИКЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ, съ приложеніемъ полного списка словъ съ буквой **Ъ**. Изд. 6-е. Ц. 50 к.
ГРАММАТИЧЕСКІЙ ЗАДАЧНИКЪ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку. Изд. 2-е. Ц. 25 к.
ЗРИТЕЛЬНЫЙ ДИКТАНТЪ (самодиктованіе и самоисправленіе). Новая система для практическаго самоученія русскаго правописанія. Часть I. Изд. 4-е. Ц. 50 к. — Часть II (знаки препинанія). Изд. 2-е. Ц. 40 к.
СЛОВАРЬ БУКВЪ. Изд. 2-е. Ц. 25 к.
ЧЕТЫРЕ ТАБЛИЦЫ для письменнаго грамматическаго разбора. Ц. 8 к.
ОБРАЗЦОВЫЕ УРОКИ по русск. грамматикѣ, разработ. известн. педагогами. Ц. 1 р.
ПРИМѢРНЫЕ УРОКИ по объяснительному чтенію, разработ. известн. педагогами. Ц. 1 р.
Можно покупать въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и складѣ изданій **Зелинскаго**: Москва, Патриаршіи пруды, д. Мировицкой. При выпискѣ книгъ на сумму менѣе рубля, прилагаются на пересылку каждой книги 10 к. Выписывающіе же на рубль и болѣе — на пересылку не прилагаютъ, кромѣ 10 к. на посылки съ налож. платежомъ.

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ
удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

КРАСКУ ДЛЯ ВОЛОСЪ

которая окрашиваетъ сѣдину отъ блондина до чернаго цвѣта.
Цѣна коробки 3 р., съ перес. 4 р. Получить можно у изобрѣтателя, гдѣ имѣются спеціальныя кабинеты для окраски волосъ; господъ выписывающихъ вновь мою краску покоряюсь просить высылать образцы волосъ съ ласкымъ объясненіемъ въ какой цвѣтъ желаютъ ихъ красить.
С.-Петербургъ, Большая Итальянская, противъ Пассажа, д. № 8, кварт. 17.
№ 5476 Александръ.

НАСТОЯЩЕ БЕЛОСПЕДЫ (ВѢТЬ)
ПЕРВОЕ МѢСТО
Ж. БЛОКЪ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1891 г., по показанному образцу, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

ВЫБОРЪ ИЗЯЩНЫХЪ ШЕЛКОВЫХЪ ТКАНЕЙ.
БАРХАТЪ И ПЛЮШЪ
въ розничномъ магазинѣ
С. Г. ШЕЛЕВЫХЪ
въ москвѣ.
ПАССАЖЪ СОЛОДОВНИКОВА, №№ 65, 66.
С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, Большая Суворовская линія, № 133. Ш. № 5416
Продажа безъ запроса. Образцы высылаются бесплатно.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА, ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:
СКРИПКИ въ 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дорожка.
СМЫЧКИ въ 50 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 3 р., 5 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р. и 60 р.
ФЛЕЙТЫ въ 2 р., 4 р., 6 р., 9 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 85 р., 120 р. и 160 р.
КЛАРНЕТЫ въ 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 35 р., 45 р., 60 р. и 75 р.
КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ въ 15 р., 22 р., 25 р., 35 р., 50 р., 60 р., 75 р., 85 р., 100 р., 135 р. и 200 р.

также всѣ другіе музыкальные инструменты, принадлежности къ нимъ и школы-самоучители.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.
По полученіи заказа приблизительно 1/2 стоимости заказа требуется высылается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЬ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА БЕРТЫ-РИСЪ.

- Личная помада „Pasta Eugenie“ 1 р. 60 к.
- Ручная помада для смягченія кожи рукъ. 1 „ 30 „
- Головная помада для волосъ. 2 „ — „
- „Трисогенъ“, жидкость для мытья головы. 2 „ — „
- „Эликсиръ Меланиъ“ для волосъ. 2 „ — „
- Бальзамъ изъ ирровыхъ цвѣтовъ, жидкии пудра. 1 „ 75 „
- Пудра 3-хъ цвѣтовъ: бѣлая, розовая и рашель для бржежетовъ, съ пуховкой. 1 „ 50 „
- безъ пуховки 1 „ 20 „
- Румяна „Eugenie“ 1 „ 50 „

ХИМИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА РИСЪ-ГУТМАНЪ.
Краска для волосъ 4-хъ цвѣтовъ: черная, коричневая, свѣтло- и темно-русая 3 р. — к.
Тонаскій бальзамъ отъ мозолей 60 „
Порошокъ противъ тиракановъ, моли и блохъ 1-20 и 1 „ 65 „
Жидкость противъ клоповъ 1 „ — „
Средство отъ крысъ и мышей: большая жестянка 1 „ 50 „
маленькая жестянка — „ 60 „
№ 5475 6-1
Можно получить во многихъ аптекахъ и косметич. магаз. Россіи.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ изъ жизни Туркестанскаго края **Н. Н. КАРАЗИНА**. Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисун. автора. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. колецк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ требов. прос. обрац. въ Контору журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, д. 6).

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ

для гг. иногородныхъ составлены слѣдующія коллєкціи:
въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.
и каждая коллєкція (даже 5 руб.) такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ. Коллєкціи въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодны для большихъ семействъ, школъ, приютовъ, базаровъ, собраній, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и проч.
Покоряюсь просить дать заказы на эти коллєкціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ и ихъ нельзя возобновить послѣ распродажи запаса, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новости, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.
№ 5453 6-3
Пересылаю наложеннымъ платежомъ. Иллюстр. прейсъ-курантъ перес. бесплатно.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20. А.

РУССКАЯ СТАРИНА

двадцать третій годъ изданія.
12 книгъ съ портр., цѣна 9 руб. съ перес.
Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1892 года будутъ, между прочимъ, напечатаны: Записки **А. Т. Болотова** 1796—1802 гг., добль-медика **Виліа. А. М. Тургенева**, — Дневникъ академика **А. В. Никитенко** (1869—1877 гг.), — Записки профессора **Н. В. Верга** († 1884 г.); — Записки ген.-отъ-инф. **А. А. Одинова**; **Н. В. Веригина**; **Штраудманна** (1769—1790 гг.); **кн. Нв. Горчакова**; **кн. Ливонія**; **М. Бестужева**; **Третьякова** (о московскомъ университетѣ); **П. Д. Шестакова** и **Н. М. Соколовнина** (о казанскомъ университетѣ); **Хржановскаго** и **Могнацкаго** (1831 г.); проф. **Ростиславова**; ректора академіи художествъ **Ф. И. Гордана**; почетн. члена академіи наукъ и воен.-медицинской **Н. Ф. Зедкауера**; **Н. И. Куликова** (о театрѣ), и мног. друг.; — Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка бывшаго проф.-сбора **В. А. Вильямова**. — Наслѣдованіе о царствованіи **Александра I, Н. К. Шильдера**, — проч.
№ 5472
Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1892 году принимается въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ **М. И. Семевскаго**—издателя-редактора „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.
Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1892 г. въ случаѣ, если подпишутся теперь же и не позже 1-го декабря, получаютъ **бесплатно** весьма интересную книгу: „Россія и Русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка, записки и воспоминанія графа Эрста Миниха“, изданію изданна въ 1891 г., Спб., въ 8 д., стр. 340, съ портретомъ автора. На пересылку этой книги подписчики прилагаютъ 35 коп. (пять почтовыхъ марокъ).

„ГИГИЕНА“ ПУДРА

роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ
ОСВѢЖАЮЩІЙ ОДЕКОЛОНЪ
высшаго достоинства
СТИРОВАЯ ЖИДКОСТЬ
благонивная,
для освѣженія комнаты.
ПРОДАЖА ВЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.
С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9. Ц. № 5407 11-6
Москва, Никольская, д. пр. Шереметова.

„РЕМИНГТОНА“

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость красота. Выведена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многоценныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3718
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.
№ 48

г. XXII
1891

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ съ 6—10 рис. въ каждомъ и ежемѣсячн. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и „ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЪКРОЕНЪ“ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к. Выданъ 30 ноября 1891 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1892 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВЪ“ принимаются за строку монпарейль (¼ шир. стран) въ Глав. Кон. Ред. по 1 руб. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 3 fr., для Аустр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 2 марки 50 pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 7 р.
. 10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВЪ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

Подписка на 1891 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями, Сборникомъ, Полн. собраніемъ сочин. М. Ю. Лермонтова, альбомомъ „Нивы“ и пр.

Видъ кремля въ г. Верхотурьѣ (Пермской губ.). Съ фот. Метенкова, грав. Флягель.

Розита.

Испанская быль XV вѣка.

Графа Е. А. Салиаса.

(Окончаніе).

VII.

На другой день послѣ ночнаго свиданія съ призракѣмъ, пугавшимъ рабочихъ, Хуанъ Аревало успокоилъ всѣхъ, поклонившись, что привидѣніе перестанетъ появляться среди лѣсовъ стройки. Вскорѣ призракъ исчезъ изъ суетвѣрныхъ головъ всѣхъ рабочихъ. Они забыли и думать о немъ. Но за то призракъ заполонилъ мысли и чувства самого зодчаго.

Теперь ежечасно—и днемъ на стройкѣ, и ночью во снѣ—Аревало былъ пресѣдуемъ этимъ призракомъ. Онъ твердо и искренно объяснился съ Розитой. Вѣдь онъ не лгалъ, когда говорилъ ей, что никогда въ жизни не былъ увлеченъ ни одною женщиною и считаетъ себя неспособнымъ любить.

Между тѣмъ тотчасъ послѣ этого объясненія онъ ощутилъ въ себѣ какое-то смущеніе, противорѣчіе между разумомъ и сердцемъ. Онъ уже спрашивалъ себя, точно-ли можетъ онъ посвятить всю свою жизнь одному искусству, принести въ жертву все своему дарованію и призванію.

Таинственное и роковое предсказаніе гитаны, о которомъ онъ повѣдалъ молодой дѣвушкѣ, теперь поневолѣ онъ желалъ объяснить такъ, какъ объясняла Розита. Дѣйствительно, почему же думать, что эта женщина должна погубить его, а не спасти?

Въ теченіе двухъ недѣль Аревало боролся самъ съ собой, и эта душевная смута отчасти мѣшала ему въ его занятіяхъ. Внутренняя борьба зодчаго съ любовникомъ окончилась однако полною побѣдой перваго

Аревало рѣшилъ, что онъ могъ бы любить Розиту, пожалуй даже уже теперь чувствуетъ къ ней какое-то новое, дотошъ незнакомое чувство, но онъ обязанъ пожертвовать дѣвушкой, принести ее въ жертву своему призванію художника.

Въ одинъ свободный отъ работъ, праздничный день Аревало отправился въ семью Талаверы. Онъ замѣтилъ въ Розитѣ большую перемѣну. Она слегка похудѣла лицомъ и взглядъ ея былъ не прежній—твердый и гордый, а грустный и кроткій. Она казалась чѣмъ-то надломленною или побѣжденною.

При встрѣчѣ съ нимъ она оживилась, лицо ея зарумянилось, красивые глаза блеснули, и въ нихъ почувался молодому человѣку вопросъ, страстный, жгучій...

Онъ понималъ, что она томилась за все это время и ждетъ окончательнаго рѣшенія своей судьбы. На мгновеніе и Аревало смутился, чувствовалъ и себя побѣжденнымъ, готовъ былъ сказать дѣвушкѣ совершенно противоположное тому, съ чѣмъ шелъ сюда къ нимъ въ домъ.

Онъ пробывъ вечеръ со всей семьей, но объясниться съ Розитой было невозможно. Однако дѣвушка выбрала мгновеніе и шепнула Аревало, что будетъ ждать его въ полночь на своемъ балконѣ.

Стародавній и коренной обычай всей Испаніи, по которому молодые люди, нареченные или просто влюбленные, болтаютъ по ночамъ, не могъ казаться Аревало чѣмъ-либо особеннымъ. Тысячи разъ видѣлъ онъ самъ на улицахъ многихъ городовъ такія ночныя парочки, бесѣдующія между собой до зари: она—на балконѣ, онъ—на улицѣ.

Но всегда, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, Аревало чувствовалъ, что самъ никогда не попадетъ въ такое положеніе, такъ какъ никогда никакая дѣвушка не заставитъ его придти подъ ея балконъ.

Но теперь предстоялъ выборъ: или Розита снова начнетъ приходить тайкомъ на стройку, чтобы горевать, и кто-либо изъ рабочихъ можетъ увидѣть ее, а

затѣмъ всѣ будутъ снова смущены суетвѣрно; или же онъ пойдетъ сейчасъ подъ ея балконъ объясниться.

Аревало рѣшился на второе и, побродивъ немного по улицамъ, около полуночи вернулся къ тому же дому, гдѣ провелъ вечеръ. Ночь, по счастью, была темна, насколько можетъ быть темна испанская ночь.

Аревало нашелъ Розиту, уже ожидавшую его на балконѣ. Въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ онъ, что остается при первомъ своемъ рѣшеніи, увѣренъ, что долженъ избѣгать женщинъ, такъ какъ объясняетъ предсказаніе гитаны по-своему, а не такъ, какъ хочетъ его объяснить Розита.

— Чтобы быть спасеннымъ женщиною, сказалъ онъ,— надо быть въ затруднительныхъ или горестныхъ обстоятельствахъ. Я до сихъ поръ не былъ въ таковыхъ, и если мнѣ удастся закончить предпріятіе, которымъ я занятъ теперь, то, надо думать, что жизнь моя устроится настолько хорошо, что мнѣ не нужно будетъ никакой спасительницы. Слѣдовательно, всякая женщина, которая можетъ возымѣть вліяніе на мою жизнь, будетъ имѣть только дурное — погубить меня. Я предлагаю вамъ мою братскую любовь, дружбу, но женою моею ни вы, ни другая никогда не будете.

Розита ничего не отвѣчала. Она стояла на балконѣ, опираясь на него и свѣсившись къ Аревало черезъ перила. Послѣ довольно долгаго молчанія она выговорила:

— Но вы общаете мнѣ все-таки изрѣдка бывать у насъ?

Аревало съ чувствомъ отвѣчалъ, что все зависитъ отъ самой Розиты.

— Съ той минуты, какъ мы рѣшимъ, что мы—просто друзья или братъ съ сестрой, я готовъ бывать у васъ всякій день. Я не буду опасаться васъ. Согласитесь стать этой сестрой...

— Я согласна! тихо и кротко шепнула Розита и прибавила:—до свиданія, до завтра!

VIII.

Дѣйствительно, со слѣдующаго дня Аревало началъ все чаще бывать у старика Талаверы. Его обращеніе со ввучкой было таково, что ни мать, ни дѣдъ не могли почестъ его *noviemo*, или женихомъ Розиты.

Жизнь Аревало нѣсколько измѣнилась. Онъ проводилъ весь день попрежнему надъ бурливымъ Тахо среди своего сооруженія, а каждый вечеръ—въ семьѣ новыхъ друзей, гдѣ всѣ любили его. Если бы онъ былъ теперь не только женихомъ Розиты, но даже ея мужемъ, то врядъ-ли отношенія къ нему ея матери, или дѣда, даже мальчугана, были бы сердечнѣе.

Зодчій былъ въ семьѣ Талаверы сыномъ, братомъ, внукомъ. Онъ такъ сжился и свылся со всей семьей, что врядъ-ли могъ бы теперь обойтись безъ нея. Сердце его, всѣ мысли, принадлежали теперь и предпріятію, и молодой дѣвушкѣ. Мостъ и Розита раздѣлили поровну его душу.

Чувство его къ Розитѣ было много сильнѣе того, что носитъ названіе любви. Это не было страстью: это было чувство тихое, безмятежное, но глубоко внядрившееся во все его существо. Аревало называлъ его дружбой, но обманывалъ самого себя.

Простой случай надоумилъ его, а равно и смутилъ. Онъ узналъ, что Розита рѣшается на роковой шагъ. Однажды ввечеру къ молодому человѣку явился въ гости старикъ Талавера и имѣлъ такой смущенный видъ, что Аревало стало сразу понятно, съ какой цѣлю является къ нему дѣдъ его возлюбленной.

Молодой зодчий не ошибся. Талавера тотчас же начал свое объяснение с нимъ и сдѣлалъ длинное предисловіе объ качествахъ своей внучки, а затѣмъ, запинаясь, спросилъ у Аревало, какія чувства питаетъ онъ къ Розитѣ.

Аревало высказался ясно, искренно и горячо.

— Если есть на свѣтѣ дѣвушка, кончилъ онъ, — съ которой бы я рѣшился — вопреки предсказаніямъ гитаны — соединить навѣки свою судьбу, то, конечно, это — Розита. Но я боюсь... Сказано даже въ Евангеліи: „не зарывай въ землю свой талантъ, данный свыше. Загни свѣточъ свой такъ, чтобъ всѣ видѣли его, а не укрывай его!“ Я увѣренъ, что бракъ и связь съ женщиной заглушитъ мой даръ, и мое земное существованіе станетъ ничтожнымъ прозябаніемъ. У художника не должно быть семьи и всяческихъ заботъ, низменныхъ, будничныхъ.

Талавера тонко намекнулъ зодчему, что у внучки будетъ большое приданое, при которомъ можно существовать беззаботно. Половину всего своего большаго состоянія старикъ предполагалъ тотчасъ передать внучкѣ.

— Чтѣ деньги! воскликнулъ Аревало. — Это прахъ. А славы никакія деньги не дадутъ.

Талавера сильно опечалился и наконецъ объяснилъ молодому человѣку, что рѣшился на необычный и почти неблагопристойный шагъ — явиться сватомъ внучки — по той причинѣ, что Розита рѣшила немедленно постричься въ монастырь.

— Миръ безъ донъ-Хуана Аревало ей посылъ, сказали старикъ со слезами на глазахъ. — И мы теперь должны заживо похоронить нашу бѣдную дѣвочку.

Аревало былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ.

Когда старикъ ушелъ отъ него, онъ всю ночь не смыкалъ глазъ и сирашивалъ себя:

Почему не хочетъ онъ Розиты въ подруги жизни и въ то же время не хочетъ, чтобъ она стала монахиней? Откуда же эта фѣдка боль на сердцѣ при мысли, что Розита покинетъ суету міра изъ любви къ нему?

Однако размысленія Аревало не привели ни къ чему.

На утро онъ объяснился съ Розитой и сталъ просить ее отложить свое намѣреніе до окончанія его сооруженія.

— Когда я кончу мостъ и долженъ буду уѣхать изъ Толедо куда-либо въ другой городъ искать работы, вы можете поступить въ монастырь.

— Я такъ и предполагала, спокойно отозвалась Розита. — Я даже рѣшила постричься именно въ тотъ день, когда будетъ открытіе вашего чуднаго сооруженія.

IX.

Прошло еще три мѣсяца. Сооруженіе Аревало близилось къ концу. Оставалось всего около сажени кладки, чтобы вывести самый центръ высокой арки.

Однажды, бродя по лѣсамъ, Аревало пришло на умъ взглянуть на свою постройку издали, съ рѣки. Въ тотъ же вечеръ онъ взялъ лодку и отправился полюбоваться своимъ сооруженіемъ.

Аревало съ трудомъ, по милости быстрого теченія, проѣхалъ раза два подъ лѣсами и затѣмъ вернулся домой нѣсколько смущенный.

На другой день, ранѣеонько на зарѣ, прежде чѣмъ собрались еще рабочіе, онъ былъ на стройкѣ, внимательно и пристально оглядывалъ все сооруженіе и тщательно измѣрилъ его во всѣхъ направленіяхъ. Онъ, казалось, чуть не ощупывалъ каждую отдѣльную гранитную плиту.

Когда всѣ рабочіе сошлись, онъ отправился домой, схватилъ свои планы и чертежи и взволнованный за-сѣлъ за работу.

Онъ началъ чертить вновь, потомъ припалъ за вычисленіе, послѣ чего болѣе часу просидѣлъ неподвижно надъ столомъ, положивъ голову на руки. Затѣмъ, около вечерни, онъ быстро поднялся и бросился изъ дому. Онъ пошелъ по улицамъ города, какъ если бы спѣшилъ по крайне важному и срочному дѣлу, а между тѣмъ онъ шелъ въ соборъ.

Войдя подъ высокіе темные своды, онъ остановился въ какой-то нерѣшительности, будто въ недоумѣніи, будто удивился, что очутился въ соборѣ.

„Молитесь! будто шепталъ ему чей-то голосъ. — Поздно!.. Ты прежде этого не дѣлалъ! Да и какъ молить Бога о чудѣ?.. Вѣдь это было бы чудо... А ихъ на свѣтѣ не бываетъ... А если бываетъ?.. Нѣтъ!..“

Аревало сталъ тихо бродить по всему собору. Народу было не много; только кое-гдѣ въ капилляхъ виднѣлись черныя женскія фигуры на колѣняхъ передъ престолами, нѣсколько нищихъ толпилось у выхода. нѣсколько монаховъ и капуциновъ ждали чего-то у главнаго алтаря.

Аревало вспомнилъ о своей первой встрѣчѣ съ Розитой въ томъ придѣлѣ, который она называла *своимъ* и въ которомъ съ тѣхъ поръ онъ не бывалъ по обѣщанію данному ей.

Онъ быстро направился теперь прямо къ эту капиллю. Ему захотѣлось просто очутиться въ ней. Быть-можетъ тамъ, въ ея капилли, у него станетъ тише на душѣ, быть-можетъ явится увѣренность, быть-можетъ все окажется простымъ недоразумѣніемъ, все прояснится.

Аревало нашелъ придѣлъ пустымъ; приблизился къ самому престолу и опустился на колѣни предъ ступеньками. По его склоненной головѣ, скрещеннымъ рукамъ, онъ казался человѣкомъ горячо молящимся: но въ дѣйствительности это былъ челоуѣкъ только пораженный чѣмъ-то страшнымъ, неожиданнымъ и роковымъ.

Аревало настолько погрузился въ тяжелыя думы, что даже не замѣтилъ, какъ рядомъ съ нимъ опустилась на колѣни женщина. Онъ очнулся только тогда, когда рука ея тихо коснулась его плеча. Онъ поднялъ голову и въ складкахъ кружева мантильи сразу узналъ строгое лицо Розиты.

— Клятвopеступникъ! тихо и кротко произнесла дѣвушка улыбаясь. — Затѣмъ вы здѣсь?

— Розита! воскликнулъ Аревало. — Слава Богу, что онъ привелъ васъ сюда. Я погибаю!.. Предъ вами осужденный на смерть. Черезъ недѣлю, двѣ, я долженъ покинуть этотъ міръ.

Дѣвушка поблѣднѣла, схватила его за руку и выговорила твердо:

— Я этого никогда не допущу! Говорите, въ чемъ дѣло?

— Ошибка, Розита. Роковая ошибка!.. Я не понимаю, гдѣ былъ мой разумъ при началѣ сооруженія... Быть-можетъ онъ былъ въ домѣ старика Талаверы! Да, быть-можетъ я слишкомъ былъ плѣненъ вами, слишкомъ много поневолѣ думалъ о васъ. Впрочемъ, нѣтъ! Я дѣлалъ мои вычисленія, когда еще не зналъ васъ... Тогда, стало-быть, предсказаніе гитаны оправдывается... Одна близость съ вами, даже простыя дружескія отношенія — и тѣ должны погубить меня. Мое сооруженіе, которое должно было увѣковѣчить мое имя, теперь сдѣлается причиной моей гибели — смерти. Моя арабская арка, какъ только снимутъ лѣса, рухнетъ въ волны Тахо. Ошибка, безмысленная, дѣтская ошибка! Я теперь уже ясно вижу, насколько груба эта ошибка. Такая арка не можетъ простоять и двухъ часовъ... А между тѣмъ ошибка непоправима теперь, ибо сдѣлана давно. Тому назадъ мѣсяца два я могъ

Литературный альбомъ. „Бѣглець“. Горская легенда Лермонтова.
Ориг. рис. перомъ (собств. „Нивы“) Табурина, грав. fac-simile Ольшевскій.

Каналъ близъ Роттердама (Голландія). Съ карт. Мальхуса, грав. Квезингъ.

еще исправить ее, когда были готовы лишь два береговых устоя, но теперь... поздно!

Аревало замолчало. Розита держала его руку и крепко стиснула ее, сама того не сознавая. Она стояла на колѣняхъ, сгорбившись, глядя въ землю. Лицо ея было страшно блѣдно и изрѣдка подергивалось какъ бы легкой судорогой.

При малѣйшемъ движеніи молодаго человѣка Розита сильно стискивала его руку, какъ бы боясь, что онъ ускользнетъ отъ нея.

— Увѣрены-ли вы въ томъ, что вы ошиблись? выговорила она наконецъ.

— Да, увь! Это ясно, какъ день, и я знаю въ чемъ ошибка.

— Но увѣрены-ли вы въ томъ, что начавъ сооруженіе съизнова, вы не впадете въ ту же ошибку снова... или въ иную, тоже роковую?..

— Никогда! Я могъ бы даже доказать это вамъ, если бы вы захотѣли.

— Докажите! Сегодня въ девять часовъ вечера я буду у васъ и вы покажете мнѣ все то, на основаніи чего вы принялись за ваше предпріятіе.

— У меня?! Подумайте, Розита, если васъ увидитъ кто?

— Никто не увидитъ! Если увидитъ, никто не узнаетъ. Да и дѣло это слишкомъ важное, чтобы стѣсняться пустяками. Мнѣ все равно... Ждите меня въ девять часовъ.

Х.

И въ тотъ же вечеръ, въ назначенный часъ, женщина, тщательно укутанная въ черную мантилью, изъ кружевъ которой виднѣлись только два странно горящихъ глаза, мелькнула около домика занимаемаго зодчимъ и исчезла въ дверяхъ его. Никто не видѣлъ ее.

Долго, подробно и насколько могъ проще объяснял Аревало своему другу все касающееся до его сооруженія.

Молодая дѣвушка, нервно, лихорадочно прислушивавшаяся ко всему и вникавшая во все, не поняла ни слова изъ всѣхъ подробностей, а между тѣмъ главное она поняла... Она не разумомъ, а, казалось, сердцемъ сообразила въ чемъ была ошибка зодчаго.

Глядя на старые чертежи моста и сравнивая его съ чертежемъ уже почти оконченнаго моста, Розита ясно увидѣла, почувствовала и повѣрила... Ошибка есть! Исправленъе просто!

— Да, если бы мостъ былъ вотъ такой, а не такой, сказала Розита, — то я глубоко чувствую, что онъ бы существовалъ вѣки-вѣчные. А этотъ мостъ, эта арка? Опять-таки сердце мнѣ говоритъ—она не можетъ держаться въ воздухѣ. Вамъ говоритъ это вашъ умъ, ваши цифры, а я чувствую это вотъ здѣсь, показала она на сердце. — Я понимать не могу, но чувствую, что вотъ эта часть упирается вотъ въ эту, что онѣ будто набросились другъ на друга, схватились и держать другъ друга въ воздухѣ. А въ этомъ рисункѣ я этого не вижу. Я вѣрю глубоко, что если бы вы могли разрушить это сооруженіе и начать все съизнова, то черезъ три-четыре мѣсяца, хотя бы черезъ полгода, вы создадите мостъ, который останется въ Толедо на вѣчныя времена. Неужели вы не можете разобрать всю середину моста и начать съизнова?

— Нѣтъ, Розита, это невысказано. Архіепископъ, узнавъ, что я раздѣляю то что сдѣлалъ, усомнится, предпріятіе будетъ отъ меня отнято. Онъ предпочтетъ сохранить матеріалъ и ждать, вызывая снова другихъ строителей. Кто же повѣритъ, что я могу соорудить то, за что взялся, когда за двѣ недѣли до окончанія я раздѣляю почти все, что сдѣлано, чтобы начать съизнова? Кто же поручится, что начавъ вновь, я не

кончу тѣмъ же — новою разборкой? Нѣтъ, это невысказано! Я долженъ кончать то, что существовать не можетъ, и въ день открытія заплатить моею жизнью. Но это — послѣднее дѣло! Мнѣ жизнь не дорога. А позоръ... вотъ что ужасно! Безчестіе!.. Если не навѣки, то надолго Толедо будетъ знать, вспоминать, какъ Хуанъ Аревало строилъ мостъ и погибъ вмѣстѣ съ нимъ въ волнахъ Тахо. Видно такова моя судьба, злая судьба!

— Да, выговорила вдругъ Розита.—Я вѣрю теперь, что я принесла вамъ несчастіе. Я, быть-можетъ, та женщина, про которую вамъ было предсказано. Даже дружеское чувство ваше ко мнѣ оказалось погубительно для васъ! Не познакомся мы, быть-можетъ вы не сдѣлали бы этой ошибки! Да, я противъ воли погубила васъ.

Аревало былъ слишкомъ искренній и правдивый человѣкъ, чтобы противорѣчить теперь дѣвушкамъ. Онъ самъ, какъ истый испанецъ, вѣрилъ теперь, что сближеніе съ Розитой повліяло на неудачу.

Молодые люди разстались предъ полночью. Аревало проводилъ дѣвушку почти до ея дома по пустыннымъ улицамъ давно спящаго города.

Всю дорогу они не произнесли ни слова. Она шла, опустивъ голову, скрестивъ руки съ мантилей на груди, тщательно укрываясь изъ боязни встрѣтить кого-либо.

Аревало шелъ рядомъ съ ней, нахлобучивъ свой большой сомбреро на голову и перекинувъ плащъ черезъ плечо, тоже тщательно закрывъ себя все лицо.

Когда они были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома Розиты, она остановилась на углу, въ тѣни, бросаемаго большимъ сосѣднимъ домомъ. Она стала передъ нимъ и нѣсколько мгновеній стояла не двигаясь и не говоря ни слова.

— Что вы? невольно произнесъ наконецъ Аревало, видя во всей фигурѣ дѣвушки что-то загадочное. — Пора, поздно...

— Намъ надо проститься... Проститься навсегда!.. выговорила Розита черезъ силу и дрогнувшимъ голосомъ.—Мы болѣе не увидимся... Завтра утромъ я навсегда покину суету этого грѣшнаго міра.

— Но вы хотѣли отложить до открытія моста! перебилъ онъ.

— Да, но вѣдь это открытіе будетъ вашей погубительно... Зачѣмъ же ждать? Я не хочу!.. Завтра утромъ все рѣшится...

Аревало не отвѣчалъ ни слова.

— Итакъ, надо проститься... понимаете?.. Проститься навсегда! Я хочу послѣдній разъ... Розита запнулась, помолчала.—Вы должны послѣдній разъ, снова черезъ силу выговорила она,—вы должны... я прошу васъ... поцѣловать меня...

— Розита!! вырвалось страстнымъ крикомъ у Аревало.

Но въ тотъ же мигъ дѣвушка обвила его руками и страстно прильнула губами къ его лицу. Черезъ нѣсколько мгновеній она какъ бы черезъ силу оторвалась отъ него, зарыдала и исчезла за угломъ.

Аревало двинулся за ней, и видѣлъ какъ она мелькнула и исчезла въ калиткѣ небольшого садика своего дома.

— Ужасно! воскликнулъ Аревало. — Какая судьба! И ея, и моя!

И вдругъ, здѣсь ему ясно вспомнилось, что въ тѣ дни, въ которые онъ будто тайкомъ отъ себя самого признавался себѣ, что готовъ бы былъ соединить судьбу свою съ этою женщиной и на всю жизнь называть ее подругой,—въ эти самые дни и произошла грубая ошибка въ сооруженіи.

— Да, гитана права! Женщина погубила меня!

XI.

На утро Аревало снова был на стройке. Рабочие весело и болтливо занимались своим делом. Всех оживляла мысль, что скоро конец сооружению.

Старый Гомес горделиво и самодовольно прохаживался повсюду. Ему мерещилось, что частица славы зодчего Хуана Аревало будет принадлежать и ему — Гомесу. Он все-таки, если не собственноручно, то собственными глазами клал здесь каждый камень, следи за руками рабочих.

Один Аревало, ссылаясь на болѣзненное состояние, сидѣлъ все время, обхвативъ большую балку рукой и прижавшись къ ней. И въ головѣ его, не переставая, будто билась и трепетала одна и та же мысль.

„Скоро, скоро все это рухнетъ въ волны Тахо вмѣстѣ со мной...“

Затѣмъ, отбросивъ тяжелую думу о себѣ, Аревало воображалъ себѣ, какъ въ эти минуты Розита, уже находящаяся, вѣроятно, въ монастырѣ, готовится къ постриженію.

Она точно такъ же умретъ для міра, какъ и онъ умретъ. Онъ погибнетъ въ волнахъ быстрой рѣки, она затеряется въ тиши и покоѣ монастырскихъ стѣнъ. Оба они равно уйдутъ изъ міра людей, суеты и горя.

Однако вечеромъ, дома, Аревало взялся снова за свои вычисления и планы. Ему какъ-бы все не вѣрилось. Но затѣмъ тотчасъ-же бросилъ все, даже разорвалъ въ клочья главный листъ съ цифрами и, не раздѣваясь, легъ на постель.

Онъ зналъ, что въ такомъ душевномъ состояніи, въ какомъ онъ находился, сонъ къ человѣку не приходитъ, но лежать въ постели съ закрытыми глазами казалось легче, нежели сидѣть при свѣтѣ огня около всего, что напоминаетъ роковую неудачу.

Много-ли прошло времени, что онъ лежалъ въ постели, онъ даже не зналъ, когда въ маленькомъ домикѣ его раздавался шумъ, слышались голоса. Кто-то стучалъ, кто-то звалъ его по имени.

Черезъ силу, лѣнливо поднялся онъ и тихо двинулся. Казалось, что для этого человѣка все что можетъ случиться въ этомъ мірѣ, хотя-бы его послѣдній день и свѣтопреставленіе—все было безразлично.

Онъ отворилъ дверь, вышелъ въ коридоръ и за наружной дверью услышалъ голосъ Гомеса:

— Сеньоръ, отворите! Сеньоръ! Все погибло!

Аревало отомкнулъ замокъ. Гомесъ съ отчаяніемъ на лицѣ бросился къ нему, схватилъ его руками за плечи и, потрясая, воскликнулъ съ рыданіемъ:

— Погибло! Погибло! Все рухнуло!

— Что?! воскликнулъ Аревало.

— Врагъ, тайный врагъ! Или нечистая сила! Или Божье наказаніе!.. Ничего нѣту... Лѣса и центральная часть моста!.. Нѣту!.. Все исчезло въ Тахо.

Аревало въ свой чередъ схватился за Гомеса судорожно стиснутыми руками и вскрикнулъ:

— Отчего? Я не пойму! Говорите...

— Пожаръ!.. Кто-то поджегъ... Лѣса вспыхнули, какъ порохъ... Мы дали знать... я прибѣжалъ тотчасъ, нашелъ лишь море огня, раскаленные до-бѣла балки... Правый устой моста далъ трещину отъ жара и когда лѣса сгорѣли, вся центральная часть рухнула въ Тахо.

Аревало, пораженный какъ громомъ, прислонился спиной къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

— Спасенъ! бормоталъ онъ вслухъ. — Но какъ? Что это? Кто? Враги явились спасителями.

Очнувшись, онъ бросился изъ дому и вмѣстѣ съ Гомесомъ бѣгомъ пустился къ берегамъ Тахо.

Страшная толпа народа заливала весь берегъ. Всѣ толеданцы поднялись и прибѣжали.

Весь городъ уже зналъ, что тайный врагъ зодчего донъ-Аревало, вѣроятно завистникъ его славы, поджегъ лѣса. Раскаленное давно горячимъ испанскимъ солнцемъ, все вспыхнуло въ одинъ мигъ какъ порохъ и сгорѣло въ одинъ часъ времени.

Отъ страшной жары сырое сооруженіе конечно дало трещину, да къ тому-же середина была еще не выведена,—и громадная масса камней рухнула въ Тахо вслѣдъ за лѣсами.

Много усилий понадобилось Аревало, чтобы сдерживать свою радость, свое счастье при народѣ, а затѣмъ при архіепископѣ. Онъ зналъ, что второй мостъ увѣковѣчитъ его имя.

Едва только наступило утро, Аревало бросился въ тотъ кварталъ, гдѣ былъ домъ Талаверы. Ему не терпѣлось узнать что-либо о Розитѣ, и если она еще не въ монастырѣ, сказать, что спасенъ чудомъ. Онъ не имѣлъ враговъ въ Толедо, а между тѣмъ Господь послалъ ему врага-благодѣтеля. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что былъ совершенъ умышленный поджогъ.

Въ домѣ Талаверы не оказалось никого. Женщина, нянька мальчика, объяснила Аревало, что господа съ утра отлучились, такъ какъ въ домѣ несчастье.

— Молодой сеньорини никто не видалъ съ вечера и неизвѣстно, гдѣ и что она...

Аревало сразу догадался, смутно понялъ все и почувствовалъ второй ударъ въ сердце, но уже иной чѣмъ при извѣстии о разрушеніи моста. Онъ не успѣлъ еще вполне уразумѣть все ужасное значеніе словъ женщины, какъ кто-то бросился къ нему съ крикомъ.

Онъ обернулся и увидѣлъ старика Талаверу, блѣднаго, съ искаженнымъ лицомъ.

— Ея нѣту! Она лишила себя жизни! воскликнулъ онъ рыдая.—Она исчезла!.. Она оставила записку, что ей жизнь въ тягость и что она покончитъ съ собой!

XII.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. И дѣдъ, и мать Розиты упорно продолжали искать ее повсюду, но конечно тщетно. Дѣвушка исчезла съ лица земли. Говорили, что она утопилась въ бурномъ Тахо. А злобный и коварный потокъ всегда пожиралъ бесслѣдно свои жертвы и ни разу еще не возвратилъ ни одного тѣла.

И только одинъ человѣкъ во всемъ Толедо зналъ какъ погибла Розита... Она исполнила предсказаніе гитаны, что женщина будетъ имѣть роковое вліяніе на всю жизнь Аревало: или погубить его, или спасти...

Въ началѣ зимы въ Толедо былъ всенародный праздникъ. Не только всѣ жители города, но и поселяне со всѣхъ окрестностей тучей собрались на празднество открытія моста.

Въ присутствіи архіепископа Ильдефонсо и всѣхъ властей лѣса были разрушены. Все, заранѣе подготовленное, эффектно рухнуло въ волны и было унесено быстрое теченіемъ Тахо. И красивая, легкая, граціозная арабская арка соединила два берега, соединила Тахо съ половиной Испаніи.

Вскорѣ послѣ торжества сразу прославившійся строитель моста захотѣлъ изъавить свою совѣсть и память отъ тяжкаго воспоминанія. Онъ правдиво повѣдалъ архіепископу все горестное приключеніе при сооруженіи моста.

Прошли вѣка... Сооруженіе Хуана Аревало красуется все на томъ же мѣстѣ, почитается однимъ изъ лучшихъ украшеній Толедо. Имя славнаго зодчего и черезъ нѣсколько вѣковъ уцѣлѣло въ памяти каждаго толеданца. Но кто такая была Розита, и какъ она исчезла изъ міра—знаютъ даже и дѣти толеданцевъ!

Тяжелая расплата.

В. Теплова.

(Продолжение).

Все янычары получали определенное жалованье, наименьший размер которого для простого рядового равнялся сначала одному аспру в день. Сто двадцать аспров составляли пиастр. Цѣнность пиастра изменялась постоянно; начиная с половины XVIII столѣтія, три пиастра составляли червонецъ, до этого же времени цѣнность его была на 25% выше ¹⁾. Сл. каждымъ годомъ службы, или въ награду за какой-либо подвигъ, солдатское жалованье увеличивалось. Однако, оно не могло ни въ какомъ случаѣ превышать семи аспровъ вѣ день. Високоудетвиіи размеръ жалованья былъ значительно увеличенъ. Сдѣлавшіеся отъ старости или по другой причинѣ неспособными къ дѣйствительной службѣ зачислялись въ ветераны (*отуракъ*) и получали отъ 8 до 20 аспровъ вѣ день подъ условіемъ ежедневно возносить молитвы о благоудетвиіи государя и отечества. Наконецъ инвалиды получали отъ 30 до 120 аспровъ вѣ день, т. е. столько же, сколько ода-башни, жалованье котораго было определено въ 120 аспровъ или въ одинъ пиастръ вѣ день.

Янычарскій ага получалъ сначала по 500 аспровъ вѣ день, пользоваеь, кромѣ того, доходомъ съ принадлежащаго ему должности лена въ размѣрѣ 30,000 аспровъ ²⁾, что составляло около 750 червонцевъ вѣ годъ, а подъ конецъ жалованье аги было 24,000 пиастровъ за каждую четверть года. Но главный доходъ его былъ отъ продажи офицерскихъ должностей, тѣмъ болѣе, что существовало обыкновеніе по истеченіи каждаго года вторично закрѣплять за собою ту или другую должность, за что агѣ подносилась извѣстная сумма денегъ, называвшаяся *джаназ*. Собираемыя имъ по этому случаю деньги составляли, напр., въ концѣ прошлаго столѣтія около двухсотъ тысячъ пиастровъ вѣ годъ—треть этой суммы ага уступалъ кулъ-кехабъ. Кромѣ того, ага, подобно прочимъ начальникамъ орты, пользовался и насчетъ жалованья солдатъ. Каждый аспръ жалованья, причитающагося солдатѣ, составлялъ за четверть луннаго года 8 $\frac{1}{2}$ аспровъ; съ этой суммы удерживалось $\frac{3}{4}$ аспра вѣ пользу аги, $\frac{2}{4}$ —вѣ пользу начальника орты и $\frac{1}{4}$ —вѣ пользу разныхъ должностныхъ лицъ, что въ общемъ составляло 12% вычетовъ въ ущербъ солдатѣ. Наконецъ, ага и начальники орты пользовались правомъ наследованія послѣ офицеровъ и солдатъ, умрившихъ безъ законныхъ наследниковъ, что и понятно было при первоначальному устройству янычарскаго войска, набравшагося изъ рабовъ, и что еще болѣе увеличивало сходство оджака съ монашескимъ орденомъ. Въ случаѣ, если оказывались законные наследники, то съ суммы наследства взималось 10%, изъ которыхъ $\frac{1}{3}$ вѣ пользу аги, $\frac{1}{3}$ —начальника орты и $\frac{1}{3}$ —казначея (*бейтуль милдж*), вѣдавшаго наследственные дѣла.

Жалованье сейменъ-башни и кулъ-кеханъ было по 8,000 пиастровъ за четверть года, загарджи-башни по 4,000 пиастровъ, самсунджи-башни и турнаджи-башни по 2,000 пиастровъ за то же время года и, кромѣ того, три послѣднихъ сановника пользовались, начиная съ 1773 года, столовыми по 6,000 пиастровъ вѣ годъ.

Все чорбаджи-башни (начальники орты) назначались по личному выбору аги, который продавалъ эту должность обыкновенно одному изъ ода-башни за пять или за шесть тысячъ пиастровъ. Жалованье чорбаджи-башни было ничтожно, но, впервыхъ, должность эта открывала доступъ къ высшимъ степенямъ янычарскаго войска, а, во-вторыхъ, съ нею были также сопряжены значительные доходы, такъ какъ въ силу системы общей продажности, чорбаджи-башни возмѣщали себѣ съ лихвою уплаченный агѣ деньги, продавая сами уже отъ себя разнымъ низшимъ должностямъ.

Помимо всего этого, доходъ янычарскихъ начальниковъ былъ основанъ еще на другомъ крупномъ злоупотребленіи, а именно: жалованье уплачивалось казно по полному комплекту орты, тогда какъ въ дѣйствительности солдатъ въ ортѣ бывало гораздо менѣе, и разница шла въ карманъ офицеровъ, причѣмъ эти послѣдніе вообще старались тщательно скрывать смерть солдатъ на войнѣ или инвалидовъ въ мирное время.

Жалованье раздавалось три раза вѣ годъ, и въ концѣ XVII столѣтія общая сумма его составляла около 36 милліоновъ франковъ ³⁾.

Кромѣ обычнаго жалованья янычары, подобно римскимъ преторианцамъ, получали при воцареніи каждаго новаго султана особый подарокъ, такъ называемый *джанузъ ахчеси*, составлявшій обыкновенно по 3,000 аспровъ на человѣка, что бывало иногда крайне отягчительно для цугаго государственнаго сундука Турціи; такой порядокъ продолжался вплоть до царствованія султана Абдуль-Хамида I. Первый султанъ, сдѣлавшій такіе подарки, былъ Баязидъ II, который вынужденъ былъ ихъ раздать въ 1481 г., чтобы смирить бунтъ янычаровъ, возмущившихся при извѣстіи о смерти Баязида отца, Маго-

мета II. Первоначально янычары получали по 2,000, а затѣмъ уже по 3,000 аспровъ на человѣка, что составляло на каждаго по 25 пиастровъ (отъ 8 до 10 червонцевъ); ветераны получали половину этой суммы. Военные, какъ иѣхотные, такъ и кавалеристы, не принадлежавшіе къ янычарскому войску, получали каждый по 1,000 аспровъ. Раздача этихъ подарковъ, общая сумма которыхъ составляла въ большинствѣ случаевъ около двухъ милліоновъ пиастровъ, происходила въ самомъ дворцѣ, съ большимъ церемоніями и въ присутствіи совета высшихъ государственныхъ сановниковъ.

Напрасно многіе султаны, и въ особенности Селимъ II, желали избавить казну отъ подобнаго налога, столь же унижтельнаго, какъ и тяжелаго для казначейства. Солдаты нагло замѣчали имъ: „чтобы добраться до трона принцы Османова рода должны пройти подъ янычарскими мечами“. Абдуль-Хамидъ былъ первый, который, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, сумѣлъ избѣгнуть необходимости осыпать войска щедрыми подарками: при его воцареніи, въ 1774 г., янычары были заняты несчастною для нихъ войною съ русскими, а государственная казна была истощена совершенно. Все преемники Абдуль-Хамида послѣдовали его примѣру, и обычай джунузъ ахчеси уничтожился самъ собою.

Первоначально янычарамъ было запрещено вступать въ бракъ, и женщины не имѣли даже права приближаться къ ихъ казармамъ. Султаны уждались въ людяхъ исключительно имъ преданныхъ, которыхъ ни домашній очагъ, ни забота о женѣ и дѣтяхъ не отвлекали бы отъ единственнаго интереса, долженствованнаго наполнять все ихъ существованіе— интереса султана. Но уже при Салиманѣ сначала менѣе способнымъ къ дѣйствительной службѣ или расположеннымъ на границахъ имперіи, а потомъ постепенно и всеѣмъ янычарамъ было дозволено жениться.

По мѣрѣ того, какъ ослаблялись старые уставы, янычары начали находить казарменную жизнь слишкомъ тяжелою, и между ними стало появляться все болѣе и болѣе женатыхъ, такъ что къ концу XVI вѣка семейный элементъ уже преобладаетъ въ средѣ дѣтей Хаджи-Бекташа. Жизненные потребности ихъ и ихъ семействъ не могли болѣе покрываться изъ казеннаго жалованья и, чтобы добыть средства къ жизни, они принуждены были обратиться къ занятию ремеслами и разнымъ промыслами: большинство булочниковъ, башмачниковъ, лодочниковъ были занесены въ списки янычаръ. Это обстоятельство объясняетъ тѣсную связь, существовавшую между янычарами и низшими классами столичнаго населенія.

Янычары, представляя постоянное войско, составленное изъ воиновъ опытныхъ, храбрыхъ до безумія и сдерживаемыхъ желѣзною дисциплиною, были безъ всякаго сомнѣнія лучшею частью турецкихъ военныхъ силъ, и съ перваго періода своего существованія выказали свое превосходство надъ толпами феодалныхъ ополченій, противопоставившихъ тогдашнему Европою ихъ ничѣмъ непреоборимому натиску. Непоколебимою стойкостью своихъ тѣсно сомкнутыхъ рядовъ янычары легко одерживали верхъ надъ блестящею конницею союзныхъ христіанскихъ государей. Поля Коссова, Никополя, Варны, Могача были свидѣтелями блистательныхъ побѣдъ созданнаго Орханомъ „новаго войска“; равнины Египта точно также видѣли разгромъ янычарами мамлюжеской кавалеріи, считавшейся дотолѣ неодолимой. Что въ особенности отличало полчища янычаръ, не говоря уже объ ихъ отчаянномъ мужествѣ, это господствовавшая между ними духъ братства, взаимной поддержки, соединенной съ рыцарскою вѣрностью рядовану обѣщанію и съ чувствомъ неограниченной благодарности за когда-либо оказанную имъ услугу. Такъ, несмотря на весь свойственный имъ фанатизмъ, нѣрѣдко бывали случаи, что во времена преслѣдованія христіанъ, янычары жертвовали всеѣмъ, чтобы спасти тѣхъ изъ опальныхъ христіанъ, съ которыми ихъ связывали прежнія узы дружбы или благодарности.

До половины XVI столѣтія янычарское войско представляло дѣйствительно блестящую и неодолимую силу: набираемые до тѣхъ поръ изъ молодыхъ невольниковъ-христіанъ, оторванные отъ родины и родныхъ, не имѣли никакой собственности, янычары смотрѣли на султана какъ на своего отца, а на свой оджакъ—какъ на свою родину, какъ на иѣчто воюющающее въ себѣ все для нихъ дорогое. Безавѣстное мужество и глубокая ихъ преданность государю дѣлали ихъ непобѣдимыми.

Справедливость требуетъ также замѣтить, что и съ точки зрѣнія внутренней политки янычары, составлявшие одну могущественную корпорацію, многочисленныя развѣтвленія которой распространялись по всеѣмъ областямъ имперіи, будучи проникнуты однимъ духомъ, сильными своею сплоченностью и направляемые своими начальниками въ смыслѣ древнихъ традицій, были—даже и во времена своего упадка—однимъ изъ лучшихъ залоговъ дѣлности Оттоманской имперіи противъ мя-

¹⁾ Histoire de l'empire ottoman, par Hammer. XVI, 281.

²⁾ Aus der Türk- und Jesuitenzeit vor und nach dem Jahre 1600, von Libloy. 25.

³⁾ Histoire de l'empire ottoman, par le baron Juchereau de St.-Denys. 342.

Любимцы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, грав. Шюблеръ.

тежных попыток наших, управителей отдельных, почти самостоятельных провинций.

Съ конца XVI вѣка начинается у янычаръ поворотъ къ худшему. Европа пошла, что янычары могутъ побѣдить лишь пѣхотный войска, постоянный, регулярный и такъ же, какъ они, хорошо дисциплинированный; она подготовила такимъ образомъ силы, способныя уже на одинакихъ условіяхъ бороться съ янычарскими. Результатомъ было нѣсколько побѣдъ христіанъ и разрушеніе мѣнѣя, и правнаго такую важную роль въ нравственномъ отношеніи, о невозможности будто бы ослѣпить этихъ лучшихъ воиновъ ислама. Но кромѣ этой причины, такъ сказать, внѣшней, унадокъ янычаръ обусловливался главнымъ образомъ причинами внутренними. Во-первыхъ, султаны, отличавшіеся сначала воинственностью, лично начальствовавшие янычарами во время войны, стали забывать обычай своихъ знаменитыхъ предковъ, основавшихъ могущество Турецкаго государства преимущественно своимъ мечомъ, и предпочитали проводить время въ расслабляющей атмосферѣ гарема. Они перестали наблюдать за военною подготовкою янычаръ въ мирное время или обращать вниманіе на службу тѣхъ, кто отличался на полѣ брани, что, конечно, не могло не отразиться на общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій. Затѣмъ лучшія боевыя качества янычаръ были мало-по-малу ослаблены измѣненіемъ способа пополненія ихъ рядовъ, а также нарушеніемъ закона о безбрачій.

Многочисленныя преимущества янычаръ, добытыя ихъ прежними славными подвигами, матеріальное ихъ благосостояніе, обезпеченное жалованьемъ, пенсією и освобожденіемъ отъ всякаго рода податей, вызвали общую зависть и побуждали всѣхъ мусульманъ вообще добиваться права вступленія въ столь привилегированное войско. Сначала они были допущены лишь въ маломъ количествѣ. Это было въ царствованіе Мурада III, послѣ персидской войны, причинившей страшныя опустошенія въ рядахъ янычаръ, — чтобы пополнить ихъ и открыли доступъ въ оджакъ природнымъ туркамъ. Вскорѣ наплывъ турокъ увеличивается до такой степени, что правительствомъ перестаетъ собирать съ христіанскихъ областей военную подать натурою, и около 1680 года области эти были уже совершенно освобождены отъ обязанности поставлять молодыхъ христіанскихъ невольниковъ, создавшихъ былое могущество янычаръ. Въ то же время было дозволено заносить въ списки янычарскихъ ортъ многочисленныхъ волонтеровъ, которые, хотя не несли никакихъ действительныхъ обязанностей и не получали жалованья, тѣмъ не менѣе гордились своимъ званіемъ янычаръ, зная что найдутъ себѣ въ нихъ всегда защитниковъ и дѣлающъ сами полезными пособниками этимъ послѣднимъ въ минуты ихъ частыхъ возмущеній. Прежняя дисциплина, составлявшая основу янычарской доблести, ослабѣла: свободные мусульмане не могли свыкнуться съ исполненіемъ требованій, приуроченныхъ къ рабамъ.

Равнымъ образомъ съ того же времени стали обходить законы о воспрещеніи янычарамъ женитьбы, женатымъ дозволили жить въ казармѣ.

Подобныя отступленія отъ прежнихъ порядковъ ослабили преданность янычаръ государству и военной службѣ, замѣнивъ ее привязанностью къ семейству. Янычары перестали быть тѣмъ, чѣмъ были, когда ряды ихъ состояли исключительно изъ молодыхъ ревергатовъ, не знавшихъ родительскаго дома. При султанѣ Ахмедѣ необходимость заботиться о семействѣ заставила янычаръ обратиться къ торговлѣ и промышленности. Они перестали помышлять о войнѣ и оружіи, обязательныя воинскія упражненія были заброшены.

Не опасныя для внѣшняго врага, янычары оставались еще страшными для султановъ и ихъ подданныхъ. Утративъ съ теченіемъ времени храбрость предъ врагомъ и военное искусство, они сохраняли прежнія привилегіи и притязанія и прежнее упрямство. Мятельный духъ, постепенно и падавно наращавшій въ лонѣ оджака, нанесъ себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ возстаній.

Первое возстаніе янычаръ было въ 1444 году при Магометѣ II, послѣ отреченія отъ престола отца его, Мурада, но лишь съ царствованія Селима I возмущенія эти приняли характеръ въ тѣсномъ смыслѣ слова политической. Какъ только какой-нибудь чиновникъ возбуждалъ неудовольствіе янычаръ, они начинали волноваться, затѣмъ поднимался открытый бунтъ — и сивонникъ либо смѣщали, либо отдавали даже въ жертву мятельникамъ. Безчисленныя возстанія янычаръ, начинавшіяся всегда во имя религіи, и подъ прикрытіемъ имени Хаджи-Бекташа, стоили жизни пяти султанамъ, а многихъ изъ надиншаховъ лишили престола и личной свободы. Малѣйшее стѣсненіе своихъ преимуществъ янычары стали считать кровною для себя обидою, отличавава за то открытымъ возмущеніемъ и рваніемъ на улицахъ Стамбула.

Подобный образъ дѣйствій выродившихся янычаръ и быстрая смѣна султановъ, начавшаяся съ XVII столѣтія и всегда составлявшая послѣдствіе янычарскаго бунта, рсшатали государственныя органы Турціи и во многомъ содѣйствовали упадку этой державы. Нелишне при этомъ замѣтить, что такъ какъ по прежнимъ обычаямъ на каждый пожаръ въ Константинополѣ обязаны были являться султаны, великій визирь

и янычарскій ага, то всѣ возмущенія сопровождалась пожарами. дабы во время ихъ янычары могли открыто выразить свое недовольство высшимъ лицамъ государства, не обращая вниманія на то, что при этомъ выгорали иногда лучшіе кварталы города. Во время царствованія султана Мурада III въ Стамбулѣ было 140 большихъ пожаровъ, вслѣдствіе которыхъ нужно было возвести вновь почти всю столицу.

II.

Первымъ султаномъ, погибшимъ вслѣдствіе янычарскаго мятежа, былъ Османъ II.

1618 годъ былъ ознаменованъ разными явленіями, наводившими страхъ на жителей Константинополя: Босфоръ замерзъ и можно было переходить въ Скутари по льду¹⁾, на небѣ появилась комета — ясное предвѣщаніе грядущихъ бѣдствій и смутъ въ имперіи, и какъ бы въ подтвержденіе суевѣрныхъ ожиданій большой идиотизмомъ султана Мустафа былъ, послѣ трехмѣсячнаго царствованія, низложенъ и 26 февраля 1618 г. на престолъ былъ возведенъ Османъ II; войско тѣмъ болѣе тому радовалось, что воцареніе новаго султана давало имъ возможность получить вторично джулусъ-акчесен, государственное же казначейство было опустошено, благодаря выдачѣ на этотъ предметъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ шести милліоновъ червонцевъ.

Искусный въ воинскихъ упражненіяхъ, отличавшійся воинственнымъ нравомъ, четырнадцатилѣтній Османъ имѣлъ характеръ необузданный, своевольный, не лишенный холодной жестокости, будучи подверженъ также припадкамъ меланхолии. Въ противность мѣтнью своего дивана, онъ объявилъ войну Польгѣ, и благодаря его неумѣлымъ распоряженіямъ война была неудачна. Стараясь выместить на комъ-нибудь свою досаду, султанъ осыпалъ самыми горькими упреками янычаръ, приписывая имъ вину пораженія. Понавившея въ плѣнъ двѣсти казаковъ были отданы въ жертву войску: нѣкоторые изъ нихъ были растоптаны слонами, другіе подвѣшены за ребра на желѣзныхъ крючьяхъ, иные, наконецъ, посажены на колъ. Чтобы расфѣять свое мрачное настроеніе духа, Османъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ стрѣлять изъ лука, причемъ цѣлью служили опять-таки плѣнные казаки; за неимѣніемъ же ихъ, султанъ стрѣлялъ и въ своихъ собственныхъ нажегъ. Подобная жестокость не могла нравиться войску и безъ того возмущенному несправедливыми упреками Османа и его скупостью: такъ, онъ уменьшилъ до одного червонца плату за каждую приносимую вражескую голову. Солдаты роптали, говоря: „Что это за плата, когда за эту голову надо рисковать своею!“

Одинъ изъ самыхъ ужасныхъ законовъ (*канунъ*) Магомета II былъ тотъ, который допускалъ и освящалъ братоубійство, какъ государственную мѣру, имѣвшую въ виду обезпечить каждому царствующему государю спокойное пользованіе престоломъ. Основываясь на изреченіи Корана, что „смута пагубнѣе убійства“, Магометъ II съ спокойною совѣстью написалъ: „большинство законниковъ заявили, что тѣ изъ монарховъ знаменитыхъ сыновъ и внуковъ, которые вступаютъ на престолъ, могутъ казнить своихъ братьевъ, дабы обезпечить спокойствіе міру“.

Османъ II не задумался примѣнить этотъ законъ и къ своему брату, Магомету, юномѣ, подававшему самыя блестящія надежды, который и былъ удушенъ 12 января 1621 г.: быть-можетъ, одною изъ причинъ, заставившею султана отдать приказаніе объ его умерщвленіи, была собственно зависть Османа къ выдающимся качествамъ своего брата.

Когда несчастный царевичъ Магометъ увидѣлъ, что къ нему приближается палачъ съ роковымъ шуркомъ въ рукахъ, онъ воскликнулъ:

— Османъ, я молю Бога, чтобы онъ прекратилъ твои дни и испровергъ твое царство; да будетъ отнята у тебя жизнь такъ же, какъ ты отнимаешь ее у меня!

Умирая, Магометъ и не подозревалъ, какъ быстро и какъ буквально исполнятся его пророческія слова.

Отъ огорченій польскаго похода Османъ успокоился, получивъ извѣстіе о рожденіи у него перваго сына отъ любимой султанши, русской родомъ, которая, подобно Роксоланѣ, не иначе согласилась принадлежать ему, какъ сдѣлавшись его законною женою.

Въ началѣ 1622 года султанъ возвратился въ Константинополь, гдѣ меланхолія снова овладѣла имъ, и онъ все болѣе и болѣе терялъ любовь народа. Даже господствовавшую тогда въ столицѣ дороговизну съѣстныхъ припасовъ народъ приписывалъ скупости султана.

Усердный мусульманинъ, Османъ II не могъ выносить какъ его подданные осмѣливаются нарушать распоряженія пророка касательно вина. Онъ издалъ очень строгіе законы относительно употребленія вина и табаку. Уличенные въ пьянствѣ подлежали смертной казни. Самъ султанъ съ двумя-тремя нарами ходилъ по ночамъ переодѣтымъ по трактирамъ и наблюдалъ, какъ исполняются его приказанія. Судьба была угодно, чтобы всѣ понавшея по этому случаю и казненные были янычары, что еще болѣе, конечно, усилило ненависть къ Осману

¹⁾ Voyage en Morée, par Pouqueville. II. 64.

еще ранѣе, какъ мы видѣли, оскорбленнаго имъ янычарскаго войска.

Султанъ искалъ забвенія въ гаремныхъ наслажденіяхъ, задумавъ жениться еще на трехъ женахъ, и на этотъ разъ не на невольницахъ, а на дочеряхъ свободныхъ турокъ. Это нововведеніе было противно закону, который во избѣжаніе опасныхъ притязаній могущественныхъ фамилій, съ коими могъ бы породниться султанъ чрезъ женитьбу, опредѣлялъ, что женою султана можетъ быть лишь невольница, въ дѣтствѣ оторванная отъ семьи, не имѣющая никакихъ родственныхъ связей, дабы падишахъ могъ править царствомъ, не стѣсняясь никакими родственными соображеніями. По мусульманскому праву, султанша пользуется большимъ вліяніемъ не сама по себѣ, а лишь когда дѣлается *ласеки*, т. е. матерью царевича, будущаго наследника престола, или же *султаншей-валиде* — матерью царствующаго султана. Тѣмъ не менѣе, не взирая на противодѣйствіе, Османъ женился на дочери Пертев-паши и стремился къ женитьбѣ на дочери муфтія, что вызвало въ Константинополѣ общее негодованіе.

Подъ вліяніемъ своего стараго наставника (*ходжи*), Османъ давно уже питалъ нерасположеніе къ янычарамъ, платившимъ ему такими же чувствами, и не разъ вырывался у него необдуманными слова, что онъ сумѣетъ противопоставить этому мятежному войску другія войска, набранныя въ Египтѣ, гдѣ янычаровъ не существовало.

Скоро по городу распространились слухи, что султанъ намѣренъ уничтожить янычаръ и синаховъ и, подъ видомъ путешествія въ Мекку, перенести столицу государства въ Дамаскъ¹⁾.

Общее недовольство достигло своего апогея, когда какъ бы въ подтвержденіе ходившихъ по городу слуховъ, султанъ объявилъ, что въ маѣ мѣсяцѣ онъ предлагаетъ отправиться самъ въ Сирію, чтобы смирить предводителя друзовъ — Фахреддина. Визирь, муфтія, улемы тщетно представляли султану, что ему не подобаеетъ самому отправляться противъ бунтовщика. Османъ былъ непреклоненъ и велѣлъ приготовить къ отплытію флотъ изъ ста галеръ. Тогда же узнали, что истинная цѣль предполагаемаго путешествія заключалась въ поѣздкѣ въ Мекку. Великій визирь и муфтія пестожили всѣ доводы, чтобы отклонить Османа отъ задуманнаго путешествія; муфтія согласился даже на бракъ своей дочери съ султаномъ, давая ей въ приданое двѣсти тысячъ червонцевъ, лишь бы Османъ оставался въ Стамбулѣ. Все было напрасно.

Наканунѣ того дня, когда султанскій стапъ долженъ былъ быть перенесенъ въ Скутари, янычары, видя явную опасность для своего войска, опрокинули свои котлы и шумными толпами отирались на Ат-Мейданъ. Какъ только вѣсть о возстаніи распространилась по городу, къ бунтовщикамъ немедленно присоединились и тѣ янычары, которые уже находились на галерахъ.

Это было 18 мая 1622 года — день въ день чрезъ 254 года въ Константинополѣ разразилась революція, низвергнувшая на пашей намяти султана Абдуль-Азиса.

Узнавъ о происшедшемъ, султанъ созвалъ немедленно улемовъ и спросилъ о причинахъ и способахъ, какъ прекратить волненія. Тѣ отвѣтили, что оджакъ недоволенъ намѣреніемъ султана ѣхать въ Азію и требуетъ удаленія кызларь-аги и ходжи. Османъ послалъ объявить янычарамъ, что онъ откажется отъ путешествія въ Азію, но не можетъ пожертвовать близкими къ нему лицами.

На другой день, 19 мая, янычары собрались въ мечети султана Магомета II и отправили къ Осману депутацію изъ 12 улемовъ съ требованіемъ выдачи, кромѣ поименованныхъ выше лицъ, еще четверыхъ сановниковъ, между прочимъ и великаго визиря, Длаверъ-паши. Улемы отправились въ сераль передать требованія янычаръ. Османъ не хотѣлъ про нихъ и слышать. Улемы, однако, настаивали, доказывая, что изъ двухъ золъ нужно всегда выбирать меньшее.

— Не заботьтесь о томъ, возражалъ имъ Османъ, — развѣ вы не видите, что возбуждавшіеся—это сбродъ всякой сволочи, лишеной руководителя и которая не замедлитъ разбѣжаться.

Улемы съ сдвались и утверждали, что развѣ янычары бывали въ полномъ сборѣ, они имѣли обыкновеніе брать сами то, чего добивались, и что потому доблестные предки Османа старались вообще предупреждать желанія войска.

Разсерженный султанъ воскликнулъ тогда:

— Молчите, вы разсуждаете какъ будто вы сами мятежники, и я прикажу васъ казнить.

Всѣ депутаты были задержаны въ сералѣ.

Между тѣмъ янычары, видя что посланцы ихъ не возвращаются и что во всѣмъ вѣроятіи султанъ не собирается исполнить обращенныхъ къ нему требованій, рѣшили дѣйствовать энергичеки. Сначала они опасались противодѣйствіемъ дворцовой стражи—*Снастанджи*—и послали одного янычара заглянуть съ минарета Софійской мечети, что дѣлается внутри дворцовой ограды. Такъ какъ тамъ не было замѣтно никакихъ приготовленій къ сопротивленію, ободренные тѣмъ янычары ворвались въ первый дворъ серала, гдѣ и оставались въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, громко требуя себѣ головъ ненавистныхъ имъ сановниковъ. Не получая отвѣта, они проникли

во второй серальскій дворъ, гдѣ нашли улемовъ, объяснявшихъ имъ безуспѣшность взоложеннаго на нихъ порученія. Въбѣшенные янычары вломались тогда на послѣдній внутренней дворъ серала, тѣмъ болѣе, что бѣгле евуухи охранявшіе вѣдучія въ него ворота, такъ-называемую „дверь счастья“, предпочли удариться въ бѣгство. Въ это время произошло незначительное обстоятельство, которое, какъ это часто бываетъ при народныхъ волненіяхъ, сразу замѣнило весь ходъ послѣдующихъ событій. Незавѣстно кто крикнулъ: „мы хотимъ султана Мустафу!“ Крикъ этотъ былъ подхваченъ тысячею другихъ голосовъ, и вотъ движеніе, первоначально направленное исключительно противъ нѣкоторыхъ сановниковъ, моментально преобразилось въ революцію противъ самого султана.

Наконецъ, одинъ изъ улемовъ показалъ бунтовщикамъ надворную пристройку, гдѣ томился въ заключеніи низведенный султанъ-идюгъ. Такъ какъ снаружи не было входа въ пристройку, то янычары взобрались по нагроможденнымъ полѣнницамъ дровъ наверхъ, разломали куполообразную крышу и одинъ изъ нихъ по веревкѣ спустился внизъ, гдѣ Мустафа сидѣлъ на старомъ тюфякѣ, вмѣстѣ со своими двумя невольницами. Янычаръ привѣтствовалъ его и сообщилъ, что войско ожидаетъ его на серальскомъ дворѣ. Въместо всякаго отвѣта, Мустафа могъ только произнести „воды“—оказалось потомъ, что въ теченіе трехъ дней его оставили безъ пищи и питья. Тотчасъ же янычары спустили для утоленія жажды своего новаго повелителя кожаное ведро съ водою, а затѣмъ на веревкѣ же вытащили Мустафу изъ его заточенія. Сначала его было посадили на лошадь муфтія, но онъ былъ такъ слабъ, что не могъ держаться въ сѣдлѣ и былъ уже на рукахъ перенесенъ въ тронную залу: при видѣ вооруженныхъ солдатъ онъ дрожавъ всѣмъ тѣломъ, и его насилу увѣрили, что ему не грозитъ никакой опасности.

Тѣмъ временемъ Османъ скрываясь въ дворцовомъ гаремѣ: увидя, что янычары стали разламывать куполь помѣщенія Мустафы, онъ рѣшилъ пожертвовать великимъ визиремъ и кызларь-агомъ: ихъ вытолкнули на дворъ изъ маленькой гаремной калитки, которая тотчасъ же затворилась за ними. Несчастные были въ ту же минуту зарублены янычарами, но жертва эта была принесена слишкомъ поздно и не могла уже угнѣшить волненія.

Приближенные Османа совѣтовали ему тогда возложить всю надежду на янычарскаго агу и искать у него спасенія. Ночью, Османъ тайно пробрался въ домъ этого послѣдняго и обѣщавъ дать каждому янычару по 50 червонцевъ и краснаго сукна на платье, и всѣмъ синахамъ прибавить жалованья, только бы они прекратили возмущеніе. Янычарскіе офицеры, съ которыми ага переговорилъ по этому поводу, отозвались, что обо всемъ нужно поставить въ извѣстность самое войско, обѣщая сообразоваться съ рѣшеніями оджака.

Утромъ на другой день, 20 мая, ага отправился въ янычарскія казармы. До янычаръ уже дошли слухи о сообщеніи, которое имъ будетъ сдѣлано, и они рѣшили не давать агѣ возможности произнести свою рѣчь. Лишь только ага поднялся на возвышеніе и началъ говорить, снизу раздались неистовые вопли: „бейте его, не позволяйте ему произнести ни слова!“ Стоявшій сзади агъ янычаръ столкнулъ внизъ своего начальника, который въ ту же минуту былъ искрошенъ бунтовщиками. Въ то же время янычары подали султану Мустафѣ просьбу, отдать имъ головы всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ измѣнить древніе уставы и порядки и ввести разныя новшества, а одинъ изъ янычарскихъ отрядовъ бросился къ дому убитаго агъ, чтобы попытаться захватить скрываващагося тамъ, какъ они узнали, Османа. Не смотря на то, что иналоженный султанъ былъ спрятанъ въ тайникѣ, янычары нашли и вытащили его оттуда въ одномъ нижнемъ бѣлѣ. Новый великій визиръ Хусейнъ-паша попробовалъ было при этомъ бѣжать, но былъ постигнутъ: ему отрѣзали голову, которую и отнесли съ торжествомъ въ янычарскія казармы. Туа же направилъ бывшего султана, посадивъ его на отчаянную клячу, еле передвигавшую ноги: впередъ несли на пикахъ головы наиболѣе преданныхъ слугъ свергнутаго владыки. Слезы текли по лицу несчастнаго юноши, народъ съ горестью смотрѣлъ на него вчерашняго повелителя, но страхъ предъ янычарами сковывалъ всѣхъ. Нашелся только одинъ смѣльчакъ, крикнувшій султану, чтобы онъ не отчаивался и даже, какъ прибавляетъ преданіе¹⁾, надѣвшій на обнаженную голову Османа свою собственную чалму.

Во все время переѣзда янычары всячески издѣвались надъ павшимъ властelinомъ; не было такихъ упрековъ или насмѣшекъ, которые бы они ни обращали къ нему: припомнили ему казни янычаръ, ссылки ихъ въ каторгу, его пристрастіе къ *себанамъ* (новому роду войска имъ учрежденному) и къ египетскимъ войскамъ. Одинъ негодяй, Алтунджи-огу, ударилъ его даже палкою: слезы брызнули у сверженнаго султана при этомъ неслыханномъ оскорбленіи, и онъ могъ только воскликнуть: „будь проклятъ паглецъ, поднявшій руку на своего государя!“ что и вызвало впоследствии постоянное проклятіе той янычарской орты, къ которой принадлежалъ Алтунджи-огу.

¹⁾ Moeurs des Ottomans, par Castellan. II. 42.

¹⁾ Moeurs et usages des Turcs, par Guca. 524.

Рыболовы на Курь (Кавказъ). Рис. съ фот. Пари, грав. Менаръ.

Призывъ запасныхъ нижнихъ чиновъ для отбытія очереднаго учебнаго сбора. — Повѣрка одной изъ партій на дворѣ казармъ мѣстныхъ войскъ въ СПб. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Шюбтеръ.

Въ полдень по городу распространился слухъ о смерти Османа. Толпы солдатъ сбѣжали къ мѣсту заключенія молодого султана съ криками: „пусть царствуетъ Мустафа, но пусть никто не причиняетъ зла и его предшественнику“. Чтобы утишить смуту, только что назначенному великому визирю Давуд-пашѣ пришлось показаться въ окошко Османа, который подъ влияниемъ народнаго возбужденія началъ уже было надѣяться на перемену въ своемъ положеніи къ лучшему; но толпѣ довольно было убѣдиться, что онъ живъ, и послѣ этого она спокойно разошлась.

Пользуясь обстоятельствами, Османъ старался умиловить сторожившихъ его лицъ. Обливался слезами, говорилъ онъ имъ: „что задумали вы сдѣлать съ вашимъ законнымъ государемъ? Вы разрушите тѣмъ царство и погубите самое янычарское войско. Простите меня, если я неумышленно кого-либо обидѣлъ. Вчера я былъ государемъ, сегодня я вагъ—пусть буду я для васъ примѣромъ: придетъ время—и вы въ свою очередь испытаете превратности судьбы; не приготовляйте же себѣ участи одинаковой съ моею...“ Не смотря на то, что присутствовавшая тамъ мать султана Мустафы вслѣдствіи возстановленія бывшихъ при этомъ офицеровъ противъ Османа, не устало повторяя: „это змѣя; если онъ ускользнетъ изъ нашихъ рукъ, намъ никому не миновать смерти.“, все-таки разстроганные янычарскіе офицеры дозволили Осману открыть окно и обратиться къ толпившимся внизу солдатамъ; надрывающимъ душу голосомъ говорилъ онъ: „вы, начальники моихъ списковъ, и вы, доблестные янычары, отны мѣнь по необходимости, свойственной молодому человѣку, я послушался дурныхъ совѣтовъ. Злые совѣтники понесли уже заслуженное наказание, къ чему же вы желаете моего личнаго униженія, развѣ не хотите вы меня болѣе вашимъ государемъ?“ Но тщетны были его увѣщанія, отвѣтомъ ему были лишь крики: „мы не хотимъ ни твоего господства, ни твоей крови!“

Дабы порѣшить окончательно съ султаномъ Османомъ, великій визирь добился *фетвы* (письменнаго разрѣшенія) муфтія умертвить свергнутаго наднишаха. Издавалъ подобную фетву, муфтія руководился тѣмъ постановленіемъ мусульманскаго права, которое гласитъ: „если окажется два халифа, убейте одного изъ нихъ“, и тѣмъ самымъ возводитъ въ законъ убійство всякаго низверженнаго султана почему-либо признаваемого опаснымъ для своего преемника.

Пока готовившееся убійство облакалось въ необходимыя съ точки зрѣнія мусульманъ юридическія формы, бывшего султана перевезли въ Семпашенный замокъ.

Подъ вечеръ, 20 мая 1622 года, въ башню, гдѣ находился Османъ, вошелъ Давуд-паша съ тремя палачами и объявилъ, что получилъ отъ султана Мустафы приказаніе убить его и что, какъ это лично ему ни тяжело, онъ долженъ повиниться своему владыкѣ и привести смертный приговоръ въ исполненіе. „Мой смертный приговоръ?“ спросилъ узникъ. „да развѣ вамъ неизвѣстно, что я ни въ чемъ не повиненъ? Если мое предположенное преступленіе въ Азію считалось преступленіемъ, то развѣ не казнены люди виновнѣе мнѣ эту мысль?“ Великій визирь ограничился словами: „пора умирать“. Тяжко вздохнулъ тогда Османъ и просилъ только дать ему время совершить молитву; бросившись на колѣна, онъ вслухъ сталъ произносить горячія молитвы къ Богу, прерывавшія лишь его стенаніями. Однако, страхъ смерти преодолѣвъ въ его душѣ чувство покорности волѣ Аллаха, въ немъ возникла жажда жизни — тяжело вѣдь умирать въ 18 лѣтъ; какъ бы преобразившись вскорѣ онъ съ молитвеннаго ковра и съ жаромъ обратился къ присутствующимъ: „друзья мои, неужели между вами не найдется никого, кто далъ бы мнѣ кинжалъ, чтобы я могъ защитить свою жизнь?“ Великій визирь подалъ знакъ палачамъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Османъ самъ бросился на нихъ, одного сбилъ съ ногъ, съ другимъ вступилъ въ странную борьбу — молодыя его силы были удесятерены сознаніемъ смертной опасности. Неравная борьба продолжалась уже нѣсколько минутъ, какъ одному изъ палачей удалось сзади пакнуть на шею Османа роковой шелковый шнурокъ и, заткнувъ его, повалить бывшего султана на землю. Но и тутъ отчаянная борьба продолжалась до тѣхъ поръ, пока оснурившіе убійцы не нанесли Осману двухъ ударовъ сѣкирою сначала по плечу, а затѣмъ по затылку... Злодѣи отрѣзали одно изъ ушей Османа и снесли его султанишъ-валиде, матери султана Мустафы.

Такъ погибъ шестнадцатый султанъ династіи Османа, на 18-мъ году своей жизни, первый изъ султановъ умерщвленный своими подданными и навѣй жертвою своего намѣренія уничтожить янычарское войско.

Вечеромъ того же дня, придворные чины читали надъ гробомъ Османа II Коранъ и жгли въ курильницахъ алоэ и другіе ароматы, дабы, согласно восточному повѣрью, душа покойнаго султана могла на облакахъ ѳніама и волнахъ возсылаемыхъ за почившаго молитвъ, мирно воспарить въ лоно вѣчнаго свѣта и вѣчнаго покоя.

III.

Вопиственность, нетерпимость (сначала только въ формѣ обособленности отъ другихъ народовъ, слотившей турокъ въ

тѣсное цѣлое) и религиозно-патриархальное управленіе, соединенное съ простотою нравовъ и жизни, обусловили необыкновенные успѣхи турокъ въ разсѣдиненной Европѣ до второй половины XVI вѣка. Но такой государственной организаціи было достаточно только пока продолжалось завоеваніе. Когда же это завоеваніе прекратилось, когда европейскія государства выработали внутреннее единство и въ Европѣ возникла солидарность государствъ и народовъ, когда Турція перестала быть огромнымъ военнымъ лагеремъ,—существованіе сформировавшагося громаднаго оттоманскаго государства въ преобразованной Европѣ погробовало коренныхъ намѣнней въ основахъ государственной и общественной жизни. Духъ воинственности ослабъ, нетерпимость перешла въ угнетеніе немусульманскихъ народовъ, управленіе сдѣлалось недостаточнымъ для усложнившейся государственной жизни, нравы развратились, роскошь и матеріальныя наслажденія получили преобладаніе. Государство стало падать и внѣшнѣ, и внутренно.

Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ султановъ, Селимъ III, царствовавшій въ концѣ XVIII вѣка, отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ необходимости преобразованій и въ томъ, что однимъ изъ главныхъ къ тому препятствій является существованіе своевольнаго янычарскаго войска.

Такимъ настроеніемъ Селима воспользовался, прежде всего, конечно, въ видахъ достиженія большаго личнаго вліянія, новый французскій посолъ, генералъ Оберъ-Дюбайе (Aubert-Dubayet), смѣнившій въ Константинополѣ въ 1796 году гражданна Вериньика. Онъ привезъ съ собою инженеровъ, инженеровъ для всѣхъ родовъ оружія, рабочихъ искусныхъ въ артиллерійскомъ и литейномъ дѣлѣ, и даже цѣлую батарею полевыхъ орудій, съ ихъ лафетами и запряжками. Подъ покровительствомъ султана и съ помощью привезенныхъ изъ Франціи офицеровъ сформировали сначала отрядъ изъ 800 артиллеристовъ, военныя упражненія которыхъ вызвали общій восторгъ. Затѣмъ составили и обучили по-европейски эскадронъ кавалеріи и, наконецъ, набрали изъ иностранцевъ-ренегатовъ баталіонъ пѣхоты, сдѣлавшіяся ядромъ регулярнаго турецкаго войска, получившаго вслѣдствіи названіе *низамиджедидъ* (нового устройства).

Пестые турки и улемы съ недоумѣніемъ смотрѣли на затѣи генерала Дюбайе, и какъ только онъ въ 1797 г. умеръ, распустили новое войско и прогнали всѣхъ инженеровъ. Однако, капуданъ-паша (генералъ-адмиралъ) Хусейнъ взялъ къ себѣ изъ уволенныхъ солдатъ 600 человѣкъ, которые и производили постоянно ученія предъ адмиральскимъ домомъ. Такъ какъ служивше въ отрядѣ получали крупное жалованье, то въ него вступили нѣсколько мусульманъ презрѣвшихъ этимъ жалованьемъ. Насмѣшки, а затѣмъ и угрозы янычаръ остановили вскорѣ дальнѣйшій наплывъ мусульманъ въ новое войско. Тѣмъ не менѣе, не смотря на малочисленный составъ, отрядъ этотъ имѣлъ случай отличиться при осадѣ Наполеономъ Сентъ-Жанъ д'Акра, куда капуданъ-паша перевезъ *низамиджедидъ* немедленно по полученіи извѣстія о наступленіи французской арміи.

По возвращеніи изъ Сиріи, *низамы* были восторженно встрѣчены константинопольцами, а султанъ послѣдовалъ издать повелѣніе, что отнынѣ они будутъ получать содержаніе отъ казны и что самая численность ихъ будетъ увеличена. Янычары и улемы тотчасъ же снова стали выражать свое негодованіе, но Селимъ, поддерживаемый Хусейнъ-пашой и муфтіемъ, повидимому рѣшился предпринять нѣкоторыя реформы въ дѣлѣ военнаго устройства страны.

Пользуясь отсутствіемъ янычарскаго аги, вмѣстѣ съ высшими офицерами оджака бывшаго въ Сиріи, султанъ издалъ хатги-шерифъ, касательно отдѣленія отъ янычаръ корпуса артиллеристовъ, а также касательно новой организаціи морскаго и военно-инженернаго вѣдомства. Въ Константинополѣ были тогда же сформированы два кавалерійскія эскадрона и два пѣхотныхъ полка, каждый изъ 10 ротъ въ составѣ отъ 80 до 100 человѣкъ. Къ каждому полку было прикомандировано по батареѣ артиллеріи. Расходы на содержаніе этихъ обученныхъ по-европейски воинскихъ частей были отнесены на таможенные сборы и пошлины на табакъ, вино, шелкъ и т. и. Изъ нихъ были построены великолѣпныя казармы: одна въ Азін близъ Скутари, другая по дорогѣ изъ Перы въ Бюкдере въ Левендъ-цифликѣ. Караманскій губернаторъ, Абдурахманъ Каді-паша получилъ приказаніе наводить новыя полки изъ уроженцевъ малоазіатскихъ областей,—онъ дѣйствовалъ съ такимъ усердіемъ, что черезъ три года въ турецкой арміи было уже восемь полковъ *низамиджедидъ*.

Тѣмъ временемъ преданный Селиму муфтію умеръ и былъ замѣненъ другимъ, испившимъ личную сторонника реформъ лишь въ видахъ пріобрѣтенія довѣрія султана. Достигнувъ цѣли своихъ желаній, онъ не считалъ болѣе нужнымъ сохранять прежнюю маску и вошелъ въ сношенія съ каймакомомъ великаго визиря, Мустафа-пашой, тоже завзятымъ противникомъ новшествъ, и оба они вступили въ переговоры съ улемами и янычарами, насчетъ того, какъ остановить въ Турціи развитіе европейскихъ идей.

Когда янычары, по случаю начавшейся тогда войны, были направлены на театръ военныхъ дѣйствій, въ составѣ кои-

стаггинопольскаго горнизона, сформированнаго главнымъ образомъ изъ низамовъ, были включены и *ямаки*, особая милиція по преимуществу изъ уроженцевъ Лазистана. Хотя они жили въ однихъ казармахъ съ низамами и получали одинаковое съ ними жалованье, будучи подчинены одинаковой съ ними дисциплинѣ, но они, собственно говоря, не были причислены къ низамиджедидъ и спеціальною обязанности ихъ было охранять босфорскія крѣпости. Селимъ питалъ надежду, что эти ямаки, числомъ около двухъ тысячъ человекъ, постепенно прирастятъ къ военнымъ упражненіямъ низамовъ и составить, наконецъ, съ ними одно неразрывное цѣлое. Искуснымъ образомъ дѣйствій и во-время даваемыми подарками можно было бы постепенно достигнуть предположенной цѣли. Но каймакамъ, предвидя это, распорядился назначить въ ямакскія команды по нѣскольку янычаръ, которые и начали имъ внушать, что какъ добрые мусульмане, и какъ принадлежащіе скорѣе къ янычарскому войску, создавшему могущество Оттоманской имперіи, они не должны сблизиться съ низамами, этими вѣроотступниками, для которыхъ нѣтъ разницы между невѣрными европейцами и доблестными сынами Пророка.

Подъ вліяніемъ такихъ рѣчей, отношенія между ямаками и низамами стали все болѣе обостряться. Когда каймакамъ нашель, что дѣло достаточно созрѣло, онъ отправилъ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, Махмудъ-эфенди, въ босфорскіе замки, для раздачи ямакамъ жалованья, и велѣлъ захватить съ собою нѣсколько низамскихъ мундировъ, съ тѣмъ, чтобы предложить ямакамъ, не пожелаютъ-ли они обчлечься въ это одѣяніе.

Видъ этихъ мундировъ вызвалъ чувство раздраженія и ропотъ дикихъ милиціонеровъ. Махмудъ-эфенди думалъ, что онъ выиграетъ дѣло суровостью, и приказалъ нѣкоторымъ изъ ямаковъ немедленно же надѣть мундиры. Ярость ямаковъ не знала тогда предѣловъ, и они бросились на Махмуда-эфенди, чтобы удавить его. Низамы стали защищать его, и между обоими родами войска завязалась отчаянная драка.

Вѣсть о безобразіяхъ, происшедшихъ въ Румели-кавакѣ, быстро распространилась по Босфору и повсюду закипѣла борьба между низамами и ямаками; такъ какъ послѣдніе были многочисленнѣе, то они вытѣснили своихъ противниковъ и захватили въ свои руки все босфорскія крѣпости. Покуда это происходило на Босфорѣ, каймакамъ дѣйствовалъ чрезъ тайныхъ своихъ агентовъ на оставшихся янычаръ, намекая имъ, что пришло время покончить съ ненавистными низамиджедидъ.

Возмущившіеся ямаки собрались близъ Буюкдере, выбрали себѣ начальника въ лицѣ нѣкоего Кабакчи-оглу и 27 мая 1807 года вступили въ Константинополь, сначала въ числѣ 600 человекъ, но скорѣе къ нимъ присоединились до 800 янычаръ, около 200 моряковъ и, наконецъ, артиллеристы. Кабакчи-оглу составилъ перечень главнѣйшихъ сановниковъ особенно ненавистныхъ бунтовщикамъ, и скоро 17 ихъ головъ лежали на Атъ-Мейданѣ. Все министры и сановники, приверженцы реформъ, были перебиты,—торжество янычаръ, послѣ двухъ дней кровопролитія, было полное. Напрасно испуганный Селимъ издалъ хатти-шерифъ уничтожавшій низамиджедидъ, мятежники не довольствовались уже этимъ, и 29 мая 1807 г. султанъ былъ низложенъ, уступивъ престолъ Мустафѣ IV.

Мстителемъ за свергнутаго султана явился Мустафа-паша Байрактаръ, начальствовавшій Рущукскою арміею. Онъ подступилъ къ Константинополю и, одолевъ сопротивление, наконецъ вломился въ дворецъ. Убѣдившись, что ему не успѣть на престолъ, султанъ Мустафа приказалъ убить Селима III и выбросилъ его трупъ Байрактару, когда тотъ появился во главѣ своего побѣдоноснаго войска въ сералѣ. Облитый ужасомъ и жалостью, Байрактаръ покрылъ поцѣлуями и слезами трупъ своего повелителя, для освобожденія котораго онъ такъ сѣпшилъ.

Злодѣяніе Мустафы не осталось безъ возмездія — въ свою очередь онъ былъ свергнутъ съ престола и замѣненъ султаномъ Махмудомъ.

Первымъ дѣломъ Байрактара, возведеннаго тогда же въ званіе великаго визиря, было казнить убійцъ Селима и любимцевъ Мустафы; онъ удавилъ и бросилъ въ Босфоръ большую часть начальниковъ ямаковъ,—словомъ успѣлъ казнить и сослать всѣхъ своихъ противниковъ. Прозорливый умъ его видѣлъ необходимость полнаго преобразованія янычарскаго войска — этого истиннаго корня всѣхъ смуть — и тотчасъ по своему утвержденіи въ столицѣ, онъ созвалъ съѣздъ изъ разныхъ сановниковъ и улемовъ и потребовалъ утвержденія слѣдующихъ мѣръ: 1) уничтоженія права продажи должностей въ янычарскихъ ортахъ, 2) обязательства для всѣхъ неженатыхъ янычаръ

жить въ казармахъ, 3) лишенія жалованья тѣхъ янычаръ, которые не живутъ въ казармахъ и не несутъ дѣйствительной службы, 4) наложенія на янычаръ обязанности дѣлать постоянныя воинскія упражненія, подобныя тѣмъ, которыя даютъ такое превосходство арміямъ невѣрныхъ, 5) образованія отрядовъ новаго войска—*сейменовъ*—составленнаго изъ молодыхъ мусульманъ, вооруженныхъ и обученныхъ по-европейски и подчиненныхъ прежней янычарской дисциплинѣ.

Совѣтъ, конечно, одобрилъ, а муфтій фетвою утвердилъ все предположенія новаго великаго визиря. Но въ приведеніи постановленій дивана въ исполненіе Байрактаръ выказалъ слишкомъ много порывистости. Въмѣсто того, чтобы постепенно и мало-по-малу проводить реформы, признанныя необходимыми, и устранять злоупотребленія, которыя такъ успѣли вѣтхѣть въ янычарскомъ войскѣ, что съ теченіемъ времени почти обратились въ законъ,—онъ захотѣлъ сдѣлать все сразу, обрушиваясь на всѣхъ съ страшною суровостью и не желая принимать въ соображеніе права и интересы начальниковъ и улемовъ, съ которыми они свыклись издавна и которые привыкли считать своимъ искони. Вѣсть этимъ, а также своею надменностью, Байрактаръ успѣлъ лишь всѣхъ возстановить противъ себя, не удовлетворивъ никого.

Такою же неумѣlostью отличались дѣйствія великаго визиря; по отношенію къ новосозданнымъ сейменамъ. Въмѣсто того, чтобы стараться о привлеченіи желающихъ въ эти войска, онъ назначилъ имъ очень малое жалованье, не далъ имъ никакихъ преимуществъ и, наконецъ, помѣстилъ въ казармахъ въ Скутари и въ Левендъ-чифтликѣ, нѣкогда занятыхъ низамами. Этого послѣдняго обстоятельства было достаточно, чтобы народъ сталъ смотрѣть на сейменовъ не какъ на янычаръ, но какъ на низамиджедидъ, лишь подъ другимъ названіемъ, тѣмъ болѣе, что даже офицерами къ нимъ были назначены бывшіе офицеры низамовъ. Новое войско, съ самаго начала окруженное общимъ презрѣніемъ, никакого успѣха не имѣло и исполнялось лишь самымъ отчаяннымъ сбродомъ, сложившимся безъ дѣла по стамбульскимъ улицамъ.

Пустая случайность ускорила паденіе Байрактара: отправляясь въ гости къ муфтію, во время Рамазана, онъ велѣлъ алкаки разогнать толпу наполнившую ту улицу, по которой онъ долженъ былъ проѣхать. Побитые разбѣжались по городу, громко выражая свое негодованіе. Пользуясь народнымъ неудовольствіемъ, улемы возбудили янычаръ къ возстанію. Янычары подожгли дома окружающіе дворецъ великаго визиря, который точно также сдѣлался жертвою пламени. Самъ Мустафа-паша Байрактаръ погибъ при этомъ вмѣстѣ со своими сокровищами и со своею любимкою невольницею. Послѣ этого начался бой между янычарами и оставшимися вѣрными Махмуду войсками Кадри-пашы, бывшаго начальника низамовъ, который предоставилъ Байрактару свой собственный отрядъ изъ трехъ тысячъ человекъ, чтобы помочь дѣлу осуществленія реформъ.

Послѣ страшнаго кровопролитія, при все болѣе и болѣе разливавшемся морѣ огня, которое никто не думалъ тушить, въ толпѣ послышались громкіе крики, заявлявшіе о необходимости низложить султана. Тогда Махмудъ, изъ чувства самоохраненія, приказываетъ, 17 ноября 1808 года, удавить своего брата, бывшаго султана Мустафу, и оставшихъ такимъ образомъ единственнымъ представителемъ Османова рода, дѣлается тѣмъ самымъ неприкосновеннымъ для янычаръ, пуце всего опасавшихся прекращенія пріямго потомства царствующей династіи. Этимъ закончилась самая кровопролитная революція янычаръ, какую помнитъ исторія. Сами янычары, сжегши казармы въ Скутари и въ Левендъ-чифтликѣ для того, чтобы, какъ они говорили, не оставалось и слѣдовъ отъ бывшихъ низамиджедидъ и чтобы отбить охоту навсегда къ возобновенію этого войска,—отправили депутацію къ султану Махмуду, чтобы увѣрить его въ непоколебимой ихъ преданности, а также чтобы испросить его прощеніе за то, что въ пылу сраженія они позволили себѣ стрѣлять и по дворцовой оградѣ. Въ то же время пашы и другіе сановники, участвовавшіе въ послѣднемъ диванѣ и обѣщавшіе Байрактару поддерживать его проекты относительно сейменовъ и реформъ оджака, забыли свои обѣщанія и послали поздравить янычаръ съ одержаннымъ успѣхомъ. Все отшатнулось отъ побѣжденной стороны.

Таковъ былъ результатъ предпослѣдней попытки Турціи создать себѣ регулярную армію. Она не удалась потому, что умы еще не были достаточно подготовлены къ такой важной мѣрѣ, какъ уничтоженіе янычаръ, потому, наконецъ, что сами янычары продолжали выказывать величайшее уваженіе къ вліятельному сословию улемовъ и не успѣли еще возстановить противъ себя своимъ буйнымъ своеволіемъ всѣхъ классовъ народа.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Городъ Верхотурье. (Рис. на стр. 1041).

Въ царствованіе Θεодора Иоанновича, на мѣстѣ, гдѣ проложена тогда дорога изъ Европейской Россіи въ Сибирь, черезъ

Уральскія горы, примыкала къ р. Турѣ, рѣшено было имѣть укрѣпленный пунктъ, чтобы держать въ покорности окрестныхъ вогулъ и обезопасить путь. Мѣсто для укрѣпленія было выбрано на высокомъ лѣвомъ берегу р. Турн, гдѣ прежде па-

ходился вогульскій городокъ Неромъ-Кура. Въ 1601 г. при укрѣпленіи построены: гостиный дворъ, церковь и таможня для сбора пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ изъ Россіи въ Сибирь и обратно, существовавшая до времени Екатерины II. Въ 1698 году, вмѣстѣ сгорѣвшихъ деревянныхъ построекъ и стѣны, были начаты постройкой и окончены черезъ нѣсколько лѣтъ, каменные: крѣпостная стѣна, съ башнями, воеводскій домъ и соборный храмъ Живоначальной Троицы. До настоящаго времени сохранилась только стѣна крѣпости, обращенная на востокъ; отъ южной, сѣверной и западной видны едва замѣтные остатки. Въ сороковыхъ годахъ возникла вопросъ о починкѣ ветхой крѣпости, какъ замѣчательнаго памятника старины, но по стропильной смѣтѣ потребовались на то весьма значительныя издержки и вмѣстѣ починки оставшіяся стѣны были разобраны. На рисункѣ видны соборный храмъ, часть крѣпостной стѣны и домъ присутственныхъ мѣстъ.

Верхотурье не многолюдно, безъ всякой почти промышленности, съ ничтожной торговлей. Населеніе занимается хлебопашествомъ и нѣкоторые изъ жителей скупаютъ въ Богословскомъ округѣ и другихъ окрестныхъ мѣстахъ кедровые орѣхи, рыбчиковъ и звѣриныя шкурки, развозя ихъ потомъ на окрестныя ярмарки.

Въ Верхотурьѣ находится Николаевскій мужской монастырь, основанный въ 1604 году, древнѣйшій изъ всѣхъ сибирскихъ монастырей. Въ Никольской церкви монастыря почиваютъ мощи Св. Симеона Праведнаго, верхотурскаго чудотворца, привлекающія въ городъ множество богомольцевъ, иногда изъ весьма отдаленныхъ мѣстностей Россіи.

Бѣглець. (Рис. на стр. 1014).

Гарушъ бѣжалъ быстрѣ лани,
Быстрѣй, чѣмъ залцъ отъ орла,—
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.

Но бѣглеца и труса никто не хочетъ принять въ родномъ краю. Родная мать, узнавъ, что онъ бѣжалъ въ горы, не отомстивъ за смерть отца и двухъ братьевъ, восклицаетъ:

— Молчи, молчи! Гяуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славою!
Такъ удались, живи одинъ:
Твоимъ стыдомъ, бѣглець свободы,
Не омрачу я старыя годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не слыть!

Каналь близъ Роттердама. (Рис. на стр. 1045).

Расположенный на рѣкѣ Маасѣ, голландскій городъ Роттердамъ, значительный по торговлѣ, представляетъ превосходную гавань, въ которую, чрезъ многочисленныя каналы, могутъ приходиться съ моря даже корабли. Одинъ изъ такихъ каналовъ изображенъ на нашемъ рисункѣ, во всемъ оживленіи повседневной жизни.

Любимцы. (Рис. на стр. 1049).

Черноокая деревенская молодка кормитъ своихъ любимцевъ. „Цыпъ, цыпъ“, приглашаетъ она ихъ къ обѣду, и курцъ, пѣтухи, голуби и другія пернатые, суетливо толкаясь у ея ногъ, хватаютъ зерна, щедро разбрасываемыя цѣлымъ пригоршнями.

Рыболовы на Курѣ. (Рис. на стр. 1052).

Кура, самая большая рѣка Закавказья, была уже извѣстна древнимъ географамъ, которые называли ее *Cyrus* или *Koros*. По сказанію Страбона и другихъ писателей древности, она впадала въ Каспійское море отдѣльно отъ своего притока Аракса, что приводитъ къ убѣжденію, что Каспійское море вдавалось въ то время гораздо глубже въ материкъ и доходило дальѣ нѣдѣлшнаго соединенія Куры съ Араксомъ. Постоянное измѣненіе берега при устьѣ Куры и отступленіе моря къ востоку, даже въ недавнемъ прошломъ, подтверждаютъ возможность такого предположенія. Цыпъ—это тысячевертная рѣка, называемая грузинами *Мтквари*, армянами—*Гуръ*, персами и арабами—*Куръ* и турками—*Ардананъ-чаель*. Начало свое Кура беретъ изъ родниковъ Орданыхъ или Кюрунъ-бани, т. е. голова Куры, находящаяся у подножія горы Муджигъ-тарасы, подъ 40° 54' с. ш. и 60° 30' в. д., въ болотистой мѣстности котловинн, образуемой хребтомъ Кызырдагъ и продолженіемъ Саганлугскихъ горъ. Сначала, на протяженіи 20 верстъ, Кура течетъ по ровной мѣстности, затѣмъ, стѣсняемая горами, она нѣсколько разъ мѣняетъ направленіе, пока за Тифлисомъ снова не вступаетъ въ долину, понемногу переходящую въ равнину, по которой и дотекать до моря. Кура принимаетъ съ обѣихъ сторонъ не мало притоковъ. Самые значительные изъ нихъ—Арагва и Араксъ. Первая, почти равная по величинѣ самой Курѣ, впадаетъ въ нее съ сѣвера у селенія Михетъ. Араксъ впадаетъ у селенія Джавата-кура. У мѣстечка Сальяны рѣка раздѣляется на два рукава: лѣвъ ихъ главный—лѣвый, сохраняющій названіе Куры, впадаетъ въ Каспійское море за Божьимъ Промысломъ; правый, прозываемый Акуша, въ свой чередъ раздѣляется на нѣсколько

рукавовъ и впадаетъ въ Кызылъ-агачскій валъ. Вся дельта Куры носитъ названіе Сальянскаго острова. Шириною въ Ахалцхскомъ уездѣ отъ 9 до 12 сажень, Кура въ нижнемъ своемъ теченіи достигаетъ въ ширину 120—175 сажень. Незначительная по глубинѣ вначалѣ, Кура послѣ Мингачаурской переправы бываетъ выше 2 сажень глубины. На это обратилъ вниманіе еще Петръ I и полагалъ завести на рѣкѣ судостроеніе. Но возможность его установлена была только спустя почти сто лѣтъ, — по приобрѣтеніи устья рѣки въ 1813 г. Рѣка богата рыбою и рыболовство значительно развито. Особенно замѣчательны промыслы Ширванскіе, Шекпинскіе и главнымъ образомъ Сальянскіе. На нихъ рыба: бѣлуга, осетры, шипы, севрюга, сомы, шема, лососи и сазаны, ловится десятками тысячъ.

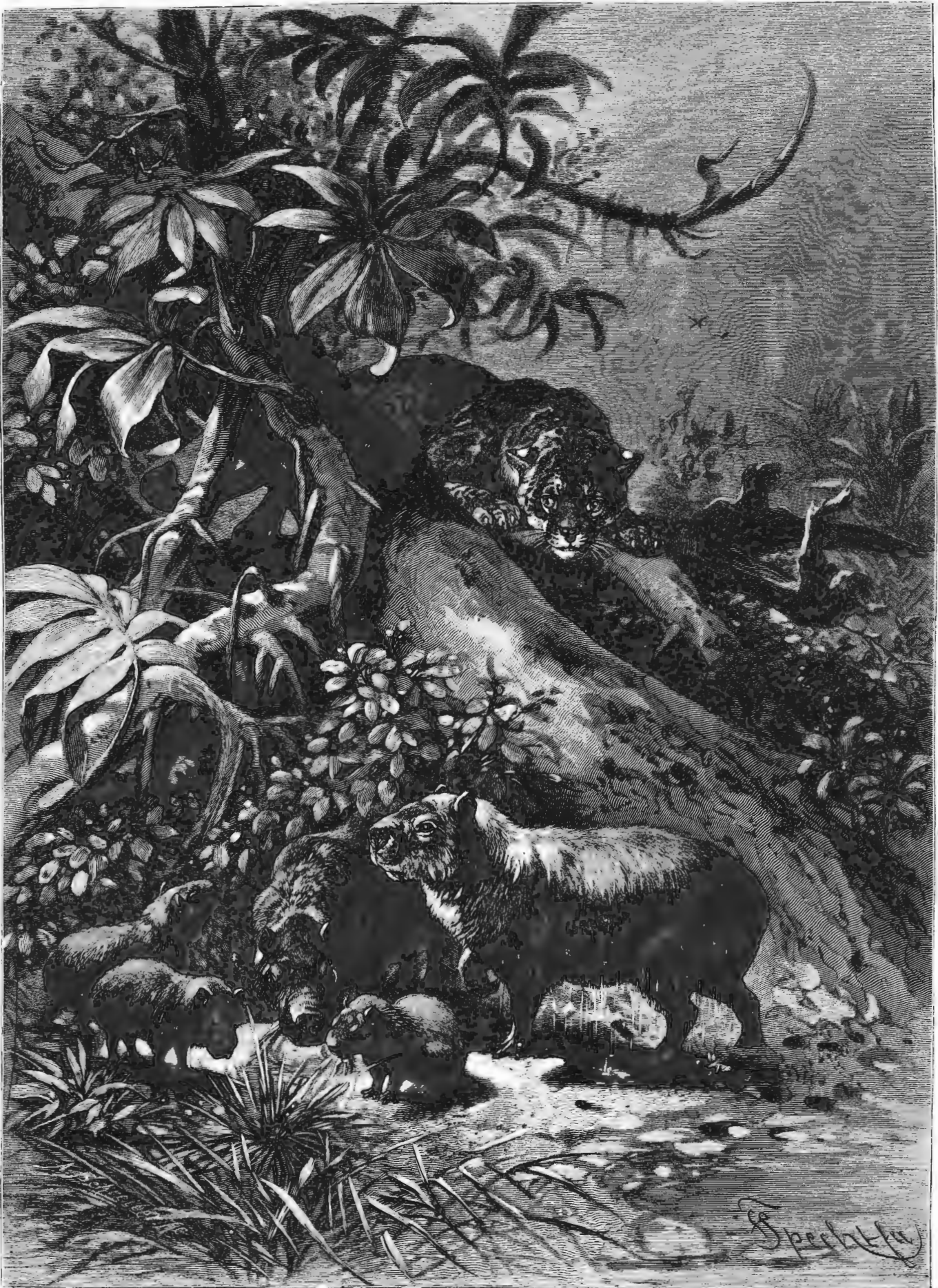
Призывъ запасныхъ нижнихъ чиновъ для отбытія очереднаго учебнаго сбора.—Повѣрка одной изъ партій во дворѣ казармъ мѣстныхъ войскъ въ СПБ. (Рис. на стр. 1053).

Рисунокъ представляетъ окончательную повѣрку запасныхъ передъ сдачей въ полки. Повѣрка производится чинами управленія воинскаго начальника при участіи мѣстной полиціи, приводившей въ исполненіе призывъ. Рядомъ съ типичнымъ околоточнымъ, вѣроятно бывшимъ фельдфебелемъ, стоитъ молодой гвардейскій офицеръ, прибывшій отъ полка для принятія партій. Судя по костюмамъ, партія состоитъ преимущественно изъ городскихъ жителей, заручившихся теплыми мѣстечками швейцаровъ, дворниковъ, артельщиковъ, приказчиковъ и проч. Есть лица неизвѣстнаго класса и званія, есть и „интеллигентны“. Очень типиченъ стоящій направо барскій лакей съ саквожемъ, напоминающій Тургеневское „Свиданіе“.

Сборъ недологъ—всего три недѣли. Вслѣдствіе обилія войскъ въ столицѣ, каждому изъ гвардейскихъ полковъ приходится выдѣлять кадры только для двухъ ротъ. Обученіе производится въ лагеряхъ подъ Краснымъ Селомъ, гдѣ мѣется достаточное количество теплыхъ барачковъ. Запасные совѣтъ переобразовываются, когда ихъ отъирутъ въ мундиры и выстригутъ подъ гребенку; а черезъ недѣлю ихъ нельзя уже узнать: всѣ они дѣлаются выправленными и смотрятъ какъ одинъ человекъ. Вообще замѣчено, что не только муштровка, но и искусство стрѣльбы какъ бы воскресаютъ въ человекѣ при малѣйшемъ повтореніи упражненій, которыя проходились когда-то давно. Гораздо труднѣе возстановить знаніе служебныхъ обязанностей, особенно такихъ сложныхъ, какъ, напримеръ, въ сторожевой службѣ; но это отчасти объясняется неудовлетворительными методами обученія, практиковавшимися въ прежней солдатской школѣ.

Нравственность запасныхъ, какъ въ военномъ, такъ и въ общемъ смыслѣ этого слова, не оставляетъ желать ничего лучшаго: всѣ они быстро дисциплинируются, стараются, весело несутъ службу и проявляютъ интересъ къ современнымъ способамъ веденія полевыхъ занятій. Въ общемъ можно сказать, что сборы запасныхъ приводятъ къ весьма утѣшительнымъ результатамъ относительно боевой готовности людей, предназначенныхъ для перехода нашей арміи въ военный составъ.

Кстати читателю, не посвященному въ военное дѣло, небезинтересно будетъ узнать въ круглыхъ цифрахъ составъ нашей боевой силы. Въ мирное время у насъ содержится однихъ дѣйствующихъ войскъ около 660,000 (ихътоы 490 т., кавалеріи 50 тыс., артиллеріи 90 тыс. и инженерныхъ войскъ 24 тысяч). Если къ этому прибавить содержимыя въ мирное же время войска резервныя, мѣстныя, запасныя и казаковъ, то получимъ около 870,000. Въ военное время эти силы почти утраиваются, т. е. доходятъ до 2,500,000. Изъ этихъ войскъ можетъ быть двинуто въ поле около 1,400,000 и оставлено въ резервѣ, во 2-й линіи, около 600,000. Остальная войска имѣютъ особое назначеніе внутри государства. Такимъ образомъ, боевую нашу силу составляютъ около двухъ милліоновъ обученныхъ людей—цифра внушительная, превосходившая болѣе чѣмъ на полмилліона дѣйствующія и резервныя войска германской арміи. За силой у запасныхъ стоитъ еще колоссальная сила, призываемая въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ; она называется ратниками государственнаго ополченія и состоитъ почти до пяти милліоновъ. Въ послѣдніе годы были произведены въ весьма скромныхъ размѣрахъ опыты обученія ратниковъ перваго разряда. Ихъ участь самому необходимому: утверждать въ знаніи важнѣйшихъ обязанностей война, въ дисциплинѣ, въ стрѣльбѣ и въ порядкахъ сожнутого и разсыпнаго строя. Все второстепенное, не идущее къ бою, отбрасывается. Люди учатся въ собственной, самой разнообразной одеждѣ и имѣютъ для отличія только ополченскіе кресты на шапкахъ съ надписью: „За Вѣру, Царя и Отечество“. Каждый старается явиться на призывъ въ лучшемъ платьѣ и въ хорошихъ сапогахъ и какъ бы стыдится за своихъ товарищей, которые приходятъ въ лаптяхъ. Былъ случай, что одному запотнику товарищи купили сапоги вскладчину, за являя начальству, что они стыдятся за свою волюсть. Самые

Ягуаръ и водосвинки. Ориг. рис. Шихтъ, грав. Шрейберъ.

смышленные из ополченцев назначаются десяточными и несут ответственность за внутренний порядок в части; они раньше выучиваются и под конец сбора являются уже помощниками кадровых.

Вид ополченцев здоровый, веселый; они гордятся своими крестами и увлекаются военными упражнениями. Дисциплина превосходная; кажется, не было случая предания ратниковъ суду. Последние смотря дали прекрасные результаты и доказали, что наши ратники не мнѣе, а дѣйствительная сила, которую, въ трудную для государства минуту, можно провести черезъ сущность военной науки въ короткое время и съ самыми скромными кадровыми средствами.

Ягуаръ и водосвинки. (Рис. на стр. 1057).

Мы на берегу одной изъ южно-американскихъ рѣкъ, протекающей въ тропическомъ лѣсу. Насъ окружаетъ величественная глушь; съ первобытною мощью стремится къ солнцу растительность, и царство животныхъ какъ бы исчезаетъ въ морѣ зелени. Но естественный наблюдатель и тутъ сумѣетъ выслѣдить его. На берегу рѣки, у корней полу-рухнувшего дерева, задержаннаго въ своемъ паденіи стволами сосѣднихъ, замѣчается оная странную семейку. Это животныя, съ первого взгляда довольно похожія на нашихъ свиней и называемыя

водосвинками. Краснокожіе дали имъ названіе *капиуа*, а въ наукѣ они именуется *Hydrochoerus garybaga*. Водосвинка довольно неуклюжа, но весьма ловка въ своихъ движеніяхъ, хотя крайне лѣнива. Въ случаѣ надобности она легко перепрыгиваетъ препятствія въ полтора аршина вышины и превосходно плаваетъ. Замѣчательна она лишь въ одномъ отношеніи: это самый крупный изъ грызуновъ. Взрослая водосвинка ростомъ съ годовалую домашнюю свинью. Цвѣтъ шерсти бурый съ красноватымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ.

На рѣкѣ она живетъ лишь по берегамъ рѣкъ, отъ которыхъ рѣдко удаляется; питается болотными и водяными растеніями, и цѣлый день валяется въ тишѣ. Въ лѣсахъ Ориноко, Амазонки и Ла-Платы за ней охотятся краснокожіе, которымъ мясо ее приходится по вкусу, хотя отыскивается нѣсколько рыбными жиромъ. Но дено и ноцно преслѣдуетъ ее злѣйшій врагъ, самый крупный изъ хищниковъ Южной Америки—ягуаръ. На нашемъ рисункѣ онъ изображенъ приготовившимся къ роковому скачку. Семейка водосвинокъ расположилась какъ разъ подъ нимъ. Самецъ почувлъ носомъ грозное сосѣдство; одинъ изъ поросенокъ поднялъ мордочку—и въ ужасѣ встрѣтилъ свергающую взглядъ чудовища... Но, уже поздно! Прежде чѣмъ кто успеетъ шелохнуться, одинъ изъ семи будетъ въ когтяхъ хищника, а прочіе съ отчаяннымъ крикомъ, похожимъ на слогъ: *аа!* исчезнутъ подъ водою.

Политическое обозрѣніе.

Рѣчь генерала фонъ-Каприви, о которой сообщалось въ прошломъ „Политическомъ обозрѣніи“, произвела въ обществѣ прекрасное впечатлѣніе. Въ Германіи нашлись однако недозвольные, въ особенности заявленіями канцлера о дѣйствіяхъ берлинскаго правительства послѣ удаленія „желѣзнаго канцлера“, и въ этомъ были усмотрѣны какъ бы нападки на прежняго канцлера. Былъ сдѣланъ также упрекъ въ рейхстагѣ, возражая на который, генералъ заявилъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія обращать рѣчь противъ своего высокозаслуженнаго предшественника по должности и говорилъ только съ цѣлью усюконтъ общественное мнѣніе.

Въ Италіи министръ финансовъ Луццати представилъ 19 ноября налатѣ депутатовъ исправленную роспись на 1891—92 годъ, въ которой дефицитъ сведенъ до одного милліона. Дефицитъ этотъ будетъ широко покрытъ новыми сбереженіями и финансовыми мѣрами. Роспись на 1892—93 г. заключится съ избыткомъ въ девять милліоновъ. Министръ присовокупилъ, что въ исторіи итальянскихъ финансовъ подобный результатъ достигается въ первый разъ, причемъ объявлено впродъ не предлагать никакихъ новыхъ расходовъ, которые бы не покрывались соответствующимъ увеличеніемъ доходовъ. Устранивъ дефицитъ, сказалъ далѣе министръ, правительство должно заняться упорядоченіемъ денежнаго обращенія и народнаго хозяйства; государство, со своей стороны, должно покрыть дефицитъ посредствомъ сбереженій. Г. Луццати отвергъ тотъ способъ облегчать долгъ государственнаго казначейства, къ которому прибѣгали его предшественники; долгъ достигаетъ въ настоящее время 457 милліоновъ. Министръ объявилъ затѣмъ, что когда окончатъ обсужденіе росписи, то представитъ законопроектъ о выпускѣ казначействомъ билетовъ срокомъ на семь съ половиною лѣтъ, ограничивъ эти бумаги внутреннимъ обращеніемъ. Министръ присовокупилъ, что обращеніе бумажныхъ знаковъ современемъ сократится, а металлическіе резервы увеличатся до 40%. „Намъ надо, сказалъ въ заключеніе министръ,—принять мужественныя мѣры, а не полумѣры, чтобы уладить затрудненія, которыя не столько слѣдуетъ приписывать труднымъ временамъ, какъ недоброжелательству противниковъ Италіи“.

Интересная финансовая мѣра обсуждалась 20 ноября въ особомъ засѣданіи британской торговой палаты, причемъ присутствовали главные банкиры и торговцы. Гошень позволилъ свой проектъ увеличенія запаса золота въ Англійскомъ банкѣ посредствомъ выпуска банкнотъ достоинствомъ въ одинъ фунтъ. Гошень сказалъ, что до достиженія суммы 38 милліоновъ фунт. стерлинговъ выпускъ банкнотъ будетъ производиться на такихъ же условіяхъ, какъ донынѣ; но достиженіи же этой суммы, $\frac{1}{2}$ суммы банкнотъ обезпечиваются золотомъ и $\frac{1}{2}$ цѣнными бумагами. Если запасъ золота будетъ значительно

увеличенъ, то Гошень облегчитъ банковый законъ такимъ образомъ, что въ случаѣ внутренняго кризиса, банку представится возможность выпускать банкноты, обезпеченныя цѣнными бумагами, подъ условіемъ уплаты правительству за такой выпускъ возвышенныхъ процентовъ. Проекту не присвоивается обязательнаго характера, все будетъ зависѣть отъ пріема, какой будетъ оказанъ дубликомъ проекту банкнотъ въ одинъ фунтъ. Проектъ выпуска банкнотъ въ десять шиллинговъ подъ обезпеченіе серебра оставленъ, но если за-границей будетъ предоставлена свободная чеканка серебряныхъ монетъ, то Англійскому банку предложено будетъ воспользоваться постановленіемъ банковаго закона, по которому банкамъ разрѣшается составлять нятую часть своего металлическаго резерва серебромъ.

Въ австрійской делегаціи профессоръ Бильротъ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что вслѣдствіе введенія малокалибернаго ружья и бездымнаго пороха число тяжело-раненныхъ въ будущей войнѣ увеличится на столько, что нывѣншій военно-санитарный персоналъ окажется совершенно недостаточнымъ, почему и является настоятельная необходимость его увеличенія. Въ подтвержденіе своихъ словъ, Бильротъ сообщилъ результаты наблюденій во время кампаніи 1870 года. Рѣчь эту газеты называютъ самымъ лучшимъ воззваніемъ противъ войны. На соображенія Бильрота о томъ, что будущая война, безъ сомнѣнія, повлечетъ за собою большіе ужасы, военный министръ Бауэръ возразилъ на другой день, 21 ноября, въ австрійской делегаціи, что человѣческой долъ требуетъ позаботиться о возможномъ смягченіи этихъ ужасовъ. „Нужно—прибавилъ министръ—обсудить вопросъ объ увеличеніи числа санитарной прислуги и объ усиленіи подвижнаго состава парка для перевозки раненныхъ, но для этого едва-ли можно подыскать достаточныя средства“.

Тревожныя извѣстія получаютъ съ дальняго Востока. Телеграммы изъ Пекина извѣщаютъ, что въ Восточной Монголіи, вслѣдствіе проносовъ тайныхъ обществъ, вспыхнулъ мятежъ. Мандарины вошли съ мятежниками въ соглашеніе, на основаніи котораго возмущившіеся обѣщали не трогать жителей вообще, подъ условіемъ, чтобы имъ дали полную свободу рабигъ христіанъ. Такимъ образомъ европейскія миссіи и дома христіанъ изъ туземцевъ предоставлены въ жертву мятежникамъ. Жестокости совершены ужасныя; перебито до трехсотъ человѣкъ. Ли-Хунгъ-Чангъ выслалъ противъ мятежниковъ отрядъ войскъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, но мятежники разбили четырехтысячный отрядъ богдыханскихъ войскъ, взяли городъ Ша-Ангъ и вырѣзали христіанъ въ Чингъ-Чу. Увѣряютъ, что инсургенты идутъ на Пекинъ и противъ нихъ двинуть изъ Тянь-Танна отрядъ въ 8,000 человѣкъ. Успѣхи мятежниковъ приписываютъ слабости мѣстныхъ властей, которыя легко смущаются при появленіи бандъ.

Библиографія.

Русскій карманный календарь для всѣхъ. Годъ восемнадцатый. Високосный. 1892. Приложены планы петербургскихъ Императорскихъ и частныхъ театровъ и цирка Цицки-зелли. Изданіе И. А. Глѣшки. СПб. 1892. Цѣна 15 коп.

S.-Petersburger deutscher Familien-Kalender für das Schaltjahr 1892. Vierundzwanzigster Jahrgang. Als Beilage Pläne der Kaiserlichen und Privat-Theater, sowie des Circus Cisicelli. Verlag von I. Gläschky. S.-Petersburg. 1892. Preis 15 Cop. Silb.

Имянные календарики, изданные г. Глѣшки, отличающыяся очень удобнымъ форматомъ—записной книжки, заключаютъ въ себѣ

всѣ обычныя календарныя свѣдѣнія, возможныя въ маленькомъ календарѣ. Печатаны они на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, и могутъ быть смѣло рекомендуемы читателямъ. Двадцатичетырехлѣтнее существованіе ихъ на дѣмецкомъ языкѣ и восемнадцатилѣтнее—на русскомъ, впрочемъ, говорятъ достаточно сами за себя.

Современный календарь на 1892 г. А. Д. Ступина. Цѣна 15 коп.

Календарь Ступина, существующій, если не ошибаемся, только еще второй годъ, падается въ большомъ форматѣ, на

подобие „Крестнаго“, съ приложеніемъ стѣннаго календаря и картъ Россіи, Европейской и Азіатской. Календарь отличается богатствомъ свѣдѣній вообще, и въ особенности по части исторіи и исторіи литературы. Какъ въ прошломъ году, такъ и въ нынѣшнемъ, двѣ страницы въ немъ заняты портретами писателей, въ отдѣлѣ „обзоръ событій“ также нѣсколько портретовъ и недурныхъ иллюстрацій.

Записная книга 1892 г. (XXII г. изд.). Съ прилож. карты Средней Россіи, Европы и Азій. Изд. **К. Л. Риккера**. СПб.

Среди изданій подобнаго рода, „Записная книга“, изданная **К. Л. Риккеромъ**, по изяществу, удобству, количеству разнообразныхъ полезныхъ свѣдѣній, приведенныхъ въ ней, сверхъ календаря и чистыхъ въ немъ листовъ на каждый день, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Книга издана въ четырехъ видахъ: 1) съ цѣлою страницей на каждый день (ц. 1 р. 20 к. въ коленкор. пер., и 1 р. 30 к. въ кожаномъ); 2) съ полстраницей продольною (ц. 1 р. и 1 р. 30 к.); 3) съ полстраницей поперечною (ц. 1 р. и 1 р. 30 к.), и 4) съ третьей частью страницы (ц. 80 к. и 1 р. 10 к.).

Въ Свѣтлый праздникъ. Рассказъ **К. Орловскаго**. СПб. 1891. Продается въ пользу голодающихъ. Ц. 10 коп.

Эта маленькая, но и совсѣмъ дешевая книжка, изданная съ такою „доброю цѣлью“, заключающая въ себѣ чрезвычайно талантливый рассказъ. Суровый богатый купецъ-старовѣръ, изображенный яркими чертами въ рассказѣ, не задитъ ни сына,

ни друга, которые осмѣлились перечить его волѣ, а послѣдній къ тому же забыть „древнее благочестіе“. Онъ убѣждаетъ въ правѣ, даже въ обязанности быть безопаднымъ къ нимъ, и отказываетъ нищему сыну, пришедшему просить хоть что-нибудь на похороны жены, сгубленной непосильной бѣдностью. Бывшій другъ самодура, пришедшій тоже просить — не разорить его нахѣренно, изъ злобы и мести, — присутствовавшій при сценѣ съ сыномъ, отдаетъ послѣдному 50 р. Старикъ невольно усомнился въ своей правотѣ, а исповѣдъ у новаго священника окончательно дала ему понять неправоту свою. Исторія этого обращенія и смерти купца и составляетъ предметъ живаго разсказа г. Орловскаго.

„Календарь ежедневникъ“ на 1892 г., съ 2-мя бесплатными приложениями: 1) Справочная книжка. 2) Табель-календарь. Цѣна 75 коп.

„Большой-ежедневникъ“ на 1892 г. (съ такими же приложениями). Цѣна 1 р. 25 коп.

„Календарь для хозяйекъ“ съ 2 приложениями: 1) Поваренная книжка. 2) Табель-календарь. Ц. 1 руб.

Выпущенные г. Эдуардомъ Гоппе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, названные стѣнные отрывки календари весьма изящны и могутъ прекрасно служить своей цѣли. Въ ряду подобныхъ изданій календари г. Гоппе принадлежатъ къ наилучшимъ, и служатъ изящнымъ украшеніемъ, даютъ на своихъ листкахъ разнообразныя и полезныя свѣдѣнія.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 13 ноября ихъ величества король и королева Датскіе отбыли изъ Ливадіи въ Копенгагенъ.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, и Великими Князьями Ксеніею Александровною и Ольгою Александровною 16 ноября прибыли изъ Ливадіи въ Гатчину.

Дѣла церкви.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ

Святѣйшему Правительствующему Синоду.

I.

Синодальному члену, митрополиту Московскому Иоаннію Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, Успенскія Кіево-Печерскія лауры священно-архимандритомъ.

II.

Синодальному члену, архіепископу Холмско-Варшавскому Леонтію Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, Свято-Троицкія Сергіевы лауры священно-архимандритомъ.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написанно:

„**АЛЕКСАНДРЪ**“.

Въ Гатчинѣ,
17 ноября 1891 года.

Морское дѣло.

— Государь Императоръ, 2 ноября, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: строящійся на верфи казеннаго адмиралтейства въ Николаевѣ броненосный корабль наименовать „Три

Святителя“ и зачислить въ списокъ судовъ Черноморскаго флота.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, въ Россіи возникла новая отрасль горной промышленности — добыча руды. Въ Бахмутскомъ уездѣ, Екатеринославской губерніи, найдено мѣсторожденіе ртутныхъ рудъ, и на этомъ мѣсторожденіи возникъ ртутный заводъ, производительность котораго, послѣднее время дошла до 20,000 пудовъ. Въ прошломъ году, мѣсторожденія ртутныхъ рудъ открыты и въ Кавказскомъ краѣ, въ Дагестанской области.

— Вѣдѣтіе установленной хорошей погоды, ловъ сельди въ Керчи превзошелъ всѣ ожиданія.

— Императорское полное экономическое Общество устраиваетъ въ будущемъ году выставку машинъ и снарядовъ для сушки, сортированія и очистки зерновыхъ продуктовъ. Выставка будетъ состоять изъ 14 отдѣловъ.

— Въ ночь на 6 ноября, при совершенномъ безвѣтріи, въ одной изъ усадебъ Лебедянскаго уѣзда, Харьковской губ., погибло множество деревьевъ. 5 числа, вечеромъ, пошелъ дождь и затѣмъ, при значительномъ морозѣ, вѣтви деревьевъ начали покрываться слоемъ льду; черезъ нѣсколько часовъ деревья представляли ледяныя массы, тяжесть которыхъ была настолько велика, что всѣ вѣтви обломались и деревья погибли.

— Въ шести волостяхъ Яренскаго уѣзда, Вологодской губерніи, большая часть хлѣбовъ повреждена ранними инеями, и потому возникъ вопросъ объ обезпеченіи населенія

этихъ волостей необходимою продовольственною помощію.

Торговля.

— Къ 12 час. ночи, 12 ноября, окончены всѣ дѣла Одессы по вывозу хлѣба за-границу. Съ 13 числа въ портѣ, который раньше былъ необычайно оживленъ, наступило полное затишье. Запасы хлѣба въ Одессѣ въ настоящее время очень незначительны и въ общемъ не превышаютъ милліона четвертей.

— 11 ноября исполнито 25 лѣтъ со времени основанія Казанской биржи. Среднимъ числомъ ежегодные обороты биржи опредѣляются за двадцатипятилѣтіе въ 4.247,000 р.

Гигіена.

— 17 ноября въ СПб. состоялось освященіе и открытіе первой городской санитарной аналитической станціи, въ присутствіи с.-петербургскаго градоначальника, городского головы, многихъ гласныхъ думы и особо приглашенныхъ лицъ. Станція помѣщается въ городскомъ зданіи на Сѣнной площади, въ которомъ ранѣе находилась, теперь упраздненная, гаунтвахта.

Некрологъ.

— 14 ноября въ Москвѣ скончался тайный совѣтникъ Иванъ Пльичъ Масловъ, на 75 году отъ рожденія.

— 17 ноября скончался извѣстный заслуженный профессоръ Военно-Медицинской Академіи Эдуардъ Карловичъ Брандтъ. Покойный родился 15 февраля 1839 года.

— На-дняхъ въ Тифлисѣ скончался генералъ-отъ-кавалеріи князь Георгій Романовичъ Эрнстовъ. Покойный родился 1 февраля 1812 года, въ текущемъ году праздновалъ 60-лѣтіе службы въ офицерскихъ, а въ минувшемъ — 40-лѣтіе службы въ генеральскихъ чинахъ.

С М Ъ С Ъ .

Мы получили слѣдующее письмо: „М. Г.—Когда въ концѣ сентября, послѣ уборки картофеля, положеніе нашей мѣстности въ отношеніи урожая винограда опредѣлилось, когда даже въ лучшихъ хозяйствахъ не хватало озимыхъ хлѣбовъ не только на прокормленіе, но даже на сѣмена, я письмами отъ 11 и 28 октября обратился къ своимъ знакомымъ съ просьбою явиться на помощь мѣстному населенію, чѣмъ кто можетъ. Письма эти были любезно напечатаны въ разныхъ изданіяхъ.

Прислушивъ къ дѣлу народнаго помощія, я поставилъ себѣ задачей исполненіе слѣдующихъ трехъ цѣлей: 1) полученіе средствъ. 2) Помѣщеніе и направленіе этихъ средствъ на действительную крайнюю нужду съ тѣмъ, чтобы эта помощь была для всѣхъ ясною. 3) Представленіе какъ мѣстной администраціи, такъ и жертвователямъ точныхъ свѣдѣній относительно полученія и употребленія пожертвованій.

Сначала, конечно, дѣло представлялось неяснымъ, такъ какъ за неопредѣленностью средствъ и самая форма и организація возможной помощи не могла быть опредѣленною. Въ настоящее время отдаю отчетъ въ порядкѣ вышеказанныхъ цѣлей.

1) Съ 27 октября по 15 ноября съ разныхъ концовъ Россіи поступило 1056 руб. 35 коп.; кромѣ того сто фунтовъ дешеваго чая и 302 пуда 25 фунт. ржи, которые еще не получены.—Выписку изъ

прихода-расходной книги прилагаю и убѣдительно прошу ее напечатать при настоящемъ письмѣ (къ сожалѣнію, нѣтъ мѣста. *Ред.*)

2) Первая помощь сейчасъ оказывается въ видѣ раздачи свѣжаго хорошаго хлѣба дѣтямъ нуждающимся семей посѣщающимъ школы. (Хлѣбъ пополамъ съ кукурузной мукою) предпочитается народомъ ржаному хлѣбу и обходится дешево.)

Такимъ образомъ школа въ настоящій, тяжелый годъ получаетъ крошкѣ воспитательнаго и интеллигентнаго значенія, а отъ 400 до 500 нуждающихся семей воспользуются помощію хотя для одного изъ своихъ членовъ. Школы, послѣ начавшейся раздачи хлѣба, очень охотно посѣщаются и дѣти корячатся и учатся, вѣсто того чтобы ходить съ сумою. Затѣмъ постепенно въ разныхъ мѣстностяхъ, въ земскаго участка будутъ открыты столовныя и чайныя, такъ какъ всѣ бакавы въ этомъ участкѣ, за исключеніемъ тѣхъ селеній, гдѣ это по закону сдѣлать нельзя, но составленнымъ уже крестьянскими обществами приговорами, будутъ закрыты съ 1 января 1892 года въ вредъ на три года.

Помощь деньгами оказывается только въ крайнихъ, экстренныхъ случаяхъ. Если средства позволяютъ, будетъ обращено вниманіе на кормленіе и сохраненіе лошадей, главной двигательной силы и основы благосостоянія крестьянскаго хозяйства.

Открыта подписка на „Ниву“ 1892 г.

(Подписная цѣна см. на 1-й страницѣ).

Подписчики „Нивы“ на 1892 г. получатъ, кромѣ 52 номеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 номеровъ „ПРИЖИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 номеровъ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫШИТЫХЪ РАБОТЪ и выроекъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ

романовъ, повѣстей, разсказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будутъ заключаться:

за Июль	сочиненія ГРИБОѢДОВА	} Для несостоящихъ подписчиками „Нивы“ цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 1 рубль.
за Августъ	„ ПОЛЕЖАЕВА	
за Сентябрь	„ КОЗЛОВА	

Каждый изъ этихъ поэтовъ будетъ изданъ подъ редакціей А. И. Введенскаго и составитъ отдѣльный томъ, съ гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ портретомъ.

Кромѣ того подписчики „Нивы“ на 1892 г. получатъ какъ главную художественную премию съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитріева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагоріо, Маковского и Навозова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошной акварелью Александровскаго.

Во всякомъ случаѣ, какъ я уже говорилъ въ первыхъ своихъ письмахъ, средства будутъ направляться на удовлетвореніе тѣхъ нуждъ, на которыя укажетъ сама жизнь.

3) Отчетность организована слѣдующимъ образомъ:

а) Начальникъ Кадновскаго почтоваго отдѣленія, кромѣ обязательныхъ для него казенныхъ книгъ, ведетъ особую книжку, въ которую вписываетъ каждый денежный пакетъ на имя моей жены.

б) Въ такую же книжку, выданную г. Тульскимъ губернаторомъ для сбора пожертвованій по V земскому участку, записываются всѣ поступления, а подшитыя письма и конверты сохраняются.

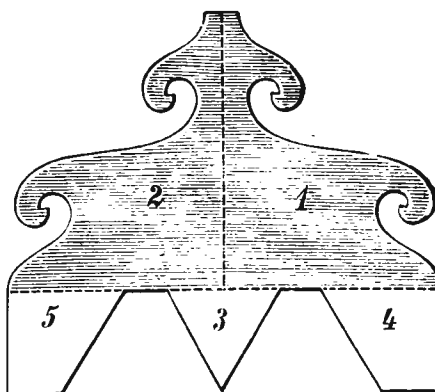
в) Всѣ расходы оправдываются расписками учителей, священниковъ и другихъ лицъ, получающихъ деньги и оказывающихъ намъ въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе. Многіе можетъ быть найдутъ подробности эти излишними, но я считаю ихъ для себя обязательными и необходимыми, чтобы каждый, направляющій свои жертвы съ такимъ добрымъ званіемъ, зная какое назначеніе получаютъ жертвы, удѣляема въ собственныхъ средствахъ. Выразивъ уже каждому отдѣльному жертвователю, сообщившему свой адресъ, благодарность письменно, мы къ сожалѣнію, не можемъ иначе, какъ путемъ печати, благодарить лицъ пожелавшихъ скрыть свои имена. Очень благодарю всѣ тѣ почтенныя редакціи, которыя не отказали мнѣ въ помощи помѣщеніемъ моихъ писемъ, и очень прошу всѣ изданія перепечатать эти письма.

Теперь не только надѣюсь, но убѣжденъ, что послышавъ помощь крайне нуждающемуся населенію явится, такъ какъ въ основу этого дѣла полагаю не отдѣльную единичную дѣятельность, но глубокую вѣру въ справедливость русской поговорки, что „Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей“.

Примите и проч.

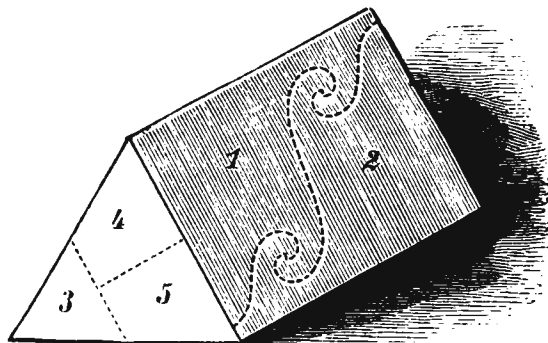
16 ноября 1891 г. с. Ситово. Федоръ Александровичъ Свѣчинъ. Пожертвованія принимаются на имя жены моей, Елены Ивановны Свѣчинъ (ст. Кадное, Тульской губерніи)*.

Изъ подробнаго приходо-расходнаго отчета, приложеннаго къ письму, видно, что до сихъ поръ израсходовано всего 218 р. съ кол.

Рѣшеніе
геометрической
задачи № 19
(помѣщенной
въ № 11).

Вѣрна рѣшенія этой задачи приложены отъ гг. С. П. — П. П. Ковалева, Игумново — К. В. Андреева, Муромъ — М. Н. Невѣдина.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗВНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1892 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе дни ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ для ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

О ПОМѢЩЕНІИ ОБЪЯВЛЕНІЙ ВЪ ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ КНИГАХЪ „СБОРНИКА НИВЫ“.

Ежемѣсячныя книги Сборника „Нивы“ печатаются въ томъ же количествѣ какъ и „Нива“ и содержатъ въ себѣ отдѣлы для печатанія частныхъ объявленій. Поэтому Контора предлагаетъ лицамъ публикующимъ о своихъ фирмахъ, изданіяхъ и пр. и пр. помѣщать въ нихъ свои объявленія, какъ въ изданіи наиболѣе распространеномъ въ Россіи.

СОДЕРЖАНІЕ: Розита. Понясова была XV вѣка. Графа Е. А. Салиаса. (Обозначеніе). — Тяжелая расплата. В. Теплова. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Городъ Верхотурье (съ рис.). — Бѣглець (съ рис.). — Каналь близъ Роттердама (съ рис.). — Любимцы (съ рис.). — Рыболовы на Курѣ (съ рис.). — Призывъ запасныхъ нѣмкихъ чиновъ для отбытія очереднаго учебнаго сбора. — Повѣрка одной изъ партій во дворѣ казармъ мѣстныхъ войскъ въ С. П. — Ягуаръ и водосвѣтникъ (съ рис.). — Податочное обозначеніе. — Библиографія. — Различа извѣстія. Съѣздъ. — О поднескѣ на „Ниву“ 1892 г. — Рѣшеніе задачи. — Заявленіе. — О помѣщеніи объявленій въ сборникѣ „Нивы“. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшиновъ.

ЛЕНИНГЪ и ГРОЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“ № 2405

ДЕНТИНЪ
В. ГЕННА
въ ВѢНѢ

В. № 5305 (1)

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
Цѣна 40 коп.
Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ.
Главный складъ у Василія Аврихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕННА въ ВѢНѢ
изъ ГРЕЦКИХЪ ОРЪХОВЪ.

Безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 12—3
Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у В. Аврихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!
ДУХИ и МЫЛО
„FIN DE SIÈCLE“
весьма сильнаго аромата; логъ 50 к., флаконъ 1 р. 25 к. и 2 р.
Рт. № 5491 кусокъ 50 коп. 3—1
Заказы внутри имперіи исполняются съ выложеннымъ платежомъ.
Торговцамъ значительная уступка.

А-ЛА-РЕНОМЪ,
парфюмерный и мыловаренный заводъ:
Невскій пр., № 3, близъ Адмиралт.

Семь разъ удостоены первыя награды.
СКРИПКИ.
Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Фугляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Все духовыя инструменты. Имѣла скрипка для ученика (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендациі отъ Вильгельми, Саразате, Сора, Зингера и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куррантъ бесплатно.

Бр. Вольфъ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Ц. № 5133 Нрейцнахъ. 2-2

ТОВАРИЩЕСТВА
„ГИГИЕНА“
ПУДРА
роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ
ОСВѢЖАЮЩІЙ ОДЕКОЛОНЪ
высшаго достоинства
СТИРОНОВАЯ ЖИДКОСТЬ
Оглавоная,
для освѣженія комнатъ.
ПРОДАЖА въ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ.
С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9. Ц. № 5107 11—7
Москва, Никольская д. пр. Шереметева.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни.
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ Троицкій пр., близъ Египет. № 4961 снаго моста, домъ № 7—2. 26—24
Иллюстрированные прейсъ-курранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

1865 г. 1846 г. 1882 г.

А. РАЛЛЕ и К^о. преемники въ Москвѣ.
ЦВѢТЧНО ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
НА ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКѢ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
МОДНЫЕ ДУХИ
съ самыми изъяснимъ запахомъ
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ПЛАТКОВЪ и КРУЖЕВЪ.
О-ДЕ-КОЛОНЪ
дистиллированный на цвѣтахъ. № 5445 4—3
ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ЗАПАХОВЪ.
ПРОДАЮТСЯ во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ
Б. Морская, № 17. бель-этажъ, рядомъ съ Кумбергомъ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлоурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (3)

ПАВЕЛЬ БУРЕ
В. № 5381 6—3
поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

БРОКАРЪ и К^о.
ИЗОБРѢТАТЕЛИ
Р. № 5087 (28)
ЦВѢТЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА съ ПРЕЖНЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер., д. 1, кв. 9.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербург. Трущобъ“); 3-е издание. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

КРЫШКИ
для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1891 г., по показанному образцу, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 60 коп.
Поступилъ въ продажу:
Списокъ книгамъ и руководствамъ по церковному и хорошему нѣмецкому и Духовно-музыкальнымъ сочиненіямъ.
Изданіе музыкальн. магазина А. БИТНЕРА,
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 22.
Цѣна 15 коп. № 5490

ДЛЯ
КРАСКА ВОЛОСЪ
ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА
АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ,
окрашиваетъ въ черный, коричневый прочный цвѣтъ, смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 коп. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обращать вниманіе на марку с.-пет. космет. лабораторіи. Получать можно во всѣхъ известнѣхъ аптекарск. и парфюмерн. магаз. Россіи.
Ц. № 5383 ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ 10—5
А. ЭНГЛУНДЪ,
Литейный, № 36, въ С.-Петербургѣ.

ПОДѢЛКА ВОСПРЕЩАЕТСЯ.
ВНИМАНІЮ Г.Г. ОХОТНИКОВЪ!!!
Испытан. и одобрен. Варшавск. Отдѣломъ Императорскаго Общ. Правильной Охоты (свид. 1 июля 1891. № 1316).
РУЖЕЙНАЯ ПЕРЕВЯЗЬ.
Новый конструкціи, изобрѣт. Э. Р. Суликоскимъ. Цѣна 2 р., 2 р. 50 к., 3 р.; для ниж. чин. 1 р. 50 к. Исключительно выдѣлывается въ широкимъ завод. Адама Завадзкаго, Варшавы, Сенаторская, № 10, куда слѣдуетъ обращаться съ заказами. Повсемѣстно продается въ складахъ оружія и охотничьихъ принадлежностей. — Каждый ремень долженъ быть снабженъ клеймомъ изобрѣтателя и фабр. А. Завадзкаго и текущимъ номеромъ. № 5473
Привилегія испрашивается.

В. Томининъ. Повѣсть
„ГОСПОДА и СЛУГИ“.
Цѣна 1 р. безъ перес. Г. Тимъ, Курск. губ.

№ 4711.
РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
Самое лучшее глицериновое мыло, прозрачное какъ хрусталь, благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, приобрѣло большую извѣстность.
Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія ионы, изъяснимъ запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.
Издѣлія № 4711 можно получить въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

**ЕДИНСТВЕННОЕ ВЪ РОССИИ
ОТКРЫТА ПОДПИСКА**

НА 1892 ГОДЪ.
Выходить ежедневно въ форматъ большихъ газетъ, не исключая дней послѣ-праздничныхъ.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ТРЕТІЙ

На 1892 г. въ ПОРТФЕЛЬ редакціи имѣются следующие большіе романы и повѣсти: Апраксина „Кувиркомъ“; Назаровой „Саламандра“; Дубровиной „Убийца“; Пазухина два романа: „Наканунъ счастья“ и большой историческій романъ въ времена царя Алексея Михайловича „Посоли-Давида“; Соколинскаго „Карьера“; Головина „Женское сердце“ и „Подлинно“; Риттера „Дѣла рабѣтныя жинны“; Богатырева „Соколинное Гнѣздо“.

Рассказы Немировича-Данченко, Ге. Осипова, Соколинскаго, Невѣжина и т. д.

Годовымъ подписчикамъ дается бесплатно въ видѣ приложения къ газетѣ

**ТРИ КНИГИ
СБОРНИКА,**

включающія въ себя по нѣскольку выходящихъ произведеній известныхъ авторовъ и иллюстрированныхъ лучшими художниками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ доставку и пересылкою		въ Москва:	
годъ 7 р.	на полгода 8 р.	годъ 7 р.	на полгода 8 р.
6 м. 4	6 мѣс. 5 р.	3 м. 2	3 мѣс. 3 р.
1 м. 75 к.	1 мѣс. 1 р.	1 м. 75 к.	1 мѣс. 1 р.

Подробное объявленіе о подпискѣ на „Московскую Иллюстрированную Газету“ съ образцами рисунковъ высылаются каждому желающему бесплатно. Съ требованіями обращаться въ редакцію газеты. Ц. № 5488 4—1

Редакторъ А. П. Григоровъ.
Издатель Алексѣй и Влад. Семеновъ Вишняковы.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться писемно: Генрихъ Блонкн, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

въ ЦАНЪ (корол. Прусское)

обширнѣйшій въ Европѣ известный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и различныхъ любительскихъ обществъ.

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведения, всевозможныхъ русонокскихъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернардъ, до самыхъ маленькихъ комичныхъ собачекъ, а также охотничьихъ собакъ, какъ-то: лгавыхъ, борныхъ, таксъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ.

Иллюстрированные прейскуранты по-французски и по-нѣмецки бесплатно. 5-е изданіе брошюры „Воспитаніе, уходъ, дрессировка и болѣзни чистокровныхъ собакъ“, съ 50-ю рисунками получившихъ первую премію, по французски и нѣмецки. — за 10 марк.=12,50 франк.=5 руб.=6 гульд.

Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу. (Bahnhof-Wittenberg).

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
кусочъ 30 к. Продается вездѣ.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяр и Блянь есть наружное средство. Шестидесятилетняя известность заставила получить много похвалокъ. Настоящая бумага Фаяр и Блянь разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. N. № 5332 20—7

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ НА
ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ**

на годъ 5 р.	на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р.	на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р.	на 1 мѣс. 50 к.
За границу	Объявленія по 10 к. за строку.
на годъ 10 р.	

Адресъ: С.-Петербургъ, 360 №№ въ годъ. Редакт. И. В. Сиворцовъ. Невскій пр., д. 20. 12 км. роман., разск. и очерк. Издатель А. А. Гриве. При подпискѣ на годъ допускается разсрочка — 1-й взносъ 2 или 1 р.—остальныя по 1 р. № 5442 9—5

ВЫШЕДШАЯ ВЪ САРАТОВѢ БРОШЮРА:
„ЦИРКУЛЯРЫ, УКАЗАНІЯ И РѢЧИ“
(1887—1891 г.),
Начальника Саратовской губерніи, Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенанта **А. И. КОСИЧА**,
предается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая Саратовской губерніи., по 1 руб. за экземпляръ.
За полученіемъ брошюры слѣдуетъ обращаться въ г. Саратовъ, въ Управленіе Краснаго Креста. № 5474

1892 г. ПОДПИСКА г. 1892

СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ СИБ. и ПЕРЕСЫЛКОЮ по ИМПЕРІИ.

СВѢТЪ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,
САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ ВЪ РОССИИ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
годъ 4 полгода 2 три мѣс. 1
Съ 1 января 4 Р. Съ 1 января 2 Р. съ 1 янв. 1 апр. 1 Р.
по 31 декабря 4 Р. или 1 июля 2 Р. съ 1 июля. 1 окт. 1 Р.

СВѢТЪ и РОМАНЫ
ГАЗЕТА СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
состоящимъ изъ произведеній лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей.
За годъ: СВѢТЪ и 12 том. роман. 8 р.
За полгода: СВѢТЪ и 6 том. роман. 4 р.
За 3 мѣс.: СВѢТЪ и 3 том. роман. 2 р.
Письма и деньги адресовать:
С.-Петербургъ, редакция газеты „Свѣтъ“, Невскій, № 136
РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ В. В. КОМАРОВЪ.

**ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.**

- 30 книжекъ.
1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) Ангелъ Смерти. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) Измаиль-Бей. Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) Хаджи-Абрекъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) Бояринъ Орша. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) Пѣсня про купца Налашинова. Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) Ауля Бастунджи. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) Литвинна. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) Каллы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) Кавказскій пльнникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) Корсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) Чернышъ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—14) Джулио. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—15) Назначейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) Герой нашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) Бэла. Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) Няжня Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) Фатальтъ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) Призракъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) Маскарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) Ашикъ-Нерѣбъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) Няжня Лиговская. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) Люди и страсти. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) Странный человекъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) Два брата. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) Всѣ баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) Повѣсти изъ современной жизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к. М. № 5487

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковскаго (СНВ. Дешубовъ пер., 2).

Годъ 2-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 г. Годъ 2-й.

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

12 книгъ въ годъ, ежемѣсячно не менѣе 400 страницъ большаго формата. „ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ 1892 г. въ томъ же объемѣ и по той же программѣ, какъ издается въ текущемъ году, а именно: 1) Романы, повѣсти и всякаго рода произведенія художественной литературы; 2) Историческіе разсказы, биографіи, мемуары и всякаго рода очерки по исторіи культуры; 3) Путешествія, географическіе и нравоописательные очерки и 4) Смѣсь, анекдоты, извѣстія, объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ: съ доставкою и пересылкою: на годъ — 4 р., на 6 мѣслицъ — 2 р. Гг. служащіе въ казен. и частн. учрежд. пользуются разсрочкою, за поручит. казначеевъ.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ — въ Конторѣ Редакціи „Вѣстникъ Иностранной Литературы“, Гостинный дворъ, Зеркальная линія, № 63, Магазинъ П. Ф. Пантелеева (противъ Навскаго Корпуса), въ Москвѣ — въ Конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскій линія, а гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ Редакцію журнала, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 16, собственный.

ПОДПИСКА НА 1891 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА ВСѢ СРОКИ, на годъ, на первое и второе полугодіи. Въ Редакціи имѣется 1000 годовыхъ экз. 3 изд. Новымъ подписчикамъ высылаются немедленно.

ПРОТИВЪ ВОЙНЫ
роизв. Бернъ Фоль-Стунеръ, пер. съ нѣмецк., съ разрѣш. автора, подъ ред. и съ вступл. Ф. И. Булгакова. 426 стр. форм. „Вѣстн.“. Складъ изданія и розничная продажа въ Редакціи, Верейская, 16, и въ конторѣ „Гост. Дворъ“, № 63, маг. Пантелеева. Цѣна безъ перес. 1 р. 50 к., а для подписчиковъ на „Вѣстн. Иностр. Литер.“ 1 р.; за перес. слѣдуетъ прилагать 25 к. Съ пожертв. и пож. не высылается.
Редакторъ А. Н. Зингелгардтъ. Издатель Г. Ф. Пантелеевъ.

ЕЖЕДНЕВНО ИНТЕРЕСНЫЕ ФЕЛЬЕТОНЫ.

ЕЖЕДНЕВНО ИНТЕРЕСНЫЕ ФЕЛЬЕТОНЫ.

„НОВОСТИ ДНЯ“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

СЪ ПОРТРЕТАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Изданія годъ десятый.

1892

ВЪ ГОДУ

Вступаая въ десятый годъ нашего изданія, намъ вѣтъ необходимости распространяться о его задачахъ и цѣляхъ, вѣтъ надобности говорить и о его прочно установившемся успѣхѣ.

Для обширнаго круга нашихъ читателей все это давно и ясно опредѣлилось, и мы увѣрены въ дальнѣйшемъ ихъ сочувствіи и поддержкѣ, — тѣмъ болѣе, что развѣ навсегда заявили себя какъ непримиримые враги всякой рутинѣ и употребляемъ все усилія, чтобы дать читателю богатый матеріалъ по всемъ интересующимъ его областямъ. Съ технической стороны веденіе „Новостей Дня“ поставлено согласно послѣднему слову газетнаго дѣла.

Что касается содержанія нашей газеты, то оно настолько живо и всесторонне, что вполнѣ отвѣчаетъ запросамъ читателя. Особенное вниманіе обращено на отдѣлъ ежедневныхъ телеграммъ отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ. Все важныя и интересныя свѣдѣнія изъ Петербурга сообщаются намъ немедленно по телеграфу, и это имѣетъ особенное значеніе для нашихъ провинціальныхъ читателей, получающихъ, такимъ образомъ, благодаря центральному положенію Москвы, все извѣстія раньше, чѣмъ они появляются въ другихъ изданіяхъ.

Въ общемъ, все наши старанія сводятся къ тому, чтобы создать общедоступную газету, и нельзя сказать, чтобы эти старанія намъ не удавались. Богатый матеріалъ „Новостей Дня“ распределяется въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.—Официальный отдѣлъ. **ТЕЛЕГРАММЫ**—отъ собственныхъ корреспондентовъ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. **ХРОНИКА**—факты и слухи—изъ области административной, экономической, художественной и т. п. **ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ**—политическая

и общественная жизнь иностранныхъ государствъ. „Новости Дня“ даютъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ подробные отчеты своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ о жизни **ПАРИЖА, БЕРЛИНА, ВѢНЫ, РИМА** и др.—„**ЗА ДЕНЬ**“, „**ФОНОГРАММЫ**“, „**МЕЛОЧИ**“ — замѣтки о злобахъ столичной жизни. **МОСКОВСІЯ НОВОСТИ** — полный отчетъ о событіяхъ и происшествіяхъ прошедшаго дня; свѣдѣнія о предстоящемъ; отчеты о засѣданіяхъ словесныхъ, ученыхъ и благотворительныхъ учреждений. „**НОВОСТИ ДНЯ**“ въ историческихъ справкахъ— историческіе очерки. **СПОРТЪ** — свѣдѣнія по всемъ отраслямъ спорта. **ТЕАТРЪ** и **МУЗЫКА** — рецензіи, краткія замѣтки, сообщенія и слухи изъ области театра и музыки. „**ТЕАТРАЛЬНЫЙ АЛЬБОМЪ**“, „**ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПАМЯТНЫЕ ДНИ**“.

ПЕТЕРБУРГЪ — постоянныя извѣстія изъ жизни приневской столицы отъ спеціальнаго корреспондента. **ПРОВИНЦІЯ** — жизнь городовъ и деревень. **ВЪ ЦАРСТВѢ ВЕМИДЫ** — судебная хроника: отчеты о выдающихся процессахъ; отчеты о наиболее характерныхъ по бытовымъ подробностямъ процессахъ у мировыхъ судей, въ коммерческомъ судѣ и проч. **РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ**—масса мелочей.

Заботы редакціи распространились и на полноту биржеваго, торговаго и справочнаго отдѣла.

Кромѣ всего этого, въ „Новостяхъ Дня“ помещаются научно-популярныя фельетоны, рефераты, читанные въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, въ популярномъ изложеніи, систематизированные и обработанные въ особомъ отдѣлѣ: „**СРЕДИ УЧЕНЫХЪ**“.

Ежедневно печатаются романы и повѣсти извѣстныхъ авторовъ. Для наступающаго 1892 г. въ портфель редакціи имѣется нѣсколько оригинальныхъ романовъ и повѣстей.

Съ первыхъ январскихъ номеровъ въ „Новостяхъ Дня“ будетъ помещаться повѣсть П. М. НЕВЪЖИНА „Голодуха“. Годовымъ подписчикамъ за 50 к. высылается романъ А. М. Пазухина—„Ополченнаѣ Россія“, продающійся по 2 руб. за экземпляръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1892 Г.

	На 12 м.	На 11 м.	На 10 м.	На 9 м.	На 8 м.	На 7 м.	На 6 м.	На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
Съ доставк. въ Москвѣ.	8 —	7 50	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 50	3 70	2 90	1 90	1 —
„ пересылк. въ города.	9 —	8 50	8 —	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —
„ пересылк. за границу.	13 —	12 90	12 —	10 90	9 70	8 80	7 90	6 70	5 60	4 70	3 —	1 60

Ц. № 5485

Адресъ: Москва, Мясницкая, д. Ананова, контора газ. „Новости дня“.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ (13)

для смитчения кожи. Цѣна за кусокъ 30 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и
аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: СПБ., Доминдовъ п., д. № 1.

ШОКОЛАДЪ

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

Жюль БОРМАНЬ

удостоенный на многихъ международныхъ
выставкахъ высшихъ наградъ,
продается во всѣхъ городахъ имперіи.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

Полная гарантія
за успѣхъ
ПИСЬМЕННАГО
ОБУЧЕНІЯ.

всѣхъ
ЗАКОНОВЪ
УСТНОГО
ПРЕПОДА-
ВАНІЯ.

УРОКОВЪ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ
ИСПРАВ. на КРАСИВОЕ БѢЛОЕ КОНТОРС. ПИСЬМО
ОСНОВАТЕЛИ. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЮ ИТАЛЬЯНСКОЮ
БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Бутиковой,
напротивъ театральнаго театра.
А. С. ШИЛАНСКИЙ.

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

ИНИЦИАЛЪ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза
быстрѣ пера. Чисто-
та, четкость, красота.
Введена во всѣхъ
Министерствахъ и
мног. правительствъ,
и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многоценные
отзывы отъ Правительства и другихъ учре-
жденій, высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

**ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА, ПО САМЫМЪ
УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:**

СКРИПКИ въ 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р.,
12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р.,
40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

СМЫЧКИ въ 50 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 3 р.,
5 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р.,
50 р., 60 р., 75 р., 85 р., 120 р., и 160 р.

ФЛЕЙТЫ въ 2 р., 4 р., 6 р., 9 р., 15 р.,
20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р.,
75 р., 85 р., 120 р., и 160 р.

КЛАРНЕТЫ въ 6 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р.,
35 р., 45 р., 60 р., и 75 р.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ въ 15 р., 22 р., 25 р., 35 р.,
50 р., 60 р., 75 р., 85 р.,
100 р., 135 р. и 200 р.

также всѣ другіе музыкальные инструменты, принадлежности къ нимъ и
школы-самоучители.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.
По полученіи записка приблизительно 1/3 стоимости заказа требуемое вы-
сылается съ надлежащими платежомъ на отглавленную сумму.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. № 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарыина.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалістъ хронометровъ.
СПбурѣ, Невскій пр., № 52
прот. Им. Публ. Библиотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Подробный иллюстрирован-
ный прейсъ-курантъ высылается по востре-
бованію бесплатно. Пересылка на счетъ ма-
газина. Ручательство на 2 года. № 5182 20-18

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ
косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа
лица дѣлается бѣлою. Ц. флакона 1 р. 25 к.,
съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб.
Для предупрежденія поддѣлокъ, прому тре-
буется: подпись А. Энглундъ красными чер-
нилами и марку Сиб. Косметической Ла-
бораторіи. Ц. № 4477

Получать можно: въ Русск. Общ. торгоя,
аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К.
Феррейль, В. Везбардистъ, Р. Беллеръ и К.,
О. Гетлингъ, и во всѣхъ известнѣхъ аптек.
и парфюм. торгоя. Россійской имперіи. Глав-
ный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ,
С.-Петербургская Косметическая Лаборато-
рія А. Энглундъ. Литейная, № 38.

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ

для гг. иногородныхъ составлены слѣдующія коллекціи:
въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекція (даже 5 руб.) такъ составлена, что она содержитъ все необхо-
димое для украшенія елки. Коллекціи въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодны для
большихъ семействъ, школъ, приютовъ, базаровъ, собраній, благотворительныхъ об-
ществъ, пансіоновъ и проч.

Покорѣйше прому дать заказъ на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ состав-
лены въ ограниченномъ количествѣ и ихъ нельзя возобновить послѣ распродажи за-
каза, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новосты, которыхъ нельзя
выписывать вновь до празничковъ. № 3153 6-4

Пересылку надлежащимъ платежомъ. Иллюстр. прейсъ-курантъ перес. бесплатно.

БАЗАРЪ МАРКЪ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20. А.
Касимовская невеста. Пет. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.
2 р., въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

НАСТОЯЩІЕ
ВЕЛОСИПЕДЫ СВЯТЫ

ПЕРВОЕ МѢСТО

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. БЛОКЪ

Фабрика оптич. инструм. Е. КРАУСЪ и К^о. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.

Единствен. складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, Мойка, № 42 (у Полицейскаго моста).
Рекомендуетъ слѣдующія спеціальности, съ ручательствомъ за доброкачественность. Заказы изъ провинціи исполняются добро-
совѣстно и безъ задержки. При заказахъ просимъ выслать либо задатокъ, или всю стоимость требуемыхъ вещей.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію бесплатно.

„АРГУСЪ“
Ежегодн. поставк.
20,000 шт.
Европ. арміямъ.

БЕЗЪ ФИРМЫ
„АРГУСЪ“
ИМИТАЦІЯ.

„ЛИЛИПУТЪ“
помѣщается въ карманъ жилета и пригоденъ
какъ для поля, такъ и театра.
Выш. сор. (безъ фирм.) 8 р. 50, пер. за 3 фун.

**№ XX Ахромат. театральн. бинокли, вы-
сокаго достоинства.**
Въ черной оправѣ отъ 4 до 10 р.
Изъ слонов. кости „ „ 14 „ 24 р.
„ перламутра „ „ 14 „ 60 р.
„ алюминія (оч. легк.) отъ 18 „ 52 р.

№ XII Двойн. зрительн. трубы „Марсъ“
съ 16-ю стеклами, для очень большихъ раз-
стояній, 52 р., 65 р. и дороже. Пересылка
за 4 и 6 фунтовъ.

Вълѣдствіе
новѣйш. изоб-
рѣтѣн. фото-
графированіе
весьма легко
и доступно
каждому.

№ 110 Микроскопы № 108
Увелич. 60 разъ цѣна 5 р. 50 к.
„ 90 „ 6 р. — к.
„ 150 „ 18 р. — к.
„ 200 „ 22 р. — к.
„ 300 „ 38 р. — к.
„ 500 „ 47 р. ит. д.

№ 113. Карм. микроскопъ
увелич. 50 разъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

№ IV до VIII. Полев. бинокли отъ 12 до 38 р.

№ XXX. Подзорныя трубы
5 р., 10 р., 13 р., 23 р. и дороже.

№ XXXI. Подзорн. трубы для туристовъ
отъ 10 р. 50 к. до 45 руб.

№ XXXII. Морскія трубы отъ 11 руб.

**№ IX и XI. Мор-
скіе бинокли (ноч-
ные)** отъ 17 р. до
44 руб.

**Фотографич. аппаратъ для любителей, кото-
рымъ неважно, безъ особенн. подготовкы,
можетъ снимать вводяи хороше портреты,
группы и ландшафты.**
Въ 18 р., 30 р., 35 р., 50 р. и хор.
Ручн. аппаратъ для момент. снимк. отъ 15 р.
Прейсъ-курантъ и краткое наставленіе
высылаются бесплатно.

№ 111 Микроскопы № 108
Увелич. 60 разъ цѣна 5 р. 50 к.
„ 90 „ 6 р. — к.
„ 150 „ 18 р. — к.
„ 200 „ 22 р. — к.
„ 300 „ 38 р. — к.
„ 500 „ 47 р. ит. д.

Чертежн. инструм. (Готовальни) въ разн.
наборахъ, приспособлены къ немедленн.
употребленію.
Изъ желтой мѣди отъ 1 р. 50 до 11 р.
Изъ массивн. никельна отъ 3 р. 50 до 30 р.
Пересылка за 2, 3 и 4 фунта.

Барометры-анерондъ въ разныхъ опра-
вахъ, хорошо вывѣренные:
въ никелнр. оправѣ въ издѣлч. дер. опр.
№ 40—5 р., пер. за № 46—14 р., пер.
№ 2—8 р., за 6 фун.
№ 60—65. Карманн. барометры и для
измѣренія высотъ, отъ 11 до 45 р.

При этомъ № прилагаются 2 объявленія: 1) для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ отъ Г. Э. Мильнъ въ СПБ.; 2) для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключен. Московскихъ) отъ Н. Е. Ниселева въ Москвѣ.

НИВА

ВЫХОДЪ ЕЖЕНЕД. №№ съ 6—10 рисъ въ кажд. и еженѣс. даров. прилож. 12 книгъ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. Выдаѣтъ 7 декабря 1891 г. ВЫИР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Ц. этого № „Нивы“ безъ Сборника 20 к., съ пер. 25 к., со Сборникомъ 60 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставкн въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставкн въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. И. Печнов- ской, Петровская Торг. линія.	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	---	------	---	------	---------------------	-------

Подписка на 1891 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1891 г. №№ „Нивы“ со всѣми приложеніями, Сборникомъ, Полн. собраніемъ сочин. М. Ю. Лермонтова. альбомомъ „Нивы“ и пр.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ“ ЗА ДЕКАБРЬ, 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ 1891 г. съ 28 рис. и отд. лист. съ 31 черт. выкр. въ натур. велич. и 42 рис. рукодѣльных работъ.

Видъ узьднаго города Кемн. Архангельской губерніи Съ фот. Лейцингера, грав. Рашевскій.

Сказка

„про купца Ивана Сидорова и про то, какъ онъ хотѣлъ сатану надуть“.

Кн. М. Н. Волконскаго.

I.

Жилъ на свѣтѣ купецъ Иванъ Сидоровъ. Человѣкъ онъ былъ средній, носилъ платье чистое. Въ торговлѣ онъ не обманывалъ — только лежалый товаръ покупателямъ старался подороже сбыть, а впрочемъ въ посту скоромнымъ не лакомился и въ церковь по закону ходилъ, по субботамъ въ банѣ парился, а жену училъ справедливо и умѣючи.

И стало вдругъ завидно сатанѣ, что вотъ живетъ на свѣтѣ купецъ Иванъ Сидоровъ и Богъ его грѣхамъ терпитъ. И началъ сатана соблазнять купца женскою лукавою прелестью. Посмотрѣлъ Иванъ Сидоровъ, лѣвымъ глазомъ прищурился — „сгинь, говоритъ, ты, сила бѣсовская, не вводи въ соблазнъ душу христіанскую, — не проведешь меня на лукавой женской прелести“.

Видя сатана въ смущеніе: „первый разъ, думаетъ, вижу, что человѣкъ средній, ничѣмъ отъ прочихъ не отличный, развѣ что платье носить чистое, — не поддастся моей хитрости...“

Раззадорилось упрямяство бѣсовское — подошелъ онъ къ купцу съ ѣдою сладкою, съ винами заморскими, пѣнными, а главнѣй всего съ водочкой зеленою, перергонною: ѣшь не хочу, пей до похмѣлья лютаго, огурцомъ соленнымъ закусывай.

Потекли слюнки у Ивана Сидорова. Ужъ очень водка крѣпка показалась.

Посмотрѣлъ Иванъ Сидоровъ, лѣвымъ глазомъ прищурился, подобралъ слюнки — „сгинь, говоритъ, ты, сила бѣсовская, не вводи въ соблазнъ душу христіанскую — не хочу служить Мамонѣ на утѣшеніе...“

Видя сатана въ смущеніе пуще прежняго, зачесалъ мохнатый лобъ желѣзнымъ когтемъ. „Что-жь, думаетъ, мнѣ дѣлать теперича и какъ купца въ грѣхъ ввести, чтобы вышло не по его, а по моему?“

Еще больше раззадорилось упрямяство бѣсовское. „Я-жь тебя, говоритъ, пройму золотомъ, — золотомъ, казною червонною; посмотримъ, какъ ты теперь у меня завертнешься!..“

И разсыпалъ сатана богатства несмѣтныя, заблестѣли червонцы новенькіе, точеные, пятирублевые, каждый въ семь рублей шесть гривенъ съ полушкою... Разбѣжались глаза у Ивана Сидорова и налились красной кровію.

„Ну, думаетъ сатана, — мой теперь купецъ Иванъ Сидоровъ!“

А Иванъ Сидоровъ зажмурилъ глаза, руками отмахивается — „сгинь, говоритъ, сила бѣсовская, не смущай души христіанской“.

Отошелъ сатана — видитъ дѣлать нечего — и съ горя велѣлъ въ аду поддаться жару грѣшникамъ...

А купецъ Иванъ Сидоровъ легкость въ себѣ почувствовалъ и радость такую духовную, что лицо у него прояснилось и губы сами въ улыбку складываются.

Узнала его жена черезъ вѣрную прислужницу, что сидитъ онъ у себя въ горницѣ — безъ ея жениной ласки счастливъ, безъ вина — веселъ и безъ денегъ — богатъ.

Всполошилась жена — любопытство ее разобрало: что такое съ купцомъ приключилось?

Прибѣгаетъ къ нему и видитъ точно: сидитъ Иванъ Сидоровъ, легкость въ себѣ чувствуетъ и радость такую духовную, что лицо у него все прояснилось и губы сами въ улыбку складываются.

И стала она его спрашивать: „разскажи, да разскажи, отчего ты счастливъ, словно приласкалъ тебя кто, отчего ты безъ вина веселъ и безъ денегъ богатъ?“

Началъ купецъ отпѣкиваться. „Радуюсь, говоритъ, оттого, что бѣлый свѣтъ мнѣ милъ“. А жена опять

съ ножомъ къ горлу приставать: „Скажи-де, отчего-жь тебѣ бѣлый свѣтъ милъ?..“

Какъ ни вертѣлъ Иванъ Сидоровъ, а въ концѣ концовъ жена вынытала, что соблазнялъ его сатана женскою прелестью, да не соблазнилъ, прельщала яствами и питіями разными, да не прельстилъ.

Обрадовалась жена, начала его чествовать, слова милыя приговаривать, что „вотъ-де мужъ у меня какой — не поддастся бѣсовской хитрости!“

Пришлись по сердцу купцу женнины рѣчи лъстивыя, размякъ онъ отъ нихъ, растаялъ, словно ярый воскъ отъ солнечной ласки тепленькой — и открылъ ей, что еще сатана разсыпалъ передъ нимъ богатства несмѣтныя, заблестѣли червонцы новенькіе, точеные, каждый въ семь рублей шесть гривенъ съ полушкою, но зажмурилъ онъ, Иванъ Сидоровъ, глаза, руками отмахнулся. „Сгинь, сказалъ, сила бѣсовская, не смущай души христіанской!..“

И сгинули червонцы, и ушелъ сатана съ посрамленіемъ...

Выслушала разсказъ жена и не обрадовалась, — не обрадовалась, а закручинилась и принялась говорить укоры женскіе, обидные — нѣтъ хуже, коли баба раскудахтается.

— Погляжу я на тебя, принялась говорить она, — большой ты купецъ Иванъ Сидоровъ — поперекъ себя толще, а, право, хуже мелкаго приказчика!

Разсердился купецъ: не привыкъ онъ слышать рѣчи такія зазорныя, для его купецкаго мужества обидныя, ударилъ кулакомъ по столу, отломилъ цѣлый уголъ и гаркнулъ:

— Если ты, баба глупая, осмѣлилась, на такія слова дерзкія пошла, такъ теперь же мнѣ ихъ и доказывай, а не то — убью безъ всякой жалости!..

И начала она доказывать:

— Ну, какъ же ты, Иванъ Сидоровъ, не хуже мелкаго приказчика? — рассыпали передъ тобою золото, а ты не подобралъ его! Что за дѣло тебѣ, что золото было бѣсовское: тебѣ бы взять его, да спрятать и начать на богатства свои творить милостыню, — творить милостыню, добро сѣять по землѣ, на благо всему міру христіанскому. При такомъ богатствѣ много добра ты сдѣлать могъ, много слезъ утереть, горемыкъ облегчить, убогихъ пригрѣть, голодныхъ накормить, больныхъ облегчить страданіе. И пошли бы тѣ червонцы, наперекоръ бѣсовскому соблазну, на пользу да на благо человѣчеству, а твоей душѣ во спасеніе...

Задумался купецъ — видитъ вретъ баба, кажись, по ладному, хитрѣй она самого сатаны оказывается, и убивать ее безъ всякой жалости не приходится...

Зналъ онъ и допрежь того, что бабья смѣтка куды востра на соображеніе мимолетное, да напередки только не расчитываетъ, — а тутъ какъ будто все обдуманно и носа комару не подточить!

— Ну, жена, сказалъ Иванъ Сидоровъ, — твой верхъ: не за что мнѣ на тебя гнѣваться; далъ я маху — другой разъ не дамъ!..

А жена разсмѣялась съ укоризною: — жди, дескать, въ другорядъ такого случая!

И только ушла она, купецъ пригорюнился — радость его и веселье какъ рукой сняло. Обидно ему стало, какъ это баба вдругъ верхъ передъ нимъ взяла и зачѣмъ онъ сатану ни съ чѣмъ отпустилъ.

Ходитъ онъ по горницѣ, въ тоскѣ изнываетъ, а сатана въ аду въ то самое время про тоску его извѣстился, оскалилъ зубы желѣзные, ударился чернымъ ворономъ и прямо къ купцу въ окно.

— Что тебѣ нужно? спрашиваетъ Иванъ Сидоровъ у ворона.

А тотъ ему въ отвѣтъ:

— Не воронъ я, не птица вольная — посмотри на меня попристальнѣй.

Посмотрѣлъ купецъ попристальнѣй и узналъ сатану, что соблазнялъ его золотомъ.

— Чтѣ купецъ запечалился, заговорилъ сатана, — али дѣло какое задумалъ, али торговля плохо идетъ, али дѣти отца не слушаютъ, али жена тебѣ не помощница?

И отвѣтилъ купецъ:

— Нѣтъ, жена мнѣ во всемъ помощница и дѣти меня, отца, слушаютъ, торговля хорошо идетъ, а задумалъ я дѣло такое, что нужно мнѣ твое теперь золото!..

Раскрылъ воронъ-сатана клювъ въ три сажени, улыбнулся.

— Это, говоритъ, все въ нашей власти, купецъ!

— А какія-жь твои условія? спрашиваетъ Иванъ Сидоровъ. — Слыхалъ я, что на такія дѣла договоръ съ тобой нишуть и собственной кровью подписываютъ.

Опять улыбнулся воронъ:

— Не нужно никакого договора, ни условія, бери мое золото, дѣлай съ нимъ что тебѣ понравится, а черезъ три года три мѣсяца приду я къ тебѣ опять — и конецъ твоему благополучію.

И рассыпался воронъ золотомъ, а въ окно протянулась только нитка черная, и въ ней улетѣлъ сатана, дѣло сдѣлавшій. А купецъ и радъ, что легко такъ досталось ему золото и что не узналъ сатана, зачѣмъ оно ему надобно, и спасетъ онъ, Иванъ Сидоровъ, душу свою дѣлами добрыми, станетъ жить на благо человечеству.

II.

Собралъ купецъ золото — весь скарбъ свой изъ сундуковъ повыкинулъ — набилъ ихъ червонцами; три дня сгребалъ лопатою богатство несмѣтное, сгребъ наконецъ, умаялся, сѣлъ на сундукъ и задумался: съ чего-жь ему начинать теперь добро дѣлать ближнему?..

Но задумывался не долго онъ. Въ тотъ же мѣсяцъ выстроилъ палаты больничныя на сорокъ кроватей, чтобы лѣчили въ нихъ даромъ отъ всѣхъ недуговъ. А потомъ выстроилъ онъ на сорокъ столовъ съѣстную бесплатную, чтобы ѣлъ тамъ всякъ кому вздумается. А потомъ выстроилъ онъ читальню на сорокъ книгъ, чтобы читали тамъ безъ всякой платы все, что вздумается. А потомъ устроилъ онъ даровое пристанище на сорокъ старухъ и на сорокъ стариковъ.

И пошла по всей землѣ молва, что объявился купецъ Иванъ Сидоровъ и нѣтъ ему благодарителя равнаго, что выстроилъ онъ палаты больничныя на сорокъ кроватей, и съѣстную на сорокъ столовъ, и читальню на сорокъ книгъ, и пристанище на сорокъ стариковъ съ сорока старухами.

И что ни день, то молва разрастается, хвалятъ всѣ Ивана Сидорова, величаютъ, за помощью къ нему приходятъ, а онъ сыпетъ золото безъ утайки, безъ скупости.

Приходила къ нему жена — не перепадеть-ли и ей на потребу горсть-другая золота, да Иванъ Сидоровъ ни съ чѣмъ отправилъ ее:

— Ужь коли, говоритъ, надувать сатану, такъ надувать честно, чтобъ безъ всякаго сумлѣнія...

Никто не зналъ откуда у купца взялись богатства несмѣтныя, но всѣ хвалили дѣла его добрыя, послали ему пожеланія, а самъ онъ ужъ и молитву забылъ, — зачѣмъ мнѣ она, думаетъ, коли я столько добра дѣлаю, что грѣхи мнѣ и безъ того простятся.

Вотъ идетъ однажды Иванъ Сидоровъ по полю и видитъ — мужикъ горбомъ ворочается, надъ сохою над-

саждается, а отъ лошадки у мужика всего одинъ хвостъ въ хомутѣ торчитъ, да и тотъ въ три волоса, а отъ лаптей у мужика всего одна пятка осталась, да и та дырявая, а отъ рубашки у мужика одинъ подолъ виситъ, да и тотъ подпоясать нечѣмъ.

Стало жаль мужика Ивану Сидорову.

— Бѣдный ты, мужикъ, говоритъ онъ, — обездоленный, видно судьба тебѣ не родная мать, а мачиха; жаль мнѣ тебя, мужикъ.

А мужикъ ему въ отвѣтъ:

— Спаси Господи! и трихнулъ плечомъ, да пошелъ дальше.

Только слышитъ купецъ, что идетъ онъ и пѣсню поетъ, лошадиный хвостъ погоняетъ, дырявой пяткой притонтыкаетъ.

Удивился Иванъ Сидоровъ и спрашиваетъ:

— Какъ же ты мужикъ еще пѣсни поешь?

— А чего-жь мнѣ не пѣть ихъ, отвѣчаетъ мужикъ, — коли Господь голось далъ.

— Да вѣдь пѣсня поется съ радости, говоритъ опять Иванъ Сидоровъ, — ну, а ты-то съ чего поешь?

— А чего-жь мнѣ не радоваться, говоритъ мужикъ, — коли небо надо мной ясное, чистое, высокое, и свѣтитъ въ немъ солнце красное, и зелень кругомъ шелеститъ листьями, и травка пестритъ цвѣтами радужными, — скотина и та такой благодати радуется.

Вынулъ купецъ мѣшокъ съ золотомъ, подаль мужику:

— Вотъ тебѣ за твое терпѣніе, будешь ты богатъ теперь, живи въ свое удовольствіе.

Обрадовался мужикъ, даже слезы у него на глаза навернулись, и не знаетъ, что дѣлать ему, словно дитя малое.

— Неужли это все мнѣ? спрашиваетъ.

А самъ взялъ горсточку съ ладони на ладонь пере-сыпаетъ, слушаетъ, какъ червонцы побрякиваютъ.

Видитъ купецъ, что ошалѣлъ мужикъ до того, что спасибо сказать не придумаетъ, повернулся, пошелъ своей дорогою, — не нужно-де мнѣ благодарности, потому и самъ я знаю, что благодѣтель я всему человечеству.

Подошелъ Иванъ Сидоровъ къ городу. Проходя пригородъ, видитъ стоитъ фабрика въ три этажа, обнесена заборомъ каменнымъ, съ воротами желѣзными, а у воротъ народу видимо-невидимо. Толпятся всѣ, бранятся и кричатъ. Подошелъ Иванъ Сидоровъ и спросилъ:

— Зачѣмъ это народъ толпится?

И сказали ему, что всѣ тутъ фабричныя и что сегодня плату за работу выдаютъ.

Понравилось Ивану Сидорову лицо одного фабричнаго и сталъ онъ съ нимъ разговаривать, изъ какой молъ, стороны, да какъ поналъ на фабрику.

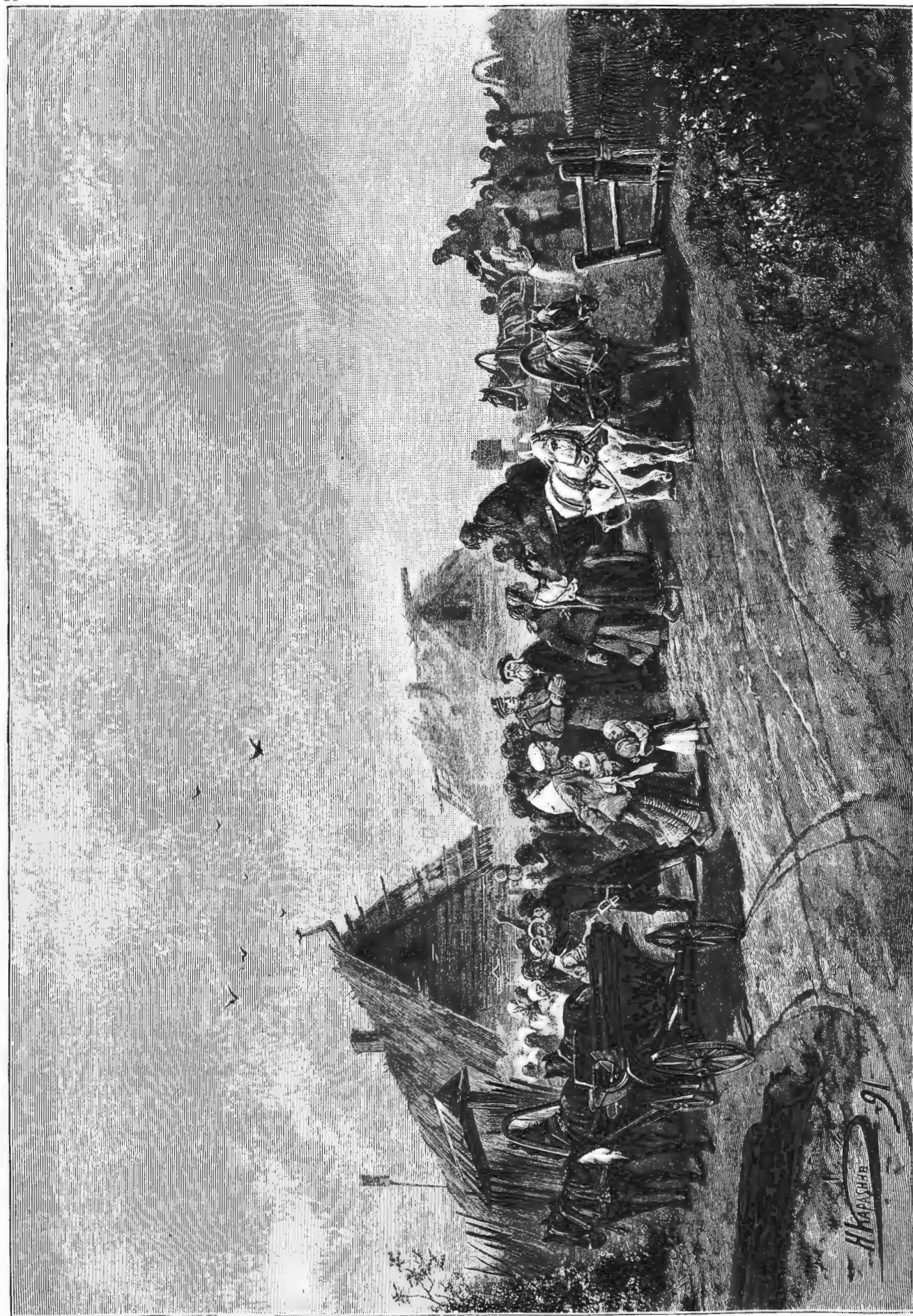
Вдохнулъ фабричный, да и говоритъ:

— Не иди ты въ жизни сираведливости. Изъ стороны я здѣшней, уроженецъ я тутешный. Былъ я, милый человекъ, богатъ, имѣлъ я фабрику тоже въ своей собственности. Досталась она мнѣ по наслѣдству отъ батюшки роднаго. Было время не я ждалъ у воротъ, пока меня позовутъ, да заработокъ выдадутъ, — а меня ждали, пока я позову, да плату рабочимъ выдамъ. А вотъ теперь и мнѣ довелось на дворѣ толкаться, какъ послѣднему нищему.

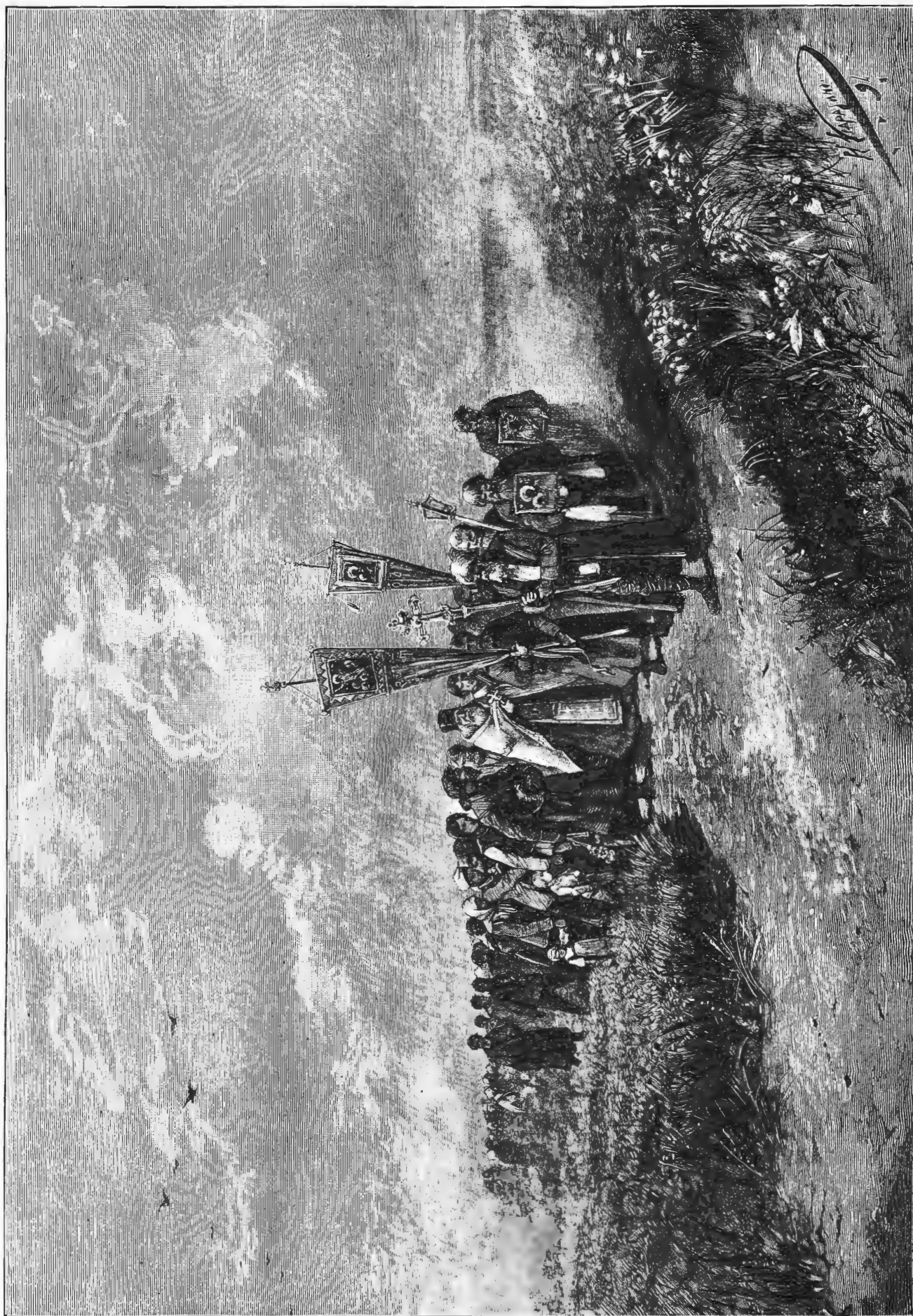
Стало жаль фабричнаго Ивану Сидорову.

— Вижу, сказалъ онъ, — что судьба тебѣ хуже злой мачихи. За что же съ тобой такое приключилось?

— Ничего я не сдѣлалъ, отвѣчалъ фабричный, — ничѣмъ не согрѣшилъ, за что бы мнѣ такая напасть была; жилъ я припѣваючи, зла никому не дѣлалъ, а о добрѣ по мѣрѣ силъ старался, какъ вдругъ въ одну ночь сгорѣла до-тла моя фабрика. Легъ я богатымъ, а проснулся нищимъ. Хотѣлъ руки на себя наложить, да какъ, думаю, жену оставлю съ ребятишками — ре-

Первая помощь голодающим готовымъ хлѣбомъ. Орлг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Крестный ходъ въ поляхъ по случаю неурожая. Орлг. ргс. (собств. „Нивы“) Н. Карамна, грав. Ралевскій.

бята малыя ѣсть захотятъ, кто кормить ихъ станетъ? И пошелъ я изъ хозяевъ въ работники.

— Ну и какъ же, сказали опять Иванъ Сидоровъ,— живешь ты теперь?

— Да, ничего—Богъ милуетъ. Сыты бываемъ.

Вынулъ купецъ Иванъ Сидоровъ мѣшокъ съ золотомъ, подалъ фабричному.

— Вотъ тебѣ за твое терпѣніе—будешь снова богатъ теперь, живи въ свое удовольствіе!..

Обрадовался фабричный, не одиѣ слезы у него на глаза навернулись, а весь онъ словно онѣмѣлъ отъ радости. И сказать ничего не можетъ.

Видитъ купецъ, что ошалѣлъ совсѣмъ фабричный, словно сумасшедшій какой,—вернулся и пошелъ своей дорогою: не нужно-де мнѣ благодарности, потому и самъ я знаю, что благодѣтель я всему человѣчеству!

III.

Вошелъ Иванъ Сидоровъ въ городъ по широкой улицѣ, камнемъ граненымъ убитой, на площадь мощеную въ казенную десятину мѣрою; видитъ на площади базаръ стоитъ, а по базару ведутъ кунца въ кандалахъ желѣзныхъ по рукамъ и по ногамъ скованнаго, въ барабаны бьютъ, народъ честной скликаютъ.

Сталъ Иванъ Сидоровъ спрашивать за что это водятъ кунца по базару по рукамъ и по ногамъ скованнаго. Сказали ему, что въ томъ городѣ обычай такой, что ежели задолжаетъ кто и не сможетъ долга выплатить, берутъ его въ тюрьму и три мѣсяца водятъ по базару, не найдется-ли кто должника выкупить, а не найдется никто, тогда предають такого должника неоплатнаго злой смертной казни, и что ведутъ сегодня кунца въ послѣдній разъ, если дескать не найдется за него плательщика—предадутъ его сегодня злой смертной казни.

Подошелъ Иванъ Сидоровъ къ кунцу и спрашиваетъ:

— Какая такая бѣда у тебя приключилась, что задолжалъ ты кругомъ и некому тебя выкупить: али торговалъ не ладно, али не умѣлъ ублажить покупателя, али не товары покупалъ на выручку, а несъ ее въ заведеніе?..

— Нѣтъ, отвѣчаетъ купецъ,—торговалъ я ладно, ни кошѣйки не несъ въ заведеніе, умѣлъ ублажать покупателя, а обвелъ меня кругомъ злой приказчикъ; я-жь его мальчишкой къ себѣ взялъ, я-жь его воспиталъ и выучилъ, а вотъ чѣмъ отблагодарилъ онъ меня—разорилъ въ конецъ, всю торговлю къ рукамъ прибралъ, поднеси устроилъ фальшивыя, и пустилъ меня по міру, а самъ теперь благодумствуетъ, въ моей лавкѣ торговлю ведетъ хозяиномъ.

Стало жалъ пуще всѣхъ кунца Ивану Сидорову,—извѣстно, свой братъ, купецъ. Вынулъ онъ два мѣшка золота, подалъ кунцу.

— Вотъ тебѣ за твое терпѣніе, будетъ тутъ тебѣ чѣмъ откупиться, будетъ чѣмъ и новую торговлю завести!..

Какъ увидали у кунца въ рукахъ золото, сейчасъ съ него кандалы долой, и народъ ему ну кланяться; откуда и друзья вялились, прибѣжали съ попреками ласковыми, зачѣмъ-де къ намъ не обратился, мы-то сами о твоёмъ горѣ только сейчасъ узнали!..

Обрадовался купецъ, что избавился отъ злой смертной казни, пустился плясать — только пылъ столбомъ!

А Иванъ Сидоровъ пошелъ своею дорогою, не нужно-де мнѣ благодарности. И сколько на свѣтѣ несправедливости, а кто поправилъ ее? — онъ, Иванъ Сидоровъ, благодѣтель всему человѣчеству!..

Вотъ то-то и оно!..

IV.

Не труба гремитъ серебряная, не колоколъ гудитъ Ивана Великаго, разноситъ стоустая молва подвиги

Ивана Сидорова. Идетъ онъ — всѣ шапки снимаютъ, пальцемъ указываютъ: „вотъ Иванъ Сидоровъ“. Идетъ жена его—всѣ шапки снимаютъ, пальцемъ указываютъ: „вотъ жена Ивана Сидорова“. Идутъ дѣти его — всѣ шапки снимаютъ, пальцемъ указываютъ: „вотъ дѣти Ивана Сидорова“.

Пять обществъ къ себѣ его выбирало, въ пяти книгахъ его описывали, въ пяти городахъ портреты его ставили, пять генеральшъ въ пяти каретахъ къ нему прибѣжали, пять полковниковъ руку ему протягивали, и сталъ Иванъ Сидоровъ въ знатъ мѣтить — мало мнѣ купчества, хочу и побольше чего!..

А время межъ тѣмъ идетъ да идетъ.

Три раза листья на деревьяхъ осыпались, груши-яблоки зрѣли, три раза земля свѣгомъ покрывалась, морозы трещали, три раза таило, три раза цвѣты рождались, три раза жатву сняли,—глядь, прошло три года, словно три минуточки!..

Вспомнилъ тогда Иванъ Сидоровъ, что осталось ему всего три мѣсяца до того, чтобъ съ сатаню счеты сводить, а онъ не успѣлъ еще и половины раздать своего богатства.

„Ну, что-жь, думаетъ, ничего, и безъ того много-многого сдѣлано“.

И захотѣлось Ивану Сидорову пойти, посмотреть, какъ живутъ люди, для которыхъ онъ былъ благодѣтелемъ, чтобы какъ явится къ нему сатана—встрѣтить его съ доказательствомъ, что вотъ молъ сколько мною добра сдѣлано на пользу народу христіанскому и душѣ моей во спасеніе, и нечѣмъ тебѣ, сатана, у меня поживиться!..

Собрался Иванъ Сидоровъ въ дорогу, жена сейчасъ смекнула, зачѣмъ онъ ѣдетъ, напекла пироговъ, куру жарарила—поѣзжай, мой свѣтъ Иванъ Сидоровъ!..

И поѣхалъ онъ.

На первый мѣсяцъ отыскалъ фабричнаго, что три года тому назадъ у воротъ съ нимъ встрѣтился хуже послѣдняго нищаго.

А теперь жилъ фабричный въ палатахъ каменныхъ, подъ мѣдною крышею, среди сада цвѣтущаго. Подѣхалъ къ палатамъ Иванъ Сидоровъ, видитъ въ саду цвѣты заморскіе, каждый листъ въ три рубля, на палатахъ крыша жаромъ горитъ, а въ палатахъ слугъ видимо-невидимо!..

Порадовался Иванъ Сидоровъ: вотъ-де челоѣкъ всѣмъ мнѣ обязанъ; вошелъ къ фабричному, „здравствуй“, говоритъ, „узнаешь-ли меня?“

А самъ думаетъ: „ну, теперь обрадуется, благодарить меня начнетъ“.

А фабричный какъ сидѣлъ въ бархатномъ халатѣ на подушкѣ пуховой, такъ и не поднялся съ мѣста, и лицо у него такое грустное, желтое, худое, а улыбки на губахъ и слѣда не замѣтно.

— Что-жь, спрашиваетъ Иванъ Сидоровъ,—не узналъ меня развѣ, или недужно тебѣ?

И отвѣчаетъ фабричный голосомъ тихимъ, слабымъ такимъ, измученнымъ:

— Охъ, узналъ я тебя, Иванъ Сидоровъ, какъ не узнать, съ тебя началось мое несчастье!

— Какъ несчастье? удивился Иванъ Сидоровъ,—развѣ не твои это хоромы каменные, подъ мѣдною крышею, что какъ жаръ горитъ, не твой садъ съ цвѣтами заморскими, не твоихъ слугъ здѣсь видимо-невидимо?..

— И слуги мои, отвѣчаетъ тотъ,—и палаты мои, и садъ мой, да что въ нихъ проку-то?.. Былъ я богатъ—сталъ бѣденъ, да жилъ, и съ семьею сытъ бывалъ, горя у меня не было. Пришелъ ты, далъ мнѣ мѣшокъ червонцевъ. Крѣпко я тогда обрадовался. Соблазнило меня твое золото, и сталъ промышлять на него я торговлею. Торговалъ я цыгарками, цыгарками кручеными, клалъ въ нихъ табакъ дешевый, хуже котораго не

было, а чтобы курили мой табакъ дешевый—обливалъ я его дурманомъ, зельемъ нашептаннымъ; если выкурить кто хоть разъ такую цыгарку—станетъ отъ дурману шьянъ, и снова его къ ней потянетъ, и не станетъ онъ курить иной какой цыгарки, гдѣ такого дурману не поддушено. И приучалъ я къ своимъ цыгаркамъ покупателей, и ломились они ко мнѣ тысячами, и платили за дрянъ-табакъ втридорога, а сами невѣдомо для себя отравлялись... Сталъ богатѣть на своей торговлѣ, къ концу года расторговался такъ, что построилъ эти палаты каменные, садъ разбилъ съ цвѣтами заморскими и слугъ нанялъ видимо-невидимо; да увидалъ Богъ грѣхи мои, отпаялъ Онъ у меня жену, а вскорѣдъ за нею и дѣтки померли. И нѣтъ жены у меня—некому въ хоромахъ жить; и нѣтъ дѣтей у меня—некому въ саду гулять; и одинъ я среди слугъ моихъ, одинъ-одинѣшенекъ, съ лютою злодѣй-тоскою на-сердцѣ. Грызетъ она меня какъ вспомню, сколько зла мною понадѣлано, сколько людей завѣдомо отравлено и какъ счастливъ я былъ, пока не пришелъ ты ко мнѣ со своимъ золотомъ!..

Понялъ тогда Иванъ Сидоровъ, отчего народъ на землѣ шалѣтъ сталъ и такія штуки выкидывать, что въ здоровомъ умѣ и не придумаешь; и поникъ онъ головою, видитъ, ошибся въ расчетѣ, думалъ добро сдѣлать, а нѣ вышло зло; „ну, что-жъ, думаетъ, одинъ промахъ — не вся бѣда, пойду дальше, авось, лучше будетъ...“

Шелъ онъ шелъ, еще цѣлый мѣсяцъ шелъ-прошелъ, и видитъ наконецъ городъ—тотъ самый, гдѣ три года тому назадъ купца казнить вели. Въ городѣ все по-прежнему: и площадь, и улицы мощенныя, а на площади базаръ. Только на базарѣ народъ шумитъ, другъ у друга бумагу покупаетъ, торгуется, и странное дѣло: на бумагѣ написано, что стоитъ она сто рублей, а даютъ за нее двѣсти.

Дался диву купецъ Иванъ Сидоровъ.

Отродясь онъ такого не видывалъ.

Подошелъ къ народу, спрашиваетъ, отчего, моль, за простую бумагу, на которой написано, что стоитъ она сто рублей, хоть цѣна ей вся — копѣйка, даютъ вдругъ двѣсти, и нѣтъ-ли здѣсь какой хитрости.

Осмѣяли съ мѣста кругомъ Ивана Сидорова:

— Эхъ ты, простофиля, сказали ему, — брюхо отрастил что твоей барабанъ, а цѣну не знаешь акци!..

Еще больше удивился купецъ, что за слово такое волшебное, что стоитъ имъ назвать бумаги клочокъ, и будутъ платить за него цѣну неслыханную.

И вдругъ навстрѣчу идетъ купецъ, тотъ самый, что три года назадъ былъ выкупленъ Иваномъ Сидоровымъ.

Обрадовался ему Иванъ Сидоровъ.

— Здравствуй, говоритъ,—узнаешь меня?

— Охъ, узнаю, отвѣчаетъ купецъ, — какъ мнѣ не узнать тебя, нѣтъ моей душенькѣ покою съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ далъ ты мнѣ свои денежки, лучше бы мнѣ умереть тогда...

Испугался Иванъ Сидоровъ: неужели онъ и этого человѣка сгубилъ.

— Что-жъ, аль и ты торговалъ цыгарками? спрашиваетъ.

— Нѣтъ, не цыгарками торговалъ я, отвѣчаетъ купецъ,—а сдѣлался разбойникомъ, грабилъ честной народъ среди бѣла-дня, и что дальше, то хуже, и невмоготу мнѣ теперь, чувствую, приходитъ послѣдній часъ, и не заглядить мнѣ грѣховъ моихъ, не вымолить...

— Что за притча, говоритъ Иванъ Сидоровъ,—какъ же это ты съ деньгами разбойникомъ сталъ, въ этой мѣстности про лихихъ людей не слышно что-то, по всѣмъ дорогамъ бодрствуютъ урядники, да и тебя я встрѣтилъ не въ лѣсу, а на торжищѣ, отъ народу,

видно, ты не скрываешься, по оврагамъ не хоронишься и подъ мостомъ не сидишь.

А купецъ ему въ отвѣтъ:

— Охъ, грѣхи мои тяжкіе! Нынче, милый человѣкъ, иное грабительство: выдумалъ я бумагу акцией назвать, и слово это такое волшебное, — самъ сатана подсказалъ мнѣ его, — что ни одинъ человѣкъ не можетъ устоять. Три года вотъ граблю я при его помощи и несеть мнѣ народъ свои денежки; вижу я теперь, приходитъ мнѣ конецъ, да поправить нельзя...

Не повѣрилъ было Иванъ Сидоровъ, чтобъ платили деньги за бумагу, какъ ни называй ее, да вспомнить, что осмѣяли его за распросы про акцію, простофилей назвали, и поникъ онъ опять головою. Видитъ, что вдругорядъ ошибся въ расчетѣ: думалъ добро сдѣлать, а нѣ вышло зло...

Осталась теперь у Ивана Сидорова надежда одна на мужика, что живетъ на его деньги прииѣваючи и дѣла творить добрыя.

Проискалъ онъ его двадцать восемь дней—на двадцать девятый приходитъ въ село.

Видитъ въ селѣ церковь построена. Спросилъ онъ: кто это такую церковь выстроилъ? Ему сказали, что тотъ самый мужикъ, которому онъ далъ три года тому назадъ мѣшокъ съ червонцами.

Обрадовался Иванъ Сидоровъ—значитъ де мужикъ вышелъ порядочный. Ну, вотъ наконецъ хоть одинъ человѣкъ, которымъ можно передъ сатаною похвастаться.

И побѣжалъ Иванъ Сидоровъ, въ припрыжку съ такой радости, къ мужику на дворъ. Видитъ посреди двора мужикъ расхаживаетъ, на солнышкѣ грѣется, въ небо голубое смотреть; а на ногахъ у мужика калоши резиновыя поверхъ сапоговъ надѣты, а въ рукахъ у мужика зонтикъ, и на него онъ опирается.

Посмотрѣлъ Иванъ Сидоровъ на мужика, прислушался—не поетъ мужикъ больше пѣсни, пяткой не притоптываетъ.

И спрашиваетъ онъ его:

— Что мужикъ не веселъ; узнаешь-ли меня?

И отвѣчаетъ мужикъ:

— Охъ, узнаю,—какъ не узнать,—давно я искалъ тебя. Возьми ты назадъ свои деньги—не нужно мнѣ ихъ. Ходилъ я, хвостъ лошадиный въ три волоса погонялъ въ хомутѣ, дырявой пяткой притоптывалъ, да пѣлъ пѣсни, на небо синее гляючи, потому что была чиста моя душа передъ Господомъ, а теперь небо мнѣ темнымъ кажется, солнце жжетъ, словно укоризною, зелень приговоръ листьями нашептываетъ, а цвѣты вянутъ—только погляжу на нихъ.

Развелъ руками Иванъ Сидоровъ:

— Отъ тебя-то, мужикъ, не ждалъ ужъ я этого!.. Чѣмъ же ты провинился такъ? Развѣ не ты церковь на селѣ выстроилъ? Думалъ я, братецъ, что это отъ хорошихъ дѣлъ...

— Охъ, грѣхи мои тяжкіе, отвѣтилъ мужикъ.—Какъ получилъ отъ тебя я червонцевъ мѣшокъ, открылъ на нихъ я кабакъ на деревнѣ и началъ народъ христіанскій спивать; а деревня наша была бѣдная,—скоро мужики животы свои пропили и ничего у нихъ не осталось. И задумалъ я тогда самый великій свой грѣхъ: задумалъ я церковь на деревнѣ выстроить, не по благому внушенію, не изъ святости, а изъ расчета корыстнаго, лукаваго; чтобъ собирались крестьяне въ праздникъ къ намъ на село окрестныя и пропивали-бъ потомъ въ моемъ кабакѣ все имущество... И повалилъ къ намъ народъ, и скоро мнѣ постройка окупилась, и сталъ я богатѣть. И съ тѣхъ поръ мучить совѣсть меня мукой нездѣшнею...

Не далъ договорить ему Иванъ Сидоровъ, схватился за голову, сталъ волосы на себѣ рвать.

— Боже Господи, что-жъ я надѣлалъ такое! Не

замолить мнѣ зла моими деньгами посябнаго!.. Видно и подлинно деньги тѣ нечистыя. Нельзя сдѣлать добра руками дьявола!..

Побѣжалъ онъ въ свои палаты больничныя, а тамъ нѣтъ больныхъ, потому что все расхищено и отъ самыхъ палатъ одинъ фундаментъ остался, и ихъ разнесли по кирпичику... Побѣжалъ въ съѣстную безплатную, а тамъ взаимнѣ всякой ѣды рыба-треска тухлая на двѣ сажени воняетъ — никто подойти не можетъ. Побѣжалъ въ читальню, а тамъ давнымъ-давно парни изъ книгъ листы повыврвали, на папиросы извели. Побѣжалъ въ пристанище, а тамъ живутъ лѣнтли, стариками назвавшіеся...

V.

И осталось Ивану Сидорову одно въ утѣшеніе, что во всемъ, что онъ сдѣлалъ, за нимъ по крайности грѣха никакого не было и самъ онъ деньгами вражескими не пользовался.

„Пусть приходитъ сатана, думаетъ онъ, — за мной самимъ грѣха нѣтути!“

— А какъ нѣтъ за тобой грѣха? вдругъ спрашиваютъ его сади.

Оглянулся Иванъ Сидоровъ, видитъ сатана-то тутъ какъ тутъ, не опоздалъ ни минуточки...

— Припомни-ка, Иванъ Сидоровъ, сказалъ сатана, — что ты о себѣ воображалъ началъ, когда моими деньгами распорядиться сталъ. Ты и молитву забылъ въ своей гордости; гордился ты, когда тебя пять обществъ выбрало, гордился ты, когда тебя въ книгахъ описывали, портреты писали, гордился ты, когда пять генеральшъ прѣзжали къ тебѣ въ пяти каретахъ и пять полковниковъ руку протягивали, и сталъ ты въ знанъ мѣтить — мало тебѣ было купечества, захотѣлъ и больше чего!.. А гордость — великій грѣхъ. Не соблазнился ты моими иными соблазнами, захотѣлъ меня надуть, думалъ моими деньгами воспользоваться, а нѣ самъ попался — впалъ въ гордость лютую, и теперь ты мой!..

Испугался Иванъ Сидоровъ, сталъ просить сатану:

— Не хотѣлъ-де я тебя обманывать, попутала меня баба глухая, напрасно я ее послушался, а тебѣ все-таки я слугою не былъ и дѣлалъ дѣла свои въ невѣдѣніи, и братъ тебѣ меня не за что.

И отвѣтилъ ему сатана:

— Нѣтъ, былъ ты мнѣ, Иванъ Сидоровъ, слугою вѣрнымъ все время. Возомнилъ ты въ своей гордости, что можешь будто справедливость въ свои руки взять и своимъ глупымъ разумомъ разсудить, что справедливо, а что нѣтъ. Встрѣтилъ ты бѣднаго мужика и подумалъ, что несправедлива его бѣдность, и наградишь червонцами, а самъ того и не зналъ, что мужикъ-то былъ богаче во сто кратъ миллионщика. Не было у него ничего, не было у него и никакого желанія, ничего ему не было надобно, а далъ ты ему деньги, и сталъ онъ бѣднѣе, потому что захотѣлъ ихъ больше имѣть и почувствовалъ недостатокъ. И соблазнилъ ты мужика моимъ золотомъ, сталъ онъ хотѣть бѣльшаго и впалъ въ грѣхъ. Въ этомъ твоя первая служба мнѣ. Встрѣтилъ ты фабричнаго и въ гордости подумалъ, что несправедливо, зачѣмъ сгорѣло его имущество, а самъ того и не зналъ, что всѣмъ людямъ дается на землѣ испытаніе. Одному испытаніе дается черезъ богатство, а другому черезъ бѣдность. И черезъ богатство испытаніе куда труднѣе — соблазна больше. Богатому легче въ грѣхъ впасть, у него что ни шагъ, то новый соблазнъ, — того гляди и Бога забылъ; а у бѣднаго онъ все на умѣ; нѣтъ-нѣтъ, бѣдный и помолится... Ну, вотъ фабричному и было дано испытаніе бѣдностью, потому что въ богатствѣ трудно ему было, а ты наградишь его червонцами и ввелъ снова въ соблазнъ и сослужилъ мнѣ вторую службу... Встрѣтилъ ты купца и въ гордости подумалъ, что несправедливо, зачѣмъ вели его на казню неповиннаго, и захотѣлъ выкупить его, а и не зналъ того, что купецъ тотъ много грѣшилъ на своемъ вѣку и передъ казнью покаялся бы и грѣхи ему отпустились, а ты выкупилъ его и далъ ему мое золото и тѣмъ сослужилъ мнѣ третью службу...

Тутъ сатана ухмыльнулся во весь свой желѣзный ротъ и протянулъ когти къ Ивану Сидорову: иди, дескать, со мной въ преисподнюю.

Испугался Иванъ Сидоровъ, перекрестился и... проснулся... Видѣлъ все это онъ во снѣ, а на самомъ дѣлѣ не было у него золота, и сатаны не было. Обрадовался Иванъ Сидоровъ и сталъ молиться:

— Слава Тебѣ Господи, что не было у меня золота. Избави насъ отъ лукаваго!..

Бабушкины аметисты.

Рассказъ. (Переводъ съ англійскаго).

Въ минувшіе дни, въ тѣ добрые старые годы, когда Георгъ III былъ королемъ Англій, а красавецъ Нэшъ — королемъ Бата, и Батъ переживалъ самое цвѣтущее время, бабушка мол имѣла свой домъ на Королевской улицѣ и жила тамъ съ большою пышностью и блескомъ. Когда начинается мой рассказъ, она была богатою вдовой во цвѣтъ лѣтъ; однажды, увидя ее танцующей менуэтъ, король замѣтилъ:

„Она была одной изъ прекраснѣйшихъ женщинъ въ моихъ владѣніяхъ и безъ сомнѣнія самой граціозной“.

Слово „была“ означало, что бабушку нельзя было считать женщиной первой молодости. Ей было сорокъ лѣтъ, но свѣжесть лица, еще болѣе отбѣляемая напудренными волосами, дѣлала ее на десять лѣтъ моложе, а улыбка ея была очаровательна. Ростъ ея былъ выше средняго, а грація движеній такъ обаятельна, что при ея первомъ появленіи въ свѣтъ послѣ того, какъ она сдѣлалась вдовой, его величество не могъ удержаться отъ вышеприведеннаго замѣчанія.

Будучи общей любимицей, она вполне заслуживала это. Несмотря на то, что когда ее приглашали танцовать, она отвѣчала улыбаясь, что уже стара для танцевъ, кавалеры толпой окружали ее передъ началомъ менуэта. Происходила даже маленькая толкотня между желающими видѣть, какъ леди Сиблей дѣлаетъ глубокой, граціозный реверансъ, которымъ начинается величественный танецъ.

Описавъ ея наружность, я долженъ описать и ея домъ, такъ какъ безъ этого мой рассказъ не будетъ вполне ясенъ. Домъ ея, построенный какъ всѣ дома на Королевской улицѣ, имѣлъ просторную переднюю, гдѣ стояли портшезъ и кресло швейцара; широкая лѣстница вела оттуда въ спальню, пріемныя же комнаты помѣщались въ нижнемъ этажѣ. Лѣстница раздѣлялась поцоламъ площадкой, гдѣ въ стѣнѣ былъ устроенъ по-

тайной шкафъ, почти незамѣтный подъ обоями и открывавшійся съ помощью секретной пружины.

Въ немъ леди Сиблей хранила свое серебро. Она считала шкафъ самымъ безопаснымъ мѣстомъ, такъ какъ если ея не было дома, швейцаръ ожидалъ ее сиди въ своемъ креслѣ, откуда ему былъ виденъ шкафъ; если же она была у себя, никто не могъ отворить его, не будучи увидѣннымъ или испуганнымъ слугами, комнаты которыхъ были по близости. Дверь спальни леди Сиблей приходилась какъ разъ напротивъ входной двери передней. Кровать ея стояла посрединѣ большой комнаты, а напротивъ ея помѣщался туалетный столъ со всевозможными предметами роскоши, необходимыми для дамы, слѣдовавшей самой утонченной модѣ XVIII столѣтія. Всѣ стѣны были драпированы гобеленами, изображавшими различныя картины. Надъ туалетнымъ столомъ былъ изображенъ въ натуральную величину Фебъ, правящій колесницей солнца.

Бабушка рассказывала мнѣ, что будучи еще ребенкомъ и молясь на колѣняхъ во имя матери, она не могла отвести взора отъ глазъ Феба, строго смотрѣвшаго на нее, что, не шутя, мѣшало ей молиться. И въ отвѣтъ на замѣчаніе матери, что она невнимательна, она отвѣчала ей, что онъ смотритъ на нее.

Въ шкафу леди Сиблей хранила не одно серебро, она хранила тамъ и свои аметисты. Эти аметисты вѣнчали большія и темныя стѣны ея спальни, такъ какъ они составляли парюрь рѣдкаго великолѣпія, состоявшій изъ камней безупречной воды и блеска. За исключеніемъ немногихъ бриллиантовъ, они были единственными драгоценностями, какія носила бабушка, — она считала ихъ полутраурными и подходящими къ ея положенію вдовы.

Уборъ состоялъ изъ нагрудника для корсажа, шедшаго отъ

Молодая дѣвушка съ острова Напри. Съ карт. Г. Папперица, грав. Кирмзе.

одного плеча къ другому и съживившагося въ талии. Былъ еще длинный посылъ, разбивавшійся по-штучно; часть его она носила на черномъ бархатѣ, какъ кольцо вокругъ шеи, но и тогда еще онъ былъ впору для ея тонкой талии и къ послѣднему звену его прикрѣплялся большой, усыянный блѣстыми, вѣтеръ. Къ убору принадлежала еще діадема, два браслета и серьги; такъ что, когда надѣвался весь уборъ, какое-то лиловое сіяніе окружало прекрасную женщину, носившую его. Цѣна аметистовъ сильно измѣнилась въ послѣдующіе года, но тогда этотъ парюръ считался такимъ же драгоценнымъ, какъ и единственнымъ въ своемъ родѣ.

Хотя въ теченіе многихъ лѣтъ шкафъ служилъ мѣстомъ хранения этихъ камней, на пятый или шестой годъ вдовства лэди Сиблей случилось одно обстоятельство, заставившее ее взять ихъ отсюда.

Однажды ночью она была разбужена отчаяннымъ крикомъ и, выбѣжавъ изъ спальни, встрѣтилась со своею довѣрною горничной Бриджетъ, состоявшею при ней съ дѣтства, которая, испукая громкіе вопли, заливалась слезами.

Въ отвѣтъ на вопросы лэди Сиблей, она отвѣчала задыхаясь:

— На лѣстницу забрался какой-то человѣкъ, милэди... Я услышала скрипъ шкафа въ стѣнѣ, выбѣжала и увидѣла его... — Боже! воскликнула лэди Сиблей.— Мои аметисты!

— Но, милэди, продолжала Бриджетъ,—онъ ничего не укралъ. Онъ не успѣлъ ничего взять.

— Ты вѣрно видѣла это во снѣ, Бриджетъ? Неужели ты хочешь сказать, что онъ еще въ домѣ?

— Нѣтъ, милэди... Подойдите ближе, вы видите, шкафъ отворенъ... Я помѣшала ему, и онъ выскочилъ въ окно передней. Посмотрите, стекло разбито вдребезги.

Сбѣжавшіеся слуги окружили лэди Сиблей. Замокъ наружной двери былъ осмотрѣнъ, но слѣдовъ взлома не оказалось.

— Милэди, заявилъ старый буфетчикъ,—это былъ кто-нибудь, хорошо знающій домъ, если только онъ не привидѣлся Бриджетъ.

— Привидѣлся?! воскликнула та съ негодованіемъ, перегнувшись черезъ перила лѣстницы.—Привидѣлся, когда я вскопчила къ нему на закорки!

— Что такое? недоувѣрчиво спросила лэди Сиблей.

— Да, милэди, подтвердила рѣшительно Бриджетъ,—я прыгнула къ нему на сину, пока онъ стоялъ у шкафа: отъ страха я не сознавала что дѣлаю... Онъ страхнулъ меня какъ котенка и, бросившись внизъ по лѣстницѣ, выскочилъ въ окно.

Это произошло между четырьмя и пятью часами утра. Лэди Сиблей спустилась съ лѣстницы и сама осмотрѣла шкафъ.

— Брентонъ, сказала она буфетчику,—никто изъ насъ не расположенъ теперь ко сну, поэтому принесите сургучъ и восковую свѣчу и мы запечатаемъ шкафъ, замокъ въ немъ очень ловко вынутъ. Если бы Бриджетъ не услышала скрипа и не выказала такого присутствія духа, я была бы значительно бѣднѣе съ мышиной ночи. По счастью, ничто не тронуто. Массивная серебряная посуда стоитъ впереди и можетъ оставаться тамъ, но аметисты я буду хранить съ этихъ поръ въ своей комнатѣ. Ты не останешься безъ награды, моя добрая Бриджетъ, хотя никакимъ подаркомъ я не могу отблагодарить тебя за то, что ты сдѣлала.

И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ лэди Сиблей и Бриджетъ взяли фулгары съ драгоценностями и отнесли ихъ въ комнату милэди.

— Давай Богъ, милэди, сказала горничная,—чтобы воръ приходить не за аметистами, не то въ слѣдующій разъ ваша жизнь можетъ подвергнуться опасности.

Лэди Сиблей обладала хладнокровнымъ мужествомъ мужчины, а потому это предположеніе заставило ее только разсѣяться; но когда жизнь вошла въ свою обычную колею, она призвала слесаря и приказала ему переменить всѣ замки въ домѣ и сдѣлать двойные запоры у оконъ. Никакихъ слѣдовъ вора не было найдено, а буфетчикъ остался при своемъ первоначальномъ убѣжденіи, что воромъ былъ кто-нибудь знакомый съ домомъ, и съ тѣхъ поръ онъ былъ постоянно насторожѣ.

На слѣдующій вечеръ съ лэди Сиблей случилось еще приключеніе, но уже въ другомъ родѣ. Она обыкновенно отправлялась на большіе балы въ портшезѣ, такъ какъ ей казалось, что при этомъ способѣ передвиженія пудра лучше держится у нея на волосахъ, чѣмъ при ѣздѣ въ экипажѣ. Въ этотъ вечеръ она собралась на балъ и вмѣстѣ съ роскошнымъ платьемъ изъ черной парчи, она надѣла почти всѣ свои аметисты. Слуги, несшіе обыкновенно ея портшезъ, были: высокой молодой лакей и помощникъ кучера Деннисъ, сильный молодой ирландецъ. Брентонъ, проводивъ свою госпожу, усѣлся въ ожиданіи ея въ большое кресло, готовясь вздремнуть часовъ до трехъ утра. Портшезъ отправился въ десять часовъ, но уже въ четверть одиннадцатаго онъ возвратился и лэди Сиблей вышла изъ него вся осыпанная пудрой, какъ будто бы она побывала на мельницѣ.

— Деннисъ, сказала она самымъ суровымъ тономъ, на какой только была способна по своей кроткой натурѣ,—я чрезвычайно недовольна вами. Представьте себѣ, Брентонъ, если-бы я прибыла къ собранію въ такомъ видѣ! Теперь, благодаря Ден-

нису и Ричарду, вздумавшимъ переговариваться съ другимъ портшезомъ, я должна переменить туалетъ.

— Милэди, воскликнула Деннисъ почти со слезами,—этотъ негодный-мальчишка, лакей мистриссъ Брэндиъ, всегда старается опередить васъ, милэди, но ему еще ни разу этого не удавалось; сегодня же мы немощно опоздали—и я прибавилъ ходу. Прошу прощенія у вашего сіятельства, право, это болѣе не повторится.

— Это не повторится, потому что вы не будете больше носить мой портшезъ, сказала лэди Сиблей,—можете поблагодарить меня за то, что я не отказала вамъ на мѣстѣ, но это ваша первая вина и я оставляю васъ на своей службѣ, съ тѣмъ, чтобы служили на конюшнѣ. Запрягите лошадей и не безпокойте Корнуэлля, стараго кучера: вы повезете меня сами. Поторонитесь и не подавайте мнѣ болѣе повода къ неудовольствію.

И съ этими словами она повернулась и подпиралась къ себѣ въ комнату.

— Прошу прощенія у милэди, сказалъ Брентонъ, слышавшій съ ужасомъ этотъ разговоръ,—не было-ли бы безонаснѣе приказывать ѣхать Корнуэллю?

— Нѣтъ, отвѣтила милэди улыбаясь,—я не ушиблась и не испугалась, только въ волосахъ у меня не осталось ни одной крупинки пудры. Но черезъ полчаса я буду готова.

Черезъ полчаса карета была у подъѣзда. Лэди Сиблей снова показала въ платѣ изъ бѣлой парчи, на корсажѣ она надѣла нагрудникъ изъ аметистовъ, которые она рѣдко носила на темныхъ платьяхъ. Когда она сходила по лѣстницѣ, подобная блестящему видѣнію, яркій свѣтъ лампъ отражался на діадемѣ, украшавшей ея свѣженапудренные волосы, и на широкихъ браслетахъ, надѣтыхъ поверхъ длинныхъ бѣлыхъ перчатокъ. Входя въ карету, она бросила мелькомъ взглядъ на козлы и увидѣла тамъ Денниса, который взглянулъ на нее съ такимъ выраженіемъ раскаянія, что она едва могла скрыть улыбку, и черезъ секунду карета умчала ее снова по направленію къ собранію.

На слѣдующій день лэди Сиблей призвала къ себѣ стараго кучера и спросила его, имѣетъ-ли онъ причины сомнѣваться въ трезвости и добросовѣстности Денниса, рассказавъ при этомъ о вчерашнемъ происшествіи.

Корнуэлли успокоилъ милэди. Онъ питалъ дружеское чувство къ Деннису, который явился къ нему на конюшню девятилѣтнимъ сиротой, брошеннымъ ребенкомъ ирландской цыганки. Теперь ему было уже тридцать лѣтъ, онъ былъ всегда прекраснымъ слугою, а его ростъ и сила заставляли цѣнить его.

— Увѣрены-ли вы, сказала лэди Сиблей,—что ему можно довѣрить лошадей? На обѣды вы можете возить меня, Корнуэлли, но я не люблю, когда вамъ приходится долго ожидать меня по ночамъ.

— Деннисъ любитъ животныхъ, милэди, сказалъ кучеръ,—онъ скорѣе самъ умретъ, чѣмъ причинитъ имъ вредъ. Его единственный недостатокъ—вспыльчивость. При томъ онъ имѣлъ зубъ противъ этихъ лакеевъ мистриссъ Брэндиъ и говорилъ, что никогда не позволитъ имъ обогнать вашъ портшезъ, милэди. Но онъ очень раскаявается въ случившемся.

Тѣмъ дѣло и кончилось, но лэди Сиблей не разъ подсмѣивалась со своей довѣрною горничной Бриджетъ надъ непонятіемъ Денниса о достоинствѣ дома.

Увы, человѣческая природа слаба! Господствующая страсть снова прорвалась наружу въ слѣдующую же зиму. Однажды ночью послѣ бала—къ счастью это было не передъ баламъ—Деннисъ, обгоняя другаго кучера, наѣхалъ на чужую карету и опрокинулъ ее въ снѣгъ. Лэди Сиблей не ушиблась, но колесо у другой кареты отскочило и она опрокинулась съ грохотомъ.

Это было уже слишкомъ. Даже кротость лэди Сиблей не выдержала такого потрясенія нервовъ—ея собственныхъ и нервовъ тѣхъ, кто сидѣлъ въ злополучной каретѣ. Выведенная изъ терпѣнія, она приказала утромъ позвать къ ней въ библиотеку Корнуэлля и Денниса. Взглянувъ на лица обоихъ, она удивилась, что въ то время, какъ лицо Корнуэлля носило слѣды глубокаго волненія, Деннисъ стоялъ невозмутимо, съ хмурымъ выраженіемъ, какого она никогда не замѣчала у него.

— Деннисъ, сказала она своимъ спокойнымъ, кроткимъ голосомъ,—я послала за вами не для того, чтобы бранить васъ. Я болѣе огорчена, чѣмъ разсержена, и позвала сюда Корнуэлля для того, чтобы онъ слышалъ все, что я скажу вамъ. Деннисъ молчалъ, слова ея не произвели на него ни малѣйшаго впечатлѣнія; онъ только еще болѣе хмурился.

— Вы очень напугали меня сегодня ночью, Деннисъ, продолжала она,—въ продолженіе двадцати одного года вы стоите на моей службѣ, и я всегда считала васъ какъ бы за вѣщаннымъ мнѣ въ наслѣдство моимъ покойнымъ мужемъ.

Тутъ Корнуэлли прослезился отъ избытка чувства, но Деннисъ ничего не отвѣтилъ и вовсе не казался тронутымъ.

— Поэтому, Деннисъ, я оставляю васъ на своихъ конюшняхъ; вы будете исполнять, какъ прежде, должность конюха, вмѣсто должности младшаго кучера...

Она остановилась, но отвѣта все не было.

— Я не могу отказывать вамъ, закончила она,—такъ какъ боюсь, что вы сдѣлали дурныя знакомства, которые могутъ не довести васъ до добра. Я дѣлаю вамъ это снисхожденіе потому, что Корнуэлль ничего не имѣетъ противъ этого, но кучеромъ быть вы не можете.

Растроганный Корнуэлль, фыркнувъ носомъ, вполне одобрилъ рѣшеніе госпожи. На что большее могъ надѣяться „мальчишка“? Если онъ хочетъ себѣ добра, ему остается только согласиться и благодарить милэди.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль лэди Сиблей не видѣла Денниса и, казалось, онъ успокоился. Что же касается лэди Сиблей, то она отказывалась часто отъ веселыхъ собраний въ самомъ разгарѣ сезона, боясь, что дурная погода повредитъ Корнуэллю, который теперь постоянно возилъ ее. Но случилось такъ, что въ концѣ сезона долженъ былъ состояться большой балъ, на которомъ общала быть вся королевская семья, и всѣ, кто представлялъ собою хоть что-нибудь, собирались на этотъ балъ. Между самыми прекрасными, изящными и роскошно разодѣтыми дамами была и моя бабушка въ своихъ аметистахъ и въ костюмѣ изъ бѣлаго атласа и парчи.

Въ три часа утра — поздній часъ для тѣхъ сравнительно патриархальныхъ временъ, когда добрый король Георгъ III и его семья обѣдали лѣтомъ въ четыре часа, съ растворенными окнами — карета лэди Сиблей была подана и она уѣхала домой.

Выходи изъ экипажа, она съ обычной своей добротой сказала старому кучеру:

— Мнѣ очень жаль, что вамъ пришлось такъ долго ожидать, Корнуэлль, а завтра мнѣ надо выѣхать очень рано — въ половинѣ десятаго. Пусть Деннисъ повезетъ меня. Да, я настаиваю на этомъ, надо дать ему случай выказать свое усердіе и раскаяніе.—Лэди Сиблей заботилась о слугахъ, какъ о самой себѣ, и потому, несмотря на протесты Бриджетъ, она, уѣзжая, приказала ей ложиться въ обычное время, сказавъ, что раздѣнется сама.

Одну за другой сняла она свои драгоценности и уложила ихъ въ шкатулку, стоящую на туалетѣ, надъ которымъ красовался Фебъ. Затѣмъ она сняла свое роскошное платье и, надѣвъ неньюаръ, опустилась на колѣни, чтобы помолиться, по своему обыкновенію, на сонъ грядущій. Молиась, она подняла глаза и взоръ ея остановился невольно на знакомой картинѣ. Каждый вечеръ она дѣлала то же самое, но почему же на этотъ разъ Фебъ какъ-то особенно остановилъ на себѣ ея взоръ? И вслѣдъ за тѣмъ она закрыла лицо руками. Еще разъ она взглянула на него, дѣлая видъ, что молится, но въ дѣйствительности для того, чтобы убѣдиться съ сильно бьющимся сердцемъ, что подоврѣнія ея справедливы.

Два блестящихъ глаза глядѣли на нее — вышитые глаза Феба были вырваны! Хотя трепетъ ужаса пробѣжалъ по ея членамъ при мысли, что за ней наблюдаетъ кто-то, спрятанный за gobelenaми, и кровь застыла у нея въ жилахъ, лэди Сиблей не встала съ колѣнъ и мысленно вознесла молитву къ Богу. Затѣмъ она поднялась, какъ бы ничего не замѣтивъ, и простояла нѣкоторое время у туалета, дѣлая видъ, что прибираетъ вещи, между тѣмъ какъ безумныя мысли кружились у нея въ мозгу.

„Да поможетъ мнѣ Господь! мысленно произнесла она, — что мнѣ дѣлать?“ Она помнила, что заперла дверь, заперлась сама наединѣ съ воромъ, что всѣ люди въ домѣ крѣпко спятъ и что при первомъ ея движеніи къ двери, при первой попыткѣ взятыя за сопетку, она можетъ быть убита на мѣстѣ спрятаннаго человѣкомъ.

Послѣ минутнаго размышленія мужество лэди Сиблей вернулось къ ней. Она должна, какъ будто ни въ чемъ не бывало, лечь въ постель, зажечь ночникъ, что было обычнымъ въ то время, и потушить свѣчу.

Никогда она не поручала себя такъ всецѣло Провидѣнію, какъ въ тотъ мигъ, когда она опустила голову на подушку и закрыла глаза, какъ-бы пригрозившись заснуть.

„Если онъ подойдетъ близко и услышитъ бѣненіе моего сердца — я погибла!“ было ея мыслію.

Минуты тянулись несстерпимо пока часы не пробили первую четверть; за исключеніемъ мѣрнаго стука мальтника, звучаваго, какъ колоколь, въ ея ухахъ, все было безмолвно. Она считала каждый ударъ до тѣхъ поръ пока не пробило полчаса, но и тогда ничто не шевельнулось.

Однако вскорѣ послышался почти неуловимый шорохъ. О, что бы она дала, теперь за тишину, которая мигъ назадъ казалась ей могильною! Шорохъ продолжался, слышно было, какъ ноги ступили на полъ. Сквозь принцуренныя вѣки она увидѣла свѣтъ потайнаго фонаря, направленный на туалетный столъ. Рука, державшая фонарь, принадлежала челоуѣку большаго роста, онъ стоялъ къ ней спиной и она слѣдила за нимъ въ агоніи страха. Она видѣла, какъ, одиный за другимъ, были расхрипѣвшіе футляры съ ея аметистами и содержимое ихъ вышито. Она нарочно оставила шкатулку на туалетѣ, въ смутной надеждѣ, что это спасетъ ея жизнь. Продолжая слѣдить, она замѣтила, что воръ снялъ куртку и жилетъ и безъ колебанія

прикрѣпилъ, взятыми съ туалета булавками, весь уборъ изъ аметистовъ къ своей рубашкѣ. Затѣмъ онъ обернулся къ постели, и вѣки лэди Сиблей опустились.

„Боже! произнесла она мысленно, — это Деннисъ!“

Медленно, осторожно онъ подходилъ ближе и лэди Сиблей боялась, что онъ замѣтитъ дрожаніе ея вѣкъ и губъ, но съ человѣческимъ усиленіемъ она побѣдила эту дрожь и такъ хорошо сыграла роль спящей, что онъ остановился, прилепши-ваясь къ ея глубокому, мѣрному дыханію.

— Стиснуть ей горло... одинъ только разъ — тутъ ей и конецъ! пробормоталъ онъ, направляя ей въ лицо свѣтъ фонаря, — но я этого не сдѣлаю... Очень ужъ добра, пусть живетъ!

Быстро отвернувшись, онъ пошелъ къ двери, открылъ ее и исчезъ за нею. Лэди Сиблей была спасена.

Съ быстротой молніи она бросилась къ двери, занерла ее на ключъ и теперь была въ полной безопасности. Первымъ ея движеніемъ было — упасть на колѣни и палить всю душу въ благодарности Господу за свое чудесное избавленіе.

Въ половинѣ восьмаго она, какъ всегда, позвонила Бриджетъ, въ девять часовъ окончила завтракъ и отдала приказаніи буфетчику, надѣвая въ то же время шляпу.

— Кстаги, Брентонъ, сказала она съ хорошо разыгранною небрежностью, — я приказала подать карету въ половинѣ десятаго, мнѣ нужно выѣхать по дѣлу, а такъ какъ Корнуэллю пришлось поздно лечь, и велѣла ему передать Деннису, чтобы тотъ выѣхалъ со мной. За послѣднее время онъ хорошо велъ себя, пусть это будетъ ему наградою.

— Слушаю, милэди, сказалъ буфетчикъ.

— Я надѣюсь, что онъ будетъ аккуратенъ, сказала милэди съ забившимся сердцемъ, такъ какъ она ожидала, что Брентонъ сейчасъ скажетъ ей объ исчезновеніи Денниса.

— Карета подана, милэди, было отвѣтъ.

— И Деннисъ на козлахъ? вырвалось у нея почти крикомъ.

— Конечно, милэди, отвѣтилъ буфетчикъ изумленнымъ тономъ.

Лэди Сиблей едва держалась на ногахъ. Если Деннисъ въ своей ливрѣ сидѣлъ на козлахъ въ девять часовъ утра, кто же былъ челоуѣкъ, забравшійся къ ней въ комнату въ половинѣ пятаго? Неужели она ошиблась? Нѣтъ. Эти плечи, достойныя Геркулеса, этотъ необыкновенный ростъ, самый гонъ голоса — не могли обмануть ее. Это былъ Деннисъ, не кто иной, какъ Деннисъ!

„И въ эту самую минуту, говорила она себѣ, дрожащими шагами спускаясь съ лѣстницы и усаживаясь въ карету, — мой аметистъ можетъ быть на немъ. Онъ не имѣлъ времени спрятать ихъ.“

Лэди Сиблей ѣхала къ стряпчему, она часто бывала по утрамъ у него въ конторѣ и ея поѣздка не могла никого удивить. Случилось такъ, что мистеръ Фледдеръ только что поднимался на лѣстницу, когда подѣхалъ ея экипажъ, и онъ сейчасъ-же подѣхалъ, чтобы предложить ей руку и провести ее наверхъ.

— Позвольте поздравить ваше сятельство. Послѣ блестящаго бала вчерашней ночи, на которомъ, какъ я слышалъ, ваше сятельство были однимъ изъ лучшихъ его украшеній, вы еще способны заниматься дѣлами.

Лэди Сиблей весело разсмѣялась и отвѣтила своимъ чистымъ звучнымъ голосомъ настолько громко, чтобы ее могли услышать:

— Я вернулась домой въ три часа, слѣдовательно у меня было достаточно времени для отдыха.

Она вошла въ контору подъ руку со стряпчимъ, но едва дверь заперлась за ними, какъ обращеніе ея тотчасъ измѣнилось и твердость оставила ее; со слезами она разсказала стряпчему, розовая щека котораго поблѣднѣла, о происшествіи этой ночи.

— А теперь, мистеръ Фледдеръ, воскликнула она, — какъ вы думаете арестовать виновнаго?

— Съ помощью констэблей, милэди, отвѣчалъ онъ въ сильномъ возбужденіи.

— Но и двое констэблей врядъ-ли справятся съ нимъ. Вспомните, съ какимъ силачемъ придется имѣть дѣло, двоимъ трудно арестовать Денниса.

— Денниса!? воскликнулъ пораженный ужасомъ стряпчий.

— Да, Денниса, сидящаго теперь на козлахъ, Денниса, бывшаго у меня на службѣ 21 годъ. Вы должны арестовать его и привести сюда; и очень ошибаюсь, если на немъ не найдутъ всѣхъ моихъ аметистовъ. У него не было времени распорядиться ими.

Прошло полчаса невыносимаго ожиданія, и затѣмъ лэди Сиблей услышала шумъ на улицѣ. Она закрыла лицо руками, и черезъ минуту тяжелые шаги на лѣстницѣ и въ комнатѣ послужили ей доказательствомъ, что виновный приведенъ.

— Деннисъ! воскликнула она, отнявъ руки отъ лица и увидѣвъ своего слугу, стоящаго передъ нею со связанными руками, — неужели это были вы?

Онъ опустилъ голову и не отвѣчалъ.

— Вы изволили говорить, милэди, что видѣли сами, какъ онъ спряталъ на себѣ драгоценности? спросилъ одинъ изъ констэблей.

Назани-атаманцы. Съ карт. Э. Деталя, принадлежащей Государю Императору, грав. Тирія.

— Миѣ казалось, что я видѣла, но можетъ-быть я ошиблась, была введена въ заблужденіе! воскликнула она съ глубокимъ огорченіемъ.—Скажите, Деннисъ, что это были не вы, и заботой всей моей жизни будетъ вознаградить васъ за несправедливое обвиненіе!

Но молодой человекъ продолжалъ хранить угрюмое молчаніе, и затѣмъ послышался звукъ расшариваемаго сундука. Диврею Денниса разурьзали, потому что руки у него были не свободны. Съ него сняли жилетъ, подъ которымъ оказалась чистая рубашка, но и на ней не было аметистовъ. Сердце лэди Сиблей замерло. Неужели она ошиблась въ личности виновнаго? Наконецъ, они сняли и чистую рубашку; подъ нею была сѣрая визанная куртка. На этой сѣрой курткѣ были припущены все бабушкины аметисты!

Тогда послѣ этого прискорбнаго случая, сильно подѣйствовавшаго на нее, лэди Сиблей покинула Батъ. Она заперла свой домъ и поселилась временно въ Клифтонъ, гдѣ вела очень замкнутую жизнь. Она не могла подумать о возвращеніи домой и не брала въ руки ни одной мѣстной газеты, зная, что Деннисъ долженъ въ скоромъ времени искупить свое преступленіе (въ то время еще вѣшали за воровство).

Слуги ея не были такъ мягкосердечны или по крайней мѣрѣ они иначе выказывали свое чувство, такъ какъ однажды Бриджетъ со слезами попросила у нея позволенія сходить въ Батъ проститься съ Деннисомъ.

Лэди Сиблей едва могла повѣрить своимъ ушамъ и молча, съ удивленіемъ глядя на нее. Но Бриджетъ принялась увѣрять, что имѣетъ на это свои причины, и просила отпустить съ нею буфетчика, которому также это необходимо.

Лэди Сиблей откинулась на спинку кресла.

— Я бы никогда не подумала, сказала она тихимъ, выразительнымъ тономъ, — что кто-нибудь изъ моихъ людей зараженъ такимъ ужаснымъ, преступнымъ любовнымъ.

Бриджетъ снова принялась увѣрять, что это не было любовнымъ и что, по возвращеніи, она и буфетчикъ объяснятъ миледи свои причины. Получивъ разрѣшеніе лэди Сиблей и властей, оба отправились въ Батъ и явились въ указанное время въ тюрьму, гдѣ содержался Деннисъ.

Онъ появился вскорѣ въ сопровожденіи сторожа и безъ словъ крѣпко пожалъ имъ руки.

Горько плача, Бриджетъ заговорила первая:

— Одно слово, Деннисъ, прежде чѣмъ мы простимся. Помнишь, какъ два года тому назадъ былъ сломанъ замокъ шкафа, что на лестницѣ?

— Помню, пробормоталъ Деннисъ.

— Деннисъ, скажи миѣ правду, одно только слово... Это ты сдѣлалъ?

Лицо его поблѣднѣло, онъ опустилъ голову и прошепталъ чуть слышно:

— Я!

Бриджетъ всплеснула руками, а буфетчикъ захохоталъ.

— Но что же помѣшало тебѣ взять тогда аметисты? продолжала Бриджетъ.

— Миѣ помѣшало, отвѣчалъ Деннисъ, задрожавъ, — самый нечестный... Какъ прыгнуть миѣ на спину — я и бросился бѣжать.

— Это не былъ нечестный, Деннисъ! воскликнула Бриджетъ.—Это была я! Вотъ это миѣ и хотѣлось знать...

— Вы! закричала Деннисъ съ воплемъ отчаянія. — Вы, мистрисъ Бриджетъ? Если бы я только зналъ это, я не былъ бы здѣсь сегодня и вамъ не пришлось бы спрашивать меня про вора!

Когда буфетчикъ увелъ дрожавшую Бриджетъ, слезы блестѣли въ его старыхъ глазахъ.

— Я всегда говорилъ миледи, повторялъ онъ, — что воромъ былъ кто-нибудь хорошо знавшій домъ. Далась же ему эти аметисты!

О. Ч.

Тяжелая расплата.

В. Теплова.

(Продолженіе).

IV.

Примѣръ прошлыхъ царствованій доказалъ, что янычары не потерпятъ никакой, даже частичной реформы ихъ устройства. Въ то же время самое существованіе янычаръ, привыкшихъ распорядиться государями по своему произволу, представляло постоянную опасность для султановъ. Самъ Махмудъ, возведенный на престолъ революціею, не могъ забыть ереравскихъ сценъ, сопровождавшихъ его воцареніе. Поэтому онъ твердо рѣшилъ продолжать дѣло своего учителя, султана Селима III, и обезопасить себя и своихъ преемниковъ отъ такой постоянной опасности, уничтоживъ янычаръ, «этихъ—какъ картинно говоритъ турецкій историкъ,—рыцарей коней скакавшихъ на свободѣ по настибамъ безнравства, которые воображали себя властителями страны, поддерживали огонь подъ котломъ неповиновенія и подтачивали ошейникъ подчиненности». Рѣшеніе это (принятое имъ, какъ говоритъ, также отчасти подъ вліяніемъ воспоминаній объ уничтоженіи стрѣлцаго войска Петромъ Великимъ, котораго Махмудъ былъ восторженнымъ почитателемъ) султанъ долгое время содержалъ въ тайнѣ и служилъ, наконецъ, привести въ исполненіе, со свойственною характеру его дикою энергіею и терпѣливою хитростью, составляющею удѣлъ восточныхъ народовъ вообще.

Торжество янычаръ въ 1808 году сдѣлалось причиною ихъ окончательной гибели. Они стали вести себя разнузданнѣе чѣмъ когда-либо. Выказавъ въ бывшихъ въ началѣ столѣтія войнахъ самую постыдную трусость, они считали себя все дозволеннымъ, предаваясь пьянству и всякому разврату. Ни къ какому классу общества они уже не относились съ уваженіемъ. Самое имущество и личность улемовъ—этого вліятельнѣйшаго тогда въ Турціи сословія—перестали быть въ глазахъ янычаръ неприкосновенными, а между тѣмъ улемы были единственными убійцами ихъ защитниками, оправдывавшими ихъ многочисленныя возстанія ревностью къ мусульманской религіи и называвшими ихъ любимыми сынами Пророка. Многие изъ янычаръ стали заниматься грабежемъ и разбоемъ, а ихъ суды перестали примѣнять къ ихъ преступленіямъ строгіе законы, установленные Салиманомъ Великимъ.

Въ Стамбулѣ янычары производили непрерывные пожары. Общій голосъ приписывалъ имъ вину страшнаго пожара, опустошившаго въ 1823 году столичный арсеналъ со всѣми военными запасами, заготовленными для южной арміи.

Вся служба янычаръ въ Константинополѣ состояла лишь въ караулахъ на гаунтвахтахъ и въ содержаніи патрулей. Имъ запрещено было носить на себѣ оружіе,—все вооруженіе ихъ состояло изъ палки, — такъ какъ правительство не безъ основанія опасалось, что будучи вооружены ятаганами или огнестрѣльнымъ оружіемъ, эти защитники мирныхъ гражданъ были бы, при своемъ буйномъ нравѣ, скорѣе имъ опасны, чѣмъ полезны.

Янычары, занимавшіе многочисленныя городскія таунтвахты, ухитрились изъ всего добывать себѣ доходъ. По большей части предъ каждою таунтвахтою становился одинъ янычаръ съ метлою въ рукахъ и заставлялъ всякаго проходящаго подметать улицу; нежеланіе обязаны были платить бахшиши. На общественныхъ гуляньяхъ, на рынкахъ янычары находили постоянно какой-нибудь предлогъ, чтобы сорвать «кахе параси» (деньги на кофе). Иногда поборы ихъ были уже болѣе значительны, такъ напр., они захватывали какое-нибудь купеческое судно входившее въ портъ и поднимали на немъ свой флагъ въ знакъ того, что они будутъ защищать его, и за это непрошенное покровительство требовали, разумѣется, съ хозяина денегъ. При постройкѣ аданій точно также подрядчикъ долженъ былъ уплачивать извѣстный сборъ. Затѣмъ они сами себѣ присвоили привилегію жарить и толочь кофе въ особенномъ обширномъ помѣщеніи, куда все жители города должны были приходиться для покупки себѣ кофе, зачистую по весьма высокой цѣнѣ. Все эти злоупотребленія вошли въ такую привычку, что обыватели переносили ихъ безропотно; но въ послѣднее время янычарскія насилие стали еще равнообразнѣе и еще усилились, тѣмъ болѣе, что правительство нарочно не принимало никакихъ мѣръ къ ихъ прекращенію, дабы жители ожесточились противъ янычаръ и не жалѣли объ ихъ уничтоженіи, безвозвратно рѣшенномъ Портою. И предположенная правительствомъ цѣль дѣйствительно была мало-по-малу достигнута: во мнѣніи большинства янычары сошли съ пьедестала бывшихъ необходимыхъ воиновъ ислама, создателей и защитниковъ военнаго могущества Турціи, обратившись въ трусливыхъ воиновъ на поляхъ сраженій и въ простыхъ притѣснителей гражданъ во время мирное. Отъ такихъ мыслей до желанія избавиться отъ ежедневно досаждавшихъ всѣмъ притѣсненій янычаръ, даже путемъ ихъ полнаго уничтоженія, былъ лишь одинъ шагъ, и султанъ Махмудъ всячески помогалъ, чтобы шагъ этотъ былъ сдѣланъ, дѣйствуя при этомъ не снѣма, но твердо и неуклонно, набѣгая всякихъ преждевременныхъ мѣръ, бывшихъ столь пагубными для его предшественниковъ, и торопливо выжидалъ, чтобы собственныя, дошедшія до апогея насилие оджака привели къ варьву общаго негодованія противъ тѣхъ, кого въ то время уже начали называть въ насмѣшку старухами, которыя непрерывно говорятъ о своей былой красотѣ и которыя въ сущности ни на что болѣе не годны.

Въ то же время, такъ какъ для янычаръ обязательное житье въ казармахъ перестало быть необходимымъ для полученія причитающагося имъ жалованья, то почти все турецкіе сановники поспѣшили внести свою прислугу въ списки янычаръ, какъ бы состоящихъ на дѣйствительной службѣ, и потому вся эта прислуга оказалась на казенномъ жалованьи.

Такимъ образомъ слава, дисциплина, нравственность и искусство въ военномъ дѣлѣ, сила физическая и общественная янычаръ

скаго одажа печезли, но за-то увеличались, вмѣсто того чтобы уменьшиться, ихъ гордость, ихъ привилегии и государственные расходы по ихъ содержанию.

Планъ истребленія янычаръ былъ составленъ султанскимъ любимцемъ Халетъ-эфенди, изъ простаго хамала (носильщика) возвысившагося до званія посла въ Парижѣ, а потомъ сдѣлавшагося хранителемъ султанской печати. Ему не удалось, впрочемъ, видѣть исполненія своихъ предначертаній—враги искусно возбудили противъ него ненависть Махмуда, представивъ султану, будто Халетъ-эфенди хвалился, что именно онъ править царствомъ. Халета удавили, а голову его поднесли султану.

Огромное содѣйствіе въ задуманномъ дѣлѣ оказали Махмуду верховные начальники янычаръ, послѣдній ихъ ага, Мехмедъ Джезаль-эддинъ, и предшественникъ его, Хусейнъ. Вѣрные исполнители плана Халетъ-эфенди, они поставили себѣ первою задачею поддерживать чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ постоянные раздоры между различными ортами и побуждать ихъ къ открытому нарушенію дисциплины или даже подстрекать къ попыткамъ возстанія, чѣмъ аги и пользовались, чтобы безъ шума отдѣлаться отъ наиболее вліятельныхъ или энергичныхъ янычаръ, или предавая ихъ казни, или отправляя ихъ въ ссылку. Мало-по-малу султанъ старался подавать элементы сопротивленія, удаляя также въ изгнаніе опаснѣйшихъ офицеровъ оджака, замѣнилъ ихъ людьми совершенно ему преданными. Благодаря подобнымъ средствамъ, принятымъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, когда-то столь могучее единство янычарскаго корпуса было сломлено гораздо ранѣе роковой развязки.

Вторымъ могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ Махмуда было то, что онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону высшее мусульманское духовенство, подготовилъ ихъ мнѣніе въ пользу задуманной имъ мѣры, и вообще заручился сочувствіемъ улемовъ.

Когда Махмудъ нашель, что обезпечилъ за собою содѣйствіе всѣхъ дужныхъ ему людей, и когда, наконецъ, побѣды Ибрагимъ-паша Египетскаго воочію доказали все превосходство европейской тактики и дисциплины, султанъ рѣшилъ, что тогдашніе обстоятельства, достигшія требовавшейся зрѣлости, позволяютъ дѣйствовать энергически.

22 мая 1826 года, въ домѣ муфтіи былъ созванъ чрезвычайный совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ государства. Въ длинной рѣчи великій визирь, Мехмедъ-Селимъ-паша, обрисовалъ бѣдствія испытывающія Турцію и упадокъ Оттоманской имперіи, которая прежде потрясла европейскіе престолы, а теперь не можетъ справиться съ нѣсколькими возмущившимися райями (греками). Причина такого упадка, прежде всего, заключается въ исчезновеніи у янычаръ дисциплины. Затѣмъ онъ говорилъ о невѣжествѣ янычаръ, о пораженіихъ терпимыхъ ими въ теченіе цѣлаго уже вѣка, — имъ всецѣло надо приписать стыдъ нашихъ военныхъ неудачъ, всѣ тѣ потери денегъ и громаднхъ военныхъ запасовъ, вслѣдствіе которыхъ сердце народа наполнилось скорбью и печалью. Въ заключеніе великій визирь предложилъ всѣмъ присутствующимъ высказаться съ точки зрѣнія религіозной касательно султанскаго проекта ввести въ янычарское войско правильную дисциплину и обученіе европейской тактикѣ, составляющія, по его мнѣнію, необходимое условіе возвращенія войску прежней силы.

Муфтіи открылъ тогда Коранъ и громкимъ голосомъ прочелъ слова Пророка: „война—это игра, въ которой успѣхъ принадлежитъ болѣе искусному. Сражайтесь съ врагомъ его собственнымъ оружіемъ“. После этого муфтіи тотчасъ же издалъ фетву, разъясняющую, что „долгъ всякаго мусульманина пріобрѣсти наилучшія познанія въ воинскомъ дѣлѣ, дабы лучше сражаться и побѣждать невѣрныхъ“. Собраніе единогласно приняло рѣшеніе муфтіи, выразивъ одновременно съ тѣмъ, что и другой долгъ каждаго истиннаго мусульманина—слѣпо

повиноватся повелѣніямъ халифа-султана и что потому янычарамъ необходимо подчиниться дисциплинѣ и безотлагательно выучиться военному искусству. О результатѣ совѣщанія было составлено письменное постановленіе.

На второмъ засѣданіи чрезвычайнаго совѣта, происходившемъ снова у муфтіи, 28 мая 1826 г., великій визирь прочелъ султанскій хатти-шерифъ, которымъ устанавливались разныя измѣненія дѣйствовавшаго янычарскаго устава. Сущность ихъ заключалась въ томъ, что каждая изъ 51 янычарскихъ ортъ, находившихся въ Константинополѣ, должна была выдѣлать изъ себя по 150 солдатъ, состоящихъ въ дѣйствительной службѣ — *эшкенджи*, которыхъ будутъ обучать тактикѣ на европейскій образецъ и изъ которыхъ составится впоследствии регулярное войско. Затѣмъ шли различныя подробности организаціи и содержанія этихъ войскъ; но всѣ эти статьи относились уже къ эшкенджи, а не ко всему янычарскому оджаку. Муфтіи утвердилъ своею фетвою новое правительственное распоряженіе, объявивъ, что всякій, кто будетъ дерзать непочтительныя рѣчи о принятыхъ реформахъ или кто по поводу ихъ затѣетъ какую-либо смуту — будетъ подлежать строгому наказанію. Всѣ присутствовавшіе въ Диванѣ приложили свои печати къ упомянутому важному документу, заявивъ, что признаютъ законность мѣръ принимаемыхъ правительствомъ, и обѣщали съ своей стороны поддерживать ихъ всѣми силами.

Новый уставъ, подписанный важнѣйшими сановниками и улемами, былъ торжественно отнесенъ во дворецъ янычарскаго аги и прочтенъ офицерамъ и солдатамъ. Въ тотъ же день болѣе двухсотъ офицеровъ письменно согласились повиноватся ему.

Сначала янычары не выказали особаго неудовольствія на предпринимаемыя реформы и, повинуясь своимъ начальникамъ, стали записываться въ эшкенджи, такъ что въ три дня число всѣхъ добровольцевъ достигло пяти тысячъ, которые подъ руководствомъ инструкторовъ немедленно начали, на равнинахъ Сладкихъ водъ и Даудъ-пашы, свои воинскія упражненія и стали изучать европейскую тактику.

Тонкій знатокъ человѣческаго сердца, Махмудъ помнилъ, какъ много иногда значитъ названіе и сколько бурь было вызвано во время Селима III отчасти изъ-за того, что султанъ имѣлъ неосторожность назвать вновь созданныя войска войсками новаго образца (*низами джедидъ*); поэтому, создавая, въ свою очередь, регулярное войско, Махмудъ не повторилъ ошибокъ своего предшественника и назвалъ свои новыя войска войсками стараго образца (*низами-атикъ*), дабы предотвратить народное негодованіе, возбуждавшееся въ Стамбулѣ съ такою легкостью противъ какихъ-либо новшествъ. Подъ рукою, народу было объяснено, что только что созданное войско не было вовсе чѣмъ-либо новымъ, а лишь восстановленіемъ такого же войска, учрежденнаго Султаномъ I, — этого было достаточно чтобы фанатики перестали видѣть въ реформѣ опасное нововведеніе.

Названіе не обмануло только янычаръ, и скорѣе недовольство ихъ стало открыто выражаться на тайныхъ сходкахъ. Янычарамъ удалось переманить на свою сторону даже нѣсколькихъ изъ тѣхъ своихъ товарищей, которые стояли вначалѣ за реформу. Болѣе пылкіе предложили произвести бунтъ тотчасъ же, но большинство нашло нужнымъ обождать до тѣхъ поръ, пока эшкенджамъ не будутъ розданы ружья и военныя припасы. Эта отсрочка была для янычаръ роковою, такъ какъ правительство, въ-время предуиженное своими агентами, имѣло возможность заблаговременно принять свои мѣры. Янычары тѣмъ временемъ волновались, ходили по стамбульскимъ харчевнямъ, стараясь возбудить фанатизмъ народа противъ новаторовъ и приготавлиая съ оружіемъ въ рукахъ противиться хатти-шерифу, прочитанному на константинопольскихъ улицахъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Кемь. (Рис. на стр. 1065).

Въ 1590 верстахъ отъ Петербурга и въ 521 верстѣ сухимъ путемъ отъ Архангельска (моремъ—280 верстъ), у самой вершины Кемской губы, на лѣвомъ берегу рѣки Кемь лежитъ одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ Россіи—*Кемь*, уѣздный городъ Архангельской губерніи. Первые извѣстія о немъ по лѣтописямъ относятся къ XV вѣку. Тогда Кемь была волостью, принадлежавшею новгородской посадницѣ Марѣ Борейкой. Въ 1450 г. Кемь была подарена Соловецкому монастырю. Далѣ въ исторіи волости можетъ быть отмѣченъ конецъ XVI столѣтія, когда, въ 1580 году, въ нее вторглись финляндцы изъ города Каяна, по тогдашнему прозванію — каянскіе вѣнды. Причинивъ не малое опустошеніе, они цобили много стрѣльцовъ, видѣвъ съ соловецкимъ воеводою Озеровымъ. Новый воевода Аничковъ мужественно встрѣтилъ вторичное нападеніе каянцевъ, разбилъ ихъ и прогналъ изъ волости. Спустя десять лѣтъ Кемская область, вмѣстѣ съ Ковдою, Умбою и Кертью, подверглась нападенію со стороны шведовъ. Въ слѣдующемъ

году, вся Кемская волость, съ находившимся въ ней Музерскимъ монастыремъ, крестьянами, соляными варницами, рыбными и звѣриными ловлями, отдана была Соловецкому монастырю, который владѣлъ ею до 1764 года. Въ этомъ году Кемь вошла въ составъ Онежскаго уѣзда. Въ 1785 году, при открытіи Олонецкаго наместничества, Кемь была назначена его уѣзднымъ городомъ. Открытіе города состояло въ присутствіи тогдашняго олонецкаго губернатора, извѣстнаго поэта Гавріила Романовича Державина, причѣмъ онъ едва не утонулъ, переправляясь черезъ море. Нынѣ Кемь—небольшой городокъ, насчитывающій немногимъ болѣе 2,000 жителей. Главноезаніе ихъ составляютъ мореходство, судостроеніе, а также рыбные и звѣринные промыслы на Мурамскомъ берегу, Вѣломорскихъ островахъ, Новой Землѣ и въ устьѣ рѣки Кемь. Кемскій уѣздъ занимаетъ значительную площадь въ 171,683 квадратныя версты и представляетъ холмистую поверхность, состоящую изъ отроговъ Финляндскихъ и Норвежскихъ горъ. Горы эти не богаты металлами, за то озера и рѣки изобилуютъ рыбою, а лѣса—дичью и звѣремъ, особенно

съ бывшемъ Кольскомъ уѣздѣ, присоединенномъ къ Кемскому уѣзду въ 1838 году.

Крестный ходъ въ поляхъ по случаю неурожая и первая помощь голодающимъ готовымъ хлѣбомъ.

(Рис. на стр. 1068 и 1069).

Круглый годъ—вся семья хлѣбопашца занята тяжелымъ, непрерывнымъ трудомъ, тѣсно связаннымъ съ землею и домомъ: Наступаетъ весна, земля освободилась изъ-подъ снѣжнаго покрова,—надо пахать подъ „яровое“, время не тернить! Окончено это дѣло—посѣяно: начинается сѣвкопная „страда“; всѣ, отъ мала до велика, съ косами, вилами и граблями, въ поляхъ... Не успеютъ убратъ сѣно, надо жать созрѣвшую *зимь*, возить сѣно на токы; только справятся, — косить и жать яровые хлѣба... Наступаетъ осень: сушка, молотѣба, помолье... А тутъ надо еще усилить управиться съ огородомъ, съ капустою, картофелемъ, и проч.: и заборы чинить, и у дома похлопотать. Подходитъ зима,—надо дровами запастись. А мелкія домашнія работы! ихъ не перечести,—и времени свободного для настоящего крестьянина мало... этого времени *нѣтъ!* И все около *хлѣба* и *за хлѣбомъ*, потому что хлѣбъ есть, *онъ уродился*. А тутъ *его нѣтъ*,—косить и жать нечего, возить и молотить тоже. Наступили невольныя праздныя времена, нечего дѣлать крестьянской семьѣ у своего поля. Страшная, печальная праздность, а ѣсть надо... Не дала кормилица земля,—показала Господь!—дадутъ, помогутъ добрые люди! И вотъ,—и старъ и младъ, идутъ къ этимъ добрымъ людямъ, а у тѣхъ тоже нѣтъ, тоже ушли побираться... Дальше и дальше расширяется районъ милостивыхъ сборовъ, начинается что-то безобразное, кочевое. Большаки и проселки оживляются голодными путешественниками: *съ куски пошелъ народъ*, и на эти куски, на эти обрѣзки и обрѣдки, трудовой народъ, кормилицы земли Русской, вѣковой пахарь и хлѣба у земли добытчикъ,—возлагаетъ всѣ свои надежды и упованіе.

Русь велика! Много климатовъ вмѣщаетъ она въ своихъ обширныхъ границахъ, и страшный бичъ голода не можетъ разить *ее всю*... Хлѣбъ есть, его много,—только надо взять часть его у *счастливыхъ* и передать *несчастливымъ*. А это работа трудная, и требуетъ много ума, много знанія, много порядительности, а больше всего *сердца* и *чести*. Залетали курьеры и лица правящія; закинула работа, отъ вершины трона до послѣдней конторки волостнаго писаря... и стройная административная машина не замедлила проявить свою силу... Задержанъ хлѣбъ на границахъ; парализовано, сколько возможно, гнусное кулачество; лучъ надежды и вѣры блеснулъ въ очи голодающимъ... Первымъ дѣломъ—дать сѣмена, объѣмнить ими поля, для будущаго... *Дам!* Накормить теперь, въ данную минуту—*кормить*... Прокормить до будущаго урожая—*готовить*... И все бы это было еще мало, если бы не откликнулось на бѣдствіе народное само общество. Мирская денга—сила. Съ амвоновъ храмовъ, съ кафедръ просвѣщенія—полились вдохновенное слово, звучный призывъ къ милосердію—и вся Русь на этотъ призывъ откликнулась. Пословица говоритъ, что *хлѣбъ за зубами не ходитъ*. Такъ, да не совѣмъ. Подойдутъ ноги за хлѣбомъ, когда эти ноги *идти могутъ*, а сколько деревень, сколько глухихъ угловъ, гдѣ тайкомъ, невидимые, не услышанные — мрутъ люди отъ голода... и туда взглянуло къ нимъ милосердное око. Посмотрите, вотъ вамъ картинка,—она не вымыселъ художника, она взята *съ натуры прямо*.

Запахъ и захирѣлъ голодный выселокъ, далеко, въ сторонѣ отъ тракта онъ затерялся. Все сильное ушло за кусками и Богъ вѣсть когда вернется, а въ негопленныхъ пѣбахъ сидятъ и бродятъ безнадежныя, психушныя призраки... Далекъ гдѣ-то звенитъ колокольчикъ, грохочутъ, прыгая въ сухихъ колеяхъ, телѣжныя колеса... ближе и ближе... Кого это къ намъ, забываемъ, покинутымъ, Господь посылаетъ? — Да, именно: посылаетъ *Господь!*

Великъ Богъ земли Русской и нѣтъ конца, нѣтъ предѣла Его Милосердію.

Съ тихимъ пѣніемъ, медленнымъ шагомъ, окруженная облакомъ пыли,—движется торжественная процессія... Въ жаркомъ, душномъ воздухѣ словно тѣни колышутся осѣненные крестами хоругви. Крестъ впереди—ведетъ толпу, крестъ у каждаго въ сердцѣ и на груди.

А кто съ крестомъ — тотъ не погибнетъ во-вѣки!

Н. Каразинъ.

Молодая дѣвушка съ острова Капри.

(Рис. на стр. 1073).

Подобно миражу возвышается вблизи Неаполя изъ морской поверхности скалистый островъ Капри. Дикимъ и непривѣтливымъ былъ-бы онъ, если-бы не раастилалось синее небо Італіи надъ нимъ, если бы онъ не освѣщался животворнымъ солнцемъ Юга, если-бы его обитатели, трудомъ и терпѣніемъ, не обратили островъ въ чудный садъ. Среди этой природы обитаютъ простые рыбаки, въ жилахъ которыхъ бесспорно течетъ эллинская кровь, такъ они красивы и стройны. Особенно красотою отличаются женщины, одну изъ которыхъ изобразилъ въ своей картинѣ мюнхенскій художникъ.

Казакъ-атаманцы, возвращающіеся со смотра въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ.

(Рис. на стр. 1076 и 1077).

Картина представляетъ одну изъ характерныхъ сценъ лагерной жизни. Послѣ удачнаго смотра на Военной полѣ казакъ возвращаются въ постоянное мѣсто ихъ лагерной стоянки, вѣроятно въ такую же чухонскую деревушку, какалъ видѣтелъ на заднемъ планѣ картины.

У казаковъ прекрасный корпоративный духъ: они живутъ дружно и, куда бы ихъ ни занесла судьба, вездѣ свято хранятъ обычай своей родины. Они очень привязаны къ своимъ офицерамъ и въ настоящую минуту очень счастливы по случаю благодарности, которую получили ихъ „господа“ отъ начальства за хорошее ученіе, можетъ-быть, отъ Великаго Князя; это видно по увлеченію, съ которымъ поютъ вѣдущіе впереди пѣсенники. Офицеръ, ведущій сотню, оглядывается назадъ, чтобы не пропустить отдать честь обгоняющему полкъ командиру; но командиръ самъ веселъ по случаю удачнаго смотра и навѣрно отмахиваетъ, чтобы не командовали „мирно“.

Очень характерна степенная фигура стараго казака съ „махаломъ“ въ рукѣ, особеннымъ образомъ складывающаго губы, чтобы отчетливѣе выговаривать слова пѣсни; недурно также красивое и мечтательное лицо молодого бубенника. Вѣдущій впереди лихачъ-завѣвало весь поглощенъ своимъ искусствомъ и для большей внушительности дирижируетъ кулакомъ.

Пѣсни казакія отличаются отъ солдатскихъ преобладаніемъ мирнаго тона; но есть и общія пѣсни, представляющія плодъ военно-народнаго творчества, которыя поются во всѣхъ войскахъ. Пѣсни эти обыкновенно складываются въ походѣ; иногда онѣ нѣсколько безсвязны, но тѣмъ не менѣе въ нихъ слышится присутствіе особой, мечтательно-грустной военной поэзіи; такъ, напримеръ, въ пѣснѣ о славѣ и тоска по героямъ-товарищамъ, павшимъ на полѣ брани.

Балканскія вершины,
Увижу-ль я вась вновь?
Софійскія долины—
Кладбище уральцовъ...

Вѣднал чухонская деревушка, въ которую сейчасъ вступятъ атаманцы, представляетъ лѣтомъ оживленный дачный видъ: лучшія пѣзы приспособлены для жилья офицеровъ, украшены балконами и обсажены деревьями. Надъ другими пѣзами видѣются соломенные плетѣнки, обозначающія число конскихъ стойлъ.

Проѣзжая черезъ такую деревушку, невольно припоминаешь Тургеневскій разсказъ „Стукъ-стукъ“, дѣйствіе котораго происходитъ близъ Краснаго Села.

Кстати скажемъ нѣсколько словъ вообще о казакахъ. Ихъ происхожденіе было вызвано постоянными набѣгами восточныхъ народовъ, преимущественно татаръ и турокъ, которые систематически опустошали южно-русскія земли, набирал оттуда рабовъ и обогащались награбленными сокровищами. Для противодѣйствія этимъ хищникамъ образовались, преимущественно у большихъ рѣкъ, сильныя военныя гвѣзда. Самое могущественное изъ такихъ гвѣздъ прильнуло къ Дону. Эта смѣлая воляница не только давала отпоръ мусульманамъ, но даже производила лихіе набѣги въ ихъ земли и однажды даже валла Азовъ.

Вообще сфера „добыванія зинувовъ“, какъ выражались казакъ, у допцовъ и запорожцевъ (впослѣдствіи кубанцевъ), распространилась очень широко, доходила до береговъ Крыма, Малой Азіи и даже до Босфора; но эти сильныя и смѣлыя воляницы вредили косвенно и Московскому государству, задерживали иноземныхъ пословъ и мѣшая мирнымъ сношеніямъ Россіи съ кримицами и турками. Тогда Московскіе государи, посредствомъ жалованья и другими способами, вошли въ соглашеніе съ казаками и сообщая съ ними стали дѣйствовать противъ мусульманъ. Впослѣдствіи казакъ, перешедшіе въ русское подданство и расселенные по окраинамъ государства, образовали какъ бы щиты противъ вторженія хищниковъ въ наши предѣлы.

Многовѣковая борьба выработала изъ казаковъ смѣлыхъ, рѣшительныхъ и находчивыхъ воиновъ; а привычка съ малолѣтства вѣдуть верхомъ воспитала въ нихъ такихъ всадниковъ, какихъ не имѣетъ ни одна армія въ мірѣ. Казакъ можетъ на всемъ скаку вскочить на ноги и вѣхатъ стоя, угасть и снова вскочить на лошадь; лучшіе изъ вѣздниковъ могутъ, летя въ карьеръ, быстро осаживать лошадь, подымать раненаго товарища и снова скакать и т. д.

Старые казакъ слѣдятъ за развитіемъ малолѣтковъ; невольность преслѣдуется насмѣшками, который разжигаютъ кровь у юношей и толкаютъ ихъ на самыя отчаянныя упражненія. Пикой казакъ владѣетъ удивительно ловко; шапка казаканъ очень заманлива и рубить жестоко, безопадно. Кроме этого, казакъ обладаетъ необычайной выносливостію, чуткостію и способностью находить дорогу въ какой угодно мѣстности и въ темнотѣ; приложивъ къ землѣ ухо, онъ на далекомъ раз-

Серебряные кубки и поднось, поднесенные Ихъ Императорскимъ Величествамъ къ 25-ти-лѣтію бракосочетанія отъ города Петербурга. Работы Грачева въ СПб. Съ фот. Ренца, грав. М. Рамевскій.

стоянии слышннхъ присутствіе непріятеля, особенно передвнженіе непріятельской конницы.

Недостатокъ казаковъ заключается въ томъ, что они слишкомъ увлекаются захватомъ непріятельскихъ запасовъ, и черезъ это въ одномъ изъ набеговъ 1812 года промахали Наполеона, котораго, можно сказать, почти уже держали за ворота.

Казацкія населенія образуютъ отдѣльные войска: Донское, Уральское, Кубанское, Терское, Астраханское, Сибирское и другія болѣе мелкія. Донское войско самое многочисленное.

Вообще всѣ казаки выставляють въ мирное время 7 пѣшихъ батальоновъ, 266 конныхъ сотенъ и 20 батарей, всего около 50,000 человекъ. Въ военное же время—20 батальоновъ, 808 сотенъ и 40 батарей, что составляетъ 160,000 человекъ.

Эта единственная въ мірѣ, по своимъ неподражаемымъ свойствамъ, кавалерія ложится кошмаромъ на сонъ нашихъ явныхъ и тайныхъ враговъ.

Лучшее описаніе казачьихъ нравовъ, обычаевъ и историческаго развитія читатель можетъ найти въ книгѣ г. Абазы „Казаки“, представляющей приспособленные для чтенія въ семьѣ и школѣ, популярныя рассказы, о которыхъ своевременно былъ данъ одобрителный отзывъ на страницахъ „Нивы“.

Н. Бутовскій.

Серебряные кубки и поднось, поднесенные Ихъ Императорскимъ Величествамъ отъ города Петербурга. (Рис. на стр. 1081).

21 ноября, въ 2½ часа пополудни, въ Анничковскомъ дворцѣ, депутация города С.-Петербурга, въ составѣ городского головы, тайнаго совѣтника В. И. Лихачева, и гласныхъ думы: дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ф. К. Саль-Галли и потомственнаго почетнаго гражданина А. М. Игнатъева, имѣла счастье принести Ихъ Императорскимъ Величествамъ всенгоднѣйшее, отъ города Петербурга, поздравленіе съ исполнившимся 28 минуваго октября двадцатипятилѣтіемъ бракосочетанія Ихъ Величествъ. Поднось, при этомъ, два серебряныхъ, въ старинномъ русскомъ вкусѣ, чеканной работы, кубка, съ эмалевыми шифрами: на одномъ кубкѣ, въ который насыпанъ былъ хмель—Государя Императора, а на другомъ—съ бѣлыми и алмазными розами—Государыни Императрицы, на серебряномъ, въ такомъ же вкусѣ, поднось, украшенномъ соединеннымъ вензелемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, окруженнымъ вензелями Августѣйшихъ Дѣтей,—городской голова сказалъ слѣдующее: „Ваши Императорскія Величества! Петербургская городская дума, отъ лица всего петербургскаго городского общества, имѣетъ счастье принести Вашимъ Императорскимъ Величествамъ всенгоднѣйшее сердечное поздравленіе съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Богомъ благословеннаго брачнаго союза. На серебряную свадьбу Вашихъ Императорскихъ Величествъ, петербургская городская дума проситъ принять, по русскому обычаю, это серебряное подношеніе, съ хмелемъ и цвѣтами, на радость и украшеніе семейной жизни, до будущей золотой свадьбы Вашихъ Императорскихъ Величествъ“. Милостиво принявъ подношеніе, Государь Императоръ изволилъ поблагодарить и удостоилъ подачею руки городского головы и гласныхъ думы, осчастливленныхъ и цѣлованіемъ руки Государыни Императрицы. Затѣмъ, Его Величество припомнилъ, что, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, Петербургъ первый изъ русскихъ городовъ привѣтствовалъ Императрицу при прѣздѣ Ея изъ-за границы, благосклонно разспрашивалъ каждаго изъ представителей города о томъ, давно-ли живетъ въ столицѣ и сколько времени находится въ составѣ петербургскаго городского общественаго управленія и, наконецъ, изволилъ поручить городскому голове и сопровождавшимъ его гласнымъ думы передать сердечную благодарность Ихъ Императорскихъ Величествъ всѣмъ представителямъ города, за принесенное поздравленіе.

Э. К. Брандтъ. (Портр. на стр. 1084).

Русская наука понесла новую, весьма чувствительную утрату. 17 ноября текущаго года скончался отъ инфлуэнцы, осложнившейся воспаленіемъ въ легкихъ, заслуженный профессоръ Военно-Медицинской Академіи по кафедрѣ зоологіи и сравнительной анатоміи, докторъ медицины Эдуардъ Карловичъ Брандтъ. Покойный представлялъ собою все болѣе и болѣе вырождающійся у насъ типъ ученаго, фанатически преданнаго наукѣ, всѣми силами старавшагося расширить кругъ ея адептовъ и дѣлвашагося знаніямъ съ каждымъ, кто хоть сколько-нибудь обнаруживалъ желаніе къ пріобрѣтенію научныхъ познаній. Превосходный педагогъ, обладавшій большимъ даромъ слова, онъ рѣшительно увлекалъ слушателей мастерскимъ изложеніемъ предмета и пользовался огромною популярностью среди учащейся молодежи, которая глубоко симпатизировала ему. Э. К. Брандтъ усердно распространялъ естественно-историческія свѣдѣнія и путемъ живаго слова, и посредствомъ многочисленныхъ популярныхъ изданій по своей специальности, учебниковъ, руководствъ. Число ученыхъ трудовъ его, написанныхъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и напечатанныхъ въ русскихъ и иностранныхъ періо-

дическихъ изданіяхъ и отдѣльными монографіями, простирается до 70. Э. К. Брандтъ былъ, однако, не кабинетнымъ ученымъ, а живымъ человекомъ, чуждымъ сухаго педантизма, схоластическихъ пріемовъ. И въ лекціяхъ его, и въ книгахъ чувствовалась жизнь, наука являлась словомъ одушевленной. Надо было удивляться необыкновенной подвижности и неугомонности этого труженника науки. Помимо своихъ пріимыхъ обязанностей, которыхъ у него было достаточно, онъ засѣдалъ въ разныхъ ученыхъ обществахъ, гдѣ состоялъ самымъ дѣятельнымъ членомъ, устраивалъ для желающихъ частныя курсы у себя на дому, занимался, наконецъ, врачебною практикой, пользуясь большою извѣстностью въ качествѣ рѣдкаго знатока по распозиванію и лѣченію глистныхъ болѣзней. Утрага такого выдающагося представителя науки тѣмъ горестнѣе, что онъ умеръ въ самомъ разгарѣ своей дѣятельности и нестарымъ человекомъ: ему было всего 52 года.

Э. К. Брандтъ, сынъ архитектора, родился въ Петербургѣ 15 февраля 1839 года и воспитаніе получилъ въ классическомъ отдѣленіи училища Св. Петра (Петропавловскомъ училищѣ), гдѣ курсъ окончилъ въ 1856 году. Спустя годъ, онъ поступилъ въ Императорскую Медико-Хирургическую Академію и здѣсь усердно занимался зоологіей и сравнительной анатоміей подъ руководствомъ Ф. Ф. Брандта, практически изучалъ грибы, водоросли и ягели у Д. С. Ценковского и также практически занимался энтомологіей, посѣщая съ этою цѣлью, между прочимъ, и Русское Энтомологическое Общество. Изъ Академіи онъ выпущенъ въ 1862 году со степенью лѣкаря, а затѣмъ черезъ три года удостоенъ степени доктора медицины. Еще въ 1863 г. онъ былъ назначенъ ассистентомъ при кафедрѣ зоологіи и сравнительной анатоміи въ Медико-Хирургической Академіи и читалъ эти предметы болѣе 25 лѣтъ. Въ 1866 и 1869 гг. онъ ѣздилъ за-границу и занимался сравнительной анатоміей у Бланшара и Мильнъ-Эдварда въ Парижѣ и у Овена въ Лондонѣ, а у Лейкарта въ Гессенѣ—медицинской зоологіей и эмбриологіей. Кроме того, онъ работалъ самостоятельно надъ сравнительно-анатомическими изслѣдованіями различныхъ классовъ безпозвоночныхъ животныхъ, близъ Шербурга и затѣмъ въ Триестѣ. Въ 1873 году онъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи домашнихъ животныхъ на ветеринарномъ отдѣленіи Академіи, причемъ читалъ зоологію и сравнительную анатомію на медицинскомъ отдѣленіи. Въ 1876 году онъ удостоенъ степени магистра зоологіи по защитѣ диссертациі въ С.-Петербургскомъ университетѣ и черезъ два года избранъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1889 году онъ получилъ званіе академика. Кроме Медико-Хирургической Академіи, Брандтъ преподавалъ зоологію, сравнительную анатомію и эмбриологію въ Горномъ Институтѣ, въ С.-Петербургскомъ Коммерческомъ училищѣ, С.-Петербургскомъ Университетѣ и на Женскихъ Врачебныхъ и Фребелевскихъ курсахъ. За-границу онъ былъ командированъ въ 1873, 1876, 1879, 1880—81 и 1889 гг. Онъ читалъ также лекціи въ Солиномъ Городкѣ. Брандтъ состоялъ президентомъ Русскаго Энтомологическаго Общества, почетнымъ членомъ Имп. Общ. Аклиматизаціи, членомъ-учредителемъ Спб. Общ. Естествоиспытателей и дѣйствит. членомъ Имп. Моск. Общ. Испытателей Природы, германской Леопольдно-Каролинской Академіи, французскаго Зоологическаго и Энтомологическаго Обществъ и проч.

Катастрофа на Орловско-Грязской жел. дор.

(Рис. на стр. 1084).

Какъ мы уже сообщали, 11 ноября, на 18-й верстѣ отъ Орла, на Орловско-Грязской желѣзной дорогѣ произошло крушеніе товаро-пассажирскаго поѣзда № 5. По полученнымъ телеграфическимъ извѣстіямъ, катастрофа произошла при такихъ обстоятельствахъ: поѣздъ вышелъ со стациіи Домнино въ 1 часть дня и при слѣдованіи его на 18-й верстѣ отъ Орла, на мосту черезъ рѣку Онтуху, у багажнаго вагона лопнулъ бандажъ передняго колеса; вагонъ вслѣдствіе этого на полномъ ходу свалился съ рельсовъ, задніе вагоны, катившіеся по инерціи впередъ, съ силой ударились въ багажный и, напирая другъ на друга, оторвались отъ поѣзда и свалились съ моста въ рѣку. Упали вагоны: багажный и три слѣдующіе за нимъ пассажирскіе. Паровозъ и остальные вагоны остались на пути. По словамъ корреспондента *Моск. Вѣд.*, люди знакомые съ мѣстностью, гдѣ произошло крушеніе, передаютъ, что рѣка Онтуха въ этомъ мѣстѣ имѣетъ глубину до четырехъ аршинъ и не особенно широка, а самый мостъ очень высокъ, свыше десяти сажень.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ полученнымъ въ Москвѣ: въ злополучномъ поѣздѣ, всѣхъ пассажирскихъ вагоновъ было пять: изъ нихъ три вагона 3-го класса, одинъ 2-го и одинъ микстъ 1-го и 2-го классовъ, впереди ихъ багажный; всѣ эти вагоны находились въ хвостѣ поѣзда; бандажъ лопнулъ у товарнаго вагона рядомъ съ багажнымъ за нѣсколько сажень отъ моста; сломавшійся вагонъ остался на мосту и сталъ поперекъ моста; въ такомъ видѣ остался на мосту и микстъ: первымъ упалъ въ рѣку вагонъ 3-го класса, перескочившій черезъ перильцы моста, настолько силенъ былъ толчокъ отъ заднихъ вагоновъ; упавшій пассажирскій вагонъ былъ накрытъ

багажнымъ, два другіе вагона 2-го и 3-го классовъ соскочили съ рельсовъ и скатились по откосу къ берегу рѣки съ двухъ сторонъ. Два послѣдніе вагона 3-го класса остались на пути, который хотя и былъ поврежденъ, но незначительно, такъ что первый поѣздъ послѣ катастрофы былъ пропущенъ черезъ семь часовъ. Товарныхъ вагоновъ въ поѣздѣ было 13—14; вагоны эти, за исключеніемъ одного, у котораго лопнулъ багдажъ, а также и паровозъ остались на рельсахъ.

Сообщаемъ со словъ *Орловскаго Листка* и *Новостей Дня* нѣкоторыя подробности катастрофы.

Мостъ, съ котораго вагоны поѣзда № 5 рухнули въ Оптуху, такъ высокъ, что если глядѣть снизу вверхъ — кружится голова. Его настилка отстоитъ отъ поверхности рѣки слишкомъ на 11 сажень и понятно, что вагоны, сорвавшись съ такой высоты, должны были разбиться вдребезги. Падая, вагоны перевернулись въ воздухѣ. № 14 упалъ въ воду кверху колесами, такъ же перевернулся и № 38, и это положеніе вагоновъ еще болѣе затруднило возможность несчастнымъ выбраться изъ воды, похоронившей ихъ подъ собою.

Политическое обозрѣніе.

22 ноября въ Парижѣ скончался послѣдній американскій монархъ, бывшій Бразильскій императоръ Домъ-Педро. Смерть этого высокопросвѣщеннаго и гуманнаго государя повсюду вызвала глубокое сожалѣніе, и даже въ неблагодарной Бразиліи причинила глубокую печаль. Биржа, банкъ и торговый рынокъ въ Рио-Жанейро были закрыты въ знакъ траура.

Итальянская палата депутатовъ пять дней кряду обсуждала запросы, касавшіеся внутренней духовной политики. Вызваны они были отвѣтомъ депутату Целлингеру австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Кальноки, въ которомъ онъ коснулся отношеній Квиринала къ Ватикану. По этому поводу 16 ноября въ концѣ засѣданія итальянской палаты Бовіо сказалъ, что послѣ недавнихъ заявленій министра одной дружественной державы необходимо, чтобы правительство безотлагательно дало понять Европѣ, что не допуститъ вмѣшательства какой бы то ни было иностранной державы въ итальянское государственное право и что для итальянцевъ римскій вопросъ оковчательно рѣшенъ. Никотера отвѣчалъ, что онъ является выразителемъ мысли отсутствующаго маркиза ди-Рудини и всего кабинета, заявляя, что не допускаетъ возможности деклараціи, подобной той, на которую намекалъ Бовіо, тѣмъ болѣе со стороны союзнаго правительства. Во всякомъ случаѣ—присовокупилъ Никотера—для насъ римскаго вопроса не существуетъ. Этими заявленіями министра Никотеры депутаты не удовлетворились, и 21 ноября начались въ палатѣ пренія по запросу относительно внутренней церковной политики. На другой день въ палатѣ продолжались пренія по тому же предмету. Россія потребовала, чтобы отнынѣ относительно церкви слѣдовало политикѣ основанной на свободѣ совѣсти, равенствѣ содержанія всѣхъ исповѣданій и итальянизациі духовенства. Бовіо настаивалъ на присвоеніи государству исполнѣ мірскаго характера, тогда какъ членъ правой Баррадуоли совѣтовалъ правительству продолжать держаться нынѣшней церковной политики. Въ защиту закона о гарантіяхъ выступилъ также Бопчи. Маркизъ ди-Рудини сказалъ, что онъ не понимаетъ, почему возбуждаютъ въ парламентѣ вопросъ о свѣтской власти папы,—вопросъ, который давно уже умеръ и похороненъ. Министръ, ссылаясь на историческіе факты, доказываетъ, что образъ дѣйствій австрійской дипломатіи въ настоящемъ вопросѣ всегда отличается дружественнымъ къ Италіи характеромъ. Австрія первая признала за закономъ о гарантіяхъ внутреннее значеніе. Что касается рѣчи графа Кальноки, то онъ не имѣлъ въ виду ни вмѣшательства въ римскій вопросъ, ни оскорбленія итальянскія чувства. Къ тому же извѣстно, что еслибъ единству Италіи угрожала опасность, то Австрія со своими войсками будетъ на сторонѣ Италіи. Правительство намѣрено и впредь относительно церкви держаться политики, которой оно тщательно слѣдовало до сихъ поръ. Никакое итальянское правительство не допуститъ, чтобы другая правительства вмѣшались въ дѣла Италіи. Маркиза ди-

Описать картину крушенія, говоритъ корреспондентъ *Орловскаго Листка*, не легко: ее надо видѣть, чтобы понять то угнетающее и страшно тяжелое впечатлѣніе, которое она производитъ.

По счету желѣзнодорожнаго начальства, всего въ поѣздѣ № 5 было 105 человекъ. Изъ нихъ убито 29, ранено 15, отправлено живыхъ и невредимыхъ 56 человекъ и не досчитываются еще пяти, а можетъ-быть и болѣе. Такъ какъ трудно было достать со дна рѣченки трупы, то воду Оптухи пришлось спустить: открыли запруду у мельницы, стоящей ниже моста, поставили за мостомъ заборъ, чтобы не унесло трупы, и спустили воду. Мѣсто еще не все послѣдовано, и предложено валомъ взять весь ледъ подъ мостомъ и начать розыски справа (они ранѣе производились слѣва).

Само собою разумѣется, если бы пассажирскіе вагоны были снабжены сигнальнымъ аппаратомъ для тревоги и моментальными тормозами, какъ на всѣхъ заграничныхъ желѣзныхъ дорогахъ, несчастія бы не произошло, такъ какъ многіе пассажиры задолго до катастрофы замѣтили, что поѣздъ сошелъ съ рельсовъ.

Рудини слушали внимательно и неоднократно ему апплодировали. Никотера заявилъ, что послѣ рѣчи ди-Рудини вопросъ кажется ему исчерпаннымъ. Но пренія продолжались еще 2 дня и только 25 ноября палата вотировала, большинствомъ, 348 голосовъ противъ 92, предложенію Куріюши и принятую правительствомъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую довѣріе къ внутренней и церковной политикѣ правительства. Оппозиція состояла изъ крайней лѣвой и части лѣвой съ Кресси и Заварделли во главѣ.

Изъ Пешта сообщаютъ, что министръ торговли Баронъ внесъ 25 ноября въ Венгерскій сеймъ проекты торговыхъ договоровъ Австро-Венгріи съ Германіею, Италіею, Швейцаріею и Бельгіею. Во введеніи къ договору съ Германіею, который подписанъ 24 ноября графомъ Кальноки и германскимъ посломъ принцемъ Рейсомъ, объяснено, что главною цѣлью договора служитъ стремленіе установить болѣе тѣсныя отношенія и торговые отношенія между обѣими имперіями. По желѣзнодорожному дѣлу австро-германскій торговый договоръ обязываетъ какъ германское, такъ и австрійское желѣзнодорожное управленіе дѣлать другъ другу всяческія льготы и поддерживать другъ друга особенно путемъ установленія примыхъ фрахтовыхъ тарифовъ. По отношенію къ ввозу австрійскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Германію сдѣланы различныя пониженія. Относительно произведеній германской промышленности, ввозимыхъ въ Австро-Венгрію, будутъ допускаемы отдѣльныя льготы. Въ вѣскихъ промышленныхъ кружкахъ находятъ, что заключивъ новые торговые договоры, Германія приобрѣла промышленное главенство въ средней Европѣ. Австро-Венгрія—какъ говорятъ въ этихъ кружкахъ—пожертвовала всѣмъ, что приобрѣла въ промышленномъ отношеніи, ради сомнительнаго подарка, такъ какъ пониженіе хлѣбной пошлины имѣетъ значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока Германія не допуститъ этого пониженія относительно Россіи и Америки, что остается исполнѣ въ ея власти. Посредствомъ пониженія промышленныхъ пошлинъ, а еще болѣе посредствомъ постановленія, чтобы германскіе транспорты пользовались всѣми льготами на австро-венгерскихъ желѣзныхъ дорогахъ, открыта опасная конкуренція Германіи не только для Австро-Венгріи, но также и для всего того района, въ которомъ австро-венгерская монархія пользовалась донынѣ промышленнымъ господствомъ.

По сообщенію австрійской газеты *Reichswehr*, въ виду ясности сдѣланнаго на послѣднихъ маневрахъ опыта подчинить командованіе дивизіями непосредственно высшему командованію, помимо командованія корпуснаго, военное министерство преддилагаетъ упразднить существующія корпусныя командованія и, взявъ ихъ, сформировать пять группъ арміи, центры которыхъ находились бы въ Вѣнѣ, Пештѣ, Прагѣ, Львовѣ и Сераевѣ. Съ осуществленіемъ этой мѣры получилось бы сбереженіе расходовъ на сумму около 600,000 гульденовъ.

Библиографія.

Русскій лѣсъ, Составилъ Ф. К. Арнольдъ. Томъ III. Съ 2 картами. Изд. А. Ф. Маркса. СПб. 1891. Ц. 2 р.

Современно мы говоримъ о первыхъ двухъ томахъ прекраснаго труда г. Арнольда, знатока русскаго лѣса, давнаго въ своемъ сочиненіи цѣлую энциклопедію его. Въ этихъ первыхъ томахъ, украшенныхъ роскошными эстампами, авторъ съ большою любовью къ природѣ познакомилъ читателя съ русскимъ лѣсомъ самимъ по себѣ, съ характерными его представителями въ ихъ образѣ жизни и особенностяхъ. Третій томъ, теперь лежащій передъ нами, подробно и основательно вводитъ читателя въ хозяйственное значеніе лѣса, знакомитъ читателя съ приемами его разведенія и охраненія, съ цѣлесообразнымъ устройствомъ лѣсовъ, составленіемъ плановъ и проч. Авторъ

не мало мѣста и вниманія отдаетъ въ своемъ трудѣ русскому лѣсному законодательству, давая тѣмъ возможность ориентироваться читателю въ данныхъ условіяхъ, примѣнять свои знанія безъ нарушенія существующихъ узаконеній. Къ третьему тому приложены двѣ карты, иллюстрирующія мысли автора о томъ, какъ должно вести лѣсное хозяйство, и образцы необходимыхъ для правильнаго представленія дѣла различныхъ отчетныхъ габлицъ и «вѣдомостей», и т. д. Въ заключеніе повторимъ то, что мы говорили по поводу предъидущихъ томовъ труда г. Арнольда: это—сочиненіе, не имѣющее въ русской хозяйственной литературѣ ничего подобнаго себѣ, трудъ исключительно научный, въ которомъ собрано все, что нужно какъ для научнаго, такъ и для хозяйственнаго изученія лѣсовъ Россіи.

Письменный бюварь на 1892 годъ (4-й годъ изданія). Ц. 1 руб.

Записной календарь на 1892 годъ (11-й годъ изданія). Ц. 1 руб.

Тоже большаго формата (1-й годъ изданія). Ц. 1 р. 50 к.

Передвижной календарь на 1892 годъ (2-й годъ изданія). Ц. 1 руб.

Дневникъ на 1892 годъ (1-й годъ изданія). Ц. 1 руб.

Отрывной календарь - термометръ на 1892 годъ. Ц. 1 руб. 25 коп.

Отрывные календари на 1892 годъ разныхъ форматовъ и цѣнъ, отъ 25 к. до 50 к.

Всѣ вышепоименованные календари изд. г. О. Ф. Кирхенромъ (СПБ., М. Морская, 14).

Каждое изъ этихъ изданій имѣетъ свое практическое примѣненіе и отличается особенно полною необходимыми для каждаго календарныхъ свѣдѣній. Печать, бумага и изданныя литографированными украшенія, напечатанныя разными красками и съ большимъ вкусомъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Смѣсь.

Намъ прислано для напечатанія слѣдующее воззваніе: **Добрые люди! Нашъ уѣздъ, въ числѣ прочихъ мѣстностей, постигло бѣдствіе: полныя неурожай озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ и вообще кормовыхъ растений. Благодаря помощи губернскаго и мѣстнаго благотворительныхъ комитетовъ и губернскаго попечительства Краснаго Креста, давшихъ намъ**

Профессоръ Военно-Медицинской Академіи Эдуардъ Карловичъ Брандтъ († 17 ноября 1891 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ

общины, процвѣтавшихъ некогда въ Авиньонѣ. Въ предисловіи доми-Педро упоминаетъ вскользь о томъ, что намѣренъ предпринять новый трудъ, именно переводъ Арабскихъ сказокъ на португальскій языкъ.

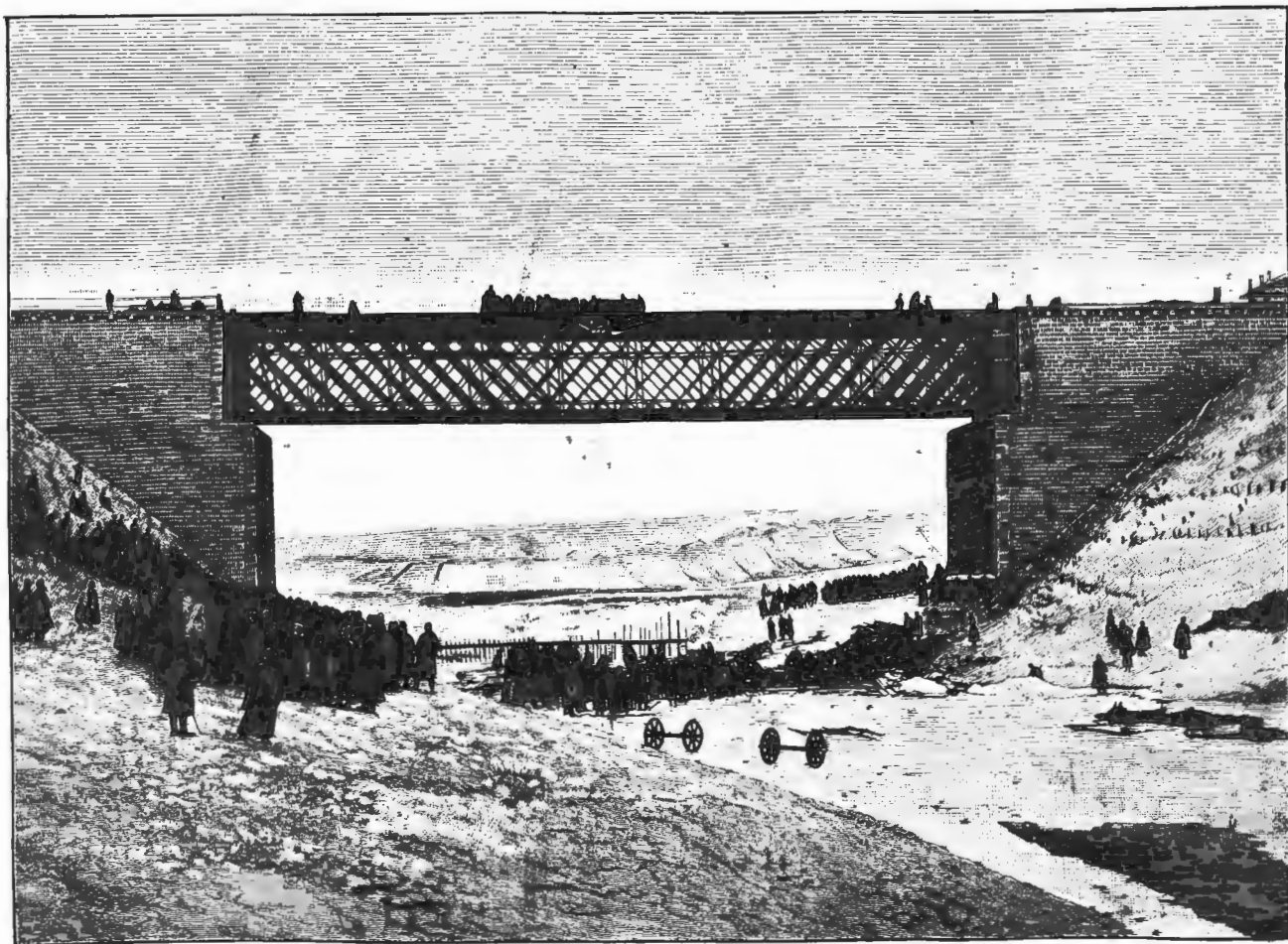
около 2,000 руб. деньгами и до 3,500 пуд. ржи, на первое время мы получили возможность бороться съ постигшимъ насъ бѣдствіемъ; но имѣя въ виду количество нуждающихся, которые не получаютъ правительственной ссуды на прокормленіе, намъ нужно до новаго урожая, по приблизительному расчѣту, 20,800 пудовъ муки. Поэтому мы, скрѣпя сердце, рѣшились обратиться черезъ печать къ людямъ имѣющимъ состраданіе къ меньшей братіи, не благоугодно-ли будетъ подать свою лепту для помощи нашимъ голодающимъ.

Всѣ пожертвованія могутъ быть адресуемы въ городъ Новый Осколь, Курской губ., казначею временнаго благотворительнаго комитета Н. Н. Борзенкову.

Покорнѣе просимъ всѣ русскія періодическія изданія перепечатать настоящее воззваніе.

Предсѣдатель временнаго благотворительнаго комитета, предводитель дворянства Волковъ.

Императоръ Бразильскій Педро II, давно извѣстный своими научными трудами, незадолго предъ кончиной, издалъ свое новое сочиненіе: *„Poésies hebraïco-provençales du rituel israélite Comtadin, traduites et transcrites“*. Книга эта представляетъ собраніе старыхъ религиозныхъ гимновъ еврейскихъ общинъ, процвѣтавшихъ некогда въ Авиньонѣ. Въ предисловіи доми-Педро упоминаетъ вскользь о томъ, что намѣренъ предпринять новый трудъ, именно переводъ Арабскихъ сказокъ на португальскій языкъ.

Мостъ черезъ рѣку Оптуху на Орловско-Грязской жел. дор. Съ фот. Руссова, грав. Шюблеръ.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи пер-
выхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНО-
ГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕН-
НО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1892
года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ
ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе
списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, кор-
ректурa и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА
АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИС-
ЧИКОВЪ требуетъ много времени.

Отзывы художниковъ и печати о главной преміи „Нивы“ на 1892 годъ — „Художественномъ Альбомѣ“.

Ниже помѣщаемъ выдержки нѣкоторыхъ отзывовъ, полученныхъ нами отъ художниковъ и въ газетныхъ рецензіяхъ.

ОТЗЫВЫ ХУДОЖНИКОВЪ:

А. Н. БЕНУА.

Большое спасибо Вамъ за присланный мнѣ альбомъ акварелей для преміи на 1892 г. Я нахожу что воспроизведеніе моей акварели ничего не оставляетъ желать лучшаго. Всѣ тоны передачи (на сколько мнѣ помнится оригиналь) вѣрно и рисунокъ вполне сохраненъ.

Въ общемъ же альбомъ оставляетъ пре-
красное впечатлѣніе.

Проф. А. П. БОГОЛЮБОВА.

Очень благодаренъ за высылку мнѣ новаго альбома *Нивы* за 1892 годъ, который исполненъ вполне художественно, причѣмъ отличается хорошимъ выборомъ рисунковъ сравнительно съ прошлымъ годомъ.

Проф. Н. Д. ДМИТРИЕВА-ОРЕН- БУРГСКОГО.

Благодарю Васъ очень за присланные альбомы, служащіе приложеніемъ къ Ва-

шему журналу; могу Васъ увѣрить, что я еще никогда не видалъ подобнаго по совершенству изданія, произведеннаго у насъ въ Россіи. Мнѣ кажется, что лучше передавать художниковъ, какъ передадо Ваше артистическое заведеніе, невозможно.

Проф. Н. А. КОШЕЛЕВА.

Съ удовольствіемъ просмотрѣлъ присланный Вами мнѣ альбомъ на 1892 годъ. Относительно картины „Дѣтство Петра I“ могу сказать, что приятно и желательно всегда имѣть въ такой отличной передачѣ свои картины, въ какой Вы дали въ Вашемъ альбомѣ на 1892 г. Всѣ рисунки очень удачно передаютъ характеръ авторовъ и ихъ манеру. Вообще удачное и прекрасное изданіе. Примите мое авторское спасибо и отъ души желаю Вашему журналу большаго и большаго успѣха.

Проф. Л. Ф. ЛАГОРИУ.

Весьма Вамъ благодаренъ за присылку

прекрасно исполненнаго альбома-преміи на 1892 годъ. Передача, по-моему, превосходная. Не могу не выразить Вамъ также попутно благодарности и за самую идею распространенія въ публикѣ художественныхъ произведеній въ такой именно передачѣ ихъ. По моему мнѣнію, такой способъ передачи гораздо болѣе будетъ способствовать развитію въ публикѣ художественнаго вкуса, чѣмъ олеографіи, которыя предлагались прежде, да и теперь, нѣкоторыми журналами въ видѣ премій, ибо олеографіи, какъ бы ни была хороша, все же искажаетъ характеръ оригинала. Въ Вашемъ же альбомѣ рисунки точно передаютъ оригиналь, являются какъ бы fac-simile художника.

Проф. К. Е. Маковского.

Получилъ альбомъ и нахожу его очень удачнымъ.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

№ 310, 9 ноября 1891 г. Несколько не уступая прошлогоднему по содержанію картинъ, альбомъ этотъ, несомнѣнно, превосходитъ его техническимъ воспроизведеніемъ оригиналовъ, что свидѣтельствуетъ о постоянныхъ стремленіяхъ издателя совершенствовать дѣло хромолитографіи въ Россіи...

Нельзя не поблагодарить издателя и редакцію *Нивы*, находящую возможнымъ давать своимъ читателямъ въ текстѣ журнала проповѣданія извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей и, кромѣ того, при массѣ приложеній, каковы: ежемѣсячный сборникъ, моды и проч., дарить еще подписчикамъ такіа роскошныя, безплатныя преміи.

„НОВОЕ ВРЕМЯ“, № 5626, 28 октября. Альбомъ *Нивы* на 1891 годъ обратилъ на себя вниманіе какъ подборомъ картинъ, такъ и ихъ изысканнымъ исполненіемъ. Передъ нами альбомъ *Нивы* на 1892 годъ, также изысканно исполненный въ нѣсколько красокъ. Жизнь красокъ литографской ихъ передачи почти ничего не оставляетъ желать лучшаго.

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

№ 131, 10 ноября 1891 г. Мы только-что

получили прекрасный, художественный альбомъ, приготовленный издателемъ журнала *Нива* въ качествѣ главной преміи на будущій 1892 годъ... Альбомъ изданный въ нынѣшнемъ году и альбомъ вновь присланный на будущій 1892 годъ—представляютъ собою шагъ впередъ въ дѣлѣ популяризаціи искусства, которому, что бы ни говорили его противники, такъ усердно и такъ усѣбно служить иллюстрированный журналъ *Нива*.

Стоя въ сторонѣ отъ всякихъ литературныхъ партій, мы можемъ говорить безпристрастно и должны признать, что при своей дешевизнѣ и роскоши изданія, журналъ *Нива* представляетъ небывалое и весьма оградное явленіе, не мало способствующее общему народному развитію и поднятію его художественныхъ инстинктовъ. Альбомы въ родѣ тѣхъ, которые вотъ уже второй разъ предлагаются г. Марксомъ подписчикамъ *Нивы*, принадлежатъ къ числу вѣрнѣйшихъ стимуловъ развитія художественныхъ вкусовъ и знакомятъ тысячи людей, живущихъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, съ произведеніями нашихъ первоклассныхъ художниковъ. Эти альбомы своего рода маленькія передвижныя выставки, облагораживающія вкусы тѣхъ, которые, живя за сотни, тысячами верстъ отъ столицы, лишены воз-

можности наслаждаться произведеніями искусства и видѣть дѣйствительно прекрасные образцы. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ только похвалить прекрасную мысль г. Маркса—замѣнить олеографіи цѣлымъ рядомъ изысканныхъ копій съ прекрасныхъ акварелей нашихъ лучшихъ художниковъ...

Отдѣлка копій съ акварелей красками замѣчательна, а дешевизна всего изданія, совмѣстно съ журналомъ, составляетъ что-то совершенно непонятное для насъ, привыкшихъ дѣло съ маленькими специальными изданіями, незнакомыхъ съ громадными оборотами такого изданія, количество экземпляровъ котораго доходитъ до сотни тысячъ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“, № 3727, 8 ноября, 1891 г. „Вотъ уже второй годъ редакція *Нивы* даритъ своимъ подписчикамъ, вмѣсто обычныхъ въ прежнее время и не всегда удачныхъ олеографій, прекрасные альбомы произведеній русскихъ художниковъ. Присланный намъ альбомъ, который выдастъ будетъ подписчикамъ *Нивы* въ будущемъ 1892 году, несколько не уступаетъ прошлогоднему альбому и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходитъ его...

Трудно отдать предпочтеніе исполне-

нению каждой из этих прекрасных акварелей...

Все эти картины вложены в очень изящную папку, которая украшена художественно исполненными вышивкой работы художника г. Александровского. Можно без преувеличения сказать, что "Альбом" представляет собою весьма ценное приобретение для подписчиков "Нивы", тем более, что изъ него можно сдѣлать двойное употребление: во-первых, онъ может служить украшеніемъ на столѣ любой гостиной, и во-вторыхъ, каждую изъ его картинъ можно вправить въ рамку и получится рядъ дѣйствительно художественныхъ и цѣнныхъ стѣнныхъ украшеній. За одинъ такой альбомъ, если не считать даже годового экземпляра "Нивы", стоить заплатить не менѣе пяти рублей.

"JOURNAL DE ST.-PETERSBOURG", № 312. Главная премія, ежегодно выдаваемая "Нивой" своимъ многочисленнымъ подписчикамъ, на этотъ разъ превосходитъ художественнымъ изяществомъ и роскошью все, что издавалъ этого журнала, г. Марксъ, предлагая имъ до сихъ поръ. Она заключается въ великолѣпномъ альбомѣ изъ десяти большихъ акварелей, воспроизводящихъ картины русскихъ и иностранныхъ живописцевъ, и притомъ въ совершенствѣ темъ болѣе замѣчательномъ, что при исполненіи надо было передать особенности колорита, свойственныя каждому художнику. Вотъ списокъ этихъ прелестныхъ акварелей (слѣдуетъ переченъ).

Этотъ новый альбомъ "Нивы", благодаря его художественнымъ достоинствамъ, можетъ быть настоящимъ украшеніемъ каж-

дой гостиной и составляетъ великолѣпный подарокъ подписчикамъ.

"ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ", № 292, 9 ноября 1891 г. Альбомъ "Нивы" на 1892 годъ, состоящій изъ десяти картинъ—снимковъ съ произведеній знаменитыхъ художниковъ,—представляетъ, дѣйствительно, шедевръ литографическаго искусства. Картины альбома по способу исполненія подражаютъ акварелямъ и отличаются несомнѣнными художественными достоинствами...

Такия художественныя преміи, безусловно, достигаютъ симпатичной цѣли—развитія эстетическихъ вкусовъ многочисленной публики, приобретающей за ничтожную цѣну волюнъ художественныя копіи съ лучшихъ оригиналовъ извѣстныхъ живописцевъ.

"ST. PETERSBURGER ZEITUNG" № 327. Передъ нами главная премія журнала "Нива", столь щедро одаривающаго своихъ читателей. Г. Марксъ предлагаетъ снова въ 1892 году, также какъ и въ 1891 году, альбомъ прекрасныхъ акварелей, исполненныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ въ его артистич. заведеніи, по оригиналамъ извѣстныхъ художниковъ... Мы высказываемъ искреннее наше одобреніе воспроизведенію всѣхъ художественныхъ рисунковъ, оно безукоризненно, такъ что альбомъ на 1892 годъ превосходитъ предыдущій.

Художественное заведеніе А. Ф. Маркса достойно всяческихъ похвалъ.

"ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ", № 322. Художественный альбомъ появился уже и представляетъ изъ себя дѣйстви-

тельно художественныя произведенія... Альбомъ состоитъ изъ десяти картинъ, превосходно исполненныхъ артистическимъ заведеніемъ А. Ф. Маркса съ оригиналовъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, представившихъ "Нивѣ" исключительное право воспроизведенія своихъ картинъ въ олеографіи...

Содержаніе альбома очень разнообразно и можетъ удовлетворить разнообразнымъ вкусамъ. Оградно видѣть, что русскіе издатели не прибѣгаютъ болѣе къ печатанію хорошихъ олеографій въ заграничныхъ литографіяхъ, а добились хорошаго производства ихъ у насъ, дома, въ Россіи.

"ST. PETERSBURGER HEROLD" № 328. Мы имѣли случай видѣть альбомъ предназначенный къ выдачѣ многочисленнымъ подписчикамъ "Нивы" на будущей годъ и должны сознаться, что были поражены художественнымъ совершенствомъ исполненія и искуснымъ выборомъ сюжетовъ. Издатель "Нивы" изблаовалъ своихъ подписчиковъ, вслѣдствіе чего и эти послѣдніе ставятъ къ нему болшія требованія...

Альбомъ "Нивы" на 1892 годъ на много опередилъ своего предшественника за 1891 годъ, и наглядно доказываетъ старанія издатели, довести свои художественныя приложенія до возможно высокой степени художественнаго совершенства...

Альбомъ содержитъ 10 прелестныхъ акварельныхъ рисунковъ, изъ которыхъ, каждый въ отдѣльности, представляетъ собою законченное художественное произведеніе. Выполненіе настолько художественно, что трудно отличить копію отъ оригинала.

Подобные же лестные отзывы были помѣщены въ другихъ газетахъ, но за недостаткомъ мѣста мы не имѣемъ возможности помѣстить ихъ.

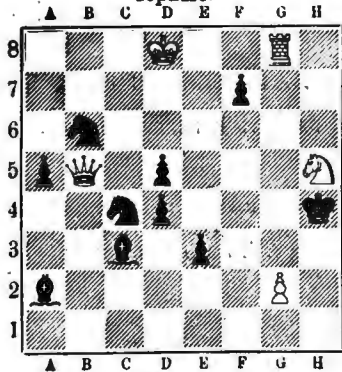
ШАХМАТЫ.

Подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 52.

H. Nanz (Albachi) (изъ конкурса "Münchener Neuste Nachrichten").

Черные.

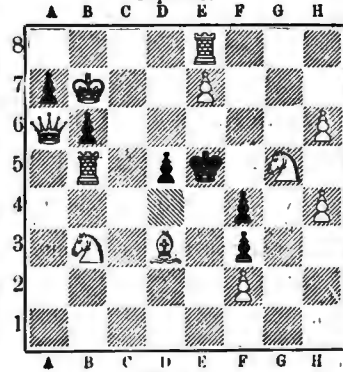

Мать въ 3 хода.

Задача № 53.

H. Cudmore (London), 2 призъ конкурса "Mercury Hoekney".

Черные.

Мать въ 2 хода.

17-го ноября М. Чагоринъ прибылъ въ Нью-Йоркъ и черезъ день отправился въ Гаванну. Матчъ со Стейнлицемъ начнется, вѣроятно, 3—15 декабря. Побѣдителемъ будетъ выигравшій первымъ 10 партій (ничьи не считаются). Въ случаѣ, если оба выигрываютъ по 9 партій, играется дополнительный матчъ до 3-хъ партій. Ставка - 2000 долларовъ съ каждой стороны.—Первый туръ 3 го турнира шахматистовъ "Собранія Экономистовъ" окончился 15 ноября. Лучше всѣхъ стоятъ: С. Н. Полнеръ (замѣститель С. З. Аланина, но отбѣдъ послѣдняго); Г. А. Гельбасъ и Э. С. Шифферсъ. Турниръ окончатся 23 декабря. Игра происходитъ по понедѣльни-

камъ и пятницамъ, отъ 8 1/2 час. веч.—Отъ 20 до 24 (нов. ст.) июля происходилъ 8-й конгрессъ "Scottish Chess-Association" въ Глэско (Glasgow). Побѣдителемъ турнира вышелъ I. D. Chambers. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ клубѣ "Anderssen", 26 сентября (нов. ст.), происходилъ "Massenkampf", въ которомъ Э. Шадопль изъ Берлина игралъ 22 партіи одновременно съ доской; изъ нихъ онъ выигралъ 18 партій; игра продолжалась съ 8 час. вечера до 1 часу полуночи.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала "Нива" проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Смазка "про купца Ивана Сидорова и про то, какъ онъ хотѣлъ сатану надуть". Нн. М. Н. Волконскаго. — Бабушкины аметисты. Разсказъ. (Переводъ съ англійскаго). — Тяжелая расплата. В. Теплова. (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Немъ (съ рис.). — Крестный ходъ въ поляхъ по случаю неурожая и первая помощь голодающимъ готовымъ хлѣбомъ (съ 2 рис.). — Молодая дѣвушка съ острова Напри (съ рис.). — Казани-атаманцы, возвращающіеся со смотръ въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ (съ рис.). — Серебряные нубки и подносъ, подаренные Имъ Императорскимъ Величествамъ отъ города Петербурга (съ рис.). — Э. Н. Брандъ (съ портр.). — Катастрофа на Орловско-Грязской жел. дор. (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Смісь. — Заявленіе. — Отказы о главной преміи "Нивы" на 1892 г. — "Художественномъ Альбомѣ". — Шахматы. — О перемѣнѣ адреса. — Задача-загадка. — О помѣщеніи объявленій въ "Сборникѣ "Нивы". — Объявленія.

При семъ № прилагается: 1) СБОРНИКЪ "НИВЫ" за ДЕНАБРЬ; 2) "ПАРИЖСНІЯ МОДЫ" за ДЕНАБРЬ 1891 г. съ 23 рис. и отд. лист. съ 31 черт. выкр. въ натур. велич. и 42 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Илюшиняновъ.

Advertisement for GUSTAV LOZE BERLIN, featuring "BOUQUET Russe" perfume and soap. Text includes: "ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46, рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію", "„BOUQUET Russe“", "Духи", "ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО", "Туалетная вода.", "Саше.", "Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ и у Дрогастовъ. № 5508"

Advertisement for Teichner's Fettmilde (Cosmetics). Text includes: "Teichner's Fettmilde", "ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.", "Пудра для вечера и дня, незаменима на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожѣ! Цѣна коробки 1 рубль!", "Театральная гримировка! В. № 5391 16—4", "Жирная румяна, бѣлала. Карандаши для бровей!", "Используютъ во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.", "Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.", "Главный складъ для всей Россіи: у В. Ауриха, Колодезна, № 18. С.-Петербургъ."

МОСКОВСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.

Открыта подписка на 1892 годъ

ЕДИНСТВЕННОЕ ВЪ РОССИИ БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

(ИЗДАНИЯ ГОДЪ 3-й).

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Аксаковъ Н. П.; Александровъ А. А.; Алмазовъ Н. Б.; Андреевъ В. И.; Апраксинъ А. Д.; Богатыревъ П. И.; Бринкманъ А. А.; Будищевъ А. А.; Вильде Н. Н.; Ге И. Н.; Глаголевъ А. Н.; Головинъ С. В.; Гурляндъ И. Я.; Дубровина Е. О.; Ежовъ Н. М.; Ждановъ А. Н.; Кудинъ И. Ф.; Лазаревъ (А. Грузинскій) А. С.; Ладыженскій И. Н.; Мосоловъ С. П.; Назарьева К. В.; Невѣжинъ П. М.; Немировичъ-Данченко Влад. И.; Осиповъ А. А.; Пазухинъ А. М.; Полонскій Я. П.; Подкольскій В. В.; Пушкаревъ Н. Л.; Риттеръ А. А.; Свѣтловъ М. Н.; Соколинскій А. В.; Шуфъ В. А. и многіе другіе писатели и публицисты.

Рисунки и иллюстраціи исполнены известными художниками.

Поставивъ себя задачей—давать безпристрастныя сужденія о текущей внутренней и вѣншей жизни, равно какъ и точныя и строго проверенныя свѣдѣнія о новостяхъ дня во всѣхъ областяхъ государственной и общественной дѣятельности. „Московская Иллюстрированная Газета“, помимо широкаго интереса въ каждой отрасли, вмѣняетъ себя въ непремѣнную обязанность ежедневно помѣщать въ фельетонѣ газеты интересное чтеніе въ формѣ романовъ, повѣстей, рассказовъ, очерковъ и т. п.

Такъ, напримеръ, **СО ВРЕМЕНИ ПЕРЕХОДА ГАЗЕТЫ ВЪ РУКИ НОВЫХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ** она дала цѣлый рядъ крупныхъ романовъ и повѣстей, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующіе: Пазухина „Въ золотыхъ цѣпяхъ“; Апраксина „Скандалъ“; Назарьевой „Старая сказка“; Аксакова „Поручикъ Моллерштейнъ“; Головина „Съдой Демонъ“; Ладыженскаго „Слабый человекъ“ и проч.

Изъ нихъ первые два романа будутъ напечатаны отдѣльнымъ изданіемъ. Подписчики „Московской Иллюстрированной Газеты“ при выискѣ пользуются скидкой въ размѣрѣ 40% и за пересылку не платятъ.

Для 1892 года имѣются въ портфелѣ слѣдующіе большіе романы и повѣсти: Апраксина „Кувыркомъ“; Назарьевой „Саламандра“; Дубровиной „Убийца“; Пазухина два романа: „Наганушъ счастья“ и большой историческій романъ изъ временъ царя Алексѣя Михайловича „Посольство Давида“; Соколинскаго „Карьера“; Головина „Женское сердце“ и „Поздно“; Риттера „Два развитія жизни“; Богатырева „Соколиное гнѣздо“. Кроме этого имѣется множество небольшихъ рассказовъ Немировича-Данченко, Ге, Осипова, Соколинскаго, Невѣжина и т. д.

Кромѣ всего вышеназложеннаго „Московская Иллюстрированная Газета“ всѣмъ годовымъ подписчикамъ даетъ бесплатно въ видѣ приложенія къ газетѣ

ТРИ КНИГИ СБОРНИКА,

закрывающія въ себя по нѣскольку выдающихся произведеній извѣстныхъ авторовъ и иллюстрированныхъ лучшими художниками.

Въ 1891 году вышли ТРИ КНИЖКИ СБОРНИКА, въ которыхъ между прочимъ помѣщены: „СОБАКИ“, юмористическая поэма Я. П. Полонскаго (во всѣхъ трехъ книгахъ); Воспоминанія И. А. Григоровскаго; „Грѣхъ Потапа“ А. А. Александрова; „Идеаль и страсть“ П. Е. Астафьева; ** стихотвор. А. Н. Майкова; „Лѣтнія зорьки“ Л. И. Пальмина; „Дорогой гость“ И. Н. Ге; „Могла Ависа“ В. А. Шуфа; „Антрепренеръ прошлаго вѣка“ А. А. Осипова и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ пересылкой. 8 р.; на 6 мѣс. 5 р.; на 3 мѣс. 3 р.; на 1 мѣс. 1 руб.

„ „ „ доставкой въ Москвѣ. . . 7 р.; на 6 мѣс. 4 р.; на 3 мѣс. 2 р.; на 1 м. 75 коп.

При годовой и полугодовой подпискѣ допускается разсрочка: по 1 руб. въ мѣсяць до уплаты всей подписной суммы.

КЪ СВДѢНІЮ ГГ. ПУБЛИКАТОРОВЪ!

Имѣемъ честь предложить лицамъ, которыя пожелали-бы сдавать публикаціи свои въ нашу газету

ниже слѣдующее:

Всякому лицу, сдающему **ОДНОВРЕМЕННО** въ „Московскую Иллюстрированную Газету“ публикацій на сумму

НЕ МЕНѢ ВОСЬМИ РУБЛЕЙ

предоставляется право получать газету

БЕЗПЛАТНО

въ теченіе ниже слѣдующаго времени:

При публикаціи на сумму не менѣе:	Время бесплатнаго полученія газеты:
8 рублей.	1 мѣсяць.
15 „	2 „
20 „	3 „
40 „	1/2 года.
75 „	1 „

(со всѣми приложеніями).

Гг. ПОДПИСЧИКИ „Московской Иллюстрированной Газеты“ пользуются скидкой съ объявленій по соглашенію съ редакціей.

Редакторъ А. П. Григоровъ.

Издатели Алексѣй и Влад. Семенов. Вишняковы.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Дмитровка, уголъ Салтыковскаго переулка д. № 2.

Адресъ издателей: Москва, Якиманка, собственный домъ.

Рекомендую какъ самые пріятные ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ:

СКРИПКИ по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.
Смычки для скрипки по 50 к., 1 р., 1 1/2 р., 2, 3, 5, 10, 15, 30 р. и дороже.
Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей по тѣмъ же цѣнамъ какъ и большія.
ВІОЛОНЧЕЛИ по 30, 35, 50, 75, 100, 150 и 200 р.
ГИТАРЫ по 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р. (Гитары отъ 7 р. и дор. имѣютъ механизмы для струнъ).
ЦИТРЫ по 8, 12, 20, 40, 60, 80, 100 и 125 р.
Мандолины по 10, 20, 30, 50, 75, 100 и 150 р.
КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ въ тонѣ Б. по 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 85, 100, 135 и 200 р.
Охотничьи рожки по 3, 5, 6, 8, 12 и 15 р.
ФЛЕЙТЫ по 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р.; отъ 75 р. и дороже собственнаго надѣла.
Пико-флейты по 1 1/2, 3, 5, 6, 10 и 20 р. Въ 20 р. собственнаго надѣла.
КЛАРНЕТЫ по 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60 и 75 р. Отъ 45 р. и дороже собственнаго надѣла.
Флажолеты по 1 1/2, 3 и 6 р. Чаканы по 15 р.

Палки-флейты по 1 р. 2 и 3 р.
Барабаны, Тарелки, Бубны, Кастаньеты.
Окарины 60 к., 75 к., 1, 1 1/2, 2, 2 1/2, 5 и 7 р.
ГАРМОНИИ фабрики Нальбе, лучшія въ мірѣ: Однорядныя въ 4, 5, 5 1/2, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двурядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и вѣскія въ 22 р.
Трехрядныя въ 60 р. и вѣскія въ 30, 50 и 75 р.
МУЗЫКАЛЬНАЯ ПОДСТАВКА ДЛЯ ЕЛКИ съ заводомъ, вертѣтъ медленно елку и въ то же время играетъ 4 пьесы, цѣна 30 р.
СИМФОНІОНЫ музыкальн. шкатул. кн съ перемѣльными пьесами. № 3 съ ручкой, съ 6-ю пьесами 8 р. Добавочныя пьесы по 35 к.
№ 5 заводные, съ 6-ю пьес. 18 р. Добавочныя пьесы по 35 к.
№ 7 заводные, 60 тон., съ 10-ю пьес. 35 р. Добавочныя пьесы по 60 к.
№ 9 заводные, 84 тон., съ 10-ю пьесами, 55 р. Добавочныя пьесы по 75 к.
№ 12 заводные, 84 тон., Sublime harmonie съ 10-ю пьес. 90 р. Добав. пьесы по 1 р.

Дѣтскій армоніонъ съ 6 пьесами 8 р. Добавочныя пьесы по 25 к.
Серафинъ, новый органъ для дѣтей, съ 6-ю пьесами, 15 р. Добавочныя пьесы по 30 к.
АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ съ 10-ю пьесами 24 р. Добавочныя пьесы по 50 к.
ГЕРОФОНЪ съ приспособленіемъ для громкой и тихой игры съ 10-ю пьесами 30 р. Добавочныя пьесы по 50 к.
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ съ 10-ю пьесами 32 р. Добавочныя пьесы по 60 к.
ОРНЕСТРЪ-МАНОПАНЪ съ 10-ю пьесами 70 р. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 и дор.
ПИАНО-МЕЛОДИКО (новый механизмъ со струнами) цѣна 80 р. Ноты отдѣльно по 70 к. за метръ (=1 1/2 арш.).
Гармонифлянты въ 45, 60, 75, 90 р.
Бѣльзныя складныя педали къ нимъ по 10 р.
Народный гармонифлянтъ въ 2 октавы 5 р., въ 3 октавы (усовершенствов.) 10 р. Педаль для народнаго гармонифлянта 5 р.
Англійскія концертно по 24, 30, 40, 50, 65, 85, 110, 125, 140, 160 и 200 р.

ФИСГАРМОНИИ знаменитой фабрики Шидмайеръ, рекомендуемыхъ Глазачемъ, Гензельтономъ, Листомъ въ 140, 180, 225, 300, 350, 450, 650, 900 р. и дор.
Американскія фисгармоніи въ 100, 140, 160, 200, 250, 300, 400, 500, 550, 800 и 1200 р.
Французскія фисгармоніи въ 100, 130, 160, 190, 275, 450 р. и складныя въ 125 и 200 р.
РОЯЛИ И ПИАНО лучшія русскія и заграничныя фабрикъ (также знаменитой парижской фабрикѣ „Эраръ“).
Рояли съ армоніопіано въ 750 р. и 1300 р.
Піанино съ армоніопіано въ 600 р.
МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНО, на которомъ можно играть какъ на обыкновенномъ піанино, а также исполнять посредствомъ верченія ручки всѣ танцы и концертныя пьесы, цѣна инструмента 600 руб. Ноты 1 р. 25 к. за метръ.
МЕХАНИЧЕСКІЙ ПИАНИСТЪ. Аппаратъ, который приставляется къ роялю или піанино, и посредствомъ верченія ручки артистически выполняетъ всевозмож. пьесы. Цѣна 400 р. Ноты изъ картона за метръ 1 р.

По полученіи задатка требуемое высылается съ наложеннымъ платежомъ.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40. ||| Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Захарьина.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

1	2	3			
4	5	6	7	8	
9	10	11	12	13	
14	15	16	17	18	
19	20	21	22	23	
24	25	26	27	28	
29	30	31	32	33	
34	35	36	37	38	
39	40	41			

Задача-загадка № 54.

Найти 10 словъ, буквы которыхъ размѣстятъ на мѣстахъ соответствующихъ чиселъ, при чемъ должна получиться фраза-загадка, которую и отгадать.

- 1) Ремесленникъ 8. 16. 30. 11. 18. 32. 26.
- 2) Родня 23. 9. 27. 36.
- 3) Нарѣчье 37. 38.
- 4) Духъ 34. 3. 7. 12. 4. 19.
- 5) Выяснение 20. 6. 13. 41.
- 6) Буква 14.
- 7) Мытье 40. 25. 22. 21. 1. 33.
- 8) Часть головы 39. 24. 29. 5.
- 9) Линкое вещество 10. 2. 15. 31.
- 10) Число 17. 35. 23.

О ПОМѢЩЕНИИ ОБЪЯВЛЕНІЙ ВЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГАХЪ „СБОРНИКА НИВЫ“.

Ежемесячныя книги Сборника „Нивы“ печатаются въ томъ же количествѣ какъ и „Нива“ и содержатъ въ себѣ отдѣлы для печатанія частныхъ объявленій. Поэтому Контора предлагаетъ лицамъ публикующимъ о своихъ фирмахъ, изданіяхъ и пр. и пр. помѣщать въ нихъ свои объявленія, какъ въ изданіи наиболѣе распространенномъ въ Россіи.

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА

составленный Л. П. СЕРГЕЕВЫМЪ.
ИЗДАНИЕ 2-е, дополненное новыми рисунками. Цена въ литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 коп. Съ требованіемъ обращаться въ СПБ., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1891 г., по показанному образцу, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

ПОРОШОКЪ БЕЗЪ ЗАПАХА „ЗАТОВА“
уничтожающій зловоніе въ ватерклозетахъ и т. под., раковинахъ, хлѣвахъ, конюшняхъ и проч. Цена за фунтъ 25 коп. 5-1
ГОСПОДАМЪ ИНОГОРОДНЫМЪ
высылаютъ прейсъ-курантъ Новостей и практичныхъ предметовъ по желанію безплатно
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.
Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей. Большая Морская, № 34.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Им. Публ. Библиотекъ. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно. Пересылка за счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5182 20-17

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

Для волосъ. Элеопать Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цена флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.

Просьба непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стѣклѣ наждаго флакона, — пров. Кинуненъ.
Главный складъ: О.-Пе мидовъ пер., д. № 1. № 5129

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

23-го декабря 1891 г. поступитъ въ продажу ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1891 г.

закл. въ себѣ болѣе 1500 гравюръ и рисунковъ и 1,500 столб. текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, научно-популярныхъ статей и между прочимъ слѣдующихъ капитальныхъ произведеній: „Мальтійская цѣль“, истор. ром. въ 3 част. кн. М. Н. Волконскаго; „Наль“, ром. въ 3 част. Н. Н. Каразина; „Ушло“, разск. П. Д. Боборыкина; „Корень зла“, больш. историч. ром. П. Н. Полевого; „Розита“, разск. гр. Е. А. Салгаса; „Петербургская исторія“ (быль), И. Н. Потапенко; „На Волгѣ“, разск. Э. Центковской; „Нагасаки“, оч. А. Китаева; „Полсутокъ на деревѣ“, разск. А. Я. Максимова и проч. и проч. Стихотворенія А. Н. Майкова, К. Фофанова, Величко, Круглова и др.

КЪ ЭТОМУ ТОМУ БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЕТСЯ:

1) ДЕВЯТЬ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ „СБОРНИКЪ НИВЫ“,

состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей; научно-популярныхъ статей и между прочимъ слѣдующихъ крупныхъ произведеній: „Смутитель“, разск. гр. Е. А. Салгаса; „Изъяны воли“, ром. въ 3 ч. Н. Д. Маслова; „Непокупное“, повѣсть П. Н. Полевого; „Золото, золото, золото!“ оч. В. И. Немировича - Данченка; „Прачн“, разск. И. Д. Ахшарумова; „Низъ Никита Федоровичъ“, больш. историч. романъ въ 3 ч. кн. М. Н. Волконскаго; „Букеть“, комед. И. Потапенко; „Иранское преданіе“, кн. Д. Н. Цертелова и проч. и проч. Стихотворенія Я. П. Полонскаго, П. И. Вейнберга, Ме-режковскаго и др.

2) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, изданныя подъ ред. А. И. Введенскаго, въ 4-хъ томахъ (сброшюрованныхъ въ 2 книги), съ биографіею Лермонтова и портретомъ гравированнымъ на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

3) ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ съ 10-ю акварелями, исполненными fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильевскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенко, Клевера, Премацци и Сверчкова. Альбомъ выдается въ роскошной папкѣ, украшенной акварельными рисункомъ художника Земцова.

4) 12 ЛИСТОВЪ ДАМСКИХЪ РУКОДЕЛЬНЫХЪ И ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ, составляющихъ прилож. къ 12 номер. Парижскихъ Модъ со множествомъ чертеж. выкр. въ натуральн. велич. (всего болѣе 1000 гравюръ, рисункъ и чертежей).

Цена тому „НИВЫ“ со всѣми приложениями 3 руб. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 23 фунта по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роскошныхъ коленкорныхъ переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „Нивы“ 1 р. 50 к. и за 5 переплетовъ на книги „Сборника“ (въ 3-хъ переплетахъ) и соч. Лермонтова (въ 2-хъ переплетахъ) 1 р. 25 к. Пересылка брошюрованныхъ и переплетенныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплетъ экземпляръ „Нивы“ за 1891 г. со всѣми приложениями, въ ящикѣ, обойдется 8 р. 50 к. Перес. на счетъ заказчика, по почтѣ или черезъ транспортную контору.

Съ требован. обращ. въ СПБ., въ Конг. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

СЪМЯННАЯ ТОРГОВЛЯ В. Е. ГРАЧЕВА.

Продажа луговыхъ, корнеплодо-кормовыхъ, огородныхъ и двѣточныхъ сѣмянъ. СПБ., Измайловскій полкъ, Дровяная улца, собств. домъ (противъ 12 роты).

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этого общи-мѣетъ эпоху правленія и изложениа Царевны Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
ЖЖЕННЫЙ КОФЕ
ТВОРСКАЯ, ПРЕДЛАГАЮЩАЯ ПЛОДОВОЕ
Л. ФОРШТРЕМЪ
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЙ.
№ 5430 12-3

МЕДОВО-ГЛИЦЕРИНОВОЕ ЖИДКОЕ МЫЛО

Приготовленное лабораторіей А. Энглундъ. При употребленіи медово-глицериноваго жидкаго мыла кожа лица, рукъ и проч. принимаетъ пѣкный и свѣжій видъ; удобно имѣть въ дорогѣ, такъ какъ легко помѣщается въ любой карманѣкъ, слѣдовательно, не занимаетъ почти никакого мѣста, и получается всегда чистота и опрятность при употребленіи. — Цена металлическаго флакона 30 коп., съ пересылкою 6-ти флаконовъ 2 р. 25 к. Для предуредленія подлѣтокъ прошу обратитъ вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ всей Россійской Имперіи.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: 10-2 А. Энглундъ, Спб., Литейный, 36.

Сюрпризъ къ праздникамъ. — Совершенство

НОВОСТЬ!

Блестяще и на латъ - никелированные эффектные! ПЕРЕНОСНЫЯ ГАЗОВЫЯ свѣчи съ регулированиемъ пламени! Дешево! Практично! Назнито и ЭКОНОМИЧНО! ПАРА съ наст., упак., перес. хол. 2 р. 50 к. Варшава, Кармелитск. уз., 18, Г. Афанасьеву.

ВЫИГРЫШНЫЕ

билеты и Дворянскіе з. л. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣс. 10 и 5 р. Выигрышъ со дня задатка принадлеж. покупателю. Прод. уменьш. съ № 5501 долготомъ. 4-1

2 ЯНВАРЯ

с. г. тиражъ 1 займа.
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПБ. и гг. агенты Дома въ губ. и уѣздахъ гор. Имперіи.

КОНТРАКТЪ

„БУДИЛЬНИКА“ СЪ ПОДПИСЧИКОМЪ НА 1892 ГОДЪ.

Мы, заслуженный юмористический журнал „Будильник“ и российский подписчик заключаемъ сей контрактъ на 1892 г. въ нижеслѣдующемъ: 1) Я, подписчикъ, обязуюсь въ видахъ собственныхъ выгодъ какъ можно скорѣе подписаться на „Будильникъ“. 2) Я, „Будильникъ“ обязуюсь выдѣлывать подписчику въ теченіе года 50 номеровъ журнала разнообразнаго серьезнаго-юмористическаго и веселаго содержания съ карикатурами и рисунками въ краскахъ. 3) Въ каждомъ номерѣ улобимъ „лободу дня“, еще злѣе оную нарисуемъ и опишемъ. 4) Слѣдить за политикой и не допускать въ оной никакихъ упущеній. 5) Не давать спуска провинціи. Забравъ же во все города и городишки и вместе съ сѣбѣю воду всѣхъ ея сомнительныхъ

дѣльцовъ. 6) Я, подписчикъ, обязуюсь читать все отъ строки до строки и даже между строкъ. 7) Я, „Будильникъ“, за такое примѣрное поведение обязуюсь дать въ награду подписчику: 8) Напечатать библиографическую рѣдкость—однѣ изъ первыхъ русскихъ юмористическихъ журналовъ, Екатерининскихъ временъ, — „Всякая истина“. 9) Я, „Будильникъ“, обязуюсь дать вторую награду—напечатать въ юморъ „веселый“ пьесы, имѣвшія успѣхъ на столичныхъ сценахъ. 10) Я, „Будильникъ“, получивъ со всѣхъ концовъ Россіи отзывы о докторатахъ и адвокататахъ, обявляю, въ видѣ третьей награды, дѣлиться съ подписчиками этими отзывами. 11) Кромѣ всеаго этого, я „Будильникъ“, обязуюсь выдать подписчикамъ небывалую премию:

БАСНИ КРЫЛОВА ВЪ ЛИЦАХЪ.

Для сего я долженъ: а) Избрать 10 лучшихъ басенъ дѣдушки Крылова. б) Дать полный текстъ оныхъ. в) Иллюстрировать каждую басню примѣнительно къ нашей общественной жизни и составить изъ 10 рисунковъ. 12) Я, годовою подписчикъ, обязуюсь съ душевнымъ прискорбіемъ доплатить за оную премию, сверхъ подписной платы, еще одинъ рубль.

Адресъ редакціи, во которому слѣдуетъ пересылать деньги: Москва, Тверская, д. Гандзурга, редакція журнала „Будильникъ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: № 5495 2-1

На годъ, въ Москвѣ, безъ премій—8 р., съ преміей—9 р.; для иногород., безъ премій 9 р., съ преміей 10 руб.; на 1/2 г. въ Москвѣ 4 р. 50 к., для иногор. 5 руб. (безъ права на премию.)

Примѣчаніе. Кому трудно внести всю годовую плату, тотъ можетъ (съ правомъ на премию) подписаться съ разсрочкой, внесъ при подпискѣ пять рублей, а остальные уплатить до іюня.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новое изданіе М. № 5499 **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ЕВРОПЕЙСКІЕ МОНАРХИ И ИХЪ ДВОРЫ.

Составилъ Politicos. Перевелъ съ англійскаго и дополнилъ В. Рандовъ. 864 стр. Съ 16 портретами современныхъ европейскихъ государей. Цѣна 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 г., на

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ,

8-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

(Москва, Малая Дмитровка, д. № 12).

Ежедневное изданіе, необходимое для техника, ремесленника, мастера, сельскаго хозяина, любителя ремесла, для школы и во всякой семьѣ. Въ каждомъ № помѣщаются: софты, рецензіи и указанія, помѣтныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрутымъ техническимъ производствомъ, со своимъ рисункомъ и рабочимъ чертежемъ различныхъ новыхъ изобрѣтеній, инструментовъ, станковъ, машинъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства. Въ 50-ти №№ прилагается 100 листовъ рисунковъ образцовыхъ издѣлій: для столяровъ, обойщиковъ, слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ (моды Руссела и др.) и пр. Изъ этихъ приложений въ концѣ года можно составить нѣсколько альбомовъ. Кромѣ того: 1) Календарь для ремесленниковъ и 2) Руководства по различнымъ ремесламъ.

Г.г. подписчики выбираютъ руководствъ изъ каталога редакціи. Каждый ремесленникъ найдетъ въ „Ремесленной Газетѣ“ и въ руководствѣ, издаваемыхъ редакціей, много такихъ указаній, которыя принесутъ ему значительныя выгоды.—Редакція сверхъ того оказываетъ возможное содѣйствіе г.г. подписчикамъ отвѣтими на разныя ихъ вопросы.—Подписная цѣна со всеми приложениями: 6 р. въ годъ, съ перес. и доставкой, за 1/2 года 4 р. № 5492 „Ремесленная Газета“ одобрена Учен. Комит. Мин. Народ. Просвѣщенія.

ЛЕПНИНГЪ и ГЛОЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальца-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. НИТШЪ и К^о. въ Бреславль.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрешены.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфеты по 80 и 50 к.

Улаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. В. № 5364 (6).

ГУВЕРНАНТИ И ГУВЕРНЕРЫ

(русскіе и иностранныя) рекомендуются дамской-англійской, ПЕРИОДАТЕЛЬНИЦЕЙ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также и музыки.

Рекомендуемая, въ силу своей профессіи, имѣетъ возможность оцѣнить рекомендаціи.

II. № 4923 12—12 Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. Шпильбергъ, кв. № 8. г. жѣ БЮРО.

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

Кусокъ 30 к. Продается вездѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

на годъ 5 р.	на 4 мѣс. 2 р.
на 6 мѣс. 4 р.	на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р.	на 1 мѣс. 50 к.

За границу Объявленія по 10 к. за строку.

на годъ 10 р.

Адресъ: С.-Петербургъ, 360 №№ въ годъ. Редакт. М. В. Свирицовъ. Невскій пр., д. 20. 12 им. роман., разск. и очерк. Издатель А. А. Гриве.

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка—1-й взносъ 2 или 1 р.—послѣдующіе по 1 р. № 5442 9—6

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяр и Бляйнъ есть лучшее средство. Шестидесятилетняя извѣстность вѣстала повѣрить много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяр и Бляйнъ разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подпись. № 5332 20—8

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ

Б. Морская, № 17. бель-этажъ, рядомъ съ Нумбергомъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА 1892 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціей В. Н. Кутузова (СПБ., Лѣсной Институтъ). № 5507 2—1

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолито-графіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. М. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботаническаго Сада). Подписная цѣна съ доставк. и перес.: за годъ 8 р., за полгода 4 руб. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, на 1892 годъ, на ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ: № 5506 2—1

ГОДЪ XI. НАБЛЮДАТЕЛЬ ГОДЪ XI.

Вступая во второе десятилетіе своего существованія, журналъ будетъ выходить попрежнему ежемѣсячно, первая числа, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ за 1892 годъ будутъ напечатаны романы:

- 1) „Изъ трясины на дорогу“, А. К. Шеллера (А. Михайлова);
 - 2) „Петербургскіе туманы“, І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго);
 - 3) „Итоги“ Н. Ѳ. Бажина;
 - 4) „Вѣсто хлѣба камень“, П. Лѣтнева;
 - 5) „При пиковомъ интересѣ“, А. В. Крулова;
 - 6) „По призванію“, В. Святлова.
- Фельетоны изъ общественной жизни („И смѣхъ, и горе“) Ефима Простосердова будутъ попрежнему помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ номеровъ.

Годовая цѣна: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес. иногороднымъ; за границу—17 р. За полгода 7 р. съ перес. Условія разсрочки иногороднымъ подписчикамъ: 6 р. при подпискѣ (черезъ Гл. Контору), къ 1 мая—5 р., къ 1 сент. 3 р. Частная бібліотека пользуются разсрочкой платы, если выписываютъ не меньше 15-ти годов. экземпляровъ. Подписка принимается: въ СПб., въ Главной Конторѣ журнала (Владимирская ул., д. № 1—6), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ — ГИГИЕНА РТА.

VERITABLE EAU de VOTOT || НАСТОЯЩАЯ ВОДА ВОТО.

POUDRE DENTIFRICE de VOTOT || ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ ВОТО

PATE DENTIFRICE de VOTOT || ИЗЯЩНЫЙ АРОМАТЪ, ВЫСОКОЕ ДОСТОИНСТВО.

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА ВОТО

ДЛЯ ТУАЛЕТА ДАМЪ и ДѢТЕЙ.

„LE SUBLIME“ — ВОДА ДЛЯ МЫТЬЯ ВОЛОСЪ. Ц. № 5451 11—2

ПРОДАЖА ВЪ ПАРИЖѢ: 17, Rue de la Paix. Въ Россіи, во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Главный агентъ для Россіи: Ch. Fortier, Москва, Софійка, д. Захарына.

На всѣхъ этихъ произведеніяхъ требовать подпись

КЪ ПРАЗДНИКУ!

ВЫПИСЫВАЙТЕ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО!

Новосты Штопальный аппарат—чинить чулки, полотно, матерію и проч. скоро и хорошо 1 руб. ♦ Переносная бензино-газовая лампа „Прогрессъ“, горитъ безъ запаха, очень изящна и практична 3 руб. ♦ Машинка для чистки ламповыхъ фитилей 75 коп. ♦ Патентован. шеткоочистка, необходима каждому 65 коп. ♦ Автоматич. свѣтотуннель, пара 60 коп. ♦ Амер. приборъ для запечатанія конвертовъ 1 р. 50 коп. ♦ Открыватель писемъ, для лицъ, получающихъ большую корреспонденцію 6 руб. ♦ Безопасная бритва, для бритья самими 3 р. 75 к. ♦ Амер. въшалка, для чистки платя, очень удобная, 1 р. 50 коп. ♦ Швейная машинка 4 руб. ♦ Корзинка „Метаморфоза“, изъ коей складывается до 15 различн. хозяйствен. предметовъ 75 коп. ♦ Машинка для модной дамской прически, безъ посторон. помощи 1 руб. ♦ Предохранитель отъ лопанія ламповыхъ стеколъ 1 руб. ♦ Исчиститель вина, издѣл. патентов. аппаратъ, безошибочно опредѣляющій доброкачественность вина. Необходимъ въ каждой семьѣ 1 руб. ♦ Всемирныя ножницы, содержащія 12 предметовъ 1 р. 50 коп. ♦ Щипцы для ногтей 1 руб. ♦ Машинка для шитья перчатокъ 2 руб. ♦ Машинка для дѣланія петель (французское изобрѣтеніе) 3 руб. ♦ Прочистителъ винтовой, легчайшій способъ 1 р. 50 коп. и 2 руб. ♦ Кухня бензиновая, на 6 пламенъ 1 р. 50 коп. ♦ Папиросница-автоматъ, изящн. столовый приборъ, выбрасывающій при нажимѣ по одной папироскѣ, украшеніе любого кабинета 3 р. 50 коп. ♦ Новосты: Магическая карман. лампа и огнью 1 руб. ♦ Въшалка для бумажъ, съ лобкомъ идиисью, по 50 коп. ♦ Музыкальн. ящикъ 1 р. 50 коп. и 3 руб. ♦ Автоматъ перо-карандашъ 75 коп. ♦ Автоматъ-карандашъ 50 коп. ♦ Карман. фонарь, издѣланный 50 коп., 75 коп. и 1 р. 50 коп. ♦ Симонсѣнц. полный курительн. приборъ, британскаго серебра 8 руб. ♦ Гранированіе на стеклѣ (приборъ) 2 р. ♦ Гранированіе на стали 50 коп. ♦ Кремнев. спичечница, очень изящная 1 р. 50 коп. ♦ Электрическая спичечница 75 коп. ♦ Цу-тешествіе вокругъ свѣта 75 коп. ♦ Спичечница съ фитилемъ 75 коп. ♦ Тоже, безъ онаго 50 коп. ♦ Губка-юности, аппаратъ для мытья и фротировки тѣла 1 р. ♦ Дѣтскіе фокус. часъ 75 коп. ♦ Игра свѣтъ дѣтей и взрослыхъ ц. 1 р. 50 коп. ♦ Штатура-чародѣйка 75 коп. ♦ Пуншъ-машинка или аппаратъ превращенія предметовъ въ 3 руб. ♦ Ящикъ съ фокусами въ 1 р., 2 р., 4 руб. ♦ Портфель съ фокусами (10 и 20 фокусовъ) 1 р. 50 коп., 2 руб. ♦ 30 штукъ головоломокъ (игра въ терпѣніе) 3 руб. ♦ Игра (Пасьялъ) Эйфельска башни 50 коп. ♦ Америк. выжель. столикъ, часъ, ручательство—4 руб. ♦ Машинка для стрижки волосъ у людей и животныхъ 7 руб. ♦ Кошачье фигурчатое кегли (очень изящн.) Игра 6 руб. ♦ Саногоразуватель и обуватель 1 р. 50 коп. ♦ Леташая муха (парик-ская новостъ) 1 р. 50 коп. ♦ Музыкальн. волочекъ 1 руб. ♦ Выжиганіе по дереву и кожѣ, полнѣйшій наборъ, съ платиновымъ прижигателемъ. Ц. 12 руб. ♦ Тисненіе по кожѣ любнхъ рисунковъ, съ инструментами и образцами. Ц. 6 руб. ♦ Вольевой приборъ. Ц. 10 руб. ♦ Живопись на фарфорѣ, фаянсѣ, майоликѣ и стеклѣ. Ц. 12 р. ♦ Гелиоиниляторъ или искусство раскрашванія по стеклу красками портретовъ, картинъ, астамповъ и проч. Ц. 6 руб. ♦ Литохромія или искусство обратитъ гравюры и литографіи въ издѣлія масляни картинъ. Ц. 7 руб. ♦ Гелиоиниляторъ и литохромія издѣл. Ц. 11 руб. ♦ Домашній фотографъ, посредствомъ коего всаки, даже ребенокъ, можетъ переснимать портреты, гравюры и проч. Ц. 3 руб. ♦ Гальваноластикъ или искусство золоченія, серебренія, никелированія и т. д. Ц. 4 р., 6 р., 8 р. и 10 руб. ♦ Опытъ съ электричествомъ, полнѣйшій приборъ ц. 3 р. 50 коп. ♦ Работы изъ стружекъ и бересты ц. 1 р. 50 коп. ♦ Живопись бризганъ ц. 3 руб. ♦ Пантографъ, приборъ для увеличенія и уменьшенія картинъ, шабловъ, рисунковъ и проч. ц. 1 р. 50 коп.; то же, металлическій 4 руб. ♦ Каллиграфъ, коимъ всаки можетъ научиться красиво писать ц. 1 руб. ♦ Механографъ, для увеличенія и уменьшенія картинъ съ краск. ц. 1 р. 50 коп. ♦ Живопись-самолучка, съ красками ц. 2 руб. ♦ Дѣл.-архитекторъ ц. 2 руб. ♦ Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ ц. 3 руб. ♦ Живописное хото, для изук. изъ русск., франц. и немск. ц. 1 р. 50 к. ♦ Шахматъ ц. 2 руб. Шахки ц. 1 руб. ♦ Волшебные фонари, съ настановленіемъ самому раскрашивать картинъ ц. 1 р. 50 коп., 2 руб., 3 р. 50 коп., 4 руб., 5 руб., до 50 руб. ♦ Камер-обскуръ, для рисованія съ натурю ц. 3 р. 50 коп. ♦ То же, большія, складныя ц. 6 руб. ♦ Ортограмъ, новый приборъ для рисованія перспективъ, съ красками и проч. ц. 5 руб. ♦ Ставокъ для выжиганія по дереву и металлу (работать рукою и ногою) деревян., со всими принадлеженіями, ц. 3 руб. ♦ Такой же, желѣзный 6 руб. ♦ Ящикъ со столярными и переплетными инструментами ц. 10 руб. ♦ Пазельный приборъ, для сплаванія и приназъ всакихъ металлическихъ вещей, ц. 5 руб. ♦ Приборъ для дѣланія рамъ изъ бѣгетовъ, съ инструментами, ц. 6 р. ♦ Фотограф. аппаратъ—не грушка, для сниманія съ натуры винныхъ и кабинетныхъ портретовъ, видовъ и проч., съ пр. бимъ снимк. и подробн. руководствомъ (пересылка за 15 фунт.), ц. 5 руб. ♦ Симфоніонъ, музыкальн. инструментъ, играющій неограниченное число вѣствъ, съ приложеніемъ 6 вѣствъ 7 р. 50 к. Писемъ отдѣльно по 35 коп. ♦ Новосты: Электрическая лампа, автоматъ, какъ ножички и для закуриванія папиросъ, ц. 5 руб., и много другихъ новостей.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ.

В СЕ. ПЕТЕРБУРГѢ 5 РУБЛЕЙ.

Всѣ вышеозначенные приборы съ руководствами.

Заказы исполняются немедленно, но не менѣе какъ на три рубля. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., № 4. Складъ новыхъ изобрѣтеній.

Фирма существуетъ съ 1872 года.

Новый иллюстриров. каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ высылается за двѣ пяти-копечныя марки. № 5498

И. № 5399

ФАБРИКА

ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ КАРЛА ГОЛЬ въ Канштадтѣ (Германія)

выслагаетъ безъ всякой доплаты за пересылку до границы золотыя вещи своего издѣлн изъ массивнаго 14 каратнаго золота съ искусственными брилліантами имѣющими великолѣпную игру. Иллюстрированный прейсъ-курантъ выслагается бесплатно.

Заказы исполняются лишь по полученіи полной стоимости выписываемой вещи, причемъ самая стоимость можетъ быть присылана русскими кредитными билетами или почтовыми марками.

№ 736. Кольцо изъ 14 каратнаго золота съ искусственными брилліантами 8 руб.

№ 548. Медальонъ для 2-хъ фотографій изъ 14 каратнаго золота. № 1268. Дамские ремонтные часы съ приназъ механ. изъ 14 каратн. золота.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволды Крестовскаго* (автора „Петербург. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

Журналъ, издаваемый русскимъ обществомъ книгопродавцевъ и издателей. Рекомендованъ для библиотекъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

IX г. ВЫХОДИТЪ ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ. 1892 г.

Въ журналѣ печатаются: Перечень новыхъ книгъ. — Отзвы о книгахъ. — Книжная хроника. — Ковсиса. — Указатель отзмовъ периодической печати о книгахъ. — Правительство на распоряженія и т. п. — (Съ бесплатнымъ приложеніемъ: *Наша периодическая печать*.) № 5508

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Поздравляемъ! Открыта подписка на 1892 годъ! ГОДЪ ХVII. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ГОДЪ ХVII.

„СТРЕКОЗА“.

Семинадцать лѣтъ изданія „Стрекозы“ смотрятъ на насъ съ высоты дотрагивающаго вѣка. Чѣмъ ближе къ концу XIX столѣтія, тѣмъ австненнѣе для всѣхъ, что современное человѣчество, если и пригодно на что нибудь, то единственно потому, что оно способно, укрѣпляетъ себя и поддерживаетъ тремя капиталными средствами: электричествомъ, массажемъ и юморомъ.

Электричество щиплетъ его за драбле и развѣиваетъ нервы. Массажъ передвигаетъ, вмѣстѣ съ кровью, мысли отъ броча къ головь. Юморъ спасаетъ отъ ипшохондріи и протрація, отъ собачьей старости и преждевременнаго дѣтства.

Вотъ почему мы убѣждены и радуемъ, что процвѣтаніе „Стрекозы“ непосредственно связано съ приращеніемъ капитала благодущія и веселоранія, находящагося въ повседневномъ всероссійскомъ развѣтѣ и оборотѣ.

Самъ графъ Левъ Толстой удостоилъ юморъ своимъ вниманіемъ. Онъ, очевидно, замѣтилъ, что однимъ только трагизмомъ можно совсѣмъ загнать современниковъ и подаритъ имъ одну оригинальную и очень забавную комедію. Называется она, какъ извѣстно, „ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ“.

Въ 1892 году „Стрекоза“ дастъ своимъ годовымъ подписчикамъ:

3 БЕЗПЛАТНЫХЪ,

роскошнѣйшихъ премій:

1-я премія: „ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ“, комедія графа Л. Н. Толстого. Изданный томъ, изданный по примѣру парижскихъ éditions de luxe. Книга эта будетъ роскошна подписчикамъ съ № 1-мъ „Стрекозы“.

2-я премія: „НОВОСТИ НАШЕГО ТЕАТРА“ — роскошный альбомъ, исполненный новѣйшимъ способомъ, *фото-гемитрафій*. Альбомъ будетъ сдѣланъ съ фотографій, снятыхъ дирекціей Императорскихъ театровъ съ перворядныхъ артистовъ, въ выдающихся роляхъ и сценахъ новѣйшаго репертуара вышншаго 1891—1892 г. сезона.

3-я премія: „ОТДѢЛЬНЫЕ РАЗСКАЗЫ „СТРЕКОЗЫ“ (не менѣе 12-ти въ годѣ), современной юмористической литературы (преимущественно изъ французской) съ французскими художественными иллюстраціями. Всѣ три преміи „Стрекозы“ будутъ представлять собою небывало-роскошные подарки. № 5496 2-1

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ С.-Петербургѣ:	безъ доставки на годъ . . . 8 р. 50 к.	на годъ съ перес. премій . . . 10 р.
	полгода . . . 4 р. 25 к.	на 1/2 года безъ премій . . . 5 р.
съ доставкой на годъ . . . 9 р. — к.	полгода . . . 4 р. 50 к.	Годовые подписчики вносятъ по 6 р. въ первое 1/2-годіе и 5 руб. во второе 1/2 г., пользуются тоже преміями.
	годовое подписчикъ безъ доставки, вносящія въ первое 1/2 г. 5 р., во второмъ 4 р. 50 к. и годовые съ доставкой вносящія въ первое 1/2 г. 6 р., а во второмъ 4 р. пользуются тоже преміями.	за границу на годъ съ преміями. 12 р. по 1/2-годіямъ безъ прем. 6 р. 1/2 „ съ преміями 7 р.

Редакція и Контора помѣщаются: 80, Фонтанка, въ С.-Петербургѣ.

Издатель Г. Н. Корнфельдъ. Редакторъ И. Ф. Васильевскій.

1892 г. ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА г. 1892

СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ СПБ. И ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ИМПЕРІИ.

СВѢТЪ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ, САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ ВЪ РОССИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
годъ 4 р. полгода 2 р. три мѣс. 1 р.
Съ 1 января 4 р. Съ 1 января 2 р. съ 1 янв. 1 апр. 1 р.
по 31 декабря или 1 июля 2 р. съ 1 июля 1 окт. 1 р.

СВѢТЪ И РОМАНЫ

ГАЗЕТА СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ состоящимъ изъ произведеній лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

За годъ: СВѢТЪ и 12 том. роман. 8 р.
За полгода: СВѢТЪ и 6 том. роман. 4 р.
За 3 мѣс.: СВѢТЪ и 3 том. роман. 2 р.

Писья и деньги адресовать: С.-Петербургъ, редакція газеты „Свѣтъ“, Невскій, № 136

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ В. В. КОМАРОВЪ.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ кол. пер. 3 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

ПОТЫ-НОВОСТИ!
ПРЕКРАСНЫЕ ПОДАРКИ
ЧТО МНѢ СЫГРАТЬ? Сборникъ 77 новѣйшихъ самыхъ любимыхъ салонныхъ пьесъ, пьесъ изъ оперъ и оперетокъ, русскихъ, мадор., пинганск. пьесъ, тапшевъ и маршей въ легк. арр. въ 2 руки, сост. Ю. Негель. 1 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 2 р. 25 к.

Эйленбергъ-Альбомъ сод. 7 любимѣйшихъ легк. сах. пьесъ въ 2 руки 1 р. 50 к., въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Сборникъ 25 нов. цыганск. пьесъ Штукана и др. д. пѣн. съ фортеп. 2 р. 50 к.

Сборникъ нов. дѣтск. пьесъ (слова русск., франц., нѣм. и англ.) соч. Рейкозе 1 р.

НОВѢЙШІЕ ВАЛЬСЫ: Грезныя соч. Б. Кейль—75 к. На ушко соч. Артемьева—75. Сѣверный вѣтеръ изъ цыг. пьесъ соч. Артемьева—75 к. Aveu en valant (въ родѣ "Loin du bal") соч. А. Фридманъ—50 к.

Классич. соч. и сборники всякаго рода въ роск. переплетѣхъ и безъ переплетѣ въ общирн. выборѣ и въ дешевымъ изданіяхъ рекомендуетъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина. Цѣны съ пересылкою. Выписка воемѣд.

ШОКОЛАДЪ
ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА
Жюль БОРМАНЪ

удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
"ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у Г. Голлендера, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5877 (6)

ТОВАРИЩЕСТВА
"ГИГИЕНА"
ПУДРА

роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ

ОСВѢЖАЮЩІЙ ОДЕКОЛОНЪ
высшаго достоинства.

СТИРОНОВАЯ ЖИДКОСТЬ
благонная.
для освѣженія комнаты.

ПРОДАЖА ВЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРІИ.

С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9. Ц. № 5407 11—8
Москва, Никольская, д. гр. Шереметева.

НАСТОЯЩІЕ
ВЕЛОСКОПЕЛЬ СВѢТЪ

ПЕРВОЕ МѢСТО

Ж. БЛОКЪ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

С.-Петербургъ

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА
БЕРТЫ-РИСЬ.

Личная помада "Pasta Eugenie". 1 р. 60 к.
Румяная помада для смягченія кожи рукъ. 1 — 30
Головная помада для волосъ. 2 — —
"Трисогенъ", жидкость для мытья головы. 2 — —
"Элисиаръ Меланинъ" для волосъ. 2 — —
Бальзамъ изъ миртовыхъ цвѣтовъ, жидкая пудра. 1 — 75
Пудра 3-хъ цвѣтовъ: бѣлая, розовая и рашель для бровейтокъ, съ пуховкой. 1 — 20
Румяна "Eugenie" безъ пуховки 1 — 50

ХИМИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА РИСЬ-ГУТЛАНД.

Краска для волосъ 4-хъ цвѣтовъ: черная, коричневая, свѣтло- и тем-ко-русая 3 р. — к.
Тонойскій бальзамъ отъ мозолей — 60
Порошокъ противъ тираскиновъ, моли и блохъ 1—20 и 1/2 — 65
Жидкость противъ клоповъ. 1 — —
Средство отъ крысъ и мышей: большая жестянка 1 — 50
маленькая жестянка. — 40
№ 5475 6—2

Можно получить во многихъ аптекахъ и косметич. минз. Россіи.

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ
ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ
косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральныхъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорожкѣ. Изъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 р.; 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ: подписи А. Энглундъ — красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Спб. Химической Лабораторіи, въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Феррейна, В. Безбардистъ, Р. Келлеръ и Ко, О. Гелзингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторіа. А. Энглундъ. Литейная № 38. Ц. № 5349

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15 1

ЦИТРЫ
отличной работы, хорошаго качества и сильнаго тона отъ 16—22—28—38—300 мар. Школа Гретера для самообученія 1 ч. 5 м., 11 ч. выш. школа 7 м. Сиринки и всѣ струнные инструменты. Прейсъ-куранты бесплатно. Ц. № 5440 БРАТЯ Вольфъ, 4-3 Фабрика инструментовъ, Крейцманъ.

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ
для Г. ИНОГОРОДНЫХЪ СОСТАВЛЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ КОЛЛЕКЦИИ:
въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекція (даже 5 руб.) такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ. Коллекція въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодна для большаго семейства, школы, приютовъ, базаровъ, собраний, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и проч.

Покоривъше прощу дать заказъ на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ и ихъ нельзя возобновить послѣ распродажи запаса, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новосты, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ. № 5453 6—5

Пересылаю наложеннымъ платежемъ. Иллюстр. преісъ-курантъ перес. бесплатно.

БАЗАРЪ МАРКЪ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20. А.

КЛЕЕНКА. Фабричный складъ Ф. П. Федорова, оптовый и розничный. Спб. Екатерининская ул., уголъ Б. Итальянской, № 2—27. № 5504

НА ЕЛКУ
ЭЛЕГАНТНЫМЪ ОСОБАМЪ!

Представляя лучшую фабрику искусственныхъ камней въ Парижѣ, мы высылаемъ съ наложеннымъ платежемъ на сумму 10 р. и 5 руб. слѣдующія три вещи: № 5513

- 1) БРОШКУ накладного золота съ поддѣльными брилліантами, послѣдняя новостъ.
- 2) БРАСЛЕТЪ тоже.
- 3) ПАРА СЕРЕГЪ тоже.

Эти три вещи съ ручательствомъ: не имѣютъ своего вида и имѣютъ блескъ настоящихъ брилліантовъ.

Съ требованіями просить обращаться въ Торговый домъ **АЛЕКСАНДРЪ И КО**
Parfumerie des Artistes
№ 36, въ Пассажѣ, С.-Петербургъ.

САРПИНКА РУЧНОЕ
КАЧЕСТВО
ДЛЯ ДАМСКИХЪ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ

на лѣто 1892 года
РОЗНИЧНАЯ И ОПТОВАЯ ПРОДАЖА
Альбомъ образовъ высылаютъ съ ДЕКЛЕТЪ В-р за 40 коп. приложенныхъ почтовыхъ марокъ въ наложенномъ письмѣ въ САРАТОВЪ. Главная контора и центральная торговая **САРАТОВЪ, пассажъ Лаптева.**

ОТДѢЛЕНІЯ:
МОСКВА, Петровка, между Кузнецкимъ и Салтык. пер., прот. маг. Вандрагъ.
Казань, съ Января 1892 г. на Николаевской площ., д. Х. Юшова.
въ Тифлисѣ съ Ноября 1891 г.

ФАБРИКАНТЫ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
БЕНДЕРЪ И СТЕПАНОВЪ

Ц. № 5469 10—3

ПИСЬМУЩАЯ МАШИНА
"РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаемъ бесплатно. № 3749

Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21

Въ Спб. Вознесенскій пр. № 27

Уг. Казанской ул. № 21-52

Высочайше УТВ. ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМЪИЛОВСКІЙ ПР. № 27
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЬ 1889 г.

ОДЕКОЛОНЪ двойной ОДЕКОЛОНЪ №4 [ЭКСТРАКТЪ]
ОДЕКОЛОНЪ тройной

качествомъ ни сколько не уступающій иностранному производству.

МАГАЗИНЪ ВЪ МОСКВѢ: НА КУЗНЕЦКОМЪ МОСТУ. д. ТРЕТЬЯКОВЫХЪ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6 - 10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕНЕМЪСЯЧН. ДАРОВЪ ПРИЛОЖ. 12 КНИЖЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
 Выдать 14 декабря 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Видъ города Зальцбурга. Съ фотогр. гравир. Пейне.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВУ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москву чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія.	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	---	------	---	------	---------------------	-------

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ на 1892 г.

допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Въ два сроча: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му юня 1892 г. 8 р.
- 2) Въ три сроча: При подпискѣ вносится 8 р., къ 1-му мая 1892 г. 2 р. и къ 1-му августа 1892 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ вносится, журналъ будетъ высылаться со всеми приложениями и преміями—НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казнач. или управляющ.

Забытая деревня.

(Из записной книжки моего старого дяди).

Разсказъ Р. Л. Маркова.

I.

...И вокругъ нашей деревни холера (18** г.) все усиливалась. Съ поразительною быстротою она охватывала село за селомъ, гдѣ буквально не успѣвали хоронить мертвыхъ. Безконечный ужасъ охватилъ населеніе.

Всѣ сосѣдніе помѣщики поразѣхались.

Только наше семейство еще отсиживалось въ усадьбѣ, вокругъ которой день и ночь жгли костры изъ навоза, поливая его смолою и дегтемъ.

Тетушка Марья Андреевна, родная сестра нашего покойнаго отца и наша оекуниша, еще надѣялась принести населенію пользу, и своими лѣкарствами, и вообще своимъ присутствіемъ. Но, убѣдившись въ своемъ полномъ безсиліи, наконецъ и она уступила совѣтамъ ее окружавшихъ: „спасти малолѣтнихъ“, т. е. меня—десятилѣтняго шалунишку, младшаго брата моего Николая и сестру Адель. Рѣшено было ѣхать изъ нашего Богородицкаго, что было въ Щигровскомъ уѣздѣ, въ Арзамасъ, и тамъ укрыться отъ эпидеміи, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ нашихъ вотчинъ.

Сборы были не долги. На другой же день къ парадному крыльцу подкатилъ порядочный поѣздъ парныхъ повозокъ, во главѣ съ коляскою и съ огромною каретою на стоячихъ рессорахъ.

Передъ отъѣздомъ, по старинному обычаю, отслужили напутственный молебень и всѣ „сѣли“, готовясь къ разставанью, для многихъ вѣковѣчному.

Марья Андреевна, женщина крупныхъ размѣровъ и мужественнаго характера, величественно возсѣдала въ креслѣ. Ея не молодое, но еще красивое смуглое лицо, обрамленное черными, гладко причесанными косичками, низко спущенными изъ-подъ бѣлаго чепца на уши, казалось весьма озабоченнымъ.

Вокругъ нея толпились старшіе дворовые и „барскія барыни“, т. е. приказныя женщины, на коихъ въ сущности и лежало все домоводство и всѣ заботы по многосложному хозяйству нашихъ родителей.

Она отдавала имъ послѣднія наставленія по дому и въ особености „по болѣзни“. Имъ же вручила она и мѣшечки съ тертымъ калганомъ, корень котораго заваривали крутымъ кипяткомъ и давали больнымъ пить, разныя мази, спирты и лѣкарства, между которыми бутылки съ крѣпкою перцовкою занимали видное мѣсто.

Окончивъ наставленіе и осѣнивъ себя и другихъ крестнымъ знаменіемъ, тетушка торжественно поднялась; началось „прощаніе“ и троекратное цѣлованіе со всѣми мужиками и бабами; дворовыхъ и деревенскихъ набралось такъ много, что помимо зала, коридора и сѣней—половина двора у подъѣзда была запружена народомъ. И это прощаніе съ нашими людьми въ такую опасную, а потому и торжественную минуту, вышло по-истинѣ трогательно. Оно убѣдило насъ во взаимной и непритворной любви не только со стороны дворовыхъ, въ числѣ коихъ было не мало нашихъ нянекъ, мамокъ, кормилицъ, молочныхъ сестеръ и братьевъ, но и со стороны крестьянъ, которыхъ мы, дѣти, не часто видѣли у себя въ домѣ. Особенно „жалѣли“ насъ старики и старухи, „привыкшіе“ къ намъ. Они громко голосили и причитали: „на кого-то вы теперь насъ покинули!“ Да и вообще многіе неутѣшно плакали. И этотъ взрывъ столь человѣческаго и искренняго чувства какъ-то самъ собою сообщился и отъѣзжавшимъ. И вдругъ всѣ мы — не исключая даже и тетушки, на видъ столь суровой — горько заплакали. Однакожь тетушка скоро овладѣла собою и, махнувъ изъ окна кареты бѣлымъ надушеннымъ платочкомъ, крикнула „съ Богомъ!“

Кучеръ и всѣ сидѣвшіе по повозкамъ закрестились, и поѣздъ тронулся при крикахъ: „съ Богомъ!“, „прощайте!“, „часть добрый!“

Двѣ недѣли уже ѣхали мы то широкимъ „большакомъ“, обсаженнымъ ракишникомъ, то едва замѣтнымъ проселкомъ, по мѣстамъ совершенно незнакомымъ нашимъ людямъ. И мы, дѣти, искренно удивлялись, какъ нашъ кучеръ Тимошей, катившій передомъ, находилъ дорогу, словно по чутью угадывая свороты и переѣзды по невѣдомымъ гаямъ и плотинамъ. Путь показался намъ невыносимо длиннымъ и скучнымъ. Тутъ тоже повсюду курились навозные костры, встрѣчались холерныя похороны съ голосившимъ народомъ. Мимо окна катившейся кареты непрерывно бѣжали эти невѣдомыя села съ хмурыми лѣсами, и горы, и рѣчки, весело змѣившіяся по зеленымъ лугамъ. И все это живо напоминало намъ наше Богородицкое. Тамъ тоже были и горы, и лѣса, и рѣчки, только несравненно лучшіе. Главное же, тамъ, далеко позади насъ, остались наши пріятели, дворовые мальчишки, и нашъ родной домъ со всѣми нашими радостями.

II.

Погода стояла прекрасная: теплая и сухая, такая, когда особенно пріятнѣе было „гулять“. Но и бородачій Тимошей, и нашъ старичокъ-буфетчикъ Семень Андреевичъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ на козлахъ кареты, частенько бесѣдовали именно объ этой прекрасной погодѣ. „Ишь какая сушь стоитъ—ужо все погорѣло, да и надъ полемъ шмара виситъ, что не продыхнешь!“—„Настоящая пожарница! со вздохомъ подтверждалъ Семень Андреевичъ,—похоже это—Господь наказываетъ за наши прегрѣшенія, и холера съ того приключилась!“ добавилъ набожный старичокъ, крестя зѣвающій ротъ.

Но вотъ наконецъ пошелъ и дождь, такъ давно желанный „большими“. И едва его первыя свѣтлыя капли застучали по стекламъ кареты, какъ всѣ благодарно закрестились. Поѣздъ остановился, и всѣ принялись надѣвать свиты и чекмени, радостно приговаривая: „Слава Богу, насилушку-то оглянулся на насъ Царь Небесный!“

Наконецъ припустилъ такой дождь, что кромѣ гула и сплошныхъ струй, отъ которыхъ и сама земля словно задыхалась—ничего не стало слышно и видно. Быстрые ручьи засновали по сторонамъ и такъ разгрязнили дорогу, что и шагомъ трудно было ѣхать.

— Ну ужъ и дождь навалился! промолвилъ промокшій Тимошей.

— Этотъ дождь не облажной, а тучковой—онъ сразу пройдетъ... И Господь все дѣлаетъ къ лучшему! покорно отозвался Семень Андреевичъ, запахивая свою фризую шинель.

Незадолго до захода солнца поѣздъ снова остановился. Еще на ходу нѣсколько человекъ съ заднихъ повозокъ пососкочили и, перегнавъ карету, побѣжали куда-то впередъ. Они махали руками и о чемъ-то тревожно перекрикивались съ нашимъ Тимошеемъ, который наконецъ-то произнесъ свое торжественное „тиру“ и остановилъ карету. Затѣмъ къ окну подошелъ и Семень Андреевичъ; почтительно снявъ свой картузь, онъ доложилъ, что надо „выходить“, потому что подошла очень крутая и опасная гора. Тетушка, дремавшая въ уголку съ книгою въ рукахъ, тотчасъ приказала отворить дверцу, и при этомъ ея любимая приказная Агафья Никифоровна выносила „каба“ съ провизіею. Рѣшено было остановиться „пополудновать“, а равно и подкормить приморившихся лошадей, поль-

зуюсь хорошей травой лужайки, зеленѣвшей у самой дороги. Мы съ наслажденіемъ выпрыгнули изъ кареты и принялись бѣгать. Мѣстность мнѣ чрезвычайно понравилась. Мы стояли на самой вершинѣ необыкновенно большой мѣловой горы, окруженной кудрявыми кустами дубняка, застѣваго по обѣимъ ея сторонамъ. Мѣловая дорога, ярко бѣлѣвшая на заходящемъ солнцѣ, какъ-то таинственно уходила въ глубь лога, версты на полторы. Тамъ по кустамъ красиво летали стрекотавшія сороки. А еще ниже, въ полосѣ уже синей тѣни, краснѣлъ огонекъ костра, надъ которымъ живописно вился кудрявый дымокъ. Хотя дорога спускалась и отлого, но нѣкоторые отдѣльные взлобки ея казались весьма крутыми и опасными. Въ этихъ мѣстахъ дышловики едва-ли могли спустить нашу невѣроятно громоздкую карету и почти такую же коляску. Къ тому же, сбоку дороги шли глубокіе овраги и водомоины, да и сама дорога съ середины горы дѣлала довольно крутой поворотъ. По мнѣнію всѣхъ, тамъ и тормазъ не могъ бы помочь спуску, а потому необходимо было принять самыя энергичныя мѣры, а именно: отпечь всѣхъ лошадей, какъ выносныхъ „фалеторскихъ“, такъ и пристяжныхъ, такъ какъ, не принося пользы, эти лошади, при спускѣ, могли бы быть искалѣчены разогнавшимися экипажами. А помимо желѣзнаго башмака-тормазы, что на толстыхъ цѣпяхъ подкидывался подъ лѣвыя заднія колеса, стали еще „подвязывать“ и правыя заднія колеса. Судя по многому, предстояла продолжительная остановка. Отпряженныхъ лошадей привязали за придорожные кусты. Потныя и утомленные, онѣ жадно хватали сочную траву, звякая удилами. Лакеи и горничныя быстро разостлали въ сторонкѣ коверъ, поставили самоваръ и вообще все устроили для закуски и отдыха. Сами же люди, для своего „полудника“, расположились неподалече за кустами. Разнесся слухъ, что придется тутъ же переночевать, такъ какъ единственный мостикъ черезъ рѣчку, сверкавшій внизу подъ дорогою, былъ разобранъ до основанія. А вблизи его, у костра, сидѣлъ карауль, и именно для того, чтобы не пропускать въ деревню, темнѣющую на той сторонѣ, ни пѣшаго, ни коннаго, дабы не занести холеры.

Судя по слухамъ, эта страшная болѣзнь еще не переходила за рѣчку, а за нею начинались мѣста уже незараженные, гдѣ добрые люди, какъ и всегда, жили припѣваючи. Слухъ этотъ несказанно обрадовалъ всѣхъ насъ. И всѣ заговорили о холерѣ, какъ объ опасности уже миновавшей. У всѣхъ полегчало на душѣ.

Въ это время изъ-подъ горы показались два мужика, въ черныхъ свитахъ, съ длинными палками въ рукахъ. Они молча, но сурово оглядѣли весь нашъ станъ. Тетушка подозвала ихъ поближе къ себѣ, велѣла дать имъ по стакану крѣпкой перцовки, которую здоровые мужики повидимому употребляли съ большимъ довѣріемъ и удовольствіемъ, чѣмъ заболѣвшіе. Пришедшіе почтительно сняли шапки и поклонились. Отъ нихъ мы узнали, что за рѣчкою лежитъ деревня Веретинино, гдѣ живетъ „баринъ Котовъ“. По ихъ словамъ, баринъ и вообще не любитъ никакихъ проѣзжихъ, для чего нарочно портитъ даже свою мельничную плотину. Теперь же онъ и совсѣмъ заказалъ дорогу, чтобы и на тотъ бокъ не занести холеры.

— Вонъ, добавилъ одинъ изъ крестьянъ, — и самъ баринъ идетъ.

И дѣйствительно, на дорогѣ вскорѣ показалась небольшая фигура пожилаго, довольно тучнаго человѣка. Запыхавшись, или разсердившись, онъ тяжело дышалъ. Шелковый халатъ его въ яркихъ разводахъ довольно небрежно развѣвался по вѣтру. Едва приподнявъ нитую ермолку и почти не вынимая изо рта длиннаго чубука трубки, онъ рѣзко поздоровался съ нами. Блѣдно-сѣрые глаза его безынокойно и свирѣпо бѣгали подъ

его краснымъ мясистымъ лбомъ. Узнавъ, что фамилія тетушки Прокудина-Горская, и что вообще мы здѣсь только проѣздомъ, онъ какъ будто успокоился.

Задумавшись, онъ, не говоря ни слова, попыхивалъ изъ трубки и долго не спускалъ съ насъ глазъ. Во все время нашей бесѣды онъ кстати и некстати на всѣ манеры величалъ себя „баринкомъ“, владѣльцемъ, помѣщикомъ и т. д. А со своими крестьянами, стоявшими недалеко отъ него, обращался до невозможности рѣзко и обидно безо всякой причины. Права онъ казался весьма жестокаго и упорнаго. Тетушка едва убѣдила его дозволить ей на рысяхъ, ни минуты не останавливаясь въ его деревнѣ, проѣхать черезъ нее и, по его совѣту, заночевать въ обширной Красной слободѣ, до которой считалось семь верстъ. Послѣ этого договора „баринъ Котовъ“ ушелъ повидимому въ болѣе покойномъ состояніи духа. Но два прежнихъ дозорщика остались при насъ.

— На-те вамъ на водку, промолвила тетушка, обращаясь къ нимъ и подавая черезъ буфетчика нѣсколько серебряныхъ монетъ, — сами выпейте, да и угостите тѣхъ, что сидятъ у костра. А коли вы подсобите нашимъ людямъ устроить мостъ для переправы, и и еще прибавлю.

Не ожидая ничего подобнаго, оба дозорщика роблѣнно сорвали шапки и съ низкими поклонами принялись благодарить за оказанную имъ милость.

— Ну, а какъ же васъ зовутъ? полюбопытствовала тетушка, съ улыбкою обращаясь къ тому, что казался постарше и былъ пониже ростомъ.

— Его, матушка-барыня, дражняютъ Ладыжкой! оскалаясь вмѣшался его товарищъ, довольно порядочный верзла съ такою же пенечневою бородою.

— Такъ точно, подтвердилъ Ладыжка. — Это именное мое уличное прозвище. А попъ положилъ мнѣ ими Никаноръ.

— Ну, а того какъ зовутъ? продолжала тетушка, которую видимо все это забавляло.

— Да и того опять же таки зовутъ Игнаткою-Семипуднымъ, отвѣчалъ старикъ.

— Ну, вотъ и отлично! Теперь мы познакомились, замѣтила тетушка во слѣдъ удалившимся дозорщикамъ. Благодаря тому, что и Никаноръ-Ладыжка и Игнатъ-Семипудный остались „довольны“ проѣзжемъ барынею, и другіе караульщики, сидѣвшіе у костра, близъ рѣчки, совсѣмъ перемѣнились. Изъ людей расположенныхъ враждебно—и они стали друзьями-приятелями. Въ одну минуту поднялись и принялись помогать нашимъ людямъ, собирать раскиданный мостикъ и устраивать переправу.

Тѣмъ временемъ и мы подошли къ нимъ. Отсюда снизу было особенно ясно видно, какой опасный спускъ представляла эта страшная мѣловая гора.

Тяжкая карета чернымъ паукомъ опускалась съ ея бѣлой вершины. Несмотря на свои омертвѣвшія колеса, что, дрожая отъ напряженія, оставляли позади себя по дорогѣ двѣ черныхъ полосы, и на то, что лакей Федоръ, шедшій подъ лошадьми, всею силою осаживалъ конецъ дышла книзу, — добрые коренники, сѣвши на задъ, едва-едва ее сдерживали. И Федоръ явно подвергался опасности быть раздавленнымъ. Но, благодаря Бога, все обошлось благополучно. Пока укладывались, тетушка, обобравъ насъ вокругъ себя, сѣла посидѣть на ворохѣ соломы, желтѣвшей недалеко отъ костра. Оправивъ чепецъ и дорожную робу, она, умиленная сердцемъ, ласкала насъ и рассказывала намъ, какъ она рада, что Господь пронесъ и ее, и всѣхъ насъ черезъ столько опасностей живыми и здоровыми.

— А если бѣ только вы знали, какая опасная и какая заразительная эта болѣзнь—холера! говорила она и, закрывъ глаза, долго качала головою.—Не только близкое присутствіе труна, но даже вѣтеръ съ боль-

Свиданіє. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. Соломко, грав. Шюблерь.

Щекотливый вопросъ. Рис. Гольмбергъ, грав. Кирмае.

наго холерою уже может принести заразу и мучительную смерть. Теперь же, дѣти мои, радостно продолжала тетушка,—Господь донесъ насъ до этой рѣки, за которой, какъ говорятъ всѣ, уже нѣтъ болѣзни. Такъ-ли это, старики? милостиво освѣдомилась она, обращаясь къ сторожамъ и готовая наградить ихъ за труды.

— Такъ точно, отвѣчала Игнатка-Семишудный,—„за рѣкою“ еще нѣтуту этой самой хвори... Ну, а по этой самой сторонѣ она почитай всѣ села прошла и много-таки народушка поыврала... Даже и вчера съ нашъ обходъ поднялъ троихъ мертвыхъ въ кустахъ. Синіе такіе лежатъ, скрюченные, смотрѣть на нихъ и то жуть беретъ. Холерные эти и сейчасъ лежатъ рядышкомъ подъ тою-то соломою, гдѣ вы, матушка, сидѣть изволите! Ихъ-то мы и караулимъ, чтобъ собаки ихъ не поškodили: становаго дожидаемся...

— Боже мой! въ ужасѣ закричала Марья Андреевна, вскочивъ было на ноги, и снова упала на землю въ обморокъ.

III.

Карета и весь поѣздъ уже переправлялись на тотъ бокъ рѣки, а потому подобжавшіе люди уже на рукахъ отнесли туда свою барыню, все еще лежавшую безъ чувствъ. Бхатъ въ слободу, какъ того требовалъ „баринъ Котовъ“, было уже совсѣмъ невозможно. Къ тому же насунула темь и сталъ накрапывать дождикъ.

Но несмотря на то, „баринъ“, снова появившійся уже среди своей деревни, наотрѣзъ отказывалъ въ дозволеніи переночевать.

— Да тутъ не въ ночевкѣ дѣло! на перебой кричали наши люди,—переночевать и въ полѣ можно... А главная причина—барыня заболѣла съ испугу... барынѣ надо помочь, за лѣкаремъ послать... Али вы не люди, что со двора насъ гоните?.. Коли такое дѣло—рѣжьте насъ среди вашей деревни, а дальше мы не поѣдемъ! рѣшилъ Тимошей и завернулъ карету въ ближайшій дворъ.—Коли имѣете такую полную праву — рѣжьте! твердилъ онъ, соскочивъ съ козелъ и съ сердцемъ принимаясь распрягать.—Только и самъ губернаторъ обо всемъ этомъ узнаетъ!

А глядя на Тимошею повернула и коляска, и другія повозки, и всѣ взялись рѣшительно распрягаться среди улицы. Толпа народа сбѣгалась отовсюду на шумъ и крикъ. Однако дѣло до драки не дошло, и мало-помалу все успокоилось.

IV.

Было не рано, когда, проснувшись, мы принялись за чай. И только тутъ замѣтили мы, что весь дворъ, служившій нашею стоянкою, былъ буквально окруженъ громаднымъ скопищемъ мужиковъ, бабъ и ребятишекъ. Въ рукахъ у нихъ виднѣлись деревянные блюда съ яйцами и медомъ, куры, пѣтухи, гуси, холсты и расшитые ручки.

Марья Андреевна, уже оправившаяся послѣ вчерашняго перепуга, сидѣла въ углу, вся красная и смущенная. Съ замѣтнымъ раздраженіемъ спорила она съ Агафьею Никифоровною и досадливо махала руками.

— Я-жь тебѣ говорю, конфузись твердила Марья Андреевна,—что послѣ смерти моего брата, Александра Андреевича Сѣкирина, я, какъ опекушка его дѣтей, приняла по точной описи всѣ его населенныя имѣнія и всѣ пустоши... И деревни Верейтиновой, а равно и Куньей-Пустоши тамъ совсѣмъ нѣту!

— Воля ваша, почтительно возражала ей любимица, — а эта деревня, гдѣ мы сейчасъ находимся,—наша собственная... Да и на чтѣ лучше? Тетка нашего фалетора, Катерина, и сейчасъ сидитъ тутъ на крыльцѣ; она даже изначорно приходила къ намъ утромъ изъ деревни и все сказывала, всю правду-правдинскую!

Именно, говорить, и деревня эта наша, и всѣ мы прирожденные Сѣкиринскіе. Только Александръ Андреевичъ, Царство ему Небесное, отродясь здѣсь не бывали... И это, говорить, даже всѣ знаютъ, что наша деревня „пропущенная“ и въ записи она не вошла. Ну, а Пашка-то Зычъ и вѣдрился въ это имѣніе, забралъ силу, да и взялся уродничать. Сперва-наперво по довѣренности управлялъ онъ нами, что далъ ему еще родной братецъ Александра Андреевича, отъ котораго и мы достались Александру Андреевичу вмѣстѣ съ прочими вотчинами его брата... А ужъ тамъ Пашка назвался „баринкомъ“ и взялся уродничать.

— Какой Пашка Зычъ? брюзгливо допытывалась Марья Андреевна.

— Да Пашка, сударыня: стараго скотника Антона сынъ... Тотъ-то самый, матушка, что вашу милость на деревню не пушалъ; въ ермолкѣ, да въ халатѣ являлся къ вамъ, да себя „баринкомъ“ величалъ, съ ехидною усмѣшкою поясняя Агафью Никифоровна.

Марья Андреевна всплеснула руками и въ глубокомъ удивленіи качала головой.

— Откуда же онъ на себя такую прыть напустилъ? спросила она, барабани пальцами по крышкѣ столика.

— Вотъ что, матушка, озорничество-то дѣлаетъ! укоризненно продолжала Агафья Никифоровна. — Вѣдь его, я вамъ докладывала, еще братецъ баринъ поставилъ бурмистромъ надъ Верейтиновымъ, да и померли вскорости, деревня-то эта и пошла въ забытищахъ... Такъ это дѣло и присохло. Мѣсто вышло дальное, заглазное, надобности особенной въ немъ не было, да и грамотныхъ не только по деревнѣ, а и въ общинности никого не было. Прежде хоть въ слободу ѣздили, къ попу: ну попу и всѣ письма читалъ, и приказъ; а то и попу померъ. А съ другимъ-то Зычъ поспорился. Такъ цѣлый годъ и не нашли кому бы письмо отписать барину. И другой не писали, да такъ и привыкли... сдѣлали молчка, да и сидятъ себѣ тутъ, добро миленькое. Да такъ и прошло много лѣтъ. Вотъ тутъ-то Пашка Зычъ и сталъ „придворянивать“, тоже самоваръ завелъ себѣ, залѣзъ въ господское платье, на дрожкахъ на бѣговыхъ взялся ѣздить, да и вообще въ лишнее сталъ залѣзать. А ужъ народушко взялся подъ себя примучивать и сказать нельзя: на всемъ бѣломъ свѣтѣ такого злодѣя нѣту... Совсѣмъ ограбилъ да замучилъ онъ нашу деревню... Ну, а вотъ какъ узнали вчера въ ночи, что сюда настоящіе господа заѣхали, такъ весь народушко обрадовался. И посейчасъ, матушка-барыня, вся „громада“ стоитъ у крыльча, вашу милость дожидается съ хлѣбомъ-солью—на поклонъ пришли.

Блѣдная и взволнованная, Марья Андреевна еще не успѣла ничего отвѣтить, какъ на дворѣ послышался шумъ и гамъ. А вслѣдъ за тѣмъ въ избу вбѣжалъ и самъ „баринъ Котовъ“. На немъ лица не было. Не здороваясь и не снимая фески, брызжа слюнами и достаточно хмѣльный, онъ яростно размахивалъ руками и кричалъ:

— Скорѣе уѣзжайте изъ моей деревни, какъ смѣете вы бунтовать моихъ крестьянъ? Вонъ отсюда! Чтѣ вы за люди? И знать не хочу никакой Прокудиной-Горской!

— Слушай ты, Пашка, наконецъ вскрикнула тетушка, рѣшительно наступая на нахала, — я по мужу Прокудина, а по рожденію и я Сѣкирина, родная сестра Александра Андреевича и притомъ законная опекушка и его дѣтей, что тутъ находятся... И ты не смѣй озорничать, да молотъ не вѣсть что! Тѣмъ не играютъ—отъ чего помираютъ!

— Вонъ съ моей деревни! ревелъ „баринъ-Котовъ“, побагровѣвъ и сверкая воспаленными глазами.—Тридцать лѣтъ, то есть, три земскихъ давности уже владѣю я безъ суда и безъ спору этою деревнею... Она

моя собственная! Скорѣе уѣзжайте отсюда! Эй, люди, гоните ихъ вонъ! бѣсился онъ, поднимая кулаки.

— Тебя, злодѣя, давно было надо гнать отсюда! тихо, но съ глубокимъ презрѣніемъ промолвилъ Никаноръ Ладыжка, тоже державшій въ рукѣ блюдо съ медомъ и ручникъ.

И въ тотъ же мигъ вся громада взревѣла:

— Вонъ его, злодѣя!.. Въ колья его!.. Изъ хама не сдѣлаешь нана!.. Вей его, собаку!

Однако, хмѣльный „баринъ-Котовъ“ еще и не думалъ покориться судьбѣ. Онъ видимо надѣялся на „своихъ“, т. е. на многолюдство своихъ родныхъ, тутъ же находившихся, и на своихъ подлокотниковъ, давно имѣвшихъ выгоду въ этомъ незаконномъ владѣніи деревней и въ угнетеніи крестьянъ.

И дѣйствительно, шумѣвшая толпа стала раздѣляться на двѣ враждебныя стороны. При этомъ стало замѣтно, что подлокотники Пашки-Зыча были поднесены заблаговременно.

— Не знаемъ мы тѣхъ-то господъ, что къ намъ наѣхали! нестройно и нерѣшительно загомонили они. — Богъ ихъ вѣдаетъ, кто они такіе? Да и вы, ребята, глядите въ оба, еще не отвѣтитъ бы и вамъ за то... Опять не промѣняйте кукушку на ястреба! Мы знаемъ своего „барина—Павла Антоныча“, онъ у насъ уже тридцать лѣтъ какъ обнаслѣдился... Постоимъ за Павла Антоныча!

— Врешутъ ваши губы! азартно перекрикивала ихъ другая, несравненно многочисленнѣйшая толпа. — Изъ грязюки не слѣпишь козюльки! А то жалуетъ царь— да разжалуетъ царь!.. Шь они какіе... Будетъ намъ надъ нами уродничать: по крайности мы настоящихъ

господъ будемъ знать. И коли тамъ гнѣвъ, такъ тамъ и милость... А у васъ съ Пашкою все бубны козыри!.. Кланяемся всеѣмъ міромъ нашей государынѣ-барынѣ, Марьѣ Андреевнѣ, бариновой сестрицѣ, законной опекуншѣ его наслѣдниковъ. Кланяйтесь и вы, храпцы! ревѣла толпа. — А не то мы васъ колями побьемъ! Хоть силомъ, а тоже приколотимъ къ вѣрѣ!

— Молчатъ! ревѣлъ „баринъ-Котовъ“. — Шельми запорю! А вы, господа—скорѣе уѣзжайте отсюда, а то я васъ...

Но не успѣлъ Пашка договорить своей рѣчи, какъ разгнѣванная Марья Андреевна, снявъ съ ноги башмакъ, отхлестала его по щекамъ.

Все это произошло такъ неожиданно и такъ быстро, и фигура Марьи Андреевны была настолько величава, а лицо и черные глаза ея выражали такую грозную властность, что и шумѣвшая толпа, и самъ Пашка-Зычъ разомъ унаги на колѣни, моля прощенія. И къ чести Марьи Андреевны надо сказать, что мольбы ихъ не пропали даромъ: всеѣмъ были объявлены милость и всепрощеніе.

А на радостяхъ, что Господь избавилъ всеѣхъ насъ и отъ холеры, и отъ опаснаго возмущенія, а кромѣ того и неожиданно наградилъ насъ цѣлымъ имѣніемъ,—тетушка простила верентиндамъ все ихъ недоимки прежнихъ лѣтъ и все текущія оброки до новаго года. А на прощанье она пожаловала всеѣхъ къ своей барской ручкѣ и дала 100 рублей на водку.

Пашку-Зыча конечно замѣнили другимъ бурмистромъ, и уѣхали послѣ обѣда сопровождаемые добрыми пожеланіями шумно ликовавшаго народа.

Единица.

(Изъ воспоминаній учителя).

М. Р.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я былъ учителемъ въ одной изъ губернскихъ женскихъ гимназій, которая и тогда окончательно уже вошла въ моду. Въ нихъ не преминули тотчасъ же ввести весь режимъ гимназій мужскихъ. Введены были разные журналы, дневники, кондуиты; введены балльная система, градация зыскаій, появились и на гимназисткахъ раицы, и то и дѣло получались предписанія отнюдь не отсутствовать, а сообразоваться съ гимназіями мужскими. Плоды тотчасъ сказались: гимназистки еще дальше зашагали въ направленіи противоположномъ институтскому, приобрѣтая наипривычную развязность, рѣзкость, часто ухарство, столь несвойственныя ихъ полу; кое-гдѣ между ними стали появляться стриженыя, въ очкахъ, протестующія, нигилистки, самоубійцы. Теперь вотъ спохватились и всеѣми силами ударяются въ мѣры удержанія женственности... въ женскихъ гимназіяхъ! Еще бы! Давно пора. А ось дождемся, что на Руси женскія гимназій стануть наконецъ дѣйствительно женскими, а затѣмъ и русскими, что для нихъ еще необходимѣе, чѣмъ для мужскихъ. Многіе извѣстные педагоги, приглядѣвшись къ нашимъ женскимъ гимназіямъ, рѣшительно утверждаютъ, что чувства нашихъ гимназистокъ извращены... и, между прочимъ, баллами; да, не чѣмъ инымъ, какъ баллами—и ими больше всего: все чувства, все помыслы и тревоги нынѣшнихъ гимназистокъ направлены собственно не къ ученію, а лишь къ получению хорошихъ оцѣнокъ, балловъ и связанныхъ съ ними аттестатовъ, что, конечно, представляетъ немалое извращеніе самой цѣли образованія.

Противъ вѣрности приведеннаго замѣчанія спорить трудно, а между тѣмъ балльная система не только утвердилась и въ женскихъ нашихъ гимназіяхъ, но поистинѣ свирѣпствуетъ. Сколько оцѣнокъ, балловъ проставляется тутъ! Буквально цѣлыя аршинныя книги неперяются ими. Да и какъ же иначе: баллы каждый день и за каждый отвѣтъ ученицы вносятся въ общіе классные журналы, баллы проставляются въ дневникахъ каждой гимназистки, а кромѣ того учителями и классными дамами въ ихъ записныхъ книжкахъ; баллы ставятся не только за познанія ученицы, за ихъ отвѣты въ классахъ, но и за поведение, и затѣмъ въ отдѣльности за вниманіе и прилежаніе; баллы проставляются, кромѣ ежедневныхъ, третные, полугодичные, годичные, экзаменаціонные, которыхъ тоже есть два рода—за отвѣты усные и за работы письменныя. Затѣмъ къ балламъ прибавляются еще плюсы и минусы, а при сводкахъ балловъ образуются дроби, причемъ правила рекомендуютъ особенную точность и осторожность, ибо и отъ небольшой де дроби можетъ зависѣть переводъ или перере-

водъ въ слѣдующій классъ и та или другая награда. Нѣкоторые педагогическіе ревизителы, должно полагать, самые тонкіе, каждый баллъ ставятъ въ видѣ двухъ обозначеній: верхняго арабскими цифрами и нижняго римскими. Въ концѣ концовъ и сама ученица гимназій является въ представленіи педагоговъ-формалистовъ чуть не математической формулой... вѣсто живаго существа, существа женскаго, ибжнаго, крайне своеобразнаго.

Удивляться-ли поэтому, что ученицы нашихъ гимназій чуть не бредятъ баллами? Гдѣ гимназистка — тамъ только и разговору что объ ея баллахъ; изъ-за балловъ всеѣмъ позабываются и пустѣютъ балы; пятерки и плюсы восхищаютъ нашихъ гимназистокъ больше конфетъ и нарядовъ, а единицы не даютъ спать не только имъ, но и ихъ родителямъ.

Да вотъ маленькая исторія именно по поводу одной единицы.

Въ IV классѣ помянутой гимназій ученица *Ложечкина* отвѣчала мнѣ какъ-то урокъ по географіи, что-то по общему обзорѣ Сибири; отвѣчала съ мѣста. Ложечкина была ученица плохая, второгодняя и среди подростковъ этого класса великовозрастная,—подсказыванія поэтому такъ и сыпались со всеѣхъ сторонъ, весьма интересныя самихъ подсказывавшихъ: мы, дескать, маленькія, а подсказываемъ этакой дылдѣ. Особенно усердствовала въ подсказываніяхъ маленькая, бойкая и живая *Штеръ*, лучшая изъ ученицъ класса.

Среди туго тлѣвшихся у Ложечкиной разныхъ сибирскихъ наименованій вдругъ я слышу, послѣ нѣкоторой остановки, какъ бы слово „караулъ“.

— Какъ вы говорите?

— Караулъ, нерѣшительно, но лютвенно повторила Ложечкина, причемъ весь классъ такъ и прыснулъ со смѣху, а классная дама даже побагровѣла отъ такой ея продерзости и собственной злости.

— Кто это подсказалъ „караулъ“? а? Кто? это вы, Штеръ? Навѣрное вы! Признавайтесь!.. впиалась она въ Штеръ, бойкое и розовенькое личико которой вдругъ взамѣвъ смѣшливости омрачилось испугомъ и печалью. — Это вы, вы! Вы постоянно занимаетесь подсказываніемъ... Молчать!

— Да я совсѣмъ...

— Молчать! Вотъ я и вамъ единицу... Ничего, что вы первая...

— Да я совсѣмъ не то...

— Молчать! и не оправдывайтесь! И какъ вамъ не совѣстно было сморозить такую глупость! Караулъ... ну что такое караулъ!..

Вижу я, Штерь совсѣмъ упала духомъ и близка къ слезамъ. Она подсказывала *Барнауль* — правильно и толково, а Ложечкина по глупости выпалила *караулъ*. Бѣдненькой Штерь трудно было и не сознаться въ подсказываніи, такъ какъ оно было слишкомъ очевидно, да не хотѣлось оставить за собою и вѣчатлѣнныя глупости подсказа. У дѣвочки, вижу, вотъ-вотъ закапають слезы изъ глазъ... Классная дама стоитъ въ грозно-выжидательномъ положеніи.

— Простите... Я подсказывала, но я... правильно... Барнауль... а она—караулъ...

— Ага!.. все равно; главное—сознается, что подсказывали? Единица!—И она со злостью влѣпила единицу въ журналъ аршинною размѣра и въ свою записную книжку. — А вы тише! Извольте сейчасъ же всё успокоиться!

— Что же вы стоите, Ложечкина? Садитесь, говорю и я.

Сразу настала полная тишина, точно упала сверху. Общее напряженное ожиданіе, что будетъ дальше. Вдругъ съ дивней скамейки слышится лютвенный, но робкій и першительный говоръ о чемъ-то одной изъ собесѣдокъ Ложечкиной, — говоръ, обращаемый какъ будто ко мнѣ.

— Господишь учитель... Ложечкина...

— Чтѣ вы хотите? Говорите, пожалуйста, громче.

— Да Ложечкина проситъ сказать, что больше и совсѣмъ не будетъ учиться, потому что выходитъ замужъ...

Снова взрывъ хохота—общій, дружный, гомерическій. Классная дама опять вскочила съ мѣста, заметалась въ разные стороны, зашипѣла какъ ужаленная. Новыя единицы такъ и посыпались.

Я былъ знакомъ съ родителями маленькой, бѣдной *Штерки* и потому имѣлъ случай узнать, чтѣ потомъ изъ-за единицы произошло съ этой дѣвочкой въ ея домѣ. У Штерь въ дневникѣ никогда не было другихъ отмѣтокъ, кромѣ пятерокъ да плюсовъ, и вдругъ въ этотъ злополучный день—единица! По мѣрѣ приближенія половины третьяго (окончаніе уроковъ въ гимназій) на сердцѣ Штерь все сильнѣе и сильнѣе скребли кошки, а между тѣмъ домой вбѣжала она, въ исходѣ третьяго часа, какъ ни въ чемъ не бывало, даже особенно подвижная и радостная.

— Сегодня пять съ минусомъ арифметика и четыре съ плюсомъ французскій! обивляла она домашнимъ какъ всегда, еще на ходу, пробѣгая по столовой, гдѣ вся семья поджидала ее съ чаемъ, нарочно ради ея подававшимся въ этотъ часъ. За чаемъ *Люси* силсилась оставаться тоже какъ ни въ чемъ не бывало и болтала больше обыкновеннаго, но неестественно оживленнаго состояніе ея не укрылось отъ чуткаго сердца и взора матери.

„Съ чего это она така!“ думалось ей.

— А ты поминишь, мама, Ложечкину?.. Ну, самая большая у насъ... я тебѣ рассказывала... Вотъ-то насмѣшила всѣхъ сегодня!..

— Хорошо, хорошо. Потомъ. Ты сначала пей, а не болтай столько.

— Не хочется, мамочка, что-то.

— Такъ говоришь—четыре съ плюсомъ и пять съ минусомъ? отозвался и отецъ Штерки, отрываясь отъ газеты и смотря на нее поверхъ очковъ. — Ну, хорошо, хорошо, дочка. То-то ты така веселая. Ну, поди, я тебя поцѣлую.

— За то сколько было единиць сегодня!

— Что такъ?

— Ну, да это у насъ не считается... единицы нестоющія...

— Какія такія нестоющія?

— Да за подсказыванье...

— А-а!.. вотъ еще...

— Вѣдь такъ, папа, согласисъ самъ: чтѣ за важность такая единица? Право, вѣдь не стоить и считать... Нѣтъ, но эта Ложечкина ужасно насмѣшила... ну, совсѣмъ уморила весь классъ со смѣху... Представь, папа, сморозила учителю географіи страшную глупость... ну, тамъ... ха-ха-ха! А потомъ говорить: „да я, говоритъ, выхожу замужъ...“ Ха-ха-ха! Ну мы, конечно, такъ и прыснули всѣ... Ха-ха-ха!

Мать Штерки окончательно встревожилась. Смѣхъ Люси явно оказывался дѣланымъ, почти истеричнымъ. Она хорошо знала свою дочь, дѣвочку правдивую, но въ высшей степени самолюбивую, обидчивую и нервозную.

„Она разыгрываетъ какую-то прелюдію... на сердцѣ у ней не хорошо“, рѣшила мать, и незамѣтно прокралась въ смежную комнату, гдѣ спала ея Люси, гдѣ были ея рюкзакъ, книжки и другая учебная амуниція. Тамъ она быстро вынула изъ ранца дневникъ дочери и сейчасъ же увидѣла роковую единицу, поставленную явно съ ожесточеніемъ и поясненіемъ: „за упорное подсказыванье“.

„Ну, вотъ такъ и есть!.. Чуяло мое сердце. Пожалуй тебе будетъ припадокъ... Надобно не показатъ виду“.

А папаша, между тѣмъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, продолжалъ бесѣдовать съ дочкой совершенно спокойно и слегка прозирающа даже:

— Такъ прыснули?.. Ну, Богъ съ ними, а вотъ, что четыре съ плюсомъ и пять съ минусомъ—такъ это хорошо... это мнѣ нравится... Это очень хорошо, дочурка. Учись, учись — наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни. Не гляди, что

четыре съ плюсомъ. Я знаю, по-вашему, по-нынешнему, это уже мало; вамъ бы все пять, пять... Такъ оно—это пять—и стоить у васъ на душѣ и на яву, и во снѣ. Нѣтъ, и четыре очень хорошо. Вонъ въ прежнія времена... какъ мы-то учились... Поди, бывало, получи хоть четгаре! Одинъ нашъ учитель постоянно намъ говаривалъ: „на пять знаетъ только Господь-Богъ, на четгаре—я, а вы всё ужъ тамъ поинже“. И если кто оканчивалъ съ пятеркой, такъ это былъ умъ настоящій, солидный, а ждали медаль, то это не иначе, какъ будущая знаменитость науки... Нииче же и медали сыплются какъ горохъ. Вонъ у васъ же въ прошломъ году восемь медалей... Восемь медалей! а?.. И это на полтора десятка учениць?! Потомъ еще: возьмешь аттестатъ нынѣшней гимназистки... Фу, ты, Господи, чего только она не знаетъ! И космографія, и геометрія, и языки, и все это отлично, отлично, отлично. А рубаники шить эта отличная особа, глядишь, и не умѣетъ.

— Нѣтъ, папа, мы уже умѣемъ... только скронтъ не можемъ. — Только скронтъ! Вотъ то то; рубашки своей работы все-таки не будетъ. И потомъ: рюкзакъ изъ этихъ отличныхъ умѣетъ писать толково и правильно, если судить, т. е. по-настоящему, по-нашему... по-мужски. А почему? Все потому же, что училась для балловъ, а не для самаго дѣла и настоящаго знанія. Ахъ эти баллы! Я бы ихъ давно похерилъ совсѣмъ. Вѣдь въ сущности, зачѣмъ всѣ эти массы балловъ, всѣ эти сводки и вычитыванія ихъ даже до дробей? Только для того, чтобы, пока ученица въ гимназій, рѣшить, перевести ее въ слѣдующій классъ или нѣтъ, а когда оканчиваетъ курсъ, то выдать ей аттестатъ и медаль тамъ, или нѣтъ?.. Вѣдь только для этого?.. Ну, а безъ балловъ развѣ этого нельзя рѣшить?

— Да какъ же, папочка, безъ балловъ?

— Такъ!.. Ты вотъ даже и представишь себѣ не можешь... Такъ это вѣлось.

— Не будь балловъ — начальница станетъ тишуть своихъ, учитель своихъ, классная дама своихъ любимиць... А теперь, если у меня хорошіе баллы, я ничего не боюсь.

— А педагогическій совѣтъ на что? Да и ставить-то баллы, какъ теперь, развѣ нельзя пристрастно и только для проформы?

— Это, папочка, твоя правда...

— Ну, конечно. Вонъ ты говоришь *нестоющія* единицы... Такъ зачѣмъ же ихъ и ставить? Стоющія тамъ или нестоющія, а коли ихъ влѣпили, то, я думаю, никому не весело. Вы тамъ прыскали со смѣху, а которыя заполучили единицы, то, хоть и нестоющія, ноги пришли домой не такія веселыя, вотъ какъ ты. Поди теперь убиваются... а то и плачутъ, какъ мамани-то станутъ корить. Не понимаю, какъ это можно такъ мучить бѣдныхъ дѣвочекъ... держать ихъ изъ-за балловъ въ постоянной тревогѣ, и вѣдь не разъ, не два... ради экзамена тамъ, что-ли, а то каждый Божій день цѣлыхъ семь-восемь дѣтъ... Помилуйте, вѣдь это и деревенская босая дѣвка сдѣлается нервною!..

Люси вздрогнула, а до этого она все больше и больше блѣднѣла, тревожно поглядывая на свою комнату, куда, какъ она догадалась, не безъ цѣли прошла мамаша. Она усиленно вертѣлась на стулѣ, какъ бы не находя мѣста...

— Ты что-то блѣдная стала, дочурка...

— Нѣтъ, папа, я совсѣмъ ничего... я...

Но вдругъ она встала и порывисто бросилась въ свою комнату.

— Ты что тутъ, мамочка?

И чуть она увидѣла, что дневникъ выпутъ изъ ранца, что, стало быть, былъ уже въ рукахъ матери,—что все уже извѣстно и единица обнаружена, какъ въ одно мгновеніе, пока проносились въ ея головѣ эти мысли, мертвенная блѣдность покрыла все ея лицо, губы стали синѣть; вдругъ она задрожала, изъ глазъ брызнули слезы и раздались порывистыя истерическія рыданія. Вскликая, она упала бы на полъ, если бы мать не успѣла поддержать ее. Судорожно сжимая мать въ своихъ объятіяхъ, Люси говорила:

— Но за что же, мамочка, за что... эта единица?

— Какая единица, дѣточка моя?.. Успокойся... лягъ скорѣй!

— За такіе пустяки, мамочка... Право, мамочка!

Истерика на этотъ разъ продолжалась долго; призванъ былъ врачъ, который объявилъ на другой день о началѣ у бѣдной Люси—нервной горячки.

Конечно, родители Людмилы Штерь и въ болѣзнь, и въ пору выздоровленія больше всего старались разубѣдить свою дочь въ томъ, что *эти* единица самое пустое дѣло,—что она ничего не можетъ значить и что они ни въ какомъ отношеніи не упрекаютъ ее. Но случились обстоятельства, придавшія единиць роковое значеніе. Дѣло въ томъ, что отецъ Люси, на злованье котораго только и жила семья, вскорѣ послѣ того неожиданно скончался, а въ гимназій какъ разъ подходилъ послѣдній срокъ взноса платы за ученіе, о которой дотолѣ никогда не думала ни мать, ни сама Люси, ибо, какъ отличную ученицу, ее всегда освобождали отъ платы. На этотъ же разъ, по настоянію классной дамы, гимназической совѣтъ не былъ склоненъ изъ-за единиць освободить Штерь отъ платы въ икоторое ей наказаніе, а другимъ въ поученіе. Когда я передалъ объ этомъ матери-вдовѣ, та пока скрыла

Въ ученѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Шаховскаго, грав. Шюблеръ.

это отъ своей самолюбивой дочки и еще разъ просила меня урезонить совѣтъ, мучительно признавшись къ тому же, что не можетъ никакъ и собрать нужныхъ на уплату 25 рублей.

Вотъ начался нашъ педагогическій совѣтъ, и дошла очередь до Людмилы Штеръ. Я, заявивъ, что исторію, повлекшая неудовлетворительную отмѣтку за ея поведеніе, случилась на моемъ урокѣ, сталъ объяснять, что если классной дамѣ и угодно называть происшествіе съ этой единницею скандаломъ, то собственно скандала никакого нѣтъ, а, главное, сама Штеръ весьма мало виновата лично. Все случилось лишь отчасти по ея винѣ, такъ сказать—само собою и какъ нельзя болѣе естественно. Притомъ подсказываніе—столь обыкновенная въ школахъ и, по моему, маловажная вещь, что вновь карать за это дѣвочку, лучшую ученицу притомъ, было бы несправедливо и жестоко.

— Это ужъ позвольте намъ знать и судить, отозвалась классная дама, переглядываясь съ начальницей, повидимому солидарною съ ней.— Поведеніе дѣвицъ—это по нашей части.

Начальница однако молчала, ибо молчать пока и предсѣдатель совѣта. А извѣстно уже всѣмъ и каждому, что едва ли есть на Руси такая женская гимназія, гдѣ завѣдывающій ею, предсѣдатель ея педагогическаго совѣта, не инкировался бы съ начальницей. Это ужъ судьба. Такъ было и въ нашей—ской гимназіи: начальница всегда и во всемъ была систематически противъ предсѣдателя и на совѣтахъ выжидала его мнѣнія, чтобы тотчасъ противорѣчить. Такъ и въ этотъ разъ; видно было, что ей, начальницѣ, очень хочется высказаться, но она медлила; а вдругъ, Боже сохрани, она окажется въ согласіи съ предсѣдателемъ.

Произошла довольно длинная пауза; чтобы прервать ее, я продолжалъ:

— Пусть поведеніе дѣвицъ и не по нашей собственно части; но если дѣло обсуждается въ совѣтѣ, то всякій членъ его не только женскаго, но и мужскаго пола, надѣюсь, можетъ имѣть одинаково свободное собственное мнѣніе, и вотъ разъ дѣло Штеръ поставлено на обсужденіе въ совѣтѣ, нельзя прежде всего не выразить глубокаго недоумѣнія, если пзъ-за подсказыванія совѣтъ можетъ серьезно мѣнять мнѣніе о поведеніи ученицы, доселѣ безукоризненномъ, — лучшей притомъ ученицы. Я хоть и не классная дама, по поведеніе Штеръ мнѣ извѣстно, какъ свои пять пальцевъ... Я коротко знакомъ съ ея семьей... Къ тому же, Штеръ недавно лишилась отца. Надобно по-человѣчеству, напротивъ, поддержать всячески дѣвочку.

Въ отвѣтъ на это послышались почти единодушныя одобренія, хотя съ женской собственно стороны послѣдовали и замѣчанія, довольно ехидныя, больше насчетъ моего знакомства съ семьей Штеръ.

— Знакомы?.. Ну, тогда другое дѣло.

— Знакомы домашнимъ образомъ?.. Такъ бы и сказали давно!

— Тогда самое лучшее на голоса, отозвался предсѣдатель.— Такъ вотъ, господа: лишать Штеръ, или не лишать льготы бытъ безилатной?

— Сейчасъ уже и на голоса! Не мѣшало бы намъ сначала послушать ваше собственное мнѣніе? замѣтила начальница.

— Будетъ, будетъ... мое мнѣніе вперед.

— Почему же вперед? Любопытно бы услышать... могли бы послушать еще.

Предсѣдатель однако сталъ собирать голоса, которые были различны; большинство однако склонилось въ пользу Штеръ.

— Ваше мнѣніе?.. Да, или нѣтъ? дошелъ предсѣдатель и до начальницы, подававшей обыкновенно мнѣніе послѣ всѣхъ.

— А ваше, позвольте, будетъ какое?

— Сейчасъ объявлю... Гм!.. послѣ васъ.

— Нѣтъ, вы скажите теперь... сейчасъ.

— Зачѣмъ же, извините. Мое мнѣніе послѣднее... Я сосчитаю голоса и присоединюсь.

— Такъ и я присоединюсь.

— Извините, это не порядокъ. Я — предсѣдатель.

— Что-жъ изъ того, что вы предсѣдатель... а я начальница... Вопросъ же специально нашъ.

— Такъ вотъ тѣмъ болѣе... Совершенно согласенъ, что *вашъ*... Такъ вотъ и пожалуйста мнѣ скорѣе ваше мнѣніе...

— А мы желали бы обсудить сначала именно ваше мнѣніе.

— Но позвольте же, ради Бога... Уже обсуждали... и вопрошь выясненъ. Теперь идетъ не обсужденіе, а голоса. Вашъ голосъ?

Молчаніе.

— Екатерина Андреевна... Что-жъ это такое?

Молчаніе... неловкое, томительное молчаніе, для однихъ тяжело, для другихъ веселое... Предсѣдатель уже ничего не говорилъ, а только сталъ въ упоръ смотрѣть на начальницу и, повидимому, рѣшился оставаться въ такомъ положеніи долго.

— Не могу сказать, пока вы сами не объявите вашего мнѣнія, проговорила не безъ конфуза уже начальница.

— Въ такомъ случаѣ, извините, я приступлю къ счету голосовъ и закончу дѣло.

— Это безъ меня-то, начальницы?.. Посмотрю я.

Предсѣдатель сосчиталъ, еще разъ провѣрилъ голоса, прибавилъ своихъ два за Штеръ и объявилъ снятіе съ нея всякой дальнѣйшей кары и освобожденіе отъ платы за ученіе.

— Но это невозможно! закипятилась начальница.— Это значитъ намѣренно распускать гимназію!..

— Это деморализація! вторили ей нѣкоторые классныя дамы.

— Это подрывъ нашего авторитета! Тогда мы ни за что не отвѣчаемъ.

Предсѣдатель молча, собравши бумаги, всталъ, въ которое время послушать эти восклицанія и совершенно спокойно и громко заключилъ:

— Господа, обсужденіе было, конечно и рѣшеніе совѣта законно состоялось. Кто несогласенъ—можетъ входить съ отдѣльнымъ мнѣніемъ; засѣданіе закрыто.

Однако не много оказалось пользы для бѣдной Штерки и отъ защиты ея педагогическимъ совѣтомъ, такъ какъ начальница и преданная ей клика всячески стали потомъ „донимать“ дѣвочку. Вообще съ роковой единницы Штеркѣ не повезло; съ единцы послѣдовали для нея всяческія бѣды. Она не могла выдержать, наконецъ, постоянно продолжавшихся придирокъ начальницы, и вышла изъ гимназіи до окончанія курса.

Тяжелая расплата.

В. Теплова.

(Окончаніе).

Незначительное само-по-себѣ обстоятельство произвело парывъ. Три недѣли спустя по провозглашеніи новаго устава, одинъ изъ инструкторовъ, египтянинъ по происхожденію, ударилъ палкою одного изъ эшкенджи за мятежныя рѣчи. Самъ по себѣ, такой фактъ удара былъ обычнымъ дѣломъ въ янычарскомъ обиходѣ, но на этотъ разъ его было достаточно чтобы вызвать наружу всю вражду таившуюся въ сердцахъ янычаръ. Немедленно всѣ янычары принимаютъ сторону обиженнаго товарища, опрокидываютъ свои котлы и собираются поджечь городъ со всѣхъ четырехъ концовъ, требуя въ то же время головъ великаго визиря и муфтия, одобрявшихъ нечестивыя реформы Махмуда.

Человѣкъ наиболѣе возбуждавшій ненависть янычаръ былъ ихъ собственный ага, котораго они называли перебѣжникомъ, предателемъ.

Въ ночь на 16 іюня бунтовщики собрались въ числѣ до тридцати тысячъ человѣкъ на Этъ-Мейданѣ, близъ котораго помѣстились ихъ казармы, откуда тремя отрядами направились къ дому агя, другіе — великаго визиря и третьи — къ дому Неджибъ-эфенди, агента египетскаго паши Мехмедъ-Али и одного изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ реформъ. Заранѣе кѣмъ-то предупрежденные, всѣ эти сановники бѣжали, но малолѣтній сынъ янычарскаго агя, Мехмедъ-Джелаль-эддина, былъ зарубленъ въ куски. Прислуга была также перебита, самые же дома разграблены и сожжены, причѣмъ въ домѣ великаго визиря сгорѣла большая часть государственнаго архива.

Пока все это происходило, прочіе янычарскіе отряды бѣ-

гали по разнымъ кварталамъ города, умерщвляя всѣхъ попадавшихся имъ подъ руку недруговъ и производя неслыханныя безчестія; они не переставали горланить: „долой предателей, составителей нечестивой фетвы! долой тѣхъ турокъ, кто желаетъ обратить насъ въ гяуровъ! мы дѣти Хаджи-Бекташа, мы мусульмане и мы останемся мусульманами!“ Возставшіе призывали къ бунту всѣхъ обывателей столицы и за ними дѣйствительно послѣдовали хамалы (носильщики), издавна преданные интересамъ оджака. Въ то же время они уговаривали мирныхъ гражданъ не пугаться а заниматься своимъ дѣломъ, лавочниковъ-же открыть свои лавки.

— Если будетъ разбито хотя одно стекло, говорили они, — мы заплатимъ за него на вѣсѣ золота; первый-же кто осмѣлится стащить малѣйшую чужую вещь, будетъ немедленно зарубленъ въ куски.

На зарѣ по городу распространился слухъ, будто-бы всѣ главнѣйшіе сановники, противники янычаръ, перебиты или захвачены въ плѣнъ. Тотчасъ послѣ этого всѣ грабители, мошенники, словомъ подонки столичнаго населенія посѣщили принятіе участіе въ безпорядкахъ, чтобы при такомъ удобномъ случаѣ поживиться чѣмъ будетъ можно.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Константинополѣ раннимъ утромъ 16 іюня 1826 года.

Султанъ, предупрежденный великимъ визиремъ о возстаніи, находился въ одномъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ, въ Бешикташѣ. Сохраняя по наружности полное спокойствіе, Махмудъ принялъ немедленно всѣ необходимыя мѣры къ защитѣ и къ подавленію бунта, о ходѣ котораго онъ получалъ

ежеминутно подробныя вѣсти. Вѣрные бостанджи (придворная стража) занимали сераль, гауинджи (моряки) охраняли мостъ, невдалекѣ стоялъ янычарскій ага со всѣмъ войскомъ, какое только можно было собрать, наиболѣе преданною частью котораго были *точи* (артиллеристы). Въ Ил-кюскѣ засѣдалъ Диванъ. Но вотъ и самъ Махмудъ пріѣхалъ до Босфору въ канкъ въ сераль и, явившись среди своихъ сановниковъ, ободрилъ ихъ краткою рѣчью. Говорятъ, будто онъ самъ хотѣлъ стать во главѣ войскъ и идти на буштовщиковъ, но всѣ бросились тогда на колѣна, умоляя его не подвергать свою жизнь такой опасности, а ограничиться тѣмъ, что развернуть санджаки-шерифъ *), эту величайшую святыню мусульманъ, одного вида которой достаточно для того, чтобы воспламенить самый крайній мусульманскій фанатизмъ и слотить всѣхъ около халифа. Султанъ уступилъ просьбамъ и передалъ священное знамя Пророка въ руки великаго визиря и муфтія. Тогда-же открыли серальскій арсеналъ съ тѣмъ, чтобы снабдить оружіемъ всѣхъ вѣрныхъ мусульманъ. Впрямую были посланы во всѣ кварталы Стамбула, увѣщевая всѣхъ истинныхъ правовѣрныхъ стать подъ священное знамя на защиту престола и вѣры. Менѣе чѣмъ чрезъ часъ въ сераль сбѣжались толпы улемовъ, *софты* (студентовъ) и всякаго народа, готовыхъ на все для защиты своихъ святынь.

По повелѣнію султана санджаки-шерифъ былъ торжественно перенесенъ въ сосѣднюю съ Эть-мейданомъ мечеть Ахмедіе, — многотысячная толпа окружала его, медленно двигаясь при непрерывномъ молитвенномъ пѣніи улемовъ и прочаго духовенства. Въ кортежѣ участвовалъ и самъ султанъ со своимъ дворомъ.

По прибытіи въ мечеть, муфтія взомель на кафедру и благоговѣнно укрѣпилъ на ней священное знамя, а султанъ громко произнесъ отлученіе противъ всѣхъ тѣхъ кто будетъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ и не посящитъ стать въ ряды защитниковъ святого дѣла находящагося подъ покровительствомъ санджаки-шерифа. Въ этой-же мечети неотлучно находился муфтія, чтобы быть въ состояніи безъ малѣйшаго промедленія выдавать фетвы необходимыя для узаконенія той или другой мѣры, признаваемой правительствомъ неотложною. Такое распоряженіе было очень искусно, такъ какъ безъ него, а въ особенности безъ обаянія санджаки-шерифа, развернутого впервые во время междоусобной войны, настроеніе улемовъ по отношенію къ янычарамъ было еще таково, что едва-ли войска, оставшіяся вѣрными Махмуду, рѣшились-бы даже открыто атаковать мятежниковъ, выставившихъ себя истинными мусульманами, хранителями заветовъ старины.

Янычары, приведенные въ ужасъ принятю противъ нихъ султаномъ мѣрою, такъ какъ они вовсе не ожидали появленія страшнаго для мусульманъ санджаки-шерифа, попытались овладѣть главными улицами ведущими на Эть-Мейданъ (Ипподромъ), чтобы воспрепятствовать правовѣрнымъ, признаваемымъ Махмудомъ подъ священное знамя, добраться до мечети Ахмедіе — но было уже поздно: всѣ главные пути сообщенія были уже заняты султанскими войсками. Тогда-то именно выказалась вся цѣлесообразность системы, которой слѣдовало правительству въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ по отношенію къ янычарамъ, сѣя между ними взаимную вражду и удаляя постепенно изъ ихъ среды людей наиболѣе энергичныхъ и способныхъ; — такъ какъ если-бы въ отвѣтъ на демонстрацію султана, янычары отступили и сосредоточились въ одной изъ окрестностей Стамбула, и подтянули къ себѣ всѣхъ своихъ единомышленниковъ, бывшихъ и тогда еще очень многочисленными въ столицѣ, — не подлежитъ сомнѣнію, что они могли-бы оказать серьезное сопротивленіе слабымъ численностью султанскимъ войскамъ, тогда какъ силы янычаръ доходили до ста тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ до тридцати тысячъ были вооружены и принимали непосредственное участіе въ бунтѣ. Болѣе смѣлые, правда, предлагали идти прямо на сераль и захватить султана, но остальные тому воспротивились. Подъ влияніемъ нерѣшительности, смятенія и безначаліе овладѣвали все болѣе и болѣе толпами дѣтей Хаджи-Бекташа. Они волновались на площади Эть-Мейдана, кричали, горлачили, ударили въ свои котлы, стараясь всячески воодушевить другъ друга, но не нашлось между ними ни одного, кто могъ-бы принять надъ ними начальство или подать спасительный совѣтъ, и это въ то время, когда они уже были окружены со всѣхъ сторонъ правительственными войсками.

Наконецъ, султанскіе военачальники, освѣдомившись о положеніи дѣлъ у янычаръ, рѣшились дѣйствовать наступательно. Бывшій янычарскій ага, Хусейнъ-паша, и тогдашній ага, Мехмедъ-Джелаль-Эддинъ-паша, стали во главѣ войскъ и, въ предшествіи двухъ орудій, повели ихъ по узкой и извилистой улицѣ Диванъ-юлу къ Эть-Мейдану, уже оцѣпенному со всѣхъ сторонъ отрядами преданными Махмуду. Выдвинувшіе было далеко впередъ свои аванпосты янычары, при видѣ наступленія, отогнали въ порядкѣ въ глубину площади, заперевъ за собою тяжелыя дубовыя ворота. Пока Хусейнъ и Мехмедъ паша совѣщались какъ поступить и о томъ не слѣдуетъ-ли сбить ворота нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій, сами янычары,

*) Подробнѣе о Санджаки-шерифѣ въ моемъ очеркѣ „Представители европейскія державы въ презіумъ Константинополѣ“.

какъ-бы повинуясь инстинктивному внушенію, распахнули ворота и, сдѣлавъ храбрую вылазку, ринулись на пушки. Войска, не ожидавшія столь внезапнаго нападенія, растерялись и стали отступать въ безпорядкѣ, сами артиллеристы бѣжали охваченные ужасомъ. Еще одинъ моментъ — янычары захватили-бы пушки и побѣда могла склониться на ихъ сторону. Но въ это рѣшительное мгновеніе, одинъ молодой офицеръ, по произволу Кара-Джехеннемъ, разрядилъ оба свои пистолета разомъ въ затравки орудій, отчего и послѣдовали ихъ залпы.

Ужасны были послѣдствія этого двойнаго выстрѣла въ упоръ картечью въ густую, сплоченную толпу наступавшихъ по узкой улицѣ. Картечь вырвала изъ янычарскихъ рядовъ цѣлыя кровавыя лощины. Янычары дрогнули и отступили въ свою очередь, усыпая мостовую своими трупами и ранеными. Этотъ залпъ рѣшилъ судьбу дня и, быть можетъ, судьбу всей Оттоманской имперіи. Султанскія войска ободрились, артиллеристы вернулись къ своимъ пушкамъ. Нѣсколько новыхъ залповъ по Эть-Мейдану довершили дѣло: ворвавшіяся на площадь войска почти не встрѣчали сопротивленія со стороны янычаръ, окончательно уже растерявшихся. Тогда-то началась страшная, безчеловѣчная рѣзня. Сраженіе обратилось въ бойню, въ которой побѣжденнымъ не давалось никакой пощады. Янычары разсыпались по всѣмъ улицамъ, часть ихъ заперлась въ своихъ казармахъ, крѣпко забаррикадировавъ входы въ нихъ. Хусейнъ-паша даже и не попробовалъ брать деревянныя казармы приступить или уничтожить сопротивленіе артиллерійскимъ огнемъ: онъ просто велѣлъ обложить казармы горючими материалами и зажечь со всѣхъ сторонъ. Множество янычаръ погибло въ пламени, выскакившіе изъ казармъ либо тотчасъ-же умерщвлены, либо связывались попарно и отпавлялись въ мечеть Ахмедіе, гдѣ великій визиръ допрашивалъ ихъ и или немедленно приказывалъ отрубать имъ голову, или сначала предавалъ страшнымъ пыткамъ, чтобы вырвать у нихъ какія либо признанія.

Сраженіе продолжалось не болѣе часу, но еще долго слетали цѣлыя горы на стамбульскія улицы. Правительственные чиновники тщательнѣе обыскивали всѣ мечети, кофейни, вообще всѣ мѣста, гдѣ янычары имѣли обычай собираться, и всѣ кого только можно было захватить, тутъ-же безъ малѣйшаго промедленія казнили, безъ разбору — были-ли они замѣшаны въ возстаніе или нѣтъ. До глубокой ночи продолжались казни и розыски по частнымъ домамъ скрывавшихся тамъ янычаръ. Въ концѣ дня 16 іюня въ Стамбулѣ все было спокойно, опѣившее отъ ужаса населеніе хранило полное молчаніе, только лужи крови на Эть-Мейданѣ, нагроможденные ряды труповъ, да оборванные остатки казармъ свидѣтельствовали о разыгравшейся здѣсь страшной драмѣ.

На другой день занялись янычарскими офицерами и главными изъ ихъ военачальниковъ. Въ теченіе цѣлаго дня великій визиръ засѣдалъ въ мечети Ахмедіе. Въ Турціи предвѣрное судебное слѣдствіе и безъ того очень кратко и ограничивается нѣсколькими словесными объясненіями. Въ данномъ-же случаѣ, требовалось не столько судить, какъ притти къ убѣжденію, что ни одинъ изъ замѣшанныхъ въ безпорядкахъ не избѣгъ казни. А потому великій визиръ ограничивался лишь удостовѣреніемъ личности каждаго къ нему приводимаго, послѣ чего его казнили тутъ-же или уводили на Ипподромъ, гдѣ было главное лобное мѣсто.

Со своей стороны, Хусейнъ-паша и Мехмедъ-Джелаль-Эддинъ-паша продѣлывали то же самое; устроивъ каждый у себя на дому временной военной судъ — они точно также не судили, а только приговаривали. Въ особенности Хусейнъ-паша отличался жестокостью своихъ приговоровъ, чѣмъ и заслужилъ особую благосклонность Махмуда.

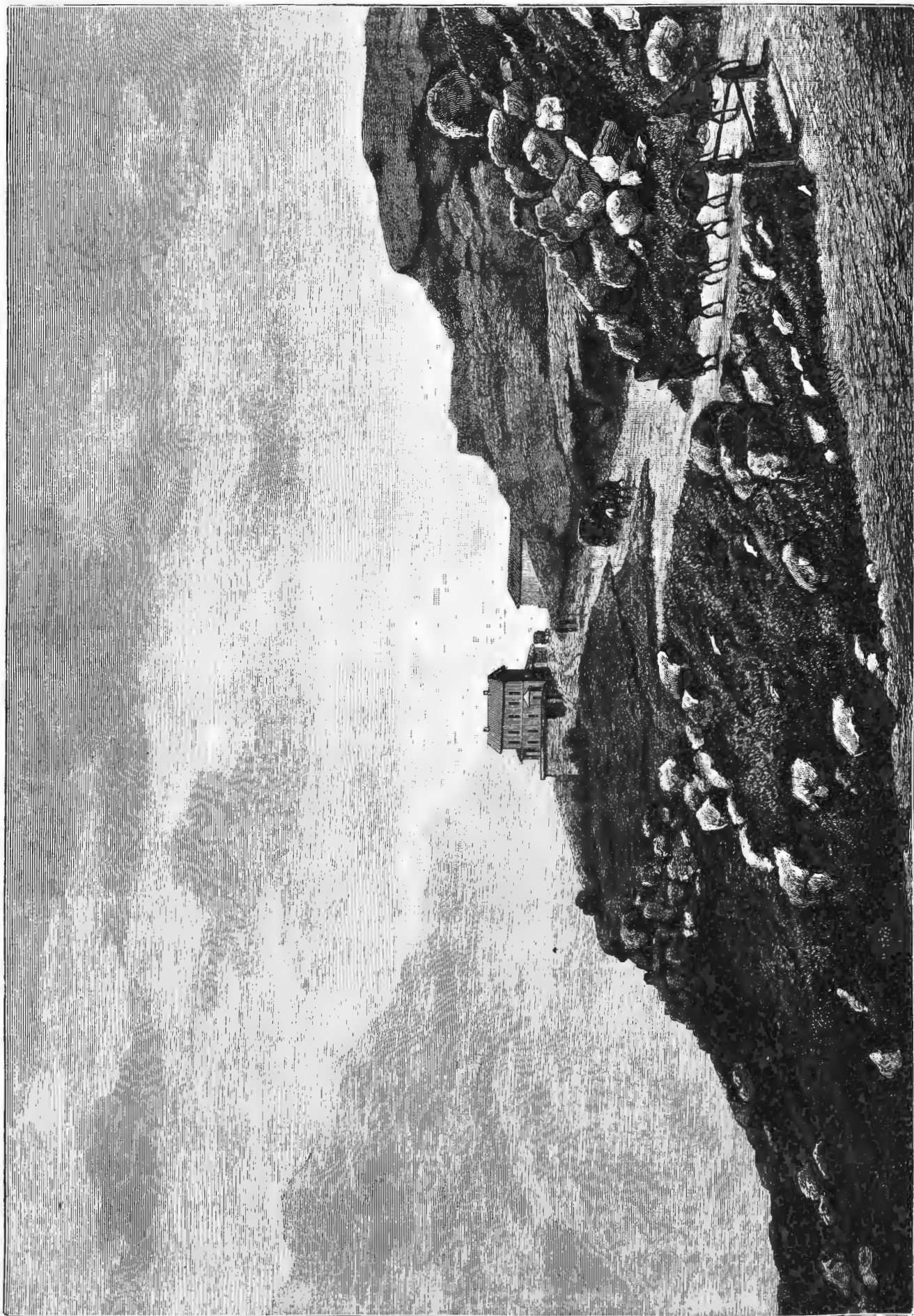
До самаго солнечнаго заката кровь не переставала литься на площади древняго Ипподрома. На этой площади, вблизи мечети Ахмедіе, стоялъ огромный чинаръ, на который янычары въ долгое время имѣли обычай вѣшать трупы сановниковъ, вызвавшихъ ихъ нерасположеніе и выданныхъ имъ головою. Теперь-же, какъ-бы въ возмездіе за прошлое, множество янычаръ было удушено и повѣшено на этомъ роковымъ чинарѣ — вѣтви его склонялись къ землѣ, сгибаясь подъ своею ужасною ношею. Съ тѣхъ поръ дерево это называется „деревои стѣнацій“.

Возстаніе было потушено въ волнахъ крови: свыше двадцати пяти тысячъ янычаръ погибло въ сраженіи и отъ слѣдовавшихъ затѣмъ казней: понадобилось два дня чтобы перегасить трупы удувленныхъ и убитыхъ и бросить ихъ въ Босфоръ или въ Мраморное море: теченіе сначала унесло ихъ, но подувшій вскорѣ послѣ того южный вѣтеръ приблизилъ ихъ снова къ Золотому Рогу и они загородили собою подступы къ стамбульскимъ пристанямъ. Какъ пишетъ очевидецъ, англійскій путешественникъ Вальшъ, „янычарскіе трупы до того покрывали водную поверхность, что препятствовали судоходству“ *). По другимъ свѣдѣніямъ, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ невозможно было ѣсть рыбы, пропитанной запахомъ разлагающагося человеческого мяса.

*) Чтобы довершить погнѣль янычаръ, нужно было оти-
*) Histoire de Constantinople, par Poujoulat. II. 455.

Первая дамская школа кулинарного искусства вь СПб. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Броллинга, грав. Хельмшцкйй

Гудауръ (Навназъ.). Съ акварели (собств. «Нивы») В. Червинскаго, грав. Рашевскій.

нить закономъ самое существованіе ихъ. Эта мѣра не заставляла себя ждать. Олобий чрезвычайный совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ и улемовъ собрался по повелѣнію султана въ мечети Ахмедіе и выслушала правительственное сообщеніе, касательно намѣренія султана уничтожить совершенно янычарскій оджакъ и вмѣсто его создать нѣсколько полковъ регулярныхъ войскъ. Затѣмъ, на основаніи письменнаго постановленія этого совѣта, подписаннаго всѣми участвовавшими, султанъ издалъ 17 іюня 1826 года фирманъ, въ которомъ значилось: „Всѣмъ мусульманамъ извѣстно, что Оттоманская имперія была основана и достигла развитія охватившаго Востокъ и Западъ лишь благодаря могучему вліянію религіознаго духа. Правильно организованное янычарское войско оказало государству великія заслуги и часто доставляло турецкому оружію побѣду. Но духъ аза вселился въ янычаръ, дисциплина ихъ превратилась въ строптивость, въ теченіе всего послѣдняго столѣтія они часто отказывались повиноваться приказаніямъ своихъ начальниковъ и, вслѣдствіе своей трусости и недостатка дисциплины обращаясь предъ непріятелемъ въ бѣгство, они предали наши крѣпости и цѣлыя области въ руки враговъ религіи. Неотложно надо было положить конецъ такому безчинству... Въ виду этого, муфтіи, великій визирь, улемы и всѣ сановники государства, собравшись на общій совѣтъ подъ знаменемъ Пророка, въ мечети султана Ахмеда, единогласно рѣшили, что янычарское войско должно быть уничтожено и замѣнено новыми войсками, которыя, проникнутыя дисциплиною и обученныя какъ слѣдуетъ воинскому искусству, будутъ въ состояніи противостоятъ врагу на поляхъ сраженія. Новыя войска получаютъ названіе ненюбходимыхъ воиновъ Магомета, а Хусейнъ-наша назначается ихъ главнокомандующимъ съ титуломъ сераскира... Всякій кто позволитъ себѣ какое-либо дѣйствіе или слово враждебное новому порядку, выражающему собою плодъ общихъ желаній, будетъ немедленно казненъ“.

На другой-же день фирманъ этотъ былъ прочитанъ во всѣхъ мечетяхъ къ вышнему изумленію всего населенія, которое съ трудомъ допускало мысль объ уничтоженіи страшнаго оджака, столь еще могущественнаго и въ продолженіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ распоряжавшагося государствомъ по своему произволу. Въ то же время гошцы повезли фирманъ по всѣмъ областямъ имперіи съ секретнымъ приказомъ намѣстамъ, управителямъ областей, арестовать всѣхъ живущихъ во вѣрноподданной имъ области янычаръ и казнить безъ шума всѣхъ наиболѣе изъ нихъ опасныхъ.

Такимъ образомъ было окончательно уничтожено янычарское войско, просуществовавшее пять вѣковъ. Объ этомъ событіи турецкій историкъ Эссадъ-эфенди выражается слѣдующими словами: „такъ султанъ Махмудъ (да окружитъ Аллахъ его престолъ безсмертною славою!) очистилъ садъ имперіи отъ сорныхъ и вредныхъ травъ и украсилъ его плодами новаго устройства“.

Султанъ щедро награждалъ всѣхъ тѣхъ, кто выказалъ ему преданность при послѣднихъ критическихъ обстоятельствахъ: почетныя шубы, пенсіи, званія и достоинства пролились широкою рѣкою въ особенности на бывшихъ янычарскихъ начальниковъ, соучастіе которыхъ было столь полезно Махмуду; болѣе-же всѣхъ былъ выказанъ султанскою милостію Хусейнъ-наша, возведенный въ званіе сераскира и получившій значительныя суммы въ подарокъ.

Въ то время какъ Махмудъ выказывалъ царскую щедрость по отношенію къ лицамъ способствовавшимъ успѣшному осуществленію давно задуманнаго плана, мнѣніе его преслѣдовало безъ усталы разсѣяныя остатки несчастныхъ янычаръ. Умысломъ Дивана было, повидимому, нагнать общій ужасъ и сдержатъ непрекращающимся - терроромъ многочисленныхъ приверженцевъ опальнаго войска, а потому какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ сотнями падали подъ мечемъ начала головы опальныхъ какъ на площадяхъ, такъ и внутри тюремъ. Хусейнъ-наша, бывший начальникъ оджака, игралъ въ этихъ казняхъ первенствующую роль. Окруженный толпою палачей, онъ безпрестанно развѣзжалъ по улицамъ, базарамъ, по всѣмъ мѣстамъ сборищъ Стамбула, и его опытный глазъ умѣлъ даже

въ толпѣ узнать янычара. Домашніе обыски продолжались также съ прежнею суровостію: никакое убѣжище не уважалось болѣе, — ни святость мечетей, ни вѣдомая въ обычаѣ неприкосновенность гарема и домашняго очага. Одно имя янычара, одно подозрѣніе въ принадлеженности къ этому войску или открытіе на рукѣ какого-нибудь татуированнаго знака орты было совершенно достаточно чтобы послать этого несчастнаго на смертную казнь.

Имаки, содержавшіе гарнизоны въ прибофорскихъ крѣпостяхъ, не принимали никакого участія въ бунтѣ, а, напротивъ, въ самомъ началѣ его явились къ своимъ начальникамъ, увѣрили ихъ въ своей преданности султану и прося какъ чести быть посланными противъ мятежниковъ. Они рассчитывали на награду, но Диванъ усумнился въ искренности ихъ чувствъ и заподозрилъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ бунтовщиками. У кого изъ имаковъ было какое-либо имущество, оно было конфисковано и всѣ имаки были сосланы въ Малую Азію, гдѣ большая ихъ часть вскорѣ погибла отъ голода и нищеты.

Жены янычаръ, доведенныя до отчаянія, собрались въ большомъ числѣ на одномъ изъ стамбульскихъ базаровъ чтобы оттуда всѣмъ вмѣстѣ отпривиться къ султану и умолять его о милосердіи. Власти, какъ только освѣдомились о такомъ намѣреніи турчанокъ, тотчасъ распорядились посадить ихъ на суда подъ предлогомъ отправки ихъ въ Малую Азію, но какъ только онѣ были посредниѣ Мраморнаго моря, суда были потоплены и всѣ несчастныя жертвы султанскаго гнѣва погибли въ волнахъ.

Наконецъ, специальное повелѣніе султана запрещало проносить самое слово „янычаръ“, точно также было воспрещено всякое одѣяніе, которое своимъ покроемъ или какою либо подробностью могло-бы напоминать о существованіи мятежнаго войска.

Мнѣніе злопамятнаго Махмуда преслѣдовало янычаръ даже за предѣлами гроба; такъ, по преданію, онъ велѣлъ обезглавить памятники давнымъ-давно уже умершихъ янычаръ. По крайней мѣрѣ на константинопольскихъ кладбищахъ показывають ихъ памятники въ видѣ вертикальных плитъ оканчивавшихся прежде насѣченною изъ мрамора чалмою, а нынѣ стоящихъ съ отрубленною верхушкою.

Одновременно съ янычарами были уничтожены и дервиши Бекташа. Султанъ обвинилъ ихъ не въ сношеніяхъ съ янычарами, а въ ереси, за которую и призналъ необходимымъ наказатъ ихъ: трое настоятелей монастырей были казнены каждый предъ дверьми своей обители. Самые монастыри (*текке*) были разрушены, а дервиши сосланы, причѣмъ все ихъ имущество отобрано въ казну. Чтобы возстановитъ простонародье противъ дервишей, правительство само распространило слухъ, что въ монастыряхъ у нихъ было найдено огромное количество спиртныхъ напитковъ, и чтобы еще усугубитъ значеніе этого факта расказывалось подъ рукою, что эти бутылки были найдены закупоренными вмѣсто пробокъ листьями Корана.

Таковъ былъ горестный конецъ знаменитаго войска, пережившаго свою славу и отчасти искуившаго прошлыя свои преступленія тяжелою цѣною безчеловѣчныхъ казней, которыя обрушились на все опальное войско съ неслыханною жестокостію, положили на него, при сходѣ въ могилу, саваши, обильно унптанной кровью и виноватыхъ и невинныхъ и, съ теченіемъ времени, силели ему въ воспоминаніи мусульманъ, вѣнокъ мученика.

Народное воображеніе было слишкомъ поражено лютостью постигшаго янычаръ наказанія; оно такъ свѣкло было съ мыслью, что янычарамъ все дозволено и что они необходимыя часть государства, что не вѣрило въ дѣйствительность ихъ исчезновенія съ житейской сцены, и вотъ оно населило тѣнями погубленныхъ дѣтей Хаджи-Бекташа многіе изъ стамбульскихъ домовъ, а въ полночный часъ ему и въ наше время слышится на Этъ-Мейданѣ смутный гулъ волнующейся какъ море толпы, топотъ, звенящіе удары о котлы, а затѣмъ воини и стenanи бѣгущихъ и умирающихъ и надрывающія сердце рыданія тоскующихъ женщинъ, обездоленныхъ вдовъ нѣкогда страшныхъ воиновъ...

Къ рисункамъ.

Зальцбургъ. (Рис. на стр. 1093).

Зальцбургъ, главный городъ австрійскаго герцогства того же имени, расположенъ весьма живописно по обонью берегамъ рѣки Зальцахъ, которая течетъ адѣсь въ тѣснинѣ между двумя холмами известковой брекии, Мѣнхсбергомъ и Капуцинсберггомъ, по склонамъ коихъ и выстроены городъ, такъ что крайніе дома его, какъ итичьи гнѣзда, лѣнятся на обрывамъ. Гумбольтъ считалъ его однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Европы, наряду съ Неаполемъ и Константинополемъ. Съ Капуцинсберга открывается наилучшій видъ на городъ и Альпы. Въ городѣ много узкихъ и кривыхъ улицъ, но дома красны и часто встрѣчаются великолѣпныя зданія въ итальянскомъ стилѣ, остатки стѣнъ и бастионовъ, а гдѣ послѣдніе окончательно снесены — высятся новѣйшіе, еще болѣе краси-

вые кварталы. Изъ выдающихся сооружений прежде всего надо упомянуть о величественномъ соборѣ, упрощенномъ, но тѣмъ не менѣе внушительномъ подражаніи собору Св. Петра въ Римѣ. Посреди древняго кладбища Св. Петра возвышается готическая церковь Св. Маргариты. Замокъ Мирабель, заново отстроенный послѣ пожара 1818 г., служитъ резиденціей архиепископовъ и окруженъ чудеснымъ, тѣнистымъ садомъ. На-супротивъ такъ-называемыхъ „Новыхъ зданій“ (присутственныхъ мѣстъ) высятся изящная Швангалеромъ статуя зальцбургскаго уроженца Моцарта, котораго портретъ и біографію мы дали въ № 47 *Нивы*. Въ городѣ три предмета: Пониталь и Мюльнъ на дѣвонъ и Штейнъ на правомъ берегу Зальцахъ. Число жителей простирается до 25,000. Промышленность занимается выдѣлкой музыкальныхъ инструментовъ, мраморныхъ вещей, зажигательныхъ свичекъ, фиговаго кофе и ше-

колада, пива, муки, кожи, зонтиковъ, перчатокъ, бумаги, обоевъ и досокъ. Кромѣ того, въ городѣ есть нѣсколько типографій и литографій, а въ окрестностяхъ торфяныя рѣзки.

Окрестности Зальцбурга изобилуютъ множествомъ красивыхъ дачъ и великолѣпныхъ замковъ, какъ напримѣръ королевскій увеселительный замокъ Гелльбруннъ, во вкусѣ XVII вѣка, Леопольдскронъ, бывшее владѣніе короля Лудвига I, Марія-Пленъ, замокъ Клегеимъ, замокъ и паркъ Айгенъ. Гелльбруннъ, выстроенный въ 1614 г. архіепископомъ Маркомъ Зигтникомъ, имѣетъ обширный паркъ, садъ, фонтаны и вырубленный въ скалахъ театр. Превосходнымъ паркомъ окруженъ и принадлежащій князю Шварценбергу Айгенъ. Въ Леопольдскронѣ находится школа плаванія.

Городъ выстроенъ на мѣстѣ древней Юваин римлянъ, которая уже въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. считалась цвѣтущею римскою муниципіею, но затѣмъ была разрушена герулами и мало-по-малу пришла въ упадокъ. Возобновленіе и развитіе города началъ, по всему вѣроятію, Св. Рупертъ, выстроившій на берегу Зальцаха, близъ древнихъ развалинъ, два монастыря.

Свиданіе. (Рис. на стр. 1096).

Рисунокъ нашего талантливаго художника, помѣщенный въ настоящемъ № *Ирисъ*, представляетъ еще одну изъ многихъ разработокъ той-же всѣмъ излюбленной и никому не прискужающей темы "свиданія". Но г. Соломко переноситъ эту тему на нашу почву, родную, отечественную — и воображеніемъ уноситъ ко временамъ боярства XVII вѣка, справедливо заключая, что и тогда тоже люди любили, какъ теперь, и такъ же, какъ теперь, люди любящие назначали другъ другу свиданія въ ночной тиши, при чарующемъ лунномъ свѣтѣ, пренебрегая всѣми опасностями и преступая затворы и суровые обычаи терема...

На картинѣ представлена лѣтняя, лунная ночь; луна, невидимая зрителю, серебрить кругомъ всю природу и обливаетъ своимъ чуднымъ свѣтомъ остервхія кровли боярскаго терема, которыя возвышаются въ сторонѣ изъ-за частокола, окружающаго теремной боярскій садъ. Луннымъ свѣтомъ освѣщены и поверхности частокола, и старыя яблони, и кусты, и бревна, приготовленные для починки теремной ограды и, можетъ быть, сослужившія смѣлому юношѣ добрую службу... Вѣлой пеленою покрыта кругомъ и земля, на которой стелются черныя тѣни окружающихъ предметовъ; блѣды туманомъ подернута и лѣсная даль за рѣкою, гдѣ, среди гущи деревьевъ, сияютъ главы ближайшей церкви. Но всѣ эти красоты, вся эта роскошь лунной ночи не существуютъ для двухъ влюбленныхъ, которые сошлись подъ частоколомъ на свиданіе — и помнать, видать, ощущаютъ только то кратковременное счастье, которое вышло имъ на долю передъ неизбежною разлукой. Онь жметъ ей руку, она ему смотритъ въ очи, и рѣчи любви текутъ безъ умолку, пока старая мама, поставленная на сторожѣ, не извѣститъ объ угрожающей опасности или о наступившемъ срокѣ разлуки.

п. п.

Щекотливый вопросъ. (Рис. на стр. 1097).

О чемъ допрашиваетъ на нашемъ рисункѣ отецъ свою дочь не трудно догадаться по задумчивому и щѣбному взгляду, который молодой дѣвушка бросаетъ куда-то вдаль. Молодое сердце откликнулось на призывъ любви. Случайно забытая въ книгѣ записка открыла тайну. Но кто былъ молодецъ и любилъ, тотъ не осудитъ молодыхъ влюбленныхъ, а кроткій взоръ красиваго старика какъ бы говоритъ, что и его весна жизни цвѣла роскошными цвѣтами.

Въ ученьи. (Рис. на стр. 1101).

Мальченка отдала въ ученье къ сапожнику. Но пока тянется долгіе года ученья съ колотунками, ему приходится больше исполнять порученія, въ родѣ изображеннаго у насъ на стр. 1101.

Школа кухоннаго искусства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, въ СПб.

(Рис. на стр. 1104).

Пища играетъ большое значеніе въ жизни человѣка, и нельзя пренебрегать заботами о правильномъ ея приготовленіи. Эта мысль воплотилась сознавалась Русскимъ Обществомъ охраненія народнаго здравія, которое и основало школу кулинарнаго искусства, сперва при нормальной столовой, а потомъ въ видѣ самостоятельнаго учрежденія.

На первый разъ предложено было ее открыть въ видѣ элементарнаго практическаго курса для лицъ женскаго пола. Предполагалось, что если первоначальный опытъ такого практическаго курса, съ небольшимъ количествомъ популярно излагаемыхъ лекцій о главныхъ теоретическихъ основахъ нормальнаго питанія человѣка, дастъ хорошіе результаты, то можно будетъ поставить школу на болѣе широкой основаніи. И дѣйствительно, благодаря заботамъ И. Д. Ковригина, который оказывалъ матеріальное содѣйствіе Русскому Обществу охраненія народнаго здравія, и энергичнымъ заботамъ И. Е. Ан-

древскаго и А. П. Доброславина, была въ 1888 г., 22 сентября, открыта школа кухоннаго искусства. На первый курсъ, по предположенію шестинедѣльный, были приняты ученицы и начались занятія, которыя продолжаются до сихъ поръ съ успѣхомъ, о чемъ свидѣтельствовали минувшіе экзамены.

Школа пользуется вниманіемъ почетныхъ членовъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, какъ-то: проф. П. Ф. Здекауера, директора Медицинскаго департамента Л. Ф. Рагозина и начальника Медицинской академіи В. В. Папутина.

Проф. Діаннинымъ, драми Лишскимъ, К. Н. Пурицомъ, Г. Майеромъ, Г. Гольштейномъ, А. М. Игнатьевымъ, жен.-врач. Покровской и другими читаются въ школѣ лекціи о гигиенѣ, питаніи, принасовѣдѣніи, мясоовѣдѣніи, топливѣ и кухонныхъ очагахъ.

Въ теченіе своего трехлѣтняго существованія школа кухоннаго искусства выпустила около 600 ученицъ, которыя съ успѣхомъ прошли шестинедѣльный курсъ кухоннаго искусства и въ состояніи гигиенично и экономично приготовить бушанья и покушать провизію.

Въ настоящее время въ школѣ кулинарнаго искусства находится около 60 ученицъ, и теперь только приходитъ порадоваться, что наконецъ-то люди начинаютъ сознавать насколько важны вопросы питанія, какъ въ жизни каждаго отдѣльнаго лица, такъ и въ развитіи и культурѣ цѣлыхъ населеній.

О важности питанія было прочтано много лекцій покойнымъ профессоромъ А. П. Доброславинимъ.

Несмотря, однако, на несомнѣнную важность и значеніе вопросовъ питанія, въ сознаніи даже образованныхъ классовъ населенія, не говори уже о простомъ народѣ, они занимали всегда одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ и не возбуждали должнаго вниманія. По обычаю, установившемуся понятію, можно смѣло предоставить заботу о надлежащемъ питаніи своего организма любой кухаркѣ, которая вчера только была прачкой или судомойкой, и отъ чана, въ которомъ мыла грязное бѣлье или посуду, прямо перешла къ кухонному очагу. Между тѣмъ, что подумали бы про человѣка, который вздумалъ бы заставить управлять сложной машиной, напримѣръ локомотивомъ, перваго встрѣчнаго крестьянина; а въ жизни приходится видѣть, какъ люди спокойно отдають свой организмъ, — заботы о правильномъ питаніи этой сложной машины, — также первому встрѣчному и воплотить невѣжественному лицу. Такъ велико заблужденіе людей.

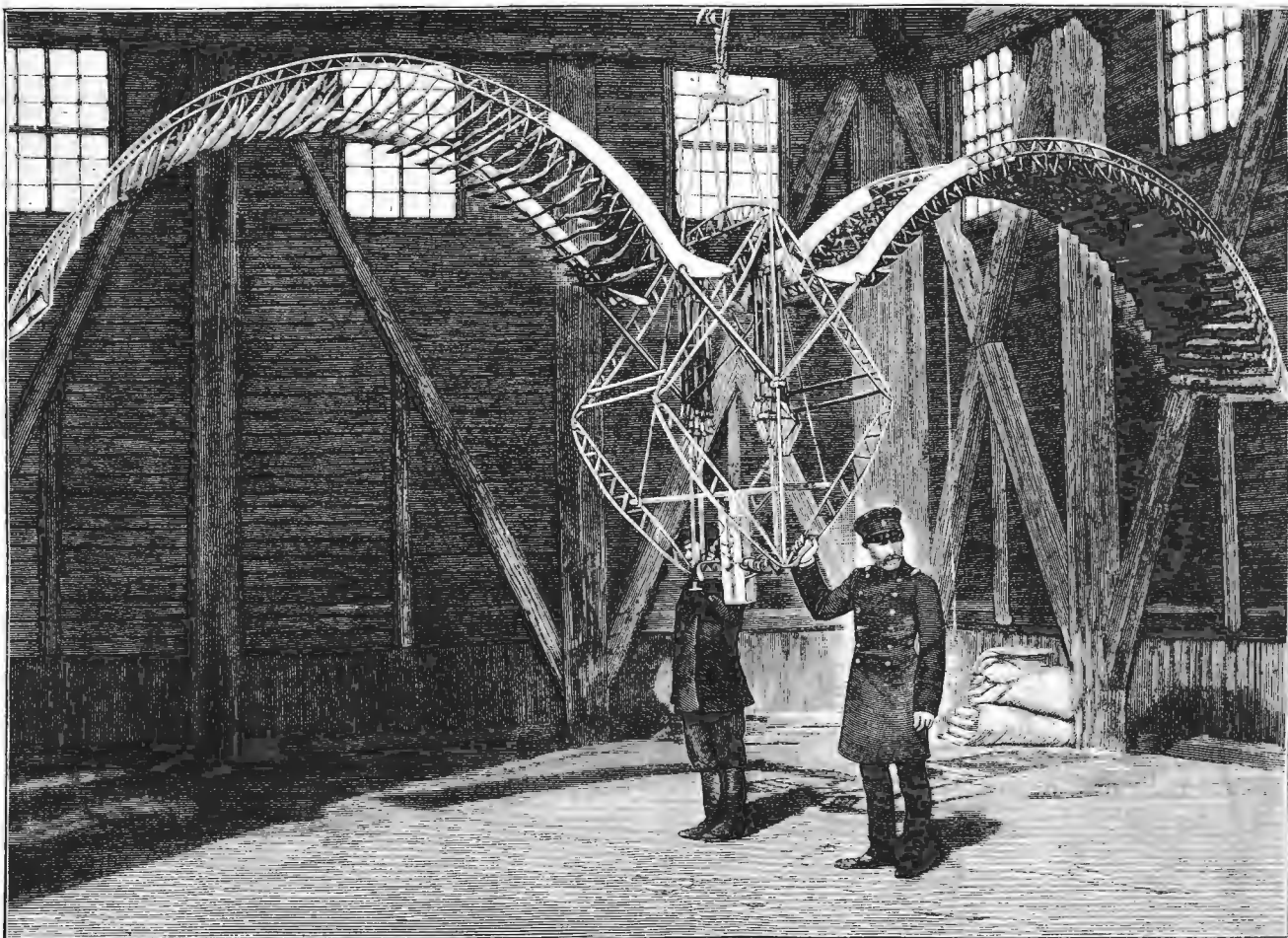
Искреннимъ желаніемъ внести свѣтъ въ понятія русскаго общества о питаніи и расширить скудный кругозоръ его научныхъ свѣдѣній въ этой области — былъ проникнуть профессоръ гигиены А. П. Доброславинъ. Его горячія популярныя лекціи мало-по-малу уже начали вызывать въ населеніи, въ болѣе образованномъ его слоѣ, нѣкоторое вниманіе къ вопросамъ питанія. Русское Общество охраненія народнаго здравія тоже прониклось намѣреніемъ осуществить на дѣлѣ эту высокую задачу — поднять силы населенія улучшеніемъ его питанія, и въ настоящее время энергическаго стремленія Общества на этомъ поприщѣ, смѣемъ думать, увѣщались нѣкоторымъ успѣхомъ. Такъ напримѣръ, Общество устроило "аналитическую лабораторію" въ Петербургѣ, которая теперь даетъ возможность столичному населенію удостовѣриться въ добротѣ качествахъ пищевыхъ продуктовъ и оберегаться отъ обмана разныхъ фальсификаторовъ. Желая, затѣмъ, наиболѣе распространить въ населеніи правильныя понятія о питаніи и о раціональныхъ способахъ приготовленія пищи, Общество учредило "Школу кухоннаго искусства", о которой сказано выше.

Гудауръ. (Рис. на стр. 1105).

Въ 1768 году русскія войска подъ командою графа Тотлебена впервые перешли изъ Владикавказа въ Тифлисъ черезъ главный хребетъ Кавказскихъ горъ по такимъ трудностямъ, ущельямъ, обрывамъ, тропинкамъ, которые во многихъ мѣстахъ приходились въ пору лишь водящимся на самыхъ неприступныхъ вершинахъ каменнымъ баранамъ. Союзникъ императрицы Екатерины II въ войнѣ противъ турокъ, Грузинскій царь Ираклій II, владѣвшій болѣею частью этихъ горныхъ вершинъ, въ котловинахъ которыхъ живетъ отрасль тушинскаго племени, мтіулинцы, провелъ наши войска этимъ кратчайшимъ путемъ; изъ Тифлиса направились они въ Кутаисъ и тамъ нанесли поражение туркамъ. Тѣмъ же путемъ графъ Тотлебенъ вернулся и обратно на Кавказскую линію. Обозы, тяжести, артиллерія — все это несло солдатами и мтіулинцами на плечахъ; войска двигались черешанымъ шагомъ, переходъ изъ Владикавказа до Тифлиса требовалъ цѣлыхъ недѣль времени и, несмотря на всѣ эти трудности, кратчайшее разстояніе этого пути, около двухсотъ верстъ, не болѣе, получило преимущество надъ другимъ, кружнымъ путемъ нашимъ въ Закавказье черезъ Каспійское море. Тропинки, пройденныя графомъ Тотлебеномъ, послужили во многихъ мѣстахъ трассою для нашей Военно-грузинской дороги, которую

мы стали постепенно разрабатывать съ начала нынѣшняго столѣтія, послѣ окончательнаго уже присоединенія Грузинскаго царства къ нашей территории. Но не легко было справиться съ этою гигантскою работою, и лишь въ концѣ пятидесятихъ годовъ, во время намѣстничества князя А. И. Барятинскаго, инженеръ Б. И. Стагковскій довелъ ее до конца сооружеиіемъ черезъ главный хребетъ монументальнаго шоссе сированнаго пути, выведеннаго такими пологими зигзагами, что проѣзжающій, сидя въ почтовой каретѣ или коляскѣ, съ упряжкою въ нихъ пары лошадей, не чувствуетъ громаднѣйшаго подъема, по которому онъ добирается до высочайшей точки хребта, лежащей на высотѣ 7694 футовъ надъ уровнемъ моря. Макушка этого перевала называется Гудъ-горкою, а почтовая на ней станція — Гудауромъ. Въ настоящее время по этому пути отъ Владикавказа до Тифлиса считается 200 верстъ, и онъ проѣзжается въ однѣ сутки, за исключеніемъ декабря и марта мѣсяцевъ, когда снѣжные завалы въ горахъ и въ особенности близъ Гудаура, пресѣкаютъ на нѣсколько дней

птицъ, изобрѣтенный докторомъ Георгіемъ Бертенсономъ, даетъ возможность наглядно видѣть тѣ условия, которыя природа осуществила для наивыгоднѣйшаго приложенія силы двигателя къ механизму крыльевъ съ цѣлю достиженія равновѣсія и поступательнаго движенія въ столь разрѣженной средѣ, какъ воздухъ. Аппаратъ по размѣрамъ своимъ разсчитанъ по отношенію къ величинѣ человѣка и за неизмѣнимъ соответствующаго двигателя приводится въ движеніе человекомъ, который, сидя на висѣющей педали и вытягиваясь, отталкиваетъ педаль отъ рукоятки, за которую держится своими руками. Этимъ раздвиганіемъ частей, между которыми онъ работаетъ, человекъ производитъ опусканіе крыльевъ и въ то же время растяженіе резиновыхъ тяжей, которые въ слѣдующій моментъ поднимаютъ крылья. Человекъ играетъ роль большой грудной мышцы у птицъ, а резины дѣйствуютъ аналогично средней грудной мышцѣ; человекъ помогаетъ его собственныи вѣсь и при томъ онъ работаетъ лишь въ моментъ опусканія крыльевъ и въ направленіи ихъ тяжести; во второй

Аппаратъ для нагляднаго изученія полета птицъ, изобрѣтенный д-ромъ Г. Бертенсономъ. Съ фот. грав. Рашевскій.

всякое сообщеніе, пока специально назначенная для того команда и мгунци ихъ не расчистятъ. Князь Барятинскій на протяженіи всего этого пути распорядился устройствомъ прекрасныхъ станціонныхъ, каменныхъ двухэтажныхъ домовъ, снабженныхъ всѣми удобствами для проѣзжающихъ: хорошая и всегда готовая провизія буфета, теплая и комфортабельно обставленная комната, чистое бѣлье постели, — все это находятъ они во всякое время года и въ особенности сознаютъ эти блага на станціи Гудаурѣ, въ періодъ зимнихъ мятелей и запасовъ. Мѣстность Гудаура, какъ это видно изъ нашего рисунка, снятаго въ лѣтнюю пору, имѣетъ характеръ суровой природы: скалы, камни, отсутствіе растительности, — лѣтомъ одинъ только зной — все это понятно при высотѣ безъ малаго въ восемь тысячъ футовъ; но виды отсюда въ обѣ стороны перевала, въ дни ясные, безоблачны — очаровательны. За этимъ кульминаціоннымъ пунктомъ дорога, спускаясь внизъ, съ каждымъ шагомъ по ней приближаетъ къ иной природѣ, къ иному климату, и путникъ, находящійся подъ очарованіемъ этого быстрого перехода, не успѣетъ хорошенько оглядѣться, какъ его приметъ въ свое лоно роскошная Грузія.

Аппаратъ для нагляднаго изученія полета птицъ.

(Рис. на этой стр.)

Аппаратъ, демонстрирующій динамическія условія полета

момента человекъ вовсе не работаетъ, а на смѣну ему работаютъ резины, подымая крылья. По сравненію съ паровою машиною, въ которой паръ работаетъ въ обѣ стороны поршня, двигатель, приводящій въ движеніе механизмъ крыльевъ, работаетъ гораздо выгоднѣе, работая лишь въ одну сторону для опусканія крыльевъ. Кроме того, сложная система регуляціи машинъ посредствомъ тяжелаго маховика замѣняется по образцу природы регулирующимъ свойствомъ упругости легкой резины; наконецъ, вмѣсто сложныхъ, неповоротливыхъ машинъ, работающих по прямой, мы имѣемъ свободное перемѣщеніе центра тяжести аппарата по волнообразной кривой. Аппаратъ съ крыльями, кроме описываемаго, подражающихъ природѣ и дающихъ нѣкоторый положительный результатъ, существуетъ еще два: Труве и Татэна, небольшихъ размѣровъ. Что касается будущности этихъ попытокъ, то, по примѣру природы, будущность имѣютъ лишь аппараты малыхъ размѣровъ, на основаніи закона Плато, по которому вѣсь какъ искусственнаго, такъ и природнаго механизмовъ съ увеличеніемъ размѣровъ возрастаетъ въ кубической прогрессіи, а сила лишь въ квадратной прогрессіи. На этомъ основаніи природа не создала летающей птицы больше орла. Но если орелъ подымаетъ ползуда, то 10 орловъ подымутъ человека. Слѣдовательно, искусственные механизмы, хотя малыхъ размѣровъ но соединенные въ известномъ числѣ, дадутъ искомый результатъ

Г. Б.

Высокопреосвященный Иоанникій, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

(Портр. на этой стр.).

Поставленный именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 17 ноября во главѣ Кіевской митрополіи, бывший митрополитъ Московскій и Коломенскій, высокопреосвященный Иоанникій, какъ извѣстно, окончилъ курсъ наукъ въ Кіевской духовной академіи въ 1849 г. и вслѣдъ затѣмъ принялъ постриженіе. Возведенный вскорѣ затѣмъ въ санъ архимандрита, онъ былъ назначенъ ректоромъ сначала семинаріи, а потомъ духовной академіи въ Кіевѣ. Отсюда онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Петербургъ и въ 1861 году хиротонисанъ во епископа Выборгскаго, втораго викарія Петербургской митрополіи. Въ 1864 году преосвященный Иоанникій назначенъ былъ епископомъ Саратовскимъ и Царицынскимъ, въ 1873 — архіепископомъ Нижегородскимъ, а въ 1877 получилъ въ управленіе епархію Грузіи и епархіи Карталинскую и Кахетинскую.

Повсюду высокопреосвященный Иоанникій умѣлъ снискать любовь и уваженіе какъ своей паствы, такъ и подчиненнаго ему духовенства. Во время управленія Саратовскою епархіею онъ основалъ общество взаимной помощи духовенства, учебно-заработный домъ для сиротъ всѣхъ сословій, пріютъ для малолѣтнихъ сиротъ духовнаго званія обоаго пола и братство Св. Креста для борьбы съ раскольниками. Въ Нижнемъ - Новгородѣ онъ учредилъ учебно-заработный домъ, пріютъ для сиротъ, ремесленное училище, общежитіе на 150 учениковъ семинаріи и братство для ослабленія раскола. Въ Тифлисѣ онъ пожертвовалъ 10,000 руб. на основаніе епархіальнаго женскаго училища.

27 іюня 1882 г. высокопреосвященный Иоанникій былъ назначенъ митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, на мѣсто почившаго митрополита Макарія. Будучи митрополитомъ Московскимъ, высокопреосвященный особенное вниманіе обратилъ на миссіонерское дѣло среди старообрядцевъ. По

Высокопреосвященный Иоанникій, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.
Съ фот. грав. Барановскій.

Высокопреосвященный Леонтій, митрополитъ Московскій и Коломенскій.
Съ фот. грав. Шублеръ.

его инициативѣ и его руководствомъ тутъ были организованы соборы съѣздованія со старообрядцами. По его же почину и мысли въ нынѣшнемъ году состоялся въ Москвѣ съѣздъ миссіонеровъ, гдѣ предложены были важные вопросы, и въ томъ числѣ вопросъ о противодѣйствіи штундѣ.

Высокопреосвященный Леонтій, митрополитъ Московскій и Коломенскій.

(Портр. на этой стр.).

Вновь возведенный въ санъ митрополита, высокопреосвященный Леонтій — старѣйшій изъ архіепископовъ нашей церкви; въ теченіе почти тридцати двухъ-лѣтняго епископскаго служенія, высокопреосвященный Леонтій усиленно трудился на пользу православія на окраинахъ нашего отечества, среди населенія, исповѣдующаго католическую вѣру, среди униатовъ, протестантовъ. Вся эта тридцати-двухъ-лѣтняя дѣятельность можетъ быть названа борьбой за православіе, борьбой за ругиню, съ невѣжествомъ, а также съ остатками униі; ибо Подольская епархія, коей управлялъ преосвященный Леонтій, до конца прошлаго столѣтія (1795 года) была униатскою. Главной заслугой преосвященнаго Леонтія можетъ считаться — поднятіе значенія православнаго духовенства въ краѣ католицизма.

Перечислить всѣ заслуги преосвященнаго Леонтія, все то, чѣмъ ему обязаны управляемыя имъ епархіи — Подольская, въ коей онъ пробылъ 11 лѣтъ, и Холмско - Варшавская, коей управлялъ онъ 16 лѣтъ, положительно невозможно. Учрежденіе братствъ, церковно-приходскихъ попечительствъ, церковно-приходскихъ школъ, духовныхъ училищъ (женское духовное училище въ Каменецъ - Подольскѣ), учрежденіе *эмеритальной кассы* въ Подольской епархіи, обезпеченіе духовенства *приличнымъ званіемъ штатнымъ содержаніемъ*, благодаря чему священнослужители *избѣжали во многихъ случаяхъ весьма неудобнаго въ ихъ положеніи требоанія (вымогательства) съ*

прихожанъ платы за требы. Учрежденіе при монастыряхъ школъ для дѣтей бѣднѣйшихъ причетниковъ и ихъ сиротъ, постройка новыхъ соборныхъ храмовъ, капитальный ремонтъ старыхъ, пришедшихъ въ ветхость, устройство окружныхъ церковныхъ библиотекъ, поднятіе и возвышеніе умственного и нравственнаго уровня въ духовенствѣ и возбужденіе въ немъ самодѣятельности. Вотъ вкратцѣ тѣ заслуги высокопреосвященнаго Леонтія, которыя никогда не забудутся ни духовенствомъ управляемыхъ имъ епархій, ни исторіей. Для своей наставы владыко сдѣлалъ много: учрежденныя имъ братства и церковно-приходскія попечительства, обладающія сотнями тысячъ рублей, ежегодно расходуютъ ихъ на помощь населенію въ годины недородовъ, на эти же средства содержатся каѣнки, воспитываются сироты и удаляются въ гимназіи за немощныхъ учениковъ. Въ дни Рождества Христова и Пасхи настоятели церквей раздаются денежныя пособія бѣднѣйшимъ изъ прихожанъ. Порядокъ по управленію епархіей во всѣхъ благочинныхъ и церквахъ образцовый.

Высокопреосвященный Леонтій, нынѣшній митрополитъ Московскій и Коломенскій, Свято-Троицкой Сергіевой лавры святино-архимандритъ, въ мирѣ Иванъ Лебединскій, уроженецъ Воронежской епархіи. Окончивъ въ 1847 г. курсъ С.-Петербургской духовной академіи, со степенью магистра богословія, и въ томъ же году постриженный въ монашество, онъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ трудился на поприщѣ воспитанія и образованія духовнаго юношества въ среднихъ и высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Начавъ свою службу въ качествѣ сперва профессора, а потомъ инспектора въ С.-Петербургской духовной семинаріи, онъ затѣмъ былъ назначенъ инспекторомъ Киевской духовной академіи и возведенъ въ санъ архимандрита въ 1853 году; послѣ этого былъ ректоромъ духовныхъ семинарій Владимирской, Новгородской и С.-Петербургской. Въ 1860 г., по Высочайше утвержденному 5 марта опредѣленію Св. Синода, архимандриту Леонтію повелѣно быть викаріемъ С.-Петербургской епархіи, съ рукоположеніемъ въ санъ епископа Ревельскаго, а 13 марта, въ Исаакіевскомъ соборѣ, въ присутствіи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича и Великихъ Князей Владиміра и Алексѣя Александровичей совершена была и хиротонія архимандрита Леонтія во епископа. За время своего епископскаго служенія, преосвященный Леонтій управлялъ, за смертію митрополита Георгія, С.-Петербургскою митрополіей; ѣздилъ въ Парижъ, освящать православ-

ную церковь, при чемъ преосвященный Леонтій былъ первый изъ православныхъ епископовъ, посѣтившихъ столицу Франціи. Въ 1863 году преосвященный Леонтій получилъ самостоятельную кафедру Подольской епархіи; черезъ десять лѣтъ, управляя оною, въ 1873 году, былъ возведенъ въ санъ архіепископа; прослужа здѣсь еще годъ, былъ назначенъ въ 1874 г. архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ и въ 1875 году, т. е. ровно 16-тъ лѣтъ тому назадъ, получилъ въ управленіе Варшавскую и Холмскую епархіи и назначенъ членомъ Святейшаго Синода.

Въ 1884 г. 13 марта исполнилось двадцать пять лѣтъ служенія высокопреосвященнаго Леонтія въ епископскомъ санѣ.

А. Хвостовъ.

Императоръ Дом-Педро. (Портр. на стр. 1112).

Какъ уже извѣстно читателямъ, 22 ноября, въ Парижѣ, въ 12 часовъ 40 минутъ ночи, скончался дом-Педро д'Алькантара, императоръ Бразильскій, лишенный престола два года тому назадъ неблагодарными подданными. Нашъ журналъ неоднократно сообщалъ биографическія свѣдѣнія объ усопшемъ монархѣ, въ 1876 и въ 1884 годахъ, по случаю посѣщенія имъ Россіи, и въ 1889 году, когда разразился въ странѣ переворотъ. Нынѣ вспоминаемъ, что этотъ просвѣщенный и гуманный монархъ царствовалъ 58 лѣтъ. Родившись 2 декабря 1825 г., дом-Педро вступилъ на престолъ по отреченіи своего отца, дом-Педро I, 7 апрѣля 1831 года. 23 іюля 1840 г., провозглашенный совершеннолѣтнимъ, онъ вступилъ въ управленіе страной и короновался 18 іюля 1841 года. Два года спустя онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью умершаго въ 1830 году короля обѣихъ Сицилій, Франциска I, Терезой-Маріей-Христіной, старше его на три года. Изъ дѣтей бразильской императорской четы остается въ живыхъ только старшая дочь, принцесса Изабелла, родившаяся въ 1846 году и вышедшая замужъ 18-ти лѣтъ за сына герцога Немурскаго Лудовика-Филиппа, графа д'Э (Еи). Непопулярность наследницы престола въ странѣ была одною изъ причинъ революціи, охватившей страну въ началѣ ноября 1889 года. Лишенный престола императоръ переселился въ Европу, гдѣ вскорѣ скончалась его супруга, не могшая перевести тяготы изгнанія. Дом-Педро прожилъ въ изгнаніи только два года и умеръ въ то время, когда на родинѣ началось движеніе въ пользу восстановленія монархіи.

Политическое обозрѣніе.

27 ноября, въ Парижѣ, состоялась въ церкви Madeleine отпѣваніе тѣла императора дом-Педро. Воинскія почести праху были оказаны семью полками пѣхоты, однимъ кирасирскимъ полкомъ и одною батарею артиллеріи. Церковь была полна. Правую сторону церкви занимали императорская фамилія и весь дипломатическій корпусъ, исключая барона Моренгейма, отсутствовавшего по болѣзни, а лѣвую — замѣстители преиздента Карно и министровъ, бюро палаты и многія высокопоставленныя лица. Вокругъ катафалка расположились бразильскіе саловники. Богослуженіе совершено было архіепископомъ Парижскимъ. Послѣ отпѣванія тѣло было перевезено въ вокзалъ Орлеанской желѣзной дороги. На всемъ пути слѣдованія похоронной процессіи народъ почтительно кланялся. При видѣ русскихъ аташе раздались клики: „Да здравствуетъ Россія!“ По прибытіи въ вокзалъ войска вторично дефиліровали передъ гробомъ, который затѣмъ былъ перенесенъ въ траурный вагонъ. Вечеромъ тѣло было опрѣделено въ Лиссабонъ. Съ тѣмъ же поѣздомъ уѣхала и фамилія усопшаго императора.

На другой день во французскомъ сенатѣ обсуждался запросъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ. Запросъ явился послѣдствіемъ римскихъ беспорядковъ съ французскими паломниками и процесса епископа Эскаго. Французскіе паломники и процесса епископа Эскаго. Французскіе различныя ораторамъ, министры Фальбергъ и Фрейснэ заявили, что епископы подчинены всѣмъ дѣйствующимъ въ государствѣ законамъ и что наличныхъ средствъ достаточно для того, чтобы заставить духовенство уважать конституцію. По словамъ министровъ, правительство не желаетъ отдѣленія церкви отъ государства и находить, что если бы это стало необходимымъ, то виною въ томъ было бы духовенство. Сенатъ большинствомъ 211 голосовъ противъ 57 принялъ предложеніе, которымъ правительство приглашается воспользоваться имѣющимися въ его распоряженіи правами, чтобы заставить духовенство относиться съ уваженіемъ къ республикѣ и подчиняться законамъ.

Вслѣдъ затѣмъ и въ палатѣ произошло бурное засѣданіе: обсуждался тотъ же предметъ. Фрейснэ заявилъ, что онъ никогда не допуститъ, чтобы духовенство имѣло претензію не повиноваться законамъ; изъ такого положенія сдѣдуетъ выйти, но правительство отвергаетъ отдѣленіе церкви отъ государства. Въ январѣ правительство внесетъ законъ объ ассоціаціяхъ, не имѣя, однако, при этомъ въ виду спеціально духовенства. Послѣднему слѣдуетъ дать предостереженіе, и такимъ именно предостереженіемъ будетъ голо-

сованіе парламента; тѣмъ тѣ, кто желаетъ главенства государства, не могутъ хотѣть ослабленія кабинета. Епископъ Фрейнелъ опровергалъ въ палатѣ взводимыя на духовенство обвиненія во враждебности къ республикѣ, утверждалъ, что органическія статьи въ дополненіе къ конкордату вышли изъ употребленія и нельзя пользоваться ими, какъ орудіемъ противъ духовенства. Затѣмъ пренія были прекращены. Предложенная Гюбаромъ и отвергнутая правительствомъ формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, направленная къ отдѣленію церкви отъ государства, была отвергнута палатою большинствомъ 346 голосовъ противъ 181. Формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная Риве, тождественная съ формулою вотированною въ среду сенатомъ и принята правительствомъ, вотирована большинствомъ 243 голосовъ противъ 223.

Объ октябрьскихъ инцидентахъ съ французскими паломниками 2 декабря высказался и папа Левъ XIII въ консисторіи. Въ своей рѣчи, произнесенной на латинскомъ языкѣ, онъ строго осудилъ поведеніе паломниковъ и заявилъ, что если въ настоящее мирное время его положеніе такъ затруднительно, то можно себя вообразить, насколько эти затрудненія осложнились бы въ случаѣ войны. Наконецъ, папа сообщилъ, что онъ постоянно будетъ придерживаться взглядовъ Пія IX и требовать независимости, особенно для города Рима.

Въ германскомъ рейхстагѣ, 28 ноября, происходило первое обсужденіе торговыхъ договоровъ. Капплеръ Каприви заявилъ, что при заключеніи договоровъ имѣлось въ виду сохранить сельское хозяйство Германіи и способствовать развитію ея промышленности. Затѣмъ, переходя къ вопросу о примѣненіи дифференціальнаго пошлина къ государствамъ, съ которыми у Германіи нѣтъ договоровъ, имперскій канцлеръ сказалъ, что объ этомъ будутъ начаты переговоры, при чемъ Германія будетъ стараться добиться уступокъ и отъ другихъ государствъ. Что касается Россіи, прибавилъ Каприви, — то говорить о ней было бы несвоевременно; печальное положеніе дѣлъ, вызвавшее запрещеніе вывоза хлѣба изъ Россіи, будетъ устранено не такъ скоро. Далѣе Каприви заявилъ, что если, вопреки надеждамъ, миръ нельзя будетъ сохранить, то Германія должна желать заручиться, по возможности, большимъ числомъ вѣрныхъ союзниковъ, чего она и можетъ достигнуть, подготовивъ почву для торгово-политическихъ сношеній. Въ заключеніе, канцлеръ просилъ рейхстагъ отнестись къ договорамъ патріотично, и рейхстагъ черезъ два дня принялъ крупнымъ большинствомъ статью 1-ю и 2-ю торговаго договора съ Австро-

Венгрии. При этомъ статсъ-секретарь Маршалъ говорилъ въ пользу договоровъ съ политической точки зрѣнія. Онъ сказалъ, между прочимъ, что убѣжденіе въ устойчивости и незыблемости союзовъ будетъ ослаблено, если союзныя государства будутъ вредить другъ другу въ экономическомъ отношеніи. Князь Бисмаркъ въ рейхстагѣ не присутствовалъ по совѣту врачей, но принималъ депутацию отъ города Зигена, сказалъ, что если бы онъ явился въ рейхстагъ, чтобы выразить свое мнѣніе, то онъ былъ бы вынужденъ осудить настоящую политику строже, чѣмъ ему позволяетъ его прежнее положеніе. Такъ какъ всѣ партіи уже приняли определенное положеніе относительно договоровъ, присовокупилъ князь Бисмаркъ, то мое появленіе въ рейхстагѣ было бы лишнимъ. Вслѣдствіе этого, онъ отказывается отъ участія въ прѣвѣхъ, какъ бы ни были велики опасенія, внушаемыя ему тѣмъ, что Германія связываетъ себя на 12 лѣтъ договорами, послѣдствій которыхъ невозможно опредѣлить.

О запрещеніи вывоза хлѣба изъ Россіи *Wiener Allgemeine Zeitung* пишетъ, что оно начинаетъ отражаться самымъ пагубнымъ образомъ на Австро-Венгрію. Упомянутая мѣра вынуждаетъ Австро-Венгрію покрывать потребность въ хлѣбѣ въ Западной Европѣ, вслѣдствіе чего возникаютъ опасенія насчетъ прокормленія собственнаго населенія уже въ ближайшихъ мѣсяцахъ. Каждый день приносится съ собою новые симптомы надвигающейся нужды. Поставщики войскъ въ Галиціи едва выносятъ претерѣваемые ими вслѣдствіе неожиданнаго вадорожанія хлѣба убытки. Петиціи изъ всѣхъ частей государства свидѣтельствуютъ о томъ, сколько отъ такого вадорожанія страдаетъ населеніе. Въ виду этого возникаетъ вопросъ, цѣлесообразно-ли лишать себя запасовъ хлѣба. Газета не желаетъ отстаивать необходимости для Австро-Венгріи запрещенія вывоза хлѣба, но находитъ, что слѣдовало бы по крайней мѣрѣ позаботиться объ обезпеченіи важнѣйшихъ предметовъ продовольствія войскъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 28 ноября, въ Іатчинскомъ дворцѣ представлялся Его Императорскому Величеству Государю Императору французскій посолъ графъ де-Монтебелло, для врученія своихъ кредитивныхъ грамотъ.

— 3 декабря, Ея Императорское Величество Государыня Императрица посѣтила въ городѣ Павловскѣ И. И. В. Вел. Кн. Александру Іосифовну и Вел. Кн. Константина Николаевича.

Помощь голодающимъ.

— 29 ноября, состоялось въ Собственномъ Его Величества (Аничковомъ) дворцѣ первое засѣданіе Особого Комитета подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича для помощи нуждающемуся населенію мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ. По открытіи засѣданія, министръ Императорскаго Двора, генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ объявилъ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о передачѣ въ распоряженіе Комитета суммы въ 200,000 рублей, предназначавшейся на устройство отпѣченныхъ въ текущую зиму придворныхъ баловъ. Затѣмъ послѣдовалъ докладъ о поступившихъ пожертвованіяхъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— По свѣдѣніямъ горнаго департамента, въ 1890 году добыто въ Россіи шиховала золота 2,405 пудовъ 37 фунтовъ,—болѣе противъ предыдущаго года (2,271 п. 31 ф.) на 134 пуда 6 фунтовъ. Въ пятилѣтіи 1886—1890 гг. производительность золота въ Россіи измѣнялась слѣдующимъ образомъ:

Въ 1886 г.	Добыто шиховала золота.		Получено лигатурнаго зол.		Въ немъ заключалось химически чистыхъ:	
	п. ф.	п. ф.	п. ф.	п. ф.	п. ф.	п. ф.
1886	2,042	4	1,962	17	1,702	37
1887	2,128	2	2,058	9	1,881	14
1888	2,146	27	2,089	30	1,907	11
1889	2,271	31	2,200	—	2,072	27
1890	2,405	37	2,340	2	2,140	11

Изъ этого видно, что въ истекшее пятилѣтіе ежегодная производительность золота въ Россіи постоянно возрастала, причемъ наибольшее увеличеніе ея произошло въ 1890 г.

— Вслѣдствіе засухи текущаго года, въ Козловскомъ уездѣ, Тамбовской губ., обнаружилось много залежей доброкачественнаго торфа, годнаго для отопленія крестьянскихъ избъ, безъ особыхъ приспособленій въ печахъ.

— Благодаря оттепели и бывшимъ въ послѣднее время дождямъ, озимыя поля во многихъ мѣстахъ Подольской и Кіевской губер-

ній покрылись густою, свѣжею зеленью. Посѣвы, давше неудовлетворительные всходы въ началѣ осени, теперь стали куститься и обѣщаютъ хорошій урожай. Нѣкоторые изъ хозяевъ, не успѣвшие во время засѣять поля, продолжаютъ ихъ обсеменять въ настоящее время.

— Благодаря теплой погодѣ и дождямъ озимые хлѣба значительно оправились и вокругъ Полтавы, Харькова и Екатеринослава; погибшіе были озимые теперь въ удовлетворительномъ состояніи.

Некрологъ.

— 24 ноября, въ Кронштадтѣ скончался редакторъ-издатель *Кронштадтскаго Вѣстника*, отставной контръ-адмиралъ Николай Александровичъ Рыкачевъ. Покойный родился въ 1833 году.

— Въ Харьковѣ, 29 ноября, скончался, послѣ тяжелой болѣзни, профессоръ тамошняго университета филологъ Потемкинъ.

— Въ Сумахъ, 30 ноября, скончался дѣятельный статскій совѣтникъ Иванъ Герасимовичъ Харитоненко, извѣстный сахарозаводчикъ, самый крупный землевладелецъ на югѣ Россіи и жертвователь значительныхъ суммъ на дѣла благотворенія.

Библиографія.

„Что мнѣ сыграть!“ Подъ такимъ названіемъ выпущенъ въ продажу, извѣстною музыкальною фирмою Юліи Генрихъ Циммерманъ, новый сборникъ, состоящій изъ 77 легкихъ пьесъ, разныхъ композиторовъ, въ 2 руки, съ точною аппликатурой, составленный извѣстнымъ педагогомъ и музыкантомъ Ю. Нагелемъ, и предназначающійся для игры молодымъ пианистамъ и пианисткамъ. Сборникъ этотъ служитъ прямымъ продолженіемъ къ существующему такому же сборнику, подъ названіемъ „Маленькій Рубинштейнъ“, изданъ въ 2-хъ частяхъ и въ выборѣ пьесъ ничѣмъ не уступаетъ послѣднему. Каждый любитель найдетъ для себя много интереснаго, такъ какъ составитель не поскупился разнообразить репертуаръ, помѣстивъ сюда, кромѣ сочиненій классиковъ: Бетховена, Мендельсона, Моцарта, Шумана, Шуберта и мног. друг., также произведенія новѣйшихъ композиторовъ, какъ-то: Годара, Эйленберга, Гуно, Делиба, Дюрана, Рейнеке и множество другихъ пьесъ, пѣсенъ, танцевъ, духовныхъ произведеній и маршей. Сборникъ раздѣленъ на нѣсколько отдѣловъ: Отдѣлъ I.—Домашніе концерты: новыя и любимыя салонныя пьесы; II.—Театральные отголоски: мелодіи и фантазіи изъ оперъ и оперетокъ; III.—Родные звуки: русскія, малороссійскія и цыганскія пѣсни; IV.—Урокъ танцевъ: новѣйшіе танцы, и наконецъ V.—Въ военномъ лагерѣ: новыя марши и гимны и проч. При доступной арранжировкѣ и недорогой цѣнѣ (1 руб. 50 коп.), сборникъ этотъ будетъ по-

лезенъ для каждаго играющаго въ домашнемъ кружкѣ и школѣ.

„Муза“. Музыкальный журналъ для семьи и школы. Изданіе А. Е. фонъ-Миллера. Редакція Н. А. Тивольскаго. Изданіе годъ первый. Тетради I—XII. 1891. СПб. (при муз. маг. Битнера).

Въ нашей музыкальной литературѣ журналъ „Муза“ въ первый же, теперь истекшій, годъ существованія (для журнала онъ начинается 20 декабря), успѣлъ занять выдающееся мѣсто какъ по своимъ внутреннимъ качествамъ, такъ и по внѣшнимъ условіямъ изданія. За сравнительно ничтожную плату (4 р. 50 коп., съ перес. 5 р. 50 коп.) подписчикъ получаетъ 12 большихъ (отъ 28 до 34 стр.) тетрадей музыкальныхъ пьесъ, выборъ которыхъ дѣлаетъ честь вкусу и музыкальному образованію редакціи, и кромѣ того, особую безплатную премію; въ истекшемъ году — роскошно изданный альбомъ фортепьянныхъ сочиненій П. И. Чайковскаго, въ будущемъ — интереснѣйшій 4-й т. „Историко-музыкальной хрестоматіи“ Л. А. Саккетти, составленный изъ лучшихъ образцовъ музыкальнаго творчества авторовъ прежнихъ временъ. Журналъ преслѣдуетъ задачу — снабжать семью живымъ репертуаромъ пьесъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ служить и пособіемъ для музыкальныхъ занятій въ школѣ; въ каждой тетради, сообразно этому, помѣщаются двѣ „дѣтскія пьесы“. Изданію должно пожелать широкаго распространенія.

Смѣсь.

А. Г. Рубинштейнъ о музыкѣ.—Величайшій пианистъ нашего времени, одинъ изъ выдающихся современныхъ европейскихъ композиторовъ, талантливый дирижеръ и основатель Петербургской Консерваторіи, Автовъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, написалъ книгу „Музыка и ея предствители“, которой суждено сдѣлаться предметомъ всеобщихъ толковъ. Великій артистъ въ ней высказываетъ свои взгляды на разныя музыкальныя вопросы и опредѣляетъ значеніе и роль главнѣйшихъ корифеевъ музыкальной литературы. Книга представляетъ большой интересъ даже и для не-музыкан-

товъ; написана она „дебютантомъ“—авторомъ по-старинному, въ формѣ діалога между нимъ и его гостей, предлагающей автору разныя вопросы, на которые онъ и отвѣчаетъ кратко, но ясно; формы выраженія иногда попадаются оригинальныя. Книга эта, по словамъ газетъ, вышла одновременно на четырехъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и английскомъ (въ Америкѣ). У насъ она издана весьма изящно извѣстною музыкальною фирмою П. Юргенсона въ Москвѣ и стоитъ всего 1 р. 50 к. Авторъ посвящаетъ свой трудъ Его Высочеству Георгію Георгіевичу Мекленбургъ-Стрелицкому.

Не будучи в состоянии, за недостатком мѣста, касаться всѣх затрагиваемыхъ А. Г. Рубинштейномъ вопросовъ и характеристикъ, ограничимся важнѣйшими. Авторъ книги заявляетъ съ самаго уже начала, что „оперу онъ считаетъ вообще второстепеннымъ родомъ музыкальнаго искусства“; ее культивируютъ сочинители, потому что „ихъ привлекаетъ болѣе скорая и болѣе общая оцѣнка“, но „выше всего остается все-таки способность сочинителя высказаться о самомъ себѣ, а это возможно только въ инструментальной музыкѣ“, которая и есть „душа музыки“; „публика предпочитаетъ оперу симфоніи, потому что она оперу легче понимаетъ“; послѣдняя ей болѣе доступна. Затѣмъ Рубинштейнъ переходитъ къ классикамъ.

Вотъ что онъ говоритъ о Бахѣ и Генделѣ: „Формизмомъ я ихъ опредѣлялъ бы слѣдующимъ образомъ: Бахъ — соборъ, Гендель — дворецъ; въ соборѣ робкій, тихій говоръ присутствующихъ, внушенный мощностью зданія и возвышенностью мысли, положенной въ основу его; у присутствующихъ во дворцѣ громкое удивленіе и чувство подчиненія, вызванное роскошью, блескомъ и великолѣніемъ“. „Если публика, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, считаетъ Баха великимъ ученымъ, олицетворяетъ его въ фугѣ и отрицаетъ въ немъ задумчивость, то это по полнѣйшему невѣжеству“. Отъ этихъ корифеевъ онъ переходитъ къ Гайдну и Моцарту, которыхъ онъ мѣтко опредѣляетъ: „Если Гайднъ типиченъ, какъ старикъ Гайднъ, то Моцартъ можетъ быть названъ типичнымъ, какъ молодой Моцартъ“; авторъ книги даже готовъ воскликнуть: „вѣчный солнечный свѣтъ въ музыкѣ — имя тебѣ Моцартъ!“

„Но человечество — продолжаетъ Рубинштейнъ — жаждетъ грозы, оно чувствуетъ, что можетъ иссохнуть отъ палящаго Гайднъ-Моцарта; ему нужно серьезно высказаться, оно тоскуетъ въ бездѣйствіи, оно драматизируется — появляется Бетховенъ!“ Выслушавъ сужденіе автора „Демона“ объ авторѣ девятой симфоніи, собесѣдница его замѣчаетъ: „И такъ, по-вашему, Бетховенъ есть альфа и омега музыки?“ — „Не совсѣмъ; онъ въ своемъ полетѣ возноситъ насъ до звѣздъ, а внизу раздается пѣсня: „Спуститесь на землю, вѣдь на землѣ также хорошо!“ Эту пѣсню поетъ Шубертъ“. „Бахъ, Бетховенъ и Шубертъ — заканчиваетъ одну тираду авторъ разсматриваемой книги — три высочайшія вершины музыкальнаго искусства“.

Рѣчь заходитъ дальше объ оперныхъ композиторахъ; особенно высоко ставитъ Рубинштейнъ автора „Севильскаго цирюльника“ (Россини); „опера эта есть перлъ свѣжести, музыкальной характеристики, мелодичности и юмора, настоящій chef-d'oeuvre. О Мейерберѣ онъ такъ говоритъ: „Мейерберъ былъ черезчуръ препопесенъ во Франціи, а серьезными критиками Германіи слишкомъ приниженъ. Правда, онъ не безъ нѣкоторыхъ грѣховъ на своей артистической совѣсти, каковы: болѣзненное самолюбіе, страсть къ непосредственному усилію, недостаточная самокритика, подчиненіе плохому вкусу немусикальной публики, но зато у него есть также и положительные качества: сильный театральнй темпераментъ, замѣчательная обдѣлка оркестра, артистическая обдѣлка массъ, сильный драматизмъ, виртуозная техника и т. д. Многие говорящіе противъ него музыканты были бы рады, если бы могли ему подражать“. Отъ оперы онъ переходитъ къ опереткѣ, о которой онъ говоритъ, что это „нѣчто въ родѣ юмористической газетъ à la „Journal roug rige“, положенной на музыку; въ опереткѣ прелестное сдѣлалось распущеннымъ, веселое — пошлымъ, остроумное — грязнымъ“.

Говоря о тѣхъ иностранныхъ оперныхъ композиторахъ, которыхъ французы считаютъ своими, какъ, напримѣръ, Люлли, Керубини, Спонтини, Россини (итальянцы), Глюкъ, Герольдъ и Мейерберъ (нѣмцы), нашъ великій артистъ высказывается такъ: „Признаюсь, мнѣ этого рода патриотизмъ нравится; въ немъ во великомъ случаѣ болѣе національной гордости, чѣмъ въ отрицаніи личности, родившейся, воспитанной въ данномъ краѣ и принадлежащей къ господствующему въ немъ вѣроисповѣданію потому только, что она

носитъ иностранную фамилію“. Невольно вспоминаются при этихъ словахъ статьи нѣкоторыхъ газетъ объ А. Г. Рубинштейнѣ, когда вся публика яствовала этого знаменитаго артиста по случаю пятидесятилѣтія его дѣятельности; думаемъ даже, что въ приведенныхъ словахъ слышится косвенный упрекъ этимъ газетамъ. Но перейдемъ къ другимъ музыкальнымъ дѣятелямъ въ характеристикѣ А. Г. Рубинштейна.

Онъ, большой поклонникъ Мендельсона, признаетъ, что его „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ — новое слово въ искусствѣ, что исъ его созданія — образецъ по совершенству формъ, по техникѣ и по благозвучію, но „не слышать въ нихъ ни слезы, ни душевнаго тревоженія, ни горечи, ни даже жалобъ“. Шумахъ ему болѣе всего напоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ для фортепиано и въ пѣсняхъ. Но на недостижимую высоту онъ ставитъ Шопена: „Трагизмъ, романтизмъ, лирика, героическое, драматическое, фантастическое, задушевное, сердечное, мечтательное, блестящее, величественное, просто, вообще всевозможныя выраженія находятъ въ сочиненіяхъ Шопена“. Я нахожу, говорить онъ ниже, что со смертью Шумана (въ ужасенетесь тому, что я скажу) — *finis musicae* (конецъ музыки)!“ И затѣмъ онъ переходитъ къ Берліозу, Вагнеру и Листу.

„Самый интересный изъ нихъ Берліозъ; онъ находилъ въ оркестрѣ новыя звуковыя краски, ввелъ реальность въ музыкѣ, любилъ особенности въ оркестрѣ, но спеціально музыкальнаго, мыслей, мелодичности, красоты формъ, богатства гармоніи въ немъ не найти! Все у него ослѣпительно, эффектно, интересно, умно, но все предумышленно, не красиво и невелико, неглубоко и невысоко“. Кое съ чѣмъ можно, пожалуй, здѣсь и не согласиться. Второй — Вагнеръ, котораго онъ считаетъ чрезвычайно интереснымъ, чрезвычайно замѣчательнымъ, но не великимъ или красивымъ, высокимъ или глубокимъ въ спеціально-музыкальномъ отношеніи. Вагнеровскую теорію „музыкальной драмы“ (таковую онъ находитъ только въ „Фиделіо“ Бетховена и въ „Донъ-Жуанъ“ Моцарта) А. Г. Рубинштейнъ совершенно огрипаетъ; вотъ вкратцѣ главнѣйшія мысли Рубинштейна объ этомъ предметѣ:

„Онъ говоритъ объ одномъ общемъ искусствѣ, о соединеніи всѣхъ искусствъ для театра, — я нахожу, что этимъ онъ ни одному изъ нихъ не отдаетъ должнаго значенія; онъ стоитъ за сказку, т. е. за сверхъестественное для оперныхъ сюжетовъ; по-моему сверхъестественное — всегда холодное выраженіе искусства; оно никогда не можетъ быть драмой. Во всемъ паюостъ, никогда жизненный драматизмъ. Никогда мелодіи, музыкальная мысль не рисуетъ у него личности, всегда это дѣлаетъ только слово. „Leitmotiv“ для особенной личности или особаго положенія — такой наивный приемъ, что онъ можетъ болѣе подходить къ комическому, чѣмъ требовать серьезнаго отношенія; повтореніе того же самаго мотива при каждомъ положеніи — это ультра-характеристика, я бы даже сказалъ — карриатура. Его оркестръ есть, правда, новизна и онъ импонируетъ, но онъ нерѣдко монотоненъ въ средствахъ для эффекта, а въ мѣстахъ аффекта дѣйствуетъ на нервы. — Глазь народа призналъ его за гения — изъ боязни навлечь на себя упрекъ въ непризнаніи. Исключеніе арій и ансамблей, по моему мнѣнію, — продолжаетъ Рубинштейнъ, — психологическая неправильность; арія въ оперѣ то же, что монологъ въ драмѣ — душевное настроеніе лица до или послѣ какаго-нибудь происшествія. Такимъ же образомъ онъ опонируетъ противъ „невидимаго оркестра“, „темоты въ театральной залѣ“, „необходимости пара“ и пр. и пр.

„Третій въ „arts militans“ (воюющее искусство) — это Листъ. Въ его артистической карьерѣ два періода: первый — виртуозный, второй — сочинительскій. Первый, по моему, — его блестящій періодъ; что же касается втораго, то онъ печальнаго свойства: до крайностей доходящая программа музыки, вѣчная рисовка въ церковной музыкѣ предъ Богомъ, въ оркестровыхъ произведеніяхъ — предъ публикой, въ транскрипціяхъ — предъ сочинителями, въ венгерскихъ

Императоръ Дом-Педро († 22 ноября 1891 года).

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №№, просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗВНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1892 года, такъ какъ Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

рапсодіяхъ—предъ цыганами“.—...”Его оркестръ есть фортепіано-оркестръ, а его фортепіано—оркестръ-фортепіано“... „Для меня, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, Листъ, какъ бы демонъ музыки, прожигающій своею мощью, опьяняющій ширью своей фантазіи, чарующій своею прелестью, въ своемъ полетѣ возносящій до недосигаемыхъ высотъ и увлекающій въ бездонную глубину, всѣ формы искусства допускающій и воспринимающій, идеальный и реальный въ одно и то же время, все знающій и на все способный, но во всемъ фальшивый, мятежный, комедіантъ и носящій въ себѣ принципъ зла. Берліоза, Вагнера и Листа я назвалъ бы виртуозами оркестрового сочинительства... И ни одного изъ нихъ не могу признать сочинителемъ ужъ по одному тому, что у всѣхъ трехъ совершенно отсутствуетъ одна изъ главныхъ прелестей творенія—наивность, эта печать гениальности“.

Оставивъ въ сторонѣ нѣкоторые вопросы, имѣющие значеніе для музыкантовъ-спеціалистовъ, какъ, напр., о музыкальных школахъ, о темпахъ въ классическихъ произведеніяхъ, о размѣщеніи членовъ оркестра и пр., приведемъ мнѣніе Рубинштейна о Глинкѣ и о такъ-называемой „новой русской школѣ“. Глинкѣ онъ ставитъ въ заслугу, что „у него отъ первой до послѣдней ноты, какъ въ увертюрѣ, такъ и въ вокальной части оперы, мелодика, гармонія и даже оркестровка—все въ національномъ духѣ... Характеръ національностей звучитъ въ обихъ операхъ (въ „Жизни за Царя“—русская и польская, а въ „Русланъ и Людмила“—русская и кавказская), притомъ съ мастерскимъ совершенствомъ и съ удивительной техникой въ чисто-музыкальномъ отношеніи“. Вотъ фактическое опроверженіе мнѣнія, будто Рубинштейнъ являлся противникомъ Глинки—обвиненіе, которое такъ смѣло было возводимо недоброжелателями Рубинштейна на него.

А вотъ чтó говоритъ авторъ „Музыки и ея представителей“ о молодой русской школѣ: „Ея творчество основано на совершенномъ обладаніи техникой и на мастерскомъ колоритѣ, но съ полнымъ отсутствіемъ рисунка и съ преобладающею безформенностью... Они пишутъ преимущественно на народныя пѣсни и танцы, обнаруживая этимъ бѣдность собственной изобрѣтательности и прикрывая ее именами „національность“, „новая школа“ и пр.“ Но Рубинштейнъ не огорчается, потому что „своеобразность мелодики, ритма и музыкальнаго характера допускаетъ нѣкоторымъ образомъ новое оплодотвореніе музыкальнаго поля, а также потому, что у нѣкоторыхъ

иныхъ вышнихъ представителей этого направленія нельзя отрицать выдающейся даровитости“.

Любопытно отношеніе автора къ женщинамъ-артисткамъ; въ ихъ размноженіи, какъ въ инструментальномъ исполненіи, такъ и въ сочинительствѣ, онъ видитъ „признакъ упадка музыкальнаго искусства“. — „Женщинамъ, говоритъ онъ, недостаетъ двухъ главныхъ качествъ, какъ для исполнителя, такъ и для сочинителя—это субъективности и инициативы; въ исполненіи онѣ не могутъ подняться выше объективности (подражанія); для субъективности у нихъ не хватаетъ отваги и убѣжденія. Для творчества же у нихъ недостаточно самоуглубленія, сосредоточенности, силы мышленія, обширности горизонта чувствъ, смѣлости штриха и т. д. Даже наиболѣе близкія имъ чувства—любовь и материнская нѣжность—не нашли отголоска въ ихъ музыкѣ. Я не знаю любовнаго дуга, сочиненнаго женщиной, а также и колѣбельной пѣсни, т. е. такихъ, которыя имѣли бы за собой художественныя достоинства“.

Заключимъ взглядомъ автора книги на „программную музыку“; вопросъ этотъ играетъ чрезвычайно важную роль въ современной музыкѣ. „Я стою—говоритъ онъ—за угадываніе и вкладываніе въ музыкальное сочиненіе программы, а не за опредѣленную, данную программу. Я понимаю программную музыку, но не въ смыслѣ преднамѣреннаго звукоподражанія извѣстнымъ лицамъ или событіямъ; это допускаемо только въ смыслѣ наивнаго или комическаго“. „Произведеніемъ искусства“ онъ называетъ „то, въ которомъ научная сторона перестаетъ быть главной и въ которомъ проявляется душевное настроеніе“. Въ книгѣ масса любопытныхъ замѣчаній и взглядовъ относительно разныхъ музыкальныхъ вопросовъ, но и изъ приведенныхъ читатель познакомятся съ главнѣйшими сужденіями нашего знаменитаго артиста-художника о музыкальномъ искусствѣ и его представителяхъ.

В. Басининъ.

Въ Америкѣ по новѣйшей модѣ дѣлаютъ на обручальныхъ кольцахъ портреты обручаемыхъ подъ плоско вышлифованнымъ брилліантомъ выѣсто стекла и въ рамкѣ изъ смарагдовъ, рубиновъ и сапфировъ. (к.)

Вновь найденная техника. Иностранная газета сообщаетъ, что какой-то итальянскій художникъ А. Валентино изъ провинціи Новары нашелъ секретъ помпейской стѣнной живописи, до сихъ поръ оставшіяся неизвѣстными, не смотря на старанія многихъ художниковъ открыть его (к.)

ШАХМАТЫ.

Подъ редакціей Э. С. Шифферса.
ШАШЕЧНАЯ ПАРТІЯ.

Играна по перепискѣ съ 24 іюля по 26 ноября 1890 года.

Бѣлая П. И. Платицкѣ (въ Самарѣ).		Черная Вас. Ив. Шошина (въ С.-Петербурѣ).	
Бѣлая.	Черная.	Бѣлая.	Черная.
1. g3—h4	b6—a5	9. g1—h2	f6—g5 2)
2. f2—g3	c7—b6	10. e3—d4 3)	c5—e3 4)
3. g3—f4 1)	b6—c5	11. f4 : d2	a7—b6
4. c3—b4	a5 : c3	12. c1—b2 6)	b6—c5 7)
5. d2 : b4 2)	f6—g5	13. b4—a5 8)	g5—f4
6. h4 : f6	g7 : g3	14. c3—b4	d6—e5
7. h2 : f4	h8—g7	15. b4 : d6	e7 : c5
8. b2—c3	g7—f6	16. b2—c3	f8—e7

Примѣчанія Вас. Ив. Шошина.

- 1) Чаше здѣсь употребляется ходъ 3. e3—f4.
- 2) Лучше было-бы брать 5. b2 : b6.
- 3) Сильнѣе, чѣмъ 9. . . . f6—e5.
- 4) Бѣлая не имѣетъ лучшаго хода: если 10. b4—a5, то 10. . . . c5—b4; 11. a3 : c5, d6 : d2; 12. e1 : c3, g5—h4! и выигрываютъ шашку. При всѣхъ другихъ ходахъ черная сыграетъ 10. g5—h4 и получатъ очень сильное положеніе.
- 5) Брать 10. . . . g5 : e3 было-бы слабе.
- 6) Нѣсколько лучше было-бы играть 12. h2—g3 или a1—b2.
- 7) Послѣ этого хода партія бѣлымъ не можетъ быть спасена.
- 8) Если 13. d2—e3, то 13. g5—f4; 14. e3 : g5, h6 : f4; 15. e1—f2, d6—e5; 16. b4 : d6, e7 : c5 и выигрываютъ; если 13. . . . h2—g3 или e1—f2, то d6—e5 и выигрываютъ.
- 9) Если 18. f2—g3, то 18. . . . c5—b4; 19. a3 : c5, g5—h4 и выигрываютъ.

Рѣшенія задачъ.

№ 40 (№ 39 Нивы). Шипелу (Cheby). Мать въ 3 хода.

1. Л. a4—a7, Кр. d6; 2. Ф. e6+, d6; 3. К. f7±

a) 1. . . . Кр. f6; 2. Л. d7+, c7; 3. Ф. ±

b) 1. . . . Кр. d4; 2. Л. d7+, c7; 3. Ф. ±

c) 1. . . . d7—d6; 2. Кр. e3, c7; 3. Ф. ±

d) 1. . . . d7—d5; 2. К. e6+, c7; 3. Ф. ±

№ 41 (№ 42 Нивы). S. Zimmermann.

1. d2—d3, Кр. : d5; 2. d3 : e4+, Кр. e5; a) 3. К. d7±

a) 2. . . . Кр. e5; 3. Ф. b4±

b) 1. . . . c4 : d3; 2. К. d7+, Кр. : d5; 3. Ф. a2±

c) 1. . . . e4 : d3; 2. К. d7+, Кр. : d5; 3. Ф. b1±

d) 1. . . . a4—a3. 9. d4 : e4. К. e6 (a); 3. Ф. b5±

- e) 2. . . . С. c6; 3. Ф. b4±
- f) 1. . . . С. e6; 2. d3 : c4, c7; 3. Ф. ±
- g) 1. . . . С. : b8; 2. d3 : c4, c7; 3. Ф. ±
- h) 1. . . . h8 Ф. : 2. d3 : c4, c7; 3. Ф. К±

№ 42 (№ 42 Нивы). В. И. Шошина. Мать въ 2 хода.

1. c2—c4, c7; 2. Ф. С. п. ±

№ 44 (№ 44 Нивы). П. И. Маранулина (Ноллинск). Мать въ 2 хода.

1. Ф. d8—d2, c7; 2. Ф. Л. С. К±

№ 45 (№ 44 Нивы) (Шашечный этюдъ) Н. В. Паннова (СПБ.).

1. c3—d4, e3 : c5; 2. g5—f6, d8 : g5; 3. h1 : d4; g1 : c5; 4. a5—b6, c5—g1; 5. b6—c5, d6 : b4, 6. a3 : c5, g1 : b6; 7. a7 : c5, h6—g7; 8. c5—d6, g7—f8 или h6; 9. d6—c7, f8—e5; 10. c7—b8; 12. f4—c1 и выигрываютъ.

Всѣ другіе варианты проиганы.

Правильныя рѣшенія шахматныхъ задачъ прислали: всѣхъ задачъ: Е. Ф. Андреевъ (СПБ.), Я. П. Горрь (с. Неворотова, м. Калюсъ, Подольской губ.), С. П. Соколовъ (Калуга). №№ 40, 42, 44: Л. И. Истоминъ (Харьковъ). №№ 41, 42, 44: Р. Лоренцъ (СПБ.), А. Б. Магазинъ (Бердичевъ). №№ 41, 42: А. Беръ (м. Ахуръ, Тифлисской губ.), Ш. Шмаковъ (Орель). В. Тощій (Липецкъ), І. Розенинъ (Велижъ). №№ 42, 44: В. Уколовъ (Кронштадтъ), Е. И. Березинскій (Кременчугъ). № 44: Г. Рутенбергъ (Кіевъ). № 41: Свизъ, Г. Богомоловъ (с. Рождественск., Екатеринослав. у.), Г. Ф. Низеринскій (Орель). № 42: С. И. Ивановъ (Тамбовъ), С. Барыш-Петровскій (Помеховъ), И. Захаринъ (СПБ.), М. И. Ивановъ (Москва), Н. Филипповъ (Теміръ-Ханъ-Шура), А. Мыслинъ (Сарапулъ).

Рѣшеніе шашечнаго этюда (№ 45) прислали: М. И. Ивановъ, Н. П. Смирновъ (Москва), Л. И. Истоминъ (Харьковъ), С. П. Соколовъ (Калуга).

Поправка. Въ задачѣ № 50 (47 № Нивы) слѣдуетъ поставить бѣлую пѣшшу на g7, во избѣжаніе вторыхъ рѣшеній.

Корреспонденція.

Г. Рутенбергъ (Кіевъ). Вы правы, въ партіи № 11 Сборника Нивы за октябрь черные могли выиграть равнѣе, какъ Вы показываете: 14. . . . Ф. d7! и мать на 3-мъ ходѣ.

Г. Розенинъ (м. Кресты, Витебской губ.). Со временемъ нѣкоторыя Ваши задачи будутъ напечатаны. Много болѣе стараго матеріала идетъ очереди.

Библиографія.

Недавно вышелъ № 5 (ноябрь) журнала Шашечница. Открыта подписка на 1892 годъ. Редакторы-надежда Д. И. Саргинъ и Н. П. Бобровъ. Москва (Смоленскій бульваръ, д. Мишино). Цѣна 5 руб. въ годъ за 12 №№. Рекомендуемъ любителямъ этотъ спеціальный журналъ.

Еще раньше вышелъ № 6 (іюнь) Шахматнаго Журнала, къ сожалѣнію, нѣсколько запозднаннаго.

Въ Либавѣ вышелъ Сборникъ эмигрантскихъ партій К. Купфера (80 ausgewählte Schachpartien von Carl Kupfer), одного изъ лучшихъ оставшихся игроковъ. Нѣкоторыя партіи представляютъ интересъ, хотя въ нихъ противники г. Купфера, за исключеніемъ г. Ф. Амелунга, всѣ слабѣе его.

Можетъ пожелать, чтобы примѣру г. Купфера послѣдовали и первоклассные русскіе игроки.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

№ 4754

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
 Невскій просп. № 42. С-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Рекомендуетъ часы собственнаго производства прусской системъ.
 Лицамъ, которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени составляетъ существенную необходимость, ручательство за вѣрность хода и прочность механизма на четыре года.
 Иллюстриров. прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

Правленіе Высочайше Утвержденнаго страховаго и транспортнаго Общества

„ОТЕЧЕСТВО“

(основной капиталъ 2,500,000 руб. сер.) на основаніи § 17 Устава Общества, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что Общество состоялось; въ предѣлѣхъ правленія и директоромъ распорядителемъ избранъ потомственный почетный гражданинъ Петръ Галантѣичъ Миндовскій, и въ члены правленія: потомственный дворянинъ Сергій Николаевичъ Кошницъ, потомственный дворянинъ Иннокентій Козьмичъ Дараганъ, Владиміръ купецъ Петръ Каспаровичъ Такке, временный Московскій 1-й гильдіи купецъ Петръ Козьмичъ Приишниковъ, Московскій 1-й гильдіи купецъ Альбертъ Альбертовичъ Треллинь и потомственный дворянинъ Николай Помпеевичъ Пассекъ; въ кандидаты къ членамъ правленія: Н. С. Петровъ, А. К. Гокъ, И. И. Михинъ, И. И. Соловьевъ, Н. И. Миндовскій, Д. А. Путья, И. И. Миндовская, въ члены ревизионной комиссіи П. А. Миндовскій, С. М. Кувшиновъ, П. А. Скалковскій. По утвержденіи министромъ финансовъ условий, Общество откроетъ операціи по всѣмъ отраслямъ страхованія и транспортированія владѣй. Правленіе помещается въ Москвѣ, по Мясницкой улицѣ, въ домѣ Обидиной, главный подъѣздъ. № 5519

Подписка на годъ съ текущаго числа каждаго мѣсяца на годъ 12 р. На Югъ... БОЛЬШАЯ... ОДЕССКАЯ ЛИСТОКЪ... ЕЖЕДНЕВНО... ТЕЛЕГРАММЫ... ЕЖЕДНЕВНО... ФЕЛЬЕТНЫ...

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“): 8-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

CRÈME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Произведеніе цѣлебнаго вещества, по портрету, обладаетъ магическими свойствами и придаетъ цѣлу лица красоту. Употребляется вмѣстѣ съ колыбѣй-крема. La Poudre Simon (Пудра Симонъ) и le Savon à la crème Simon (Мыло Симонъ)

имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія. J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ. Въ розницу продается въ парижскихъ аптекахъ. № Pt. 5529 12-1

МОСКОВСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.
ЕДИНСТВЕННОЕ ВЪ РОССІИ
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1892 годъ.
 Выходитъ ежедневно въ форматѣ большихъ газетъ, не исключая дней послѣ-праздничныхъ.
ИЗДАНІЯ ГОДЪ ТРЕТІЙ
 На 1892 г. ВЪ ПОРТФЕЛѢ редакціи имѣются слѣдующіе большіе романы и повѣсти: Апраксина „Кувиркомъ“; Назаровой „Саламандра“; Дубровиной „Убийца“; Пазухина два романа: „Наказуны счастья“ и большой историческій романъ изъ временъ царя Александра Михайловича „Посохъ Дьявица“; Соколинскаго „Карьера“; Головина „Желское сердце“ и „Поздно“; Риттера „Два разбитыя жизни“; Богатырева „Соколинко Гнѣздо“.
 Разказы Немировича-Данченко, Ге. Осипова, Соколинскаго, Невѣжина и т. д.
 Годовымъ подписчикамъ дается бесплатно въ видѣ приложенія къ газетѣ

ТРИ КНИГИ СБОРНИКА,
 заключающія въ себѣ по нѣскольку выдающихся произведеній извѣстныхъ авторовъ и иллюстрированныхъ лучшими художниками.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
 съ доставкой и пересылкой въ Москвѣ: на города: годъ 7 р. 8 р. 6 м. 4 . . . 6 мѣс. 5 р. 3 . . . 3 . . . 3 р. 1 . . . 75 к. 1 . . . 1 р.
 Подробное объявленіе о подпискѣ на „Московскую Иллюстрированную Газету“ съ образцами рисунковъ высылается каждому желающему бесплатно. Съ требованіемъ обращаться въ редакцію газетъ. Ц. № 5488 4-2
 Редакторъ А. П. Григоровъ. Издатель Алексій и Влад. Секинъ, Вишняковы.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

№ 4711.
РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
 Самое нѣжное глицериновое мыло, прозрачное какъ хрусталь, благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, приобрѣло большую извѣстность.
 Высокое содержаніе глицерина, экопомія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розъ—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.
 Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

БРОКАРЪ и К^о.
 ИЗОВРѢТATEЛИ
 Р. № 5087 (24)
ЦВѢТЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕДКЪЕИ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Складъ фабрики въ С.-Петербургѣ: Толмазовъ пер. А. 1, кв. 9.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
 ПОЛЫНІИ АПАРАТЪ
 ОТЪ 10. 15. 20. Р. Р.
 К. И. ФРЕЛАНДТЪ
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 НЕВСК. ПРОСП. № 30/16.

РЕБЕНОКЪ
 можетъ теперь фотографировать, безъ всякихъ предварительныхъ знаній. При покупкѣ полнаго аппарата въ 10, 15, 25, 35, 50 рублей обученіе и самоучитель бесплатно.
К. И. ФРЕЛАНДТЪ.
 Складъ фотографическихъ принадлежностей. С.-Петербургъ, у Казанскаго моста, домъ Учетнаго Банка, № 30-16, входъ съ Екатеринбургскаго канала. Москва, Мясницкая, уголъ Кривоколыгинаго пер., д. Соколова. В. № 5527 3-1

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество
 подъ фирмою
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
 Измайловскій проспектъ, № 27.
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.
ДУХИ
 высшаго качества:
 Персидская Сирень, Бѣлый Геліотропъ, Ландышъ, Лиля Бланъ, Эссъ Буке и Эссъ Виолетъ, Иксора Бреони, Буке Императрицы, Жюней Клубъ, Олопонакъ, Шапкака.
Незамѣняемый Букетъ (Bouquet Sans Pareil)—Букетъ Гвоздь (Bouquet Clou), духи составленные С.-Петербур. Химич. Лаб., имѣютъ пріятный и долго сохраняющійся запахъ.
 При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точности фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
ЕДИНСТВЕНН. МАГАЗ. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 1) Невскій проспектъ, № 32, домъ Каголицеской церкви. Рт. № 5344 2-3
 2) Невскій проспектъ, № 66, у Анничкова моста.
 3) Вознесенскій пр., уг. Казанской ул., д. Шредера, № 24-52. (Оптовая и розничная продажа).
 Магазины въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковъхъ.

Влияние музыки на человека благотворно и темъ ранѣе начинать оны испитывать сто на себя, темъ лучше для него.

В. Вьянскій.

СИМФОНІОНЫ

музыкальные шкатулки съ переносными пьесами. № 3 съ ручкой, съ 6-ю пьесами 8 р. Добавоч. пьесы по 35 к.

Заводные:

№ 5, съ 6 пьес. 18 р. Добав. пьесы по 35 к.
№ 7, съ 10 пьес. 35 р.
Добав. пьесы по 60 к.
№ 9, съ 10 пьес. 55 р.
Добав. пьесы по 75 к.
№ 12 съ 10 пьес. 90 р.
Добавоч. пьесы по 1 р.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ
съ 6 пьесами 8 руб.
Добавоч. пьесы по 25 к.

СЕРАФИНЪ,

новый органъ для дѣт., съ 6 пьес. 15 р.
Добавоч. пьесы по 30 к.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ
съ 10 пьесами 24 р.
Добав. пьесы по 50 к.

ГЕРОФОНЪ

съ приспособленіемъ для грохотъ и тихой игры, съ 10 пьес. 30 р.
Добав. пьесы по 50 к.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ
съ 10 пьесами 32 р.
Добав. пьесы по 60 к.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.
Иллюстриров. прейсъ-кур. бесплатно.

Музыка есть истинный всеобщій языкъ, который всюду понимаютъ.

А. Шопенгауэръ.

Орнестръ-Манопанъ.
съ 10 пьесами 70 р.
Добав. пьесы по 1 р.
20 к., 2 р. 40 и дор.

ПИАНО-МЕЛОДИО
(новый механический инструментъ со струнами) цѣна 80 р. Ноги отдѣльно по 70 к. за метръ (=1 1/2 арш.). Механически. Пianos, на которомъ можно играть какъ на обыкновенномъ пианино, а крокъ того отлично исполнять всѣ танцы и концертныя пьесы посредствомъ верченія ручки.

ГАРМОНИ

Фабрики Кильбе, лучшія въ мірѣ: Однорядныя въ 4, 5, 5 1/2, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р. Двухрядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 р. и 30 р. и въискія въ 22 р. Трехрядныя въ 60 р. и въискія 30, 50 и 75 р. **ГИТАРЫ** по 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р. (Гитары отъ 7 р. и дор. живутъ механизмы для струнъ).

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ
въ большомъ выборѣ.
Болѣе 200 собств. изданій ПРЕДЛАГАЕТЪ
СПБ. МАСТ. УЧ. ПОСОВ. И ИГРЪ.
14 наградъ на выстав., изъ нихъ 14 3587 12 медалей. 2-1
Справоч. листъ съ рпс. выс. за 5 к.
9, ТРОИЦКАЯ, 9.

Новая популярная книга:
ЧТО МОЖЕТЪ СДѢЛАТЬ ИСКУССТВО ДЛЯ ПОДДЕРЖАНІЯ ЖИЗНИ И ОТДАЛЕНІЯ СМЕРТИ?
СОДЕРЖАНІЕ:
Жизнь и смерть и законы, на коихъ онѣ основаны. Значеніе возрастовъ и постепенное разрушеніе организма. Первые силы и ихъ значеніе. Законъ самосохраненія. Борьба съ вредными вліяніями, какъ причинами заразныхъ болѣзней. Медицина и Гигіена и ихъ роль. Возможно-ли искусственное поддѣжаніе связисти отживающаго организма? Новѣйшіе методы Броунъ-Секара и Коха. Основные законы появленія, отживанія и уничтоженія человѣческихъ организмовъ. Крейперова соната графа Толстаго. Главнѣйшія задачи жизни и удовлетворительное рѣшеніе ихъ.
№ 5512 2-1
Доктора-Медицины А. И. Ильинскаго.
М. 1891 г. Ц. 1 руб. Складъ изданій: книжный магазинъ Ф. А. Богданова. Москва, Петровка, Петровский линій № 5. Выписывающіе изъ склада, за пересылку не платятъ.

ПОРОШОКЪ БЕЗЪ ЗАПАХА „ЗАТОВА“
уничтожающій зловоніе въ ватерклозетахъ и т. под., раковинахъ, хлѣвахъ, конюшняхъ и проч. Цѣна за № 5497 фунтъ 25 коп. 5-2
ГОСПОДАМЪ ИНОГОРОДНЫМЪ
высылаютъ прейсъ-курanty новостей и прятничныхъ предметовъ по желанію бесплатно
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.
Складъ резныхъ товаровъ и новостей. Большая Морская, № 34.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (14)
для смѣгченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: Спб., Домидовъ п., д. № 1.

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННЫЙ,
подъ предѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича,
ОСОБЫЙ КОМИТЕТЪ.
Денежныя пожертвованія, предоставляемая въ распоряженіе состоящаго подъ предѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Особого Комитета для помощи нуждающимся въ ѣдствіи, достигнутыхъ неуражаемъ, а также заявленія о желаніи жертвовать въ пользу нуждающихся хлѣбомъ (зерномъ и мукою) принимаются въ помѣщеніи Кабинета Его Императорскаго Величества, у Авичкова моста, отъ 10 час. утра до 2 час. дня, ежедневно, за исключеніемъ дней неприсутственнаго. Пожертвованія отъ иногородныхъ слѣдуетъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ Высочайше учрежденный подъ предѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Особый Комитетъ. № 5524 3-1

ЛЕПНИНГЪ и ГЮЗИПЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Ф. А. БОГДАНОВА,
Москва, Петровка, Петровскія линіи, № 5.
Продаются книги:
Гончаровъ, И. А. Сочин. 9 том. 13 р. 50 к.
Толстой, А. Н. Сочиненія, 4 том. 7 р.
Брандесъ. Главныя теченія литературы XIX столѣтія, 1 т. 2 р. 50 к.
Гейне, Г. Книга пьесъ, вып. 1-л. 50 к.
Шекспиръ. Сочиненія, 3 тома. 12 р.
Байронъ. Сочиненія, 3 тома. 8 р.
Шиллеръ. Сочиненія, 3 т. 7 р.
Молоховецъ. Подарокъ мохот. хозяйкамъ. Издан. 17-е. 4 р.
Книги могутъ быть высланы въ переплатѣ: изданные по 75 к. и библиотечные по 85 к. за томъ. На пересылку прилагаются по разстоянію. Высылка м. б. съ наложеннымъ платежомъ. Магазинъ высылаетъ всевозможныя русскія книги. На запросы предлагаетъ марку. № 5513 2-1

КОМИТЕТЪ ПОМОЩИ ЖЕНЩИНАМЪ и ДѢТЯМЪ САМАРСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.
Комитетъ помощи женщинамъ и дѣтямъ, образованный при Самарскомъ Губернскомъ Попечительствѣ, открываетъ свои дѣйствія во всѣхъ уѣздахъ Самарской губерніи. Комитетъ оказываетъ помощь нуждающимся семьямъ устройствомъ дѣтскихъ столовыхъ, раздачей теплаго платья и топлива и попеченіемъ о больныхъ, и обращаетъ особое вниманіе на организацию женскаго рода домашнихъ работъ, могущихъ дать заработокъ женщинамъ и подросткамъ. Всякія пожертвованія: денгами, хлѣбомъ, готовымъ платьемъ и матеріалами для работъ (ленъ, пряжа, бумага и другія ткани и с. н.) будутъ приняты съ благодарностью. Адресовать ихъ слѣдуетъ: Предѣдательницѣ Комитета, Аннѣ Дмитріевнѣ Смерзевой, въ г. Самару. Комитетъ проситъ всѣ газеты перепечатать настоящее объявленіе. № 5523 3-1

ВЫИГРЫШНЫЕ
билеты в Дворискіе з. л. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемес. 10 и 5 р. Выигривъ со дня задатка привадеж. покупателю. Проц. уменьш. съ № 5501 долгомъ. 4-3
2 ЯНВАРЯ
с. г. тиражъ I займа.
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПБ. и гг. агенты Дома въ губ. и уѣздн. гор. Имперіи.

ИНДИУЦИАЛЪ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курantz, содерж. многочеловѣчотымъ отъ Правительства и другихъ учреждений; высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ Б. Морская, 21.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ
Б. Морская, № 17, белъ-этажъ, рядомъ съ Кумбергомъ.
ВИЛЛАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ Троицкія пр., близъ Египет-№ 4961 скаго моста, домъ № 7-2. 26-25
Иллюстрированные прейсъ-курantz по востребованію высылаются безвозмездно.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (Вифъ)
ПЕРВОЕ МѢСТО
С.-Петербургъ

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Во. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОДАРКИ НА ЕЛКУ.

Издания А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

съ портретомъ автора, гравированн. на стали, и факсимиле.
 Настоящее издание дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.
 Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскоши. каленкор. перепл. съ золот. тиснен. — 8 р., съ перес. 9 руб.
 Для подписчиковъ „Нивы“ — 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Большое роскошно иллюстрированное издание

ГѢТЕ „ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю вѣстами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

АНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРЦА, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрамленіемъ и въ футлярѣ 40 р., пересылка за 35 фунт. по разстоянію.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оупіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГИБДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копиями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.; въ колеск. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ СПБ.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ! ДУХИ и МЫЛО

„FIN DE SIECLE“

вѣселя сильнаго аромата; лотъ 50 к., флаконы 1 р. 25 к. и 2 р. Рт. № 5491 кусокъ 50 коп. 8—2

Заказы внутри имперіи исполняются съ выложеннымъ платежемъ. Торговцамъ значительная уступка.

А-ЛА-РЕНОМЪ,

парфюмерный и мыловаренный заводъ: Невскій пр., № 2, баня Адмиралъ.

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА

ЖОКЪ БОРМАНЪ

удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

Новое изданіе Ф. Павленкова:

ГИГИЕНА ЖЕНЩИНЫ.

Д-ра медицины Маріи Тилло. Переводъ съ французскаго. Ц. 40 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣтальныхъ агентовъ. За условіями обрац. письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15—2

КОНТОРА ЕГОРА МАЙЕРЪ

въ Москвѣ

(учрежденная въ 1872 г.)

СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрыш. займовъ.

Владѣльцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и вышедшихъ въ предшествовашіе тиражи погашенія, покорнѣе проситъ предъявить неотлагательно (хотя рассчетъ по обыкн. производится конторою въ теченіе 10 лѣтъ) чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ эти билеты для обмена на другіе, невзымаемые въ тиражъ. III. № 5397 3-3

Порученія изъ провинцій исполняются съ обратною почтою. Всѣяя справки о процентныхъ бумагахъ принимаются немедленно, и въ будущемъ будутъ приложены къ билетамъ кон. почт. марки.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

23-го декабря 1891 г. поступить въ продажу ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1891 г.

заключ. въ себѣ болѣе 1500 гравюръ и рисунковъ и 1,500 столбц. текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, научно-популярныхъ статей и между прочимъ произведеній: П. Д. Воборыкина, кн. М. Н. Волконскаго, Н. Н. Каразина, А. Я. Максимова, П. Н. Полевого, И. Н. Потапенко, гр. Е. А. Салгаса, Ф. Центковской, и проч. и проч. Стихотворенія Величко, Круглова, А. Н. Майкова, К. Фофанова и др.

КЪ ЭТОМУ ТОМУ БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЕТСЯ:

- 1) ДЕВЯТЬ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ СБОРНИКЪ „НИВЫ“, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей.
- 2) ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ И. Ю. ЛЕРМОНТОВА, изданный подъ ред. А. И. Введенскаго, въ 4-хъ томахъ (сброшюрованныхъ въ 2 книги), съ биографіею Лермонтова и портретомъ гравированнымъ на стали Бронгаузомъ въ Лейпцигѣ.
- 3) ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ съ 10-ю акварелями, исполненными въ 2-хъ переплеткахъ.

Цѣна тому „НИВЫ“ со всѣми приложеніями 3 руб. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 23 фунта по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роскошныхъ колескоровыхъ переплеткахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „Нивы“ 1 р. 50 к. и за 5 переплетовъ на книги „Сборника“ (въ 3-хъ переплеткахъ) и соч. Лермонтова (въ 2-хъ переплеткахъ) 1 р. 25 к. Пересылка брошюрованныхъ и переплетенныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплет. экземпляръ „Нивы“ за 1891 г. со всѣми приложеніями, въ ящикѣ, обойдется 8 р. 50 к. Перес. на счетъ заказчика, по почтѣ или черезъ транспортную контору.

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

Съ требован. обрац. въ СПБ., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатаннымъ красками, на 1891 г., по показанному образцу, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ!

Альбомъ Императорскаго Эрмитажа, содержащій 10 картикъ фотографическихъ въ извѣстномъ колескоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Цѣна 5 руб., съ перес. 5 руб. 75 коп. Картины in 4°, прямо съ оригинала. № 5533 2-1
Г. Шиндорфъ, поставщикъ Двора Е. И. В. С.-Петербургъ, Невскій 4, Литейная 27.

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДЪ

С.-Петербургъ, Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17. Тел. № 5510
Новость: часы „Charmilles“ не магнитическія.
Ник. откр. англера . . . Р. С. 12
Стальные
Высмаю налож. платежамъ. Иллюстр. прейсъ-курanty бесплатно. 3-1

Въ книжныхъ магазинахъ

КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ

„Пять комическихъ пьесъ для дѣтскаго театра“, № 5524

съ тремя рисунками, М. А. Глазунова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. Съкладъ изд. въ кн. маг. Свирцова, СПб. Владимирская площадь.

МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ ПРОФИЗОРА А. М. ОСТРОУМОВА

вѣснотъ 30 к. Продается всездѣ.

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ

Для гг. иногородныхъ составлены слѣдующія коллекціи:

въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекція (даже 5 руб.) такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елки. Коллекція въ 25, 50 и 100 руб. особенно пригодна для большихъ семействъ, школъ, приютовъ, базаровъ, собраній, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и проч.

Покорнѣе прому дать заказъ на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ и ихъ нельзя возобновить послѣ распродажи запаса, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новости, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ. № 5453 6-6

Пересылка выложеннымъ платежемъ. Иллюстр. прейсъ-курanty перес. бесплатно.

БАЗАРЪ МАРКЪ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20. А.

Годъ 2-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 г. Годъ 2-й.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

12 книгъ въ годъ, ежемѣсячно не менѣе 400 страницъ большаго формата.

„ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ 1892 г. въ томъ же объемѣ и по той же программѣ, какъ издается въ текущемъ году, а именно: 1) Романы, повѣсти и всякаго рода произведенія художественной литературы; 2) Историческіе рассказы, біографіи, мемуары и всякаго рода очерки по исторіи культуры; 3) Путешествія, географическіе и нравоописательные очерки и 4) Смѣсь, анекдоты, извѣстія, объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ: съ доставкою и пересылкою: на годъ—4 р., на 6 мѣсяцевъ—2 р. Гр. служащимъ въ казен. и частн. учрежд. пользуются разсрочкою, за поручит. казначейств.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ Конторѣ Редакціи „Вѣстникъ Иностранной Литературы“, Гостинный дворъ, Зеркальная линія, № 63, Магазинъ П. Ф. Пантелеева (прот. Пажескаго Корпуса), въ Москвѣ—въ Конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскій линія, а гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ Редакцію журнала, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 16, собственный.

ПОДПИСКА НА 1891 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА ВОСЬ ОРОКИ, на годъ, на первое и второе полугодія. Въ Редакціи ибмется 1000 годовыхъ экз. 3 изд. Новымъ подписчикамъ высылаются немедленно.

ПРОТИВЪ ВОЙНЫ ром. Берты фонъ-Сутинеръ, пер. съ нѣмецк., съ разрыш. автора, подъ ред. и съ вступл. Ф. И. Бугакова. 426 стр. форм. „Вѣстн.“. Складъ изданія и розничная продажа въ Редакціи, Верейская, 16, и въ конторѣ, Гост. Дворъ, № 63, маг. Пантелеева. Цѣна безъ перес. 1 р. 50 к. а для подписчиковъ на „Вѣстн. Иностр. Литер.“ 1 р.; за перес. слѣдуетъ прилагать 25 к. Съ наложеннымъ платежомъ не высылаются.

Редакторъ А. Н. Энгельгардтъ.

Издатель Г. Ф. Пантелеевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ВѢСТНИКЪ

САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА

1892 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціею **В. Н. Кутузова**

(СПБ., Лѣсной Институтъ).

№ 5507 2—2

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 8 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6) и у казначей Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ). Подписная цѣна съ доставки и перес.: за годъ 8 р., за полгода 4 руб. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

XIV годъ. О ПОДПИСКѢ Годъ XIV. НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ.

„ШУТЪ“

на 1892 годъ.

УСЛОВ. ПОДПИСКИ: На годъ . . . 6 р. 50 к. || **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:** На годъ . . . 7 р. безъ пересылки и доставки || **СКИ съ пересылкой и доставкой:** На 6 мѣсяцевъ 4 р. || **СКИ съ пересылкой и доставкой:** За границу . . . 10 р. Адресъ редакціи: СПБ., Троицкая, 10. Разсрочка по соглашенію съ конторою.

Въ теченіе года журналъ „Шутъ“ помѣщается: Больше ТРЕХСОТЪ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографія). Больше ТЫСЯЧИ иллюстрацій—перомъ и карандашомъ. Не менѣе СЕМИСОТЪ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. ТЫСЯЧИ стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п.

КАРИКАТУРЫ—рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемые на сценахъ столичныхъ театровъ. **КАРИКАТУРЫ** на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п. **ПОРТРЕТЫ** выдающихся героевъ дня.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будетъ печататься: „ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ“.

Безплатная премія для годовыхъ подписчиковъ РОССКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ:

„Новгородская Былина о богатомъ гостѣ ТЕРЕНЬЩИЦѣ“, текстъ, по Киршѣ Данилову, облаченъ М. О. Микѣшинымъ.

СО МНОЖЕСТВОМЪ ЕГО ОРИГИНАЛЬНЫХЪ РИСУНКОВЪ.

Рисунки будутъ произведены слѣдующими способами:

1) непосредственнымъ переводомъ оригинала рисунка съ химическаго торшона на литографіи камень, 2) по фото-цинографіи, 3) по фото-литографіи, 4) акварельно нечаяло 5) хромо-литографіею.

Былина: повѣствуетъ о томъ, что такое, подъ видомъ Неудуга-Угина, томилу молодую жену Гостя Терентія и чѣмъ была избавлена эта болѣзнь къ общему благополучію.

Былина эта можетъ служить образчикомъ безобиднаго русскаго народнаго юмора. За пересылку преміи заказною посылкою гг. иногородные подписчики благоволятъ выслать 60 коп. (можно почтовыми марками).

№ 5515 2—1

За редактора—издатель Р. Голикъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ НА

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р. на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р. на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 50 к. За границу Объявленія по на годъ 10 р. 10 к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, 360 №№ въ годъ. Редакт. И. В. Сиворцовъ. Невскій пр., д. 20. 12 нн. роман., разск. и очерк. Издатель А. А. Греве.

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка - 1-й взносъ 2 или 1 р. послѣдующіе по 1 р. № 5442 9—7

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

НОВОСТИ ДНЯ,

большая ежедневная газета.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

Вступая въ десятый годъ изданія, газета ваша будетъ выходить по программѣ прошлыхъ лѣтъ и попрежнему употребитъ всѣ усилія, чтобы дать читателю богатый матеріалъ по интересующей его области.

Въ газетѣ ежедневно помѣщаются интересные

ФЕЛЬЕТОНЫ.

Ц. № 5521

Съ первыхъ январскихъ №№ въ „Новостяхъ Дня“ будетъ помѣщаться повѣсть П. М. Нефѣмина

„Голодуха“.

Годовымъ подписчикамъ за 50 коп. высылаются романъ А. М. Пазукина— „ОПОЛЧЕННАЯ РОССІЯ“,—продающийся по 2 руб. за экземпляръ.

Съ доставкою на годъ . . . 9 р. — к. || Съ доставкою на 3 мѣсца . . . 3 р. " 6 мѣсца. 5 „ 50 " || " 1 мѣс. . . . 1 "

Адресъ: Москва, контора газеты „НОВОСТИ ДНЯ“.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1892 годъ.

Въ Москвѣ	На города	За границу:
съ доставкой: на 12 мѣс. 10 р. — к.	съ пересылкой: на 12 мѣс. 11 р. — к.	на 12 мѣс. 18 р. — к.
- 6 " 5 " 50 "	- 6 " 6 " " "	- 6 " 9 " " "
- 3 " 3 " " "	- 3 " 3 " 50 "	- 3 " 4 " 80 "
- 1 " 1 " 30 "	- 1 " 1 " 50 "	- 1 " 1 " 90 "

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

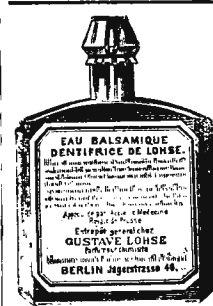
Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программы газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій переулокъ, д. № 7. За переѣздъ адреса гг. подписчики, какъ московскіе, такъ и иногородные, платятъ 20 к. Московские же подписчики, переходящіе въ иногородные, прилагать въ почтовые расходы по 10 к. за каждый мѣсяцъ, причѣмъ необходимо сообщать наканунѣ переѣзда прежній и новый адресъ. О каждой переѣздѣ просить сообщать отдѣльно.

Для иногородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовою платой, допускается разсрочка: № 5523 3—1 а) при подпискѣ 6 руб. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 руб.

О желаніи вносить деньги въ разсрочку должно быть непремѣнно заявлено въ письмѣ, при которомъ отправленъ первый взносъ; при послѣдующихъ отправкахъ денегъ слѣдуетъ прилагать нечистый адресъ, снятый съ бандероли, подъ которой получается газета.

Въ случаѣ невноса денегъ къ означеннымъ срокамъ высылка газеты приостанавливается.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта. уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (2)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

САРПИНКА РУЧНОЕ ТКАЧЕСТВО
 ДЛЯ ДАМСКИХЪ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ
 ФАСОННЫЯ ГЛАДІЯ ИХОСТИ
 на лѣто 1892 года
РОЗНИЧНАЯ И ОПТОВАЯ ПРОДАЖА
 альбомъ образцовъ высылаютъ съ ДЕКВЯРЯ и до 40 коп., присланныхъ почтовыми марками въ заказномъ письмѣ въ САРАТОВЪ, главная контора и центральная торговля **САРАТОВЪ, пассажи Лаптова**
 ОТДѢЛЕНІЯ:
 МОСКВА, Петровка, между Кузнецкимъ и Салтык. пер., прот. маг. Вендрга.
 Казань, съ Января 1892 г. на Николаевской площ., д. Х. Юшова.
 въ Тифлисѣ съ Ноября 1891 г.
ФАБРИКАНТЫ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ВЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 В. № 5381
 6-4
 поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
 Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

Открыта подписка на 1892 г. (сорокъ седьмой годъ изданія) на ежедневную газету

КАВКАЗЪ

Редакторъ-издатель Ю. Н. Милютинъ.

Газета „Кавказъ“ выходитъ въ 1892 г. подъ новой редакціей и по расширенной программѣ. Имѣя всѣ отдѣлы большой политической и литературной газеты, она будетъ занимать преимущественно: 1) Кавказскимъ краемъ; 2) Среднею Азією; 3) Смежными съ Россіей восточными странами.

Подписная цѣна: съ доставкой въ Тифлисѣ на годъ 11 р. 50 к., на 1/2 года 6 р., на 1/4 года 3 р. 50 к.; съ пересылкою инороднымъ на годъ 13 р., на 1/2 года 7 р., на 1/4 года 4 р.; за границу на годъ 18 р., на 1/2 года 10 р., на 1/4 года 6 р.

За объявленія на первыхъ страницахъ (вслѣдъ за официальною частью) 25 к. за строку легита за 1 разъ, по 20 к. за 3 или болѣе разъ; на послѣднихъ страницахъ 10 к. за 1 разъ, по 8 к. за 3 или болѣе разъ. Объявленія назъ Кавказа и Средней Азіи на перв. стр. 20 и 15 к., на послѣдн. стр. 8 и 6 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Тифлисѣ въ помѣщеніи новой редакціи (Дворцовая улица, въ каравансарай б. Ариуни) и въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской, П. № 5521

КУЗЬМИЧЕВУ ТРАВУ
 съ описаніемъ ея употребленія и приготовленія за одинъ руб. налогъ платежъ высылаютъ Аптекарейскій магазинъ **Н. И. ШИХИДТЬ,** въ Саратовѣ. № 5549

ОСКОЛКИ XII годъ.
 Подъ редакціей Н. А. ЛЕЙКИНА.
 Ежедневный иллюстрированный юмористическій журналъ большого формата съ картинками (въ краскахъ и чернилахъ).
 52 №№ въ годъ: до 1000 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарady, загадки на премию.
 Всѣ годовые подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ:**
 ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ „ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ“.
 24 рисунка, большого формата, на веленой бумагѣ, къ сочиненіямъ графа Л. Н. Толстого, въ роскошномъ обложкѣ, съ его портретомъ и № 5584 факсимиле. 2-1
Цѣна за журналъ:
 на годъ съ перес. и дост. 9 р. — с.
 на годъ безъ перес. и дост. 8 — —
 на полгода съ перес. и дост. 5 — —
 на полгода безъ пер. и дост. 4 — 50
 на три мѣс. съ перес. и дост. 2 — 50
 За границу 10 — —
 За пересылку преміи приплаты не полагается.
 Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журн. „Осколки“ въ С.-Петербурге, въ Троицкой ул., д. № 18. Редакторы-издат.: Н. Лейкинъ и Р. Голико.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА
 ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
 (Годъ 26-й)
 ВЪ 1892 ГОДУ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ТОЙ-ЖЕ ПРОГРАММѢ СЕМЬ РАЗЪ ВЪ НЕДЕЛЮ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
 На годъ. На полгода. На 3 мѣс. На мѣс.
 Безъ доставки на домъ 7 р. 50 к. 4 р. 50 к. 2 р. 50 к. — р. 90 к.
 Съ доставкою на домъ въ Спб. 9 — — 5 — — 2 — 75 — 1 — 15 —
 Съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 10 — — 5 — 50 — 3 — — 1 — 15 —
 За границу 16 — — 9 — — 5 — — 2 — —
 Подписка открыта въ главной конторѣ „ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ“ въ С.-Петербургѣ, въ Самсоновской ул., № 6. Для гг. служащихъ допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ чрезъ ихъ казначеевъ.
 Подписка принимается только съ перваго числа наждаго мѣсяца.
 Редакторъ-издатель С. Н. Худеновъ.

ДЛЯ ВОЛОСЪ
 БАЛЬЗАМЪ
ЭЙКАЛИПТИ
 КОСМЕТИНА А. ЭНГЛУНДЪ.
 Освѣжаетъ головную кожу. Ц. флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подписъ А. Энглундъ красными чернилами и марку Сиб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейтъ, В. Безбаридъ, Р. Келлеръ и Коми, О Гетлингъ, и во всѣхъ известнѣхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Лицейная, № 38. (4) Ц. № 5346

4000 стр. обшкнов. журн. нальнаго формата. Въ годъ съ пересылкой и доставкой. **3 р.**
ВСЕМІРНАЯ БИБЛИОТЕКА
 ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ ИНОСТРАННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.
 (ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).
 12 книгъ въ годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи.
 „Всемирная библиотена“ выходитъ въ среднихъ числахъ каждаго мѣсяца книжками въ 18—20 печатныхъ листовъ большого журнальнаго формата (до 4,000 страницъ въ годъ).

На 1892 (V) годъ открыта подписка на журналъ коммерч. и финан. знаній **„СЧЕТОВОДСТВО“**.
 Одобр. Уч. Ком. М. Н. П. какъ заключ. много полезнѣхъ и интереснѣхъ статей.
 Редакторъ-изд. А. Д. Мари. Вольфъ.
 Цѣна 6 р. Программа высылается безплатно. № 5525 2-1
 Изданія журнала „Счетоводство“: двойная бухгалтерія въ популяр. очеркахъ. Ц. 75 к. Самоучитель дв. бухгалтеріи. Скубца. Ц. 1 р. 50 к.
 Контора: С.-Петербургъ, Невскій, 64.

Въ журналѣ помѣщаются исключительно лишь выдающіеся новинки иностранной литературы. Между прочимъ въ теченіе 1891 года были помѣщены слѣдующіе романы и разказы: ОДНА ЖИЗНЬ, ОДНА И ЛЮБОВЬ. Романъ Марионъ Бреддонъ. — ПѢНА. Романъ Армандо Палаччо Вальдесъ. — ТРОТТОЛИНО. Разказъ Уйда. — ШИЖОЛИ. Историческій романъ изъ временъ французской революціи Жюльа Кларети. — ТИРСА. Романъ Джорна Гассинга. — НЕСЧАСТНОЕ ЖИВОТНОЕ. Разказъ Пьера Лоти. — БЕЗДНА. Романъ изъ русской жизни графа Вазилы (Переводъ съ французскаго съ разрѣшенія автора). — ПАРИ. Разказъ Генрика Сенневича. — ТРУЖЕНИКЪ. Разказъ Поля Бурне. — ТИВЕРІИ. Историческій романъ Вильгельма Валло. — КАДЕВЪ и ХОРА. Новелла Эмиля Эрнмана. — ВЪ СОСНОВОЙ ПРОСѢКѢ. Повѣсть Братъ-Гарта. — ИДА ЛЮДИНГТОНЪ. Романъ Эдварда Беллами (автора романа „будущій вѣкъ“). — НОВАЯ ЖИЗНЬ. Повѣсть Елиза Ожешниковой. — БЕЗЪ ВОЗВРАТА. Романъ Теодора Фонтана. — УСТАЛОЕ СЕРДЦЕ. Разказъ Осипа Шубина. — ДЕНЬГИ. Романъ Э. Зола. — СЧАСТЬЕ. Повѣсть Марин Радзевичуны. — ДОЛГЪ МѢСТИ. Романъ Жюрма Онез. — ДО ВОСТРЕБОВАНІЯ. Разказъ Э. Додэ. — СНИГІРЬ. Эсквъзъ Уйда. — 1815 ГОДЪ. Историческій романъ Жюльа Лермина. — КРОВЬ. Разказъ Зиния Зола. — ЯНЪ МАРІА ПЛОЙХАРЪ. Романъ Ю. Зейера (переводъ съ чешскаго, одобренный авторомъ). — ПРОПАВШІЕ ЛИМОНЪ. Разказъ Педро Аларрона. — ИЗЪ ЖИЗНИ СТЕПИ. Разказъ Тола Доріана. — ИСНОВѢДЪ. Романъ Марселя Прево съ приложеніемъ письма Александра Дюма. — ИЗМѢННИКЪ. Разказъ Педро Аларрона. — НЕ ИЗЪ ГЕРОЕВЪ. Повѣсть (переводъ съ англійскаго съ рукописи) Чарльза Тёрнера. — ДУРНУШКА. Разказъ Сальватора Фарина (переводъ съ рукописи). — ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ. Разказъ Матильды Серво и др. Р. № 5534

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
 съ пересылкой и доставкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи:
 На годъ 3 руб.
 „ полгода 2 —

- ♦ За поручительствомъ гг. казначеевъ допускается разсрочка платежа на какихъ угодно основаніяхъ.
- ♦ Каждый романъ имѣетъ свою отдѣльную нумерацію страницъ и снабженъ заглавнымъ листомъ, такъ что можетъ быть сброшюрованъ и переплетенъ въ самостоятельный томъ.
- ♦ Гг. новые подписчики получаютъ безплатно начало и продолженіе произведеній, переходящихъ печатаніемъ въ слѣдующій подписной годъ.

Съ требованіемъ просить обращаться въ Редакцію журнала „Всемирная библиотена“ (С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 38). Кроме того для гг. московскихъ и харьковскихъ подписчиковъ подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской (Петровской линіи) и въ Харьковѣ въ конторѣ Ф. Константинова, близъ биржи.
 Редакторъ-издатель К. Лазаревскій.

ТОВАРИЩЕСТВА
„ГИГИЕНА“
ПУДРА
 роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ
ОСВѢЖАЮЩІЙ ОДЕКОЛОНЪ
 высшаго достоинства
СТИРОВАЯ ЖИДКОСТЬ
 благовоиная,
 для освѣщенія комнаты.
ПРОДАЖА ВЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРІИ.
 С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9. Ц. № 5407 11-9
 Москва, Никольская, д. гр. Шереметова.

1892

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

(III годъ изданія)

НА

1892

единственную ежедневную большую дешевую газету

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Вступая въ третій годъ изданія, „Русскій Листокъ“, какъ и до сихъ поръ, будетъ давать своимъ читателямъ вѣрное отраженіе текущей жизни, чутко слѣдя за малѣйшими ея проявленіями. Для этого въ „Русскомъ Листкѣ“ существуютъ нижеслѣдующіе отдѣлы: телеграммы „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“, знакомящія читателей съ политической жизнью Европы, а также и другихъ странъ свѣта. Отдѣлъ „Москва“ даетъ вѣрное изображеніе всѣхъ событій текущей жизни столицы. Въ отдѣлахъ „День за день“, „Иногда“ и „Мелочишки“ читатели найдутъ яркое освѣщеніе всѣхъ злободневныхъ вопросовъ въ яркой беллетристической формѣ. Въ отдѣлѣ „Театръ и Музыка“ помѣщаются подробныя рецензіи о всѣхъ московскихъ театрахъ, а также свѣдѣнія о театральн. жизни Петербурга и другихъ городовъ. Въ отдѣлѣ „Дневникъ“ читатели найдутъ подробное обзорное фактовъ и слуховъ, исходящихъ изъ административныхъ сферъ. „Русскій Листокъ“ печатаетъ также выдающіяся сообщенія почти изъ всѣхъ городовъ и даже сель Имперіи. Кромѣ того въ газетѣ ежедневно помѣщается официальная котировка Московской и Петербургской биржъ; въ отдѣлѣ „Биржа и Рынки“ объясняются причины колебанія цѣнъ на русскую валюту и курса $\frac{0}{100}$ бумагъ, а также даются свѣдѣнія о состояніи хлѣбнаго, мануфактурнаго и скотопрігоннаго рынковъ. Спортъ всякаго рода имѣетъ специальный отдѣлъ въ газетѣ. „Всякая всячина“, „Разныя извѣстія“—отдѣлы, посвященные курьезамъ и раритетамъ русской и иностранной жизни. Особенное вниманіе редакціей обращено на беллетристическій отдѣлъ, въ которомъ участвуютъ наши извѣстные беллетристы. Кромѣ романовъ, печатающихся ежедневно въ фельетонѣ газеты, на страницахъ „Русскаго Листка“ печатаются также очерки, рассказы, сценки, стихотворенія и т. д.

Первый № „Русскаго Листка“ вышелъ 23-го марта 1890 года въ скромномъ количествѣ 1,200 экземпляровъ, затѣмъ успѣхъ „Русскаго Листка“ идетъ съ поразительной быстротой: въ сентябрѣ 1891 года количество читателей „Русскаго Листка“ увеличилось уже до 9,000; въ настоящее же время (ноябрь) наша газета печатается въ количествѣ свыше 13,000 экземпляровъ. Это ясно показываетъ, что появленіе „Русскаго Листка“ возбуждаетъ въ публикѣ захватывающій интересъ, что „Русскій Листокъ“ отвѣчаетъ всѣмъ запросамъ современнаго читателя, и несмотря на крайне дешевую цѣну, умѣетъ удовлетворять ихъ. Теперь, ободренный такимъ небывалымъ успѣхомъ, „Русскій Листокъ“ еще смѣлѣе идетъ впередъ, твердо неся знамя служенія своего Православію, Престолу и Отечеству. Успѣхъ газеты позволилъ намъ увеличить и форматъ „Русскаго Листка“. Уже въ декабрѣ текущаго 1891 года прибудетъ изъ-за границы новая ротационная машина, специально для „Русскаго Листка“ заказанная, которая даетъ возможность печатать 15,000 номеровъ въ часъ.

Съ момента прибытія этой машины (машина уже прибыла въ Москву 27-го ноября и приступлено къ ея постановкѣ, на что потребуются отъ 2—3 недѣль) „Русскій Листокъ“ будетъ печататься **ВЪ СЕМЬ КОЛОННЪ** убористаго штрифта, такъ что все количество строкъ увеличится на 1,000, сравнительно съ теперешнимъ.

Въ изданіи участвуютъ: С. Ѡ. Рыскинъ, А. М. Пазухинъ, И. А. Вашковъ, В. А. Риваль, Н. А. Хлоповъ, Д. С. Дмитріевъ, И. К. Кондратьевъ, М. А. Козыревъ, А. П. Андреевскій, Е. О. Дубровина, М. С. Скворонская, Елизавета Г., Я. Д. Земскій, Л. И. Ретюнская, В. С. Карцовъ, Л. А. Фейгинъ, А. А. Риттеръ, В. В. В—въ, С. С. Будченко, Р. А. Менделевичъ, Н. Н. Кельшь и многіе другіе.

ВЪ ПОРТФЕЛѢ РЕДАКЦІИ ДЛЯ 1892 ГОДА ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

„КУПЛЕННЫЙ МИТРОПОЛИТЪ или РОГОЖСКІЕ МИЛЛІОНЫ“

романъ изъ исторіи раскола С. Ѡ. РЫСКИНА.

„СИРЕНА“, повѣсть А. М. Пазухина, „СЕСТРЫ“, повѣсть И. А. Вашкова, а также большіе романы В. А. Риваля, Н. А. Хлопова, Д. С. Дмитріева, М. А. Козырева и другіе.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

НА ГОДЪ

5 РУБ.

НА ПОЛГОДА

3 РУБ.

НА 1 МѢСЯЦЪ

60 КОП.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Лубянка, Варсонофьевскій переулочекъ, домъ Рябушинскаго.

Почтовые марки вмѣсто денегъ безусловно НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.

ВО ИЗВѢЖАНІЕ ЗАДЕРЖКИ ПО ЗАГОТОВКѢ АДРЕСОВЪ КОНТОРА РЕДАКЦІИ ПОКОРНѢЙШЕ ПРОСИТЬ ПОДПИСЫВАТЬСЯ ЗАВЛАГОВРЕМЕННО.

Пробный номеръ высылается за 5-ти-коп. марку.

III. № 5517

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ НУМЕРЪ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬН №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНЪГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСН. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
 Издасть 21 декабря 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫНРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Рождество Христово. Святое Семейство. Съ картины приписываемой Пальма Веккио, грав. Картеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1892 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской. Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	---------	--	------	---	------	---------------------	-------

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ на 1892 г.

допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Въ два срока: При подпискѣ вносится **4 р.** и къ 1-му іюня 1892 г. **8 р.**
- 2) Въ три срока: При подпискѣ вносится **3 р.**, къ 1-му мая 1892 г. **2 р.** и къ 1-му августа 1892 г. **2 р.**

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всеми приложениями и преміями—НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

Вѣщій сонъ.

Рождественскій разсказъ П. Н. Полевого.

...Это было давно. За много вѣковъ до того дня, когда смѣлые варяжскіе витязи вступили твердою ногою на наши прибрежья и внесли тишину и стройный нарядъ въ среду разрозненныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ, безтолково раздорившихъ между собою... Это было даже задолго до того времени, когда вѣщіе братья—Кій, Щекъ и Хоривъ основали богатый Кіевъ надъ широкимъ Днѣпромъ... Это было такъ давно, что ни одна лѣтонисъ не сохранила намъ изъ того времени ни устныхъ сказаній, ни живыхъ образовъ, ни даже именъ, способныхъ возсоздать передъ нами живые образы... Только пѣсни, пташкою вольною, перелетною, перенесаясь черезъ тьму вѣковъ, черезъ десятки поколѣній—допесла до насъ отдаленные отголоски преданій о давно-забытомъ прошломъ...

„То старина; то и дѣяніе“.

I.

Знойное лѣтнее солнце склонилось къ западу, готовое скрыться за увѣчаные вѣковыми лѣсами холмы приднѣпровскіе. Закатъ пылалъ; тонкія, огнистыя облачка, разметанныя по небосклону, словно таяли въ необъятномъ просторѣ, полномъ тепла и свѣта. Краснымъ полымемъ была окутана выжженная южнымъ солнцемъ приднѣпровская степь, на которой лишь кое-гдѣ виднѣлись почернѣвшіе стебли колючаго чертополоха и кругловатые пучки сухаго перекати-поля—жалкіе остатки роскошныхъ и тучныхъ травъ, покрывавшихъ степь еще весною. Выжженная степь молчаливо и жадно ждетъ ночной прохлады—какъ желаннаго отдыха, послѣ мучительно знойнаго дня...

Но вотъ издали, изъ-за ближняго увала, доносятся какіе-то неясные звуки, нарушающіе величавый покой степи... Слышенъ дробный топотъ коней, и ржаніе, и крики, и трубный звукъ въ перемежку съ гудѣніемъ бубна, и громкая пѣсня, которая широко и далеко разносится по привольному простору степи. Вотъ и пыль клубами закружилась вдали, и сквозь ея прозрачный пологъ видны кони и люди, и блещутъ на солнцѣ ихъ мѣдные шлемы и брони, ихъ тяжелые мечи и копыя. Далеко растянулась по степи конная рать, а влѣдъ за нею тянется длинный обозъ, нагруженный богатою, пестрою добычей; бѣгутъ, охраняемые погонщиками, табуны рѣзвыхъ степныхъ коней, влекутся стада воловъ и овецъ, оглашающія воздухъ жалобнымъ мычаньемъ и блеяньемъ. Въ торокахъ, при сѣдлѣ, у большей части всадниковъ, привязаны окровавленные головы враговъ; у многихъ, позади сѣдла, привязана дорогая ноша—красная дѣвица-половинница... А впереди-то всѣхъ ѣдетъ славный и храбрый славянскій князь Россоланъ, и, въ раздумьѣ склоняясь надъ сѣдломъ, бережно везетъ у себя на кобляхъ еще одинъ изъ трофеевъ кровавой побѣды... И княжескіе пѣвцы славятъ подвигъ князя и дружины его въ своихъ пѣсняхъ, то ударяя въ звонкій бубенъ, то прерывая пѣніе громкими, побѣдными звуками трубъ.

„Грозному, могучему Россолану слава!“ такъ поютъ княжескіе пѣвцы. „Онъ неожиданно-негаданно степнымъ вихремъ палѣлъ на поселъя Рогдая! Какъ туманъ стелется по морскому прибрежью, такъ воины Россолановы растекались по землѣ Рогдаевой, все предавая огню и мечу. А самъ Россоланъ, какъ небесный огонь, палъ на Рогдая и однимъ мощнымъ ударомъ отнял у него и жизнь, и славу, и всѣ его богатства!.. Слава грозному, могучему Россолану,—слава, слава, слава!“

Слушаетъ ихъ пѣсню Россоланъ; но пѣсня не веселитъ его, не наполняетъ гордостью его сердце, не изглаживаетъ мрачной думы на его высокомъ челѣ...

На сердцѣ у него залегла тяжелая забота:—онъ самъ себя не узнаетъ, самъ себя понять не можетъ, самъ себя не довѣряетъ! Онъ, впервые, чувствуетъ въ сердцѣ своемъ что-то новое, странное, неизвѣданное...

Рогдай, соседній князь и давній врагъ его, страшно, кровно обидѣлъ Россолана: гостемъ явись на игрища пынѣшней весною, онъ похитилъ единственную дочь Россолана, юную красотку Зоигову, и насмѣявшись надъ ея стыдомъ и слезами, продалъ ее въ неволю таврическимъ грекамъ. Россоланъ возненавидѣлъ его всѣми силами своей могучей души и поклялся страшно отомстить ему—стереть его съ лица земли. Онъ почей не досыпалъ, онъ отъ пищи и пищи отсталъ, готовясь нацети ненавистному врагу послѣдній, гибельный ударъ...

„Усну спокойно только тогда, думалъ Россоланъ,—когда мой мечъ пронзитъ сердце злодѣя и трижды повернется въ немъ! Тогда насыщусь яствъ и шумно попирую съ моей дружиною, когда черепъ Рогдая обращу въ чашу и до краевъ ее наполню живительной струей стараго меда!“

Вотъ наконецъ желанный мигъ насталъ. Солнце клонится къ западу; рать и дружина княжеская въ сборѣ; кони нетерпѣливо грызутъ удила и роютъ копытомъ землю, чуя походъ и битву:—пора выступать! Самъ Россоланъ, окруженный избранныйшими изъ дружины, старшими богатырями, идетъ на священный холмъ Перуна надъ Днѣпромъ, и, преклонивъ колѣна передъ истуканомъ грознаго бога громовъ и побѣдъ, положивъ на землю и щитъ, и мечъ, и стрѣлы, и золотую гривну съ шеи,—онъ клянется самими страшными клятвами: не щадить ни врага своего, ни его семьи, ни рода, ни племени, не оставить никого изъ ближнихъ и кровныхъ его „и на сѣмена“.

„И вдругъ—не сдержалъ клятвы! сумрачно раздумываетъ грозный Россоланъ.—Не сдержалъ, нарушилъ ее! И самъ не знаю, какъ это случилось!“

И онъ сталъ припоминать. Онъ возстановилъ въ своей памяти все, до мельчайшей подробности...

Подъ темнымъ, непроицаемымъ покровомъ южной ночи, крадучись по знакомымъ степнымъ тропамъ и яругамъ, подступила Россоланова рать къ поселью Рогдая, раскинутому на скатѣ холма надъ серебристою рѣчкой. И чуть только забрезжилось утро, чуть только стали гаснуть звѣзды въ блѣдно-розовомъ туманѣ разсвѣта,—Россолановы воины, съ трехъ сторонъ разомъ, какъ свирѣпые волки на стадо овецъ, устремились на враговъ, мирно спавшихъ подъ сѣнью своихъ хижинъ и ни откуда не чаявшихъ нападенія.

Грозные воинскіе клики, стоны избиваемыхъ враговъ, вопли женщинъ и плачь дѣтей, стукъ оружія, конскій топотъ и ржаніе—все слилось для Россолана въ одну дикую, неистовую пѣсню торжествующей мести.

— Никого не падите! Всѣхъ избивайте: всѣмъ смерти, смерть! кричалъ онъ, опьяненный бѣшеною сѣчей, всюду бросаясь впередъ, на челѣ своихъ воиновъ, всюду прорубая себя мечомъ широкую, кровавую дорогу.

Вонъ и Рогдай! Съ горстью своихъ родичей, онъ отчаянно бьется противъ наступающихъ на него воиновъ Россолана, и трубить въ рогъ, созывая свою оторопѣвшую отъ страха дружину. Но богатыри его гибнуть по-одиночкѣ, подавленные множествомъ враговъ, и никогда болѣе не откликнутся на его призывный рогъ! Воины, застигнутые врасплохъ, полуодѣтые и безоружные, напрасно молятъ о пощадѣ и плѣнѣ—копыя и мечи Россолановыхъ воиновъ косятъ страшную жатву. Онъ самъ пробивается наконецъ сквозь тѣсные ряды своихъ воиновъ, самъ устремляется на Рогдая, который

трепещеть, видя отца-мстителя, и не может отбить направленного против него смертельного удара. Россоланъ сбиль его съ ногъ своею тяжелою палицею, наступилъ ему на грудь мощною пятою, и однимъ взмахомъ меча отсѣкъ ему голову...

Кругомъ Рогдая пали одинъ за другимъ и всѣ его воины, грудю тѣлъ своихъ заваливъ его тѣло. Но Россолану все еще мало: душа его еще не пресыщена кровавою местию за дочь.

— Никого не щадите, всѣхъ избивайте! Всѣмъ смерть, смерти! кричитъ онъ и съ мечомъ въ рукахъ устремляется въ домъ Рогдая—свирѣпый, страшный, безпощадный.

Едва переступивъ порогъ, онъ шагаетъ уже по тѣламъ, онъ скользитъ въ крови и видитъ, что здѣсь мечъ уже сдѣлалъ свое дѣло... Но вотъ въ углу колыбель и въ колыбели младенецъ—сынъ Рогдая! Россоланъ помпнитъ, твердо помнитъ свою клятву. Онъ бросается къ колыбели, онъ взмахиваетъ окровавленнымъ мечемъ... И вдругъ останавливается, какъ вкопанный, какъ окаменѣлый... Младенецъ, навстрѣчу своему убійцѣ, протягиваетъ свои безсильныя ручонки и улыбается ему дивною, всеполюбною улыбкою торжествующей невинности... Мечъ падаетъ изъ рукъ Россолана: ужасъ, холодный ужасъ охватываетъ его ожесточенное сердце, леденитъ его кровь, трепетомъ пробѣгаетъ по его могучему тѣлу... Онъ хочетъ отойти отъ колыбели, отвернуться отъ нея, онъ спѣшитъ удалиться; но какая-то непреодолимая сила приковываетъ его къ мѣсту и не даетъ возможности оторвать очи отъ колыбели... А младенецъ все улыбается попрежнему и протягиваетъ ему ручонки... И Россоланъ не выдержалъ, не вынесъ этихъ всемогущихъ чаръ. Забывая всѣ клятвы, онъ вложилъ кровавый мечъ въ ножны, бережно поднялъ младенца изъ колыбели, окуталъ въ свой плащъ и, прижавъ его къ груди, вышелъ изъ дома Рогдая...

— Трубите сборъ и побѣду, мрачно сказалъ онъ своимъ дружинникамъ.—Довольно и мести, и крови.

Сѣлъ на коня, не выпуская младенца изъ рукъ, и поѣхалъ, не оборачиваясь на пылавшее поселе...

И вотъ теперь, подѣзжая къ своему родному пещелю съ торжествомъ побѣды и богатою добычею, онъ равнодушно слушаетъ пѣсни своихъ пѣвцовъ и, вперя сумрачный взоръ въ лицо младенца, доврѣчиво дремавшего на его колѣняхъ, все спрашиваетъ себя:

— *„Что стало со мною? Почему я клятвы не сдержалъ? Кто удержалъ мой мечъ?“*

Онъ самъ себѣ не вѣритъ, не узнаетъ себя и мучится тревожнымъ *желаніемъ разрѣшить неразрѣшиму*, неразгаданную загадку.

II.

Послѣ многихъ дней тяжелаго раздумья и опасеній мщенія со стороны грознаго Перуна, Россоланъ вспомнилъ однажды о торговцѣ-грекѣ, одномъ изъ тѣхъ первыхъ смѣльчаковъ, которые, много лѣтъ тому назадъ рѣшились изъ греческихъ, таврическихъ колоній проникнуть на далекій и таинственный Сѣверъ... Вмѣстѣ съ горстью своихъ удалыхъ спутниковъ, онъ поплылъ на легкомъ суденкѣ вверхъ по Днѣпру, отъ Оленья до пороговъ, обогнулъ пороги по сухому пути, перекатилъ берегомъ и суденко съ товарами—и смѣло явился въ станъ Россолана, въ то время выступившаго со своими богатырями и дружиной противъ хищныхъ степныхъ кочевниковъ.

Умный грекъ очаровалъ всѣхъ своею медовою рѣчью, выгодно сбиль свой заморскій товаръ, промѣнявъ его на мѣха лисицы, куницы и бобровъ, тогда еще водившихся въ при-Днѣпровьи, и, отправляясь въ обратный путь, за пороги, сказалъ:

— Буду живъ, такъ приѣду еще разъ къ тебѣ, грядущей лесоно... А буду-ли живъ — не знаю... Много

смуты теперь у насъ по городамъ; много и волненій, и раздора, и споровъ...

— Изъ-за чего-жъ у васъ смуты, и раздоры, и споры? спросилъ его Россоланъ.

— Изъ-за чего? сказалъ грекъ, взглядываясь въ самыя очи славянскаго князя.—Трудно тебѣ объяснить... Ты не поймешь меня...

— Или ты думаешь, что я глупѣ тебя? сказалъ Россоланъ, хмурия брови.

— Нѣтъ, не то! Но вотъ вы, славяне, вы довольны вашими богами... Вы ставите ихъ истуканы на высокихъ холмахъ или въ священныхъ, заповѣдныхъ рощахъ—и молитесь имъ, и приносите жертвы, и вѣрите, что они вамъ—опора и помощь... А мы... мы перестали вѣрить своимъ богамъ — мы отъ нихъ отреклись...

— Зачѣмъ же? Чѣмъ не угодили вамъ ваши боги?

— Ничѣмъ! Они остались все тѣ же... У нихъ и обширные, богатые храмы, и жрецы, и жертвы, и священныя игры и празднества въ честь имъ... Многие еще вѣрятъ въ нихъ и теперь. Но иные узнали о томъ, что тамъ, далеко, на Востокѣ, на самой границѣ владычній могущества Рима, родился новый Богъ, который *одинъ* правитъ всѣмъ міромъ. Онъ одинъ Всемогущъ — и наши боги передъ Нимъ безсильны и ничтожны.!

— Ну, и что же? нетерпѣливо перебилъ его Россоланъ.

— Ну, вотъ—отсюда и смуты, и раздоры, и даже много крови льется... Тѣ, кто держатся еще старыхъ боговъ, мучатъ и преслѣдуютъ всѣхъ вѣрующихъ въ новаго Бога... Вотъ, можетъ-быть и мнѣ придется за Него пострадать вмѣстѣ съ другими.

— Зачѣмъ же страдать? Да развѣ нѣтъ у васъ мечей? Бейтесь съ противниками — и вашъ новый Богъ вамъ поможетъ, если онъ точно всемогущъ.

— Нѣтъ, нашъ новый Богъ не велитъ намъ проливать крови... И мы готовы умереть за Него, но убивать никого не станемъ...

На томъ и простился грекъ и въ путь отправился.

III.

Припоминая это, глубоко задумался князь Россоланъ. „Новый Богъ“—болѣе могущественный, чѣмъ всѣ боги грековъ, и притомъ Богъ мира и тишины, ненавидящій войны и кровопролитія—этотъ Богъ не выходилъ изъ памяти славянскаго князя.

„Если бы могъ я увидѣть Его... узнать Его!“ думалъ Россоланъ. — „Онъ можетъ-быть избавилъ бы меня отъ мести Перуна!“

Думалъ-думалъ—и заснулъ... И приснился ему дивный, вѣщій сонъ!

Россоланъ увидѣлъ себя въ пустынѣ, раскаленной, сухой, выжженной палищими лучами солнца, которое багрово-краснымъ шаромъ опускалось къ западу среди огнистой мглы... Мучимый страшною, жгучею, неутолимую жаждою, онъ лежалъ на горячемъ пескѣ пустыни, около своего павшаго, издыхающаго коня. Полное изнеможеніе, охватившее все его существо, не давало ему возможности шевельнуть ни однимъ изъ членовъ, и онъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ надъ нимъ кружились хищныя коршуны пустыни, перекликаясь между собою и собираясь опуститься на него, какъ на готовую добычу.

Вдругъ вдали послышался топотъ и ржаніе коней и какіе-то всадники, въ яркихъ, богатыхъ одеждахъ изъ греческихъ тканей, въ богатыхъ золотыхъ гривнахъ на шеѣ и вѣнцахъ на головѣ, остановились около Россолана. Блестящая дружина, на ретивыхъ коняхъ, окружала этихъ могущественныхъ владыкъ и везла богатые дары.

— Поѣдемъ съ нами, сказали они Россолану, помогая ему подняться.

Рождество Христово. Поклонение пастырей. Группа Вельгринга, грав. Фельдвергъ.

Рождество Христово. Бѣгство въ Египетъ. Съ карт. Шрелли, грав. Девисъ.

— Не могу! отвѣчалъ онъ,—я умираю отъ жажды.

— Поѣдемъ съ нами, поклониться новому Богу, Который народился на землѣ; Онъ утолитъ твою жажду и спасетъ тебя отъ смерти.

И какъ только Россоланъ прослышалъ о новомъ Богѣ, онъ воспринялъ духомъ, собралъ послѣднія силы и, съ трудомъ взобравшись на коня, двинулся въ путь, вмѣстѣ съ могущественными владыками въ золотыхъ гривнахъ на шеѣ и золотыхъ вѣнцахъ на головѣ.

Вотъ и солнце закатилось, и ночь—жаркая, южная ночь—опустилась на землю; а путники все ѣхали по пустынѣ, направляя свой путь по звѣздамъ, разспрашивая о мѣстѣ рожденія новаго Бога у пастуховъ, пасшихъ стада въ пустынѣ.

Россоланъ дивился этимъ разпросамъ. Онъ ожидалъ, что они должны прѣѣхать къ большому городу, и въ большомъ городѣ къ богатому дворцу или храму, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ ему рассказывалъ грекъ... А они прѣѣхали къ горѣ, въ которой пастухи указали имъ на пещеру и сказали:

— Здѣсь Онъ родился! Вонъ въ той пещерѣ, въ которую мы загоняемъ стада свои на день... Тамъ Его и увидите!

И точно,—въ пещерѣ, указанной пастухами, Россоланъ и его спутники нашли Младенца, обвитаго простыми пеленами и лежащаго въ ясляхъ, которые служили Ему колыбелью. Яркое, ослѣпительно яркое сіяніе осѣняло главу этого Бога-Младенца и радостное лицо Его Матери, не спускавшей съ Него глазъ и улыбавшейся Ему блаженною, неземною улыбкою...

Могущественные восточные владыки, пораженные дивнымъ зрѣлищемъ, пали ницъ передъ Богомъ-Младенцемъ, повергая къ подножію ясель богатѣйшіе дары, проливая тончайшія благовонія...

И вдругъ послышалось стройное пѣніе, которое несло къ небу, и всѣ увидѣли надъ пещерою, на облакахъ, множество свѣтлыхъ, крылатыхъ юношей, которые восторженно воспѣвали хвалу новому, только что народившемуся Богу. Тогда и Россоланъ не выдержалъ—палъ на колѣни и поклонился Богу-Младенцу...

— А вотъ и источникъ — напейся студеной воды, утоли свою жгучую жажду! сказалъ надъ самымъ ухомъ Россолана чей-то нѣжный голосъ.

И онъ, точно, увидѣлъ у самыхъ ногъ своихъ ключъ, живую струю бившій изъ земли, и припалъ къ нему жадными, распаленными устами—и проснулся.

IV.

Дивный и вѣщій сонъ надолго сохранился въ памяти Россолана и оставилъ въ душѣ его глубокой слѣдъ... Онъ былъ пораженъ могуществомъ и славою, которыми, среди простоты и уединенія, былъ окруженъ Богъ-Младенецъ.

Онъ не могъ забыть Его свѣтлаго, яснаго взгляда, пропикавшаго въ душу; не могъ забыть блаженства и счастья, написаннаго на лицѣ Его Матери... Не могъ забыть той несказанной красоты и величія, передъ которыми пали ницъ и преклонились владыки Востока. Въ очахъ его все еще горѣлъ тотъ свѣтъ, который сіялъ кругомъ главы Бога-Младенца; въ его ушахъ все еще раздавалось торжественное пѣніе стройнаго хора крылатыхъ, свѣтлыхъ юношей, которое несло съ небесной выси...

И какъ жалки, какъ безобразны казались ему, по сравненіи съ этимъ величіемъ и божественною красотою, тѣ боги, которые, въ видѣ грубо изсѣченныхъ истукановъ, высились надъ кровавыми жертвенниками на придиѣпровскомъ священномъ холмѣ! Какъ противны были ему дикія пѣсни и обряды, и жертвы въ честь этихъ боговъ, и шумныя, пьяныя тризны на могилахъ дружинниковъ и родичей!.. Всѣмъ существомъ его вдругъ овладѣла такая тоска, такое томле-

ніе, какого онъ никогда не знавалъ, не испытывалъ прежде... Онъ сталъ удаляться ото всѣхъ: то проводилъ цѣлые дни не переступая за порогъ своего дома, надъ колыбелью Рогдаева сына-младенца, котораго онъ поручилъ попеченіямъ своей жены и окружилъ самыми нѣжными заботами; то вдругъ, никому не сказавшись, уходилъ въ лѣсную глушь и цѣлые дни просиживалъ на берегу Днѣпра, безмолвный, углубленный въ свои думы...

— Чтò съ нашимъ княземъ? говорили одни изъ дружинниковъ, издали слѣдя за Россоланомъ. — Онъ ото всѣхъ насъ удаляется, не пируетъ съ нами попрежнему... Не совѣтуется, не думаетъ своей думы княжеской!..

— Ужъ не Перунъ-ли мститъ ему, нагоняя на него мракъ и тоску за то, что онъ не соблюдъ своей клятвы и пощадилъ Рогдаева сына? говорятъ другіе.

А Россоланъ, между тѣмъ, сидитъ на берегу Днѣпра, смотритъ на быстро-бѣгущія струи его и думаетъ о томъ, что Днѣпръ Славутичъ катитъ свои волны къ синему морю, а за тѣмъ моремъ, среди богатыхъ греческихъ городовъ люди страдаютъ и борются за новаго, Всемогущаго Бога...

— О, если бы мнѣ теперь удалось еще разъ, хоть не надолго повидать того грека, который тогда, отплывая къ берегамъ Тавриды, впервые сказалъ мнѣ живое слово о народившемся новомъ Весильномъ Богѣ!

И вотъ, однажды, къ тому высокому, пустынному берегу, на которомъ сидѣлъ Россоланъ и думалъ свои обычныя думы, причалило нѣсколько греческихъ судовъ съ товарами. Купцы и корабельщики, бросивъ якоря, спустили съ судовъ своихъ сходни на песчаный берегъ, сошли по тѣмъ сходнямъ и стали варить себѣ пишу.

Россоланъ сошелъ съ холма къ гостямъ-корабельщикамъ, привѣтливо имъ поклонился и спросилъ ихъ, есть-ли между ними такіе, которымъ была бы доступна славянская рѣчь.

— Многіе изъ насъ говорятъ на нашемъ языкѣ, отвѣчалъ Россолану одинъ изъ юношей,—потому что въ Тавридѣ и въ устьяхъ Днѣпра живетъ много славянъ, съ которыми мы постоянно торгуемъ и сносимся. А ты кто таковъ?

Россоланъ назвалъ себя и обѣщалъ заѣзжимъ гостямъ защиту и покровительство среди своего племени и безопасный путь черезъ свою землю къ племенамъ сосѣднимъ.

Гости-корабельщики пригласили его къ своей скромной трапезѣ. Россоланъ присѣлъ къ очагу и прежде всего спросилъ ихъ:

— А что у васъ слышно о новомъ Богѣ?

— О какомъ Богѣ ты спрашиваешь? спросили Россолана греки.

— О томъ, Который народился на землѣ и изъ-за Котораго въ нашихъ городахъ были и смуты, и раздоры, и гоненія...

— О, все это уже миновало! сказали Россолану греки.—Мы давно ужъ не поклоняемся болѣе старымъ нашимъ богамъ и всѣ вѣруемъ въ новаго, Единого и Всемогущаго Бога—мы всѣ хрістіане.

— А кто бы мнѣ могъ рассказать объ этомъ новомъ Богѣ? нетерпѣливо спросилъ грековъ Россоланъ.

— Вотъ, обратись къ нашему хозяину, къ тому старцу, что сидитъ на камнѣ у самой рѣки.

Россоланъ тотчасъ поднялся отъ трапезы, подошелъ къ старцу и просилъ его рассказать ему все, чтò хрістіанамъ извѣстно о новомъ Богѣ.

Старецъ выслушалъ его внимательно, молча вперя въ его очи свой глубокой и строгій взглядъ.

— Садись и слушай, если желаешь, сказалъ онъ Россолану, очищая около себя мѣсто на камнѣ.

И началъ ему сказывать о томъ, какъ родился Спа-

ситель міру, какъ былъ повить простыми челенами и положень въ ясляхъ въ вертепѣ...

Какъ только онъ дошелъ до этого мѣста, Россоланъ вдругъ вскочилъ и въ величайшемъ волненіи вскричалъ, хватая старца за руку:

— Знаю, знаю, какъ это было! Я видѣлъ, своими очами видѣлъ все это! Слушай!

И онъ разсказалъ старцу свой вѣщій сонъ.

Старецъ подвинулся вѣщему сну и сказалъ:

— Богъ давно уже вселился въ твою сердце и далъ тебѣ въ томъ сновидѣніи знаменіе... Пди по указанному тебѣ пути—и спасешься.

И много дней сряду старецъ, не разлучаясь съ Россоланомъ, бесѣдовалъ о Христѣ, объ Его чудесахъ, ученіи и страданіяхъ, смерти и воскресеніи.

Россоланъ слушалъ его жадно, хватая на лету каждое его слово и все закрѣпляя въ сердцѣ своемъ; и когда, наконецъ, старецъ окончилъ, Россоланъ сказалъ ему твердо и рѣшительно:

— Вѣрю вашему Богу и отрекаюсь отъ своихъ боговъ. Когда ты пойдешь въ свою землю, возьми и меня съ собою...

И дѣйствительно, передавъ власть надъ своимъ племенемъ жемѣ, поручивъ ся пощечіямъ и Рогдаева сына, котораго онъ и значилъ наслѣдникомъ княжескаго достоинства, Россоланъ собрался въ путь вмѣстѣ съ греками-торговцами, простился съ дружиною, съ родомъ и племенемъ. Въ назначенный для отъѣзда день, греки на разсвѣтѣ спустили съ берега на воду свои суда, сѣли къ весламъ и поплыли внизъ по теченію. Россоланъ стоялъ на носу одного изъ ихъ судовъ и смотрѣлъ въ открывавшуюся передъ нимъ туманную даль; онъ даже не оглянулся на родные берега и холмы, увѣнчанные дремучими, темными лѣсами.

V.

Громадный Колизей былъ полнымъ-полнѣхонекъ народомъ. Десятки тысячъ римлянъ отъ самаго ранняго утра уже заняли всѣ мѣста необъятнаго цирка, прикрытаго полосатымъ тканымъ наметомъ отъ палящихъ лучей солнца. Говоръ и шумъ громадной толпы, взволнованной цѣлымъ рядомъ кровавыхъ зрѣлищъ, жаждавшей крови и яркиихъ, поразительныхъ впечатлѣній, сливался съ криками продавцовъ, инъярившихъ съ лотками товара между рядами зрителей, и съ ревомъ дикихъ звѣрей, нетерпѣливо потрясавшихъ толстыя рѣшетки клѣтокъ...

Вслѣдъ за непристойными плясками мимовъ и гистрионовъ, вслѣдъ за боемъ гладиаторовъ и страшною павмахіей, во время которой сотни невольниковъ были потоплены для удовольствія зрителей на трехъ галерахъ, разбитыхъ и пущенныхъ ко дну, вся публика готовилась къ послѣдному акту безконечной драмы Колизея...

— Вотъ погодите, слышалось въ толпѣ, — сейчасъ приберуть остатки разбитыхъ галеръ, осушатъ арену, стащатъ тѣла въ споліарій и выведутъ ненавистныхъ христіанъ дикимъ звѣрямъ на съѣденіе...

— Между этими христіанами есть даже славяне, съ Дуная или изъ далекой, туманной Сарматіи...

— Говорятъ, есть даже греки изъ Тавриды и съ береговъ Босфора Киммерійскаго...

— Ха-ха! Столю-ли ихъ везти такъ далеко изъ-за

моря? Развѣ нѣтъ у насъ здѣсь своихъ христіанъ? Этими злодѣями полны теперь всѣ окрестности Рима! Ими кишатъ наши катакомбы...

— Ну, что-жъ такое! Ужъ наши здѣшніе давно прѣблѣли звѣрямъ Колизея!.. Цезарю угодно было полакомить ихъ нынче заморской диковинкой...

— Смотрите, смотрите, вопъ ихъ выводить! заревѣла, радостно рукоплеща, многотысячная толпа, устремляя взоры въ ту сторону цирка, гдѣ служители Колизея выводили попарно христіанъ изъ подземной темницы и ставили ихъ въ рядъ передъ клѣтками звѣрей.

Въ многочисленной толпѣ христіанъ двое особенно привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе: высокій старикъ, съ правильными чертами лица и окладистою сѣдою бородою, покрывавшею всю грудь его до пояса, и громадный, атлетически сложенный мужчина среднихъ лѣтъ, славянскаго типа, русоволосый, голубоглазый, благообразный... Россоланъ и грекъ-торговецъ, обратившій его въ христіанство, готовились умереть рядомъ, въ общей толпѣ мучениковъ, въ которой были и юноши, и старцы, и отроки, и грудные младенцы на рукахъ матерей...

— Выпускайте звѣрей! крикнулъ сверху чей-то громкій, повелительный голосъ.

Прислужники цирка бросились опретью къ клѣткамъ, быстро отодвинули ихъ рѣшетки и скрылись за ними отъ ярости голодныхъ звѣрей, устремившихся на арену... Львы, тигры, леопарды, медвѣди, гіены съ радостнымъ визгомъ и рычаніемъ, перегоняя и опрокидывая другъ друга, разомъ ринулись изъ клѣтокъ къ своимъ жертвамъ — и стоны терзаемыхъ звѣрями христіанъ слились съ ревомъ звѣрей и съ радостными ликованіями толпы, свирѣпой и жестокой, какъ звѣри арены.

Не прошло и часа, какъ вся толпа христіанъ, истерзанная звѣрями, обратилась въ груды окровавленнаго мяса, которое звѣри глодали и вырывали другъ у друга, грозно ворча и скаля зубы надъ обильною добычей. Паль въ толпѣ и старецъ-грекъ, палъ и могучій Россоланъ, долго боровшійся со звѣрями и до послѣдней минуты защищавшій своего учителя грудью... Истерзанннй на смерть, истекающій кровью отъ страшныхъ, глубокихъ ранъ, покрывавшихъ его тѣло, онъ чувствовалъ приближеніе смерти, онъ начиналъ терять сознание... И передъ его темнѣющимъ взоромъ еще разъ предсталъ тотъ же дивный образъ Бога-Младенца, лежавшаго въ ясляхъ, подъ сводомъ пещеры, освѣщенной яркимъ сіяніемъ неземнаго свѣта, осѣнявшаго Его главу. Мать Божія съ тою же блаженною, радостною улыбкою склонилась къ Его колыбели... Лики ангеловъ, въ свѣтлыхъ самосіянныхъ ризахъ, пѣли все ту же восторженную, вдохновенную пѣснь, прославляя Его изъ конца въ конецъ вселенной... Ему чудилось даже что Богъ-Младенецъ обращалъ къ нему взоры, что Онъ простиралъ къ нему ручки...

— Вѣрую, Господи! прошепталъ Россоланъ, ослѣпленный неземнымъ сіяніемъ. — Радуюсь тому, что мнѣ удалось пострадать и умереть во славу Твою... Прими душу мою въ Твоей свѣтлой обители!

И шепотъ замеръ на его устахъ, заглушенный ревомъ дикихъ звѣрей и шумнымъ ликованіемъ свирѣпой толпы.

Въ канунъ Рождества.

Теннисона. (Переводъ съ англійскаго).

Прологъ.

Въ Рождественскій сочельникъ предъ каминомъ
Собравшися, и даиь отдавъ стариннымъ
Обычаямъ потѣшивъ молодежь
Загадками, игрой веселой въ фахты
И танцами (при этомъ отчего-жъ
Не выказагъ и намъ свои таланты?)—

Мы наконецъ остались втроемъ—
Пасторъ, поэтъ и я—передъ огнемъ.
Мы вспомнили въ бесѣдѣ о преданіяхъ,
О древности глубокой, о сказаньяхъ
Про подвиги героевъ и царей.
И тутъ пасторъ—онъ былъ меня хитрѣй—
Вдругъ, слышу я, о томъ заводитъ рѣчи

Обнякомъ, что ради нашей встрѣчи
Нашъ другъ-поэтъ потѣшить долженъ насъ
И намъ прочесть эпическій разсказъ
Тѣмъ временамъ далекимъ посвященный.
И нашъ поэтъ, довольный, но смущенный—
Онъ скромнень былъ,—достала свою тетрадь.
Оговорись, подобно вѣтмъ поэтамъ,
Что онъ совѣтъ не справился съ сюжетомъ,
Что плохъ разсказъ—онъ сталъ его читать.

Смерть короля Артура.

(Изъ преданий о рыцаряхъ Круглаго Стола).

Такъ цѣлый день гремѣлъ сраженья громъ
Среди холмовъ, на берегу мореконь,
Пока и вся отважная дружина
Вокругъ вождя костями не полегла.

Сэръ-Бедивэръ отвѣтилъ: „Одного,
О, государь, боюсь тебя оставить.
Но я иду, я не привыкъ лукавить
И отъ тебя не скрою ничего.“
И съ этими послѣдними словами
Онъ вышелъ вонъ, и быстрыми шагами
Пошелъ впередъ, ступая межъ могилъ
Разрушенныхъ, гдѣ злобно вѣтеръ вылъ.
И наконецъ, извилистой тропой
Спустился внизъ, увидѣлъ предъ собою
Онъ озера сіющую гладь.
Но мечъ едва успѣлъ онъ въ руки взять,
Какъ идологъ тучъ собою разрывая,
Опять луна блеснула, проливая
Серебряный свой блескъ на рукоять,
Горѣвшую каменемъ самоцвѣтнымъ.

Святки. Съ елками въ городъ. Съ акварели (собств. „Нивы“) баронессы Врангель, автотипія Ангерера.

Межъ рыцарями Круглаго Стола,
Дѣлвшими судьбу ихъ властелина,
Сэръ-Бедивэръ одинъ остался живъ.
И короля, страдавшаго отъ раны,
Онъ на рукахъ отнесъ на мѣся неслучай,
Его среди часовни положилъ
Разрушенной. Вблизи шумѣло море
Безбрежное, съ другой же стороны
Сребрилася въ сіяніи луны
Гладь озера.

Тогда съ тоской во взорѣ
Сказалъ Артуръ: „Да, съ нынѣшняго дня
Распалося славнѣйшее изъ славныхъ
Товариществъ. Друзей, другъ другу равныхъ
Но доблести, шѣтъ больше у меня.
Они врагамъ въ бою не знали счета.
Среди садовъ тѣнистыхъ Камелота
Не суждено сойтися намъ опять
И о быломъ въ разсказахъ вспоминать.
Я пораженъ смертельно. До разсвѣта
Мнѣ не дожидь. Возьми оружье это—
Мой славный мечъ. Ты поминишь-ли тотъ часъ,
Когда рука внезапно поднялася
Изъ озера—таинственный, въ бѣломъ.
Держа его,— и я въ порывѣ смѣломъ
Доплылъ туда и взялъ чудесный мечъ?
Я, какъ король, среди кровавыхъ сѣчь
Носилъ его. Иди безъ замедленія
Ты къ озеру и въ волны брось его,
И что затѣмъ увидишь—ничего
Ты отъ меня не утаи“. Въ волненьи

И ослѣпленъ сіяющимъ, несмѣннымъ
Богатствомъ, онъ преодолѣть свой страхъ
И, спрятавъ мечъ въ прибрежныхъ камышахъ,
Пришелъ къ вождю, пытаясь скрыть смущенье.
Король спросилъ: „Исполнилъ повелѣнье?—
Что слышалъ ты?“ И тихо молвилъ онъ:
„У берега я слышалъ вѣтра стоить
И плескъ волны, утесы омывавшей.“
И поблѣдѣвъ, Артуръ сказалъ ему:
„Ты назѣнилъ, безчестно мнѣ солгавшій,
И имени и званью твоему.
Вернись туда, тебя я заклинаю:
Я знаменья или гласа ожидаю,—
И мнѣ спѣши повѣдать обо всемъ“.
Сэръ-Бедивэръ пошелъ своимъ путемъ,
Но ослѣпленъ алмазовъ яркимъ блескомъ,
Вернувшись, онъ отвѣтилъ на вопросъ:
„Я слышалъ тамъ, какъ волны обь утесъ
Плескались съ однообразнымъ плескомъ
И вѣтра стоить я слышалъ въ камышахъ“.
Тутъ глѣвъ блеснула у короля въ очахъ
И онъ вскричалъ: „Безчестный и презрѣнный!
Не рыцарь ты, платящій мнѣ пѣмѣной!
О, горе мнѣ! Со смертнаго одра
Король изречь безсилень повелѣнье,
И для него минула та пора,
Когда онъ ждалъ себя новинченья.
Межъ рыцарями Круглаго Стола
Послѣдній ты, и аличность довела
Тебя до дна. Прельстился ты, какъ дѣва,
Алмазами. Иди же въ третій разъ

Святки. Рубка елки въ лѣсу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) академина А. Писемскаго, грав. Шюблеръ.

И выполни предсмертный мой приказ,
Иль берегися царственного гнѣва“.
Сэръ-Бедивэръ опять пустился въ путь,
Сидѣша скорѣй кладбище обогнуть,
И къ озеру спустился вдоль откоса
Большой скалы, по близости утеса
Изъ камышей онъ поспѣшилъ павлечь
Укрытый въ нихъ Артура дивный мечъ,
И раскачавъ его онъ бросилъ въ волны.
И видѣлъ онъ, невольный страхомъ полный,
Какъ, яркій свѣтъ распространивъ вокругъ
И описавъ молніеносный кругъ,
Тождественный и съ молніи блистаньемъ
Среди небесъ и съ сѣвернымъ сіяньемъ—
Онъ падать сталъ. Но прежде, чѣмъ волны
Коснулся онъ—изъ водной глубины
Опять рука таинственная, въ бѣломъ,
Явилася,—и мечъ движеньемъ смѣлымъ
Схвативъ, она имъ трижды потрясла
И въ озеро съ собою увлекла...
Сэръ-Бедивэръ къ вождю вернулся смѣло,
И молвилъ тотъ: „Я вижу по глазамъ:
Исполнилъ ты задуманное дѣло;
Скажи же мнѣ, что ты увидѣлъ тамъ?“
И рыцарь такъ отвѣтилъ властелину:
„О, государи! Боюсь, что если вину
Я взоръ одинъ на этотъ чудный мечъ—
Я захочу себѣ его сберечь,
Я въ озеро швырнулъ его съ размаху...
И видѣлъ я, въ душѣ подавленный страху,
Что прежде, чѣмъ коснулся онъ волны,
Вдругъ поднялась изъ водной глубины
Опять рука таинственная, въ бѣломъ,
И взявъ его, она движеньемъ смѣлымъ
Имъ въ воздухъ три раза потрясла
И въ глубину съ собою унесла“.
Почувствовавъ на сердцѣ облегченье,
Сказалъ тогда израненный король:
„Мой часъ насталъ. Сильнѣе въ ранѣ боль,
Я сознаю кончины приближенье.
Снеси меня на берегъ“. И смотря
Печальными и ясными очами
Куда-то вдаль, онъ, это говоря,
Приподнялся на локтѣ. Со слезами,
Которыя удерживалъ съ трудомъ,
Сэръ-Бедивэръ склонился надъ вождемъ,
И бережно могучими руками
Поднявъ его, понесъ среди могилъ.
Дорогою король ему твердилъ,
Какъ въ забыты: „Скорѣе! Будетъ поздно!“
И между скалъ, что высились грозно,
Спускаясь съ утеса на утесъ,
Онъ короля израненнаго несъ.
Шаги его въ горахъ звучали глухо,
И доносился по временамъ до слуха,
Преслѣдовалъ его какой-то крикъ.
Измученный, онъ озера достигъ
Дорогою опасною и трудной,
И на волнахъ онъ тамъ увидѣлъ судно,
Что выросло, казалось, изъ тьмы—
Все въ траурѣ глубокомъ, отъ кормы
И до руля. И въ траурныхъ уборахъ,
Съ печалію глубокою во взорахъ
На палубѣ видѣлся рядъ фигуръ
Таинственныхъ. И тутъ король Артуръ
Со спутникомъ увидѣлъ межъ ними
Трехъ королевъ съ вѣнцами золотыми,
Которыя, издавъ протяжный стонъ,
Что эхомъ былъ окрестнымъ повторенъ—
Безумный вопль отчаянья и муки,
Къ Артуру вдругъ свои простерли руки
И приняли на палубу его,
И зарыдавъ, столпились вокругъ него.
Тутъ на свои колѣни положила
Главу его одна изъ трехъ царницъ.

Печаль ея казалась безъ границъ,
Горючими слезами оросила
Она чело монарха, и затѣмъ,
Снявъ бережно его тяжелый шлемъ,
Надъ раненымъ склонилася съ любовью.
Чело его покрыто было кровью
Залекшейся, и золото кудрей,
Похожее на яркій блескъ лучей
Полуденныхъ, отъ пыли почернѣло.
А онъ, въ бою всегда разившій смѣло—
Теперь и самъ, поверженный, лежалъ!
Онъ рыцари ужъ не напоминалъ
Того, кто былъ всегда красой турнира,
Чьи подвиги давно воспѣла лира...
Сэръ-Бедивэръ, охваченный тоскою,
Вскричалъ тогда: „Артуръ, мой государи!
Скажи же мнѣ, что станется со мною?
Такъ жить нельзя, какъ мы живали встарь.
И каждый день, на каждый подвигъ новый
Не явится, свершивъ его готовый,
Герой и вождь, какъ было тѣ у насъ.
Нашъ Круглый Столъ, эмблемою вселенной
Являвшійся, распался въ этотъ часъ.
Какъ примирюсь съ подобной пережвѣной,
Какъ буду я среди людей другихъ
И правовъ жить—мнѣ странныхъ и чужихъ?“
И медленно Артуръ ему отвѣтилъ:
„Все къ лучшему, и путь Господень свѣтелъ.
Все старое смѣняетъ новымъ Онъ;
Таковъ всегда движеньи законъ.
Въ себѣ самомъ найдемъ ты утѣшенье.
Я жизнь свою окончилъ. Провидѣнье
Пустькай рѣшитъ, какъ прожита она.
Ты обо мнѣ помолитесь. Сильна
Молитвы власть: отрадою чудесной
Она для всѣхъ, кто вѣруетъ, полна.
И тѣ изъ насъ, что тварью безсловесной
Не родились—о ближнихъ и себѣ
Пусть молятся, и внемлетъ ихъ мольбѣ
Творецъ міровъ. Прости. Передо мною—
Далекій путь, и если приведетъ
Онъ въ чудный край, гдѣ вѣчно все цвѣтетъ
И дышетъ все безсмысленно весною,
Гдѣ гори нѣтъ, болѣзни и скорбей—
Тамъ излечусь отъ раны и своей“.
Артуръ умоля, и судно, распуская
Всѣ паруса, вдругъ двинулось впередъ,
Какъ лебедь тотъ, что волны разсѣкая,
Съ тоскою пѣснь предсмертную поетъ...
Сэръ-Бедивэръ въ раздумье погруженный
Стоялъ, пока лишь точкой отдаленной
Не сталъ корабль,—пока не замеръ стонъ
Въ лучахъ зари, объявшей небосклонъ.

Эпилогъ.

Взволнованы простымъ повѣствованьемъ,
Мы до конца прослушали съ вниманьемъ
Его разсказъ. Огонь давно потухъ,
Блѣднѣла ночь, вдали запыль нѣтухъ—
Осталось недолго до разсвѣта.
Мы поднялись, благодаря поэта,
И разошлись по комнатамъ своимъ.
Но и во снѣ я короля Артура
Увидѣлъ вновь, и плылъ куда-то съ нимъ.
Высокая властителя фигура
На палубѣ стояла у руля;
Привѣтствуя съ восторгомъ короля,
Кричалъ народъ: „Огнѣнъ на престолѣ
Любовь и миръ, и воинъ не будетъ болѣ!“
Тутъ громкій звонъ начало торжества
Вдругъ повѣстивъ,—и пробудясь, довольный,
Я также звонъ услышалъ колокольный,
Привѣтствующій праздникъ Рождества.

1891 г. Октябрь.

О. Чюмина.

Исторія г. Вилибальда и Фрозинхенъ.

Поля Гейзе.

Былъ прекрасный Рождественскій вечеръ въ Мюнхенѣ. Крѣпкіе морозы послѣднихъ дней нѣсколько ослабѣли, снѣгъ не скривлялъ больше подъ ногами озабоченныхъ пѣшеходовъ; полупотухшая луна, тускло сіявшая въ голубоватомъ туманѣ, предвѣщала близкую оттепель. Фонари мутно свѣтили сквозь закоптившія стекла, бросая вверхъ слабо очерченный кругъ красноватаго свѣта. Но и внизу было достаточно свѣтло для того, чтобы люди могли справиться со своими праздничными дѣлами и заботами. Блестящія окна магазиновъ съ успѣхомъ замѣнили уличныя фонари, а такъ какъ Рождественскій ве-

черъ только-что начался, то во многихъ домахъ видѣлись зажженные елки, которыя дѣлали лицу похожею на громадную, ярко освѣщенную балную залу.

Къ сожалѣнію, не было желающихъ любоваться прекраснымъ зрѣлищемъ, такъ какъ эти сотни людей, нагруженныхъ пакетами и корзинами, были слишкомъ заняты своими дѣлами, слишкомъ торопились домой, для того чтобы обращать вниманіе на окружающее. Иначе, безъ сомнѣнія, странная фигура, медленно двигавшаяся въ этой толгѣ, навѣрно привлекла бы вниманіе любопытныхъ и даже собрала бы веселую свиту

изъ уличныхъ мальчишекъ, большихъ охотниковъ до интересныхъ зрѣлищъ.

Это была небольшая человѣчекъ въ темномъ длинномъ плащѣ, правый конецъ котораго опъ перекинулъ на лѣвое плечо. На головѣ у него былъ надѣтъ высокій цилиндръ, сильно сдвинутый на-бокъ, не изъ щегольства и кокетства, а потому что у человѣка не было свободной руки для того, чтобы поставить его на мѣсто. Вообще наружность его была довольно необыкновенная. Его спина была значительно искривлена, такъ что правое плечо замѣтно возвышалось надъ лѣвымъ. Голова довольно комично выдавалась между высокихъ плечъ, но красивое лицо съ живыми черными глазами, небольшою бородкой и усами, изъ-подъ которыхъ до-временамъ блестѣли бѣлые зубы,—производили выгодное впечатлѣнiе. Поэтому днесь его фигура не обратила бы на себя особеннаго вниманiя публики. Но сегодня вечеромъ замѣтнымъ его дѣлала оригинальная манера, съ которой онъ несъ на себѣ большую лошадь-качалку. Голову въ высокой шляпѣ онъ просунулъ подъ брюхомъ лошади, между тѣмъ какъ туловище и груди поклоилось на его круглой спинѣ, а ноги коня онъ обѣими руками крѣпко держалъ передъ грудью, сохраняя такимъ образомъ наилучшее равновѣсiе.

Судя по его счастливому лицу, видно было, что нести лошадику ему было очень приятно. Опъ веселой улыбкой отвѣчала на смѣющейся взглядъ, которымъ окидывалъ его случайный прохожiй, и, несмотря на тяжесть своей пошн, такъ высоко поднимала голову и бросала кругомъ такiе гордые взоры, точно охотникъ убившiй громаднаго кабана, котораго онъ взвалилъ на плечи и сильной рукой держитъ за ноги.

Такимъ образомъ, не торюясь, проходилъ онъ по улицамъ въ многолюдной толпѣ тѣснившейся у магазиновъ, и наконецъ вышелъ на площадь, отъ которой широкая улица съ рядомъ фонарей, вытянувшихся въ двѣ огненные линiи, ведетъ прямо къ Триумфальнымъ воротамъ. Такъ какъ на этой улицѣ нѣтъ магазиновъ и лавокъ, то маленькаго человѣчка охватила глубокая тишина, лишь только онъ повернулъ за уголъ. Не спуская съ плечъ своей пошн, онъ на минуту остановился, съ нѣкоторымъ трудомъ вытаскивъ платокъ изъ глубокаго кармана плаща и вытеръ имъ лобъ и лицо, на которомъ, несмотря на декабрьскiй морозъ, выступили крупныя капли пота. Шляпа при этомъ спустилась ему на затылокъ, но къ счастью удержалась на сѣдлѣ лошади. Однако стоило не малаго труда поймавъ ее и опять поставить на мѣсто. Это неприятное приключенiе не испортило, однако, хорошаго расположенiя духа въ маленькомъ человѣчкѣ.

„Гопъ-ля!“ крикнулъ онъ, точно реитникъ обѣзжающiй лошадь, поправилъ свою поклажу и опять бодро пустился въ путь, такъ какъ кромѣ длинной улицы ему предстояло пройти значительное разстоянiе за Триумфальными воротами.

Вдругъ онъ услышалъ за собою веселый смѣхъ и привѣтствiе:

— Добрый вечеръ, господинъ Виллибальдъ!

Этотъ приятный голосъ былъ давно ему знакомъ, поэтому онъ опять остановился и повернулся настолько, насколько позволяла ему его пошн, чтобы рассмотреть лицо говорившей, слабо освѣщенное колеблющимся свѣтомъ фонаря.

Это было блѣдное лицо молодой дѣвушки съ большими задумчивыми глазами, насколько можно было рассмотреть его подъ вуалеткой въ полусвѣтѣ туманной зимней ночи. Но ему была знакома каждая черта этого хорошенькаго личика. Это была его сосѣдка по квартирѣ, и вотъ уже года полтора онъ каждый день утромъ и вечеромъ встрѣчался съ ней. Но сегодня онъ не узнавалъ ее: ей довольно большой, хотя красиво очерченный ротъ былъ широко раскрытъ отъ смѣха, показывая два ряда прелестныхъ зубовъ, между тѣмъ какъ обыкновенно ея губы были строго сжаты и только нарѣдка улыбались сдержанной улыбкой, отъ которой исчезала небольшая складочка залегшая въ лѣвомъ углу рта.

Поэтому г. Виллибальдъ съ нескрываемымъ изумленiемъ спросилъ молодую дѣвушку:

— Это вы, фрейлейнъ Фрозинхенъ? Какая вы сегодня веселая! Чему это вы радуетесь?

— О, господинъ Виллибальдъ, отвѣчала дѣвушка, стараясь принять серьезный видъ,—простите меня, ради Бога! Я знаю что это очень невѣжливо съ моей стороны, но, съ этой лошадию на спинѣ, еслибы вы могли сами себя видѣть! И потому эта шляпа, которая сползла на-бокъ... Пожалуйста, не сердитесь, во...

— Ахъ, вотъ что! перебилъ онъ ее и самъ засмѣялся.—Я несколько не сержусь на васъ... Представляю себѣ какъ хороши я въ эту минуту, но мнѣ право не до смѣха. Эта лошадейка совсѣмъ меня измучила: вмѣсто того чтобы идти подъ сѣдломъ, она сама меня осѣдала. Въ магазинѣ, гдѣ я купилъ ее, мнѣ хотѣли ее переслать, но до насъ такъ далеко, что какъ-то совѣстно было угруждать носильщика, особенно въ Рождественскiй вечеръ, когда каждому хочется поскорѣе быть дома. Поэтому я и завалилъ ее себѣ на плечи и теперь, по крайней мѣрѣ, могу быть увѣренъ, что она доплететъ домой во-время. Хлыстикъ лежитъ у меня въ карманѣ, да кромѣ того я еще захватилъ книжку съ картинками... Пусть Ганзелъ знаетъ, что

у насъ Рождество, и что Божинька черезъ дядю Виллибальда прислалъ ему подарки.

— О, сказала дѣвушка быстро,—тетя Фрозинхенъ тоже не забыла нашего мальчика... Посмотрите, какъ я обвѣшана пакетами: въ этомъ мѣшкѣ пряники, здѣсь яблоки и орѣхи, а самое главное,—теплая курточка, которую я сама ему сшила, лежить дома. Теперь позвольте мнѣ помочь вамъ сесть лошади. Мои свертки я возьму въ лѣвую руку, правая у меня будетъ свободна, и мы вдвоемъ...

— И не думайте этого дѣлать, фрейлейнъ Фрозинхенъ! возразилъ Виллибальдъ, качая отрицательно головой, причемъ его шляпа съ лѣваго уха перекачнулась на правое.— Кто добровольно возлагаетъ на себя тяжесть, тогъ не долженъ обременять ею другаго. Къ тому же, мать-природа такъ благопритно меня устроила, что лошадь лежитъ очень удобно на моей круглой спинѣ, точно туюкъ или мѣхъ съ водой на спинѣ корабля пустыни. Вѣдь вы знаете, фрейлейнъ Фрозинхенъ, что такое поэтическое названiе даютъ горбатуму верблюду?

— Нѣтъ, я этого не знала, господинъ Виллибальдъ, сказала она, слегка покраснѣвъ.— Вы, я думаю, давно уже замѣтили, какъ мало я знаю. Я не получила такого хорошаго воспитанiя какъ вы, потому что вы настоящiй ученый. Но если вы ни за что не хотите, чтобы я помогала вамъ, то, по крайней мѣрѣ, дойдите скорѣе домой. Меня хотѣли задержать въ мастерской послѣ того какъ я уже отдѣлала четыре шляпы, но я сказала, что у меня дома есть своя работа... А на самомъ дѣлѣ я только боялась, чтобы Ганзелъ не заснулъ, если будетъ ждать слишкомъ долго.

Она пошла впередъ по длинной, пустынной улицѣ маленькими проворными шажками, скользя по талому снѣгу, между тѣмъ какъ ея спутникъ намѣренно замедлялъ шагъ, чтобы имѣть возможность любоваться ея стройною фигурой въ тѣсно прилегающей жакеткѣ.

Она была средняго роста, такъ что его высокiй цилиндръ возвышался надъ нею на два надъ ея шляпкой. Но благодаря небольшой головкѣ и тонкой фигурѣ съ круглыми плечами—она казалась гораздо выше.

— Откуда это вы идете, господинъ Виллибальдъ? спросила она послѣ короткой паузы.— Вѣдь вы хотѣли быть сегодня у придворнаго канцельмейстера?

— Я и былъ у него... Иначе у меня не было бы денегъ, чтобы заплатить за эту качающуюся Роспняту, которая обоилась мнѣ не дешево. За то, какъ видите, она благородной породы, съ настоящими конскими волосами и съ кожными сѣдломъ лучшаго сорта. Впрочемъ, деньги пустяки! Последнее время я для того и сидѣлъ за письменнымъ столомъ по восьми часовъ въ день, чтобы успѣть окончить работу до праздниковъ. Не шутка было написать пятьдесятъ шесть листовъ нотной бумаги, кромѣ партитуры, переполненной поправками и написанной невозможными каракулями. Самъ господинъ канцельмейстеръ удивился. „Уже готово!“ воскликнулъ онъ. „Вы настоящiй колдунъ... Какая точность, аккуратность и каждая нота точно напечатана“. Славный человекъ этотъ придворный канцельмейстеръ! Жаль только, что онъ такъ любитъ новѣйшую музыку, въ которой я не понимаю никакого толку. Какъ разъ и его засталъ за фортепиано передъ разложенною тетрадью новой оперы. „Вамъ еще предстоитъ работа, сказалъ онъ мнѣ,—разумѣется, только послѣ праздниковъ.“—„О, сказалъ я,—господинъ канцельмейстеръ, мы, трудовые люди, не можемъ строго соблюдать праздниковъ. Писать ноты—моя страсть... Такъ какъ самъ я не композиторъ, то мнѣ доставляетъ удовольствие видѣть какъ пишутъ другiе, хотя...“ Тутъ онъ перебилъ меня и засмѣялся: „Понимаю, понимаю, господинъ Виллибальдъ, вы реакционеръ, вы фанатическiй поклонникъ Баха. О вкусахъ, разумѣется, не спорятъ, и ванш по-моему не изъ худшихъ. Но скажите мнѣ, однако, гдѣ вы приобрѣли ваши прекрасныя музыкальныя познанiя? Вы какъ-то говорили мнѣ, что родились въ деревнѣ. Но вы прекрасно знаете гармонию, такъ что любой ученикъ консерваторiи можетъ вамъ позавидовать. Много разъ я замѣчалъ, что вы поправляли ошибки въ партитурахъ!“ Конечно, было очень лестно услышать это отъ такого знатока. Потому онъ попросилъ меня сѣсть, и я рассказалъ ему всю мою биографiю, начиная съ того времени, когда я еще былъ свѣжимъ, краснощекии мальчишкой и жилъ у моего отца, школьнаго учителя и органиста, въ Ансбахѣ; рассказалъ, какъ я рано пристратился къ музыкѣ и не имѣлъ большаго удовольствiя, какъ украдкой пробраться въ церковь и поиграть на органѣ, если мнѣ удавалось отыскать товарища, который за пару яблокъ соглашался раздавать органные мѣхи. И о томъ, какъ однажды я уналъ съ яблоки въ пасторскомъ саду и былъ поднятъ весь разбитый, съ вывихнутымъ позвоночникомъ хребтомъ и какъ потомъ началъ лѣчить меня деревенскiй цырюльникъ, и „маленькое поврежденiе“ обратилъ въ большое. Вслѣдствiе этого несчастья, я долженъ былъ оставить надежду на карьеру школьнаго учителя, такъ какъ мой голосъ испортился, сдѣлался слабымъ, а школьному учителю необходимо говорить громко, чтобы держать въ повиновенiи буйныхъ мальчишекъ. „Но почему же тогда вы не отдались спеціальному наученiю музыкѣ?“ спросилъ меня господинъ канцельмейстеръ. „О, это очень просто, сказалъ я,— насъ было

Святки. Рождественская сказна. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волнова, грав. Пуцъ.

Святки. Литературный альбомъ. „Евгеній Онѣгинъ“, Пушкина. „Сонъ Татьяны“.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волнова, грав. Шюблеръ.

семь человекъ—и я долженъ былъ самъ зарабатывать свой хлѣбъ, потому что отецъ умеръ, а новый учитель не могъ платити органисту. Когда же мои братья и сестры разошлись по свѣту и я наследовалъ отъ моего дяди небольшое имѣніе,—тогда ужъ было слишкомъ поздно начинать правильныя занятія музыкой. Изъ меня навѣрно выработался бы жалкій писака, неудачникъ. Потомъ я рассказалъ ему, какъ я продалъ мое имѣніе и переѣхалъ въ городъ, чтобы имѣть возможность слушать хорошую музыку, и жилъ такъ въ продолженіе пяти лѣтъ, пока не прожилъ своего маленькаго состоянія. Ну а потомъ, вы уже знаете, Фрозинхенъ, что я переѣхалъ въ нашъ домикъ, къ молочному торговцу, у котораго въ то время еще жила была жена, и занялся перепискою нотъ, чѣмъ могъ честно поддерживать свое существованіе. „И теперь, сказалъ я ему, такъ какъ я имѣю постоянную работу при театрѣ, которая хорошо оплачивается, то я и ни въ чемъ не терплю недостатка, очень доволенъ своей судьбой и желаю только чтобы и мною были довольны.“—„Господинъ Вилибальдъ, сказалъ тогда капельмейстеръ, который во время моего рассказа не переставалъ перелистывать написанныя мною тетради,—вы, какъ говорится, напрашиваетесь на комплиментъ. Развѣ можно быть недовольнымъ такой работой? Но чтобы доказать вамъ, что и господинъ главный управляющій тоже дѣлаетъ ваншъ трудъ и ваши познанія, я могу объявить вамъ, что вамъ назначено постоянное жалованье въ размѣрѣ 200 марокъ; кромѣ того, за ваши работы вы будете получать прежній гонораръ. Этою постоянною платой мы хотимъ обезпечить за собою вашу исключительную дѣятельность на пользу театра и музыкальной школы, такъ какъ вы должны дать обязательство, что никакихъ другихъ заказовъ, кромѣ нашихъ, принимать не будете. Если вы можете обѣщать это, то постановленіе о жалованьи вступитъ въ законную силу, начиная съ перваго января будущаго года.“

— Но вѣдь это отлично! воскликнула молодая дѣвушка и остановилась въ волненіи.—Теперь вы можете жить безъ заботъ, господинъ Вилибальдъ! Постоянное жалованье... Вы можете даже жениться!

Господинъ Вилибальдъ остановился. Его веселое лицо сразу сдѣлалось серьезнымъ, даже печальнымъ.

— Зачѣмъ вы смѣтаете надо мной, фрейлейнъ Эфрозина? сказалъ онъ (онъ всегда называлъ ее полнымъ именемъ, когда былъ ею недоволенъ).—Вѣдь вы знаете... вы видите...

— Я не понимаю, пробормотала молодая дѣвушка и покраснѣла, опустивъ глаза и старалась ниже сдвинуть свою вуалетку.—Отчего же вы не можете жениться теперь, когда у васъ есть вѣрный доходъ?

Онъ пристально смотрѣлъ на нее, точно стараясь психовать шутить-ли она, или говорить серьезно. Тогда онъ съ видимымъ волненіемъ снялъ съ плеча лошадку и поставилъ ее на сѣдлѣ.

— Почему я не женюсь, дитя мое? Сдѣлайте одолженіе, посмотрите на меня внимательнѣе... Отвѣтъ ясно написанъ на моей спинѣ.

— О, господинъ Вилибальдъ, только потому?

— Да, именно потому, фрейлейнъ Фрозинхенъ! Неужели эта причина недостаточно ясна для васъ? Пословица говоритъ, что каждый долженъ вести свою пошу, и если-бъ тѣ, у кого она есть, не женились, то міръ скоро окончилъ бы свое существованіе. Но дѣло въ томъ, что мои пошу ужъ слишкомъ велика и лежитъ она на такомъ замѣтномъ мѣстѣ, что каждому бросается въ глаза, особенно женщинамъ, у которыхъ туалетъ и наружность играютъ главную роль. Я давно уже примирился съ тѣмъ, что во все продолженіе моей жизни мое бремя не разстанется со мною и что съ нимъ я лягу и въ могилу. Я знаю, впрочемъ, что этимъ я искушаю мой первородный грѣхъ...

— Первородный грѣхъ?

— Въ самомъ буквальному смыслѣ этого слова. Потому что, если-бъ я не влѣзъ на яблоню, которая къ тому же стояла не въ отцовскомъ саду, а въ чужомъ, то я и не упалъ бы съ нея. Такимъ жестокимъ способомъ я былъ изгнанъ изъ райа, подобно праотцу Адаму, за то, что пытался съѣсть запрещенный плодъ. Это былъ золотой ранецъ, висѣвшій на самой верхней вѣткѣ. Я до сихъ поръ вижу его предъ собою.

— Но вѣдь праотецъ Адамъ былъ женатъ, осмѣлился зайти дѣвушка робко, но въ то же время лукаво улыбаясь.

Маленькій человекъ тоже разсмѣялся.

— Праотецъ Адамъ еще раньше женился на Евѣ и кромѣ того... приключеніе съ яблокомъ измѣнило его только внутренно, но не наружно. А къ внутреннимъ недостаткамъ женщины, слава Богу, синеходительны. Что же касается до меня—скажите фрейлейнъ Фрозинхенъ, неужели вы думаете, что у меня нѣтъ гордости! Повѣрьте, что я вовсе не былъ бы доволенъ, еслибъ дѣвушка полюбила меня только изъ состраданія; но еслибъ явился такой, которая на самомъ дѣлѣ нашла бы меня очаровательнымъ, то я, право, началъ бы сомнѣваться въ ея здравомъ разсудкѣ или въ полномъ обладаніи ею всѣми шты чувствами. Нѣтъ, милая моя соседка, я такъ не избалованъ судьбой, что считаю себя счастливымъ, если отъ времени до времени встрѣчаю человека какъ вы, наиримѣръ, который относится ко мнѣ дружески и симпатично.

Мысль о продолженіи благороднаго рода Вилибальдовъ я давно оставилъ.

Теперь они молча стояли рядомъ и оба смотрѣли на голову лошади, на которой развѣвалась настоящая черная грива. Немногіе прохожіе съ удивленіемъ останавливались передъ эгою странной группой. Двое-трое мальчишковъ подошли ближе и осмѣлились наконецъ поглядѣть шею лошади.

Г. Вилибальдъ засмѣялся.

— Пойдемте однако дальше, сказалъ онъ, нагружая на плечи свою пошу, — иначе мы возбудимъ въ этихъ ребятишкахъ зависть, а зависть вѣдь смертный грѣхъ. Ахъ, еслибъ къ суммѣ моего жалованья прибавить еще одинъ нуль! Какъ часто въ Рождественскіе вечера мечтаю я о томъ, какъ хорошо набить свои карманы деньгами и пойти бродить по улицамъ, и увидѣвъ толпу ребятишекъ, любопытно заглядывающихъ въ игрушечную лавку, собрать этого маленькаго пародъ, привести въ магазинъ и сказать: „Ну, друзья мои, выберите что хотите!“ Я удивляюсь, какъ это Ротшильды не умѣютъ доставить себѣ такого великаго наслажденія. Мы, бѣдняки, поневолѣ должны ограничиваться овощными лавками и торговками съ широкими, но и этого уже бываетъ достаточно. Видѣть дѣтское личико, которое ярко вспыхиваетъ отъ удовольствія и наумленія, когда гореть вишнею или сладкой прожовкѣ, при видѣ которыхъ у бѣднаго мальчугана сладкіи текли, вдругъ очутятся въ его гривной, маленькой рученкѣ,—право, нѣтъ ничего пріятнѣе! Невольно припоминаются сказки, въ которыхъ волшебники и феи тайно исполняютъ желанія бѣдныхъ дѣтей.

— Вы очень любите дѣтей? спросила дѣвушка послѣ нѣкотораго молчанія.

— Очень люблю, фрейлейнъ Фрозинхенъ! Потому что я помню, сколько я, бывши ребенкомъ, имѣлъ неисполненныхъ желаній и сколько я вытерпѣлъ горя, о которомъ никто не знаетъ. Неправду говорить, что дѣтство счастливейшая пора жизни. Если дѣтскія горести и печали, говоря относительно, малы и ничтожны, за то и разумъ, который долженъ воздѣйствовать на нихъ, тоже малъ и слабъ; къ тому же ребенокъ еще не имѣлъ возможности путемъ опыта придти къ убѣжденію, что все въ мірѣ кончается и проходитъ, ему все представляется вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Взрослый человекъ гораздо легче справляется со своими большими страданіями, чѣмъ ребенокъ со своими ничтожными огорченіями; онъ прямо и сознательно смотритъ въ глаза враждебнымъ обстоятельствамъ и борется съ ними, пока не побѣдитъ. Но маленькое, глушечное существо, которое каждый можетъ обидѣть, которому вездѣ представляются страхи и привидѣнія!.. Нѣтъ, еслибъ мать-природа не сдѣлала дѣтей легкомысленными и забывчивыми—немногіе выжили бы живыми изъ дѣтскихъ невзгодъ.

— Нѣтъ, сказала дѣвушка,—со мною было иначе. Я всегда была весела, пока была маленькая и жила у матери. Только тогда, когда я выросла и стала жить одна...

Она вдругъ замолчала, какъ бы испугавшись, что у нея вырвалось это признаніе. Но онъ ничего не замѣтилъ.

— Очень можетъ быть, продолжалъ онъ равнодушно,— что дѣвушкамъ вырастаютъ еще болѣе легкомысленными чѣмъ мальчишки, и ихъ дѣтскія горести и заботы мало принимаются къ сердцу. Поэтому ихъ легко можно утѣшить несстрой лентой или шиткой стеклинныхъ бусъ, какъ это и дѣлаютъ съ дикарями, которые цѣлую жизнь остаются дѣтьми. Простите мое дерзкое сравненіе, но въ немъ есть доля правды. Вообще же я остаюсь при моемъ прежнемъ мнѣніи: дѣти нуждаются въ утѣшеніи и искушеніи болѣе, чѣмъ взрослые, и потому-то христіанская религія есть лучшая, такъ какъ одинъ Господь Исусъ Христосъ допускаетъ къ Себѣ дѣтей, ласкаетъ ихъ и въ день Своего Рождества устроилъ имъ такой веселый праздникъ.

Онъ тяжело дышалъ отъ усталости и волненія и остановился на мигну, чтобы отдохнуть.

— Возьмите у меня изъ кармана платокъ, сказалъ онъ,—и оботрите мнѣ лобъ. Моя поша дѣлаетъ меня совсѣмъ безпомощнымъ.

Она сдѣлала это быстро и ловко и потомъ засунула ему платокъ на спину, чтобы его поклажа не такъ давила ему затылокъ. Онъ съ ласковой улыбкой поблагодарилъ ее.

— Вы были бы прелестной Вероникой, еслибъ встрѣтили нашего Господа Исуса на Его Крестномъ пути. Скажите, вамъ никогда не приходило въ голову, почему это ни въ одной религіи, кромѣ христіанской, ничего не говорится о дѣтскихъ годахъ ихъ основателей?

Она опять покраснѣла.

— Я такъ мало знаю о другихъ религіяхъ, г. Вилибальдъ. Вы должны разъяснить мнѣ это.

— Ну, объ арабахъ и туркахъ вы, вѣроятно, слышали въ школѣ, сказалъ онъ.—Магометъ прямо является передъ вами взрослымъ человекомъ и скоро женится. Точно такъ же и греческіе боги; хотя о нихъ и говорится иногда, гдѣ они родились, но они начинаютъ дѣйствовать уже взрослыми, они не лежатъ въ ясляхъ, не спасаются бѣгствомъ въ Египетъ, ихъ не экзаменуютъ въ синагогѣ старые книжники и фарис-

сен. О томъ, какъ живутъ юныя дѣти человечества, что они испытываютъ въ своей жизни веселаго и печальнаго, — эти боги не знаютъ ничего, поэтому имъ и не приходится въ голову призвать къ себѣ дитя, благословить и приласкать его. Какъ дѣлается въ Индіи — я не знаю, потому что я тоже не изучалъ теологій. Ну, вотъ мы уже и пришли. Признаюсь, какъ ни пріятно мнѣ было съ вами разговаривать, но я очень радъ, что увидалъ кровлю нашего домика. Эта лошадка совѣтъ мнѣ отдавала плечи.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нихъ видѣлся небольшой одноэтажный домъ съ мезониномъ. Они прошли еще нѣкоторое разстояние мимо недавно отстроенной красивой виллы и затѣмъ повернули въ темный переулокъ, гдѣ все напоминало то время, когда эта мѣстность была деревней, прежде чѣмъ сдѣлаться городскимъ предметомъ. Здѣсь весело было жить дѣтмъ, когда деревья были въ зелени и бросали прохладную тѣнь. Но теперь снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ на улицахъ и крышахъ; было темно и тихо, и немногіе фонари служили обманчивыми путеводителями для тѣхъ, кто плохо знаетъ эту мѣстность.

Но нашимъ путникамъ эти узкіе, темные переулки были, какъ видно, хорошо знакомы. Они еще издали узнали небольшой домикъ съ маленькимъ палисадникомъ, въ которомъ кусты и клумбы потонули подъ гладкимъ снѣжнымъ покровомъ. Вилибальдъ переѣхалъ сюда тотчасъ послѣ своего переселенія въ городъ. Сосѣдство сада и незастроеннаго луга ручалось ему, что его музыкальныя уши не будутъ беспокоить фортепианныя упражненія и сольфеджіи молодыхъ барышень, будущиxъ пѣвицъ и пѣльницъ. И хозяйка понравилась ему. Небольшой земельный участокъ уже много лѣтъ принадлежалъ одной молочницѣ, которая каждое утро на маленькой тележкѣ развозила молоко своимъ городскимъ клиентамъ. Послѣ смерти своего первого мужа, отъ котораго у нея осталась одна дочь, она влюбилась въ своего работника, человѣка съ сомнительною репутаціей, который былъ когда-то браконьеромъ, попался на мѣстѣ преступленія, нанесъ оскорбленіе дѣшнику и за это долженъ былъ нѣсколько лѣтъ просидѣть въ исправительномъ домѣ. Выйдя оттуда, онъ поступилъ работникомъ на ферму сердобольной вдовы-молочницы. Ему было уже лѣтъ сорокъ, но онъ былъ стѣнный, красивый молодецъ и, сдѣлавшись мужемъ и хозяиномъ, навсегда покончилъ съ проказами молодости и только иногда пострѣливалъ зайцевъ, которыми случалось слишкомъ близко подходить къ его огороду. Когда жена умерла, хозяйствомъ начала завѣдывать падчерица, между тѣмъ какъ самъ онъ продолжалъ торговать молокомъ, втайнѣ находя, что этотъ бабій промыселъ ниже его достоинства. Нѣкоторое время онъ жилъ совсѣмъ одинъ въ своемъ домикѣ, такъ какъ дочь вышла замужъ за мастераго и уѣхала. Но вскорѣ съ мужемъ ея на работѣ произошелъ несчастный случай, какіе нерѣдко бывають на фабрикахъ; онъ пробѣжалъ нѣсколько дней и умеръ. Молодая вдова вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ — вышеупомянутымъ Ганзелемъ — вернулась къ одинокому вѣтхому, тихо и печально прожила съ нимъ два года, пока не умерла во время эпидеміи, оставивъ трехлѣтняго сына.

Этотъ послѣдній періодъ жизни своего хозяина г. Вилибальдъ пережилъ вмѣстѣ съ нимъ и ко всѣмъ тремъ лицамъ, живущимъ съ нимъ подъ одною кровлей, онъ относился съ теплымъ участіемъ, всегда готовый придти на помощь и словомъ, и дѣломъ. Свою симпатію къ молодой женщинѣ онъ перенесъ на ея осиротѣвшаго сына, и кто послѣ похоронъ матери входилъ въ его комнату, въ которой стояла кровать мальчика, — кто видѣлъ, какъ ласково дѣлами часами онъ разговаривалъ съ ребенкомъ, кормилъ его, укладывалъ спать, тотъ не сомнѣвался, что этотъ маленькій человѣкъ съ высокими плечами былъ отцомъ малютки.

У него было двѣ комнаты въ верхнемъ этажѣ дома, одна въ три окна, которая занимала весь фасадъ и въ которой стояло его фортепиано, рабочій столъ и диванъ, обитый полинялымъ ситцемъ; другая комната — поменьше, гдѣ онъ спалъ. Противъ этой маленькой комнаты, отдѣленная полутемными стѣнами, находилась такая же крошечная комната съ кухней, которая долгое время стояла запертая и только полтора года тому назадъ на эту жалкую квартиру нашлась жилища — знакомая намъ Фрозинхенъ. Угрюмый хозяинъ дома, со времени смерти падчерицы становившійся все болѣе и болѣе неумолимымъ и предавшійся пьянству, отъ котораго усиливался его давнишній порокъ сердца, сначала не хотѣлъ принимать въ свой семейный домъ хорошеющую молодую дѣвушку. Онъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ далъ ей понять, что считаетъ ее недостаточно приличною особой и что поэтому ея присутствіе можетъ повредить репутаціи дома. Блѣдная, скромно одѣтая молодая дѣвушка съ сдержанными слезами увѣряла его, что она работаетъ въ мастерской дамскихъ нарядовъ M-elle NN, гдѣ можно справиться объ ея нравственности, и что если когда-нибудь мужчина переступитъ ея порогъ, то хозяинъ имѣетъ право немедленно выгнать ее изъ дому.

Все это она говорила такимъ кроткимъ тономъ, причемъ

такъ ласково смотрѣла на маленькаго Ганзеля, который взялъ ее за руку и не хотѣлъ пускать отъ себя, что сердце сердитаго молочнаго торговца смягчилось. Къ тому же во время этого разговора пришелъ Вилибальдъ и убѣдилъ своего хозяина уступить комнату этой бѣдной дѣвчкѣ, по лицу которой видно было, что она прошла тяжелую жизненную школу.

Въ тотъ же вечеръ Фрозинхенъ заняла пустую комнату въ верхнемъ этажѣ, причемъ кухня тоже поступила въ ея распоряженіе. Но она воспользовалась ею не для того, чтобы прятать тамъ свои платья, какъ полагали мужчины, такъ какъ кромѣ темнаго костюма, который она постоянно носила, у нея не было настоящей одежды, если не считать очень порядочнаго бѣлья; поэтому она возвратила заброшенному, пыльному очагу его прежнее назначеніе и, возвращаясь по вечерамъ изъ мастерской, готовила на немъ свой бѣдный ужинъ, который и съѣдала тутъ же, на узенькомъ кухонномъ столѣ при свѣтѣ крошечной лампочки.

Вмѣсто обѣда она довольствовалась булкой, къ которой прибавляла, смотря по сезону, или что-нибудь изъ овощей, или ломтика два колбасы, укладывая эти скромные принасы въ небольшую кожаную сумочку, для того чтобы вести съ собой въ мастерскую.

Она добросовѣстно исполняла свое обѣщаніе, что ни одна мужская нога не переступитъ ея порога, но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно сказать, что и ни одна женская рука не поступала въ ея дверь во все время ея пребыванія въ домѣ. Видно было, что она мало дорожила обществомъ своихъ подругъ и товарищъ по мастерской, такъ какъ по праздникамъ и воскресеньямъ она весь день сидѣла запершись въ своей комнатѣ и никто не зналъ, за какимъ занятіемъ проводила она долгіе часы. Нельзя сказать, чтобы бѣдность была единственною причиною такого замкнутаго существованія. Фрозинхенъ была ловкая работница, ей хорошо платили, такъ что она даже имѣла возможность покупать кое-какія украшенія для своей комнаты: свѣжія бѣлья занавѣски, скатерть на столъ, дешёвенькую олеографію, изображающую бѣлокурую дѣвственницу въ небесно-голубомъ старо-нѣмецкомъ нарядѣ, которую навязала ей прохожій разносчикъ. Обо всѣхъ этихъ великолѣпныхъ ея сожителю по дому имѣли только смутное представление. Молочиный торговецъ, страдавшій водяникой, никогда не угруждалъ себя восхожденіемъ по крутой деревянной лѣстницѣ, а Вилибальдъ только нарѣдка имѣлъ возможность бросить любопытный взглядъ въ комнату своей сосѣдки, именно въ тѣ счастливыя минуты, когда двери ихъ случайно отворились въ одно и то же время. Но такъ какъ у него были хорошіе глаза и такъ какъ онъ съ большимъ участіемъ относился къ этому таинственному существованію, то этой въ тѣни расцвѣтающей молодой жизни, то онъ съ радостью замѣчалъ, что щеки Фрейлейнъ Фрозинхенъ, несмотря на тяжелую работу и дурную пищу, пробрѣли болѣе свѣжія краски и что даже — правда, очень рѣдко — она весело улыбалась, причемъ губки ея розовѣли до неузнаваемости.

Это чудо произвелъ не кто другой, какъ маленький Ганзель. Съ первой минуты его дѣтское дѣтское сердце привязалось къ новой жилищкѣ, которая во многихъ отношеніяхъ была полезнѣе ребенку, чѣмъ обрѣтъ дядя Зилибальдъ. Подевная работа тети Фрозинхенъ олько ухлыла нѣжную привязанность мальчика къ своей подругѣ. Унъ въ одинъ день ждалъ ее, и лишь только она показывалась въ палисадникѣ, онъ съ радостнымъ крикомъ бѣжалъ къ ней навстрѣчу. Она поднимала его, цѣловала и несла съ собой по лѣстницѣ. Гамъ мальчуганъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ: онъ дѣлался за ея платье, смотрѣлъ какъ она зажигала лампу, надѣвала домашнюю кофточку и ставила на очагъ горшокъ съ супомъ. Во время ужина онъ садился на скамейку, съѣдалъ лучшіе кусочки, которые молодая дѣвушка клала ему въ ротъ, и, не переставая, болталъ на своеобразномъ языкѣ, въ которомъ она лучше, чѣмъ дядя Вилибальдъ, понимала каждое слово.

Этотъ послѣдній, несмотря на свое добродушіе, чувствовалъ нѣкоторую ревность, и если-бъ молодая дѣвушка пригласила его къ себѣ на кухню, онъ съ удовольствіемъ принялъ бы это приглашеніе. Но онъ зналъ, что строгія домовныя правила распространяются и на него. Комната Фрейлейнъ Фрозинхенъ была ему недоступна. Онъ могъ только, дождавшись той минуты, когда она относила ребенка спать, выйти, какъ бы невзначай, изъ своей спальни, встрѣтить ее въ стѣняхъ и тугъ ловко и осторожно завязать съ ней разговоръ. Въ большинствѣ случаевъ этотъ маневръ ему вполне удавался, такъ что дѣвушка обыкновенно сажала мальчика на стоявшій въ стѣняхъ старый столикъ, сама садилась около него, чтобы удобнѣе слушать увлекательныя рѣчи своего сосѣда, къ которому она всегда относилась съ робкимъ почтеніемъ. Иногда случалось, что Ганзель, не успѣвшій еще проявить особенно сильныхъ стремленій къ образованію своего ума и сердца, засыпалъ подъ аккомпаниментъ мягкаго голоса маленькаго человѣка. Тогда Фрозинхенъ опускала на свое плечо его бѣлокурую головку, обнимала его руками и еще внимательнѣе и задумчивѣе прислушивалась къ тому, что рассказывалъ ей Вилибальдъ.

Онъ не говорилъ съ ней о политикѣ и наукѣ, или о городскихъ происшествіяхъ и семейныхъ исторіяхъ сосѣдей. Онъ также не касался ея прежней жизни и прежнихъ отношеній, послѣ того какъ она однажды, съ мгновенной краской на щекахъ, сказала ему, что она никогда не знала счастья и что теперь ея единственное желаніе—прожить жизнь тихо и незамѣтно. Но у Вилибальда была особая манера, какъ мы уже замѣтили изъ ихъ разговора въ Рождественскій вечеръ, начиная съ заурядныхъ предметовъ, подниматься въ самыя высокія отвлеченныя сферы. Онъ говорилъ о Богѣ, о мірѣ въ томъ страстно поэтическомъ тонѣ, который часто былъ непонятенъ ея уму, но который смягчалъ и умиротворялъ ея душу, подобно тому, какъ дѣйствовалъ на нее его фантазія на фортепьяно, которыми онъ развлекалъ себя послѣ занятій переплетной. Фрозинхенъ по цѣлымъ часамъ сидѣла около двери, которая отдѣляла его гостиную отъ комнаты, жадно прислушивался къ каждому звуку и по временамъ вздыхая, когда музыка становилась особенно трогательною. Она никогда не говорила и онъ никогда не подовѣрвалъ, какъ благодарна она была ему за это тонкое духовное наслажденіе. Она была дитя народа безъ всякаго музыкальнаго образованія, но эти домашніе концерты предпочитала самой блестящей военной музыкѣ въ ярко иллюминаванномъ Лѣтнемъ саду, посреди наряднаго молодого общества.

— Гдѣ же мы ее устроимъ? говорилъ г. Вилибальдъ въ то время, когда они подходили къ темному дому.—Прошлое Рождество мы зажгли елку внизу у дѣдушки. Помните, Фрейлейнъ Фрозинхенъ, какъ это было неудобно? Старикъ былъ пьянъ, ворчалъ и бранился, точно мы ворвались къ нему затѣмъ, чтобы его обокрасть или прибить. Съ тѣхъ поръ, какъ у него распухли ноги и онъ долженъ былъ оставить свое ремесло, къ нему вернулось его прежнее буйное расположеніе духа, благодаря которому онъ просидѣлъ столько лѣтъ въ исправительномъ домѣ. Сначала, когда у него жила Катя, доброе вьючное животное, домъ былъ въ порядкѣ: она умѣла успокаивать старика, ухаживать за ребенкомъ и за его больной матерью. Но такъ какъ въ одинъ изъ своихъ бѣшеныхъ приступовъ онъ ее прибилъ и прогналъ, то съ тѣхъ поръ ни одна порядочная женщина не идетъ къ нему въ услуженіе. Тенершяния служанка, Лена,—вы, конечно, имѣете о ней понятіе—ко всѣмъ своимъ добродѣтелямъ присоединяетъ еще сильную любовь къ лакомствамъ. Представьте себѣ, что изъ того мѣшка печеній, который я недавно принесъ Ганзелю, бѣдняжка не съѣла и половины,—онъ самъ мнѣ жаловался,—а ваши прекрасныя трубочки навѣрно не доживутъ даже до втораго дня праздника, если вы оставите ихъ внизу. Самое лучшее было бы, прибавилъ онъ першительно,—если-бы мы зажгли елку въ вашей комнатѣ. Тогда съ нею не пронала бы ни одна вещица.

— Нѣтъ, нѣтъ, г. Вилибальдъ, возразила она быстро и покраснѣла, что онъ замѣтилъ даже подъ вуалью при слабомъ свѣтѣ фонари пустынной улицы.—У меня невозможно. Вѣдь, вы знаете...

— Ахъ, да, домовое правило! Но, вѣдь, я бы его не нарушилъ. Вы только отворите дверь, я поставлю въ сѣняхъ стулъ и буду любоваться этимъ великолѣпнымъ издали, подобно Моисею, съ горы смотрящему на Обѣтованную землю. Или, можетъ-быть, вы мнѣ сдѣлаете честь? Ради Рождественскаго сочельника и въ обществѣ Ганзеля вы могли бы сдѣлать исключеніе.

Она на минуту задумалась.

— Самое лучшее, сказала она быстро,—устроимъ елку въ сѣняхъ; дерево поставимъ на столѣ, подарки разложимъ кругомъ, а качалку чѣмъ-нибудь закроемъ, чтобы мальчикъ увидѣлъ ее не сразу, а послѣ того, какъ вдоволь налюбуется другими вещами. Какъ вы думаете?

— Вы правы, сказалъ онъ.—Истина всегда лежитъ на серединѣ. Правда, что въ сѣняхъ немножко холодно, но Ганзель будетъ разгоряченъ отъ радости, а если мы хорошенько патонимъ комнаты и отворимъ обѣ двери, то, пожалуй, нагрѣемъ сѣни. Но сперва, конечно, вы должны поужинать. А я пока займусь елкой.

— Я сегодня ничего не буду готовить, возразила она.—Я уже пообедала въ городѣ, чтобы не терять времени на стрипию. Мы сейчасъ же можемъ зажечь елку. Слава Богу, наконецъ мы дома.

Они дѣйствительно стояли передъ домкомъ, который со своими неосвѣщенными окнами смотрѣлъ не особенно весело и гостеприимно. Пройдя узкую калитку палисадника, маленькій человекъ со вздохомъ облегченія снялъ свою шапку и вытеръ лобъ. Не переходя порога, онъ остановился.

— Фрейлейнъ Фрозинхенъ, началъ онъ.—Прошлое Рождество вы бранили меня за то, что я осмѣлился подарить вамъ маленькій пустячокъ на память. Я долженъ былъ обѣщать никогда ничего не дарить вамъ. Вы знали, что средства къ жизни даются мнѣ нелегко. Но съ тѣхъ поръ положеніе вещей измѣнилось: я теперь состоятельный человекъ и, следовательно, не тотъ, который когда-то давалъ вамъ обѣщаніе. Поэтому и я счелъ себя въ правѣ поднести вамъ эту вещь на память. Богъ, сказалъ онъ, вытащивъ изъ кармана неболь-

шой предметъ, аккуратно завернутый въ бумагу.—Примите это въ знакъ моего глубокаго уваженія къ вамъ и не забудьте благодарить меня. Если-бы я не боялся надоесть вамъ, я бы сказалъ, какъ многимъ я вамъ обязанъ, какую прелесть имѣть вашу дружбу и ласка для бѣднаго, одинокаго чудака, какъ я... Впрочемъ, позвольте мнѣ умолкнуть... чтобы не сказать слишкомъ много...

— О, г. Вилибальдъ, сказала дѣвушка, дрожащей рукою принимая свертокъ и въ смущеніи опуская глаза.—Нѣтъ, это слишкомъ, вы слишкомъ добры, я этого не заслуживаю и мнѣ такъ совѣстно! Я тоже приготовила вамъ... маленькую ручную работу... Я только хочу показать, что у меня благодарное сердце, что я очень цѣню то, что вы для меня дѣлаете... Что вы не пренебрегаете такою простою, необразованною дѣвушкой, какъ я... разговариваете со мной о такихъ прекрасныхъ вещахъ... Возьмите... но только посмотрите тогда, когда я уйду, а то вы будете смѣяться...

Она вытащила изъ кармана небольшой пакетикъ, завернутый въ шелковую бумагу, торопливо сунула его въ руки Вилибальда и бросилась къ двери.

— Милая Фрозинхенъ, сказалъ онъ, и голосъ его зазвучалъ такъ тихо и растроганно.—Вы такая... У васъ лучшее сердце въ мірѣ. Какъ можете вы думать, чтобы я сталъ смѣяться надъ вами! Знаете-ли, что, со смерти моего отца, это первый Рождественскій сочельникъ, который я провожу такъ счастливо! Благодарю васъ тысячу разъ. Ну, а теперь, такъ какъ мы уже под открытымъ небомъ поздравили другъ друга, по-сѣйшимъ зажечь елку нашему мальчику.

Они подали другъ другу руки и крѣпко пожали ихъ. Послѣ этого Вилибальдъ отворилъ дверь и, держа лошадь подъ мышкой, на цыпочкахъ пошелъ черезъ темныя сѣни.

— Нужно проскользнуть какъ можно тише, сказалъ онъ ей.—Нужно, чтобы онъ ничего не подозрѣвалъ, пока все не будетъ кончено. Въ комнатѣ дѣда тихо, должно быть старикъ спитъ и Ганзель, вѣроятно, тоже задремалъ, соскучившись ждать насъ. Лена, конечно, убрѣжала и теперь навѣрно прогуливается съ какимъ-нибудь кавалеромъ по улицамъ и заглядываетъ въ окна. Тѣмъ лучше: по крайней мѣрѣ, намъ никто не помѣшаетъ. Однако, я долженъ попросить васъ помочь мнѣ внести этого Пегаса по ступенькамъ. Лѣстница слишкомъ узка для того, чтобы нести его поперекъ.

Она тотчасъ бросилась къ нему, и, держа лошадку на вѣсу, они пошли темнымъ, холоднымъ коридоромъ вверхъ по крутой лѣстницѣ. Дойдя до верхней ступеньки, они оставили лошадку въ сѣняхъ и каждый пошелъ въ свою комнату и заперъ дверь.

Оставшись одинъ, каждый изъ нихъ поспѣшно зажечь лампочку, чтобы поскорѣе развязать свой свертокъ и посмотреть, что въ немъ находится. Развернувъ шелковую бумагу, Вилибальдъ нашелъ кожаную сумочку для писемъ, внутренняя сторона которой была украшена хорошею вышивкой, изображающей вѣнокъ изъ лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ съ золотой лирою посрединѣ. Тонкіе пальцы Фрозинхенъ употребили много долгихъ воскресныхъ дней для того, чтобы довести свое произведеніе до полнаго совершенства. Что касается Фрозинхенъ, то онашла въ своемъ пакетикѣ небольшую коробочку, въ которой на розовой ватѣ лежала хорошеюккая гранатная брошка. Со внутренней стороны ея подъ стекломъ находился локоцикъ бьюкурныхъ волосъ и небольшая бумажка со слѣдующей надписью: „Моей дорогой приемной мамѣ на память отъ ея маленькаго Ганзеля“.

Хитрый Вилибальдъ приобрьлъ эту вещицу вскорѣ послѣ того, какъ молодая дѣвушка переѣхала въ ихъ домъ, слѣдовательно гораздо раньше того времени, когда онъ сдѣлался „состоятельнымъ человекомъ“; нарушеніе даннаго обѣщанія ничего не дарить ей—онъ думалъ заглядеть тѣмъ, что дарилъ отъ имени маленькаго Ганзеля. Онъ давно замѣтилъ, что Фрозинхенъ не носила никакихъ золотыхъ украшеній, какія бывають у каждой дѣвушки, и когда онъ спросилъ ее о причинѣ, она смущенно отвѣчала, что кое-какія золотыя вещи, которыя у нея были, она должна была продать, и съ тѣхъ поръ не имѣла возможности приобрьти себѣ новыхъ. Поэтому она была въ такомъ восхищеніи отъ своей брошки, что на минуту забыла о Вилибальдѣ. Она подбѣжала къ маленькому зеркальцу, надѣла брошку и съ радостнымъ смѣхомъ любовалась собой. Подомъ она вспомнила, что она не поблагодарила, какъ слѣдуетъ, своего добраго сосѣда. Она отворила дверь, чтобы позвать его, но въ эту минуту онъ тоже показався въ дверяхъ своей комнаты съ кожаной сумочкой въ рукахъ. Воскликнувъ въ одинъ голосъ: „Нѣтъ, это слишкомъ красиво!“ они засмѣялись и въ волненіи, молча, пожали другъ другу руки, такъ какъ никакая связная рѣчь не шла съ языка.

— Однако мы скверные приемные родители! воскликнулъ наконецъ Вилибальдъ, притворно сердитымъ тономъ.—Какъ не стыдно, что мы сами забавляемся, какъ дѣти, и совѣтъ забыли нашего мальчика, который, вѣроятно, и озябъ, и проголодался, а можетъ-быть и заснулъ, бѣдняжка. Скорѣе, мамахенъ, поставьте вашу лампу на сундукъ, а я принесу елку. Свѣчи я уже приклеилъ, теперь остается только навѣсить любки и орѣхи.

Святки. Сонъ въ Рождественскую ночь. Группа Кроази, грав. Брендамуръ

Дѣло пошло скоро, такъ какъ Фрозинхенъ покупала только такіе орѣхи, къ которымъ прикрѣплены были петельки изъ тесемки. Пока онъ развѣшивалъ между вѣтвями елки маленькіе золотые шарикъ, Фрозинхенъ навязывала нитки къ стебелькамъ яблокъ, которыя тоже были украшены нитками изъ сусальнаго золота, и передавала ихъ своему товарищу, который размѣщалъ ихъ по всѣмъ правиламъ перспективы и изящнаго вкуса. При этомъ они не обмѣнялись ни единымъ словомъ и только иногда, въ жару работы, сталкивались ихъ руки и они переглядывались доверчивымъ взглядомъ, предвкушая удовольствіе веселаго праздника.

Дерево стояло во всей красѣ! Старый столикъ Фрозинхенъ покрыла чистой скатертью, на которую разложила лакомства; сѣва положила книжку съ картинками и кнутикъ, сирова на стулъ—теплое платье, которое сама сшила. Съ другой стороны, противъ кресла, находился, покрытый плащомъ Виллибалда, самый главный подарокъ—деревянная лошадь, которой предстояло выступить на сцену послѣдней.

— Такъ! сказалъ маленькій человекъ съ довольнымъ видомъ.—Теперь вы можете пойти за мальчикомъ, а я пока буду зажигать свѣчи. Въ заключеніе вечера мы напьемся чаю, въ который я, ради праздника, прибавлю немного рому. Все что нужно я уже досталъ у Лены. Вы, надѣюсь, не откажетесь, Фрозинхенъ, на этой нейтральной почвѣ быть моей гостей и попробовать моего пунша?

Она, смѣясь, кивнула головой и съ раскрасившимся отъ волненія щеками начала спускаться съ лѣстницы. Онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ и когда она скрылась изъ виду, онъ все продолжалъ стоять на томъ-же мѣстѣ. Но веселая улыбка сбѣжала съ его лица, подобно тому какъ вершина горы, ярко освѣщенная солнцемъ, становится сразу темной и печальной, лишь только погаснетъ послѣдній лучъ вечерней зари.

Тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ его узкой, уродливой груди. Онъ провелъ рукой по глазамъ, какъ-бы желая прогнать очаровательную, но опасную мечту. Потомъ онъ медленно пошелъ въ свою комнатку, бросилъ въ печку лопаты двѣ угольи и взялъ свѣчу, для того чтобы зажечь елку. Когда онъ вернулся въ сѣни, онъ казался уставшимъ и замученнымъ. Онъ поставилъ подсвѣчникъ на столъ, гдѣ стояли лакомства, какъ-бы забывъ для какой дѣли принесть его сюда. Глубоко задумавшись, смотрѣлъ онъ на темныя вѣтки дерева, машинально сжимая тамъ и сямъ сухія иглы. Потомъ онъ опять вынулъ изъ кармана кожаную сумочку, съ величайшимъ вниманіемъ осмотрѣлъ ее внутри и снаружи, вздохнулъ и положилъ это сокровище обратно въ карманъ.

— Нѣтъ! сказалъ онъ себѣ.— Не будемъ тѣшить себя мечтами! Вѣдь это было-бы чистымъ безуміемъ и не только безуміемъ, но преступленіемъ! Конечно, можно достигнуть ее врасплохъ, поймать на словѣ, воспользоваться ея ангельской добротою, но развѣ это честно? Бѣдный ребенокъ! Что знаетъ она о себѣ самой, о жизни, о людяхъ? Разумѣется, жизнь ея печальна: тяжелый трудъ, жалкій заработокъ, больная мать... Если-бы она была моей женой, она была-бы обезпечена, покойна... Но что если она полюбитъ кого-нибудь когда будетъ связана со мной? Какъ я буду тогда рвать на себѣ волосы и проклинать себя за то, что вообразилъ, что могу быть счастливымъ какъ другіе... Нѣтъ! сжать зубы и выдержать характеръ! Между нами, холостиками, есть еще и худшіе неудачники.

Послѣ того какъ онъ произнесъ этотъ храбрый монологъ, не только мысленно, но почти вслухъ, такъ какъ въ своемъ одиночествѣ онъ привыкъ разговаривать съ собой—онъ успокоился и, вспоминая, что ему нужно зажечь свѣчи, взялъ въ руки подсвѣчникъ, но вдругъ услышалъ, что въ темномъ коридорѣ снизу кто-то зоветъ его.

Это былъ голосъ Фрозинхенъ, едва слышимый, но выражающій такой ужасъ, что холодъ пробѣжалъ у него по спинѣ.

Въ одно мгновеніе онъ сбѣжалъ по лѣстницѣ.

— Чтѣ съ вами, дитя мое? Чтѣ случилось? крикнулъ онъ.

— О, идите скорѣе, господинъ Виллибалдъ! Я испугалась до смерти. Принесите вашу свѣчку! Ахъ, Боже мой!

Онъ пришелъ со свѣчкой, но такъ какъ вѣтеръ задувалъ ее, то онъ не могъ видѣть какъ мертвенно блѣдна была молодая дѣвушка; онъ только замѣтилъ, что рука ея, которую она протягивала къ нему, какъ-бы лица его защиты, дрожала точно въ лихорадкѣ.

— Ради Бога, скажите кого вы встрѣтили здѣсь? говорилъ онъ шепотомъ.—Можетъ быть вамъ представилось привидѣніе?

Вмѣсто отвѣта она потянула его къ двери, которая стояла полуотворенной. Но она не переступила порога. „Вонъ тамъ!“ шепнула она дрожа и показала на открытое окно, изъ котораго лился въ комнату слабый свѣтъ уличнаго фонаря. Около окна стояло кресло старика, въ которомъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ распухли его ноги и онъ уже не могъ ходить самъ по комнатѣ—проводилъ всѣ дни, попивая водку, охалъ и проклиная Бога и людей. Онъ давно уже не ложился въ постель, такъ какъ лежать ему было еще труднѣе дышать. И теперь онъ сидѣлъ закутанный отъ колѣнъ грубою попоной, съ открытымъ ртомъ и подусомкнутыми вѣками, въ которыхъ странно блестящіе бѣлки, съ головой неподвижно прижатой къ спинкѣ

кресла. У него на колѣняхъ сидѣлъ его маленькій внукъ въ одной ночной рубашкѣ съ голыми ногами, прижавшись кудрявой головкой къ груди старика и зажавъ въ рукѣ откушенный кусокъ хлѣба. Онъ спалъ, но во снѣ слегка вздрагивалъ отъ холодной ночной тяги изъ окна.

Не болѣе мгновенія стоялъ Виллибалдъ неподвижно, какъ-бы окаменѣвъ отъ страха передъ этой ужасной грустью. Потомъ онъ наклонился надъ спящимъ мальчикомъ, осторожно поднялъ его съ его холоднаго сидѣнья и прижалъ къ своей груди.

— Скорѣе одѣяло! крикнулъ онъ дѣвущкѣ, которая теперь тоже вошла въ комнату и, жалобно охалъ, стала сзади него.—Онъ замерзъ какъ лягушка. Еще какихъ-нибудь полчаса и, Богъ вѣсть, чтѣ бы съ нимъ было.

Она побѣжала къ маленькой кровати, стоявшей въ углу почти пустой, неприбранной комнаты, и принесла шерстяное одѣяло, подъ которымъ обыкновенно спалъ мальчикъ.

— Вотъ такъ, мой бѣдняжка! сказалъ Виллибалдъ, завертывая въ мягкую шерсть окоченнѣвшіе, маленькіе члены.—Теперь ты уснешь лучше. Ахъ, какая безсовѣстная дѣвочка эта Лена! Для того чтобы убѣжать изъ дому, она раньше времени уложила ребенка спать—посмотрите: онъ не успѣлъ еще съѣсть своего ужина. Когда-же въ комнатѣ стало темно и старикъ началъ хрипѣть—нѣтъ сомнѣнія, что онъ умеръ уже съ часъ тому назадъ—мальчику сдѣлалось страшно, онъ слѣзъ съ кровати и побѣжалъ къ дѣдушкѣ, и такъ какъ тотъ уже не въ состояніи былъ говорить, то бѣдняжка отъ холода и голода наконецъ заснулъ. Смотрите, у него до сихъ поръ висятъ на рѣсницахъ застывшія слезки. Бѣдный мой сиротка! Нѣтъ, съ этого дня ты уже не будешь такъ заброшенъ!

Онъ крѣпко обнималъ мальчика и дѣловалъ его въ холодныя поспившія щечки. Ребенокъ пошевелился, но не раскрылъ глазъ.

— О, господинъ Виллибалдъ, прошептала дѣвушка,—неужели старикъ дѣйствительно умеръ?

— Насколько я могу судить, ему уже не придется больше вынуть ни одной капли изъ той фляжки, которая стоитъ на окнѣ. Однако хорошо, что вы мнѣ напомнили объ этомъ. Хотя ни для него самого, ни для другихъ не было-бы счастьемъ, если-бы онъ проснулся еще разъ, но все-же нужно позвать доктора. Иначе мы можемъ понасъ въ неприятную исторію съ полиціей. Возьмите нашего мальчика, отнесите его наверхъ и положите въ постель. Въ моей большой комнатѣ хорошо натоплено; я хотѣлъ сегодня вечеромъ что-нибудь сыграть вамъ. Но о музыкѣ теперь нечего и думать. Во всякомъ случаѣ комната тепла и Ганзелъ можетъ спать на диванѣ, къ которому мы приставимъ два стула. Бѣдный мой мальчикъ! И елка его не удалась сегодня. Хотя онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понимать значеніе смерти, и отъ своего дѣдушки видѣлъ не много ласки, но все-же въ домѣ, гдѣ человекъ только что испустилъ послѣдній вздохъ, нельзя зажигать елокъ и кататься на деревянныхъ лошадкахъ. Впрочемъ, мы свое намерѣваемъ, когда похоронимъ старика. Если ребенокъ проснется, дайте ему сперва чашку чаю, а потомъ яблоко и пряникъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ зналъ, что сегодня Рождественскій сочельникъ. Но прежде всего—скорѣе въ постель! Не помочь ли вамъ?

— Ахъ, что вы, господинъ Виллибалдъ! Вѣдь я столько разъ носила его одна по лѣстницѣ. Посмотрите, ужъ у него щеки становятся розовѣе. Не лучше-ли будетъ, если я прямо положу его въ свою кровать?

— Сдѣлайте одолженіе, фрейлейнъ Фрозинхенъ, исполняйте мои приказанія буквально. Вы сами знаете, что я не имѣю права переступать вашего порога, хотя-бы даже нашъ новый молодой хозяинъ ничего не зналъ о томъ, что его предшественникъ и дѣдъ запретилъ вамъ принимать въ своей комнатѣ мужчинъ. А между тѣмъ мнѣ нужно наблюдать за нимъ во время его сна; разумѣется, я несколько не церемонюсь пригласить васъ, если мнѣ понадобится ваша помощь. Теперь прежде всего—слышите, Лена возвращается съ прогулки?—я ее пошлю за докторомъ, самъ останусь внизу сторожить домъ, а вы ужъ уложите въ постель нашего маленькаго хозяина. Идите-же скорѣе, милая Фрозинхенъ. Все нужное для чая вы найдете на моемъ столѣ.

Онъ шути погналъ дѣвущку наверхъ, а самъ пошелъ навстрѣчу служанкѣ, которая, чувствуя угрызенія совѣсти, старалась какъ можно тише пробраться въ свою каморку.

Черезъ полчаса Виллибалдъ поднимался по своей узенькой лѣстницѣ и на цыпочкахъ, чтобы не разбудить ребенка, вошелъ въ свою маленькую спальню, въ которой едва можно было повернуться между кроватью, платянымъ шкапомъ и письменнымъ столомъ. Его молодая сосѣдка съ блѣднымъ лицомъ и влажными глазами сидѣла около стола, на которомъ были приготовлены чайныя принадлежности.

— Онъ все еще спитъ? спросилъ онъ.

Она утвердительно кивнула головой.

— Тѣмъ лучше. Внизу тоже все тихо. Докторъ констатировалъ параличъ сердца, или мозга. Оба эти главныя органа у старика были не въ порядкѣ. Мы положили его на кровать, такъ какъ неприлично идти въ могилу изогнутымъ подъ пря-

мымъ угломъ. До утра, пока не придетъ монахиня, нечего дѣлать. Однако, дайте мнѣ посмотреть на нашего мальчика. Тамъ есть свѣтъ?

Она кивнула головой и пошла въ слѣдующую комнату, гдѣ стояло пианино и болѣе изящная мебель — памятникъ прежнихъ, лучшихъ временъ. Двѣ узкія книжныя этажерки стояли въ простѣвкахъ, шкапчикъ для нотъ стоялъ около инструмента. На стѣнахъ висѣли довольно красивыя гравюры, портреты музыкантовъ-классиковъ, которые „поклонникъ Баха“ купилъ на аукционѣ и къ которымъ относился съ большимъ почтеніемъ. Рамы портретовъ и пианино бывали зимой обыкновенно покрыты пылью, такъ какъ комнату было дорого отапливать и Виллибальдъ почти все время жилъ въ своей спальнѣ. Но сегодня Фрозинхенъ, уложивъ мальчика спать, вытерла пыль, привела все въ порядокъ и комната сразу сдѣлалась красивой и уютной. Лампа стояла въ головахъ мальчика, и при свѣтѣ видно было, что надъ круглымъ личико онятъ покрылось здоровымъ румянцемъ.

Они простояли нѣсколько минутъ около дивана, прислушиваясь къ тихому дыханію спящаго. Потомъ Виллибальдъ взялъ лампу и осторожно сбоку освѣтилъ голову ребенка.

— Посмотрите, Фрозинхенъ, сказалъ онъ шепотомъ. — Въ немъ нѣтъ ни одной дѣдовской черты, но скорѣе похожъ на мать. Онъ навѣрно никогда не вступитъ въ драку съ лѣсничимъ и если судьба сдѣлаетъ его молочнымъ торговцемъ, то, надѣюсь, онъ не будетъ такъ безсовѣстно много вливать въ молоко воды, какъ это дѣлалъ въ мирѣ починающій его предокъ. Я знаю, что онъ внесетъ радость въ мою жизнь и, благодаря ему, я не умру одинокимъ.

— Но развѣ вы думаете, господинъ Виллибальдъ, что вамъ отдадутъ Ганзеля? Вѣдь у него, говорятъ, есть еще дяди, или вообще какіе-то родственники.

— Они будутъ очень довольны, если кто-нибудь сниметъ съ нихъ эту обузу. Какъ только мы похоронимъ старика, я начну хлопотать, чтобы законнымъ образомъ усыновить мальчика. Вы, какъ будто, не одобряете этого, фрейлейнъ Эфрозинъ? Скажите plainly откровенно, что вы находите тутъ не исполнимаго, или достойнаго порціанія?

Онъ поставилъ лампу на столъ, наклонился и тихо поцѣловалъ мальчика въ лобъ. Потомъ, заложивъ руки за спину, онъ началъ прохаживаться взадъ и впередъ, какъ-бы готовясь выслушать длинную рѣчь отъ своей собесѣдницы.

Она тихо стояла около дивана и смотрѣла на ребенка. И только послѣ долгой паузы она произнесла едва слышно:

— Онъ найдетъ въ васъ добраго отца. Но у него не будетъ матери.

Виллибальдъ остановился.

— Не будетъ матери? повторилъ онъ, и голосъ его слегка дрогнулъ. — Что вы хотите этимъ сказать? Разумѣется, Дена — судя по ея сегодняшнему поведению — обладаетъ материнскими качествами въ минимальномъ количествѣ. Но вы, фрейлейнъ Фрозинхенъ, развѣ вы до сихъ поръ не были отчасти матерью для мальчика и неужели вы отнимете вашу руку теперь, когда она особенно ему нужна?

Она опять молчала. Потомъ, наклонившись надъ головкой ребенка, она тихонько погладила ему волосы.

— О, я! пробормотала она, — вѣдь я же не могу оставаться жить здѣсь.

— Почему же нѣтъ, фрейлейнъ Фрозинхенъ?

— Я... но вѣдь это было бы... нѣтъ, право, это было бы неудобно. И, кромѣ того, вы навѣрно женитесь, чтобы не заботиться одному о Ганзелѣ. Я стѣсню васъ, если останусь.

Она еще ниже наклонила голову, чтобы поправить одѣяло, которое сползло съ мальчика. Тогда, стоя взадъ и впередъ, онъ сказалъ:

— Дитя мое, въ умѣ-ли вы? Полноте! Посмотрите мнѣ въ

лицо и скажите, неужели вы говорите это серьезно? Впрочемъ, нѣтъ, лучше замолчите, потому что мы разбудимъ его нашей болтовней. Пойдите въ другую комнату и налейте мнѣ чашку чаю. Я страшно хочу пить. Какое сумасшествіе! А я между тѣмъ всегда считалъ васъ такой разумною дѣвушкой.

Онъ на цыпочкахъ прошелъ въ спальню, куда и она послѣдовала за нимъ, задумчиво попикивая головой. Но пока она наливала ему чай, ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ вышелъ въ сѣни, гдѣ пахло пряниками и яблоками и елка издавала сильный смолистый запахъ, изъ сѣней вышелъ на лѣстницу, потомъ вернулся обратно въ комнату, держа руки за спиной и опустивъ голову. Онъ даже не дотронулся до чашки, которую ему налили дѣвушка, и, казалось, забылъ о своей палицей жаждѣ. Хотя печка остыла и дверь комнаты была открыта въ холодныя сѣни, но лицо его горѣло и онъ нѣсколько разъ проводилъ платкомъ по лбу.

Она опустилась на стулъ передъ чайнымъ приборомъ и задумчиво смотрѣла передъ собой.

— Фрозинхенъ, началъ онъ, и остановился передъ нею. — Я уже объяснялъ вамъ, почему я не хочу жениться. Неужели вы серьезно думаете, что дѣвушка, которая не согласилась бы выйти за меня замужъ ради моихъ „прекрасныхъ глазъ“, измѣнила бы этому рѣшенію ради удовольствія взять на себя обузу въ видѣ четырехлѣтняго ребенка?.. Но я еще разъ по-

вторю вамъ: я убѣжденъ, что за меня вышла бы только такая особа, для которой все равно, за кого ни выйти замужъ — такъ мало я имѣю права рассчитывать на мои личныя преимущества; но жениться на такихъ условіяхъ было бы слишкомъ унижительно. Я могъ бы жениться только на лучшей дѣвушкѣ, которую бы я полюбилъ, — довольствоваться кѣмъ поало и не могу.

— Но почему же вамъ не жениться именно на лучшей дѣвушкѣ? едва слышно слетѣло съ ея губъ. — Человѣкъ какъ вы, умный, образованный, съ такимъ добрымъ сердцемъ... Каждая дѣвушка должна гордиться, если вы...

— Вы, какъ видно, не знаете вашей породы, Фрозинхенъ. Какой-нибудь вѣтреный молодчикъ, если только онъ красивъ и строенъ, если у него дерзкая улыбка подъ тонкими усиками; какой-нибудь ничтожный фатъ, который только умѣетъ кружить женщинамъ голову — поставьте мне рядомъ, и я увѣренъ, что самая скромная дѣвушка предпочтетъ его, а на меня посмотритъ съ насмѣшкой или состраданіемъ. Скажемъ больше: наприимѣръ вы, дитя мое, вы, лучшая женщина, которую я знаю, скажите мнѣ честно и откровенно, если-бы вамъ предложили выйти замужъ за калѣку, надъ которымъ смѣются уличные мальчишки, развѣ вы не сочли бы этого оскорбленіемъ.

Она чуть замѣтно вздрогнула и еще ниже опустила голову.

— О, я!.. прошептала она смущенно. — Обо мнѣ не можетъ быть и рѣчи!

— Почему же о васъ не можетъ быть рѣчи, Фрозинхенъ?.. Потому, что вы гордая дѣвушка и лучше готовы умирать себѣ работой, чѣмъ изъ состраданія протянуть руку калѣкѣ, котораго вы, хотя уважаете, но не можете любить! Повѣрьте, что я не сержусь на васъ, напротивъ, я еще больше уважаю васъ за это. Теперь вы сами видите, могу-ли я жениться, могу-ли я надѣяться на сочувствіе женщины, которую бы я полюбилъ... Вы тоже не сердитесь на меня, моя дорогая Фрозинхенъ, я... такъ досажаю, что заговорилъ объ этомъ. И если вы, несмотря на нашъ сегодняшній разговоръ, все-таки сохраните хорошія отношенія со мной и можете мнѣ воспитать мальчика — пусть злые языки болтаютъ что хотятъ! — то я торжественно обещаю вамъ никогда не задавать вамъ такихъ коварныхъ вопросовъ. Я съумѣю побороть это... это горе и постараюсь схоронить въ душѣ мои безумныя желанія... Я увѣренъ, что мы останемся друзьями и когда, наконецъ, явится тотъ, кто поправится вамъ и будетъ достоинъ васъ, повѣрьте, что я... я искренно порадоюсь вашему счастью и пожелаю вамъ... Но извините... мнѣ показалось, что Ганзель проснулся... я посмотрю...

Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы голосъ не замѣнилъ ему, когда онъ произнесилъ послѣднія слова, и быстро вышелъ изъ комнаты. Когда, спустя довольно долгое время, онъ опять вернулся туда — стулъ передъ чайнымъ приборомъ былъ пустъ, въ сѣняхъ тоже не было Фрозинхенъ, и ея дверь, стоявшая весь вечеръ отворенною, теперь была занерта.

Стѣны и перегородки этого стараго деревяннаго домика были не слишкомъ плотны и толсты, поэтому изъ дверей маленькой комнаты Фрозинхенъ долго видѣлись узкія полосы свѣта, падавшія въ темныя сѣни, по которымъ Виллибальдъ догадывался, что молодая дѣвушка ушла не для того, чтобы ложиться спать, но чтобы избѣжать этихъ печальныхъ, волнующихъ разговоровъ, совѣтъ не подходящихъ къ радостному Рождественскому сочельнику. Поборовъ въ себѣ первое чувство неудовольствія, онъ нашелъ, что дѣвушка поступила очень умно и тактично. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ бы они стали говорить, что бы стали дѣлать вмѣстѣ послѣ этихъ странныхъ признаній, тѣмъ болѣе, что Ганзель и не думалъ просыпаться. Съ тихимъ чувствомъ покорности судьбѣ смотрѣлъ онъ на разрушенное зданіе своихъ легкомысленныхъ надеждъ, потомъ опять взглянулъ на дверь своей сосѣдки, за которой не слышалось ни единого звука, вздохнулъ своей узкой, одинокой грудью и опять на цыпочкахъ прошелъ въ комнату, которая, полчаса тому назадъ, благодаря присутствію его сосѣдки, казалась такой уютной и милой, теперь же опять представилась ему цошлюю и скучною. И чай совѣтъ простылъ. Онъ, однако, медленно выпилъ чашку, посмотрѣлъ сквозь мутныя, запотѣвшія окна, въ мертвую тишину зимней ночи и прошелъ въ переднюю комнату. Здѣсь, рядомъ съ споконно спавшимъ ребенкомъ, его съ такой силой охватило сознание своего безнадежнаго одиночества, что даже присутствіе его маленькаго, милаго товарища, не могло его успокоить. Его душа жаждала музыки. Онъ осторожно открылъ инструментъ и, тихо перебирая клавиши, началъ играть прекрасную Рождественскую пѣсню, которую онъ рассчитывалъ исполнить громко и торжественно, чтобы прославить этотъ святой вечеръ.

Сыгравъ раза два прекрасную старую мелодію, онъ обвелъ глазами комнату и увидѣлъ, что мальчикъ проснулся и, утѣвшись на своей постелькѣ, съ широко раскрытыми глазами прислушивался къ музыкѣ. Онъ быстро подошелъ къ ребенку, сѣлъ на низенькій стулъ и обвилъ маленькое тѣлце руками. Ганзелю казалось, что онъ видитъ сонъ: онъ не по-

Маленькая вязальщица. Съ карт. Эчлера, грав. Кордуанъ.

нималъ, какъ очутился онъ въ этой непривычной постели, не въ холодномъ сараѣ дѣда, а въ теплой и свѣтлой комнатѣ дяди Вилибальда. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ началъ увѣрять, что всегда останется здѣсь, что дѣдушка ушелъ и не придетъ больше; потомъ настойчиво сталъ требовать къ себѣ тетю Фрозинхенъ, такъ какъ она обѣщала принести ему кое-что отъ Боженки.

— Она уже легла спать, говорилъ Вилибальдъ,—такъ какъ думала, что Ганзелъ ночью не проснется, и Боженка то же самое думать, но только прислалъ Ганзелю кое-чего полакомиться.

Съ этими словами присмѣивый отецъ принесъ изъ сѣней пряникъ и красное яблоко—полосы свѣта еще не погасли. Потомъ, усѣвшись рядомъ съ мальчикомъ и отвѣчая на его вопросы, радовался тому, какъ весело блестѣли дѣтскіе глазки, пока ребенокъ наслаждался своими лакомствами. Вилибальду очень хотѣлось, чтобы и Фрозинхенъ въ эту минуту полюбила его и хѣ питомцемъ, но онъ не рѣшался постучать въ сѣни дверь, которая, повидимому, заперта была съ намереніемъ. Поэтому онъ укоризненно покачалъ головой, когда Ганзелъ началъ выражать желаніе идти къ тетѣ Фрозинхенъ, и довольно долго уговаривалъ его быть умнымъ мальчикомъ и лечь спокойно спать. Когда ребенокъ дѣйствительно задремалъ и его кудрявая головка опустилась на подушку, онъ еще разъ приласкалъ его, взявъ лампу и вышелъ изъ комнаты.

Его глаза упали на что-то бѣлое, лежавшее у порога—это былъ писанный листокъ бумаги, вѣроятно упавшій съ его письменнаго стола. Но когда онъ поднялъ его и осматрѣлъ—вѣтъ, это былъ не его почеркъ. Это были маленькія, круглыя буквы, написанныя неумѣлой рукой—четыре страницы, подписанныя „Фрозинна“. Лампа задрожала въ его рукѣ, онъ поспѣшно поставилъ ее на столъ и сѣлъ на стулъ, на которомъ раньше сидѣла Фрозинхенъ. Это письмо она, вѣроятно, только что написала и потомъ просунула въ щель, которыхъ въ его дворѣ было тоже не мало, откуда оно и упало на полъ. Но что такое она могла писать ему, чего не рѣшалась сказать на словахъ?

Съ сильно бьющимся сердцемъ онъ прочиталъ слѣдующее:

„Простите, что я такъ поздно беспокою васъ моимъ письмомъ. Но я не могу ждать до утра и не могу сказать вамъ этого лично; я не въ состояніи буду промолчать ни одного слова, если вы будете смотрѣть на меня. Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ тяжело! Я думала, что вы никогда этого не узнаете, потому что если вы это узнаете, то не будете такъ хорошо обо мнѣ думать, какъ думали до сихъ поръ, хотя и этого не заслужила; но я была такъ счастлива, когда вы меня называли своимъ маленькимъ другомъ, хотя это было недоброе-

вѣстность моей стороны, потому что я недостойна вашей дружбы и доброты, и то, что вы сказали мнѣ... Ахъ, это такъ смутило меня, мнѣ такъ стыдно, мнѣ никогда этого и во снѣ не снилось, потому что я такъ высоко уважаю васъ, что и всегда удивлялась, какъ можете вы разговаривать съ такою простою, необразованною дѣвушкой какъ я, хотя бы вы считали се честной и хорошей. Но я все не могу вѣрять, чтобы вы могли серьезно думать о томъ, что вы мнѣ сказали. Нѣтъ, господинъ Вилибальдъ, мнѣ такъ совѣстно, хотя я знаю, что вы это сказали скорѣе изъ состраданія къ бѣдной, одинокой дѣвушкѣ, чѣмъ... Вы понимаете, что я хочу сказать... И потому, что Ганзелю нуженъ материнскій уходъ; но вѣтъ, это все-таки невозможно, господинъ Вилибальдъ, и не потому, что вы думаете, что васъ нельзя любить. Васъ могла бы любить дѣвушка гораздо болѣе красивая и умная, чѣмъ я, если-бъ она

знала васъ такъ же хорошо, какъ я васъ знаю,—потому что вы самый лучшій, самый добрый человекъ; у васъ такія высокія мысли, и вы совсемъ не гордый, и мнѣ всегда кажется, когда я бываю съ вами, что я становлюсь лучше. И я всегда была такъ счастлива, что другаго счастья и представить себѣ не могла, какъ быть всегда съ вами, и вы должны были замѣтить, какое блаженство и испытывала, когда вы пожимали мнѣ руку и смотрѣли на меня дружески. Ахъ, Боже мой, этого никогда не будетъ больше! Но я скажу вамъ, что у меня лежитъ на сердцѣ. Мнѣ легче будетъ, если вы будете дурно обо мнѣ думать, т. е. такъ, какъ я этого заслуживаю, чѣмъ видѣть васъ печальнымъ, оттого, что вы думаете, будто я не могу оцѣнить счастья, которое вы мнѣ предлагаете, и что вы вообще не можете каждую дѣвушку сдѣлать счастливой.

Углубилась. Съ карт. А. Лиса, грав. Брендамуръ.

„Ахъ, господишъ Вилибальдъ, съ чего мнѣ начать? Вы помните, какъ и печальна была первое время, когда поселилась въ этомъ домѣ и какъ въ шутку говорили мнѣ, что я должна быть веселой, потому что у меня такое веселое имя. Веселой я была только тогда, когда была совѣтъ маленькой дѣвочки, когда была жива моя добрая крестная мать, богатая баронесса, у которой моя мать служила горничной, прежде чѣмъ вышла замужъ за моего отца. И когда я родилась, баронесса меня крестила, дала мнѣ свое имя и сдѣлала хорошия подарки, и послѣ заботилась обо мнѣ, дарила мнѣ хорошия платья и къ первому причастію подарила часы, которые до сихъ поръ у меня цѣлы, и сказала, что всегда будетъ обо мнѣ заботиться — и вдругъ она умерла, и вскорѣ послѣ нея умеръ мой отецъ. И тогда матери стало тяжело жить, потому что у нея было еще трое дѣтей кромѣ меня, и поэтому я пошла на мѣсто, когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и поступила въ одинъ знатный домъ помощницей няни, а потомъ барыня сдѣлала меня бонной и была очень мною довольна. И если-бъ барыня была такъ же ко мнѣ добръ, какъ и барыня, то я до сихъ поръ бы тамъ осталась, но барыня стала ревновать, и я должна была уйти дому, и потомъ пріѣхала въ этотъ городъ и поступила въ мастерскую. Но жить было очень трудно, — заработокъ маленькій и кромѣ того... Вы думали, когда познакомилась со мною, что я горюю о матери, которая долго была больна и которой я ничего не могла сдѣлать, какъ только посылать половину моего недѣльнаго заработка. Нѣтъ, господишъ Вилибальдъ, дѣло было еще хуже. Моя мать, слава Богу, поправилась, но для меня даже Всемогушій Богъ не можетъ ничего сдѣлать, потому что то, что случилось, того нельзя поправить. Три года тому назадъ я была глупенькая молоденькая дѣвочка, радовалась, что всѣ находили меня хорошею, особенно Эдуардъ, который къ тому же былъ художникомъ и, значитъ, понималъ въ этомъ толкъ, и онъ останавливался на улицѣ, когда я проходила мимо, преслѣдовалъ меня, говорилъ, что онъ нарисуетъ съ меня картину, что ему нужно рисовать какую-то святую и что онъ нигдѣ не можетъ найти такого лица, какъ у меня, и много еще такихъ безсовѣстныхъ словъ. И я гордилась этимъ и вѣрила ему, и пошла къ нему въ мастерскую, и такъ какъ самъ онъ былъ очень красивый человекъ, воспитанный и вѣжливый, и первое время обращался со мною какъ съ принцессой, то я ничего не боялась, пока, наконецъ, сама не влюбилась въ него по-уши, и забыла всѣ совѣты моей матери, какъ она меня предостерегала...

„Теперь понимаете, господишъ Вилибальдъ, какъ горько и должна плакать; я чувствую себя — точно я подписала мой смертный приговоръ, но все-таки мнѣ легче на сердцѣ, потому что я слишкомъ страдала, когда обманывала васъ цѣлые полтора года и вы считали меня честной дѣвучкой. Потомъ онъ меня бросилъ, и послѣ я случайно встрѣтилась съ нимъ, но я не сказала ему ни слова и убѣжала отъ него, потому что въ то время я уже познакомилась съ вами; и какъ ни былъ онъ красивъ, но онъ показался мнѣ отвратительнымъ, и вся любовь моя исчезла, и я даже не понимаю, какъ могла я любить его! Но все это ни къ чему не поведетъ, такъ какъ пятно, лежащее на моей чести и на моей совѣсти, не смоетъ никакое раскаяніе, никакія слезы; я никогда не могу сдѣлаться честной женою честнаго человека и, если даже гораздо менѣе уважаемый человекъ, чѣмъ вы, сдѣлалъ бы мнѣ предложеніе, я должна была бы сказать ему правду, и онъ, конечно, бросилъ бы меня.

„И теперь я умоляю васъ только объ одной милости, чтобы вы повѣрили каждому слову, которое я написала и, хотя я больше не имѣю права на ваше расположеніе, но вѣрите, что пока я жива — я не забуду, что я была съ вами знакома и всегда буду вести себя такъ, чтобы вы могли одобрить мое поведеніе. Вскорѣ послѣ моего несчастья, я хотѣла броситься въ воду, но я не сдѣлала этого потому, что не хотѣла причинить горя матери и лишитъ ее моей помощи. Теперь я постараюсь жить, чтобы оправдать то, что вы называли меня своимъ другомъ... Вамъ же я желаю самого лучшаго счастья въ жизни, котораго вы заслуживаете и, конечно, найдете, и остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностью

на вѣки ваша

Эфрозина“.

Въ маленькомъ домикѣ была мертвая тишина. Хотя служанка и обѣщала сидѣть у покойника, но лишь только затихло въ домѣ, пробралась въ свою каморку и заснула. Изъ большой комнаты, гдѣ спалъ Ганзель, и изъ квартиры Фрозиныхъ не слышалось ни единого звука и только въ комнатахъ Вилибальда стучала форточка, въ которую ударили сильные порывы вѣтра, назойливо бушевавшего вокругъ дома.

Но маленькій человекъ, сидѣвшій за столомъ, не думалъ о снѣ. Два раза внимательно прочелъ онъ письмо съ начала до конца, потомъ аккуратно сложилъ его и спрятавъ въ новую кожаную сумочку, которую онъ долго и глубокомысленно разсматривалъ. Ему опять стало жарко и онъ чувствовалъ странную тяжесть. Съ трудомъ всталъ онъ, отворилъ окно и, облокотясь на него, сталъ задумчиво смотрѣть въ темноту сырой зимней ночи. Луна почти совѣтъ скрылась за

быстро несущимися облаками, по обнирныя снѣжныя пространства, разстлавшіяся кругомъ, блестя лиро и свѣтло. Въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, гдѣ тоже было открыто окно, слышалось пѣніе, — простая, трогательная рождественская пѣсьня, которую исполняли два голоса подъ аккомпаниментъ фортепьяно. Это пѣніе успокоительно подѣйствовало на него. Потомъ гдѣ-то начала лаять собака и ея лай неприятно мѣшалъ его религиозному настроенію. Онъ уже хотѣлъ было пойти загнать и накормить собаку, которая можетъ-быть выла отъ голода и стужи. Но развѣ на душѣ у него не было болѣе важнаго долга, который необходимо было исполнить какъ можно скорѣе?

Медленно отошелъ онъ отъ окна и, выгнанный изъ лица стола небольшое бритвенное зеркальце — большое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ, онъ несправдливо, — началъ внимательно разсматривать свое лицо.

„Возможно-ли это? сказали онъ, и съ сомнѣніемъ покачалъ головой. — Но почему же нѣтъ? Бываютъ чудеса на нашей грѣбной землѣ и почему не совершится чудо въ эту счастливую Рождественскую ночь?“

Онъ положилъ зеркало обратно въ футляръ и разъ двадцать прошелся взадъ и впередъ по комнатамъ. Потомъ онъ остановился и, поднявъ голову какъ можно выше, сказалъ:

„Что хочешь дѣлать, Вилибальдъ, — дѣлай скорѣе!“

Тихонько отворилъ онъ дверь и увидѣлъ, что полосы свѣта, видѣвшіяся изъ комнаты его сосѣдки, еще не погасли. Тогда онъ твердыми шагами подошелъ къ двери и постучалъ.

Послышался шумъ, точно кто-то внезапно вскопчилъ съ мѣста. Но только послѣ втораго стука, давно знакомый голосъ отвѣтилъ едва слышно:

— Войдите!

Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ, что дѣвучка стояла около своей узенькой кровати, на которой, какъ видно, она только что лежала совѣтъ одѣтая.

Она стояла растерянная и испуганная и, сложивъ на груди руки, какъ бы желая защитить себя или умоляя о пощаду, прошептала:

— Ради Бога!..

— Простите, что я врываюсь къ вамъ ночью, сказалъ онъ, — но, право, я не въ силахъ былъ ждать, я не могъ уснокоиться, да и вы также... какъ я вижу... Какое милое, какое сердечное письмо написали вы мнѣ! Я хотѣлъ сегодня же поблагодарить васъ.. за такой рождественскій подарокъ. Я такъ счастливъ, такъ счастливъ, если-бъ вы знали!..

Онъ подошелъ ближе и хотѣлъ взять ея руки. Но она съ ужасомъ уклонилась въ сторону и прошептала:

— О, господишъ Вилибальдъ, какъ можете вы меня такъ мучить!.. Вы были такъ добры ко мнѣ, а теперь...

— Да, дити мое, сказалъ онъ, — я всегда былъ добръ къ тебѣ, съ перваго дня какъ я тебя увидѣлъ, и съ тѣхъ поръ моя привязанность становилась все прочнѣе и теплѣе, а твое письмо окончательно убѣдило меня, что я люблю тебя и буду любить до конца дней моихъ! Нѣтъ, не смотри на меня такими испуганными глазами, дай мнѣ твои руки, я хочу чувствовать ихъ теплую кровь, хочу вѣрить что ты не призракъ, какимъ часто являлась мнѣ во снѣ, но живой, любимый человекъ съ плотью и кровью!.. Но все-таки ты странная дѣвучка, Фрозиныхъ! То, что ты написала мнѣ о томъ, какъ ты меня любишь, доказываетъ только, что у тебя ужасно дурной вкусъ. Но, давно сказано, что о вкусахъ не спорить, и я былъ бы себѣ врагъ, если-бъ отказался отъ такого великаго, неожиданнаго счастья! Дорогая, единственная моя, тысячу разъ благодарю тебя!.. И если ты когда-нибудь раскаяешься въ своемъ чувствѣ, ты, по крайней мѣрѣ, не скажешь, что я хотѣлъ обмануть тебя, потому что мой величайшій недостатокъ слишкомъ очевиденъ, и если онъ въ самомъ дѣлѣ не упуститъ тебя!..

Теперь онъ схватилъ обѣ ея руки и хотѣлъ притянуть къ себѣ. Но она продолжала тоскующими глазами смотрѣть ему въ лицо.

— Но развѣ вы... все... и другое тоже прочитали? прошептала она, между тѣмъ какъ горячая краска залила ея лицо.

— Другое?.. Разумѣется я прочиталъ все письмо съ начала до конца, и даже цѣсколько разъ. Но именно это другое и положило конецъ моимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ. Именно то, что ты покалась въ проступкѣ, который могла скрыть, и убѣждаетъ меня, какое сокровище я нашелъ въ тебѣ. Кто такъ мужественно относится къ правдѣ, хотя бы эта правда разбила ему сердце, тотъ не способенъ на притворство и лицемеріе ради жалкихъ вѣншихъ выгодъ. Бѣдная моя Фрозиныхъ! Сколько горя ты перенесла въ твои молодые годы!

Тогда слезы полились у нея изъ глазъ. Она крѣпко обвила его и прижала свои губы къ его улыбающимся губамъ. Когда промель первый порывъ объятій и поцѣлуевъ, она схватила его руку и сказала съ иѣжнымъ румянцемъ на щекахъ:

— Пойдемте! Мы должны пожелать спокойной ночи нашему сыну!.. Я обѣщаю вамъ, что буду ему хорошей матерью.

— Я знаю, сказалъ онъ, ласково глядя ея руку, — но, надѣюсь, что вмѣстѣ съ тѣмъ, ты будешь и строгой матерью и... никогда не позволишь нашему мальчику лазить на чужія яблоня...

Е. Е.

Какъ я женился.

Святоточный рассказъ П. Пиранга.

Елку погасили... Молодежь утихла... Все сидѣли молча, только шалунья Оля перешептывалась съ соседомъ—молодымъ гусарскимъ корнетомъ, недавно произведеннымъ...

У стола сидѣлъ глава дома, сѣдой отставной ротмистръ, большой балагуръ, нѣкогда лихой кавалеристъ и повѣса...

Прошли года, и время взяло свое: теперь онъ добрый, хлѣбосольный старикъ, любимецъ всего уѣзда. Проѣзжая вблизи усадьбы, каждый считаетъ своимъ долгомъ побывать у Петра Григорьевича... Но въ этотъ, хотя и торжественный вечеръ, онъ былъ почему-то, противъ обыкновенія, неразговорчивъ, даже въ карты не садился играть... Трубка погасла... Погрузившись въ думы, онъ какъ-бы весь отдался прошлому... А въ прошломъ было что вспомнить!..

— Папа, ты все обѣщала рассказать намъ, какъ въ первый разъ познакомился съ мамой?... прервала тишину Лиза, общая любимица, меньшая дочь Петра Григорьевича...

— Охъ, Лиза, я право сегодня что-то не въ ударѣ рассказывать!..

Въ это время въ дверяхъ показались гости, окончившіе пульту, и дружно присоединились къ Лизѣ...

— Расскажите, расскажите, дорогой Петръ Григорьевичъ!.. раздавалось со всѣхъ сторонъ...

— Нѣтъ, господа, ужъ увольте, совѣмъ что-то не въ настроеніи... огибнулся тотъ, раскуривая трубку.

— Ну, расскажи, Петя! поддержала хозяйка, немолодая, полная женщина, съ правильными и симпатичными чертами лица, свидѣтельствовавшими о былой красотѣ.

— Дѣлать нечего... такъ ужъ и быть... Ахъ, опять погасла трубка... Эй, Митька, огня!

Митька не заставилъ себя ждать и черезъ минуту Петръ Григорьевичъ началъ:

— Было это лѣтъ двадцать тому назадъ... Я служилъ въ уланяхъ... Полкъ стоялъ въ N...ской губерніи. Отецъ мой былъ тамъ-же уѣзднымъ предводителемъ... Жилось хорошо... Средства были, домъ близко... Ну, а что касается меня, такъ доложу вамъ, господа, самъ я былъ недуренъ, хорошо ѣздилъ верхомъ, любилъ парѣдка этакъ кутнуть, а иной разъ не прочь и приволокнуться...

Тутъ Петръ Григорьевичъ состроилъ такую гримасу въ сторону жены, что всѣ прыснули отъ смѣха...

— Ну ужъ нечего тутъ... лучше рассказывай!.. проговорила Нина Николаевна.

— Да я, голубушка, ничего... я такъ... Слушайте-же дальше... Словомъ, я былъ лихимъ кавалеристомъ, по мнѣнью окружающихъ меня и конечно своему собственному... Произвели меня въ корнеты... Прошло годика полтора... Въ то время я былъ еще очень юнъ, но службу уже зналъ порядочно, поэтому меня и совали всюду... Такъ и въ тотъ разъ, передъ Рождествомъ, получаю командировку... Печали моей конца не было,—боялся опоздать къ празднику домой...

«Кое-какъ окончивъ дѣла, я прискакалъ въ полкъ лишь на второй день Нового года...»

«Явился къ командиру, которому вѣроятно часто икалось въ мое отсутствіе, взялъ на двадцать восемь дней отпускъ и, не желая оставлять лошадь на попеченіе денщика, рѣшилъ ѣхать домой верхомъ. Тутъ еще было то соображеніе, что этимъ я втягиваю коня въ ѣзду...»

«Приказавъ положить въ кобуры бутылку рому и чего-нибудь закусить, надѣвъ шинель въ рукава, я туго затянулся ремнемъ, подвѣсилъ саблю, положилъ на всякій случай въ карманъ револьверъ и, перекрестившись, съ легкимъ сердцемъ вскочилъ на своего „Копчика“...»

«— Вы-бы, ваше благородіе, лучше взяли почтовыхъ... А то вишь какой морозъ... Да и мѣсяцъ врядъ-ли сегодня будетъ, а до дому почитай не близко!.. сѣтовалъ денщикъ, заботливѣйшій обо мнѣ, какъ нянька...»

«— Ничего, Карининъ (какъ въ шутку я его называлъ),—доѣду и такъ, да еще пожалуй скорѣе... Ну, прощай, не пьянствуй и уходи, запирай квартиру!..»

«Назиданіе, которое я всегда повторялъ, уѣзжая куда-нибудь изъ полка...»

«Выѣхалъ часа въ четыре. Было еще совѣмъ свѣтло. На душѣ радость... Увижу дорогихъ сердцу, поживу въ холѣ, подъ крыломъ магушки, повеселимся...»

«Копчикъ мой нетерпѣливо перебиралъ ногами, похрапывалъ и отъ поры до времени помахивалъ головой—дурная привычка, отъ которой я его никакъ не могъ отучить.»

«Ну-съ, выѣхалъ это я за околицу и тронулъ рысцой... Ёхалъ то рысцой, то шагомъ.»

«На половинѣ дороги остановился въ деревнѣ на часокъ, Копчика подкормить, да и самому пообогрѣться было не лишнее...»

«Хлѣбнувъ рому и перекусивъ, пошелъ въ сарай замундштучивать коня.»

«Копчикъ дрожалъ. Я не обратилъ вниманія, думая, что прозальбѣдьяга. Но, застегивая цѣпочку, замѣтилъ, что дѣло

не въ холодѣ... Лошадь усиленно поводила ушами, похрапывала и боязливо озиралась по сторонамъ.»

«Что бы это могло быть?... Вѣрно напугалъ кто-нибудь», рѣшилъ я.

«А Копчикъ, надо правду сказать, былъ очень пугливъ, въ особености въ незнакомомъ мѣстѣ. Успокоивъ его какъ только могъ, я усѣлся въ сѣдло и, сопутствуемый добрыми пожеланіями, выбрался отъ гостеприимнаго хозяина, у котораго всегда останавливался на дорогѣ домой. Луна свѣтила ярко. Морозъ будто спалъ. Тишина мертвая... На душѣ свѣтло, хорошо какъ-то... Хочется всѣхъ любить...»

«И для чего только зло на свѣтѣ водится!?!» философствовалъ я, будучи въ самомъ благодушномъ настроеніи. Мысли мои были вдругъ прерваны скачкомъ Копчика. Я осадилъ его и кругомъ, кромѣ стараго пня, приняшаго дѣйствительно фантастическую форму при свѣтѣ луны, ничего больше не замѣтилъ.

«Конь же мой положительно осатавѣлъ и шарахался въ стороны чуть не каждыя пять минутъ. Такъ проѣхали мы версты три-четыре. Впереди таянулся лѣсъ, хотя небольшой, но очень густой; дорога же въ немъ была до того узка, что пара саней едва разѣжалась.»

«Передъ лѣсомъ, приближительно за версту, лошадь окончательно вывела меня изъ терпѣнія. Я не сдержался и ударилъ шпорами... Копчикъ взвился на дыбы и далъ такого козла, что надо было хорошо ѣздить, чтобы не вылетѣть изъ сѣдла аршина на два... Но кое-какъ я удержался. Затѣмъ мы поехали... Употребляя всѣ усилія остановить коня, я только при вѣтѣ въ лѣсъ успѣлъ перевести его изъ карьера въ галопъ.»

«Въ это время что-то промелькнуло передъ нами. Птица-ли то перелетѣла на другое дерево, зайца-ли прыгнулъ въ сторону, волкъ-ли шмыгнулъ въ кусты, право я не могъ разобрать, и теперь не могу придумать, что бы это могло быть,—только конь мой, закусивъ удила, какъ вихрь понесся прямо въ чащу. Все это было дѣломъ одного мгновенія... Мелькнули деревья... Вотъ страшный ударъ въ голову—и я на землѣ... Въ глазахъ пошли какіе-то огненные круги и затѣмъ я выдаю въ безпамятство... Сколько времени пролежалъ—не знаю, по холодъ оказалъ свое дѣйствіе... Открываю глаза... Луна чуть пробивается сквозь густую чащу широко раскинувшихся елей и сосенъ...»

«Кругомъ тишина. Но, чу!.. что это?..»

«Звонъ бубенчиковъ... голоса... все ближе и ближе. Я хочу подняться, крикнуть, но сильная боль въ головѣ и плечѣ опять лишаетъ меня сознанія...»

«Проходитъ минута, другая, я снова открываю глаза, всматриваюсь въ окружающіе предметы, и несмотря на мучительную боль, холодъ пробираетъ меня до костей. Не морозомъ вызванъ этотъ холодъ, нѣтъ... Зубы мои стучатъ при видѣ той картины, которая представилась...»

«Впереди маленькая полянка, ярко освѣщенная луной, и на этой-то полянкѣ двигались какія-то чудовища. Мохнатая, съ рогами, они какъ будто искали чего-то.»

«Страшными звуками череклились они между собой. Порой раздавался смѣхъ... Эхо вторило имъ.»

«Я лежалъ чуть дыша. Сердце бѣгло отъ ужаса. Но вотъ чудовища будто обрадовались чему-то: возгласы стали громче, и черезъ мгновеніе они всѣ бросились въ мою сторону...»

«Страхъ и опасность возвратили мнѣ силы. Ищу саблю... нѣтъ... Тогда хватаюсь за револьверъ... Шатаюсь приподымаюсь на колено, прислоняюсь къ дереву и съ трудомъ взвожу курокъ. А чудовища все ближе и ближе... Мнѣ кажется, что они скалятъ зубы, указывая другъ другу на меня...»

«— Стой, буду стрѣлять! кричу не своимъ голосомъ.»

«Все бросилось съ визгомъ въ разныя стороны, только одно косматое чудовище, показавшееся мнѣ страшнѣе всѣхъ, украшенное длинными рогами и хвостомъ, будто собралось броситься, застывши въ своей первоначальной позѣ.»

«Я дернулъ за спускъ. Раздался выстрѣлъ, а затѣмъ крикъ...»

«Кругомъ все закружилось... Я ничего не вижу, въ ушахъ звонъ. Револьверъ вываливается изъ рукъ. Стараясь удержаться за дерево, но тутъ же замертво падаю въ снѣгъ.»

«Затѣмъ чувствую, что на меня наваливается кто-то, мнѣ тяжело, душно... Силую открыть глаза, крикнувъ... все напрасно...»

«Очнулся я въ комнатѣ. Кругомъ незнакомая обстановка. Поворачиваю голову: въ креслѣ сидитъ старикъ и читаетъ какую-то толстую книгу. Лицо его такъ и манитъ къ себѣ. Манитъ той добротой и спокойствіемъ, которыя бывають только у людей, стремившихся въ своей жизни къ добру и отзывчиво относившихся къ горю ближняго.»

«Мнѣ приятно смотрѣть на него. Закрываю глаза, потомъ опять смотрю. Онъ не замѣчаетъ моего взгляда, какъ бы весь отдавшись интересу чтенія.»

«Но вотъ послышались легкіе шаги, скрипнула дверь и на порогѣ показалась чудная дѣвушка съ подвязанною рукой...»

Не краснѣй, матушка, псего. Правду вѣдь говорю!.. Ты дѣйствительно была красавица, да и теперь у меня молодецъ! прибавилъ Петръ Григорьевичъ, обращаясь къ жень.

— Что, какъ больно? спросила вшедшая у старика.

— Ничего, Ниночка, сегодня къ вечеру жаръ не увеличился... Пройдетъ, Богъ дастъ, поправится!.. Молодость возьметъ свое, скоро встаетъ твой герой, проговорилъ тотъ, лукаво улыбаясь.

Ниночка, потупившись, погрозила пальцемъ. Я кашлянулъ и повернулся на-бокъ.

Они смолкли и сейчасъ же подошли къ кровати. Я не закрывалъ глазъ. Нина выпыхнула и, мнѣ показавшись, лицо ея сдѣлалось радостнымъ.

Тутъ мы познакомились. Несмотря на запрещеніе Николая Степановича, отца Нины, я поболталъ съ ней довольно долго.

Съ тѣхъ поръ мы почти не расставались.

Оказалось, что пролежалъ я въ бреду около недѣли. Какъ попалъ къ нимъ, что было со мной, — ничего не помнилъ.

Вотъ что разказала мнѣ Нина:

Семейство ихъ рѣшило въ тотъ памятный для меня вечеръ ѣхать рижскими къ сосѣдямъ. Нина была козой, дядя Вася медвѣдемъ, кто туркой, кто чортомъ и т. д. Словомъ, ужъ не припомню, кто кѣмъ былъ и кто вообще тогда былъ.

Нашли же меня такъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кончикъ бросился въ чашу, у меня оборвалась сабля, которая и попалась подъ ноги лошадамъ тройки, везшей Нину съ семействомъ.

Сабля забрехала... Остановились; вышли изъ саней, посмотрѣли, видать — сабля валяется на дорогѣ, тутъ же свѣжій лошадиный слѣдъ въ чашу. Пошли дальше, вышли на полянку, ярко освѣщенную луной, и все же не сразу могли панастъ на продолженіе слѣда, но скоро нашли и шумно направились дальше.

Остальное вамъ извѣстно... Показавшись мнѣ тогда самымъ страшнымъ чудищемъ съ рогами и хвостомъ — была Нина. Она

остановилась отъ ужаса, увидѣвъ человѣка съ окровавленнымъ лицомъ, направившимъ на нее дуло револьвера.

Поправляясь я началъ быстро. На головѣ была небольшая опухоль и ссадины. Плечо же побаливало, что не мѣшало мнѣ недѣли черезъ полторы лихо отплясывать съ Ниной Николаевной. Я не отходилъ отъ нея ни на шагъ, а ужъ третью калдрилъ считалъ какъ бы своею собственностью.

Черезъ два мѣсяца была свадьба.

Нина, покажи-ка руку! закончилъ старый ротмистръ.

И когда очередь дошла до него, онъ съ любовью поцѣловалъ нѣсколько разъ то мѣсто, гдѣ едва видѣлось бѣлое пятнышко, — слѣдъ скользящей пули.

— Да, хорошо ты меня встрѣтилъ въ первый разъ, Петя, точно непріятеля! засмѣялась Нина Николаевна.

— А что же, папа, сдѣлалось съ Кончикомъ? раздался вдругъ голосъ Лизы.

— Да, а виновникъ всему, т. е. Кончикъ, былъ пойманъ въ трехъ верстахъ отъ мѣста происшествія... Послѣ еще около восьми лѣтъ прослужилъ онъ мнѣ вѣрой и правдой. Но на одномъ горичемъ бригадномъ учениі, когда шель стояла такъ, что въ двухъ шагахъ ничего нельзя было разобрать, я вмѣстѣ съ нимъ упалъ въ ровъ, и на этотъ разъ я отдѣлался только легкими царапинами, а онъ свихнулъ переднюю ногу. Его вытѣчили, но въ строй я его уже не бралъ — не годился. Вѣкъ свой онъ мирно дожидалъ у меня на конюшнѣ, считаясь все время особеннымъ любимцемъ Нины. Вотъ, господа, и вся исторія; если и не занимательна, то правдива, и свидѣтели налицо.

— Кушать подано! проговорилъ лакей, появляясь въ дверяхъ.

— Ну-съ, а теперь поидемъ закусимъ чѣмъ Богъ послалъ, и выпьемъ за моего стараго товарища, Кончика!.. въ заключеніе предложилъ Петръ Григорьевичъ, подымаясь съ кресла и радушно приглашая гостей въ столовую.

Къ рисункамъ.

Святое Семейство. (Рис. на стр. 1121).

Знаменитый итальянскій живописецъ, Джакомо Пальма, прозванный il vecchio (старшій), родился въ 1480 году въ Серриальтѣ, близъ Бергамо, и умеръ въ 1528 году въ Венеціи. О жизни его больше ничего не извѣстно. Но изъ произведеній его, которая дошли до насъ въ числѣ 50, видно, что талантъ его развивался въ Венеціи, подъ вліяніемъ Джованни Беллини, Чима и Карпаччо, что впоследствии онъ приблизился къ стилю своихъ современниковъ, Тициана и Джорджоне, и подъ конецъ своей дѣятельности усвоилъ воици самостоятельную манеру. Вмѣстѣ съ Тицианомъ и Джорджоне онъ составляетъ триумвиратъ, обозначающій высшую точку развитія венеціанской школы въ періодъ ея процвѣтанія. Онъ писалъ частію алтарные и другіе образа (преимущественно Богоматерь съ Младенцемъ и Святыми) для дворцовъ и частныхъ молельнъ, частію портреты, отдѣльныя фигуры и этюды. Нашъ рисунокъ воспроизведенъ съ одной изъ приписываемыхъ ему картинъ, извѣстной подъ названіемъ: „Святое Семейство“.

Поклоненіе пастырей. (Рис. на стр. 1124).

Это скульптурная группа извѣстнаго нѣмецкаго ваятеля Вельтринга, который провелъ свои юношескіе годы въ Оснабрюкѣ и, какъ благодарную память, поднесъ одной изъ тамошнихъ церквей эту группу. Свободная и красивая постановка фигуръ, выраженіе лицъ какъ Св. Семейства, такъ и пастуховъ, съ благоговѣніемъ созерцающихъ Новоорожденнаго Спасителя, все свидѣтельствуетъ о необычайныхъ дарованіяхъ художника.

Бѣгство въ Египетъ. (Рис. на стр. 1125).

Отдыхъ на пути въ Египетъ является любимой темой почти всѣхъ великихъ живописцевъ итальянской школы прошлыхъ вѣковъ. По композиціи, но крайней мѣрѣ, прилагаемая картина современнаго художника мало уступаетъ своимъ высокимъ образцамъ. Фигуры Богоматери и Иосифа, а также и окружающій пейзажъ выдержаны въ строго-классическомъ стилѣ.

Съ елками въ городъ и рубка елки въ лѣсу.

(Рис. на стр. 1128 и 1129).

Баронесса Врангель и академикъ Шисемскій возымѣли мысль изобразить намъ рождественскую елку въ первоначальной наготѣ, какъ она является въ родномъ лѣсу и на пути къ рынку. Трудно представить себѣ, чтобы это было то самое дерево, которое мы видимъ во всемъ великолѣпнѣ безчисленныхъ и ярко горящихъ свѣчъ, золотыхъ орѣховъ, бомбоньерокъ, игрушекъ и проч., встрѣчаемое радостными кликами юнаго человечества.

Рождественская сказка. (Рис. на стр. 1132).

Живая энциклопедія народнаго творчества, неисчерпаемый источникъ сказаній объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ, о

царѣ Берендѣ, о Кашѣ безсмертномъ и проч., — вотъ какова была еще въ недавнее время русская няня, теперь все болѣе и болѣе исчезающая съ лица земли родной.

Наперсница волшебной старинны, другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,

Въ вечерней тишинѣ

Являлась ты веселою старушкой

И надо мной сидѣла въ шумнѣ,

Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.

(А. Пушкинъ).

Литературный альбомъ. „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина. „Сонъ Татьяны“. (Рис. на стр. 1133).

Читатели, конечно, помнятъ, какъ Татьяна, собираясь гадать на свѣткахъ, приказала накрыть въ банѣ ночью столъ на два прибора, но побоялась идти туда, и ограничилась тѣмъ, что положила себѣ на ночь зеркала подъ подушку...

И снится чудный сонъ Татьянѣ.

Ей снится, будто бы она

Идетъ по свѣтлой полянѣ,

Печальной мглой окружена.

Въ сугробахъ етѣжныхъ передъ нею

Шумитъ, клубитъ волной своею

Кипучій, темный и сѣдой

Потокъ, не скованный зимой;

Двѣ жердочки, склеенныя льдиной,

Дрожащій гибельный мостокъ,

Положены черезъ потокъ;

И предъ шумящею пучиной,

Недоумѣнія полна

Остановилась она.

Какъ на досадную разлуку,

Татьяна роншетъ на ручей,

Не видитъ никого, кто руку

Съ той стороны подалъ бы ей;

Но вдругъ сугробъ зашевелился,

И кто-жь изъ-подъ него явился?

Большой взъерошенный медвѣдь;

Татьяна, ахъ! а онъ реветъ,

И лапу съ острыми когтями

Ей протянулъ; она скрѣпясь

Дрожащей ручкой оперлась,

И болазными шагами

Перебралась черезъ ручей;

Пошла — и что-жь? медвѣдь за ней...

...Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ;

И силъ бѣжать ужъ больше нѣтъ.

Упала въ свѣтъ; медвѣдь проворно

Ее хватаетъ и несетъ;

Она безчувственно покорна;

Не шевелится, не дохнетъ;

Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:

Вдругъ межъ деревь шалашъ убогій;
Кругомъ все глушь; отсюду онь
Пустыннымъ свѣгомъ занесень,
И ярко свѣтится окошко,
И въ шалашъ и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь примолвилъ: „Здѣсь мой кумъ;
Погрѣйся у него немножко!“
И въ сѣни прямо онь идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

А. Пушкинъ.

Сонъ въ Рождественскую ночь. (Рис. на стр. 1137).

Елка кончилась, подарки ровданы, свѣчи погашены. Братшка и сестренка, утомленные непривычно долгимъ вечеромъ и сильными впечатлѣніями, не добрались даже до кроватокъ, свернувшись тутъ-же на креслѣ, гдѣ раздѣвала ихъ няня... И грезится имъ блаженные сны о волшебныхъ богатствахъ, приобрѣтенныхъ сегодня съ елки, счастливая улыбка

застыла на губахъ, предъ мысленными очами — райскія перспективы...

Дѣвочка съ чулкомъ. (Рис. на стр. 1140).

Наступила самая трудная часть работы: надо вывязать пятку въ чулкѣ, и маленькая вязальщица воткнула одну спицу въ волоса и прижалась было двумя другими за пятку. Въ это время что-то отвлекло ея вниманіе и она приостановила вязанье, повернула головку и смотритъ большими красивыми глазами на помѣшавшаго ей работать.

Углубился. (Рис. на стр. 1141).

Мальчугану, въ большой войлочной шапкѣ, надоѣло пускаться по одному разноцвѣтные мыльные пузыри, и онь, опустивъ соломенку въ мыльную воду, принялся выдувать цѣлыя громады пузырьковъ, которые, выходя съ шипѣньемъ изъ чашки, доплетаясь одинъ за другимъ подъ носомъ шалуна.

Политическое обозрѣніе.

Торговые договоры — повсемѣстная злоба дня въ Европѣ: въ Германіи, Австріи, Италиі, Бельгіи и Швейцаріи. Въ первой изъ этихъ странъ торговые договоры обсуждались совѣтомъ мирно въ рейхстагѣ. По поводу ихъ въ корреспонденціи изъ Берлина, напечатанной въ *Lamburger Nachrichten*, развивается та мысль, что мѣсто прежней рѣшительной, по благоразумно сдержанной и примирительной политики заняла политика которая фактически забываетъ впередъ условіямъ будущаго Европы и проявляется въ торговыхъ договорахъ, „Договоры эти — говоритъ газета — обсуждались не съ экономической, а преимущественно съ политической точки зрѣнія. По торговымъ договорамъ узнается иностранная политика“.

Послѣ троекратнаго чтенія, рейхстагъ принялъ, 6 декабря, торговый договоръ и ветеринарную конвенцію съ Австро-Венгріей, а также и торговые договоры съ Италией и Бельгіей, послѣ чего отложилъ свои засѣданія до 12 января. Когда императоръ Германскій, присутствуя въ Тельтовѣ при освещеніи окружнаго земскаго зданія, получилъ извѣстіе о принятіи торговыхъ договоровъ, онь тутъ же провозгласилъ тостъ въ честь канцлера Каприви, объявивъ, что возводитъ его въ графское достоинство. Графъ Кальноки поздравилъ генерала Каприви телеграммой съ тѣмъ, что рейхстагъ принялъ австро-германскій торговый договоръ. Каприви выразилъ въ отвѣтной телеграммѣ удовольствіе по поводу того, что взгляды его сходятся со взглядами графа Кальноки также и по отношенію къ торговымъ договорамъ.

Но не всѣ въ Австро-Венгріи придерживаются взглядовъ графа Кальноки. Въ таможенной комиссіи рейхсрата младшецъ Текля заявилъ, что его единомышленники высказались противъ торговыхъ договоровъ, находя, что сдѣланныя Германіей уступки недостаточны, что уступчивость по отношенію къ Германіи, по видимому, угрожаетъ самостоятельности Австріи и что новый таможенный союзъ съ Германіей увеличиваетъ лежащую между Австріей и Россіей пропасть. Другой членъ той же партіи, извѣстный депутатъ Грегръ, при обсужденіи бюджета, рѣзко напалъ на правительство и доказывалъ, что Чешскій народъ сильно эксплуатируется въ фи-

нансовомъ отношеніи и чувствуетъ себя какъ бы въ когтяхъ вайнера.

Болгарскіе главары, захвативъ власть, проявляютъ ее гдѣ только возможно, ничѣмъ не стѣсняясь. Недавно они выслали въ 24 часа французскаго корреспондента Агентства Гаваса — Шадуриа. Французскій дипломатическій агентъ Ланель обратился тогда къ болгарскому правительству съ письмомъ, въ которомъ заявляетъ, что высылка корреспондента Шадуриа составляетъ очевидное и предумышленное нарушение договора и требовать при этомъ отмѣны приказа о высылкѣ въ 24-хъ-часовой срокъ. Въ отвѣтъ болгарскаго правительства подробно выяснены причины высылки Шадуриа, причемъ указано, что никакого нарушенія договора не было, такъ какъ договоръ вовсе не касается иностранцевъ въѣзжающихъ во внутреннюю политику страны. Ланель отправился затѣмъ немедленно въ министерство иностранныхъ дѣлъ и заявилъ, что ему предписано прервать дипломатическія сношенія съ болгарскимъ правительствомъ. Въ Парижѣ этой высылкѣ въ правительственныхъ сферахъ придаютъ важное значеніе и полагаютъ что дѣло направлено противъ существованія самыхъ капитуляцій.

Нашъ *Journal de St.-Petersbourg* дѣлаетъ по тому же случаю слѣдующее сообщеніе: „Читателямъ нашимъ извѣстенъ инцидентъ, вызванный произвольной высылкою изъ Софіи французскаго корреспондента, послѣ чего сношенія французскаго дипломатическаго агента съ болгарскими правителями прекратились. Газеты всѣхъ странъ толкуютъ этотъ инцидентъ на всѣ лады, но нѣкоторыя изъ нихъ не становятся на точку зрѣнія, благодаря которой можно судить объ его значеніи. Въ этомъ дѣлѣ одинъ пунктъ представляется бесспорнымъ, а именно, что въ силу международныхъ договоровъ, связывающихъ Болгарію съ державами, софійскіе заправили въ подобномъ случаѣ обязаны были официально обратиться къ посредству французскаго дипломатическаго агента. Между тѣмъ констатировано, что они къ нему за этимъ не обращались, а такое произвольное упущеніе является воистиннымъ нарушеніемъ капитуляцій“.

Смѣсь.

Китайскія бумажныя деньги въ XIII столѣтіи. По свидѣтельству извѣстнаго путешественника Марко Поло, въ Китаѣ, во время его пребыванія тамъ (1271—1295 г.), были весьма распространены бумажныя деньги, явившіяся въ Европѣ только въ нача-

лѣ прошлаго столѣтія. Вотъ что онь пишетъ объ этихъ деньгахъ: „Въ городѣ Камбалу (Пекинъ) точно также находятся въ обращеніи бумажныя монеты великаго хана (Хублая, внука Чингисхана), который истиннѣй постигъ искусство дѣлать деньги. Онь выпуска-

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1892 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

есть ихъ слѣдующимъ образомъ. Набираютъ коры тутоваго дерева, листьями котораго питаются червяки, доставляющие шелкъ. Отъ коры отдѣляютъ тонкій нижній слой ея, который растираютъ и толкутъ, затѣмъ подбавляютъ клею, и изъ всей этой смѣси дѣлаютъ родъ бумаги чернаго цвѣта, похожей на хлопчатую. По изготовленіи бумаги ханъ приказываетъ нарѣзать ее на куски различной величины, похожіе на четверугольныя монеты, которые въ длину значительно больше чѣмъ въ ширину. Всѣ эти бумажки обладаютъ разною дѣйствіемъ. На каждой подписываютъ свои имена чиновники, завѣдующіе казною. Послѣ этого главный казначей назначаемый самимъ ханомъ прикладываетъ вѣренную ему печать къ каждой бумажкѣ, которая только тогда и считается дѣйствительными. Всякая поддѣлка наказывается смертною казнью. Ханъ приказываетъ изготовлять множество подобныхъ бумажекъ, которая расходится по всѣмъ провинціямъ и землямъ его обширнаго государства. Никто не можетъ отказываться отъ платы бумажными деньгами под страхомъ смертной казни. Ежегодно ко двору хана стекается множество купцовъ съ различными товарами, золотомъ, серебромъ, алмазами и другими драгоценными камнями. Тогда ханъ съзываетъ 12 свѣдущихъ людей, которымъ приказываетъ оцѣнить всѣ привезенные товары и произвести купцамъ уплату вышеописанными бумажками, которая тѣ принимаютъ весьма охотно, такъ какъ и сами ведутъ всю торговлю на эти же бумажки. Всѣ войска хана получаютъ жалованье подобными же бумажными деньгами. Изъ всего этого можно заключить, что ханъ обладаетъ большими сокровищами, чѣмъ какой либо другой государь въ мѣрѣ. (к.)

„Sea Serpent“ ботикъ, на которомъ американскій капитанъ Юсіа Лавлоръ принялъ изъ Бостона въ Англію, имѣетъ 15 футовъ длины, 5—ширины и 2—вышины. Палуба, обтянутая брезентомъ, сдѣлана изъ полудюймовыхъ досокъ. Въ килѣ судна помещено 320 фунтовъ свинца, а въ носовой и кормовой части его находятся два водовмѣстилища. „Sea serpent“ уже два раза совершила плаваніе черезъ океанъ. Однажды на пути за ботикомъ гнался громадная акула и отстала только тогда когда капитанъ Лавлоръ пустилъ ей подъ-носъ ракету. Въ настоящее время „Sea serpent“ находится въ Ливерпулѣ, гдѣ ее осматривали принцесса Вельская и герцогъ Коннаутскій. Капитанъ Лавлоръ пробудетъ въ Англіи 3

или 4 мѣсяца, въ теченіе которыхъ намѣренъ посѣтить на своемъ ботикѣ всѣ главныя гавани континента, послѣ чего возвратится на немъ въ Америку, на этотъ разъ черезъ Великій Океанъ. (к.)

Англійская прогулка. По сообщенію „Linzer Ztg“, въ Линцъ прибыли на дняхъ изъ Пассау на маленькой паровой яхтѣ, машина которой отапливается петролеумомъ, два англичанина, капитаны Куммингъ Деваръ и Виллисъ и отправляются отсюда внизъ по Дунаю. Ихта ихъ „Angelus“ 30 мая вышла изъ англійскаго порта Плимута, переплыла Ли-Маншъ, черезъ сѣтъ каналовъ прошла по Франціи до Страсбурга, внизъ по Рейну до Майнца; отсюда свернула въ Майнъ, по которому путешественники поднялись до Бамберга, откуда черезъ Людвиговъ каналъ вступили въ Альтмюль и затѣмъ въ Дунай. Они намѣрены проѣхать весь Дунай и Черное море до Одессы, гдѣ они проведутъ зиму, а съ наступленіемъ весны проѣдутъ черезъ Россію въ Германію. Ихта ихъ, построенная специально для этой прогулки, чрезвычайно красива, имѣетъ 50 футовъ въ длину и 9 въ ширину и обладаетъ скоростью 12-ти англійскихъ миль въ часъ. Паровая машина яхты — въ 45 лошадиныхъ силъ. На борту яхты, плывущей подъ англійскимъ флагомъ, находится маленькая спасательная лодка. Кромѣ двухъ владѣльцевъ на яхтѣ находятся еще машинистъ, матросъ и переводчикъ.

Конскій каштанъ въ роли предсказателя погоды. Предположеніе, что свойства лѣта находятся въ связи и даже обуславливаютъ собою свойства послѣдующей зимы, вопреки многимъ метеорологическимъ наблюденіямъ, еще держится въ обществѣ. Такое предположеніе весьма ошибочно и нельзя еще, основываясь на высокой средней температурѣ лѣта, ожидать мягкой зимы. Точно такъ же ошибочно и мнѣніе, что за суровою зимою слѣдуетъ жаркое лѣто. Растительный мѣръ въ большинствѣ случаевъ можетъ замѣнить для людей термометръ, барометръ и другіе измѣрительныя приборы. По раннему и обильному сбору винограда еще въ древности заключали о предстоящемъ жаркомъ лѣтѣ. Лучшимъ же предсказаніемъ погоды, по словамъ ботаника профессора Гофмана, служитъ конскій или дикий каштанъ. Раннее созрѣваніе плодовъ его почти безошибочно предсказываетъ мягкую зиму. Это открытіе профессора Гофмана безъ сомнѣнія весьма важно для сельскаго хозяйства. (к.)

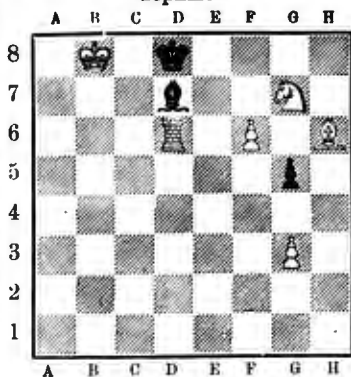
ШАХМАТЫ.

Подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 55.

А. Андерсона.

Черные.

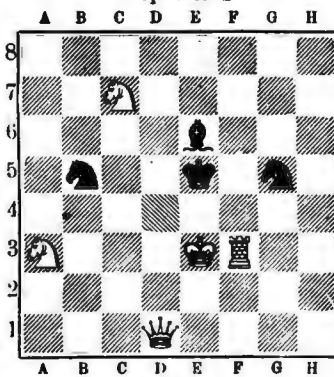

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача № 56.

М. Окуньова (Сима).

Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 15.

19-я и послѣдняя партія матча. Играна въ Нью-Йоркѣ 10 (22) января 1891 года.

Дебютъ ферзевой пѣшки.

В. Стейнницъ.	И. Гунсбергъ.	В. Стейнницъ.	И. Гунсбергъ.	В. Стейнницъ.	И. Гунсб.
Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.
1. d2—d4	d7—d5	15. e3—e4	K. c6—e5	29. g2—g3	C. c6—b5
2. e2—e3	K. g8—f6	16. K. f3—e5	K. g4—e5	30. b2—b4	+Kp. c5—b6
3. c2—c1	e7—e6	17. C. c4—e2	C. d7—e6	31. C. e2—d1	Kp. b6—c7
4. K. b1—c3	C. f8—e7	18. Kp. g1—f1	C. a7—d4	32. a2—a4	C. b5—d7
5. K. g1—f3	0—0	19. f2—f3	L. d8—d7	33. f3—f4	C. d7—c6
6. C. f1—e2	d5 : c4)	20. C. e1—f2	L. a8—d8	34. Kp. c8—d4	K. g6—e7
7. C. e1 : c4	c7—c5	21. C. f2 : d4	L. d7 : d4	35. C. d1—b3	C. c6—e6
8. 0—0	K. b8—c6	22. L. d1 : d4	L. d8 : d4	36. K. e3—c4	K. e7—c6+
9. d4 : c5	C. e7 : c5	23. L. c1—d1	L. d4 : d1+	37. Kp. c4—c5)	K. c6—d8)
10. Ф. d1 : d8	L. f8 : d8	24. K. e3 : d1	Kp. g8—f8	38. K. c4—b6	f7—f6
11. C. c1—d2	a7—a6	25. Kp. f1—e1	K. e5—g6	39. b4—b5	a6 : b5
12. L. a1—c1	C. c5—a7)	26. K. d1—e3	Kp. f8—e7	40. a4 : b5	C. e8—g6)
13. L. f1—d1	C. c8—d7	27. Kp. e1—d2	Kp. e7—d6	41. C. b3—c2	C. g6—h5
14. C. d2—e1	K. f8—g4	28. Kp. d2—c3	Kp. d6—c5		

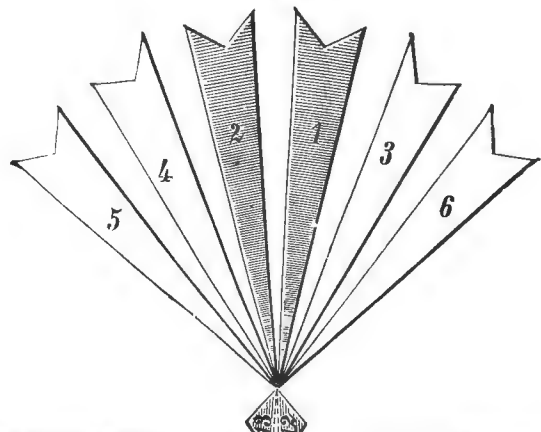
Здѣсь по предложенію черныхъ, игра была признана за ничью. Положеніе бѣлыхъ лучше. Партія потомъ была доиграна, причемъ Стейнницъ давалъ ничью впередъ. Черезъ 12 ходовъ Гунсбергъ сдался.

Примѣчанія къ партіи:

- 1) Здѣсь, обыкновенно играютъ: 6. ... b6; 7. a3, C. b7; 8. b3, dс; 9. C: c4, c5 10. 0—0, a6; 11. C. b2, K. e6; 12. dс, C: c5, 13. Ф. c2, Ф. c7 и т. д., уравненная партія. Но дѣло въ томъ, что Стейнницъ, по положенію матча, достаточно было сдѣлать ничью: а потому Гунсбергъ долженъ былъ избѣгать ничьей.
 - 2) Если 12. ... b5, то 13. K: b5, a6; 14. C: b5 и т. д.
 - 3) Для защиты отъ 15. ... K: e3.
 - 4) Здѣсь Стейнницъ предлагалъ ничью, на что Гунсбергъ пока еще не согласился.
 - 5) Если 37. ... b6+, то 38. K: b6, B: b4; 39. K. a3+, Kp. b7; 40. Kp: b4, Kp: a8; 41. K: c5, Kp. b7; 42. Kp. d6 и т. д.
- Корреспонденція. Д. В. С. (СПБ); А. П. (Тобольскъ); I. P. (Витебскъ). Задачи

Рѣшеніе геометрич. задачи № 43

(помѣщенной въ № 43).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. —

В. Федрикова, Б. Коровино —

В. К. Терскаго, Гельсинг-форсъ — А. Н. Яжнискаго,

Нѣвъ — И. Ф. Вальцъ, Полта-

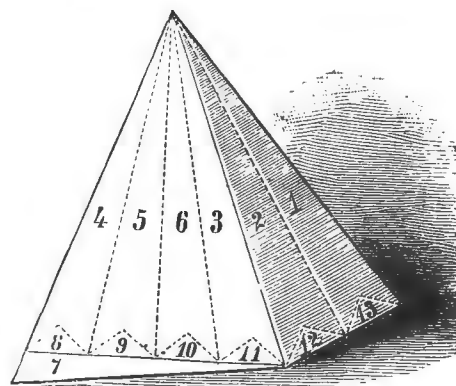
ва — А. А. Махшеева, Раник —

Б. Кюоррингъ, Ст. Русса —

А. Берестеникова, Яро-

славль — И. Донской, Д. И.

Боговлянскаго.

Открыта подписка на „Ниву“ 1892 г.

(Подписная цѣна см. на 1-й страницѣ).

Подписчики „Нивы“ на 1892 г. получают, кромѣ 52 номеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 номеровъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 номеровъ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫШИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ и выкроекъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ

романовъ, повѣстей, рассказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будутъ заключаться:

за Июль сочиненія ГРИБОВЪДОВА	} Для несостоящихъ подписчиками „Нивы“ цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 1 рубль.
за Августъ „ ПОЛЕЖАЕВА	
за Сентябрь „ КОЗЛОВА	

Каждый изъ этихъ поетовъ будетъ изданъ подъ редакціей А. И. Венденскаго и составитъ отдѣльный томъ, съ гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ портретомъ.

Кромѣ того подписчики „Нивы“ на 1892 г. получаютъ какъ главную художественную премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитріева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагоріо, Маковского и Навозова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошной акварелью Александровскаго.

О ПОМѢЩЕНІИ ОБЪЯВЛЕНІЙ ВЪ ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ КНИГАХЪ „СБОРНИКА НИВЫ“.

Ежемѣсячныя книги **Сборника „Нивы“** печатаются въ томъ-же количествѣ какъ и „Нива“ и содержатъ въ себѣ отдѣлы для печатанія частныхъ объявленій. Поэтому Контора предлагаетъ лицамъ публикующимъ о своихъ фирмахъ, изданіяхъ и пр. и пр. помѣщать въ нихъ свои объявленія, какъ въ изданіи наиболѣе распространенномъ въ Россіи.

СОДЕРЖАНІЕ: Вѣщій сонъ. Рождественскій рассказъ П. Н. Полевого. — Въ нуну Рождества. Теннисона. (Переводъ съ англійскаго). — Исторія г. Вилибальда и Фрозинкень. Поля Гейзе. — Какъ я женился. Святочный рассказъ П. Пиранга. — Въ рисункамъ: Святое Семейство (съ рис.). — Поклоненіе пастырей (съ рис.). — Бѣгство въ Египетъ (съ рис.). — Съ елками въ городъ и рубна елки въ лѣсу (съ 2 рис.). — Рождественская сказка (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина. „Сонъ Татьяны“ (съ рис.). — Сонъ въ Рождественскую ночь (съ рис.). — Дѣвочка съ чулкомъ (съ рис.). — Углубился (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сѣльс. — Завлеченіе. — Шахматы. — Рѣшеніе геометрической задачи. — Открыта подписка на „Ниву“ 1892 г. — О приемѣ объявленій въ „Сборникѣ“. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ ИЗЪ ДЕРЕВА

составленный Л. П. СЕРГѢЕВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ 2-е, дополненное новыми рисунками. Цѣна въ литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 коп. Съ требованіями обращаться въ СПб., въ контору журн. „Нива“, Невскій, д. № 6.

НОВАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „КОСМОПОЛИТЪ“.

Безусловно солидная и практичная машина. Пишетъ чрезвычайно ясно и красиво. Введена во многихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Стоитъ съ 3 русскими и 3 латинскими алфавитами 96 руб.

Требуйте описаній и пробныхъ пробѣговъ. ОПТИКЪ и МЕХАНИКЪ № 5553

О. РИХТЕРЪ,
С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., д. № 4.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)

съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ колѣнкоромѣ переплетѣ, съ золотыми тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

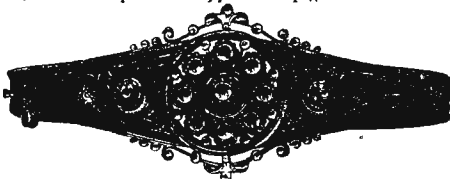
PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаярь и Блянь есть жаружное средство. Шестидесятилѣтняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаярь и Блянь разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требуютъ собственноручную подпись. N. № 5332 20—9

ФАБРИКА ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ КАРЛА ГОЛЬ ВЪ КАНШТАДТЪ (Германія)

высылаютъ безъ всякой доплаты за пересылку до границы золотыя вещи своего издѣлія изъ массивнаго 14 каратнаго золота съ искусственными брилліантами имѣющими великолѣпную игру. Иллюстрированный прейсъ-курantzъ высылается бесплатно. Заказы исполняются лишь по полученіи полной стоимости выписываемой вещи, причемъ самая стоимость можетъ быть прислана русскими кредитными билетами или почт. марк.

№ 1146. **Браслетъ изъ 14 каратнаго золота съ на-**

стоящимъ жемчугомъ 28 р. 50 к.

Кольца изъ 14 каратнаго золота съ искусственными брилліантами.

№ 1589 11 рубл. № 1597 8 рубл. № 1592 12 рубл. № 1585 11 р. 40 к.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у Г. Голлендера, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. № 5377 (7)

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДЪ С.-Петербургъ, Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17. М. № 5510

Новость: часы „Charmites“ не магнитящіеся. Ник. откр. анкеръ . . . Р. С. 12 Стальныя 13 Выспаю налож. платежей. Иллюстр. прейсъ-курantzъ бесплатно. 3—2

Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы, лі-чить: наружныя, кожныя, грудныя болѣзни и ракы. Невскій 71/1, кв 5. Отъ 1-3 и 6-7/2 ч. и.

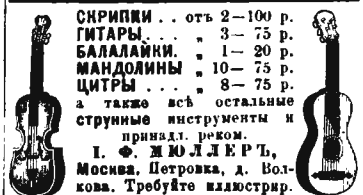
„РЕБУСЪ“

Еженедѣльный журналъ. Новості по гипнотизму, спиритизму, асновидѣнію и т. п. Безлатристка. Годъ съ перес. 5 р., 1/2 года 3 р. Подписка на 1892 г. почтою, въ С.-Петербургѣ, редація „Ребусъ“.

ЗАВОДЪ СТЕКЛЯННЫХЪ ИЗДѢЛІЙ А. ДЮТФА,

Москва, уголь Маросейки и Златоуст. пер., д. Хвоцискаго. 2—1 Пишетъ въ складѣ аптекарскую, химическую, парфюмерную, кофачтерскую и столовую посуду. III. № 5541

СКРИПКИ . . . отъ 2—100 р.
ГИТАРЫ 3— 75 р.
БАЛАЛАЙКИ . . . 1— 20 р.
МАНДОЛИНЫ . . . 10— 75 р.
ЦИТРЫ 8— 75 р.
а также всѣ остальные струнные инструменты и принад. реком.
I. Ф. ДЮЛЛЕРЪ,
Москва, Петровка, д. Волкова. Требуйте иллюстрир. прейсъ-курantzъ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

23-го декабря 1891 г. поступить въ продажу ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1891 г.

заклѣт. въ себѣ болѣе 1500 гравюръ и рисунковъ и 1,500 столб. текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, рассказовъ, стихотвореній, научно-популярныхъ статей и между прочимъ произведеній: П. Д. Боборыкина, кн. М. Н. Волконскаго, Н. Н. Каразина, А. Я. Максимова, П. Н. Полевого, И. Н. Потапенко, гр. Е. А. Салиаса, Э. Центковской, и проч. и проч. Стихотворенія Величко, Круглова, А. Н. Майкова, К. Фоханова и др.

КЪ ЭТОМУ ТОМУ БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЕТСЯ:

- 1) ДЕВЯТЬ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ СБОРНИКЪ „НИВЫ“, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, рассказовъ и стихотвореній извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей.
 - 2) ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ И. Ю. ЛЕРМОНТОВА, изданы подъ ред. А. И. Введенскаго, въ 4-хъ томахъ (сброшированныхъ въ 2 книги), съ биографіею Лермонтова и портретомъ гравированнымъ на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.
 - 3) ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ съ 10-ю акварелями, исполненными Цѣна тому „НИВЫ“ со всѣми приложениями 6 руб. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 23 фута по почтовой таксѣ. Желаніе имѣть изданіе въ роскошныхъ коленкорovýchъ переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „Нивы“ 1 р. 50 к. и за 5 переплетовъ на книги „Сборника“ (въ 3-хъ переплетахъ) и соч. Лермонтова (въ 2-хъ переплетахъ) 1 р. 25 к. Пересылка брошюрованныхъ и переплетенныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплет. экземпляръ „Нивы“ за 1891 г. со всѣми приложениями, въ ящикѣ, обойдется 8 р. 50 к. Перес. на счетъ заказчика, по почтѣ или черезъ транспортную контору.
 - 4) 12 листовъ ДАМСКИХЪ РУКОДЕЛЬНЫХЪ и ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ, составляющ. прилож. къ 12 нумер. Парижскихъ Модъ со множеств. чертѣж. выкр. въ натуральн. велич. (всего болѣе 1000 гравюръ, рисунокъ и чертежей).
- Цѣна тому „НИВЫ“ со всѣми приложениями 6 руб. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 23 фута по почтовой таксѣ. Желаніе имѣть изданіе въ роскошныхъ коленкорovýchъ переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „Нивы“ 1 р. 50 к. и за 5 переплетовъ на книги „Сборника“ (въ 3-хъ переплетахъ) и соч. Лермонтова (въ 2-хъ переплетахъ) 1 р. 25 к. Пересылка брошюрованныхъ и переплетенныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплет. экземпляръ „Нивы“ за 1891 г. со всѣми приложениями, въ ящикѣ, обойдется 8 р. 50 к. Перес. на счетъ заказчика, по почтѣ или черезъ транспортную контору.
- Съ требован. обраш. въ СПБ., въ Конг. журн. „Нива“ (Певскій, 6).

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННЫЙ,

подъ предѣлательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича,

ОСОБЫЙ КОМИТЕТЪ.

Денежныя помертвованія, предоставляемыя въ распоряженіе состоящаго подъ предѣлательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Особого Комитета для помощи нуждающимся въ известностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, а также заявленіи о желаніи жертвовать въ пользу нуждающихся хлѣбомъ (зерномъ и мукою) принимаются въ помѣщеніи Кабинета Его Императорскаго Высочества, у Анничкова моста, отъ 10 час. утра до 2 час. дня, ежедневно, за исключеніемъ дней неприсутственнаго. Пожертвованія отъ иногороднихъ слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Высочайше учрежденный подъ предѣлательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Особый Комитетъ. № 5524 3—2

Новая популярная книга:

ЧТО МОЖЕТЪ СДѢЛАТЬ ИСКУССТВО

ДЛЯ ПОДДЕРЖАНІЯ

ЖИЗНИ И ОТДАЛЕНІЯ СМЕРТИ?

СОДЕРЖАНІЕ:

Жизнь и смерть и законы, на коихъ онѣ основаны. Значеніе возрастъ и постепенное разрушеніе организма. Нервный сила и ихъ значеніе. Законъ самосохраненія. Борьба съ вредными вліяніями, какъ причинами заразныхъ болѣзней. Медицина и Гигіена и ихъ роль. Возможны ли искусственное подлѣтѣ свѣжести отживающаго организма? Новѣйшіе методы Броуна-Секара и Коха. Основные законы повліянія, отживанія и уничтоженія человѣческаго организма. Крейперова соната графа Толстаго. Главнѣйшія задачи жизни и удовлетворительное рѣшеніе ихъ. № 5512 2—2
Лектора-Медицины А. И. Ильинскаго.

М. 1891 г. Ц. 1 руб. Складъ изданій: книжный магазинъ Ф. А. Богданова. Москва, Петровка, Петровскія линіи № 5. Выписывающіе изъ склада, за пересылу не платятъ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ

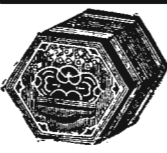
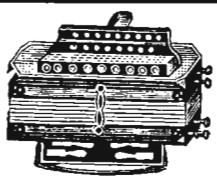
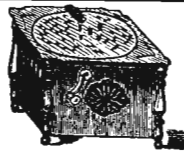
Б. Морская, № 17, бель-этажъ, рядомъ съ Кумбергомъ.

III ПЛОДОВОДСТВО ГОДЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ № 5535 3—1

РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА ПЛОДОВОДСТВА.

Съ 1892 года журналъ, оставаясь подъ редакціею профессора Рудзкаго, переходитъ въ собственность Общества и будетъ издаваться по расширенной программѣ, съ приложеніемъ не менѣе четырехъ хромолитографій. Журналъ выходитъ 15 числа каждаго мѣсяца, кромѣ четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, за которыми дано будетъ „Руководство къ уходу за плодовыми садами“, съ многочисленными рисунками. Подписная цѣна 5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи: Петербургъ, Васильевскій островъ, 3 линія, 12.

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ
РУССКІЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
АНДРЕЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ

КУЛАКОВЪ

рекомендуетъ по фабричнымъ цѣнамъ имѣющіеся въ своихъ громадныхъ складахъ и магазинахъ массу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Новѣйшіе роскошно иллюстрированы. Предъявлять всѣхъ инструментовъ съ удешевленными цѣнами выслается бесплатно. № 5556 2—1
Главная контора: Садовая, № 40, въ С.-Петербургѣ.

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (41)

ЕЩЕ НОВОСТИ КЪ ПРАЗДНИКУ!

Кромѣ вещей опубликованныхъ въ прошломъ номерѣ, поступили еще слѣдующія: Сигналы, фонари для желѣзн. дор. и проч. 75 коп. 1 р. 50 к. 2 р., 3 р., 4 р. 5 р. Бразильская летательная муха 1 р. 50 к. 6 р. 7 р. 8 р. 9 р. 10 р. 11 р. 12 р. 13 р. 14 р. 15 р. 16 р. 17 р. 18 р. 19 р. 20 р. 21 р. 22 р. 23 р. 24 р. 25 р. 26 р. 27 р. 28 р. 29 р. 30 р. 31 р. 32 р. 33 р. 34 р. 35 р. 36 р. 37 р. 38 р. 39 р. 40 р. 41 р. 42 р. 43 р. 44 р. 45 р. 46 р. 47 р. 48 р. 49 р. 50 р. 51 р. 52 р. 53 р. 54 р. 55 р. 56 р. 57 р. 58 р. 59 р. 60 р. 61 р. 62 р. 63 р. 64 р. 65 р. 66 р. 67 р. 68 р. 69 р. 70 р. 71 р. 72 р. 73 р. 74 р. 75 р. 76 р. 77 р. 78 р. 79 р. 80 р. 81 р. 82 р. 83 р. 84 р. 85 р. 86 р. 87 р. 88 р. 89 р. 90 р. 91 р. 92 р. 93 р. 94 р. 95 р. 96 р. 97 р. 98 р. 99 р. 100 р.

Магическая лапка д. сержикъ волосъ 7 р. 8 р. 9 р. 10 р. 11 р. 12 р. 13 р. 14 р. 15 р. 16 р. 17 р. 18 р. 19 р. 20 р. 21 р. 22 р. 23 р. 24 р. 25 р. 26 р. 27 р. 28 р. 29 р. 30 р. 31 р. 32 р. 33 р. 34 р. 35 р. 36 р. 37 р. 38 р. 39 р. 40 р. 41 р. 42 р. 43 р. 44 р. 45 р. 46 р. 47 р. 48 р. 49 р. 50 р. 51 р. 52 р. 53 р. 54 р. 55 р. 56 р. 57 р. 58 р. 59 р. 60 р. 61 р. 62 р. 63 р. 64 р. 65 р. 66 р. 67 р. 68 р. 69 р. 70 р. 71 р. 72 р. 73 р. 74 р. 75 р. 76 р. 77 р. 78 р. 79 р. 80 р. 81 р. 82 р. 83 р. 84 р. 85 р. 86 р. 87 р. 88 р. 89 р. 90 р. 91 р. 92 р. 93 р. 94 р. 95 р. 96 р. 97 р. 98 р. 99 р. 100 р.

Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 10 коп. марку. Товаръ высылается немедленно, но не менѣе какъ за 3 рубля. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣт., Невскій пр., д. 4. (Фирма сущ. съ 1872 года). Мт. № 5550

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ СТУПИНА

на 1892 г., съ 72 ПОРТРЕТАМИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ (исторіи, археологіи и библиографіи); ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ и прямою СТѢННОГО КАЛЕНДАРЯ и карты ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ и СИБИРСКАЯ ЖЕЛ. ДОР. ц. 15 к., съ перес. бандеро. 21 к., заказн. 25 к. На 1 р. высл. 5 экз. Вѣсто мелочи просать высл. шарикъ.
Получать можно у ИЗДАТЕЛЯ А. Д. СТУПИНА, (МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ ул., рзд. съ Ремесл. Упр.) и у извѣстн. книгопродавцевъ. БИБЛИОТЕКА СТУПИНА 46 Изящно-Иллюстр. книжн. Ц. каждой 10 к. ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ Бахметовой, Общедост. чтеніе для школъ и народа. Ц. за 12 мѣсц. 1 р. 80 к.

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ содержитъ въ себѣ всевозможныя СПРАВОЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ и статьи, посвященныя ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫМЪ ЛИЦАМЪ и СОБЫТІЯМЪ церковной и гражданской исторіи. ПОЛНОТА, ТОЧНОСТЬ и НОВИЗНА СВѢДѢНІЙ, СЕРЬЕЗНОЕ СОДЕРЖАНІЕ и общедоступное изложеніе статей съ одной стороны и важная вышность изданія съ другой ВЫЗВАЛИ и СОУЧУВСТВЕННЫХЪ ОТЗЫВОВЪ о календарѣ, и публик. множество ЛЕСТНЫХЪ и СОЧУВСТВЕННЫХЪ ОТЗЫВОВЪ о календарѣ. Въ С.-ПЕТЕРБ. складъ у ТУЗОВА, ДАНАФИДИНА и ВУЗНА.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ!
 Альбомъ Императорскаго Эрмитажа, содержащій 10 картинъ фотографическихъ въ издѣлѣ колѣнкороваго переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Цена 5 руб., съ перес. 5 руб. 75 коп. Картинъ въ 4хъ, прямо съ оригинала. № 5533 2-2
 Г. Шницдорфъ, поставщикъ Двора Е. И. В. С.-Петербургъ, Невскій 4, Ангелъна 27.

На 1892 (VI) годъ открыта подписка на журналъ коммерц. и финан. дѣланій „**СЧЕТОВОДСТВО**“
 Одобр. Уч. Ком. М. П. Н. какъ журналъ много полезныхъ и интересныхъ статей.
 Ред.-Изд. Ад. Марн. Вольфъ.
 Цена 6 р. Программа выслается бесплатно. № 5525 2-2
 Изданія журнала „Счетоводство“: Двойная бухгалтерія въ популяр. очеркахъ. II. 75 к. Самоучитель дв. бухгалтеріи. Скубца. II. 1 р. 50 к.
 Контора: С.-Петербургъ, Невскій, 64.

ВЫИГРЫШНЫЕ
 билеты и Дворянскіе з. л. съ задаткомъ 20 и 15 р., ежемѣ. 10 и 5 р. Выигрышъ со дня задатка принадлеж. покупателю. Прощ. уменьш. съ № 3501. доломъ. 4-3

2 ЯНВАРЯ
 с. г. тиражъ I займа.

БАНКІРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, СПб. и гг. агенты Дома въ губ. и уѣздахъ гор. Импріи.

НОВОСТИ!
НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ
 очень легкій для игры и самый дешевый инструментъ съ полутонами 2-хъ окт. 3 р., 3-хъ окт. 10 р., 4-хъ окт. 15 р.
 Новые педали къ нимъ по 5 р. Самоучитель 75 к.

ГАРМОНИИ
 самыхъ лучшихъ и различн. сортовъ реком.
И. Ф. МЮЛЕРЪ,
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Требуется иллюстрированн. прейсъ-курантъ.

Huste-Nicht
 „**НЕ КАШЛЯЙ!**“
 Медо-Травяной-Мальца-Экстрактъ и Конфекты.
Л. Г. ПИТНИЦЪ и Ко.
 въ Бреславлѣ.
 Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россію разрешены.
 *) Цена: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты по 30 и 50 к.
 Упаковка и пересылка считаются особо.
 Главн. складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19.
 Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 5364 (7)

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
 ПРОВІЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
 кусокъ 30 к. Продается вездѣ.

ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,
 изданное А. Ф. Марксомъ. подъ редакціею А. И. Венденскаго, съ биографіею и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. БРОНГАУЗомъ въ Лейпцигѣ.
 Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ извѣстное по рукописямъ или печатному тексту, а **иногда впервые появляется въ печати.** Сочиненія напечатаны на лучшей велевой бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ въ два тома in 8°, объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1273 стр.).
Цена за экземпляръ полнаго собранія сочиненій 1 р. 50 к., а съ перес. 2 руб. Въ двухъ колѣнкоровыхъ, тисненыхъ красками, переплетехъ 2 руб., а съ пересылкою 2 руб. 50 коп.
 Съ гребованіями просить обращаться въ СПб., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ВѢСТНИКЪ
САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА
 1892 г.
 Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціею **В. И. Кутузова** (СПб., Лѣсной Институтъ). № 5507 (3)

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.
 Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПб., Невскій просп., № 6) и у казначей Общества Э. И. Эндеръ (СПб., Импер. Ботаническій Садъ). Подписная цѣна съ доставк. и перес.: за годъ 8 р., за полгода 4 руб. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

Неудовольствие патентованно-жирноч.
ГОСИФАТРАПЪ
 никогда не требуютъ маслѣн. Даютъ прекрасн. помошь во всѣхъ отношеніяхъ. Подробности и прейсъ-курантъ доставляется бесплатно.
 Мт. № 5552
 Представитель **ЖУКОВСКІЙ**.
 С.-Петербургъ, Ново-Петергофскій просп., 10.
 Приглашаютъ дѣятельныхъ агентовъ.

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА
БЕРТЫ-РИСЪ.

Личная помада „Pasta Eugenie“	1 р. 60 к.
Ручная помада для смягченія кожи рукъ	1 „ 30 „
Головная помада для волосъ	2 „ 20 „
„Трискогенъ“, жидкость для мытья головы	2 „ 20 „
„Эликсиръ Меланжъ“ для волосъ	2 „ 20 „
Бальзамъ изъ иривтовыхъ цвѣт. и жидкая пудра	1 „ 75 „
Пудра 3-хъ цвѣт. бѣлая, розовая и рашель для бровятокъ, съ пуховкой	1 „ 50 „
Безъ пуховки	1 „ 20 „
Румяна „Eugenie“	1 „ 50 „

ХИМИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА РИСЪ-ГУТМАНА.

Краска для волосъ 4-хъ цвѣт. черная, коричнева, свѣтлая и темно-русая	3 р. — к.
Токайскій бальзамъ отъ миазмовъ	— „ 60 „
Порошокъ противъ таракановъ, моли и блохъ	1 „ 20 и 1 „ 65 „
Жидкость противъ клоповъ	1 „ — „
Средство отъ крысъ и мышей: большая жестянка	1 „ 50 „
маленькая жестянка	— „ 60 „

Можно получить во многихъ аптекахъ и косметич. магаз. Россіи.

БРАТЯ ЭНГБЕРТСЪ и Ко.
 Гостиный дворъ, № 146, 147 и 14
 въ С.-Петербургѣ.
СПЕЦИАЛЬНОСТЬ МУЖСКАГО и ДАМСКАГО БЪЛЬЯ.
ПОЛОТНО, БАТИСТЪ.
СТОЛОВОЕ БЪЛЬЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.
НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ и БУМАЖНЫХЪ ТКАНЕЙ.
 Гг. иногороднымъ покупателямъ по требованію высылаются прейсъ-куранты бесплатно.
 № 5532 2-3

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ.
Ө. А. БОГДАНОВА,
 Москва, Петровка, Петровскія линіи, № 5.
 Продаются книги:
 Гончаровъ, И. А. Сочин. 9 том. 13 р. 50 к.
 Толстой, А. Н. Сочиненія, 4 том. 7 р.
 Брандесъ. Главныя теченія литературы XIX столѣтія, 1 т. 2 р. 50 к.
 Гейне, Г. Книга исскенъ, вым. 1-й. 50 к.
 Шекспиръ. Сочиненія, 3 тома. 12 р.
 Байронъ. Сочиненія, 3 тома. 8 р.
 Шиллеръ. Сочиненія, 3 т. 7 р.
 Молоховецъ. Подарокъ молод. хозяйкамъ. Издан. 17-е. 4 р.
 Книги могутъ быть высланы въ переплетехъ: издѣние по 75 к. и библиотечные по 35 к. за томъ. На пересылку прилагаютъ по разсчетамъ. Выслана м. б. съ наложеннымъ платежомъ. Магазины высылаютъ всевозможныя русскія книги. На запросы прилагаютъ марку. № 5113 2-2

Для подарковъ книга О. Н. Штейнберга: **МОРЬ и ЖИЗНЬ.**
 Лучшіе образцы изъ всемірной литературы. Цена 2 р.; въ издан. пер. 2 р. 60 (перес. 40 к.). Складъ изданій въ книжн. маг. А. Сиринъ, въ Вильнѣ. № 5542

CHARLES HEIDSTECK
REIMS
ШАМПАГНЕ БѢЛОГОЛОВКА.
МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
 приготовленное лабораторіею А. Энглульдъ.
 Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, который обильна, освѣжающа и придаетъ ей нежность и мягкость, употребляется какъ мыло.
 Цена за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.
 Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на надпись А. Энглульдъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.
 Получить можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 5403 10-3
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
А. ЭНГЛУЛЬДЪ,
 СПб., Ангелъна пр., 36.

ДЕНТИНЪ ВЪ ВѢННѢ
 В. А. № 3305 (3)
Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
 Цена 10 коп.
 Продается въ парфюмер. и аптекарскихъ магазинахъ.
 Главн. складъ у Василія Ауриха: С.-Петербургъ, Колокольная, 18-19.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
 Косметика А. ЭНГЛУЛЬДЪ.
 Противъ шероховатости кожи и пр. Цена каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб. — 2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подписи: А. Энглульдъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.
 Получить можно въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарами, у А. Рузвцова, Спб. Техно-Химич. Лабор.— Въ Москвѣ у Б. Феррейна, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Ко, О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главн. складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Спб. Косметическая Лабораторія А. Энглульдъ, Ангелъна, № 38. Ц. № 5347 (3)

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ СЕСТУКЪ
 ПРЕДостерегаемъ отъ поддѣлокъ НАШЕЙ МАРКИ
 НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ

КОМИТЕТЪ ПОМОЩИ ЖЕНЩИНАМЪ и ДѢТЯМЪ САМАРСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.

Комитетъ помощи женщинамъ и дѣтямъ, образованный при Самарскомъ Губернскомъ Попечительствѣ, открываетъ свои дѣйствія во всѣхъ уѣздахъ Самарской губерніи.

Высочайше разрѣшенная 18 ноября 1891 года БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ въ пользу нуждающагося населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года.

Продажа билетовъ этой лотереи производится, въ Петербургѣ, начиная съ субботы, 14-го сего декабря, въ присутственное время, въ слѣдующихъ учрежденіяхъ:

- 1) Въ Государственномъ Банкѣ и въ отдѣленіяхъ сберегательной кассы Банка (въ сѣхъ вслѣдствіе на исключеніемъ понедѣльника, 16-го декабря).
2) Въ Почтамтѣ и городскихъ почтовыхъ отдѣленіяхъ.
3) Въ Главномъ Управленіи Общества "Краснаго Креста" (Инженерная, № 9).
4) Въ помѣщеніи Городской Управы (подъѣздъ № 3).
5) Въ частныхъ банкахъ:

Варшавскомъ Коммерческомъ (с.-петербургское отдѣленіе) (Малая Морская, 9). Волжско-Камскомъ Коммерческомъ (Невскій, 38-4). Лионскомъ Кредитѣ (Мойка, 59). Обществѣ Взаимнаго Кредита С.-Петербургскаго Уѣзднаго Земства (Невскій, 50). Россійскомъ Торговомъ и Коммисіонномъ (Невскій, 27). Русскомъ для вишней торговли (Большая Морская, 32). С.-Петербургско-Азовскомъ Коммерческомъ (Невскій, 64). С.-Петербургско-Международномъ Коммерческомъ (Англійская набережная, 8). С.-Петербургско-Московскомъ Коммерческомъ (Галерная, 3). С.-Петербургскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита (Екатерининскій каналъ, 13). С.-Петербургско-Тульскомъ (Невскій, 63). С.-Петербургскомъ Учетномъ и Ссудномъ (Невскій, 30). С.-Петербургскомъ Частномъ Коммерческомъ (Англійская набережная, 18). Сибирскомъ Торговомъ (Невскій, 20). Торгово-Промышленномъ Коммерческомъ (Невскій, 23).

- 6) Въ банкирскихъ домахъ:
Вавельбергъ, Г. (Невскій, 25). Гисбургъ, І. Е. (Конюгардейскій бульваръ, 17). Лампе и Коми. (Невскій, 28). Мейеръ, Э. М. и Коми. (Англійская набережная, 30). Нельке, Маріикій (Невскій, 52). Рафаловичъ, А. и Коми. (Невскій, 60). Товарищество Де-Ла-Фаръ, М. и Коми. (Невскій, 44). Юнкеръ, И. В. и Коми. (Невскій, 22).

Во всѣхъ сѣхъ учрежденіяхъ продажа билетовъ будетъ производиться безъ всякаго коммисіоннаго вознагражденія, т. е. по цѣнѣ 5 рублей за билетъ и 1 рубль за купонъ, причѣмъ въ Государственномъ Банкѣ и въ отдѣленіяхъ сберегательной кассы Банка, въ помѣщеніи Городской Думы и въ Почтово-Телеграфныхъ учрежденіяхъ въ одній рука будетъ продаваемо билетовъ и купоновъ всего на сумму не болѣе 25 рублей.

Комитетъ Благотворительной Лотереи.

Поздравляемъ! Открыта подписка на 1892 годъ! ГОДЪ ХУІІ. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ГОДЪ ХУІІ.

"СТРЕКОЗА"

Семнадцать лѣтъ изданія "Стрекоза" смотрятъ на насъ съ высоты дорожавшаго вѣка. Чѣмъ ближе къ концу XIX столѣтія, тѣмъ яснѣе для всѣхъ, что современное человѣчество, если и пригодно на что нибудь, то единственно потому, что оно восполняетъ, укрѣпляетъ себя и поддерживаетъ тремя капиталными средствами: электричествомъ, массажемъ и юморомъ.

Электричество щиплетъ его за дряблые и развѣченные нервы. Массажъ передвигаетъ, виветъ съ кровью, мысли отъ брюха къ головъ. Юморъ спасаетъ отъ ипохондрии и протраціи, отъ собачьей старости и преждевременнаго дѣтства.

Вотъ почему мы убѣждены и радуемся, что процвѣтаніе "Стрекозы" непосредственно связано съ приращеніемъ капитала благодушія и веселоравія, находящагося въ повседневноиъ всероссійскомъ развѣдѣ и оборотѣ.

Самъ графъ Левъ Толстой удостоилъ юморъ своимъ вниманіемъ. Онъ, очевидно, замѣтилъ, что однимъ только трагизмомъ можно совѣтъ запугать современниковъ и подарилъ нашу сцену оригинальную и очень забавную комедію. Называется она, какъ извѣстно, "ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ".

Въ 1892 году "Стрекоза" дастъ своимъ ГОДОВЫМЪ подписчикамъ:

3 БЕЗПЛАТНЫХЪ,

- роскошнѣйшихъ премій:
1-я премія: "ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ", комедія графа Л. Н. Толстого. Изданій томъ, изданный по примѣру парижскихъ éditions de luxe. Книга эта будетъ разослана подписчикамъ съ № 1-мъ "Стрекозы".
2-я премія: "НОВОСТИ НАШЕГО ТЕАТРА" — роскошный альбомъ, исполненный новѣйшимъ способомъ, фотомонтированій. Альбомъ будетъ сдѣланъ съ фотографій, снятыхъ дирекціей Императорскихъ театровъ съ перворазрядныхъ артистовъ, въ выдающихся роляхъ и сценахъ новѣйшаго репертуара минувшаго 1891—1892 г. сезона.
3-я премія: "ОТДѢЛЬНЫЕ РАЗСАЗЫ "СТРЕКОЗЫ", (не менѣе 12-ти въ годѣ), современной юмористической литературы (примочуственно изъ французской) съ французскими художественными иллюстраціями. Всѣ три премія "Стрекозы" будутъ представлять собою необыкновенно-роскошные подарки.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на годъ... 8 р. 50 к. на годъ съ перес. премій... 10 р.
Во всѣхъ городахъ Имперіи: на годъ съ перес. премій... 10 р. на 1/2 года безъ премій... 5 р.
Годовые подписчики вносящие по 6 р. въ первое 1/2-годіе и 5 руб. во второе 1/2-г., пользуются тоже преміями.
за границу на годъ съ преміями. 12 р. по 1/2-годіямъ безъ прем. 6 р. по 1/2 съ преміями 7 р.

Редакція и Контора помѣщаются: 80, Фонманка, въ С.-Петербурѣ.

Издатель Г. М. Нордфельдъ

Редакторъ И. Ф. Василевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, на 1892 годъ, на ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ: № 5508 2-2

ГОДЪ ХІ. НАБЛЮДАТЕЛЬ ГОДЪ ХІ.

Вступая во второе десятилѣтіе своего существованія, журналъ будетъ выходить попрежнему ежемѣсячно, первою числа, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ за 1892 годъ будутъ напечатаны романы: 1) "Изъ трясины на дорожку", А. К. Шеллера (А. Михайлова); 2) "Петербургскіе туманы", І. І. Яенинскаго (Максима Вѣлинскаго); 3) "Итоги" Н. Ф. Бажина; 4) "Вмѣсто хлѣба камень", П. Лытнева; 5) "При пиковомъ интересѣ", А. В. Круглова; 6) "По призванію", В. Святлова.—Фельетоны изъ общественной жизни ("И смѣхъ, и горе") Ефима Простосердова будутъ попрежнему помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ номеровъ.

Годовая цѣна: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес. иногороднымъ; за границу—17 р. За полгода 7 р. съ перес. Условія разсрочки иногороднымъ подписчикамъ: 6 р. при подпискѣ (черезъ Гл. Контору), къ 1 мая—5 р., къ 1 сент. 3 р. Частныя бібліотеки пользуются разсрочкой платы, если выпишываютъ не менѣе 15-ти годов. экземпляровъ. Подписка принимается: въ СПб., въ Главной Конторѣ журнала (Владимірская ул., д. № 1—6), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковский.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1892 годъ

на большую ежедневную политико-литературную, общественную и иллюстрированную газету

"МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ"

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ ДВѢНАДЦАТИЙ).

Программа газеты остается прежней, но редакція въ этомъ году дастъ большой просторъ нѣкоторымъ наиболее важнымъ отдѣламъ: въ расширяемомъ нами отдѣлѣ передовыхъ статей участвуютъ: П. Е. АСТАФЬЕВЪ, Е. В. БАРСОВЪ, Ф. Н. АЛЕВАНОВЪ и А. С. ШМАКОВЪ. Вмѣсто заграничныхъ свѣдѣній, заимствуемыхъ изъ русскихъ газетъ, вводится обзоръ политическихъ событий непосредственно изъ иностранныхъ періодическихъ изданій, для чего приглашены компетентные въ этомъ дѣлѣ сотрудники и спеціальные корреспонденты. Рубрика "По театрамъ" также расширяется: музыкальнымъ отдѣломъ будетъ завѣдывать Ф. П. КОМИССАРЖЕВСКІЙ.

Кромѣ того, не увеличивая подписной цѣны, будетъ бесплатно разсылаемо подписчикамъ, городскимъ и иногороднымъ, приложеніе съ картинками, представляющее собой какъ бы особый иллюстрированный журналъ. Рисунки исполняются въ фотолитографіяхъ Аггерера (въ Вѣнѣ) и О. Ренаръ (въ Москвѣ).

Для этихъ приложеній нами, между прочимъ, приобретены: весьма интересный очеркъ: "Французъ среди Донскихъ казаковъ", принадлежащій перу извѣстнаго французскаго писателя и иллюстратора г. ДИКЪ-ДЕ-ЛОНЛЕЙ (Dick-de-Lonlay), съ его же рисунками; "Нѣмцы на Руси", историческіе очерки А. А. ГОЛУБЕВА и рассказы И. Ф. ГОРБУНОВА — "Изъ прошлаго".

Въ "Московскомъ Листкѣ", кромѣ новыхъ произведеній П. Н. ПОЛЕВАГО, А. А. ГОЛУБЕВА, М. И. ПЫЛЛЕВА, И. А. БАТАЛИНА, М. П. СТАРЦНАГО и другихъ, будетъ помѣщена новѣйшая И. И. МЯСНИЦАГО — "Гостиница старичка".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

Table with 12 columns for months and rows for city rates and foreign rates.

Въ МОСКВѢ: въ конторѣ редакціи: Воздвиженка, Ваганьковскій переулокъ, домъ Н. П. Настухова. Г. № 5349

Въ ПЕТЕРБУРГѢ: въ книжномъ магазинѣ "Новаго Времени" и въ конторѣ Матисена, Большая Конюшенная, № дома 29.

Advertisement for B. A. Altschwaeger watches, featuring a clock image and text about precision and quality.

Advertisement for K. I. Fredlandt photography studio, featuring an image of a camera and text about photographic services.

Advertisement for K. I. Fredlandt photography studio, focusing on the benefits of photography and contact information.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1891 г., по показанному образцу, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

ПОРОШОКЪ БЕЗЪ ЗАПАХА „ЗАТОВА“

уничтожающій зловоніе въ ватерклозетахъ и т. под., раковинахъ, хлѣвахъ, конюшняхъ и проч. Цѣна за № 5497 фунтъ 25 коп. 5-3

ГОСПОДАЖЬ ИНОГОРОДНЫМЪ высылаетъ прейсъ-курантъ Новостей и практичныхъ предметовъ по желанію бесплатно

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.

Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей. Большая Морская, № 34.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имл. Публ. Библиотеки. Оптова и розничн. продажа.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка за счетъ магазина. Ручательство на 2 годъ. № 5182 20-18

ТОВАРИЩЕСТВА

„ГИГИЕНА“ ПУДРА

роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ **ОСВѢЖАЮЩІЙ ОДЕКОЛОНЪ** высшаго достоинства **СТИРОВАЯ ЖИДКОСТЬ** благовоющая, для освѣженія комнатъ.

ПРОДАЖА ВЪ **С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.**

С.-Петербургъ, площадь Александрискаго театра, № 9. Т. № 5407 11-10 Москва, Пилкозская, д. гр. Шереметева.

НАСТОЯЩІЕ ВЪЛОСНІЕЛЫ (ВѢСЪ)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

СВѢТЪ

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

Фаустъ на прогулкѣ съ Вагнеромъ. Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Издание А. Ф. МАРКСА:

Большое роскошно иллюстрированное издание in folio сочиненія

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ **АНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРЦА,**

исполн. знаменит. гравер.: **Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.**

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всеми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневоомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., для подписчиковъ „Нивы“ на 1892 г. **35 р.**, за перес. слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПб., Невскій пр., № 6.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ:

ЦИТРЫ въ 8 р., 12 р., 20 р., 40 р., 60 р., 80 р., 100 р. и 125 р.

ГИТАРЫ въ 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 75 р., 100 р., 125 руб.

ГАРМОНИИ лучшей въ мірѣ фабрики **И. Ф. Кальбе,**

Однрядникъ: въ 4 р., 5 р., 5 р., 50 к., 7 р., 7 р., 50 к., 8 р., 8 р., 50 к., 9 р., 10 р., 11 р., 12 р., 15 р., 20 р. и 25 р.

Двурядникъ: въ 12 р., 14 р., 15 р., 16 р., 18 р., 20 р., 25 р., 28 р., 30 р. и въскій въ 22 р.

Трехрядникъ: въ 60 р. и въскій въ 30 р., 50 р. и 75 р.

а также всѣ другіе музыкальные инструменты, принадлежности къ нимъ и школы-самоучители.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

По полученіи задатка прибавляется 1/2 стоимости заказа требуемое высылается съ надлежащими платежомъ на основаніи суммъ.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, д. № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Выпущено Ф. Павленковымъ въ продажу дешевое изданіе известной книги итальянскаго профессора Ломброзо:

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЪШАТЕЛЬНОСТЬ.

Съ портретомъ автора и рисунками. Цѣна 1 рубль. Мѣ. № 5545

ОПТИЧЕСКІЙ МЕХАНИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

Г. БЕЛАУ и СЫНЪ

ГЕОДЕЗИЧЕСКІЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ТЕРМОМЕТРЫ ГОТОВАЛЬНИ

БАРОМЕТРЫ БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ № 27. ОЧКИ, ПЕНСНЕ

МИКРОСКОПЫ ЗРИТ. ТРУБЫ

КОММИССІОНЕРОВЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ С.У.С. съ 1816 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ВОСТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

„ЛИЛИИ“ И „РОЗИ“

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

Для волосъ. Элеопать Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптеч. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ. Просить непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 5120

ПЕЧАТНАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Имѣетъ въ 3 раза больше пера. Частота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3718 Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ Б. Морская, 21.

При этомъ № прилаг. для гг. городскихъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирскаго Конторы Г. Блокъ въ СПб.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXII г.

№ 52

г. XXII

1891

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
Выдать 23 декабря 1891 г. ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1892 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . **5 р.** Съ доставкою въ Петербургѣ **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ Москвѣ чр конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линия **6 р.** Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи **7 р.** За границу **10 р.**

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ на 1892 г.

допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Въ два срона: При подпискѣ вносится **4 р.** и къ 1-му іюня 1892 г. **3 р.**
- 2) Въ три срона: При подпискѣ вносится **3 р.**, къ 1-му мая 1892 г. **2 р.** и къ 1-му августа 1892 г. **2 р.**

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всеми приложеніями и преміями—НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

Неофитъ VIII

новый вселенскій патриархъ въ Константинополѣ.

Какъ читателямъ уже извѣстно, вселенскимъ патриархомъ въ Константинополѣ, на мѣсто усопшаго въ августѣ мѣсяцѣ с. г. Дюссиса V, избранъ преосвященный Неофитъ, митрополитъ Никопольскій.

Новый патриархъ родился въ деревнѣ Кппа, расположенной вблизи мѣстечка Зипи въ Серескомъ округѣ (въ Македоніи) въ 1832 г. Мѣрское имя его—Іоакимъ Панакостандиносъ. На пятомъ году своей жизни онъ былъ отданъ въ монастырь. Съ юнаго возраста и до преклонныхъ лѣтъ въ немъ не угасала любовь къ ученію. Не смотря на шѣлый рядъ препятствій, съ которыми было сопряжено достиженіе образованія, вследствие ограниченности средствъ его родителей, онъ, благодаря непреклонной волѣ и неутомимому труду, сумѣлъ приобрести высшія научныя познанія. Первое образованіе онъ получилъ въ общественой школѣ села Алистра-

Неофитъ VIII, вселенскій патриархъ въ Константинополѣ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

ти (вблизи его родины). Кончивъ курсъ въ этомъ училищѣ, онъ предпринимаетъ путешествіе въ Константинополъ, съ цѣлью поступить въ одно изъ тамошнихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Для того, чтобы судить сколь велико въ немъ было стремленіе къ ученію, достаточно сказать, что для приобретенія средствъ на дорогу въ Константинополъ, ему нужно было продать нѣсколько книгъ. Къ счастью, въ Константинополѣ онъ нашелъ покровителя, въ лицѣ преосвященнаго Неофита въ то время митрополита Дерконекаго, при помощи котораго ему удалось вступить въ богословское училище въ Константинополѣ. По окончаніи курса въ этомъ училищѣ, онъ былъ посвященъ въ духовное званіе, причѣмъ мѣрское имя его было замѣнено именемъ его покровителя, преосвященнаго Неофита, и получилъ назначеніе діакономъ въ Драмскій приходъ. Въ 1853 году ему было предложено мѣсто секретаря при преосвященномъ Софроніи, митрополитѣ Амассійскомъ. Однако, богѣешее состояніе

позволило ему остаться на этом мѣстѣ только нѣсколько мѣсяцевъ. Прибывъ обратно въ Константинополь и возстановивъ нѣсколько свои силы, онъ рѣшается продолжать службу и получаетъ назначеніе секретаремъ при преосвященномъ Ерофеѣ, митрополитѣ Струмицкомъ. Скопивъ, благодаря скромному образу жизни, небольшую сумму денегъ, онъ рѣшается, для продолженія своего образованія, отправиться въ Мюнхенъ. Это было въ 1865 году. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ заставилъ его, по истеченіи трехъ лѣтъ усерднаго ученія, возвратиться въ Константинополь. Здѣсь, въ 1868 году, онъ былъ произведенъ въ санъ епископа и назначенъ въ Драмскій приходъ, въ Праву, гдѣ въ то время состоялъ митрополитомъ преосвященный Агаангеллъ. Во время пребыванія въ Праву, ему были ввѣрены очень важныя порученія въ Неврокопскомъ и Ксантикомъ приходахъ. Порученія эти были выполнены весьма успѣшно, причемъ молодому епископу представился случай выказать свои способности и свои познанія. Въ 1872 году, когда престолъ вселенскаго патріарха занималъ его святѣйшество Ананій, — епископъ Неофитъ былъ избранъ въ митрополиты и назначенъ въ Филиппополь, — постъ, который въ то время считался однимъ изъ самыхъ ответственныхъ. Занимая этотъ постъ въ теченіе восьми лѣтъ, онъ выказалъ вполне свои выдающіяся качества. Онъ доказалъ въ этотъ періодъ не только свою преданность интересамъ православной церкви и православнаго общества, но и свое умѣнье разрѣшать къ общему удовольствію весьма сложныя недоразумѣнія нерѣдко возникавшія между правительствомъ и прихожанами. Такъ, въ 1876 г., благодаря его содѣйствію, были прекращены волненія въ Ортакей. Но, на ряду со служеніемъ церкви, онъ нерѣдко вмѣшивался и въ политическіе вопросы. О познаніяхъ его въ политическихъ дѣлахъ можно судить по

тому, что такіе дипломаты, какъ Друммондъ Вольфъ, баронъ де-Рингъ и де-Каллаи весьма нерѣдко пользовались совѣтами Филиппопольскаго митрополита. Въ 1878 году въ первый разъ преосвященный Неофитъ былъ предложенъ въ кандидаты на патріаршій престолъ. Избраннымъ, однако, оказался Іоакимъ III, получившій двумя голосами больше. Съ 1880 по 1884 года преосвященный Неофитъ былъ Адрианопольскимъ митрополитомъ. Затѣмъ онъ вынужденъ былъ покинуть митрополию, вслѣдствіе недоразумѣній, вызванныхъ противоположностью мнѣній съ патріархомъ Іоакимомъ IV. Удалившись на Аеонъ, онъ продолжалъ въ тиши свое самообразованіе. Въ 1887 году вновь возникли недоразумѣнія между властями и членами православной церкви въ округѣ Монастырь. Тогдашній патріархъ, Діонисій V, вспоминая заслуги преосвященнаго Неофита, предложилъ ему оставить свою уединенную жизнь и вновь принять участіе въ дѣлахъ православной церкви. Выполнивъ блестяще и эти порученія, онъ получилъ предложеніе занять освободившееся мѣсто митрополита въ Никопольскій приходъ. Это назначеніе совпало со смертью патріарха Діонисія V, почему преосвященный Неофитъ былъ приглашенъ остаться въ Константинополь и принять участіе въ предстоящихъ выборахъ новаго патріарха. Во время первыхъ выборовъ кандидатура его не выступала и онъ былъ предложенъ только при вторичномъ засѣданіи общаго собранія, избраннаго его значительнымъ большинствомъ 48 голосовъ. 14 ноября состоялась официальная аудіенція новаго патріарха у султана и торжество посвященія въ санъ главы православнаго собора. Да помогутъ выдающіяся способности, высокое образованіе и преданность интересамъ святой православной церкви новому владыкѣ просвятить свою дѣятельность на прусибійнѣе православнаго собора!

Альбертовъ.

Ботвинья.

(Картинка изъ военной жизни).

Н. Тхоржевскаго.

Первые лучи весенняго грѣющаго солнца, прорѣзавъ небольшую черную тучку, разомъ облили своимъ живительнымъ свѣтомъ все, что имъ попало на дорогѣ. Одинъ изъ лучей ударилъ въ окно небольшого кокетливаго домика, стоявшаго на одной изъ небогатыхъ улицъ губернскаго города С., и, проникнувъ сквозь щель новенькой зеленой ставни, разбудилъ подпоручика Боброва, спавшаго самымъ крѣпкимъ, сладкимъ сномъ, подъ пушистымъ байковымъ одѣяломъ.

Подпоручикъ сдѣлалъ безсознательное движеніе; лицо его изобразило гримасу человѣка, непріятно и неожиданно чѣмъ-нибудь пораженнаго, и онъ, раскрывъ глаза, недоумѣвающе обвелъ ими комнату и потянулъ было одѣяло, чтобы улечься поудобнѣе, какъ вдругъ, вспомнилъ, что онъ сегодня, къ девяти часамъ утра, долженъ былъ явиться на квартиру къ командиру полка для объясненія по дѣламъ службы (предписаніе объ этомъ лежало у него на столѣ).

„Экая досада: вставать надо!“ подумалъ онъ.

Но тутъ же цѣлымъ рядомъ самыхъ убѣдительныхъ и вполне логическихъ доводовъ доказалъ себѣ, что вставать еще рано, что онъ двадцать разъ еще поспѣетъ явиться къ командиру, и, успокоенный этими соображеніями, онъ перевернулся на другой бокъ, такъ чтобы его не беспокоило солнце, и сейчасъ же вновь погрузился въ глубокой, здоровый сонъ молодости, непрерываемый никакими тревожными думами, которыя такъ знакомы людямъ семейнымъ.

Дорого бы далъ за такой сонъ какой-нибудь чиновникъ, получившій, на службу отечеству, разные катарры и тому подобныя прелести, являющіяся въ награду за продолжительный усидчивый трудъ, — за то, что человѣкъ отрেকся въ лучшіе свои годы отъ чистыхъ радостей и спокойствія, отъ своей свободы, отдалился отъ природы, не подчинялся ея законамъ, жилъ жизнью искусственною, выдуманною самими людьми.

Да, много бы нашлось почтенныхъ и высокопоставленныхъ людей, готовыхъ дорого заплатить за такой безмятежный сонъ; подпоручикъ же Бобровъ далъ бы еще дороже, если-бъ было ему что дать за то, чтобы страдать бессонницей и не подвергаться тѣмъ неприя-

ностямъ, какія случались съ нимъ зачастую, благодаря необыкновенной его способности крѣпко спать при всѣхъ условіяхъ, при всякихъ обстоятельствахъ.

Лѣтнее время было для него сущимъ наказаніемъ, благодаря раннимъ ученьямъ, на которыя онъ безпрестанно опаздывалъ, за что получалъ выговоры или сидѣлъ подъ арестомъ.

Такимъ образомъ, здоровый, благодѣтельный сонъ доставлялъ массу огорченій и не только подпоручику Боброву, но и деньщику его — Ахметкѣ, который въ этомъ случаѣ страдалъ совершенно невинно. Къ счастью, этотъ Ахметка — полудикій татаринъ изъ кочующаго племени, никогда ничего не выдавшій, кромѣ своихъ песчаныхъ степей, привязавшійся къ своему офицеру какъ собака, составилъ себѣ представленіе, что всѣ „господа“ спятъ такимъ крѣпкимъ сномъ, и нисколько не тяготился своею обязанностью ежедневно добиваться пробужденія подпоручика, считая это такимъ же неизбѣжнымъ обстоятельствомъ, какъ всякій міровой законъ въ родѣ того, что днемъ должно быть свѣтло, а ночью — темно.

Въ ту минуту, какъ солнечные лучи потревожили подпоручика, они вмѣстѣ съ тѣмъ разбудили и Ахметку.

Ахметка нахмурился, причемъ все его скуластое темно-коричневое лицо съезжилось и покрылось морщинами, сдѣлавшись до смѣшнаго похожимъ на обезьянъе. Онъ пріятно потянулся и по примѣру своего барина хотѣлъ тоже перевернуться на другой бокъ, воображая, что онъ находится въ своихъ родныхъ степяхъ и, слѣдовательно, тревожиться ему незачѣмъ, такъ какъ и кумысъ, и баранина, и все прочее создается само собой — какъ манна небесная, безъ всякаго труда; но вдругъ вспомнилъ, что онъ не въ степяхъ, а на кухнѣ, что онъ не Ахметъ-Оглы-Гирей, а рядовой 4-й роты Вилламердамстрѣлецкаго полка — Ахметъ Гиреевъ, состоящій казенною прислугой при подпоручикѣ того же полка — Бобровѣ, который въ девять часовъ утра долженъ явиться къ командиру полка, — и вскочилъ съ такой неимовѣрной быстротой со своей скамейки, на которой спалъ безъ всякой подстилки, почти не раздѣ-

ваясь и прикрывшись одной шинелью, точно кто-нибудь подпустилъ подь него сильный электрической токъ, который буквально сбросилъ его на полъ. Разница вышла только въ томъ, что онъ не упалъ, а вскочилъ на ноги; привычнымъ жестомъ одернулъ на себѣ красную, измятую, но совершенно чистую рубаху, провелъ обѣими руками по коротко подстриженнымъ, стоявшимъ щеткой, чернымъ, жесткимъ своимъ волосамъ и, энергично зѣвнувъ, сразу проснулся.

Придя въ полное сознаніе и память, Ахметка умылся, наскоро помолился по своему обряду, поставилъ самоваръ, блестящій такъ ярко, какъ будто онъ былъ только-что изъ магазина, и, тяжело вздохнувъ въ предчувствіи предстоящихъ затрудненій, только было отправился будить подпоручика, какъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ высокій пожилой человѣкъ съ сѣдыми бакенбардами, прилично одѣтый въ длинное черное пальто. Это былъ полковой портной, чуть-ли не родившійся и не выросшій при полку; онъ мастерски шилъ офицерское платье, но что самое главное, это то, что онъ всегда шилъ офицерамъ въ кредитъ на какую угодно сумму, да мало того—самъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы всѣ были прилично одѣты: замѣтитъ, напримеръ, на офицерѣ потертое пальто, ничего не скажетъ, сошьетъ новое (мѣрки всего полка у него бережно хранились), принесетъ, отдастъ деньгику и уйдетъ; а то, такъ просто починитъ,—перемѣнитъ кантики, петлички; смотришь—изъ стараго сюртука, который собирался бросить, вышла опять приличная вещь: рублей сорокъ, пятьдесятъ, значить, въ карманѣ.

Расписокъ онъ никогда никакихъ не бралъ и даже съ презрѣніемъ отзывался о тѣхъ, кто занимался такими неблаговидными вещами. Терпѣливъ въ полученіи долговъ Шеферъ былъ замѣчательно и никогда не надобдалъ своимъ должникамъ. Впрочемъ, надо правду сказать, онъ и не былъ отъ этого въ накладѣ и за всю его многолѣтнюю портняжную дѣятельность у него не пропало ни копѣйки за кѣмъ-либо изъ офицеровъ, и онъ самъ любилъ рассказывать объ этомъ. Были съ нимъ даже и такіе случаи, что офицеръ, должный ему, умиралъ, но и тогда онъ ничего не терялъ, такъ какъ товарищи умершаго принимали этотъ долгъ на себя, при чемъ цифру долга вѣрили ему на слово, не сомнѣваясь въ безукоризненной честности Шефера.

— Здравствуй, Ахметъ! поздоровался Шеферъ съ Ахметкой кивкомъ головы.

— Здравствуй! За дѣньгами пришла, небось? весело отвѣчалъ тотъ, скали свои бѣлые, крупные зубы и принимаясь въ то же время чистить сапогъ.

— Догадался! засмѣялся Шеферъ и вдругъ, сдѣлавъ серьезное лицо, прибавилъ: — А что, теперь у барина деньги есть?

— Никакъ нѣтъ: жалованья еще не получалъ... А вчерась послѣдній пять рублей мнѣ на базаръ дала! отвѣчалъ Ахметъ, дѣлаясь тоже серьезнымъ.

— Что ты врешь!.. Я знаю, ему вчера изъ дома прислали! возразилъ тотъ энергично.

Ахметка на минуту смутился, но сейчасъ же оправился.

— Она въ карты играла... все проиграла! отвѣчалъ онъ. — Да мнѣ какой нужда?.. Хочешь, я доложу, а только я такъ располагаю: она у тебя сама взаимно просить станеть! добавилъ онъ самымъ равнодушнымъ тономъ, зная по опыту, что это послѣднее замѣчаніе подѣйствуетъ на Шефера самымъ убѣдительнымъ образомъ.

И дѣйствительно, лицо Шефера сразу изобразило нѣкоторое безпокойство и онъ, сказавъ, что зайдетъ недѣля черезъ двѣ, поспѣшно вышелъ изъ кухни.

Ахметка лукаво улыбнулся ему вслѣдъ, причемъ его узенькіе, наискось прорѣзанные, черные какъ камен-

ный уголь глаза, совсѣмъ почти закрылись и засвѣтились такимъ хитрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно-наивнымъ огонькомъ, что все лицо его, освѣщенное этой улыбкой, сдѣлалось красиво и симпатично.

„Вотъ славный солдатъ!“ подумалъ бы всякій, взглянувъ на него въ эту минуту и невольно самъ бы улыбнулся доброй улыбкой.

Дочистивъ сапоги, Ахметка осторожно вошелъ въ комнату, принявъ заранѣе почтительный видъ, поднялъ штору, раскрылъ ставни, закрывавшіеся по мѣстному обычаю изнутри, зоркимъ взглядомъ окинулъ комнату: „все-ли, молъ, въ порядкѣ“, мимоходомъ поправилъ стулъ, поставилъ на мѣсто лампу и тогда уже приблизился къ офицеру: посмотрѣлъ на него, точно соображалъ съ какой стороны приступить—и, наконецъ, осторожно взявъ его за плечо, началъ слегка покачивать, приговаривая надъ самымъ ухомъ;

— Вашъ б-родія!.. вашъ б-родія!.. вставай!

Первые моменты подпоручикъ не обращалъ ровно никакого вниманія ни на поталкиванья, ни на восклицанія Ахметки, но, наконецъ, сердито дернулъ плечомъ, что-то буркнулъ еще сердитѣе и энергично завернулся въ одѣяло съ головой.

На Ахметку все это не произвело ровно никакого впечатлѣнія, и онъ, немного пообождавъ, вновь принялся теревить подпоручика.

— Вашъ б-родія!.. Вашъ б-родія, вставай!.. твердилъ онъ, раскачивая его все сильнѣе и сильнѣе.

— Что тебѣ? послышалось изъ-подъ одѣяла.

— Вашъ б-родія, командеръ полка тебя требовалъ... Девять часовъ къ нему былъ... таперча восемь!..

— Не встану!.. Сказать—не встану!.. Чего присталъ!.. на половину энергично, на половину умоляюще простоналъ несчастный подпоручикъ.

— Вашимъ благородіямъ, тебя на абвахту командеръ опять сажать будетъ—вставай пожалуйста... Вашъ б-родія, вставай!..

— Встану, встану, коли тебѣ жизнь не мила!.. Встану—погоди!..

Это было произнесено уже настолько внушительнымъ и озлобленнымъ тономъ, что Ахметка какъ ни былъ привыченъ къ разнымъ угрозамъ и тому подобнымъ выходкамъ своего барина, но все-таки какъ-то разомъ подобрался и даже отодвинулся въ сторону. Впрочемъ, это малодушіе прошло такъ же быстро, какъ и появилось, и онъ, вспомнивъ о своемъ долгѣ, съ новой рѣшимостью приступилъ къ подпоручику.

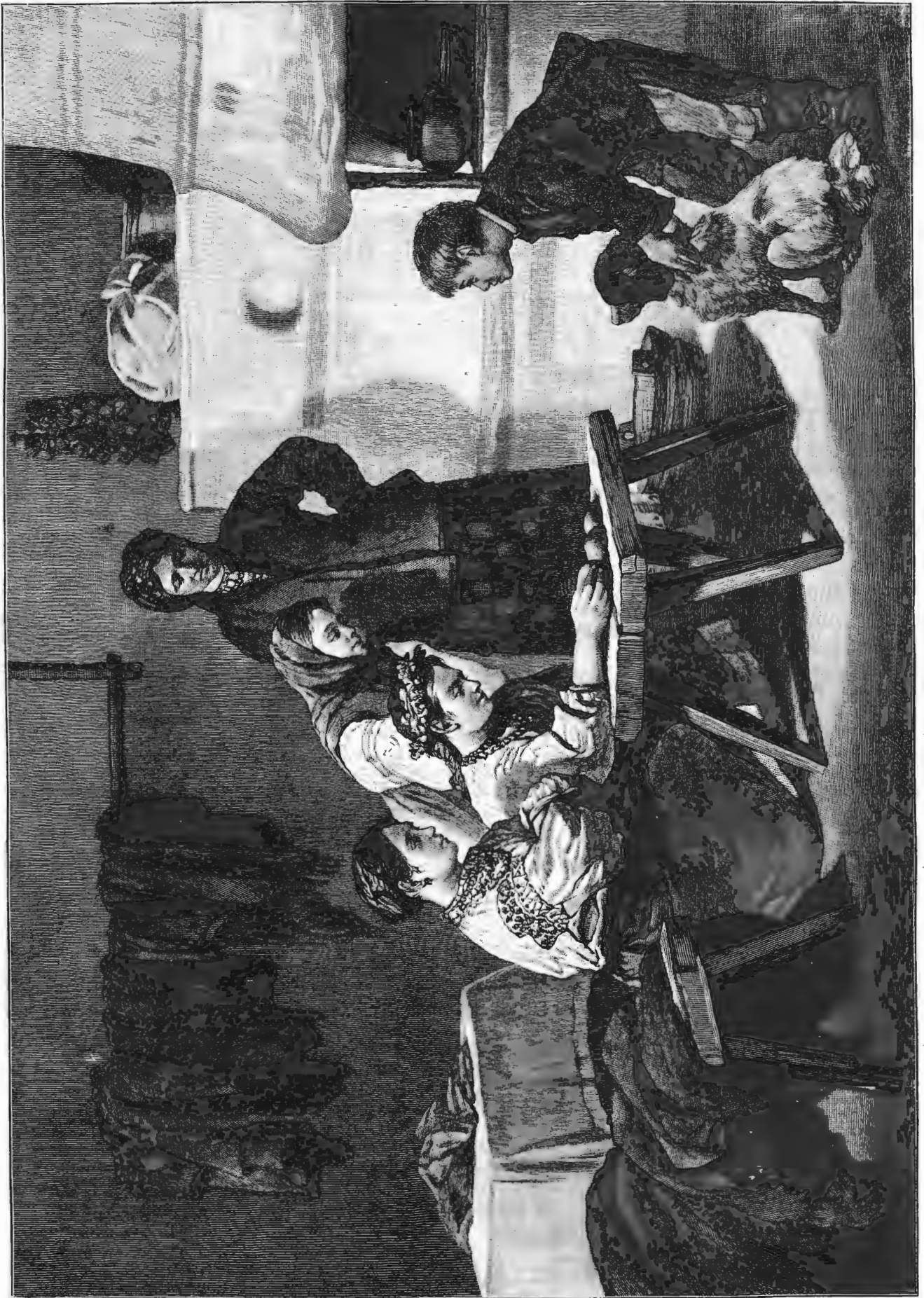
— Вашъ б-родія, вставай, а то водой окатилъ... Вставай лучше—подъ-арестъ сидѣть будешь!..

Произнеся эти слова съ той отчаянной рѣшимостью, съ какой люди говорятъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда они поставлены въ безвыходное положеніе, онъ внимательно прислушался. Только громкій храпъ, очевидно притворный, ибо былъ очень строгъ, былъ ему отвѣтомъ; Ахметка безпокойно оглянулся по направленію къ двери и приступилъ еще ближе къ кровати.

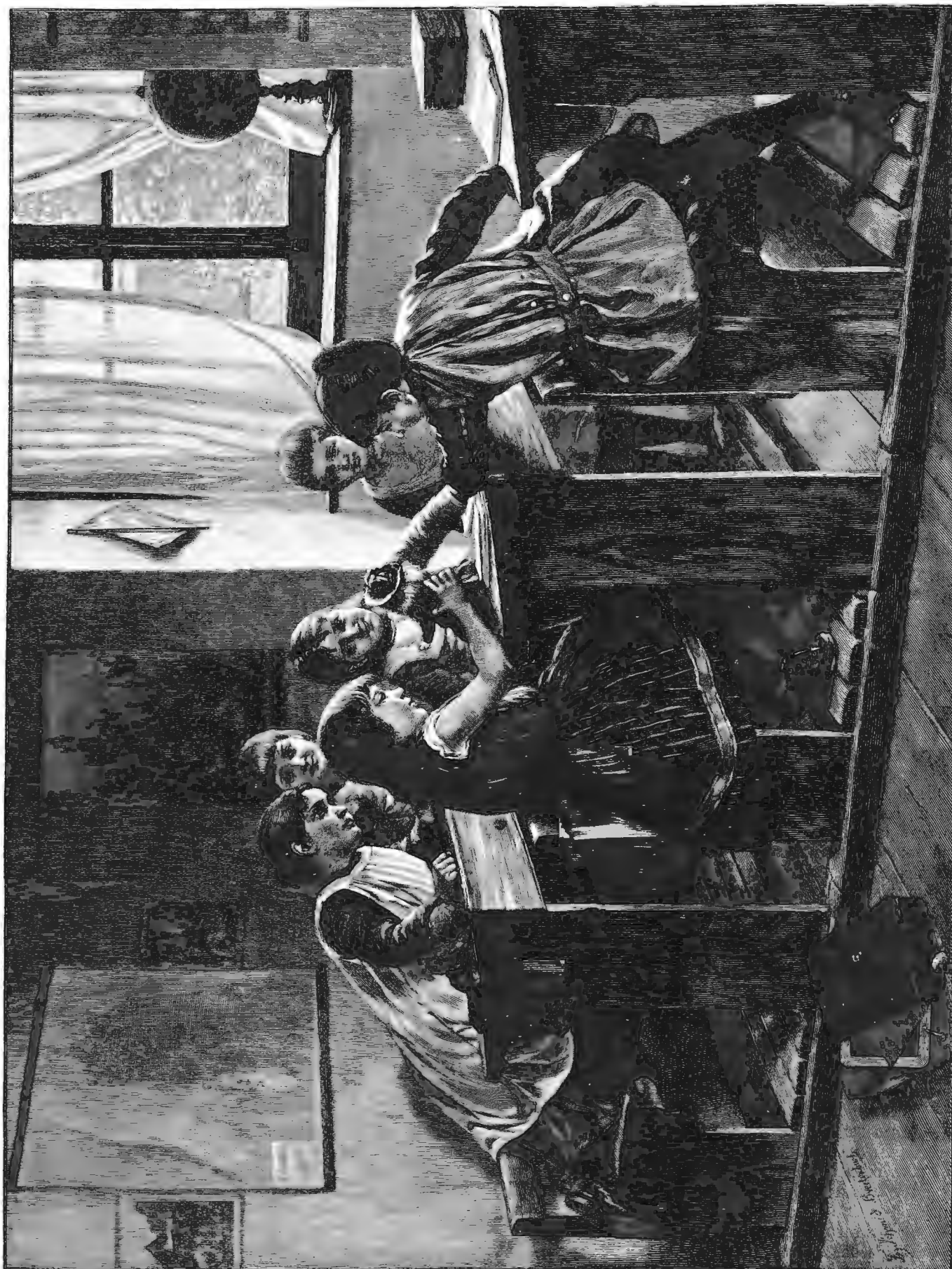
— Вашимъ благородіямъ, вставай!.. возопилъ онъ отчаяннымъ голосомъ надъ самымъ ухомъ подпоручика и въ ту-же секунду съ быстротой молніи скрылся въ другую комнату.

И какъ разъ во-время, такъ какъ подпоручикъ ловкимъ движеніемъ схватилъ сапогъ, понавшійся ему подъ-руку, и запустилъ его съ такой силой вслѣдъ скрывшемуся Ахметкѣ, что онъ съ рѣзкимъ свистомъ пролетѣлъ по воздуху и съ трескомъ ударился въ дверь, которую Ахметка успѣлъ прихлопнуть.

Переждавъ минуты двѣ, и убѣдившись, что опасность миновала, Ахметка вновь появился въ комнатѣ, поднялъ валявшійся сапогъ, поставилъ его на мѣсто и снова принялся будить. Но все было тщетно: всѣ мѣрки кротости оказались недѣйствительными, и Ахметка рѣшился на крайнее средство, къ которому, съ разрѣ-

Гаданье (изъ малороссійской жизни). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Иманевича, грав. Шюблеръ.

Рекреація. Съ карт. Шмидъ-Брейгенбаха, грав. Пене

шенія подпоручика, прибѣгалъ въ экстренныхъ случаяхъ. Онъ подошелъ къ кровати, схватилъ одѣяло за верхній край и, мгновенно сорвавъ его вмѣстѣ съ простыней, опрометью бросился изъ комнаты.

Подпоручикъ въ чемъ былъ, т. е. въ полнѣйшемъ дезабилье, съ лицомъ искаженнымъ гнѣвомъ, бросился вслѣдъ за нимъ со всѣхъ ногъ, и плохо пришлось бы Ахметкѣ, если-бы онъ промедлилъ хоть одинъ моментъ; но Ахметка не зѣвалъ, былъ ловокъ какъ обезьяна, и успѣлъ выскочить черезъ парадную дверь прямо на улицу. Здѣсь онъ былъ уже въ безопасности. Выбѣги онъ на дворъ—подпоручикъ, по всей вѣроятности, не стѣсняясь своимъ костюмомъ, сталъ бы гоняться за нимъ и здѣсь; но на улицу, даже и въ состояніи просонокъ, т. е. въ такомъ состояніи, въ какомъ многіе люди дѣйствуютъ совершенно безсознательно, онъ никогда не рѣшался выходить, — это Ахметка зналъ по опыту.

Такъ случилось и на этотъ разъ. Подпоручикъ добѣжалъ до распахнутой настежь двери, озлобленно погрозила кулакомъ стоявшему посерединѣ улицы, съ одѣяломъ въ рукахъ, Ахметкѣ, и возвратившись въ свою комнату, брякнулся на постель, уткнулся лицомъ въ подушку и хотѣлъ было опять заснуть, но вернувшись до нѣкоторой степени сознание напомнило ему, что его, дѣйствительно, требовалъ къ себѣ командиръ полка, и такъ или иначе, а съ этимъ нужно покончить. Но спать хотѣлось до такой степени, что бѣдняга никакъ не могъ преодолѣть себя и готовъ былъ на всѣ жертвы, лишь бы поспать еще лишникъ полчаса.

„Подамъ рапортъ о болѣзни!“ пришло вдругъ ему въ голову, и онъ, вскочивъ съ кровати, почти не открывая глазъ, нашелъ листъ чистой бумаги, перо, и неразборчиво, вкривъ и вкось, началъ выводить слѣдующее:

„Командиру Вилламердамстрѣлецкаго полка
Подпоручика сего же полка Боброва
Рапортъ.

„Заболѣвъ сего числа, службу нести не могу.

Подпоручикъ Бобровъ“.

Когда фамилія была подписана и подпоручикъ сталъ припоминать, какое сегодня число, то это до нѣкоторой степени все-таки умственное усилие заставило его, наконецъ, совѣмъ пробудиться и придти въ себя.

Онъ окончательно сбросилъ съ себя состояніе просонокъ, созналъ, что явиться необходимо, что рапортъ его есть величайшая глупость, за которую ему, не говоря уже о куріозности самого поступка, все-таки доставается; вспомнилъ какую комедію онъ продѣлалъ со своимъ храбрымъ Ахметкой, невольно всему этому улыбнулся, расправилъ усы, откинулъ назадъ свѣсившіеся на лобъ волосы и весело крикнулъ:

— Чаю!..

— Сей минута, вашимъ благородіямъ!.. такъ же весело отозвался Ахметка изъ кухни и почти въ ту-же минуту появился съ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ съ чаемъ въ серебряномъ подстаканникѣ, маленькій молочникъ со сливками, французская булка и хрустальное блюдечко съ сливочнымъ масломъ.

— Который теперь часъ?

— Восьмой часъ, вашимъ благородіямъ.

— Какъ же ты давно сказалъ, что восемь?!

— А ты не вставала, вашъ б-родь!.. я попугалъ.. оскалилъ свои зубы Ахметка.

— Ну ладно!.. Давай умываться, мундиръ готовъ, шарфъ, большіе сапоги...

— Все готово, вашимъ благородіямъ...

— Спасибо!.. Молодчина!..

— Радъ стараться, вашимъ благородіямъ!..

Черезъ пять минутъ подпоручикъ, умытый, почти одѣтый, причесанный, сидѣлъ уже за столомъ и помѣшивалъ ложечкой свой чай, а Ахметка съ проворствомъ

и ловкостью, такъ свойственными татарамъ, убиралъ комнату, и между ними, по обыкновенію, происходилъ утренній разговоръ. Служебно-официальныя отношенія одного къ другому на это время прекращались и это были просто два собесѣдника.

— Ну, Ахметка, я въ тебя, кажется, сапогомъ попалъ—такъ это я такъ!.. Ты не обижайся!..

— Ныкакъ нѣтъ, вашимъ благородіямъ!.. Въ меня не попалъ... въ дверь угадылъ—я дверь за собой запералъ!.. Очинна сѣрдыйтъ сегодня утромъ ты была!..

— Это ничего... Ты знаешь, я всегда со сна такой... Ты и въ другой разъ такъ же буди!

— Слушаемъ, вашимъ благородіямъ!.. Я завсегда такимъ строгимъ манеръ тебя будить буду!

Они помолчали немного. Подпоручикъ прихлебывалъ чай, Ахметка убиралъ комнату.

— Шеферъ ономяся приходила... заговорила Ахметка съ плутовской улыбкой. — Я ему сказалъ: у барина денга ныкакъ нѣтъ—жалованьямъ не получала еще... Она и ушелъ. Хорошъ, говоритъ, не замай, я опослѣ приду...

— Въ другой разъ придетъ, такъ пусти — у меня денги теперь есть...

— Слушаемъ, вашимъ благородіямъ.

— А еще никого не было?

— Ныкакъ нѣтъ!..

— Ну и хорошо. Позови теперь извозчика, произнесъ подпоручикъ, отодвигая отъ себя допитый стаканъ и вставая изъ-за стола.

— А обѣдать дома будешь, вашъ б-родія?

— Дома. У меня сегодня еще поручикъ Соловой и Ардельевъ обѣдать будутъ.

— Чего готовить прикажешь, вашимъ благородіямъ?

— Супъ жардиньеръ, ростбифъ à l'anglaise, раки бордлезъ и шарфѣ.

Ахметка открылъ ротъ и изумленно посмотрѣлъ на подпоручика.

— Не можемъ знать, вашимъ благородіямъ, что такой приказать хочешь.

— Ну, а коли не можешь знать, такъ зачѣмъ и спрашиваешь!.. Готовъ что умѣешь!.. расхохотался тотъ надъ растерянной физиономіей деньщика.

— Борщъ можномъ сготовить, котелекты съ картошкамъ, вашимъ благородіямъ.

— Вотъ и отлично!.. Или нѣтъ... вотъ что: сходи въ клубъ и возьми тамъ три обѣда въ рубль... то-есть каждый обѣдъ по рублю... Понялъ?..

— Такъ точнимъ, вашъ б-родія!..

— На вотъ тебѣ денги, и чтобы къ двумъ часамъ все было готово.

И подпоручикъ Бобровъ, надѣвъ пальто, вышелъ на улицу.

Ровно въ два часа въ передней раздался сильный, „хозяйскій“ звонокъ, и Ахметка, одѣтый въ новый мундиръ, отперевъ дверь, встрѣтилъ подпоручика Боброва и его двухъ друзей—такихъ же молодыхъ офицеровъ.

— Ну, Ахметка, обѣдъ готовъ?.. весело спросилъ подпоручикъ, сбрасывая съ себя пальто.

— Такъ точнимъ, вашимъ благородіямъ.

— Подавай живо!.. Вотъ, господа, попробуйте каковъ у меня поваръ... Ахметка, ты сама готовилъ?.. Никто тебѣ не помогалъ?.. обратился онъ къ деньщику.

— Такъ точнимъ, вашъ б-родіямъ, самъ собственнымъ персонамъ!.. отвѣчалъ тотъ бойко, сразу понявъ шутку.

— Да когда же онъ успѣлъ выучиться? спросилъ одинъ изъ гостей, входя въ комнату.

— Я самъ удивляюсь!.. отвѣчалъ Бобровъ, еле удерживаясь, чтобы не разсмѣяться, — всего какой-нибудь мѣсяцъ пробылъ на клубной кухнѣ и отлично выучился

готовить. Я ему ужь ничего и не заказываю—онъ самъ у меня и меню составляетъ, продолжалъ онъ мистифицировать своихъ друзей, находясь въ самомъ отличномъ расположеніи духа.

— Купать готовымъ!.. торжественно провозгласилъ Ахметка, опуская на столъ мельхиоровую миску.

— Господа, прошу садиться!.. Посмотримъ, что-то ты намъ приготовилъ, произнесъ подпоручикъ, наливая водку.

— Ботвиньямъ, вашъ б-родь!..

— Отлично!.. Отлично!..

Съ этими словами подпоручикъ протянулъ руку и поднялъ крышку, изъ-подъ которой цѣлымъ клубомъ

выхватилъ паръ и медленно началъ расходиться въ воздухъ.

Изумленіе изобразилось на всѣхъ лицахъ, только Ахметка продолжалъ самодовольно и хитро улыбаться. Рука подпоручика такъ и остановилась съ крышкой въ воздухъ.

— Ты что-же это надѣлалъ, разбойникъ?! возопилъ, наконецъ, онъ.

— Въ печкамъ разогрѣвалъ, вашимъ благородіямъ, а то онъ очень холоднымъ былъ!.. отвѣчалъ тотъ бойко.

Дружный взрывъ хохота раздался въ комнатѣ, и молодые люди, еще болѣе веселые, принялись за обѣдъ, разумѣется, приказавъ сперва выкинуть ботвинью.

ИНКОГНИТО.

Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.

Д. II—ча.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Анна Павловна—богатая вдова, 35-ти лѣтъ.

Лили—дочь ея, 16-ти лѣтъ.

Воря—сынъ ея, 14-ти лѣтъ.

Кремневъ—отставной военный, сосѣдь, управляетъ ея имѣніемъ, 50-ти лѣтъ.

Бателинъ—молодой человекъ.

Груздевъ—дядя его.

Миссъ Модъ—гувернантка, англичанка.

Егоровна—няня.

Слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Анны Павловны.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная съ деревенскомъ домъ, окна и двери на балконъ открыты.

Явленіе I.

Анна Павловна и Кремневъ.

Анна Пав. *(въ блонь пеньюаръ съ розовыми лентами, обмахиваясь вѣтромъ)*. Какая жара!.. дышать невозможно. Григорій Семеновичъ, велѣли вы маркизы на балконъ сдѣлать? Оттуда какъ изъ печи жаръ идетъ!

Крем. Давно велѣлъ, Анна Павловна, да съ нашими столѣрами что подѣлать, вторую недѣлю не шлютъ. А вы бы пока приказали хоть двери затворить, да ставни закрыть.

Анна Пав. Покорно благодарю, и такъ дышать нечѣмъ. *(Звонитъ, входитъ слуга)*. Поѣхали въ городъ за барышней?

Слуга. Давно поѣхали, ваше превосходительство: должно быть скоро вернутся.

Анна Пав. Хорошо. На столъ накрывайте. *(Слуга уходитъ)*. Это ужасно, Сахара какая-то.

Крем. Да, тепло стало.

Анна Пав. Это вы называете тепло? А все вы виноваты!

Крем. То есть это какъ же? Богъ не мужикъ, съ Нимъ спорить не станешь, а теперь вѣдь июнь на дворѣ.

Анна Пав. Что же, что июнь? Это у насъ только: то мерзани, то отъ жары задыхайся; а за-границу кто меня не пустилъ?

Крем. Сами знаете, Анна Павловна, какіе теперь доходы, да и у Елизаветы Дмитріевны экзамены затяннулись.

Анна Пав. Какой Елизаветы Дмитріевны? Это вы про Лили? Зачѣмъ такъ торжественно? Всѣ эти экзамены—однѣ глупости; образованіе я и сама дѣвчо, но во всѣхъ вашихъ гимназіяхъ только пустяками дѣвочкамъ головы набиваютъ!.. А все вы виноваты!

Крем. Погода жаркая—я виноватъ, гимназіи нехороши—опять я же...

Анна Пав. Конечно вы! Развѣ не вы настаивали, чтобы Лили ходила туда?

Крем. Это я точно совѣтовалъ, только вѣдь она и сама хотѣла...

Анна Пав. Мало-ли чего дѣтямъ хочется.

Крем. Опить же англичанка ваша...

Анна Пав. А миссъ Модъ, хоть вы ее и не любите, все-таки отличная гувернантка и знаетъ она не меньше вашихъ косматыхъ учителей!

Явленіе II.

Тѣ же и Лили.

Лили. Здравствуй, мама! Поздравь меня—я пять получила!

Анна Пав. Очень рада. *(Цѣлуетъ ее)*.

Лили. И знаете, Григорій Семеновичъ, это вы мнѣ помогли.

Крем. То есть какъ же?

Лили. Та книжка, что мы съ вами читали зимой, помните о Шекспирѣ?

Крем. Вотъ какъ кстати вышло!

Анна Пав. Ну и прекрасно, дитя мое, а теперь ступай переодѣнься скорѣе, обѣдать пора.

Лили. Опять переодѣваться? Зачѣмъ это мама? Я лучше такъ останусь... я устала.

Анна Пав. Что за лѣнь такая, стыдно, Лили; у насъ сегодня гости будутъ, я терпѣть не могу когда ты ходишь Сандрилоной! Ну ступай же: я и платье голубое велѣла тебѣ приготовить.

Лили. Голубое? Это невозможно!

Анна Пав. Почему невозможно, это что за вздоръ?

Лили. Оно мнѣ и въ прошломъ году не впоору было.

Анна Пав. Вздоръ, ты его еще на прошлой недѣлѣ при мнѣ примѣрила, пожалуйста не разсуждай, ты знаешь, я этого терпѣть не могу! Когда выйдешь замужъ, успеешь еще...

Лили. Я лучше бѣлое надѣну.

Анна Пав. Пожалуйста безъ капризовъ.

Лили. Какіе же это капризы? Это просто невозможно!

Анна Пав. Lili, vous allez tout de suite vous habiller. Vous entendez?

(Лили уходитъ).

Явленіе III.

Тѣ же безъ Лили.

Крем. Вотъ тебѣ и пять съ крестомъ!

Анна Пав. Что такое?

Крем. Ничего, только разобидѣли мы всеѣмъ барышню.

Анна Пав. Терпѣть не могу, когда она капризничаетъ! И все въ гимназіи выучилась. Не правится ей платье, въ Москвѣ сама выбирала, не бросать же его, когда оно совсѣмъ новое!

Крем. А можетъ-быть оно въ самомъ дѣлѣ не впоору, или опять моды эти что-нибудь, того... другія...

Анна Пав. Что вы тутъ понимаете? Это не яровой посѣвъ, и не вѣялка, тоже о модахъ вадумалъ говорить, да вы на себя только посмотрите, вѣдь такіе сюртуки при царѣ Горохѣ изъ моды вышли! *(Беретъ его за руку и подводитъ къ зеркалу)*. Нѣтъ, вы посмотрите, что это такое? Это галстукъ? Это что? и пуговицы даже оборваны, а тоже о модахъ разговариваетъ!

Крем. Да я, что же? Эго я такъ съ поля захалъ, я сейчасъ... *(Хочетъ идти)*.

Анна Пав. Что сейчасъ? Куда? Обѣдъ на столѣ.

Крем. Да какъ же, у васъ гости, а я въ самомъ дѣлѣ... того!

Анна Пав. Вотъ есть о чемъ думать! Я... вообще говори. Вы должны для себя... для меня обращать больше вниманія на свой туалетъ.

Крем. Эхъ, Анна Павловна, прошли тѣ времена, когда мнѣ щеголять хотѣлось, да и не для кого. Для васъ такъ нарядись я хоть китайскимъ императоромъ—вы все равно не замѣтите!

Анна Пав. А вотъ же замѣтила сегодня.

Крем. Да развѣ такъ, да и то къ слову пришлось.

Анна Пав. Почему вы знаете? Можетъ-быть уже много разъ замѣчала, да обидѣть васъ не хотѣла.

Крем. Обижать меня вы точно не захотите, а если и обидите, никогда не узнаете и знать не захотите.

Анна Пав. Это съ чего вы взяли? Помните, какими мы съ вами всегда друзьями были?

Крем. Да въ тѣ времена, когда вамъ десять лѣтъ было, когда я васъ на рукахъ носилъ.

Анна Пав. Будто носилъ, я этого что-то не помню! Нѣтъ, я говорю о томъ лѣтѣ когда вы у насъ гостили, я уже большая была, годъ за два до моей свадьбы. Какимъ вы молодцомъ тогда были! *(Смотритъ на него молча)*. Зачѣмъ вы себя запустили, точно старикъ въ самомъ дѣлѣ? *(Кладетъ ему руку на плечо)*.

Крем. Эхъ, Анна Павловна!

Анна Пав. Ну, меланхолю и философію въ сторону, qui vivra—verra.

Крем. А у васъ сегодня что будетъ?

Анна Пав. Кателннъ.

Крем. Опять?

Анна Пав. Опи, вѣдь, съ Лили спектакль затѣваютъ.

Крем. Такъ вы разрѣшили?

Анна Пав. Съ условіемъ: онъ долженъ мнѣ лорда Вудетокъ привезти.

Крем. Того, что все рѣчи говоритъ? Про котораго въ газетахъ недавно писали?

Анна Пав. Того самого.

Крем. Такъ Кателннъ-то тугъ при чемъ же? Развѣ онъ его знаетъ?

Анна Пав. Не только знаетъ, а даже родственникъ! Вѣдь у него тетка за англичанщиномъ.

Крем. Чудно!

Анна Пав. Что чудно? Женитесь на англичанкѣ и у васъ англичане родственники будутъ.

Крем. Ну это зачѣмъ же? Я только одну англичанку и знаю.

Анна Пав. Вы все о миссъ Модъ думаете.

Крем. Избави Богъ! *(Колокольчикъ за стеной)*. Кто-то пріѣхалъ... *(Хочетъ идти)*

Анна Пав. Куда же вы?

Крем. Домой! Это англичане пожалуй, а я их боюсь, гдѣ ужъ мнѣ съ ними... да еще въ такомъ костюмѣ! (*Уходитъ*).

Явленіе IV.

Анна Павловна и Кателинъ.

Кат. Мое почтеніе, Анна Павловна.

Анна Пав. Здравствуйте. Извините, я не одѣта, съ Григоріемъ Семеновичемъ о хозяйствѣ заговорилась, а сейчасъ вернусь (*хочетъ идти, но останавливается*), а что-же ваше обѣщаніе?

Кат. Какое?

Анна Пав. Привезти лорда Вудстока.

Кат. Онъ еще не пріѣзжалъ.

Анна Пав. Но когда пріѣдетъ, вы не обманете? Привезете навѣрно?

Кат. Не знаю, право, постараюсь; вы вѣроятно знаете, онъ будетъ здѣсь только пріѣдомъ и совѣмъ инкогнито.

Анна Пав. Только не для родныхъ копечю. Вы ему племянникъ?

Кат. И его такъ давно не видалъ... при томъ-же родственныя отношенія на Западѣ не то что у насъ.

Анна Пав. А фотографію его привезли?

Кат. Да, конечно, сейчасъ (*ищетъ въ карманѣ*), должно быть въ пальто забылъ (*уходитъ и возвращается. Въ это время Анна Пав. подходит къ дверямъ и отдаетъ какой-то приказаніе*). (Кателинъ *входитъ, перебирая бумаги, въ сторону*). Неужели и ее забылъ у себя на столѣ, вѣдь нарочно еще забъжалъ чтобы кунить... нѣтъ, не то... прошеніе какое-то... Ахъ, вотъ она!

Нѣтъ, дядя да только настоящей; какъ это я ихъ спуталъ! А чѣмъ онъ хуже этого англичанина, совѣмъ англичаниномъ смотритъ.

Анна Пав. (*подходитъ*). Покажите, покажите. Charmant et quel air distingué! Вѣдь онъ женатъ на вашей родной теткѣ?

Кат. Нѣтъ, на двоюродной.

Анна Пав. Правда, что онъ по-русски говоритъ?

Кат. Оглично, какъ мы съ вами.

Анна Пав. Это удивительно; я думала, что иностранцы, особенно англичане, никогда не могутъ справиться съ произношеніемъ.

Кат. Да, конечно, но если начать учиться въ дѣтствѣ...

Анна Пав. Какъ? Развѣ онъ воспитывался въ Россіи?

Кат. То есть не воспитывался... (*въ сторону*) Почему я знаю гдѣ онъ воспитывался, объ этомъ въ газетахъ ничего не было.

Анна Пав. (*разматривая фотографію*). Какая прекрасная фотографія! Это въ Лондонѣ сдѣлано? (*смотритъ на оборотъ*). Пегруновъ, въ Саратовѣ! Какъ, развѣ онъ былъ уже въ Саратовѣ? Давно?

Кат. (*что-то собираясь, разсѣянно*). Онъ служилъ тамъ.

Анна Пав. Какъ служилъ? гдѣ?

Кат. Я хотѣлъ сказать—онъ жилъ тамъ, онъ изучалъ аграрный вопросъ... Знаете тамъ въ Ирландіи, ну и бурлаки наши...

Анна Пав. Что-же тутъ общаго.

Кат. Какъ-же, все-таки... впрочемъ, я этого не знаю, это не по моей части.

Явленіе V.

Тѣ-же и Боря (*въбѣжавъ, останавливается*).

Анна Пав. Откуда ты и въ какомъ видѣ, весь вымачкавъ; какъ тебѣ не стыдно! Что-же ты не кланяешься? а гдѣ Татьяна Егоровна?

Боря. Она осталась, я впередъ ушелъ.

Анна Пав. Сколько разъ я тебѣ говорила, чтобы ты не убѣгалъ отъ нея!

Боря. Да какъ-же, я не могу, она только по дорожкѣ ходитъ (*входитъ няня запыхавшись*).

Явленіе VI.

Тѣ-же и Татьяна Егоровна.

Тат. Егор. Ухъ, батюшка, замучилъ ты меня совѣмъ.

Анна Пав. Вѣдь я просила васъ не пу-

скать его одного бѣгать по саду, посмотрите въ какомъ онъ видѣ!

Тат. Егор. Да что-же я съ нимъ сдѣлаю, матушка! Влѣзли прямо черезъ заборъ.

Анна Пав. (*Боря*). Ступай, приведи себя поскорѣе въ порядокъ, смотри: ты весь въ ренъяхъ. Странно, что вы и нѣсколькихъ часовъ не можете посмотреть за дѣтми, какъ только миссъ Модъ уѣдетъ—вѣчныя шалости.

Тат. Егор. Да какъ-же я его удержу, черезъ заборы прыгать! я, матушка, стара стала. Да и не учили насъ этому, это теперь можетъ-быть гувернантокъ тамъ какихъ обучаютъ...

Анна Пав. Ну, хорошо, идите, идите!

(*Няня, воря, уходитъ съ Борей*).

Явленіе VII.

Анна Павловна и Кателинъ.

Анна Пав. Это просто невыносимо, я отпустила миссъ Модъ на недѣлю въ гости и теперь безъ нея какъ безъ рукъ, а она еще того и гляди совѣмъ уѣдетъ.

Кат. Да на что вамъ гувернантка?

Анна Пав. Какъ на что? Не могу-же я одна за дѣтми смотрѣть. А Боря, видите какой—настоящая ругать.

Кат. Такъ вѣдь гувернантка тутъ не поможетъ, старая за нимъ не угонится, а за молодой онъ, пожалуй, самъ скоро гоняться станетъ.

Анна Пав. Что вы за вздоръ говорите!

Кат. Вы-бы лучше гувернера взяли.

Анна Пав. А съ дочерью что я буду дѣлать?

Кат. Да вѣдь она большая, почти не вѣста.

Анна Пав. Развѣ для такихъ жешховъ какъ вы, которымъ самимъ еще гувернеровъ нужно.

Кат. Что-же...

Анна Пав. Вотъ она сейчасъ придетъ, можете предложить ей руку и сердце (*уходитъ*).

Явленіе VIII.

Кателинъ (*одина*).

Ну, барыня! И что тутъ смѣшнаго! Мало-ли въ шестнадцать лѣтъ замужъ выходить, а дочь хоть въ двадцать младенцемъ расписывай, сама оттого моложе не станешь.

Явленіе IX.

Кателинъ и Лили.

Лили. Ахъ, это вы!

Кат. Здравствуйте, что это вы какъ будто разстроены?

Лили. Такъ, ничего.

Кат. Какъ ничего? Неужели экзамены? вѣдь у васъ сегодня послѣдній былъ, все благополучно?

Лили. Прекрасно.

Кат. Такъ отчего-же вы такая грустна?

Лили. Ахъ, оставьте меня, не приставайте!

Кат. Лизавета Дмитріевна, простите, вы знаете, я не изъ любовнества... видѣть не могу когда вы плачете (*беретъ ей руку и целуетъ*).

Лили. Что вы дѣлаете? Развѣ дѣтми ручки цѣлуютъ?

Кат. Ну, улыбитесь-же теперь, и сквозь дождикъ солнце свѣтитъ.

Лили. Вамъ очень хочется? (*улыбается*).

Кат. Какой вы смѣшной!

Кат. Вотъ такъ лучше, а то смотрите на меня сентябрь, того и гляди я и самъ расплачусь; какія-же это тучки на васъ набѣжали?

Лили. Сказано: не приставайте!

Кат. Ну хорошо, не буду, не буду, только не сердитесь, я вамъ самыя пріятныя вещи буду говорить.

Лили. Откуда вы ихъ возьмете?

Кат. На васъ смотрѣть буду, да вы сами только посмотрите, сейчасъ развеселитесь, вотъ подойдите только къ зеркалу.

Лили. Какія вы глупости говорите!

Кат. Нѣтъ, увѣряю васъ, если-бы я уже не былъ влюбленъ въ васъ, я бы непремѣнно влюбился сегодня. Какъ это платье идетъ къ вамъ, эти ленты...

Лили. Какой вы вздоръ рассказываете! (*вскакиваетъ и хочетъ бѣжать; онъ ее удерживаетъ*).

Кат. За что-же вы сердитесь? Я право не знаю (*смотритъ на нее*). Мнѣ повредился вашъ туалетъ!

Лили. Туалетъ? Развѣ это туалетъ? развѣ это платье?

Кат. Дурное оно, совѣмъ скверное. Да не сердитесь, это я только не рассмотрѣлъ сразу, право не рассмотрѣлъ.

Лили. И рассмотреть тутъ нечего.

Кат. Постойте, хоть книги-то возьмите.

Лили. Какія?

Кат. Какъ какія? Шекспира, вѣдь спектакль Анна Павловна разрѣшила, развѣ она вамъ не говорила еще?

Лили. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! вотъ это хорошо! какъ это вы добились?

Кат. Дядю обѣщаль привезти.

Лили. Какого дядю?

Кат. Лорда Вудстока.

Лили. Развѣ онъ вамъ дядя?

Кат. Былъ.

Лили. Какъ былъ? что это значитъ?

Кат. Когда я былъ мальчкомъ, я всѣхъ дядями звалъ.

Лили. Какъ это глупо! Но вы его по крайней мѣрѣ знаете?

Кат. Читалъ кое-что, въ газетахъ послѣднее время часто писали.

Лили. Какъ вамъ не стыдно! Мама никогда не проститъ вамъ, развѣ можно такъ шутить?

Кат. Чѣмъ-же я виноватъ, что мнѣ было дѣлать? Анна Павловна спрашиваетъ меня вчера, правда-ли что лордъ Вудстокъ вамъ дядя, и даже отвѣтитъ мнѣ не дала, а говоритъ, если привезете его ко мнѣ, что хотите съ Лили играйте, а если нѣтъ—и не думайте.

Лили. Ну а вы что же?

Кат. Я конечно обѣщала. Непремѣнно, говорю, прямо на спектакль привезу. Признайтесь, что ловко! Теперь намъ, ни Анна Павловна, ни Модъ мѣшать не будутъ, даже сами великое стараніе приложить. Только самъ я вотъ сейчасъ чуть-чуть бѣды не надѣлалъ: вмѣсто карточки лорда фотографію Петра Кузьмича показалъ.

Лили. Какого Петра Кузьмича?

Кат. Да дядю моего—настоящаго.

Лили. Ахъ, что только вы дѣлаете! Вѣдь миссъ Модъ можетъ быть знаетъ этого лорда, видѣла прежде.

Кат. Ничего, онъ могъ измѣниться, да я вѣдь и карточку-то не отдамъ, я увеау ее, а самъ онъ сюда не пріѣдетъ, у насъ въ кашеларіи только-что новыя свѣдѣнія получены.

Лили. Такъ какъ-же спектакль?

Кат. Мы-то чѣмъ виноваты, что онъ свой маршрутъ измѣнилъ!

Лили. А если что нибудь выйдетъ?

Кат. Ничего не выйдетъ, только бы репетиціи начать, тогда ужъ не отжѣнать.

Лили. А вы думаете мы сыграемъ? Не будетъ смѣшно?

Кат. Не знаю; за одно ручаюсь, что я въ свою роль войду совершенно.

Лили. Ну читайте, читайте сейчасъ, я хочу слышать.

Кат. (*развертываетъ книгу и начинаетъ читать сцену изъ „Ромео“; она смѣется*).

Вамъ это кажется смѣшно?

Лили. Нѣтъ, только я думаю что Ромео былъ совѣмъ не такой какъ вы.

Кат. За то я думаю, что Юлія должна была быть на васъ ужасно похожа.

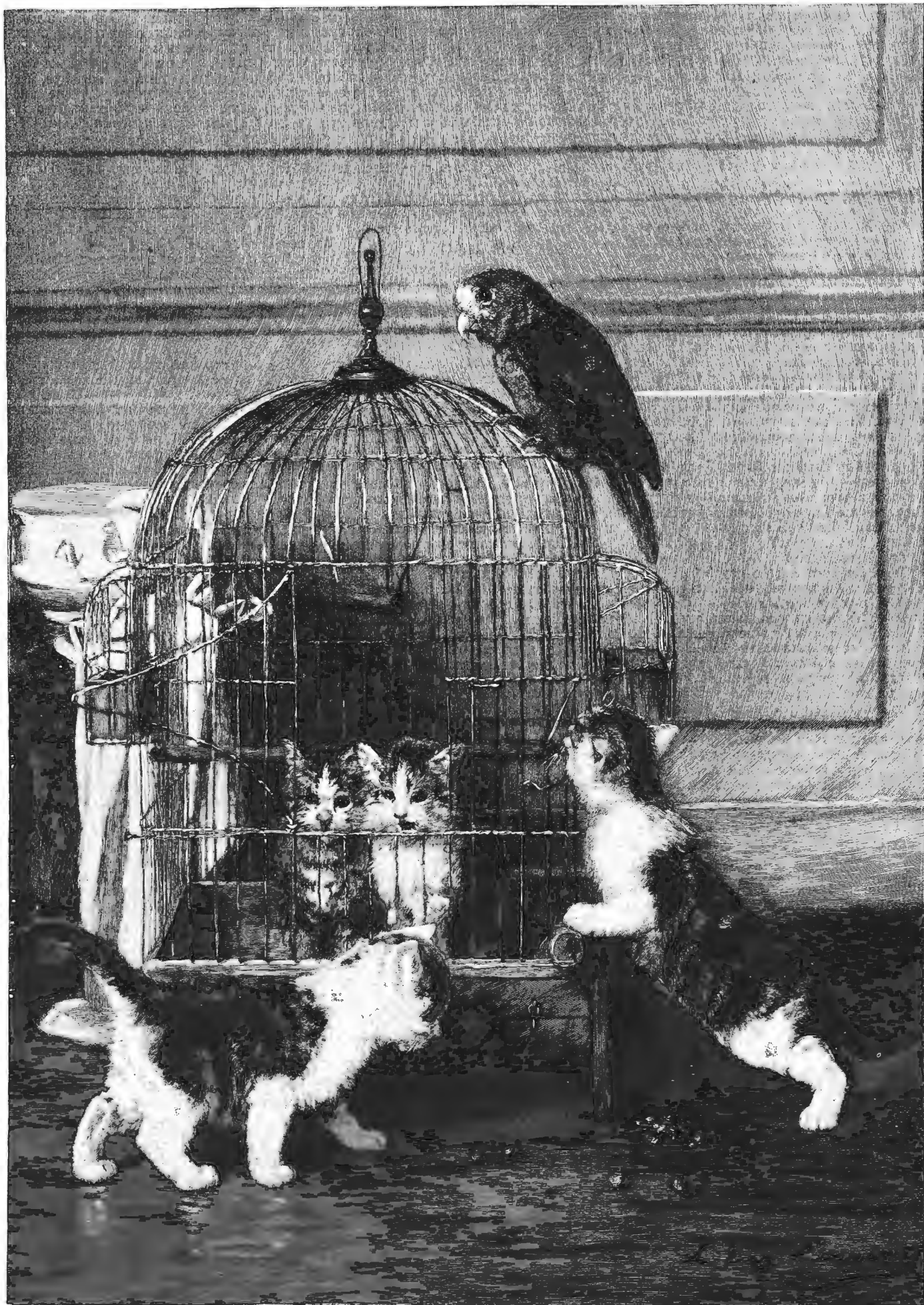
Лили. Она была очень молода?

Кат. Четырнадцать лѣтъ.

Лили. Какъ же она вышла замужъ?

Кат. Вышла. Вѣдь дѣло въ Италіи было и притомъ же давно.

Лили (*задумывается, Кателинъ целуетъ ее*). Что вы дѣлаете?

Выселение изъ квартиры. Съ карт. Ламбера, грав. Бодъ.

Кат. Вхожу въ роль Ромео. (*Лили хочет уйти*). Елизавета Дмитриевна, простите меня, я право не знаю, что со мною дѣлается; я знаю, что вы, пожалуй, разсердитесь, только, право, я васъ такъ люблю, такъ люблю, какъ Ромео свою Юлію. Ну вотъ, вы уже сердитесь?

Лили. Нѣтъ.

Кат. Милая моя, хорошая! (*беретъ ея руку*).

Лили (*отнимая руку*). Пойдите, пойдите, я не вѣрю.

Кат. Какъ не вѣрите? что это вы говорите?

Лили. Вы только шутите, вѣдь я маленькая.

Кат. Маленькая, миленькая, невѣста моя!

Лили. Невѣста? А когда же наша свадьба?

Кат. Когда? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Волшебница вы моя, такъ вы согласны? Я бѣгу сейчасъ къ Аннѣ Павловнѣ.

Лили. Къ мамѣ? Зачѣмъ?

Кат. Какъ зачѣмъ? Просить руки вашей.

Лили (*готова растапкаться*). Я такъ и знала, что вы смѣтаете, что вы нарочно; вы вѣдь знаете напередъ, что мамѣ скажете.

Кат. Вы думаете она откажетъ? но почему, отчего же нельзя надѣяться?

Лили. Конечно, надѣйтесь! Мамѣ попросить васъ лѣтъ черезъ пять придетъ за отвѣтомъ.

Кат. Такъ какъ же быть? Пойдите, не сердитесь—у меня, право, голова кругомъ идетъ: я такъ счастливъ—и вдругъ... ну ужели же нельзя убѣдить Анну Павловну?.. Какъ быть? Какъ быть?

Лили. Какъ, Ромео?

Кат. Какъ, Юлія?

Лили. Не хотите и не надо!

Кат. Ахъ, какая вы право, я-то хочу, да что изъ этого выйдетъ?

Лили. Отчего же они могли, а мы нѣтъ?

Кат. Времена теперь не тѣ совсѣмъ. Хорошо тогда монахи такіе были, что безъ свидѣтелей и безъ всякихъ бумагъ обвиняли, а попробуй-ка теперь Ромео явиться въ консисторію—такая исторія выйдетъ... Отецъ Петръ, пожалуй, на комъ угодно обвиняетъ, а метрическое свидѣтельство все-таки подай.

Лили. А мама не дастъ, ни за что не дастъ; и въ гимназію не дала, сказала, что потеряно, потому доставить.

Явленіе X.

Тѣ же и слуга, за нимъ Груздевъ.

Слуга. Пожалуйте сюда, Анна Павловна сейчасъ выйдутъ.

Грузд. (*Кателину*). Вотъ сюрриазъ, никакъ не ожидалъ тебя встрѣтить здѣсь.

Кат. Дядя! Бѣда моя, совсѣмъ бѣда, этого не доставало!

Грузд. Что съ тобой, что такое?

Кат. Чортъ знаетъ что такое, только ради Бога скорѣе уѣжайте отсюда.

Грузд. Ты съ ума сошелъ... и даже не задоравешься...

Кат. Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! Только, пожалуйста, уѣжайте скорѣе.

Грузд. Да ты серьезно рехнулся, я прѣхаль за сто верстъ по дѣлу и вдругъ уѣду ни съ того, ни съ сего! Объяснишь ты мнѣ по крайней мѣрѣ съ какой стати?

Кат. Все объясню, только потомъ; понимаете, я сказалъ Аннѣ Павловнѣ что вы не вы.

Грузд. Какъ я не я?

Кат. Ну да, что вы лордъ Вудстокъ.

Грузд. Зачѣмъ?

Кат. Миленькій дядя, потомъ, пожалуйста, потомъ!

Явленіе XI.

Тѣ же и Анна Павловна (*входитъ и удивленно останавливается*).

Грузд. (*раскланиваясь*). Позвольте вамъ представиться.

Анна Пав. Зачѣмъ? Я знаю васъ, я очень

рада, племянникъ вашъ столько говорить о васъ, я сразу узнала васъ по вашему портрету. (*Кателину*). Такъ вотъ вы какой обманщикъ! Впрочемъ, я васъ прощаю—это очень милый сюрриазъ.

Грузд. Мой портретъ? я, право, не знаю, здѣсь, кажется, маленькое недоразумѣніе.

Анна Пав. Никакого! Вы забываете официальности, вы не хотите чтобы васъ узнали, не беспокойтесь: мы будемъ хранить вашу тайну.

Грузд. Напротивъ, я не имѣю никакого основанія... Тѣмъ болѣе, что у меня даже нѣкоторое дѣло.

Анна Пав. Хорошо, хорошо; о дѣлахъ мы поговоримъ потомъ, а теперь идете объдать. Надѣюсь, вы не откажетесь!

ДѢЙСТВІЕ II.

Садъ въ имѣніи Анны Павловны; видна бесѣдка со сценой и окномъ. Лили сидитъ на скамейкѣ подъ деревомъ.

Картина I.

Явленіе I.

Лили (*читаетъ изъ „Ромео“*). Какая прелесть! Вотъ это жизнь, вотъ это счастье! (*Декламируетъ*). А я развѣ живу, развѣ это значить жить?

Явленіе II.

Входятъ Груздевъ и Кателинъ (*Лили прячется за дерево*).

Грузд. (*сидясь*). Нѣтъ, другъ мой, воли твои, а я эту комедію сегодня же кончу; я для такихъ исторій устарѣлъ, да и никогда я Хлестаковымъ не былъ.

Кат. Ну, невозможно еще подождите; ну, что вамъ стѣбитъ еще невозможно?

Грузд. Какъ, что стѣбитъ? Того и гляди скандалъ можетъ выйти; вѣдь я не мальчикъ, чтобы меня это забавляло, да и пошутить можно разъ, а продолжать шутку цѣлыя недѣли—это узякъ.

Кат. Дядя, милый, подумайте, если для васъ это шутка, такъ, вѣдь, для меня... для насъ—это вопросъ жизни.

Грузд. Ну, пустяки, обоимъ васъ по разнымъ угламъ разставить надо.

Кат. Нѣтъ, нельзя-ли въ одинъ. А помните, что вы мнѣ въ прошломъ году обѣщали?

Грузд. Что я тебѣ обѣщаль?

Кат. Что если я когда-нибудь полюблю порядочную дѣвушку, вы мнѣ не только мѣшать не станете, а сами постараетесь устроить мое счастье.

Грузд. Такъ вѣдь дѣвушку, а не дѣвочку, которая въ куклы играетъ.

Кат. Ну, ужъ и въ куклы! Да и то не грѣхъ, особенно, если это дѣлается ради нятой зановѣди.

Грузд. Что ты вздоръ городишь!

Кат. Конечно. Лили хочетъ этимъ доставить удовольствие своей матери.

Грузд. Да ты и на себя посмотри—тоже женишься собрался, а какой ты женихъ?

Кат. Вы сами мнѣ совѣтовали не слѣдовать вашему примѣру и не откладывать дѣла въ долгій ящикъ.

Грузд. Да, но все-таки нельзя этого дѣлать зря. Семь разъ примѣрь, одинъ отрежь.

Кат. А вы долго примѣривали, когда остановили свой выборъ на Авдотѣ Герасимовнѣ?

Грузд. Это совсѣмъ не то: во-первыхъ, я еще не женатъ, а во-вторыхъ... во-вторыхъ—это не твои дѣла.

Кат. Какая неблагодарность, я всегда такъ интересовался вашими счастьемъ, даже содѣйствовалъ охраненію мира, а вы для меня ничего, ничего не хотите сдѣлать!

Грузд. Чудакъ ты этакій! Не могу же я для тебя въ богдыхана превратиться!

Кат. И не надо. А за англійскаго лорда васъ принимаютъ—что и требовалось доказать.

Грузд. Нечего сказать—доказалъ. Ты за-

былъ, что въ Уложеніи и то статья есть, что за присвоеніе себѣ неподлежащаго званія не угодно-ли не въ Англію, а туда, куда Макарь телятъ не гонялъ. Да и скажи ты на милость, на что тебѣ моя помощь? Боишься, что-ли, что продѣлка твои выйдетъ наружу, такъ я, пожалуй, всѣ дѣла свои брошу и даже уѣду не просясь, а ты сочинишь себѣ тамъ что хочешь (*встаетъ и собирается уйти*). Ну, доволенъ теперь?

Кат. Ни-ни! Не шушу, не доволенъ.

Грузд. Такъ чего же тебѣ надо? Говори по крайней мѣрѣ толкомъ.

Кат. Я хочу, чтобы вы повліяли на Анну Павловну.

Грузд. Я? Съ чего ты взялъ, что я могу повліять на нее?

Кат. Именно вы и притомъ теперь или никогда. Вы не можете себѣ представить, какое значеніе имѣетъ для насъ одно ваше присутствіе. Я не требую даже прямого вашего участія, только предоставьте мнѣ дѣйствовать, не мѣшайте педѣлку еще, одну недѣлку.

Грузд. Устроишь ты мнѣ здѣсь какую-нибудь пакость, чувствъ сердце мое... Нѣтъ, братецъ, будетъ!

Кат. Такъ вы не хотите? Вамъ меня не жаль, вы желаете моей смерти? Хорошо, будь по-вашему. Я не буду больше васъ беспокоить даже послѣднюю просьбой. Нѣтъ, я напишу лучше Авдотѣ Герасимовнѣ, все, все напишу ей, что накопилося у меня на душѣ.

Грузд. Фу ты, чортъ! Ну, останусь, останусь! Дѣлай, какъ знаешь, только, смотри, чрезъ недѣлю и не проси, и не думай больше, слышишь? (*Уходитъ*).

Явленіе III.

Кателинъ и Лили (*за деревомъ*).

Кат. Уфъ! Отлегло! Можетъ-быть до тѣхъ поръ еще придумаемъ какъ-нибудь, а то было совсѣмъ бѣда!

Лили (*выходя изъ-за дерева, хочетъ пройти мимо*).

Кат. Куда вы?

Лили. Въ куклы играть.

Кат. Ай, не хорошо, какъ не хорошо!

Лили. Что не хорошо?

Кат. Чужіе секреты слушать.

Лили (*вспыхнувъ*). Съ чего вы взяли, что я интересуюсь вашими секретами? (*За сценой голосъ Анны Павловны: „Лили! Лили!“*)

Явленіе IV.

Тѣ же и Анна Павловна.

Анна Пав. А, вотъ вы гдѣ! Михаилъ Ивановичъ, мнѣ надо поговорить съ вами серьезно. Lili, allez jouer, mon enfant.

(*Лили уходитъ*).

Явленіе V.

Тѣ же, безъ Лили.

Анна Пав. У меня есть до васъ просьба.

Кат. Приказывайте, Анна Павловна.

Анна Пав. Можете вы нѣсколько минутъ говорить совершенно серьезно?

Кат. Ну ужели вы думаете, что я могу только шутить и смѣяться? вѣдь и у меня иногда на сердцѣ кошки скребутъ.

Анна Пав. Ну, какое можетъ быть у васъ горе? Вы только начинаете жить, развѣ для васъ есть что-нибудь дѣйствительно серьезное: въ каждомъ пріятелѣ вы готовы видѣть героя, въ каждой приглянувшейся вамъ дѣвочкѣ—идеаль женщины.

Но если вы встрѣтите дѣйствительно выдающуюся личность съ серьезнымъ умомъ и характеромъ—вы слишкомъ молоды, чтобы обѣщивъ ее.

Кат. Я не совсѣмъ понимаю...

Анна Пав. Слушайте, дѣло вотъ въ чемъ: я хотѣла васъ спросить о вашемъ дядѣ. Я знаю его такъ недавно, но мнѣ грустно смотрѣть на него: онъ такъ несчастен! Вы должны мнѣ рассказать про него откровенно.

Кат. (*въ сторону*). Начинается!

Анна Пав. Вы понимаете, это не простое любовничество съ моей стороны. Зачѣмъ онъ похлпнуть Авглію? Политическихъ причинъ здѣсь быть не можетъ, онъ стоитъ въ партій. Значитъ его частная жизнь тамъ не удовлетворяла его. Я знаю, что онъ не женатъ, но... что же вы молчите?

Кат. Право, не знаю, чтѣ и сказать... во-первыхъ, я связанъ общианіемъ... (въ сторону) идея! (ей) потомъ дядя со мной мало откровененъ, такъ что мнѣ остаются только догадки.

Анна Пав. Догадки? Какія? Говорите же, наконецъ.

Кат. Нѣтъ, Анна Павловна, не могу, вы сами не знаете, чего отъ меня требуете.

Анна Пав. Ахъ, Боже мой, какой вы несносный!

Кат. Вы никому не скажете?

Анна Пав. Конечно, никому.

Кат. Давно вы замѣтили, что дядя груститъ, или онъ съ первыхъ дней своего прѣзда вамъ показался такимъ?

Анна Пав. Нѣтъ, больше послѣдніе дни.

Кат. Нѣтъ, я рѣшительно не могу сказать вамъ; онъ никогда не проститъ мнѣ этого.

Анна Пав. Это невыносимо!

Кат. Хорошо, я скажу вамъ, только съ условіемъ, что вы тоже исполните мою просьбу.

Анна Пав. Исполню, исполню! Только говорите скорѣй.

Кат. Мой дядя влюбленъ.

Анна Пав. Влюбленъ? Въ когдѣ?

Кат. Въ женщину, которая не хочетъ или не можетъ сдѣлать его счастливымъ.

Анна Пав. И женщина эта въ Англіи и оттого онъ уѣхалъ? Да, теперь я понимаю. Да говорите же!

Кат. Вы требуете отъ меня слишкомъ точныхъ свѣдѣній, вѣдь это только мои догадки.

Анна Пав. (не слушая). Но отчего же она не хочетъ быть его женой? Она замужемъ?

Кат. Нѣтъ, но у нея есть дѣти, съ которыми она не хочетъ разстаться.

Анна Пав. Зачѣмъ же разстаться, развѣ они не могутъ жить съ ней?

Кат. Ну, нѣтъ, вы не знаете моего дядю: онъ, даромъ, что ему за сорокъ лѣтъ, настоящій Довъ-Жуанъ...

„И въ сердцѣ женщины онъ хочетъ быть одинъ“.

Анна Пав. Онъ имѣетъ на это право. Такому человѣку, какъ онъ, женщина должна пожертвовать всѣми другими привязанностями.

Кат. Вотъ видите—гдѣ-же ей тогда дѣлать-ми-то заниматься?

Анна Пав. Такъ вотъ чтѣ! И онъ бѣжалъ отъ нея.

Кат. Нѣтъ, не бѣжалъ еще куда.

Анна Пав. Что?

Кат. Я говорю, что онъ не бѣжалъ еще, хотя можетъ быть и бѣжить скоро.

Анна Пав. (оставая). Неужели?

Кат. Еще два слова; вы общали мнѣ исполнить просьбу.

Анна Пав. Да мнѣ казалось...

Кат. Я прошу руки вашей дочери, Анна Павловна!

Анна Пав. Чтѣ... чтѣ вы говорите! Вы просите моей руки?.. Не можетъ быть!

Кат. Анна Павловна, я прошу руки Елизаветы Дмитриевны.

Анна Пав. Чтѣ?.. Длинъ?.. Да вы съ ума сошли!

Кат. Нѣтъ, Анна Павловна, увѣрю васъ...

Анна Пав. Вѣдь она совершенный ребенокъ, ей учиться надо, а не замужъ идти. Чтѣ вы рассказываете! И вѣнчать-то васъ никто не станетъ теперь.

Кат. Вы только согласитесь, мы можемъ подождать...

Анна Пав. Да, это другое дѣло, года черезъ два, черезъ три можно будетъ поговорить объ этомъ.

Кат. Какъ, черезъ три года?

Анна Пав. Вотъ, кажется вашъ дядя, ходите, мы его спросимъ?

Кат. Слуга покорный. (Убѣгаетъ).

Явленіе VI.

Анна Павловна и Груздевъ (входитъ).

Анна Пав. Наконецъ-то вы пріѣхали. Какъ я рада, что могу теперь откровенно поговорить съ вами наединѣ,—вы какъ будто парочно набѣгали встрѣчаться со мной.

Грузд. Помилуйте, напротивъ, я счастливъ..

Анна Пав. Не отрицивайтесь, теперь вы по-неволѣ должны быть со мной откровенны; все равно, я все знаю.

Грузд. То-есть чтѣ такое?.. Я васъ не понимаю.

Анна Пав. Все. Я знаю про вашу привязанность.

Грузд. Кто же вамъ могъ сказать,—неужели Миша?.. Ахъ онъ дрянной мальчишка!

Анна Пав. Не браните его,—онъ не могъ не высказать мнѣ... Онъ зналъ, какъ я высоко цѣню, какъ меня заботило ваше ушнѣе. Но вы сами должны быть со мной откровеннѣе. Если вы для нея готовы жертвовать тѣмъ положеніемъ, которое могли бы занять по вашимъ дарованиямъ...

Грузд. Ну и проберу же я эту вѣтреную мельницу!

Анна Пав. Если для нея вы откладываете дѣла общественной важности...

Грузд. Это вы про шпалы что-ли?

Анна Пав. Если для нея вы не возвращаетесь на родину, гдѣ сотни тысячъ избирателей ждутъ вашего вѣскаго слова...

Грузд. Чтѣ? (въ сторону). Ничего не понимаю. Я думалъ онъ ей объ Авдотѣ Герасимовѣ наболталъ, а тутъ опять какая-то Шотландія начивается. (Ей). Воля ваша, я ничего не понимаю.

Анна Пав. Я вижу, вы сердитесь. Хорошо, я не буду говорить объ этомъ, но я хочу спросить вашего совѣта въ дѣлѣ касающемся лица мнѣ очень близкаго; вы, конечно, не откажетесь...

Грузд. Я слушаю.

Анна Пав. У меня есть пріятельница, вдова, въ которую влюбленъ человѣкъ весьма замѣчательный... (лица слова).

Грузд. (въ сторону). Неужели это она про себя?

Анна Пав. Она.. она тоже къ нему неравнодушна. Есть только одно препятствіе—у нея дѣти...

Грузд. Какое же это препятствіе? Развѣ ихъ очень много?

Анна Пав. Нѣтъ, двое, но онъ... онъ такъ ревнивъ и такъ любитъ ее, что ни съ кѣмъ, даже съ дѣтми ей не хочетъ дѣлать ей чувства.

Грузд. Вотъ чудакъ-то!

Анна Пав. Да вѣдь эготъ чудакъ... Но скажите теперь вполне откровенно, вы сами не допускаете этого чувства?

Грузд. Право не знаю, мнѣ никогда въ голову не приходило.

Анна Пав. О! какъ вы умѣете притворяться!

Грузд. Но мнѣ кажется, что если у пріятеля вашей пріятельницы такіа мавританскія чувства и если она его все-таки любитъ, такъ вѣдь дѣтей можно пристрастить: есть родственники, есть, наконецъ, казенныя заведенія...

Анна Пав. Конечно, конечно! О, я васъ понимаю! О, какъ я рада! Вы не можете себя представить, какъ я рада!

Явленіе VII.

Тѣ-же и слуга.

Слуга. Анна Павловна, Григорій Семеновичъ васъ давно дожидается, говорятъ, непремѣнно васъ нужно видѣть.

Анна Пав. Хорошо, конечно! О, я пріду. (Груздеву). Я сейчасъ вернусь, подождите меня немного. Какъ я рада, вы не можете себя представить, какъ я рада! (Уходитъ).

Явленіе VIII.

Груздевъ одинъ.

И чему это она такъ обрадовалась, совершенно не понимаю. Замужъ она собирается сама выходить—это ясно, но за кого? За Кремнева—больше не за кого. Но неужели у него такіа пылкія страсти—ревнуетъ даже къ дѣтми! И на что ей мое мнѣніе понадобилось? Что-то странно. Батюшки! да вѣдь это она за меня замужъ собирается! за меня—это ясно, а я и не сообразилъ сразу, хоть чуяло мое сердце, давно чуяло, что пакость какая-нибудь выйдетъ.

Явленіе IX.

Груздевъ и Кателія (выглядывая изъ-за куста).

Кат. Вы одинъ?.. Ну, чѣмъ кончилась бѣсѣда?.. Что вы такъ взволнованы?

Грузд. Поневолю ваволнуешься, какъ ни съ того ни съ сего за тебя замужъ соберутся выходить и хоть бы какой-нибудь поводъ далъ, какое-нибудь неосторожное слово...

Кат. Какъ же такъ! Не можетъ быть, чтобъ безъ всякаго повода; вы вѣрно сказали, что она вамъ нравится, что вы любите ее.

Грузд. Я? Никогда! Это она мнѣ сказала, что я ее люблю.

Кат. Вотъ тебѣ разъ! Ну, а вы что-же?

Грузд. Я, ничего. Не сказать же мнѣ были: извините, напротивъ того.

Кат. А въ сущности отчего бы вамъ и не жениться?

Грузд. Ахъ ты пострѣлъ! Самъ каму заварилъ, да еще смѣешься.

Кат. Нѣтъ, я совершенно серьезно.

Грузд. Женись, женись! подѣломъ тебѣ, и мѣшать не стану. Женись на обѣихъ: и на матеря и на дочкѣ, жаль, что бабушки еще нѣтъ!

Кат. Тсъ, идеть! (Быстро уходитъ и притетя. Груздевъ встаетъ).

Явленіе X.

Груздевъ и Анна Павловна.

Анна Пав. Пойдите, куда вы; вамъ надо же окончить нашъ разговоръ.

Грузд. Анна Павловна...

Анна Пав. Не говорите, не надо словъ, и безъ нихъ я понимаю ваши чувства, и я хочу, чтобы вы были вполне счастливы, вы этого стоите. Я хочу, чтобы вы васъ не оставалось ни тѣни сомнѣнія. Я люблю моихъ дѣтей, но эта любовь не можетъ раздѣлять насъ; я готова разстаться съ ними.

Грузд. Помилуйте, зачѣмъ же?

Анна Пав. Какъ зачѣмъ? Вы сами говорили,—къ тому же это и для нихъ лучше. Борю пора отдавать въ Пажескій корпусъ, а Длинъ и отвезу въ Смольный—это ей, конечно, полезнѣе будетъ, чѣмъ здѣшняя гимназія.

Грузд. Это невозможно, ее тамъ по возрасту не примутъ.

Анна Пав. Все равно. Тогда я помѣчу ее въ пансіонъ М-ме Le-Blanc. Не возражайте, не возражайте!.. для васъ я готова и не на такую жертву.

Грузд. Нѣтъ, я не могу на это согласиться.

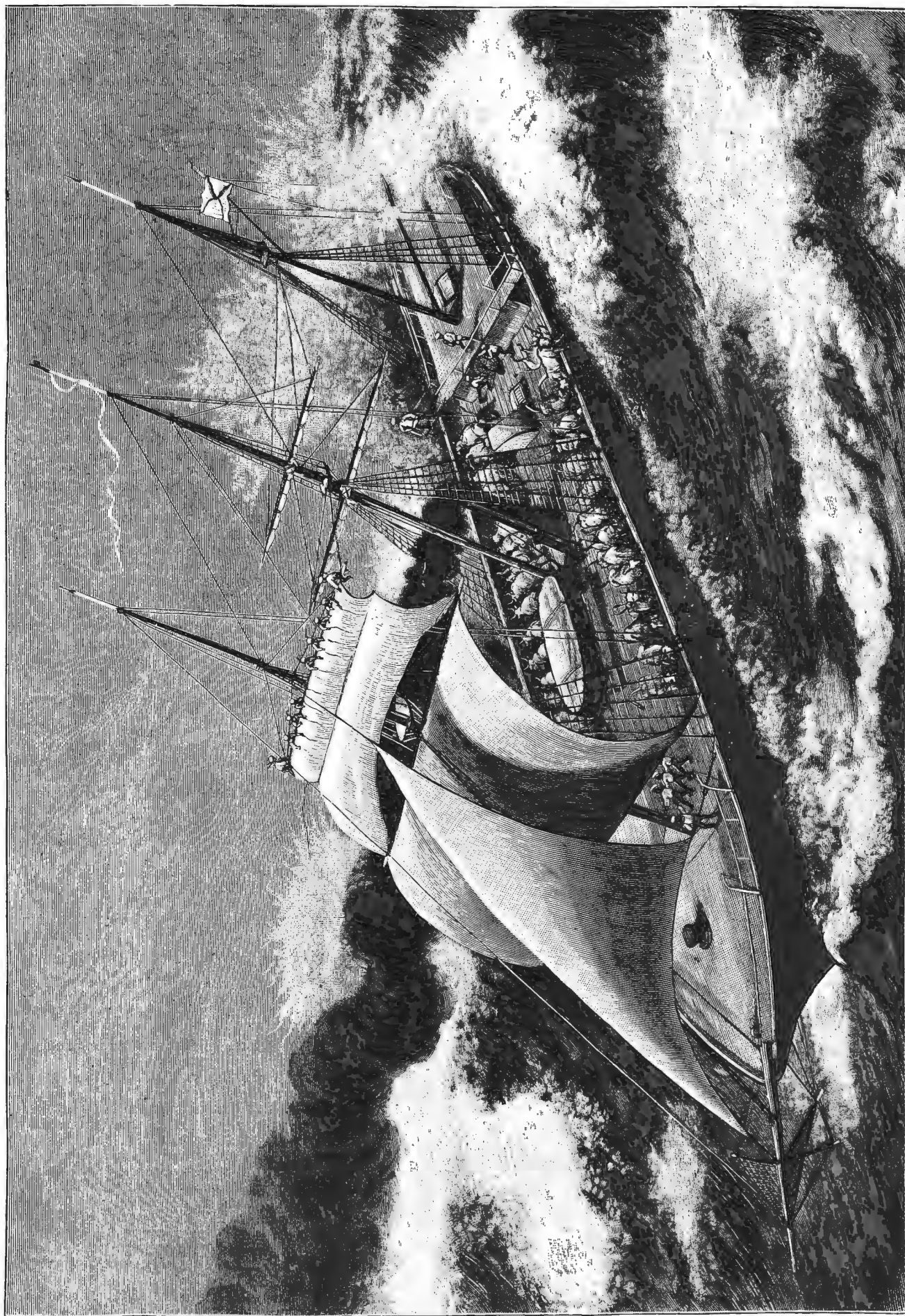
Анна Пав. (плачетъ). Такъ вы меня не любите... вы только притворялись...

Грузд. Я притворялся! (Въ сторону) Ну, теперь надо говорить прямо. (Ей) Анна Павловна. (Въ сторону) Фу ты чортъ! языкъ не поворачивается. (Ей) Вы сами запретили мнѣ говорить объ этомъ... Во всякомъ случаѣ я не могу согласиться на заточеніе почти взрослой дѣвушки.

Анна Пав. Вѣдь надо же ей кончить образованіе, не замужъ же отдавать этого ребенка!

Грузд. Отчего же нѣтъ, когда представится подходящая партія?

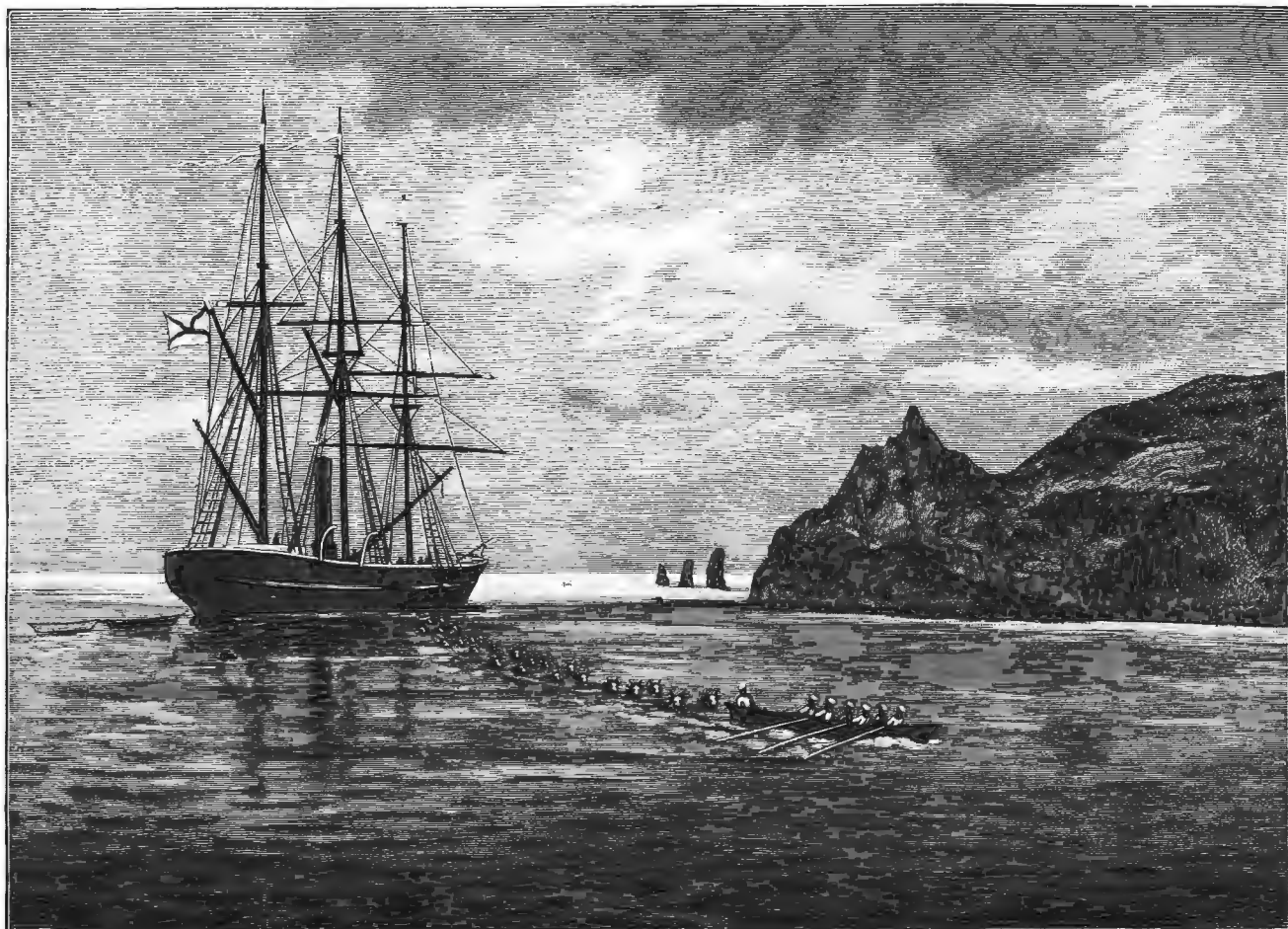
Анна Пав. А если эта партія уже представилась?

Шхуна „Тунгузъ“ во время бури въ Татарскомъ проливѣ. Ориг. рис (собств. „Нивы“) В. Китаева, грав. М. Рашевскій.

Нагрузка шхуны „Тунгузъ“ въ заливъ де-Настри (по Сибирскому берегу) Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В Китаева, грав. Рашевскій.

Выгрузка быковъ со шхуны „Тунгузъ“ близъ порта Дуэ на Сахалинѣ. Ориг. рис (собств. „Нивы“) В. Китаева, грав. Рашевскій.
Библиотека "Руниверс"

Грузд. Какъ?! Но вѣдь вы сами, кажется, говорили, что ей и четырнадцати лѣтъ нѣтъ?
 Анна Пав. Да, но въ документахъ ошибка—тамъ выходитъ пятнадцать, даже съ мѣсяцами.

Явление XI.

Входитъ слуга.

Слуга. Самоваръ поданъ.
 (Анна Павловна, продолжая разговоръ, идетъ съ Груздевымъ, а съ другой стороны входятъ Лили и Кателинъ).

Явление XII.

Лили и Кателинъ.

Кат. Простили вы меня наконецъ?
 Лили. Нѣтъ, не простила, не стѣдите вы, и роли своей вѣрно не знаете. Какая прелесть этого Ромео! Мнѣ суфлера не надо, и не ошибусь... а вотъ вы пожалуй. Да вы меня не слушаете?

Кат. Нѣтъ, слышу, слышу, только...
 Лили. Что такое „только“? Вы о другомъ думаете.

Кат. Я сейчасъ говорилъ съ Анпой Павловной.

Лили. Объ чѣмъ?

Кат. Конечно о васъ. Я просилъ вашей руки.

Лили. Какъ вы смѣли!

Кат. Вѣдь вы же сами...

Лили. Чтѣ я сама? Вы думаете, что мною можно располагать, что мнѣ можно приказывать, какъ ребенку?

Кат. Вы меня не поняли...

Лили. Отлично поняла, но замужъ выйти меня никто заставить не можетъ, никто, никто, слышите! Понимаете, никогда этого не будетъ!

Кат. Елизавета Дмитриевна, успокойтесь ради Бога, изъ-за чего вы волнуетесь, вѣдь Анна Павловна мнѣ отказала.

Лили. Отказала? Какъ это глупо! кто васъ просилъ говорить ей!

Кат. Не все ли равно, когда вы сами меня гоните?

Лили. Нѣтъ, не все равно! кто вамъ позволилъ говорить съ мамою? Я бы сама все устроила, а теперь вонъ чтѣ вышло... Я васъ предупреждала... Теперь вы все испортили, это ни на что не похоже.

Кат. Да нѣтъ же, увѣрю васъ, Анна Павловна не разсердилась, она даже не совѣсьмъ и отказала.

Лили. Не совѣсьмъ отказала? такъ это вы нарочно, вы хотѣли обмануть меня...

Кат. Чтѣ вы, Елизавета Дмитриевна.

Лили. Нѣтъ, теперь вы меня больше не обманете, прощайте.

Кат. За что вы меня мучите?

Лили (холодно). Чего же вы ждете? Прощайте!

Кат. Прощайте, Елизавета Дмитриевна—силъ моихъ нѣтъ (уходитъ).

Лили. Михаилъ Ивановичъ, Михаилъ Ивановичъ!

Кат. (возвращаясь). Что вамъ угодно?

Лили (ломаетъ вѣтку и нервно вертитъ ее въ рукахъ). Мнѣ надо поговорить съ вами.

Кат. Я слушаю.

Лили. Зачѣмъ вы сердитесь?

Кат. Сердितесь на васъ я не могу, вы это знаете.

Лили. А вы очень испугались?

Кат. Такъ это была шутка?

Лили. Нѣтъ, не шутка, но и не правда.

Явление XIII.

Тѣ же и Анна Павловна.

Анна Пав. Что же вы пропали? Лили! Мы тебя ждемъ.

Лили. Сейчасъ, мама, и потеряла свой башмакъ. (Быстро скидываетъ башмакъ).

Анна Пав. Что за вздоръ, иди скорѣе. (Уходитъ).

Лили. Сейчасъ.

Кат. Постойте, я помогу вамъ. (Она ставитъ ногу на скамейку, Кат. завязываетъ башмакъ и цѣлуетъ).

Лили. Кто вамъ позволилъ! (Ударяетъ его вѣткой). Что вы на меня смотрите? какъ вы смѣете на меня смотрѣть? Закройте глаза, сейчасъ закройте, слышите! (Онъ закрываетъ глаза, она быстро цѣлуетъ его и убѣгаетъ).

Въ саду темнѣетъ, показывается луна.

Картина 2-я.

Явление I.

Кремневъ и Няня.

Крем. Что, Татьяна Егоровна, какъ поживаете?

Няня. Ничего, батюшка, чтѣ мнѣ дѣлается.

Крем. Анну Павловну не видали?

Няня. Тамъ она, въ саду, съ басурманкой ходитъ.

Крем. Съ какой басурманкой?

Няня. Англичанка-то—вернулась. Кабы покойникъ-то живъ былъ, онъ ее, дупоглазую, давно бы помеломъ прогналъ отсюда, а барыни деньги платитъ. Ну ее совѣсьмъ! И поминать-то тошно, а вы мнѣ вотъ что скажите, батюшка, толстый-то этотъ, что къ намъ повадился ѣздить...

Крем. Это дядя Михаила Ивановича? Англичанинъ?

Няня. Ну какой онъ англичанинъ—Сградилата нашего наемдин такъ обругалъ, что и русский не всякій смѣетъ, развѣ генералъ военный... Вона, идетъ, легка на поминѣ.

Явление II.

Тѣ же и Анна Павловна съ миссъ Модъ. (Кремневъ съ ними).

Миссъ Модъ (продолжая начатый разговоръ). Но, Анна Павловна, вѣдь это невозможно. Можетъ быть пьесу, которую они играютъ, молодой дѣвушкѣ и смотрѣть нельзя.

Анна Пав. Ахъ, оставьте ихъ, не мѣшайте, ничего нѣтъ невозможнаго; а я лучше вамъ новость скажу, вы вѣрно рады будете—лордъ Вудстокъ здѣсь.

Миссъ Модъ. О! какъ возможно!

Анна Пав. И вы его увидите.

Миссъ Модъ. Когда?

Анна Пав. Вѣроятно сейчасъ.

Миссъ Модъ. Какъ я рада! вы не можете себя представить чтѣ это за человекъ! О, его послѣднія рѣчь о хлопчатой бумагѣ—въ Ливерпулѣ, это такое совершенство. (Въ волненіи жестикулируетъ).

Анна Пав. Успокойтесь, миссъ Модъ, такъ нельзя, онъ васъ приметъ за сумасшедшую.

Миссъ Модъ. Но если бы вы слышали какъ это хорошо, эта хлопчатая бумага...

Крем. Вотъ онъ идетъ.

Явление III.

Тѣ же и Груздевъ.

Анна Пав. Позвольте васъ познакомиться: большая почитательница ваша, миссъ Модъ Гаукингъ.

Грузд. Очень радъ.

Миссъ Модъ (бормочетъ что-то, изъ чего можно разобрать только: „Ливерпуль и хлопчатая бумага“).

Явление IV.

Тѣ же и Кателинъ.

Кат. (Груздеву). Что же это? Вы обѣщали намъ помочь на сценѣ, я васъ ищу, а вы здѣсь съ дамами...

Миссъ Модъ. О, я должна вамъ сказать, милордъ (быстро говоритъ по-английски).

Грузд. Извините, пожалуйста, я по-английски... (Кателинъ наступаетъ ему на ногу). Ай! Что съ тобой? что ты по ногамъ ходишь! ошалѣлъ совѣсьмъ, какъ овца круговая.

Крем. Какъ вы по-русски хорошо говорите!

Анна Пав. Миссъ Модъ всѣ ваши сочиненія читала, послѣднія, кажется, даже панаусть знаетъ.

Грузд. Сочиненія? Какія сочиненія? Я

свое послѣднее сочиненіе въ гимназій писалъ.

Миссъ Модъ. О! Ваша рѣчь...

Крем. Въ Ливерпулѣ?

Миссъ Модъ. Въ Ливерпулѣ!

Крем. О хлопчатой бумагѣ?

Анна Пав. Это невыносимо!

Крем. Молчу, молчу.

Миссъ Модъ. И ваши сочиненія о рабочемъ вопросѣ, это такое совершенство.

Грузд. Что вы, помилуйте, увѣрю васъ, послѣднее сочиненіе мое было о Собакевичѣ (Кателинъ опять наступаетъ ему на ногу). Ай! Что ты въ самомъ дѣлѣ какъ козель на одномъ мѣстѣ прыгаешь... Да, Собакевичъ—это такой человекъ... (Кателинъ тащитъ его къ павильону, гдѣ устроена сцена).

Миссъ Модъ. Но, милордъ! (Выстрѣлъ за сценой).

Анна Пав. Что это! Вѣрно Боря... Посмотрите, миссъ Модъ. (Груздеву). Я сейчасъ вернусь. (Убѣгаетъ, за ней миссъ Модъ и Кремневъ).

Явление V.

Груздевъ и Кателинъ.

Грузд. Пальба началась, прощай, до свиданья, терпѣть не могу этого.

Кат. Куда? До репетицій? развѣ это возможно... Вы сами обѣщали...

Грузд. Ни минуты я здѣсь не останусь; эта англичанка еще пріѣхала, шальная какал-то, ты ей про Собакевича, а она про хлопчатую бумагу, того и гляди скандалъ выйдетъ. (Уходитъ).

Кат. Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!

Явление VI.

Кателинъ и Лили (у окна павильона).

Лили. Михаилъ Ивановичъ! Михаилъ Ивановичъ! Что же это такое? На что это похоже, сейчасъ гости всѣ соберутся, а мы еще не повторили свою сцену, вы навѣрно все опять переабыли.

Кат. Нѣтъ, Елизавета Дмитриевна, я мою роль твердо знаю, только бы вы своей не забыли.

Лили. А вотъ посмотримъ. (Декламируетъ):

„Кто указалъ вамъ здѣсь меня искать?“
 Что-жъ вы не отвѣчаете? Что вы на меня такъ смотрите? Развѣ такъ Ромео смотрѣть долженъ?

Кат. Елизавета Дмитриевна, время дорого, надо рѣшаться!

Лили. На что рѣшаться? Что такое случилось?

Кат. Дядя мой забѣлся, сейчасъ убѣгаетъ.

Лили. Ахъ, Боже мой!

Кат. Я, впрочемъ, это предвидѣлъ, хотъ и не говорилъ вамъ; все готово, надо рѣшаться.

Лили. Да что же дѣлать?

Кат. Бѣжать!.. Какъ Юлія... Вы сами же говорили.

Лили. Да вѣдь это невозможно... вы понимаете, невозможно. (Плачетъ).

Кат. Отчего невозможно? Метрическое свидѣтельство и досталъ... по порученію губернатора. Священникъ повѣрилъ, хотъ и удивился—это въ порядкѣ.

Лили. Шестнадцать въ мартѣ? Я говорила вамъ.

Кат. Свидѣтели тоже есть и лошади, только бы до села добраться! Вашу верховую Боря приведетъ къ казникѣ; онъ уже стрѣлялъ, вы слышали, значитъ все готово! (За сценой второй выстрѣлъ). Вотъ второй разъ, скорѣе, скорѣе, прыгайте сюда въ окно, тамъ васъ могутъ увидеть. (Она прыгаетъ. Въбѣгаетъ Боря).

Явление VII.

Тѣ же и Боря.

Кат. Что такое? Что случилось?

Лили. Боря, что съ тобой? Ты еле дышишь!

Боря. Я твою лошадь осѣдлалъ и веду;

привелъ къ калиткѣ, выстрѣлилъ, какъ она выскочитъ изъ сада!..

Кат. Кто выскочилъ?

Боря. Миссъ Модъ, — и прямо ко мнѣ! Я опять выстрѣлилъ: она, дура, испугалась — да отъ меня!

Лили. Какъ, миссъ Модъ?

Боря. Нѣтъ, лошадь, а та за мной, я черезъ канаву въ садъ, — паслу убѣжалъ! (За сценой крики: „Боря, Боря, гадкій мальчишка!“ Все трое прячутся).

Явленіе VIII.

Кремневъ (съ письмомъ въ рукахъ). За нимъ объѣзжаетъ миссъ Модъ, замыкавшись).

Миссъ Модъ. Вы не видали этотъ гадкій мальчикъ?

Крем. Какой мальчикъ?

Миссъ Модъ. Боря. Вы не видали, какъ онъ бѣгалъ отъ меня?

Крем. Очень часто.

Миссъ Модъ. Нѣтъ, сейчасъ, я говорю сейчасъ!

Крем. Не видали.

(Миссъ Модъ объѣзжаетъ).

Явленіе IX.

Тѣ же, безъ миссъ Модъ.

Крем. (держитъ въ рукахъ письмо). Отдать надо письмо поскорѣе, чортъ бы побралъ этого дурацкаго лорда. А что какъ онъ здѣсь въ любви объѣзжается? Дуракъ-то выйдетъ не ошъ, а л! (Входитъ Анна Павловна).

Явленіе X.

Тѣ же и Анна Павловна.

Анна Пав. Не видали вы Модъ?

Крем. Модъ? Какихъ модъ?

Анна Пав. Миссъ Модъ, Модъ Гаукнигесъ.

Крем. Ахъ, испохотку... то-бишь, англичанку-то намъ! Она сейчасъ тутъ кричала.

Анна Пав. Но гдѣ же она? А лордъ Вудстокъ, его тоже нѣтъ?

Крем. Вотъ письмо отъ него.

Анна Пав. Письмо? Что это значитъ? (Беретъ письмо, распечатываетъ, подходит къ освѣщенному окну павильона, читаетъ и рыдаетъ его).

Крем. Что съ вами? Вамъ дурно? Что вамъ писать этотъ мошенникъ?

Анна Пав. Прочтите сами.

Крем. (читаетъ письмо). Предсѣдатель управы... прѣхалъ кунить шналы... недоразумѣніе... не по моей винѣ... покорный слуга — Кузьма Груздевъ. Вотъ тебѣ и лордъ Вудстокъ, не ожидалъ! Думалъ, такъ шутъ какой-нибудь, а этого не ожидалъ.

Анна Пав. Какъ! меня оскорбляютъ, меня дурачатъ, а вамъ весело, вы смѣетесь? Скорѣе уѣхать, уѣхать отсюда, здѣсь никто меня не любитъ, все надо мной смѣются! (Плачетъ). Скорѣе отсюда!

Крем. Анна Павловна, что вы, помилуйте, я развѣ смѣюсь, да я этого негодяя въ барашій рогъ согну!.. Вы только слово скажите. Анна Павловна! Анна Павловна!

Анна Пав. Что?

Крем. Вѣдь вы не уѣдете? Ваше присутствие здѣсь необходимо!

Анна Пав. Мое присутствие? Зачѣмъ? Никому до меня дѣла нѣтъ.

Крем. Что это вы говорите, вѣдь сами знаете, что неправда! (Цѣлуетъ руку). А помните, вы мнѣ говорили: „поживемъ, увидимъ“?

Анна Пав. Нѣтъ, не помню. Что увидимъ? Я не понимаю.

Крем. Про меня вы это говорили, про преждее время.

Анна Пав. Ахъ вы вотъ о чемъ! Да развѣ это возможно?

Крем. Отчего же нѣтъ, Анна Павловна! Конечно годы мои такіе, и человекъ я не свѣтскій.

Анна Пав. Не то вы говорите; вы человекъ спокойный, рассудительный. Развѣ вамъ такую жену надо?

Крем. То есть, вы думаете, что я только по хозяйству, насчетъ экономіи, — да вѣдь это и только теперь...

Анна Пав. Не то, совсѣмъ не то! Теперь я васъ мучу, а если я за васъ замужъ выйду...

Крем. Что же тогда, Анна Павловна?

Анна Пав. Я васъ бить буду.

Крем. И прекрасно.

Анна Пав. Вамъ этого хочется?

Крем. За битаго двухъ чебигыхъ даютъ, а для васъ, ей-ей, смирнѣе мужа не найдете.

Анна Пав. Григорій Семеновичъ, что вы въ самомъ дѣлѣ святой или юродивый?

Крем. Нѣтъ, Анна Павловна, только ужъ очень я люблю васъ!..

(Входитъ слуга).

Явленіе XI.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Михаилъ Ивановичъ спроситъ приказади: въ которомъ часу прикажете спектакль начинать?

Анна Пав. Какъ? Онъ здѣсь еще? (Кремеву). Гоните его, чтобъ ноги его здѣсь не было!

Крем. Нѣтъ, Анна Павловна, этого нельзя! Вы лучше меня приберите!

Анна Пав. Какъ? Вы еще за него заступаетесь? Хорошо! Такъ я сама распоряджусь!

Крем. Напрасно, совсѣмъ напрасно, спектакль разстроится, — скандалъ на всю губернію.

Анна Пав. (нервительно). Нельзя же, однако, такъ; я не могу позволить! (Объѣзжаетъ казачекъ).

Явленіе XII.

Тѣ же и казачекъ.

Казачекъ. Ваше превосходительство, губернаторъ прѣхалъ.

Крем. Проси его въ гостиную, скажи: Анна Павловна сейчасъ выйдутъ.

(Казачекъ уходитъ).

Анна Пав. Это что такое? Вы, кажется, изъ своей роли выходите? Не рано ли? (Бьетъ его тыломъ).

Крем. (Хватаетъ руку и цѣлуетъ). Ну вотъ, давно бы такъ! Я, вѣдь, словъ не понимаю. А теперь идите скорѣе, я сейчасъ за вами, только на сцену взгляну.

(Анна Павловна уходитъ).

Явленіе XIII.

Кремневъ и Лили (объѣзжаетъ и обнимаетъ его).

Лили. Голубчикъ, миленькій, какъ я рада! и все слышала... а я уже боялась, что мама за этого урода... Какъ я рада!

Крем. Милая моя, добрая, спасибо вамъ.

Лили. Вы не знаете, вѣдь мы уже тихонько бѣжать хотѣли.

Крем. Какъ бѣжать? Зачѣмъ? Что это вы, перекреститесь, голубушка, и говоритъ-то объ этомъ грѣшно!

Лили. Ну, не буду, не буду! Хотите сама въ институтъ попроситесь?

Крем. Что это въ самомъ дѣлѣ: то изъ дому бѣжать, то въ институтъ проситесь?

Лили. Да что же мнѣ дѣлать... вѣдь я люблю Михаила Ивановича!

Крем. А въ институтъ-то развѣ васъ обвѣщаютъ? Ужъ это лучше и здѣсь какъ-нибудь устрою.

Явленіе XIV.

Тѣ же и Кателинъ (выскакиваетъ).

Кат. Устроите?... Когда, — сегодня?... Да, сегодня?

Крем. Дайте хоть очередь соблести. Теперь идемъ!.. Пора занавѣсъ поднимать!

Буря въ Татарскомъ проливѣ.

(Рис. на стр. 1164 и 1165).

Настоящее описаніе имѣетъ цѣлью воспроизвести одинъ изъ самыхъ трудныхъ моментовъ борьбы съ моремъ въ такомъ видѣ, какъ онъ непамятными штрихами запечатлѣлся въ памяти очевидца. Дѣйствіе происходитъ въ Японскомъ морѣ, у отдаленнаго Сибирскаго побережья. Только бури Новой Каледоніи, мыса Доброй Надежды и ураганы Мексиканскаго залива могутъ состязаться съ силами восточно-азиатскихъ морей.

Широкимъ, длиннымъ выступомъ врѣзался въ Японское море полуостровъ Петра Великаго; его мористая, вѣшняя часть прихотливо наръзана заливомъ Золотой Рогъ и прилегающими къ нему бухтами: Улиссъ, Дюмпъ, Аяксъ, Парпсъ, Патроклъ. Заливъ съ моря заирается островомъ Дундакъ, Козакевичъ, или Русскій островъ, какъ здѣсь его чаще называютъ.

Островъ наръзанъ красною бухтою Новикъ и служитъ мѣстомъ пикниковъ для прибрежныхъ жителей и прибывающихъ сюда моряковъ.

Остроконечныя, высокія горы окружаютъ заливъ Золотой Рогъ. Городъ В* расположенъ посрединѣ ихъ склона и имѣетъ видъ американской колоніи.

До десятка кораблей разныхъ величинъ собиралось на зимовку каждый годъ у подошвы горъ. Мимо ушедшихъ на зиму кораблей, по льду залива, лхія тройки гоцались съ буэрами. При крутомъ, неловкомъ поворотѣ буэра выпадаетъ компанія молодежи и бѣжитъ догонять уносящейся буэръ, смѣхъ и крикъ стоятъ въ морозномъ воздухѣ. Последнее обстоятельство, какъ оригинальное развлеченіе жителей отдаленнаго Востока. Лишь только дуновение весны начнетъ освобождать заливъ ото льда, какъ по берегу у кораблей закипаетъ дѣятельность.

Раскинуты палатки для шлюнокъ. Горят костры для смолы. Матросы весело готовятъ корабли къ плаванію. Звуки „дубинишки“ такъ и разлываются въ воздухѣ. Ротини и вѣсты судовыя собаки бѣгаютъ тутъ же. Иногда подбѣжить къ палаткамъ ручной олень и, завидѣвъ собакъ, стремительно бросится въ городъ. Сквозь прозрачную воду въ заливѣ виднѣтся краббъ, бочкомъ пробирающийся отъ камня къ камню. Молодые киты-дѣтенныши входятъ въ заливъ и играютъ на поверхности его воды.

Туда и сюда скользятъ рыбацкія шлюпки китайцевъ съ нарусамъ, похожими на крылья летучей мыши.

По мѣрѣ готовности, корабли расходились изъ Золотога Рога — одни на сѣверъ, другіе на югъ, или для работъ по Сѣверному Сибирскому побережью, или же на станцію въ Китай и Японию.

Шхуна „Тунгузъ“, въ составѣ семидесяти-трехъ человекъ, включая еяда и капитана, вышла для работъ къ Сахалину и все лѣто только этимъ и занималась.

Среди многихъ другихъ работъ шхуна прибыла въ заливъ Де-Кастри, расположенный почти противъ Сахалина и его поста Дуэ. Здѣсь предстояла главная и серьезная работа — передать въ Дуэ 100 головъ рогаго скота.

Заливъ Де-Кастри круглый, закрытъ тремя островами: Устричнымъ, Обсерваторіей и Базальтовымъ.

Массивныя хребты спускаются горы отъ материка къ заливу и одна вершина горы Арботъ поднимается выше всѣхъ †). Въ частъ лѣсной терются нѣсколько домиковъ

†) Она же видѣтъ съ тѣмъ служить, до нѣкоторой степени, предвѣстникомъ погоды: если вершина горы чиста отъ облаковъ, то море спокойно, и наоборотъ.

здѣшняго поста, маякъ на мысѣ Клостеръ-Кампъ и больше ни слѣда человѣческой жизни.

Рѣдко, на поверхности залива, покажется и скроется голова перпы (тюленя), да унылый крикъ чаекъ и бурунъ у Высокой стѣны мыса Де-Дассе только и нарушаютъ мертвенную тишину этого мѣста.

Быковъ привезли на баржахъ къ борту шхуны и развѣстили ихъ на верхней палубѣ на протяжении ста семидесяти футовъ. Двадцать быковъ спустили въ трюмъ, остальные же остались наверху. Во время погрузки одинъ изъ быковъ пѣскольско разъ, съ бѣшенымъ ревомъ, бросался черезъ бортъ шхуны, стараясь ухватить за берегъ, но его ловили и въ концѣ концовъ подняли за рога на палубу.

Эта борьба послужила поводомъ для матросскихъ остротъ. Буяна скрутили и уложили отдѣльно на палубѣ; часа черезъ три въ морѣ оны уже были неузнаваемы — такъ при-смѣрля.

По лицу капитана, слѣдившаго за работами и прогуливавшагося по мостику шхуны, блуждало, тщательно изъ скрываемаго, безпокойство — и было отчего: всякій движущійся грузъ на кораблѣ опасенъ и избѣгаетъ его свойствъ.

Татарскій проливъ тихъ, гора Арботъ чиста отъ облаковъ, — казалось-бы чего лучше?

Шхуна, поднявъ якорь, вышла подъ парами въ море. Матросы, поубравшись и осмотрѣвшись, сошли внизъ.

Надо было пройти до Сахалина отъ 14 до 16 часовъ, принимая ходъ шхуны при счастливыхъ условіяхъ въ 4½ мили въ часъ (каждая морская миля = 1¾ версты).

Прошли десять, двадцать, еще пять миль, какъ вдругъ поверхность моря сразу тревожно заволновалась и въ полчаса оно было неузнаваемо: шелъ штормъ отъ юго-запада.

Командиръ, все время не покидая мостика, „привелъ шхуну“, т. е. повернулъ ее носомъ противъ волны. Качка началась ужасная. Съ глухимъ ревомъ быки стали падать и метаться по палубѣ. Розмахъ шхуны вѣво: сорокъ быковъ съ правой стороны, скользи по мокрой палубѣ, скатываются и ударяютъ объ деревянный бортъ. Бортъ трещитъ отъ удара. Нѣсколько быковъ стараются выпрыгнуть, но арканы ихъ удерживаютъ. Одинъ свѣтелся надъ водою и не можетъ высвободиться; другой, скатившись, задѣлъ рогами за фальшбортъ, задняя нога его скользнула и его согнуло въ дугу. Розмахъ шхуны вправо: лѣвая сторона быковъ стремительно обрасывается къ серединѣ шхуны, гдѣ они бьются, падаютъ на колѣни и давятъ другъ друга. Одного оборвало и оны со стономъ стараются высвободиться изъ-подъ ногъ другихъ; при продолжныхъ наклонныхъ шхуны его давить, при боковыхъ оны самъ бьется объ надстройки на палубѣ.

Правая сторона быковъ работаетъ грудью при наклонѣ въ ихъ сторону...

Все это совершается съ перемѣною до двадцати разъ въ минуту: трещитъ то правый бортъ, то лѣвый.

Розмахъ шхуны начали принимать все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Держаться противъ волненія сдѣлалось невозможнымъ.

Командиръ рѣшился на „поворотъ попутною бурей“ (1). Способъ, къ которому прибѣгаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ при поворотѣ приходится принимать на себя всю разрушительную силу волны, въ особенности, если корабль дурно уходитъ отъ нея.

Такой поворотъ сопровождается общимъ напряженнымъ вниманіемъ и торжественностью: удастся-ли избѣгнуть разрушенія или нѣтъ?

— Всѣхъ на верхъ, поворотъ чрезъ фордевиндъ (поворачивать попутною)! сообразивши вражьи силы волненія и ихъ стремительность, скоординировать командиръ, когда по его расчету насталъ удобный моментъ.

Матросы стали на назначенныхъ мѣстахъ.

— На бизань гнотвы, бизань убрать!

Парусъ пухлый для борьбы съ бурей въ противномъ положеніи быстро убрали.

— Право! слѣдовало дальше команда рулевымъ.

Шхуна, рѣзавшая сначала своимъ носомъ противныя волны, послушная рулю, соскользнула съ гребня волны и носомъ скатилась въ ущелье между волнъ.

Сзади, за кормою, съ дикою быстротою мчится валъ; ближе и ближе подступаетъ оны, рисуясь стѣною надъ бортомъ и палубою шхуны; его заворотень сердито ишевелится.

Пока шхуна не успѣла еще повернуться по вѣтру — валъ обрушился на нее широкимъ потокомъ, закрывшимъ больше трети ея величины. Точно каскадъ Ниагарскаго водопада ввалился въ шхуну, скрывши на нѣсколько мгновеній въ своей пѣнистой неленѣ людей и обезумѣвшихъ животныхъ. Шхуну повалило на-бокъ грузомъ воды и скатившихся въ одну сторону животныхъ. Моментъ, когда передъ носомъ желтовато-зеленая стѣна одного вала, а „передъ кормою“ другая, въ срединѣ же — пропасть, въ которую разъ понавъ уже не возвращаются... Моментъ томительный, ужасный — ожиданіе, что корабль перевернется вверхъ дномъ.

„Одерживай!“ „Такъ держать!“ „По мѣстамъ паруса ставить!“

1) Съ намѣреніемъ уйти къ мысу Лазарева у сѣверной оконечности Сахалина.

„Марсовые на марсъ!“ „Два рифа взять!“ (1) быстро, одни за другими отдавались командиромъ приказанія, сообразно важности минутъ, и ни единый мускулъ не дрогнулъ на лицѣ браваго капитана.

Матросы бросились къ вантамъ (2) и побѣжали ставить паруса. Сильная, звучная, увѣренная команда всегда электризуетъ экипажъ и возбуждаетъ въ немъ довѣріе къ командующему.

Съ большимъ трудомъ поднявшись и оправившись, шхуна пошла съ попутною волною и лишь ходомъ машинны, значить, очень малымъ сравнительно со стремительностью волны. Вода, заполонившая палубу, стала отливать наружу.

Кстати, волна Японскаго моря, разбѣгаясь съ юга къ сѣверу и вступая въ служенную часть между сибирскимъ берегомъ и Сахалиномъ, дѣлается крутою и лютою, — то же самое, что въ Черномъ морѣ „бора“. Это не волна, чудная, величественная открытаго моря или океана, а дикій звѣрь, съ неистовствомъ разрушающій все на своемъ пути; она тѣмъ и опасна, что старается подобраться подъ себя и навалиться всѣмъ грузомъ на корабль.

Мчатся валъ „съ кормы“, подкинуть корму гигантскимъ взмахомъ и толкнувъ ее въ подошву убѣгающаго впередъ вала.

Какъ добыча, настигаемая хищникомъ, вся шхуна задрожала отъ толчка.

Неудержимымъ шествіемъ подступаетъ слѣдующій валъ, и холмомъ, съ серебряною короною пѣны на вершинѣ, обрисовывается надъ кормою. Загрохотало. Чудовище ввалилось въ корму и послѣдняя сильно погрузилась въ воду. Другая волна снова подняла корму съ этимъ добавочнымъ грузомъ, и вода бѣшенными потоками покатила на носъ шхуны, сбивая съ ногъ животныхъ и людей. Эти минуты продолжались все время до окончательной постановки парусовъ.

Часть экипажа ушла для работъ наверхъ, часть матросовъ осталась внизу у снастей и помогать животнымъ.

Перебирался на качкѣ, среди панни животныхъ съ безумно выкатившимися глазами и пѣною у рта, матросы переползаютъ то по ихъ спинамъ, то по палубнымъ надстройкамъ, выжидая, чтобы не быть самими раздавленными и облегчить участь бѣднымъ животнымъ.

Одному матросу удалось таки поднять оборвавшася быка: оны загнувъ ему ласео на рога и въ удобный моментъ пособили ему подняться.

На передней мачтѣ ставятъ паруса.

Командиръ предостоло сложное дѣло слѣдить за наступающими и убѣгающими отъ шхуны валами, за всѣмъ, что происходило на палубѣ, а также и за людьми наверху. Матросы разошлись по реямъ (3), ставятъ и уменьшаютъ площадь паруса; одинъ сидитъ верхомъ на концѣ реи и весело работаетъ надъ безднами морскими.

Постановка паруса нѣсколько замедлилась: одна снасть запуталась и мѣшается растянутъ парусъ. Изъ среды работающихъ одинъ смѣло опускается до половины паруса, по его вѣшней, воздушной поверхности: одною рукою оны держится за снасть, припнутую къ парусу, а ногою и другою рукою старается поймать запутанную снасть и очистить. Лицо его разгорѣлось, глаза блестятъ удачею, которую внушаютъ ему шипящая синизу волны, стонъ и ревъ вѣтра въ снастяхъ.

Веревка распутана, матросъ возвращается на свое мѣсто.

„Съ марсовъ долой!“ (сходите внизъ) закончила команда командира постановку парусовъ.

Матросы бѣгутъ по вантамъ на палубу, а кто спускается прямо по снастямъ, обвившись руками и ногами за послѣднія, соколомъ, головою внизъ. Такой пріемъ считается шикомъ браваго матроса.

Точно желая запечатлѣть въ себѣ видъ бури съ птичьего полета, бѣжитъ одинъ по лѣстницѣ, обратясь лицомъ къ морю.

Внизу боцманъ (4), на палубѣ, свисткомъ передаетъ команды и доканчиваетъ послѣдніе штрихи парусной работы и карты.

Дико, равнодушно несутся съ шипѣніемъ желтовато-зеленыя июльскія волны Татарки, рать за ратью, другъ на друга наступая, другъ друга покрывая и пропаявая въ безпредѣльности. Въ пылу водяной играютъ лучи свѣта сапфирами, рубинами, изумрудами. Какъ птичка, расластаетъ крылья, несется шхуна надъ водяными громадами.

Яркое, безстрастное солнце плыветъ въ безоблачной выси небесной, надъ всѣмъ этимъ безпорядкомъ въ морѣ. Штормъ продолжался только 8 часовъ, но каждая секунда его была полною чашкою тревогъ и сомнѣній.

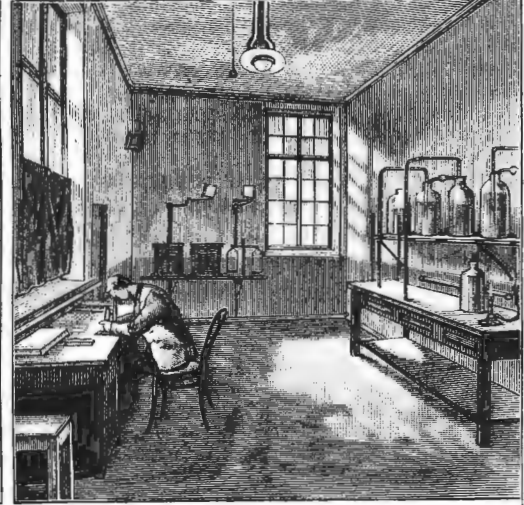
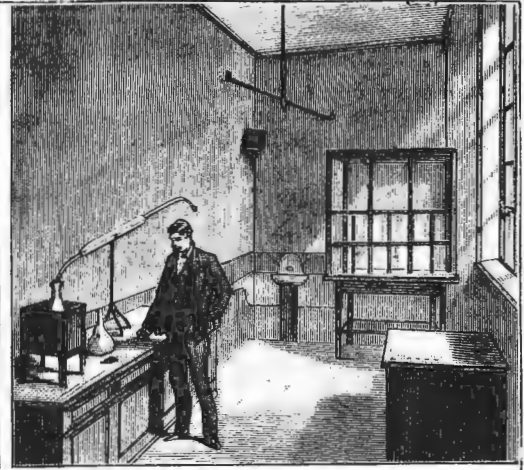
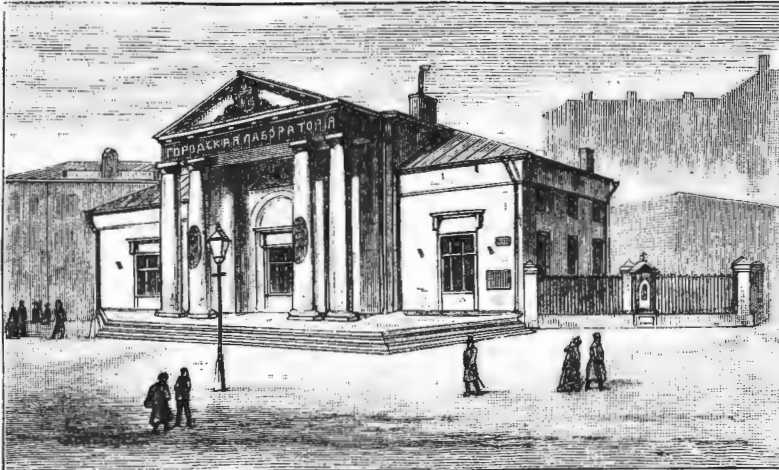
„Тунгузъ“ успѣлъ счастливо его избѣгнуть и скрыться за мысъ Лазарева, гдѣ остановились на якорь, убравъ паруса. Матросы занялись приборкою. Двадцать быковъ оказались съ поломанными ногами и всѣ съ побитыми грудью и обломанными рогами. Здѣсь простояли два дня, выжидая окончанія бури.

1) Первая дѣя команды рулевымъ удерживать скорость поворота и идти по назначенію. Вторымъ три касаются назначенныхъ къ парусамъ. „Два рифа взять“ — уменьшить площадь паруса, чтобы избѣгнуть поломки мачтъ.

2) Веревочныя лѣстницы.

3) Переклады для парусовъ на мачтѣ.

4) Старшій утѣрь-офицеръ.

Городская лабораторія въ СПб. Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) Бролинга, грав. Рашевскій.

Домъ Городской лабораторіи.
Приемная.

Рабочій залъ.

Комната для работъ съ стро-водородомъ.
Комната для вѣсовъ и микроскопическихъ работъ.

При стихшей погодѣ, шхуна снова подошла къ Сахалину и стала отъ него въ разстояніи $\frac{3}{4}$ мили отъ поста Дуэ. Стоянка и разгрузка у Сахалина трудна и самое судно рискуетъ каждую минуту быть выброшеннымъ на берегъ вѣтромъ и волною открытаго моря.

Первога быка спустили въ воду и привязали къ шлюпкѣ, которая направилась къ берегу; остальныхъ прямо опустили въ воду, и они, по стадному инстинкту, поплыли къ берегу за

первымъ. Подъ охраною береговыхъ шлюпокъ, стадо благополучно достигло берега.

На послѣдней шлюпкѣ отправили жертвы шторма — двадцать пострадавшихъ и зарѣзанныхъ быковъ.

Потерявъ адѣсь еще одинъ изъ своихъ якорей, „Тунгуатъ“ вернулся въ заливъ де-Кастри, а отсюда къ своей обычной работѣ — перевозкѣ войскъ, грузовъ, арестантовъ и пассажировъ по Сибирскому побережью.

Къ рисункамъ.

Гаданье. (Рис. на стр. 1156).

Въ Киевской губерніи подь Новый годъ и на Андрея Первозваннаго дѣвцы гадаютъ на „балабушкахъ“ (родъ маленькихъ хлѣбцевъ), которые разставляютъ на скамейкѣ по числу дѣвицъ; затѣмъ зовутъ собаку, и чью балабушку прежде она съестъ — той изъ дѣвицъ придется раньше остальныхъ выйти замужъ; потомъ слѣдующей, и т. д.

Рекреація. (Рис. на стр. 1157).

Куклы вездѣ и всегда были любимой игрушкой дѣвочекъ. Нѣтъ ничего привлекательнѣе будущимъ женщинамъ играющимъ своими любимцами. Онѣ иногда день-деньской занимаются ими: разговариваютъ съ ними, одѣваютъ, моютъ, кормятъ, укладываютъ спать — точно у нихъ не куклы, а одушевленные существа. Куклы сопровождаютъ своихъ обладательницъ повсюду. На картинѣ Франца Шмидъ-Брейтенбаха изображенъ отдыхъ въ школѣ. Учительница только-что окончила урокъ; тотчасъ одна изъ ученицъ вытащила изъ сокровеннаго углка своего стола куклу и любовно показываетъ ее своимъ товарицамъ.

Выселеніе изъ квартиры. (Рис. на стр. 1161).

Французскаго художника Ламбера прозвали „кошачьимъ Рафаэлемъ“. Никто съ такимъ мастерствомъ не изображаетъ кошекъ и ихъ потомство, какъ этотъ художникъ. Вотъ передъ нами одна изъ его картинъ. Двое котятъ забралась въ кѣтку, выселивъ перепуганнаго попугая. Но забравшись, они вѣроятно играли захлопнули дверцу и не умѣютъ выбраться, сидятъ и жалобно млучатъ... Третій братишка, не зная какъ имъ помочь, хочетъ по крайней мѣрѣ утѣшить ихъ и ласково третси воалъ заключенныхъ.

Городская лабораторія въ СПБ. (Рис. на стр. 1169).

Въ отдѣльно стоящемъ зданіи, въ которомъ когда-то помѣщалась гаунтвахта, противъ церкви Спаса на Сѣнной, 17 ноября состоялось открытіе Городской санитарной аналитической станціи. На освященіи ея присутствовали: градоначальникъ, генералъ-лейтенантъ П. А. Грессеръ, городской голова В. И. Лихачевъ, многие члены Городской Управы и гласные Думы, а также начальникъ Военно-Медицинской Академіи проф. Панинъ, проф. Менделѣевъ, Кополовъ, Н. Ф. Здекауеръ и др. За завтракомъ, предложеннымъ гостямъ по окончаніи богослуженія, Н. Ф. Здекауеръ, который лѣтъ 25 тому назадъ уже предлагалъ учредить аналитическій комитетъ, изложилъ въ рѣчи исторію возникновенія аналитическихъ станціи для борьбы съ фальсификаціей жизненныхъ продуктовъ, — борьбу, начатой лишь недавно, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Лондонѣ. Станція устроена съ цѣлью выясненія доброкачественности и годности къ употребленію пищевыхъ и дру-

гихъ продуктовъ, а также для разрѣшенія споровъ и недоуменныхъ между торговцами и покупателями. Нижній этажъ занятъ подь лабораторію, верхній — квартирою старшаго лаборанта. Лабораторія состоитъ изъ приемной, довольно обширной рабочей залы, комнаты для вѣсовыхъ и микроскопическихъ изслѣдованій и небольшой, такъ-называемой, „сѣроводородной“ комнаты, въ которой находится приборъ для добыванія необходимаго при нѣкоторыхъ химическихъ изслѣдованіяхъ сѣроводорода. Въ этой же комнатѣ имѣются спектроскопъ и поляризаціонный приборъ. Рабочая зала сплошь заставлена шкафами, переполненными различными аппаратами и приборами. Сюда вошелъ почти весь инвентарь двухъ приобретенныхъ городомъ частныхъ лабораторій — Общества охраненія народнаго здравія и аналитической станціи г. Зѣринцева, производившей также изслѣдованія пищевыхъ продуктовъ, но прекратившей недавно свое существованіе. Новая городская станція находится въ завѣдываніи проф. Военно-Медицинской Академіи С. А. Пржибытка, старшаго лаборанта М. Ф. Щербакова, младшихъ П. И. Левина и А. И. Михайлова. Городская санитарная коммиссія, въ вѣдѣніи которой находится станція, выработала таксу для платныхъ изслѣдованій. Отъ платы изъятые продукты первой потребности, каковы: вода, молоко, масло, мука, печеный хлѣбъ, мясо, вино, пиво и квасъ. За анализъ другихъ предметовъ уплачивается отъ 1 до 7 рублей. Изслѣдованія производятся ежедневно, по буднямъ, съ 8 часовъ утра до 5 вечера.

Дѣятельность станціи, со дня ея открытія по 10 декабря, выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ. Всѣхъ изслѣдованій пищевыхъ продуктовъ совершено было 81. Изъ этого числа 38 изслѣдованій было платныхъ, 32 безплатныхъ и 11 по требованіямъ городской полиціи. Изъ 12 случаевъ изслѣдованія коровьяго масла, только въ одномъ случаѣ признано было хорошее качество его; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ масло признано было безусловно смѣшаннымъ съ маргариномъ. Однимъ лицомъ, только-что прибывшимъ изъ Самары, предъявленъ былъ для изслѣдованія образецъ ржаной муки, купленной на мѣстѣ для голодающихъ. По тщательному изслѣдованію, въ этой мукѣ найдено было много грубыхъ подмѣсей, отрубей и вообще мука оказалась самаго низкаго качества. Также предъявленъ былъ для изслѣдованія хлѣбъ, печеный въ городской тюрьмѣ для арестантовъ. Хлѣбъ этотъ оказался вполне удовлетворительнымъ. Изъ 15 образцовъ представленнаго для изслѣдованія свиного мяса въ большей части оказалось присутствіе финя.

Всѣ образцы виноградныхъ винъ, представленные для изслѣдованія, признаны хотя и безъ примѣсей вредныхъ веществъ, но качествомъ гораздо ниже того, которое обыкновенно требуется отъ подобнаго вина. За опредѣленіе присутствія трихинъ въ свиномъ мясѣ занимаетъ теперь уже не 1 рубль, а только 20 коп. за каждый разъ.

Политическое обозрѣніе.

Черезъ нѣсколько дней еще одинъ годъ будетъ записанъ на скрижаляхъ исторіи. Спокойно и мирно отходить онъ въ вѣчность, оставляя по себѣ добрую память о взаимныхъ политическихъ отношеніяхъ государствъ Европы. Правда, Германія, Австрія и Италия вновь освятили тройственный союзъ, который собираются еще сплотить торговыми договорами, составляющими въ настоящее время предметъ особыхъ попеченій правительства трехъ государствъ. Но зато и Франція, гордая дружбою съ Россіей, можетъ гордиться и процвѣтаніемъ внутренняго государственнаго строя, къ которому привыкла страна за 20 лѣтъ; успѣхи государственной жизни замѣтны во всемъ, и нынѣшнее правительство прожило годъ съ еще небывалыми при послѣднемъ режимѣ удачами и благополучіемъ. Другія европейскія государства также мирно прожили годъ, и только безпокойная Болгарія никакъ не хочетъ дать позабыть о себѣ.

Пресловутый инцидентъ съ высылкою французскаго корреспондента Шадурна до сихъ поръ не разрѣшенъ и принимается для задорной Болгаріи не вполне желанный оборотъ. Такое положеніе дѣлъ не нравится болгарскимъ заправиламъ, тѣмъ болѣе что носитъ слухъ о причинахъ удаленія Шадуерна. По слухамъ идущимъ изъ Софіи, какъ сообщаетъ *Новое Время*, Шадури долгое время находился въ особенно тѣсныхъ сношеніяхъ со Стамбуловымъ и ссора ихъ между собой вызвана вовсе

не столкновеніемъ на почвѣ неприятныхъ для болгарскихъ правителей корреспонденцій Шадуерна, явившихся лишь протестомъ предлогомъ. Александръ Баттенбергъ, при своемъ вторичномъ отказѣ отъ престола и отъѣздѣ изъ Болгаріи, поручилъ продажу всего оставшагося въ Болгаріи имущества Шадурна, совместно со Стамбуловымъ, тогдашнимъ регентомъ, въ распоряженіе котораго долженъ былъ поступить изъ выроченной отъ продажи суммы миллионъ франковъ на агитацію за возвращеніе Баттенберга въ Болгарію или за новое его избраніе въ болгарскіе князья. Шадури дѣйствовалъ по продажѣ имущества Баттенберга официально, по довѣренности; Стамбуловъ же, какъ регентъ, содѣйствовалъ приобрѣтенію имущества своего кліента въ болгарскую казну по возможно высшей цѣнѣ. Болгарское правительство оставило все имущество Баттенберга за собой и, въ числѣ этого имущества, Шадуру, при содѣйствіи Стамбулова, удалось продать болгарской казнѣ, подь видомъ частной собственности Баттенберга, и городское мѣсто, отведенное городомъ Софіей безвозмездно подь дворцовый садъ и огородъ. Стамбуловъ свой миллионъ франковъ получилъ, но на агитацію его не параскодовалъ, о чемъ Шадури и сообщилъ Баттенбергу. Стамбуловъ узналъ о „коварствѣ“ своего друга лишь недавно, со словъ одного лица, которому Баттенбергъ жаловался на Стамбулова, сославшись въ доказательство на письма Шадуерна. Съ тѣхъ поръ

между друзьями пробѣжала черная кошка, и дѣло кончилось известным инцидентомъ.

Можно думать, что французское правительство сдѣлаетъ все нужное, чтобы получить удовлетвореніе отъ беззащитныхъ болгарскихъ руководителей. Такъ явствуетъ изъ словъ Рибо во французской палатѣ 16 декабря. Въ отвѣтъ своему на запросъ Мильвуа объ арестованіи и высылкѣ изъ Болгаріи Шадурна, онъ высказалъ, что Болгарія—государство не независимое, а состоящее подъ верховною властью султана, а потому обязана уважать канцупуляціи; Болгарія не можетъ собственною властью высылать иностранцевъ и не можетъ совершать никакого дѣйствія въ этомъ родѣ безъ содѣйствія консула. Если Болгарія, прибавилъ министръ,—питаешь какое-нибудь неудовольствіе, то ей стоило только сообщить о томъ Франціи. Не одна Франція имѣетъ поводъ жаловаться на дѣйствія болгарскаго правительства; Германія, Греція и Италия тоже приходилось высказывать справедливыя жалобы. Первое происшествіе съ Шадурномъ было въ апрѣлѣ; уже тогда было приказано выслать его изъ Болгаріи, но Франція протестовала

противъ этого и была поддержана старѣйшимъ консульскаго корпуса, консуломъ итальянскимъ; приказаніе о высылкѣ было отмѣнено. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, то же приказаніе было дано вновь; Шадурнъ былъ арестованъ и высланъ 9 декабря, о чемъ французскаго консула не предупредили. Никогда дипломатическій агентъ Франціи не уклонился отъ своей обязанности; онъ заявилъ, что готовъ принять всякую жалобу болгарскаго правительства и передать ее французскому правительству. Рибо потребовалъ, чтобы приказъ о высылкѣ Шадурна былъ отмѣненъ и, получивъ на это неудовлетворительный отвѣтъ, поручилъ французскому агенту въ Софіи прервать всякія сношенія съ болгарскими правителями. Франція, заключилъ министръ,—должна получить удовлетвореніе; она сдѣлаетъ все что слѣдуетъ неторопливо и безъ послабленія. Новый годъ покажетъ, какъ поступитъ принцъ Фердинандъ, которому Готскій альманахъ, получающій инструкціи изъ Берлина, сдѣлалъ пріятный новогодній скорпірижъ обозвавъ „его королевскимъ высочествомъ, княземъ Болгаріи“.

Въ № 49-мъ „Нивы“ мы помѣстили выдержки изъ отзывовъ объ „художественномъ альбомѣ 1892 года“. Ниже помѣщаемъ еще нѣсколько отзывовъ художниковъ-авторовъ и нѣкоторыхъ органовъ печати.

ОТЗЫВЫ ХУДОЖНИКОВЪ:

Профессоръ И. К. Айвазовскій.

...Всѣ рисунки отличны, въ особенности съ моей картины „Ночь“, лучше не возможно.

Честь и слава Вамъ, что Ваме изданіе идетъ все къ лучшему.

В. НАВОЗОВЪ.

Просматривая Вашъ альбомъ на 1892 г. я съ удовольствіемъ вижу въ немъ совершенную технику воспроизведенія. Каждый малѣйшій полутопъ и часто трудно уловимый (даже для художественной копіи)

оттѣнокъ въ краскахъ, переданы у Васъ замѣчательно хорошо.

Почти всѣ оригиналы этого альбома мнѣ извѣстны, и я положительно въ восторгѣ отъ вѣрно переданнаго колорита. Объ рисункѣ и говорить нечего.

Отъ души желаю полного продвѣтанія Вашему артистическому заведенію.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ № 135, 15 ноября 1891 г. Въ техническомъ отношеніи хромо-литографіи выполнены прекрасно, что и придаетъ всему изданію изящный художественный характеръ.

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“ № 46, 24 ноября 1891 г. Предпринимчивый А. Ф. Марксъ, издатель самаго распространенаго въ Россіи иллюстрированнаго журнала „Нива“, пошелъ еще далѣе. Не останавливаясь ни передъ какими затратами, онъ организовалъ свое собственное „артистическое заведеніе“, въ которомъ уже второй годъ изготовляются замѣчательныя, по своему изяществу, копіи (fac-simile) съ картинъ лучшихъ русскихъ художниковъ.

Съ первымъ выпускомъ (бесплатной преміей „Нивы“ въ текущемъ году) уже знакомы подписчики этого изданія и имъ извѣстны поразительно схожія съ оригиналами копіи, въ которыхъ до мельчай-

шихъ подробностей сохранены не только всѣ нюансы, но и характеръ, такъ называемый „пошибъ“, кисти автора каждой картины.

Второй выпускъ, только что нами полученный, отличался тѣмъ-же достоинствомъ исполненія, какъ и первый, превосходитъ его болѣе разнообразнымъ и удачнымъ выборомъ оригиналовъ, съ которыхъ воспроизведены копіи.

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“ № 248, 14 ноября 1891 года. Здѣсь вы найдете и жанры, и бытовые картины, пейзажи и морскіе виды; каждый рисунокъ исполненъ замѣчательно хорошо, такъ что, въ общемъ, эта премія къ журналу „Нива“, по справедливости можно сказать, оставляетъ назади все то, что давалось „Нивой“ ранѣе своимъ подписчикамъ.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“ № 1394, 28 ноября 1891 г. Премія „Нивы“ на 1892 годъ снова представляетъ собою изящный аль-

бомъ изъ десяти акварелей русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ красной папкѣ украшенной позраженіемъ русской боярыни, на первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ прекрасно исполненную копію картины Айвазовскаго: „Лунная ночь на берегу Чернаго моря на Кавказѣ“.

Сравнительно съ альбомомъ 1891 г. новая премія „Нивы“ представляетъ шагъ впередъ по части художественности исполненія.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“ № 5288, 24 ноября 1891 г. Альбомъ „Нивы“ представляетъ прекрасное пріобрѣтеніе для людей, интересующихся искусствомъ, и можетъ служить украшеніемъ любой гостиной.

„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“ № 225, 29 ноября 1891 г. Мы видѣли альбомъ и смѣло можемъ сказать, что въ художественномъ отношеніи онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

СМѢСЬ.

На елку. Извѣстная у насъ „С.-Петербургская мастерская учебныя пособій и игръ“ (Троицкая ул., 9), объ энергичной дѣятельности которой на приращѣ доставленія „дѣтскихъ радостей“ намъ приходилось говорить уже много разъ, попрежнему смѣло идетъ впередъ, расширяя кругъ своихъ полезныхъ изданій. Въ нынѣшнемъ году у нея этихъ „новыхъ изданій“ чуть не больше, чѣмъ въ прошломъ. Можно смѣло рекомендовать читателямъ для маленькихъ дѣтей слѣдующее: *дѣтскій рисовальный приборъ*, дешевое и болѣе дорогое изданіе. Это очень милое занятіе для самыхъ маленькихъ дѣтей. *Семь шаровъ*—весьма изящное изданіе игры, дающей дѣтямъ движеніе и знакомящей ихъ съ 7 цвѣтами радуги. Кроме этихъ игръ для малютокъ изготовлены прекрасной работы лодки, кораблики, подвижная кукла на манеръ „Петрушки“; ею должны заставить всѣ дѣди и дѣдушки, прихода которыхъ ожидаютъ внучата, и т. д. Точно такъ же маленькія дѣти могутъ воспользоваться игрою въ „комнатныя городки“—этой превосходной русской лѣтней гимнастической игрою, которую, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нельзя было пользоваться въ комнатахъ. Изъ новинокъ въ этомъ направленіи имѣется *цѣль изъ видѣ шкифчика*, изъ котораго выскакиваетъ кукла, когда попадешь мячикомъ въ цѣль.

Изъ тѣхъ шашечныхъ игръ относится *Го-Банъ*, чрезвычайно простая и интересная древне-японская игра, привезенная въ Европу англичаниномъ. Мы видѣли въ мастерской и изданія старика А. А. Иконникова (издаетъ съ 1848 года)—очень мило изданія игры, между прочими „гуси-лебеди домой...“, стоющую 1 р. 25 коп., и „Паутину“—шашечную игру, гдѣ бѣдная муха должна спастись отъ 5 пауковъ. Цѣна этой игры 50 к. И дешево, и забавно.

Брачное обѣщаніе и въ древности, и у современныхъ наро-

довъ достигшихъ высшей степени цивилизаціи разсматривалось и разсматривается какъ юридическая сдѣлка, несоблюденіе которой послѣ обѣйнаго колецъ и торжественнаго обрученія влечетъ за собою значительный штрафъ. Въ средніе вѣка человѣкъ не сдержавшій обѣщанія, даннаго невѣстѣ, считался безчестнымъ, а на нарушеніе слова смотрѣли, какъ на противозаконный поступокъ. Ягелло, великій князь Литовскій, сватаясь за польскую принцессу Ядвигу, уже обрученную съ австрійскимъ герцогомъ Вильгельмомъ, предложилъ послѣднему громадную по тому времени сумму въ 200,000 гульденовъ, если онъ откажется отъ руки Ядвиги. Императоръ Фридрихъ IV, изъ Габсбургскаго дома, долженъ былъ выслушать обидныя и грубыя порицанія отъ короля неаполитанскаго Альфонса, за то, что медлил бракомъ съ племянницею его, принцессою португальскою Леонорой, съ которой уже былъ помолвленъ. Наше время такъ же строго преслѣдуетъ нарушенія брачнаго обѣщанія. Наполеонъ III долженъ былъ заплатить за несдержанное имъ обѣщаніе. Именно, еще во время своего президентства онъ былъ неравнодушенъ къ богатой миссъ Говардъ. Когда же ему пришлось вести къ алтарю графиню Евгенію Монтихо, онъ коварнымъ образомъ удалилъ изъ Парижа миссъ Говардъ. Вернувшись послѣ его бракосочетанія въ столицу, та грозила ему оштрафовать его письма. Но полиція Наполеона отобрала у нея эти письма, и ей пришлось довольствоваться пожалованнымъ ей титуломъ графини Ворегаръ и подаркомъ зѣмка и 5 милліоновъ франковъ. И не только великимъ міра сего обходилось такъ дорого нарушеніе слова, но дешево платились за это и простые смертные. Такъ недавно Франкфуртскій судъ приговорилъ одного юношу или жениться на обманутой имъ дѣвушкѣ, или заплатить ей 20,000 марокъ за нару-

Съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ, что мы приобрѣли отъ наслѣдниковъ покойнаго

И. А. ГОНЧАРОВА

послѣднія его произведенія (посмертныя).

шеніе обѣщанія. Въ Англии и Америкѣ перѣдки процессы, поднимаемые прекраснымъ поломъ прогивъ несдержавшихъ слова возлюбленныхъ. (к.)

Застольные обычаи въ старину. При дворѣ Людовика XIV всѣ кушанья, подаваемые королю, отвѣдывались въ его присутствіи. Придворный мундшенкъ касался тарелки, ножа, ложки и стакана короля кускомъ хлѣба, который долженъ былъ проглотить на глазахъ у короля. Даже на торжественныхъ приемахъ не было того, что мы называемъ сервировкою стола: каждый гость имѣлъ при себѣ свою ложку, которою клалъ себѣ на тарелку кушанья съ общаго блюда. Въ простыхъ же семьяхъ всѣ ѣли съ одного блюда. Въ знатныхъ кружкахъ часто дамы кормили своихъ сосѣдей изъ своихъ ложекъ, что считалось особымъ вниманіемъ съ ихъ стороны. Даже Анна Австрійская въ видѣ милостиваго вниманія подавала гостямъ кусочки руками. Во время обѣда не допускалось серьезныхъ разговоровъ, всѣ должны были шутить; обыкновенно играла музыка. Въ антрактахъ между блюдами разыгрывались веселыя комедіи съ пѣніемъ и представлялись живыя картины. За обѣдомъ царило оживленіе, и госпожа Монтепанъ любила говорить: „за столомъ пѣтъ старухъ“. До XVI вѣка за обѣдомъ пили изъ общей чаши, причемъ существовалъ обычай вытирать рогъ салфеткой, прежде чѣмъ прикасаться къ кубку. Въ это время установился и обычай пить за чье нибудь здоровье. Дамы пили вино такъ же охотно, какъ и мужчины, причемъ слуги держали около подбородка ихъ салфетку, чтобы онѣ не закапали платье. Герцогиня Бурбонская, маркиза Ришелье и госпожа Монтепанъ въ умѣнн пить не уступали придворнымъ кавалерамъ. (к.)

Новый способъ установленія тождества. Дугласъ Гальтонъ на основаніи многолѣтнихъ наблюденій высказалъ мнѣніе, что кончики пальцевъ человѣка могутъ служить превосходнымъ средствомъ для установленія тождества. М. Гальтонъ утверждаетъ, что оттиски кончиковъ пальцевъ не мѣняются съ теченіемъ времени и потому ими можно безошибочно пользоваться для установленія тождества. (к.)

Птица и вѣтеръ. Новѣйшія изслѣдованія даютъ нѣкоторое объясненіе птичьего полета. Вѣтеръ противъ котораго ничего не могутъ сдѣлать воздушные корабли и аэростаты, содѣйствуетъ полету птицъ. Даже противный вѣтеръ одинаково несетъ птицу какъ и попутный. Извѣстно, что при взлетѣ птица обыкновенно поднимается противъ вѣтра. Плавный полетъ, при которомъ птица не двигаетъ крыльями, но держитъ ихъ распростертыми въ воздухѣ, былъ бы невозможенъ безъ содѣйствія вѣтра. Французскій изслѣдователь Мульяръ наблюдалъ крайне интересный случай. Орелъ сидѣлъ на макушкѣ ясеня, когда подулъ свѣжій вѣтерокъ. Птица распустила крылья и начала опускаться противъ вѣтра. Вѣтеръ поддерживалъ ее такъ, что на разстояніи 50 метровъ она не сдѣлала ни одного удара крыльями. Все это показываетъ, что вовсе не слѣдуетъ считать неразрѣшимую проблему свободнаго воздухоплаванія. (к.)

Часы въ роли компаса. Слѣдующимъ образомъ можно опредѣлить страны свѣта съ помощію карманныхъ часовъ. Надо поставить часы такъ чтобы часовая стрѣлка была обращена остриемъ къ солнцу; тогда югъ придется какъ разъ посреднѣй между нею и цифрою XII на циферблатѣ. (к.)

Нашимъ читателямъ.

Заканчиваемъ истекающій годъ съ глубоко удовлетвореннымъ чувствомъ исполненнаго долга.

Читатели, предъ которыми въ настоящее время находится уже вся масса изданнаго „Нивою“ за 1891 г., сами могутъ судить, насколько мы въ правѣ гордиться сдѣланнымъ нами.

„Сборникъ“ нашъ за 1891 годъ представляетъ цѣлую бібліотеку (болѣе 3500 страницъ убористой печати)—при томъ не безыменныхъ писаній, а произведеній подписанныхъ лучшими современными писателями; входящіе въ составъ его четыре тома сочиненій Лермонтова суть полнѣйшее и дѣйствительно исправленное изданіе нашего великаго поэта.

Альбомъ акварелей вызвалъ не только самые лестные отзывы какъ столичной, такъ и провинціальной русской печати, но и многочисленныя заказы изъ-за границы. Не сомнѣваемся въ томъ, что читатели и въ этомъ отношеніи оцѣнили наши усилія и труды.

Что касается будущаго года, то изъ объявленія объ изданіи „Нивы“ на будущій годъ, читатели могли видѣть, какимъ богатствомъ литературнаго матеріала располагаемъ мы и какіе первоклассные русскіе писатели украсятъ своими произведеніями страницы нашего журнала и „Сборника“.

Въ первомъ № „НИВЫ“ на 1892 г. начнется печатаніемъ новое произведеніе А. Н. Майкова „Изъ приключеній Горунина въ Итали“ и весь-

ма интересный рассказъ А. Я. Максимова „Тюлений островъ“ съ рисунками; а въ январской книжкѣ „Сборника“ (256 стр.), прилагаемой при № 1 „Нивы“ помѣщены: повѣсть Д. В. Григоровича „Городъ и деревня“, историческій рассказъ Сизова „Соломонія Сабурова“, рассказъ Альбалà „Дочь каменщика“ и нѣсколько интересныхъ очерковъ В. Д. Аленицына, проф. А. И. Воейкова, Брема и проч. и проч. Кромѣ того, при первомъ же № читатели по обыкновенію получаютъ Стѣнной календарь на 1892 годъ печатанный красками. „Парижскія Моды“ за январь, руководствыя работы и проч.

Въ находящейся уже въ наборѣ февральской книжкѣ „Сборника“ помѣщаются посмертныя произведенія И. А. ГОНЧАРОВА „Май мѣсяцъ въ Петербургѣ“ и Г. П. Данилевскаго „Шарикъ“, большая повѣсть Н. Д. Маслова „Другъ друга не поняли“ и большой очеркъ д-ра Елисеѣва „Хадія Аравійской пустыни“ и пр. пр.

Что касается Альбома на 1892 годъ, выставленнаго нынѣ во всѣхъ столичныхъ и губернскихъ городахъ, то по общему отзыву онъ въ техническомъ отношеніи, какъ и въ выборѣ сюжета, еще превосходитъ прошлогодній.

И такъ, съ сознаніемъ выполненныхъ обязанностей нашихъ предъ читателями, надѣемся что они, со своей стороны, признаютъ это и останутся нашими добрыми друзьями и въ будущемъ году.

Задача № 57 (ходь короля).

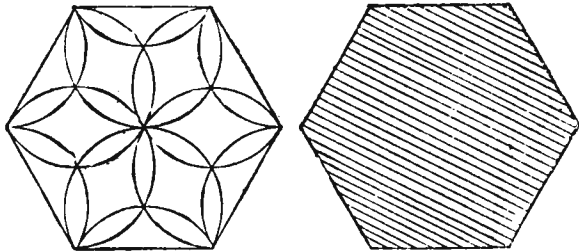
9	46	13	20	7
2	16	50	30	42
48	23	26	5	17
3	27	34	22	37
39	47	11	45	32
28	19	44	24	1

51	21	31		
43	25	8		
36	15	49		
12	29	40		
	18			
33	14	35		
6	41	38	4	10

Найти десять словъ и разбѣсить буквы ихъ на мѣстахъ соответствующихъ чиселъ такимъ образомъ, чтобы можно было посредствомъ хода короля прочесть при- вѣствие.

- Вотъ значенія некоторыхъ словъ:
- 1) Горское племя на Кавказѣ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.
 - 2) Колоніальный городъ древней Греціи 8, 9, 10, 11, 12, 13.
 - 3) Самый большой притокъ р. Дунай 14, 15, 16, 17, 18.
 - 4) Хитрая рыба 19, 20, 21, 22.
 - 5) Ночная птица 23, 24, 25, 26.
 - 6) Недѣлимая частица 27, 28, 29, 30, 31.
 - 7) Участокъ, надѣлъ земли, луговъ 32, 33, 34, 35.
 - 8) Древнее названіе версты 36, 37, 38, 39.
 - 9) Злой духъ по вѣрованію Персовъ 40, 41, 42, 43.
 - 10) Англійскій поэтъ XVII вѣка 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51.

Рѣшеніе геометрической задачи № 51 (помѣщ. въ № 47).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: СПб. — Д. Магденко, Колпаковой, В. Котомина, А. Чугунихина, М. Габовича, П. Ешишкина, В. Фендриха, О. Рыбкиной, В. Андреева, К. Брауксъ, В. Смирнинскаго; Москва — И. Волгина, А. Е. Рѣзничкова, П. Ф. Бурякина, И. А. Карасева, Е. Ф. Куликовой; Б. Коровино — В. К. Терскаго; Борисоглебскъ — А. Д. Алексина; Буй — В. И. Галашина; Гельсингфорсъ — В. Н. Яминской; Калуга — С. П. Соколова; Кронштадтъ — Т. Лазова, А. Г. Анофри-

ва; Новогрудскъ — А. Ф. Цимковича; Николаевское — В. Никитина; Орелъ — М. Овечкиной; Рамке — В. Н. Кнорринга; Рязань — П. Постыкина; София — Г. Болерски; Серпуховъ — П. Теплинскаго; Троица — В. П. Калининна; Тамбовъ — Липатовой; Урюпинское — А. А. Суворцевой.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1892 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе дни ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ для ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

СОДЕРЖАНІЕ: Неофитъ VIII, новый вселенскій патриархъ въ Константинополѣ (съ портр.). — Ботвинья. (Картина изъ военной жизни). И. Тюрмеваго. — Иногитто. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Д. Н.—ча. — Буря въ Татарскомъ проливѣ (съ 3 рис.). — Къ рисункамъ: Гаданье (съ рис.). — Реакція (съ рис.). — Выселеніе изъ квартиры (съ рис.). — Городская лабораторія въ СПб. (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Отказы объ Альбомѣ „Нивы“ на 1892 г. — Сибирь. — Нашимъ читателямъ. — Задачи. — Занятіе. — Обязанія. При этомъ № прилагается Оглавленіе „Нивы“ за 1891 г.

Издатель А. Ф. Марксъ.

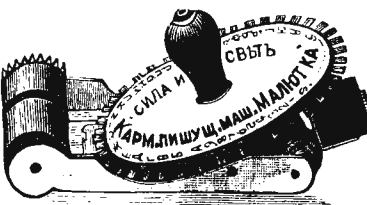
Редакторъ В. Клаушниковъ.

КЛИШЕ И РАСШИРЕНИЕ. ДЕРЕВЯН. А. УРО. Заграничныя. 3 3 3

ШОКОЛАДЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИНА

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

удостоенный на многихъ международныхъ выставкахъ высшихъ наградъ, продается во всѣхъ городахъ имперіи.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА

самая совершенная, простая и дешевая. „Малютка“ пишетъ на любого размѣра бумагѣ, въ тетрадахъ, книгахъ и пр. Можетъ писать каждый умѣющій читать. Описание высыл. за двѣ 7 к. марки. Цена въ футлярѣ въ ящикѣ 9 р. 50 к. съ перес.

Металлический и Электрический заводъ „Сила и Свѣтъ“, инж. А. Г. Шварцманнаго, СПб., Татарскій пер., д. 12.

РЕЙХЕНГАЛЬ (Баварія).

Продается и сдается въ наемъ на весьма выгодныхъ условіяхъ роскошная баварская вилла, находящаяся по Курштрассе. При виллѣ находится большой паркъ, фруктовый садъ, огородъ и кромѣ того отдѣльный домикъ для прислуги. Подробности сообщать: Jos. Kalb, Baugeschäft, Nordenstrasse, 5, München (Bavarn).

МЫЛО

отъ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРЪ

А. М. ОСТРОУМОВА

кусочекъ 30 к. Продается вездѣ.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Бумага Фаяр и Блэнь есть наружное средство. Шестидесятилетняя извѣстность заставила появиться много поддѣлокъ. Настоящая бумага Фаяр и Блэнь разрѣшена къ продажѣ въ Россіи медицинскимъ департаментомъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ требовать собственноручную подписку. N. № 5332 20—10

III ПЛОДОВОДСТВО ГОДЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ № 5335 3—2

РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА ПЛОДОВОДСТВА.

Съ 1892 года журналъ, оставаясь подъ редакціею профессора Рудзкаго, переходитъ въ собственность Общества и будетъ издаваться по расширенной программѣ, съ приложеніемъ не менѣе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, за которые дано будетъ „Руководство къ уходу за плодовыми садами“, съ многочисленными рисунками. Подписная цена 5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи: Петербургъ, Васильевскій островъ, 3 линія, 12.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ Вѣнѣ

изъ ГРЕЦКИХЪ ОРХОВЪ.

Безвредное средство для быстрого окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темный и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 12—4

Цена за флак. 3 р. съ деп. въ Евр. Росс. Главн. складъ для Россіи въ В. Аурхѣ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

И. И. ДАУГУЛЯ

въ Дерптѣ

Лифляндской губерніи, существуетъ съ 1822 года, в. № 5562

высчитаетъ бесплатно и франко

КАТАЛОГЪ СЪМЕНАМЪ И РАСТЕНІЯМЪ

а именно: съенкамъ огороднымъ, цѣмлючн. дресевымъ и полевымъ, превосходно качества и испытанной асортности, сортовъ ГРУНТОВЫМЪ и ОРАНЖЕРЕЙНЫМЪ РОЗАМЪ, гераниамъ, тильландіамъ, цинціоніамъ, луковичкамъ и коринѣямъ, ПЛОДОВЫМЪ ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, какъ-то: яблонямъ, грушамъ, сливамъ и вишнямъ, крыжовникамъ, смородинѣ, малинѣ, клубникамъ, спаржѣ, УКРАСИТЕЛЬНЫМЪ ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, хвойнымъ деревьямъ, рослымъ деревьямъ для аллеи, вѣтвистымъ деревьямъ, кустарникамъ для живыхъ изгородей и кустарникамъ съвѣтлымъ, шаміонъ, тильландіамъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **БЕРЛИНЪ,** Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ повѣрное произведеніе вышнего качества и въ богатой упаковке парфюмерию

„BOUQUET RUSSE“.

Духи **ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО**

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. **Саше.**

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парижскихъ и у Дрогистовъ. № 5505 (3)

ШОКОЛАДЪ

СОБЛЮЖАЮЩАЯ

А. И. АВРИНОВА СЫНОВИ

въ МОСКВѢ.

продается во всѣхъ городахъ **РОССІИ**

КОМИТЕТЪ ПОМОЩИ ЖЕНЩИНАМЪ И ДѢТЯМЪ САМАРСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.

Комитетъ помощи женщинамъ и дѣтямъ, образованный при Самарскомъ Губернскомъ Попечительствѣ, открываетъ свои дѣлства во всѣхъ уѣздахъ Самарской губернии.

Комитетъ оказываетъ помощь нуждающимся семьямъ устройствомъ дѣтскихъ столовыхъ, раздачей теплаго платья и топлива и попеченіемъ о больныхъ, и обращаетъ особое вниманіе на организцію всякаго рода домашнихъ работъ, могущихъ дать заработокъ женщинамъ и подросткамъ.

Всякія пожертванія: деньгами, хлѣбомъ, готовымъ платьемъ и матеріалами для работъ (ленъ, пражъ, бумажина и другія ткани и т. п.) будутъ приняты съ благодарностью. Адресовать ихъ слѣдуетъ: Предсѣдательницѣ Комитета, Аннѣ Дмитриевнѣ Свербеевой, въ г. Самару. Комитетъ проситъ всѣ газеты перепечатать настоящее объявленіе. № 5528 3-3

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННЫЙ, ПОДЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА, ОСОБЫЙ КОМИТЕТЪ.

Денежныя пожертванія, предоставляемыя въ распоряженіе состоящаго подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Особого Комитета для помощи нуждающимся въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, а также заявленія о желаніи жертвовать въ пользу нуждающихся хлѣбомъ (зерномъ и мукою) принимаются въ помѣщеніи Кабинета Его Императорскаго Величества, у Анничьего моста, отъ 10 час. утра до 2 час. дня, ежедневно, за исключеніемъ дней неприсутственныхъ. Пожертванія отъ иногороднихъ слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Высочайше учрежденный подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Особый Комитетъ. № 5524 3-3

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
ПОРЯДЪ АПАРАТЪ
отъ 10. 15. 20. РС.
К. И. ФРЕЛАНДТЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НЕВСК. ПРОСП. № 30/16.

РЕБЕНОКЪ

можетъ теперь фотографировать, безъ всякихъ предварительныхъ извѣстій. При покупкѣ полнаго аппарата въ 10, 15, 25, 35, 50 рублей обученіе и самоучитель бесплатно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей. С.-Петербургъ, у Каванскаго моста, домъ Учетнаго Банка, № 30-16, входъ съ Екатерининскаго канала. Москва, Масницкая, уголъ Кривокольного пер., д. Соколова. В. № 5527 3-3

Leichner's Fettwunder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незаметная на кожѣ! Косметическое средство для улучшенія красоты кожѣ! Цена коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 5391 16-5

Мирная румяна, бѣлала. Карандаши для бровей!

Используются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. АУРИХА, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія. При приготвленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ оного вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цена флакону 1 р. 65 к.; Везноевое мыло 35 и 50 к. кусокъ; Ополножада (лучше козьей-крема) 1 р. Упаковка и перес. въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіатск. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18-19. Имитется во всѣхъ парфюмер. и аптекарск. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

Главное депо часовъ **Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.** Невскій просп. № 42. С.-Петербургъ.
Рекомендуетъ часы собственнаго производства прусской системъ. Лицамъ которымъ точный и вмѣстѣ съ тѣмъ недорогой измѣритель времени составляетъ существенную необходимость рачительство за вѣрность хода и прочностъ механизма на четыре года. Иллюстриров. прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

Высочайше разрѣшенная 18 ноября 1891 года БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ въ пользу нуждающагося населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года.

Продажа билетовъ этой лотереи производится, въ Петербургѣ, начиная съ субботы 14-го сего декабря, въ присутственное время, въ слѣдующихъ учрежденіяхъ:

- 1) Въ Государственномъ Банкѣ и въ отдѣленіяхъ сберегательной кассы Банка (въ сихъ послѣднихъ за исключеніемъ понедѣльника, 16-го декабря).
- 2) Въ Почтамтѣ и городскихъ почтовыхъ отдѣленіяхъ.
- 3) Въ Главномъ Управленіи Общества "Краснаго Креста" (Инженерная, № 9).
- 4) Въ помѣщеніи Городской Управы (подъѣздъ № 3).
- 5) Въ частныхъ банкахъ:
Варшавскомъ Коммерческомъ (с.-петербургское отдѣленіе) (Малая Морская, 9). Волжско-Камскомъ Коммерческомъ (Невскій, 38-4). Лионскомъ Кредитѣ (Мойка, 59). Обществѣ Взаимнаго Кредита С.-Петербургскаго Уваднаго Земства (Невскій, 50). Россійскомъ Торговомъ и Комиссіонномъ (Невскій, 27). Русскомъ для вѣвшей торговли (Большая Морская, 32). С.-Петербургско-Азовскомъ Коммерческомъ (Невскій, 64). С.-Петербургскомъ Международномъ Коммерческомъ (Англійская набережная, 6). С.-Петербургско-Московскомъ Коммерческомъ (Галерная, 3). С.-Петербургскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита (Екатерининскій каналъ, 13). С.-Петербургско-Тульскомъ (Невскій, 63). С.-Петербургскомъ Учетномъ и Ссудномъ (Невскій, 30). С.-Петербургскомъ Частномъ Коммерческомъ (Англійская набережная, 18). Сибирскомъ Торговомъ (Невскій, 20). Торгово-Промышленномъ Коммерческомъ (Невскій, 23).

- 6) Въ банкирскихъ домахъ:
Вавельбергъ, Г. (Невскій, 25). Гинсбургъ, I. E. (Конногвардейскій бульваръ, 17). Лампе и Комп. (Невскій, 28). Мейеръ, Э. М. и Комп. (Англійская набережная, 30). Нелькенъ, Маврикій (Невскій, 52). Рафаловичъ, А. и Комп. (Невскій, 60). Товарищества Де-Ла-Фаръ, М. и Комп. (Невскій, 44). Юнкеръ, Н. В. и Комп. (Невскій, 22).
- Во всѣхъ сихъ учрежденіяхъ продажа билетовъ будетъ производиться безъ всякаго комиссіоннаго вознагражденія, т. е. по цѣнѣ 5 рублей за билетъ и 1 рубль за купонъ, причѣмъ въ Государственномъ Банкѣ и въ отдѣленіяхъ сберегательной кассы Банка, въ помѣщеніи Городской Думы и въ Почтово-Телеграфныхъ учрежденіяхъ въ одніи руки будетъ продаваемо билетовъ и купоновъ всего на сумму не болѣе 25 рублей.

Комитетъ Благотворительной Лотереи.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ рачительствомъ за прочностъ механизма и вѣрностъ хода. Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыла. по требован. бесплатно.

КУЛАКОВЪ
первый въ Россіи РУССКІЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ и ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. АНДРЕЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ
рекомендуетъ по фабричнымъ цѣнамъ имѣющіеся въ своихъ громадныхъ складахъ и магазинахъ массу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Новѣйшія роскошно иллюстрирован. прейсъ-куранты всѣхъ инструментовъ съ удешевленными цѣнами высылаются бесплатно. № 5556 3-2
Главная контора: Садовая, № 40, въ С.-Петербургѣ.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ПИАНО
на которыхъ руками можно играть какъ на обыкновенн. пианино, а также посредствомъ верченія ручки исполнять артистически всѣ танцы, русскія пѣсни и оперныя пьесы, цѣною въ 600, 650, 750 и 850 руб., рек.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ,
№ 5531 Москва, Петровка, домъ Волкова. 4-1
Требуйте иллюстрированный прейсъ-курантъ.

Единственный въ свѣтѣ литературно-лингвистической международной
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ 6 ЯЗЫКОВЪ:
(ФРАНЦУЗСКАГО, НѢМЕЦКАГО, АНГЛІЙСКАГО, ИТАЛІЯНСКАГО, ШВЕДСКАГО и РУССКАГО)
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ О. МАКСИМОВОЙ. «УЧИТЕЛЬ-ЛИНГВИСТЪ» о. МАКСИМОВЕЦЪ.
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ и ДѢТЕЙ (знающихъ и незнающихъ РУССКИХЪ и ИНОСТРАНЦЕВЪ, причѣмъ путемъ практики къ самостоятельному чтенію книгъ на этихъ языкахъ, разговорной рѣчи и употребленію ихъ грамматикъ).
Цѣль журнала (1890) 2 р. (всего 6 №№).
Цѣна съ пересылкою за второй годъ (1891) 4 р. (всего 12 №№).
Цѣна съ пересылкою за третій годъ (1892) 4 р. (всего 12 №№).
2-й г. продолженіе первого, 3-й — второго. За 1890 г. журналъ уже вышелъ третьимъ издан. ПРИ ПОДПИСКѢ выдаются и высылаются всѣ вышедшія №№.
АДРЕСЪ для ПИСЕМЪ: Главная контора журнала «УЧИТЕЛЬ-ЛИНГВИСТЪ» въ МОСКВѢ: «Учитель-Лингвистъ», Петербургъ, Невскій, 108. Леонтьевскій пер., д. Хрипковой.

**ЕДИНСТВЕННОЕ ВЪ РОССИИ
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1892 ГОДЪ.**

Выходитъ ежедневно въ форматъ большихъ газетъ, не исключая дней послѣ-праздничныхъ.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ТРЕТІЙ

На 1892 г. ВЪ ПОРТФЕЛѢ редакціи имѣются слѣдующіе большіе романы и повѣсти: Апраксина „Куваркомъ“; Назарьевой „Саламандра“; Дубровиной „Убіица“; Пазухина два романа: „Наканунѣ счастья“ и большой историческій романъ изъ временъ царя Александра Михайловича „Посолье Двѣна“; Соколинскаго „Карьера“; Головина „Дженское сердце“ и „Поздно“; Риттера „Два разбитыя жизни“; Богатырева „Соколинное Гнѣздо“.

Рассказы Немировича-Данченко, Ге, Осипова, Соколинскаго, Невѣжина и т. д.

Годовымъ подписчикамъ дается бесплатно въ видѣ приложения къ газетѣ

**ТРИ КНИГИ
СБОРНИКА,**

заключающія въ себѣ по нѣскольку выдающихся произведеній извѣстныхъ авторовъ и иллюстрированныхъ лучшими художниками.

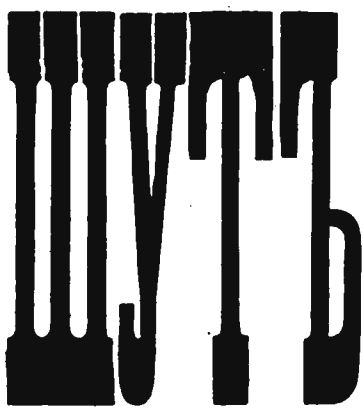
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкой въ Москвѣ:	на города:
годъ 7 р.	годъ 8 р.
6 м. 4 „	6 мѣс. 5 р.
3 „ 2 „	3 „ 3 р.
1 „ — 75 к.	1 „ 1 р.

Подробное объявленіе о подпискѣ на „Московскую Иллюстрированную Газету“ съ образцами рисунковъ высылается каждому желающему бесплатно. Съ требованіями обращаться въ редакцію газетъ. Ц. № 5488 4-4

Редакторъ А. П. Григоровъ.
Издатели Алексѣй и Влад. Семеновичиновы.

МОСКОВСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.

Былиа эта можетъ служить образчикомъ безбиднаго русскаго народнаго юмора. За перес. преміи заказн. посылк. гр. иногородн. подписч. благоволятъ выслать 60 к. (можно почт. марк.). Адресъ редакціи: СПБ., Троицкая, 10.

XIV годъ. 1892. годъ XIV.

художественный и юмористическій журналъ карикатуръ, 53 № въ краскахъ.

Съ пересылкой и доставкой.	Безъ пересылки и доставки.
Годъ 7 руб.	Годъ 6 р. 50 к.
6 мѣсц. 4 „	6 мѣсц. 3 „ 50 „
За трамвай 10 „	Рассылка по соглашенію.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМИА ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

„Новгородская Былина О БОГАТОМЪ ГОСТѢ ТЕРЕНТЬИЩЕ“

Текстъ, по КИРИШЪ ДАНИЛОВУ, обложка М. О. МИКЪШИНЫМЪ, (СО МНОЖЕСТВОМЪ ЕГО ОРИГИНАЛЬНЫХЪ РИСУНКОВЪ.

Рисунки будутъ воспроизведены слѣдующими способами:

- 1) переводомъ оригинала рисунка съ химическаго терпоза на литографскій камень, 2) по фото-цинкографии, 3) по фото-литографіи, 4) акварельною пелатью, 5) хромо-литографіею.

Былина повѣствуетъ о томъ, что такое. подѣ видомъ Недуга-Утина, томило молодую жену Гостя Терентія и чѣмъ была излѣчена эта болѣзнь къ общему благополучію.

Издатель Р. Голикъ.

**КАЛЕНДАРЬ
СТУПИНА
НА
1892**

СЪ 72 ПОРТРЕТАМИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

исторіи, археологіи и библиографіи, иллюстраціями и приложеніемъ стѣннаго календаря, карты Европейской Россіи и Сибирской жѣл. дорогъ. Цѣна 1 1/2 коп., съ пересыл. заказн. бандерою. 25 коп. На 1 рубль высыл. 5 экзем. Выбѣто мелочн. напечат.

БИБЛИОТЕКА СТУПИНА

ИЗДАЮЩАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ДѢТСКІЯ КНИЖКИ

Перевала.-Копка. Рисовальщикъ. Прокказы Мишки. Азбука Крошка. Ариеметикъ. Крошка. Чудесъ животныя. Францъ-азбука. Поздравитъ стикотъ. Лисичка-сестричка. Нѣмецъ-азбука. Всего по немногу. О Рыбакѣ и Рыбкѣ. Книжка Малютка. Матушка Москва. О Царѣ Салтанѣ. Бабушкины сказки. Старика-Тодовикъ. О Царѣ Ослопѣ. Дѣтскія сказки. Русскія басни. О Жертовѣ Царевнѣ. Дѣтскія пѣсенки. Красный Сарфанчикъ. Конекъ-горбунокъ. Балалайка. Забавы. Освобожденіе Риска. Царь Поповичъ. Ручная тѣн.-Елка. Царства пророкъ. Агаша и Булавичъ. Игра въ солдаты. Уланскъ червоточкѣ. Садко и Булавичъ. Чародѣй.-Колосокъ. Собака.-Обезьяна. Миль Муромецъ. Приключ. Коля. Собака.-Обезьяна. Миль Муромецъ. Стенка Растрепка. Слоникъ-Забавникъ. Добрыня Никитичъ.

ПО 10 КОП. (на рубль высыл. 10 книгъ).

А. Д. СТУПИНА

МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ УЛИЦА, РАДНОЕ СЪ РЕМЕНЕЦКОЮ ПРАВОЮ. СМѢДЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ТРЕЗОВА, КУЗИНА И ПАНАФИДИНА

и въ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Россіи.

У СТУПИНА еще продается всащно иллюстрированная дѣтская книжка, печатанная въ краскахъ:

КЛИМЪ РАЗІЯ И ТРИ ШАЛУНА.

рассказъ дяди Коли.

Ц. 1 руб., въ накѣ 1 р. 25 к., на пересылку 25 коп.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 8-30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30-200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2-50 мар. Фуглары 3 1/2-40 мар. Цитры 18-300 мар. Гитары 6-50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Цѣна скрипки для ученія (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразате, Соре, Зингеръ и проч. Подлинная гарантія. Прейсъ-куррантъ бесплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ. Ц. № 5438 Ирейцнакъ. 2-2

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается бѣлой. Ц. флакона 1 р. 25 к., въ перес. 3 р., 2 флаж. съ перес. 3 руб. Для предпріятія подѣлать, прому требовать: подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическаго Лабараторіи. Ц. № 5448

Получать можно: въ Русск. Общ. Торгов. штек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Бергера, В. Везбардта, Р. Келлера и Ко, Д. Готляндъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главн. складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, 3.-Петербургская Косметическа Лабараторія А. Энглундъ. Литейная, № 38.

Новѣйшія Париж. искусственно **БРИЛІАНТЫ** замѣч. подраж. но блеску, нѣрѣ, огню и граниров. настоящимъ. Въ золотой и серебр. оправкахъ: кольца, серьги, браслеты, броши и пр. продаетъ

Главный складъ и фабрика **А. М. ХАНКОСКОЙ**

въ Варшавѣ, Огородная ул., № 11. Иллюстр. катал. высыл. бесплатно.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1892 ГОДЪ.

Въ Москвѣ съ доставкой:	На города съ пересылкой:	За границу:
на 12 мѣс. 10 р. — к.	на 12 мѣс. 11 р. — к.	на 12 мѣс. 18 р. — к.
6 „ 5 „ 50 „	6 „ 6 „ 50 „	6 „ 9 „ 80 „
3 „ 3 „ — „	3 „ 3 „ 50 „	3 „ 4 „ 80 „
1 „ 1 „ 30 „	1 „ 1 „ 50 „	1 „ 1 „ 90 „

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газетъ остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москвѣ, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій переулокъ, д. № 7. За переимѣну адреса гг. подписчики, какъ московскіе, такъ и иногородные, платятъ 20 к. Московскіе же подписчики, переходящіе въ иногородные, приличиваютъ за почтовые расходы по 10 к. за каждый мѣсяцъ, причемъ необходимо сообщать наизусть переимѣну прежній и новый адресъ. О каждой переимѣнѣ просить сообщать отдѣльно.

Для иногородныхъ подписчиковъ, затрудиющихся одновременно въносить годовую плату, допускается разсрочка: № 5523 3-3

а) при подпискѣ 6 руб. и къ 1-му юня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 руб.

О желаніи внести деньги въ разсрочку должно быть непремѣнно заявлено въ письмѣ, при которомъ отправленъ первый взносъ; при послѣдующихъ отправкахъ денегъ слѣдуетъ прилагать печатный адресъ, снятый съ бандероли, подѣ которой получается газета.

Въ случаѣ неявленія денегъ къ означеннымъ срокамъ выписка газетъ приостанавливается.

CRÈME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Произведеніе предельнаго запаха, не портящееся, обладаетъ мягкими свойствами и придаетъ цвѣту лица красоту. Употребляется вмѣсто колды-крема.

La Poudre Simon (Пудра Симонъ) и **le Savon à la crème Simon** (Мыло Симонъ)

имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ и аптекарей. № Рѣ. 5529 12-2

АРИСТОНЪ-МАЛЮТКА

мал. рузн. органъ съ 10 пѣс. 8 руб.

СИХФОНІОНЪ

муз. щипки съ переимѣнкой; нотами; ручные 8 р., заводные 18 р., 35, 55 и 90 руб.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова. Требуется иллюстриров. преисъ-куррантъ.

И. Г. КАРЛСОНЪ

въ Воронежѣ.

СЛАДЪ СЪМЯНЪ И ДРЕВЕСНЫЙ ПИТОМНИКЪ.

По заявленію высылается за 21 коп. почт. марк. большой иллюстрированный преисъ-куррантъ съеманъ и самый богатый, большой и обстоятельный въ Россіи, изданный иллюстрированный преисъ-куррантъ деревн. и кустарниковъ, грунтовыми и комнатными растеніямъ.

№ 5564

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 15 4

№ 4711

РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое изысканное глицериновое мыло, прозрачное какъ хрусталь, благодаря своимъ отличн. качествамъ, приобрѣло большую извѣстность.

Высокое содержаніе глицерина, экономія въ дѣйствіе обила пѣны, изысканн. запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

Изданіе № 4711 можно получить въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

Ц. № 5438 3-3

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ из лучшего английского календора с золотым тиснением, печатанные красками, на 1891 г., по показанному образцу, 1 руб., с пересылкою 1 р. 60 коп.

CHARLES HEIDSIECK REIMS

ШАМПАГНЕ БЪЛОГОЛОВКА

ЛЕППОСТЬ и ГРОЗНОСТЬ

имѣютъ честь сообщать, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДЪ С.-Петербургъ, Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17. Тел. № 5510

Новость: часы „Charmilles“ не магнитируются. Ник. откр. анкеръ. Р. С. 12 Стальные 13 Высшая налож. платежей. Иллюстр. прейсъ-курранты бесплатно. 3-3

ТОВАРИЩЕСТВА

„ГИГИЕНА“ ПУДРА

роскошнаго запаха, незаметна на лицѣ

освѣжающій ОДЕКОЛОНЪ высшаго достоинства

СТИРОВОНАЯ ЖИДКОСТЬ благовоная, для освѣженія комнатъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.

С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9. Ц. № 5407 11-11 Москва, Нивольская, д. гр. Шереметова.

НАСТОЯЩЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (Велъ)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

С.-Петербургъ

ПОДАРОКЪ НА ПРАЗДНИКИ!

Только что поступилъ въ продажу ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1891 г.

заключ. въ себѣ болѣе 1500 гравюръ и рисунковъ и 1,500 столб. текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, научно-популярныхъ статей и между прочимъ произведеній: П. Д. Боборыкина, кн. М. Н. Волконскаго, Н. Н. Каразина, А. Я. Максимова, П. Н. Полевого, И. Н. Потапенко, гр. Е. А. Саліаса, Э. Центковской, и проч. и проч. Стихотворенія Величко, Круглова, А. Н. Майкова, К. Фофанова и др.

КЪ ЭТОМУ ТОМУ БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЕТСЯ:

1) ДЕВЯТЬ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ СБОРНИКЪ „НИВЫ“, состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстнѣйшихъ современныхъ писателей.

2) ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, издави. подъ ред. А. И. Венденскаго, въ 4-хъ томахъ (сброшированныхъ въ 2 книги), съ биографіею Лермонтова и портретомъ гравированнымъ на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

3) ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ съ 10-ю акварелями, исполненными

Цѣна тому „НИВЫ“ со всѣми приложеніями 5 руб. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 23 фунта по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть издави. въ роскошныхъ коленкорныхъ переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „Нивы“ 1 р. 50 к. и за 5 переплетовъ на книги „Сборника“ (въ 3-хъ переплетахъ) и соч. Лермонтова (въ 2-хъ переплетахъ) 1 р. 25 к. Пересылка брошюрованныхъ и переплетенныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплетъ, экземпляръ „Нивы“ за 1891 г. со всѣми приложеніями, въ ящикѣ, обойдется 8 р. 50 к. Перес. на счетъ заказчика, по почтѣ или черезъ транспортную контору.

Съ требован. обращ. въ СПб., въ Конт. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

нми fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильевскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенко, Клевера, Премацци и Сверчкова. Альбомъ выдается въ роскошной папкѣ, украшенной акварельнымъ рисункомъ художника Земцова.

4) 12 листовъ ДАМСКИХЪ РУНОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ, составляющ. прилож. къ 12 номер. Варимскихъ Модъ со множествомъ чертеж. выкр. въ натуральн. велич. (всего болѣе 1000 гравюръ, рисунк. и чертежей).

САМЫЕ ПРІЯТНЫЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ:

ЦИТРЫ въ 8 р., 12 р., 20 р., 40 р., 60 р., 80 р., 100 р. и 125 р.

ГИТАРЫ въ 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 60 р., 75 р., 100 р. и 125 р.

ГАРМОНИИ Фабрики І. Ф. Калъбо, лучшей въ мірѣ.

Однорядныя: въ 4 р., 5 р., 5 р. 50 к., 7 р., 7 р. 50 к., 8 р., 8 р. 50 к., 9 р., 10 р., 11 р., 12 р., 15 р., 20 р. и 25 р.

Двурядныя: въ 12 р., 14 р., 15 р., 16 р., 18 р., 20 р., 25 р., 28 р., 30 р. и въскія въ 22 р.

Трехрядныя: въ 60 р. и въскія въ 30 р., 50 р. и 75 р.

а также всѣ другіе музыкальные инструменты, принадлежності къ нимъ и школы-самоучители.

Иллюстрированный прейсъ-куррантъ бесплатно.

По полученіи задатка приближительно 1/3 стоимости заказа требован. высылается съ наложеннымъ платежомъ остальную сумму.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ. С.-Петербургъ, Б. Морская, д. № 84 и 40. | Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

ВСЯКОМУ ГВОЗДЮ СВОЕ МѢСТО.

Повѣсть для юношества А. Круглова. Въ двухъ частяхъ. Съ 46 рисунками. Ц. 1 р. 25 к. Въ папкѣ—1 р. 50 к., въ календарномъ переплетѣ—2 р.

Поступило въ продажу у книгопродавцевъ новое изданіе Ф. Павленкова:

ВИЛЛАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-9. 26-28

Иллюстрированные прейсъ-курранты по требованію высылаются безвозмездно.

ПОРОШОКЪ БЕЗЪ ЗАПАХА „ЗАТОВА“

уничтожающій зловоніе въ ватерклозетахъ и т. под., раковинахъ, кѣбахъ, конишняхъ и проч. Цѣна за № 5497 фунтъ 25 коп. 5-4

ГОСПОДАМЪ ИНОГОРОДНЫМЪ высылаетъ прейсъ-курранты Новостей и прантичныхъ предметовъ по желанію бесплатно

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.

Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей. Большая Морская, № 34.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (15)

Для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к. Получать можно во всѣхъ нарѣдн. и птес. магазинахъ и аптекахъ Россіи. Главн. складъ: СПб., Девидовъ п., д. № 1.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ! ДУХИ и МЫЛО „FIN DE SIÈCLE“

весьма сильнаго аромата; лотъ 50 к., флаконы 1 р. 25 к. и 2 р. Рт. № 5491 кусокъ 50 коп. 3-3

Заказы внутри имперіи исполняются съ выложеннымъ платежомъ. Торговцамъ значительная уступка.

А-ЛА-РЕНОМЪ, парфюмерный и мыловаренный заводъ: Невскій пр., № 3, близъ Адмиралт.

ВЫИГРЫШНЫЕ

билеты и Дипломатіе з. л. съ задаткомъ 20 и 15 р., емкостью 10 и 5 р. Выигрышъ со дня задатка принадлеж. покупателю. Проч. условія см. № 5501 долготъ. 4-4

2 ЯНВАРЯ

с. г. гаражъ І займа.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ, 50, Невскій, СПб. и гг. агенты Дома въ губ. и уѣздахъ гор. Имперіи.

САРПИНКА РУЧНОЕ КАЧЕСТВО

ДЛЯ ДАМСКИХЪ-ДЕТЯМЪ КОСТОМОМЪ

на лето 1892 года

РОЗНИЧНАЯ И ОПТОВАЯ ПРОДАЖА АЛЬБОМЪ ОБРАЗЦОВЪ ВЫСОКАЮТЪ СЪ ДЕКЛІВІЕ И др. въ 40 нм., присланныхъ почтовыми марками въ выложенномъ письмѣ въ Саратовъ, ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТОРГОВАЯ

САРАТОВЪ, пассажиръ Лантова.

ОТДѢЛЕНІЯ: МОСКВА, Петровка, между Кузнецкими и Салтык. пер., прот. гм. Вандрагъ. Казань, съ Января 1892 г. на Николаевской площ., д. Х. Юшова. въ Тифлисѣ съ Новбра 1891 г.

ФАБРИКАНТЫ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ

ШИШУЦАЯ МАШИНА **„РЕМИНГТОНА“.**

Имѣетъ въ 3 раза быстрѣ пера Чистота, чоткость красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-куррантъ, одерж. многочисленными отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.